

ISSN 2713-2021
Научный журнал

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

2020
№ 12

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья

№ 12

Нижневартовск
2020

Редакция

С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М.В. Ломоносова, главный редактор античного раздела
А.Г. Еманов — доктор исторических наук, профессор, ТюмГУ, главный редактор средневекового раздела
М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М. В. Ломоносова
Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
К.В. Мызгин — PhD (Humanities), Institute of Archaeology, University of Warsaw
В.Б. Панковский — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века ИА НАН Украины
А.А. Тюрк — PhD (History), Institute of Archaeology of Hungarian Academy of Sciences
М.М. Чореф — кандидат исторических наук, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, редактор-составитель, ответственный секретарь

Редакционный совет

А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
М.Д. Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, руководитель Центра истории древнего Востока ИВИ РАН, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
М.Г. Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН
Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, директор Археологического музея (г. Силистра, Болгария)
А.Н. Балаш — доктор культурологии, профессор, СПбГИК
Я.А. Бодзек — Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
Н.А. Гаврилюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии ИА НАН Украины
П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
И.В. Зайцев — доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, старший научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН
Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d'études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
А.К. Кушкумбаев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Е.А. Молев — доктор исторических наук, профессор, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им Н.Г. Чернышевского
И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», президент Ассоциации болгарских музеев
Н.Д. Руссев — Dr. habil. (History), Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
Д.В. Сень — доктор исторических наук, профессор, ЮФУ
С.А. Скорый — доктор исторических наук, профессор, ИА НАН Украины
С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
В.Ф. Столба — Dr. habil. (History), Aarhus University, Fellow of the Royal Danish Academy of Sciences and Letters
С.В. Ярцев — доктор исторических наук, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
С.С. Филипова — доктор истории, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
А.Л. Ермолин — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
М.И. Носоновский — PhD, Висконсинский Университет Милуоки

Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия 628602
Тел./факс: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

No. 12

Nizhnevartovsk
2020

Editorials Board

S.Yu. Saprykin — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief of the Ancient Section
A.G. Emanov — Dr. habil. (History), Professor, Tyumen State University, Editor-in-Chief of the Medieval Section
Michel Kazanski — Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), Deputy Chief Editor
Basil Lourié — Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
M.Ju. Treister — Dr. phil. Habil. (RUS), Deutsches Archäologisches Institut
L.G. Khrushkova — Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
N.P. Telnov — PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
Kyrylo Myzgin — PhD (Humanities), Institute of Archaeology, University of Warsaw
Attila Antal Türk — PhD (History), Institute of Archaeology of Hungarian Academy of Sciences
V.B. Pankowski — PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
M.M. Choref — PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Editor-in-Charge, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik — Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
M.D. Bukharin — Dr. habil. (History), Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for the History of the Ancient East of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
M.G. Abramzon — Dr. habil. (History), Professor, Leading researcher of the Department of Classical Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
G.G. Atanasov — Dr. habil. (History), Professor, Director of Museum of Archaeology (Silistra, Bulgaria)
A.N. Balash — Dr. habil. (Cultural Studies), Professor, Saint Petersburg State Institute of Culture
Jarosłav Artur Bodzek — Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
Yu.A. Vinogradov — Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
N.A. Gavrilyuk — Dr. habil. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Archaeology of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
Peter Benjamin Golden — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev — Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
Ljubica Jovanovic — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
I.V. Zaytsev — Dr. habil. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
François de Callataÿ — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d’études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
E.A. Molev — Dr. habil. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
S.Yu. Monakhov — Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
I.S. Prokopov — Dr. habil. (History), Professor, South-West University, President of the Bulgarian Museum Association
N.D. Russev — Dr. habil. (History), Professor, High Anthropological School University
D.V. Sen’ — Dr. habil. (History), Professor, Southern Federal University
S.A. Skoryi — Dr. habil. (History), Professor, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
S.B. Sorochan — Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
V.F. Stolba — Dr. habil. (History), Aarhus University, Fellow of the Royal Danish Academy of Sciences and Letters
S.V. Yartsev — Dr. habil. (History), Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
S.A. Yatsenko — Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova — Doctor of History, Regional Historical Museum “Academician Yordan Ivanov”, Kyustendil
R.A. Rabinovich — Doctor of History, High Anthropological School University
Kutluay Erk — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Mahmoud Ahmad Zarazir — PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 38 Omskaya Street, of. 187, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Russia 628602
Tel./fax: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021
© Cimmeria Publishing

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

ХРИСТИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

ИСТОРИЯ

НУМИЗМАТИКА

ЭПИГРАФИКА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ЭТНОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ И ОТЗЫВЫ

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

MILITARY HISTORY AND ARCHAEOLOGY

CHRISTIAN ARCHAEOLOGY AND CHURCH HISTORY

HISTORY

NUMISMATICS

EPIGRAPHY

ART HISTORY

MUSEOLOGY

HISTORICAL PHILOLOGY

ETHNOGRAPHY

REVIEWS

Археология

Archaeology

УДК 903.5(477)+551.89
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00001

Ж.Н. Матвиишина, С.Д. Лысенко, А.С. Кушнир

ПАЛЕОПЕДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ ВОЙЦЕХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Статья посвящена анализу палеопочв Войцеховского могильника, исследованных на базе Фастовской археологической экспедиции в 2011—2012 гг. Наиболее значимые материалы дали расчистки, заложенные в курганах № 1 и 2. Курганы возведены в позднем бронзовом веке и относятся к комаровской культуре тшинецкого культурного круга (середина — третья четверть 2 тыс. до н.э.). Времени возведения курганов предшествовало трипольское поселение этапа CII (конец 4 тыс. до н.э.).

В кургане № 1 (2011 г.) прослежена серая лесная почва, подобная тем, что в наше время формируются под широколиственными лесами. Условия климата были значительно лучше современных. Зональность (зона смешанных лесов) была смещена на север. Большие территории занимали грабово-буковые леса, оставались участки открытых просторов с пышной травяной растительностью.

В кургане № 2 (2012 г.) современную почву можно определить как дёрново-сильноподзолистую, однако иллювиальный горизонт с культурными остатками, возможно, характеризирует условия лесного почвообразования, близкого к режиму формирования почв более теплоумеренного режима — бурых оподзоленных лесных, развивавшихся в условиях менее континентальных, но более равномерно влажного климата. Природные зоны представляли более западный вариант теплоумеренного климата (сходного с прикарпатским) и, вероятно, территория была покрыта широколиственными лесами с участками открытых пространств. Под курганом зафиксирован профиль и более древней почвы, близкой к чернозёмам оподзоленным или тёмно-серым лесным.

Ключевые слова: Волынь, позднетрипольская культура, эпоха бронзы, тшинецкий культурный круг, комаровская культура, курганы, палеопочвы, суббореал.

Сведения об авторах: Матвиишина Жанна Николаевна[1], доктор географических наук, профессор, Институт географии НАН Украины; Лысенко Сергей Дмитриевич[2], кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины; Кушнир Анатолий Степанович[3], кандидат географических наук, Институт географии НАН Украины.

Контактная информация: [1]01034, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 44, Институт географии НАН Украины; e-mail: kushnir.paleogeo@gmail.com; [2]04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru; [3]01034, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 44, Институт географии НАН Украины; e-mail: kushnir.paleogeo@gmail.com.

Zh.N. Matviishyna, S.D. Lysenko, A.S. Kushnir

PALEOPEDOLOGICAL STUDIES OF THE VOYTSEHOVKA CEMETERY BARROWS

The article deals with analysis of paleosoils of the Voytsehovka a cemetery, investigated by the Fastov archaeological expedition in 2011—2012. The most significant materials were obtained from the clearing made in barrows No. 1 and 2. The mounds were erected in the Late Bronze Age and belong to the Komarov culture of the Trzhinets cultural circle (the middle — the 3rd quarter of the 2nd millennium BCE). Trypolye settlement of stage CII (the end of the 4th millennium BCE) preceded time of the building of these kurgans.

A gray forest soil was traced in barrow 1 (2011), similar to those that now is forming under broadleaf forests. Climate conditions were much better than modern ones. Zoning (zone of the mixed forest) was

* Статья поступила в номер 25 ноября 2020 г.
Принята к печати 12 декабря 2020 г.

© Ж.Н. Матвиишина, С.Д. Лысенко, А.С. Кушнир, 2020.

placed to the north. Large areas were occupied by hornbeam and beech forests; there were areas of open spaces with lush grass vegetation.

The modern soil in the barrow 2 (2012) can be defined as sod-strongly podzolic, but the illuvial horizon with cultural remains may characterize the conditions of forest soil formation, close to the regime of formation of soils of a more warm-temperate regime — brown podzolic forest soils, which developed in conditions of less continental but a more uniformly humid climate. The natural zones represented a westerly version of a warm-temperate climate (similar to the Carpathian one) and, probably, the territory was covered with broad-leaved forests with areas of open spaces. The profile of an older soil is also recorded under the mound, close to podzolic chernozems or dark gray forest soils.

Key words: Volyn, Late Trupolye culture, Bronze Age, Trzhinets cultural circle, Komarov culture, burial mounds, paleosoil, subboreal.

About the authors: Matviishyna Zhanna Nikolaevna[1], Dr .habil. (Geography), Professor, Institute of Geography of National Academy of Sciences of Ukraine; Lysenko Sergey Dmitrievich[2], PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Kushnir Anatolii Stepanovich[3], PhD (Geography), Institute of Geography of National academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: [1]01030, Ukraine, Kyiv, 44 Vladimirskaja St., Institute of Geography of National academy of sciences of Ukraine; tel.: +380 (44) 234-92-57, e-mail: kushnir.paleogeo@gmail.com; [2]04210, Ukraine, Kyiv, boulevard of Heroes of Stalingrad 12, Institute of Archaeology of the National Academy of sciences of Ukraine; tel.: +380 (44) 418-27-75, +380 (44) 418-33-06, e-mail: suraganga@yandex.ru; [3]01030, Ukraine, Kyiv, 44 Vladimirskaja St., Institute of Geography of National Academy of sciences of Ukraine; tel.: +380 (44) 234-92-57, e-mail: kushnir.paleogeo@gmail.com.

Палеогеорафические реконструкции природных условий проживания человека на протяжении последнего отрезка в истории развитии природы — в голоцене — являются одним из наиважнейших направлений фундаментальных природных исследований. Это обусловлено необходимостью установления характера изменений климата и понимания основных закономерностей в формировании почв голоцена, воспроизведения мелкой ритмики их развития. Полученные данные можно использовать, в первую очередь, для разработки прогнозов развития природы в будущем. Отображение физико-географических обстановок прошлого следует искать в исследованиях палеогеографических памятников. Именно результатам изучения погребённых почв голоцена и посвящена настоящая работа.

Осуществлять реконструкции природных условий прошлого возможно, в частности, на основе изучения почвы, как одного из наиболее презентабельных компонентов природы. Палеогеографические исследования советских и украинских учёных М.Ф. Веклича, О.М. Адаменко, Ж.Н. Матвиишиной, Н.П. Герасименко. Б.Т. Ридуша и др. доказали актуальность использования палеопедологических данных для реконструкции физико-географических обстановок прошлого.

Настоящая статья продолжает серию публикаций результатов исследований палеоландшафтов эпохи бронзы — раннего железного века Северного Причерноморья (Матвіїшина и др. 2005a; 2005b; 2008; 2010; 2011; 2014; 2016; 2017; Лысенко и др. 2006a, 2006b; 2007; 2010; Пархоменко 2007; Матвіїшина 2010; Матвиишина, Пархоменко 2010; Лысенко 2011; 2017; Матвиишина и др. 2013; 2016; 2018; 2019; Матвіїшина, Кушнір 2016a; 2016b; 2017; 2018). В научный оборот полностью вводятся результаты палеопедологических исследований, проведенных в 2011—2012 гг. на территории Войцеховского могильника (Колодяжное-2)[1].

---

[1] В литературе памятник известен также как «Колосовский могильник», по современному названию населённого пункта в Хмельницкой области. Сквозная нумерация памятников у с. Колодяжное приводится по (Манігда, Лисенко 2014).

Общая характеристика археологического памятника

Войцеховский могильник является одним из наиболее ярких памятников эпохи поздней бронзы северной части Днепровского лесостепного Правобережья. Памятник расположен на левом берегу р. Случь (правый приток Горыни — правый приток Припяти — правый приток Днепра) между пгт Мирополь, с. Колодяжное Романовского (бывшего Дзержинского) района Житомирской области и с. Колосовка (бывшая Войцеховка) Полонского района Хмельницкой области Украины (рис. 1; 2: *1*). Могильник состоит из 17 курганных групп, в совокупности включающих в себя более ста курганов (Гамченко 1924: 66—94; Лагодовська 1948; Лагодовська, Захарук 1956; Березанская 1972, 56—58; Лысенко, Лысенко 2011; 2012; 2013; 2017; 2018) (рис. 4).

Большинство исследованных на могильнике погребальных комплексов относится к классическим горизонтам ***комаровской культуры*** тшинецкого культурного круга (ТКК) эпохи поздней бронзы (середина — третья четверть 2 тыс. до н.э.). Были также обнаружены объекты культуры шаровидных амфор (Гамченко 1924, 95—107; Свешников 1983: 32—34, табл. XIII); периода финальной бронзы и раннего железного века (Лисенко, Лисенко, Абалмасов 2014; Лысенко, Лысенко 2017; 2019). Курганному могильнику предшествовало ***позднетрипольское*** поселение/поселения этапа CII (трояновская группа; конец 4 тыс. до н.э.), участки которого, перекрытые курганами, занимают те же естественные возвышения, что и ряд курганных групп (Лагодовская 1954; Лысенко, Лысенко 2018).

Раскопки памятника были начаты в 1924 г. С.С. Гамченко. В курганной группе № 1 было раскопано семь курганов, ещё один — в курганной группе № 2 (Гамченко 1924, 66—94; Лагодовська 1948). В 1948 г. во время работы Волыно-Подольской археологической экспедиции Института археологии АН УССР (Гончаров 1948), Л.Ф. Лагодовская провела обследование состояния Войцеховского могильника и установила, что в связи с распашкой памятнику угрожает полное уничтожение. В связи с этим, в 1949 г. раскопки на могильнике были возобновлены. В курганной группе № 1 было раскопано ещё шесть курганов (Лагодовська, Захарук 1956).

В 2011—2013 гг. исследования Войцеховского могильника были продолжены Фастовской археологической экспедицией (ФАЭ). Раскопаны четыре кургана в курганной группе № 3 и по одному курганоподобному возвышению в курганных группах № 4, 5, 6[2] (Лысенко, Лысенко 2012; 2013; 2017; 2018).

Курганная группа № 3, на которой были проведены палеопедологические исследования, была зафиксирована ФАЭ в 2011 г. Группа расположена в 1,8 км на ЮЮВ от ж/д станции Мирополь, на южной окраине земель левобережной части пгт Мирополь (Каменка), на плато высокого левого берега Случи, на расстоянии около 0,5 км к СВ от группы № 1, в 235 м от изгиба р. Случь, резко выступающего к западу (рис. 3—5).

Эта группа отсутствует на ситуационном плане расположения курганных групп у с. Колодяжное, составленном в 1924 г. И.Ф. Левицким (рис. 4) и хранящемся в Научном архиве Института археологии НАНУ (Гамченко 1924; Лысенко, Лысенко 2011). Возможно, именно эта группа упомянута в отчёте Волынско-Подольской экспедиции ИА АН УССР за 1948 г.: «*В 1,1 км на юго-запад от железнодорожного моста, на поле колхоза им. Шевченко, с. Каменка, расположена группа из 8-ми курганов. Они расположены по линии восток-запад, азимут 276*» (Гончаров 1948: 7—8).

[2] Принятая нами нумерация продолжает нумерацию курганных групп, на которых проводились раскопки, принятую в отчёте С.С. Гамченко за 1924 г. (Гамченко 1924).

По состоянию на 2011 год в группе № 3 было зафиксировано 6 курганов, вытянутых по линии запад-восток на протяжении 330 м (рис. 2: *2*, 4; 5)[3]. Возможно, западная часть этой группы была уничтожена в послевоенные годы карьером по добыче известняков.

Группа занимает гребень песчаной гряды, идущей по водоразделу перпендикулярно берегу реки. Курганы были насыпаны на естественных дюнных возвышениях, что визуально увеличивает их размеры. Времени возведения курганов предшествовало трипольское поселение этапа CII. В 2011 г. были раскопаны курганы № 1 и 3, в 2012 г. исследованы курганы № 2 и 4.

По состоянию на конец мая 2011 г., поле на котором расположен могильник не пахалось на протяжении около 20 лет (судя по толщине стволов деревьев, выросших в разных местах поля). В июле 2011 г. северная часть поля, относящаяся к пгт Мирополь была распахана голландской фирмой, взявшей поле в аренду, и в последующие годы продолжала интенсивно распахиваться.

На расстоянии 150 м от исследованных курганов на распаханном поле встречаются отдельные участки лесопосадки (в основном вдоль ручья и на склонах террас) с преобладанием липы и клена. В физико-географическом отношении это участок лесостепи на границе с лесной зоной. В рельефе территория представляет собой водораздел р. Случ и р. Корчик на уровне завадовско-днепровской террасы. На небольшом расстоянии от археологических объектов в недавнее время протекал ручей, который сейчас обозначается заболоченным, иногда с участками тростника и отдельными деревьями (рис. 1).

Методика палеопедологических исследований

Исследования проводились с применением палеопедологического метода, включающего микроморфологический анализ, использовался метод почвенных хронорядов. Последний заключается в сравнительном исследовании почв, сопряженных с земляными археологическими памятниками (курганами, валами, культурными слоями древних поселений) и естественных почв природного окружения рядом с памятниками. Почвы взаимодействуют с растительностью и приземным слоем атмосферы, записывая информацию о биоклиматической обстановке, в которой происходит их развитие. При перекрытии искусственным наносом почва «выключается» из сферы активного почвообразования и долгое время (тысячелетия) сохраняет в своих свойствах ту комбинацию факторов среды, которая существовала до момента ее погребения. Поэтому сравнение ее признаков с признаками современной (фоновой) почвы, которая продолжала развиваться и изменяться до настоящего времени, дает возможность выявить направленность и скорость эволюционного развития почвы, а также производить реконструкцию природной среды, в которой проживало население той или иной исторической эпохи (рис. 12: *3*) (Чендев 2004).

Как показали исследования Т.Д. Морозовой, Ж.Н. Матвиишиной и др. микроморфологический анализ дает хорошие результаты в исследовании, как современных, так и древних почв. Используются не усредненные данные (как при других видах анализов, когда используется смешанный материал), а рассматриваются микростроения под микроскопом в ненарушенном состояние в природном соотношении элементов микроструктуры. Под микроскопом исследуются шлифы в тонких срезах (0,02—0,04 мм) в естественном соотношении микроагрегатов, пор, зёрен скелета, глин, новообразований и пр. Комплексное исследование элементов микростроения позволяет определить ведущие

[3] План курганной группы № 3 был снят при помощи прибора Garmin GPS map76CSx (съёмка Д.П. Куштана).

элементарные почвообразовательные процессы (аккумуляцию гумуса, развития иллювиирования, лессиважа и др.), выявить детали, которые не обнаруживаются другими методами и уточнить генезис почв. Методика микроморфологических исследований подробно изложена в ряде работ (Парфёнова, Ярилова 1977; Веклич и др. 1979; Матвиишина 1982; Маруашвили 1985; Герасимова, Губин, Шоба 1992; Кармазиненко 2010).

Палеопедологические исследования 2011 г.

В 2011 г. были изучены пять почвенных разрезов — три в курганах № 1 и 3 (рис. 10: *1*), фоновый разрез к ним, а также иловато-болотная почва в верховьях ручья на месте карьера по добыче известняков.

В разрезах курганов № 1 и 3 были представлены как современные (с поверхности) так и древние (под насыпью кургана) почвы, отличающие характером профилей. Выполнено детальное макроморфологическое описание разрезов с отбором образцов на микроморфологический анализ. Образцы отобраны из курганов № 1 и 3; неподалеку на том же элементе рельефа был заложен фоновый разрез для сравнивания почв и обстановок времени сооружение курганов с современными физико-географическими обстановками для выявления трендов изменения. Исследовалась также пойменный разрез, прилегающий к заболоченному водотоку ручья, который, вероятно, существовал и служил источником воды во времена закладки курганов. Разрез может характеризовать гидроморфные почвы территории исследования. Из пяти разрезов отобрано по генетическим горизонтам 34 образца на микроморфологический анализ, на определения карбонатов и гумуса, а также на анализ состава тяжелых металлов (по 23 компонентам). В настоящее время выполнено микроморфологический анализ почвенных профилей в 15 образцах, образцы на другие виды анализа находятся в производстве.

Ниже приведены краткая характеристика исследованных археологических объектов[4] и описания конкретных почвенных разрезов с результатами микроморфологического анализа почв.

КУРГАН № 1 (2011 г.) (рис. 6, 7). Визуально — наибольший в группе. Расположен в центре группы, на расстоянии около 0,35 км на запад от Случи (N50°05,037', E27°40,304'). Центральная часть кургана и восточная пола повреждены грабительскими шурфами. Визуально диаметр кургана — ~20 м, высота — ~1 м. Курган возведен над естественным возвышением. Реальный диаметр насыпи — около 13 м, высота над уровнем слоя трипольского поселения — 0,7 м. Курган содержал одно погребение комаровской культуры ТКК (рис.8).

Курган копался вручную с оставлением центральной бровки шириной 0,8 м, ориентированной по линии С-Ю. Перед началом раскопок центр возвышения был очерчен по уровню 0,35 м от репера. Репер установлен в наивысшей части сохранившейся насыпи, к юго-востоку от грабительского шурфа, севшего в самый центр очерченного овоида, предположительно, на реальный центр комплекса. Таким образом R_0 оказался смещён примерно на 2 м к юго-востоку от реального центра кургана. Центр возвышения был накрыт раскопом площадью 84 кв. м (8,4 × 10 м). Вскрытие производилось механическими слоями по 0,25 м с зачисткой площади после каждого штыка.

Насыпь кургана была возведена из слоя трипольского поселения и содержала множество фрагментов керамики и кремневых изделий трипольской культуры. Северо-западной полой

[4] Подробное описание археологических объектов, исследованных в курганах курганной группы № 3 Войцеховского могильника см. (Лысенко, Лысенко 2018).

кургана была перекрыта яма трипольской культуры (объект № 6) (рис. 9: *4*). Ещё одна трипольская яма (объект № 8) была обнаружена в 1,8 м на юго-восток от предыдущей. В разных частях насыпи к западу, северо-западу и юго-западу от погребения зафиксированы скопления керамики трипольской культуры («сфероиды» по терминологии С.С.Гамченко) — объекты № 1, 2, 4, 5. В центре насыпи найдены 3 фрагмента кубков среднеднепровской культуры шнуровой керамики и кремневый топор этой культуры.

Под насыпью, в центре природного возвышения, на котором располагалось позднетрипольское поселение, зафиксирована большая неглубокая яма подпрямоугольной формы (рис. 6: *1*), ориентированная по линии СЗ-ЮВ, размерами около 6 × 5,5 м, глубиной до 0,3 м от древней поверхности, прорезавшая слой трипольского поселения. Предполагаемое назначение котлована — выравнивание площадки под погребение. В различных частях кургана обнаружены остатки трёх «очагов-жертвенников», предположительно связаных с проведением погребального ритуала — объекты № 3, 7, 9 (рис. 9: *1*—*3*).

По костям погребённого в кургане № 1 (позвонок, ребро, сутав лопатки) в Киевской радиоуглеродной лаборатории получена *радиоуглеродная дата*: Ki-17441, BP 3050 ± 60; BC 1δ 1400-1250, 1240-1210 BC, 2δ 1440-1110 BC. Наиболее вероятная дата погребения попадает в интервал XIV — первая половина XIII вв. до н.э. Полученная дата не противоречит датировке керамического комплекса памятника: середина — третья четверть 2 тыс. до н.э.

В профилях кургана были заложены две расчистки (рис. 10: *1*).

РАСЧИСТКА № 1 (2011 г.) располагается по центру кургана (рис. 10: *2*). Сверху вниз прослеживается дёрново-подзолистая почва (0,7 м мощностью), ниже — фрагменты вальковой дернины, чередующиеся со слоями песчаной насыпи кургана.

Сверху вниз прослеживаются такие горизонты *современной почвы*.

Hо — 0,0—0,3 м — светло-серый с буроватыми пятнами материал, к низу постепенно осветляется, белесоватый от обилия присыпки SiO_2, рыхлый, супесчаный, с ходами насекомых и отдельными кротовинами, переход и граница слабозаметная по цвету.

Ei — 0,2—0,27 м — белесо-светлосерый, неоднородно окрашен с белесыми пятнами присыпки SiO_2 и бурыми суглинками, в белёсых пятнах материал, рыхлый или представляет собою сцементированноую супесь, нижняя граница и переход мелкозатёчные по цвету.

Ie — 0,27—0,47 м — бурый (более ожелезненный в разрезе), плотно сцементированная ожелезненная супесь, чётко агрегированный — комковатый-крупноореховатый; неравномерно и пёстро мраморовидной окраске гидрооксидами железа, с прочными структурными отдельностями — плёнки гидрооксидов железа, по граням которых много белёсых пятен с присыпкой SiO_2 (с чем связана неоднородность окраски), с включениями осколков гранита. Много кротовин 5—6 см диаметром, с бурым, сизо-бурым и серым заполнениям, имеются червороины с гумусированным материалом и ходы насекомых, переход и граница довольно отчётливы по некоторому осветлению желтоватой окраски палитры, проявлению фрагментов вальков с дерниной.

Насыпь кургана и древняя почва. В интервале 0,47—1,15 м вальки насыпи кургана, которые в нижней части сложены материалом гумусового горизонта почвы с артефактами комаровской культуры ТКК, выше переходными горизонтами древней почвы, а еще выше — песками подпочвенного материала (т.е. материала почвы, который использовался для формирования насыпи).

Сверху вниз прослеживаются такие слои:

I_2e — 0,47—0,68 м — чередования белёсых, бурых и тёмно-бурых слоев зигзагообразных очертаний очень неоднородных по окраске, с тёмно-бурыми пятнами, с присыпкой SiO_2 и

более темными гумусированными слоями с крупноореховатыми оно оглаженными гранями структурными отдельностями, характерны пятна, плёнки гидрооксидов железа. Единичные отдельными камерами диаметром до 20 см., переход постепенный по цвету и усилению бурых тонов окраски с появлениями ортзандовых прослоев.

В интервале 0,68-1,0 м проявляются *насыпка и вальки с дерниной, формирующие курган.*

0,68—1,0 м — пёстро окрашенный, светло-бурый, более однородный материал, менее плотный, чем вышележащий, слоевато-комковато-рассыпчатый, в сыром состоянии рыхлый, с отдельными ожелезненниями разводами, сухом состоянии — плотный, сцементированный, с пятнами присыпки SiO_2, с четкими зигзагообразными слоями, довольно много рыхлых желтовато-бурых кротовин, заполненных материалом почвы времен насыпки кургана (10—20 см в диаметре). Переход и граница, постепенные по увеличению рыхлости материала.

1,0—1,15 м — *материал насыпи кургана* — более рыхлый, серовато-желтовато-светлобурый, видны фрагменты дёрновых вальков, в т.ч. с материалом гумусового горизонта древней почвы. Комковато-рассыпчатый, с ржаво-бурыми пятнами ожелезнения, отсутствует присыпка SiO_2, переход и граница ровные, контакт достаточно хорошо прослеживается, заметен по проявлению серых тонов в окраске. В этом слое, как и в нижележащих почве изобилие серых, бурых и светло-серых кротовин диаметром 10—15 см.

На глубине 1,03-1,35 м найдена трубчатая кость, обломки керамики.

Почва с артефактами комаровской культуры. В интервале 1,15—1,75 м прослежена достаточно хорошо гумусированная почва с большим количеством кротовин. Её генетические горизонты таковы:

H — 1,15—1,32 м. — коречневато-серый, рыхлый, комковато-рассыпчатый, неоднородный по цвету, и с гумусовыми пятнами материал из-за интенсивной переработки материала землероями. В большом количестве кротовины (светло-серые с известковыми включениями), бурые с железистыми пятнами, серые с гумусированым материалом диаметром 15—25 см, супесь мелко- и среднезернистая граница постепенная, но нечёткая из-за обилия кротовин.

Hp — 1,32—1,5 м — светлее вышележащего, буровато-серый, перерыт кротовинами, с камерами диаметром до 30 см, супесчаный с комковато-рассыпчатой структурой, с обломками гранита, переход и граница постепенные.

Ph — 1,5—1,7 м — серовато-светло-жёлтый, песчаный, слоистый, значительно переработан землероями, с кротовинами, заполненными в основном светлым гумусированные материалом, переход и граница постепенные, но чёткие по цвету, слоистости и изменению грансостава.

Pal — 1,7—1,8 м — видно желтовато-светло-серый, мелкозернистый, рассыпчатый песок, с отдельными крупными (до 15 см) кротовинами, заполненными гумусированным материалом.

Структура кургана в центральной части представлена с поверхности 1) *дёрново-подзолистой почвой* 0,0-0,68 м;2) в средней части в интервале 0,68—1,15 м — *насыпным материалом* — слоями песка и валками фрагментов дернины; 3) в интервале 1,15—1,75 м — *дёрновой супесчаной почвой.*

Признаки современной почвы, перекрывающей курган — наличие гумусово-элювиального горизонта, элювиального горизонта, сформировавшиеся ортзандовые прослои в иллювиальном горизонте, ожелезнение, цементация материала гидрооксидами железа, обилие присыпки SiO_2 в поверхностных горизонтах и частично в пятнах в иллювиальном, супесчаный грансостав позволяет определить эту почву как дёрново-подзолистую супесчаную. Процессы оподзаливания интенсифицированы положениям почвы на

возвышенной поверхности кургана. В целом, эта почва отвечает характеристикам зональных дёрново-подзолистых почв, в т.ч. фонового разреза.

В вальках (вероятно сложенных дерниной и материалом гумусово-элювиального горизонта), представленной за пределами кургана почвой эпохи поздней бронзы, материал гумусирован более, чем в современной почве. Сама почва под курганом более тёмная по окраски гумусованого горизонта с характеристиками для дёрновой почвы переработкой материала землероями и горизонтами профиля дёрновой почвы.

РАСЧИСТКА № 2 (2011 г.) заложена в западной стенке раскопа, рядом с перекрытым курганом позднетрипольским объектом № 6 (рис. 9: *4*). С поверхности почва та же, что и в расчистке № 1, но в меньшей степени переработана землероями (рис. 11).

Современная голоценовая почва. Ho — 0—03 м — светло-серая до серой, рыхлая, комковато-рассыпчатая супесь, с обилием корней растений. Переход заметен по осветлению окраски.

HE — 0,03-0,2 м — буровато-светло-серый, со светло-бурыми пятнами ожелезнения буроватыми пятнами, рыхлый, очень слабо гумифицирован, супесчаный, единичные кротовины диаметром 5-6 см, обильна присыпка SiO_2. Переход по изменению окраски граница мелкозатёчная (затёки глубиной 2-3 см).

Под микроскопом прослеживаются серый бесструктурный опесчаненный материал, довольно равномерно прокрашен дисперсным гумусом. Видны железисто-глинистые плёнки вокруг зёрен минералов. На фоне нечётко выраженных наблюдаются скопления зёрен кварца «отмытые» светлые микроучастки. Поры интенсивно разветвлённые, имеются поры-каналы и округлые. Минеральный скелет составляет до 70% площади шлифа, в основном это зёрна кварца почти все без плёнок и оболочек (рис. 12: *1, а*).

Ehi — 0,2—0,3м — буровато-белесоватый до светло-серого, светлее вышележащего, с обилием белёсых пятен SiO_2, рыхлый, по бурым пятнам более плотный, с пластинчато-комковатой структурой, супесчаный, по всему горизонту отмечены кротовины с бурым, серым и белесоватым заполнением. Легкий материал гранулометрическому составу. Переход и граница волнистые по окраске.

Под микроскопом виден рыхло упакованный светлый, серовато-буроватый материал, в котором преобладают кварцевые зёрна песка без плёнок и оболочек, очень слабо гумусированый, рыхлый, видно микроагрегаты I и II порядка, масса с биопорами, муллевый гумус в большей мере в виде хлопьев, имеются пятна светлоокрашенного гумусового вещества (рис. 12: *1, б*).

Ip — 0,3—0,4 м — буроватый до тёмно-бурого, нечётко ореховато-комковатый, уплотнённый, окрашен пёстро с обилием белёсых и тёмно-бурых пятен, не очень чётко прослеживаются железистые орзандовые слои. Сложен горизонт пылевато-песчаным легким суглинком з линзами супеси. Много ходов и камер землероев диаметром до 15 см заполненных нижележащим более светло-бурым материалом, переход чёткий, заметен по усилению сероватой окраски, граница слабоволнистая.

В шлифах прослежен бурый до тёмно-бурого окрашенный материал с песчано-пылевато-плазменным микростроением. Сложения в виде нечётких блоков, разделённых порами—трещинами и порами—каналами. В большом количестве представлены окатанные песчаные зёрна кварца. Процессы перемещения железистого вещества проявляются в наличии бурых плёнок вокруг песчаных и пылеватых зёрен скелета. Довольно плотно упакованных агрегатов в неравномерно окрашенной плазме со сгустками гумусо-железистого вещества (рис. 12: *1, в*).

Почва с материальными остатками комаровской культуры. Развитая почва в интервале 0,4—1,4 м лесного генезиса с тёмно-серым гумусовым горизонтом, а также горизонтом иллювиирования. Выражены такие генетические горизонты.

НЕ — 0,4—0,6 м — буровато-тёмно-серый, неоднородно окрашен, с буроватыми пятнами ожелезнения и белесоватой присыпкою SiO_2,, рыхлый, возможно частично переработан современными почвообразовательными процессами, структура пластинчато-комковатая с непрочными отдельностями, с тонкими корешками трав. Материал — супесь или пылеватый лёгкий суглинок, с бурыми, тёмно-серыми кротовинами диаметром 4—12 см нечётко прослеживаются слабо выраженные орзандовые прослои. Переход и граница постепенные, слабозатёчные, по изменению окраски и уплотнению материала.

В шлифах под микроскопом прослеживается серо-бурая гумифицырованая и с большим количеством песчаных зёрен почвенная масса, с рыхло упакованными агрегатами, в том числе сложенными (до III—IV порядка), основу которых составляют сгустки и комочки гумуса. Часть сложеных агрегатов полуразрушенная и наблюдается «отмытые» (с голыми кварцевыми зёрнами) участки. Гумус частично сконцентрирован в хлопья, сгустки и комочки, и частично в диспергированном состоянии прокрашивает плазму. Зёрна скелета — в основном окатанные зёрна (до 0,3 мм.) песка и крупной пыли занимают до 70% площади шлифа, агрегаты и зёрна разделяются разветвленной и извилистой сетью пор, а часть зёрен имеют плёнки и оболочки органо-глинистого вещества (рис. 12: *2, а*).

Ihe — 0,6—0,7 м. — серовато-бурый материал, пёстро окрашенный с затёками гумуса, комковатый с пятнами присыпки SiO_2 и бурыми, ржаво-бурыми, мраморновидно окрашенными орзандовыми слоями, суглинисто-супесчаный с железистыми ортштейнами материал, переход по изменению окраски и уплотнению, граница затёчная. По всему горизонту прослеживаются кротовины.

Под микроскопом материал серовато-бурый имеет пламенно-песчаное микростроения с натеками коломорфных глин, масса компактного строения в форме слитых блоков внутри которых зёрна минерального скелета, плотно упакованы, гумус в основному в плазме, блоки разделены порами-трещинами, порами-каналами. Наблюдаются местами агрегаты I—II порядков (рис. 12: *2, б*).

I_2egl — 0,7—1,0 м — бурый, ржаво-бурый, плотный суглинисто-супесчаный, слабо оглеенный, нечётко прослеживаются ортзанды, обильны пятна с присыпкой SiO_2, имеются кротовины диаметром до 10см с бурым заполнением, червороины, видны серо-бурые пятна ожелезнения и серые марганцевые пятна, переход и граница прослеживаются по осветлению окраски.

Под микроскопом в шлифах — бурый по окраске материал, микростроение песчано-пылевато-плазменное, сложение в форме слитых блоков, разделённых порами-трещинами, агрегаты внутри блоков почти не выраженные (I—II порядка). О перемещении органо-железисто-глинистого вещества свидетельствуют кутаны иллювиирования (обособления коломорфных глин) (рис. 12: *2, в*).

I_3pgl — 1,0—1,4 м — слоистый, светлый, желтовато-бурый, с орзандовыми прослоями и линзами песка, по всему горизонту прослеживаются бурые, черные и серые пятна марганца (диаметром до 1 см), сизые пятна оглеення и множество кротовин и камер, отдельные из которых диаметром до 20 см со светло-бурым и тёмно-серым заполнением. Переход и граница хорошо видны по смене окраски и большей однородности материала, а также по уменьшению количества ортзандовых прослоев.

Под микроскопом материал буроватый, компактного микростроения песчаные и пылеватые зёрна минералов плотно упакованные в железисто-глинистой плазме, видны

поры-трещины и поры от корней трав. Чётко видны кутаны иллювиирования и лишь на отдельных участках проявляется микрокристаллический кальцит (рис. 12: *2, г*).

Pal — 1,4—1,7 м — желтовато-бурый тонкослоистый, рассыпчатый, рыхлый песок, вероятно днепровского времени, песчаный материал прослеживается в линзах кротовин по всему профилю почвы.

Макроморфологические и микроморфологические показатели, характер профиля, указывают на идентичность современной поверхности кургана (под пашней) с дёрново-подзолистыми разностями. Почва сформирована в условиях избыточного увлажнение современной лесной зоны. Об этом свидетельствует серое прокрашивание гумусово-элювиального горизонта, развитый элювиальный горизонт с «отмытыми» микроагрегатами и более плотно ожелезненный, с ортзандовыми прослоями. Иллювиальный горизонт с пятнами марганца, признаками ожелезнения и оглеения, кутанами коломорфных глин. Почва сформирована на аллювиальных песках.

Под иллювиальным горизонтом современной почвы прослеживается погребенная серая, по цвету, оподзоленная почва с материальными остатками комаровской культуры тшинецкого культурного круга, которая ориентировочно сформировалась в XVI—XIII вв. до н.э. Почва с такими признаками профиля в наше время формируется под широколиственными лесами. Начало их образования относится к послеледниковому времени, когда лессовые плато стали постепенно покрываться лесами; под сохранившимися до настоящего времени участками таких лесов сформированы светло-серые и ***серые лесные почвы***. Основными процессами в зоне серых лесных почв являются дёрновый, гумусово-акумулятивный и подзолистый (оподзоливание). Одновременно проявляются процессы лессивировании, зоогенной переработки и оглеение. Чаще почвы формируются под разреженными широколиственными лесами паркового типа: в почвах формирования гумусового профиля и оподзоливания происходят одновременно. По нашему мнению, почвы на исследуемой территории около 3,5 тыс. лет назад также были близкими к серым лесным.

Процесс трансформации почвы из серой оподзоленной, или близкой к тёмно-серым, в дёрново-подзолистую происходил очень длительное время. В отличие от дёрново-подзолистых почв, для серых характерно иллювиирование, в том числе гумуса, что прослеживается очень чётко в вертикальных пустотах. Развитие и переход одной почвы в другую, в условиях того времени, связано со следующими факторами:

1) изменение климатических условий; 2) количественные и качественные изменения в самой почве под влиянием растительности, жизнедеятельности микроорганизмов и почвенной фауны; 3) изменение положения в рельефе — почва в условиях курганной насыпи начала формироваться на более высокой поверхности насыпи; 4) антропогенное воздействие и особенно распашка территории, постепенно выравнивающая поверхность (Боул, Хоул, Мак-Крекен 1977; Вернандер, Тютюнник 1986).

На разных этапах проживание человека на этой территории, также и в позднем бронзовом веке, представленном в исследуемом регионе комаровской культурой ТКК, значительная роль в эволюции почвенного покрова принадлежит первому и четвертому фактору.

По сравнению с обстановками формирования погребенной почвы к настоящему времени в климате произошли следующие изменения. Среднемесячная температура понижалась, но повышалось увлажнения территории из-за сравнительного увеличения количества осадков. Так как проживающие на этой территории человеческие коллективы занимались земледелиям, то и им принадлежит большая роль в эволюции почвенного покрова. В основной массе эти воздействия имели косвенный характер, без непосредственного

воздействия на почву, и в процессе вырубки лесов, выпаса скота и т.д. Также имел место и более действенный фактор, изменяющий характер почвообразования и создание совершенно нового пути эволюционного развития почв, прямое воздействия человека на почву — первоначальная примитивная распашка.

Профиль современной почвы сформирован под воздействием трёх процессов: 1) *подзолистого (основного),* для которого характерное периодическое переувлажнение верхней части профиля весной при снеготаянии и осенью перед установкой снежного покрова. Сутью его является разрушение в верхней части профиля первичных и вторичных минералов вследствие их кислотного гидролиза и выноса продуктов разрушения в нижние горизонты. Оподзоливание почвы фиксируется наличием присыпки SiO_2; 2) почти не играл роли *лессиваж*, условиями протекания которого является нарушения связи между почвенными частицами, наличие, в данном случае, вертикального тока влаги, наличие илистого материала в почвообразовательной породе и хорошая проницаемость почвы, в то же время именно лессиваж был одним из ведущих процессов 3,5 тыс. лет назад, когда формировалась подкурганная почва; 3) *оглеения* — сложного комплекса процессов, преимущественно микробиологической и биохимической природы. Четвертым фактором можно считать — антропогенный фактор (Боул, Хоул, Мак-Крекен 1977).

КУРГАН № 3 (2011 г.)[5] (рис. 13). Расположен в 74 м на ВЮВ от кургана № 1, в 38 м на запад от кургана № 2 (N50°05,019', E27°40,358'). Визуально диаметр кургана — ~10 м, высота — ~0,4 м. Курган возведен над естественным возвышением. В центре кургана выявлено одно погребение (кенотаф), предположительно относящееся к тшинецкому культурному кругу (рис. 14: *4*; 15: *2*). В центре возвышения был заложен раскоп площадью 8 х 6 м (48 м^2), ориентированный по линии С-Ю. Курган копался вручную с оставлением центральной бровки.

Из насыпи происходит несколько фрагментов сосуда сосницкого типа, орнаментированого колючей проволокой (рис. 14: *3*), фрагмент венчика полусферической миски (рис. 14: *1*). К юго-востоку от ямы, примерно на уровне её фиксации обнаружен фрагмент придонной части сосуда с многоваликовой орнаментацией и мелкой дресвой в тесте (рис. 14: *2*), отражающий пережитки влияний культурного круга Бабино. Таким образом, по керамике курган может быть предположительно отнесен к раннетшинецкому времени, ко второй четверти 2 тыс. до н.э. Однако нельзя исключать, что разрозненные фрагменты из насыпи вообще не имеют отношения к погребению и связаны с кратковременными стоянками ранней комаровской культуры, предшествовавшими времени возведения кургана.

Насыпь кургана была создана из слоя трипольского поселения и содержала фрагменты керамики и кремневые изделия трипольской культуры. В слое, подстилавшем курган, обнаружены несколько развалов кухонной и столовой посуды трипольской культуры. Скопления трипольской керамики преимущественно зафиксированы под юго-восточной полой кургана. В северо-восточной и юго-восточной частях раскопа находились остатки двух очагов трипольской культуры — объекты № 1 и 2.

РАСЧИСТКА № 3 (2011 г.) расположена по центру западного профиля центральной бровки, рядом с погребальной ямой (рис. 15, 16: *1*). В расчистке прослежены сверху вниз современная и подкурганная (древняя) почвы. Исследована яма, в которой прослежены две почвы (в яме — древняя, над ямой — современная). По внешнему облику современная почва — дёрново-подзолистая, а древняя почва представлена лишь иллювиальным горизонтом,

[5] Полевые шифры на материалах из кургана № 3 — «Войцеховка-2011, курган 2».

вероятно серой или светло-серой лесной почвы. Материал иллювия — с нечётко выраженным ортзандовым прослоем, вероятно, отчасти перерабатывался последующим подзолистым почвообразованием: во-первых — в яму попадал уже смешанный материал древних почв, а во вторых в последующем при современном почвообразовании активно формировался профиль современной дёрново-подзолистой почвы (рис. 16: *1*).

В расчистке № 3 описаны следующие отложения — почвы.

Современная почва представлена такими горизонтами.

Но — 0,0—0,03 м — светло-серый, рыхлый, супесчаный, с корнями трав, переход и граница чёткие по уменьшению количества корней растений и осветлению окраски.

Hegl — 0,03—0,2 м — буровато-светло-серый, пластинчато-комковато-рассыпчатый, с обилием присыпки SiO_2, супесчаный, с единичными кротовинами, сизоватый, с бурыми пятнами ожелезнения , переход чёткий по побурению окраски, граница мелкозатёчная.

IE(h) — 0,2—0,33м — прослежен в виде бурой полосы, с большим количеством белёсых пятен с присыпкой SiO_2 (вероятно вследствие застоя вод над более плотным нижележащим материалом), неоднородно, мраморовидно и пёстро окрашен из-за наличие бурых и ржаво-бурых пятен ожелезнения. Это более оглиненная и уплотненная супесь по сравнению с вышележащим горизонтом, что есть результатом вмывания в горизонт гидрооксидов железа и глинистых частиц из верхних частиц. Нечётко прослеживаются ортзандовые прослои, в них материал бурый комковато-ореховатый. Кротовины (5—6 см в диаметре) заполнены светло-серым более рыхлым материалом, переход и граница отчётливы по усилению бурого окрашивания.

IEgl — 0,33—0,6 м — ржаво-бурый, уплотненный, пылевато-супесчаный, с линзами оглееной супеси, ожелезненный, с непрочными комковато-ореховатыми отдельностями, ржаво-бурая окраска усиливается книзу (тёмные серо-бурые пятна оглеения с марганцем и оксидами железа).

Материал засыпки ямы (возможно, древняя почва времени комаровской культуры ТКК).

Материал горизонта выглядит как слои ортзанда лесной почвы (а возможно это слои укладки кургана), много ходов землероев с желтовато-светлосерым, бурым и светло-белесым заполнением (3—6 см в диаметре), книзу происходит усиление бурых и серых тонов окраски.

I2 — 0,6—0,9 м — иллювиальный горизонт в т.ч. и современной почвы, который перерабатывает слои дёрновой кладки, относящейся во временном аспекте к 3500 лет назад. Это смешанный материал, в формировании свойств которого участвовали как древние, так и современные процессы, с разной степенью проявления подзолообразования. Встречены фрагменты с тёмно-бурым материалом (возможно гумусово-элювиальным горизонтом древней почвы). Значительное ожелезнения, омарганцованость материала, ржаво-бурое и сизо-серое прокрашивание массы связано с процессами оподзоливания и лессиважа, проявляются в формировании иллювиального горизонта. Имеются ходы землероев, их жилые камеры, что может свидетельствовать о достаточной фаунистической активности, которое возможно связано не с современным, а с древним почвообразованием времени насыпки кургана (около 3500 лет назад).

Iph —0,9—1,2 м — буровато-желтоватый, значительно ожелезненная супесь с серыми (возможно гумусовыми) пятнами, с линзами песка, имеются жилые камеры и ходы землероев (в них серый омарганцованый и бурый материал), переход и граница заметны по усилению мехсостава и однородности материала.

Pal — 1,2—1,4 м — желтовато светло-серый, аллювиальный рассыпчатый мелкозернистый песок-супесь, слоистый, рыхлый, вероятно аллювий завадовско-днепровской террасы.

Характеризуя разрез можно говорить о следующем. Материал древней почвы времен образования кургана, несет в себе признаки иллювия более развитой, чем дёрново-подзолистая почвы, сформировавшейся в условиях средней лесостепи под широколиственными лесами и судя по характеру иллювия, погребенная почва близка к серым оподзоленным лесным почвам. Условия почвообразования были благоприятнее для жизнедеятельности по отношению к современным климатическим условиям территории исследования, это подтверждают и следами активной деятельности землероев, что не характерно для современных зональных дёрново-подзолистых почв.

ФОНОВЫЙ РАЗРЕЗ. РАСЧИСТКА № 4 (2011 г.). Расчистка располагается на 80 м восточнее и на 2-3 ниже, чем в курган. Размещается на ровной поверхности. Выбор места заложения разреза определен необходимостью выйти за пределы культурного пространства курганов (рис. 16: *2*).

Прослежены такие генетические горизонты.

Ho — 0—0,06 м — светло-серый, рассыпчатый, бесструктурный, с обилием кротовин, корней скошенных злаков и трав.

Ehgl — 0,06—0,18 м — белесоватый, светло-серый, рыхлый з корешками растений, разсыпчато-комковатый, проявляется оглеение, как застой вод над более плотным гумусовым горизонтом, супесчаный. Переход и граница видны по усилению сероватости в окраске нижнего слоя.

Под микроскопом в шлифах прослеживается почти обесцвеченный сероватый светло-бурый материал, дезагрегированный, слабоохструктуренный с песчано-пылевато-плазменной структурой, окрашен диспергованым гумусом, вокруг некоторых зёрен минерального скелета видны органно-глинистые плёнки. В самом минеральном скелете преобладают кварцевые зёрна песка и единичными зёрнами полевого шпата. Много крупных (до 0,2—0,3 мм в диаметре), зёрен песка, имеются признаки перераспределения и выноса гумуса (рис. 17: *1 а*).

$HE_{пах}$ — 0,18—0,32 м — буровато светло-серый, очень рыхлый, с пластинчатой комковато-рассыпчатой структурой, с пятнами присыпки SiO_2, тонкими корнями растений (пахотный слой), в небольшом количестве имеются червороины, одиночны кротовины диаметром до 6 см. Переход и граница чёткие, почти горизонтальные, с мелкими затёками, проявляются по осветлению окраски и резкому уменьшения содержания гумуса.

Под микроскопом прослеживается светло-бурого цвета материал, с песчано-пылевато-плазменной структурой, гумус присутствует в основном в дисперсном состоянии, хорошо развита система извилистых и округлых пор, имеются мелкие железисто-марганцевые микроорштейны, видны «отмытые» участки (рис. 17: *1 б*).

E(h)gl — 0,32—0,5 м — светло-серый, с белесоватой присыпкой SiO_2, с бурыми пятнами ожелезнения и серыми — гумуса, вероятно слой некоторого застоя вод, рыхлый, пластинчатый, непрочно комковатый, с большим количеством кротовин со светло-серым и белесоватым заполнением. Одиночны корешки растений. Переход и граница, чёткие по окраске и по интенсивности проявления ортзандовых прослоев, граница почти горизонтальная.

При изучении почвы под микроскопом в шлифах прослеживается светло-бурый до белесоватого, слабо гумусированный материал, плазменно-песчано-пылеватое микростроение, масса слабо агрегирована с микроагрегатами I-II порядка, видны кутаны коломорфных глин, железисто-глинистые пятна. В минеральном скелете зёрна кварца, полевого шпата и др., поры разветвлённые, каналообразные и овальные, они занимают до 35% площади шлифа (рис. 17: *1 в*).

I_1 — 0,5—0,7 м — неоднородно окрашен, с тёмно-бурыми ортзандовыми слоями в 6—7 см, чередующимися со слоями отбеленной рыхлой супеси между ортзандовыми слоями, непрочно ореховатый и более оглеенный, в белёсых прослоях — рассыпчатый песок, кротовины отсутствуют или единичны.

Под микроскопом материал бурый, с плазменно-песчано-пилеватым микростроением, сизый от оглеения, песчано-легкосуглинистый, слабо уплотнен, видны слоистые кутаны коломорфных глин и плёнки вокруг зёрен скелета, поры-упаковки и поры-трещины которые разделяют слабо выраженные блоки, минеральный скелет представлен зёрнами кварцевого песка и составляет около 60% площади шлифа (рис. 17: *1 г*).

I_2 — 0,7—1 м — ортзандовые прослои увеличиваются по толщине (7—8 см), они более тёмные и горизонтально расположены, а между ними прослойки супеси в 3—4 см — белесые и более рыхлые.

Под микроскопом — это буроватый материал, с плазменно-пыливато-песчаным микростроения, минеральный скелет составляет 60-70% площади шлифа, видны биогенные поры, новообразования коломорфных глин (рис. 17: *1 д*).

P_{al} — 1,0—1,2 м — светло-серая среднезернистая супесь, рассыпчатая, бесструктурная, это аллювий но в нем видны более глинистые ортзандовые прослои.

В целом почва имеет профиль с горизонтами Ho+HEgl+E(h)gl+Igl+Pal, с «отмытыми» микроучастками в элювии и слоистыми натеками коломорфных глин в иллювии, дезагрегированная и лишь в иллювии прослеживаются ореховатые отдельности. В ней отчётливо проявляются ортзандовые прослои, а с поверхности виден белесый, от переувлажнения застоями вод, горизонт. В почве отмечены кротовины. Все эти признаки позволяют определить эту почву как дёрновой сильно подзолистой, поверхностно оглееной, супесчаной на песчаном составе.

Подзолистый процесс имеет свои особенности: дифференциация почвенного профиля по илювиально-элювиальнному типу, в условиях кислотного гидроморфолиза под воздействием биогенного фактора; образование лесной подстилки из листьев и трав, которые лежат на поверхности почвы; миграция элементов з подстилки в почву, как при вертикальном перемещении воды, так и при латеральном стоке; вынос большой части элементов из подстилки водами поверхностного стока в период таяния снегов (Боул, Хоул, Мак-Крекен 1977; Вернандер, Тютюнник 1986).

В фоновом разрезе, по сравнению с современной почвой в кургане, более мощный профиль, чётче выражает гумусово-элювиальный горизонт, яснее проявляются признаки подзолообразования в виде представленного чёткого элювиального горизонта и отчётливых более тёмных, и глинистых которые проникают на большую глубину ортзандовых прослоев в почве, сформированной на аллювии. Маскировка дёрново-подзолистого процесса в почве на кургане связана с формированием последней на возвышенном участке. Фоновая почва сформирована на ровной площадке и является зональной для лесов умеренного пояса.

Почва с материальными остатками комаровской культуры ТКК значительно отличается от современных, она более гумусирована, тёмноцветная, со сложными микроагрегатами и с менее выраженными чертами оподзаливания. В ней интенсивно проявляются признаки лессиважа, а ортзандовые прослои менее четки, зато в иллювиальном горизонте материал оглеен, с кутанами коломорфных глин, прокрашенных глинами и гумусом (лессиваж), материал более равномерно ожелезнен и её достаточно уверено можно идентифицировать с современными серыми лесными почвами средней полосы лесостепной зоны. Природные зоны 3500 лет назад по сравнению с современными были сдвинуты на север. Территория

попадает, судя по почвам, в среднюю полосу лесостепной зоны, где сейчас преобладают луговые участки с чередованием широколиственных лесов с дубами и грабами.

Серые лесные почвы и раньше, и сейчас активно использовались; ранее человек выжигал леса, чтобы ввести земли в сельскохозяйственное использование, а серые оподзоленные почвы не относятся к наиболее плодородным. Однако они содержат достаточное количество гумуса, чтобы удовлетворить условия примитивного земледелия. Формирование лесных почв, кроме того, связано с существование лесных пространств, что обеспечивало местное население строительным материалом. Сбор ягод, охота ловля рыбы наряду с земледельческой культурой обеспечивало довольно комфортное существование здесь населения времен образования кургана. Во всяком случае, природные условия быль благоприятные, а почвы более пригодные для воздействия и более плодородные, чем современные.

РАСЧИСТКА № 5 (2011 г.) С ПОЙМЕННОЙ ПОЧВОЙ. По территории исследования протекает ручей со сформированной неширокой долиной с участками лесов и берегами, покрытыми луговой растительностью. На более высоких водораздельных участках он прорезает коренные глины (до 1 м мощностью), перекрывающие коренные известняковые породы. На самых высоких участках поверхности по руслу, проделанному ручьем и отчасти вскрывавшему коренные породы, заложен карьер по добыче известняка. В примыкающих участках древней долины ручья на участках поймы нами описаны иловатые почвы. Ручей, вероятно существовал и 3500 лет назад, и им сформированы участки высокой поймы, прослеженные у карьера, возвышающиеся на 0,6—1 м над теперешней поверхностью днища карьера.

В расчистке, заложенной в высокой пойме, в почве под луговой растительностью, с осокой, полынью, рогозом и др. разнотравьям, прослежены такие генетические горизонты почв (рис. 17: *2*).

Hogl — 0,0—0,08 м — светло-серый до тёмно-серого, рыхлый, алевритистый, пористый с корнями трав.

Ehgl — 0,08—0,14 м — желтовато—светло-серый с бурыми пятнами, пылевато-песчаный, поверхностно оглеен, переход резкий по цвету, граница слабо волнистая.

Hglторф — 0,14—0,35 м — серый, светло-серый, слабо гумусирован, песчано-пылеватый-легкосуглинистый, слоистый, карбонатный, с остатками полусгнивших корней растений, с марганцовыми пятнами, во влажном состоянии довольно тёмный, переход книзу очень отчётливый по цвету.

Pkgl — 0,35—0,45 м — белая по цвету луговая известь, супесь известняковая, тонкозернистая, в изобилии прослеживаются охристые пятна, единичные серые кротовины, переход отчётлив по цвету и появлению бурой окраски, граница мелкозатёчная.

Iphgl — 0,45—0,72 м — светло-серый, известняковый, с обилием бурых в т.ч. известковых пятен, червороинами, заполненными гумусовым веществом, преобладают закисные формы железа Fe_2O_5, с множеством бурых и оливовых пятен ожелезнения и оглеения, комковато-ореховатый (цементирующий материал известь и оксиды железа), среднесуглинистый значительно оглееный материал, переход резкий по цвету, граница волнистая.

Pkgl — 0,72—0,8 м — размягченная известь. Известняк твердый — 0,8—2,8 м видно, ниже грунтовые воды.

Почва по характеру генетических горизонтов относится к слоистым почвам пойм. Более точно она может быть определена как ***лугово-болотная*** со слоем луговой извести. В ней отчётливо прослежены прослои, отражающие историю развитее высокой поймы, с режимами

наибольших разливов ручья и переувлажнением связано формированием илисто-болотных горизонтов. Карбонатность подстилающих пород способствует образованию горизонта луговой извести, а гумусированные слои вследствие переувлажнения незначительно обогащены известью.

Сравнивая разрез пойменной почвы и почвы курганов, очевидно, дёрновые почвы и почвы поверхности курганов можно ассоциировать с поверхностными горизонтами вышеописанной пойменной почвы. Включенный торфянистый горизонт в интервале 0,0-0,14 м. Почва в интервале 0,14—0,72 м обладает вполне сформировавшимися профилями иловато-луговой извести (с несколько более развитым в более теплых условиях луговым покровом) и может быть сопоставлена с почвой времён бытности племён тшинецкого культурного круга.

Выводы по результатам палеопедологических исследований 2011 г.

Сопоставляя почвы поверхности кургана с фоновой, можно отметить более мощный профиль последней, чёткую выраженность ортзандовых прослоев, признаки поверхностного застоя вод, отбеливающего верхний горизонт, следы оглеения, слабую фаунистическую активность. Основным процессом в её образовании можно считать подзолистый в сочетании слабо проявляющимся дёрновым, что привело к чёткой дифференциации профиля даже на фоне опесчаненности почвообразующего материала.

Если сравнивать фоновую почву с почвой времён насыпки кургана, т.е. разности профиля древних и современных почв, можно прийти к выводу, что условия климата в то время были значительно благоприятнее современных. Зональность (зона смешанных лесов) была смещена к северу на территории современного Полесья. Большие территории занимали грабово-буковые леса, которые возможно выжигались для сельскохозяйственного использования земель под ними, оставались участки открытых пространств с пышной травяной растительностью, которые могли использоваться для выпаса скота, светлые леса были богатые грибами, ягодами и служили угодьями для охоты, деревья использовались как строительный материал. Река Случь могла быть источником, который снабжал населения рыбой в большем, чем сейчас количестве, из-за меньшей заселённости территории. О заселённости территории свидетельствует и факт большого количества курганных насыпей. Благоприятные были и условия водоснабжения. Кроме р. Случ (рис. 3) для водоснабжения, вероятно использовался и ручей, который протекал по территории исследования. Ручей в верховьях прорезал известковые твердые породы, которые также могли использоваться в строительстве, близко также были залежи гранита, которые постоянно встречаются в почвах и насыпях курганов. Благоприятны были и условия для земледелия, так как серые и тёмно-серые почвы, которые сформировались на террасах р. Случ, были и сейчас считаются одними из самых плодородных (после чернозёмов). Недаром эта территория издревле привлекала внимания человека.

Почва, в которой найдены остатки материальной культуры, эпохи поздней бронзы, характеризуются формированием на песчано-супесчаном субстрате, что облегчало её обработку и было легко формировать насыпь курганов. Все эти факторы и обусловили места жительства древних племен тшинецкого культурного круга, и по всей территории исследования действительно сложно отыскать участки незатронутые антропогенным влиянием как современного так и древнего человека. Длительное почвообразования позволило сформироваться развитому и достаточно гумусированному профилю погребенной почвы, скрепленные дерниной вальки которые наряду с песком способствовали сооружению

насыпи кургана. Активная переработка материала землероями свидетельствует о активной фаунистической активности, что в свою очередь есть следствием высокотравного растительного покрова, способствовавшему накоплению гумуса времен насыпки кургана.

Почва поймы расчистки № 5 дополняет почвы катены, отражая стадийность почвообразования, разделяя нижнюю и верхнюю почвы слоем луговой извести. Нижняя часть профиля почвы, вероятно может быть сопоставлена со временем формирования почвы (близко 3,5 тыс. лет назад), характеризуя пониженные участки поймы с изобилием лугового разнотравья. При формировании профиля в интервале 0,0-1,4 м первоначальная почва формировалась на заболоченных участках (множество полусгнивших корешков растений), а затем как лугово-болотная, с отчётливым слоем луговой извести над торфянистым слоем.

Палеопедологические исследования 2012 г.

В июне 2012 г. палеопедологические исследования на территории Войцеховского могильника были продолжены. Были исследованы три расчистки (№ 1—3) в пределах кургана № 2, фиксирующие отложения центральной и периферической частей кургана, и одна расчистка (№ 4) в центре полностью распаханного кургана № 4.

В расчистках почвенных профилей были представлены как современные (с поверхности), так и древние (под насыпью кургана) почвы, отличающиеся своими морфологическими особенностями. Выполнено детальное макроморфологическое описание разрезов с отбором проб на микроморфологический анализ из расчисток № 1 и 4. Для сравнения почв и обстановок времени сооружение курганов с современными физико-географическими обстановками для выявления трендов изменений, был использованный фоновый разрез за пределами кургана, исследованный в 2011 г., который характеризировал тот же геоморфологический уровень, что и представленные здесь почвенные расчистки 2012 г. Исследования проводились с применением палеопедологического метода, включающего микроморфологический анализ, использовался метод почвенных хронорядов.

Ниже приведены описания конкретных почвенных разрезов с результатами микроморфологического анализа почв.

КУРГАН № 2 (2012 г.) (рис. 18—19). Расположен на расстоянии около 110 м на ВЮВ от кургана № 1 (2011 г.), в 235 м от берега Случи (N50°05,018', E27°40,390'). Визуально диаметр кургана — ~15 м, высота — ~0,7 м. В результате раскопок было выяснено, что курган возведен над естественным возвышением. Реальные размеры насыпи — около 15 × 13 м (З-В × С-Ю). Высота над уровнем трипольского слоя — до 0,7 м. С северной, западной и восточной стороны по бровкам прослеживается прикурганная выемка, заполненная глееватой почвой с переотложенным трипольским материалом. Насыпь кургана сложена из вальков, нарубленных из слоя позднетрипольского поселения (рис. 20—21).

Курган раскапывался вручную с оставлением крестовидной бровки, ориентированной по сторонам света. Ширина бровок — 0,6 м. Репер R_0 расположен в центре кургана, в визуально наивысшей точке насыпи, в центре крестовидной бровки. Насыпь снималась посекторно механическими горизонтальными слоями. Глубина слоя № 1 — 0,4 м от R_0; остальные слои — примерно по 0,25 м, на высоту штыка лопаты. Общая вскрытая площадь на кургане составила около 101 кв. м.

Под центром насыпи, со смещением в юго-восточный сектор находился котлован неправильной формы, впущенный в вершину естественного возвышения (рис. 19). В заполнении котлована на разных уровнях выявлены 5 погребений комаровской культуры ТКК (рис. 22—24) — 1 демембрация (погребение № 4) и 4 скорченных трупоположения, два из

которых лежали головой на восток (№ 3 и 5), а два — на юг (№ 1 и 2). При этом костяки погребений № 1, 2 и 3 располагались непосредственно один над другим (рис. 22). Погребения № 1 и 5 сопровождались тюльпановидными сосудами тшинецкого типа (рис. 23: *2*, 24: *3*). Ниже погребений № 1, 2, 3, 5, в квадратах А-Б/1-2 юго-западного сектора зафиксированы разрозненные человеческие кости и отдельные кости животных. Общая площадь скопления по линии запад-восток — 3,6 × 1,8 м. Глубина залегания костей — 1,56—1,6 м.

С комаровской культурой также могут быть связаны скопления камней в ЮВ секторе (объект № 1), северо-восточном секторе (объект № 2) и в прикурганной выемке в ЮЗ секторе (объект № 3), а также яма неправильной формы, врезанная в дно котлована (объект № 6) (рис. 19, 25). К позднетрипольской культуре относится объект № 4 — яма, профиль которой зафиксирован в западном профиле северной половины бровки север-юг. В СЗ секторе обнаружен поздний перекоп (объект № 5). Из насыпи происходит около 200 фрагментов керамики комаровской культуры и около 1000 фрагментов керамики из слоя позднетрипольского поселения, из которого был возведен курган.

РАСЧИСТКА № 1 (2012 г.) размещается в северо-восточном секторе кургана 2, в 1 м от его центра (рис. 18: *2*). В целом разрез характеризуется следующими показателями: 0,00-0,3 м — пахотный слой; 0,3—0,6 м — слой насыпи с артефактами комаровской культуры бронзового века; 0,6—0,9 м — засыпка ямы трипольским материалом.

Сверху вниз прослежены следующие горизонты (рис. 26: *1*):

HE пах — 0,0—0,26 м — светло-бурый, рыхлый, супесчаный, слабо прокрашен гумусом, с червороинами. Переход заметен по цвету и появлению слоистости.

Под микроскопом прослеживаются серый бесструктурный опесчаненный материал, довольно равномерно, но слабо прокрашенный дисперсным гумусом. На фоне нечётко выраженных микроагрегатов наблюдаются скопления зёрен кварца «отмытые» светлые микроучастки. Поры интенсивно развиты, разветвлённые, имеются поры-каналы и округлые. Минеральный скелет составляет до 70% площади шлифа, в основном это зёрна кварца, почти все — без плёнок и оболочек (рис. 26: *2 а, б*).

Засыпка ямы трипольским материалом.

Eh — 0,26—0,36 м — пятнистый, светло-бурый, неоднородно окрашен, с бурыми пятнами и присыпкой SiO_2, очень много червороин. Имеются кротовины со светлым и темным заполнением (тёмно-серые, бурые, светло-серые, 5—6 см в диаметре), рыхлая рассыпчатая супесь.

Под микроскопом виден рыхло упакованный светлый, серовато-буроватый материал, в котором преобладают кварцевые зёрна песка без плёнок и оболочек, очень слабо гумусирован, видно микроагрегаты I и II порядка, масса з биопорами, муллевый гумус сосредоточен в основном в виде хлопьев, имеются пятна оглеения (светлоокрашенного вещества) (рис. 26: *2 в, г, д*).

Ih — 0,36—0,6 м — серовато-бурый, неоднородно окрашенный материал, с тёмно-бурыми, тёмно-серыми и светло-серыми пятнами, общий наклон слоев к центру кургана 15^0. В этом слое найдено большинство артефактов которые относятся к комаровской культуре ТКК.

В шлифах прослежен бурый до тёмно-бурого окрашенный материал с песчано-пылевато-плазменным микростроение. Сложение в виде нечётких слитых блоков. Процессы перемещения железистого вещества проявляются в наличии бурых плёнок вокруг песчаных и пылеватых зёрен скелета, на фоне компактного микростроения проявляются лишь тонкие поры-трещены. Зёрна минерального скелета довольно плотно упакованы в неравномерно окрашенной плазме, видны сгустки глинисто-железистого вещества (рис. 26: *2 е, ж, з*).

*Ih(к)+He — 0,6—0,8*м. *Под микроскопом прослежена компактнаое пылевато-плазменное микростроение, плазма железисто-глинистая. Местами проявляются сложные микроагрегаты до IV порядка в материале, связанном с поверхностным гумусовым горизонтом. Прослежена пропитка материала гумусовым веществом Минеральный скелет составляет около 70% площади шлифа, представлен в основном зёрнами песка. Микрокристаллический кальцит возможно вторичен, его появление может быть связано с формированием карбонатного горизонта современной почвы* (рис. 27: *а, б, в*).

В нижней части, в интервале 0,6—0,8 м, материал в наибольшей степени прокрашен гумусом, но видны также плёнки Mn. По нижней границе светлый материл породы с обилием черных кротовин, похоже, что это материал верхов трипольской почвы, он оглеен, слабо уплотнен, значительно перерыт землероями, с многочисленными червороинами и кротовинами, заполненными палевым супесчаным материалом. Возможно, тёмный материал кротовин отображает более теплые, по сравнению с современной почвой поверхности, условия климата трипольского времени. В целом, материал засыпки ямы в послетрипольское время был переработан дёрновыми процессами и подзолообразованием, связанным с формированием перекрывающих почв.

P — 0,8—0,9 м — светлый, рассыпчатый материал представлен светлыми песками, с многочисленными кротовинами.

Низы трипольской почвы.

He — срезан, но материал суглинистый, потому, что вышележащий горизонт He — супесь буровато-серая, с обилием присыпки SiO_2. Реально гумусово-элювиальный горизонт трипольской почвы. зафиксированный в ранее описанном интервале 0,65—0,80 м, край ямы, разрезающий древний гумусовый горизонт.

He+Ph(i) — 0,9—1,20 м — неоднородно окрашен, светло-бурый, слабо ожелезнен и омарганцован, материал с пятнами, затёками и концентрациями марганца. Весь горизонт с обилием кротовин (6—10 см в d) и червороин, кротовины часто заполнены светлым песчаным материалом. Местами видны скопления присыпки SiO_2.

Под микроскопом прослежен светло-буроватый материал, песчано-плазменно-пылеватое микростроение. Сложения уплотненное, местами компактное поры слабо развиты (до 10% поровое пространство). Проявляются хлопьевидные скопления тонкодисперсного гумуса вещества. Прослежены следы иллювиированния в виде частичной пропитки материала колломорфными глинами, о чем свидетельствуют местами ярко-бурые тона окрашивания. Минеральный скелет представлен зёрнами песка, кварца и др., скелет составляет около 75% площади шлифа (рис. 27: *г, д, е*).

P(i)k — 1,2—1,6 м — несколько бурее вышележащего, грязно серо-бурый, менее плотный и более опесчаненый, чем вышележащий материал. Чрезвычайное обилие кротовин диаметром 5-6 см, жилые камеры землероев до 20 см в диаметре, как и в вышележащим горизонте. Переход и граница неровные.

Под микроскопом материал буроватый, рыхлого микростроения с песчаными и пылеватыми зёрнами первичных минералов. Прослежены плёнки железистого вещества. Проявляется очень слабая пропитка плазмы микрокристаллическим кальцитом, но лишь на отдельных участках (рис. 27: *ж, з, и*).

Pal — 1,6—1,8 м — рыхлый, желтовато-серый рассыпчатый песок, с кротовинами.

Макро- и микроморфологические особенности почвы поверхности кургана (0,00—0,65 м) в его наиболее высокой части, такие, как наличие гумусово-элювиального, элювиального и иллювиального горизонтов, наличие обилия «отмытых» микроучастков в горизонте HE и Eh, большая оглиненость, ожелезненность и строение в форме слитых блоков

иллювиального горизонта позволяет определить почву как ***дёрново-сильно подзолистою песчано-легкосуглинистую,*** сформировавшуюся в последнюю сотню лет.

РАСЧИСТКА № 2 (2012 г.). В 2 м на север от расчистки № 1 описан ещё один разрез в кургане № 2, который расположен ближе к периферии кургана (рис. 18: *2*). Здесь сверху вниз описаны такие горизонты почвенных профилей (рис. 28: *1*).

Современная почва.

HE — 0,0—0,25 м — буровато-серый, с присыпкой SiO_2, рыхлый, супесчаный, с корнями растений и отдельными светло-серыми кротовинами, переход и граница чёткие, горизонтальные, мелкозатёчные.

Eh — 0,25—0,43 — чередования светло-серых и светло-бурых горизонтальных слоев рыхлой супеси со слойками присыпки SiO_2, полосами ожелезнения, выделениями гидрооксидов марганца. Много кротовин и червороин диаметром 4—6 см, выполненных в т.ч. светлым супесчаным материалом, переход и граница горизонтальные, заметны по побурению окраски и большей однородности материала.

Ih — 0,43—0,6 м — бурый, с тёмно-серыми пятнами, супесчаный с изобилием хлопоевидных железистых и тёмно-серых марганцевых (в изобилие) выделений, волнисто-полосчатый. Много червороин, кротовин, в особенности в основании горизонта. К этому горизонту приурочены артефакты которые относятся к комаровской культуре ТКК, датируемые 3600—3400 BP. Современную почву можно определить как ***дёрново-сильноподзолистую***, однако иллювиальный горизонт с культурными остатками, возможно, характеризирует условия лесного почвообразования, близкого к режиму формирования почв более теплоумеренного режима — ***бурых оподзоленных лесных***, развивавшихся в условиях менее континентальных, но более равномерно влажного климата.

Почва с артефактами трипольской культуры.

He — 0,6—0,9 м — буро-сизо-серый, неоднородно окрашен, рыхлый, супесчаный, комковато-рассыпчастый, поверхносно-оглееный, с фрагментами ржаво-бурой керамики трипольского времени, полосчатый, с сизыми пятнами оглеения, с пленками гидрооксидов марганца, с белыми пятнами с присыпкой SiO_2. Видны затёки гумуса, червороины, обилие кротовин диаметром 4—10 см, заполненных светлой супесью или тёмно-серым материалом с марганцевыми бобовинами. Обилие гидрооксидов марганца говорит о вероятном застое воды именно в этом несколько более гумусированном горизонте. Переход и граница мелкозатёчные, заметны по побурению окраски.

Pi — 0,9—1,2 м — желтовато-буроватый, несколько более уплотнен, чем вышележащий, рыхлый, супесчаный, с многочисленными кротовинами, в т.ч. со светло-серым и светло-жёлтым материалом, с пленками гидрооксидов марганца вокруг кротовин; к низу количество кротовин увеличивается и они заполнены светло-серым материалом. Возможно, здесь проявляются кольца Лизеганга, связанные с существованием и последующим перегниванием стволов деревьев.

P(i)al 1,2—1,4 м — желтовато-светло-серый рассыпчатый песок, в верхней части толщи много марганцевых пятен, имеются кротовины, жилищные камеры землероев, ходы червей, заполненные тёмно-серым материалом.

В данной расчистке фиксируется с поверхности современная дёрново-подзолистая почва, в интервале 0,4—0,6 м — материал с артефактами комаровской культуры ТКК, датируемыми в пределах 3600—3300 лет BP. Иллювиальный горизонт почвы, возможно, формировался в условиях не столь континентального и более равномерно-влажного климата. Зафиксирован профиль и более древней почвы, которая сформировалась 5300—5000 лет BP. Почва близка к ***чернозёмам оподзоленным*** или тёмно-серым лесным. С характерными для

нее артефактами трипольского времени. Почва более тёмноокрашенна и более гумусированая, чем современная, отмечая интервал времени с более теплыми и остепнёнными обстановками и ландшафтами. Возможно, первоначально почва развивалась как лесная, (зафиксированы образования, схожие с остатками перегнивших стволов деревьев). В расчистке фиксируется последовательность напластования отложений, схожая с той, что описана в расчистке № 1.

РАСЧИСТКА № 3 (2012 г.). Размещалась в 5 м на север от расчистки № 1, на периферии насыпи (рис. 18: *2*). Сверху вниз описаны следующие генетический горизонты профиля (рис. 28: *2*).

Современная почва.

Ho — 0,0—0,05 — тёмно-серая до черной подстилка из листьев, дернина с корнями растений, рыхлый, пылевато-легкосуглинистый, переход чёткий по большей гумусированости.

HEgl — 0,05—0,25 м — буровато-светло-серый, с корешками трав, очень рыхлый и однородный по материалу, комковато-рассыпчатый. Алевритистый лёгкий суглинок, с корнями деревьев, отдельными белесыми прослоями в 4—6 см в d, с малочисленными червороинами, книзу светлее, граница постепенная.

Ehgl — 0,25—0,33 м — буровато-белесовато-светло-серый, с корнями деревьев и трав, влажный, с многочисленными мелкими пятнами гидрооксидов железа и марганца, алевристо-пылеватый рассыпчатый лёгкий суглинок, имеются отдельные ходы землероев (5—7 см в d.), заполнены светлым материалом, очень мало червороин, переход и граница постепенные по усилению интенсивности серой, светло-серой окраски, граница и переход слабо волнистые, чёткие, с трещинами и затёками.

Ih — 0,33—0,48 — бурый материал, с тёмно-серыми пятнами, супесчаный с изобилием хлопоевидных бурых железистых и тёмно-серых марганцевых выделений, волнисто-полосчатый. Много червороин, кротовин, в особенности в основании горизонта.

Подкурганная почва.

Её мощность 0,48—1,40 м видно, прослежены такие генетические горизонты.

HE — 0,48—0,70 — тёмно-серый до чёрного, рыхлый, разбит на фрагменты вертикальными трещинами до 0,6 м глубиной, книзу они разветвляются. Эти трещины, заполненные аморфным кремнеземом. Материал наиболее тёмный в верхней части, там же обильные пятна присыпки SiO_2, пластинчато-комковатый легкий до среднего пылеватый суглинок. Имеются пятна и бобовины гидрооксидов марганца, червороины заполнены гумусированым и бурым материалом, переход и граница неровные, заметны по усилению интенсивности бурой окраски.

IE(h)gl — 0,70—0,94 м — бурый, неоднородный, мраморовидный по окраске, с серыми гумусовыми и тёмно-серыми пятнами и бобовинками гидрооксидов марганца, уплотненный, ореховатый, средний до тяжелого суглинок, оглеен, ожелезнен, с отдельными кротовинами до 5—8 см в диаметре, заполненными бурым и тёмно-серым до чорного материалом, с пятнами аморфного кремнезема, переход и граница постепенные по усилению однородности окрашивания.

Pi — 0,94—1,40 м — бурый, уплотнен, с тёмно-серыми зеркалами гидрооксидов марганца, ожелезнен, пылеватый средне-тяжелосуглинистый, много червороин и ходов землероев, заполненных тёмно-серым материалом, переход и граница постепенные по осветлению окраски.

В этом секторе были найдены артефакты трипольской культуры, на глубине около 0,9 м от поверхности в нижних горизонтах материала подкурганной почвы.

В разрезе прослежены 2 почвы, различающиеся типологически. Верхняя почва в интервале 0,0—0,4 м представлена горизонтами дёрново-подзолистой почвы, поверхностно оглеенной, легкосуглинистой с отчётливыми элювиальными и иллювиальными горизонтами.

Современная почва перекрывает подкурганную с артефактами трипольской культуры. Трипольская почва более гумусированая, в верхней части тёмно-серая по окраске, с уплотненным ожелезненным и огленным иллювиальным горизонтом, мощность её около 1 м. По своим признакам почва близка к серым лесным, но более тёмная по окраске, с меньшими мощностями профиля и сформирована на лессовидном материале. По сумме признаков почва может быть определена как, ***тёмно-серая оподзоленная*** (или оподзоленный чернозём). Она могла развиваться в обстановках северной лесостепи, умеренного климата, но несколько более теплого и менее влажного, чем современный климат, при преимущественном развитии гумусово-аккумулятивных, а не процессов подзолообразования. Последние имели место, но их действия смягчалось выпадением меньшого количества осадков и формирования древней почвы на породе легкого гранулометрического состава, в трипольское время меньше проявлялись процессы огленния.

КУРГАН № 4 (2012 г.) (рис. 29). Расположен в 52 м на ЗСЗ от кургана № 3, в 22 м на ЮВ от кургана № 1 (N50°05,030', E27°40,318'). Визуально диаметр кургана ~8 м, высота ~0,2 м. В результате раскопок установлено, что насыпь полностью уничтожена распашкой, разрушившей также и слой позднетрипольского поселения.

Репер R_0 был установлен в визуально наивысшей части возвышения. В юго-западном углу СВ сектора была заложена траншея № 1; ориентирована по линии север-юг, размеры — 4 × 1 м. В юго-восточном углу СЗ сектора была заложена траншея № 2; ориентирована по линии запад-восток, размеры — 4 × 2 м. Обе траншеи вскрыты на глубину до 1 м. В обоих траншеях вещевые находки встречаются практически исключительно в пахотном слое. Ниже пахотного слоя идёт природный слой с ортзандовыми прослоями (рис. 30).

Находки представлены столовой и кухонной керамикой позднетрипольской культуры. Остатки погребения ТКК не зафиксированы, однако в пахотном слое и на поверхности встречаются разрозненные фрагменты керамики тшинецкого типа.

РАСЧИСТКА № 4 (2012 г.). Заложена в траншее № 1 в центре кургана № 4, на участке, приближающемуся к водоразделу, в 90 метрах западнее кургана 2 (рис. 5: *2*, 29: *1*). В данном профиле современный почвообразовательный процесс (дёрново-сильно-подзолистая почва) накладывается на нижележащую дёрново-слабоподзолистую почву, более теплого режима, и как результат более гумусированую. В профиле траншеи сверху донизу прослежены следующие горизонты (рис. 30: *1*).

НЕ — 0,0—0,25 м — буровато-серый, рыхлый, с присыпкой SiO_2, с червороинами, отдельными кротовинами, супесчаный материал. Переход и граница мелкозатёчные.

Под микроскопом прослежена серовато-бурая окраска материала, гумусированого, со скоплениями зёрен кварца и хлопьями органического вещества. Из-за наличия большого количества «отмытых» микроучастков структура почти не выражена (рис. 31: *а, б, в*).

Eh — 0,25—0,33 м — чередование светло-серых и бурых полос с большим количеством белёсых пятен, супесь, имеются отдельные кротовины.

Под микроскопом светло-серая масса почти не агрегирована, с биопорами, малочисленны органические остатки, сложена осветленным песчаным и пылеватым материалом. Некоторые зёрна песка окаймляют прерывчатые органно-глинистые плёнки, имеются скопления гумусированого вещества в виде сгустков и комочков (рис. 31: *г, д, е*).

Ih — 0,33—0,48 м — бурый ожелезненный материал, прослеживаются отдельные, кротовины, заполненные светло-серым и серым материалом, большое количество червороин. Переход по посерению в окраске.

Под микроскопом видно буровато-светло-серый материал. Микростроение пылевато-плазменное, более компактное, чем в вышележащих горизонтах. Проявляются микростроение в форме блоков, масса слабо агрегированная и мало пористая. Прослежены натеки и скопления колломорфных глин, а также глинистые плёнки вокруг некоторыми минеральных зерен. Минеральный скелет составляет около 60% площади шлифа (рис. 31: *ж, з, и*).

Почва с артефактами трипольской культуры.

He + Ih — 0,48—0,7 м — сизо-буро-тёмносерая рыхлая супесь, с сизыми пятнами, с множеством тёмно-серых кротовин диаметром 4—7 см. По горизонту прослеживаются тёмно-серые пятна марганца. Переход и граница хорошо заметны по постепенному осветлению окраски.

Под микроскопом прослежена нечёткая микроагрегованость, но масса довольно равномерно пропитана диспергированым гумусом. Типичны железистые и марганцевые новообразования, включения органического вещества. Зафиксировано наличие разнообразных форм обособления колломорфных глин в виде натеков, плёнок, заполнения пор и др. (рис. 32: *а, б, в*).

IE(h) — 0,7—0,94 м — бурый материал, с полосами песчаных ортзандов, неоднородно окрашен, супесчаный, значительно ожелезненный. Большое количество в основном светло-серых кротовин, ходов землероев, которые в результате формируют «кротовинный горизонт». Переход и граница заметны по осветлению окраски.

Под микроскопом прослежена светло-серая масса, уплотненная, слабопористая и почти не агрегированная. Видны следы перераспределения гумусового вещества, а также признаки илювиирования в виде более тёмных участков с глинистой анизотропной плазмой. Минеральный скелет представлен крупными зёрнами песка (кварца), занимает около 75% площади шлифа (рис. 32: *г, д, е*).

Pi 0,94—1,4 м — светло-серый горизонт с ожелезненными супесчаными ортзандовыми прослоями, между ними светлая супесь, имеются кротовины диаметром 4—6 см, заполненные светлым материалом.

Под микроскопом видна светло-буро-палевая масса, проявляется пылевато-плазменное микростроение, простые микроагрегаты. Прослежены «отмытые» микроучастки относительно обогащенные зёрнами минерального скелета, вокруг некоторых зёрен видны плёнки глин и местами плазма просочена колломорфными глинами (рис. 32: *ж, з, и*).

Pi(al) — 1,4—1,7 м — светло-серые рассыпчатые аллювиальные пески.

Близость к водоразделу почв в расчистке № 4 более высокое геоморфологическое положение, аллювиальные пески как почвообразующая порода определили почвообразования, как основной процесс в формировании профилей почвы. Здесь отмечается 2 стадии формирования профиля почвы: поверхностная почва ***дёрново-сильноподзолистая***, очевидно сформировалась за последнее столетие; в интервале 0,48—1,7 м прослежена несколько более гумусированая почва, близка к дёрново-слабоподзолистым, с отчётливо гумусированым горизонтом с поверхности. В ней встречены артефакты трипольского времени, что позволяет их коррелировать с трипольскими почвами кургана 2. Но если в кургане 2 она представлена типом тёмно-серой оподзоленной или оподзоленным черноземом, то в расчистке № 4 обозначен вариант почвы, формирующийся на более высоком геоморфологическом уровне и иной почвообразующей породе (на песках).

Там не менее и в этой расчистке профиль трипольской почвы отражает условия менее влажного, чем современный режима климата. В отличие от почв кургана № 2 здесь не зафиксированные отложение с артефактами культуры бронзового века.

ФОНОВАЯ ПОЧВА — см. РАСЧИСТКА № 4 (2011 г.). В фоновой почве, по сравнению с современной почвой кургана № 2, более мощный профиль, определённее выражен гумусово-элювиальный горизонт, яснее проявляются признаки подзолообразования в виде чётко представленного элювиального горизонта и иллювиального горизонта с тёмно-бурыми, более глинистыми ортзандовыми прослоями которые проникают на большую глубину в почве, сформированной на аллювии (рис. 16: *2*).

Дёрново-подзолистая современная почва траншеи в расчистке № 4 имеет более короткий профиль, что связано с формированием первой на более возвышенном участке, по сравнению с фоновой площадкой. На укороченность профиля повлияло и развития почвы на материале почвы предшествующего трипольского времени.

Выводы по результатам палеопедологических исследований 2012 г.

В кургане № 2, на примере изучения отложений в 3-х расчистках, сверху вниз описаны почвы, относящиеся к различным временным интервалам. В кургане зафиксирована почва, перекрывающая насыпь кургана, сформировавшая за последние 100 лет, относящаяся к типу ***дёрново-сильноподзолистых*** легкосуглинистых, отвечающая современным физико-географическим ландшафтным обстановкам Полесья с избыточным увлажнением. Которое приводит к формированию малогумусных почв с чётко выраженным осветлением элювиальных горизонтов с поверхности. В почве отмечаются генетические горизонты HEgl, Ehgl, I — последний с ортзандовыми прослоями.

В иллювиальном горизонте современной почвы в интервале 0,3—0,4 м от поверхности зафиксированы артефакты <u>комаровской культуры ТКК</u>. Очевидно, современная почва переработана материалом более древней почвы — более ожелезненной и среднесуглинистой (в отличие от легкосуглинистого верхних горизонтов). Большая глинистость, ожелезненность, подвижность глин может служить доказательством существования в эпоху поздней бронзы более теплых и не столь влажных обстановок, когда в формировании почв ведущую роль играли процессы внутрипочвенного выветривания (иллимеризации, лессиважа) и частично оподзаливания в условиях благоприятствующих выветриванию, оглиневанию и ожелезнению материла. Природные зоны представляли более западный вариант теплоумеренного климата (сходного с Прикарпатским) и, вероятно, территория была покрыта широколиственными лесами с участками открытых пространств. Обстановки были благоприятны для проживания людей. Населения в эпоху бронзы занимало территорию ранее проживавших здесь племен трипольской культуры, о чем свидетельствуют многочисленные артефакты, приурочены к материалу профилей соответствующей почвы, которая обычно фиксируется в основании разреза.

Почва с материальными остатками <u>поздней трипольской культуры</u> значительно отличается от современных почв, она более гумусирована, тёмноцветная, со сложными микроагрегатами и с менее выраженными чертами оподзаливания. В ней интенсивно проявляются признаки лессиважа, а ортзандовые прослои менее чёткие, зато в иллювиальном горизонте материал оглеен, с кутанами коломорфных глин, с включением частиц глин и гумуса (лессиваж), материал более равномерно ожелезнен и её достаточно уверено можно идентифицировать с современными ***серыми лесными почвами*** средней полосы лесостепной зоны. Природные зоны 5300—5000 лет назад по сравнению с

современными были сдвинуты на север. Территория попадает, судя по почвам в среднюю полосу лесостепной зоны, где сейчас преобладают луговые участки с чередованием широколиственных лесов с дубами и грабами.

Серые и тёмно-серые оподзоленные почвы и раньше, и сейчас активно использовались; ранее человек выжигал леса, чтобы ввести земли в сельскохозяйственное использование — серые оподзоленные почвы не относятся к наиболее плодородным. Однако тёмно-серые оподзоленные почвы и оподзоленный чернозём содержат достаточное количество гумуса, чтобы удовлетворить условия примитивного земледелия. Формирование серых и тёмно-серых оподзоленных почв, кроме того, связано с существование отдельных лесных пространств, что являлось для местного населения источником строительного материала. Сбор ягод, охота ловля рыбы наряду с земледельческой культурой обеспечивало довольно комфортное существование здесь населения времен существования трипольского поселения. Во всяком случае, природные условия были благоприятными, а почвы более пригодными для земледелия и более плодородными, чем современные.

В кургане № 2, расчистке № 1 представлены следующие варианты почв и почвенных отложений сверху вниз: 1) современная почва поверхности кургана, перерабатывающая материал насыпи кургана; 2) фрагменты почвы с артефактами комаровской культуры тшинецкого культурного круга, датируемые 3600—3300 лет ВР — в нашем случае они находятся в буром иллювиальном горизонте современной дёрново-подзолистой почвы в интервале 0,35—0,65 м; 3) материал котлована, заложенного в тшинецкое время, рассекающий гумусовый горизонт трипольской почвы и переработанный в более позднее время; 4) профиль трипольской почвы с артефактами которые относятся к 5300—5000 лет ВР, с наиболее тёмноокрашенными в расчистке № 1 гумусовым горизонтом, материал почвы интенсивно перерыт землероями, со множеством кротовин и червороин.

Почвенный материал с артефактами комаровской культуры ТКК, вероятно, формировался в более континентальных условиях, чем современные со среднегодовыми температурами около $14{,}5^0$С. Современный климат более влажный, о чем свидетельствует значительное ожелезненение и оглинение материала, он компактен, мало порист и в нем не выражены чёткие микроагрегаты. Это позволяет нам говорить о формировании почвы в суббореальных условиях, возможно под лесом. Материал отражает черты лесного буроземного почвообразования с развитием процессов лессиважа. В профиле современной почвы находки приурочены к иллювиальному горизонту (верхней ею части) с ортзандовыми прослоями.

Материал засыпки котлована смешанный, он поддался явной переработке последующими процессами, одним из главных среди которых был подзолистый, и некоторому ожелезнению массы вследствие формирования слоев ортзандров. Однако легкий механичный состав породы, опесчаненость материала нивелировали процессы формирования типичного иллювиального горизонта. В материале ямы фиксируется в нижней части нечётко выраженная пропитка массы криптокристаллическим кальцитом, что вероятно связана с глубоко залегающим карбонатным горизонтом современной поверхностной почвы.

Почва с артефактами трипольской культуры, датируемой 5300—5000 лет ВР, рядом с ямой в коренном залегании характеризуется наиболее тёмноокрашенным в разрезе гумусовым с наличием присыпки SiO_2, гумусово-переходным с признаками иллювиирования горизонтами и горизонтом породы. В горизонте породы фиксируются как признаки компактности строения, так и очень рыхлый материал с большим количеством песчаных зерен, и местами слабой пропиткой массы карбонатами. В гумусовым горизонте отмечается как сложная микроагрегированость (связана с активной переработкой материала червями),

так и «отмытые» участки (проявления слабо выраженного подзолистого процесса). В нижней части фиксируется бурый оглиненный и ожелезненный горизонт, в котором, однако отсутствуют или находятся в очень незначительном количестве натеки колломорфных глин. Всё же уплотнения материала в средней и нижней части профиля есть свидетельством проявления оподзаливания (хотя в значительном меньшей степени, чем в современных почвах). Обращает на себя внимания чрезвычайная перерытость материала землероями, что явственно свидетельствует о развитие почвы на открытых пространствах. Почва по своим признакам может быть определена как ***чернозём оподзоленный***.

В настоящие время такие почвы развиваются в обстановках средней и северной лесостепи в условиях несколько более теплых, чем современные на территории исследования. Почвы были более плодородными, чем современные на данной территории. На них развивалась луговая растительность, следовательно, обильными на травы были пастбища, почвы террасовых пространств были пригодные для сельскохозяйственного использования и обработки. Формирования на породах легкого механического состава облегчало использования примитивных сельскохозяйственных орудий. Ранее под некоторыми курганами были описаны серые и тёмно-серые оподзоленные лесные почвы. Так что ландшафты отличалась разнообразием, чередованием лесных и луговых пространств, что делало эти земли, наряду з близостью реки, привлекательными для заселения. Лес использовался для строительства, в нем велась охота на диких животных, собирались ягоды и другие дары природы, земля обрабатывалась, и люди пользовались плодами примитивного земледелия, на лугах выпасался скот, также продовольственным обеспечением служила река с её рыбными богатствами.

Таким образом, территория с описанными теперь и ранее курганами относится к издавна освоенной человеком. Этому, как значилось выше, способствовало наличие поблизости полноводной реки с обильными запасами пресной воды, обширными лугами, пригодными для сельскохозяйственной обработки землями, разнообразия ландшафтов с лесными участками и водоразделов с возможностью просмотра обширных территорий, что позволяло обезопаситься от неожиданных нападений других племен. Все эти факторы сопутствовали формированию здесь разновозрастных археологических памятников, от поселений эпохи энеолита до возведения здесь же курганных насыпей эпохи бронзы, что подтверждено и остатками материальной культуры.

Литература

Березанская С.С. 1972. *Средний период бронзового века в Северной Украине*. Киев: Наукова думка.

Боул С., Хоул Ф., Мак-Крекен Р. 1977. *Генезис и классификация почв*. Москва: Прогресс.

Веклич и др. 1979: Веклич М.Ф., Матвиишина Ж.Н., Медведев В.В., Сиренко Н.А., Федоров К.Н. *Методика палеопедологических исследований*. Киев: Наукова думка.

Вернандер Н.Б., Тютюнник Д.А. (ред.). 1986. *Природа Украинской ССР. Почвы*. Киев: Наукова думка.

Гамченко 1924: НА ИА НАНУ. Ф. Гамченко. № 46—48. Раскопки 1924 г. на Волыни Сергея Гамченка.

Герасимова М.И., Губин С.В., Шоба С.А. 1992. *Микроморфология почв природных зон СССР*. Пущино: ПНЦ РАН.

Гончаров 1948: НА ИА НАНУ. № 1948/5. Гончаров В.К. Отчет о работах Волынско-Подольской археологической экспедиции 1948 года.

Кармазиненко С.П. 2010. *Мікроморфологічні дослідження викопних і сучасних ґрунтів України*. Київ: Наукова думка.

Лагодовська О.Ф. 1948. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. *Археологія* II, 62—77.

Лагодовская Е.Ф. 1954. Войцеховское позднетрипольское поселение. *КСИА АН УССР* 3, 86—89.

Лагодовська О.Ф., Захарук Ю.М. 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника. *Археологічні пам'ятки УРСР* VI, 69—74.

Лысенко С.Д. 2011. Палеоландшафты Киевского Поднепровья в эпоху бронзы — начале раннего железного века. В: Коваленко О.В. (ред.). *Інтеграція археологічних та палеогеографічних досліджень. Матеріали науково-практичного семінару (Сторожове, 10—12 серпня 2010 р.)*. Полтава: ПНПУ, 38—43.

Лисенко С.Д. 2017. Екологічний базис тшинецького культурного кола. В: Терпіловський Р.В. (ред.). *Vita Antiqua*. № 9. *Людина і Ландшафт. Первісна археологія Східної Європи*. Київ: Центр палеоетнологічних досліджень ім. Хв. Вовка, 222—231.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2011. Вклад С.С. Гамченко в изучение памятников тшинецкого культурного круга. В: Платонова Н.И. (ред.). *История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки (Киев, 5—8.10.2010)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 217—230.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2012. Войцеховский могильник в свете новых исследований. В: Алёкшин В.А., Бобровская Е.В., Длужневская Г.В. (ред.). *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова*. Кн. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Периферия, 90—95.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2013. Новые исследования Войцеховского могильника. В: Гей А.Н. (ред.). *Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта*. Москва: ИА РАН, 2013, 24—25.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2017. Курганоподобные возвышения с территории Войцеховского могильника (по результатам исследований 2013 г.). *Новое прошлое* 4, 264—285.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2018. Курганная группа 3 Войцеховского могильника (по результатам исследований 2011—2012 гг.). В: Синика В.С. , Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 89—112.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2019. Комплекс металлических изделий эпохи поздней бронзы с территории курганной группы 6 Войцеховского могильника. В: Поляков А.В., Ткач Е.С. (ред.). *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18—22 ноября 2019, Санкт-Петербург)*. Т. II. *Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV—I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская типография, 59—62.

Лысенко и др. 2006a: Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Литвинова Л.В., Гаскевич Д.Л., Балко А.И. 2006. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2005 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.) *Археологічні відкриття в Україні 2004—2005*. Запоріжжя: Дике Поле, 258—264.

Лысенко и др. 2006b: Лысенко С.Д., Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Бондарь К.М., Тимофеева Ж.Б., Балко А.И. 2006. Предварительные исследования Могилы Лядвига. В: Гаврилюк Н.О. (ред.) *Археологічні відкриття в Україні 2004—2005*. Запоріжжя: Дике Поле, 2006, 265—273.

Лысенко и др. 2007: Лысенко С.Д., Матвиишина Ж.Н., Александровский А.Л., Пархоменко А.Г., Балко А.И., Кириленко А.С. 2007. Исследования Могилы Лядвига в 2006 г. В: Гаврилюк Н.О. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2005—2007*. Запоріжжя: Дике Поле, 276—280.

Лысенко и др. 2010: Лысенко С.Д., Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Бондарь К.М. 2010. Могила Лядвига — «царский» курган времени скифской архаики на Фастовщине (по результатам исследований 2005—2006 гг.). В: Лисенко С.Д. (ред.). *Прес-музей.* № 26—27 (за 2007 р.). *Археологічні пам'ятки Фастівщини: Матеріали та дослідження. До 75-річчя від дня народження Надії Михайлівни Кравченко.* Фастів: ФДКМ, 65—90.

Лисенко С.Д., Лисенко С.С., Абалмасов О.С. 2014. Дослідження Войцехівського могильника. В: Козак Д.Н. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2013*. Київ: ІА НАНУ, 120—121.

Манігда О.В., Лисенко С.Д. 2014. Маловідоме городище в системі літописного Колодяжина на р. Случ. В: Козак Д.Н. (ред.). *Археологічні відкриття в Україні 2013*. Київ: ІА НАНУ, 121—122.

Маруашвили Л.И. 1985. *Палеогеографический словарь*. Москва: Мысль.

Матвиишина Ж.Н. 1982. *Микроморфология плейстоценовых почв Украины*. Киев: Наукова думка.

Матвіїшина Ж.М. (ред.). 2010. *Просторово-часова кореляція палеогеографічних умов четвертичного періоду на території України*. Київ: Наукова думка.

Матвиишина Ж.Н., Кушнир А.С. 2011. Заключение о результатах педологического исследования Войцеховского могильника эпохи поздней бронзы. В: НА ИА НАНУ. № 2011/120. Лысенко С.Д. Отчет о работах Фастовской археологической экспедиции в 2011 году. Приложение 1.

Матвиишина Ж.Н., Кушнир А.С. 2012. Заключение о результатах педологического исследования Войцеховского могильника эпохи поздней бронзы в 2012 г. В: НА ИА НАНУ. № 2012/96. Лысенко С.Д., Лысенко С.С. Отчёт о раскопках Войцеховского и Малополовецкого могильников в 2012 году. Исследования Фастовской археологической экспедиции в 2012 году. Ч. I. Приложение I.1.

Матвіїшина Ж.М., Кушнір А.С. 2016a. Палеопедологічні дослідження Войцеховського курганного комплексу. В: Мельничук С.В., Руденко В.П., Круль В.П. (ред.). *Від географії до географічного українознавства: еволюція освітньо-наукових ідей та пошуків: матеріали міжнародної наукової конференції*. Чернівці: Чернівецький національний університет, 75—77.

Матвіїшина Ж.М., Кушнір А.С. 2016b. Палеопедологічні дослідження войцеховського курганного комплексу на Житомирщині. *Науковий вісник Чернівецького університету. Географія* 775—776, 79—84.

Матвіїшина Ж.М., Кушнір А.С. 2017. Природні умови проживання людини на основі вивчення похованих ґрунтів кургану епохи бронзи. В: Терпіловський Р.В. (ред.). *Vita Antiqua.* № 9. *Людина і Ландшафт. Первісна археологія Східної Європи*. Київ: Центр палеоетнологічних досліджень ім. Хв. Вовка, 251—254.

Матвіїшина Ж.М., Кушнір А.С. 2018. Геоархеологічний підхід у палеоґрунтознавчих дослідженнях археологічних пам’яток. *Український географічний журнал* 4, 10—15.

Матвіїшина та ін. 2005a: Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Бондарь К.М., Лисенко С.Д. 2005. Палеопедологічні дані та магнітна сприятливість деяких грунтів на поселенні Ходосівка (ур. Діброва). В: Лисенко С.Д. (ред.). *Проблеми археології Середнього Подніпров’я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею*. Київ-Фастів: ФДКМ, 215—228.

Матвіїшина та ін. 2005b: Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. 2005. Палеопедологічне вивчення голоценових відкладів археологічних пам’яток Середнього Подніпров’я (на прикладі Малополовецького археологічного комплексу). В: Пилипенко І.О. (ред.). *Регіональні проблеми України: географічний аналіз та пошук шляхів вирішення*. Херсон: ПП Вишемирський, 28—32.

Матвіїшина та ін. 2006: Матвіїшина Ж.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. 2006. Археологічні пам’ятки Київщини і природні умови проживання людини. *Київський географічний щорічник* 6. Київ: КВ УГТ, 82—101.

Матвіїшина та ін. 2008: Матвіїшина Ж.М., Лисенко С.Д., Пархоменко О.Г. 2008. Результати палеопедологічного дослідження пам’яток Малополовецького археологічного комплексу в 2007 р. *Археологія* 4, 18—26.

Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г. 2010. Палеопедологическое исследование кургана у хут. Берёзовка Макаровского района Киевской области. *Археологія і давня історія України* 2, 57—68.

Матвіїшина та ін. 2011: Матвіїшина Ж.М., Дмитрук Ю.М., Пархоменко О.Г., Лисенко С.Д. 2011. Використання палеопедологічного аналізу для оцінки екологічного стану ландшафтів у кризових регіонах. В: Смаля І.В., Сенченко Г.Г. (ред.). *Географія. Економіка. Екологія. Туризм: Регіональні студії. Збірник нукових праць.* Вип. 5. Ніжин : ПП Лисенко М.М., 143—157.

Матвиишина и др. 2013: Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Лысенко С.Д., Макарович П. 2013. Запись природной среды в курганном могильнике Верхнего Поднестровья (на примере исследований курганного могильника Буковна в 2012 г.). В: Біланюк В.І., Іванов Є.А. (ред.). *Географічна наука і практика: виклики епохи. Міжнародна наук. конф., присвячена 130-річю географії у Львівському університеті (Львів, 16-18 травня 2013 р.)*. Т. 2. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 225—225.

Матвіїшина и др. 2014: Матвіїшина Ж.М., Дорошкевич С.П., Кушнір А.С. 2014. Реконструкція ландшафтів часу існування Трипільської культури на основі палеопедологічних досліджень. *Вісник Львівського університету. Серія географічна* 48, 107—117.

Матвиишина и др. 2016: Матвиишина Ж.Н., Пархоменко А.Г., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Синика В.С. 2016. Палеопедологические исследования курганов у с.Глиное. *МАИАСП* 8, 11—45.

Матвіїшина и др. 2016: Матвіїшина Ж.М., Кармазиненко С.П., Дорошкевич С.П., Мацібора О.В., Кушнір А.С., Передерій В.І. 2016. Палеогеографічні передумови та чинники змін умов проживання людини на території України у плейстоцені та голоцені. *Український географічний журнал* 1, 19—30.

Матвіїшина и др. 2017: Матвіїшина Ж.Н., Лисенко С.Д., Пархоменко О.Г. 2017. Палеопедологічні дослідження Буківнянського могильника. В: Терпіловський Р.В. (ред.). *Vita Antiqua.* № 9. *Людина і Ландшафт. Первісна археологія Східної Європи*. Київ: Центр палеоетнологічних досліджень ім. Хв. Вовка, 232—250.

Матвиишина и др. 2018: Матвиишина Ж.Н., Лысенко С.Д., Пархоменко А.Г. 2018. Палеопедологические исследования курганов у с. Буковна в Прикарпатье. *МАИАСП* 10, 11—76. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00001.

Матвиишина и др. 2019: Матвиишина Ж.Н., Лысенко С.Д., Пархоменко А.Г. 2019. Палеопедологические исследования многослойного поселения Кощеевка-8. *МАИАСП* 11, 11—32. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00001.

Пархоменко О.Г. 2007. *Розвиток голоценових грунтів Середнього Придніпров'я*. Автореф... кандидата. геогр. наук. Київ.

Парфенова Е.И, Ярилова Е.А. 1977. *Руководство к микроморфологическим исследованиям в почвоведении*. Москва: Наука.

Свешников И.К. 1983. *Культура шаровидных амфор*. Москва: Наука (САИ В1-27).

Чендев Ю.Г. 2004. *Естественная эволюция почв центральной лесостепи в голоцене*. Белгород: БелГУ.

References

Berezanskaya, S.S. 1972. *Sredniy period bronzovogo veka v Severnoy Ukraine (Middle Period of the Bronze Age in Northern Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Boul, S., Houl, F., Mak-Kreken, R. 1977. *Genezis i klassifikaciya pochv (Genesis and classification of soils)*. Moscow: Progress (in Russian).

Veklich et al. 1979: Veklich, M.F., Matviishina, Zh.N., Medvedev, V.V., Sirenko, N.A., Fedorov, K.N. 1979. *Metodika paleopedologicheskih issledovaniy (Paleopedological research methodology)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Vernander, N.B., Tyutyunnyk, D.A. 1986. *Priroda Ukrainskoy SSR. Pochvy (The nature of the Ukrainian SSR. Soil)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Gamchenko 1924: NA IA NANU. F. Gamchenko. No. 46—48. Raskopki 1924 g. na Volyni Sergeya Gamchenka.

Gerasimova, M.I., Gubin, S.V., Shoba, S.A. 1992. *Mikromorfologiya pochv prirodnyh zon SSSR (Micromorphology of soils in natural zones of the USSR)*. Pushchino: PNC RAN (in Russian).

Goncharov 1948: NA IA NANU. No. 1948/5. Goncharov V.K. Otchet o rabotakh Volynsko-Podol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1948 goda.

Karmazynenko, S.P. 2010. *Mikromorfolohichni doslidzhennia vykopnykh i suchasnykh gruntiv Ukrainy (Micromorphological studies of fossil and modern soils of Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Lahodovs'ka, O.F. 1948. In *Arkheolohiya (Archaeology)* II, 62—77 (in Ukrainian).

Lagodovskaya, E.F. 1954. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoy SSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR)* 3, 86—89 (in Russian).

Lahodovs'ka, O.F., Zakharuk, Yu.M. 1956. In *Arkheolohichni pam'yatky URSR (Archaeological Sites of the Ukrainian Soviet Socialist Republic)* VI, 69—74 (in Ukrainian).

Lysenko, S.D. 2011. In: Kovalenko, O.V. (ed.). *Integratsiya arkheologichnykh ta paleogeografichnykh doslidzhen'. Materialy naukovo-praktychnoho seminaru (Storozhove, 10—12 serpnya 2010 r.) (Integration of Archaeological and Paleogeographic Studies. Proceedings of the Scientific-Practical Seminar (Storozhovo, August 10—12, 2010))*. Poltava: PNPU, 38—43 (in Russian).

Lysenko, S.D. 2017. In: Terpilovskiy, V.F. (ed.). *Vita Antiqua*. No. 9. *Ljudina i Landshaft. Pervisna arheologiya Shidnoi Evropy (Man and Landscape. Initial Archaeology of Hellenic Europe)*. Kyiv: Centr paleoetnologichnih doslidzhen' im. Hv. Vovka, 222—231 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2011. In: Platonova, N.I. (ed.). *Istoriia arkheologii: lichnosti i shkoly (History of Archaeology: Personalities and Schools)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 217—230 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2012. In: Alokshin, V.A., Bobrovskaya, Ye.V., Dluzhnevskaya, G.V. (eds.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova (Cultures of the Steppe Zone of Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of the outstanding Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov).* Pt. 2. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; Periferiia, 90—95 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2013. In: Gay, A.N. (ed.). *Tsivilizatsionnye tsentry i pervobytnaia periferiia v epokhu rannego metalla: modeli vzaimodeistviia (Civilization Centers and Primordial Periphery in the Early Metal Period: Models of Interaction)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 24—25 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2017. *Novoe proshloe (The New past)* 4, 264—285 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P.* Tel'nova *(Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 89—112 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2019. In: Polyakov, A.V., Tkach, E.S. (eds.). *Drevnosti Vostochnoy Yevropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v yevraziyskom kul'turnom prostranstve (novyye dannyye i kontseptsii): Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, 18—22 noyabrya 2019, Sankt-Peterburg) (Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of connections and interactions in the Eurasian cultural space (new data and concepts): Proceedings of the International Conference, November 18—22, 2019, Saint Petersburg)*. Vol. II. *Svyazi, kontakty i vzaimodejstviya drevnih kul'tur Severnoj Evrazii i civilizacij Vostoka v epohu paleometalla (IV—I tys. do n.e.). K 80-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya arheologa V.S. Bochkaryova (Connections, contacts and interactions between the ancient cultures of Northern Eurasia and the civilizations of the East in the era of paleometal (4th — 1st millennium BCE). To the 80th Anniversary of the Birth of the outstanding archaeologist V.S. Bochkarev)*. Saint Petersburg: IIMK RAN; Nevskaya tipografiya, 59—62 (in Russian).

Lysenko et al. 2006a: Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, A.G., Lytvynova, L.V., Gaskevych, D.L., Balko, A.I. 2006. In: Gavrylyuk, N.O. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2004—2005 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2004—2005)*. Zaporizhzhya: Dyke Pole, 258—264 (in Russian).

Lysenko et al. 2006b: Lysenko, S.D., Matviishyna, J.N., Parkhomenko, A.G., Bondar, K.M., Tymofeeva, J.B., Balko, A.I. 2006. In: Gavrylyuk, N.O. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2004—2005 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2004—2005)*. Zaporizhzhya: Dyke Pole, 265—273 (in Russian).

Lysenko et al. 2007: Lysenko, S.D., Matviishyna, Zh.N., Aleksandrovskiy, A.L., Parkhomenko, A.G., Balko, A.I., Kyrylenko, A.S. 2007. In: Gavrylyuk, N.O. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2005—2007 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2005—2007)*. Zaporizhzhya: Dyke Pole, 276—280 (in Russian).

Lysenko et al. 2010: Lysenko, S.D., Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, A.G., Bondar, K.M. 2010. In: Lysenko, S.D. (ed.). *Pres-muzey (Press Museum)*. No 26—27 (2007). *Arkheologichni pam'yatky Fastivshchyny: Materialy ta doslidzhennya. Do 75-richchya vid dnya narodzhennya Nadiyi Mykhaylivny Kravchenko (Fastov Region Archaeological Sites: Materials and Research. To the 75th Anniversary of the Birthday of Nadezhda Mikhaylovna Kravchenko)*. Fastiv: FDKM, 65—90 (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S., Abalmasov, O.S. 2014. In: Kozak, D.N. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2013 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2013)*. Kyiv: IA NANU, 120—121 (in Ukrainian).

Manigda, O.V., Lisenko, S.D. 2014. In: Kozak, D.N. (ed.). *Arkheologichni vidkryttya v Ukrayini 2013 (Archaeological Discoveries in Ukraine 2013)*. Kyiv: IA NANU, 121—122 (in Ukrainian).

Maruashvili, L.I. 1985. *Paleogeograficheskij slovar' (Paleogeographic Dictionary)*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Matviishyna, Zh.N. 1982. *Mikromorfologiya plejstocenovyh pochv Ukrainy (Micromorphology of Pleistocene soils of Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Matviishyna, Zh.N. (ed.). 2010. *Prostorovo-chasova korelyatsiya paleogeografichnykh umov chetvertychnoho periodu na terytoriyi Ukrayiny (Spatio-Temporal Correlation of Paleogeographic Conditions of the Quaternary in Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.N., Kushnir, A.S. 2011. In: NA IA NANU. No. 2011/120. Lysenko S.D. Otchet o rabotakh Fastovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2011 godu. Prilozheniye 1.

Matviishyna, Zh.N., Kushnir, A.S. 2012. In: NA IA NANU. No. 2012/96. Lysenko S.D., Lysenko S.S. Otchot o raskopkakh Voytsekhovskogo i Malopolovetskogo mogil'nikov v 2012 godu. Issledovaniya Fastovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2012 godu. Ch. I. Prilozheniye I.1.

Matviishyna, Zh.M., Kushnir, A.S. 2016a. In: Melnychuk, S.V., Rudenko, V.P., Krul, V.P. (eds). *Vid heohrafiyi do heohrafichnoho ukrayinoznavstva: evolyutsiya osvitn'o-naukovykh idey ta poshukiv: materialy mizhnarodnoyi naukovoyi konferentsiyi (From geography to geographical Ukrainian studies: the Evolution of Educational and Scientific Ideas and Research: Materials of the International Scientific Conference)*. Chernivtsi: Chernivets′kyy natsional′nyy universytet, 75—77 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.M., Kushnir, A.S. 2016b. *Naukovyi visnyk Chernivetskoho universytetu. Geohrafiia (Scientific Bulletin of Chernivtsi University. Geography)* 775—776, 79—84 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.M., Kushnir, A.S. 2017. In: Terpilovskiy, V.F. (ed.). *Vita Antiqua*. No. 9. *Ljudina i Landshaft. Pervisna arheologiya Shidnoi Evropy (Man and Landscape. Initial Archaeology of Hellenic Europe)*. Kyiv: Centr paleoetnologichnih doslidzhen' im. Hv. Vovka, 251—254 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.M., Kushnir, A.S. 2018. *Ukrainskyi heohrafichnyi zhurnal (Ukrainian Geographical Journal)* 4, 10—15 (in Ukrainian).

Matviishyna et al. 2005a: Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, O.G., Bondar, K.M., Lysenko, S.D. 2005. In: Lysenko, S.D. (ed.). *Problemy arkheologiyi Seredn'oho Podniprov'ya: Do 15-richchya zasnuvannya Fastivs'koho derzhavnoho krayeznavchoho muzeyu (Problems of Archaeology of the Middle Dnieper Region: To the 15th Anniversary of the Foundation of the Fastiv State Museum of Local History)*. Kyiv; Fastiv: FDKM, 215—228 (in Ukrainian).

Matviishyna et al. 2005b: Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, O.G., Lysenko, S.D. 2005. In: Pylypenko, I.O. (ed.). *Regional'ni problemy Ukrayiny: geohrafichnyy analiz ta poshuk shlyakhiv vyrishennya (Regional Problems of Ukraine: Geographical Analysis and Search for Solutions)*. Kherson: PP Vyshemyrs′kyy, 28—32 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, O.G., Lysenko, S.D. 2006. In *Kyivs'kyy geohrafichnyy shchorichnyk (Kiev Geographic Yearbook)* 6, 82—101 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, O.G. 2008. In *Arkheologiya (Archaeology)* 4, 18—26 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, O.G. 2010. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2, 57—68 (in Russian).

Matviishyna et al. 2011: Matviishyna, Zh.N., Dmytruk, Yu.M., Parkhomenko, O.G., Lysenko, S.D. 2011. In *Geohrafiya. Ekonomika. Ekolohiya. Turyzm: Rehional'ni studiyi. Zbirnyk naukovykh prats' (Geography. Economy. Ecology. Tourism: Regional studios. Collection of Scientific Works)* 5, 143—157 (in Ukrainian).

Matviishyna et al. 2013: Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, A.G., Lysenko, S.D., Makarovych, P. 2013. In: Bilanyuk, V.I., Ivanov, E.A. (eds.). *Geografichna nauka i praktyka: vyklyky epokhy. Mizhnarodna naukova konferentsiya, prysvyachena 130-richchyu heohrafiyi u L'vivs'komu universyteti (L'viv, 16—18 travnya 2013 r.) (Geographical Science and Practice: the Challenges of the Era. International Scientific Conference on the 130th Anniversary of Geography at Lviv University (Lviv, May 16—18, 2013))*. Vol. 2. Lviv: Vydavnychyy tsentr LNU im. I. Franka, 225—225 (in Russian).

Matviishyna et al. 2014: Matviishyna, Zh.M., Doroshkevych, S.P., Kushnir, A.S. 2014. *Visnyk Lvivskoho universytetu. Seriia geohrafichna (Bulletin of Lviv University. The series is geographical)* 48, 107—117 (in Ukrainian).

Matviishyna et al. 2016: Matviishyna, Zh.N., Parkhomenko, A.G., Razumov, S.N., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Sinika, V.S. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 11—45 (in Russian).

Matviishyna et al. 2016: Matviishyna, Zh.M., Karmazynenko, S.P., Doroshkevych, S.P., Matsibora, O.V., Kushnir, A.S., Perederii, V.I. 2016. *Ukrainskyi heohrafichnyi zhurnal (Ukrainian Geographical Journal)* 1, 19—30 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, O.G. 2017. In: Terpilovskiy, V.F. (ed.). *Vita Antiqua*. No. 9. *Ljudina i Landshaft. Pervisna arheologiya Shidnoi Evropy (Man and Landscape. Initial Archaeology of Hellenic Europe)*. Kyiv: Centr paleoetnologichnih doslidzhen' im. Hv. Vovka, 232—250 (in Ukrainian).

Matviishyna, Zh.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, A.G. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 11—76. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00001 (in Russian).

Matviishyna, Zh.N., Lysenko, S.D., Parkhomenko, A.G. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 11—32. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00001 (in Russian).

Parkhomenko, O.G. 2007. Development of Holocene Soils of the Middle Dnepr Region. PhD Thesis. Kyiv.

Parfenova, E.I, Yarilova, E.A. 1977. *Rukovodstvo k mikromorfologicheskim issledovaniyam v pochvovedenii (A guide to micromorphological research in soil science)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sveshnikov, I.K. 1983. *Kul'tura sharovidnyh amfor. Arheologiya SSSR (Globular amphora culture)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources V1-27) (in Russian).

Chendev, Yu.G. 2004. *Estestvennaya evolyuciya pochv central'noj lesostepi v golocene (Natural evolution of soils of the central forest-steppe in the Holocene)*. Belgorod: BelGU (in Russian).

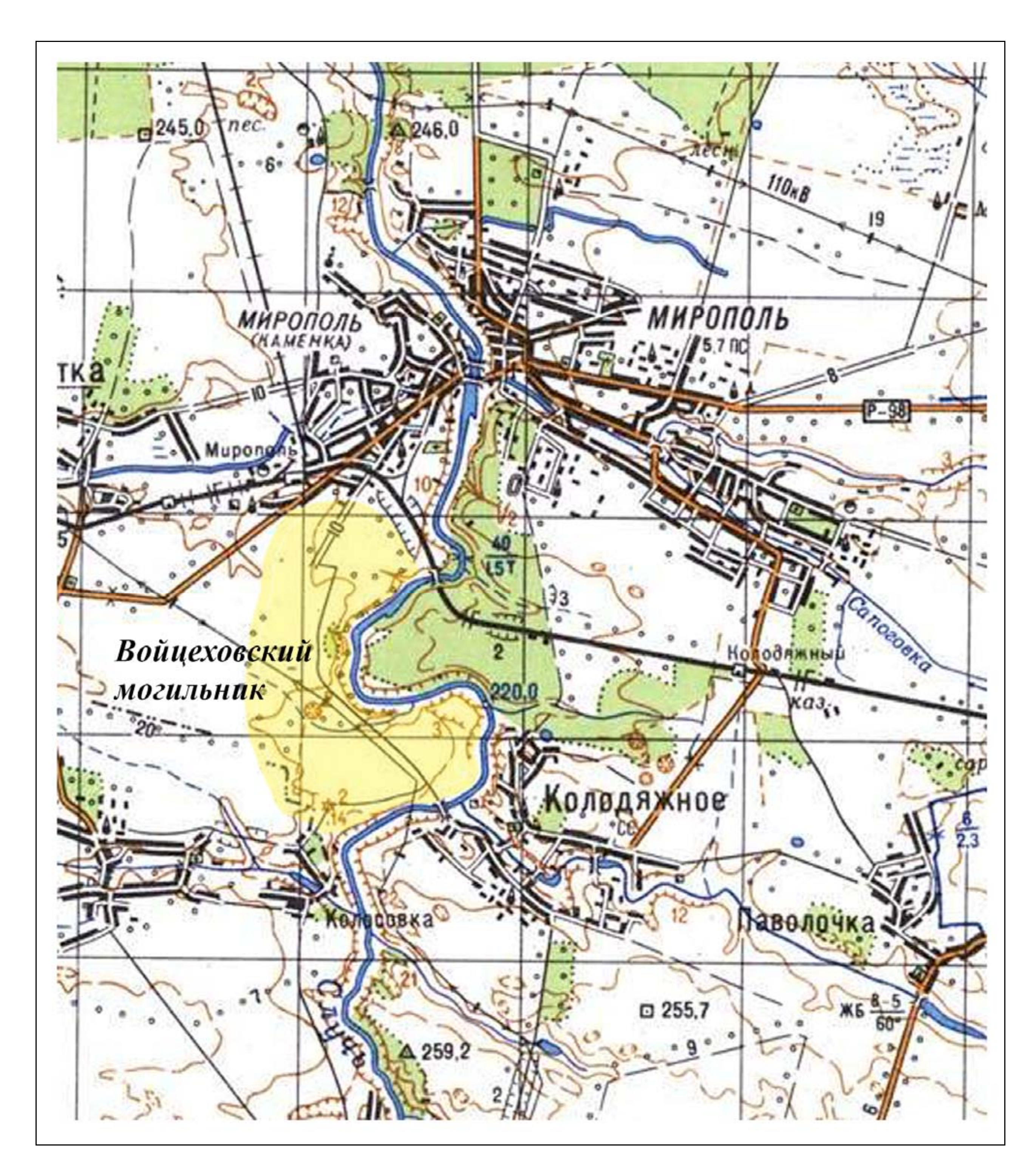

Рис. 1. Месторасположение Войцеховского могильника. Выкопировка с карты М-35-68 «Полонное», М 1 : 100000.

Fig. 1. Location of the Voytsehovka cemetery. Extract from the map M-35-68 “Polonnoe”, M 1 : 100000.

Рис. 2. Войцеховский могильник: *1* — спутниковый снимок из Google; *2* — курганная группа 3, фото с севера.

Fig. 2. Voytsehovka cemetery: *1*— satellite image from Google; *2* — barrow group 3, photo from the north.

Рис. 3. Русло реки Случь напротив курганной группы 3 Войцеховского могильника.

Fig. 3. The bed of the Sluch river opposite the barrow group 3 of the Voytsehovka cemetery.

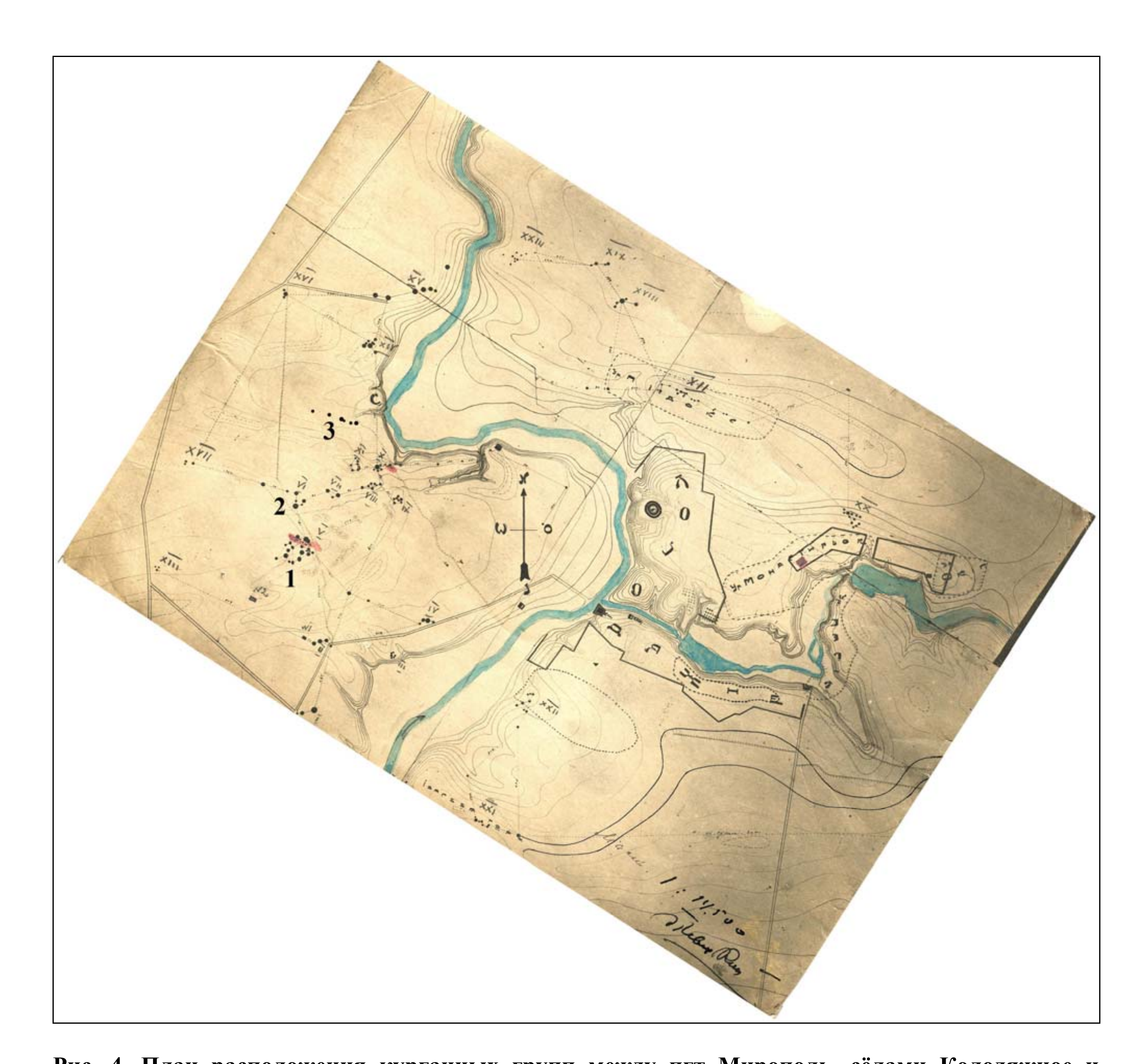

Рис. 4. План расположения курганных групп между пгт Мирополь, сёлами Колодяжное и Войцеховка (из архива С.С. Гамченко; составлен И.Ф. Левицким, 1924 г. Дополнения 2011 г.).

Fig. 4. Plan of location of the barrow groups between the Miropol, Kolodyazhnoye and Voytsehovka (from the archive of S.S. Gamchenko; compiled by I.F. Levitsky, 1924; with additions of 2011).

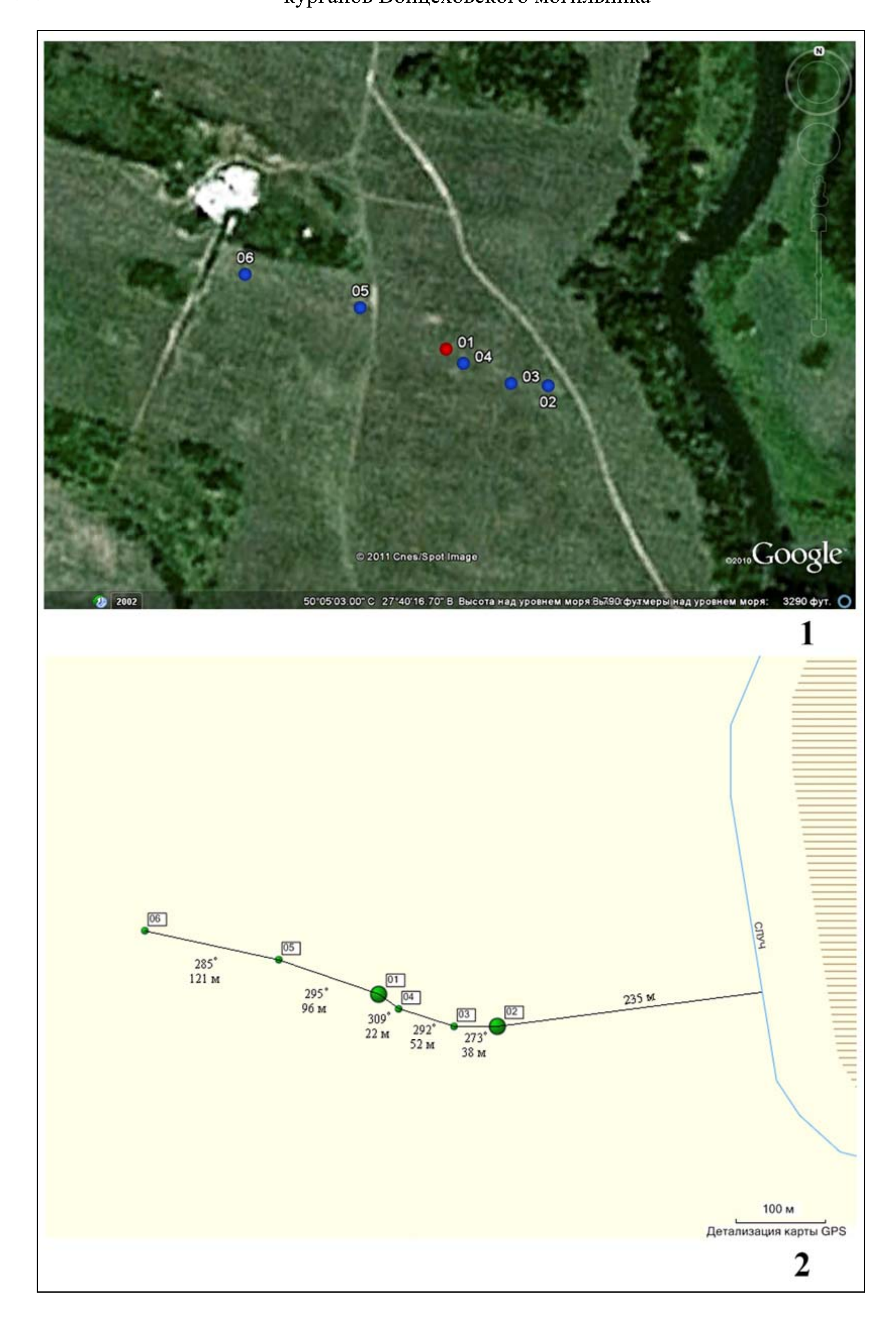

Рис. 5. Войцеховский могильник, курганная группа 3: *1* — на спутниковом снимке из Google; *2* — схема расположения курганов (GPS-съёмка Д.П. Куштана, 2011 г.).

Fig. 5. Voytsehovka cemetery, barrow group 3: *1* — satellite image from Google; *2* — scheme of location of the barrows (D.P. Kushtan's survey of 2011).

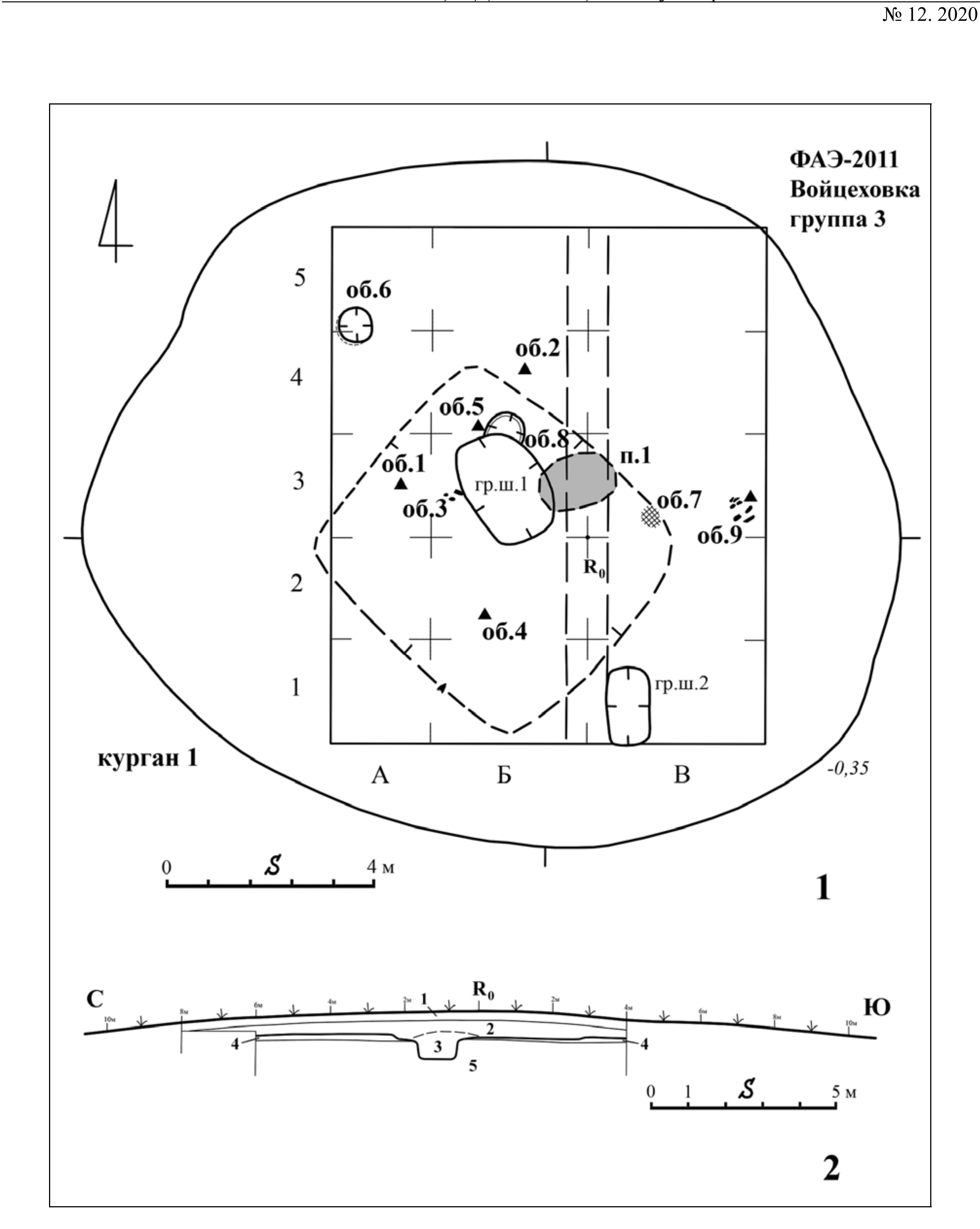

Рис. 6. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 1 (2011): *1* — план; *2* — бровка север-юг, западный профиль (1 — пахотный слой; 2 — насыпь из слоя трипольского поселения; 3 — заполнение ямы погребения 1; 4 — слой трипольского поселения; 5 — материковый песок).

Fig. 6. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 1 (2011): *1* — plan; *2* — north-south baulk, western profile (1 — arable layer; 2 — filling from the Trypolye settlement layer; 3 — filling of the the grave 1; 4 — layer of Tripolye settlement; 5 — mainland sand).

Рис. 7. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 1 (2011): *1* — вид с востока перед началом раскопок; *2* — западный профиль бровки север-юг.

Fig. 7. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 1 (2011): *1* — view from the east before excavation; *2* — western baulk of the north-south profile.

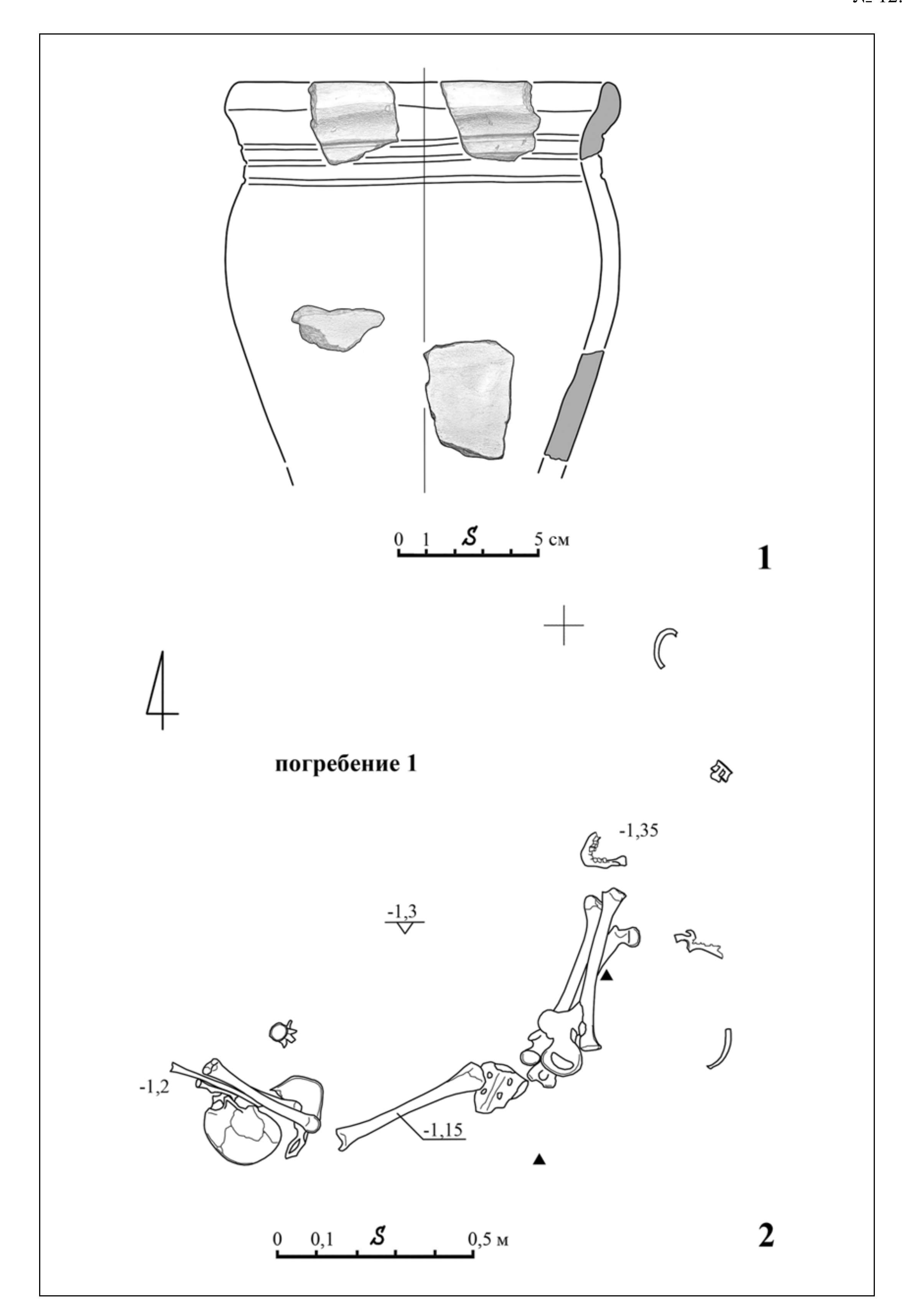

Рис. 8. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 1, погребение 1: *1* — реконструкция тюльпановидного сосуда; *2* — план погребения.

Fig. 8. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 1, burial 1: *1* — reconstruction of tulipshaped vessel; *2* — plan of the grave.

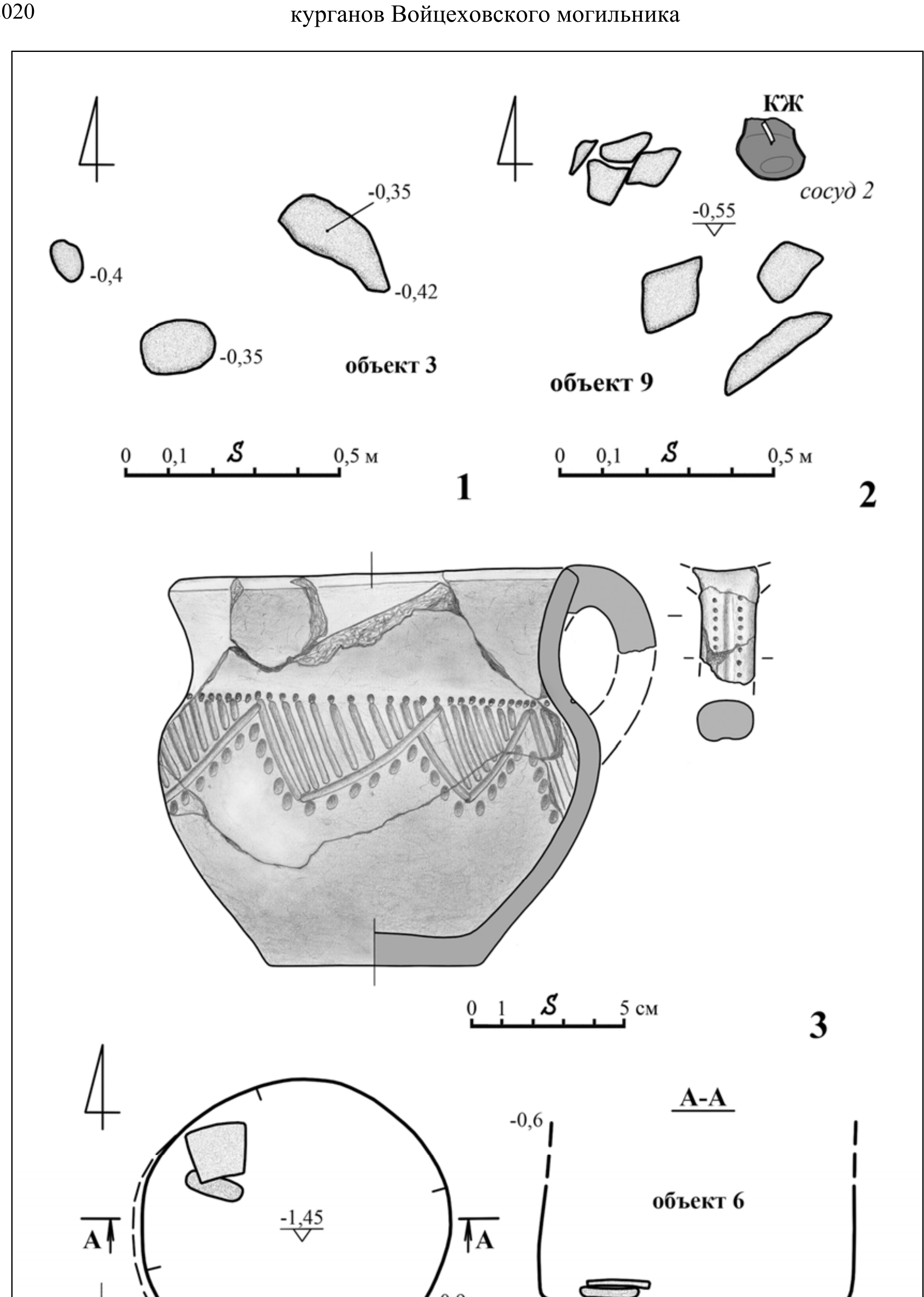

Рис. 9. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 1: *1* — объект 3; *2* — объект 9; *3* — сосуд из объекта 9; *4* — план и разрез объекта 6 (позднетрипольская культура).

Fig. 9. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 1: *1* — object 3; *2* — object 9; *3* — vessel from object 9; *4* — plan and section of the object 6 (Late Tripolye culture).

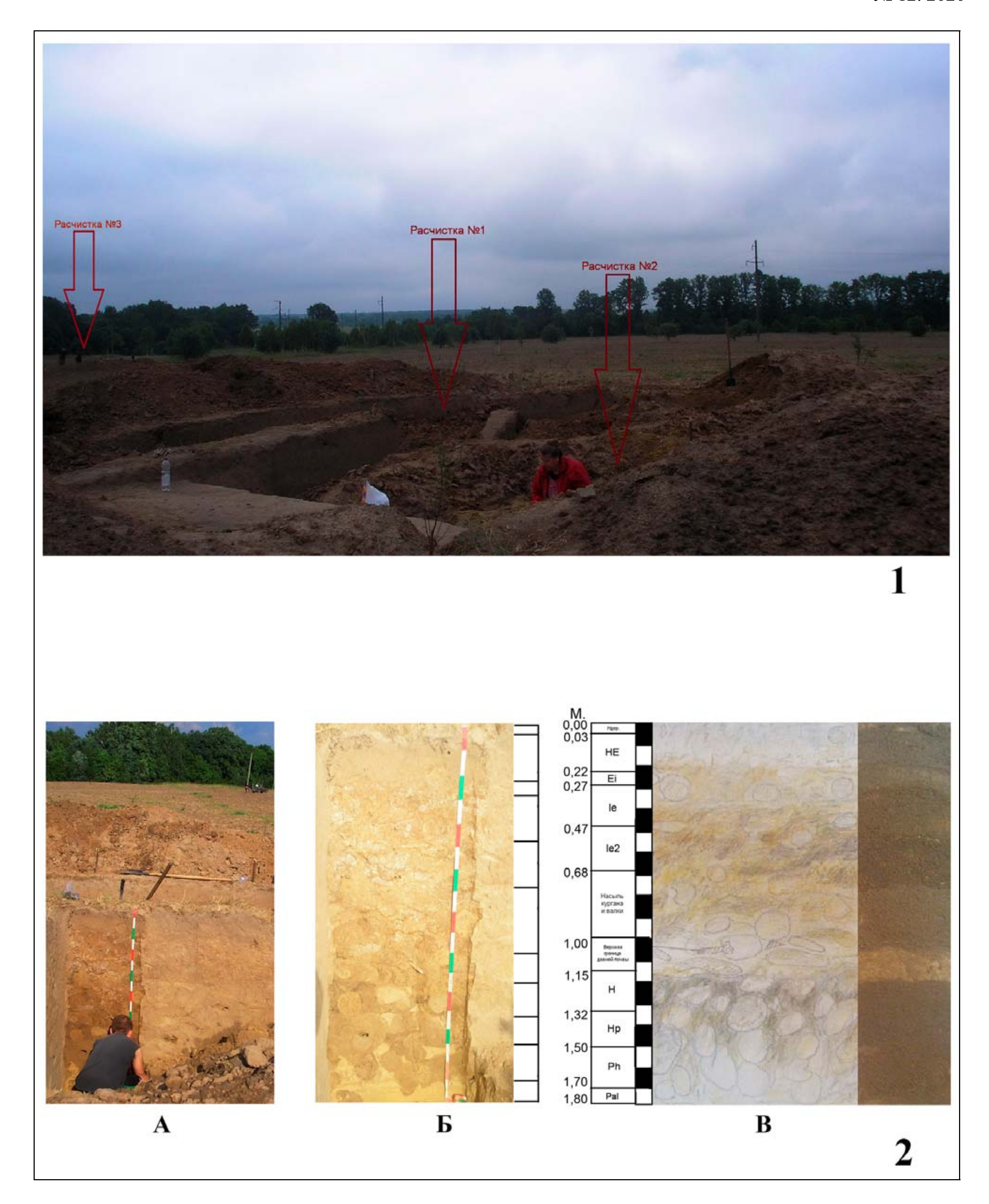

Рис. 10. Войцеховский могильник, курганная группа 3: *1* — расположение на местности расчисток 1, 2 и 3; *2* — курган 1, расчистка 1: А — расчистка на фоне окружающего ландшафта; Б — профиль; В — цветная полевая зарисовка с примазками природного материала.

Fig. 10. Voytsehovka cemetery, barrow group 3: *1* — location on the surface of the soil cuts 1, 2 and 3; *2* — barrow 1, soil cut 1: А — soil cut on the background of the surrounding landscape; Б — soil profile; В — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material.

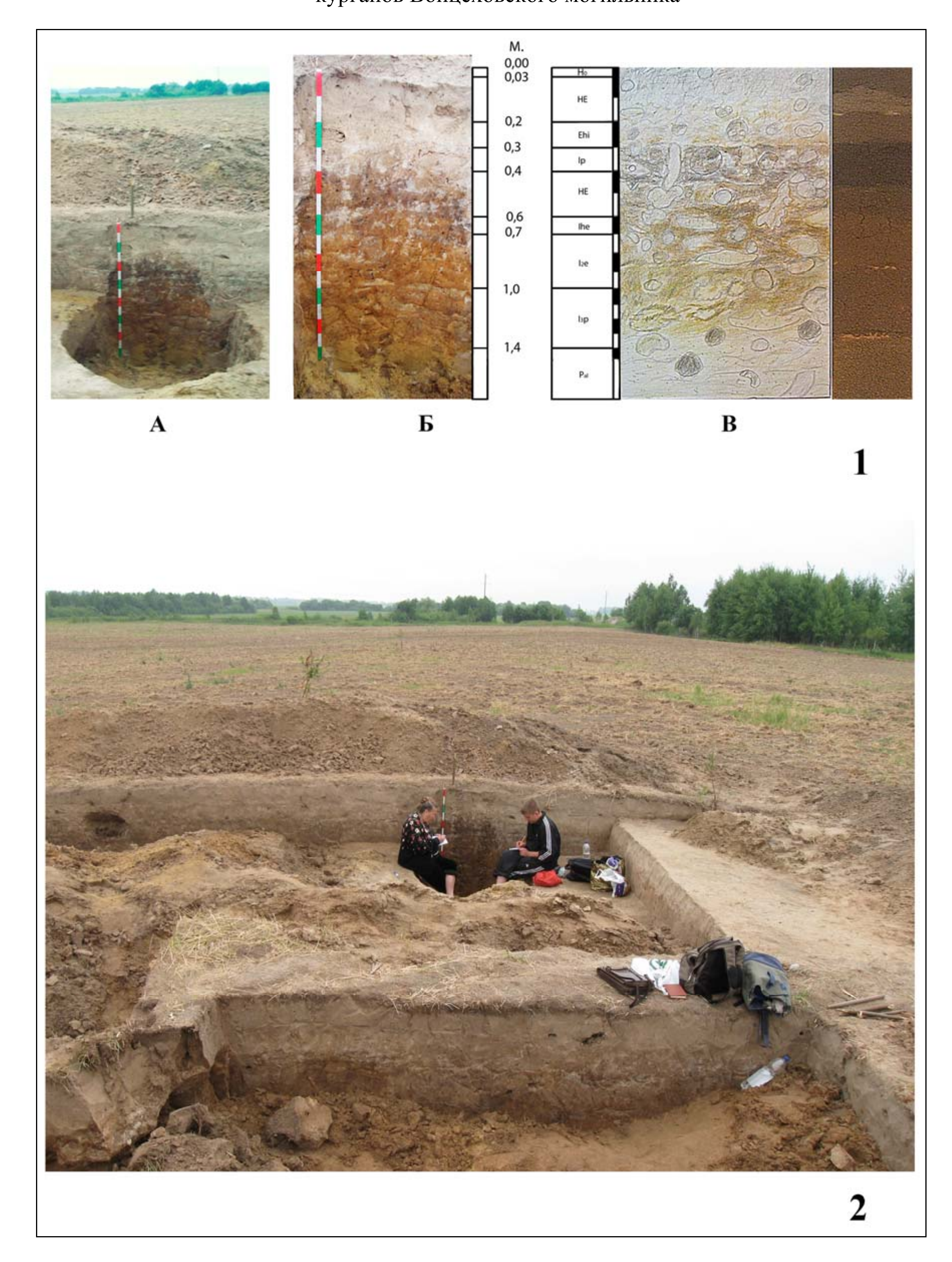

Рис. 11. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 1: *1* — расчистка 2: А — расчистка на фоне окружающего ландшафта; Б — профиль; В — цветная полевая зарисовка з примазками природного материала; 2 — рабочий момент на расчистке 2.

Fig. 11. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 1: *1* — soil cut 2: A — soil cut on the background of the surrounding landscape; Б — soil profile; В — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material; 2 — work moment on the soil profile 2.

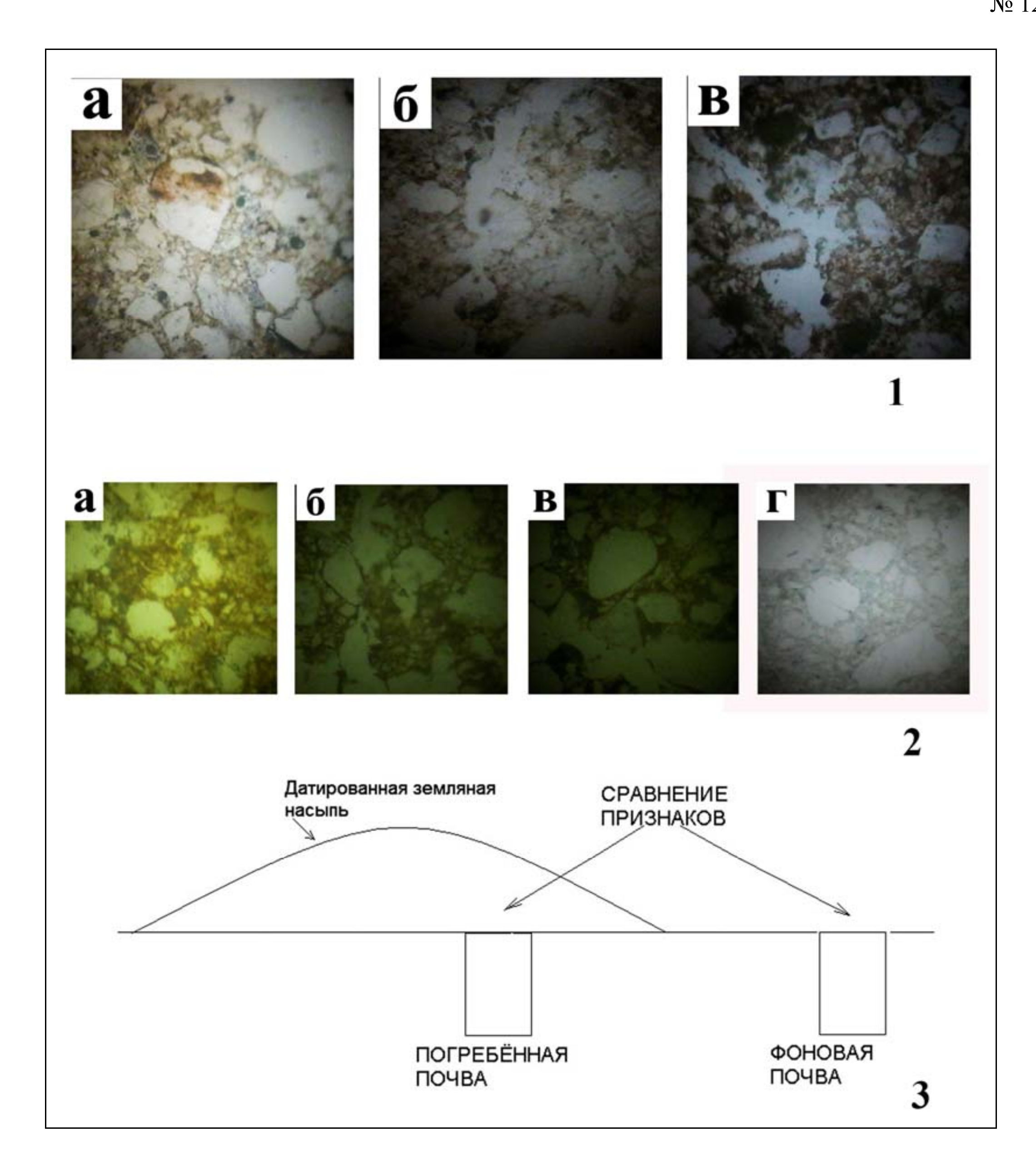

Рис. 12. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 1: *1* — расчистка 2, микростроение современной почвы над почвой трипольского времени: а — гумусо-элювиальный горизонт, дисперсные формы гумуса, железисто-глинистая пленка; б — элювиально-гумусовый горизонт, слабо агрегированная масса, «отмытые» микроучастки; в — иллювиальный горизонт, плёнки ожелезнения вокруг зёрен первичных материалов. Ув. 70; а-в ник. ‖; *2* — расчистка 2, микростроения горизонтов профиля почвы с артефактами трипольского времени: а — гумусо-элювиальный, слабя агрегатность, дисперсные формы гумуса; б — иллювиально-гумусо-элювиальный, плазменно-пещаное микростроения; в — илювиально-елювиальный, пещано-пылевато-плазменное микростроения; г — илювиально-пещанный, очень слабо агрегированный. Ув. 70; а-г ник. ‖; *3* — наглядное отображение метода почвенных хронорядов.

Fig. 12. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 1: *1* — soil cut 2, mikrostructure of modern soil above Trypolye soil; а — humus-eluvial horizon, dispersed forms of humus, ferruginous-clay stratum; б — eluvial-humus horizon, weakly aggregated mass, washed out microsections; в — illuvial horizon, ferruginization strata around the grains of primary materials. Magnifying 70; а-в nicol prism parallel; 2 — soil cut 2, mikrostructure of Trypolye soil: а — humus-eluvial, weak aggregation, dispersed forms of humus; б — illuvial-humus-eluvial, plasma-sandy microstructure; в — iluvial-eluvial, sandy-dusty-plasma microstructure; г — illuvial-sandy, very weakly aggregated. Magnifying 70; а-г nicol prism parallel; *3* — visual display of the method of soil chronoseries.

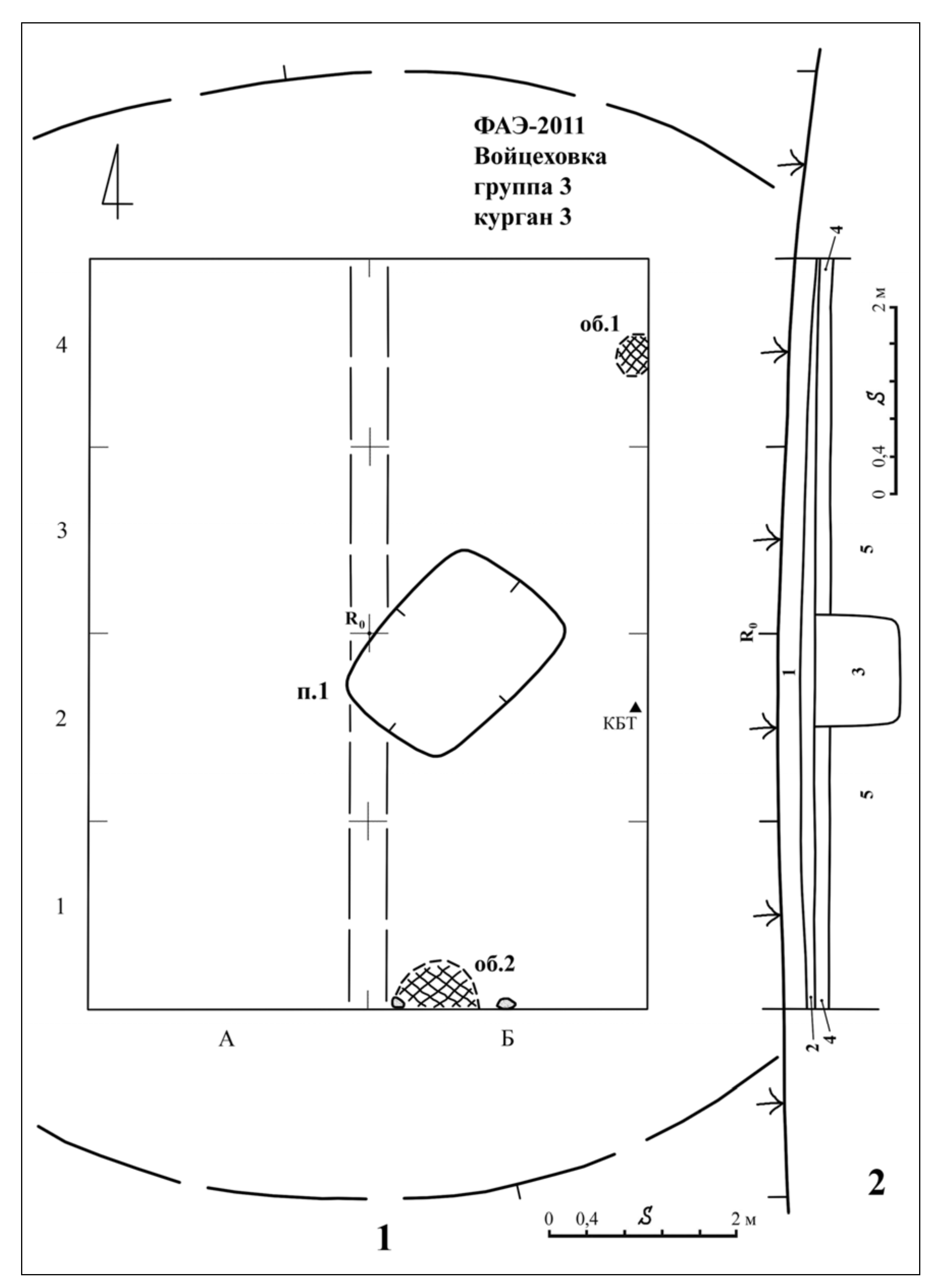

Рис. 13. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 3 (2011): *1* — план; *2* — бровка север-юг, восточный профиль (1 — пахотный слой; 2 — насыпь из слоя трипольского поселения; 3 — заполнение ямы погребения 1; 4 — слой трипольского поселения; 5 — материковый песок).

Fig. 13. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 3 (2011): *1* — plan; *2* — north-south baulk, east profile (1 — arable layer; 2 — mound from the layer of Tripolye settlement; 3 — filling of burial 1; 4 — layer of Tripolye settlement; 5 — mainland sand).

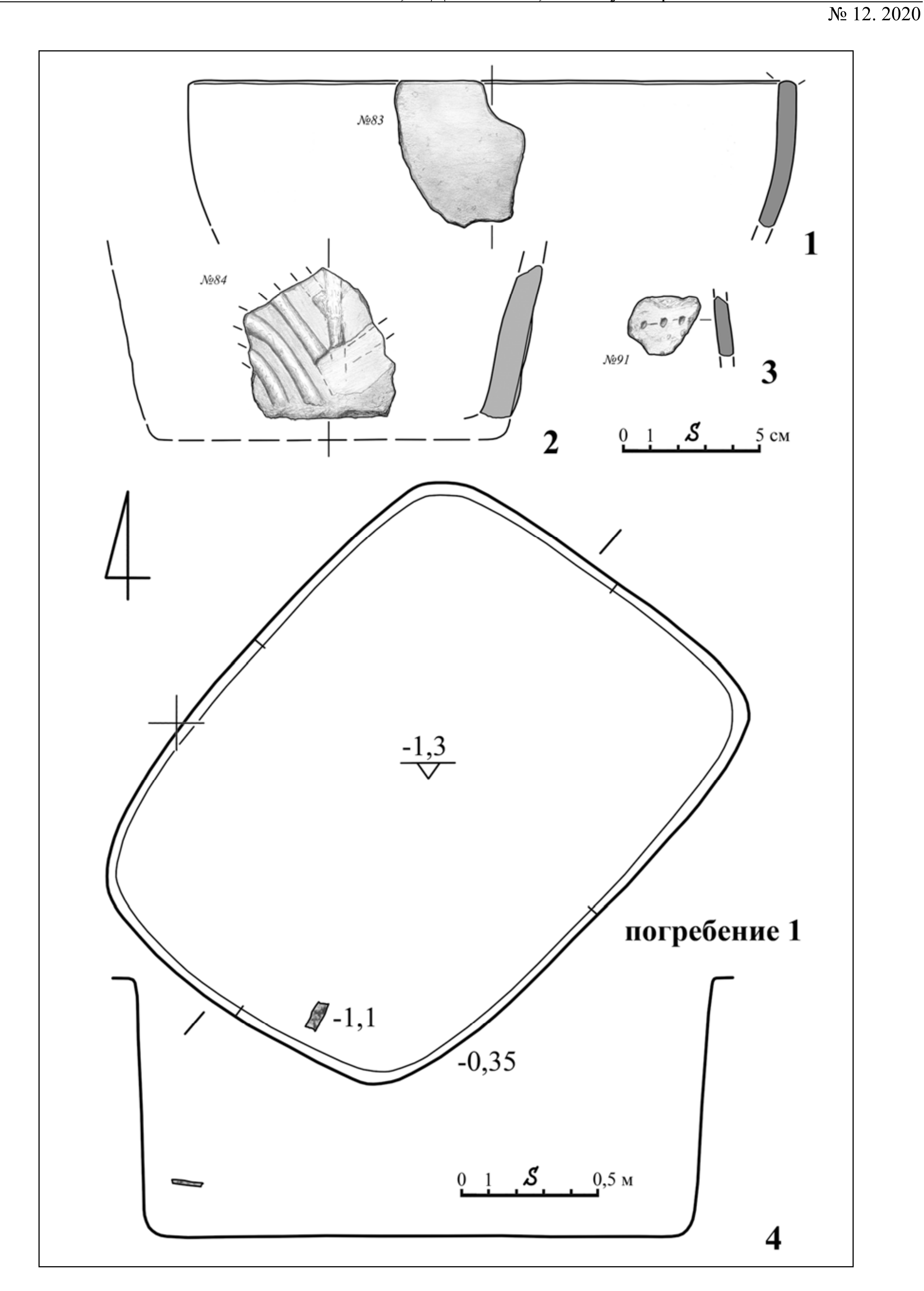

Рис. 14. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 3 (2011): *1—3* — керамика эпохи поздней бронзы из насыпи; *4* — план и разрез ямы погребения 1.

Fig. 14. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 3 (2011): *1—3* — ceramics of Late Bronze Age from the mound; *4* — plan and section of the pit of the grave 1.

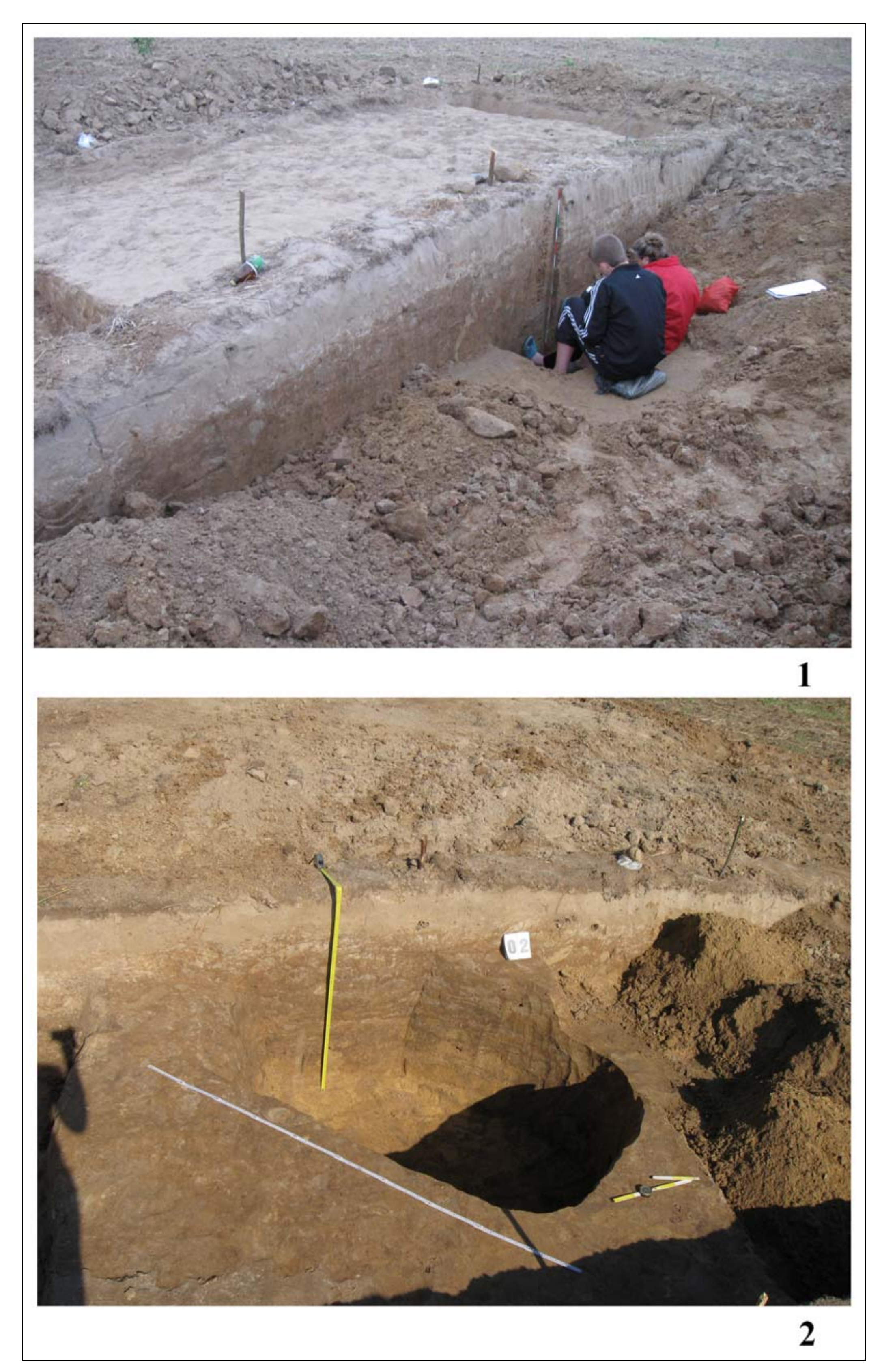

Рис. 15. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 3 (2011): *1* — западный профиль бровки север-юг; *2* — восточный профиль бровки север-юг и яма погребения 1.

Fig. 15. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 3 (2011): *1* — western profile of the north-south baulk; *2* — eastern profile of the north-south baulk and the pit of the grave 1.

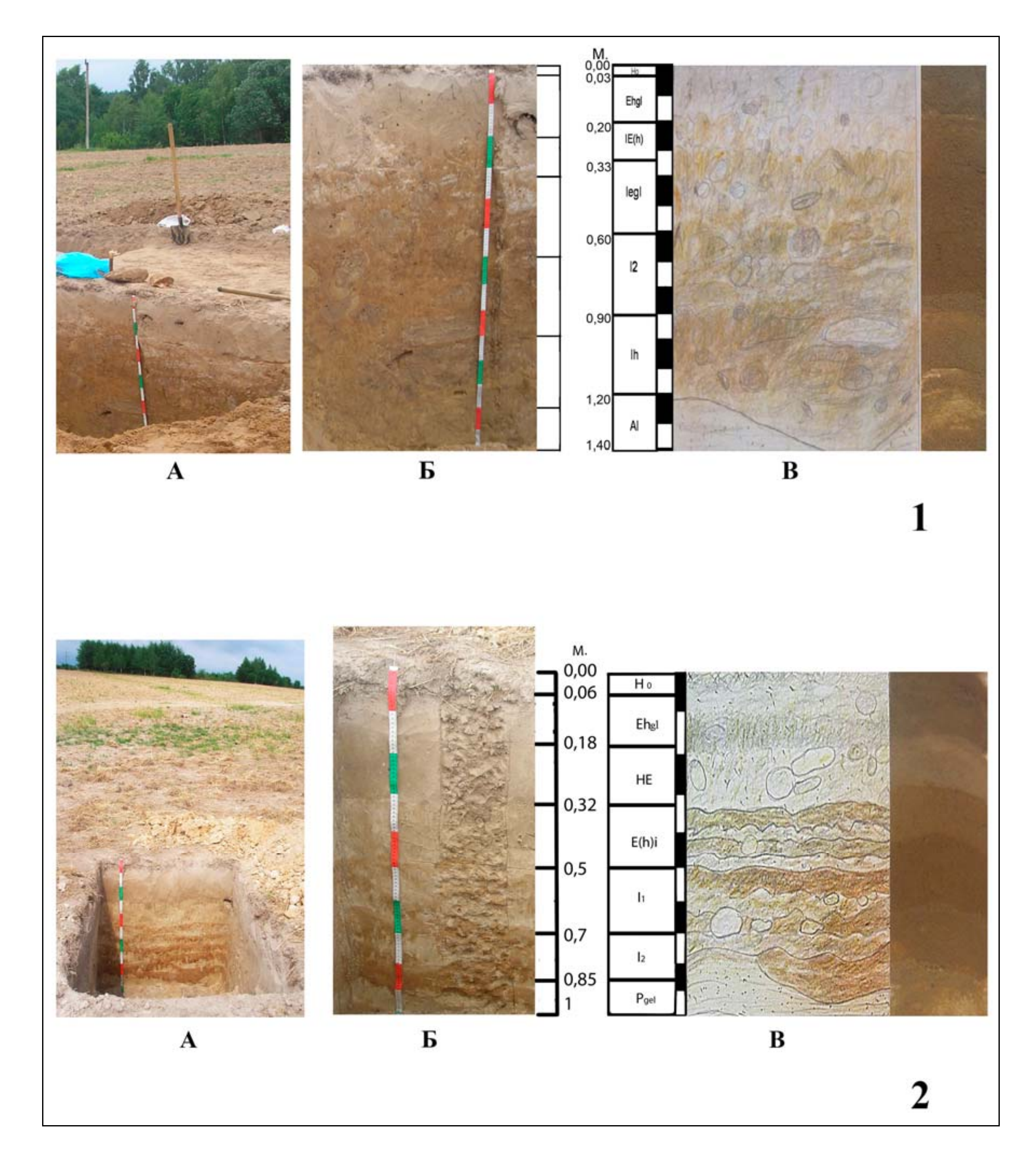

Рис. 16. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 3: *1* — расчистка 3: А — расчистка на фоне окружающего ландшафта; Б — профиль; В — цветная полевая зарисовка з примазками природного материала; *2* — фоновая расчистка 4: А — расчистка на фоне окружающего ландшафта; Б — профиль современной почвы; В — цветная полевая зарисовка з примазками природного материала.

Fig. 16. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 3: *1* — soil cut 3: A — soil cut on the background of the surrounding landscape; Б — soil profile; В — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material; *2* — modern soil profile 4 (soil comparison background): A — soil cut on the background of the surrounding landscape; Б — modern soil profile; В — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material.

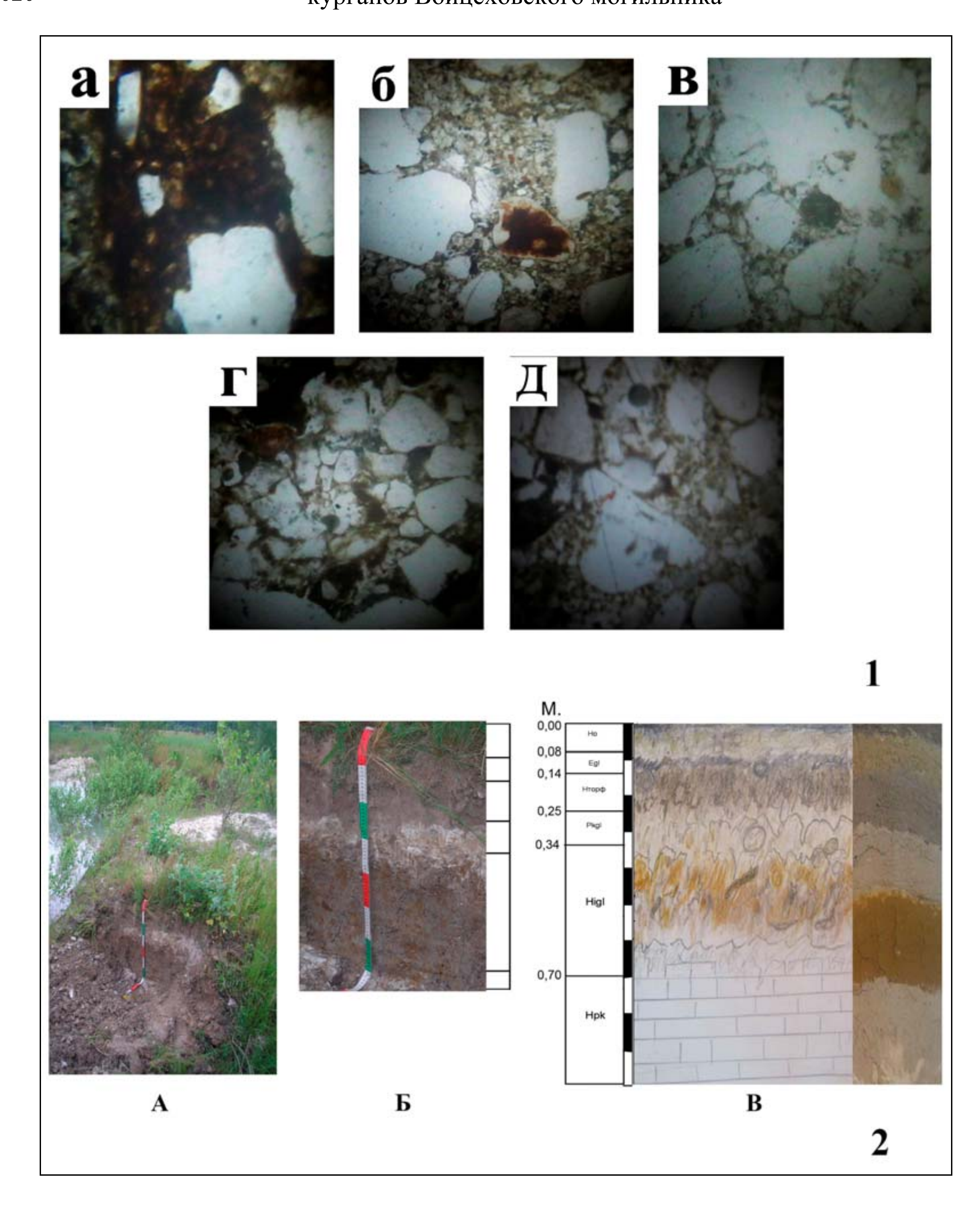

Рис. 17. Войцеховский могильник, курганная группа 3: *1* — почвенный разрез 4; микростроения горизонтов профиля фоновой почвы: а, б, в — гумусово-элювиальный: а — диспергированный гумус в плазме; б — железисто-марганцевые микроорштейны; в — голые зёрна кварца, извивистые поры; г, д — иллювиальный горизонт: г — относительно плотная упаковка зёрен кварца, кутаны иллювиирования; д — коломорфная глина в плазме и плёнки последней вокруг зёрен первичных материалов. Ув.70, ник.‖.; *2* — фоновой разрез 5: А — расчистка на фоне окружающего ландшафта; Б — профиль; В — цветная полевая зарисовка з примазками природного материала.

Fig. 17. Voytsehovka cemetery, barrow group 3: *1* — modern soil profile 4 (soil comparison background; mikrostructure of genetic horizons of modern soil: а, б, в — humus-eluvial: а — dispersed humus in plasma; б — ferrous-manganese microarts; в — bare grains of quartz, sinuous pores; г, д — illuvial horizon: г — relatively dense packing of quartz grains, illuviation cutans; д — colomorphic clay in plasma and films of the latter around the grains of primary materials. Magnifying 70, nicol prism parallel; *2* — modern soil profile 5: А — soil cut against the background of the surrounding landscape; Б — modern soil profile; В — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material.

Рис. 18. Войцеховский могильник, курганная группа 3: *1* — курган 2 (2012) перед началом раскопок, вид с севера; *2* — общая ландшафтная позиция расчисток 2012 г. (цифры соответствуют номерам расчисток), вид с востока-юго-востока.

Fig. 18. Voytsehovka cemetery, barrow group 3: *1* — barrow 2 (2012) before excavation; *2* — soil cuts on the background of the surrounding landscape in 2012 (numbers correspond to numbers of soil cuts), view from east-southeast.

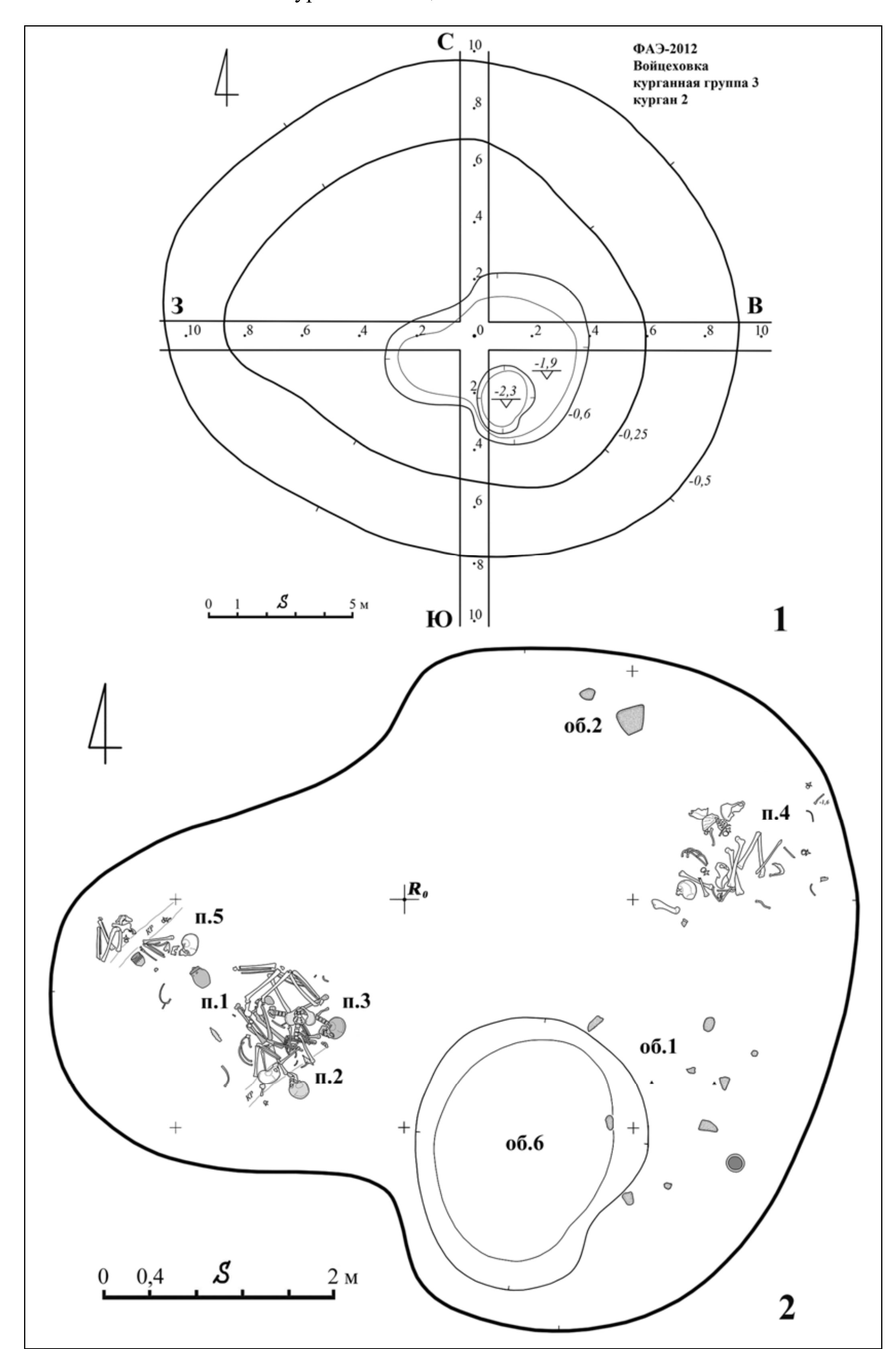

Рис. 19. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — план кургана; *2* — размещение погребений и объектов в пределах котлована.

Fig. 19. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — plan of the barrow; *2* — location of graves and objects within the ditch.

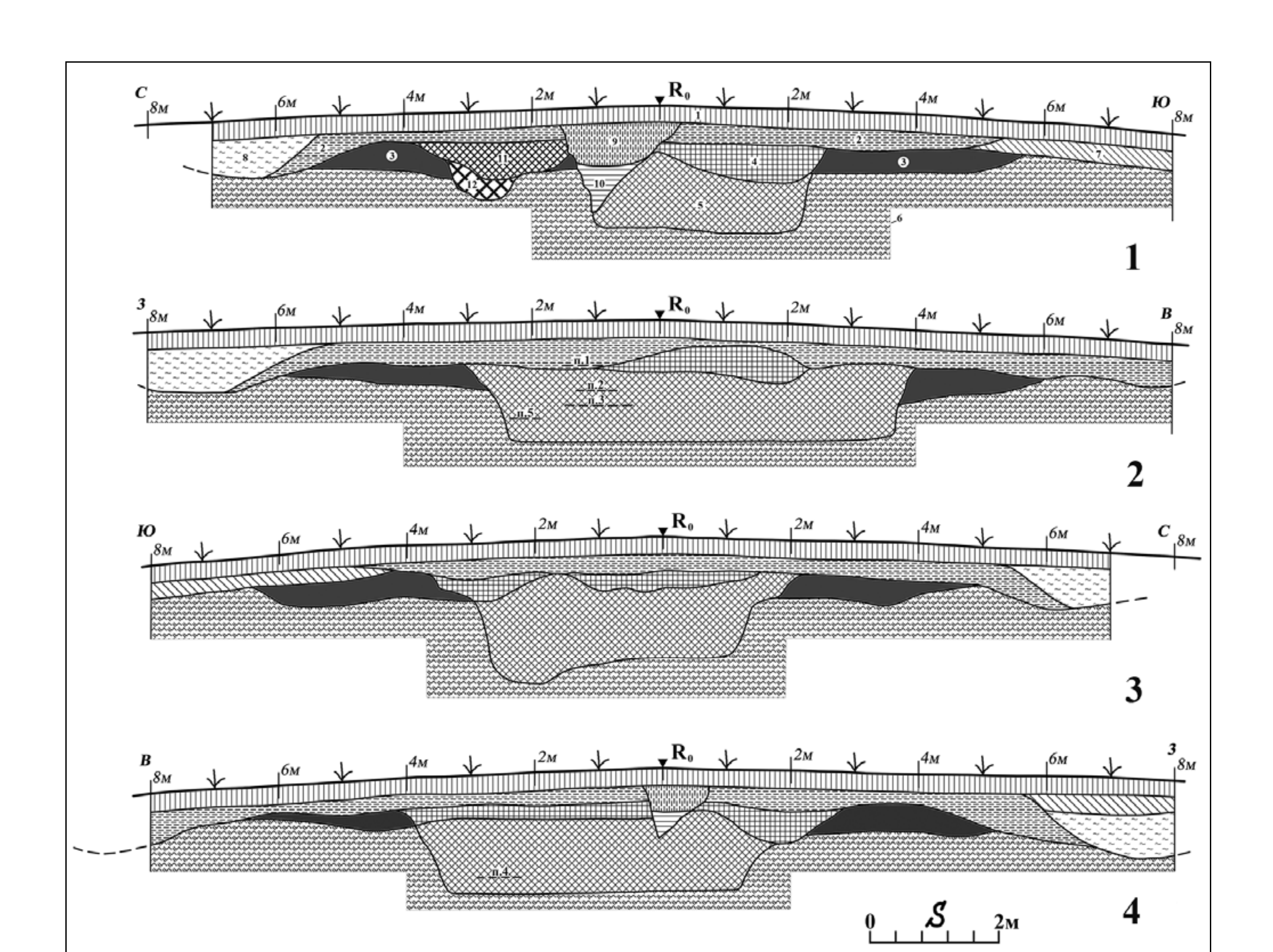

Рис. 20. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2 (2012), профили бровок: *1* — бровка север-юг, западный профиль; *2* — бровка запад-восток, южный профиль; *3* — бровка север-юг, восточный профиль; *4* — бровка запад-восток, северный профиль (1 — пахотный слой — серый смешанный песок; 2 — вальковая кладка насыпи из слоя трипольской культуры; 3 — гумусированный слой трипольской культуры; 4 — засыпка верхней части котлована из слоя трипольской культуры; 5 — гумусированное заполнение котлована с большим количеством кротовин; 6 — материк — жёлтый песок; 7 — слабогумусированная песчанистая подпочва; 8 — глееватый слой с переотложенным трипольским материалом; 9 — заполнение верхней части грабительской ямы; 10 — затёчное заполнение придонной части грабительской ямы; 11 — верхняя часть трипольского объекта 4; 12 — тёмное заполнение придонной части объекта 4).

Fig. 20. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2 (2012), profiles of the baulks: *1* — the baulk North South, western profile; *2* — The baulk West East, south profile; *3* — The baulk North South, east profile; *4* — The baulk West East, north profile (1 — arable layer — gray mixed sand; 2 — paddle structure of the mound from the Tripolye culture layer; 3 — humified layer of Tripolye culture; 4 — backfilling of the upper part of the ditch from the layer of Tripolye culture; 5 — humified filling of the ditch with a large number of molehills; 6 — mainland — yellow sand; 7 — slightly humified sandy subsoil; 8 — glue layer with redeposited Tripolye material; 9 — filling of the upper part of the robber's pit; 10 — filling of the lower part of the robber's pit; 11 — the upper part of the Tripolye object 4; 12 — the dark filling of the lower part of the object 4).

Рис. 21. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2 (2012), профили бровки север-юг: *1* — западный профиль; *2* — восточный профиль.

Fig. 21. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2 (2012), profiles of the baulk North South: *1* — western profile; *2* — east profile.

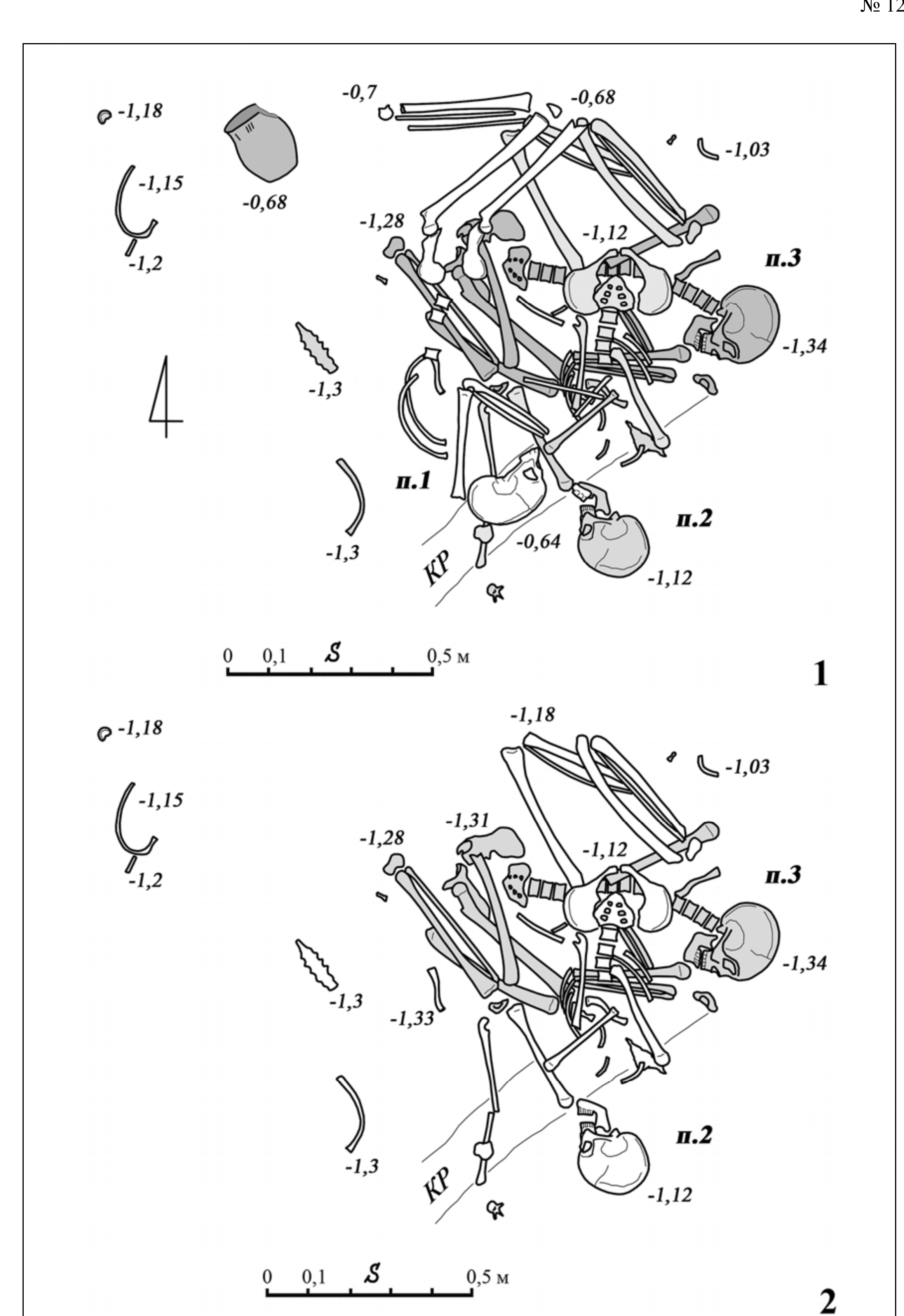

Рис. 22. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — погребения 1, 2 и 3; *2* — погребения 2 и 3.

Fig. 22. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — graves 1, 2 and 3; *2* — graves 2 and 3.

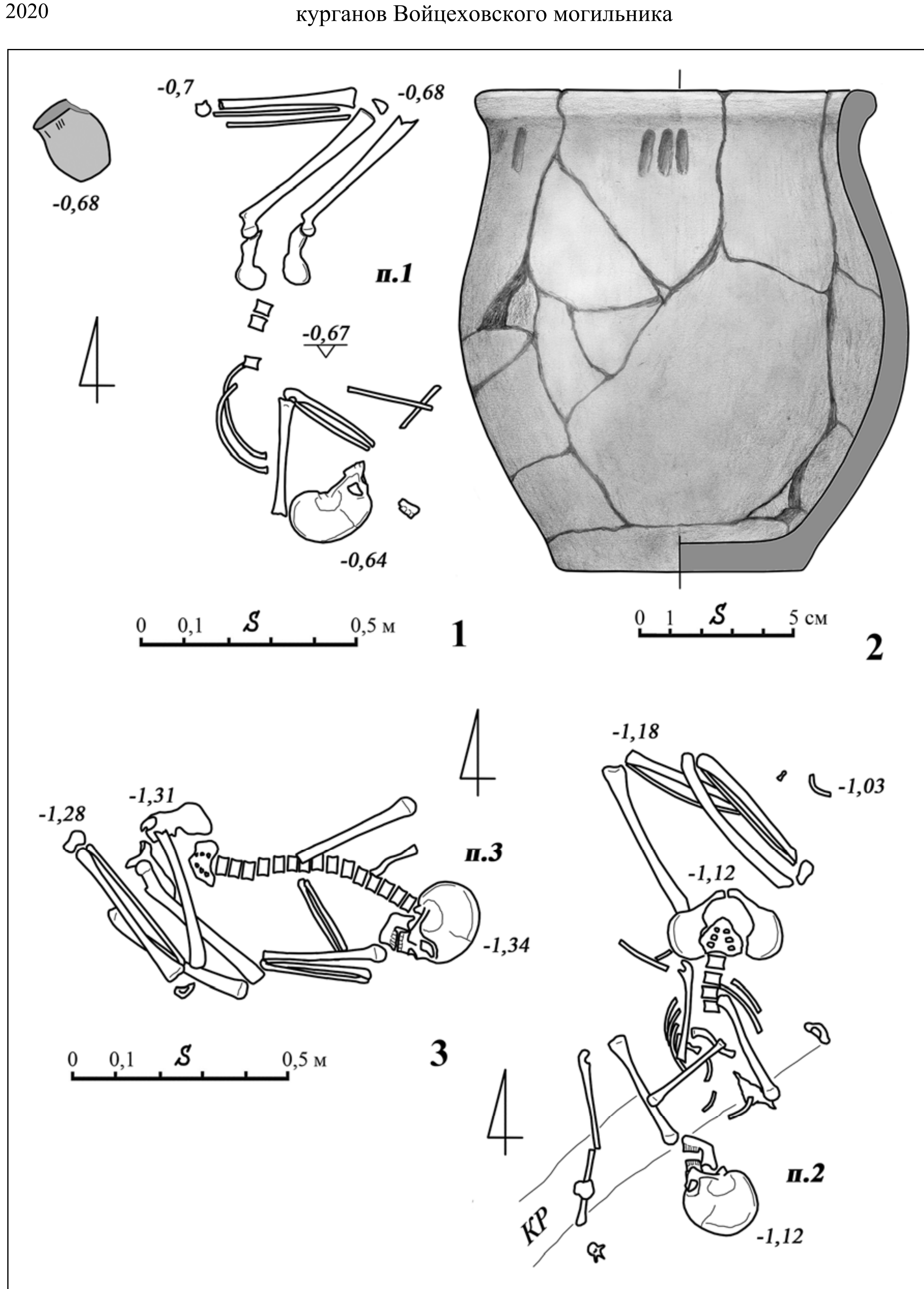

Рис. 23. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — погребение 1; *2* — сосуд из погребения 1; *3* — погребение 3; *1* — погребение 2.

Fig. 23. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — grave 1; *2* — vessel from grave 1; *3* — grave 3; *4* — garve 2.

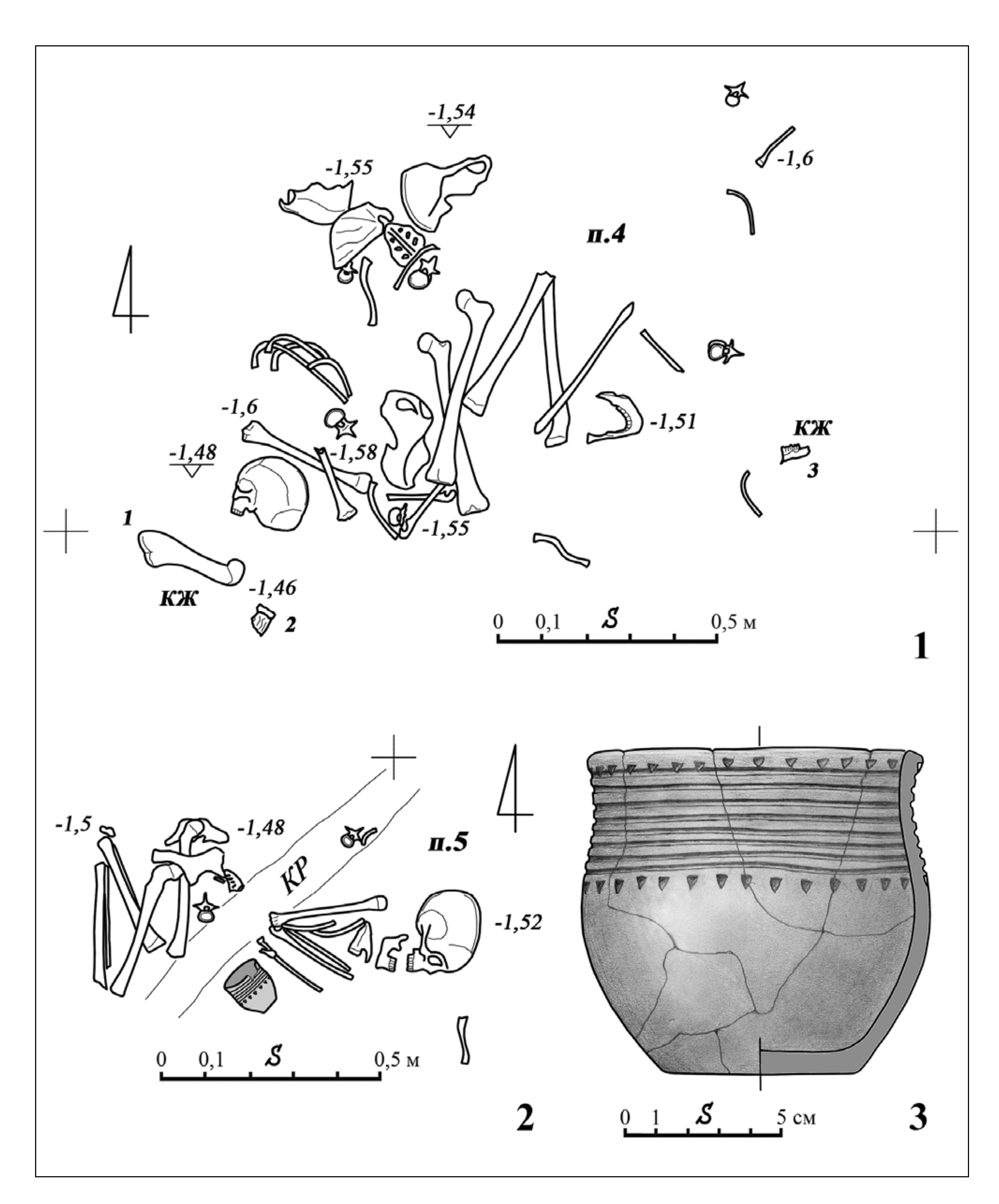

Рис. 24. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — погребение 4; *2* — погребение 5; *3* — сосуд из погребения 5.

Fig. 24. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — grave 4; *2* — grave 5; *3* — vessel from grave 5.

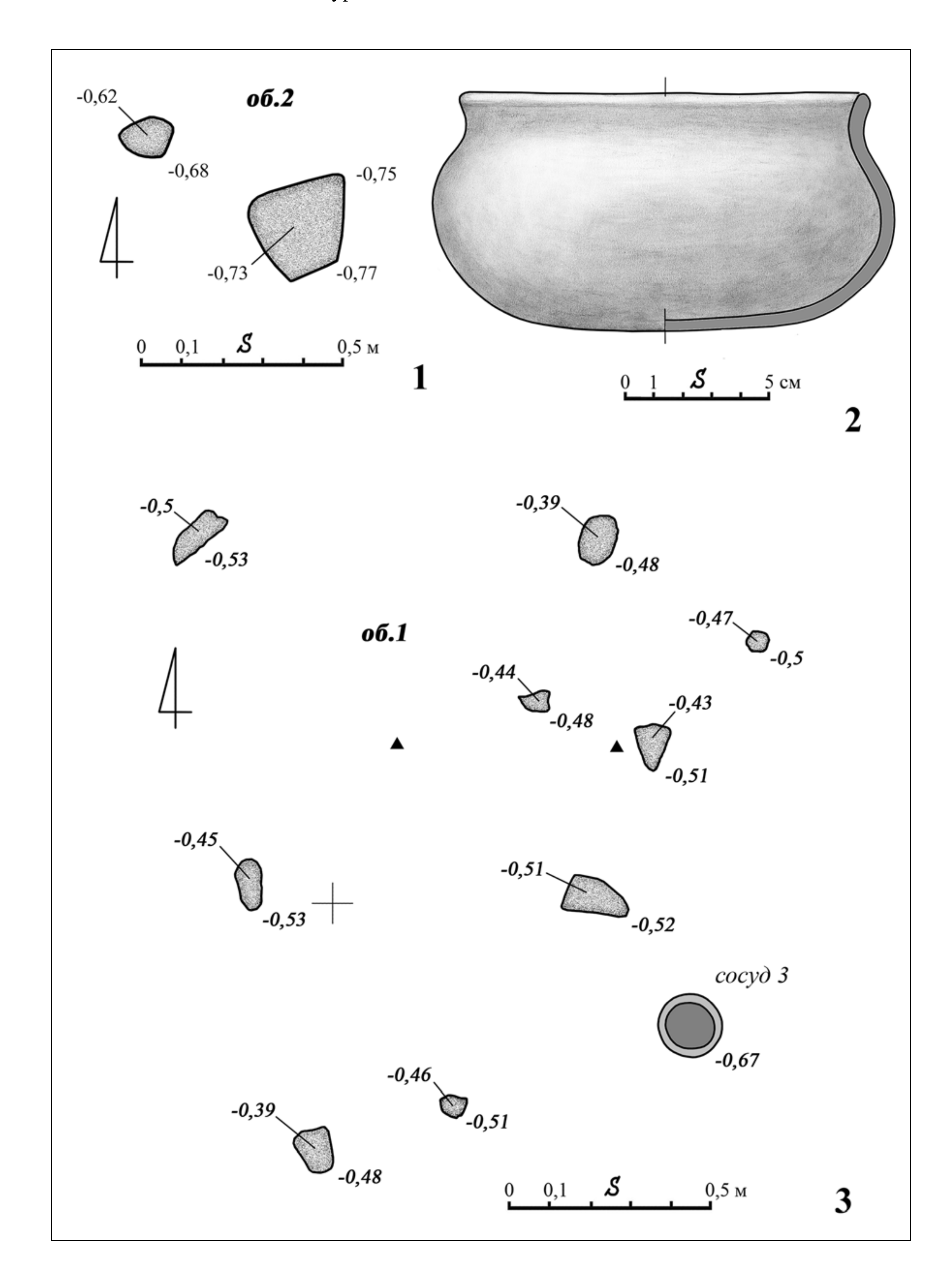

Рис. 25. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — объект 2; *2* — сосуд из объекта 1; *3* — объект 1.

Fig. 25. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — object 2; *2* — vessel from object 1; *3* — object 1.

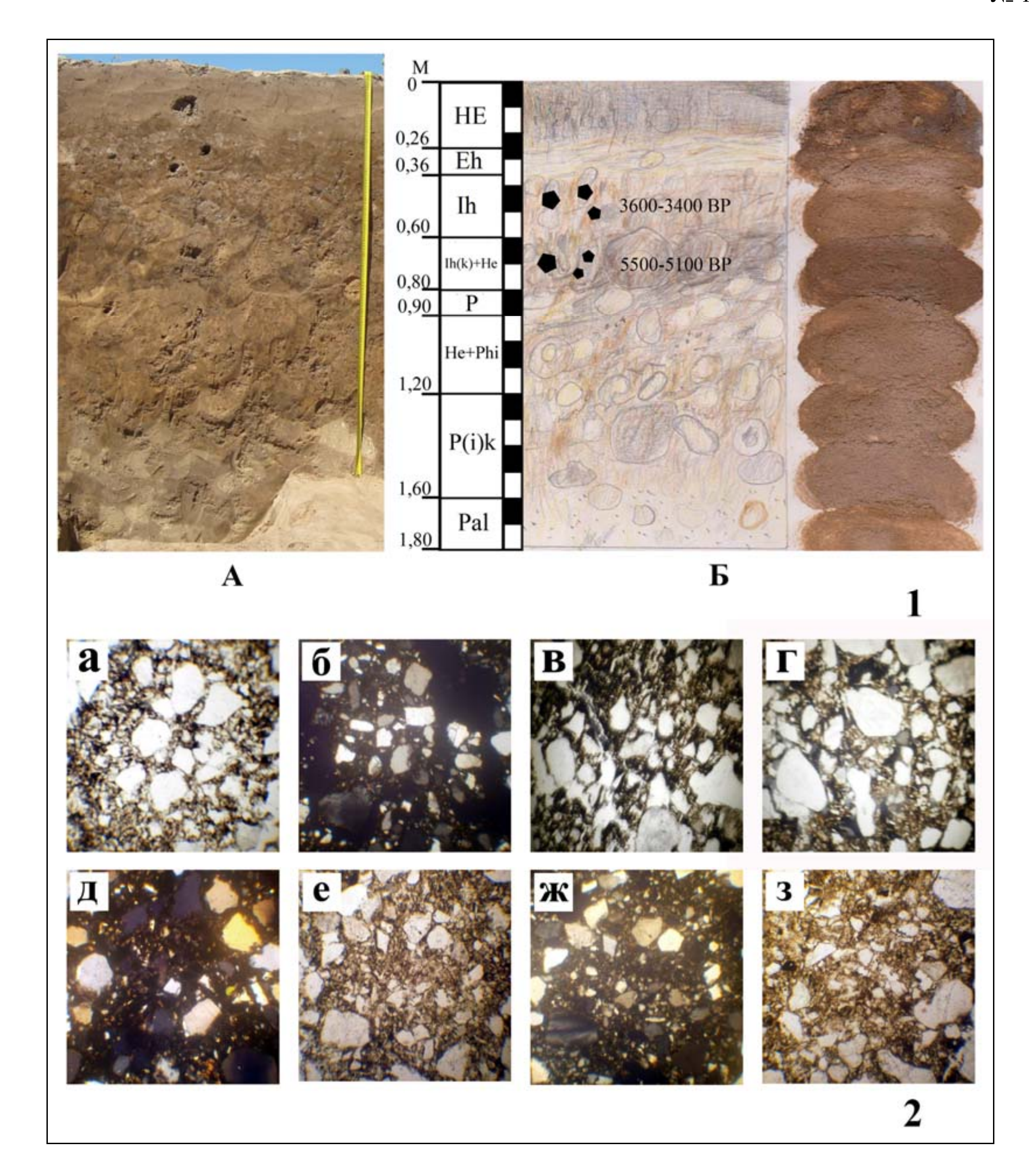

Рис. 26. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — расчистка 1: А — профиль; Б — цветная полевая зарисовка с примазками природного материала; *2* — расчистка 1; микростроение почв современных и материала с артефактами комаровской культуры тшинецкого культурного круга: а, б — современная почва, гумусово-элювиальный горизонт: нечёткие микроагрегаты, диспергированный гумус (а), скопления «отмытых» зёрен кварца (а,б); в, г, д — элювиальный горизонт, нечёткие агрегаты, «отмытые» микроучастки; е, ж, з — иллювиальный горизонт, в материале которого встречаются артефакты тшинецкого культурного круга: компактное сложения в форме слитых блоков, зёрна скелета плотно упакованы в ожелезненной плазме. Ув. 70, а, в, г, е, з — ник. ‖, б, д, ж — ник. +.

Fig. 26. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — soil cut 1: А — soil profile; Б — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material; *2* — soil cut 1; mikrostructure of genetic horizons of modern soil and soil with artifacts of the Komarov culture of the Tshynetsky cultural circle: а, б — modern soil, humus-eluvial horizon: indistinct microaggregates, dispersed humus (а), accumulations of “washed” quartz grains (а, б); в, г, д — eluvial horizon, fuzzy aggregates, “washed” microsections; е, ж, з — illuvial horizon, where there are artifacts of the Trzynec cultural circle: compact addition in the form of merged blocks, skeleton grains are densely packed in ferruginous plasma. Magnifying 70, а, в, г, е, з — nicol prism parallel, б, д, ж — nicol prism perpendicular.

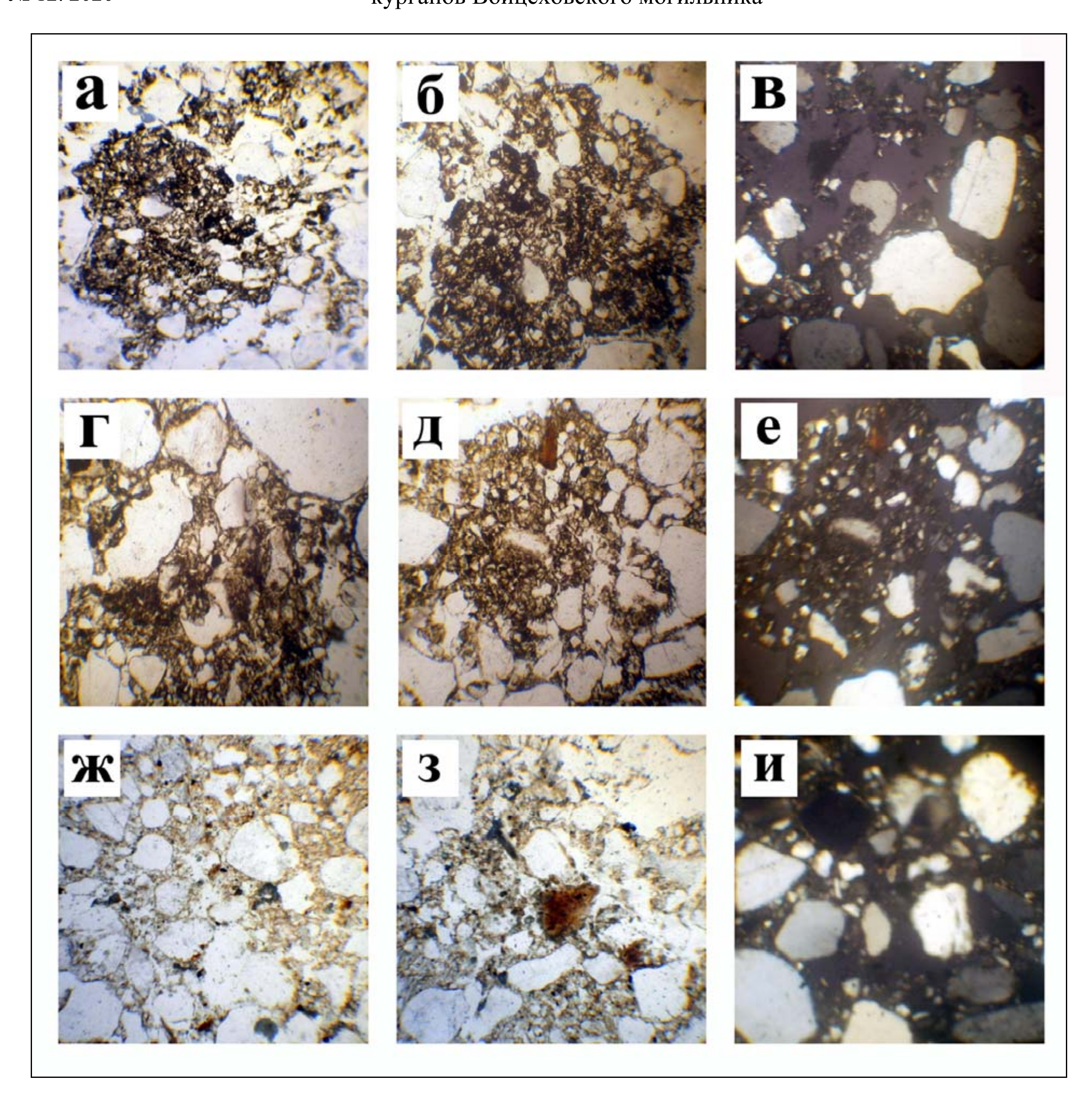

Рис. 27. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2, расчистка 1; микростроение горизонтов почв с артефактами трипольской культуры: а, б, в — гумусовый (He-горизонт) с трипольскими артефактами: сложные (до IV порядка) микроагрегаты (а, б), развита система меж- и внутриагрегатных извилистых пор (а, б), материал в скрещенных николях (в); г, д, е — горизонт породы слабо гумусированный: сложенный микроагрегат до до IV порядка, некоторая слитность плазмы (г, д), материал в скрещенных николях (е); є, ж, з — порода P(i)k: рыхлая упаковка песчаных зёрен минерального скелета, плазма слабо пропитана криптокристалическим кальцитом. Ув. 70, а, б, г, д, ж, з — ник. ‖, в, е, и — ник. +

Fig. 27. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: soil cut 1, mikrostructure of genetic horizons of Tripolye soil: а, б, в — humus (He-horizon) with Trypillian artifacts: complex (up to 4th order) microaggregates (а, б), a system of inter- and intra-aggregate tortuous pores (а, б), material in crossed nicols (c); г, д, е — poorly humified rock horizon: folded microaggregate up to order IV, some plasma fusion (г, д), material in crossed nicols (е); е, ж, з — rock P(i)k: loose packing of sandy grains of the mineral skeleton, the plasma is poorly saturated with cryptocrystalline calcite. Magnifying 70, а, б, г, д, ж, з — nicol prism parallel, в, е, и — nicol prism perpendicular.

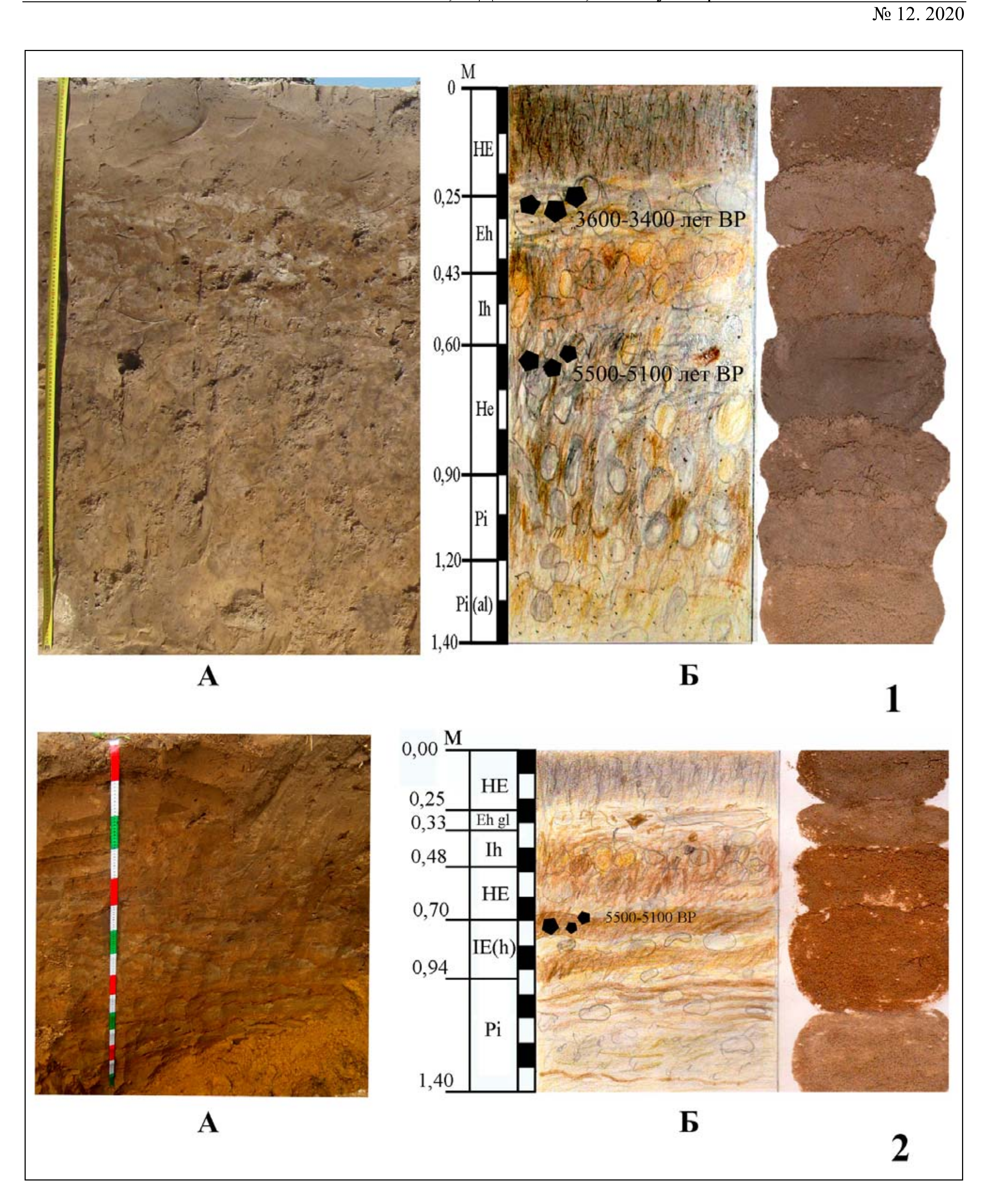

Рис. 28. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 2: *1* — расчистка 2: А — профиль; Б — цветная полевая зарисовка с примазками природного материала; *2* — расчистка 3: А — профиль; Б — цветная полевая зарисовка с примазками природного материала.

Fig. 28. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 2: *1* — soil cut 2: А — soil profile; Б — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material; *2* — soil cut 3: А — soil profile; Б — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material.

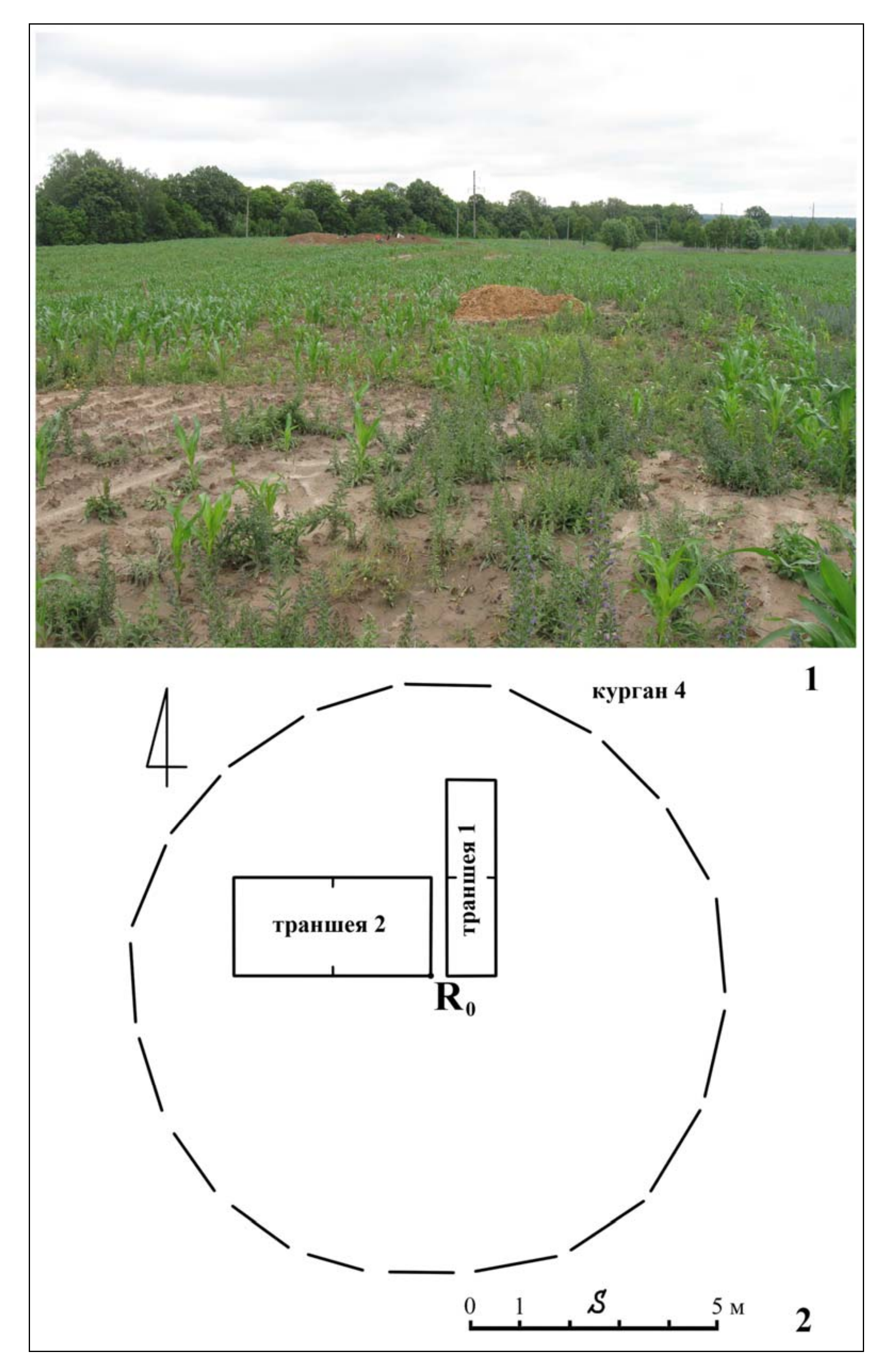

Рис. 29. Войцеховский могильник, курганная группа 3: *1* — вид с кургана 1 на курган 4 (расчистка 4); на заднем плане — курган 2; *2* — курган 4, план расположения поисковых траншей.

Fig. 29. Voytsehovka cemetery, barrow group 3: *1* — view from barrow 1 to barrow 4 (soil cut 4); barrow 2 is on the background; *2* — barrow 4, plan of the search trenches.

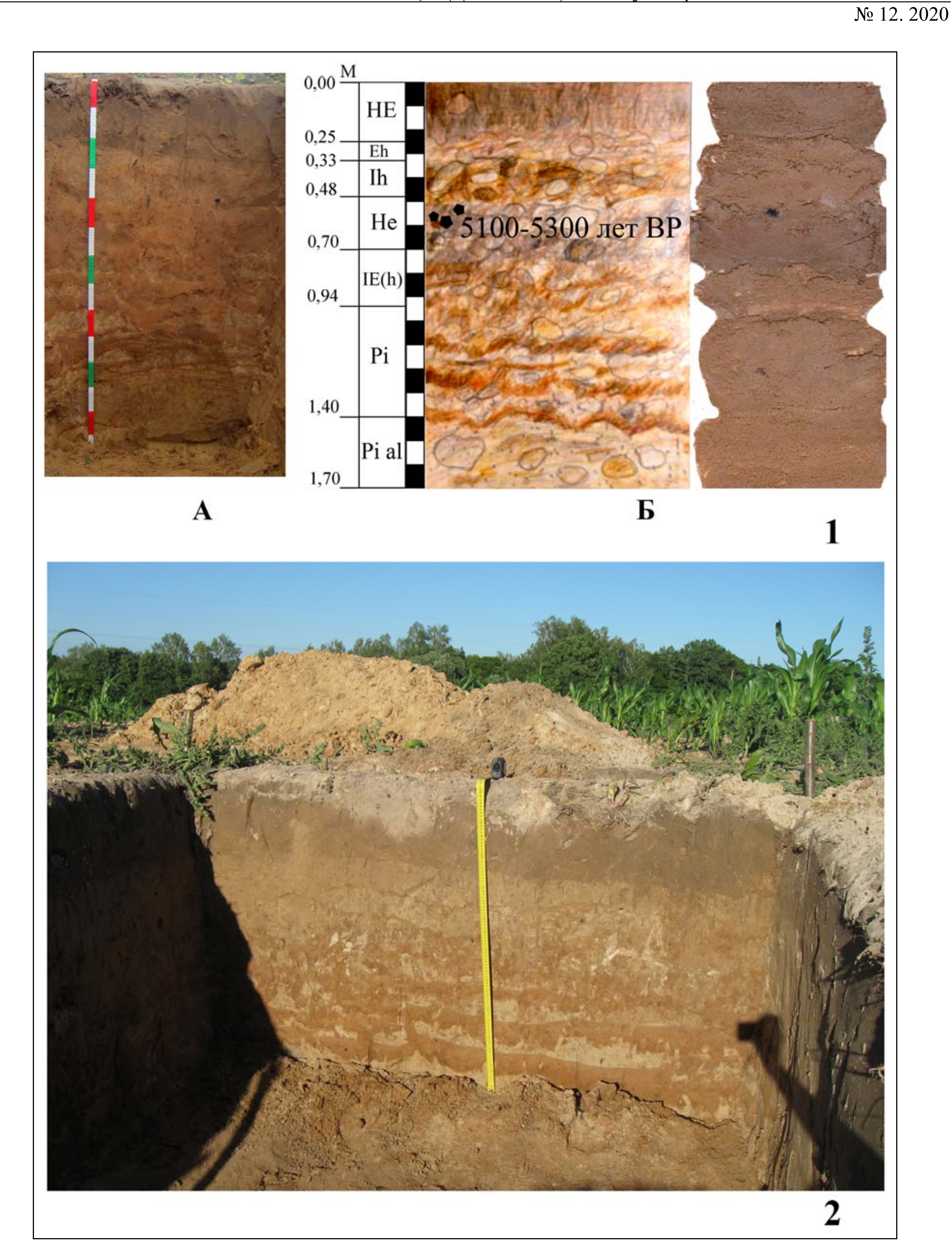

Рис. 30. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 4: *1* — расчистка 4: А — профиль; Б — цветная полевая зарисовка с примазками природного материала; *2* — западный профиль бровки между траншеями 1 и 2 в центре всхолмления.

Fig. 30. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 4: *1* — soil cut 4: А — soil profile; Б — stratigraphic dissection and drawing with samples of natural material; *2* — west profile baulk between trenches 1 and 2 in the center of the rise.

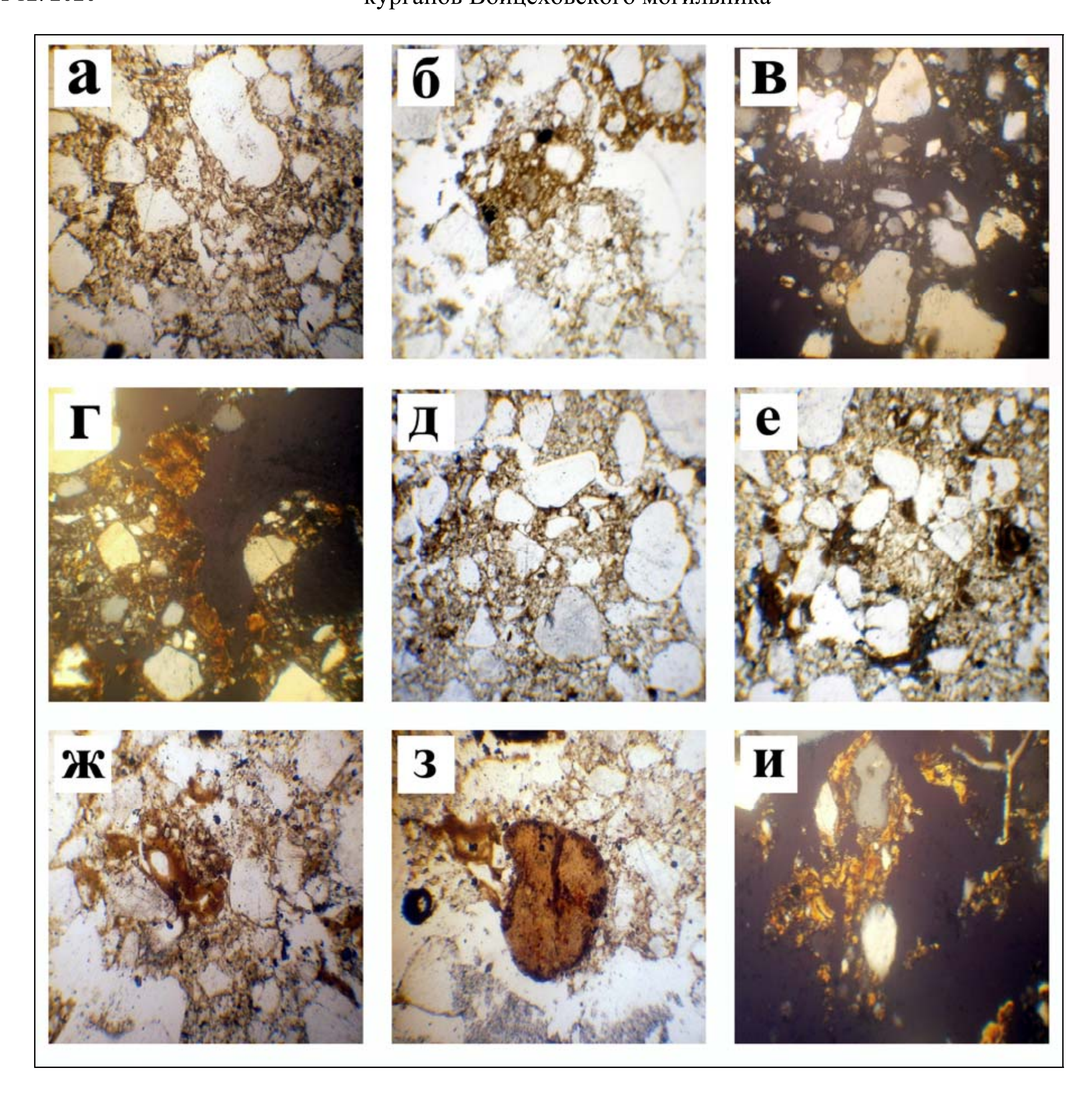

Рис. 31. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 4, расчистка 4, микростроение современных дёрново-подзолистых почв: а, б, в — гумусово-элювиальный горизонт: нечёткие микроагрегаты, прокраска плазмы диспергированым гумусом (а, б), микроагрегаты и «отмытые» участки (б), материал в скрещенных николях (в); г, д, е — элювиальный горизонт: обесцвеченная плазма (г, д), песчаные зёрна, сгустки гумуса, «отмытые» микроучастки, сгустки гидрооксидов марганца (д), материал в скрещенных николях (е); ж, з, и — иллювиальный горизонт, компактное микростроение в форме блоков (ж), выделение колломорфных глин (ж, з, и),желто-бурые колломорфные глины в скрещенных николях (з). Ув. 70, а, б, д, е, ж, з — ник. ‖, в, г, и — ник. +.

Fig. 31. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 4, soil cut 4, mikrostructure of genetic horizons of modern sod-podsolic soil: а, б, в — humus-eluvial horizon: fuzzy microaggregates, plasma staining with dispersed humus (а, б), microaggregates and “washed” areas (б), material in crossed nickels (в); г, д, е — eluvial horizon: discolored plasma (г, д), sand grains, humus clots, “washed” micro-areas, clots of manganese hydroxides (д), material in crossed nicols (е); ж, з, и — illuvial horizon, compact microstructure in the form of blocks (ж), selection of collomorphic clays (ж, з, и), yellow-brown collomorphic clays in crossed nichols (з). Magnifying 70, а, б, д, е, ж, з — nicol prism parallel, в, г, и — nicol prism perpendicular.

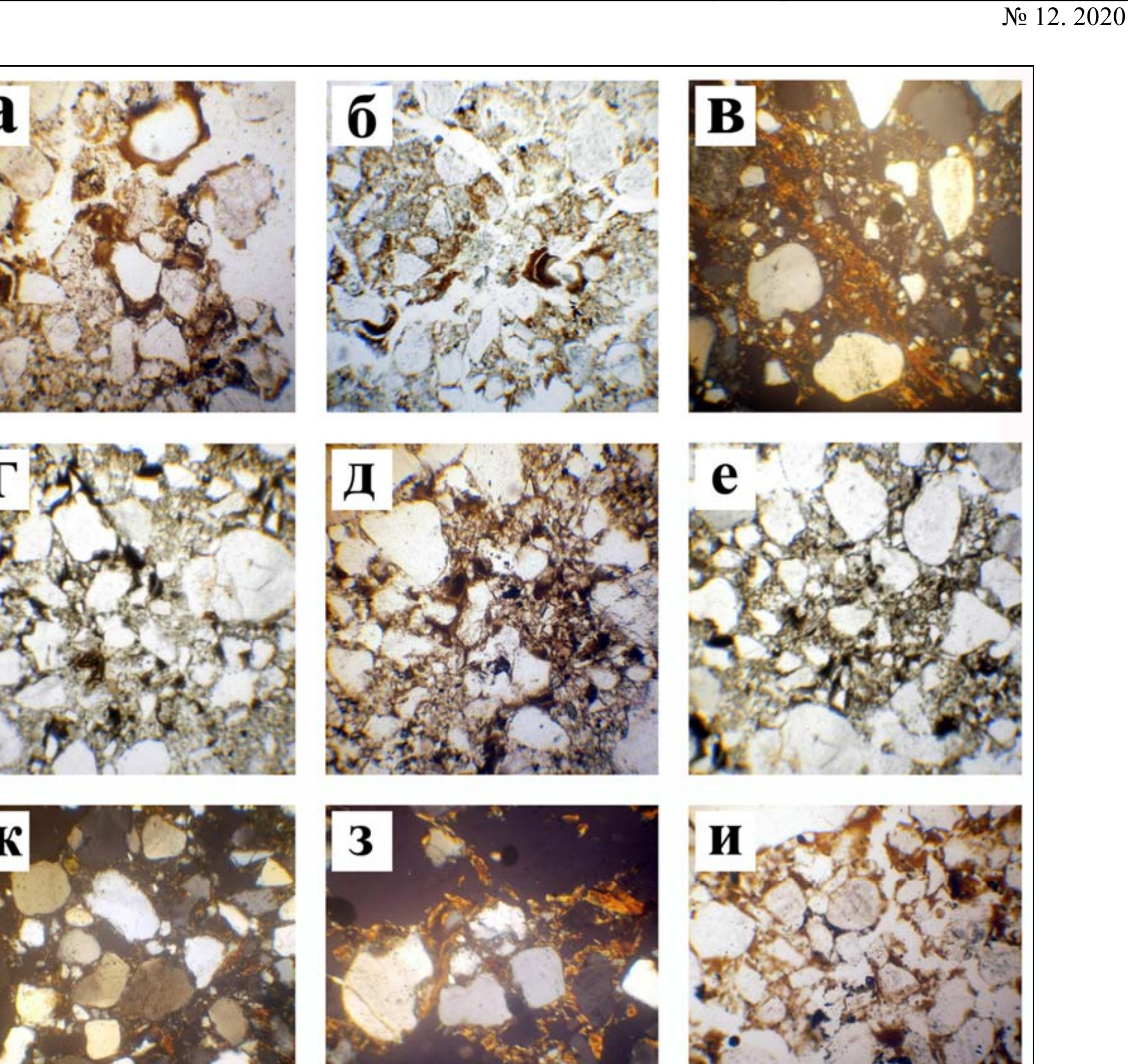

Рис. 32. Войцеховский могильник, курганная группа 3, курган 4, расчистка 4, микростроение почвы с артефактами трипольской культуры: а, б, в, — гумусово-элювиальный горизонт, переработанный иллювием вышележащий почвы: рыхлое сложение, диспергированный гумус (в т.ч. в составе натеков), многочисленные натеки колломорфных глин (а), микроагрегаты (в т.ч. сложные) разделенные извилистыми порами, «отмытые» микроучастки, скорлуповатые натеки, включающие частицы глин и гумуса (б), обособление колломорфных глин в скрещенных николях (в); г, д, е — элювиальный горизонт: рыхлое микростроение, осветленная плазма, «отмытые» микроучастки (г), песчаные зёрна, мелкие выделение гидрооксидов железа (д, е); ж, з, и — горизонт породы: многочисленные зёрна песка, натеки колломорфных глин (ж), микростроение в скрещенных николях (з), колломорфные глины пропитывающие плазму в ортзандовых слоях (и). Ув. 70, а, б, г, д, и — ник. ‖, в, ж, з — ник. +.

Fig. 32. Voytsehovka cemetery, barrow group 3, barrow 4, soil cut 4, mikrostructure of genetic horizons of of Tripolye soil: а, б, в — humus-eluvial horizon, processed illuvium overlying soil: loose composition, dispersed humus, numerous inflows of collomorphic clays (а), microaggregates separated by tortuous pores, “washed” micro-areas, including particles of clays and humulin (б) humus (б); г, д, е — eluvial horizon: loose microstructure, clarified plasma, “washed” micro-areas (г), sand grains, small release of iron hydroxides (д, е); ж, з, и — rock horizon: numerous grains of sand, inflows of collomorphic clays (ж), microstructure in crossed nickels (з), collomorphic clays impregnating plasma in orthzand layers (и). Magnifying 70, б, г, д, и — nicol prism parallel в, ж, з — nicol prism perpendicular.

УДК 903.53“638”(478)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00002

С.Б. Вальчак, С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко,
Н.Ю. Горболь, С.Н. Разумов, В.С. Синика

ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ ГРУППЫ «ПЛАВНИ» НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ*

На широком фоне аналогий рассматриваются два погребения предскифского периода (черногоровской культуры) из кургана 1 группы «Плавни» у с. Глиное Слободзейского района. Уделено внимание особенностям погребальных сооружений и погребального обряда. Рассмотрены вопросы хронологии и морфологии некоторых категорий украшений и форм керамических сосудов. Особое внимание привлекает погребение 10, совершённое в подбое и сопровождавшееся бронзовым пластинчатым браслетом. Это украшение не находит аналогий в материальном комплексе черногоровской культуры и типологически восходит к украшениям эпохи финальной бронзы. Однако особенности погребального обряда не позволяют относить данное погребение к белозёрской культуре. По совокупности признаков погребение предварительно отнесено к наиболее раннему этапу черногоровской культуры, переходному от белозёрской культуры. Исходя из этого, погребение 10 датировано первой половиной IX в. до н.э. Захоронение 17, с учётом не характерных для белозёрской культуры положения и ориентировки погребённого, а также «реликтовых» особенностей сосуда, отнесено к предскифскому периоду и датировано в рамках IX—VIII в. до н.э.

Ключевые слова: период финальной бронзы, белозёрская культура, предскифский период, черногоровская культура, Северо-Западное Причерноморье, погребальный обряд, бронзовый браслет, лепной кувшин.

Сведения об авторах: Вальчак Сергей Борисович[1], кандидат исторических наук, Институт археологии РАН; Лысенко Сергей Дмитриевич[2], кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины; Лысенко Светлана Станиславовна[3], кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины; Горболь Николай Юрьевич[4], Российский университет дружбы народов; Разумов Сергей Николаевич[5], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Синика Виталий Степанович[6], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1]117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Институт археологии РАН; e-mail: valchaks@yandex.ru; [2]04210, Украина, г. Киев, пр-т героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной Академия наук Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru; [3]04210, Украина, г. Киев, пр-т героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной Академия наук Украины; e-mail: aheron2000@yandex.ua; [4]117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, Российский университет дружбы народов; e-mail: gorbol13@gmail.com; [5]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, e-mail: razum_22@rambler.ru; [6]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: sinica80@mail.ru.

* Статья поступила в номер 27 ноября 2020 г.
Принята к печати 12 декабря 2020 г.

© С.Б. Вальчак, С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Н.Ю. Горболь, С.Н. Разумов, В.С. Синика.

S.B. Valchak, S.D. Lysenko, S.S. Lysenko, N.Yu. Gorbol, S.N. Razumov, V.S. Sinika

PRE-SCYTHIAN TIME GRAVES IN THE BARROW OF THE "PLAVNI" ("OVERFLOW") GROUP ON THE LOWER DNIESTER REGION

Two graves of the Pre-Scythian period (Chernogorovka culture) from the barrow 1 of the "Plavni" ("Overflow") group near the Glinoe village, Slobodzeya district, are considered on the broad background of analogies. Attention is paid to the peculiarities of grave structures and funeral rite. The issues of chronology and morphology of some categories of adornments and forms of ceramic vessels are considered. Particular attention is drawn to the burial 10, made in the undercut and accompanied by a bronze laminar bracelet. This jewelry does not find analogies in the material complex of the Chernogorovka culture and typologically goes back to jewelry from the Final Bronze Age. However, the features of the funeral rite do not allow attributing this grave to the Belozerka culture. The burial is tentatively assigned to the earliest stage of the Chernogorovka culture, transitional from the Belozerka culture, according to the totality of features. Based on this, grave 10 is dated to the first half of the 9th century BCE. Burial 17 is attributed to the Pre-Scythian period and dated to the 9th — 8th centuries BCE, taking into account the position and orientation of the buried, as well as the "relict" features of the vessel, which is not typical for the Belozerka culture.

Key words: the period of the Final Bronze Age, The Belozerka culture, the Pre-Scythian period, Chernogorovka culture, the North-West Black Sea region, the funeral rite, a bronze bracelet, a hand-made jug.

About the authors: Valchak Sergey Borisovich[1], PhD (History), Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Lysenko Sergey Dmitrievich[2], PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Lysenko Svetlana Stanislavovna[3], PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Gorbol Nikolai Yurievich[4], People's Friendship University of Russia; Razumov Sergey Nikolaevich[5], PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Sinika Vitalij Stepanovich[6], PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: [1]117292, Russian, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: valchaks@yandex.ru; [2]04210, Ukraine, Kyiv, Geroev Stalingrada Ave, 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: suraganga@yandex.ru; [3]04210, Ukraine, Kyiv, Geroev Stalingrada Ave, 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: aheron2000@yandex.ua; [4]117198, Russian, Moscow, Miklouho-Maclay St., 6, People's Friendship University of Russia; e-mail: gorbol13@gmail.com; [5]3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, e-mail: razum_22@rambler.ru; [6]3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: sinica80@mail.ru.

Исследования археологических памятников раннего железного века на территории Северо-Западного Причерноморья проводятся на протяжении более 120 лет. За этот период в регионе было изучено множество скифских, сарматских и черняховских захоронений. При этом погребений предскифского периода (черногоровской культуры) до настоящего времени было выявлено крайне мало.

Так, на левобережье Днестра за последние 30 лет были исследованы только 11 комплексов: в 1992 г. — курган с двумя захоронениями (основным и впускным) у г. Слободзея (Яровой и др. 2002); в 1994 г. — впускное погребение у с. Мокра Рыбницкого района (Синика и др. 2016: 73—74, 82—83, № 64, 65). Все остальные погребальные комплексы были изучены у с. Глиное Слободзейского района: в 1995 г. — одна впускная могила в кургане 1 (Фидельский, Синика 2010: 165—166, рис. 16: *1—4*); в 2015 г. — три впускных захоронения в кургане 4 группы «Сад» (Вальчак и др. 2019); в 2019 г. — два впускных погребения в кургане 1 группы «Рыбхоз», и ещё два — в кургане 1 группы «Плавни».

Таким образом, с учётом относительной малочисленности подобных подкурганных погребений, каждый новый комплекс, до настоящего времени не введённый в научный оборот, заслуживает пристального внимания и всестороннего изучения.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются два захоронения черногоровской культуры, обнаруженные в 2019 г. при исследовании кургана 1 группы «Плавни» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Памятник находился в 3,11 км к востоку-юго-востоку от пересечения шоссе Тирасполь-Днестровск с ул. Ленина с. Глиное, в 0,27 км к востоку от восточного берега оз. Красное. Ниже приводятся описание этого кургана, исследованных в нём погребений, а также сопровождающего инвентаря.

Курган 1 группы «Плавни» раскапывался параллельными траншеями с использованием техники. Насыпь была повреждена глубокой распашкой (до 0,4 м). Высота кургана от современной поверхности составляла 0,5 м. Высота насыпи над древней поверхностью на момент начала исследований составляла 0,6 м. В кургане обнаружены две древние ямы, каменные конструкции и 31 погребение: одно усатовской (?) культуры; два захоронения ямной культурно-исторической общности; девять захоронений позднего бронзового века, в том числе днепро-прутской бабинской и сабатиновской культур; два комплекса предскифского времени; одно скифское погребение; 12 средневековых захоронений; четыре неопределённых комплекса (рис. 1).

Погребение 10 (впускное) обнаружено в 2,5 м к югу от R_0. Совершено в подбое (рис. 2: *1, 2*).

Входная яма неправильной полуовальной формы была ориентирована (по максимальной ширине) по оси СЗ—ЮВ и зафиксирована на глубине 1 м от R_0. Размеры сооружения по дну 0,57 × 0,4—1,1 м, глубина 1,06 м от R_0.

К ССВ от входной ямы находилась *погребальная камера* подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентированная по линии ВЮВ—ЗСЗ, размерами 1,55 × 0,9 м по дну и глубиной 1,12 м от R_0. Свод камеры не сохранился. От входной ямы камера отделена ступенькой, высотой около 0,15 м.

На дне камеры лежал скелет маленького ребёнка в средне скорченном положении на левом боку, головой на ЮВ. Скелет занимал северо-восточную часть погребальной камеры, составляющую примерно одну четвёртую её общей площади. Правая рука, вероятно, была согнута в локте под острым углом, кости предплечья и кисти (перемещены землеройными животными) были направлены к лицевой части черепа, обращённой к ЮЮЗ. Левая рука была вытянута перед грудной клеткой (плечевая кость перемещена), кисть направлена к коленям и изогнута в запястье под прямым углом к костям предплечья. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночному столбу, берцовые — под острым углом к ним. Правая нога лежала поверх левой. Правая тазовая кость была перемещена в район костей стоп погребённого.

Под костяком прослежен след от подстилки овальной формы в виде коричневого органического тлена размерами 0,7 × 0,3 м.

Состав и расположение инвентаря: на костях предплечья левой руки, выше запястья, был надет бронзовый браслет (1).

Описание находки.

1. Браслет бронзовый пластинчатый с заходящими друг за друга концами. Он был изготовлен из линзовидной в сечении пластины. Концы сужаются и свёрнуты в петельки во внешнюю сторону. Один конец браслета заходит под другой на 22 мм[1], в результате чего

[1] Здесь и далее размеры публикуемых в этой статье вещей, зарисованных авторами, даны в «мм». Параметры аналогий, почерпнутых из литературы, приводятся в «см», как в источниках.

одна петелька полностью скрыта под пластиной противоположного конца. Диаметр браслета 43 × 47 мм; внутренний диаметр — 40 × 31 мм. Ширина пластины 9—11 мм; к концам сужается до 4 мм. Толщина пластины до 1,7 мм. Размеры петелек 7,7 × 5,5—6 мм (рис. 2: *3*).

По всей видимости, изначально изделие было изготовлено как браслет с разомкнутыми или соприкасающимися концами. Впоследствии диаметр браслета, скорее всего, был специально уменьшен под детскую руку, что привело к скрытию одной из концевых петелек под пластиной браслета.

Что касается культурно-хронологической принадлежности рассматриваемого погребения, то в этом случае мы должны рассмотреть несколько возможных вариантов. Погребения в подбоях в предскифский период встречаются достаточно часто (Гошко, Отрощенко 1986: 174—175; Махортых 2005: 54—55, 98), но известны они и в предшествующее время. Так, погребения в подбоях получают широкое распространение в днепро-прутской бабинской культуре[2] переходного от средней к поздней бронзе периода (Дворниченко 1968: 5—15; Шарафутдинова 1982: 48—51, 141; Савва 1992: 71; Литвиненко 2009: 8—9). Однако параметры публикуемого погребального сооружения не позволяют относить его к бабинским. Следует отметить, что входные ямы бабинских подбоев обычно имеют овальную либо подпрямоугольную форму и превышают по размерам либо равны погребальным камерам. Камеры же всегда овальной формы (а не подпрямоугольные, как в комплексе Глиное-Плавни 1/10), и относительно невелики по размерам. Они были рассчитаны на размещение тела в сильно скорченном положении (Литвиненко 2009: 98; Субботин и др. 2017: 157). Также заметим, что степень скорченности тела и положение рук, как в публикуемом погребении, не характерны для подбойных захоронений днепро-прутской бабинской культуры с восточной ориентировкой (Савва 1992: 29; Литвиненко 2009: 235—241, табл. 3: *3, 15*).

В литературе упоминаются и погребения в подбоях заключительного периода эпохи поздней бронзы, относимые к белозёрской культуре (Отрощенко 1986: 131—132; Ванчугов 1990: 52, 56). Однако при более детальном рассмотрении все «белозёрские» комплексы с подбоями оказываются недостоверными и относятся к черногоровской культуре раннего железного века. Так, проанализировав все случаи «белозёрских» погребений с подбоями и случаи прямой стратиграфии белозёрских и черногоровских погребений, В.В. Отрощенко пришёл к выводу, что «носители белозёрской культуры не хоронили своих покойников ни в подбоях, ни в катакомбах» (Отрощенко 2001: 191). Этот вывод представляется нам крайне важным, так как однозначно очерчивает нижнюю хронологическую границу погребения Глиное-Плавни 1/10[3].

Кроме конструкции погребального сооружения, аргументом в пользу его постбелозёрской датировки является также сам факт впуска единичного погребения в более ранний курган эпохи бронзы. В.В. Отрощенко указывает, что белозёрскую культуру «репрезентуют могильники ещё в значительной степени оседлого населения, иногда очень большие (до двухсот погребений)», а черногоровскую — «рассеянные (единичные) погребения кочевников. Могильник черногоровского типа, если о таковом вообще можно говорить, никогда не превышает три-пять впускных погребений» (Отрощенко 2001: 190).

Положение погребённого в захоронении Глиное-Плавни 1/10 по некоторым признакам соответствует вариантам обряда предскифского периода, в частности, черногоровской

[2] Ранее «культура многоваликовой керамики». Названия археологических культур Северного Причерноморья в работе приводятся согласно терминологии, принятой на сегодняшний день большинством исследователей региона.

[3] Здесь и далее числитель обозначает номер кургана, знаменатель — номер погребения.

культуры. Ориентировка в восточный сектор, близкое положение рук и ног отмечено в следующих погребениях: Рошканы 3/4 (Новоаненский р-н) на правобережье Нижнего Днестра; Анатольевка 1/5 (Николаевская обл., Березанский р-н) в Днестро-Бугском междуречье; Аккермень I 11/9 и 17/11 (Запорожская обл., Васильевский р-н) в Нижнем Поднепровье; Астанино 7/7 (Крым, Ленинский р-н). И все эти захоронения были совершены в подбоях (Махортых 2005: рис. 47: *1, 2, 4—7*, 51: *1—4*, 52: *5, 6*, 135: *1—5*; Вальчак и др. 2019). Сходные признаки имеют и погребения в ямах, иногда с деревянными конструкциями: Марьянское 7/1 (Днепропетровская обл., Апостоловский р-н) — на правобережье Нижнего Днепра; Высокая Могила 1/5 (Запорожская обл., Васильевский р-н, с. Балки), Заплавка 5/8 (Днепропетровская обл., Магдалиновский р-н), Николаевка I 1/4 (Днепропетровская обл., Новомосковский р-н) — на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: рис. 72: *1—8*, 85: *1, 2*, 114: *9—11*, 116: *3—5*) и многие другие.

Не противоречит положение погребённого и некоторым вариантам обряда белозёрской культуры с юго-восточной ориентировкой, учитывая, что во многих случаях в положении рук отсутствует единообразие и «взаимосвязи между положением костяков и позой рук не прослеживается» (Ванчугов 1990: 51—52; Тощев 1992: 25, рис. 6: *11*, 7: *8*). Впрочем, и в предскифских памятниках Восточной Европы мы неоднократно наблюдаем аналогичные случаи.

На протяжении 1970—80-х гг. обнаруженные подбойные сооружения поздней бронзы и предскифского периода рассматривались в статьях (Черняков 1977: 31—33; Ванчугов, Субботин 1980: 57) и в обобщающей монографии (Тереножкин 1976).

Но аргументы для «базового» комплекса Кочковатое 50/1 в Дунай-Днестровском междуречье (Одесская обл., Татарбунарский р-н), который считался парным погребением, где в подбое и в прямоугольной входной яме отдельно были захоронены два человека, были основаны на ошибочном определении этих захоронений. Погребение 1-а было основным в кургане. Ориентировка обоих скорченных погребённых — на ЮЮВ — была одинакова и для входной ямы, и для подбоя в восточной стенке, что характерно не только для белозёрской культуры, но и для Дунайско-Днестровской подгруппы памятников предскифского периода (Махортых 2005: табл. 2: *5—7*). Интересно то, что «входная яма» имела по периметру дна канавки. Эта конструктивная особенность нередко встречается в основных погребениях курганов белозёрской культуры (Ванчугов 1990: 50, рис. 15: *1, 2, 4*), но практически полностью отсутствует в предскифский период.

Во «входную яму», на самом деле являвшуюся ямой основного погребения (скелет 1-а) белозёрской культуры без инвентаря, спустя некоторый временной промежуток было впущено предскифское погребение (скелет 1-б) в подбое (Отрощенко 2001: 191, мал. 38: *5—9*; Махортых 2005: 339—340, рис. 104: *5, 6*).

Вызывает сомнения и белозёрская принадлежность погребения 2 кургана 5 Суворовского могильника (Одесская обл., Измаильский р-н) на левобережье Нижнего Дуная (Махортых 2005: 362, рис. 148: *7—11*). Изначально памятник рассматривался как киммерийский с сильными белозёрскими пережитками (Черняков 1977). Позднее Т.И. Ойстрах пересмотрела материалы могильника и признала его целиком белозёрским (Ойстрах 1989). В. В. Отрощенко разделил погребения Суворовского могильника на основные (белозёрской культуры) и впускные — черногоровские (Отрощенко 1989: 111; 2001: 191). Подчеркнём, что насыпь кургана 5 на момент исследований была полностью распахана. Поэтому заявленная исследователями могильника стратиграфическая позиция погребения 1 (в большой яме, «впускного») и 2 (в яме с подбоем, «основного») не может быть признана однозначной.

Следовательно, достоверные погребения в подбоях, как уже отмечено выше, для белозёрской культуры не известны.

Тем не менее, следует заметить, что такой вид украшений, как браслеты, не характерен для степных памятников предскифского периода. При этом бóльшая часть комплексов с браслетами была отнесена к этому периоду ошибочно. Здесь мы исключаем синхронные памятники восточноевропейской Лесостепи и Северного Кавказа, в которых наручные браслеты встречаются достаточно часто, а рассматриваем памятники именно степного региона.

Например, в своде С.В. Махортыха упоминаются только четыре степных северопричерноморских погребения с браслетами: Суворово 4/1 на левобережье Нижнего Дуная; Новопетровка (Николаевская обл., близ г. Вознесенск) в Побужье; Буское, погребение 1 (Днепропетровская обл., Днепропетровский р-н) на правобережье Нижнего Днепра; Александровка 1/2 (Днепропетровская обл., Днепропетровский р-н) на левобережье Нижнего Днепра (Махортых 2005: 105, 314, 323, 347, 361, рис. 30: *37*, 50: *4*, 68: *7*).

Основное погребение в кургане из Новопетровки с золотым браслетом, исходя из описания (так как других данных нет), по особенностям обряда более соответствует элитному погребению белозёрской культуры (Тереножкин 1976: 68—69). Погребение Суворово 4/1 (основное, ребёнок), с бронзовым браслетом из круглого в сечении прута (Черняков 1977: 30—31, рис. 1: *4—9*; Тереножкин 1976: 63, рис. 31), также вызывает сомнения в его принадлежности к предскифскому периоду по целому ряду признаков. Если принять достаточно аргументированные доводы Т.И. Ойстрах, то оно, как и большинство других погребений Суворовского могильника, относится к белозёрской культуре (Ойстрах 1991: 82—87).

Из этого небольшого списка с предскифским периодом могло бы быть связано только разграбленное погребение из Александровки с бронзовым браслетом из прута круглого сечения. Но конструкция погребения и сосуд (Ромашко 1979: рис. 1: *12*; Махортых 2005: рис. 50: *3*) необычны для предскифских памятников. Морфология сосуда из этого погребения находит ближайшие аналогии в форме кубков из упомянутого выше погребения Волошское 1, а также из ряда памятников белозёрской культуры: Кочковатое 34/1 (Одесская обл., Татарбунарский р-н), Васильевка 3/3 и 28/1 (Одесская обл., Болградский р-н), Дивизия 5/2 (Одесская обл., Татарбунарский р-н) в Дунай-Днестровском междуречье, Широчанского могильника (Херсонская обл., Скадовский р-н) на левобережье Нижнего Днепра, а также из поселения Черноморка (Николаевская обл., Очаковский р-н) в Буго-Днепровском междуречье (Ванчугов 1990: рис. 29: *12—14*, 30: *12, 14*, 31: *21*, 32: *3*; Мелюкова 1979: 62, рис. 13: *1, 2, 4—12*). Да и сам браслет из Александровки 1/2 органично вписывается в комплекс украшений эпохи поздней бронзы, среди которых он находит многочисленные аналогии (Лысенко 2006: рис. 21—24).

Таким образом, принадлежность к предскифскому периоду и погребения 2 кургана 1 у Александровки крайне маловероятна. На его датировку повлияла единственная находка в кургане 6 этого же могильника — предскифского бронзового наконечника стрелы «цимбальской серии» в полностью разграбленном погребении (Ромашко 1979: 107; Ковалёва, Мухопад 1982: 91, рис. 1; Махортых 2005: 313—314, рис. 49: *3*; Вальчак 2006: 266—267).

Основные погребения в курганах 1 и 6 Александровки были совершены в больших подквадратных ямах с дромосами (иногда рассматриваются различными исследователями как грабительские ходы), со сложными деревянными подкурганными и внутримогильными конструкциями, с канавкой по периметру дна ямы в кургане 6. Остаются неизвестными

время тотального ограбления этих погребений и обстоятельства попадания в одно из них наконечника стрелы VIII в. до н.э. Всё это может свидетельствовать о принадлежности разрушенных погребений курганов 1 и 6 Александровки к памятникам поздней или финальной бронзы, но не предскифского периода. Отметим, что принадлежность кургана 1 у с. Александровка к белозёрской культуре не исключал и исследовавший этот комплекс В.А. Ромашко (Ромашко 1979: 107). В.В. Отрощенко, критикуя позицию С.В. Махортыха, также рассматривает погребения в кургане 1 у с. Александровка в качестве белозёрского могильника (Отрощенко 2019: 150).

Таким образом, достоверных степных погребений предскифского периода, в которых были бы встречены металлические браслеты, до недавнего времени мы не имели.

Однако в ходе переосмысления серии комплексов, датируемых ранее другими периодама, к черногоровской культуре было отнесено погребение 24 в кургане 3 у с. Троицкое (Запорожская обл., Мелитопольский р-н). Автор раскопок, Л.С. Клейн, связывал это погребение со срубной культурой. Оно было впущено в центр насыпи, где оказалось в окружении ряда захоронений бережновско-маёвской срубной культуры, частично разрушив или перекрыв их. Известняковое перекрытие погребального сооружения находилось непосредственно под поверхностью насыпи, над западной частью погребальной площадки. Сохранился западный сегмент завала (шириной 1 м при высоте 0,5 м); однако отдельные камни и их скопления фиксировались и с восточной стороны конструкции. Контуры сооружения в чернозёмной насыпи не фиксировались, но, судя по расположению костей человека и животного, его размеры были приблизительно 2,2 × 1,4 м, глубина — 1 м, ориентация — запад-восток. Скелет взрослого человека занимал западную и центральную часть сооружения, где был положен в слабо скорченной позе, на левом боку головой на ВЮВ. Левая рука погребённого была согнута в локте под острым углом так, что кисть её находилась на уровне глаз. Правая рука была вывернута локтем вперёд[4] и её плечевая кость легла на нижнюю челюсть человека, а локоть перекрыл запястье левой. Кости предплечья были направлены вниз таким образом, что кисть правой оказалась ниже локтя левой руки. В северо-восточном секторе сооружения, выше затылка погребённого, находилась задняя часть скелета и закинутая за спину голова ягнёнка с верхними позвонками шеи. Жертвенное животное положили на правом боку, головой на восток. Кусок мяса с костями передней ноги овцы вложили в левую руку погребённого. В 0,2 м от коленей погребённого был найден отщеп кремня с ретушью. Между костями ягнёнка и напутственной пищей в руке на дне ямы располагались комки красной охры. На фаланге правой кисти сохранились следы медных окислов, вероятно от распавшегося кольца. На костях предплечья левой руки погребённого, в 10 см от запястья, найдены мелкие кусочки трубочки, свёрнутой из тонкой листовой меди – вероятно, фрагменты трубчатого *браслета* (Клейн 1960: 144—156, рис. 114; Отрощенко 2019: 151—153, рис. 1: *1*). Состояние находки и её описание не дают однозначного представления, был ли браслет цельным или наборным из отдельных трубчатых пронизей, однако сам факт обнаружения его на руке у запястья сомнения не вызывает.

Материалы погребения Троицкое 3/24 (рис. 3: *4*) показывают, что бронзовые браслеты не были совсем чужды комплексу украшений черногоровской культуры, хоть их и нельзя считать массовыми находками.

В то же время в погребальных памятниках эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья бронзовые браслеты разных типов не являются совсем уж необычной находкой. Среди браслетов с несомкнутыми, сходящимися и заходящими концами (в 0,7—

[4] Такая позиция руки оказалась ключевым аргументом для отнесения погребения Троицкое 3/24 к черногоровской культуре, о чём речь пойдёт ниже, при описании погребения 17 кургана 1 группы «Плавни».

1,5 оборота) превалируют экземпляры из округлого в сечении прута, реже встречаются сегментовидные и линзовидные в сечении, а также пластинчатые. На последних остановимся более детально.

В степной зоне Северного Причерноморья на сегодняшний день нами учтено всего четыре пластинчатых браслета эпохи бронзы с несомкнутыми концами. В погребении 15 кургана 5-1 могильника Градешка (Одесская обл., Ренийский р-н, с. Новосельское) на левобережье Нижнего Дуная фрагмент бронзового браслета был найден на запястье вытянутой к коленям левой руки. Судя по сохранившемуся обломку, составляющему 1/3—1/4 оборота, он сделан из пластинки шириной 0,6 см и толщиной 0,1 см, оба конца отсутствуют. Погребение отнесено исследователями к культуре многоваликовой керамики (Субботин и др. 1995: 118, рис 4: *7, 8*).

В разрушенном погребении 7 кургана 1 могильника Бабурский (Запорожская обл., г. Запорожье, Верхняя Хортица) на левобережье Нижнего Днепра была обнаружена часть руки с бронзовым браслетом, изготовленным из узкой пластины с заходящими один за другой концами. Диаметр его 4,3 см, ширина пластины 0,4 см. Погребение отнесено к срубной культуре (Попандопуло 1993: 79—80, рис. 3: *4*).

Пластинчатый браслет со слегка заходящими один под другой концами найден в слое белозёрского поселения Кошница (Дубоссарский р-н) на левобережье Нижнего Днестра (Мелюкова 1979: рис. 8: *6*; Ванчугов 1990, рис. 37: *26*).

Но наибольший интерес для нас представляет браслет, обнаруженный в погребении 20 «северного пятна» на могильнике белозёрской культуры Будуржель у с. Плавни[5] (Одесская обл., Ренийский р-н) на левобережье Нижнего Дуная. Яма размерами 2 × 1,8 м и глубиной 1,8 м; костяк лежал на левом боку с разворотом на живот по диагонали ямы, головой на ЮВ. Правая рука согнута в локте под прямым углом и лежала под телом, левая согнута и кистью направлена к лицу. У коленей лежали 11 костяных колышков остриями к ЮЗ. На шейных позвонках найдены две стеклянные бусины и обломки серебряного изделия (рис. 2: *4, 5*). На запястье левой руки находился бронзовый *браслет* (рис. 2: *6*)[6] (Гудкова и др. 1982: 9, табл. IX: *2—5*; Андрух и др. 1985: 82, рис. 34: *1*, 36: *21*; Ванчугов 1990: рис. 37: *25*). Приведём ниже детальное описание находки.

Бронзовый пластинчатый браслет с соприкасающимися концами. Он был изготовлен из тонкой пластины, асимметрично-линзовидной в сечении. Концы сужающиеся, в сечении сегментовидные. Диаметр браслета 75 × 73 мм; внутренний диаметр — 72 × 69 мм. Ширина пластины до 7,2 мм; к окончаниям сужается до 3—3,5 мм. Толщина пластины до 2 мм; на концах утончается до 1 мм.

Этот браслет является ближайшей аналогией и наиболее хронологически близок к браслету из погребения Глиное/Плавни 1/10. Он позволяет нам представить, как первоначально выглядела заготовка глинянского браслета до того, как концы его были свёрнуты в петельки, а позднее и заведены один под другой с целью уменьшения диаметра браслета под детскую руку. Однако при общем сходстве обоих украшений они имеют и одно существенное отличие — наличие петелек на концах браслета из комплекса Глиное/Плавни 1/10. Этот признак позволяет считать оба браслета близкими, но не тождественными.

В различных регионах Центральной Европы и Карпато-Подунавья на протяжении всего периода эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века (от BrA до HaD)

[5] В отчёте о раскопках и полевой документации «северное пятно» могильника белозёрской культуры Будуржель соответствует кургану № 22 курганного могильника Плавни (Гудкова и др. 1982: 8; Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 71, 77).

[6] План погребения был отбелен для настоящей публикации на основании чертежа и фотографий в отчёте о полевых исследованиях (Гудкова и др. 1982: табл. IX: *2*).

оформление концов в виде свёрнутых на внешнюю сторону петелек широко представлено на шейных гривнах (Müller-Karpe 1980; Novotná 1984). Известны они и на браслетах, хотя последние зафиксированы гораздо реже. Так, петельки расположены на концах круглого в сечении браслета из Дискау в Центральной Германии (Müller-Karpe 1980, taf. 302: A: *4*), относящегося к периоду ранней бронзы (по центрально-европейской шкале) (XIX—XVII вв. до н.э.). В юго-западной Румынии (Олтения) такой браслет, круглый в сечении, происходит из клада из Маглавит (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 48, pl. 17: *15*), датированного XVI—XIV вв. до н.э. Около десятка браслетов с петельками на концах с уплощённым (подовальным, линзовидным и сегментовидным) сечением обнаружено в кладе из Бэлень в Румынской Молдове (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 73—74, pl. 78: *4*; 1978: taf. 57: *190—200*). Клад относится к культуре ноа и датирован XIII в. до н.э. Важно отметить, что, наряду с браслетами с несомкнутыми концами с петельками на концах, из клада из Бэлень происходит также около 50 обыкновенных браслетов с несомкнутыми концами, что свидетельствует о сосуществовании обоих типов украшений в западной части Северо-Западного Причерноморья в конце классического периода эпохи поздней бронзы.

Мы не случайно выше упомянули шейные гривны с петельками на концах. Согласно нашим наблюдениям, многие типы украшений дублируются в разных категориях, отличаясь размерами, но сохраняя принадлежность одному стилю. В качестве примера можем привести гривны, браслеты и перстни со спиральными щитками (Лысенко 2005); массивные цельнолитые гривны и браслеты с богатым гравированным и чеканным орнаментом (Лысенко, Лысенко 2011: рис. 38, 49). Видимо, подобную ситуацию мы наблюдаем и в отношении гривен и браслетов с петельками на концах. Хотя такие браслеты и малочисленны, но их бытование зафиксировано в различные периоды эпохи поздней бронзы наряду с шейными гривнами. Находка браслета из Глиное-Плавни 1/10 восполняет лакуну в бытовании таких украшений на финальном этапе эпохи поздней бронзы при переходе к раннему железному веку.

Погребение 17 (впускное) кургана 1 группы «Плавни» обнаружено в 7 м к юго-западу от R_0 на глубине 0,7 м от R_0. Совершено в подбое и впущено в кольцевую выемку вокруг основного погребения кургана (рис. 3: *1, 2*).

Входная яма подпрямоугольной формы с закруглёнными торцевыми сторонами, сохранилась частично, ориентирована по оси ЮВ — СЗ, её размеры по дну около 1,55 × 0,5 м, глубина 0,7 м от R_0.

К юго-западу от входной ямы находилась *погребальная камера* подовальной формы, ориентированная по линии ЮВ — СЗ, размерами 1,95 × 0,75 м по дну и глубиной 0,75 м от R_0. Свод камеры не сохранился. От входной ямы камера отделена ступенькой, высотой менее 0,1 м.

На дне камеры лежал костяк взрослого человека в средне скорченном положении на левом боку с разворотом на живот, головой на СЗ. Правая рука была согнута в локте под острым углом и вывернута локтем вперёд; кисть согнута в запястье под острым углом и лежит у левого локтя, под правой частью грудной клетки пальцами в направлении от тела. Левая рука вытянута к коленям, кисть вытянута. Следов какой-либо подстилки не обнаружено.

Состав и расположение инвентаря: в ногах, в южном углу камеры, стоял лепной кувшин (1).

Описание находки.

1. Лепной кувшин с максимальным расширением в средней части тулова с петельчатой ручкой-ушком. Профиль S-видный, токостенный, с практически равномерной толщиной

стенки. Венчик плавно отогнут наружу; край уплощён по отношению к верхнему срезу под углом около 60°; внутренняя поверхность уплощена под 45°; внешний и верхний углы выделены. Тулово сосуда практически шаровидное, дно плоское. Ручка-ушко ленточная петельчатая, прикреплена в верхней половине тулова. Тесто плотное, хорошо отмученное, с примесью шамота, мелкого песка. Цвет поверхности желтовато-серый, серый; изнутри — серый, чёрный. Поверхность подлощена. Изнутри местами сохранился чёрный нагар. Высота сосуда 153 мм, венчика — до 12 мм, нижней части — 65—70 мм. Диаметр венчика 92 мм, шейки — 78 мм, тулова — 150 мм, дна — 90 мм. Толщина венчика 5—5,5 мм, в изгибе — до 7 мм. Толщина стенок 5—6 мм, ручки — 8—9 мм, дна — 5 мм. Высота ручки над корпусом до 28 мм. Высота ручки вдоль корпуса около 35 мм, по прилепам — до 45 мм. Ширина ручки по внешнему краю 24 мм; ширина верхнего прилепа около 42 мм, нижнего — около 50 мм. Сосуд орнаментирован в верхней части корпуса, при переходе в шейку, узким горизонтальным оттянутым валиком (рис. 3: *3*).

Положение погребённого из комплекса 17 кургана 1 группы «Плавни» своеобразно – правая рука неестественно «вывернута» локтем вперёд. Такую позицию плечевой кости, выведенной локтем вперёд, В.В. Отрощенко считает специфической для черногоровской культуры, позволяющей идентифицировать даже безынвентарные погребения (Отрощенко 2019: 153—154). Такая позиция руки зафиксирована в упомянутом выше погребении Троицкое 3/24 (Запорожская обл., Мелитопольский р-н) (рис. 3: *4*), а также в курганных захоронениях Бравичены 3/2 (Оргеевский р-н) на правобережье Среднего Днестра, Виноградный Сад II 1/6 (Николаевская обл., Домановский р-н) на правобережье Южного Буга, Кривой Рог/Восточный 1/1 (Мельник, Стеблина 2012: 294, рис. 182: *3*); Любимовка 23/2 (Херсонская обл., Каховский р-н), Скелеватое 2/8 (Запорожская обл., Вольнянский р-н), Котовка II 1/8 (Днепропетровская обл., Магдалиновский р-н) в Поднепровье, Донузлав 1/5 в Крыму, Политотдельское-Ямки 3/8 (Волгоградская обл., Николаевский р-н) в Поволжье. Кроме того, подобная позиция руки зафиксирована в грунтовом (?) погребении в размыве берега в Софиевке (Херсонская обл., Каховский р-н) в Нижнем Поднепровье (Махортых 2005: 328, 339, 356, рис. 82, *5—7*, 102: *1—3*, 137: *2—4*; Отрощенко 2019: 151—153, рис. 1: *2—4*, 2).

В остальном, ориентировка и положение скелета в погребении Глиное/Рыбхоз 1/17 обычны для предскифского периода.

Сосуд из погребения имеет редкую форму, мало характерную для типичных образцов керамики предскифского периода, несмотря на всё их разнообразие. Если рассматривать его как относящийся к предскифскому периоду, то по общей форме тулова он может быть отнесён к группе кубковидных сосудов (Махортых 2005: 74, 107—108, рис. 30, 42). Но оттянутые или выглаженные валики для предскифских сосудов практически не характерны. Очень редки (среди общей массы известных) кувшины и кубковидные сосуды с вертикальными ручками на тулове в предскифских памятниках Северного Причерноморья и Нижнего Дона (Махортых 2005: рис. 37: *1—3*, 44: *5—8*; Лукьяшко 1999: рис. 22, 34, 44, 57). Кроме них, следы прилепов ручки сохранились и на сосуде из кургана Малая Цимбалка (Запорожская обл., Каменско-Днепровский р-н, с. Большая Белозёрка) в Нижнем Поднепровье (Вальчак 2006: 263).

Наиболее сравним с рассматриваемым здесь кувшином экземпляр из погребения 2 кургана 51/19 могильника у хут. Попов в бассейне Нижнего Дона (рис. 4: *2*) с подобным, помимо восточной ориентировки, положением погребённого (Лукьяшко 1999: 91, 180, рис. 82, 114: *2*). В меньшей степени, из-за своей формы и оригинальности, сходен кубок из вытянутого и ориентированного на запад погребения 4 кургана 5 могильника Красная Поляна (рис. 4, *1*) в Подонье (Лукьяшко 1999: 69—70, 180, рис. 57, 114: *1*). Можно сравнить с

кувшином из группы «Плавни» и достаточно оригинальный орнаментированный кувшин из грунтового предскифского погребения 38 Кубанского могильника (рис. 4: *3*) со слабоскорченным на спине погребённым, ориентированным на ЮЮВ (Вальчак и др. 2016: 30, рис. 62, 64: *3*).

Вообще, кувшины и подобные сосуды с вертикальными ручками в степных памятниках предскифского времени встречаются редко, а каждый из них имеет свои индивидуальные черты, соответствующие морфологически, как правило, керамическим изделиям в традициях ближайших археологических культур оседлого населения.

С другой стороны, общий абрис (форма) сосуда, валик и ручка на его тулове находят определённые, но не прямые, аналогии в керамике, которая происходит из поселений и могильников белозёрской культуры Северо-Западного Причерноморья: Тудорово, Удобное, Калфа, Кошница, Балта, Будуржель, Васильевский (Ванчугов 1981: 75, рис. 3: *1*; 1990: рис. 17: *5*, 24: *6, 16*, 25: *5*, 27: *12*, 30: *10, 13*, 31: *8*). Фрагменты сосудов с ручками-ушками (правда, круглыми в сечении, а не ленточными) известны и среди белозёрской керамики Кировского поселения в Крыму (Лесков 1970: 26, рис. 17: *7—10*). Всё это наводит на мысль об определённых пережитках белозёрских керамических традиций на сосуде из Глиного.

Приведенные параллели для формы кувшина из погребения Глиное-Плавни 1/17 позволяют отнести его к группе керамики, изредка встречающейся в погребениях предскифского периода. Сохранение же некоторых традиций производства белозёрской керамики (близость форм и орнаментации) в предскифский период неоднократно отмечались исследователями (Гаврилюк 1979: 25, 29, 38—40; Дубовская 1993: 141—142; 1997: 189—191; Махортых 2005: 74, 255, 258—259, 269, 277). И, конечно же, подобный сосуд не мог быть изготовлен степным кочевником, как и другие предметы высокотехнологичного для того времени производства, а был каким-то образом получен от оседлого, скорее всего местного, населения (Гаврилюк 1979: 38—40; Вальчак 2018: 143).

Сохранение некоторых позднебронзовых черт, как в погребальном обряде, так и в производстве вещей различных категорий (из разных материалов) в предскифский период в памятниках Северо-Западного Причерноморья, и намного восточнее их (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 23—42), свидетельствует о вре́менном сосуществовании и взаимовлиянии населения различных хозяйственно-культурных типов, что было показано на примере Суворовского курганного могильника (Ойстрах 1991: 86).

Насколько такое сосуществование было длительным, определить достаточно сложно. Специально рассматривавший проблему становления кочевничества Г.Е. Марков считал, что переход части оседлого населения с комплексным хозяйством (земледельческо-скотоводческим) к кочевничеству происходил в относительно небольшой промежуток времени: «для этого совсем не обязателен срок в несколько столетий, а тем более тысячелетий» (Марков 1976: 9—24). Это и объясняет археологическую «незаметность» подобных процессов, но вместе с тем свидетельствует о сосуществовании и неизбежных контактах близкородственных или разноэтничных сообществ в различных соседствующих ландшафтных регионах. В археологическом проявлении эти сообщества могли являться представителями различных монолитных или локальных синкретических культур.

По всей вероятности, публикуемое выше погребение 10 кургана 1 группы «Плавни» и относится к этому временному отрезку, переходному от финального этапа позднего бронзового века к предскифскому периоду. Нам представляется, что приведенные аргументы в совокупности позволяют достаточно ясно определить относительную хронологическую позицию погребения 10. Особенности погребальной конструкции (подбой) при впуске погребения в насыпь более раннего кургана эпохи бронзы, вне единовременного

компактного могильника, исключают отнесение данного погребения к белозёрской культуре. С другой стороны, инвентарь погребения не имеет точных аналогий в черногоровских древностях и типологически восходит к комплексу украшений эпохи поздней бронзы. Положение и ориентация скелета в погребении Глиное-Плавни 1/10 в целом близко положению скелета в погребении 20 северного пятна могильника Будуржель, браслет из которого также является ближайшей аналогией глинянскому (за исключением наличия на последнем петелек на концах). Можем предположить, что погребение Глиное-Плавни 1/10 относится к горизонту наиболее ранних погребений черногоровской культуры в регионе, представленных уже черногоровским погребальным обрядом при сохранении определённых белозёрских пережитков в вещевом комплексе. Вполне возможно, что этот горизонт непродолжительное время ещё сосуществует с финальным этапом белозёрской культуры.

В Северо-Западном Причерноморье самый финал белозёрской культуры представлен комплексами погребений Великодолинское 2 (Одесская обл., Овидиопольский р-н) на правобережье Днестровского лимана, Глиное/Сухая Балка 1/9 и Суклея (Слободзейский р-н) на левобережье Нижнего Днестра. Эти захоронения датированы С.М. Агульниковым второй половиной X в. до н.э. (Агульников 2005: 89, табл. IV: *24*). Ближайший из этих памятников (Глиное/Сухая Балка 1/9) расположен в 7,02 км к СВ от с. Глиное Слободзейского района (Яровой, Савва 1982: 10—11, табл. VII: *1, 2*; Агульников 2005: 89, табл. IV: 24: *3, 4*) и в 5,88 км к ССЗ от кургана 1 группы «Плавни», что подтверждает непрерывность культурного развития в микрорегионе.

В. В. Отрощенко указывал, что «появление черногоровского комплекса памятников привело к разрушению белозёрской культуры и системы её хозяйства в степи так быстро, что проследить контакты между черногоровцами и белозёрцами не удаётся. Поэтому оснований для синхронизации названных групп населения нет» (Отрощенко 2001: 193). В качестве примеров прямой стратиграфии между белозёрской и черногоровской культурами исследователь приводит в том числе и упомянутые выше могильники Суворово и Кочковатое (Отрощенко 2001: 191). Однако, отсутствие обратной стратиграфии немногочисленных черногоровских комплексов по отношению к белозёрским совершенно не исключает возможности краткого сосуществования этих культур в момент их соприкосновения.

Абсолютная хронология погребения Глиное-Плавни 1/10, таким образом, может быть построена с учётом хорошо разработанной хронологии белозёрской культуры в Северном Причерноморье. Большинство исследователей региона на сегодняшний день датируют белозёрскую культуру в пределах XII—X вв. до н.э. (Отрощенко 1985: 524; 1986: 149—150; 2001: 193; 2005: 195; Агульников 2005; Ромашко 2013: 249; Куштан 2013: 176, рис. 109; Бочкарёв 2017: 158—204; Бочкарёв, Кашуба 2018: 208, рис. 1), иногда включая в ранний этап смешанные сабатиновско-белозёрские комплексы второй половины XIII в. до н.э. Датировку же позднего этапа все исследователи ограничивают рамками X в. до н.э. С.М. Агульников отмечает, что «в ранних черногоровских погребальных комплексах какое-то время ещё проявляются белозёрские черты, но к концу X — началу IX вв. они полностью вытесняются влиянием киммерийских культур Евразийских степей» (Агульников 2005: 89). К близкому выводу приходят В.С. Бочкарёв и М.Т. Кашуба: «в конце X или в начале IX в. до н.э. все восточноевропейские степи были беспрепятственно заняты ранними кочевниками, видимо, пришедшими из глубин Азии» (Бочкарёв, Кашуба 2018: 216). Этим временем, концом X — первой половиной IX в. до н.э., можем предварительно датировать и погребение 10 кургана 1 группы «Плавни» у с. Глиное.

Погребение же 17 кургана 1 могильника «Плавни», учитывая совершенно не характерное для белозёрской культуры положение и ориентировку погребённого, как и «реликтовые» особенности сосуда, мы можем отнести к более позднему горизонту предскифского периода и датировать в рамках IX—VIII вв. до н.э.

Таким образом, представленные новые материалы из могильника «Плавни» у с. Глиное пополняют наши знания о комплексах предскифского времени Северного Причерноморья и ещё раз обращают внимание на сложность их культурной интерпретации, а также на проблему относительной и абсолютной датировки таких погребений.

Благодарность. Выражаем искреннюю признательность докт. ист. наук И.В. Бруяко (Одесса, Украина) за консультативную помощь в процессе подготовки настоящей работы.

Литература

Агульников С.М. 2005. Хронология и периодизация белозёрских памятников Пруто-Днестровского междуречья. *Revista arheologică*. Serie nouă. Vol. I. Nr. 1, 77—91.

Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1985. *Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная*. Одесса: ОГУ.

Бочкарёв В.С. 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы. *Stratum plus* 2, 159—204.

Бочкарёв В.С., Кашуба М.Т. 2018. Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа. *Stratum plus* 3, 207—220.

Вальчак С.Б. 2006. Комплекс впускного погребения «А», колчанный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода. В: Петренко В.Г., Яблонский Л.Т. (ред.). *Древности скифской эпохи.* Москва: ИА РАН, 262—276 (МИАР 7).

Вальчак С.Б. 2018. Новочеркасский клад 1939 г. – эпонимный памятник предскифского периода. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 137—146.

Вальчак С.Б., Демиденко С.В., Демиденко Ю.В. 2009. Погребения раннего железного века могильника Красные Липки. *Историко-археологический альманах* 9, 4—16.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология. *Историко-археологический альманах* 2, 23—44.

Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Эрлих В.Р. 2016. *Кубанский могильник. Материалы раскопок Н.В. Анфимова 1965 года.* Москва: Краснодарский государственный музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына; Институт археологии РАН; Государственный музей Востока.

Вальчак С.Б., Синика В.С., Лукасик С., Поспешны Л., Горболь Н.Ю. 2019. Предскифские погребения группы «Сад» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 1, 159—182.

Ванчугов В.И. 1981. Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье. В: Мезенцева Г.Г. (ред.). *Древности Северо-Западного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 71—83.

Ванчугов В.П. 1990. *Белозёрские памятники в Северо-Западном Причерноморье.* Киев: Наукова думка.

Гаврилюк Н.А. 1979. Лощёная керамика степных погребений предскифского времени. В: Баран В.Д. (ред.). *Памятники древних культур Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 20—40.

Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В. 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях. *СА* 1, 168—183.

Гудкова и др. 1982: Архив ИА НАН Украины. № 1981/1. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.М., Фокеев М.М. 1982. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1981 г. Киев.

Дворниченко В.В. 1968. Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. В: Яценко И.В. (ред.). *Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях.* Москва: МГУ, 5—15.

Дубовская О.Р. 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры. *Археологический альманах* 2, 137—160.

Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья. *Археологический альманах* 6, 181—219.

Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В. 2020. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3. *КСИА* 258, 165—180.

Клейн Л.С. 1960. Кургани біля с. Троїцького. *Археологічні пам'ятки УРСР* VIII, 141—163.

Ковалёва И.Ф., Мухопад С.Е. 1982. Скифское погребение конца VI—V вв. до н.э. у с. Александровка. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Древности степной Скифии.* Киев: Наукова думка, 91—102.

Кореняко В.А. 1982. Погребения предскифского времени на Восточном Маныче. *КСИА* 170, 64—70.

Куштан Д.П. 2013. Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. *Археологический альманах* 29.

Лесков А.М. 1970. Кировское поселение. В: Лесков А.М. (ред.). *Древности Восточного Крыма.* Киев: Наукова думка, 7—59.

Литвиненко Р.А. 2009. *Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток)*. Автореф. ... докт. іст. наук. Київ.

Лукьяшко С.И. 1999. *Предскифский период на Нижнем Дону.* Азов: Азовский краеведческий музей.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 2011. Сухопутные коммуникации восточного ареала тшинецкого культурного круга. В: Ignaczak M., Kośko A., Szmyt M. (red.). *Między Baltykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza: IV — I tys. przed Chr.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 311—364 (Archaeologia Bimaris 4).

Лысенко С.С. 2005. Гривны, браслеты и перстни со спиральными щитками с территории Украины. В: Ковалёва И.Ф., Гаврилюк Н.А., Терпиловский Р.В., Клочко В.И. (ред.). *Проблемы эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск: Глобус, 25—36.

Лысенко С.С. 2006. Украшения населения Украины эпохи поздней бронзы. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Марков Г.Е. 1976. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации.* Москва: Московский государственный университет.

Махортых С.В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья.* Киев: Шлях.

Мелюкова А.И. 1979. *Скифия и фракийский мир.* Москва: Наука.

Мельник О.О., Стеблина І.О. 2012. *Кургани Криворіжжя*. Кривий Ріг: Видавничий дім.

Ойстрах Т.И. 1991. О датировке Суворовского курганного могильника. В: Ванчугов В.П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур.* Киев: Наукова думка, 82—87.

Отрощенко В.В. 1985. Белозёрская культура. В: Телегин Д.Я. (ред.). *Археология Украинской ССР*. Т. 1. Киев: Наукова думка, 519—526.

Отрощенко В.В. 1986. Белозёрская культура. В: Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. *Культуры эпохи бронзы на территории Украины.* Киев: Наукова думка, 117—152.

Отрощенко В.В. 1989. Особенности погребений черногоровской группы. В: Виноградов Ю.Г. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Т. I. *Тезисы докладов областной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова*. Запорожье: ЗГУ, 111—112.

Отрощенко В.В. 2001. *Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення)*. Київ: ІА НАНУ.

Отрощенко В.В. 2005. Епоха енеоліту-бронзи. В: Залізняк Л.Л., Моця О.П., Зубар В.М. *Археологія України: Курс лекцій*. Київ: Либідь, 106—202.

Отрощенко В.В. 2019. До проблеми розпізнавання поховань чорногорівської групи. В: Скорий С.А. (ред.). *Археологія і давня історія України* 2/31. Київ: ІА НАНУ, 149—155.

Попандопуло З.Х. 1993. Курганы эпохи меди-бронзы Бабурского могильника. *Древности степного Причерноморья и Крыма* IV, 79—112.

Ромашко В.А. 1979. Новые киммерийские памятники в материалах экспедиции ДГУ. В: Туренко Н.В. (ред.). *Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н.э.* Т. 3. Днепропетровск: ДГУ, 104—110.

Ромашко В.А. 2013. *Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозёрской культуры)*. Киев: КНТ.

Савва Е.Н. 1992. *Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья.* Тирасполь: Полиграфист.

Субботин Л.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1995. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Градешка. *Древности степного Причерноморья и Крыма* V, 119—128.

Субботин Л.В., Разумов С.Н., Синика В.С. 2017. *Семёновские курганы*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья IV).

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы.* Киев: Наукова думка.

Тощев Г.Н. 1992. Белозёрский могильник Будуржель в Подунавье. *РА* 3, 19—30.

Фидельский С.А., Синика В.С. 2010. Два новых степных киммерийских погребения (к вопросу о северокавказских влияниях на Юго-Восточную Европу в предскифский период). *Revista arheologică*. S.n. Vol. VI. Nr. 1, 164—170.

Черняков И.Т. 1977. Киммерийские курганы близ устья Дуная. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Скифы и сарматы.* Киев: Наукова думка, 29—38.

Шарафутдинова И.Н. 1982. *Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы.* Киев: Наукова думка.

Эрлих В.Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников.* Москва: Наука.

Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2002. *Киммерийский курган у пгт. Слободзея*. В: Кетрару Н.А. (ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Типар, 279—343.

Яровой, Савва 1982: Архив Национального музея истории Молдовы. № 178. Яровой Е.В., Савва Е.Н. 1982. Отчет о полевых исследованиях Слободзейской новостроечной археологической экспедиции в 1982 г.

Müller-Karpe H. 1980. *Handbuch der Vorgeschichte (IV). Bronzezeit (Dritter Teilband, tafeln)*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Novotná M. 1984. *Halsringe und Diademe in der Slowakei*. München: C.H. Beck.

Petrescu-Dîmboviţa M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Petrescu-Dîmboviţa M. 1978. *Die Sicheln in Rumänien mit Corpus der jung- und spätbronzezeitlichen Horte Rumäniens*. München: C.H. Beck (Prähistorische Bronzefunde. Abteilung XVIII. Bd. 41).

References

Agul'nikov, S.M. 2005. In *Revista arheologică*. Serie nouă. Vol. I. Nr. 1, 77—91 (in Russian).

Andrukh, S.I., Dobrolyubskiy, A.O., Toshchev, G.N. 1985. *Kurgany u s. Plavni v nizov'yakh Dunaya (Burial-mounds near the village Plavni in the lower Danube)*. Odessa: OGU (in Russian).

Bochkarov, V.S. 2017. In *Stratum plus* 2, 159—204 (in Russian).

Bochkarov, V.S., Kashuba, M.T. 2018. In *Stratum plus* 3, 207—220 (in Russian).

Valchak, S.B. 2006. In: Petrenko, V.G., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Drevnosti skifskoy epokhi (Antiquities of the Scythian era)*. Moscow: IA RAN, 262—276 (Materials and research on archaeology of Russia 7) (in Russian).

Valchak, S.B. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P.* Tel'nova *(Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 137—146 (in Russian).

Valchak, S.B., Demidenko, S.V., Demidenko, Yu.V. 2009. In *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 9, 4—16 (in Russian).

Valchak, S.B., Mamontov, V.I., Sazonov, A.A. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 2, 23—44 (in Russian).

Valchak, S.B., Pyankov, A.V., Khachaturova, Ye.A., Erlikh, V.R. 2016. *Kubanskiy mogil'nik. Materialy raskopok N.V. Anfimova 1965 goda (Kuban burial ground. Materials from N.V. Anfimov 1965)*. Moscow: Krasnodarskiy gosudarstvennyy muzey-zapovednik im. Ye.D. Felitsyna; Institut arkheologii RAN; Gosudarstvennyi muzey Vostoka (in Russian).

Valchak, S.B., Sinika, V.S., Lukasik, S., Pospeshny, L., Gorbol', N.Yu. 2019. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 1, 159—182 (in Russian).

Vanchugov, V.I. 1981. In: Mezentseva, G.G. (ed.). *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Antiquities of the North-Western Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka, 71—83 (in Russian).

Vanchugov, V.P. 1990. *Belozorskiye pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye (Belozersk Sites in the North-Western Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Gavrilyuk, N.A. 1979. In: Baran, V.D. (ed.). *Pamyatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ya (Monuments of Ancient Cultures of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka, 20—40 (in Russian).

Goshko, T.Yu., Otroshchenko, V.V. 1986. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 168—183 (in Russian).

Gudkova et al. 1982: Arkhiv IA NAN Ukrainy. No. 1981/1. Gudkova A.V., Dobrolyubskiy A.O., Toshchev G.M., Fokeyev M.M. 1982. Otchot o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1981 g. Kyiv.

Dvornichenko, V.V. 1968. In: Yatsenko, I.V. (ed.). *Sbornik dokladov na IX i X Vsesoyuznykh arkheologicheskikh studencheskikh konferentsiyakh (Collection of Reports at the 9th and 10th All-Union archaeological student conferences)*. Moscow: MGU, 5—15 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1993. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 2, 137—160 (in Russian).

Dubovskaya, O.R. 1997. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 6, 181—219 (in Russian).

Kadiyeva, A.A., Valchak, S.B., Demidenko, S.V. 2020. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 258, 165—180 (in Russian).

Klein, L.S. 1960. In *Arkheologichni pam'yatky URSR (Archaeological Monuments of the USSR)* VIII, 141—163 (in Ukrainian).

Kovalova, I.F., Mukhopad, S.Ye. 1982. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii (Antiquities of the steppe Scythia)*. Kyiv: Naukova dumka, 91—102 (in Russian).

Korenyako, V.A. 1982. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 170, 64—70 (in Russian).

Kushtan, D.P. 2013. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 29 (in Ukrainian).

Leskov, A.M. 1970. In: Leskov, A.M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kryma (Antiquities of the Eastern Crimea)*. Kyiv: Naukova dumka, 7—59 (in Russian).

Litvinenko, R.A. 2009. Babyne Cultural Circle (based on funerary monuments). Dr.Habil Thesis Abstract. Kyiv.

Luk'yashko, S.I. 1999. *Predskifskiy period na Nizhnem Donu (Pre-Scythian period in the Lower Don)*. Azov: Azovskiy krayevedcheskiy muzey (in Russian).

Lysenko, S.D., Lysenko, S.S. 2011. In: Ignaczak, M., Kośko, A., Szmyt, M. (eds.). Między Baltykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza: IV — I tys. przed Chr. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 311—364 (Archaeologia Bimaris 4) (in Russian).

Lysenko, S.S. 2005. In: Kovalova, I.F., Gavrilyuk, N.A., Terpilovskiy, R.V., Klochko, V.I. (eds.). *Problemy epokhi bronzy Velikoy Stepi (Problems of the Bronze Age of the Great Steppe)*. Lugansk: Globus, 25—36 (in Russian).

Lysenko, S.S. 2006. Jewelry of the population of Ukraine of the Late Bronze Age. PhD Thesis. Kyiv.

Markov, G.Ye. 1976. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii (Nomads of Asia. The structure of the economy and social organization)*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).

Makhortykh, S.V. 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya (Cimmerians of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: Shlyakh (in Russian).

Melyukova, A.I. 1979. *Skifiya i frakiyskiy mir (Scythia and the Thracian World)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mel'nik, O.O., Steblina, I.O. 2012. *Kurgany Krivorizhzhya (Burial-mounds of Kryvyi Rih)*. Kryvyi Rih: Vidavnichiy dím (in Ukrainian).

Oystrakh, T.I. 1991. In: Vanchugov, V.P. (ed.). *Severo-Zapadnoye Prichernomor'ye — kontaktnaya zona drevnikh kul'tur (North-Western Black Sea Coast is a Contact Zone of Ancient Cultures)*. Kyiv: Naukova dumka, 82—87 (in Russian).

Otroshchenko, V.V. 1985. In: Telegin, D.Ya. (ed.). *Arkheologiya Ukrainskoy SSR (Archaeology of the Ukrainian SSR)*. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka, 519—526 (in Russian).

Otroshchenko, V.V. 1986. In: Berezanskaya, S.S., Otroshchenko, V.V., Cherednichenko, N.N., Sharafutdinova, I.N. *Kul'tury epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Cultures of the Bronze Age in Ukraine)*. Kyiv: Naukova dumka, 117—152 (in Russian).

Otroshchenko, V.V. 1989. In: Vinogradov, Yu.G. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (Problems of Scythian-Sarmatian Archaeology of the Northern Black Sea Coast)*. Vol. I. *Tezisy dokladov oblastnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.N.*

Grakova (Abstracts of Reports of the Regional Conference dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor B.N. Grakov). Zaporozh'ye: ZGU, 111—112 (in Russian).

Otroshchenko, V.V. 2001. *Problemi periodizatsii kul'tur seredn'oi ta pízn'oi bronzi pívdnya Skhídnoi Evropi (kul'turno-stratigrafíchní zistavlennya) (Problems of periodization of Middle and Late Bronze Age cultures of southern Eastern Europe (cultural-stratigraphic comparisons))*. Kyiv: IA NANU (in Ukrainian).

Otroshchenko, V.V. 2005. In: Zaliznyak, L.L., Motsya, O.P., Zubar, V.M. *Arkheologiya Ukrainy: Kurs lektsiy (Archaeology of Ukraine: Course of Lectures)*. Kyiv: Libid', 106—202 (in Ukrainian).

Otroshchenko, V.V. 2019. In: Skoriy, S.A. (ed.). *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2/31. Kyiv: IA NANU, 149—155 (in Ukrainian).

Popandopulo, Z.Kh. 1993. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the steppe Black Sea and Crimea)* IV, 79—112 (in Russian).

Romashko, V.A. 1979. In: Turenko, N.V. (ed.). *Kurgannye drevnosti stepnogo Podneprov'ya III—I tys. do n.e. (Mound Antiquities of the steppe Dnieper 3rd — 1st millennium BCE)*. Vol. 3. Dnepropetrovsk: DGU, 104—110 (in Russian).

Romashko, V.A. 2013. *Zaklyuchitel'nyy etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoy Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozorskoy kul'tury) (The Final Stage of the Late Bronze Age of the Left Bank of Ukraine (based on the Materials of the Boguslav-Belozersky culture))*. Kyiv: KNT (in Russian).

Savva, Ye.N. 1992. *Kul'tura mnogovalikovoy keramiki Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya (Culture of multi-roll ceramics of the Prut-Dniester interfluve)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2016. *Arkheologicheskoye naslediye Pridnestrov'ya (Archaeological Heritage of Transnistria)*. Tiraspol: Poligrafist (in Russian).

Subbotin, L.V., Dobrolyubskiy, A.O., Toshchev, G.N. 1995. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* V, 119—128 (in Russian).

Subbotin, L.V., Razumov, S.N., Sinika, V.S. 2017. *Semonovskiye kurgany (Semenov Burial-mounds)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Monuments of Transnistria IV) (in Russian).

Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriytsy (Cimmerians)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Toshchev, G.N. 1992. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 19—30 (in Russian).

Fidelski, S.A., Sinika, V.S. 2010. In *Revista arheologică*. S.n. Vol. VI. Nr. 1, 164—170 (in Russian).

Chernyakov, I.T. 1977. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skify i sarmaty (Scythians and Sarmatians)*. Kyiv: Naukova dumka, 29—38 (in Russian).

Sharafutdinova, I.N. 1982. *Stepnoye Podneprov'ye v epokhu pozdney bronzy (Steppe Dnieper basin in the Late Bronze Age)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Erlikh, V.R. 2007. *Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov (Northwest Caucasus at the Beginning of the Iron Age: Proto-Meotian Monuments)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yarovoy, Ye.V., Kashuba, M.T., Makhortykh, S.V. 2002. In: Ketraru, N.A. (ed.). *Severnoye Prichernomor'ye: ot eneolita k antichnosti (Northern Black Sea Region: from the Eneolithic to Antiquity)*. Tiraspol: Tipar, 279—343.

Yarovoy et al. 1982: Arkhiv Natsional'nogo muzeya istorii Moldovy. No. 178. Yarovoy Ye.V., Savva Ye.N. 1982. Otchet o polevykh issledovaniyakh Slobodzeyskoy novostroyechnoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1982 g.

Müller-Karpe, H. 1980. *Handbuch der Vorgeschichte (IV). Bronzezeit (Dritter Teilband, tafeln)*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Novotná, M. 1984. *Halsringe und Diademe in der Slowakei*. München: C.H. Beck.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1978. *Die Sicheln in Rumänien mit Corpus der jung- und spätbronzezeitlichen Horte Rumäniens*. München: C.H. Beck (Prähistorische Bronzefunde. Abteilung XVIII. Bd. 41).

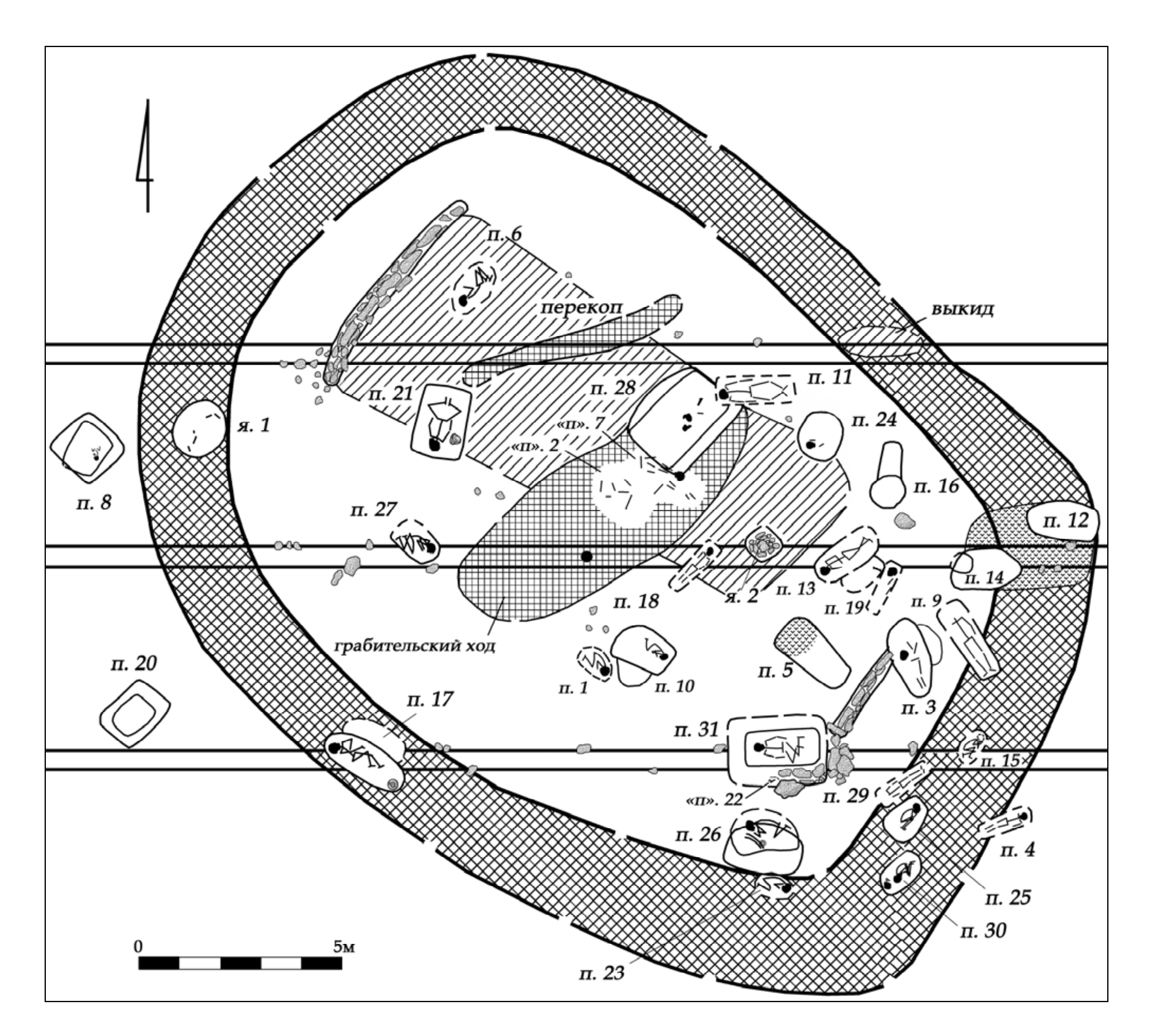

Рис. 1. План кургана 1 группы «Плавни» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 1. The plan of the barrow 1of the "Plavni" ("Overflow") group near the Glionoe village on the Left bank of the Lower Dnister.

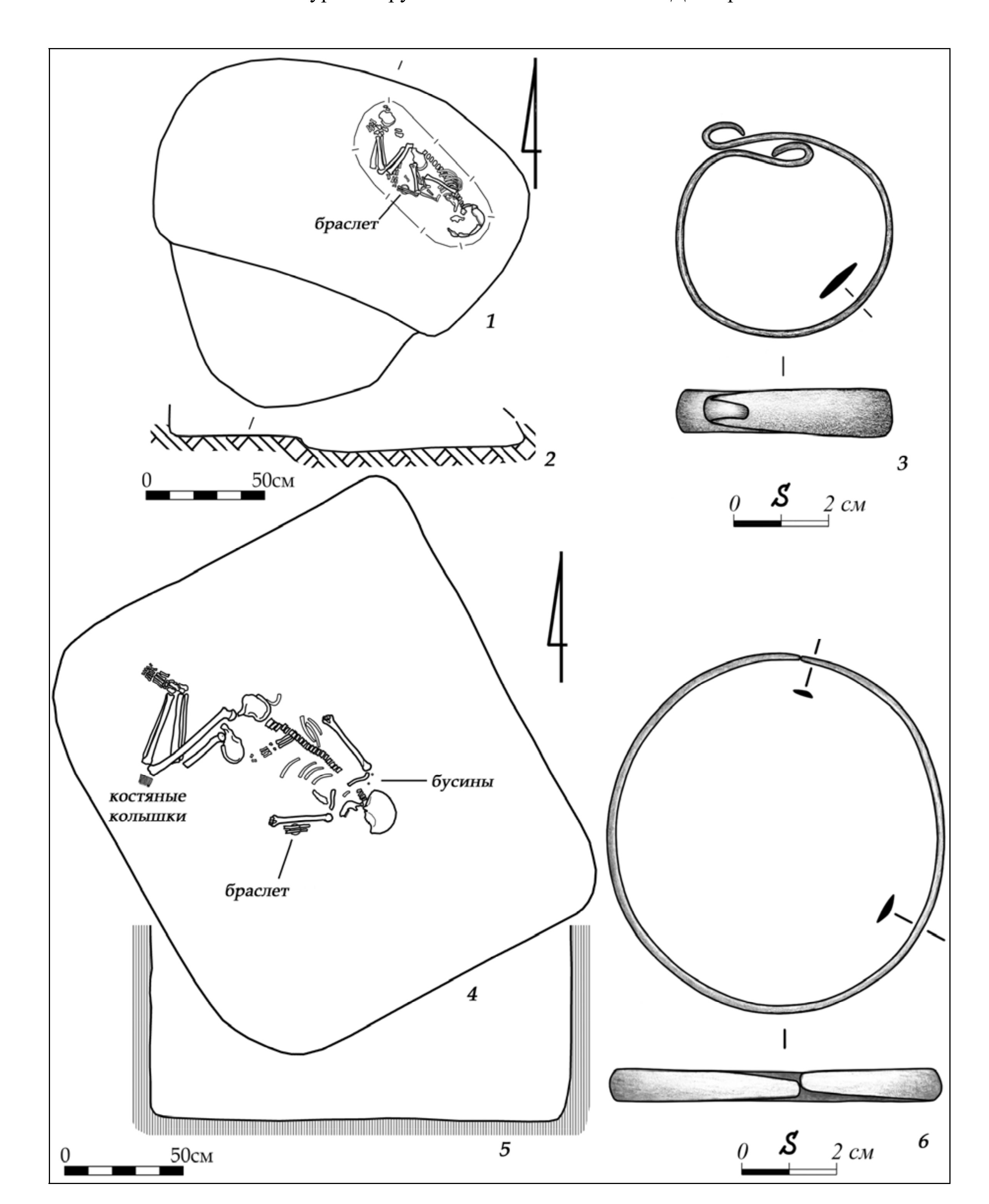

Рис. 2. План (*1*) и разрез (*2*) погребения 10 кургана 1 группы «Плавни» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра; *3* — бронзовый браслет из захоронения Глиное/Плавни 1/10; план (*4*) и разрез (*5*) погребения 20 могильника Будуржель на левобережье Нижнего Дуная (по Гудкова и др. 1982: табл. IX: *2*); *6* — бронзовый браслет из погребения Будуржель 20 (рисунок С.Д. Лысенко).

Fig. 2. Plan (*1*) and section (*2*) of the grave 10 from the barrow 1 of the “Plavni” (“Overflow”) group near Glinoe village; *3* — bronze bracelet from the burial Glinoe/Plavni 1/10; plan (*4*) and section (*5*) of the grave 20 of the Budurghel cemetery on the left bank of the Lower Danube (after Gudkova et al. 1982: tab. IX: *2*); *6* — bronze bracelet from the burial Budurghel 20 (drawing of S.D. Lysenko).

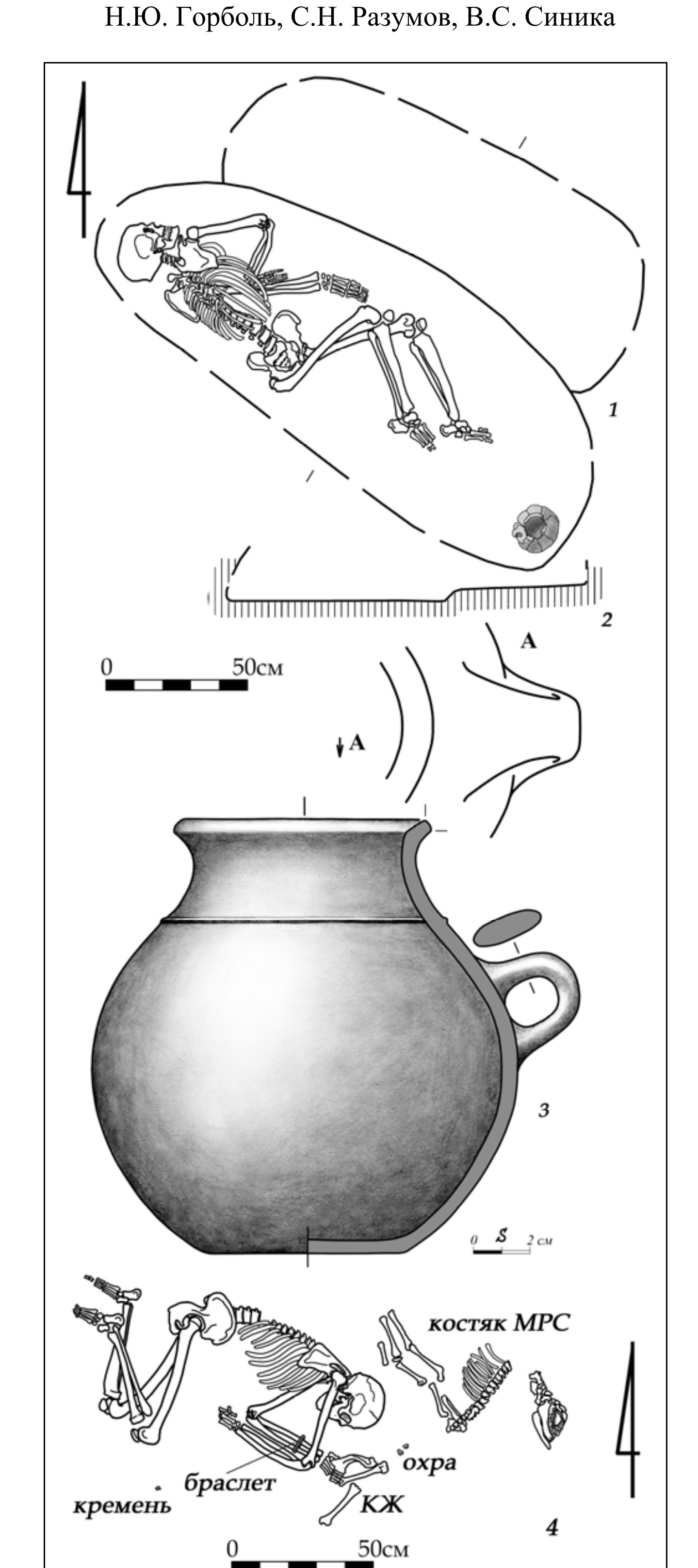

Рис. 3. План (*1*) и разрез (*2*) погребения 17 кургана 1 группы «Плавни» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра; *3* — лепной кувшин из захоронения Глиное/Плавни 1/17; *4* — погребение Троицкое 3/24 (по Клейн 1960: рис. 114).

Fig. 3. Plan (*1*) and section (*2*) of the grave 17 from the barrow 1 of the "Plavni" ("Overflow") group near Glinoe village; *3* — hand-made jug from the burial Glnoe/Plavni 1/17; *4* — burial Troitskoe 3/24 (after Klein 1960: fig. 114).

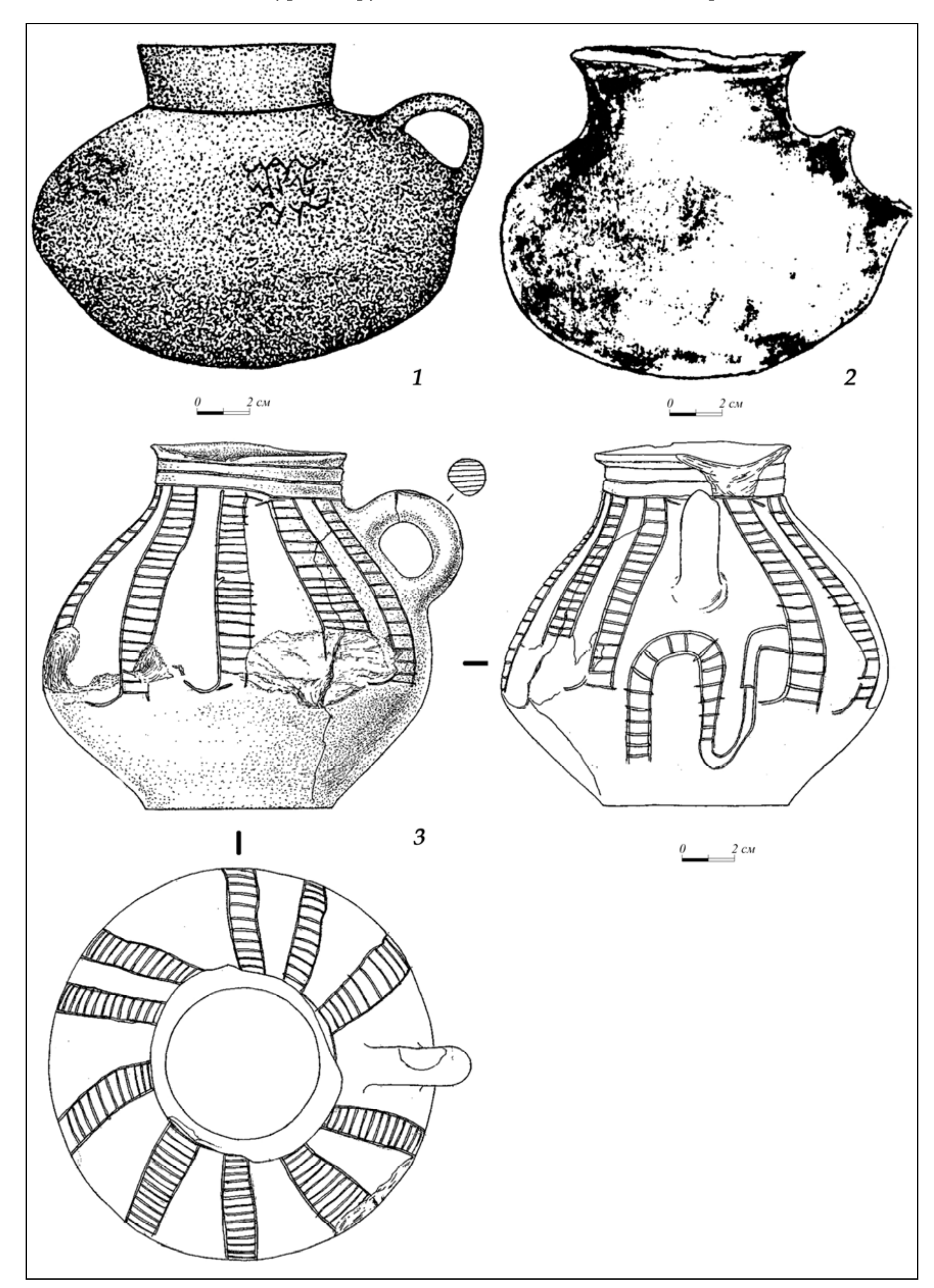

Рис. 4. Ближайшие аналогии сосуду из погребения Глиное/Плавни 1/17: *1* — захоронение Красная Поляна 5/4; *2* — Попов, курган 51/19, погребение 2 (*1, 2* — по Лукьяшко 1999: рис. 144: *1, 2*); *3* — Кубанский могильник, погребение 38 (по Вальчак и др. 2016).

Fig. 4. The closest analogies to the vessel from the grave Glionoe/Plavni burial 1/17: *1* — the burial Krasnaya Polyana 5/4; *2* — Popov, barrow 51/19, burial 2 (*1, 2* — after Luk'yashko 1999: fig. 144: *1, 2*); *3* — Kuban cemetery, burial 38 (after Valchak et al. 2016).

УДК 902.01:903.2:682
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00003

Ю.А. Прокопенко

НАХОДКИ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИХ КИНЖАЛОВ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. СТАВРОПОЛЯ И В ПРИЛЕГАЮЩИХ РАЙОНАХ*

Статья посвящена описанию четырех биметаллических кинжалов предскифского времени, обнаруженных в окрестностях г. Ставрополя и в прилегающих районах. Два прекрасно сохранившихся кинжала имеют железный клинок и бронзовую цельнолитую (крестовидную) рукоять с грибовидным навершием и прямым перекрестием. Предметы датируются IX—VIII вв. до н.э. Третий кинжал обнаружен на горе Стрижамент (в 35 км к югу от г. Ставрополя). Предмет представлен фрагментом железного клинка и бронзовой рукоятью с винтообразным рифлением ствола, завершается полусферической шляпкой — характерен для VIII в. до н.э. Четвертый кинжал найден в погребении 193 могильника № 1 Грушевского городища (юго-западная окраина г. Ставрополя). На горе Стрижамент найден бронзовый весловидный наконечник ножен. Лопасти «весла» составляют форму пятиугольника. Предмет аналогичен подобным наконечникам из памятников Северного Кавказа IX—VIII вв.

Обстоятельство открытия значительного количества предметов IX — начала VII в. до н.э., в том числе биметаллических кинжалов, в окрестностях г. Ставрополя свидетельствует о существовании на территории Ставропольской возвышенности в указанное время центра производства оружия (и конской упряжи).

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, Ставропольская возвышенность, предскифский период, киммерийцы, племена кобанской культуры, биметаллический кинжал, клинок, рукоять, металлообработка.

Сведения об авторе: Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, Северо-Кавказский федеральный университет.

Контактная информация: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, Северо-Кавказский федеральный университет; e-mail: z_proko_15@mail.ru.

Yu.A. Prokopenko

FINDS OF PRE-SCYTHIAN BIMETALLIC DAGGERS IN THE VICINITY OF STAVROPOL AND IN THE ADJACENT AREAS

The article is devoted to the description of four bimetallic daggers of the pre-Scythian time, discovered in the vicinity of Stavropol and in the adjacent regions. Two perfectly preserved daggers have an iron blade and a solid bronze (cruciform) handle with a mushroom-shaped pommel and a straight crosshair. The items date back to the 9th — 8th centuries BCE. The third dagger was found on the Strizhament mountain (35 km south

---

* Приношу искреннюю признательность коллективу отдела археологии СГМЗ и лично директору Музея Н.А. Охонько за оказанное содействие в процессе изучения коллекции предметов, обнаруженных на г. Стрижамент, и предоставленную возможность их публикации.

Статья поступила в номер 18 ноября 2020 г.
Принята к печати 02 декабря 2020 г.

© Ю.А. Прокопенко, 2020.

of Stavropol). The object is represented by a fragment of an iron blade and a bronze handle with a helical corrugation of the barrel, topped with a hemispherical head — characteristic of the 8th century BCE. The fourth dagger was found in burial 193 of burial ground No. 1 of the Grushevsky settlement (south-western outskirts of Stavropol). On Mount Strizhament, a bronze oar-shaped scabbard was found. The paddle blades are pentagon-shaped. The object is similar to similar arrowheads from the monuments of the North Caucasus of the 9th — 8th centuries BCE.

The discovery of a significant number of items 8th — beginning of the 7th century BCE, including bimetallic daggers, in the vicinity of the city of Stavropol, according to the author, indicates the existence of a center for the production of weapons (and horse harness) on the territory of the Stavropol Upland at the indicated time.

Key words: Central Ciscaucasia, Stavropol Upland, Pre-Scythian Period, Cimmerians, Koban culture tribes, bimetal dagger, blade, hilt, metal working.

About the author: Prokopenko Yuriy Anatol'yevich, Dr. habil. (History), North-Caucasus Federal University.

Contact information: 355009, Russia, Stavropol, 1 Pushkin St., North-Caucasus Federal University; e-mail: z_proko_15@mail.ru.

Введение. Ранее мною была обозначена проблема возможного расположения в предскифский период в районе Ставропольской возвышенности центра бронзолитейного производства и кузнечного ремесла. Об этом свидетельствуют накопленные к настоящему времени разнообразные материалы, выявленные в памятниках региона (окрестности г. Ставрополя) в результате систематических исследований и в качестве случайных находок. В их числе следует отметить различные металлические виды вооружения (железный и бронзовый топоры, костяные и бронзовые наконечники стрел и др.), конской упряжи и украшений VIII — начала VII в. до н.э. (Прокопенко 2018: 23—36).

Особое внимание к локализации данного возможного локального очага бронзолитейного и кузнечного производства объясняется дискуссионностью вопроса, связанного с уточнением позднего этапа существования киммерийской культуры и соответственно — начала скифской архаики, а также проблемой хронологии функционирования в регионе центров металлообработки. Предметы, включенные в опубликованные своды в большей степени представляют памятники Прикубанья, район Кисловодской котловины, предгорные и горные районы Центрального Предкавказья, Затеречья и Дагестана. При этом фактически не затронуты комплексы и отдельные находки предскифского времени, обнаруженные в районе Ставропольской возвышенности.

Методы. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Он основан на классификации по материалу, способу обработки, форме, орнаменту, а также на выделении и исследовании типов кинжалов и наконечников ножен. Сравнительный анализ особенностей деталей биметаллических кинжалов, найденных в окрестностях г. Ставрополя и подобных, обнаруженных на территории Кавминвод, Дагестана, в горных районах Центрального Предкавказья, в Прикубанье, в Поволжье и на территории Украины, Австрии и Румынии позволяет локализовать ареал их распространения и центры производства в IX—VIII вв. до н.э.

Анализ. Следует обратить внимание на обстоятельство обнаружения в окрестностях г. Ставрополя и в прилегающих к возвышенности районах четырех экземпляров биметаллических кинжалов и бронзового наконечника от ножен. Первый предмет найден в 2009 г. в грабительском отвале грунтового могильника, расположенного на левом берегу р. Бучинка (северные окрестности г. Ставрополя) (Прокопенко 2010: 9, рис. 1; 2018: рис. 2: *1*—*3*; Козенкова 2013: рис. 47: *2*).

Кинжал имеет железный клинок и бронзовую цельнолитую (крестовидную) рукоять с грибовидным навершием и прямым перекрестием (рис. 1). Размеры предмета: общая длина — 28,8 см; длина рукояти — 10,4 см; длина клинка — 14,4 см (острие утеряно); длина перекрестия — 10,5 см; ширина перекрестия — 1,1—0,9 см; профильная ширина перекрестия — 0,4 см; ширина рукояти (у перекрестия) — 1,4 см; ширина рукояти (у навершия) — 1,6 см; профильная ширина (высота) навершия — 0,8 см; ширина клинка у перекрестия — 2,8 см; в середине клинка — 2,4 см. Перекрестие с ударной стороны имеет небольшую вогнутость. Ближе к расширенным краям крыльев перекрестия имеются округлые отверстия. Обоюдоострый железный клинок — средней сохранности. Посредине прослеживается продольное рельефное, уплощенное ребро.

Второй подобный кинжал был обнаружен в 2008 г. в окрестностях г. Армавир (около 70 км к юго-западу от г. Ставрополя).

Подобно первому данный экземпляр имеет бронзовую цельнолитую (крестовидную) рукоять с грибовидным навершием и прямым перекрестием, но более длинный, ромбический в сечении клинок. Овальная в сечении рукоять расширяется к навершию (рис. 2). Размеры предмета: общая длина — 30,6 см; длина клинка — 20 см; ширина клинка у перекрестия — 2 см; длина перекрестия — 9,1 см; ширина перекрестия — 1—1,4 см; профильная ширина перекрестия — 0,4 см; ширина рукояти (у перекрестия) — 1,3 см; ширина рукояти (у навершия) — 1,7 см; высота навершия — 1,3 см. Перекрестие с ударной стороны имеет небольшую вогнутость. Обоюдоострый железный клинок — хорошей сохранности.

По классификации В.И. Козенковой, отмеченные кинжалы относятся к первой группе (кавказские формы), подгруппе В (бронзовые и бронзово-железные кинжалы и мечи с перекрестием), первому отделу (кинжалы и мечи с грибовидным навершием), типу II (мечи и кинжалы с прямым перекрестием) (Козенкова 1995: 52, табл. X: *6*). Согласно типологии С.Б. Вальчака, ставропольский и армавирский экземпляры относятся к первому отделу (эфес с рукоятями овального сечения), к первому подотделу (эфес с гардой), группе 1 (с гладким стволом), типу 1 (с отсутствием орнаментации), первому подтипу (эфесы с длинной гардой), 1 варианту (с прямой гардой) (Вальчак 2008: 8—9).

Такие мечи и кинжалы известны в памятниках западного варианта кобанской культуры. В частности, аналогичный меч зафиксирован в погребении 6 могильника 1 Мебельная фабрика в г. Кисловодске (Козенкова 1995: табл. X: *5*). Фрагменты рукоятей найдены: в гробнице могильника Терезе, в «крематории» могильника Верхняя Рутха (раскопки Л.Г. Нечаевой), в Баксанском ущелье (Козенкова 2013: 169, рис. 47: *1, 3, 4*). Также, подобные кинжалы выявлены на территории восточного варианта (Сержень-Юртовский (погр. 44) и Зандакский 2 могильники) (Козенкова 1982: табл. XIV: *10*; Дударев 1999: рис. 168). Однотипные кинжалы представлены на Левобережье Кубани в памятниках протомеотской культуры (Николаевский могильник (погребение 83), могильник Псекупский № 1) (Вальчак 2008: 10, рис. 1: *1, 5, 6, 7*).

Немногочисленная серия находок биметаллических мечей с неорнаментированными рукоятями и длинными гардами, верхние и нижние стороны которых имеют изгиб к клинку (тип 1, подтип 1, вариант 2 по Вальчаку) выявлена в предскифских памятниках мугеранской культуры Дагестана (Северо-Восточный Кавказ). Такие кинжалы происходят из Хосрехского святилища, погребения 1 (1961 г.) Мугерганского и погребения 1 (1983 г.) Шахсенгерского могильников (Абакаров, Давудов 1993: рис. 19: *25*; Вальчак 2003: 251—254, рис. 29).

В лесостепной зоне Украины мечи с аналогичными эфесами происходят из случайных находок у с. Головятино и в Среднем Поднепровье. Две случайные находки из с. Демкино и

г. Билярска известны в Поволжье (Тереножкин 1976: 40, 70, 81, 117, рис. 12: *4*, 37: *7,* 48: *71, 1*; Вальчак 2008: 10, рис. 2: *1, 3, 4, 5*).

Близкими к восточноевропейским находкам являются изделия из нескольких местонахождений Центральной Европы. Мечи из Лейбница (Штайермарк, Австрия) и Панад (Семиградье, Румыния) — тип «Лейбниц—Головятино» имели железные клинки и бронзовые эфесы типа 1, подтипа 1 и варианта 1 (по С.Б. Вальчаку) (Podborsky 1970: 156, 157, abb. 26: *1, 3*; Metzner-Nebelsick 2002: 585—590; Козенкова 2013: рис. 47: *9, 10*; Flavia Solva 2016: 56—57; Gleirscher 2009: Abb. 8: *12*). Следует отметить, что на мече из Лейбница сохранилась бронзовая коробчатая накладка от ножен (углы рамки соединены крестообразно расположенными перекладинами). По сведениям К. Мецнера-Небельсика подобная бронзовая коробчатая накладка от ножен (углы рамки соединены одной перекладиной) отмечена в инвентарной книге Археологического музея в Загребе (обнаружена в местечке Далья) (Metzner-Nebelsick 2002: 589—590). Возможно, это свидетельствует о распространении отмеченных мечей до территории Хорватии.

Кроме биметаллических зафиксированы близкие по форме цельнобронзовые мечи — в кладе 1900 г. у Кляйн Нойендорф в Германии и Комарно-Бригетио в Словакии (Podborsky Vl., 1970: 157, abb. 26: *2, 7*; Тереножкин 1976: 121, рис. 74: *1, 8*; Chochorowski 1993: 113—115, rys. 12: *1*; Вальчак 2008: 10, рис. 2: *1, 6—8*). Я. Хохоровски указывает на подобные находки в могильнике Штильфрид в Австрии и в собрании музея Aiud в Румынии (Chochorowski 1993: 113, 114, 121, 122).

По вопросу происхождения такой формы вооружения как кинжалы с крестовидной рукоятью до настоящего времени нет единого мнения. Как считал А.И. Тереножкин, они были на вооружении степняков (киммерийцев) уже не позже первой половины IX в. до н.э., но продолжали использоваться и позднее (Тереножкин 1976: 105—106). Большинство специалистов поддерживают данную точку зрения, особенно это касается ранней формы кинжалов, аналогичных найденным в окрестностях г. Ставрополя и г. Армавира. В частности, ряд исследователей (С.Л. Дударев, С.Ф. Махортых, В.В. Эрлих и др.) считают, что на оформление ранней группы биметаллических кинжалов (БМК — группа 1) оказали влияние степные образцы (Дударев 1999: 29, рис. 22). С.Б. Вальчак уточнил поздний период использования таких клинков. Как считает автор, мечи и кинжалы с округлыми рукоятями и длинной гардой существовали на протяжении VIII в. до н.э., их бытование в VII в. до н.э. пока недоказуемо (Вальчак 2008: 18).

Третий биметаллический кинжал, обнаружен на горе Стрижамент, находящейся в 35 км к югу от г. Ставрополя (находится на хранении в Ставропольском государственном музее—заповеднике им. Г.Н. Прозрителева, Г.К. Праве)[2] (Прокопенко, Кравцова 2020: 30, рис. 2: *1*). Экземпляр имеет грибовидное навершие и прямое перекрестие (рис. 3: *1*, 4: *А*). Сохранился бронзовый эфес с короткой гардой (с дуговидным вырезом?) и фрагментом железного, сильно коррозированного клинка. Рукоять литая с винтообразным рифлением ствола, завершается полусферической шляпкой. На перекрестье имеется отверстие. Размеры: длина рукояти — 110 мм; длина перекрестия — 26; ширина перекрестия — 14; диаметр навершия — 18 × 22 мм.

На Северном Кавказе аналогичные экземпляры с винтообразным рифлением ствола (первая группа, подгруппа В, первый отдел, типы II и III по В. И. Козенковой) выявлены в Центральном Предкавказье и в Закубанье (Эчкивашский могильник, погребение 4; хутор Чернышов). Еще один подобный экземпляр (с длинной гардой) обнаружен на Среднем Днепре (Субботово) (Козенкова 2013: рис. 47: *7, 15*, 48: *3*).

Кинжал с горы Стрижамент относится к четвертому варианту северокавказских биметаллических кинжалов по А.И. Тереножкину (Тереножкин 1976: 112—114, рис. 69), к первой группе, подгруппе В, первому отделу, типу III кинжалов кобанской культуры западного варианта по классификации В.И. Козенковой (Козенкова 1995: 55, 145, табл. X: *10*), ко второй группе БМК КР по С.Л. Дудареву (Дударев 1999: 101), отделу I, подотделу I, группе II, типу 2 по С.Б. Вальчаку (Вальчак 2008: 9: *10, 13*, рис. 4: *13*).

В.И. Козенкова датировала такие экземпляры IX—VIII вв. до. н.э., предпочтение отдавая VIII в. до н.э. (Козенкова 1996: 55). По мнению С.Л. Дударева, отмеченный кинжал из погребения 4 Эчкиваша относится к ранней группе БМК КР II — к комплексам переходного периода от черногоровского горизонта к новочеркасской «классике» (Дударев 1999: 101—102). С.Б. Вальчак уточнил период их изготовления, отнеся клинки с рукоятью с винтообразным рифлением ствола к первой половине — середине VIII в. до н.э. (Вальчак 2008: 12, 52).

Четвертый биметаллический кинжал (не опубликован) обнаружен в комплексе с костяным топором в погребении 193 могильника № 1 Грушевского городища VIII—III вв. до н.э. (юго-западная окраина г. Ставрополя) (Баранюк, Кудрявцев 2020: 188).

Также на г. Стрижамент выявлен бронзовый весловидный наконечник ножен кинжала, подобного выше отмеченным (хранится в Ставропольском государственном музее—заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве). Предмет конической формы (рис. 3: *2*). В верхней расширенной части конуса находится отверстие. Боковые лопасти составляют «весло» пятиугольной формы. Размеры: длина — 5,9 см; максимальная ширина (лопастей) — 2; толщина лопастей — 5; максимальный диаметр — 1,1 × 2 см.

Оформление конца ножен бронзовым наконечником весловидной формы является характерной чертой для изделий IX—VIII вв. до н.э. собственно северокавказского происхождения (Эчкивашский могильник погребение 4; сел. Герменчик; Баксанское ущелье; «клад» из разрушенного погребения — могильник Клин-Яр-3; Псекупский могильник — подъемный материал; территория Дагестана; могильник Сержень-Юрт, погребение 44 и др.) (Тереножкин 1976: рис. 69: *6*; Козенкова 1982: табл. XIV: *10*; 1995: 147, табл. X: *6, 10*; XI: *10*; XII: *3, 4*; 2003: 93; Абакаров, Давудов 1993: 57, рис. 19: *23*; Дударев 1999: 291, 382, 396, рис. 63: *3*, 154: *14*, 168). Однако лопасти всех известных наконечников имеют закругление в нижней части (рис. 5). В нашем случае, они сходятся к завершению конуса под острым углом, оформляя вершину пятиугольника.

Результаты. Таким образом, все рассмотренные находки датируются IX—VIII в. до н.э., т.е. относятся к предскифскому времени, ближе к его завершению. В настоящее время считается, что в Предкавказье в предскифский период существовали два центра металлообработки (производство конской упряжи и др.) — Прикубанье и предгорные районы Центрального Предкавказья. Однако обстоятельство открытия значительного количества предметов VIII — начала VII в. до н.э., в том числе биметаллических кинжалов, в районах, прилегающих к г. Ставрополю, видимо, свидетельствует о существовании в указанное время еще одного центра производства оружия (и конской упряжи) — на территории Ставропольской возвышенности. Это подтверждается находкой в конце 90-х гг. XX в. на восточной окраине Грушевского городища (юго-западная окраина г. Ставрополя) фрагмента половинки керамической формы для отливки стремечковидных удил (Прокопенко, Пикалов 2014: 52, рис. 1) (рис. 4: *Б*). Судя по слабо обозначенным выступам подножки «стремечка», данная форма использовалась для отливки раннего варианта таких удил, т.е. датируется первой половиной VII в. до н.э. Интересно, что при переходе стремечка в стержень предмет

декорирован рельефным декором, напоминающим изображение птичьей лапы, известное по находкам наконечников стрел в Богазгее и др. (Иванчик 2001: 55, рис. 24).

Как считает В.И. Козенкова, находки стремечковидных удил в «западнокобанских» древностях незначительны и чужеродность их в местной среде очевидна (Козенкова 1995: 104). Эта точка зрения не согласуется с отмеченной находкой фрагмента керамической формы для отливки таких удил в зоне мусорных ям с остатками кузнечного и бронзолитейного производства поселения кобанской культуры.

Возможно, именно территория Ставропольской возвышенности, занятая анклавом населения кобанской культуры западного варианта (по В.И. Козенковой), является исключением. Поскольку данный район горного ландшафта расположен достаточно глубоко в степи, поэтому является естественным крайним пунктом остановок для отдыха в контексте транспортной логистики IX — начала VII в. до н. э. и более поздних периодов. Видимо, этим можно объяснить и сосредоточие в памятниках региона значительного количества предметов конской упряжи и вооружения предскифского и раннескифского времени, а также факт производства на местных поселениях деталей конской упряжи. Возможно, региональный центр бронзолитейного и кузнечного производства обеспечивал потребности в большей степени не местных кобанских племен, а транзитных групп степного населения, перемещавшихся по транспортным магистралям из предгорных районов Предкавказья в Северное Причерноморье (и в обратном направлении).

Литература

Абакаров А.И., Давудов О.М. 1993. *Археологическая карта Дагестана*. Москва: Наука.

Баранюк А.В., Кудрявцев Е.А. 2020. Могильник Грушевского городища. Предварительные итоги исследования. В: Гаджиев М.С. (ред.). *Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической конференции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г.* Махачкала: Мавраевъ, 187—191.

Вальчак С.Б. 2003. Вооружение всадников и конская сбруя юга Восточной Европы в предскийский период. Дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Вальчак С.Б. 2008. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII — VII вв. до н.э.). В: Двуреченский О.В. (ред.). *Военная археология*: *Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее*. Москва: Квадрига, 12—26.

Дударев С.Л. 1999. *Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.)*. Армавир: Армавирское полиграфпредприятие.

Иванчик А.И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.

Козенкова В.И. 1982. *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант*. Москва: ИА РАН (САИ В2-5).

Козенкова В.И. 1995. *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант*. Москва: ИА РАН (САИ В2-5).

Козенкова В.И. 2013. *Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде)*. Москва: Таус.

Прокопенко Ю.А. 2010. Новые находки предметов вооружения и конской упряжи IX—VIII, VI, IV—III вв. до н.э. в окрестностях г. Ставрополя. В: Прокопенко Ю.А. (ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 2. Ставрополь: Графа, 9—19.

Прокопенко Ю.А. 2018. Находки предметов вооружения и конской упряжи предскифского времени в окрестностях г. Ставрополя. *Oriental Studies* 3(37), 23—36. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-23-36.

Прокопенко Ю.А., Пикалов Д.В. 2014. К вопросу о характере ремесленного производства на поселениях Центрального Предкавказья в IX—III вв. до н.э. В: Прокопенко Ю.А. (ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 6. Ставрополь: Графа, 49—58.

Прокопенко Ю.А., Кравцова С.Л., 2020. Коллекция предметов эпохи бронзы и раннего железного века из Ставропольского государственного музея—заповедника. В: Прокопенко Ю.А. (ред.). *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 12—13. Ставрополь: Печатный двор, 21—40.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. 2005. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей. В: Гуляев В.И. (ред.). *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского*. Москва: ИА РАН, 201—227.

Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова Думка.

Эрлих В.Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

Chochorowski J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej*. Krakov: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Flavia Solva 2016: Fuchs G. (ed.). Flavia Solva. Hügelgräberfeld Altenmarkt. Topographie, Forschungsgeschichte und neue Grabungen. *Forschungen zur geschichtlichen Landeskunde der Steiermark* 77.

Gleirscher P. 2009. Kimmerier und Skythen: Zu den ältesten Spuren eurasiatischer Steppenreiter in Kärnten. *Rudolfinum. Jahrbuch des Landesmuseums Kärnten* 2007 (2009), 15—36.

Metzner-Nebelsick C. 2002. *Der "Thrako-Kimmerische" Formenkreis aus der Sichtder Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien*. T. 1. *Vorgeschichtliche Forschungen*. Bd. 23. Rahden/Westf: Marie Leidorf GmbH.

Podborsky Vl. 1970. *Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelbe der Eisenzeit*. Brno: Universita J.E. Purkyně.

References

Abakarov, A.I., Davudov, O.M. 1993. *Arkheologicheskaya karta Dagestana (Archaeological map of Dagestan)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Baranyuk, A.V., Kudryavtsev, Ye.A. 2020. In: Gadzhiyev, M.S. (ed.). *Arkheologicheskoye naslediye Kavkaza: aktual'nyye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskiye chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Krupnovskikh chteniy i 50-letiyu Derbentskoy arkheologicheskoy konferentsii. Makhachkala, 20-25 aprelya 2020 g. (Archaeological heritage of the Caucasus: topical issues of study and preservation. XXXI Krupnovskie readings. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the Krupnovsky readings and the 50th anniversary of the Derbent archaeological conference. Makhachkala, April 20-25, 2020)*. Makhachkala: Mavrayev, 187—191 (in Russian).

Valchak, S.B. 2003. Armament of riders and horse harness of the south of Eastern Europe in the pre-pre-period. PhD Thesis. Moscow.

Valchak, S.B. 2008. In: Dvurechenskiy, O.V. (ed.). *Voyennaya arkheologiya: Sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom istoricheskom muzeye (Military archaeology: Collection of materials from a seminar at the State Historical Museum)*. Moscow: Kvadriga, 12—26 (in Russian).

Dudarev, S.L. 1999. Vzaimootnosheniya *plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Yevropy v predskifskuyu epokhu (IX — pervaya polovina VII v. do n.e.) (The relationship of the tribes of the North Caucasus with the nomads of South-Eastern Europe in the pre-Scythian era (9th — first half of the 7th century BCE))*. Armavir: Armavirskoye poligrafpredpriyatiye (in Russian).

Ivanchik, A.I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni (Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological problems of archaeology of the Eastern European steppes and the Caucasus of the pre- and early Scythian time)*. Moscow: Paleograf (in Russian).

Kozenkova, V.I. 1982. *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury. Vostochnyy variant (Typology and chronological classification of objects of Koban culture. Eastern option)*. Moscow: IA RAN (Corpus of Archaeological Sources V2-5) (in Russina).

Kozenkova, V.I. 1995. *Oruzhiye, voinskoye i konskoye snaryazheniye plemen kobanskoy kul'tury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant (Weapons, military and horse equipment of the tribes*

of the Koban culture (systematization and chronology). Western option). Moscow: IA RAN (Corpus of Archaeological Sources V2-5) (in Russina).

Kozenkova, V.I. 2013. *Kobanskaya kul'tura i okruzhayushchiy mir (vzaimosvyazi, problemy sud'by i sledov raznokul'turnykh infil'tratsiy v mestnoy srede) (Koban culture and the surrounding world (interconnections, problems of fate and traces of multi-cultural infiltrations in the local environment))*. Moscow: Taus (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2010. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 2. Stavropol: Grafa, 9—19 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2018. In *Oriental Studies* 3(37), 23—36. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-23-36 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A., Pikalov, D.V. 2014. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 6. Stavropol: Grafa, 49—58 (in Russian).

Prokopenko, Yu.A., Kravtsova, S.L., 2020. In: Prokopenko, Yu.A. (ed.). *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of the peoples of the North Caucasus)*. Iss. 12—13. Stavropol: Pechatnyy dvor, 21—40 (in Russian).

Skakov, A.Yu., Erlikh, V.R. 2005. In: Gulyayev, V.I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati V.S. Ol'khovskogo (Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Ages. In memory of V.S. Olkhovsky)*. Moscow: IA RAN, 201—227 (in Russian).

Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriytsy (Cimmerians)*. Kyiv: Naukova Dumka (in Russian).

Erlikh, V.R. 2007. *Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka. Protomeotskaya gruppa pamyatnikov (Northwest Caucasus at the beginning of the Iron Age. Protomeotic group of monuments)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej*. Krakov: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Flavia Solva 2016: Fuchs, G. (ed.). Flavia Solva. Hügelgräberfeld Altenmarkt. Topographie, Forschungsgeschichte und neue Grabungen. *Forschungen zur geschichtlichen Landeskunde der Steiermark* 77.

Gleirscher, P. 2009. Kimmerier und Skythen: Zu den ältesten Spuren eurasiatischer Steppenreiter in Kärnten. *Rudolfinum. Jahrbuch des Landesmuseums Kärnten* 2007 (2009), 15—36.

Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der "Thrako-Kimmerische" Formenkreis aus der Sichtder Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien*. T. 1. *Vorgeschichtliche Forschungen*. Bd. 23. Rahden/Westf: Marie Leidorf GmbH.

Podborsky, Vl. 1970. *Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelbe der Eisenzeit*. Brno: Universita J.E. Purkyně.

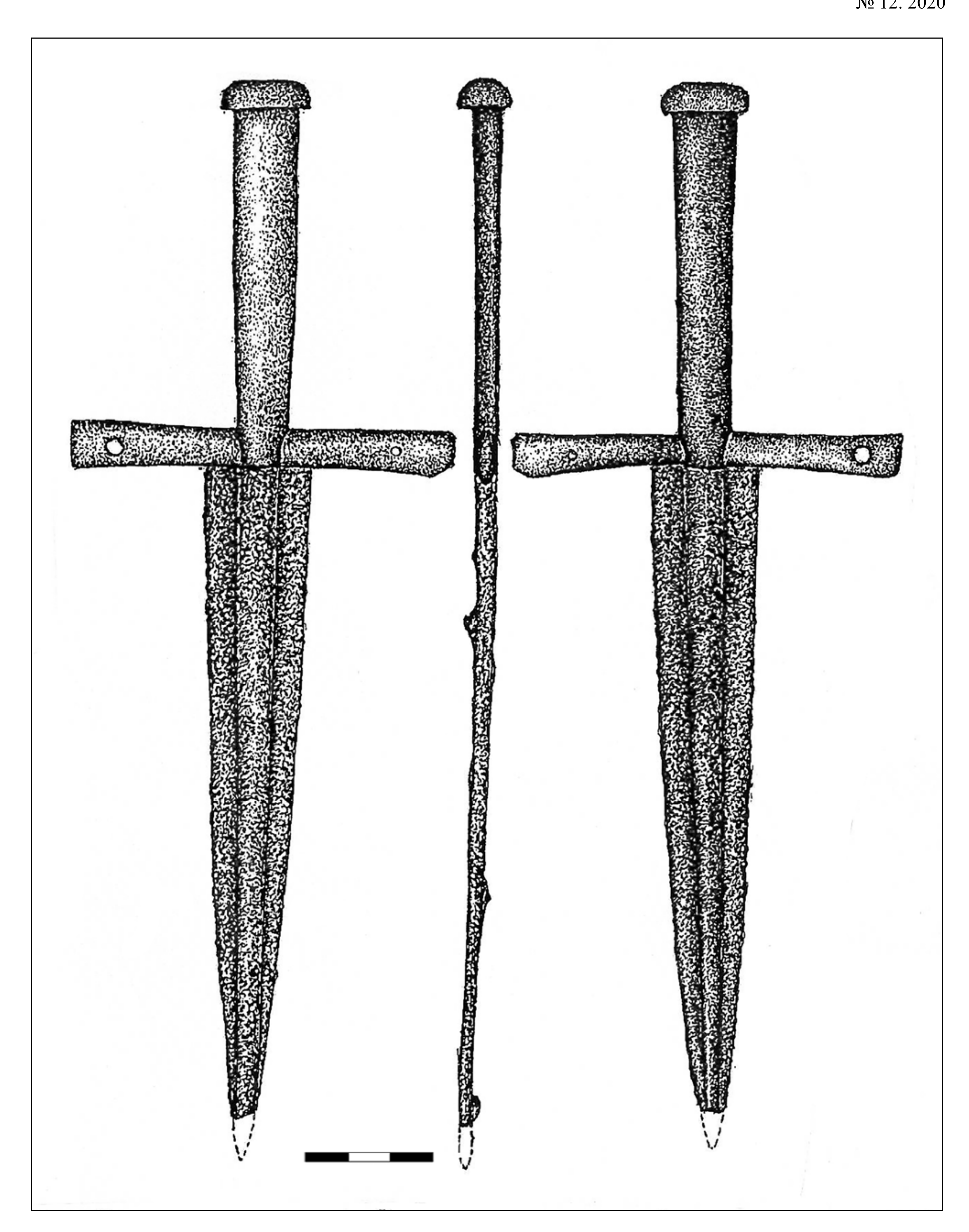

Рис. 1. Кинжал VIII в. до н.э., обнаруженный в северных окрестностях г. Ставрополя (по Прокопенко, 2010).

Fig. 1. Dagger 8th century BCE discovered in the northern outskirts of Stavropol: (after Prokopenko 2010).

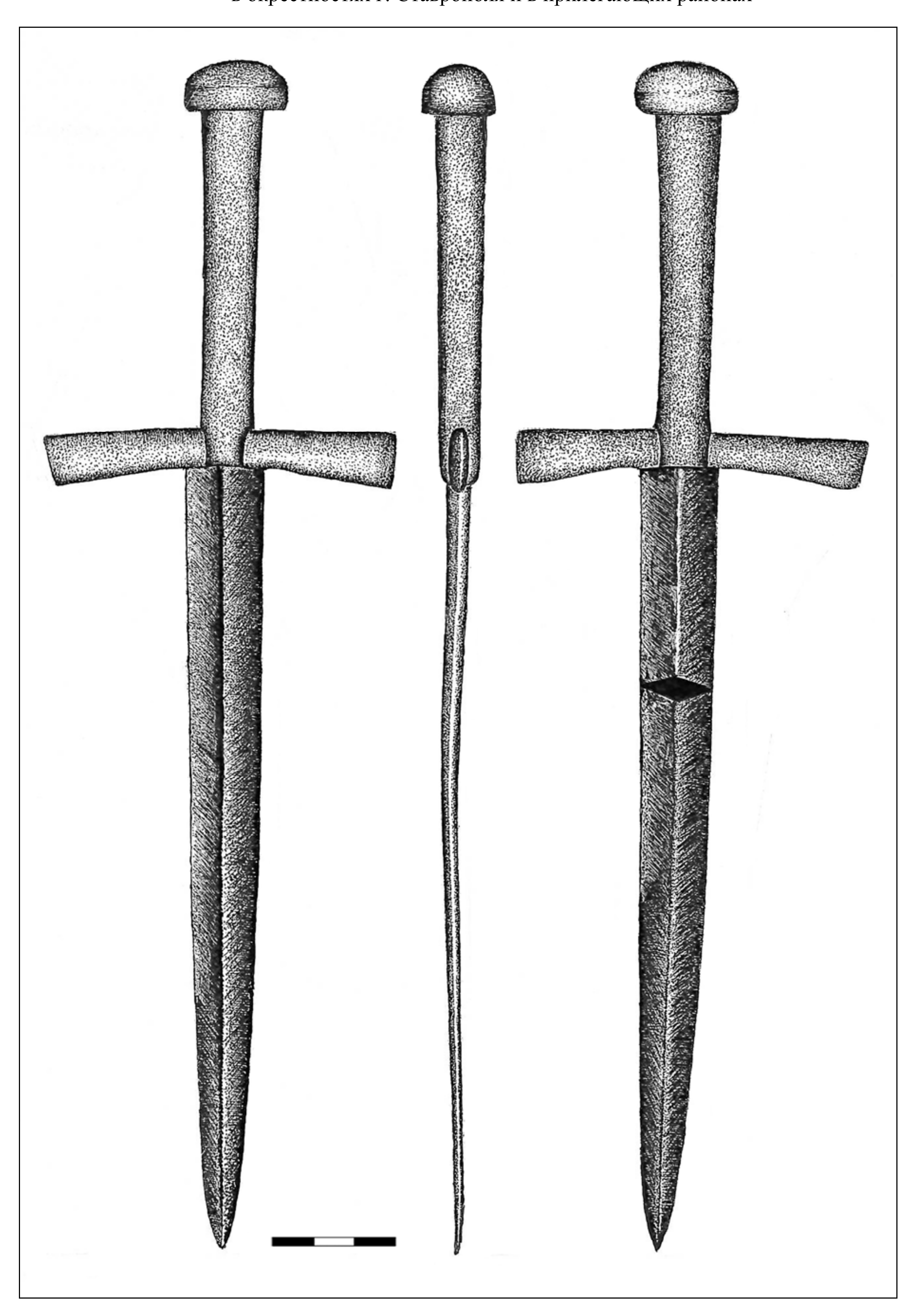

Рис. 2. Кинжал VIII в. до н. э., обнаруженный в окрестностях г. Армавира (рисунок автора).

Fig. 2. Dagger 8th century BCE discovered in the vicinity of of Armavir (author’s drawing).

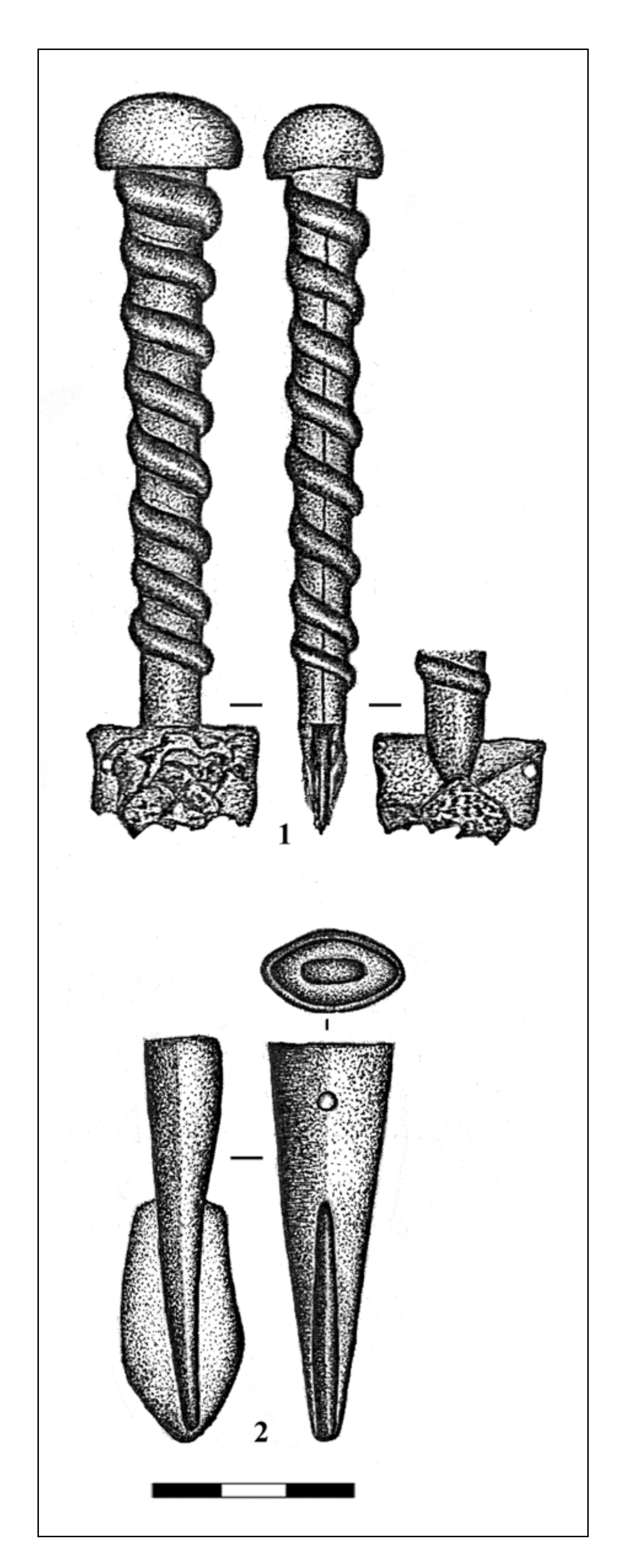

Рис. 3. *1* — Кинжал первой половины VIII в. до н.э., обнаруженный на г. Стрижамент (юго-восточнее г. Ставрополя) (по Прокопенко, Кравцова 2020: рис. 2: *1*); *2* — наконечник ножен, обнаруженный на г. Стрижамент; *1* — железо, бронза; *2* — бронза (рисунок автора).

Fig. 3. *1* — Dagger of the first half of the 8th century BC, E, discovered on the city of Strizhament (southeast of the city of Stavropol) (after Prokopenko, Kravtsova 2020: fig. 2: *1*). *2* — the tip of the scabbard found in the town of Strizhament; *1* — iron, bronze; *2* — bronze (author's drawing).

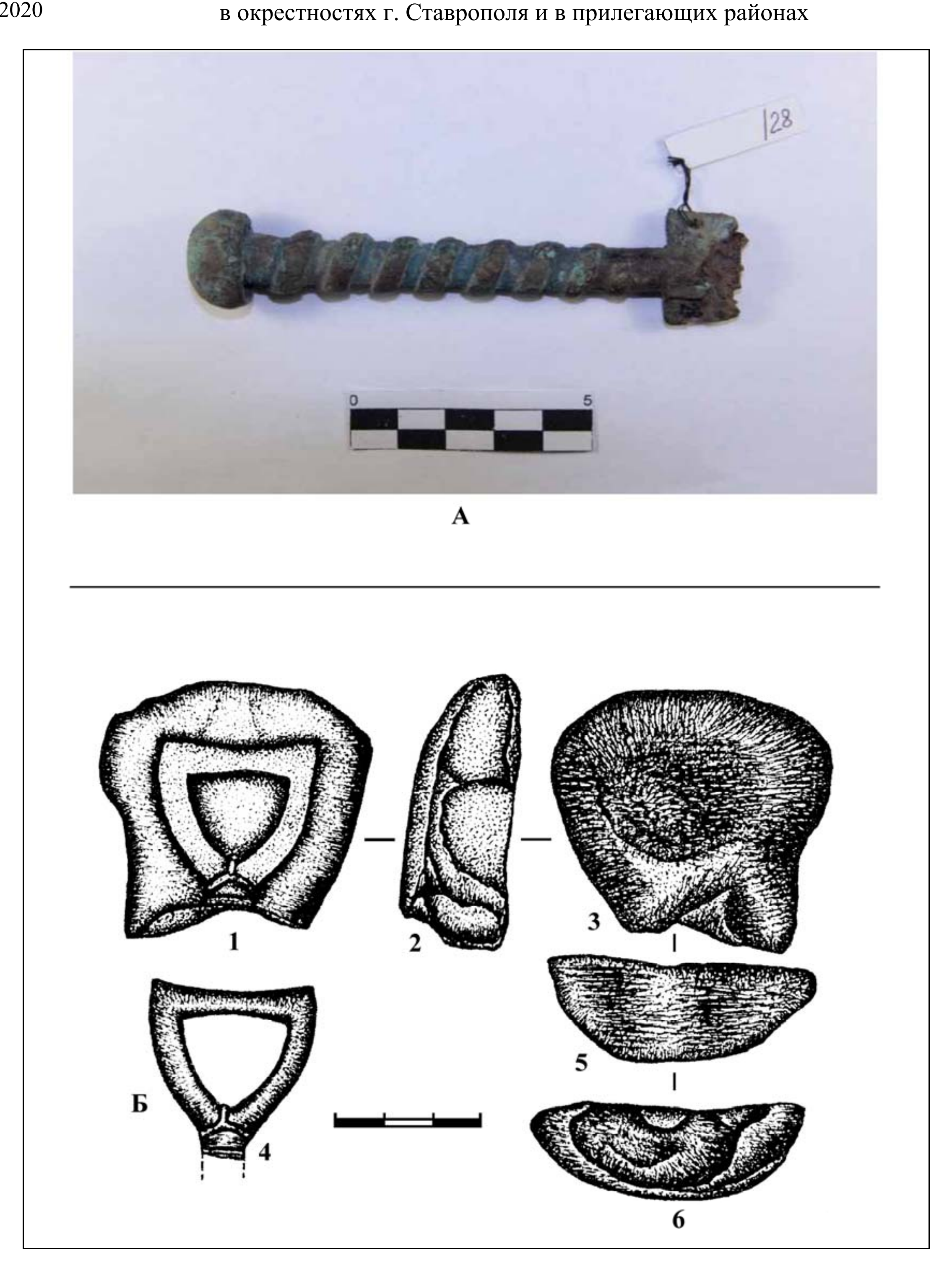

Рис. 4. *А* — фото кинжала VIII в. до н.э., обнаруженного на г. Стрижамент (юго-восточнее г. Ставрополя) (по Прокопенко, Кравцова 2020: рис. 2: *1*); *Б* — керамическая форма (фрагмент) для отливки удил, найденная на окраине Грушевского городища — юго-западная окраина г. Ставрополя (по Прокопенко, Пикалов 2014: рис. 1); *1—3, 5, 6* — форма для отливки; *4* — гипсовая отливка; *А* — железо, бронза; *Б* — керамика.

Fig. 4. *А* — photo of a dagger of the 8th century BCE discovered on the city of Strizhament (southeast of the city of Stavropol) (after Prokopenko, Kravtsova 2020: fig. 2: *1*); *Б* — ceramic mold (fragment) for casting a bit, found on the outskirts of the Grushevsky settlement — the southwestern outskirts of Stavropol (after Prokopenko, Pikalov 2014: fig. 1); *1—3, 5, 6* — mold for casting; *4* — plaster casting; *А* — iron, bronze; *Б* — ceramics.

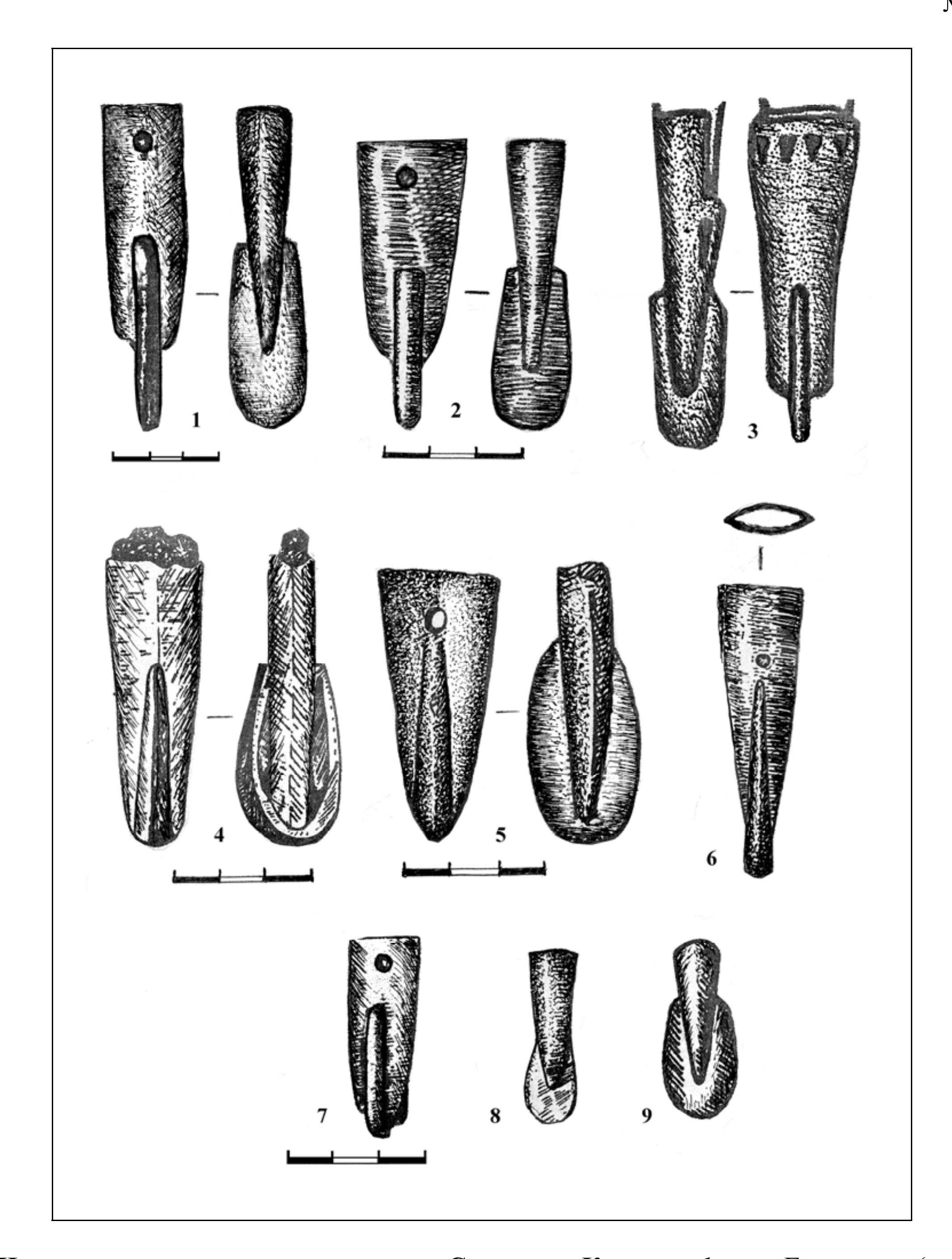

Рис. 5. Наконечники ножен из памятников Северного Кавказа: *1* — с. Герменчик (по Дударев 1999); *2* — могильник Каменномостский (по Козенкова 1995); *3* — территория Дагестана (по Абакаров, Давудов 1993); *4* — Псекупский могильник (по Дударев 1999); *5* — клад из разрушенного погребения могильника 3 Клин-Яр (по Козенкова 1995); *6* — Эчкивашский могильник, погребение 4 (по Козенкова 1995); *7* — Сержень-Юртовский могильник, погребение 44 (по Козенкова 1982); *8* — Баксанское ущелье (по Козенкова 1995); *9* — Зандакский 2 могильник (по Дударев 1999). Все — бронза.

Fig. 5. Scabbard tips from the monuments of the North Caucasus: *1* — village of Germenchik (after Dudarev 1999); *2* — Kamennomostsky Burial-ground (after Kozenkova 1995); *3* — territory of Dagestan (after Abakarov, Davudov 1993); *4* — Psekupskiy Burial-ground (after Dudarev 1999); *5* — treasure from the destroyed burial of the 3 Klin-Yar Burial-ground (after Kozenkova 1995); *6* — Echkivash Burial-ground, burial 4 (after Kozenkova 1995); *7* — Serzhen-Yurtovsky Burial-ground, burial 44 (after Kozenkova 1982); *8* — Baksan gorge (after Kozenkova 1995); *9* — Zandakskiy 2 Burial-ground (after Dudarev 1999). Everything is bronze.

УДК 930/902(510)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00004

P.I. Shulga, D.P. Shulga

THE CULTURES OF THE EARLY IRON AGE IN CHINA AS A PART OF THE SCYTHIAN WORLD*

Based on archaeological and written sources, the authors characterizes the two ethno cultural regions of the 9th — 3rd centuries BCE that developed in the east of the Scythian world — in Xinjiang and North China. In the 9th — 8th centuries BCE there, in local cultures of transitional appearance, burial complexes with "Scythian triad" individual elements in the Animal style in a horse bridle are recorded. It is obvious that both of these areas were the early Scythian cultures formation centers like the center in Tyva. At the same time, according to all sources, the Animal style was brought to the China territory from Mongolia. Due to natural factors, in these areas up to the 2nd century BCE Scythian cultures developed almost in isolation from each other in contact with the adjacent Kazakhstan, Southern Siberia and Mongolia regions. In the second half of the 4th century BCE the northern part of Xinjiang (including the Tien Shan) get closed culturally with Pazyryk culture of Altai, and then to the Sakas and Wusuns of Kazakhstan. At this time the North China cultures were in close contact with South Siberia population. At the same time, some Scythian-like features were preserved in them until 3rd — 2nd centuries BCE, even after the Han and Xiongnu empires formation at the end of the 3rd century BCE.

Key words: Scythian world, Sakas, Wusuns, Early Iron Age.

About the authors: Shulga Petr Ivanovich[1], PhD (History), Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Shulga Daniil Petrovich[2], PhD (History), Novosibirsk State University, Siberian Institute of Management — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: [1]630090, Russia, Novosibirsk, 17 Ac. Lavrentieva ave., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; [2]630090, Russia, Novosibirsk, 2 Pirogova St., Novosibirsk State University; [1,2]e-mail: alkaddafa@gmail.com.

П.И. Шульга, Д.П. Шульга

КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В КИТАЕ КАК ЧАСТЬ СКИФСКОГО МИРА

Авторы на основании археологических и письменных источников характеризуют два этнокультурных региона IX—III вв. до н.э., которые развивались на востоке скифского мира — в Синьцзяне и Северном Китае. В IX—VIII вв. до н.э. здесь в местных культурах переходного облика зафиксированы погребальные комплексы с отдельными элементами «Скифской триады» в зверином стиле в узде коня. Очевидно, что оба эти района были центрами формирования ранних скифских культур, как и центр в Тыве. В то же время, по всем данным, звериный стиль был завезен на территорию Китая из Монголии. В силу природных факторов на этих территориях до II в. до н.э. скифские культуры развивались практически изолированно друг от друга, соприкасаясь с соседними регионами Казахстана, Южной Сибири и Монголии. Во второй половине IV в. до н.э. северная часть Синьцзяна (включая Тянь-Шань) находилась под влиянием пазырыкской культуры Алтая, а затем саков и усуней Казахстана. В это время культуры Северного Китая находились в тесном контакте с

*Статья поступила в номер 5 октября 2020 г.
Принята к печати 29 октября 2020 г.

© П.И. Шульга, Д.П. Шульга, 2020.

населением Южной Сибири. В то же время некоторые скифские черты в них сохранялись до III—II вв. до н.э., даже после образования империй Хань и Сунну в конце III в. до н.э.

Ключевые слова: скифский мир, саки, усуни, ранний железный век.

Сведения об авторах: Шульга Петр Иванович[1], кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Шульга Даниил Петрович[2], кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: [1]630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; [2]630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирский государственный университет; [1,2]e-mail: alkaddafa@gmail.com.

The concepts of “Scythian world”, Scytho-Siberian cultures (world), “Scytho-Siberian Animal Style” and their derivatives firmly entered the researchers’ lexicon. They are also used by domestic and foreign specialists when dealing with cultures existing in the east of the Urals in (9th) 8th — 3rd centuries BCE where the Scythians never existed. However, Herodotus’ messages about the Scythians arrival from Asia and the simultaneous European and Asian Scythians (Sakas and Massageteans) existence imply the presence of cultures close to the Black Sea Scythians in the East (Herod., I, 201, IV, 11, 13; etc). For the first time a significant number of “Scythian” Animal style samples were found not in the Black Sea region but in Siberia in the second half of the 17th — early 18th centuries. Such items were found by *bugrovschiki*[1] when digging out burial mounds, as well as by ore miners and peasants completing their work. Some of these items became the Peter the Great's Siberian collection at the beginning of the 18th century, some were exported abroad (Bogdanov 2006: 15). The Scythian mounds excavation in the Black Sea region started only in the 19th century, but significant materials together with the Herodotus evidence immediately acquired a special status to the Scythian culture of the Black Sea. At first, many believed that the Northern coast of the Black Sea was the center of the Scythian culture and Animal style formation. At the same time, individual Scythian appearance items were also found in the far east of Eurasia — in Northern China from where they came to European collectors. As a result, in the second half of the 19th century in European museums and private collections cumulated significant number of Animal-style items from the Black Sea region, Siberia and China have been formed. Soon, the scattered data were interpreted by researchers, and in 1897 two science papers were published. The authors (N.M. Yadrintsev and P. Reinecke) accentuated the connection between the findings from the Black Sea region, Siberia and North China (Chlenova 1967: 7). Thus, the latitudinal boundaries of Scytho-Siberian circle cultures (peoples) distribution latitudinal boundaries were determined for the first time in general terms. These assumptions about the «Scythian» culture existence far to the east were reinforced in the first third of the 20th century by publication of Animal-style items (“Ordos bronzes”) several large collections[2] . They are still used nowadays. However, in the first half of the 20th century in China there has not yet been a proper scientific excavation of archaeological sites

---

[1] Mound robbers of 17th — 19th centuries.

[2] Note. Initially, “Ordos bronzes” meant the entire collection of bronze items found in the Ordos region. Among them there are the Late Bronze Age items of the Karasuk appearance, Scythian and Hunnic times. At present, “Ordos bronzes” are more often understood as Scythian time items) found “by accident” in North China. These materials were actively used by Soviet archaeologists, including those actively working in Siberia (Kiselev 1951: 242, 246, 249, 270, 317; Rudenko 1960: 317—322; Chlenova 1967: 110—143).

containing the Animal style examples. The Ordos bronzes chronology has not yet been established and therefore the level of their interpretation often was not accurate [3].

In the 50—60s of 20th century Scythian time archeology within the borders of the USSR reached a new level. Dozens of remarkable sites were discovered in Central Asia and Siberia; generalizing monographs were prepared and published. However, foreign and Soviet researchers' knowledge about the alleged Scythian-like cultures in China remained at almost the same level. The main reason for this is undeveloped archeology in China, language barrier as well as the deterioration of relations between the PRC and the USSR. Nevertheless, Scytho-Siberian cultures researchers in the USSR somehow tried to relate their materials to the Chinese history. Let's point at the position of three acknowledged researchers who largely determined the archeology directions of the Scythian time in Southern Siberia territory. S.V. Kiselev who examined the scarce archaeological data from Northern China and Mongolia in light of Ancient China written sources came to the conclusion that there was a commonality in space from the Scythians in the west to the Baikal region, Mongolia and Ordos population[4]. In his opinion, they all used "the same weapon, the same horse harness, similar adornments and were carried away by the same images and moods in art" (Kiselev 1951: 303). S.I. Rudenko who, in fact, had the same materials saw the Scythian world in a relatively narrow framework from the Black Sea region to the Pamir and Tien Shan where according to Herodotus the European and Asian Scythians lived. He attributed the Pazyryk culture to the Asiatic Scythians that advanced from the south through the Kazakh steppes to Altai. He believed that in the 6th — 4th centuries BCE this culture was a kind of outpost at the northeastern end of the Scythian world (Rudenko 1952: 248; 1961: 62). S.I. Rudenko connected "Ordos bronzes" of the Scythian appearance with the Huns explaining the Animal style presence by the earlier West Siberian and the Altai Mountains (Pazyryk) art influence on the "art of the ancient Xiongnu tribes" (Rudenko 1960: 313, 317).

At that time the Xinjiang territory continued to be a "blank spot" where many researchers (including S.I. Rudenko) traditionally placed the Yuezhi and Wusuns tribes based on the ancient (Rudenko 1960; Zadneprovsky 1992) Chinese chronicles[5]. According to S.V. Kiselev, at the end of the 4th — beginning of the 3rd centuries BCE Xinjiang was subordinated to the Yuezhi (Massageteans). At the same time, they allegedly penetrated into North China and Mongolia. Then in the 2nd century BCE under Xiongnu blows of the they left through Xinjiang back to Central Asia (Kiselev 1951: 315—317, 322, 391). N.L. Chlenova also supposed migration of "significant population masses" who brought Middle Eastern art to North China and South Siberia to migrate (Chlenova 1967: 129) through Xinjiang[6].

---

[3] A. Salmoni who published a large C.T. Loo collection dated the items of the Karasuk and Scythian appearance to the Han time (2nd century BCE — 2nd century CE), and items similar to Tagar — about 500 CE (Salmony 1933: 28).

[4] Unlike a number of researchers, S.V. Kiselev also differentiated Scythian time items preceding the Xiongnu ones among the "Ordos bronzes" (Kiselev 1951: 242, etc.).

[5] A large number of publications are devoted to these peoples habitat issues. It is traditionally believed that in the 3rd century BCE Yuezhi lived in Gansu. Somewhere nearby the Wusuns also roamed (Borovkova 2001: 91). However, judging by the available data domestic and foreign researchers who localize Yuezhi in Xinjiang to the Hami region in the east are right (Barkova 2005: 17; Romgard 2008: 42). In this case, they were separated by about 1 thousand km from the Qin kingdom and later the Han Empire sphere of influence. It is not surprising that during the struggle against the Xiongnu the Han empire and Yuezhi did not unite against the common enemy of the Xiongnu at the end of the 3rd century BCE. It is indicative that the Yuezhi complete defeat (about 167 BCE) was recognized in Han only after 25—30 years.) Accordingly, the kingdoms of China did not have trade relations with Yuezhi. It should be added that all the numerous attempts in China and Central Asia to identify the burials of Yuezhi are doomed to fail. Obviously, they did not leave the Shajing culture in Gansu, but all other cultures in Xinjiang could equally be part of Yuezhi association.

[6] By the overwhelming number of Russian-speaking, Chinese and "Western" researchers Xinjiang is still perceived as a passageway between Central Asia and China since the 2nd — mid-1st millennium BCE. In particular, the penetration of the Saks into China in the 5th — 3rd centuries BCE is still assumed (Yang, Linduff 2013: 74, 79; Kang 2018: 410).

In general, with the accumulation of materials by the 60s, 20th century an increasing number of researchers began to incline towards an expanded interpretation of the “Scythian world” as a community that covered the entire Eurasian steppe belt concept. Large-scale archaeological excavations were carried out in Central Asia and Siberia territory, the deer stones of Mongolia were published (Volkov 1981: 2001). However, Russian-speaking archaeologists’ knowledge and ideas about Scythian-like cultures in China remained almost at the same level. It is significant that in M.P. Gryaznov’s science paper (Gryaznov 1980: 1983) it was assumed the Early Scythian sites in North China presence at the beginning of the 80s, 20th century BCE, while Xinjiang was not even mentioned. It is not surprising since the first large Scythian-like burial ground Chawuhugou-1 (8th — 6th centuries BCE in Xinjiang) was started to be studied only in 1983, and it’s data in Russian were published much later (Khudyakov, Komissarov 2002: 54—59, fig. XI—VI; Varenov, Labukina 2003; Shulga 2010: 24—42, fig. 2—26).

In North China systematic Scythian-like sites excavations began earlier in the 70s, 20th century. However, the first detailed publication of information about the "Xiajiadian upper layer" culture of the 11th — 7th centuries BCE in Russian appeared only in 1987 (Komissarov 1987). At about the same time but more actively and at the level of summary materials from China were published by “Western” (Debaine-Francfort 1989; Graberkatalog Maoqinggou 1992; Bunker 1997) researchers[7].

One way or another, to date, significant material on the cultures of the Scythian time has been accumulated on the territory of China. It is of particular importance, since it represents the last two large and peculiar Scythian world areas which are still poorly studied, — Northern China and Xinjiang.

Let’s consider them separately since in the period from the 9th to the 3rd — 2nd centuries BCE cultures in these territories developed in isolation from each other and belonged to Scythian world different areas. It is important to note that these areas population differed racially as well. Since the Bronze Age Xinjiang has had a predominantly Caucasian population, and China (including Gansu) had a Mongoloid population[8]. Mongolia and Transbaikalia territory inhabited by Mongoloids basically corresponded to the Slab graves culture. The Mongoloids also left all the Scythian-like cultures located along the Ancient China northern and western borders: Maoqinggou, Yanglangg and Shajing[9].

[7] It should be noted that excavation materials in China are usually published in fragments. There are a few monographic editions with full publication of materials, which makes it extremely difficult to analyze Chinese Scythian-like cultures.

[8] According to T.A. Chikisheva, in the 1st millennium BCE “northern continental type” Mongoloids were “stably localized in the east of the early nomads’ world” and almost did not move westward (Chikisheva 2011: 354).

[9] Thanks to Grumm-Grzhimailo, the opinion about the Caucasoid tribes existence on the territory of Northern China and Southern Siberia confirmed in the Russian-language literature. They, first of all, included the Dinglings with whom, in particular, the Karasuk and Tagar cultures were associated (Kiselev 1951: 180—183) Moving forward, we note that the “problem” arose as a result of Chinese chronicles free interpretations including tribes “di” collective name (狄— di, or often 北狄— bei di, “north di”). It was unreasonably associated with the “dinglings”. However, Chinese researchers according to the available written sources indicate that the actual “dinglings” (丁零or 丁灵) (not to be confused with the di tribes — these are different hieroglyphs) in China became known only from the end of the 3rd century BCE when they were conquered by the Mode Shanyu in the Baikal region (Yang 2007).

Northern China

According to Chinese chronicles, ancient China kingdoms were constantly been attacked by "barbarians" from the north and west in the 8th century BCE. In particular, their involvement led to the fall of Western Zhou in 770 BCE[10]. There is only one "Xiajiadian upper layer" culture at such an early time in North China[11]. This culture burial and settlement sites are located in an area favorable for pastoralism which included the Inner Mongolia (Chifeng city) region and the regions of Hebei and Liaoning provinces from the south (fig. 1). Their greatest concentration is observed in the strip stretching along the Laoha river 150 km south of Chifeng. At the same time, the southern sites are located only 200 km from Beijing where for a long time there was the capital of the Yan kingdom. Chinese archaeologists have been studying and analyzing this culture burial and settlement complexes for more than 60 years (Liu 2000; Wu 2007: 174—176; Zhao 2018). The topic was also highlighted by English-speaking (Bunker 1997; Psarras 1999) authors[12]. However, Chinese and foreign researchers did not have a common view on this culture content and chronology.

According to averaged data, the culture dates back to the 11th — 7th centuries BCE. It flourished in the 9th — 7th centuries BCE. Weapons, horse harness, and Animal-style items were found in the Nanshangen-type burial group. They date back by located in the same complexes "Chinese" bronze ritual vessels and spear *ge* of the 9th — 8th centuries BCE (Wu 2007: 177; Bunker 1997: 71). The few bridles details (bits and cheek pieces) from the "Xiajiadian upper layer" culture burials and adjacent Shiertayingzi-type ("culture") sites have practically nothing in common with the early Scythian ones of 9th — 7th centuries BCE. They differ from accidental finds from Mongolia and from bits and cheek pieces of Chinese chariot bridles. According to available data, these are local variants with a three-hole cheek piece design and articulated bits (fig. 2: *12—16*). The weapon also cannot be attributed to the Scythian types (fig. 2: *1—7*). The only exceptions are daggers with crosshairs in the form of directed at an angle to the blade "tendrils" with knobs at the ends (fig. 2, 6). They are similar to those found in Arzhan-1 (Savinov 2018: 94). This eastern form did not become widespread in the Scythian world. At the same time, well-defined "tendrils" crosshairs with knobs at the ends are found only in daggers with a violin-shaped blade. Daggers with such a blade appear in the "Xiajiadian upper layer" culture from the southeast under the Shiertayingzi culture influence (Kang 2011: 90) and did not become widespread in the Scythian world either.

Having fully developed Animal style images is pretty unexpected. Moreover, they are found on daggers that have analogies in the Late Bronze Age (fig. 2: *1—5*). In the Nanshangen, Xiaoheishigou and some other burial grounds there are curled up crouching cat predators (fig. 2: *1, 2, 4, 9, 10, 13, 14*), deer (fig. 2: *5*) and stylized raptor-headed tines (Liu 2000: fig. 11—15; Kovalev 1998; Bogdanov 2006: 36—39, 56—57; Kang 2011) (fig. 2: *2*) Like burial complexes, Animal-style objects date from the 9th — 8th centuries BCE (Bunker 1997: 71; Wu 2007: 177). A.A.

[10] On this basis, their connection with the possible nomadic world activation in the east represented by the Arzhan-1 mound (Tyva, about 800 BCE) was assumed (Savinov 2002: 36).

[11] The author of the proposed work does not give various pastoral peoples' names mentioned in the Chinese chronicles. Judging by the available archaeological data and the conclusions of authoritative researchers, ethnonyms such as "di", "rong", "hu", "xiongnu" and others usually referred to heterogeneous tribes and clans. Their culture and funeral rites (including the early Xiongnu) are unknown. For this reason, in North China there are several mutually exclusive definitions for almost every group of "barbarians" burials.

[12] Archaeologists in the post-Soviet space are almost not aware of this culture. The culture materials as a whole were considered only once (Komissarov 1987), have been partially addressed upon the Xiongnu culture origins (Minyaev 1991; Kovalev 2002; Minyaev 1985) and the Animal style (Kovalev 1998; Bogdanov 2012: 36) as well as the Yuhuangmiao culture origin (Shulga 2015: 18—19).

Kovalev dated them from “IX — at the latest the beginning of the VII century BC” (Kovalev 1998: 127). Thus, in the 8th century BCE in the “Xiajiadian upper layer” culture area the Scytho-Siberian Animal style items were already been produced. E.S. Bogdanov also came to this conclusion. He believes that the curled up and crouched predators images were perceived by nomads from Chinese culture (Bogdanov 2006: 36, 56). D.G. Savinov also notes the significant influence of Western Zhou era China on some Animal style and equipment features at the Scythian culture formation stage (Savinov 2018: 94—96).

In order to clarify the Animal style origins in the “Xiajiadian upper layer” culture let us note that they are not recorded either at this culture early stage and in Northern China Bronze Age cultures or in the “violin-shaped dagger” culture that had a strong influence and in the Chinese culture. The only source for the fully developed animal style “classical” examples emergence may be the Mongolia Late Bronze Age cultures[13]. The Animal style there is remarkably represented on deer stones which were probably been made in the 10th — 9th centuries BCE or at the beginning of the 1st millennium BCE (Volkov 2001: 18, 22). The spoon-shaped pendants variety in the “Xiajiadian upper layer” culture may also indicate a certain influence of Mongolia and Transbaikalia.

The "Xiajiadian upper layer culture" was one of the foundations for the subsequent Yuhuangmiao culture formation in the 7th — 5th centuries BCE. These cultures inventory and burial ceremony are very close. In China this similarity is usually interpreted as a result of the earlier “Xiajiadian upper layer” culture influence (Yang 2004: 78; Liu 2000: fig. 17, 19; Jin 2018: 65).

Yuhuangmiao culture

The next recognized Scythian-like culture with a complete “Scythian triad” is the Yuhuangmiao culture. This culture sites are located to the north of Beijing. At the same time, its area partially overlaps with the “Xiajiadian upper layer” culture area. The Yuhuangmiao culture funeral rite has been most fully traced at the Yuhuangmiao burial ground. There 400 undisturbed burials were uncovered and their relative chronology was traced within the second half of the 7th — 6th centuries BCE (Shulga 2015). The graves were oriented with a long axis in the latitudinal direction and were located on the burial ground rather tightly without significant grave superstructures. A wooden coffin was installed at the graves bottom 1,5—2 m deep. One person was buried in the coffin in a supine position, elongated, with his head to the eastern sector (fig. 5: *B1*). A large ceramic vessel was often placed in the heads. In the grave filling above the deceased’s head were the cattle and horses skulls and leg bones facing the east as well as the small cattle and dogs skulls. Men often had bronze daggers paired with knives and type-setting belts details in the belt area, bronze arrowheads, celts paired with “adzes” and horse equipment at their feet. The women were buried with earrings, spoon-shaped pendants on trimmed with badges breast accessories and pincushion at the right hip. Many of these ritual features are fixed in the “Xiajiadian upper layer” culture, including the tradition of covering the deceased’s face with a cloth with several sewn badges.

Of the weapons there are daggers with a butterfly-shaped crosshair and arrowheads which have full analogies in the Altai-Sayan (fig. 3: *2*, 4, *A5—A8, B5—B8*). Horse harness contains bits with pawn-shaped ends (fig. 4: *A2, B2*) typical for the Scythian world’s eastern part, “Eastern” ones with

[13] A.A. Kovalev originally believed that the Animal style in Manchuria was formed with the participation of the Sakas (Kovalev 1992: 74) but then suggested that the “Animal style images” from Nanshangen burials “formed much earlier, at least, in the VIII century BC and at that time existed in the territories adjacent to Inner Mongolia” (Kovalev 1992: 130).

a rein frame (fig. 4: *A1, B1*) and Eurasian ones with stirrup-like ends (fig. 4: *A3, B3*) as well as the earliest construction of bits and double-hole cheek pieces inserted into their outer ends (fig. 4: *A2*). The Animal style is represented by numerous images of feline predators curled up and crouching to the ground (fig. 3: *3—9*), deer with bent legs (fig. 3: *12, 13*), standing wild boars (fig. 3: *18*), stylized predatory bird's heads (fig. 3: *2a*), horses without a grin in various poses (fig. 3: *11, 15*), ibex (fig. 3: *14*) as well as specific images of grinning horses in predator crouching to the ground pose (fig. 3: *10*) and dogs (fig. 3: *16, 17*). In the Yuhuangmiao culture inventory and art the influence of the "Xiajadian upper layer" culture as well as of the northern nomads, who merged before coming to the Jundushan mountains, is well traced[14]. "Northern nomads" inventory analogies lead us to Mongolia as well as in Tyva and the Minusinsk Hollow inhabited by Caucasians[15]. However, this Caucasians did not take part in the Yuhuangmiao culture creation since the deceased in Yuhuangmiao were Mongoloids. At the same time, prestigious Chinese items were found in the elite Yuhuangmiao burials, as well as in Nanshangen: bronze ritual vessels, spears *ge* and daggers. As a rule, the belts were fastened with Chinese-type hooks. The celts and most of the knives were mass-produced apparently in workshops. Over time, ceramics were also made on the wheel using Chinese technology.

Thus, considering the interconnected "Xiajiadian upper layer" and Yuhuangmiao in Northern China cultures we must take into account at least three sources of their formation: 1) the local pastoralist's culture; 2) northern nomads periodic influence; 3) Chinese culture influence including Zhongyuan, the Yan kingdom and some other cultures. At the level of our knowledge, it can be assumed that the "Xiajiadian upper layer" culture perceived the Animal style from Mongolia in the 9th — 8th centuries BCE. Based on this culture and "northern nomads" new wave in the second half of the 7th century BCE Yuhuangmiao culture was formed. Its area was located directly to the north of the Yan kingdom borders and partially overlapped transforming and dying "Xiajiadian upper layer" culture area (fig. 1).

In the first half of the 6th century BCE the northern component at the Yuhuangmiao burial ground suddenly disappeared completely and the culture faded away in the 5th century BCE. However, in the 6th century BCE the part of Yuhuangmiao culture population moved about 300 km westward where at the lake Daihai the Maoqinggou culture was formed ((6th) 5th — 3rd centuries. BCE). Some researchers distinguish the Taohongbala "culture" in the Ordos northern part (Wu 2007: 322—356). However, the sites attributed to it are rather late and poorly documented. There are also vivid items in the Animal style but their chronology and cultural affiliation are not clear.

Maoqinggou culture

The Maoqinggou culture became known after Maoqinggou burial ground materials publication in China (Tian, Guo 1986) and in German (Graberkatalog Maoqinggou 1992). At the same time these materials were often involved in the discussion of this culture possible attribution to the Xiongnu culture early stage. The connection between the Maoqinggou burial ground and Central Kazakhstan Tasmola culture was also assumed. Currently, Chinese researchers increasingly regard the Maoqinggou culture as the Yuhuangmiao culture successor. The Maoqinggou culture monuments geographic location, as well as the funeral rite and inventory peculiarities, suggests that it was an intermediary in the contacts between Mongolia and southern Siberia tribes and the Ninxia-

[14] The two groups of Mongoloid population merger at the Yuhuangmiao burial ground is also confirmed by anthropologists (Beijing shi wenwu yanjiusuo 2007).

[15] A lot of similarities were revealed in the course of comparing the Yuhuangmiao funeral rite with images on Mongol-Transbaikal type deer stones (Shulga 2012) and Transbaikalia.

Gansu region cultures (the Yanglangg and Shajing cultures) (fig. 1). The overwhelming cultural monuments majority are ground burials located to the northeast of the Huang He (Daihai Lake area).

The Maoqinggou culture has a special resemblance to the Yuhuangmiao burial ground where a similar burial rite is recorded — single burials on the back, elongated with the head to the east. The domestic animals skulls were placed in the grave filling (fig. 5: *A, B*). The inventory order of arrangement and composition largely the same with the only difference that the inventory in Yuhuangmiao has earlier forms and there are many Chinese products. The early Xindianzi burial ground demonstrates the undoubted proximity (apparently one-culture) with Yuhuangmiao near Daihai. The genetic relationship between these burial grounds is also confirmed by anthropological data. As a result, the Maoqinggou culture absorbed the northern component from the Yuhuanmiao culture and the southwestern one from the Yanglangg and Shajing cultures.

In the first period of culture formation in the Daihai lake area the funeral rite and inventory are generally correspond to Yuhuangmiao (fig. 5), but the Yanghai culture influence is well traced in the belt furniture design. Apparently, it was from there that large belt badges with a conditional scene of herbivore torment by predator (“animal combat scene”) (fig. 5: *B5*), butterfly-shaped badges in different variations (fig. 5: *B4*), various piercing badges with the bird of prey’s head on the shield and also having analogies in the Shajing culture corrugated tubules and badges with a zigzag bridge. Probably, this set also included buckles with a protruding “nose” (fig. 5: *B3*). Although, earlier this design buckles have been already borrowed from Yuhuangmiao, in particular, in the curled up predator form (fig. 3: *7*). Daggers and belt hooks of the Chinese type were not recorded at the Maoqinggou early stage.

At the second stage, Chinese type belt hooks, daggers with a butterfly-shaped crosshair and a “vulture” finial, as well as socketed shaft three-vane arrowheads were added to the already mentioned complex. In later burials some of the daggers and belt furniture were made of iron. Horse harness is represented by only a few distributors and simple ringed bits. Elite Maoqinggou culture burials have not yet been identified.

Yanglang culture

Until recently, the Yanglang culture was practically unknown to archaeologists in the post-Soviet area. It did not attract “Western” researcher’s attention although the materials were published there (Bunker 1997: 41—46). The situation changed after elite burials at the Majiayuan burial ground of the 3rd — 2nd centuries BCE excavation. A peculiar Animal style from Majiayuan gave rise to ideas about its indirect links with Saka culture. There were even suggestions about groups of Saka masters penetration into North China. There, these masters allegedly created wonderful decorations in Majiayuan and Xinchuangtou (M30) (Kang 2018: 410). The position of Wu Xiaolong seems to be more balanced; he pointed to the Yanglang culture funeral rite and animal style characteristic features which are clearly visible in Majiayuan (Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo 2014; Yang, Linduff 2013; Xiaolong 2013).

To date, the Yanglang culture is the most representative Scythian culture of the 6th — 3rd centuries in North China. Only there elite burials (Majiayuan) have been identified, and all the “triad” components are present: Animal style, weapons and horse harness. Most of the known Yanglang culture burial grounds are located in the Ningxia Hui Autonomous Region southern part, as well as in adjacent Qingyang County of Gansu eastern part (Xu et al. 1993; Ningxia wenwu kaogu yanjiusuo 2016; Varenov 2011; Shulga, Shulga 2019) (fig. 1).

In the Yanglang culture burials the "triad" is represented much more fully than in the Maoqinggou and Shajing cultures. Horse harness includes numerous details of bridles and trappings with bits, cheek pieces, various distributors for horse head belts and badges. This was mostly chariot horse's equipment as indicated by the chariots parts that is indicated by often found in burials four bridles sets and chariot cheek pieces with a large central hole. Probably, the chariots were already used at the culture initial stage. According to Wangdahu burial ground materials, chariots with four horses were been used throughout its operation entire period from the 5th to the beginning of the 3rd century BCE. Even in the Majiayuan elite tombs of the 3rd — 2nd centuries BCE there were five chariots types including those for war, hunting, and ceremonial trips (Xiaolong 2013: 126). In the Yanglang early sites a significant number of bronze "oriental" bits with dedicated rein frame similar to those found in Yuhuangmiao (fig. 6: *6, 7*) were found. They could be used in riding and draught horses' bridles. Bronze and iron S-shaped double-hole cheek pieces and articulated bits with large rings at the ends, which were used later, had common Eurasian shapes (fig. 6: *5, 8*).

The armament was also varied. A significant number of Eurasian appearance bronze daggers with a butterfly-shaped crosshair and a ring-shaped or antenna pommel were found (fig. 6: *1—4*). The belt furniture including "classical" for the Scythian world eastern part large badges with a conditional scene of herbivore torment by predator (fig. 6: *10—13*) as well as butterfly-shaped and six-section badges and corrugated tubes are remarkably presented (fig. 6: *16—27*). These four items types are known in the east of the Scythian world up to the Angara in the north and the Upper Ob region in the west. The Animal style is varied. A significant similarity to the Maoqinggou culture between weapons and jewelry can be traced (Xu et al. 1993). At some burial grounds two types of belt badges significant series specific for the Shajing culture were found (fig. 6: *25—34*). Apparently, it was from the Yanglang culture that the above-mentioned belt furniture details spread in the east of the Scythian world at the end of the 6th — 5th centuries BCE.

The relatively isolated Shajing culture revealed in the Gansu corridor apparently had a certain influence on the Eastern Scythian cultures (Varenov 2011) (fig. 1). Two large ground cemeteries investigated near the Jinchang city (Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo 2001) gave homogeneous material. There the dead were buried on their backs with their heads to the north in simple pits with steep walls or in undercut graves. The inventory bulk in these burial grounds is represented by bronze belt furniture. There were corrugated tubes (fig. 6: *27*) as well as various badges, including six- and nine-sectional (fig. 6: *25, 28—34*) among its details. The last one is apparently the earliest in the Scythian world's eastern part. It is interesting that they are not found in the nearest Yanglang and Maoqingou cultures but they are found in significant numbers on the Upper Ob in the monuments of the 6th — 5th centuries BCE together with butterfly-shaped badges (Frolov 2008: fig. 77, 147). Weapons and horse harness are almost not represented. Chinese researchers date the Shajing culture within the framework of the 8th — 6th centuries BCE (Li 1994: 515). Bronze knives of early forms (including "tailed" knives), which have analogies in the monuments of the beginning of the 1st millennium BCE, seem to correspond to this.

The materials analysis makes it possible to trace the Scythian cultures in North China formation and transformation process. The earliest is the "Xiajiadian upper layer" culture. Its representative monuments date back to the 9th — first half of the 7th centuries BCE. At that time the population in its area was in close contact with the Yan kingdom and neighboring cultures. Presumably, as a result of contacts with the Mongolia nomads in 9th — 8th centuries BCE, already established distinctive animal style images were spreading in the art of culture. By the middle of the 7th century BCE the "Xiajiadian upper layer" culture population part and nomadic Mongoloid tribes from Mongolia moved 150—250 km west to the Chinese kingdom of Yan northern border, where they

mixed and settled. According to some researchers, the “Xiajiadian upper layer” culture had a significant impact on the later ethno cultural formations of North China (Yang 2004: 78). Interestingly, according to DNA data, some of the horses in the Yanglang culture come from the “Xiajadyan upper layer” culture area (Chifeng area), where their ancestors were in the Early Bronze Age (Ningxia wenwu kaogu yanjiusuo 2016: 697—698).

In the second half of the 6th century BCE the Yan agricultural population was gradually assimilating and ousting the Yuhuangmiao culture “barbarians”. A part of the Yuhuangmiao culture population, which retained ties with the “northern nomads”, migrated 250—300 km west to Ordos in the Daihai Lake area. On this basis, at the end of the 6th — beginning of the 5th centuries BCE the Maoqinggou culture was formed there (fig. 1). In (6th) 5th — 4th centuries BCE the Yanglang and Shajing cultures population groups came to the same territory from the southwest, which is well documented by the funeral rite and implements specific features introduced by them (see above). In the Daihai lake area aliens buried their dead in the same cemeteries with the Maoqinggou culture bearers. The “northern nomads” complex disappearance from the Yuhuangmiao culture (primarily from the Yuhuangmiao burial ground) in the first half of the 6th century BCE did not mean severing of the established links with the “northern nomads”. On the contrary, it was at that time the so-called “eastern” bits with a rein frame spread among the non-Chinese population, including in the Yanglang culture (the Ningxia region and the adjoining part of Gansu). They are known on Mongolia and in Tyva territory in a 6th century BCE burial but the largest number of them was found in the Minusinsk Hollow (Shulga 2015: 121—122). The earliest examples of these bits appeared in the late 7th — early 6th centuries BCE at the Yuhuangmiao burial ground site No. 2 (fig. 4: *A1*). Apparently, they were borrowed from there by the population of Northern China, Mongolia and the Minusinsk Hollow where they were been used during the 6th century BCE.

In the second half of the 4th century BCE a new stage of relations between North China Scythian-like cultures and South Siberia, with the participation of Ancient China Kingdoms, began. In the 4th century BCE a full-scale trade with nomads began on the northern Chinese kingdoms Qin, Zhao and Yan borders (Di Cosmo 2014). At the end of the 4th century BCE the Pazyryk culture the area of which at that time expanded several times to include the part of the Mongolia north-west and northern Xinjiang, also became an active Chinese goods consumer. The unfolded trade initiators were the Northern Chinese kingdoms involved in escalated struggle for hegemony in China. Apparently, similar events took place in the 4th — 3rd century BCE in Qin as well.

It should be noted that the Northern China Scythian cultures economic activity was characterized by a greater sedentarity degree which left its mark on their funeral rites and means of transportation. The cultures cemeteries without mounds are similar to cemeteries of population living for a long time in one place. Thus, on the territory of Northern China, the Yuhuangmiao burial ground, where they were buried for about 150 years, had 400 graves with a distance of 1—4 m between them. At the same time, the graves were consistently built in one direction. There were no burial mounds. A large number of dog skulls in the burials (Yuhuangmiao), cattle skulls (Yanglang and Maoqinggou cultures), the pig bones appearance in the later stages also indicate a high degree of sedentarity. In the “Xiajadyan upper layer” culture long-term dwellings are noted. At the same time, cattle breeding played main role in “barbarians” economy. Apparently, the most mobile way of life was seasonal nomadism in a limited area with only a part of the capable population participation.

Another feature of the “nomads” (“early nomads”) who lived on the territory in the Scythian time is that many of them reliably used chariots from the 7th to the 3rd centuries BCE inclusive like the Chinese kingdoms and state formations inhabitants such as Zhongshan. At the same time, it is not entirely clear when and in what form they mastered horse riding. Oddly enough, riding horse

harness reliable sets with bridle and saddle with a girth details for the 8th — 3rd centuries BCE has not yet been found there. We can see riding horses with saddles only in Qin Shi Huang "terracotta army" reflecting the situation in the second half of the 3rd century BCE. In Yuhuangmiao cultures (starting from the 7th century BCE), as well as Yanglang (up to the 3rd — 2nd centuries BCE) were used for several types of activities. It should be especially noted that "shan-rongs" soldiers from Yuhuangmiao where the chariot horse harness was found had special charioteer decorations hanging from the waist not suitable for the rider (Shulga 2015: 60; Shulga, Shulga 2020). In this regard, the TJ Barfield's opinion of that "horse nomadic pastoralists appeared on the Chinese border shortly after the beginning of the IV century BC" and that "Earlier Chinese sources on the border regions history collected in the "Zuo Zhuan" work, mention only the poorly organized Rong and Di tribes who fought in small detachments on foot" (Barfield 2009: 36).

Apparently, before the pastoralists total displacement from their lands start in the 3rd century BCE a significant part of them lived settled. Some of them were familiar with the Chinese-shaped bronze vessels ritual side of use. In this respect, the Yuhuangmiao burial ground left by sedentary pastoralists who used Chinese products and fought on chariots is indicative.

Xinjiang

Large-scale archaeological work in Xinjiang began relatively late — in the 80s — 90s, 20th century. Basically, they were associated with the intensive Tien Shan foothills economic development. The northern and southern regions are much less studied. Nevertheless, archaeological research has recently intensified there, in particular, in the areas adjacent to Kazakhstan, Altai Mountains (Kazakhstan, Russia) and Mongolia[16]. At the beginning of the 21th century several summarizing monographic studies on Xinjiang Bronze Age and Early Iron Age cultures have been published (Han 2007; Guo 2012). Relatively recently, a monographic study on specified time bronze items was published (Liu 2017), materials from the Saensayi (Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2013) and Mohuchakhan (Zhang, Alifujiang, Tan 2016). were published in full. However, most of the excavations results information is still published selectively in brief reports and articles.

In the 8th — 6th centuries BCE the Xinjiang population was predominantly Caucasian belonging to Kazakhstan and southern Siberia cultures range. At the same time, the special burial rite and ceramics unambiguously indicate the main known cultures (Chauhu and Subeixi) local and independent formation. No noticeable ties or mutual influence with North China nomads is recorded. There is no significant evidence of trade relations between the population and Western Asia. The tribes located on Dzungaria periphery, of course, interacted with neighboring peoples which is clearly visible in the Ili river basin (Sodunbulake culture) as well as in the north in the Altai district (Pazyryk culture) and in the northeast — on the border with Mongolia where large *hereksurs*[17] and a high number of deer stones are recorded at the Sandaohaizi site. Altai-Sayan and Western Mongolia cultures influence is also noticeable in the Hami region in the north-east of Xinjiang (Yanbulake culture).

[16] In Xinjiang southern part along the rivers flowing from the mountains separated from Tien Shan by the Taklmakan Desert, interesting Scythian time sites are also revealed and studied, for example, early Scythian time Lushui burial ground on the Keriya river (Wang, Wu 2011), Zhagunluke burial ground of the 5th — 3rd centuries BCE and others (Guo 2012: 169—189). However, their cultural affiliation is not entirely clear, and they are not considered at this work.

[17] From Mongolian. Peculiar mounds of stones laid out in the form of a wheel with a central embankment and "spokes".

In Tyva, adjacent to Xinjiang Altai and Kazakhstan territories the Early Scythian sites ((8th) 7th — early 6th centuries BCE) are fundamentally different from Scythian time ones (second half of the 6th — 3rd centuries BCE) identified in the same territory. This distinction occurred as a result of an epoch-making change in Scythian world cultures approximately in the middle — second half of the 6th century BCE. In the relatively isolated Xinjiang ethno cultural changes during this period were not so dramatic. For example, Chawuhu culture burials at the Chawuhugou-4 cemetery where been made from the 8th to the 5th century BCE (Shulga 2010: 35—39). However, after an epoch-making change of cultures at the end of the 6th — 5th centuries BCE out of 248 graves only 5 graves were built. After that, no burials were made at the burial ground. In some areas (for example, in Hami) it seems that there is a continuity between the early Scythian sites and the 5th — 3rd BCE centuries ones, but there is not enough information for confident conclusions. In this regard, it is advisable to consider Xinjiang Scythian monuments within two periods: 9th — 6th centuries BCE and 5th — 3rd centuries BCE.

For the period of the 8th — 3rd centuries BCE in the Tien Shan and Dzungaria most researchers recognize four main cultures located along the Tien Shan from west to east: the Ili river basin culture (Sodunbulake culture[18]), Chawuhu, Subeixi and Yanbulake (fig. 1)[19].

The Chawuhu culture got its name from studied in 1983-89 four burial grounds Chawuhugou-1, 2, 4, 5 located in the Southern Tien Shan, to the west of the Bagrashkel lake about 250 km south-southwest of Urumqi (Wang 1999; Shulga 2010: 24—42) (fig. 1). These and other Chawuhu culture burial grounds were dated within the framework of the 8th — 5th centuries BCE. Moreover, there are only a few late burials of the 5th century BCE among them. The culture has become significantly older after the recent exploration of Mohuchahan burial ground of the 9th — 8th centuries BCE located 48 km west of the burial grounds in Chawuhugou (Zhang, Alifujiang, Tan 2016).

The Chawuhu culture is the most studied in Xinjiang. In addition to the numerous articles, materials from the Mohuchahan and Chawuhugou-1, 2, 4, 5 burial grounds have been published at monographs. At these burial grounds the culture can be traced from its emergence in the 9th century BCE until its complete extinction in the 6th — 5th centuries BCE. It is important that the earliest Mohuchahan burial site materials where a consistent change in the funeral rite and inventory during the 9th — 8th centuries BCE is traced have been fully published. There is almost nothing in the Mohuchahan burial ground materials from the “Scythian triad” in its original understanding. However, according to all data, this burial ground belongs to the Chawuhu culture represented by the Scythian-like burial grounds Chawuhugou-1, 2, 4, 5. This situation is very similar to that recorded in North China. There, in the "Xiajadyan upper layer" early cultural sites of the 9th — 8th centuries BCE the “triad” is represented only by the Animal style. However, this culture is genetically related to the subsequent undoubtedly Scythian-like Yuhuangmiao culture (see above).

There are no Animal style and distinctive weapons in Mohuchahan. All inventory fits into the transitional period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age (Shulga, Shulga, Khasnullina 2019). At the same time, specific Arzhan type cheek pieces were found in Mohuchakhan (fig. 7: *11—13*) apparently even earlier than in Arzhan-1 (fig. 8: *3—7*). All known Arzhan type cheek

[18] The Sodunbulake culture was singled out relatively recently (Guo 2012: 217—221). The burial rite and inventory at the culture burial grounds are rather homogeneous and almost completely corresponds to the Ili River valley in Kazakhstan Sakas and Wusuns culture.

[19] It should be noted that these cultures content is interpreted differently by Chinese researchers. Based on the criteria taken by the researchers only Chawuhu and Sodunbulake with reservations can be considered the Early Iron Age archaeological cultures of Xinjiang.

pieces in Tuva, Altai Mountains (Russia, East Kazakhstan) and on the Upper Ob River are dated by researchers to the Early Scythian time initial stage no later than the VIII century BC. It is not excluded that the early group sclose to the Chawuhu population left burials in the Altai Mountains in Kurtu-2 attributed to the Biiken culture initial stage. Kurtu-2 also contained the Arzhan-type cheek pieces near the horse's skull (Sorokin 1966: fig. 5: *1*).

In general, the Chawuhu culture burial rite evolution is as follows. The earliest published Mohuchahan and Chawuhu-5 burial grounds were located on river terraces in gorges 2—9 km from river mouths. These were long-functioning sedentary pastoralist's cemeteries. The graves number in their cemeteries reached 235 (Mohuchahan) and 150 (Chawuhugou-5). The burials were made sequentially in a certain direction which makes it possible to establish their relative chronology. The graves were located at a distance of 1—3 m from each other. There were no burial mounds, but oval and then fences in the shape of a triangle were built around the pits. At the Mohuchahan burial ground final stage altars with the horses and small cattle's skulls appeared in the fences tops. Similar altars in fences became a characteristic feature in the Chawuhugou-1, 4 burial grounds. Burial chambers in Mohuchahan were initially built of large pebbles in small graves (depth 20—60 cm, length 150—200 cm). One or two passages were made at the ends of the chambers. At an early stage one person laid on his side with the turn to his back, with his head in the northern sector was buried in the chamber. Over time, the graves and chambers became larger, and two people were buried in them more often. Group (3—4 persons), including secondary, single-layer burials appeared in Mohuchahan at the Mohuchahan burial ground functioning very final stage (fig. 7: *A*).

At the Chawuhugou-1, 2, 4 burial grounds the rite further evolution from the 8th to the 5th centuries BCE is traced (fig. 7: *B, C, D*). The number of deaths in the graves gradually increased to 7, 16 and even 21 people. They began to be buried in layers in burial chambers made of gravel that increased in height. At the final stage in the 6th century BCE the chambers overlap raised above the surface level. These chambers upper part began to be covered with stones, with the result that stone mounds appeared.

The Mohuchahan and Chawuhu-1, 2, 4 inventory composition in these burial grounds coincided largely by categories (weapons, horse equipment parts, knives, ceramics, awls, spindle whorls, mirrors). However, almost all of them differed typologically with the exception of ceramics. According to all data, the main reason for the differences in inventory is the greater Mohuchahan burial ground antiquity.

It should be noted that in the standard burial grounds from Chawuhugou there are almost no weapons and relatively few Animal style items. However, almost all of them came from belt fittings, which have full analogies in the Altai-Sayansites of the VII century BC (fig. 7: *1—5*). The only exception is a bone (horny) three-hole cheek-piece decorated with a ram's head[20] (fig. 7: *7*) and two bronze mirrors from the Chawuhugou-4 burial ground early part. On these mirrors there are images of curled up predators (fig. 9: *8, 9*). It's not entirely clear where these mirrors were produced. As the author's research has shown, to some extent they continue the tradition noted in the Mohuchahan burial ground, which has its roots in the Bronze Age (fig. 9). These images presence on the mirrors rather indicates the mirrors import. At least, none of the documented complexes known to the author in Xinjiang have such images, but there are quite a lot similar badges with a curled predator and edge of radial lines in North China.

[20] This image is named by A.A. Kovalev "vulture-goat", that served as the basis for the conclusion about mentioned by Herodotus Asiatic Scythians arrival from Xinjiang to Western Asia and the "European steppes" in the 7th century BCE (Kovalev 1996: 124—127).

In general, the Chawuhu culture looks like a crop pastoralists and agriculturalists ethno-cultural formation formed in a limited area in the transitional period from the Bronze Age to the Early Iron Age in the 9th — 8th centuries BCE. Horse harness, knives and then other equipment categories in the chawuhu correspond to the Altai-Sayan and Kazakhstan cultures clothing complex. At the same time, the funeral rite and ceramics are distinguished by special features that have almost no analogies in adjacent territories.

The second most studied and informative Scythian-like culture in Xinjiang is called the Subeixi culture (fig. 1) dated within the framework of the 8th — 3rd centuries BCE (Han 2007; Guo 2012; Shulga 2010).

The culture content issue is still under discussion (Festa 2017: 149). Meanwhile, the Subeixi-1, 3 sites belong to the 5th — 3rd centuries BCE. The Early Scythian time is represented sufficiently at the Yanghai-1, 2 burial grounds to the Subeixi culture as well. They are located 40 km east-southeast of the Turfan city, 15 km south-southwest of the burial grounds in Subeixi. There the burials of the 1st millennium BCE are located on three isolated forest terraces separated by ravines. Accordingly, three burial grounds Nos. 1—3 were identified, where 591 burials were opened, and items were collected after about 150 graves looting. The Yanghai graves layout is close to the Chawuhu culture. So, the graves in Yanhai-1 are often arranged in very dense clusters where they are 30—40 cm apart from each other and sometimes are connected. Obviously, these are the so-called ground burials without fixed grave structures (embankments). The early types of burials (types A and B) include relatively small graves (depth 70—160 cm, length up to 180 cm), oriented with a long axis along the line ESE-WNW. In the graves upper part there were longitudinal ledges for a transverse covering made of wood. Single burials of the dead on wooden beds or mats prevailed. People were placed in a supine position with their knees bent up or on their side with their legs bent. Deceased orientation with their heads to the southeastern sector (close to ESE). Items made of bronze and wood were often found. A few ceramic vessels were found.

The Yanghai-2 burial ground surpasses the neighboring ones both in the number of burials and in the importance of finds (Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2004: 45—46). Despite the graves of types A and B small number a significant number of burials and published material date back to the early Scythian time. Burial M2001 with wooden buckets decorated with images of goats, deer, wild boar, camel and cat predators in the Scytho-Siberian style is indicative (fig. 10: *1, 3*). There were also early Scythian harness details bow cases with bows, specific ornaments made of bronze tubes with bells and others. Other graves also contained horse equipment, weapons and remarkable wooden buckets with images of animals carved on the walls (fig. 10: *2, 4*), painted ceramics and "kunhou" zithers. The mummified human remains with clothes were also found there, as well as unique leather protective covers for the sleeve and finger of archers. The graves contained skeletons parts and skulls of animals, mainly goats, sheep, horses and cattle. At the same time, in burials were found staffs and a vine of red grapes on the ceiling. In addition, evidence of metallurgy (duct pipe) and weaving (bone fabrics "fork"[21]) were found in the burials. All this indicates pastoralists and agricultures sedentary lifestyle in whose culture crafts and the art of playing the harp were developed. The art of images carving in animal, plant and geometric styles was at a high level. Summing up, the Scythian cultures of Southern Siberia and Kazakhstan, the Subeixi culture in Yanghai-1, 2 are related to the Animal style, horse equipment and whetstones.

---

[21] Mentioned in the text bone (bronze) "forks" with short teeth (Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2004: fig. 21, 22) were used in the manufacture of fabrics on a loom.

Judging by archaic axes, crane-beake axes, knives and some harness details presence this developed Scythian-like culture was formed in the 8th century BCE and possibly even earlier[22]. In that connection, one of the horny combs is similar in shape to the remarkable bronze comb from the Mohuchahan burial ground, and some bronze knives, axes and crane-beake axes have analogies in transitional complexes. It is important to emphasize that all the variety of Animal style in Yanghai was discovered only on wooden buckets and dishes (fig. 10: *1—4*). If the tree was not preserved in Yanghai as the Chawuhu burials the Animal style would be represented with reservations only by the rams heads on the several ceramic vessels handles (Shulga 2010: fig. 45: *23, 26*) and at the ends of two poorly documented horn cheek pieces from Yanghai-1[23] (fig. 10: *5—7*) (Kovalev 2014: fig. 3: *3*). In this regard, it is possible that in the synchronously existing Chawuhu culture, located at a distance of only 250 km, the animal style could be more widespread on products made of organic materials.

In the early Scythian time more mobile pastoralists groups (?) simultaneously lived on Xinjiang territory. Their burial grounds planigraphy and “embankments” arrangement were similar to most of the nomads burial grounds scattered across Eurasian steppes. These burial grounds contain a relatively few burial mounds. They are located at a considerable (up to tens and hundreds of meters) distance from each other and are grouped into chains or clusters near the largest mounds. In Xinjiang some of them were probably associated with more sedentary, possibly related, cultures. For example, in the Qunbake burial ground located in the Chawuhu culture area there are collective burials and ceramics of specific forms known in the Chawuhu culture. In Qunbake early burials dating from about the 7th century BCE harness and belt furniture, bone tubes, whetstones[24], weapons and a few examples of the animal style were found. Judging by the published IM27 burial, such a rite was preserved there until the 5th — 4th centuries BCE (Shulga 2010: fig. 29: 1—12). Another similar site is the Saensayi burial ground located near the Urumqi city (Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2013). Single and group burials of people oriented to the northwestern sector were located in mounds arranged in groups with stone and ground embankments. The deceased were laid outstretched on their backs. At the feet were the horse’s skulls. In general, the burial ceremony strongly resembles the Tasmola culture of Central Kazakhstan. The inventory is also characteristic of neighboring territories Scythian cultures. At the same time, the harness and weapons are significantly different from the early Scythian complexes in Xinjiang. At the same time, paired and group burials presence and painted ceramics is undoubtedly a local feature. During the initial materials analysis the author made the assumption that the Saensayi burial ground could have been left by 1) Central Kazakhstan Tasmola culture people descendants 2) people from the poorly studied “northern part of Xinjiang (Dzungaria)”, where “a similar cultural group existed in parallel” (Shulga, Shulga 2015: 532). The second option is supported by the archaic nature of the harness, weapons and equipment, which apparently indicates the greater antiquity of Saensayi in relation to the Kazakhstan Tasmola culture. To a certain extent, this is confirmed by new excavations in Xinjiang northern part.

Over the past 10—15 years during large-scale excavations in Xinjiang northern part (Altai District), more than 600 burials of various eras have been uncovered. In 2015 the Xinjiang Institute of Archeology and Cultural Heritage published brief reports on excavations at 17 burial grounds including seven early Scythian burials from four burial grounds: 1) Saerbulake; 2) Eastern Talide;

---

[22] According to Guo Wu, the early burials group on Yanghai-1, 2 dates from the 9th — 8th centuries BCE (Guo 2012: 104).

[23] Based on realities, we can consider the heads from Chawuhugou-1 and Yanghai only as completely naturalistic variations of ram heads. According to the available materials, we are not aware of any vulture-ram images in Xinjiang.

[24] A rectangular stone about 15 cm long. It was hung on warrior's belt and often had a symbolic meaning.

3) Habaihan; 4) Tuvaxinqun on the Kanas lake shore (Xinjiang wenwu kaogu yanjiusuo 2013). Selectively published burials constitute a small part of the actually investigated burial mounds of the 8th — 6th centuries BCE in the area. Nevertheless, some generalizations can be made on this basis. 1. Almost all burials are single. 2. The dead were buried on their backs with outstretched arms and legs, with their heads in the north-western sector. 3. Ceramic vessels were not placed in the grave or in the mound embankment. 4. With a few exceptions, animal bones and harness details are not found in burials and in embankments. 5. Two of the seven burials were made in undercuts and four in structures such as stone boxes. 6. The inventory and horse equipment details found with the deceased in general correspond to those found in the Altai-Sayan and Kazakhstan, including a remarkable gold earring decorated in the style known in Arzhan-2 (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010). Some finds indicate a relatively late time for these burials in the late 7th — early 6th centuries BCE.

The funeral rite in the burials bearing similarity in the Altai western foothills and in Kazakhstan but did not involve animals additional burial. The deceased position in the Altai district is close to Central Kazakhstan Tasmola culture ritual, as well as to one recorded much to the south in the Saensayi burial ground near the Urumqi city. The influence of Tyva (earring) and Western Mongolia (deer stones) can be assumed. No noticeable contacts with North China population, the Tien Shan Chawuhu culture and the Altai Mountains Biiken culture have been recorded from the available materials.

A special position is occupied by the Sandaohaizi site, which includes several groups of large *khereksurs* with a diameter of up to 200 m, as well as 33 deer stones of the Mongolian-Transbaikal, Altai-Sayan and Eurasian types. They are located in high-mountain valleys (about 2700 meters above sea level) near three lakes close to the border with Mongolia, about 50 km northeast of the Chingil (Qinghe) county center (Guo 2012: 191—199). On this basis Chinese researchers distinguish a special archaeological culture “Sandaohaizi” of 10th — 7th centuries BCE.

Significant archaeological works were carried out in Xinjiang northeastern outskirts. In Hami and Barkul area a variety of representative sites from the Bronze Age (Tianshanbeilu burial ground) to the supposed burials of Yuezhi and Xiongnu have been investigated. Of interest is the M015 mound of the Dongheigou burial ground. In addition to the central grave, there were several other burials with equipment that were virtually indistinguishable from the early Scythian burials of the 7th — early 6th centuries BCE in the Altai-Sayan: bronze ring mail knife, belt buckle and a badge with stylized eagles’ heads, an awl and a mirror with a loop on the back, as well as a whetstone, horned *vorvorka*[25] and an arrowhead with a thorn.

As shown, in the early Scythian time on the borders with Kazakhstan, Altai and Mongolia the neighboring cultures influence can be traced in the inventory (except for ceramics), the Animal style, partly in the funeral rite, as well as in deer stones and *kherksurs* appearance.

The sites of the 5th — 3rd centuries BCE

Ili River basin (Sodunbulake culture)

According to the collection of sites for 2011 in the Tien Shan western part in the Ili river basin second half of the 1st millennium BCE burial grounds studied at 20 sites located from the border with Kazakhstan to Wusu city. The burial grounds vast majority correspond to nomadic cemeteries in their characteristics: the graves were covered with mound structures (embankments); the mounds

[25] Conical fastener with a hole in the middle.

were arranged in chains (often meridian) or in clusters with intervals between them. The funeral rite is fairly uniform. Around the mounds (sometimes up to 30 m in diameter and 2—3 m in height), ring-shaped fences lined of stones were often arranged. Under the mounds one (rarely two) graves, as a rule, oriented with a long axis in the latitudinal direction, were arranged. The graves are rather narrow — simple, with sheer walls and the same but with undercuts (usually in the northern wall). One person was placed in the grave on his back, elongated, with his head in the western sector. The poor inventory (mainly ceramics) was placed near the heads. The ceramics on the eastern part cemeteries closest to the Urumqi city are often painted, and sometimes there are forms known in the Chawuhu culture. Closer to Kazakhstan the ceramics are fewer painted, and the vessels bottom is rounded. Chinese archaeologists relate these burial grounds to the Sodunbulake culture named after the burial ground near the Chapchal city. At the same time, Chinese researchers rightly point out that the burials are very close to the Sakas and Wusuns ones along the Ili river from neighboring Kazakhstan (Guo 2012: 220, 241—242). Indeed, nearly identical burials with a similar modest inventory existed at that time in the neighboring Kazakhstan and Kyrgyzstan regions (Akishev, Kushaev 1963; Zadneprovskiy 1992: 81—85). The burials are dated within a wide framework - the second half of the 1st millennium BCE (5th — 3rd, 3rd — 1st centuries BCE, etc.)

The northern part of Xinjiang on the border with Altai (Russia) and East Kazakhstan

In the course of archaeological work over the past 25 years the Pazyryk culture distribution boundaries (second half of the 6th — first half of the 3rd century BCE) were established fairly well on the territory of Kazakhstan, Altai Region, the Altai Republic, as well as in the adjacent part of Western Mongolia where the Pazyryk people penetrated from the Chui steppe and Ukok through the easily passable Saylyugem ridge. On the South Altai dividing ridge there are also several passes from the Bukhtarma River (East Kazakhstan), as well as from the Ukok plateau (Altai Republic, Russia). The several Pazyryk type burials with additional burials of horses discovery in the Altai district (Varenov 1999) and indirect data (Polosmak 1998; Shulga 2010: 109) indicated the Pazyryk people penetration to the north of Xinjiang. These assumptions were confirmed in the course of recent excavations in the adjacent to Ukok from the south Altai District. On the basis of these materials, it is possible to talk about one of the Late Pazyryk centers, like ones investigated in the Chuya head waters existence within the Altai district. Suffice it to say that of the 17 burial grounds presented in the collection, located at a distance of 200—250 km from Ukok in four counties of the Altai district (Kaba, Burchun, Altai, Fuyun), Pazyryk culture burials were found in 12 burial grounds (fig. 12). According to published data (Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2015: 61—106), in the Altai district of the XUAR almost all types of burials presented in the Altai Mountains, as well as some additional features, can be traced. These burials date from the late 4th — early 3rd centuries BCE, which corresponds to the Pazyryk people expansion time in the western and eastern directions. The population close to the Pazyryk people burials in Jiaohe Goubei (Tien Shan) discovery allows us to assume the related cultures closely connected to the Altai Mountains existence on this territory in the 4th — early 3rd centuries BCE.

Turfan region

The Subeixi-1 and 3 burial grounds, as well as the close ones Yanghai-3 and Jiaohe Goubei, date back to the 5th — 3rd centuries BCE. Their connection with the early Scythian time sites is not obvious. Finds from Subeixi and Yanghai-3 are widely known. Some of the brightest complexes of the 5th — 3rd centuries BCE with mummies and lots of organic items were

discovered there. The most of Subeixi culture burials of the 5th — 3rd centuries BCE are presented at Yanghai Necropolis. More than 400 graves of C, D, E types were uncovered there. The burials typology and chronology proposed by the excavations authors are not entirely substantiated[26], but most of them fit into the framework of the 5th — 3rd centuries BCE, and there are no Xiongnu period products. Horse equipment, bow cases, bows with arrows, ornaments, hones and spindle whorles are quite consistent with other Scythian cultures. The Animal style is also presented. It should be noted that the E type burials with undercuts in the mounds from Yanghai-2 and in ground graves attributed to the latest ones are fully or partially correspond to the relatively early Scythian burials in Jiaohe Goubei of the 5th — 3rd centuries BCE.

The Jiaohe Goubei burial ground located near the Turfan city has been published fairly detailed (Jiaohe gucheng baohu xiushan bangongshi 1998; Shulga 2010). The graves with undercuts in mounds M16, M01 and in the “tangou” section are similar in arrangement to ones from Yanghai-2, 3, but have some peculiarities associated with horses and camels additional burying. Some of them can be considered as varieties of the Pazyryk funeral rite, which involved the burial of a person oriented to the eastern sector with a horse on a pest. The equipment of many horses in Jiaohe included horn harness sets similar to those found in Altai (fig. 11) but the funeral rite, ceramics and implements peculiarities leave no doubt about the site local character. It seems that the Jiaohe Goubei burials belonged to population group that were a part of tribes inhabited Dzungaria, East Kazakhstan, the Altai Mountains and partly the southwestern part of Mongolia in the 5th — 3rd centuries BCE. It should be added that in Alagou (M30) there are harness details and funeral rite features similar to the Pazyryk ones. The northwestern Xinjiang population and Pazyryk people of the Altai Mountains cultural and ethnic affinity was also noted on the basis of costume, fabrics and anthropology from the Subeixi burials analysis (Polosmak 1998: 341—342; Polosmak, Barkova 2005; Polosmak, Chikisheva 2019).

The North-eastern part of Xinjiang, Hami region

In the defined Yanbulake culture area a significant number of sites of the 5th — 3rd centuries BCE are known (Shulga 2010). However, only the Dongheigou and Heigouliang burial grounds have been published in sufficient detail (Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2007; Mo 2008). The Heigouliang burial ground is the most homogeneous. Formally, the burial ground is similar to the “Wusun” ones in the Ili river basin. Small stone mounds were arranged in chains. The deceased were often buried in the undercuts one by one (sometimes 2—3) on their backs, elongated, with their heads in the western sector. However, this is a completely different culture associated with the Altai-Sayan eastern part. In addition to a large number of ceramics, votive bronze and iron daggers and crane-beake axes, arrowheads and knives, medal-shaped mirrors and jewellery were found. Some items are decorated in the Altai-Sayan look Animal style. Almost all products with the exception of ceramics have analogies in Tyva, the Altai Mountains, the Upper Ob and in Kazakhstan. The bronze harness distributors for horse head belts and doublers, “quiver” hooks relatively early forms of, horn tips with strongly protruding stitches, some features of mirrors, a large number of bronze knives and corrugated tubes indicate the burials of 5th — 4th centuries BCE presence. There are also materials from the 3rd — 2nd centuries BCE (Mo 2008). The culture of population who left the burial ground belongs to the Altai-Sayan circle, but the specific burial rite and ceramics indicate its local roots.

[26] See the critical review (Shulga 2010: 56—57).

Let's note Dongheigou M012 covered by tumulus burial ground. It was the main burial in a wooden tomb chamber at the bottom of the pit. Next to the human skeleton laid stretched on his back, with his head to the northeast, there were items made of gold and silver foil with four types of griffins images. On three gold and three rectangular plates a scene of torment with a hoofed griffin on its knees and a feline predator with a wolf's muzzle tormenting it is depicted. On two small silver badges there are peculiar images of "a curled up griffin with horns, beak, ear and hooves". One-horned griffins on two plates are also unusual. It should be noted that images of a hoofed griffin are known from images of the 4th — 3rd centuries BCE in Altai, Tyva and North China, as well as among the early Xiongnu, but this is the first case of depicting such a creature in Xinjiang (Shulga 2010: 131—136, fig. 55, 90). These reworked images of hoofed griffins find again points to the relative isolation of the Xinjiang tribes from the cultural processes taking place in neighboring territories. In this regard, it is important to note almost complete absence in Xinjiang of special for the North China and Altai-Sayan pastoralists belt fittings details (badges with a conditional scene of torment, butterfly-shaped badges, corrugated tubes). In Xinjiang there are no pre-Han mirrors that were supplied to northern nomads by the Chinese kingdoms (Shulga 2016), as well as rattle-mirrors and their simplified copies supplied from Bactria and Western Asia to nomads from the Urals to the Altai Mountains (Shulga, Oborin 2017).

Conclusion

Scythian cultures on China territory from the borders with Kazakhstan to the Liaodong Peninsula were poorly studied for a long time. The short and inaccessible archaeological publications published there were translated and used very limitedly outside of China. At the same time, the Scythian time "nomads" from ancient Chinese sources were often included in dozens of researchers' various constructions. To date, a large amount of material has been accumulated on Xinjiang and Northern China territory, which in general allows to reconstruct the ethno-cultural situation among Northern China pastoralists in the 9th — 3rd centuries BCE[27].

Ethno cultural processes in Xinjiang and North China differed significantly. This is logical. These areas were almost completely isolated from each other in the 1st millennium BCE until the 2nd century BCE. Each of these areas traditionally maintained contacts with different cultural entities. At the same time, the North China cultures were closely related to the Chinese civilization. "Scythian triad" elements appear in these areas at about the same time — in the 9th century BCE. Otherwise, until the end of the 4th century BCE they went their own ways.

The Scythian-like cultures formation and transformation process in North China is as follows. The "Xiajiadian upper layer" culture is the earliest. There, in sites like Nanshangen (9th — 8th centuries BCE) already established animal style images were recorded for the first time. On this basis, by the middle of the 7th century BCE with the participation of nomadic Mongoloid tribes the Yuhuangmiao culture is taking shape on the Yan Chinese kingdom northern border (fig. 1). This culture population was gradually "Chineseizing", but in the second half of the 6th century BCE part of it, which retained ties with the "northern nomads" migrated 250—300 km west to Ordos in the Lake Daihai area. It is possible that the Daihai lake inhabited by Yuhuangmiao culture representatives from the 7th century BCE. On this basis, in the 6th — 5th centuries BCE the Maoqinggou culture, which partially adopted the aliens from the Yanglang and Shajing cultures formed there. In the 3rd century BCE Yanglang culture population has probably became the part of the Qin kingdom, but preserved its cultural specificity. Moreover, in the 3rd — 2nd centuries BCE

[27] Due to the lack of materials, the situation in the north of Ordos ("Taohongbala culture") and Gansu corridor population ("Shajing" culture) is not quite clear) and in most areas along the Tien Shan in Xinjiang.

the local elite reached Chinese aristocracy level building unprecedented large tombs with a rich inventory (Majiayuan). The Shajing culture fate from the 5th — 4th centuries BCE is unknown. One can only note its contacts with the Yanglang culture and a slight penetration to the north of Ordos.

In the second half of the 4th century BCE a new stage of relations between the Scythian cultures of Northern China and Southern Siberia began, but with the active participation of the Ancient China kingdoms. In the 4th century BCE full-scale trade with nomads began on the Qin, Zhao and Yan northern Chinese kingdoms borders. Workshops manufacturing the items of belt and harness accessories from gold and silver for nomads appeared. In some kingdoms an aristocracy stratum from the non-Chinese population supposedly formed (Xiaolong 2013). At the same time, the pace of pastoralists' land grabbing increased. At the end of the 4th century BCE Pazyryk culture became an active consumer of Chinese goods as well. At that time its range expanded along the Altai mountain system towards the Northern China kingdoms and the Tien Shan[28]. It is believed that in the east of the Great Steppe the Scythian era ended with the Sünnu (Xiongnu) nomadic empire formation at the end of the 3rd century BCE. However, that is not entirely true. The Xiongnu inherited main features of North China pastoralists' and farmers' funeral rituals as well as the animal style. In this regard, the III-II centuries BC Han and Xiongnu empires simultaneous formation events can be considered as phenomena of the same order, which did not lead to previous cultures complete destruction.

In Xinjiang the Scythian features appear in the 9th century BCE in a bridle with specific Arzhan-type cheek pieces form in the Mohuchahan burial ground. Everything else in Mohuchahan belongs to the transition period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age. Around the 8th century BCE in the Turfan region Yanghai-1, 2 type sites (Subeixi culture) appeared. The harness and the Animal style represented mainly on wooden buckets have Scyphian-like features there. Its source was probably the culture of Mongolia as well. Its influence preserved in the northeastern borderland (*hereksurs* and deer stones). In the Chawuhu and Subeixi cultures sites of the 7th century BCE details of harness and belt furniture typical for Altai-Sayan are presented. In addition, closeness with Kazakhstan and Mongolia cultures is also recorded in the border zones at this time.

From about the 4th century BCE traditional cultural ties between Xinjiang and neighboring northern and western regions were becoming stronger. In the Ili river basin the Sako-Usun appearance culture of the 5th — 1st centuries BCE was spreading. In the north of Dzungaria Pazyryk culture syncretic version took shape. Sites similar to the Pazyryk people also appeared in the Turfan region. Hami region population culture tends to the Altai-Sayan and Western Mongolia. In the central part of the Tien Shan, near Urumqi and Turfan, Subeixi culture sites are preserved (?) and there are undercut graves. Inocultural burials of Xiongnu period Mongoloids appeared in the central and eastern parts in the 2nd — 1st centuries BCE.

References

Akishev, K.A. Kushaev, G.A. 1963. *Drevnyaya kul'tura cakov i usuney doliny reki Ili (Ancient Culture of Saks and Usuns of the Ili River Valley)*. Almaty: AN KazSSR (in Russian).

Barfield, T.J. 2009. *Opasnaya granitsa: kochevyye imperii i Kitay (221 g. do n.e. — 1757 g. n.e.) (The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BCE — 1757 CE)).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2011. Obrazy svernuvshegosya i pripavshego k zemle khishchnika, olenya "na tsypochkakh" v kontekste zarozhdeniya skifo-sibirskogo iskusstva (Images of curled up and crouching to the ground

[28] Remarkable expression of the Animal Style with animal combat scenes in the Dian people culture of the 4th — 1st centuries BCE in the Dianchi Lake area of the Yunnan province in southern China should be noted (Wu, Wang 2010: fig. 7: *4, 5*). There is no clear explanation for this phenomenon.

predator, a deer “on tiptoe” in the context of the birth of Scythian art). In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *“Terra Scythica”: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma “Terra Scythica” (“Terra Scythica”: Materials of the international symposium “Terra Scythica”)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 23—28 (in Russian).

Bogdanov, E.S. 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentral'noy Azii (skifo-sibirskaya khudozhestvennaya traditsiya) (The Image of a Predator in the Plastic Art of the Nomadic Peoples of Central Asia (Scythian-Siberian Artistic Tradition))*. Novosibirsk: IAET SO RAN (in Russian).

Borovkova, L.A. 2001. *Tsarstva “zapadnogo kraya” vo II—I vekakh do n.e. (Vostochnyy Turkestan i Srednyaya Aziya po svedeniyam iz “Shi tszi” i “Khan' shu”) (The kingdoms of the “Western Edge” in the 2nd — 1st centuries BCE (Eastern Turkestan and Central Asia according to the information from “Shiji” and “Han Shu”))*. Moscow: IV RAN (In Russian).

Borovkova, L.A. 2005. *Kushanskoye tsarstvo (po drevnim kitayskim istochnikam) Kushan kingdom (according to ancient Chinese sources).* Moscow: IV RAN (In Russian).

Bunker, E.C. 1997. *Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes*. New York: The Arthur M. Sackler Foundation.

Chikisheva, T.A. 2011. Fizicheskaya antropologiya rannikh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii (Physical anthropology of the early nomads of Southern Siberia and Central Asia). In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *“Terra Scythica”: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma “Terra Scythica” (“Terra Scythica”: Materials of the international symposium “Terra Scythica”)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 346—357 (in Russian).

Chlenova, N.L. 1967. *Proiskhozhdeniye i rannyaya istoriya plemon tagarskoy kul'tury (The origin and early history of the tribes of the Tagar culture).* Moscow: IA RAN (in Russian).

Čugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3, 289 Abb., 153 Taf.* Mainz: Philipp von Zabern.

Debaine-Francfort, C. 1989. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. *Paleorient* 15—1, 183—213.

Di Cosmo, N. 2014. A note on the formation of the ‘Silk Road’ as long—distance exchange network. In: Bulut, M. (ed.). *ReSilkroad*. Istanbul: Istanbul Sabahattin, 17—26.

Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, A.I. 1982. *Narody nashey strany v “Istorii” Gerodota (Peoples of our Country in the Herodotus's “The Histories”)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Festa, M, 2017. Prehistoric Cultures in Xinjiang: Retrospect and Prospect. *Athens Journal of History*. Vol. 3. Iss. 2, 137—170.

Frolov, Ya.V. 2008. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob’ya v VI v. do n. e.—II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov) (Funeral rite of the population of the the Barnaul Ob River Region in the 4th century BCE — 2nd century CE (according to data from subsoil burial grounds))*. Barnaul: Azbuka (in Russian).

Graberkatalog Maoqinggou 1992: Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T.O. Hollmann und G.W. Kossack u. Mitarb. 1992. Mainz am Rhein. *Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archaologie* 50.

Gryaznov, M.P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan: Tsar's mound of the early Scythian time)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Gryaznov, M.P. 1983. Nachal'naya faza razvitiya skifo-sibirskikh kul'tur (The initial phase of development of the Scythian-Siberian culture). *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archeology of Southern Siberia)* 12, 3—18 (in Russian).

Kang, I.U. 2011. Rasprostraneniye zverinogo stilya v I tys. do n. e. na territorii provintsii Lyaonin (KNR) i Koreyskogo poluostrova v svyazi s kul'turoy bronzovykh skripkovidnykh kinzhalov (Spreading of the animal style in the 1st millennium BCE on the territory of Liaoning Province (China) and the Korean Peninsula due to the culture of bronze fiddle-shaped daggers) In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *“Terra Scythica”: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma “Terra Scythica” (“Terra Scythica”: Materials of the international symposium “Terra Scythica”)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 82—96 (in Russian).

Jan, R. 2008. Questions of Ancient Human Settlements in Xinjiang and the Early Silk Road Trade, with an Overview of the Silk Road Research Institutions and Scholars in Beijing, Gansu, and Xinjiang. *Sino-Platonic Papers* 185, 123.

Kang, I.U. 2018. Rasprostraneniye zolotoy kul'tury sakov i formirovaniye velikogo sholkovogo puti (The spread of the golden culture of the Sakas and the formation of the Great Silk Road). In: *Zoloto vlastelinov*

kazakhskikh stepey. Sovmestnyy katalog Respubliki Koreya i Respubliki Kazakhstan (Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalog of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan). Seul: [s.n.], 376—417 (in Russian).

Khudyakov, Yu.S., Komissarov, S.A. 2002. *Kochevaya tsivilizatsiya Vostochnogo Turkestana (Nomadic civilization of East Turkestan).* Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyi universitet (in Russian).

Kiselyov, S.V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Komissarov, S.A. 1987. Kompleks vooruzheniya kul'tury verkhnego sloya Syatszyadyan' (Weapon system of the culture of the upper layer of Xiajiadian). In: Khudyukov, Yu.S., Plotnikov, Yu.A. (eds.). *Voyennoye delo drevnego naseleniya Severnoy Azii (Military affairs of the ancient population of North Asia)*. Novosibirsk: Nauka, 39—53 (in Russian).

Kovalev, A. 1992. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum. In: Jettmar, K. (Hrsg.). *Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Nach der Veroffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr.* Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 46—87.

Kovalyov, A.A. 1996. Proiskhozhdeniye skifov soglasno dannym arkheologii (The origin of the Scythians according to archeological data. In: Piotrovskiy Yu.Yu. (ed.). *Mezhdu Aziyey i Evropoy: Kavkaz v IV—I tys. do n.e. (Between Asia and Europe: Caucasus in 4th — 1st mill BCE)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 121—127 (in Russian).

Kovalev, AA. 1998. Drevneyshiye datirovannyye pamyatniki skifo-sibirskogo zverinogo stilya (tip Nan'shan'gen') (Earliest dated monuments of Scythian art (Nanshangen type)). In: Grach, A.D., Savinov, D.G. (eds.). *Drevniye kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburga (The ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg)*. Saint Petersburg: Cult-inform-press, 122—131 (in Russian).

Kuzmina, E.E. 2010. *Predystoriia Velikogo shyolkovogo puti: Dialog kultur Evropa—Aziia (The Prehistory of the Silk Road. Intercultural dialogue between Europe and Asia)*. Moscow: KomKniga (in Russian).

Kovalyov, A.A. 2014. Proiskhozhdeniye skifov iz Dzhungarii: osnovaniya gipotezy i yeyo sovremennoye sostoyaniye (The origin of the Scythians from Dzungaria: the foundations of the hypothesis and its current state). In: Molodin, V.I., Epimakhov, A.V. (eds.). *Arii stepey Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Yevrazii i na sopredel'nykh territoriyakh (Aryans of the Eurasian steppes: the Bronze and Early Iron Age in the steppes of Eurasia and cross-border region)*. Barnaul: AltSU, 124—136 (in Russian).

Litvinsky, B.A. 1984. Istoricheskie sudby Vostochnogo Turkestana i Srednei Azii (problemy etnokulturnoi obshchnosti) (Historical destinies of East Turkestan and Central Asia (problems of ethnocultural community)). In: Litvinsky, B.A. (ed.). *Vostochnyi Turkestan i Sredniaia Aziia. Istoriia. Kultura. Sviazi. (East Turkestan and Central Asia. History. Culture. Connections)*. Moscow: Nauka, 4—28 (in Russian).

Minyaev, S.S. 1987. Proishozhdenie siunnu: sovremennoe sostoianie problemy (The origin of the Xiongnu: the current state of the problem). In: Dobzhansky, V.N. (ed.). *Problemy arkheologii stepnoi Evrazii (Tezisy docladov) (Problems of archeology of steppe Eurasia (Abstracts)).* Pt. II. Kemerovo: KemSU, 142—145 (in Russian).

Minyaev, S.S. 2014. Siunnuskii arkheologicheskii kompleks: problemy khronologii (The Xiongnu Archaeological Complex: Chronological Questions). In: Ongar, A. (eds.). *Vsadniki Velikoi stepi: traditcii i novatcii. Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana*. (*Horsemen of the Great Steppe: traditions and innovations. Proceedings of the branch of the Margulan Institute of Archeology in Astana).* Astana: Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan, 188—198 (in Russian).

Polosmak, N.V. 1998. Pazyrykskie analogii v mogilakh Sintcziana (Pazyryk graves analogy in Xinjiang). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy* (*Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and cross-border region)* IV, 337—343 (in Russian).

Polosmak, N.V., Barkova, L.L. 2005. *Kostium i tekstil pazyryktcev Altaia (IV—III vv. do n.e.) (Suit and Textile of Altai Pazyrykians (4th — 3rd centuries BCE)).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Polosmak, N.V., Chikisheva, T.A. 2019. Pazyrykskaia kultura v svete migratcionnykh protcessov v drevnosti (Pazyryk culture in the light of migration processes in antiquity). In: Skobelev, S.G. (ed.). *Mobilnost i migratciia: kontceptcii, metody, rezultaty* (*Mobility and migration: concepts, methods, results).* Novosibirsk: IAET SO RAN, 83—86. (In Russian)

Rudenko, S.I. 1952. *Gornoaltaiskie nahodki i skify (The Altai Mountains findings and Scythians)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rudenko, S.I. 1961. *Iskusstvo Altaia i Perednei Azii: (seredina 1 tysiacheletiia do n.e.) (The Art of Altai and Western Asia (mid—the 1st millennium BCE))*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Rudenko, S.I. 1960. *Kultura naseleniia Centralnogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of the Altai Mountains in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Salmony, A. 1933. *Sino-Sibirian art in the collection of C.T. Loo.* Paris: C.T. Loo.

Samashev, Z.S., Faizov, K.Sh., Bazarbaeva, G.A. 2001. *Arkheologicheskie pamiatneyki i paleopochvy Kazakhskogo Altaia (Archaeological sites and paleosols of the Kazakh Altai)*. Almaty: Margulan Institute of Archeology (in Russian).

Savinov, D.G. 2002. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia (arkheologicheskie kultury i kulturogenez)* (*The early nomads of the Upper Yenisei (archaeological cultures and cultural genesis))*. Saint Petersburg: SPbSU (in Russian).

Savinov, D.G. 2018. K teorii obrazovaniia skifo-sibirskogo kulturnogo prostranstva (To the theory of the formation of the Scythian-Siberian cultural space). In: *Zapiski Instituta istorii materialnoi kultury RAN, (Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Science*s) 19, 91—102 (in Russian).

Shulga, P.I. 2010. *Sintczian v VIII—III vv. do n. e. (Pogrebalnye kompleksy. Khronologiia i periodizatciia)* (*Xinjiang in the 8th — 3rd centuries BCE (Burial complexes. Chronology and periodization))*. Barnaul: AltSTU (in Russian).

Shulga, P.I. 2013. *Konskoe snariazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoi kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeia im. N.M. Martianova) (Horse equipment of the early nomads of the Minusinsk Basin (based on materials from the Minusinsk Museum named after N.M. Martyanov))*. Novosibirsk: NSU (in Russian).

Shulga, P.I. 2015. *Snariazhenie verhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Ob River Region (VI—III vv. do n. e.) (Riding horse equipment in Gorny Altai and the Upper Ob region (6th — 3rd centuries BCE)*. Pt. II. Novosibirsk: NSU (In Russian).

Shulga, P.I. 2015. *Mogilnik Iuihuanmiao v Severnom Keitae (VII—VI veka do nashei ery*) (*Yuhuangmiao burial ground in North China (7th — 6th centuries BCE))*. Novosibirsk: IAE RAS (in Russian).

Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2015. Mogilnik Saensai ranneskifskogo vremeni u g. Urumchi (Sintczian, Keitai) (Saensai burial ground of the early Scythian time near Urumqi (Xinjiang, China)). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Arkheologiia bez granitc: kollektcii, problemy, issledovaniia, gipotezy (Proceedings of the State Hermitage. Archeology without borders: collections, problems, research, hypotheses)* 77, 512—533 (in Russian).

Shulga, P.I., Shulga, D.P. 2020. About migrations of early nomads in China and neighboring territories. *Stratum plus* 3, 15—30 (in Russian).

Shulga, P.I., Shulga, D.P., Khasnulina, K.A. 2019. Mohuchahan: mogilnik ranneskifskogo vremeni v Sintcziane (Mokhuchahan: a burial ground of the Early Scythian time in Xinjiang). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology)*. Vol. 18. No. 4, 19—29 (in Russian).

Shulga, P.I., Umansky, A.P., Mogilnikov, V.A. 2009. *Novotroitckii nekropol (Novotroitsk necropolis).* Barnaul: AltSU (in Russian).

Sima Qian 2010. *Istoricheskie zapiski (Shi-Tczi) (Historical Notes (Shi Ji)).* Vol. 9. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Psarras, S.K. 1999. Upper Xiajiadian. *Monumenta Serica* 47, 1—126.

Psarras, S.K. 2003. Han and Xiongnu: a reexamination of cultural and political relations. *Monumenta Serica* 51, 55—236.

Sorokin, S.S. 1966: Pamiatneyki rannikh kochevnikov v verhoviakh Bukhtarmy (Monuments of early nomads in the upper reaches of Bukhtarma). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage)*. Iss. 8, 39—60 (in Russian).

Sen, T., Mair, V.H. 2012. Traditional China in Asian and World History. *Ke Isue in Asian Studie* 9. *AAS Resources for Teaching About Asia*.

Høisæter, T.L. 2017. Polities and nomads: the emergence of the Silk Road exchange in the Tarim Basin region during late prehistory (2000—400 BC). *Bulletin of SOAS, University of London* 80, 339—363.

Varyonov, A.V. 1999. Skifskie materialy iz kitaiskoi chasti Altaia (Scythian materials from the Chinese part of Altai). In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A.A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epohi Altaia i sopredelnykh territorii (Results of the Study of the Scythian Era of Altai and cross-border region).* Barnaul: AltGU, 26—30 (in Russian).

Varyonov, A.V. 2010. Pogrebalnye pamiatneyki skifo-sakskogo vremeni na iuge Vnutrennei Mongolii (Funerary monuments of the Scythian-Saka time in the south of Inner Mongolia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology)*. Vol. 9. Iss. 4, 39—46 (in Russian).

Varyonov, A.V. 2011. Pogrebalnye pamiatneyki skifo-sakskogo vremeni na iuzhnom sclone gor Iashshan, v Ninsia i Gansu (Funeral monuments of the Scythian-Saka time on the southern slope of the Yashshan mountains, in Ninxia and Gansu). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology)*. Vol. 10. Iss. 4, 27—35 (in Russian).

Volkov, V.V. 2001. Rannie kochevniki Severnoi Mongolii (Early nomads of Northern Mongolia). In: Balabina, V.I. (ed.). *Mirovozzrenie drevnego naseleniia Evrazii* (*Worldview of the ancient population of Eurasia)*. Moscow: Strayi Sad, 330—354 (in Russian).

Volkov, V.V. 1981. *Olennye kamni Mongolii* (*The Deer stones of Mongolia).* Moscow: Nauchniy mir (in Russian).

Wang Wei, Wu Xinhua. 2011. Raskopki mogilnika Liushui v otrogakh Kunlunia (Excavation of the Lushui burial ground in the Kunlun Spurs). In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.*) "Terra Scythica": Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica" ("Terra Scythica": Materials of the international symposium «Terra Scythica»).* Novosibirsk: IAE SB RAS, 36—44 (in Russian).

Xiaolong, Wu 2013. Cultural hybridity and social status: elite tombs on China's Northern Frontier during the third century BC. *Antiquity* 87:335, 121—136.

Yang, Jianhua, Linduff, K.M. 2013. A Contextual Explanation for "Foreign" or "Steppic" Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. *Asian Archaeology* 1, 73—84.

Zadneprovskiy, Yu.A. 1992. Rannie kochevniki Semirechia i Tian-Shania (Early nomads of Semirechye and Tien Shan). In: Moshkova M.G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time).* Vol. 10, 73—87 (in Russian).

Beijing shi wenwu yanjiusuo (Bejing city Insninute of Cultural Relics). 2007. *Jundushan mudi: Yuhuangmiao (Jundushan Graveyard—Yuhuangmiao*). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Cong, D., Chen, G. 1997. Bulletin of the second and third excavation of the Qunbake tomb in Luntai County. In: Wang Binghua, Du Gencheng (eds.). *Xinjiang wenwu kaogu xin shouhuo (1990–1996*) (*New achievements of Xinjiang cultural relics and archaeology (1990–1996)).* Wulumuqi: Xinjiang meishu sheying chubanshe, 281—302 (in Chinese).

Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo (Gansu Antique Archaeology Institute). 2014. *Xirong yizhen Majiayuan Zhanguo mudi chutu wenwu (Cultural relics of Xi Rong unearthed from the Warring States period tomb in Majiayuan)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo (Gansu Antique Archaeology Institute). 2001. *Yongchang Xigang Chaiwaigang (Yongchang Xi Gang Chaiwan Gang-Shajing Culture tombs excavation report)*. Lanzhou: Gansu renmin chubanshe (in Chinese).

Guo, W. 2012. *Xinjiang shiqian wanqi shehui de kaogu xue yanjiu* (*Archaeological Research on the Society of the Late Prehistoric Period in Xinjiang*). Shanghai: Shanghai guji chubanshe (in Chinese).

Han, J. 2007. *Xinjiang de qingtong shidai he zao tieqi shidai wenhua (Xinjiang's Bronze Age and Early Iron Age culture)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Jiaohe gucheng baohu xiushan bangongshi (The preservation and restoration bureau of the Ancient Ruins of Jiaohe). 1998. In: *Jiaohe gucheng: 1993, 1994 niandu kaogu fajue baogao (City of Jiaohe-a report on archaeological excavations for 1993—1994)*. Beijing: Dongfang chubanshe (in Chinese).

Jin, D. 2018. Yuhuangmiao wenhua qingtongqi yanjiu (Research on Bronzeware of Yuhuangmiao Culture). PhD Thesis. Changchun.

Li, Sh. 1994. Shajing wenhua yanjiu (Shajing Culture Materials Research). *Shajing wenhua yanjiu (Traditional Chinese Studies)* 2, 493—523 (in Chinese).

Liaoningsheng Zhaowudameng wenwu gongzuozhan, Zhongguo kexueyuan kaogu yanjiusuo dongbei gongzuodui (Liaoning Zhaodao Dameng cultural relics archeological site, northeast team of Institute of archaeology, Chinese Academy of Sciences). 1973. *Kaogu xuebao (Acta Archaeologica Sinica)* 2, 27—39 (in Chinese).

Liu, G. 2000. Research on bronze artifacts of Upper Xiajiadian culture. *Acta Archaeologica Sinica* 4, 451—500 (in Chinese).

Liu, X. 2017. *Silu Tianshan diqu qingtongqi yanjiu (Research on Bronzeware in Tianshan Area on the Silk Road* 4. Xi'an: Sanqin chubanshe (in Chinese).

Mo, Zh. 2008. *Heigouliang mudi yu dongheigou mudi de kaoguleixing xue bijiao yanjiu (A Comparative Study of Archaeological Typology between Heigouliang Cemetery and Dongheigou Cemetery*). Master Thesis. Xi'an.

Ningxia wenwu kaogu yanjiusuo, pengyang xian wenwu guanlisuo (Ningxia Antique Archaeology Institute, Pengyang Antique Management Office). 2016. In: *Wangdahu yu Jiulongshan—beifang qingtong wenhua mudi (Wangdahu and Jiulongshan: A Cemetery of Northern Bronze Culture).* Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Tian, G., Guo, S. 1986. *A lu chai deng faxian de jin yin qi (Metallic artifacts discovered in Aluchaiden*. In: *Ordos bronze ware*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Wang, M. 1999. Xinjiang Chawuhu: daxing shizu mudi fajue baogao (Xinjiang: Excavation report of large-scale clan graves. In: *Chawuhu, Xinjiang: Excavation report of large-scale clan graves*. Beijing: Dongfang chubanshe (in Chinese).

Wu, Ch., Wang, Y. 2010. Nanman she zhong wenhua shi (The history of “Southern Barbarians snakes” culture). Nanfang wenwu. In *Cultural Relics in Southern China* 2, 89—102 (in Chinese).

Wu, E. 2007. *Beifang caoyuan kaogu xue wenhua yanjiu: Qingtong shidai zhi zaoqi tieqi shidai. Research on the Archaeological Culture of Northern Grassland: From Bronze Age to Early Iron Age.* Beijing: Shekexue chubanshe (in Chinese).

Xinjiang bowuguan, Bazhou wenwu guanli suo, Qiemo wenhuaguan (Xinjiang Region Museum, Bazhou Cultural Relics Management Office, Qiemo Cultural Center). 1998. Qie mo zha gun lu ke yi hao mudi (Zhagunluke cemetery No.1 in Qiemo. Xinjiang wenwu. *Xinjiang wenwu (Xinjiang Cultural Relics)* 4(52), 1—53 (in Chinese).

Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo (Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology). 2013. *Xinjiang Sa'ensayi mudi (Sa'ensayi cemetery in Xinjiang*). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo (Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology). 2015. *Xinjiang Aleitai diqu kaogu yu lishi wenji (Collected Works of Archaeology and History in Altay Region, Xinjiang*). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo, Xibei daxue wenhua yichan yu kaogu xue yanjiu zhongxin (Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Cultural Heritage and Archaeology Research Center of Northwest University) 2006. Nian bali kun dong hei gou yizhi fajue (Excavation of Barkun Dongheigou site in 2006). *Xinjiang wenwu (Xinjiang Cultural Relics)* 2, 32—60 (in Chinese).

Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo, Tulufan diqu wenwu ju (Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Turpan Regional Cultural Relics Bureau) 2004. Shan shan xian yanghai er hao mudi fajue jianbao (An excavation report of Yanghai—2 Cemetery in Shanshan County. *Xinjiang Wenwu (Xinjiang Relics)* 1, 28—49 (in Chinese).

Xinjiang wenwu kaogu yanjiusuo (Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology). 2013. *Xinjiang Saensayi mudi (The Saensayi cemetery of Xinjiang)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Xu, Ch., Li, J., Wie, Zh., Han, X., Yan, Sh. 1993. Ningxia Guyuan (Yanglangg bronze culture cemetery). *Kaogu xuebao (Acta Archaeologica Sinica)* 3, 13—56 (in Chinese).

Yang, J. 2004. *Chunqiu zhanguo shiqi zhongguo beifang wenhua dai de xingcheng (The formation of archaeological cultures of Northern China during the Spring and Autumn Period and the Warring States period)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).

Yang, J. 2007. Research on the origin of Caucasians among Xianbei people. Liaoning shifan daxue xuebao (Shehui kexue ban). *Journal of Liaoning Normal University. Social Science Edition* 30.6, 108—111 (in Chinese)

Zhang, T., Alifujiang, N., Tan, N. 2016. *Xinjiang Mohuchahan mudi (Cemetery of Mohuchahan, Xinjiang)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).

Zhao, Sh. 2018. Xia jia dian shangceng wenhua shi gou muzang chubu yanjiu (Preliminary Study on the Stone Tombs of Xiajiadian Upper Culture). *Diyu wenhua yanjiu (Regional Culture Study)* 2, 90—106 (in Chinese)

Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiu suo Dongbei gongzuodui (Northeast Group of the Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences). 1981. Stone coffin grave Nanshangen from No.102, Ningcheng County, Inner Mongolia. *Kaogu (Archeology)* 4 (in Chinese).

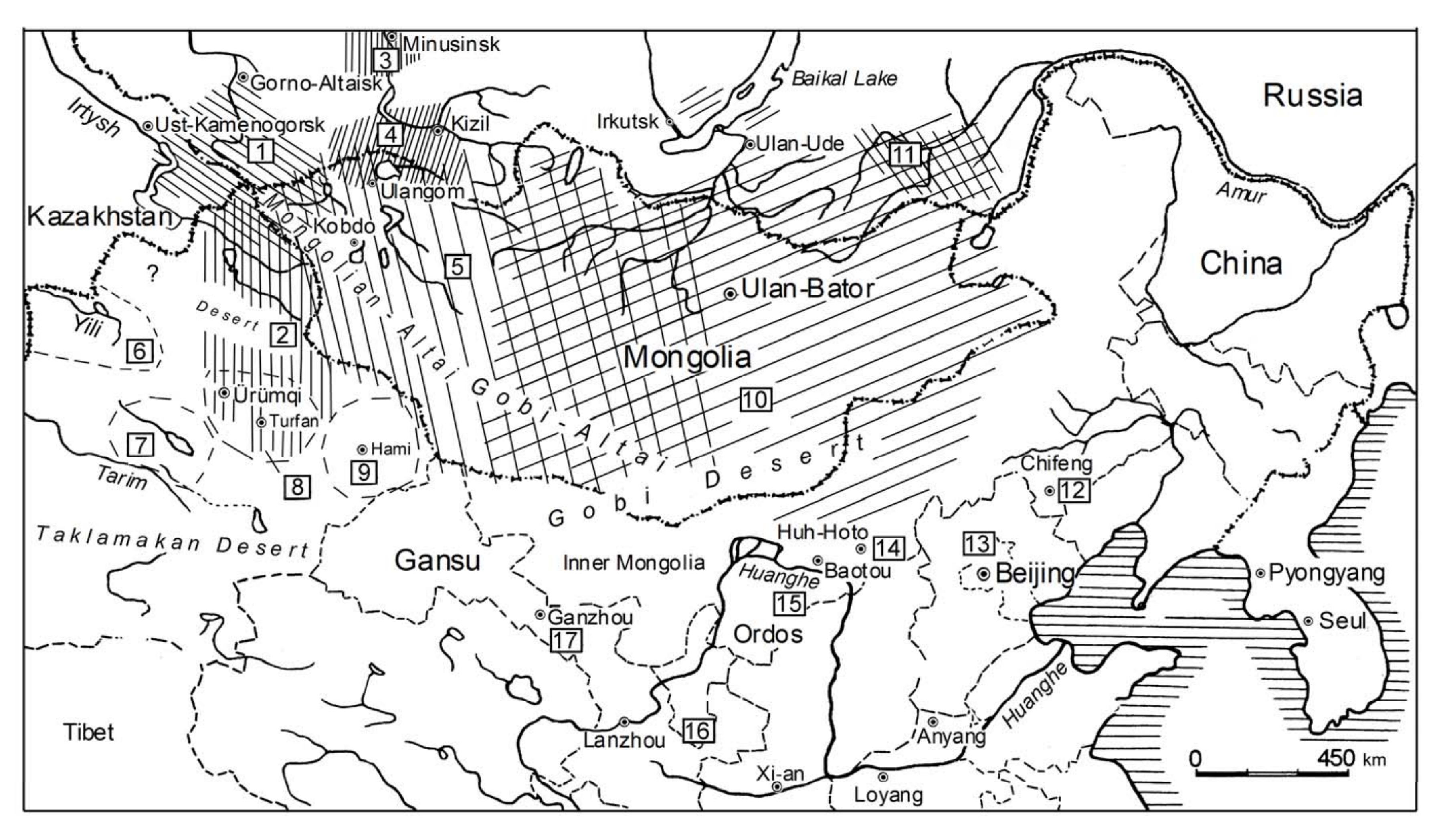

Fig. 1. Scheme of Scythian-like archaeological cultures in Central Asia location: *1* — area of the Pazyryk culture; *2* — the territory inhabited in the 5th — 3rd centuries BCE by tribes close to the Pazyryks; *3* — Tagar culture; *4* — Aldybel and Uyuk-Sagly cultures; *5* — culture of khereksurs and deer stones; *6* — Sodunbulake culture; *7* — Chawuhu culture; *8* — Subeixi culture; *9* — Yanbulake "culture"; *10* — Slab graves culture; *11* — Dvortsovo culture; *12* — "Xiajiadian upper layer" culture; *13* — Yuhuangmiao culture; *14* — Maqinggou culture; *15* — Taohongbala "culture"; *16* — Yanglang culture; *17* — Shajing culture.

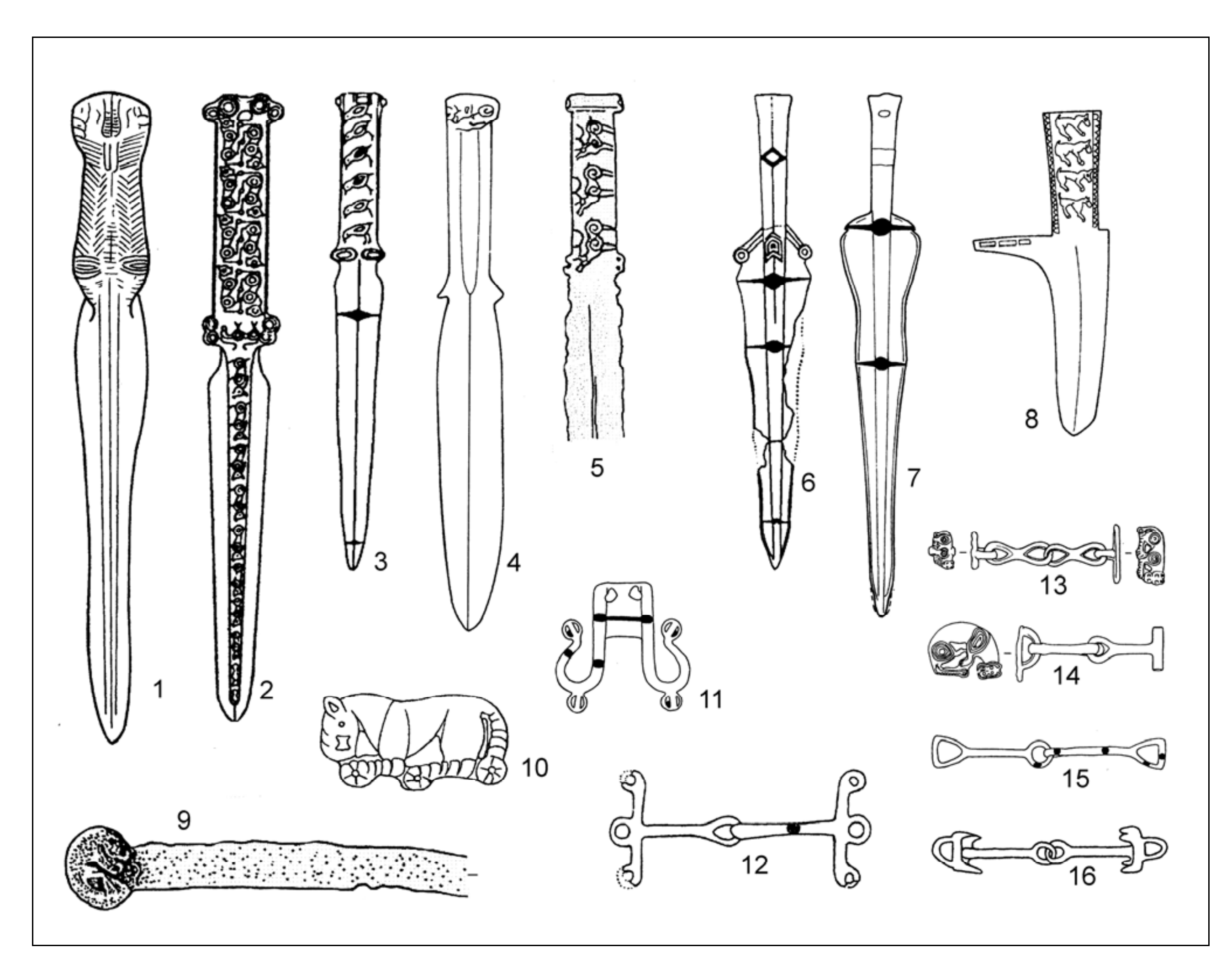

Fig. 2. "Xiajiadian upper layer" culture. Bronze weapons, harness and Animal-style items: daggers (*1—7*), spear ge (**8**), a knife with a finial in the form of a curled animal (*9*), a badge with an image of a cat predator (*10*), a chariot buckle (*11*), the one-piece bit with cheek-pieces (*12—14, 16*), a bit with a stirrup-shaped end (*15*) (after Wu 2007).

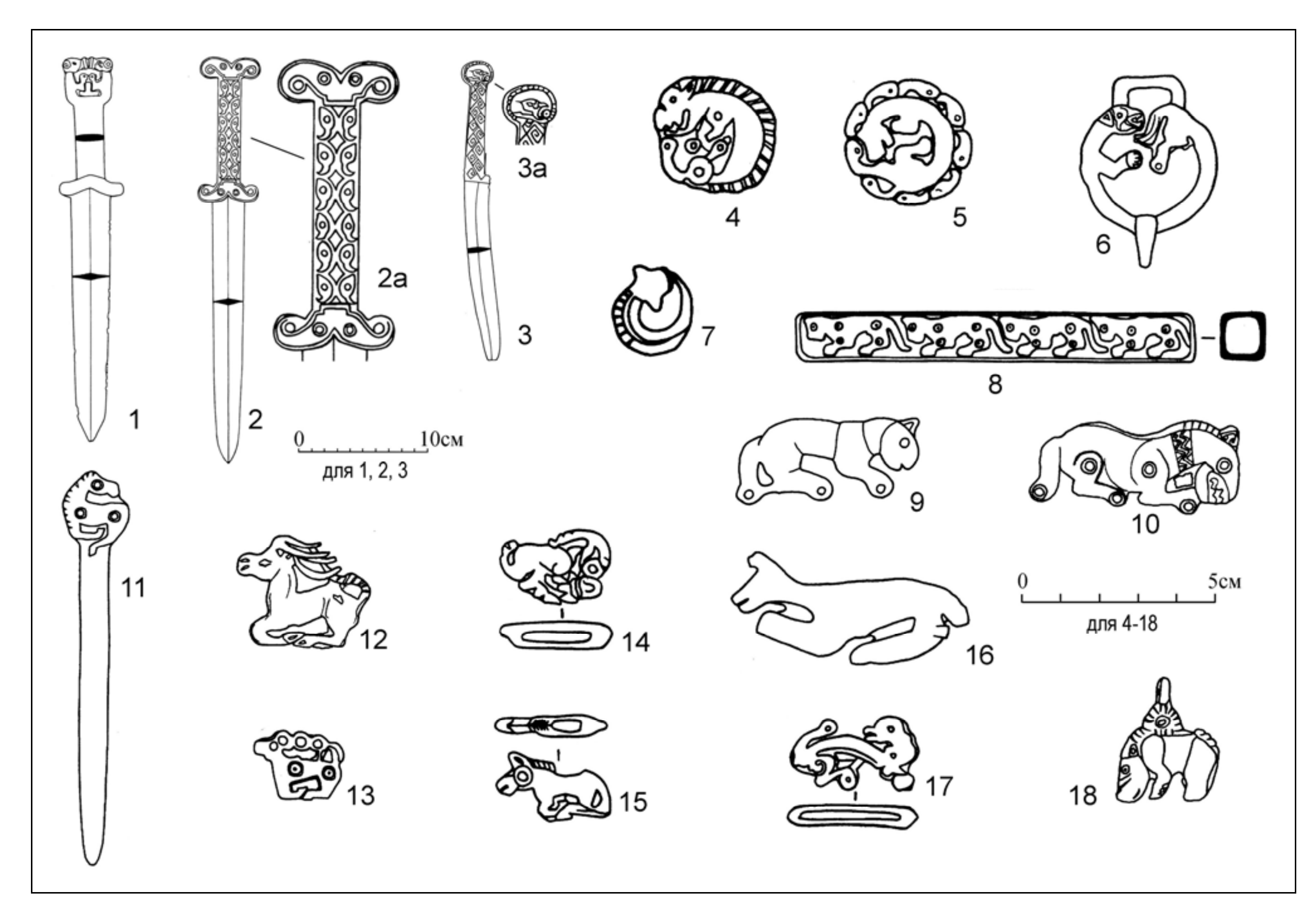

Fig. 3. Yuhuangmiao culture. Bronze items with animal-style images: daggers (*1, 2*), a knife with a finial in the form of a curled animal (*3*), badges in the form of curled creatures from clothes (*4—6*), a belt buckle (*7*), a needle case (*8*), pendants, clips and badges (*11—18*) (affter Beijing shi wenwu yanjiusuo 2007).

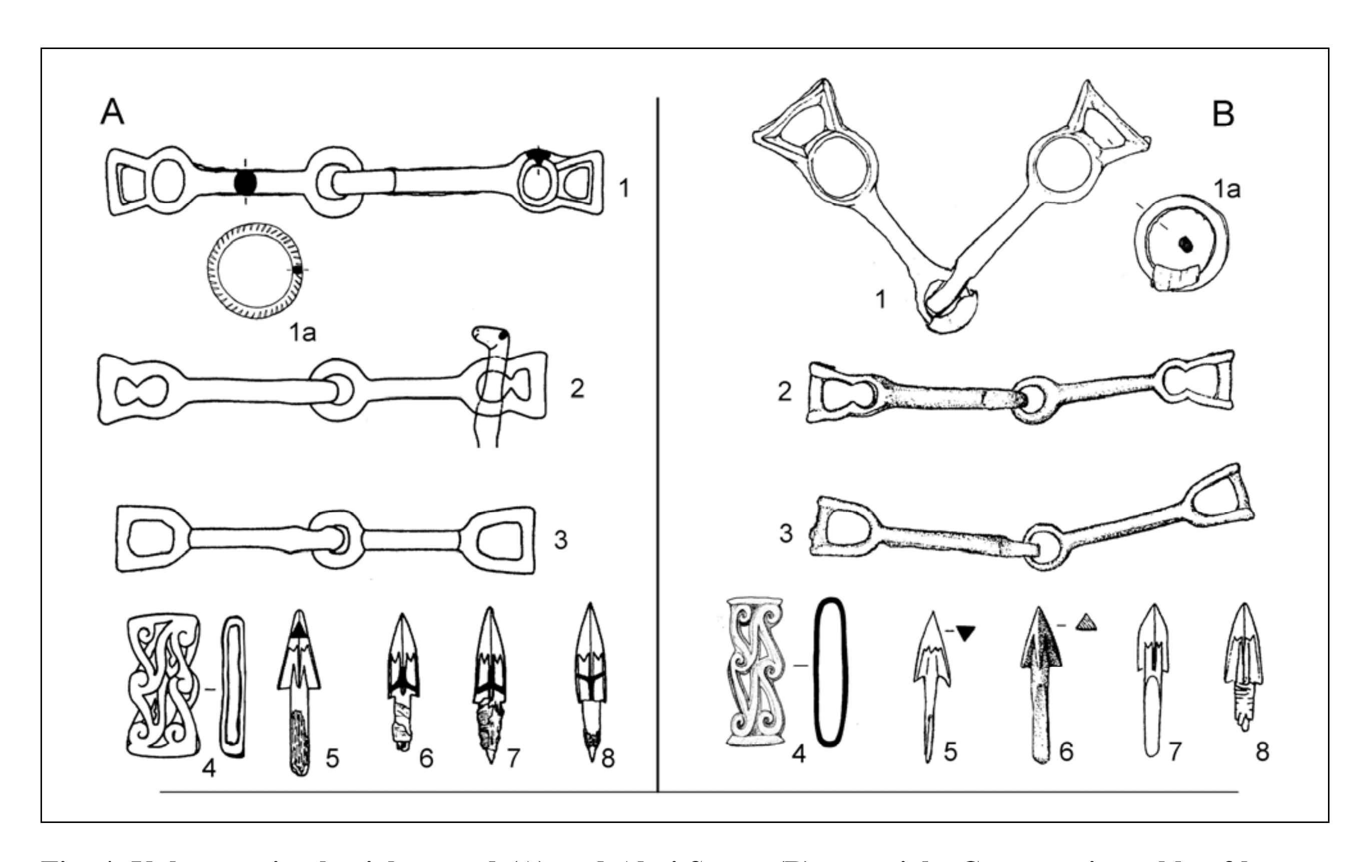

Fig. 4. Yuhuangmiao burial ground (A) and Altai-Sayan (B) materials. Comparative table of bronze harness parts (1—3), belt clips (4) and arrowheads (5—8) (after Shulga 2015: fig. 123).

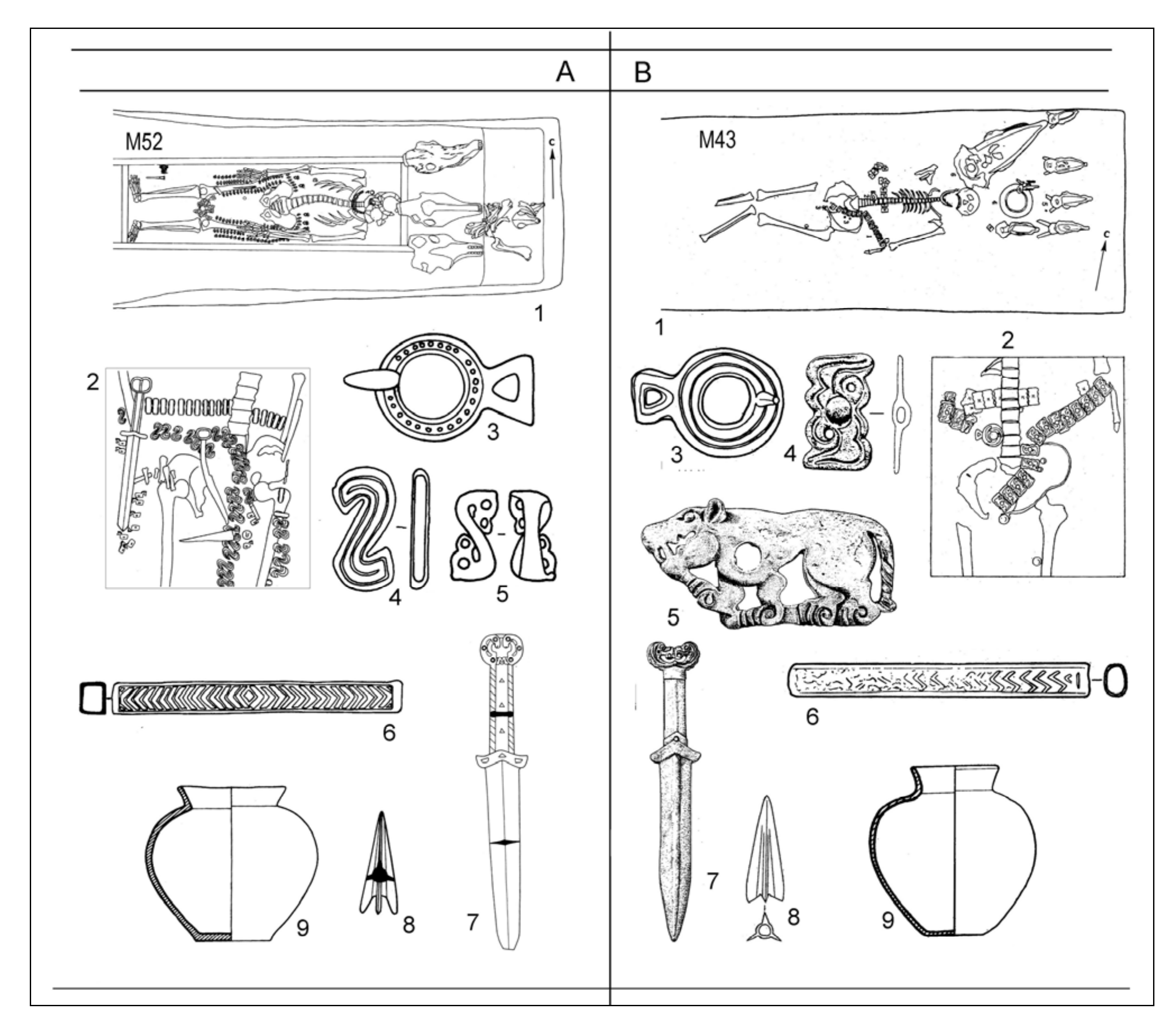

Fig. 5. Comparative table of the funeral rite and grave goods from the Yuhuangmiao (A) and Maoqinggou (B) burial grounds: *3—8* **— Bronze;** *9* **— ceramics** (after Beijing shi wenwu yanjiusuo 2007; Tian, Guo 1986).

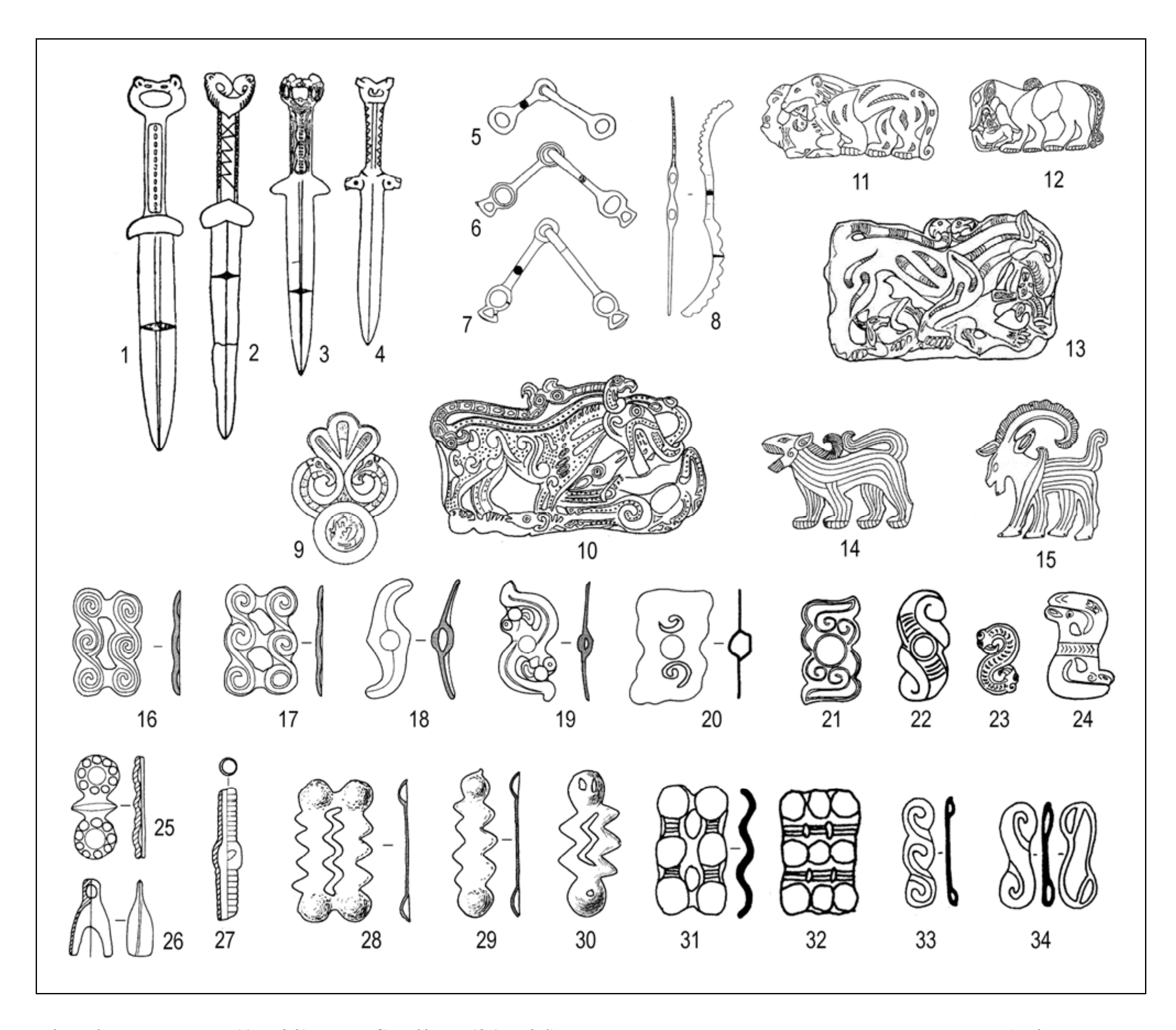

Fig. 6. Yanglang (1—30) and Shajing (31—34) cultures. Weapons, harness and other Animal-style items: *13—15* — Gold; the rest is bronze (after Gansu sheng wenwu kaogu yanjiusuo 2004; Wu 2007; Yang, Linduff 2013; Ningxia wenwu kaogu yanjiusuo 2016.).

Fig. 7. Chawuhu culture. Mohuchahan (A, 11—16) and Chawuhu-1, 4 (B, C, D, 1—10) burial grounds. The evolution of the funeral rite (A, B, C, D), inventory: *6, 7, 11* — **Horn; the rest is bronze** (after Wang 1999; Shulga 2010; Zhang, Alifujiang, Tan 2016).

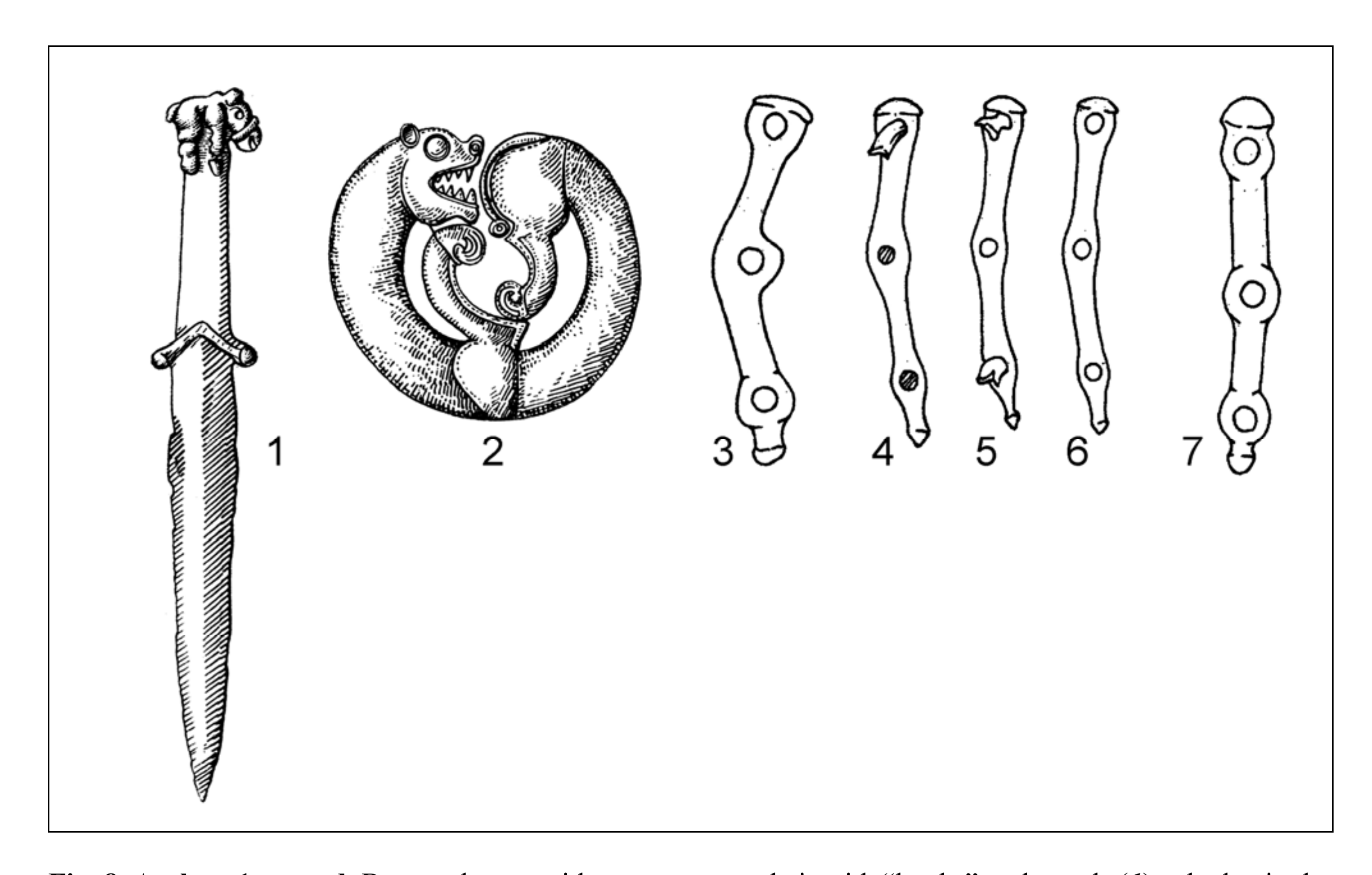

Fig. 8. Arzhan-1 mound. Bronze dagger with a narrow crosshair with “knobs” at the ends (*1*), a badge in the form of a curled up predator (*2*) and three-hole Arzhan type cheekpieces (*3—7*) (after Gryaznov 1980).

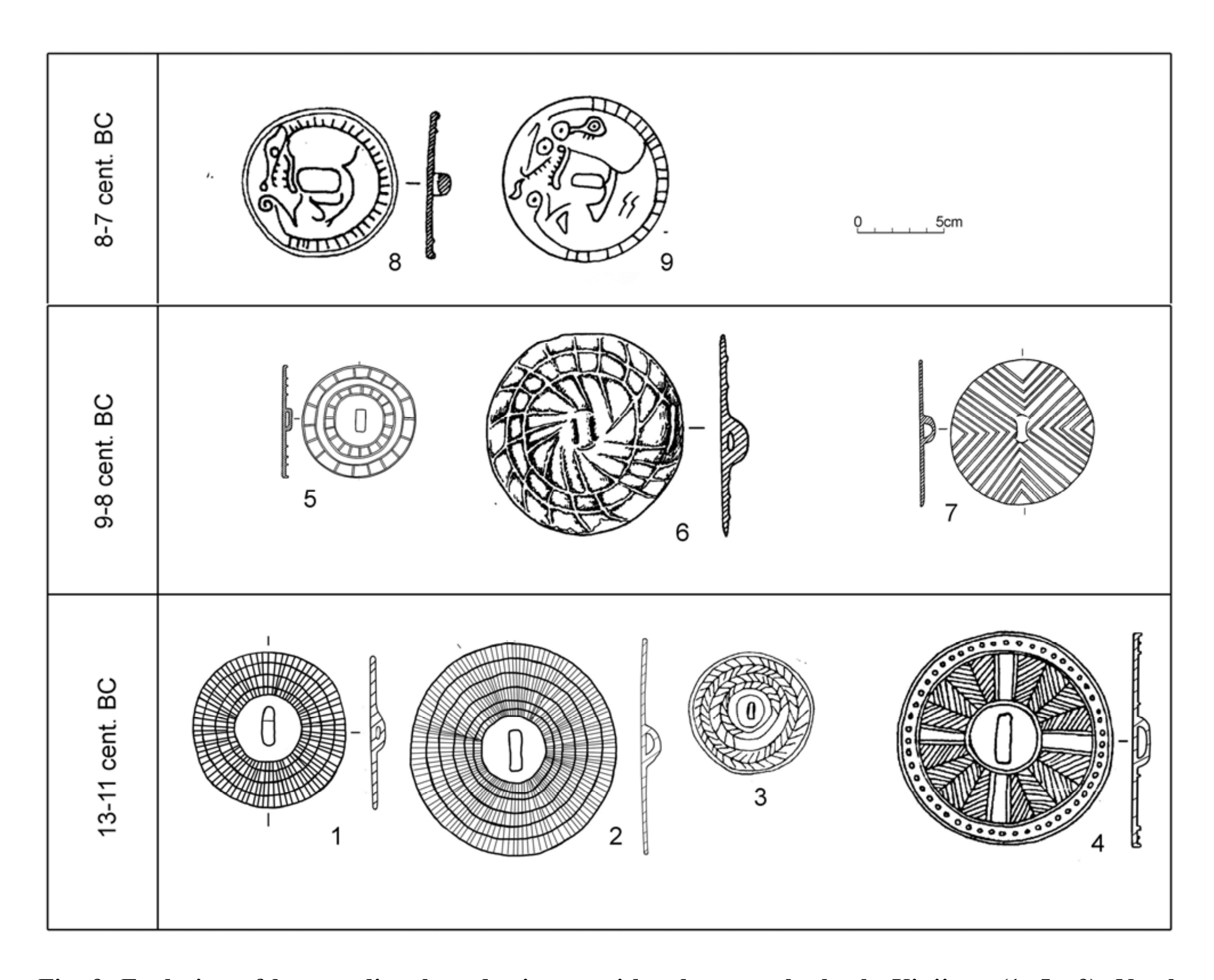

Fig. 9. Evolution of bronze disc-shaped mirrors with a loop on the back. Xinjiang (1, 5—9), North China (2—4): *1* — Tianshanbeilu burial ground; *2—4* — Fu Hao tomb; *5, 7* — Mohuchahan burial ground; *6* — Saensayi burial ground (after Han 2007; Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2013; Zhang, Alifujiang, Tan 2016; Wu 2017).

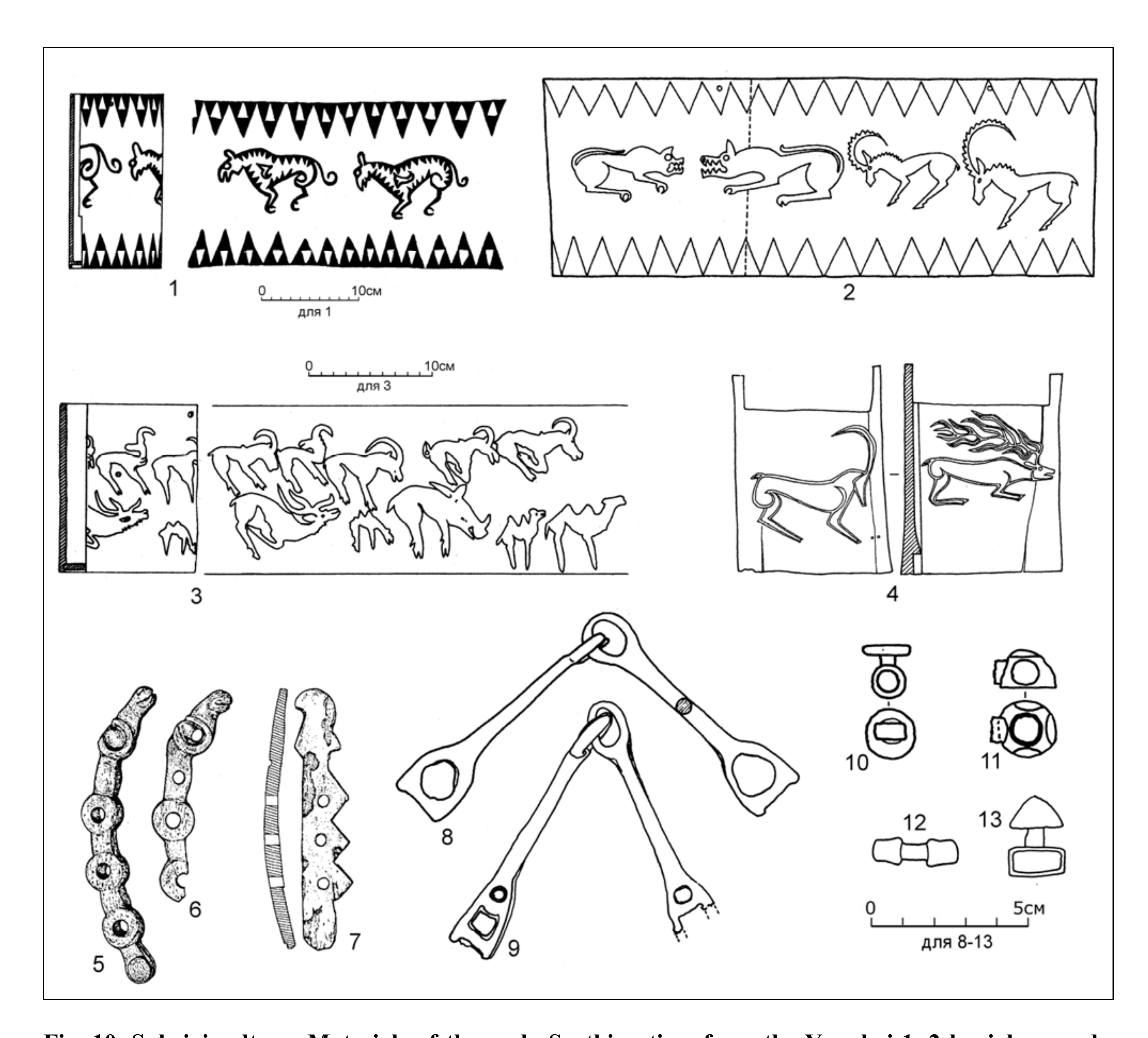

Fig. 10. Subeixi culture. Materials of the early Scythian time from the Yanghai-1, 2 burial grounds: *1—4* — images on wooden buckets; *5—7* — horn cheek pieces; *8—12* — bronze harness details; *13* — wooden clasp (after Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2004; Shulga 2010; Kovalev 2014).

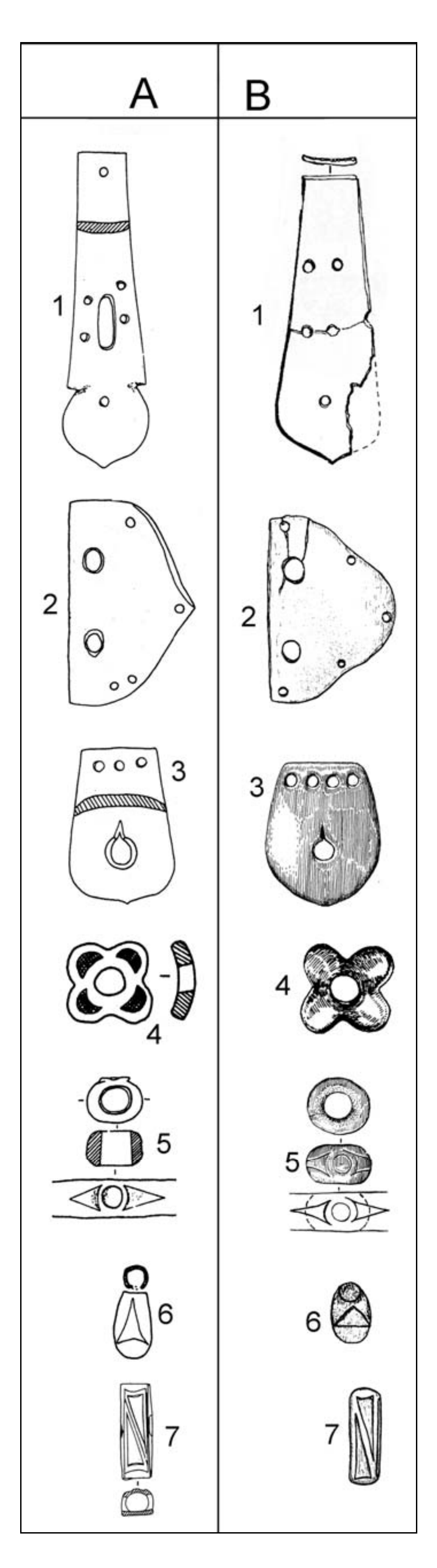

Fig. 11. Comparative table of horn harness details: *A* — Jiaohe Goubei burial ground Subeixi culture (5th — 3rd centuries BCE), *B* — the Altai Pazyryk culture of the 4th — 3rd centuries BCE (after Shulga 2010).

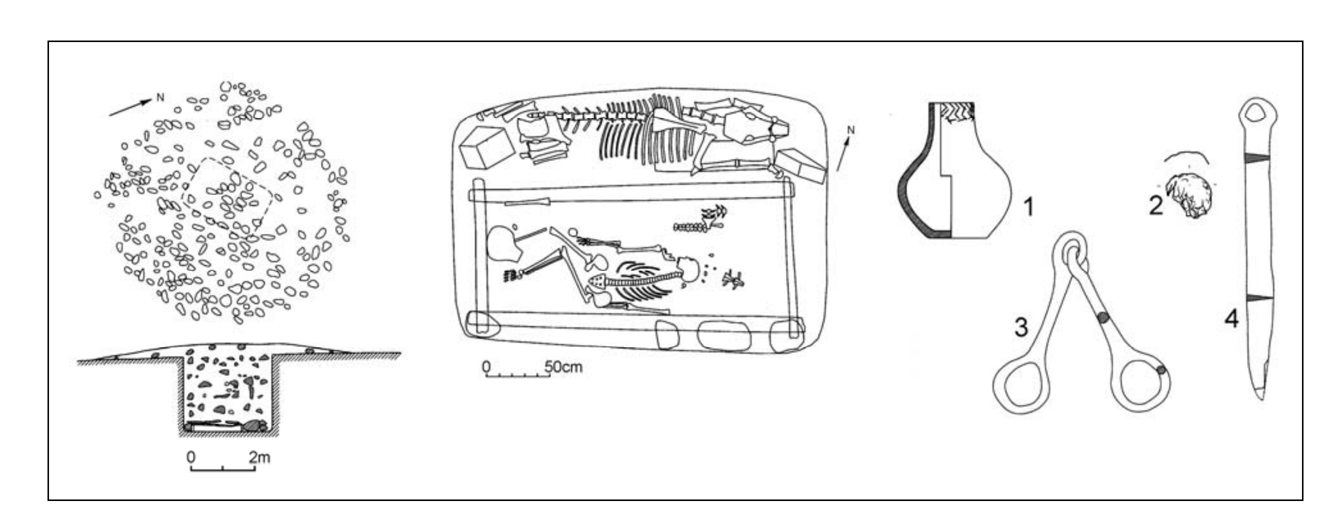

Fig. 12. Man with a horse burial of the Pazyryk culture (mound 5) at the Tuwaxinqun burial ground in the Altai district (Xinjiang): *1* — ceramic vessel; *2, 3* — iron knife and bit; *2* — gold foil (after Xinjiang wenwu kaogu yanjiu suo 2015).

УДК 902/904
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00005

М.Ю. Трейстер

БУСЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ДЕКОРА ИЗ ЯНТАРЯ В ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЭКЗОТИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ В ЕВРАЗИИ*

Если распространение янтаря в Европе исследовано довольно полно, то представление о распространение янтаря в Евразии изобилует белыми пятнами. Это касается, в том числе, и украшений из янтаря у кочевников. В центре внимания этой работы — украшения из янтаря у кочевников Азиатской Сарматии в контексте их распространения на территории Евразии в эпоху раннего железного века. В этой связи рассматривается распространение янтарных бус в Центральной Европе, в Италии, на Балканах, в Скифии в VII—IV вв. до н.э., в некрополях античных городов Северного Причерноморья VI—IV вв. до н.э., Колхиды V—IV вв. до н.э., на Переднем Востоке, в Центральной Азии, в Сибири и Монголии.

Не позднее IV в. до н.э. изделия из янтаря, преимущественно происходящего с территории Украины, а также Прибалтики, редкие в этот период в Северном Причерноморье и неизвестные в Скифии, появляются в сарматских погребениях Южного Приуралья, где встречаются чаще и в большем количестве в комплексах III и III—II вв. до н.э. Рассматриваются два возможных пути ихраспространения. Один — через Северное и Восточное Причерноморье, далее через Кавказ, Каспийское море и по старому руслу Узбоя, которое представляется более вероятным, и второй — через Переднюю Азию. Это предположение, однако, вряд ли коррелируется с выводом о происхождении материала большей части бус из Прохоровки с территории Украины.

В погребальных комплексах Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. янтарные бусы чрезвычайно редки и представлены в единичных количествах как в Заволжье, так и на Нижнем Дону. Не исключено попадание таких бус, как через Переднюю Азию, так и из Центральной Европы через Танаис. Не позднее I в. до н.э. янтарные бусы начинают использоваться как в Индостане и Центральной Азии, так и на востоке Сибири и в Китае. Обращает на себя внимание их довольно широкое распространение в погребениях хунну в Монголии конца I в. до н.э. — I в. н.э. В этом регионе и, вероятно, в Бактрии, судя по находкам из некрополя Тилля-тепе, янтарь начинают использовать и как материал для инкрустации ювелирных изделий и поясных пряжек. Несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну и в Китай с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), тот факт, что этот янтарь мог иметь не обязательно балтийское происхождение, а происходить из Бирмы, подтвердило исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге.

В I — первой половине II в. н.э. бусы из янтаря получают широкое распространение как в некрополях античных городов и поселений Северного Причерноморья, так и варварских погребениях Крыма, сарматских погребениях Побужья, Приднепровья. Их относительно немного в погребениях кочевников Нижнего Подонья — чаще они встречаются в междуречье Волги и Дона. Особенно часто встречаются янтарные бусы в погребениях позднесарматского времени, когда они известны практически на всей территории Сарматии от Карпато-Дунайского бассейна до степей Южного Приуралья. В Азиатской Сарматии выделяются три кластера: в первую очередь — Нижнее Подонье и южная часть Волго-Донского междуречья, а также — Южное Приуралье и междуречье Хопра и Волги. В этот период получает распространение и использование янтаря для изготовления наверший мечей и кинжалов.

Начиная со II—I вв. до н.э. янтарные бусы в погребениях довольно часто сочетаются с бусами и подвесками из коралла (в 40—47% случаев). Возможно, это указывает на общие источники поступления бус из этих экзотических материалов. В IV—III вв. до н.э., когда украшения из янтаря и

* Статья поступила в номер 18 октября 2020 г.
Принята к печати 02 ноября 2020 г.

© М.Ю. Трейстер, 2020.

коралла появляются у сармат Южного Приуралья, вероятно, пути их поступления были различные. Кораллы с большей вероятностью поступали через Переднюю Азию.

Ключевые слова: янтарь, «Янтарный путь», бусы, элементы декора ювелирных украшений, кельты, скифы, сарматы, хунну, кочевники, Средиземноморье, Причерноморье, Центральная Азия, Китай, Сибирь, Монголия, Евразия.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), научный сотрудник, Германский археологический институт.

Контактная информация: 14195, Федеративная республика Германия, г. Берлин, Германский археологический институт, Подбельскиаллее 69—71; e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

BEADS AND DECORATION ELEMENTS MADE OF AMBER IN ITEMS OF JEWELRY FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA IN THE CONTEXT OF TRADE IN EXOTIC MATERIALS IN EURASIA

If the distribution of amber in Europe has been studied quite fully, then the study of the distribution of amber in Eurasia is replete with white spots. This also applies to amber jewelry among the nomads. The focus of the present article is amber jewelry among the nomads of Asian Sarmatia in the context of its distribution in Eurasia in the Early Iron Age. In this regard, the distribution of amber beads in Central Europe, Italy, the Balkans, and Scythia in the 7th — 4th centuries BCE, in the necropoleis of the ancient cities of the North Pontic region of the 6th — 4th centuries BCE, Colchis — of the 5th — 4th centuries BCE, in the Near East, Central Asia, in Siberia and Mongolia is considered.

No later than the 4th century BCE items made of amber, mainly originating from the territory of Ukraine and the Baltics, rare in this period in the North Pontic area and unknown in Scythia, appear in the Sarmatian burials of the Southern Urals, where they are found more often and in larger numbers in the complexes of the 3rd and 3rd — 2nd centuries BCE. Two possible ways of distribution are considered. One — across the Northern and Eastern Black Sea regions, further on via Caucasus, Caspian Sea and the old bed of Uzboy, which seems preferable, and the second — via Western Asia, which hardly correlates with the provenance of the material of the majority of beads from Prokhorovka in the Urals.

In the burial complexes of Asian Sarmatia of the 2nd — 1st centuries BCE amber beads are extremely rare and are presented in single quantities both in the Trans-Volga region and in the Lower Don. It is not excluded that such beads found their way via both Western Asia and Central Europe (through Tanais). No later than the 1st century BCE amber beads are beginning to be used both in Hindustan and Central Asia, as well as in Eastern Siberia and China. Attention is drawn to their rather wide distribution in the burials of the Xiongnu in Mongolia in the late 1st century BCE — 1st century CE. In this region and probably in Bactria, judging by the finds from the Tillya-tepe, amber was also used as a material of inlays in jewelry and belt buckles. Despite the fact that it is obvious that amber beads could have come to the Xiongnu and China from the west (as Baltic amber was used to make beads from the early Scythian Burial-mound Arzhan-2 in Tuva), the fact that it may not have necessarily been of Baltic origin, but originate from Burma, was confirmed by the study of amber objects from the 1st century CE tomb M18 in Nanyang.

In the 1st — first half of the 2nd century CE amber beads are widespread both in the necropoleis of ancient cities and settlements of the North Pontic region, as well as in the barbarian burials of the Crimea, Sarmatian burials in the Bug and Dnieper regions. There are relatively few of them in the burials of the nomads of the Lower Don region — they are more often found in the interfluve of the Volga and Don. Amber beads are especially common in burials of the Late Sarmatian period, when they are known practically throughout the territory of Sarmatia from the Carpathian-Danube basin to the steppes of the Southern Urals. In Asian Sarmatia, three clusters are distinguished: first of all — the Lower Don region and the southern part of the Volga-Don interfluve, as well as — the South Urals and the interfluve of the Khoper and Volga. During this period amber was widely used for the manufacture of pommels of swords and daggers.

Starting from the 2nd — 1st centuries BCE amber beads in burials are quite often found together with coral beads and pendants (in 40—47% of cases). This may indicate a common source of beads made from these exotic materials. In the 4th — 3rd centuries BCE, when jewelry made of amber and coral appeared among the Sarmatians of the Southern Urals, it is likely that the ways of their distribution were different. Corals were more likely to arrive through Western Asia.

Key words: amber, “Amber Road”, beads, elements of jewelry decoration, Celts, Scythians, Sarmatians, Xiongnu, nomads, Mediterranean, Black Sea area, Central Asia, China, Siberia, Mongolia, Eurasia.
About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Researcher at the German Archaeological Institute.
Contact information: 14195, Federal Republic of Germany, Berlin, German Archaeological Institute, Podbielskiallee 69—71; e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

Введение. Янтарные украшения в Европе, Малой Азии и Восточном Средиземноморье в эпоху бронзового и железного века

Уже в эпоху бронзы бусы из балтийский янтаря (*succinite*) получают широкое распространение в Европе (от Иберийского полуострова (Murillo-Barroso et al. 2018: 1—36) на западе — до Балканского полуострова (Maran 2013: 147—169; Sgouritsa Polychronakou, Nikolentzos 2016: 233—246; Zygouris 2019: 177—189)), достигая и степи Северного Причерноморья (см. в целом: Czebreszuk 2009: 87—102. — Гордеевка: Berezanskaja, Kločko 1998: 13—15, Taf. 7: *6*; 10: *4*; 13: *9*; 18: *1*; 20: *1*; 21: *2*; 23: *5*; 24: *2*; 31; 34: *4*; 37: *2*; 43: *1*; 54: *2*; 77; 78: *2*; Клочко 2008: 233—243), Южный Кавказ (Триалети, Ананаури (Cultraro 2016: 52—53)), Малую Азию (см. в целом обзор: Pieniążek 2020: 131—132) (в частности, Троя (Трейстер 1996: 213; Кат. Москва 1996: 175, № 226—227; Sazcı 2007, 285, 403—404; Pieniążek 2016, 52—53, fig. 1), Алалах (Pieniążek 2020: 123, 125, fig. 7), кораблекрушение у Улубуруна (Kat. Bochum 2005: 588—589, Nr. 94)), Ближний Восток (Todd 1985: 292—301; Mukherjee et al. 2008: 55—57; Gestoso Singer 2008: 17—19; 2016: 251—264) и Междуречье (Moorey 1999: 79—81).

В частности, в царском склепе второй четверти — середины II тыс. до н.э. в Кватне в Сирии были найдены не только янтарные бусы (Roßberger 2011: 123, 128, 129, Abb. 17; 132—133; 2015: 141—143, 172), но и изготовленный, вероятнее всего в Сирии, сосуд из балтийского янтаря в форме головы льва (Mukherjee et al. 2008: 49—55; Pfälzner 2011: 139, 142, Abb. 7; 146—149, Abb. 11; 12a—b; Rahmstorf 2014: 26), и часть музыкального инструмента в форме кисти человеческой руки (Pfälzner 2011: 179—180, Abb. 45). По оценкам специалистов, начиная от эпохи бронзы и до раннего средневековья, — 80—90% исследованных янтарных изделий, найденных на Ближнем Востоке, изготовлены из балтийского янтаря (Eger, Khalil 2013: 164). Также балтийское происхождение имеет янтарь из Угарита (Pieniążek 2020: 132, note 102).

Столь широкое распространение янтаря и изделий из него уже давно привели к возникновению гипотез о существовании трансъевропейских янтарных путей (amber road/s, Bernsteinstraße (см. об этом термине, например, Madejski 2014: 48—52, с лит.)), при этом образовавшиеся еще в эпоху бронзы центры обработки янтаря в северной Адриатике продолжали с перерывами работать, по крайней мере, вплоть до римской эпохи, а пути распространения янтаря, если их и можно рассматривать в таком качестве, функционировали пусть и с перебоями, более-менее регулярно уже начиная со II тыс. до н.э., особенно XVII в. до н.э. (Cat. Belgrade 2006: 38—44; Palavestra 2007: 349—355; Czebreszuk 2007: 363—369; Cwaliński 2014: 183—199; Ernée 2017: 111—131).

На рубеже II—I тысячелетий и до VIII—VII вв. до н.э., а затем с IV в. до н.э. и до I в. н.э. янтарь перестает попадать из Северной Европы на Балканы (Cat. Belgrade 2006: 43—44; Gergova 2009: 184; Ivanova, Kuleff 2009: 35—36), при этом на Апеннинском полуострове перерыв на рубеже эпохи бронзы и раннего железа был несколько короче и украшения из

янтаря появляются здесь в VIII в. до н.э. (Strong 1966: 24; Cat. Belgrade 2006: 44; Cat. Napoli 2007: 112—251; Naso 2013: 260; Quast 2014: 29—33).

В Малой Азии изделия из янтаря появляются вновь в VII в. до н.э., прежде всего в святилищах (Strong 1966: 22—23; Naso 2013, 260—261; Prêtre 2016, 69, nos. 426—429, pl. II). Так, в Эфесском Артемисионе многочисленные изделия из янтаря представлены не только бусами и подвесками, зачастую образующими сложные украшения, но и фигурками, вырезанными из янтаря. Этот материал использовался также для инкрустации фибул и ювелирных изделий (Cat. Istanbul 2008: 186—190, Nr. 165—191; Naso 2013: 261—278). Исследования подтвердили балтийское происхождение янтаря 85 из 87 проб (Kaur et al. 2012: 39—43).

Янтарь получил широкое распространение в VI — начале V в. до н.э. как в Центральной и Западной Европе (Waldhauser 1996: 80—85, 88—92; Echt 1999: 90—95; Stahl 2006), так и на Западных и Центральных Балканах (Palavestra 2018: 115—121) и в Македонии (Синдос: Cat. Thessaloniki 1985: 90—91, no. 136; 267, no. 434; Despini 2016: vol. III, 125—127, nos. 198—199, 583, figs. 219—220. — Пелла, Архонтико: Chrysostomou, Chrysostomou 2002: 467—469; 2012: 369; Chrysostomou 2016: 98—99, pl. 7: *3*; Del Socorro 2017: 52, 64, notes 275, 280). Однако в более позднее время изделия из янтаря на Балканах, вплоть до I в. н.э., очень редки, хотя янтарные бусы и известны в комплексах вплоть до второй половины IV — первой четверти III в. до н.э. (Ljuština 2013: 99; Rustoiu 2015: 365, 366, fig. 2: *1*; 368—370; 371, figs. 5: *16*; 6; 373, list 1; 2017: 185, 187, fig. 4: *3*; 199—200; Blečić Kavur, Kavur 2017: 102—105; Horváth 2017: 54, 55, fig. 3: *2—3*; 2019: 109, 110, pls. II: *3*, IV: *7*, VI: *8*).

Чрезвычайно редки они в эллинистический период в Италии, где они практически неизвестны с последней четверти IV в. до н.э. (Strong 1966: 24—25; Causey 2011: 72; Montanaro 2015b: 191)[1], хотя в кельтско-этрусских некрополях второй половины IV — начала III в. до н.э. в районе Болоньи янтарные бусы, в основном дисковидной формы и округлые, поперечно-сжатые, были довольно распространены (Cat. Bologna 2010: 130—134, nos. 5—11; 214, no. 1).

Редки были украшения из янтаря в этот период и в Восточном Средиземноморье. Подвеска в форме астрагала из янтаря, обтянутая серебряной проволокой, образующей петлю, с двух сторон обрамленную спиральной обмоткой проволоки, — элемент ожерелья из подвесок, происходит из трупосожжения начала IV в. до н.э. S-D на о. Фазос (Sgourou, Agelarakis 2001: 343, 344, fig. 29; 345, fig. 31; 355, no. 55a; см. также Dasen 2015: 196: здесь астрагал ошибочно обозначен как золотой). Три украшения в форме астрагалов из янтаря происходят также из Артемисиона на Фазосе — их точная датировка не известна, в целом они относятся к материалам, датирующимся от архаического до позднеэллинистического времени (Prêtre 2016: 69, nos. 427—429, pl. II). Интересно, что подвеска из янтаря в форме астрагала с отверстием в центре была найдена и в датирующемся второй половиной I — первой половиной II в. н.э. погребении в катакомбе К27/1976 некрополя Нимфея (Грач 1999: 172, № 9, табл. 178: *12*).

Головки негров, лицо которых вырезано из граната или янтаря, украшали серьги, получившие особенно широкое распространение на севере Балканского полуострова и в Италии, главным образом, с конца III до середины II в. до н.э., хотя наиболее ранние образцы, относящиеся к середине III в. до н.э., происходят из Македонии и Иллирии. При этом прослеживается довольно четкая закономерность — серьги с головками, вырезанными

[1] См. в частности, янтарные подвески из гробниц № 28 и 51 певкетского некрополя в Гравина в Апулии, которые надежно датируются, соответственно ок. 380—370 гг. до н.э. (Lojacono 2019: 184—194, fig. 5) и началом IV в. до н.э. (Pulinetti 2019: 195—203, fig. 5: слева).

из янтаря, происходят из Центральной Италии и Иллирии (Pfrommer 1990: 185—187, Abb. 36 (карта распространения); 387—389; ср. Themelis 1994: 154—155, pl. 88; Causey 2011: 72). О том, что в раннеэллинистическую эпоху изделия из янтаря все еще, пусть и редко, использовались в Италии, свидетельствует дисковидная янтарная бусина из датирующегося началом III в. до н.э. клада на поселении Поджио Кола в районе Флоренции (Castor 2009: 257, no. 10, fig. 12). Бусина из янтаря была найдена и в погребении второй половины II в. до н.э. некрополя Адрии (Mangani 1982: 55, fig. 41g; 86, no. 10; Cool 2016: 42).

Вероятнее всего, по крайней мере, до середины I в. н.э. янтарный путь в Центральной Европе контролировался кельтами, начиная после их возвращения с Балканского полуострова в 279 г. до н.э. (Oculicz-Kozaryn, Nowakowski 1996: 161; Cat. Belgrade 2006: 68; Rudnicki 2009: 292; Bochnak 2010: 391, 394—395; 2015: 361—363; Łuczkiewicz 2012: 112; Bochnak, Harasim 2012: 79; Harasim 2013: 28—29; Maciałowicz et al. 2016: 141, 153—154; Quast 2017: 66; Karwowski 2018: 269—270). Довольно значительное количество бус из янтаря, а также кусков необработанного янтаря было найдено в позднелатенских некрополях и оппидумах (Wielowiejski 1996: 47—56; Waldhauser 1996: 81, 85, Abb. 3: *17—29*; 91, Nr. 25, 27; Bozic 1998: 141—156, особенно 151—152, list 4, Abb. 18 (карта)) в Центральное Европе, в частности, в Старе Градишко в Моравии (Čižmárová 1996: 173—182) и Страдонице в Богемии (Rybová, Drda 1994: 48, 100, fig. 35: *5—9*; 109, 114; Drda, Rybová 1995: 603—605, fig. 7; Waldhauser 1996: 81, 85, Abb. 3: *19—29*; 91, Nr. 25), а также в Манхинге в Баварии (Lorenz 2004: 72; Nüsse 2011: 236—237; Sievers 2013: 170), Тительберге в Люксембурге (Metzler, Gaeng 2009: 230). Янтарные бусы в количестве 103 экз. и 25 фрагм., в основном цилиндрической формы, входили и в состав клада, найденного в Жидоваре в Сербии и датируемого первой половиной I в. до н.э. (Jevtić et al. 2006: 17, fig. 13; 59, figs. 57—62; 92—93, 127—134; Cat. Belgrade 2006: 62—63, fig. 33). В Иллирии количество янтарных украшений, редких в раннелатенское время, значительно увеличивается именно в III—I вв. до н.э. (Oculicz-Kozaryn, Nowakowski 1996: 158—161, figs. 1—2).

С I в. н.э. янтарь получает широкое распространение в Римской империи, будучи чрезвычайно дорогим материалом, о чем пишет Плиний Старший, сравнивая стоимость фигурки из янтаря со стоимостью раба («Taxatio in deliciis tanta ut hominis quamvis parva effigies vivorum hominum vegentium que pretia ex superet, prosus ut castigation una non sit satis») (Pliny. Nat. Hist. XXXVII, 12). Он также сообщает (Pliny. Nat. Hist. XXXVII, XI, 45—51) об экспедиции, предпринятой при правлении Нерона, за янтарем, которой руководил всадник Юлиан (Kolendo 1981: 13—29, 59—74; Cat. Belgrade 2006: 69; Quast 2017: 59). Есть основания считать, что янтарь перевозился как сырье, обрабатывающееся непосредственно потребителями (Quast 2017: 63—65). В середине столетия массовый выпуск украшений из янтаря начали мастерские в Аквилее (Strong 1966: 33—35; Gagetti 2000: 194—250; 2001: 191—485; Calvi 2005; Cat. Belgrade 2006: 70—77; Cat. Napoli 2007: 254—267; Buora 2014: 56—63: Koster 2014: 65—71). Можно предполагать, что пути поступления янтаря меняются после Маркоманнских войн и с конца II в. н.э. основным центром изготовления изделий из янтаря в Империи становится совр. Кельн (La Baume 1968: 108—114; Nüsse 2011: 238; Buora 2014: 63; Koster 2014: 66; Quast 2017: 66—67).

Далеко не всегда естественно-научные исследования материала однозначно указывают на балтийское происхождения янтаря, в том числе потому, что месторождения сукцинита, пусть и более низкого качества известны на Украине — в частности, высказывались различные точки зрения о происхождении материала бус из Гордеевки (Berezanskaja, Kločko 1998: 13—14). Исследования также показали, что, по крайней мере, некоторые изделия из янтаря из энеолитического некрополя в районе Тарента в Южной Италии из толоса

позднеэлладского периода в Пелопоннесе — сицилийского происхождения (Beck, Hartnett 1993: 36—43; Naso 2013: 259); при этом начиная с эпохи поздней бронзы и на Сицилии преобладали бусы из балтийского янтаря (Cultraro 2007: 386—388).

Если распределение янтаря в эпоху бронзы, в раннем железном веке и в императорское время в Европе относительно хорошо исследовано, то значительно больше белых пятен в истории поступления и обработки янтаря на территории Евразии. И здесь мы имеем лучшее представление о формах и распространении янтарных бус, начиная с позднеантичного времени. Наша же задача — дать обзор находок янтарных предметов и элементов декора в украшениях, предметах одежды и оружии кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. Для этого представляется необходимым кроме находок из погребений Азиатской Сарматии рассмотреть распространение янтаря и изделий из него на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в ахеменидскую и парфянскую эпохи, в некрополях античных городов и поселений Северного и Восточного Причерноморья, в скифских памятниках Северного Причерноморья и Кавказа, а также в памятниках хунну в Сибири и Монголии, и в Китае.

1. Ближний Восток и Центральная Азия в ахеменидскую и парфянскую эпохи

В некрополе ахеменидского времени (ок. 450—370 гг. до н.э.) Камид-эль-Лоз в Ливане янтарные бусы известны, но чрезвычайно редки и представлены экземпляром удлиненно-биконической формы из погребения 72 (Poppa 1978: 65, 119, Nr. 7, Taf. 21, 72: *1*). Бусина округлой формы, предположительно из местного янтаря плохого качества происходит из погребения 76 (Poppa 1978: 122, Nr. 5c, Taf. 23, 76: *56*). А в Навкратисе ожерелье, состоящее из 53 стеклянных, янтарных и каменных бус, датируется периодом от 50 г. до н.э. до 337 г. н.э.: все 22 янтарные бусины представлены экземплярами нерегулярных форм (Thomas, Acosta 2018: 22—23, fig. 51). Появление здесь янтаря связывают с римской экспансией и торговлей балтийским янтарем (Thomas, Acosta 2018: 29). Впрочем, до позднеантичного периода, янтарные бусы в Египте и Мерое практически не известны (Then-Obłuska, Pleşa 2019: 52, 55).

Среди разнообразных материалов, найденных в сокровищнице Персеполя, была обнаружена дисковидная бусина из янтаря (Schmidt 1939: 73; 1957: 76, 77, tab. III, pl. 43: *41*), а при раскопках Ападаны непосредственно под каменным ящиком, в котором хранились золотые и серебряная закладные таблички Дария, вместе с четырьмя золотыми статерами Креза и двумя греческими серебряными монетами (Эгины и Абдеры) были найдены куски янтаря (Krefter 1971: 53; Henkelman 2012: 944), предполагающие местное производство из привозного сырья уже в конце VI в. до н.э. Кроме того, на эламской табличке V в. до н.э. из раскопок в районе крепостной стены Персеполя написано имя производное от персидского обозначения янтаря (Gersevich 1969: 201; см. также Бубнова, Половникова 2001: 127).

Украшения из янтаря, в том числе бусы, амулет, и такие уникальные предметы, как две броши в форме щитов пельтовидной формы, фигурки собаки и Теллесфора в плаще, были найдены в саркофаге в аристократической гробнице в Кочакизларе в районе Эскишехира в Малой Азии, датирующейся в рамках I в. до н.э. — начала I в. н.э. (Atasoy 1974: 261, 263, nos. 25—29, pl 52: *8—10*; Shedrinsky, Lightfoot 2012: 452; Rice 2016: 439; Demirer 2019: 58).

Бусы из янтаря чрезвычайно редки в некрополе Дура-Эвропос — все девять экземпляров происходят из одного погребения (Tomb VI. Loc IV) и относятся к одному типу — крупные уплощенные бусы неправильной формы (Toll 1946: 31, nos. 29—36; 128; Baird 2016: 45. Yale,

1938.5211, 5224)[2]. В Селевкии янтарные бусы были найдены в датирующемся в рамках середины I — начала II в. н.э. склепе № 131 (Yeivin 1933: 51, 52, pl. XIX: *4*; Musche 1988: 125, Nr. 2.2.13, Taf. XXVI)[3]. В Таксиле были найдены девять янтарных бусин, в том числе две — в слое эпохи Маурьев, и семь — в сако-парфянском слое (Marshall 1951: 740). Особое внимание привлекает использование янтаря для инкрустации золотых браслетов, найденных в кладе в помещении D, датирующемся ок. 19—70 гг. н.э. (Marshall 1951: 634, nos. 137—138, pl. 196; Seyrig 1952: 232, fig. 12; Musche 1988: 210, тип 8.1.1; 212—213, Taf. LXXV). Дж. Маршалл предполагал, что янтарь бус и инкрустаций из Таксилы — балтийский (Marshall 1951: 740). Исследование янтарных бус и подвесок из пещер в Вешнавех в Иране, где были найдены 62 бусины и три подвески, значительная часть которых может быть отнесена к парфянскому периоду, показало, что они изготовлены из балтийского янтаря (Bagherpour Kashani 2011: 19, 133—139, 160—162, 223—227, 243—244, pls. 20, 21, 26; Bagherpour Kashani et al. 2011: 71—77).

По мнению К. Рапэна, янтарь мог поступать на территорию Индостана и далее в Центральную Азию, тем же путем, что и коралл, через порты Индии (Rapin 1992: 181; 1996: 37).

Среди ювелирных изделий из царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане встречены украшения из янтаря и со вставками из янтаря (Calligaro 2010: 278—279): перстень — из гробницы II (Sarianidi 1985: 231, no. 2.3; Kat. Bonn 2010: 167, Nr. 57), пронизи браслета — из гробницы V (Sarianidi 1985: 160—161, ills. 102—103; 252, no. 5.1; Kat. Bonn 2010: 212—213, Nr. 127). Особый же интерес вызывает подвеска в форме фигурки льва из гробницы V (Sarianidi 1985: 131, ill. 76; 253, no. 5.7; Kat. Bonn 2010: 215, Nr. 131; Rapin 1996: 18, note 29). Фигурные подвески из янтаря, в том числе с изображением львов и львиных голов, получили широкое распространение в Этрурии в VI—V вв. до н.э. (см., например, Causey 2011: 214—217, no. 31 с аналогиями). На их фоне, однако, подвеска из Тилля-тепе отличается схематизмом и условностью изображения. Ее можно было бы сопоставить по иконографии и стилю изображения с фигурками львов, вырезанных из сердолика, аметиста и лазурита, найденных в кладе в Пасаргадах (Stronach 1978: 169—170, nos. 7—9; 177, pl. 152: *c—d*), или скорее, с фигурками львов — амулетами из Таксилы, вырезанными из сердолика, кварца, граната и лазурита (Beck 1941: 17—18, pls. I: *9*; VII: *3—8*; Deo 2000: 84, fig. 16: *115—118*), подвесками из разных материалов из других памятников Индостана (Deo 2000: 84—85; Yotsna 2000: 44—45, fig. 1: *27—28*), сердоликовой фигуркой — из Афганистана (Rienjang et al. 2017: 53, 54, fig. 22: *3*), а также с бронзовыми подвесками-амулетами, предположительно индийского происхождения, из погребений конца I в. до н.э. — начала II в. н.э. некрополя первых веков н.э. в Эд-Дур в ОАЭ (de Waele 2007: 298, fig. 1: *9—12*; 304). Хотя янтарь как материал для изготовления бус в Индии и редко использовался (Deo 2000: 32; Yotsna 2000: 105), тем не менее, приведенные аналогии достаточно убедительно свидетельствуют в пользу возможности изготовления янтарной подвески из Тилля-тепе в Индии. Т. Каллигаро отмечает присутствие в составе янтаря из Тилля-тепе серы и поташа, но ответа на вопрос о происхождении материала не дает (Calligaro 2010: 279).

Намечая пути распространения янтаря в Центральной Азии, М.А. Бубнова и И.А. Половникова указывали на его появление в середине I тыс. до н.э. и особенно широкое распространение в первые века нашей эры в памятниках Джетыасарской культуры в Приаралье, предполагая, что оттуда янтарь, следуя вдоль Сыр-Дарьи, попадал на восток в Ферганскую долину и далее распространялся на Восток вплоть до Китая (Бубнова,

[2] Кроме того — Tomb 40. Loc. VI, 1938.5192.18—21. В списке находок, см. Toll 1946: 77—78, — их нет.
[3] Ошибочно отнесены ко II—I вв. до н.э. (Bagherpour Kashani et al. 2011: 71).

Половникова 2001: 125). Эта схематично намеченная картина, лишенная каких-либо хронологических реперов, оставляет очень много вопросов, одним из которых является происхождение материала янтарных бус из мавзолея № 4 в Северном Тагизкене эпохи поздней бронзы, датированного X—VIII вв. до н.э. (Итина 1998: 164—167, рис. 1: *6*—*7*). М.А. Итина связывает эти дисковидные бусы с янтарем, открытым в лигнитах олигоцена и современных пляжных отложения Западного и Северо-Западного Приаралья, при этом известно, что приаральский янтарь сходен по составу с сукцинитом, что, по мнению исследовательницы, ставит под вопрос определение материала этих бус предположительно как балтийского янтаря, сделанного М.А. Бубновой и И.А. Половниковой (Бубнова, Половникова 2001: 127, 128, № 1).

Насколько мне известно, древнейшими находками являются предположительно янтарная бусина из городища Калалы Гыр 2, датирующаяся в рамках IV—II вв. до н.э. (Калалы Гыр 2, 2004: 163) и бусы, найденные в погребениях Чирикрабатской культуры, мавзолее Бабиш-Мулла 2 (Толстов 1962: 166, рис. 94: вверху в центре; Вайнберг, Левина 1992: 59; 1993: 87; Байпаков, Таймагамбетов 2006: 179) в Восточном Приаралье. Значительно шире представлены бусы из янтаря в памятниках джетыасарской культуры первых веков н.э.; они составляли 8,2% всех бус из могильников (Левина, Довгалюк 1995: 205, 213, табл. I, рис. 1: *1*—*6*. *45*—*63*; Левина 1996: 117—118, 218, 224, 340, рис. 145: *1*—*6*. *45*—*63*; 342, рис. 147: *9*; Байпаков, Таймагамбетов 2006: 202). Исследованные бусы из городища Джеты-Асар 2 и могильника Джеты-Асар 12 изготовлены из сукцинита (Бубнова, Половникова 2001: 128, № 3—4). Небольшая янтарная бусина «чечевицеобразной формы» найдена на городище Топрак-кала (Трудновская 1952: 124, табл. II: *4*).

В Бишкентской долине Таджикистана янтарные бусы были найдены в погребениях Тулхарского и Аруктаусского могильника. В Тулхарском могильнике последней трети II—I вв. до н.э. было найдено 11 бус, девять из которых относятся к эллипсоидно-призматическому типа, одна — плоская ромбическая и еще одна — плоская квадратная (Мандельштам 1966: 129, № 12, табл. 7; LXI: *13*; Бубнова, Половникова 2001: 132, № 24). Шесть бус эллипсоидно-призматического типа были найдены в Арактаусском могильнике, датирующемся в рамках последней трети II в. до н.э. — II—III вв. н.э. (Мандельштам 1975: 52, № 6, табл. 6; Бубнова, Половникова 2001: 132, № 23).

Из бус, найденных в Арактаусском могильнике, два — образцы «типичного сукцинита», по химико-структурному облику сходны с ископаемой смолой типа моравского волховита и смолами из нижнемеловых отложений на территории Болгарии. Еще один образец — «спектр небалтийского происхождения, или материал взят из корковой части балтийского янтаря» (Бубнова, Половникова 2001: 132, № 23).

На поселении Ак-Тепе II в Кобадиане в комплексе позднекушанского времени (погребальная яма № 2) было найдено ожерелье из 78 бусин из янтаря и раковины, в том числе крупная янтарная прямоугольная бусины сегментовидного сечения, и несколько янтарных подвесок (Седов 1987: 46, 73—74, табл. XI: *7*). Янтарные бусы округлой поперечно-сжатой и дисковидной формы представлены находками из могильников и поселений Южного Казахстана, Ферганы и Притяньшанья первых веков н.э.[4] и III—VII вв. н.э.[5]

[4] См. в целом: Ягодин, Ходжайов 1970: 107. — Культобе, восточная группа, катакомба № 1: Подушкин 2018: 71—72, рис. 8: *8* (вставка в железный перстень); катакомба № 9: Подушкин 2018: 76, рис. 11: *15* (амулет); катакомба № 18: Подушкин 2014: 122, 123, 127, рис. 6: *5* (вставка в бронзовый перстень). Цитадель Культобе: подвеска в золотых торцевых обоймах: Смагулов, Ержигитова 2019: 15, рис. 14: *3*. — Могильник Хангиз I: Горбунова 1990: 192—194, рис. 9: *36*; 10: *18, 20*.

[5] Коныртобе I—II: Смагулов 2001: 92, 96, 98; Байпаков и др. 2005: 55—56, фото 1.17. — Могильник Красная речка в Чуйской долине: Торгоев, Кольченко 2017: 169, 170, ил. 4: *24*—*25*.

2. Северное и Восточное Причерноморье

По наблюдениям Е.М. Алексеевой, до рубежа н.э. янтарные бусы поступали в Северное Причерноморье в ограниченном количестве, хотя они и известны, начиная со второй половины VI — V в. до н.э. Такие бусы единичны в IV—I вв. до н.э., а основное количество бус происходит из комплексов I—II вв. н.э., несколько сокращаясь в позднеантичную эпоху, когда, напротив, получают широкое распространение янтарные грибовидные подвески (Алексеева 1978: 22—23, рис. 9, табл. 23—25).

Положение о распространении янтарных бус во второй половине VI — в первой половине V в. до н.э. основано лишь на одной находке маленькой янтарной реберчатой бусины в комплексе ольвийского некрополя — могиле № 29/1909 (Алексеева 1978: 24, тип 18, табл. 25: *24*; Скуднова 1988: 47, № 37.2) третьей четверти VI в. до н.э. Таким образом, предположение о том, что один из путей распространения янтаря в Восточное Средиземноморье в архаическую эпоху был путь через Северное Причерноморье, откуда янтарь мог попадать в Милет (Naso 2007: 32; Baughan 2013: 77, note 363), представляется мне необоснованным.

Отметим, что в Восточном Причерноморье в V в. до н.э. янтарные бусы были распространены шире, о чем свидетельствуют их находки в погребениях второй четверти — середины этого столетия некрополя Пичвнари (шесть бусин прямоугольной формы (Turmanidze 2005: 284—285, pl. II: *1*; Kakhidze 2007: 223, figs. 16: *8*; 31: *10*), а также довольно многочисленные бусы в форме призм, бочонковидные и две крупные, уплощенные, в форме трапеций[6] и погребения № 11/1969 в Вани (две бусины: сферическая и уплощенная в форме трапеции с выпуклыми боковыми сторонами) (Гиголашвили 1983: 98—99, 151, № 449—450, табл. 48). Кроме того, янтарные бусы найдены в Вани в двух погребениях середины — третьей четверти IV в. до н.э. (№ 22/2003 (Kacharava, Kvirkvelia 2009: 248, 251, 256)[7] и 24/2004 (Kacharava 2005: 296—297; Kacharava, Kvirkvelia 2009: 248, 251, 256, 273, 285, 286, 288)[8]) (рис. 1), а инкрустации из плоских пластин янтаря в форме кружков и половинок кружков были найдены в погребении начала III в. до н.э. № 16 (Качарава, Мжаванадзе 1986: 21, № 69, рис. 14: *10*). Особенно многочисленны янтарные бусы из погребения № 24/2004, где было найдено 318 уплощенных и полигональных экземпляров и 274 «малые» бусины (Kacharava 2005: 297).

Для конца IV — начала III в. до н.э., когда янтарных бус в Скифии нет, они зафиксированы по находкам из богатых захоронений на Боспоре: датируемой концом IV в. до н.э. (Полин 2014: 609) плитовой могилы «В» Зеленского кургана (Шкорпил 1916: 25—26; Алексеева 1978: 24, тип 7 (16 экз.); Власова 2010: 246) и погребения некрополя Пантикапея (земляная гробница № 25/1907 на горе Митридат (Шкорпил 1910: 18; Алексеева 1978: 23—25, типы 1—2, 5, 33, 37)) конца IV — начала III в. до н.э.[9] В погребении на г. Митридат были найдены не только три янтарные бусины, но и две подвески: в форме лапы грифона и

[6] См.: commons.wikimedia.org: 1.

[7] О датировке погребения № 22, см. Трейстер 2012a: 48 (ок. середины IV в. до н.э.); Kacharava, Kvirkvelia 2008: 206 (ок. 330 г. до н.э.); Kacharava, Kvirkvelia 2009: 262; Sens 2009: 182 (вторая половина IV в. до н.э.).

[8] О датировке погребения № 24, см. Kacharava 2005: 303; Kacharava, Kvirkvelia 2009: 305 (третья четверть IV в. до н.э.). С учетом того, что в погребении была найдена серебряная монет Пантикапея 340—330-х гг. до н.э., погребения может быть и несколько более поздним, например, 330—320-хх гг. до н.э.

[9] См. о датировке Treister 2010: 254, no. 8. По мнению Е.М. Алексеевой, комплекс датируется второй половиной IV — III вв. до н.э. (Алексеева 1975: 76; 1978: 79, П 200).

возлежащего человека (с утраченной головой), по определению В.В. Шкорпила (Шкорпил 1910: 18; Алексеева 1978: 25, тип 33, 37, табл. 25: *7—8*)[10].

Большая округлая янтарная бусина в золотой оплетке была найдена в плитовой гробнице III в. до н.э. в Среднем кургане № 1 на Васюриной горе (Таманский полуостров) (рис. 2: *2*) (Власова 2004: 168, 170, рис. 33; 2010: 240, 243, рис. 105). Форма оплетки бусины находит параллели в украшениях из Македонии, Малой Азии и Северного Причерноморья III—II вв. до н.э. (см. подробнее наш анализ: Sevinç, Treister 2003: 238). Одна янтарная бусина была найдена в каменном ящике № 1/1964 западного некрополя Фанагории (вторая половина III — II в. до н.э.) (Алексеева 1978: 24, тип 5). Обращает на себя внимание и тот факт, что янтарь в виде круглых выпуклых вставок использовался в украшении боспорских деревянных саркофагов этого времени, в частности, саркофага из гробницы № 3 кургана № 2/1967 Трехбратних курганов (рис. 2: *3—6*) (Лоренц, Трейстер 2008: 43—44, № 84, табл. 121: *6*). Использования янтаря в качестве вставок в мебель зафиксировано в Греции еще в архаическую эпоху, особенно клине типа B, по классификации Э. Боуген (Baughan 2013: 30, 38, 49, 61—65, 77) — деревянное ложе, украшенное слоновой костью и вставками янтаря, происходит из погребения третьей четверти VI в. до н.э. на Афинском Керамике (Knigge 1976: 60—83, 84—85, Nr. 3, Taf. 18: *1*; 101—111; Fischer 1990: 115—116, Beil. 1: слева; Ignatiadou 2007: 477; Naso 2007: 16—17).

Значительно больше комплексов с янтарными бусами, датирующихся II—I вв. до н.э. В погребении 261/1969 некрополя Танаиса II в. до н.э. было найдено 8 округлых и полуцилиндрических янтарных бусин (Алексеева 1978: 24, типы 5, 7; Арсеньева 1977: 80, 138, табл. XLIV: *1*) (янтарные бусы встречены и в других погребениях некрополя Танаиса эллинистического времени (Глебов и др. 2005: 64)), одна бусина — в погребении № 259/1965 некрополя Фанагории II в. до н.э. (Алексеева 1978: 24, тип 7), серия бус — в склепе II в. до н.э. некрополя Виноградный-7 на Таманском полуострове (Лимберис, Марченко 2010: 156, рис. 2: *9*; 8: *2*). Обращает на себя внимание золотая подвеска с овальной вставкой из янтаря, происходящая из разрушенной гробницы с парным погребением у д. Мерджаны в районе ст. Благовещенской (рис. 2: *1*) (Ростовцев 1913: 138, табл. XII: *1*; Ebert 1929: 82, Taf. 29b: *1*; Виноградов 1998: 63, рис. 1: *4*; Трейстер 2007а: 71; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123, № B23.4, табл. 54) — есть все основания для датировки этого погребения в рамках середины — второй половины II в. до н.э. (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123, № B23). Из округлых янтарных бус изготовлены элементы наконечников с головками ланей ожерелья из гранатовых бус в золотых оправах из гробницы I Артюховского кургана (Максимова 1979: 28, (рис.), 57, № 4, прим. 160: здесь как головки бычков, материал янтарь как элемент окончаний не указан; Pfrommer 1990: 89—90; 92; 262; 321 TK 10; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 7, № A6.9; Калашник 2014: 252—253). В погребении позднеэллинистического времени некрополя Горгиппии был найден серебряный перстень с янтарной вставкой в форме фигурки льва (Алексеева 2010: 367). Из погребения могильника Куру-Баш на окраине Феодосии, датирующегося II—I вв. до н.э., происходят янтарные продольно-сжатые овальные пронизи и пронизи неправильной формы (Гаврилов, Труфанов 2012: 46, 52, 59, 66, рис. 3: *1д*; 5: *4и—л*; 10: 6з).

Разнообразные янтарные бусы были найдены в датируемой II—I вв. до н.э. могиле № 1/1968 некрополя Беляус (Алексеева 1978: 25, тип 25; Дашевская 2014: 13, табл. 6: *13—14*). В последние десятилетия появилось больше информации об относительно широком распространении украшений из янтаря во II—I вв. до н.э., в частности, в элитных варварских

[10] По мнению Е.М. Алексеевой (1978: 25, тип 33, табл. 25: *7*), это стилизованная головка животного, возможно, лошади) и когтистая лапа хищника (1978: 25, тип 37, табл. 25: *8*).

погребениях Крыма и Кубани. Так, довольно много разнообразных бус и подвесок из янтаря происходит из погребений указанного времени Тенгинского могильника в Закубанье (Беглова 2005: 169, рис. 6: *1. 10. 41—52*; Beglova 2005: 67, fig. 13: *27—29*; 75; Беглова, Эрлих 2018: 166, рис. 192: *17—28*). Янтарные бусы различных форм входили также в состав ожерелья погребенной в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева 2003: 67—68, рис. 4: *22*; 73—75, рис. 8: *28—29. 31—32. 39—41*; Mordvintseva, Zaitsev 2003: 201—202, fig. 4: *22*; 212—214, fig. 8: *28—29. 31—32. 39—41*).

Публикации последних лет материалов некрополей Херсонеса и его округи[11], европейского (Грач 1999: 41, № 5, табл. 18: *4*; 130, № 16, табл. 161: *1*; Хршановский 2010: 255; Винокуров 2014: 25, 28, 31, 37, 40, 47, 48, 55, 73, 81, 86, 103, 104, рис. 60: *3*; 71: *17*; 175: *15*; 213: *8*; 373: *2*; Федосеев, Пономарев 2017: 91, 93, рис. 8—9; 13: *4—6*) и азиатского (Довгалюк 2008: 206, рис. 117: *33—42*; 2011: 323, рис. 241: *1—26*; Ворошилов, Ворошилова 2015: 53, № 47; 56, № 52; 68, № 70) Боспора, Танаиса (Арсеньева и др. 2001: 112, № 153т; табл. 26: *364—365*; 130—131, № 261.1в, 2л; 218, табл. 47: *579—584, 586*), могильников варварского населения Крыма (Столярова 2001: 204—205, рис. 2: *26—36*; Храпунов 2008: 23, тип 52, рис. 17: *18*; Храпунов и др. 2009: 26, тип 99, рис. 27: *11*; 34: *16;* Стоянова 2012: 82, типы 131—132; Труфанов 2014: 189, рис. 12: *3б*; 2016: 55, рис. 3: *2е. 10*; цв. вклейка 1: *11*; 2018: 133, рис. 6: *10л—м*; 134—135, рис. 7: *31—37. 66*; цв. вклейка 2: *3. 11. 15*; Труфанов и др. 2019: 266, рис. 3: *9*; Пуздровский 2015: 188, рис. 1: *5*; 4: *6*; 189, рис. 2: *5*; 4: *12*; Гущина, Журавлев 2016: табл. 5: *22*; 12: *11*; 18: *15—21*; 27: *9*; 32: *10—13* и т.д.; Храпунов, Стоянова 2016: 204—205, рис. 12: *1—2. 21. 24—26*; 13: *16*; 14: *10*; Иштванович и др. 2020: 29, табл. 9; 34; Храпунов 2020: 255, рис. 7: *6—26*; 10: *3*; Храпунов, Стоянова 2020: 93, 100, № 83—84, рис. 23: *42*; 24: *5*) и меотских могильников Нижнего Дона (Косяненко 2008: 152, рис. 43, *1*; 49, *2*; 79: *15—16*; Горбенко, Косяненко 2011: 101, рис. 36: *4*; 152: *3*; 181: *5*; Ларенок 2018: 439, рис. 3: *8*; 7: *14*; 9: *4*; Гугуев, Ничипорук 2020: 190, № 4, рис. 7: *6*), некрополей Кавказской Иберии (Lekishvili 2005: 142—147) и Албании (Гаджиев 1997: 12) в целом подтверждают уже отмеченные закономерности распространения бус в первых веках н.э. Широкое распространение получает янтарь в черняховской культуре (Гопкало 2008: 66—72, № 2.2.6, табл. VIII).

Лишь начиная с III в. н.э. украшения из янтаря, в частности, так наз. грибовидные подвески, получают широкое распространение на обширной территории от Британии до Кавказа, Поволжья и Прикамья (Tempelmann-Mączyńska 1985: 81—86, Taf. 18, 70; Мастыкова 1999: 173—175; 2016: 174—176; Быкова, Казанцева 2012: 94—100; Медведев 2013: 357, 358, № 4; 359, рис. 19: *14—16*; Пьянков, Анфимов 2014: 87, 87—98, рис. 2: *6—15*; Przybyła, Rydzewska 2019: 166, fig. 9A (карта распространения); Храпунов 2020: 255, 256, рис. 7: *27*; 14: *6*)[12]. По мнению А.В. Мастыковой, ранние крымские образцы могут происходить из мастерских по обработке янтаря в Аквилее, на северном побережье Адриатики, активно работавших до второй половины II в. н. э. Из этого же центра прототипы грибовидных подвесок по трассе Янтарного пути распространились и в Центральноевропейском Барбарикуме (Мастыкова 2016: 181—184).

[11] Здесь процент янтарных бус очень высок. В могильнике «Совхоз-10» — 9,04% из учтенных 7400 бус. Высотская, Рыжова 1998: 127, рис. 1: *38—47*. В могильнике Фронтовое 3 они находятся на втором месте по количеству после стеклянных: Язиков и др. 2019: 281, 289, рис. 7; Гавритухин и др. 2020: 94, рис. 2: *9. 30—41. 44*; 98.

[12] О распространении янтарных бус и грибовидных подвесок в позднеантичную эпоху в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и на Ближнем Востоке см. также Eger, Khalil 2013: 164—166.

3. Янтарные бусы у кочевников Евразии

3.1. Скифия

Украшения из янтаря широко представлены в памятниках раннескифской культуры, датируемых серединой VII — первой половиной VI в. до н.э., как в Приднепровской лесостепи (главным образом, на Правобережье) (Cat. San Antonio 1999: 170, 172, no. 58; Петренко 2006: 94—95; Klochko 2009: 418—428, figs. 1—8; Дараган 2011: 610, 611, 615; Бидзиля, Полин 2012: 469—470; Shramko, Zadnikov 2016: 44, fig. 4: *2*; Шрамко 2017: 373, рис. 6: *1—2*), так и на Северном Кавказе (Петренко 2006: 93—95, табл. 57; Васильева 2010: 25—34), в Центральном Предкавказье (Прокопенко 2014: ч. 2, 221), а также в памятниках кобанской культуры (Васильева 2009: 35—39) и раннемеотской культуры Прикубанья (Лимберис, Марченко 2012: 70, рис. 42: *5*; 44: *10*)[13]. Широко распространены янтарные бусы были в могильниках раннего железного века Западной Грузии (Turmanidze 2005: 284—285 с лит.; Kachavara, Kvirkvelia 2009: 287—288; Lordkipanidze 2015, 176—177, figs. 186—189) и Абхазии (Трапш 1969: 75; Скаков и др. 2018: 77, № 12; 78, рис. 1: *15*; 93).

Для раннескифского времени самой восточной находкой бус и подвесок из балтийского янтаря (Shedrinsky et al. 2004: 69—81), в том числе изготовленных на месте из привозного сырья, являются находки из погребений кургана Аржан-2 в Туве (Чугунов 2010: 48—53, рис. 12—14; Čugunov et al. 2010: 55, Nr. 5-54-6a, Taf. 39: *3*; 57: *15—16*; 72: *6*; 56, Nr. 5-56-2, Taf. 58: *12—14*; 56, Nr. 5-57-2, Taf. 73: *6*; 63, Nr. 5-78-1-3, Taf. 63: *3—5*; 83: *2*; 61, Nr. 5-70-2-4, Taf. 64: *4—6*; 77: *3*; 68, Nr. 5-100; Taf. 83: *3*; Cat. London 2017, 140, no. 72). Крупные янтарные бусины были найдены и в других могильниках раннескифского времени в Туве (Чугунов 2011: 367).

В скифских степных погребениях янтарные бусы в незначительном количестве появляются лишь на рубеже V—IV вв. до н.э. (Петренко 2006: 94). Известны редкие находки янтарных бус в погребениях V в. до н.э. в Центральном Предкавказье (Прокопенко 2014: ч. 1, 104; ч. 2, рис. 7: *32*; 15: *15*; 29: *7*) и Закубанье (Ульские курганы 2015: 142, № 77, табл. 5: курган № 1/1909). Отсутствие украшений из янтаря в греческих северо-причерноморских памятниках показывает, что есть все основания связывать распространение янтарных украшений в Приднепровье и на Северном Кавказе с появлением на этих территориях носителей скифской археологической культуры. Материалы памятников Приднепровья и Предкавказья демонстрируют существование единой традиции использования янтаря для изготовления бус, широко представленных в этих памятниках (Петренко 2006: 94—95; Рябкова 2010: 35, 36—37, рис. 8 — карта распространения).

Обращает на себя внимание факт практически полного отсутствия украшений с янтарем в скифских степных погребениях V—IV в. до н.э. (Klochko 2009: 427—428, 431). Исключение составляет лишь фрагментированный янтарный скарабеоид на золотой дужке из кургана Малый Чертомлык (Мозолевский 1987: 71—72, № 8, рис. 6: *13*; Klochko 2009: 432, 434, fig. 12), погребения, которое надежно датируется в пределах третьей четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 201—202, № 2.4.6) и инкрустированная круглой янтарной вставкой золотая фиала с изображением конских голов из Братолюбовского кургана (Schiltz 1994: 69—70, figs. 41—42; Cat. Rimini 1995: 68, no. I.33; Cat. San Antonio 1999: 272—274, no. 134; Кубышев и др. 2009: 76—81, рис. 12, фото 18—22; Klochko 2009: 432, 433, fig. 11), погребение в котором, вероятнее всего, датируется первой четвертью IV в. до н.э. (Полин 2014: 279, № 2.5.15). Из

[13] По своей форме эти подвески находят параллели среди распространенных в VI — начале V в. до н.э. на Центральных Балканах, см. Cat. Belgrade 2006: 218—239, nos. 251—318.

всего этого следует, что не позднее, чем на рубеже V—IV вв. до н.э. поступление янтаря в Скифию заканчивается. По мнению В.Г. Петренко, резкое сокращение притока янтаря датируется еще началом V в. до н.э., что связывается с нарушением торговых контактов (Петренко 2006: 95; Klochko 2009: 432), а именно, торгового пути из Прибалтики через Приднепровье в Северное Причерноморье и далее на Кавказ и в Закавказье (Рябкова 2010: 40).

Янтарные бусы встречаются редко в комплексах конца IV — III в. до н.э. (Прокопенко 2014, т. 1, 126—127, т. 2, рис. 36: *15*) и последних веков до н.э. (Керефов 1985: 206, рис. 5: *22. 32*; 6: *37—38*; 7: *8*; 9: *10—20*; 13: *13*; Абрамова 1993: 92; Прокопенко 2014: ч. 2, 221, 224, рис. 46: *12—14*; 49: *7*; 62Б: *15*; 69: *35*; 70: *22—23*; 73: 16; 76: *41*; 207А: *36*; 208: *29*) в Центральном Предкавказье[14].

Хотя украшения из янтаря и встречаются в скифских погребениях III—II вв. до н.э., они чрезвычайно редки и представлены единичными находками в Приднестровье (погребение № 81/3 последней четверти III — первой четверти II в. до н.э. могильника у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 484, 487—488, 957—958, рис. 274: *16*; Синика, Закордонец 2018: 83, № 16)). Обращает на себя внимание и находка ожерелья из янтарных бус на фрако-гетском поселении Сахарна Мара VI—III вв. до н.э. в Среднем Поднестровье (Niculiţă et al. 2011: 197, fig. 4: *2—16*; 201, nos. 18—32; Заноч 2012, 78, 79, fig. 4: *6*). Впрочем, исследование янтаря из Приднестровья не проводились, поэтому трудно сказать, идет ли речь о балтийском или румынском янтаре, т.н. румените (Tünde 1999: 277).

3.2. Сарматия

3.2.1. Погребения IV—II вв. до н.э.

В раннесарматских погребениях Южного Приуралья бусы из янтаря различных форм впервые появляются не позднее IV в. до н.э., когда они еще чрезвычайно редки (рис. 1). Собственно, в погребении № 1 кургана № 17/1990 некрополе Филипповка-1 была найдена лишь одна янтарная бусина ромбической формы (Пшеничнюк 2012: 55; Трейстер и др. 2012: 148, № А13.5.1.15). Фрагментированная округлая янтарная бусина происходит из погребения № 1 кургана № 30 (Аникеева 2016: 21, рис. 1: *33*). Неопубликованные изделия из янтаря были найдены также в датирующемся, вероятнее всего, не позднее рубежа V—IV — первой четверти IV в. до н.э. погребении № 2 кургана № 1, открытом в 2013 г. (Яблонский 2015: 100; 2016: 745; Yablonsky, Treister 2019: 81).

Можно ли говорить о том, что янтарные бусы впервые появляются здесь еще в V в. до н.э. — вопрос открытый. Предположительно янтарная бусина (материал специально не исследовался) была найдена в богатом женском погребении в кургане № 6/2002 могильника Лебедевка II в Западном Казахстане (Гуцалов 2007: 76, рис. 3: *5*; 2009: 309, № 3.1, рис. 5: *11*; Гуцалов и др. 2012: 41, № А7.1.1.2А).

В датирующихся несколько более поздним временем погребениях конца IV — III в. до н.э. курганов у д. Прохоровка янтарных бус больше и они представлены различными формами (округлыми, округлыми поперечно-сжатые, дисковидными): бусы были найдены в могилах № 1 (Яблонский 2010: 20, рис. 13: *2. 6*; 14: *3*; 212, № 594—613; Аникеева 2010: 328, № 594—613; Аникеева, Буяновская 2010: 354, рис. 124, *1*; Аникеева 2017: 93—95, рис. 1—2) (рис. 3: *1—2*) и 3 (здесь использованы для расшивки рукавов рубахи или платья: одиннадцать

---

[14] Из Чегемского могильника происходит вырезанная из янтаря антропоморфная фигурка: Керефов 1985: 203, рис. 9: *8*.

— на правом (рис. 3: *3—13*), двенадцать — на левом (Яблонский 2010: 23, рис. 19: *1—2, 5, 7, 11—12, 15—17, 21—30*, *32*; 219, № 1244—1283; Аникеева, Буяновская 2010: 354, рис. 124, *2—8*; Трейстер и др. 2012: 73—74, № А11.2.1.7, цв. табл. II.15: *6*; Аникеева 2017: 93—95, рис. 3—21) (рис. 3: *14—21*; 4: *1*)) кургана Б, при этом исследования дают основание предполагать, что небольшая часть из них (так наз. разделительные пластины из погребения № 1 и одна из бус — из погребения № 3) изготовлена из балтийского янтаря, все остальные — вероятно из месторождений Северо-Западной Украины, возможно также Приднепровья (Аникеева, Яблонский 2007: 226—229; Аникеева, Буяновская 2010: 343, 345; Аникеева 2017: 94). Важное значение здесь имеет датировка погребения № 3 кургана Б в Прохоровке, которое, судя по серебряному кубку (Трейстер 2012а: 84) и алабастру из алебастра (Трейстер 2012б: 104), вряд ли может датироваться ранее рубежа IV—III в. до н.э., скорее его следует датировать в рамках первой половины III в. до н.э.

Бусы из янтаря были найдены и в других кочевнических погребениях в Южном Приуралье, датирующихся в рамках III—II вв. до н.э. (Мошкова 1963: 45, табл. 30: *81, 83. 85*)[15]: в погребении № 5 кургана № 4/1995 могильника Бердянка-V (бусина дисковидной формы) (рис. 4: *2*) (Моргунова, Мещеряков 1999: 127, 136, рис. 2: *10а*; Мещеряков и др. 2012: 14—15, № А2.1.2.4.ж, цв. табл. II.3: *5—6*), в погребении № 8 кургана № 11/1966 у дер. Бишунгарово (одна бусина цилиндрической формы?) (Пшеничнюк 1983: 30, 153, табл. XX: *5*), погребении № 19 кургана № 11/1958 (одна бусина дисковидной формы с широким отверстием) (Садыкова 1962а: 97, табл. IV: *19*; Мошкова 1963: 45, табл. 30: *83*) и погребений № 11 кургана № 20/1958 (Садыкова 1962а: 114, табл. XII: *12*; Мошкова 1963: 45, табл. 30: *85*) (одна бусина кольцевидной формы) и № 4 кургана № 15 (Садыкова, Васильев 2001: 58, рис. 7: *1*) (одна бусина округлой формы) у дер. Старые Киишки (бусы из курганов могильников у д. Бишунгарово и Старые Киишки утрачены). Обращает на себя внимание редкость таких бус, представленных в каждом из отмеченных погребений лишь одним экземпляром.

3.2.2. Погребения II—I вв. до н.э.

В сарматских погребениях Приднепровья известны различные варианты янтарных бус, при этом наиболее ранние их образцы (округло-уплощенные бусы, дисковидные) известны еще в комплексах II—I вв. до н.э. (Солонцы, Соколово) (Смирнов 1984: 106, рис. 49: *13—14*; 107, 108, рис. 50: *13. 15—16*; Дзнеладзе 2016: 93). Разнообразной формы янтарные бусы происходят из погребения в кургане у п. Заливное в Крыму (Кропотов 2016: 28).

Янтарные бусы, найденные в погребениях последних веков до н.э. — первых н.э. Азиатской Сарматии, упомянуты в работах А.С. Скрипкина (Скрипкин 1984: 36—37, группа II, рис. 14: *24—28*; 1990: 87, группа 11, рис. 31: *14—26*), однако представлены суммарно без указания комплексов, в которых они были найдены, что обесценивает, в том числе, и попытку их классификации (Скрипкин 1990: 87, группа 12).

В Азиатской Сарматии янтарные бусы в погребениях этого времени известны как в Заволжье, так и на Нижнем Дону (рис. 5). Шесть округло-уплощенных, цилиндрических и бусин неправильной формы происходят из погребения № 3Б кургана № 4 могильника Майеровский-III (рис. 4: *3*) (Skvorcov, Skripkin 2006: 259, Nr. 24; 261, Abb. 17: *1*; Скворцов, Скрипкин 2008: 102—103, № 24, рис. 14: *1*). Две бусины бочонковидной формы были найдены в погребении № 7 кургана № 12/1954 Калиновского могильника (Шилов 1959: 362,

[15] Впрочем, указанные как янтарные (Мошкова 1963: 45, табл. 30: *81)* бусы из погребения № 10 кургана № 1 группы II у с. Молчановка в отчетной публикации И.В. Синицына (1960: 133, рис. 44: *6)* обозначены как стеклянные.

440). Шесть бусин сжато-цилиндрической формы со слегка выпуклыми сторонами были найдены в погребении кургана № 13/1996 могильника на территории совхоза Шаумяна у ю-з окраины с. Чалтырь, в 7—8 км к востоку от Танаиса (рис. 4: *4*) (Глебов 2002: 30, рис. 1: *2*; 32, № 8; 2006: 63; Сергацков 2006: 40). Две янтарные кольцевидные бусины происходят из погребения № 7 кургана № 16/1980 могильника Криволиманский-I (Ильюков, Власкин 1992: 150—151, рис. 38: *17*; 215, табл. 5, № 70). В разрушенном погребении кургана у пос. Кадамовский, доследованном в 1953 г., была найдена крупная цилиндрическая пронизь (рис. 4: *5*) (Кат. Новочеркасск 1979: 49, № 131.5). По мнению В.Е. Максименко (1983: 62), комплекс датируется не позднее II в. до н.э.

К рассматриваемому времени относится и ограбленное погребение № 2 в святилище Терен на Устюртском плато, в котором была найдена фрагментированная янтарная бусина (Онгарулы и др. 2017: 30, № 12).

3.2.3. Погребения I — первой половины II в. н.э.

В погребении первой половины I в. н.э. жрицы в Соколовой Могиле на Южном Буге среди амулетов, хранившихся в сумочке погребенной, имелась крупная подвеска из янтаря треугольной формы и бусина сжато-цилиндрической формы с выпуклыми торцами (аналогичная бусам из могильника на территории совхоза Шаумяна) (Ковпаненко 1986: 87—88, рис. 93: вверху и в центре справа; 94: *7*; 89). Еще одна аналогичная сжато-цилиндрическая бусина, цилиндрическая и дисковидная с выпуклыми торцевыми сторонами — из янтаря находились в районе черепа погребенной (Ковпаненко 1986: 98, 101, рис. 105; 106: *3—5*). 12 бусин кольцевидной формы и 21 дисковидная с выпуклыми торцевыми сторонами (подобные бусам из Соколовой Могилы) были найдены в датирующемся серединой — третьей четвертью I в. н.э. склепе № 735/1999 Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij, Zaicev 2004: 250, Nr. 12; 251, Abb. 13: *a—c*). Особо следует отметить находку двух янтарных грибовидных подвесок в надежно датируемом этим же временем склепом № 720/1999 Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij, Zaicev 2004: 232—234, Nr. 3, Abb. 3: *m—o*; Пуздровский 2007: рис. 114: 1: *11, 15*; Puzdrovskij 2013: 315, Nr. VII.74).

В I — первой половине II в. н.э. янтарные бусы в погребениях на Нижнем Дону очень редки (рис. 6). Они известны, в частности, в междуречье Сала и Маныча, где крупная бусина дисковидной формы с выпуклыми торцевыми сторонами была найдена в погребении № 1 кургана № 89 могильника у хут. Новый (Ильюков, Власкин 1992: 108—109, рис. 28: *18*; 252—253, табл. 9, № 64), в погребении № 1 кургана № 4/1982 могильника Полевой стан II на р. Быстрой, где была обнаружена овальная уплощенная пронизь (Максименко 1998: 121, рис. 57: *13*), а также в погребении № 1 кургана № 14/1978 могильника Сладковский (Cat. Paris 2001: 252, no. 288), где были найдены крупные слегка подработанные бусы различных форм.

Янтарные бусы происходят из двух погребений этого времени на Верхнем Дону. Отметим находку янтарной пронизи темно-вишневого цвета овально-уплощенной формы в погребении № 1 кургана № 1/1978 Второго Власовского могильника (рис. 7: *4*) (Берестнев 2017: 122; Трейстер 2021: рис. 9: *5*). 11 бус различных типов были найдены в датирующемся первой половиной II в. н.э. кургане № 22 могильника у с. Третьяки (Ефимов 1998: 19—35; Берестнев 2017: 118—119, рис. 13: *31—33*).

Бусы округлой, бочковидной, цилиндрической формы и в виде параллелепипеда происходят из погребения кургана № 3/1993 могильника Аршань-Зельмень II в Калмыкии (Мошеева 1995: 40—45, рис. 1: *1, 3, 28, 30*; Очир-Горяева 2009: 365, № 4, рис. 3).

Значительно чаще они встречаются в сарматских погребениях в междуречье Дона и Волги (рис. 6). Бусина коротко-цилиндрической формы происходит из погребения № 1 кургана № 4/1998 могильника Вербовский-II первой половины I в. н.э. (Мамонтов 2008: 173, рис. 3: *4*). Бочковидные поперечно-сжатые (3 экз.) (Сергацков 1998: 150—152, рис. 2: *37—39*; 2000: 86, рис. 103: *37—39*) и цилиндрическая бусины (Сергацков 1998: 153, рис. 2: *14*; 2000: 86, 153, 159, 185, рис. 103: *14*) были найдены в погребении I в. н.э. № 1 кургана № 11/1991 могильника Авиловский-II. Уплощенно-овальные бусы различных размеров происходят из погребения № 1 кургана № 4/1968 у с. Колпачки (рис. 7: *3*) (Мамонтов 1971: 214, с датировкой позднесарматским временем, рис. 3: *9. 19*; 215; Скрипкин (ред.) 2013: 267, № 250, с датировкой I—II в. н.э.) и датируемого концом I — началом II в. н.э. погребения № 1 кургана № 1/1982 могильника Барановка-I (3 экз.) (Сергацков 2000: 20, рис. 17: *26—27*; Скрипкин (ред.) 2013: 124 (илл.), 269, № 271). Четыре бусины дисковидной формы были найдены в погребении второй половины I — начало II в. н.э. № 1 кургана № 15/2013 могильник Вербовский-I (Мамонтов, Шинкарь 2014: 134, 136, рис. 2: *1д*; 143), дисковидная бусина — в погребении № 1 кургана № 5/2000 у с. Перегрузное (Балабанова (ред.) 2014: 12, № 3, рис. 6: *7в*). Поперечно сжатые, овальной в сечении формы пронизи (2 экз.). происходят из погребения № 1 кургана № 79/1974 могильника у пос. Жутово (не опубликованы. Волгоград, ВОКМ, инв. № 14245/80). Три округлые бусины были найдены в погребении № 1 кургана № 38/2007 у с. Перегрузное (Балабанова (ред.) 2014: 55, № 11, рис. 73: *10*).

Реже встречаются янтарные бусы в Нижнем Поволжье. Одна уплошенно-овальная пронизь происходит из погребения № 1 кургана № 28/1972 у с. Барановка (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: 58, рис. 40: 1). Особого внимания заслуживают находки из датируемого первой половиной II в. н.э. погребения № 1 в кургане № 11/1961 у с. Старица. Здесь восемь овально-уплощенных пронизей входили в состав браслета из бус, кроме того, была найдена бочковидная бусина удлиненной формы (рис. 8: *2*) (не опубликованы. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/7). Особого внимания заслуживает использование янтаря для вставок в касты найденного здесь ожерелья (рис. 9) (Шилов 1968: 312—314, рис. 3; Cat. Rome 2005: 156—157, no. 126; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 81, № A252.1, с лит., табл. 40; Трейстер 2007a: 77; 2018: 129—130, рис. 14), вероятно восточного происхождения (Парфия, Гандхара?) (Трейстер 2018: 130).

В погребениях «Золотого кладбища» янтарные бусы очень редки — их насчитывается 18 экз. (из 8 комплексов) из общего количества учтенных 1128 бус, т.е. примерно 1,5% (Гущина, Засецкая 1994: 19, прим. 4). Чрезвычайно редки они и в сарматских могильниках Карпатского бассейна (Vaday 2016: 759, 765, Abb. 3: *9—21*; Korom 2018a: 21, 24, fig. 2; 2018b: 176, 181—182 с лит., Abb. 5; Иштванович и др. 2020: 17, 19, табл. 5; 24), Северного (Керефов 1985: 218, рис 18: *10. 17*; 26: *22*; Абрамова 1987: 165, рис. 6: *31*; 9: *32*; 19: *6*; 29: *25*) и Северо-Восточного (Малашев 2016: 164, рис. 10: *19—26*)[16] Кавказа первых веков н.э.

3.2.4. Погребения второй половины II — III в. н.э.

В сарматских памятниках Приднепровья основная часть янтарных бус найдена в погребениях конца II — первой половины III в. н.э. (Дзнеладзе 2016: 70—71, типы 1—6, рис. 11: *12—37*; 121).

[16] Здесь же, в Бесланском могильнике, найдена и янтарная подвеска в форме человеческой головы: Малашев 2016: 164, рис. 10: *27*.

Бусы из янтаря, которые использовались как части ожерелий и для расшивки рукавов одежды, представлены находками из сарматских погребений Нижнего Подонья конца II — первой половины III в. н.э. (рис. 10):

В погребении № 1 кургана № 4/1989 у хут. Красный Кут были найдены 13 бус, в основном уплощенные, овальной формы, а также: одна — цилиндрическая и одна трехгранная в сечении (рис. 8: *1*) (Guguev, Trejster 1992: 244, no. 1; 246, fig. 4: *4a*; 248).

Из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I происходят: 16 бусин с отверстием по длинной оси (Беспалый и др. 2007: 29, № 21м, табл. 33: *1к*); 9 овальных в плане и сечении крупных янтарных бусин, с отверстиями по длинной оси (Беспалый и др. 2007: 30, № 22а) и 4 овальных бусины (Беспалый и др. 2007: 30, № 26в; 31, № 27б) (рис. 7: *1*). В погребении № 1 кургана № 33/1987 того же могильника были обнаружены 3 цилиндрических и одна чуть уплощенная (Беспалый и др. 2007: 78, № 5д), а также 17 овальных уплощенных бусин (Беспалый и др. 2007: 79, № 12б; 13б, табл. 88: 1б) (рис. 7, 2).

Из погребения № 1 кургана № 20/1985 могильника Новоалександровка-1 происходит 70 округлых и дисковидных бус (Bespaly 1986: 76, no. 8, pl. 63: *11—13*; Беспалый, Лукьяшко 2018: 74, № 11; 75, рис. 41: *4*).

В погребении № 1 кургана № 18/1985 могильника Высочино-V в области грудной клетки были обнаружены пять пронизей слега подправленной природной формы, одна — уплощенная овального сечения, одна — подпрямоугольная, три — подтреугольных (Беспалый 2000: 160—161, № 38, рис. 3: *8*; Беспалый, Лукьяшко 2008: 85, № 38а, табл. LXXXII: *8*), еще одна пронизь, подпрямоугольной формы с поперечным каналом отверстия была найдена вместе с различными бусинами на левом запястье погребенной (Беспалый 2000: 162, № 47, рис. 3: *11*; Беспалый, Лукьяшко 2008: 87, № 47, табл. LXXXII: *11*).

В погребении кургана № 25/1984 могильника Московский-I была найдена низка из 34 дисковидных бус, а в районе меча — 14-гранная бусина, подобная которой была найдена в погребении кургана № 22 того же могильника, где, кроме того, была найдена янтарная «пуговица» (Ильюков 2018: 71—72).

Значительное количество янтарных бус и подвесок было найдено в двух погребениях могильника у с. Большая Дмитриевка на территории междуречья Хопра и Волги. Выделяется комплекс бус из погребения № 1 кургана № 5, в котором были найдены 34 грибовидные подвески и каплевидные (гребневидные) типа 41— 6 экз. (Матюхин 1997: 185, 187, рис. 2: *51—96*; 195; Берестнев 2017: 118—119, рис. 13: *34—35*). Бусы различных типов происходят из погребения № 2 кургана № 13/1988 того же могильника. Среди них: дисковидной и коротко-цилиндрической формы (67 экз.) (рис. 11: *1*), а также очень крупные — из природных кусков янтаря с зашлифованной поверхностью (7 экз.) (рис. 12) (Матюхин, Ляхов 1991: 136, 138, № 1, 3, рис. 2: *24—30. 38*).

На территории Нижнего Поволжья (рис. 10):

Бусы овально-уплощенной формы и неправильной формы (8 экз.) были найдены в погребении № 1 второй половины II в. н.э. кургана № 55/1961 у с. Старица (рис. 8: *3—4*) (не опубликованы). 31 — цилиндрическая, три — кольцевидные и одна — зонная янтарная бусины происходят из погребения конца II — первой половины III в. н.э. № 1 кургана № 12/1973 могильника Кривая Лука-VI (Дворниченко и др. 1977: 74, рис. 102: 6—7). Бусы округлой (Скрипкин (ред.) 2013: 129 (илл.), 273, № 317), дисковидной разных размеров, коротко-цилиндрической и цилиндрической формы (Скрипкин (ред.) 2013: 129 (илл.), 273, № 313, 315) происходят из датируемого III в. н.э. погребения № 1 кургана № 2/2008 у ж.-д. ст. Гремячая. Крупная бусина из янтаря уплощенно-овальной формы была найдена в погребении № 1 кургана № 34/2004 у с. Перегрузное (Балабанова (ред.) 2014: 52, № 2, рис.

68: *6*). Три янтарные грибовидные подвески происходят из датируемого первой половиной — серединой III в. н.э. погребения № 1 кургана № 3/1970 у с. Барановка (Скрипкин 1970: 58, № 4; 59, рис. 2: *7*).

В Южном Приуралье янтарные бусы происходят, по крайней мере, из пяти погребальных комплексов позднесарматского времени, в том числе из трех погребений Лебедевского могильника.

48 экз.[17] бус округлой, округло-уплощенной и цилиндрической формы с плавно закругленными гранями, различных размеров образовывали ожерелье, найденное в погребении кургана № 2/1966 (рис. 11: *2*) (Багриков, Сенигова 1968: 74, 75, рис. 4: *1*; Мошкова 2009: 102, Tasmagombetov 2003: 260 (слева); Cat. Mantua 1998: 234, no. 505; Cat. San Diego 2006: 139, no. 92; Cat. New York 2012: 181, no. 162; Kat. Bochum 2013: 771, Nr. 517). Анализы трех бусин показали, что их материал — сукцинит (Бубнова, Половиникова 2001: 126). 13 бусин коротко-цилиндрической, цилиндрической и пирамидальной формы были найдены в погребении № 1 кургана № 1/1969 могильника Лебедевка II (Мошкова, Кушаев 1973: 263, рис. 4: *1*; 267). 29 округлых бус происходят из погребения № 1 кургана № 39/1979 могильника Лебедевка VI (не опубликованы).

6 коротко-цилиндрических бус были найдены в погребении № 1 кургана № 18/1999 могильника Красный Яр (не опубликованы. Оренбург, ОГПУ). Наконец при раскопках погребения № 1 кургана № 24/2000 могильника Покровка 10, датируемого концом II — началом III в. н.э., были найдены бусы неправильной бочонковидной формы со слабо выраженными неправильными гранями, уплощенно-пирамидальной и неправильной формы, две из которых были обнаружены в заполнении могильной ямы, остальные — справа и слева от погребенной (рис. 8: *5—11*) (Малашев, Яблонский 2008: 13, 46, 282, рис. 158: *5, 6, 10, 12, 21, 23, 25, 28—30*; Аникеева 2008: 115: отмечается находка 10 бус).

3.2.5. Формы бус из погребений Азиатской Сарматии

Обращает себя внимание отличие основных форм бус из погребений IV—I вв. до н.э. и бус из комплексов первых веков н.э. В ранних комплексах в Южном Приуралье (IV—II вв. до н.э.) получили распространение округлые, округлые поперечно-сжатые и дисковидные бусы с аккуратно-выведенными гранями.

К сожалению, утрачена бусина ромбовидной формы из кургана № 17/1990 в Филипповке. В Северном Причерноморье бусы такой формы не зафиксированы, но известны на Центральных Балканах в конце VI—V вв. до н.э. (Cat. Belgrade 2006: 319, no. 491; 328—329, nos. 517—518; 343, no. 547; 357, no. 585). Одна плоская ромбовидная бусина была найдена и в Тулхарском могильнике Бишкентской долины Таджикистана (Мандельштам 1966: 129, № 12, табл. 7; LXI: *13*).

Крупные дисковидные бусы с прямыми или закругленными боковыми гранями находят параллели среди янтарных бус эпохи раннего железного века (до римского завоевания) в Британии (Croom 2018: 1—2, fig. 2). Подобные же бусы были найдены и в погребении № 177 Тенгинского могильника (Беглова 2005: 169, рис. 6: *47—48*; Беглова, Эрлих 2018: 297, рис. 113: *47—48*; 376, рис. 192: *26—27*), в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева 2003: 73—75, рис. 8: *31*; Mordvintseva, Zaitsev 2003: 212—214, fig. 8: *31*), и в могильниках Джетыасарской культуры (Левина, Довгалюк 1995: 205, рис. 1: *58—59*; Левина 1996: 340, рис. 145: *58—59*). По классификации Е. М. Алексеевой эти бусы относятся к типу 2 и имеют

[17] Согласно хранительской документации НМРК, бусин — 47 экз., согласно описи 1966 г. их было 48 экз., в публикациях Багрикова, Сениговой 1968 и Мошковой 2009 гг. указывается 49 экз.

широкий диапазон размеров и датировок от IV в. до н.э. до IV в. н.э., при этом указывается на датирующееся IV—III вв. до н.э. бусы из Пантикапея и II в. до н.э. — из Танаиса (Алексеева 1978: 23, тип 2, табл. 23: *11*). В некрополях юго-западной части Боспора крупные бусины такой формы встречены как в погребении первой половины I в. н.э. № 9 Цемдолинского некрополя (Довгалюк 2008: 207, рис. 117: *33*), так и позднеантичного времени — № 49 могильника Широкая Балка (Довгалюк 2011: 323, рис. 241: *1*).

Бусина дисковидной формы из могильника Бердянка-V с прямыми боковыми гранями (рис. 4: *2*) близка так наз. коротко-цилиндрическим бусам типа 7, по классификации Е.М. Алексеевой, также с широкой датировкой от IV в. до н.э. до IV в. н.э., при этом указывается на датирующееся IV в. до н.э. бусы из Пантикапея и II в. до н.э. — из Танаиса и Фанагории (Алексеева 1978: 24, тип 7, табл. 23: *3—4*).

Заслуживают особенного внимания фрагменты украшений из янтаря, найденные в погребении № 1 кургана Б в Прохоровке (рис. 3: *1—2*) (Яблонский 2010: 20, рис. 14: *3ст*; 212, № 594—613; Аникеева 2010: 328, № 594—613; 2017: 93—95, рис. 1—2; Аникеева, Буяновская 2010: 335 (илл.), 354, рис. 124: *1*). Они были определены как «разделительные пластины». Форма их описана как «пластинчато-дугообразная» с длинной гранью 10—12 × 6 мм, толщиной 4 мм. При этом отмечается, что пластины имеют два пересекающихся отверстия дм. 2 мм: одно в центре пластины и одно — вдоль длинной грани (Аникеева 2010: 328). Насколько мне известно, это единственная находка такого рода в Сарматии. Вызывает большой вопрос определение пластин как разделителей нитей ожерелья. Прямоугольные разделители нитей хорошо известны, как по находкам в Микенах (Kat. Berlin 1998: 256, Nr. 280; Rahmstorf 2014: 28, илл. вверху; Zygouris 2019: 182, fig. 5), так и из раннескифского Краснознаменского могильника на Северном Кавказе (Петренко 2006: 93, тип 10, № 94, 233, 246, табл. 57, 106; Klochko 2009: 429, fig. 9) и кельтского княжеского погребения начала IV в. до н.э. на западе Германии в Райнхайме (Echt 1999: 90—91, Abb. 27: *O*). В Краснознаменском могильнике был найден и фигурный разделитель нитей (Петренко 2006, 93, тип 10, № 95, табл. 57), а в Райнхайме — и два трапециевидных (Echt 1999: 90—91, Abb. 27: *N*), при этом трапециевидные разделители, очевидно, находились на концах ожерелья, подобно таким пластинам ожерелья из погребения начала VI в. до н.э. в Кьяромонте в Басиликате в Италии (Cat. Napoli 2007: 242, no. III.264). Во всех случаях, это плоские пластины с двумя, чаще тремя, параллельными поперечными каналами отверстий, через которые и проходили нити. В отличие от последних, «разделители нитей» ожерелья из Прохоровки имеют дуговидную форму, лишь одно отверстие на грани, пересекающееся с другим отверстием, проходящим вдоль длинной грани. Очевидно, что это не разделители ожерелий. Я могу себе представить такие пластины, скорее, как ограничители нитей ожерелья, т.е. как крайние бусы, у которых пересекающееся отверстия служили для того, чтобы завязать узлом нить. Конструктивно ближайшими параллелями являются дисковидные бусины из погребений хунну начала I в. н.э. у которых помимо основного отверстия имеется пересекающееся с ним дополнительное тонкое горизонтальное отверстие по центру боковой поверхности (см. подробно ниже).

Более разнообразны бусы из погребений II—I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и Нижнем Подонье. Это округло-уплощенные, цилиндрических и неправильной формы, бусы сжато-цилиндрической формы со слегка выпуклыми торцевыми сторонами, кольцевидные и крупная цилиндрическая пронизь. Часть дисковидных (округлых, поперечно-сжатых) бус из Майеровского (рис. 4: *3*) близки коротко-цилиндрическим бусам типа 7 по Е.М. Алексеевой (1978: 24, табл. 23: *6—7*) (по непонятным мне причинам, объединенных с тонкими дисковидными бусинами в один тип). Аналогии крупной цилиндрической овальной в сечении бусине из Кадамовского (рис. 4: *5*) мне не известны.

Бусы из могильника Шаумяна (рис. 4: *4*) близки к бусам типа 11 по классификации Е.М. Алексеевой (1978: 24, табл. 24: *27—29*: коротко-цилиндрические бусы с выступающими торцами с датировкой I—IV вв. н.э.), но не идентичны им (ср. Сергацков 2006: 40: ср. Глебов 2006: 63). От остальных янтарных бус из сарматских памятников бусы из могильника Шаумяна отличает высокое качество обработки, прекрасно выведенные грани. Круговые следы на поверхности свидетельствуют об их обточке на станке. Бусы аналогичной формы, также со следами обточки на станке, известны по находкам из кельтского погребения начала IV в. до н.э. в Райнхайме (их рассматривают как импорты из Италии) (Echt 1999: 90—91, Nr. 69, Abb. 27: *K3*; 94; Nüsse 2011: 234—235; Quast 2014: 33 (илл. вверху)), позднелатенских оппидумов в Старе Градишко в Моравии (Čižmárová 1996: 177, 179, Abb. 3: *21—22*; 4: *12. 14*) и Страдонице в Богемии (Rybová, Drda 1994: 48, 100, fig. 35: *5*). Впрочем, бусы подобной формы происходят и из позднеантичного некрополя в Хибрат Яюз в Иордании (Eger, Khalil 2013: 164, pl. 2: *8*), и из памятников черняховской культуры (Гопкало 2008: 69, подгруппа IVa—b; табл. VIII).

В первые века н.э. и особенно в позднесарматский период получили распространение бусы овально-уплощенной формы (рис. 7—8), а также крупные бусы неправильной формы со слегка подправленными гранями (рис. 12), которые, хотя и находят аналогию в царском раннескифском погребении кургана Аржан-2 (Čugunov et al. 2010: 63, Nr. 5-78-1-3; 68, Nr. 5-100; Taf. 63: *3—5*; 83: *2—3*), характерны для находок из Северного Причерноморья I—II вв., особенно рубежа I—II вв., но встречаются и в комплексах III—IV вв. н.э. (Алексеева 1978: 25—26, тип 44, табл. 23: *43*; 24: *35—46*; Арсеньева и др. 2001: 130—131, № 261.1в, 2л; табл. 47: *579—584. 586*; Довгалюк 2008: 207, рис. 117: *34—40*; 2011: 323, рис. 241: *2—5. 17—21*; Беспалый, Верещагин 2013: 152, № 1в; 153, рис. 9: *1в*). По своей форме эти бусы находят параллели среди бус из могильников варварского населения Юго-Западного Крыма (Столярова 2001: 205, рис. 2: 29: *31—36*; Стоянова 2012: 82, типы 131—132; Храпунов, Стоянова 2020: 93, 100, № 83, рис. 24: *5*), сарматских погребений Прикубанья I—II вв. н.э. (Гущина, Засецкая, 1994: 45, № 69.2, табл. 6; 49, № 130.2, табл. 13; 66, № 375.3, табл. 41; 67, № 402.1, табл. 45; 75, № 523.2, табл. 53), меотских могильников Нижнего Подонья (Гугуев, Ничипорук 2020: 190, № 4, рис. 7: *6*), аланских могильников Северного Кавказа (Румянцева 2009: 349—350, рис. 10: *17*), из Дура-Эвропос (Toll 1946: 31, nos. 29—36; 128) и погребений хунну в Монголии (Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142; Brosseder 2015: 262, fig. 29, *4*; 265). Подобные бусы встречаются в Северной Италии (Аквилея (Calvi 2005: tav. 107: *1 c, g, m*)), Британии (Croom 2018, 4, fig. 4: 13: *1—4*; 6), но на территории центрально-европейского Барбарикума бус такой формы нет (ср. Tempelmann-Mączyńska 1985: Taf. 15—18). Вероятно, этот тип бус появляется не позднее I в. до н.э., судя по находкам в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева 2003: 73—75, рис. 8: *39—41*; Mordvintseva, Zaitsev 2003: 212—214, fig. 8: *39—41*).

Бусы округлой, округло-уплощенной и цилиндрической формы с плавно закругленными гранями, различных размеров, которые образовывали ожерелье из кургана № 2/1966 в Лебедевке (рис. 11: *2*), близких параллелей среди бус, опубликованных Е.М. Алексеевой, не имеют, при этом бусы цилиндрической формы с плавно закругленными гранями находят параллели среди янтарных бус из курганов № 9 и 33/1987 могильника Валовый-I (рис. 7: *1—2*). Встречаются подобные бусы и в некрополях Боспора первых веков н.э. (Довгалюк 2008: 207, рис. 117: *41—42*; 2011, 323, рис. 241: *22—26*).

Довольно редки в этот период бусы дисковидной и коротко-цилиндрической формы (Большая Дмитриевка, курган № 13/1988, погребение № 1 (рис. 11: *1*), Красный Яр, курган № 18/1999, погребение № 1; Гремячая, курган № 2/2008, погребение № 1), типа 7, по

классификации Е.М. Алексеевой (1978: 24, табл. 23: *3—4*). Такие бусы были известны в разные эпохи, например, по находкам из позднеархаического некрополя Кум в Италии (Cat. Napoli 2007: 208, 211, nos. III: 186—187) и погребения некрополя Танаиса конца IV — первой половины V в. н.э. (Арсеньева и др. 2001: 112, № 153т; табл. 26: *365*).

Три янтарные грибовидные подвески происходят из датируемого первой половиной — серединой III в. н.э. погребения № 1 кургана № 3/1970 у с. Барановка (Скрипкин 1970: 58, № 4; 59, рис. 2: *7*). Единственный комплекс в Сарматии, в котором были найдены и грибовидные, и каплевидные подвески — погребение № 1 кургана № 5 у с. Большая Дмитриевка (Матюхин 1997: 185, 187, рис. 2: *51—96*; 195). Редкая находка 14-гранной янтарной бусины в некрополе Московский-I находит параллели как в Северном Причерноморье (Алексеева 1978: 24, тип 16, табл. 25: *38*), где значительно чаще бусы такой формы встречаются в стекле и сердолике, так и в Италии, и в римских провинциях (Calvi 2005: tav. 107: *1a*; Croom 2018: 4, fig. 4: 18: *1*; 6).

4. Сибирь и Китай

Янтарные бусина (неправильной подпрямоугольной формы, уплощенная) (рис. 13: *3*) (Кат. Ст. Петербург 2010: № 113) и уплощенная подвеска треугольной формы (рис. 13: *4*) (Кат. Ст. Петербург 2010: № 108) находились в составе клада из с. Знаменка на Среднем Енисее (Николаев 2010: 55—59), который датирован Э.Б. Вадецкой концом I в. н.э., Н.Н. Николаевым — I в. до н.э. — I в. н.э., а М.Л. Подольским — первой четвертью I тыс. н.э., а возможно и более поздним временем (Вадецкая 1999: 173—174; Подольский 2002: 233—234; Cat. London 2017: 330—335). Одна из них, как показали исследования — из сукцинита, а вторая — из материала другого происхождения, близкого по ИК-спектру к ископаемым смолам мелового происхождения (Бубнова, Половиникова 2001: 126). Ближайшие параллели бусине происходят из погребений V в. до н.э. в Вани и Пичвнари в Колхиде (Гиголашвили 1983: 98—99, 151, № 449, табл. 48)[18].

Предположительно янтарная бусина, имеющая слегка уплощенную овальную форму, была найдена в погребении № 92 Дырестуйского могильника в Бурятии (Миняев 2007: 96, табл. 71: *9*). Известны редкие находки бус из янтаря в могильниках гунно-сарматского времени Верх-Уймон и Курайка на Алтае (Соенов, Винокурова 2000: 152; Трифанова, Соенов 2012: 193; 2019: 40, рис. 13: *2*; 70; Соенов, Константинова 2015: 53—54), впрочем, последний датируется в настоящее время в рамках конца III — начала V в. н.э. (Богданов, Новикова 2017: 275).

Янтарные бусы различных типов (уплощенно-овальные, округлые, кольцевидные, цилиндрические, в форме катушки довольно многочисленны в элитных погребениях сюнну в Монголии (рис. 13: *1—2, 5—9*) (см. в целом: Miller 2011: 573; Egiimaa 2011: 118—123, nos. 135, 137—138, 139, 141—143, 147, 149; Brosseder 2015: 262, fig. 29: 4: *8*; 265—266)[19]. Особое внимание привлекают находки из погребения № 30 могильника Гол Мод 2, в котором 23

---

[18] См. также выше прим. 6.

[19] Ноин-ула: Елихина 2018: 6, 17, 148—149, 301, 304, 308. — Бурхан-Толгой (рис. 13: *1. 9*): Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142; Brosseder 2015: 262, fig. 29, *4*; 265. — Угуумур уул, погребение № 2: Egiimaa 2011: 119, no. 138. — Шомбуузиин-белчир (рис. 13: *2. 5*): Miller et al. 2009a: 13, fig. 16: *a—c*; 15, 16; Machicek 2011, 174; Egiimaa 2011, 120, nos. 139, 141. — Алаг Толгой: Russel Nelson et al. 2011, 226; Egiimaa 2011: 118, no. 135; Honneychurch 2015: 282, 283, fig. 9.9. — Наймаа Толгой (рис. 13: *6—7*): Egiimaa 2011: 121, no. 143; 123, no. 147. — Дуурлиг Нарс, гробница № 2 (рис. 13: *8*): Hyeung-Won, Eun-Jeong 2011: 268, fig. 10, *8—11*; 269; Egiimaa 2011: 123, no. 149. — Ксигупан, погребение № 4: Miller 2015: 160, fig. 19: *1*. — Гол Мод, гробница № 17: Miller et al. 2006: 11—12, fig. 9: *5*.

янтарные и стеклянные бусы были найдены в медной шкатулке, обернутой шелком (Erdenebaatar et al. 2011: 306, 312, fig. 11: *2*; 313), вместе со стеклянной Rippenschale (Erdenebaatar et al. 2011: 311, 312, fig. 11: *1*; Erdenbaatar 2011: 186—187, no. 264; Brosseder 2015: 261, 262, fig. 29: *2*; 265; Iderkhangai, Orgilbayar 2018: 208—213, fig. 1), дающей *terminus post quem* погребению — середина — вторая половина I в. н.э. Уникальная янтарная дисковидная бусина была найдена в кургане № 22 Ноин-Улинского могильника; она имеет дополнительное тонкое горизонтальное отверстие по центру боковой поверхности (Полосьмак, Богданов 2015: 76, рис. 3.43; 2016: 86), что позволяет говорить о появлении у хунну янтарных бус не позднее начала I в. н.э. — аналогичная бусина была найдена и в погребении № 2 могильника Дуурлиг нарсны (Egiimaa 2011: 123, no. 149; Hyeung-Won, Eun-Jeong 2011: 268, fig. 10: *8—11*; 269; Brosseder 2015: 262, fig. 29: *8*; 265).

Тот факт, что обработка янтаря могла происходить на месте, как будто бы подтверждает инкрустация янтарем (вместе с бирюзой или бирюзой и сердоликом) некоторых гагатовых и золотых поясных пластин и пряжек (см. ниже), в частности гагатовой поясной пластины из Салхита, Хонгор в провинции Дархан-Уул (Odbaatar 2011: 134, no. 170)[20]. Вместе с тем, судя по выпуклым вставкам, для них могли использоваться и готовые бусины. У. Бросседер отмечала, что поскольку специальное исследования материала янтарных бус из Монголии и Забайкалья не проводились, говорить о его балтийском происхождении преждевременно (Brosseder 2015: 266, 274). Однако надо учитывать, что, по крайней мере, одна из янтарных бус из Знаменского клада сделана из сукцинита. Действительно, тот факт, что янтарь может иметь не обязательно балтийское происхождение, а например, происходить из Бирмы, следует учитывать, тем более, что исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге, пров. Хэнань, методом газовой хроматографии и масс-спектрометрии, а также (GC/MS (Gas Chromatography-Mass Spectrometry) и спектроскопии комбинационного рассеяния (Fourier transform infrared spectroscopy) подтвердило происхождение материала из Бирмы, который через пров. Юнань мог попадать в Центральный Китай (Chen et al. 2019), где янтарь начинают использовать в качестве материала для вставок в ювелирные украшения и предметы конской узды, начиная со II в. до н.э. (Yan Liu 2020: 185, 192, fig. 10c). С другой стороны исследования с помощью таких же методов янтарных предметов из гробницы VI в. н.э. царя Марвеонга на Корейском полуострове показало, что, по крайней мере, часть из них вырезаны из балтийского янтаря (Park et al. 2016: 114—119). Также из балтийского янтаря изготовлены еще более поздние янтарные бусы X в., времени династии Ляо (Beck, Stout 1999: 167—172; Xu 2009: 246). Тем не менее, несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), также как к ним попадали украшения из фаянса, коралл, стеклянные сосуды, однозначно рассматривать все янтарные бусы из погребений хунну, как изготовленные именно из балтийского янтаря, нельзя, и не только потому, что их состав специально не изучался, но и потому что на фоне остальных, однозначно импортных предметов, они довольно многочисленны.

[20] См. также другие пластины с аналогичными вставками: Erezgen 2013: 25—26.

5. Янтарные навершия мечей

Помимо бус и подвесок янтарь нередко служил материалом для изготовления наверший мечей. Янтарные навершия имели мечи, найденные в Керчи и датируемые I—II (грибовидной формы с декором в виде вихревой розетты) (Сокольский 1954: 156, табл. VII: *3*) и V в. н.э. (полусферической формы) (Засецкая 1993: 40, № 8, табл. 7). Кинжал из кургана № 45 у станицы Усть-Лабинской имел декоративное навершие из янтаря, украшенное полусферической золотой бляхой, орнаментированной зернью и стеклянными вставками (Гущина, Засецкая 1994, 9—10, 72, № 477, табл. 51). Янтарное навершие дисковидной формы овального сечения украшало меч с нефритовыми скобами и перекрестьем из погребения № 1 кургана № 8/1990 могильника Камышевский-I (Безуглов 2000: 172, рис. 4: 1: *5*; 2017: 97, рис. 9: *5*; 14: *5*; Ли Джи Ын 2010: 156, табл. 36: *4*).

Еще большее распространение использование янтаря для изготовления наверший мечей зафиксировано для позднесарматских погребений из Южного Приуралья, где известно три таких навершия. Они имеют дисковидную в плане и подтреугольную сечении форму, как определенный в качестве амулета предмет из погребения № 2 кургана № 13/1979 могильника Лебедевка-VI (рис. 14: *4—6*) (Трейстер 2019: 558, рис. 5: *1—3*). Кроме того, фрагмент янтарного навершия овального сечения происходит из погребения кургана № 6 могильника Бердянка-V (рис. 14: *1—3*) (Моргунова, Мещеряков 2012: 212, 215, рис. 4, *1*). Янтарная ворворка с железным штырем входила в состав портупеи длинного меча с халцедоновым навершием, найденного в кургане № 6/1988 могильника Целинный-I (Боталов, Гуцалов 2000: 100, рис. 33: 1: *4—5, 10*; 101; Сейткалиев 2014: 144).

6. Использование янтаря как материала для вставок в ювелирные изделия и предметы торевтики

Тонкие пластинки из янтаря широко использовались как материал для вставок в VII—VI вв. до н.э.: для украшения деревянных клине и саркофагов из погребальных памятников эпохи позднего Гальштатта в Центральной Европе и Этрурии (Fischer 1990: 115—127; Verger 2006: 42, fig. 23; Naso 2007: 9—14, fig. 3, справа; Quast 2014: 31) и в качестве вставок в предметы парадной мебели, украшения и деталей доспеха из раннескифских Келермиесских курганов, вероятно изготовленных в мастерских Ассирии (Рябкова 2010: 35—36). Плоскими вставками из янтаря круглой и прямоугольной формы украшен диск фибулы из слоновой кости из Артемисиона на о. Фазос (Prêtre 2016: 26—29, no. 64, pl. III). Округлая, плоско-выпуклая вставка из янтаря была найдена и в датируемом первой половиной V в. до н.э. Ульском кургане № 1/1909 (Ульские курганы 2015: 142, № 74, табл. 5: *5*). Круглая слегка выпуклая вставка янтаря украшает золотую фиалу с изображением конских голов из Братолюбовского кургана, вероятно изготовленную не позднее рубежа V—IV вв. до н.э. (Schiltz 1994: 69—70, figs. 41—42; Cat. Rimini 1995: 68, no. I.33; Cat. San Antonio 1999: 272—274, no. 134; Кубышев и др. 2009: 76—81, рис. 12, фото 18—22; Klochko 2009: 432, 433, fig. 11). В более позднее время использование янтаря для вставок отмечается эпизодически, впрочем, такие вставки известны в материалах последней четверти IV в. до н.э. в Северном и Восточном Причерноморье, в том числе для украшения деревянного саркофага из Трехбратних курганов (рис. 2: *3—6*).

Особого внимания заслуживает использование янтаря как материала для вставок в предметах из сарматских погребений. Таких предметов очень мало. Среди них золотое ожерелье из погребения первой половины II в. н.э. в кургане у с. Старицы в Нижнем

Поволжье, вероятно восточного происхождения (Парфия, Гандхара?) (рис. 9) (Шилов 1968: 312—314, рис. 3; Cat. Rome 2005: 156—157, no. 126; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 81, № A252.1, с лит., табл. 40; Трейстер 2007а: 77; 2018: 129—130, рис. 14).

В большей степени эта практика характерна для несколько более ранних, I в. до н.э. — I в. н.э. поясных пластин и пряжек из элитных погребений хунну, которые украшались вставками янтаря и бирюзы, или янтаря, бирюзы и коралла, янтаря, бирюзы и сердолика. Среди них гагатовая поясная пластина из Салхита, Хонгор в провинции Дархан-Уул (Odbaatar 2011: 134, no. 170)[21]. Янтарь вместе с кораллом и бирюзой был использован для инкрустации двух прямоугольных золотых пряжек из погребения № 2 в кургане № 1 могильника Сидоровка (Матющенко, Татаурова 1997: 48, 72—73, рис. 27: *1—2*; Bunker et al. 2002: 31, fig. 45; 133; Koryakova 2006: 108, fig. 9: *1*; Brosseder 2011: 375, 376, fig. 24: *13*; Килуновская, Леус 2020: 104, рис. 7: *2*; 107; Засецкая 2019: 95—96, илл. 31: *а*). Янтарь наряду с бирюзой и сердоликом применен и для инкрустация пластинчатой золотой пряжки с изображением козла и медведя из бывш. коллекции Тау (The Metropolitan Museum of Art Bulletin, Fall 2002: 52; Bunker et al. 2002: 113—114, no. 83). По мнению Э. Банкер, поскольку янтарь не был излюбленным материалом для инкрустации в Китае, пряжка была изготовлена «западнее» (Bunker et al. 2002: 114).

Среди ювелирных изделий из царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане встречены украшения со вставками из янтаря: перстень — из гробницы II (Sarianidi 1985: 231, no. 2.3; Kat. Bonn 2010: 167, Nr. 57), пронизи браслета — из гробницы V (Sarianidi 1985: 160—161, ills. 102—103; 252, no. 5.1; Kat. Bonn 2010: 212—213, Nr. 127).

Выводы

Учитывая то обстоятельство, что наиболее значительное количество материала для изготовления украшений из янтаря происходит из Прибалтики, и что в эпоху поздней бронзы янтарь прибалтийского происхождения появляется и широко распространяется не только в Центральной и Западной Европе, но и на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке, изучение распространения украшений из янтаря на большой территории и значительном хронологическом срезе позволяет проследить особенности развития торговых путей в древности. Обращает на себя внимание в этой связи полное или частичное прекращение поступления янтаря в Европе в начале I тысячелетия до н.э., а затем с начала IV в. до н.э. по рубеж н.э.

Если распространение янтаря в Европе исследовано довольно полно, то наши представления о распространении янтаря в Евразии изобилует белыми пятнами. Это касается в том числе и украшений из янтаря у кочевников.

Изделия из янтаря получают довольно широкое распространение в VII—VI вв. до н.э. в скифских погребениях лесостепи днепровского правобережья и на Северном Кавказе. В течение V в. до н.э. количество бус из янтаря резко сокращается и в IV в. до н.э. в скифских погребениях янтарные бусы не встречаются. В некрополях античных городов Северного Причерноморья прослеживается несколько иная динамика распространения янтарных бус. В период наибольшего распространения янтарных бус в Скифии, в античных некрополях Северного Причерноморья их практически нет. Этот факт косвенно подтверждает предположение о поступлении бус или материала для их изготовления в Скифию непосредственно из Прибалтики.

[21] См. также выше прим. 20.

О том, что в V—IV вв. до н.э. происходят кардинальные изменения в торговле янтарем и что он перестает попадать не только к скифам, свидетельствует и то, что с начала IV в. до н.э. практически прекращается сильно развитое начиная с VIII—VII вв. до н.э. изготовление украшений из янтаря в Этрурии и Южной Италии (Mastrocinque 1991: 70—87; Kolendo 1993; Bassignano 1994: 358—359; Cat. Napoli 2007: 112—251; Causey 2011: 63, 72; Nüsse 2011: 234; Weidig 2014: 34—45; Montanaro 2012; 2015a: 35—64; 2015b: 179—190, tav. XXXVII—XLI), а также попадание янтаря к кельтам (Stahl 2006: 37; Nüsse 2011: 234—238), фракийцам (Ivanova, Kuleff 2009: 36), колхам (Turmanidze 2005: 285; Kacharava, Kvirvelia 2009: 288). Об изменении торговых путей, по которым распространялся янтарь, на рубеже позднего гальштатта и раннего латена свидетельствует и анализ распространения украшений из янтаря в Центральной Европе — во второй половине VI — V в. до н.э., в частности, полностью прекращается поступление янтаря в Моравию и янтарный путь смещается западнее, проходя в Центральной Европе теперь через территорию Богемии и лишь в начале IV в. до н.э. восстанавливается янтарный путь через территорию Моравии (Chytráček et al. 2017: 252—258).

Для последней четверти IV — начала III в. до н.э., когда янтарных бус в Скифии нет, они зафиксированы по находкам лишь в одном комплексе некрополя Пантикапея и в Зеленском кургане на Таманском полуострове, а также в погребениях, открытых в Вани в Западной Грузии, где были найдены сотни бус. Во всех случаях речь идет о погребениях элиты. На западе в это время янтарные бусы встречаются в небольших количествах лишь на Балканском полуострове и в Италии.

Широкому распространению бус в первые века н.э. предшествовало постепенно все более частое их использование в комплексах античных некрополей Западного Крыма и Боспора, а также в варварских погребениях в Крыму и в Закубанье во II—I вв. до н.э. О том, что в III—II вв. до н.э. янтарь — редкий материал на Боспоре свидетельствует и тот факт, что бусы / подвески из янтаря имели золотые оправы / оплетки, о чем свидетельствуют находки из погребений в курганах на Васюриной горе и у д. Мерджаны.

Не позднее IV в. до н.э. изделия из янтаря, редкие в этот период в Северном Причерноморье и неизвестные в Скифии, появляются в сарматских погребениях Южного Приуралья. Они чрезвычайно редки в Филипповке, но встречаются чаще и в большем количестве в несколько более поздних комплексах III и III—II вв. до н.э. могильников у д. Прохоровка, Бердянка и др. и используются не только в составе ожерелий, но и для расшивки рукавов одежды.

Каким образом янтарь из месторождений Прибалтики и Украины мог попасть к кочевникам Приуралья? Один из возможных путей — через Северное и Восточное Причерноморье, учитывая хронологическую близость погребений с янтарными бусами на Боспоре и в Колхиде и сам факт находки серебряной пантикапейской монеты в погребении в Вани, из которого происходит наибольшее количество янтарных бус. Если это так, то можно было предположить[22] дальнейшее попадание янтаря из Восточного Причерноморья через Кавказ, Каспийское море и по старому руслу Узбоя (ср. Ртвеладзе 2012: 45—50, 74—85), далее в Центральную Азию и Южное Приуралье. С другой стороны, в том же самом погребении в Вани (Treister 2007: 80—81, 92), как, впрочем, и в погребении № 25/1907 на г. Митридат (скарабеоид с изображением сфинкса, см. Treister 2010: 254, no. 8 с лит.), имеются предметы торевтики и глиптики с ахеменидской коннотацией, а плитовая могила Зеленского кургана

[22] В этой связи заслуживает внимание вторично использованная в качестве подвески бронзовая монета Пантикапея 375—340 гг. до н.э. из погребения № 17 Чегемского кургана (Керефов 1985: 203, рис. 9: *9*), в котором были найдены янтарные бусы и подвеска, см. выше.

отличается богатством погребального инвентаря — золотым погребальном венком, брошью со вставкой — вырезанной из граната головой Сатира (Шкорпил 1916: 25—27, рис. 8—9).

С учетом контекста находок и сопровождающих импортов, казалось бы, есть основания предполагать попадание янтаря к кочевникам Южного Приуралья через Переднюю Азию, где янтарь, как в форме необработанного материала, так и бус, известен по находкам в Персеполе. Вероятно, по этому пути попадал янтарь и в памятники Хорезма и чирикрабатской культуры, а также к кочевникам Устюрта. С другой стороны, это предположение вряд ли коррелируется с выводом о происхождении материала большей части бус из Прохоровки с территории Украины. В этой связи было бы чрезвычайно важно исследовать материал янтарных бус из синхронных погребений некрополя Пантикапея и Зеленского кургана.

В погребальных комплексах Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. янтарные бусы чрезвычайно редки; они представлены в единичных количествах как в Заволжье, так и на Нижнем Дону. Не исключено попадание таких бус в погребение могильника Майеровский-III через Переднюю Азию, в том числе с учетом находки в этом погребении серебряной парфянской чаши. Напротив, янтарные бусы в погребение кургана могильника на территории совхоза Шаумяна в 7—8 км к востоку от Танаиса, скорее всего, попали именно через Танаис, где они были зафиксированы уже в богатом погребении II в. до н.э. Да и находка в это погребении позднереспубликанского бронзового черпака (Трейстер 2020: 42—43, рис. 1; 47—48; см. библиографию в прим. 2 на с. 42) — косвенный аргумент в пользу западного пути, тем более, что и форма бус, и тщательность их изготовления с обточкой на станке находят параллели среди янтарных бус из позднелатенских оппидумов Центральной Европы. В двух из пяти учтенных комплексов с янтарными бусами были найдены также бусы (подвески) из коралла.

Отметим, что в рассматриваемый период янтарные бусы известны и в памятниках позднелатенской культуры Центральной Европы, и в погребениях кочевников Приднепровья и Крыма, а также меотов Закубанья. Не позднее I в. до н.э. янтарные бусы начинают использоваться и в Таксиле, и в могильниках Бишкентской долины в Таджикистане, и на востоке Сибири и в Китае. Обращает на себя внимание их довольно широкое распространение в погребениях хунну в Монголии конца I в. до н.э. — I в. н.э. В этом регионе и, вероятно, в Бактрии, судя по находкам из некрополя Тилля-тепе, янтарь начинают применять также как материал для инкрустации ювелирных изделий и поясных пряжек. Несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну и в Китай с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), также как к ним попадали украшения из фаянса, коралл, стеклянные сосуды, однозначно рассматривать все янтарные бусы из погребений хунну, как изготовленные именно из балтийского янтаря, нельзя, и не только потому, что их состав специально не изучался, но и потому что на фоне остальных, однозначно импортных предметов, они довольно многочисленны. Тот факт, что этот янтарь мог иметь не обязательно балтийское происхождение, а происходить из Бирмы, подтвердило исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге, пров. Хэнань.

В I — первой половине II в. н.э. бусы из янтаря получают широкое распространение как в некрополях античных городов и поселений Северного Причерноморья, так и варварских погребениях Крыма, сарматских погребениях Побужья, Приднепровья. Их относительно немного в погребениях кочевников Нижнего Подонья — чаще они встречаются в

междуречье Волги и Дона. В шести из пятнадцати учтенных комплексов с янтарными бусами были найдены также бусы (подвески) из коралла.

Особенно часто встречаются янтарные бусы в погребениях позднесарматского времени, когда они известны практически на всей территории Сарматии от Карпато-Дунайского бассейна до междуречья Волги и Хопра, степей Южного Приуралья и Западного Казахстана. В этот период в погребениях чаще находят десятки бус. В Азиатской Сарматии выделяются три кластера: в первую очередь — Нижнее Подонье и южная часть Волго-Донского междуречья, а также — Южное Приуралье. Кроме того, значительное количество бус и подвесок происходит из двух погребений в междуречье Хопра и Волги. В этот период янтарь используется и для изготовления навершии мечей и кинжалов. В восьми из девятнадцати учтенных комплексов с янтарными бусами были найдены также бусы (подвески) из коралла.

Начиная со II—I вв. до н.э. янтарные бусы в погребениях довольно часто сочетаются с бусами и подвесками из коралла (в 40—47% случаев). Возможно, это указывает на общие источники поступления бус из этих экзотических материалов. В IV—III вв. до н.э., когда украшения из янтаря и коралла появляются у сармат Южного Приуралья, вероятно, пути их поступления были различные. Кораллы с большей вероятностью поступали через Переднюю Азию (Трейстер 2021).

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье предметы: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Д.В. Васильеву (Астрахань, АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), Ю.В. Демиденко, К.Б. Фирсову (Москва, ГИМ), В.В. Науменко, Р.Д. Чернобривцевой (Новочеркасск, МИДК), О.А. Халяпиной (Оренбург, ГИКМ), Л.А. Краевой, Д.В. Мещерякову, Н.Л. Моргуновой (Оренбург, ОГПУ), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), К.Ю. Моржерину, Н.М. Шумейко (Саратов, СОМК), М.К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ), С.А. Науменко, Н.С. Щербаковой (Танаис, АМЗ) и А. Яшину (пос. Грибановский, Народный краеведческий музей).

Литература

Абрамова М.П. 1987. *Подкумский могильник.* Москва: Наука.

Абрамова М.П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.).* Москва: Институт археологии РАН.

Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 2. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 2010. Пелики из Горгиппии. *ПИФК* 1, 361—376.

Аникеева О.В. 2008. Минералого-петрографическое исследование каменного материала из погребальных комплексов могильника Покровка 10. В: Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10).* Москва: Восточная литература, 114—117.

Аникеева О.В. 2010. Каменный материал из могильника Прохоровка. В: Яблонский Л.Т. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии.* Москва: Таус, 324—334.

Аникеева О.В. 2016. Инструменты для изготовления бус (по материалам могильника Филипповский I). В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева. Кагальник, 20-21 октября 2016 г.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 20—28.

Аникеева О.В. 2017. Происхождение янтарных бус из наборов могильника Прохоровка (Южный Урал). В: Зайков В.В. (ред.). *Геоархеология и археологическая минералогия-2017. Материалы IV Всероссийской молодежной научной школы.* Екатеринбург: Институт минералогии УрО РАН, 92—95.

Аникеева О.В., Буяновская А.Г. 2010. Янтарь из Прохоровки. В: Яблонский Л.Т. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии.* Москва: Таус, 335—357.

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. 2007. Опыт определения источников янтаря из могильника у д. Прохоровка. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция*. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 226—229.

Арсеньева Т.М. 1977. *Некрополь Танаиса.* Москва: Наука.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг.* Москва: Палеограф.

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.). *Известия Академии Наук Казахской ССР.* Серия общественные науки 2, 71—89.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. 2005. *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Ч. 1—2. Алматы: Баур.

Байпаков К.М., Таймагомбетов Ж.К. 2006. *Археология Казахстана*. Алматы: Қазақ университетi.

Балабанова М.А. (ред.). 2014. *Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований.* Волгоград: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС.

Беглова Е.А. 2005. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника. В: Носкова Л.М. (ред.). *Материальная культура Востока*. Вып. 4. Москва: Государственный музей Востока, 166—181.

Беглова Е.А., Эрлих В.А. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника.* Москва: Нестор-История.

Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону.* Ростов-на-Дону: Терра, 169—192 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).

Безуглов С.И. 2017. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону. *Вестник Танаиса* 4, 84—127.

Берестнев Р.С. 2017. *Сарматы в междуречье Хопра и Волги.* Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Беспалый Г.Е., Верещагин В.В. 2013. Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории. В: Кузнецов В.Д. (ред.). *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Т. 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Вып. 1). Москва: Институт археологии РАН, 136—177.

Беспалый Е.И. 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону.* Ростов-на-Дону: Терра, 156—168 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. 2007. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 2).

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 1).

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 1.2).

Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Богданов Е.С., Новикова О.И. 2017. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XXIII, 275—278.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей.* Челябинск: Рифей.

Бубнова М.А., Половникова И.А. 2001. Янтарь в Средней Азии. В: Седов А.В. (ред.). *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. Москва: Восточная литература, 124—135.

Быкова Н.В., Казанцева О.А. 2012. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I—V веков в бассейне реки Камы. *Вестник Пермского Университета*. История 1(18), 93—104.

Вадецкая Э.Б. 1999. *Таштыкская эпоха в древней истории Сибири*. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение».

Вайнберг Б.И. 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 116—122 (Археология СССР).

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1992. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 47—61 (Археология СССР).

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1993. *Чирикрабатская культура*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН (Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I).

Васильева Е.Е. 2009. Янтарные изделия в памятниках кобанской культуры (на примере могильника Кичмалка II). В: Марченко И.И. (ред.). *Пятая кубанская археологическая конференция.* Анапа, 05-10 октября 2009 г. Краснодар: Кубанский государственный университет, 35—39.

Васильева Е.Е. 2010. Янтарь в скифское время на Кавказе. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 25—34.

Виноградов Ю.А. 1998. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. *Таманская старина.* Вып. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 62—68.

Винокуров Н.И. 2014. *Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье*. Симферополь, Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского (БИ. Suppl. 12).

Власова Е.В. 2004. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове. В: Ходза Е.Н. (ред.). *Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 158—174.

Власова Е.В. 2010. Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани.* Т. III. Москва: Наука, 198—262.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.Н. 2015. Золото в некрополе Фанагории. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: Институт археологии РАН, 29—76 (Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2).

Высотская Т.Н., Рыжова Л.А. 1998. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский»). *Древности* (1997—1998), 116—133.

Гаврилов А.В., Труфанов А.А. 2012. Могильник II—I вв. до н. э. городища Куру-Баш (по материалам раскопок 2011 г.). В: Майко В.В. (ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Донецк: Донбасс, 43—70 (АА 28).

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* 2, 91—110.

Гаджиев М.С. 1997. *Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период.* Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии.

Гиголашвили Е.Г. 1983. Бусы. В: Лордкипанидзе О.Д. (ред.). *Вани. Археологические раскопки* VII. Тбилиси: Мецниереба, 96—112, 150—152. (на груз. яз. с резюме на рус. яз).

Глебов В.П. 2002. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры. *Донская археология* 1—2, 28—41.

Глебов В.П. 2006. К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры,* 59—68.

Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. 2005. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса. *ДБ* 8, 52—97.

Гопкало О.В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев: Институт археологии НАНУ.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. *Некрополь Паниардиса.* Азов: Азовский музей-заповедник (ДД. Вып. 11).

Грач Н.Л. 1999. *Некрополь Нимфея*. Санкт-Петербург: Наука.

Гугуев В.К., Нечипорук А.А. 2020. Погребение с римским импортом из некрополя Темерницкого городища. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI. Симферополь: Салта ЛТД, 189—214.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* Москва: ГИМ (Труды ГИМ. Вып. 205).

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «*Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье.* Санкт-Петербург: Фарн.

Гуцалов С.Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2, 75—92.

Гуцалов С.Ю. 2009. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II—III. *НАВ* 10, 306—324.

Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С. 2012. А7. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Лебедевка-II. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 39—44.

Дараган М.Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи.* Киев: КНТ.

Дашевская О.Д. 2014. *Некрополь Беляуса.* Симферополь: Предприятие Феникс.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1977. Раскопки курганов в урочище «Кривая Лука» в 1973 г. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Древности Астраханского края*. Москва: Наука, 3—77.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем. В: Смирнов К.А. (ред.). *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, 14—132.

Дзнеладзе Е.С. 2016а. *Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья.* Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Довгалюк Н.П. 2008. Бусы Цемдолинского некрополя. В: Малышев А.А. (ред.). *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника*. Москва: Гриф и К, 188—243 (Некрополи Черноморья. Вып. 2).

Довгалюк Н.П. 2011. Бусы из некрополя Широкая Балка. В: Малышев А.А. (ред.). *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя Широкая Балка* Москва: Институт археологии РАН, 303—368 (Некрополи Черноморья. Вып. 4).

Елихина Ю.К. 2018. *Сокровища курганов Ноин-улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П.К. Козлова 1923—1926 гг., хранящиеся в Государственном Эрмитаже*. Beau Bassin: Lambert Academic Publishing.

Ефимов К.Ю. 1998. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки. В: Медведев А.П. (ред.). *Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н.э.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 19—35 (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12).

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ* 3, 61—99.

Заноч А. 2012. Фрако-гетские поселения Среднего Поднестровьяв контексте восточно-карпатских земель. В: Тельнов Н.П. (ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Тирасполь: Приднестровский Государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 73—80.

Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н.э., *МАИЭТ* III, 23—104.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.).* Симферополь: Антиква (Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 1).

Ильюков Л.С. 2018. Позднесарматские лунницы из Нижнего Подонья. В: Малышев А.А. (ред.). *Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Тезисы докладов.* Москва: Институт археологии РАН, 71—72.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992. *Сарматы междуречья Сала и Маныча.* Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет.

Итина М.А. 1998. Комплекс с янтарными бусами из Приаралья. *РА* 2, 164—168.

Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. 2020. Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфёльда. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI. Симферополь: Салта ЛТД, 10—43.

Калалы-гыр 2 2004: Вайнберг Б.И. (ред.). *Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV—II вв. до н.э.* Москва: Восточная литература РАН.

Калашник Ю.П. 2014: *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Москва 1996: Трейстер М. (ред.). *Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им. А. С. Пушкина.* Москва: Леонардо Арте.

Кат. Новочеркасск 1979: *Каталог археологических коллекций. Музей истории донского казачества.* Новочеркасск: Музей донского казачества.

Кат. Ст. Петербург 2010: Федосеенко О.А. (ред.). *Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Качарава Д.Д., Мжаванадзе З.К. 1986. Отчет о работах, проведенных на верхней террасе городища в 1980 году. В: Лордкипанидзе О.Д. (ред.). *Вани*. Т. VIII. Тбилиси: Мецниереба, 9—33 (на груз. яз. с резюме на русском).

Керефов Б.М. 1985. Чегемский курган – кладбище сарматского времени. В: Батчаев В.М., Барцева Т.Б., Керефов Б.М. *Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н.э. — II в. н.э.)*. Нальчик: Эльбрус, 135—259 (Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии 2).

Килуновская М.Е., Леус П.М. 2020. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1(25), 97—125.

Клочко В.И. 2008. Торговельний шлях Буг-Бог. In: Bednarczyk J. (ed.). *Na pograniczu światów. Studia z praziejów międzymorza baltycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60. rocznicę urodzin.* Poznan: Wydawnictwo Poznańskie, 239—249.

Ковпаненко Г.Т. 1986. *Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге.* Киев: Наукова думка.

Косяненко В.М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: Азовский историко-археологический музей-заповедник (ДД. № 9).

Кропотов В.В. 2016. Сарматские погребальные памятники степного Крыма. *НАВ* 15.1, 22—39.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: Институт археологии НАНУ.

Ларенок В.А. 2018. Оружие в женских погребениях некрополя Кобякова городища. В: *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*, 432—449.

Левина Л.М. 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э.* Москва: Восточная литература.

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. 1995. Бусы из джетыасарских памятников. *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. V. *Джетыасарская культура.* Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 202—228.

Ли Джи Ын 2010. *Китайский импорт в памятниках Юга Росии (I в. до н.э. — III в. н.э.).* Дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани. *ΣΥΜΒΟΛΑ* 1, 152—163.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. *Меотские древности Прикубанья VI—V вв. до н.э.* Краснодар: Кубанский государственный университет.

Лоренц А., Трейстер М. 2008. Каталог комплексов и находок. В: Трейстер М. (ред.). *Трехбратние курганы Курганная группа второй половины IV—III вв. до н.э. в Восточном Крыму*. Симферополь; Бонн: Универсум, 13—60.

Максименко В.Е. 1983. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.* Ростов-на-Дону: Ростовский университет.

Максименко В.Е. 1998. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)*. Азов: Азовский краеведческий музей. (ДД. № 6).

Малашев В.Ю. 2016. *Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в. н.э.* Москва: Институт археологии РАН.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10).* Москва: Таус.

Мамонтов В.И. 1971. Курганный могильник Колпачки. *СА* 1, 209—216.

Мамонтов В.И. 2008. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II. *НАВ* 9, 170—197.

Мамонтов В.И., Шинкарь О.А. 2014. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I. *НАВ* 14, 132—144.

Мандельштам А.М. 1966. *Кочевники на пути в Индию.* Москва, Ленинград: Наука (МИА. № 136).

Мандельштам А.М. 1975. *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии.* Ленинград: Наука.

Мастыкова А.В. 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье. В: Левада М.Е. (ред.). *100 лет черняховской культуре*. Киев: Товариство Археології та Антропології, 171—202.

Мастыкова А.В. 2016. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе. *Stratum plus* 4, 173—189.

Матюхин А.Д. 1997. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка. В: *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году.* Вып. 2. Саратов: Комитет по историко-культурному наследию при Правительстве Саратовской области, 182—198.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. 1991. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье. В: *Археология Восточно-Европейской степи.* Вып. 2. Саратов: Саратовский государственный университет, 135—152.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. 1997. *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье.* Новосибирск: Наука.

Медведев, А.П. 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории 4—5 вв. (раскопки 2005 г.). В: Кузнецов В.Д. (ред.). 2013. *Фанагория. Результаты археологических исследований.* Т. 1. *Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып.* 1. Москва: Институт археологии РАН, 330—402.

Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л., Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С. 2012. А2. Могильник Бердянка-V. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 11—19.

Миняев С.С. 2007. *Дурестуйский могильник (Археологические памятники Сюнну 3).* 2-е доп. изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Мозолевский Б.Н. 1987. Малый Чертомлык. В: Черненко Е.В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка, 63—74.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника. *АПО* 3, 124—146.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 2012. Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области. *АПО* 10, 211—218.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Симферополь; Бонн: Тарпан.

Мошеева О.Н. 1995. Ожерелье из Аршань Зельменя II. В: Мамонтов В.И. (сост.). *Древности Волго-Донских степей.* Вып. 5. Волгоград: Перемена, 40—45.

Мошкова М.Г. 1963. *Памятники прохоровской культуры.* Москва: Наука (САИ Д1-10).

Мошкова М.Г. 2009. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова). В: Фурасьев А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем.* Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 99—113.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана. В: Смирнов А.П. (ред.). *Проблемы археологии Урала и Сибири. Сборник статей, посвящённый памяти Валерия Николаевича Чернецова.* Москва: Наука, 258—268.

Николаев Н.Н. 2010. Знаменский клад. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 54—59.

Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. 2017. *Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья.* Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Очир-Горяева М.А. 2009. Богатое позднесарматское погребение из могильника Аршань-Зелмень. *НАВ* 10, 363—371.

Петренко В.Г. 2006. *Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе.* Москва; Берлин; Бордо: Палеограф.

Подольский М.Л. 2002. Знаменский клад из Хакасии. В: Савинов Д.В. (ред.). *Клады: состав, хронология, интерпретация.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 229—234.

Подушкин А.Н. 2014. Комплекс катакомбы 18 могильника Культобе с фибулой сарматского типа. *НАВ* 14, 118—129.

Подушкин А.Н. 2018. Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до н.э. — IV в. н.э. *Мир Большого Алтая. Международный научный журнал* 4(1), 61—101.

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине.* Киев: Олег Филюк.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2015. *Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия).* Ч. 1. Новосибирск: Инфолио.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2016. *Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006—2012 гг.* Новосибирск: Инфолио.

Прокопенко Ю.А. 2014. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э.* Ч. 1—2. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники.* Симферополь: Бизнес-Информ.

Пуздровский А.Е. 2015. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* II, 186—199.

Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала.* Москва: Наука.

Пшеничнюк А.Х. 2012. *Филипповка*: *Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале.* Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Пьянков А.В., Анфимов И.Н. 2014. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.). *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история* 4, 84—101.

Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62, 133—140.

Ртвеладзе Э.В. 2012. *Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Румянцева О.С. 2009. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II — середины III в. В: Габуев Т.А., Малашев В.Ю. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* Москва: Институт археологии РАН; ТАУС, 341—437.

Рябкова Т.В. 2010. Украшения из янтаря в раннескифской культуре. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 35—42.

Садыкова М.Х. 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. В: Кузеев Р.Г., Сальников К.В. (ред.). *Археология и этнография Башкирии.* Т. I. Уфа: БФАН СССР, 88—122.

Седов А.В. 1987. *Кобадиан на пороге раннего средневековья*. Москва: Наука.

Сейткалиев М.К. 2014. Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане. *Stratum plus* 4, 141—148.

Сергацков И.В. 1998. Сарматское погребение с римским импортом в низовьях Иловли. *РА* 4, 150—159.

Сергацков И.В. 2000. *Сарматские курганы на Иловле.* Волгоград: Волгоградский университет.

Сергацков И.В. 2006. Проблема становления среднесарматской культуры. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 37—58.

Синика В.С., Закордонец О.А. 2018. Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология* 28.1, 81—87.

Синицын И.В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). В: Крупнов Е.И., Смирнов К.Ф. (ред.). *Древности Нижнего Поволжья.* Москва: АН СССР, 10—168. (МИА 78. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II).

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Хондзия З.Г. 2018. Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия). В: *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*, 76—98.

Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *НАВ* 9, 98—116.

Скрипкин А.С. 1974: Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области. *КСИА* 140, 57—63.

Скрипкин А.С. 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры.* Саратов: Саратовский университет.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия.* Саратов: Саратовский университет.

Скрипкин А.С. (ред.). 2013. *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград: Издатель.

Скуднова В.М. 1988. *Архаический* некрополь *Ольвии. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Смагулов Е.А. 2001. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе. *ИМКУ* 32, 90—100.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. 2019. Золото древнего Туркестана (предварительное сообщение). *Қазақстан археологиясы* 4(6)*,* 7—18.

Смирнов К.Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии.* Москва: Наука.

Соенов В.И., Винокурова Г.А. 2000. Бусы из могильников гунно-сарматского времени Курайка и Верх-Уймон. В: *Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая.* Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 151—155.

Соенов В.И., Константинова Е.А. 2015. Обработка камня у населения Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. *Историческая и социально-образовательная мысль.* Т. 7. № 5. Ч. 1, 53—57. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.053-057.

Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. В: Кобылина М.М. (ред.)., *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* Т. II. Москва: АН СССР, 123—196 (МИА 33).

Столярова Е.К. 2001. Бусы могильника Бельбек IV. В: Гущина И.И., Журавлев Д.В. (ред.). *Поздние скифы Крыма*. Москва: ГИМ, 194—222 (Труды ГИМ 118).

Стоянова А.А. 2012. *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003—2009 гг.).* Симферополь: Доля.

Тельнов Н.П., Четвериков, И.А., Синика, В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное.* Тирасполь: Stratum plus.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* Москва: Восточная литература.

Торгоев А.И., Кольченко В.А. 2017. Погребение позднесарматского времени с ювелирными украшениями на городище Красная речка. В: Киджи В.В., Поскачева И.В., Царев Н.В. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 166—174.

Трапш М.М. 1969. *Древний Сухуми*. Сухуми: Алашара.

Трейстер М.Ю. 1996. Троянские клады (атрибуции, хронология, исторический контекст. В: Кат. Москва 1996, 197—240.

Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер М.Ю. 2012а. Сосуды из драгоценных металлов ахеменидского круга из Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 50—87.

Трейстер М.Ю. 2012б. Алебастровые сосуды из Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 98—105.

Трейстер М.Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСП* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004.

Трейстер М.Ю. 2019. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре. *ДБ* 24, 553—580.

Трейстер М.Ю. 2020. Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 4, 41—109.

Трейстер М.Ю. 2021. Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. *ВДИ* (в печати).

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012а. А11. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Прохоровка. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 65—76.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012б. А13. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 84—156.

Трифанова С.В., Соенов В.И. 2012. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 10(24), 192—195.

Трифанова С.В., Соенов В.И. 2019. *Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени.* Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет.

Трудновская С.А. 1952. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. В: Толстов С.П., Жданко Т.А. (ред.). *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945—1948*. Москва: АН СССР, 119—134 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I).

Труфанов А.А. 2014. Могильник I—III вв. н.э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н.э. в курганах Юго-Западного Крыма. *История и археология Крыма* I, 183—209.

Труфанов А.А. 2016. Наконечники копий из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* IV, 47—60.

Труфанов А.А. 2018. Подбойная могила с детским погребением из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* VII, 132—148.

Труфанов А.А., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Лысенко В.А., Деваев А.С. 2019. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2018 г. *История и археология Крыма* XI, 265—268.

Ульские курганы 2015: *Ульские курганы. Культово- погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе.* Москва; Берлин; Бордо: Палеограф (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. Т. 2).

Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. 2017. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кызаульского некрополя (Крым). *История и археология Крыма* V, 82—132.

Храпунов И.Н., 2008. *Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000—2001 гг.)*. Симферополь: Доля.

Храпунов И.Н. 2020. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки. *НАВ* 19. № 2, 247—278. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. 2009. *Позднескифский склеп из могильника Опушки.* Симферополь: Доля.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2016. Первые погребения в могильнике Нейзац. *История и археология Крыма* III, 200—234.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2020. Каменный склеп Опушкинского могильника. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI. Симферополь: Салта ЛТД, 66—112.

Хршановский В.А. 2010. Новые погребальные памятники на Илуратском плато. *ΣΥΜΒΟΛΑ* 1, 254—256.

Чугунов К.В. 2010. Янтарь среди золота кочевнических владык. Царский курган раннескифского времени Аржан-2 в Туве. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 47—53.

Чугунов К.В. 2011. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени. В: Молодин В.И., Хансен С. (ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica».* Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 358—369.

Шилов В.П. 1959. Калиновский курганный могильник. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Древности Нижнего Поволжья*. Т. 1. Москва: АН СССР, 323—523 (МИА 60. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. I).

Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.* Ленинград: Наука, 310—323.

Шкорпил В.В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. *ИАК* 35, 12—47.

Шкорпил В.В. 1916. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. *ИАК* 60, 7—35.

Шрамко И.Б. 2017. Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Скоробор. *Археологія і давня історія України* 2(23), 368—380.

Яблонский Л.Т. 2010. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии.* Москва: Таус.

Яблонский Л.Т. 2015. Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1. *АЭАЕ* 43.2, 97—108.

Яблонский Л.Т. 2016. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале. *ВДИ* 76.3, 744—766.

Ягодин В.Н., Ходжайов, Т.К. 1970. *Некрополь древнего Миздахкана.* Ташкент: Фан.

Язиков С.В., Свиридов А.Н., Алейников С.В. 2019. Раскопки могильника первых веков новой эры Фронтовое 3. В: Внуков С.Ю., Шаров О.В. (ред.). *Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг.* Т. 2. Москва: Институт археологии РАН, 277—313.

Atasoy S. 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey. *American Journal of Archaeology* 78, 255—263.

Bagherpour Kashani N. 2011. *Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran.* Diss. … Doctor of Philosophy. Bochum.

Bagherpour Kashani N., Roustaei K., Stöllner T. 2011. Iron Age Amber Beads from Vešnave / Iran. *AMIT* 43, 71—78.

Baird J. 2016. Everyday Life in Roman Dura-Europos. In: Kaizer T. (ed.). *Religion, Society and Culture at Dura-Europos*. Cambridge: Cambridge University Press, 30—56. (Yale Classical Studies). DOI: 10.1017/9781316403488.004.

Bassignano M.S. 1994. L'ambre: de l'Europe centrale en Cisalpine: J. Kolendo, L'ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee; H. Galsterer, Nutrire Roma. L'approvvigionamento della metropoli in età imperiale. *Dialogues d'histoire ancienne* 20.1, 357—364.

Baughan E.P. 2013. *Couched in Death: Klinai and Identity in Anatolia and Beyond*. Madison: The University of Wisconsin Press.

Beck C.W., Hartnett H.E. 1993. Sicilian Amber. In: Beck C.W., Bouzek J., Dreslerová D. (eds.). *Proceedings of the Second Conference on Amber in Archaeology*. Liblice: Institute of Archaeology, Czech Academy of Sciences, 36—47.

Beck C.W., Stout E.C. 1999. Amber from Liaoning Province and Liao Amber Artifacts. In: Bunker E.C., White J., So J.F. (eds.). *Adornment for the Body and Soul: Ancient Chinese Ornaments from the Mengdiexuan Collection*. Hong Kong: The University of Hong Kong; University of Museum and Art Gallery, 167—172.

Beck H.C. 1941. *The Beads from Taxila*. Delhi: Manager of Publication (Memoirs of the Archaeological Survey of India 65).

Beglova E.A. 2005. The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground. *ACSS* 11, 41—84.

Berezanskaja S.S., Kločko V.I. 1998. *Das Gräberfeld von Hordeevka*. Rahden/Westf.: Marie Leidorf GmbH. (Archäologie in Eurasien 5).

Bespaly E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR Intern. Ser. 278).

Blečić Kavur M., Kavur B. 2017. Many Shades of Translucent: Amphoriskos-shaped Glass Beads from Vičja luka. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 110-1, 93—112.

Bochnak T. 2010. Północna droga napływu importów celtyckich na ziemie polskie — zarys problematyki. In: Gediga B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: Muzeum Archeologiczne w Biskupinie, 391—419 (Biskupińskie Prace Arch. 8).

Bochnak T. 2015. Chihlimbarul, dar şi ce altceva pe drumul chihlimbarului? Mărfurile căutate de celţi în nordul Carpaţilo. *Istros* XXI, 343—380.

Bochnak T., Harasim P. 2012. Interregional and Multidirectional Contacts of Local Elites: A Case of Scabbards with Crossbars Decorated with Three or More S-Figures in Northern Poland. *Archaeologia baltica* 18, 59—82.

Božič D. 1998. Neues über die Kontakte längs der Bernsteinstraße während der Spätlatènezeit. *Arheološki vestnik* 49, 141—156.

Brosseder U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: *Xiongnu Archaeology*, 349—424.

Brosseder U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: *Complexity of Interaction*, 199—332.

Bunker E.C., Watt Y.C.Y., Zhisun Sun 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and other New York Collections.* New York; New Haven; London: Metropolitan Museum of Art.

Buora M. 2014. Bernstein im römischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 56—64.

Calligaro T.F. 2010. Materialanalysen: Untersuchungen an Steineinlagen und Gold aus Tillya Tepe. In: Kat. Bonn 2010, 277—279.

Calvi M.C. 2005. *Le ambre romane di Aquileia*. Treviso: Associazione Nazionale per Aquileia (Pubblicazioni dell'Associazione Nazionale per Aquileia 10).

Castor A. 2009. An Early Hellenistic Jewellery Hoard from Poggio Colla. *Memoirs of the American Academy at Rome* 54, 245—262 (Vicchio di Mugelo).

Cat. Belgrade 2006: Palavestra A., Krstić V. *The Magic of Amber.* Belgrade: Narodni muzej—Beograd.

Cat. Belgrade 2018: Ardjanliev P., Chukalev K., Cvjetićanin T., Damyanov M., Krstić V., Papazovska A., Popov H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum.

Cat. Bologna 2010: Orsini B. (ed.). *Le lacrime 7 delle ninfe. Tesori d'ambra nei musei dell'Emilia-Romagna*. Bologna: Istituto per i beni artistici culturali e naturali della Regione Emilia-Romagna (Istituto per i beni artistici culturali e naturali della regione Emilia-Romagna. Dossier 8).

Cat. Istanbul 2008: Seipel W. (Hrsg.). *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos-Verlag.

Cat. London 2017: Simpson St John, Pankova S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames & Hudson; The British Museum.

Cat. Mantua 1998: *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni.* Venezia: Mondadori Electa.

Cat. Napoli 2007: Nava M.L., Salerno A. (eds.). *Ambre: Trasparenze dall'antico trasparenze dall'antico; Napoli, Museo Archeologico Nazionale, 26 marzo - 10 settembre 2007.* Milano: Ministero per i Beni e le Attività Culturali.

Cat. New York 2012: Stark S., Rubinson K.S. (eds.). *Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. New York; Princeton: Princeton University Press.

Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milano: Mondadori Electa.

Cat. Rome 2005: Anisimova L., Bonora G.L., Franchi C., Karavaeva L., Plakhov V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry Abrams.

Cat. San Diego 2006: Chang D. (ed.). *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. San Diego: Foundation for International Arts and Education.

Cat. Thessaloniki 1985: Βοκοτοπουλου I. (ed.). *Σινδος: καταλογος της εκθεσης*. Thessalonike: Αρχαιολογικο Μουσειο Θεσσαλονικης.

Cat. Ulaanbaatar 2011: Ėrėgzėn G. (ed.). *Treasures of the Xiongnu* / Эрэгзэн Г. (ред.). *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences.

Causey F. 2011. *Ancient Carved Ambers in the J. Paul Getty Museum*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.

Chen D., Zeng Q., Yuan Y., Cui B., Luo W. 2019. Baltic Amber or Burmese Amber: FTIR Studies on Amber Artifacts of Eastern Han Dynasty unearthed from Nanyang. *Spectrochimica acta.* Pt. A. *Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2019 Nov; 222:117270.

Chrysostomou A. 2016. Fibules et épingles féminines archaïques de la nécropole occidentale d'Archontiko de Pella. In: Chryssanthaki-Nagle K., Descamps-Lequime S., Guimier-Sorbets A.-M. (eds.). *La Macédoine du vie siècle avant J.-C. à la conquête romaine*. *Formation et rayonnement culturels d'une monarchie grecque.* Paris: Éditions de Boccard, 93—110.

Chrysostomou A., Chrysostomou P. 2002. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού Πέλλας κατά το 2002. *Τό ἀρχαιολογικό ἔργο στη Μακεδονία και στη Θράκη* 16, 465—478.

Chrysostomou P., Chrysostomou A. 2012. *The Lady of Archontiko*. In: Stampolidis N.Chr. (ed.). *"Princesses" of the Mediterranean in the Dawn of History*. Athens: Museum of Cycladic Art, 366—387.

Chytráček M., Chvojka O., Metlička M., Michálek J., Golec M. 2017. Bernstein der älteren Eisenzeit und die Frage des Verlaufs der Bernsteinstraßen in Mitteleuropa. In: *Fines Transire* 26, 173—182.

Cool H.E.M. 2016. *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995—2006*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 17).

Croom A.T. 2018. Amber Beads in Roman Britain. URL: https://www.academia.edu/41062706 /Amber_beads_in_Roman_Britain (accessed 01.10.2020).

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz: von Zabern (Archäologie in Eurasien 26; Steppenvölker Eurasiens 3).

Cultraro M. 2007. Evidence of Amber in Bronze Age Sicily: Local Sources and the Balkan Mycenaean Connection. In: *Between the Aegean*, 377—389.

Cultraro M. 2016. Undercurrents: Cultural Interactions Between Southern Caucasus and Northern Aegean during the Early and Middle Bronze Age. In: *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. International Workshop. September 23-25, 2016 Georgia. Proceedings*. Tbilisi: Mtsignobari, 49—61.

Cwaliński M. 2014. The Influx of Amber to the Circum-Adriatic Areas during the Bronze Age. Proposition of an Interpretative model. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 50.2, 183—199.
Czebreszuk J. 2007. Amber between the Baltic and the Aegean in the Third and Second Millennium BC (an Outline of Major Issues). In: *Between the Aegean*, 363—369.
Czebreszuk J. 2009. Ways of Amber in the Northern Pontic Area. An Outline of Issues. *Baltic-Pontic Studies* 14, 87—102.
Dasen V. 2015. Probaskania: Amulets and Magic in Antiquity. In: Boschung D., Bremmer J.N. (eds.). *The Materiality of Magic*. Paderborn: Wilhelm Fink, 177—204 (Morphomata 20).
Del Socorro N. 2017. *Rites funéraires dans le royaume Téménide et ses régions environnantes à la période archaïque.* Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris.
Demirer Ü. 2019. Telesphoros'un köken sorunu. *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi* 9 (18), 53—67.
Deo S.B. 2000. *Indian Beads: A Cultural and Technological Study*. Pune: Deccan College Postgraduate and Research Institute.
Despini Ai., 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία.
De Waele A. 2007. The Beads of ed-Dur (Umm al-Qaiwain, UAE). Papers from the Fortieth Meeting of the Seminar for Arabian Studies held in London, 27—29 July 2006. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 37, 297—308.
Drda P., Rybová A. 1995. Prostorové razložení specializovaného řemesla v zástavbě keltského oppida. *Arch. Rozhledy* 48, 596—613.
Ebert M. 1929. Südrußland. In: Ebert M. (Hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte.* Bd. XIII. Berlin: Walter de Gruyter, 32—114.
Echt R. 1999. *Das Fürstinnengrab von Reinheim*. Bonn: Habelt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 69).
Eger C., Khalil L. 2013. Bead Jewellery of Late-Roman and Byzantine Time in the Province of Arabia: the Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan. *Zeitschrift für Orient-Archäologie* 6, 156—181.
Egiimaa T.S. 2011. Adornments of the Xiongnu. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 112—129.
Erdenbaatar D. 2011. A Glass Bowl. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 186—187.
Erdenbaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaiar S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: *Xiongnu Archaeology*, 303—314.
Erezgen G. 2013. Belt Decoration. In *Encyclopaedia Xiongnu*. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, 25—26.
Ernée M. 2017. Ostseeküste — Mykene — und was dazwischen? Eine vergessene Bernsteinstraße. In: *Fines Transire* 26, 111—131.
Fischer J. 1990. Zu einer griechischen Kline und weiteren Südimporten aus dem Fürstengrabhügel Grafenbühl, Asperg, Kr. Ludwigsburg. *Germania* LXVIII, 115—127.
Gagetti E. 2000. Anelli di età romana scolpiti in ambra e in pietra dura dalla collezione di Toppo presso i Civici Musei di Udine. *Aquileia Nostra* 76, 193—250.
Gagetti E. 2001. Anelli di età romana in ambra e in pietre dure. In: Sena Chiesa G. (ed.). *Arte e materia. Studi su oggetti d'ornamento di età romana* (Quaderni di "Acme", 49). Milano: Cisalpino, 191—485.
Gergova D. 2009. Amber in Ancient Thrace. In: *Amber in Archaeology*, 178—189.
Gershevitch I. 1969. Amber at Persepolis. *Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliano Oblata* 29, 167—251.
Gestoso Singer G.M. 2008. Amber in the Ancient Near East. *i-Medjat* 2, 17—19.
Gestoso Singer G.M. 2016. Amber Exchange in the Late Bronze Age Levant in Cross-cultural Perspective. *Aula Orientalis* 34/2, 251—264.
Guguev V.K., Treister M.Ju. 1992. Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov. *Revue Archéologique* 2, 243—271.
Harasim P. 2013. Studia nad lateńskimi oraz prowincjonalnorzymskimi importami w kulturze oksywskiej. *Wiadomości Archeologiczne* LXIV, 3—48.
Henkelmann W.F.M. 2012. The Achaemenid Heartland: An Archaeological — Historical Perspective. In: Potts D.T. (ed.). *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East*. Chichester: Wiley-Blackwell, 931—962.
Honneychurch W. 2015. Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage. In: Honneychurch W. (ed.). *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York, NY: Springer, 261—296. DOI: 10.1007/978-1-4939-1815-7_9.

Horváth A.M. 2017. A Beads and Birds. Special Finds from the La Tène Cemetery at Csepel Island. *Budapest Régiségei* 50, 53—67.

Horváth A.M. 2019. A Preliminary Study of a Rare Fibula Type (the so called Altmark Fibulae) from the La Tène cemetery of Csepel. *Studia Historica Nitriensia* 23 Supplementum, 107—124.

Hyeung-Won Y., Eun-Jeong C. 2011. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 261—274.

Iderkhangai T., Orgilbayar S. 2018. Some Issue on Glass Ribbed Bowls and Hunnu Empire Foreign Relations. В: Редькин А.Г., Ротанова И.Н. (ред.). *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы XIII Международной научной конференции. Барнаул, 20-22 сентября 2017 г.* Барнаул; Ховд: Издательство Алтайского Государственного Университета, 208—213.

Ignatiadou D. 2007. Amber and Glass Inlays. A Chronological Sequence. In: Kaplanidou D., Chioti I. (eds.). *Ancient Macedonia VII. Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II.* Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 473—483.

Ivanova S., Kuleff I. 2009. Archaeological Amber from the Late Bronze and Iron Ages from the Territory of Present Bulgaria. *Archaeologia Bulgarica* XIII, 3, 23—46.

Jevtić M., Lazić M., Sladić M. 2006. *Židovarsko blago ostava srebrnog nakita iz naselja Skordiska / The Židovar treasure. Silver jewelry hoard from the settlement of Scordisci*, Vršac: Gradski muzej; Beograd: Filozofski fakultet.

Jyotsna M. 2000. *Distinctive Beads in Ancient India*. Oxford: Archaeopress (BAR International Series 864).

Kacharava D. 2005. Recent Finds at Vani. In: *Dialogues d'histoire ancienne. Supplément n°1. Hommage à Pierre Lévêque*. Besançon: Universite de Franche-Comte, 291—309.

Kacharava D., Kvirkvelia G. 2008. *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* Princeton: Institute for the Study of the Ancient World.

Kacharava D., Kvirkvelia G. 2009. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *ACSS* 14, 237—315.

Kakhidze A. 2007. *The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari* (Pichvnari II). Batumi; Oxford: Ashmolean Museum.

Karwowski M. 2018. The Celtic Weinviertel on the Crossroads. From the Study of Eastern Celtic Late La Tene Fibulae. In: Guštin M., David W. (eds.). *The Clash of Cultures? — The Celts and the Macedonian World. Proceedings of the conferences “Going south” in Piran 2013 and “Going north” in Manching 2014*. Manching: Kelten Römer Museum, 269—278 (Schriften des Kelten Römer Museums Manching 9).

Kat. Berlin 1988. Demakopoulou K. (Hrsg.). *Das mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Kat. Bochum 2005: Yalcın U., Pulak C., Slotta R. (Hrsg.). *Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren*. *Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2006.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bochum 2013: Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. *Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul.* Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der BRD.

Kaur S., Stout E., Kaur T., Estridge V. 2012. Infrared Spectroscopy of Amber Samples from the Artemision Excavations of 1904/1905. *Anatolia antiqua* 20, 39—43.

Klochko L.S. 2009. Amber in Garments of Populations of Scythia (Ways and Forms of Receptions). *Baltic-Pontic Studies* 14, 415—438.

Knigge U. 1976. *Der Südhügel.* Berlin: Walter de Gruyter (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 9).

Kolendo J. 1981. *A la recherche de l’ambre baltique. L’expédition d’un chevalier romain sous Neron*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu warszawskiego (Studia Antiqua 3).

Kolendo J. 1993. L' ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee. *La ricostruzione dell'ambiente antico attraverso lo studio e l'analisi del terreno e dei manufatti* 8. Padova: Centro stampa Palazzo Maldura (Archeologia strumenti 1).

Korom A. 2018a. Archaeological Study of Face Beads excavated from an Early Sarmatian Grave. In: Rácz Z., Koncz I., Gulyás B. (eds.). “*Hadak útján” A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája gazdaság — kereskedelem — kézművesség / 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period economy — trade — craftsmanship*. Budapest: Eötvös Loránd University, Institute of Archaeological

Sciences, 21—32 (Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Supplementum 2).

Korom A. 2018b. Korai szarmata sír Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]). In: Korom A. (Hrsg.). *Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére (Relationes rerum. Archäologische Studien zu Ehren von Margit Nagy)*. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet; Budapesti Történeti Múzeum, 175—202 (Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 9).

Koryakova L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz J., Farkas A., Valtz Fino E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koster A. 2014. Römische Bernsteinkunst aus der Provinz Germania inferior. In: *Die Bernsteinstraße,* 65—71.

Krefter F. 1971. *Persepolis Rekonstruktionen*. Berlin: Gebr. Mann (Teheraner Forschungen 3).

LaBaume P. 1968. Römische Bernsteinarbeiten in Köln. In: Claus M., Haarnagel W., Raddatz K. (Hrsg.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Festschrift H. Jankuhn.* Neumünster: Karl Wachholtz, 108—114.

Lehmann K. 1953. Samothrace*:* Sixth Preliminary Report. *Hesperia* 22, 1—24.

Lekishvili D. 2005. Amber Beads in Late Classical Burials of Mtskheta. *Iberia-Colchis* 2, 142—147.

Ljuština M. 2013. Southern Fringe of the Carpathian Basin during the 4th Century BC and the First Contacts with the La Tène World: the Case Study of the Belgrade Confluence, Serbia. *Acta Archaeologica Carpathica* 48, 87—110.

Lojacono A. 2019. Pendagli in ambra dalla necropoli peuceta di Santo Stefano a Gravina in Puglia. Il caso della tomba 28. *LANX* 27, 184—194.

Lordkipanidze N. 2015. *Ancient Georgian Jewellery* (in Georgian with summary in English). Tbilisi: Karchkhadze Publishing.

Lorenz H. 2004. *Chorologische Untersuchungen in dem spätkeltischen Oppidum bei Manching am Beispiel der Grabungsflächen der Jahre 1965—1967 und 1971*. Stuttgart: Franz Steiner (Die Ausgrabungen in Manching 16).

Łuczkiewicz P. 2012. Fragen zu Handelsrouten und Fernkontakten im ostgermanischen Raum am Ende der vorrömischen Eisenzeit. In: Tappert C., Later C., Fries-Knoblach J., Ramsl P.C., Trebsche P., Wefers S., Wiethold J. (Hrsg.). *Wege und Transport. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der 80. Verbandstagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung e.V. in Nürnberg 2010*. Langenweißbach: Beier & Beran; Archäologische Fachliteratur, 111—130 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 69).

Machicek M.L. 2011. Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. In: *Xiongnu Archaeology*, 173—180.

Maciałowicz A., Rudnicki M., Strobin A. 2016. With Gold and Sword. Contacts of Celts and early Germanics in central Europe. The Historical Background: 3rd — 1st c. BC. In: Rzeszotarska-Nowakiewicz A. (ed.). *The Past Societies. Polish Lands from the First Evidence of Human Presence to the Early Middle Ages 4: 500 BC — 500 AD*. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 134—161.

Mangani L. 1982. Adria (Rovigo) — necropoli in loc. Ca' Garzoni. Prima campagna di scavo, 1966. *Notizie degli Scavi di antichità* Ser. 8, 36, 5—107.

Maran J. 2013. Bright as the Sun: The Appropriation of Amber Objects in Mycenaean Greece. In: Hahn H.P., Weiss H. (eds.). *Mobility, Meaning and the Transformations of Things.* Oxford: Oxbow Books, 147—169.

Marshall J. 1951. *Taxila.* Cambridge: Cambridge University Press.

Mastrocinque A. 1991. *L'ambra e l'Eridano: Studi sulla letteratura e sul commercio dell'ambra in eta preromana.* Este: Zielo.

Metzler J., Gaeng C. 2009. *Goeblange-Nospelt — une nécropole aristocratique trévire*. Luxembourg: Musée national d'histoire et d'art (Doss. Arch. Mus. Nat. Hist. et Art 13).

Miller B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559—578.

Miller B.K. 2015. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground. In: *Complexity of Interaction*, 127—198.

Miller B.K., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C., 2006. A Xiongnu Tomb complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002—2005). *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology* 2.2(271), 1—21.

Miller B.K., Bayarsaikhan J., Konovalov P.B., Egiimaa T., Logan J., Machicek M. 2009. Xiongnu Constituents of the High Mountains: Results of the Mongol-American Khovd Archaeology Project, 2008. *The Silk Road* 7, 8—20.

Montanaro A.C. 2012. *Ambre figurate. Amuletti e gioielli dalla Puglia preromana*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Studia archeologica 184).

Montanaro A.C. 2015a. Le ambre figurate in Italia meridionale tra VIII e V sec. a.C. Note sui centri di produzione e sulle botteghe. *Taras* XXXV, 35—64.

Montanaro A.C. 2015b. *Ornamenti e lusso nell'antica Peucezia. Le aristocrazie tra VII e III secolo a.C. e I rapport con Greci ed Etruschi* (Studia archeologica 201). Roma: L'Erma di Bretschneider.

Moorey P.R.S. 1999. *Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence.* Winona Lake: Eisenbrauns.

Mordvintseva V.I., Zaitsev Y.P. 2003. The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea. *ACSS* 9, 193—257.

Mukherjee A., Roßberger E., James M., Pfälzner P., Higgitt C., White R., Peggie D.A., Azar D., Evershed R. 2008. The Qatna lion: Scientific confirmation of Baltic amber in late Bronze Age Syria. *Antiquity* 82(315), 49—59.

Murillo-Barroso M., Peñalver E., Bueno P., Barroso R, de Balbín R., Martinón-Torres M. 2018. Amber in prehistoric Iberia: New data and a review. *PLoS ONE* 13(8): e0202235. DOI: 10.1371/journal.pone.0202235.

Musche B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: Brill.

Naso A. 2007. Klinai lignee intarsiate dalla Ionia all'Europa centrale. *RM* 113, 9—34.

Naso A. 2013. Amber for Artemis. Preliminary Report on the Amber Finds from the Sanctuary of Artemis at Ephesos. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 82, 259—278.

Niculiţă I., Zanoci A., Matveev S., Băţ M. 2011. Piese de port, podoabă şi de toaletă din aşezarea traco-getică Saharna Mare. In: Măgureanu D., Măndescu D., Matei S. (eds.). *Archaeology: Making of and Practice. Studies in Honor of Mircea Babeş at the 70th Anniversary.* Piteşti: Ordessos, 193—204.

Nüsse H.-J. 2011. Bernstein in Mitteleuropa. Apotropaion und Prestigeobjekt zwischen Latènezelt und frühem Mittelalter. *EurA* 17, 233—250.

Oculicz-Kozaryn J., Nowakowski W. 1996. In Search of the Amber Routes: Traces of Contacts Between South-Eastern Coasts of the Baltic Sea and the Celto-Illyrian and Dacian Territories. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 157—172.

Odbaatar Ts. 2011. Xiongnu Belts. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 130—141.

Palavestra A. 2007. Was there an Amber Route? *Aegaeum* 27, 349—355.

Palavestra A. 2018. Amber in Trebenishte. In: Cat. Belgrade 2018, 115—121.

Park J., Yun E., Kang H., Ahn J., Kim G. 2016. IR and py/GC/MS Examination of Amber Relics excavated from 6th Century Royal Tomb in Korean Peninsula. *Spectrochimica acta. Pt. A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2016 Aug; 165:114—119. DOI: 10.1016/j.saa.2016.04.015.

Pfälzner P. 2011. Goldplaketten und andere prestigehaltige Einzelobjekte aus Gold, Silber und Bernstein aus der Königsgruft von Qaṭna im Kontext von Bestattung und Ritual. In: *Interdisziplinäre Studien*, 137—190.

Pfrommer M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks* (Istanbuler Forschungen 37). Tübingen: Wasmuth.

Pieniążek M. 2016. Amber and Carnelian: Two Different Careers in the Aegean Bronze Age. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 52, 51—66.

Pieniążek M. 2020. Carnelian, Agate, Amber and Other Gemstones: Production and Exchange in Late Bronze Age Alalakh. In: Yener K.A., Ingman T. (eds.). *Alalakh and its Neighbours. Proceedings of the 15th Anniversary Symposium at the New Hatay Archaeology Museum, 10-12 June 2015*. Leuven; Paris; Bristol, CT.: Peeters Publishers, 117—140 (Ancient Near Eastern Studies Supplement 55).

Poppa R. 1978. *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof*. Bonn: Habelt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 18).

Prêtre Cl. 2016. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. Athènes: Ecole française d'Athènes (Études Thasiennes 23).

Przybyła M.J., Rydzewska E. 2019. Amber as Passage Money on the Journey to the Afterlife: the Role of Jutland Amber in the Late Roman and Early Migrations Periods (ca. 160—450 AD). In: Annaert R. (ed.). *Early Medieval Waterscapes Risks and oOpportunities for (im)material Cultural Exchange*. Wendeburg: Braunschweigisches Landesmuseum, 153—172 (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 8).

Pulinetti I. 2019. Ornamenti da una tomba di infante dalla necropoli peuceta di Strada Santo Stefano a Gravina in Puglia. *LANX* 27, 195—203.

Puzdrovskij A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 290—323.

Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P. 2004. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999. *EurA* 10, 229—267.

Quast D. 2014. Bernsteinnutzung in der frühen Eisenzeit zwischen Ostsee und Alpen. In: *Die Bernsteinstraße*, 29—33.

Quast D. 2017. Amber and Beaver Furs: Trade with Raw Material for the Production of Luxury Goods. In: Hilgner A., Greiff S., Quast D. (Hrsg.). *Gemstone in the First Millennium AD. Mines, Trade, Workshops and Symbolism*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 59—70 (RGZM — Tagungen. Bd. 30. Römisch-Germanischen Zentralmuseums).

Rahmstorf L. 2014. Von Nordeuropa bis in den Orient: Bernstein in der Bronzezeit. In: *Die Bernsteinstraße,* 24—28.

Rapin C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: Diffusion de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; Mémoires de la délegation archéologique française en Afghanistan 33).

Rapin C. 1996. *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum.* New Delhi: Centre de Sciences Humaines.

Rice K.E. 2016. *A tomb with a view*: *Constructing place and identity in the funerary monuments of Hellenistic Anatolia.* Diss. … Chapel Hill.

Rienjang W.K., Kenoyer J.M., Sax M. 2017. Stone Beads from the Relic Deposits: A Preliminary Morphological and Technological Analysis. In: Errington E. (ed.). *Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan: Explorations, Excavations, Collections 1833—1835.* London: The British Museum, 52—57.

Roßberger E. 2011. Der Perlenschmuck aus der Königsgruft von Qaṭna: Verteilung, Rekonstruktion und Funktion. In: *Interdisziplinäre Studien*, 121—135.

Roßberger E. 2015. *Schmuck für Lebende und Tote. Form und Funktion des Schmuckinventars der Königsgruft von Qatna in seinem soziokulturellen Umfeld* (Qaṭna-Studien 4). Wiesbaden: Harrassowitz.

Rudnicki M. 2009. Besiedlungs- und Kulturveränderungen in Kleinpolen während der späten Latènezeit und zu Beginn der älteren Römischen Kaiserzeit. In: Salač V., Bemmann J. (Hrsg.). *Mitteleuropa zur Zeit Marbods*. Praha: Archeologicky ústav Akademie věd České republiky; Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität, 289—330.

Russel Nelson A., Honeychurch W., Amartuvshin C. 2011. Caught in the Act: Understanding Xiongnu Site Formation Processes at Baga Gazaryn Chuluu, Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 213—228.

Rustoiu A. 2015. Amphora-Shaped Glass and Coral Beads. Distant Cultural Connections in the Carpathian Basin at the Beginning of the Late Iron Age. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45, 365—377.

Rustoiu A. 2017. Silver Jewellery in the Early La Tène Cemeteries from Banat. The Hybridization of Bodily Ornaments. *Dacia* N.S. 61, 183—205.

Rybová A., Drda P. 1994. *Hradiště by Stradonice. Rebirth of a Celtic Oppidum*. Prague: Institute of Archaeology.

Sarianidi V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora.

Sazcı G. 2007. *The Treasures of Troia*. Istanbul: Aygaz.

Schiltz V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker.* München: C.H. Beck.

Schmidt E.F. 1939. *The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP XXI).

Schmidt E.F. 1957. *Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP LXIX).

Sens U. 2009. *Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste: griechische Funde in Kolchis und Iberien: Kontexte und Interpretationen.* Langenweißbach: Beier & Beran (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 15).

Sevinç N., Treister M. 2003. Metalwork from the Dardanos Tumulus. *Studia Troica* 13, 215—260.

Seyrig H. 1952. Antiquités syriennes. 53. Antiquités de la nécropole d'Émèse. *Syria* 29, 204—250.

Sgouritsa Polychronakou P., Nikolentzos K. 2016. The Amber in Greece during the Late Bronze Age and its Presence at Kakovatos, Western Greece. In: Cellarosi P.L., Chellini R., Martini F., Montanaro A.C., Sarti L. (eds.). *The Amber Roads*. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche Edizione, 233—246.

Sgourou M., Agelarakis A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—355.

Shedrinsky A.M., Wampler T.P., Chugunov K.V. 2004. The Examination of Amber Beads from the Collection of the State Hermitage Museum found in Arzhan-2 Burial Memorial Site. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis* 71.1. 69—81. DOI: 10.1016/S0165-2370(03)00099-8.

Shedrinsky A.M., Lightfoot C.S. 2012. *A Byzantine Amber Bead. In: Ivison E.A., Lightfoot C.S. The Lower City Enclosure. Finds Reports and Technical Studies*. Istanbul: The Amorium Excavations Project, 451—453 (Amorium Reports 3).

Shramko I.B., Zadnikov S.A. 2016. Rich Grave of Early Scythian Period at Bilsk Necropolis Skorobor. *Ukrainian Archaeology*, 43—49.

Sivers S. 2013. Die Kleinfunde. In: Sievers S., Leicht M., Ziegaus B. *Ergebnisse der Ausgrabungen in Manching-Altenfeld (1996—1999)*. Wiesbaden: Reichert, 163—242 (Die Ausgrabungen in Manching 18).

Skvorcov N., Skripkin A. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *EurA* 12, 251—267.

Stahl C. 2006. *Mitteleuropäische Bernsteinfunde von der Frühbronze- bis zur Frühlatènezeit. Ihre Verbreitung, Formgebung, Zeitstellung und Herkunft.* Dettelbach: Röll.

Stronach D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: Clarendon Press.

Strong D.E. 1966. *Catalogue of the Carved Amber in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. London: The British Museum.

Tasmagambetov I. 2003. *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads.* Almaty: SF „Berel“.

Tempelmann-Maczyńska M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: von Zabern.

Themelis P. 1994. Ό τάφος τῆς ἠλείας Φιλημήνας. In: *Γ΄Επιστηονικη σψναντηση για την ελλενιστικη. Χρονολογημενα συνοδα — εργαστηρια. 24-27 σεπτεμβριου 1991. Θεσσαλονικη.* Athens: Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας, 146—158.

Then-Obłuska J., Pleşa A.D. 2019. Roman to Islamic Beads and Pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50—74.

Thomas R., Acosta C. 2018. Jewellery and Mirrors. In Naukratis: Greeks in Egypt. URL: https://www.academia.edu/35861544/Naukratis_Jewellery_and_mirrors_R._I._Thomas_and_C._Acosta_ 2018 (accessed 01.10.2020).

Todd J.M. 1985. Baltic Amber in the Ancient Near East: A Preliminary Investigation. *Journal of Baltic Studies* 16,3, 292—301.

Toll N. 1946. *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936*. New Haven: Yale University Press (Excavations at Dura Europos. Pt. II).

Treister M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.

Treister M. 2010. “Achaemenid” and “Achaemenid-inspired” Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: Nieling J., Rehm E. (eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarchus: Aarchus University Press, 223—279 (Black Sea Studies 11).

Tünde H. 1999. Contribution to the Study of the Hungarian Amber-Finds. *Savaria — A Vas Megyei Múzeumok Értesítője* 24 (3), 277—289.

Turmanidze M. 2005. Beads from the Fifth-Century BC Greek Necropolis of Pichvnari. In: *Pont-Euxin et polis: polis hellenis etpolis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23-26 septembre 2002: Hommage à Otar Lordkipanidzé etPierre Lévêque*. Besançon: Presses Universitaires Franc-Comtoises, 283—292.

Vaday A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums). In: Csécs T., Takács M. (eds.). *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Győr: Lekri Group Kft, 757—793.

Verger S. 2006. La grande tombe de Hochdorf, mise en scène funéraire d’un *cursus honorum* tribal hors pair. *Siris* 7, 5—44.

Waldhauser J. 1996. Gold und Bernstein der Hallstatt- und Latènezeit in Böhmen und Ihre Kontakte zur “Bernsteinstraße” aufgrund der Mobilität. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 77—95.

Weidig J. 2014. Kunsthandwerkliche Verarbeitung im vorrömischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 34—45.

Wielowiejski P. 1996. Bernstein aus den latènezeitlichen und frührömischen Fundstellen Mihovo, Idria, Baška (Veglia), Hradischt (Stradonice, Böhmen) im Naturhistorischen Museum Wien. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 47—56.

Xu X. 2009. Multi-cultural characteristics of Liao amber and the source of raw material: amber from the tomb of princess Chen and her consort. In: *Amber in archaeology*, 238—249.

Yablonsky L.T., Treister M. 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals. *ACSS* 25.1, 79—161.

Yan Liu 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20.3, 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.4016080.

Yeivin S. 1933. The Tombs found at Seleucia (Seasons 1929—30 and 1931—32). In: Waterman L. (ed.). *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq, conducted by the University of Michigan, the Toledo Museum of Art and the Cleveland Museum of Art*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 33—64.

Zygouris T. 2019. Amber in the Mycenaean world and in the Balkan Peninsula during the 2nd Millennium BC: Perspectives of an Imported Material. *Be-JA Bulgarian e-Journal of Archaeology Supplementa* 7, 177—189.

References

Abramova, M.P. 1987. *Podkumskiy mogil'nik (Podkumskiy Necropolis).* Moscow: Nauka (in Russian).

Abramova, M.P. 1993. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. — IV v. n.e.) (Central Cis-Caucasus in the Sarmatian Period (3rd Century BCE — 4th Century CE)).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of the North Pontic Area)*. Pt. 1. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses G1-12) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of the North Pontic Area)*. Pt. 2. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses G1-12) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 361—376 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2008. In: Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (The steppe population of the South Urals in the Late Sarmatian period (after the materials from the Pokrovka 10 burial-ground))*. Moscow: Vostochnaya literatura, 114—117 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2010. In: Yablonskiy, L.T. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii (Prokhorovka. At the sources of the Sarmatian archaeology)*. Moscow: Taus, 324—334 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2016. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20-21 oktyabrya 2016 g. (Ancient Civilization and Barbarian World of the Ponto-Caspian region. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raev. Kagal'nik, 20-21 October 2016).* Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 20—28 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2017. In: Zaykov, V.V. (ed.). *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya-2017. Materialy IV Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly (Geoarcheology and Archaeological Mineralogy-2017. Materials of the 4th All-Russian Youth Scientific School).* Ekaterinburg: Institute of Mineralogy Ural Dept. of the Russian Academy of Sciences, 92—95 (in Russian).

Anikeeva, O.V. Buyanovskaya, A.G. 2010. In: Yablonskiy, L.T. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii (Prokhorovka. At the Sources of the Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Taus, 335—357 (in Russian).

Anikeeva, O.V., Yablonskiy, L.T. 2007. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. II Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Problems of Archeology of the Lower Volga Region. 2nd International Lower Volga Archaeological Conference)*. Volgograd: Volgograd State University, 226—229 (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1977. *Nekropol' Tanaisa (Necropolis of Tanais).* Moscow: Nauka (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. Excavations of 1981—1995).* Moscow: Palaeograph (in Russian).

Bagrikov, G.I., Senigova, T.N. 1968. In: *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya obshchestvennye nauki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Science Series)* 2, 71—89 (in Russian).

Baypakov, K.M., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval Necropoleis of South Kazakhstan)*. Pts. 1—2. Almaty: Baur (in Russian).

Baypakov, K.M., Taymagombetov, Zh.K. 2006. *Arkheologiya Kazakhstana (Archaeology of Kazakhstan)*. Almaty: Kazak universiteti (in Russian).

Balabanova, M.A. (ed.). 2014: Balabanova, M.A. (ed.). *Kurgannyi mogil'nik Peregruznoe I: rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovanii (Kurgan Necropolis Peregruznoe I: Results of Interdisciplinary Studies)*. Volgograd: Volgograd Dept. of the Russian Academy Russian Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).

Beglova, E.A. 2005. In: Noskova, L.M. (ed.). *Material'naya kul'tura Vostoka (Material Culture of the East)* 4. Moscow: State Oriental Museum, 166—181 (in Russian).

Beglova, E.A., Erlikh, V.A. 2018: *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika (The Maoitians of the Trans-Kuban Region. After the Materials of the Tenginskiy Burial-Ground)*. Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 169—192 (Materials and Researches on Archeology of Don 1) (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Tanais Bulletin)* 4, 84—127 (in Russian).

Berestnev, R.S. 2017. *Sarmaty v mezhdurech'e Khopra i Volgi (Sarmatians in the Interfluve of Khoper and Volga).* PhD Thesis. Voronezh.

Bespalyy, G.E., Vereshchagin, V.V. 2013. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on the Archaeology and History of Phanagoria)* 1. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 136—177 (Phanagoria. Results of Archaeological Investigations 1) (in Russian).

Bespalyy, E.I. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 156—168 (Materials and Researches on Archeology of Don 1) (in Russian).

Bespalyy, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyy mogil'nik “Valovyy 1”* (*The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan cemetery “Valovyy 1”)* Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and Researches on Archeology of the South of Russia 2) (in Russian).

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino (The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Vysochino)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and researches on archeology of the South of Russia 1) (in Russian).

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka (The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Novoaleksandrovka)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and Researches on Archeology of the South of Russia 1.2) (in Russian).

Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Burial-mound Gaymanova Mogila).* Kiev: Skif (in Russian).

Bogdanov, E.S., Novikova, O.I. 2017. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and adjacent Territories)* XXIII, 275—278 (in Russian).

Botalov, S.G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes).* Chelyabinsk: Rifey (in Russian).

Bubnova, M.A., Polovnikova, I.A. 2001. In: Sedov, A.V. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kul'tura (Ancient Civilizations of Eurasia. History and Culture).* Moscow: Vostochnaya literatura, 124—135 (in Russian).

Bykova, N.V., Kazantseva, O.A. 2012. In *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya (Journal of the Perm University. History)* 1(18), 93—104 (in Russian).

Vadetskaya, E.B. 1999. *Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri (Tashtyk Period of the Ancient History of Siberia)*. Saint Petersburg: Center “Peterburgskoe vostokovedenie” (in Russian).

Vaynberg, B.I. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period)*. Moscow: Nauka, 116—122 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period)*. Moscow: Nauka, 47—61 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1993. *Chirikrabatskaya kul'tura (Chirikrabat Culture).* Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Lower Reaches of Syr Darya in Antiquity I) (in Russian).

Vasil'eva, E.E. 2009. In: Marchenko, I.I. (ed.). *5-ya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya (5th Kuban Archaeological Conference).* Krasnodar: Kuban State University, 35—39 (in Russian).

Vasil'eva, E.E. 2010. In: Cat. St. Petersburg 2010, 25—34 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A. 1998. In: *Tamanskaya starina (Taman Antiquities).* Saint Petersburg: State Hermitage, 62—68 (in Russian).

Vinokurov, N.I. 2014. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (The Necropolis of the Ancient Fortified Settlement Artezian in the Crimean Azov Region)*. Simferopol; Kerch: Crimean Dept. of the Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymskiy (Bosporan Studies. Supplementum 12) (in Russian).

Vlasova, E.V. 2004. In: Khodza, E.N. (ed.). *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe. Sbornik statey. K shestidesyatiletiyu Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo (Hellenistic Studies in the Hermitage. Collection of Articles. On the Sixtieth Birthday of Mikhail Borisovich Piotrovskiy).* Saint Petersburg: State Hermitage, 158—174 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban).* III. Moscow: Nauka, 198—262 (in Russian).

Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.N. 2015. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Zoloto Fanagorii (The Gold of Phanagoria)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 29—76 (Materials on the Archaeology and History of Phanagoria 2) (in Russian).

Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A. 1998. In *Drevnosti (Antiquities)* 1997—1998, 116—133 (in Russian).

Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2012 In: Mayko V.V. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika (Ancient and Medieval Tauride)*. Donetsk: Donbass, 43—70 (Archaeological Almanac 28) (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 91—110 (in Russian).

Gadzhiev, M.S. 1997. *Mezhdu Evropoy i Aziey. Iz istorii torgovykh scyazey Dagestana v albano-sarmatskiy period (Between Europe and Asia. From the History of Trade Relations of Dagestan in the Albano-Sarmatian Period).* Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography (in Russian).

Gigolashvili, E.G. 1983. In: Lordkipanidze, O.D. (ed.). *Vani. Arkheologicheskie raskopki (Vani. Archaeological Excavations)* VII. Tbilisi: Metsniereba, 96—112, 150—152 (in Georgian with summary in Russian).

Glebov, V.P. 2002. In *Donskaya arkheologiya (Archaeology of the Don Area)* 1—2, 28—41 (in Russian).

Glebov, V.P. 2006: In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* (*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*) 1. Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, 59—68 (in Russian).

Glebov, V.P., Il'ashenko, S.M., Tolochko, I.V. 2005. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 8, 52—97 (in Russian).

Gopkalo, O.V. 2008. *Busy i podveski chernyakhovskoy kul'tury (Beads and Pendants of the Chernyakhov Culture).* Kiev: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).

Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. *Nekropol' Paniardisa (Necropolis of Paniardis)*. Azov: Azov Museum-Reserve Publ. House (Don antiquities 11) (in Russian).

Grach, N.L. 1999. *Nekropol' Nimfeya (Necropolis of Nymphaion)*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2020 In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* VI. Simferopol: Salta Ltd., 189—214 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* (*Necropolis of the Roman Period Belbek IV in Southwestern Crimea)*. Moscow: State Historical Museum (Proceedings of the State Historical Museum 205) (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994. *“Zolotoe kladbishche” rimskoy epokhi v Prikuban'e (“Golden Cemetery”of the Roman Period in the Kuban Area).* Saint Petersburg: Farn (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2007. In *Arkheologiya, etnografiya i antrpologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2, 75—92 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 306—324 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu., Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 39—44 (in Russian).

Daragan, M.N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (The beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right Bank Forest-steppe).* Kiev: KNT (in Russian).

Dashevskaya, O.D. 2014. *Nekropol‘ Belyausa (Necropolis of Belyaus).* Simferopol: Phoenix Enterprise (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Malinovskaya, N.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1977. In: Fedorov-Davydov, G.A. (ed.), *Drevnosti Astrakhanskogo kraya (The Antiquities of the Astrakhan Region).* Moscow: Nauka, 3—77 (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989. In: Smirnov, K.A. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh’ya (The Treasure of the Sarmatian Chieftains and Ancient Cities of the Volga Basin)*. Moscow: Nauka, 14—132 (in Russian).

Dzneladze, E.S. 2016. *Busy i podveski sarmatov Severnogo Prichernomor'ya (Beads and Pendants of the Sarmatians of the North Pontic area).* PhD Thesis. Kiev.

Dovgalyuk, N.P. 2008. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika (The Aspurgians in the South-east of the Asian Bosporus: after the Materials of the Tsemdolina Necropolis)*. Moscow: Grif & K, 188—243 (Necropoleis of the Pontic area 2) (in Russian).

Dovgalyuk, N.P.2011. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Naselenie predgoriy Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuyu epokhu po materialam nekropolya Shirokaya Balka (The Population of the Foothills of the North-western Caucasus in the Roman Period based on Materials from the Shirokaya Balka Necropolis).* Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 303—368 (Necropoleis of the Pontic area 4) (in Russian).

Elikhina, Yu.K. 2018. *Sokrovishcha kurganov Noin-uly (Severnaya Mongoliya). Nakhodki ekspeditsii P.K. Kozlova 1923—1926 gg., khranyashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe (The Treasures of the Noin-ula Burial-mounds (Northern Mongolia). Finds by the Expedition of P.K. Kozlov 1923—1926, kept in the State Hermitage).* Beau Bassin: Lambert Academic Publishing (in Russian).

Efimov, K.Yu. 1998. In: Medvedev, A.P. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya I tysyacheletiya n.e. (Archaeological Sites of the Upper Don in the 1st Millennium AD)*. Voronezh: Voronezh State University, 19—35 (Archaeology of Eastern European Forest-Steppe Zone 12) (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 61—99 (in Russian).

Zanoch, A. 2012. In: Tel’nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor‘ya III—II vv. do n.e. (Antiquities of the North Pontic Area of the 3rd — 2nd Centuries BCE).* Tiraspol: T.G. Shevchenko Transnistria State University, 73—80 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 1993. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tavria)* III, 23—104 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd Century BCE — early 2nd Century CE))*. Simferopol: Antiqua (Archaeological Monuments of the North Pontic Area 1) (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2018. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* “*Novoe v issledovaniyakh rannego zheleznogo veka Evrazii: problemy, otkrytiya, metodiki*”. *Tezisy dokladov (International Scientific Conference “New in Research the Early Iron Age of Eurasia: Problems, Discoveries, Methods“. Abstracts of Papers.* Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 71—72 (in Russian).

Il'yukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha (Sarmatians between the Sal and Manych rivers).* Rostov-on-Don: Rostov State University (in Russian).

Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoyanova, A. 2020 In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* VI. Simferopol: Salta Ltd., 10—43 (in Russian).

Itina, M.A. 1998. In *Rossijskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 164—168 (in Russian).

Kalaly-gyr 2 2004: Vajnberg, B.I. (ed.). *Kalaly-gyr 2: kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV—II vv. do n.e. (Kalaly-gyr 2: Cult center in Ancient Chorasmia of the 4th — 2nd Centuries BCE)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya (Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Items of Ancient Jewelry Art from the North Pontic Region)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Cat. Moscow 1996. Treister, M.Yu. (ed.). *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana. Katalog vystavki. GMII im. A.S. Pushkina (The Treasures of Troy from the Excavations of Heinrich Schliemann. Exhibition catalogue. Pushkin State Museum of Fine Arts).* Moscow: Leonardo arte (in Russian).

Cat. Novocherkassk 1979: *Katalog arkheologicheskikh kollektsiy. Muzey istorii donskogo kazachestva (The Catalogue of Archaeological Collections. The Museum of History of Don Cossacks).* Novocherkassk: The Museum of History of Don Cossacks (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2010. Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki (Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Collection of the State Hermitage. Exhibition Catalogue).* Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Kacharava, D.D., Mzhvanadze, Z.K. 1986. In: Lordkipanidze, O.D. (ed.). *Vani (Vani)* VIII. Tbilisi: Metsniereba, 9—33 (in Georgian with summary in Russian).

Kerefov, B.M. 1985. In: Batchaev, V.M., Bartseva, T.B., Kerefov, B.M. *Pamyatniki epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza (IX–VII vv. do n.e. – II v. n.e.) (Monuments of the Late Bronze and Early Iron Age (9th — 7th Centuries BCE — 2nd Century CE))* Nalchik: El'brus, 135—259 (Archaeological Investigations in the Construction Areas of Kabardino-Balkaria 2) (in Russian).

Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2020. In *Nauchnoe obozrenie Syano-Altaya (Sayan-Altai Scientific Review)* 1(25), 97—125 (in Russian).

Klochko, V.I. 2008. In: Bednarczyk, J. (ed.). *Na pograniczu światów. Studia z praziejów międzymorza baltycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60. rocznicę urodzin.* Poznan: Wydawnictwo Poznańskie, 239—249 (in Ukrainian).

Kovpanenko, G.T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge (A Sarmatian Burial of the 1st Century CE in the South Bug Region).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kosyanenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of the Kobyakovo Fortified Settlement (after the Materials of 1956—1962 Excavations)*. Azov: Azov Historical-Archaeological Museum-Reserve (Don antiquities 9) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2016. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 15.1, 22—39 (in Russian).

Kubyshev, A.I., Bessonova, S.S., Kovalev, N.V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan (Bratolyubovskiy Burial-mound)*. Kiev: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).

Larenok, V.A. 2018. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya (The Black Sea area in the Ancient and Medieval periods).* Iss. 2. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova (To the 70th Anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov).* Rostov-on-Don: Educational Museum of Archeology of the Southern Federal University; Society Heritage, 432—449 (in Russian).

Levina, L.M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. — I tysyacheletie n.e. (Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region. 1st Millennium BCE — 1st Millennium CE)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Levina, L.M., Dovgalyuk, N.P. 1995. In: *Dzhetyasarskaya kul'tura (Dzhetyasar culture)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 202—228 (Lower Reaches of Syr Darya in antiquity 5) (in Russian).

Lee Ji Eun 2010. *Kitaiskiy import v pamyatnikakh Yuga Rosii (I v. do n. e. — III v. n. e.) (Chinese Import in Southern Russian Sites: 1st Century BCE — 3rd Century CE).* PhD Thesis. Rostov-on-Don.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2010. In: Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, N.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya (ΣΥΜΒΟΛΑ.*

Ancient World of the North Pontic area. The Newest Finds and Discoveries) 1. Moscow; Kiev: Triumph Print, 152—163 (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2012. *Meotskie drevnosti Prikuban'ya VI—V vv. do n.e. (Maiotian Antiquities of the Kuban Region of the 6th — 5th Centuries BCE).* Krasnodar: Kuban State University (in Russian).

Lorenz, A., Treister, M. 2008. In: Treister, M. (ed.). *Trekhbratnie kurgany. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny IV—III vv. do n.e. v Vostochnom Krymu. Three-brothers Burial-mounds. A Kurgan Group of the Second Half of the 4th — 3rd Centuries BCE in the Eastern Crimea*. Simferopol; Bonn: Universum, 13—60 (in Russian).

Maksimenko, V.E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (The Sauromatians and Sarmatians in the Lower Don Area)*. Rostov-on-Don: Rostov University (in Russian).

Maksimenko, V.E. 1998. *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii) (The Sarmatians on the Don (Archaeology and the Problems of the Ethnic History))*. Azov: Azov Local Lore Museum (Don antiquities 6) (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroi poloviny II — serediny V v. n.e. (The Monuments of the Middle-Sarmatian Culture of the North-Caucasian Steppes and their Traditions in the Kurgan Necropoleis of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2nd — Mid-5th Centuries CE)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (The Steppe Population of the South Urals in the Late Sarmatian Period (after the Materials of Pokrovka 10 Cemetery)*. Moscow: Taus (in Russian).

Mamontov, V.I. 1971. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 209—216 (in Russian).

Mamontov, V.I. 2008. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 9, 170—197 (in Russian).

Mamontov, V.I., Shinkar', O.A. 2014. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 14, 132—144 (in Russian).

Mandel'shtam, A.M. 1966. *Kochevniki na puti v Indiyu (Nomads on their Way to India).* Moscow; Leningrad: Nauka (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 136) (in Russian).

Mandel'shtam, A.M. 1975. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii (The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in North Bactria)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Mastykova, A.V. 1999. In: Levada, M. E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoy kul'ture (One Hundred Years of the Chernyakhov Culture)*. Kiev: Society of Archeology and Anthropology, 171—202 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2016. In *Stratum plus* 4, 173—189 (in Russian).

Matyukhin, A.D. 1997. In: *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya v 1996 godu (Archaeological Heritage of the Saratov Region. Protection and Research in 1996)*. Iss. 2. Saratov: Committee for Historical and Cultural Heritage under the Government of the Saratov Region, 182—198 (in Russian).

Matyukhin, A.D., Lyakhov, S.V. 1991. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archaeology of the East-European Steppe).* Iss. 2. Saratov: Saratov State University, 135—152 (in Russian).

Matyushchenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e (The Sidorovka Burial-ground in the Omsk Region on the Irtysh River)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Medvedev, A.P. 2013. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on the Archaeology and History of Phanagoria)* 1. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 330—402 (Phanagoria. Results of Archaeological Investigations 1) (in Russian).

Meshcherykov, D.V., Morgunova, N.L., Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 11—19 (in Russian).

Minyaev, S.S. 2007: *Durestuyskiy mogil'nik (Durestuy Necropolis)*. 2nd rev. ed. Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University (Archaeological Monuments of Xiongnu 3) (in Russian).

Mozolevskiy, B.N. 1987. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya (The Scythians of the North Pontic Area)*. Kiev: Naukova dumka, 63—74 (in Russian).

Morgunova, N.L., Meshcherykov, D.V. 1999. In *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monuments of the Orenburg Region)* 3, 124—146 (in Russian).

Morgunova, N.L., Meshcherykov, D.V. 2012. In *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monuments of the Orenburg Region)* 10, 211—218 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE).* Vols. I—III. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Mosheeva, O.N. 1995. In: Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey (Antiquities of the Volga-Don steppes).* Iss. 5. Volgograd: Peremena, 40—45 (in Russian).

Moshkova, M.G. 1963: *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)* Moscow: Nauka (Corpus of archaeological sources D1—10) (in Russian).

Moshkova, M.G. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube).* Saint Petersburg: Philology and Art Faculty of the Saint Petersburg State University, 99—113 (in Russian).

Moshkova, M.G., Kushaev, G.A. 1973. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati Valeriya Nikolaevicha Chernetsova (Problems of Archeology of the Urals and Siberia. Collection of Articles dedicated to the Memory of Valery Nikolaevich Chernetsov)*. Moscow: Nauka, 258—268 (in Russian).

Nikolaev, N.N. 2010. In: Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Ermitazha (Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 54—59 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 363—371 (in Russian).

Ongaruly, A., Ol'khovskiy, V., Astaf'ev, A., Darmenov, R. 2017. *Drevnie svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaral'ya (Ancient Sanctuaries of Ustyurt and Eastern Aral Region)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Petrenko, V.G. 2006. *Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze (Krasnoznamensky Necropolis. Elite Burial-mounds of the Early Scythian Period in the North Caucasus).* Moscow; Berlin; Bordeaux: Palaeograph, 2006 (in Russian).

Podol'skiy, M.L. 2002. In: Savinov, D.V. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya (Hoards: Compostion, Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 229—234 (in Russian).

Podushkin, A.N. 2014. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 14, 118—129 (in Russian).

Podushkin, A.N. 2018. In *Mir Bol'shogo Altaya. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal (World of the Great Altai. International research journal)* 4(1), 61—101 (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine* (*Skythian Kurgan Necropolis Zolotaya Balka of the 5th— 4th Centuries BCE in Kherson Region*. Kiev: Oleg Filyuk (in Russian).

Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2015. *Kurgany Sutszukte (Noin-Ula, Mongoliia) (The Suzukteh Burial-mounds (Noin-Ula, Mongolia)*. Pt. 1. Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2016. *Noin-ulinskaia kollektsiya. Rezul'taty raboty rossiysko-mongol'skoi ekspeditsii, 2006—2012 gg. (The Noin-Ula Collection: Results of Fieldworks of the Russian-Mongolian Expedition, 2006—2012).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and the Tribes of Koban Culture in the Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BCE).* Pts. 1—2. Stavropol: North Caucasian Federal University (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2015. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* II, 186—199 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (The Culture of the Early Nomads of the South Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BCE in the South Urals).* Ufa: Institute

of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

P’yankov, A.V., Anfimov, I.N. 2014. In *Vestnik Rossiyskogo Universiteta druzhby narodov. Seriya Vseobschaya istoriya (Russian University of the People’s Friendship Bulletin. World History Series)* 4, 84—101 (in Russian).

Rostovtsev, M.I. 1913. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 49, 1—62, 133—140 (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2012. *Velikiy indiyskiy put': iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii (Great Indian Road: from the History of the Most Important Trade Routes of Eurasia).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Rumyantseva, O.S. 2009. In: Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Monuments of the Early Alans of the Central Regions of the North Caucasus).* Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; Taus, 341—437 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2010. In: Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye* proizvedeniya iz sobraniya Ermitazha (Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Hermitage Collection). Saint Petersburg: State Hermitage, 35—42 (in Russian).

Sadykova, M.Kh. 1962. In: Kuzeev, R.G., Sal'nikov, K.V. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and ethnography of Bashkiria)*. Vol. I. Ufa: Bashkirian Branch of USSR Academy of Sciences, 88—122 (in Russian).

Sedov, A.V. 1987. *Kobadian na poroge rannego srednevekov'ya (Kobadian on the Threshold of the Early Middle Ages)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Seytkaliev, M.K. 2014. In *Stratum plus* 4, 141—148 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 1998. In *Rossijskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 150—159 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle (Sarmatian Burial-mounds on Ilovlya)*. Volgograd: Volgograd University (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* (*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*) 1. Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, 37—58 (in Russian).

Sinika, V.S., Zakordonets, O.A. 2018. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya (The Journal of the Udmurt university. Series History and Philology)* 28.1, 81—87 (in Russian).

Sinitsyn, I.V. 1960. In: Krupnov, E.I., Smirnov, K.F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 10—168 (The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition II; Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 78) (in Russian).

Skakov, A.Yu., Dzhopua, A.I., Khondziya, Z.G. 2018. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya (The Black Sea area in the Ancient and Medieval periods).* Iss. 2. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova (To the 70th Anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov).* Rostov-on-Don: Educational Museum of Archeology of the Southern Federal University; Society Heritage, 76—98 (in Russian).

Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S. 2008. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 98—116 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1974. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 140, 57—63 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashey ery (Lower Volga Area in the First Centuries AD)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya (The Asian Sarmatia)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A.S. (ed.). 2013. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (The Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum).* Volgograd: Izdatel’. (in Russian).

Skudnova, V.M. 1988. *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii. Publikatsiya odnoy kollektsii (Archaic Necropolis of Olbia. Publication of one Collection).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Smagulov, E.A. 2001. In *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (The History of the Material Culture of Uzbekistan)* 32, 90—100 (in Russian).

Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2019. In *Kazakstan arkheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)* 4(6), 7—18 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1984. *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii (The Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia).* Moscow: Nauka (in Russian).
Soyonov, V.I., Vinokurova, G. A. 2000. In: *Itogi i perspektivy geologicheskogo izucheniya Gornogo Altaya (Results and Perspectives of the Geological Study of Gorny Altai)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altai book publishing house, 151—155 (in Russian).
Soyonov, V.I., Konstantionova, E.A. 2015. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' (Historical and Socio-educational Thought).* Vol. 7. No. 5. Pt. 1, 53—57. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.053-057 (in Russian).
Sokol'skiy, N.I. 1954. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu (Materials and Studies on the archeology of the North Pontic Area in the Antiquity)* II. Moscow: USSR Academy of Sciences, 123—196 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 33) (in Russian).
Stolyarova, E.K. 2001. In: Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. (eds.). *Pozdnie skify Kryma (Late Scythians of the Crimea).* Moscow: State Historical Museum, 194—222 (Proceedings of the State Historical Museum 118) (in Russian).
Stoyanova, A.A. 2012. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003—2009 gg.) (Children's Burials from the Opushka Burial-ground (after the results of 2003—2009 excavations).* Simferopol: Dolya (in Russian).
Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoe (Scythian Necropolis of the 3rd — 2nd Centuries BCE near the Village of Glinoe).* Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta (Along the Ancient Deltas of Oxus and Jaxartes).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
Torgoev, A.I., Kol'chenko, V.A. 2017. In: *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura (Jewelry Art and Material Culture).* Saint Petersburg: State Hermitage, 166—174 (in Russian).
Trapsh, M.M. 1969. *Drevniy Sukhumi (Ancient Sukhumi)*. Sukhumi: Alashara (in Russian).
Treister, M.Yu. 1996. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana. Katalog vystavki. GMII im. A.S. Pushkina (The Treasures of Troy from the Excavations of Heinrich Schliemann. Exhibition catalogue. Pushkin State Museum of Fine Arts)*. Moscow: Leonardo arte, 197—240 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 50—87 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 98—105 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2019. In *Drevnosti Bospora (Antiqupties of the Bosporus)* 24, 553—580 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2020. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 41—109 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2021. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* (in Russian).
Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 65—76 (in Russian).
Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 84—156 (in Russian).
Trifanova, S.V., Soyonov, V.I. 2012. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical, Political and Legal*

Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice) 10(24), 192—195 (in Russian).

Trifanova, S.V., Soyonov, V.I. 2019. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (Jewelry of the Population of Altai of the Hunno-Sarmatian Period)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altai State University (in Russian).

Trudnovskaya, S.A. 1952. In: Tolstov, S.P., Zhdanko, T.A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoy ekspeditsii, 1945—1948 (Archaeological and Ethnographic Investigations of the Chorasmian Expedition, 1945—1948)*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 119—134 (Proceedings of Chorasmian archaeologo-etnographical expedition I) (in Russian).

Trufanov, A.A. 2014. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* I, 183—209 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2016. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* IV, 47—60 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2018. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* VII, 132—148 (in Russian).

Trufanov, A.A., Medvedev, G.V., Solomonenko, A.E., Lysenko, V.A., Devaev, A.S. 2019. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* XI, 265—268 (in Russian).

Ul'skie kurgany 2015: *Ul'skie kurgany. Kul'tovo- pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze (Ulskie Burial-mounds. The Cult-burial Complex of the Scythian Period in the North Caucasus)*. Moscow; Berlin; Bordeaux: Palaeograph. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2) (in Russian).

Fedoseev, N.F., Ponomarev, L.Yu. 2017. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* V, 82—132 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2008. *Pozdneskifskiy mogil'nik Fontany (po rezul'tatam raskopok 2000—2001 gg.) (Late Scythian Burial-ground Fontany (after the Results of 2000—2001 Excavations))*. Simferopol: Dolya (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2020. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19.2, 247—278 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A., Stoyanova, A.A. 2009. *Pozdneskifskiy sklep iz mogil'nika Opushki (Late Scythian Burial-vault from the Necropolis Opushki)*. Simferopol: Dolya (in Russian).

Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2016. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* III, 200—234 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2020. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* VI. Simferopol: Salta Ltd., 66—112 (in Russian).

Khrshanovskiy, V.A. 2010. In: Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, N.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya (ΣΥΜΒΟΛΑ. Ancient World of the North Pontic area. The Newest Finds and Discoveries)* 1. Moscow; Kiev: Triumph Print, 254—256 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2010. In: Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* (*Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Collection of the State Hermitage. Exhibition Catalogue*). Saint Petersburg: State Hermitage, 47—53 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *"Terra Scythica": Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica" ("Terra Scythica": Materials of the International Symposium "Terra Scythica")*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 358—369 (in Russian).

Shilov, V.P. 1959: In: Krupnov, E.I. (ed.). *Pamyatniki Nizhnego Povolzh'ya (Monuments of the Lower Volga region)*. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 323—523 (The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition I; Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 60) (in Russian).

Shilov, V.P. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya (Antique History and Culture of the Mediterranean and Black Sea Regions)*. Leningrad: Nauka, 310—323 (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1910. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 35, 12—47 (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1916: In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 60, 7—35 (in Russian).

Shramko, I.B. 2017. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni (Archaeology and Ancient History oft the Ukraine)* 2(23), 368—380 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii (Prokhorovka. At the Sources of the Sarmatian archaeology)*. Moscow: Taus (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2015. In *Arkheologiya, etnografiya i antrpologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 43.2, 97—108 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2016. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* 76.3, 744—766 (in Russian).

Yagodin, V.N., Khodzhayov, T.K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana (The Necropolis of Ancient Mizdakhkan)*. Tashkent: Fan (in Russian).

Yazikov, S.V., Sviridov, A.N., Aleynikov, S.V. 2019. In: Vnukov, S.Yu., Sharov, O.V. (eds.). *Krym — Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017—2018 gg. (Crimea — Taurida. Archaeological Researches in the Crimea in 2017—2018).* Vol. 2. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 277—313 (in Russian).

Atasoy, S. 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey. *American Journal of Archaeology* 78, 255—263.

Bagherpour Kashani, N. 2011. *Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran.* Diss. Bochum.

Bagherpour Kashani, N., Roustaei, K., Stöllner, T. 2011. Iron Age amber beads from Vešnave / Iran. *AMIT* 43, 71—78.

Baird, J. 2016. Everyday Life in Roman Dura-Europos. In: Kaizer, T. (ed.). *Religion, Society and Culture at Dura-Europos*. Cambridge: Cambridge University Press, 30—56 (Yale Classical Studies). DOI: 10.1017/9781316403488.004.

Bassignano, M.S. 1994. L'ambre: de l'Europe centrale en Cisalpine: J. Kolendo, L'ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee; H. Galsterer, Nutrire Roma. L'approvvigionamento della metropoli in età imperiale. *Dialogues d'histoire ancienne* 20.1, 357—364.

Baughan, E.P. 2013. *Couched in Death: Klinai and Identity in Anatolia and Beyond*. Madison: The University of Wisconsin Press.

Beck, C.W., Hartnett, H.E. 1993. Sicilian Amber. In: Beck, C.W., Bouzek, J., Dreslerová, D. (eds.). *Proceedings of the Second Conference on Amber in Archaeology*. Liblice: Institute of Archaeology; Czech Academy of Sciences, 36—47.

Beck, C.W., Stout, E.C. 1999. Amber from Liaoning Province and Liao Amber Artifacts. In: Bunker, E.C., White, J., So, J.F. (eds.). *Adornment for the Body and Soul: Ancient Chinese Ornaments from the Mengdiexuan Collection*. Hong Kong: The University of Hong Kong; University of Museum and Art Gallery, 167—172.

Beck, H.C. 1941. *The Beads from Taxila*. Delhi: Manager of Publication (Memoirs of the Archaeological Survey of India 65).

Beglova, E.A. 2005. The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground. *ACSS* 11, 41—84.

Berezanskaja, S.S., Kločko, V.I. 1998. *Das Gräberfeld von Hordeevka*. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH (Archäologie in Eurasien 5).

Bespaly, E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR International Series 278).

Blečić Kavur, M., Kavur, B. 2017. Many shades of translucent: amphoriskos-shaped glass beads from Vičja luka. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 110-1, 93—112.

Bochnak, T. 2010. Północna droga napływu importów celtyckich na ziemie polskie — zarys problematyki. In: Gediga B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: Muzeum Archeologiczne w Biskupinie, 391—419 (Biskupińskie Prace Arch. 8).

Bochnak, T. 2015. Chihlimbarul, dar şi ce altceva pe drumul chihlimbarului? Mărfurile căutate de celţi în nordul Carpaţilo. *Istros* XXI, 343—380.

Bochnak, T., Harasim, P. 2012. Interregional and Multidirectional Contacts of Local Elites: A Case of Scabbards with Crossbars Decorated with Three or More S-Figures in Northern Poland. *Archaeologia baltica* 18, 59—82.

Božič, D. 1998. Neues über die Kontakte längs der Bernsteinstraße während der Spätlatènezeit. *Arheološki vestnik* 49, 141—156.

Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: *Xiongnu Archaeology*, 349—424.
Brosseder, U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: *Complexity of Interaction*, 199—332.
Bunker, E.C., Watt, Y.C.Y., Zhisun Sun 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and other New York Collections.* New York; New Haven; London: Metropolitan Museum of Art.
Buora, M. 2014. Bernstein im römischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 56—64.
Calligaro, T.F. 2010. Materialanalysen: Untersuchungen an Steineinlagen und Gold aus Tillya Tepe. In: Kat. Bonn 2010, 277—279.
Calvi, M.C. 2005. *Le ambre romane di Aquileia*. Treviso: Associazione Nazionale per Aquileia (Pubblicazioni dell'Associazione Nazionale per Aquileia 10).
Castor, A. 2009. An Early Hellenistic Jewellery Hoard from Poggio Colla (Vicchio di Mugelo). *Memoirs of the American Academy at Rome* 54, 245—262.
Cat. Belgrade 2006: Palavestra, A., Krstić, V. *The Magic of Amber.* Belgrade: Narodni muzej—Beograd.
Cat. Belgrade 2018: Ardjanliev, P., Chukalev, K., Cvjetićanin, T., Damyanov, M., Krstić, V., Papazovska, A., Popov, H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum.
Cat. Bologna 2010: Orsini, B. (ed.). *Le lacrime 7 delle ninfe. Tesori d'ambra nei musei dell'Emilia-Romagna*. Bologna: Istituto per i beni artistici culturali e naturali della Regione Emilia-Romagna. Dossier 8).
Cat. Istanbul 2008: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos-Verlag.
Cat. London 2017: Simpson, St John, Pankova, S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames & Hudson, The British Museum.
Cat. Mantua 1998: *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni.* Venezia: Mondadori Electa.
Cat. Napoli 2007: Nava, M.L., Salerno, A. (eds.). *Ambre: Trasparenze dall'antico trasparenze dall'antico; Napoli, Museo Archeologico Nazionale, 26 marzo — 10 settembre 2007.* Milano: Ministero per i Beni e le Attività Culturali.
Cat. New York 2012: Stark, S., Rubinson, K.S. (eds.). *Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. New York; Princeton: Princeton University Press.
Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milano: Mondadori Electa.
Cat. Rome 2005: Anisimova, L., Bonora, G.L., Franchi, C., Karavaeva, L., Plakhov, V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Electa.
Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry Abrams.
Cat. San Diego 2006: Chang, D. (ed.). *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. San Diego: Foundation for International Arts and Education.
Cat. Thessaloniki 1985: Βοκοτοπουλου, I. (ed.). *Σινδος: καταλογος της εκθεσης.* Thessalonike: Αρχαιολογικο Μουσειο Θεσσαλονικης.
Cat. Ulaanbaatar 2011: Ėrėgzėn, G. (ed.). *Treasures of the Xiongnu* / Эрэгзэн, Г. (ред.). *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences.
Causey, F. 2011. *Ancient Carved Ambers in the J. Paul Getty Museum*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.
Chen, D., Zeng, Q., Yuan, Y., Cui, B., Luo, W. 2019. Baltic Amber or Burmese Amber: FTIR Studies on Amber Artifacts of Eastern Han Dynasty unearthed from Nanyang. *Spectrochimica acta. Pt. A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy.* 2019 Nov; 222:117270. DOI: 10.1016/j.saa.2019.117270.
Chrysostomou, A. 2016. Fibules et épingles féminines archaïques de la nécropole occidentale d'Archontiko de Pella. In: Chryssanthaki-Nagle K., Descamps-Lequime S., Guimier-Sorbets A.-M. (eds.). *La Macédoine du vie siècle avant J.-C. à la conquête romaine. Formation et rayonnement culturels d'une monarchie grecque.* Paris: Éditions de Boccard, 93—110.
Chrysostomou, A., Chrysostomou, P. 2002. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού Πέλλας κατά το 2002. *Τό ἀρχαιολογικό ἔργο* στη *Μακεδονία* και στη *Θράκη* 16*,* 465—478.
Chrysostomou, P., Chrysostomou, A. 2012. *The Lady of Archontiko*. In: Stampolidis, N.Chr. (ed.). *"Princesses" of the Mediterranean in the Dawn of History*. Athens: Museum of Cycladic Art, 366—387.
Chytráček, M., Chvojka, O., Metlička, M., Michálek, J., Golec, M. 2017. Bernstein der älteren Eisenzeit und die Frage des Verlaufs der Bernsteinstraßen in Mitteleuropa. In: *Fines Transire* 26, 247—260.

Čižmárová, J. 1996. Bernstein auf dem keltischen Oppidum Staré Hradisko in Mähren. *Arheološki vestnik* 47, 173—182.

Cool, H.E.M. 2016. *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995—2006*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 17).

Croom, A.T. 2018. Amber Beads in Roman Britain. URL: https://www.academia.edu/41062706/Amber_beads_in_Roman_Britain (accessed 01.10.2020).

Čugunov, K.V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in *Tuva*. Mainz: von Zabern (Archäologie in Eurasien 26; Steppenvölker Eurasiens 3).

Cultraro, M. 2007. Evidence of amber in Bronze Age Sicily: local sources and the Balkan Mycenaean connection. In: *Between the Aegean*, 377—389.

Cultraro, M. 2016. Undercurrents: Cultural Interactions Between Southern Caucasus and Northern Aegean during the Early and Middle Bronze Age. In: *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. International Workshop. September 23-25, 2016 Georgia. Proceedings*. Tbilisi: Mtsignobari, 49—61.

Cwaliński, M. 2014. The influx of amber to the circum-Adriatic areas during the Bronze Age. Proposition of an interpretative model. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 50.2, 183—199.

Czebreszuk, J. 2007. Amber between the Baltic and the Aegean in the Third and Second Millennium BC (an Outline of Major Issues). In: *Between the Aegean*, 363—369.

Czebreszuk, J. 2009. Ways of Amber in the Northern Pontic Area. An Outline of Issues. *Baltic-Pontic Studies* 14, 87—102.

Dasen, V. 2015. Probaskania: Amulets and Magic in Antiquity. In: Boschung, D., Bremmer, J.N. (eds.). *The Materiality of Magic.* Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 177—204 (Morphomata 20).

Del Socorro, N. 2017. *Rites funéraires dans le royaume Téménide et ses régions environnantes à la période archaïque.* Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris.

Demirer, Ü. 2019. Telesphoros'un köken sorunu. *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi* 9 (18), 53—67. DOI: 10.33207/trkede.597882.

Deo, S.B. 2000. *Indian Beads: A Cultural and Technological Study*. Pune: Deccan College Postgraduate and Research Institute.

Despini, Ai., 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία.

De Waele, A. 2007. The Beads of ed-Dur (Umm al-Qaiwain, UAE). Papers from the Fortieth Meeting of the Seminar for Arabian Studies held in London, 27-29 July 2006. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 37, 2007, 297—308.

Drda, P., Rybová, A. 1995. Prostorové razložení specializovaného řemesla v zástavbě keltského oppida. *Arch. Rozhledy* 48, 596—613.

Ebert, M. 1929. Südrußland. In: Ebert, M. (Hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte.* Bd. XIII. Berlin: Walter de Gruyter, 32—114.

Echt, R. 1999. *Das Fürstinnengrab von Reinheim*. Bonn: Habelt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 69).

Eger, C., Khalil, L. 2013. Bead Jewellery of Late-Roman and Byzantine Time in the Province of Arabia: the Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan. *Zeitschrift für Orient-Archäologie* 6, 156—181.

Egiimaa, T.S. 2011. Adornments of the Xiongnu. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 112—129.

Erdenbaatar, D. 2011. A Glass Bowl. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 186—187.

Erdenbaatar, D., Iderkhangai, T.-O., Galbadrakh, B., Minzhiddorzh, E., Orgilbaiar, S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: *Xiongnu Archaeology*, 303—314.

Erezgen, G. 2013. Belt Decoration. In *Encyclopaedia Xiongnu*. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, 25—26.

Ernée, M. 2017. Ostseeküste — Mykene — und was dazwischen? Eine vergessene Bernsteinstraße. In: *Fines Transire* 26, 111—131.

Fischer, J. 1990. Zu einer griechischen Kline und weiteren Südimporten aus dem Fürstengrabhügel Grafenbühl, Asperg, Kr. Ludwigsburg. *Germania* LXVIII, 115—127.

Gagetti, E. 2000. Anelli di età romana scolpiti in ambra e in pietra dura dalla collezione di Toppo presso i Civici Musei di Udine. *Aquileia Nostra* 76, 193—250.

Gagetti, E. 2001. Anelli di età romana in ambra e in pietre dure. In: Sena Chiesa, G. (ed.). *Arte e materia. Studi su oggetti d.ornamento di età romana.* Milano: Cisalpino, 191—485 (Quaderni di "Acme" 49).

Gergova, D. 2009. Amber in Ancient Thrace. In: *Amber in Archaeology*, 178—189.

Gershevitch, I. 1969. Amber at Persepolis. *Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliano Oblata* 29, 167—251.

Gestoso Singer, G.M. 2008. Amber in the Ancient Near East. *i-Medjat* 2, 17—19.

Gestoso Singer, G.M. 2016. Amber exchange in the Late Bronze Age Levant in Cross-cultural Perspective. *Aula Orientalis* 34/2, 251—264.

Guguev, V.K., Treister, M.Ju. 1992. Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov. *Revue Archéologique* 2, 243—271.

Harasim, P. 2013. Studia nad lateńskimi oraz prowincjonalnorzymskimi importami w kulturze oksywskiej. *Wiadomości Archeologiczne* LXIV, 3—48.

Henkelmann, W.F.M. 2012. The Achaemenid Heartland: An Archaeological — Historical Perspective. In: Potts. D.T. (ed.). *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East*. Chichester: Wiley-Blackwell, 931—962.

Honneychurch, W. 2015. Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage. In: Honneychurch, W. (ed.). *Inner Asia and the spatial politics of empire: archaeology, mobility, and culture contact*. New York, NY: Springer, 261—296. DOI: 10.1007/978-1-4939-1815-7_9.

Horváth, A.M. 2017. A beads and birds. Special finds from the La Tène cemetery at Csepel Island. *Budapest Régiségei* 50, 53—67.

Horváth, A.M. 2019. A preliminary study of a rare fibula type (the so called Altmark fibulae*)* from the La Tène cemetery of Csepel. *Studia Historica Nitriensia* 23 Supplementum, 107—124.

Hyeung-Won, Y., Eun-Jeong, C. 2011. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 261—274.

Iderkhangai, T., Orgilbayar, S. 2018. Some Issue on Glass Ribbed Bowls and Hunnu Empire Foreign Relations. In: Red‘kin, A.G., Rotanova, I.N. (eds.). Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoi Mongolii i sopredel'nykh regionov. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Barnaul, 20-22 sentyabrya 2017 g. (*Natural Conditions, History and Culture of Western Mongolia and Adjacent Regions. Materials of the XIII International Scientific Conference. Barnaul, September 20-22, 2017*). Barnaul; Khovd: Altai State University, 208—213.

Ignatiadou, D. 2007. Amber and Glass Inlays. A Chronological Sequence. In: Kaplanidou, D., Chioti, I. (eds.). *Ancient Macedonia VII. Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 473—483.

Ivanova, S., Kuleff, I. 2009. Archaeological Amber from the Late Bronze and Iron Ages from the Territory of Present Bulgaria. *Archaeologia Bulgarica* XIII, 3, 23—46.

Jevtić, M., Lazić, M., Sladić, M. 2006. *Židovarsko blago ostava srebrnog nakita iz naselja* Skordiska / The Židovar treasure. Silver jewelry hoard from the settlement of Scordisci. Vršac: Gradski muzej; Beograd: Filozofski fakultet.

Jyotsna, M. 2000. *Distinctive Beads in Ancient India*. Oxford: Archaeopress (BAR International Series 864).

Kacharava, D. 2005. Recent finds at Vani. In: *Dialogues d'histoire ancienne.* Supplément 1. *Hommage à Pierre Lévêque*, 291—309.

Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2008. *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* Princeton: Institute for the Study of the Ancient World.

Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2009. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *ACSS* 14, 237—315.

Kakhidze, A. 2007. *The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari*. Batumi; Oxford: Ashmolean Museum (Pichvnari II).

Karwowski, M. 2018. The Celtic Weinviertel on the Crossroads. From the study of eastern Celtic Late La Tene fibulae. In: Guštin, M., David, W. (eds.). *The Clash of Cultures? — The Celts and the Macedonian World. Proceedings of the conferences "Going south" in Piran 2013 and "Going north" in Manching 2014*. Manching: Kelten Römer Museum, 269—278 (Schriften des Kelten Römer Museums Manching 9).

Kat. Berlin 1988. Demakopoulou, K. (Hrsg.). *Das mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Kat. Bochum 2005. Yalcın, U., Pulak, C., Slotta, R. (Hrsg.). *Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2006.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bochum 2013. Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bonn 2010. *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul.* Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der BRD.

Kaur, S., Stout, E., Kaur, T., Estridge, V. 2012. Infrared Spectroscopy of Amber Samples from the Artemision Excavations of 1904/1905. *Anatolia antiqua* 20, 39—43.

Klochko, L.S. 2009. Amber in Garments of Populations of Scythia (Ways and Forms of Receptions). *Baltic-Pontic Studies* 14, 415—438.

Knigge, U. 1976. *Der Südhügel.* Berlin: Walter de Gruyter (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 9).

Kolendo, J. 1981. *A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu warszawskiego (Studia Antiqua 3).

Kolendo, J. 1993. L' ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee. In *La ricostruzione dell'ambiente antico attraverso lo studio e l'analisi del terreno e dei manufatti* 8. Padova: Centro stampa Palazzo Maldura (Archeologia strumenti 1).

Korom, A. 2018a. Archaeological study of face beads excavated from an Early Sarmatian grave. In: Rácz, Z., Koncz, I., Gulyás, B. (eds.). *"Hadak útján" A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája gazdaság — kereskedelem — kézművesség / 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period economy — trade — craftsmanship*. Budapest: Eötvös Loránd University; Institute of Archaeological Sciences, 21—32 (Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Supplementum 2).

Korom, A. 2018b. Korai szarmata sír Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]). In: Korom, A. (Hrsg.). *Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére (Relationes rerum. Archäologische Studien zu Ehren von Margit Nagy).* Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem; Régészettudományi Intézet; Budapesti Történeti Múzeum, 175—202 (Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 9).

Koryakova, L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz, J., Farkas, A., Valtz Fino, E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koster, A. 2014. Römische Bernsteinkunst aus der Provinz Germania inferior. In: *Die Bernsteinstraße,* 65—71.

Krefter, F. 1971. *Persepolis Rekonstruktionen*. Berlin: Gebr. Mann (Teheraner Forschungen 3).

La Baume, P. 1968. Römische Bernsteinarbeiten in Köln. In: Claus, M., Haarnagel, W., Raddatz, K. (Hrsg.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Festschrift H. Jankuhn.* Neumünster: Karl Wachholtz, 108—114.

Lehmann, K. 1953. Samothrace*:* Sixth Preliminary Report. *Hesperia* 22, 1—24.

Lekishvili, D. 2005. Amber Beads in Late Classical Burials of Mtskheta. *Iberia-Colchis* 2, 142—147.

Ljuština, M. 2013. Southern Fringe of the Carpathian Basin during the 4th Century BC and the First Contacts with the La Tène World: the Case Study of the Belgrade Confluence, Serbia. *Acta Archaeologica Carpathica* 48, 87—110.

Lojacono, A. 2019. Pendagli in ambra dalla necropoli peuceta di Santo Stefano a Gravina in Puglia. Il caso della tomba 28. *LANX* 27, 184—194.

Lordkipanidze, N. 2015. *Ancient Georgian Jewellery*. Tbilisi: Karchkhadze Publishing (in Georgian with summary in English).

Lorenz, H. 2004. *Chorologische Untersuchungen in dem spätkeltischen Oppidum bei Manching am Beispiel der Grabungsflächen der Jahre 1965—1967 und 1971.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag (Die Ausgrabungen in Manching 16).

Łuczkiewicz, P. 2012. Fragen zu Handelsrouten und Fernkontakten im ostgermanischen Raum am Ende der vorrömischen Eisenzeit. In: Tappert C., Later C., Fries-Knoblach J., Ramsl P.C., Trebsche P., Wefers S., Wiethold J. (Hrsg.). *Wege und Transport. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der 80. Verbandstagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung e.V. in Nürnberg 2010*. Langenweißbach: Beier & Beran, Archäologische Fachliteratur, 111—130 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 69).

Machicek, M.L. 2011. Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. In: *Xiongnu Archaeology*, 173—180.

Maciałowicz, A., Rudnicki, M., Strobin, A. 2016. With Gold and Sword. Contacts of Celts and early Germanics in central Europe. The Historical Background: 3rd — 1st c. BC. In: Rzeszotarska-Nowakiewicz

A. (ed.). *The Past Societies. Polish Lands from the First Evidence of Human Presence to the Early Middle Ages 4: 500 BC — 500 AD*. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 134—161.

Mangani, L. 1982. Adria (Rovigo) — necropoli in loc. Ca' Garzoni. Prima campagna di scavo, 1966. *Notizie degli Scavi di antichità* Ser. 8, 36, 5—107.

Maran, J. 2013. Bright as the sun: The appropriation of amber objects in Mycenaean Greece. In: Hahn H.P., Weiss H. (eds.). *Mobility, Meaning and the Transformations of Things.* Oxford: Oxbow Books, 147—169.

Marshall, J. 1951. *Taxila.* Cambridge: Cambridge University Press.

Mastrocinque, A. 1991. *L'ambra e l'Eridano: Studi sulla letteratura e sul commercio dell'ambra in eta preromana.* Este: Zielo.

Metzler, J., Gaeng, C. 2009. *Goeblange-Nospelt — une nécropole aristocratique trévire*. Luxembourg: Musée national d'histoire et d'art (Doss. Arch. Mus. Nat. Hist. et Art 13).

Miller, B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559—578.

Miller, B.K. 2015. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground. In: *Complexity of Interaction*, 127—198.

Miller, B.K., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C., 2006. A Xiongnu tomb complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002—2005). *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology* 2.2(271), 1—21.

Miller, B.K., Bayarsaikhan, J., Konovalov, P.B., Egiimaa, T., Logan, J., Machicek, M. 2009. Xiongnu Constituents of the High Mountains: Results of the Mongol-American Khovd Archaeology Project, 2008. *The Silk Road* 7, 8—20.

Montanaro, A.C. 2012. *Ambre figurate. Amuletti e gioielli dalla Puglia preromana*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Studia archeologica 184).

Montanaro, A.C. 2015a. Le ambre figurate in Italia meridionale tra VIII e V sec. a.C. Note sui centri di produzione e sulle botteghe. *Taras* XXXV, 35—64.

Montanaro, A.C. 2015b. *Ornamenti e lusso nell'antica Peucezia. Le aristocrazie tra VII e III secolo a.C. e I rapport con Greci ed Etruschi* (Studia archeologica 201). Roma: L'Erma di Bretschneider.

Moorey, P.R.S. 1999. *Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence.* Winona Lake: Eisenbrauns.

Mordvintseva, V.I., Zaitsev, Y.P. 2003. The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea. *ACSS* 9, 193—257.

Mukherjee, A., Roßberger, E., James, M., Pfälzner, P., Higgitt, C., White, R., Peggie, D.A., Azar, D., Evershed, R. 2008. The Qatna lion: Scientific confirmation of Baltic amber in late Bronze Age Syria. *Antiquity* 82(315), 49—59.

Murillo-Barroso, M., Peñalver, E., Bueno, P., Barroso, R, de Balbín, R., Martinón-Torres, M. 2018. Amber in prehistoric Iberia: New data and a review. *PLoS ONE* 13(8): e0202235. DOI: 10.1371/journal.pone.0202235.

Musche, B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: Brill.

Naso, A. 2007. Klinai lignee intarsiate dalla Ionia all'Europa centrale. *RM* 113, 9—34.

Naso, A. 2013. Amber for Artemis. Preliminary Report on the Amber Finds from the Sanctuary of Artemis at Ephesos. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 82, 259—278.

Niculiţă, I., Zanoci, A., Matveev, S., Băţ, M. 2011. Piese de port, podoabă şi de toaletă din aşezarea traco-getică Saharna Mare. In: Măgureanu D., Măndescu D., Matei S. (eds.). *Archaeology: Making of and Practice. Studies in Honor of Mircea Babeş at the 70th Anniversary.* Piteşti: Ordessos, 193—204.

Nüsse, H.-J. 2011. Bernstein in Mitteleuropa. Apotropaion und Prestigeobjekt zwischen Latènezelt und frühem Mittelalter. *EurA* 17, 233—250.

Oculicz-Kozaryn, J., Nowakowski, W. 1996. In Search of the Amber Routes: Traces of Contacts Between South-Eastern Coasts of the Baltic Sea and the Celto-Illyrian and Dacian Territories. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 157—172.

Odbaatar, Ts. 2011. Xiongnu Belts. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 130—141.

Palavestra, A. 2007. Was there an Amber Route? *Aegaeum* 27, 349—355.

Palavestra, A. 2018. Amber in Trebenishte. In: Cat. Belgrade 2018, 115—121.

Park, J., Yun, E., Kang, H., Ahn, J., Kim, G. 2016. IR and py/GC/MS Examination of Amber Relics excavated from 6th Century Royal Tomb in Korean Peninsula. *Spectrochimica acta. Part A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2016 Aug; 165:114—119. DOI: 10.1016/j.saa.2016.04.015.

Pfälzner, P. 2011. Goldplaketten und andere prestigehaltige Einzelobjekte aus Gold, Silber und Bernstein aus der Königsgruft von Qaṭna im Kontext von Bestattung und Ritual. In: *Interdisziplinäre Studien*, 137—190.

Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: Wasmuth (Istanbuler Forschungen 37).

Pieniążek, M. 2016. Amber and Carnelian: Two Different Careers in the Aegean Bronze Age. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 52, 51—66.

Pieniążek, M. 2020. Carnelian, Agate, Amber and Other Gemstones: Production and Exchange in Late Bronze Age Alalakh. In: Yener K.A., Ingman T. (eds.). *Alalakh and its Neighbours. Proceedings of the 15th Anniversary Symposium at the New Hatay Archaeology Museum, 10-12 June 2015*. Leuven; Paris; Bristol, CT.: Peeters (Ancient Near Eastern Studies Supplement 55), 117—140.

Poppa, R. 1978. *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof*. Bonn: Habelt.

Prêtre, Cl. 2016. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. Athènes: Ecole française d'Athènes (Études Thasiennes 23).

Przybyła, M.J., Rydzewska, E. 2019. Amber as Passage Money on the Journey to the Afterlife: the role of Jutland Amber in the Late Roman and Early Migrations Periods (ca. 160—450 AD). In: Annaert R. (ed.). *Early Medieval Waterscapes Risks and oOpportunities for (im)material Cultural Exchange*. Wendeburg: Braunschweigisches Landesmuseum, 153—172 (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 8).

Pulinetti, I. 2019. Ornamenti da una tomba di infante dalla necropoli peuceta di Strada Santo Stefano a Gravina in Puglia. *LANX* 27, 195—203.

Puzdrovskij, A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 290—323.

Puzdrovskij, A.E., Zajcev Ju.P. 2004. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999. *EurA* 10, 229—267.

Quast, D. 2014. Bernsteinnutzung in der frühen Eisenzeit zwischen Ostsee und Alpen. In: *Die Bernsteinstraße*, 29—33.

Quast, D. 2017. Amber and Beaver Furs: Trade with Raw Material for the Production of Luxury Goods. In: Hilgner A., Greiff S., Quast D. (Hrsg.). *Gemstone in the First Millennium AD. Mines, Trade, Workshops and Symbolism*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 59—70 (RGZM — Tagungen. Bd. 30. Römisch-Germanischen Zentralmuseums).

Rahmstorf, L. 2014. Von Nordeuropa bis in den Orient: Bernstein in der Bronzezeit. In: *Die Bernsteinstraße,* 24—28.

Rapin, C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: Diffusion de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; Mémoires de la délegation archéologique française en Afghanistan 33).

Rapin, C. 1996. *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum.* New Delhi: Centre de Sciences Humaines.

Rice, K.E. 2016. *A tomb with a view*: *Constructing place and identity in the funerary monuments of Hellenistic Anatolia.* Diss. Chapel Hill.

Rienjang, W.K., Kenoyer, J.M., Sax, M. 2017. Stone Beads from the Relic Deposits: A Preliminary Morphological and Technological Analysis. In: Errington, E. *Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan: Explorations, Excavations, Collections 1833—1835.* London: The British Museum, 52—57.

Roßberger, E. 2011. Der Perlenschmuck aus der Königsgruft von Qaṭna: Verteilung, Rekonstruktion und Funktion. In: *Interdisziplinäre Studien*, 121—135.

Roßberger, E. 2015. *Schmuck für Lebende und Tote. Form und Funktion des Schmuckinventars* der Königsgruft von Qatna in seinem soziokulturellen Umfeld. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Qaṭna-Studien 4).

Rudnicki, M. 2009. Besiedlungs- und Kulturveränderungen in Kleinpolen während der späten Latènezeit und zu Beginn der älteren Römischen Kaiserzeit. In: Salač V., Bemmann J. (Hrsg.). *Mitteleuropa zur Zeit Marbods*. Praha: Archeologicky ústav Akademie věd České republiky; Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität, 289—330.

Russel Nelson, A., Honeychurch, W., Amartuvshin, C. 2011. Caught in the Act: Understanding Xiongnu Site Formation Processes at Baga Gazaryn Chuluu, Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 213—228.

Rustoiu, A. 2015. Amphora-Shaped Glass and Coral Beads. Distant Cultural Connections in the Carpathian Basin at the Beginning of the Late Iron Age. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45, 365—377.

Rustoiu, A. 2017. Silver Jewellery in the Early La Tène Cemeteries from Banat. The Hybridization of Bodily Ornaments. *Dacia* N.S. 61, 183—205.

Rybová, A., Drda, P. 1994. *Hradiště by Stradonice. Rebirth of a Celtic Oppidum*. Prague: Institute of Archaeology.

Sarianidi, V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora.

Sazcı, G. 2007. *The Treasures of Troia*. Istanbul: Aygaz.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker.* München: C.H. Beck.

Schmidt, E.F. 1939. *The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP XXI).

Schmidt, E.F. 1957. *Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP LXIX).

Sens, U. 2009. *Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste: griechische Funde in Kolchis und Iberien: Kontexte und Interpretationen*. Langenweißbach: Beier & Beran (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 15).

Sevinç, N., Treister, M. 2003. Metalwork from the Dardanos Tumulus. *Studia Troica* 13, 215—260.

Seyrig, H. 1952. Antiquités syriennes. 53. Antiquités de la nécropole d'Émèse. *Syria* 29, 204—250.

Sgouritsa Polychronakou, P., Nikolentzos, K. 2016. The Amber in Greece during the Late Bronze Age and its Presence at Kakovatos, Western Greece. In: Cellarosi P.L., Chellini R., Martini F., Montanaro A.C., Sarti L. (eds.). *The Amber Roads*. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche Edizione, 233—246.

Sgourou, M., Agelarakis, A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—355.

Shedrinsky, A.M., Wampler, T.P., Chugunov, K.V. 2004. The Examination of Amber Beads from the Collection of the State Hermitage Museum found in Arzhan-2 Burial Memorial Site. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis* 71.1, 69—81. DOI: 10.1016/S0165-2370(03)00099-8.

Shedrinsky, A.M., Lightfoot, C.S. 2012. A Byzantine Amber Bead. In: Ivison, E.A., Lightfoot, C.S. *The Lower City Enclosure. Finds Reports and Technical Studies*. Istanbul: The Amorium Excavations Project, 451—453 (Amorium Reports 3).

Shramko, I.B., Zadnikov, S.A. 2016. Rich Grave of Early Scythian Period at Bilsk Necropolis Skorobor. *Ukrainian Archaeology*, 43—49.

Sivers, S. 2013. Die Kleinfunde. In: Sievers, S., Leicht, M., Ziegaus, B. *Ergebnisse der Ausgrabungen in Manching-Altenfeld (1996—1999)*. Wiesbaden: Reichert, 163—242 (Die Ausgrabungen in Manching 18).

Skvorcov, N., Skripkin, A. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *EurA* 12, 251—267.

Stahl, C. 2006. *Mitteleuropäische Bernsteinfunde von der Frühbronze- bis zur Frühlatènezeit. Ihre Verbreitung, Formgebung, Zeitstellung und Herkunft.* Dettelbach: Röll.

Stronach, D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: Clarendon Press.

Strong, D.E. 1966. *Catalogue of the carved amber in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. London: The British Museum.

Tasmagambetov, I. 2003. *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads.* Almaty: SF Berel.

Tempelmann-Maczyńska, M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: von Zabern.

Themelis, P. 1994. Ό τάφος τῆς ἠλείας Φιλημήνας. In: *Γ΄Επιστηονικη σψναντηση για την ελλενιστικη. Χρονολογημενα συνοδα — εργαστηρια. 24-27 σεπτεμβριου 1991. Θεσσαλονικη.* Athens: Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας, 146—158.

Then-Obłuska, J., Pleşa, A.D. 2019. Roman to Islamic Beads and Pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50—74.

Thomas, R., Acosta, C. 2018. Jewellery and Mirrors. In Naukratis: Greeks in Egypt. URL: https://www.academia.edu/35861544/Naukratis_Jewellery_and_mirrors_R.I._Thomas_and_C._Acosta_2018_ (accessed 01.10.2020).

Todd, J.M. 1985. Baltic Amber in the Ancient Near East: A Preliminary Investigation. *Journal of Baltic Studies* 16,3, 292—301.

Toll, N. 1946. *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936*. New Haven: Yale University Press (Excavations at Dura Europos. Pt. II).

Treister, M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.

Treister, M. 2010. "Achaemenid" and "Achaemenid-inspired" Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: Nieling J., Rehm E. (eds.). *Achaemenid*

Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Aarchus: Aarchus University Press, 223—279 (Black Sea Studies 11).

Tünde, H. 1999. Contribution to the Study of the Hungarian Amber-Finds. *Savaria — A Vas Megyei Múzeumok Értesítője* 24(3), 277—289.

Turmanidze, M. 2005. Beads from the Fifth-Century BC Greek Necropolis of Pichvnari. In: *Pont-Euxin et polis: polis hellenis etpolis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23-26 septembre 2002: Hommage à Otar Lordkipanidzé etPierre Lévêque*. Besançon: Presses Universitaires Franc-Comtoises, 283—292.

Vaday, A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums). In: Csécs T., Takács M. (eds.). *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Győr: Lekri Group Kft, 757—793.

Verger, S. 2006. La grande tombe de Hochdorf, mise en scène funéraire d'un *cursus honorum* tribal hors pair. *Siris* 7, 5—44.

Waldhauser, J. 1996. Gold und Bernstein der Hallstatt- und Latènezeit in Böhmen und Ihre Kontakte zur „Bernsteinstraße" aufgrund der Mobilität. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 77—95.

Weidig, J. 2014. Kunsthandwerkliche Verarbeitung im vorrömischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 34—45.

Wielowiejski, P. 1996. Bernstein aus den latènezeitlichen und frührömischen Fundstellen Mihovo, Idria, Baška (Veglia), Hradischt (Stradonice, Böhmen) im Naturhistorischen Museum Wien. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 47—56.

Xu, X. 2009. Multi-cultural characteristics of Liao amber and the source of raw material: amber from the tomb of princess Chen and her consort. In: *Amber in archaeology*, 238—249.

Yablonsky, L.T., Treister, M. 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals. *ACSS* 25.1, 79—161.

Yan Liu, 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20.3, 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.4016080.

Yeivin, S. 1933. The tombs found at Seleucia (Seasons 1929—30 and 1931—32). In: Waterman L. (ed.). *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq, conducted by the University of Michigan, the Toledo Museum of Art and the Cleveland Museum of Art.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 33—64.

Zygouris, T. 2019. Amber in the Mycenaean world and in the Balkan Peninsula during the 2nd millennium BC: perspectives of an imported material. *Be-JA Bulgarian e-Journal of Archaeology Supplementa* 7, 177—189.

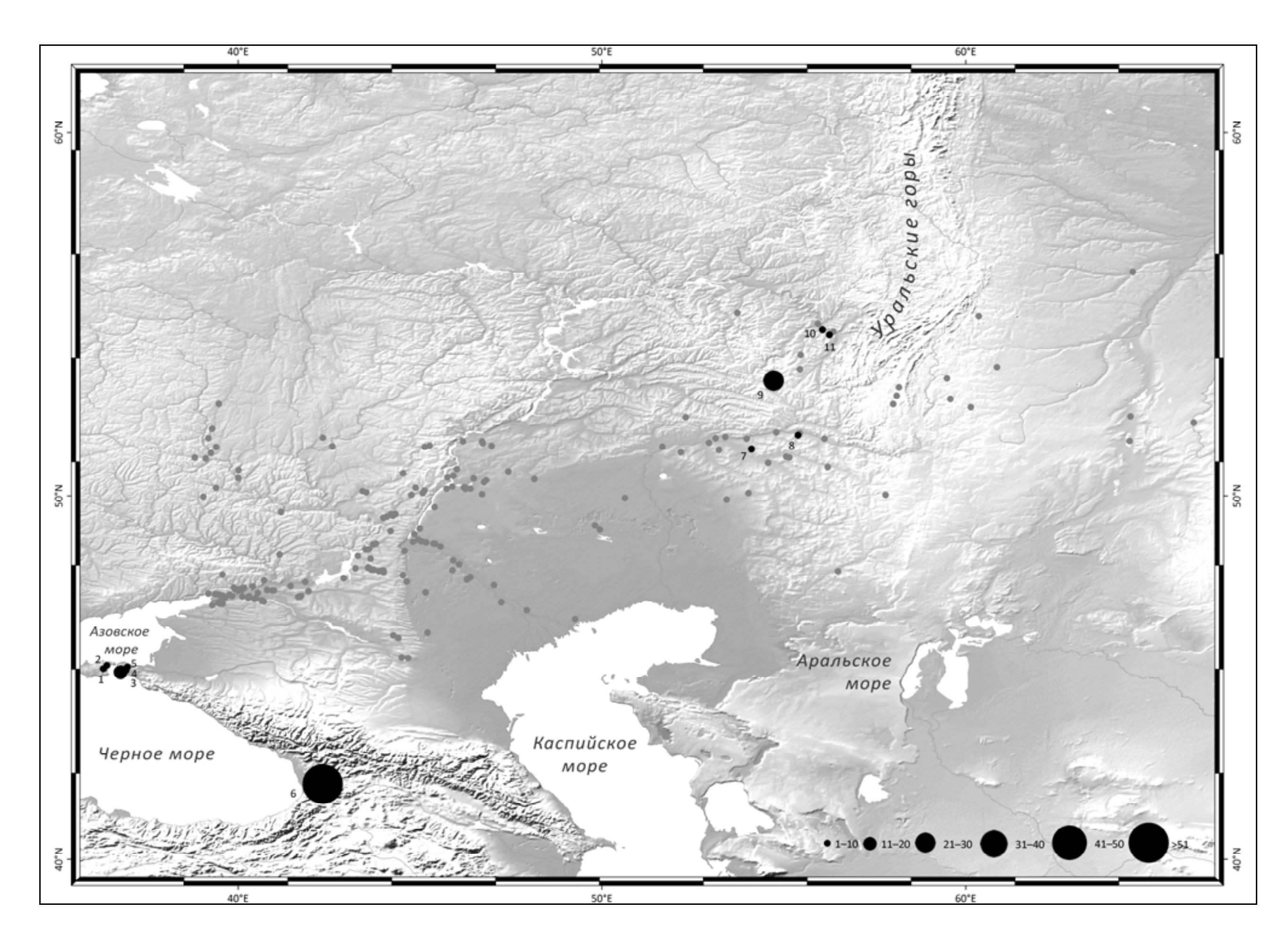

Рис. 1. Находки янтарных бус и вставок IV—III вв. до н.э.: *1* — Трехбратний курган № 2; *2* — Пантикапей; *3* — Зеленской курган; *4* — Васюрина гора; *5* — Фанагория; *6* — Вани, *7* — Филипповка-1; *8* — Бердянка-V; *9* — Прохоровка; *10* — Старые Киишки; *11* — Бишунгарово. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 1. Finds of amber beads and inlays of the 4th — 3rd centuries BCE: *1* — Three Brothers Burial-mound no. 2; *2* — Pantikapaion; *3* — Zelenskoi Burial-mound; *4* — Vasyurina gora; *5* — Phanagoria; *6* — Vani; *7* — Filippovka-1; *8* — Berdyanka-V; *9* — Prokhorovka; *10* — Starye Kiishki; *11* — Bishungarovo. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

Рис. 2. Янтарные украшения и инкрустации с территории Боспора и Прикубанья: *1* — Мерджаны. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2521/7; *2* — Васюрина гора. Средней курган № 1. Плитовая гробница. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № Вас. 33; *3—6* — Трехбратний курган № 2/1967. Гробница № 3. Керчь, ВКИКМЗ, инв. № Б-1135-1138. Фото М.Ю. Трейстера (*1, 3—6*), Гос. Эрмитажа (*2*).

Fig. 2. Amber jewelry and inlays from the Bosporan Kingdom and the Kuban area: *1* — Merdzhany. St. Petersburg, State Hermitage, inv. no. 2521/7; *2* — Vasyurina gora. Middle Burial-mound no. 1. Stone slab tomb. St. Petersburg, State Hermitage, inv. no. Vas. 33; *3—6* — Three Brothers Burial-mound no. 2/1967. Tomb no. 3. Kerch, East-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve, inv. no. Б-1135-1138. Photos by: M.Yu. Treister (*1, 3—6*), State Hermitage (*2*).

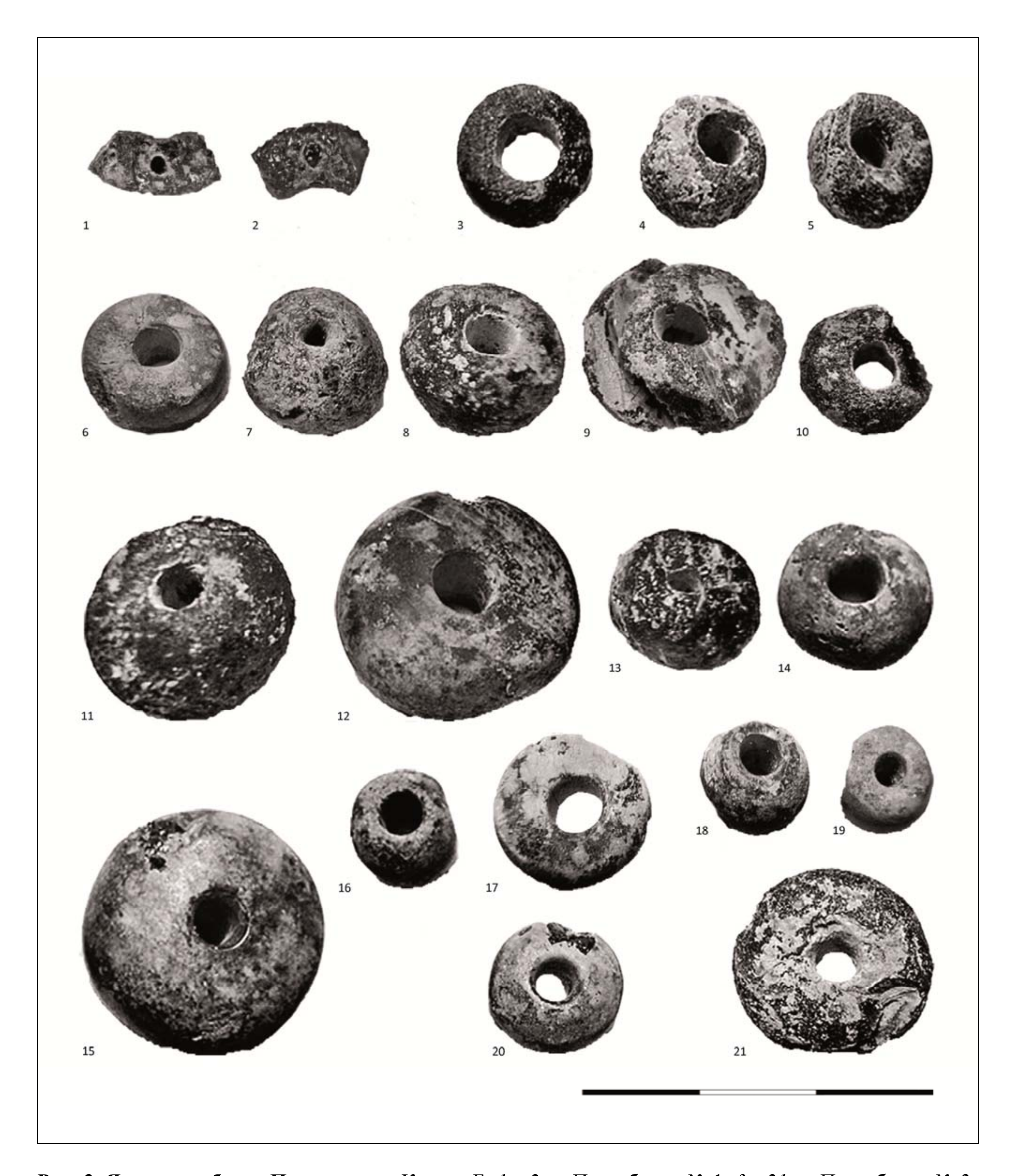

Рис. 3. Янтарные бусы. Прохоровка: Курган Б. *1—2* — Погребение № 1; *3—21* — Погребение № 3: *3—13* — бусы с правого запястья; *14—21* — бусы с левого запястья. Оренбург, ОГИКМ, инв. № ОРОМ 18873/809-849 (по Аникеева 2017).

Fig. 3. Amber beads. Prokhorovka: Burial-mound Б. *1—2* — Burial no. 1; *3—21* — Burial no. 3: *3—13* — beads from the right wrist; *14—21* — beads from the left wrist. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. ОРОМ 18873/809-849 (after Anikeeva 2017).

Рис. 4. Янтарные бусы: *1* — Прохоровка. Курган Б. Погребение № 3. С левого запястья. Оренбург, ОГИКМ, инв. № ОРОМ 18873/809-849; *2* — Бердянка-V. Курган № 4/1995. Погребение № 5. Оренбург, ОГПУ, археологический музей, инв. № Бр95-39; *3* — Майеровский-III. Курган № 4/2002. Погребение 3Б. Москва, ГИМ, инв. № 112873. Оп. Б 2078/62; *4* — Совхоз им. Шаумяна. Курган № 13/1996. Танаис, АМЗТ, инв. № 333, АО 17; *5* — Кадамовский. Разрушенный курган, 1953 г. Новочеркасск, МИДК, инв. № 9864. Фото Л.Т. Яблонского (*1*), Л.А. Краевой (*2*), ГИМ (*3*), М.Ю. Трейстера (*4—5*).

Fig. 4. Amber beads: *1* — Prokhorovka. Burial-mound Б. Burial no. 3. From the left wrist. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. ОРОМ 18873/809—849; *2* — Berdyanka-V. Burial-mound no. 4/1995. Burial no. 5. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, Archaeological Museum, inv. no. Бр95—39; *3* — Maierovskii-III. Burial-mound no. 4/2002. Burial no. 3B. Moscow, State Historical Museum, inv. no. 112873, list Б 2078/62; *4* — Shaumyan Soviet Farm. Burial-mound no. 13/1996. Tanais, Archaeological Museum-Reserve, inv. no. 333, АО 17; *5* — Kadamovskii. Destroyed Burial-mound, 1953. Novocherkassk, Museum of History of Don Kossaks, inv. no. 9864. Photos by L.T. Yablonsky (*1*), L.A. Kraeva (*2*), State Historical Museum (*3*), M.Yu. Treister (*4—5*).

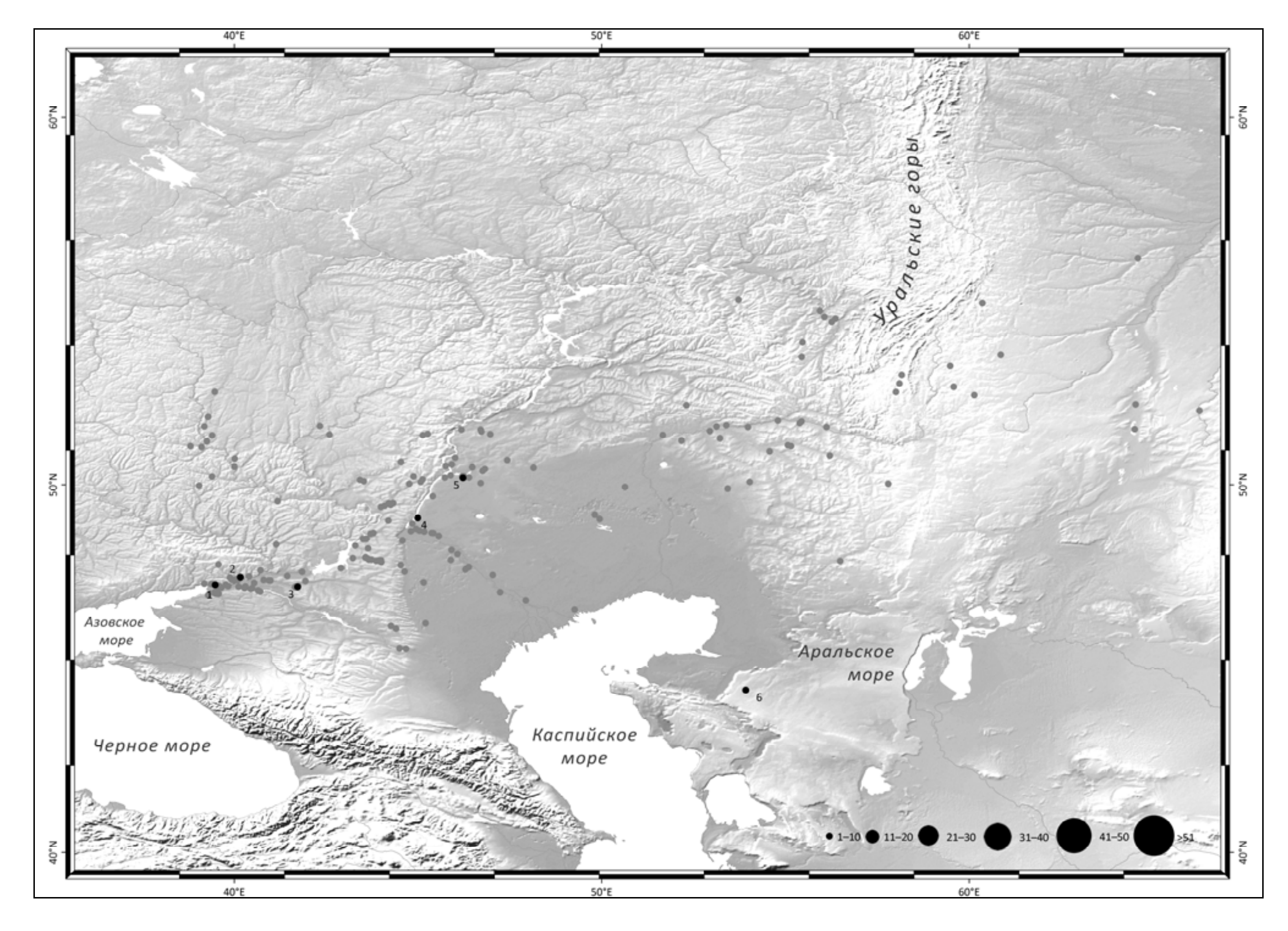

Рис. 5. Находки янтарных бус в погребениях Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э.: *1* — Шаумяна; *2* — Кадамовский; *3* — Криволиманский-I; *4* — Калиновский; *5* — Майеровский-III; *6* — Терен. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 5. Finds of amber beads from the burials of Asian Sarmatia of the 2nd — 1st centuries BCE: *1* — Shaumyan Soviet Farm; *2* — Kadamovskii; *3* — Krivolimanskii-I; *4* — Kalinovskii; *5* — Maierovskii-III; *6* — Teren. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

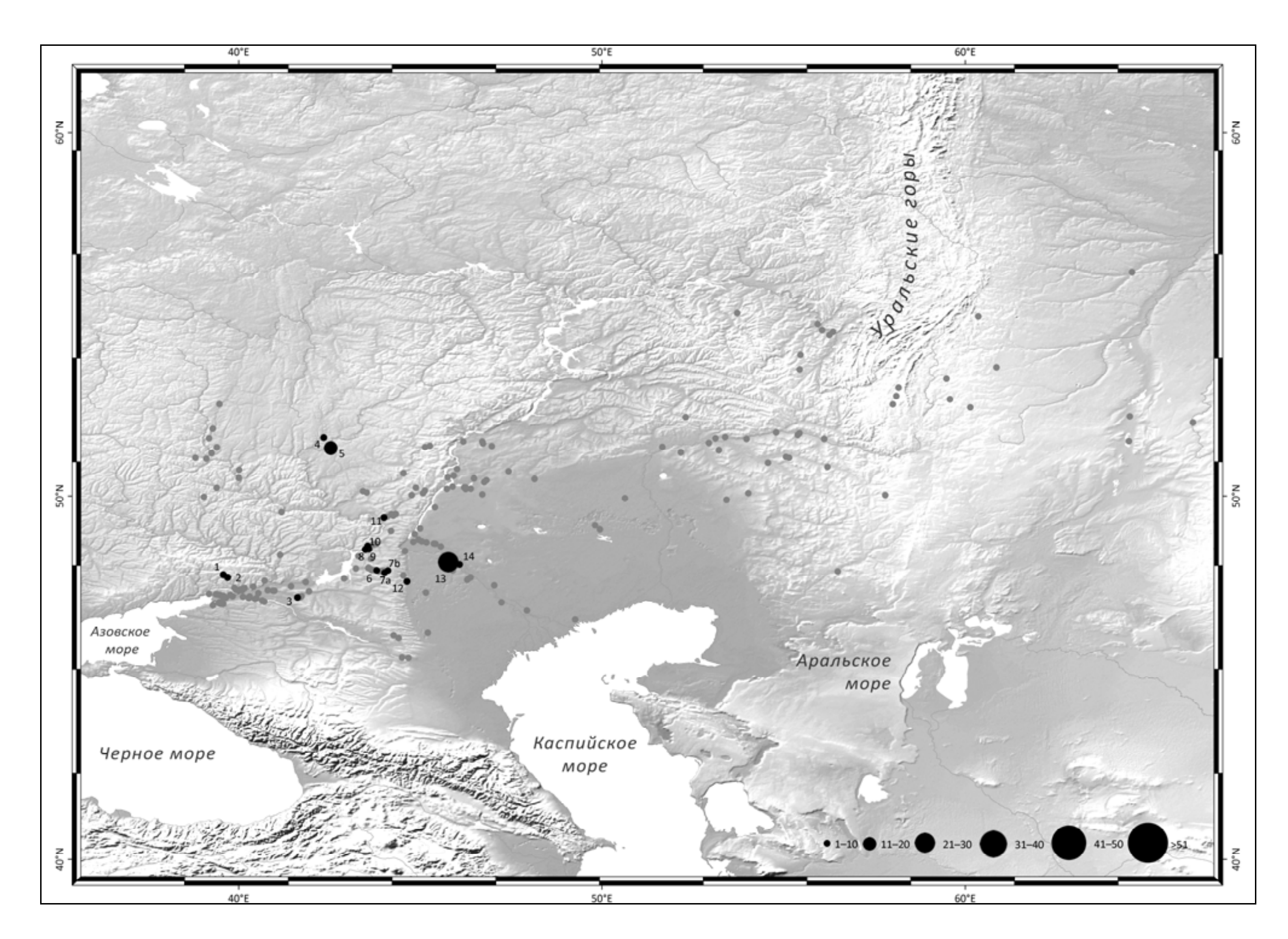

Рис. 6. Находки янтарных бус и вставок в погребениях Азиатской Сарматии I — первой половины II в. н.э.: *1* — Сладковский; *2* — Полевой стан II; *3* — Новый; *4* — Власовский-II; *5* — Третьяки; *6* — Жутово; *7a-b* — Перегрузное; *8* — Вербовский-I; *9* — Вербовский-II; *10* — Колпачки; *11* — Авиловский-II; *12* — Аршань-Зельмень-II; *13* — Старица (с учетом вставок в ожерелье); 14 — Барановка. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 6. Finds of amber beads and inlays from the burials of Asian Sarmatia of the 1st — first half of the 2nd century CE: *1* — Sladkovskii; *2* — Polevoi stan II; *3* — Novyi; *4* — Vlasovskii-II; *5* — Tret'yaki; *6* — Zhutovo; *7a-b* — Peregruznoe; *8* — Verbovskii-I; *9* — Verbovskii-II; *10* — Kolpachki; *11* — Avilovskii-II; *12* — Arshan'-Zel'men'-II; *13* — Staritsa (taking into account the inlays in the necklace); *14* — Baranovka. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

Рис. 7. Наборы бус из различных материалов, включая янтарь: *1—2* — Валовый-I. Азов, АИАПМЗ: 1 — Курган № 9/1987. Погребение № 1, инв. № 25309/215—218; *2* — Курган № 33. Погребение № 1, инв. № 25309/567, 570—572, 580, 582; *3* — Колпачки. Курган № 4/1968. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. 14256/1; *4* — Власовский-II. Курган № 1/1988. Погребение № 1. Пос. Грибановский, Народный краеведческий музей, без инв. номера. Фото: Азов, Музей (*1—2*); Волгоград, Музей (*3*), М.Ю. Трейстера, 2015 (*4*).

Fig. 7. Strings of beads of various materials, including amber: *1—2* — Valovyi-I. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve: *1* — Burial-mound no. 9/1987. Burial no. 1, inv. no. 25309/215—218; *2* — Burial-mound no. 33. Burial no. 1, inv. no. 25309/567, 570—572, 580, 582; *3* — Kolpachki. Burial-mound no. 4/1968. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 14256/1; *4* — Vlasovskii-II. Burial-mound no. 1/1988. Burial no. 1. Gribanovskii settlement, Folk Museum of Local Lore, without inv. no. Fotos by: Azov, Museum (*1—2*); Volgograd, Museum (*3*), M.Yu. Treister, 2015 (*4*).

Рис. 8. Бусы янтарные: *1* — Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Таганрог, ТГЛИАМЗ, инв. № НВ-5189/24; *2* — Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/7; *3—4* — Старица. Курган № 55/1961. Погребение № 1. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. номер не известен; *5—11* — Покровка 10. Курган № 24/2000. Погребение № 1. Оренбург, ОГИКМ, инв. № ОРОМ 18337/8, 33. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 8. Amber beads: *1* — Krasnyi Kut. Burial-mound no. 4/1989. Burial no. 1. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. HB-5189/24; *2* — Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. 11989/7; *3—4* — Staritsa. Burial-mound no. 55/1961. Burial no. 1. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. unknown; *5—11* — Pokrovka 10. Burial-mound no. 24/2000. Burial no. 1. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. OPOM 18337/8, 33. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 9. Ожерелье. Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Общий вид и деталь. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/14. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 9. Necklace. Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. General view and detail. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv. no. 11989/14. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

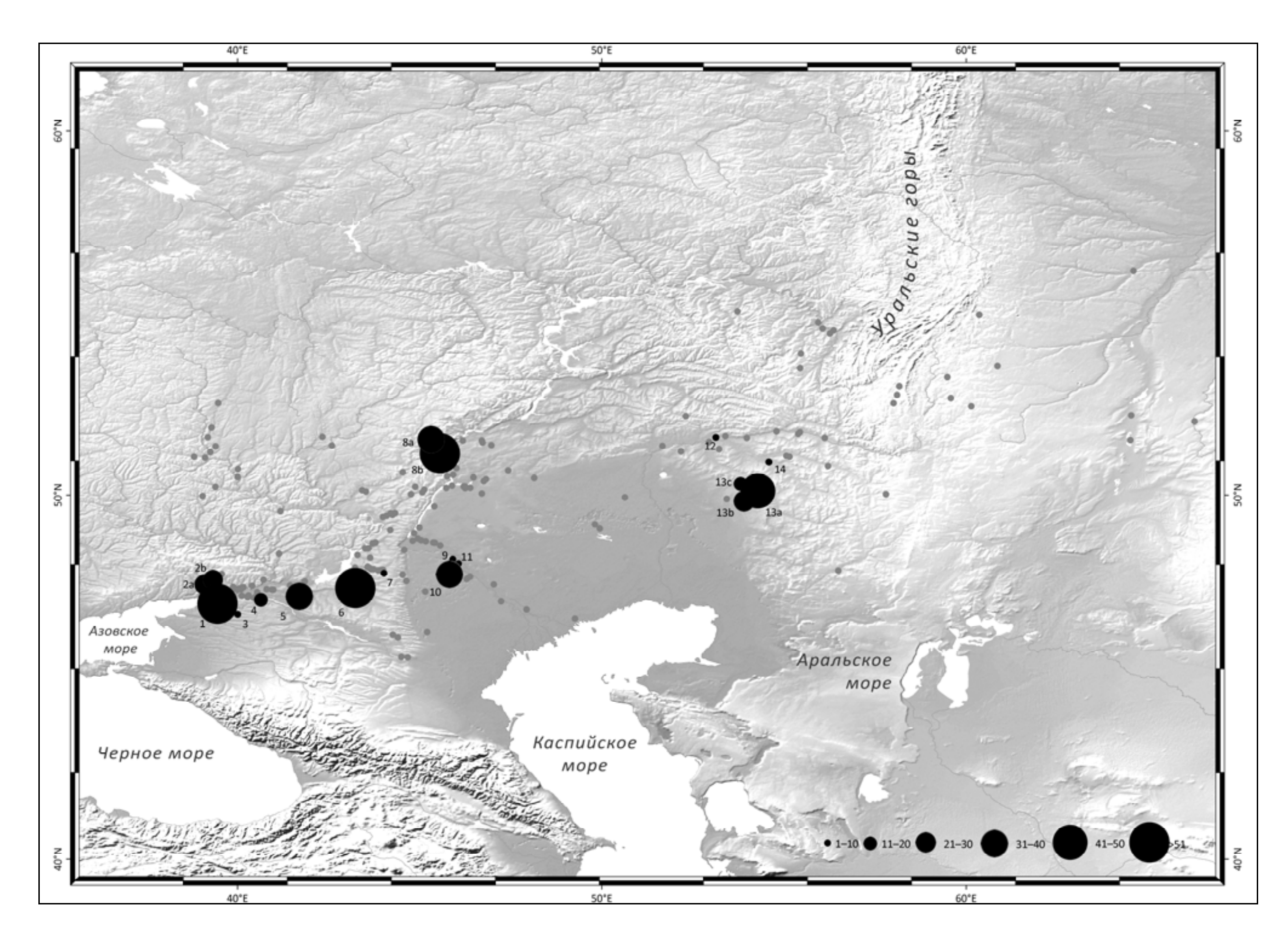

Рис. 10. Находки янтарных бус в погребениях Азиатской Сарматии второй половины II — III в. н.э.: *1* — Новоалександровка-1; *2a-b* — Валовый-I; *3* — Высочино-V; *4* — Красный Кут; *5* — Московский-I; *6* — Гремячая; *7* — Перегрузное; *8a-b* — Большая Дмитриевка; *9* — Старица; *10* — Кривая Лука-VI; *11* — Барановка; *12* — Красный Яр; *13a-c* — Лебедевка-II, III, VI; *14* — Покровка 10. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 10. Finds of amber beads from the burials of Asian Sarmatia of the second half of the 2nd — first half of the 2nd — 3rd century CE: *1* — Novoaleksandrovka-1; *2a-b* — Valovyi-I; *3* — Vysochino-V; *4* — Krasnyi Kut; *5* — Moskovskii-I; *6* — Gremyachaya; *7* — Peregruznoe; *8a-b* — Bol’shaya Dmitrievka; *9* — Staritsa; *10* — Krivaya Luka-VI; *11* — Baranovka; *12* — Krasnyi Yar; *13a-c* — Lebedevka-II, III, VI; *14* — Pokrovka 10. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

Рис. 11. Бусы янтарные: *1* — Большая Дмитриевка. Курган № 13/1988. Погребение № 2. Саратов, СОМК, кп 51963/62—128, инв. № 22723—22789; *2* — Лебедевка. Курган № 2/1966. Астана, НМРК. ҒОМА № 472. ҚРҰМ УҚ ТК$_2$-686. Фото: М.Ю. Трейстера (*1*), М. Шихта (*2*).

Fig. 11. Amber beads: *1* — Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 13/1988. Burial no. 2. Saratov, Regional Local Lore Museum, KP 51963/62—128, inv. no. 22723—22789; *2* — Lebedevka. Burial-mound no. 2/1966. National Museum of Republic Kazakhstan, ҒОМА № 472. ҚРҰМ УҚ ТК$_2$-686. Photos by: M.Yu. Treister (*1*), M. Schicht (*2*).

Рис. 12. Бусы янтарные: *1* — Большая Дмитриевка. Курган № 13/1988. Погребение № 2. Саратов, СОМК, кп 51963/6—12, инв. № 22700—22707. Фото М.Ю. Трейстера.

Fig. 12. Amber beads: *1* — Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 13/1988. Burial no. 2. Saratov, Regional Local Lore Museum, KP 51963/6—12, inv. no. 22700—22707. Photo by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 13. Бусы янтарные: *1, 9* — Бурхан толгой (по Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142); *2, 5* — Шомбуузиин белчир. Погребение № 14 (по Egiimaa 2011: 120, nos. 139, 141); *3—4* — Знаменский клад. Государственный Эрмитаж, инв. № 2715/78—79 (фото Музея); *6—7* — Наймаа Толгой (по Egiimaa 2011: 121, no. 143).

Fig. 13. Amber beads: *1, 9* — Burkhan tolgoi (after Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142); *2, 5* — Shombuuzyn belchir. Burial no. 14 (after Egiimaa 2011: 120, nos. 139, 141); *3—4* — Znamenskii Hoard. State Hermitage, inv. no. 2715/78—79 (Museum photos); *6—7* — Naimaa tolgoi (after Egiimaa 2011: 121, no. 143).

Рис. 14. Навершия мечей янтарные: *1—3* — Бердянка-V. Курган № 6/1995. Погребение № 1. Оренбург, ОГПУ, археологический музей, без инв. №; *4—6* — Лебедевка-VI. Курган № 13/1979. Погребение № 2. Уральск, ЗКОИКМ, инв. № 4453/12.

Fig. 14. Amber sword hilt pommels: *1—3* — Berdyanka-V. Burial-mound no. 6/1995. Burial no. 1. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, Archaeological Museum, without inv. no.; *4—6* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 13/1979. Burial no. 2. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum, inv. no. 4453/12.

УДК 902/904
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00006

М.Н. Дараган

ЛИТЫЕ МЕТКИ НА СКИФСКИХ НАКОНЕЧНИКАХ СТРЕЛ, КАК ХРОНОИНДИКАТОРЫ: МЕТКА КОСАЯ ЛИНИЯ*

С середины V в. до н.э. на скифских наконечниках появляются литые метки. Одним из типов меток, получивших широкое распространение, является метка в виде косой (диагональной) линии с наклоном влево. Рассмотрено 55 колчанных наборов, владельцы которых использовали схожие типы наконечников, маркированные такой меткой. Погребальные комплексы, в которых они найдены, датируются второй — началом третьей четверти IV в. до н.э. Анализ колчанных наборов из этих комплексов позволил выделить 7 основных типов наконечников, определяющих узкий хронологический горизонт. Наконечники с меткой в виде косой линии с наклоном влево, равно как и колчаны их вмещающие, бытуют лишь в течение достаточно узкого отрезка времени и являются надежными хроноиндикаторами второй — начала третьей четверти IV в. до н.э.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, скифы, хронология, наконечники стрел, метки, производство.

Сведения об авторе: Дараган Марина Николаевна, кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: darmar@ukr.net.

M.N. Daragan

CASTING MARKS ON SCYTHIAN ARROWHEADS AS CHRONOLOGICAL INDICATORS: THE SLANT LINE MARK

From the middle of the 5th century BCE casting marks appear on Scythian arrowheads. One type of mark that became widespread is the mark in the form of an oblique line slanted to the left (a slash). This paper presents 55 quiver sets, the owners of which used different types of arrowheads marked with such a mark. The burial complexes in which they were found date from the 2nd to the beginning of the 3rd quarter of the 4th century BCE. Analysis of quiver sets from these complexes made it possible to identify seven types of arrowheads that define a narrow chronological horizon. The arrowheads with an oblique slant line mark, as well as the quivers that contain them, were common only during a relatively narrow time period and as such represent reliable chronological indicator of the 2nd — early 3rd quarter of the 4th century BCE.

Key words: North Black Sea region, Scythian period, Scythians, chronology, arrowheads, marks, arrowheads production.

About the author: Daragan Marina Nikolaevna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: darmar@ukr.net.

---

* Исследование проведено при поддержке фонда Герды Хенкель по теме «The production technology of Scythian Archery equipment: bow, arrows and quivers».

Статья поступила в номер 30 сентября 2020 г.
Принята к печати 15 октября 2020 г.

© М.Н. Дараган, 2020.

Введение. Несмотря на то, что бронзовые наконечники стрел скифского времени относятся к категории археологических находок, использующихся в качестве важнейших хронологических индикаторов, для периода конца V — IV вв. до н.э. они имеют очень широкие датировки, поскольку считается, что в это время не наблюдается принципиальных изменений в их морфологии. По состоянию источников на 1964 г. А.И. Мелюкова полагала, что «комплексы наконечников стрел, найденные в курганах второй половины IV и в IV—III вв. до н.э., мало чем отличаются от наборов стрел конца V — IV вв. до н.э.» (Мелюкова 1964: 25). В связи с этим А.Ю. Алексеев отмечал, что «те или иные разновидности наконечников стрел оставались устойчивыми на протяжении долгого времени. Их конструктивные изменения не позволяют выделить какие-либо узкие хронологические группы, и поэтому в работах о скифском вооружении для этой категории оружия предлагаются достаточно широкие хронологические рамки» (Алексеев 1984: 73). Как следствие, многими исследователями колчанные наборы даже из погребений, имеющих в рамках IV в. до н.э. узкие даты, датируются широко IV—III вв. до н.э. (см., например, анализ колчанных наборов из Большого Рыжановского кургана — Скорый, Хохоровский 2018: 57, 60, 61).

Представляется очень важной узкая датировка наконечников стрел, поскольку из-за тотальной ограбленности скифских курганов, они нередко являются единственными сохранившимися предметами в погребениях или единственными датирующими.

Для точной датировки рядовых скифских погребений используется только античная керамика. При ее отсутствии погребения получают «размытую» датировку. Если для элитных скифских курганов IV в. до н.э., в комплексах которых присутствует античная керамика, позволяющая определить абсолютную дату, а большое количество взаимовстречающихся различных вещей, и, прежде всего, золотых нашивных бляшек, позволяет синхронизировать царские комплексы, где таковая керамика отсутствует, с надежно датированными, то для основного огромного массива низких по рангу скифских курганов в рамках V—IV вв. до н.э. такая работа только начата. И для них очень важно выделить определенные типы вещей, имеющие достаточно узкие датировки (Полин, Дараган 2019: 157). Такими вещами могут быть и отдельные типы наконечников стрел с характерными литыми метками, пока еще датирующиеся весьма широко.

Одним из типов меток, встречающихся на трехлопастных наконечниках стрел со сводчатой или треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, являются литые метки в виде косой (диагональной) черты в ложках или одном ложке — символом в виде тонкой прямой линии с наклоном влево (то есть назад «при направлении письма» слева направо).

Впервые на такие метки обратил внимание А.Ю. Алексеев, выделив аналогичные на трехлопастных наконечниках в Чертомлыке, в могиле «слуги» в Деевом кургане и в кургане Большая Цимбалка, отметив, что экземпляры из Чертомлыка и Деева кургана были отлиты в одной литейной форме (Алексеев 1984: 73, 75, 76). Он же сформулировал важность поиска наконечников с идентичными метками в различных колчанах для хронологических построений, поскольку «похожие, идентичные метки, должны свидетельствовать о незначительном хронологическом разрыве одинаково помеченных наконечников, а при условии совпадения и формы предмета — об их одновременности» (Алексеев 1984: 73).

Всего учтено 55 погребений, колчаны из которых содержат стрелы с бронзовыми наконечниками[1] с такой меткой (табл. 1).

---

[1] В тексте дано только описание морфологии наконечников, размер соответствует масштабу на иллюстрациях, вес обозначен там же. Сводные данные приведены в табл. 2.

1. Водославка, курган 8, погребение 4. Во впускной катакомбе (с погребением коня во входной яме) при погребении подростка найдены остатки напутственной пищи, лук и колчан, вмещавший 88 стрел с бронзовыми наконечниками двух типов[2] (Daragan 2020: 106—111).

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. У некоторых наконечников в двух ложках в средней части имеется слабо рельефная литая метка в виде короткой косой линии, еще у части — слабый отпечаток просматривается только в одном ложке, у остальных — не видна (рис. 1, 2).

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 3, 4).

2. Широкое II, курган 56. Совершено в яме с подбоем. При погребении мужчины найдены напутственная пища с ножом, оселок, копье и дротик, амфора и колчанный набор с бронзовыми наконечниками стрел[3] (Черненко, Бунятян 1977: 72, 73):

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 5: *1*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, длинной втулкой, с заостренными концами лопастей. В ложке литые рельефные метки в виде трех—пяти косых параллельных отрезков с одной стороны ложка (рис. 5: *2*);

— Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. У одного наконечника в верхней части одного ложка литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 5: *3—4, 8*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 5: *5—7*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 5: *9*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой. В ложках имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку, и разделенной на два отрезка, расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 5: *10*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, П-образным ложком на ¼ высоты головки и меткой в виде двух кружков над ним (рис. 5: *12*);

— Трехлопастные, с ложком до острия, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием, или остриями лопастей, опущенными ниже обреза втулки. Ложки украшены тремя—четырьмя—пятью парами прямоугольников (метка сетка) (рис. 5: *13*);

— Трехгранные, с глубокой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Длинные острия граней в виде шипов опущены ниже обреза втулки (рис. 5: *14—16*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 5: *17—21*).

3. Брилевка, курган 9, погребение 3. Во впускной катакомбе (с погребением коня во входной яме) при погребенном найдены напутственная пища с ножом, копье и дротик, бронзовая вилочка, портупейный пояс, железный клевец, шило, долото и два колчана[4] (НА

[2] Хранятся в АМ ИА НАНУ.
[3] Хранятся в НФ ИА НАНУ.
[4] Хранятся в Херсонском краеведческом музее.

ИА НАНУ. № 1985/2. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. 1985. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г. С. 16—17).

Колчан 1 состоял из 40 бронзовых наконечников стрел следующих типов:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, фигурным, с треугольным выступом вверху, ложком на ⅔ высоты головки, короткой втулкой чуть выступающей или вровень с заостренными концами лопастей[5]. У части наконечников во всех трех ложках, у других только в одном, имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 6);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней.

Колчан 2 состоял из 35 бронзовых наконечников следующих типов:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Длиной 4 см (рис. 7: *1—4*) и длинной 3,2 см (рис. 7: *5—7*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 7: *8—11*);

— Трехгранный, с треугольной головкой, с П-образным ложком на ⅔ высоты головки, со скрытой втулкой. В ложках имеется рельефная литая метка в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку (рис. 7: *12*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 7: *13—15*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ⅕—¼, ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием. У одного, возможно, в выемках метки в виде горизонтальных линий (рис. 7: *18—20*);

— Трехгранные, с ровно срезанным основанием или слабой дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой (рис. 7: *17*, *20—23*).

4. Брилевка, курган 20, погребение 9. Во впускной подбойной могиле, при погребенном найдены напутственная пища с ножом и колчан с 16 бронзовыми наконечниками[6] (НА ИА НАНУ. № 1985/2. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. 1985. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г. С. 69):

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 8: *1—2*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с ровно подрезанными концами лопастей (рис. 8: *3*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 8: *4*);

— Трехгранный, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 8: *9*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼, ⅓ высоты головки (рис. 8: *6, 8*);

— Трехгранный, с маленьким П-образным ложком в основании граней (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 8: *7*);

---

[5] Аналогичные наконечники найдены и в колчанном наборе 1 в погребении 1, курган 9 у с. Брилевка. Наконечники сильно окисленные, потому их иллюстрации не приводятся.

[6] Хранятся в Херсонском краеведческом музее.

— Трехгранные, с ровно срезанным основанием (1), слабой дуговидной выемкой (2), глубокой дуговидной выемкой (1) в основании граней, скрытой втулкой (рис. 8: *10—13*).

5. Брилевка, курган 24, погребение 2. Во впускной катакомбе при погребенном найдена напутственная пища, амфора, копье, дротик и колчан с 70 бронзовыми наконечниками стрел (НА ИА НАНУ. № 1985/2. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. 1985. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г. С. 78) следующих типов:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. У одного наконечника в ложке в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии. У нескольких наконечников эта метка расположена ниже и налагается на нижнюю часть втулки (рис. 9: *1—6*);

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В ложке, в верхней части просматривается литая е метка в виде точки (рис. 9: *7*);

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 9: *8*);

— Трехлопастные с треугольной удлиненной головкой, ложком до острия, длинной втулкой, с заостренными концами лопастей. У некоторых наконечников в ложках имеются метки в виде пары косых отрезков в виде тупого угла с обеих сторон втулки (рис. 9: *10—16, 22—24*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. Во всех ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде четырех коротких тонких параллельных горизонтальных линий, расположенных с обеих сторон втулки (рис. 9: *17—21*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. В трех ложках имеется литая рельефная метка в виде косого креста (андреевского) (рис. 10: *1—4*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 10: *6 ,8, 11,15*);

— Трехгранные, с фигурным зауженным посредине ложком на ½—⅓ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 10: *7, 9, 11*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, короткой, выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки (рис. 10: *16—17*);

— Трехгранные, с глубокой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Длинные острия граней в виде шипов опущены ниже обреза втулки;

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 11: *8, 11, 12*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, с маленьким П-образным ложком менее ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 11: *2—4, 10*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, узкие длинные, с маленьким П-образным ложком менее ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 11: 1,*5—7, 9, 13*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, узкие длинные, с маленьким П-образным ложком ¼ высоты головки, скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании

граней. Внутри ложка нанесены две горизонтальные линии, разделенные вертикальной (рис. 11: *14—15*).

7. Брилевка, курган 26, погребение 2. Во впускной катакомбе (с погребением коня во входной яме) при погребении мужчины найдены напутственная пища с железным ножом, копье, дротик, два колчана, один с 67 бронзовыми наконечниками, второй колчан с 76 наконечниками (НА ИА НАНУ. № 1985/2. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. 1985. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г. С. 56) (рис. 11: *17—18*).

В колчанах находились[7]:

— Трехлопастные наконечники со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой, выступающей чуть ниже концов лопастей. Концы лопастей заострены. В ложке (м.б. в ложках) в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии. Наконечники отлиты в двух (м.б. даже в трех) различных формах (рис. 12: *1—5*).

8. Привольное, курган 6, погребение 3. Во впускном детском погребении в яме с подбоем найдены остатки напутственной пищи, ожерелье из бус и браслеты из пастового бисера, 10 бронзовых наконечников стрел[8] (НА ИА НАНУ. № 1975/5. Кубышев А.И. 1975. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1975 г. С. 17):

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 13: *1—4*);

— Трехлопастный, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, незначительно свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 13: *5*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 13: *9*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком в основании граней (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой. Концы граней незначительно свисают ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 13: *6—8*).

9. Красный Подол, курган 2, погребение 1. При основном ограбленном мужском воинском погребении, совершенном в катакомбе, найдено 18 наконечников, среди которых было 6 трехлопастных со сводчатой головкой и с литой меткой в виде короткой косой рельефной линии во всех ложках (Полин 1984: 108, рис. 8: *7*) (рис. 13: *10*).

10. Подовое, курган 4, погребение 2. Во впускной катакомбе при мужском погребении найдена напутственная пища с железным ножом, и колчан с 45 бронзовыми наконечниками стрел (НА ИА НАНУ. № 1977/23. Кубышев А.И. 1977. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1977 году. С. 118), среди которых были:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. У трех наконечников во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде рельефной короткой косой линии (рис. 13: *19, 20*);

— Трехгранные с П-образным ложком на ½ высоты головки. У двух наконечников метки: горизонтальная линии, состоящая из двух отрезков, пересекающая втулку: в одном ложке — полная; во втором — половина (один отрезок), в третьем — отрезки расположены на разных уровнях (рис. 13: *24*);

---

[7] В коллекции наконечники из колчанов объединены.
[8] Наконечники находятся в ИА НАНУ.

— Трехгранные с небольшим П-образным ложком, у одного в ложках метка — косой крест (рис. 13: *22*).

11. Нижняя Маячка, курган 21, погребение 2 (НА ИА НАНУ. № 1988/19. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Фридман М.И. 1988. Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в 1988 г. С. 36). Во впускной катакомбе при погребенном мужчине найдены железное кольцо и 38 бронзовых наконечников[9]:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 14: *1—5*);

— Трехлопастные с башневидной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, заостренными концами лопастей, разведенными в стороны. В ложках имеются литые рельефные метки в виде коротких горизонтальных отрезков, симметрично расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 14: *6*);

— Трехлопастные, с длинной треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей (рис. 14: *7—10*);

— Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, свисающими остриями лопастей ниже обреза втулки (рис. 14: *11—13*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой. Острия граней заострены. В одном ложке метка в виде линии, пересекающей втулку (рис. 14: *15—17*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой. В ложках имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку, либо разделенной на два отрезка, расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 14: *14*);

— Трехлопастный с ложком до острия и слабо выступающей втулкой (рис. 14: *18*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 15: *1—4*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, с П-образным ложком на ¼ высоты головки (рис. 15: *5—9*);

— Трехгранные с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой. В одном ложке нанесена метка в виде косого креста (рис. 15: *10*), другом — обычного прямого креста (рис. 15: *11*);

— Трехгранные, с ровно обрезанным основанием или небольшой дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой (рис. 15: *14—17*).

12. Львово, курган 18, погребение 1. Во впускной катакомбе (с погребением молодой девушки во входной яме) при погребении женщины найдены античная и местная лепная посуда, напутственная пища, железные копья, зеркало, костяное веретено с пряслицем, ожерелье и перевязи из бус, золотая метопида и колчан с 39 стрелами с бронзовыми наконечниками[10] (Кубышев, Николова, Полин 1982: 133—136):

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии[11] (рис. 16: *19*);

[9] Хранятся в НФ ИА НАНУ.
[10] Хранятся в НФ ИА НАНУ.
[11] В оригинальной публикации метка на рисунке не отмечена, но описана в тексте, прорисовка сохранилась в архиве С.В. Полина. В коллекции, хранящейся в НФ ИА НАНУ, эти наконечники сильно окислены.

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены (рис. 16: *1—3*);

— Трехлопастные со сводчатой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких тонких параллельных горизонтальных линий (до десяти), расположенных с обеих сторон втулки (рис. 16: *4—5*);

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В ложках в средней части имеется литая рельефная метка в виде косого креста (рис. 16: *20*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, с заостренными концами лопастей, длинной втулкой (рис. 16: *21*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой. Острия граней заострены. В ложках имеются рельефные литые метки: в виде горизонтальной линии и отходящей от нее вниз косой линии и горизонтальной линии и отходящей вверх косой (рис. 16: *6—11*);

— Трехлопастный, с ложком до острия, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием. Ложки украшены тремя—четырьмя—пятью парами прямоугольников (метка сетка) (рис. 16: *12*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 16: *15—17*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с гладким П-образным ложком на ¼ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 16: *1, 12—14, 18*).

В состав браслета входил архаический бронзовый двухлопастный наконечник стрелы (рис. 16: *23*).

13. Львово, курган 18, погребение 2. Во впускном мужском погребении найдены напутственная пища с ножом, амфоры, лекиф, копья, дротик и два колчана[12] (Кубышев, Николова, Полин 1982: 141—142).

Колчан 1 вмещал 51 стрелу: 48 стрел с бронзовыми наконечниками и 3 стрелы цельнодеревянные:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, фигурным, с треугольным выступом вверху, ложком на ⅔ высоты головки, короткой втулкой чуть выступающей или вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 17: *1—5*);

— Трехлопастные со сводчатой удлиненной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 17: *6—12*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис.17: *13—14*);

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках нанесены литые метки — комбинации из горизонтальных линий и косого креста (рис. 17: *16*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой. Острия граней заострены. В ложках имеется рельефная литая метка в виде косой линии (рис. 17: *17*);

[12] Хранятся в НФ ИА НАНУ.

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с гладким П-образным ложком на ¼ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 17: *15, 18*);

— Цельнодеревянные наконечники стрел. Головка в виде длинного острого конуса. В месте перехода к черешку вырезами оформлены по три острия, отделяющихся от черешка. Длина головок 3,7—4 см (рис. 17: *19—20*).

Колчан 2 вмещал 84 стрелы с бронзовыми наконечниками двух типов:

— Трехгранные, с ровно срезанным основанием, скрытой втулкой. В основании граней на каждой имеется метка в виде двух мелких круглых углубления, расположенных горизонтально в один ряд (рис. 18: *1—19*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 18: *20—26*).

14. Ново-Дудчино, группа 1, курган 1, погребение 3.[13] В ограбленном погребении с одной входной ямой и двумя поперечными катакомбами, во входной яме найдены остатки напутственной пищи, наконечники и втоки копий и дротиков, обломок чернолакового сосуда, ножи, свинцовое колесико, железная ворварка и бронзовые наконечники стрел (НА ИА НАНУ. № 1972/35. Лесков А.М. Отчет о работах Херсонской экспедиции в 1972 г.):

— Трехлопастные со сводчатой головкой, фигурным, с треугольным выступом вверху, ложком на ⅔ высоты головки, короткой втулкой чуть выступающей или вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. У одного наконечника во всех трех ложках имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 20: *1—2*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких тонких параллельных горизонтальных линий, расположенных одной стороны втулки (рис. 20: *5*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. В средней части ложка рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку (рис. 20: *3—4*);

— Трехгранный, с глубокой выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Острия граней длинные в виде шипов, опущены ниже обреза втулки (рис. 20: *8*);

— Трехгранные, с П-образным ложком в основании граней (¼ и менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней (рис. 20: *6—7*).

15. Деев курган. В северо-западной поле кургана под остатками тризны, находилось захоронение рядового воина. Его сопровождал колчан с костяной застежкой с 53 стрелами с бронзовыми наконечниками[14] (Спицын 1906):

— Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В ложках в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии (рис. 21: *1—6*);

— Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей (рис. 21: *7—11*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 21: *12—20*, 22: *1—5*);

[13] Хранятся в НФ ИА НАНУ.
[14] Хранятся в Государственном Эрмитаже.

— Трехлопастные, с длинной треугольной головкой, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В верхней части ложков имеются литые рельефные метки в виде сдвоенной галочки, опущенной вниз (рис. 23);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼, ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 22: *6—17*);

— Трехгранные, с длинной узкой треугольной головкой, треугольной выемкой в основании, выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки (рис. 22: *18—23*).

16. Гайманово поле, курган 27, погребение 1—2. В ограбленной катакомбе с двумя входными ямами найдены кости мужского и женского скелетов. Также найдены остатки напутственной пищи, лепной горшок, пастовые бусины, каменный сфероид, железный нож, подвеска с антропоморфным изображением, наконечники стрел[15] (Тереножкин и др. 1973: 183, 185, рис. 37: *1—7*):

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В ложках в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии. В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде четырех коротких параллельных горизонтальных линий, расположенных с одной стороны втулки (рис. 24: *1*);

— Трехлопастные, с длинной треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей (рис. 24: *2*);

— Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, длинной выступающей втулкой, с ровно подрезанными концами лопастей (рис. 24: *3*).

— Трехгранные, с треугольной головкой, с П-образным ложком на ¼, ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 24: *4—7*).

17. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2. Во впускной катакомбе в погребении взрослого мужчины найдены блюдо с напутственной пищей и ножом, колчан 1, амфора, копье, дротик, колчан 2, нож, перстень, булава, железные щипцы, колчан 3, бронзовый котел с костями барана и вилка для накалывания мяса[16] (НА ИА НАНУ. № 1990/12. Евдокимов Г.Л., Генинг В.В., Куприй Н.М., Солтыс О.Б. 1990. Отчет о раскопках курганов Краснознаменской экспедицией в зоне строительства АС Херсонской обл. в 1990 г.).

Колчан 1 вмещал 30 стрел с бронзовыми наконечниками:

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, чуть вогнутыми гранями, с короткой втулкой, с концами лопастей, свисающими в виде шипов вровень или ниже обреза втулки (рис. 25: *1—17*);

— Трехгранные с П-образным ложком в основании граней на ⅕—¼ высоты головки (рис. 25: *18—20*);

— Трехгранные, с маленьким П-образным ложком в основании граней (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной или треугольной выемкой в основании (рис. 26: *1—8*);

— Трехгранные, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой (рис. 26: *9—10*).

Колчан 2 вмещал 96 стрел с бронзовыми наконечниками:

[15] Хранятся в НФ ИА НАНУ.
[16] Наконечники хранятся в НФ ИА НАНУ.

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 27: *1*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В ложках, по всей длине имеются литые рельефные метки в виде коротких параллельных горизонтальных линий (от четырех до семи), расположенных с обеих сторон втулки (рис. 27: *2—11*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. В верхней части одного ложка имеется литая метка в виде трех расходящихся в виде веера из одной точки трех линий. У некоторых наконечников в верхней части второго ложка знак в виде полукружья (рис. 27: *12—20*, 28, 29: *1*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 29: *2*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (двух вариантов) (рис. 29: *3—4*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой меньшего размера, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 29: *5*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, с маленьким П-образным ложком менее ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием (рис. 29: *6—24*, 30: *1—5*);

— Трехгранный, с треугольной головкой, с П-образным ложком на ¼ высоты головки, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием (рис. 30: *6*)

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. В одном ложке литая рельефная метка в виде косой линии (рис. 30: *7—8*);

— Трехгранные, с треугольной и сводчатой головкой, с дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой (рис. 30: *9—24*);

Колчан 3 вмещал 14 стрел с бронзовыми наконечниками:

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, свисающими в виде шипов. В верхней части одного ложка литая метка в виде трех сходящихся в одной точке под углом линий (рис: 31: *1*);

— Трехлопастный, с узкой сводчатой головкой, ложком до острия, едва выступающей втулкой, тупыми концами лопастей (рис: 31: *2*);

— Трехлопастный, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис: 31: *3*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой, с концами лопастей, свисающими в виде шипов вровень или ниже обреза втулки (рис: 31: *4*);

— Трехгранный, с фигурным зауженным посредине ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис: 31: *5*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, узкие длинные, с маленьким П-образным ложком (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 31: *6—8*);

— Трехгранный, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис: 31: *9*);

— Трехгранные, с треугольной и сводчатой головкой, скрытой втулкой с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис: 31: *10—13*).

18. Верхний Рогачик, курган 10, погребение 2. Основное. В ограбленном подбое обнаружены остатки скелетов — взрослого и молодой девушки/подростка. Из сопутствующего инвентаря сохранилась напутственная пища, зеркало, фрагменты металлической мисочки, бронзовые иглы, нож, пряжка, бронзовое кольцо, вилкообразные предметы и наконечники стрел[17] (НА ИА НАНУ. № 1990/12. Евдокимов Г.Л., Генинг В.В., Куприй Н.М., Солтыс О.Б. 1990. Отчет о раскопках курганов Краснознаменской экспедицией в зоне строительства АС Херсонской обл. в 1990 г.):

— Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В верхней части всех трех ложков имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии (рис. 32: *1—4*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 32: *5*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 32: *6—9*).

19. Мамай-гора, курган 16, погребение 1. В катакомбе при женском погребении обнаружены поднос с напутственной пищей и ножом, кувшин, лекиф, бронзовые бляха и зеркало, бусины, пряслице, золотой перстень, гривна, браслет, кремневый отщеп, реальгар и колчан с 46 стрелами с бронзовыми наконечниками[18] (Андрух, Тощев 1999: 100—104):

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 33: *1—6*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей (рис. 33: *8*);

— Трехлопастный, с узкой сводчатой головкой, ложком до острия, едва выступающей втулкой, тупыми концами лопастей (рис. 33: *11*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой. Острия граней заострены. У одного наконечника в ложке имеется рельефная литая метка в виде косой линии (рис. 33: *9, 12—16*);

— Трехлопастный, с ложком до острия, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием, или остриями лопастей, опущенными ниже обреза втулки. Ложки украшены тремя—четырьмя—пятью парами прямоугольников (метка сетка) (рис. 33: *10*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 33: *17—19*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 34: *1—18*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой с ровно срезанным основанием или слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 34: *19—24*).

21. Мамай-гора, курган 22, погребение 4. В яме с подбоем, при погребенном мужчине найдена напутственная пища с ножом и колчан с 23 бронзовыми наконечниками стрел[19] (Андрух, Тощев 1999: 132):

[17] Хранятся в НФ ИА НАНУ.
[18] Хранятся в Каменско-Днепровском районном историко-археологическом музее.
[19] Хранятся в Каменско-Днепровском районном историко-археологическом музее.

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 35: *1*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей (рис. 35: *2*);

— Трехлопастный, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 35: *3*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с едва выступающей втулкой. В ложках имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку и разделенной на два отрезка, расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 35: *4*);

— Трехгранный, с длинной выступающей втулкой и треугольной головкой. Концы граней заострены и отделены от втулки (рис. 35: *5*);

— Трехгранные, с маленьким П-образным ложком в основании граней (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 35: *6—12*);

— Трехгранный, со скрытой втулкой, сводчатой головкой, с П-образным ложком на ⅓ высоты головки, дуговидными выемками в основании граней (рис. 35: *13*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 35: *14—21*).

22. Мамай-гора, курган 106. В катакомбе, при погребенном найдены поднос с напутственной пищей и железным ножом, бусы, браслет и 55 бронзовых наконечников стрел[20] (Андрух 2001: 160):

— Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. У двух наконечников в ложках в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии (рис. 36: *1—3*);

— Трехлопастный, с длинной треугольной головкой, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В верхней части ложков имеются литые рельефные метки в виде сочетания коротких горизонтального и косого отрезков (рис. 36: *4*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 36: *5—8*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 36: *9—11*, *13—18*).

23. Мамай-гора, курган 134, погребение 1. В яме с подбоем, при погребенном мужчине найдены напутственная пища с ножом, колчан с 45 бронзовыми и 1 костяным наконечником[21] (Андрух 2001: 222):

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 37: *1*);

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких тонких параллельных горизонтальных линий, расположенных с обеих сторон втулки (рис. 37: *2*);

[20] Наконечники хранятся в Каменско-Днепровском районном историко-археологическом музее.
[21] Наконечники хранятся в Каменско-Днепровском районном историко-археологическом музее.

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки или вровень (рис. 37: *3*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 37: *4*);

— Трехгранный, с П-образным ложком менее ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней, над ложком нанесена метка в виде двух круглых углублений, расположенных горизонтально в один ряд (рис. 37: *10*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 37: *13—24, 38*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с гладким П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 37: *5—9*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, П-образным ложком на ⅙—⅕ высоты головки, ровно обрезанным основанием (рис. 37: *11—12*).

20. Золотая Балка, курган 3, погребение 1. В ограбленной катакомбе найдены во взвешенном состоянии кости взрослого, предположительно мужчины. В заполнении камеры найдены нож с костяной рукояткой, деревянное блюдо с железными скобами, костяная ворворка и наконечники стрел[22] (Полин 2014: 27):

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. В двух ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 39: *3*);

— Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными вровень с обрезом втулки (рис. 39: *1—2*);

— Трехлопастный, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 39: *4*);

— Трехгранный, с длинной узкой треугольной гладкой головкой, треугольной выемкой в основании, выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки (рис. 39: *9*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, ровно срезанным основанием и слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 39: *5—7*);

— Трехгранный, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. Концы граней свисают ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 39: 8);

— Железный трехлопастный наконечник с длинной выступающей втулкой.

31. Золотая Балка, курган 15. В катакомбе с тремя входными ямами, при предполагаемом первичном женском погребении найдены трехлопастные наконечники, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. Во всех трех ложках в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии (рис. 39: *13*) (Полин 2014: 114, рис. 73: *9*). Также были найдены трехлопастные с треугольной головкой, с длинной выступающей втулкой, с ложком до острия. В одном ложке нанесена поперечная рельефная линия (рис. 39: *14).*

32. Соболева Могила, погребение 2. Во впускной катакомбе погребение знатного воина сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем, в том числе слева от погребенного лежал горит, внутри которого находилось 46 стрел с бронзовыми наконечниками. Также в погребении было найдено еще пять колчанов, в которых было 64, 37, 36, 21, 32

[22] Наконечники находятся в ИА НАНУ.

соответственно, стрелы с бронзовыми наконечниками[23] (Мозолевский, Полин 2005: 187—188, рис. 101).

В горите были найдены:

— Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В одном ложке в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии[24] (рис. 40: *1—3*).

В колчанах найдены:

— Трехлопастные, с длинной треугольной головкой, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В одном ложке метка в виде длинной вертикальной S—видно изогнутой линии (рис. 40: *4—8*);

— Трехлопастные с треугольной удлиненной головкой, ложком до острия, длинной втулкой, с заостренными концами лопастей. В одном ложке литые рельефные метки в виде трех—пяти косых параллельных отрезков с одной стороны ложка (рис. 40: *9—11*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой (в одной случае с более длинной). У некоторых наконечников в ложках имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку (рис. 40: *12—18*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, короткой, едва выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки. В средней части втулки нанесена литая метка — горизонтальная линия (рис. 40: *19*);

— Трехгранные, с фигурным зауженным посредине ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой или более длинной выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 41: *1—6*);

— Трехгранные, с узкой длинной треугольной головкой, с маленьким П-образным ложком (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 41: *9, 10—15, 17*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ⅕—¼ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 41: *7, 8, 16*).

33. Марьянское, группа 1, курган 3, погребение 1. В ограбленной катакомбе при мужском погребении найдены железные копья, нож, ворварки и 43 наконечника стрелы[25] (НА ИА НАНУ. № 1978/43а. Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н. 1978. Отчет по исследованию археологических памятников в зоне строительства оросительной системы в совхозе им. Ильича и колхозе им. Жданова Апостоловского р-на в 1978 г.; Волкобой и др. 1980: рис. 20):

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. В ложке в средней части имеется литая рельефная метка в виде короткой косой линии (рис. 42: *3*);

— Трехлопастные со сводчатой и треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 42: *1, 2, 4*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней (рис. 42: *5—12*);

---

[23] Наконечники хранятся в НФ ИА НАНУ:

[24] Метка отмечена при описании, но отсутствует на картинке.

[25] Наконечники хранятся в археологических фондах Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

— Трехгранные, со скрытой втулкой, с ровно срезанным основанием или слабой дуговидной выемкой в основании граней, (рис. 42: *12—16*).

34. Водяна могила, сопровождающее погребение конюшего. Колчан с 71 стрелой с бронзовыми наконечниками (Мозолевский, Полин 2005: 85, рис.18: 2). В НФ ИА НАНУ обнаружено 34 наконечника:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 43: *3—4*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, с выступающей втулкой. Во всех ложках имеются метки в виде четырех поперечных полосок с обеих сторон втулки. В одном из ложков, в дополнение к указанным полоскам, в верхней части ложка имеется косой рельефный крест (рис 43: *5*);

— Трехлопастные с узкой сводчатой головкой, ложком до острия, чуть выступающей втулкой, тупыми концами лопастей. В одном ложке метка в виде полукруглого выступа (рис. 43: *6—9, 11—13*);

— Трехлопастный, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки (рис. 43: *10*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. В ложках литые рельефные метки в виде косых линий (рис. 43: *14—19*);

— Трехгранные, с длинной узкой треугольной гладкой головкой, выступающей втулкой, треугольной выемкой в основании. Концы граней заострены и отделены от втулки (рис. 44: *1—3*);

— Трехгранный, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, с шестью мелкими прямоугольными углублениями, расположенными двумя вертикальными рядами по три в каждом на всех гранях (рис. 44: *4*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней. В основании граней на каждой имеется по два мелких круглых углубления, расположенных горизонтально в один ряд (рис. 44: *10—12*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней (рис. 44: *13—16*);

— Трехгранные, с маленьким П-образным ложком в основании граней (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней или ровно обрезанным основанием. У некоторых образцов маленький П-образный ложок имеет суженное основание и в таких случаях короткие окончания граней сведены внутрь (рис. 44: *5—9, 17*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ¼, ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 44: *18—20*);

В основной гробнице 3, с которой и связано сопровождающее погребение, сохранилось три бронзовых трехлопастных наконечника стрелы один из которых имеет прямоугольный ложок на ⅔ высоты головки, В двух ложках имеются знаки в виде горизонтальных рельефных полосок по одну сторону втулки (рис. 43: *2*), еще два с ложком до острия, у них во всех ложках метки в виде «галочки», направленной вершиной вверх и трех поперечных полосок сверху (рис. 43: *1*) (Мозолевский, Полин 2005: 91, рис. 25: *5—6*).

35. Чередникова могила, курган 8, погребение 1. В основной катакомбе, при погребении взрослого мужчины найдены амфора, костяной предмет, копья и дротики,

костяные и бронзовые ворворки, каменный сфероид, железное кольцо и два колчана (НА ИА НАНУ. № 1988/33. Мозолевский Б.Н., Николова А.В., Полин С.В., Белозор В.П. 1988. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1988 г. С. 44)[26]:

Колчан 1 — 115 наконечников стрел:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 45: *7*);

— Трехлопастные с башнеобразной головкой, с ложком до острия. Возле втулки в ложках прослеживаются горизонтальные рельефные полоски. Точное число их не удается подсчитать из-за окислов. Втулка вровень с остриями лопастей (рис. 45: *8*);

— Трехлопастные с ложком до острия и выступающей втулкой. Возле втулки в двух ложках из трех — по три горизонтальные рельефные полоски (рис. 45: *9*);

— Трехгранные с П-образным ложком на ½ высоты головки и выступающей втулкой (рис. 45: *10*);

— Трехгранные с П-образным ложком на ¼ высоты головки и выступающей втулкой. Сходны с предыдущим. Иной только характер заточки — головка имеет сводчатые очертания (рис. 45: *11*);

— Трехгранные со сводчатой головкой, скрытой втулкой и треугольной выемкой в основании (рис. 45: *12*).

Колчан 2 — 48 бронзовых наконечников стрел:

— Трехлопастные с башнеобразной головкой, ложком до острия, косой рельефной полосой во всех трех ложках и выступающей втулкой (рис. 45: *13*);

— Трехлопастный с ложком до острия и выступающей втулкой. В каждом из ложков различные комбинации рельефных линий: горизонтальная полоса вверху и такая же на уровне втулки; косой крест вверху и две горизонтальные полоски на уровне втулки; косая линия вверху и две горизонтальные на уровне втулки на различной высоте (рис. 45: *14*);

— Трехгранные с прямоугольным ложком на половину высоты головки. Втулка вровень с остриями граней (рис. 45: *15*);

— Трехлопастный с ложком до острия и ровно обрезанным основанием (рис. 45: *16*);

— Трехгранные пирамидальные с П-образным ложком на ⅕ высоты головки, ровно обрезанным основанием (рис. 45: *17*);

— Трехгранные со скрытой втулкой, свисающими ниже основания остриями граней, образующими прямоугольную выемку (рис. 45: *18*);

36. Выводово, курган 92, погребение 2. Во впускной катакомбе при мужском погребении найдено три колчана и отдельное скопление стрел, копья, дротики, нож, клык кабана и костяные пластины, бронзовая «вилка», золотая серьга, амфора, чернолаковая чашечка[27] (НА ИА НАНУ. № 1975/10. Чередниченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.І., Бунятян Е.П., Ковальева Л.Г., Козловский А.А., Орлов Р.С., Пустовалов С.Ж., Орлов К.К., Рассамакин Ю.Я., Шевченко Н.П., Бобыр І. Г. 1975. Отчет о раскопках Верхнетарасовской экспедиции в 1975 г.: 158—162).

Колчан 1 — 69 наконечников стрел:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 46: *1—12*);

[26] Рисунок С.В. Полина, полевой дневник.
[27] Наконечники хранятся в НФ ИА НАНУ.

— Трехлопастные с башневидной головкой, с фигурно изогнутыми лопастями, головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, заостренными концами лопастей, разведенными в стороны. В ложках имеются литые рельефные метки в виде коротких горизонтальных отрезков, асимметрично расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 46: *13—24,* 47: *1—4*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 47: *5—16*);

Колчан 2 — 111 наконечников:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 48: *5—6);*

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. В верхней части всех трех ложков нанесена литая метка в виде косого креста (рис. 48: *1—4*);

— Трехлопастные с удлиненной треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. В ложках имеются литые рельефные метки в виде пяти косых параллельных отрезков с одной стороны ложка (рис. 48: *7—9*);

— Трехлопастные с башневидной головкой, с фигурно изогнутыми лопастями, головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, заостренными концами лопастей. В ложках имеются литые рельефные метки в виде коротких горизонтальных отрезков, асимметрично расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 48: *10—13*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. В средней части ложка рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку (рис. 48: *14, 15, 20*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов, реже с ровно обрезанным основанием. В средней части ложка рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку (рис. 48: *16, 17*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой. Острия граней заострены. В ложках имеются рельефные литые метки в виде косой линии (рис. 48: *21, 22*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. В ложках иногда встречаются литые рельефные метки в виде косых или горизонтальных линий. У некоторых наконечников на гранях нанесены процарапанные метки в виде косых параллельных линий (рис. 48: *25—30*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ¼, ⅓ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней (рис. 48: *32—37*);

— Трехгранные, с глубокой П-образной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Острия граней длинные, в виде шипов, опущены ниже обреза втулки (рис. 48: *31*).

Колчан 3 — 44 наконечника. В этом колчане были все те же типы наконечников, что и в колчане 2, за исключением трехлопастных с литыми рельефными метками в виде косых параллельных отрезков с одной стороны ложка (рис. 49).

37. Башмачка, курган 11, погребение 2. В ограбленной основной катакомбе обнаружен колчанный набор, костяные и железные ворварки, пастовые бусы, обломок меча и 2 ножей[28] (Волкобой и др. 1981). Колчанный набор состоял из 65 бронзовых наконечников стрел следующих типов:

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 50: *1—6*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены (рис. 50: *7—15*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, широким размахом окончаний лопастей, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей (рис. 50: 1*6*);

— Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей (рис. 50: *17—21*). У одного наконечника на ложке прочерчены четыре косые линии;

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. В одном ложке нанесена метка — галочка (или угол), направленная углом вверх в верхней части ложка и косой крест в нижней (рис. 50: *22*);

— Трехлопастный с узкой сводчатой головкой, ложком до острия, чуть выступающей втулкой, тупыми концами лопастей (рис. 50: *24*);

— Трехлопастный, с узкой сводчатой головкой, ложком до острия, едва выступающей втулкой, тупыми концами лопастей (рис. 50: *23*);

— Трехгранные, с длинной узкой треугольной гладкой головкой, треугольной выемкой в основании, выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки (рис. 51: *28—29*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней, (рис. 51: *17, 19, 21—27*);

— Трехгранный, со скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней. В основании всех граней имеется по два мелких круглых углубления, расположенных горизонтально в ряд (рис. 51: *18*);

— Трехгранные, со скрытой втулкой, сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ¼—⅕ высоты головки, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 51: *3, 6, 8—9*).

38. Башмачка, курган 11, погребение 1. В ограбленной впускной катакомбе найдены три бронзовых наконечника, костяные наконечники, невыразительные изделия из бронзы и железа, в том числе фрагменты панциря и копий[29] (Волкобой и др. 1981: рис. 6, 7, 11).

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 52: *1—2*);

— Трехлопастный, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 52: *3*).

39. Волошское, группа 5, курган 2, погребение 1. Во впускном погребении, при скелете мужчины обнаружены напутственная пища с ножом, канфар, копье и дротик, удила,

[28] Хранятся в археологических фондах Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.
[29] Хранятся в археологических фондах Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

пояс, напильник и колчан с 115 стрелами с бронзовыми наконечниками[30] (Мухопад и др. 1992: 56, рис. 5):

— Трехлопастные с башневидной головкой, с фигурно изогнутыми лопастями, ложком до острия, выступающей втулкой, заостренными концами лопастей, разведенными в стороны. В ложках имеются литые рельефные метки в виде коротких горизонтальных отрезков, асимметрично расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 53: *1—2*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. В ложке в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 53: *3*);

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. Во всех ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких параллельных горизонтальных линий (до десяти), с обеих сторон втулки (рис. 53: *5—9*);

— Трехлопастный с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. В одном ложке две параллельные литые линии (даже точки) (рис. 53: *10*);

— Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, длинной выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. У одного наконечника конец одной из лопастей имеет фигурный выступ. У другого наконечника имеется косая метка в одном ложке (рис. 53: *12—13*);

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, свисающими остриями лопастей ниже обреза втулки. В ложках имеется литая рельефная метка в виде горизонтальной линии (рис. 53: *10*);

— Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов (рис. 54: *14—16*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены (рис. 54: *17—18*);

— Трехгранные, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой (рис. 54; 55: *19—21*);

— Трехгранные, с скрытой втулкой, со слабой дуговидной выемкой в основании граней. В основании граней на каждой имеется по два мелких круглых углубления, расположенных горизонтально в ряд (рис. 55: *8—18*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком на ⅕—¼ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 55: *1—7*).

40. Восьмой Пятибратний курган. При богатом погребении молодого мужчины находилось 16 колчанов или же 1 горит и 15 колчанов (НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1975. Шилов В.П. 1959. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1959 г.). Горит, от которого сохранилась золотая обкладка, вмещал 107 стрел с бронзовыми наконечниками. Поверх горита был уложен колчан, вмещавший 46 стрел. Остальные колчаны находились в разных частях погребальной камеры[31]. Всего в погребении было не менее 1 056 наконечников стрел.

---

[30] Хранятся в археологических фондах Днепропетровского национального университета им. О. Гончара.

[31] Колчан № 1 — 64 наконечника; колчан № 2 — 86 наконечников; колчан № 3 — 66 наконечников; колчан № 4 — 87 наконечников; колчан № 5 — 88 наконечников и железный нож; колчан № 6 — 108, из них 2 железных и железный нож; колчан № 7 — был уложен поверх горита — 46 наконечников; горит/ колчан № 8 — 107 наконечников; колчан № 9 — 118 наконечников, под колчаном найдены коническая ворворка и нож; колчан

Из-за слишком большого числа наконечников, в работе сжато характеризуются только наконечники стрел основных типов.

— Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой рельефной линии (рис. 56: *1—5);*

— Трехлопастные со сводчатой или треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей или же удлиненной втулкой. Концы лопастей заострены. Метки:

1) В ложке в средней части косая метка с наклоном вправо (рис. 56: *6*);

2) Угол, вершиной влево на одной из лопастей (рис. 56: *8, 10, 11*);

3) Три косые риски в нижней части, возле втулки на одной из лопастей (рис. 56: *7*);

4) По одной косой риске (разнонаправленной) на каждой лопасти (рис. 56: *9*);

5) Зигзаг на одной из лопастей (рис. 56: *12—16*);

6) Полукруг, идущий к одной из лопастей (рис. 56: *18*, *22*);

7) Симметричные и не симметричные точки и крестовидная метка (рис. 57: *1,3—5*);

8) Симметричные и не симметричные линии крестовидная метка (рис. 57: *2*);

9) Симметричные линии (рис. 56: *17*; 57: *6*);

10) Горизонтальная линия, заканчивающаяся галочкой с одной стороны, косая линия и круг вверху (рис. 57: *8—11*);

— Трехлопастные с башневидной головкой, с фигурно изогнутыми лопастями, ложком до острия, выступающей втулкой, заостренными концами лопастей, разведенными в стороны. Во всех ложках имеются литые рельефные метки в виде коротких горизонтальных отрезков, расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 56: *19*);

— Трехлопастные с треугольной головкой, в нескольких случаях удлиненной, ложком до острия, длинной втулкой, с заостренными концами лопастей. В ложках литая рельефная метка — длинная вертикальная S-видно изогнутая линия (рис. 56: *23—24*);

— Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с едва выступающей втулкой. В ложках имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку, либо разделенной на два отрезка, расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте (рис. 57: *12—14*);

— Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ¼—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. В ложках встречается литые рельефные метки в виде косой линии (рис. 57: *15*);

— Трехгранные, с треугольной головкой, с П-образным ложком менее ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием (рис. 57: *7, 16*);

41. Краснокутский курган. Бронзовые наконечники стрел происходят из восточной части насыпи и «северной кучи» предметов, являющихся остатками тризны, совершенной возле центральной гробницы (Мелюкова 1981: 63, рис. 18). Среди наконечников стрел, опубликованных А.И. Мелюковой представлен и тип наконечника, по всей видимости, подобный, найденному в погребении 1—2 кургана 27 группы Гаймановой могилы:

№ 10 — 49 наконечников; колчан № 11 — 67 наконечников, в том числе 13 костяные пулевидные и 4 железные; колчан № 12 — 39 наконечников; колчан № 13 — 5 наконечников; колчан № 14 — 67 наконечников, из них 48 железных; колчан № 15 — 34 наконечника; колчан № 16 — 36 наконечников. Наконечники хранятся в Ростовском музее краеведения, без разделения на колчаны. Были обработаны и сфотографированы С.В. Полиным.

— Трехлопастный, с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких параллельных горизонтальных линий (до десяти), расположенных по обеим сторонам втулки. В ложках в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой косой рельефной линии (рис. 45: *39*).

42—50. В **курганах Чертомлык** (в насыпи, при южной могиле конюха, в северо-восточной камере и в камере V царя) и **Цимбалка** найдены идентичные трехлопастные наконечники, с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза (рис. 45: *40—41*). По наблюдению А.Ю. Алексеева, наконечники из Чертомлыка отлиты в той же форме, что и наконечники из Деева кургана (Алексеев 1983: табл. 1: *7*, 2; 1984: 73, рис. 7: *8*). Подобный же тип наконечника с меткой, найден **в погребении 3 кургана 10** у с. Великая Знаменка (НА ИА НАНУ. № 1982/2. Рассамакин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., Ляшко С.Н., Салий Н.Г., Кравченко С.Н., Ковалев М.В., Николова А.В. 1982. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1982 г.) (рис. 39: *17*). Один такой наконечник есть в одном из двух колчанов в **погребении 2 кургана 5 у с. Чкалово** (НА ИА НАНУ. № 1976/6. Отрощенко В.В. Отчет Запорожской экспедиции за 1976 г.) (рис. 39: *32*). Найдены они и в **погребении 2 кургана12 группы Водовод** (Синика, Тельнов 2017: рис. 5: *1, 6—12*; 6: *4, 5*; 7: *7, 19*) и **в группе Буторы 1 кургана 12 погребения 2** (Синика, Разумов, Тельнов 2013: 73, рис. 43: *3*). Еще 6 одинаковых наконечников с такой меткой происходят из неизвестного **кургана, раскопанного Д. Яворницким в Екатеринославской губернии** (рис. 45: *1—6*). Пять таких наконечников связывается с курганом 1/1909 г. могильника **Уляп** (Галанина 2015: 141, табл. 5: 84). В колчане **погребения 2 кургана 3 у с. Долинского** у одного из наконечников в ложке нанесена не одна, а три параллельных косых метки (рис.39: *33*) (Болтрик, Фиалко 2010: 249, рис. 20: *1*).

51—56. Косая метки на наконечниках других типов. Значительно реже, чем в ложках трехлопастных наконечников, косая метка наносилась в П-образных ложках трехгранных наконечников с короткой выступающей втулкой. Помимо таких наконечников в наборах из Брилевка, курган 26, погребение 2, Львово, курган 18 погребение 1, Выводово, курган 92, Мамай-Гора, курган 16, погребение 1, Водяной могилы, Чертомлыка и 8-го Пятибратнего кургана они были найдены в составе колчанного набора в западной катакомбе **погребения 9, кургана 7 у с. Кут** (рис. 59: *11*), в **кургане 13 у с. Носаки** (рис. 45: *37*) и в кургане **Куль-Оба** (рис. 45: *42*) (Яковенко 1974: рис. 25: *5*). Известно и нанесение такой метки на одной из граней трехгранных наконечников со скрытой втулкой из **кургана 2, погребения 2 у с. Вишнеполь** (рис. 61: *1—15*)[32] (Григорьев, Скорый 2011: 195, рис. 25). На трехгранных наконечниках с треугольно-сводчатой головкой с небольшим П-образным-ложком и скрытой втулкой метка нанесена в **Золотая Балка, курган 13, погребение 1** (рис. 62: *1*), 8-м Пятибратнем кургане (рис. 57: *15*), Водяной Могиле (рис. 43: *14—19*), Выводово, курган 92, погребение 2 (рис. 48: *27—28*), **Страшная могила, скелет 1** (Тереножкин и др. 1973: 134, 136) (рис. 62: *7*), **Вильна Украина IV, курган 2, погребение 1** (рис. 62: *10*), **В.Клин, курган 1, погребение 2** (рис. 62: *3, 5*).

Также, известны наконечники, у которых в **верхней части** ложка трехлопастных наконечников выявлена **косая метка с наклоном вправо.** Это наконечники из погребения 2 кургана 4 группы Страшной могилы (рис.45: *19*); погребения 1 кургана 11 у с.

[32] В оригинальной публикации на рисунке не отмечены, но указаны в тексте при описании. Обработаны в Черкасском областном краеведческом музее.

Владимировка[33] (рис. 58: *1—3*); погребения 6 кургана 4 у с. Ильинка (рис. 39: *15*); Александропольского кургана, где такая метка только в одном ложке, а в двух других — горизонтальная линия и угол (Полин, Алексеев 2018: 287, Кат. 27). В погребении 2 кургана 4 у Ильинка в колчанах 3 и 4 найдены трехлопастные наконечники у которых косая метка нанесена с наклоном вправо во всех ложках на нижней части втулки (Плешивенко 1991: рис. 5, 11: *8*). И таким же образом нанесена метка на наконечниках из Александрополя (Полин, Алексеев 2018: рис. 293: *5*). Метка с тем же наклоном, но в П-образных ложках трехгранных наконечников, с короткой чуть выступающей втулкой выявлена в погребении охранника из Толстой могилы (рис. 62: *11—13*), кургана 6 у с. Водославка (рис. 62: *15*). В П-образных ложках трехгранных наконечников со скрытой втулкой — в М.Лепетиха, курган 10, погребение 5 (рис. 62: *14*), в В.Клин, курган 1, погребение 2 (рис. 62: *4*).

Несколько косых меток на наконечниках других типов. В скифских погребениях Северного Причерноморья намного реже, чем наконечники с меткой в виде одной косой линии встречаются и наконечники с **меткой из двух или трех косых линий с наклоном вправо.**

Две косых линии во всех трех ложках (Львово, курганы 1 и 2; Долинское, курган 4, погребение 2) (рис. 63: *1—9, 13*). *Две косые линии в одном ложке* и одна в двух (в том числе в комбинации с одной) (Вильна Украина, курган 22, погребение 3; Висунск, курган 6) (рис. 63: *11, 12, 14, 15*).

Две косые линии в одном ложке, галочка в нижней части в другом ложке и зигзаг с обеих сторон втулки в третьем (Первоконстантиновка, курган 14, погребение1) (рис. 63: *10*).

Также такие метки (по одной и по две, также *с наклоном вправо* были нанесены на трехлопастные наконечники со скрытой втулкой из кургана 6 у с. Висунск (рис. 63: *16—17*), погребение 1 Северо-Западного останца кургана Чертомлык (рис. 63: *18*), Брилевка, курган 26, погребение 2 (рис. 12: *17*).

Три косые линии в кургане 23 у с. Нижняя Маячка (рис. 63: *19*), в камере 2 погребения 2 кургана 3 у с. Зеленое (рис. 63: *20*).

За исключением образца из Зеленого, датирующегося концом V — началом IV в. до н.э., остальные используются во второй—третьей четвертях IV в. до н.э.

Две косые линии в одном ложке трехлопастных наконечников со скрытой втулкой с наклоном как вправо, так и влево появляются в третьей четверти — в конце V в. до н.э. (Мамай-Гора, курган 4, погребение 4; Любимовка, курган 28, погребение 2) (рис. 63: *23—26*). В это же время одна или две косые линии с наклоном как вправо, так и влево, наносились в П-образных ложках некоторых трехгранных наконечников (Зеленое, курган 2, погребение 3, камера 1, колчан 2; Первомаевка, группа 2, курган 2, погребение 1) (рис. 63: *21—22*).

Комбинированная маркировка. Обращает внимание то, что косая метка в большинстве рассмотренных эпизодов выступает в качестве самостоятельного элемента маркировки. Известны также эпизоды, где такая метка была одним из элементов в одном ложке. На наконечнике из гр. Гайманово поле кургана 27 погребений 1 и 2 (рис. 24: *1*) и Краснокутского кургана, где они сочетается с насечками с одной стороны втулки (рис. 45: *39*), на наконечниках из 8-го Пятибратнего кургана (рис. 52: *8—11*). Разная маркировка в разных ложках и у наконечника из гр. Чередниковой могилы курган 8 погребение 1 (рис. 45: *14*).

Характеристика рассмотренных наборов наконечников и систематизация материала. В табл. 2 показаны основные типы наконечников из описанных выше колчанных наборов. Всего выделено 7 основных типов наконечников. Внутри типов выделены серии,

[33] Хранятся в НФ ИА НАНУ.

представленные наконечниками, отлитыми в одной форме или же в другой форме по общему прототипу. В ряде наборов присутствовали железные и костяные втульчатые наконечники и цельнодеревянные стрелы. Они из-за специфики источника (железные сильно кородированы) и малочисленности в общую классификацию не включены.

В табл. 3 наконечники из рассмотренных колчанных наборов сопоставлены по идентичности выделенных типов и серий. Количество типов в колчанах от 2 до 7.

Литая метка в виде косой линии встречается на двух типах трехлопастных наконечников (четыре основные серии — 1/1, 1/2, 1/3, 2/1), одном типе трехгранных, с прямоугольным ложком на ⅓—½ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой (серия 4/1) и одном типе трехгранных, со сводчатой головкой, с гладким П-образным ложком на ⅓—½ высоты головки, скрытой втулкой (серия 6/2) (табл. 2 и 3)

Датировка колчанов с меткой в виде косой линии. В 32 погребениях с наконечниками с подобными метками найдена античная керамика (амфоры и чернолаковая), надежно датирующая эти погребения в пределах второй — начала третьей четвертей IV в. до н.э. (табл. 1). Поэтому мы вправе предположить, что метка в виде косой линии, наносилась на наконечники в сравнительно узкий отрезок времени. Вполне вероятно, что это колчаны современников, пользовавшихся продукцией одних и тех же мастеров или одной и той же мастерской. Сопоставление содержимого колчанов между собой, а также с другими, не вошедшими в выборку, позволяет наиболее ранними в рамках начала второй четверти IV в. до н.э. считать наконечники из Волошского, Владимировки и Красного Подола.

Следует отметить, представленные в изученных колчанах типы трехлопастных наконечников (1/1—8, 3/3, 4/1, 4/2, 5/2), появляются во второй четверти IV в. до н.э. Трехгранные наконечники (типы 6 и 7), появляются в начале IV в. до н.э., но при этом экземпляры, имеющие сводчатый абрис (с ложком и без ложка), а также наконечники со сводчатым абрисом и ложком на ⅓—½ высоты головки (тип 6/2) — инновация, появившаяся ближе к началу второй четверти IV в. до н.э. Так же и трехлопастные наконечники типов 3/1, 3/2 — появляются еще в V в. до н.э., но со сводчатой головкой — ближе ко второй четверти IV в. до н.э. У наконечников типа 2, также появившихся еще в V в. до н.э., во второй четверти IV в. до н.э. изменились размеры, появляются крупные, удлиненные. Наконечники Тип 5/1 появляются в конце V — в начале IV в. до н.э., но массивность приобретают только ко второй четверти IV в. до н.э. Трехгранные наконечники, с фигурным зауженным посредине ложком типа 4/5 появляются не ранее первой четверти IV в. до н.э. Все выделенные типы/серии наконечников образуют хронологический горизонт второй — начала третьей четвертей IV в. до н.э.

Сочетание с другими типами меток. Выделяются метки, которые, как и метку в виде косой линии, можно отнести к серийным, и несерийные, известные в одном/двух экземплярах.

Серийные метки:

1. В ложках в нижней части имеются литые рельефные *метки в виде коротких тонких параллельных горизонтальных линий (от трех до десяти), расположенных с обеих сторон втулки* (Брилевка, курган 26, погребение 2; Брилевка, курган 24, погребение 2; Львово, курган 18, погребение 2; Мамай-гора, курган 134, погребение 1; Великая Знаменка, курган 10, погребение 3; Волошское, группа 5, курган 2, погребение 1; Водяна могила, погребение 1; группа Чередниковой могилы, курган 8, погребение 1; Краснокутский) (рис. 9: *21;* 12*: 6;*16*: 4-5*; 37: *2*; 39: *20*; 43: *5*; 45: *8, 14, 39;* 53; *5-9)* как вариант, встречающийся реже — рельефные метки в виде коротких параллельных горизонтальных линий (от четырех до семи), расположенных с обеих сторон втулки, нанесены на всю ширину ложка (Рогачик, курган 9,

погребение 2; Долинское, курган 3, погребение 2) (рис. 27: *2-11*; 39: *36*). Линии только с одной стороны (Гайманово поле, курган 27; Ново-Дудчино, курган 1, погребение 3; Чередникова, курган 8, погребение 1) (рис. 20: *5*; 24: *1*; 45: *9*)

2. *Сетка — три—пять пар прямоугольников во всех ложках* (Львово, курган 18, погребение 1; Широкое, курган 56; Мамай-гора, курган 16, погребение 1) (рис. 5: *13*; 16: *22*; 33: *10*)

3. *Несимметричные горизонтальные линии — в виде черты, пересекающей втулку, либо разделенной на два отрезка, расположенных с обеих сторон втулки на разной высот*е (Брилевка, курган 26, погребение 2; Широкое, курган 56; Подовое, курган 4, погребении 2; Нижняя Маячка, курган 21, Восьмой Пятибратний курган) (рис. 5: *10*; 12: *19*; 13: *24*; 14: *14*; 35: *4*; 57: *12-13*). Как вариант — *только горизонтальная линия, в виде двух отрезков по обеим сторонам втулки* (Брилевка, курган 26, погребение 2; Львово, курган 18, погребение 1; Мамай-гора, курган 22, погребение 4; Соболева Могила, погребение 2; Восьмой Пятибратний курган; Нижняя Маячка, курган 21) (рис. 12: *18*; 14: *17*; 16: *9;* 40*: 16-18*; 57: *14*)

Несерийные метки:

1. Сочетание различных меток — *косой крест в трех ложках в верхней его части; комбинации из горизонтальных линий и косого креста; угол, направленный вершиной вверх в верхней части ложка и косой крест в нижней; горизонтальная линия, пересекающая втулку в средней части ложк*а (Львово, курган 18, погребение 2, колчан 1; группа Чередниковой могилы, курган 8, погребение 2, колчан 1; Водяна могила, погребение 2).

2. Метка в виде *трех расходящихся из одной точки трех линий (веер)*. У некоторых наконечников в верхней части второго ложка знак в виде полукружья (Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2).

4. *Один и два угла, направленные вершинами вниз* (Деев курган, Гайманово поле, курган 27, погребение 1).

5. *Три—пять косых параллельных отрезков с одной стороны ложка* (Широкое, курган 56; Соболева Могила, погребение 2; Выводово, курган 92, погребение 2).

6. *Косой крест в П-образных ложках трехгранных наконечников* (Брилевка, курган 24; Подовое, курган 4, погребение 2; Нижняя Маячка, курган 21).

7. *Сетка (пары прямоугольников или рельефные квадратики)* в П-образных ложках трехгранных наконечников (Нижняя Маячка, курган 21).

8. *Две горизонтальные параллельные линии по обеим сторонам втулки* (Нижняя Маячка, курган 21; Выводово, курган 92, погребение 2).

9. *Горизонтальная линия, в виде двух отрезкой по обеим сторонам от втулки* трехлопастного наконечника (Дудчино, курган 1, погребение 3; Выводово, курган 92, погребение 2).

Эти метки, известные и в колчанах из других погребений, открывают путь к масштабной синхронизации погребальных комплексов в рамках второй—третьей четверти IV в до н.э.

Половозрастное распределение. Колчанные наборы с наконечниками с косыми метками чаще встречаются в мужских погребениях (в 3-х эпизодах в погребениях с двумя входными ямами, в которых представлены фрагменты как мужских, так и женских скелетов, и в этих случаях, скорее всего, также связаны с мужскими захоронениями), в 2-х эпизодах в погребениях детей без определения пола. В женских погребениях зафиксированы в 3-х эпизодах (Львово, курган 18, погребение 1; Мамай-гора, курган16, погребение 1; Великая Знаменка курган 10, погребение 3).

Социальный статус. Колчанные наборы с наконечниками с косыми метками использовались представителями всех социальных страт: найдены в погребениях

представителей как скифской знати (Соболева Могила, погребение 2, Восьмой Пятибратний, Чертомлык); воинства (Красный Подол, Верхний Рогачик, Выводово и др.); в погребениях сопровождающих лиц (Деев); рядового населения.

Ареал. Рассмотренные колчанные наборы выявлены в степной Скифии, в том числе и в Поднестровье (Водовод, Буторы), за исключением Крыма, Побужья и Подунавья, что, безусловно, может объясняться и состоянием источника (рис. 64). Крайняя восточная точка их в рамках собственно Скифии — Восьмой Пятибратний курган; юго-восточная, вне скифского ареала — могильник Уляп. Концентрация таких наконечников в районе Нижнего Поднепровья вполне определенно указывает на их вероятное производство на Каменском городище.

Значение меток. Относительно трактовки литых меток на наконечниках стрел скифского времени высказывались такие мнения:

1) Метка — собственный знак мастера. Это отсылка к традиции маркировать разные категории изделий (амфоры, строительный материал, ядра) с целью указания производителя (в том числе владельца мастерской);

2) Метка — знак определенного рода, группы внутри рода и т.д., и может рассматриваться как знак собственности. Это своего рода аллюзия на тамги;

3) Допустима более широкая трактовка. Метки — сакральные магические символы, элемент орнамента, а также знаки, символически усиливающие убойное действие стрелы (см: Алексеев 1984; 2015; Худяков 2004; Полин, Алексеев 2018: 580).

Для интерпретации меток на скифских наконечниках, в том числе и метки в виде косой линии следует исходить из следующих фактов:

1. Метка косая линия широко использовалась в северопричерноморской Скифии на определенном этапе второй—начала третьей четвертей IV в. до н.э.;

2. Известны непотревоженные колчаны, где наконечники с такой меткой представлены в одном экземпляре или их было несколько;

3. В колчанных наборах наконечники с рассматриваемой меткой, как правило, сочетаются с наконечниками с иными метками и образцами без таковых;

4. Одновременно использовалось не менее 40 разновидностей меток и их сочетаний. При этом не более 10 из них (вместе с меткой виде косой линии) можно отнести к «серийным», остальные использовались реже и представлены, одним — двумя экземплярами. Безусловно, что эти данные, не отражают реальное количество наконечников с теми или иными метками, но свидетельствуют о численном соотношении различных меток между собой;

5. Метка была вырезана на негативе литейной формы. Из этого как бы следует, что сама метка является знаком мастера. К этому склоняется А.Ю. Алексеев, отмечая, что мастер «наносил их самостоятельно или по желанию будущего владельца» (Полин, Алексеев 2018: 580). Но возникает вопрос, как же быть с единичными метками и с наконечниками с комбинированными метками? При этом не следует забывать о том, что значительная часть наконечников, которые существуют параллельно, не имели маркировки.

Скифы начали массово маркировать свои наконечники литыми метками где-то с середины V в. до н.э. (Дараган 2019: 167). До этого времени метки были процарапанными. Литые метки встречаются только у наконечников предскифского времени (новочеркасских, наконечниках из Высокой Могилы и Малой Цимбалки) и некоторых, наследующих им ассиметрично ромбических (Алексеев 2014; Дараган 2015). Видимо, ключом к разгадке смысла и назначения меток, может быть и тот факт, что набор меток, характерный для скифского северопричерноморского региона, отличается от набора, используемого, например, в это же время в Поволжье и Южном Приуралье, где, например, практически не

использовались крестовидные метки — культурозначимые для Северного Причерноморья начиная со второй половины V в. до н.э. И наоборот, такая типичная для поволжских, приуральских и предкавказских наконечников второй половины V — начала IV вв. до н.э. метка в виде угла, направленного вершиной вниз в верхней части ложка трехлопастного наконечника, не представлена в это же время в Северном Причерноморье (см. например: Новозаведенное II, курган 2, погребение 1 (Канторович, Маслов 2017: рис. 24: *1*); Гуммарово, курганы 3 и 4 (Зуев, Исмагилов 1999: табл. 6: *8*, 8: *3, 10*); Лебедевка 6, курган 5 (Железчиков, Клепиков, Сергацков 2006: рис. 49: *21, 34, 45*); Аксеновский, курган 14, погребение 1 (Шилов, Очир-Горяева 1997: рис. 15: *13*)). Отмечу, что в VI — начале V вв. до н.э. литые метки используются на монетах—стрелках, найденных на поселениях и в кладах Северного и Северо-Западного Причерноморья (Загинайло 1982; Talmaţchi 2015; Chistov 2019: fig. 3: *15, 16, 18*). Орнамент, заданный в литейной форме, чаще всего имеет вид прямых линий, отходящих под углом от осевого стержня (метка «елочка») и др. Количество линий различно, они располагаются в одних случаях на одной стороне монеты—стрелки, в других — на обеих. Метка «елочка» — один из двух главных знаков в маркировке стрел середины — второй половины V в. до н.э., который при маркировке наконечников IV в. до н.э. почти не использовался (Дараган 2019: 162). Одна из интерпретаций меток на монетах—стрелках предполагает следующее объяснение, что речь идет об измеримых символах, используемых в реальных торговых операциях в качестве «стандарта» в определенных регионах. Такие знаки выступают в качестве аналога для количества товаров, конкретно для зерна и рыбных продуктов (Talmaţchi 2015).

Маркировка оружия, в том числе и дистанционного, известна у разных народов. Наиболее близкий пример — надписи на наконечниках и ядрах в IV в. до н.э. в Средиземноморье. Из этой серии находка большого наконечника (м.б. от катапульты), найденного в Олинфе, с надписью в ложке «ΦΙΛΙΠΠΟ», ядра с аналогичной надписью (Robinson 1941: 382—383, nos. 1907—1911, pl. 120). Широко известны находки свинцовых ядер и с другими надписями (имя/монограмма вождя пращников; имя командующего армией, правителя; призыв к богам на удачу; совет для пращника, например: «бросай точно!»; пожелания врагу, например: «это на десерт!», «тресни!», «держи!», «лови!», «это неприятный подарок!», а также не очень приличные пожелания) или символами (ладонь, конь, букраний, звезда, орел с ударом молнии, трезубец, кинжал, скорпион, змея и т.д.) (Paunov, Dimitrov 2000: 44—57).

Ко II в. до н.э. относятся находки бронзовых черешковых наконечников стрел с идентичным штампом в Средиземноморье. Унификации штамповки нет, знак один, но штамп разный. При этом штамповка, выполнена после литья. Эта процедура не была напрямую привязана к производству наконечников и была впоследствии применена выборочно. Примеры использования похожего знака на монетах позволили предположить, что такие наконечники связаны с группой лучников, вовлеченных в левантийские кампании Селевкидов времени Антиоха VII Сидета (138—129 гг. до н.э.) и идентифицируют элитную когорту лучников, возможно, личную охрану царя или кого-то из военачальников (Mazis, Wright 2018).

Подписные стрелы в более раннее время известны на Ближнем Востоке. Речь идет о маркировке бронзовых наконечников стрел урартами с посвятительными надписями богам от царей (Кармир-Блур, Чавуш-тепе) (Пиотровский 1955: 40, рис. 29—30). При этом надписи наносились не только на наконечники стрел, но и на колчаны и другие категории изделий (Пиотровский 1962: 66—72). Более ранним временем (XI—X вв. до н.э.) датируются черешковые стрелы с личными именами у финикийцев (Cross 1996; Deutsch, Heltzer 1997).

Надписи, выявлены и практически на всех категориях оружия, найденных в гробнице Цинь Ши Хуаньди (245/221—210 гг. до н.э.). Они указываю на год царствования, когда они были произведены, имя ответственного за производство, должностное лицо или мастерскую, имя конкретного работника. Таким образом, предоставлена базовая информация о хронологии и организации производства. Оставшаяся информация на надписях обозначает форму подотчетности и, следовательно, контроля качества (Li et al. 2011).

Однако, приведенные примеры, связаны с наративами, что не является прямой калькой меткам на скифских наконечниках. Даже надписи на оружии из гробницы Цинь Ши Хуанди, связанные с обозначением мастеров и мастерских, не являются отражением персональных амбиций мастеров, поставивших свой знак, а следствием имперского контроля. Ближе всего может быть пример селевкидских лучников, когда речь все же идет именно о знаке, отражающем некую «персонификацию», но для подобной расшифровки скифских меток у нас нет «билингвы», подтверждающей именно такую их трактовку.

Представляется, что литые метки могли наноситься мастером по заказу владельца (один из вариантов трактовки А.Ю. Алексеева). Однако, остается, гадать, что стояло, за желанием заказчика. Возможно, подсказка будет в различиях маркировки стрел из курганов скифской элиты (всех уровней) и рядовых. По крайней мере, некоторые типы меток, как например, метки в виде угла в разных вариантах нанесения встречаются именно в колчанах представителей скифского нобилитета (Полин, Алексеев 2018: 580—581), в отличие от метки в виде одной косой линии, доступной для всех скифов.

Вывод. Наконечники с меткой в виде косой линии распространены на территории всей северопричерноморской Скифии и занимают хронологическую позицию во второй—начале третьей четверти IV в. до н.э. Им сопутствуют наконечники с другими метками, использующимися также только в этот же период времени. Типы наконечников стрел, составляющие колчаны в это время, за исключением некоторых разновидностей трехгранных наконечников, инновационны. Из этого следует, что в течение IV в. н.э. происходила смена состава колчанного набора и наконечники стрел, в особенности наконечники с метками, могут выступать хроноиндикаторами.

Благодарности. Искренне признательна коллегам за всестороннюю помощь в поиске и обработке колчанов: Артему Иванцову (Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара), Майе Сердюк (Днепропетровский национальный исторический музей им. Д.И. Яворницкого), Марине Абикуловой, Андрею Лопушинскому, Валентине Ганощенко (Херсонский областной краеведческий музей), Сергею Полину, Александру Шелеханю, Наталье Данилко (Институт археологии НАНУ), Юрию Билану (Национальный музей истории Украины), Геннадию Тощеву и Светлане Андрух (Запорожский национальный университет), Алине Чернявской (Каменско-Днепровский районный археологический музей), Андрею Алексееву (Государственный Эрмитаж), Тамаре Кургиной-Коваленко и Ларисе Сиволап (Черкасский областной краеведческий музей), Виктору Копылову и Александру Коваленко (Центр археологии ФСИО ЮФУ), Галине Куликовой и Анне Язовских (Ростовский областной музей краеведения), Сергею Демиденко (Институт археологии РАН), Вячеславу Подобеду (Донецкий областной музей).

Таблица 1. **Каталог колчанов, вмещающих трехлопастные наконечники с косой меткой в скифских курганах Северного Причерноморья IV в. до н.э.**[34]

№	Пункт	Кол-во наконечников	Пол, возраст	Датировка	Источник
1	Водославка, курган 8, погребение 4	88	М, П	Вторая — начало третьей четверти IV в. до н.э.	Полин, Дараган 2019
2	Привольное, курган 6, погребение 3	9	Д	По наконечникам	Кубышев 1975
3	Золотая Балка, курган 3, погребение 1	12, О	М	По наконечникам	Полин 2014: 27
4	Золотая Балка, курган 15 (общая камера), погребение 1	48, О	М, Ж	Не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 294
5	Соболева Могила, погребение 2 (6 колчанов)	1 — 46, 2 — 64, 3 — 37, 4 — 36, 5 — 21, 6 — 32	М, 55—65 лет	Начало третьей четверти IV в. до н.э. (до 340 г. до н.э.)	Полин 2014: 482
6	Брилевка, курган 9, погребение 3 (2 колчана)	1 — 40 2 — 35	М	Начало третьей четверти IV в. до н.э.	Евдокимов 1985: 15 Полин 2014: 523
9	Брилевка, курган 26, погребение 2 (2 колчана)	1 — 67 2 — 76	М	По наконечникам	Евдокимов 1986: 567
10	Брилевка, курган 20, погребение 9	16	М	По наконечникам	Евдокимов 1985: 69
11	Брилевка, курган 24, погребение 2	70	М	Конец второй четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 391
12	Нижнее Дудчино, курган 3, погребение 1	9, О	—А	Конец второй — начало третей четверти IV в. до н.э.	Лесков 1972
13	Волошское, группа 5, курган 2, погребение 1	115	М	Вторая четверть IV в. до н.э.	По канфаровидному килику

[34] Обозначения: Д — детское, М — мужское, Ж — женское, П — подросток, — А – нет антропологического определения , О — ограбленный.

Таблица 1. **Каталог колчанов, вмещающих трехлопастные наконечники с косой меткой в скифских курганах Северного Причерноморья IV в. до н.э. (продолжение)**

№	Пункт	Кол-во нако-неч-ников	Пол, возраст	Датировка	Источник
14	Башмачка, курган 11, погребение 1	3, О	М	По наконечникам	Волкобой и др. 1981: рис. 6, 7, 11
15	Башмачка, курган 11, погребение 2	65, О	М	По наконечникам	Волкобой и др. 1981
16	Марьянское, курган 3, погребение 1	16, О	—А	По наконечникам	Волкобой и др. 1980: 20
17	Мамай-гора, курган 134, погребение 1	46	М, 34—40 лет, А	По наконечникам	Андрух 2001: 222, рис. 91
18	Мамай-гора, курган 106, погребение 1	33	М 34—40 лет	По наконечникам	Андрух 2001: рис. 66: 6
19	Мамай-гора, курган 16, погребение 1	45	Ж (?), Juvenis	Вторая четверть IV в. до н.э.	Полин 2014: 412
20	Мамай-гора, курган 22, погребение 4	23	М, 50—55 лет,	По наконечникам	Андрух, Тощев 1999: 132
21	Водяна Могила, погребение 1	71	М	Не позднее 350—340 гг. до н.э.	Полин 2014: 465
22	Чередникова могила, курган 8, погребение 1 (2 колчана)	1 — 115 2 — 48	М	Не позднее 350 г. до н.э.	Полин 2014: 467
23	Львово, курган 18, погребение 1	39	Ж, 55—60 лет	Не позднее начала второй четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 285
24	Львово, курган 18, погребение 2 (2 колчана)	1 — 51 2 — 84	М, 30—40 лет	Не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 287
25	Подовое, курган 4, погребение 2	45	М	По наконечникам	Кубышев 1977: 118
26	Выводово, курган 92, погребение 2 (3 колчана)	1 — 69 2 — 111 3 — 44	М	Вторая четверть IV в. до н.э.	Полин 2014: 336
27	Красный Подол, курган 2, погребение 1	18, О	М	Вторая четверть IV в. до н.э.	Полин 2014: 253-254
28	Широкое II, курган 56	57	М	не позже начала третей четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 387

Таблица 1. **Каталог колчанов, вмещающих трехлопастные наконечники с косой меткой в скифских курганах Северного Причерноморья IV в. до н.э. (продолжение)**

№	**Пункт**	**Кол-во нако-неч-ников**	**Пол, возраст**	**Датировка**	**Источник**
29	Гайманово поле, курнан 27, погребение 1—2	7, О	М/Ж	Вторая — начало третьей четверти IV в. до н.э.	Определяется датировкой впускного погребения 3[35]
30	Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2 (3 колчана)	1 — 30 2 — 96 3 — 14	М	Вторая четверть, не позднее середины IV в. до н.э.	Полин 2014: 355
31	Верхний Рогачик, курган 10, погребение 2	9, О	М/Ж	Вторая четверть IV в. до н.э.	Полин 2014: 355
32	Нижняя Маячка, курган 21, погребение 2	38	М	По наконечникам	Евдокимов и др. 1988: 36
33	Ильинка, курган 4, погребение 6	99	Д	Вторая четверть IV в. до н.э.	Полин 2014: 370
34	Ильинка, курган 4, погребение 2 (9 колчанов)	659: 1 — 52 2 — 46 3 — 64 4 — 89 5 — 204 6 — 85 7 — 44 8 — 49 9 — 25	М	Вторая — начало третьей четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 370
35	Восьмой Пятибратний курган (16 колчанов)	1 056	М	Вторая — начало третьей четверти IV в. до н.э.	Полин 2014: 434; Монахов 2019: 332
36	Деев курган	53	М	350—340 гг. до н.э.	Полин 2014: 432
37	Чертомлык (10 колчанов)	?	—А	350—340, 345—345 гг. до н.э.	Полин 2014: 449
38	Владимировка, курган 11, погребение 1	35	М	По наконечникам	Чередниченко 1974: 16
39	Курган раскопанный на Екатеринославщине	5, О?	-	По наконечникам	-
40	Б.Цимбалка	?	М	Вторая—третья четверти IV в. до н.э.	Алексеев 1984: рис.6: *8*

[35] В погребении найден чернолаковый канфар с каннелированным туловом приземистых пропорций второй четверти IV в. до н.э., аналогичный найденому в Первомаевке, группа 6, курган 1, погребение 2 (Полин 2014: рис. 198) и светлоглиняный гончарный лекифообразный сосудик с шарообразным туловом, аналогичный найденному в северной гробнице Гаймановой могилы второй четверти, не позднее 350 г. до н.э. (Бидзиля, Полин 2012: 373, рис. 490).

Таблица 1. **Каталог колчанов, вмещающих трехлопастные наконечники с косой меткой в скифских курганах Северного Причерноморья IV в. до н.э. (продолжение)**

№	Пункт	Кол-во нако-неч-ников	Пол, возраст	Датировка	Источник
41	Краснокутский курган	?	-	Вторая—третья четверти IV в. до н.э.	Мелюкова 1981: 63; Полин 2014: 490
42	Группа Страшной могилы, курган 4, погребение 2	185	М[36]	Вторая—третья четверти IV в. до н.э.	Тереножкин и др. 1973: 140—149; Полин 2014: 539
43	Страшная могила, скелет №1	7, О	М	Не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.	Тереножкин и др. 1973: 132—138; Полин 2014: 538—539
44	Золотая Балка, курган 13, погребение 1	2, О	—А	Вторая четверть IV в. до н.э.	Полин 2014: 189
45	Верхний Клин, курган 1, погребение 2	60	Ж	Вторая четверть IV в. до н.э.	Евдокимов, Рычков, Куприй 1993, Полин 2014: 391
46	Толстая могила, погребение охранника	60	М	Вторая четверть IV в. до н.э., не позднее 350 г. до н.э.	Полин 2014: 279
47	Малая Лепетиха, курган 10, погребение 5	34	М	Начало второй четверти IV в. до н.э.	Евдокимов, Данилко, Могилов 2012: 90[37]; Полин 2014: 273
48	Водославка, курган 6	15, О	М/Ж	Вторая—третья четверти IV в. до н.э.	Кубышев 1983
49	Великая Знаменка, курган 10, погребение 3	57	Ж/Ж основное и зависимое	Вторая—третья четверти IV в. до н.э.	Рассамакин 1982: 97—99, табл. 64; Полин 2014: 425[38]
50	Носаки, курган 13	14, О	М/Ж	Вторая—третья четверти IV в. до н.э.	Бидзиля и др., 1977: 145—153, рис. 34: *3*
51	Долинское, курган 3, погребение 2	78	М	Вторая четверть IV в. до н.э.	Болтрик, Фиалко 2010: 248—249; Полин 2014: 363
52	Куль-оба	—	М	Вторая четверть IV в. до н.э.	Яковенко 1974; Полин 2014: 436—438
53	Буторы 1, курган 12, погребение 2	44, О	—А	Не позднее начала третьей четверти IV в. до н.э.	Синика, Разумов, Тельнов 2013: 73, рис. 43: 3; Полин 2014: 512
54	Водовод, курган 2, погребение 12	71	М	Третья четверть IV в. до н.э.	Синика, Тельнов 2017: 135, рис. 5: *5—10, 12*, 6: *4—5*, 7: *17—19*
55	Вишнополь, курган 2, погребение 2	80, О	М/Ж	Третья четверть IV в. до н.э. (около 350 г. до н.э.)	Григорьев, Скорый 2011: 290

36 Также в катакомбе было и женское погребение, расположенное в ногах, перпендикулярно мужскому.

37 В публикации ошибочно как наконечники из колчана погребение 5, кургана 10 у с.Малая Лепетиха приведены наконечники из одного из колчанов погребения 4, кургана 10 у с. Малая Лепетиха.

38 По впускному погребению 1, в котором был найден чернолаковый канфар (Рассамакин 1982: 91—92).

Литература

Алексеев А.Ю. 1983. О наконечниках стрел из Чертомлыцкого кургана. *АСГЭ* 24, 73—77.

Алексеев А.Ю. 1984. О месте Чертомлыцкого кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н.э. *АСГЭ* 25, 65—75.

Алексеев А.Ю. 2015. Стрелы-змеи у ранних кочевников Евразии. В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.).* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 3—10.

Андрух С.И. 2001. *Могильник Мамай-Гора*. Кн. II. Запорожье: Запорожский государственный университет.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Кн. 1. Запорожье: Запорожский государственный университет.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки. В: Бидзиля В.И. (ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки (Предварительная публикация)*. Киев: Наукова думка, 61—158.

Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Олег Филюк.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.В. 2010. Скифские курганы на р. Тащенак в северо-западном Приазовье. *Матеріали та дослідження з археології східної України* 10, 220—256.

Волкобой С.С., Адросов А.В., Лихачев В.А., Мухопад С.Е., Шалобудов В.Н. 1980. Скифские могильники IV—III вв. до н.э. юга Днепропетровской области. В: Ковалева И.Ф. (ред.). *Курганы Степного Поднепровья.* Днепропетровск: ДГУ, 18—41.

Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н., Андросов А.В. 1981. Могильник у села Башмачка. В: Ковалева И.Ф. (ред.). *Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках.* Днепропетровск: ДГУ, 45—60.

Галанина Л.К. 2015. Раскопки Ульских курганов в 1898, 1908 и 1909 гг. В: Галанина Л., Ксенофонтова И., Лесков А., Минасян Р., Переводчикова Е., Эрлих В. *Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе*. Москва; Берлин; Бордо: Палеограф, 13—23 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. T. 2).

Григорьев В.П., Скорый С.А. 2011. Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. *Stratum plus* 3, 175—212.

Дараган М.Н. 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. *ТГЭ* LXXVII, 127—170.

Дараган М.Н. 2019. О колчанных наборах скифов первой половины — середины V в. до н.э. (башневидный горизонт). *МАИАСП* 11, 146—244. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00004.

Евдокимов Г.Л. 1992. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине. *Древности Северного Причерноморья и Крыма* III, 136—148

Євдокимов Г.Л., Данилко Н.М., Могилов О.Д. 2012. Скіфський курган 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї. *Археологія* 2, 76—95.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. 2006. *Древности Лебедевки (VI—II вв. до н.э.).* Москва: Восточная литература РАН.

Загинайло А.Г. 1982. Каменский клад стреловидных литых монет. В: Янин В.Л. (ред.). *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 20—28.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье. *Археологические памятники Оренбуржья* III, 105—123.

Канторович А.Р., Маслов В.Е. 2017. Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V—IV в. до н.э. *Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ* 8, 107—139.

Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., Шалобудов В.Н. 1995. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье. В: *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 4—35.

Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. 1982. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. В: Тереножкин А.И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 130—147.

Мелюкова А.И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука (САИ Д1-4).

Мелюкова А.И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.

Мухопад С.Е., Шалобудов В.Н., Ромашко В.А., Гусак О.А. 1992. Скифские курганы группы «Маерова Могила» в Днепровском Надпорожье. *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 47—65.

НА ИА НАНУ. № 1972/35. Лесков А.М. Отчет о работах Херсонской экспедиции в 1972 г.

НА ИА НАНУ. № 1974/2. Чередниченко Н.Н., Евдокимов Г.Л., Болдин С.И., Мурзин В.Ю. 1974. Отчет о раскопках Верхнетарасовской экспедиции в 1974 г.

НА ИА НАНУ. № 1975/5. Кубышев А.И. 1975. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1975 г.

НА ИА НАНУ. № 1975/10. Чередниченко Н.Н., Бессонова С.С., Болдин Я.І., Бунятян Е.П., Ковалева Л.Г., Козловский А.А., Орлов Р.С., Пустовалов С.Ж., Орлов К.К., Рассамакин Ю.Я., Шевченко Н.П., Бобыр І. Г. 1975. Отчет о раскопках Верхнетарасовской экспедиции в 1975 г.

НА ИА НАНУ. № 1976/6. Отрощенко В.В. Отчет Запорожской экспедиции за 1976 г.

НА ИА НАНУ. № 1977/23. Кубышев А.И. 1977. Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1977 году.

НА ИА НАНУ. № 1978/43а. Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н. 1978. Отчет по исследованию археологических памятников в зоне строительства оросительной системы в совхозе им. Ильича и колхозе им. Жданова Апостоловского р-на в 1978 г.

НА ИА НАНУ. № 1982/2. Рассамакин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., Ляшко С.Н., Салий Н.Г., Кравченко С.Н., Ковалев М.В., Николова А.В. 1982. Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1982 г.

НА ИА НАНУ. № 1983/26. Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Нечитайло А.Л., Куприй С.А., Шевченко Н.П., Толкачев Ю.И., Амирханов А.Ш., Абикулова М.И., Былкова В.П. 1983. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской обл. в 1983 г.

НА ИА НАНУ. № 1985/2. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г. 1985. Отчет Краснознаменской экспедиции о раскопках курганов в Херсонской обл. в 1985 г.

НА ИА НАНУ. № 1988/19. Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Фридман М.И. 1988. Отчет о работе Краснознаменской экспедиции в 1988 г.

НА ИА НАНУ. № 1988/33. Мозолевский Б.Н., Николова А.В., Полин С.В., Белозор В.П. 1988. Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции за 1988 г.

НА ИА НАНУ. № 1990/12. Евдокимов Г.Л., Генинг В.В., Куприй Н.М., Солтыс О.Б. 1990. Отчет о раскопках курганов Краснознаменской экспедицией в зоне строительства АС Херсонской обл. в 1990 г.

НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1975. Шилов В.П. 1959. Отчет о раскопках Южно-Донской экспедиции в 1959 г.

Пиотровский Б.Б. 1955. *Кармир-Блур III. Результаты раскопок 1951—1953 гг.* Ереван: АН Арм. ССР.

Пиотровский Б.Б. 1982. *Искусство Урарту. VIII—VI вв. до н.э.* Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Плешивенко А.Г. 1991. Скифский курган у Белозерского лимана. В: Болтрик Ю.В., Бунятян Е.П. (ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 53—72.

Полин С.В. 1984. Захоронение скифского воина—дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине. В: Черненко Е.В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, 103—119.

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Полин С.В., Алексеев А.Ю. 2018. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье.* Киев: Олег Филюк.

Полин С.В., Дараган М.Н. 2019. Бронзовые крестовидные ворворки как хроноиндикатор скифских погребений Северного Причерноморья второй—третьей четверти IV в. до н.э. *Археологія і давня історія України* 2(31), 157—170

Савченко Е.И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды донской (потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг.* Москва: ИА РАН, 151—277.

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Археологические памятники Приднестровья 1).

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 131—152.

Скорый С., Хохоровски Я. 2018. *Большой Рыжановский курган*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Спицын, А.А. 1906. Серогозские курганы. *ИИАК* 19, 157—174.

Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Черненко Е.В. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 187—234.

Худяков Ю.С. 2004. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии. *Этнографическое обозрение* 1, 102—111.

Чередниченко Н.Н., Болдин Я.И. 1977. Скифские курганы у с. Владимировка. В: *Курганы юга Днепропетровщины*. Киев: Наукова думка, 125—151.

Черненко Е.В., Бунятян К.П. 1977. Курганная группа Широкое II. В: Черненко Е.В. (ред.). *Курганы Южной Херсонщины*, Киев: Наукова думка, 45—93.

Шилов В.П. Очир-Горяева М.А. 1997. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I—II. *Материалы и исследования по археологии России* 1, 127—153.

Яковенко Є.В. 1974. *Скіфи східного Криму в V—III ст. до н.е.* Київ: Наукова думка.

Chistov D. 2019. The Chronology of Arrowhead and Dolphin-Shaped Monetary Signs from Berezan. In: Tsetskhladze G.R., Atasoy S., Temür A., Yiğitpaşa D. (eds.). *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity (Select papers from the third international conference "The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast", 27-29 October 2017, Tekkeköy, Samsun)*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 99—107.

Cross F.M. 1996. The Arrow of Suwar, Retainer of ʿAbday. *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies* 1996, 9—17.

Daragan M. 2020. Scythian archers of the 4th century BC: a new archaeological study of excavated bows, arrows and quivers from the northern Black Sea region. In: Pankova S., Simpson St.J. (eds.). *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 103—124.

Deutsch R., Heltzer M. 1997. Abday on Eleventh-Century BCE Arrowheads. *Israel Exploration Journal* 47.1—2, 111—2.

Li X.J., Marcos M.-T., Nigel D.M., Yin Xia, Kun Zhao. 2011. Inscriptions, filing, grinding and polishing marks on the bronze weapons from the Qin Terracotta Army in China. *Journal of Archaeological Science* 38, 492—501.

Mazis M., Wright L.N. 2018. Archers, Antiochos VII Sidetes, and the "BE" Arrowheads. *The Bulletin of the American Schools of Oriental Research (BASOR)* 380, 205—29

Paunov E., Dimitrov D.Y. 2000. New Data on the Use of War Sling in Thrace. *Archaeologia Bulgarica* IV.3, 44—57.

Robinson D.M. 1941. Metal and Minor Miscellaneous Finds, an Original Contribution to Greek Life. *Excavations at Olynthus* 10.

Talmaţchi G.M. 2015. New considerations about meaning of the form and the conventional symbols found on monetary signs (6th — 5th centuries BC). *Acta Archaeologica Lodziensia* 61, 23—36.

References

Alekseyev, A.Yu. 1983. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 24, 73—77 (in Russian).

Alekseyev, A.Yu. 1984. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 25, 65—75 (in Russian).

Alekseyev, A.Yu. 2015. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati A.I. Melyukovoy (s. Kagal'nik, 26-29 aprelya 2014 g.) (War and military affairs in the Scythian-Sarmatian world. Materials of the international scientific conference in memory of A.I. Melyukov (Kagalnik village, April 26-29, 2014))*. Rostov-on-Don: YUNTS RAN, 3—10 (in Russian).

Andrukh, S.I. 2001. *Mogil'nik Mamay-Gora (Burial-ground Mamay-Gora)*. Bk. II. Zaporozhye: Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).

Andrukh, S.I., Toshchev, G.N. 1999. *Mogil'nik Mamay-Gora (Burial-ground Mamay-Gora).* Bk. 1. Zaporozhye: Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet (in Russian).

Bidzilya, V.I., Boltrik, Yu.V., Mozolevskiy, B.N., Savovskiy, I.P. 1977. In: Bidzilya, V.I. (ed.). *Kurgannyye mogil'niki Ryasnyye Mogily i Nosaki (Predvaritel'naya publikatsiya) (The burial-ground of Ryasnye Mogily and Nosaki (Preliminary publication))*. Kyiv: Naukova dumka, 61—158 (in Russian).

Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian royal burial-mound Gaymanova Mogila)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Boltrik, Yu.V., Fialko, Ye.V. 2010. In *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii skhidnoi Ukraini (Materials and research on the archaeology of Eastern Ukraine)* 10, 220—256 (in Ukrainian).

Volkoboy, S.S., Adrosov, A.V., Likhachev, V.A., Mukhopad, S.Ye., Shalobudov, V.N. 1980. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Kurgany Stepnogo Podneprov'ya (Burial-mounds of the Dnieper Steppe Region)*. Dnepropetrovsk: DGU, 18—41 (in Russian).

Volkoboy, S.S., Likhachev, V.A., Shalobudov, V.N., Androsov, A.V. 1981. In: Kovaleva, I.F. (ed.). *Stepnoye Podneprov'ye v bronzovom i rannem zheleznom vekakh (Dnieper Steppe Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Dnepropetrovsk: DGU, 45—60 (in Russian).

Galanina, L.K. 2015. In: Galanina, L., Ksenofontova, I., Leskov, A., Minasyan, R., Perevodchikova, Ye., Erlikh, V. *Ul'skiye kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze (Ulski burial-mounds. A cult-burial complex of the Scythian time in the North Caucasus)*. Moscow; Berlin; Bordo: Paleograf, 13—23 (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. T. 2) (in Russian).

Grigor'yev, V.P., Skoryi, S.A. 2011. In *Stratum plus* 3, 175—212 (in Russian).

Daragan, M.N. 2015. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage)* LXXVII, 127—170 (in Russian).

Daragan, M.N. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 146—244. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00004 (in Russian).

Yevdokimov, G.L. 1992. In *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya i Kryma (Antiquities of the Northern Black Sea Region and Crimea)* III, 136—148 (in Russian).

Yevdokimov, G.L., Danilko, N.M., Mogilov, O.D. 2012. In *Arkheologiya (Archaeology)* 2, 76—95 (in Ukrainian).

Zhelezchikov, B.F., Klepikov, V.M., Sergatskov, I.V. 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI—II vv. do n.e.) (Antiquities of Lebedevka (6th — 2nd centuries BCE))*. Moscow: Vostochnaya literatura RAN (in Russian).

Zaginaylo, A.G. 1982. In: Yanin, V.L. (ed.). *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ya (Numismatics of the Ancient Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova Dumka, 20—28 (in Russian).

Zuev, V.Yu., Ismagilov, R.B. 1999. In *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological sites of the Orenburg region)* III, 105—123 (in Russian).

Kantorovich, A.R., Maslov, V.Ye. 2017. In *Istoricheskiye Issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU (Historical Research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University)* 8, 107—139 (in Russian).

Kovaleva, I.F., Mukhopad, S.Ye., Shalobudov, V.N. 1995. In: *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archaeology of the Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: DGU, 4—35 (in Russian).

Kubyshev, A.I., Nikolova, A.V., Polin, S.V. 1982. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Drevnosti stepnoy Skifii (Antiquities of the steppe Scythia)*. Kyiv: Naukova dumka, 130—147 (in Russian).

Melyukova, A.I. 1964. *Vooruzhenie skifov (Arms of Scythians)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-4) (in Russian).

Melyukova, A.I. 1981. *Krasnokutskiy kurgan (Krasnokutsky burial-mound)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Mozolevskiy, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Soboleva mogily) (Burial-mound of the Scythian Gerros 4th century BCE (Babina, Vodyana and Soboleva mounds))*. Kyiv: Stilos (in Ukrainian).

Mukhopad, S.Ye., Shalobudov, V.N., Romashko, V.A., Gusak, O.A. 1992 *Problemy arkheologii Podneprov'ya (Problems of archaeology of the Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: DGU, 47—65 (in Russian).

NA IA NANU. No. 1972/35. Leskov A.M. Otchet o rabotakh Khersonskoy ekspeditsii v 1972 g.

NA IA NANU. No. 1974/2. Cherednichenko N.N., Yevdokimov G.L., Boldin S.I., Murzin V.Yu. 1974. Otchet o raskopkakh Verkhnetarasovskoy ekspeditsii v 1974 g.

NA IA NANU. No. 1975/5. Kubyshev A.I. 1975. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1975 g.

NA IA NANU. No. 1975/10. Cherednichenko N.N., Bessonova S.S., Boldin Ya.I., Bunyatyan Ye.P., Koval'yeva L.G., Kozlovskiy A.A., Orlov R.S., Pustovalov S.Zh., Orlov K.K., Rassamakin Yu.Ya., Shevchenko N.P., Bobyr I.G. 1975. Otchet o raskopkakh Verkhnetarasovskoy ekspeditsii v 1975 g.

NA IA NANU. No. 1976/6. Otroshchenko V.V. Otchet Zaporozhskoy ekspeditsii za 1976 g.

NA IA NANU. D. 1977/23. Kubyshev A.I. 1977. Otchet o rabote Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA AN USSR v zone stroitel'stva Kakhovskoy orositel'noy sistemy v 1977 godu.

NA IA NANU. No. 1978/43a. Volkoboy S.S., Likhachev V.A., Shalobudov V.N. 1978. Otchet po issledovaniyu arkheologicheskikh pamyatnikov v zone stroitel'stva orositel'noy sistemy v sovkhoze im. Il'icha i kolkhoze im. Zhdanova Apostolovskogo r-na v 1978 g.

NA IA NANU. No. 1982/2. Rassamakin Yu.Ya., Otroshchenko V.V., Pustovalov S.Zh., Lyashko S.N., Saliy N.G., Kravchenko S.N., Kovalev M.V., Nikolova A.V. 1982. Otchet o raskopkakh Zaporozhskoy ekspeditsii v 1982 g.

NA IA NANU. No. 1983/26. Kubyshev A.I., Dorofeyev V.V., Shilov Yu.A., Nechitaylo A.L., Kupriy S.A., Shevchenko N.P., Tolkachev Yu.I., Amirkhanov A.Sh., Abikulova M.I., Bylkova V.P. 1983. Otchet o rabotakh Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva Kakhovskoy orositel'noy sistemy v Khersonskoy i Zaporozhskoy obl. v 1983 g.

NA IA NANU. No. 1985/2. Yevdokimov G.L., Gershkovich Ya.P., Porutskiy A.G. 1985. Otchet Krasnoznamenskoy ekspeditsii o raskopkakh kurganov v Khersonskoy obl. v 1985 g.

NA IA NANU. No. 1988/19. Yevdokimov G.L., Gershkovich Ya.P., Fridman M.I. 1988. Otchet o rabote Krasnoznamenskoy ekspeditsii v 1988 g.

NA IA NANU. No. 1988/33. Mozolevskiy B.N., Nikolova A.V., Polin S.V., Belozor V.P. 1988. Otchet o rabote Ordzhonikidzevskoy ekspeditsii za 1988 g.

NA IA NANU. No. 1990/12. Yevdokimov G.L., Gening V.V., Kupriy N.M., Soltys O.B. 1990. Otchet o raskopkakh kurganov Krasnoznamenskoy ekspeditsiyey v zone stroitel'stva AS Khersonskoy obl. v 1990 g.

NA IA RAN. F. R-1. D. 1975. Shilov V.P. 1959. Otchet o raskopkakh Yuzhno-Donskoy ekspeditsii v 1959 g.

Piotrovskiy, B.B. 1955. *Karmir-Blur III. Rezul'taty raskopok 1951—1953 gg. (Karmir-Blur III. The results of excavations in 1951—1953).* Yerevan: AN Arm. SSR (in Russian).

Piotrovskiy, B.B. 1982. *Iskusstvo Urartu. VIII—VI vv. do n.e. (The Art of Urartu. 8th — 6th centuries BCE)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

Pleshivenko, A.G. 1991. In: Boltrik, Yu.V., Bunyatyan, Ye.P. (eds.). *Kurgany stepnoy Skifii (Burial-mounds of steppe Scythia)*. Kyiv: Naukova dumka, 53—72 (in Russian).

Polin, S.V. 1984. In: Chernenko, Ye.V. (ed.). *Vooruzheniye skifov i sarmatov (Armament of the Scythians and Sarmatians)*. Kyiv: Naukova dumka, 103—119 (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Zolotobalkovsky Scythian burial-ground of the 5th — 4th centuries BCE in the Kherson region)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Polin, S.V., Alekseyev, A.Yu. 2018. *Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'ye (Scythian royal burial-mound of Alexandropol of 4th century BCE in the Lower Dnieper region)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Polin, S.V., Daragan, M.N. 2019. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2(31), 157—170 (in Russian).

Savchenko, Ye.I. 2004. In *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy donskoy (potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001—2003 gg. (Archaeology of the Middle Don in the Scythian era. Proceedings of the Don (Potudan) Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2001—2003).* Moscow: IA RAN, 151—277 (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Burial-mounds near the Butory village)*. Tiraspol: Pridnestrovskiy gosudarstvennyy universitet im. T.G. Shevchenko (Archaeological Sites of Transnistria 1) (in Russian).

Skoryi, S., Khokhorovski, Ya. 2018. *Bolshoy Ryzhanovskiy kurgan (Big Ryzhanovsky burial-mound)*. Kiev: Izdatel Oleg Filyuk (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017. In *Stratum plus* 3, 131—152 (in Russian).

Spitsyn, A.A. 1906. In *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy Komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 19, 157—174 (in Russian).

Terenozhkin, A.I., Il'inskaya, V.A., Chernenko, Ye.V., Mozolevskiy, B.N. 1973. Skifskiye kurgany Nikopol'shchiny. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Skifskiye drevnosti (Scythian antiquities)*. Kyiv: Naukova dumka, 187—234 (in Russian).

Khudyakov, Yu.S. 2004. In *Etnograficheskoye obozreniye (Ethnographic Review)* 1, 102—111 (in Russian).

Cherednichenko, N.N., Boldin, Ya.I. 1977. In: *Kurgany yuga Dnepropetrovshchiny (Burial-mounds of the south of the Dnipropetrovsk region)*. Kyiv: Naukova dumka, 125—151 (in Russian).

Chernenko, Ye.V., Bunyatyan, K.P. 1977. In: Chernenko, Ye.V. (ed.). *Kurgany Yuzhnoy Khersonshchiny (Kurgan of South Kherson region)*. Kyiv: Naukova dumka, 45—93 (in Russian).

Shilov, V.P. Ochir-Goryayeva, M. A. 1997. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii (Materials and research on the archaeology of Russia)* 1, 127—152 (in Russian).

Yakovenko, E.V. 1974. *Skifi skhidnogo Krimu v V—III st. do n.ye. (Scythians of the Eastern Crimea in the 5th — 3rd centuries BCE)*. Kyiv: Naukova dumka (in Ukrainian).

Chistov, D. 2019. The Chronology of Arrowhead and Dolphin-Shaped Monetary Signs from Berezan. In: Tsetskhladze, G.R., Atasoy, S., Temür, A., Yiğitpaşa, D. (eds.). *Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity (Select papers from the third international conference "The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast", 27-29 October 2017, Tekkeköy, Samsun)*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 99—107 (in Russian).

Cross, F.M. 1996. The Arrow of Suwar, Retainer of ʿAbday. *Eretz-Israel: Archaeological, Historical and Geographical Studies* 1996, 9—17.

Daragan, M. 2020. Scythian archers of the 4th century BC: a new archaeological study of excavated bows, arrows and quivers from the northern Black Sea region. In: Pankova, S., Simpson, St.J. (eds.). *Masters of the Steppe: The Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 103—124.

Deutsch, R., Heltzer, M. 1997. Abday on Eleventh-Century BCE Arrowheads. *Israel Exploration Journal* 47.1—2, 111—2.

Li, X.J., Marcos, M.-T., Nigel, D.M., Yin, Xia, Kun, Zhao. 2011. Inscriptions, filing, grinding and polishing marks on the bronze weapons from the Qin Terracotta Army in China. *Journal of Archaeological Science* 38, 492—501.

Mazis, M., Wright, L.N. 2018. Archers, Antiochos VII Sidetes, and the "BE" Arrowheads. *The Bulletin of the American Schools of Oriental Research (BASOR)* 380, 205—29

Paunov, E., Dimitrov, D.Y. 2000. New Data on the Use of War Sling in Thrace. *Archaeologia Bulgarica* IV.3, 44—57.

Robinson, D.M. 1941. Metal and Minor Miscellaneous Finds, an Original Contribution to Greek Life. *Excavations at Olynthus* 10.

Talmaţchi, G.M. 2015. New considerations about meaning of the form and the conventional symbols found on monetary signs (6th — 5th centuries BC). *Acta Archaeologica Lodziensia* 61, 23—36.

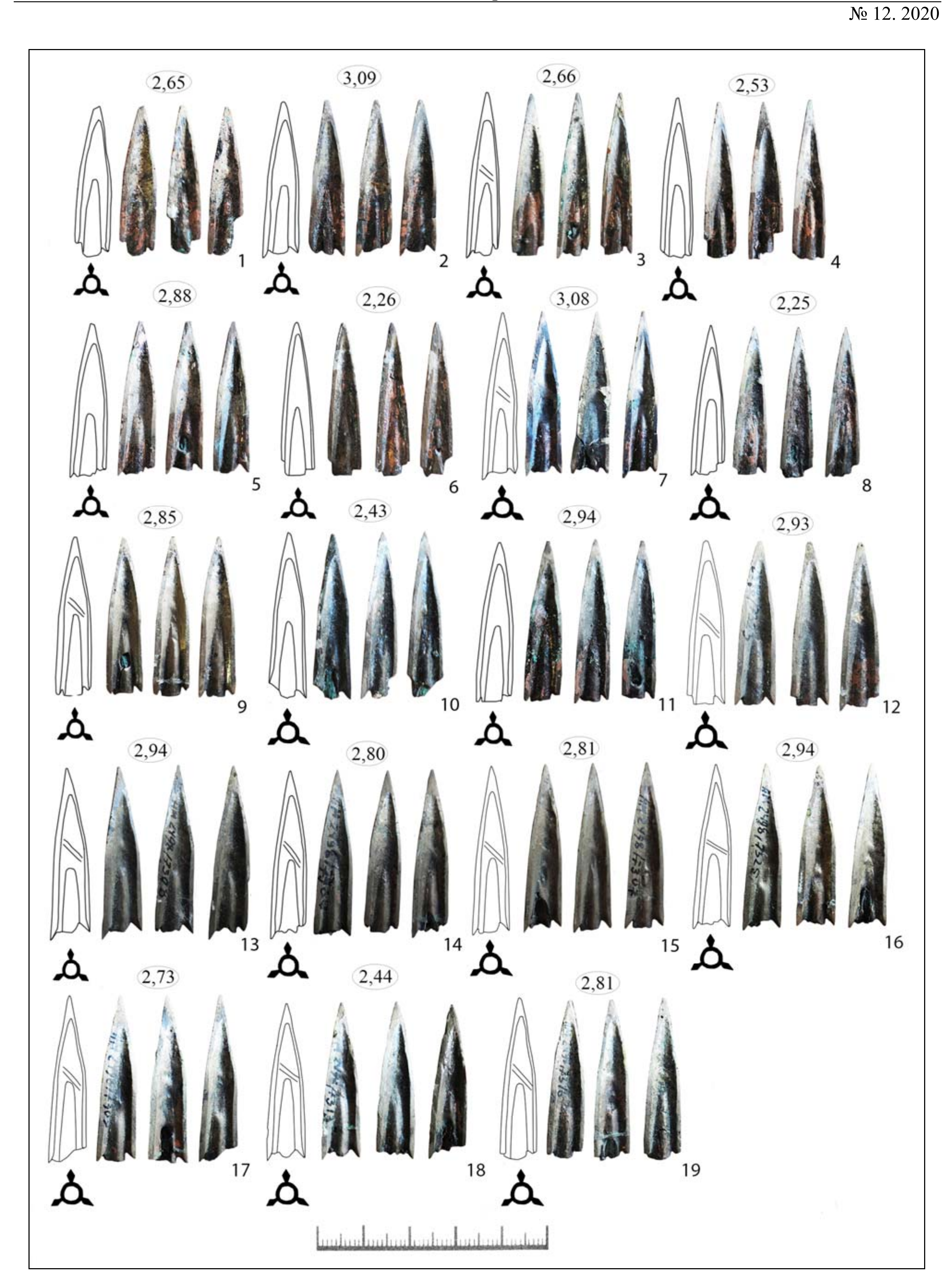

Рис. 1. Водославка, курган 8, погребение 4 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 1. Vodoslavka Burial-ground, Burial-mound 8, Burial 4 (drawings and photos by the author).

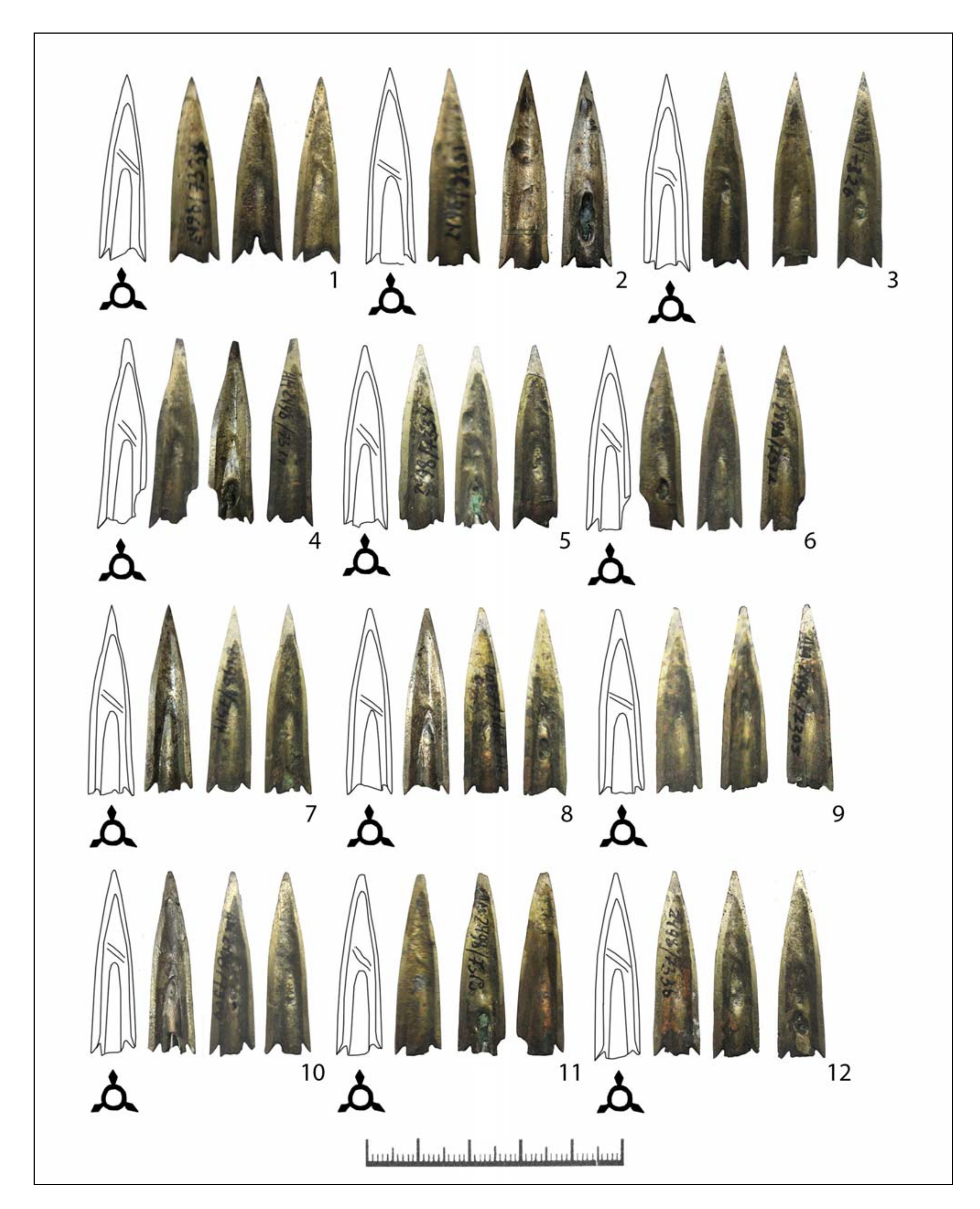

Рис. 2. Водославка, курган 8, погребение 4 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 2. Vodoslavka Burial-ground, Burial-mound 8, Burial 4 (drawings and photos by the author).

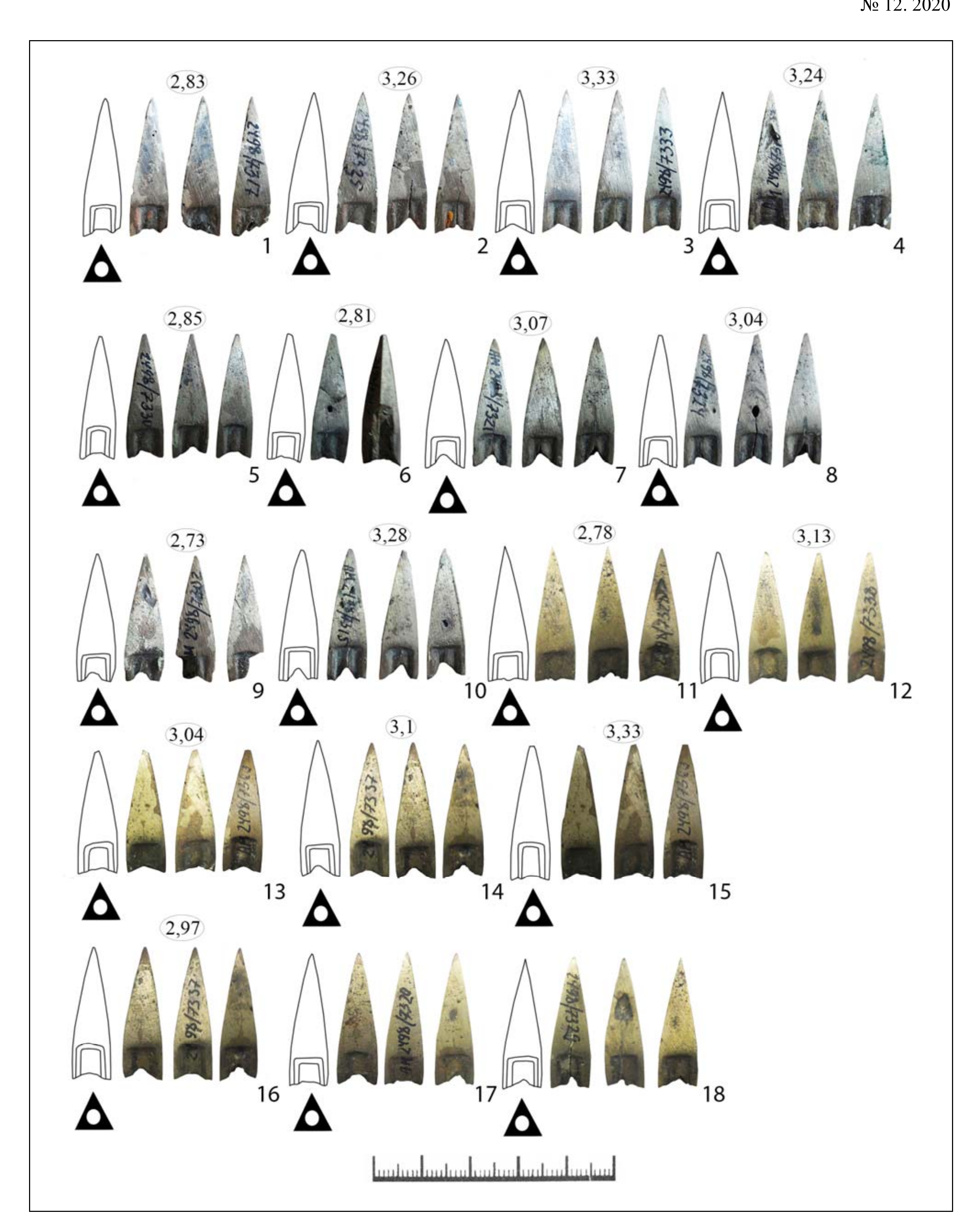

Рис. 3. Водославка, курган 8, погребение 4 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 3. Vodoslavka Burial-ground, Burial-mound 8, Burial 4 (drawings and photos by the author).

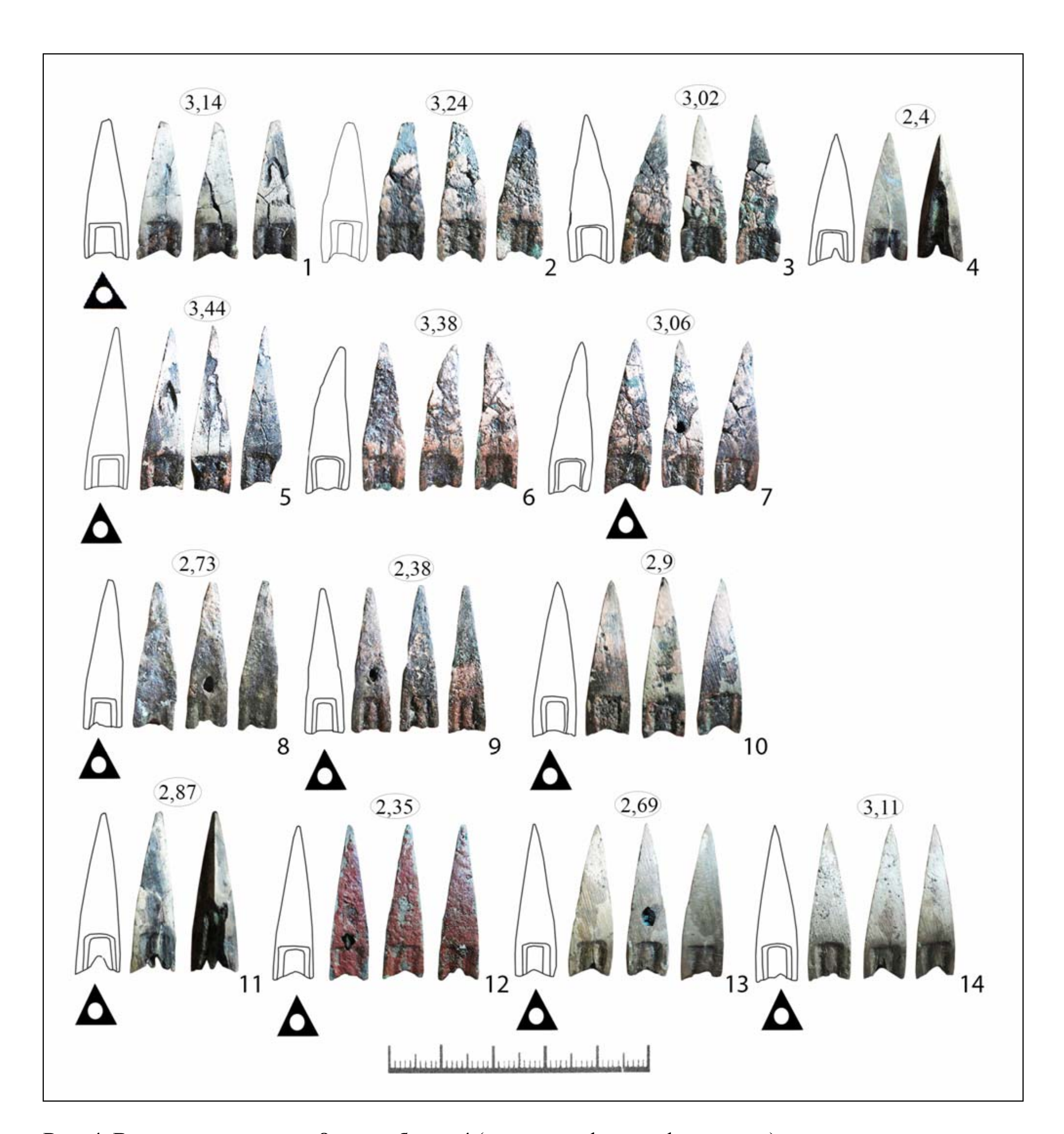

Рис. 4. Водославка, курган 8, погребение 4 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 4. Vodoslavka Burial-ground, Burial-mound 8, Burial 4 (drawings and photos by the author).

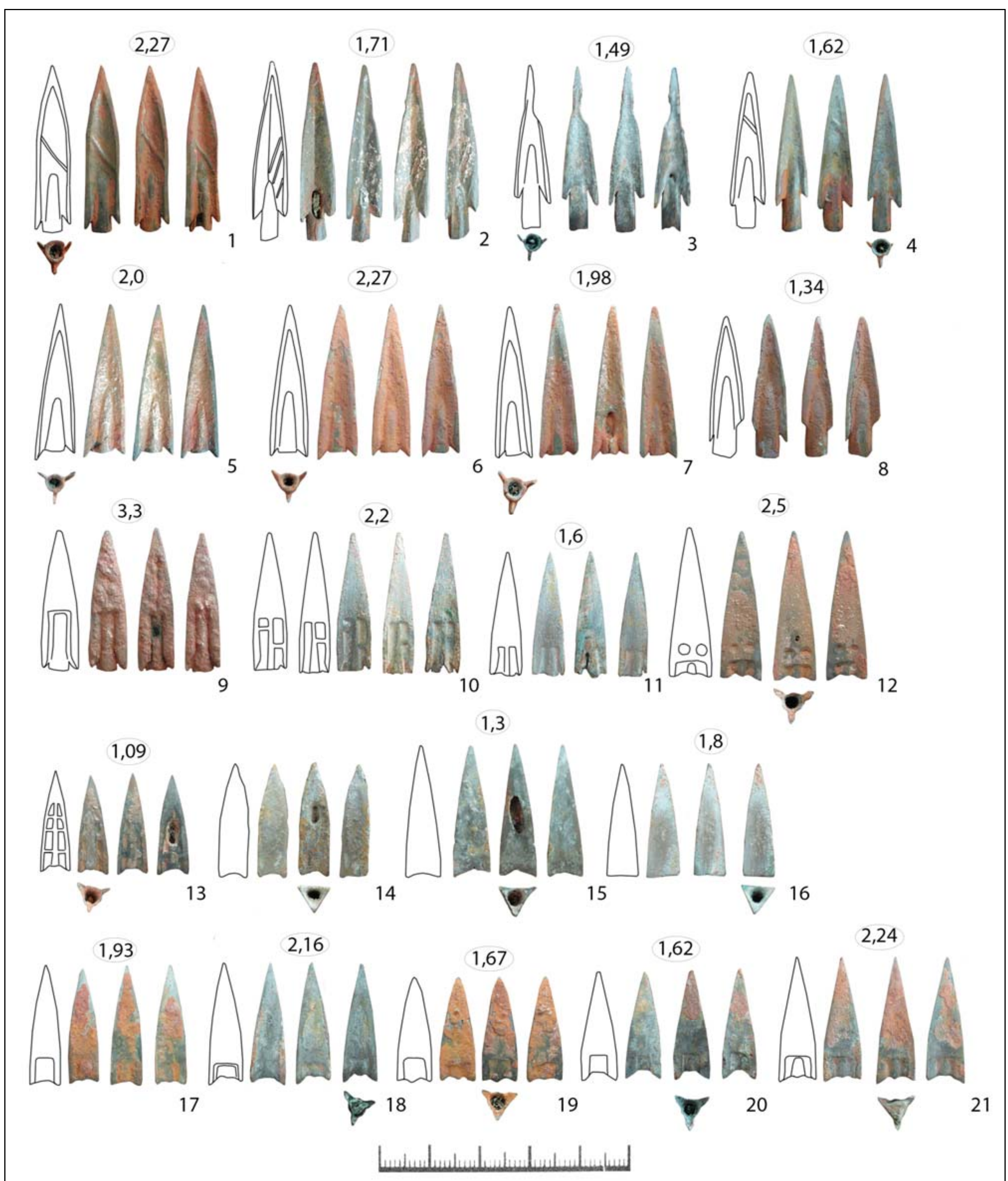

Рис. 5. Широкое II, курган 56 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 5. Shirokoye II Burial-ground, Burial-mound 56 (drawings and photos by the author).

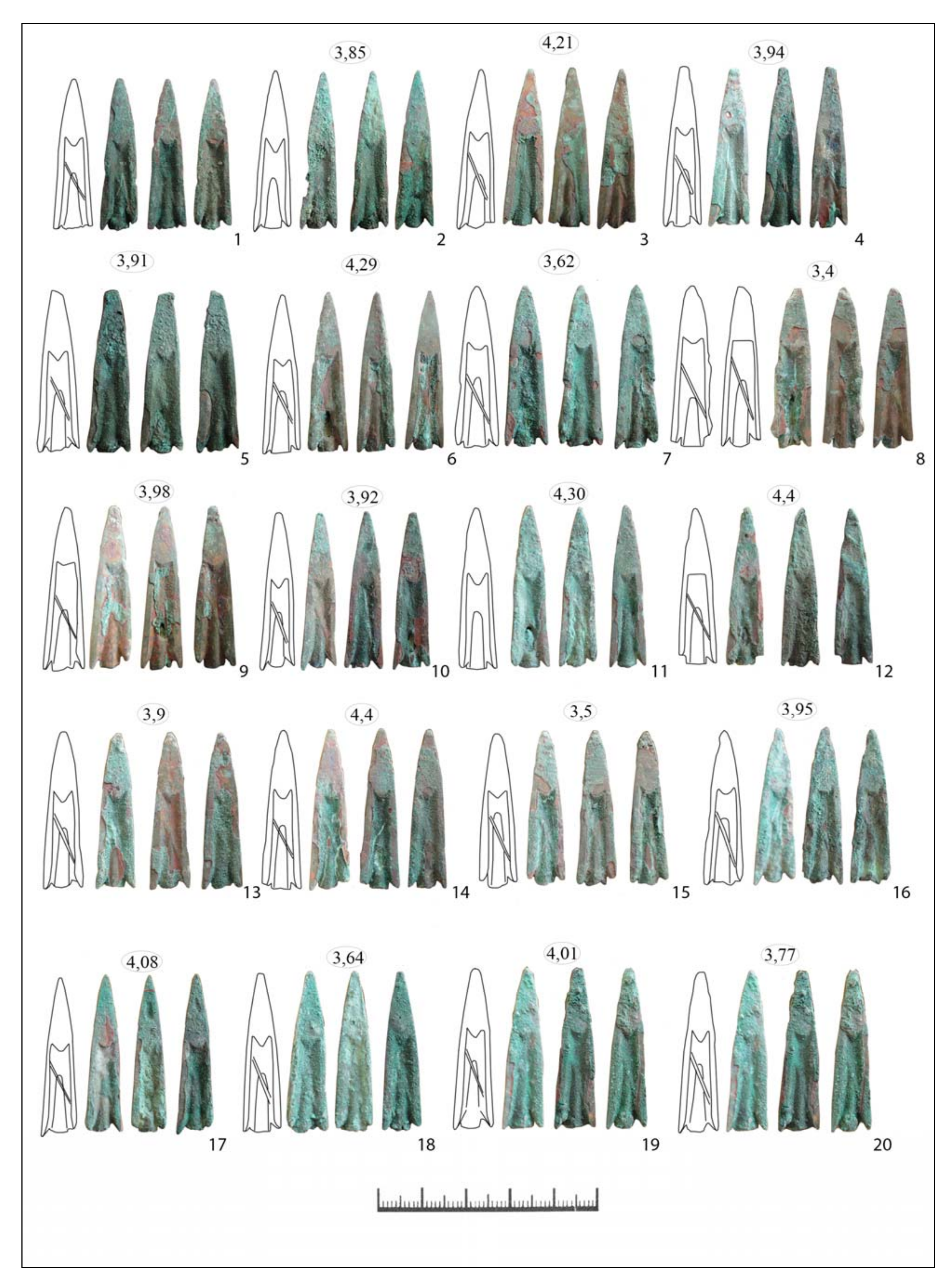

Рис. 6. Брилевка, курган 9, погребение 3 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 6. Brilevka Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 3 (drawings and photos by the author).

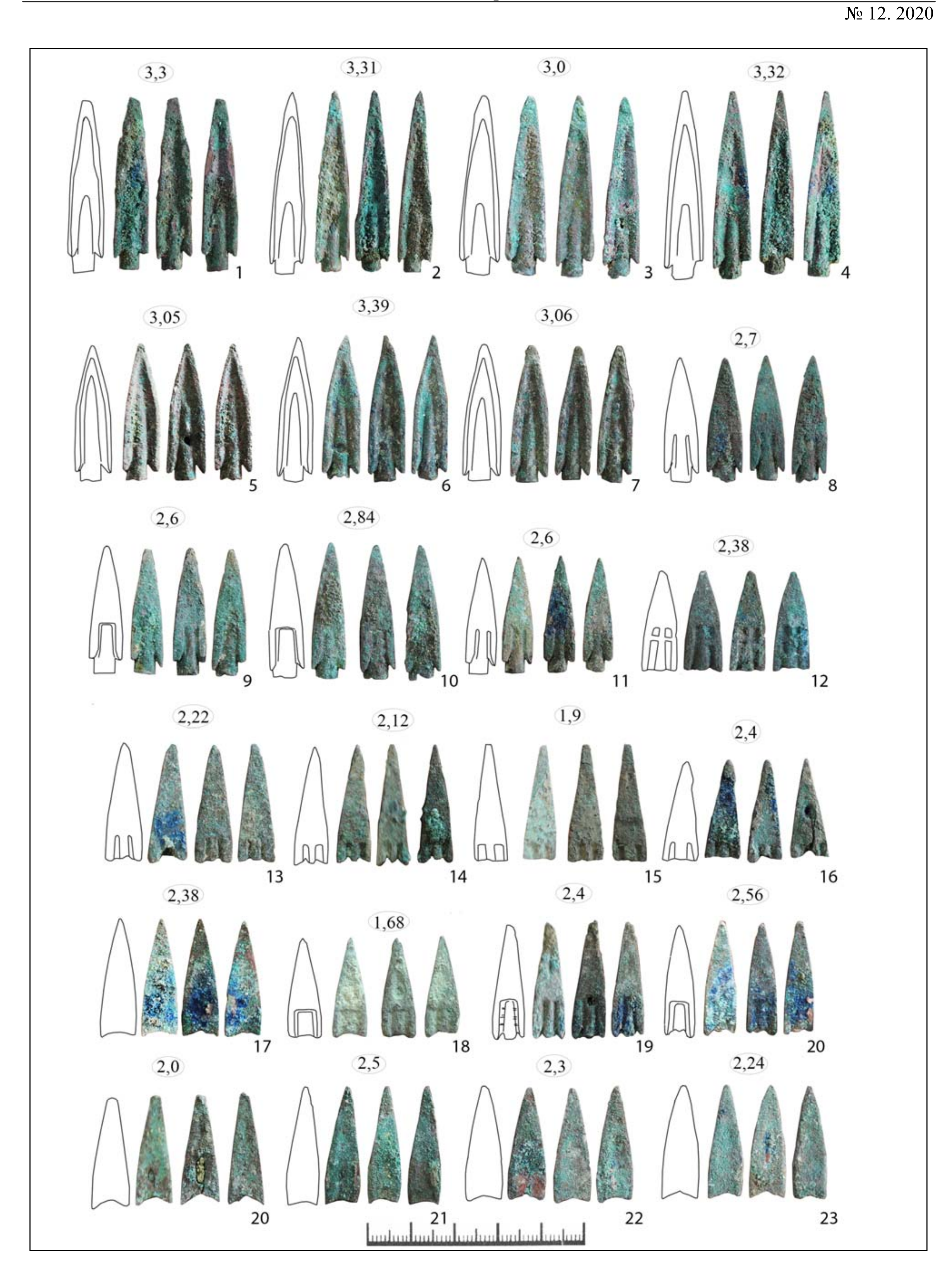

Рис. 7. Брилевка, курган 9, погребение 3 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 7. Brilevka Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 3 (drawings and photos by the author).

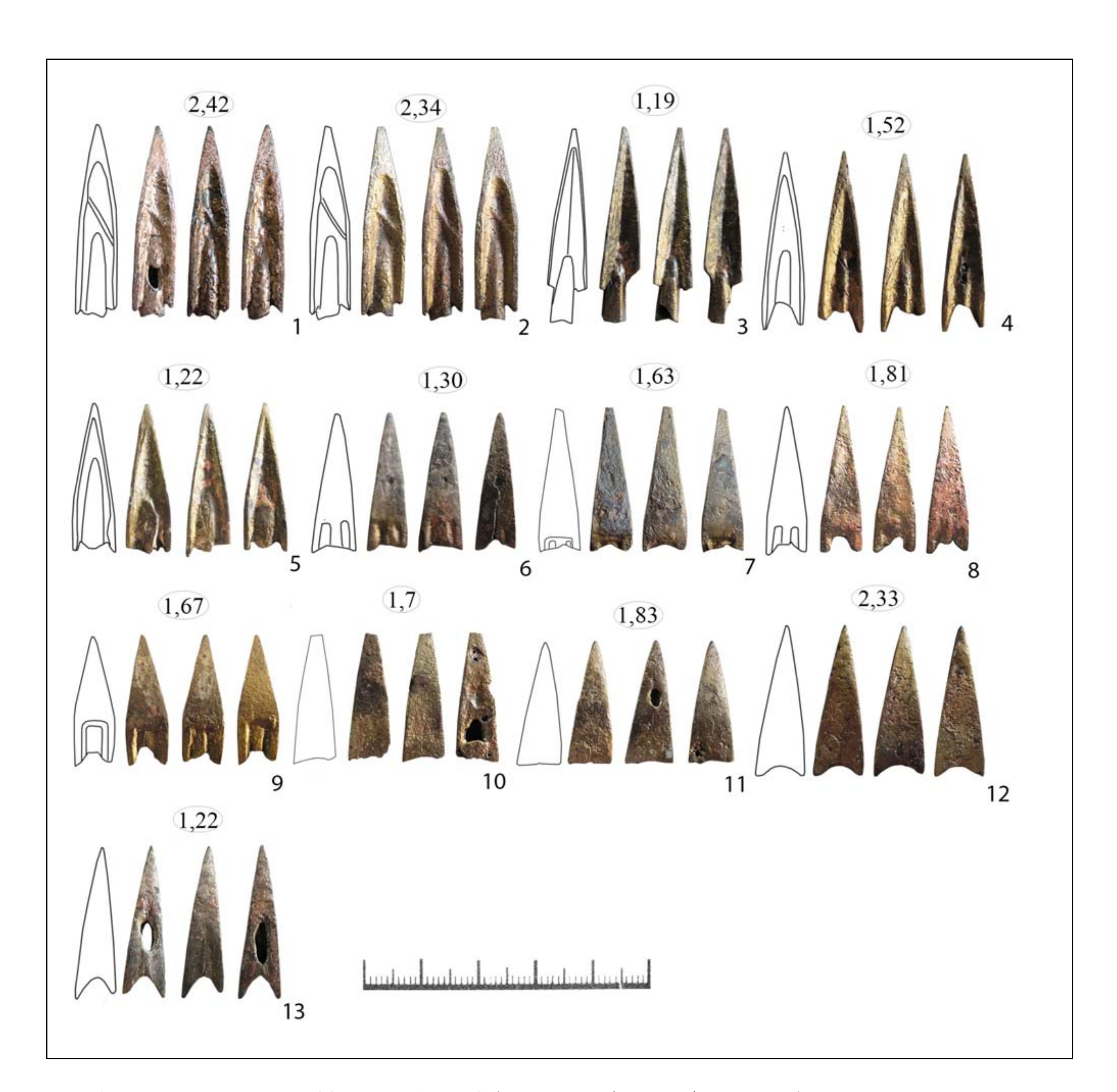

Рис. 8. Брилевка, курган 20, погребение 9 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 8. Brilevka Burial-ground, Burial-mound 20, Burial 9 (drawings and photos by the author).

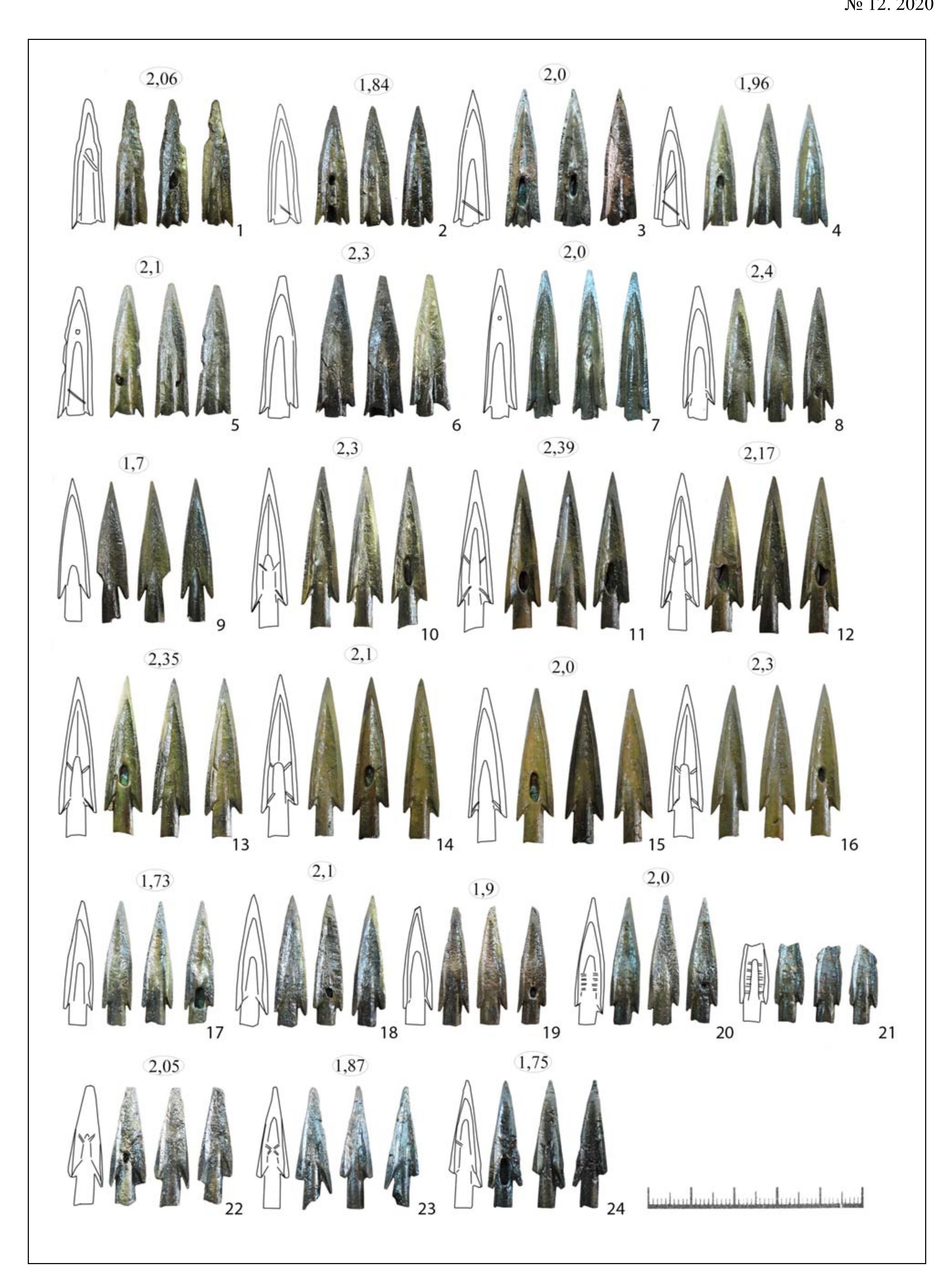

Рис. 9. Брилевка, курган 24, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 9. Brilevka Burial-ground, Burial-mound 24, Burial 2 (drawings and photos by the author).

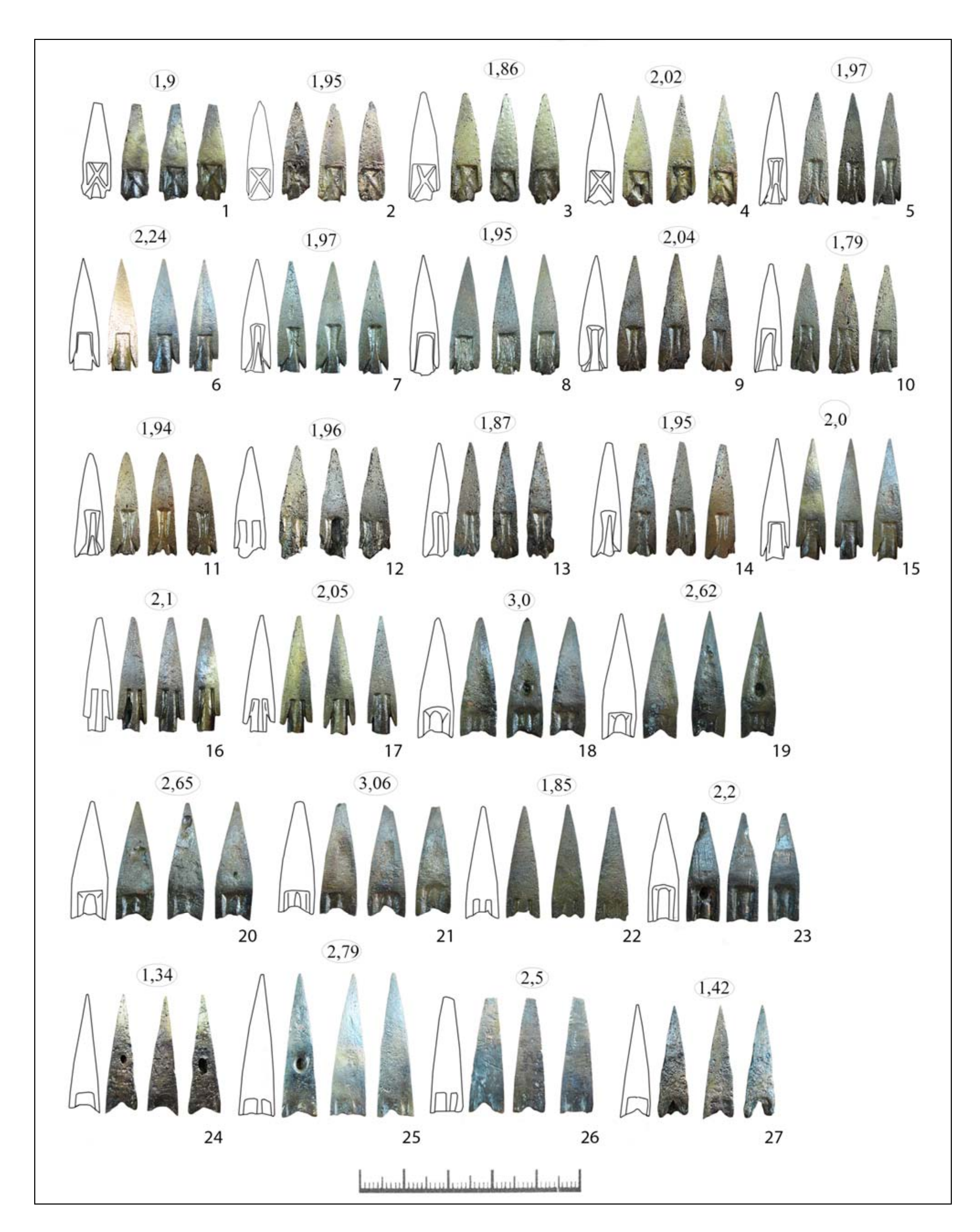

Рис. 10. Брилевка, курган 24, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 10. Brilevka Burial-ground, Burial-mound 24, Burial 2 (drawings and photos by the author).

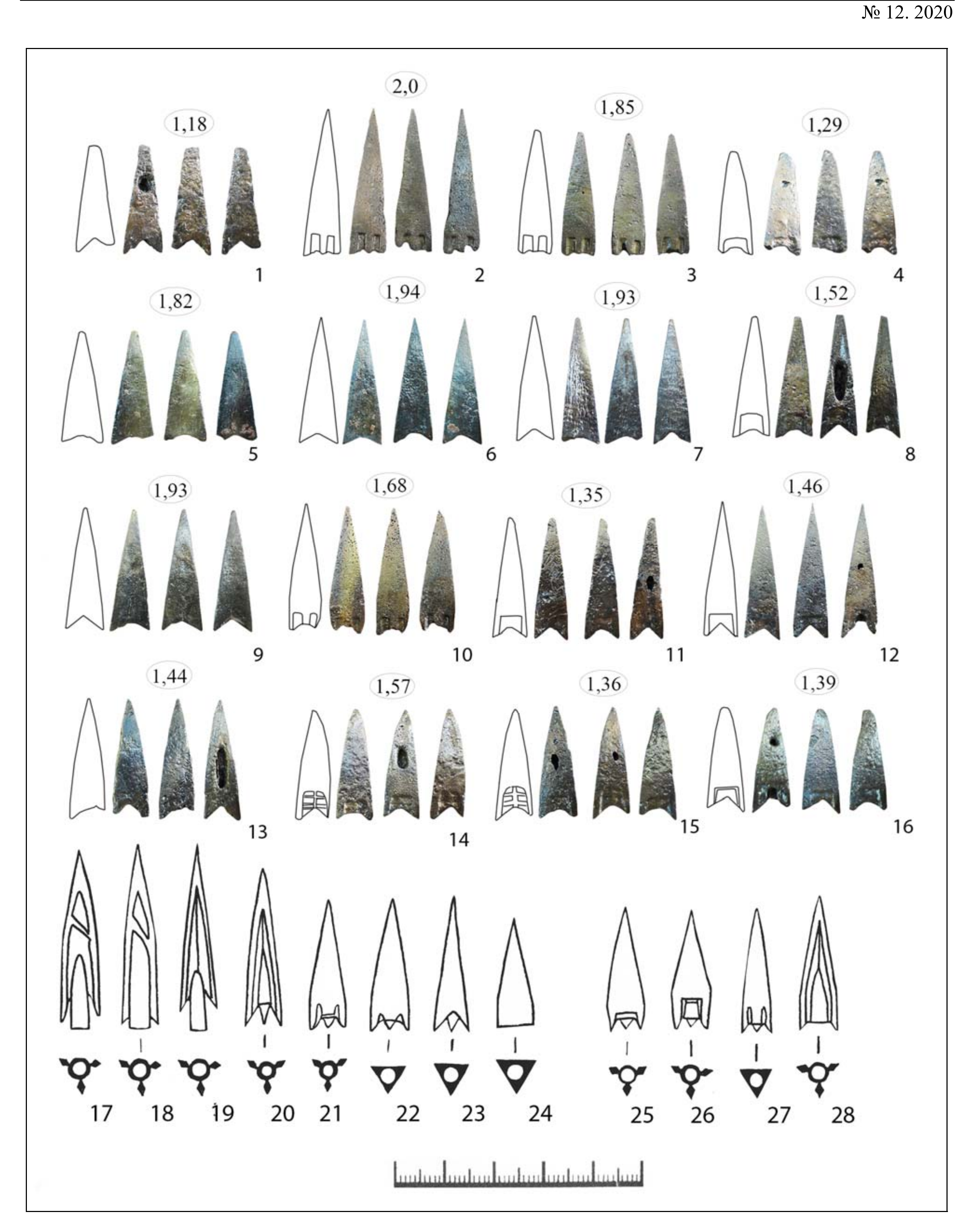

Рис. 11. ***1—16*** **— Брилевка, курган 24, погребение 2** (рисунки и фотографии автора); ***17—28*** **— Брилевка, курган 26, погребение 2** (колчаны 1 и 2, рисунки из архива С.В. Полина).

Fig. 11. ***1—16*** **— Brilevka Burial-ground, Burial-mound 24, Burial 2** (drawings and photos by the author); ***17—28*** **— Brilevka Burial-ground, Burial-mound 26, Burial 2** (quivers 1 and 2, drawing from the archive of S.V. Polin).

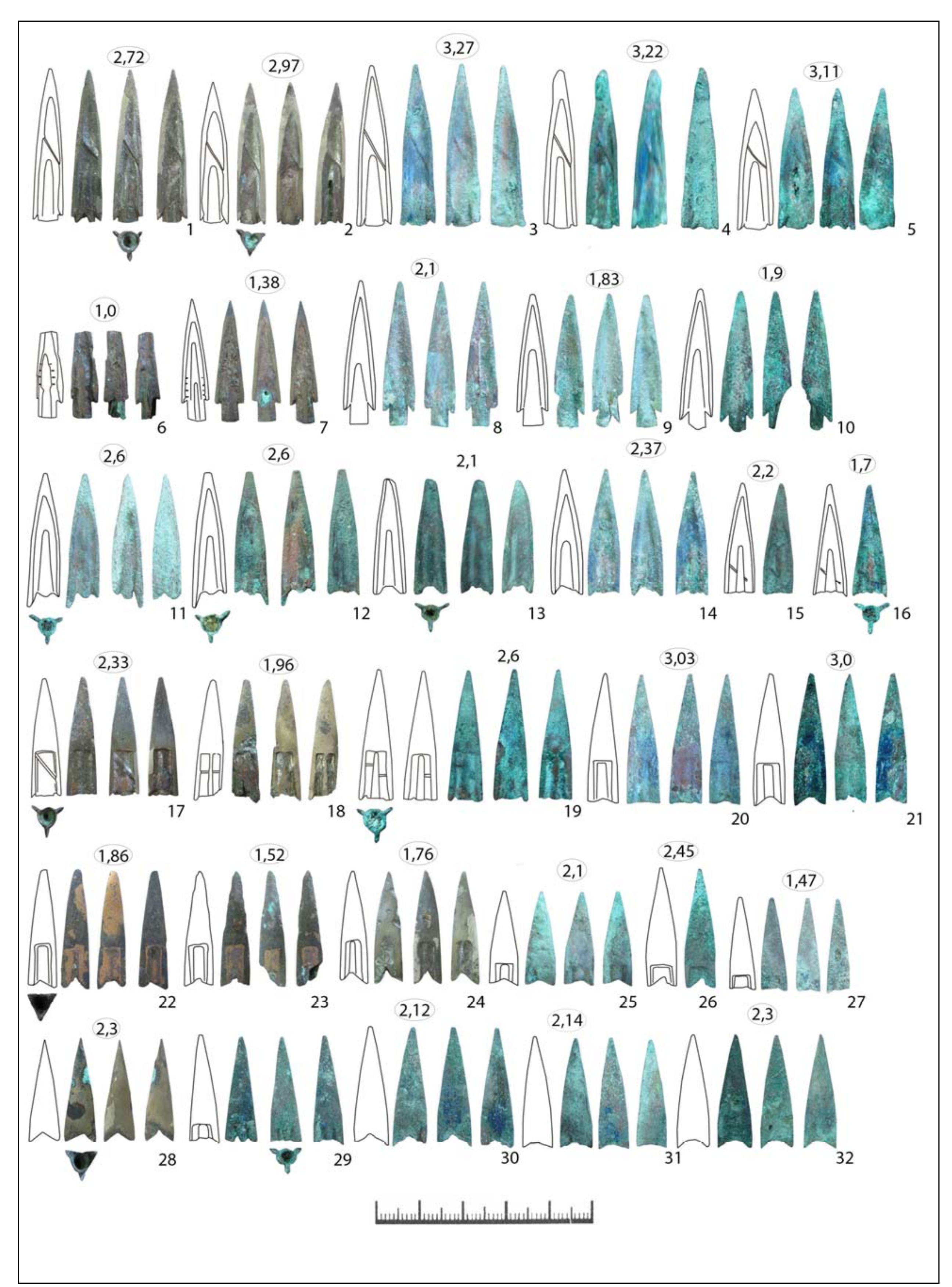

Рис. 12. Брилевка, курган 26, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 12. Brilevka Burial-ground, Burial-mound 26, Burial 2 (drawings and photos by the author).

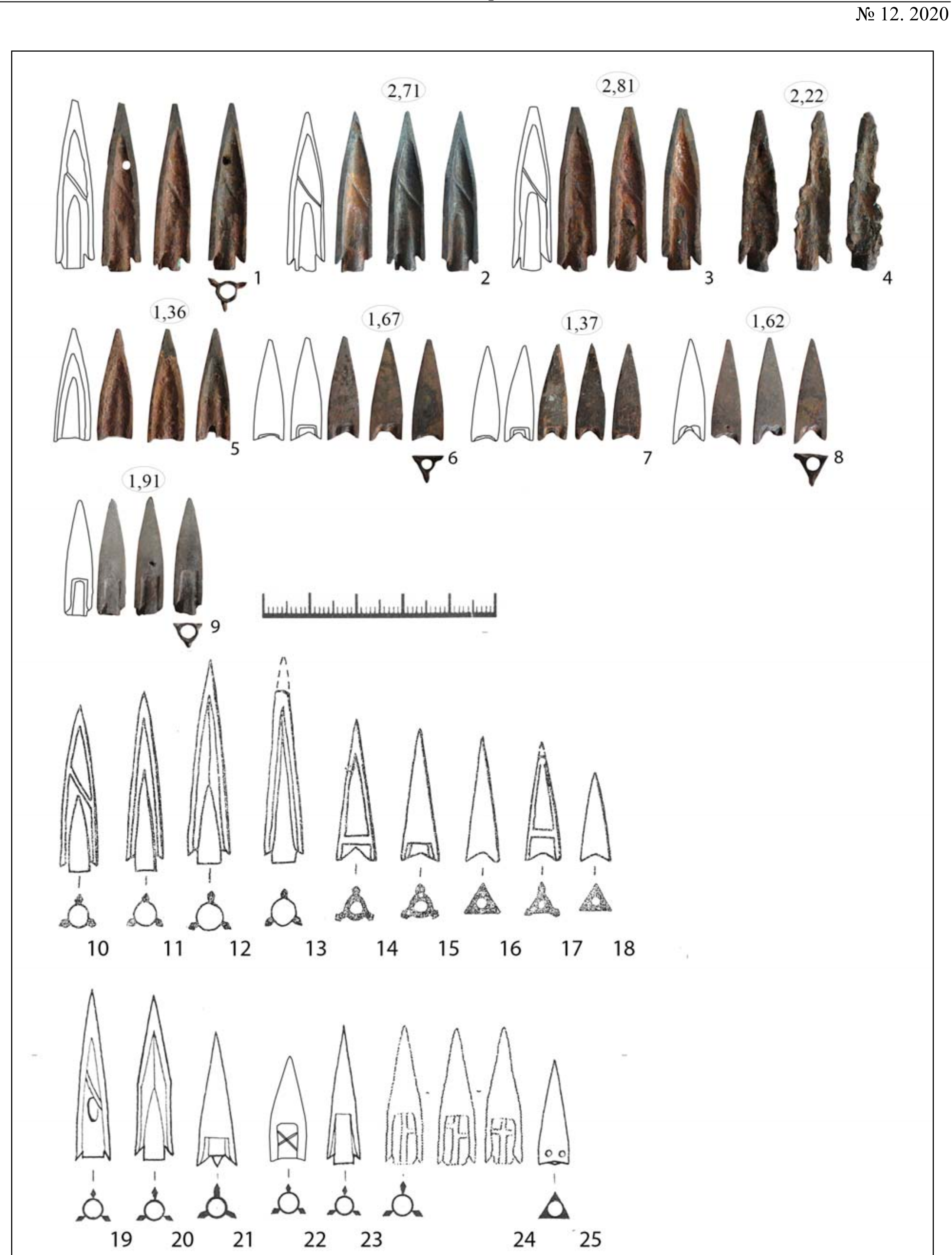

Рис. 13. ***1—9*** **— Привольное, курган 6, погребение 3;** ***10—18*** **— Красный Подол, курган 2, погребение 1;** ***19—25*** **— Подовое, курган 4, погребение 2** (рисунки и фотографии автора).

Fig. 13. ***1—9*** **— Privolnoe Burial-ground, Burial-mound 6, Burial 3;** ***10—18*** **— Krasnyy Podol, Burial-mound 2, Burial 1;** ***19—25*** **— Podovoe, Burial-mound 4, Burial 2** (drawings and photos by the author).

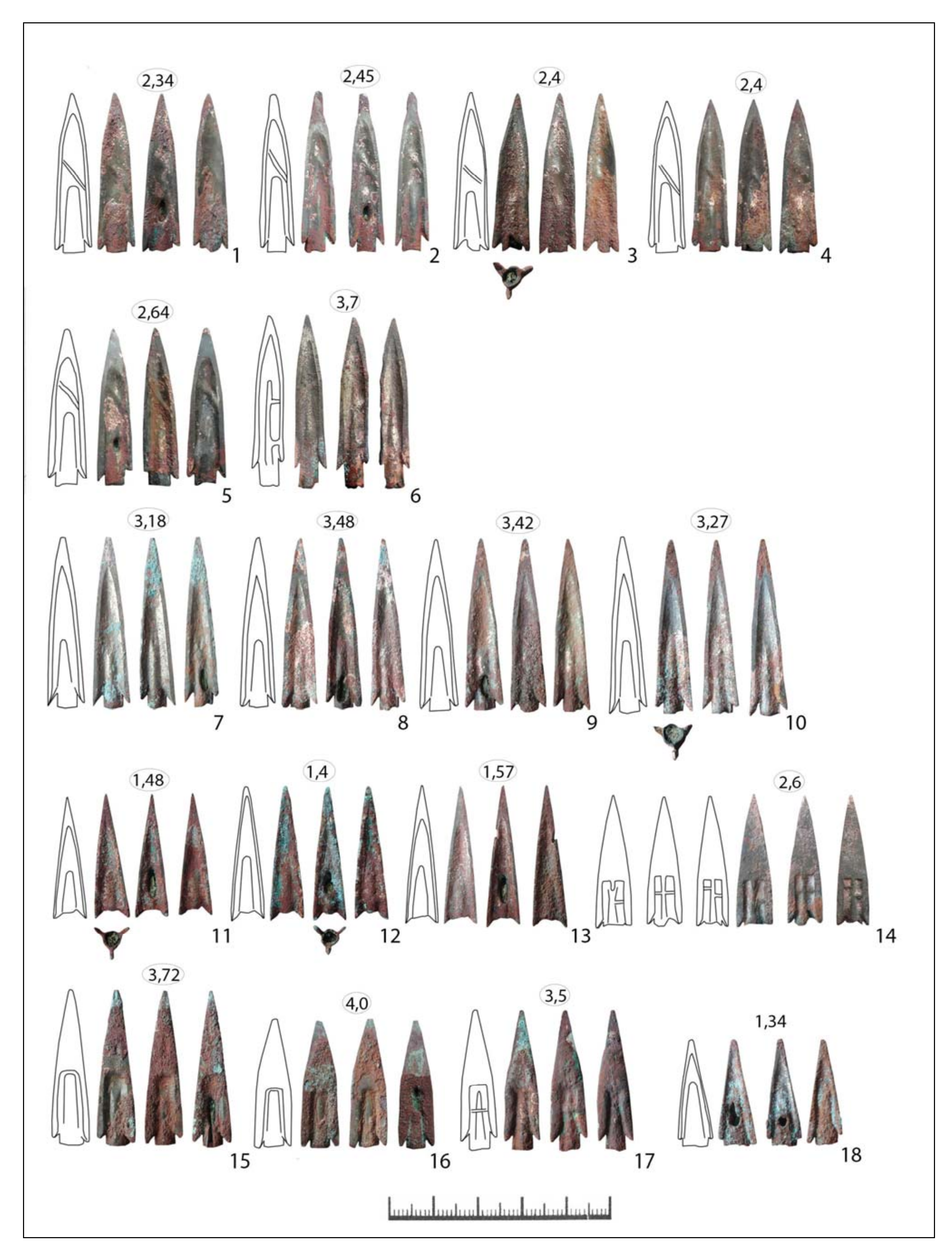

Рис. 14. Маячка, курган 21, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 14. Mayachka Burial-ground, Burial-mound 21, Burial 2 (drawings and photos by the author).

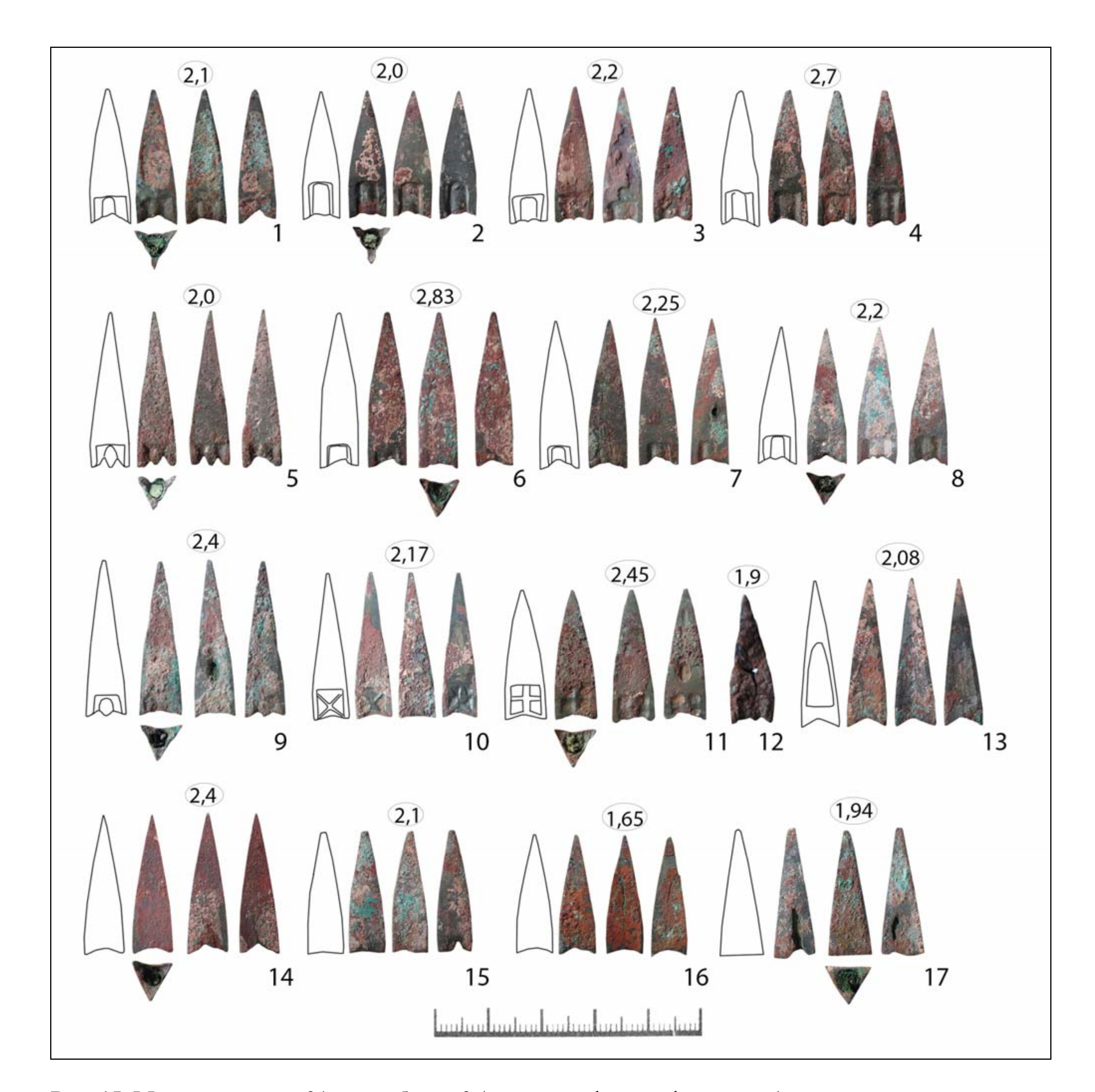

Рис. 15. Маячка, курган 21, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 15. Mayachka Burial-ground, Burial-mound 21, Burial 2 (drawings and photos by the author).

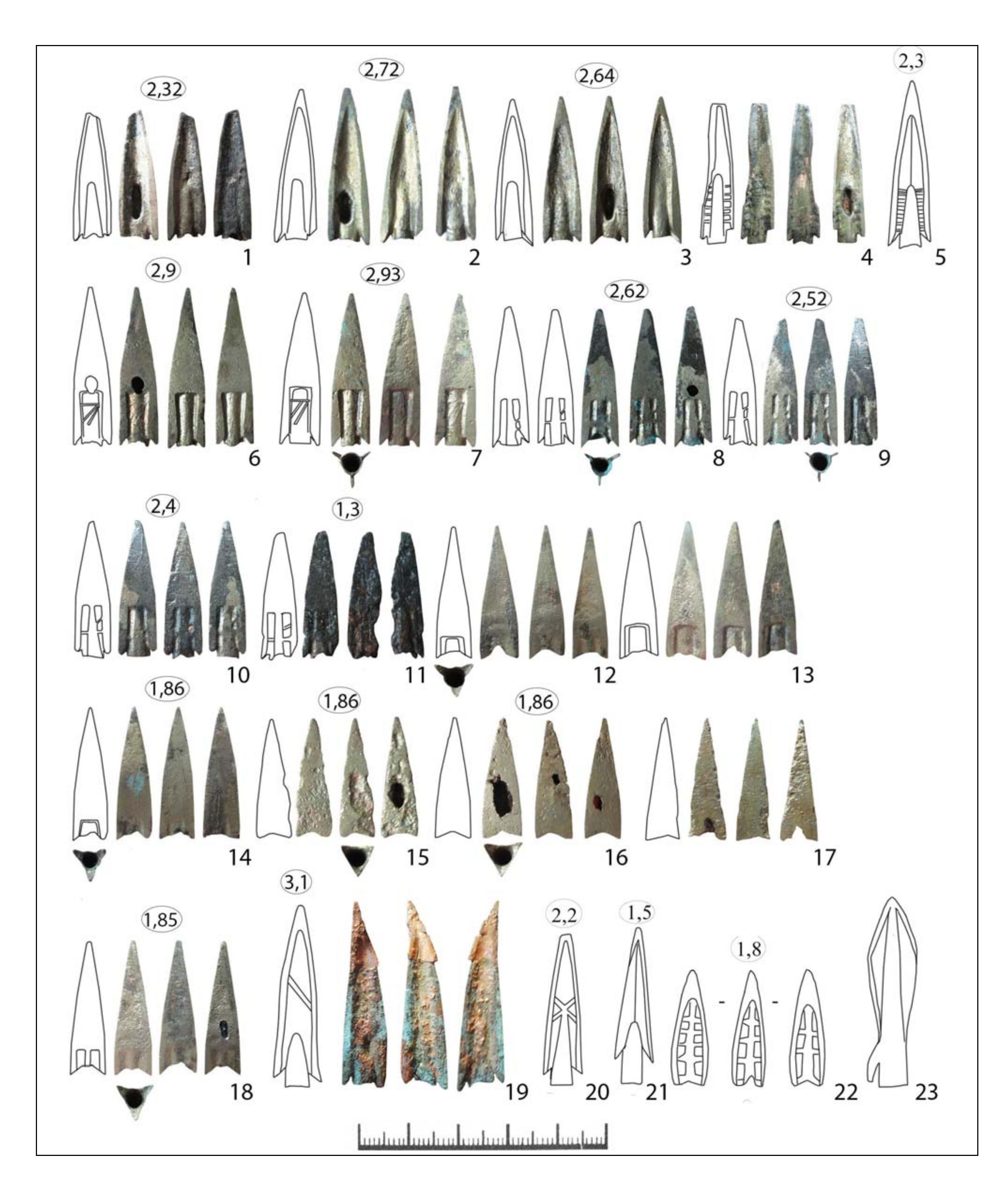

Рис. 16. Львово, курган 18, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 16. Lvovo Burial-ground, Burial-mound 18, Burial 1 (drawings and photos by the author).

Рис. 17. Львово, курган 18, погребение 2, колчан 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 17. Lvovo Burial-ground, Burial-mound 18, Burial 2, quiver 1 (drawings and photos by the author).

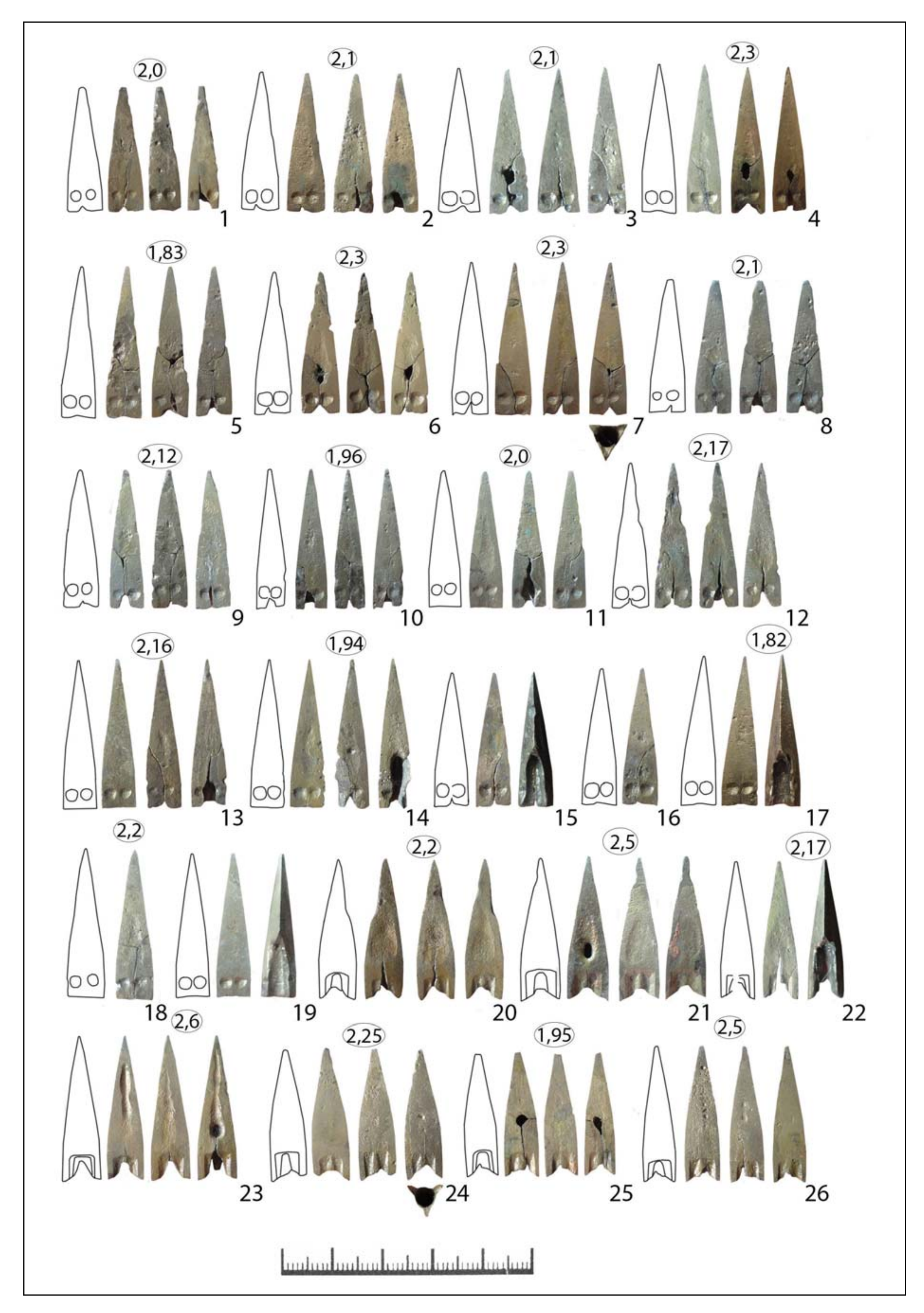

Рис. 18. Львово, курган 18, погребение 2, колчан 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 18. Lvovo Burial-ground, Burial-mound 18, Burial 2, quiver 2 (drawings and photos by the author).

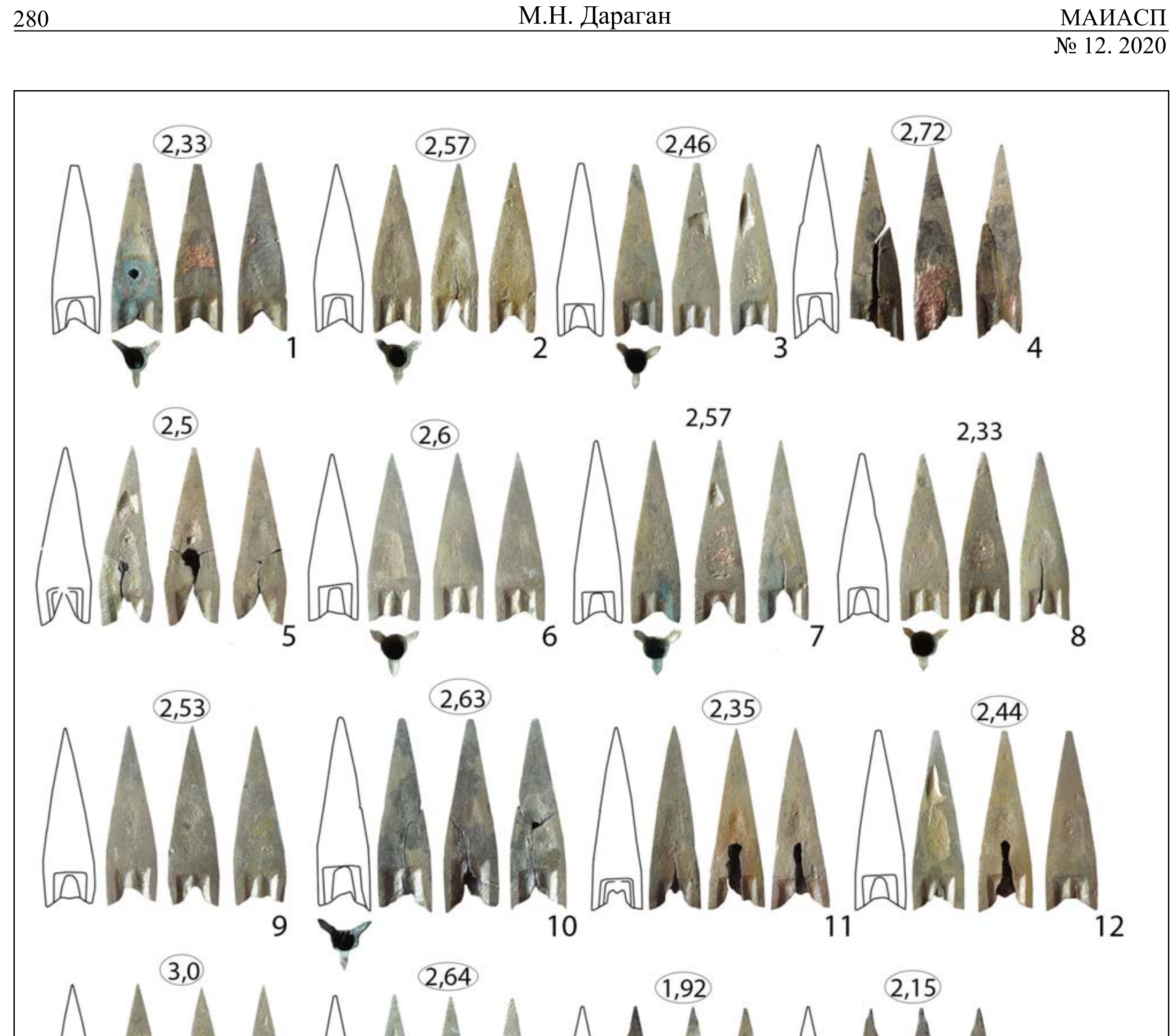

Рис. 19. Львово, курган 18, погребение 2, колчан 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 19. Lvovo Burial-ground, Burial-mound 18, Burial 2, quiver 2 (drawings and photos by the author).

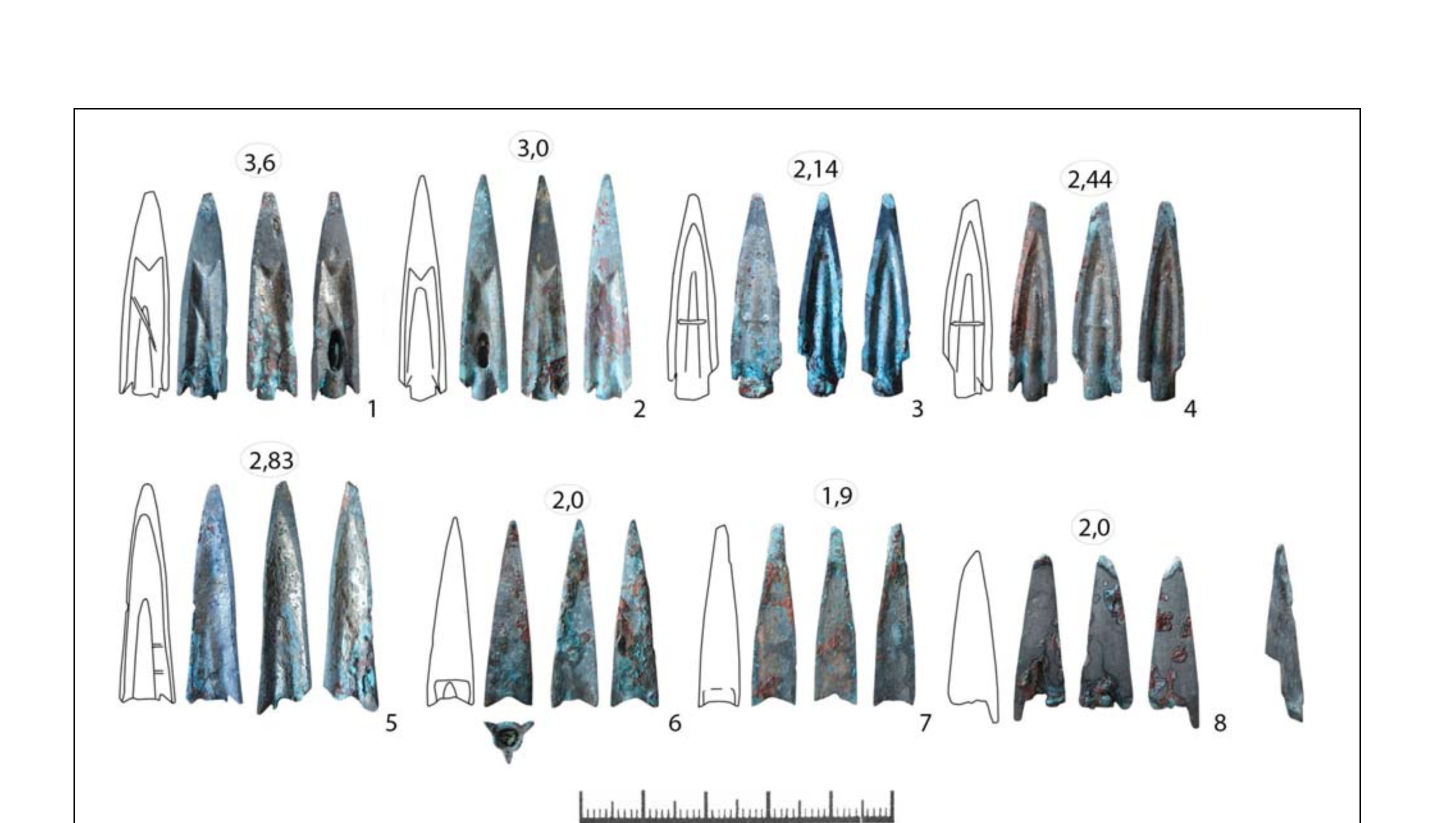

Рис. 20. Дудчино, курган 1, погребение 3 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 20. Dudchyno Burial-ground, Burial-mound 1, Burial 3 (drawings and photos by the author).

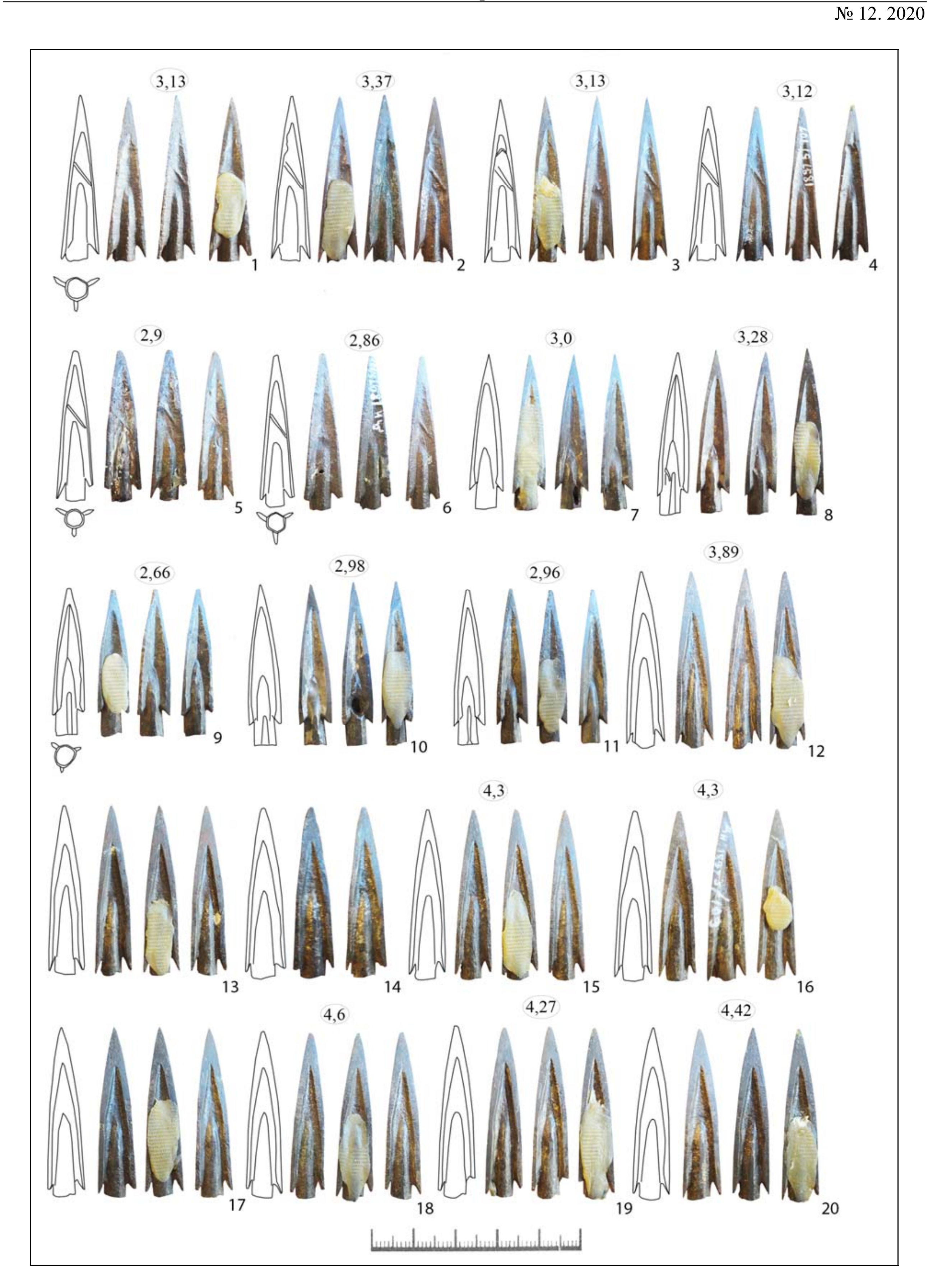

Рис. 21. Деев курган, погребение «слуги» (рисунки и фотографии автора).

Рис. 21. Deev kurgan Burial-ground, Burial of the “servant” (drawings and photos by the author).

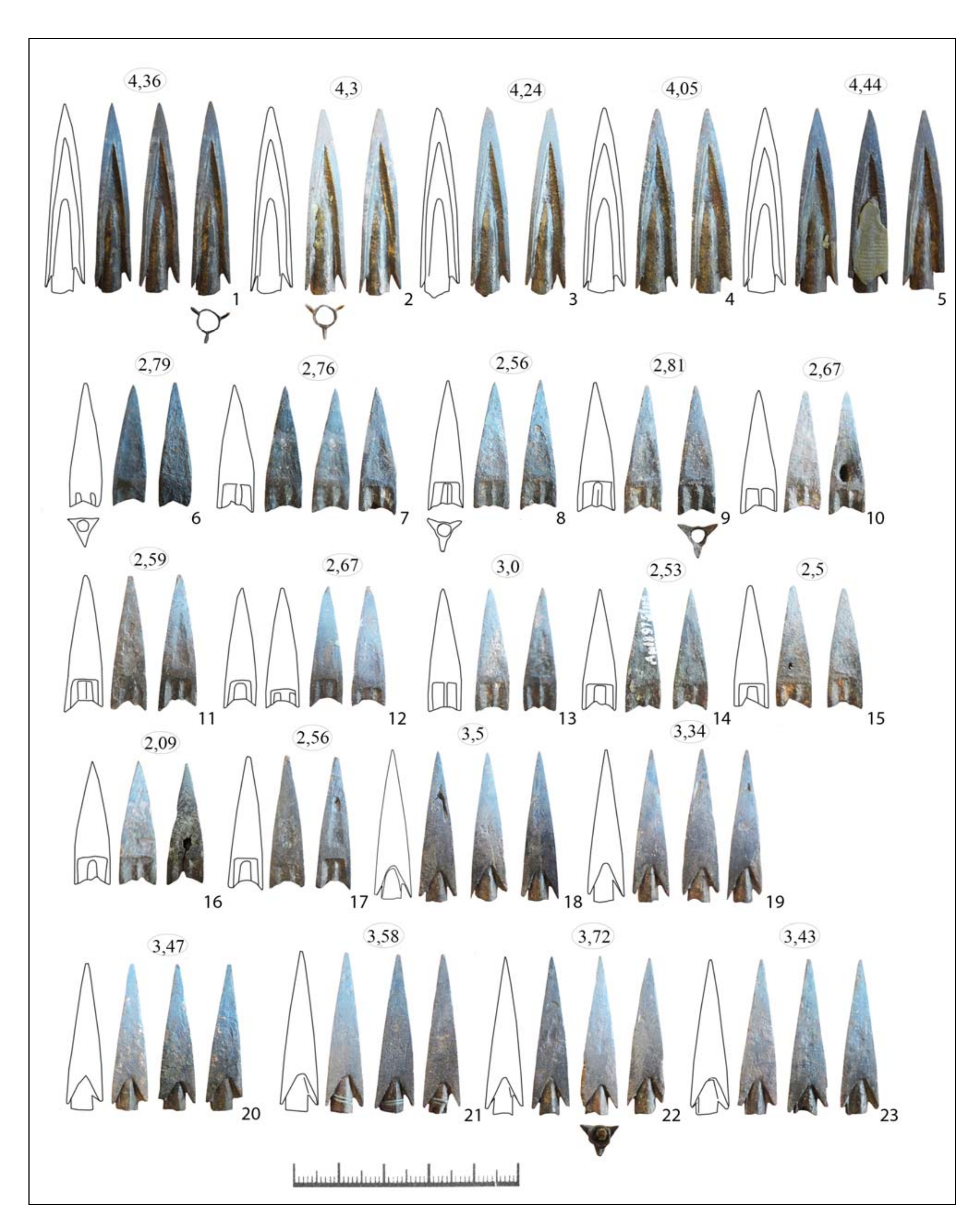

Рис. 22. Деев курган, погребение «слуги» (рисунки и фотографии автора).

Fig. 22. Deev kurgan Burial-ground, Burial of the “servant” (drawings and photos by the author).

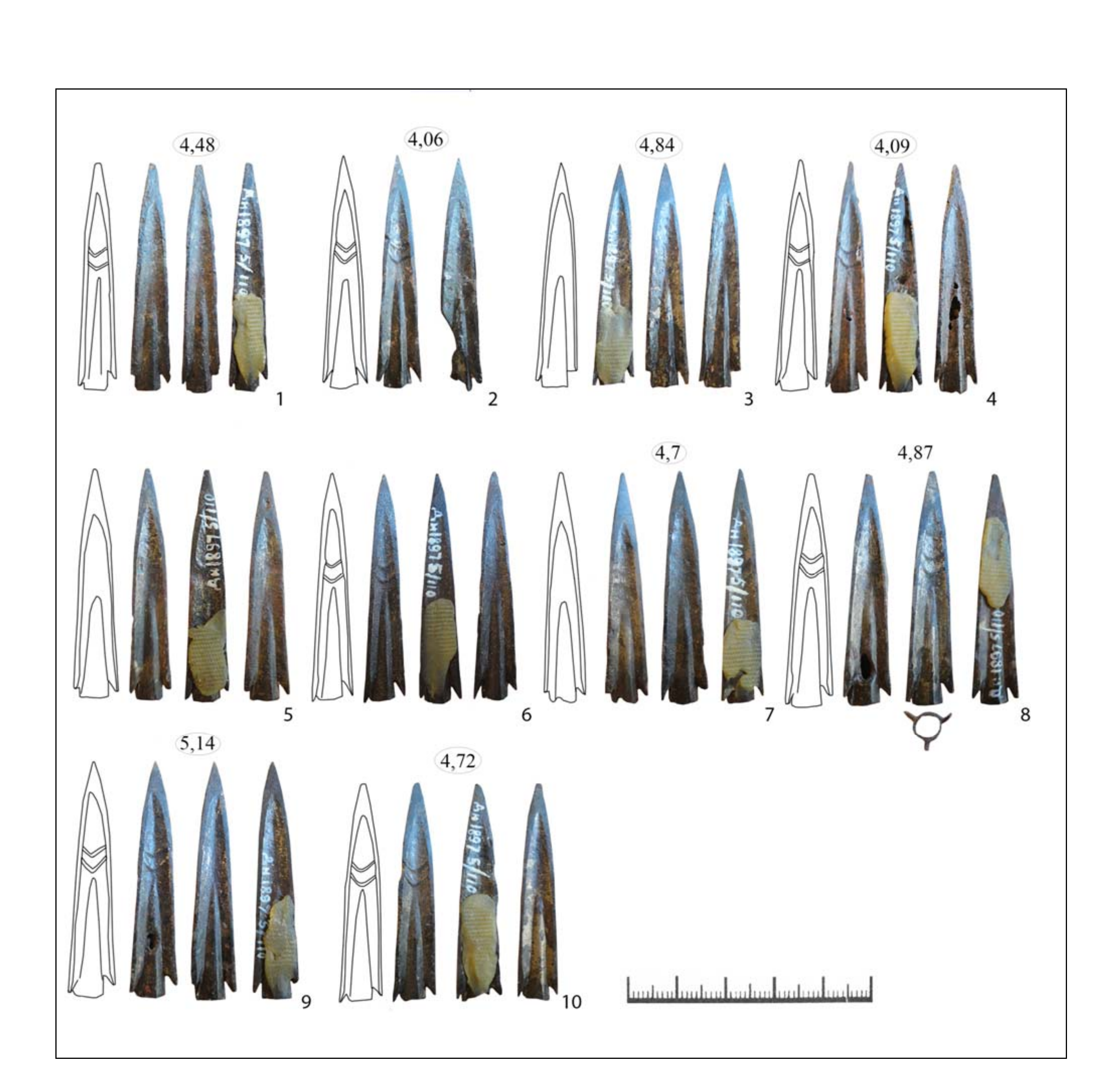

Рис. 23. Деев курган, погребение «слуги» (рисунки и фотографии автора).

Fig. 23. Deev kurgan Burial-ground, Burial of the “servant” (drawings and photos by the author).

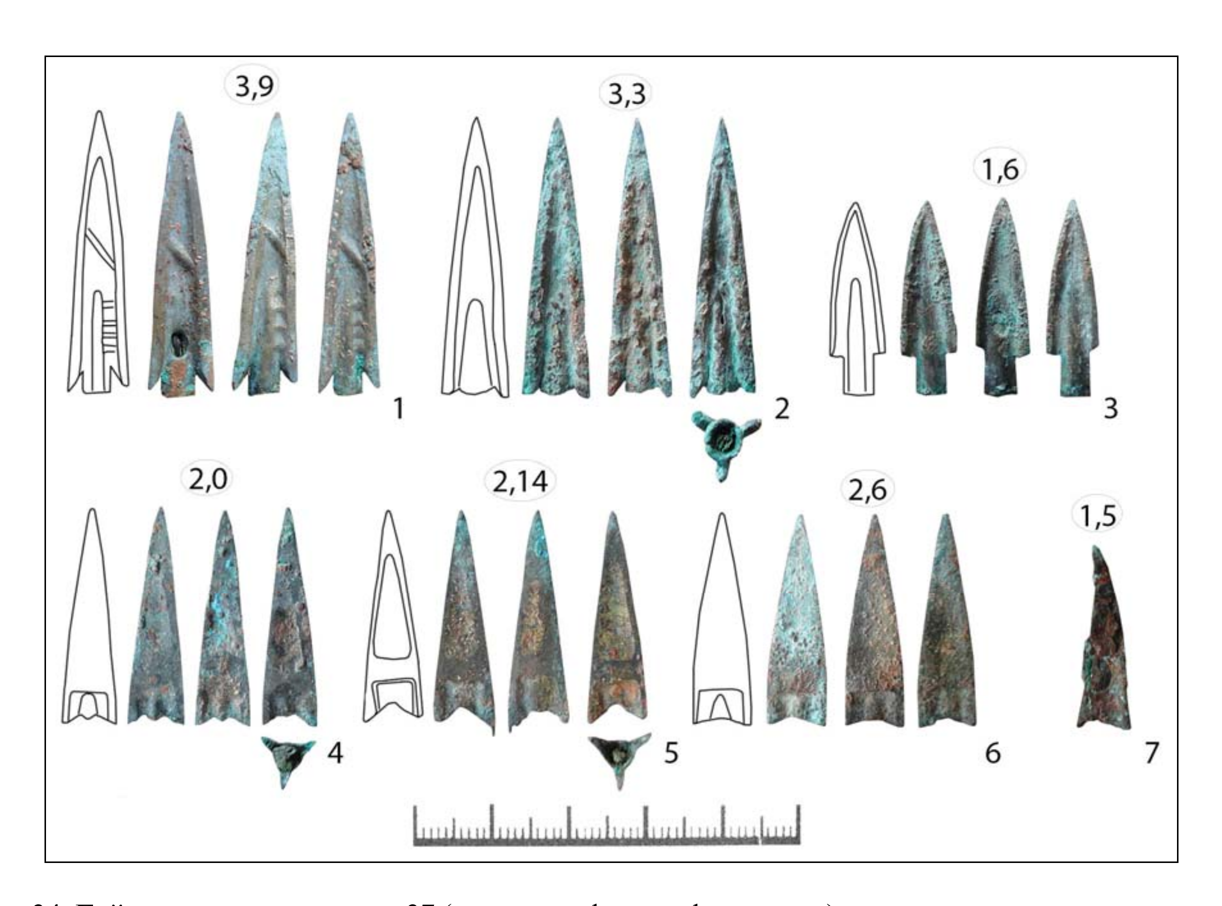

Рис. 24. Гайманово поле, курган 27 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 24. Gaymanovo pole Burial-ground, Burial-mound 27 (drawings and photos by the author).

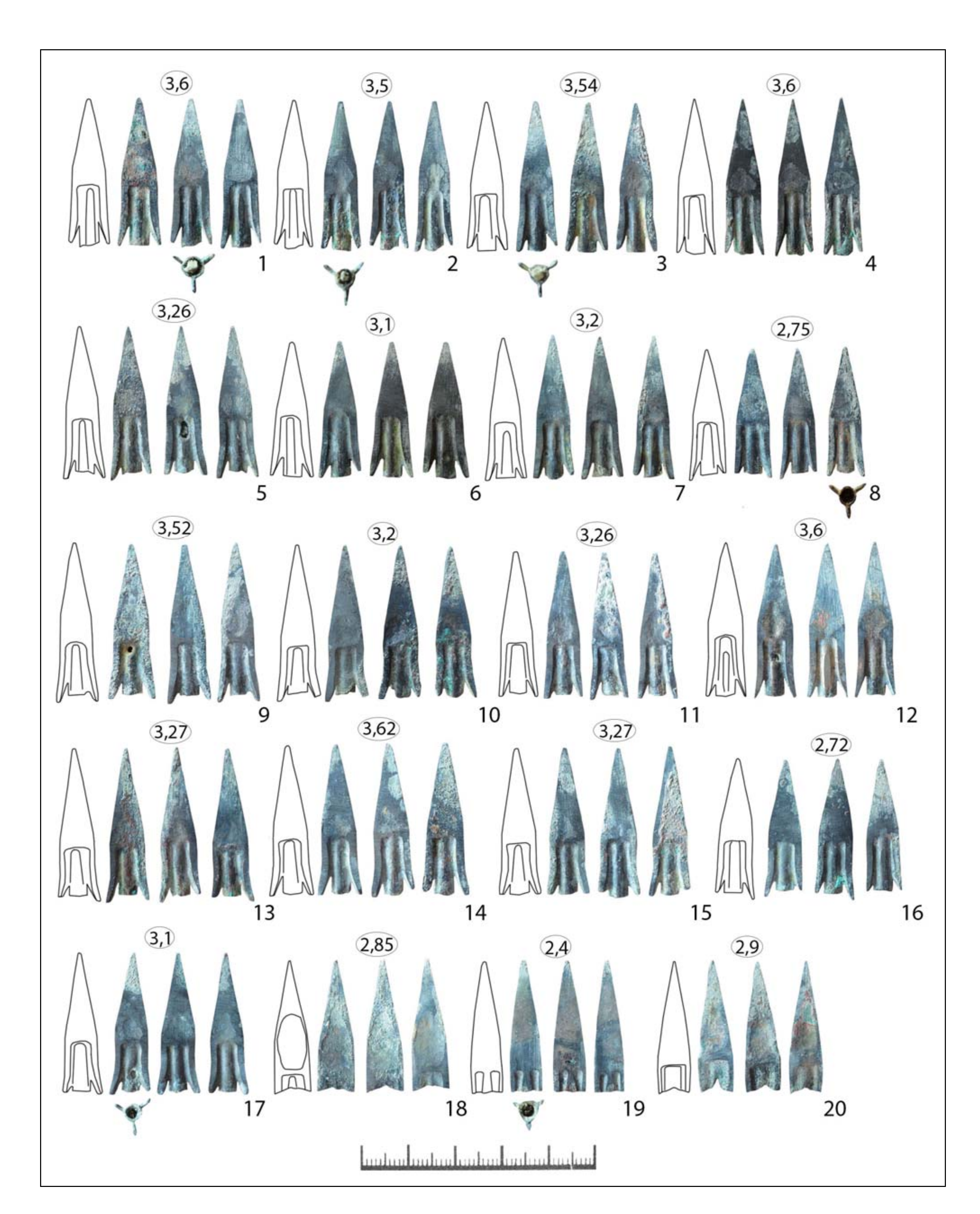

Рис. 25. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 25. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 1 (drawings and photos by the author).

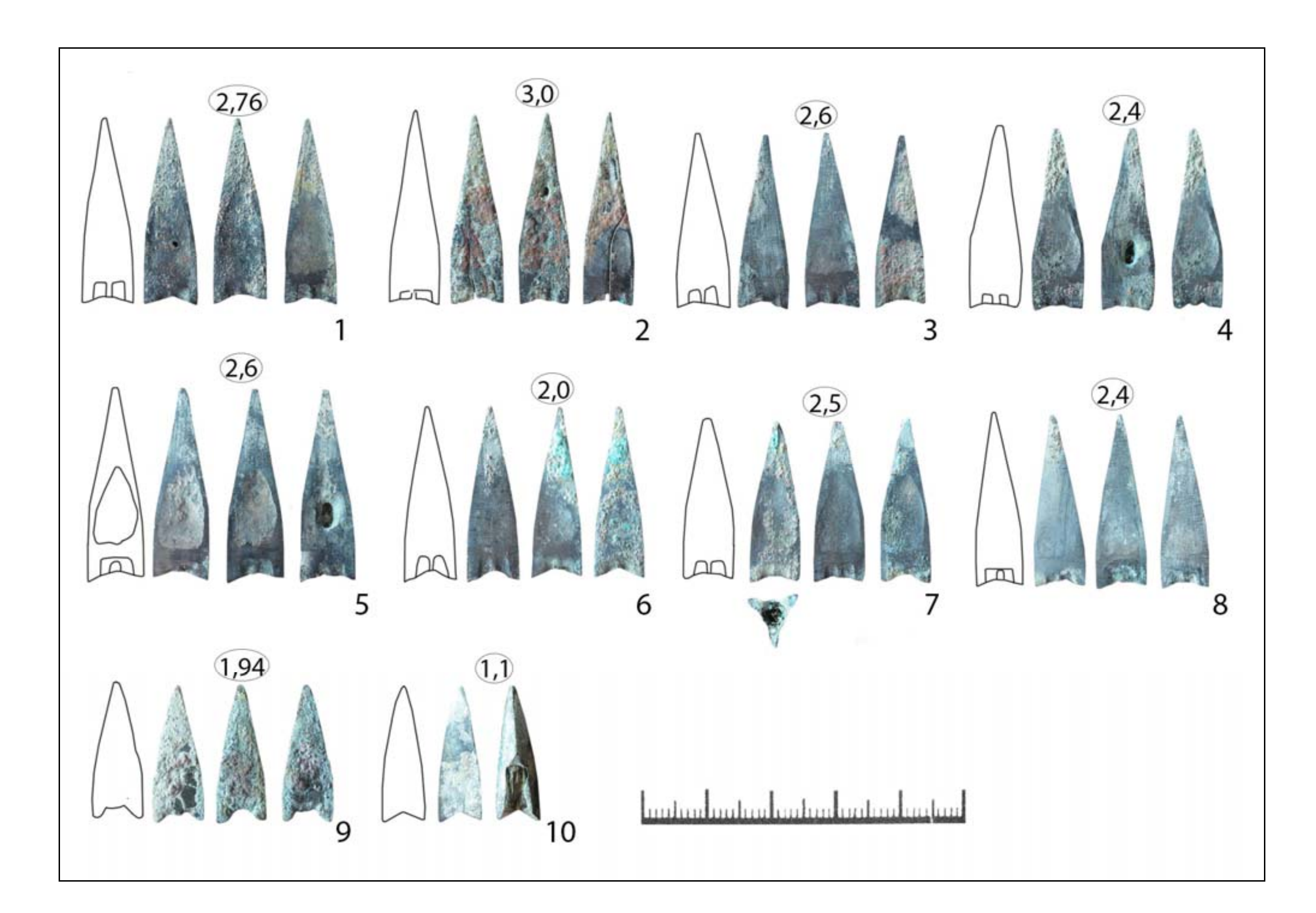

Рис. 26. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 26. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 1 (drawings and photos by the author).

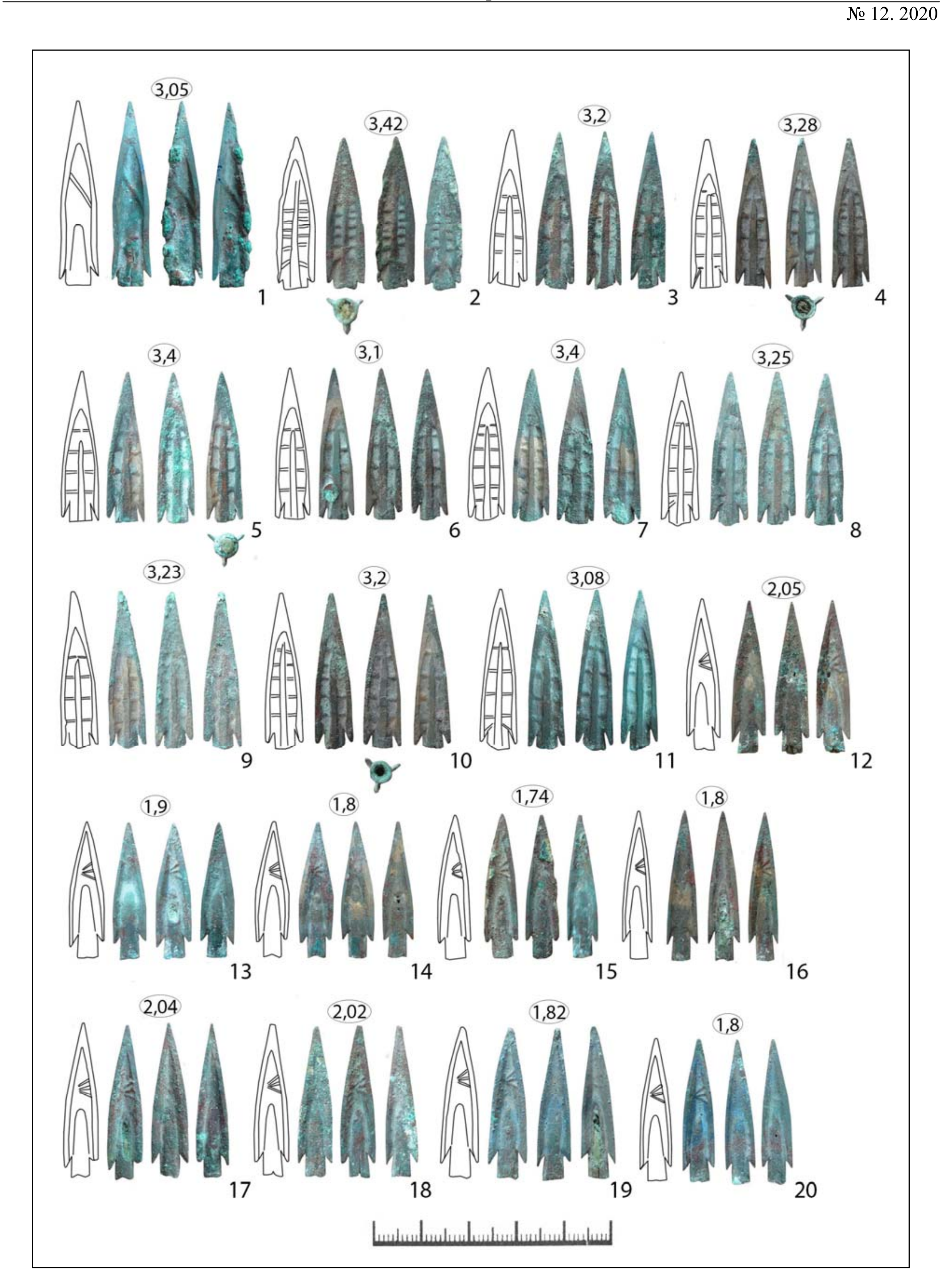

Рис. 27. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 27. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 2 (drawings and photos by the author).

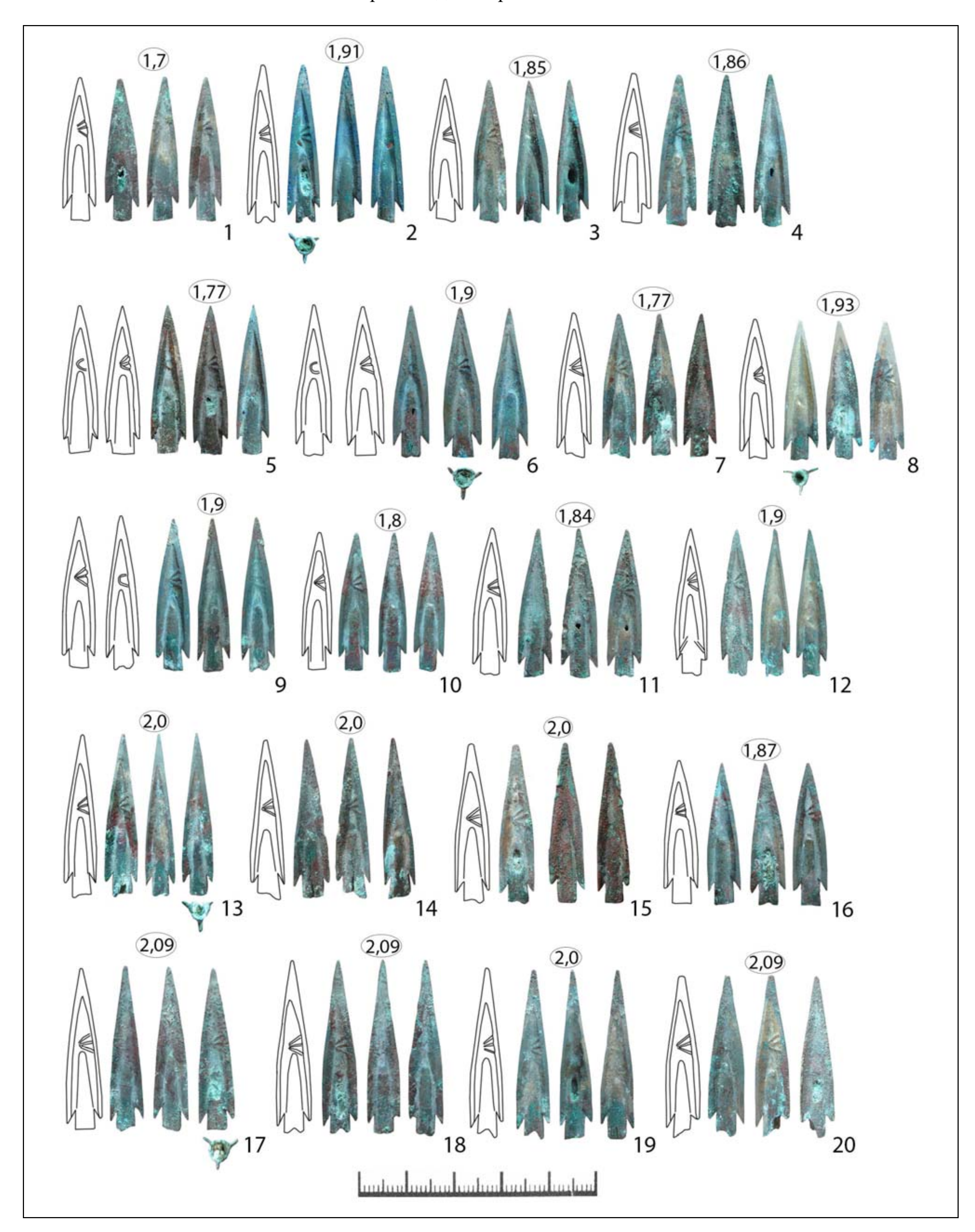

Рис. 28. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 28. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 2 (drawings and photos by the author).

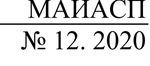

Рис. 29. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 29. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 2 (drawings and photos by the author).

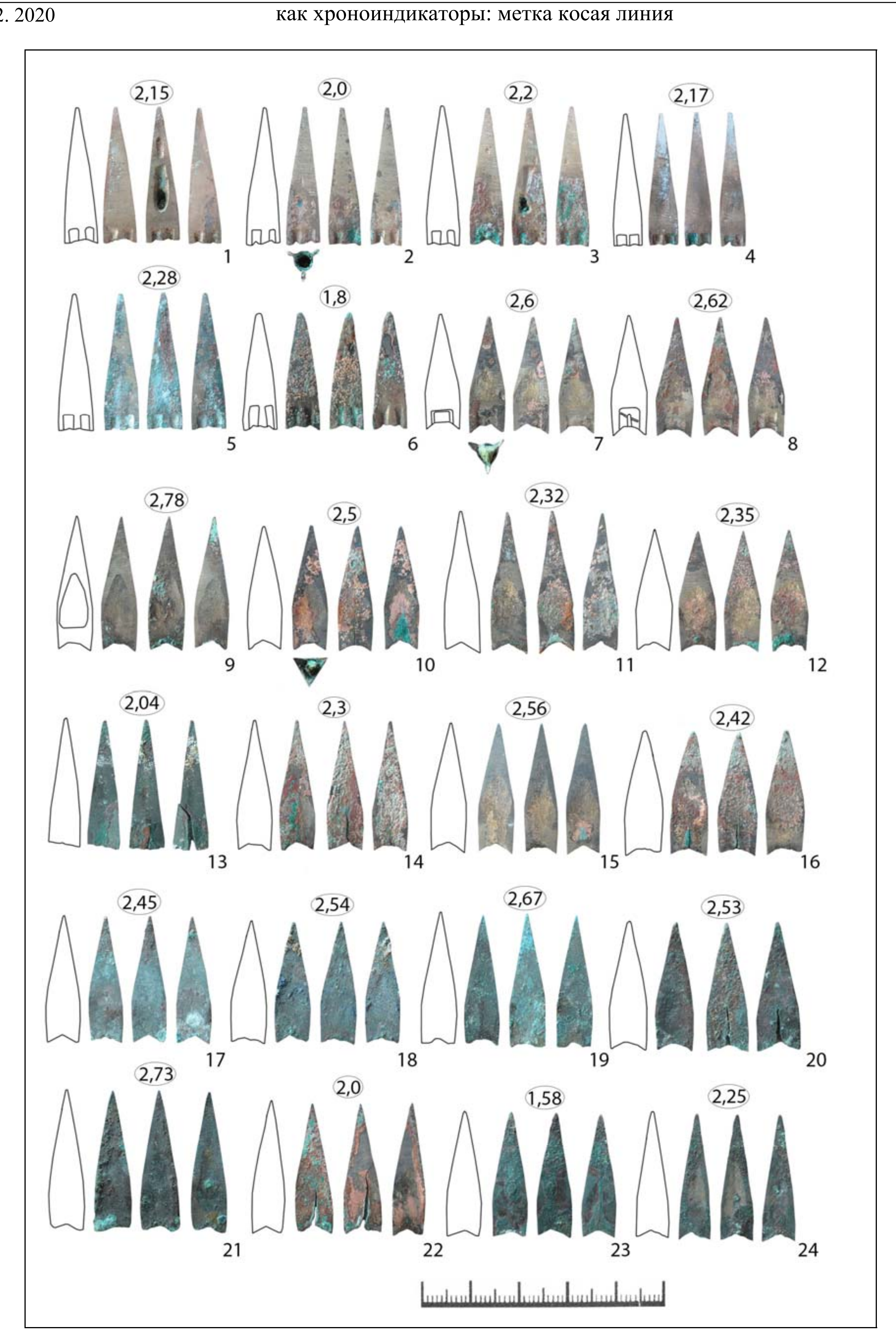

Рис. 30. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 30. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 2 (drawings and photos by the author).

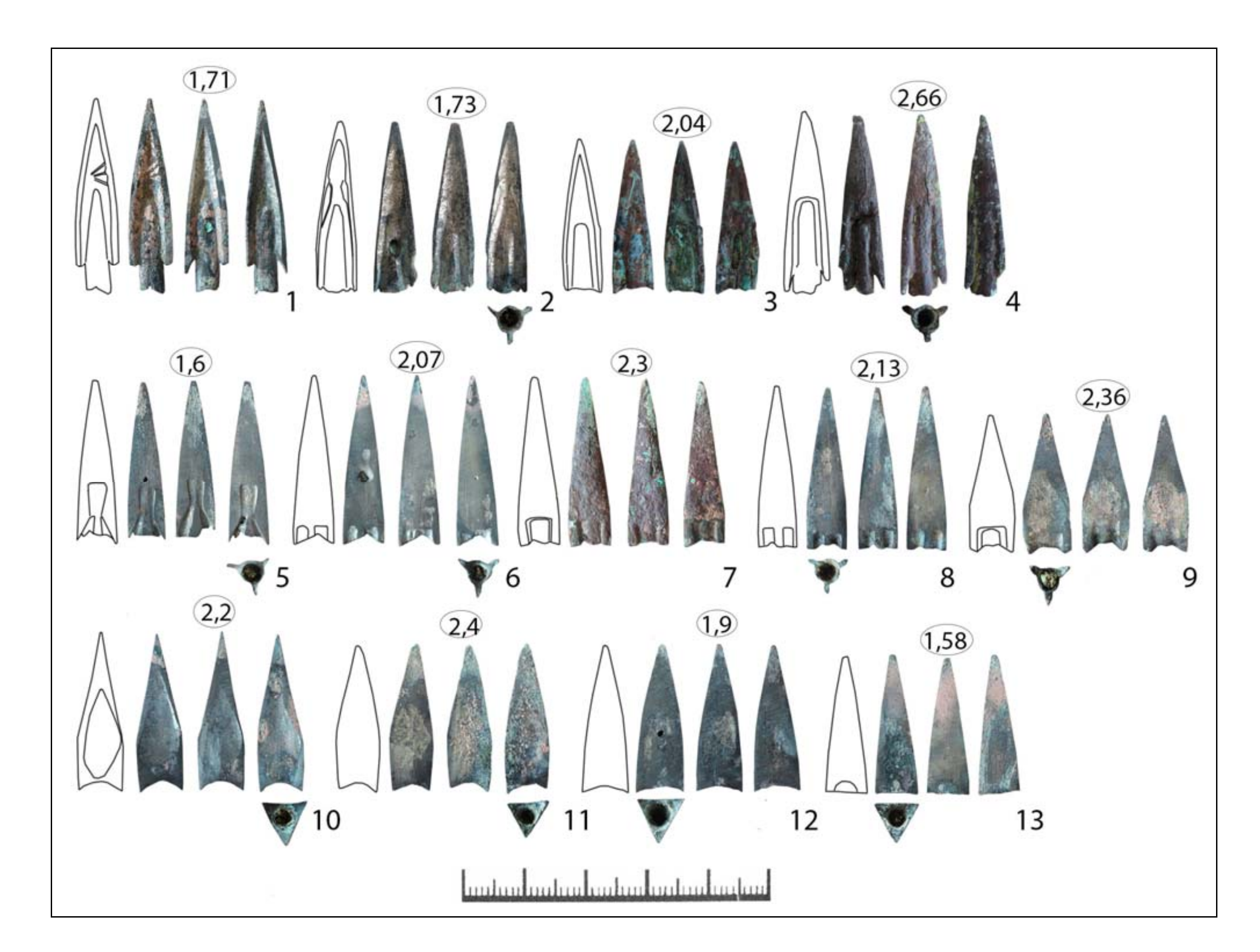

Рис. 31. Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2, колчан 3 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 31. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 9, Burial 2, quiver 3 (drawings and photos by the author).

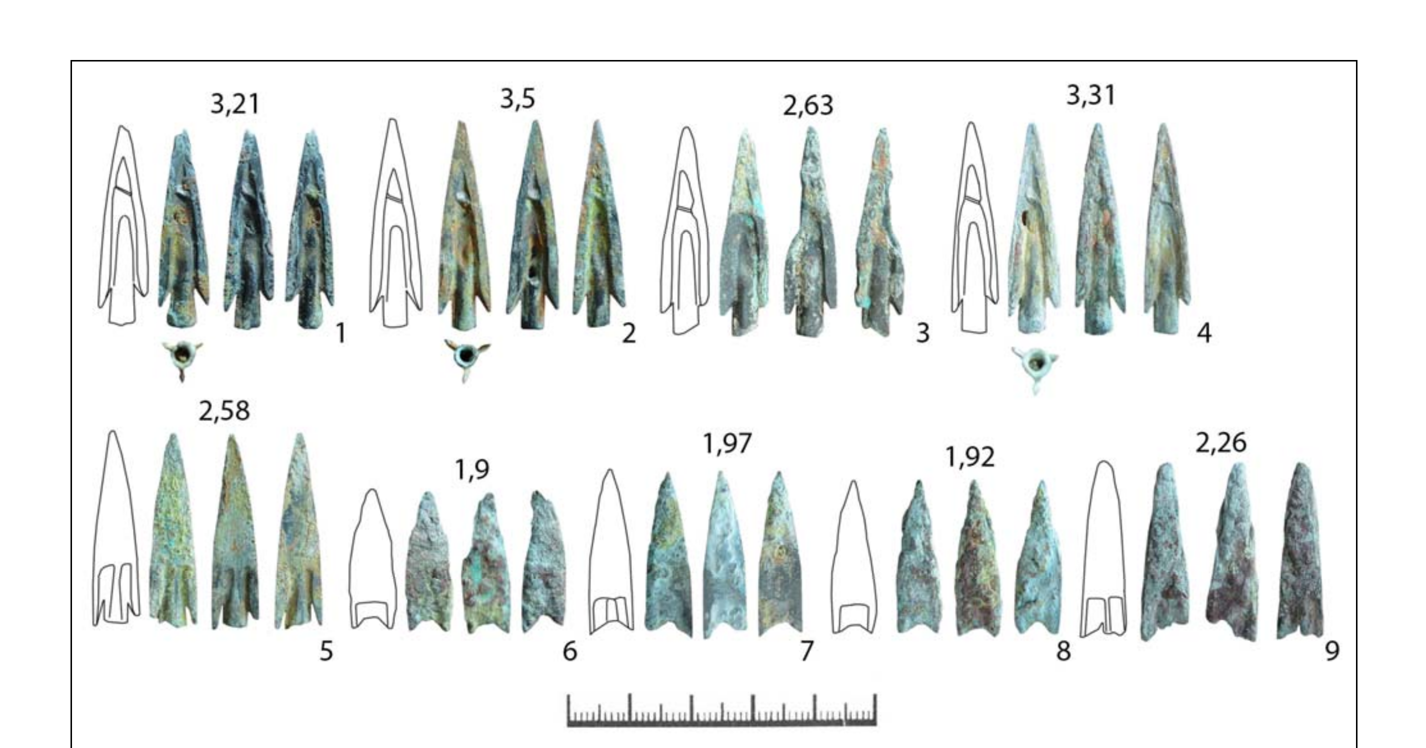

Рис. 32. Верхний Рогачик, курган 10, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 32. Verkhniy Rogachik Burial-ground, Burial-mound 10, Burial 2 (drawings and photos by the author).

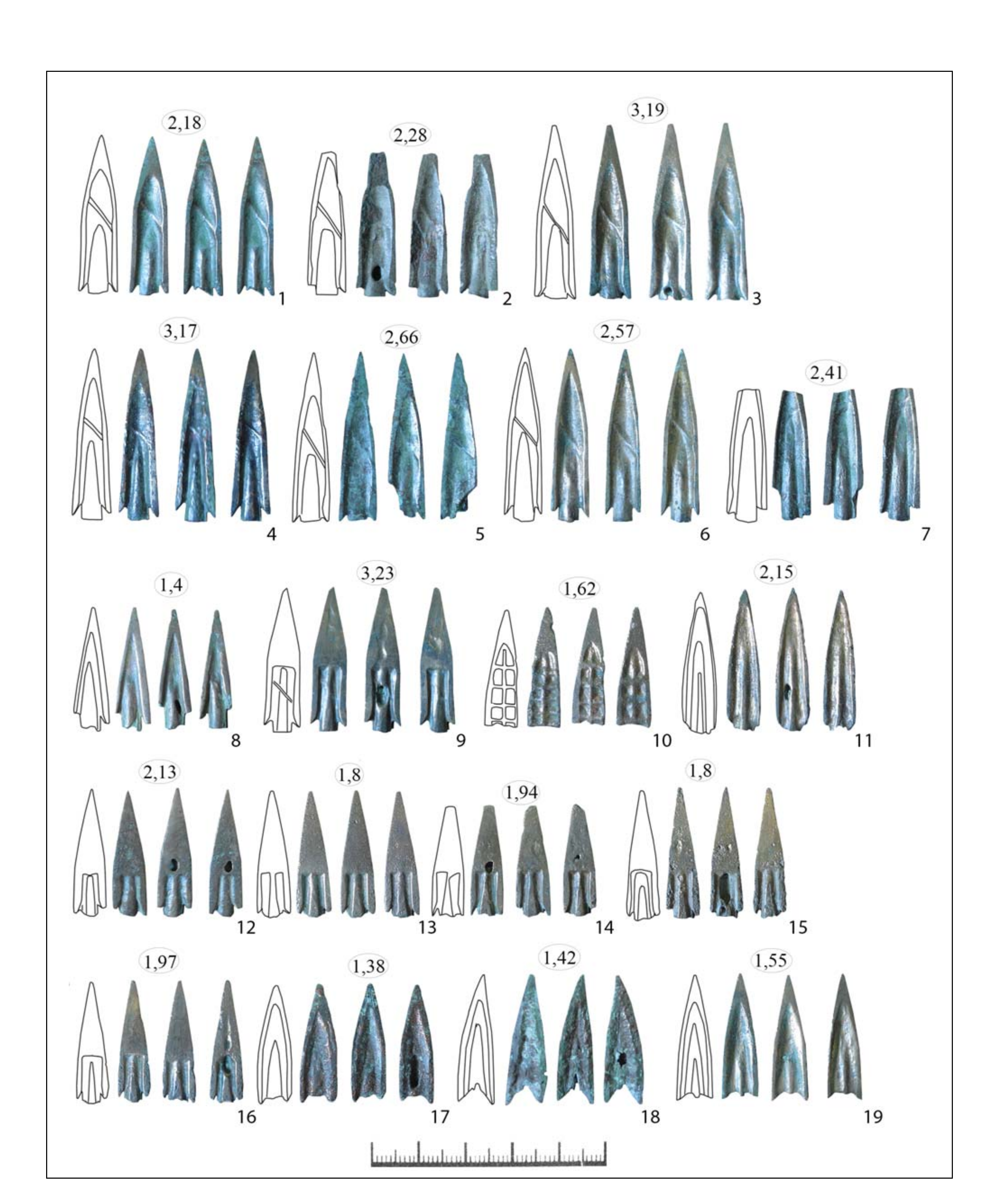

Рис. 33. Мамай-гора, курган 16, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 33. Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 16, Burial 1 (drawings and photos by the author).

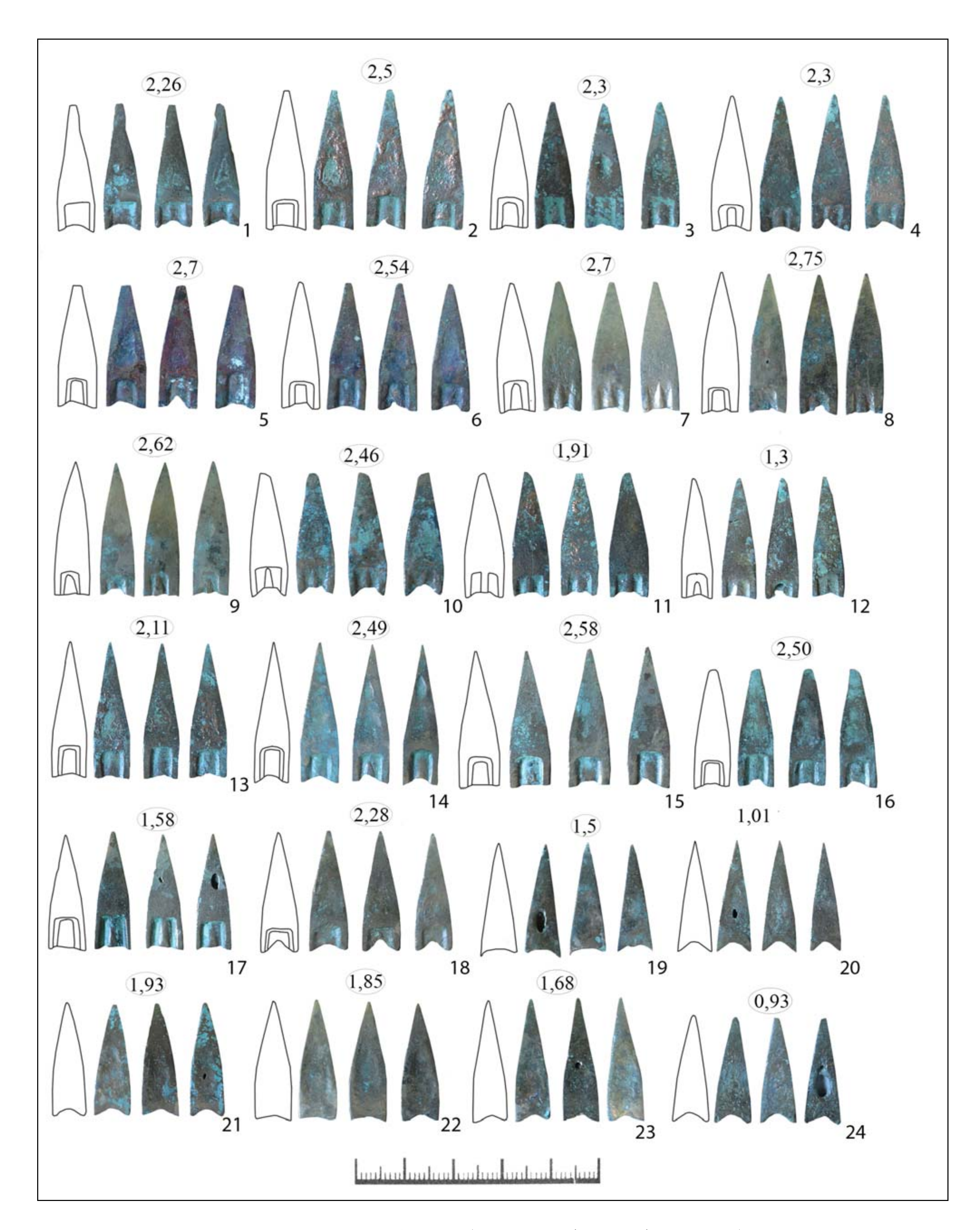

Рис. 34. Мамай-гора, курган 16, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 34. Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 16, Burial 1 (drawings and photos by the author).

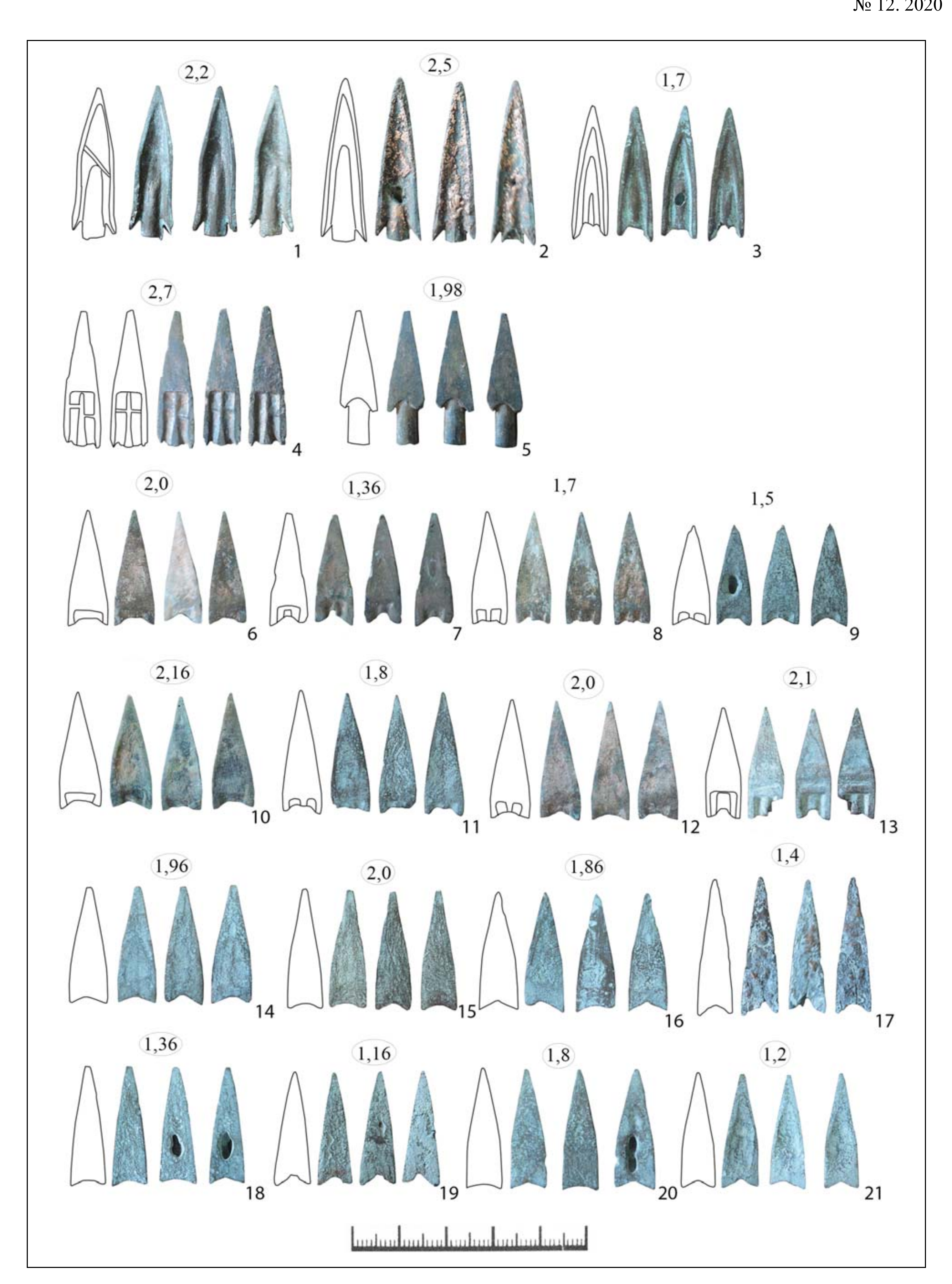

Рис. 35. Мамай-гора, курган 22, погребение 4 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 35. Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 22, Burial 4 (drawings and photos by the author).

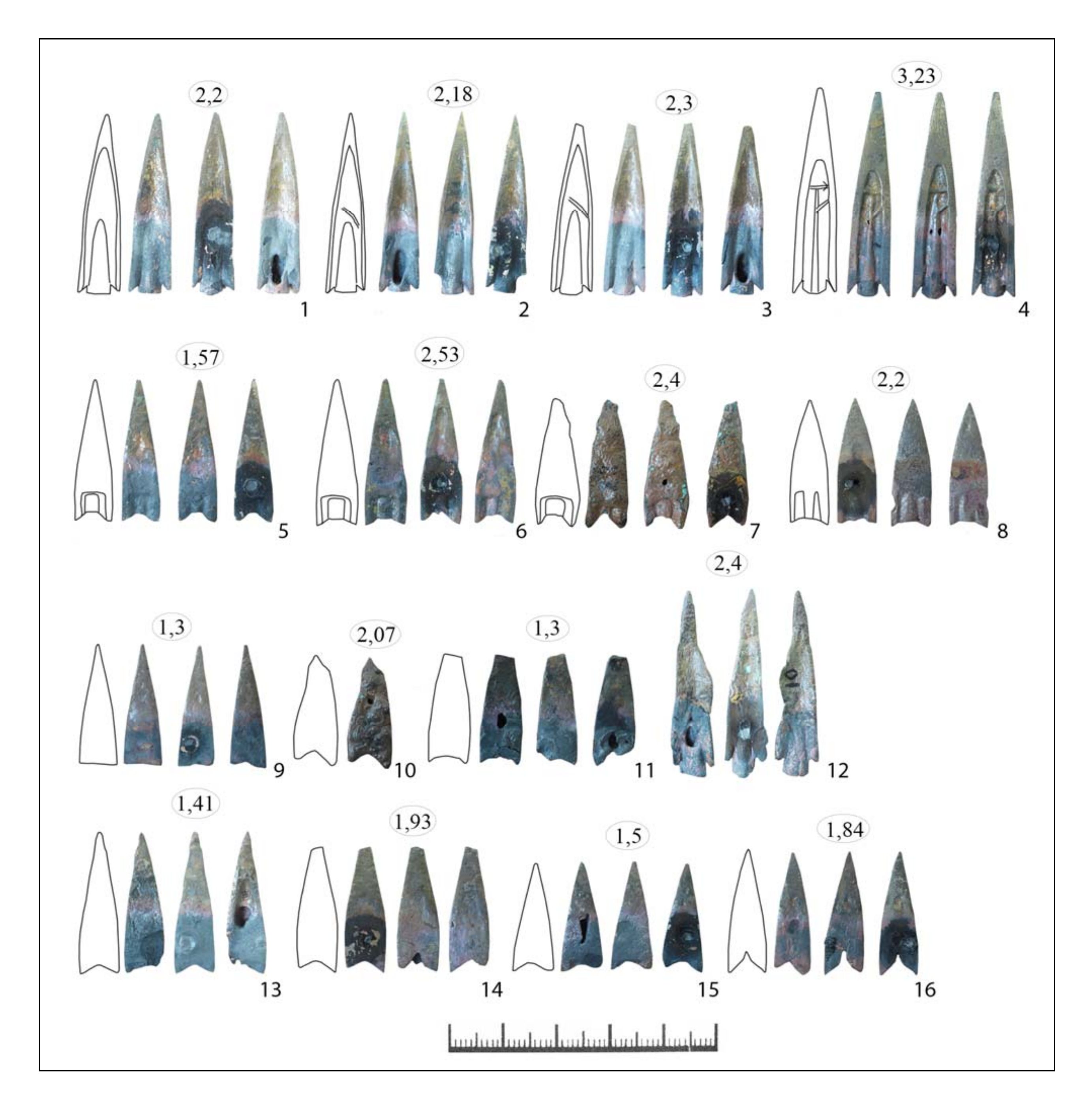

Рис. 36. Мамай-гора, курган 106, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 36. Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 106, Burial 1 (drawings and photos by the author).

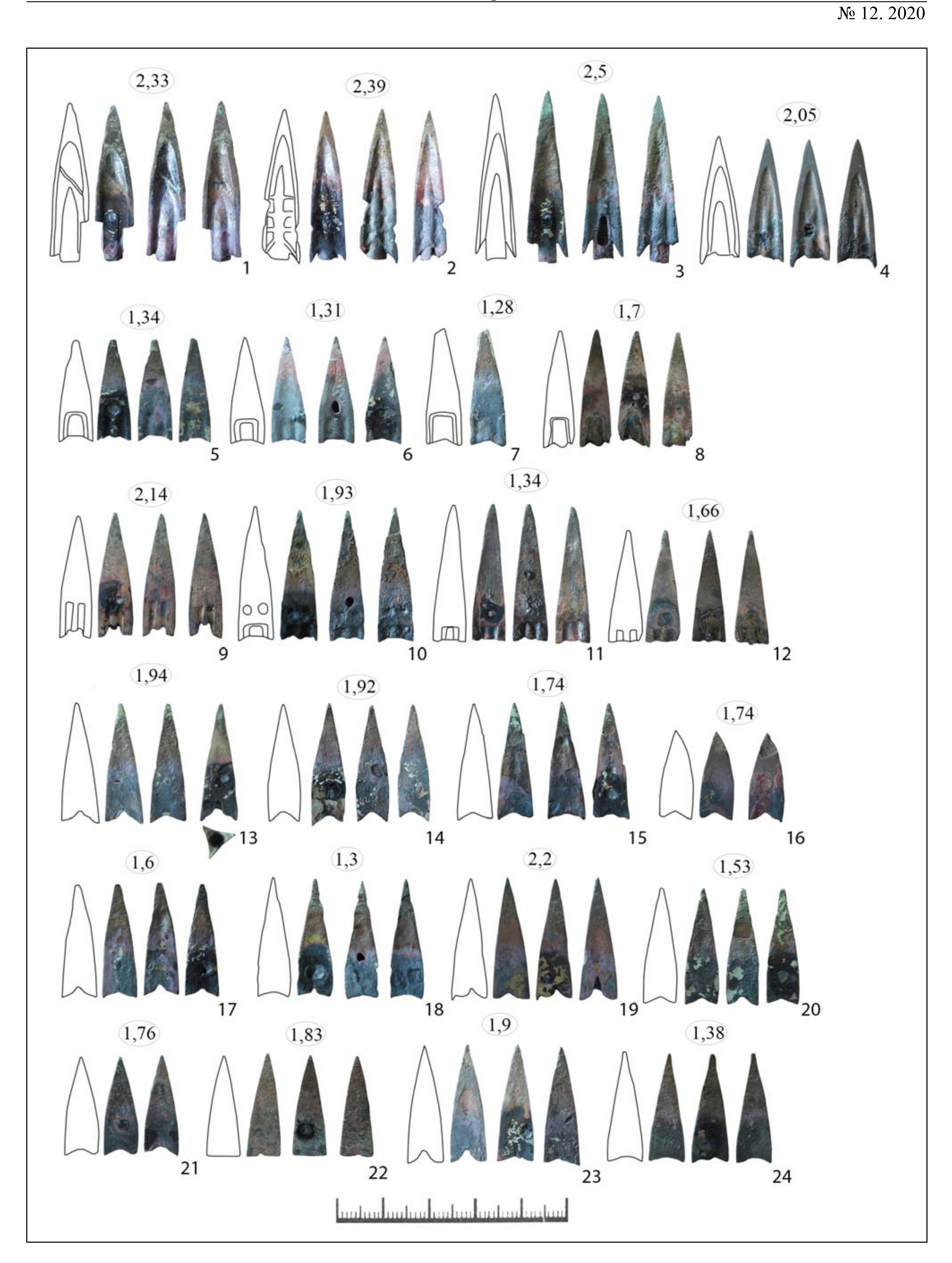

Рис. 37. Мамай-гора, курган 134, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 37. Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 134, Burial 1 (drawings and photos by the author).

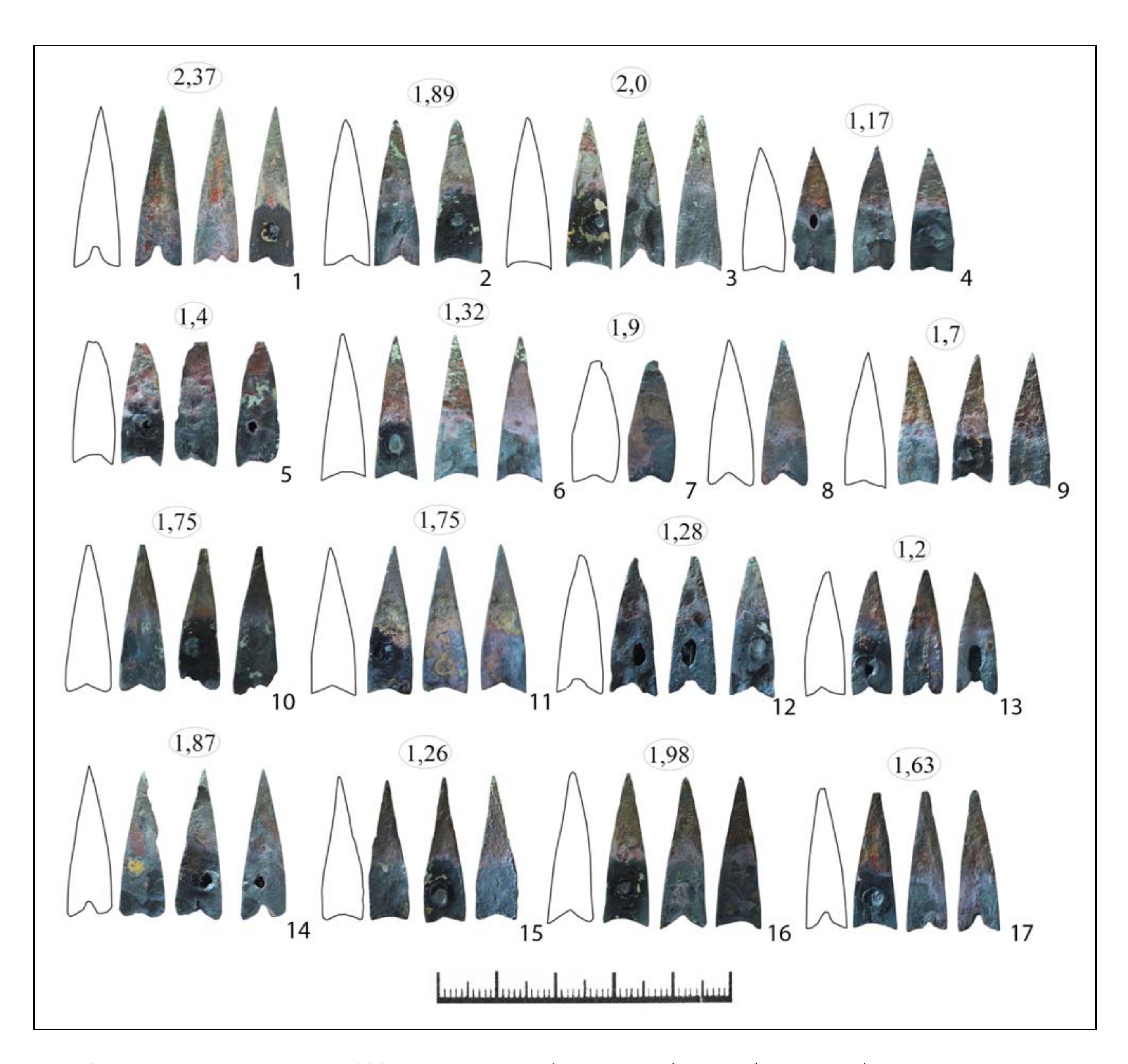

Рис. 38. Мамай-гора, курган 134, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 38. Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 134, Burial 1 (drawings and photos by the author).

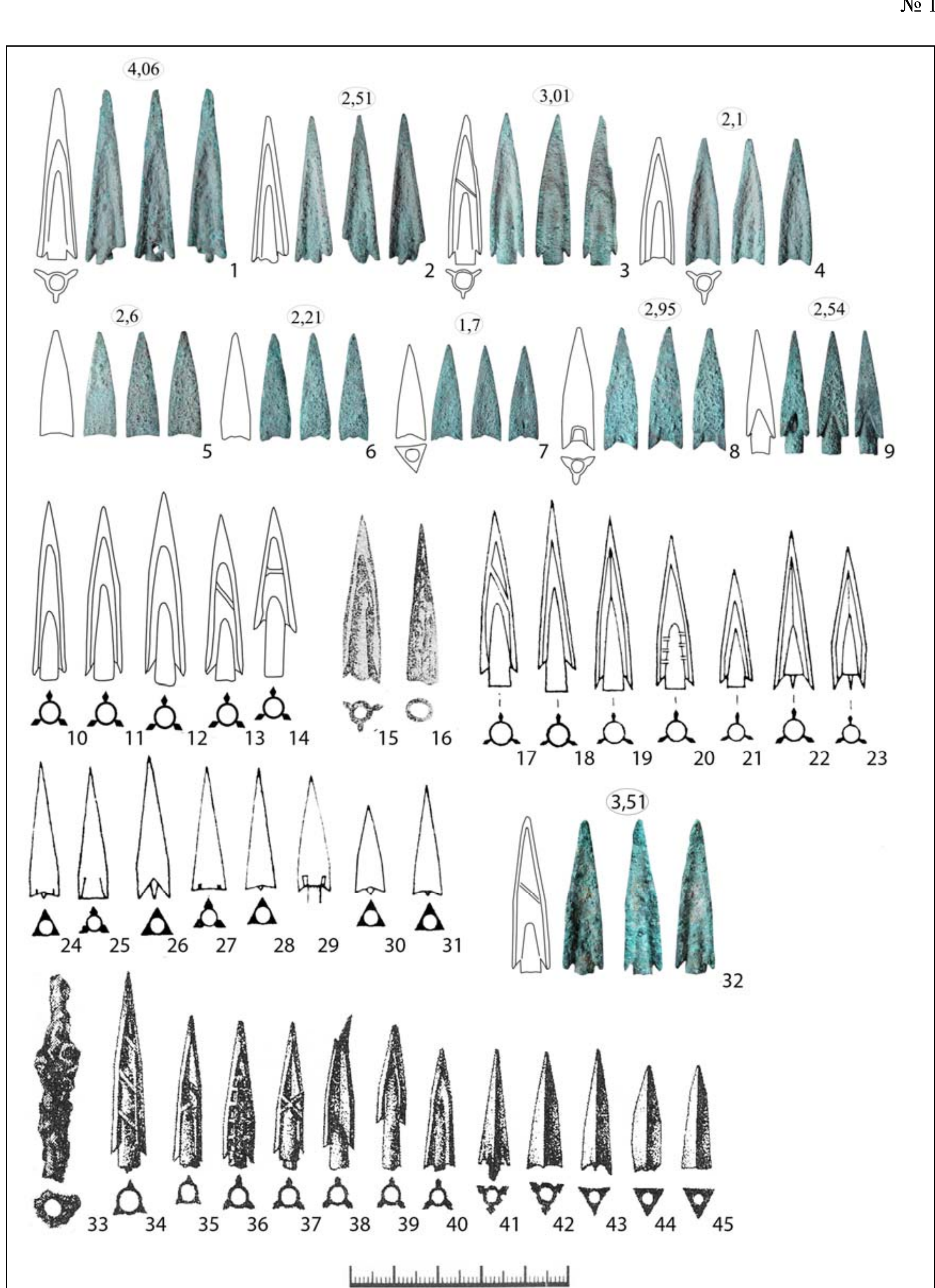

Рис. 39. ***1—9*** **— Золотая Балка, курган 3;** ***10—14*** **— Золотая Балка, курган 15** (по Полин 2014); ***17—31*** **— Великая Знаменка** (по Рассамакин 1982); ***32*** **— Чкалово, курган 5, погребение 2;** ***33—45*** **— Долинское, курган 3, погребение 2** (по Болтрик, Фиалко 2010).

Fig. 39. ***1—9*** **— Zolotaya Balka Burial-ground, Burial-mound 3;** ***10—14*** **— Zolotaya Balka Burial-ground, Burial-mound 15** (after Polin 2014); ***17—31*** **— Velikaya Znamenka Burial-ground** (after Rassamakin 1982); ***32*** **— Chkalovo Burial-ground, Burial-mound 5, Burial 2;** ***33—45*** **— Dolinskoye Burial-ground, Burial-mound 3, Burial 2** (after Boltrik, Fialko 2010).

Рис. 40. Соболева могила, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 40. Soboleva mogila Burial-ground, Burial 2 (drawings and photos by the author).

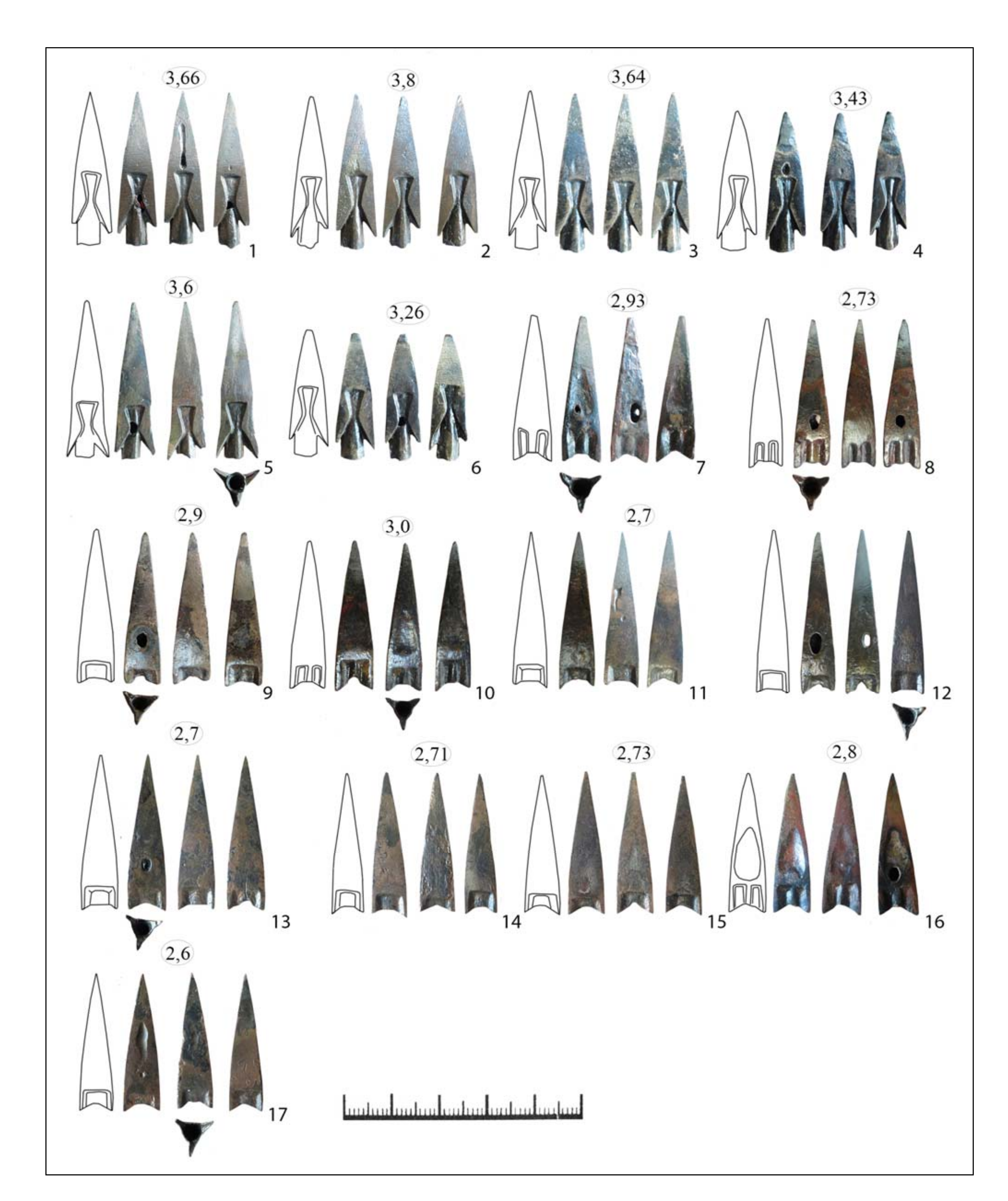

Рис. 41. Соболева могила, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 41. Soboleva mogila Burial-ground, Burial 2 (drawings and photos by the author).

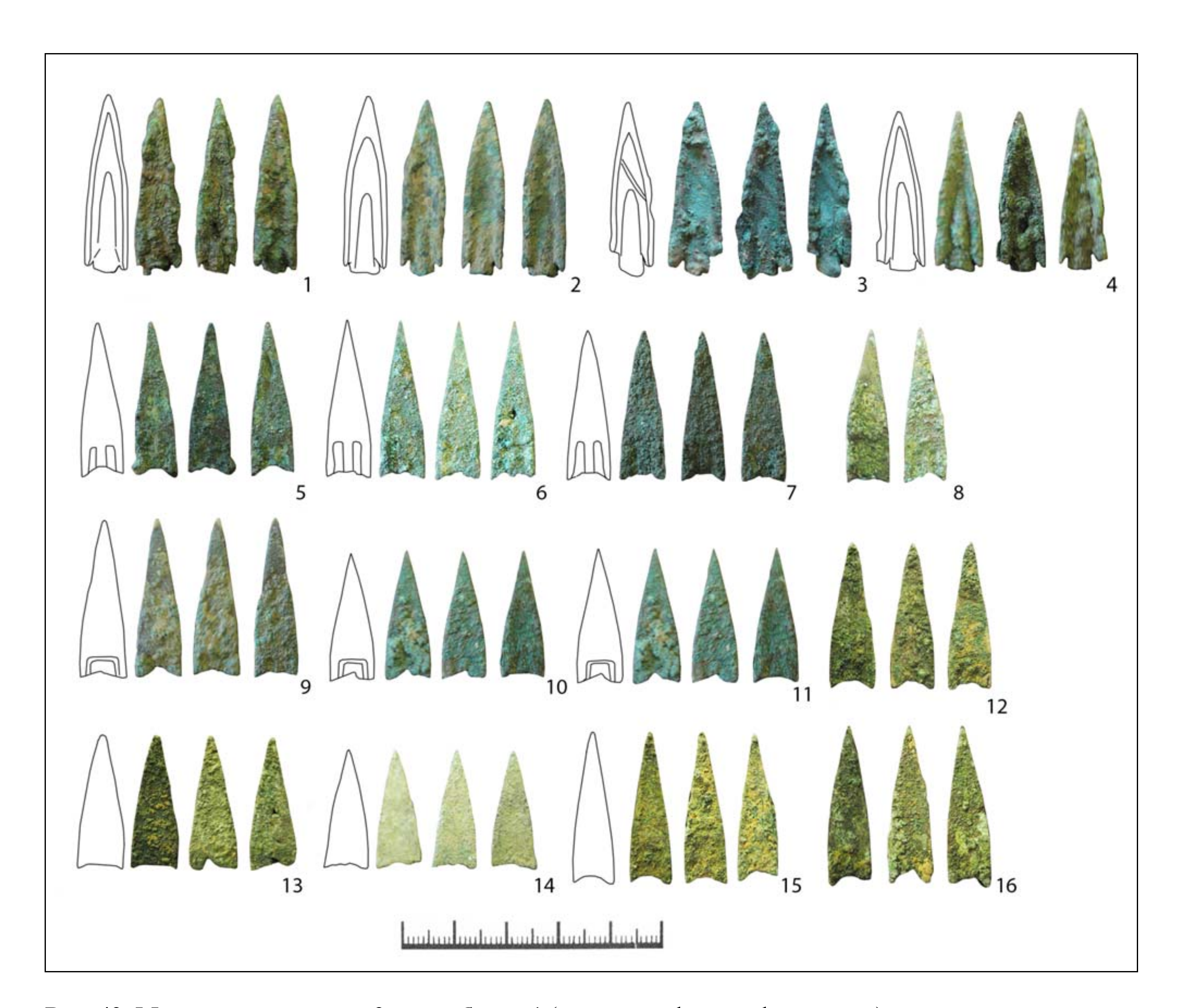

Рис. 42. Марьянское, курган 3, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 42. Maryanskoe Burial-ground, Burial-mound 3, Burial 1 (drawings and photos by the author).

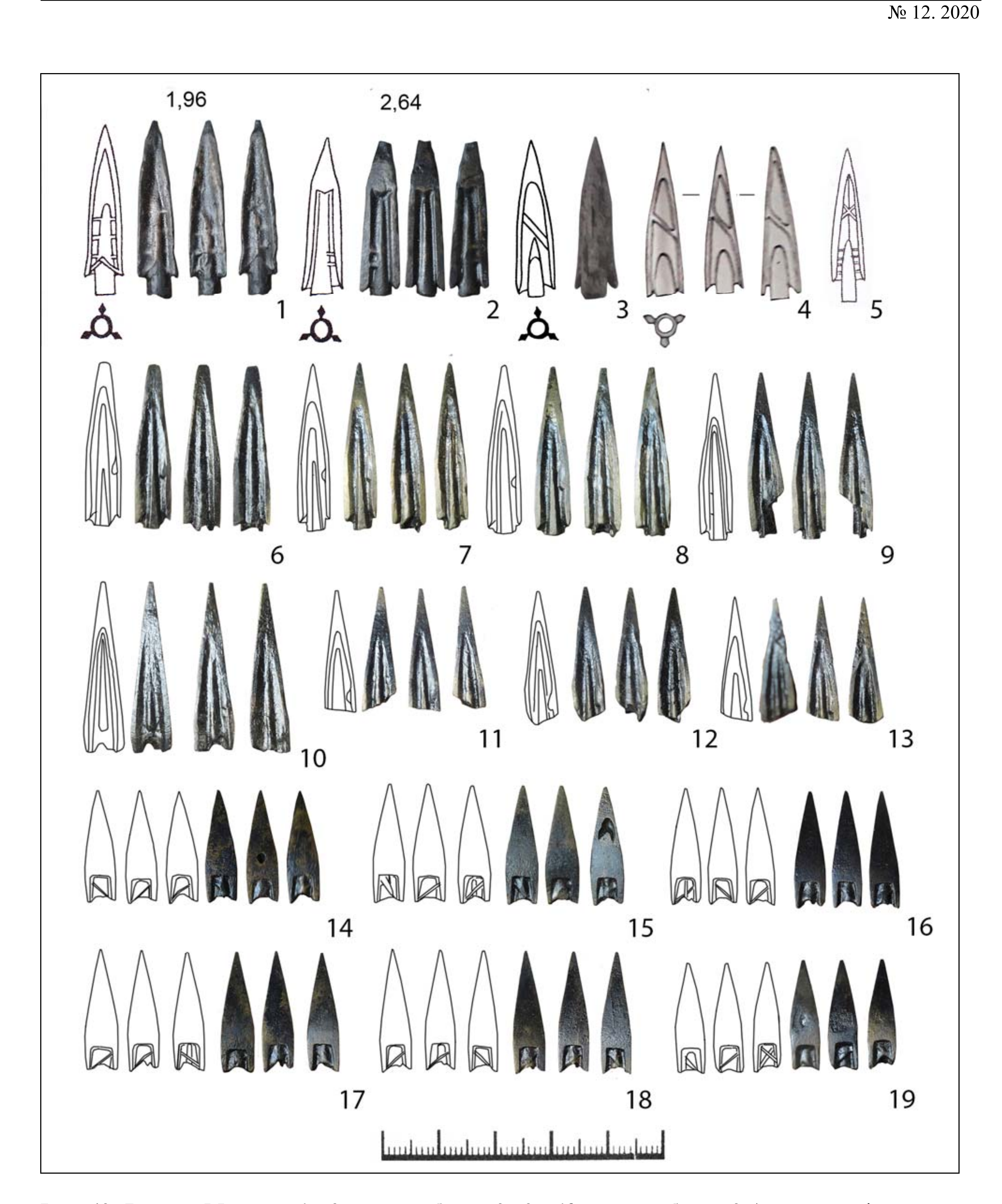

Рис. 43. Водяна Могила: ***1—2*** **— погребение 3;** ***3—19*** **— погребение 2** (рисунок и фото автора, *3—5* — по Мозолевский, Полин 2005).

Fig. 43. Vodyana Mogila Burial-ground: ***1—2*** **— Burial 3;** ***3—19*** **— Burial 2** (drawings and photos by the author, *3—5* — after Mozolevskiy, Polin 2005).

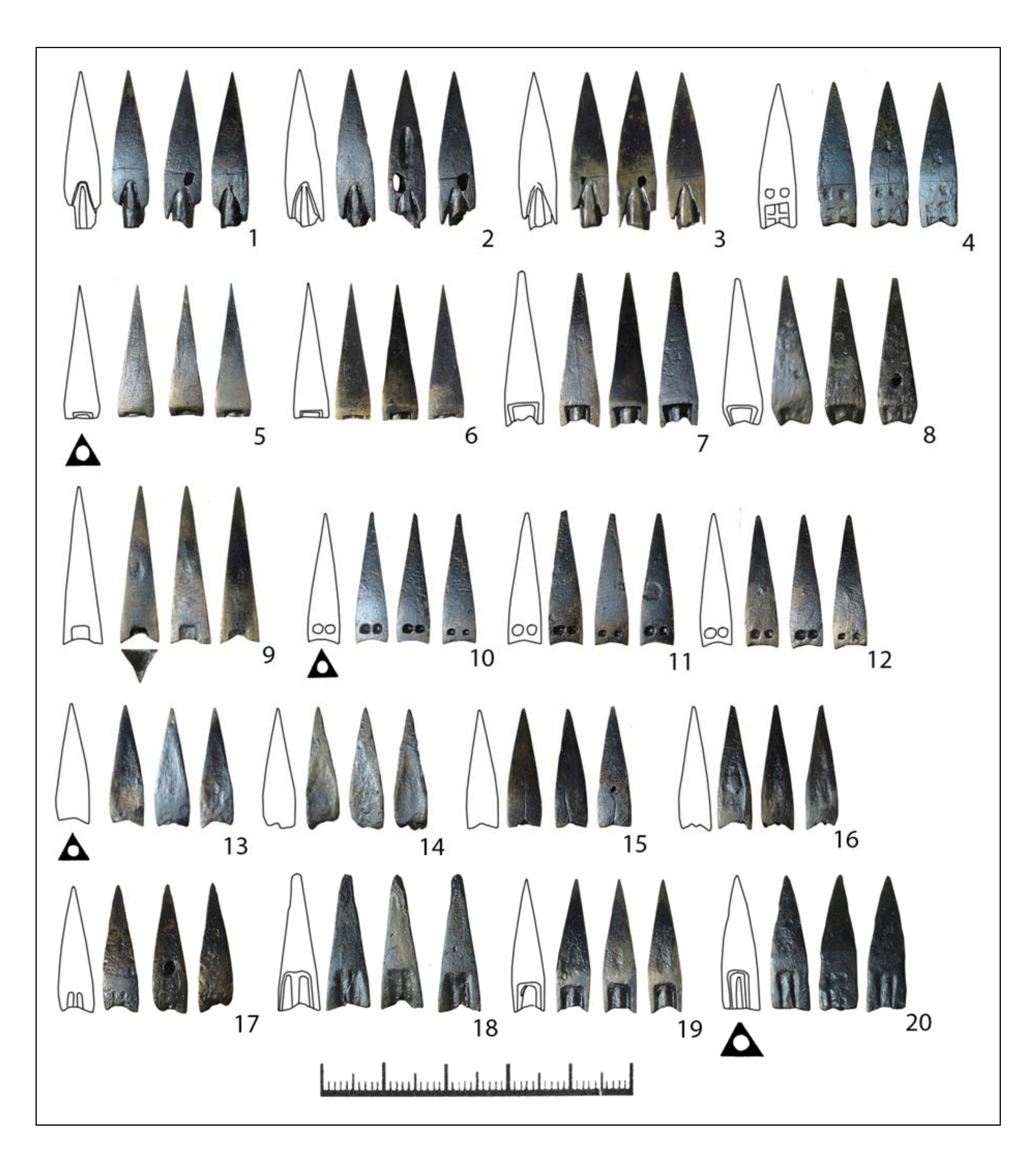

Рис. 44. Водяна Могила, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 44. Vodyana Mogila Burial-ground, Burial 2 (drawings and photos by the author).

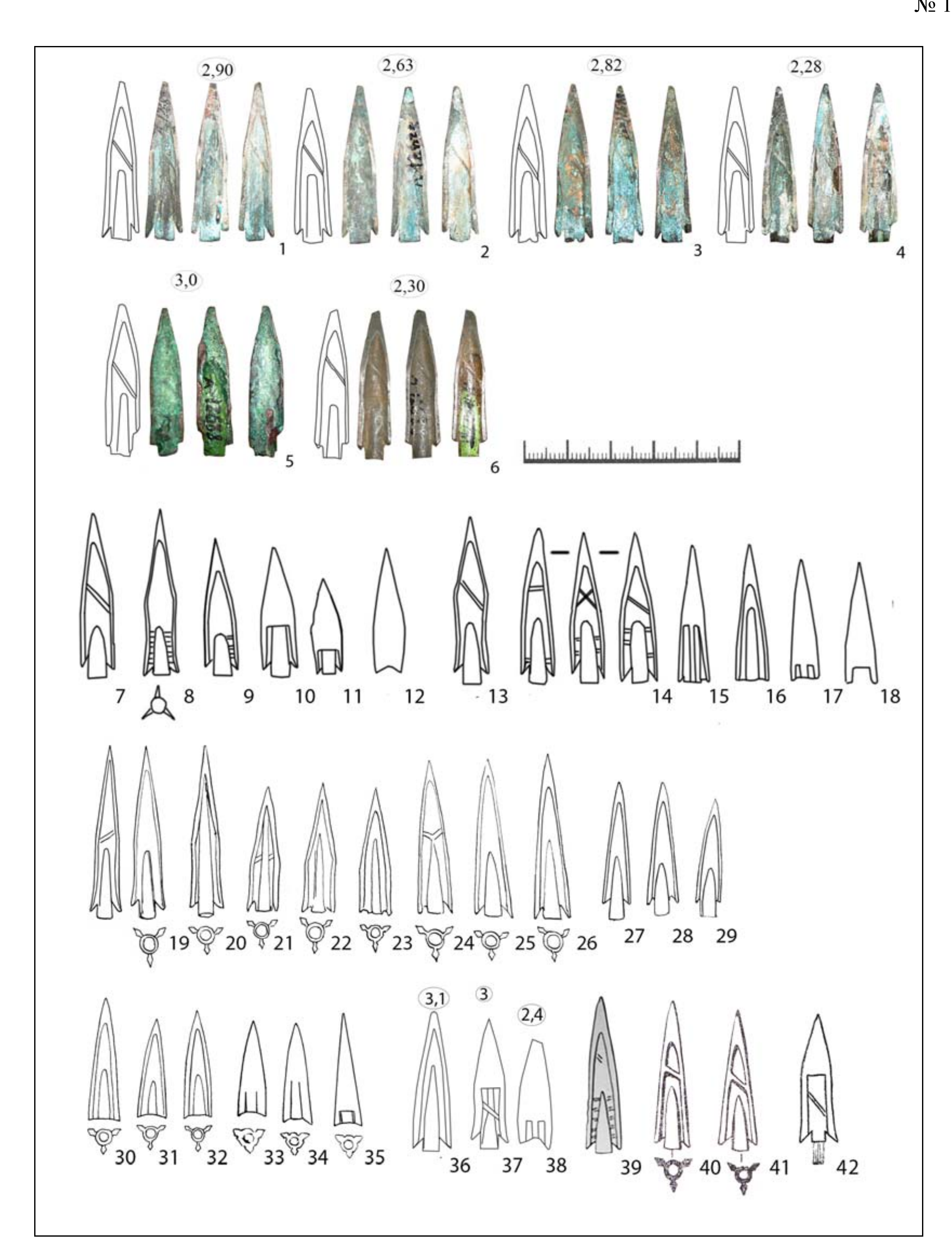

Рис. 45. ***1—6*** **— Курган на Екатеринославщине** (рисунки и фотографии автора); ***7—18*** **— группа Чередниковой могилы, курган 8, погребение 2** (рисунок С.В. Полина); ***19—35*** **— группа Страшной Могилы, курган 4, погребение 2** (по Тереножкин 1973: рис. 28); ***36—38*** **— Носаки, курганы 3 и 13** (из архива С.В. Полина)**;** ***39*** **— Краснокутский курган** (по Мелюкова 1981); ***40*** **— Чертомлык;** ***41*** **— Цимбалка** (по Алексеев 1984)**;** ***42*** **— Куль-Оба** (по Яковенко 1974).

Fig. 45. ***1—6*** **— Burial-ground in the Yekaterinoslav region** (drawings and photos by the author); ***7—18*** **— group of the Cherednikova mogila Burial-ground, Burial-mound 8, Burial 2** (drawing by S.V. Polin); ***19—35*** **— group of the Strashnaya Mogila Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 2** (after Terenozhkin 1973: fig. 28); ***36—38*** **— Nosaki, Burial-mounds 3 и 13** (from the archive of S.V. Polin)**;** ***39*** **— Krasnokutskiy kurgan Burial-ground** (after Melyukova 1981); ***40*** **— Chertomlyk**; ***41*** **— Tsymbalka** (after Alekseev 1984); ***42*** **— Kul-Oba** (after Yakovenko 1974).

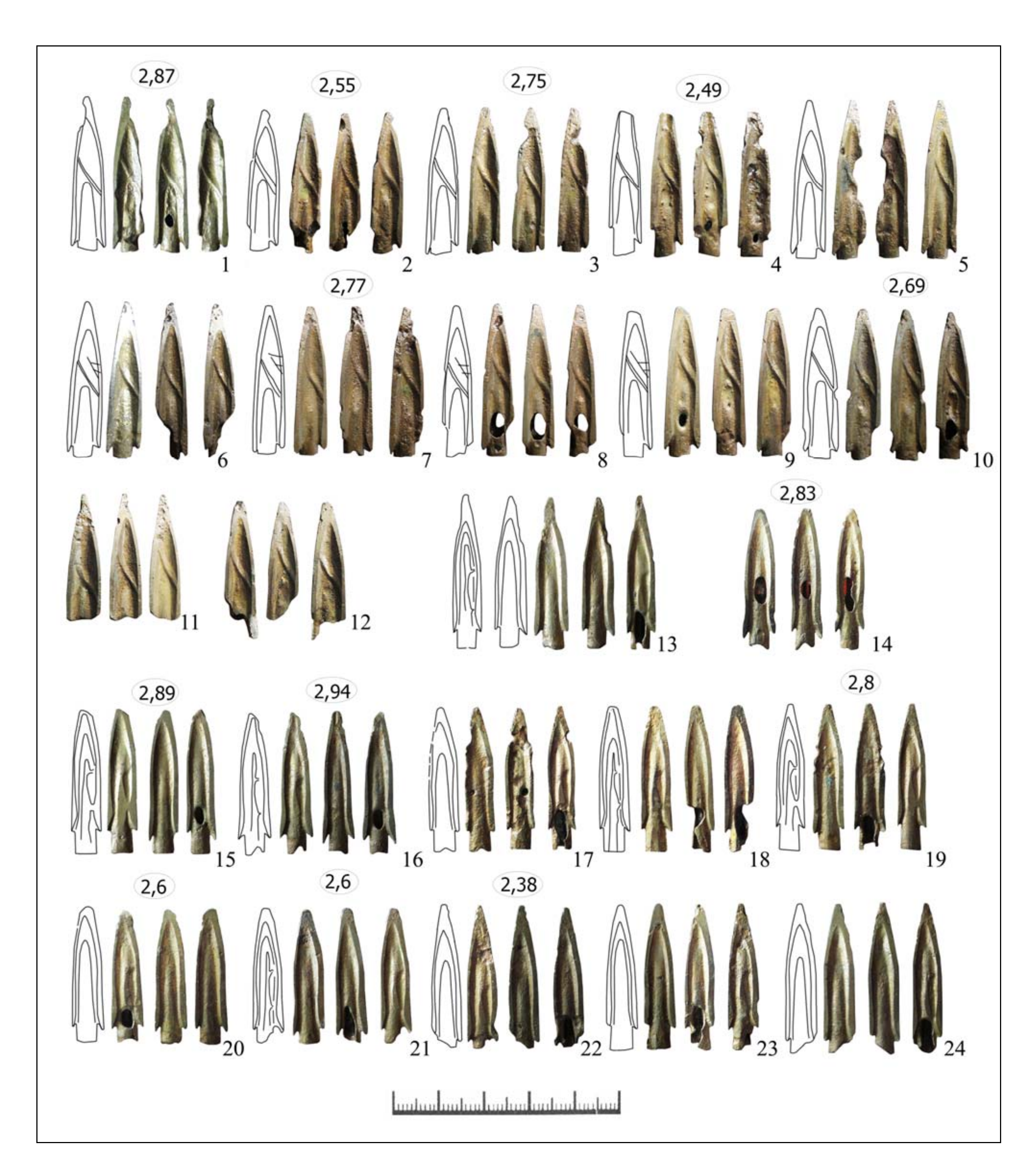

Рис. 46. Выводово, курган 92, погребение 2, колчан 1 (справа у плеча) (рисунки и фотографии автора).

Fig. 46. Vyvodovo Burial-ground, Burial-mound 92, Burial 2, quiver 1 (on the right near the shoulder) (drawings and photos by the author).

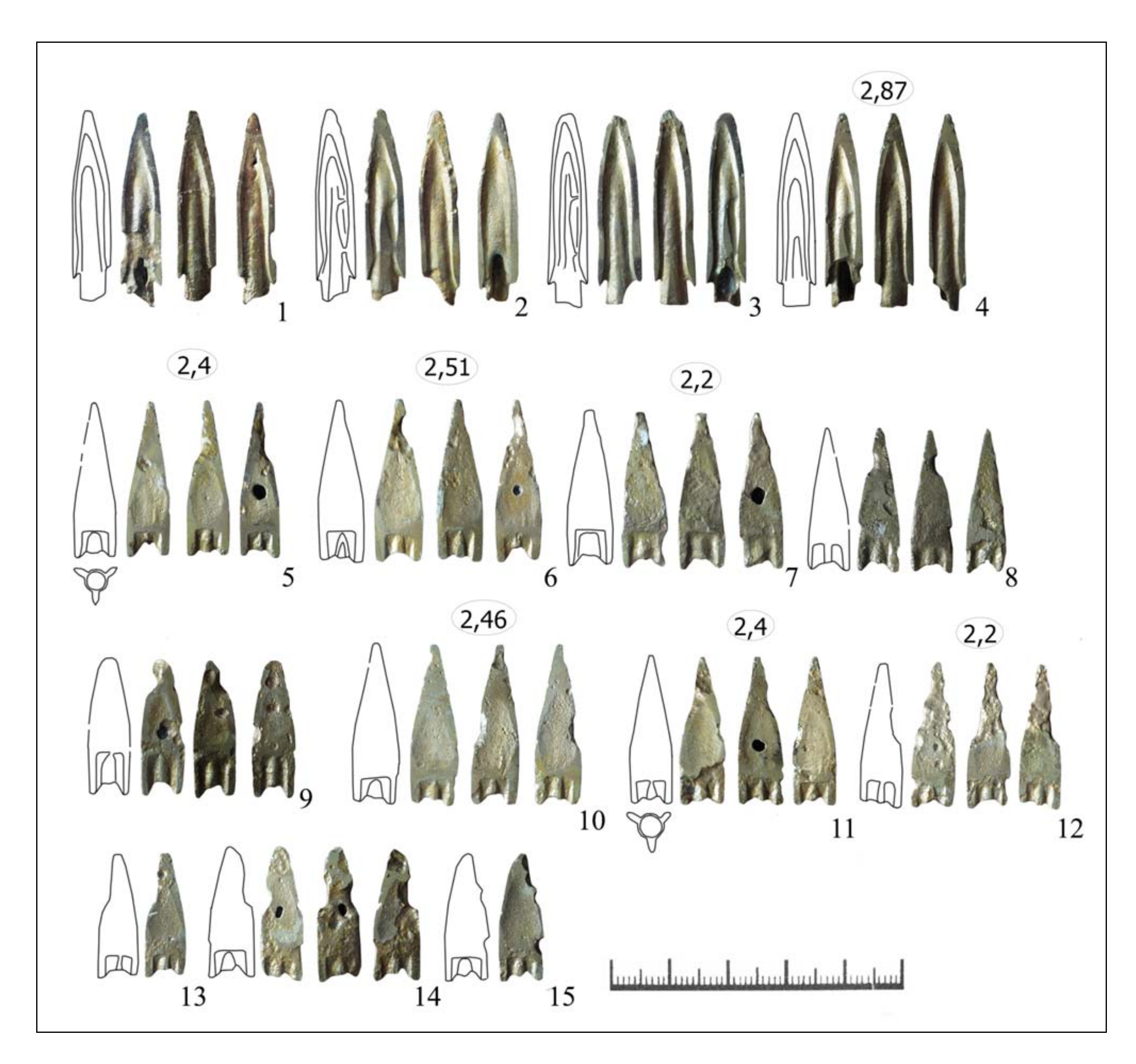

Рис. 47. Выводово, курган 92, погребение 2, колчан 1 (справа у плеча) (рисунки и фотографии автора).

Fig. 47. Vyvodovo Burial-ground, Burial-mound 92, Burial 2, quiver 1 (on the right near the shoulder) (drawings and photos by the author).

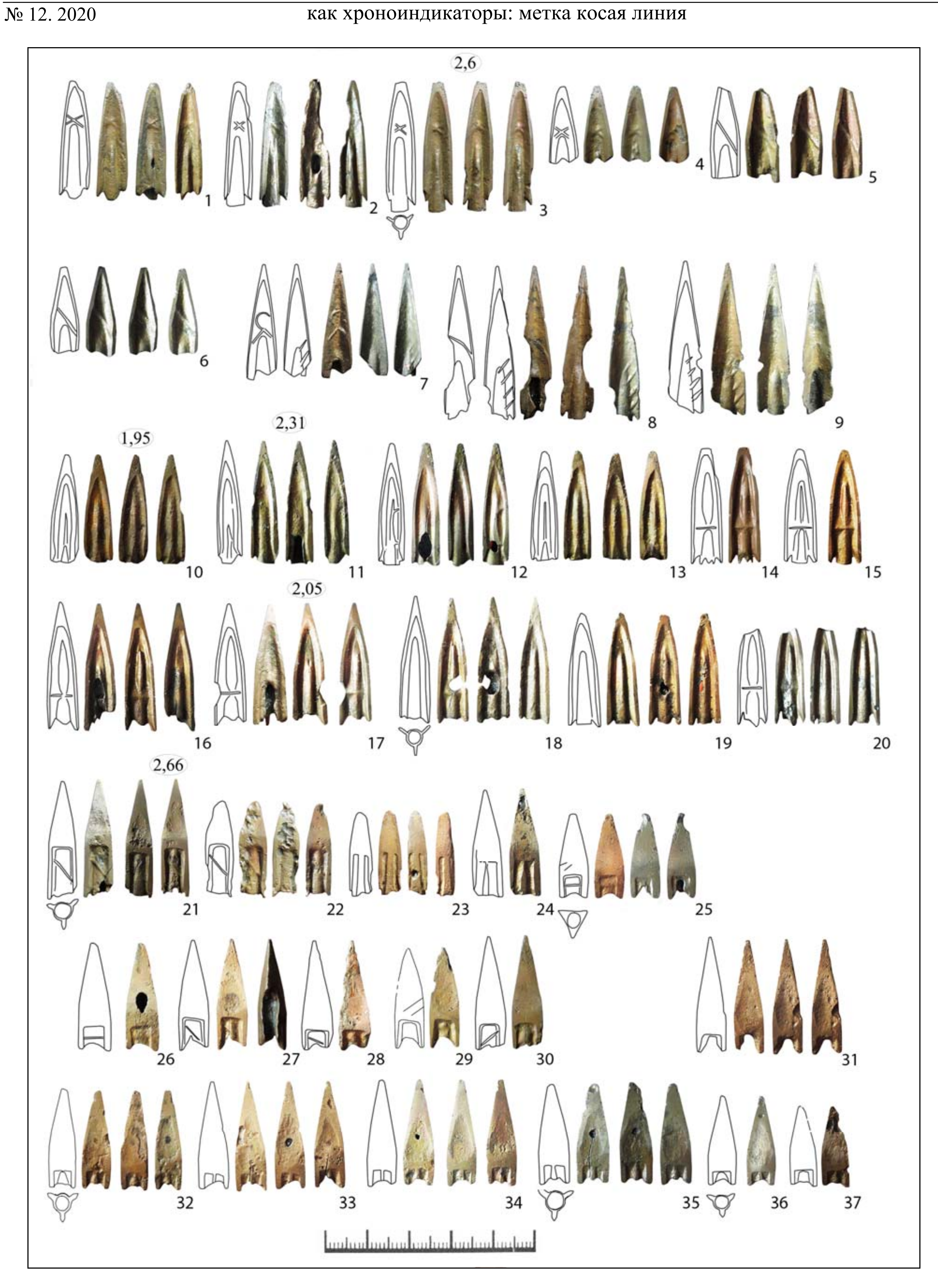

Рис. 48. Выводово, курган 92, погребение 2, колчан 2 (слева) (рисунки и фотографии автора).

Fig. 48. Vyvodovo Burial-ground, Burial-mound 92, Burial 2, quiver 2 (left) (drawings and photos by the author).

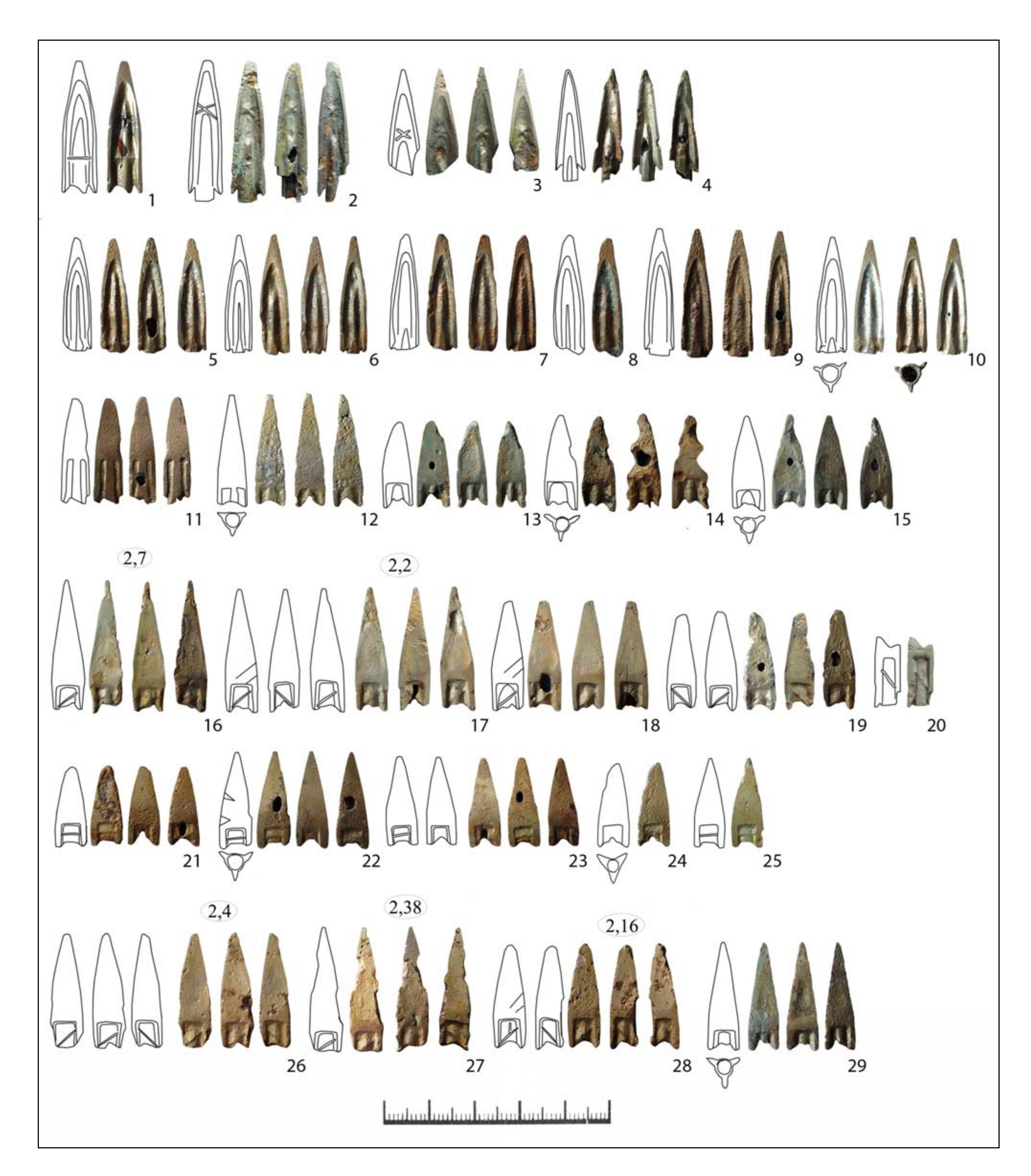

Рис. 49. Выводово, курган 92, погребение 2, колчан 3 (справа) (рисунки и фотографии автора).

Fig. 49. Vyvodovo Burial-ground, Burial-mound 92, Burial 2, quiver 3 (right) (drawings and photos by the author).

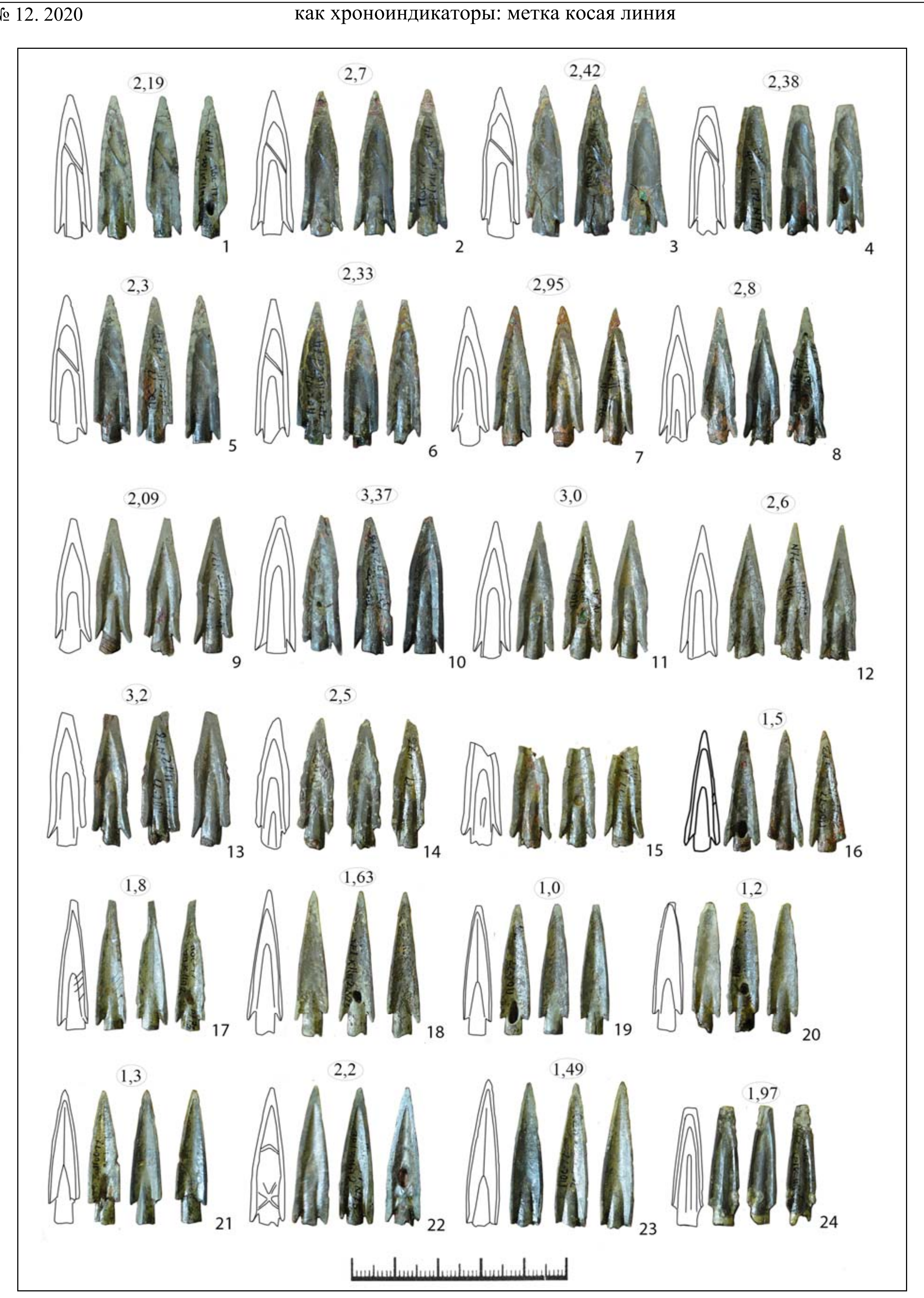

Рис. 50. Башмачка, курган 11, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 50. Bashmachka Burial-ground, Burial-mound 11, Burial 2 (drawings and photos by the author).

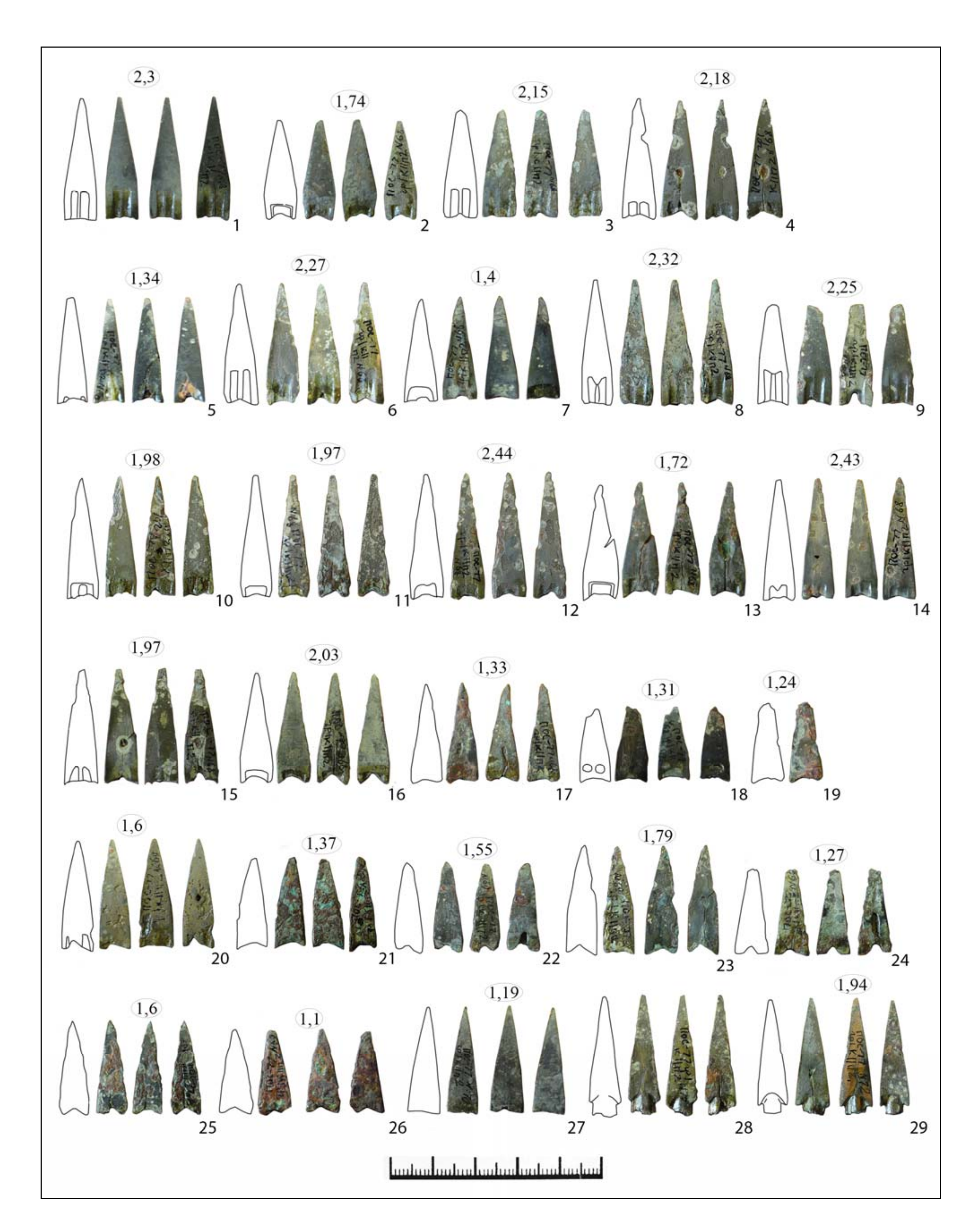

Рис. 51. Башмачка, курган 11, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 51. Bashmachka Burial-ground, Burial-mound 11, Burial 2 (drawings and photos by the author).

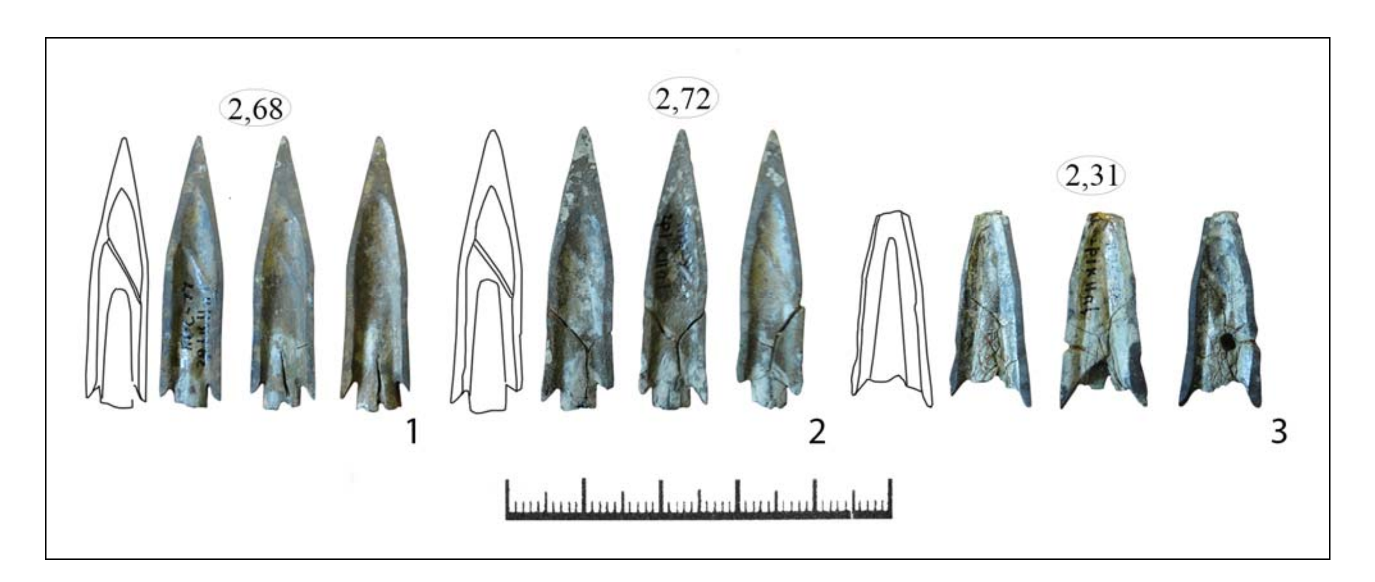

Рис. 52. Башмачка, курган 11, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 52. Bashmachka Burial-ground, Burial-mound 11, Burial 1 (drawings and photos by the author).

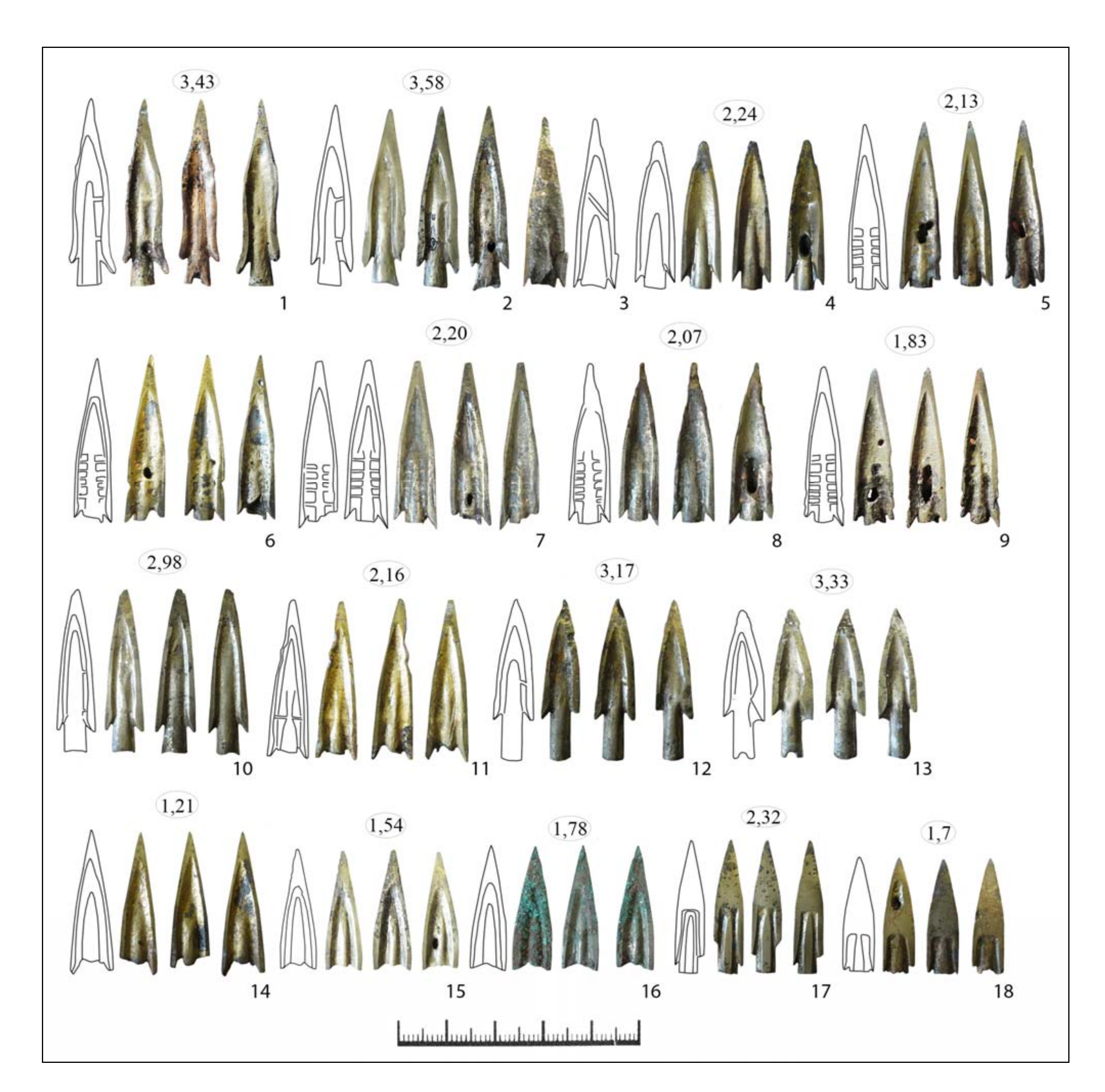

Рис. 53. Волошское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 53. Voloshskoye Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (drawings and photos by the author).

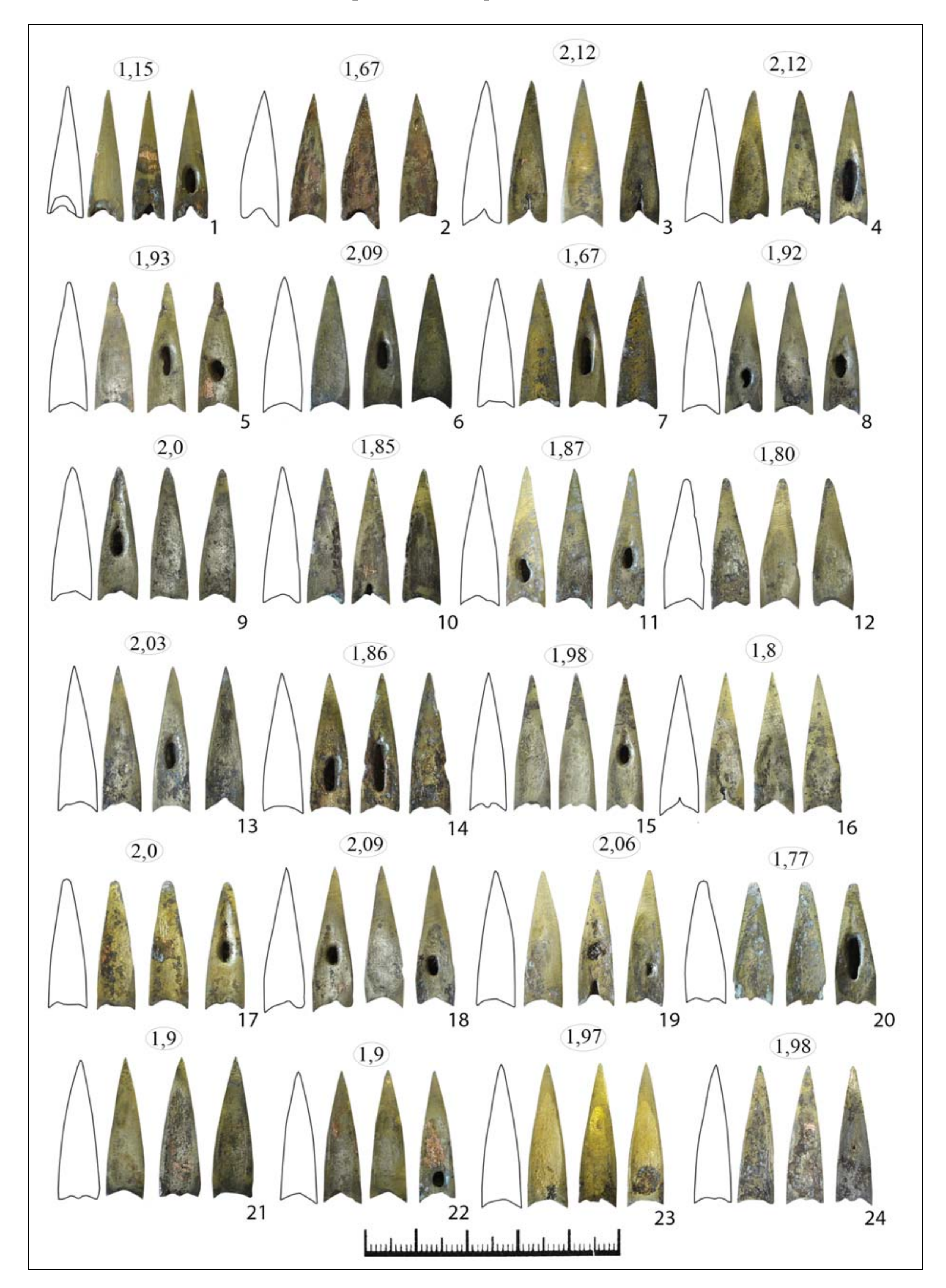

Рис. 54. Волошское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 54. Voloshskoye Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (drawings and photos by the author).

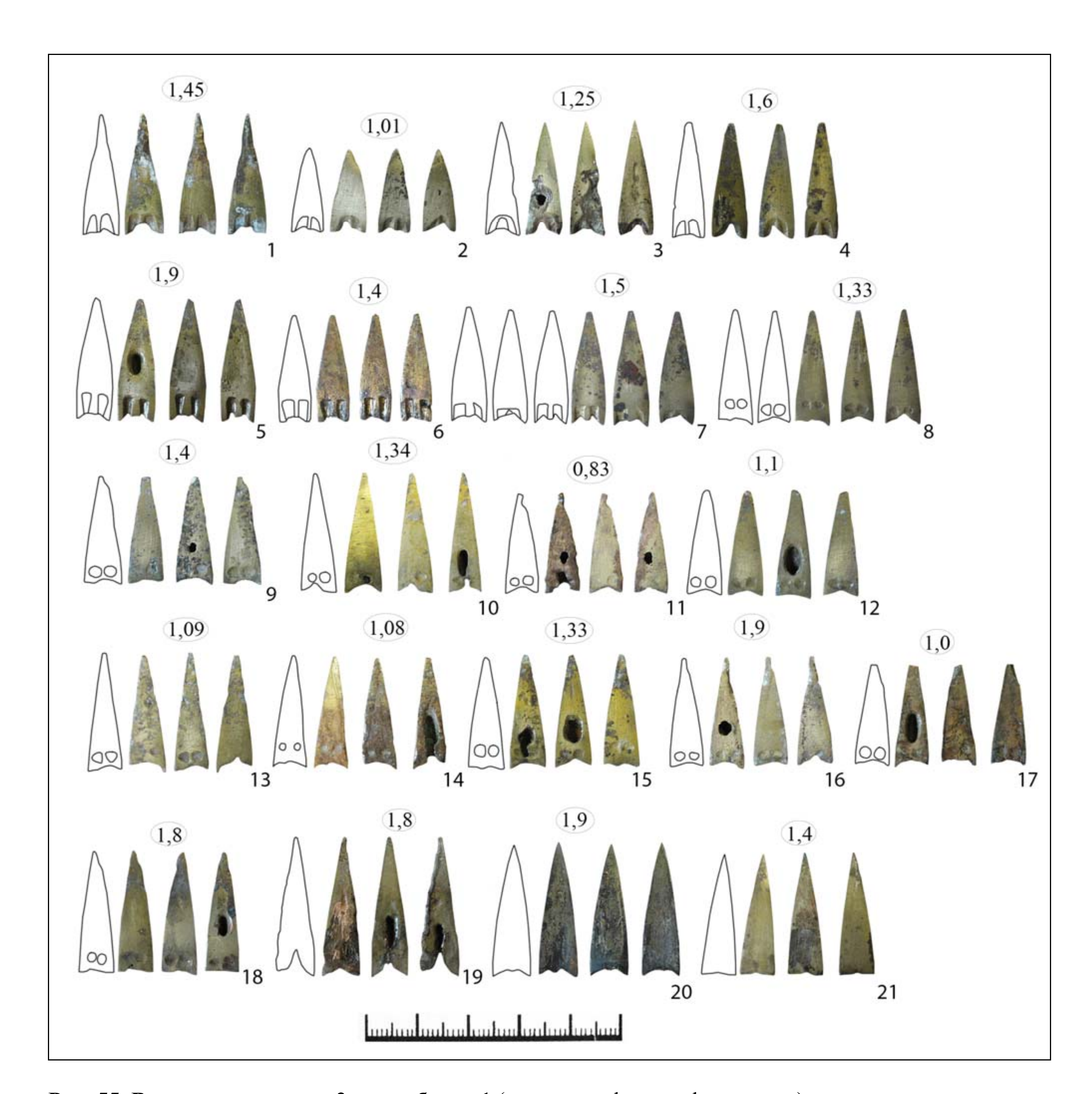

Рис. 55. Волошское, курган 2, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 55. Voloshskoye Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1 (drawings and photos by the author).

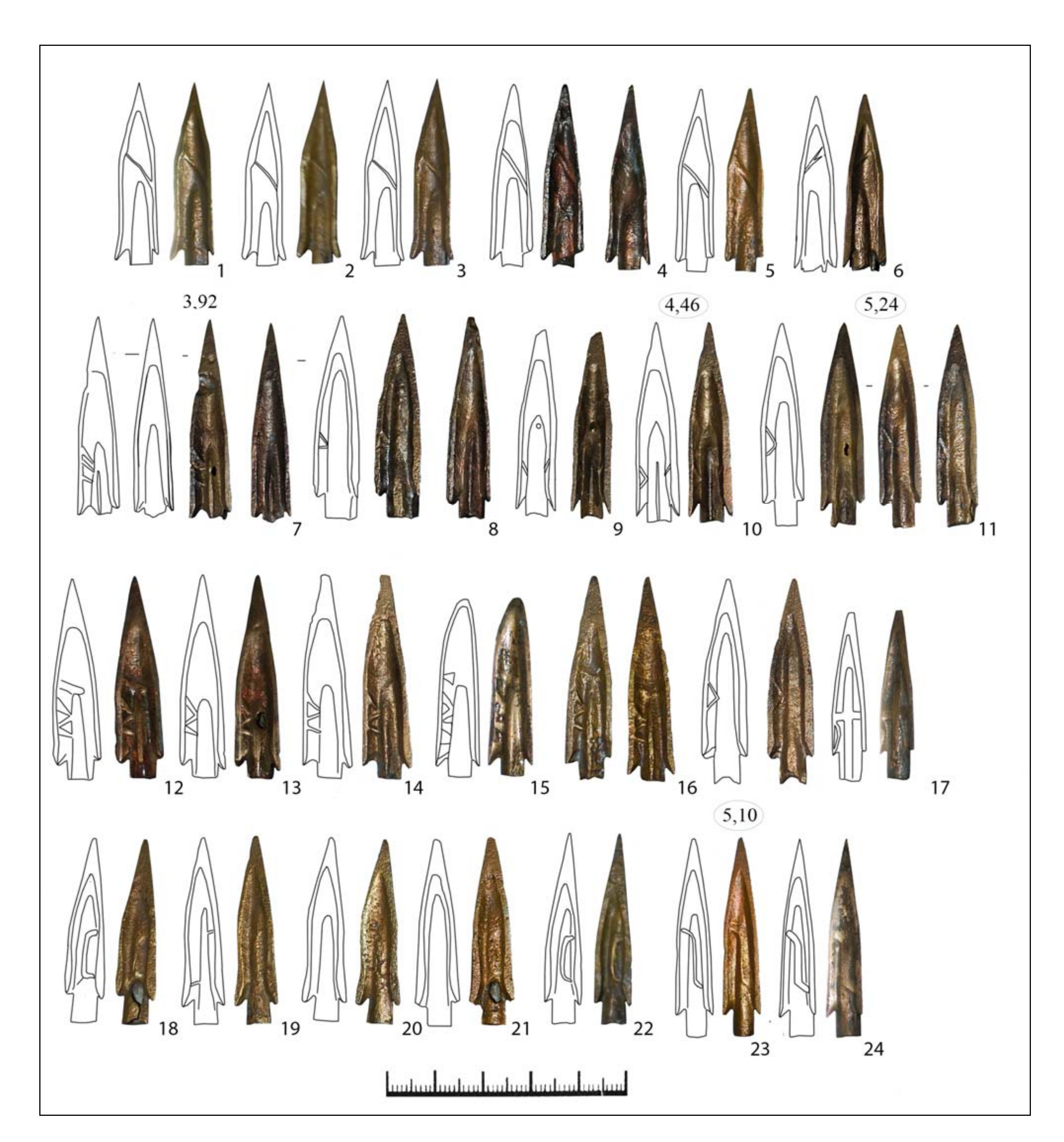

Рис. 56. Восьмой Пятибратний курган (фотографии С.В. Полина, прорисовка М.Н. Дараган).

Fig. 56. Vos'moy Pyatibratniy kurgan Burial-ground (photos by S.V. Polin, drawings by M.N. Daragan).

Рис. 57. Восьмой Пятибратний курган (фотографии С.В. Полина, прорисовка М.Н. Дараган).

Fig. 57. Vos'moy Pyatibratniy kurgan Burial-ground (photos by S.V. Polin, drawings by M.N. Daragan).

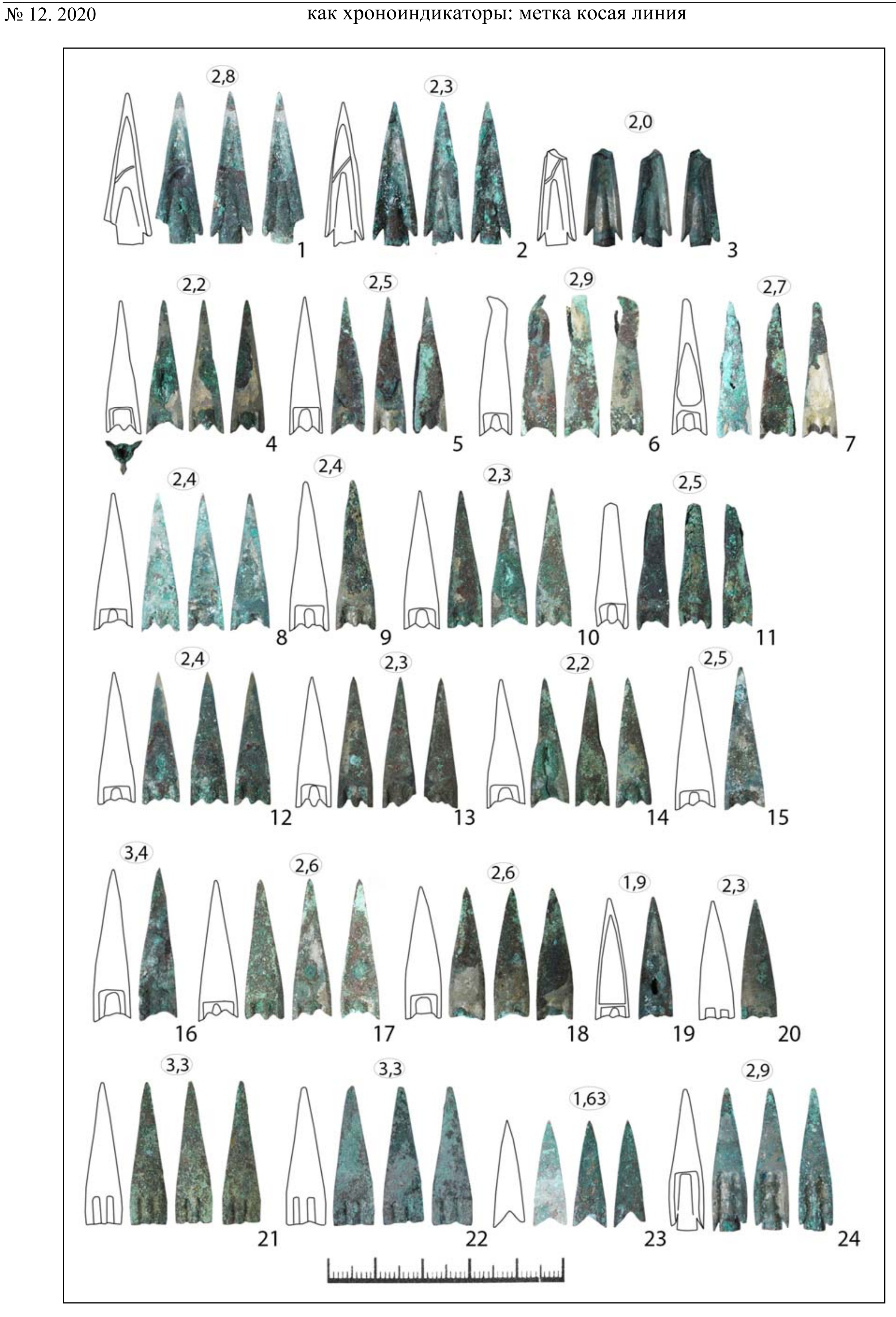

Рис. 58. Владимировка, курган 11, погребение 1 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 58. Vladimirovka Burial-ground, Burial-mound 11, Burial 1 (drawings and photos by the author).

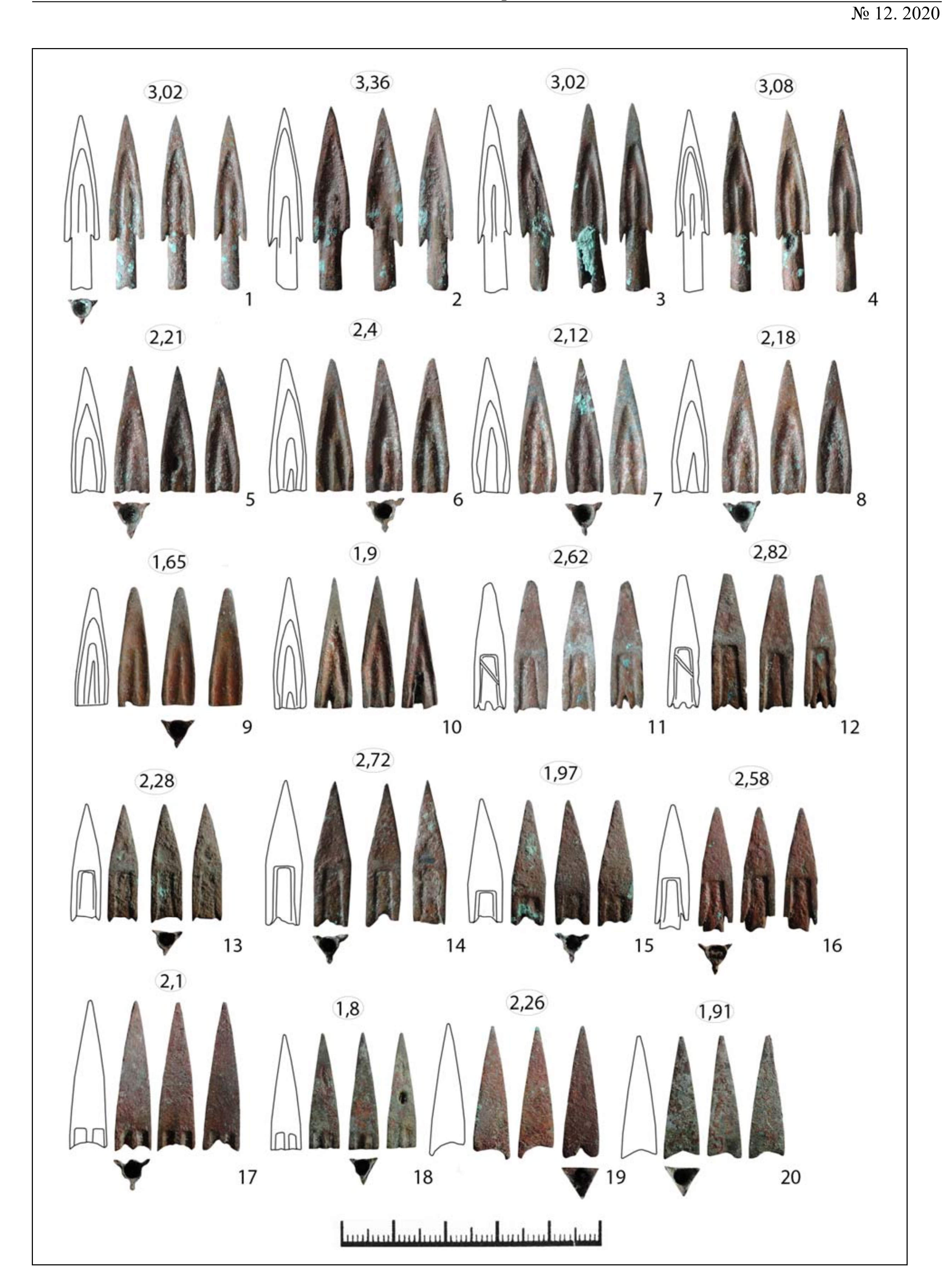

Рис. 59. Кут, курган 7, погребение 9 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 59. Kut Burial-ground, Burial-mound 7, Burial 9 (drawings and photos by the author).

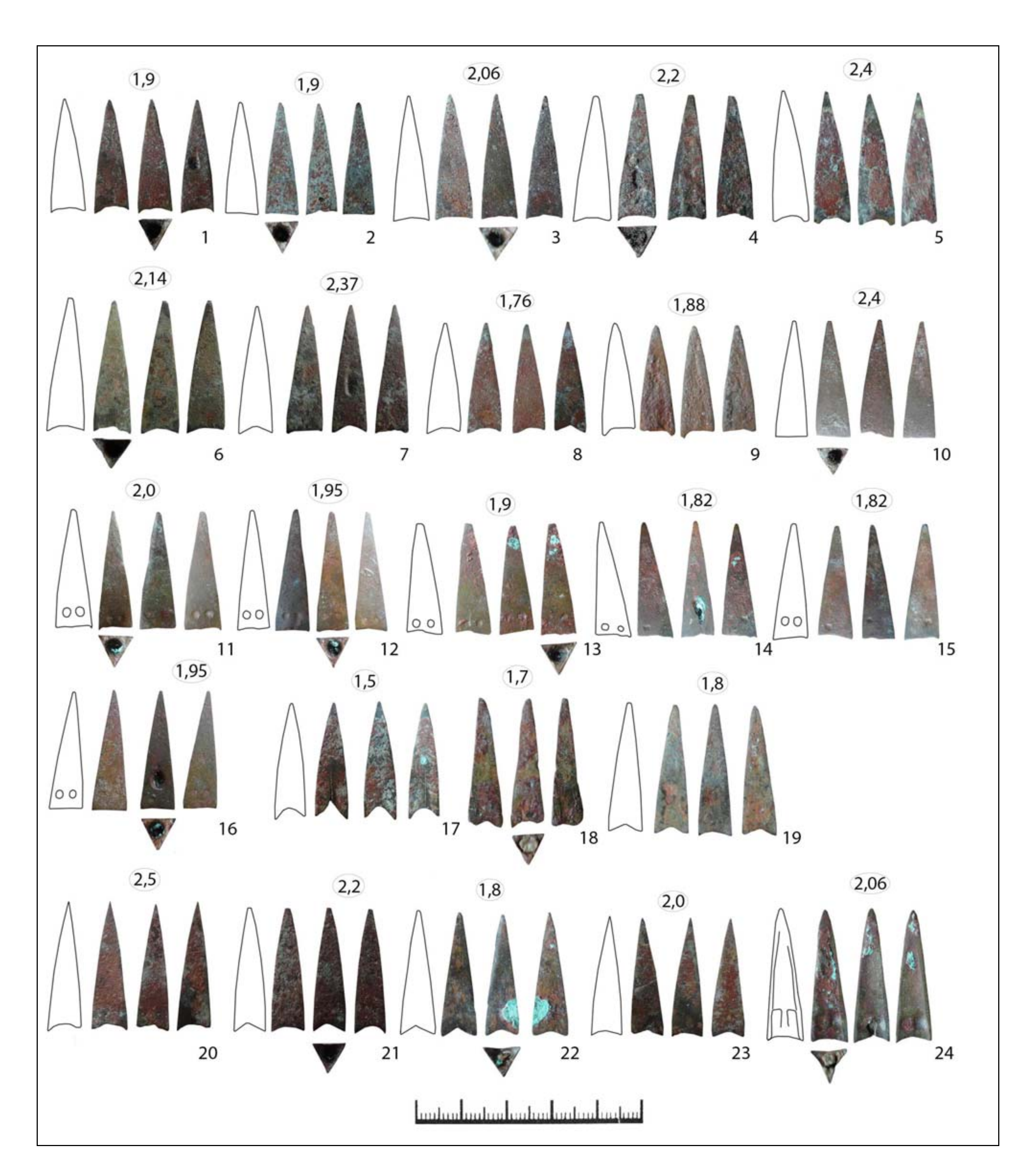

Рис. 60. Кут, курган 7, погребение 9 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 60. Kut Burial-ground, Burial-mound 7, Burial 9 (drawings and photos by the author).

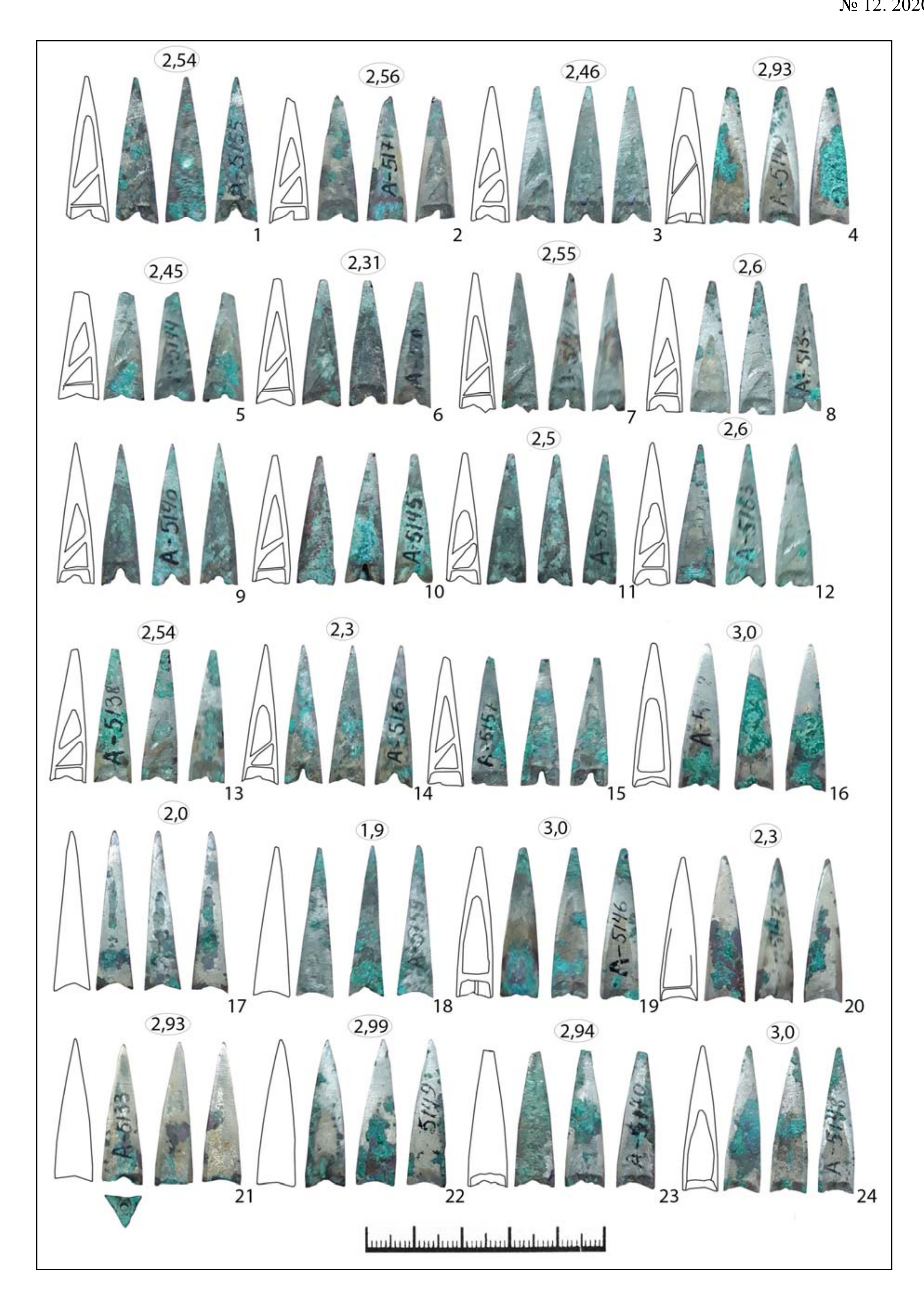

Рис. 61. Вишнополь, курган 2, погребение 2 (рисунки и фотографии автора).

Fig. 61. Vishnopol Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 2 (drawings and photos by the author).

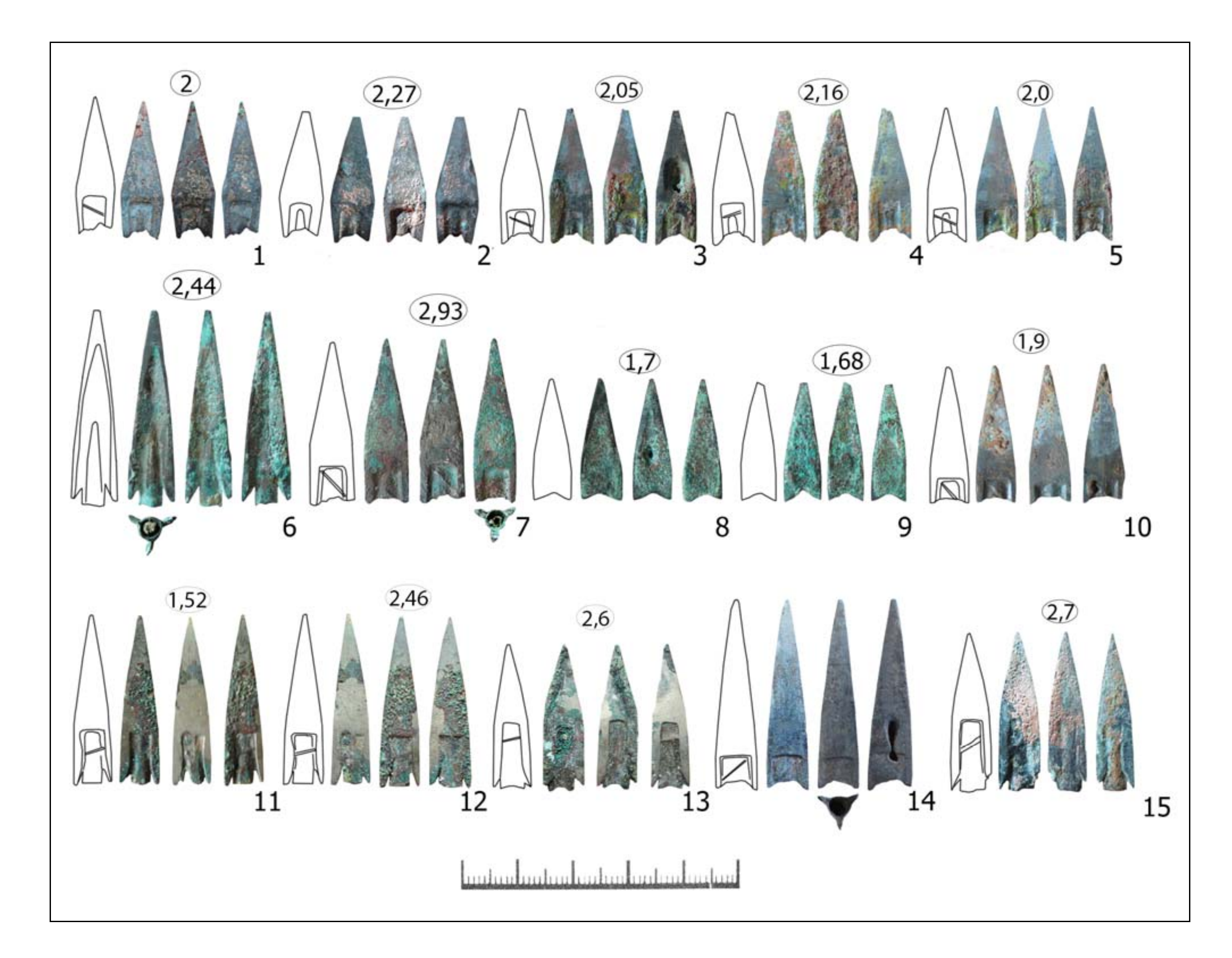

Рис. 62. ***1—2*** **— Золотая Балка, курган 13, погребение 1;** ***3—5*** **— Верхний Клин, курган 1, погребение 2;** ***6—9*** **— Страшная могила, курган 1, скелет 1;** ***10*** **— Вильна Украина IV, курган 2, погребение 1;** ***11—13*** **— Толстая могила, могила охранника;** ***14*** **— Малая Лепетиха, курган 10, погребение 5;** ***15*** **— Водославка, курган 6** (рисунки и фотографии автора).

Fig. 62. ***1—2*** **— Zolotaya Balka Burial-ground, Burial-mound 13, Burial 1;** ***3—5*** **— Verkhniy Klin Burial-ground, Burial-mound 1, Burial 2;** ***6—9*** **— Strashnaya mogila Burial-ground, Burial-mound 1, skeleton 1;** ***10*** **— Vilna Ukraina IV Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 1;** ***11—13*** **— Tolstaya mogila Burial-ground, guard's grave;** ***14*** **— Malaya Lepetiha Burial-ground, Burial-mound 10, Burial 5;** ***15*** **— Vodoslavka Burial-ground, Burial-mound 6** (drawings and photos by the author).

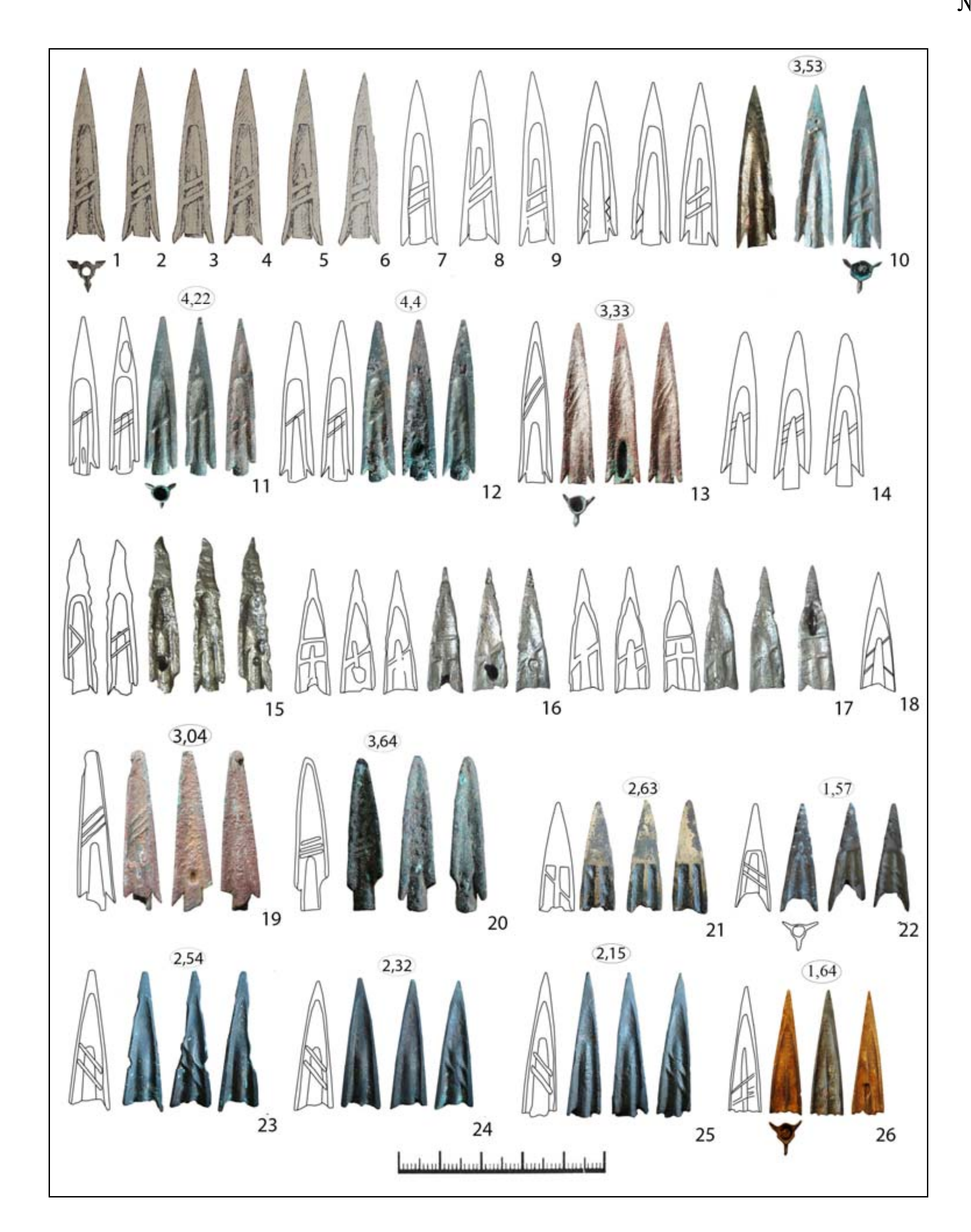

Рис. 63. ***1—6* — Львово, курган 1; *7—9* — Львово, курган 2** (по Евдокимов 1992); ***10* — Первоконстантиновка, курган 14, погребение 1; *11—12* — Красный Перекоп, курган 22, погребение 3; *13* — Долинское, курган 4, погребение 2; *14—17* — Висунск, курган 6; *18* — погребение 1 Северо-Западного останца кургана Чертомлык; *19* — Маячка, курган 23; *20—21* — Зеленое, курган 2, погребение 3, камера 1, колчан 2; *22* — Первомаевка, группа 2, курган 2, погребение 1; *23—25* — Мамай-гора, курган 4, погребение 4; *26* — Любимовка, курган 28, погребение 2** (рисунки и фотографии автора).

Fig. 63. ***1—6* — Lvovo Burial-ground, Burial-mound 1; *7—9* — Lvovo Burial-ground, Burial-mound 2** (after Evdokimov 1992); ***10* — Pervokonstantinovka Burial-ground, Burial-mound 14, Burial 1; *11—12* — Krasnyy Perekop Burial-ground, Burial-mound 22, Burial 3; *13* — Dolynskoe Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 2; *14—17* — Visunsk Burial-ground, Burial-mound 6; *18* — Burial 1 of the North-Western outlier of the Chertomlyk Burial-ground; *19* — Mayachka Burial-ground, Burial-mound 23; *20—21* — Zelenoe Burial-ground, Burial-mound 2, Burial 3, chamber 1, quiver 2; *22* — Pervomayevka, Group 2, Burial-mound 2, Burial 1; *23—25* — Mamay-gora Burial-ground, Burial-mound 4, Burial 4; *26* — Lyubimovka Burial-ground, Burial-mound 28, Burial 2** (drawings and photos by the author).

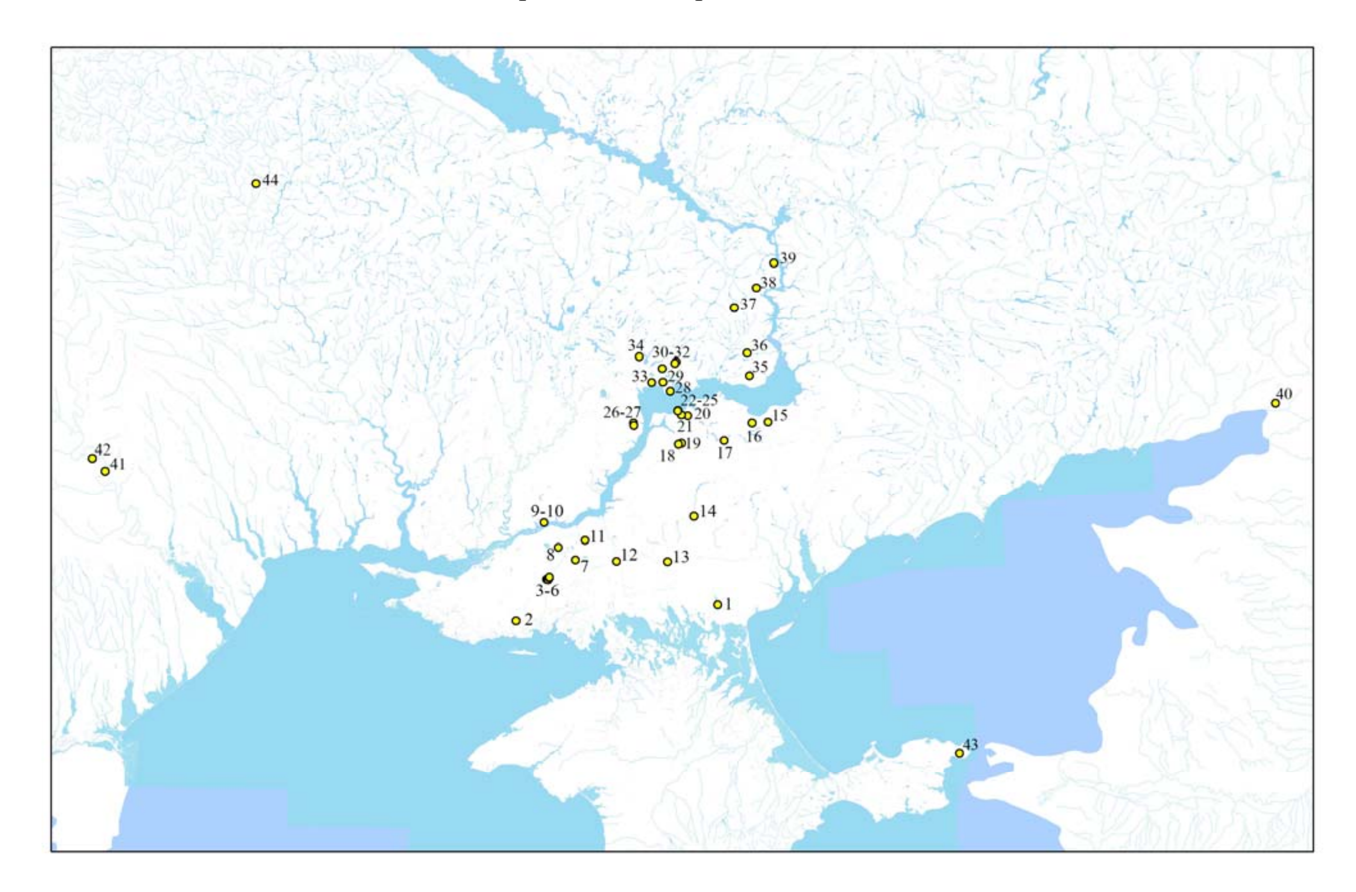

Рис. 64. Колчанные наборы, содержащие наконечники с литой меткой в виде косой линии: *1* —Водославка, курган 8, погребение 4; *2* — Широкое 2, курган 56; *3—6* — Брилевка, курган 9, погребение 3; Брилевка, курган 20, погребение 9; Брилевка, курган 24, погребение 2; Брилевка, курган 26, погребение 2; *7* — Привольное; *8* — Нижняя Маячка, курган 21, погребение 2; *9—10* — Львово, курган 18; *11* — Красный Подол, группа 2, курган 2, погребение 1; *12* —Дудчино; *13* — Подовое, курган 4, погребение 2; *14* — Деев курган; *15* — Носаки, курган 13; *16* — Гайманово поле, курган 27, погребение 2; *17* — Цимбалка; *18* — Верхний Рогачик, курган 9, погребение 2; *19* — Верхний Рогачик, курган 10, погребение 3; *20* — Великая Знаменка, курган 10, погребение 3; *21* — Ильинка, курган 4, погребение 6; *22* — Мамай-гора, курган 16, погребение 1; *23* — Мамай-гора, курган 106; *24* — Мамай-гора, курган 134; *25* — Мамай-гора, курган 22, погребение 4; *26* — Золотая Балка, курган 15; *27* — Золотая Балка, курган 3, погребение 2; *28* — Кут; *29* — Чередникова могила, курган 8, погребение 2; *30* — группа Страшной могилы, курган 4, погребение 2; *31* — Соболева могила, курган 2; *32* — Чертомлык; *33* — Марьянское, курган 3, погребение 1; *34* — Водяна Могила, погребение конюха; *35* — Выводово, курган 92, погребение 2; *36* — Владимировка, курган 11; *37* — Краснокутский; *38* — Башмачка, курган 11, погребение 1 и 2; *39* — Волошкое, курган 2, погребение 1; *40* — Восьмой Пятибратний; *41* — Бутор, курган 13, погребение 4; *42* — Водовод, курган 2, погребение 12; *43* — Куль-Оба; *44* — Вишнеполь, курган 2, погребение 2.

Fig. 64. Quiver sets containing arrowheads with cast mark in the form of an oblique line: *1* — Vodoslavka, Burial-mound 8, Burial 4; *2* — Shirokoye 2, Burial-mound 56; *3—6* — Brilevka, Burial-mound 9, Burial 3; Brilevka, Burial-mound 20, Burial 9; Brilevka, Burial-mound 24, Burial 2; Brilevka, Burial-mound 26, Burial 2; *7* — Privolnoe; *8* — Nizhnyaya Mayachka, Burial-mound 21, Burial 2; *9—10* — Lvovo, Burial-mound 18; *11* — Krasnyy Podol, Group 2, Burial-mound 2, Burial 1; *12* — Dudchino; *13* — Podovoe, Burial-mound 4, Burial 2; *14* — Deev kurgan; *15* — Nosaki, Burial-mound 13; *16* — Gaymanovo pole, Burial-mound 27, Burial 2; *17* — Tsimbalka; *18* — Verkhniy Rogachik, Burial-mound 9, Burial 2; *19* — Verkhniy Rogachik, Burial-mound 10, Burial 3; *20* — Velikaya Znamenka, Burial-mound 10, Burial 3; *21* — Ilyinka, Burial-mound 4, Burial 6; *22* — Mamay-gora, Burial-mound 16, Burial 1; *23* — Mamay-gora, Burial-mound 106; *24* — Mamay-gora, Burial-mound 134; *25* — Mamay-gora, Burial-mound 22, Burial 4; *26* — Zolotaya Balka, Burial-mound 15; *27* — Zolotaya Balka, Burial-mound 3, Burial 2; *28* — Kut; *29* — Cherednykova mogyla, Burial-mound 8, Burial 2; *30* — group of Strashnaya mogila, Burial-mound 4, Burial 2; *31* — Soboleva mogila, Burial-mound 2; *32* — Chertomlyk; *33* — Maryanskoe, Burial-mound 3, Burial 1; *34* — Vodyana Mohyla, Burial of the Groom; *35* — Vyvodovo, Burial-mound 92, Burial 2; *36* — Vladimorovka, Burial-mound 11; *37* — Krasnokutskiy; *38* — Bashmachka, Burial-mound 11, Burial 1 and 2; *39* — Voloshkoe, Burial-mound 2, Burial 1; *40* — Vos'moj Pjatibratnij; *41* — Butor, Burial-mound 13, Burial 4; *42* — Vodovod, Burial-mound 2, Burial 12; *43* — Kul-Oba; *44* — Vishnepol, Burial-mound 2, Burial 2.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов**

№ тип/ серия	Внешний вид	Описание
1/1		Трехлопастные со сводчатой (в одном случае с башневидной, с фигурно изогнутыми лопастями) головкой, ложком до острия, короткой, чуть выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Во всех ложках в средней части нанесена литая метка в виде короткой косой линии. Высота 3,5—4,2 см, вес 2,2—3,05 г.
1/2		Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с концами лопастей. Концы лопастей заострены. Во всех трех ложках в средней части имеется литая метка в виде короткой косой линии. У нескольких наконечников эта метка расположена на нижней части втулки. Высота 3,5—4,2 см, вес 2,2—3,4 г.
1/3		Трехлопастные со сводчатой головкой, фигурным, с треугольным выступом вверху, ложком на ⅔ высоты головки, короткой втулкой. Концы лопастей заострены. У наконечников во всех ложках или в одном, имеется литая метка в виде короткой косой линии. Высота 3,7—4 см, вес 3,6—4,3 г.
1/4		Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Высота до 3,5 см, вес до 3 г.
1/4/1		Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. В верхней части одного ложка имеет знак в виде трех расходящихся в виде веера из одной точки трех линий. У некоторых наконечников в верхней части второго ложка знак в виде полукружья. Высота 3,8 см, вес 2 г.
1/4/2		Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Высота 4,2 см, вес 3,3—4,6 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	Внешний вид	Описание
1/5		Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой. Концы лопастей заострены. Метки: 1) косой крест во всех трех ложках в верхней части ложка; 2) комбинации из горизонтальных линий и косого креста; 3) галочка (или угол), направленная углом вверх в верхней части ложка и косой крест в нижней; 4) рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку в средней части ложка; 5) рельефные литые метки в виде двух точек, расположенных симметрично или на разных уровнях с обеих сторон втулки. Высота 3—4 см, вес 3,4 г.
1/6		Трехлопастные со сводчатой головкой (в одном случае с башневидной, с фигурно изогнутыми лопастями), ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких тонких параллельных горизонтальных линий (от трех до десяти), расположенных с обеих сторон втулки. Высота 3,5—4 см, вес 2,2 г.
1/6/1 **1/6/2**		Трехлопастные со сводчатой головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В ложках, по всей длине имеются литые рельефные метки в виде коротких параллельных горизонтальных линий (от четырех до семи), расположенных с обеих сторон втулки Высота 3,2—3,5 см. Вес 3,1—3,4 г.
1/6/3		Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. Во всех ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде четырех коротких тонких параллельных горизонтальных линий, расположенных с обеих сторон втулки. Высота 3—3,5 см, вес 1,8—2 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	Внешний вид	Описание
1/7		Трехлопастные с башневидной головкой, некоторые с фигурно изогнутыми лопастями, ложком до острия, выступающей втулкой, заостренными концами лопастей, разведенными в стороны. В ложках имеются литые рельефные метки в виде коротких горизонтальных отрезков, асимметрично расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте. Высота 2,8—4 см, вес 3,7 г.
1/8		Трехлопастный со сводчатой головкой, ложком до острия, длинной выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. Высота 3,1 см, вес 3,33 г.
1/9		Трехлопастные с узкой сводчатой головкой, ложком до острия, чуть выступающей втулкой, тупыми концами лопастей. Высота 3,5—4 см, вес 2,15 г.
2/1		Трехлопастные, с треугольной головкой, ложком до острия, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей, расположенными выше обреза втулки, вровень, или опущенными ниже обреза. Высота 3,5—4,2 см, вес 2,5—4 г. В большей части в ложках в средней части имеются литые рельефные метки в виде короткой наклонной рельефной линии. В сочетании с другими метками: 1) В ложках в нижней части имеются литые рельефные метки в виде коротких тонких параллельных горизонтальных линий (от трех до десяти), расположенных с одной стороны втулки; 2.) Точка в верхней части ложка.
2/2		Трехлопастные, меньших размеров, с треугольной головкой, ложком до острия, широким размахом окончаний лопастей, короткой выступающей втулкой, с заостренными концами лопастей. Высота 2,8—3,5 см, вес 3—3,5 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	Внешний вид	Описание
2/3		Трехлопастные, крупные, с длинной узкой треугольной головкой, ложком до острия, короткой втулкой вровень с заостренными концами лопастей. В верхней части ложков имеются разнообразные литые рельефные метки. Высота 3,8—4,8 см, вес 3,2—5 г.
2/4		Трехлопастные с треугольной головкой, ложком до острия, выступающей втулкой, с заостренными (или ровно подрезанными) концами лопастей. Метка: две параллельные линии (даже точки) на одном из ложков. Высота 3,8—4,3 см, вес 2,6—3 г.
2/5		Трехлопастные с треугольной головкой, в нескольких случаях удлиненной, ложком до острия, длинной втулкой, с заостренными концами лопастей. У многих в ложках имеются разнообразные литые рельефные метки в виде трех—пяти наклонных параллельных отрезков с одной стороны ложка, пары наклонных отрезков в виде тупого угла с обеих сторон втулки или длинной вертикальной S-образной изогнутой линии. Высота 3,5—4,3 см, вес 1,2—3 г.
3/1		Трехлопастные, со сводчатой головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде небольших шипов, реже с ровно обрезанным основанием. У некоторых образцов в ложках литая рельефная метка в виде горизонтальной линии. Высота 2,5—3,4 см, вес 1,3—2,27 г.
3/2		Трехлопастные, с узкой треугольной головкой, ложком до острия, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием или небольшой выемкой в основании Высота 2,8—3 см.
3/3		Трехлопастные, с ложком до острия, скрытой втулкой, ровно обрезанным основанием или небольшой выемкой в основании. Ложки украшены тремя—пятью парами прямоугольников (метка сетка). Высота 1,1—2,5 см, вес 1,6—2 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	Внешний вид	Описание
4/1		Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½—⅓ высоты головки, с короткой чуть выступающей втулкой. Острия граней заострены. Высота 3,5 см, вес 3,25—3,6 г. В ложках имеются рельефные литые метки: 1) В виде наклонной линии; 2) Такой же в сочетании с горизонтальной, образующих острый угол. Горизонтальная линия и отходящие от нее вниз две наклонные линии (Львово, курган 18, погребение 1). Горизонтальная линия и отходящая вверх наклонная (Львово, курган 18, погребение 1).
4/2		Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½ высоты головки, с короткой едва выступающей втулкой. В ложках имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку, либо разделенной на два отрезка, расположенных с обеих сторон втулки на разной высоте. Высота 3—3,5 см, вес 2,6—3 г.
4/3		Трехгранные, с прямоугольным ложком на ½—⅓ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены. Высота 2—3,6 см, вес 1,9—3,9 г.
4/4		Трехгранный, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. В трех ложках имеется литая рельефная метка в виде косого креста. Высота 2,7 см, вес 1,8—2 г.
4/5		Трехгранные, с фигурным зауженным посредине ложком на ½—⅓ высоты головки, с короткой выступающей втулкой. Острия граней заострены. Высота 2,8—3,5 см, вес 2—3,8 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	**Внешний вид**	**Описание**
5/1		Трехгранные, с длинной узкой треугольной гладкой головкой, треугольной выемкой в основании, выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки. Высота 3,3—4 см, вес 2—3,7 г.
5/2		Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅓ высоты головки, короткой, едва выступающей втулкой. Концы граней заострены и отделены от втулки. У некоторых наконечников имеются рельефные литые метки в виде горизонтальной линии, пересекающей втулку. Высота 3—4 см, вес 2—4 г.
6/1		Трехгранные, со сводчатой головкой, с маленьким П-образным ложком в основании граней (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней или ровно обрезанным основанием. Иногда маленький П-образный ложок имеет суженное основание и в таких случаях короткие окончания граней сведены внутрь. Высота 1,7—2,5 см, вес 1,3—2,3 г.
6/2/1		Трехгранные, со сводчатой головкой, с П-образным ложком на ⅓—¼ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием. Высота 2,5—3 см, вес 2—2,7 г.
6/2/2		Трехгранные, со сводчатой головкой, с гладким П-образным ложком на ½—⅓ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. В ложках иногда встречаются литые рельефные метки в виде наклонных или горизонтальных линий, креста. Высота 2—3 см, вес 2—3,4 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	Внешний вид	Описание
6/3		Трехгранные, с треугольной головкой, с П-образным ложком менее ⅕ высоты головки, скрытой втулкой, слабыми дуговидными выемками в основании граней или ровно обрезанным основанием. Высота 2,5—3 см, вес 2—2,7 г.
6/2/3		Трехгранные, с прямоугольным ложком на ⅕—¼ высоты головки, слабой дуговидной выемкой в основании граней. Ложок поделен крестом на четыре ячейки. Над ложком — по два круглых углубления, расположенных горизонтально в один ряд. Высота 1,8—2 см, вес 1,9—2,5 г.
6/3/1		Трехгранные, с узкой удлиненной треугольной головкой, с маленьким П-образным ложком (менее ⅕ высоты головки), скрытой втулкой, слабой дуговидной выемкой в основании граней. Высота 3 см, вес 2,8 г.
6/4		Трехгранные, с треугольной головкой, с маленьким П-образным ложком на ¼ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидной или треугольной выемкой в основании граней. Высота 2,4—3 см, вес 1,8—2,5 г.
6/4/1		Трехгранные, с треугольной головкой, с П-образным ложком на ¼ высоты головки, скрытой втулкой, треугольной выемкой в основании граней и треугольной выемкой в верхней части грани, в результате чего внизу образуется метка в виде горизонтальной перекладины. Высота 2,4—3,3 см, вес 2—2,6 г.
6/5		Трехгранные, со сводчатой головкой, с гладким П-образным ложком на ½ высоты головки, скрытой втулкой, дуговидными выемками в основании граней. В ложках иногда встречаются литые рельефные метки в виде наклонных или горизонтальных линий. Высота 2—3 см, вес 1,7—3,4 г.

Таблица 2. **Основные типы наконечников из описанных колчанных наборов (продолжение)**

№ тип/ серия	**Внешний вид**	**Описание**
7/1		Трехгранные, со сводчатым и треугольным абрисом, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Высота 2—2,7 см, вес 1,2—2,5 г.
7/2		Трехгранные, с глубокой дуговидной или треугольной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. Острия граней длинные в виде шипов, опущены ниже обреза втулки. Высота 2,3—2,7 см, вес 1,5—2,6 г.
7/3		Трехгранные, с ровно срезанным основанием или со слабой дуговидной выемкой в основании граней, скрытой втулкой. В основании граней на каждой имеется по два мелких круглых углубления, расположенных горизонтально в ряд. Высота 2—3см, вес 1,5—2,3 г.

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
1/1																											
1/2																											
1/3																											
1/4																											
1/5																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	**Водославка, курган 8, погребение 4**	**Башмачка, курган 1, погребение 1**	**Башмачка, курган 1, погребение 2**	**Водяна могила**	**Волошское**	**Деев**	**Марьянское, курган 3, погребение 1**	**МГ, курган 16, погребение 1**	**МГ, курган 22, погребение 4а**	**МГ, курган 106, погребение 1**	**МГ, курган 134, погребение 1**	**Привольное**	**Брилевка, кургун 9, погребение 3**	**Брилевка, курген 20, погребение 9**	**Брилевка курган 24**	**Брилевка курган 26**	**Львово, курган 18, погребение 2**	**Дудчино**	**Львово, курган 18, погребение 1**	**Чередникова**	**Золотая Балка**	**Широкое, курган 56**	**Выводово**	**Соболева**	**Пятибрат**	**Маячка**	**Рогачик**
1/6																											
1/7																											
1/8																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
1/9																											
2/1																											
2/2																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
2/3																											
2/4																											
2/5																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
3/1																											
3/2																											
3/3																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
4/1																											
4/2																											
4/3																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
4/4																											
4/5																											
5/1																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
5/2																											
6/1																											
6/2/2																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
6/2/1																											
6/2/3																											
6/3																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	**Водославка, курган 8, погребение 4**	**Башмачка, курган 1, погребение 1**	**Башмачка, курган 1, погребение 2**	**Водяна могила**	**Волошское**	**Деев**	**Марьянское, курган 3, погребение 1**	**МГ, курган 16, погребение 1**	**МГ, курган 22, погребение 4а**	**МГ, курган 106, погребение 1**	**МГ, курган 134, погребение 1**	**Привольное**	**Брилевка, кургун 9, погребение 3**	**Брилевка, курген 20, погребение 9**	**Брилевка курган 24**	**Брилевка курган 26**	**Львово, курган 18, погребение 2**	**Дудчино**	**Львово, курган 18, погребение 1**	**Чередникова**	**Золотая Балка**	**Широкое, курган 56**	**Выводово**	**Соболева**	**Пятибрат**	**Маячка**	**Рогачик**
6/3/1																											
7/1																											
7/2																											

Таблица 3. **Сопоставление наконечников из рассмотренных колчанных наборов по идентичности выделенных типов и серий (продолжение)**

№	Водославка, курган 8, погребение 4	Башмачка, курган 1, погребение 1	Башмачка, курган 1, погребение 2	Водяна могила	Волошское	Деев	Марьянское, курган 3, погребение 1	МГ, курган 16, погребение 1	МГ, курган 22, погребение 4а	МГ, курган 106, погребение 1	МГ, курган 134, погребение 1	Привольное	Брилевка, кургун 9, погребение 3	Брилевка, курген 20, погребение 9	Брилевка курган 24	Брилевка курган 26	Львово, курган 18, погребение 2	Дудчино	Львово, курган 18, погребение 1	Чередникова	Золотая Балка	Широкое, курган 56	Выводово	Соболева	Пятибрат	Маячка	Рогачик
7/3																											

УДК 903.53“638”(478)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00007

В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, О.А. Закордонец

СКИФСКИЙ КУРГАН 13 ГРУППЫ «ВОДОВОД» В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ*

В работе впервые публикуются результаты раскопок скифского кургана 13 группы «Водовод», изученного в 2018 г. у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Научные данные, полученные при исследовании этого кургана, позволяют обратить особое внимание на некоторые элементы погребального обряда — устройство ритуальных ям, захоронения собак, необычное размещение наконечников стрел в захоронении, устройство земляных «ложа» и «подушки». В погребениях найдены предметы вооружения (наконечники стрел, наконечники и втоки копий), орудия труда (ножи), посуда (деревянная миска) и украшения (ожерелье из стеклянных бусин). На основании бронзовых наконечников стрел курган 13 группы «Водовод» датируется второй половиной IV в. до н.э.

Ключевые слова: Левобережье Нижнего Днестра, скифы, курганы, погребения, вторая половина IV в. до н.э.

Сведения об авторах: Синика Виталий Степанович[1], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Лысенко Сергей Дмитриевич[2], кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины; Разумов Сергей Николаевич[3], кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Закордонец Оксана Александровна[4], Приднестровский государственный университета им. Т.Г. Шевченко.

Контактная информация: [1]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: sinica80@mail.ru; [2]04210, Украина, г. Киев, пр-т героев Сталинграда, 12, Институт археологии Национальной Академии наук Украины; e-mail: suraganga@yandex.ru; [3]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: razum_22@rambler.ru; [4]3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: kalina.74@mail.ru.

V.S. Sinika, S.D. Lysenko, S.N. Razumov, O.A. Zakordonets

SCYTHIAN BARROW 13 OF THE “SLUICEWAY” GROUP IN THE LOWER DNIESTER REGION

The paper publishes for the first time the results of excavations of Scythian barrow 13 of the “Sluiceway” (“Vodovod”) group, which was studied near the Glinoe village, Slobodzeya district, on the left bank of the Lower Dniester in 2018. The scientific data obtained during the study of this mound allow us to pay special attention to some elements of the funerary rite such as the arrangement of ritual pits, the internments of dogs, the unusual placement of arrowheads in the grave, the arrangement of earthen “beds” and “cushions”. The burials contained weapons (arrowheads, spearheads and spear ends), tools (knives), vessel (a wooden bowl) and jewelry (a necklace made of glass beads). Barrow 13 of the “Sluiceway” group dates to the second half of the 4th century BCE on the basis of bronze arrowheads.

Key words: Left bank on the Lower Dniester Region, Scythians, barrows, graves, the second half of the 4th century BCE.

* Статья поступила в номер 21 ноября 2020 г.
Принята к печати 11 декабря 2020 г.

© В.С. Синика, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, О.А. Закордонец, 2020.

About the authors: Sinika Vitalij Stepanovich[1], PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Lysenko Sergey Dmitrievich[2], PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; Razumov Sergey Nikolaevich[3], PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; Zakordotes Oxana Alexandrovna[4], Research Assistant, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University.

Contact information: [1]3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: sinica80@mail.ru; [2]04210, Ukraine, Kyiv, Geroev Stalingrada Ave, 12, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine; e-mail: suraganga@yandex.ru; [3]3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: razum_22@rambler.ru; [4]3300, Moldova, Tiraspol, 25 Oktiabria St., 107, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University; e-mail: kalina.74@mail.ru.

К настоящему времени в Нижнем Поднестровье изучены сотни скифских захоронений, при этом большая их часть была исследована за последние 25 лет. Наиболее масштабными являются работы Днестровской археологической экспедиции Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Здесь с 1995 г. по 2020 г. было исследовано около 300 скифских захоронений, и значительная их часть введена в научный оборот (Тельнов и др. 2016; Синика, Тельнов 2016a; 2016b; 2016c; 2017a; 2017b; 2017c; 2018a; 2018b; Синика и др. 2017; 2018a; 2018b; 2018c; 2018d; 2018e; 2018f; 2019a; 2019b; 2019c; 2019d; 2020a; 2020b; 2020c; 2020d; 2020e; Sinika et al. 2017).

Теме не менее, публикация новых материалов из Поднестровья представляется актуальной, поскольку имеет значение для изучения истории скифской культуры всего Северного Причерноморья.

В настоящей работе впервые публикуются и анализируются материалы, полученные в 2018 г. при исследовании скифского кургана № 13 группы «Водовод». Памятник находился в 3,12 км к северу-северо-востоку от северной оконечности с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра, на высоком плато, расположенном на правом берегу р. Красная. Ниже приводится описание этого кургана и исследованных в нём трёх скифских погребений, а также инвентаря.

КУРГАН 13 копался параллельными траншеями с использованием техники. Была разбита одна бровка по линии север — юг шириной 0,6 м, длиной 20 м (рис. 1).

Насыпь почти полностью уничтожена распашкой. На момент исследований её высота от современной поверхности составляла менее 0,2 м, диаметр около 10 м. В кургане обнаружены три скифских захоронения, а также две круглых в плане ритуальных ямы (за пределами насыпи).

Погребение 1 (скифское, впускное) обнаружено в 3 м к югу-юго-востоку от R_0. Совершено в яме (рис. 2: *1, 2*).

Яма подпрямоугольной формы размерами 2,35 × 1,05 м и глубиной — 1,47 м от R_0.

Чуть севернее длинной оси ямы лежал *костяк 1* (мужчина 35—40 лет: Łukasik 2019: 6), в вытянутом положении на спине головой на запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Ноги прямые. Южнее, справа от костяка 1, находился *костяк 2* (ребёнок 9—10 лет: Łukasik 2019: 7), лежавший в вытянутом положении на спине головой на запад. Левая рука погребённого была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте и кистью уложена на таз. Под костяками был зафиксирован светло-серый тлен от камышовой подстилки.

Состав и расположение инвентаря. В изголовье мужчины лежали кости мелкого рогатого скота от жертвенной пищи, среди которых были найдены железный нож с деревянной рукоятью (3) и железная скоба от деревянной миски (4). Поверх правого локтя мужчины лежал бронзовый наконечник стрелы (1) остриём на юго-запад. У левой кисти мужчины находился колчан с бронзовыми наконечниками стрел (2) остриями на запад и на восток, расположенными наклонно, с остатками древков. Вероятно, изначально колчан был прислонён вертикально к северной стенке ямы либо повешен на вбитый в неё колышек.

Описание находок.

1. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой и с выделенной втулкой (на правом локте), основание которой находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечника 36 мм. Длина втулки 13 мм, диаметр — 5,1 мм. В верхней части втулки расположены два отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 2: *14*).

2. Колчанный набор состоял из 11 бронзовых трёхлопастных наконечников стрел:

— десять наконечников с треугольными и подтреугольными головками и с выделенными втулками, основание которых находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечников от 29 мм до 38,5 мм. Длина втулок от 12 мм до 17 мм, диаметр — 4,5—5,5 мм (рис. 2: *3—12*). На двух наконечниках с каждой стороны находятся литые наклонные линии на каждой лопасти, образующие знак в виде буквы «V», основанием которой является верхняя часть втулки (рис. 2: *3, 7*). На одном из этих наконечников справа на каждой лопасти процарапан косой крест, примыкающий к правой литой наклонной линии (рис. 2: *3*). Один наконечник фрагментирован, от него сохранилась только верхняя часть головки (рис. 2: *12*). В верхней части втулок семи наконечников расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 2: *4—9, 11*);

— наконечник с треугольной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится выше окончаний лопастей. Длина наконечника ок. 26 мм. Длина втулки 9 мм, диаметр — 5 мм (рис. 2: *13*).

3. Железный нож с горбатой спинкой и с истлевшей деревянной рукоятью. Лезвие треугольное в сечении, на спинке — односторонняя нервюра. Рукоять крепилась к черенку двумя заклёпками. Длина клинка 90,5 мм. Длина черенка ок. 22 мм, ширина — 12—16 мм, толщина — 1,5—4 мм. Ширина лезвия до 22 мм, толщина — до 6 мм. Толщина спинки вместе с нервюрой до 8 мм, ширина спинки до 6 мм. Длина заклёпок без шляпок ок. 10 мм, диаметр — ок. 3,5 мм. Реконструируемая толщина рукояти ок. 10 мм (рис. 2: *16*).

4. Железная скоба от деревянной миски. Спинка пластинчатая, в виде вытянутого асимметричного овала, прямоугольная в сечении. Окончания скобы в сечении подквадратные; зубцы загнуты внутрь под 90°. Размеры скобы сбоку 48 × 22 мм. Ширина спинки 13 мм; толщина пластины 2—2,5 мм. Размеры сечения окончаний до 5 × 5,5 мм; к остриям сужаются (рис. 2: *15*).

Погребение 2 (скифское, впускное) обнаружено в 5,5 м на северо-восток от R_0. Совершено в яме (рис. 3: *1, 2*).

Яма прямоугольной формы размерами 1,45 × 0,83 м и глубиной — 1,24 м от R_0.

Погребённый (ребёнок 3—5 лет: Łukasik 2019: 7) лежал в вытянутом положении на спине головой на западо-северо-запад. Руки были вытянуты вдоль тела. Правая нога прямая, левая слабо согнута в колене. Под костяком был зафиксирован светло-серый тлен от камышовой подстилки.

Состав и расположение инвентаря. Под черепом и в районе грудной клетки были найдены предметы ожерелья (1).

Описание находок.

1. В состав ожерелья входили 18 бусин и четыре бисерины:

— шесть цилиндрических пронизей из бежевого непрозрачного стекла с белым фестонным орнаментом. Длина пронизей 20—23 мм, диаметр от 7,5 × 8 мм до 8,7 × 9 мм, диаметр отверстий 3,5—4 мм (рис. 3: *3—8*);

— округлая поперечно-сжатая бусина из коричневого непрозрачного стекла с тремя белыми глазками с коричневыми зрачками. Помимо глазков, на бусине есть белая спиральная полоска. Высота бусины 8 мм, диаметр 11 мм, диаметр отверстия 3,7 мм (рис. 3: *9*);

— округлая поперечно-сжатая бусина из синего непрозрачного стекла с белыми глазками с синими зрачками. Высота бусины 8 мм, диаметр 10 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 3: *10*);

— округлая поперечно-сжатая бусина из чёрного непрозрачного стекла с белыми глазками с чёрными зрачками. Высота бусины 6,3 мм, диаметр 10,5 × 11,5 мм, диаметр отверстия 6 мм (рис. 3: *11*);

— фрагмент цилиндрической бусины из белого непрозрачного стекла. Высота бусины ок. 8 мм, диаметр 10 мм, диаметр отверстия 3—4 мм (рис. 3: *13*);

— поперечно-сжатая бусина неправильной формы из желтого непрозрачного стекла. Высота бусины 8 мм, диаметр 10,5 × 11 мм, диаметр отверстия 4,5 мм (рис. 3: *14*);

— цилиндрическая бусина из белого непрозрачного стекла. Высота бусины 10,3 мм, диаметр 13 мм, диаметр отверстия 6 мм (рис. 3: *15*);

— округлая поперечно-сжатая бусина из желтовато-белого непрозрачного стекла. Высота бусины 6 мм, диаметр 10,5 × 10 мм, диаметр отверстия 5 мм (рис. 3: *16*);

— три округлые поперечно-сжатые бусины из белого непрозрачного стекла. Высота бусин 6—7 мм, диаметр 8—10,3 мм, диаметр отверстий 3—4 мм (рис. 3: *17—19*);

— биконическая бусина из коричневого непрозрачного стекла. Высота бусины 7 мм, диаметр 8 × 9 мм, диаметр отверстия 2 мм (рис. 3: *20*);

— биконическая бусина из черного непрозрачного стекла. Высота бусины 7 мм, диаметр 8 мм, диаметр отверстия 1,5—2 мм (рис. 3: *21*);

— рубленый бисер из жёлтого стекла (4 экз.). Высота бисерин 2 мм, диаметр — 3,5 мм, диаметр отверстий 1,5 мм (рис. 3: *12*).

Погребение 3 (скифское, основное) обнаружено в 2 м на восток от R_0. Совершено в яме (рис. 4: *1, 2*).

Яма прямоугольной формы размерами 3,4 × 1,6 м и глубиной — 2,11 м от R_0. Погребение частично ограблено в древности. В северо-западной части ямы прослежен грабительский ход.

Большая часть дна ямы, кроме пространства вдоль западной и северной стенок, покрыта плотным слоем смеси глины и чернозёма — «земляным ложем». Под южной и восточной стенками, а также под черепом его мощность достигала 0,15 м (образуя своеобразную «подушку»), под костяком — 0,05—0,07 м. Таким образом, погребённый лежал в корытообразном углублении, на дне которого был прослежен древесный тлен от переплетённых прутьев, а поверх них — слой стеблей камыша.

Погребённый (мужчина 35—40 лет: Łukasik 2019: 8) лежал в вытянутом положении на спине головой на западо—северо—запад, руки были слегка согнуты в локтях, кисти на тазобедренных суставах. Ноги прямые.

Состав и расположение инвентаря. В юго-западном углу ямы найдены кости крупного рогатого скота от жертвенной пищи, среди которых обнаружен железный нож с роговой

рукоятью (1). Восточнее костей животных остриями на запад лежали два наконечника копий (2, 3). Юго-восточнее, под южной стенкой, найден вток одного из этих копий (4). В юго-восточном углу лежал вток дротика (5). Бронзовый наконечник стрелы (6) остриём на западо-северо-запад найден у правого плеча; у левого крыла таза ещё один наконечник стрелы (7) остриём на юго-запад; у правого бедра ниже тазобедренного сустава ещё один наконечник (8), остриём на западо-юго-запад; ниже правого колена под правой большеберцовой костью ещё один наконечник (9) остриём на западо-юго-запад (причина ранения?). У левого бедра лежал колчан с бронзовыми наконечниками стрел (10).

Описание находок.

1. Железный нож с роговой рукоятью. Лезвие треугольное в сечении, на спинке — односторонняя нервюра. Рукоять (от пластины сохранились только отпечатки на черенке) крепилась к черенку одной заклёпкой. Длина клинка 106 мм. Длина черенка ок. 34 мм, ширина — 14—21 мм, толщина — 2—3 мм. Ширина лезвия до 23 мм, толщина — до 4 мм. Толщина спинки вместе с нервюрой до 5,5 мм, ширина спинки до 5 мм. Длина сохранившейся части заклёпки 6 мм, диаметр — 3,5 мм (рис. 4: *3*).

2. Железный остролистый наконечник копья. Перо с продольной ромбической нервюрой; максимальное расширение пера ближе к втулке. Остриё пера утрачено. Втулка цилиндрическая. Длина сохранившейся части наконечника 430 мм; реконструируемая длина — до 455 мм. Длина втулки 180 мм. Длина нервюры до 110 мм. Ширина пера до 45 мм; толщина пера до 10 мм, по нервюре — до 17 мм. Размеры сечения выше нервюры 31 × 14 мм, в изломе — 14 × 10 мм. Диаметр втулки до 27 мм, в центральной части — до 22 мм, в основании — 25 мм. Внутренний диаметр втулки до 16 мм (рис. 5: *1*).

3. Железный остролистый наконечник копья с кольцевидным утолщением основания втулки. Перо с продольной ромбической нервюрой; максимальное расширение пера ближе к втулке. Остриё пера утрачено. Втулка цилиндрическая. Длина сохранившейся части наконечника 478 мм; реконструируемая длина — до 485 мм. Длина втулки 190 мм, нервюры — до 210 мм. Ширина пера до 57 мм. Толщина пера до 9 мм, по нервюре — до 15 мм. Размеры сечения выше нервюры 28 × 13 мм; в изломе — 6 × 5 мм. Диаметр втулки у пера до 30 мм, минимальный диаметр — 20 мм, диаметр у основания — 24 мм. Диаметр утолщения основания втулки 31 × 29 мм, высота утолщения до 9 мм. Внутренний диаметр втулки до 16 мм (рис. 5: *3*).

4. Железный цилиндрический вток копья, свёрнутый из плоской пластины. Длина втока 85,5 мм, диаметр — до 25 × 27 мм. Внутренний диаметр до 16 мм. Диаметр нижнего основания ок. 19 мм, внутренний — ок. 8 мм (рис. 5: *4*).

5. Железный цилиндрический вток дротика. Длина втока 44 мм, диаметр — до 13 мм. Внутренний диаметр 8 мм (рис. 5: *2*).

6. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (у правого плеча) с треугольной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечника 33,6 мм. Длина втулки 13,5 мм, диаметр — 4 мм. В верхней части втулки расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 4: *4*).

7. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (у левого крыла таза) с башнеобразной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится ниже окончаний лопастей. С трёх сторон — литые знаки в виде косой линии, разделённой посередине втулкой; с двух сторон линии наклонены от вертикали влево, на одной — вправо. Длина наконечника 28,5 мм. Длина втулки 18 мм, диаметр — 4,4 мм. Посередине втулки расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 4: *5*).

8. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (у правого бедра) с подтреугольной головкой (лопасти слабо изогнуты) и с выделенной втулкой, основание которой находится ниже окончаний лопастей. Край острия обломан. С двух других сторон на лопастях процарапано по косому кресту. Реконструируемая длина наконечника ок. 33 мм. Длина втулки 11 мм, диаметр — 4,8 мм. Во втулке расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 4: *6*).

9. Бронзовый трёхлопастный наконечник стрелы (у правого колена) с килевидной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечника 33 мм. Длина втулки 11 мм, диаметр — 5 мм (рис. 4: *7*).

10. В состав колчанного набора входили 53 бронзовых трёхлопастных наконечника стрел:

— 44 наконечника с треугольными и подтреугольными головками и с выделенными втулками, основание которых находится ниже окончаний лопастей. Длина наконечников от 30 мм до 44 мм. Длина втулок от 11 мм до 15 мм, диаметр — 4—5,5 мм (рис. 6, 7: *1—20*). Четыре наконечника фрагментированы, от них сохранились только нижние части головок со втулками (рис. 7: *3, 9, 10, 20*). В верхней части втулок 33 наконечников расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 6, 7: *1—9*);

— наконечник с треугольной головкой и с выделенной втулкой, основание которой находится выше окончаний лопастей. Длина наконечника 32 мм. Длина втулки 11 мм, диаметр — 4,5 мм. В верхней части втулки расположено отверстие, образовавшееся в результате дефекта литья (рис. 7: *21*);

— два наконечника со сводчатыми головками и с выделенными втулками, основания которых находятся ниже окончаний лопастей. Длина наконечников 25,5 мм и 22,7 мм. Длина втулок 16 мм и 14 мм, диаметр — 4,8 мм и 4,5 мм. На одном наконечнике находятся литые знаки с двух сторон — косые линии, разделённые втулкой; наклон в противоположные стороны (рис. 7: *22*). На другом наконечнике литой знак только на одной стороне — линия, разделённая втулкой, с наклоном влево (рис. 7: *23*);

— пять наконечников с башнеобразными головками и с выделенными втулками, основания которых находятся ниже окончаний лопастей. Длина наконечников от 29,5 мм до 32,2 мм. Длина втулок от от 15 мм до 16 мм, диаметр — 4,5 мм. На двух наконечниках находятся литые знаки с двух сторон — косые линии, разделённые втулкой; наклон в противоположные стороны (рис. 7: *24, 25*). На другом наконечнике литой знак только на одной стороне — линия, разделённая втулкой, с наклоном вправо (рис. 7: *26*). На четвёртом наконечнике литой знак также только на одной стороне — линия, разделённая втулкой, с наклоном влево (рис. 7: *27*). В верхней части втулок трёх наконечников расположены отверстия, образовавшиеся в результате дефекта литья (рис. 7: *25—27*).

Ритуальные ямы

Яма № 1 обнаружена в 5,5 м к северо-западу от R_0. Круглая в плане. Стенки почти отвесные. На дне ямы (—1,31 м от R_0) её диаметр составлял 1,5 м (рис. 8: *1, 2*). На дне ямы зафиксированы слой золы и обожжённый камень (1).

Описание находки.

1. Обожжённая песчаниковая галька тёмно—серого цвета размерами 37 × 24,5 × 15,5 мм (рис. 8: *3*).

Яма № 2 обнаружена в 4,5 м к северо-западу от R_0. Круглая в плане. На уровне фиксации (—0,8 м от R_0) диаметр ямы составлял 1,1 м. За счёт расширения стен на дне ямы (—1,33 м от R_0) её диаметр составил 1,5 м. В чернозёмном заполнении (около 0,2 м над дном) под южной стенкой был расчищен костяк собаки, разрушенный норами. Судя по оставшимся in situ костям, собака лежала на правом боку мордой на восток, спиной к южной стенке (рис. 8: *4, 5*).

*****

Материалы из кургана 13 группы «Водовод» у с. Глиное свидетельствуют, что он был сооружён для захоронений рядовых общинников. Погребальные сооружения представлены ямами, инвентарь из комплексов практически ничем не выделяется из массы исследованных ранее и в группе «Водовод», и в соседних курганных могильниках. Однако отдельные элементы обряда имеют большое значение для изучения скифской археологической культуры Северо-Западного Причерноморья.

В частности, обращает на себя внимание такой элемент обряда, как сооружение круглых ритуальных ям. Три погребения кургана Глиное/Водовод 13 сопровождались двумя круглыми ямами. Одна из них (№ 1) была практически пустой; в её заполнении был зафиксирован слой золы и найдена небольшая обожжённая галька. В другой яме (№ 2) обнаружен костяк собаки, лежавшей мордой на восток (Синика 2019: 52), то есть в сторону погребений, причём эта яма находилась практически на одной линии с одиночным детским погребением Глиное/Водовод 13/2.

Отметим, что подобный обряд (сооружение ритуальных ям в курганах с захоронениями детей, погребение собаки в яме) известен в очень небольшом количестве скифских курганов Северо-Западного Причерноморья.

Так, в кургане Глиное/Водовод 12 (вторая половина IV в. до н.э.), содержавшем три детских погребения (12/1, 12/2, 12/3) и одно захоронение взрослой женщины (12/4), были исследованы четыре пустые круглые культовые ямы (Синика и др. 2020а: 399—400).

Две пустые круглые ямы были исследованы в кургане Глиное/Водовод 14 (второй четверти IV в. до н.э.), содержавшем впускное захоронение ребёнка (14/1), и основное — женское (14/3) (Синика и др. 2020а: 400).

Основное и единственное погребение (маленького ребёнка!) в кургане Глиное/Водовод 18 (первой половины V в. до н.э.) сопровождалось тремя круглыми ямами. Одна из них (№ 2) была практически пустой; в её заполнении был найден небольшой фрагмент лепного сосуда. В другой яме (№ 1) обнаружены фрагменты гончарного сосуда — лутерия. В яме № 3 находились хиосская амфора и костяк собаки, лежавший на подмазке из зелёной глины. По всей видимости, все эти сооружения, расположенные на одной линии и симметрично детскому погребению, не использовались для проведения тризны. Возможно, они представляли собой сооружения для хранения посуды и запасов пищи, необходимой ребёнку в посмертном путешествии. В публикации кургана Глиное/Водовод 18 было отмечено, что захоронение собаки в яме № 3 (в анатомическом положении; на слое зелёной подмазки; возле амфоры, служившей вместилищем для пищи/питья), в сочетании с находкой культового сосуда (лутерия) в соседней яме, может являться археологическим отражением специального обряда (Синика и др. 2020а: 399) при совершении детских захоронений. Возможно, этот же обряд был зафиксирован в кургане Глиное/Водовод 13, если сооружение обеих культовых ям было действительно связано с детским погребением № 2.

Помимо погребений собак в отдельных ритуальных ямах, целый костяк животного обнаружен во входной яме катакомбы Глиное/Сад 8/1 (последняя четверть IV в. до н.э.), где был погребён подросток 12—15 лет. Под останками задней его части на утрамбованном заполнении зафиксировано пятно подмазки зелёной глиной (Синика и др. 2018е: 79, рис. 2: *1*), как и в ритуальной яме № 3 кургана Глиное/Водовод 18[1].

---

[1] Подмазка зелёной глиной, аналогичная отмеченной под костяками собак в яме № 3 кургана Глиное/Водовод 18 и в захоронении Глиное/Сад 8/1, до настоящего времени была зафиксирована в 47 случаях

В более позднее время, в III—II вв. до н.э., также известны ритуальные ямы в скифских насыпях с погребениями детей, например, в курганах 46 и 94 могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (Тельнов и др. 2016: 292—293, 554, рис. 159, 316)[2]. Однако в этих ритуальных ямах не было костяков собак. Более того, ни один из 69 костяков собак, обнаруженных в 62 катакомбах, не связан с детским захоронением, что «подчёркивает специфику детского погребального обряда» скифов III—II вв. до н.э. (Тельнов и др. 2016: 734).

При этом очевидно, что в предшествующее время собаки, по крайней мере, изредка сопровождали детские захоронения. Об этом свидетельствуют упомянутые комплексы кургана Глиное/Водовод 18 (V в. до н.э.) и погребение Глиное/Сад 8/1 (IV в. до н.э.), а также публикуемое захоронение Глиное/Водовод 13/2, дата которого, как будет показано ниже, определяется второй половиной IV в. до н.э.

Обратим внимание также на такой элемент обрядности, как деление ямы в погребении Глиное/Водовод 13/3 на две зоны. Одна их них (западная) предназначалась для размещения жертвенной пищи и ножа, а вторая (восточная), где было устроено «ложе» из смеси материковой глины и чернозёма, — для тела мужчины и инвентаря. Географически ближайшими комплексами, где было зафиксировано подобное деление ямы, являются семь погребений, исследованных в 2016—2018 гг. на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 2/12 — одна зона для жертвенной пищи и части инвентаря, а вторая — для тела погребённого и другого инвентаря (Синика, Тельнов 2017c: 134, 144, рис. 2: *1, 2*); Глиное/Водовод 3/2 — западная часть ямы для жертвенной пищи, а восточная — для тела погребённого и инвентаря (Синика, Тельнов 2016b: 261, 263—264, рис. 1); Глиное/Водовод 10/2 — первая зона для тела ребёнка, вторая — для сосудов (Синика и др., 2019a: рис. 2: *1, 2*); Глиное/Водовод 16/6 — одна из зон для жертвенной пищи, вторая — для тела погребённого и инвентаря; Глиное/Водовод 16/9 — жертвенная пища в западной части ямы, тело погребённого и инвентарь — в восточной; Глиное/Водовод 16/10 — жертвенная пища в западной части ямы, тело погребённого и инвентарь — в восточной (Синика и др. 2021: рис. 2: *1, 2*); Глиное/Сад 6/1 — одна из зон для женщины с ребёнком на руках, вторая (на «ложе») — для другого ребёнка (Sinika et al. 2017: 160, 164—165, fig. 3: *2, 4*). Эти семь ям, изученные в непосредственной близости от захоронения Глиное/Водовод 13/3, примечательны тем, что в них (как и в публикуемом комплексе) разделение пространства погребального сооружения было достигнуто за счёт устройства «лож» из слоя мешаной глины и чернозёма, на которых находились тела погребённых. Появление этого элемента обряда связано с греческим влиянием на погребальную обрядность скифов (Тельнов и др. 2016: 969; Синика, Тельнов 2017c: 144—145).

«Подушка» из мешаной глины и чернозёма, отмеченная в захоронении Глиное/Водовод 13/3, представляет собой крайне редкий элемент погребальной обрядности скифов Северного Причерноморья. Ранее подобные «подушки» были зафиксированы только в захоронении второй половины IV в. до н.э. Мамай—Гора 175/1 в Нижнем Поднепровье (Андрух, Тощев 2009: 104), а также в трёх погребениях на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Водовод 3/2 — рубежа IV—III вв. до н.э. (Синика, Тельнов 2016b: 261, 264, рис. 1); Глиное/Водовод

на могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное, и нигде более в Северном Причерноморье (Тельнов и др. 2016: 737—739).

[2] Подчеркнём, что указанные комплексы не позволяют констатировать сооружение ритуальных ям в насыпях скифских курганов только в связи с детскими захоронениями. Зафиксировано и иное их использование (например, для установки котлов, для проведения тризны), в том числе и в тех курганах, где были только погребения взрослых (Синика 2007a: 22; Синика 2007b: 125—126).

16/10 — третьей четверти IV в. до н.э.; Глиное 19/1 — последней четверти III в. до н.э. (Тельнов и др. 2016: 159, 769, рис. 71: 3, табл. 20). Отметим, что последние три комплекса исследованы в непосредственной близости от кургана Глиное/Водовод 13: два из них были изучены в составе этого же курганного могильника (в насыпях Глиное/Водовод 3 и Глиное/Водовод 16), а третий — в составе могильника, располагавшегося в 2 км к юго-западу от группы «Водовод».

Другим элементом обрядности, который не часто достоверно фиксируется в скифских захоронениях Северного Причерноморья, является необычное размещение наконечников стрел. Так, в погребении Глиное/Водовод 13/1 был найден один наконечник на правом локте мужчины, остриём на юго-запад. В этой связи уместно предполагать, что поверх тела погребённого была положена стрела. Аналогично можно интерпретировать и находки трёх наконечников стрел в погребении Глиное/Водовод 13/3: наконечник у правого плеча, остриём на западо-северо-запад, как стрелу, положенную возле правого плеча мужчины и на него; наконечники слева у таза (остриём на юго-запад) и у правого бедра (остриём на западо-юго-запад) как стрелы, положенные поверх тела под разными углами.

Подобные случаи неоднократно отмечались при исследовании скифских захоронений. В частности, в могиле Глиное/Водовод 10/3 (женщина 15—20 лет) один наконечник лежал справа, остриём на юго-запад (стрела, лежавшая поперёк тела); ещё два наконечника находились слева у таза, остриями на восток-северо-восток, под острым углом (стрелы, лежавшие под острым углом поверх костяка) (Синика и др. 2019а: 827, рис. 4: *1*). В могиле Глиное/Водовод 16/11 при погребённом возрастом 20—30 лет (пол не определён) пять наконечников лежали в следующих позициях: два, остриями обращённые друг к другу — с внешней стороны левой бедренной кости; ещё один — с внутренней стороны левой бедренной кости, остриём к ней; один — поверх левого локтя; один — у правого крыла таза, остриём в сторону ног (Синика и др. 2020b: 176, 182—183, рис. 10: *1*). В катакомбе Нагорное 6/1 в Нижнем Поднепровье две стрелы были положены вдоль правого и левого бедра «взрослой женщины» наконечниками в сторону головы (Мозолевский 1973: 196—197, рис. 10).

Известны, кроме того, случаи помещения стрел поверх тел детей. В катакомбе Глиное/Водовод 7/5 на тело ребёнка 11—12 лет были положены две стрелы — одна поперёк таза, вторая — поперёк коленей (Синика и др. 2019с: 379, 382, рис. 8: *2*). На могильнике III—II вв. до н.э. у с. Глиное Слободзейского района в погребении 12/2 (ребёнка 4 лет) одна стрела была положена остриём влево поперёк грудной клетки таким образом, что её наконечник был зафиксирован у левого плеча; вторая — лежала остриём вправо, поперёк бёдер (Тельнов и др. 2016: 121). Так же, поперёк бёдер, остриём вправо, лежала стрела (от которой сохранились наконечник и часть древка), найденная на костяке девочки 6—9 лет в северной погребальной камере катакомбы 116/1 (Синика, Тельнов 2018b: 229, рис. 5: *5*).

Все перечисленные случаи, в которых наконечники были зафиксированы in situ, указывают на существование у скифов специальной нормы обряда, которая регламентировала помещение стрел в «нестандартных» позициях (Синика и др. 2020b: 182—183; Синика и др. 2020е: 86).

Ещё один наконечник стрелы, найденный под правой большеберцовой костью мужчины в захоронении Глиное/Водовод 13/3, по всей видимости, являлся причиной ранения.

Находки в могиле Глиное/Водовод 13/3 двух наконечников копий, одного втока копья и одного втока дротика позволяют утверждать, что сооружение кургана было связано с захоронением «нерядового» воина, при этом, как отмечалось выше, рядового общинника. До настоящего времени в Северо-Западном Причерноморье находки трёх и более

копий/дротиков известны только в 11 комплексах. На левобережье Нижнего Прута это погребение Крихана—Веке 4/2 второй половины IV в. до н.э. (Agulnikov 1997: 257, fig. 8: *3, 5, 8, 9*). На левобережье Нижнего Дуная это захоронения Плавни 27/1 (Андрух, Добролюбский, Тощев 1985: 67, рис. 26: *5—7*) начала IV в. до н.э. и Измаил—1998 второй четверти IV в. до н.э. (Паламарчук, Синика 2014: 294—295, рис. 1: *1*, 2: *1—5*); в Дунай—Днестровском междуречье — могила Кочковатое 38/1 (Ванчугов и др. 1992: 39—40, рис. 12: *7—10*); на правобережье Нижнего Днестра — Талмазы 2/1 (Агульников, Антипенко 1990: 34, рис. 18: *7—10*) середины V в. до н.э., Суворово 7/4 начала IV в. до н.э. (Синика 2007c: 176 рис. 4: *5—7*), Пуркары 1/5 (Яровой 1990: 48, рис. 20: *1, 5*) второй четверти IV в. до н.э. На левобережье Нижнего Днестра известны три подобных захоронения, причём два из них изучены в курганной группе «Водовод», где находился и публикуемый комплекс: Глиное/Водовод 1/2 третьей четверти IV в. до н.э. (Синика, Тельнов 2016a: 46—47, рис. 3: *3—6*), Глиное/Водовод 2/12 последней четверти IV в. до н.э. (Синика, Тельнов 2017c: 134, 137, 141—143, рис. 2: *1*, 3: *1—7*), Буторы—I 12/2 середины — третьей четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2013: 73, рис. 48: *5, 10—12*). В Днестро-Бугском междуречье исследовано одно подобное захоронение — Неделково 5/2 (Редина 1999: 77, рис. 2: *9, 10*) третьей четверти IV в. до н.э.

Количество стрел (53) в колчанном наборе также указывает на то, что захоронение Глиное/Водовод 13/3 принадлежало «нерядовому» воину. Отметим, что за всё время изучения скифских памятников Северо-Западного Причерноморья, помимо данного погребения, был исследован ещё 21 комплекс, где в одном колчане достоверно зафиксированы 50 или более наконечников стрел: Николаевка 13 (50 шт.), Хаджимус 3/2 (50 шт.), Новокаменка 4/1 (52 шт.), Маяки 2/1 (62 шт.), Мерены 1/3 (62 шт.), Суворово 1/2 (62 шт.), Никольское 2/3 (65 шт.), Борисовка 10/2 (67 шт.), Глиное/Водовод (71 шт.), Кочковатое 48/3 (72 шт.), Суворово 7/4 (73 шт.), Глиное 71/1 (74 шт.), Парканы 2/3 (77 шт.), Помазаны 2/3 (80 шт.), Глиное/Сад 12/3 (94 шт.), Пуркары 1/5 (100 шт.), Мреснота Могила 13/1 (104 шт.), Николаевка 7 (110 шт.), Никольское 14/1 (114 шт.), Никольское 4/5 (123 шт.), Балабаны 6/2 (150 шт.). Поскольку в настоящее время в регионе изучены минимум 1042 скифских захоронения, количество могил «нерядовых» воинов, очевидно, не превышало 2,5 % от общего числа, даже если учесть ещё три потревоженных грабителями погребения, где общее количество наконечников стрел превышало 50: Николаевка 13 (более 50 шт.), Глиное 14/1 (81 шт.), Арциз (179 шт.).

Ножи из захоронений Глиное/Водовод 13/1 и 13/3, на спинке которых присутствует утолщение или нервюра, встречаются крайне редко. Подобных ножей в настоящее время известно 12, и все они происходят из курганных групп «Сад» и «Водовод», исследованных на левобережье Нижнего Днестра: Глиное/Сад 8/1 последней четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2018e: 82, 90, рис. 3: *2*), 11/4 второй половины — третьей четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2020e: 69, 71, рис. 4: *5*); Глиное/Водовод 7/2, 7/4 конца IV — начала III в. до н.э. (Синика и др. 2019c: 371, 376, 387, рис. 4: *4*, 6: *13*), 9/2 второй половины V в. до н.э. (Синика и др. 2019b: 10—11, рис. 3: *8*), 11/1, 11/2 (Синика, Тельнов 2020: 13—14, рис. 2: *1*), 13/1, 13/3, 14/3 второй четверти IV в. до н.э. (Синика, Тельнов 2020: 11—13, рис. 1), 16/1 третьей четверти IV в. до н.э. (Синика и др. 2020b: 174—175, 184, рис. 5: *16*), и 16/9.

Украшения в публикуемом кургане представлены только предметами из детского захоронения Глиное/Водовод 13/2 (бусинами, пронизями, бисером).

Присутствие бисера в составе ожерелья вызывает особый интерес. Подобные изделия весьма немногочисленны в скифских комплексах Северо-Западного Причерноморья V—IV в. до н.э. Они известны только в 16 погребениях: Нагорное 11/3 (Андрух, Суничук 1987: 43,

рис. 4: *11*), Кугурлуй 5/1 (Гудкова, Суничук 1985: 31, табл. 68: *9, 10*), Мреснота Могила 8/1 и 15/1 (Гудкова и др. 1985: 83, 91, рис. 50: *11*, 55: *6*) на левобережье Нижнего Дуная, Хаджидер—I 3/1 (Субботин и др. 1992: 23, рис. 20: *17*) в Дунай-Днестровском междуречье, Никольское 4/6 (Агульников, Сава 2004: 44), Глиное/Сад 6/1 (Sinika et al. 2017: 161, 165—166, fig: 3: *5b—o*), 11/2 и 11/4 (Синика и др. 2020е: 67, 69—70, рис. 2: *8д—з*, 4: *3, 14б*); Глиное/Водовод 7/3, 7/4 (Синика и др. 2019c: 374, 377, 385—386, рис. 5: *23*, 7: *3в*), 9/2 (Синика и др. 2019b: 9, рис. 3: *7, 14*), 10/3 (Синика и др. 2019a: 828—829, рис. 6: *1ж*), 13/2, 16/5 на левобережье Нижнего Днестра, и Неделково 5/1 (Редина 1999: 77) в Днестро-Бугском междуречье.

Ещё более редки находки цилиндрических пронизей с фестонным орнаментом в скифских погребениях региона. Помимо публикуемого захоронения Глиное/Водовод 13/2, нам известно всего семь таких комплексов. На левобережье Нижнего Дуная это могила первой — начала второй четверти IV в. до н.э. (Полин 2014: 298) Нагорное 11/3 (Андрух, Суничук 1987: 43, рис. 4: *11*), катакомба второй половины IV в. до н.э. Чауш 10/1 (пронизь из синего стекла с белым фестонным орнаментом: Гудкова и др. 1982: 71, табл. LIX: *5*), захоронение второй половины IV в. до н.э. Мреснота Могила 8/1 (три пронизи (из чёрного, коричневого и жёлтого стекла) с белым фестонным орнаментом: Гудкова и др. 1985: 83, рис. 50: *5—7*), катакомба первой четверти III в. до н.э. Градешка 20/1 (пронизь из тёмно-синего стекла с белым фестонным орнаментом: Гудкова, Суничук 1985: 94, табл. 163: *7*), катакомба III в. до н.э. Дервент 11/1 (пронизь из синего стекла с жёлтым фестонным орнаментом: Гудкова, Суничук 1985: 14, табл. 35: *7*). В Дунай-Днестровском междуречье исследовано одно захоронение (Дивизия 20/4: конец второй четверти IV в. до н.э.), где находились две цилиндрические пронизи с фестонным орнаментом (Субботин и др. 1992: 19, рис. 16: *7, 8*). В Днестро-Бугском междуречье также изучен один комплекс (Неделково 5/1: третья четверть IV в. до н.э.), где были найдены две аналогичные пронизи из синего стекла (Редина 1999: 77, рис. 2: *4*).

При датировании кургана 13 группы «Водовод», ввиду отсутствия греческих керамических импортов, приходится опираться на наконечники стрел. Большинство из них (12 шт. в погребении Глиное/Водовод 13/1; 46 шт. в захоронении Глиное/Водовод 13/3; или 58 наконечников из 69) опорновтульчатые с треугольной головкой. Такие наконечники в скифских могилах Северо-Западного Причерноморья появляются ещё во второй половине V в. до н.э., однако чаще всего встречаются в комплексах IV — начала III в. до н.э. (Синика 2007b: 169—172). Кроме того, ножи с нервюрой, аналогичные изделиям из погребений Глиное/Водовод 13/1 и 13/3, происходят, за единственным исключением (Глиное/Водовод 9/2), из комплексов второй половины IV — начала III в. до н.э. Также важно, что бисер, хотя и известен в комплексах второй половины V — первой половины IV в. до н.э. (Глиное/Водовод 9/2; Нагорное 11/3; Никольское 4/6), получает заметное распространение только во второй половине IV в. до н.э. (Кугурлуй 5/1; Мреснота Могила 8/1, 15/1; Хаджидер-I 3/1; Глиное/Сад 6/1, 11/2, 11/4; Глиное/Водовод 7/3, 7/4, 10/3, 16/5; Неделково 5/1), а с начала III в. до н.э. в скифских захоронениях отмечено доминирование бисера в ожерельях и его присутствие в составе других украшений (Тельнов и др. 2016: 850, 853, 858, 868, 874,876—877, 884). Всё перечисленное позволяет датировать курган Глиное/Водовод 13 второй половиной IV в. до н.э.

В завершении необходимо констатировать, что курган 13 группы «Водовод» был сооружён для захоронения «нерядового» воина. Об этом свидетельствует не только состав предметов вооружения (два копья, один дротик, колчанный набор из 53 стрел), но и размещение тела умершего на специальном «ложе», а его головы — на «подушке». Поверх

тела были положены три стрелы, а наконечник, найденный под правой большеберцовой костью, мог быть причиной ранения.

В курган были впущены две могилы. С одиночным захоронением ребёнка, по всей видимости, было связано устройство у северо-западной полы насыпи двух культовых ям, в одной из которых было совершено захоронение собаки. Во впускном парном погребении (мужчина + ребёнок) поверх тела взрослого была положена стрела, а у его левого бедра находился стандартный колчанный набор из 12 стрел.

Совокупность данных, полученных при исследовании публикуемого кургана, не просто дополняет картину скифского присутствия в Северо-Западном Причерноморье, но и позволяет обратить внимание на целый ряд элементов погребального обряда, которые ранее фиксировались крайне редко, либо вовсе не встречались в регионе.

Литература

Агульников, Антипенко 1990: Архив Национального музея истории Молдовы. № 297. Агульников С.М., Антипенко Е.О. 1990. Отчет о раскопках Суворовской новостроечной экспедиции (курганы у с. Талмаз, Чобручи, Фештелица) в 1989 г. Кишинёв.

Гудкова и др. 1982: Архив ИА НАН Украины. № 1981/1. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.М., Фокеев М.М. 1982. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1981 г. Киев.

Гудкова и др. 1985: Архив ИА НАН Украины. № 1984/158. Гудкова А.В., Тощев Г.М., Фокеев М.М., Андрух С.И. 1985. Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. Киев.

Гудкова, Суничук 1985: Архив ИА НАН Украины. № 1984/3а. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф. 1985. Полевой отчёт Орловского курганного отряда Буджакской археологической экспедиции в 1984 г. Киев.

Агульников С., Сава Е. 2004. *Исследования курганов на левобережье Днестра.* Кишинёв: CEP USM.

Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. 1985. *Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная*. Одесса: ОГУ.

Андрух С.И., Суничук Е.Ф. 1987. Захоронения зажиточных скифов в Низовьях Дуная. В: Самойлова Т.Л. (ред.). *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 38—46.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. 2009. *Могильник Мамай-Гора.* Кн. IV. Запорожье: ЗНУ.

Мозолевский Б.Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Черненко Е.В. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, 187—234.

Паламарчук С.В., Синика В.С. 2014. Скифские захоронения из курганов в г. Измаил и у с. Камышовка. *Stratum plus* 3, 291—302.

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Синика В.С. 2007a. *Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Синика В.С. 2007b. *Погребальные памятники скифской культуры VII — начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва.

Синика В.С. 2007c. Скифский курганный могильник у пгт. Суворово на правобережье Нижнего Днестра. *РА* 4, 170—179.

Синика В.С. 2019. Новые данные об обряде захоронения собак в скифских курганах Северо-Западного Причерноморья. В: Simalcsik A., Ciobanu I. (coord.). *Биоархеологические и этнокультурные исследования в юго-восточной Европе. Научая международная конференция Крихана Веке, 15-18 августа 2019 г.* Кагул: Bons Offices, 51—53.

Синика и др. 2018a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П. 2018. Скифский курган 9 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра с литиком «монетного» типа. В: Коваленко А.Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* 2. *Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова*. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 166—176.

Синика и др. 2018b: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифские погребения кургана 4 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижневартовского государственного университета* 1, 111—119.

Синика и др. 2018c: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 7 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология* 1, 125—138.

Синика и др. 2018d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 8 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Известия Самарского научного центра Российской Академии наук* 20(3), 234—244.

Синика и др. 2018e: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган 8 группы «Сад» на левобережье Нижнего Днестра. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2, 78—93.

Синика и др. 2018f: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д. 2018. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра. *Записки Института истории материальной культуры РАН* 18, 69—79.

Синика и др. 2019a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган 10 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Oriental studies* 5, 822—844.

Синика и др. 2019b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Тельнов Н.П., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган второй половины V в. до н.э. в Нижнем Поднестровье. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения* 1, 6—19.

Синика и др. 2019c: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2019. Скифский курган 7 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Stratum plus* 3, 365—390.

Синика и др. 2019d: Синика В.С., Тельнов Н.П., Лысенко С.Д., Разумов С.Н. 2019. Скифское захоронение в нестандартной позе на левобережье Нижнего Днестра. In: Zanoci A., Băţ M. (eds.). *Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebrantis*. Chişinău: Cartididact, 281—295.

Синика и др. 2020a: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифские курганы 18 и 19 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. *Емінак* 29(1), 392—406.

Синика и др. 2020b: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре. *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 2, 165—202.

Синика и др. 2020c: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Скифское погребение в необычной катакомбе на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 331—351.

Синика и др. 2020d: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2020. Курган 2 группы «Рыбхоз» в Нижнем Поднестровье и скифские кремации Северо-Западного Причерноморья. *Revista arheologică*. S.n. Vol. XVI. Nr. 1, 99—107.

Синика и др. 2020e: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., Лукасик С. 2020. Курган 11 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье и современное «мифотворчество» о скифских «амазонках». *Нижневолжский археологический вестник*. Т. 19. № 1, 64—101.

Синика и др. 2021: Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2021. Скифское захоронение с моделью меча на Нижнем Днестре. *Поволжская археология* 1 (в печати).

Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П. 2013. *Курганы у села Буторы*. Тирасполь: Полиграфист (Археологические памятники Приднестровья I).

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016a. Скифский курган № 1 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Емінак* 16(4), 45—53.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016b. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV—III вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра. *Новое прошлое* 4, 258—272.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2016c. Скифское погребение с литиком—скарабеоидом с левобережья Нижнего Днестра. *Стародавнє Причорномор'я* XI, 488—499.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017a. Скифские курганы 2 и 3 группы «Сад» в Нижнем Поднестровье. *Новое прошлое* 4, 286—306.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017b. Скифское погребение с уникальным амулетом с левобережья Нижнего Днестра. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология* 42(8), 5—12.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2017c. Скифское погребение с фракийской фибулой на Нижнем Днестре. *Stratum plus* 3, 131—152.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018a. Курган 5 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра и скифские кенотафы Северо-Западного Причерноморья. *Самарский научный вестник* 7(1), 133—144.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2018b. Скифский курган 116 первой половины III в. до н.э. у с. Глиное. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинёв; Тирасполь: Stratum plus, 223—266.

Синика В.С., Тельнов Н.П. 2020. Чернолаковые сосуды из скифских погребений IV в. до н.э. в Нижнем Поднестровье (по материалам раскопок 2015, 2016 и 2018 гг.). *Русин* 59, 9—20.

Синика В.С., Тельнов Н.П., Закордонец О.А., 2017. Скифский курган № 4 группы «Водовод» на левобережье Нижнего Днестра. *Самарский научный вестник* 6(2), 108—113.

Субботин и др.: Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. 1992. *Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья*. Киев: Препринт.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. 2016 *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глинное*. Тирасполь: Stratum plus (Археологические памятники Приднестровья III).

Яровой Е.В. 1990. *Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднестровья.* Кишинёв: Штиинца.

Łukasik S. 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9—16. Poznań, 28 January 2019*. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. Tiraspol.

Agulnikov S. 1997. Scythian vestiges at the Lower Prut. In: Simion G. (coord.). *Prima epoca a fierului la gurile Dunarii si in zonele circumpontice.* Lucrările colocviului internaţional, Septembrie 1993. Tulcea: Institutul de cercetări eco-muzeale Tulcea, 253—273.

Sinika V.S., Lysenko S.D., Telnov N.P. 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств* 4(2), 156—173.

References

Agul'nikov, Antipenko 1990: Arkhiv Natsional'nogo muzeya istorii Moldovy. No. 297. Agul'nikov S.M., Antipenko Ye.O. 1990. Otchet o raskopkakh Suvorovskoy novostroyechnoy ekspeditsii (kurgany u s. Talmaz, Chobruchi, Feshtelitsa) v 1989 g. Kishinov.

Gudkova et al. 1981: Arkhiv IA NAN Ukrainy. No. 1981/1. Gudkova A.V., Dobrolyubskiy A.O., Toshchev G.M., Fokeyev M.M. 1982. Otchot o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1981 g. Kyiv.

Gudkova et al. 1985: Arkhiv IA NAN Ukrainy. No. 1984/158. Gudkova A.V., Toshchev G.M., Fokeyev M.M., Andrukh S.I. 1985. Otchot o rabote Izmail'skoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1984 g. Kyiv.

Gudkova, Sunichuk 1985: Arkhiv IA NAN Ukrainy. No. 1984/3a. Gudkova A.V., Sunichuk Ye.F. 1985. Polevoy otchot Orlovskogo kurgannogo otryada Budzhakskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1984 g. Kyiv.

Agulnikov, S., Sava, Ye. 2004. *Issledovaniya kurganov na levoberezh'ye Dnestra (Research of burial mounds on the left bank of the Dniester)*. Kishinev: CEP USM (in Russian).

Andrukh, S.I., Dobrolyubskiy, A.O., Toshchev, G.N. 1985. *Kurgany u s. Plavni v nizov'yakh Dunaya (Burial-mounds near the village Plavni in the lower Danube)*. Odessa: OGU (in Russian).

Andrukh, S.I., Sunichuk, Ye.F. 1987. In: Samoylova, T.L. (ed.). *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (New research in the archaeology of the Northern Black Sea Region)*. Kyiv: Naukova dumka, 38—46 (in Russian).

Andrukh, S.I., Toshchev, G.N. 2009. *Mogil'nik Mamay-Gora (Burial-ground Mamay-Gora)*. Bk. IV. Zaporozhye: ZNU (in Russian).

Mozolevskiy, B.N. 1973. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Skifskiye drevnosti (Scythian antiquities)*. Kyiv: Naukova dumka, 187—234 (in Russian).

Palamarchuk, S.V., Sinika, V.S. 2014. In *Stratum plus* 3, 291—302 (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurganny mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotobalkovsky Burial-mound of the 5th — 4th centuries BCE in the Kherson Region)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Sinika, V.S. 2007a. *Burial monuments of the Scythian culture of the 7th — Early 3rd centuries BCE on the territory of the Dniester-Prut-Danube Steppes*. PhD Thesis Abstract. Moscow.

Sinika, V.S. 2007b. *Burial monuments of the Scythian culture of the 7th — Early 3rd centuries BCE on the territory of the Dniester-Prut-Danube Steppes*. PhD Thesis. Moscow.

Sinika, V.S. 2007c. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 170—179 (in Russian).

Sinika, V.S. 2019. In: Simalcsik, A., Ciobanu, I. (coord.). *Bioarkheologicheskiye i etnokul'turnye issledovaniya v yugo-vostochnoy Yevrope. Nauchaya mezhdunarodnaya konferentsiya Krikhana Veke, 15-18 avgusta 2019 g. (Bioarchaeological and Ethnocultural Studies in Southeastern Europe. International Scientific Conference of Krihana Veche, August 15-18, 2019)*. Kagul: Bons Offices, 51—53 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2018a. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'ye v antichnoye i rannesrednevekovoye vremya 2. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 70—letiyu professora V.P. Kopylova (Black Sea Region in Ancient and Early Medieval Times 2. Collection of Scientific Works dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.P. Kopylov)*. Rostov-on-Don: Yuzhnyi Federal'nyi universitet, 166—176 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018b. In Vestnik *Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* 1, 111—119 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018c. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya (Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology)* 1, 125—138 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018d. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk (Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 20(3), 234—244 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018e. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 2, 78—93 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D. 2018f. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk (Transactions of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Science)* 18, 69—79 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Razumov, S.N. 2019a. In *Oriental studies* 5, 822—844 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P., Razumov, S.N. 2019b. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)* 1, 6—19 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2019c. In *Stratum plus* 3, 365—390 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Lysenko, S.D., Razumov, S.N. 2019d. In: Zanoci, A., Băţ, M. (eds.). *Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului carpato-danubiano-pontic. In honorem professoris Ion Niculiţă natalia sua octogesima celebrantis.* Chişinău: Cartididact, 281—295.

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020a. In *Eminak* 29(1), 392—406 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov N.P. 2020b. In *Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies* 2, 165—202 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020c. In *Stratum plus* 3, 331—351 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2020d. In *Revista arheologică*. S.n. Vol. XVI. Nr. 1, 99—107 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P., Lukasik, S. 2020e. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)*. Vol. 19. No. 1, 64—101 (in Russian).

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 1 (in print) (in Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N., Telnov, N.P. 2013. *Kurgany u sela Butory (Barrows near the Butory Village)*. Tiraspol: Poligrafist (Archaeological Sites of the Dniester Basin I) (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016a. In *Eminak* 16(4), 45—53 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016b. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 258—272 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2016c. In *Starodavne Prichornomor'ya (Ancient Black Sea Region)* XI, 488—499 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017a. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 286—306 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017b. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija (Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political Science)* 42(8), 5—12 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2017c. In *Stratum plus* 3, 131—152 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018a. In *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 7(1), 133—144 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2018b. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P.* Tel'nova *(Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus, 223—266 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P. 2020. In *Rusin* 59, 9—20 (in Russian).

Sinika, V.S., Telnov, N.P., Zakordonets, O.A., 2017. In *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Science)* 6(2), 108—113 (in Russian).

Subbotin, L.V., Ostroverkhov, A.S., Okhotnikov, S.B., Redina, Ye.F. 1992. *Skifskiye drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya (Scythian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve)*. Kyiv: Preprint (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016 *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinnoye (Scythian Cemetery of 3rd — 2nd centuries BCE near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum plus (Archaeological Sites of the Dniester Basin III) (in Russian).

Yarovoy, Ye.V. 1990. *Kurgany eneolita — epokhi bronzy Nizhnego Podnestrov'ya (Mounds of Eneolithic — Bronze Age of the Lower Dniester region)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).

Łukasik, S. 2019. *Anthropological analysis of human skeletal remains from Glinoe Vodovod site, Moldova: barrows 9—16. Poznań, 28 January 2019*. Report submitted to the Taras Shevchenko University in Tiraspol. Tiraspol (in Russian).

Agulnikov, S. 1997. Scythian vestiges at the Lower Prut. In: Simion, G. (coord.). *Prima epoca a fierului la gurile Dunarii si in zonele circumpontice. Lucrările colocviului internaţional, Septembrie 1993*. Tulcea: Institutul de cercetări eco-muzeale Tulcea, 253—273.

Sinika, V.S., Lysenko, S.D., Telnov, N.P. 2017. Scythian complexes of the barrows 5 and 6 from the «Garden» group on the Left Bank of the Lower Dniester. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv* (*Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces*) 4(2), 156—173.

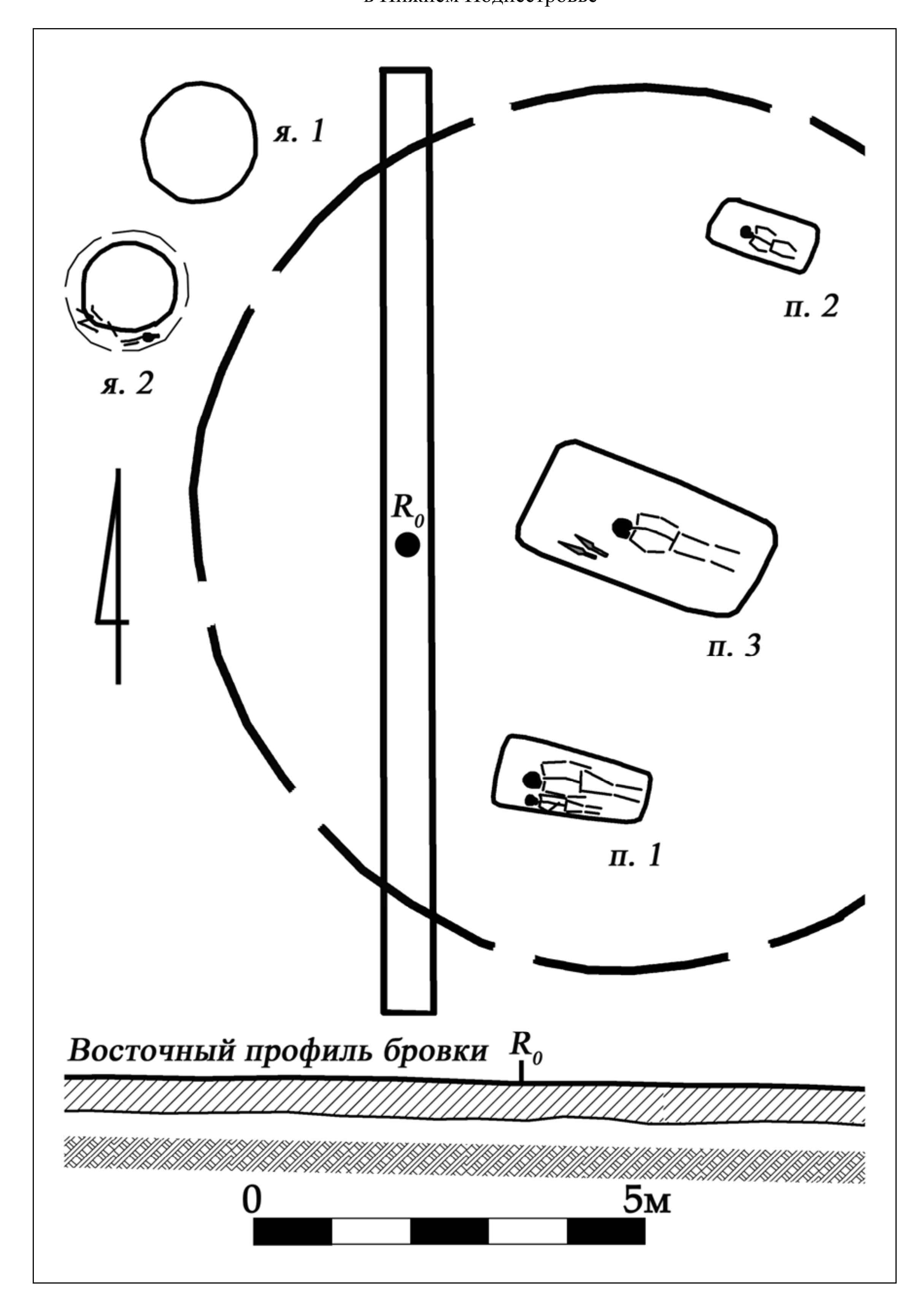

Рис. 1. План и профиль бровки кургана 13 группы «Водовод» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра.

Fig. 1. The plan and profile of baulk of the barrow 13 of the "Sluiceway" ("Vodovod") group near Glinoe village, Slobodzeya region, on the left bank of the Lower Dniester.

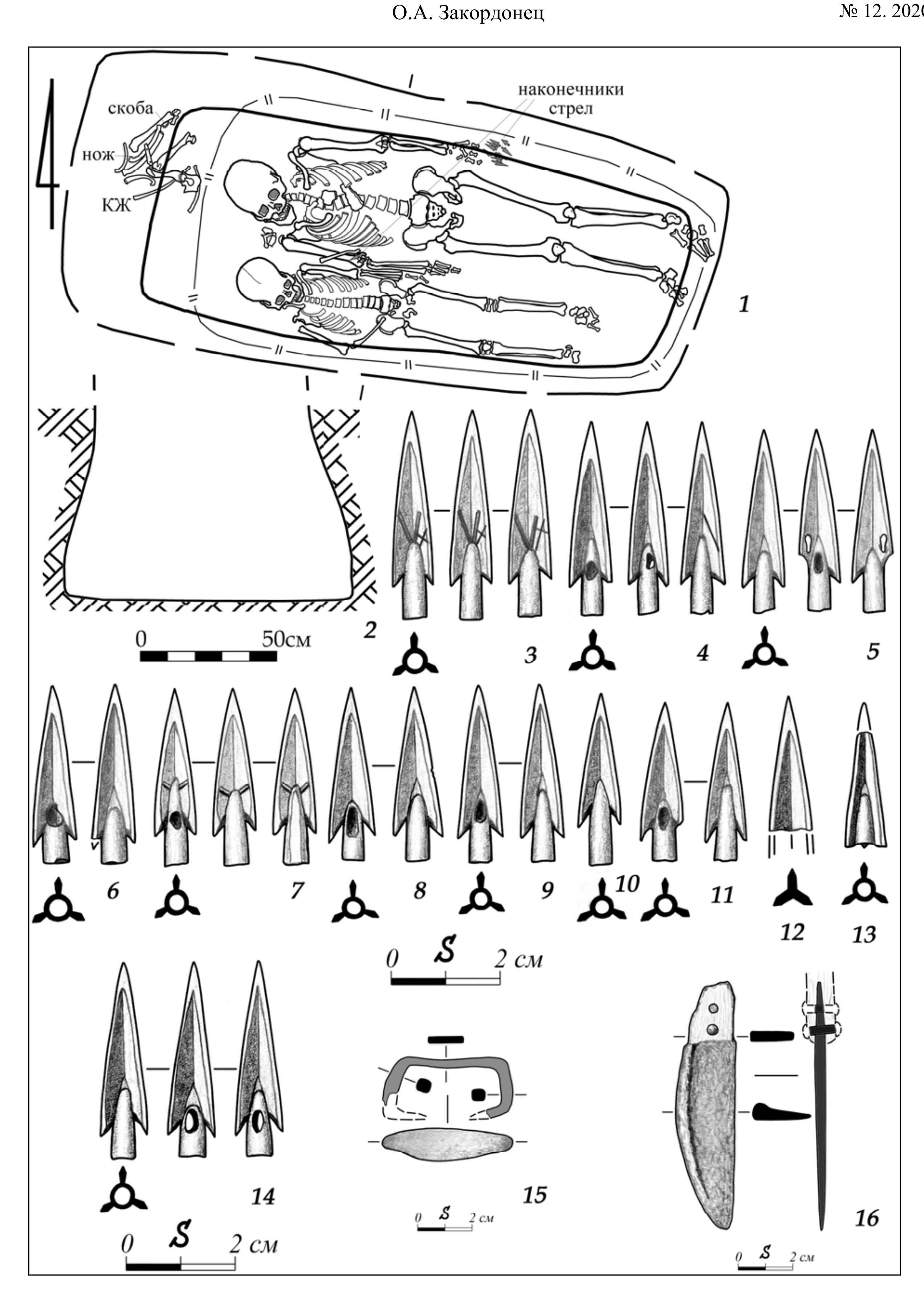

Рис. 2. Погребение 1 кургана 13 группы «Водовод» (*1, 2*) **и его инвентарь** (*3—16*).

Fig. 2. Grave 1 of barrow 13 of the “Sluiceway” group (*1, 2*) **and its inventory** (*3—16*).

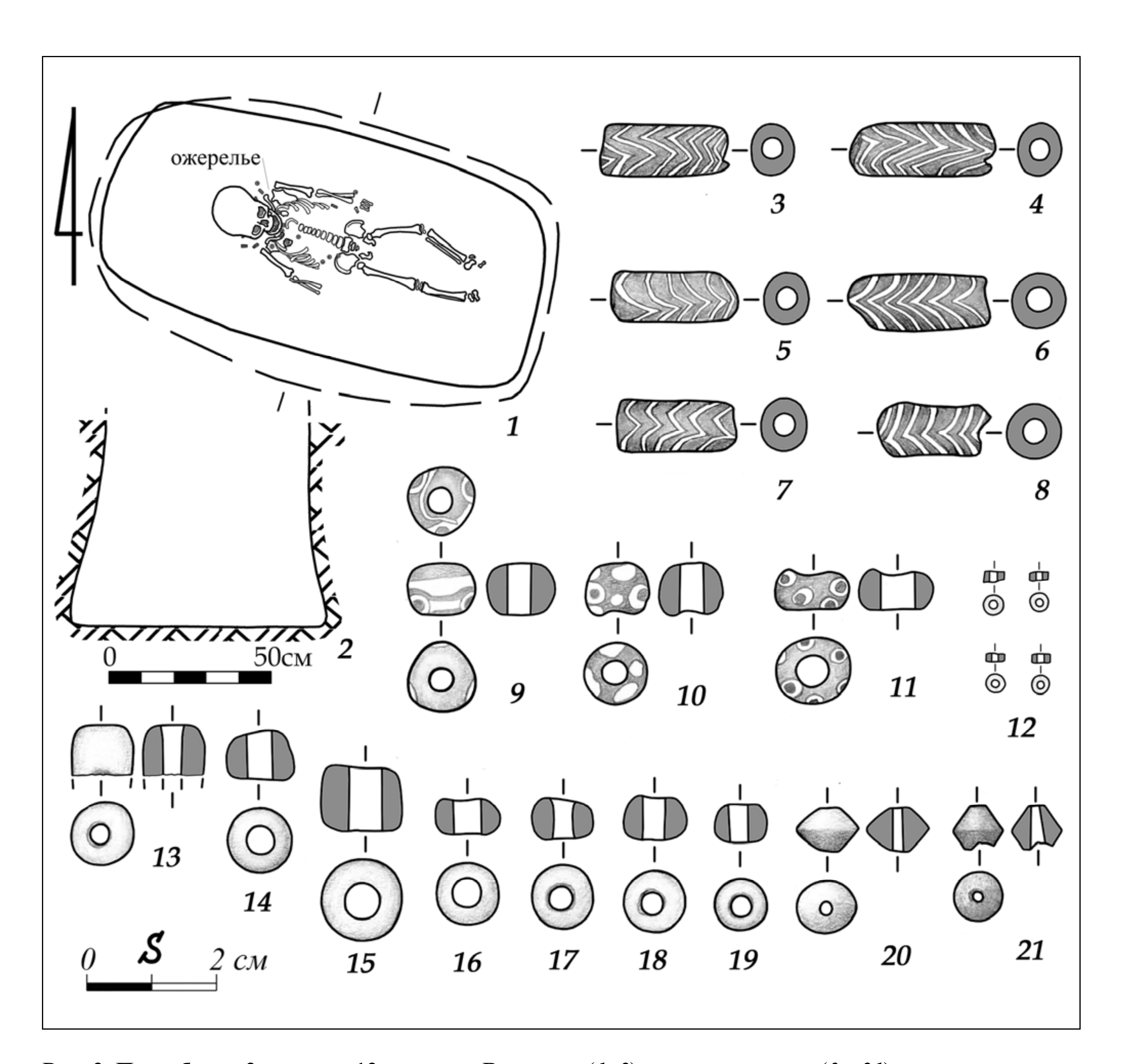

Рис. 3. Погребение 2 кургана 13 группы «Водовод» (*1, 2*) **и его инвентарь** (*3—21*).

Fig. 3. Grave 2 of barrow 13 of the "Sluiceway" group (*1, 2*) **and its inventory** (*3—21*).

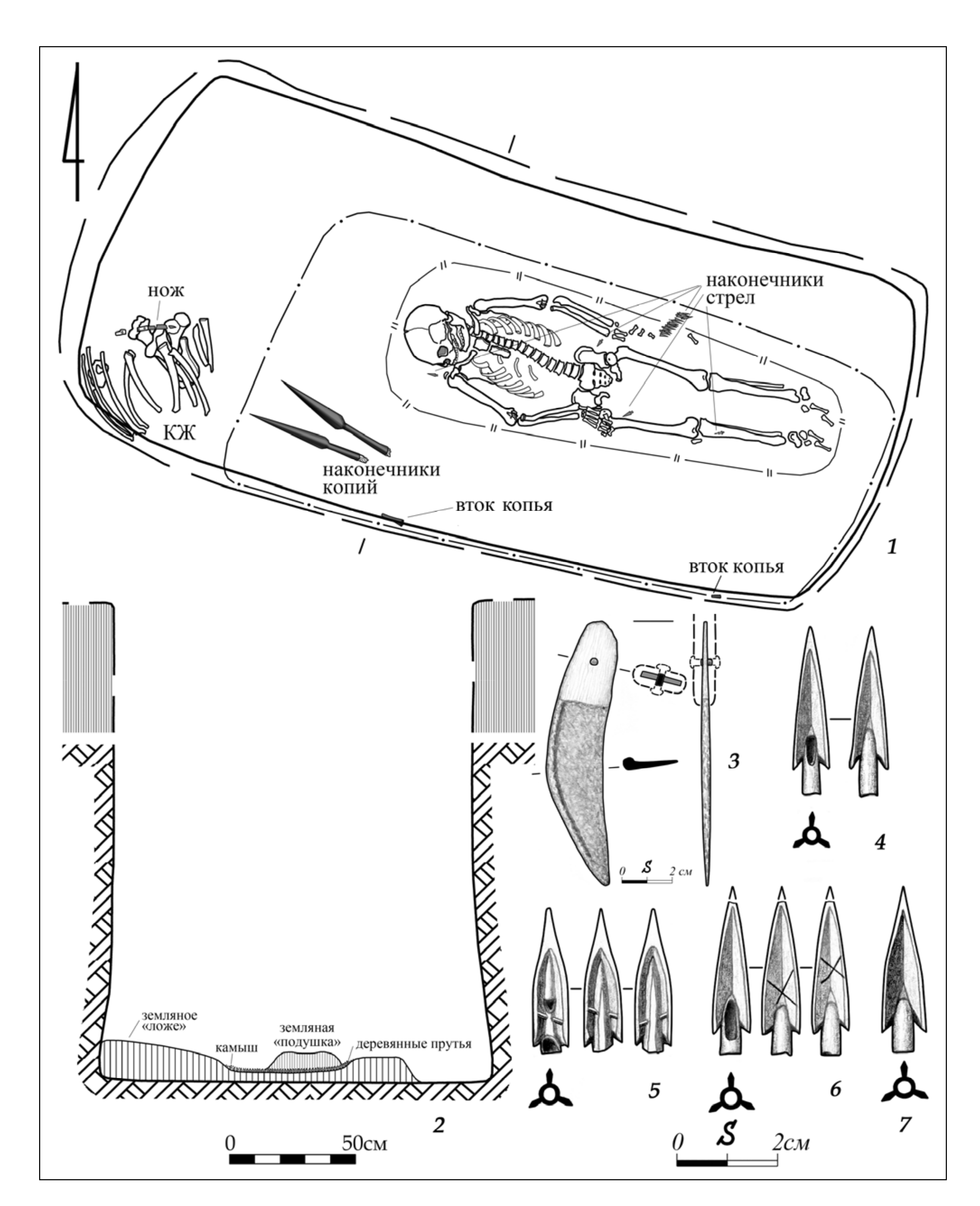

Рис. 4. Погребение 3 кургана 13 группы «Водовод» (*1, 2*) **и его инвентарь** (*3—7*).

Fig. 4. Grave 3 of barrow 13 of the “Sluiceway” group (*1, 2*) **and its inventory** (*3—7*).

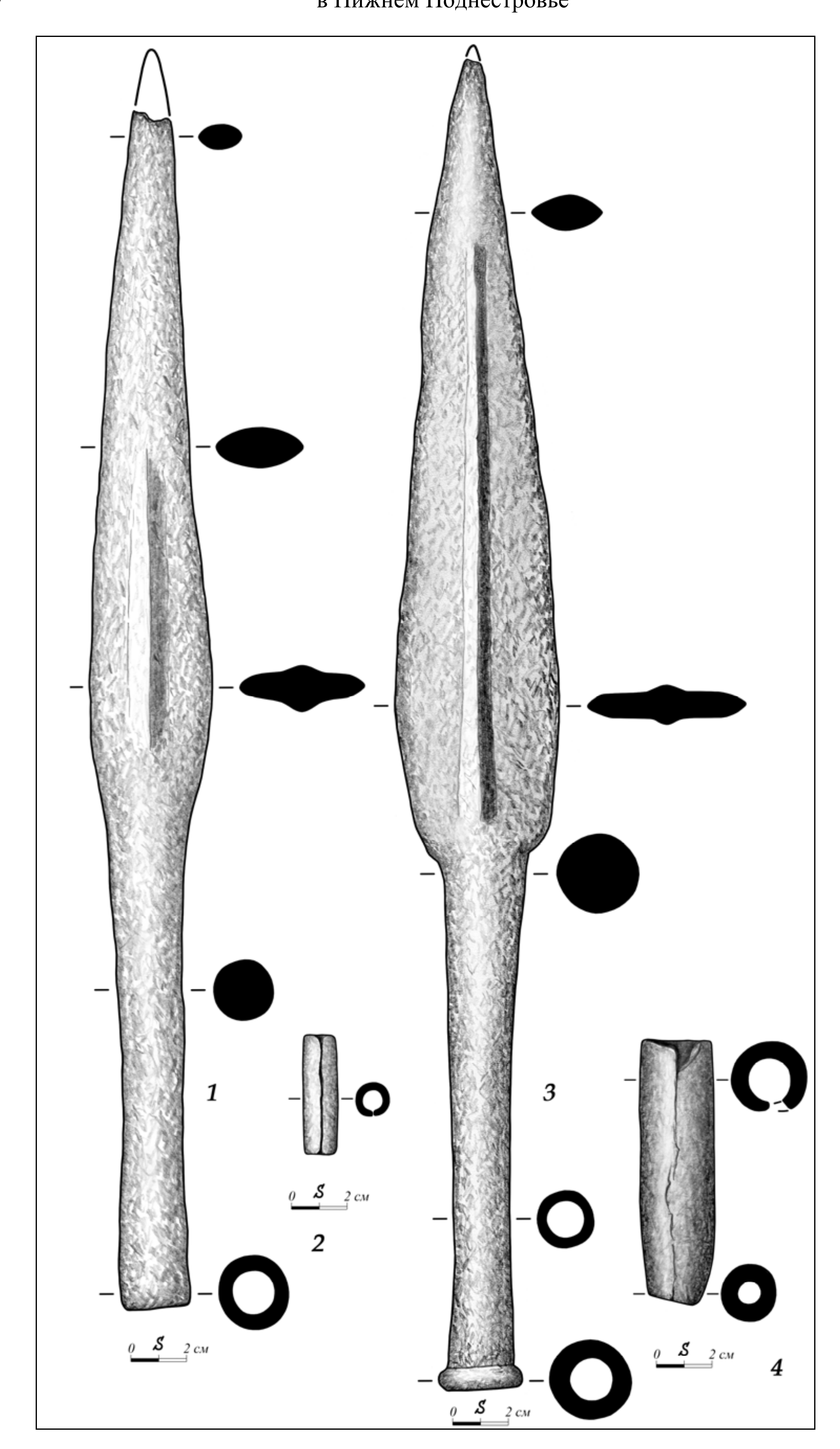

Рис. 5. Наконечники копий и втоки из погребения 3 кургана 13 группы «Водовод»

Fig. 5. Spearheads and spear' ends from the grave 3 of barrow 13 of the "Sluiceway" group.

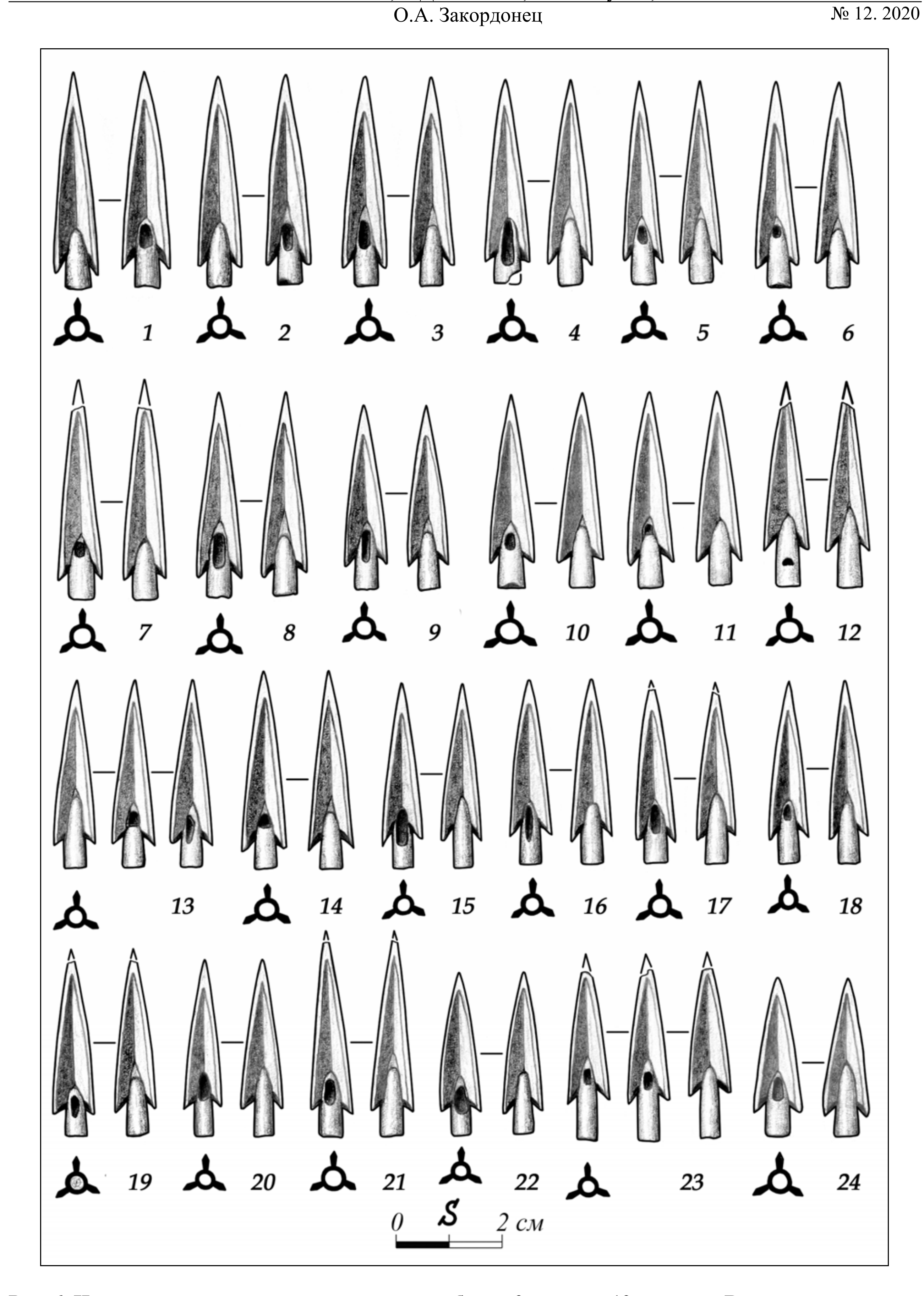

Рис. 6. Наконечники стрел из колчана из погребения 3 кургана 13 группы «Водовод».

Fig. 6. Arrowheads from quiver from the grave 3 of barrow 13 of the “Sluiceway” group.

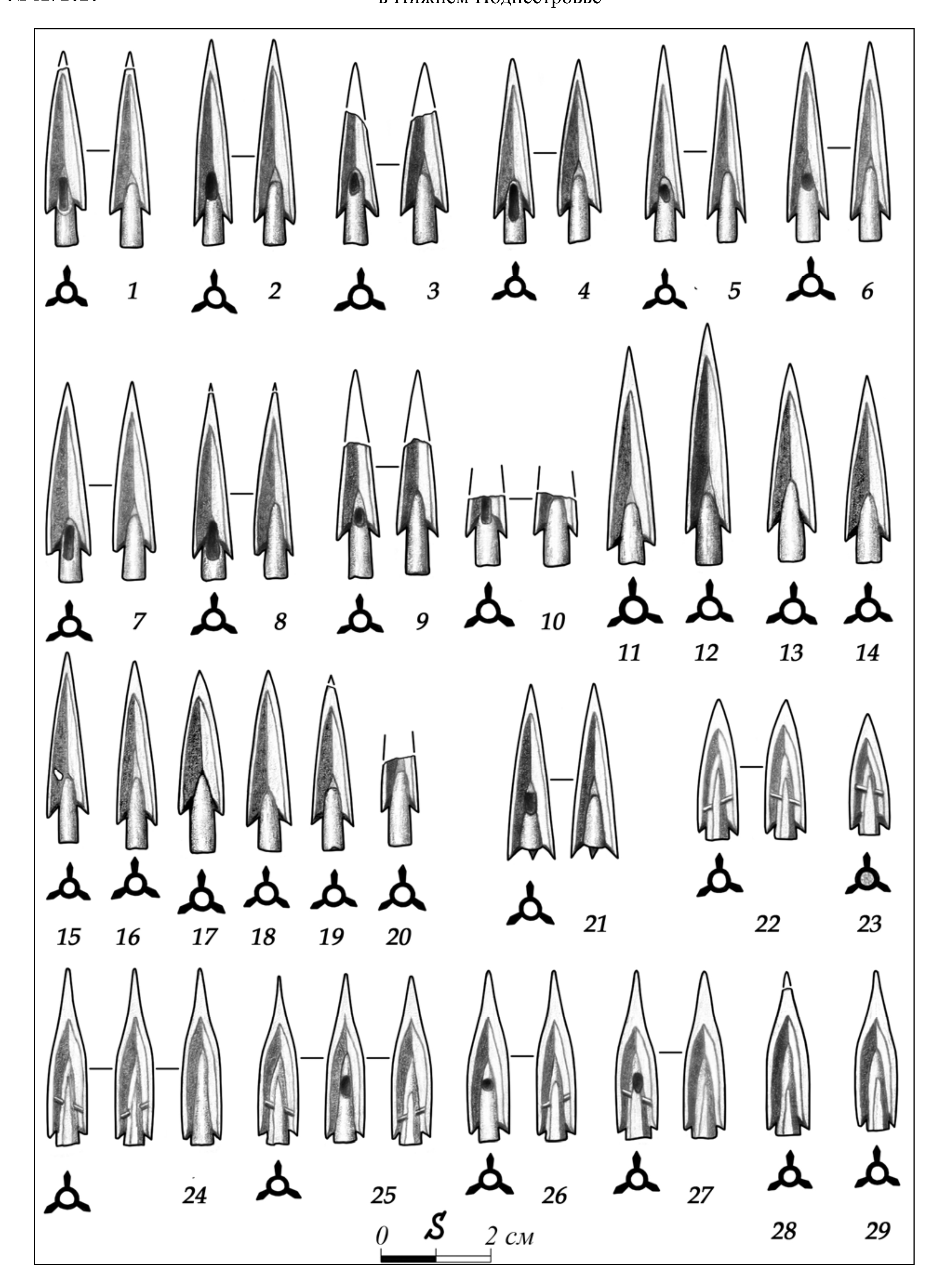

Рис. 7. Наконечники стрел из колчана из погребения 3 кургана 13 группы «Водовод».

Fig. 7. Arrowheads from quiver from the grave 3 of barrow 13 of the "Sluiceway" group.

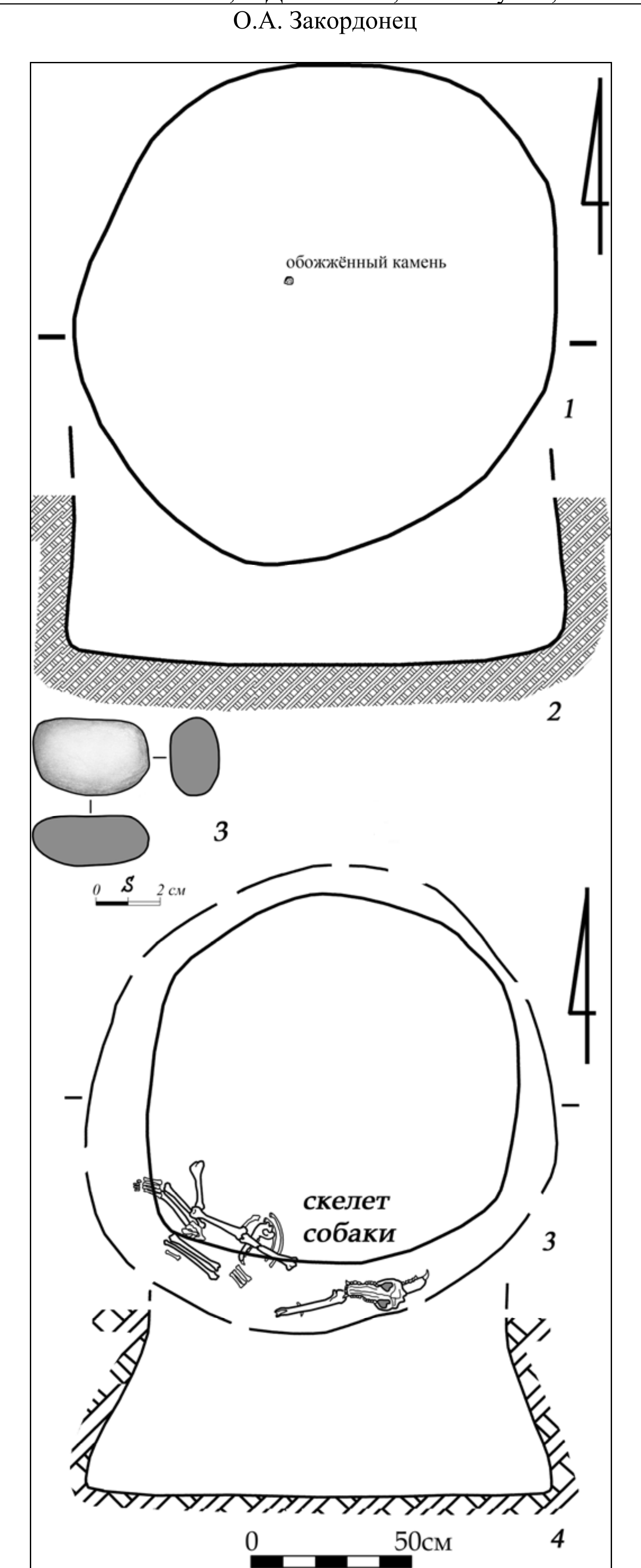

Рис. 8. Ритуальные ямы кургана 13 группы «Водовод».

Fig. 8. Ritual pits from the barrow 13 of the “Sluiceway” group.

УДК 7.04
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00008

С.А. Яценко

НЕСКОЛЬКО КОМПОЗИЦИЙ СО СКИФСКИМИ ПЕРСОНАЖАМИ В ГРЕКО-СКИФСКОЙ И СКИФСКОЙ ТОРЕВТИКЕ IV — НАЧАЛА III ВВ. ДО Н.Э.*

Рассмотрены особенности многофигурных сцен конфликта двух групп воинов на золотых «колпачках» с восточных окраин Скифии (Передериева Могилы, Сенгилеевское-2, Курджипс) и золоченых бронзовых деталей саркофага 2002 г. из Анапы, а также специфика костюма персонажей каждой из двух таких противостоящих групп. Эти детали ранее не замечались коллегами. Попытки неприменно связать такие композиции с одним из немногих текстов, известных у греческих авторов, кажутся бесперспективными. Сюжет с коллективной охотой и дополнившие его сакральные сцены анализируются на пластине-стленгиде головного убора из Песочина. Единственное божество на скифском оружии — человек-петух с сопровождающими его драконами из Соболевой Могилы — исходно связан с искусством древней Маргианы (Маргуш), затем — Хорезма.

Ключевые слова: скифы, эпические сцены и божества, изображения IV — начала III вв. до н.э. в восточной Скифии, особенности композиции и костюма, столкновение двух групп воинов, золотые «колпачки», детали саркофагов, головных уборов и оружия.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

SOME COMPOSITIONS WITH SCYTHIAN PERSONAGES ON GREEK-SCYTHIAN AND SCYTHIAN TOREUTIC WARES OF THE 4TH — EARLY 3RD CC. BCE

The specific features of multi-figure scenes of the conflict between two groups of warriors on golden “caps” from the eastern outskirts of Scythia (Perederieva Mogila, Sengileevskoe-2, Kurdzhips) and on the gilded bronze details of the sarcophagus of 2002 y. from Anapa, the costume specificity of the personages of each of these two opposing groups are considered. These details were previously overlooked by colleagues. The attempts to connect such compositions with one of the few texts known to Greek authors seem unpromising. The subjects with the collective hunt and the sacred scenes that complemented it are analyzed for the stlengida plate for the headdress from Pesochin. The only deity on the Scythian weapons — the man-rooster with his accompanying dragons from the Soboleva Mogila is originally associated with the art of ancient Margiana (Margush), then with Khorezm.

Key words: Scythians, epic scenes and deitis, images of the 4th — early 3rd cc. BCE in the Eastern Scythia, cpecificity of compositions and costume, clashs of two groups of warriors, golden “caps”, details of sarcophaguses, headdresses and weapons.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities.

Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

---

* Статья поступила в номер 11 декабря 2020 г.
Принята к печати 30 декабря 2020 г.

© С.Я. Яценко, 2020.

Предлагаемая статья представляет существенно расширенный вариант текста и тем более — иллюстраций, подготовленных исходно для петербургской конференции «Боспорский феномен» в 2020 г. Из-за финансовых проблем Оргкомитета тексты были сокращены, а сам мой доклад с визуальным материалом не состоялся, т.к. итоговая программа в ZOOM.us была урезана втрое (Яценко 2020). Здесь рассматриваются несколько сюжетов, воплощающих скифские эпос, мифологию и отчасти, возможно — генеалогические предания, созданные греческими или же — *исходно* греческими мастерами (в ряде случаев затем прототипы, не дошедшие до нас, видимо, копировались туземными «коллегами»), которые меня ранее специально почти не привлекали.

Золотые крупные «коплпачки» с антропоморфными сценами. Собственно крупные изделия этого типа чаще рассматриваются как культовые (обычно — как навершия штандартов), иногда (В.Ю. Мурзин) — оболочка головных уборов (см. последние версии о них: Мец 2008; Мурзин 2018; Гуляев 2019). Они, видимо, происходят из мужских могил. В целом «колпачки» с антропоморфными персонажами (сцены с двумя или тремя парами воинов) *имеют ряд особенностей*. **(1)** Они известны *лишь на дальней восточной периферии Скифии* — от Донбасса (Передериева Могила) до предгорий Северного Кавказа (Курджипс, Сенгилеевское) и, видимо, связаны с местными группировками — как скифов, так и сильно скифизированной знати меотов[1]. Показательно, что, хотя сюжет с вооруженным противостоянием в одной композиции *двух групп* воинов был воплощен в греко-скифском искусстве *ранее всего* (он к началу IV в. до н.э. отмечен на гребне из Солохи (Яценко 2013: 216—218)), изображался он весь период своего бытования очень редко. **(2)** Для композиций на всех таких изделиях характерен конфликтный ход событий (видимо, связанный с эпосом или какими-то генеалогическими преданиями). **(3)** Обязательна передача обильных деталей декора костюма, особенно — кафтанов-sisirna. **(4)** Все воины здесь только пешие и лишены доспехов (в отличие от сцен сражений в Преднепровье, где на гребне и горите из Солохи, пластине из Геремесова обязательно присутствует всадник, а часть воинов носят панцирь). **(5)** Несмотря на опасность, на их головах мы не видим не только боевых шлемов, но и простых колпаков и т.п. **(6)** Одиночный воин с копьем на них всегда располагается справа. **(7)** В достоверно описанных случаях «колпачки» происходят не из погребальных камер, а из особых жертвенных (?) комплексов в насыпи курагана или в «тайнике» со специфическим набором артефактов ниже уровня дна могилы. **(8)** На таких предметах есть также по две однотипных или близких сцены беседующих после сражения (?) воинов, где один из участников разговора обнажает меч против победителя с трофейной отрубленной головой (Курджипс), и два варианта сцены, где, как я полагаю, пожилой воин защищает упавшего на колени (раненого?) молодого от нападающего врага (Передериева Могила).

К сожалению, *стало дурной традицией любой ценой «подгонять» разнообразные сюжеты на торевтике под немночисленные известные нам по античным авторам версии текстов* скифских мифологии и эпоса, несомненно — ничтожную часть их реального богатства[2]. В большинстве случаев такие попытки выходят малоубедительными. Более того,

[1] Как известно, Сократ, по воспоминаниям Ксенофонта, говорил, что в «Европе скифы господствуют, а меоты (в Азии — Я.С.) им подвластны» (Xenophon. Memorab. cogit. Socrat., II); Гелланик Митиленский знает смещанных или расселенных на меотских землях «меотов скифов» (Hellanic. Mytil. Atthis., fr.). Оба автора были активны в конце V в. до н.э.

[2] Так, если в сценах военных столкновений — эпизодов эпоса и генеалогических преданий, помимо их основных молодых участников, присутствуют и опытные пожилые предводители, то практически всегда без особых раздумий и по сей день такие сцены стандартно связывают с известным у Геродота предании о борьбе скифов, вернувшихся с Ближнего Востока, с молодыми потомками оставшихся в европейских степях рабов (Herod., IV, 3—4).

они кажутся мне для большинства композиций безперспективными, и в этом нет ничего странного. Ведь чаще всего они не опираются (в отличие от серии важных догадок Д.С. Раевского, Е.Е. Кузьминой, А.В. Вертиенко и немногих других) на знание всего богатства сохранившихся сюжетов иранских и индоиранских народов в целом, и авторы с последними обычно не знакомы. Хотя моя персональная ситуация в этом плане выглядит лучше, *гораздо важнее, думается, описать и учесть все мельчайшие детали композиции, выявить сходство и различие персонажей в вооружении, костюме и т.п*. Никаких «удивительных тайн» и «подлиного смысла» этих сцен я, в отличие от большинства коллег, раскрывать здесь не собираюсь. Несколько фактических наблюдений за «мелочами», и не более того.

Начнем с колпачков со сценами сражения.

1. «*Колпачок» из Передериевой Могилы* (у г. Шахтерск в Донбассе, к востоку от Донецка) был найден в насыпи кургана (куда его поместили с некой ритуальной целью) и уцелел от грабителей (Лагранд 1998; Reeder 2001: 256—261, Cat. 124) (рис. 1). Здесь видим две сцены с пятью персонажами, и, как мне представляется, они имеют в целом одну и ту же основу: две пары из стоящего пожилого мужчины и стоящего на коленях юноши. Все четыре таких персонажа имеют совершенно идентичные по облику, прическу и богато декорированный костюм (в т.ч. со сложной вышивкой и полосой дорого меха по бортам кафтанов). Их вооружение — только для ближнего боя (это лишь стандартные по оформлению, хотя и роскошные мечи), что для скифов довольно странно. Особенно показательна и содержит один из ключей к пониманию вероятного сюжета группа *только из двух* этих людей. Здесь и юноша, и старик подготовились к бою, напряженные лица обоих обращены вправо — к нападающему противнику. Старик щитом прикрывает верхнюю часть тела юноши. Возможно, для обоих нападение неожиданно (юноша, видимо, сидел, и, в отличие от напарника, только начинает вынимать меч из ножен). При этом у старика намотанное в верхней части груди лассо (аркан), часто предназначенное у кочевников для поимки противника живым (то же повторяется для скифского искусства в целом лишь на следующем из рассматриваемых «колпачков» в Сенгилеевском-2).

Вторая сцена — более сложная и многолюдная. Здесь юноша повернут лицом к старику и даже не начал доставать оружие. Думаю, он, как и в аналогичной предудущей сцене, не опасается старика, а, наоборот, цепляется за его руку, пытась встать; тот, в свою очередь, пытается поднять его за густую шевелюру. Однако *в этой сцене появляется еще один, третий персонаж, выглядящий во многом совсем иначе. Видимо, он-то и есть предмет беспокойства остальных четырех*. Это молодой воин; интересно, что, при одинаковой позе (со слегка подогнутыми коленями) с обоими стариками, *он заметно выше* их ростом. *Вооружен он принипиально по-другому*, чем наша четверка: хотя он и спешился где-то, но у него оружие не ближнего, а дальнего боя (лук со стрелами и метательное копье). *В его костюме тоже видим три важных отличия* от двух пар «старик-юноша», и вероятно, он единственный специально показан в основном спиной, чтобы одно из этих различий нагляднее продемонстрировать. Во-первых, его кафтан (скиф. sisirna) явно не имеет спереди косых клиньев на подоле, характерных как для остальных четырех, так и для многих изображений скифов в целом. Во-вторых, узор его одежды включает мотив виноградной лозы; последний редок для скифов, а для кафтана известен (при таком же подоле без клиньев) лишь в на серебряных сосудах с геналогическими легендами из Гаймановой Могилы и Частых курганов (Яценко 2006: рис. 27: *32, 36*) (рис. 16: I: *23, 36*) и, как увидим — в Закубанье: на «колпачке» из Курджипса (рис. 8) и у всадника на саркофаге 2002 г. в Горгиппии (рис. 14: *5*). В-третьих, его кафтан имеет короткий меховой капюшон, полувалом свешивающийся сзади (как у одного из персонажей в Чертомлыке) (рис. 16: I: *37*). Как мы

увидим, этот же капюшон характерен и для всех трех молодых «победителей» группы 1 на другом «колпачке» в Сенгилеевском-2 (рис. 6).

В целом получается, что именно нападение (неожиданное) этого человека и создало проблемы для остальных участников «встречи». Он схватил за руку обезаруженного в данный момент и встающего с колен противника и мечет легкое копье в его защитника. Похоже, он собирается захватить пленника, т.к. оружие на сидящего юношу он не обращает.

Как известно, во многих *эпических* сюжетах разных кочевых народов Евразии одинокий герой силой и смекалкой побеждает большую группу врагов. Он легко впадает в неконтролируемый гнев и имеет мощный голос. Весьма характерный эпизод в эпосах — нежиданное пленение вражеских героев из-за долгого сна, причем в плен довольно легко сдаются только «чужие» богатыри (см., например, для тюркских эпосов: Липец 1984: 36—48). В отличие от первоначального варианта трактовки (Яценко 2000: 94) позже я склонялся ко мнению, что и на знаменитом золотом гребне из кургана Солоха (рис. 17: *2*) одиночный пеший воин, видимо, является побеждающей стороной (см. ниже).

2. Рассмотрим теперь три взаимосвязанных композиции другого знаменитого ***«колпачка», найденного в погребении 2 кургана 1 некрополя Сенгилеевское-2***, к 30 км к востоку от г. Ставрополь. Обнаруженный в 2014 г. А.Б. Белинским предмет (наряду с еще тремя похожими, но с другим декором или без него) также находился не в собственно могиле, а в своеобразном тайнике или жертвеннике, искусно замаскированным под ее дном *неоднократно публиковался* в научной периодике (Carry 2016; Мурзин 2018). Этот «колпачок» представляет намного больший интерес: здесь парных сцен не две, а три, а сами они содержат, в отличие от двух других образцов, немало необычного (рис. 2—5). Иллюстрации даются по договоренности с раскопщиком как авторские прорисовки по совокупности опубликованных фото.

Прежде всего, здесь вполне надежно *выделяется центральная сцена* (отделенная от других обрубками (?) стволов деревьев): здесь старик нападает на юношу (рис. 2, 5: *2*), тогда как по сторонам мы видим поединки молодых воинов со сходным положением левого, а у правого под ногами труп или череп. Как и на предыдущем изделии, костюм изображенных семи воинов, включая лежащего убитого (священное число) позволяет уверенно утверждать, что здесь воюют мужчины разных племен: см. ниже (рис. 6—7).

К группе 1 принадлежат три молодых воина, имеющие богато декорированный костюм, типичный для скифской *аристократии* (Яценко 2006: 81—82) (вышивка на обшлагах, проймах и спинках кафтанов-sisirna, при этом более коротких, чем другой группы, с бортами, отороченными полосой мехов; пояса с 1—3 рядами золотых бляшек или широкие кожаные; длинные волосы с узлом надо лбом — еще один признак скифской знати); рубах под кафтанами у них нет. Четыре воина *группы 2* выглядят совершенно иначе, почти бедняками: их костюм лишен роскошного декора, кафтаны длиннее и с более крупными клиновидными выступами подола (по краю последнего — коротенькая бахрома), под кафтаном носятся рубахи с разрезом ворота, пояса — простые воинские, с плотным рядом узких пластинок; у них длинные волосы без пробора. Обувь и штаны все персонажей одинаковы; но, если у воинов группы 2 кафтаны и декор поясов стандартны, то у «аристократов» группы 1 они оформлены индивидуально (рис. 6—7).

У воинов обеих групп с наличным оружием дело обстоит по-разному. Разнообразно вооружены только их предполагаемые лидеры. В центральной сцене у старика (главного в группе 2) три типа оружия (меч, лук в колчане и лассо), у юноши из группы 1 в паре слева (сражающимся сразу против двоих) — лук и меч (последний он, возможно, выхватил у убитого). У остальных четырех воинов (у павшего это не разглядеть) — по одному виду вооружения (в двух случаях — только по одному луку в колчане, в двух других — по мечу).

Можно предполагать, что у богато одетых юношей из группы 1 изначально был только лук со стрелами (в левой паре он, видимо, взял меч у убитого врага), тогда, как их противники из группы 2 явно во всех случаях вооружены мечами (что для ближного боя, понятно, намного удобнее, так что юноше из группы 1 в правой паре приходится стрелять из лука практически в упор, в челюсть).

Поединки во всех трех эпизодах явно начались неожиданно для одного из воинов в каждой паре. В стычке *в целом побеждают аристократы группы 1*, несмотря на их менее пригодное к рукопашному бою оружие. В двух сценах из трех они (как юный воин в Передериевой Могиле) застали противника врасплох, и вражеские воины в сценах 1 и 3 тоже не успевают даже вынуть меч из ножен; один убитый враг лежит под ногами. В правой сцене загадочен голый череп между ногами «аристократа» — напоминание о каких-то давних событиях, произошедших здесь, или же намек на популярные фольклорные сюжеты о говорящем черепе, смерти от черепа и т.п. Как уже отмечалось, на костюмах побежадющей (и меньшей по численности) стороны и в Передериевой Могиле, и в Сенгелеевском, на персонажах, повернутых спиной, видим такую престижную и редкую деталь кафтана аристократа как пришитый меховой капюшон, спадающий на спину полукругом (он известен также у одного из персонажей в Чертомлыке: рис. 16: I: *37*).

Однако центральная сцена очень необычна. Здесь главный и единственный из *нападающих* группы 2 (старик с лысой, морщинистой головой) имеет целых три вида оружия. У него, как и у старца в Передериевой Могиле, через правое плечо перекинут свернутый в кольцо аркан, чтобы брать в плен важного противника[3]. Он неожиданно напал на юношу — «аристократа» (тот не успел вынуть лук), уже схватил его за узел волос, но… почему-то медлит: он делает укол в плечо (ранение) и при этом даже смотрит не на противника, а куда-то далеко перед собой…Вероятно, он хочет лишь пленить юношу. Мы снова встречаем (как и в Передериевой Могиле) мотив центрального молодого воина, оказавшегося на коленях, и нападающего, который смотрит мимо него, поверх головы побежденного. При этом на обоих «колпачках» численно преобладающие враги вооружены только или в основном мечами, а вероятные «герои» — оружием дальнего боя.

Нападающие молодые «аристократы» и хорошо вооруженный старик из их противников целятся противнику в разные части тела: в левой сцене — мечом в горло, держа при этом врага за чуб (ведь отрубленная голова врага очень ценилась, и ее надо было при необходимости «правильно» отрубить); в правой паре — стрелою в низ лица; в центральной, как уже говорилось, это укол в плечо. Если все мечи (включая ножны) у воинов группы 2 страндартны, то этого не скажешь о колчанах (3 типа). Близки они лишь у воинов группы 1 в левой и центральной сценах.

Художественный уровень всех «колпачков» в передаче человеческих фигур заметно ниже, чем у знаменитых шедевров греко-скифской торевтики из Солохи, Чертомлыка или Куль-Обы. В *Сенгилеевском* мечи в ножнах показаны кривоватыми; подчас слишком велики кисти рук (у группы 1 в средней и правой сценах) или неестественно повернута голова (группа 2 в правой сцене), весьма примитивно трактованы деревья (березы, судя по рисунку на коре). Думаю, *греческий мастер пошел в данном случае, как минимум, на одну любопытную уступку вкусу заказчика*. Если в остальных греко-скифских композициях со сражениями лица участников холодно-спокойны или просто сосредоточены, то на

[3] Использоваине лассо в военных сценах в скифском искусстве, несмотря на заурядность этого предмета в вооружении кочевых народов разных эпох, встречено всего дважды, причем эти именно два упомянутых «колпачка», и в обоих случаях лассо намотано на плечо пожилого воина. Видимо, наличие этого предмета было необходимой деталью иллюстрируемого сюжета.

сенгелеевском «колпачке» *несколькими способами выражена вполне «варварская» черта — «неистовый гнев» нескольких воинов, так часто описываемый в разных эпосах мира* (в том числе — кочевых): широко открытые глаза, насупленные брови, искаженные гневом мышцы вокруг рта и другие приемы, хорошо известные, например, на раннесредневековых тюркских изваяниях (Ермоленко 2006: 84—86). Это заметно у нападающих персонажей в центральной и левой парах.

3. Завершим анализ этой серии «колпачков» образцом, обнаруженным в 1896 г. ***в кургане Куржипс*** (у станицы Курджипской, недалеко от г. Майкоп) (Галанина 1980; Анфимов 1987: 77)[4] (рис. 8). Этот предмет наиболее примитивен по исполнению и, вероятно (подобно диадеме из Сахновки), является *варварской репликой какого-то более реалистического изделия греческой работы*. Об этом говорит, среди прочего, то, что, несмотря на грубость исполнения, позы персонажей и сама композиция довольно сложны, пропорции тел в целом близки натуральным, декор скифского костюма подражает сложным и детализированным греческим образцам[5].

Здесь представлены две пары стоящих воинов, которые, однако, настроены немирно. Дважды видим весьма сходную, но отнюдь не идентичную композицию: два молодных мужчины без бороды и усов стоят на слишком большом расстоянии для доверительного разговора, слегка наклонив головы друг к другу; они разговраивают, т.к их рты открыты. Это тоже важное отклонение от похода греческих мастеров: в их работах в случае ссоры противники сосредоточено молчат… Между ними поставлено копье наконечником вниз (оно практически не воткнуто в землю); за это оружие вначале схватился левой рукой левый персонаж (в правой руке он держит обнаженный меч, направленный к животу собеседника). Однако его левую руку, охватившую копье, в обоих случаях перекрывает правая рука его стоящего справа соседа (ему, видимо, копье и принадлежит). Можно думать, что между воинами идет спор из-за довольно необычного предмета, который правый держит в слегка приподнятой левой руке. Это отрубленная голова мужчины (в отличие от обоих живых, имевшего бородку), которая отличается тем, что ее размер примерно в два раза больше, чем у спорящих; иначе говоря, это голова *великана*. Сюжеты борьбы с великанами в героическом эпосе неоднократно отражены уже в скифское время у кочевников Южной Сибири (Советова 2005: 89—93, рис. 38), а в нартовском эпосе осетин — потомков сармато-аланов — фигурирует и великанья голова (см., например: Хамицаева, Бязыров 1989: 73—77, 125—134, 245—248, 451—455). Несмотря на обнаженный меч и руку, пытающуюся схватить чужое копье, уверенности в победе левого персонажа у нас нет, скорее — наоборот. Рука соседа вот-вот перехватит копье… При сравнении предмета из Курджипса с двумя остальными «колпачками» со сценами конфликта воинов видим, что там персонажи с мечами не побеждают, при всем их численном или тактическом преимуществе; в отличие от них, копье в Передериевой Могиле держит в руке одинокий герой (на обоих этих изделиях «враги» показаны с мечами слева, а побеждающий герой (?) — справа).

В обеих парах воины одеты роскошно, как аристократы, имеют богато декорированные хаотичными точками и побегами лозы кафтаны и штаны (которые так старательно передавали греческие торевты), а также широкие пояса без блях и скрепляющих лент (такие мы видим у скифов на рельефе из Юбилейного на Тамани: рис. 16: I: *69*). Варварский мастер в их облике придал неожиданно большое значение изображению *серег* (они есть даже на

[4] Наиболее качественные фото см. на сайте Государственного Эрмитажа (hermitagemuseum.org: 1).

[5] К сожалению, размещение этого предмета в кургане точно не известно, т.к. курган раскапывался в 1896 г. учителем В.М. Сысоевым. Он, видимо, был помещен в южной части коллективной грабницы, где предполагается захоронение трех знатных воинов.

отрубленной голове великана); как увидим, это важный этно-племенной признак, который греческими мастерами не подчеркивался. *Левые и правые персонажи отличаются деталями своего облика*. У «левых врагов» серьги каплевидные, а у правых имеют формы эллипса в горизонтальном положении. Оба «левых врага» (в отличие от «правых героев») не идентичны между собой: в одной паре левый воин имеет невысокую шапку, а меч у него короткий; в другой паре он простоволос, а меч в его руках заметно длиннее.

4. *Бронзовые накладки саркофага из Горгиппии 2002 г. с изображениями скифов.* С конца 2000-х годов на нескольких сайтах Интернета появились сообщения о вскрытии грабителями в Анапе (античной Горгиппии) в 2002 г. греческого саркофага IV в. до н.э., украшенного бронзовыми (со следами позолоты) накладками с изображениями скифов[6]. Дальнейшую судьбу этих накладок выяснить, увы, не удалось. Однако сомнений в их подлинности, как и в мастерстве греческого автора, у меня нет (рис. 9—14). В этом убеждают многие мелкие реалии скифского костюма и оружия, позы изображенных и т.п. Использовалась не только бронза: конские уздечки переданы железными проволочками. Можно предложить и частичную (и, вполне возможно, и полную) реконструкцию композиции, вытянутой в цепочку на одной из сторон саркофага. Думается, грабители выставляли на продажу все найденные накладки такого типа (рис. 9). К сожалению, каждая из семи фигурок имеет сравнительно небольшие утраты по краям. Саркофаг с ними мог принадлежать эллинизированному скифу, похороненному в Горгиппии.

Вероятно, речь идет о сражении двух групп скифов (*персонажи нумерованы на рис. 10*, по предположительному их размещению слева направо и размещены в два яруса, чтобы вместить их в таблицу): нападающие справа (только всадники) скачут влево (рис. 13): им противостоят в левой части композиции всадники, скачущие навстречу, вправо (рис. 11); в тылу у последних (как, например, на гребне из Солохи) были, видимо, пешие. Это лучник (№ 3), который лежит, скорчившись от раны; другой (единственный пожилой мужчина), который, похоже, защищается поднятым щитом (№ 2), третий, стоя, натягивает лук (№ 1) (рис. 12). Итак, мы видим ситуацию, похожую на сцены с «колпачков»: слева находится болеее многочисленная группа, справа наступает малочисленная; при этом все явные потери несет более многочисленная группа. Среди всадников—копейщиков легко выделить по одному главному персонажу с обеих сторон, сражавшемуся впереди остальных: они отличаются от двух других богатым декором штанов и кафтанов. Всадники с обеих сторон — копейщики, но у них есть и гориты со стрелами (у всадников левой группы левый бок закрыт, и они не видны). Пешие же воины использовали, похоже, только лук (персонаж № 1). Мечи у всех воинов, как это ни удивительно, отсутствуют.

На первый взгляд, облик костюма *обеих* сторон одинаков: у всадников видим популярную прическу с узлом на темени (Яценко 2006: рис. 27: *17*) (рис. 16: I: *17*); рукава кафтанов подчас декорированы в крупную сетку; обувь одинакова, и в обеих группах иногда загнуты носки (№ 3, 6). Однако, думаю, это не так, и персонажи обеих групп относятся *к разным племенным группировкам*. Например, только у всадников скачущих вправо, видим уникальные, очень короткие куртки, с двумя парами завязок и скошенными полами; декор штанов у группы, повернутой вправо, во всех случаях имеет уникальные и сложные версии узоров с известным мотивом виноградной лозы (ср. более простые: рис. 16: I: *62, 64—65*). В целом по облику костюма «герои» — воины с правого края, движущиеся влево, выглядят неизмеримо скромнее (рис. 14—15), и этим ситуация отличается от таковой на «колпачках».

[6] См, в первую очередь: hu.pinterest: 1. См. также: hu.pinterest: 2; pinterest.fr: 1.

У читателя, внимательно рассмотревшего изображения на «колпачках» и горгиппийском саркофаге, может возникнуть зкономерный вопрос: почему у очевидно знатных воинов в сражении отсутствуют (в отличие от ряда изображений Нижнего Днепра) не только довольно широко применявшийся скифами в реальной жизни доспех, но даже простой шлем (все участники подобных сцен вступают в смертельные поединки с непокрытой головой) или, хотя бы, сложный комплект вооружения? Конечно, это совершенно не соответствовало реальностям межскифских и межмеотских войн. Но дело в том, что здесь вполне наглядно представлены не реальные, живые воины, а *герои эпоса*, которым «море по колено»…

Имеет смысл соспоставить эти поздние изделия второй половины IV — начала III вв. до н.э. с одним из двух наиболее ранних известных в Скифии изделий начала IV столетия с эпическими сценами — поединками двух групп воинов (оба они найдены в могиле царя **в Солохе**, который, видимо, впервые заказал греческим мастерам подобные сюжеты) — горита из этого погребения (Yatsenko 2012: 63—64, fig. 1: *3*; Яценко 2013: 217—218). К сожалению, он оказался уже в Эрмитаже поврежден, и пользоваться нужно старым рисунком его фрагментов Б.В. Фармаковского (рис. 17: *1*). *Мы видим совершенно не реалистическую с точки зрения современного наблюдателя картину боя*. Однако все встанет на свои места, если мы окажемся *в особой, эпической реальности*, понятной заказчику и его соплеменникам. В этой фольклорной реальности происходит то, что обычно невозможно. Два пеших молодых воина успешно противостоят наступающей группе хорошо вооруженных всадников. При этом в тактическом плане они должны бы явно проигрывать: всадники имеют изначальное преимущество и в людях и в вооружении, и ориентированы на то, чтобы использовать копья, топтать врагов лощадьми и т.п. В руке одного юного героя (который, немотря на опасность, обвязал кафтан вокруг талии и демонстративно остался полуголым) только короткая секира (редкое оружие на греко-скифской торевтике); при этом он, не дрогнув, отбивает маленьким щитом мощный удар длинного копья. Другой юноша совершает еще большее чудо: он умудрился перед тем (в прыжке?) схватить за чуб и сбросить богатырской рукой с коня вражеского всадника; копье последнего упало, а меч из ножен тот вынуть уже не успевает…Здесь, по предположению Д.С. Раевского, у конных врагов подчеркнут несколько иной антропологический облик (Яценко 2000: 96, прим. 45). Вместе с тем, здесь впервые дополнительно ножом передан декор шаровар, и у обеих групп одинаково — рядами крестиков. На этом, самом раннем скифском изображении сражения, представители побеждающей стороны изображены слева (а не справа, как на поздних «колпачках» с восточной периферии Скифии). Однако наглядна тенденция, отраженная позже на «колпачках» из Передериевой Могилы и Сенгееевского: врагов больше, и часто они лучше вооружены….

5. *Персонаж на обкладке горита из Соболевой Могилы*. Курган, откуда он происходит, входил в группу Завадских Могил у с. Богдановка, к северу от г. Богдан (бывш. Орджоникидзе). Это, также интересующее меня сейчас изображение, уже многократно публиковалось и трактовалось (L'Or 2001: Cat. 154; Мозолевский, Полин 2005: рис. 17: *3*). На нем представлен человек с лапами и крыльями петуха; его тело также покрыто перьями (рис. 18). Это божество опирается на двух крылатых, змеевидных, но с волчьей (?) мордой, большими ушами и рогом спереди, драконов. Еще два похожих существа, с дополнительными бородками, были нашиты на горите вплотную над его головой, то есть всего его окружало четыре таких монстра. В стороне от этой композиции, на другой стороне горита, видим цепочку крылатых львов (рис. 19: *1—2*). Значение данного образа подчеркивается еще и тем, что *это единственное скифское божество, изображенное на оружии*.

Когда-то я поддержал популярное мнение о ближневосточном происхождении этого полузооморфного образа (Яценко 2013: 227). Однако в дальнейшем стало ясно, что на месопотамских «прототипах» представлены когти и клюв не петуха, а орла (что, собственно, и соответствует ранней месопотамской традиции), что точных аналогов такой композиции там нет, и что «человеко-петухи» из Ирана имеют хвост и прочие части не петуха, а павлина или фазана (ср., например: Sun Wujun 2014: fig. 3—5, 3—6); что в обильном изображениями искусстве ахеменидского Ирана этот образ отсутствует.

Между тем, *идентичные образы* человека—петуха известны в более позднее более время в другой части древнего Иранского мира — в Хорезме и Согде. Это ряд бляшек или органических аппликаций на бортах кафтана гигантской живописной фигуры хорезмийского бога, открытой недавно в династийном святилище начала II в. до н.э. в Алчахан-кале[7] (Betts et al. 2015: fig. 8, 10) (рис. 21—22) и в начале средневековья — на рельефах каменной двери гробницы 579 г. согдийского вельможи, бухарца Ань Цзе (первоначальное чтение — Ань Чжия) в Сиани (Xi'an beizhou 2003: 144, 147, photo) (рис. 23—24). В Хорезме фигуры этих существ нарисованы красным, а согдийцев в Сиани они представлены на красном фоне (ведь собственно петух практически повсеместно отождествлялся с солнцем и огнем). Но у доисламских народов Средней Азии этот персонаж, хотя он и точно соответствует облику скифского — не столько божество, сколько *божественный служитель*, и мы имеем дело *с парой* таких существ. В Хорезме они держат в руках барсомы — связки священных ивовых прутьев для гаданий; у согдийцев в гробнице аристократа два таких персонажа организуют церемонию возжигания священного огня в мире ином (он горит на подставке, поддерживаемой четырьмя крылатыми верблюдами; их также окружают четверо по сторонам — два слуги и два небесных музыканта, возможно, маркируя стороны света). Иными словами, здесь у наших персонажей, как и в Скифии, *четыре спутника*. Специально занимавшийся этим персонажем И.Ю. Шауб пришел к выводу, что в Скифии он в данное время также скорее был одним из *служителей* Великой богини (Шауб 2007: 156; 2017: 32, рис. 8). Интересно, что во всех трех пунктах находок его изображений у них *абсолютно одинаковая прическа*: длинная клиновидная борода и длинные волосы сзади, без пробора: почему-то это было важно.

Итак, древнейшее монументальное изображение этого персонажа связано с Хорезмом (еще до юэчжийского вторжения в регион после середины II в. до н.э., то есть в период, когда Хорезм сохранял в своей культуре свои ранние традиции). Как сейчас принято думать, хорезмийцы в конце VII в. до н.э. прибыли на новую родину с юга — из Маргианы — страны Маргуш, с ее древней, оригинальной и развитой изобразительной традицией, отчасти впитавшей эламские влияния. И именно там, в памятниках т.н. маргиано-бактрийской общности бронзового века, а конкретно — в хорошо изученном маргианском Гонур-депе (на востоке современного Туркменистана) (Сарианиди 2002: 104, 304) мы и находим очень ранние образы петуха (причем именно на оружии, как в Скифии: рис. 20: *2*), а на серебряной печати из того же пункта — божество, похожее на то, что представлено в Соболевой Могиле — с головой в профиль, с приподнятыми крыльями, стоящее на изгибах тел двух змеевидных драконов и держащее их за головы; отличается оно лишь птичьей (орлиной?)[8], а не

[7] Эта иконографическая схема до попадания на бляшки кафтана, скорее всего, проделала в Хорезме некий путь развития, отразившись, со времен хорезмийской независимости с начала IV в. до н.э. вначале на крупных предметах торефтики и больших образах стенной живописи.

[8] Все куры современного мира, согласно недавним генетическим исследованиям, связаны с диким бакивским петухом, и ныне обитающим на границе Таиланда и Южного Китая. На Ближнем Востоке куры появились не ранее середины II тысячилетия до н.э. Понятно, что мастера из Маргианы в более раннее время только начали знакомиться с этой птицей, и для воплощения аналогичной иконографии еще использвали орла.

человеческой головой (рис. 20: *1*). Таким образом, можно предполагать маргиано-хорезмийский, а не месопотамско-персидский, прототип образа, с которым работал греческий торевт. Интересно, что неспосредственное знакомство греков и македонян с Хорезмом произошло примерно в то же время, когда был создан горит для хозяина Соболевой Могилы (союз Александра Великого и хорезмийского Фарасмана был оформлен, как известно, в конце 329 г. до н.э.: Arrian., IV, 15, 1—6).

6. Узкие ***пластинки от нижнего края (стленгиды) женского головного убора*** («скифской тиары» по Т.В. Мирошиной: Мирошина 1981)[9] ***в погребении 1 кургана 8 у с. Песочин*** вблизи г. Харьков (Бабенко 2005: 125—127, рис. 15: *2*) (рис. 25). В отличие от других пластин этого убора, практически идентичных выскохудожественной работе из других могил высшей знати (метопида — образцу в Куль-Обе, пластины с менадами — аналогам из Деева, Рыжановского курганов и Денисовой Могилы, пластины со сфинксами — в Чертомлыке) (Бабенко 2005: 124—125), оттиск композиции выполнен мастером небрежно, и она не вписывается в рамки пластинок (то есть ее оттиснули к какого-то иного издалия). Видимо, для стленгиды при компановке деталей тиары *было важно наличие сюжета, а не его полнота*. Первоначально мне казалось, что речь идет лишь о простом подражании ахеменидским сценам с вереницей всадников, где перед каждым всадником — преследуемое копытное (самый популярный в скифском искусстве объект охоты — олень), как на персидском мече из Чертомлыка (ср. Алексеев 2012: 212—213, фото) или на пекторали из Музея Михо (Яценко 2019: рис. 6). Однако так представлены лишь пять всадников на изогнутой нижней пластине-стленгиде. Две же концевые подтреугольные пластины по размерам и краям не слишком подходят к краям стенгиды. Видимо, композиция дополена двумя этими пластинками с другого, более старого головного убора того же типа. Думаю, как в случае с «колпачком» из Курджипса, это *«варварское» копирование изображений греческого мастера* (это заметно по трактовке лошади у персонажа 7, оленя перед персонажем 1 и др.). На одной пластинке скиф тащит к себе за уздечки двух упирающихся по сторонам (жертвенных?) коней. На другой пластинке фрагмент оттиска той же сцены со всадниками на охоте имеет неожиданное завершение: похоже, у охотника пытается перехватить добычу какое-то рогатое существо, ставшее обоим поперек дороги. Думаю, в данном случае мы имеем вариант эпизода с «волшебной охотой», весьма популярной в разных версиях в скифском искусстве (вспомним, кстати, рогатую львицу в сцене охоты на кубке из Солохи) и, возможно, подготовку лошадей к закланию (вроде той, что мы видим на амфоре из Чертомлыка). Вероятно, справедливы предположения первооткрывателя о том, что на стенгиде представлены два разных эпизода, и что необычная пестрота сюжетов убора допускает использование мастером бракованных пластин от других уборов (Бабенко 2005: 127—128). Как уникальная композиция стленгиды (соотносимая сюжетно с известными *мужскими* комлексами) связана с находящимися в более верхних ярусах «тиары» рядами антропоморфных (танцующие «менады») и полуантроморфных *женских* персонажей (Змееногая богиня, сфинксы — полуженщины с раздвоенных туловищем), с женскими головками на прилегающих серьгах (Бабенко 2005: рис. 16: *1—8*, 17: *1—5, 10—11*)? Почему она попала в такое «окружение» на головном уборе женщины? Увы, пока это неизвестно.

Любопытно, что во всех трех анализируемых композициях с большим числом участников (Сенгилеевское, Песочин и саркофаг из Горгиппии) *представлены по семь мужчин* (священное число).

[9] Женские «скифские тиары» у Т.В. Мирошиной, отровенно говоря, имеют очень мало общего по материалу, крою, силуэту и декору с тем войлочным или тканым мужским убором персов, который греческие авторы, собственно, и называют ‘tyara’ (ср. Яценко 2006: 38—39, рис. 1: *1—7*, 11).

Итак, выше рассмотрены шесть изделий (или частей одного изделия) из золота или золоченой бронзы с антропоморфными персонажами, созданных для скифских или в ряде случаев — сильно скифизированных меотских аристократов. Для меня многие детали их композиций и костюма групп персонажей имеют большое значение; ранее они не привлекали внимания, но могут позволить уточнить смысл изображаемого. В основном они представляют собой сцену вооруженного конфликта пар или групп воинов из мужских могил; в одном случае (в женском поребении) это — коллективная охота (с элементами «волшебной охоты» и вероятного жертвоприношения). Особняком стоит божество в образе человека-петуха в окружении драконов на оружии аристократа из Соболевой Могилы, генетически связанное не с Ближним, а со Средним Востоком — с культурой бронзового века в Маргиане и затем с ближайшими к северу странами. В целом на привлекших наше внимание артефактах представлен «мужской мир», в котором женские персонажи отсутствуют.

Литература

Алексеев А.Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Бабенко Л.И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.

Галанина Л.К. 1980. *Курджипский курган. Памятник прикубанских племен IV в. до н.э.* Ленинград: Искусство.

Гуляев В.И. 2019. Загадки золотых «конусов» скифов. *КСИА* 256, 172—187.

Ермоленко Л.Н. 2006. О смысле некоторых приемов стилизации деталей лица древнетюркских изваяний. *АЭАЕ* 3(27), 82—88.

Лагранд С. 1998. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила. *РА* 4, 47—55.

Мец Ф. 2008. О золотом предмете из курагна Передериева Могила. *Теория и практика археологических исследований* 4, 43—53.

Мирошина Т.В. 1981. Некоторые типы скифских головных уборов IV—III вв. до н.э. *СА* 4, 46—69.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева Могилы*. Киев: Стилос.

Мурзин В.Ю. 2018. О золотых «конусах» из скифских курганов. *Археологія і давня історія України* 2(27), 131—137.

Сарианиди В. 2002. *Страна Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб*. Ашгабат: Türkmen döwlet habarlary.

Советова О.С. 2005. *Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы)*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Хамицаева Т.А., Бязыров А.Х. (сост.). 1989. *Нарты. Осетинский героический эпос.* Кн. 2. Москва: Наука.

Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморбе (VII—IV вв. до н.э.)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СпбГУ.

Шауб И.Ю. 2017. Монстры в культуре скифов. *Новое прошлое* 4, 24—47.

Яценко С.А. 1999. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V—IV вв. до н.э. В: Тощев Г.Н. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Запорожье: ЗГУ, 282—285.

Яценко С.А. 2000. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии. *ВДИ* 4, 186—204.

Яценко С.А. 2006. *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. Москва: Восточная литература.

Яценко С.А. 2013. Этапы и формы антропоморфизации в греко-скифском и скифском искусстве IV в. до н.э. В: Коваленко А.Н. (ред.). *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону: ЛАКИ-ПАК, 216—230.

Яценко С.А. 2019. Пекторали иранских и иранизированных народов древности. *МАИАСП* 11, 33—72. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00002.

Яценко С.А. 2020. Скифские персонажи в греческом искусстве IV — начала III в. н.э.: несколько наблюдений. В: Хршановский В.А. (ред). *Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Материалы международной научной конференции.* Ч. 2. Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 344—351.

Betts A.V.G., Bonnat M., Kidd F., Grenet F., Khashimov S., Khodzhanijazov G., Minardi M. 2015. Des devinitiés Avestiques sur les peintures murals d' Akchakhan-kala, Ouzbékistan. *Académie des Inscriptions & Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l' année 2015*, III, juillet-octobre, 1369—1396.

Carry A. 2016. Rites of the Scythians. *Archaeology* 69/4, 26—32.

hermitagemuseum.org: 1: Колпачек. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+Archaeological+Artifacts/1123802/?lng=ru (дата обращения 01.12.2020).

hu.pinterest.com: 1: Scythian iconographic sources. URL: https://hu.pinterest.com/dlhyvlado/scythian-iconographic-sources/ (дата обращения 01.12.2020).

L'Or 2001: Reeder E.D. (dir.). 2001. *L'Or des Rois Scythes*. Peris: Réunion des Musées tationaux.

Parzinger H. (Hrsg.). 2007. *Im Zeichen des Golden Greifen. Königsgräber der Scythen*. Muhchen: Prestel.

pinterest.fr: 1: Scythian warriors on a Greek sarcophagus from the Northern Black Sea coast, the 4th c. BC, founded by robbers near Anapa in 2002. URL: https://www.pinterest.fr/pin/455356212304145668/ (дата обращения 01.12.2020).

Sun Wujun. 2014. *Ruhua suteren muzang tuxiang de sangzang yu zongjiao wenhua*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.

Xi'an beizhou 2003: *Xi'an beizhou An Jia mu. Shaanxi sheng kaogu yanjiusuo*. 2003. Beijing: Wenwu chubanshe.

Yatsenko S.A. 2012. Essays on Anthropomorphic Images of Scythians. In: Rabajiev K. (ed.). *Изкуство & Идеология*. София: Университетско издателство «Св. Климент Орхидски», 63—79.

References

Alexeev, A.Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarei v sobranii Ermitazha (Gold of Scythian Kings in Hermitage Museum Collection*). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).

Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (The Ancient Gold of Kuban'*). Krasnodar: Krasnodarskoe knozhnoe izdatel'stvo (in Russian).

Babenko, L.I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni (Pesochin Barrow Necropolis of the Scythian Time)*. Kharkov: Raider (in Russian).

Galanina, L.K. 1980. *Kurdzhipskiy kurgan. Pamiatnik prikubanskikh plemen IV v. do n.e. (Kurdzhips Barrow. The Monument of Kuban River Tribes of the 4th c. BCE)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Gulyaev, V.I. 2019. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 256, 172—187 (in Russian).

Ermolenko, L.N. 2006. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* 3(27), 82—88 (in Russian).

Lagrand, S. 1998. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 4, 47—55 (in Russian).

Metz, F. 2008. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)*, 4, 43—53 (in Russian).

Miroshina, T.V. 1981. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 46—69 (in Russian).

Mozolevsky, B.N., Polin, S.V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. Babina, Vodyana i Soboleva Mogily (The Barrows of Scythian Herros of the 4th c. BCE. Babina, Vogyana and Soboleva Mogily*. Kyiv: Stilos (in Russian).

Murzin, V.Yu. 2018. In *Arkheologiia i davnya istoriia Ukraiiny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 2(27), 131—137 (in Russian).

Sarianidi, V.I. 2002. *Strana Margush. Drevnevostochnoye tsarstvo v staroy del'te reki Murgab (Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of Murgab River)*. Ashgabat: Türkmen döwlet habarlary (in Russian).

Sovetova, O.S. 2005. *Petroglify tagarskoi kul'tury na Yenisee (siuzhety i obrazy) (Petroglyphs of Tagar Culture on Yenisei River (Subjects and Images))*. Novosibirsk: IAE SO RAN (in Russian).

Hamitsaeva, T.A., Byazyrov, A.Kh. 1989 (ed.). *Narty. Osetinskiy geroicheskii epos (Narts. The Ossetian Epic Songs)* 2. Moscow: Nauka 1989 (in Russian).

Shaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul'tˈ i ritual v Severnom Prichernomorie (VII—IV vv. do n.e.) (Myth, Cult and Ritual in the North Pontic Region (the 7th — 4th cc. BCE)*). Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU (in Russian).

Shaub, I.Yu. 2017. In *Novoe proshloe (The New Past)* 4, 24—47 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 1999. In: Toshchev, G.N. (ed.) *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii (Problems of Scythain-Sarmatian Archaeology)*. Zaporozhie: ZGU, 282—285 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2000. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* 4, 186—204 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2006. *Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnye narody) (Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples*)). Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2013. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prochernomorie v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia (The North Black Sea Region in Antiquity and the Early Medieval Time*). Rostov-na-Donu: LAKI-PAK, 216—230 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2019. *In Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 33—72. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00002 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2020. In: Khrshanovsky, V.A. (ed.) *Bosporklii fenomen. Bosporskoe tsarstvo M.I. Rostovtseva (vzgliad iz XXI veka) (Bosporan Phenomenon. Bosporus Kingdom of M.I. Rostovtzeff. The Proceedings of International Conference*). Pt. 2. Saint Petersburg: SPbGUPTD, 344—351 (in Russian).

Betts, A.V.G., Bonnat, M., Kidd F., Grenet, F., Khashimov, S., Khodzhanijazov, G., Minardi, M. 2015. In *Académie des Inscriptions & Belles-Lettres. Comptes rendus des séances de l' année 2015*, III, juillet-octobre, 1369—1396.

Carry, A. 2016. Rites of the Scythians. *Archaeology* 69/4, 26—32.

hermitagemuseum.org: 1: Cap. Available at: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage /digital-collection/25.+Archaeological+Artifacts/1123802/?lng=ru (accessed 01.12.2020).

hu.pinterest.com: 1: Scythian iconographic sources. Available at: https://hu.pinterest.com/dlhyvlado/ scythian-iconographic-sources/ (accessed 01.12.2020).

L'Or 2001: Reeder, E.D. (dir.). 2001. *L'Or des Rois Scythes*. Peris: Réunion des Musées tationaux.

Parzinger, H. (Hrsg.) 2007. *Im Zeichen des Golden Greifen. Königsgräber der Scythen*. Muhchen: Prestel.

pinterest.fr: 1: Scythian warriors on a Greek sarcophagus from the Northern Black Sea coast, the 4th c. BC, founded by robbers near Anapa in 2002. Available at: https://www.pinterest.fr/pin/455356212304145668/ (accessed 01.12.2020).

Sun Wujun. 2014. *Ruhua suteren muzang tuxiang de sangzang yu zongjiao wenhua (The funerary and religious culture of Sogdian tomb iconography in China)*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.

Xi'an beizhou 2003: *Xi'an beizhou An Jia mu. Shaanxi sheng kaogu yanjiusuo (The Northern Zhou Tomb of An Jia at Xi'an. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology)*. Beijing: Wenwu chubanshe.

Yatsenko, S.A. 2012. In: Rabajiev, K (ed.). *Izkustvo & Ideologiia (Art & Ideology)*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Klement Orkhidski", 63—79.

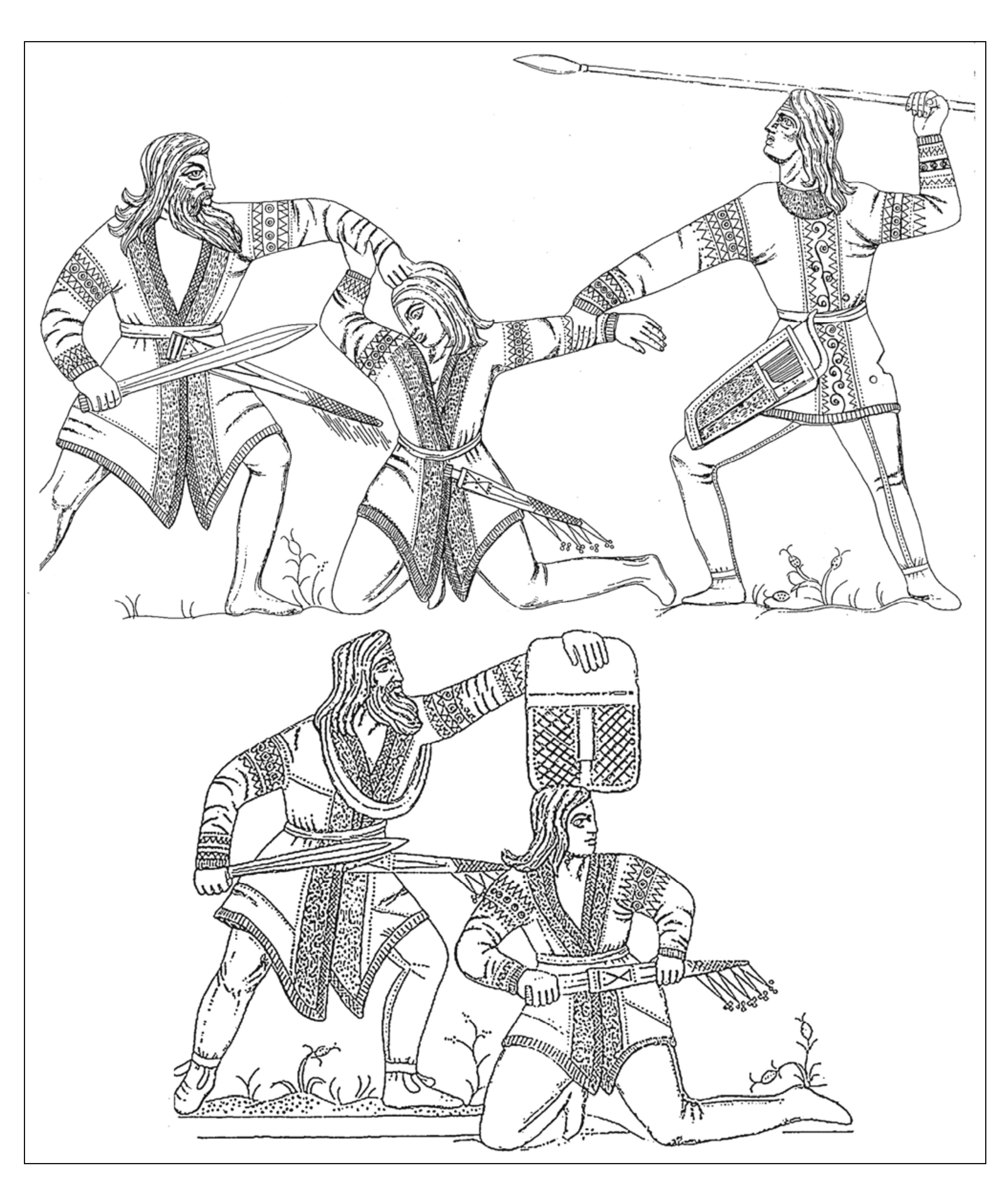

Рис. 1. Избражения на «колпачке» из кургана Передериева Могила (по Лагранд 1998).

Fig. 1. Composition of the "cap" from Perederieva Mogila barrow (after Lagrand 1998).

Рис. 2. «Колпачок» из кургана 1 в Сенгилеевском-2. Центральная сцена. Рисунок автора.

Fig. 2. The “cap” from barrow 1 in Sengileevskoe-2. The central scene. Drawing by the author.

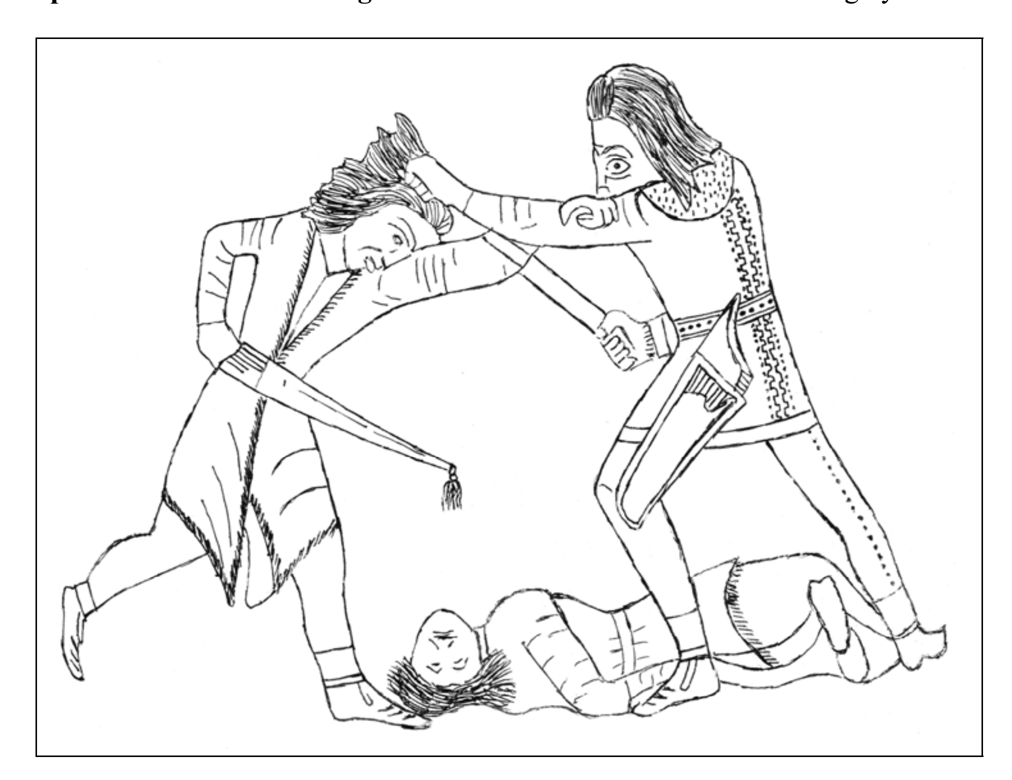

Рис. 3. «Колпачок» из кургана 1 в Сенгилеевском-2. Правая сцена. Рисунок автора.

Fig. 3. The “cap” from barrow 1 in Sengileevskoe-2. The right scene. Drawing by the author.

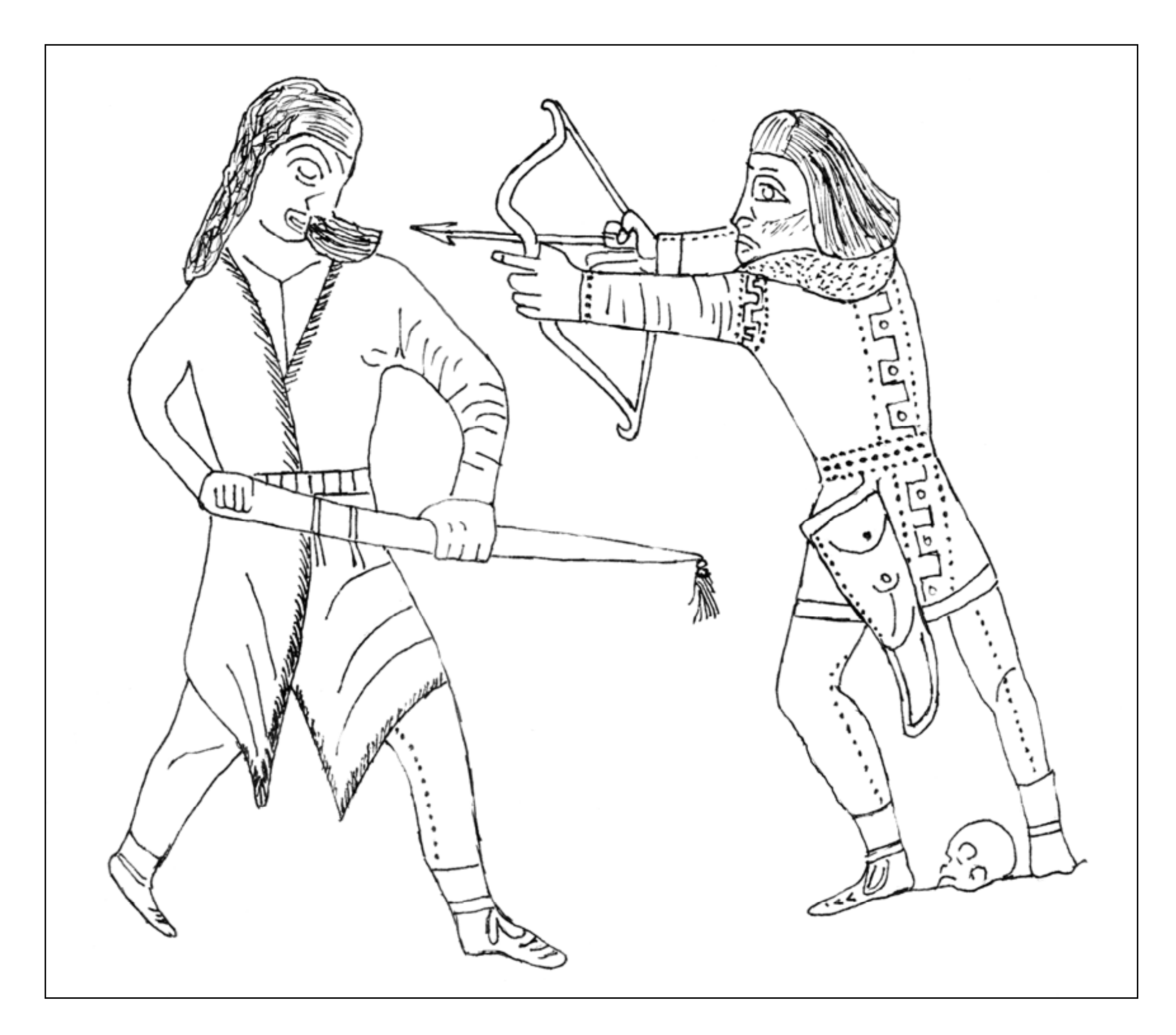

Рис. 4. «Колпачок» из кургана 1 в Сенгилеевском-2. Левая сцена. Рисунок автора.

Fig. 4. The “cap” from barrow 1 in Sengileevskoe-2. The left scene. Drawing by the author.

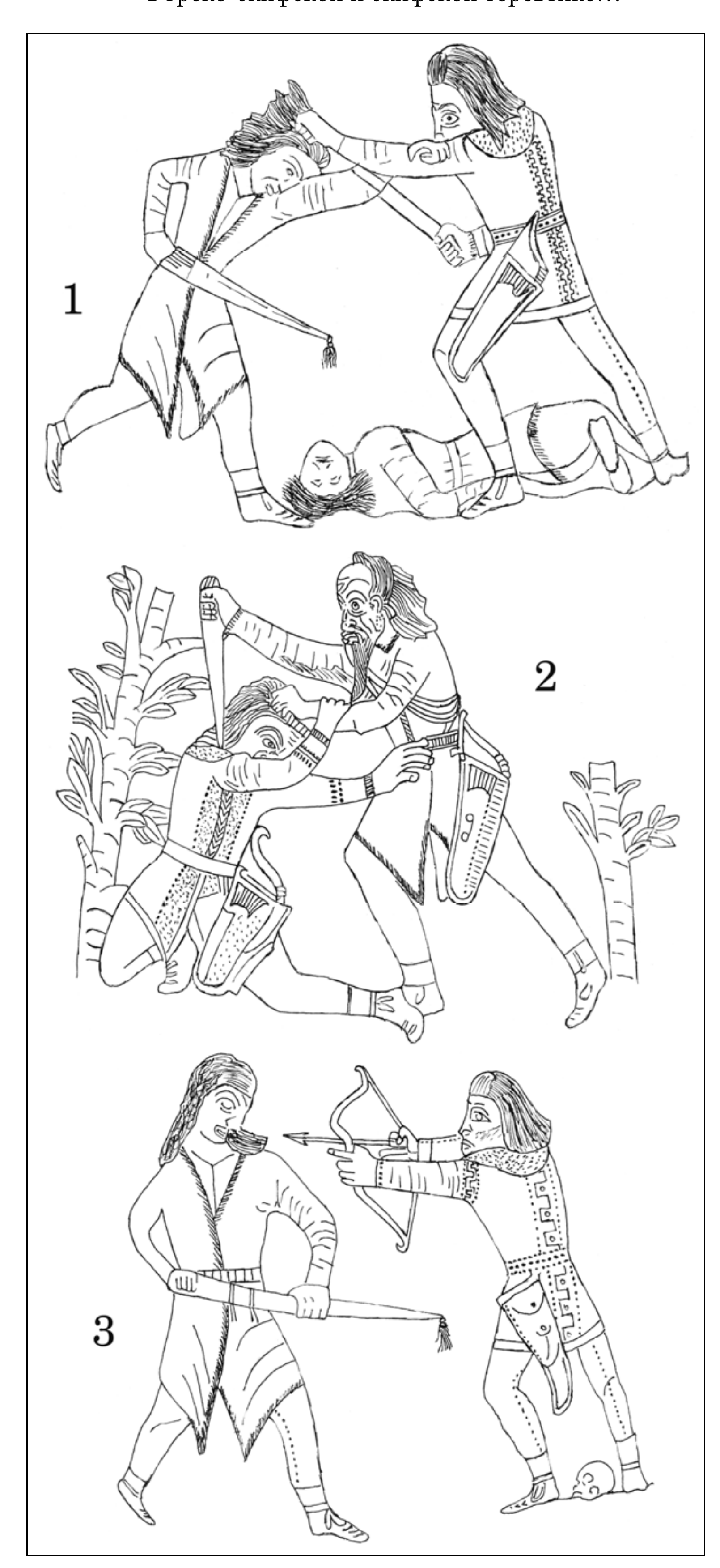

Рис. 5. «Колпачок» из кургана 1 в Сенгилеевском-2. Сцены 1, 2, 3. Рисунок автора.

Fig. 5. The "cap" from barrow 1 in Sengileevskoe-2. The scenes 1, 2, 3. Drawing by the author.

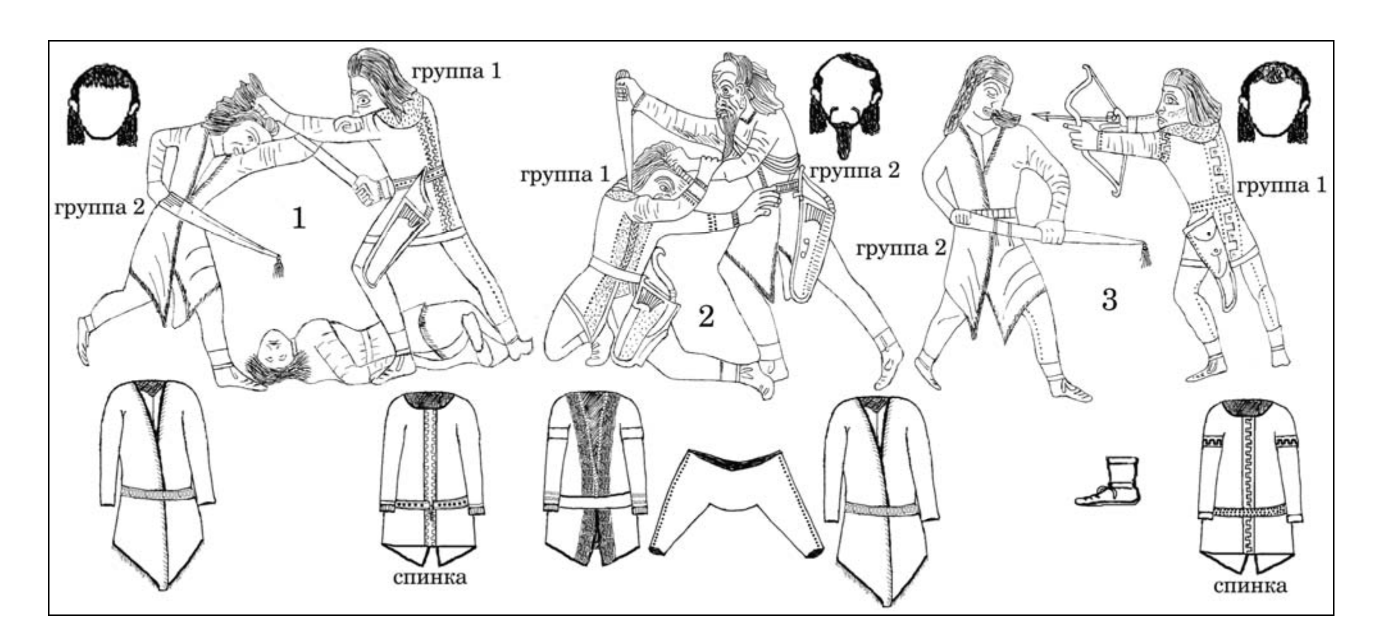

Рис. 6. Костюм персонажей в сценах 1, 2, 3 на «колпачке» из кургана 1 в Сенгилеевском-2. Рисунок автора.

Fig. 6. The costume of personages in scenes 1, 2, 3 on the “cap” from barrow 1 in Sengileevskoe-2. Drawing by the author.

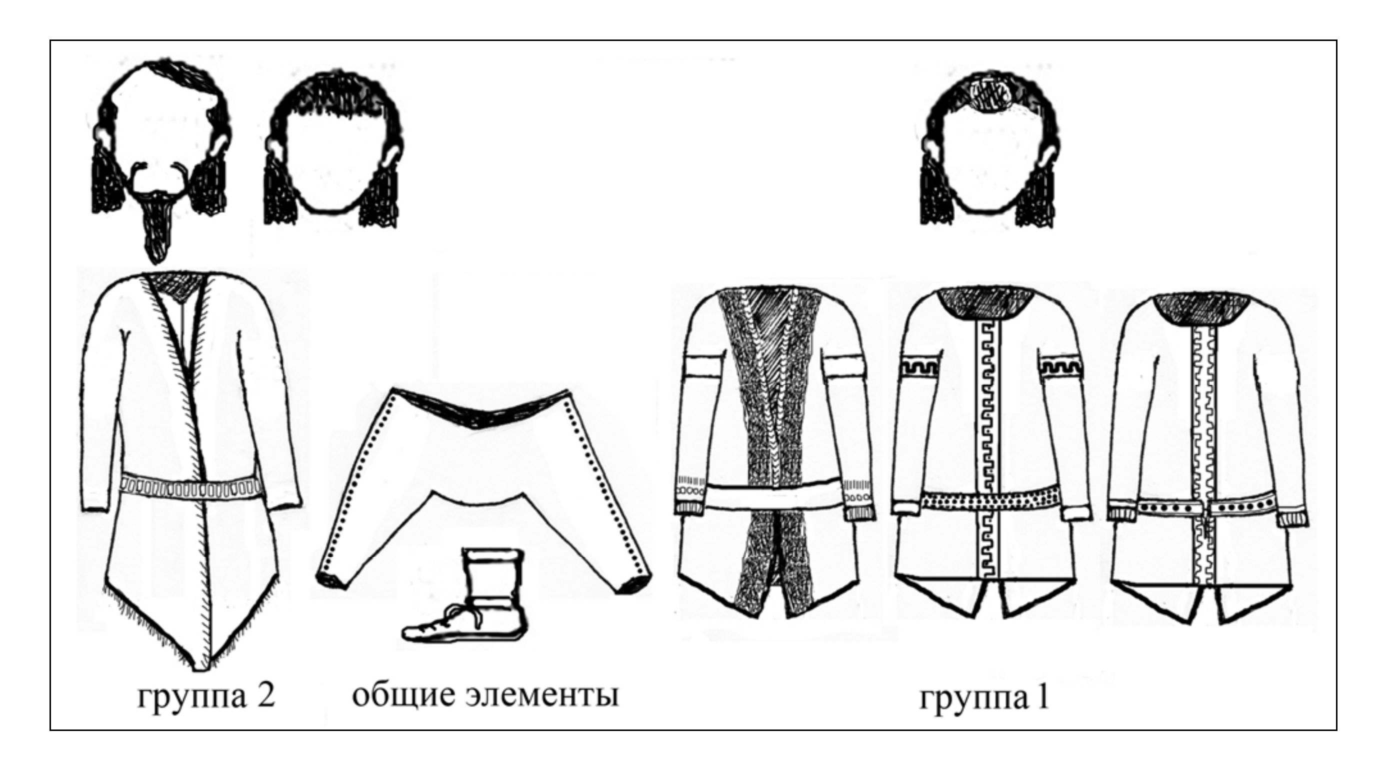

Рис. 7. Сводная таблица костюма из Сенгилеевском-2. Рисунок автора.

Fig. 7. Summmary table of costume in Sengileevskoe-2. Drawing by the author.

Рис. 8. «Колпачок» из кургана Курджипс (по hermitagemuseum.org: 1; рисунок Л.К. Галаниной)

Fig. 8. The "cap" from Kurdzhips barrow (after hermitagemuseum.org: 1; L.K. Galanina drawing).

Рис. 9. Бронзовые накладки на саркофаг, найденный грабителями в 2002 г. у древней Горгиппии: реконструкция первоначальной композиции из семи фигур.

Fig. 9. Bronze decorations on the sarcophagus found by the robbers in 2002 in the ancient Gorgippia: the reconstruction of original composition with 7 figurines.

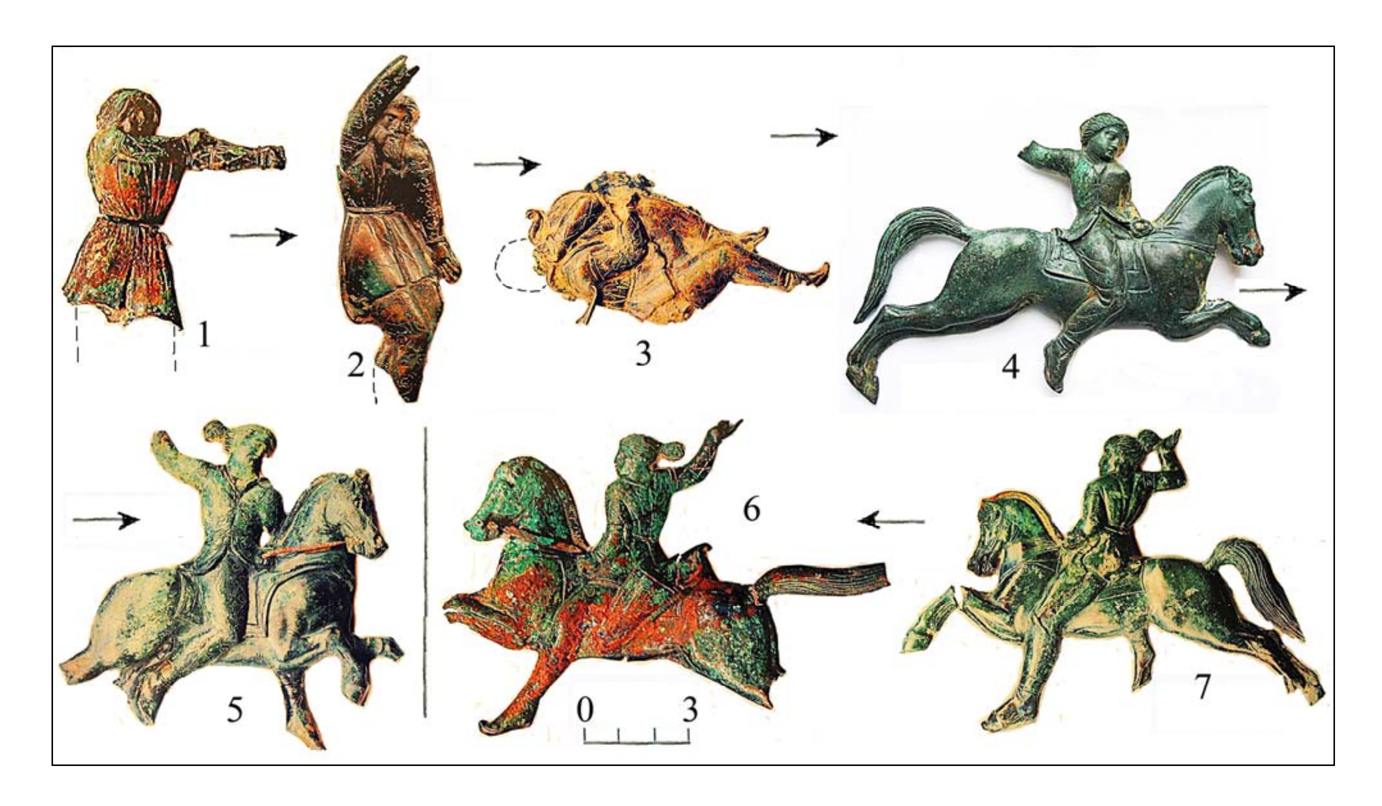

Рис. 10. Бронзовые накладки на саркофаг, найденный грабителями в 2002 г. у древней Горгиппии: реконструкция первоначальной композиции из семи фигур (по hu.pinterest.com: 1; hu.pinterest.com: 2; pinterest.fr: 1).

Fig. 10. Bronze decorations on the sarcophagus found by the robbers in 2002 in the ancient Gorgippia: the reconstruction of original composition with 7 figurines (after hu.pinterest.com: 1; hu.pinterest.com: 2; pinterest.fr: 1).

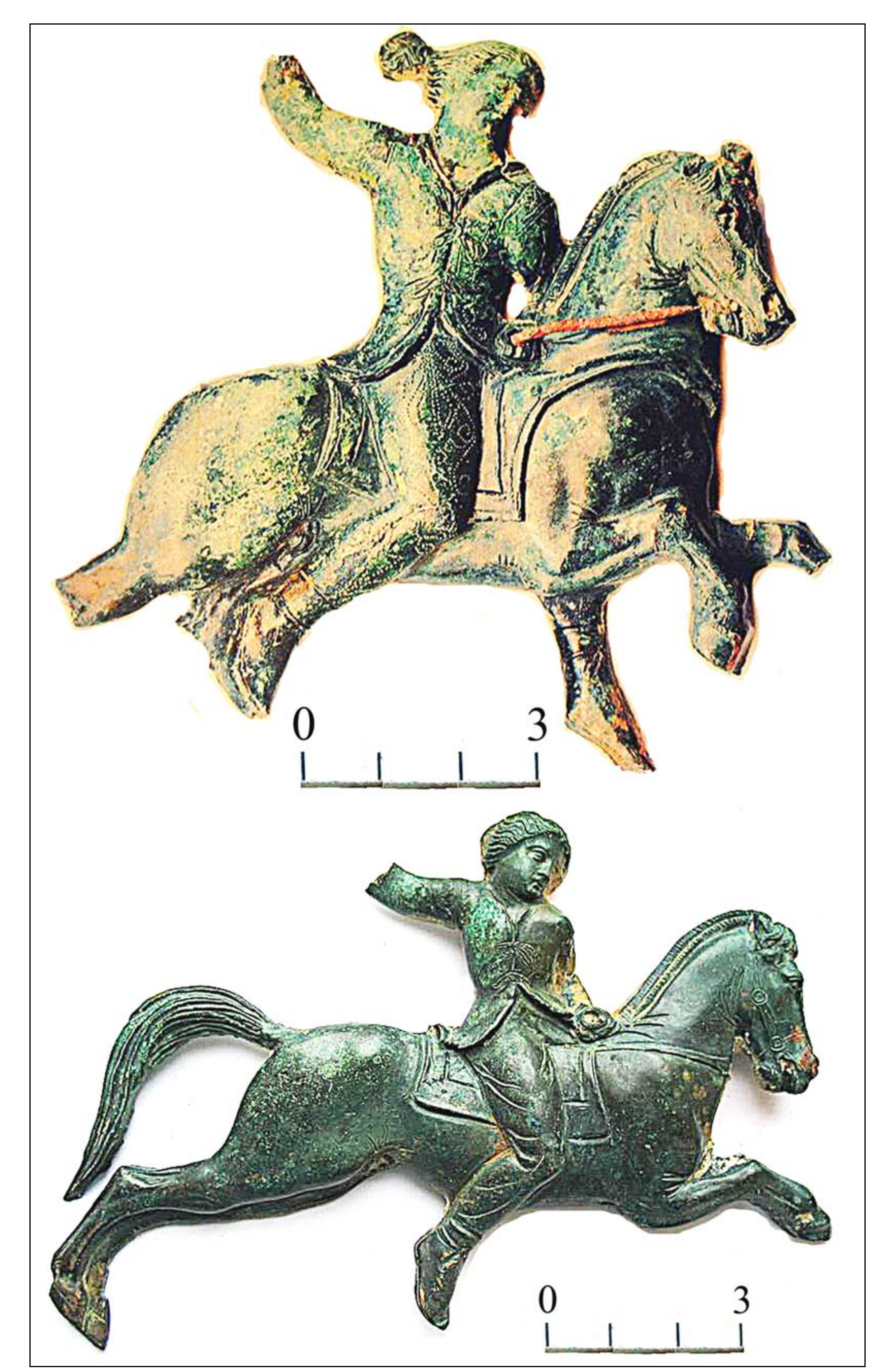

Рис. 11. Всадники-копейщики, скачущие вправо. Накладки саркофага 2002 г. из Горгипии.

Fig. 11. Horsemen with spears riding to the right. The decorations of 2002 y. sarcophagus from Gorgippia.

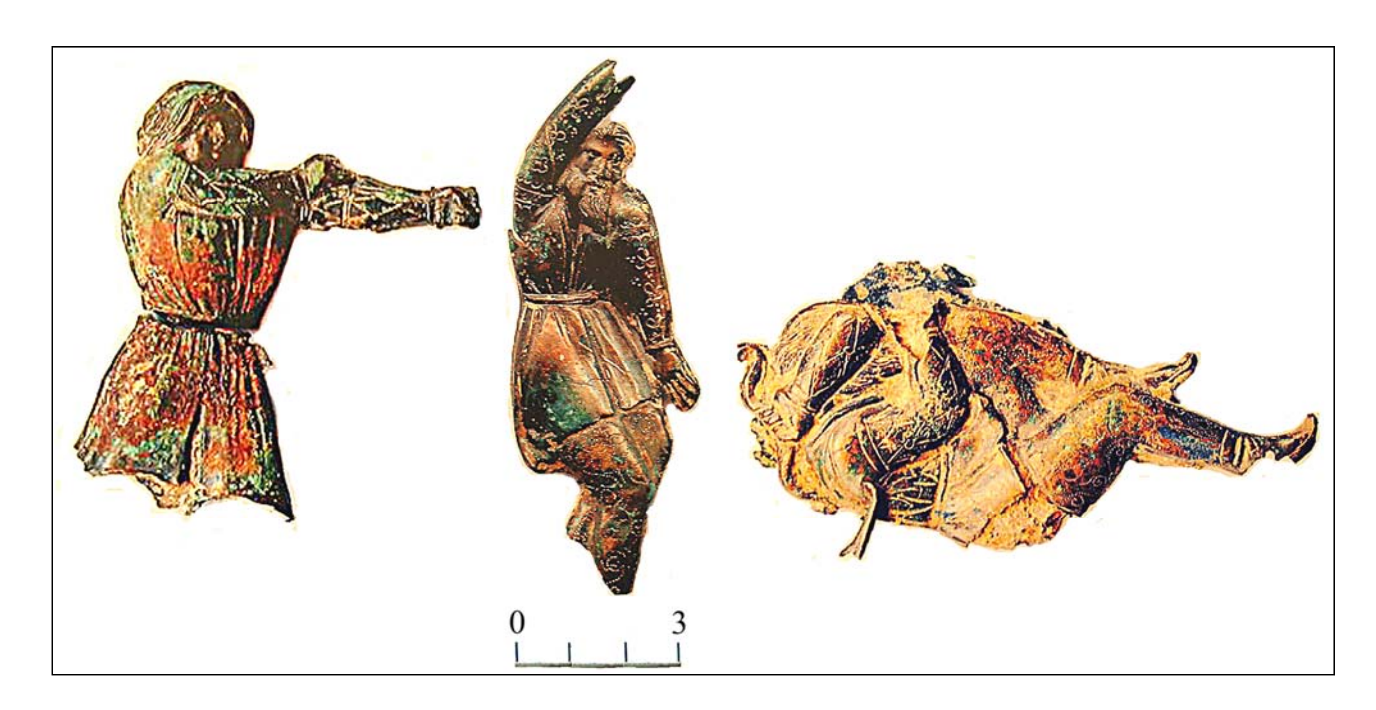

Рис. 12. Пешие воины, обращенные вправо. Накладки саркофага 2002 г. из Горгипии.

Fig. 12. Foot warriors moving to the right. The decorations of 2002 y. sarcophagus from Gorgippia.

Рис. 13. Всадники-копейщики, скачущие влево. Накладки саркофага 2002 г. из Горгиппии.

Fig. 13. Horsemen with spears riding to the left. The decorations of 2002 y. sarcophagus from Gorgippia.

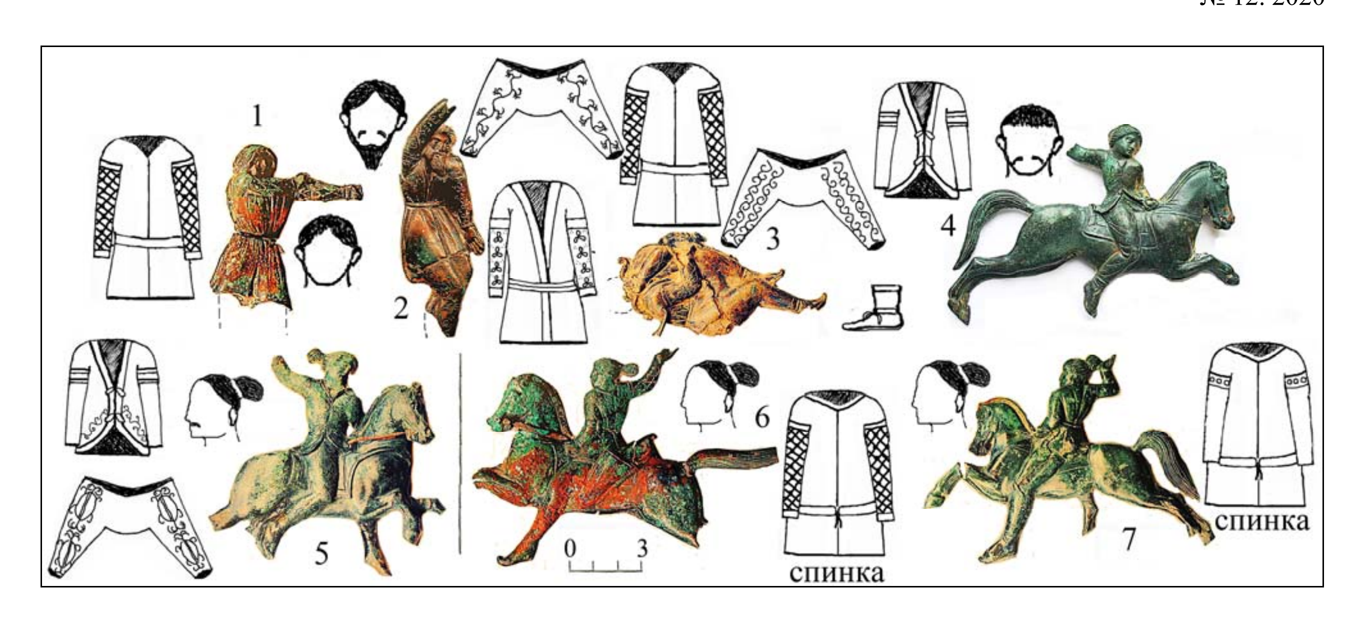

Рис. 14. Костюм предполагаемых персонажей 1—7. Накладки саркофага 2002 г. из Горгипии.

Fig. 14. Costume of the probable personages 1—7. The decorations of 2002 y. sarcophagus from Gorgippia.

Рис. 15. Сводная таблица костюма накладок саркофага 2002 г. из Горгиппии. Рисунок автора.

Fig. 15. Summmary table of costume on the 2002 y. sarcophagus from Gorgippia. Drawing by the author.

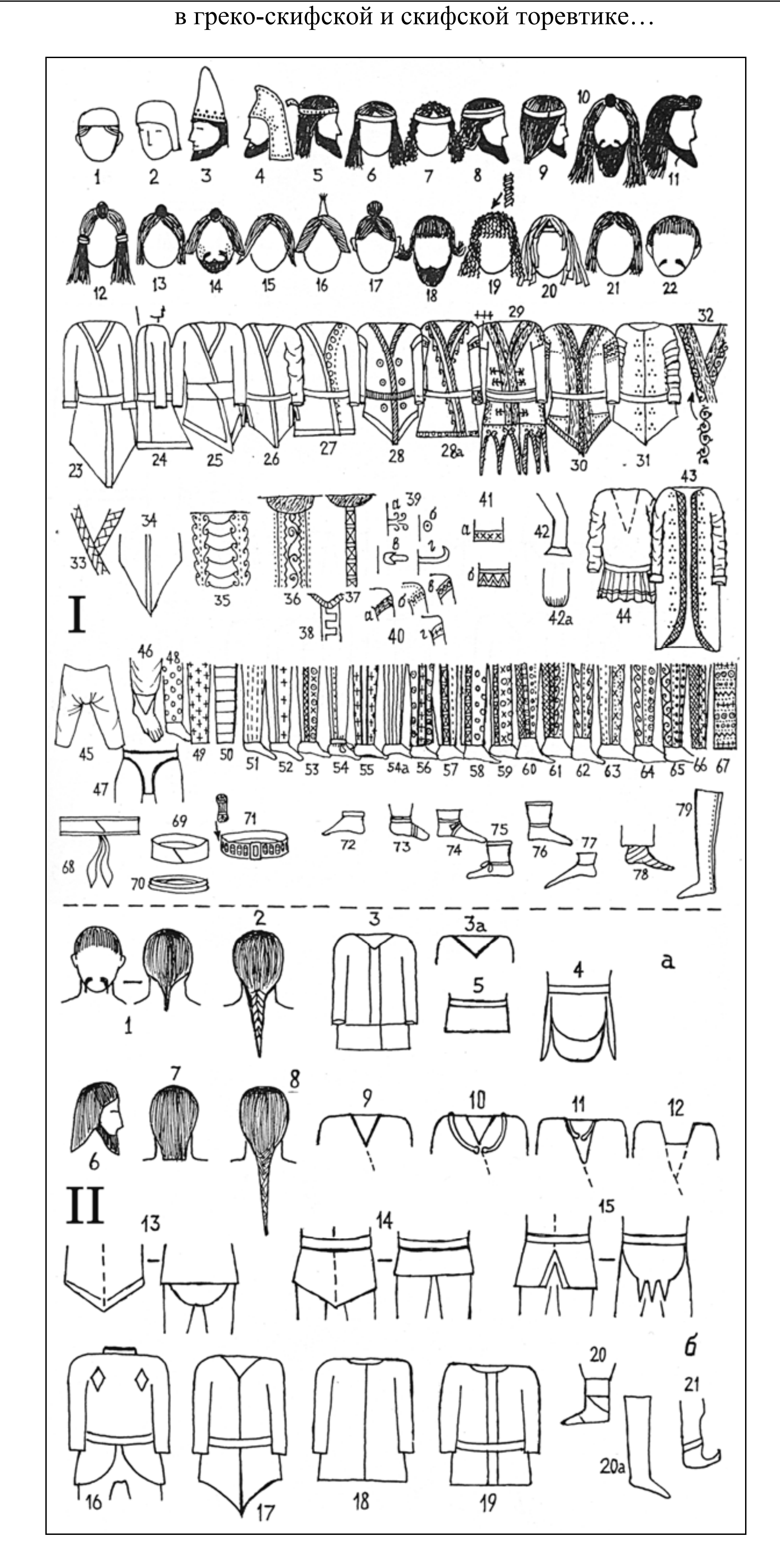

Рис. 16. Костюм скифов V — начала III вв. до н.э.: *I* — на предметах торевтики и в руконструкциях из погребений; *II* — на каменных статутуях (по Яценко 2006: рис. 27—28).

Fig. 16. Costume of Scythians of the 5th — early 3rd cc. BCE: *I* — the toreutic wares and reconstructions based on graves' materials; *II* — the stone statues (after Yatsenko 2006: fig. 27—28).

Рис. 17. Самые ранние в Скифии эпические сцены сражений двух групп воинов в кургане Солоха (рубеж V—IV вв. до н.э.): *1* — горит (рисунок Б.В. Фармаковского); *2* — гребень (по Parzinger 2007: 247).

Fig. 17. The earliest scenes of two groups' battles in Solokha barrow (the late 5th — early 4th cc. BCE): *1* — gorytos / quiver (drowing of B.V. Farmakovsky); *2* — comb (after Parzinger 2007: 247).

Рис. 18. Божество на горите из кургана Соболева Могила (по Reeder 2001: Cat. 154).

Fig. 18. The god on gorytos / quiver from Soboleva Mogila barrow (after Reeder 2001: Cat. 154).

Рис. 19. Горит из кургана Соболева Могила (по Reeder 2001: Cat. 154): *1* — общая схема декора; *2* — ряды монстров по сторонам фигуры божества.

Fig. 19. The gorytos / quiver from Soboleva Mogila barrow (after Reeder 2001: Cat. 154): *1* — general layout of the décor; *2* — rows of monsters on the sides of the god figure.

Рис. 20. Гонур-депе, древняя Маргиана / Маргуш: *1* — серебряная печать с изображением божества — Хозяина зверей; *2* — божество (?) в виде петуха на оружии (по Сарианиди 2002: 304, 104).

Fig. 20. Gonur-depe, the ancient Margiana / Marguš: 1 — the silver seal with the image of God — the Master of Animals; 2 — the deity (?) the form of a rooster on a weapon (after Sarianidi 2002: 304, 104).

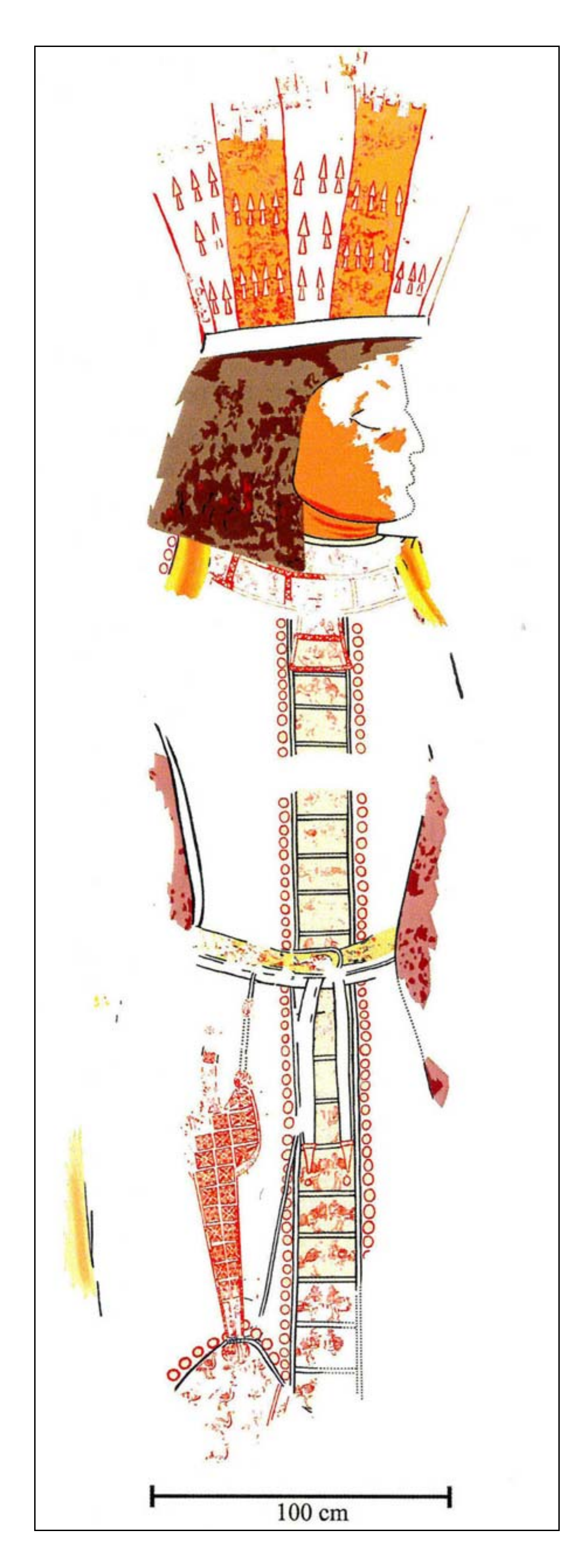

Рис. 21. Акчахан-Кала (Казаклы-Яткан), Хорезм. Стенная роспись с изображением божества (по Betts et al. 2015: fig. 8).

Fig. 21. Akchakhan-Kala (Kazakly-Yatkan), Khorezm. The wall painting with god (after Betts et al. 2015: fig. 8).

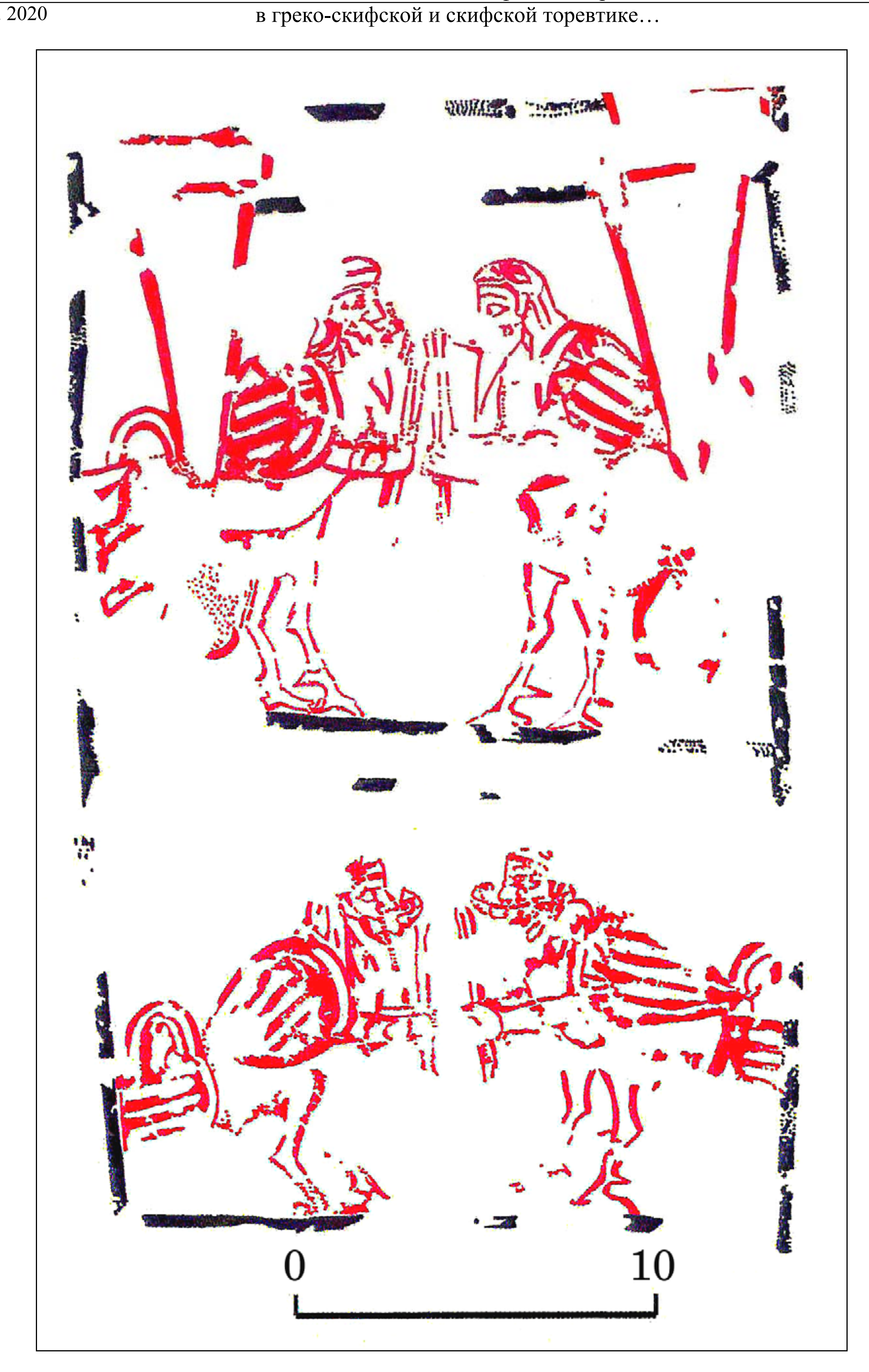

Рис. 22. Акчахан-Кала. Человеко-петухи на бортах кафтана божества (по Betts et al. 2015: fig. 10).

Fig. 22. Akchakhan-Kala. The men-roosters on the caftan' sides of a god (after Betts et al. 2015: fig. 10).

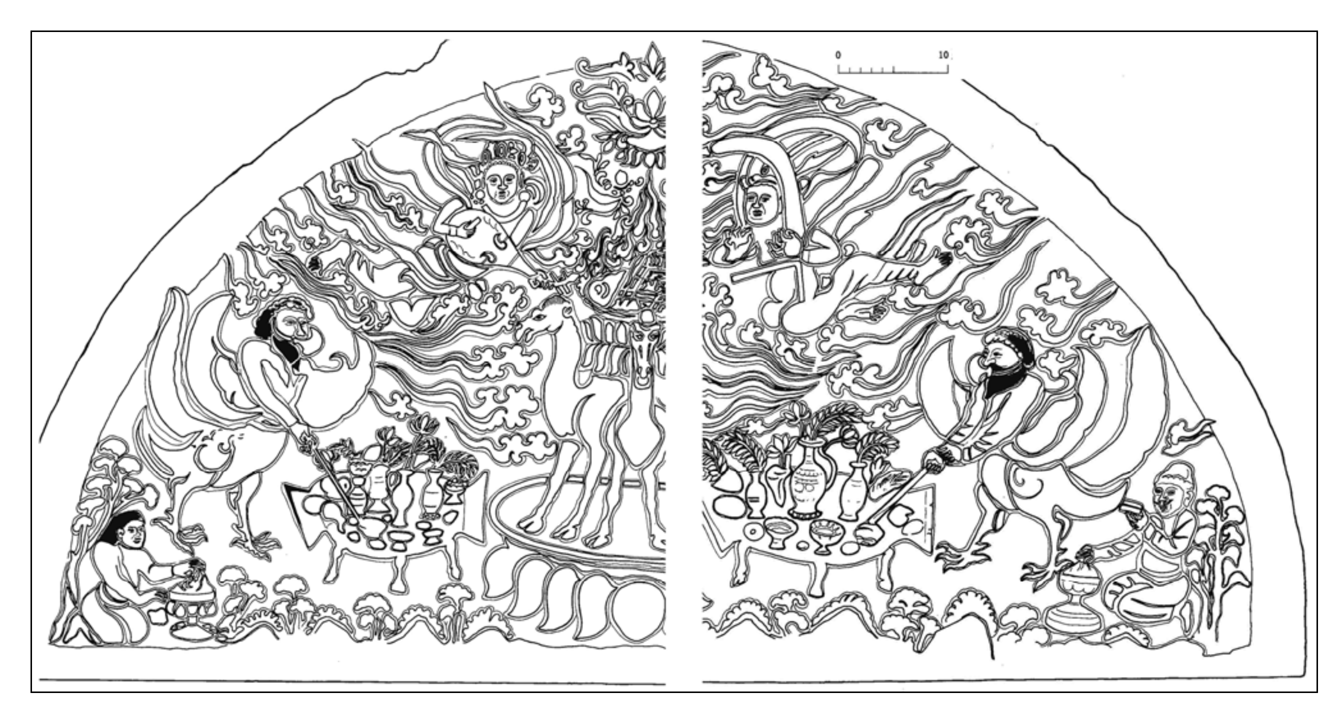

Рис. 23. Божественные служители. Рельф на двери гробницы согдийца Ань Цзе (Ань Чжия) 579 г. в г. Сиань (по Xi'an beizhou 2003: 15—16).

Fig. 23. The divine servants. The relief of tomb' door of Sogdian An Jie (An Jia) of 579 CE in Xi'an city (after Xi'an beizhou 2003: 15—16).

Рис. 24. Божественный служитель. Деталь рельфа на двери гробницы согдийца Ань Цзе (Xi'an beizhou 2003: 16, 150).

Fig. 24. The divine servant. The relief detail of tomb' door of Sogdian An Jie (after Xi'an beizhou 2003: 16, 150).

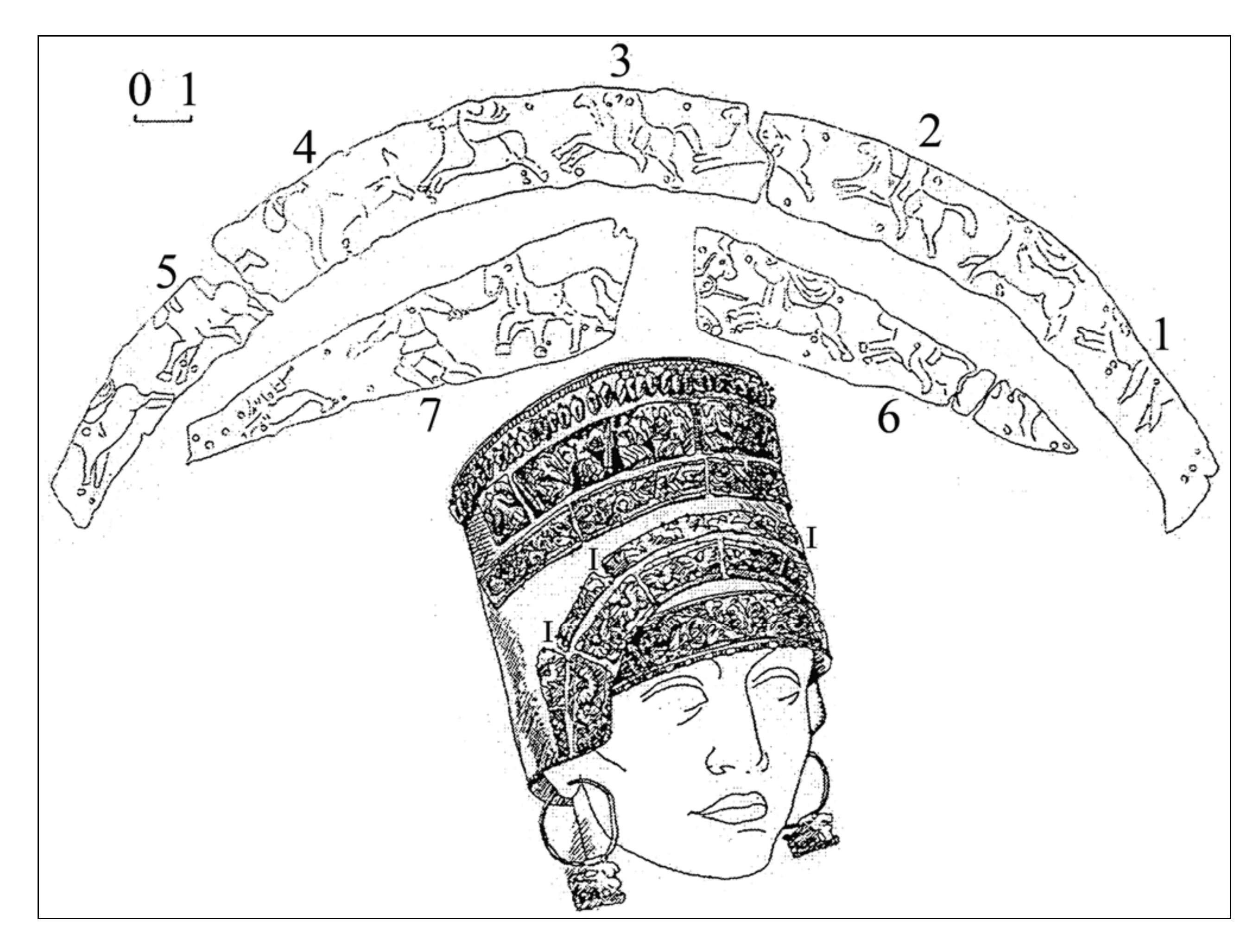

Рис. 25. Золотые пластины-стленгиды лицевой стороны «скифской тиары» из кургана 8 у с. Песочин (Бабенко 2005: рис. 15: *2*). Нумерация персонажей дана автором.

Fig. 25. The golden stlingida plate of the front side of "Scythian tyara" in the barrow 8 near Pesochin Village (after Babenko 2005: fig. 15: *2*). Numeration of the author.

УДК 903.2
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00009

Н.И. Суворова, Э.Б. Широченко

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПАНИАРДИСА*

В 2014 г. при исследовании некрополя античного Паниардиса на территории г. Азова в женском погребении была обнаружена уникальная находка — терракотовая статуэтка, изображающая юношу у гермы. Терракоты с подобным сюжетом изготавливались во II в. до н.э. — I в. н.э. на территории Боспора. Местные коропласты вдохновлялись высокохудожественными произведениями танагрских мастеров IV—III вв. до н.э., которые, в свою очередь, подражали статуям известных скульпторов классического периода. При атрибуции находки авторы обращались к сюжетам на античных расписных вазах и эпическим и философским произведениям. В основе сюжета терракоты прослеживается символика дионисийско-орфического круга верований. Данная находка свидетельствует о высокой степени эллинизации верхушки местного общества, почитающего Диониса хтонического. Возможно, помещение ее в ногах усопшей отражало определенные религиозные верования местных жителей: она могла служить проводником в потусторонний мир.

Ключевые слова: Паниардис, некрополь, терракотовая статуэтка, первая половина I в. н.э., Боспор, коропласты, мотив боковой опоры, эфеб, палестрит, дионисийско-орфический круг верований.

Сведения об авторах: Суворова Надежда Игоревна[1], Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; Широченко Эдуард Борисович[2], Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

Контактная информация: [1,2]346780, Россия, Ростовская область, г. Азов, ул. Московская, 38/40, Азовский музей-заповедник; e-mail: [1]w.falke@mail.ru; [2]edshdangar@gmail.com.

N.I. Suvorova, E.B. Shirochenko

UNIQUE FIND FROM PANIARDIS NECROPOLIS

In the year 2014, a unique discovery was made during the exploration of the ancient Paniardis necropolis in the territory of Azov: a terracotta figurine depicting a young man at a herm was found in the female burial. Terracottas of similar subject were made in 2nd BCE — 1st CE in the territory of Bosporus. Local coroplast artisans were inspired by works of high artistry made by Tanagra masters in 4th — 3rd BCE who, in their turn, were imitating statues by famous sculptors of the Classical period. During the attribution of the finding, the authors were referring to themes on antique painted vases, as well as epic and philosophical works. The terracotta's theme can be traced back to the Dionysus — Orphic mythical symbols. This discovery shows that the upper class of the local society, who revered chthonic Dionysus, was highly Hellenized. The terracotta's placement at the foot of the burial may reflect certain religious beliefs of the local population and the terracotta itself may have served as a psychopomp.

Key words: Paniardis, necropolis, a terracotta figurine, the first half of 1st c. CE, Bosporus, coroplasts, a side bearer motif, ephebus, a palaestrite, Dionysian-Orphic circle of belief.

About the authors: Suvorova Nadezhda Igorevna[1], Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve; Shirochenko Eduard Borisovich[2], Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve.

Contact information: [1,2]346780, Russia, Rostov region, Azov, 38/40 Moskovskaya St., Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve; e-mail: [1]w.falke@mail.ru; [2]edshdangar@gmail.com.

---

* Статья поступила в номер 11 июля 2020 г.
Принята к печати 28 июля 2020 г.

© Н.И. Суворова, Э.Б. Широченко, 2020.

Крепостное городище (Паниардис) с некрополем расположено в северо-восточной части современного Азова, на высоком обрывистом берегу у слияния р. Дон и его притока р. Азовки (рис. 1). Так же, как и Подазовское городище, расположенное на западной окраине современного Азова, памятник относится к поселениям, составляющим сельскую округу Танаиса. В настоящее время вся территория Крепостного городища и его некрополя находится под плотной городской застройкой. Помимо современного слоя, всю площадь памятника перекрывают напластования XVIII—XIX вв., а также культурный слой средневекового городища Азака—Таны с некрополем XIII—XIV вв. Площадь некрополя Крепостного городища составляет 159 га. Памятник датируется последней четвертью I в. до н.э. — серединой II в. н.э.

История изучения Крепостного городища начинается в XIX в. и связана с попытками определить местоположение Танаиса (Бойко 1991: 72; Горбенко, Косяненко 2011: 7). В 40-е годы XX в. директором довоенного Азовского краеведческого музея И.Д. Тиуновым была составлена археологическая карта г. Азова с границами памятников, в том числе и Крепостного городища, получившего на тот момент наименование «Придонское селище» (Фомичев 1990: 35). Первые послевоенные раскопки на территории Крепостного городища проводятся в 1956 и 1958 гг. под руководством И.С. Каменецкого. В 60-е годы значительный вклад в исследование Крепостного городища был внесен Л.М. Казаковой. Под её руководством также начались первые раскопки на территории некрополя. Первые крупномасштабные раскопки некрополя были проведены в 1972 г. под руководством А.А. Горбенко. Результаты исследований стали основой его дипломной работы «Некрополь Крепостного городища» (Бойко 1991: 73). В 80—90 гг. XX в. публикуются статьи В.Е. Максименко, А.Л. Бойко, Н.М. Фомичева, посвященные Крепостному городищу и его некрополю (Бойко 1990; 1991; Максименко, Проценко 1992; Фомичев 1990). В 2011 г. издается монография А.А. Горбенко и В.М. Косяненко «Некрополь Паниардиса» (Горбенко, Косяненко 2011). С 70-х годов XX в. и по настоящее время, работы по изучению и сохранению археологических памятников г. Азова проводили археологи Азовского музея: А.А. Горбенко, В.В. Чалый, Н.М. Фомичев, В.И. Перевозчиков, А.Л. Бойко, И.В. Белинский, И.В. Гудименко, А.Н. Масловский, М.В. Дмитриенко, Э.Б. Широченко, С.А. Кравченко, С.М. Гончарова, М.В. Харенко (Ермолаенко), М.Ю. Гончаров и А.П. Минаев.

В 2013—2014 г. проводились исследования восточной границы некрополя Паниардиса по адресу пер. Коллонтаевский, 65 (рис. 2). Участок располагался на северо-западном склоне древней Кирсановой балки. За два полевых сезона было вскрыто 480 кв. м. Мощность культурных напластований, на участке, составляла от 0,2 до 1,5 м. В слое фиксировались фрагменты керамики I—II и XIV вв. Были исследованы две печи XVIII в. и 14 погребений античного времени, относящихся к некрополю Паниардиса. Некоторые погребения отличались богатством инвентаря (Гончарова и др. 2016: 90). Среди них погребение 4, в котором была найдена интересующая нас глиняная статуэтка (рис. 3).

Погребение 4 было выявлено в юго-восточной части квадрата 3Д. Могильная яма прямоугольной формы, углы закруглены, по линии длинной оси вытянута в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 4). Стенки могильной ямы неровные, оплывшие. Длина могильной ямы — 2,5 м, ширина — 0,9 м. Уровень обнаружения могильной ямы от условного R_0: -2,55 м, дно могильной ямы: -2,73 м. Костяк погребенной женщины 25—30 лет[1] был вытянут на спине прямо, черепом ориентирован в юго-западном направлении. Голова погребенной была склонена к левому плечу. Руки вытянуты прямо, вдоль туловища,

[1] Определение костных останков выполнено антропологом канд. биол. наук Е.Ф. Батиевой.

отсутствовали кисти обеих рук. Ноги вытянуты прямо, сложены вместе, отсутствовали кости стоп обеих ног. Сохранность костей плохая. Заполнение могильной ямы — смесь суглинков светло-коричневого и бурого цветов. В погребении был обнаружен богатый инвентарь, датируемый I в. н.э., возможно его первой половиной. Отметим предметы, являющиеся хроноиндикаторами данного погребения:

1. Краснолаковый кувшин[2]. Находился между южным углом могильной ямы и черепом (рис. 5: *1*). Венчик кувшина профилирован широким плоским воротничком. Горло цилиндрическое. Тулово биконическое. Дно на низком кольцевом поддоне. Ручка с верхним прилепом к горлу уплощенно-овальной формы, слабо профилирована. Высота предмета — 17,5 см; диаметр венчика — 7,0 см; диаметр горла — 6,0 см; диаметр тулова — 15,5 см; высота ручки — 8,5 см; сечение ручки — 2,7 × 1,0 см; диаметр дна — 7,0 см. Подобный тип кувшинов из инвентаря погребений Крепостного городища датируется I в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 34—36).

2. Бронзовая фибула[3]. Была расположена у левого предплечья (рис. 5: *2*). Спинка фибулы прямая. Пружина четырёхвитковая. Приемник пластинчатый, сплошной. Размеры предмета — 3,4 × 0,9 см; ширина спинки — 0,4 см; диаметр иглы — 0,2 см. По морфологическим признакам фибула относится к 4 группе (по классификации А.К. Амброза). Такие «воинские» фибулы датируются I в. н.э. (Амброз 1966: 23—25).

3. Бронзовое зеркало[4]. Обнаружено в заполнении могильной ямы, в ее юго-западной части (рис. 5: *3*). Диск зеркала по краю оформлен рельефным валиком, в центре невысокий конусовидный выступ. Ручка прямоугольной формы, с остатками облоя на верхней части ручки. В нижней части ручки овальное отверстие. Диаметр диска — 5,3 см, длина ручки — 2,3 см, ширина — 0,7 см. По классификации В.М. Косяненко, подобные зеркала относятся к III типу, датируемому первой половиной I в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 47—49).

Помимо вышеуказанных предметов в северо-восточной части могильной ямы располагались лепная курильница, серолощеный кубок на низкой ножке[5] (рис. 5: *4*), серолощеный кувшинчик с полой ручкой[6] и лепное пряслице[7] (рис. 5: *5*). Гешировые подвески стрелковидной формы были расположены у темени, на правой лопатке и на грудине[8] (рис. 5: *6*). Ранее на территории некрополя Крепостного городища подобные подвески были обнаружены в погребении, которое датируется концом I в. до н.э. — рубежом н.э. (Горбенко, Косяненко 2011:101). Бусы из белой пасты лежали вдоль правой стороны нижней челюсти[9] (рис. 5: *7*). С внешней стороны правого предплечья находилось бронзовое шило[10] (рис. 5: *8*). В заполнении были обнаружены бронзовые накладки с остатками древесины, возможно, накладки на край деревянной посуды[11] (рис. 5: *9*). Аналогичные изделия ранее были зафиксированы на территории некрополя в погребении I в. н.э. (Горбенко, Косяненко 2011: 55—56). В заполнении также были найдены медные и стеклянные бусы, медные серьги, фрагменты медных и железных изделий[12] (рис. 5: *10*).

[2] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/61.
[3] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/66.
[4] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/62.
[5] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/59.
[6] АМЗ, КП 31169 А1Г 1128/60.
[7] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/82.
[8] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/79.
[9] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/74.
[10] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/65.
[11] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/69.
[12] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/70.

В северо-восточной части могильной ямы, в районе берцовых костей левой ноги погребенной женщины, находилась глиняная статуэтка (рис. 6). При обнаружении терракота буквально рассыпалась на множество крупных и мелких фрагментов, она расслаивалась (рис. 7). После проведенной реставрации на высоком профессиональном уровне произошло, поистине, второе рождение глиняной статуэтки[13]. Теперь появилась возможность не только ее рассмотреть, но и изучить (рис. 8). Она представляла собой объемную статуэтку, изображающую юношу, опирающегося на герму[14]. Сохранилось две части терракоты: фрагменты лицевой и оборотной стороны. Детали лица юноши не проработаны. Лицо округлое, нос прямой большой, рот маленький. Юноша чуть повернул и склонил голову влево. Он стоит на невысоком постаменте прямоугольной формы, слегка согнув левую ногу в колене и выставив ее вперед, опираясь локтем левой руки на герму. Правая рука опущена вдоль тела. На нем длинный хитон, драпирующийся вертикальными параллельными складками, и плащ, наброшенный на левое плечо и свободно опускающийся до середины голени. На правом плече плащ скрепляет круглая фибула-брошь. Герма на невысоком постаменте, прямоугольной формы, чуть расширяющаяся кверху. Герму венчает голова Гермеса или Диониса (?), чуть смещенная к краю. Детали лица головы гермы не проработаны. Лицевая сторона статуэтки была отмята в форме, оборотная — заглажена от руки. На оборотной стороне в верхней части округлое отверстие. На внутренней поверхности сохранились следы стеки и многочисленные отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, красно-коричневого цвета с мелкими включениями извести и песка. Фрагменты терракоты склеены из множества расслаивающихся глиняных пластин, догипсованы. На поверхности сколы, поверхность заизвесткована. Высота сохранившейся лицевой части — 15,5 см, ширина — 6,7 см; высота сохранившейся оборотной части — 12,3 см, ширина — 6,7 см, диаметр отверстия — 1,7 см. Вероятно, статуэтка была произведена на Боспоре в I в. н.э.

Ближайшей аналогией вышеупомянутой статуэтки является терракота, обнаруженная в Мирмекии и хранящаяся в Государственном Эрмитаже[15] (рис. 9: *1*). По мнению В.И. Денисовой, она изображает стоящего у гермы эфеба (Денисова 1981: 67). Эфебом в древнегреческом обществе называли юношу, достигшего 16—18 лет, когда он обретал все права гражданина. Юноша изображен в длинном хитоне и плаще, скрепленном круглой фибулой на правом плече. Голова статуэтки утрачена. Однако размер терракоты и анализ ее деталей позволяет сделать выводы о близком сходстве со статуэткой, найденной в некрополе Крепостного городища. Об этом говорят пропорции изображенного юноши, гермы и постамента, а также мельчайшие детали: количество, величина и направление складок драпирующейся одежды, круглая большая фибула на правом плече, положение ног и правой руки изображенного юноши.

Похожая статуэтка, изображающая юношу у гермы, хранится в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике в г. Керчи[16] (Инв. № КТ-230). Она также изготовлена на Боспоре в I в. н.э. (рис. 9: *2*).

Аналогичный сюжет мы можем увидеть на более ранних боспорских терракотах (Денисова 1981: 67). Глиняная статуэтка из Мирмекия, найденная в слоях раннеэлинистического зольного алтаря III—I вв. до н.э., и хранящаяся в Государственном

---

[13] Реставрация выполнена реставратором АМЗ второй категории Н.В. Шаповаловой.
[14] АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/31.
[15] ГЭ. Инв. № М.37-649.
[16] Выражаем глубокую признательность заместителю генерального директора ГБУ РК «Восточно-Крымский ИКМЗ» Н.В. Быковской за научную консультацию.

Эрмитаже, изображает эфеба, стоящего у гермы[17] (рис. 10: *1*). Статуэтка, по-видимому, изготовлена в несработанной форме: мы видим выражение лица юноши, хорошо проработанные волосы, венок на голове, тщательно проработанные складки плаща и голову, венчающая герму. На статуэтке сохранилась роспись: розовая краска на гиматии, красная — на лице, шее и герме (Пругло 1970: 99).

Другая похожая статуэтка обнаружена в каменной гробнице в Пантикапее и хранится также в Государственном Эрмитаже[18] (рис. 10: *2*). Она изображает юношу, опирающегося на герму. Черты лица юноши, волосы, венок, складки одежды, голова и база гермы хорошо проработаны. Сохранились следы раскраски: на плаще желтого цвета, на базе черного. Терракота изготовлена из керченской глины и датируется II—I вв. до н.э. (Силантьева 1974: 31).

Еще одна статуэтка с похожим сюжетом была обнаружена в грунтовой могиле на горе Митридат и хранится также в Государственном Эрмитаже[19] (рис. 10: *3*). Она изображает стоящего у гермы юношу с перекрещенными ногами. На голове юноши и голове гермы венки. Статуэтка детализирована. Хорошо проработаны лицо юноши, волосы, венок, складки одежды, голова гермы. Терракота изготовлена из керченской глины во II в. до н.э. (Силантьева 1974: 31).

Семь статуэток с похожим сюжетом хранятся в Анапском археологическом музее. Три из них, изображающие обнаженного юношу, опирающегося на столбик, были обнаружены при раскопках некрополя Горгиппии в 1956 г. в погребении 81. Аналогичные им фигурки обнаружены в 1965 г. у хутора Рассвет и на раскопе «Город» в 1969 г. Близкая по типу терракота была случайно найдена в с. Супсех Анапского района в 1980 г. (Хмара 1987: 89). При раскопках некрополя Горгиппии в 1979 г. была обнаружена статуэтка, изображающая опирающегося на герму юношу в плаще и имеющая много общих черт с терракотой из некрополя Паниардиса (рис. 9: *3*). Все вышеперечисленные статуэтки из Анапского музея местного, горгиппийского, производства и датируются I в. до н.э. — I в. н.э.

Известно, что боспорские мастера вдохновлялись высокохудожественными терракотовыми статуэтками, изготовленными танагрскими мастерами в IV—III вв. до н.э. Они не только заимствовали у них сюжеты, но и делали оттиски с готовых терракот, так называемые матрицы, в которых в дальнейшем отминали свои статуэтки. Поэтому не случайно сюжеты «юноша, опирающийся на столбик» или «юноша, опирающийся на скалу» мы встречаем и среди изделий коропластов Танагры. Именно там, в IV в. до н.э. среди сюжетов мелкой глиняной пластики наряду с религиозно-мифологическими элементами впервые появляются образы реального мира, получает большое развитие бытовой жанр (Бритова 1969: 61).

В Государственном музее Берлина хранится терракотовая статуэтка, изображающая юношу в венке и плаще, опирающегося на столбик (рис. 11: *1*). Статуэтка выполнена на высоком художественном уровне. Прекрасно проработаны детали: лицо и прическа юноши, венок на голове, драпирующиеся складки плаща. На поверхности сохранились следы белой обмазки, а также розовой и коричневой краски. Терракота была изготовлена в Беотии, в Танагре, в IV в. до н.э. (Бритова 1969: 158).

Еще одна статуэтка с похожим сюжетом хранится в Государственном музее Берлина (Бритова 1969: 157). Она изображает задумчивого юношу с перекрещенными ногами, опирающегося на скалу, и держащего в руках сосудик для масла (рис. 11: *2*). Вызывает восхищение, с каким мастерством изготовлена данная терракота: детально проработаны лицо

[17] ГЭ. Инв. № М.60-333.
[18] ГЭ. Инв. № П.1881.5.
[19] ГЭ. Инв. № П.1874.101.

юноши, его прическа, венок на голове, складки одежды и камни скалы. Древнему мастеру удалось передать не только внешний облик молодого человека, но и состояние его внутреннего мира. На статуэтке сохранились следы белой обмазки. Она также была изготовлена в Танагре в IV в. до н.э.

В Государственном Эрмитаже хранится коллекция танагрских терракот из собрания П.А. Сабурова. Среди них есть статуэтки с интересующим нас сюжетом. Одна статуэтка изображает юношу в одежде воина: коротком хитоне, панцире, плаще и петасе но голове[20]. Согнутой в локте левой рукой он придерживает плащ, опираясь на невысокий столбик (рис. 12: *1*). Статуэтка выполнена на высоком художественном уровне: прекрасно проработано лицо юноши, его прическа, одежда, головной убор. Оборотная сторона не обработана, имеется округлое отверстие. На лицевой стороне сохранились следы белой обмазки и росписи: волосы и плащ красно-коричневые, губы и хитон красные, глаза и панцирь голубые, лицо и правая рука светло-розовые. Статуэтка была изготовлена в Танагре в конце IV в. до н.э. (Белов 1968: 35).

В IV в. до н.э. один из мастеров Коринфа изготовил терракотовую статуэтку, изображающую юношу, опирающегося на ствол дерева с накинутым на него плащом (Неверов 1981: 76, рис. 36). У него непринужденная поза, задумчиво-мечтательное выражение лица (рис. 12: *2*). Эту статуэтку, хранящуюся в Государственном Эрмитаже, мы также можем отнести к кругу интересующих нас терракот.

Танагрские коропласты вдохновлялись скульптурами великих мастеров, заимствовали их элементы для изготовления собственных предметов мелкой пластики. При этом нередко изменяя сюжет и героев: изображали не только богов и героев мифов, но и обычных жителей Древней Эллады.

На терракотовую пластику IV—III вв. до н.э. большое влияние оказало творчество известных греческих скульпторов Поликлета, Праксителя и Лисиппа. Мотив боковой опоры, который мы видим на вышеупомянутых терракотовых статуэтках, можно рассматривать как изобретение именно Поликлета — скульптора классического периода, мастера «движения в состоянии покоя» (Виппер 1972: 186). Примером тому может служить его знаменитая скульптура «Нарцисс» (рис. 13: *1*).

Развитие данного приема мы видим в работе скульпторов IV в. до н.э. Праксителя и Лисиппа. Главной специальностью Праксителя была отдельная, спокойно стоящая статуя. Особенно прославили Праксителя его женские образы. Но и в свои мужские статуи Пракситель стремился внести элемент женственности, превращая богов в нежных юношей, почти мальчиков, подчеркивая мягкую шелковистость их кожи, придавая их движениям сладостно певучий ритм. Праксителя не столько интересовала определенная характеристика бога или героя, не столько данная ситуация, сколько особое очарование мечтательного настроения, которое он умел вкладывать в свои статуи (Виппер 1972: 248). Примером этого может служить мраморная статуя Гермеса, которая была обнаружена в Олимпии в 1877 г. Гермес изображен с ребенком Дионисом на руках, которого он несет на воспитание нимфам. В пути Гермес остановился для отдыха, прислонился к стволу дерева и играет с малюткой, дразня будущего бога вина гроздью винограда (рис. 13: *2*). Другим примером данного мотива может служить статуя «Отдыхающий сатир», сохранившаяся только в копиях, правда весьма многочисленных (известно свыше семидесяти копий). Герои Праксителя вообще не любят стоять прямо, еще меньше они любят проявлять энергию, и двигаться; они обыкновенно прислоняются, облокачиваются, лениво и мечтательно бездействуют. В «Отдыхающем

[20] ГЭ. Инв. № Г.546.

сатире» опора взята так низко, что на нее брошена вся тяжесть тела. Движение развертывается не вверх, а в сторону, что еще более подчеркнуто позой свободной ноги, которая заворачивается в сторону и поставлена сзади опирающейся ноги (рис. 13: *3*). Именно благодаря этой низкой опоре Пракситель и достигает того ленивого, словно утомленного, свободного от всякого напряжения ритма, который так соответствует мягкой трактовке тела и мечтательному настроению его статуй. Мечтательный «влажный» взгляд статуй Праксителя вызывал особенное восхищение античных зрителей, которые использовали их для украшения садов.

Мотив боковой опоры прослеживается и в творчестве Лисиппа — мастера контрастов. Он изобразил неутомимого могучего Геракла в состоянии полного изнеможения, опирающимся всем телом на палицу, покрытую львиной шкурой (рис. 14: *1*). С кругом Лисиппа следует связать также статую Силена с младенцем Дионисом (рис. 14: *2*). Статуя эта известна по многочисленным репликам. Старик Силен прижимает к груди болтающего ножками младенца Диониса и нежно смотрит ему в глаза (Виппер 1972: 257).

Этот же прием использовали боспорские мастера при изготовлении надгробных статуй. Две подобные статуи эллинистического времени происходят из Пантикапея (Кобылина 1951а: 182, рис. 7: *1*). Одна из них изображает мужчину, одетого в длинный хитон и наброшенный поверх гиматия. Правой рукой мужчина придерживает край гиматия, свисающего с левого плеча; левой рукой опирается на герму (рис. 15: *1*). Другая надгробная статуя, выполненная более схематично, без проработки деталей, представляет мужскую фигуру — прямостоящую, неподвижную, одетую в хитон и гиматий (рис. 15: *2*). Надгробные статуи из Пантикапея и вышеописанные глиняные статуэтки объединяет не только сюжет, но и связь с погребальным обрядом. Ведь большинство подобных терракот было обнаружено именно в погребениях.

Кем могли быть герои вышеупомянутых терракотовых статуэток — задумчивые юноши, опирающиеся на гермы? И почему эти предметы находят в погребальных комплексах? Попробуем ответить на данные вопросы.

Некоторые исследователи считали, что подобные статуэтки изображают эфебов. Известно, что в древнегреческом обществе юноша, достигший 16—18 лет, обретал все права гражданина, становился членом эфебии — общности молодых людей — граждан полиса. Становясь эфебом, молодой гражданин подвергался докимасии с целью проверки возможности наделения его всеми гражданскими правами и заносился в списки своего дема. С этого времени молодой человек объявлялся военнообязанным и привлекался к военной службе, которую проходил до 20 лет. В народном собрании эфебы торжественно получали по щиту и копью и проходили школу полевой и гарнизонной службы, в качестве гарнизонных солдат или блюстителей порядка в общественных местах. Как цвет гражданского населения, эфебы обязательно участвовали в религиозных процессиях и празднествах, при встрече послов, а также присутствовали в полном вооружении в народных собраниях. Не случайно на многих статуэтках, изображающих эфебов, мы видим на голове венки — символы участия в ритуале. В промежутках между служебными занятиями эфебы проводили время по своему усмотрению. Вне службы эфебы вели шумную, полную удовольствий жизнь: одни проводили время за игрой в кости или у флейтисток, другие посещали гимназии, служившие с IV в. до н.э. местами собрания блестящего афинского общества. Таким образом, из эфебов состояла так называемая золотая молодежь афинских щёголей. Через два года службы молодые люди объявлялись совершеннолетними и самостоятельными гражданами. Они получали право являться в суде, жениться и т.д. (Любкер 1885: 476).

В искусстве молодые люди этого возраста изображаются с коротко подстриженными волосами в противоположность к мальчикам и взрослым мужчинам, носившим более длинные волосы. Кроме того, эфебов изображали с накинутым плащом—хламидой. Так называлась мужская верхняя одежда из шерстяной ткани, отличавшаяся от плаща—гиматия меньшими размерами и способом ношения. Хламида представляла собой продолговатую мантию, которая накидывалась на шею короткой стороной и закреплялась застёжкой на груди или на правом плече. Хламиду носили спартанцы, афинские эфебы, а также во всех греческих государствах охотники и путешественники, верховые ездоки и солдаты (Брокгауз, Ефрон 1903: 319). У эфебов хламида была желтого или шафранового цвета, что подтверждают остатки росписи на вышеупомянутой терракоте из каменной гробницы Пантикапея.

На терракоте из некрополя Паниардиса юноша изображен опирающимся на герму — столбик. В античную эпоху гермы служили межевыми знаками, указателями на дорогах. Их ставили также перед входом в дом, на перекрестках или у городских ворот. Первоначально герма представляла собой кучу камней, которые прохожие складывали один на другой, служила путевым или памятным знаком (Любкер 1885: 614). Позже ее изготавливали в виде четырехгранной фаллической стелы со скульптурной головой Гермеса, покровителя собственности, торговли и путешественников. Гермы снабжали также поучительными надписями философского толка, дабы путник, остановившийся в дороге отдохнуть, мог бы их прочесть и задуматься о смыслах бытия. Не случайно на всех терракотовых статуэтках, изображающих юношей у гермы, мы видим задумчиво-отрешенное выражение лица.

Некоторые исследователи видели «эфебов» и в изображенных «фигурах в гиматиях» на античных расписных вазах. В некрополе Елизаветовского городища были найдены четыре краснофигурных скифоса, объединенных одних сюжетом — изображение фигур в гиматиях (Брашинский 1980: 129). Причем, существуют некоторые различия в этих изображениях. На двух скифосах изображены две фигуры: обнаженный мужчина со стригилем в вытянутой правой руке и мужчина, одетый в длинный гиматий с посохом в правой руке (рис. 16: *1*). На третьем скифосе вместо посоха у мужчины в гиматии под правой рукой круглый предмет (арибалл?). На четвертом скифосе изображен один мужчина в гиматии. В 1954 г. во втором «Пятибратнем» кургане была найдена расписная пелика с изображением на лицевой стороне сцены амазономахии, а на оборотной — двух фигур в гиматиях у жертвенника (Брашинский 1980: 123). Все эти предметы датируются IV в. до н.э.

М.М. Кобылина, исследуя поздние боспорские пелики, называла фигуры в гиматиях «палестритами» (Кобылина 1951b: 148). Обычно на оборотной стороне данных пелик изображали две фигуры в гиматиях в разных вариантах: с диском или стригилем в руке, с изображением алтаря между ними и маленьким кружком над ним (рис. 16: *2*).

В.Д. Блаватский отмечал, что подобные сюжеты занимали лицевую сторону более скромных пелик, или обратную сторону более богатых по росписи сосудов (рис. 16: *3*). Они изображали юношей — палестритов, которые, завернувшись в гиматий, отдыхают после утомительных атлетических упражнений (Блаватский 1953: 271). Примечательно, что подобный сюжет можно встретить и на чернофигурных вазах IV в. до н.э. Так, на лицевой стороне кампанского высокого стройного сосуда с ручкой для подвешивания можно увидеть сюжет, связанный, вероятно, с погребальным обрядом: сидящий полуобнаженный юноша и чуть позади стоящие женщины с зеркалами в руках (Блаватский 1953: 153). На обратной стороне этого сосуда представлены две фигуры в гиматиях, а между ними кружок (рис. 16: *4*).

В начале III в. до н.э. на смену боспорским пеликам пришли так называемые акварельные, местного производства, которые существовали и в течение II в. до н.э.

(Блаватский 1953: 276) На них нередко сохранялась система росписи, принятая на боспорских пеликах: на лицевой стороне мифологическая сцена, а на обратной — задрапированные в гиматии фигуры (рис. 16: *5*).

Таким образом, сюжет «спокойно стоящие фигуры в гиматиях» использовался вазописцами в течение долгого периода — IV—II вв. до н.э. (Шталь 1989: 157). Он встречается на лицевой и обратной стороне пелик, кратеров, лебетов, ойнохой, скифосов и других видов расписных ваз, найденных практически во всех регионах аттического краснофигурного экспорта (рис. 17: *1, 2, 3, 4, 5, 6*). Многие исследователи считали данный сюжет на вазах «бессодержательным», фигуры в гиматиях называли «эфебами» или «палестритами».

Однако И.В. Шталь связывала его с хтонической ипостасью древнегреческого бога Диониса. Она видела в нем «квинтэссенцию, суть сакральной погребальной символики дионисийско-орфического круга верований, представленную в донельзя обобщенном, абстрагированном варианте» (Шталь 1989: 157). Сюжет состоит из определенного «набора» знаков-символов; его композиционно-тематическое воплощение стабильно. Этим объясняется постоянная аббревиатура сюжета: чтобы дать понятие о сюжете с фигурами в гиматиях, достаточно было изобразить его часть, остальное домысливалось. Изображаемыми символами дионисийского культа были герма, тимпан, алтарь и фиала над ним, жертвенные кушанья, стригиль. Таким образом, сюжет с фигурами в гиматиях знаменовал таинство перехода из одного мира в другой — через сакральный брак—смерть (Шталь 1989: 158).

Ю.А. Виноградов заключил, что сюжет «фигуры в гиматиях» изображает некую встречу в сакрализованном пространстве при переходе душ усопших в загробный мир (Виноградов 2017: 285). На наш взгляд, между терракотовыми статуэтками, изображающими юношей, опирающихся на герму, и сюжетом «фигуры в гиматиях» на расписных сосудах, есть много общего. Прежде всего, изображение самих мужских фигур, закутанных в гиматий. Кроме того, общими являются некоторые элементы этих изображений: герма, венок на голове, застывшая поза, задумчиво-отрешенный взгляд. Объединяет их и место обнаружения — в погребальных комплексах. Кем же могли быть эти изображаемые мужчины в гиматиях? Какая роль им отводилась в древнегреческих заупокойных культах? Почему предметы с их изображениями пользовались такой популярностью на протяжении столь длительного исторического периода? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к античным эпическим и философским произведениям, содержащим сведения о представлениях древних людей о загробном мире.

Безусловно, основой всех источниковедческих знаний античности являются эпические поэмы Гомера. В гл. 11 «Одиссеи» повествуется о том, как Одиссей по указанию Цирцеи отправился в область Аида, чтобы испросить прорицателя Тиресия о своем возвращении домой. Одиссей подробно описывает все и всех, кого он встретил во время этого путешествия: «…В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса; Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он…» (Hom., XI, 157). Таким образом, он упоминает о суде в загробном мире, который вершит Минос, царь о. Крита. Существенным, на наш взгляд является упоминание золотого скипетра. На некоторых вышеупомянутых расписных сосудах мы видим изображения мужских фигур в гиматиях со скипетром в руках.

В философском произведении Платона «Диалоги» в шестой тетралогии «Горгий» описывается беседа Сократа с Калликлом. В этой беседе Сократ поведал о том, что «…при Кроне был закон — чтобы тот из людей, кто проживет жизнь в справедливости и благочестии, удалялся после смерти на Острова блаженных и там обитал, неизменно счастливый, вдали от всех зол, а кто жил несправедливо и безбожно, чтобы уходил в место

кары и возмездия, в темницу, которую называют Тартаром. Во времена Крона и в начале царства Зевса суд вершили живые над живыми, разбирая дело в тот самый день, когда подсудимому предстояло скончаться». Однако зачастую приговоры выносились несправедливо, поскольку людей судили живыми и одетыми «в красивое тело, в благородство происхождения, в богатство». Да и судьями выступали живые люди. И тогда Зевс принимает решение, что «люди не должны больше знать дня своей смерти наперед, и чтобы их судили совершенно нагими, а для этого пусть их судят после смерти» (Plato, 523). Зевс назначает судьями душ человеческих в подземном мире своих сыновей: «…умерших из Азии будет судить Радамант, из Европы — Эак, а Миносу я дам почетное право разрешать сомнения двух остальных, когда те не смогут решить сами, и приговор, каким путем следовать каждому из умерших, будет безупречно справедливым» (Plato, 524). Платон упоминает о жезлах в руках Радаманта и Эака, а также о том, что «Минос сидит один, надзирая над ними, и в руке у него золотой скипетр».

В эпическом произведении Вергилия «Энеида» при описании путешествия Энея в загробный мир встречается упоминание сцены суда: «…но без решенья суда не получат пристанища души; Суд возглавляет Минос: он из урны жребии тянет, Всех пред собраньем теней вопрошает о прожитой жизни» (Virg., VI, 430).

На наш взгляд, не случайны изображения на вышеупомянутых расписных сосудах обнаженных мужчин со стригилями. Возможно, именно так изображали души усопших, которые должны были предстать перед высшим судом. Тогда фигуры в гиматиях, возможно, не кто иные, как судьи подземного царства Радамант, Эак или Минос (рис. 18). Не случайно их изображали у герм, алтарей, зачастую, со скипетром в руке. Они могли быть также проводниками, которые встречали души усопших и провожали к месту высшего суда. Вероятно, именно их изображали глиняные статуэтки юношей у гермы, которые находят в погребениях в разных частях Боспорского царства. Это еще раз подтверждает тезис о широком распространении дионисийско-орфического культа на Боспоре в IV в. до н.э. — I в. н.э. Одна из подобных статуэток была обнаружена и в некрополе древнего Паниардиса.

Данная находка, действительно, является уникальной. Это пока единственная терракотовая статуэтка, обнаруженная в некрополе Паниардиса, входившего в хору Танаиса в числе других десяти городищ. Надо отметить, что терракотовые статуэтки в античных погребениях на территории Нижнего Дона встречаются достаточно редко. Так, в 2011 г. при исследовании некрополя Сухо-Чалтырского городища в погребении 19, принадлежащем девушке 15—25 лет, была обнаружена терракотовая протома Деметры. В некрополях других восьми нижнедонских городищ античного времени терракотовые статуэтки не встречались (Суворова 2019: 171). Да и в некрополе самого Танаиса подобные находки большая редкость. За все время исследования было обнаружено лишь 8 терракот (Суворова 2016: 470).

Не случайно глиняная фигурка, изображающая юношу у гермы, была найдена в погребении знатной молодой женщины 25—30 лет. Это может свидетельствовать о высокой степени эллинизации верхушки местного общества, почитающей Диониса хтонического. Возможно, помещение ее в ногах усопшей отражало определенные религиозные верования местных жителей: она могла служить проводником в потусторонний мир. Ведь статуэтка изображает путника, остановившегося ненадолго отдохнуть у гермы со скульптурной головой Гермеса — проводника душ умерших. Венок на голове юноши также может напоминать о погребальных эллинских традициях.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что среди жителей древнего Паниардиса, верхушки его общества, были люди, воспринявшие культуру и религиозные культы древних греков, которые ощущали себя частичкой общего эллинского мира.

Литература

Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. Москва: Наука (САИ Д1-30).

Белов Г.Д. 1968. *Терракоты Танагры*. Ленинград: Советский художник.

Блаватский В.Д. 1953. *История античной расписной керамики*. Москва: Московский университет.

Бойко А.Л. 1990. О датировке Крепостного городища. *ИАИАНД* 9, 73—80.

Бойко А.Л. 1991. Изучение Крепостного городища и его некрополя в послевоенный период (1954—1989). *ИАИАНД* 10, 71—82.

Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*. Ленинград: Наука.

Бритова Н.Н. 1969. *Греческая терракота*. Москва: Искусство.

Брокгауз Ф.А, Ефрон И.А. 1903. *Энциклопедический словарь.* Т. XXXVII (73). *Хаким — Ходоров.* Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон.

Виноградов Ю.А. 2017. *Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН)*. Симферополь; Керчь: ИП Литвиненко Е.А.

Виппер Б.Р. 1972. *Искусство Древней Греции*. Москва: Наука.

Гончарова и др. 2016: Гончарова С.М., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. 2016. Археологические исследования в городе Азове в 2013—2014 годах. *ИАИАНД* 29, 50—126.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). *Донские древности* 11.

Денисова В.И. 1981. *Коропластика Боспора*. Ленинград: Наука.

Кобылина М.М. 1951a. Скульптура Боспора. В: Блаватский В.Д., Граков Б.Н. (ред.). *МИА* 19. Москва: АН СССР, 171—188.

Кобылина М.М. 1951b. Поздние боспорские пелики. В: Блаватский В.Д., Граков Б.Н. (ред.). *МИА* 19. Москва: АН СССР, 136—170.

Любкер Ф. 1885. *Реальный словарь классических древностей*. Санкт-Петербург: Издание общества классической филологии и педагогики.

Максименко В.Е. Проценко Б.Н. 1992. Паниардис, Патарва и река Марубий (попытка историко-лингвистического анализа сведений Птолемея о некоторых древних топонимах в низовьях Дона). В: Максименко В.Е., Королев В.Н. (ред.). *Историческая география Дона и Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 31—37.

Неверов О.Я. 1981. *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Искусство.

Пругло В.И. 1970. Статуэтки из Мирмекия. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. II. Москва: Наука, 94—100 (САИ Г1-11).

Силантьева П.Ф. 1974. Терракоты Пантикапея. В: Кобылина М.М. (ред.). *Терракоты Северного Причерноморья*. Ч. III. Москва: Наука, 5—38 (САИ Г1-11).

Суворова Н.И. 2016. *Терракота Танаиса I—III вв. н.э.* В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования*. Керчь: ООО «Соло-Рич», 468—471.

Суворова Н.И. 2019. К вопросу об элитарных погребениях античного времени на Нижнем Дону. *БИ* XXXVIII, 160—178.

Фомичев Н.М. 1990. К вопросу о границах памятников археологии г. Азова. *ИАИАНД* 9, 35—40.

Хмара Е.Б. 1987. Терракотовые статуэтки из Анапского историко-археологического музея. В: Кругликова И.Т. (ред.). *Тайны терракоты*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 80—102.

Шталь И.В. 1989. *Эпические предания Древней Греции*. Москва: Наука.

Dubois de Montpereux F. 1843. *Voyage autour du Gaucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Atlas, quatrième partie, feuille XII*. Paris: Chez Gide Libraire Editeur.

Pollitt J.J. 1986. *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

References

Ambroz, A.K. 1966. Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (Fibulae of the South of the European Part of the USSR). Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-30) (in Russian).

Belov, G.D. 1968. *Terracotty Tanagry (Tanagra Terracotta)*. Leningrad: Sovetsky Khudozhnik, 1968 (in Russian).

Blavatsky, V.D. 1953. *Istoria antichnoi raspisnoi ceramici (History of antique painted ceramics)*. Moscow: Moscow University (in Russian).

Boyko, A.L. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 9, 73—80 (in Russian).

Boyko, A.L. 1991. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 10, 71—82 (in Russian).

Brashinsky, I.B. 1980. *Grechesky Ceramichesky Import na Nizhnem Donu (Ceramic Import from Greece on Lower Don)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Britova, N.N. 1969. Grecheskaya Terracotta (Greek Terracotta). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Brokgauz, F.A, Efron, I.A. 1903. *Entsiklopedicheskiy slovar' (Encyclopedic Dictionary)*. Vol. XXXVII (73). *Khakim — Khodorov*. Saint Petersburg: F.A. Brokgauz i I.A. Efron (in Russian).

Vinogradov, Yu.A. 2017. *Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN) (Bosporus Cimmerian Antiquities in paintings of K.R. Begichev and F.I. Gross (based on materials of Scientific Archive, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences))*. Simferopol; Kerch: IP Litvinenko E.A. (in Russian).

Vipper, B.R. 1972. *Iskusstvo Drevnei Grecii (The Art of Ancient Greece)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Goncharova et al. 2016: Goncharova, S.M., Shirochenko, E.B., Harenko, M.V., Goncharov, M.Yu., Maslovsky, A.N., Minaev, A.P., Yudin, N.I. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 29, 50—126 (in Russian).

Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. In *Donskiye drevnosti (Don antiquities)* 11 (in Russian).

Denisova, V.I. 1981. *Coroplastika Bospora (Bosporus Coroplast)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Kobylina, M.M. 1951a. In: Blavatskiy, V.D., Grakov, B.N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 19. Moscow: AN SSSR, 171—188 (in Russian).

Kobylina, M.M. 1951b. In: Blavatskiy, V.D., Grakov, B.N. (eds.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research in the Archaeology of the USSR)* 19. Moscow: AN SSSR, 136—170 (in Russian).

Lübker, F. 1885. *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey (Real Dictionary of Classical Antiquity)*. Saint Petersburg: Izdaniye obshchestva klassicheskoy filologii i pedagogiki (in Russian).

Maximenko, V.E., Prozenko, B.N. 1992. In: Maximenko, V.E., Korolev, V.N. (eds.). *Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza (Historical Geography of Don and Northern Caucasus)*. Rostov-on-Don: Rostovskiy universitet, 31—37 (in Russian).

Neverov, O.Ya. 1981. *Kultura i iskusstvo Antichnogo Mira (Culture and Art of the Ancient World)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Pruglo, V.I. 1970. In: Kobylina, M.M. (ed). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracottas of the Northern Black Sea region)*. Pt. 2. Moscow: Nauka, 94—100 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).

Silantieva, P.F. 1974. Kobylina, M.M. (ed). *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya (Terracottas of the Northern Black Sea region)*. Pt. 3. Moscow: Nauka, 5—38 (Corpus of Archaeological Sources G1-11) (in Russian).

Suvorova, N.I. 2016. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds.). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya (Cimmerian Bosporus and Barbarian world in the Ancient time and Middle Age. Discoverers and Discoveries)*. Kerch: OOO "Solo-Rich", 468—471 (in Russian).

Suvorova, N.I. 2019. In *Bosporskie issledovanija (Bosporian Studies)* XXXVIII, 160—178 (in Russian).

Fomichev, N.M. 1990. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and archaeological research in Azov and the Lower Don)* 9, 35—40 (in Russian).

Khmara, E.B. 1987. In Kruglikova, I.T. (ed.). *Tayny terrakoty (Secrets of Terracotta)*. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 80—102 (in Russian).

Shtal', I.V. 1989. *Epicheskiye predaniya Drevney Gretsii (Epic Legends of Ancient Greece)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dubois de Montpereux, F. 1843. *Voyage autour du Gaucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimee. Atlas, quatrième partie, feuille XII*. Paris: Chez Gide Libraire Editeur.

Pollitt, J.J. 1986. *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

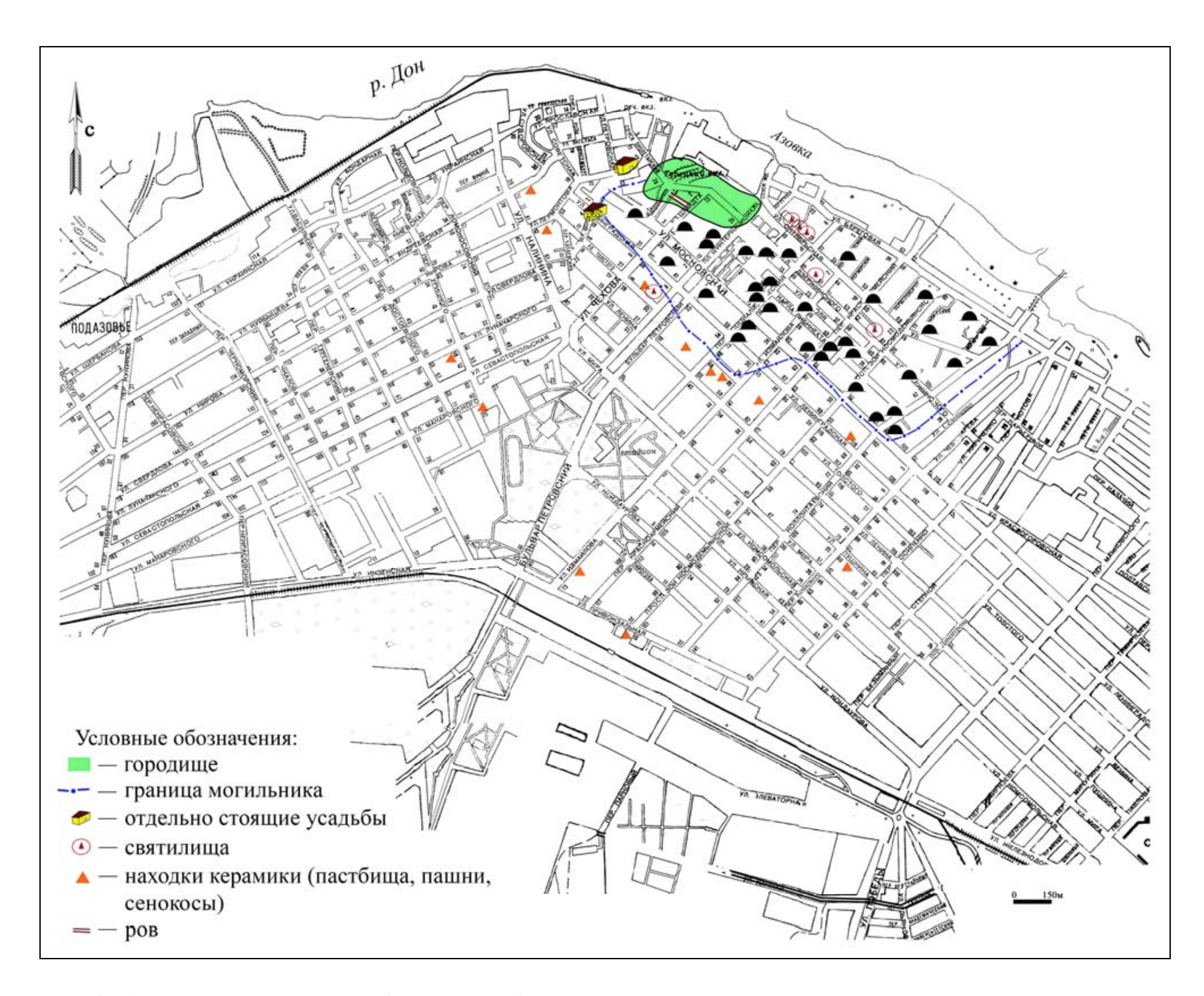

Рис. 1. Крепостное городище (Паниардис) с некрополем.

Fig. 1. Krepostnoye hillfort (Paniardis) with necropolis.

Рис. 2. Космоснимок с указанием места проведения археологических раскопок в 2013—2014 гг. в г. Азове по пер. Коллонтаевскому, 65.

Fig. 2. Satellite image indicating the place of excavation works at 65 Kollontaevskiy lane, Azov in 2013—2014.

Рис. 3. Погребение 4.

Fig. 3. Burial 4.

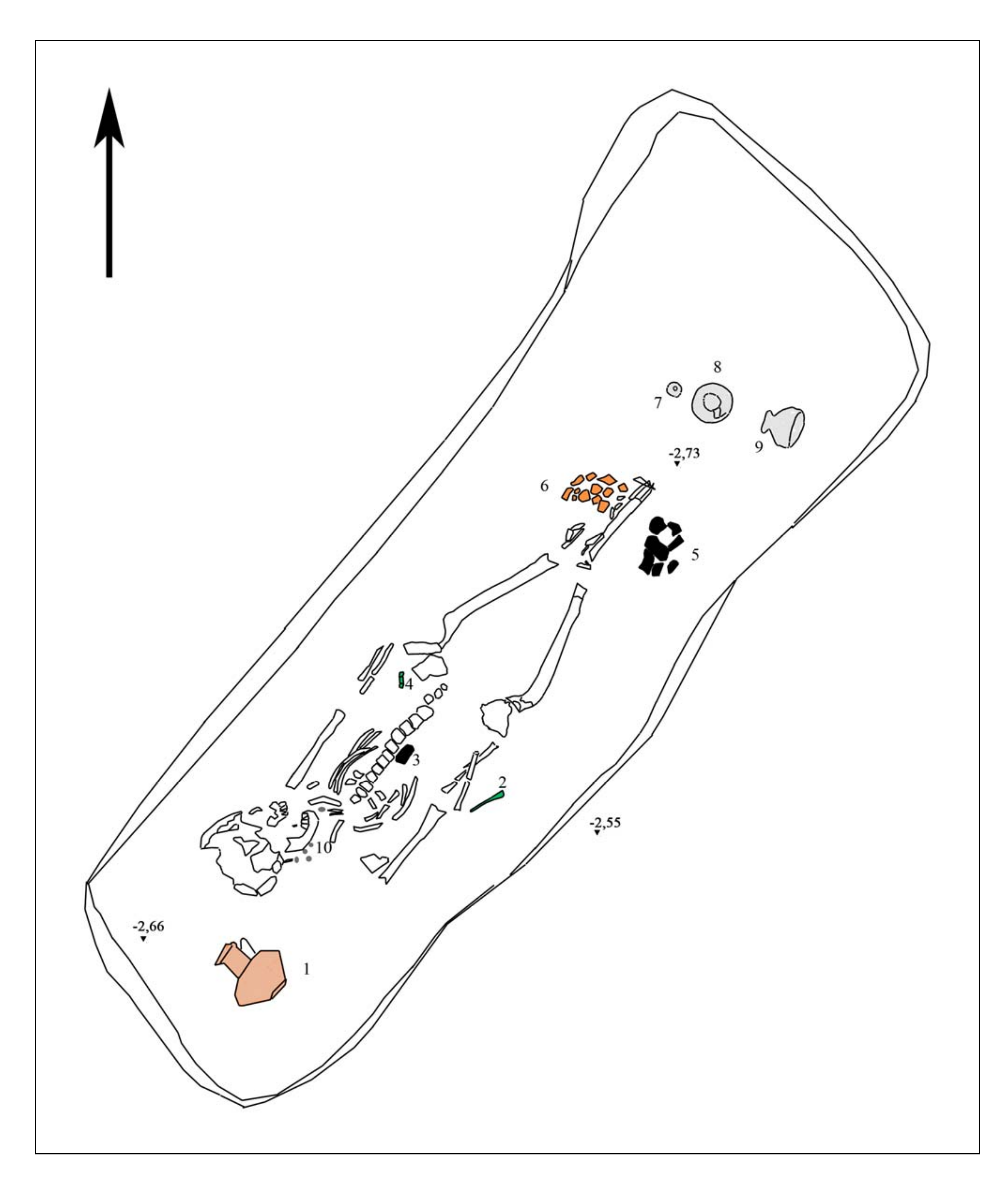

Рис. 4. Чертеж погребения 4: *1* — краснолаковый кувшин; *2* — шило; *3* — фрагмент лепного сосуда; *4* — фибула; *5* — фрагменты лепного сосуда; *6* — терракота; *7* — пряслице; *8* — серолощеный кувшин; *9* — серолощеный кубок; *10* — бусы.

Fig. 4. A blueprint of Burial 4: *1* — red slip jug; *2* — awl; *3* — fragment of a molded vessel; *4* — fibula; *5* — fragments of a molded vessel; *6* — terracotta; *7* — spindle; *8* — gray-polished jug; *9* — gray-polished goblet; *10* — beads.

Рис. 5. Инвентарь Погребения 4: *1* — краснолаковый кувшин; *2* — фибула; *3* — зеркало; *4* — серолощеный кубок; *5* — серолощеный кувшин; *6* — гешировые подвески; *7* — бусы; *8* — шило; *9* — бронзовые накладки; *10а,б* — медные бусины; *10в* — сердоликовая бусина; 10*г* — гешировая бусина; 10*д,е* — фрагменты медных и железных изделий (АМЗ. КП 31169 А1Г 1128/61, 59, 60, 62, 65, 66, 69, 70, 74, 79).

Fig. 5. The inventory of Burial 4: *1* — red-lacquer jug; *2* — fibula; *3* — mirror; *4* — grey-polished goblet; *5* — grey-polished jug; *6* — jet pendants; *7* — beads; *8* — stitching awl; *9* — bronze covers; *10а,б* — copper beads; *10в* — carnelian bead; *10г* — jet bead; *10д,е* — fragments of copper and metal items (Azov Museum-Reserve. KP. 31169 А1Г 1128/61, 59, 60, 62, 65, 66, 69, 70, 74, 79).

Рис. 6. Терракотовая статуэтка из Погребения 4.

Fig. 6. Terracotta figurine from Burial 4.

Рис. 7. Статуэтка до реставрации.

Fig. 7. Figurine pre-restoration.

Рис. 8. Статуэтка после реставрации (рисунок А.А. Матюшиной).

Fig. 8. Figurine after restoration (drawing by A.A. Matyushina).

Рис. 9. Терракотовые статуэтки юноши у гермы I в. н.э.: *1* — из Мирмекия (по Денисова 1981: табл. XXIII: *к*); *2* — из Пантикапея (ВКИКМЗ, инв. № КТ-230); *3* — из Горгиппии (по Хмара 1987: 28).

Fig. 9. Terracotta figurines of young man at the herm of 1st c. CE: *1* — from Myrmekion (after Denisova 1981: tab. XXIII: *к*); *2* — from Panticapaeum (Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, inv. No. КТ-230); *3* — from Gorgippia (after Khmara 1987: 28).

Рис. 10. Терракотовые статуэтки юноши у гермы II—I в. до н.э.: *1* — из Мирмекия (по Денисова 1981: табл. XXIII: *л*); *2, 3* — из Пантикапея (по Силантьева 1974: табл. 35: *4, 5*).

Fig. 10. Terracotta figurines of young man at the herm of 2nd — 1st cc. BCE: *1* — from Myrmekion (after Denisova 1981: tab. XXIII: *л*); *2, 3 1* — from Panticapaeum (after Silantieva 1974: tab. 35: *4, 5*).

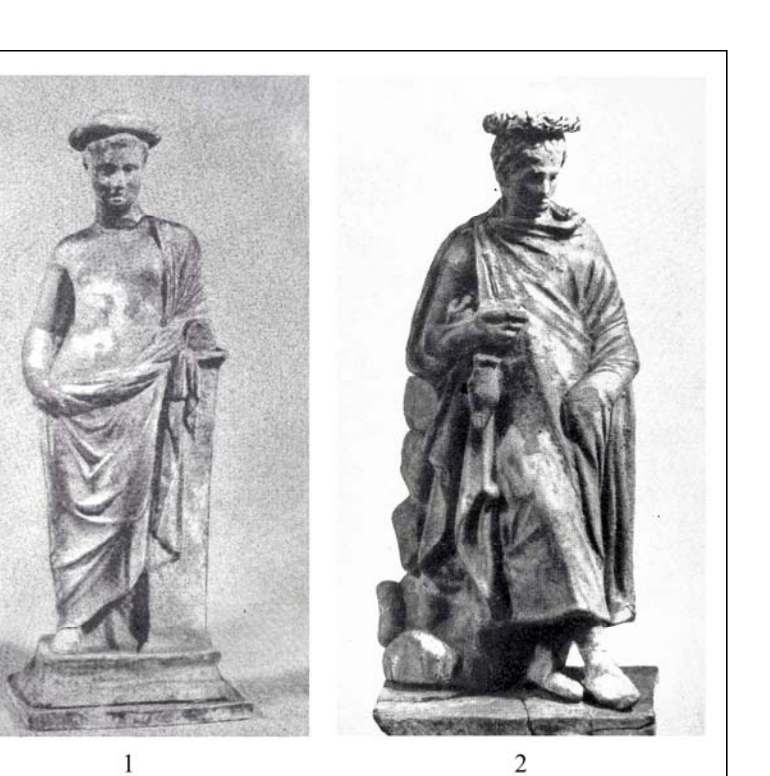

Рис. 11. Танагрские статуэтки из Государственного музея Берлина (по Бритова 1969: 75, 76).

Fig. 11. Tanagra figurines from the Berlin State Museum (after Britova 1969: 75, 76).

Рис. 12. Танагрские статуэтки из собрания Государственного Эрмитажа (по Белов 1968: 35; Неверов 1981: 76, рис. 36).

Fig. 12. Tanagra figurines from the State Hermitage Museum's collection (after Belov 1968: 35; Neverov 1981: 76, fig. 36).

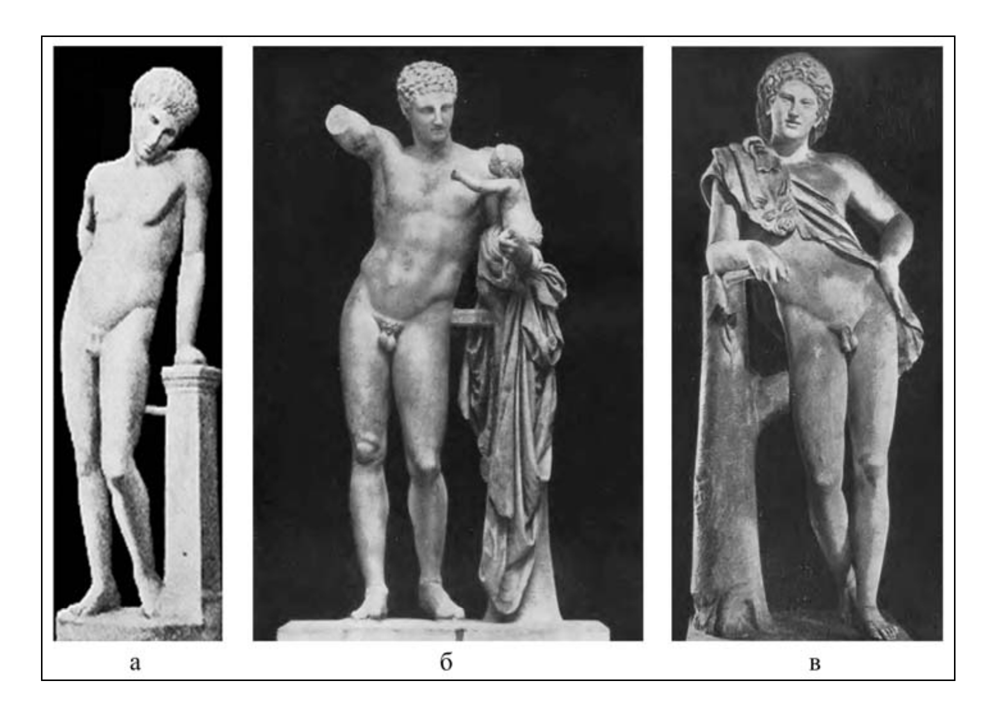

Рис. 13. Античная скульптура с боковой опорой: *1* — Нарцисс, Поликлет, V в. до н.э. (по Виппер 1972: рис. 201); *2* — Гермес с ребенком Дионисом, Пракситель, IV в. до н.э. (по Виппер 1972: рис. 270); *3* — Отдыхающий сатир, Пракситель, IV в. до н.э. (по Виппер 1972: рис. 274).

Fig. 13. Antique sculpture using side support: *1* — Narcissus, Polykleitos. 5th c. BCE (after Vipper 1972: fig. 201); *1* — Hermes with the child Dionysus, Praxiteles, 4th c. BCE (after Vipper 1972: fig. 270); *3* — Resting Satyr, Praxiteles, 4th c. BCE (after Vipper 1972: fig. 274).

Рис. 14. Скульптуры Лисиппа IV в. до н.э.: *1* — Геракл, опирающийся на палицу (по Pollitt 1986: 49—52); *2* — Силен с младенцем Дионисом (по Виппер 1972: рис. 284).

Fig. 14. The statues of Lysippos, 4th c. BCE: *1* — Hercules leaning on his club (after Pollitt 1986: 49—52); *2* — Silenus with the child Dionysus (after Vipper 1972: fig. 284).

Рис. 15. Надгробные статуи из Пантикапея (Музей каменных древностей Лапидарий, г. Керчь).

Fig. 15. Gravestone figurines from Panticapaeum (The Lapidarium Museum, Kerch).

Рис. 16. «Фигуры в гиматиях» на античных расписных вазах: *1* — скифос из некрополя Елизаветовского городища, IV в. до н.э. (АМЗ. КП 16700. № 219); *2* — пелика, IV в. до н.э. (Государственный музей изобразительных искусств, Республики Татарстан); *3* — пелика, IV в. до н.э. (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына); *4* — чернофигурный кампанский сосуд, IV в. до н.э. (по Блаватский 1953: 153); *5* — роспись на оборотной стороне акварельной пелики, III в. до н.э. Рисунок Ф.И. Гросса (по Виноградов 2017: 211).

Fig. 16. "Figures wearing himation" on antique painted vases: *1* — skyphos from the Elizabethan hillfort, 4th c. BCE (AMZ. KP. 16700. № 219); *2* — pelike, 4th c. BCE (State Museum of fine arts of the Republic of Tatarstan); *3* — pelike, 4th c. BCE (E.D. Felizin Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve); *4* — black-figure Campana vessel, 4th c. BCE (after Blavatskiy 1953: 153); *5* — painting on the inner side of a watercolor pelike, 3rd c. BCE. Drawing by F.I. Gross (after Vinogradov 2017: 211).

Рис. 17. «Фигуры в гиматиях» на античных расписных вазах: *1* — скифос, IV в. до н.э., Горгиппия; *2* — скифос, IV в. до н.э., Вани; *3* — скифос, IV в. до н.э., курган в Херсонской области; *4* — скифос, IV в. до н.э. (СГУ); *5* — пелика. V в. до н.э. Государственный Эрмитаж; *6* — пелика, IV в. до н.э. (Темрюкский историко-археологический музей).

Fig. 17. “Figures wearing himation” on antique painted vases: *1* — skyphos, 4th c. BCE, Gorgippia; *2* — skyphos, 4th BCE, Vani; *3* — skyphos, 4th c. BCE from burial mound in Kherson Oblast; *4* — skyphos, 4th c. BCE (Saratov State University); *5* — pelike, 5th c. BCE (State Hermitage Museum); *6* — pelike, 4th c. BCE (Temryuk Historical-Archaeological Museum).

Рис. 18. Сюжет «фигуры в гиматиях» (по Dubois de Montpereux 1843: XII).

Fig. 18. The theme of "Figures wearing himation" (after Dubois de Montpereux 1843: XII).

УДК 903.3
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00010

С.С. Лысенко

ФЕНОМЕН БРАСЛЕТОВ-«НЕ-БРАСЛЕТОВ»*

Статья посвящена месту в погребальном убранстве позднеантичных браслетов с шишечками. На данный момент в научной среде существует устоявшееся мнение о том, что такие изделия не использовались в качестве браслетов, а являлись исключительно амулетами. Главным аргументом для такого вывода считается отсутствие примеров фиксации данных изделий на руках погребённых. Для ревизии такого суждения были рассмотрены архивные источники и публикации комплексов с такими браслетами, изучены планы и описания погребений. В результате исследования было наглядно показано, что случаи нахождения браслетов с шишечками на руках погребённых известны, что позволяет интерпретировать их именно в качестве браслетов.

Ключевые слова: поздняя античность, украшения, позднескифские могильники, браслеты с шишечками.

Сведения об авторе: Лысенко Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, Институт археологии НАН Украины.

Контактная информация: 04210, Украина, г. Киев, пр-т Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины; e-mail: aheron2000@yandex.ua.

S.S. Lysenko

PHENOMENON OF BRACELETS-“NOT-BRACELETS”

The paper deals with the place of late antique bracelets with knobs in the funerary costume. There is an established opinion in the scientific community now, that such products were not used as bracelets, but were exclusively amulets. The main argument for such a conclusion is the absence of examples of fixing these items on the hands of the buried. Archival sources and publications of complexes with such bracelets were studied, and plans and descriptions of graves were considered to revise this assessment. It was clearly shown as a result of the study, that there are known cases of finding bracelets with knobs on the hands of the buried, which allow us to interpret them as bracelets.

Key words: Late Antiquity, adornments, Late Scythian cemeteries, bracelets with knobs.

About the author: Lysenko Svetlana Stanislavovna, PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Contact information: 04210, Ukraine, Kyiv, 12 Prospekt Heroyiv Stalinhradu, Institute of archaeology of the National academy of sciences of Ukraine; e-mail: aheron2000@yandex.ua.

Бронзовые изделия в виде цельнолитого кольца с равномерно распределёнными по внешней поверхности группами отдельно стоящих выступов — по три в ряд, давно известны из находок в Восточной Европе. Они характерны для позднелатенского и римского периодов Северного Причерноморья и особенно часто встречаются в познескифских могильниках

* Статья поступила в номер 12 ноября 2020 г.
Принята к печати 14 декабря 2020 г.

© С.С. Лысенко.

Крыма. Известны они и в Карпато-Дунайском, Волго-Камском и Кавказском регионах, но в значительно меньшем количестве. Данная статья не ставит целью обсуждение культурно-хронологических аспектов этих изделий — мы хотим рассмотреть только интерпретацию тех из них, чьи размеры соответствуют браслетам.

В научной среде присутствует мнение о том, что такие предметы не были браслетами и не носились на руках, а являлись исключительно амулетами. Эти изделия называют браслетами, кольцами, большими кольцами или браслетообразными кольцами. Некоторые исследователи, не считая такие вещи браслетами, но сознавая их безусловное сходство с этой категорией украшений, вставляют слово браслеты в кавычки. Одни объясняют это тем, что нет подтверждений нахождения данного вида украшений на руках погребённых, из-за кремационного характера погребения или находок на поселении (Glodariu 1984: 68—69). Другие пишут: «…«браслет», условно называемый нами «медальоном»…» (Мартиросян 1954: 28) или: «Я сознательно употребляю термин «браслет» в кавычках, поскольку исследуемые в статье изделия не использовались в виде таковых, несмотря на соответствующие размеры и форму» (Журавлёв 2014: 60). И даже имея в личном опыте находки таких украшений на костях рук погребённых (Гущина, Журавлёв 2016), не считают это достаточным аргументом для признания очевидного — такие вещи носили на руках, а значит, они были браслетами. А уж несли ли они при этом ещё и ритуальную, символическую или сакральную нагрузку — это вопрос иного характера.

Из истории вопроса

Одно из самых ранних упоминаний некой необычности браслетов с шишечками встречаем у А.А. Спицына в описании погребения 29 Кошибеевского могильника под Рязанью: «*большое медное кольцо с 11-ю узелками или выступами по краю, имевшее какое-нибудь символическое значение*» (Спицын 1901: 60, табл. VII: *10*) (рис. 1: *1*). Браслет найден справа от головы (кости не сохранились), там же лежали две бронзовых фибулы и обломок от пряжки. Причины, побудившие исследователя заподозрить у обычного браслета «символическое значение» неясны. Более того — лежавшие вместе с браслетом фибулы ни в какой символичности не заподозрены.

Значительно позже, в 1954 г., армянский исследователь А.А. Мартиросян, изучив материалы музейной коллекции Хртаноцкого могильника, пишет: «*Особняком стоят … **три «браслета»** …, отлитые из серебра… Два из них с наружной стороны имеют 17 равноудаленных друг от друга выступов с шаровидными головками, а третий имеет 6 подобных же выступов. Диаметр их равен 8,5 см, толщина в сечении — 5 мм, высота выступов 5 мм. Подобные браслеты из могильников всего Закавказья нам неизвестны, поэтому вопрос назначения их остается для нас пока не выясненным. Можно предполагать, что они служили «медальонами», украшавшими шею или грудь покойника. Это предположение подкрепляется, во-первых, тем, что среди ножных и ручных браслетов таковые не встречаются, а, во-вторых, тем, что на третьем браслете были надеты еще бусы из массы и одна раковина…*» (Мартиросян 1954: 24, 28, табл. V: *28*, VIII: *6*). Добавим, что описанные браслеты найдены в разных «кромлехах» (групповых склепах), количество погребённых в них неизвестно, а сохранность скелетов очень плохая. Надо отметить, что браслеты из Хртаноцкого могильника имеют только один ряд выступов — на наружной поверхности браслета (рис. 1: *2—3*).

Возможно, на интерпретацию А.А. Мартиросяном браслетов с шишечками оказало влияние мнение А.А. Спицына, который в своё время участвовал в различных раскопках на

Кавказе. Тем не менее, обоснование А.А. Мартиросяном исключения данных вещей из категории браслетов, на наш взгляд, недостаточно убедительно. А бусинами в то время украшали различные категории убранства — например, фибулы, гривны, серьги. Почему бы не украсить таким образом и браслет?

Интересно, что в 1888 г. И.А. Волков называет найденный в погребении в Большой Дмитриевке под Саратовом браслет с шишечками «*бронзовым литым браслетом*» (Волков 1888: 287, рис. 11), а Е.К. Максимов в 1957 г. это же изделие описывает так: «*Бронзовое литое кольцо… с выступами-шишечками, расположенными по всей поверхности кольца. … Выступы-шишечки имеют следы действия высокой температуры, что говорит о возможности использования кольца в качестве подставки*» (Максимов 1957: 159, рис. 2: *3*). Такая странная интерпретация больше нигде не встречалась (рис. 1: *4*).

В своей публикации исследований могильника у с. Заветное Н.А. Богданова и И.И. Гущина пишут: «*Кольца с выпуклыми трёхсторонними шишечками разных диаметров широко известны в могильниках Северного Причерноморья, нередко встречаются и в Заветнинском могильнике... Положение их на теле погребённого неопределённо. Они не могли служить ни перстнями, ни браслетами, а выполняли, видимо, ритуальную роль*» (Богданова, Гущина 1964: 326). В то же время, в своих научных отчётах за те годы обе эти исследовательницы называют рассматриваемые изделия браслетами, а не кольцами (Богданова 1964: 9—34; Гущина 1970: 3—7). Причём, так происходило на протяжении всех лет исследования ими познескифских могильников: в отчётах — браслеты, в публикациях — кольца.

Э.А. Сымонович не включает «кольца с выступами» «*…в число браслетов, по той причине, что на Восточном могильнике Неаполя Скифского ни в одном случае они не были найдены надетыми на запястья рук или ноги. Их использовали в качестве оберегов, вешали на грудь или же хранили в мешочке в числе других вещей магического значения...*» (Сымонович 1983: 97).

А.В. Богачёв отмечает, *«что в литературе существует различная вербальная идентификация одного и того же типа изделий: «кольца с шишечками, «подвески с шарообразными расширениями», «кольца-амулеты», «латенские браслеты с шишечками»»*. По его мнению, *«Наиболее употребимо обозначение «кольцевые подвески с выпуклинами», которое точнее отражает морфологические и функциональные особенности этой группы украшений»* (Богачёв 1998: 151).

А.В. Мастыкова считает такие изделия колёсиками-подвесками с выступами. Она пишет: *«Подобные изделия, но больших диаметров, использовались и в качестве браслетов, однако для изучаемого периода такие случаи не отмечены, они характерны для более позднего времени»* (Мастыкова 2009: 78). Хотя, как представляется, из приведённых ею вещей далеко не все имеют недостаточный для браслета диаметр.

Наконец, Д.В. Журавлёв, хоть и признаёт, что «*известно несколько единичных случаев использования их как браслетов…*» (Журавлёв 2006: 100), тем не менее, настаивает на ином назначении данных предметов.

Феномен отрицания исследователями наиболее очевидного назначения браслетов с выступами и стал поводом для написания данной статьи. Главной причиной, видимо, было то, что долгое время такие вещи не фиксировались на костях рук, что совершенно неудивительно в погребениях по обряду кремации и в слое поселений (Glodariu 1984: 68—69), но странно в ингумационных погребениях. Возможно, в некоторых случаях, это легко объяснить: состояние костей в погребениях этих могильников, как правило, довольно плохое — если костяки вообще сохранялись, то чаще всего в виде тлена или трухи, а сами

браслеты — массивны и тяжелы. В процессе разложения и разрушения костей они просто проваливались, незначительно отдаляясь от первоначального места. Это не всегда можно проследить даже в одиночных погребениях, а в многоярусных и разновременно заполнявшихся склепах и подавно.

Браслеты, найденные на руках

В поисках доказательств того, что браслеты с шишечками были всё-таки браслетами, пришлось углубиться в изучение литературы и архивных источников. И некоторые факты удалось найти.

Мы рассмотрели, планы и описания погребений, содержавших браслеты с шишечками из нескольких могильников. Подробнее стоит остановится на сведениях о раскопках могильника **Бельбек IV**, где из 23-х погребений с такими браслетами — в двух (погребениях 159 и 191), как признаёт Д.В. Журавлёв, они фиксировались на костях рук (Журавлёв 2014: 63). В описании этих погребений в научных отчётах И.И. Гущиной читаем:

Погребение 159. *На костях левой руки — два браслета: один с концами в виде головок змей,* ***другой*** *— с тремя рядами округлых выступов* (Гущина 1975: 2, рис. 3: *а, и*)[1]. На плане погребения видно, что браслет с шишечками[2] надет на левую руку (рис. 2).

Погребение 191. *На костях правой руки — два браслета, один с расплющенными фигурными концами, другой — со змеиными головками; на другой руке — два таких же браслета и круглопроволочный* ***браслет*** *с тремя рядами округлых шишечек* (Гущина 1981: 2, рис. 3, 10). На плане видно, что на кисти левой руки лежит наклонённая тарелка, а под ней характерным образом прорисован браслет с шишечками (рис. 3).

Кроме этих двух случаев, судя по планам и описаниям комплексов могильника Бельбек IV, ещё в четырёх захоронениях, браслеты были найдены на руках погребённых.

Погребение 106. По описанию — *у левой руки — бронзовый* ***браслет*** *с выпуклыми шишечками, ажурная подвеска с такими же выпуклинами, колокольчик и бронзовая подвеска-шишка* (Гущина 1973: 1, рис. II: *1*, III: *12*). На плане погребения браслет с шишечками находится на левой руке скелета (рис. 4).

Погребение 158. В описании — *в области таза и на костях рук - бронзовые предметы: зеркало-подвеска,* ***два браслета*** *круглопроволочных с тремя рядами округлых выступов, колокольчик, бляха* (Гущина 1975: 1, рис. 2: *а, г, д*). Судя по плану, на левую руку были надеты 2 браслета с шишечками (рис. 5).

Погребение 175. По описанию — *у правой руки два бронзовых браслета: один с утолщениями на концах,* ***другой*** *— с тремя рядами округлых выступов* (Гущина 1975: 8, рис. 19: *а, г*). По плану — на костях правой руки надеты 2 браслета, один из которых с шишечками (рис. 6).

Погребение 286. По описанию в монографии — *около правой руки было кольцо с шишечками* (Гущина, Журавлёв 2016: 185, табл. 195: *11*). По плану — кисть правой руки находилась в браслете (рис. 7).

И ещё в 11-ти погребениях с полностью истлевшими или почти истлевшими костяками можно смело предполагать, что браслеты с шишечками были надеты на руки погребённых на момент захоронения — как, например, в **погребениях 29, 132, 156** (рис. 8—10). Это предположение непременно было бы сделано авторами публикации, если бы они не

[1] В монографии, при описании вещей в этом и во всех остальных погребениях, такие браслеты именуются «кольцами» (Гущина, Журавлёв 2016: 120—194).

[2] Здесь и на других планах в отчётах по Бельбеку, шишечки браслета специально прорисованы.

испытывали предубеждение против такой трактовки. Порою, исследователи, имея гораздо меньше оснований для интерпретации каких-либо украшений, ничтоже сумняшеся, совершенно однозначно их интерпретируют (Лысенко, Лысенко 2014: 107—119). И то, что И.И. Гущина в научных отчётах об этих раскопках использует для таких вещей название «браслеты», означает, что в тот момент она именно так их и интерпретировала. Непонятно, что заставило её поменять точку зрения при написании монографии.

Немного противоречиво выглядят сведения о браслете из **Озёрного**. По описанию в научном отчёте, в **могиле 1** у запястья правой руки лежал браслет со змеиными головками, а на коленном суставе правой ноги находился **бронзовый браслет с шишечками** (Богданова 1960: 3, табл. VI: *4*). А на плане погребения скорее видно, что на колене лежит браслет с разомкнутыми концами, а на руке — цельный (рис. 11). Примечательно, что на плане оба браслета обозначены как «браслет», а в описании — браслет с шишечками назван «кольцом». Есть вероятность, что при описании его места в погребении возникла путаница. К сожалению, никаких уточняющих данных об этом погребении не сохранилось.

Н.А. Богданова пишет, что в двух погребениях могильника **Скалистое III** такие браслеты были найдены на фалангах рук (Богданова, Гущина, Лобода 1976: 144). Отметим, что в данном случае исследовательница фиксирует их так, как зафиксировала бы любые другие браслеты:

Могила Б.12. *Костяк потревожен прорытой канавой. Сохранились только череп, кости левой руки, фаланги правой руки. На фалангах пальцев правой руки был* ***браслет*** *с тройными шишечками. Диаметр 7 см* (Богданова 1964: 9, табл. 21: *3*, 22: *3*). Судя по плану — браслет лежал там, где смыкались кости ладони с предплечьем, снесённым рытьём канавы (рис. 12).

Могила Б.43. *Двойное — костяки один на другом, плохой сохранности. Кроме прочего, на кисти левой руки верхнего скелета был браслет с шишечками (диаметр — 8 см)* (Богданова 1964: 34, табл. 83: *9*, 82: *1*). Учитывая, что костяки лежат один на другом, сказать что-либо по плану и фото сложно, поэтому приходится довериться суждению автора раскопок.

В монографии по **Усть-Альминскому** могильнику Т.Н. Высотская пишет, что браслеты с шишечками ни разу не были найдены на костях рук или ног, а лежали возле левого или правого бедра (Высотская 1994: 111), но в данную монографию включены находки до 1978 г., а раскопки продолжались и позже. В 1979 г. в **могиле 174** этого некрополя был найден костяк молодой женщины с костяком младенца на груди. *На правое предплечье женщины был надет* ***браслет с шишечками****, диаметром 8 см* (Высотская 1979: 24—25, рис. 96, 99: *72*). Фото и план погребения в научном отчёте подтверждают, что костяк сохранился хорошо и никаких сомнений в том, что браслет был надет на руку не остаётся (рис. 13—14).

Таким образом, нам удалось найти, как минимум, 9 достоверных случаев фиксации браслетов с шишечками на руках погребённых, поэтому аргумент о том, что такие изделия никогда не находились на руках можно смело отринуть. И, как уже говорилось выше, если бы не предубеждение против интерпретации этих браслетов, таких случаев могло бы быть больше. Приходится признать, что место ношения браслетов других типов рассматривается исследователями значительно менее придирчиво.

Другие аспекты

Ещё одним аргументом в пользу отнесения браслетов с шишечками исключительно к амулетам служит фиксация в ряде погребений скоплений вещей, где, вместе с другими украшениями и предметами, встречаются и такие браслеты. Эти скопления обычно интерпретируются, как мешочки или кошели. Но, на наш взгляд, это никоим образом не противоречит использованию данных браслетов по прямому назначению, как и не отменяет обычного использования найденных в этих же скоплениях фибул, браслетов других типов, бусин, ножей и т.п.

В связи с тем, что ряд исследователей не считает изделия с шишечками браслетами и именует их «кольцами», наряду с действительно кольцами такого же типа, возникает вопрос: как их разделять? Обычно, браслетами считаются те изделия, которые имеют соответстующий диаметр и толщину проволоки (Лысенко 2021). Мы взяли для примера наиболее хорошо изученный и детально изданный могильник Бельбек-IV. При сравнении (в порядке возрастания) диаметров изделий в виде колец с выступами из этого могильника, обнаруживаем 2 группы, между которыми есть разрыв почти в 2 см: первая включает кольца с внешними диаметрами от 1,9 до 2,5 см; следующим идёт кольцо 4,1 см по внешнему диаметру и 3,3 см — по важному для нас внутреннему диаметру. Это кольцо открывает вторую группу изделий с внутренними диаметрами от 3,3 до 8 см.

Очевидно, что браслеты носили не только взрослые, но и дети. Значит, нужно определиться с минимально возможным для детского браслета диаметром. Если исходить из того, что минимальным внутренним диаметром для браслета можно считать 4 см[3], то во второй группе только 3 изделия (включая уже упомянутое) имеют недостаточный диаметр для браслетов. Остальные 26 штук можно было надеть на запястье — детское или взрослое.

Самым маленьким из рассматриваемых изделий, зафиксированных на руках, был браслет из погребения 175 (женщина) Бельбекского некрополя (Гущина, Журавлёв 2016: 156): внешний диаметр его 5,4—5,6 см, внутренний — 4,9—4,8 см. Это подтверждает правильность отнесения к браслетам изделий с внутренним диаметром от 4 см.

Заключение

Очевидно, что «шишечки» или «выступы» были для определённого хронологического периода всплеском моды и использовались для декора большого количества разнообразных изделий: колец, браслетов, фибул, всяческих подвесок, в т.ч. подвесок-сфер, медальонов, стеклянных бусин—пронизей и т.д. (рис. 15). Кроме того, использовались нанизываемые и подвесные декоративные элементы — на различные украшения нанизывали бусины, колечки; на кожаные шнурки крепили разные мелкие подвесочки. Этим можно объяснить наличие на некоторых браслетах бусин или остатков кожаных шнурков.

Разумеется, можно говорить о том, что практически все элементы съёмного убранства так или иначе являлись «амулетами» и имели какой-то сакральный смысл или ритуальное значение, но это ни в коем случае не умаляет их прямого назначения.

Рассмотренные в этой статье изделия, безусловно, являлись браслетами. Можно, конечно, предположить, что они были «браслетами для особых случаев», но это вовсе необязательно. Можно даже пойти дальше и попытаться интерпретировать их, как связанные

[3] Автор лично наблюдала расчистку погребения ребёнка пяти лет с цельнолитым браслетом на руке в курганной группе Глиное-Водовод 16/6 (Синика и др. 2018: 70, рис. 69: *1, 3*). Внешний диаметр браслета был 5—5,1 см, а внутренний — 3,9—4,2 см.

с деторождением — на основании фиксации на руке у женщины с младенцем на груди (Усть-Альма, погребение 178). Но для подобных построений у нас недостаточно оснований, как, впрочем, и для того, чтобы считать эти изделия сугубо амулетами и отрицать их наиболее очевидное назначение.

Литература

Богданова 1964: НА ИА НИНУ. № 1964/51. Богданова Н.А. 1964. Отчёт об археологических исследованиях 1964 года могильника первых веков н.э. в районе с. Скалистое Бахчисарайского р-на Крымской области.

Богданова Н.А., Гущина И.И. 1964. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. *СА* 1, 324—330.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. 1976. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I—III вв.н.э.). *СА* 4, 121—158.

Богачёв А.В. 1998. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. В: Сташенков Д.А. (ред.). *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии)*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 151—166.

Волков И.А. 1888. Больше-Дмитриевские курганы. *Труды Саратовской ученой архивной комиссии*. Т. I. Вып. III, 285—293.

Высотская 1979: НА ИА НАНУ. № 1979/8к. Высотская Т.Н. 1979. Отчёт о работе Альминского отряда за 1979 г.

Высотская Т.Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская академия евробизнеса.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Molога II. В: Гудкова А.В. (ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 55—113.

Гущина 1970: НА ИА НАНУ. № 1970/64. Гущина И.И. 1970. Отчёт о работе Крымской экспедиции ГИМ в 1970 г.

Гущина 1973: НА ИА НАНУ. № 1973/53. Гущина И.И. 1973. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в 1973 г.

Гущина 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/93. Гущина И.И. 1974. Отчёт о работе Корымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1974 г.

Гущина 1975: НА ИА НАНУ. № 1975/117. Гущина И.И. 1975. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1975 г.

Гущина 1981: НА ИА НАНУ. № 1981/135. Гущина И.И. 1981. Отчёт о работе Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 1981 г.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Москва: Исторический музей.

Ханенко Б.И. 1901. *Древности Приднепровья. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко*. Вып. IV. *Эпоха великого переселения народов*. Киев: Фототипия и типография С.В. Кульженко.

Журавлев Д.В. 2006. Об одной группе «браслетов» или Кельтский мираж в Крыму. *Боспорские чтения* VII, 98—103.

Журавлёв Д.В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *ПИФК* 1(43), 59—85.

Кухаренко Ю.В. 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. *СА* 1, 31—51.

Лысенко С.С., Лысенко С.Д. 2014. Некоторые аспекты реконструкции древнего костюма и убранства. *Археологія і давня історія України* 2(13). *Археологія: можливості реконструкцій*, 107—119.

Лысенко С.С. 2021. *Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы* (в печати).

Мажитов Н.А. 1968: *Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э.* Москва: Наука.

Максимов Е.К. 1957. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. *СА* 4, 157—161.

Мартиросян А.А. 1954. Раскопки в Головино. Результаты работ археологических экспедиций Института истории Академии наук Армянской ССР и Комитета по охране древностей Армении в 1929 и 1950 гг. Ереван: АН Армянской ССР (Археологические раскопки в Армении. Т. 4).

Мастыкова А.В. 2009. *Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э.* Москва: ИА РАН.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Синика и др. 2018: Архив Музея археологии Приднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. № 21. Синика В.С., Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Симоненко С.О. 2018. Отчёт о работах Днестровской археологической экспедиции по исследованию курганов у с.Глиное Слободзейского района в 2018 году.

Спицын А.А. 1901. *Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР* 25.

Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.

Glodariu I. 1984. “Brățările” cu nodozități Latene târzii. *Dacia* XXI, 63—79.

References

Bogdanova 1964: NA IA NINU. No. 1964/51. Bogdanova N.A. 1964. Otchot ob arkheologicheskikh issledovaniyakh 1964 goda mogil'nika pervykh vekov n.e. v rayone s. Skalistoye Bakhchisarayskogo r-na Krymskoy oblasti.

Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I. 1964. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 324—330 (in Russian).

Bogdanova, N.A., Gushchina, I.I., Loboda, I.I. 1976. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 121—158 (in Russian).

Bogachov, A.V. 1998. In: Stashenkov, D.A. (ed.). *Kul'tury Yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (Voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian steppes of the second half of the 1st millennium CE (Problems of chronology).)*. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-krayevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina, 151—166 (in Russian).

Volkov, I.A. 1888. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii (Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission)*. Vol. I. Iss. III, 285—293 (in Russian).

Vysotskaya 1979: NA IA NANU. No. 1979/8k. Vysotskaya T.N. 1979. Otchot o rabote Al'minskogo otryada za 1979 g.

Vysotskaya, T.N. 1994. *Ust'-Al'minskoye gorodishche i nekropol' (Ust-Alma settlement and necropolis)*. Kyiv: Kiyevskaya akademiya yevrobiznesa (in Russian).

Gudkova, A.V., Fokeyev, M.M. 1982. In: Gudkova, A.V. (ed.). *Pamyatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye (Monuments of Roman and medieval times in the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 55—113 (in Russian).

Gushchina 1970: NA IA NANU. No. 1970/64. Gushchina I.I. 1970. Otchot o rabote Krymskoy ekspeditsii GIM v 1970 g.

Gushchina 1973: NA IA NANU. No. 1973/53. Gushchina I.I. 1973. Otchot o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya v 1973 g.

Gushchina 1974: NA IA NANU. No. 1974/93. Gushchina I.I. 1974. Otchot o rabote Korymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1974 g.

Gushchina 1975: NA IA NANU. No. 1975/117. Gushchina I.I. 1975. Otchot o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1975 g.

Gushchina 1981: NA IA NANU. No. 1981/135. Gushchina I.I. 1981. Otchot o rabote Krymskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya v 1981 g.

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu (Necropolis of Roman time Belbek IV in the South-West Crimea)*. Moscow: Istoricheskiy muzey (in Russian).

Khanenko, B.I. 1901. *Drevnosti Pridneprov'ya. Sobraniye B.I. i V.N. Khanenko ()*. Iss. IV. *Epokha velikogo pereseleniya narodov (Antiquities of the Dnieper region. Collection of B.I. and V.N. Khanenko)*. Kyiv: Fototipiya i tipografiya S.V. Kul'zhenko (in Russian).

Zhuravlev, D.V. 2006. In *Bosporskiye chteniya (Bosporus Readings)* VII, 98—103 (in Russian).

Zhuravlov, D.V. 2014. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1(43), 59—85 (in Russian).

Kukharenko, Yu.V. 1959. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 31—51 (in Russian).

Lysenko, S.S., Lysenko, S.D. 2014. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and ancient history of Ukraine)* 2(13). *Arkheologiya: mozhlivosti rekonstruktsiy (Archaeology: Possibilities of Reconstructions)*, 107—119 (in Russian).

Lysenko, S.S. 2021. *Ukrasheniya naseleniya Severnogo Prichernomor'ya epokhi pozdney bronzy (Jewelry of the population of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age)* (in print) (in Russian).

Mazhitov, N.A. 1968: *Bakhmutinskaya kul'tura. Etnicheskaya istoriya naseleniya Severnoy Bashkirii serediny I tys. n.e.* Moscow: Nauka (in Russian).

Maksimov, Ye.K. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 157—161 (in Russian).

Martirosyan, A.A. 1954. *Raskopki v Golovino. Rezul'taty rabot arkheologicheskikh ekspeditsiy Instituta istorii Akademii nauk Armyanskoy SSR i Komiteta po okhrane drevnostey Armenii v 1929 i 1950 gg. (Excavations in Golovino. Results of the work of archaeological expeditions of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Armenian SSR and the Committee for the Protection of Antiquities of Armenia in 1929 and 1950).* Yerevan: AN Armyanskoy SSR (Archaeological excavations in Armenia. Vol. 4) (in Russian).

Mastykova, A.V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV — seredine VI v. n.e. (Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia at the end of the 4th — middle of the 6th century CE)*. Moscow: IA RAN (in Russian).

Puzdrovskiy, A.Ye. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nyye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Sinika et al. 2018: Arkhiv Muzeya arkheologii Pridnestrov'ya PGU im. T.G. Shevchenko. No. 21. Sinika V.S., Telnov N.P., Razumov S.N., Lysenko S.D., Lysenko S.S., Simonenko S.O. 2018. Otchot o rabotakh Dnestrovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii po issledovaniyu kurganov u s.Glinoye Slobodzeyskogo rayona v 2018 godu.

Spitsyn, A.A. 1901. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia)* 25 (in Russian).

Symonovich, E.A. 1983. *Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya Skifskogo) (Population of the capital of the Late Scythian kingdom (based on the materials of the Eastern Burial-ground of Scythian Naples)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Glodariu, I. 1984. "Brățările" cu nodozități Latene târzii. *Dacia* XXI, 63—79.

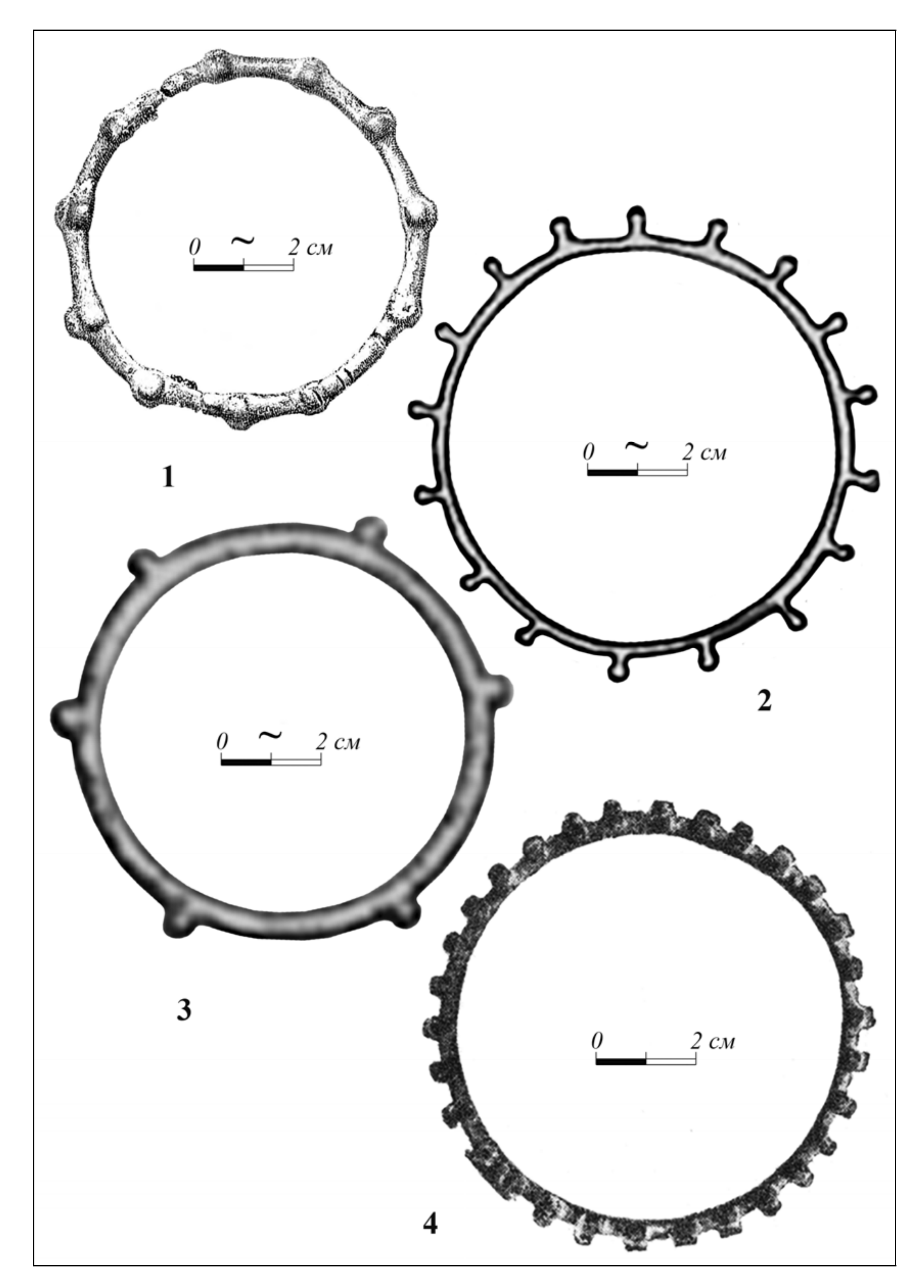

Рис. 1. Браслеты с шишечками: *1* — Кошибеево (по Спицын 1901: табл. VII: *10*); *2—3* — Хртаноцкий могильник (по Мартиросян 1954: табл. V: *28*, VIII: *6*); *4* — Большая Дмитриевка (по Максимов 1957: рис. 2: *3*).

Fig. 1. Bracelets with knobs: *1* — Koshibeevo (after Spitsyn 1901: tab. VII: *10*); *2—3* — Khrtanotsky cemetery (after Martirosyan 1954: tab. V: 28, VIII: *6*); *4* — Bolshaya Dmitrievka (after Maksimov 1957: fig. 2: *3*).

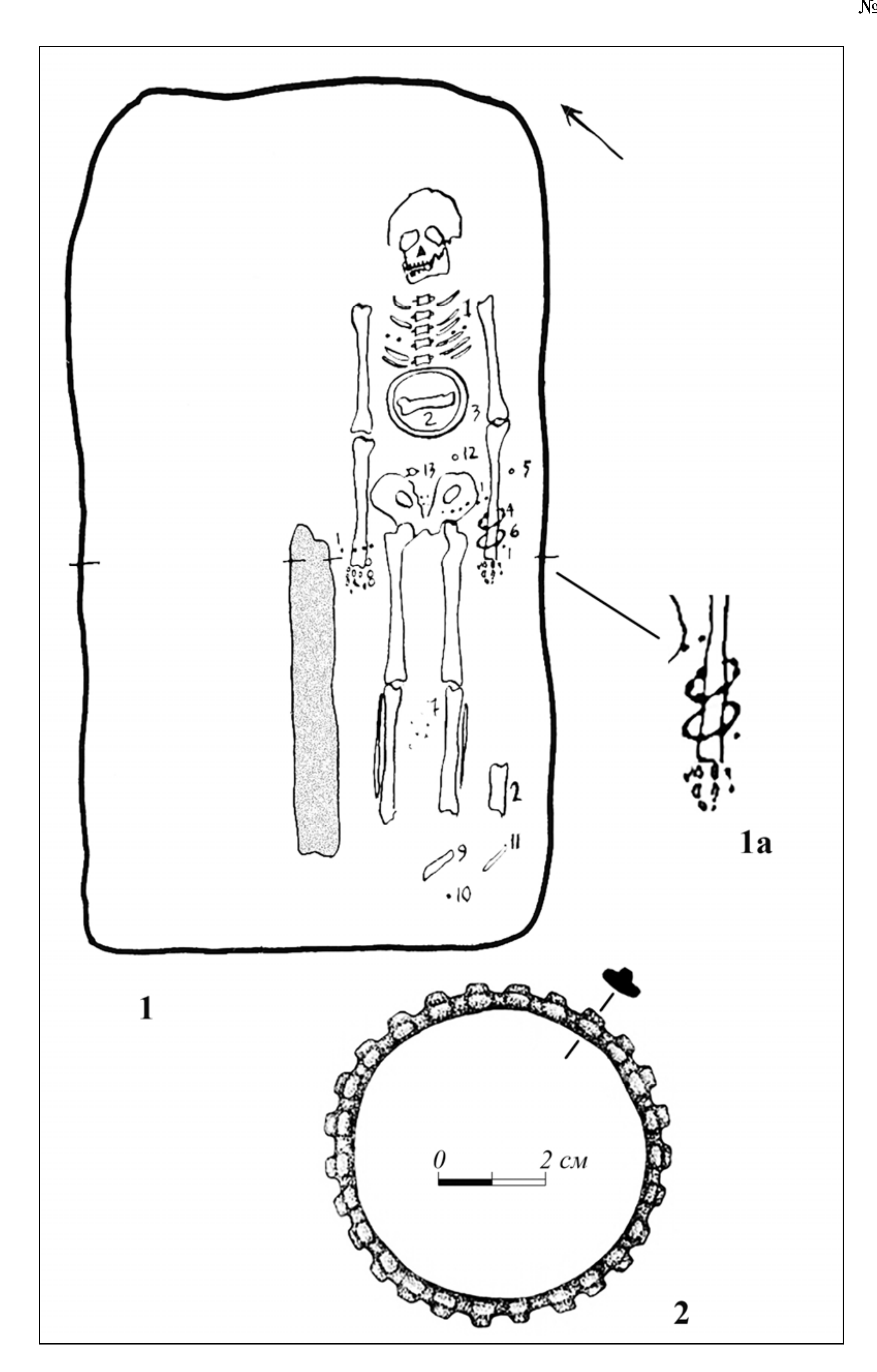

Рис. 2. Бельбек IV, погребение 159: *1* — план (по Гущина 1975: табл. 3: *а*); *2* — браслет с шишечками (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 97: *17*).

Fig. 2. Belbek IV, grave 159: *1* — plan (after Gushchina 1975: tab. 3: *a*); *2* — bracelet with knobs (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 97: *17*).

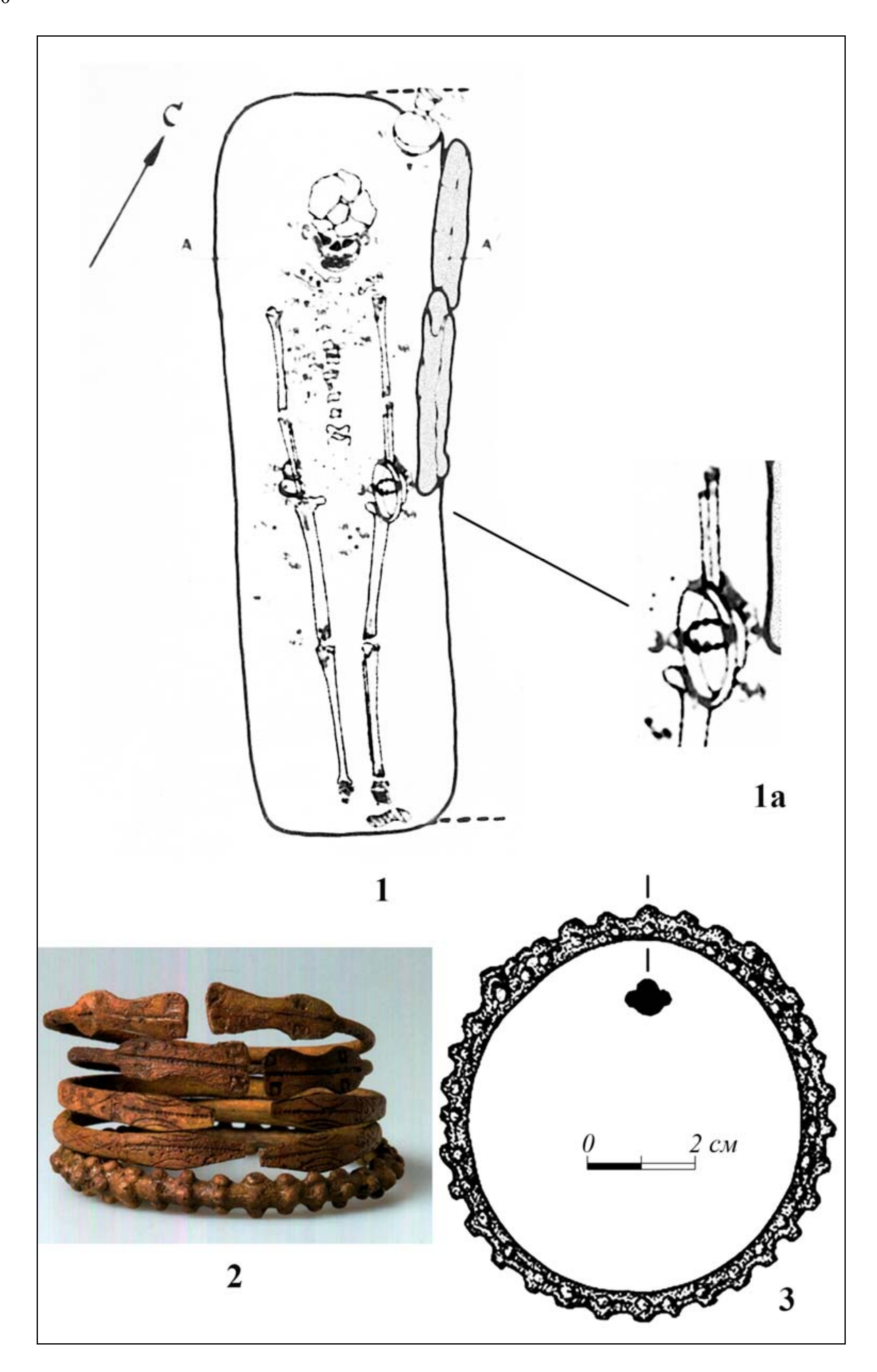

Рис. 3. Бельбек IV, погребение 191: *1* — план (по Гущина 1981: рис. 3, 10); *2* — браслеты из этого погребения (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 316: *1*); *3* — браслет с шишечками (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 124: *11*).

Fig. 3. Belbek IV, grave 191: *1* — plan (after Gushchina, 1981: fig. 3, 10); *2* — bracelets from the grave (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 316: *1*); *3* — bracelet with knobs (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 124: 11).

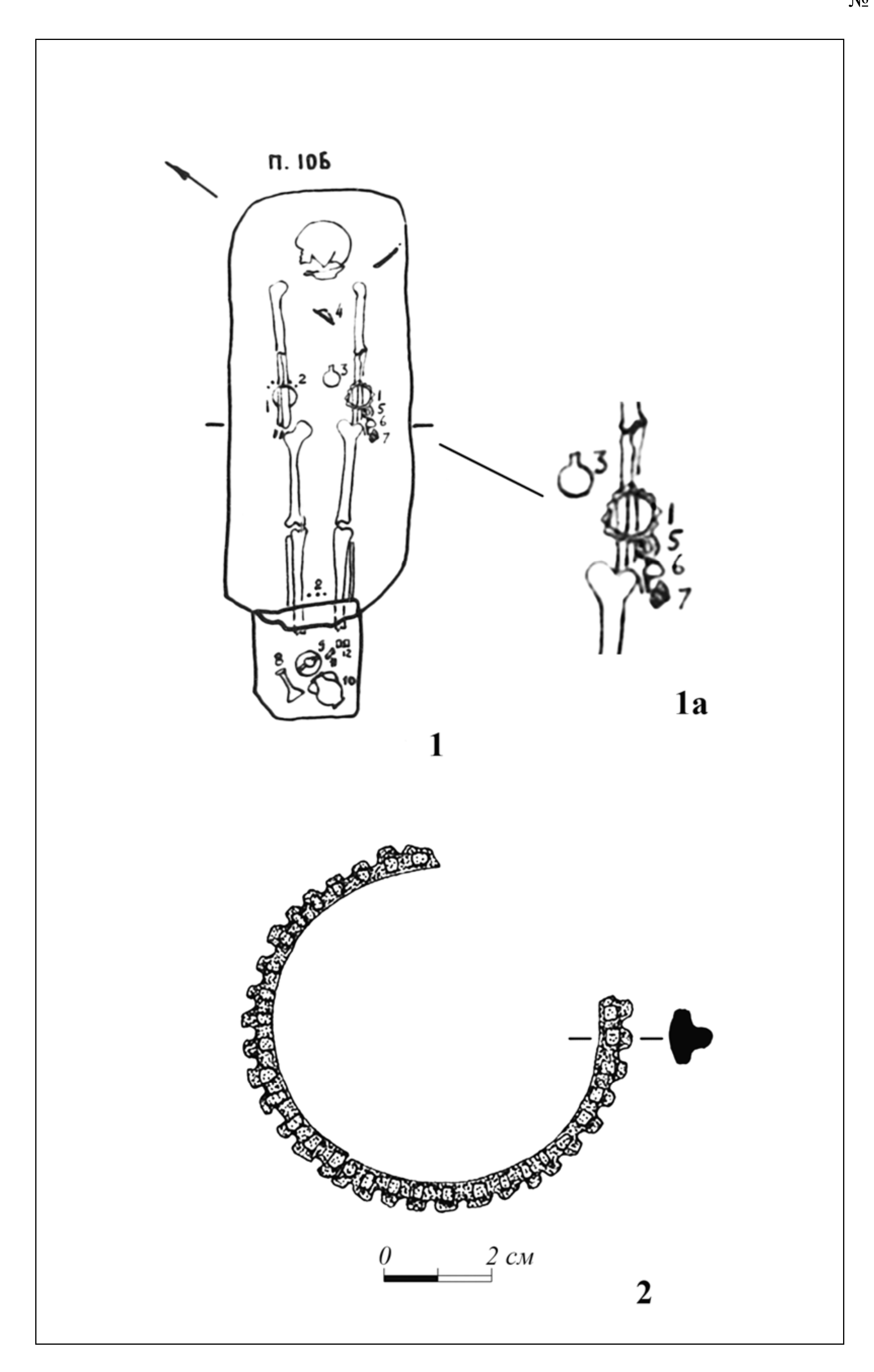

Рис. 4. Бельбек IV, погребение 106: *1* — план (по Гущина 1973: рис. II: *1*); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 62: *9*).

Fig. 4. Belbek IV, grave 106: *1* — plan (after Gushchina 1973: fig. II: *1*); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 62: *9*).

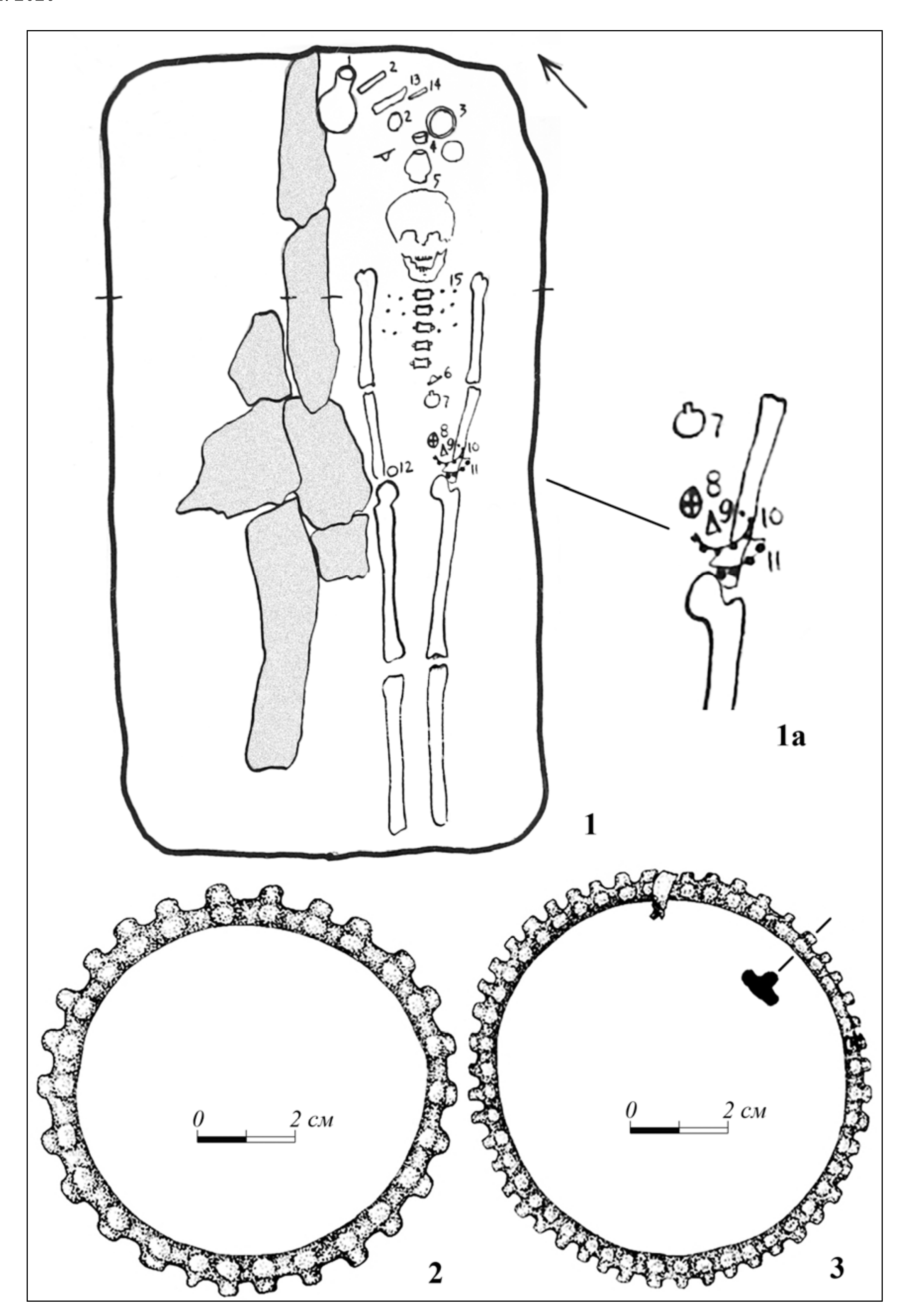

Рис. 5. Бельбек IV, погребение 158: *1* — план (по Гущина 1975: рис. 2: *а*); *2—3* — браслеты (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 99: *7, 13*).

Fig. 5. Belbek IV, grave 158: *1* — plan (after Gushchina 1975: fig. 2: *a*); *2—3* — bracelets (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 99: *7, 13*).

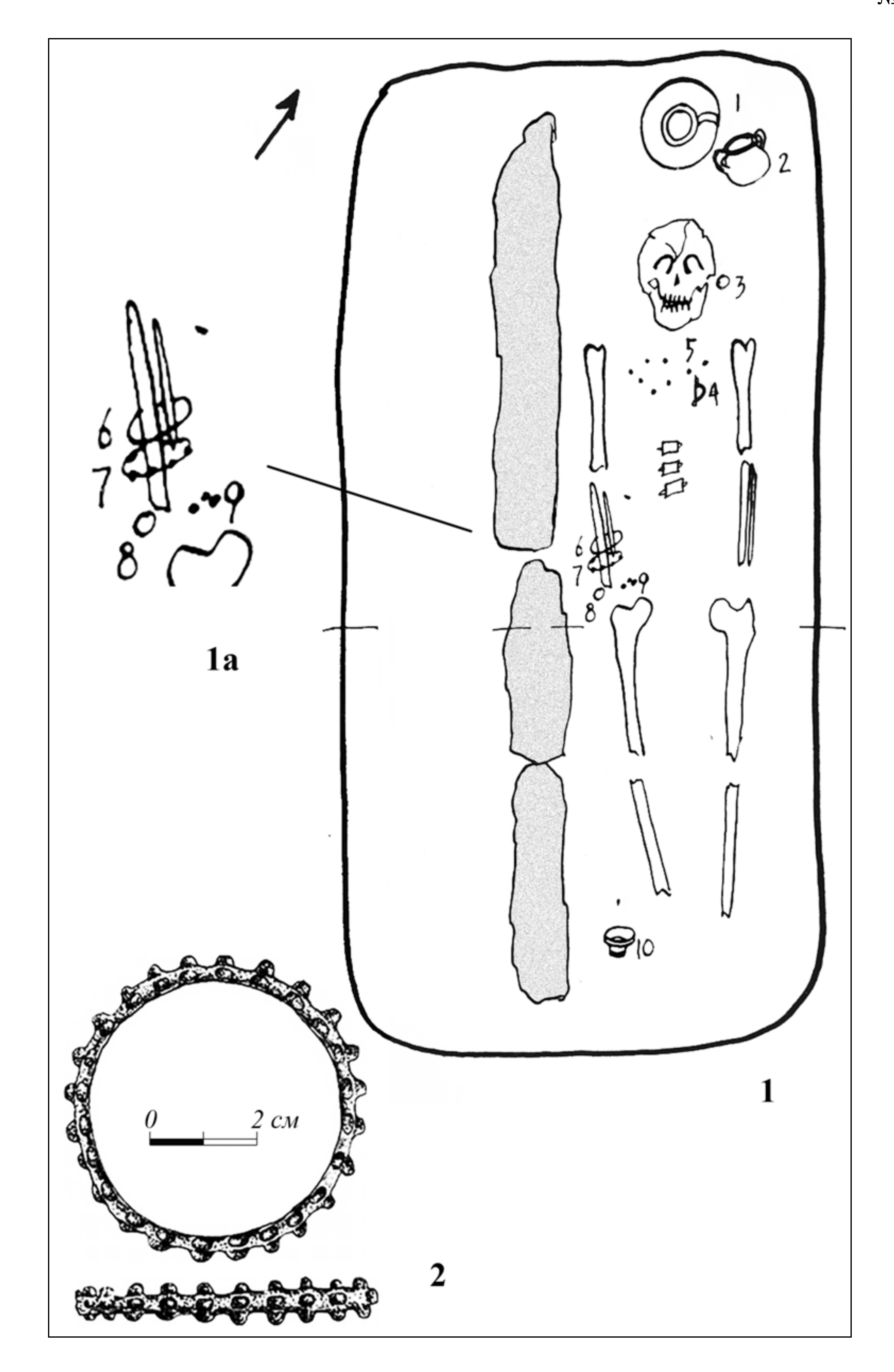

Рис. 6. Бельбек IV, погребение 175: *1* — план (по Гущина 1975: рис. 19: *а*); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 112: *7*).

Fig. 6. Belbek IV, grave 175: *1* — plan (after Gushchina 1975: fig. 19: *a*); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 112: *7*).

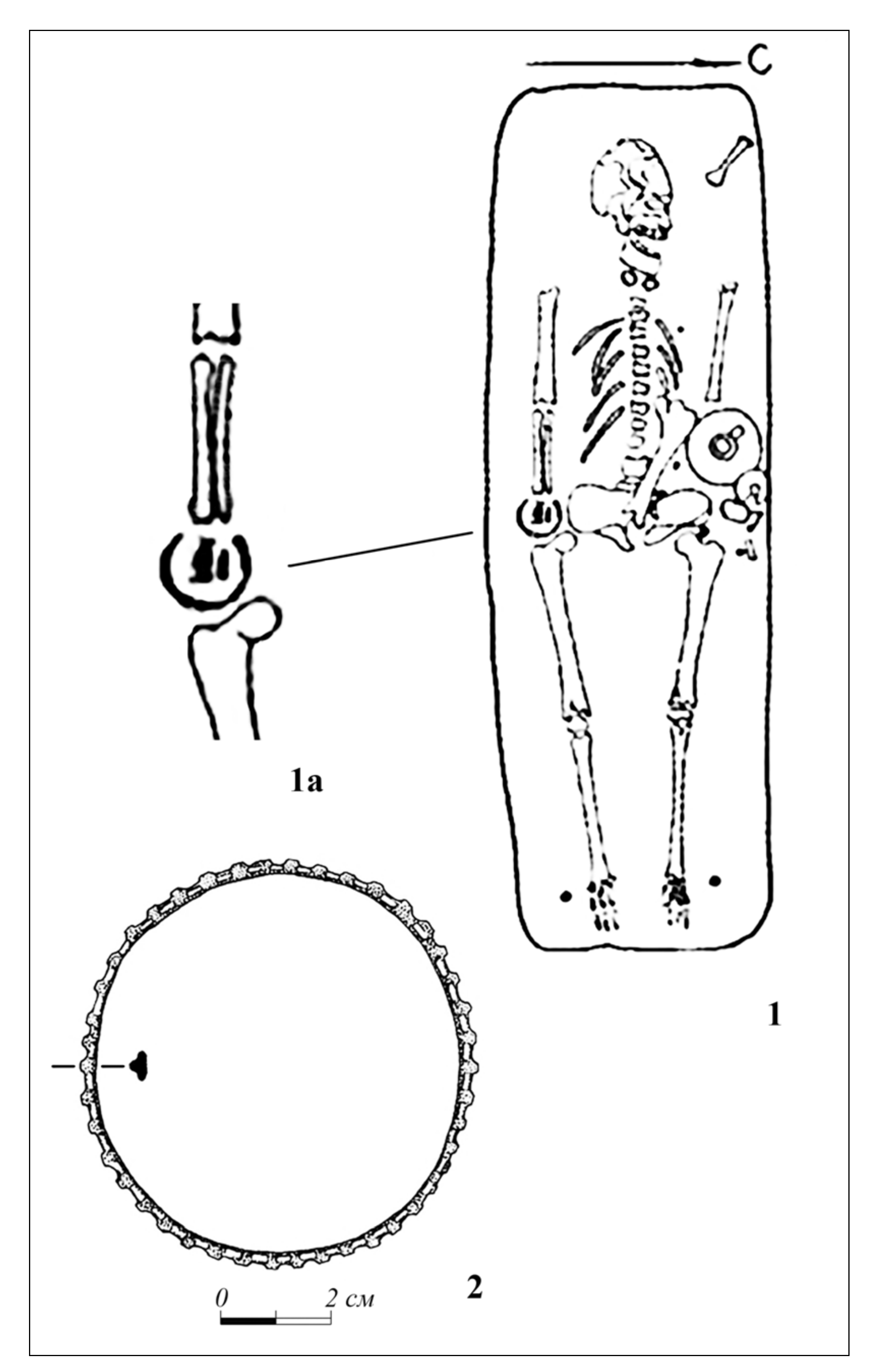

Рис. 7. Бельбек IV, погребение 286: *1* — план; *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: 185, табл. 195: *11*).

Fig. 7. Belbek IV, grave 286: *1* — plan; *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: 185, tab. 195: *11*).

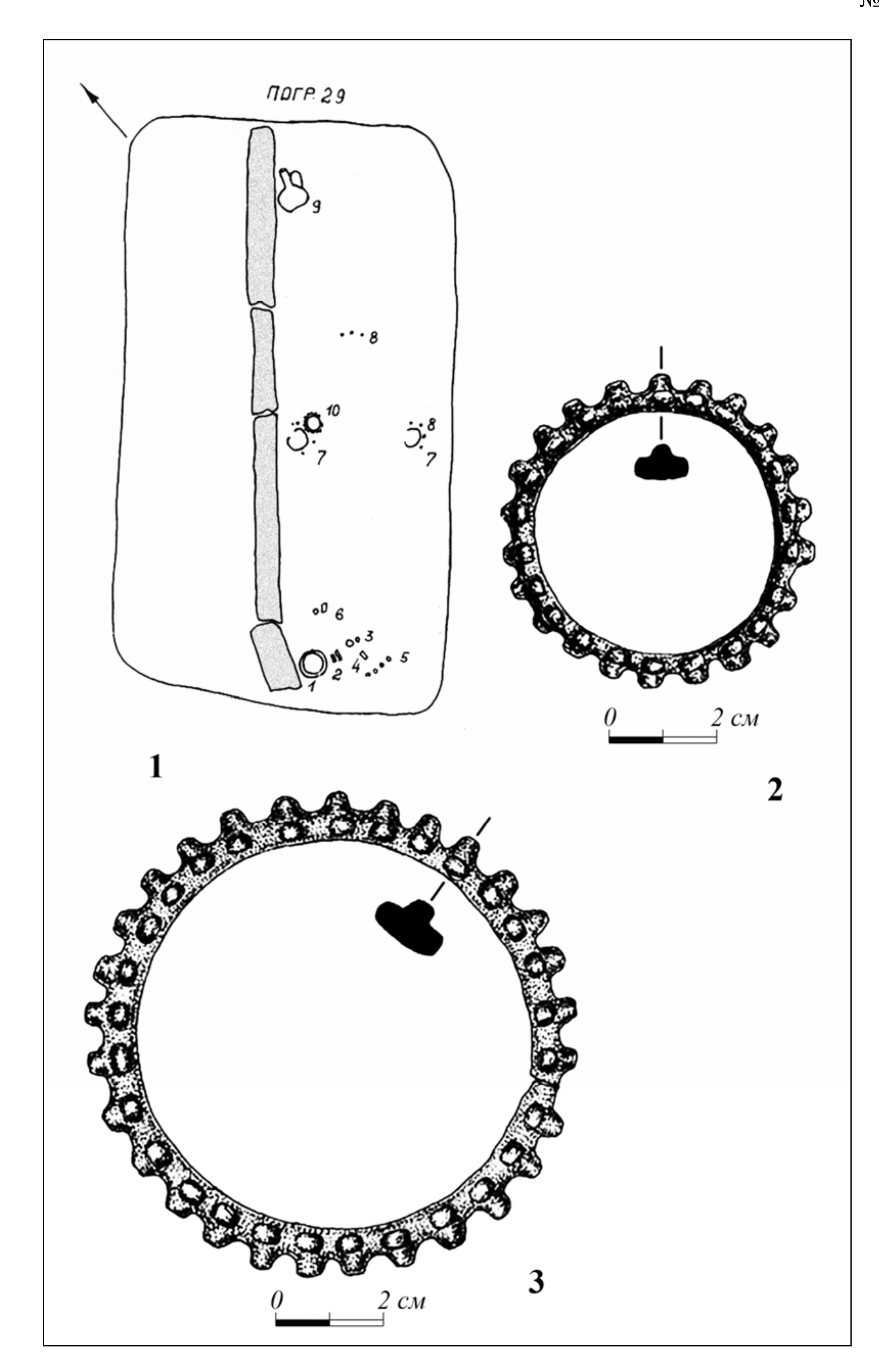

Рис. 8. Бельбек IV, погребение 29: *1* — план (по Гущина 1970: рис. 8: *а*); *2* — браслеты (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 19: *20—21*).

Fig. 8. Belbek IV, grave 29: *1* — plan (after Gushchina 1970: fig. 8: *a*); *2* — bracelets (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 19: *20—21*).

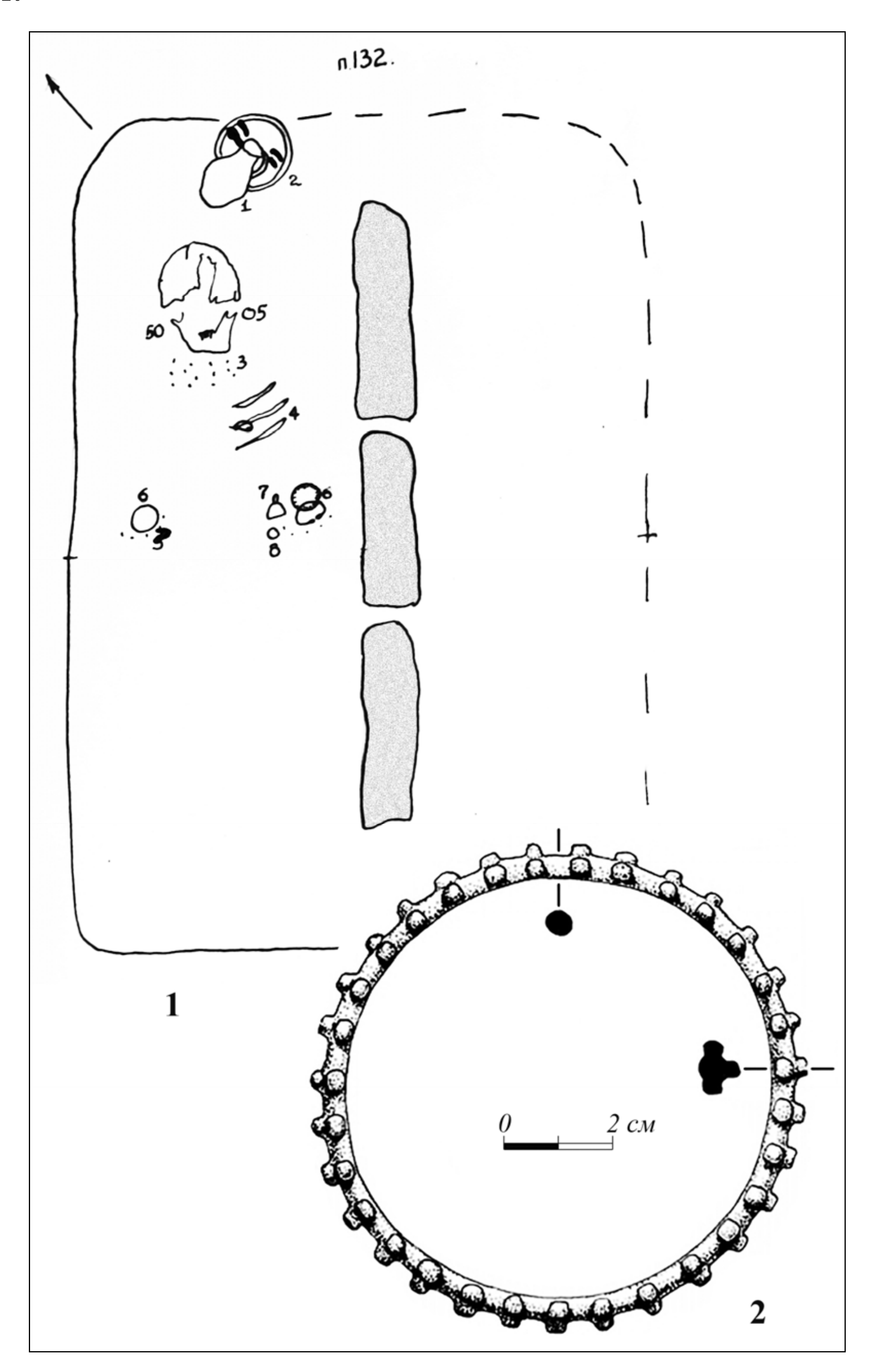

Рис. 9. Бельбек IV, погребение 132: *1* — план (по Гущина 1974: рис. 11); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 81: *25*).

Fig. 9. Belbek IV, grave 132: *1* — plan (after Gushchina 1974: fig. 11); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 81: *25*).

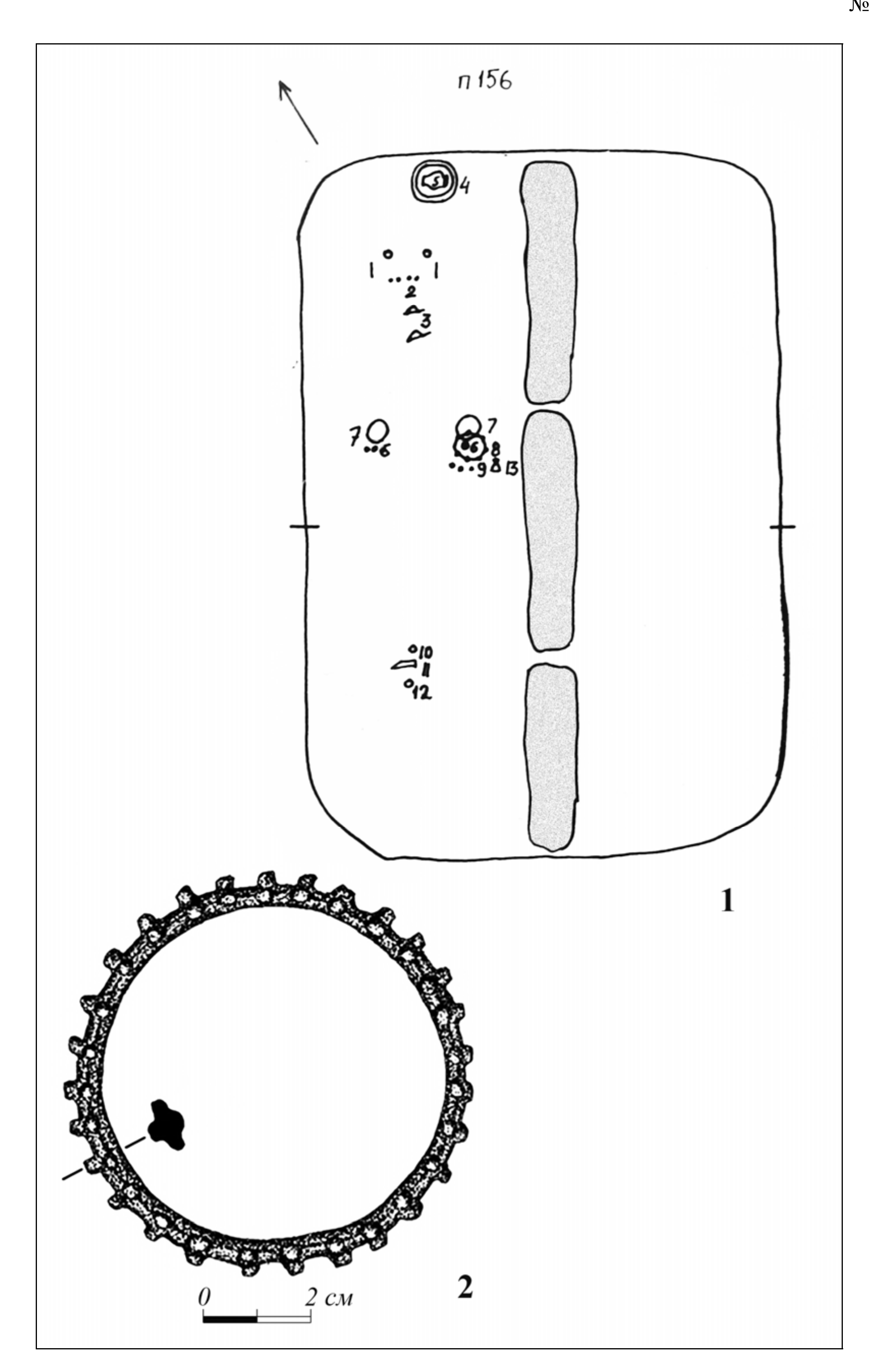

Рис. 10. Бельбек IV, погребение 156: *1* — план (по Гущина 1974: рис. 122); *2* — браслет (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 96: *13*).

Fig. 10. Belbek IV, grave 156: *1* — plan (after Gushchina 1974: fig. 122); *2* — bracelet (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 96: *13*).

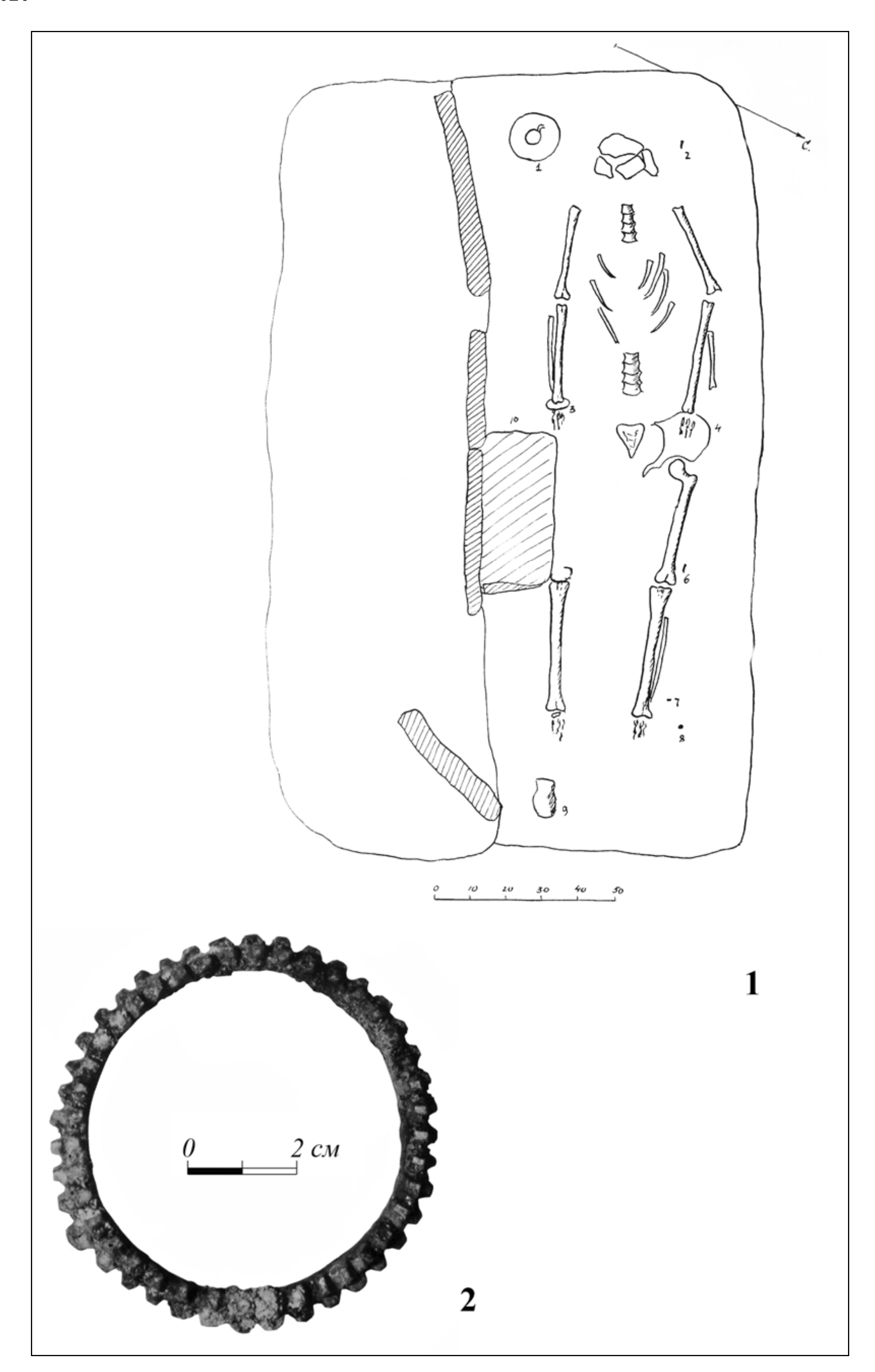

Рис. 11. Озёрный, могила 1: *1* — план; *2* — браслет (по Богданова 1960: табл. IV, VI: *4*).

Fig. 11. Ozerny, grave 1: *1* — plan; *2* — bracelet (after Bogdanova 1960: tab. IV, VI: *4*).

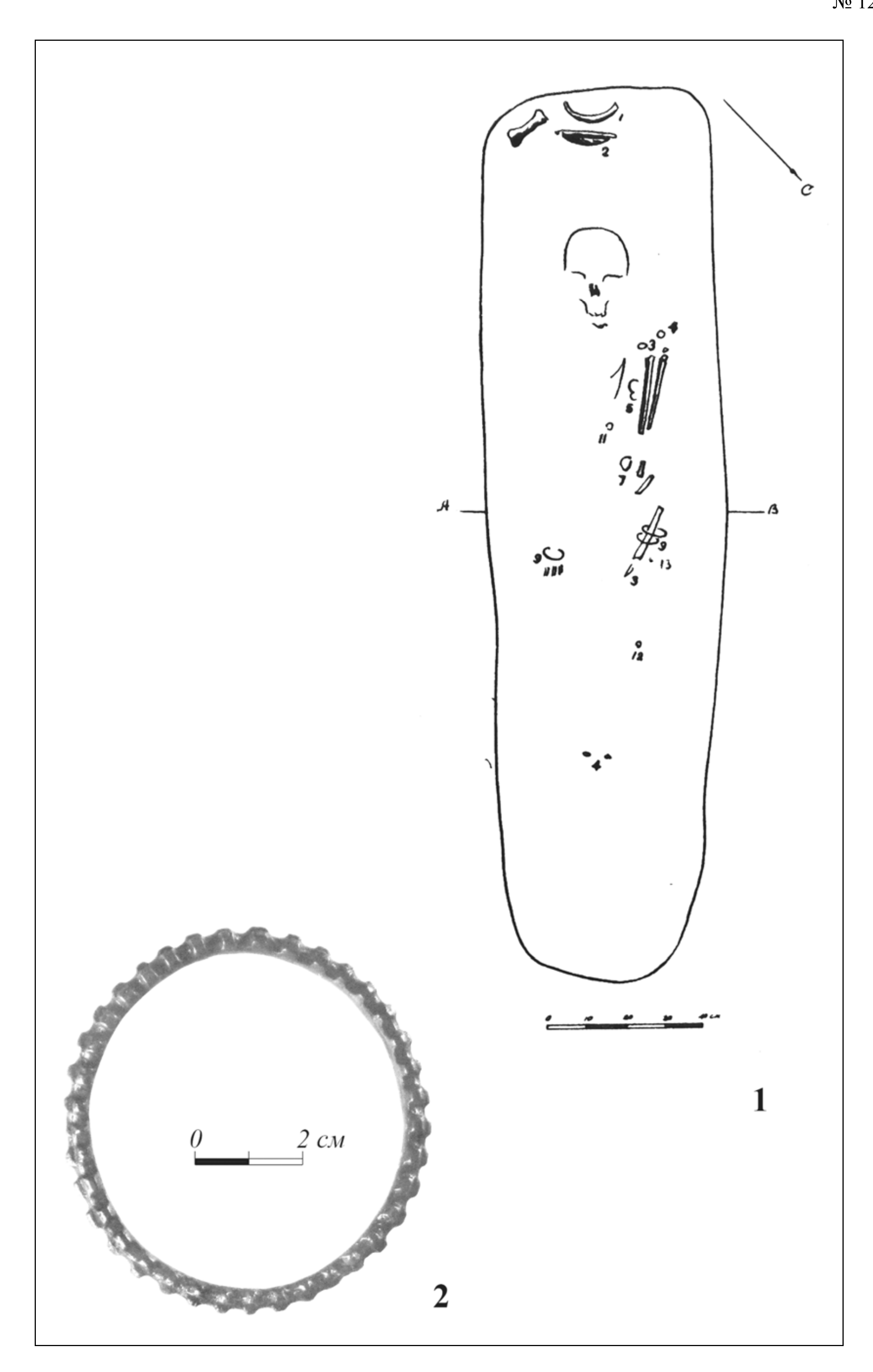

Рис. 12. Скалистое, могила 12: *1* — план; *2* — браслет (по Богданова 1964: табл. 21: *3*; 22: *3*).

Fig. 12. Skalistoe, grave 12: *1* — plan; *2* — bracelet (after Bogdanov 1964: tab. 21: *3*; 22: *3*).

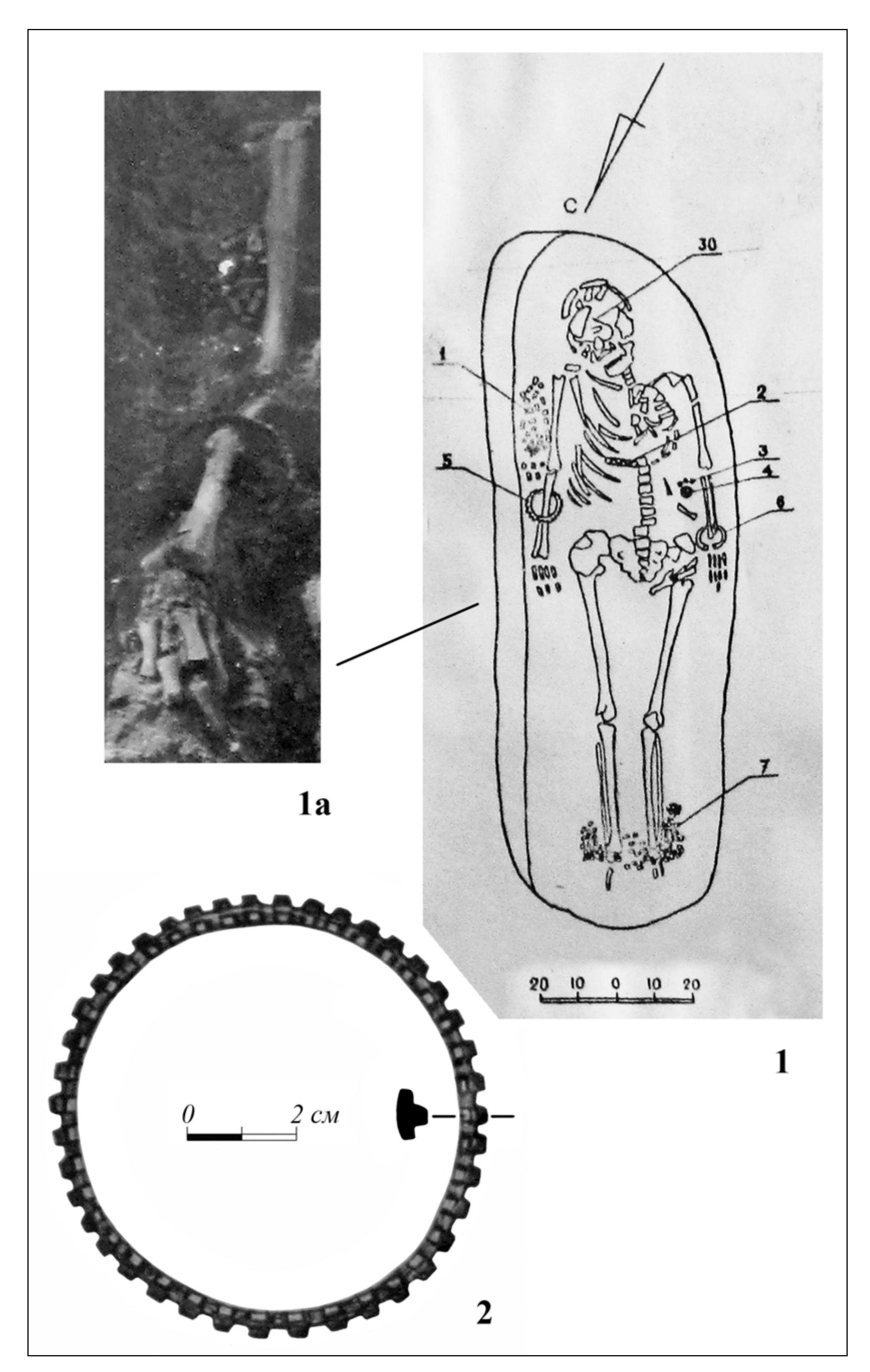

Рис. 13. Усть-Альма, могила 174: *1* — план; *2* — браслет (по Высотская 1979: рис. 96, 99: *72*).

Fig. 13. Ust'-Al'ma, grave 174: *1* — plan; *2* — bracelet (after Vysotskaya 1979: fig. 96, 99: *72*).

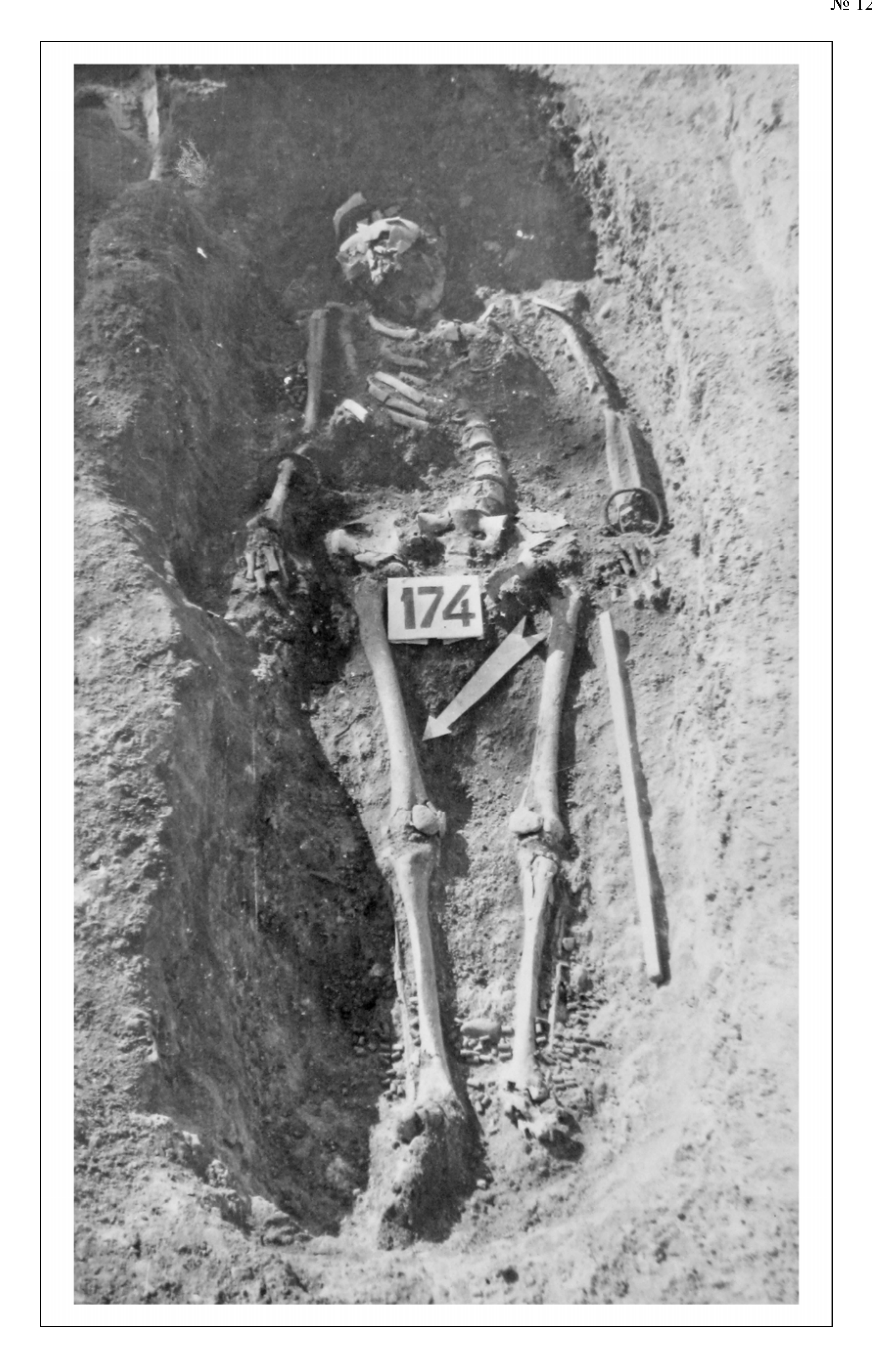

Рис. 14. Усть-Альма, могила 174 (по Высотская 1979: рис. 98).

Fig. 14. Us’t-Al’ma, grave 174 (after Vysotskaya 1979: fig. 98).

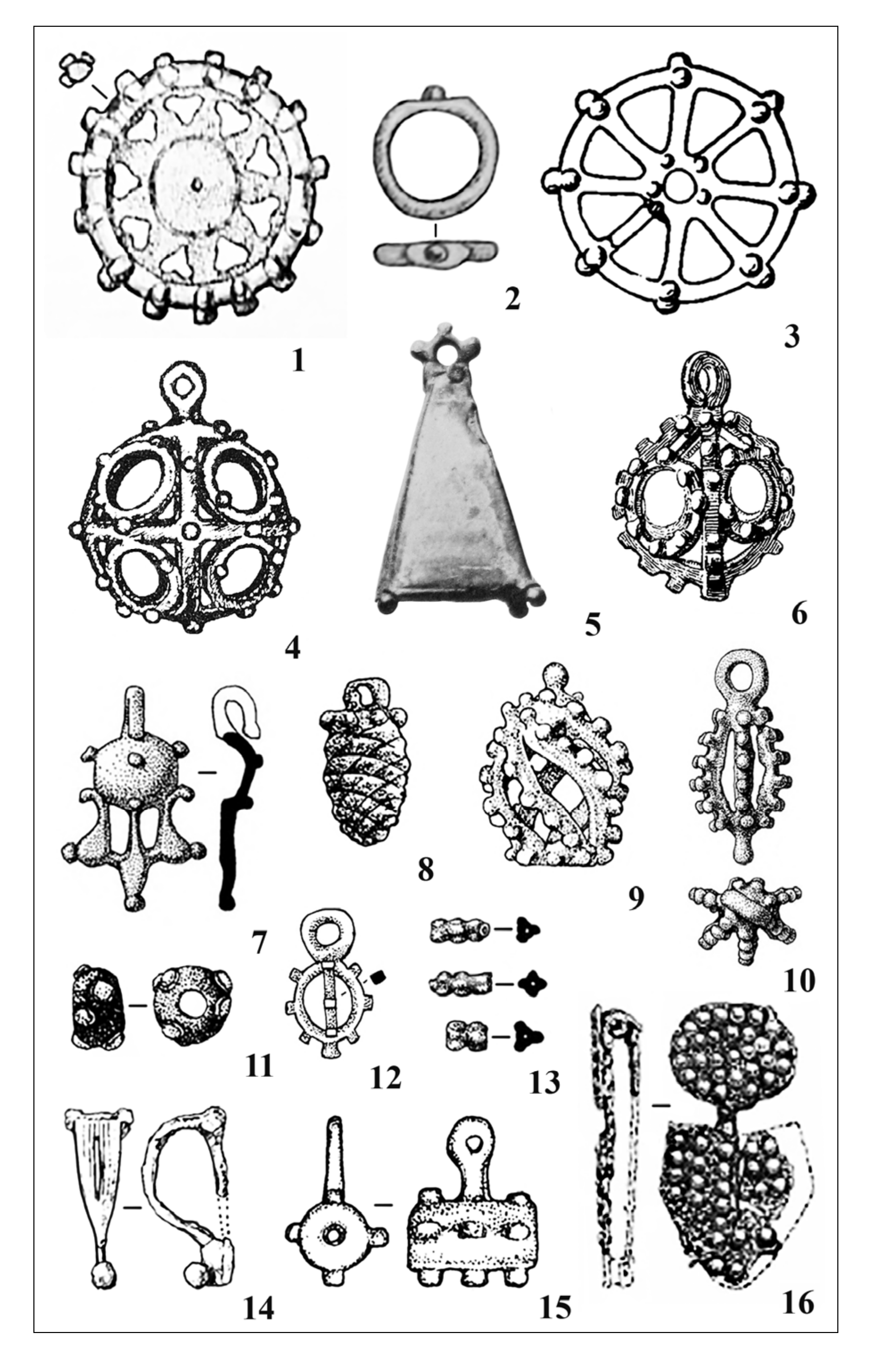

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Рис. 15. Изделия с декором в виде шишечек: *1* — Молога II, склеп 2, погребение 1 (по Гудкова, Фокеев 1982: рис. 11: *5*); *2* — Молога II, склеп 4, погребение VIII (по Гудкова, Фокеев 1982: рис. 15: *12*); *3* — место находки неизвестно (по Кухаренко 1959: рис. 2: *4*); *4* — Усть-Альма, склеп 88 (по Высотская 1994: табл. 25: 31); *5* — из собрания Б.Н и В.И. Ханенко (по Ханенко 1901: табл. VII: *206*); *6* — Бельбек IV, погребение 223 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 150: *7*); *7* — Бельбек IV, погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 64: *9*); *8* — Бельбек IV, погребение 129 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 78: *9*); *9* — Бельбек IV, погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 65: *1*); *10* — Бельбек IV, погребение 108 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 64: *17*); *11* — Бельбек IV, погребение 139 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 85: *11*); *12* — Бельбек IV, погребение 218 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 146: *5*); *13* — Бельбек IV, погребение 88 (по Гущина, Журавлёв 2016: табл. 52: *8—10*); *14* — Усть-Альма, могила 440, погребение 10 (по Пуздровский 2007: табл. 194: *4*); *15* — Бельбек IV, раскопки Д.В. Журавлёва, К.Б. Фирсова (по Журавлёв 2014: рис. 12); *16* — Бирск, погребение 25 (по Мажитов 1968: табл. 8: *8*).

Fig. 15. Items with decorations in the form of knobs: *1* — Mologa II, tomb 2, grave 1 (after Gudkova, Fokeev 1982: fig. 11: *5*); *2* — Mologa II, tomb 4, grave VIII (after Gudkova, Fokeev 1982: fig. 15: *12*); *3* — place of the find is unknown (after Kukharenko 1959: fig. 2: *4*); *4* — Us't-Al'ma, tomb 88 (after Vysotskaya 1994: tab. 25: *31*); *5* — from the collection of B.N. and V.I. Khanenko (after Khanenko 1901: tab. VII: *206*); *6* — Belbek IV, grave 223 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 150: 7); *7* — Belbek IV, grave 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 64: *9*); *8* — Belbek IV, grave 129 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 78: *9*); *9* — Belbek IV, grave 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 65: *1*); 10 — Belbek IV, grave 108 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 64: *17*); *11* — Belbek IV, grave 139 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 85: *11*); *12* — Belbek IV, grave 218 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 146: *5*); *13* — Belbek IV, grave 88 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: tab. 52: *8—10*); *14* — Ust'-Al'ma, grave 440, grave 10 (after Puzdrovsky 2007: tab. 194: *4*); *15* — Belbek IV, excavations by D.V. Zhuravlev, K.B. Firsova (after Zhuravlev 2014: fig. 12); *16* — Birsk, grave 25 (after Mazhitov 1968: tab. 8: *8*).

УДК 930. 26
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00011

И.Р. Гусач

ГЛАЗУРОВАННАЯ ПОСУДА С МРАМОРОВИДНЫМ ДЕКОРОМ ИЗ ОСМАНСКИХ КРЕПОСТЕЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ*

Керамологическое исследование посвящено редкому типу глазурованной глиняной посуды с мраморовидным декором, которая была обнаружена во время археологических раскопок 1961—2015 гг. на территории бывших османских крепостей Азак и Сед-Ислам в Северо-Восточном Приазовье. Впервые удалось выявить и изучить фрагменты этой столовой посуды, датируемой XVII—XVIII вв., которые хранятся в фондовых коллекциях Археологического музея-заповедника «Танаис» и Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника. За 50 лет работы на данных археологических памятниках было обнаружено 97 фрагм. глазурованной глиняной посуды с мраморовидным декором (18 фрагм. — в крепости Сед-Ислам, 79 фрагм. — в крепости Азак). Среди них преобладают остатки сосудов открытой формы — тарелок и чаш (90,8%). Находки фрагментов посуды закрытой формы (кувшинов) весьма редки (6,2%). В Азаке встречены 3 крышки от кувшинов (3%). Основная часть данной посуды, по мнению автора, является импортом из Анатолии и с побережья Мраморного моря. Визуальное сходство глиняного теста некоторых фрагментов «мраморовидной» керамики, обнаруженной в Северо-Восточном Приазовье, с формовочной массой продукции мастерских Юго-Восточного Крыма (которая составляет около 80% от общего количества глазурованной керамики нижнедонских османских крепостей) не исключает наличия среди них изделий крымских гончаров, имитировавших, судя по всему, итальянскую и малоазийскую посуду с модным в то время мраморовидным декором. Серия будущих петрографических, рентгеноструктурных и химических анализов внесет ясность в решение данного вопроса.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье, османские крепости Азак и Сед-Ислам, глазурованная посуда с мраморовидным декором, XVII—XVIII вв.

Сведения об авторе: Гусач Ирина Рудольфовна, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник.

Контактная информация: 346780, Россия, Ростовская обл., г. Азов, ул. Московская, 38/40, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; e-mail: irina_gusach@mail.ru.

I.R. Gusach

MARBLE-LIKE DECORATED GLAZED POTTERY FROM OTTOMAN FORTRESSES OF THE NORTH-EASTERN AZOV REGION

Ceramological research is devoted to a rare type of polychrome glazed ware that was discovered during archaeological excavations between 1961 and 2015 in the former Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam in the North-Eastern Azov region. It was a first-ever possibility to identify and study fragments of this tableware dating back to the 17th — 18th centuries, which are stored in the stock collections of Archaeological Museum-Reserve "Tanais" and Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Over 50 years of work at these archaeological sites, 97 fragments of glazed earthenware with marble-like decoration were discovered (18 fragments — in the Sed-Islam fortress, 79 fragments — in the Azak fortress). The predominant fragments are the remains of open-shaped vessels — plates and bowls (90.8%). Fragments of closed-shaped vessels (jugs)

* Статья поступила в номер 28 октября 2020 г.
Принята к печати 12 декабря 2020 г.

© И.Р. Гусач, 2020.

are very rare (6.2%). In Azak, 3 lids from jugs (3%) were found. According to the author, most of this tableware is imported from Anatolia and from the Coast of Marmara Sea. Visual similarity of the clay dough of some fragments of “marble” ceramics found in the North-East Azov region, with the molding mass of products from the workshops of the South-East Crimea (which accounts for about 80% of the total number of glazed ceramics from the Ottoman fortresses of Lower Don region) does not rule out the presence among them of products of the Crimean potters, who apparently imitated tableware of Italy and Asia Minor with the fashionable marble décor of that time. A number of future petrographic, X-ray structural and chemical analyses will bring clarity to this issue.

Key words: North-Eastern Azov region, Ottoman fortresses Azak and Sed-Islam, marble-like decorated glazed pottery, 17th — 18th centuries.

About the author: Gusach Irina Rudolfovna, Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve.

Contact information: 346780, Russia, Rostov region, Azov, 38/40 Moskovskaya St., Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve; e-mail: irina_gusach@mail.ru.

Исследование керамических комплексов самых отдаленных османских военных крепостей Великой Порты — Азак (у русских — Азов) и Сед-Ислам (у русских — Лютик или Лютин), которые были собраны более чем за полвека (с 1961 по 2015 гг.) археологических изысканий на территории этих двух памятников позднего Средневековья-Нового времени в Северо-Восточном Приазовье (рис. 1), показало, что в группе привозной глазурованной глиняной керамики имеется незначительная часть остатков столовой посуды с редким мраморовидным декором. По причине своей малочисленности и плохой сохранности, эти артефакты долгое время не попадали в поле зрения керамологов, занимавшихся в конце XX — начале XXI вв. изучением археологических коллекций, находящихся на хранении в двух музеях Ростовской области — Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике (г. Азов) и Археологическом музее-заповеднике «Танаис»[1] (хут. Недвиговка). Так, к примеру, один из первых исследователей этих коллекций — И.В. Волков в своей диссертационной работе на тему: «Керамика Азова XIV—XVIII вв. (история производства и импорта)» (Волков 1992) не упоминает о находках в османских крепостях остатков керамических сосудов с мраморовидным декором. Однако детальное ознакомление с составом археологических коллекций из сборов и раскопок на территории бывшей турецкой крепости Азак в 1961—1962 гг. (раскопки Л.М. Казаковой) и в 1977—1978 гг. (раскопки Н.М. Фомичева), а также из раскопок 1970—1973 гг. в крепости Сед-Ислам (раскопки В.Ф. Чеснока), показало, что обитатели этих нижнедонских фортификационных сооружений пользовались в быту такой посудой (Казакова 1962a; 1962b; Казакова 1963a; 1963b; Фомичев 1977: 146; Чеснок 1970; Чеснок 1988: 66—73). В азовских коллекциях археологических находок 1960—1970-х гг. нами было выявлено 22 фрагмента глиняной посуды с мраморовидным декором (17 — сосуды открытой формы, 3 — сосуды закрытой формы, 2 — крышки кувшинов) (табл. I, рис. 5: *3*, *7*, *8—10*, 6: *6, 8*, 7: *2, 3, 6*, 8: *2, 9*, 10: *1, 3, 6, 7*, 11: *1—3, 5*) (учетные номера коллекций: АМЗ КП-15210, 16204, 17284, 18848); в коллекции находок 1970-х гг. из крепости Сед-Ислам — 18 фрагм. (15 — сосуды открытой формы, 3 — сосуды закрытой формы, АМЗТ КП 10) (рис. 12: *1—18*).

---

[1] Выражаю искреннюю благодарность директору ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» В.И. Перевозчикову за предоставленную возможность поработать с коллекциями из раскопок крепости Сед-Ислам (Лютик), хранящихся в фондах музея.

В 1980—1990-е гг. процесс археологического изучения территорий бывших османских крепостей в Северо-Восточном Приазовье был практически остановлен. Раскопки турецкого Азака и его округи в это время происходили редко и носили незначительный по своим масштабам характер. Керамическая коллекция Азовского музея-заповедника в данный период пополнилась, как выяснилось, только одним фрагментом тарелки с мраморовидным орнаментом, который был обнаружен в 1994 г. в окрестностях крепости на раскопе по ул. Ленинградской, 29 (Гудименко 1996: 10) (табл. I, рис. 5: *5*). Два небольших шурфа, заложенных археологами в 1993—1994 гг. у стен крепости Сед-Ислам (раскопки В.Ф. Кузьмина), принесли лишь незначительное количество находок, среди которых не оказалось посуды с мраморовидным декором (Кузьмин 1994; 1996).

Ощутимый приток новой керамики османского периода в фонды Азовского музея-заповедника произошел в первые два десятилетия XXI в., когда вновь активизировались археологические исследования на территории турецкого Азака и его округи. Благодаря раскопкам 2004—2015 гг. в Азове (Гусач 2006: 127—141; Масловский 2009: 27—56; 2010: 216; Широченко, Масловский 2011: 164—189; Гончарова 2012: 15—34; Широченко 2013: 166—175; Кравченко 2018: 122—178; Гончарова 2019a: 62—108; 2019b: 181—202), количество глиняной посуды с мраморовидным декором увеличилось еще на 56 экз. (55 — сосуды открытой формы, 1 — крышка кувшина, АМЗ КП-30520, 31220, 31242) (табл. I, рис. 5: *1, 2, 4, 6*, 6: *1—5, 7, 9—11*, 7: *1, 4, 5, 7—9*, 8: *1, 3—8, 10—14*, 9: *1—12*, 10: *2, 4, 5, 8*, 11: *4*). Археологические изыскания в крепости Сед-Ислам после 1990-х гг. не производились.

Впервые выявленная нами на археологических памятниках османского периода в Северо-Восточном Приазовье группа импортной глазурованной керамики с мраморовидным декором в количестве 97 фрагм. была подвергнута изучению, атрибуции и датированию на основе анализа результатов археологических раскопок в турецких крепостях Азак и Сед-Ислам, а также поиска аналогий на археологических памятниках Причерноморья и Средиземноморья.

Особую сложность на данном этапе исследования представляет определение центров производства глазурованной посуды с мраморовидным декором, обнаруженной в крепостях Азак и Сед-Ислам — самых северных военных укреплениях Великой Порты, так как это требует проведения целой серии специальных анализов (и в первую очередь касающихся выяснения химического состава глазурей и формовочной массы изучаемых глиняных изделий), а также сбора банка данных по данному вопросу с обширной территории, некогда входившей в состав Османской империи. Пока это под силу лишь таким крупным научно-исследовательским организациям, как, например, Лаборатория керамологии Исследовательского отдела UMR 5138 Археометрии и археологии Французского национального исследовательского центра (CNRS) в г. Лионе (Франция).

Позднесредневековая глазурованная посуда с мраморовидным декором (общая характеристика)

Прежде чем перейти к описанию интересующих нас находок из археологических раскопок на территории бывших османских крепостей Северо-Восточного Приазовья, необходимо дать общую характеристику всей рассматриваемой нами группе глазурованной «мраморовидной» керамики, которая по-разному называется в литературе российскими и зарубежными исследователями «*Керамика с мраморовидной росписью*» или сокращенно — КМР (Коваль 1998), «*Мармурова кераміка*» (Біляєва 2012: 230), «*B5 Ware*» (Rice 1930: 48—49), *«Marbled Ware(s)»* (Blake 1981: 102—109; Hayes 1992: 274; Armstrong, Günsenin 1995:

200), «*Marble ceramics*» (Kamadadze 2016: 246—251), «*Ebru desenli seramik*», «*Ebrulu seramikler*» (Barışta 1998: 70), «*Ebrulu çiniler*» (François, Ersoy 2011: 388), «*Ebruli Kaplar*» (Yenişehirlioglu 2012: 84) и т.д. После выхода в свет публикации Иоаниты Врум, посвященной керамике Эгейского региона VII—XX вв., многие керамологи стали использовать в своих статьях предложенный ею термин «*Polychrome Marble Ware*» (Vroom 2005: 164—165).

«Мраморовидная» керамика представляет собой гончарную столовую посуду (тарелки, чаши, кувшины и др.), украшенную определенным типом подглазурного декора, который по общепринятому мнению имитирует природные «разводы» или «прожилки» на мраморе и поэтому называется «мраморовидным декором» или «мраморовидной росписью». Согласно другой версии (менее популярной), этот декор имитирует расцветку полудрагоценных камней — агата, оникса, малахита (Даниленко, Романчук 1969: 125—126; Moore Valeri 2012: 11). Техника нанесения данного вида орнамента на поверхность сосуда (тур. «*ebruli tekhnikle*») весьма оригинальна, и ее, на наш взгляд, не совсем верно называть «росписью», как это делают некоторые исследователи. Ведь суть декора заключается в том, что на влажный слой подгрунтовки белым ангобом мастер наносит крупные капли жидкого красителя (цветного ангоба) одного или нескольких цветов и резким рывком приводит в движение гончарный круг, на котором находится сосуд, периодически меняя направление его вращения. В результате, красители (цветные ангобы) произвольно растекаются (скользят) по поверхности гончарного изделия, образуя причудливые «разводы», которые внешне напоминают «прожилки» на мраморе. Часто «мраморовидный» эффект усиливается дополнительной подцветкой зеленым красителем (окись меди) в виде «расплывающихся» пятен или полос под слоем прозрачной свинцовой глазури с салатным или желтоватым оттенком. Турецкое название данной техники декорирования посуды, очевидно, происходит от названия похожей техники росписи бумаги — «*ebru*», когда рисунок в виде различных цветных «разводов» и «узоров» сначала с помощью специальных инструментов выполняется красителями на поверхности жидкости, а затем переносится на бумагу способом окунания в этот раствор (Yenişehirlioglu 2003: 334).

Считается, что средневековая мода на «мраморовидную» керамику зародилась в Северной Италии, где она называлась *«Ceramica Marmorizzata»* и изготавливалась на продажу во многих известных итальянских городах (Пизе, Савоне, Флоренции, Фаэнце, Монтелупо и др.), по одним данным, начиная со второй половины XVI в. (Vroom 2005: 165; Moore Valeri 2012: 11; Alberti, Giorgio 2013: 199), по другим — с конца XV в. (Rice 1930: 48; Bakirtzis 1980: 151; Коваль 1998: 227). Расцвет производства пришелся на конец XVI—XVII вв. Распространенной формой итальянских гончарных изделий этого вида были: полусферические чаши, тарелки, блюда, миски, одноручные кувшины с венчиком в виде трилистника и «колбы» (Blake 1981: 102—109, fig. 8.3—8.6, pl. 8, I—V; Vroom 2005: 164—165; Moore Valeri 2012: 21, fig. 23; Alberti, Giorgio 2013: 199, 215, рис. 4: *1—8*; François 2017: 353—387, fig. 1).

Вся керамика «*Marmorizzata*» (или «*Marmorizzate*») была красноглиняной и относилась к так называемой категории «*Slyp ware*» (глиняная посуда, орнаментированная ангобом). Существовало три схемы орнаментации итальянских сосудов цветными ангобами: двухцветная (красный-белый; черный-белый), трехцветная (белый-красный-черный; коричневый-зеленый-черный; белый-коричневый-зеленый; белый-коричневый-черный) и четырехцветная (красно-бело-черно-зеленая) (Moore Valeri 2012: 17; Alberti, Giorgio 2013: 199). Обычно мраморовидный декор наносился только на внутреннюю поверхность сосудов открытой формы и на внешнюю поверхность сосудов закрытой формы. Северная Италия

оставалась крупным экспортером керамики «*Marmorizzata*» на международные рынки вплоть до XVIII в. (Blake 1981: 105).

Итальянские традиции производства глазурованной глиняной посуды с мраморовидным декором в XVII—XVIII вв. были успешно переняты не только европейскими гончарами (Англия, Франция, Германия и др.), но и распространились по всему Средиземноморскому и Причерноморскому региону, включая огромную территорию Османской империи. Имитации этой посуды можно было встретить также на побережье Эгейского и Мраморного морей (Vroom 2005: 165). В дань европейской моде на рубеже XVII—XVIII вв. начинает налаживаться производство «мраморовидной» керамики в России (в частности, в Москве, где изготавливали только светлоглиняную керамику с мраморовидным декором) и на Украине (в Киеве и других гончарных центрах Среднего Поднепровья), которое просуществовало вплоть до XIX в. (Коваль 1998: 223—227; Біляєва 2012: 231; Чмиль 2013: 258).

На территории Османской империи производство глазурованной глиняной посуды, имитирующей итальянскую керамику «*Marmorizzata*», возникло в XVII в. и просуществовало до XIX в. (Vroom 2005: 165). Как свидетельствуют данные археологических исследований и письменных источников, столовая посуда с мраморовидным декором в XVII—XVIII вв. изготавливалась в гончарных мастерских Эюпсултана и Дворца Текфур в Стамбуле (Barışta 1998: 71; 1999: 85—93; 2002: 158—159; Yenişehirlioglu 2003: 334; 2007: 361; 2012: 84), в Чанаккале (Hayes 1992: 276; Doğer 2009: 31—33; Fındık 2017), Дидимотихоне (тур. — Диметока) (Bakirtzis 1980: 147—195; Hayes 1992: 276—277; Öney 2007: 369), Ганосе (тур. — Хошкёй) (Armstrong, Günsenin 1995: 198) и других городах. Вероятно, такой орнамент использовали в оформлении своей глиняной продукции и гончары крупнейших анатолийских керамических центров — Изника и Кютахьи (рис. 3), но точных данных об этом у нас пока нет.

Необходимо отметить, что османские образцы «мраморовидной» посуды внешне отличались от оригинальных итальянских керамических изделий «*Marmorizzata*» (рис. 4: *1—8*) — формой сосудов, составом и цветом глиняной массы, глазурованным покрытием и самим видом «мраморовидного» декора. Это хорошо прослеживается по тем остаткам посуды, которая попала вместе с османами на территорию Северо-Восточного Приазовья в XVII — первой трети XVIII вв. и была обнаружена во время археологических исследований турецких крепостей Азак и Сед-Ислам (рис. 5—12).

Глазурованная посуда с мраморовидным декором из османской крепости Азак

Вся масса находок исследуемой группы глазурованной керамики с территории бывшей османской крепости Азак в Северо-Восточном Приазовье (ныне — припортовой район г. Азова Ростовской области) относится к столовой посуде, где подавляющее большинство составляют фрагменты (целых форм нет) сосудов открытой формы (93,7% от общего количества фрагментов «мраморовидной» керамики) (табл. II).

1. Сосуды открытой формы

1.1. Тарелки

Среди сосудов открытой формы наибольшее количество фрагментов относится к тарелкам (мелким и глубоким) на кольцевом поддоне (44 фрагм.), которые в свою очередь по морфологическим признакам делятся на четыре подгруппы:

1.1.1. Мелкие тарелки с широким бортиком

Высота тарелок — около 4,0 см. Они имеют скругленный, полуовальный в сечении венчик (диаметр венчика — 18,0—19,0 см), который сливается с широким, несколько скошенным внутрь бортиком (ширина бортика — 3,0—4,0 см). Тулово — уплощенно-полусферической формы. Кольцевой поддон — низкий, узкий, усечено-конусовидной или цилиндрической формы, с плоским основанием (диаметр поддона — от 7,0—8,0 см до 12,0 см; высота поддона — 0,5—0,6 см; ширина — 0,6—0,8 см). Из азовских находок к этой подгруппе относится 7 фрагм. (8,9% от общего числа «мраморовидной» керамики) (рис. 5: *1—7*). Все тарелки изготовлены из пластичной коричневой глины на гончарном круге по донно-емкостной программе РФК-7 (Бобринский 1978: 27). Две из них — тонкостенные (толщина стенок — 0,3—0,4 см), остальные имеют более толстые стенки (0,5—0,8 см). Украшена только внутренняя поверхность изделий по двум простым орнаментальным схемам:

№ 1 — мраморовидные «разводы», занимающие всю внутреннюю поверхность сосуда (рис. 5: *1, 2, 4, 7*);

№ 2 — вертикальные широкие полосы-потеки на бортике и стенках тулова, переходящие в мраморовидные «разводы» на дне сосуда (рис. 5: *5, 6*).

Декор выполнен коричневым красителем (ангобом) по подгрунтовке белым ангобом, в четырех случаях — с подцветкой зеленым красителем в виде аморфных пятен и «разводов» (рис. 5: *1—4, 6, 7*). Обе поверхности тарелок покрыты полупрозрачной свинцовой глазурью салатного, желтого или желто-салатного цвета, внешняя поверхность — непосредственно по черепку. Причем, как правило, глазурь нанесена на всю внешнюю поверхность изделия, кроме дна и внутренней стороны кольцевого поддона. Исключение составляет лишь один фрагмент тарелки, обнаруженной в 1978 г. во время раскопок на территории бывшей Азакской крепости в районе Петровского спуска. Вся внешняя поверхность ее была покрыта глазурью салатного цвета, включая дно с кольцевым поддоном, что является весьма редким явлением для сосудов подобного рода (рис. 5: *7*). Еще один маленький фрагмент венчика с частью бортика толстостенной тарелки, украшенной с внутренней стороны орнаментом «*Polychrome Marble Ware*», с внешней стороны покрыт полупрозрачной свинцовой глазурью салатного цвета только в районе венчика (рис. 5: *1*).

На дне двух изделий прослеживаются следы использования сепаи (глиняной подставки-треноги) при их обжиге в печи (рис. 5: *5, 6*). Особенностью одной из тарелок является наличие на внутренней поверхности дна двух небольших (диаметр — 2,0 см и 5,0 см), концентрических, валикообразных окружностей (рис. 5: *5*).

1.1.2. Мелкие тарелочки с узким бортиком

Размеры этих сосудов открытой формы заметно меньше остальных (высота — около 3,5 см, диаметр венчика — 15,0—16,0 см), поэтому, на наш взгляд, уместно их называть «тарелочками». Они имеют, как правило, прямоугольный в сечении венчик, сливающийся с узким (1,4—1,5 см), скошенным внутрь бортиком. Тулово — уплощенно-полусферической формы. Поддон — кольцевой, низкий, узкий, усечено-конической или подцилиндрической формы, с плоским основанием (высота поддона — 0,6—0,7 см; ширина — 0,5—0,7 см; диаметр — 6,0—8,0 см). Стенки тарелочек сверху—вниз постепенно утолщаются (от 0,2—0,3 см до 0,6—0,9 см). Судя по довольно большему количеству обнаруженных фрагментов (26 шт.), это был весьма ходовой вид столовой посуды с мраморовидным декором в Азаке

(33% от общего числа «мраморовидной» керамики). Из них — 8 фрагм. относятся к светлоглиняным (рис. 6: *1—5, 7*), 18 фрагм. — к коричневоглиняным тарелочкам (рис. 6: *6, 8—11*, 7: *1—9*), изготовленным на гончарном круге по донно-емкостной программе РФК-7.

Как и у тарелок первой подгруппы, прослеживаются две орнаментальные схемы в декоре с некоторым превосходством второй схемы:

№ 1 — мраморовидные «разводы», занимающие всю внутреннюю поверхность сосуда (рис. 6: *6—9*, 7: *2, 3, 5, 6, 9*);

№ 2 — вертикальные широкие полосы-потеки на бортике и стенках тулова, переходящие в мраморовидные «разводы» на дне сосуда (рис. 6: *1—3, 5, 10, 11*, 7: *1*).

Украшена только внутренняя поверхность тарелочек. Декор нанесен коричневым красителем (ангобом) по подгунтовке белым ангобом под полупрозрачной свинцовой глазурью зеленого, салатного и желто-салатного цвета, иногда с подцветкой зеленым в виде аморфных пятен и «разводов». Как правило, подцветка зеленым чаще всего использовалась при нанесении на внутреннюю поверхность сосуда мраморовидного декора по первой орнаментальной схеме (**№ 1**). Глазурь покрывает обе стороны тарелочек, внешнюю — непосредственно по черепку, за исключением основания и внутренней части кольцевого поддона с дном — у коричневоглиняных сосудов, и только верхнюю часть бортика, непосредственно под венчиком — у светлоглиняных сосудов. На дне одной из тарелочек прослеживаются следы сепаи (глиняной треноги) (рис. 7: *6*), на дне другой — валикообразная окружность диаметром 2,5 см (рис. 7: *7*).

1.1.3. Глубокие тарелки с узким бортиком

Удалось выявить только 3 фрагм. (3,8% от общего числа «мраморовидной» керамики), очевидно, одной толстостенной тарелки (толщина стенок — 0,4—0,8 см), которая относится к этой подгруппе. Венчик тарелки — прямоугольный в сечении, с уплощенным краем (диаметр венчика — 21,0—22,0 см), сливается с узким (1,5 см), сильно отогнутым наружу и скошенным внутрь бортиком. Тулово имело полусферическую форму. Тарелка изготовлена из пластичной, хорошо отмученной глины розовато-коричневого цвета без видимых включений на гончарном круге по программе РФК-7. Мраморовидным декором украшена вся внутренняя поверхность сосуда (схема **№ 1**). Орнамент представляет собой коричневые «разводы» по белой подгрунтовке с подцветкой зеленым в виде аморфных пятен. Обе поверхности тарелки покрыты полупрозрачной свинцовой глазурью желто-салатного цвета, внешняя поверхность — непосредственно по черепку (рис. 5: *8—10*).

1.1.4. Глубокие тарелки без бортика

Особенностью этой не очень многочисленной (8 фрагм.) подгруппы тарелок является отсутствие бортика (10,1% от общего количества «мраморовидной» керамики). Венчик — прямой, полуовальный в сечении, со скругленным краем (диаметр венчика — 19,0—20,0 см), сливается со стенками тулова уплощенно-полусферической формы (рис. 8: *1—6*). Тарелки имели днища на низком, узком кольцевом поддоне, которые не сохранились до наших дней либо существуют неопознано среди других фрагментов. У изделий — толстые стенки (0,5—0,8 см). Они изготовлены на круге по программе РФК-7 из светло-бежевой (5 шт.), коричневой (2 шт.) или серо-коричневой (1 шт.) глины.

Схема орнаментальной композиции, используемой для оформления внутренней поверхности этих тарелок, такая же — вертикальные широкие полосы-потеки на стенках тулова, переходящие в мраморовидные «разводы» на дне (**№ 2**). Однако, по причине того, что днища сосудов не сохранились, нельзя с полной уверенностью утверждать, что они действительно были украшены мраморовидными «разводами». Есть вероятность, что в данном случае мы можем иметь дело не с «мраморовидной», а с так называемой «полосатой» глиняной посудой, которая в XVII—XIX вв. изготавливалась в таких османских керамических центрах, как Чанаккале, Дидимотихон (тур. — Диметока) и др. (Vroom 2005: 186—187; Hayes 1992: 276—277).

Глазурь — полупрозрачная, свинцовая, салатного и желто-салатного цвета. У коричневоглиняных и одной сероглиняной тарелок она нанесена на обе поверхности (на внешней поверхности — непосредственно по черепку), у бежевоглиняных — на внутреннюю и верхнюю часть внешней поверхности по белому ангобу. Разнообразие технологических приемов, состава и цвета формовочной массы свидетельствуют о том, что данные сосуды были изготовлены в разных керамических центрах и мастерских (рис. 17: *6, 7*, 19: *9*, 20: *11*, 22: *10*).

1.2. Чаши (пиалы)

Тоже весьма редкая в Азаке группа глазурованной глиняной посуды открытой формы с мраморовидным декором. Автору удалось выявить лишь 8 фрагм. (10,1% от общего количества «мраморовидной» керамики) венчиков и стенок тулова (целых профилей нет), относящихся к ней (рис. 8: *7—14*). Все выявленные образцы чаш — коричневоглиняные, изготовлены по программе РФК-7. Форма сосудов идентична: прямой, полуовальный в сечении венчик (диаметр венчика — 15,0—16,0 см), сливающийся с полусферическим туловом, и, очевидно, низкий, узкий кольцевой поддон. Встречаются как тонкостенные, так и толстостенные чаши с преобладанием последних (толщина стенок — от 0,3 см до 0,6 см). Орнамент нанесен на одну из поверхностей — внутреннюю или внешнюю. На внутренней поверхности вновь прослеживаются две схемы орнаментации: **№ 1** (рис. 8: *7—9, 13, 14*) и **№ 2** (рис. 8: *10—12*).

Некоторые из чаш украшены мраморовидным декором в виде «разводов» с внешней стороны (рис. 8: *7, 8, 14*). Орнамент нанесен коричневым красителем (ангобом) по подгрунтовке белым ангобом иногда с подцветкой зелеными пятнами под прозрачной свинцовой глазурью салатного, желто-салатного и зеленого цвета. У сосудов с орнаментированной внутренней поверхностью свободная от декора внешняя поверхность в трех случаях не имеет белой подгрунтовки (рис. 8: *9, 11, 13*), в двух случаях (у чаш с полосатыми стенками) белый ангоб нанесен лишь на верхнюю часть сосуда (рис. 8: *10, 12*).

1.3. Неопределимые фрагменты

Отдельного описания заслуживают обнаруженные во время раскопок на территории бывшей турецкой крепости Азак в Азове фрагменты донцев на кольцевых поддонах и стенки сосудов открытой формы, украшенные мраморовидным орнаментом (всего 22 фрагм., 27,8% от общего количества «мраморовидной» керамики), по которым сложно определить к какому виду посуды (тарелкам или чашам) они относятся. Из них 6 фрагм. (5 — донцев и 1 стенка тулова) принадлежат светлоглиняным сосудам, изготовленным по программе РФК-7 из пластичной глины бежевого цвета (рис. 9: *1—6*). Остальные 16 фрагм. (8 донцев и 8 стенок

тулова) относятся к коричневоглиняным изделиям, выполненным по той же донно-емкостной программе (рис. 9: *7—12*, 10: *1—8*).

Фрагменты светлоглиняной керамики (6 шт.), судя по всему, принадлежат толстостенным тарелкам на низких, узких кольцевых поддонах цилиндрической формы (высота поддонов — 0,7—0,9 см; ширина — 0,7—0,8 см; диаметр — от 8,0 см до 10,5 см; толщина стенок — 0,5—0,8 см). Мраморовидный декор нанесен на внутреннюю поверхность коричневым красителем (ангобом) по белой подгрунтовке (иногда с подцветкой зелеными пятнами) под полупрозрачной свинцовой глазурью зеленого, салатного или желто-салатного цвета. Внешняя поверхность сосудов была покрыта глазурью, по-видимому, только в верхней части. Внутренняя сторона дна трех фрагм. тарелок оформлена небольшой (диаметр окружности — 2,0—3,0 см) валикообразной окружностью (рис. 9: *2, 4, 6*), в одном случае — с точковидной выпуклостью в центре (рис. 9: *2*). На внешней стороне дна одной из этих тарелок имеется граффити в виде знака, напоминающего букву «А». Технологические особенности производства видны по сохранившимся местам крепления треноги на внутренней стороне дна сосуда (рис. 9: *2*).

Коричневоглиняная посуда представлена 8 фрагм. донцев на аналогичных кольцевых поддонах (рис. 10: *1—8*) и 8 фрагм. и стенок тулова, 6 из которых изображены на рисунке (рис. 9: *7—12*). Судя по форме, размерам и толщине стенок, большая часть фрагментов тоже принадлежит тарелкам (высота поддонов — 0,7—0,8 см; ширина — 0,6—0,8 см; диаметр — от 8,0 см до 10,0 см; толщина стенок — 0,5—0,9 см). Прослеживается три схемы орнаментации: к двум вышеописанным схемам (**№ 1—2**) добавилась новая (**№ 3**) — в виде «брызг» и «разводов» на внутренней поверхности, которую дополняет рельефная цветочная розетка, вписанная внутрь двух валикообразных концентрических окружностей на дне сосуда (рис.10: *3*).

Подобный медальон с пятилепестковой цветочной розеткой имеется на дне глазурованной «красноглиняной» тарелки с мраморовидным декором, обнаруженной в верхних слоях помещения (XVII—XVIII вв.) во время археологических исследований средневековой крепости Фуна в Крыму. Сохранился почти полный профиль этой мелкой тарелки с широким, скошенным внутрь бортиком (диаметр венчика — 18,0—19,0 см; ширина бортика — 3,0 см) и уплощенно-полусферическим туловом на низком узком кольцевом поддоне усеченно-конической формы (высота поддона — 0,8 см; диаметр — 8,6 см). Бортик сосуда с внутренней стороны украшен широкими вертикальными полосами, переходящими в мраморовидные «разводы» на дне (схема **№ 2**). Орнамент выполнен коричневым ангобом по белой подгрунтовке под слоем желто-зеленой глазури (Мыц 1985: 7—9, рис. 82) (рис. 13: *5*). Турецкие исследователи Хасан и Айгюль Учар отмечают использование изображения цветочной розетки в сочетании с рельефными концентрическими кольцами и иногда с геометрическими фигурами для украшения дна глазурованных тарелок (в том числе и с мраморовидным декором) гончарами Анатолии османского периода (Uçar, Uçar 2018: 9, tab. 4: *a—f*).

Декор на фрагментах днищ сосудов открытой формы из Азака выполнен стандартным вышеописанным способом: коричневым красителем (ангобом) по подгрунтовке белым ангобом, часто с подцветкой зелеными полосами и пятнами под слоем полупрозрачной свинцовой глазури зеленого, салатного, желтого или желто-салатного цвета. Практически во всех случаях (кроме трех) вся внешняя поверхность сосудов (за исключением дна и внутренней стороны кольцевого поддона) покрыта той же глазурью непосредственно по черепку. Днища трех фрагм. тарелок оформлены небольшой валикообразной окружностью (диаметр окружностей — 3,0—4,0 см) с точковидной выпуклостью в центре (рис. 9: *2*, 10: *1,*

4). Две концентрические валикообразные окружности диаметром 2,5 см и 5,0 см украшают дно еще двух толстостенных тарелок (рис. 10: *6, 7*), очевидно, изготовленных в одном керамическом центре (рис. 21: *3, 4*). Следы от сепаи (глиняной треноги) прослеживаются на дне четырех сосудов открытой формы (рис. 9: *2*, 10: *1—3*).

2. Сосуды закрытой формы

2.1. Кувшины

Из глазурованных глиняных сосудов закрытой формы, украшенных мраморовидным декором, удалось выявить только 3 фрагм., два из которых принадлежат одному кувшину, обнаруженному на территории Азакской крепости в 1978 г. (рис. 11: *1, 2*). Кувшин имел невысокое (6,5 см), относительно узкое цилиндрическое горло, сливающееся с прямым, полуовальным в сечении венчиком (диаметр венчика — 7,0 см), и кроткие плечи, плавно скругляющиеся в тулово подшаровидной формы. Нижняя часть сосуда не сохранилась. Дуговидно изогнутая, вертикальная, узкая, овальная в сечении ручка верхним прилепом крепилась к горлу, нижним — к плечам сосуда (рис. 11: *1*).

Кувшин изготовлен из пластичной глины коричневого цвета с большим содержанием извести (многочисленные точечные включения) на гончарном круге по программе РФК-7. Мраморовидным декором, выполненным коричневым красителем (ангобом) по подгрунтовке белым ангобом, была украшена, очевидно, вся его внешняя поверхность. Глазурь — полупрозрачная, свинцовая, желто-салатного цвета, нанесена на обе поверхности сосуда, с внутренней стороны — непосредственно по черепку.

Ранее, в 1962 г., на раскопе по ул. Ярославского в Азове был найден фрагмент тулова подобного кувшина (?) с мраморовидным декором, выполненным коричневым красителем по белой подгрунтовке с подцветкой зелеными пятнами под полурозрачной салатной глазурью (с внутренней стороны нанесена по черепку). Верхняя часть тулова дополнительно украшена несколькими тонкими врезными линиями в технике подангобной гравировки. Формовочная масса — пластичная, коричневого цвета, с редкими точечными включениями извести (рис. 11: *2*).

2.2. Крышки кувшинов

На территории крепости Азак обнаружено три крышки (3,8%) одного фасона: с уплощенно-полусферическим куполом, переходящим в диск, и кнопковидной ручкой-держаком (рис. 11: *3—5*). Две крышки имеют практически одинаковые размеры (высота крышек с ручкой — 4,5 см, диаметр крышек — 8,0 см, диаметр ручек макс. — 1,2—1,5 см) (рис. 11: *3, 4*). Они изготовлены, по-видимому, в том же керамическом центре, что и кувшин, обнаруженный в Азаке в 1978 г. (рис. 11: *1,* 19: *14—15,* 20*: 9*). Третья крышка отличается несколько меньшими формами (высота крышки с ручкой — 4,2 см, диаметр крышки — 7,0 см, диаметр ручки максимальный — 1,1 см) (рис. 11: *5*). Схема орнаментации крышек аналогична декору кувшинов — мраморовидные «разводы» коричневым по белой подгрунтовке с подцветкой зелеными пятнами под полупрозрачной салатной глазурью, которая нанесена только на внешнюю поверхность.

Глазурованная посуда с мраморовидным декором из османской крепости Сед-Ислам

Керамический комплекс турецкой крепости Сед-Ислам (у русских — Лютик или Лютин) намного меньше и беднее комплекса турецкой крепости Азак. Это вполне объяснимо, учитывая небольшие размеры этой крепости (30 × 40 м), которая была построена османами на правом рукаве Дона — реке Мертвый Донец в 1660 г. (Донские дела 1917: стб. 730—731, 735—739, 760—761; Челеби 1979: 208—209; Чеснок 1988: 66—68; Аваков, Гусач, Дедюлькин 2016: 380—381, 392). Военный гарнизон, размещавшийся к крепости, был немногочисленным (100 чел. на момент взятия крепости русскими войсками в 1736 г.) (Ласковский 1865: 472), и поэтому остатков посуды, которой пользовались в быту солдаты и их командный состав, сохранилось не много. И особенно такой модной и редкой, как глазурованная глиняная посуда, украшенная мраморовидным декором. В фондах Археологического музея-заповедника «Танаис» (хут. Недвиговка Ростовской области) нам удалось разыскать лишь 18 фрагм. этой керамики, происходящих из раскопок на территории бывшей османской крепости Сед-Ислам в 1970—1973 гг. (Чеснок 1970). Из них 15 фраг. относятся к сосудам открытой формы, 3 — к сосудам закрытой формы (табл. III).

1. Сосуды открытой формы

Как и в Азакской крепости, основная часть находок глазурованной глиняной посуды с мраморовидным декором в крепости Сед-Ислам связана с сосудами открытой формы (83,3% от общего количества «мраморовидной» керамики), где ведущая роль также принадлежит тарелкам.

1.1. Тарелки

Среди сосудов открытой формы наибольшее количество фрагментов относится к тарелкам на кольцевом поддоне (8 фрагм. или 44,4% от общего числа фрагментов «мраморовидной» посуды), которые по морфологическим признакам, как и в Азаке, делятся на четыре подгруппы:

1.1.1. Мелкие тарелки с широким бортиком

Предположительно, к этой подгруппе относится 3 фрагм. стенок тулова сосудов открытой формы с мраморовидным декором (16,7% от общего количества «мраморовидной» керамики). Орнамент нанесен коричневым красителем по белой подгрунтовке (рис. 12: *3, 7, 8*). Глазурь зеленого и салатного цвета, покрывает обе поверхности, внешнюю - непосредственно по черепку. Два фрагмента имеют подцветку зеленым в виде пятен поверх мраморовидных «разводов» (рис. 12: *7, 8*). Все тарелки изготовлены из пластичной коричневой глины с примесью извести (за исключением одной — без видимых примесей) на гончарном круге по программе РФК-7. Толщина стенок — 0,3—0,4 см.

1.1.2. Мелкие тарелочки с узким бортиком

Данная подгруппа представлена только одним профильным фрагментом (скошенный внутрь бортик с частью тулова уплощенно-полусферической формы) светлоглиняной тонкостенной (толщина стенок — 0,4 см) тарелочки, изготовленной из пластичной глины бежевого цвета с точечными включениями извести по программе РФК-7 (5,5% от общего количества «мраморовидной» керамики). Украшена внутренняя поверхность изделия по орнаментальной схеме **№ 2** (вертикальные широкие полосы-потеки на бортике и стенках тулова, переходящие в мраморовидные «разводы» на дне сосуда). Декор выполнен коричневым красителем по белой подгрунтовке под желто-салатной поливой. На внешней поверхности фрагмента тарелки ангоб и глазурь отсутствуют (рис. 12: *1*).

1.1.3. Глубокие тарелки с узким бортиком

Как и в первой подгруппе, только 3 фрагм. (16,7% от общего количества «мраморовидной» керамики) относятся к этому виду глазурованных тарелок с мраморовидным декором (рис. 12: *2, 4*, *6*). Две тарелки были изготовлены из пластичной глины бежевого цвета без видимых включений (рис. 12: *2, 6*), одна — из пластичной коричневой глины с многочисленными точечными известковыми включениями (рис. 12: *4*) по программе РФК-7. Диаметр прямоугольного в сечении венчика — 20,0—21,0 см, ширина узкого, скошенного внутрь бортика — 1,6 см. Тулово — полусферической формы (толщина стенок — 0,3—0,6 см.) Выявленный кольцевой поддон подцилиндрической формы имеет следующие размеры: высота — 0,7 см; ширина — 0,6 см; диаметр — 7,0 см. Мраморовидный декор нанесен на внутреннюю поверхность тарелок по двум орнаментальным схемам: **№ 1** (рис. 12: *4*) и **№ 2** (рис. 12: *2, 6*).

Декор выполнен коричневым красителем (ангобом) по белой подгрунтовке под полупрозрачной свинцовой глазурью салатного и желто-салатного цвета. Внешняя поверхность двух светлоглиняных сосудов не покрыта глазурью. У коричневоглиняной тарелки внешняя поверхность была покрыта белым ангобом и салатной полупрозрачной глазурью.

1.1.4. Глубокие тарелки без бортика

Обнаружен только один фрагмент тарелки (5,5% от общего количества «мраморовидной» керамики), относящийся к этой подгруппе в виде прямого, полуовального в сечении венчика (диаметр венчика — около 14,0 см), сливающегося с полусферическим туловом (толщина стенок — 0,4 см). Сосуд изготовлен из бежевой пластичной глины без видимых включений по программе РФК-7. Стенки тарелки с внутренней стороны и в верхней части внешней стороны украшены вертикальными широкими полосами-потеками коричневого цвета, нанесенными по белому ангобу под слоем полупрозрачной салатной глазури (рис. 12: *5*).

1.2. Чаши (пиалы)

Количество находок глазурованных чаш (пиал) с мраморовидным декором в крепости Сед-Ислам практически соответствует количеству подобных сосудов из крепости Азак — 5 фрагментов (27,8% от общего количества «мраморовидной» керамики) (рис. 12: *11—15)*. Из них — два фрагмента полуовальных в сечении венчиков (диаметр венчиков — 14,0—15,0 см), сливающихся с туловом (рис. 12: *12—13*) и три фрагмента стенок тулова (толщина стенок — 0,3—0,4 см) однотипных чаш (рис. 12: *11, 14, 15*). Все они, по-видимому, были изготовлены в одном керамическом центре (рис. 19: *1, 2, 10, 13,* 20: 3) из пластичной глины коричневого цвета с многочисленными точечными включениями извести по программе РФК-7. Мраморовидный декор нанесен на внешнюю поверхность чаш коричневым красителем (ангобом) по белой подгрунтовке под полупрозрачной салатной и желто-салатной глазурью. Внешняя поверхность керамических изделий имеет подглазурное покрытие белым ангобом.

1.3. Неопределимые фрагменты

Два обнаруженных в крепости Сед-Ислам фрагмента дна с частью кольцевого поддона (11,1% от общего количества «мраморовидной» керамики), вероятно, относятся к тарелкам (рис. 12: *9, 10*). Поддоны — низкие, узкие, подцилиндрической формы, с плоским основанием и небольшой внутренней закраиной (диаметр поддонов — 9,0—10,0 см; высота — 0,6 см; ширина — 0,6 см; толщина дна — 0,8—0,9 см). Мраморовидные «разводы» нанесены на внутреннюю поверхность стандартным способом под полупрозрачной салатной глазурью. Один из поддонов изготовлен из пластичной коричневой глины с примесью извести и шамота и имеет покрытие глазурью на обеих поверхностях (за исключением внутренней стороны поддона и дна). Возможно, этот сосуд был произведен в мастерских Юго-Восточного Крыма (рис. 12: *10*, 23: *3*). Другой поддон изготовлен из коричневой глины с примесью извести, и имеет покрытие белым ангобом и глазурью только на внутренней стороне (рис. 12: *9*).

2. Сосуды закрытой формы

2.1. Кувшины

Три фрагмента «*Polychrome Marble Ware*» (16,7% от общего количества «мраморовидной» керамики) из коллекции археологических находок с территории крепости Сед-Ислам принадлежат тонкостенным (толщина стенок — 0,4—0,5 см) сосудам закрытой формы (очевидно, кувшинам) (рис. 12: *16—18*). Все они украшены мраморовидным декором, выполненным коричневым красителем по белой подгрунтовке на внешней поверхности, в двух случаях с подцветкой зеленым красителем (рис. 12: *16, 18*). Один из фрагментов отличается от других особой разновидностью мраморовидного орнамента, который представляет собой коричневые аморфные пятна в сочетании с «разводами», нанесенными на внешнюю поверхность сосуда по белой подгрунтовке (рис. 12: *17*). Обе поверхности кувшинов покрыты полупрозрачной салатной глазурью, внутренняя поверхность — непосредственно по черепку. Данные керамические изделия были изготовлены из пластичной глины коричневого цвета с примесью извести по программе РФК-7. Возможно,

один из кувшинов, содержащий в составе формовочной массы помимо извести включения шамота, был изготовлен в крымских мастерских (рис. 12: *16*, 23: *6*).

Датировка находок «мраморовидной» посуды из османских крепостей Северо-Восточного Приазовья

Что касается датировки находок остатков глазурованной столовой посуды с мраморовидным декором, происходящей с территории бывшей турецкой крепости Сед-Ислам, то здесь особых вопросов не возникает. Из письменных источников известны: год постройки данного османского фортификационного укрепления в дельте Дона вместе с караульными башнями Шахи и Султанийе — 1660 г., время его разрушения согласно условиям Белградского мирного договора (1739 г.) — 1741 г., а также «турецкие» (1660—1696, 1712—1736 гг.) и «русские» (1696—1711, 1736—1741 гг.) периоды существования крепости в связи с ее переходом из рук в руки в ходе трех русско-турецких войн — 1686—1699, 1710—1713 и 1735—1739 гг. (Донские дела 1917: 730—731, 735—736, 739; Рубан 1773; Акты 1891: 268 и др.; Челеби 1979: 208—212;). Таким образом, бытование османской посуды в крепости Сед-Ислам сводится к двум узким временным отрезкам длиною в тридцать семь и двадцать пять лет, которые определены двумя «турецкими» периодами в ее истории — с 1660 по 1696 гг. и с 1712 по 1736 гг. Более узких дат нет по причине незначительности культурного слоя на памятнике (приблизительно, 25 см) и отсутствия четких стратиграфических наблюдений в течение его археологических исследований в 1970-х гг. (Чеснок 1970).

Османская крепость Азак, в отличие от крепости Сед-Ислам, имеет более длинную историю своего существования. В 1475 г. войска турецкого султана Мехмеда II Завоевателя захватили каменный замок итальянской колонии Тана в устье Дона, превратив его в самое северное фортификационное укрепление Османской империи — Азакскую крепость. Турецкое господство продлилось здесь вплоть до 1696 года, когда крепость завоевала армия Петра I (за исключением пяти лет — с 1637 по 1641 г., во время которых турецким Азаком владели занявшие его донские казаки). В 1712 г. Азак вновь отошел к османам по условиям мирного договора после неудачного Прутского похода Петра I. Повторно турецкий Азак штурмовали в 1736 г. русские войска армии царицы Анны Иоанновны, после чего османы больше уже не вернулись в Северо-Восточное Приазовье. То есть последний «турецкий» период существования Азакской крепости (1712—1736 гг.) полностью совпадает с последним «турецким» периодом крепости Сед-Ислам.

Не смотря на столь богатую историю, находки керамики с мраморовидным декором из раскопок османской крепости Азак происходят преимущественно из культурного слоя конца XVII — первой трети XVIII в., и эта посуда аналогична посуде из крепости Сед-Ислам. К сожалению, развернувшиеся по приказу Петра I на рубеже XVII—XVIII вв. широкомасштабные фортификационные работы в Азовской крепости внесли много неясностей в стратиграфию данного археологического памятника. Однако активные исследования азовских археологов последних лет на территории турецкого Азака приносят все новые объекты, которые напрямую или косвенно подтверждают правильность выводов о датировке османской «мраморовидной» посуды — не раньше XVII в. и не позже 1736 г. (Гусач 2006: 134, 137, рис. 8: *1*; Масловский 2009: 37—38; Масловский 2010: 216; Широченко, Масловский 2011: 175—176; Гончарова 2012: 15—34; Широченко 2013: 168, илл. 2545, 2550; Кравченко 2018: 124—159; Гончарова 2019b: 192—197, 201). Особенно ценными стали находки остатков османской керамики с мраморовидным декором,

обнаруженные в двух закрытых комплексах (сооружения № 1 и № 2), в целом датируемых XVII—XVIII вв., во время раскопок на участке по ул. Лермонтова, 6 в 2012 году (Гончарова 2019a: 94—99) (рис. 5: *6*, 6: *10*, 7: *7*, 8: *13*, 9: *11*).

Фрагменты глазурованной глиняной «мраморовидной» посуды, обнаруженные на территории, ранее входившей в состав огромной Османской империи, а также на сопредельных с ней землях, в целом датируются тем же временем — XVII—XVIII вв. Остатки такой керамики происходят из археологических исследований бывших османских крепостей и их округи: Аккерман (Біляєва 2012: 230—231, рис. 95, 115) (рис. 13: *3, 4*), Каменец-Подольский[2] (Строцень та ин. 2015—2016: 18—19) (рис. 13: *1*) на Украине; Балаклава[3], Судак (Yenişehirlioglu 2007: 356, fot. 8) (рис. 13: *8, 9*), Мангуп[4] (Даниленко, Романчук 1969: 126, табл. 5, рис. 49—50; Герцен и др. 2007: 248—249) (рис.13: *7, 10*), Фуна (Мыц 1985: 8—9, рис. 82) (рис. 13: *5*), Арабат (Герцен, Колтухов 2009: 154—155, рис. 13: *8*) в Крыму; Гонио[5], Батуми и Нарикала в Грузии (Мамуладзе, Кахидзе, Кахидзе 2007: 59; Kamadadze 2016: 250—251) (рис. 14: *2—8*). Встречены они при раскопках в Софии[6] (Болгария), в графстве Констанца в Румынии (Voinea et al. 2016: fig. 17: *1—3,* fig. 20: *7—8*), в замке города Сексард в Венгрии (Attila 2016: 291, tab. 2: 3: *a—c*), на памятнике «Соленый-2»[7] (Зиливинская 2016: 160—183, рис. 2730, 2798, 2936) и на территории пос. Тереклыкой («Волна-12») (Горошников, Кладченко 2015: 25, рис. 3: *14*) на Таманском полуострове, на памятнике «Холмский-25» в Абинском районе Краснодарского края (Нечипорук 2013: рис. 979: *5, 7*) (рис.14: *9, 10*) на юге России.

Есть так же сведения о находках глазурованной османской посуды с мраморовидным декором при раскопках на месте дворца калги-султана в Симферополе (Сейдалиев 2018: 25, илл. 24: *1*) (рис. 13: *6*), в Партените (Алядинова 2015: 461, рис. 16: *49*) (рис. 13: *2*) и крепости Чуфут-Кале[8] (рис. 14: *1*) в Крыму, в Киеве на Украине (Чмиль 2013: 258), на дне карантинного порта о. Помег (Pomègues) возле Марселя (Франция) (Amouric, Vallauri 2017: pl. II: *14*) и т.д. Выяснено, что османской «мраморовидной» керамикой пользовались в быту и донские казаки — ее фрагменты были обнаружены во время археологических исследований Нижне-Кундрюченского казачьего городка З.А. Витковым в начале 1950-х гг.

[2] Выражаю благодарность канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Государственного предприятия «Научно-исследовательский центр» Охранная археологическая служба ИА НАНУ (г. Киев, Украина) П.А. Нечитайло за предоставленную информацию об археологической находке в г. Каменец-Подольский в 2015 г. османского одноручного сосудика с мраморовидным декором времен Каменецкого эялета (1672—1699 гг.).

[3] Благодарю ученого секретаря ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» Н.В. Гинькут за устную информацию о неопубликованных находках османской керамики с мраморовидным декором из раскопок в Балаклаве.

[4] Один из фрагментов тарелки с мраморовидным декором из раскопок в Мангупе хранится в фондах ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (БИАМ КП-3341/76). Приношу глубокую признательность генеральному директору ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» В.Л. Мартынюку за предоставленную возможность ознакомиться с предметами из фондов музея во время научной конференции в Бахчисарае в 2015 г.

[5] Благодарю директора Археолого-архитектурного музея-заповедника Гонио-Апсарос (Аджария, Грузия) Шота Мамуладзе за предоставленную возможность ознакомиться с материалами коллекции из раскопок в крепости Гонио-Апсарос в 2015 г.

[6] Выражаю благодарность сотруднику Института экспериментальной морфологии, патологии и антропологии с музеем В.И. Тодорову за предоставленную информацию о находках османской посуды с мраморовидным декором во время раскопок в Софии (Болгария).

[7] Благодарю доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН Э.Д. Зиливинскую за предоставленную возможность ознакомиться с материалами ее раскопок памятника «Соленый-2» на Таманском полуострове в 2016 г.

[8] Фрагмент тарелки с мраморовидным декором хранится в фондах ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (БИАМ КП-6345/46).

(коллекция находок с Нижне-Кундрюченского городка хранится в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества[9]) (рис. 14: *11*), а также в Черкасском городке[10] (ныне станица Старочеркасская Ростовской области) (рис. 14: *12*).

На сегодняшний день, как указывалось выше, выяснены лишь некоторые из центров производства этой османской керамики — Чанаккале, Дворец Текфур и район Эюпсултан в Стамбуле, Дидимотихон (Диметока), Ганос (Хошкёй) на побережье Мраморного моря. Известно, что посуду с мраморовидным декором в них производили с XVII в. и вплоть до XIX — нач. XX вв. (Öney 1971: 25; Bakirtzis 1980: 147—153; Armstrong, Günsenin 1995: 198; Barışta 1998: 70—71; 2002: 157—159, fot. 1—6, 10; Yenişehirlioğlu 2003: 334; 2007: 356, 359—361, fot. 8, 10: *b, d*; 2012: 78—79, 84). Вполне очевидно, что таких керамических центров было гораздо больше на территории бывшей Османской империи. Остатки глазурованной глиняной посуды с мраморовидным декором были встречены на территории современной Турции во время археологических исследований османских крепостей Битлис (Baş 2012: 117, kat. 5.4), Шам (François 2012: 504, pl. 5/3), городов Энез (Başaran 2000: 382, *5*), Измир (Doğer 2009: 45, tab. III: *b, d*; François, Ersoy; 2011: fig. 9: *4*—5; Gök 2015: 67, tab. 2), Тире (Куту Хан) (Uçar, Uçar 2018: 4—5), района Сарачхане в Стамбуле (Hayes 1992: 274, 276, pl. 51: *b, c, i*) и др.

Определение керамических центров производства османской посуды с мраморовидным декором

Наибольшие трудности в данном керамологическом исследовании вызывает вопрос определения керамических центров, производивших глазурованную глиняную посуду с мраморовидным декором, которая попадала с османами в XVII—XVIII вв. в военные укрепления Северо-Восточного Приазовья (а также к донским казакам). Визуальные наблюдения позволяют нам выделить как минимум четыре центра, изготавливавших «мраморовидную» керамику из светлой, преимущественно, бежевой, глины, и, ориентировочно, пять центров, в которых производили такую же «красноглиняную» посуду. Из общего количества изучаемых нами фрагментов глазурованной посуды с мраморовидным декором из крепостей Азак и Сед-Ислам (97 фрагментов) подавляющее большинство (77,3%) относится к «красноглиняным» или, точнее, коричневоглиняным сосудам (61 фрагм. — в Азаке, 14 фрагм. — в Сед-Ислам). Значительно меньшее количество (22,7%) относится к светлоглиняным сосудам (18 фрагм. — в Азаке, 4 фрагмента — в Сед-Ислам) (табл. IV).

Изучив морфологию, особенности орнаментации и глазурования, а также состав формовочной массы османских керамических «мраморовидных» изделий из археологических собраний Азовского музея-заповедника и Археологического музея-заповедника «Танаис», мы смогли сделать некоторые предварительные выводы по поводу керамических центров, в которых они могли быть изготовлены. По нашему мнению, светлоглиняные сосуды открытой формы (тарелки и тарелочки) были произведены на территории Османской империи, ориентировочно, в четырех керамических центрах (табл. V).

[9] Выражаю благодарность канд. ист. наук, сотруднику кафедры археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений ЮФУ А.В. Дедюлькину, бывшему научному сотруднику Новочеркасского музея истории донского казачества за предоставленную информацию об археологической коллекции З.А. Виткова из раскопок Нижне-Кундрюченского казачьего городка (НМИДК КП-9782).

[10] Благодарю научного сотрудника отдела «Таможенная застава» Аксайского военно-историчесого музея И.В. Соломаха за предоставленную информацию о фрагменте тарелки с мраморовидным декором из сборов под Старочеркасском в 1999 г., который хранится в фондах этого музея.

В ***центре № 1*** изготавливали глазурованную посуду с мраморовидным декором из хорошо отмученной, пластичной глины светло-бежевого цвета с большим содержанием извести, о чем свидетельствуют многочисленные мельчайшие поры, образовавшиеся от разрывов выгоревшей во время обжига извести на внешней поверхности сосудов, свободной от ангоба и глазури. Таких фрагментов — девять (41% от общего количества светлоглиняной «мраморовидной» керамики). Все они — из Азака и принадлежат тарелкам и тарелочкам подгруппы 1.1.2 и 1.1.4 по нашей классификации (рис. 17: *1—7*). Отличительной особенностью изделий этого центра является наличие на внутренней поверхности дна небольшой валикообразной окружности (диаметр окружности — 3,0 см), часто с точковидной выпуклостью в центре (рис. 17: *1, 4*). На дне одной из тарелок встречено граффити, но это, по-видимому, единичный случай (рис. 17: *1*). Глазурь — полупрозрачная, зеленого и салатного цвета, нанесена на внутреннюю сторону сосудов поверх вертикальных полос и мраморовидных разводов, выполненных коричневым красителем по белой подгрунтовке. Судя по всему, на внешнюю сторону декор и глазурь были нанесены только в районе верхней части тарелок.

Центр № 2 представлен семью фрагментами (31,8% от общего количества светлоглиняной «мраморовидной» керамики) тарелок и тарелочек следующих подгрупп: 1.1.2, 1.1.3 и 1.1.4 (3 — из Азака, 4 — из Сед-Ислам). Посуда была изготовлена из похожей глины, но с меньшим содержанием в ней извести (редкие точечные известковые включения). Мелкие и глубокие тарелки этого центра украшены изнутри по бортику и тулову вертикальными полосами, переходящими в мраморовидные «разводы» на дне (рис. 18: *1—6, 9*), за исключением одного фрагмента, вся внутренняя поверхность которого была оформлена мраморовидным декором (рис. 18: *10*). Полупрозрачная глазурь салатного или желто-салатного цвета покрывает внутреннюю поверхность и верхнюю часть внешней поверхности сосуда. Одна из сохранившихся придонных частей тарелок имеет две валикообразные концентрические окружности и следы сепаи на внутренней стороне дна (рис. 18: *1*).

Гончары ***центра № 3*** производили свою продукцию из хорошо отмученной, пластичной глины светло-бежевого цвета, в составе которой присутствует незначительное количество извести (редкие точеные включения) и шамота (редкие мелкие включения красно-коричневого цвета). Таких фрагментов — пять (22,7% от общего количества светлоглиняной «мраморовидной» керамики). Все — из Азака, относятся к тарелочкам подгруппы 1.1.2. Орнамент аналогичен вышеописанному. Глазурь — полупрозрачная, желто-салатного цвета, нанесена на внутреннюю и верхнюю часть внешней поверхности сосуда (рис. 18: *5, 7, 11*).

В ***центре № 4*** изготавливали тарелки с мраморовидным декором из хорошо отмученной, пластичной глины светло-бежевого цвета, в составе которой присутствовала органика, но после обжига в печи выгорела, о чем свидетельствуют оставшиеся длинные, узкие поры на внешней поверхности черепка, свободной от ангоба и глазури. Сохранился только один фрагмент дна на низком, узком, кольцевом поддоне такой тарелки из Азака (4,5% от общего количества светлоглиняной «мраморовидной» керамики), украшенный мраморными «разводами» и покрытый изнутри слоем полупрозрачной салатной глазури, а снаружи — той же глазурью, только в верхней части сосуда (рис. 18: *8*).

Из публикаций турецких исследователей известно, что неглазурованную и глазурованную посуду (в том числе с мраморовидным декором) из светлой («белой») глины наряду с гончарными изделиями из «красной» глины в османский период производили в двух известных керамических центрах Стамбула — Эюпсултан (Eyüpsultan) и Дворец Текфур (Tekfur Sarayı). Причем, «белоглиняную» посуду, как выяснили ученые, здесь

изготавливали с византийских времен (Barışta 2002: 156—159; Yenişehirlioglu 2007: 359; 2012: 78—79; Fındık 2017: 375—384). О квартале гончаров в стамбульском районе Эюпсултан упоминал в своих записках известный путешественник XVII в. Эвлия Челеби. По его сведениям, «белую» глину в Эюпсултан привозили из таких районов Стамбула, как Кягытхане (Kâğıthane) и Сарыер (Sarıyer), а «красную» глину — с Золотого Рога (Haliç) и Кемербургаза (Kemerburgaz) (Yenişehirlioglu 2007: 359; 2012: 79). Йонна Ваксман из Лаборатории керамологии CNRS в г. Лионе (Франция), благодаря серии химических анализов, обнаружила, что «белую» глину, используемую в мастерских Эюпсултана, также использовали гончары Дворца Текфур и других керамических мастерских Стамбула. Эта глина очень похожа на глину византийского времени, ее привозили из района Бакыркёй-Авджылар (Bakırköy-Avcılar) в Стамбуле (Yenişehirlioglu 2009: 630).

Филиз Енишехирлиоглу считает, что чаши и тарелки с мраморовидным декором («*ebru*») начали производить в Эюпсултане в XVII в. Продукцию этого османского керамического центра она обнаружила среди находок археологов на территории Грузии и в крепостях Судак и Каффа в Крыму (Yenişehirlioglu 2007: 361, fot. 8). При более детальном знакомстве с опубликованными ею находками из Судака[11] (рис. 13: *8, 9*) удалось выяснить, что они имеют аналогии в крепостях Азак и Сед-Ислам, которые мы отнесли к двум разным центрам, изготавливавшим светлоглиняную керамику с небольшим содержанием извести (центр № 2) и с органическими включениями (центр № 4) в формовочной массе. Этот факт может свидетельствовать как раз о том, что гончары Эюпсултана производили свою посуду (и, в частности, тарелки с мраморовидным декором) из «белых» глин, которые им поставляли с разных глинищ Стамбула (Кягытхане, Сарыер, Бакыркёй-Авджылар и др.). Кроме того, изделия разных мастеров одного большого центра могли отличаться как морфологически (например, формой и размерами поддона), так и особыми включениями (например, органики), искусственно добавляемыми в тесто отдельными гончарами.

Обращает на себя внимание еще один элемент декора, характерный для светлоглиняных тарелок Эюпсултана, найденных в Судаке: наличие на дне одной из них двух концентрических валикообразных окружностей (рис. 13: *8*) и одной валикообразной окружности с выпуклой точкой в центре — на дне другой (рис. 13: *9*). Две аналогичные концентрические окружности присутствуют на дне фрагмента светлоглиняной тарелки из крепости Сед-Ислам (центр № 2) (рис. 18: *1*). Валикообразная окружность без точки внутри имеется на дне двух тарелок из Азака, изготовленных в центрах № 1 и № 4 (рис. 17: *4*, рис. 18: *8*). Такая же окружность с точкообразной выпуклостью в центре встречена на дне третьей светлоглиняной тарелки из Азака (центр № 1) (рис. 17: *1*). То есть получается, что нельзя исключить того, что сосуды, отнесенные нами изначально к центрам № 1, 2 и 4, могли быть изготовлены в одном керамическом центре — Эюпсултан. Либо можно предположить, что данные элементы оформления дна глазурованных тарелок использовали гончары разных керамических центров Стамбула (в том числе и мастерских Дворца Текфур) и, возможно, других городов Османской империи.

Орчун Барышта, проводившая раскопки в районе Эюпсултан в Стамбуле в 1996—1998 гг., в своей статье о «мраморовидной» керамике этого центра среди прочих приводит изображение трех фрагментов днищ светлоглиняных тарелок, на одном из которых имеется валикообразная окружность с выпуклой точкой в центре, на другом сохранилась лишь часть

[11] Выражаю благодарность д-ру ист. наук, врио директора ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» В.В. Майко за устную консультацию, а также глав. хранителю ГБУК РК «Музей-заповедник «Судакская крепость» Т.В. Ребриковой за информацию о «мраморовидной» керамике из фондовой коллекции (МЗСК КП-759/4, 23).

такой окружности (вероятно, без точки внутри), а на третьем присутствуют две валикообразные концентрические окружности. Внутренняя поверхность этих тарелок украшена бело-коричневыми разводами и пятнами под слоем полупрозрачной желто-салатной и бесцветной (?) глазури (Barışta 2002: 157, fot. 1, 3) (рис. 16: *1*, *3*).

Данные публикации турецких ученых-археологов позволяют нам сделать вывод о том, что гончары Эюпсултана изготавливали светлоглиняные (из «белой» глины) тарелки, украшенные мраморовидным орнаментом («*ebru*»), которые часто были оформлены одним из трех видов валикообразных окружностей на внутренней стороне дна: 1) двумя концентрическими окружностями; 2) одной окружностью с точковидной выпуклостью в центре; 3) одной окружностью без «точки» в центре. Судя по всему, подобной схемой оформления дна глазурованных тарелок (не только с мраморовидным декором) успешно пользовались гончары и многих других керамических центров.

К сожалению, мы не располагаем образцами керамики, изготовленной в мастерских Дворца Текфур, чтобы сделать выводы о наличии остатков посуды этого центра среди археологических находок из бывших османских крепостей Северо-Восточного Приазовья. Известные нам публикации турецких исследователей, посвященные раскопкам в Текфуре, не вносят пока ясности в этот вопрос. Однако фото фрагмента днища светлоглиняной тарелки с зеленой глазурью и валикообразной окружностью без «точки» в центре из раскопок Филиз Енишехирлиоглу в Текфуре, фигурирующего как продукция этого центра, вновь наводит на мысль о том, что этим приемом оформления дна тарелок пользовались гончары разных керамических центров Стамбула, в том числе и мастерских Дворца Текфур (Yenişehirlioglu 2012: 93, *13*) (рис. 15: *8*).

Данные выводы подтверждают и находки остатков «красноглиняной» посуды с мраморовидным декором из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам, которая поступала в XVII—XVIII вв. на Нижний Дон в гораздо больших объемах, чем светлоглиняная «мраморовидная» посуда. По нашим наблюдениям, эту посуду изготавливали, ориентировочно, в пяти керамических центрах (табл. VI).

Центр № 1 производил керамические сосуды закрытой (кувшины с крышками) и открытой (тарелки, чаши) формы (21 фрагмент, 28% от общего количества «красноглиняной» «мраморовидной» керамики) из хорошо отмученной, пластичной, темно-коричневой и красно-коричневой глины с большой примесью извести (многочисленные точечные известковые включения) (рис. 19: *1—15*, рис. 20: *1—5, 9*). Глазурь — полупрозрачная, салатного, желто-салатного и зеленого цвета, наносилась на обе поверхности сосудов. Бело-коричневый полосато-мраморовидный и мраморовидный орнамент иногда с подцветкой зеленым красителем. Одноручные кувшины — небольших размеров со сравнительно узким цилиндрическим горлом и подшаровидным туловом (рис. 19: *14*). Крышки кувшинов — однотипные, маломерные, с уплощенно-полусферическим куполом, переходящим в диск, и кнопковидной ручкой—державком (рис. 19: *15*, 20: *9*). Полусферические чаши в одних случаях декорированы снаружи (рис. 19: *2, 7, 8, 10*, 20: *3*), в других — изнутри (рис. 19: *1, 13*, 20: *4*). Часть тарелок относится к подгруппам 1.1.1 (рис. 19: *5, 6*), 1.1.2 (рис. 20: *1*) и 1.1.4 (рис. 19: *9*), другие подгруппы — не определимы. Тарелки имеют низкий, узкий кольцевой поддон усечено-конусовидной формы с внутренней закраиной на основании. Дно некоторых из них изнутри украшено валикообразной окружностью с точковидной выпуклостью в центре (рис. 19: *4*).

Изделия ***центра № 2*** (24 фрагм., 32% от общего количества «красноглиняной» «мраморовидной» керамики) изготовлены из хорошо отмученной, пластичной глины оранжево-коричневого или розовато-коричневого цвета с небольшой примесью извести

(редкие точечные включения). Глазурь — полупрозрачная, салатного, желто-салатного и зеленого цвета, присутствует на обеих поверхностях. Полосато-мраморовидный бело-коричневый декор в некоторых случаях с подцветкой зеленым красителем. Почти все сосуды открытой формы: тарелки из подгрупп 1.1.1 (рис. 20: *12*, 21: *2*), 1.1.2 (рис. 21: *1*), 1.1.4 (рис. 20: *11*), а также несколько неопределимых днищ на низком, узком кольцевом поддоне цилиндрической и усеченно-конической формы (рис. 20: *6, 15, 16,* 21: *3, 4*), среди которых есть поддоны с внутренней закраиной на основании (рис. 21: *3, 4*). На днищах некоторых тарелок имеются две концентрические валикообразные окружности и следы сепаи (рис. 21: *2—4*). У одной тарелки внутрь двух концентрических окружностей «вписано» рельефное изображение цветочной розетки (рис. 20: *15*). В ассортимент продукции центра входили и сосуды закрытой формы (очевидно, кувшины) (рис. 20: *8, 13*).

Предположительно, в другом центре (***центр № 3***) мастера изготавливали сосуды закрытой (кувшины с крышками) и открытой (тарелки подгруппы 1.1.3) формы (5 фрагм., 6,7% от общего количества «красноглиняной» «мраморовидной» керамики) из хорошо отмученной, пластичной глины оранжево-коричневого и розово-коричневого цвета с незначительным содержанием извести (редкие точечные включения) и единичными вкраплениями мелких окатанных зерен черного кварца. Глазурь — салатная, нанесена на обе поверхности сосудов. Декор — бело-коричневые мраморовидные «разводы» с подцветкой зеленым красителем. Возможно, примесь кварца — случайная, тогда можно предположить, что эта глубокая тарелка (рис. 21: *5—7*), кувшин (рис. 21: *9*) и крышка (рис. 21: *8*) были изготовлены в ***центре № 2***.

Гончары ***центра № 4*** производили посуду с мраморовидным декором (18 фрагм., 24% от общего количества «красноглиняной» «мраморовидной» керамики) из хорошо отмученной, пластичной глины светло-коричневого цвета с весьма незначительным содержанием извести (очень редкие точечные известковые включения) и отдельными мельчайшими блестками слюды. Глазурь — полупрозрачная, желтого, салатного, желто-салатного и зеленого цвета, нанесена на обе поверхности сосудов. В декоре — бело-коричневые полосы и мраморовидные «разводы», иногда с подцветкой зеленым красителем. Среди продукции центра — только фрагменты сосудов открытой формы: чаш (рис. 22: *3*, *6, 11, 18*), тарелок подгруппы 1.1.2 (рис. 22: *1*, *2, 4, 5, 8, 16*) и 1.1.4 (рис. 22: *10*). Из неопределимых подгрупп тарелок — стенки тулова (рис. 22: *9*, *15, 17*) и днища на низком, узком кольцевом поддоне усечено-конической и цилиндрической формы (рис. 22: *7*, *12—14*) иногда с внутренней закраиной на основании (рис. 22: *14*). На дне двух тарелок имеются валикообразные окружности, одна из которых - с «точкой» в центре (рис. 22: *14*).

Продукция ***центра № 5*** весьма малочисленна — всего семь фрагментов (9,3% от общего количества «красноглиняной» «мраморовидной» керамики). Из них — 6 фрагментов тарелок (рис. 23: *1—5, 7*), пять из которых относятся к подгруппе 1.1.2 (рис. 23: *1, 2, 4 ,5, 7*), и один фрагмент стенки сосуда закрытой формы (очевидно, кувшина) (рис. 23: *6*). Посуда изготовлена из хорошо отмученной, пластичной глины светло-коричневого и оранжево-коричневого цвета с редкими включениями извести и шамота. Глазурь — полупрозрачная, желто-салатная, нанесена на обе поверхности, в одном случае, по-видимому, только на внутреннюю поверхность. Декор — бело-коричневые мраморовидные «разводы» с подцветкой зеленым. Визуально формовочная масса тарелок похожа на ту, что использовали для изготовления массовой глазурованной посуды в керамических мастерских Юго-Восточного Крыма. Однако морфология и орнаментация сосудов аналогичны изделиям вышеописанных османских мастерских. На дне двух тарелок прослеживаются слабовыраженные валикообразные окружности (рис. 23: *2, 4*). Напрашивается версия,

которая требует проверки, об имитации крымскими гончарами модной османской «мраморовидной» посуды, привозимой в XVII—XVIII вв. (судя по всему, в малых количествах) на Тамань, в Крым и Северо-Восточное Приазовье (в то время — территории Османской империи и входившего в ее состав Крымского ханства) из Анатолии и с побережья Мраморного моря.

Согласно публикациям зарубежных исследователей, помимо стамбульских керамических мастерских Эюпсултана и Дворца Текфур, посуду с мраморовидным декором из «красной» глины в XVII—XVIII вв. изготавливали гончары Чанаккале, Ганоса (тур. — Хошкёй), Дидимотихона (тур. — Диметока) и, очевидно, других османских населенных пунктов (рис. 15: *1—3, 9: c*) (Bakirtzis 1980: 147—195; Hayes 1992: 276; Armstrong, Günsenin 1995: 180; Barışta 1998: 71; 2002: 158—159; Yenişehirlioglu 2007: 359—361; 2009: 630; François, Ersoy 2011: 388, fig.10—12; Fındık 2017; Uçar, Uçar 2018: 4). До раскопок в Эюпсултане (рис. 15: *4—6*, 16: *1—6*) считалось, что «мраморовидные» сосуды производились только в Дидимотихоне/Диметоке (рис. 15: *3*, *9: c*) (Yenişehirlioglu 2012: 84). Археологические исследования в Ганосе подтвердили наличие местной «красноглиняной» продукции с мраморовидным декором (Armstrong, Günsenin 1995: 198) (рис. 15: *2*). Благодаря этим раскопкам удалось выяснить, что глина изделий Ганоса и Дидимотихона очень похожа — красно-коричневая (с незначительными вариациями в цвете), с небольшой примесью извести, что, по мнению ученых, свидетельствует об одном месте ее добычи в глинищах на побережье Мраморного моря. По этой причине продукцию Ганоса и Дидимотихона часто путают. Так, например, по мнению Памелы Армстронг и Нергис Гюнсенин, остатки посуды Ганоса, происходящие из археологических исследований в Сарачхане в Стамбуле, были ошибочно отнесены Дж. Хейсом к керамике Дидимотихона (Ware P) (Hayes 1992: 276; Armstrong, Günsenin 1995: 180, 201).

Справедливость этого утверждения покажут дальнейшие керамологические исследования. Для нас же весьма ценно наблюдение Дж. Хейса, касающееся особенности оформления внутренней поверхности тарелок, выделенной им группы керамики «Ware P» (как он считает, продукции Дидимотихона) — наличие одного или двух валикообразных колец в центре дна. Кроме того, он отметил важную морфологическую деталь, характерную для этих сосудов — низкий, узкий кольцевой поддон (иногда с незначительной внутренней закраиной на основании), а также указал немного другой цвет глины — желто-оранжевый и оранжево-коричневый. Посуда с мраморовидным декором выделена автором в подгруппу «Ware P1» (Hayes 1992: 276—277, fig. 147: *2, 4*, pl. 51: *b, c, i*).

Исследовательница Иоанита Врум, описывая более позднюю монохромную глазурованную керамику Дидимотихона (XIX — середина XX вв.) с полосатой росписью белым ангобом, указывала на то, что она изготовлена из высококачественной, среднемягкой глины оранжевого цвета с некоторыми включениями извести и песка. Внутренняя сторона дна тарелок украшена двумя концентрическими валикообразными окружностями (Vroom 2005: 187—188). На рельефные кольца на дне глазурованных тарелок из Дидимотихона обратил внимание и греческий исследователь Хараламбос Бакиртзис (Bakirtzis 1980: fig. 26—29) (рис.15: *7, 9*). Подобные концентрические окружности встречаются на дне глазурованных тарелок (в том числе и с мраморовидным декором), производимых в XVII—XIX в. в керамическом центре Чанаккале (Doğer 2009: 32—33, tab. III) (рис. 16: *7*). По мнению Дж. Хейса, продукция этого центра очень похожа на гончарные изделия Дидимотихона, но отличается более темным, насыщенным красным цветом глины (Hayes 1992: 276). На схожесть керамики Чанаккале и Дидимотихона указывает и Гонюль Оней, предполагая, что в

Дидимотихоне изготавливали посуду очень похожую на продукцию Чанаккале (либо наоборот) (Öney 2007: 369).

Керамические центры Эюпсултана и Дворца Текфур в Стамбуле, как мы уже указывали, производили «красноглиняную» посуду из сырья, добываемого в глинищах Золотого Рога и Кемербургаза. Однако более подробными сведениями о составе этого сырья мы пока не располагаем. Известно только, что глазурованные изделия Текфура были изготовлены из «красной» глины с примесью кварца (Yenişehirlioglu 2007: 357). Есть сведения о том, что на дне тарелок с мраморовидным орнаментом, которые были произведены в Эюпсултане, тоже встречаются валикообразные окружности (Doğer 2009: 49, tab. VII: *b*; Yenişehirlioglu 2012: 86: 6: *b*;) (рис. 15: *5—6*).

Таким образом, опираясь на данные зарубежных исследователей, можно сделать некоторые предположения, касающиеся определения центров производства османской «мраморовидной» керамики, попавшей в XVII—XVIII вв. вместе с военным контингентом в турецкие крепости Северо-Восточного Приазовья. Если брать за ориентир находки светлоглиняных тарелок с мраморовидным декором из крепости Судак в Крыму, которые турецкая исследовательница Филиз Енишехирлиоглу отнесла к продукции керамического центра Эюпсултан в Стамбуле (Yenişehirlioglu 2007: 361, fot. 8) (рис.13: *8, 9*), то остатки подобных тарелок и тарелочек, изготовленных из пластичной, светло-бежевой глины с незначительной примесью извести (***центр № 2*** по нашей классификации) и с примесью органики (***центр № 4***) из раскопок в Азаке и Сед-Исламе (рис. 18: *1—4, 6*, *8*), скорее всего, происходят из этого же центра. На дне данных тарелок имеются такие же рельефные окружности (в разных вариантах: двойные и одинарные), как и на тарелках, найденных во время археологических исследований в Эюпсултане (Barışta 1998: 71, fot. 103; 2002: 157, fot. 1, 3).

Так как гончары Эюпсултана и Текфура пользовались одними и теми же глинищами Стамбула, а также аналогичными приемами оформления поверхностей своих керамических изделий, продукция этих центров должна быть очень похожей. Не исключено, что среди фрагментов светлоглиняной посуды с мраморовидным декором из нижнедонских турецких крепостей есть изделия мастерских Дворца Текфур. Это же касается и «красноглиняной» керамики. «Мраморовидные» сосуды открытой формы, изготовленные из пластичной коричневой глины с незначительной примесью песка (***центр № 4***) (рис. 22: *1—16*) и оформленные на дне одинарными валикообразными окружностями (с «точкой» в центре или без нее), на наш взгляд, вполне могли быть произведены как во Дворце Текфур, так и в мастерских Эюпсултана.

«Мраморовидные» тарелки Азака и Сед-Ислама из пластичной глины оранжево-коричневого и розовато-коричневого цвета с небольшим содержанием извести и двойными рельефными кольцами на дне (***центр № 2***) (рис. 20: *6—8, 10—16*; рис. 21: *1—4*), вероятно, происходят из керамических мастерских Дидимотихона или Ганоса, либо из обоих этих центров, имевших одинаковую сырьевую базу на побережье Мраморного моря и похожую глиняную продукцию. Низкий, узкий кольцевой поддон данных тарелок имеет внутреннюю закраину на своем основании, подобно тем поддонам из Дидимотихона, которые описал в своем исследовании Дж. Хейс (Hayes 1992: 276—277).

Фрагменты керамических изделий (тарелки и кувшина), отнесенные нами к ***центру № 3*** (рис. 21: *5—9*), предположительно, тоже были изготовлены гончарами Дидимотихона или Ганоса. Однако наличие в формовочной массе этих сосудов единичных включений кварца может свидетельствовать и о том, что они, возможно, были произведены в Чанаккале. И, наконец, продукция ***центра № 5***, по нашему мнению, является имитацией османской

«мраморовидной» керамики гончарными мастерскими Юго-Восточного Крыма (рис. 23: *1*—*7*). Определение остальных центров пока весьма проблематично.

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо отметить следующее:

1. В XVII — первой трети XVIII вв. в турецкие крепости Северо-Восточного Приазовья вместе с военным контингентом и через торговцев наряду с массовой керамикой преимущественно крымского производства поступала в незначительном количестве (всего 97 фрагм. за полвека раскопок) и глазурованная столовая посуда с мраморовидным декором, произведенная в разных керамических центрах Османской империи, которая разными путями попадала и к донским казакам. Небольшие объемы поставок этой посуды на Нижний Дон, очевидно, свидетельствуют о ее дороговизне по причине большой популярности, связанной со средневековой модой на итальянскую керамику *«Marmorizzata»* и ее османские имитации («*Polichrome Marble Ware*»), а также о существенной удаленности самых северных военных укреплений османов — крепостей Азак и Сед-Ислам от керамических центров, где производили такую посуду.

2. Наибольшее количество археологических находок остатков османской «мраморовидной» посуды происходит из Азакской крепости и ее округи (79 из 97 фрагментов), что вполне объясняется более внушительными размерами (около 3 км по периметру) и значимостью в регионе этого каменного фортификационного сооружения по сравнению с маленькой крепостью Сед-Ислам (30 × 40 м), которая больше напоминала форт. На территории крепости Сед-Ислам археологами было обнаружено лишь 18 фрагм. глазурованной керамики с мраморовидным декором. Основную группу находок из нижнедонских крепостей (90,8%) составляют фрагменты сосудов открытой формы — чаш и тарелок на низком, узком кольцевом поддоне, распределенных нами по морфологическим признакам на четыре подгруппы. Остатки сосудов закрытой формы — единичны. Это фрагменты небольших кувшинов (6,2%) с крышками (3%).

3. «Красноглиняных» изделий с мраморовидным орнаментом в процентном отношении намного больше, чем светлоглиняных (77,3% — «красноглиняных»; 22,7% — светлоглиняных). Среди светлоглиняных столовых сосудов присутствуют только открытые формы — преимущественно, тарелки. На внешней стороне дна одной из таких тарелок имеется граффити. Ассортимент «красноглиняной» продукции османских гончаров более разнообразен — чаши, тарелки (мелкие и глубокие), кувшины и крышки к ним.

4. В орнаментации посуды *«ebru»* из турецких крепостей Азак и Сед-Ислам нами прослежено две основных схемы: 1) мраморовидные «разводы», занимающие всю внешнюю поверхность изделия (чаши, кувшина, крышки) или всю внутреннюю поверхность (чаши, тарелки); 2) широкие вертикальные полосы, переходящие в мраморовидные «разводы» на внутренней стороне сосуда (только на тарелках и чашах). Иногда встречается декор в виде пятен-брызг с мраморовидными «разводами». Во всех случаях орнамент выполнен при помощи ангоба белого и коричневого цвета, порой с подцветкой зеленым красителем. Дополнительным элементом украшения тарелок зачастую являются валикообразные окружности в центре внутренней поверхности дна (сдвоенные и одинарные, с выпуклой «точкой» в центре). Как удалось выяснить, подобными рельефными кольцами оформляли свои изделия мастера многих османских керамических центров. Турецкая исследовательница Лале Догер указывает на присутствие одинарных, сдвоенных и даже строенных валикообразных окружностей в декоре глазурованных монохромных тарелок, производимых в XVIII—XIX вв. в неизвестных ей керамических центрах Анатолии (Doğer 2009: 36, 50, tab. XVIII).

5. Использовавшаяся при изготовлении османской посуды с мраморовидным декором глазурь — свинцовая, полупрозрачная, желтого, желто-салатного, салатного и зеленого цвета, часто довольно низкого качества (с не растворившимися частицами красителя). У «красноглиняных» сосудов ею покрыты обе поверхности, за исключением внутренней стороны поддона и дна тарелок. Однако встречаются редкие экземпляры тарелок, у которых глазурью полностью покрыты обе поверхности. У светлоглиняных тарелок глазурь, как правило, нанесена на внутреннюю и верхнюю часть внешней поверхности. Технологические детали производства тарелок часто прослеживаются в виде следов сепаи (треноги) на внутренней стороне дна.

6. Визуальные наблюдения за составом формовочной массы, орнаментацией и оформлением поверхностей остатков посуды с мраморовидным декором из турецких крепостей Северо-Восточного Приазовья позволили нам условно разделить их на несколько групп по предполагаемым центрам производства (4 группы — для светлоглиняных, 5 групп — для «красноглиняных» сосудов). Опираясь на результаты керамологических исследований зарубежных ученых (и прежде всего турецких археологов), нами была предпринята попытка определения центров производства этой керамики. По нашей версии (несомненно, требующей лабораторной проверки), такими центрами могли быть Эюпсултан и Дворец Текфур в Стамбуле, а также Дидимотихон (Диметока) и Ганос (Хошкёй) на побережье Мраморного моря. Велика вероятность, что среди османских «мраморовидных» изделий есть продукция Чанаккале и других керамических центров Османской империи. Однако, на данном этапе научного исследования их определение пока не представляется возможным.

Литература

Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В. 2016. На пограничье империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии. В: Юрасов А.В. (ред.). *От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв. Материалы научной конференции*. Москва; Вологда: Древности Севера, 379—397.

Акты 1891: Карасев А.А., Попов Х.И. (ред.). 1891. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск: Областное правление Войска Донского.

Алядинова Д.Ю. 2015. Керамика османского времени из раскопок Партенита. *АА* 32. *Древняя и средневековая Таврика*, 452—480.

Біляєва С. 2012. *Слов'янські та тюркські світи в Україні. З історії взаємин у XIII—XVIII ст*. Київ: Унівеситет «Україна».

Бобринский А.А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. Москва: Наука.

Волков И.В. 1992. Керамика Азова XIV—XVIII вв. (история производства и импорта). Дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. 2007. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI—XVIII вв.). *МАИЭТ* XIII, 233—298.

Герцен А., Колтухов С. 2009. Археологические работы в Арабатской крепости. В: Бочаров С., Кожокару В. (ред.). *Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Материалы 11-го заседания Совместной комиссий по истории, археологии, этнографии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии*. Симферополь: Таврия, 144—172.

Гончарова 2012: АА АМЗ. КВФ 14510/1. Гончарова С.М. 2012. Отчет об археологических раскопках на территории г. Азова в 2011 году. Т. 1.

Гончарова 2019а: АА АМЗ, КВФ 14595/2. Гончарова С.М. 2019. Отчет об археологических раскопках на территории г. Азова Ростовской области в 2012—2013 гг. Т. 2.

Гончарова 2019b: АА АМЗ, КВФ 14595/4. Гончарова С.М. 2019. Отчет об археологических раскопках на территории г. Азова Ростовской области в 2012—2013 гг. Т. 4.

Горошников А.А., Кладченко О.В. 2015. Керамика турецкого времени поселения «Волна-12» на Тамани. В: Матишов Г.Г. (ред.). *Крым в войнах России. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону, 19-21 октября 2015 г.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 20—25.

Гудименко 1996: АА АМЗ. КВФ 12062/1. Гудименко И.В. 1996. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по ул. Ленинградской, 29 в 1994 году.

Гусач И.Р. 2006. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак. *ИАИАНД в 2004 г.* Вып. 21, 127—141.

Даниленко В.Н., Романчук А.И. 1969. Поливная керамика Мангупа. *АДСВ* 6, 116—138.

Донские дела. 1917. Т. XXXIV. Кн. 5. Петроград: Типография Министерства земледелия.

Зиливинская 2016a. Архив ИА РАН. Зиливинская Э.Д. 2016. Отчет о раскопках поселения и могильника «Соленый-2» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 году. Т. 1.

Зиливинская 2016b. Архив ИА РАН. Зиливинская Э.Д. 2016. Отчет о раскопках поселения и могильника «Соленый-2» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 году. Т. 12.

Казакова 1962a: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2369а. Казакова Л.М. 1962. Альбом иллюстраций к Отчету о работах, проведенных Азовским историко-краеведческим музеем в ходе наблюдения за земляными работами в г. Азове с сентября 1961 г.

Казакова 1962b: АА АМЗ. КВФ 9797/2. Казакова Л.М. 1962. Отчет о работах, проведенных Азовским историко-краеведческим музеем в ходе наблюдения за земляными работами в г. Азове с сентября 1961 года.

Казакова 1963a: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2560а. Казакова Л.М. 1963. Альбом иллюстраций к Отчету об археологических работах музея в г. Азове в 1962 г.

Казакова 1963b: Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2560. Казакова Л.М. 1963. Отчет об археологических работах музея в г. Азове в 1962 г.

Коваль В.Ю. 1998. Позднесредневековая глазурованная керамика с мраморовидной росписью. *Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья* 3, 222—229.

Кравченко С.А. 2018. Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2015 году. *ИАИАНД в 2015—2016 гг.* Вып. 30, 122—178.

Кузьмин 1994: Архив АМЗТ. НВФ-304. Кузьмин В.Н. 1994. Отчет о раскопках крепости Лютик в июле 1993 года.

Кузьмин 1996: Архив АМЗТ. НВФ-305. Кузьмин В.Н. 1996. Отчет о раскопках крепости Лютик в июле 1994 года (рукописный вариант).

Ласковский Ф. 1865. *Материалы для инженерного искусства в России*. Ч. III. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.

Мамуладзе Ш., Кахидзе А., Кахидзе Е. 2007. *Гонио-Апсар*. Тбилиси: [б.и.].

Масловский 2009: АА АМЗ. КВФ 13795/1. Масловский А.Н. 2009. Отчет о спасательных археологических раскопках в г. Азове по улицам Мира 2А, Суворова 51, Севастопольской 3, Чапаева 14 в 2008 году. Т. 1.

Масловский А.Н. 2010. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007—2008 годах. *ИАИАНД в 2007—2008 гг.* Вып. 24, 182—242.

Мыц 1985: НА ИА НАНУ. №1985/12-в. Мыц В.Л. 1985. Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 году.

Нечипорук 2013: Архив ИА РАН. Нечипорук А.А. 2013. Отчет о проведении археологических полевых работ на объектах археологического наследия «поселении на левом берегу р. Сухой Хабль» и курганах № 5 и 6 из состава курганной группы «Холмский-25» в зоне строительства ВЛ 500 кВ в Абинском районе Краснодарского края в 2011 году. Т. II.

Рубан В. 1773. *Поход боярина и Большого полка воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное оттуда с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных происшествий и с именным списком бывших при том: сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских, вышних и нижних военачальников числе всех войск и учиненным оным награде*. Санкт-Петербург: Типография Морского кадетского корпуса.

Сейдалиев 2018: Архив ИА РАН. Сейдалиев Э.И. 2018. Отчет об археологических разведках с осуществлением локальных земляных работ в целях выявления объектов археологического

наследия, уточнения сведений о них и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности, проведенных по адресу: Республика Крым, г. Симферополь, ул. Воровского.

Строцень та ін. 2015—2016: НА ИА НАНУ. Строцень Б.С., Нечитайло П.О., Пашковський О.А., Пефтіць Д.М., Нечитайло А.О. 2015—2016. Звіт про пам'яткоохоронні дослідження на території Національного історико архітектурного заповідника по вулиці Довга, 2/11 м. Кам'янець-Подільський Хмельницької області у 2015 році.

Фомичев Н.М. 1977. Раскопки в Азове. *Археологические открытия 1977 года*, 146—147.

Челеби Э. 1979. *Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в*. Вып. 2. *Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья*. Москва: Наука.

Чеснок 1970: Архив АМЗТ. НВФ-180. Чеснок В.Ф. 1970. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках в крепости Лютик летом 1970 г.

Чеснок В.Ф. 1988. Крепость Лютик (XVII—XVIII вв.). *Известия Ростовского областного музея краеведения*. Вып. 5, 66—73.

Чмиль Л.В. 2013. Один з видів підполив'яного розпису XVII-XVIII ст. *Могилянські читання* 2012, 256—260.

Широченко Э.Б., Масловский А.Н. 2011. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году. *ИАИАНД в 2009 г*. Вып. 25, 164—189.

Широченко 2013a: АА АМЗ. КВФ 14417/1. Широченко Э.Б. 2013. Отчет о спасательных археологических раскопках городища и могильника Азака в г. Азове Ростовской области в 2009 году. Т. I.

Широченко 2013b: АА АМЗ. КВФ 14417/10. Широченко Э.Б. 2013. Отчет о спасательных археологических раскопках городища и могильника Азака в г. Азове Ростовской области в 2009 году. Т. X.

Alberti A., Giorgio M. 2013. *Vasai e vasellame a Pisa Tra Cinque e seicento. La produzione di ceramic attraverso fonti scritte e archeologiche*. Pisa: Società Storica Pisana.

Amouric H., Richez F., Vallauri L. 1999. *Vingt mille ports sous les mers. Voyages extraordinaires. Editions Édisud. Musée d'Istres (27 mai — 28 novembre 1999).* Aix-en-Provence: Édisud.

Amouric H., Vallauri L. 2017. Marseille et le Levant Ottoman: flux (?) et poussières d'échanges entre XVIIe — et XXe s. In: Yenişehirlioğlu F., Karakaya D., Gleen Little T., Koç V (eds.). *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics proceedings, 19-24 October 2015 Antalya*. Vol. 2. Ankara: Vekam, 47—59.

Armstrong P., Günsenin N. 1995. Glazed pottery production at Ganos. In: Abadie-Reynal C., Tibet A. (eds.). *Anatolia Antiqua*. III. Paris: Institut Français d'etudes Anatoliennes d'Istanbul, 179—201.

Attila G. 2016. 16-18. Szàzadi leletek a szekszàrdi török palànkvàr környezetéből. In: Zsuzsanna G., Németh András K. (eds.). *A Wosinsky Mór Múseum Évkönyve*. XXXVIII. Szekszárd: Wosinsky Mór Múseum, 285—327.

Başaran S. 2000. Enez (Ainos) 1999 Yılı Kazı Çalışmaları. *22. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Ct. 2, 371—386.

Baş G. 2012. *Bitlis Kalesi Kazısı Sırlı Seramikleri*. Ankara: Pegem Akademi Yayınları.

Bakirtzis Ch. 1980. Didymoteichon: un centre de cèramique post-byzantine. *Balkan Studies. Thessaloniki*. Vol. 21. No. 1, 147—195.

Barışta H.Ö. 1998. *Türk el sanatları (Ilaveli 2. Basım)*. Ankara: Kültür Bakanlığı.

Barışta H.Ö. 1999. Istanbul Eyüp Sultan seramiklery. In: Aktaş-Yasa A. (ed). *Uluslararası Dördüncü Türk Kültürü Kongresı*. Ankara: Atatürk Kültür Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 85—93.

Barışta H.Ö. 2000. Eyüp Sultan'dan Ebru Desenli Seramik ve Çiniler. *Eyüp Sultan Sempozyumu* III, 156—164.

Blake H. 1981. Pottery exported from Northwest Italy between 1450 and 1830: Savona, Albisola, Genoa, Pisa and Montelupo. In: Barker G., Hodges R. (eds.). *Archaeology and Italian Society. Prehistoruc, Roman and Medieval Studies*. Oxford: BAR, 99—124 (BAR International Series 102).

Doğer L. 2009. İzmir Agorası Kazılarından 17.-19. Yüzyıl Seramik Buluntuları Üzerine Bazı Gözlemler. *Sanat Tarihi Dergisi* XVII/1, 23—54.

Fındık N.Ö. 2017. Osmanlı Devri Seramik Sanatı. URL: https://www.altayli.net/osmanli-devri-seramik-sanati.html (дата обращения 25.05.2020).

François V., Ersoy A. 2011. Fragment d'histoire: la vaissele de terre dans une maison de Smyrne ua XVIII es. *Bulletin de correspondence hellénique*. Vol. 135. Lv. 1, 377—419.

François V. 2012. Objets du quotidien à Damas à l'époque ottomane. *Bulletin d'étudesorientales* LXI, 475—506.

François V. 2017. Fragments d'histoire II: la vaisselle de table et du quotidien à Nicosie au lendemain de la conquête ottoman. *Bulletin de correspondence hellénique* 141.1, 353—387.
Gök S. 2015. Izmir'in Ticari Yasamında Osmanlı ve Avrupa Seramiklerinin Yeri. In: Ersoy A., Gözde Ş. (eds.). *Smyrna / İzmir Kazı ve Araştırmaları I. Çalıştay Bildirileri*. Yayınevi: Ege Yayınları, 61—78.
Hayes J.W. 1992. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. Oxford: Princeton University Press.
Kamadadze K. 2016. «Marble» Seramics from the Monuments of South-West Georgia. *South-West Georgia (history, archaeology, ethnology). International Scientific Conference materials* VI, 246—251.
Moore Valery A. 2012. Marbleized pottery in Tuscany (1550—1650). *Medieval Ceramics. Journal of the Medieval Pottery Research Group* 33, 10—23.
Öney G. 1971. *Türk Devri Çanakkale Seramikleri*. Ankara: Çanakkale Seramik Fabrikaları A.Ş. Yayınları.
Öney G. 2007. Çanakkale Seramikleri. In: Öney G., Çobanlı Z. (eds.). *Anadolu'da Türk Devri Çini ve Seramik Sanatı*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayinları, 365—375.
Rice D.T. 1930. *The Byzantine Glazed Pottery*. London: Clarendon Press, 48—49.
Uçar H., Uçar A. 2018. Tire Kutu Han Kazısı Beylikler Ve Osmanlı Dönemi Seramikleri. *Sanat Tarihi Dergisi* XXVII/1. Nisan /April 2018, 1—33.
Voinea V.M., Szmoniewsky B. Sz., Popescu A., Mototolea A., Florea M. 2016. The rural landscape in Dobruja in the Ottoman period. New discoveries from Cheia—Pazvant sites, county Constanta, Romania. *Journal of Aegean and Balkan Studies*. Vol. II (2016-1). Iss. 3, 155—200.
Vroom J. 2005. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean: An Introduction and Field Guide*. Utrecht: Parnassus Press.
Yenişehirlioglu F. 2003. Tekfur sarayi çini fırınları kazısı 1995—2001. *24. Kazı sonuçları toplantısı*. Ct. 1, 329—344.
Yenişehirlioglu F. 2007. Tekfur Sarayı Çinileri ve Eyüp Çömlekçiliği. In: Öney G., Çobanlı Z. (eds.). *Anadolu'da Türk Devri Çini ve Seramik Sanatı*. Istanbul: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayinları, 349—361.
Yenişehirlioglu F. 2009. Les fours et la production des céramiques du Palais de Tekfur a Istanbul. In: Zozaya J., Retuerce M., Hervas M.A., de Juan A. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterraneo. Ciudad Real-Almagro, del 27 de febrero al 3 de marzo de 2006*. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, 617—632.
Yenişehirlioglu F.Ç. 2012. Istanbul Arkeolojisi ve Çini / Seramik Űretim Merkezleri. *Istanbul Araştırmaları Yıllığı* I, 77—99.

References

Avakov, P.A., Gusach, I.R., Dedyulkin, A.V. 2016. In: Yurasov, A.V. (ed.). *Ot smuty k imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI—XVIII vv. Materialy nauchnoy konferentsii (From Troubles to Empire. New Discoveries in the Field of Archaeology and History of Russia in the 16th — 18th centuries. Materials of the Scientific Conference)*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 379—397 (in Russian).
Akty 1891: Karasev, A.A., Popov, Kh.I. (eds.). 1891. *Akty, otnosyashchiyesya k istorii Voyska Donskogo, sobrannyye general-mayorom A.A. Lishinym (Acts relating to the history of the Don Army, collected by Major General A.A. Lishin)*. Vol. 1. Novocherkassk: Oblastnoye pravleniye Voyska Donskogo (in Russian).
Alyadinova, D.Yu. 2015. In *Arheologicheskiy al'manah (Archaeological Almanac)* 32. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika (Ancient and Medieval Taurica)*, 452—480 (in Russian).
Bilyaeva, C. 2012. *Slov'yans'ki ta tyurks'ki sviti v Ukraini. Z istorii vzaemin u XIII—XVIII st. (Slavic and Turkic Worlds in Ukraine. From the History of Relations in the 13th — 18th Centuries)*. Kyiv: Univesitet "Ukraina" (in Ukrainian).
Bobrinskiy, A.A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy (Pottery of Eastern Europe)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Volkov, I.V. 1992. Ceramics of Azov 14th — 18th Centuries (production and import history). PhD Thesis. Moscow.
Gertsen, A.G., Ivanova, O.S., Naumenko, V.E., Smokotina, A.V. 2007. In *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* XIII, 233—298 (in Russian).

Gertsen, A., Koltukhov, S. 2009. In: Bocharov, S., Kozhokaru, V. (eds.). *Severnoye i Zapadnoye Prichernomor'ye v antichnuyu epokhu i srednevekov'ye. Materialy 11-go zasedaniya Sovmestnoy komissiy po istorii, arkheologii, etnografii i fol'kloristike pri Prezidiume NAN Ukrainy i Akademii Rumynii (Northern and Western Black Sea Coast in Antiquity and the Middle Ages. Materials of the 11th meeting of the Joint Commission on History, Archeology, Ethnography and Folklore Studies under the Presidium of the National Academy of Sciences of Ukraine and the Academy of Romania)*. Simferopol: Tavriya, 144—172 (in Russian).

Goncharova 2012: AA AMZ. KVF 14510/1. Goncharova S.M. 2012. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii g. Azova v 2011 godu. T. 1.

Goncharova 2019a: AA AMZ, KVF 14595/2. Goncharova S.M. 2019. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii g. Azova Rostovskoy oblasti v 2012—2013 gg. T. 2.

Goncharova 2019b: AA AMZ, KVF 14595/4. Goncharova S.M. 2019. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii g. Azova Rostovskoy oblasti v 2012—2013 gg. T. 4.

Goroshnikov, A.A., Kladchenko, O.V. 2015. In: Matishov, G.G. (ed.). *Krym v voynakh Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Rostov-na-Donu, 19-21 oktyabrya 2015 g. (Crimea in the Wars of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Rostov-on-Don, October 19-21, 2015).* Rostov-on-Don: YUNTS RAN, 20—25 (in Russian).

Gudimenko 1996: AA AMZ. KVF 12062/1. Gudimenko I.V. 1996. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ul. Leningradskoy, 29 v 1994 godu.

Gusach, I.R. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2004).* Iss. 21, 127—141 (in Russian).

Danilenko, V.N., Romanchuk, A.I. 1969. In *Antichnaya drevnost i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 6, 116—138 (in Russian).

Donskiye dela (Don Affairs). 1917. Vol. XXXIV. Bk. 5. Petrograd: Tipografiya Ministerstva zemledeliya (in Russian).

Zilivinskaya 2016a. Arkhiv IA RAN. Zilivinskaya E.D. 2016. Otchet o raskopkakh poseleniya i mogil'nika «Solenyy-2» v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2016 godu. T. 1.

Zilivinskaya 2016b. Arkhiv IA RAN. Zilivinskaya E.D. 2016. Otchet o raskopkakh poseleniya i mogil'nika «Solenyy-2» v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2016 godu. T. 12.

Kazakova 1962a: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. No. 2369a. Kazakova L.M. 1962. Al'bom illyustratsiy k Otchetu o rabotakh, provedennykh Azovskim istoriko-krayevedcheskim muzeyem v khode nablyudeniya za zemlyanymi rabotami v g. Azove s sentyabrya 1961 g.

Kazakova 1962b: AA AMZ. KVF 9797/2. Kazakova L.M. 1962. Otchet o rabotakh, provedennykh Azovskim istoriko-krayevedcheskim muzeyem v khode nablyudeniya za zemlyanymi rabotami v g. Azove s sentyabrya 1961 goda.

Kazakova 1963a: Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 2560a. Kazakova L.M. 1963. Al'bom illyustratsiy k Otchetu ob arkheologicheskikh rabotakh muzeya v g. Azove v 1962 g.

Kazakova 1963b. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. № 2560. Kazakova L.M. 1963. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh muzeya v g. Azove v 1962 g.

Koval, V.Yu. 1998. In *Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya (Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages)* 3, 222—229 (in Russian).

Kravchenko, S.A. 2018. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2015—2016 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2015—2016).* Iss. 30, 122—178 (in Russian).

Kuzmin 1994: Arkhiv AMZT. NVF-304. Kuzmin V.N. 1994. Otchet o raskopkakh kreposti Lyutik v iyule 1993 goda.

Kuzmin 1996: Arkhiv AMZT. NVF-305. Kuz'min V.N. 1996. Otchet o raskopkakh kreposti Lyutik v iyule 1994 goda (rukopisnyy variant).

Laskovskiy, F. 1865. *Materialy dlya inzhenernogo iskusstva v Rossii (Materials for engineering art in Russia)*. Pt. III. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (in Russian).

Mamuladze, Sh., Kakhidze, A., Kakhidze, E. 2007. *Gonio-Apsar*. Tbilisi: [s.n.] (in Russian).

Maslovskiy 2009: AA AMZ. KVF 13795/1. Maslovskiy A.N. 2009. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Azove po ulitsam Mira 2A, Suvorova 51, Sevastopol'skoy 3, Chapayeva 14 v 2008 godu. T. 1.

Maslovskiy, A.N. 2010. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2007—2008 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2007—2008).* Iss. 24, 182—242 (in Russian).

Myts 1985: NA IA NANU. №1985/12-v. Myts V.L. 1985. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovykh ukrepleniy Aluston i Funa v 1985 godu.

Nechiporuk 2013: Arkhiv IA RAN. Nechiporuk A.A. 2013. Otchet o provedenii arkheologicheskikh polevykh rabot na ob"yektakh arkheologicheskogo naslediya “poselenii na levom beregu r. Sukhoy Khabl'” i kurganakh No. 5 i 6 iz sostava kurgannoy gruppy “Kholmskiy-25” v zone stroitel'stva VL 500 kV v Abinskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2011 godu. T. II.

Ruban, V. 1773. *Pokhod boyarina i Bol'shogo polka voyevody Alekseya Semenovicha Sheina k Azovu, vzyatiye sego i Lyutika goroda i torzhestvennoye ottuda s pobedonosnym voinstvom vozvrashcheniye v Moskvu, s podrobnym opisaniyem vsekh voyennykh i torzhestvennykh proisshestviy i s imennym spiskom byvshikh pri tom: sukhoputnykh i morskikh, velikorossiyskikh i malorossiyskikh, vyshnikh i nizhnikh voyenachal'nikov chisle vsekh voysk i uchinennym onym nagrade (The campaign of the boyar and the Great Regiment of Voivode Alexei Semyonovich Shein to Azov, the capture of this city and Lyutik and the solemn return to Moscow from there with a victorious army, with a detailed description of all military and solemn incidents and with a personal naval, Great Russian and Little Russian, higher and lower commanders, the number of all troops and the award made by it)*. Saint Petersburg: Tipografiya Morskogo kadetskogo korpusa (in Russian).

Seydaliyev 2018: Arkhiv IA RAN. Seydaliyev E.I. 2018. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh s osushchestvleniyem lokal'nykh zemlyanykh rabot v tselyakh vyyavleniya ob"yektov arkheologicheskogo naslediya, utochneniya svedeniy o nikh i planirovaniya meropriyatiy po obespecheniyu ikh sokhrannosti, provedennykh po adresu: Respublika Krym, g. Simferopol', ul. Vorovskogo.

Strotsen et al. 2015—2016: NA IA NANU. Strotsen B.S., Nechitaylo P.O., Pashkovskiy O.A., Peftits D.M., Nechitaylo A.O. 2015—2016. Zvit pro pam'yatkookhoronni doslidzhennya na teritorii Natsional'nogo istoriko arkhitekturnogo zapovidnika po vulitsi Dovga, 2/11 m. Kam’yanets'-Podil's'kiy Khmel'nits'koi oblasti u 2015 rotsi.

Fomichev, N.M. 1977. In *Arkheologicheskiye otkrytiya 1977 goda (Archaeological discoveries 1977)*, 146—147 (in Russian).

Chelebi, E. 1979. *Kniga puteshestviya. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v. (Travel book. Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th Century).* Iss. 2. *Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya (Lands of the North Caucasus, the Volga and Don regions)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Chesnok 1970: Arkhiv AMZT. NVF-180. Chesnok V.F. 1970. Al'bom illyustratsiy k otchetu o raskopkakh v kreposti Lyutik letom 1970 g.

Chesnok, V.F. 1988. In *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya (Izvestia of the Rostov Regional Museum of Local History)*. Iss. 5, 66—73 (in Russian).

Chmil, L.V. 2013. In *Mogilyans'ki chitannya (Mogilyansky Reading)* 2012, 256—260 (in Ukrainian).

Shirochenko, E.B., Maslovskiy, A.N. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2009 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 2009).* Iss. 25, 164—189 (in Russian).

Shirochenko 2013a: AA AMZ. KVF 14417/1. Shirochenko E.B. 2013. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh gorodishcha i mogil'nika Azaka v g. Azove Rostovskoy oblasti v 2009 godu. T. I.

Shirochenko 2013b: AA AMZ. KVF 14417/10. Shirochenko E.B. 2013. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh gorodishcha i mogil'nika Azaka v g. Azove Rostovskoy oblasti v 2009 godu. T. X.

Alberti, A., Giorgio, M. 2013. *Vasai e vasellame a Pisa Tra Cinque e seicento. La produzione di ceramic attraverso fonti scritte e archeologiche*. Pisa: Società Storica Pisana.

Amouric, H., Richez, F., Vallauri, L. 1999. *Vingt mille ports sous les mers. Voyages extraordinaires. Editions Édisud. Musée d’Istres (27 mai — 28 novembre 1999).* Aix-en-Provence: Édisud.

Amouric, H., Vallauri, L. 2017. Marseille et le Levant Ottoman: flux (?) et poussières d’échanges entre XVIIe — et XXe s. In: Yenişehirlioğlu, F., Karakaya, D., Gleen Little, T., Koç, V (eds.). *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics proceedings, 19-24 October 2015 Antalya*. Vol. 2. Ankara: Vekam, 47—59.

Armstrong, P., Günsenin, N. 1995. Glazed pottery production at Ganos. In: Abadie-Reynal, C., Tibet, A. (eds.). *Anatolia Antiqua*. III. Paris: Institut Français d'etudes Anatoliennes d'Istanbul, 179—201.

Attila, G. 2016. 16-18. Szàzadi leletek a szekszàrdi török palànkvàr környezetéből. In: Zsuzsanna, G., Németh András, K. (eds.). *A Wosinsky Mór Múseum Évkönyve*. XXXVIII. Szekszárd: Wosinsky Mór Múseum, 285—327.

Başaran, S. 2000. Enez (Ainos) 1999 Yılı Kazı Çalışmaları. *22. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Ct. 2, 371—386.

Baş, G. 2012. *Bitlis Kalesi Kazısı Sırlı Seramikleri*. Ankara: Pegem Akademi Yayınları.

Bakirtzis, Ch. 1980. Didymoteichon: un centre de cèramique post-byzantine. *Balkan Studies. Thessaloniki*. Vol. 21. No. 1, 147—195.

Barışta, H.Ö. 1998. *Türk el sanatları (Ilaveli 2. Basım)*. Ankara: Kültür Bakanlığı.

Barışta, H.Ö. 1999. Istanbul Eyüp Sultan seramiklery. In: Aktaş-Yasa, A. (ed). *Uluslararası Dördüncü Türk Kültürü Kongresı*. Ankara: Atatürk Kültür Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 85—93.

Barışta, H.Ö. 2000. Eyüp Sultan'dan Ebru Desenli Seramik ve Çiniler. *Eyüp Sultan Sempozyumu* III, 156—164.

Blake, H. 1981. Pottery exported from Northwest Italy between 1450 and 1830: Savona, Albisola, Genoa, Pisa and Montelupo. In: Barker, G., Hodges, R. (eds.). *Archaeology and Italian Society. Prehistoruc, Roman and Medieval Studies*. Oxford: BAR, 99—124 (BAR International Series 102).

Doğer, L. 2009. İzmir Agorası Kazılarından 17.-19. Yüzyıl Seramik Buluntuları Üzerine Bazı Gözlemler. *Sanat Tarihi Dergisi* XVII/1, 23—54.

Fındık, N.Ö. 2017. Osmanlı Devri Seramik Sanatı. Available at: https://www.altayli.net/osmanli-devri-seramik-sanati.html (accessed 25.05.2020).

François, V., Ersoy, A. 2011. Fragment d'histoire: la vaissele de terre dans une maison de Smyrne ua XVIII es. *Bulletin de correspondence hellénique*. Vol. 135. Liv. 1, 377—419.

François, V. 2012. Objets du quotidien à Damas à l'époque ottomane. *Bulletin d'étudesorientales* LXI, 475—506.

François, V. 2017. Fragments d'histoire II: la vaisselle de table et du quotidien à Nicosie au lendemain de la conquête ottoman. *Bulletin de correspondence hellénique* 141.1, 353—387.

Gök, S. 2015. Izmir'in Ticari Yasamında Osmanlı ve Avrupa Seramiklerinin Yeri. In: Ersoy, A., Gözde, Ş. (eds.). *Smyrna / İzmir Kazı ve Araştırmaları I. Çalıştay Bildirileri*. Yayınevi: Ege Yayınları, 61—78.

Hayes, J.W. 1992. *Excavations at Saraçhane in Istanbul*. Vol. 2. Oxford: Princeton University Press.

Kamadadze, K. 2016. "Marble" Seramics from the Monuments of South-West Georgia. *South-West Georgia (history, archaeology, ethnology). International Scientific Conference materials* VI, 246—251.

Moore Valery, A. 2012. Marbleized pottery in Tuscany (1550—1650). *Medieval Ceramics. Journal of the Medieval Pottery Research Group* 33, 10—23.

Öney, G. 1971. *Türk Devri Çanakkale Seramikleri*. Ankara: Çanakkale Seramik Fabrikaları A.Ş. Yayınları.

Öney, G. 2007. Çanakkale Seramikleri. In: Öney, G., Çobanlı, Z. (eds.). *Anadolu'da Türk Devri Çini ve Seramik Sanatı*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayinları, 365—375.

Rice, D.T. 1930. *The Byzantine Glazed Pottery*. London: Clarendon Press, 48—49.

Uçar, H., Uçar, A. 2018. Tire Kutu Han Kazısı Beylikler Ve Osmanlı Dönemi Seramikleri. *Sanat Tarihi Dergisi* XXVII/1. Nisan /April 2018, 1—33.

Voinea, V.M., Szmoniewsky, B.Sz., Popescu, A., Mototolea, A., Florea, M. 2016. The rural landscape in Dobruja in the Ottoman period. New discoveries from Cheia—Pazvant sites, county Constanta, Romania. *Journal of Aegean and Balkan Studies*. Vol. II (2016-1). Iss. 3, 155—200.

Vroom, J. 2005. *Byzantine to Modern Pottery in the Aegean: An Introduction and Field Guide*. Utrecht: Parnassus Press.

Yenişehirlioglu, F. 2003. Tekfur sarayi çini fırınları kazısı 1995—2001. *24. Kazı sonuçları toplantısı*. Ct. 1, 329—344.

Yenişehirlioglu, F. 2007. Tekfur Sarayı Çinileri ve Eyüp Çömlekçiliği. In: Öney, G., Çobanlı, Z. (eds.). *Anadolu'da Türk Devri Çini ve Seramik Sanatı*. Istanbul: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayinları, 349—361.

Yenişehirlioglu, F. 2009. Les fours et la production des céramiques du Palais de Tekfur a Istanbul. In: Zozaya, J., Retuerce, M., Hervas, M.A., de Juan, A. (eds.). *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica Medieval en el Mediterraneo. Ciudad Real-Almagro, del 27 de febrero al 3 de marzo de 2006*. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arqueología Medieval, 617—632.

Yenişehirlioglu, F.Ç. 2012. Istanbul Arkeolojisi ve Çini / Seramik Űretim Merkezleri. *Istanbul Araştırmaları Yıllığı* I, 77—99.

Таблица. I. **Археологические находки глазурованной мраморовидной керамики в османской крепости Азак и ее окрестностях в г. Азове**

№ п/п	Годы раскопок	Местонахождение раскопа на территории г. Азова	Кол-во, фрагм.	Процентное соотношение, %
1	1962	ул. Ярославского	17	21,5
2	1960—1970-е	ул. К. Либкнехта, 17	1	1,3
3	1978	Петровский спуск	4	5
4	1994	ул. Ленинградская, 29	1	1,3
5	2004	ул. Генуэзская, 4	14	17,7
6	2008	ул. Суворова, 51	1	1,3
7	2009	Пролетарский спуск, 24	10	12,6
8	2011	ул. Лермонтова-Калинина, 43/45	2	2,5
9	2012	ул. Лермонтова, 6	15	19
10	2012	ул. Калинина, 38	12	15,2
11	2015	ул. Ленинградская, 18/20	1	1,3
12	2015	ул. Щорса, 7	1	1,3
		Всего:	**79**	**100**

Таблица. II. **Группы (по морфологическим признакам) глазурованной керамики с мраморовидным декором из османской крепости Азак**

№ групп	№ подгрупп	Наименование изделий	Кол-во, фрагм.	Процентное соотношение, %
1.1		Тарелки		
	1.1.1	Мелкие тарелки с широким бортиком	7	8,9
	1.1.2	Мелкие тарелочки с узким бортиком	26	33
	1.1.3	Глубокие тарелки с узким бортиком	3	3,8
	1.1.4	Глубокие тарелки без бортика	8	10,1
1.2		Чаши	8	10,1
1.3		Неопределимые поддоны и стенки сосудов о/ф	22	27,8
2.1		Кувшины	2	2,5
2.2		Крышки кувшинов	3	3,8
		Всего:	**79**	**100**

Таблица. III. **Группы (по морфологическим признакам) глазурованной керамики с мраморовидным декором из османской крепости Сед-Ислам**

№ групп	№ подгрупп	Наименование изделий	Кол-во, фрагм.	Процентное соотношение, %
1.1		Тарелки		
	1.1.1	Мелкие тарелки с широким бортиком	3	16,7
	1.1.2	Мелкие тарелочки с узким бортиком	1	5,5
	1.1.3	Глубокие тарелки с узким бортиком	3	16,7
	1.1.4	Глубокие тарелки без бортика	1	5,5
1.2		Чаши	5	27,8
1.3		Неопределимые поддоны и стенки сосудов о/ф	2	11,1
2.1		Кувшины	3	16,7
		Всего:	**18**	**100**

Таблица. IV. **Формовочная масса глиняных изделий с мраморовидным декором из османских крепостей Азак и Сед-Ислам**

№ п/п	Формовочная масса сосудов (по цвету глины)	Азак, фрагм.	Сед-Ислам, фрагм.	Общее количество, фрагм.	Процентное соотношение, %
1	Светлоглиняные сосуды	18	4	22	22,7
2	«Красноглиняные» сосуды	61	14	75	77,3
	Всего:	**79**	**18**	**97**	**100**

Таблица. V. **Предполагаемые центры производства светлоглиняной керамики с мраморовидным декором из османских крепостей Азак и Сед-Ислам**

№ п/п	Предполагаемый центр производства	Азак, фрагм.	Сед-Ислам, фрагм.	Общее количество, фрагм.	Процентное соотношение, %
1	Центр № 1	9	0	9	41
2	Центр № 2	3	4	7	31,8
3	Центр № 3	5	0	5	22,7
4	Центр № 4	1	0	1	4,5
	Всего:	**18**	**4**	**22**	**100**

Таблица. VI. **Предполагаемые центры производства «красноглиняной» керамики с мраморовидным декором из османских крепостей Азак и Сед-Ислам**

№ п/п	Предполагаемый центр производства	Азак, фрагм.	Сед-Ислам, фрагм.	Общее количество, фрагм.	Процентное соотношение, %
1	Центр № 1	15	6	21	28
2	Центр № 2	19	5	24	32
3	Центр № 3	5	0	5	6,7
4	Центр № 4	17	1	18	24
5	Центр № 5	5	2	7	9,3
	Всего:	**61**	**14**	**75**	**100**

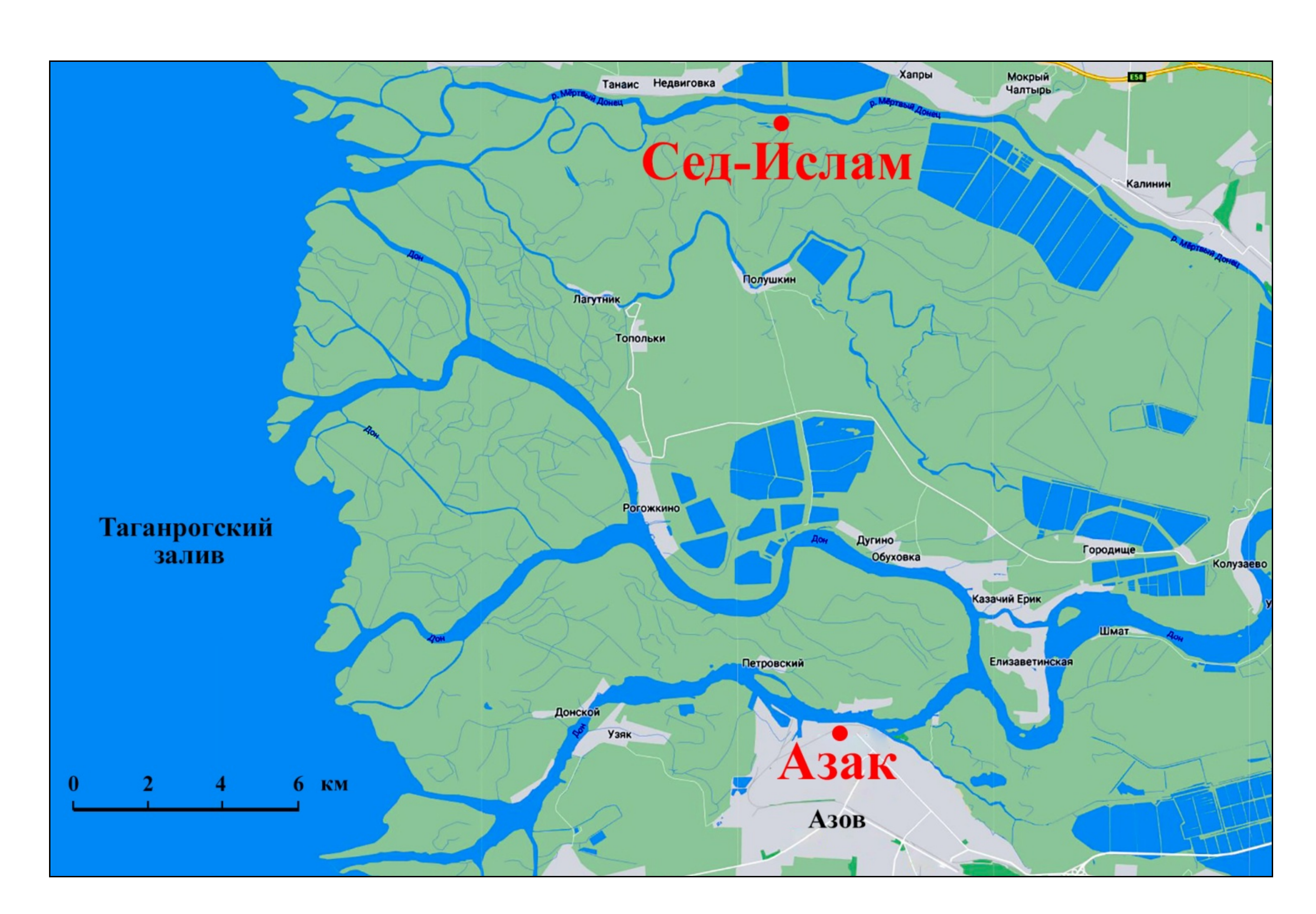

Рис. 1. Карта с местонахождением османских крепостей Азак и Сед-Ислам в Северо-Восточном Приазовье.

Fig. 1. The map shows the location of the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam in the north-eastern part of the Azov Sea.

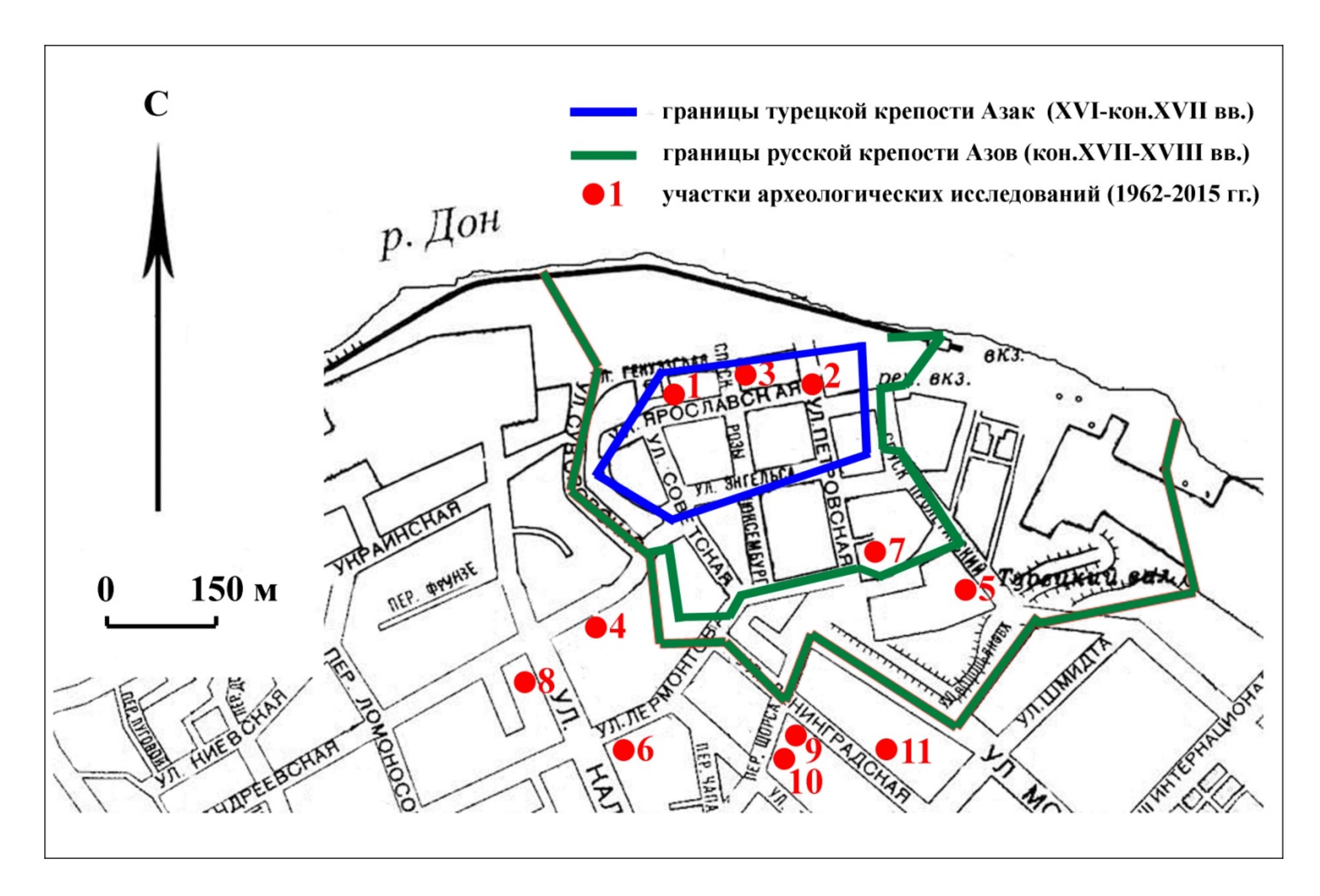

Рис. 2. Карта припортового района г. Азова с местами находок османской «мраморовидной» керамики XVII—XVIII вв. на территории бывшей турецкой крепости Азак и в ее округе: *1* — раскоп на ул. Ярославского (по Казакова 1962a; 1962b); *2* — на Петровском спуске (по Фомичев 1977); *3* — на ул. Генуэзской, 3 (по Гусач 2006); *4* — на ул. Суворова, 51 (по Масловский 2009); *5* — на Пролетарском спуске, 24 (по Широченко 2013a; 2013b); *6* — на ул. Лермонтова-Калинина, 43/45 (по Гончарова 2012); *7* — на ул. Лермонтова, 6 (по Гончарова 2019a); *8* — на ул. Калинина, 38 (по Гончарова 2019b); *9* — на ул. Ленинградской, 18/20 (по Кравченко 2018); *10* — на ул. Щорса, 7 (по Кравченко 2018); *11* — на ул. Ленинградской, 29 (по Гудименко 1996).

Fig. 2. The map of Azov harbour area with finds of Ottoman “marble” ceramics of the 17th — 18th centuries in the territory of a former Turkish fortress Azak and its surroundings: *1* — excavation in Yaroslavskogo Street (after Kazakova 1962a; 1962b); *2* — in Petrovsky slope (after Fomichev 1977); *3* — in Genuezskaya Street, 3 (after Gusach 2006); *4* — in Suvorova Street, 51 (after Maslovsky 2009); *5* — in Proletarsky slope, 24 (after Shirochenko 2013a; 2013b); *6* — in Lermontova-Kalinina Street, 43/45 (after Goncharova 2012); *7* — in Lermontova Street, 6 (after Goncharova 2019a); *8* — in Kalinina Street, 38 (after Goncharova 2019b); *9* — in Leningradskaya Street, 18/20 (after Kravchenko 2018); *10* — in Shchorsa Street, 7 (after Kravchenko 2018); *11* — in Leningradskaya Street, 29 (after Gudimenko 1996).

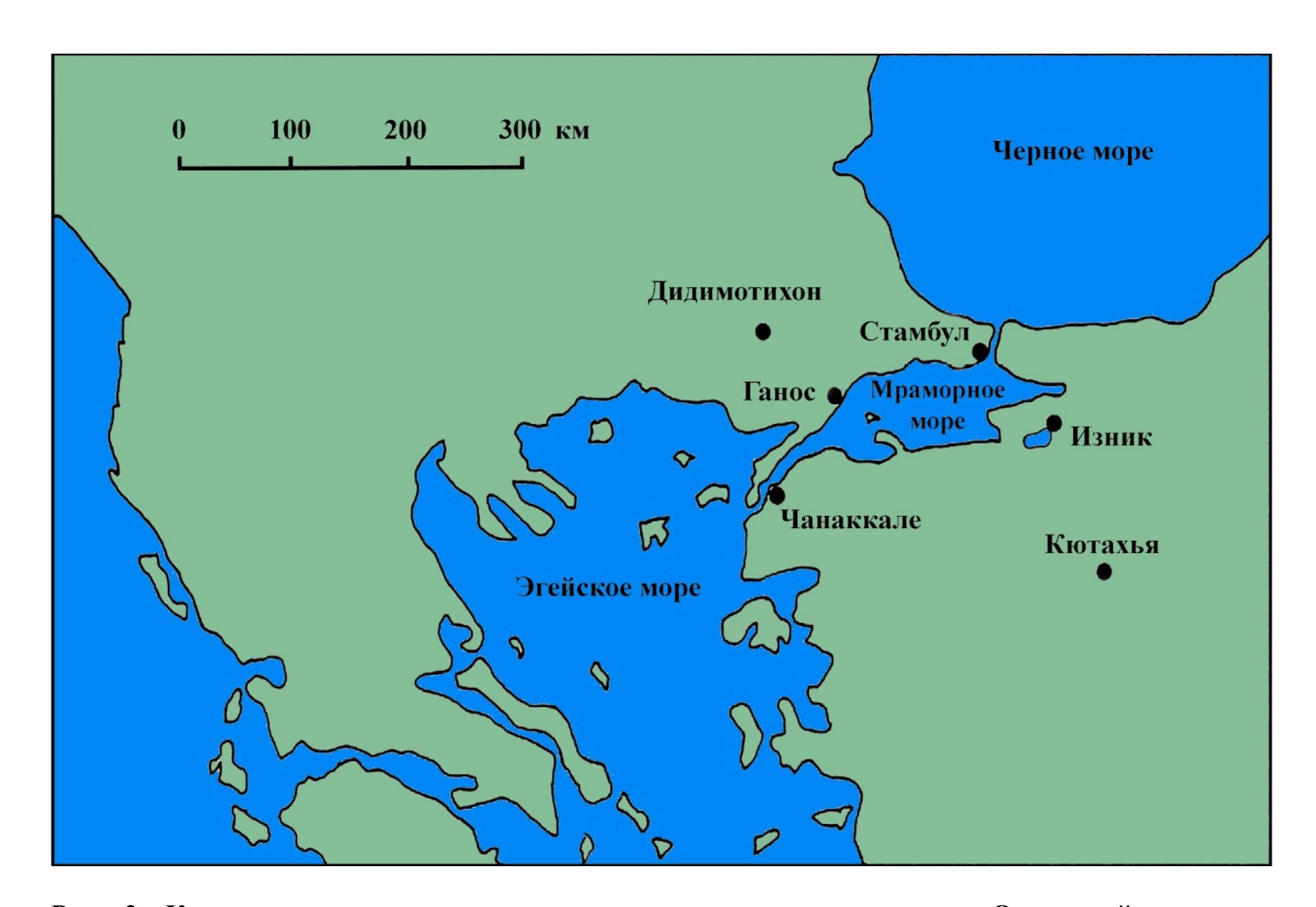

Рис. 3. **Карта с указанием керамических центров на территории Османской империи, изготавливавших глазурованную посуду с мраморовидным декором в XVII—XVIII вв.**

Fig. 3. The map shows the ceramic centres in the Ottoman Empire that produced glazed crockery with a marble decoration in the 17th — 18th centuries.

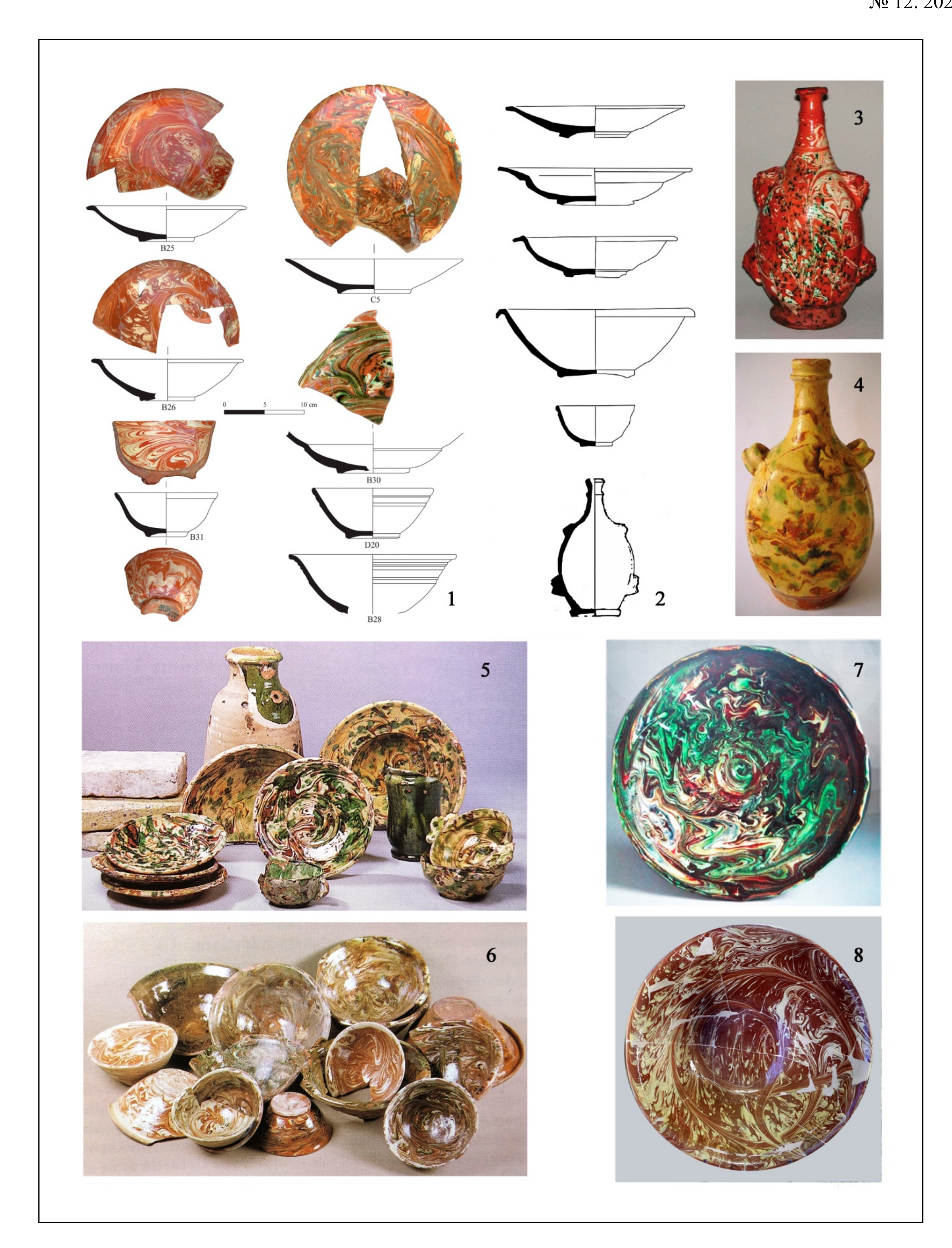

Рис. 4. Керамика «*Marmorizzata*». Северная Италия, XVI—XVII вв.: *1* — Тоскана (по François 2017: fig. 1); *2—4, 7, 8* — Тоскана (по Moore Valery 2012: fig. 2, 6, 22, 23, 28); *5, 6* — Пиза (по Amouric, Richez, Vallauri 1999: fig.173, 212).

Fig. 4. *"Marmorizzata"* ceramics. Northern Italy, 16th — 17th centuries: *1* — Tuscany (after François 2017: fig. 1); *2—4, 7, 8* — Tuscany (after Moore Valery 2012: fig. 2, 6, 22, 23, 28); *5, 6* — Pisa (after Amouric, Richez, Vallauri 1999: fig.173, 212).

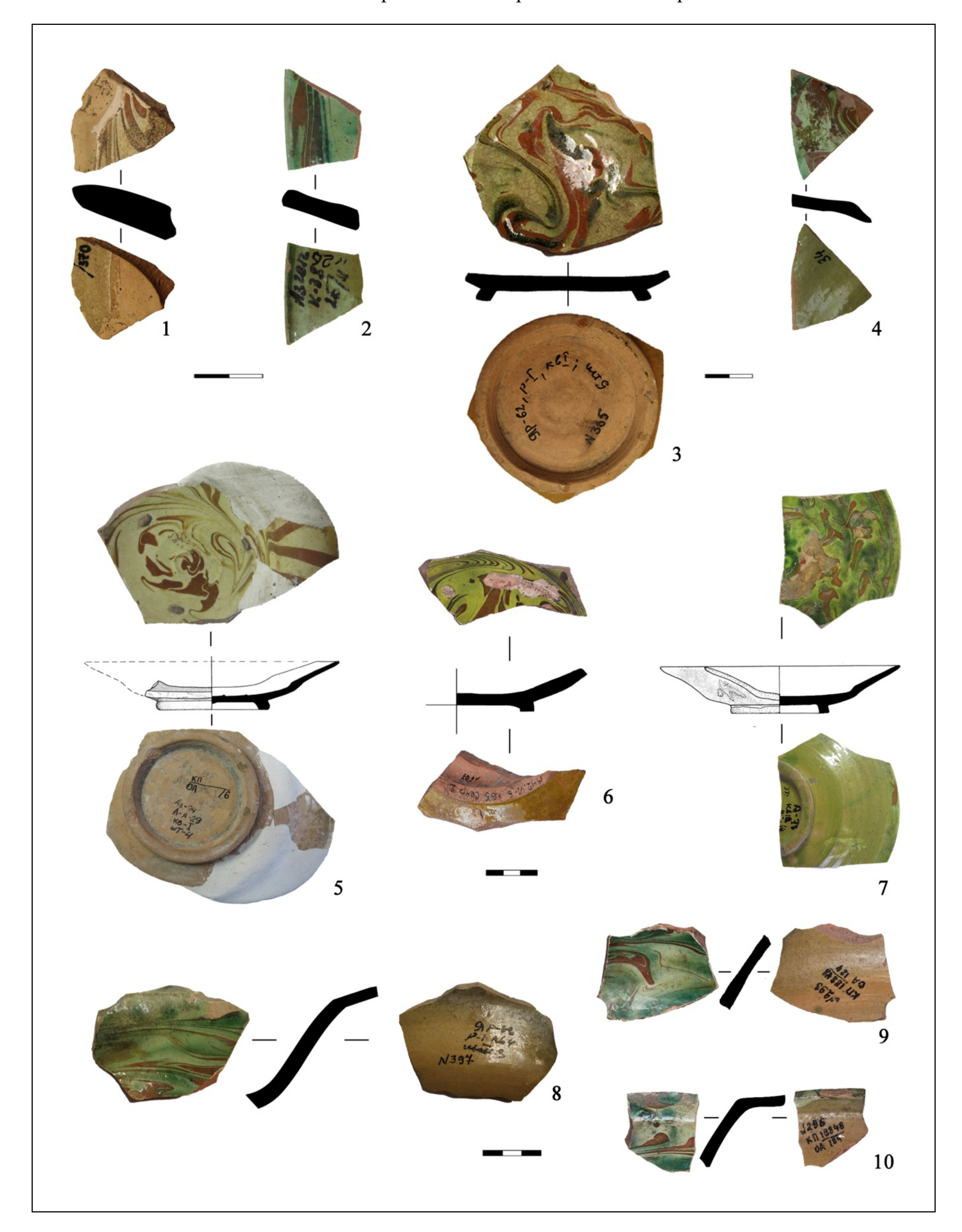

Рис. 5. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. Сосуды открытой формы. Тарелки (группа 1.1): *1—7* — подгруппа 1.1.1; *8—10* — подгруппа 1.1.3.

Fig. 5. Fragments of glazed vessels with marble decorations from the excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Plates (group 1.1): *1—7* — subgroup 1.1.1; *8—10* — subgroup 1.1.3.

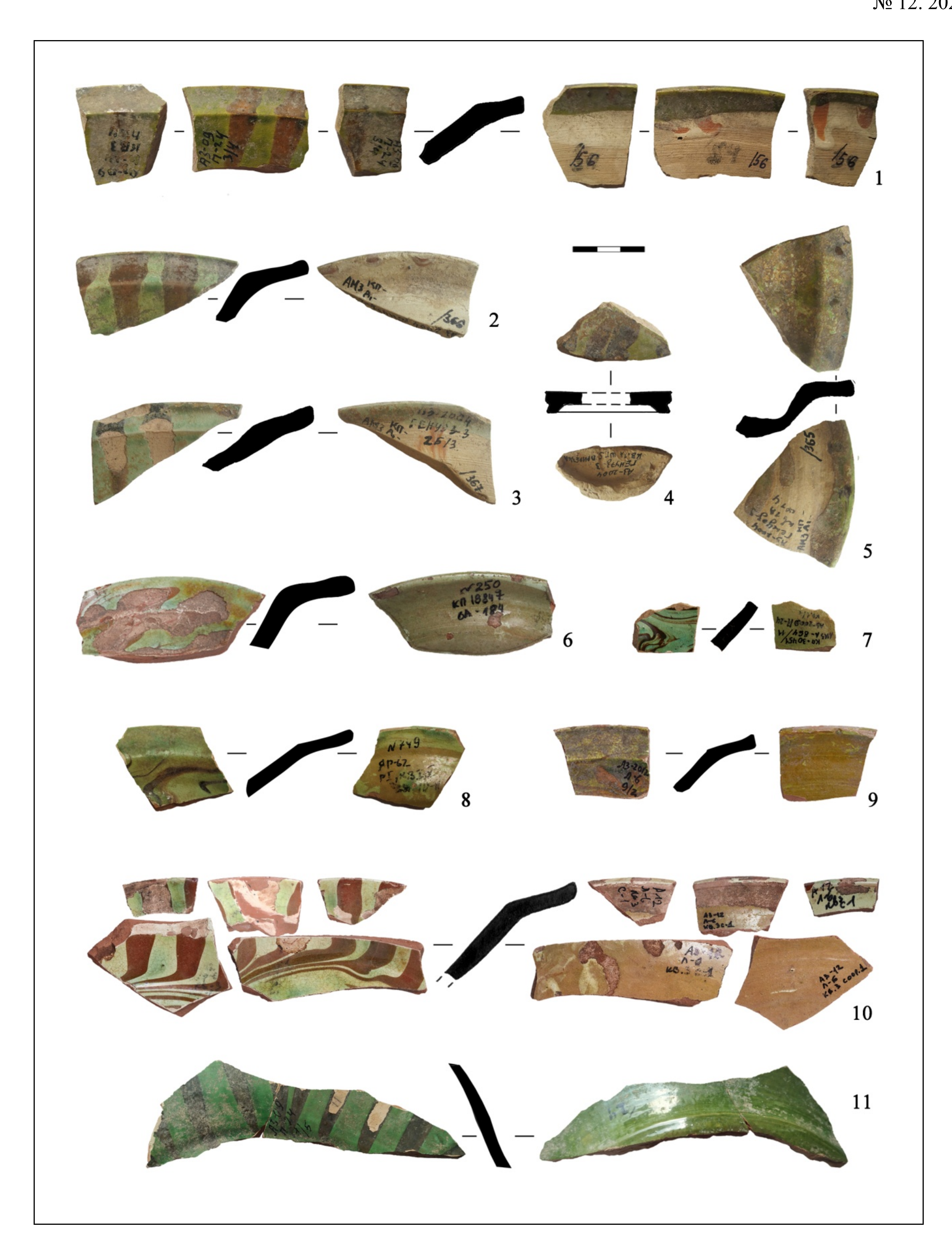

Рис. 6. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. **Сосуды открытой формы. Тарелки (группа 1.1):** *1—11* — подгруппа 1.1.2 (*1—5, 7* — светлоглиняные; *6, 8—11* — «красноглиняные»).

Fig. 6. Fragments of glazed vessels with marble decorations from excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Plates (group 1.1): *1—11* — subgroup 1.1.2 (*1—5, 7* — light-clay, *6, 8—11* — “red-clay”).

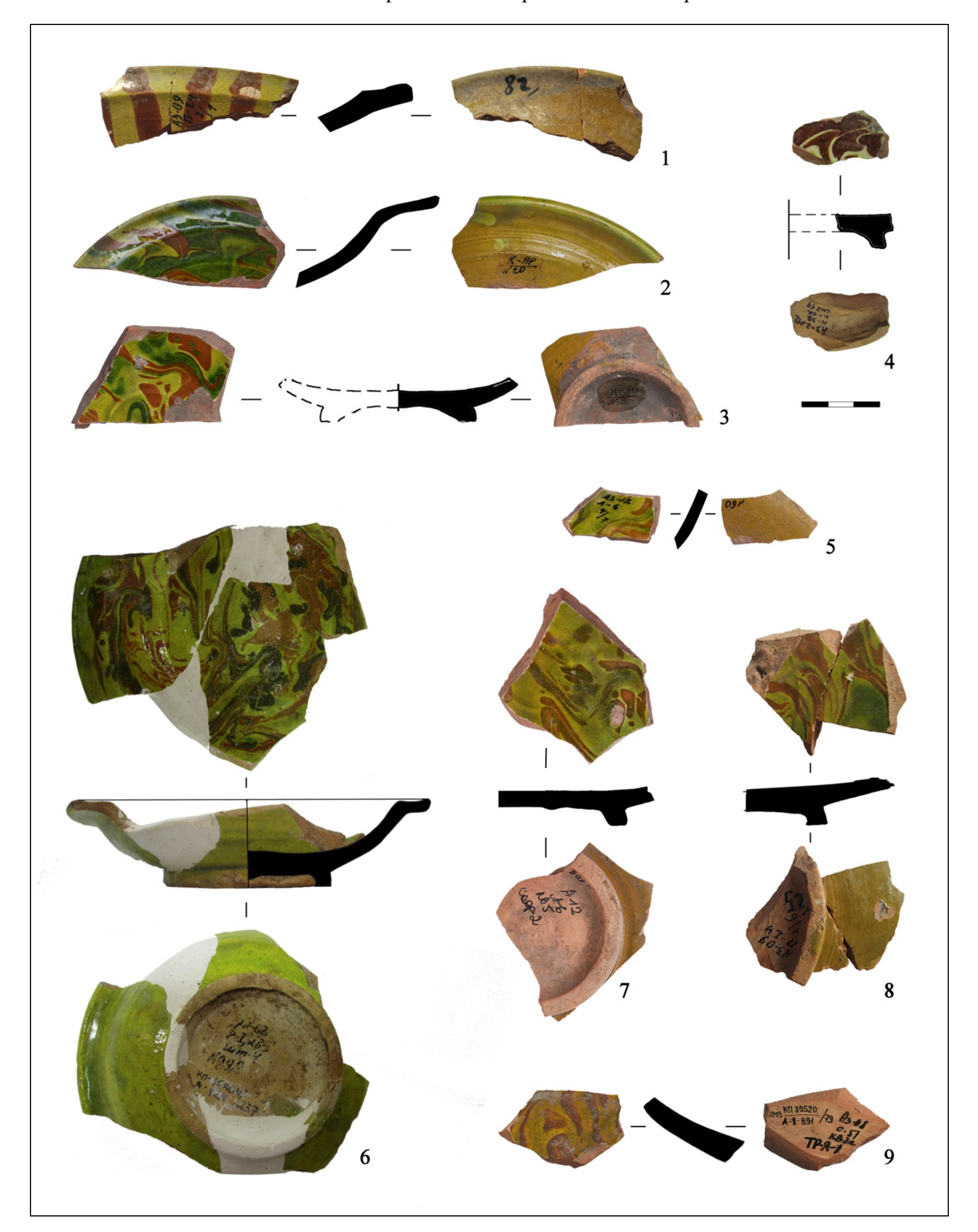

Рис. 7. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. Сосуды открытой формы. Тарелки (группа 1.1): *1—9* — подгруппа 1.1.2 («красноглиняные»).

Fig. 7. Fragments of glazed vessels with marble decoration from the excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Plates (group 1.1): *1—9* — subgroup 1.1.2 ("red-clay").

Рис. 8. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. Сосуды открытой формы. Тарелки (группа 1.1): *1—6* — подгруппа 1.1.4 (*1, 2, 5* — светлоглиняные; *3, 4, 6* — «красноглиняные»)**. Чаши (группа 1.2):** *7—14* — «красноглиняные».

Fig. 8. Fragments of glazed vessels with marble decorations from the excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Plates (group 1.1): *1—6* — subgroups 1.1.4 (*1, 2, 5* — light-clay; *3, 4, 6* — “red-clay”)**. Bowls (group 1.2):** *7—14* — “red clay”.

Рис. 9. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. Сосуды открытой формы. Поддоны и стенки (группа 1.3): *1—6* — светлоглиняные; *7—12* — «красноглиняные».

Fig. 9. Fragments of glazed vessels with marble decorations from the excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Pallets and sidewalls (group 1.3): *1—6* — light-clay; *7—12* — “red-clay”.

Рис. 10. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. Сосуды открытой формы. Поддоны (группа 1.3): *1—8* — «красноглиняные» сосуды.

Fig. 10. Fragments of glazed vessels with marble decorations from excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Pallets (group 1.3): *1—8* — "red-clay" vessels.

Рис. 11. **Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Азак. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 2. Сосуды закрытой формы. Кувшины (группа 2.1):** *1, 2* — «красноглиняные». **Крышки кувшинов (группа 2.2):** *3—5* — «красноглиняные».

Fig. 11. Fragments of glazed vessels with marble decoration from the excavations in the Ottoman fortress of Azak. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 2. Vessels of closed form. Jugs (group 2.1): *1, 2* — "red-clay"**. Lids of jugs (group 2.2):** *3—5* — "red-clay".

Рис. 12. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османской крепости Сед-Ислам. Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв. 1. Сосуды открытой формы. Тарелки (группа 1.1): *3, 7, 8* — подгруппа 1.1.1 («красноглиняные»); *1* — подгруппа 1.1.2 (светлоглиняные), *2, 4, 6* — подгруппа 1.1.3 (*2, 6* — светлоглиняные; *4* — «красноглиняные»); *5* — подгруппа 1.1.4 (светлоглиняные). **Чаши (группа 1.2):** *11—15* — «красноглиняные». **Поддоны (группа 1.3):** *9—10* — «красноглиняные». **2. Сосуды закрытой формы. Кувшины (группа 2.1):** *16—18* — «красноглиняные».

Fig. 12. Fragments of glazed vessels with marble decoration from excavations in the Ottoman fortress of Sed-Islam. Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries. 1. Vessels of open form. Plates (group 1.1): *3, 7, 8* — subgroup 1.1.1 (“red-clay”); *1* — subgroup 1.1.2 (light-clay); *2, 4, 6* — subgroup 1.1.3 (*2, 6* — light-clay; *4* — “red-clay”); *5* — subgroup 1.1.4 (light-clay). **Bowls (group 1.2):** *11—15* — “red-clay”. **Pallets (group 1.3):** *9—10* — “red-clay”. **2. Vessels of closed form. Jugs (group 2.1):** *16—18* — “red clay”.

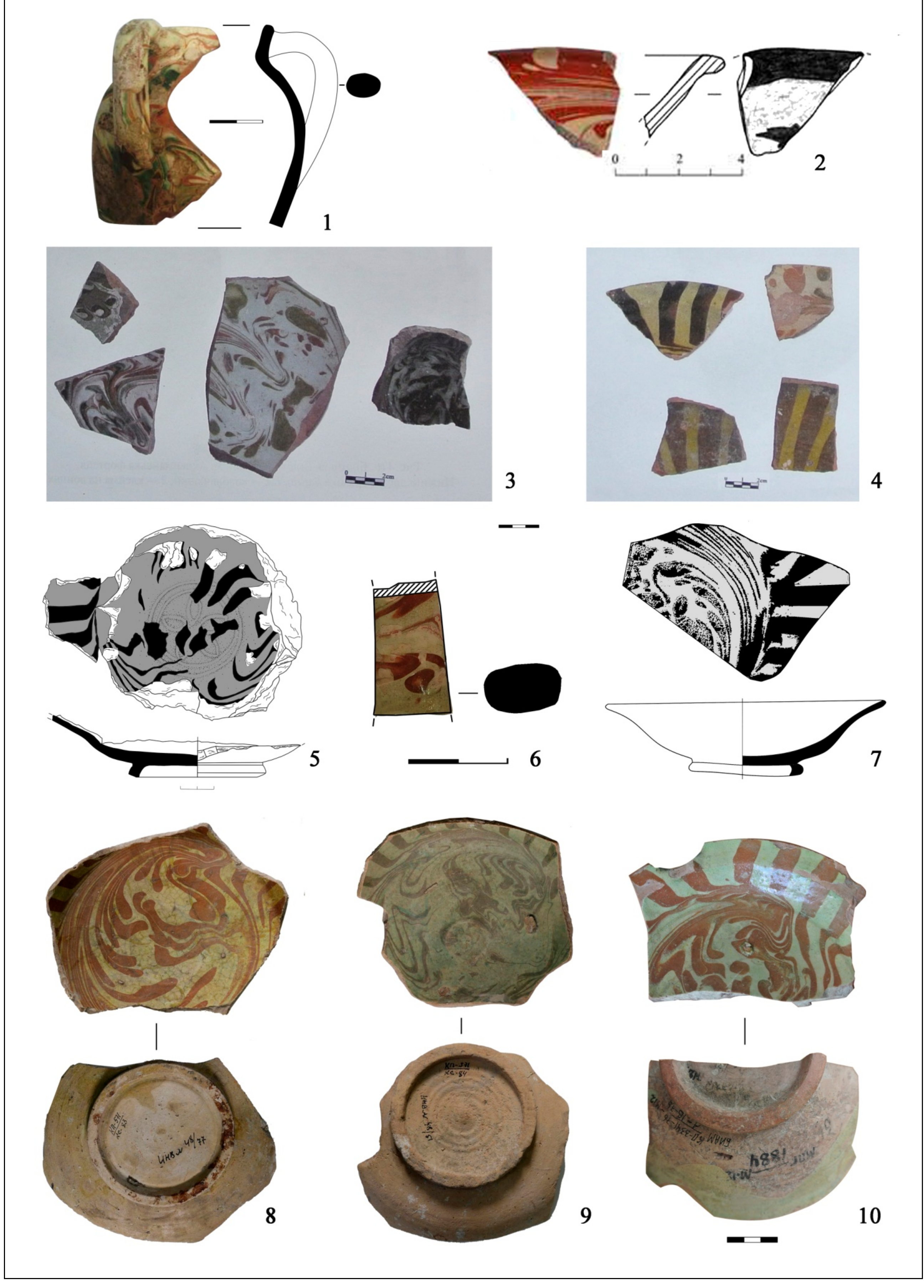

1
0 2 4
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Рис. 13. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором, найденные на территории бывших османских крепостей и других объектов Северного Причерноморья (*1, 3, 4*) **и Крыма** (*2, 5—10*): *1* — одноручный сосудик из Каменца-Подольского (по Строцень та ін. 2015—2016: 18-19); *2* — чаша из Партенита (по Алядинова 2015: 461, рис. 16: *49*); *3, 4* — тарелки из Аккермана (по Біляєва 2012: 230—231, рис. 95, 115); *5* — тарелка из Фуны (по Мыц 1985: 8—9, рис. 82); *6* — ручка кувшина из округи дворца калги-султана в Симферополе (по Сейдалиев 2018: 25, илл. 24: *1*); *7, 10* — тарелки с Мангупа (по Даниленко, Романчук 1969: 126, табл. 5, рис. 49—50; БИАМ КП-3341/76); *8—9* — тарелки из Судака (по Yenişehirlioglu 2007: 356, fot. 8; МЗСК КП-759/4, 23). **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 13. Fragments of glazed dishes with marble-like decor found on the territory of the former Ottoman fortresses and other objects of the Northern Black Sea Region (*1, 3, 4*) **and Crimea** (*2, 5—10*): *1* — one-handed vessel from Kamentz-Podolsk (after Strotsen et al. 2015—2016: 18—19); *2* — bowl from Partenit (after Alyadinova 2015: 461, fig. 16: *49*); *3, 4* — plates from Akkerman (after Bilyayeva 2012: 230—231, fig. 95, 115); *5* — plate from Funa (after Mytz 1985: 8—9, fig. 82); *6* — handle of a jug from the surroundings of the palace of Kalgi Sultan in Simferopol (after Seydaliev 2018: 25, ill. 24: *1*); *7, 10* — plates from Mangup (after Danilenko, Romanchuk 1969: 126, table 5, fig. 49—50; BIAM KP-3341/76); *8—9* — plates from Sudak (after Yenişehirlioglu 2007: 356, fot. 8; MZSK KP-759/4, 23). **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Рис. 14. **Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором из археологических исследований бывших османских крепостей и других объектов на территории Крыма** (*1*), **Аджарии (Грузия)** (*2—8*) **и России** (*9—12*): *1* — тарелка из Чуфут-Кале (БИАМ КП-6345/46); *2—8* — тарелки и крышки кувшинов из Гонио-Апсарос (ГА, инв. № 404, 407, 227, 164, 96, 1402); *9—10* — тарелки с памятника «Холмский-25» в Краснодарском крае (по Нечипорук 2013: рис. 979: *5, 7*); *11* — тарелка из Нижне-Кундрюченского казачьего городка (Ростовская область) (НМИДК КП-9782); *12* — тарелка из Черкасского казачьего городка (АВИМ, Староч.-1999). **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 14. **Fragments of glazed ware with marble decoration from archaeological investigations of former Ottoman fortresses and other sites in the Crimea** (*1*), **Adjara (Georgia)** (*2—8*) **and Russia** (*9—12*)**:** *1* — plate from Chufut Qale (BHAM RB-6345/46); *2—8* — plates and jug lids from Gonio-Apsaros (GA, inv. No. 404, 407, 227, 164, 96, 1402); *9—10* — plates from the Kholmsky-25 monument in the Krasnodar Territory (after Nechiporuk 2013: fig. 979: *5, 7*); *11* — plate from Nizhne-Kundryuchenskoe Cossack town (Rostov region) (NMIDK KP-9782); *12* — plate from the Cherkassy Cossack town (AVIM, Staroch.-1999). **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

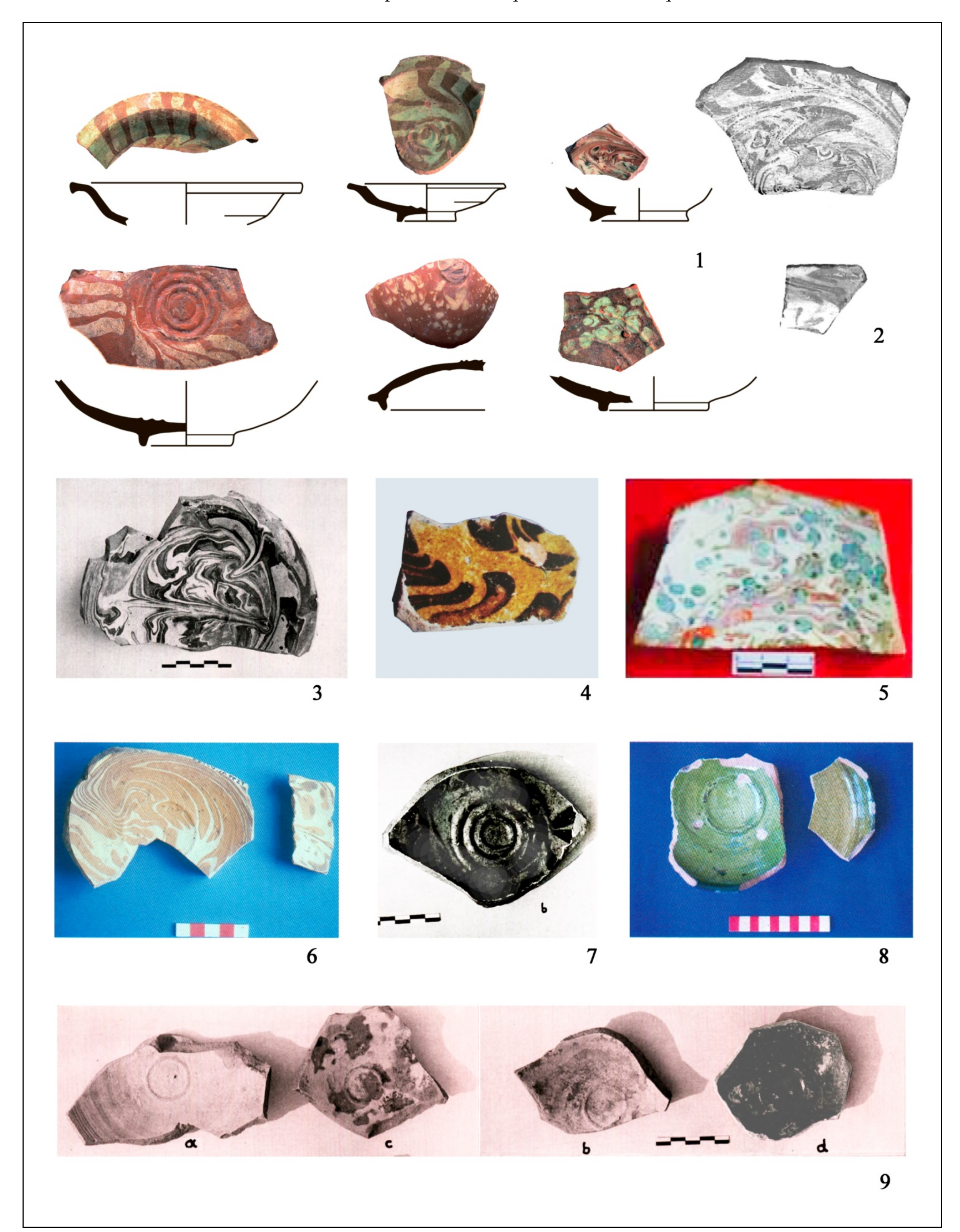

1
2
3
4
5
6
7
8
9
a
c
b
d

Рис. 15. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором (*1—7, 9: c*) **и без декора, но с рельефными кольцами** (*8, 9: a, b, d*) **из археологических исследований османских населенных пунктов на территории Турции:** *1* — тарелки и крышка кувшина из Измира (по François, Ersoy 2011: fig. 9); *2* — тарелки из Ганоса (по Armstrong, Günsenin 1995: fig. 19—20); *3, 7, 9* — тарелки из Дидимотихона (по Bakirtzis 1980: fig. 26: *a—d*, 28, 29: *b*); *4, 6, 8* — тарелки из Эюпсултана (*4, 6*) и Дворца Текфур (*8*) в Стамбуле (по Yenişehirlioglu 2007: fot. 10: *2*; 2012: şek. 6: *b*, 13); *5* — тарелка из Эюпсултана в Стамбуле (по Doğer 2009: tabl. III: *b*). **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 15. Fragments of glazed ware with marble decoration (*1—7, 9: c*) **and without decoration but with relief rings** (*8, 9: a, b, d*) **from archeological studies of Ottoman localities in Turkey:** *1* — plates and jug lid from Izmir (after François, Ersoy 2011: fig. 9); *2* — plates from Ganos (after Armstrong, Günsenin 1995: fig. 19—20); *3, 7, 9* — plates from Didimotihon (after Bakirtzis 1980: fig. 26: *a—d*, 28, 29: *b*); *4, 6, 8* — plates from Eüpsultan (*4, 6*) and Tekfur Palace (*8*) in Istanbul (after Yenişehirlioglu 2007: fot. 10: *2*; 2012: şek. 6: *b*, 13); *5* — plate from Eyüpsültan in Istanbul (after Doğer 2009: tabl. III: *b*). **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

Рис. 16. Фрагменты глазурованной посуды с мраморовидным декором (*1—7: b, d*) **и без декора, но с рельефными кольцами** (*7: c*) **из археологических исследований османских населенных пунктов на территории Турции:** *1—6* — тарелки из Эюпсултана в Стамбуле (по Barışta 2002: fot. 1—4, 6, 10); *7* — тарелки из Измира (по Doğer 2009: tabl. III: *b—d*). **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 16. Fragments of glazed ware with marble decoration (*1—7: b, d*) **and without decoration but with relief rings** (*7: c*) **from archaeological investigations of Ottoman localities in Turkey:** *1—6* — plates from Eüpsultan in Istanbul (after Barışta 2002: fot. 1—4, 6, 10); *7* — plates from Izmir (after Doğer 2009: tabl. III: *b—d*). **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

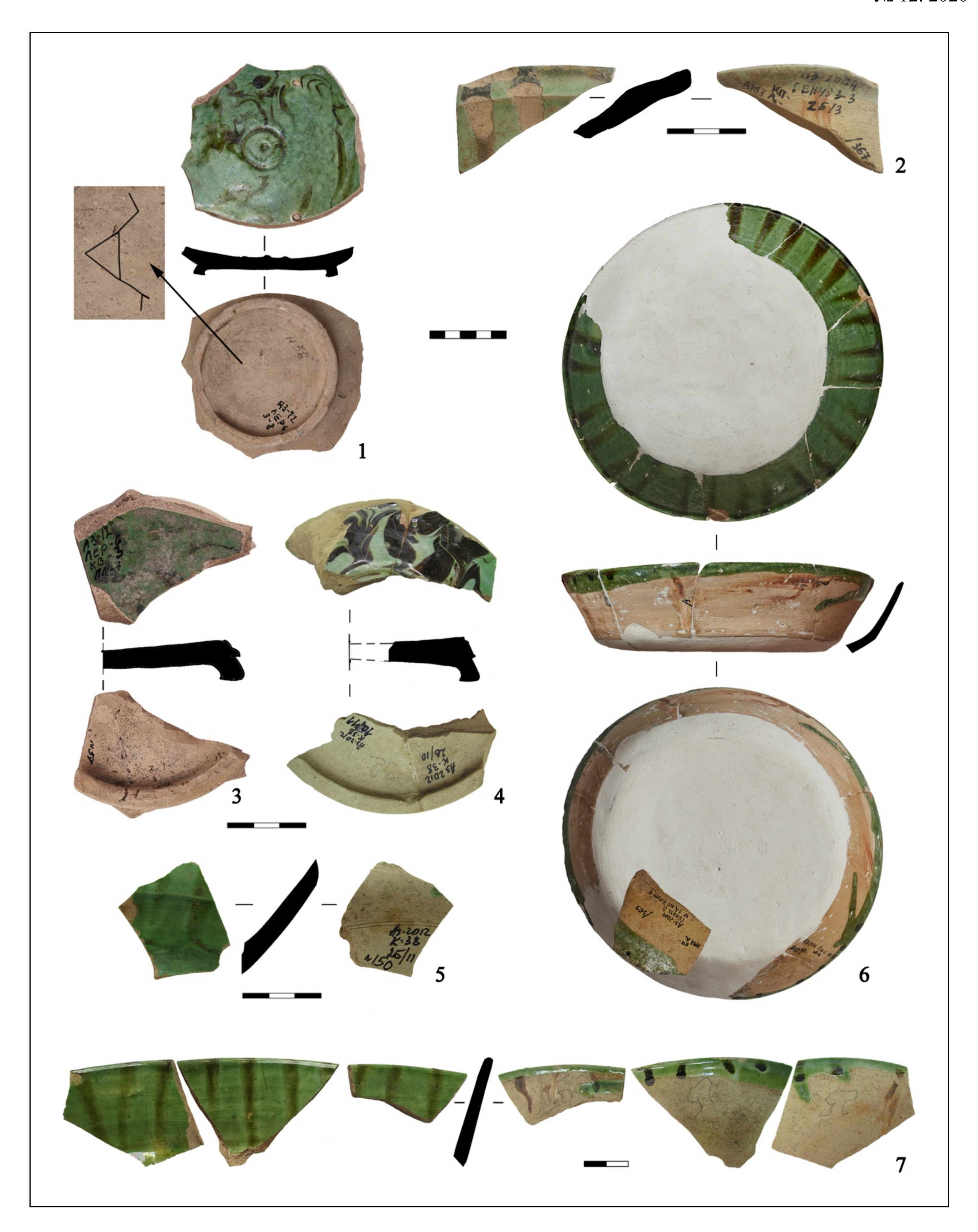

Рис. 17. Фрагменты глазурованной светлоглиняной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам: *1—7* — керамический центр № 1. **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 17. Fragments of glazed light-clay ware with marble decoration from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam: *1—7* — ceramic centre No. 1. **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

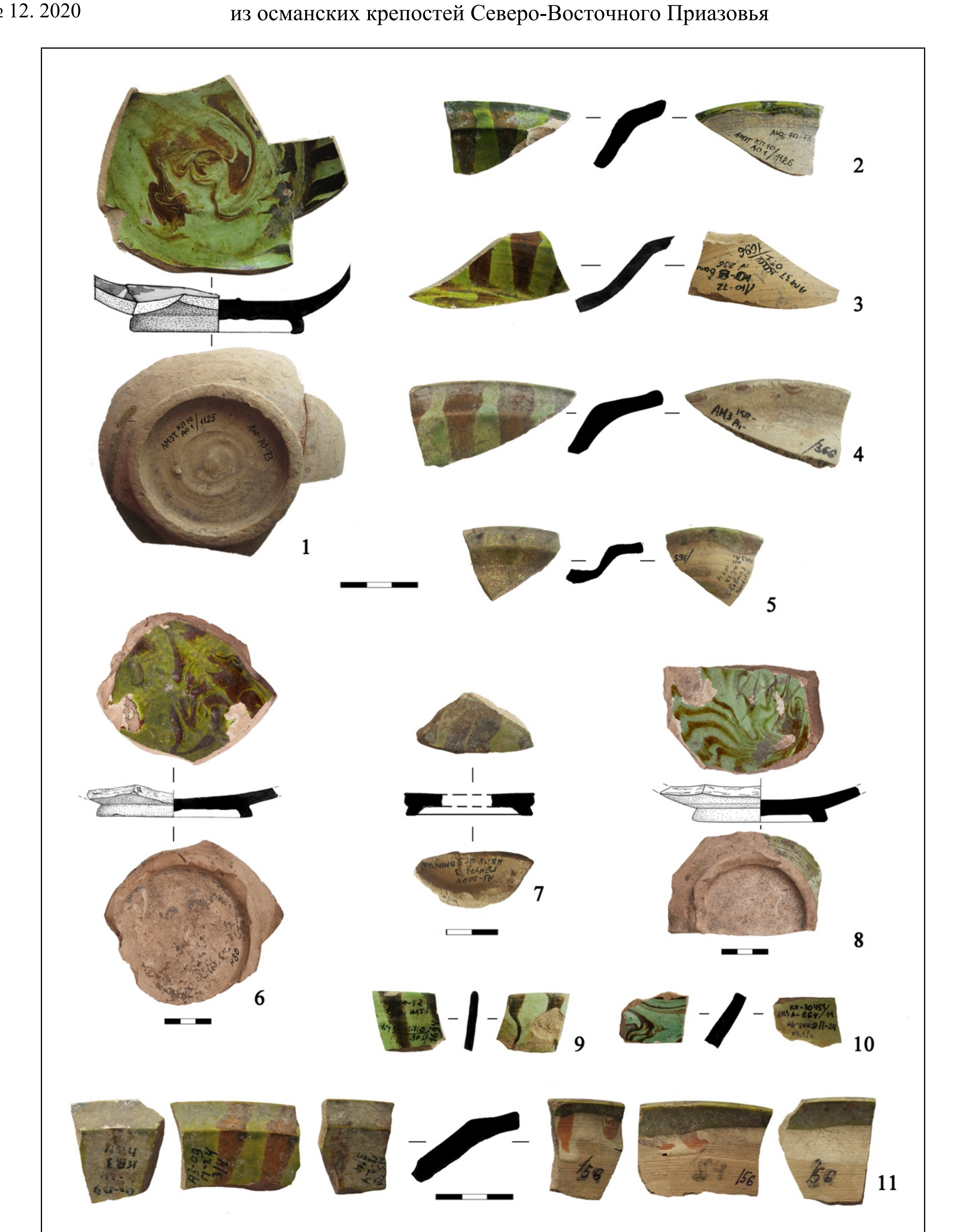

Рис. 18. **Фрагменты глазурованной светлоглиняной посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам** (*1—11*): *1—4, 6, 9, 10* — керамический центр № 2; *5, 7, 11* — керамический центр № 3; *8* — керамический центр № 4. **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 18. Fragments of glazed light-clay ware with marble decorations from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam (*1—11*): *1—4, 6, 9, 10* — ceramic centre No. 2; *5, 7, 11* — ceramic centre No. 3; *8* — ceramic centre No. 4. **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

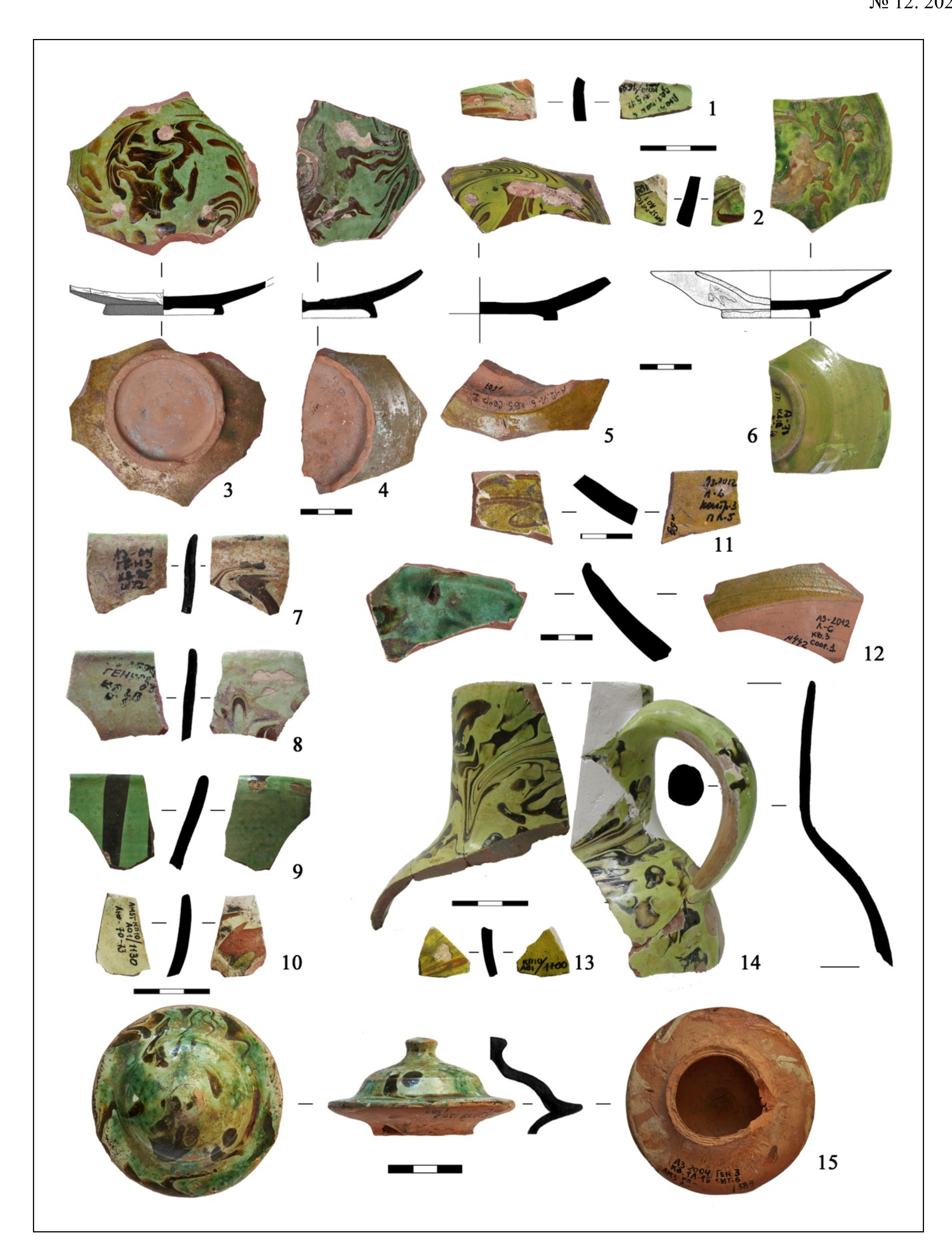

Рис. 19. Фрагменты глазурованной «красноглиняной» посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам: *1—15* — керамический центр № 1. **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 19. Fragments of glazed "red-clay" ware with marble decoration from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam: *1—15* — ceramic centre No. 1. **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

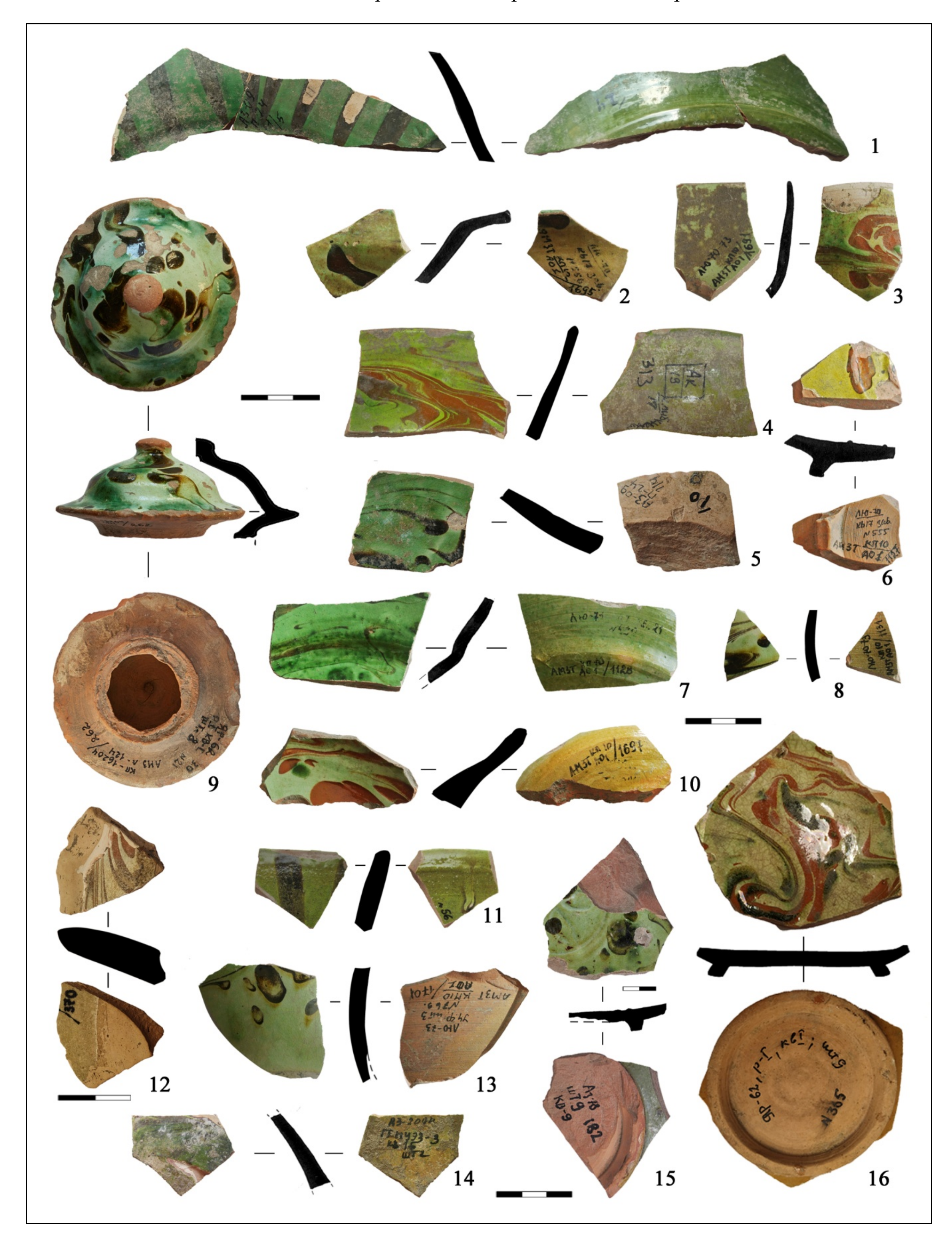

Рис. 20. Фрагменты глазурованной «красноглиняной» посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам *(1—16): 1—5, 9* — керамический центр № 1; *6—8, 10—16* — керамический центр № 2. **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 20. Fragments of glazed “red-clay” ware with marble decoration from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam *(1—16): 1—5, 9* — ceramic centre No. 1; *6—8, 10—16* — ceramic centre No. 2. **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

Рис. 21. **Фрагменты глазурованной «красноглиняной» посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам** (*1—9*): *1—4* — керамический центр № 2; *5—9* — керамический центр № 3. **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 21. Fragments of glazed "red-clay" ware with marble decorations from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam (*1—9*): *1—4* — ceramic centre No. 2; *5—9* — ceramic centre No. 3. **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

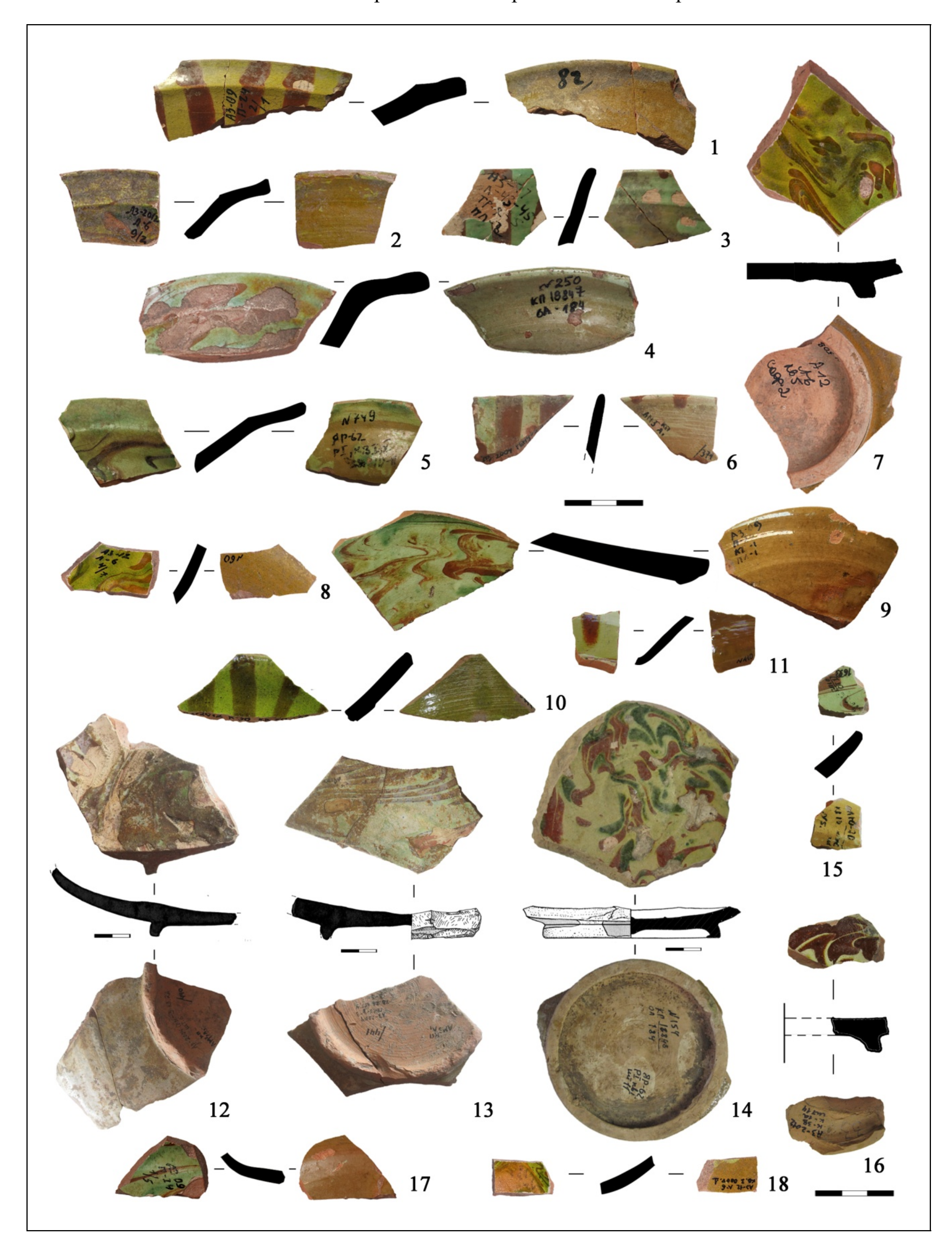

Рис. 22. Фрагменты глазурованной «красноглиняной» посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам: *1—18* — керамический центр № 4. **Глина, Османская империя, XVII—XVIII вв.**

Fig. 22. Fragments of glazed "red-clay" ware with marble decorations from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam: *1—18* — ceramic centre No. 4. **Clay, Ottoman Empire, 17th — 18th centuries.**

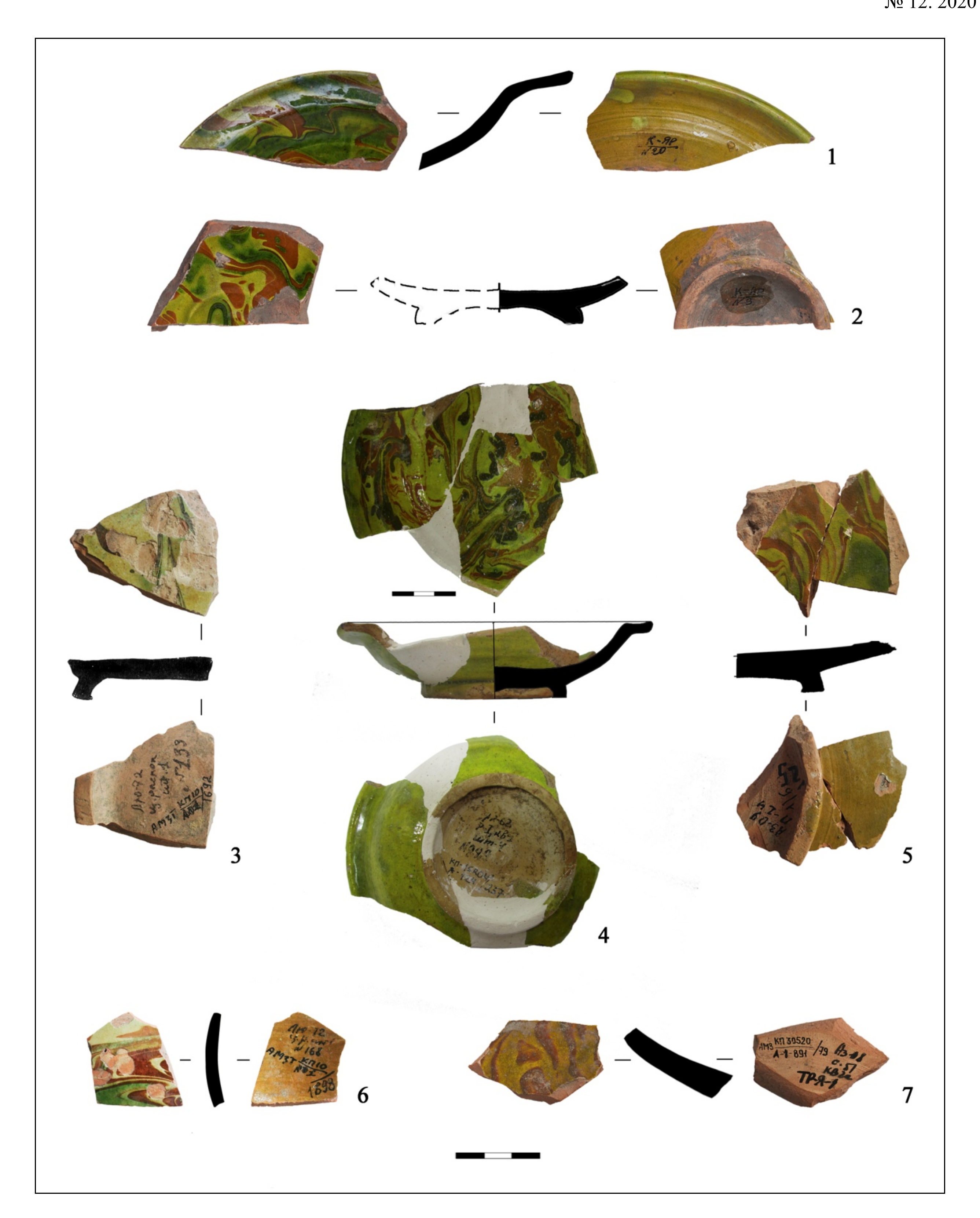

Рис. 23. Фрагменты глазурованной «красноглиняной» посуды с мраморовидным декором из раскопок в османских крепостях Азак и Сед-Ислам: *1—7* — керамический центр № 5. **Глина, Османская империя, Юго-Восточный Крым (?), XVII—XVIII вв.**

Fig. 23. Fragments of glazed "red-clay" ware with marble decoration from excavations in the Ottoman fortresses of Azak and Sed-Islam: *1—7* — ceramic centre No. 5. **Clay, Ottoman Empire, South-Eastern Crimea (?), 17th — 18th centuries.**

Военная история и археология

Military History and Archaeology

УДК 904
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00012

А.Е. Негин, Р. Д'Амато

ШЛЕМ ТИПА SPANGENHELME ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «ФОНДА МАРДЖАНИ»*

В статье публикуется шлем из коллекции «Фонда Марджани». Данный экземпляр относится к группе шлемов типа *spangenhelme*, которые датируются VI—VII вв. Вместе с тем, публикуемый экземпляр уникален, и имеет некоторые особенности, выделяющие его из данной группы шлемов. В нем сочетаются элементы оформления как византийской, так и сасанидской оружейной традиций. В декоре шлема присутствуют символы христианской традиции, которые выступают в качестве апотропея для владельца шлема. Хотя место и обстоятельства находки шлема неизвестны, исходя из смешения элементов византийской и сасанидской традиций украшения шлемов, можно предполагать, что шлем был изготовлен на Кавказе, на территории где одинаково сильным было влияние как со стороны Византии, так и Сасанидской Персии.

Ключевые слова: шлемы, доспех, защитное вооружение, spangenhelme, Византийская империя, Сасанидская Персия.

Сведения об авторах: Негин Андрей Евгеньевич[1], доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Раффаэле Д'Амато[2], PhD, Университет Феррары.

Контактная информация: [1]603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: aenegin@mail.ru; [2]44121, Italy, Ferrara, Via Savonarola, 9, Universita' di Ferrara; e-mail: rdamato@hotmail.it.

A.E. Negin, R. D'Amato

SPANGENHELME TYPE HELMET FROM THE MARDJANI FOUNDATION COLLECTION

The article publishes a helmet from the collection of the Mardjani Foundation. This specimen belongs to the group of so-called "spangenhelme" helmets, which date from the 6th — 7th centuries. At the same time, the published specimen is unique and has some features that distinguish it from this group of helmets. It combines design elements from both Byzantine and Sassanian armament traditions. The helmet decoration contains symbols of the Christian tradition, which act as an apotropaion for the helmet's owner. Although the place and circumstances of the discovery of the helmet are unknown, based on a mixture of elements of the Byzantine and Sassanian traditions of decorating helmets, it can be assumed that the helmet was made in the Caucasus, in the territory where the influence was equally strong from both Byzantium and Sassanid Persia.

Key words: helmets, armor, defensive armament, spangenhelme, Byzantine Empire, Sassanid Persia.

About the authors: Negin Andrey Evgenevich[1], Dr. habil. (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Raffaele D'Amato[2], PhD, University of Ferrara.

Contact information: [1]603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: aenegin@mail.ru; [2]44121, Italy, Ferrara, Via Savonarola, 9, University of Ferrara; e-mail: rdamato@hotmail.it.

---

* Статья поступила в номер 12 декабря 2020 г.
Принята к печати 26 декабря 2020 г.

© А.Е. Негин, Р. Д'Амато, 2020.

В коллекцию «Фонда поддержки и развития научных и культурных программ им. Ш. Марджани» поступил железный посеребрённый и позолоченный шлем неизвестного происхождения. К сожалению, никаких сведений об обстоятельствах его обнаружения не имеется. В настоящее время шлем отреставрирован и имеет довольно хорошую сохранность. Вместе с тем, по-видимому, утрачены нащечники шлема, а также обломано его навершие.

Шлем относится к группе шестичастных шпангенхельмов (*spangenhelme*) с каркасом состоящим из горизонтального нижнего обода и вертикальных пластин с подтреугольным основанием, пространство между которыми заполнено овальными железными пластинами с заостренными концами. Все детали шлема скреплены между собой при помощи заклёпок. Высота купола — 22,5 см; поперечный диаметр —18 см, продольный диаметр — 22,5 см. Вес шлема составляет — 1,4161 кг. За экспонатом закреплён инвентарный номер IM/M-182.

Вертикальные пластины каркаса и приклёпанные к ним пластины заполнения богато украшены декором в виде чеканных изображений человека и разнообразных представителей животного мира: копытных, медведя (?), кабана (?), прочих млекопитающих, птиц и рыб, а также линиями, крестами (причем в двух разновидностях — в качестве второй разновидности можно усмотреть *crux decussata* заключённый в квадрат[1]) и др. рисунками. На рёбрах также имеются рельефные рисунки в форме треугольников, составленных из окружностей. На нижнем ободе изображены копытные животные, птицы и ветки виноградной лозы.

Шлем из коллекции «Фонда Марджани» имеет особенность, выделяющую его из числа других находок шлемов типа шпангенхельм, которая роднит его с некоторыми сасанидскими шлемами, имеющими оформление в виде близко посаженных друг к другу заклёпок по краям вертикальных рёбер и по краям нижнего обода (шлемы из коллекций Центрального римско-германского музея в Майнце (Инв. O. 38823 и O. 37739) (Overlaet 1982: 189—190; Негин 2007: 346, 356, рис. 9: *2*), музея классического искусства в Мужене (Ahmad 2015: 135—156), шлемы из Ниневии (из храма богини Иштар (Багдадский музей) (Thompson, Hutchinson 1932: 78, pl. 51) и из Британского музея (инв. № 22498) (Werner 1950: 188, taf. 7: *1, 2*; James 1986: 117—118). Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что данный образец испытал на себе определённое влияние со стороны сасанидских шлемов. Такое смешение оружейных традиций наиболее вероятно в византийско-сасанидском пограничье на территории Кавказа.

Рассматриваемый шлем относится к той группе боевых наголовий, находки которых редки на территории России. Имеется всего несколько находок шлемов типа *spangenhelme*. Два шлема найдены на территории Брянской области: фрагментированный экземпляр из Климовского р-на (Радюш 2014: 43—44, рис. 5; 2019: 271—272, рис. 5А; Шинаков, Грачёв 2014; Шинаков 2015; Казанский 2019: рис. 3), а также фрагменты происходящие из Болдыжского леса (р. Болдыж, левый приток р. Болвы, левого притока р. Десны, северная округа г. Брянск; согласно другим сведениям, последняя находка была сделана в бассейне р. Навля, левого притока р. Десны, южнее г. Брянск) (Радюш 2014: 42—44, рис. 4, 5; Шинаков 2015; Казанский 2019: рис. 2) и Касимовского района Рязанской области (Радюш 2019: 273). Четырёхчастный шпангенхельм из с. Царицино (Ахмедов, Биркина 2017; Негин 2018; Кубик, Радюш 2019) дополняет корпус находок этого типа шлемов на территории России. Все эти находки датируются VI—VII вв.

[1] На самом деле это очень древний символ, имеющий, по всей видимости солярный характер (Roes 1937: 248—251).

Шлем из коллекции «Фонда Марджани» — один из наиболее богато украшенных шлемов описываемой группы. Обилие изображенных фигур затрудняет иконографический и иконологический анализ сюжета. Интерпретация некоторых фигур животных может быть неоднозначной из-за условности их изображения. Также сложно интерпретировать и значение таких геометрических фигур, изображённых на шлеме, как квадрат с пересекающимися линиями (*crux decussata*?) и двойной треугольник—пирамида. Имеют ли они какое-либо апотропическое значение, либо это обычный орнамент, к сожалению, с полной уверенностью сказать невозможно. Однозначно можно интерпретировать лишь изображение креста в качестве христианского апотропического символа, призванного уберечь носителя шлема от вредоносной вражеской силы.

Кресты появляются и на других шлемах типа *spangenhelme*, в частности на находках из Штайнбрунна (Böhner 1994: 495, Abb. 23; Vogt 2006: 251—252, Beil. 16), Планига (Böhner 1994: 480—481, Abb. 8—9; Vogt 2006: 243—247, Beil. 13), Везеронса (Böhner 1994: 492, Abb. 20; Vogt 2006: 270—272, Beil. 22), Нароны (Böhner 1994: 503, Abb. 32; Vogt 2006: 257—261, Beil. 18—19) и Штёсена (Böhner 1994: 479, Abb. 7; Vogt 2006: 253—257, Beil. 17). Но весь комплекс представленных фигур — уникальная особенность публикуемого образца. Наиболее близкое оформление можно видеть на шлеме из Монтепагано (Böhner 1994: 493, Abb. 21; Vogt 2006: 232—235, Beil. 11), где имеются изображения фигуры человека с крестом в руке, рыб, птиц (орлов), копытных животных, но на нижнем ободе среди виноградных лоз показаны только птицы. Похожий декор присутствует на шлеме из частной коллекции, который по всей видимости был найден на Кавказе (Negin, D'Amato 2017: 269, fig. 298). На шлемах из Крефельд Геллепа (Böhner 1994: 473 Abb. 1; Vogt 2006: 223—231, Beil. 10) и Батайницы (Böhner 1994: 501, Abb. 29; Vogt 2006: 193—195, Beil. 2) появляются фантастические гибридные существа, которых мы можем видеть и на шлеме из коллекции «Фонда Марджани». Датировка перечисленных экземпляров также укладывается в рамки VI—VII вв. (наиболее ранний — шлем из Планига, датируемый второй половиной V в.). Таким образом, публикуемый шлем также может быть датирован VI в.

Вряд ли возможна интерпретация сюжетного мотива декора в целом, в силу уже обозначенных причин, однако, возможно рассмотреть символическое значение некоторых изображённых фигур и сюжетов.

Среди птиц, изображённых на шлеме, можно выделить голубей и орла. На изображениях орёл отличается от голубя большим изогнутым клювом, большим глазом и ярко выраженным оперением. Его изображения имеются на одном вертикальном ребре, а также на двух пластинах заполнения среди изображений зверей. Орёл—стервятник, согласно комментарию Иеронима к святому Матфею, символизируют верующих, которые летят на крыльях веры к телу Христа (Hieron. In Matth., 24, 28). Такая интерпретация может быть актуальна для изображения орла на вертикальном ребре, но не для его изображений среди представителей животного мира.

Изображение голубей, сидящих на ветвях и клюющих виноград, также могут трактоваться в русле христианского символизма[2]. С античных времен считалось, что душа выходит из человека в виде голубя. Голубь — символ Святого Духа (Лк. 3: 22; Ин. 1: 32). Это было официально принято на Константинопольском соборе в 536 г. (Mansi 1767: 1039a—b).

Виноградная лоза изображенная в декоре шлема — христианская интерпретация древнего символа Древа жизни, помещаемая на множестве саркофагов, архитектурных

[2] О птицах с деревом жизни см.: Holmquist Olausson 2007: 234—235 (символизируют Рай или Эдемский сад).

элементов, мозаик и пр. В понимании христиан Христос — истинная лоза, а его последователи — её ветви (Ин. 15: 1—5).

Изображения рыб также можно отнести к христианской символике. Рыба выступает в качестве символа Бога. Изображение рыбы относится к раннему христианству. Сравнение Христа с рыбой имеется у Тертуллиана: «Мы же, рыбки, вслед за "рыбой" нашей Иисусом Христом, рождаемся в воде, сохраняем жизнь не иначе, как оставаясь в воде» (Tert. De bapt., 1, 1). В Евангелии же Царствие Небесное представляется «неводом, закинутым в море и захватившим рыб всякого рода» (Мф. 13: 47).

К. Бёнер (Böhner 1994: 518) предложил иную интерпретацию, основываясь на изображении сцены охоты орла на рыбу на шлеме из Монтепагано, процитировав Исидора Севильского (Isid. Etym., 12, 7, 10). По мнению Ф. Мютерих (Mütherich 1986: 339 ff.) мотив орла и рыбы — апотропейный знак, который можно встретить как в языческом, так и в христианском контексте. Вместе с тем, следует отметить, что на публикуемом шлеме, в отличие от шлема из Монтепагано, рыбы изображены отдельно, и никак не связаны с орлом, что на наш взгляд, свидетельствует в пользу апотропейного знака, нежели символа христианского спасения. Более того, если учитывать обилие изображенных животных на шлеме, то далеко не всех из них можно трактовать в русле христианского символизма. Скорее направленность декоративного оформления шлема была ориентирована не только на христианское сознание. Очевидно, что помимо чисто утилитарной защитной функции, шлемы выполняли очень важную функцию амулета, и магически-апотропейная защита осуществлялась через присутствие в их декоре заряженного энергией объекта. Это мог быть лишь элемент декорирования, играющий роль оберега (в данном случае это крест). Но в целом, совсем необязательно ждать семантического значения от каждого элемента декора. Более того, понимание и иконологическое толкование изображённых элементов декора вызывает затруднение не только с позиции современного мышления, но порой представляло определённую трудность и для современников владельца шлема.

Относясь к довольно хорошо изученной группе шлемов типа «spangenhelme», рассматриваемый нами образец, тем не менее, представляет собой уникальную находку, поскольку впитал в себя элементы византийской и сасанидской оружейной традиций. Предположительно, он был изготовлен на Кавказе, в зоне соприкосновения и одновременного бытования обеих этих традиций.

Литература

Ахмедов И.Р., Биркина Н.А. 2017. Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) В: Родинкова В.Е., Румянцева О.С. (ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: сборник статей: К 60-летию А.М. Обломского*. Москва: ИА РАН, 235—248 (Раннеславянский мир. Вып. 19).

Кубик А.Л., Радюш О.А. 2019. Шлемы многосегментной конструкции у восточных врагов поздней Римской империи: находки из Царицыно (Рязанская обл.) и их место в оружиеведческом дискурсе. В: Гавритухин И.О, Воронцов А.М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов.* Конференция 4. Ч. 2. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 84—102.

Казанский М.М. 2019. Ранневизантийские шлемы типа Балденхейм в Поднепровье. *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 24, 184—197.

Негин А.Е. 2018. К вопросу об интерпретации шлемов из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно. В: Дементьева В.В. (ред.). *Древние цивилизации: социум и человек: доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4-6 октября 2018 г.* Ярославль: Филигрань, 47—65.

Негин А.Е. 2007. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса. *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал.* Вып. 2. *Война, армия и военное дело в античном мире*, 335—359.

Радюш О.А. 2014. Шлемы периода Великого переселения народов из Поднепровья. В: Бурцев И.Г. (ред.). *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 40—53.

Радюш О.А. 2019. Престижное вооружение и доспех V — нач. VI вв. на востоке раннеславянского мира Балкан. В: Гавритухин И.О., Трифуновић С. (ред.). *Подунавље и Источна Европа у римско добе и у раном средњем веку*. Нови Сад: Музеј Војводине, 261—288.

Шинаков Е.А., Грачёв С.Ю. 2014. Вооружение и конская упряжь гунно-германского происхождения с территории Брянской области. В: Антюхов А.В. (ред.). *Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2013 г.* Брянск: РИО Брянского государственного универстета, 100—112.

Шинаков Е.А. 2015. Конская упряжь и детали шпангенхельма «темных веков» из Брянского Подесенья. В: Шинаков Е.А. (ред.). *Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2013 г.* Брянск: Брянский государственный универстет, 111—125.

Ahmad S.N. 2015. A new Sasanian helmet in the Musee d'Art Classique de Mougins. *Historia i Świat* 4, 135—156.

Böhner K. 1994. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme und die nordischen Helme der Vendelzeit. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 41, 471—549.

Holmquist Olausson L. 2007. Curious birds, two Helmet (?) mounts with a Christian motif from Birka's Garrison. In: Fransson U. (ed.). *Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe*. Stockholm: Stockholms Universitet, 231—237 (Stockholm Studies in Archaeology 44).

James S. 1986. Evidence from Dura-Europos for the origins of late Roman helmets. *Syria* 63, 107—134.

Mansi D. 1767. *Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio*. T. XIII. Florence: A. Zatta.

Mütherich F. 1986. Der Adler mit dem Fisch. Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. In: Roth H. (Hrsg.). *Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Akten des 1. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 15. bis 19. Februar 1983*. Sigmaringen: Jan Thorbecke, 318—340.

Negin A.E., D'Amato R. 2017. *Decorated Roman Armour: From the Ages of the Kings to the Death of Justinian the Great*. Oxford: Frontline Books.

Overlaet B.J. 1982. Contribution to Sassanian Armament in connection with a Decorated Helmet. *Iranica Antiqua* 17, 189—206.

Roes A. 1937. An Iranian Standard used as a Christian Symbol. *The Journal of Hellenic Studies*. Vol. 57. Iss. 2, 248—251.

Thompson R.C., Hutchinson R.W. 1932. The British Museum Exavations in the Temple of Ishtar at Nineveh, 1930—31. *Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology* 19.

Vogt M. 2006. *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz: Verlag der Römisch Germanisches Zentralmuseum.

Werner J. 1950. Zur herkunft der Frühmittelalterlichen Spangenhelme. *Prähistorische Zeitschrift* XXXIV, 178—193.

References

Akhmedov, I.R., Birkina, N.A. 2017. In: Rodinkova ,V.E., Rumyantseva, O.S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdeniye slavyanskikh kul'tur: sbornik statey: K 60-letiyu A.M. Oblomskogo (Europe from Laten to the Middle Ages: the barbaric world and the birth of Slavic cultures: a collection of articles: To the 60th Anniversary of A.M. Oblomsky)*. Moscow: IA RAN, 235—248 (Early Slavic world. Iss. 19) (in Russian).

Kubik, A.L., Radyush, O.A. 2019. In: Gavritukhin, I.O, Vorontsov, A.M. (eds.). *Lesnaya i lesostepnaya zony vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyaniy i velikogo pereseleniya narodov (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the great migration of peoples)*. Conference 4. Pt. 2. Tula: Gosudarstvennyi muzey-zapovednik "Kulikovo pole", 84—102 (in Russian).

Kazanskiy, M.M. 2019. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)* 24, 184—197 (in Russian).

Negin, A.E. 2018. In: Dementyeva, V.V. (ed.). *Drevniye tsivilizatsii: sotsium i chelovek: doklady konferentsii Rossiyskoy assotsiatsii antikovedov s mezhdunarodnym uchastiyem Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova, 4-6 oktyabrya 2018 g. (Ancient civilizations: society and man: reports of the conference of the Russian Association of Antiquities with international participation of the Demidov Yaroslavl State University, October 4-6, 2018).* Yaroslavl: Filigran', 47—65 (in Russian).

Negin, A.E. 2007. In *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal (Antiquitas aeterna: The Volga Region Journal of Classical Studies)*. Iss. 2. *Voyna, armiya i voyennoye delo v antichnom mire (War, army and military affairs in the ancient world)*, 335—359 (in Russian).

Radyush, O.A. 2014. In: Burtsev, I.G. (ed.). *Voinskiye traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya (Military Traditions in an Archaeological Context: From Late Latene to Late Middle Ages)*. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", 40—53 (in Russian).

Radyush, O.A. 2019. In: Gavritukhin, I.O., Trifunović, S. (eds.). *Podunavye i Istochna Evropa u rimsko dobe i u ranom srednem veku (The Danube region and Eastern Europe in Roman times and in the early Middle Ages)*. Novi Sad: Muzej Vojvodine, 261—288 (in Russian).

Shinakov, E.A., Grachev, S.Yu. 2014. In: Antyukhov, A.V. (ed.). *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy za 2013 g. (Yearbook of the Scientific Research Institute of Fundamental and Applied Research for 2013).* Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universteta, 100—112 (in Russian).

Shinakov, E.A. 2015. In: Shinakov, E.A. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v evroregione "Dnepr" v 2013 g. (Archaeological research in the Euroregion "Dnepr" in 2013)*. Bryansk: Bryanskiy gosudarstvennyi universtet, 111—125 (in Russian).

Ahmad, S.N. 2015. A new Sasanian helmet in the Musee d'Art Classique de Mougins. *Historia i Świat* 4, 135—156.

Böhner, K. 1994. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme und die nordischen Helme der Vendelzeit. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 41, 471—549.

Holmquist, Olausson L. 2007. Curious birds, two Helmet (?) mounts with a Christian motif from Birka's Garrison. In: Fransson, U. (ed.). *Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe*. Stockholm: Stockholms Universitet, 231—237 (Stockholm Studies in Archaeology 44).

James, S. 1986. Evidence from Dura-Europos for the origins of late Roman helmets. *Syria* 63, 107—134.

Mansi, D. 1767. *Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collectio*. T. XIII. Florence: A. Zatta.

Mütherich, F. 1986. Der Adler mit dem Fisch. Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. In: Roth, H. (Hrsg.). *Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Akten des 1. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 15. bis 19. Februar 1983*. Sigmaringen: Jan Thorbecke, 318—340.

Negin, A.E., D'Amato, R. 2017. *Decorated Roman Armour: From the Ages of the Kings to the Death of Justinian the Great*. Oxford: Frontline Books.

Overlaet, B.J. 1982. Contribution to Sassanian Armament in connection with a Decorated Helmet. *Iranica Antiqua* 17, 189—206.

Roes, A. 1937. An Iranian Standard used as a Christian Symbol. *The Journal of Hellenic Studies*. Vol. 57. Iss. 2, 248—251.

Thompson, R.C., Hutchinson, R.W. 1932. The British Museum Exavations in the Temple of Ishtar at Nineveh, 1930—31. *Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology* 19.

Vogt, M. 2006. *Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen*. Mainz: Verlag der Römisch Germanisches Zentralmuseum.

Werner, J. 1950. Zur herkunft der Frühmittelalterlichen Spangenhelme. *Prähistorische Zeitschrift* XXXIV, 178—193.

Рис. 1. Шлем VI в., Инв. IM/M-182. Вид спереди (Фото Георгия Сапожникова, Фонд Марджани).

Fig. 1. Helmet of the 6th century, Inv. IM/M-182. Front view (photo by Georgy Sapozhnikov, Mardjani Foundation).

Рис. 2. Шлем VI в., Инв. IM/M-182. Вид слева (Фото Георгия Сапожникова, Фонд Марджани).

Fig. 2. Helmet of the 6th century, Inv. IM/M-182. Left view (photo by Georgy Sapozhnikov, Mardjani Foundation).

Рис. 3. Шлем VI в., Инв. IM/M-182. Вид сзади (Фото Георгия Сапожникова, Фонд Марджани).

Fig. 3. Helmet of the 6th century, Inv. IM/M-182. Rear view (photo by Georgy Sapozhnikov, Mardjani Foundation).

Рис. 4. Шлем VI в., Инв. IM/M-182. Вид справа (Фото Георгия Сапожникова, Фонд Марджани).

Fig. 4. Helmet of the 6th century, Inv. IM/M-182. Right view (photo by Georgy Sapozhnikov, Mardjani Foundation).

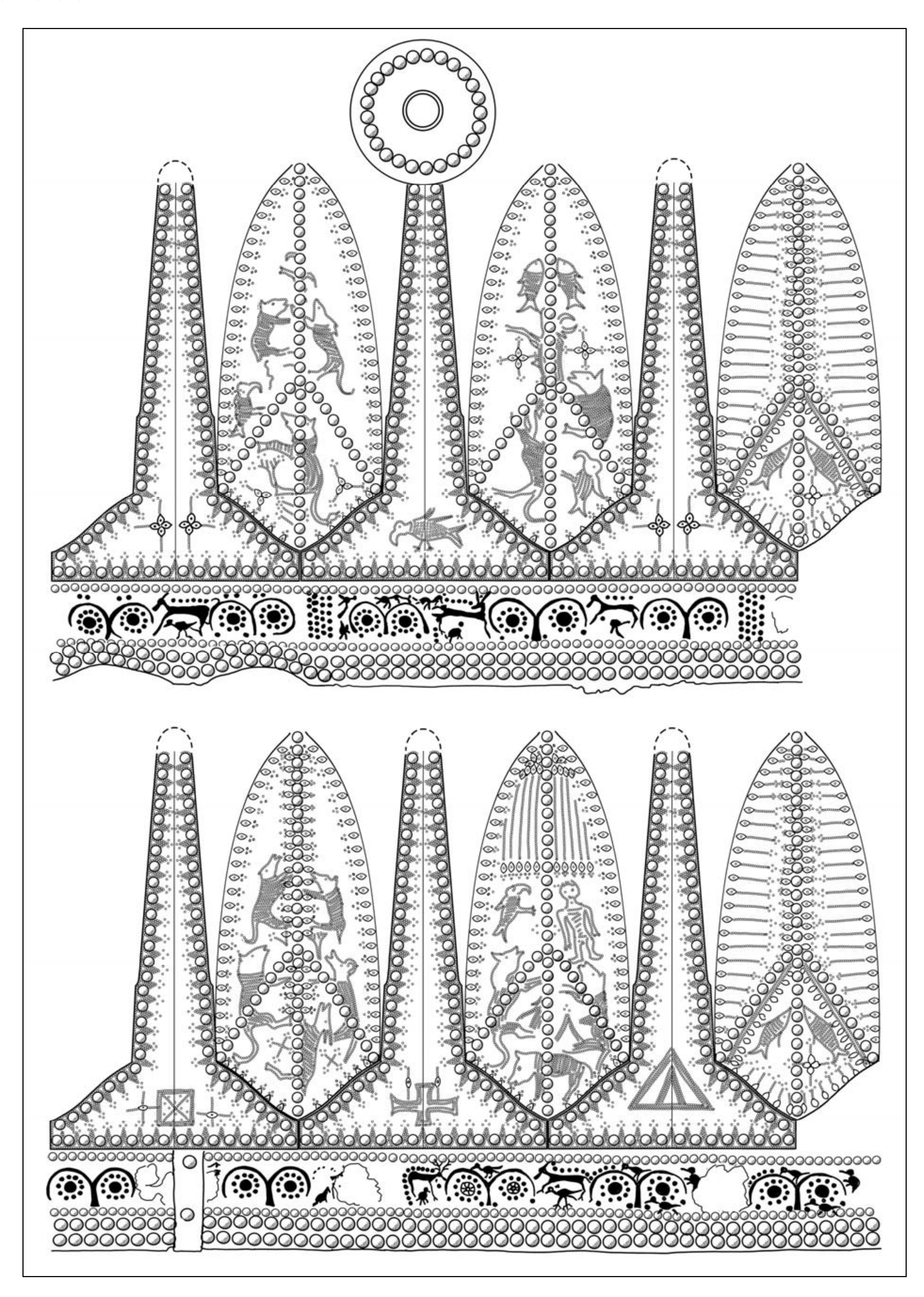

Рис. 5. Декор шлема (рисунок А.Е. Негина).

Fig. 5. Helmet decoration (drawing by A.E. Negin).

Христианская археология и история церкви

Christian Archaeology and Church History

УДК 94(479.22)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00013

Vakhtang Licheli, Roberto Dan, Priscilla Vitolo, Andrea Cesaretti, Tamar Chogovadze, Tornike Chilingarashvili

CONTINUITY OR CHANGE? AN ANALYSIS OF FORTIFIED CHURCH COMPLEXES IN SOUTHERN GEORGIA*

This article describes and discusses a series of archaeological sites. All the sites contain an ancient enclosure built using clearly pre-medieval masonries, inside of which a number of churches have been built. The dates of these fortified structures, usually improperly defined as built using "cyclopean technique", cannot be established without archaeological excavations. Recent attempts have been made to establish functional continuity between the ancient enclosures and the churches inside them. The goal of this text is to present and discuss these interesting sites and analyse the available data relating to the function of these structures from a diachronic perspective.

Key words: Southern Georgia, Fortified churches, Bronze Age, Iron Age, Middle Ages.

About the authors: Vakhtang Licheli[1], Professor (history and archaeology), Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Roberto Dan[2], PhD (history and archaeology), ISMEO — The International Association of Mediterranean and Oriental Studies; Priscilla Vitolo[3], PhD candidate (archaeology), ISMEO — The International Association of Mediterranean and Oriental Studies; Andrea Cesaretti[4], PhD candidate (archaeology), ISMEO — The International Association of Mediterranean and Oriental Studies; Tamar Chogovadze[5], PhD candidate (archaeology), Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; Tornike Chilingarashvili[6], PhD candidate (archaeology), Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Contact information: [1,5,6]0179, Georgia, Tbilisi, 1 Ilia Chavchavadze Avenue, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; e-mail: [1]vakhlich@hotmail.com, vakhtang.licheli@tsu.ge; [5]tatuchogovadze@gmail.com; [6]tornike2210@mail.ru; [2,3,4]00186, Italy, Rome, Corso Vittorio Emanuele II, 244, ISMEO — The International Association of Mediterranean and Oriental Studies; e-mail: [2]roberto_dan@hotmail.it; [3]vitolo.pr@gmail.com; [4]a.cesaretti12@gmail.com.

Вахтанг Личели, Роберто Дан, Присцилла Витоло, Андреа Кесаретти, Тамар Чоговадзе, Торнике Чилингарашвили

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ? АНАЛИЗ УКРЕПЛЕННЫХ ЦЕРКОВНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЮЖНОЙ ГРУЗИИ

В этой статье описывается и обсуждается ряд археологических памятников. У всех них есть древняя ограда, построенная с использованием явно досредневековой каменной кладки, внутри которой было построено несколько церквей. Датировка этих укрепленных сооружений, которые обычно неправильно определяют как построенные с использованием «циклопической техники», не могут быть установлены без археологических раскопок. Недавно были предприняты попытки установить функциональную преемственность между древними оградами и церквями внутри них. Цель этой статьи — представить и обсудить эти интересные памятники и проанализировать имеющиеся данные, касающиеся функции этих структур, с диахронической точки зрения.

Ключевые слова: Южная Грузия, церкви-крепости, бронзовый век, железный век, средневековье.

Об авторах: Вахтанг Личели[1], профессор (история и археология), Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили; Роберто Дан[2], PhD (история и археология), Международная

* Статья поступила в номер 11 декабря 2020 г.
Принята к печати 26 декабря 2020 г.

© Vakhtang Licheli, Roberto Dan, Priscilla Vitolo, Andrea Cesaretti, Tamar Chogovadze, Tornike Chilingarashvili, 2020.

ассоциация средиземноморских и восточных исследований; Присцила Витоло[3], PhD candidate (археология), Международная ассоциация средиземноморских и восточных исследований; Андреа Кезаретти[4], PhD candidate (археология), Международная ассоциация средиземноморских и восточных исследований; Тамар Чоговадзе[5], PhD candidate (археология), Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили; Торнике Чилингарашвили[6], PhD candidate (археология), Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили.

Контактная информация: [1,5,6]0179, Грузия, г. Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 1, Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили; e-mail: [1]vakhlich@hotmail.com, vakhtang.licheli@tsu.ge; [5]tatuchogovadze@gmail.com; [6]tornike2210@mail.ru; [2,3,4]00186, Италия, г. Рим, Корсо Витторио Эмануэле II, 244, Международная ассоциация средиземноморских и восточных исследований; e-mail: [2]roberto_dan@hotmail.it; [3]vitolo.pr@gmail.com; [4]a.cesaretti12@gmail.com.

This article examines a particular group of monastic complexes spread throughout southern Georgia, especially in Samtskhe-Javakheti and Kvemo Kartli regions (fig. 1). These monastic complexes are characterized by the reuse of pre-medieval fortified structures inside which churches and annexed structures were built in different periods. Recent proposed interpretations have suggested that the religious aspect of these medieval complexes was in continuity with the structures of the previous era within which the churches were established, trying to demonstrate the cultural continuity of these complexes. The aim of this article is to analyse precisely the remains present in these sites and verify the sustainability of this interpretative hypothesis. The inspiration for this work comes from the examination and study of some of the sites considered in the text as part of a Georgian-Italian research project named the Samtskhe-Javakheti Project (SJP), which has been active since 2017. The archaeological investigations are conducted in accordance with a Memorandum of Understanding agreed between the Archaeological Association of Georgia, which involves the collaboration of students from Tbilisi State University, and ISMEO — The International Association of Mediterranean and Oriental Studies[1]. The project is under the patronage of the Italian Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation (MAECI; ARC-001675). From 2018, the mission has also been funded by MAECI (ARC-001737), as part of the newly established Archaeological Mission to South Caucasus — ISMEO (AMSC — ISMEO), which unites ISMEO's activities in Georgia and Armenia into a single major project. The first expedition of the Samtskhe-Javakheti Project took place in 18-26 May 2017, the second between 27 May and 12 June 2018 and the third between 2 June and 17 June 2019. The project's purpose is to study the archaeological remains of the region, especially the areas located near the southern border of Georgia (the municipality of Aspindza, Akhalkalaki and Ninotsminda), a little investigated area with a stunning archaeological potential. The main objectives are the following:

1) Production of an archaeological map of the Samtskhe-Javakheti Region (municipalities of Aspindza, Akhalkalaki and Ninotsminda) showing the distribution of archaeological sites;
2) Analysis of the establishment and development of the first proto-state communities in the area (Late Bronze Age — Early Iron Age);
3) Study of settlement patterns and the characteristics of local communities, focused on their relationship with the kingdom of Urartu, in order to understand the limits and expansion of Urartian cultural influence in this area (Middle Iron Age);
4) Study of the architectural, cultural and socio-economical features under Achaemenid influence (Late Iron Age, Post-Urartu/Achaemenid period).

---

[1] A project of the Italian Ministry of Education, Universities and Research (MIUR) "Progetto MIUR. Studi e ricerche sulle culture dell'Asia e dell'Africa: tradizione e continuità, rivitalizzazione e divulgazione".

Archaeological sites with fortified churches

The following selected sites that feature the coexistence of fortification structures and medieval churches will be analysed from an archaeological perspective. Four of these (Ikhtila, Meghreki, Kilda and Aspara-1) were visited and documented directly as part of the Georgian-Italian expedition between 2017 and 2019. Four other sites are located in the same region — the Tsunda church and the sites of Balanta, Orlovka and Karzameti, but these have not yet been visited as part of the mission[2]. In any case, information on them is available in literature. Two sites (Meore Salamaleiki and Lipi) are located in the western part of the nearby Kvemo-Kartli region, in territorial continuity with the Javakheti plateau.

Ikhtila (SJP023)[3]

The site of Ikhtila is located in the south-western outskirts of the village of the same name, 70 m east of a small stream that crosses the village, and 16 kilometres north of Akhalkalaki. The site consists of a medieval church built in the middle of the remnants of a pre-medieval fortification (fig. 2—3). The church, which measures 12.12 × 9.72 m (Karapetyan 2011: 182) is dedicated to St Stephen. The church was built in the middle of a large sub-circular enclosure measuring 40 × 33 m, with a perimeter of 117 m and an area of 0.11 ha. The drystone walls are 1.86 m thick (measurement taken in the southern sector). In the eastern sector of the wall there is a door with an architrave composed of a single elongated block. The gate is 1.42 m wide, 1.89 m deep on the north side and 2.10 m deep on the south side. The threshold of the door is made of stone slabs and seems to be the original one. The southern sector of the wall is that best preserved, especially in the lower part, while the whole perimeter has been visibly remodelled (probably maintaining its general form) in medieval times, evidenced by the use of smaller, roughly worked stones in the upper part. The certainty that it is an old fortification is due not only to its architectural perspective — with the presence of colossal wall blocks in the lower part of the southern wall, as well as the general character of the building, but especially thanks to the discovery of pottery on the surface that can be dated to the Iron Age. This pottery was found on a small slope in the external south-western sector, where it is possible to see the trace of another wall, probably contemporary. The inner part of the fortified enclosure is completely filled with soil and houses not only the church but also part of the medieval cemetery, a sign of the site's constant rearrangement. Future archaeological investigation are needed, given the potential of the archaeological deposit.

Meghreki (SJP024)

The site of Meghreki, known locally also as Meghrek or Neghrek, is located 2.3 km east of the village of Ikhtila, and about 2 km west of Patara Samsari village. It is situated in the gorge formed by the course of the tributary Meghrek, which originates from Mount Samsari and is also known by the Armenian name of Vank (monastery).

The site is features the ruins of a settlement and a church, built inside the remnants of an ancient rounded fortification (fig. 4—5). The walled enclosure is oval in shape with dimension of

[2] The visit to these sites was scheduled for the 2020 mission but was postponed due to the global pandemic.

[3] In this text the names of the sites are followed by the site codes used by the expedition to classify them. The names used are always those already present in the specialist literature in the case of already known sites. The sites discovered as part of our activities have been named on the basis of the nearest settlement or using the names employed by local communities to identify them.

70 × 58 m, but unfortunately this is not its original size, since part of the walls were removed by the construction of the modern road which has destroyed an area about 60 m long. The current length of the wall is 140 m, and the area of the site is 0.30 ha; the original length of the wall must have been about 215 m and the total area 0.36 ha. The perimeter wall is without mortar; its two external faces are made of large rough stones. At the centre of the southern sector is the entrance door to the building, covered by a large stone lintel. On the crest of the walls traces of mortar are visible, indicating its reuse, probably in medieval times. The walls are preserved for a maximum height of 6—7 courses, i.e. about 3 m; they are 1.80 m wide in the southern sector and 1.65 m wide in the western sector. Although the conformation of the wall is perfectly legible, the whole south-east sector has been truncated by the construction of the new road that runs alongside the site. The perfectly preserved door is finely worked, with well-defined corner jambs, 1.04/1.27 m wide and 2 m high. The stone threshold consists of a single finely carved slab and is 44 cm wide. The jambs are well smoothed, formed on each side by two large slabs; internally, especially in the lower west part, the blocks have vertical recesses. The architrave is made up of three large stones. On the inside, the second stone has two semi-circular cavities on the long side, in front of the door: the eastern one of these is 17 cm in diameter, and the western one 19 cm; both are 30 cm deep. We can imagine a slab door with two poles inserted from the top of the wall and lowered from above to block it. The doorway forms a small entrance hall, made by five blocks before the architrave, 1.80 m wide and 1.75 m deep. The depth of the entranceway composed of the corridor and the door is 2.30 m. The external architrave has a small step to better accommodate the jamb (on the west side). Outside two single rows of stones create a corridor towards the door, but it is not possible to date them. The remains of a medieval village and those of a 12th — 13th century CE church are located within the oval fortified enclosure and inside there are several smaller curved walls that butt up against the perimeter wall, clearly later in date than the latter. The church has a nave measuring 10.10 × 11.5 m constructed of finely-finished stone blocks (Karapetyan 2011: 187). The remains of structures can also be seen outside the external wall, especially on the north side. A single-row structure with an elongated rectangular shape aligned south-west/north-east overlooks the western area. There are also circular shaped heaps of small stones which might be due to the removal of structures to facilitate modern agricultural work. The comparison of the decoration of two — eastern and southern — windows shows a possible chronological gap between their construction — c. 10th and 14th centuries CE (Berdzenishvili et al. 2000: 66—67). But there are no signs of rebuilding; on the basis of its plan, stone masonry and window decoration we may deduce that the church was built at the end of the 10th century CE (Berdzenishvili et al. 2000: 67).

Kilda (SJP050)

This site is located in a flat area on the margin of the gorge overlooking the River Mtkvari/Kura Valley. It is located 4 km north-west of the village of Kumurdo, about 12 kilometres west of Akhalkalaki. The site is characterized by an extensive settlement area with a fortified structure inside which a medieval church was built (fig. 6). The village covers an area of 620 × 430 m for a total area of about 19 ha. At the north-eastern margin of the site there are the remains of a circular fortified enclosure on which a church was built in the 10th century CE (Elizbarashvili 1986: 77—78; Berdzenishvili et al. 2000: 96; Karapetyan 2011: 337). This situation is reminiscent of the sites of Meghreki (SJP024), Ikhtila (SJP023) and Aspara (SJP056). The probable area covered by this ancient structure is 0.12 ha, with an estimated perimeter of about 130 m and dimensions of 40 × 35 m. The church, which has two naves, measures 11 × 8 m and was evidently built with material reused from previous dismantled structures. The best preserved part of fortification is

located to the east, in correspondence to the entrance of the church; it is 8.10 m long and interrupted by a passage 1.30 m wide and 1.40 m deep, presumably placed in connection with the ancient entrance to the structure (fig. 7). In various parts of the site, among the ruins of the village, there are fragments of drystone walls made with large stones preserved to heights of up to 3 m. A series of impressive walled structures are found at the western edges of the site at the gorge. These are curved walls built against the natural rock walls overlooking the gorge, resembling situations seen during our activities in other sites such as Tsikhistavi-1 (SJP059) and Dakhvanda-2 (SJP048). The largest of these structures, which is oval in shape, has a length of 26 m and a width of about 2 m, built in a double-faced drystone wall. An ancient road started from the western edge of the site and descended towards the valley of the River Mtkvari/Kura. The current layout probably dates to medieval times, but the road could be older.

Aspara-1 (SJP056)

The site is located on the western shore of Lake Paravani, in a flat area located in the middle of the modern village of Aspara, 180 m from the shore. It is located 25 km north-east of Ninotsminda. The site is composed of church built on top of an older fortification (fig. 8—9). The fortified enclosure has a circular shape with dimensions of 20 × 17.5 m, a fortified perimeter about 60 m long and a surface area of 0.3 ha. The wall has a width of 2.8 m and is preserved for 5 courses of stones with a maximum height of 2 m. It was built with big rough stones in dry, double-faced technique and an internal fill of medium and small sized stones. The northern part of the wall is completely covered by soil and is not visible. A very well preserved gate, although partly buried by debris, is visible in the south-western part of the wall, with two architraves still *in situ*. The outermost stone of the architrave measures 1.10 m deep, 0.65 m high and 2.70 m long. The entire door is 2.80 m deep and 2.30 m high, with a 1.20 m wide passage. The ruined church dates to the 11th century CE (Berdzenishvili et al. 2000: 17). The nave is rectangular in shape and measures 11.85 × 5.84 m (Karapetyan 2011: 82).

Other complexes

A further six similar archaeological contexts are presented. They have not yet been visited as part of the project, but information is available in the literature. The site of Balanta is located at the north-western limit of the homonymous village, on a low hill, in Samtskhe-Javakheti region. It is characterised by a fortified enclosure of elliptical shape (fig. 10: *A*). This enclosure is 190 m long and covers an area of 0.27 ha. On the west side, a further wall is attached to the main enclosure, creating a sub-rectangular area covering 0.07 ha. The length of the second wall is about 77 m. Inside the enclosure there is a 19th century church restored in 1914, called the Church of the Nativity, surrounded by a cemetery.

Another church surrounded by a small fortified enclosure is located about 4.5 km north-west of Meore Salamaleiki village in Kvemo-Kartli region (fig. 10: *B*). The fortified enclosure has a wall that is 1.5—2 m wide and covers an area of 0.07 ha. The length of the wall is about 105 m. The structures identified there have been considered a shrine and classified among the Religious/Cult Buildings (Narimanishvili 2019: 449).

A further intriguing complex, again located in Kvemo Kartli region, is known as Lipi, and is located 290 m south-west of Tejisi village (fig. 10: *C*). There is a circular enclosure, built with double faced, unmortared walls of medium and large stones, 1.5—2 m wide. It has two entrances, one on the north side and one on the south, both characterised by huge monolithic stone architraves.

In the middle of it, another late medieval church called St Kostantine (nave measuring about 9 × 6 m) has been built. The enclosure has an area of 0.06 ha and the total length of the wall is about 90 m.

An additional similar complex is located about 5 km south of the Orlovka village[4] in Samtskhe-Javakheti (fig. 10: *D*). Here, in the centre of a ruined Middle Ages village there are the remains of a church built in the middle of a fortified enclosure that is sub-triangular in shape. The enclosure, characterised by the presence of medium and large stones assembled into double-faced drystone walls, is badly damaged. It covers an area of 0.06 ha and the length of the wall is about 105 m.

Yet another site with similar characteristic is Karzameti, very near the border between Georgia and Turkey, again in Samtskhe-Javakheti (fig. 10: *E*). Here, on the northern margin of a ruined medieval village a Middle Ages church (measuring about 18 × 10 m) was built in the second half of the 13th century CE (Berdzenishvili et al. 2000: 125) in the centre of an elliptical fortified enclosure. This is considered to be one of the biggest churches with just a nave in all of Georgia. This drystone wall, double-faced and composed of medium and large stones, has a width of 1.5—2 m. The wall is about 135 m long and the enclosure has an area of c. 0.13 ha.

A final site, albeit with slightly different characteristics, that should be added to this group is the Tsunda church built in 12th — 13th century CE (Berdzenishvili et al. 2000: 109—111). Although this building does belong to the exact category discussed in this article, this church is important because it shows structural continuity over the millennia, being an example of how ancient abandoned structures in ruins were reused for the construction of churches or monastic complexes. This process is manifested in various ways, in most cases through the reuse of ancient fortified structures for the creation of monastic complexes (or defensive systems for religious buildings), while at Tsunda a different phenomenon has occurred. The church known as Tsunda is located about 170 m north-east of the village of Tmogvi, on the east side of the River Kura/Mtkvari at the bottom of the valley. The church of Tsunda (13.6 × 6.8 m), dedicated to St John the Baptist and built in the 12th — 13th century CE, was clearly constructed on the remains of a fortified structure (Kurumidze 2000) built for military purposes, set on a natural rock outcrop, strategically overlooking the surrounding areas (fig. 10: *F*). Without more specific studies and investigations it is difficult to establish the chronology of this fortified structure, but we can currently hypothesize a generic dating to the pre-medieval era. It is important to underline that the phenomenon of the reuse of older structures is also attested in other parts of Georgia in areas not covered by this contribution. It will suffice to mention the very interesting church of Kaishaurni[5] in Mtskheta-Mtianeti Region. Here, on the top of a horseshoe-shaped tower typical of the region, a small 17th — 18th century CE chapel has been built (fig. 10: *G*). It is morphologically similar to the one called Nijigori-1 (SJP011), for example, and to others identified in Georgia and the Ardahan region of Turkey[6].

A last interesting example directly documented during our activities, although not connected with the construction of a religious building but of a military one, is the site of Aragva (SJP022)[7], on the western bank of the River Baraletistskali/Arakvistskali, 8.5 km north of Akhalkalaki. Here a Middle Ages tower was built directly on the top of the remnants of a pre-medieval building, characterised by drystone walls made of large stones (fig. 11).

---

[4] Called Gorelovka by Narimanishvili (Narimanishvili 2019: 408), but the closest village to the site is Orlovka.

[5] Coordinates: 42°26'5.55"N 44°30'59.16"E; elevation: 1810 m a.s.l.

[6] See for example the towers of Karakale and Ziyaretdere (Patacı 2016: fig. 20: *145—147*).

[7] Coordinates: 41°29'25.9"N 043°29'36.1"E; elevation: 1713 m a.s.l.

Site name	Coordinates	Altitude (m a.s.l.)	Enclosure area
Aspara-1	41°27'09.07"N 43°46'53.04"E	2100	0.03 ha
Balanta	41°37'06.82"N 43°32'24.78"E	1897	0.27 ha
Ikhtila	41°33'10.08"N 43°32'20.04"E	1708	0.11 ha
Kaishaurni	42°26'05.55"N 44°30'59.16"E	1810	
Karzameti	41°20'26.74"N 43°07'15.54"E	1954	0.13 ha
Kilda	41°26'21.22"N 43°20'24.30"E	1680	0.12 ha
Lipi	41°41'31.23"N 44°05'18.48"E	1780	0.06 ha
Meghreki	41°33'12.30"N 43°34'19.03"E	1850	0.36 ha
Meore Salamaleiki	41°28'54.46"N 43°59'58.84"E	1684	0.07 ha
Orlovka	41°10'27.02"N 43°38'30.69"E	2130	0.06 ha
Tsunda	41°24'27.36"N 43°20'04.23"E	1254	

Analysis of the fortified enclosures

On the basis of recent studies (Licheli et al. forthcoming b) it has been proposed that during a still unspecified period in the Bronze Age or Iron Age, a particular type of defensive construction with quite distinctive characteristics spread over the territory of southern Georgia. These are fortified structures, usually circular or sub-circular in plan, characterized by walls often improperly defined as "cyclopean"[8]. These fortified structures have common characteristics: a single entrance, the absence of towers or buttresses on the external faces of the main walls, a construction technique involving the use of double-faced walls with external faces in large rough blocks and a filling of loose material. Almost all these structures are located in paradoxically unfavourable and poorly defensible geographical positions. In fact, they are usually found in flat areas on the edge of water sources (streams or lakes). Usually, with rare exceptions, they have rather small dimensions (between the 0.36 ha of Meghreki and 0.03 ha of Aspara) and very rarely contain the remains of structures inside them. This type of fortified enclosure with rather particular characters has been interpreted as walled areas that did not have strategic functions from a military point of view, such as the control of roads, or the defence of a particular access route or of goods that were contained inside. They probably served as shelters for the populations who lived in immediately adjacent areas at times when armed groups (who would have frequently crossed these territories) passed by[9]. In several of these structures, Christian churches dating back to different eras have been identified. The architectural relationship between these more recent churches and the older structures vary

[8] An element of inconsistency which has probably made it more difficult to understand the chronology and the function of many fortified sites in the region is the generalized use of the term "cyclopean" in association with all the structures with drystone walls made of large stones, but which corresponds to no particular architectural or organizational features of the buildings. With the overall definition of "cyclopean fortress" there is a substantial minimization of the numerous chrono-typological problems affecting this type of context. Other scholars (see, for example, Biscione 2009: 223) have already made attempts to improve on these terms; here and in future work we will try to follow this trend in favour of more technical and less generalized definitions.

[9] An interesting example of this kind of fortified enclosure/shelter is the small structure called Didi Khanchali (SJP020).

according to the size of the fortified structures; for example at Tsunda and Kaishaurni the fortified structures were used as foundations for the construction of the churches themselves. In other cases, such as at Lipi and Aspara, the church is contained within the fortified enclosure but there was evidently no space for the addition of other structures, whereas in the case of Meghreki, the size of the fortified structures allowed the church to be accompanied by a fair number of buildings, which are still visible on the ground.

From fortified structures to cult complexes: continuity or change?

For our purposes, it is important to discuss a recent proposal for the interpretation of most of the sites covered by this contribution. In a recently published a catalogue of fortified sites in southern Georgia, they are apparently united by the use of the term "Cyclopean". Analysing Urartian written sources, among these "Cyclopean complexes" three groups of "cyclopean buildings" have been identified. These are "Settlements", "Fortifications without settlements" and a last category of "Religious complexes", subdivided into "Sanctuaries" and "Cult centres". Although it is — rightly — admitted that "No data is preserved about the cult complexes of tribes in South Caucasus in Urartian written sources" — and, we may also add, from an archaeological perspective — it is affirmed that religious complexes "definitely existed on ancient territory of South Caucasus". To support this statement the interpretation of the improperly defined "Shaori Megalithic Complex" as a cult centre is proposed (Narimanishvili 2019: 78—79, 96, 369). This is not the place to discuss the Shaori site in detail. It is important just to bear in mind that a recent new study has made it possible to redefine its functional characteristics, that appear in all respects similar to those of the Abuli complex. For geographical and climatic reasons these high-altitude sites must be considered to have been temporary shelters, certainly not "royal cities" or "cultic centres"[10]. In any case, on the basis of these assumptions most of the sites discussed in this text have been placed in the "Sanctuaries" category. These have been described as "*circular cyclopean construction on roads and passages. Most of them are destroyed or rebuilt in the Christian period. The diameter of that kind of constructions' walls is mainly 30—40 meters, with an entrance occasionally. It is worth mentioning, that walls of the "Sanctuaries" are without buttress*" (Narimanishvili 2019: 79). Starting from the methodological approach mentioned above, the Ikhtila fortified enclosure is defined as an "important religious centre" or "sanctuary", as well as Meghreki. In the "Religious/Cult buildings" category are also inserted Karzameti, Kilda, Aspara, Orlovka, Meore Salamaleiki and Lipi (Narimanishvili 2019: 84, 90, 215, 299, 303, 337, 396, 408, 449, 474). Other sites, such as Kartsebi and Saghamo are considered religious centres, probably due to the presence of elliptical fortified enclosures[11]. Aspara, defined as a "prehistoric sanctuary", is considered to be a cultic complex of the late Bronze/Iron Age (Narimanishvili 2019: 83, 94). Unfortunately, given the available data, it is impossible to establish the chronology of these fortified enclosures, which could have been built at an unspecified time during the Bronze Age (including before the Late Bronze Age) or the Iron Age. Regarding their function, it must be underlined that the idea that these small enclosures were cultic centres because they later hosted a number of medieval churches is methodologically incorrect, and in any case a thesis difficult to support in the absence of additional evidence.

[10] On this, see Licheli et al. forthcoming b.
[11] The absence of churches seemed problematic after the typological proposals (Narimanishvili 2019: 334).

Conclusions

As we have seen, the phenomenon of the reuse of ancient fortified enclosures, generically attributable to a period spanning the Bronze Age and Iron Age, is widespread. These structures, often and unusually located in not particularly favourable or strategically useful places, but always close to streams or bodies of water, were reused in the Middle Ages, especially for the construction of structures with religious purposes, churches or small chapels. Recently some scholars have classified most of the places where these characteristic fortified churches are found as "religious/cult buildings", specifically as a subtype defined as "shrine". There is an obvious attempt to recognize in the choice of these fortified places a functional continuity that must have lasted until the Middle Ages. The choice to build churches within these fortifications is considered to have occurred because these same improperly defined "cyclopean structures" must have had a religious/cultic function. This type of interpretation is linked to a broader interpretative problem that involves the famous fortified site of Shaori, which over time was first associated with the Trialeti kurgan and later defined more generally as a "cult centre"[12]. Objectively, the data in favour of this interpretative approach are tenuous and the fortress of Shaori itself, together with that of Abuli, has been considered in the wider context of these shelter sites[13]. If we exclude the presence of medieval churches built on or within these fortified structures (none of them investigated by means of regular excavations), there is no archaeological or other evicence that could suggest a function related to the religious sphere for these structures. It is highly possible that the construction of these medieval churches within these fortifications has a merely functional basis connected to the generalized reuse of structures that could provide shelter without any cost associated with their construction.

References

Berdzenishvili, D. Elizbarashvili, I. Vacheishvili, N. Chachkhunashvili, T. 2000. *Javakheti. Istoriul-khurotmodzghvruli gzamkvlevi*. Tbilisi: Nekeri (in Georgian).

Elizbarashvili, I. 1986. Two-aisled church from the village Kilda. *Dzeglis megobari* 1, 28—33 (in Georgian).

Karapetyan, S 2011. *Javakh. Scientific Research Series of Research on Armenian Architecture*. Vol. IX. Yerevan: Research on Armenian Architecture (RAA) Foundation.

Karumidze, T. 2000. Vol. VI. *Tsunda Church, Essays of Georgian Museum of Art*. Tbilisi: Georgian Museum of Art (in Georgian).

Licheli, V., Dan, R., Vitolo, P., Chilingarashvili, T., Chogovadze, T., Saccone, T. forthcoming a. Searching for the Northern Borders of Urartu: Preliminary Results of the First Two Seasons of the Samtskhe-Javakheti Project (2017—2018), Georgia. In: Kuntner, W., Heinsch, S., Dan, R., Gavagnin, K. (eds.). *The Spread of Urartu: Proceedings of the Workshop, held in Innsbruck, 18 of July, 2018 at the 64th*. Leuven: Peeters (Ancient Near Eastern Studies Supplement) (in print).

Licheli, V., Dan, R., Vitolo, P., Chilingarashvili, T., Cesaretti, A., Chogovadze, T., Saccone, T. forthcoming b. Cyclopean fortresses, royal cities or mountain shelters? The Abuli and Shaori complexes in southern Georgia in the light of recent archaeological investigations. *Ancient Civilization from Scythia to Siberia.*

Narimanishvili, D. 2019. *Cyclopean Fortresses in Georgia*. Tbilisi: "D&D" Ltd. (in print).

Patacı, S. 2016. *Ardahan Kale ve Kuleleri*. Ardahan: Duru Ofset.

Shanshashvili, N., Narimanishvili, G. 2014. Environment and Dwelling in the Early and Middle Bronze Ages South Caucasus. In Narimanishvili, G. (ed.). *Problems of Early Metal Age Archaeology of Caucasus and Anatolia*. Tbilisi: Mtsignobari LTD, 245—264.

[12] According to Goderdzi Narimanishvili, the fortress of Shaori shows a certain similarity in construction technique and materials to the Zurtaketi and Trialeti burial mounds (Middle Bronze Age), a circumstance which led the scholar to propose a possible construction date in the first half of the 2nd millennium BCE for the Shaori complex. In addition, he suggested that the road that leads to Shaori Area A might be interpreted as a ritual or processional street similar to those seen in the previously mentioned kurgans in Trialeti. In addition, a possible Early Bronze Age date has been suggested (Shanshashvili — Narimanishvili 2014: 247).

[13] Licheli et al. forthcoming b. In this regard, we must note that the Abuli complex has been improperly defined as a "royal city" (Narimanishvili 2019: 78, 374).

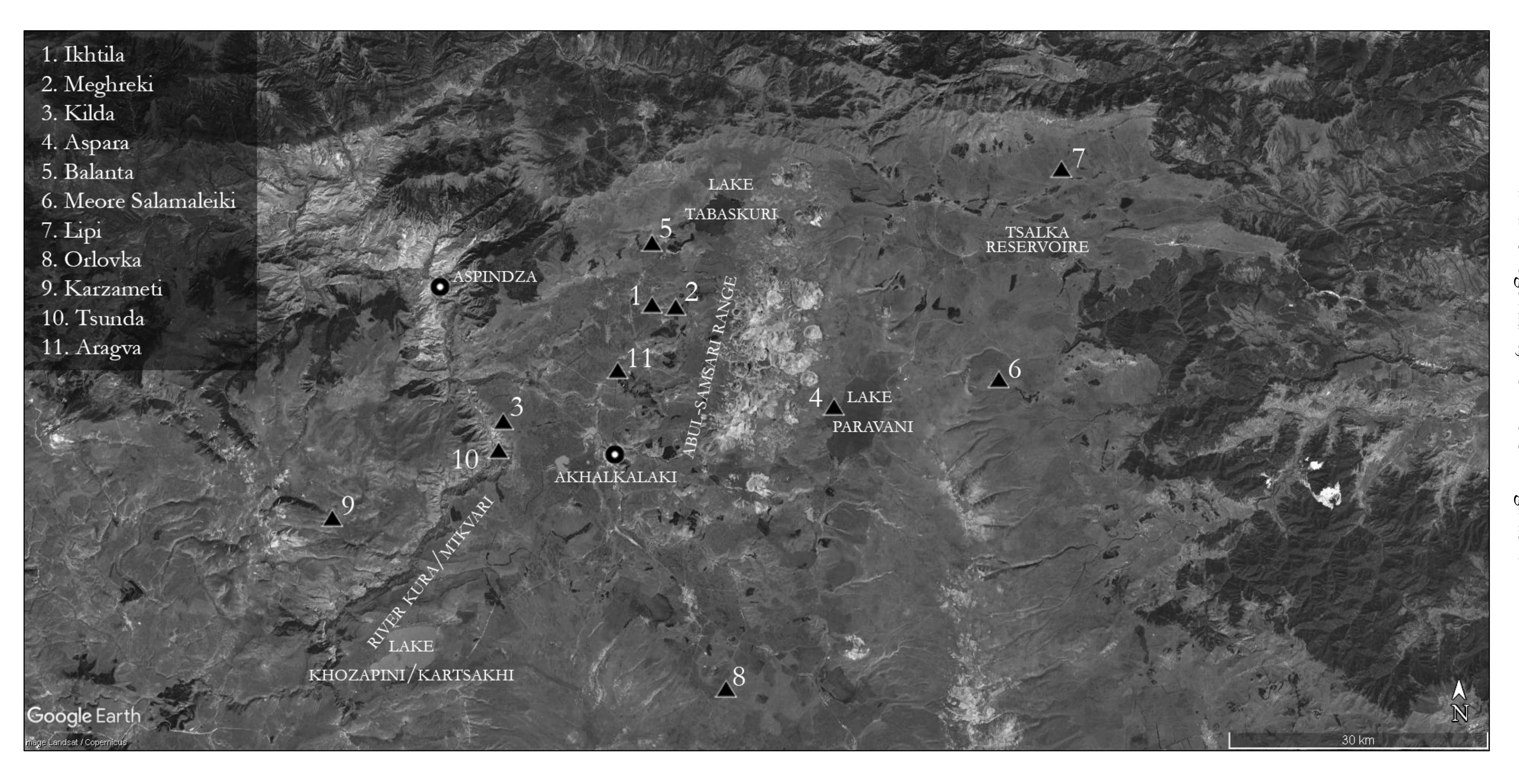

Fig. 1. Distribution map of the sites mentioned in the text (Satellite picture after Google Earth).

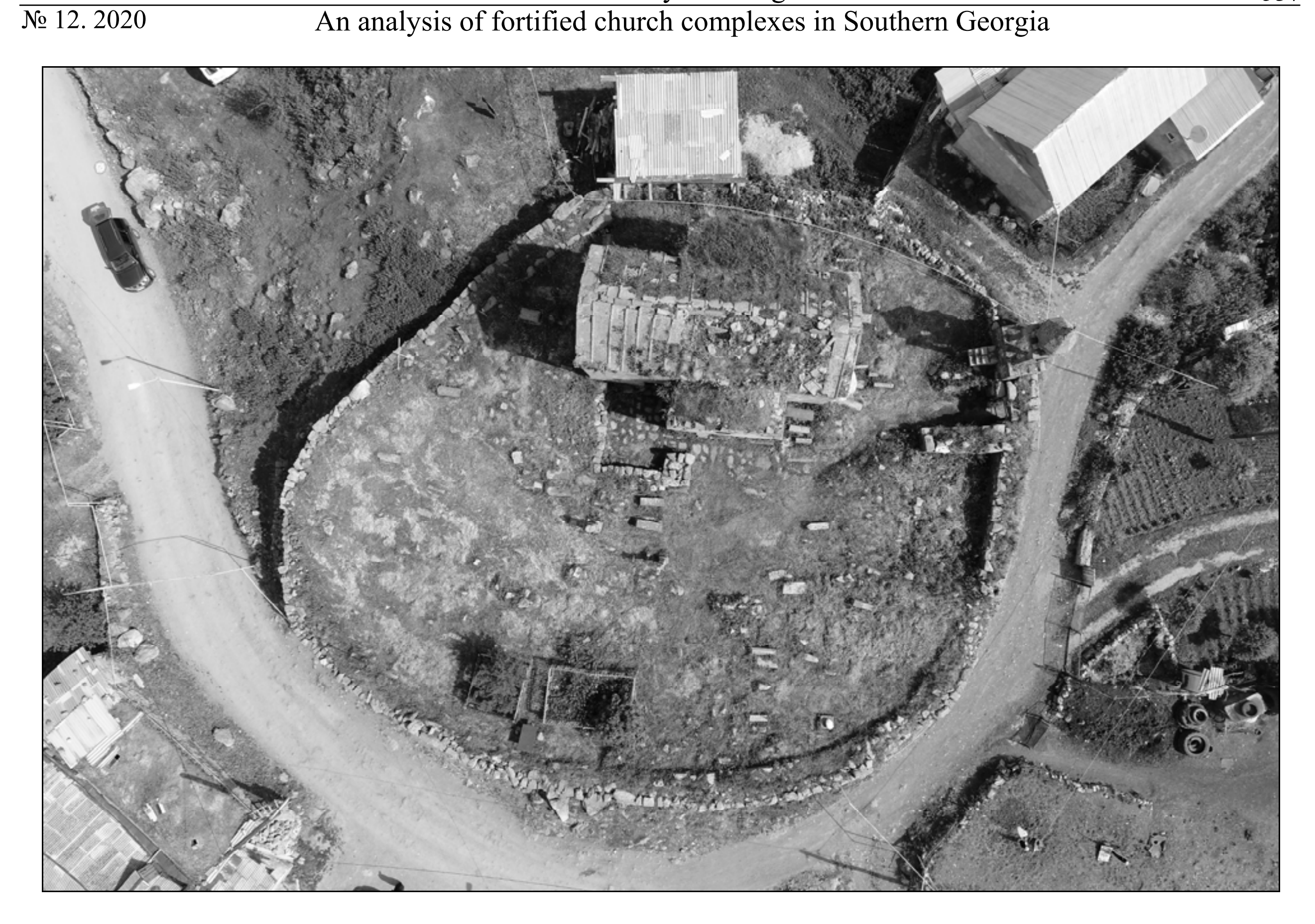

Fig. 2. Aerial view of the fortified enclosure of Ikhtila (SJP023) and the church inside it (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

Fig. 3. Aerial view of the fortified enclosure of Ikhtila (SJP023) with the church in it (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

Fig. 4. Aerial view of the fortified enclosure of Meghreki (SJP024) with the church and other structures (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

Fig. 5. Aerial view of the fortified enclosure of Meghreki (SJP024) with the church and other structures (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

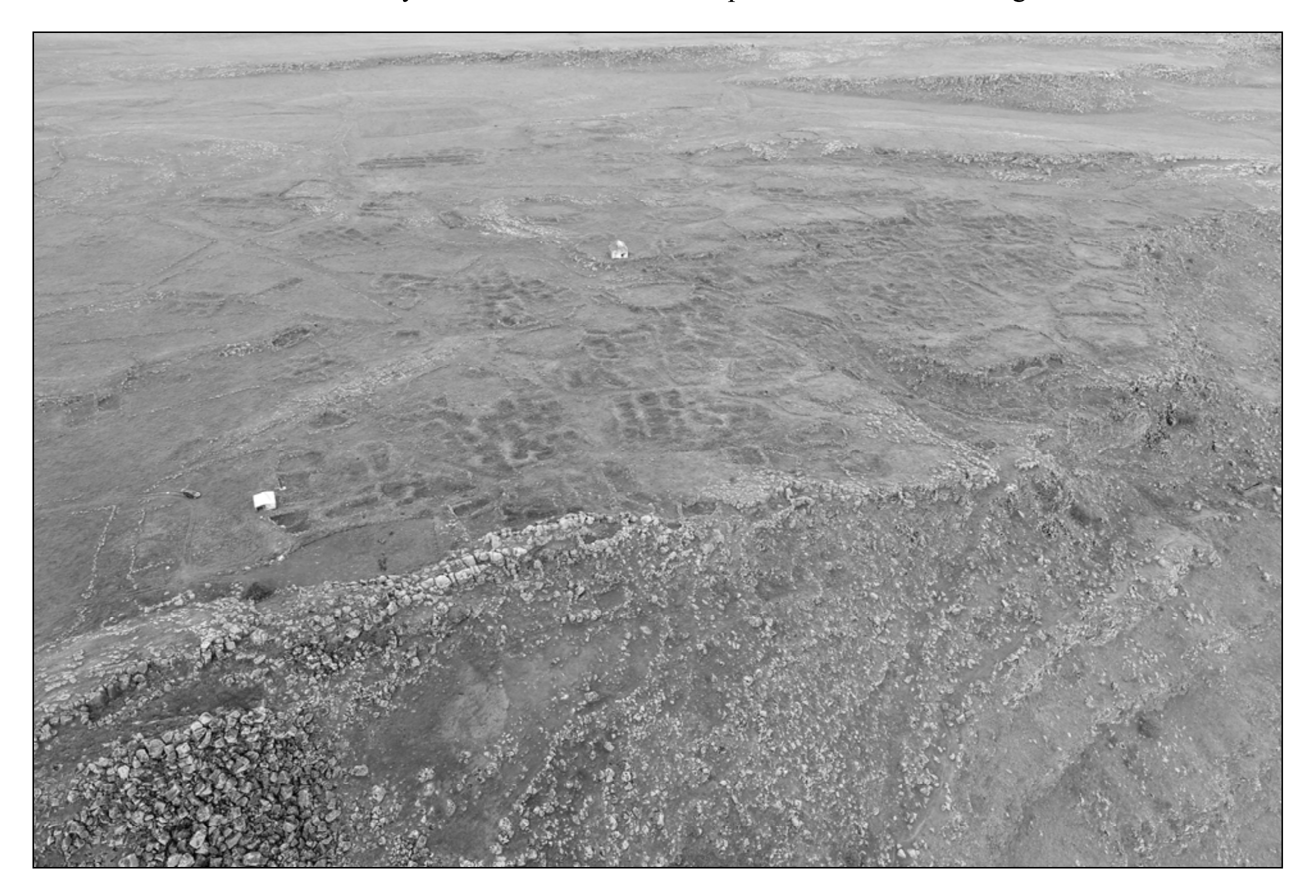

Fig. 6. Aerial view of the site of Kilda (SJP050) with the settlement and the church (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

Fig. 7. The fortified enclosure and the church (Samtskhe-Javakheti Project).

Fig. 8. Aerial view of the fortified enclosure of Aspara (SJP056) and the church inside it (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

Fig. 9. Aerial view of the fortified enclosure of Aspara (SJP056) and the church inside it (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

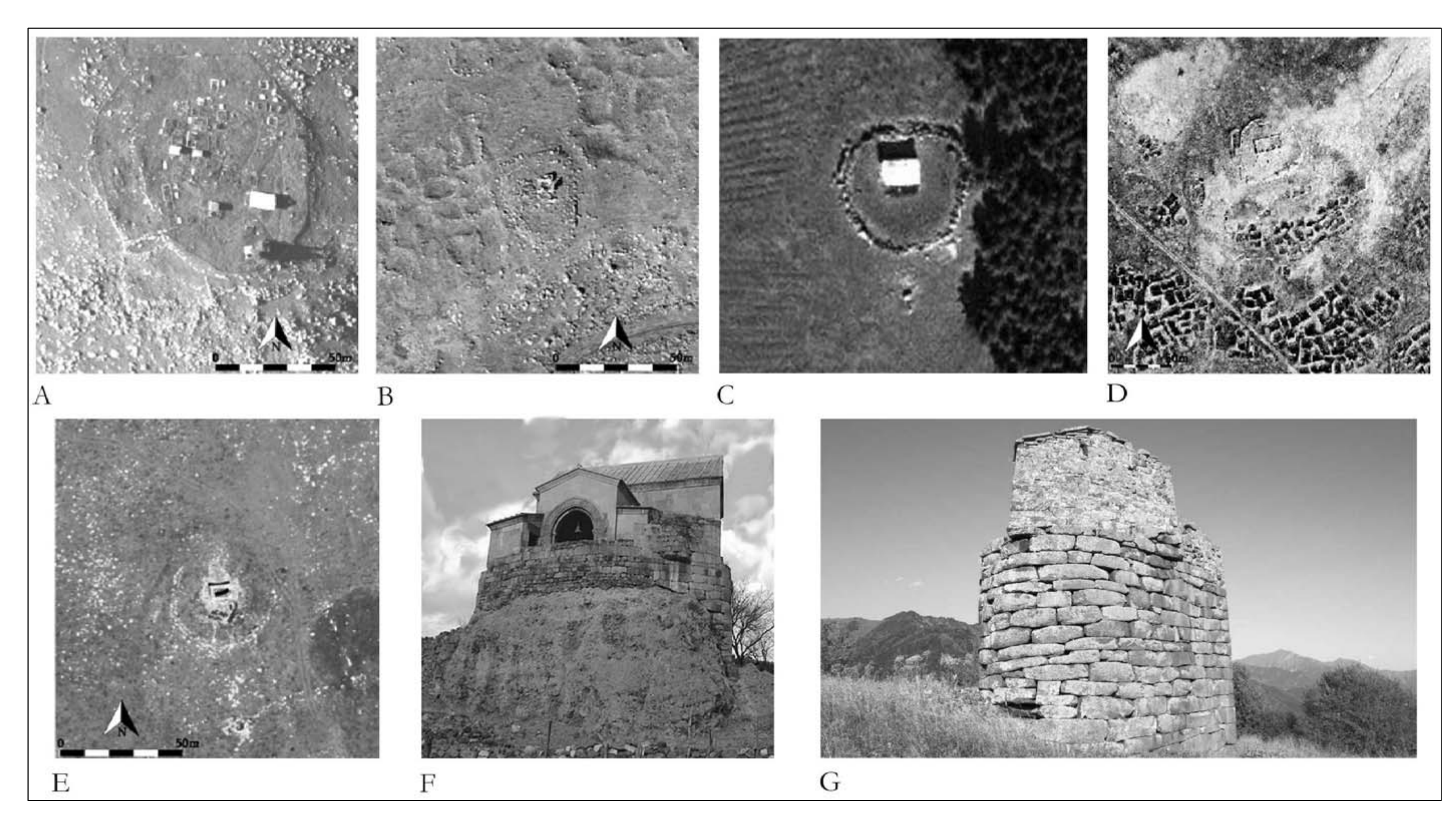

Fig. 10. Fortified churches in Georgia: *A* — Balanta; *B* — Orlovka (after Narimanishvili 2019: 368, 408); *C* — Lipi (after Google Earth); *D* — Karzameti; *E* — Meore Salamaleiki (after Narimanishvili 2019: 215, 449); *F* — Tsunda (Samtskhe-Javakheti Project Archive); *G* — Kaishaurni (after Narimanishvili 2019: 427).

Fig. 11. Medieval tower of Aragva (SJP022) built on an older fortified building (Samtskhe-Javakheti Project Archive).

История

History

УДК 94(477.75)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00014

Е.А. Молев

РАБЫ В ВОЙНАХ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА*

В статье рассматривается вопрос о том, в какой мере мероприятия понтийского царя Митридата VI Евпатора в отношении рабов могут быть свидетельством наличия у него планов социального переустройства общества. Античные авторы отмечают, что царь Понта впервые отметил роль рабов в своем указе об истреблении римлян, изданном в городе Эфес в 88 г. до н.э. В этом указе царь призывает рабов доносить на своих господ. В последующих указах царь освобождает рабов и призывает их на службу в свою армию. И призыв царя доносить на господ, и освобождение рабов для службы в армии, согласно тексту наших источников относятся только к рабам римской провинции Азия, завоеванной Митридатом. И, наконец, в сообщении Аппиана указывается, что Митридат знал о восстании рабов в Италии под руководством Спартака. Все эти сведения некоторые авторы трактуют как наличие у царя «широкомасштабного плана социальных реформ». В ряде сообщений античных авторов о Митридатовых войнах указываются и действия римлян по отношению к рабам, которые практически не отличаются от действий Митридата. Все это позволяет говорить, что у царя Понта не было плана социальных реформ и его действия по отношению к рабам диктовались исключительно планами борьбы с Римом.

Ключевые слова: Понт, Рим, Митридат VI Евпатор, рабы, социальные реформы, внешняя политика.

Сведения об авторе: Молев Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

E.A. Molev

SLAVES IN THE WARS OF MITHRIDATES VI EUPATOR

The article examines the question of the extent to which the actions of the Pontic king Mithridates VI Eupator in relation to slaves serve as evidence of his plans for the social reconstruction of society. Ancient authors note that the king of Pontus first noted the role of slaves in his decree on the extermination of the Romans, issued in the city of Ephesus in 88 BCE. In this decree, the king calls on the slaves to inform on their masters. In subsequent decrees, the king frees the slaves and calls them into service in his army. The call of the king to inform on the masters, and the release of slaves for service in the army, according to the text of our sources, refer only to the slaves of the Roman province of Asia, conquered by Mithridates. Finally, Appian's message indicates that Mithridates knew about the slave uprising in Italy under the leadership of Spartacus. Some authors interpret this information as the kind's "large-scale plan of social reforms". In a number of reports of ancient authors about the Mithridates' wars, the actions of the Romans in relation to the slaves are also indicated, which practically do not differ from the actions of Mithridates. All this allows us to say that the king of Pontus did not have a plan for social reforms and his actions in relation to slaves were dictated exclusively by plans to fight against Rome.

Key words: Pontus, Rome, Mithridates VI Eupator, slaves, social reforms, foreign policy.

---

* Статья поступила в номер 29 сентября 2020 г.
Принята к печати 15 октября 2020 г.

© Е.А. Молев, 2020.

About the author: Molev Evgeniy Aleksandrovich, Dr. habil. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
Contact information: 603950, Russian Federation, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

История Понтийского царства и особенно правление его царя Митридата Евпатора до настоящего времени привлекает пристальное внимание исследователей. Одной их привлекательных идей является роль Митридата как организатора социального протеста народов Малой Азии против римского завоевания. И действительно, ряд свидетельств наших источников позволяют говорить об этом, если считать, что такие мероприятия понтийского царя, как отмена долгов, предоставление гражданских прав метекам, освобождение рабов проводились «в интересах средних и малоимущих слоев» (Сапрыкин 1996: 204.) Но так ли это?

В нашей статье мы обратимся лишь к одному аспекту этой идеи, а именно к тому, в какой мере те или иные поступки свободных по отношению к рабам и рабов по отношению к свободным были уже устоявшимся, и даже общим явлением в жизни воюющих сторон, а в какой — особенными. Кроме того, мы попытаемся уточнить вероятность наличия у понтийского царя планов отмены рабства или даже простого улучшения положения рабов, что давало бы основания считать его действительно «революционером» древности, подобно его старшему коллеге Аристонику[1].

Начнем с того, что ко времени начала Митридатовых войн против Рима рабство уже давно стало нормой общественной жизни. Еще Аристотель в самом начале своего трактата «Политика» характеризуя греческую семью как первичную форму человеческого объединения, включает в нее и раба, пытаясь, таким образом, теоретически обосновать необходимость рабства как социального института, без которого была бы невозможна «благая жизнь» человечества (Arist. Pol., I, 1, 5—10, 1252b). Этот факт говорит не только вероятности наличия большой количества рабов в античных полисах, но и о важной роли этой социальной группы населения в жизни античного общества (Доватур 1965: 23).

Античное рабство как фундаментальный общественный институт стало предметом зарубежной и отечественной историографии еще в XIX в. Внимание исследователей привлекли вопросы экономического и социального положения рабов, источники рабства, особенности социальной борьбы рабов, переплетение экономики и идеологии в античности и многое другое[2]. Наиболее существенный вывод, вытекающий из всех этих исследований, с которым согласны все, в том числе и представители самых различных точек зрения на этот феномен, был сформулирован одним из наиболее ярких современных исследователей истории рабства Мозесом Финли[3] , который отметил, что античное общество рассматривало

---

[1] Кстати, источники ничего не сообщают о наличии изначально какой-либо социальной программы и у Аристоника. Согласно Страбону, он привлек на свою сторону бедноту и освободил рабов только после поражения от эфесян (Strabo, XIV, 1, 38).

[2] Историографическому обзору этих исследований посвящены несколько диссертаций и ряд статей в отечественной историографии. Из работ последних лет см. (Герасимова 1996; Герасимова, Чиглинцев 1995: 80—81; Жарков 1998; Репина 1996: 224—247; Максимова 1999; Безгубенко 2000: 48—64). Это избавляет нас от необходимости подробно рассматривать все исследования, посвященные этому феномену, и ссылаться только на те из них, которые относятся непосредственно к теме нашего исследования.

[3] Об исторической значимости трудов М. Финли: «Историческая концепция английского ученого Мозеса Финли принадлежит к числу наиболее репрезентативных теорий, созданный в течение последних десятилетий, а в современном антиковедении она, бесспорно, является лидирующей») (Жарков 1998: 191), «Моделирование М. Финли вывело проблему античного рабства на стык с социологией и поставило новые вопросы, решение

рабство как *естественную и органичную часть своего существования* (курсив мой — Е.М.) (Finley 1960: 149—151). Это, несомненно, справедливый вывод и потому действия в отношении рабов со стороны свободных, и рабов по отношению к свободным в период Митридатовых войн должны были иметь соответствующие прототипы в событиях предшествующего времени. Рассмотрим же конкретные факты, приводимые античными авторами.

Сразу отметим, что в отечественной историографии по нашему вопросу издавна утвердилось и долгое время существовало представление о том, что Митридат Евпатор б чуть ли не организатором социального протеста народов Малой Азии против Рима. Вот как оценил его один из первых советских исследователей истории военного искусства Е.А. Разин: «Митридат VI выступал против Рима под лозунгом освобождения угнетенных римлянами народов… Освобожденными рабами он усилил свое войско, но освобождение рабов в завоеванных областях напугало рабовладельцев, которые перешли на сторону Рима и в дальнейшей борьбе способствовали победе римлян над армией Митридата» (Разин 1999: 362). Здесь налицо признание значимости действий Митридата и его противников, именно как социально направленных.

Позднее утвердилось мнение, что у Митридата «на первый план выдвигаются не привлекательные идеи объединения наследственных земель под властью монарха-филэллина, а заурядное стремление к территориальным захватам» (Сапрыкин 1996: 205). И, следовательно, роль его мероприятий в отношении рабов не имеет никакого отношения к социальному протесту. Прежде чем определиться с этим вопросом, рассмотрим, когда и в каких случаях появляются рабы в событиях Митридатовых войн в произведениях античных авторов.

Наиболее полные сведения по интересующему нас вопросу дает Аппиан Александрийский. У остальных авторов есть лишь отдельные упоминания о рабах и их роли в событиях, не создающие целостной картины, но иногда существенно уточняющие его данные. Поэтому мы проследим в хронологическим порядке факты, изложенные Аппианом, сопоставляя с ними сообщения других античных авторов и уже высказанные выводы современных ученых о значимости рабов в Митридатовых войнах.

Самое раннее упоминание о рабах и их роли в событиях Митридатовых войн Аппиан дает в изложении «эфесского указа»[4] Митридата об истреблении римлян. В нем сообщается, что царь, во исполнение своего указа, обещает предоставить свободу рабам за показания против господ (App. Mithr., 22). Доносительство в Древнем мире имело к тому времени уже очень давнюю историю. Одним из таких ярких свидетельств этому является сообщение Геродота о приходе персидского царя Дария к власти. В нем в качестве ratio ultima для участников заговора против мага Гауматы Дарий говорит: «если мы упустим сегодняшний день, то я сам пойду к магу с доносом на вас, чтобы никто другой не успел упредить меня» (Herod., III, 71). Доносчики — сикофанты в Греции и делатории в Риме, тоже были

которых раньше казалось невозможным» (Репина 1996: 226), «Позиция М. Финли привлекает антимодернизмом, желанием взглянуть на древнее рабство без какого-либо использования современных терминов и схем, а его конкретно-исторические достижения в изучении данной проблемы давно уже стали достоянием мировой исторической науки» (Безгубенко 2000: 64).

[4] Любопытно, что остальные авторы, сообщающие об этом событии, ничего не говорят о поощрении доносительства рабов на своих господ (Athen., V, 50; Avr. Vict. Caes. XXVI, 3; Cic. De imp., Gn. Pomp., III, 7; Liv. Per., 78; Memnon., XXXI, 3; Val. Max., IX, 2, Ext. 3). Не исключено, что это следствие обыденности данного явления и потому оно не вызвало у них интереса.

обыденным явлением[5]. Среди них были рабы, которые, в зависимости от важности доноса, могли получить свободу. А. Валлон, например, приводит случай, когда в афинском декрете, изданном с целью обуздать контрабандную торговлю, от которой страдали Афины, была обещана свобода рабам, донесшим о таких правонарушениях (Валлон 1941: 154). Вероятно, что и в Понтийском царстве при Митридате предоставление свободы рабам за доносительство было обычной практикой и не может считаться чем-то экстраординарным.

Таким образом, ничего необычного в появлении в указе Митридата пункта о поощрении рабов за доносительство ни сам Митридат, ни его современники не видели. Для них это был всего лишь один из способов борьбы со своими врагами, причем весьма эффективный, неоднократно проверенный в событиях предыдущих лет.

Второе упоминание о рабах в связи с войнами Митридата против Рима Аппиан дает в описании последствий выполнения «Эфесского указа» понтийского царя. Жители Азии, истребляя римлян, италиков и членов их семей, перебили также и рабов италийского происхождения (App. Mithr., 23). Заметим, что все эти убийства — дело рук жителей греческих городов. И даже в том случае, когда они не пожелали сделать этого сами, как жители Тралл, они пригласили для этой цели чужеземца (пафлагонца), но не раба (App. Mithr., 23; Cass. Dio, XXXI, 101, 1)[6]. Разумеется, это в какой-то мере могло быть вызвано желанием нанести ущерб собственности конкурентов. Так же поступали и некоторые римские полководцы. Тот же Аппиан сообщает, что легат римского наместника Македонии Бреттий, взяв город Скиаф, «некоторых из рабов повесил, а у свободных отрубил руки» (App. Mithr., 29). Однако, учитывая, что и сами эти конкуренты (римляне и италийцы) были истреблены в одно и то же время, вероятнее всего, истребление рабов италийского происхождения было связано с реальной и глубокой ненавистью к римлянам, что и отметил в этом своем сообщении Аппиан.

Одним из следствий истребления римлян жителями городов Азии стало уменьшение частных и общественных долгов городов, что, разумеется, несколько улучшило их общее благосостояние (McGing 1986: 109—111; Сапрыкин 1996: 201). Однако рассматривать на этом основании роль Митридата как организатора социального протеста народов Малой Азии против Рима вряд ли возможно, поскольку никаких реальных социальных реформ в то время еще не последовало. Зато весьма существенно пополнилась царская казна за счет конфискаций имущества казненных. А вот это свидетельствует об отсутствии у царя Понта в первые победные годы войны какой-либо, и тем более, широкомасштабной социальной программы, как это иногда отмечают некоторые авторы, особенно популярных работ (Наумов 2010; Талах 2013; Елисеев 2016).

В дальнейшем (в переводе «Митридатики» Аппиана О.И. Севостьяновой) рабы фигурируют в описании осады Суллой Афин и Пирея. Аппиан сообщает, что «двое аттических рабов из Пирея («Ἀττικοὶ θεράποντες» — Е.М.) — или действительно сторонники римлян, или предусмотрительно приготовлявшие себе убежище на всякий случай, — сделав из свинца шары, делали на них надписи о том, что предпринимается против римлян, и бросали их из пращей» (App. Mithr., 31). В дальнейшем он называет их просто предателями — «ὁι δὲ προδιδόντες» (App. Mithr., 34), уже не определяя их социальный статус. В связи с

[5] См. например, гражданскую присягу Херсонеса, по которой граждане обязаны доносить на тех, кого они считают врагами государства (IOSPE I[2] 401).

[6] Дион Кассий отмечает, что они поступили так потому, что «они сами были почти также разорены в свое время» (Cass. Dio, XXXI, 101, 1). Речь здесь, вероятно, идет о разорении города римлянами при подавлении восстания Аристоника (App. Mithr., 62), что и побудило их соблюсти некий нейтралитет по отношению к римлянам.

этим возникает ряд вопросов: чьей собственностью были эти рабы, кто были они по этническому происхождению, какое отношение они имели к военной службе и откуда черпали информацию? Термин «θεράπων», который использует Аппиан, крайне редко применялся в качестве обозначения рабов (Liddell et al. 1996: 792—793) К тому же здесь они названы не по хозяину и не по государству, а по территории — «аттические». Это заставляет думать, что в нашем случае речь шла скорее не о рабах, а о наемных воинах аттического происхождения на службе у понтийского полководца Архелая. Причем, вероятно, не о простых воинах, а командирах вспомогательных отрядов из числа жителей Пирея, поскольку им могла быть доступна информация о планах понтийского полководца, и им было чего опасаться в случае победы римлян.

В течение 87—86 гг. до н.э. Митридат постоянно посылал подкрепления своим армиям, действующим в Греции. Причем «всех их он собирал со всякой поспешностью» (App. Mithr., 41). Падение Афин и поражения полководцев царя в Греции и Македонии привело к тому, что прежние военные ресурсы царя Понта были исчерпаны. Потребовалось привлечение новых сил. Но где их взять? Согласно Аппиану, Митридат стал собирать новое войско из подвластных ему племен, причем собирать опять-таки «со всей поспешностью» (App. Mithr., 46). Возможен был и набор наемников из числа жителей греческих городов. Однако, опасаясь измены со стороны некоторых из них, Митридат устраивает избиение галатов, затем разоряет Хиос[7], что вызвало восстание против него ряда греческих городов провинции Азия. И вот только теперь Митридат идет на крайние меры: он «дал свободу греческим городам, объявил об уничтожении долгов, метеков в каждом городе сделал полноправными гражданами, а рабов — свободными, понадеявшись, как это и действительно случилось, что должники, метеки и рабы будут на его стороне, считая, что только под властью Митридата за ними неизменным останется дарованное право» (App. Mithr., 48).

Из этих слов Аппиана совершенно очевидно, что царь в данном случае не ставил перед собой никаких целей социальных реформ. Его поступок был вызван не стремлением к уничтожению социальной несправедливости или к уничтожению рабства, а желанием привлечь на свою сторону социальные низы общества. Это тем более очевидно, что данный указ Митридата, судя по тому, как излагает его Аппиан, распространялся *только на города римской провинции Азия* (курсив мой — Е.М.), а вовсе не на все государство. Именно на их сопротивление римлянам и, соответственно, дальнейшее ведение войны с большим или меньшим успехом и гарантию заключения более или менее выгодного мира в конечном итоге уповал царь Понта, ибо других шансов для этого у него в то время уже не оставалось.

Что же касается рабов, то тут, видимо, была еще и цель пополнить свою изрядно потрепанную в предыдущих боях армию. Из сообщения Плутарха в биографии Суллы мы знаем, что римляне, сражаясь при Херонее, «в первых рядах вражеского строя увидели пятнадцать тысяч рабов, которых царские полководцы набрали по городам, объявили свободными и включили в число гоплитов… благодаря глубине и плотности строя, рабы слишком медленно уступали напору римской тяжелой пехоты и, вопреки своей природе, стояли отважно. Только множество дротиков и зажигательных стрел, пущенных римлянами из задних рядов, обратило их в беспорядочное бегство (Plut. Sulla, XVIII). Совершенно естественно, что 15 000 вчерашних рабов не смогли сдержать натиск 15 000 профессиональных легионеров Рим, хотя и «стояли отважно». Вероятнее всего, Плутарх

[7] Заметим, что в описании репрессий Митридата против хиосцев, Аппиан говорит только о гражданах. Метеки и рабы в его сообщении не фигурируют. Это дает основание думать, что на них репрессии не распространялись.

списал эту информацию из «Воспоминаний» Суллы, а последнему, хотя и post factum, было выгодно показать своего противник в неблагоприятном свете.

Любопытно, что в описании сражения при Херонее в рассказе Аппиана этот факт отсутствует, что дает некоторые основания для сомнений в достоверности информации Плутарха. Да и как могли римляне в ходе боя определить социальный статус своих противников? В той же фразе Плутарха упоминается: «какой-то римский центурион, говорят, сказал, что только на Сатурналиях случалось ему видеть, чтобы рабы пользовались свободой, да и то лишь в речах» (Plut. Sulla, XVIII). Этот центурион (и тем более рядовые воины) вряд ли помнил, что сами римляне после разгрома их армии Ганнибалом, выкупили 8 000 рабов и сформировали из них 2 легиона для того, чтобы иметь возможность продолжать борьбу (Liv., XXII, 57, 9). Аппиан же, хорошо знавший римскую историю (Молев 2019b: 479), не видел в факте принятия рабов на службу ничего необыкновенного и потому не счел важным упоминание о них. Хотя, если они действительно «стояли отважно» (а в искажении этого факта, который мог повредить репутации его героя, Плутарху не было никакого смысла), Аппиану может быть и стоило бы это отметить, как оправдание надежд Митридата. Кстати, информацию о включении рабов в состав македонской фаланги армии Митридата Сулла мог получить уже после боя от пленных митридатовских воинов.

Таким образом, в целом реальность призыва Митридатом в армию рабов вполне вероятна. Она подтверждается и тем, что находясь в критическом положении, точно также поступил оставленный наместником Понта римский полководец Фабий: «Фабий освободил всех рабов, которые были у него в лагере, и в течение целого дня опять сражался с Митридатом» (App. Mithr., 88), и тем, что много позднее, находясь на Боспоре Митридат «после переговоров с Помпеем… стал спешно собирать войско из свободных и рабов…» (App. Mithr., 107). Таким образом, сам по себе факт призыва рабов в свое войско не дает никаких оснований говорить о какой-то там социальной программе понтийского царя[8].

Тем не менее, Митридату удалось усилить социальную напряженность в городах провинции Азия. Сулла после заключения Дарданского мира «рабам, которым раньше Митридат предоставил свободу, велел тотчас же вернуться к своим господам. Так как многие не повиновались и многие города еще не подчинялись ему, то между массами свободных и рабов происходила резня» (App. Mithr., 61).

Завершая наш краткий обзор информации античных авторов о рабах в период Митридатовых войн, нельзя не отметить их роль в экономической жизни, также зафиксированную Аппианом. Он сообщает, что: «Лукулл после взятия Синопы и Амиса… установил подати в размере четвертой части с плодов земли, и **налоги с рабов** и с домов» (App. Mithr., 83). Это в полной мере подтверждает высказанное в свое время мнение американского историка У. Уэстермана, что «институт рабства был фактом экономической жизни античного Средиземноморья, полностью принятым как часть структуры труда своего времени» (Westermann 1945: 215; Герасимова, Чиглинцев 1995: 78). И налог с рабов, как с одной из форм собственности, был вполне уместен и, наверняка, приносил определенный доход государству. В этом факте, кстати, проглядывает и тесное переплетение в античности экономики и идеологии, и их неразделимость, о чем писал в свое время М. Финли (Finley 1973: 58).

[8] Как не было ее, скажем, и в освобождении рабов ахейским полководцем Диэем накануне сражения с римлянами (Polyb., XXXIX, 8) или римским полководцем Марием (Plut. Mar., XLI, Sert.,V) в ходе борьбы с Суллой, и, тем более, в освобождении рабов ольвиополитами во время отражения агрессии македонского полководца Зопириона (Macr. Sat., I, 2, 33).

И последнее, на что стоит обратить внимание — Митридат знал о восстании Спартака в Риме (App. Mithr., 109). И вполне мог попытаться заключить с ним союз (Danov 1981: 11; Молев 1995: 123). Но связь Спартака с понтийским царем не подтверждается ни одним из сегодня существующих источников. Однако полностью исключать ее возможность, по-видимому, нельзя, поскольку Аппиан свидетельствует, что Митридат не упустил ни одной возможности, чтобы причинить вред Риму.

Таким образом, рассматривая внешнеполитические планы Митридата в оценке античных авторов накануне его первой войны против Рима, можно не сомневаться в оборонительном характере его действий, проистекающем из понимания силы и могущества его главного противника. Разумеется, Митридат более всего желал остаться правителем независимого государства и мог сделать это, в соответствии с идеологией того времени, в результате усиления своего государства за счет соседей (Молев 2019a: 75). Но никакой социальной программы у понтийского царя не было.

Литература

Безгубенко А.А. 2000. Категории зависимого населения в исторической концепции М. Финли. *Исторический ежегодник*. Специальный выпуск. *Посвящается 60-летию профессора Генриха Кутдусовича Садретдинова*, 48—64.

Валлон А. 1941. *История рабства в античном мире.* Т. 1. Москва: ОГИЗ Госполитиздат.

Герасимова Н.Ю. 1996. Исследование античного рабства в американской историографии XX века: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань.

Герасимова Н.Ю., Чиглинцев Е.А. 1995. «Между рабством и свободой»: современная западная историография о месте рабов в социальной структуре античного общества. В: Лукиянов Ю.В., Васильев Д.Ю. (ред.). *Ойкумена мысли: феномен А.Ф. Лосева*. Уфа: Восточный университет, 80—81.

Доватур А.И. 1965. *Политика и политии Аристотеля*. Москва; Ленинград: Наука.

Елисеев М.Б. 2016. *Войны Митридата.* Москва: Вече.

Жарков И.А. 1998. Историческая концепция Мозеса Финли и ее влияние на развитие советского антиковедения в 60—80 годах XX века. Дисс. … канд. ист. наук. Томск.

Максимова А.Б. 1999. Йозеф Фогт и исследование античного рабства в немецкой историографии новейшего времени. Дисс. … канд. ист. наук. Казань.

Молев Е.А. 2019a. Внешнеполитические планы Митридата в оценке античных авторов. *Иресиона. Античный мир и его наследие* VI, 67—76.

Молев Е.А. 2019b. Митридат и Рим: «кто» был «кем» накануне первой Митридатовой войны. *МАИАСП* 11, 473—483. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00009.

Наумов Л.А. 2010. *Митридатовы войны (мысли дилетанта)*. Москва: Волшебный фонарь.

Разин Е.А. 1999. *История военного искусства*. Т. 1. Санкт-Петербург: Полигон.

Репина Л.П. 1996. «Постмодернистский вызов» и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории. *Одиссей* 1996, 224—247.

Сапрыкин С.Ю. 1996. *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. Москва: Наука.

Талах В.Н. 2013. *Рожденный под знаком кометы: Митридат Евпатор Дионис*. Київ: Купрієнко С.А.

Danov C.M. 1981. Zur Geschichte des Spartacusaufstandes. In: Danov C.M., Fol A. (eds.). *Spartacus: Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Blagoevgrad, 20-24.IX. 1977*. Sofia: Académie bulgare des sciences, 9—13.

Finley M.I. (ed.). 1960. *Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies*. Cambridge: William Heffer and Sons, Ltd.

Finley M.I. 1973. *The Ancient Economy*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

IOSPE I^2: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Типография Императорской академии наук.

Liddell H.R, Scott R., Jones H.S., McKenzie R. 1996. *A Greek-English lexicon*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

McGing B. 1986. *The foreign Policy of Mithridate Eupator, king of Pontos*. Leiden: Brill.

Westermann W.L. 1945. Between slavery and Freedom. *American Historical Review* 50, 213—227.

References

Bezgubenko, A.A. 2000. In *Istoricheskiy ezhegodnik (Historical Yearbook)*. Special issue. *Posvyashchayetsya 60-letiyu professora Genrikha Kutdusovicha Sadretdinova (Dedicated to the 60th Anniversary of Professor Genrikh Kutdusovich Sadretdinov)*, 48—64 (in Russian).

Vallon, A. 1941. *Istoriya rabstva v antichnom mire (The History of Slavery in the Ancient World)*. Vol. 1. Moscow: OGIZ Gospolitizdat (in Russian).

Gerasimova, N.Yu. 1996. Study of Ancient Slavery in American Historiography of the XX century. PhD Thesis Abstracts. Kazan.

Gerasimova, N.Yu., Chiglintsev, Ye.A. 1995. In: Lukiyanov, Yu.V., Vasilyev, D.Yu. (eds.). *Oykumena mysli: fenomen A.F. Loseva (Ecumene of thought: the phenomenon of A.F. Losev)*. Ufa: Vostochnyy universitet, 80—81 (in Russian).

Dovatur, A.I. 1965. *Politika i politii Aristotelya (Politics and Polities of Aristotle)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).

Eliseyev, M.B. 2016. *Voyny Mitridata (Wars of Mithridates)*. Moscow: Veche (in Russian).

Zharkov, I.A. 1998. *The Historical Concept of Moses Finley and Its Influence on the Development of Soviet Antiquity Studies in the 60s — 80s of the 20th century*. PhD Thesis. Tomsk.

Maksimova, A.B. 1999. Josef Vogt and the Study of Antique Slavery in Modern German Historiography. PhD Thesis. Kazan.

Molev, E.A. 2019a. In *Iresiona. Antichnyy mir i yego naslediye (Iresiona. The Ancient World and Its Legacy)* VI, 67—76 (in Russian).

Molev, E.A. 2019b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 473—483. DOI: 10.24411/2713-2021-2019-00009 (in Russian).

Naumov, L.A. 2010. *Mitridatovy voyny (mysli diletanta) (Mithridates wars (thoughts of an amateur))*. Moscow: Volshebnyi fonar' (in Russian).

Razin, E.A. 1999. *Istoriya voyennogo iskusstva (History of Military Art)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Poligon (in Russian).

Repina, L.P. 1996. In *Odissey (Odysseus)* 1996, 224—247 (in Russian).

Saprykin, S.Yu. 1996. *Pontiyskoye tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'ye (Kingdom of Pontus. State of Greeks and barbarians in the Black Sea region)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Talakh, V.N. 2013. *Rozhdennyy pod znakom komety: Mitridat Evpator Dionis (Born under the sign of a comet: Mithridates Eupator Dionysus)*. Kyiv: Kuprienko S.A. (in Russian).

Danov, C.M. 1981. Zur Geschichte des Spartacusaufstandes. In: Danov, C.M., Fol, A. (eds.). *Spartacus: Symposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050 A. Blagoevgrad, 20-24.IX. 1977*. Sofia: Académie bulgare des sciences, 9—13.

Finley, M.I. (ed.). 1960. *Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies*. Cambridge: William Heffer and Sons, Ltd.

Finley, M.I. 1973. The Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

IOSPE I^2: Latyschev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Petropoli: Типография Императорской академии наук.

Liddell, H.R, Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. 1996. *A Greek-English lexicon*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

McGing, B. 1986. *The foreign Policy of Mithridate Eupator, king of Pontos*. Leiden: Brill.

Westermann, W.L. 1945. Between slavery and Freedom. *American Historical Review* 50, 213—227.

УДК 94(37).09; 94(369.1); 94(363.6)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00015

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев

О ПРИЧИНАХ НАПАДЕНИЯ ГУННОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РИМСКУЮ ИМПЕРИЮ В 395 г.*

Главной целью исследования является выявление причин гуннских нападений на Римскую империю в 395 г. Используя метод критического анализа содержания сочинений позднеантичного и раннесредневекового времени, авторы приходят к выводу о возрастающей роли варварского мира Северного Причерноморья в римской внутренней политике в конце IV в. Опустошение гуннами готской Фракии, возможно, было изначально санкционировано римлянами в связи с необходимостью ослабления готов-федератов и улучшения отношений с кочевниками по причине ухода основных римских боеспособных сил на войну против узурпатора Флавия Евгения.

После смерти Феодосия I внутренняя ситуация в империи вновь обострилась в связи с противостоянием Стилихона и Руфина — опекунов молодых и слабых императоров. В ходе этой борьбы Руфин намеренно допустил катастрофическое гуннское нашествие на восточные провинции, стремясь, тем самым, вернуть восточную армию в Константинополь под свое командование и улучшить отношения с гуннами.

Ключевые слова: Феодосий I, Руфин, Стилихон, гунны, готы.

Сведения об авторах: Ярцев Сергей Владимирович[1], доктор исторических наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; Зубарев Виктор Геннадьевич[2], доктор исторических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: [1,2]300026, Россия, г. Тула, пр-т Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: [1]s-yartsev@yandex.ru; [2]parosta@mail.ru.

S.V. Yartsev, V.G. Zubarev

ON THE REASONS OF THE ATTACK OF THE HUNS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION ON THE ROMAN EMPIRE IN 395

The main purpose of the study is to identify the reasons of the Hunnic attacks on the Roman Empire in 395. Using the method of critical analysis of the content of the works of late Classical and early Medieval times, the authors come to the conclusion about the increasing role of the Barbarian world of the Northern Black Sea region in Roman internal politics at the end of the 4th century. The devastation of Gothic Thrace by the Huns may have been originally sanctioned by the Romans, due to the need to weaken the Goth — federates and to improve relations with the nomads due to the withdrawal of the main Roman combat-ready forces to the war against the usurper Flavius Eugenius.

After the death of Theodosius I, the internal situation in the empire was again aggravated by the confrontation between Stilicho and Rufinus — guardians of young and weak emperors. In the course of this struggle, Rufinus deliberately allowed a disastrous Hun invasion of the eastern provinces, thus seeking to return the Eastern army to Constantinople under his command and to improve relations with the Huns.

Key words: Theodosius I, Rufinus, Stilicho, the Huns, the Goths.

* Статья поступила в номер 11 декабря 2020 г.
Принята к печати 29 декабря 2020 г.

© С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев, 2020.

About the authors: Yartsev Sergey Vladimirovich[1], Dr. habil. (History), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; Zubarev Victor Gennadievich[2], Dr. habil. (History), Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: [1,2]300026, Russia, Tula, 125 Lenin Avenue, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: [1]s-yartsev@yandex.ru; [2]parosta@mail.ru.

Нападение гуннов на Римскую империю в 395 г. до сих пор продолжает оставаться актуальной исторической темой. Дело в том, что ученые до сих пор дискутируют по вопросам определения маршрута передвижения и областей, подвергшихся разграблению гуннами в ходе их восточного похода через Кавказские горы (Артамонов 1962: 53; Maenchen-Helfen 1973: 52—57; Frye 1984: 318; Манасерян 2019: 9—10), выявления варварских объединений, принявших участие в нападении на империю (Пигулевская 1941: 37; Гадло 1979: 18; Kazanski, Mastykova 2003: 72; Манасерян 2019: 13—15), а также пытаются сопоставить эти факты с со свидетельствами Приска Панийского и Фавстоза Бузанда (Артамонов 1962: 53; Maenchen-Helfen 1973: 52—57; Frye 1984: 318; Thompson 1999: 31—35; Манасерян 2019: 6—41). Кроме того, все еще не ясны причины гунно-римского конфликта 395 г. Исследователи, в лучшем случае, указывают на голод, поразивший тогда варваров Северного Причерноморья (Артамонов 1962: 54; Maenchen-Helfen 1973: 52). Правда, ссылаются они при этом на Приска Панийского, не приведшего точной датировки событий.

По нашему мнению, обращаясь к теме гунно-римского конфликта 395 г., необходимо учитывать и внутриполитическую ситуацию в Римском государстве. Возможно, что ее обострение сыграло свою роль в гуннском нападении. Напомним, что в 392 г. власть в западной части империи была узурпирована Флавием Евгением. Очевидно, что произошедшие тогда события, включая и гибель Валентиниана II, были связаны с ростом властных амбиций представителя высшего командования — магистра армии Аргобаста, франка по происхождению (Zosim, IV, 53—54; Philost., XI, 1; Socr., V, 11; Oros., VII, 35, 10). В любом случае, был ли Валентиниан II убит (Ambr. Ob. Val., 33) или покончил жизнь самоубийством (Ambr. Ob. Theod., 39—40), «теперь Феодосию противостоял противник, который, кроме того, был непобедим из-за храбрости Арбогаста, сочетавшейся со смелостью, добродетельностью и знанием всех слабостей Евгения. Несмотря на утверждения Евгения и собственные сомнения, Феодосий решил незамедлительно привести противника в замешательство и начал приготовления к полномасштабной войне» (Zosim, IV, 55, 1—2; Голдсуорти 2014: 422; Хьюджес 2017: 52).

В сложившейся ситуации Феодосий I был вынужден пойти на уступки готам Алариха и присвоил последнему звание магистра армии. Судя по Зосиму, он получил его еще на стадии подготовки к походу на Запад (Zosim, V, 5, 4). Тем не менее, в дошедшем до нас подробном описании назначений Аларих не упомянут. Главнокомандующим вместе с Тимасием был назначен Стилихон, а «командование над вспомогательными силами варваров было поручено Гайне, Саулу и Бакурию» (Zosim, IV, 57, 2). Это породило мнение, что на самом деле Аларих не получил ни самостоятельного командования, ни поста в римской армии, хотя и предоставил Феодосию I около 20 000 воинов (Вольфрам 2003: 198). Разумеется, с таким мнением трудно согласиться, даже учитывая молодой возраст готского рикса. Учтем, что по сообщению Зосима, Аларих, безусловно, получил желанную командующую должность, но, похоже, несколько позже, чем все остальные. Такая задержка была связана, скорее всего, с нежеланием императора провоцировать гуннов, которые могли напасть на империю во время

ухода боеспособных соединений из пограничных районов на Запад. Однако то, что Феодосий I все же пошел на этот шаг, безусловно, требует аргументированных объяснений.

Начнем с того, что отношения гуннов с римлянами, сильно деградировавшие за последние десятилетия от союзнических до откровенно враждебных, приближались к своей критической точке. Напомним, что еще в планах императора Валента гуннам, пришедшим в Северное Причерноморье, за помощь против грейтунгов и тервингов, скорее всего, было обещаны готские земледельцы в качестве зависимого оседлого населения (Ярцев 2020: 61; Ярцев и др. 2015: 250). Однако вынужденный договор Феодосия I с готами в 382 г. закрепил потерю гуннами значительной части своих людских ресурсов, что не могло не вызвать конфликт номадов уже с римлянами. Очевидно, что, несмотря на попытки компенсировать кочевникам потерю населения, имперские власти были вынуждены обещать гуннам в скором времени вернуть им готов, вытеснив их за Дунай (Ярцев 2020: 62—63).

Тем не менее, после восстания Алариха, в 392 г. с готами был заключен новый договор, закрепивший пребывание варваров на территории империи (Хьюджес 2017: 81). Вряд ли в этом случае Руфин, который проводил переговоры с Аларихом, не принимал во внимание все возрастающую опасность крупномасштабного конфликта с гуннами. Вероятно, кочевникам вновь были даны обещания в скором времени возвратить беглое население Северного Причерноморья. Косвенно это прослеживается хотя бы по тому, что гунны не напали на империю в тот же год.

Таким образом, в сложившейся ситуации отправка Феодосием I готских отрядов на Запад против Евгения, на первый взгляд, была невозможна. Тем не менее, судя по участию готов в войне против узурпатора, а также хотя по запоздалому назначению Алариха магистром армии, данная проблема явно получила свое разрешение. По-видимому, медлительность с решением готского вопроса была вызвана тем, что особый план, позволяющий увести федератов на Запад и при этом добиться расположения гуннов, возник относительно поздно. Не исключено, что предстоящее нападение гуннов на готскую Фракию было согласовано с римскими властями и планировалось в качестве компенсации кочевникам за потерю ими земледельческого населения. В пользу такой версии свидетельствуют некоторые неясные и противоречивые обстоятельства последующих событий.

Так, обращает на себя внимание то, что среди всех других народов, приславших помощь Феодосию I, Иоанн Антиохийский упомянул и гуннов Фракии, пришедших к императору со своими филархами (John of Antioch., fr. 187). Правда, учитывая фрагментарность и неоднозначность интерпретации дошедшего до нас текста этого сложного источника (Nuffelen 2012: 437—450), можно предположить, что в данном пассаже речь все же изначально шла о готах. Тем более, что гунны отсутствуют в длинном списке народов, которые по Клавдиану приняли участие в походе на Запад. При этом вряд ли есть основания предполагать, что придворный поэт не упомянул гуннов только из-за связи ненавистного им Руфина с кочевниками (Maenchen-Helfen 1973: 49—51).

Если исходить из того, что уход в Италию наиболее боеспособных частей римской армии, в том числе и с приграничных районов, не мог произойти без решения гуннской проблемы, то можно предположить следующее. Возможно, что сведения о предстоящих планах участия кочевников в походе на запад были получены от осведомителя, присутствующего на переговорах с гуннами. Не исключено также, что эта информация была заведомо ложной и распространялась специально с целью усыпления бдительности готов, готовившихся к походу на Запад. Вполне возможно, что дело дошло даже до ложной откочевки каких-то групп кочевников во Фракию, лишь бы только готы не усмотрели ничего

подозрительного. Но после ухода Алариха гунны должны были опустошить римскую территорию, причем только в пределах компактного проживания федератов. В результате мы наблюдаем такую скупость сведений в источниках, не сопоставимую, казалось бы, с информацией о нашествии гуннов на восточные провинции. Вполне возможно, что они должны были выступить в поход после победы Феодосия I над Евгением. Очевидно, что только такая версия договоренностей римлян с гуннами может объяснить противоречия в трактовках последующих событиях.

Заметим, что многотысячные готские отряды Алариха (Iord. Get., 145), ушедшие на Запад, являлись наиболее боеспособной частью римской армии Феодосия I (Вольфрам 2003: 198). При этом варвары, отправляясь на службу, оставляли свои дома и семьи, абсолютно уверенные в их безопасности. С другой стороны, расстановка императором воинских подразделений перед решающей битвой с Евгением свидетельствует о тайной борьбе, которую Феодосий I вел против готов. После тяжелого перехода через сложный перевал Хубль, когда на равнину в долине вышли еще не развернувшиеся императорские колонны, готы были выдвинуты в авангард армии. В этот же день 5 сентября 394 г. в ожесточенном сражении в долине реки Фригид погибла половина авангарда (Socrat., V, 25; Soz., VII, 24; Zosim, IV, 58; Oros., VII, 35; Theod., V, 24; Rufin., II, 33; Ambr. Ob. Theod., 7; Cons. Ital., 394). Из анализа сражения, проведенного Йеном Хьюджесом, очевидно, что в создавшейся ситуации у Феодосия I не оставалось выхода, кроме как лобовой атакой заставить отступить вражеские силы и освободить место в долине для развертывания своих подразделений (Хьюджес 2017: 58). Тем не менее, еще современниками императора было замечено, что если Феодосий I и придерживался в данном походе какой либо тактики, то, только «предпочитая использовать варварские легионы против врага и рисковать в первую очередь ими» (Zosim, IV, 58, 2).

Следовательно, гибель варваров не являлась случайностью, на что указывает и странный раздел готов на две части в армии Феодосия I. При этом та часть, которая сражалась в авангарде, по какой-то причине оказалась под руководством Гайны (Zosim, IV, 58, 2), который, хотя и являлся готом, но не был знатного происхождения. Х. Вольфрам даже предположил, что тогда сам Аларих оказался в подчинении у Гайны. Это не могло не вызвать раздражение Алариха и его воинов (Вольфрам 2003: 198).

Известно, что в то неспокойное время императорам требовалось много солдат. И их постоянно не хватало. Причем римляне уклонялись и откупались от службы, а на вспомогательные варварские войска вряд ли возлагали большие надежды (Mathisen 2019: 144—145). Но даже в этом случае поражает легкость принесения в жертву императором десяти тысячи варварских воинов — наиболее боеспособной части его армии. Однако все становится понятным, если мы допустим, что в это время шла скрытая война императора и его ближайшего окружения против готов. Ее целью, очевидно, было полное уничтожение готского анклава на территории империи. Римское же участие в организации гуннского нападения на готскую Фракию являлось частью данной общей стратегии. В этом случае целенаправленное ослабление основных готских воинских сил, их разделение и вывод одной из частей из-под командования Алариха являлись необходимыми действиями для удержания ситуации под контролем. Речь, по-видимому, шла о моменте появления известий в Риме о гуннском разграблении Фракии, к которому необходимо было тщательно подготовиться. Нетрудно догадаться, что могли бы натворить в Италии готские отряды, если бы заранее не провести комплекс превентивных мероприятий.

Сейчас трудно сказать, когда же именно произошло нападение гуннов на Балканские провинции: сразу после получения сведений о победе Феодосия I, убийстве Евгения и

самоубийстве Арбогаста (Zosim, IV, 58), или после получения известий о смерти Феодосия I от болезни в Милане 17 января 395 г. (Cons. Const., s.a. 395; Ambr. Ob. Theod., 18; Philost., XI, 2; Socr., V, 26; Zosim, IV, 59, 4). В любом случае, западно-римская элита занималась в это время вопросами преемственности власти, и ей было не до гуннского нашествия. Тем более что Феодосий I не только успел заблаговременно провозгласить «своего сына Гонория императором», но и объявить «Стилихона магистром praesentalis, оставив свою гвардию сыну» (Zosim, IV, 59, 1). Зосим говорит, что все это произошло в Риме, хотя известно, что Гонорий был провозглашен императором еще в 393 г. в Константинополе (Cons. Ital., 1, 298).

Очевидно, что Зосим, как заметил Н.Н. Болгов, путает здесь некоторые события (Болгов 2010: 201, прим. 3). В любом случае, смерть Феодосия I не вызвала никаких сложных процедурных проблем связанных с престолонаследием в империи (Lee 2013: 90). Августом Запада стал Гонорий, опекуном же последнего — Стилихон (Cameron 1970: 38). Возможно, что выбор Стилихона в качестве регента в данной ситуации был обусловлен самим фактом удочерения Феодосием I Серены — дочери его рано умершего брата Гонория (Голдсуорти 2014: 464—465). Ведь на ней был женат Стилихон (Хьюджес 2017: 62—63). Что же касается уточнения статуса такого регента—опекуна, то, похоже, это был не обычный опекун в нашем привычном понимании, а некий высокопоставленный и морально безупречный представитель императорской семьи с возложенной на него ответственностью за попечительство над императором (O'Flynn 1983: 46; Хьюджес 2017: 64).

Любопытно, но в Константинополе перед походом на Рим Феодосий I также оставил несовершеннолетнего «…сына Аркадия уже назначенным императором» (Cons. Const., s.a. 383) под присмотром «Руфина, который в качестве префекта претория вел себя так, как хотел, и имел власть, подобную власти императора» (Zosim, IV, 57, 4). В результате после смерти Феодосия I, когда «империя была разделена на две части», а «братья Аркадий и Гонорий вступили в управление ими» (Marcell. Chron., 395), ситуация в государстве предсказуемо обострилась. Несмотря на все старания Феодосия I, реальная власть в Римской империи оказалась не у его сыновей, а у их опекунов, ненавидевших друг друга. Возможно, что разлад между галлом Руфином и вандалом Стилихоном наметился еще в то время, когда последнему удалось породниться с династией Феодосия I, а у Руфина подобная же операция досадным образом провалилась. Как известно, в отсутствии Руфина, мечтавшего о свадьбе своей дочери с Аркадием, препозит священной опочивальни евнух Евтропий сумел побудить молодого императора остановить выбор невесты на девушке «необычайной красоты» Элии Евдоксии — дочери Баутона (Zosim, V, 3). Считается, что за кулисами этих событий, направленных против Руфина, стоял Стилихон (Болгов 2010: 205, прим. 3).

Как видим, в ситуации, сложившейся в государстве после смерти Феодосия I, у Стилихона появился реальный шанс установить свою власть над всей империей. Видимо с этой целью он «принял командование над всей армией» (Zosim, V, 4, 2) и отправил на Восток вместе с Тимасием только воинов, получивших тяжелые ранения, и поэтому непригодных для несения воинской службы (Liebeschuetz 1990: 150). Тем самым Стилихон сосредоточил под своим командованием настолько мощные силы, что ни один из его противников не мог с ним сравниться (Matthews 1975: 253—283; O'Flynn 1983: 1—24; Williams, Friell 1994: 143—158; Burns 1994: 148—182). С этого времени в империи все сильнее стала намечаться тенденция концентрации всей политической власти в государстве не в руках слабого или несовершеннолетнего императора, а в руках могущественного военачальника (Хьюджес 2017: 70). По-видимому, Стилихон пытался распространить свою власть на Восток, в том числе при помощи специально распространяемых сведений, что якобы «оба императора были поручены ему Феодосием на его смертном одре, и что он должен взять на себя заботу о

них обоих» (Zosim, V, 4, 3). Подобные слухи, скорее всего, имели своей главной целью формирование образа Стилихона как официального представителя императорской династии, на которого якобы еще самим Феодосием I была возложена высочайшая ответственность за судьбы империи. Такой образ, безусловно, развязывал Стилихону руки для более решительных действий по отношению к Востоку. Поэтому не имело никакого значения, что к этому времени Аркадию было 18 лет, причем он уже 11 лет являлся императором. Так что опекун ему не требовался (Болгов 2010: 206, прим. 6).

Тем не менее, Амвросий подтверждает, что Феодосий I в завещании доверил своих обоих сыновей «попечению опекуна, своего близкого родственника, присутствовавшего там» (Ambr. De Obi Theod., 5). Разумеется, сомнительные притязания Стилихона на опекунство над Аркадием нашли свое отражение в словах Амвросия (O'Flynn 1983: 15). Возможно, что объединив под своим командованием две армии, Стилихон праздновал победу (Ferrill 1988: 89—90). Однако после неожиданно полученного отпора от Руфина ему срочно понадобилось доказательство легитимности своих притязаний на власть над обеими частями государства. При этом, даже учитывая тот факт, что действия высокопоставленного опекуна были обусловлены стремлением еще Феодосия I к объединению империи под эгидой своей династии (Хьюджес 2017: 65), Стилихон, явно выходил за рамки этой политики. Очевидно, что его курс носил ярко выраженный характер захвата власти в империи (Williams, Friell 1994: 143), отчасти поддержанный элитой Запада (Хьюджес 2017: 66—67, 74—80).

В центре этого нового сложного обострения внутриполитической ситуации в империи оказался Руфин. Учитывая его крайне уязвимое положение, он фактически оказался беззащитным перед Стилихоном. Чтобы успешно противостоять западной части империи с ее объединенной мощной армией, Руфину необходимо было консолидировать вокруг себя все верные ему силы, и в первую очередь, союзных варваров, воинский потенциал которых, не вызывал сомнений. С этой целью Руфин должен был не только срочно вернуть восточную армию домой, но и заручиться поддержкой Алариха. Последнее было не просто, ведь гунны уже перешли «заледенелый Дунай» (Claud. In Rufin., II, 17), заняли «всю Фракию и стали опустошать целую Европу» (Filostorg., XI, 8).

Разумеется, упоминание Европы в источнике не имеет отношения к реальному положению дел на Балканах (Ивик, Ключников 2018: 94). Предполагать, что под этим наименованием подразумевалась одноименная провинция, также вряд ли имеет смысл. Гунны не могли дойти до Босфора и Мраморного моря, так как такое событие отразилось бы в гораздо большем количестве источников. По-видимому, Европа была добавлена церковным историком с целью усиления трагической масштабности происходящего. Тем более что в это время наблюдались нападения варваров и на другие пограничные провинции, в том числе и на Паннонию (Бугарски, Иванишевич 2012: 491).

Произошло же на самом деле, скорее всего, следующее. Получив необходимые сведения из Римской империи, включая видимо, и сообщение о смерти Феодосия I, гунны, перейдя зимой 394/395 г. по льду замерший Дунай, напали на римские города и поселения. При этом не вызывает сомнений, что орды кочевников имели главной целью своего рейда именно Фракию, которую они совершенно разорили. Как было сказано выше, это было связано с тем обстоятельством, что именно на данной территории по договору 382 г. уже более десятилетия проживали готы, в свое время бежавшие от своих гуннских хозяев. Нетрудно предположить, что произошло с домами и семьями варваров в ходе указанного нашествия. Таким образом, в то время, когда Руфин делал все возможное для появления лично преданной ему армии, с готами у Константинополя наметился серьезный конфликт. При этом погасить его было трудно, так как римлянам нечем было оправдать неспособность

власти, а также обеспечить готам безопасное существование на территории империи в условиях все возрастающей гуннской угрозы (Вольфрам 2003: 200—201). Положение усугублялось и собственно смертью Феодосия I, после которой прекратили действия и все договоры, заключенные с варварами в 382—392 гг. (Вольфрам 2003: 199).

Теперь становится ясно, из-за чего готы взбунтовались, находясь еще в Италии. Ведь именно в это время до них дошли сведения о разграблении гуннами Фракии. Очевидно, что причину массовых волнений варваров нельзя сводить только к желанию федератов улучшить свое положение в Римском государстве или к стремлению Алариха получить вожделенную командную должность (Liebeschuetz 1990: 7—88; Kulikowski 2007: 176—177, 188; Halsall 2007: 187—193; Lee 2013: 110). Гибель воинов в битве у р. Фригид (Хизер 2016: 275) и начавшиеся проблемы с продовольствием только усугубили картину предательства римскими властями федератов, дома которых были открыто сданы гуннам. Очевидно, что именно эта измена и вывела варваров из себя. На обратном пути на Восток, готы вынуждены были производить изъятие продуктов питания у местного населения силой. Возможно, что запасы для восточной армии действительно были рассчитаны для следования только в один конец. В любом случае, движение готов через обе Иллирии, включая Далмацию, превратилось в открытый грабеж жителей римских провинций (Claud. In Rufin., II, 70, 179; Вольфрам 2003: 199; Хизер 2016: 276). Даже Руфин, когда увидел «Алариха взбунтовавшимся и, разъярившись, отстранил его от командования армией», оставив «последнему только варваров Феодосия, пожалованных за помощь в свержения тирана Евгения» (Zosim, V, 5, 4).

С одной стороны, Руфин обязан был это сделать с целью сохранения своего авторитета в империи. С другой стороны, опекун Аркадия предпринял эти действия, когда готы находились еще в Италии, на что прямо указывает наш источник: «отстранил его от командования армией» (Zosim, V, 5, 4). Поэтому не исключено, что это было сделано специально, так как только Стилихон на фоне острого конфликта Алариха и Руфина смог отпустить готские отряды домой на Восток. В связи с этим заманчиво предположить, что и гуннское нападение на Фракию было также спровоцировано Руфином с подобной же целью (например, используя категорический отказ производить гуннам соответствующие выплаты). Однако возврат готов на Восток, безусловно, грозил Константинополю серьезными осложнениями. Поэтому если Руфин и старался вернуть готов домой, то он вряд ли мог предпринять что-то более существенное, чем организацию показного скандала с Аларихом. Когда же готы, отпущенные Стилихоном, все же отправились на Восток, то Руфин «тайно сообщал Алариху о том, что все ожидаемое им становится действительностью, и побуждал его привести с собой варваров и все прочие имеющиеся у него силы» (Zosim, V, 5, 4). При этом опекун Аркадия не мог не понимать, что заставить перейти готов на его сторону было возможно только в результате улучшения условий их пребывания в империи, а также, проведения мероприятий по достижению эффективной защиты федератов и их семей.

Нам представляется, что у Руфина на этот счет не было особого выбора. Ведь ослабление готских федератов представлялось для него гораздо большей опасностью, чем гуннский грабеж римских провинций. Дело в том, что в сложившейся ситуации готы Алариха являлись единственно мощной боеспособной силой на Востоке. Так что они могли защитить Руфина от происков и возможных враждебных действий Стилихона. Но т.к. готская проблема неразрывно была связана с кризисом взаимоотношений гуннов с Римской империй, то необходимо было, в первую очередь, разрешить именно его. Тем более что Руфин определенно имел прямые выходы на кочевников, т.к. уже проводил с ними переговоры (Liebeschuetz 1990: 52).

Так что не стоит удивляться тому, что накануне интересующих нас событий у Руфина появилась личная гвардия телохранителей — гуннов (Claud. In Rufin., II, 76; Chron. Minor., 650, 34). Возможно, он выпросил отряд букеллариев у Феодосия I перед самым отъездом императора на Запад в противовес существовавшей подобной группе наемников у Стилихона (Хьюджес 2017: 81—82). Во всяком случае, контакты с миром кочевников Придунавья и Северного Причерноморья у Руфина были хорошо налажены, и он вполне мог в случае необходимости ими воспользоваться. В этой связи заманчиво выглядят свидетельства современников, упрекающие Руфина в организации гуннского вторжения в восточные римские провинции в 395 г.

Разумеется, некоторые из ученых скептически относятся к данной версии. Ведь обвинения Руфина в стремлении к тирании, а также в том, что он «призвал в римскую область варварский народ гуннов, которые около того времени опустошили Армению и другие восточные земли» (Socr. Schol., VI, 1), были успешно использованы Стилихоном с целью уничтожения своего опасного противника. Такая позиция хорошо прослеживается по сочинениям Клавдиана — придворного поэта Стилихона, который по долгу службы должен был очернять всех недругов своего патрона (Ивик, Ключников 2018: 94—95). Одно только то, что именно Клавдиан являлся главным рупором версии о призвании Руфином варваров на римские земли (Claud. In Rufin., II, 17—18, 22—25), справедливо вызывает недоверие к этой информации. Но невозможно не признать тот факт, что только масштабное нападение гуннов на восточные провинции империи могло реально укрепить власть Руфина. Во-первых, серьезное осложнение положения на восточных рубежах империи должно было побудить Стилихона вернуть восточную армию в Константинополь. В этом случае, разумеется, она перешла бы в полное подчинение Руфина. Во-вторых, победоносная война против гуннов должна была поднять авторитет последнего, особенно в армии, которую он, вероятно, хотел возглавить. В-третьих, если главной целью восточного похода являлся захват людей и переселение их на контролируемые гуннами земли, то это могло являться своеобразной компенсацией кочевникам за потерю готов, которых римская сторона приняла на свою территорию. Возможно, только тогда гунны могли пообещать оставить в покое федератов и заключить новый мир с империей.

Исходя из всех этих доводов, мы склоняемся к мнению, что только на основании конфликта Стилихона с Руфином полностью реабилитировать и отделить последнего от всей этой закулисной борьбы и тайных интриг категорически нельзя. Конечно, трудно согласиться с версией, что Руфин поднял восстание против Аркадия и поэтому призвал гуннов к себе на помощь (Гадло 1979: 17; Габуев 2009: 273). Однако после смерти Феодосия I и разорении гуннами готской Фракии, кочевники могли выставить ультиматум Руфину и вновь потребовать от него возвращения всех оставшихся готов или компенсации потери населения другими людскими ресурсами. Может быть, именно поэтому Руфин был вынужден откупиться от гуннов населением далеких восточных провинций, тем более что варварское нашествие на удаленные от столицы земли вряд ли могло вызвать опасный для него широкий общественный резонанс.

Таким образом, вторжение гуннов на территорию Римской империи в 395 г. можно трактовать как скоординированное нападение двух больших гуннских группировок (Манасерян 2019: 13). Это свидетельствует о провале римской политики по преднамеренному разделению и противопоставлению акациров другим гуннским объединениям (Ярцев 2020: 67), районы кочевания которых хорошо прослеживаются по археологическим данным (Казанский, Мастыкова 2009: 114—126). Однако не исключено, что между первым и вторым походами гуннов прошло некоторое время. Считается, что

восточный поход мог начаться тогда же зимой 394/395 г. или же немного позже (Ивик, Ключников 2018: 96). Действительно, исходя из логики событий, после первого нападения гуннов на Фракию между ними и римлянами должны были состояться переговоры, обусловленные ситуацией в государстве после смерти Феодосия I. Косвенно на факт таких переговоров указывает прекращение гуннских рейдов на Балканские провинции империи. Хотя восстание Алариха, казалось бы, этому способствовало.

Некоторые особенности восточного похода также подтверждают вывод о наличии договоренностей гуннов с римскими властями. Поход состоялся, судя по источникам, не позже 707 г. селевкидской эры (395/396 г.) (Ios. Styl., 9), а точнее в месяце Таммузе 706 г. селевкидской эры (июль 395 г.) (Chron. Edess., XL). Иногда, правда, опираясь на дату поздней хроники XIII в. Бар-Эбрея, восточный поход гуннов относят к 397 г. (Засецкая 1994: 143), или даже продлевают его до указанной даты (Ивик, Ключников 2018: 275, прим. 283). В любом случае, именно в 395 г., вероятней всего сразу после опустошительного набега на Фракию и переговоров с римлянами, гунны напали на восточные провинции Римской империи. При этом в поход выступили как гунны Северного Причерноморья, которые «перейдя через реку Танаис» вторглись «в восточные области» (Philost., XI, 8), так и гунны, кочевавшие в Предкавказье (Kazanski, Mastykova 2003: 72). Н.В. Пигулевская и Р.Л. Манасерян предполагают, что участниками похода, помимо европейских гуннов, могли быть и хиониты, переместившиеся в это время из Приаралья в Предкавказскую степь и получившие в источнике название «белые гунны» (Пигулевская 1941: 37; Манасерян 2019: 12—16). В любом случае, трудно согласиться с мнением А.В. Гадло, что поход 395 г. совершили исключительно гунны Предкавказья, а Танаис, который перешли гунны, это не Дон, а Фасис (Риони) (Гадло 1979: 18; Манасерян 2019: 14, прим. 1).

Конечно, отдельные территории Северо-Восточного Причерноморья могли перейти под власть гуннов с разрешения Боспора и Рима еще до указанных событий. Например, в предшествующий период улучшения отношений с кочевниками акацирами (как вариант, за помощь в подавлении мятежа на Боспоре) (Ярцев 2020: 67). Однако нам представляется, что к 395 г. гуннами контролировались не все районы Предкавказья. Некоторые из них могли быть захвачены только в ходе восточного похода, после непосредственного перехода Танаиса основными гуннскими силами, когда «весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом» (Hier. Ep., 77, 8). В дальнейшем именно из этих северокавказских районов «Каспийским проходом, по неоткрытым тропам, сквозь армянские снежные кручи» (Claud. In Rufin., II, 26—36), кочевники подвергнут опустошению Армению, Каппадокию, Киликию и Сирию. Судя по источникам, гунны двигались «в восточные области, через Великую Армению ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Келесирии, и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей …» (Philost., XI, 8). Для местного населения это были самые настоящие «северные волки», которые в относительно короткое время смогли ограбить «столь обширные провинции». Была даже «осаждена Антиохия и остальные города, которые омывают Галис, Кидн, Оронт и Евфрат …» (Hier. Ep., 60, 16). Более того, «повсюду шел согласный слух, что они направлялись к Иерусалиму», гонимые своей страшной жадностью «к золоту» (Hier. Ep., 77, 8).

Тем не менее, несмотря на масштабность такого нападения, источники свидетельствуют, что гунны подвергли грабежу только собственно римские провинции и Вторую Армению с

центром в Мелитине. Эта часть Армении по римско-иранскому договору 387 г. отошла к империи и непосредственно находилась под управлением римской администрации с 391 г. (Манасерян 2019: 12). В этой связи трудно не согласиться с Р.Л. Манасеряном, что в своем продвижении гунны сознательно обошли земли, находившиеся под протекторатом Персии, по-видимому, учитывая великодержавные интересы Сасанидов. По этой причине подробности данного нападения 395 г., которые нам известны из всего комплекса источников, вступают в серьезные противоречия с походом гуннов во главе с Басихом и Курсихом на Мидию из рассказа Приска, не позволяя отождествить эти события (Артамонов 1962: 53; Maenchen-Helfen 1973: 52—57; Манасерян 2019: 6—41). В пользу того, что Сасаниды не только не были затронуты этим нашествием, но в какой-то мере поспособствовали ему, также свидетельствует ценное наблюдение Н.В. Пигулевской. Она обратила внимание, что в угрозе шаханшаха Пероза, апеллирующего к прошлым событиям (Ios. Styl., 9), явно просматриваются антиримские враждебные действия со стороны Ирана, гарнизоны которого, судя по контексту, намеренно пропустили варваров через горный проход в 395 г. (Пигулевская 2011: 245).

Кроме того, источники гуннского похода 395 г. ничего не говорят о вторжении кочевников в аланские районы Центрального Кавказа (Габуев 2009: 272). Существует версия, что гунны в ходе этого похода специально не затрагивали алан (Габуев 2009: 275). В это трудно поверить, ведь необходимо учитывать известную путаницу у древних авторов с «Каспийскими воротами», наименование которых иногда могло применяться и к Дарьяльскому ущелью Центрального Кавказа (Перевалов 2001: 282—289; Пигулевская 2011: 244). Но если последний проход, известный как «Ворота Алан», вследствие ошибочного книжного определения действительно мог называться «Каспийскими воротами» (Туаллагов 2018: 266—268), то варварские отряды в 395 г. вполне могли пройти и через него (Kazanski, Mastykova 2003: 72). Отчасти это подтверждается дошедшими до нас сведениями о переговорах римлян с персами при Феодосии I с целью срочного возведения укреплений сразу в двух опасных горных районах Дербента и Дарьяла (Minorsky 1958: 87, n. 2). Заметим, что необходимость в таких крепостях у римлян могла возникнуть только после обострения отношений с гуннами в начале 90-х гг. IV в., в связи с заключением нового договора с Аларихом в 392 г.

Таким образом, не таким уж неправдоподобным представляется нам предположение А.В. Гадло, о существовании в конце IV в. на территории между Дербентом и рекой Терек (протекающей и по Дарьяльскому ущелью), племенного союза со смешанным гуннским и аланским населением (Гадло 1979: 26). Конечно, исходя из современного состояния источников, подтвердить или опровергнуть данную гипотезу чрезвычайно трудно. Однако необходимо отметить, что кавказские аланы в конце IV в. явно находились в каких-то договорных отношениях с гуннами. Раннеаланская культура, получившая свое развитие еще со II в., к концу IV в. занимала огромную территорию, начиная с современного Грозного на востоке, районов Кабардино-Пятигорья на западе, Дарьяльского перевала на юге и Георгиевска и Новопавловска на севере. Поэтому логично предположить, как это справедливо сделал Т.А. Габуев, что при осуществлении гуннской экспансии на указанное население, в первую очередь, должны были пострадать пограничные аланские городища. Но, как известно, этого не произошло. Даже непосредственные районы, примыкающие к Дарьяльскому проходу, через который, как достоверно известно, гунны совершали свои нападения в первой половине V в., также не несут следов захватов и разрушений (Габуев 2011: 60).

Но если предположить, что в 395 г. на восточные римские провинции напала довольно мощная варварская группировка сразу нескольких воинственных народов Северного Причерноморья и Предкавказья во главе с гуннами, то возникает вопрос о главной стратегической задаче такой хорошо спланированной военной операции, сплотившей различных варваров в единую мощную боевую силу. Очевидно, что такую цель трудно свести исключительно к насилию и грабежу. Удивительно, но наши источники довольно определенно указывают, что, несмотря на «избиение» гуннами местного населения (Philost., XI, 8), кочевников в нападении 395 г., в первую очередь, интересовал захват людей (Maenchen-Helfen 1973: 55—56). Именно поэтому ими были «уведены целые толпы пленных» (Hier. Ep., 60, 16), а многие земли просто обезлюдели (Пигулевская 1941: 39). Даже спустя несколько десятилетий персы помнили масштаб «опустошения и увод в рабство, произведенные гуннами в ромейских землях в 707 г. [395/6 г.] в дни Гонория и Аркадия, сыновей Феодосия великого, когда вся Сирия находилась в их руках» (Ios. Styl., 9; Пигулевская 2011: 600).

В этой связи заметим, что гунны, так нуждающиеся в зависимом земледельческом населении, не напали с этой целью на ближайший к ним Боспор. Прекращение функционирования некоторых варварских могильников в Предгорном Крыму, как и локальные разрушения на Азиатском Боспоре (Фанагория) в это время, могли быть связаны с иными событиями (Ярцев 2020: 64—65). Учитывая то, что основными объектами нападения для гуннов в 395 г. стала империя и римский мир в целом, отсутствие следов масштабной экспансии на земли Херсонеса и Боспора, по примеру безжалостных военных рейдов по восточным провинциям, вызывает, по меньшей мере, удивление. Все это лишний раз свидетельствует в пользу существовавшей договоренности между гуннами и Руфином, в которой допускался увод варварами в плен части населения восточных провинций в качестве компенсации за ушедших от кочевников на территорию империи готов. Очевидно также, что гуннское нападение на Боспор не позволяло Руфину добиться его главных стратегических целей. Только масштабное гуннское нашествие на римские провинции не оставляло Стилихону никаких шансов на продолжение политики удерживания под своим командованием восточной армии, которую теперь необходимо было срочно отправлять домой. С ее же возвращением и нормализацией отношений с готами-федератами, что, безусловно, планировалось в самой ближайшей перспективе, Руфин, не просто укреплял свою власть, но становился практически неуязвимым для Стилихона.

К сожалению, объективной оценке реального положения дел в империи в этот непростой период мешает тенденциозность некоторых источников. Причем если Клавдиан в своей безудержной критике Руфина явно действовал в русле политического курса Стилихона, направленного на захват власти во всей империи, то другие, такие как Зосим или Евнапий, определенно отражали протестные настроения внутренней оппозиции Востока. Считается, что оппозиционно к Руфину были настроены отдельные городские круги, связанные с отживающим полисным строем, а также аристократы, находившиеся под давлением со стороны новой служилой знати (Козлов 1976: 71). На примере сочинения Клавдиана мы видим, что Стилихона и Руфина придворный поэт изображает в качестве двух противостоящих сил, силы тьмы и света: лучезарного Аполлона, освободителя человечества, и ужасного Пифона, бича мира. Действительно сложно в таком карикатурном портрете Руфина увидеть свидетельства позволяющие составить объективную картину происшедших тогда событий (Bury 1923: 113). Не удивительно поэтому, что Руфина иногда даже наделяют чертами тирана, пытающегося захватить императорский трон (Philost., XI, 3). Но с другой стороны, не будем забывать и о довольно широком распространении в то время слухов о

Руфине как о человеке, реально впустившем в империю гуннов. При этом заметим, что такая информация была в ходу как на Западе, так и на Востоке (Maenchen-Helfen 1973: 56). Сократ Схоластик и Созомен именно призванием гуннов оправдывают заговор Стилихона против Руфина, завершившийся убийством последнего 27 ноября 395 г. (Socr., VI,I; Soz., VIII, 1). Подобное же обвинение выдвигает и Иешуа Стилит в своей хронике, частично восходящей к иранским источникам (Пигулевская 2011: 59). Согласно данному сочинению, гуннское опустошение восточных провинций «и увод в рабство», произошел «благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая» (Ios. Styl., 9; Пигулевская 2011: 600).

Конечно, все эти свидетельства вполне могут как отражать реальную связь Руфина с гуннами, напавшими на империю в 395 г., так и быть откровенной ложью, призванной очернить всесильного опекуна в глазах общественности. Однако то обстоятельство, что гуннское нашествие действительно могло спасти Руфина от нависшей над ним угрозы со стороны Стилихона, и, соответственно, было крайне ему выгодно, не позволяет нам игнорировать категорические утверждения указанных авторов. Ближе к истине на этот счет, скорее всего, высказался Орозий, пояснив, что совершаемое Руфином и Стилихоном «объясняет цель каждого из них: один для себя стремился добыть царское положение, другой для сына своего. Для этого один впустил варварские племена, другой этому содействовал, чтобы во время внезапной сумятицы нужда государства скрыла их преступные замыслы» (Oros., VII, 37). Другими словами, если в ходе борьбы друг с другом, один могущественный опекун допустил варварское нашествие на свои земли, то другой с успехом использовал это в своей пропагандистской кампании.

Таким образом, нападение гуннов Северного Причерноморья на римское государство в 395 г. объясняется особенностями внутриполитической борьбы в империи в данный период. Опустошение гуннами Фракии, возможно, было изначально санкционировано римлянами с целью ослабления готов—федератов и нормализации отношения с кочевниками, ставших особенно актуальными в результате ухода основных боеспособных римских сил на Запад. Последующий гуннский поход на восточные провинции Римской империи, явно не получивший достойного отпора от Руфина, скорее всего, был допущен им по причине резко изменившейся внутриполитической ситуации в империи после смерти Феодосия I. Теперь, когда вся власть в империи сосредоточилась у Стилихона на Западе и Руфина на Востоке, в борьбу между ними был вовлечен и варварский мир Северного Причерноморья, обладающий огромным военным потенциалом. Но использовался этот потенциал каждой из враждующих сторон по-своему. Не вызывает сомнений, что Руфин только благодаря катастрофическому гуннскому нашествию на восточные провинции мог вернуть восточную армию в Константинополь, улучшить отношения с гуннами, а также заручиться в перспективе поддержкой готов Алариха. Тем самым Руфин укреплял свое положение в государстве, особенно в противостоянии с внутренней оппозицией и в борьбе со Стилихоном, от которого становился полностью независимым. Стилихон же данное нападение гуннов умело направил против своего оппонента, максимально очернив его в глазах римского общества, тем самым, подготовив операцию по его физическому устранению.

Литература

Артамонов М.И. 1962. *История хазар.* Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Болгов Н.Н. (изд.). 2010. *Зосим. Новая история*. Белгород: БелГУ.

Бугарски И, Иванишевич В. 2012. Пограничье Римской империи и варваров: система обороны империи от Куция до Ледераты. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная*

зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 482—511.

Вольфрам Х. 2003. *Готы.* Санкт-Петербург: Ювента.

Габуев Т.А. 2009. Аланы и гунны на Северном Кавказе. *НАВ* 10, 272—279.

Габуев Т.А. 2011. Об ареале раннеаланской культуры и алано-гуннских взаимоотношениях. *Вестник Дагестанского научного центра* 43, 58—63.

Гадло А.В. 1979. *Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.* Ленинград: Издательство Ленинградского университета.

Голдсуорти А. 2014. *Падение Запада. Медленная смерть Римской империи.* Москва: АСТ.

Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.).* Санкт-Петербург: АО «Эллипс».

Ивик О., Ключников В. 2018. *Гунны.* Москва: Ломоносовъ.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 2009. «Царские» гунны и акациры. В: Фурасьев А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем.* Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 114—126.

Козлов А. С. 1976. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг. *АДСВ* 13, 68—82.

Манасерян Р.Л. 2019. *Гунны в отношениях с Ближним Востоком и Римским Западом.* Санкт-Петербург: Алейтейя.

Перевалов С.М. 2001. Арриан у ворот Кавказа. *ПИФК* X, 282—289.

Пигулевская Н.В. 1941. *Сирийские источники по истории народов СССР.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Пигулевская Н.В. 2011. *Сирийская средневековая историография: исследования и переводы.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Туаллагов А.А. 2018. Дарьял — «ворота алан». *Nartamongae* XIII(1—2), 249—308.

Хизер П. 2016. *Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы.* Москва: Центрполиграф.

Хьюджес Й. 2017. *Стилихон. Вандал, который спас Рим.* Москва: Клио.

Ярцев С.В. 2020. Военно-политическая стратегия императора Феодосия I в Северном Причерноморье. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки»* 9, 61—67.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. *Греко-варварский Крым в период поздней античности (III—IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе).* Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

Burns T. 1994. *Barbarians within the gates of Rome: a study of Roman military policy and the barbarians, ca. 375—425 A.D.* Bloomington: Indiana University Press.

Bury J. 1923. *History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian*. Vol. II. London: Macmillan.

Cameron A. 1970. *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius.* Oxford: Clarendon Press.

Ferrill A. 1988. *The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation.* London: Thames & Hudson.

Frye R. 1984. *The History of Ancient Iran.* München: C.H. Beck.

Halsall G. 2007. *Barbarian Migrations and the Roman West 376—568.* Cambridge: Cambridge University Press.

Kazanski M., Mastykova A. 2003. *Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier—VIIe siècle apr. J.-C.).* Paris: Éditions Errance (Collection des Hespérides).

Kulikowski M. 2007. *Rome's Gothic Wars: From the Third Century to Alaric (Key Conflicts of Classical Antiquity).* Baltimore: Cambridge University Press.

Lee D. 2013. *From Rome to Byzantium AD 363 to 565: The Transformation of Ancient Rome.* Edinburgh: Edinburgh University Press.

Liebeschuetz J.H.W. 1990. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.

Maenchen-Helfen O. 1973. *The World of the Huns: studies in their history and culture.* Berkeley: University of California Press.

Mathisen R.W. 2019. The End of the Western Roman Empire in the Fifth Century CE: Barbarian Auxiliaries, Independent Military Contractors, and Civil Wars. In: Lenski N. (ed.). *The Fifth ctntury: Age*

of transformation Proceedings of the 12th Biennial Shifting Frontiers in Late Antiquity Conference. Bari: Edipuglia, 137—156.
Matthews J. 1975. *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364—425*. Oxford: Clarendon Press.
Minorsky V. 1958. *A History of Sharvān and Darband in the 10th — 11th centuries.* Cambridge: W. Heffer & sons LTD.
Nuffelen P.V. 2012. John of Antioch, inflated and deflated. Or: How (not) to Collect Fragments of Early Byzantine Historians. *Byzantion* 82, 437—450.
O'Flynn J. 1983: *Generalissimos of the Western Roman Empire.* Alberta: The University of Alberta Press.
Thompson E.A. 1999. *The Huns includes a revised afterword by Peter Heather.* Oxford: Wiley.
Williams S., Friell G. 1994. *Theodosius: The Empire at Bay.* London: Batsford.

References

Artamonov, M.I. 1962. *Istoriia khazar (History of the Khazars).* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
Bolgov, N.N. (ed.). 2010. *Zosim. Novaya istoriya (Zosimus. New History)*. Belgorod: BelGU (in Russian).
Bugarski, I, Ivanishevich, V. 2012. In: Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples).* Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Kulikovo pole", 482—511 (in Russian).
Volfram, Kh. 2003. *Goty (The Goths).* Saint Petersburg: Iuventa (in Russian).
Gabuev, T.A. 2009. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Academic Periodical)* 10, 272—279 (in Russian).
Gabuev, T.A. 2011. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Academic Periodical of the Dagestan Scientific Center)* 43, 58—63 (in Russian).
Gadlo, A.V. 1979. *Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV—X vv. (Ethnic History of North Caucasus of 4th — 10th Centuries).* Leningrad: Leningradskiy universitet (in Russian).
Goldsuorti, A. 2014. *Padenie Zapada. Medlennaia smert Rimskoi imperii (The Fall of the West. The Slow Death of the Roman Empire).* Moscow: AST (in Russian).
Zasetskaia, I.P. 1994. *Kultura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu (konets IV—V vv.) (The Culture of Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hunnic Era (Late 4th — 5th centuries).* Saint Petersburg: AO "Ellips" (in Russian).
Ivik, O., Kliuchnikov, V. 2018. *Gunny (The Huns).* Moscow: Lomonosov (in Russian).
Kazanskii, M.M., Mastykova, A.V. 2009. In: Furasev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoi i Dunaem (The Huns, the Goths and the Sarmatians between the Volga and the Danube).* Saint Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 114—126 (in Russian).
Kozlov, A.S. 1976. In *Antichnaia drevnost i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)* 13, 68—82 (in Russian).
Manaserian, R.L. 2019. *Gunny v otnosheniiakh s Blizhnim Vostokom i Rimskim Zapadom (The Huns in the Relations with the Middle East and the Roman West).* Saint Petersburg: Aleiteiia (in Russian).
Perevalov, S.M. 2001. In *Problemy istorii, filologii, kultury (Problems of History, Philology, Culture)* X, 282—289 (in Russian).
Pigulevskaia, N.V. 1941. *Siriiskie istochniki po istorii narodov SSSR (Syrian Sources on the History of the Peoples of the USSR).* Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
Pigulevskaia, N.V. 2011. *Siriiskaia srednevekovaia istoriografiia: issledovaniia i perevody (Syriac Medieval Historiography: Studies and Translations).* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
Tuallagov, A.A. 2018. In *Nartamongae* XIII(1—2), 249—308 (in Russian).
Khizer, P. 2016. *Velikie zavoevaniia varvarov. Padenie Rima i rozhdenie Evropy (The Great Conquests of the Barbarians. The Fall of Rome and the Birth of Europe).* Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).
Khiudzhes, I. 2017. *Stilikhon. Vandal, kotoryi spas Rim (Stilicho. The Vandal Who Saved Rome).* Moscow: Klio (in Russian).
Yartsev, S.V. 2020. In *Sovremennaia nauka: Aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya "Gumanitarnye nauki" (Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanitarian Sciences")* 9, 61—67 (in Russian).

Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskii, A.Iu. 2015. *Greko-varvarskii Krym v period pozdnei antichnosti (III—IV vv. n.e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole) (Greek-barbarian Crimea in the Period of Late Antiquity (3rd — 4th Centuries CE: From Sea Campaigns to the Battle of Adrianople)).* Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).

Burns, T. 1994. *Barbarians within the gates of Rome: a study of Roman military policy and the barbarians, ca. 375—425 A.D.* Bloomington: Indiana University Press.

Bury, J. 1923. *History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian*. Vol. II. London: Macmillan.

Cameron, A. 1970. *Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius.* Oxford: Clarendon Press.

Ferrill, A. 1988. *The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation.* London: Thames & Hudson.

Frye, R. 1984. *The History of Ancient Iran.* München: C.H. Beck.

Halsall, G. 2007. *Barbarian Migrations and the Roman West 376—568.* Cambridge: Cambridge University Press.

Kazanski, M., Mastykova, A. 2003. *Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier—VIIe siècle apr. J.-C.).* Paris: Éditions Errance (Collection des Hespérides).

Kulikowski, M. 2007. *Rome's Gothic Wars: From the Third Century to Alaric (Key Conflicts of Classical Antiquity)*. Baltimore: Cambridge University Press.

Lee, D. 2013. *From Rome to Byzantium AD 363 to 565: The Transformation of Ancient Rome*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Liebeschuetz, J.H.W. 1990. *Barbarians and Bishops: Army, Church, and State in the Age of Arcadius and Chrysostom*. Oxford: Clarendon Press.

Maenchen-Helfen, O. 1973. *The World of the Huns: studies in their history and culture.* Berkeley: University of California Press.

Mathisen, R.W. 2019. The End of the Western Roman Empire in the Fifth Century CE: Barbarian Auxiliaries, Independent Military Contractors, and Civil Wars. In: Lenski, N. (ed.). *The Fifth ctntury: Age of transformation Proceedings of the 12th Biennial Shifting Frontiers in Late Antiquity Conference.* Bari: Edipuglia, 137—156.

Matthews, J. 1975. *Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364—425*. Oxford: Clarendon Press.

Minorsky, V. 1958. *A History of Sharvān and Darband in the 10th — 11th centuries.* Cambridge: W. Heffer & sons LTD.

Nuffelen, P.V. 2012. John of Antioch, inflated and deflated. Or: How (not) to Collect Fragments of Early Byzantine Historians. *Byzantion* 82, 437—450.

O'Flynn, J. 1983: *Generalissimos of the Western Roman Empire.* Alberta: The University of Alberta Press.

Thompson, E.A. 1999. *The Huns includes a revised afterword by Peter Heather.* Oxford: Wiley.

Williams, S., Friell, G. 1994. *Theodosius: The Empire at Bay.* London: Batsford.

УДК 94(569.4)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00016

И.В. Денисова

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАННОСТЬ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ IV—VII вв.: МАЛАЯ АЗИЯ*

В работе рассматривается роль книжной культуры, состояние образованности в Восточном Средиземноморье ранневизантийского времени (IV—VII вв.) в контексте культурного континуитета между античностью и Средневековьем, на примере Малой Азии. Помимо внутренней истории книжного знания и школ, делаются общие наблюдения над спецификой ситуации в каждом из основных центров. Отдельно показано развитие античной и христианской интеллектуальных традиций по основным регионам. Сохранение высоких стандартов грамотности, книг и школ продолжалось до вступления Византии в «Темные века».

Ключевые слова: книги, образованность, Поздняя античность, Ранняя Византия, Восточное Средиземноморье, Малая Азия.

Сведения об авторах: Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национально-исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).

Контактная информация: 308015, г. Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Кафедра всеобщей истории Белгородского государственного национально-исследовательского университета («НИУ БелГУ»); e-mail: bolgov@bsu.edu.ru.

I.V. Denisova

BOOK CULTURE AND EDUCATION IN EARLY BYZANTIUM (4th — 7th CENTURIES CE): ASIA MINOR

The paper considers the role of book culture, the state and evolution of education in the Eastern Mediterranean of the early Byzantine time (4th — 7th centuries) in the context of the cultural continuity between Antiquity and the Middle Ages, using the example of Asia Minor. In addition to the internal history of book knowledge and schools, general observations are made on the specifics of the situation in each of the main centers. Separately, the development of ancient and Christian intellectual traditions in the main regions is shown. Maintaining high standards of literacy, books, and schools continued until Byzantium entered the Dark Ages period.

Key words: books, education, Late Antiquity, Early Byzantium, Eastern Mediterranean, Asia Minor.

About the authors: Denisova Irina Viktorovna, PhD (History), Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”).

Contact information: 308015, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya St.; Department of General History of the Belgorod State National Research University (“NRU BelSU”); e-mail: bolgov@bsu.edu.ru.

Малая Азия была наименее пострадавшим от варварских вторжений регионом позднеантичного мира. Там сохранился высокий уровень урбанизации и продолжала процветать городская жизнь. Благодаря существованию городов продолжалась жизнь и

* Статья поступила в номер 12 августа 2020 г.
Принята к печати 25 августа 2020 г.

© И.В. Денисова, 2020.

деятельность многочисленных центров образованности и учености, существовало несколько интеллектуальных традиций: позднеантичная языческая, ортодоксальная христианская, еретические направления.

Античная традиция. Наиболее важными центрами образования и культуры в поздней античности были Пергам, Смирна, Филадельфия Лидийская, Афродисия Карийская, Сарды, Сида Памфилийская, Кесария Каппадокийская, Эги Киликийские. В течение V—VI вв. классическая традиция в регионе продолжала развиваться, здесь сохранялось много интеллектуальных центров и работали многочисленные интеллектуалы.

В *Вифинии* в IV в. славились как образовательные центры Никомедия и Никея, но из-за землетрясений эти города часто подвергались разрушениям и постепенно утратили свое культурное значение. В начале IV в. туда отправился преподавать латинскую грамматику Лактанций (Hier. De vir., Ill, 80). В середине IV в. в Никомедии открыл свою школу Либаний, также туда переехал философ Максим Эфесский, у которого обучался будущий император Юлиан, отправленный туда для продолжения образования Констанцием II (Socr. HE, III, 1). Известным ритором в Никомедии в IV в. был Аристенет, друг Либания (Watts 2008: 1), там же обучался и философ Фемистий (Болгова 2018: 72—85). Из Вифинии происходил знаменитый афинский ритор IV в. Гимерий (Болгова 2018: 111—132), а из близлежащей *Пафлагонии* — философ и ритор Фемистий, отец которого Евгений также был софистом. Фемистий был учеником Гиерокла, преподававшего около Понта, возможно, в Синопе (Themist., Or. XXVII).

Важные классические традиции сохраняла *Иония* (эгейское побережье). Из Смирны происходил софист второй половины IV в. Нимфидиан, который получил риторическое образование на родине и никогда не был в Афинах, тем не менее, прославился, и стал секретарем императора Юлиана, и доводился братом философу Максиму, как и Клавдиан, являвшийся также известным философом (Eunap., V. soph., 473, 497). Также известен крупный эпический поэт IV века Квинт Смирнский (Соболевский, Грабарь-Пассек, Петровский 1960: 322).

В Пергаме в IV в. работала важнейшая школа неоплатонизма. Ее основал Эдесий Каппадокийский, ученик Ямвлиха (Ведешкин 2019: 13—59). Самым именитым выходцем Пергамской школы и учеником Эдесия был император—язычник Юлиан Отступник (361—363), большое внимание уделявший философским штудиям на основе Аристотеля и Платона (Ведешкин 2017: 20—28). Помимо Юлиана учениками Эдесия были Максим Эфесский, Хрисанфий из Сард, ставший его преемником, Приск из Эпира, Евсевий из Минда. Максим Эфесский стал советником и близким другом императора Юлиана (Eunap., V. soph., 461, 464—465, 470, 473—474), о нем упоминает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. Res gest., XXII, 7, 3, XXIX, 1, 42). Учеником Эдесия был непревзойденный софист и ритор Евстафий. Он женился на Сосипатре (Болгова 2016: 88—94), женщине-философе, развивавшей мистическое направление философии, которая после смерти мужа переселилась к Эдесию и организовывала философские вечера. Из школы Евстафия и Сосипатры вышло много философов — последователей их учения, однако, ничем не прославившихся. Их младший сын Антонин полностью посвятил себя служению язычеству и был видным религиозным деятелем в Александрии, основав там мистическую религиозно-философскую школу (Eunap., V. soph., 465—472).

Из Пергама происходил знаменитый языческий врач второй половины IV в. Орибасий (Eunap. V. soph., 498—499), придворный врач императора Юлиана (Болгова 2019: 11-31).

Из Милета происходил ученый-антиквар первой половины VI в. Гесихий Милетский, построивший в родном городе бани (Kaldellis 2005: 381—403).

Еще одним центром учености была *Лидия*, расположенная несколько восточнее Ионии. Сарды — столица Лидии — были родиной историка Евнапия Сардского и его учителя неоплатоника Хрисанфия (Eunap. V., soph., 477, 500—503, 505). Из Сард также происходил знаменитый врач Ионик — представитель врачебной династии, обучавшийся в Александрии. Он знал все об анатомии человеческого тела, умел искусно врачевать и перевязывать раны, знал все известные на тот момент лекарства и способы их приготовления (Болгова 2019: 93—94).

Во времена гонений на язычников крупнейший философ V в. Прокл и его кружок поселились в Филадельфии Лидийской, которую по уровню сохранения античной традиции называли «маленькие Афины» (Lyd. De mens., IV, 2).

Хорошее классическое образование в этом же городе получил имперский чиновник VI в. Иоанн Лид, который хорошо знал латынь и восхищался древнеримской культурой (Maas 1992: 25, 45). Он подготовил работу «О магистратах римского народа» о происхождении всех древнеримских магистратов и префектуры претория, а также «О месяцах» — о древнеримской календарной традиции, и «О знамениях» — посвященных интерпретации природных явлений как предзнаменований в основном древнеримскими авторами, а также ряд панегириков (Maas 1992: 7—9).

Из Лидии также происходил философ-неоплатоник, ученик Дамаския Присциан Лид, последовавший за ним в Персию после закрытия Афинской школы философии (Agath. Hist., II, 30—32).

Как сообщает Евнапий, книги очень ценились малоазийскими интеллектуалами, они брали их в путешествия и перевозили с собой, как самое ценное (Eunap. V. soph., 505; Damasc., 119).

Юго-запад Малой Азии занимали *Кария* и *Ликия*. В Афродисии Карийской во второй половине V в. жил философ Асклепиодот, преподававший в Александрии и близкий с александрийскими философскими школами (Damasc., 80—82, 83, 85—87, 90, 93, 95—96, 103, 144; Zach., V. Sev. 16—20, 25, 49—50). Также там были известны братья философ Демохарий и софист Прокл, чей младший брат Паралий обучался в Александрии (Zach., V. Sev. 13—15, 54).

В VI веке в связи с гонениями на язычников языческие религиозные и интеллектуальные центры западной Малой Азии были в значительной мере разрушены (Constantelos 1964: 372—380), особо большой вклад в это внес известный церковный деятель и писатель второй половины VI века Иоанн Эфесский (Дьяконов 1908: 69). Однако Афродисия сохраняла славу последнего языческого города еще в VII в. (Болгов 2017: 72—75).

Из *Ликии* происходил знаменитый неоплатоник V в. Прокл Диадох, первое образование получивший у грамматика у себя на родине в Ксанфе (Marin., V. Procl. 7).

Видимо, в это же время жил и работал ликийский историк Капитон, который знал как греческий, так и латинский язык. Он написал «Исаврику» в 8 книгах, а также местные истории о *Ликии* и *Памфилии* (Suid., K 342).

На южном побережье сохранялись многочисленные позднеантичные города (Атталия, Сида, Перге), где продолжались традиции античной учености. Здесь же уже в V в. укрепилась христианская традиция (св. Матрона Пергская).

Юго-восток Малой Азии занимали *Исаврия* и *Киликия*. Во второй половине V в. жил и писал историк Кандид, родом из Исаврии, посвятивший свое произведение временам от императора Льва I до эпохи императора Анастасия I (Phot. Bibl., 79).

Из Исаврии происходил софист первой половины V века Леонат, обучавший Прокла Диадоха в Александрии (Marin., V. Procl. 8), а во второй половине V в. в Афинах преподавал

софист Супериан из Исаврии, ученик школы Лахара. Супериан, как сообщают источники, медленно соображал, но компенсировал это своим усердием. Он был соперником сына своего учителя — софиста Митрофана (Damasc., 61—63).

Попытка возрождения язычества в Исаврии была предпринята во время восстания исавров в царствование императора Зенона (474—491). Выбранный при поддержке знатного исаврийского военачальника Илла альтернативным императором Леонтий держал при себе в качестве советника астролога и грамматика Пампрепия, который потом предал и бросил инсургентов (Damasc., 113, 115; Malal. Chron., XV, 13—14; Malch., fr. 22—23; Phot. Bibl., 79).

Во времена императора Льва I (457—474) известность получил языческий философ и квестор Изокасий, который происходил из Эг в Киликии (Malal. Chron., XIV, 38). Из Киликии происходил и известный философ-неоплатоник VI века и ученик Дамаския Симпликий (Agath. Hist., II, 30—32).

Христианская традиция получила первоначальное развитие преимущественно во внутренних районах Малой Азии — *Каппадокии* и *Галатии.* Наибольшую известность получила христианская традиция классически образованных каппадокийцев: святые Григорий Богослов (Назианзин), Василий Великий, Григорий Нисский, брат св. Василия Великого и друг св. Иеронима (Hier. De vir. ill., 116, 117, 128). Таким образом, Каппадокия может считаться главным оплотом христианства в регионе.

Григорий Назианзин страстно защищал доступ христиан к классическому наследию, считаясь одним из самых лучших греческих ораторов и риторов любого периода. Григорий Нисский, Василий Кесарийский выступали за разумное чтение классических произведений в трактате, составленном на основе Платона, Демосфена и Ксенофонта (Cameron, Garnsey 2008: 668—669). Василий Великий и Григорий Каппадокийский писали о пользе языческих книг и возможности использовать их в обучении христианина (Bas. Caes., Or. 22). Григорий Назианзин гневно обрушился на запрет Юлиана преподавать христианам в школах (Greg. Naz., Or. IV). Учеником святителей стал Евагрий Понтийский (Дунаев, Фокин 2012: 557—581). Астерий Амасийский (ок. 350—410), епископ, проповедник, христианский писатель, также родился в Каппадокии, был сначала юристом (Никифоров 2008: 636).

В Малой Азии основывались монашеские центры и получила развитие монашеская литература — наиболее известен «Лавсаик» галатского епископа V в. Палладия Еленопольского, ученика Иоанна Златоуста, написавшего его «Житие» (см.: Балаховский 2002). Устав для монастырей первым написал св. Василий Великий.

В первой половине IV века епископами Анкиры в Галатии были Маркелл и Василий, которые писали антиеретические и антиязыческие сочинения (Hier., De vir. ill., 86, 89). Учеником Марцелла был епископ в Галатии Фотиан, считавшийся еретиком, писавший антиязыческие книги (Hier., De vir. ill., 105). Феодор Анкирский — апологет против несториан, который составлял свои трактаты по всем канонам античной диалектики (Gen. Mass., De vir. ill., 55).

Малоазийскими историками различных регионов создавались жития подвижников Малой Азии, а также «Церковные истории», например Иоанна Эгского, Василия Киликийского, Геласия Кизикского и др.

Из *Ликии* происходил епископ Мефодий, затем переведенный на кафедру в Тир, который писал сочинения против Порфирия (Hier., De vir. ill., 83). Севериан, епископ из Габалы в Ликии, противник Иоанна Златоуста, прославился своим красноречием и проповедями, о которых с похвалой отзывались церковные историки Созомен и Сократ Схоластик (Sozom. HE., VIII, 10; Socr. HE., VI, 11).

В IV—V вв. известен Макарий Магнезийский (IV—V вв.). малоазиатский епископ, участник Собора под дубом (403 г.), который опровергал неоплатоников (еп. Арсений 1883: 597—632).

Неортодоксальные направления христианства. В Малоазийском регионе на протяжении IV—V вв. были распространены многочисленные ереси. Монтанизм существовал вплоть до VI века (Vryonis 1971: 57). В IV веке известен епископ Евсевий Никомедийский, последователь Антиохийской школы, поддерживавший Ария (Young 1983: 92). Астерий Софист (умер ок. 341 г.) — арианский богослов из Каппадокии (Hier., De vir. ill., 94), Евномий Кизикский (ум. в 393 г.) — лидер ереси евномиан, вступивший в полемику с каппадокийцами, Дидимом и Аполлинарием (Hier., De vir. ill., 120). Из Каппадокии происходил и Филосторгий (368—439), автор арианской «Церковной истории», имевший медицинское образование. Его учителем был языческий иатрософист Магн (Treadgold 2010: 126—127).

Одним из важных центров была Кесария Каппадокийская, где в конце III — начале IV в. обучался Григорий Просветитель, первый католикос Армении, а затем его праправнук католикос Нерсес Великий (Mos. Chor. Hist. Arm., II, 80, III, 47). В Кесарии Каппадокийской хорошее образование поддерживалось и во второй половине V века: префект претория 471 г. Константин Мазакский был отлично образован и владел языками (Lyd. De mag., II, 20). В VI веке там был епископом оригенист Феодор Аскрида (Cyr. Scyth., V. Sab., 83).

В *Памфилии* родился церковный историк Филипп Сидский. Его родственником был Троил, знаменитый софист и ритор, христианский писатель, который писал политические речи и письма, которые не сохранились (Ващева 2013: 232—233). С ним в начале V в. советовался префект претория Анфемий (Socr. HE., VII.1). У него учился Евсевий Схоластик — автор «Истории Гайны», ритор Сильван, ритор Аблавий, ставший затем епископом никейско-новацианской церкви. Из Сиды происходил св. Евстафий Антиохийский (Hier., De vir. ill., 85), поборник православия, которого высоко чтили Василий Великий, Иоанн Златоуст, Афанасий Александрийский, Епифаний Кипрский, Иероним Стридонский и Анастасий Синаит (Никифоров 2010: 283—293). Во времена Юстиниана был известен ученый, философ, астроном, поэт и грамматик Трибониан Сидский, который оставил много сочинений в этих областях. Его считают родственником квестора Трибониана, который также происходил из Памфилии (Suid., Τ 956, Τ 957).

В VII в. наиболее прославился малоазийский христианский поэт Георгий Писида (до 600 — 634). Он происходил из Антиохии Писидийской. Был служителем в соборе св. Софии в Константинополе. Автор поэм «Истории Ираклия», «Истории аваров», «Похвалы монаху Анастасию» и других сочинений. Всего до нас дошло более 5 тысяч его стихотворений на историческую и религиозную тематику, написанных триметрическим ямбом. Свои стихи он писал на греческом (Frendo 1984: 159—187), уже в значительной мере отойдя от классических принципов стихосложения.

В целом, Малая Азия эпохи поздней античности дала много интеллектуалов, как язычников, так и христиан, внесших заметный вклад в сохранение высокого уровня образованности и книжной культуры Ранней Византии.

Литература

Алиева О. (изд.). 2018. *Свт. Василий Великий. Послание к юношам о пользе греческих книг.* Москва: ГЛК.

Аревшатян С., Саркисян Г. (ред.). 1990. *Мовсес Хоренаци. История Армении в трех частях.* Ереван: Айастан.

Балаховский А.С. (ред.). 2002. *Диалог Палладия, епископа Еленопольского, с Феодором, римским диаконом, повествующий о житии блаженного Иоанна, епископа Константинопольского, Златоуста.* Москва: ИМЛИ РАН.

Василий Великий. 1994. О том, какую пользу могут получать молодые люди из языческих книг. В: Безрогов В.Г., Варьяш О.И. (ред.). *Антология педагогической мысли христианского средневековья*. Т. I. Москва: Аспект Пресс, 91—103.

Болгов Н.Н. 2017. Афродисия в Карии ранневизантийского времени. В: Литовченко С.Д., Сорочан С.Б. (ред.). *Laurea* II. *Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения. Материалы*. Харьков: ООО «НТМТ», 72—75.

Болгова А.М. 2016. Женщины-философы в традиции школьного неоплатонизма Ранней Византии: Сосипатра. *Кондаковские чтения* V, 88—94.

Болгова А.М. 2018. *Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы.* Белгород: НИУ «БелГУ».

Болгова А.М. 2019. *Ранневизантийские портреты: иатрософисты.* Белгород: НИУ «БелГУ».

Ващева И.Ю. 2013. Феномен *«Церковных историй» в эпоху поздней античности (IV—VII вв.).* Дисс. докт. истор. наук. Нижний Новгород.

Ведешкин М.А. 2017. «Когда я вышел уже из детского возраста, мой путь лежал через труды Платона и Аристотеля»: Аристотель и перипатетическая традиция в куррикулуме Юлиана Отступника. *История философии* 22(2), 20—28.

Ведешкин М.А. 2019. Потерянное звено «Золотой цепи». Эдесий и пергамская школа неоплатонизма. *Hypothekai: журнал по истории античной педагогической культуры* 3. *Образование в Поздней античности*, 13—59.

Гаспаров М.Л. (изд.). 1986. Марин. Прокл, или о счастье. В: Митин М.Б. (ред.). *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва: Мысль, 441—454 (Философское наследие 99).

Грабарь-Пассек М.Е. (ред.). 1964. *Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V века*. Москва: Наука, 80—84.

Дарк Е.А., Хорьков М.Л. (изд.). 1997. Евнапий. Жизни философов и софистов. В: Тимофеев М.А. (ред.). *Римские историки IV века*. Москва: РОССПЭН, 225—297.

Дестунис С. (пер.). 1860. *Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец.* Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Леонида Демиса, 213—249.

Дунаев, А.Г., Фокин, А.Р. 2012. Евагрий Понтийский. *Православная энциклопедия* 16, 557—581.

Дьяконов А.П. 1908. *Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды.* Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума.

еп. Арсений (Иващенко). 1883. Макарий, Магнезийский епископ в конце IV и начале V века, и его сочинения. *Христианское чтение*. Ч. 1. № 5—6, 597—632.

Кривушин И.В. (изд.). 1996. *Сократ Схоластик. Церковная история.* Москва: РОССПЭН.

Левченко М.В. (изд.). 1953. *Агафий. О царствовании Юстиниана.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Лукомский Л.Ю., Кулаковский Ю.А., Сонни А.И. (изд.). 2000. *Аммиан Марцеллин. Римская история.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Никифоров М.В. 2008. Астерий. *Православная энциклопедия* 3, 636.

Никифоров М.В. 2010. Евстафий. *Православная энциклопедия* 17, 283—293.

свящ. Виноградов Н. (изд.). 2000. Григорий Богослов. Первое обличительное слово на царя Юлиана. В: *Григорий Богослов. Собрание творений*. Т. 1. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 78—148.

Соболевский С.И., Грабарь-Пассек М.Е., Петровский Ф.А. (изд.). 1960. *История греческой литературы*. Т. 3. *Литература эллинистического и римского периодов.* Москва: АН СССР.

Тимофеев М.А. (изд.). 2007. Геннадий Массилийский. Книга о церковных писателях. В: *Церковные историки IV—V веков*. Москва: РОССПЭН, 61—97.

Тимофеев М.А. (изд.). 2007. Иероним Стридонтский. Книга о знаменитых мужах. В: *Церковные историки IV—V веков*. М.: РОССПЭН, 11—61.
Фишер Е. (изд.). 1850. *Палладий Еленопольский. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцев.* Санкт-Петербург: Типография Е. Фишера.
Фишер Е. (ред.). 1851. *Церковная история Эрмия Созомена Саламинского.* Санкт-Петербург: Типография Фишера.
Athanassiadi P. (ed.). 1999. *Damascius. The Philosophical History.* Athens: Apameia.
Bandy A. (ed.). 2013. *Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus).* Lewiston; Queenston; Lampeter: Edwin Mellen Press.
Bekker I. (ed.). 1824. *Photii Bibliotheca.* Berolini: G. Reimeri.
Bekker I. (ed.). 1854. *Suidae Lexicon.* Berolini: G. Reimeri.
Brock S., Fitzgerald B. (eds.). 2013. *Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch.* Liverpool: Liverpool University Press.
Cameron Av., Garnsey P. (eds.). 2008. *CAH.* Vol. XIII. *The Late Empire. A.D. 337—425.* Cambridge: Cambridge University Press.
Constantelos D.J. 1964. Paganism and the State in the Age of Justinian. *The Catholic Historical Review*. Vol. 50. No. 3. Oct., 372—380.
Frendo J.D.C. 1984. The Poetic Achievement of George of Pisidia. In: Moffatt A. (ed.). *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance studies for Robert Browning*. London: Brill, 159—187 (Byzantina Australiensia 5).
Kaldellis A. 2005. The Works and Days of Hesychios the Illoustrios of Miletos. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 45, 381—403.
Maas M. 1992. *John Lydus and the Roman Past.* London; New York: Routledge.
Cyril of Scythopolis. 1991. Live of Sabas. In: Price R.M., Binns J. (eds.). *Lives of the Monks of Palestine*. Kalamazoo, Michigan: Cistercian Publications, 93—220 (Cistercian Studies).
Thurn H. (ed.). 2000. *Ioannis Malalae Chronographia*. Berlin; New York: W. de Gruyter (CFHB).
Treadgold W. 2007. *The Early Byzantine Historians*. Basingstoke; New York: Palgrave MacMillan.
Vryonis S. 1971. *The decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the process of Islamization from the eleventh through the fifteenth century.* Berkeley: University of California.
Watts E. 2008. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
Young F. 1983. *From Nicaea to Chalcedon.* Philadelphia: Fortress Press.

References

Aliyeva, O. (ed.). 2018. *Svt. Vasiliy Velikiy. Poslaniye k yunosham o pol'ze grecheskikh knig (St. Basil the Great. Message to the Young Men on the Benefits of Greek Books)*. Moscow: GLK (in Russian).
Arevshatyan, S., Sarkisyan, G. (eds.). 1990. *Movses Khorenatsi. Istoriya Armenii v trekh chastyakh (Movses Khorenatsi. History of Armenia in three parts)*. Erevan: Ayastan (in Russian).
Balakhovskiy, A.S. (ed.). 2002. *Dialog Palladiya, yepiskopa Yelenopol'skogo, s Feodorom, rimskim diakonom, povestvuyushchiy o zhitii blazhennogo Ioanna, episkopa Konstantinopol'skogo, Zlatousta (Dialogue between Palladius, Bishop of Elenopolis, and Theodore, a Roman deacon, telling about the life of Blessed John, Bishop of Constantinople, Chrysostom)*. Moscow: IMLI RAN (in Russian).
Basil the Great. 1994. In: Bezrogov, V.G., Var'yash, O.I. (eds.). *Antologiya pedagogicheskoy mysli khristianskogo srednevekov'ya (Anthology of pedagogical thought of the Christian Middle Ages)*. Vol. I. Moscow: Aspekt Press, 91—103 (in Russian).
Bolgov, N.N. 2017. In: Litovchenko, S.D., Sorochan, S.B. (eds.). *Laurea* II. *Antichnyy mir i Sredniye veka: Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeyeva, k 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy (The Ancient World and the Middle Ages: Readings in memory of Professor Vladimir Ivanovich Kadeev, to the 90th anniversary of his birth. Materials)*. Kharkiv: OOO “NTMT”, 72—75 (in Russian).
Bolgova, A.M. 2016. In *Kondakovskiye chteniya (Kondakov Readings)* V, 88—94 (in Russian).
Bolgova, A.M. 2018. *Rannevizantiyskiye portrety: ritory, sofisty, filosofy (Early Byzantine portraits: rhetoricians, sophists, philosophers)*. Belgorod: NIU “BelGU” (in Russian).
Bolgova, A.M. 2019. *Rannevizantiyskiye portrety: iatrosofisty (Early Byzantine Portraits: Iatrosophists)*. Belgorod: NIU “BelGU” (in Russian).

Vashcheva, I.Yu. 2013. The phenomenon of “Church stories” in the era of late antiquity (4th — 7th centuries). Dr. habil. Thesis. Nizhny Novgorod.

Vedeshkin, M.A. 2017. In *Istoriya filosofii (History of Philosophy)* 22(2), 20—28 (in Russian).

Vedeshkin, M.A. 2019. In *Hypothekai: zhurnal po istorii antichnoy pedagogicheskoy kul'tury (Hypothekai: Journal of the History of Classical Pedagogical Culture)* 3. *Obrazovaniye v Pozdney antichnosti (Education in Late Antiquity)*, 13—59 (in Russian).

Gasparov, M.L. (ed.). 1986. In: Mitin, M.B. (ed.). *Diogen Laertskiy. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov (Diogenes Laertius. About the life, teachings and sayings of famous philosophers)*. Moscow: Mysl', 441—454 (Philosophical heritage 99) (in Russian).

Grabar-Passek, M.E. (ed.). 1964. *Pamyatniki pozdnego antichnogo oratorskogo i epistolyarnogo iskusstva II—V veka (Monuments of late antique oratory and epistolary art of the 2nd — 5th centuries)*. Moscow: Nauka, 80—84 (in Russian).

Dark, E.A., Khorkov, M.L. (eds.). 1997. In: Timofeyev, M.A. (ed.). *Rimskiye istoriki IV veka (Roman historians of the 4th century)*. Moscow: ROSSPEN, 225—297 (in Russian).

Destunis, S. (transl.). 1860. *Vizantiyskiye istoriki Deksipp, Evnapiy, Olimpiodor, Malkh, Petr Patritsiy, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiyets (Byzantine historians Dexippus, Evnapius, Olympiodorus, Malchus, Peter Patricius, Menander, Candide, Nonnos and Theophanes the Byzantine)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Leonida Demisa, 213—249 (in Russian).

Dunayev, A.G., Fokin, A.R. 2012. In *Pravoslavnaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)* 16, 557—581 (in Russian).

Dyakonov, A.P. 1908. *Ioann Yefesskiy i ego tserkovno-istoricheskiye trudy (John of Ephesus and His Church Historical Works)*. Saint Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma (in Russian).

ep. Arseniy (Ivashchenko). 1883. In *Khristianskoye chteniye (Christian reading)*. Pt. 1. No. 5—6, 597—632 (in Russian).

Krivushin, I.V. (ed.). 1996. *Sokrat Skholastik. Tserkovnaya istoriya (Socrates Scholastic. Church history)*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Levchenko, M.V. (ed.). 1953. *Agafiy. O tsarstvovanii Yustiniana (Agathius. About the reign of Justinian)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Lukomskiy, L.Yu., Kulakovskiy, Yu.A., Sonni, A.I. (eds.). 2000. *Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya (Ammianus Marcellinus. Roman history)*. Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Nikiforov, M.V. 2008. In *Pravoslavnaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)* 3, 636 (in Russian).

Nikiforov, M.V. 2010. In *Pravoslavnaya entsiklopediya (Orthodox Encyclopedia)* 17, 283—293 (in Russian).

pr. Vinogradov, N. (ed.). 2000. In: Grigoriy Bogoslov. *Sobraniye tvoreniy (Collection of works)*. Vol. 1. Minsk: Kharvest; Moscow: AST, 78—148 (in Russian).

Sobolevskiy, S.I., Grabar-Passek, M.Ye., Petrovskiy, F.A. (eds.). 1960. *Istoriya grecheskoy literatury (History of Greek Literature)*. Vol. 3. *Literatura ellinisticheskogo i rimskogo periodov (Literature of the Hellenistic and Roman periods)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).

Timofeyev, M.A. (ed.). 2007. In: *Tserkovnyye istoriki IV—V vekov (Church historians of the 4th — 5th centuries)*. Moscow: ROSSPEN, 61—97 (in Russian).

Timofeyev, M.A. (ed.). 2007. In: *Tserkovnyye istoriki IV—V vekov (Church historians of the 4th — 5th centuries)*. Moscow: ROSSPEN, 11—61 (in Russian).

Fisher, E. (ed.). 1850. *Palladiy Elenopol'skiy. Lavsaik, ili Povestvovaniye o zhizni svyatykh i blazhennykh ottsev (Palladium of Elenopol. Lavsaik, or the Story of the Life of the Saints and Blessed Fathers)*. Saint Petersburg: Tipografiya E. Fishera (in Russian).

Fisher, E. (ed.). 1851. *Tserkovnaya istoriya Ermiya Sozomena Salaminskogo (Ecclesiastical history of Ermiya Sozomen of Salamis)*. Saint Petersburg: Tipografiya E. Fishera (in Russian).

Athanassiadi, P. (ed.). 1999. *Damascius. The Philosophical History.* Athens: Apameia.

Bandy, A. (ed.). 2013. *Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus).* Lewiston; Queenston; Lampeter: Edwin Mellen Press.

Bekker, I. (ed.). 1824. *Photii Bibliotheca.* Berolini: G. Reimeri.

Bekker, I. (ed.). 1854. *Suidae Lexicon.* Berolini: G. Reimeri.

Brock, S., Fitzgerald, B. (eds.). 2013. *Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch.* Liverpool: Liverpool University Press.

Cameron, Av., Garnsey, P. (eds.). 2008. *CAH.* Vol. XIII. *The Late Empire. A.D. 337—425.* Cambridge: Cambridge University Press.

Constantelos, D.J. 1964. Paganism and the State in the Age of Justinian. *The Catholic Historical Review*. Vol. 50. No. 3. Oct., 372—380.

Frendo, J.D.C. 1984. The Poetic Achievement of George of Pisidia. In: Moffatt, A. (ed.). *Maistor: Classical, Byzantine and Renaissance studies for Robert Browning*. London: Brill, 159—187 (Byzantina Australiensia 5).

Kaldellis, A. 2005. The Works and Days of Hesychios the Illoustrios of Miletos. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 45, 381—403.

Maas, M. 1992. *John Lydus and the Roman Past.* London; New York: Routledge.

Cyril of Scythopolis. 1991. Live of Sabas. In: Price, R.M., Binns, J. (eds.). *Lives of the Monks of Palestine*. Kalamazoo, Michigan: Cistercian Publications, 93—220 (Cistercian Studies).

Treadgold, W. 2007. *The Early Byzantine Historians*. Basingstoke; New York: Palgrave MacMillan.

Thurn, H. (ed.). 2000. *Ioannis Malalae Chronographia*. Berlin; New York: W. de Gruyter (CFHB).

Vryonis, S. 1971. *The decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the process of Islamization from the eleventh through the fifteenth century.* Berkeley: University of California.

Watts, E. 2008. *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Young, F. 1983. *From Nicaea to Chalcedon.* Philadelphia: Fortress Press.

УДК 94(495).01
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00017

М.А. Руднева

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ*

Статья посвящена рассмотрению особенностей исторического развития топографии одного из крупнейших городов ранневизантийского времени — Александрии Египетской. Выделены проблемы и достижения в исследовании топографии города. На основе комплексного анализа письменных, картографических источников и результатов археологического исследования определены особенности эволюции исторической топографии города в ранневизантийское время. Рациональное использование географического положения города предопределило его развитие в последующие столетия. В ранневизантийское время трансформация городской топографии происходила преимущественно в рамках имеющейся городской площади в силу естественной ограниченности пространства.

Ключевые слова: Александрия, Египет, Поздняя античность, Ранняя Византия, топография, Серапеум.

Сведения об авторе: Руднева Мария Александровна, Белгородский государственный национально-исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).

Контактная информация: 308015, г. Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Кафедра всеобщей истории Белгородского государственного национально-исследовательского университета («НИУ БелГУ»); e-mail: rudneva@bsu.edu.ru.

M.A. Rudneva

THE EVOLUTION OF HISTORICAL TOPOGRAPHY OF EGYPTIAN ALEXANDRIA IN EARLY BYZANTINE TIME

This article examines the topographical features of one of the largest trading cities of the late Roman Empire, Egyptian Alexandria. The problems and achievements of the study of the city's topography are highlighted. On the basis of the complex analysis of written, cartographic sources and the results of archaeological research the peculiarities of the development of topography in the Early Byzantine period are defined. The rational use of the city's geographical position predetermined its development in the next centuries. In the Early Byzantine period the transformation of urban topography took place mainly within the existing urban area due to the natural space limitation.

Key words: Alexandria, Egypt, Late Antiquity, Early Byzantium, topography, Serapeum of Alexandria.

About the author: Rudneva Mariya Aleksandrovna, Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”).

Contact information: 308015, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya St.; Department of General History of the Belgorod State National Research University (“NRU BelSU”); e-mail: rudneva@bsu.edu.ru.

---

* Статья поступила в номер 29 июля 2020 г.
Принята к печати 10 августа 2020 г.

© М.А. Руднева, 2020.

Тема данной работы связана с попыткой систематизации и обобщения процесса развития исторической топографии одного из крупнейших городов Восточно-Римской империи — Александрии Египетской. Город был основан Александром Македонским в 330-х гг. до. н.э. и к ранневизантийскому времени представлял собой не только крупнейший социально-экономический, транспортный и административный центр, но и был мощным «плавильным котлом наций», средоточием бурной интеллектуальной жизни, местом возникновения и развития уникальных культурных феноменов. Однако исследование топографии Александрии затруднено, поскольку к настоящему моменту археологический комплекс города доступен для изучения лишь фрагментарно.

О.Г. Ребизов отмечает, что на постепенном угасании Александрии в раннем средневековье сказался ряд природно-климатических и антропогенных факторов, таких как: высокая сейсмическая активность, военные действия и конфликты, негативные для города геополитические изменения и конкуренция со стороны Фустата после арабского завоевания Египта, что в итоге привело к постепенному угасанию былой мощи Александрии (Ребизов 2011: 119—137). К XVIII в. Александрия сильно запустела, городские стены местами обрушились, что в разные года было зафиксировано путешественниками, а также учеными, сопровождавшими Наполеона в Египетском походе (1798—1801) (Петрунина 2008: 115—122). Изменение положения города и его новый расцвет связаны с правлением Мухаммеда Али (1805—1849). Строительство крупного морского порта способствовало быстрому развитию Александрии в XIX—XX вв. Новые постройки перекрыли место расположения исторических памятников. В 1916 г. были выстроены два волнолома, затруднивших изучение Александрийского порта (Белов 2009: 32—53).

Важную роль в изучении топографии древнего города имело составление карт. Один из первых опытов составления карты Александрии был представлен лейтенантом французского флота по фамилии Масси в 1699 г. На карте были достаточно четко обозначены городские гавани (Белов 2009: 32—53). В 1872 г. был опубликован план Александрии, созданный ещё в 1866 г. египетским географом М. Эль-Фалаки. Исследователи считают его достаточно точным, несмотря на некоторую критику (Empereur 1999: 25). Воссоздать топографический план Александрии стремился также греческий ученый Т.Д. Ндрутос.

Многие известные исследователи стремились изучить руины древней Александрии, в том числе Д.Дж. Хогарт, Г. Шлиман и др. Тем не менее, в конце XIX — начале XX вв. не наблюдалось устойчивого интереса к изучению римского периода существования Александрии. Начало систематического изучения древнего мегаполиса выросло, прежде всего, из результатов Египетского похода Наполеона. Французскими учеными была собрана обширная коллекция материалов, положивших начало созданию Института Египта. В 1859 г. было открыто первое публичное собрание греко-римских древностей Александрии (Kyriakos, Bianchi 2012: 11). Его коллекции росли благодаря частным пожертвованиям, но этот процесс был прерван в 1878 г.: Институт перевели в Каир, отдельные коллекции были переданы в европейские музеи.

В 1892 г. был создан Греко-римский музей Александрии, при активном участии итальянского археолога Дж. Ботти (1853—1903) и британского консула сэра Ч. Куксона (1835—1906). Первый каталог музея был опубликован в 1893 г. (Seif El-Din 2010: 7—9). В этом же году было основано Общество археологии Александрии. В 1898 г. был опубликован первый том Вестника археологического общества Александрии (Mahmoud 2012: 85—89). С тех пор музеем ведется планомерная работа по систематическому исследованию города, в которой большую роль сыграли ученые, занимавшие пост директора музея в разные годы: Дж. Ботти (1892—1903), Э. Бречча (1904—1932), А. Адриани (1932—1940), А. Роу (1947—

1953), М. Сейф ад-Дин (2004—2010). На базе музея работали группы итальянских, английских, немецких ученых. Но наибольшие успехи в данной области с работой польских исследователей.

Одним из основателей регулярных археологических изысканий в Александрии стал польский ученый, профессор Варшавского университета К. Михайловский (1901—1981), приглашенный для проведения работ в 1958 г. Под его руководством в 1960-е г. сотрудниками Польской археологической миссии в Каире было начато изучение квартала Ком-эль-Дикка (Lorenz 1981: 5—52), в центре современного города. Были сделаны важные открытия, в том числе, обнаружены комплексы общественных зданий позднеримского времени, включающие термы, лекционные аудитории, театр и др. В 2017 г. в Ком-эль-Дикка был открыт Археологический парк, автором проекта которого стал польский исследователь и архитектор В. Колотай, много лет (в 1966—1972 и 1984—2001) руководивший Польско-египетской миссией сохранения археологического наследия.

В последние десятилетия возможности изучения истории Александрии дополняются развитием подводной археологии (Ребизов 2011: 119—137). Дж. Маккензи отмечает, что данные подводной археологии подтверждают сведения, полученные ранее в процессе работ на суше и изучения письменных источников, расширяют их в некоторой степени, но не являются базовыми (McKenzie 2003: 35—63). Лишь совокупность изучения письменных свидетельств, результатов анализа картографического материала, археологических изысканий на суше и в прибрежной зоне, способна пролить свет на особенности развития топографии Александрии в целом.

Древний город Александрия находился в Восточном Средиземноморье, поблизости от точки соприкосновения двух континентов. Город был построен на склоне холма, спускавшегося к Средиземному морю от оз. Мареотис, в одном из немногих благоприятных мест среди достаточно болотистой местности. Фундамент городских построек расположен на достаточно ровном слое известняка, шириной в среднем около 1 км, протянувшемся с перерывами вдоль побережья моря от Канопа примерно на 56 км в западную сторону (Haas 1997: 21). Близость Нила обеспечила наличие транспортной связи места с внутренними регионами Египта, а его расположение на берегу моря и выгодное стратегическое положение позволили наладить эффективную морскую навигацию.

Город специально был построен на открытой местности, доступной для ветров, приносящих свежесть и прохладу. Благодаря этому в месте расположения города был достаточно мягкий климат, который неоднократно отмечали авторы письменных источников, в том числе Диодор Сицилийский: «Благодаря искусному расположению улиц город открыт этесиям, которые дуют с моря, принося с собой прохладу, и делают здешний климат умеренным и здоровым» (Diod., XVII, 52, 2). В 50% случаев ветры и зыби двигалось на местность с северо-запада, от 70 до 90% случаев — с июня по сентябрь. Потоки ветров с северо-востока охватывали 20—30% случаев с октября по май (McKenzie 2003: 35—63).

Мол Гептастадий, построенный в 280—270 гг. до н.э. и соединяющий о. Фарос с материком, разделив естественную гавань на две части, обеспечивал круглогодичную защиту от различных направлений ветра. Название Гептастадий дамба получила в связи со своей длиной, которая составляла около 7 стадий (приблизительно 1200 м) (Белов 2009: 32—53). Эта дамба соединяла о. Фарос, расположенный приблизительно в километре от берега, с материком (McKenzie 2003: 35—63). Чтобы улучшить небольшие естественные гавани, были добавлены волнорезы и причалы. Как указал Страбон в 26—20 гг. до н.э., естественная гавань была «разрезана на несколько гаваней» (Strabo, XVII, 1, 6).

До недавнего времени Гептастадий был заилен настолько, что его первоначальное местонахождение было неизвестно до работы А. Гессе и его команды, применивших новые методы геофизических измерений (Hesse 2002: 191—273). Они обнаружили, что ориентация Гептастадия соответствовала древней городской сетке, которую начертил египетский астроном Махмуд-Бей в 1866 г. Однако, египетский учёный придал гавани другую форму, основываясь, прежде всего, на древних данных о положении водных каналов, по-видимому, ведших к Гептастадию (Strabo, XVII, 1, 6). Обширные затопленные портовые сооружения, проходящие вдоль севера острова Фарос, были подробно описаны главным инженером портов Египта Г. Жондетом в 1911—1915 гг. У самого северного волнореза длиной 2,4 км были проделаны регулярные отверстия для предотвращения заиления, что также обеспечило защиту второго волнореза, параллельного этому. Третья параллель — южный волнорез, как считал Г. Жондет, образовывала рукотворную гавань длиной около 1,2 км и шириной около 200—400 м.

В топографии Александрии Египетской доминирующее место занимали гавани. Использование гаваней могло начаться еще до основания Александрии. В соответствии с информацией Страбона (Strabo, XVII, 1, 6), Ракотис была «в то время деревней»; подобные сведения приводит и Плиний (Plin. NH, V, 11, 62). Однако, подобное понимание может быть и ошибочным, поскольку название Ракотис могло означать не собственное название населенного пункта, а наименование города на определённой стадии его строительства (McKenzie 2003: 35—63).

Главной гаванью была так называемая Большая гавань. Она располагалась с северо-восточной стороны, её стороны образовывались полуостровом под названием Лохиада и Гептастадием. Вторая гавань — Эвност («счастливое возвращение») была расположена западнее и соединялась с меньшим речным портом на острове Мареотис. Один из сети каналов завершался искусственным портом, представлявшим часть гавани Эвност. Этот порт был прямоугольной формы, от которой он получил название — Кибот. На острове Фарос располагался знаменитый Александрийский (Фаросский) маяк.

Реконструкция плана Александрии и его морфологических изменений является довольно сложной задачей. Взаимосвязь между географическим положением и социально-экономическим развитием в планировке города усиливалась благодаря рациональному использованию пространства и возможностей рельефа. Город был построен при участии архитекторов Динократа с Родоса и Сострата из Книда (Зайцева 2018: 222—226). Планировка города была составлена в соответствии с Гипподамовой системой, в которой улицы проходят под прямым углом друг к другу, образуя сетку. Основу плана Александрии составляли две широкие осевые улицы (более 30 м шириной), обрамленные колоннами. Главные улицы перекрещивались под прямым углом с многочисленными менее крупными улицами. Длина города составляла около 30 стадий (свыше 5 км), в то время как ширина насчитывала порядка 7—8 стадий (ок. 1,5 км).

В городе преобладал единообразный ландшафт, перекрываемый в ранневизантийское время новыми культурными наслоениями. Болотистость местности обусловливала необходимость строительства отводных каналов, впадающих в море.

В начале 1860-х гг. М. Эль-Фалаки составил план городских улиц и написал подробный текст, сопровождающий его карту 18. На этой карте он отметил места, где сохранились тротуары или колонны, установил систему нумерации улиц. М. Эль-Фалаки определил, что эти данные относятся преимущественно к римскому времени. Также он отметил хорошо сохранившееся дорожное покрытие для основных продольных (E—W) улиц, L 1, L2, L3, L'2 и L'4; и для главных перекрестных (N—S) улиц, R1, R2, R3, R5, R6, R7, $R2^{bis}$ и $R3^{bis}$.

Расположение большинства этих улиц было подтверждено в результате раскопок в XIX—XX вв. (McKenzie 2003: 35—63). Ф. Ноак подтвердил местонахождение L2, R1, R2 и R3 в районе царского квартала. Доказательства существования улиц R2^{bis}, R4, R5 и L'2 были найдены Э. Бречча и А. Адриани. Линии некоторых из этих улиц сохранились в облике современного города. Совокупность этих археологических свидетельств и сетки, нарисованной М. Эль-Фалаки, указывают на существование сети улиц в ранневизантийское время. В отличие от ранневизантийского времени, улицы времён Птолемеев зафиксированы в значительно меньшей степени. В связи с этим, исследование эволюции городского пространства значительно осложнено. Тем не менее, не вызывает сомнения, что основной план городской сети улиц был создан в период Птолемеев, а изменения в более поздние периоды происходили в пределах этих крупных «блоков».

Относительно длины главных улиц, в плане М. Эль-Фалаки представлена информация о том, что Канопский проспект, пересекающий город с востока от Ворот Солнца на запад до Ворот Луны, имел длину около 2300 м. Диодор Сицилийский сообщает, что улица имела длину в 40 стадий (ок. 6960 м), а ширину в один плетр (30 м). Здесь же он пишет о том, что вся она «застроена роскошными зданиями и храмами» (Diod., XVII, 52, 3). Вторая главная улица проходила перпендикулярно Канопу, на пересечении главных улиц находилась площадь — Месопедион (Haas 1997: 24). Эти две улицы делили город на четыре квартала, а пятый, скорее всего, квартал с преимущественным населением из иудеев, находился за стеной (Fraser 1972: 82).

Сирийская Notitia Urbis Alexandrinae, информация в которой восходит к греческим источникам IV в., указывает на общее количество зданий, портиков, бань и прочих построек с распределением по кварталам (Fraser 1951: 103—108). Статистический материал указывает на большое количество храмов города и на закономерность в их расположении, согласно которой в одних кварталах было больше святилищ и храмов. Более 67% храмов были расположены всего в двух четвертях кварталов Гамма и Дельта. В квартале Гамма насчитывалось 855 храмов и относительно мало домов (2140). Вместе с тем, общее количество храмовых построек могло включить в себя и частные святилища (Haas 1997: 142).

Согласно сведениям источников и предположениям исследователей, кварталы Александрии имели некоторые особенности в плане этно-конфессионального разделения. Однако о какой-либо определенности в данном вопросе сложно говорить, учитывая состояние источников. В эллинистическое время египетское население предпочитало селиться в районе Ракотис, где находился Серапеум — храм главного божественного покровителя города, синкретического божества Сераписа. Греческое население селилось в центре города, в квартале B, примыкавшем к Большой гавани. Этот квартал получил название Брухейон, его называли Царским кварталом, поскольку там располагались дворцовые комплексы, театр, Мусейон и, вероятно, «сома» или «сема» — гробница Александра Македонского. Этот квартал сильно пострадал в результате военного конфликта 270-х гг., связанного с римско-пальмирской войной после присоединения Египта царицей Пальмиры Зенобией в 267 г. Войска императора Аврелиана в августе 271 г. вошли в Александрию и вернули город под власть империи, однако, на этом конфликт не был исчерпан. Разгорелось противостояние между сторонниками и противниками римлян, а в Александрии вспыхнуло восстание под предводительством Фирма, имевшего торговые связи с блеммиями и Пальмирой. Участники восстания были осаждены в Брухейоне. Во время императорского правления Констанция II (337—361) отдельное пространство бывшего царского квартала Брухейона было отведено под церковное строительство.

Одним из наиболее грандиозных культовых сооружений Александрии являлся храм синкретического бога Сераписа — Серапеум, построенный на естественном возвышении. Мемориальные доски датируются временем Птолемея III Эвергета (246—221 гг. до н.э.). К настоящему времени сохранились колоннадный двор и некоторые части архитектурных сооружений. Археологические находки, обнаруженные А. Роу, свидетельствуют о том, что у храма было два основных периода существования: эллинистический птолемеевский и римский. К эпохе Птолемеев относятся стены из известкового пепла с каменным основанием. Они весьма отличаются от бетонного фундамента римской эпохи, состоящего из небольших неправильных кусочков известняка, связанных цементом. Аксонометрические реконструкции обеих археологических фаз были подготовлены С. Гибсоном на основе планов и выводов, сделанных в результате подробного анализа археологических свидетельств. Алтарь, найденный на месте расположения храма, указывает на его существование в начале правления Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н.э.). Позже Птолемей IV Филопатор (221—205 гг. до н.э.) добавил небольшой храм в честь Гарпократа рядом с храмом Птолемея II. Анализ фундамента колоннады двора и храма, тем не менее, обнаруживает их принадлежность ко времени Птолемея III. Этот период бытования продолжался до 181 г. н.э., когда письменные источники сообщают, что храм был сожжен (Clem. Alex. Protrept., IV, 48, 50, 53; Chron., a. 181 (240 Olymp.)). Дж. Маккензи также указывает, что часть комплекса была перестроена в I в., но при этом нет никаких доказательств того, что храм был уничтожен во время иудейского восстания в 115—116 гг. (McKenzie 2003: 35—63).

На римских монетах изображался храм эпохи Птолемеев. Монеты показывают, что Серапеум, в котором находилась культовая статуя Сераписа, имел коринфские капители и дорический фриз. Храм и небольшие стои были расположены симметрично по обе стороны от оси колоннадного двора. Птолемеевский Серапеум имел сочетание греческих и египетских черт (McKenzie 2003: 35—63).

В римскую эпоху Серапеум был перестроен между 181 и 217 гг. Храм имел достаточно большую площадь. Сохранился бетонный фундамент и части гранитных колонн (Rowe 1946: 60). Колоннадный двор был расширен на восточной стороне, через улицу R8. Двор с колоннами был продлен на север. Лестница, ведущая к колоннадному двору, достаточно ясно просматривается, как и фрагменты классических красно-гранитных карнизов входного портика. Нилометр времени Птолемеев был перекрыт лестницей; римский нилометр не был найден (Weiss, Talgam 2002: 67—72). В труде Диона Кассия, дошедшем до настоящего времени по эпитоме Иоанна Ксифилина, сообщается, что храм Сераписа был наполнен великим огнем, который не мог повредить его (Dio Cass., LXXIX, 7, 3). Несмотря на то, что эта история относится к разряду чудес, она подразумевает, что храм был восстановлен к тому времени.

В 298 г. по улице R8 близ храма была возведена колонна Диоклетиана. Комплекс сохранился до разрушения храма христианами в 391 или 392 г. Когда «нечестивые святилища» были снесены до основания, «на могиле Сераписа» с одной стороны был построен храм Иоанна Предтечи (Ruf. HE, XI, 28), а с другой — церковь (Ruf. HE, XI, 27). Созомен же пишет, что храм Сераписа был через некоторое время «обращен в церковь, названную по имени Аркадия» (Sozom. HE, VII, 15). Иоанн Никиусский сообщает, что на месте разрушенного Серапеума была построена церковь (Joh. Nikiu. Chron., LXXVIII, 45).

Одним из наиболее важных в исследовании топографии ранневизантийского времени является комплекс Ком-эл-Дикка. Первые, достаточно ограниченные, раскопки были проведены здесь в конце XIX в. и принесли скудные результаты. Позже работа на окраине

холма была ограничена исследованием средневековых слоев (Kolataj, Majcherek, Parandowska 2007: 7). С 1960 г. ученые из Польского центра средиземноморской археологии занимались раскопками этого района, расположенного на южной стороне главной улицы E—W к югу от Царского квартала и обелисков Клеопатры. В современной Александрии археологический памятник расположен в центре города, рядом с главным железнодорожным вокзалом Мисра. Первоначально К. Михайловский считал, что в этом месте могла располагаться гробница Александра Македонского. Однако, более тщательное исследование позволило обнаружить фрагменты древней сетки улиц, колоннады, домов II и III вв., комплекс римских бань IV века, включающий цистерны, портики и комнаты; небольшой позднеримский театр, византийский жилой комплекс и многие другие элементы городской архитектуры (Haas 1997: 155). В городском квартале были расположены богатые виллы греческого типа. Здания были разрушены или повреждены в конце III в., возможно, в результате землетрясений и/или во время военных вторжений, и были оставлены в первой половине IV в. (Kiss 1993: 262—263). В середине IV в. это место было полностью перестроено, здесь расположились общественные здания. Новая улица рядом с «Малым театром» была построена над некоторыми домами, хотя и с соблюдением ориентации на городскую сеть улиц.

«Малый театр» состоял из двух частей (Makowiecka 1971: 479—483). В 500 г. здание было значительно реконструировано (Baity 1983: 7—12). Конструкция сцены была снесена, сооружена крыша, здание продлено. Это археологическая фаза существования театра завершает его существование примерно во второй половине VII в. Граффити из театра содержат информацию о функционировании фракций ипподрома в VI—VII вв. Одно из граффити демонстрирует не менее девяти колесниц, которые можно отождествить с зеленой или синей фракциями (Haas 1997: 65). Существование фракций в ранневизантийское время подтверждается данными письменных источников, например, автор «Хроники» Иоанн Никиусский упоминает о противостоянии фракций цирка, отмечая их политическую роль (Joh. Nikiu. Chron., CIII, 108).

На южной стороне комплекса Ком-эль-Дикка находятся длинные узкие комнаты, построенные из каменной кладки. Они датируются на основе анализа керамики V—VII столетиями. Очевидно, что это были классные комнаты или лекционные залы (аудитории). Эти здания стали первым археологическим свидетельством существования образовательных учреждений в ранневизантийской Александрии (Kiss 1990—1992: 331—336). Залы включают по три или четыре ряда мест, каждый зал мог вместить в целом от 60 до 80 человек (Majcherek 2007: 471—484). Согласно мнению Э. Уоттса, особенности формирования пространства зала могут свидетельствовать о том, что в лекционных аудиториях ученики — представители разных этно-конфессиональных групп — сидели совместно, что является аргументом в пользу выводов о религиозной терпимости образовательной среды Александрии (Watts 2006: 205). Также исследователь выдвинул версию о том, что именно в этом месте могла располагаться школа, где произошел знаменитый инцидент в 480-х гг., приведший к разрастанию межконфессионального конфликта и нанесший весомый удар по положению языческих учителей в городе (Watts 2010: 17). Даже если эта гипотеза не соответствует действительности, археологический объект позволяет визуализировать образовательное пространство города. Комплекс включал классные комнаты, уборную и крытый коридор, соединяющий помещения. Такая простая, но функциональная модель образовательного пространства представляется типичной для ранневизантийского времени.

Ещё одним значительным объектом, демонстрирующим эволюцию топографии ранневизантийской Александрии, является ипподром. Место его расположения находилось к юго-востоку от Серапеума и было известно до конца XIX в. К тому времени оно было в

основном застроено. Археологические свидетельства на месте расположения ипподрома были обследованы учеными из экспедиции Наполеона в XVIII в. Как на плане французских ученых, так и в плане А. Роу отмечено, что в своём расположении ипподром следовал плану городской сетки. Дж. Хамфри отметил, что узость трассы говорит о том, что она, вероятно, восходит к эллинистическому времени (Humphrey 1986: 506, 508—509). Источники указывают, что это был Лагейон (Lageion, Λαγεῖον) — название восходит к прозвищу основателя династии Птолемеев в Египте диадоху Птолемею Лагу, позже принявшему титул Птолемея I Сотера (323—282 гг. до н.э.). Комплекс использовался как стадион (для спортивных мероприятий и шествий) и как ипподром (для скачек). Остатки разделительного барьера римской археологической фазы, найденные участниками наполеоновской экспедиции, указывают, что арена была превращена в цирк для скачек на колесницах, но никаких следов существования начальных ворот не было обнаружено. Исследования французских ученых указывают на то, что сооружение имело общую длину около 615 м. Дж. Хамфри предложил пересмотренный план для ранневизантийского времени, предположив, что длина сооружения составляла около 450 м (Humphrey 1986: 507—508). Остатки каменных сидений, найденные к югу от комплекса Серапеума, увеличивают вероятность того, что общая длина Лагейона была не менее 530 м (McKenzie 2003: 35—63). Аксонометрический чертеж, созданный Дж. Маккензи на основе материалов С. Гибсона, облегчает понимание относительного размера и положения Серапеума и Лагейона.

Широко известна система водоснабжения Александрии, включавшая сеть подземных водостоков, водоводов, цистерн и канализационных сооружений. Эта система обеспечивала функционирование жизни города, а также предоставляла возможности для сооружения общественных терм. Большие общественные бани с видом на улицу R4 были построены в конце IV в. как часть той же крупной конструкции, что и «Малый театр». Бани позднеримского времени были построены из обожженного кирпича и имели три основные этапа строительства (Kołątaj 1992: 179—186). Комплекс имел симметричный прямоугольный план средиземноморского типа с некоторыми африканскими чертами. Первое восстановление произошло после землетрясения 447 г., большие бассейны были заменены несколькими маленькими. Здание, похоже, было повреждено также в результате землетрясения 535 г., после чего оно было перепроектировано с преобразованием в кальдарий, который использовался для горячих и холодных ванн. Печи были приспособлены к местному топливу из соломы и тростника; заключительный этап существования продлился до начала VII в. Бани снабжались водой из цистерн, находившихся южнее. Эти цистерны были установлены над землей, чтобы обеспечить достаточное давление для снабжения бань (Rodziewicz 2009:191—201). Они были построены в IV в. и восстанавливались как минимум дважды.

Улицы позднеримского периода содержат данные об их приблизительном размере, с учетом морфологических изменений. Улица R4 имеет среднюю ширину 4,5 м, «Театральная улица» с колоннами — 7,5 м, что, в целом, подтверждает сообщения источников относительно масштаба александрийских улиц в это время (Damir 2018: 273—288).

К востоку от улицы R4 были в конце III в. разрушены богатые виллы, которые не были заменены общественными зданиями, как это было на другой стороне улицы; вместо этого, в начале IV в. их сменило более дешевое жилье и мастерские, существовавшие до середины VII в. Эти постройки ранневизантийского времени несут на себе следы социально-экономической специализации. Археологические материалы подтверждают наличие строений, объединенных коммерческими мотивами. В частности, ряд построек мог принадлежать людям, занимавшимся стекольным делом.

Несколько соседних жилых помещений в этом месте были переделаны в производственные помещения. Данные их изучения свидетельствуют о том, что здесь вели деятельность по изготовлению и продаже украшений. Наиболее хорошо сохранившийся дом включал от 11 до 14 небольших комнат, не более 6 м стороной, расположенных вокруг скромного двора. Более просторное помещение использовалось в качестве кабинета. Напротив, через дорогу от этого здания, находился ряд небольших эргастириев, один из которых включал печи, используемые в производстве объектов из стекла. Хотя масштабы этой коммерческой деятельности были небольшими, производство находилось на высоком уровне. Были обнаружены стекольные формы из гранита и известняка, а также стеклянные формы незавершенных бусин (Haas 1997: 34).

Большое значение для всего региона имели оборонительные сооружения, которые охраняли единственный сухопутный подход к Александрии с запада. М. Эль-Фалаки проследил путь стены, которая пересекает весь хребет Таэния, от Средиземного моря до озера. Названный «стеной варвара», он включал вади (сухое русло реки), идущее вниз к озеру, создавая масштабный комбинированный барьер из рва и стены. У него были одни ворота, которые служили для охраны древней дороги из Александрии в Киренаику. Оборонительные сооружения на озере являлись не менее впечатляющими (Haas 2001: 47—62).

Таким образом, Александрия была построена с учетом рационального использования преимуществ географического положения, начиная от создания водной транспортной системы, объединявшей речные и морские пути, строительства гаваней и портовых сооружений, оформления городского плана строительства, что предопределило гармоничное развитие города, находящегося на небольшом благоприятном участке, имеющем естественные границы.

Развитие городской топографии происходило преимущественно в процессе трансформации основной территории города. Исследование городской топографии Александрии представляет собой крайне сложный, многомерный процесс, который в настоящее время еще весьма далек от завершения.

Литература

Белов А.А. 2009. Большой порт греко-римской Александрии по современным археологическим данным. В: Шеркова Т.А. (ред.). *Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье.* Москва: ЦЕИ РАН, 32—53.

Зайцева И.В. 2018. Особенности исторической топографии Александрии Египетской. *НВБелГУ* 2, 222—226.

Петрунина Ж.В. 2008. Египетский поход Наполеона: опыт европейского правления на Ближнем Востоке. *Ученые записки Российского государственного социального университета* 1(57), 115—122.

Ребизов О.Г. 2011. Археологические исследования в Александрии Египетской: проблемы и перспективы. *Христианское чтение* 5, 119—137.

Baity J.-C. 1983. Le 'bouleuterion' de l'Alexandrie severienne. *Études et Travaux* 13, 7—12.

Damir M. 2018. Uncovering the Morphology of Kom ad-Dikka in Alexandria. *Heritage* 1, 273—288.

Empereur J.-Y. 1999. *Alexandria Rediscovered.* London: British Museum Press.

Fraser P.M. 1972. *Ptolemaic Alexandria.* Vol. I—III. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Haas C. 2001. Alexandria and the Mareotis Region. In: Burns T.S, Eadie J.W. (eds.). *Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity*. Michigan: Michigan State University Press, 47—62.

Haas C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict.* Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Hesse A. 2002. L'Heptastadium d'Alexandrie (Egypte). Alexandrina 2. *Etudes Alexandrines* 6, 191—273.
Humphrey J. 1986. *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing.* Berkeley: University of California Press.
Kiss Z. 1990-1992. Les auditoria romains tardifs de Kom el-Dikka (Alexandrie). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 33, 331—336.
Kołątaj W. 1992. Imperial Baths at Kom el-Dikka. *Alexandrie* 6, 179—186.
Kolataj W. 1983. Recherches architectoniques dans les thermes et le theatre de Kom el-Dikka a Alexandrie. In: Grimm G., Heinen H., Winter E. (eds*.). Das romisch-byzantinische Agypten* 2. Mainz: P. von Zabern, 189—194 (Aegyptiaca Treverensia).
Kolataj W., Majcherek G., Parandowska E. 2007. *Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics.* Cairo: The American University in Cairo Press.
Kyriakos S., Bianchi R.S. 2012. *Alexandrian sculpture in the Graeco-Roman Museum.* Alexandria: Bibliotheca Alexandrina.
Lorenz S. 1981. In memoriam. *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie* 25, 5—52.
Mahaffy J.P. 1899. *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty.* London: Methuen & Co.
Mahmoud S. 2012. The development of archaeological and historical museums in Egypt during the nineteenth and twentieth centuries: Imperialism, Nationalism, UNESCO patronage, and Egyptian Museology today. PhD Thesis. Lubbock.
Majcherek G. 2007. The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria. In: Gagos T. (ed.). *Proceedings of the 25th International Congress of Papyrology.* Ann Arbor, July 29 — August 4, 2007. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 471—484.
Makowiecka E. 1971. The numbering of the seating places at the Roman theatre of Kom el-Dikka in Alexandria. *Acta Conventns* XI, 479—483.
McKenzie J. 2003. Glimpsing Alexandria from archaeological evidence. *Journal of Roman Archaeology* 16, 35—63.
Ndroutos Bey T.D. 1888. *L'Ancienne Alexadrie. Etude archeologique and topographique.* Paris: Ernest Leroux.
Rodziewicz M. 2009. Ancient Baths in Alexandria. In: Boussac M.-Fr, Fournet Th., Redon B. (eds.). *Le bain collectif en Égypte, origine évolution et actualités des pratiques. Actes du colloque Balnéorient. Alexandrie, 1-4 décembre 2006*. Cairo: Institut Français d'Archéologie Orientale; Institut Français du Proche-Orient, 191—201 (Etudes Urbaines 7).
Rowe A. 1946. *Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria: With an explanation of the enigmatical inscriptions on the Serapeum plaques of Ptolemy IV (Pláques bilingues de Ptolémée IV). Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte.* Cahier No. 2. Caire: Imprimerie de I'Institut français d'archéologie orientale.
Seif El-Din M. 2010. The Greco-Roman Museum of Alexandria, Past, Present, and Future. *Bibliotheca Alexandrina Alex Med Newsletter* 7, 7—9.
Fraser P.M. (ed.). 1951. Syriac Notitia Urbis Alexandrinae. *Journal of Egyptian Archaeology* 37, 103—104.
Watts E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. *The Transformation of the Classical Heritage* 41.
Watts E.J. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities.* Berkeley: University of California Press.
Weiss Z., Talgam R. 2002. The Nile Festival Building and its mosaics. In: Humphrey J.H. (ed.). *The Roman and Byzantine Near East*. Vol. 3. *Late-Antique Petra*. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 67—72 (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series 49).

References

Belov, A.A. 2009. In: Sherkova, T.A. (ed.). *Kul'tura Egipta i stran Sredizemnomor'ya v drevnosti i srednevekov'ye (The culture of Egypt and the Mediterranean countries in antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: TSEI RAN, 32—53 (in Russian).
Zaytseva, I.V. 2018. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific reports of Belgorod State University)* 2, 222—226 (in Russian).
Petrunina, Zh.V. 2008. In *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta (Scientific notes of the Russian State Social University)* 1(57), 115—122 (in Russian).
Rebizov, O.G. 2011. In *Khristianskoye chteniye (Christian Reading)* 5, 119—137 (in Russian).

Baity, J.-C. 1983. Le 'bouleuterion' de l'Alexandrie severienne. *Études et Travaux* 13, 7—12.

Damir, M. 2018. Uncovering the Morphology of Kom ad-Dikka in Alexandria. *Heritage* 1, 273—288.

Empereur, J.-Y. 1999. *Alexandria Rediscovered.* London: British Museum Press.

Fraser, P.M. 1972. *Ptolemaic Alexandria.* Vol. I—III. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Haas, C. 2001. Alexandria and the Mareotis Region. In: Burns, T.S, Eadie, J.W. (eds.). *Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity*. Michigan: Michigan State University Press, 47—62.

Haas, C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity: topography and social conflict.* Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Hesse, A. 2002. L'Heptastadium d'Alexandrie (Egypte). Alexandrina 2. *Etudes Alexandrines* 6, 191—273.

Humphrey, J. 1986. *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing.* Berkeley: University of California Press.

Kiss, Z. 1990-1992. Les auditoria romains tardifs de Kom el-Dikka (Alexandrie). *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 33, 331—336.

Kołątaj, W. 1992. Imperial Baths at Kom el-Dikka. *Alexandrie* 6, 179—186.

Kolataj, W. 1983. Recherches architectoniques dans les thermes et le theatre de Kom el-Dikka a Alexandrie. In: Grimm, G., Heinen, H., Winter, E. (eds*.). Das romisch-byzantinische Agypten* 2*.* Mainz: P. von Zabern, 189—194 (Aegyptiaca Treverensia).

Kolataj, W., Majcherek, G., Parandowska, E. 2007. *Villa of the Birds: The Excavation and Preservation of the Kom al-Dikka Mosaics.* Cairo: The American University in Cairo Press.

Kyriakos, S., Bianchi, R.S. 2012. *Alexandrian sculpture in the Graeco-Roman Museum.* Alexandria: Bibliotheca Alexandrina.

Lorenz, S. 1981. In memoriam. *Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie* 25, 5—52.

Mahaffy, J.P. 1899. *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty.* London: Methuen & Co.

Mahmoud, S. 2012. The development of archaeological and historical museums in Egypt during the nineteenth and twentieth centuries: Imperialism, Nationalism, UNESCO patronage, and Egyptian Museology today. PhD Thesis. Lubbock.

Majcherek, G. 2007. The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria. In: Gagos, T. (ed.). *Proceedings of the 25th International Congress of Papyrology.* Ann Arbor, July 29 — August 4, 2007. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 471—484.

Makowiecka, E. 1971. The numbering of the seating places at the Roman theatre of Kom el-Dikka in Alexandria. *Acta Conventns* XI, 479—483.

McKenzie, J. 2003. Glimpsing Alexandria from archaeological evidence. *Journal of Roman Archaeology* 16, 35—63.

Ndroutos Bey, T.D. 1888. *L'Ancienne Alexadrie. Etude archeologique and topographique.* Paris: Ernest Leroux.

Rodziewicz, M. 2009. Ancient Baths in Alexandria. In: Boussac, M.-Fr, Fournet, Th., Redon, B. (eds.). *Le bain collectif en Égypte, origine évolution et actualités des pratiques. Actes du colloque Balnéorient. Alexandrie, 1-4 décembre 2006*. Cairo: Institut Français d'Archéologie Orientale; Institut Français du Proche-Orient, 191—201 (Etudes Urbaines 7).

Rowe, A. 1946. *Discovery of the Famous Temple and Enclosure of Serapis at Alexandria: With an explanation of the enigmatical inscriptions on the Serapeum plaques of Ptolemy IV (Pláques bilingues de Ptolémée IV). Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte.* Cahier No. 2. Caire: Imprimerie de I'Institut français d'archéologie orientale.

Seif El-Din, M. 2010. The Greco-Roman Museum of Alexandria, Past, Present, and Future. *Bibliotheca Alexandrina Alex Med Newsletter* 7, 7—9.

Fraser, P.M. (ed.). 1951. Syriac Notitia Urbis Alexandrinae. *Journal of Egyptian Archaeology* 37, 103—104.

Watts, E.J. 2006. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. *The Transformation of the Classical Heritage* 41.

Watts, E.J. 2010. *Riot in Alexandria: Tradition and Group Dynamics in Late Antique Pagan and Christian Communities.* Berkeley: University of California Press.

Weiss, Z., Talgam, R. 2002. The Nile Festival Building and its mosaics. In: Humphrey, J.H. (ed.). *The Roman and Byzantine Near East*. Vol. 3. *Late-Antique Petra*. Ann Arbor: Scholarly Publishing Office, 67—72 (Journal of Roman Archaeology. Supplementary Series 49).

УДК 94(495).01
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00018

М.М. Синица, Ю.В. Бузанаков

ИОАНН ЛИД И БИБЛИОТЕКИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ VI в.*

Работа посвящена исследованию источников книг ранневизантийского писателя-антиквара первой половины VI в. Иоанна Лида. На основе его произведений и работ его современников в статье проанализировано наличие различных библиотек в ранневизантийском Константинополе. В столице Восточной Римской империи имелось большое число библиотек, как государственных, так и частных, а издательское дело было широко развито, благодаря чему ранневизантийские интеллектуалы могли лично обращаться к большому числу античной и современной им литературы.

Ключевые слова: Иоанн Лид, поздняя античность, Константинополь, ранневизантийский антикварианизм, ранневизантийская книжность, библиотеки.

Сведения об авторах: Синица Марина Михайловна[1], независимый исследователь, Бузанаков Юрий Владимирович[2], Белгородский государственный национально-исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).

Контактная информация: [1,2]308015, г. Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, Кафедра всеобщей истории Белгородского государственного национально-исследовательского университета («НИУ БелГУ»); e-mail: [1]sinitcam@yandex.ru; [2]buzanakov@bsu.edu.ru

---

M.M. Sinitsa, Yu.V. Buzanakov

JOHN LYDUS AND THE LIBRARIES IN CONSTANTINOPLE OF 6th CENTURY CE

This work is devoted to the study of the sources of the books of the early Byzantine writer-antiquary of the 1st half of the 6th century, Johannes Lydus. On the basis of his works and the works of his contemporaries, the article analyzes the presence of various libraries in early Byzantine Constantinople. The capital of the Eastern Roman Empire had a lot of libraries, both public and private, and the publishing industry was comparatively highly developed, so that early Byzantine intellectuals could personally refer to a large number of ancient and modern literature.

Key words: John Lydus, late antiquity, Constantinople, early Byzantine antiquarianism, early Byzantine bookishness, libraries.

About the authors: Sinitsa Marina Mikhailovna[1], Independent Researcher; Buzanakov Yuriy Vladimirovich[2], Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”).

Contact information: [1,2]308015, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya St.; Department of General History of the Belgorod State National Research University (“NRU BelSU”); e-mail: [1]sinitcam@yandex.ru; [2]buzanakov@bsu.edu.ru

---

Тема данной работы связана с антикварными интересами крупной фигуры интеллектуальной жизни Византии эпохи Юстиниана, чиновника и писателя Иоанна Лида (Martindale 1980: 612—615), уроженца Филадельфии Лидийской.

* Статья поступила в номер 15 августа 2020 г.
Принята к печати 28 августа 2020 г.

© М.М. Синица, Ю.В. Бузанаков, 2020.

До наших дней сохранилось три его сочинения: «О магистратах римского народа» (по истории древнеримской государственной системы от мифических времен до эпохи Юстиниана); «О месяцах» (по истории и структуре древнеримского календаря, а также древнеримских календарных праздников, обычаев и традиций); «О знамениях» (о толковании природных явлений как предзнаменованиях исторических событий на основе древнегреческих и древнеримских религиозных текстов) (Bandy 2013a; 2013b; 2013c).

Иоанна Лида можно назвать ведущим представителем ранневизантийской антикварной традиции, восходящей еще к римской, основанной Варроном. Важным аспектом антикварианизма Иоанна Лида было обращение к древнеримской традиции, использование античных литературных источников и чтение книг. Он очень любил заниматься этим и гордился своей научной деятельностью. Лид говорит, что после некоторых неудач в движении по служебной лестнице в префектуре всецело посвятил себя книгам (Lyd. De mag., III, 28).

Всего в своих работах Лид делает 611 ссылок на 210 различных источников, из которых 194 им названы (табл. 1, 2, 3). Один из ключевых вопросов исследования заключается в том, какие же книги были доступны Иоанну Лиду, и где он мог найти их в Константинополе.

В современной историографии существует дискуссия по вопросу использования Иоанном Лидом своих источников. По мнению, Б. Рошетт, Лид был знаком со многими античными трактатами и лично читал работы различных известных античных авторов, в том числе на латыни; в частности, ему были доступны утерянные ныне работы Варрона и Катона (Rochette 1997: 471—474; 1998: 413—415).

Российская исследовательница О.В. Сидорович считает, что Лид не имел доступа к произведениям авторов античной эпохи (Сидорович 2005a: 229; 2005b: 43—59), а, соответственно, просто делал ссылки на знаменитых древнегреческих и латинских авторов для придания большего веса своим работам, беря их из современных ему компендиумов и схолий.

В целом, следует признать, что Иоанн Лид в своих работах зачастую действительно использовал многочисленные компендиумы, а не первоисточники (Dubuisson, Schamp 2006: CXXXIV), как и множество его современников. В частности, хронист того же VI в. Иоанн Малала не только часто ссылался на работы, которые не читал, путая авторов и жанры, но его даже подозревают в том, что он порой просто придумывал свои источники (Jeffreys 1990: 167—217). Однако, на протяжении V—VI вв. культурная ситуация все же была не столь плачевной. Книжность и образованность в столице Восточной Римской империи, как и в остальных ее регионах, в целом, находились на высоком уровне, о чем свидетельствует наличие большого числа школ и интеллектуалов в этот период, а также появление большого числа произведений по самым различным отраслям культуры: в области гуманитарных и естественных наук, истории, философии, религии, художественной литературы (Болгов 2020: 34—65).

Поэтому возникает вопрос о том, где Иоанн Лид брал свои книги, которыми он пользовался при подготовке своих сочинений. Это можно узнать на основе анализа его трактатов, где также присутствует и биографическая информация, и сведения об интеллектуальной деятельности автора.

Для написания сочинения «О магистратах» по истории администрации римского государства Иоанн Лид должен был обращаться в государственный архив. Там он нашел информацию о статуе императора, поставленной скриниариями в благодарность за включение их в каталоги штата префектуры. Он мог находиться в ведомстве префектуры

претория, так как Лид упоминает архив префектуры претория Востока, где хранились записи всех дел префектуры (Lyd. De mag. III., 19, 35).

Также он мог использовать библиотеку Капитолийской высшей школы в Константинополе, где был преподавателем по указу императора Юстиниана (Lyd. De mag., III, 29—30). В кодексе Феодосия упоминается должность «антиквариев» в указе от 372 года, «по 4 в греческом и 3 в латинском законе сведущие, приставлены к библиотечным кодексам», которые следили за сохранностью библиотек и пополняли их, а также добывали сведения о древности. Они получали аннону (CTh., XIV, 9, 2). Иоанн Лид называет антиквариями переписчиков книг (Lyd. De mens., App. 2).

Не мог он обойти вниманием и императорскую библиотеку в Базилике, которая существовала в первой половине VI в. — ее упоминает Захария Ритор (Zach. Rhet., V. Sev., 1—2). Данная библиотека восходит ко временам императора Констанция II, о котором известно, что он приказал собирать и переписывать книги. Эту работу осуществлял знаменитый ритор Фемистий (Лемерль 2012: 75—80). Эта библиотека была расширена и пополнена классической литературой при императоре Юлиане, который отдал туда все свои книги (Zos. HN., III.11). Она серьезно пострадала при императоре Льве I, во время пожара, к тому времени насчитывая 120 тысяч томов (Malch., fr. 26; Zonar., XIV, 2), но, видимо, была частично восстановлена при императоре Анастасии I.

Кроме того, пользование своей частной библиотекой Лиду мог предоставлять магистр оффиций Петр Патрикий, который собирал книги и все свободное время уделял чтению, часто приглашая Лида на ученые беседы. После этих встреч у Лида «кружилась голова от восторга» (Lyd. De mag., II, 25—26). Очень ценил и любил Лида и богатый и прекрасно образованный патрикий Фока (Lyd. De mag., III, 72—76), префект претория Востока 532 г. (Martindale 1980: 881—882), который, вероятно, тоже имел крупную библиотеку.

Известна большая библиотека квестора священного двора Трибониана, в которой имелось богатейшее собрание юридической литературы, на основе которой императорская комиссия произвела кодификацию всего римского права во время законодательной реформы Юстиниана (Dig. Just., Const. Omn., 1; Const. Tant., 1, 17). Трибониан очевидно благоволил Лиду (Lyd. De mag., III, 20), и последний мог найти там юридическую литературу.

Близок был он и с другими научными кругами, приобретя эти связи в молодости в школе философа-неоплатоника, медика и математика Агапия, которого считали лучшим учеником Прокла Диадоха и называли «квадрат мудрости» (Lyd. De mag., III, 26; Damasc., fr. 106, 107, 109, 126, 127; Suid., A 157, A 158). Он за преподавание получал много денег и мог позволить себе хорошую библиотеку. Там Лид мог найти крупные коллекции трудов античных философов и философские компендиумы. В частности, исследователи полагают, что вся II книга трактата «О месяцах» Иоанна Лида составлена на основе позднеантичных компендиумов (Maas 1992: 48—51). Ссылки на работы античных философов в трактатах Лида превалируют — 41% ссылок сделан на философские и религиозные трактаты античности. На втором месте идут антикварно-энциклопедические работы, на которые сделано 19% общего числа ссылок (табл. 2).

В Ранней Византии развивались церковные и монастырские библиотеки. Именно из них могли черпать догматическую и апологетическую христианскую литературу участники многочисленных богословских споров IV—VI вв. Эта литература была многочисленна и зачастую принимала форму подделок, так что важны были вопросы ее верификации. Высокого уровня достиг в связи с этим текстологический анализ (Wilson 1996: 52—54).

Применительно к более позднему периоду известна книжная деятельность скриптория при константинопольском монастыре Иоанна Студита. Но расцвет его функционирования

относится к VII—VIII вв. Сведений об издательской деятельности относительно VI в. нет (Лемерль 2012: 176). Впрочем, монастырские скриптории и библиотеки при храмах, которые ориентировались на духовную христианскую литературу, не вызывали интереса у Лида. Ссылок на подобную литературу у Иоанна Лида крайне немного, в отличие от работ античных языческих авторов: 5 ссылок на книги Ветхого завета, а также две ссылки на Филона Иудея (которого можно считать протохристианским писателем, представителем иудейской экзегезы) и 1 ссылка на Оригена. Для сравнения, на одного Платона у Лида дано 29 ссылок (табл. 1, 3).

Кроме того, Лид мог покупать книги у книготорговцев. В Константинополе в VI веке должна была существовать обширная сеть скрипториев и книжных лавок, что позволяло быстро издавать, продавать и распространять литературные произведения (Treadgold 2007: 376—377). Об этом свидетельствует Прокопий Кесарийский, сообщивший, что его первые книги «Войн» уже распространились по всей империи, когда он стал писать кн. IV «Готских войн» (Procop. Caes. B.G., IV.1). Это доказывается и скоростью издания «Хронографии» Иоанна Малалы, который, по мнению исследователей, издав первую часть своей «Хронографии» в 527 г., уже в 530-е осуществил новое издание, дополненное описанием современных ему событий (Treadgold 2007: 239).

О книжных лавках около портика Базилики упоминает историк и поэт второй половины VI в. Агафий Миринейский (Martindale 1992: 23—25). Там собирались все интеллектуалы и вели научные беседы. Там же часто бывали юристы и законоведы. Там же проводил свое рабочее время и адвокат Агафий Миринейский (Agath. Hist., II, 29, III, 1). Там были мелкие суды, слушавшие финансовые тяжбы, собирались отставные чиновники, помогавшие действующим за плату. Завсегдатаем этих мест, вероятно, был и Иоанн Лид, упоминающий их в своем трактате (Lyd. De mag., III, 8, 13, 19). Сам Агафий Миринейский создал поэтическую антологию стихов многочисленных древних и современных ему поэтов (Ant. Pal., IV, 3—4, V, 216—302), которая, по предположению исследователей, могла указывать на обращение его к некой библиотеке, возможно, к императорской библиотеке в Базилике (Wilson 1996: 56).

Иоанн Лид любил посещать книжные лавки в поисках книжных редкостей и диковинок. Так, он посвятил этому свое свободное время во время поездки на Кипр, видимо, служебной (Синица 2019a: 170—181), когда в одной из книжных лавок нашел свиток с оракулами иудейской Сивиллы (Lyd. De mens., IV, 52). Хотя вряд ли он был столь древним, как это видимо представлял Лиду торговец, так как появление иудейских Сивилл датируется примерно IV—VI вв. (Momigliano 1988: 3—18), однако сам свиток и информация в нем весьма приглянулись Лиду, как необычные и древние. Сам он этой информации вполне верил.

Что касается расположения библиотек, то по информации источников можно сделать вывод о том, что они могли находиться в портиках. В перечне регионов Константинополя середины V в. «Notitia Urbis Constantinopolitanae» (Seek 1876: 227—243) перечисляется много портиков практически во всех регионах города, где могли размещаться книжные лавки и библиотеки. Однако, скорее всего, эти лавки были сосредоточены в центральной части столицы, так как информация из трактатов Иоанна Лида об упоминаемых им архитектурных памятниках и регионах позволяет с достаточной вероятностью предположить, что писатель не выходил за пределы центральной части города (Синица 2019b: 158—170).

Археологической информации о крупных архивах нет, ведь Константинополь — не Египет, папирусные рукописи просто не могли сохраниться в более влажном климате. Практически все сохранившиеся кодексы неаутентичны, основная масса манускриптов была

переписана в IX—XII вв. (Reynolds, Wilson 1991: 59—61; Dain 1964: 146—154). Трактаты Иоанна Лида сохранились в так называемом Codex Caseolinus – манускрипте, создание которого датируется IX—X вв. (Bandy 2013: 29—30).

Таким образом, Иоанн Лид мог заниматься антикварными штудиями не на пустом месте, а благодаря высокому развитию книжной культуры в Ранней Византии в VI в. Он имел различные источники для подготовки своих книг: как государственные библиотеки, так частные, которые были у аристократии, с которой Лид был связан. Важным источником получения книг были книжные торговые лавки. Издательское дело, по свидетельствам современников было на высоком уровне, и выходящие новинки сразу распространялись по империи.

Литература

Болгов Н.Н. (изд.). 2010. *Зосим. Новая история*. Белгород: БелГУ.
Болгов Н.Н. 2020. Книжная культура, школы и образованность в Восточном Средиземноморье в IV—VII вв. (Константинополь. Афины. Александрия). *ВВ* 104, 34—65.
Дестунис С. (пер.). *Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец.* Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Леонида Демиса, 213—249.
Кондратьев С.П. (изд.). 1996. *Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках.* Москва: Арктос; Вики-Пресс.
Кофанов Л.Л. (изд.). 2002. *Дигесты Юстиниана.* Т. I. Кн. I—IV. Москва: Статут.
Левченко М.В. (изд.). 1953. *Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана*. Москва; Ленинград: АН СССР.
Лемерль П. 2012. *Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века*. Санкт-Петербург: Свое издательство.
Сидорович О.В. 2005a. *Анналисты и антиквары: римская историография конца III—I в. до н.э.* Москва: РГГУ.
Сидорович О.В. 2005b. Жреческая традиция в римской историографии конца III—I в. до н.э. Дисс. … д-ра ист. наук. Москва.
Синица М.М. 2019a. Иоанн Лид и его поездка на Кипр. В: *Кондаковские чтения VI. Античность — Византия — Древняя Русь*, 170—181.
Синица М.М. 2019b. Топография и памятники Константинополя VI века глазами Иоанна Лида. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Иресиона. Античный мир и его наследие.* Вып. VI. *Материалы научной сессии кафедры всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований*. Белгород: БелГУ, 158—170.
Athanassiadi P. (ed.). 1999. *Damascius. The Philosophical History.* Athens: Apameia.
Bandy A. (ed.). 2013a. *Ioannes Lydus. On Celestial Signs (De Ostentis).* Lewiston; New York: Edwin Mellen Press.
Bandy A. (ed.). 2013b. *Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus)*. Lewiston; New York: Edwin Mellen Press.
Bandy A. (ed.). 2013c. *Ioannes Lydus. On the Powers, or The Magistracies of the Roman State.* Lewiston; New York: The Edwin Mellen Press.
Bekker I. (ed.). 1854. *Suidae Lexicon*. Berolini: G. Reimer.
Brock S., Fitzgerald B. (eds.). 2013. *Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch.* Liverpool: Liverpool University Press.
Dain A. 1964. *Les manuscrits*. Paris: Les Belles lettres.
Dindorf L. (ed.). 1870. *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum*. Vol. III. Lib. XI—XV. Lipsiae: B.G. Teubner.
Dubuisson M, Schamp J. (eds.). 2006. *Jean Lydien. Des Magistratures de L'État Romain*. T. I. Liv. I. Pt. 1, 2. *Introduction générale*. Paris: Les Belles Lettres.
Jeffreys E. 1990. Malalas' sources. In: Jeffreys E., Croke B., Scott R. (eds.). *Studies in John Malalas*. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 167—217.

Maas M. 1992. *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian*. London; New York: Routledge.
Martindale J.R. (ed.). 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. II. *A.D. 395—527*. Cambridge: Cambridge University Press.
Martindale J.R. (ed.). 1992. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. III. *A.D. 527—641*. Cambridge: Cambridge University Press.
Momigliano A. 1988. From the pagan to the Christian Sibyl: prophecy as history of religion. In: Dionisotti A.C., Grafton A.; Kraye J. (eds.). *The uses of Greek and Latin. Historical essays*. London: Warburg Institute; University of London, 3—18.
Mommsen Th., Meyer P. (ed.). 1905. *Codex Theodosianus cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges Novellae Pertinentes*. Berlin: Weidmannos.
Paton W.R. (ed.). 1920. *The Greek Anthology with an English translation.* Vol. I. Bk. I—VI. London: William Heinemann; New York: G.P. Putman's Sons.
Reynolds L.D., Wilson N.G. 1991. *Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. Oxford: Clarendon Press.
Rochette Br. 1997. Justinien et la langue latine: à propos d'un prétendu oracle rendu à Romulus d'après Jean le Lydien. *Byzantinische Zeitschrift* 90, 413—415.
Rochette Br. 1998. Jean le Lydien, Caton, Varron et Servius (Jean le Lydien, De magistratibus, I.5). *Byzantinische Zeitschrift* 91, 471—474.
Seek O. (ed.). 1876. Notitia Urbis Constantinopolitanae. In: *Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum*. Berolin: Weidmannos, 227—243.
Treadgold W. 2007. *The Early Byzantine Historians*. London: Palgrave Macmillan.
Wilson N.G. 1996. *Scholars of Byzantium*. London: Gerald Duckworth & Co Ltd; Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America.

References

Bolgov, N.N. (ed.). 2010. *Zosim. Novaya istoriya (Zosimus. New History)*. Belgorod: BelGU (in Russian).
Bolgov, N.N. (ed.). 2019a. In Bolgov, N.N. (ed.). *Mir Pozdney antichno-sti. Dokumenty i materialy (The World of Late Antiquity. Documents and Materials)*. Iss. 13. Belgorod: BelGU (in Russian).
Bolgov, N.N. (ed.). 2019b. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Mir Pozdney antichno-sti. Dokumenty i materialy (The World of Late Antiquity. Documents and Materials)*. Iss. 14. Belgorod: BelGU (in Russian).
Bolgov, N.N. 2020. In *Vizantiyskiy vremennik (Byzantina Xronika)*104, 34—65 (in Russian).
Destunis, S. (transl.). *Vizantiyskiye istoriki Deksipp, Evnapiy, Olimpiodor, Malkh, Petr Patritsiy, Menandr, Kandid, Nonnos i Feofan Vizantiyets (Byzantine historians Dexippus, Evnapius, Olympiodorus, Malchus, Peter Patricius, Menander, Candide, Nonnos and Theophanes the Byzantine)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Leonida Demisa, 213—249 (in Russian).
Kondratyev, S.P. (ed.). 1996. *Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s gotami. O postroykakh (Procopius of Caesarea. War with the Goths. About buildings)*. Moscow: Ark-tos; Viki-Press (in Russian).
Kofanov, L.L. (ed.). 2002. *Digesty Yustiniana (Digests of Justinian)*. Vol. I. Bk. I—IV. Moscow: Statut (in Russian).
Levchenko, M.V. (ed.). 1953. *Agafiy. O tsarstvovanii Yustiniana (Agathius. About the reign of Justinian)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
Lemerl', P. 2012. *Pervyi vizantiyskiy gumanizm. Zamechaniya i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka (The first Byzantine humanism. Observations and notes on education and culture in Byzantium from the beginning to the 10th century)*. Saint Petersburg: Svoye izdatel'stvo (in Russian).
Sidorovich, O.V. 2005a. *Annalisty i antikvary: rimskaya istoriografiya kontsa III—I v. do n.e. (Annalists and Antiquaries: Roman Historiography of the Late 3rd — 1st centuries BCE).* Moscow: RGGU (in Russian).
Sidorovich, O.V. 2005b. Priestly tradition in Roman historiography at the end of the 3rd — 1st century BCE. Diss. Moscow.
Sinitsa, M.M. 2019a. In: *Kondakovskiye chteniya (Kondakov Readings)* VI. *Antichnost' — Vizantiya — Drevnyaya Rus' (Antiquity — Byzantium — Ancient Russia)*, 170—181 (in Russian).
Sinitsa, M.M. 2019b. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Iresiona. Antichnyi mir i yego naslediye (Iresiona. The Ancient World and its Heritage)*. Iss. VI. *Materialy nauchnoy sessii kafedry vseobshchey istorii k 40-letiyu nachala antikovedcheskikh issledovaniy (Materials of the Scientific Session of the Department of General*

History for the 40th Aniversary of the beginning of the study of Antiquity). Belgorod: BelGU, 158—170 (in Russian).
Athanassiadi, P. (ed.). 1999. *Damascius. The Philosophical History.* Athens: Apameia.
Bandy, A. (ed.). 2013a. *Ioannes Lydus. On Celestial Signs (De Ostentis).* Lewiston; New York: Edwin Mellen Press.
Bandy, A. (ed.). 2013b. *Ioannes Lydus. On the Months (De Mensibus)*. Lewiston; New York: Edwin Mellen Press.
Bandy, A. (ed.). 2013c. *Ioannes Lydus. On the Powers, or The Magistracies of the Roman State.* Lewiston; New York: The Edwin Mellen Press.
Bekker, I. (ed.). 1854. *Suidae Lexicon*. Berolini: G. Reimer.
Brock, S., Fitzgerald, B. (eds.). 2013. *Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch.* Liverpool: Liverpool University Press.
Dain, A. 1964. *Les manuscrits*. Paris: Les Belles lettres.
Dindorf, L. (ed.). 1870. *Ioannis Zonarae Epitome Historiarum*. Vol. III. Lib. XI—XV. Lipsiae: B.G. Teubner.
Dubuisson, M, Schamp, J. (eds.). 2006. *Jean Lydien. Des Magistratures de L'État Romain*. T. I. Liv. I. Pt. 1, 2. *Introduction générale*. Paris: Les Belles Lettres.
Jeffreys, E. 1990. Malalas' sources. In: Jeffreys, E., Croke, B., Scott, R. (eds.). *Studies in John Malalas*. Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 167—217.
Maas, M. 1992. *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian*. London; New York: Routledge.
Martindale, J.R. (ed.). 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. II. *A.D. 395—527*. Cambridge: Cambridge University Press.
Martindale, J.R. (ed.). 1992. *The Prosopography of the Later Roman Empire.* Vol. III. *A.D. 527—641*. Cambridge: Cambridge University Press.
Momigliano, A. 1988. From the pagan to the Christian Sibyl: prophecy as history of religion. In: Dionisotti, A.C., Grafton, A.; Kraye, J. (eds.). *The uses of Greek and Latin. Historical essays*. London: Warburg Institute; University of London, 3—18.
Mommsen, Th., Meyer, P. (ed.). 1905. *Codex Theodosianus cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges Novellae Pertinentes*. Berlin: Weidmannos.
Paton, W.R. (ed.). 1920. *The Greek Anthology with an English translation.* Vol. I. Bk. I—VI. London: William Heinemann; New York: G.P. Putman's Sons.
Reynolds, L.D., Wilson, N.G. 1991. *Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. Oxford: Clarendon Press.
Rochette, Br. 1997. Justinien et la langue latine: à propos d'un prétendu oracle rendu à Romulus d'après Jean le Lydien. *Byzantinische Zeitschrift* 90, 413—415.
Rochette, Br. 1998. Jean le Lydien, Caton, Varron et Servius (Jean le Lydien, De magistratibus, I.5). *Byzantinische Zeitschrift* 91, 471—474.
Seek, O. (ed.). 1876. Notitia Urbis Constantinopolitanae. In: *Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum*. Berolin: Weidmannos, 227—243.
Treadgold, W. 2007. *The Early Byzantine Historians*. London: Palgrave Macmillan.
Wilson, N.G. 1996. *Scholars of Byzantium*. London: Gerald Duckworth & Co Ltd; Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America.

Таблица 1. **Таблица ссылок Иоанна Лида на античные источники (по группам и в хронологическом порядке)**[1]

Период	Поэты	Философские и религиозные тексты	Естество-испытатели	Антиквары, грамматики, военные теоретики	Историки	Политики и юристы	Род деятельности автора неизвестен
до VI в. до н.э.	**Эвмел Коринфский** — 1 **Гесиод**, «Каталог», «Теогония», «Труды и дни» — 5 **Гомер**, «Илиада» — 6 **Терпандр Лесбосский** — 1 **Всего 13 ссылок**	**Анахарсис Скифский** — 2 **Всего 2 ссылки**					

[1] Составлено на основе Appendix М. Мааса в его монографии об Иоанне Лиде, где собраны все цитируемые и упоминаемые ранневизантийским писателем источники в его трактатах в алфавитном порядке (Maas 1992: 101—134).

Таблица 1. **Таблица ссылок Иоанна Лида на античные источники (по группам и в хронологическом порядке) (продолжение)**

Период	**Поэты**	**Философские и религиозные тексты**	**Естество-испытатели**	**Антиквары, грамматики, военные теоретики**	**Историки**	**Политики и юристы**	**Род деятельности автора неизвестен**
VI—III вв. до н.э.	**Эсхил**, «Этна» — 2 **Аристофан Афинский**, «Арахнянки» — 1 **Каллимах**, «Причины» — 1 **Эвфорион** — 1 **Еврипид**, «Вакханки», «Гекуба», «Елена», «Гипсиппила», «Ино», «Ифигинея в Авлиде», «Пелей», «Скирон», «Троянки» — 13 **Ликофрон,** «Александра» — 1 **Пиндар**, «Пифийская ода» — 1 **Софокл**, «Аякс» — 2 **<u>Всего 22 ссылки</u>**	**Анаксагор** — 2 **Анаксимандр** — 3 **Аристотель**, «История животных», «Метеорология», «О рождении и упадке», «О небесах», «О Пелопсе» — 19 **Антигон** — 2 **Архит** — 2 **Антифон** — 1 **Хрисипп** — 3 **Демокрит** — 11 **Диоген Аполлониат** — 1 **Эмпедокл** — 3 **Эпикур** — 1 **Библия** — 5 **Гераклид Понтийский** — 3 **Гераклит** — 5 **Ферекид** — 2 **Филолай** — 4 **Платон**, «Кратил», «Законы», «Федон», «Федр», «Государство», «Пир», «Тимей» — 29 **Полемон** — 1 **Теофраст** — 2 **Фалес** — 1 **Ксенократ** — 1 **Ксенофан** — 1 **<u>Всего 102 ссылки</u>**	**Дикеарх**, «О границе мира» — 1 **Досифей Александрийский** — 1 **Эратосфен**, «Катастерисмы» — 3 **Эвктемон** — 4 **Эвдокс Книдский** — 10 **Гиппократ**, «О рождении на седьмом месяце» — 1 **<u>Всего 20 ссылок</u>**	**Кампестер**, «О кометах» — 2 **Цинций Алимент Римский**, «О фестивалях» — 4 **Дионисий Халкедонский** — 1 **Эвгемер,** «Священный список» — 1 **Манефон,** «Комментарии на египетскую историю», «О фестивалях» — 2 **Тагет**, «О предсказании землетрясений» — 6 **Зопир Византский** — 1 **Аристофан Византский**, «Эпитома физических свойств рыб» — 1 **<u>Всего 18 ссылок</u>**	**Акусилай Аргосский** — 1 **Каллисфен Перипатетик**, «Греческая история» — 2 **Харет** — 1 **Ктесий Книдский** — 1 **Эфор Кумский**, «Истории» — 3 **Гекатей** — 1 **Гелланик** — 1 **Геродот**, «Истории» — 2 **Филарх**, «История» — 1 **Фукидид**, «История» — 1 **<u>Всего 14 ссылок</u>**	**Демосфен**, «Олинфянин» — 1 **Исократ**, «За Демоника» — 3 **<u>Всего 4 ссылки</u>**	**Пифий Массилийский** — 1 **Фрасиалк Фракийский** — 1 **<u>Всего 2 ссылки</u>**

Таблица 1. **Таблица ссылок Иоанна Лида на античные источники (по группам и в хронологическом порядке) (продолжение)**

Период	**Поэты**	**Философские и религиозные тексты**	**Естество-испытатели**	**Антиквары, грамматики, военные теоретики**	**Историки**	**Политики и юристы**	**Род деятельности автора неизвестен**
II в. до н.э. — II в.	**Ювенал**, «Сатиры» — 1 **Овидий**, «Фасты» — 1 **Перси**й, «Сатиры» — 1 **Вергилий**, «Энеада», «Эклоги» — 5 **Всего 8 ссылок**	**Антигон Никейский** — 1 **Харакс** — 1 **Кратес** — 3 **Псевдо-Лонгин**, «О высочайшем» —1 **Месомед**, «Гимн Немезиде» — 1 **Нумений** — 4 **Оцел Пифагореец** — 1 **Панетий** — 1 **Петосирис** — 2 **Филон Иудейский**, «Жизнь Моисея» — 2 **Посидоний** — 2 **Всего 19 ссылок**	**Гиппар**х, «Комментарии на «Феномены» Арата» — 2 **Плиний**, «Естественная история» — 6 **Клавдий Птолемей**, «География», «Гармоники», «Тетрабиблион» — 6 **Сенека**, «Естественные исследования» — 2 **Всего 16 ссылок**	**Эмилий Аспер**, «Комментарии на историю Саллюстия» — 3 **Диоген Антоний** — 2 **Анисий**, «О месяцах» — 1 **Апулей**, «Эротические басни», «Об искусстве гадания» — 4 **Аристодем (Аристид)**, «Мифология» — 1 **Афиней**, «Ученый пир» — 1 **Катон**, «О римской древности» — 1 **Корнелий Непот**, «Примеры» — 1 **Диодор Сицилийский**, «Историческая библиотека» — 2 **Диогениан Лексикограф** — 2 **Фест**, «О значении слов» — 1 **Фонтей**, «О статуях» — 6 **Аполлодор Афинский**, «Относительно богов» — 2 **Гавий Басс**, «Относительно богов» — 1 **Исигон**, «Относительно палицийских богов» — 1 **Лепи**д, «О священстве» — 1 **Никомах**, «О фестивалях египтян» — 2 **Нигидий Фигул** — 3 **Филоксен**, «О римском языке» — 2	**Арриан**, «История Парфии», «История аланов», «Об Александре» — 5 **Архелай Каппадокийский**, «История» — 2 **Гай Атей Капитон** — 5 **Статилий Критон** — 1 **Дион Кассий Коккеян**, «Римская история» — 2 **Эвтимен Массилийский**, «Хроника» — 1 **Фенестелла**, «Истории» — 1 **Геррений Филон Библский**, «Финикийская история» — 3 **Тит Ливий**, «История» — 2 **Лукан**, «О гражданской войне» — 2 **Менандр Эфесский**, «Финикийская история» — 1 **Мессала** — 1 **Никанор**, «Жизнь Александра» — 1 **Саллюстий**, «История» — 1 **Сисенна**, «История» — 1	**Арета**, филарх арабов, «Письмо Клавдию Цезарю» — 1 **Аристей**, «Письмо Филократу» — 1 **Цицерон**, «Против Вереса» — 1 **Фронтин**, «О военных должностях» — 1 **Гай**, «О законе 12 таблиц» — 1 **Гракхан** — «О властях»: 2 **Лутаций Катулл** — 1 **Помпоний**, «Учебник» — 1 **Всего 21 ссылка**	**Демофил** — 1 **Николай** — 1 **Всего 2 ссылки**

Таблица 1. **Таблица ссылок Иоанна Лида на античные источники (по группам и в хронологическом порядке) (продолжение)**

Период	Поэты	Философские и религиозные тексты	Естество-испытатели	Антиквары, грамматики, военные теоретики	Историки	Политики и юристы	Род деятельности автора неизвестен
II в. до н.э. — II в.				**Публий Элий Флегон**, «О фестивалях» — 1 **Пизон**, «О созвездиях» — 1 **Плутарх**, «О слушании поэтов», «Исида и Осирис», «Марцелл», «Помпей», «Застольные беседы» — 7 **Светоний Транквилл**, «Жизни Цезарей», «О знаменитых развратниках» — 4 **Тарквитий Приск**, «Этрусские знания» — 1 **Теренций Варрон**, «Древности», «Человеческие деяния», «Введение к Помпею», «О латинском языке», «О звездах», «Портреты» — 16 **Вицеллий**, «О землетрясениях» — 2 **Цезарь Клавдий**, «О звездах» — 3 **Аполлодор**, «Осадное искусство» — 1 **Патерн Римский**, «Тактика» — 1 **Всего 74 ссылки**	**Гай Юлий Цезарь**, «Галльская война» — 1 **Всего 30 ссылок**		

Таблица 1. **Таблица ссылок Иоанна Лида на античные источники (по группам и в хронологическом порядке) (продолжение)**

Период	Поэты	Философские и религиозные тексты	Естество-испытатели	Антиквары, грамматики, военные теоретики	Историки	Политики и юристы	Род деятельности автора неизвестен
III—VI вв.	**Христодор Коптский**, «Об учениках великого Прокла» — 1 **Клавдиан**, «О консульстве Стилихона» — 1 **Всего 2 ссылки**	**Аммоний** — 1 **Ямвлих**, «Халдейские учения», «О путешествии души», «Римские священники» — 7 **Ориген**, «Филокалия»: 1 **Плотин**, «Эннеады» — 3 **Порфирий**, «О воздержании», «О философии из оракулов» — 5 **Прокл**, «Гимналия» — 9 **Сириан** — 1 **Всего 27 ссылок**		**Корнелий Лабеон**, «О свечениях» — 7 **Макробий**, «Сатурналии» — 1 **Писандр Ларандский**, «Героические отпрыски божественных браков»: 1 **Полемон**, «Комментарии на «Гражданские войны» Лукана» — 1 **Юлиан император**, «О военных машинах» — 1 **Всего 11 ссылок**	**Аврелий Виктор**, «История гражданской войны» — 1 **Кандид**, «История» — 1 **Евсевий**, «Хроника» — 2 **Евтропий**, «Бревиарий от основания Города» — 1 **Геродиан**, «История после смерти императора Марка» — 1 **Всего 6 ссылок**	**Аврелий Аркадий Харисий**, «О должности преторианского префекта» — 1 **Константин I император**, «Трактат» — 1 **Юлиан император**, «Письмо иудеям» — 1 **Петр Патрикий**, «О магистре оффиций» — 1 **Ульпиан**, «О должности квесторов», «Протрибуналии» — 3 6) **Валент император** — 1 **Всего 8 ссылок**	

Таблица 1. **Таблица ссылок Иоанна Лида на античные источники (по группам и в хронологическом порядке) (продолжение)**

Период	**Поэты**	**Философские и религиозные тексты**	**Естество-испытатели**	**Антиквары, грамматики, военные теоретики**	**Историки**	**Политики и юристы**	**Род деятельности автора неизвестен**
время жизни автора неизвестно	**Гимны** — 1 **Поэты** — 6 **Всего 7 ссылок**	**Аквилин**, «Разъяснения номеров» — 1 **Гермес**, «Космопойа», «Совершенный Логос» — 6 **Метродор** — 6 **Орфей** — 6 **Претекстат Иерофант** — 1 **Пифагор и пифагорейцы** — 18 **Стратон** (по тексту Платон) — 1 **Зороастр** — 1 **книги понтификов** — 1 **Сивиллины оракулы** — 2 **Египетские учения** — 3 **Этрусские священные книги, этрусские учения** — 5 **Халдейские учения, мистические слова** — 17 **Оракулы** — 14 **Стоики** — 6 **Теологи** — 3 **Философы** — 11 **Всего 102 ссылки**	**Тарутий математик** — 1 **Географы** — 1 **Математики** — 2 **Космографы** — 1 **Естествоиспытатели** — 13 **Всего 18 ссылок**	**Клодий Туск** — 1 **Дардан**, «О тяжестях» — 1 **Эльпидиан**, «О фестивалях» — 1 **Саммоник**, «О различных исследованиях» — 1 **Грамматики** — 2 **Мифологи** — 9 **Всего 15 ссылок**	**Аристид**, «Персидская история» — 1 **Кастор** — 1 **Дорофей Халдейский**, «Италийская история» — 1 **Историки** — 5 **Всего 8 ссылок**	**Нума** — 1 **Всего 1 ссылка**	**Аполлоний** — 3 **Асклатион** — 1 **Каллипп** — 2 **Каллисфен Сибарит** — 1 **Хрест Римский** — 2 **Деркилл** — 1 **Эвдемон** —1 **Эврит Спартанский** — 1 **Фульвий** — 1 **Гелиодор** — 1 **Максим** — 1 **Моисей** — 1 **Одапс Фиванский** — 1 **Филипп** — 2 **Поллес** — 2 **Полихарм**, «О Динисе» — 1 **Тархон** — 1 **Древние авторы** — 16 **Всего 39 ссылок**
Всего	**18 названных авторов; 2 неназванных; 52 ссылки**	**51 названный источник; 7 неназванных; 252 ссылки**	**11 названных источников; 4 неназванных; 54 ссылки**	**46 названных источников; 2 неназванных; 118 ссылок**	**34 названных автора; 1 неназванный; 58 ссылок**	**17 названных источников; 34 ссылки**	**21 названных авторов; 1 неназванных; 43 ссылки**

Таблица 2. **Процентное соотношение ссылок**

Период	**Поэты**	**Философские и религиозные тексты**	**Естество-испытатели**	**Антиквары, грамматики, военные теоретики**	**Историки**	**Политики и юристы**	**Род деятельности автора неизвестен**
до VI в. до н.э.	2,13%	0,33%					
VI—III вв. до н.э.	3,6%	16,69%	3,27%	2,95%	2,29%	0,66%	0,33%
II в. до н.э. — II в.	1,31%	3,11%	2,62%	12,11%	4,91%	3,44%	0,33%
III—VI вв.	0,33%	4,42%		1,8%	0,98%	1,31%	
время жизни автора неизвестно	1,15%	16,69%	2,95%	2,95%	1,31%	0,16%	6,38%
Всего	**8,51%**	**41,24%**	**8,84%**	**19,31%**	**9,49%**	**5,57%**	**7,04%**

Таблица 3. **Наиболее цитируемые авторы (от 3 ссылок и выше)**

№ п/п	**Авторы**	**Количество ссылок**
1	Платон	29
2	Аристотель	19
3	Халдейские учения	17
4	Варрон	16
5	Оракулы	14
6	Еврипид	13
7	Демокрит	11
8	Эвдокс Книдский	10
9	Прокл	9
10—12	Ямвлих, Корнелий Лабеон, Плутарх	7
13—22	Гомер, Метродор, Гермес, Орфей, Пифагор и пифагорейцы, стоики, Плиний, Птолемей, Тагет, Фонтей	6
23—30	Гесиод, Вергилий, Гераклит, Порфирий, этрусские священные книги, Септуагинта, Арриан, Гай Атей Капитон	5
31—36	Гесиод, Вергилий, Гераклит, Порфирий, этрусские священные книги, Септуагинта, Арриан, Гай Атей Капитон	4
37—51	Анаксимандр, Хрисипп, Эмпедокл, Гераклид Понтийский, Плотин, Кратес, Эратосфен, Эмилий Аспер, Цезарь Клавдий, Нигидий Фигул, Филон Библский, Исократ, Эфор Кумский, Ульпиан, египетские учения	3

УДК 94(470.6)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019

В.И. Колесов, Д.В. Сень

«ПРЕПРОВОЖДАЯ ЗДЕСЬ ДОШЕДШЕЕ ОТ ПОЧТЕННЕЙШЕГО АНАПСКОГО МУСТАФЫ-ПАШИ ОРЕГИНАЛЬНОЕ ПИСЬМО И ПЕРЕВОД С ОНОГО…»: ПРАКТИКИ РОССИЙСКО-ОСМАНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (1792—1828 гг.)*

Статья посвящена российско-османскому взаимодействию в конкретный исторический период (1792—1828 гг.), когда крепость Анапа являлась центром османских владений на Северо-Западном Кавказе. Исследуются поводы и причины разных коммуникаций, их акторы и случаи устного и письменного взаимодействия, а также тексты писем. Анализируются формы коммуникации (переписка, устные сообщения, дипломатические переговоры) местных и иных российских элит с анапскими пашами и с их представителями. Выявлено и проанализировано несколько десятков писем и сообщений. Обращено внимание на языки анализируемой коммуникации (османо-турецкий, русский, армянский, греческий), а также на состав переводчиков и акторов устных сообщений, включая курьеров и посредников — как чиновников, так и других лиц, окказионально привлекаемых обеими сторонами к развитию диалога. В ходе анализа письменных документов, помимо анализа их языков, изучена структура текстов, т.е. их индивидуальные формуляры, состоявшие из набора лексических единиц. Сделан вывод о системной устной и письменной российско-османской коммуникации в регионе на протяжении более тридцати лет.

Ключевые слова: Османская империя, Анапа, Россия, Северное Причерноморье, переписка, устные сообщения, переводчики, медиаторы, языки коммуникации.

Сведения об авторах: Колесов Владимир Игоревич[1], независимый исследователь; Сень Дмитрий Владимирович[2], доктор исторических наук, Южный федеральный университет.

Контактная информация: [1]350002, г. Краснодар, ул. Карасунская набережная, д. 151; e-mail: vovakolesov1971@gmail.com; [2]344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, Южный федеральный университет; e-mail: dsen1974@mail.ru.

V.I. Kolesov, D.V. Sen’

“ACCOMPANYING HERE THE ORIGINAL PAPER CAME FROM THE MOST VENERATED MUSTAFA PASHA OF ANAPA AND A TRANSLATION FROM IT…”: RUSSIAN-OTTOMAN COMMUNICATION’S PRACTICES AT THE NORTHERN BLACK SEA COASTSHORE (1792—1828)

The article is devoted to Russian-Ottoman interaction at the concrete historical period (1792—1828). In this time the fortress Anapa was the center of Ottoman domain at the North-Western Caucasus. The communication occasions and reasons, actors and cases of the oral and writings, texts of messages are explored. The authors analyzed forms of interaction (correspondence, oral communications, diplomatic negotiations) between Russian regional officials and the Anapa’s Pasha and his administration. The few dozens of various messages were revealed and analyzed. Languages of these communications (Ottoman Turkish, Russian, Armenian, Greek, and French), the interpreters’ personalities, actors of oral messages, mediators and couriers were in research focus. Besides, the documents structures (different forms) were

* Статья поступила в номер 12 декабря 2020 г.
Принята к печати 28 декабря 2020 г.

© В.И. Колесов, Д.В. Сень, 2020.

investigated. The authors made the conclusions about system interaction between the two opposite sides for over 30 years in this region.

Key words: Ottoman Empire, Anapa city, Russia, Northern Black Sea shorecoast, correspondence, oral messages, interpreters, mediators, communication's languages.

About the authors: Kolesov Vladimir Igorevich[1], Independent Researcher; Sen' Dmitry Vladimirovich[2], Dr. habil. (History), Professor, Southern Federal University.

Contact information: [1]350002, Russia, Krasnodar, 151 Karasunskaya naberezhnaya St.; e-mail: vovakolesov1971@gmail.com; [2]344000, Russia, Rostov-on-Don, 33 Bolshaya Sadovaya St., Southern Federal University; e-mail: dsen1974@mail.ru.

Статья продолжает цикл авторских публикаций о взаимоотношениях двух империй и подвластных им различных групп населения на Северо-Западном Кавказе (как части Северо-Восточного Причерноморья) после переселения сюда Черноморского казачьего войска (далее — ЧКВ), начиная с 1792—1794 гг. (Колесов 2006: 73—88; 2018: 92—103; Сень 2009: 49—51; 2010: 47—63; 2011: 124—133; 2020b: 225—243). В новой работе сделан акцент на истории устной и письменной коммуникаций между анапскими пашами и российскими администраторами различного уровня, главным образом, руководством Таврической области/Новороссийской/Таврической губернии и верхушкой ЧКВ. Верхняя хронологическая граница обусловлена тем, что в 1828 г. османская Анапа была в который раз и уже окончательно завоевана российскими войсками. Османская империя утратила свои последние владения в Северном Причерноморье с административным центром в Анапе. Соответственно — прекратилась письменная и иная коммуникация между региональными российскими и османскими властями.

Ранее мы исследовали причины, формы и способы пересечения р. Кубани представителями разных местных сообществ, которая после Ясского мирного договора (1791 г.) стала новой русско-турецкой границей; а также осуществление языковой и иной межкультурной коммуникации, порождавшей среди участников пограничной жизни новый опыт взаимного «узнавания». Кроме того, нас интересовали всевозможные реакции местного населения (казаков, западных адыгов (черкесов), турок-османов, греков, армян и др.) на трансформацию местной пограничной жизни, последовавшую после 1791 г. и новых договоренностей между Российской и Османской империями.

Формирование нового пограничного порядка на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII в. затронуло сферу местной/транзитной торговли и работорговли, набеговой системы и т.п. явления, породив разрыв одних связей, традиционных для местных пограничных сообществ, и формирование внутри них и между ними новых социальных связей. Мы акцентируем внимание не только на местных региональных властных структурах, но и на поведении т.н. людей пограничья. Среди них — нарушители права и беглецы, лазутчики, рабы и рабовладельцы, торговцы и местные администраторы, толмачи и переводчики — индивидуальные и коллективные биографии которых, чаще всего, выпадают из поля зрения исследователей. К примеру, дипломатические, военные, торговые и иные отношения между Османской и Российской империями актуализировали насущную необходимость привлечения к диалогу не только профессиональных дипломатов, но и целого ряда других лиц, как связанных, так и не связанных со сферой бюрократического управления. Свою нишу среди них заняли т.н. посредники, зачастую совмещавшие экономическую деятельность (торговлю, ростовщичество) с функциями толмачей, переводчиков, шпионов и трансляторов разнообразной информации, включая передачу властям обеих империй корреспонденции друг другу. Заметим, что потребность в подобных людях ощущалась как в имперских

центрах — в центральных государственных учреждениях — так и в регионах. Подобная деятельность приобретала своеобразный оттенок именно на имперских окраинах, т.е. на периферийных территориях, где почти ежедневно осуществлялось кросс-граничное общение, причем со стороны как чиновников различного уровня, так и со стороны «рядовых» или «простых» людей из числа местного населения. При этом имперские центры не могли контролировать все процессы, происходившие в пограничье: многое зависело от инициативы местных властей, административный опыт которых, в буквальном смысле формируясь на практике, в т.ч. был «завязан» на контактах с «противной стороной».

Актуально изучить, таким образом, не только историю военного противостояния Российской и Османской империй на Северо-Западном Кавказе, о чем чаще всего писалось до недавнего времени в научной литературе. Не менее важно исследовать историю т.н. пограничной дипломатии и трансграничной культурной коммуникации между людьми, сообществами, властными структурами в пространстве Право- и Левобережной Кубани. Это позволит более предметно и, вместе с тем, системно, связать историю пограничных владений России и Османской империи в «равноправном» исследовательском пространстве *однотипных* исследовательских кейсов. Перед нами — общая в этом смысле территория конформизма и сопротивления, конфронтации и сотрудничества, закономерно порождавших именно на границе новые идентичности и новые явления культурной идентификации (включая «называние» людей и сообществ — скажем, в делопроизводственной документации; последовательное преодоление устных/письменных языковых барьеров и пр.). Среди составляющих подобного фронтирного пространства — «неофициальность» и неустойчивое равновесие, мозаичность и изменчивость местных социальных и культурных процессов, энтропия официальных властных отношений и ресурсов, направляемых обеими империями на своих подданных, добивавшихся от них еще большей лояльности и общего бюрократического контроля. Отдельные аспекты такой тематики, в т.ч. исследованной соавторами ранее, представлены в трудах В.В. Дегоева (Дегоев 2005: 90—108), О.В. Матвеева (Матвеев 2015: 148—181), М.В. Покровского (Покровский 1957: 107), Ю.В. Приймака (Приймак 2011: 119—136), Ф.А. Щербины (Щербина 1910: 601—614; 1913: 14, 152—154, 157, 179—180, 182, 239—240, 245—247) и А.А. Черкасова (Черкасов 2020: 1415—2266).

События последней четверти XVIII в., случившиеся после Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.) и аннексии Крымского ханства (1783 г.), привели к закреплению России на Северо-Западном Кавказе. Вместе с тем, они способствовали усилению османской крепости Анапа в качестве регионального центра и «столицы» санджака, как своеобразной «точки притяжения» для турецкоподданных купцов и ремесленников (турок, армян, греков, евреев), а также для местного автохтонного населения — западных адыгов («черкесов» российских документов). Усилиями трехбунчужного Ферах Али-паши, а также османских и французских инженеров, Анапа обзавелась в начале 1780-х гг. мощными укреплениями: её отстроили наряду с Суджук-кале и другими новыми крепостями. Уже Ферах Али-паша, управлявший причерноморскими владениями Османов, предпринял первые попытки завязать переписку с российским командованием, например, с Г.А. Потемкиным (Виноградов, Приймак 2006: 161). Ресурсы крепости стали расти в 1780-е гг. также за счет населения бывших османских крепостей, например, Тамани. Контингент Анапы усилился за счет тимариотов и заимов, прибывших из Трапезунда (Веселовский 1914: 12). Заметим, что всё это происходило в условиях крушения позиций Османской империи на Северо-Западном Кавказе и ее борьбы за сохранение своих позиций на Левобережной Кубани и на Черноморском побережье Кавказа (Приймак 2011: 171—174). В.В. Дегоев отмечал, что именно через Анапу и Суджук-кале —

османские форпосты в приморской Черкесии — вывозились рабы и другие товары на турецкие и ближневосточные рынки. Очевидно и то, что на рубеже XVIII—XIX вв. Анапа представляла собой важное связующее звено между «черкесским миром» и Османской империей, потенциал которого В.В. Дегоев напрасно связал с якобы *отдельными* попытками черкесов изредка помогать туркам-османам при осаде крепости русскими (Дегоев 2005: 99).

Условия Ясского мирного договора 1791 г. превратили р. Кубань в границу между двумя империями, а переселение ЧКВ в 1792—1794 гг. на Северо-Западный Кавказ привело к появлению «нового игрока» в коммуникационном поле межимперского взаимодействия и противостояния. *Опасность, близость, притягательность* Закубанья, проницаемость, («пористость» — по А. Риберу (Рибер 2004: 199)) данного пограничного пространства способствовали не только формированию опыта выживания черноморских казаков в непростых условиях. Проживание казаков-черноморцев в контактной зоне быстро породило в их среде желание преодолеть своеобразную «границу миров» (фактически — государственную границу) и достичь Закубанья, узнавая «чужую» сторону не только «по долгу службы», но и следуя собственным или даже чужим интересам. Речь идет, в частности, о бегстве и похищении черноморских казаков и солдат со службы по самым разным причинам, включая криминальные (Сень 2010: 49—61). С одной стороны, всевозможные беглецы и нарушители, в т.ч. подданные Османов, устремлялись из Закубанья на войсковую территорию, давая все новые информационные поводы для развития письменной и иной коммуникации между администрацией османской Анапы и российскими властями разного уровня (от руководства ЧКВ до губернатора и вице-губернатора Таврической области). С другой стороны, местные автохтоны — адыги (черкесы) не воспринимали р. Кубань как государственную границу, установленную межимперским соглашением. И хотя по Ясскому договору 1791 г. османские власти должны были не допускать самовольных пересечений черкесами этой границы, фактически они не могли системно контролировать данные процессы.

Представляется необходимым проанализировать создание системы взаимоотношений черноморских казаков (как «верхушки» войска, атаманов, старшин и чиновников, так и рядовых казаков) как с османскими представителями власти в регионе, так и с «аборигенными» лидерами — адыгскими князьями, дворянами, ногайским мурзами и т.д. Для нас важна история как официальных, так и *неофициальных (неформальных)* контактов верхушки ЧКВ и администрации османской Анапы в 1792—1828 гг., быстро налаженных и свидетельствующих об общем желании сторон приспособиться к пограничному соседству. Чего стоит только одна фраза из письма войскового судьи ЧКВ А.А. Головатого, адресованного анапскому Сеиду-Мустафе-паше (1795 г.)! Судья тогда написал своему «соседу» о том, что «в знак моей вам дружбы и приязни, посылаю… айвы один чувал и 11 арбузов, покорно прошу принять и во удовольство здоровья вашего употреблять» ([Дмитренко] 1898: 67). Подобная коммуникация функционировала как определенный порядок, регламентировавшийся дипломатическими, этикетными, языковыми нормами, включая бюрократическое оформление разнообразных письменных документов. Поэтому актуальным является исследование подобных практик и деятельности конкретных лиц, осуществлявших такую коммуникацию в рамках вышеуказанных норм и положений.

Во-первых, важно выявить таких «медиаторов» (прежде всего, толмачей и переводчиков) как с османской, так и с российской стороны, определить их количественный состав, происхождение, статус и положение, род занятий, языковую компетенцию и пр., т.е. всё то, что называется профессиональным бэкграундом. Составление перечня таких толмачей и переводчиков «по должности» или привлеченных властями «сторонних лиц» (включая

торговцев, перебежчиков и авантюристов) будет способствовать лучшему пониманию их роли в соответствующих социокультурных средах и влияния на местные/трансграничные коммуникационные процессы. Во-вторых, необходимо исследовать конкретные коммуникационные случаи (кейсы), практику взаимоотношений, контекстуальные условия проведения переговоров или переписки как между анапскими пашами и черноморским руководством, так и более «широкие» взаимодействия сторон: анапских пашей — с Новороссийскими/Таврическими губернаторами и с российским военным командованием на Северном и Южном Кавказе; или, к примеру, лидеров ЧКВ с местными региональными «вождями». В-третьих, в процессе анализа коммуникационного акта важно остановиться на языках общения, на «технологиях» осуществления переговоров и т.п. взаимодействий, на языках и на графике написания документов, составляемых и отправляемых всеми сторонами переговорного процесса. Полиглоссия документов демонстрирует гибкость коммуникационной модели в отношениях «отправитель—получатель». Отсюда вытекает четвертый аспект актуальности: эвристическое изучение сохранившихся документов, отложившихся в архивах или уже опубликованных (включая ответы на вопросы: существовал ли особый формуляр для подобной делопроизводственной документации, каким образом происходило взаимное этикетное именование сторон, как оформлялись документы, включая их удостоверение подписями, печатями и пр. элементами?). Отдельная исследовательская задача (дело, главным образом, нашей будущей работы) — количественный учет интересующей нас переписки — как частично опубликованной ([Дмитренко] 1898: 45, 54, 67, 257, 263—264; АКАК 1868: 984; АКАК 1875: 415, 432—433, 487), так и только вводимой в научный оборот, например, из фондов Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК). Всем этим актуальным аспектам и посвящена данная статья. Исследователь, анализируя вышеназванные коммуникативные ситуации, зачастую выступает в роли интерпретатора «второго» порядка, осмысливая переводы (т.е. интерпретации) переводчиков (толмачей). Рассматриваемая коммуникативная система, как и всякая другая в культуре, имеет определенную модель, где «коммуникация осуществляется минимум по двум… каналам» посредством сообщения в конкретном событийном контексте от адресанта к адресату путем контактов, в процессе которых информация передается кодами (Лотман 1996: 23).

Коммуникационные стороны. В начале 1780-х гг. крепость Анапа была отстроена фактически заново (Веселовский 1914: 9—11), выделяясь, наряду с другим морским портом и крепостью Суджук-кале, среди новых османских крепостей Северо-Западного Кавказа — точнее, Черноморского побережья Кавказа. Высокопоставленный османский назначенец (трехбунчужный паша) несколько позже перенес свою резиденцию из Суджук-кале (местоположение остатков крепости ныне входит в территориальные границы г. Новороссийска) именно в Анапу. Юридически под властью анапского паши находились жившие в Закубанье адыгские этнические группы («племена» российских документов того времени): шапсуги, натухайцы, бжедуги, абадзехи, жанеевцы и др. После начала переселения ЧКВ на Северо-Западный Кавказ в 1792 г. (Фролов 2005: 3—7) и в том же году — шести полков донских казаков на правый фланг Кавказской линии (ПСЗРИ 1830: 305), была создана система кордонов и постов по р. Кубани. Именно казаки стали для черкесов и турок-османов ближайшими соседями по другую сторону новой российско-османской границы, с которыми анапским пашам необходимо было наладить взаимодействие. По условиям Ясского договора (1791 г.) р. Кубань была определена границей между двумя империями. Анапские паши должны были не допускать вторжения горцев в российские земли через эту границу (ПСЗРИ 1830: 289—290), а российским войскам строго запрещалось переходить

границу османских владений. Таким образом, паши при необходимости вступали в коммуникацию с войсковым атаманом и с другими представителями верхушки ЧКВ, с командующими Черноморской кордонной линией и правым флангом Кавказской линии. На более «высоком» уровне анапские паши регулярно взаимодействовали с гражданскими и с военными российскими администраторами, ведавшими территориями Северо-Западного Кавказа — правителями Таврической области, Новороссийскими и Таврическими губернаторами (либо с их подчиненными). А с 1820 г., когда эта территория стала подчиняться Кавказскому наместнику, паши стали переписываться, соответственно, с кавказскими военными начальниками и с чиновниками, вплоть до высших должностных лиц Российской империи.

Оригиналы писем анапских пашей и их русскоязычные переводы могли отправляться из Черномории вышестоящему начальству по инстанции: Таврическому губернатору или главнокомандующему на Кавказе. Более того, стороны коммуникации (например, с одной — Таврический губернатор и вице-губернатор времен существования Таврической области, с другой — администрация ЧКВ) регулярно информировали друг друга о получении подобных документов из Анапы или об отправке туда своей корреспонденции. К примеру, Таврический вице-губернатор К.И. Габлиц, предписывая своим ордером на имя полковника ЧКВ, армии премьер-майора С.Л. Белого от 26 апреля 1793 г. отправить в Анапу казаков-некрасовцев — подданных султана, указывал: «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши орегинальное письмо и перевод с оного…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 101). А из ордера Таврического губернатора С.С. Жегулина в Кош ЧКВ от 25 февраля 1794 г. следует, что в ответ на рапорт войскового правительства ЧКВ от 9 февраля того же года он написал письмо анапскому трехбунчужному Мустафе-паше (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6). Заметим, что в данном конкретном случае из Анапы в Черноморию попадали письма, адресованные как верхушке ЧКВ, так и следовавшие транзитом далее — на территорию Крымского п-ва (главным образом, в Симферополь). Тамошние российские власти, в свою очередь, отправляли корреспонденцию для Анапы тоже через территорию Черномории, что неоднократно зафиксировано в учтенных нами документах ГАКК. В такой трансграничной логистике отправки и доставки дву- и даже трехсторонней корреспонденции важное место принадлежало Бугазскому карантину и Бугазской переправе, находившимся на территории ЧКВ. Кроме того, как показано ниже, там регулярно осуществлялась и устная коммуникация между посланцами анапских пашей и представителями ЧКВ. Выскажем гипотезу о том, что «связующее» значение таких центров, как карантинные заставы, могло усилиться в связи с функционированием при них меновых дворов и переводчиков (Черкасов 2020: 1573).

Адресаты и адресанты корреспонденции. Отправителями письменных документов с османской стороны на имя российских адресатов (писем, отношений, отзывов и т.п.) выступали анапские паши. После возвращения захваченной Анапы Османской империи по Ясскому мирному договору 1791 г. анапские паши снова заняли положение главных османских чиновников на Северо-Западном Кавказе, активно поддерживавших и укреплявших военно-политическое и экономическое положение крепости. В то же время, находящийся в Анапе паша не всегда возглавлял именно *отдельную* османскую административно-территориальную единицу — санджак или пашалык, т.к. в отдельные периоды Анапа входила в укрупненный пашалык с центром в Трабзоне (Трапезунде). В таком случае, титулатура двух- и трехбунчужного паши маркировала имперский османский чин: анапский паша фактически занимал должность главнокомандующего войсками и начальника (коменданта) гарнизона, именуясь «мухафызом» («защитником», «оберегателем»

крепости) или даже «сераскером». Поэтому, довольно неопределенно звучит характеристика административного статуса Анапы, в свое время предложенная Ю.В. Приймаком (Приймак 2011: 174).

Нам достоверно известно об исходящей корреспонденции на территорию Российской империи от следующих анапских пашей: Тюсе (Тисе) Мустафы-паши трехбунчужного (он же — Сеид-Мустафа-паша) и мухафыза Анапы (1793[1]—1795 гг.); трехбунчужного (Сеида-) Османа-паши (1797—1800 гг.); Сеида-Хуссейна (Гуссейна)-паши (1804—1805 гг.); Сеида-Ахмета-паши (1815—1816, 1819, 1820—1826 гг.); Гаджи Гассан Чечен-оглу-паши, носившего титул паши «Трапезонтского, Потийского и Анапского» (1826—1827 гг.). Командующими в Анапе также являлись: в 1793 г. Юсуп-паша (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91), в 1802 г. — Али-паша (Черкасов 2020: 1509), 1813—1814 гг. — Гусейн-паша, в 1825 г. — Абдул-паша (Щербина 1913: 179, 245), от делопроизводства которых не выявлено пока ни одного письма в доступных нам источниках. В то же время, обнаружено пока всего два документа, адресованных российской стороне не пашами, а их представителями: 1) письмо (в источнике — «записка») за март 1793 г., направленное не от анапского паши, а от его подчиненного — назначенного пограничным комиссаром османского чиновника «Сяида Ефендия» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91); 2) письмо атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку от Гаджи-Ахмета, кегая-бея анапского паши, от 16 августа 1800 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 270—270 об.). Правомочно сформулировать совершенно новый для российской историографии вопрос — о происхождении анапских пашей, об их карьере, об условиях обретения пашинского чина, наконец, об уровне их культурной, языковой и профессиональной компетенции. Как правило, паши лично общались с российскими посланцами, многократно приезжавшими в крепость, живо интересовались делами в Черномории и, конечно, поддерживали *неформальные* связи с местными казачьими элитами. Имеются основания полагать, что некоторые из пашей не являлись этническими турками. Любопытное свидетельство о социальном происхождении одного из анапских пашей начала XIX в. и некоторых обстоятельствах его службы оставил Д.Б. Мертваго, бывший в 1803—1807 гг. Таврическим губернатором. По его данным, трехбунчужный паша Таяр-бей, обладавший огромной властью в Анатолии, назначил в Анапу двухбунчужного пашу: «…последний (очевидно, по отношению к времени завоевания Анапы российскими войсками в 1807 г. — *В.К., Д.С.*) анапский паша им возведен в сие звание из переводчиков» (Мертваго 2006: 148). Можно также заметить, что некоторые паши обладали языковой компетенцией и могли читать документы, доставляемые из Черномории российской стороной. Имеется несколько свидетельств российских посланников, доставивших анапским пашам письма (или иные документы), о том, что паши зачитывали при них подобную корреспонденцию, да еще комментируя отрывки из нее!

Письменная коммуникация велась с российской стороны, соответственно, на низовом уровне от имени верхушки ЧКВ: войсковых атаманов З.А. Чепеги (1793, 1795 гг.), Т.Т. Котляревского (1799 г.), Ф.Я. Бурсака (1800—1815 гг.), Г.К. Матвеева (1820—1826 гг.); войскового судьи А.А. Головатого (1793—1795 гг.); старшин — майора М.С. Гулика (1798 г.), С.Л. Белого (1793 г.); секунд-майора 3-го батальона егерского корпуса И.И. Штетера, назначенного пограничным комиссаром (1793 г.); командира егерского полка генерал-майора С.Е. Драшковича (1800 г.), командира Суздальского полка и командующего гарнизоном Усть-Лабинской крепости генерала Ф.М. Шеншина (1807 г.); командующего войсками в войске Черноморском генерал-майора М.Г. Власова (1821—1826 гг.);

[1] Приводится год отправки или получения корреспонденции.

командующего Черноморской кордонной линией и войсками в войске Черноморском генерала В.А. Сысоева (1826—1827 гг.), воинских начальников Кавказской линии — генерала К. фон Кнорринга (1799 г.) и генерала К.Ф. Сталя (1823 г.) и отдельно — правого фланга Кавказской линии генерала Г.И. Глазенапа (1805 г.).

Более высокий уровень отношений российской стороны с пашами был представлен Таврическими губернаторами — С.С. Жегулиным (1793—1795 гг.), Д.Б. Мертваго (1806 г.), А.М. Бороздиным (1815 г.) и вице-губернатором К.И. Габлицем (1793—1794 гг.); Новороссийскими генерал-губернаторами — Н.М. Бердяевым (1797 г.), М.В. Каховским (1798 г.) и И.И. Михельсоном (1800 г.), А.Ф. Ланжероном (1816 г.); главнокомандующими российскими войсками в Грузии — П.Д. Цициановым (1805 г.), И.В. Гудовичем (1807 г.), А.П. Ермоловым (1819, 1821, 1823 гг.). Из письма командующего Кавказской линией К. фон Кнорринга атаману ЧКВ Т.Т. Котляревскому от 3 декабря 1799 г. нам известно о переписке этого высокопоставленного российского военного с анапским Османом-пашой при посредничестве атамана ЧКВ. К. фон Кнорринг благодарил Т.Т. Котляревского за «безостановочное отправление вами моего к Осману паши письма. Закубанские нынешния обстоятельства требуют ежечастых моих с пашею сим сношений, имею честь препроводить при сем и еще мое к нему письмо, прося всепокорнейше вас не удержать отправлением его к нему» ([Дмитренко] 1898: 416).

Наконец, в нашем распоряжении имеется свидетельство о том, что письмо с претензиями анапского паши дошло до вице-канцлера Российской империи — А.Б. Куракина, который, вступив в переписку, вежливо, но твердо отказал паше (Приймак 2011: 128). В то же время, А.Б. Куракин объявил повеление императора Павла I о том, что «сношение» с Анапой будет производиться с октября 1797 г. по линии Коллегии иностранных дел ([Дмитренко] 1898: 275). Известен также случай, когда в 1802 г. император Александр I повелел отправить анапскому паше требование о возврате черкесами пленных казаков-черноморцев и о наказании виновных горцев под угрозой строгой «реквизиции» в случае неисполнения требования (Щербина 1913: 157; Черкасов 2020: 1508).

В связи с данными об участниках российско-османской письменной коммуникации затронем вопрос о дальнейшем поиске и выявлении архивных источников по теме статьи. Безусловно, такие документы (исходящие и входящие) создавались и аккумулировались не только на территории Черномории. Архивная эвристика в фондах ГАКК позволила не только установить новые исторические факты, но и сформулировать поисковые запросы, связанные с документированием деятельности самых разных фондообразователей, включая российские структуры и учреждения. В среднесрочной перспективе предстоит определить направления поиска новых документов — в фондах государственных и федеральных архивов Российской Федерации. Эвристическое значение могут иметь *даже упоминания* о подобных материалах, некогда хранившихся в архивах Российской империи. Так, известный востоковед В.Д. Смирнов обратил внимание в 1886 г. на интереснейшее архивное дело, хранившееся в Таврическом губернском архиве. «Между делами попадаются такие, которые могут служить обрисовке тогдашних международных отношений России. Таково одно дело под названием: "Переписка с анапским трехбунчужным Мустафа-пашой о всех чинимых войском черноморским народам за Кубанью обитающим беспокойствиях; также представлении войска черноморского войскового правительства, что первые от последних видят всегда со всем в противность заключенного мирного трактата неблагоприятные деяния, тягостью им служащие" на 616 листах» (Смирнов 2008: 539—540). Обращает на себя внимание значительный объем указанного архивного дела, косвенно подтверждающий интенсивность интересующей нас переписки, по крайней мере, за первую половину 1790-х гг. Не

исключено, что эти и аналогичные документы сегодня хранятся в фондах Государственного архива Республики Крым.

Поводы и причины коммуникаций. Вскоре после начала переселения ЧКВ на Северо-Западный Кавказ в 1792 г. войсковая администрация стала взаимодействовать с региональными османскими чиновниками — анапскими пашами. Им адресовались многочисленные претензии ЧКВ по отношению, чаще всего, к черкесам (изредка — казакам-некрасовцам), захватывавшим в плен людей, воровавшим скот; с османской стороны выражалось возмущение российской политикой принятия черкесов, переселявшихся на войсковую территорию и пр. (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6, 56—56 об., 82—84 об., 114). Подобные претензии обосновывались статьями Ясского трактата, утвердившего «жесткую» межимперскую границу по р. Кубани, определившего задачами паши не допускать черкесов на российскую территорию. Еще один регулярный повод для коммуникаций — бегство подданных обеих империй на территорию «противной стороны». Пограничные нарушения взаимного характера, их предотвращение, а также ликвидация соответствующих последствий и возмещение ущерба и являлись, в основном, причинами коммуникаций между сторонами на протяжении десятилетий (1792—1828 гг.). Одним из немногих комендантов Анапы, чью переписку с российскими корреспондентами пока обнаружить не удалось, был Гусейн-паша (1813—1814 гг.), который за свое недолгое управление, как отмечал Ф.А. Щербина, тщательно исполнял османские обязательства не допускать враждебных действий черкесов, направленных против российской стороны (Щербина 1913: 179).

Акторы коммуникаций (медиаторы). Перед нами — многочисленные участники местной пограничной жизни, связанные с ней, прежде всего, посредством своей *служебной или профессиональной деятельности*. Это толмачи, переводчики, писари, секретари, курьеры, «посланники», принимавшие участие в составлении дипломатических и иных документов с российской стороны, переводившие на русский язык с османо-турецкого и других языков письма из Анапы, ездившие в эту крепость (иногда и в другие османские города); это те люди, которые вели там переговоры и собирали разведывательную информацию, а затем составляли для своего начальства отчеты (рапорты) о поездках в Анапу и о личной коммуникации с тамошними пашами. Безусловно, сказанное относится к аналогичному составу интересующих нас медиаторов и с османской стороны. Прежде всего, заметим, что российские (войсковые и невойсковые) и османские администраторы изначально столкнулись с теми же проблемами в налаживании устной и письменной коммуникации друг с другом, которые были характерны для пространства южного пограничья в более ранний период (конец XVII — начало XVIII в.) (Boeck 2009: 117—171; Сень 2019: 134—143; 2020a: 84—120). Речь идет о нехватке, либо даже о временном отсутствии толмачей (переводивших, как правило, устную речь) и переводчиков письменных текстов. Другое дело, что в описываемое время понятие «толмач» теряло в России сферу привычного словоупотребления: переводчиками стали называть и тех специалистов, которые переводили на русский язык устную речь. Не исключено, что один и тот же человек не только читал тексты, написанные на других языках, но также переводил написанные на них документы. В нашем распоряжении имеются документы с территории Черномории за конец XVIII в., в которых люди, переводившие *устную* речь, названы не переводчиками, а толмачами (Черкасов 2020: 1455, 1631). Немалые трудности в ходе письменной и устной коммуникации с русскими испытывали и пограничные османские администраторы; им оказалось еще сложнее решить соответствующие проблемы. Долгое отсутствие в Анапе необходимых знатоков русского языка и российской грамоты заставляло местных пашей искать аналогичные формы и способы языковой коммуникации со своими «русскими

визави». Заметим, что паши проявили в данной области немалую административную гибкость: по нашим подсчетам, их письма, адресованные российской стороне, составлялись, как минимум, на четырех языках. Паши старались развивать также каналы устной коммуникации с верхушкой ЧКВ, о чем подробно сказано ниже.

На первых порах администрация ЧКВ лишь подыскивала среди своих казаков людей, владевших османо-турецким языком или другими т.н. восточными языками. Таких специалистов в ЧКВ оказалось немного; именно их власти использовали как переводчиков письменных текстов, поступавших из Анапы, либо отправляли в османскую Анапу для передачи писем и для устного общения с пашой. Один и тот же человек мог совмещать несколько функций — посланника, переводчика, толмача. Другие интересующие нас российские медиаторы, выступавшие от имени ЧКВ, хотя и ездили в Анапу для передачи писем, но «восточными» языками, судя по всему, не владели. При этом, согласно источникам, они каким-то образом (через переводчиков?) все-таки общались с пашами. Учет такой «курьерской» категории лиц тоже необходим: подобные люди доставляли необходимую корреспонденцию по назначению, собирали информацию о положении дел в Анапе, наконец, привозили в Черноморию письма от пашей, как правило — ответные. Кроме того, нам известны переводчики с российской стороны (как в Черномории, так и за ее пределами), переводившие османские документы из Анапы, но саму крепость не посещавшие.

Наибольшим весом в Черномории в ходе организации контактов с османской Анапой, начиная с первых лет поселения ЧКВ на дарованных Екатериной II землях, обладали следующие лица войскового сословия:

— *Лозинский Григорий Романович*, «из дворян», поступивший «козаком» в ЧКВ еще 6 июня 1788 г. и дослужившийся к 1803 г. до полкового есаула. Как сказано в его послужном списке 1803 г., «грамоте по-гречески читать и писать и по-турецки говорить знает» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 39 об., 40). Г.Р. Лозинский совершил множество поездок в Анапу, передавая пашам различную корреспонденцию от российских чиновников и от своего войскового начальства. Попутно он выполнял в Закубанье и в Анапе разнообразные дипломатические функции, активно способствовал разрешению многочисленных пограничных российско-османских конфликтов (поиск угнанного скота, отыскание и возврат людей из плена и пр.). Какое-то время Г.Р. Лозинский даже временно проживал в Анапе в качестве «посланника» от ЧКВ при дворе анапского паши. Самое позднее письменное упоминание о нем, выявленное авторами, относится к первой половине 1804 г. Обращает на себя внимание фраза из «наставлений» правительства ЧКВ Г.Р. Лозинскому (1797 г.), связанных с организацией его очередной миссии в Анапу: «В протчем все сие возлагается на вас, как испытаннаго в верности и усердии к службе и соответствующаго чести и званию своему» ([Дмитренко] 1898: 247). Из документов следует, что вышестоящие над ЧКВ власти, инициировавшие в том же году отправку корреспонденции в Анапу, хотели подыскать в Черномории «из старшин надежнаго и разумеющаго по-турецки говорить» ([Дмитренко] 1898: 248). Им и оказался… Г.Р. Лозинский — человек, «довольно по-турецки умеющий говорить». Использование Г.Р. Лозинским при написании своего автографа букв греческого алфавита и не вполне уверенное владение кириллицей (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 37), по мнению соавторов, косвенно указывает на его нерусское происхождение (шляхтич украинского происхождения?);

— *Гаджанов Никита Иванович* (1767/1768—1810 (?)), «из армянских меликов», начинавший службу в ЧКВ казаком в 1789 г., дослужившийся до войскового старшины. В его послужном списке 1803 г. сказано, что «грамоте по-российски и армянски читать и

писать умеет», а также, что особенно важно, «сверх комплекту употребляется в войске по части иностранных дел» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 7 об.—8); «говорить на разныя азиатские языки знает» ([Самовтор] 2007: 474). Дж.С. Фаньян уточнял, что Н.И. Гаджанов знал, кроме армянского, также русский, грузинский, персидский и турецкие языки (Фаньян 1980: 285). Владея «российской грамотой», он сделал в ЧКВ, как ранее отмечал один из авторов статьи, стремительную карьеру: если в декабре 1789 г. он числился сотенным есаулом (будучи незадолго до того еще простым казаком), то в сентябре 1796 г. — уже полковым есаулом (Колесов, Фролов 2010: 298—301). Участвовал в Персидском походе 1796 г., выполняя, помимо своих прямых обязанностей, и функции переводчика ([Самовтор] 2007: 474). Кроме поездок в Анапу, он посетил с «дипломатическими» обязанностями османский город Басру «к тамошним пашам по важным препорученностям» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 8). В 1802 г. Н.И. Гаджанов ездил в Анатолию с «бумагами» к Батал-паше, а позднее находился при посланцах от трабзонского Теяр-паши во время их дипломатической миссии ко двору российского императора Александра I (([Самовтор] 2007: 474)). Еще в 1810 г. Н.И. Гаджанов находился на службе в Анапе (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 611), тогда в очередной раз завоеванной российскими войсками. В том же году он был ранен в столкновении с горцами близ Ольгинского поста (Щербина 1913: 172), а по другим данным — даже убит (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1987). В то же время, Дж.С. Фаньян отмечал, что Н.И. Гаджанов участвовал в Отечественной войне 1812 г., позднее был в составе отряда черноморских казаков переброшен на Южный Кавказ, где находился в завершающих сражениях русско-персидской войны 1804—1813 гг. (Фаньян 1980: 289).

Как считают авторы статьи, именно эти офицеры ЧКВ сосредоточили на каком-то этапе в своих руках наиболее важные для российского командования сто́роны зарождавшейся в конце XVIII в. коммуникации с османской Анапой, владея устной речью турок-османов. Не исключено, что владение ими *армянским и греческим письмом* могло повлиять на расширение анапскими пашами перечня языков, необходимых для налаживания письменной коммуникации с русскими. О другом человеке из состава ЧКВ, как сказано в одном российском документе, «знающаго по-турецки говорить» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 70), известно гораздо меньше. Это *Семен Паливода*, полковой старшина и поручик, побывавший в Анапе, по нашим данным, в начале июля 1793 г. и затем написавший подробный рапорт, в т.ч. содержащий пересказ нескольких встреч и разговоров с анапским Мустафой-пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 249. Л. 81—84). Отметим, что в случае передачи пашами ответной корреспонденции такие российские «посланцы» передавали в ЧКВ также *устную* информацию, сообщаемую им в Анапе.

Навыки устной речи развивались казаками из состава ЧКВ и на другом, т.н. черкесском направлении освоения нового пограничного пространства. Одним из таких «специалистов» являлся есаул *Тимофей Шарап*. Так, из одного рапорта в войсковое правительство ЧКВ от 4 декабря 1798 г. следует, что именно «чрез войскового переводчика ассаула» Тимофея Шарапа были возвращены лошади, украденные черкесами «при главном Воронежском кордоне», разысканные им «от князя черкесского Баймурзы Магмет Пахи» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 259). На каком-то этапе работы над текстом статьи соавторы даже посчитали, что существовала должность войскового переводчика. Такая версия пока не нашла документального подтверждения. Зато имеются основания предполагать, что Т. Шарап «специализировался» на устной коммуникации с черкесами. Именно переводчик Т. Шарап был отправлен в Закубанье для общения с черкесским князем Арслан-Гиреем для отыскания лошадей и волов, похищенных 13 октября того же 1798 г. черкесами «в дистанции Ольгинского кордона» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 228).

Другие офицеры из состава ЧКВ выполняли/могли выполнять курьерские или подобные функции — но без предоставления полномочий решать вопросы пограничного взаимодействия с турками-османами. Таким человеком, к примеру, стал прапорщик *Мусий (Моисей) Рева*, отвозивший в мае 1794 г. два «отзыва» Таврического вице-губернатора К.И. Габлица на имя анапского паши, и составивший подробное «уведомление» о своем пребывании в Анапе ([Дмитренко] 1896: 753—754). Наверняка неизвестно, владел ли М. Рева османо-турецким языком; но, скорее всего — нет. С одной стороны, он описывал свою встречу и общение с пашой, с другой стороны — на той же самой встрече присутствовал ключевой «переговорщик» по связям с Анапой — Г.Р. Лозинский. Другой пример — письменное требование ЧКВ в Анапу о возвращении пашой в Черноморию 31 беглого казака и двух егерей должны были отвезти полковой старшина, прапорщик *Петр Кияница* и сотник Н.И. Гаджанов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2—2 об.). Из рапорта А.А. Головатого К.И. Габлицу от 29 августа 1795 г. кажется, можно заключить, что документ в Анапу отвез П. Кияница ([Дмитренко] 1898: 86). Однако, обращение соавторов к архивным первоисточникам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2—8) позволило уточнить детали той поездки: П. Кияница тогда вообще не поехал в Анапу (причина неизвестна); письмо же А.А. Головатого на имя Сеида-Мустафы-паши отвез Н.И. Гаджанов.

Другой офицер ЧКВ — поручик *Федор Подскальский* — должен был сопровождать Г.Р. Лозинского в одну из его поездок в Анапу (1797 г.). Согласно войсковой инструкции («наставлений»), врученной Г.Р. Лозинскому, следует, что Ф. Подскальскому доверялось кое-что особенное. В документе указывалось, что на встрече с пашой «когда о чем речи кончите на турецком языке в тож время и самое то, о чем какой был разговор, изъяснять по-российски ему (т.е. Ф. Подскальскому. — *В.К., Д.С.*), а он, ежели тамо будет можно, должен зараз записать в заведенную на то тетрадь» ([Дмитренко] 1898: 246). Если же таких записей не удалось бы сделать своевременно, то их надлежало занести в тетрадь позже, на квартире, где остановились во время поездки в Анапу российские представители.

Новороссийский губернатор гр. М.В. Каховский писал 25 января 1798 г. из Ак-мечети в войсковое правительство о том, что он препровождает в Черноморию капитана *Герасима Кухаренко*, как истребованного ранее с ведомостями претензий ЧКВ к туркам-османам и отправленного с ними в Анапу (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 27). Какая-то часть российской корреспонденции (например, из Таврической области) могла отправляться в Анапу, минуя выбор властями курьера или т.п. лица в Черномории. Так, из письма анапского Османа-паши за 1797 г. следовало, что бывший «Крымский губернатор» (точнее, бывший губернатор Таврической области) С.С. Жегулин отправил к нему некоего «эмиссара Лябова» с реестром похищенных черкесами людей и имущества ([Дмитренко] 1898: 257). Исключительно важны слова Османа-паши о том, что этот «эмиссар» ранее посещал Анапу «троекратно с письмами к предместнику его (т.е. речь о предшественнике самого Османа-паши — *В.К., Д.С.*) присыланным» ([Дмитренко] 1898: 257).

Курьерские функции в Анапу могли отправлять и местные жители из числа черкесов. Известен случай, когда в феврале 1823 г. Бугазская карантинная застава отправила письмо войскового атамана ЧКВ Г.К. Матвеева анапскому паше «посредством жителя селения Жеметей татарина Атуляха» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859а. Л. 2—2 об.). К подобным акторам, вероятно, можно отнести и поручика Таганова, побывавшего в Анапе в первой половине 1793 г. Судя по рапорту войскового правительства ЧКВ от 15 июня того же года Таврическому губернатору С.С. Жегулину, поручик переправился из-за Кубани при Карасунском куте, направляясь к Кавказскому генерал-губернатору И.В. Гудовичу ([Дмитренко] 1896: 635). Этот офицер часто использовался российскими властями как

переводчик (АКАК 1866: 101), например, с грузинского языка. Можно предположить, что поездка поручика Таганова в Анапу являлась не частным предприятием, но некоей дипломатической миссией.

В 1807 г. генерал Ф.М. Шеншин привлек для передачи писем в Анапу Кикнадзе — имеретинского дворянина, живущего в ст-це Темнолесской, брата российского офицера — пристава абазин. Поскольку миссия Кикнадзе была секретной, он был направлен в Анапу «под видом кабардинца» (АКАК 1869: 627, 629): можно предположить, что он владел «черкесским» и османо-турецким языками. Параллельно этому, в целях передачи корреспонденции по назначению, Ф.М. Шеншин продублировал письмо того же содержания, направив его через «безымянного» закубанского армянина (АКАК 1869: 627), скорее всего, владевшего не только «черкесским», но и османо-турецким языком. Такие неофициальные каналы коммуникации с османской Анапой, по-видимому, были обусловлены секретным характером указанной миссии.

Одна из ключевых позиций в процессах активизации нарождавшейся в конце XVIII в. османо-российской коммуникации в данном регионе принадлежала, конечно, переводчикам. Их недостаток ощущался обеими сторонами на протяжении длительного времени, вплоть до падения османской Анапы в 1828 г. Но, что примечательно, это же самое обстоятельство вызвало активный поиск османскими и российскими администраторами способов решения такой наболевшей проблемы. Авторы статьи полагают, что российская сторона быстрее наладила перевод документов из Анапы, писавшихся от имени пашей, как минимум, *на четырех языках*. Так, документы, писавшиеся на «армянском диалекте», в Черномории переводил, например, *Къюлов (Кюлов) Иван Акимович (Акопович?)* — «из армян», поступивший на службу в ЧКВ казаком в апреле 1793 г.; по состоянию на 1803 г. ему было 40 лет, и он — полковой есаул, который «по-армянски грамоту знает» (ГАКК. Ф. 250. Оп. Д. 93. Л. 30 об.—31). Он вступил в ЧКВ вместе с другими норнахичеванскими армянами (Минасом Христофоровым, Лазарем Мурзаком/Мурзой Якимовым), находившимися на рыболовных заводиках по берегам в урочищах Темрюк, Бейсуг и Койсуг, и в октябре 1792 г. способствовавшими получению леса вновь прибывшими черноморскими казаками во главе с прапорщиком Иваном Аристовым (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 66—67). И.А. Къюлов переводил, в частности, корреспонденцию анапского паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237 об.; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275), написанную на османо-турецком языке армянскими буквами (о подобной литературе, написанной армянскими буквами см., напр.: Berberian 1964: 809—819).

Нехватка в Черномории лиц, владеющих т.н. восточными языками, способствовала привлечению специалистов из учреждений Таврической области и подобных ей административно-территориальных образований Российской империи. Например, письмо анапского паши атаману ЧКВ З.А. Чепеге за 1795 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 319. Л. 12—12 об.) переводил *Александр Зимайлов*, подпоручик (впоследствии — поручик), в 1784—1794 гг. — переводчик Палаты гражданского суда Таврической области (Макидонов 2011: 177), знаток османо-турецкого и крымско-татарского языков ([Микаелян] 1977: 107), происходивший «из турецких эмиров» (Прохоров 1998: 123—138). Будучи турком-османом, он носил другое имя до поступления на российскую службу, а после своего пленения остался в России, сначала поступив на службу таможенным чиновником, а далее — переводчиком[2].

[2] Авторы благодарят за консультацию д-ра ист. наук. Д.А. Прохорова, ст. науч. сотр. Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, доцента кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Безусловно, качество таких переводов разнилось, что изредка вызывало нарекания у властей с обеих сторон. Так, анапский паша в одном из своих писем за 1794 г. сетовал на недопонимание, возникшее, по его мнению, из-за некачественной работы российского переводчика в Крыму. Этот человек якобы «так несправедливо дела с турецкого на российский переводит диалект, от чего, паче чаяния, в важности стоящих делах может на обе стороны навесть лишние хлопоты, за что не преминет (анапский паша. — *В.К., Д.С.*) послать с письмом своего Бимъ пашу, что он не причиною за наведенные крымским переводчиком хлопоты» ([Дмитренко] 1896: 754).

В качестве переводчиков текстов с «турецкого» (османо-турецкого арабскими буквами) языка также выступали представители мусульманского духовенства из числа горцев, перешедших на российскую сторону, например, жителей Гривенского Черкесского аула (станицы) ЧКВ. В 1826 г. войсковой атаман Г.К. Матвеев приказывал черкесскому дворянину именно из этого аула — есаулу *Пшекую Могукорову* — организовать переводы писем анапских пашей Сеида-Ахмета и Гаджи Гассана Чечен-оглу, адресованных командующим войсками в Черноморском войске М.Г. Власову, а после — В.А. Сысоеву. П. Могукоров привлек к переводу аульного *муллу Селима*. Вместе (?) они занимались переводом нескольких таких писем в мае-августе 1826 г. (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 9—17). Кроме того, В.А. Сысоев в декабре того же года просил «вызвать… немедленно из Гривенскаго Аула Муллу Селима, нужнаго для некоторых переводов турецких писем» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 18). Несколько ранее М.Г. Власов предписал атаману Г.К. Матвееву организовать перевод письма анапского паши, доставленного ему из Екатеринодарской карантинной конторы через курьера-турка (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 1—1 об.). Атаман переадресовал поручение Таманскому сыскному начальству, приказав осуществить перевод через «татарина Бек-мурзу или другого известного человека, знающего хорошо турецкий язык…» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229 в. Л. 2). Поручение было успешно исполнено через несколько дней. А 2 марта 1826 г. М.Г. Власов предписал Г.К. Матвееву организовать перевод на русский язык султанского документа, найденного в одном из «неприятельских» закубанских аулов при их «истреблении» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 5). Перевод документа, написанного «на турецком диалекте», был сделан и на этот раз в Таманском сыскном начальстве. Привлечение же властями ЧКВ мусульманского духовенства к переводу османских писем бытовало и раньше. К примеру, Таманское земское сыскное начальство прибегло в сентябре 1822 г. к услугам муллы Аджи Мурата именно в качестве переводчика (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859а. Л. 27).

Нехватка в ЧКВ специалистов, способных выполнять переводческие функции (по крайней мере, с османо-турецкого языка), сохранялась на территории Черномории и в дальнейшем. Обратимся к примеру, правда, более характеризующему аналогичную ситуацию на Центральном Кавказе: в 1808 г. во всей Кабарде только один человек — дефтердар, уздень Якуб Шарданов — владел арабским, персидским и турецким языками. Поэтому вся корреспонденция от османских и персидских чиновников стекалась именно к нему (АКАК 1869: 659—660). Кабардинский пристав, генерал-майор И.П. Дельпоццо использовал для коммуникации с черкесами и с турками переводчика, хорунжего Дыдымова (АКАК 1869: 651) — сотника Моздокской горской казачьей команды, по-видимому, кабардинца.

Для перевода письма анапского паши Сеид-Ахмета (на османо-турецком арабской графикой), адресованного атаману ЧКВ Г.К. Матвееву, войсковой администрации пришлось в феврале 1823 г. прибегнуть к услугам карасубазарского мещанина — армянина Данила Бедросова (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 4 об.).

Проблема, связанная с дефицитом переводчиков (вероятно, также и устной речи местных народов), сохраняла свою остроту и позже. Показательна история за ноябрь-декабрь 1834 г., когда подполковник Тенгинского пехотного полка Велептий, командир гарнизона Абинской крепости, доложил начальству о «выбежавшем от Черкес», т.е. с неподконтрольной России территории, уроженце г. Трапезонта — турке Мамете. Указанный выходец был оставлен в крепости «по знанию им Черкесского языка, и по неимению другого переводчика» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 403. Л. 3—3 об.).

Российские власти регулярно привлекали к работе по переводу текстов и устных речей полиязычных армян, как служивших в ЧКВ (выше см. о Н.С. Гаджанове, И.А. Къюлове), так и иностранных подданных, занимавшихся торговым промыслом. 31 августа 1832 г. комендант Геленджикской крепости полковник Чайковский докладывал: «Турецкоподанный Армянин католик Богос Рафаилов, житель города Трапезонта, прибывший в Геленджик для торговли на купеческом судне из Сухум кале и билетом тамошнего Коменданта, как знающий хорошо черкесский язык употребляется мною в переговорах с приезжающими сюда Горцами; но как мало знающий по Русски, он переводит Черкесский язык на Турецкий, знающему сей последний язык Нашебургского пехотного полка Прапорщику Спиранди» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333. Л. 71—71 об.). Впоследствии Б. Рафаилов принял российское подданство и вывез свою семью из Трапезунда (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383. Л. 42—42 об.). В 1840 г. его приняли в штат 1-го отделения Черноморской береговой линии в Новороссийске как переводчика (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37. Л. 63 об.).

Аналогичный дефицит «профессиональных» переводчиков, по-видимому, ощущался и османо-турецкими властями. При этом, известны только некоторые имена османских «посланников» из Анапы, как чиновников, подчиненных паши — специально направляемых на российскую территорию с дипломатическими поручениями, так и лиц, окказионально выполнявших посреднические функции. Здесь выделяется фигура турецкого чиновника Сеида Эфенди, названного в российском документе «определенным от командующего в Анапе Юсуп-паши пограничным комиссаром», отправившего в 1793 г. на османо-турецком языке «записку» своему визави — пограничному комиссару на российской территории секунд-майору И.И. Штетеру (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91). Остальные чиновники, подчиненные анапскому паше, а также прочие его доверенные лица, выполняли функции посредников, передавая российской стороне письма и сообщая ей, при необходимости, устную информацию.

В начале сентября 1793 г. через Бугазский перевоз в Черноморию прибыл и был направлен в Таманский карантин посланец от анапского паши «с письмом на турецком диалекте к Таврическому губернатору по надписи следуемого турка» Самсин-ага ([Дмитренко] 1896: 682—683). А из письма войскового судьи ЧКВ А.А. Головатого от 17 октября 1795 г. узнаем о доставлении к нему письма от анапского паши «чрез присланнаго грека Степана Георгиева», содержащего сведения о согласии паши вернуть «укрывающихся в Анапе казаков и москалей присланному от меня исправному старшине» ([Дмитренко] 1898: 67). В мае 1798 г. чиновник Селим-ага прибыл в дистанцию Андреевского поста кордонной линии с сообщением о том, что он был определен анапским Османом-пашой к черкесам для недопущения их дальнейших разбойных нападений на пограничную стражу (Черкасов 2020: 1481). Неназванный по имени «посланник» анапского паши к атаману ЧКВ Т.Т. Котляревскому фигурировал в рапорте Н.И. Гаджанова от 16 декабря 1799 г. ([Дмитренко] 1898: 402). К слову, в документе зафиксирована любопытная ситуация, связанная с преодолением трудностей российско-османской коммуникации. Дело в том, что этого «посланца» задержали и оставили в одном из карантинов — надо думать, на

территории ЧКВ. Однако, через российских переводчиков, бывших на тот момент у «генерала» (авторы полагают, что речь шла именно о Т.Т. Котляревском), некий разговор с этим представителем анапского паши состоялся, «и что нужно было ему («генералу». — *В.К., Д.С.*), то через оного все говорено равно и выгоды сии, что следовало, сделаны» ([Дмитренко] 1898: 402). В апреле 1804 г. Уссеин-паша (Сеид-Хуссейн) отправил «нарочно одного человека с бумагою» на Бугазский карантин, но «в то время в Бугазе письмо это читать некому было». Данное письмо было в итоге доставлено войсковому атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 35—35 об.). Позже, в мае 1804 г., посланцем паши оказался грек Василь Хавъяра, объяснявший ситуацию с невозможностью переводить в Анапе письма с русского языка тем, что «у паши на российский писать некому на ответ (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 37).

К Таврическому гражданскому губернатору Д.Б. Мертваго от анапского паши был направлен в 1806 г. «чиновник Алим Байлактарь» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525. Л. 4, 5), названный в другом документе «черкесином» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525. Л. 5). Из документов не вполне ясно — шла ли речь об одном и том же человеке или же о разных людях? По-видимому, присылка байрактара и других лиц из Анапы к Бугазу являлась определенной практикой со стороны пашей: подобное случалась и раньше, и позже, на что соавторы статьи тоже обратили внимание. Например, из рапорта М.С. Гулика в войсковое правительство от 28 февраля 1798 г. следует, что трехбунчужный Осман-паша прислал к Бугазу своего байрактара со «словесным известием» о готовящемся набеге двухсот черкесов, намеревавшихся переправиться «при Курках» через Кубань (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 1 а — 2).

В конце 1815 г. письмо от анапского паши на имя атамана ЧКВ Ф.Я. Бурсака было прислано «бек Мурзою Шам Оглубеем», о чем доложило Таманское земское сыскное начальство (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 1). В апреле 1823 г. в письме А.П. Ермолова на имя анапского паши Сеид-Ахмета упоминался другой посланник паши — Сулейман-ага, доставивший письмо паши командующему Кавказской линией генералу К.Ф. Сталю (АКАК 1875: 487). В январе 1826 г. генерал-майор М.Г. Власов получил от анапского паши «запечатанный конверт» на свое имя, доставленный в Черноморию курьером — турком Бечуге (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229 в. Л. 1).

Языки коммуникаций. Сообщения, направляемые друг другу османскими и российскими властями разного уровня, передавались с помощью таких способов коммуникации, как письменные тексты и устная речь. Поэтому, одна из важнейших исследовательских проблем — исследование языков письменной и устной коммуникации интересующих нас сторон, установление состава толмачей и переводчиков, а также содержания и качества соответствующих переводов. Безусловно, в ходе письменной коммуникации анапских пашей с администрацией ЧКВ и с иными представителями российских властей главным языком неизменно выступал *османо-турецкий* (староосманский). Документальные источники, доступные авторам, свидетельствуют о том, что анапские паши останавливали свой выбор, чаще всего, именно на этом языке, организуя написание и отправку писем российским адресатам. В меньшей степени все сказанное выше о бюрократическом (одновременно — культурном) выборе того или иного паши относилось к армянскому и к греческому языкам. Самые ранние из сохранившихся писем анапских пашей, созданные на османо-турецком языке, относятся к 1793 г.; например, это письма анапского Мустафы-паши. В том же году была составлена на «турецком» языке записка османского пограничного комиссара Сеида Эфенди (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 91).

Соавторами выявлено в ГАКК несколько подлинных писем на османо-турецком языке, выполненных арабской графикой; два или три письма на том же османо-турецком языке — армянскими буквами (рис. 2 и 3) и одно — на новогреческом языке (рис. 1). В распоряжении исследователей оказываются, чаще всего, русскоязычные переводы писем анапских пашей или копии с копий на русском же языке (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 37). Другое дело, что в одних документах (причем, как с российской, так и с османской стороны) неоднократно нам встречались *упоминания об аналогичных письмах* (несохранившихся/невыявленных), по которым можно предполагать их важные характеристики, включая язык написания. Письмо, составленное «на турецком диалекте», было отправлено анапским пашой в ЧКВ на имя А.А. Головатого, а также еще одному российскому корреспонденту, о чем можно судить по рапорту Ф. Данильченко А.А. Головатому от 1 сентября 1795 г., сообщавшему об обстоятельствах поездки Н.И. Гаджанова в Анапу и его встрече с пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 7). На «турецком» (османо-турецком арабской графикой) писал Сеид-Ахмет-паша атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку в конце 1815 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 1), атаману Г.К. Матвееву — в феврале и в апреле 1823 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859а. Л. 5, 9) (рис. 4 и 5).

Г.Р. Лозинский сообщил атаману Ф.Я. Бурсаку своим рапортом от 9 октября 1800 г. об отправке генерал-майору С.Е. Драшковичу двух писем «на турецком диалекте», полученных им от османского чиновника — вероятно, тоже связанных своим происхождением с анапским пашой, как с их адресантом (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 269 об.; Черкасов 2020: 1503). Войсковой судья А.А. Головатый, переправивший атаману З.А. Чепеге запись речей Г.Р. Лозинского и перевод письма анапского Мустафы-паши «на греческом деалекте», писал 3 октября 1793 г. о том, что перевод оказался «худым», т.е. плохого качества. Признавая мало достижимой возможность добиться от своих «местных кадров» более качественного перевода, судья интересовался у З.А. Чепеги — найдется ли у того необходимый переводчик (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 112)? Автором письма «на греческом деалекте», точнее, на новогреческом, выступал, скорее всего, малообразованный грек, обладавший хорошим, именно «греческим почерком» (по мнению консультанта, именно почерк указывает на греческое, а не на тюркское, к примеру, происхождение писца), писавший, однако, с ошибками[3].

Сохранилось несколько писем от анапских пашей, написанных на армянском языке или на османо-турецком языке, но выполненных армянскими буквами[4]. Помимо подлинников, упоминания о таких письмах сохранились в других документах. Из перевода письма анапского Османа-паши майору М.С. Гулику, полученного 10 декабря 1798 г., следует, что оно было написано на армянском языке (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237—237 об.). Заметим, что письмо стало ответом Османа-паши на инициативное письмо самого М.С. Гулика от 27 ноября 1798 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 238—239). Особенно важна фраза о том, что документ «переводил с армянского на российский диалект полковой есаул Иван Къюлов» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237 об.). По всей видимости, этот Иван Къюлов и «полковой есаул Квелов» из другого документа за 1800 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275) — одно и то же лицо. Во втором случае речь также идет о письме анапского паши на имя атамана ЧКВ Ф.Я. Бурсака, полученном 16 августа 1800 г. (рис. 2). Несколько позже Ф.Я. Бурсак письменно ответил паше, подчеркивая, «что неоднократно к

---

[3] Авторы благодарят за консультацию канд. ист. наук З.Е. Оборневу, науч. сотр. Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (г. Москва).
[4] Авторы благодарят за консультацию А.П. Хатламаджияна, историка-арменоведа, независимого исследователя (г. Ростов-на-Дону).

вам моему приятелю писал и дружески просил» (Черкасов 2020: 1502) по конкретному поводу — найти и вернуть его родственницу, находившуюся в плену. Еще одно письмо «на армянском диалекте», адресованное Т.Т. Котляревскому, доставил от паши в декабре 1799 г. уже известный нам Н.И. Гаджанов ([Дмитренко] 1898: 403). Необычно то, что анапские паши могли писать своим российским адресатам на русском языке! Такая гипотеза изначально была высказана соавторами статьи при постановке частных исследовательских задач, необходимых для раскрытия темы. В одном из архивных дел ГАКК содержится упоминание о письме анапского паши за 1806 г. именно на русском языке — в связи с возвращением ЧКВ украденных лошадей и доставкой их на Бугазский карантин (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 509).

Выбор османской стороной армянского или греческого языка для составления официальных и частных писем (помимо османо-турецкого и русского, казалось, «естественных» для данной культурной ситуации), был обусловлен наличием как у турок-османов, так и у российских властей армян и греков, занятых в сфере трансграничной торговли и ремесла, способных выступать в качестве переводчиков. Это тем более очевидно, что отдельные выходцы из армянской среды даже состояли на российской службе[5].

В некоторых случаях можно только предполагать, что посланцы из Анапы доставляли российским администраторам письма от своих патронов. Так, мы располагаем свидетельством о прибытии к Таврическому гражданскому губернатору Д.Б. Мертваго посланца от анапского паши в конце 1806 г. Но известно об этом стало из рапорта атамана Ф.Я. Бурсаку от полкового есаула Матвеева 5 января 1807 г., а также из нескольких других документов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525. Л. 4, 5—5 об.).

Сохранилось несколько копийных писем от российских чиновников, адресованных анапским пашам (напр.: ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2—2 об.); гораздо больше *косвенных данных*, тоже приводимых по тексту статьи, о таких документах, передаваемых в Анапу по разным каналам коммуникации. Можно предположить, что переписка российских властей с Анапой осуществлялось, главным образом, на русском языке. Быть может, часть подобной корреспонденции составлялась на армянском или на (ново)греческом языках. Наконец, пока не выявлены *прямые* доказательства того, что интересующая нас документация составлялась на *османо-турецком языке*. Впрочем, по косвенным данным, связанным с описанием российскими «посланцами» своих поездок в Анапу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81; [Дмитренко] 1896: 753), можно заключить, что какая-то часть документов из Черномории, адресованная пашам, писалась не на русском языке. Гипотеза связана с нашими наблюдениями над теми фрагментами подобных рассказов, в которых указано на *чтение* пашой вручаемых ему российских документов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81, 104; [Дмитренко] 1896: 753). При этом, нам достоверно известно о том, что анапские паши по-русски *не говорили* и русской грамотой *не владели*. В то же время, нам известны случаи, когда в ходе корреспонденции с анапским пашой российские чиновники использовали французский язык — например, князь П.Д. Цицианов в своем письме за 1805 г. (АКАК 1868: 982—983).

Формуляры документов. Структура документов (писем, отзывов) с обеих сторон представляла собой последовательность лексических единиц, составлявших определенный формуляр, включая инскрипцию, интитуляцию, салютацию и т.п. элементы. В то же время, в структурировании конкретных текстов (и, соответственно, индивидуальных формуляров) прослеживается вариативность, в т.ч. обусловленная разной степенью «знакомства» того или иного анапского паши с конкретным российским визави. Выражением наибольшего личного

[5] См. выше про службу в ЧКВ Н.И. Гаджанова, ездившего несколько раз в Анапу с дипломатическими поручениями, начиная с 1795 г., и переводчика И.А. Къюлова, являвшегося полковым есаулом войска.

доверия/любезности со стороны пашей являлось обращение к российским адресатам по имени-отчеству. В нашем распоряжении имеется несколько писем с использованием подобных обращений. Адресатами здесь выступали войсковой судья ЧКВ А.А. Головатый: паша обращался к нему, как к «Антону Андреевичу» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 103); а войсковой старшина М.С. Гулик отмечен так: «Милостивый благодетель и благосердечный приятель Мокий Семенович» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237).

Встречается иная форма инскрипции — вежливая и уважительная, но такая, что ее адресная направленность существенно «снижена» или вовсе обезличена. Например, читаем: «Дружелюбному соседу, войска Черноморского войсковому атаману» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 35). А в конце 1815 г. анапский паша обращался к атаману Ф.Я. Бурсаку следующим образом: «Превосходительный Господин Дружелюбный Сосед Генерал живущий в России противу Бзадух» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 2). Когда же, скажем, в начале 1793 г. турки-османы не располагали сведениями о фамилии, имени, должности конкретного адресата на территории Черномории, то обращение со стороны паши тоже выглядело нейтральным и, вместе с тем, уважительным: «Находящемуся на речке Кубани запорожского войска начальнику свидетельствую мое почтение» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 37). В данном обращении важна деталь, свидетельствующая о переносе привычных туркам-османам исторических образов на их «новых» соседей — казаков-черноморцев. В подобной исторической картине мира нашлось место хорошо знакомым туркам-османам еще по прошлым временам запорожским казакам. Это тем более вероятно, что в первые годы после переселения в Черноморию казаки неоднократно именовались в российских документах (в т.ч. на страницах войсковой делопроизводственной документации) *запорожскими*, а их войско — *Запорожским.*

Содержательная часть письма зачастую начиналась оборотами, демонстрировавшими ответный характер письменной коммуникации. Так, Осман-паша в августе 1800 г. писал атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку: «Письмо ваше и при нем господина генерала от кавалерии и кавалера Михельсона таковое ж я имел честь получить, причем вас приятеля моего уведомляю…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275). В ряде случаев паши удостоверяли подлинность своих писем российским адресатам оттисками личной печати, а также при помощи т.н. *пенче*[6] (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 102; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 274, 320, 321; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 5, 9).

Аналогичным образом можно исследовать эволюцию формуляров (как условного, так и индивидуальных) писем, многократно отправляемых в Анапу российской стороной на протяжении более 30 лет, начиная с 1790-х гг. Наибольшая степень уважения выражалась по отношению к чиновнику, как к начальнику пашалыка, таким образом: «Высокостепенный и Высокопочтенный Трапезондский, Потийский и Анапский Чечен Оглу Гаджи Гасан Паша!». Именно так генерал В.А. Сысоев обращался в 1826—1827 гг. к своему анапскому визави (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 45). «Высокостепенным» именовал анапского пашу Сеида-Ахмета в своем письме генерал А.П. Ермолов в 1819 г. (АКАК 1875: 415). И в более ранних письмах встречалось обращение к анапскому паше, как к «Высокостепенному». Именно так именовал своего корреспондента атаман ЧКВ Ф.Я. Бурсак в сентябре 1800 г.: «Высокостепенный и почтенный господин трехбунчужный Осман паша, анапской крепости

[6] «Пенче» (перс. — «пятерня», «лапа») — разновидность монограммы, наподобие султанской тугры. Ставилась на документах, исходивших от великого везира и других, более низкоранговых, чиновников Османской империи. Соавторы благодарят за консультацию канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Национальной библиотеки Республики Татарстан И.А. Мустакимова (г. Казань). В нашем конкретном случае *пенче* проставлялась выше оттиска печати, а сам документ датирован 11 сафара 1208 г.х., т.е. 6 сентября 1793 г.

и закубанских народов начальник, дружелюбный войску Черноморскому сосед и приятель мой» (Черкасов 2020: 1502). В других случаях мы наблюдаем обращение, соотносимое с должностью, расположенной в соответствующей иерархии ниже, например — «Ваше Превосходительство». Подобное обращение к анапскому паше Сеиду-Хусейну использовал в 1805 г. кн. П.Д. Цицианов. Помимо этого, он использовал в инскрипции такое неофициальное и уважительное обозначение, как «благоприятель мой» (АКАК 1868: 984). Данная формулировка, по-видимому, являлась устойчивым оборотом, маркирующим со стороны адресанта приязнь и уважение по отношению к адресату. Заметим, что окончание аппрекации могло маркироваться формулой, с одной стороны, выражавшей благопожеланиие, а с другой — заинтересованность в продолжении коммуникации с адресатом. Например, в январе 1819 г. А.П. Ермолов заканчивал письмо Сеид-Ахмету-паше так: «Затем прося Бога, да сохранит Он в невредимости ваше здоровье, честь имею оставаться истинно вам усердный и доброжелательный» (АКАК 1875: 415). Заметим, что характер и точность титулования российскими властями анапских пашей могли оцениваться адресатами в символических категориях престижа, авторитета, наконец, равноправности/неравноправности переписки. Так, в 1795 г. анапский Сеид-Мустафа-паша неспроста спрашивал у есаула Н.И. Гаджанова, владеет ли тот русской грамотой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 6)? Есаул, действительно умевший читать по-русски, «прочел писмо с должным написанием пашинского достоинства», отметив в своем рапорте, что в ответ на это паша ничего не сказал (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 6).

Каналы коммуникации. Как было показано выше, «каналы» коммуникации, чаще всего, локализовались на Бугазской карантинной заставе, на функционировавшем в том же локусе Бугазском меновом дворе, в дальнейшем — в структуре Керченского и Бугазского попечительства торговли с черкесами и абазинцами. Функциональность такого контактного места была обусловлена, по-видимому, его удобным географическим расположением. Именно при Бугазе размещалась переправа через Бугазский лиман — «чрез Бугаз перевоз». До начала августа 1793 г. она контролировалась донскими казаками во главе с есаулом Агапом Мустафиным. А затем, согласно ордеру войскового судьи ЧКВ А.А. Головатого, «свое видение» над переправой принял полковой есаул Лукьян Бердин ([Дмитренко] 1896: 663). Бугаз оставался важной точкой соприкосновения, местом легальных контактов двух «миров» — вплоть до завоевания Анапы в 1828 г. российскими властями. Например, В.А. Сысоев писал в июне 1827 г. руководству Бугазского менового двора: «Препровождаю при сем Конверт мой за № 1266 на имя Анапского Гаджи Гасан Паши, прошу *отправить оный к нему в Анапу известным средством* и меня уведомить» (выделено нами. — *В.К., Д.С.*) (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 8). В статье также показано, что к Бугазу неоднократно приезжали посланцы от анапских пашей — передававшие российской стороне как устную информацию, так и письма.

Переписка и коммуникационные случаи (кейсы). Дипломатическое взаимодействие между российской и османской сторонами осуществлялось не только в письменном виде, но и «словесно». Устная коммуникация того или иного «посланника»/курьера, передававшего официальное письмо, дополняла модель отношений, раскрывая контексты взаимодействия. Такая многоканальность, скорее всего, была призвана обеспечить ещё большую эффективность отправляемой и получаемой информации.

Попытаемся в хронологической последовательности рассмотреть известные нам ситуации взаимодействия двух сторон. Переселенческие потоки казаков-черноморцев на Кубань начались с августа 1792 г., вплоть до лета 1793 г. В июне 1793 г. было выбрано место под «войсковой град» Екатеринодар, а позднее стали основываться куренные селения.

Практически сразу стали фиксироваться мелкие пограничные конфликты новых поселенцев с местным черкесским населением и с отдельными представителями общины казаков-некрасовцев. Несколько раз К.И. Габлиц писал в 1793 г. анапскому Мустафе-паше в связи с этими конфликтами на территории Черномории, в т.ч. применительно к «делу П. Малого — А. Мазанова», подробно описанному в литературе (Сень 2020b: 225—243). К.И. Габлиц информировал полковника ЧКВ С.Л. Белого 21 мая 1793 г. о том, что по рапорту от 13 апреля он сообщил анапскому Мустафе-паше «о строжайшем удержании всех за Кубанью обитающих народов от изъясненных в рапорте вашем злодеяний…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 38). Тот же К.И. Габлиц сообщил атаману ЧКВ З.А. Чепеге 19 мая 1793 г. о доставке в Симферополь некрасовца А. Мазанова, указав, что написал в Анапу об отдаче двух казаков, денег и вещей «градоначальнику» Мустафе-паше (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 50 а). Заметим, что Мустафа-паша регулярно вступал во взаимную переписку с российскими властями. Еще весной 1793 г., согласно письму паши К.И. Габлицу, речь зашла о возвращении из Черномории некрасовцев «Андрея, Егора, Карпа, Авагима и Димитрия, бывших на Кубани для рыбной ловли» и, скорее всего, захваченных (убитых?) казаками-черноморцами (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223. Л. 101). Этот запрос имел немалый резонанс в Черномории, поскольку в ситуацию вмешался вице-губернатор К.И. Габлиц (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 34, 35 об., 67, 116—116 об., 128). Действия сторон по разбору взаимных претензий привели к организации поездок Г.Р. Лозинского в Анапу летом 1793 г.: 26 июня последовал ордер К.И. Габлица С.Л. Белому о необходимости «сыскать» старшину, владеющего турецким языком и отправить его в Анапу с письмом паше (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 60). В итоге Г.Р. Лозинский, который повез в Анапу два «конверта» (т.е. два письма) не только добрался до крепости, передав письма, но и основательно пообщался с Мустафой-пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 60, 61—61 об., 68). Ему был оказан радушный прием (при расставании паша одарил прапорщика шубой), причем Мустафа-паша просил содействовать и ему тоже в решении определенной проблемы. Речь шла о выдаче 14 греков, бежавших из Анапы и похитивших немалую часть «царской казны» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 68). Из материалов показаний Г.Р. Лозинского от 30 июня 1793 г. следовало, что на прощальной аудиенции паша вручил ему «ответное письмо» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 68). Сведения об адресате отсутствуют. 12 июля 1793 г. С.Л. Белый рапортовал З.А. Чепеге об отправке показаний Г.Р. Лозинского «о слышанном и виденном» в Анапе. Не менее важной предстает и та часть рапорта С.Л. Белого, в которой полковник пишет о выполнении личного задания атамана — отправить в Анапу старшину, знающего турецкий язык, причем сделать это секретно и мимо карантина! Им оказался полковой старшина поручик С. Паливода, увозивший 1 июля в Анапу «сношение» З.А. Чепеги, адресованное Мустафе-паше (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 70). Итак, примерно в одно и то же время в Анапу летом 1793 г. один за другим были отправлены Г.Р. Лозинский (согласно указанию К.И. Габлица) и С. Паливода (согласно повелению З.А. Чепеги) с письмами.

Уже 16 июля 1793 г. С. Белый рапортовал войсковому судье А.А. Головатому о препровождении ему показаний Г.Р. Лозинского и С. Паливоды, побывавших в Анапе (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 79). В частности, нам становится известно о письменных ответах Мустафы-паши своим российским корреспондентам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 79). Из показаний С. Паливоды от 7 июля (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81—84) узнаем, что он отправился в путь 1 июля 1793 г. с «письменными пакетами» на имя анапского паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81), достигнув цели поездки 2 июля того же года. Анализируя рассказ С. Паливоды, можно заключить, что поручик напрямую (устно) общался с Мустафой-пашой. Важен фрагмент текста о том, что «…врученное мне подал ему

сношение, которое, а равно и меня с ласковостью приняв и по их обряду угощен закусками и кофиею, между чем читал он то привезенное мною сношение о захваченнии и ограбительстве казака Романа Руденченко, по забратии на войсковой земле леса, по возвращении захваченных казаков» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 81). На наш взгляд, данный пример косвенно свидетельствует о том, что письмо, прочитанное пашой, было написано не на русском языке, а на каком-то другом. Наконец, из показаний С. Паливоды можно усмотреть, что какие-то ответные письма паша предполагал передать своим российским адресатам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 83), хотя прямо в документе об этом не сказано.

5 июля 1793 г. в ЧКВ последовал новый ордер К.И. Габлица на имя С.Л. Белого об отправке в Анапу двух казаков-черноморцев для возмещения причиненного им ущерба, а также некрасовца А. Мазанова, обвиненного российской стороной в продаже черкесам двух казаков-черноморцев и восьми солдат (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 80). Состав группы изменился — при невыясненных обстоятельствах один из черноморцев — казак П. Малый — вскоре умер. Из рапорта полкового хорунжего Л. Будинова от 4 августа 1793 г. узнаем об отправке через Бугаз в Анапу Г.Р. Лозинского, сопровождавшего колодника, казака-некрасовца А. Мазанова, и казака-черноморца С. Безкровного (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 93). А сама поездка началась 2 августа. Более поздние показания Г.Р. Лозинского (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104—107) позволяют судить о том, что после прибытия в Анапу посланец ЧКВ передал паше одно письмо («отзыв») от А.А. Головатого и два письма («отзыва) — от К.И. Габлица, причем их разговор осуществлялся на турецком языке (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104). Важна ремарка Г.Р. Лозинского о диалоге паши со своим секретарем на «турецком диалекте» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105 об.). Не менее важно обратить внимание, что паша *прочел* письма после их вручения (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 104), не прерывая встречи с посланцем ЧКВ. В ходе второй встречи с Г.Р. Лозинским паша передал ему свои письма, адресованные К.И. Габлицу и А.А. Головатому (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 105 об.). Авторам статьи удалось обнаружить письмо Мустафы-паши на новогреческом, адресованное А.А. Головатому и его перевод на русский язык (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 102—103). Приведем его текст полностью: «Кланяюсь Антон Андреевич здоровью вашему; любезнейше вам почтение отдаю. У вас имеется пойманный в Хатакале один мальчик, которого не оставьте прислать ко мне, а что я говорил с Григорием Лозинским, чтобы окончить дело прапорщика за червонцы, то пишите ко мне, и я писать буду; да только пришлите хлопца того. И тако остаюсь обо всем я просил Григория Лозинского по этому делу, а как он расскажет, и вы заблагорассудите так и делайте. На подлинном подписался Анапский паша Тюсе Мустафа» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 103). Именно на этом письме, выше печати, было проставлено *пенче*, и дата — 11 сафара 1208 г.х., т.е. 6 сентября 1793 г.

В рапорте А.А. Головатого З.А. Чепеге от 3 октября 1793 г. войсковой судья писал атаману, что «Лозинский и Безкровный от анапского паши возвратились безо всякого удовлетворения. Что же паша писал вице-губернатору, того не знаю…». «А что ко мне пишет, — продолжал судья, — то подлинное на греческом диалекте письма перевод со оного, речи Лозинского и рапорт о слыханном им при сем представляю. Но перевод очень худ из писма, ибо некому из наших лутче перевести, а разве нет ли у вас, однако за моим к вам прибытием об этом подумаем» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 112—112 об.).

Аналогичного дополнительного изучения требует и датировка письма анапского Мустафы-паши, адресованного К.И. Габлицу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 118—119) — из какой поездки Г.Р. Лозинского в Анапу оно происходило? В этом письме паша настоятельно

просил К.И. Габлица вернуть десять казаков-некрасовцев, якобы «поворованных» черноморцами. Перед нами — копия пространного и недатированного письма анапского паши, написанного им после передачи Г.Р. Лозинским А. Мазанова в Анапу. Эта копия прилагалась к письму К.И. Габлица от 7 февраля 1794 г., адресованному в войсковое правительство (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 116—116 об.). К.И. Габлиц, комментируя запрос о некрасовцах, отмечал, что Мустафа-паша уже неоднократно был уверен (в том смысле, что ему сообщали) об их судьбе. По мнению вице-губернатора, данный случай особый — ибо паша настаивал на дополнительном расследовании и «дабы анапского пашу обезпечить во охранение от стороны нашей всего в мирном Трактате заключеннаго… войсковое правительство имеет усугубить всевозможнейшие меры на отыскание справедливости, не находятся ль показанные некрасовцы между жителями войска Черноморского…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 116 об.). Обращение имело последствия: на своем заседании 22 февраля 1794 г. войсковое правительство решило подготовить по запросу вице-губернатора «самовернейшую справку» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 120—121 об.). Из войскового правительства ответили К.И. Габлицу 4 марта 1794 г., что разыскиваемых некрасовцев в войске не имеется: четыре некрасовца убиты казаками при нападении на кордонный пост и, мол, претензии паши безосновательны (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 126—129). Таким образом, просьба паши не только не саботировалась в Симферополе, но и порождала известное сопротивление со стороны ЧКВ в ходе расследования. Что касается датировки письма паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 118—119), то она может быть предложена такой — не раньше августа 1793 г. Любопытна корроборация — «мухахвизы Мустафа паша» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 119), являющаяся искаженным вариантом слова «мухыфыз» — «оберегатель», «хранитель». Письмо большое по объему, состоящее из нескольких пунктов. В этом письме паша передавал диалог с Г.Р. Лозинским по делу «Малого-Мазанова», упоминал о том, что он лично допрашивал А. Мазанова; напоминал К.И. Габлицу о его письме, в котором сообщалось о похищении некрасовцами двух казаков и об отыскании и передаче одного их них в ЧКВ; подчеркивал, что своими письмами неоднократно просил вернуть ему «поворованных некрасовцов девять человек», сетуя, что результата пока нет; наконец упоминал об увозе Г.Р. Лозинским черкесского мальчика из Анапы и просил его вернуть.

Областное или губернское начальство инициировало, мотивировало и всемерно поддерживало переписку ЧКВ с Анапой. Из рапорта А.А. Головатого на имя К.И. Габлица от 1 апреля 1794 г. известна предыстория подобного случая, начавшегося весной того же года. После изучения информации от Мустафы-паши, поступившей к К.И. Габлицу, было предложено «избрать способного старшину» и отправить его с претензией от ЧКВ в Анапу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 135). Но еще в феврале того же года из Симферополя в Кош ЧКВ сообщалось об отправке властями Таврической губернии какого-то сообщения (надо думать, письма) Мустафе-паше — в связи с действиями «закубанских жителей», направленных против черноморских казаков (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6). 17 апреля 1794 г. К.И. Габлиц ответил на войсковой рапорт от 1 апреля, содержавший в себе показания трех закубанских «абазинцов» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 56). Вице-губернатор написал, что вместе со своим «отзывом» на имя Мустафы-паши, передаваемым с этим своим ордером, он препровождает их к анапскому паше, требуя ответить на претензии российской стороны. К.И. Габлиц также указал отправить в Анапу команду с этими абазинцами и с его письмом на имя анапского паши (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 56—56 об.). 3 мая 1794 г. из войскового правительства был послан указ в Фанагорийское окружное правление — прислать в Кош обер-офицера, знающего турецкий язык (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 71). Оттуда сообщили

8 мая, что кроме прапорщика Г.Р. Лозинского, действительно знающего турецкий язык, но занятого каким-то другим делом (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 75 об.), других таких офицеров не имеется. Дело в том, что, по-видимому, Г.Р. Лозинский уже находился в Анапе. Но, что примечательно, из правительства вновь затребовали именно Г.Р. Лозинского (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 76). Другие документы сообщают об организации поездки Г.Р. Лозинского в Анапу (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 81—81 об.), а также о содержании требований к османской стороне (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 82—84 об.). Далее, мы узнаем о ходе следования Г.Р. Лозинского в Анапу через земли западных адыгов. В итоге — миссия добралась до Анапы, и Г.Р. Лозинский сумел встретиться и лично пообщаться с пашой на разные темы, доложив обо всем этом своему начальству в рапорте от 2 августа 1794 г. (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 114).

Для передачи посланий К.И. Габлица и сопровождения свидетелей — трех пострадавших абазинцев — в Анапу был выбран прапорщик Мусий (Моисей) Рева. Вместе с ними и с двумя отзывами вице-губернатора он выехал из Тамани 24 мая. Переправившись через Кизилташское гирло, М. Рева со спутниками на следующий день к вечеру прибыли в Анапу и были размещены «на квартиры». 27 мая М. Рева вместе с посланником от ЧКВ Г.Р. Лозинским получил аудиенцию у анапского паши, где посланник изложил претензии войска, а М. Рева — вручил «отзывы» К.И. Габлица. В ответной речи паша, тут же прочитавший послания вице-губернатора, заявил о своем желании «стараться и дать удовольствие Черноморским казакам, потому что хочет жить в мире и тишине». Он просил некоторое время для решения всех этих вопросов и перевел разговор на интересующую его тему возвращения попавшего к русским «Хачуканских орд 13 лет возрасту мальчика» ([Дмитренко] 1896: 754). Из диалога понятно, что мальчик стал предметом длительной переписки между пашой и таврическим руководством и властями ЧКВ, начавшейся еще в 1793 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 103). В уведомлении об анапских событиях М. Рева также описывал важные аспекты коммуникационных ситуаций. Г.Р. Лозинский беседовал с приближенным паши бешли-агой Селимом-агой, разбирая различные вопросы, именно через него предполагая встречаться с пашой ([Дмитренко] 1896: 754).

Подпоручик Г.Р. Лозинский и после 1794 г. неоднократно направлялся за Кубань, причем не только в Анапу, но и в черкесские земли, в т.ч. для ведения переговоров о возвращении похищенных людей, скота и пр. (Черкасов 2020: 1499, 1501, 1502). Из документов следует, что он регулярно общался с османскими чиновниками (Черкасов 2020: 1503, 1504). Весной 1797 г. Г.Р. Лозинский отправился в Анапу, увозя на имя Османа-паши «ферман» и «выписки», в который раз рассчитывая на удовлетворение претензий со стороны войска (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 55. Л. 21). Находясь в Закубанье, рапортом от 10 августа 1800 г. он сообщал Ф.Я. Бурсаку об отправке анапским пашой через чиновника Селима-агу трех писем («бумаг») «к господам военному губернатору Михельсону, генерал-майору Драшковичу и вашему высокоблагородию» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 262—263). Аналогичным рапортом от 9 октября 1800 г. он сообщал атаману Ф.Я. Бурсаку об отправке ему двух писем «на турецком диалекте» через османского чиновника Селима-агу (Черкасов 2020: 1503).

Стороны регулярно рассматривали вопрос о бежавших за границу черноморских казаках, прибегая именно к переписке, как, например, это было в 1795 г. (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 1—8). В Анапу из ЧКВ адресовалось письмо на имя «дружелюбного соседа» — трехбунчужного Сеида Мустафы-паши (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330. Л. 2). Письменное требование в Анапу об отдаче в Черноморию 31 беглого казака и двух егерей должны были отвезти полковой старшина П. Кияница и сотник Н.И. Гаджанов (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1.

Д. 330. Л. 2 об.). В августе 1795 г. паша писал А.А. Головатому о получении им письма от войскового судьи с истребованием беглых казаков и сообщил ему о невозможности выдачи из-за принятия казаками ислама ([Дмитренко] 1898: 54).

Н.И. Гаджанов, наряду с Г.Р. Лозинским, стал «штатным» переговорщиком, переводчиком и посланником ЧКВ. Поэтому он и позже неоднократно отправлялся в Анапу с письмами и с всевозможными поручениями. В октябре-декабре 1799 г. Н.И. Гаджанов ездил в Анапу по поручению атамана ЧКВ Т.Т. Котляревского. В рапорте Н.И. Гаджанова об этой поездке приведен необычный маршрут следования в Анапу, поэтому мы посчитали необходимым остановиться на нём: «…переправлен я 21 октября на остров Казадаей, а оттоль с бывшими там нагайцами того числа в селение Жеметейское, с коего, нанявши двух Абазинцев, до Анапа поехал…». Приехав в тот же день в Анапу, Н.И. Гаджанов отправился к паше, вручив ему письмо от Т.Т. Котляревского. По-видимому, не имея возможности прочесть письмо, паша расспрашивал Н.И. Гаджанова об адресанте и о содержании письма. После изложения Н.И. Гаджановым сути послания с просьбой вернуть угнанный скот, паша ответил, что распорядился разобраться в этом вопросе ([Дмитренко] 1898: 399). Паша призвал к себе абазинских князей, а через несколько дней, когда они собрались, предложил через своего чиновника Матаржа-башу Н.И. Гаджанову «словесно» пересказать претензии черноморских казаков. После оглашения претензий, по распоряжению паши, Н.И. Гаджанов вместе с князьями отправился в поездку по селениям «абазинцев» для поиска похищенного скота, продлившуюся с 27 октября по 8 ноября. Вернувшись в Анапу и безрезультатно прождав несколько дней возвращения лошадей, Н.И. Гаджанов добился через турецкого чиновника новой аудиенции у паши и был принят им 12 ноября. Переговоры продолжились: Н.И. Гаджанов рассказал паше, что так и не дождался возврата украденного. Паша просил подождать еще пять дней ([Дмитренко] 1898: 400—402). Н.И. Гаджанов остался в Анапе, продолжая взаимодействовать с приближенным паши — кегай-беем — пытаясь дополнительно решить проблему возвращения пленных и беглых казаков. 19 ноября Н.И. Гаджанов побывал на приёме у паши уже по данному вопросу: паша разрешил забрать трех казаков — Леонтия Тонкошкурого, Степана Стобенко и Гаврилу Браганеца. Только 11 декабря 1799 г. паша призвал Н.И. Гаджанова вновь и вручил письмо, адресованное Т.Т. Котляревскому, «на армянском диалекте, кое при сем в покорности представляю». Устно же паша просил передать атаману: «…что я сколько не старался в отыскании оных лошадей, но не в чем не успел, на что издержал собственных своих денег четыреста левков» ([Дмитренко] 1898: 403—404). Об этой же поездке есаул Н.И. Гаджанов 31 января 1800 г. информировал атамана Ф.Я. Бурсака, сменившего на этой должности умершего Т.Т. Котляревского. Целью миссии в Анапу было требование «от тамошнего анапского паши отдачи поворованных закубанскими хищниками с Павловского и Староредутского кордонов двух лошадиных табунов» (Черкасов 2020: 1494).

В 1797 г. анапский наместник Осман-паша обращался к российским властям с просьбой выдать ему 12 человек, трое из которых были солдатами, бежавшими из Анапы морем в Крым. Его просьба дошла до высших чинов Российской империи. Вице-канцлер князь А.Б. Куракин ответил паше, вежливо отказав в выдаче беглецов, мотивируя решение аналогичными действиями турок, не возвращавших российских перебежчиков (Приймак 2011: 128). 16 марта 1798 г. близ Бугаза произошла передача частично найденного турками скота, захваченного черкесами у казаков. Возврат инициировал Осман-паша, приславший со своим письмом кегая-бея и скот (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57. Л. 50).

Помимо примеров письменной коммуникации, укажем на случаи устного взаимодействия сторон. 15 мая 1798 г. «в дистанции Андреевского кордона переправясь

через Кубань на нашу сторону турецкий чиновник Селим ага Серден Дечты и абазинский черкесский князь Мурадин бей с двумя служителями, и призвав к себе через разъездных казаков кордонного начальника поручика Крутофала объявили ему, что первой с них определен от анапской крепости начальника Осман паши к князю Мурадин бею в состоящее против Курок его селение, называемое Шуву к содержанию с их стороны и недопущению дальнейше закубанских хищников чинить на войсковых землях воровства пограничной стражи…». По распоряжению вышестоящего начальства поручик Емельян Крутофал вступил с прибывшими в переговоры через переводчика (Черкасов 2020: 1481—1482).

30 мая 1798 г., как следовало из рапорта есаула М.С. Гулика атаману ЧКВ Т.Т. Котляревскому, к Екатеринодарскому меновому двору прибыл посланник анапского паши тюфекчи-баша Мегмет, вызвавший для переговоров есаула. Турок объявил через переводчика, что послан пашой «для взыскания с черкес за причиненные ими войску черноморскому воровством обиды». Узнав о намерении абазинцев напасть на него и получив повеление от паши вернуться в Анапу, турок просил снабдить его двумя лодками для следования в Анапу речным путем. М.С. Гулик выделил лодки и дал распоряжение начальникам карантинной стражи пропустить турок (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 360. Л. 46—46 об.).

В июле 1798 г. в войсковом правительстве ЧКВ рассматривали предложение Новороссийского военного губернатора генерала графа М.В. Каховского о поиске бежавшего закубанского ясыря с женой Хазиной и четырьмя детьми. Этого человека якобы «сманил» и увез на лодке через Курчанский брод на российскую сторону Кубани некий некрасовец Андрей, о чем М.В. Каховский узнал из письма трехбунчужного анапского Осман-паши, просившего вернуть беглого раба (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 183).

В ноябре-декабре того же 1798 г. состоялась переписка между анапским пашой и войсковым старшиной майором М.С. Гуликом. Письмо паши на имя М.С. Гулика было написано на «армянском диалекте», а его переводчиком выступил полковой есаул И.А. Къюлов. В данной переписке вновь поднимался вопрос о возврате похищенных с обеих сторон людей и скота. Осман-паша и М.С. Гулик обращались друг к другу подчеркнуто уважительно: паша к адресату — по имени-отчеству («милостивый благодетель и благосердечный приятель Мокий Семенович»), а М.С. Гулик — «знаменитый господин Осман-паша и почтеннейший войску Черноморскому сосед». Паша уверял майора, что после удовлетворения казаками османских претензий он тоже обязуется им содействовать: «Если же вперед еще кто-либо задумает из черкес переправится на вашу сторону для воровства, а Мурадин об оном увидит в том будет, тот час вам давать знать, о чем меня уверял. При сем же посылаю и вам своего чиновника, который будет стараться с Мурадином в отыскании вашей прописки, если же сыщут, то будет оные вам возвращены…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 237—239).

В начале XIX в. между российским и османским чиновниками на Северо-Западном Кавказе, соответственно, между войсковым атаманом Ф.Я. Бурсаком и анапским комендантом (или наместником) Осман-пашой, сложились доброжелательные отношения. Эту особенность отмечал в своих научных работах ещё «классик кубанской историографии» Ф.А. Щербина. «Паша заранее предупреждал войскового атамана о готовившихся набегах черкесов на Черноморию. В одном из писем из Анапы он известил атамана, что абазинцы намеревались произвести нападение на Черноморию через Бугаз, Курки, Журавлевку и по всей Кубани. Осман паша старался всячески повлиять на черкесов, чтобы они воздержались от набегов, грабежей и воровства… В своих письмах к Ф.Я. Бурсаку он неоднократно обещал обязать круговою порукою черкесов возвратить казакам заграбленное у них

имущество…. В одном письме он писал, что 23 аула абазинцев под клятвою обязались возвратить казакам, в течение двух лет, все наворованное у них…» (Щербина 1913: 153). Ф.А. Щербина описывал и другие детали переписки между двумя региональными руководителями: «…7 июня 1800 г. Осман паша писал Бурсаку, что казаки и натухайцы увели 150 анапских лошадей и просил возвратить украденное. В другой раз, когда вещи были украдены у самого паши, он просил атамана о розыске этих вещей. В письме 16 июля Ф.Я. Бурсак уведомил пашу, что его вещи украдены не татарином, как предполагал агент паши Кьягья-бей, а беглым малороссом Гаврилой Брагинченком вместе с другими двумя русским беглецами, живущими в Анапе» (Щербина 1913: 153). Из переписки Османа-паши и Ф.Я. Бурсака в августе 1800 г. следовало, что произошел своеобразный обмен «любезностями»: Ф.Я. Бурсак через османского чиновника Селима-агу вернул украденные «российским человеком Брагивцем» вещи, паша же обещал вернуть захваченную в плен российскую женщину Варвару. В то же время Осман-паша сетовал, что, согласно «условию вашему, сделанное с Къягъя беем», ему должны были вернуть 17 хатукайцев, бежавшего ясыря и трех казаков-некрасовцев, а вернули только некрасовцев (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 275). Из османского письма от 2 июля 1800 г. узнаем, что кегай-бей был назначен уполномоченным от паши для переговоров о взаимных претензиях: «Осман уверял атамана, что Кьягья-бей сумеет ввести черкесов в границы мирного сожительства с казаками и что больше набегов со стороны черкесов не будет». Уполномоченным от ЧКВ войска в переговорах стал полковой есаул Н.И. Гаджанов (Щербина 1913: 154).

В октябре того же 1800 г. Г.Р. Лозинский (сменивший Н.И. Гаджанова в роли уполномоченного и находившийся в Закубанье совместно с османскими чиновниками в составе группы по возмещению ущерба и возвращению пленных и угнанного скота) докладывал Ф.Я. Бурсаку, что судьба Варвары Жолобыхи и её детей так и не прояснилась, а поиски их в различных черкесских аулах не увенчались успехом (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 269—269 об.). В то же время факты свидетельствовали о желании Осман-паши урегулировать противоречия между сторонами, несмотря на невозможность полностью возместить ущерб. «Как видно из переписки Бурсака с Осман пашею от 25 июня 1800 г., черкесы в течении трех лет с 1797 по 1800 г., возвратили казакам 77 лошадей, 47 штук рогатого скота и 10 человек пленных, но они должны были еще возвратить 362 лошади, 200 голов рогатого скота, 25 душ пленных и заплатить за 25 человек убитых и 10 раненых. Все это вместе… оценено было круглою суммою в 25 тысяч рублей. Бурсак требовал уплаты войску этой суммы. Осман паша признавал долг и готов был погасить его, но сделать это был не в состоянии» (Щербина 1913: 154). Как следовало из письма Османа-паши Ф.Я. Бурсаку, новый специальный представитель анапского паши «каткуда-бек» совместно с черкесами и с приближенными паши Мурадин-беком, Гаджи Магметом и Селим-агой, начиная с октября 1800 г., занимался организацией возвращения российской стороне украденных лошадей и взятых в плен людей (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 1. Л. 322—322 об.). Данное письмо было написано на османо-турецком языке армянскими буквами.

Пребывавший в Анапе после Османа-паши Гуссейн-паша (Сеид-Хуссейн-паша, иногда в русских переводах — Усеин) старался сохранять дружественные отношения с российской стороной и, как его предшественник, всячески способствовать возмещению убытков, нанесенных набегами горцев. В апреле 1804 г. Гуссейн-паша писал атаману Ф.Я. Бурсаку об известном ему набеге шапсугов на российскую сторону и о захвате в плен нескольких казаков: «...я узнав о сем через десять дней в тот час в Бугазскую сторону нарочно одного человека с бумагою посылал, в то время в Бугазе письмо это читать некому было». Выяснив,

где содержались пленные, паша отправил туда своего доверенного человека («воспитанник мой») Чуху Ивсиф-агу с приказом о возврате захваченных казаков (Черкасов 2020: 1539).

29 мая 1804 г. Г.Р. Лозинский рапортовал войсковому атаману Ф.Я. Бурсаку о приезде из Анапы к Бугазу «для переговору» от анапского паши грека Василия Хавъяра в связи с тем, что «якобы паша от вашего высокоблагородия получал письма в рассуждении черкес». В. Хавъяра приехал с устным сообщением, поскольку на тот момент составить письмо «по-российски» в свите анапского паши было некому (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484. Л. 37). Но вскоре письма из Анапы вновь стали поступать российским адресатам: в 1805 г. соответствующая переписка была инициирована анапским пашой Сеидом-Хусейном, обратившимся к командующему Кавказской линией генералу Г.И. Глазенапу с претензией по поводу вторжения российских войск в Закубанье, причинивших «беспокойство и вред подданным Турецкой империи». Отметим, что на претензию ответил письмом высший на тот момент кавказский начальник — главнокомандующий войсками в Грузии кн. П.Д. Цицианов. Он полемически заметил, что именно турки первыми нарушили союзный договор: «Долгом звания моего ставлю вопросить В. Пр. со всею свойственною мне откровенностию кто преступил сию обязанность, — тот ли кто вошел в Турецкие границы, управлению вашему вверенные, для возвращения только своей собственности; или В. пр., допустив ваших подвластных, перейдя по сию сторону Кубани, увлечь почти из под самого Георгиевска столь знатное число Абазинцев, Российских подданных? Отдавая сие на беспристрастное суждение В. пр., я должен сказать, что обстоятельство сие, яко совершенно противное правилам союза и мирных постановлений, между двумя высокими державами существуемых к блаженству рода человеческого, не оставлю я довести до сведения министра нашего, в Константинополе пребывающего, и донес Е.И.В. всемилостивейшему моему Государю государей» (АКАК 1868: 984).

События русско-турецкой войны 1806—1812 гг. на Северо-Западном Кавказе привели к очередному штурму и взятию Анапы российскими войсками. После подписания мирного договора в Бухаресте в 1812 г. Анапа была возвращена Османской империи. В 1813—1814 гг. на русско-османском пограничье наблюдалось относительное спокойствие, обусловленное, по мнению Ф.А. Щербины, желанием назначенного комендантом в Анапу Гусейна-паши соблюдать условия договора. Турки обязались не допускать враждебных действий черкесов по отношению к русским, и Гусейн-паша «тщательно выполнял это обязательство» (Щербина 1913: 179).

В 1815 г. Таврический гражданский губернатор А.М. Бороздин сообщил войсковому атаману ЧКВ Ф.Я. Бурсаку о том, что в конце мая он получил известие от вновь «определенного» в Анапу Сеида-Магомета(Ахмета)-паши, который выказывал желание «поступать с нами дружелюбно и со своей стороны содействовать к отвращению закубанцев от набегов в наши границы». Паша просил вернуть ясырей, бежавших на российскую территорию от натухайского владельца мурзы Смаила Башка-оглу. Губернатор лично побывал на Бугазе, где находился карантин, повелев беглых ясырей вернуть владельцу (Черкасов 2020: 1665—1666).

В 1815—1816 гг. состоялась переписка атаманов ЧКВ с анапским пашей Сеидом-Ахметом о возращении из плена от черкесов русских людей, причем, якобы, инициатором выступал паша: «Его Величество мой Турецкий Государь с таким же Российским при заключении мирного трактата Постановили Между Собой имеющихся быть зафаченными в России закубанцами рогатой скот лошади и людей возвращать обратно что должна делать со своей стороны и Россия. Я же ище и недавно получил от Государя моего именной указ чтобы весь зафаченный в России закубанцами после заключения мира рогатой скот лошади и

людей отдать полностью обратно…» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 2). Более поздние документы свидетельствовали о том, что вышеуказанные заверения являлись, в большей степени, риторикой: реальное возвращение, особенно пленных и дезертиров, саботировалось пашой (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 7).

В мае 1816 г. Новороссийский генерал-губернатор граф А.Ф. Ланжерон, узнав из рапортов атамана ЧКВ Ф.Я. Бурсака о нападении закубанцев на казаков в дистанции Редутского кордона, направил 20 мая письмо анапскому паше Сеиду-Ахмету с напоминанием, что «сие противно мирному трактату» и с требованием «чтобы преступники изрубившие и ранившие казаков были непременно наказаны и взятый в плен казак же Болдырев возвращен» (Черкасов 2020: 1687). 27 мая А.Ф. Ланжерон вторично отправил послание паше с требованием прекратить набеги черкесов на российские границы (Черкасов 2020: 1688). Видимо, эти реляции возымели какое-то действие. По крайней мере, известно о том, что в январе 1817 г. анапский паша возвратил через Бугаз 35 лошадей и 53 голов рогатого скота (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709. Л. 13).

Стороны вступали в разъяснения друг другу по поводу и других актуальных для местной пограничной жизни случаев. 18 февраля 1820 г. анапский Сеид-Ахмет-паша написал подробное письмо атаману ЧКВ Г.К. Матвееву. Суть документа сводилась к настоятельной просьбе не вмешиваться в дела управления черкесов и не поддерживать Ханука (представителя особой группы представителей династии Гиреев в черкесской среде). В данном случае имелся в виду Султан Магмет-Гирей, отец офицера и адыгского просветителя Султан Хан-Гирея (Вершигора 2003: 8—22). Этот знатный человек, получив землю в Черномории, стал активно ездить по обоим берегам Кубани, пытаясь склонить черкесских князей и дворян к подданству России. Напомнив адресату о том, что Кубань является границей «от государей наших», паша писал с недовольством, что если меры не будут приняты, то он пожалуется в Стамбул российскому резиденту. Интересна фраза анапского паши и о том, что черкесы занимаются воровством по обеим сторонам Кубани, а те, которые приходят с правобережья Кубани, его не слушают (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2831. Л. 5—5 об.).

В нашем распоряжении имеются факты о личном участии анапского паши в судьбе пленных, выкупавшего их у черкесов и возвращавшего на российскую территорию. Например, 3 января 1821 г. в Бугазский карантин поступил для «очищения» казак Терентий Таран, рассказавший, что 17 февраля 1820 г., работая по найму на хуторе полкового есаула Капусты, он был захвачен в плен черкесами, а позднее выкуплен анапским пашой Сеидом-Ахметом и доставлен к Бугазу (Черкасов 2020: 1698).

В начале 1821 г. Сеид-Ахмет-паша обращался к российским властям с личной просьбой разрешить переехать к нему в Анапу из Гривенского Черкесского аула (куренного селения), состоящего в пределах ЧКВ, его племянниц — Гатиже и Ганбе, дочерей умершей сестры его жены, бывшей «в замужестве» за Османом-Гиреем. М.Г. Власов согласовывал этот вопрос с командующим отдельным Кавказским корпусом А.А. Вельяминовым. Получив разрешение, М.Г. Власов приказал отправить девушек в Анапу к паше «с тем, кто от него за ними прислан будет». В том же документе содержатся сведения о других взаимоотношениях А.А. Вельяминова и паши: «Сверх того в сем же повелении Его Превосходительство давая мне знать, что Паша сей давно домогается, дабы прислан был для совещаний с ним, по предмету водворения спокойствия между пограничными жителями, Российской чиновник, и что он по сему предписал Командиру Кавказской Линии Г. Генерал-Майору Сталю избрать для сего благонадежного из офицеров» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 790. Л. 1—1 об.).

Пограничные конфликты оставались предметом взаимных обращений и претензий между двумя имперскими сторонами, невзирая даже на личные симпатии и многолетнюю приязнь их представителей. В этом смысле показательна переписка главнокомандующего войсками на Кавказе генерала А.П. Ермолова с анапским Сеидом-Ахметом-пашой, длившаяся не один год. В январе 1819 г. Ермолов, получив письмо от паши, отвечал: «Желание ваше восстановить со мною знакомство и приязнь, сколь для меня приятно по пользам, от сего ожидаемым для существующего ныне дружественного союза между двумя высокими державами, столько же и лестно по отличным достоинствам В. Высокост., мне довольно известным по отдаваемой оным общей справедливости». В том же письме Главнокомандующий войсками в Грузии не преминул напомнить об обязанностях паши «справедливыми и благоразумными мерами отвращать всякие пограничные неприятности и шалости ваших подвластных», и предложил по всем спорным вопросам обращаться к его подчиненному — командующему на Кавказской Линии, со своей стороны гарантировав «всевозможные средства к вящнему подкреплению взаимного согласия и доброго соседства». Кроме того, необходимо упомянуть об обмене подарками: А.П. Ермолов получил от паши жеребца, а в ответ послал соболий мех (АКАК 1875: 415). В то же время, в письме от 30 октября 1821 г. А.П. Ермолов уже более резко высказывался по поводу продолжавшихся нарушений пограничного порядка со стороны закубанцев: «Сколько раз приносил я вам жалобу и никакой не вижу пользы. Так ли поступают добрые приятели? Рассмотрите права наши и, как человек справедливый, вы увидите, что они равные. Ни хвастать, ни грозить военным людям не пристойно и потому я ничего не скажу; но вы сами понимаете, что не всегда можно переносить оскорбления. Увидим, кому поможет Бог» (АКАК 1875: 432—433).

И в дальнейшей переписке А.П. Ермолов, сохраняя уважительное и даже дружеское величание Сеида-Ахмета-паши («по всегдашней откровенности моей к вам, благоприятель мой, как к высокому чиновнику блистательной союзной державы писал и пишу к вам всё, что только я лично мог бы говорить»), продолжал обвинять его в неспособности укротить подвластное население: «…я просил В. Высокост. о воздержании Закубанцев от хищничества, время от времени усиливающегося и приводящего в крайнее положение подданных моего великого Г.И.: но от вас, благоприятель мой, получено одно уверение в существовании прочного согласия и дружбы между обеими высокими державами, хотя действия Закубанцев на земли Черноморские и козачьи станицы, по Кубани лежащие, принятие к себе и покровительство беглецов Российских подданных достаточны были убедить меня, что В. Высокост. легче делать уверение в прочности мира и согласия, нежели заставить сообразно тому действовать управляемый вами народ. Хищничества со стороны Закубанцев превзошли меру терпения и я без опасения взыскания от всемилостивейшего Государя моего за попущение оскорблений ему в лице подданных, не могу не допустить отразить и преследовать хищников силой оружия» (АКАК 1875: 487).

В 1822 г. анапский Сеид-Ахмет-паша собирался приехать в Черноморию и лично переговорить с местным руководством в лице М.Г. Власова и Г.К. Матвеева. В начале января он выехал из Анапы, поинтересовавшись через Екатеринодарский меновой двор — будет ли он принят в Екатеринодаре? Последовал дипломатичный ответ: «…его как представителя союзной державы, примут с подобающими почестями, но без черкес в свите, за исключением немногих почетных князей». Паша в сопровождении свиты из 100 чел. просил принять его для переговоров; М.Г. Власов назначил местом встречи меновой двор на прежних условиях. Паша, недовольный этим, отправился в ближайший аул Дударука, направив оттуда известие об отказе переезжать на российскую сторону и о желании вести переговоры через

поверенного. Г.К. Матвеев, в отсутствие М.Г. Власова, «не решился вести без него переговоры» и они не состоялись. Паша двинулся в обратный путь, прислав двух чиновников и муллу с извещением, «что для ведения переговоров он пришлет уполномоченного на Бугазскую карантинную заставу» (Щербина 1913: 239—240).

В течение 1823—1826 гг. осуществлялась интенсивная переписка командующего войсками в ЧКВ генерал-майора М.Г. Власова и атамана ЧКВ Г.К. Матвеева с анапским пашой. В марте-апреле 1823 г. поводом для коммуникации стал всё тот же «обмен» захваченными в плен людьми. Паша благодарил Г.К. Матвеева за удовлетворение его просьбы о владельце Мелеке Юсуфе-оглу и обещал вернуть казака, о котором просил атаман (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 4). В январе 1826 г. М.Г. Власов получил от паши очередное письмо. Отсутствие собственных переводчиков с османо-турецкого языка заставило М.Г. Власова обратиться за содействием к атаману ЧКВ Г.К. Матвееву для перевода (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 906. Л. 1). Такая проблема с переводчиками сохранялась в канцелярии М.Г. Власова и в дальнейшем, о чём можно судить из требования М.Г. Власова на имя Г.К. Матвеева от 16 января 1826 г. за № 96 о переводе письма на «руской диалект…так, чтобы в содержании ничего небыло нужного пропущено и перевод сей вместе с орегиналом обратить немедленно ко мне». Это письмо было доставлено в Екатеринодарскую карантинную контору курьером анапского паши Бечуге и по показаниям турка адресовалось оно М.Г. Власову (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 1—1 об.).

Следующее распоряжение о переводе аналогичного письма поступило от М.Г. Власова Г.К. Матвееву 27 апреля того же года. Если первое письмо за 1826 г. было от Сеида-Ахмеда-паши, то апрельское — уже от Гаджи Гассана Чечен-оглу-паши, назначенного в Анапу, о чем писал в своем рапорте от 2 мая М.Г. Власов: «Доставленное мне здешнею карантинною конторою письмо Турецкого Гасан паши, имеющаго прибыть в Анапскую крепость, препровождая… прошу вашего содействия о переводе онаго на русской язык…» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 12). Переводом этих писем занимался есаул Пшекуй Могукоров и привлеченный им представитель мусульманского духовенства из Гривенского Черкесского аула мулла Селим. Можно предположить, что письма были написаны на османо-турецком языком (арабицей), для чего и использовали способности человека, владеющего подобной грамотой.

Летом 1826 г. генерал-майор В.А. Сысоев сменил М.Г. Власова на посту командующего войсками в ЧКВ. Поэтому очередное письмо от анапского паши было направлено именно ему. В.А. Сысоев, как и предшественник, обратился к атаману Г.К. Матвееву за содействием перевода писем с османо-турецкого на русский язык (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 14). Потребность в переводе таких писем возникала в канцелярии В.А. Сысоева и позже. В декабре 1826 г. он писал о немедленной присылке в г. Екатеринодар переводчика — муллы Селима из Гривенского Черкесского аула (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229в. Л. 19). Наличие подобных писем свидетельствовало о непрекращающемся обмене корреспонденцией между османской и российской сторонами.

В январе-апреле 1827 г. велись поиски бежавшего рядового Таманского полка Степана Деревянкина, в ходе которых завязалась переписка генерала В.А. Сысоева с анапским пашой о его выдаче (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268). 4 января командующий Таманским гарнизонным полком генерал-майор Бабоедов докладывал о бегстве рядового «на каюке в Черкесскую сторону, и, вероятно, во владения Натухайских народов» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 13). По территории ЧКВ развернулись поиски беглеца. В.А. Сысоев, в частности, обратился к попечителю торговли Керченской и Бугазской с черкесами и абазинцами, который, в свою очередь, к комиссарам, «живущим в горах Черкесских, отыскать сего беглеца». Попечитель

рассчитывал на помощь «комиссара Люлье, имеющаго пребывание в окрестностях Анапы…», в т.ч. получить сведения, не скрывается ли С. Деревянкин в Анапе (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 23—23 об.). Один из комиссаров, находившийся при р. Пшаде, К.И. Тауш, узнал, что С. Деревянкин действительно находится в Анапе (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 31). Комиссар Л.Я. Люлье подтвердил данную информацию. Причем, он указывал, что первоначально, как ему и предписывали, самостоятельно обращался к паше о возвращении С. Деревянкина, но «не получил в ответ от паши ничего удовлетворительного», рекомендовав Сысоеву лично написать в Анапу (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 52 об.). В.А. Сысоев, испросив разрешения у командующего на Кавказской Линии и в Черномории генерал-лейтенанта и кавалера Г.А. Емануеля, составил письмо к паше с просьбой найти беглеца и отправить его под караулом в Бугазскую карантинную заставу. Ответ паши примечателен. Возвращая С. Деревянкина, он обращал внимание на то, что до сих пор не отправлял беглеца обратно из-за препятствий натухайцев, говоривших, «что когда бегают в Россию наши народы, то русские их не возвращают». Далее Гаджи Гассан Чечен-оглу-паша просил В.А. Сысоева простить Степана Деревянкина «за его поступок с уважением именно к паше» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268. Л. 64).

Переписка командующего Черноморской кордонной линией В.А. Сысоева и Гаджи Гассана Чечен-оглу-паши за 1827 г. была посвящена особенной и, по-своему, уникальной ситуации. Речь зашла о запрете пашой продажи черкесских невольников в Анапе норнахичеванским купцом, армянином Аксеном Авгановым[7]. Паша пошел на данный шаг по просьбе родственников горцев, попавших в неволю. В.А. Сысоев просил пашу разрешить подобную торговлю, которая до этого случая широко практиковалась в Анапе, в т.ч. и армянами. Паша ответил уклончивым любезным письмом, объясняя запрет отсутствием у А. Авганова письменных доказательств происхождения пленников (Покровский 1957: 107; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 2—8). В этом деле имеется множество интересных и важных нюансов. Заинтересованность В.А. Сысоева в судьбе «бизнеса» А. Авганова обусловлена, возможно, его использованием его в качестве «лазутчика» в Закубанье на протяжении предыдущих лет. Кроме того, А. Авганов выкупал русских пленных и перевозил их через р. Кубань, в Черномории ему взамен отдавали черкесских пленников, которых он продавал в Анапе. Несмотря на определенные «заслуги» А. Авганова, В.А. Сысоев не стал самостоятельно обращаться к паше по данному вопросу, получив на это санкцию вышестоящего начальства — генерал-лейтенанта Г.А. Емануеля (предоставив подлинник и перевод письма на русский язык) (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256. Л. 2—8).

Известна едва ли не единственная для таких коммуникационных связей ситуация, когда корреспонденция хотя и была отправлена адресату, но не доставлена. В связи с началом новой русско-турецкой войны, генерал И.В. Гудович предписывал Ф.М. Шеншину в феврале 1807 г.: «…признавая весьма полезным при нынешних обстоятельствах привлечь к нам Анапского пашу и нельзя ли будет удержать его при сем случае в расположении и преданности к России, я поручаю В. пр. найти надежного и самого верного человека, с которым пошлите от себя письмо к Анапскому паше, которое было бы ему наисекретнейшим образом вручено» (АКАК 1869: 534—535). В начале марта Ф.М. Шеншин рапортовал И.В. Гудовичу: «…я по повелению В.С. от себя направил под видом Кабардинца с письмом к Анапскому паше Абазинского пристава Кикнадзе брата его родного, который оттуда еще не возвратился, о чем и вторично писал я писал к Анапскому паше чрез живущего за Кубанью Армянина» (АКАК 1869: 627). Через месяц, в повторном рапорте, Ф.М. Шеншин доложил

[7] Об Авгановых см.: (Колесов 2020: 85—87).

И.В. Гудовичу о возвращении «под видом Кабардинца» из Анапы Кикнадзе, «имеретинского дворянина живущего в станице Темнолесской», миссия которого не удалась. Разузнав в Анапе, что там ведутся приготовления к военным действиям и «в скором времени прибудут в Анапу 10 кораблей с Турецким войском и с оным на перемену бывшего Анапского паши другой, почему оный Кикнадзе писанное к Анапскому паше письмо не отдал, а удержал у себя и привез ко мне обратно…» (АКАК 1869: 629).

В заключение обратимся к выводам. Мы установили, что за более чем 30-летнюю коммуникацию (1792—1828 гг.) на Северо-Западном Кавказе между анапскими пашами и их соседями на российской стороне границы (в лице, прежде всего, войсковой администрации ЧКВ), сложилась определенная система взаимоотношений. Ее содержание определялось не только военными, шире — пограничными — конфликтами интересующих нас сторон, но и необходимостью договариваться об их совместном расследовании и предотвращении. Основными причинами и поводами для организации взаимного общения российских и османских администраторов являлись нарушения пограничного порядка по обеим берегам р. Кубани и их стремление урегулировать возникающие противоречия. Соответственно — администрации ЧКВ и османской Анапы стали быстро и даже последовательно развивать в регионе т.н. пограничную дипломатию, включая различные формы устной и письменной коммуникации друг с другом. Доказано, что руководство Таврической области/Новороссийской/Таврической губернии не только поощряло такие контакты, но в ряде случаев активно участвовало в них. В ходе организации и реализации подобной коммуникации все стороны переговорного процесса столкнулись с немалыми трудностями, в т.ч. связанными с буквальным непониманием устной речи и ряда письменных текстов, созданных на «чужих» для себя языках. Соавторами выявлено и проанализировано несколько десятков писем и случаев устной коммуникации с обеих сторон, включая как отпуски писем российских администраторов анапским пашам, так и оригиналы и копии (переводы) писем пашей — российским корреспондентам. Кроме того, совершенствуя методику учета подобной корреспонденции, авторы выявили источники, *упоминающие* об отправке и получении писем на разных языках.

Доказано, что российская сторона преимущественно использовала русский язык в ходе письменной коммуникации с анапскими пашами. Высказана и аргументирована авторская гипотеза о том, что некоторая часть такой корреспонденции могла, все же, писаться не на русском языке, а, быть может, на османо-турецком. Установлено, что османская сторона более гибко, нежели российская, подошла к решению проблемы — на каком языке писать российским визави? Помимо использования в переписке «основных» языков общения (русского и османо-турецкого) нами обнаружено несколько писем от пашей на армянском языке, либо на османо-турецком, но графикой армянского письма; и одно письмо — на (ново)греческом. Впервые в историографии соавторы обратились к истории переводов писем, адресованных сторонами друг другу, сумевшими, скорее, снять ее остроту, нежели кардинально решить в положительном смысле. Другое дело, что обе стороны проявили здесь собственную активность и готовность решить проблему при помощи «местных кадров». Считаем, что именно эта тенденция являлась ключевой в ходе решения застарелой проблемы, а не помощь или, напротив, жесткое администрирование со стороны вышестоящих властей. И все же: нехватка в Черномории лиц, владеющих т.н. восточными языками, способствовала привлечению специалистов из учреждений Таврической области и подобных ей административно-территориальных образований Российской империи.

Наконец, нами выявлены в источниках многочисленные медиаторы российско-османского взаимодействия, включая (с российской стороны) переводчиков устной и

письменной речи. Уточнены биографические факты некоторых из них, а также обстоятельства совершенных ими поездок в Анапу или работы с переводами необходимых документов. Многие из таких лиц, включая представителей войскового сословия (Г.Р. Лозинский, Н.И. Гаджанов и др.) специазировались именно на «анапском направлении», владея разными языками, включая восточные. Установлено, что им принадлежала особая роль в становлении и в развитии новой для этой части Северного Причерноморья трансграничной российско-османской коммуникации. В целях ее изучения нами и были сформулированы новые для историографии исследовательские вопросы, а также предложены пути их решения.

Литература

АКАК 1866: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1866. Т. I. *Напечатан под редакцией председателя комиссии ст. сов. Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

АКАК 1868: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1868. Т. II. *Издан под редакцией председателя комиссии Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

АКАК 1869: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1869. Т. III. *Издан под редакцией председателя комиссии дсс. Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

АКАК 1875: *Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Архив Главного Управления Наместника Кавказского*. 1875. Т. VI. Ч. II. *Издан под редакцией председателя комиссии д.с.с. Ад. Берже*. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского.

Вершигора А.Д. 2003. *Хан-Гирей: новые документы и источники*. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа».

Веселовский Н.И. 1914. *Военно-исторический очерк Анапы*. Петроград: Типография Главного Управления Уделов.

Виноградов В.Б., Приймак Ю.В. 2006. Крымско-османские противоречия в период крушения государства Гиреев (1720—1780-е гг.). *Сборник Русского исторического общества* 10(158). *Россия и Крым*, 158—166.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 223.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 319.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 330.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 360.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 1.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 484.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 509.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 525.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 611.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 709.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 790.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 906.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1987

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2831.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 55.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 57.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93.
ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 229 в.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 256.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 268.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383.
ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 403.

Дегоев В.В. 2005. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века). *Кавказский сборник* 2(34), 90—108.

[Дмитренко И.И.]. 1896. *Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска.* Т. III. *Войско верных черноморских казаков. 1787—1795 гг. Собраны и изданы И.И. Дмитренко. Документы извлечены из Кубанского войскового архива*. Санкт-Петербург: Типография Штаба Отдельного Корпуса Жандармов.

[Дмитренко И.И.]. 1898. *Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска.* Т. IV. *1795—1799 гг. Собраны и изданы И.И. Дмитренко. Документы извлечены из Кубанского войскового архива*. Санкт-Петербург: Типография Штаба Отдельного Корпуса Жандармов.

Колесов В.И. 2008. Документы, идентификация, граница земли Черноморского казачьего войска и этническая история закубанских армян. В: Кочергин А.А. (ред.). *Армения и армяне в контексте мировой культуры: Материалы региональной научной конференции (г. Краснодар, 25 апреля 2006 г.)*. Краснодар: [б.и.], 73—88.

Колесов В.И. 2018. Из «Рум-миллет» в российские инородцы: начало процесса группообразования горских греков Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.). *Вестник Нижневартовского государственного университета* 4, 92—103.

Колесов В.И. 2020. Авгановы. В: Кузнецов И.В. (ред.). *Армяне Причерноморья: энциклопедия*. Т. 1. *Ааптра—Армутлук*. Москва: УП ПРИНТ, 85—87.

Колесов В.И., Фролов Б.Е. 2010. Вопросы формирования черноморского казачества (случай армянского рода Гаджановых). В: Матишов Г.Г. (ред.). *Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28—29 сентября 2010 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 298—301.

Лотман Ю.М. 1996. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история.* Москва: Языки русской культуры.

Макидонов А.В. 2011. *Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века*. Запорожье: Просвiта.

Матвеев О.В. 2015. *Кавказская война: от фронта к фронтиру: Историко-антропологические очерки*. Краснодар: Эдви.

Мертваго Д.Б. 2006. *Записки (1760—1824)*. Санкт-Петербург: Русская симфония.

[Микаелян В.]. 1977. Аттестаты Маркоса Кюмушли (Серебрякова). *Вестник общественных наук*. 2(410), 99—107.

Покровский М.В. 1957. *Русско-адыгейские торговые связи*. Майкоп: Адыгейское книжное издательство.

Приймак Ю.В. 2000. Османо-горские отношения в период крушения османского владычества на Северо-Западном Кавказе (конец XVIII — начало XIX в.). *Сборник Русского исторического общества* 2 (150).

Приймак Ю.В. 2011. *Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII — первая треть XIX в.)*. Армавир: Полипринт.

Прохоров Д.А. 1998. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII века. *Культура народов Причерноморья* 4, 123—138.

ПСЗРИ 1830: *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое.* 1830. Т. XXIII. *С 1789 по 6 ноября 1796*. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

Рибер А. 2004. Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход. В: Герасимов В.В., Глебов С.В., Каплуновский А.П., Могильнер М.Б., Семёнов А.М. (ред.). *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 199—222 (Библиотека журнала «Ab Imperio»).

[Самовтор С.В.] 2007. Путешествие войскового старшины Черноморского казачьего войска Н.И. Гаджанова в Армению в 1803—1804 гг. (публикация С.В. Самовтора). В: Авраменко А.М. (ред.). *Историко-географический сборник*. Вып. 1. Краснодар: ООО «Картика», 464—474.

Сень Д.В. 2009. Пограничье в истории черноморского казачества: некоторые факторы освоения пространства. *Культурная жизнь Юга России* 4, 49—51.

Сень Д.В. 2010. Пограничные владения Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — начале XIX вв. и казачьи сообщества региона. *Казачество России: прошлое и настоящее* 3, 47—63.

Сень Д.В. 2011. Российско-османское пограничные отношения на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII—XIX вв.: «притяжение» Анапы. В: Сохань П. (ред.). *Покликання. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика*. Київ: Інститут української археографії, 132—141.

Сень, Д.В. 2019. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII вв.). В: Лисейцев Д.В., Шамин С.М. (ред.). *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы Международной научной конференции*. Москва: ИРИ РАН, 134—143.

Сень Д.В. 2020a. «А что в тех письмах писано… того нам неведомо»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII — начало XVIII в.). В: Сень Д.В. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): Избранные труды*. Ростов-на-Дону: Альтаир, 84—120.

Сень Д.В. 2020b. Освоение Черномории казачеством в конце XVIII в.: случай Петра Малого и Андрея Мазанова. В: Сень Д.В. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): Избранные труды.* Ростов-на-Дону: Альтаир, 225—243.

Смирнов В.Д. 2008. Положение крымских архивов и их значение. В: Непомнящий А.А. *Подвижники крымоведения*. Т. 2. *Taurica orientalia*. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 529—550.

Фаньян Дж.С. 1980. Подполковник русской военной службы Н.И. Гаджанов (Агаджанян). *Историко-филологический журнал* 2, 285—289.

Фролов Б.Е. 2005. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. В: Колесов В.И. (ред.). *Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей* 4, 3—84.

Черкасов А.А. 2020. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. Vol. 57—1. Is. 3—1, 1415—2266.

Щербина Ф.А. 1910. *История Кубанского казачьего войска*. Т. 1. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления.

Щербина Ф.А. 1913. *История Кубанского казачьего войска.* Т. 2. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления.

Berberian H. 1964. La Littérature Arméno-Turque. *Philologiae Turcicae Fundamenta* II, 809—819.

Boeck B.J. 2009. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. New York: Cambridge University Press.

References

AKAK 1866: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1866. Vol. I. *Napechatan pod redaktsiyey predsedatelya komissii st. sov. Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman of the commission of State Councillor Ad. Berzhe)*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

AKAK 1868: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1868. Vol. II. *Izdan pod redaktsiyey predsedatelya komissii Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman Ad. Berzhe)*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

AKAK 1869: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1869. Vol. III. *Izdan pod redaktsiyey predsedatelya komissii d.s.s. Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman of the*

commission of the Active State Councillor Ad. Berzhe). Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

AKAK 1875: *Akty, sobrannyye Kavkazskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus)*. 1875. Vol. VI. Pt. II. *Izdan pod redaktsiyey predsedatelya komissii d.s.s. Ad. Berzhe (Published under the editorship of the chairman of the commission of the Active State Councillor Ad. Berzhe)*. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo (in Russian).

Vershigora, A.D. 2003. *Khan-Girey: novye dokumenty i istochniki (Khan-Girey: new documents and sources)*. Nalchik: Izdatel'skiy tsentr "El'-Fa" (in Russian).

Veselovskiy, N.I. 1914. *Voyenno-istoricheskiy ocherk Anapy (Military-historical sketch of Anapa)*. Petrograd: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov (in Russian).

Vinogradov, V.B., Priymak, Yu.V. 2006. In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Russian Historical Society)* 10(158). *Rossiya i Krym (Russia and Crimea)*, 158—166 (in Russian).

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 190.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 223.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 258.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 319.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 330.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 360.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 365.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 1.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 2.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 484.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 509.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 525.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 611.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 709.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 790.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 859 a.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 906.

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 1987

GAKK. F. 249. Op. 1. D. 2831.

GAKK. F. 250. Op. 1. D. 8.

GAKK. F. 250. Op. 1. D. 55.

GAKK. F. 250. Op. 1. D. 57.

GAKK. F. 250. Op. 2. D. 93.

GAKK. F. 260. Op. 1. D. 37.

GAKK. F. 261. Op. 1. D. 229 v.

GAKK. F. 261. Op. 1. D. 256.

GAKK. F. 261. Op. 1. D. 268.

GAKK. F. 261. Op. 1. D. 333.

GAKK. F. 261. Op. 1. D. 383.

GAKK. F. 261. Op. 1. D. 403.

Degoyev, V.V. 2005. In *Kavkazskiy sbornik (Caucasian collection)* 2(34), 90—108 (in Russian).

[Dmitrenko, I.I.]. 1896. *Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'yego voyska (Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack army)*. Vol. III. *Voysko vernykh chernomorskikh kazakov. 1787—1795 gg. Sobrany i izdany I.I. Dmitrenko. Dokumenty izvlecheny iz Kubanskogo voyskovogo arkhiva (An army of loyal Black Sea Cossacks. 1787—1795 Collected and published by I.I. Dmitrenko. The documents have been extracted from the Kuban military archive)*. Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo Korpusa Zhandarmov (in Russian).

[Dmitrenko, I.I.]. 1898. *Sbornik materialov po istorii Kubanskogo kazach'yego voyska (Collection of materials on the history of the Kuban Cossack army)*. Vol. IV. *1795—1799 gg. Sobrany i izdany I.I. Dmitrenko. Dokumenty izvlecheny iz Kubanskogo voyskovogo arkhiva (Collected and published by I.I. Dmitrenko. The documents have been extracted from the Kuban military archive)*. Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo Korpusa Zhandarmov (in Russian).

Kolesov, V.I. 2008. In: Kochergin, A.A. (ed.). *Armeniya i armyane v kontekste mirovoy kul'tury: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii (g. Krasnodar, 25 aprelya 2006 g.) (Armenia and Armenians in the Context of World Culture: Proceedings of a Regional Scientific Conference (Krasnodar, April 25, 2006))*. Krasnodar: [s.n.], 73—88 (in Russian).

Kolesov, V.I. 2018. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Nizhnevartovsk State University)* 4, 92—103 (in Russian).

Kolesov, V.I. 2020. In: Kuznetsov, I.V. (ed.). *Armyane Prichernomor'ya: entsiklopediya (Armenians of the Black Sea Region: Encyclopedia)*. Vol. 1. *Aaptra—Armutluk*. Moscow: UP PRINT, 85—87 (in Russian).

Kolesov, V.I., Frolov. B.Ye. 2010. In: Matishov, G.G. (ed.). *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskiy opyt i perspektivy razvitiya: Tezisy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (28-29 sentyabrya 2010 g.) (Cossacks in the Russian socio-cultural space: historical experience and development prospects: Proceedings of the Scientific Conference (28—29 September 2010))*. Rostov-on-Don: YuNTS RAN, 298—301 (in Russian).

Lotman, Yu.M. 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya (Inside thinking worlds. Human — text — semiosphere — history)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

Makidonov, A.V. 2011. *Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka (The personal composition of the administrative apparatus of Novorossia of the 18th century)*. Zaporizhzhia: Prosvita (in Russian).

Matveyev, O.V. 2015. *Kavkazskaya voyna: ot fronta k frontiru: Istoriko-antropologicheskiye ocherki (Caucasian War: From Front to Frontier: Historical and Anthropological Essays)*. Krasnodar: Edvi (in Russian).

Mertvago, D.B. 2006. *Zapiski (1760—1824) (Notes (1760—1824))*. Saint Petersburg: Russkaya simfoniya (in Russian).

[Mikayelyan, V.]. 1977. In *Vestnik obshchestvennykh nauk (Bulletin of Social Sciences)*. 2(410), 99—107 (in Russian).

Pokrovskiy, M.V. 1957. *Russko-adygeyskiye torgovye svyazi (Russian-Adyghe trade relations)*. Maykop: Adygeyskoye knizhnoye izdatel'stvo (in Russian).

Priymak, Yu.V. 2000. In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva (Collection of the Russian Historical Society)* 2(150) (in Russian).

Priymak, Yu.V. 2011. *Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII — pervaya tret' XIX v.) (North-Eastern Black Sea Region in the domestic and foreign policy processes of formation of Russia's southern borders (end 17th — the first third of the 19th century))*. Armavir: Poliprint (in Russian).

Prokhorov, D.A. 1998. In *Kul'tura narodov Prichernomor'ya (Culture of the peoples of the Black Sea Region)* 4, 123—138 (in Russian).

PSZRI 1830: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Sobraniye pervoe (Complete collection of laws of the Russian Empire. First Collection)*. 1830. Vol. XXIII. *S 1789 po 6 noyabrya 1796 (From 1789 to November 6, 1796)*. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii (in Russian).

Riber, A. 2004. In: Gerasimov, V.V., Glebov, S.V., Kaplunovskiy, A.P., Mogilner, M.B., Semonov, A.M. (eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva (New Imperial history of the Post Soviet Space)*. Kazan: Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii, 199—222 (Library of journal "Ab Imperio") (in Russian).

[Samovtor, S.V.] 2007. In: Avramenko, A.M. (ed.). *Istoriko-geograficheskiy sbornik (Historical and geographical collection)*. Iss. 1. Krasnodar: OOO "Kartika", 464—474 (in Russian).

Sen', D.V. 2009. In *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii (Cultural life of the South of Russia)* 4, 49—51 (in Russian).

Sen', D.V. 2010. In *Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoyashcheye (Cossacks of Russia: Past and Present)* 3, 47—63 (in Russian).

Sen', D.V. 2011. In: Sokhan', P. (ed.). *Poklikannya. Zbirnik prats' na poshanu profesora o. Yuriya Mitsika (Calling. Collection of Works in Honor of Professor Fr. Yuri Mytsyk)*. Kyiv: Institut ukrains'koi arkheografii, 132—141 (in Russian).

Sen', D.V. 2019. In: Liseytsev, D.V., Shamin, S.M. (eds.). *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI — nachala XVIII stoletiya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Translators and*

Translations in Russia at the end of the 16th — beginning of the 18th centuries: Materials of the International Scientific Conference). Moscow: IRI RAN, 134—143 (in Russian).

Sen', D.V. 2020a. In: Sen', D.V. *Russko-krymsko-osmanskoye pogranich'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII—XVIII v.): Izbrannyye trudy (Russian-Crimean-Ottoman Borderlands: Space, Phenomena, People (late 17th — 18th centuries): Selected Works)*. Rostov-on-Don: Al'tair, 84—120 (in Russian).

Sen', D.V. 2020b. In: Sen', D.V. *Russko-krymsko-osmanskoye pogranich'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII—XVIII v.): Izbrannyye trudy (Russian-Crimean-Ottoman Borderlands: Space, Phenomena, People (late 17th — 18th centuries): Selected Works)*. Rostov-on-Don: Al'tair, 225—243 (in Russian).

Smirnov, V.D. 2008. In: Nepomnyashchiy, A.A. *Podvizhniki krymovedeniya (Devotees of Crimean Studies)*. Vol. 2. *Taurica orientalia*. Simferopol: OAO "Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya", 529—550 (in Russian).

Fan'yan, Dzh.S. 1980. In *Istoriko-filologicheskiy zhurnal (Historical and Philological Journal)* 2, 285—289 (in Russian).

Frolov, B.Ye. 2005. In: Kolesov, V.I. (ed.). *Historia Caucasica: Regional'nyy istoricheskiy sbornik nauchnykh statey (Historia Caucasica: Regional Historical Collection of Scientific Articles)* 4, 3—84 (in Russian).

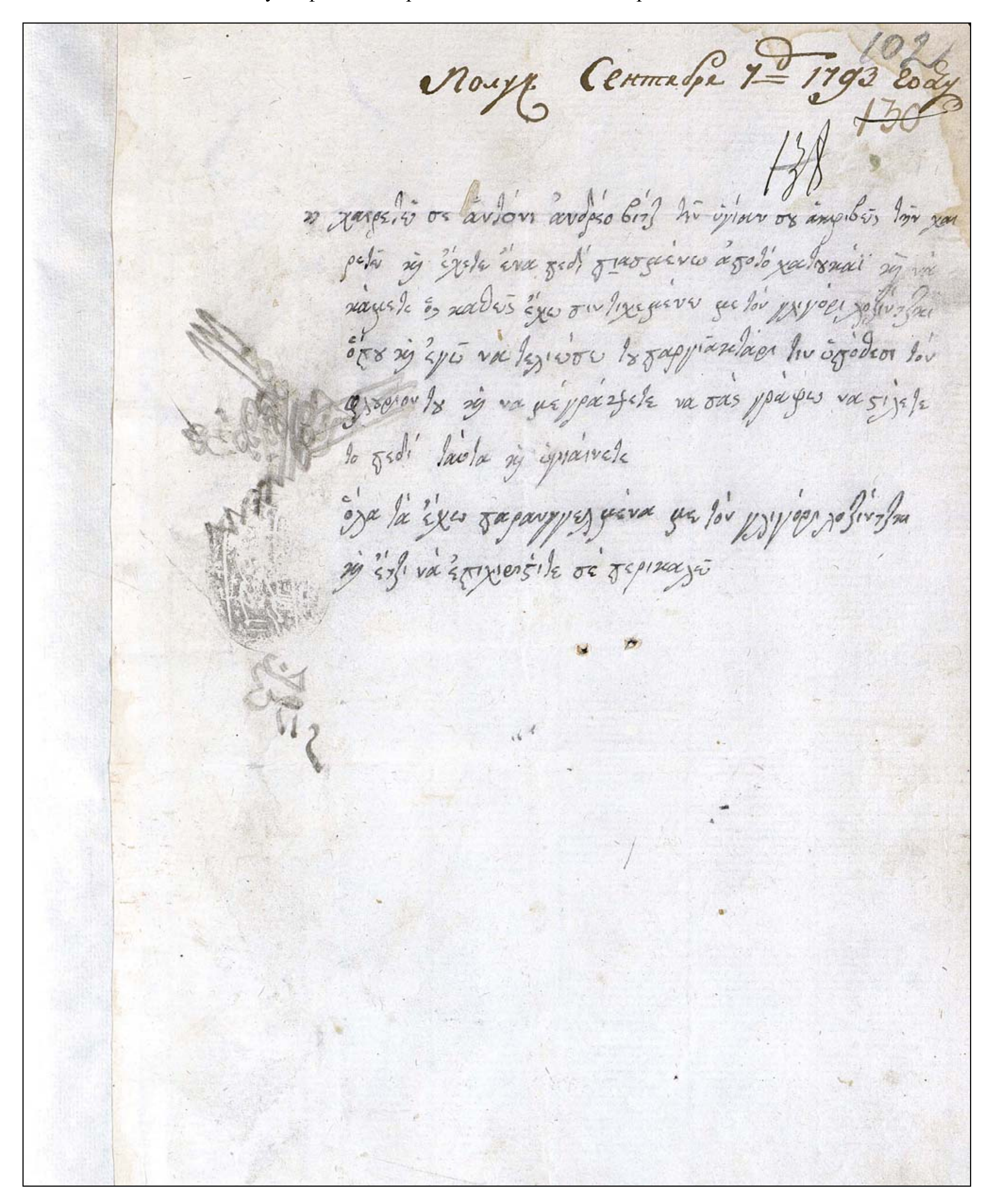
Cherkasov, A.A. 2020. In *Bylye Gody*. Vol. 57—1. Is. 3—1, 1415—2266 (in Russian).

Shcherbina, F.A. 1910. *Istoriya Kubanskogo kazach'yego voyska (History of the Kuban Cossack Host)*. Vol. 1. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya (in Russian).

Shcherbina, F.A. 1913. *Istoriya Kubanskogo kazach'yego voyska (History of the Kuban Cossack Host)*. Vol. 2. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo Oblastnogo Pravleniya (in Russian).

Berberian, H. 1964. La Littérature Arméno-Turque. *Philologiae Turcicae Fundamenta* II, 809—819.

Boeck, B.J. 2009. *Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. New York: Cambridge University Press.

Получ. Сентября 7 д 1793 года

102
130
138

Рис. 1. Письмо анапского Мустафы-паши войсковому судье А.А. Головатому. 11 сафара 1208 г.х./6 сентября 1793 г. Оригинал. Новогреческий язык (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 102).

Fig. 1. The Letter from Anapian Mustafa Pasha to the Black sea Cossack Host Judge A.A. Golovatyi. 11 safar 1208 Hegira / September, 6. 1793. Original. Writing Modern Greek (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 258. L. 102).

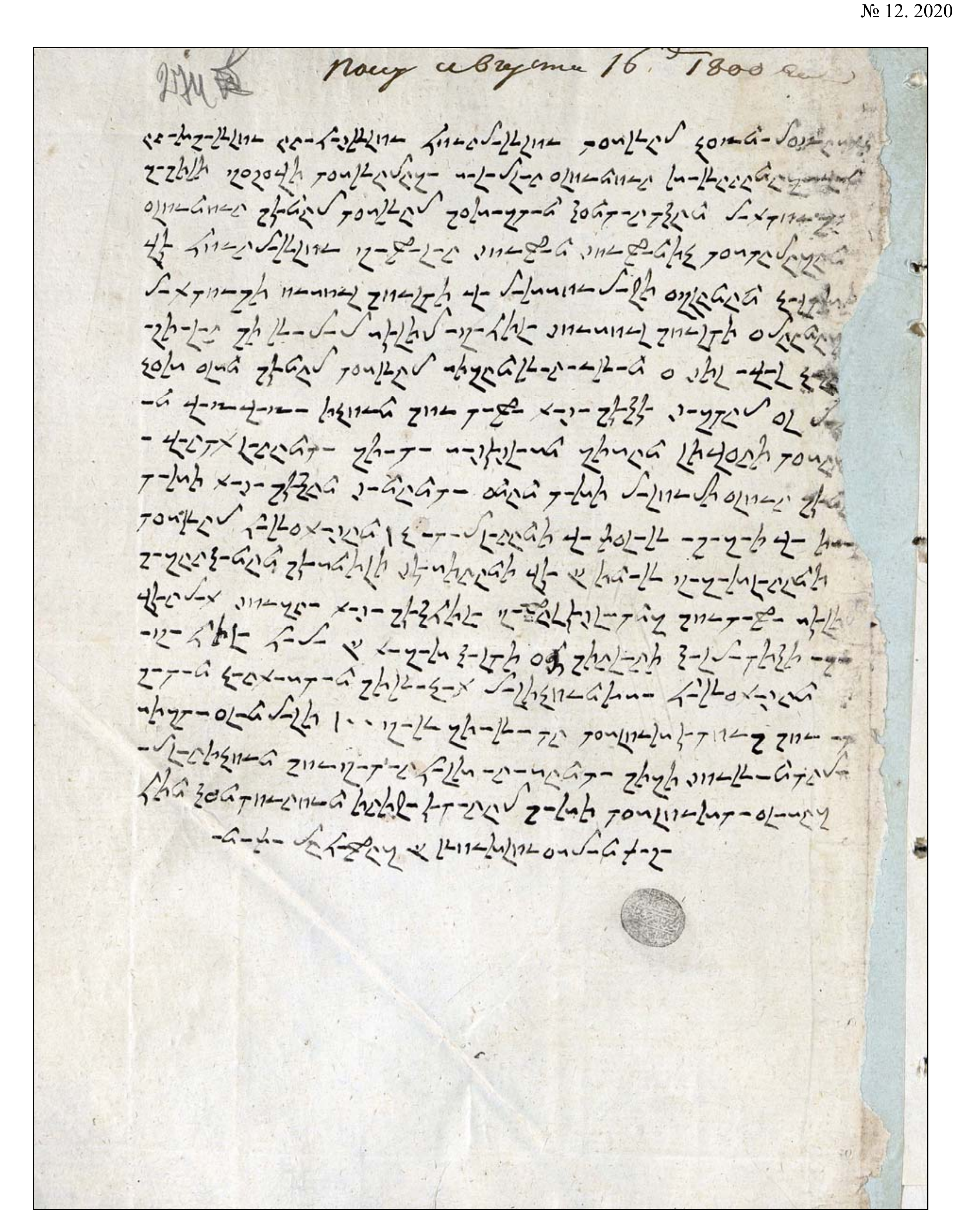
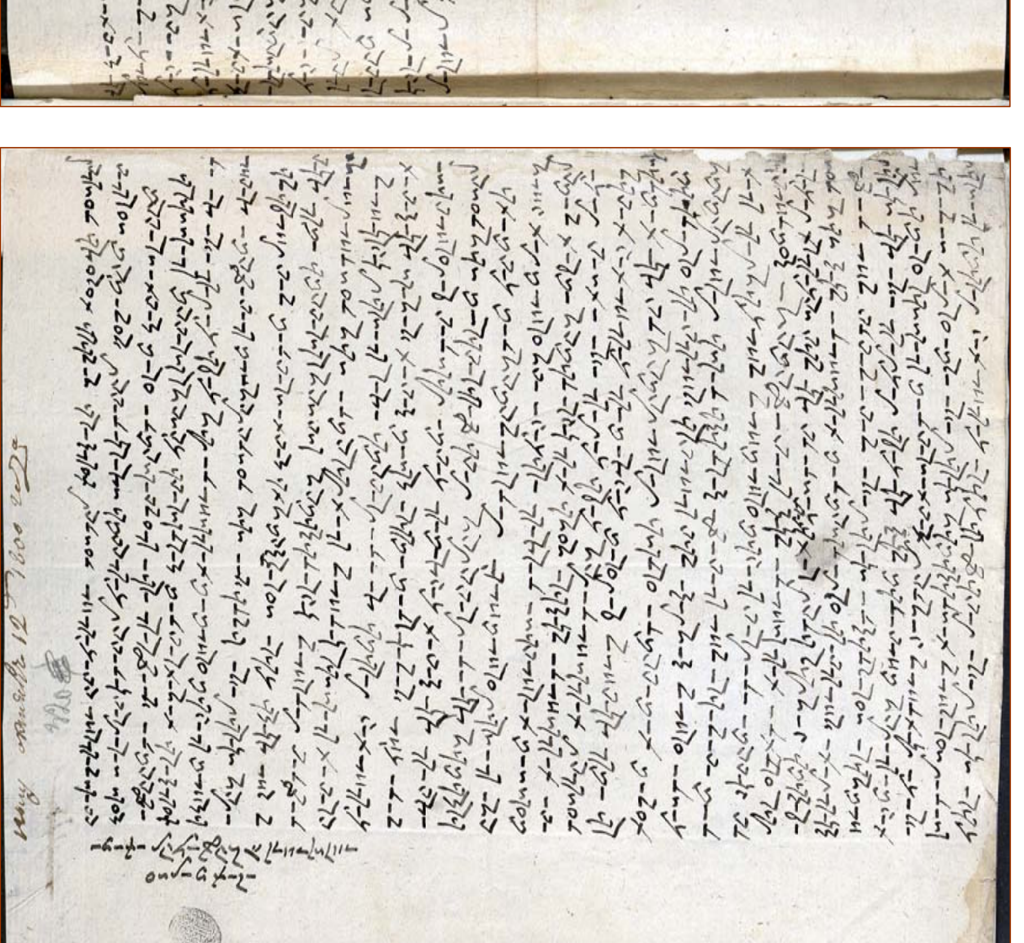

Получ августа 16 1800

Рис. 2. Письмо анапского Османа-паши атаману Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсаку. Получено 16 августа 1800 г. Оригинал. Османо-турецкий язык армянской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 274).

Fig. 2. The Letter from Anapian Osman Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain F.Ya. Bursak. Received on August 16, 1800. Original. Writing Ottoman Turkish in Armenian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 2. L. 274).

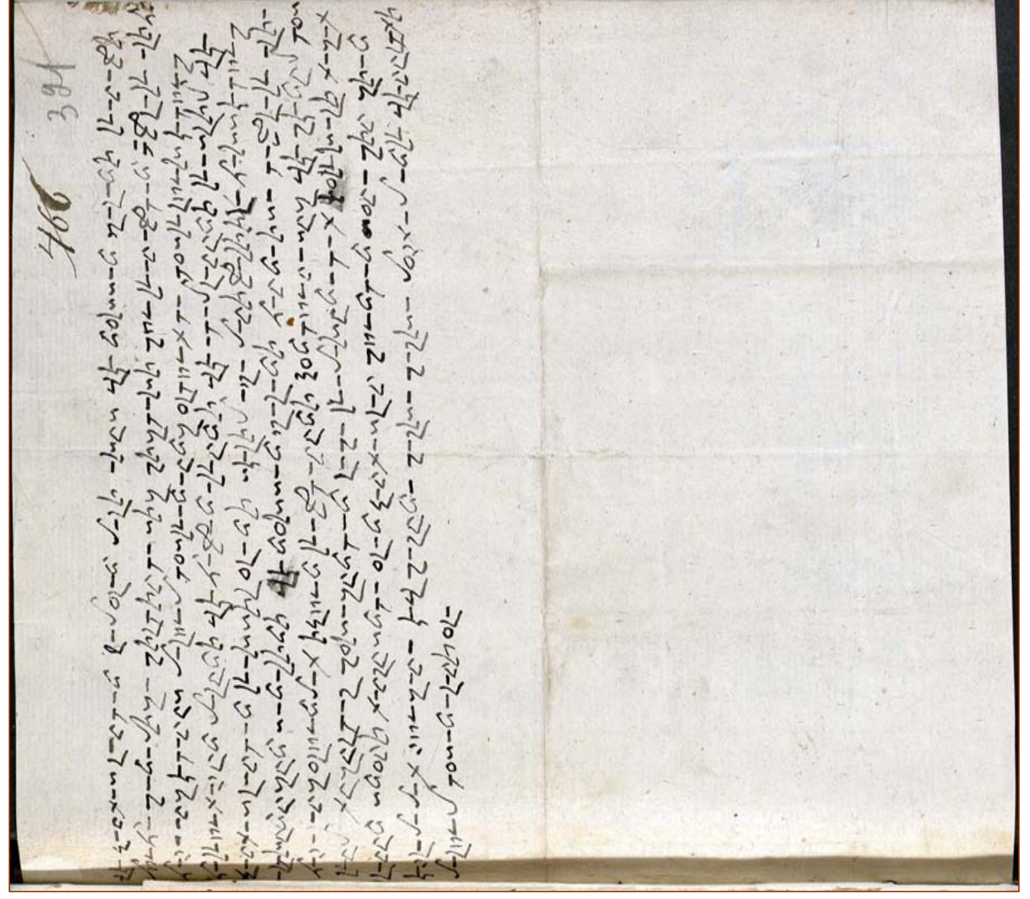

Рис. 3. Письмо анапского Османа-паши атаману Черноморского казачьего войска Ф.Я. Бурсаку. Получено 12 октября 1800 г. Оригинал. Османо-турецкий язык армянской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 419. Т. 2. Л. 320, 321).

Fig. 3. The Letter from Anapian Osman Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain F.Ya. Bursak. Received on October 12, 1800. Original. Writing Ottoman Turkish in Armenian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 419. T. 2. L. 320, 321).

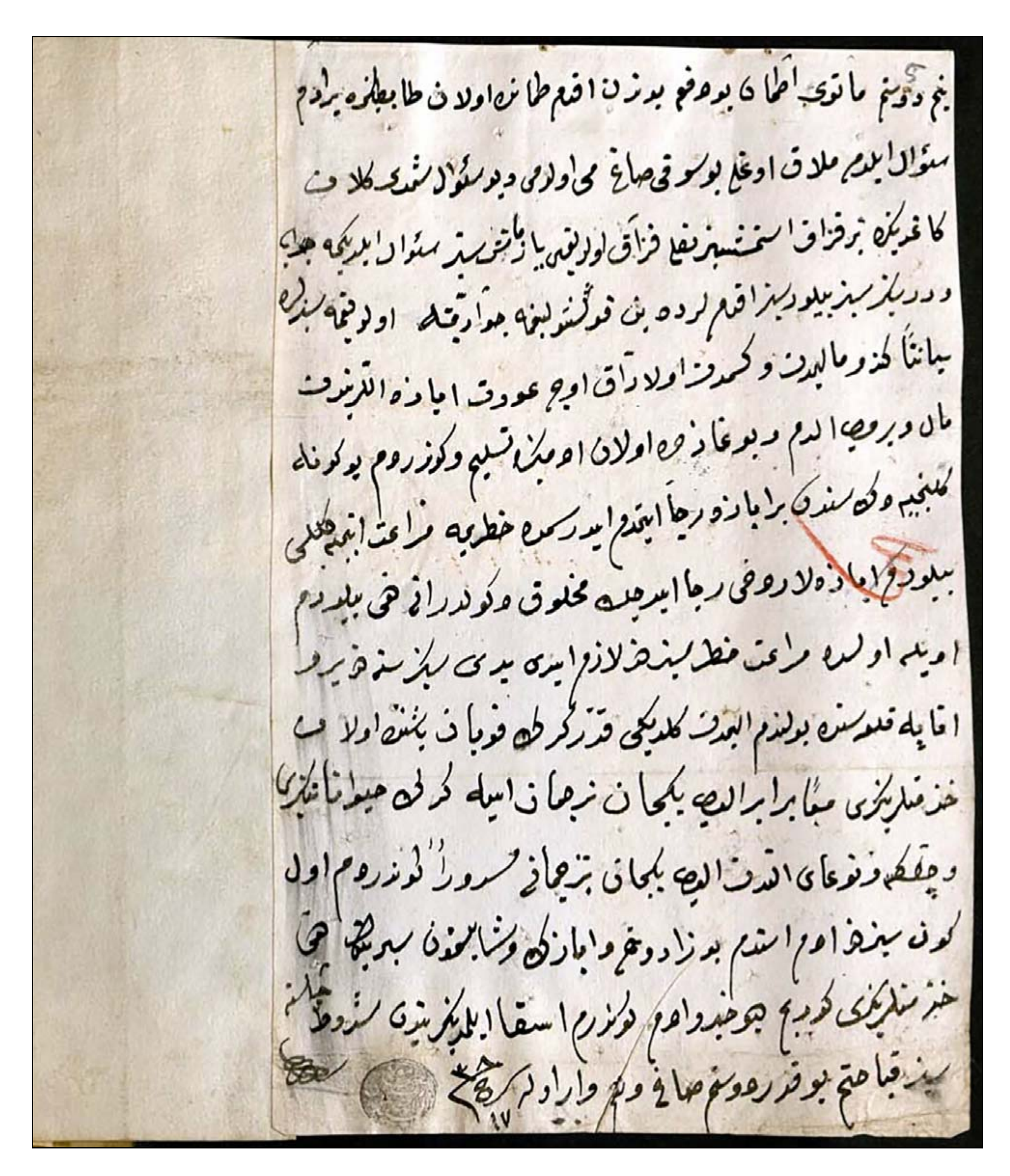

Рис. 4. Письмо анапского Сеида-Ахмета-паши атаману Черноморского казачьего войска Г.К. Матвееву. Получено 17 февраля 1823 г. Бугазской карантинной заставой. Оригинал. Османо-турецкий язык арабской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 5).

Fig. 4. The Letter from Anapian Sayyid Ahmet Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain G.K. Matveev. Received by Bugaz Quarantine Outpost on February, 17, 1823. Original. Writing Ottoman Turkish in Arabian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 859 a. L. 5).

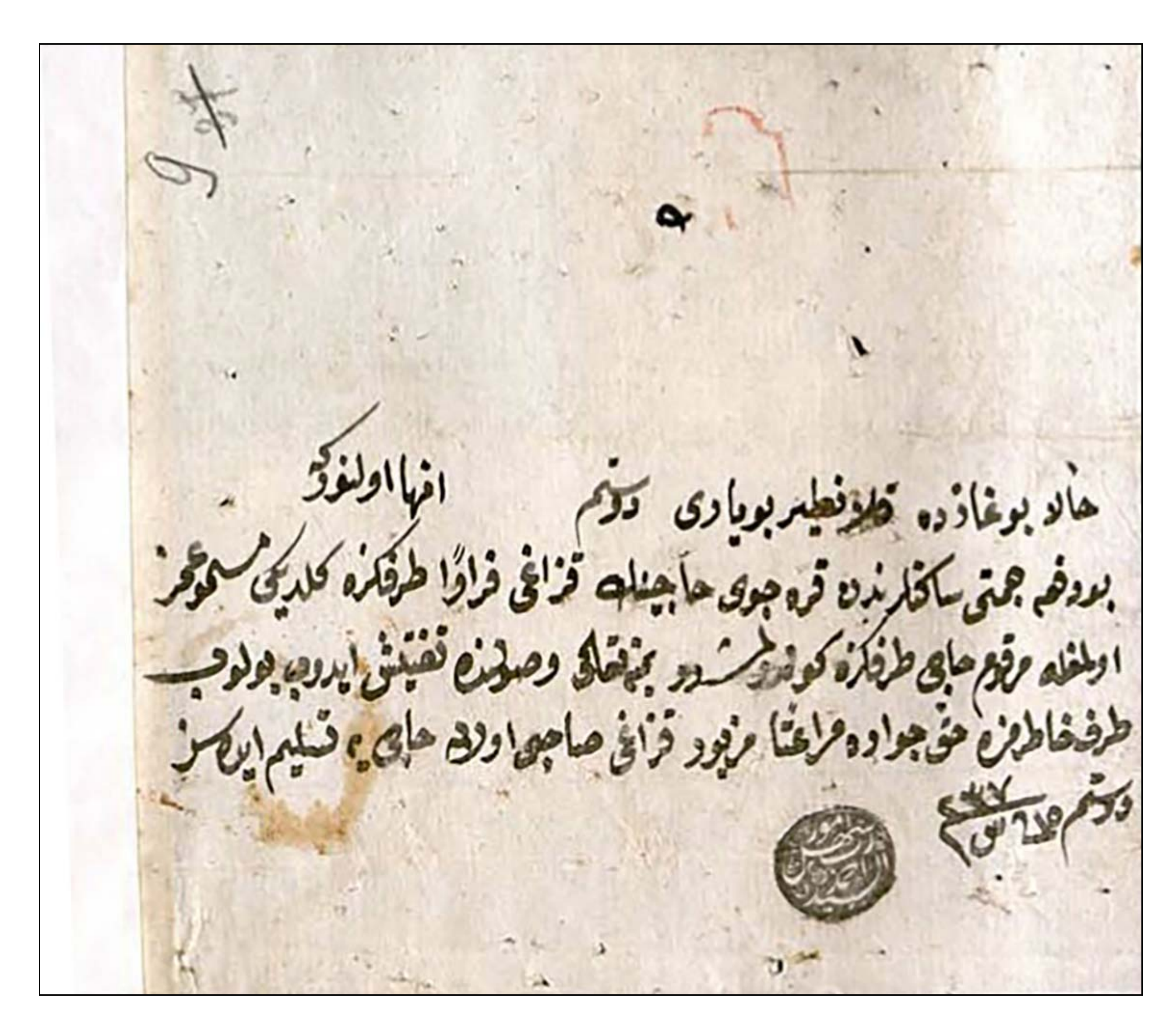

Рис. 5. Письмо анапского Сеида-Ахмета-паши атаману Черноморского казачьего войска Г.К. Матвееву. Получено 26 апреля 1823 г. Бугазской карантинной заставой. Оригинал. Османо-турецкий язык арабской графикой (по ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 859 а. Л. 9).

Fog. 5. The Letter from Anapian Sayyid Ahmet Pasha to the Black sea Cossack Host Chieftain G.K. Matveev. Received by Bugaz Quarantine Outpost on April, 26, 1823. Original. Writing Ottoman Turkish in Arabian characters (after GAKK. F. 249. Op. 1. D. 859 a. L. 9).

УДК 930.1
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00020

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

Б.В. ФАРМАКОВСКИЙ О КОЛЛЕГАХ (К 150-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)*

Б.В. Фармаковский — крупнейший российский (советский) антиковед, историк искусства, организатор науки конца XIX — первой третий XX в. В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН сохранился целый ряд связанных с ним документов, которые освещают развитие российской (советской) науки о древнем Востоке, классической археологии, античном искусстве: два выступления Фармаковского памяти крупнейшего востоковеда Б.А. Тураева, рекомендательные письма С.А. Жебелёву и О.Ф. Вальдгауеру в Российскую академию истории материальной культуры. Эти документы важны как источник информации для реконструкции оебенностей развития российской исторической науки в целом и научных биографий ученых в частности.

Ключевые слова: антиковедение, история науки, античное искусство, Крым, архивы, Российская академия наук, Б.В. Фармаковский, Б.А. Тураев, О.Ф. Вальдгауер.

Сведения об авторах: Ананьев Виталий Геннадьевич[1], доктор культурологии, старший преподаватель, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; Бухарин Михаил Дмитриевич[2], доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Контактная информация: [1]199034, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9; e-mail: v.ananev@spbu.ru; [2]119334, Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН, Ленинский проспект, 32а; e-mail: michabucha@gmail.com.

V.G. Ananiev, M.D. Bukharin

B.V. FARMAKOVSKI ON COLLEAGUES (TOWARDS 150th ANNIVERSARY OF THE SCHOLAR)

B.V. Farmakovsky — the largest Russian (Soviet) Classical world and art historian, organizer of science of the late XIX — first third of the XX century. In the Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of history of Material Culture of RAS a number of documents are preserved, which cover the development of Russian (Soviet) studies on Ancient Orient, Classical art and archaeology: two speeches of Pharmakovski in memory of the B.A. Turayev, recommendation letters to S.A. Zhebelyev and O.F. Waldhauer to the Russian Academy of History of Material Culture. These documents are important as a source of information for the reconstruction of Russian historical science in general and scientific biographies of the scholars in particular.

Key words: history of science, ancient art, Crimea, archives, Russian Academy of Sciences, B.V. Farmakovsky, B.A. Turayev, O.F. Waldhauer.

About the authors: Ananiev Vitaliy Gennadievich[1], Dr. habil. (Cultural Studies), Senior Lecturer, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University; Bukharin Michael Dmitrievich[2], Dr. habil. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Sciences.

* Статья поступила в номер 29 июля 2020 г.
Принята к печати 10 августа 2020 г.

© В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин, 2020.

Contact information: [1]199034, Russian Federation, St. Petersburg, 7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg State University; e-mail: v.ananev@spbu.ru; [2]119334, Russian Federation, Moscow, 32a Lenin Av., Institute of World History, Russian Academy of Sciences; e-mail: michabucha@gmail.com.

Имя Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928) принадлежит к числу наиболее ярких в истории российской исторической науки конца XIX — первой трети XX в. В 2020 г. исполнилось 150 лет со дня рождения ученого. Эта дата — повод не только вспомнить о его несомненных заслугах как антиковеда, археолога, историка искусства (и не только античного), организатора науки, но и еще раз обратиться к его архивному наследию, значительная часть которого все еще продолжает оставаться слабо изученной.

Общие контуры биографии Б.В. Фармаковского хорошо известны. Ее реконструкции, выявлению основных направлений научного творчества посвящены и журнальные статьи, и монографические исследования: отдельные факты можно найти в полумемуарных статьях учеников и младших коллег, наиболее полную биографию, опираясь на доступные архивные материалы, написала вдова ученого, в недавней биографической брошюре в научный оборот были введены отдельные новые материалы (из ведомственного архива Николаевского областного краеведческого музея) (Блаватский 1948: 8—13; Карасев 1948: 5—7; Кобылина 1948: 15—17; Кругликова 1970: 3—9; Фармаковская 1988; Гаркуша 2010). О научных заслугах ученого говорилось уже при его жизни (Штерн 1915). Однако в первую очередь в фокусе внимания оказывались его достижения в области антиковедения. Публикации, в которых освещался бы вклад Б.В. Фармаковского в развитие научных дисциплин вне классического антиковедения, пока единичны (Павлов 1948: 17—20). Практически не изученной остается его роль в развитии музейного дела (Алексеев 1987) и музееведческой мысли, преподавательская деятельность и иные направления работы.

Несмотря на обилие биографических публикаций, следует напомнить основные узловые пункты биографии Б.В. Фармаковского, во многом определившие его жизненный путь. В 1887—1892 гг. он учился в Новороссийском университете на Историко-филологическом отделении, где и был оставлен для приготовления к званию профессора по кафедре теории и истории искусств. С 1893 по 1895 гг. Б.В. Фармаковский стажировался у выдающегося антиковеда В. Дерпфельда — одного из основателей научной археологии, увековечившего свое имя участием в раскопках в Олимпии, Трое, Тиринфе, Пергаме, Афинах. В 1886—1912 гг. В. Дерпфельд работал в Германском археологическом институте в Афинах, пройдя путь от второго секретаря до директора. Несомненно, находясь в тесном контакте с ним, Б.В. Фармаковский получил опыт ведения организационной работы, в которой и сам активно участвовал — в 1898—1900 гг. он являлся ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе, с 1906 по 1919 гг. был ученым секретарем Русского археологического общества, а в 1921—1928 гг. — ученым секретарем Российской (с 1926 г. — Государственной) академии истории материальной культуры (далее — РАИМК). В 1914 г. ученый был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук.

Б.А. Тураев

Основной вклад в антиковедение Б.В. Фармаковский — археолог сделал организацией раскопок в Ольвии, которые он вел с 1901 г. (Фармаковский 1915). Однако в широкой перспективе ученый исследовал древнее искусство, не ограничиваясь строгими рамками

античной цивилизации. Изучение взаимного влияния античной и восточных цивилизаций, выражавшееся в изобразительном искусстве, не просто вызывало интерес Б.В. Фармаковского, но составляло важную часть его научного творчества[1]. В этой связи он уделял значительное внимание египетскому искусству, которое влияло на развитие искусства античного и само в определенный период развивалось под влиянием искусства античной цивилизации. В 1909 г. Б.В. Фармаковский опубликовал важнейшее для своего времени исследование в соавторстве с Борисом Александровичем Тураевым (1868—1920)[2] — крупнейшим российским египтологом конца XIX — первой четверти XX в. (Тураев, Фармаковский 1909: 161—181), а также самостоятельно обращался к египетскому материалу в собственных научных изысканиях (Фармаковский 1912: 49—59).

Взаимоотношения двух ученых не становились предметом специального историографического исследования, хотя могут представлять существенный интерес не только в контексте личных связей, составлявших важный канал развития отечественной исторической науки рубежа XIX—XX в., но и в связи с определением и пересечением дисциплинарных границ внутри общего поля истории древнего мира. Это последнее обстоятельство в тот момент развития науки характеризовалось одновременно и центробежной и центростремительной тенденциями: отдельные направления исследований стремились к специализации, одновременно с этим обладая мощным объединительным потенциалом. Пример египтолога Б.А. Тураева и антиковеда Б.В. Фармаковского может быть здесь весьма интересным.

К сожалению, наиболее плодотворный для исследования в рамках такой проблематики вид источников — частная переписка — оказывается в данном случае не слишком информативным. Письма Б.В. Фармаковского, отложившиеся в фонде Б.А. Тураева в Архиве Государственного Эрмитажа (Ф. 10. Оп. 1. Д. 338)[3], не многочисленны, они охватывают промежуток с 1905 по 1915 гг. и не содержат сколько-нибудь интересной информации, за исключением указаний на то, что в 1905 г. адресант выступал в роли посредника при покупке адресатом некой эфиопской рукописи, а затем помогал ему с получением искомой научной литературы (Ф. 10. Оп. 1. Д. 338. Л. 1—3). В фонде Фармаковских письма Б.А. Тураева не сохранились вовсе (Российский государственный исторический архив. Ф. 1073. Оп. 1).

Больший интерес представляют документы Отдела рукописей Научного архива ИИМК РАН (далее — ОР НА ИИМК РАН), позволяющие реконструировать перипетии научного сотрудничества Б.В. Фармаковского и Б.А. Тураева. В 1919 г. сразу же после образования РАИМК именно Б.В. Фармаковский вместе с И.Н. Бороздиным[4] выдвинул Б.А. Тураева в члены РАИМК. В годы послереволюционной разрухи членство в РАИМК не только давало определенную направленность в научном творчестве, но и гарантировало прожиточный минимум. Случаи голодной смерти среди ученых, в том числе археологов, имели место. Так, например, 23 октября 1918 г. в Петрограде от истощения умер Я.И. Смирнов.

К сожалению, меньше чем два года спустя, 23 июля 1920 г. скончался и сам Б.А. Тураев. Коллеги, как водится, посвятили памяти выдающего ученого некрологи, с которыми

[1] Напр.: (Фармаковский 1903).
[2] О нем см. одну из лучших публикаций последних лет: (Томашевич 2002: 315—388).
[3]. За помощь в работе с этими материалами авторы признательны Е.В. Аброськиной (МАЭ РАН).
[4] Бороздин, Илья Николаевич (1883—1939) — российский, советский востоковед-этнограф, археолог, литературовед, соавтор Б.А. Тураева и Б.В. Фармаковского (Бороздин, Тураев 1915; Бороздин, Фармаковский 1918).

выступили П.К. Коковцов, И.Ю. Крачковский, С.А. Жебелёв, В.В. Струве[5]. Устный некролог Б.Ф. Фармаковского остался неопубликованным. Это была речь «Б.А. Тураев как исследователь в области материальной культуры», с которой ученый выступил на заседании РАИМК меньше чем через две недели после смерти коллеги, 4 августа 1920 г. Сохранилась запись и фрагмента другого краткого выступления Б.В. Фармаковского «Б.А. Тураев как исследователь материальной культуры классического Востока», имевшего место на заседании Московской секции РАИМК 22 октября 1920 г.

Эти документы представляют собой не готовые к публикации тексты, а, скорее, конспекты. Тем не менее, мысли Б.В. Фармаковского о научном творчестве коллеги, а на его примере — о научном творчестве в целом выражены в них предельно четко. Б.А. Тураев в описании Б.В. Фармаковского предстает как симпатичная личность — именно с простой человеческой симпатии началась их дружба — и выдающийся ученый: талантливый, трудолюбивый, бескорыстно преданный делу.

Б.В. Фармаковский, анализируя творчество покойного коллеги, обратился к такой необычной в подобных выступлениях теме, как природа научного творчества. Он не просто остановился в этом контексте на глубокой религиозности Б.А. Тураева, которую подчеркивали и другие авторы некрологов, например, С.А. Жебелёв. Он акцентирует внимание на «чувстве» как основном двигателе творческой деятельности человека. Не утверждая прямо, Б.В. Фармаковский дает все же ясно понять, что научная работа Б.А. Тураева имела мистическую природу: тот буквально растворялся в Востоке, чувствовал себя повелителем, хозяином истории Востока, метафизически переносясь в воображаемую для некоторых действительность. Возможно, именно этот аспект выступления Б.Ф. Фармаковского послужил препятствием для опубликования речи без цензурных изъятий. И именно он же может быть особенно интересен для нас в контексте размышлений о той методологии, которая была реализована в исторических трудах Б.А. Тураева и, шире, входила (или могла входить) на рубеже XIX—XX в. в исследовательский арсенал российских историков древности. В своей речи Б.В. Фармаковский говорит о чувстве как инструменте познания и о важности конгениального соотношения объекта познания и прикладываемой к нему методологии.

Еще один важный момент некролога — вопрос о связи двух научных дисциплин — археологии и истории искусства, актуальный и для науки рубежа веков как таковой, и для самого Б.В. Фармаковского.

Наконец, третий аспект, на который хотелось бы обратить внимание, — акцент на значимости изучения памятников материальной культуры как исторических источников, демонстрирующий синхронность российской науки международной тенденции, связанной с обращением к «риторике артефактов». Все эти вопросы затронуты в некрологе лишь поверхностно, однако сама их постановка важна. Важно и то, что своеобразной точкой схождения их всех (вчувствования как эпистемологического инструмента, археологии и истории искусств как близких, но не тождественных областей исследования, внимания к материальной культуре) оказывается музей — о нем как месте службы (почти — служения) Б.А. Тураева больше всего пишет Б.В. Фармаковский. Это демонстрирует закрепление за музеем статуса авторитетного института производства знания, обладающего собственными специфическими чертами, отличающими его от таких традиционных институтов, как университеты и научные общества.

[5] Подробный список некрологов с полным библиографическим описание можно найти на портале «Азбука веры» (azbyka.ru: 1).

Краткие речи Б.В. Фармаковского памяти Б.А. Тураева — несомненно, важны для изучения истории российской науки и культуры и должны быть введены в научный оборот.

* * *

[Из личного дела Б.А. Тураева]

Предлагаю в члены Академии Истории Материальной Культуры по 1 секции 1 Отдела II Отделения Бориса Александровича Тураева. В настоящее время Б.А. Тураев является, безусловно, лучшим и авторитетнейшим знатоком истории и древностей Классического Востока. Перу его кроме целого ряда первоклассных научных исследований принадлежит превосходный общий курс «История Древнего Востока»[6], во многом основанный на свежем археологическом материале. Б.А. Тураевым издано много источников по истории Востока, даны целые серии образцовых научно-популярных изданий. Активно и интенсивно работая в своей области, Б.А. Тураев умело привлекает к работе сотрудников и тем широко способствует развитию и укреплению в России древневосточных штудий.

И. Бороздин, Б. Фармаковский

5 августа 1919.

(ОР НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 672. Л. 1. Автограф. Черными чернилами. Рукой Фармаковского).

Б.А. Тураев как исследователь в области материальной культуры

(Речь в Академии И.М.К. 4. VIII. 1920)

Б.А. Тураева я знал с 1894 г. Сначала дружеское общение на почве науки (египто-микенские отношения). Симпатия к Б.А., затем и ничем не омрачавшаяся дружба (особенно с 1909 г.: собрание Голенищева[7], путешествие в Египет[8] и в Святую землю[9]). Многим обязан Б.А.; в области изучения Древнего Востока — ученик Б.А.

Кефтиу[10] (1893: «История изучения финикийских древностей», 75: «не [нрзб], с греки и Кипра» (по Пичману[11]); ЖМНП 1893: «финик»). Статьи — вклад в 1-ую главу греческого искусства[12]. Тексты (стильность перевода, соответствие с египетскими фресками; чувство эпохи: «идут в мире князья Кефтиу[13] и островов Великого моря, склонив головы перед духом его величества царя обоих Египтов Раменпхепра вечно правящего[14] … Победы его во всех странах. Дань их на спинах их. Они [5] направляются, чтобы получить дыхание жизни и

[6] См. Тураев 1911—1914.
[7] См.: (Тураев 1917).
[8] Б.А. Тураев и Б.В. Фармаковский совершили совместную поездку в Египет в марте—апреле 1909 г. на Второй конгресс классической археологии; см. работу, написанную по результатам поездки: (Тураев, Фармаковский 1910).
[9] Этот аспект — определенно, зияющая лакуна в биографии Б.А. Тураева.
[10] См.: (Тураев 1893а: 173—186; Тураев 1893b).
[11] См. (Pietschmann 1889).
[12] Здесь имеется в виду работа (Фармаковский 1909).
[13] В оригинале: «Кефа (= Кефти)» (Тураев 1893а: 177).
[14] В оригинале: «живущего» (Тураев 1893а: 178).

желают передаться[15] в распоряжение его величества …». Б.А. объяснил египетские картины, сделал их доступными историкам искусства. Известные влияния *школы* (Н.П. Кондаков[16], Масперо[17]). Параллелизм текстов и памятников (кои только *иллюстрируют тексты*). Это отношение к памятникам материальной культуры скоро изменяется у Б.А. «Памятники материальной культуры надо не только знать, но необходимо *самому исследовать все источники*» (по стопам Масперо). Б.А. не довольствуется только выводами специалистов-археологов. Сам работает (метод истории искусства). Оставаясь историком, *становится и археологом*. Памятники все более и более захватывали Б.А. Стали занимать в трудах Б.А. такое значение, что последователи и ученики Б.А. [6] уже не могли не быть археологами. Это свидетельствует, что Б.А. *увлекся как археолог и историк искусства*. Видимо, любовь к памятникам материальной культуры вытекала как бы из самого существа натуры Б.А., как и любовь оригинальных текстов (кои тоже образы). Отсюда же *интерес к странам Востока, их живому быту* (Б.А. указывает на завидное преимущество Масперо). Наслаждение Б.А. Египтом (Луксор — «счастливейший момент»), Палестиной, Константинополем.

Интерес к памятникам материальной культуры у Б.А. увеличивается особенно с эпохи его *сближения с В.С. Голенищевым*[18] (коллекции, библиотека, руководство). *Новый сложившийся взгляд на памятники*: «не иллюстрируют только тексты, а дают новые знания». В диссертации «Бог Тот» (Лпц. 1898[19], стр. 94/5 «Исследования в области истории религий [7] не могут быть полны, если, кроме литературных источников, они не принимают в соображение произведений искусств и ремесел. Что касается, в частности, Древнего Египта, то изобразительные искусства имели важное значение в культуре этой страны и ее религии; древние египтяне выражали свои мифологические представления и религиозные чувства не только в храмовых и надгробных текстах, и в религиозной поэзии, но и в скульптуре и живописи. Мы уже не раз имели случай убедиться, что литературные тексты не всегда понятны без изображений, и нередко содержат намеки на них; мы видели, что большинство религиозных литературных произведений снабжено иллюстрациями, кои не были простыми украшениями или пояснениями — и они должны были иметь магическую силу, подобно сопровождающему их тексту. [8] Есть памятники, где даже последний играл второстепенную роль, уступая существенное значение талисманам-изображениям. Таким образом, они имели самостоятельное значение; отсюда понятна их важность в глазах народа и авторитетность для новых исследователей египетской религии». С 1898 г. — *систематическое собирание материала* (особенно, материальной культуры), методическое описание всех русских коллекций (египетских и восточных: Петербург, бегт. провинция, Казань, Киев, Одесса) и мысль о собственной коллекции. При издании материалов: тщательное описание, переводы текстов, мелочи, смысл, дата, значение. Активное «участие в культурной работе по созиданию истории древнего Востока» (мечта о раскопках). [9] Собрание предметов ег<ипетских> и египетской культуры из России (доклад в Каире) 1911[20], Имхотеп XLIX, 1913[21]). История собрания Голенищева (в Москву в 1909 г.). Естественно, директор — Б.А.

[15] В оригинале: «находиться» (Тураев 1893а: 178).

[16] Кондаков, Никодим Павлович (1866—1925) — археолог, историк русского и византийского искусства, академик Императорской академии наук (1898).

[17] Масперо, Гастон Камиль Шарль (1846—1916) — французский археолог-египтолог, профессор Коллеж де Франс, основатель Французского института восточной археологии.

[18] Голенищев, Владимир Семенович (1856—1947) — востоковед-египтолог, папиролог, эпиграфист, собиратель египетских древностей, сотрудник Эрмитажа; после 1910 г. — в эмиграции.

[19] См.: (Тураев 1898).

[20] Вероятно, имеется в виду обратный перевод с французского; см.: (Tourajeff 1911: 20—35).

[21] См.: (Тураев 1913: 128—132).

(масса знаний памятников, оценка предметов, уменье устроить жизнь музея). С 1907 г. — рост собственной коллекции Б.А. Поездка в Египет 1909 г. — окончательное увлечение собиранием: страсть (был очень страстный!) (восторг от удачных приобретений; готов был жертвовать всем для коллекции. Энтузиазмом увлекал (особенно в Египте).

Программа коллекции (Египет и его сфера влияния: Эфиопия, Южная Россия (чета бесов XLV, 1912[22]), Греция [архаика], классический Восток и его сфера: (сибирские, черноморские предметы). *Цель* собирания — издание для *увеличения знания* (ни о какой продаже не думал!) и *пропаганде знания*. (Все давал для издания: хеттский цилиндр № 34, Бес: предлагал, рекомендовал!). [10] То же просвещенное отношение проявлял и как директор музея в Москве (фаюмские портреты и др. См. «Памятники»[23], где приняли участие почти все работающие в области Египта специалисты).

Без привлечения памятников археологии, искусства Б.А. не мыслил ни одного издания и о древнем Востоке и других: Финикийская литература, Синухет, «Древний мир. Восток», «Древний мир на Юге России» (тексты и воспроизведения памятников, не иллюстраций в буквальном современном значении слова). Абиссинская Живопись (1913). Египетские церковные впечатления (1910).

Один историк нового времени мне недавно сказал, что «для новой истории памятники материальной культуры не имеют ни малейшего значения». Не называю имени (стыдно за коллегу!). Ср. очерк [11] Б.А. «Россия и Христианский В.» (вплоть до новейшего времени).

Колоссальная трудоспособность, (вписано: широта, вычеркнуто: обширность) интересов. Всюду — хорошие результаты. Египтология, Передняя Азия, Эфиопия (др. Абиссиния и современная), копты (христианский Египет), Христианский Восток (вообще Русская церковь (Церковный собор)). *Все отрасли науки о Востоке.* Огромное количество работ (исследования, хроника, обзоры, заметки, синтезы). Некоторые исследования — настоящие шедевры (Тот[24], Воскресение[25] и т.д. Московский музей I[26]). В то же время научная работа по Московскому музею[27], в Археологическом и Палестинском Обществах, Академии наук, Ак. И.М.К., Богословском университете, Церкви.

Число ученых работ (исследований)

	1895	1900	1905	1910	1915	1920	Неизв.	Всего
Египет	1	4	5	2	13	3	4	32
Восток	1	4	2	-	1	1	2	11
Эфиопия — Абис.	-	7	10	4	4	1	4	30
Копты	-	2	3	2	-	1	1	9
Христ. В.	-	1	1	-	-	1	-	3
Итого	2	18	21	8	18	7	11	85

[22] См.: (Тураев 1912: 71—75).
[23] См. (Памятники 1913).
[24] См.: (Тураев 1898).
[25] См.: (Тураев 1913—1914: 415—422).
[26] См.: (Тураев 1917).
[27] Имеется в виду Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете, совр. ГМИИ им. Пушкина.

Перечень и рассмотрение работ — опускаю. Скажу об «*Истории Древнего Востока*»[28] (главном деле жизни Б.А.). [12] 1-ая попытка русского ученого (по первоисточникам). Есть оригинальная русская точка зрения? Она несомненна. В чем? «Культурные связи Востока и России» (NB) (меня не удовлетворила). Привлечение этнологических материалов (NB) (ср. мусульманский Восток, современный Египет: патриарх — фараон, культ коптов etc.). Значение и использование памятников искусства и материальной культуры (NB; ср. E.M. Maspero). Связи Востока с последними периодами (1-я глава истории человечества) (NB ср. Maspero). Особая большая культурная область (NB). *Ее живая связь с* Христианским Востоком и *Россией* (не все в этом!). «На Востоке нет теоретического знания, его системы, метода, а сумма опыта», итого «нет связи с европейской культурой» (Chamberlain не считает элементом современной европейской культуры юг — NB. При этом западные мыслители упускают очень важный момент жизни чувство (главный нерв Востока). Чувство — восприятие в формах. Мало быть с ними знакомым, их надо прочувствовать, чтоб знать действительно. [13] Высшее и оригинальное качество «Истории Востока» Б.А. — *верное чувство Востока*: его симпатии к Востоку как к чему-то родному: он сознавал себя живым членом культурного круга, коий наследовал Древний Восток. Б.А. чувствовал в древнем Востоке себя, свою душу, конгениален. «*Восточная концепция*» (как у E.M<eyer>[29], Maspero и др.) — [нрзб.]). Отсюда — вся глубокая разница. «Чувство одно — некая собственность».
Allen gehoert, was du denkst: dein eigen ist nur, was du fuehlest,
Soll er dein Eigentum sein, fuehle den Gott, den du denkst

(Schelling. Das eigene Ideal)[30].

Чувствуя Восток, Б.А. был в нем настоящим хозяином, и Восток у него — живой, а не [нрзб] (как у многих других). *Проникновенное, глубокое, тонкое и оригинальное понимание* (качества 1-ой русской попытки). «Трактует как [14] филолог, не как языковед, этнограф, археолог». *Историк* (иная концепция не была бы историей). Конечно, нет полной отделанности (эскиз). Но труд Б.А. — наша гордость: возбуждает живой интерес. Должно быть популярное и научное издание. Оригинальная концепция получилась, благодаря использованию в виде источника — памятников материальной культуры. Они способствовали тому наитию, которое пришло Б.А. из его основного настроения — *настроения восточного, религиозного.*

Б.А. не изжил себя, хотел работать, не мог не быть членом АИМК и работал (в Академии — [нрзб] разряде, Восточной комиссии), ни единой минуты не был живым трупом. Он чувствовал, что не может работать (причину он сам объяснял неправильно), и причина — внешняя (недуг физический). Жизнь оборвалась. Был нужен (организованная работа в Академии. Завершение «Истории»).

[15] Редкая цельность. *Наука и религия*. Религиозность Б.А. Слова, мысли В.В. Болотова[31], разделявшиеся Б.А.: «истина вероисповедная для христианина есть лишь *конкретное выражение* истины вообще. *Он держится своего вероисповедания потому*

---

[28] Имеется в виду издание (Тураев 1911—1914), неоднократно переизданное В.В. Струве и И.Л. Снегиревым (напр.: Тураев 1935).

[29] Мейер, Эдуард (1855—1930) – немецкий историк-востоковед, работы которого оказали значительное влияние на развитие европейской науки о древности, профессор университетов Лейпцига, Бреслау, Галле, Берлина (с 1919 г. — ректор).

[30] Приводится стихотворение Ф. Шиллера «Собственный идеал». См.: Schiller 1830: 93.

[31] Болотов, Василий Васильевич (1853—1900) — востоковед, историк христианской церкви, член-корреспондент Императорской академии наук (1893).

именно, что видит в нем свидетельство истины в догмате и истории, и обязан отказаться от него, если пришел к убеждению, что истина не на стороне его церкви»[32]. Идея, истина вероисповедная — символ истины, ее образ. Научное исследование совместимо с нею, иначе у человека и быть не может (ум, сердце). Но Б.А. все постигал и умом и сердцем, а сердце требует образа во внешнем мире. (Два типа людей: иконопочитатели и иконоборцы; оба правы и должны друг друга понимать!) Живым образом истины для Б.А. был Христос. [15 об.] Ему Б.А. и служил всю свою жизнь, выступая то в качестве чтеца церковного, то в качестве профессора и исследователя. [16] Скромный исследователь должен быть убежденным христианином и служитель церкви, «чтец». Никакого противоречия в типе! *Б.А. в некрологе В.В. Болотова*[33] *приводит поразительные подробности смерти Болотова и его последние слова: «Как прекрасны предсмертные минуты!» «Христос идет!» Б.А. замечает: «так умирают только люди, чистые сердцем, бескорыстные служители идеи, живущие на земле неземными интересами». Сам Б.А., просивший супругу свою пред смертью «отпустить его», чувствовал, очевидно, нечто высшее, чем любовь земная*[34]. Быть может, и он сподобился лицезреть «Христа — истину, служению которой и была посвящена вся его деятельность».

(ОР НА ИИМК РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 216. Л. 3, 5—16).

* * *

Б.А. Тураев как исследователь материальной культуры классического Востока
(речь, сказанная в заседании Московской секции Академии И.М.К. 22 октября 1920 г.)

За ряд последних лет образ Б.А. Тураева у меня неразрывно связывался с Москвой. Постоянно Б.А. в беседах со мною посвящал меня в дела и интересы Музея изящных искусств, египетским отделением которого он заведовал. Несколько раз мы ездили из Петербурга в Москву с Б.А. одновременно, и все эти поездки имели целью (вычеркнуто — работы) изучение богатств Голенищевской коллекции музея. Б.А. умел удивительно заинтересовать всех этою коллекцией и вовлечь в работы по ее обработке и изданию.

(ОР НА ИИМК РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 216. Л. 4).

С.А. Жебелёв

Б.В. Фармаковский откликнулся на смерть Б.А. Тураева, однако ни один из его некрологов так и не был подготовлен к печати. Когда в 1928 г. скончался сам Б.В. Фармаковский, в «Известиях Академии наук» был опубликован его некролог, составленный Сергеем Александровичем Жебелёвым (1867—1941) (Жебелёв 1928: 275—278). Этот короткий текст точно и емко суммировал научные достижения покойного и демонстрировал близкое знакомство автора со своим героем. Действительно, знакомство двух ученых состоялось еще в конце XIX в., с 1905 г. они были коллегами по Историко-филологическому факультету Санкт-Петербургского университета, но, вероятно, наиболее тесно сотрудничали в РАИМК, к числу создателей которой оба и принадлежали. С.А. Жебелёв много лет занимал там должность товарища председателя, а

[32] Фрагмент в оригинале вычеркнут.
[33] См.: (Тураев 1901: 041—045).
[34] Фрагмент в оригинале вычеркнут.

Б.В. Фармаковский был ученым секретарем. Первоначальная настороженность С.А. Жебелёва в отношении молодого коллеги, очевидная из писем рубежа веков третьим лицам, со временем сменилась уважением и признанием заслуг ученого. Некролог стал не единственным проявлением этого отношения. Достаточно напомнить, что именно С.А. Жебелёв организовал покупку ГАИМК библиотеки покойного Б.В. Фармаковского, что было не только данью памяти коллеги, но и способом оказать материальную поддержку его вдове, лишенной в Ленинграде каких бы то ни было источников дохода и вскоре вынужденной уехать в Николаев (Архив РАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 73 об.). В 1930 г. именно это обстоятельство станет одним из поводов для проработки С.А. Жебелёва на Общем собрании сотрудников ГАИМК, созванном Комиссией по чистке аппарата (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4. Л. 96—196 об.). Ученого будут обвинять в «засорении» библиотеки академии ненужными материалами и желании помочь вдове коллеги «за государственный счет». Для С.А. Жебелёва, еще совсем недавно подвергавшегося травле в рамках масштабной кампании по дискредитации, вызванной публикацией в эмигрантском издании, эти обвинения были опасны вдвойне. К счастью, серьезных последствий они не имели.

В 1918 г. и С.А. Жебелёв, и Б.В. Фармаковский входили в состав учредительной комиссии по созданию Академии археологии и истории искусства, — проект, который в итоге и привел к созданию РАИМК (Платонова 1989). В этой связи выдвижение в члены академии С.А. Жебелёва было, конечно же, не более чем формальностью. Тем не менее, следует отметить, что формальность эта была осуществлена именно Б.В. Фармаковским, и имена двух ученых оказались связаны еще на одном уровне.

[Из личного дела С.А. Жебелёва]

Предлагаю в качестве кандидата в члены Академии И.М.К. по II отделению (секция 2-ая) Сергея Александровича Жебелева. С.А. является одним из самых видных и деятельных русских эллинистов. В своих занятиях С.А. всегда обращал большое внимание на памятники вещественные. Он является большим их знатоком. Целый ряд памятников С.А. описан и издан, причем все издания С.А. всегда отличались образцовыми в методологическом отношении и обогащали науку новыми интересными документами. С.А. [нрзб] и материалы эпиграфические и памятники художественной промышленности и искусства. С.А. всегда со вниманием [16 об.] относился к новейшим явлениям научной жизни, писал много рецензий и сообщений о съездах, конгрессах и т.п. Им много написано характеристик почивших деятелей в области классической археологии, представляющих ценный вклад в историю науки. С.А. перевел на русский язык ряд сочинений античных писателей (Аристотеля, Фукидида). Много внимания С.А. обращалось на древности юга России. Перечень главнейших ученых трудов С.А. см. в «Биографическом Словаре членов Московского Археологического Общества», 1, М., 1915, стр. 120 сл. С.А. организовал в Пб. университете «музей древностей», из которого вышли почти все ныне действующие специалисты по классической археологии в Пб.

Б. Фармаковский

(ОР НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 108 Л. 53—53 об.)

* * *

О.Ф. Вальдгауер

Отношения Б.В. Фармаковского с авторитетным специалистом в области античного искусства и видным музейным деятелем Оскаром Фердинандовичем Вальдгауером (1883—1935) складывались непросто. Когда последний в 1916 г. попытался защитить в Санкт-Петербургском университете докторскую диссертацию на тему «Пифагор Регийский», Фармаковский выступил против и опубликовал острокритическую рецензию на эту работу младшего коллеги (причем объем рецензии, мало уступал объему самой разбираемой книги)[35]. Впоследствии С.А. Жебелёв вспоминал: «В случае с О.Ф. Вальдгауером, когда, по отзыву Б.В. Фармаковского ясно было видно, что диссертация будет отклонена, по настоянию трех лиц — Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева и меня — голосование не было произведено. Вальдгауеру же частным образом было сообщено, чтобы он взял свою диссертацию обратно, как если бы он ее и не представлял»[36]. Впрочем, рабочие отношения между учеными довольно скоро были восстановлены. Они сотрудничали не только в Санкт-Петербургском университете, где О.Ф. Вальдгауер с 1913 г. преподавал в должности приват-доцента по той же кафедре теории и истории искусств, что и Б.В. Фармаковский. Вероятно, наиболее тесное сотрудничество ученых было связано с Эрмитажем, где Б.В. Фармаковский с 1924 г. был хранителем Античного отделения, а О.Ф. Вальдгауер, пришедший сюда на службу еще в 1904 г., к тому времени уже несколько лет как возглавлял Отдел древностей, частью которого было отделение Б.В. Фармаковского.

Отношения начальника и подчиненного оказывались диаметрально противоположными в РАИМК, где Б.В. Фармаковский возглавлял Разряд греко-римского искусства Художественно-исторического отделения. Штат разряда состоял из заведующего и двух научных сотрудников, одним из которых и был О.Ф. Вальдгауер[37]. Но это случится чуть позже, начало же деятельности О.Ф. Вальдгауера в РАИМК оказалось связанным с масштабным проектом, который в 1919 — начале 1920-х гг. составлял одно из самых остро дискуссионных направлений работы новосозданного учреждения. Это был проект создания Музея истории материальной культуры, отчасти вдохновленный решениями Первой всероссийской конференции по делам музеев, проходившей в Петрограде в феврале 1919 г. Конференция констатировала отсутствие в Петрограде археологического музея. РАИМК — как ведущее археологическое учреждение страны — попыталась ответить на запрос времени. Опыт музейной работы и тонкое знание памятников материальной культуры, которыми в полной мере обладал О.Ф. Вальдгауер, оказались здесь как нельзя кстати. Рекомендация и характеристика его работ, необходимые для избрания в состав соответствующей комиссии, были составлены именно Б.В. Фармаковским.

[Из личного дела О.Ф. Вальдагуера]

О.Ф. Вальдгауер — известный музейный деятель. Государственный Эрмитаж, где О.Ф. состоит Хранителем Отделения Древностей, обязан О.Ф. прекрасной постановкой названного Отделения. Благодаря О.Ф. Отделение обеспечено научно подготовленным и работоспособным персоналом работников. Коллекции Отделения выставлены так, что

[35] См.: (Фармаковский 1916a; 1916b).
[36] См.: (Жебелёв 2002: 157).
[37] См.: (Жебелёв 2002: 184).

обнаруживают неустанную работу руководителя, прекрасно знающего все новейшие достижения современной науки истории античного искусства. При постоянных и многочисленных справках, которые и мне лично и, как мне известно, многим другим приходилось делать в коллекциях Эрмитажа, всегда обнаруживалось образцовое хранение предметов в Отделении Древностей: предметы классифицированы так, что любая справка наводится без всякого замедления, и о каждом предмете имеются сведения, касающиеся его происхождения, научных описаний и изданий. Частые перемещения предметов в Отделении вызывались необходимостью расставить их согласно выводам новейшей науки, причем О.Ф. осведомлял о новой классификации предметов в особых статьях, помещавшихся им в повременных изданиях, и указывал на мотивы, по которым перемещения производились. Для коллекции ваз Эрмитажа и для собрания скульптур О.Ф. издавал каталоги, выдержавшие по два издания. Большой каталог светильников Эрмитажа, изданный О.Ф., представляет ценный вклад в науку классической археологии. Детальное изучение ваз и скульптур Эрмитажа имело результатом ряд специальных работ, которые были напечатаны в различных специальных археологических и художественных журналах / *Archäologischer Anzeiger, Jahreshefte des Österreichischen Instituts, Аполлон*/. Наряду с работами, вытекавшими из его занятий в Эрмитаже, О.Ф. издал ряд исследований по истории искусства. В [8 об.] «Записках классического Отделения Русского Археологического Общества» О.Ф. поместил работу о портретах Александра Великого, свидетельствующую об умении автора извлечь надлежащие выводы из анализа форм, проводимого им строго методически. Ряд работ напечатан О.Ф. в Известиях Археологической Комиссии: «О скульптурах из Ольвии в Историческом Музеев в Москве», вып. 26, «По поводу ольвийской статуэтки Афины», вып. 17. Если против выводов О.Ф. в его книге о Пифагоре Регийском мне в свое время пришлось возражать, то в своей рецензии на труд О.Ф. я признавал ***всецело*** умение автора работать вполне научно и отмечал только его увлечения, которые частью навеяны были молодому ученому его высокоавторитетным учителем — Фуртвенглером[38].

В виду изложенного я, считая крайне ценным участие О.Ф. в работах Комиссии по организации Музея истории материальной культуры, находил бы вполне целесообразным избрание О.Ф. на должность постоянного научного сотрудника первой категории Академии Истории материальной культуры по постоянной Комиссии по организации Музея Академии.

16 апреля 1920 года

Б. Фармаковский

(ОР НА ИИМК РАН. Ф. Оп. 3. Д. 103. Л. 8—8 об. машинопись).

Приведенные выше документы, составленные Б.В. Фармаковским, в какой-то степени объединены механически: они или не были опубликованы при жизни, или не были предназначены для опубликования. Тем не менее, они дают довольно точный срез той научной среды, которую принято называть «дореволюционной наукой». Если с Б.А. Тураевым Фармаковский дружил, испытывал к нему не только уважение как к ученому, но и чисто человеческие симпатии, то его отношения с С.А. Жебелёвым и О.Ф. Вальдгауером дружескими назвать нельзя. Тем не менее, недоверие и мелкие обиды

[38] Фуртвенглер, Адольф (1853—1907) — немецкий археолог, музейный деятель, профессор Мюнхенского университета (с 1894). Под его руководством О.Ф. Вальдгауер выполнил работу «Об одном портрете Александра Великого», за которую был удостоен степени доктора философии (1903).

были преодолены. Сложилась атмосфера сотрудничества, в которой дело и служение ему были приоритетом. Определенные страницы из истории российской науки и культуры становятся ясными из документов, не имеющих прямого отношения к собственно научной деятельности. По прошествии времени их ценность возрастает, как возрастает и интерес к тому, что было сделано их авторами. В год 150-летия Б.В. Фармаковского уместно вспомнить не только о том, сколь велик был его вклад в собственно научную деятельность, но и показать, как он умел ценить достижения коллег и друзей, формировать заинтересованную исследовательскую среду, объединяя вокруг себя и становясь частью объединений, которые хранили лучшие традиции российской гуманитарной науки и культуры.

Литература

Алексеев А.Ю. 1987. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года. В: Мавлеев Е.В. *Античное искусство в советском музееведении. Сборник научных трудов*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 59—66.

Блаватский В.Д. 1948. Б.В. Фармаковский — исследователь античного мира. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры* XXII. *Памяти Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928)*, 8—13.

Бороздин И.Н., Тураев Б.А. (ред.). 1915. *Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима.* Ч. 1. *Восток*. Москва: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон.

Бороздин И.Н., Фармаковский Б.В. (ред.). 1918. *Древний мир на юге России. Изборник источников.* Москва: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон.

Гаркуша Н.М. 2010. *Борис Владимирович Фармаковский*. Николаев: Ирина Гудым.

Жебелев С.А. 1928. Б.В. Фармаковский: Некролог (Читан акад. С.А. Жебелевым в заседании Отделения гуманитарных наук 26 сентября 1928 г.). *Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук*, 275—278.

Жебелёв С.А. 2002. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем. В: Тункина И.В. (публ., примеч.). *Очерки истории отечественной археологии* III, 146—195.

Карасев А.Н. 1948. Борис Владимирович Фармаковский. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры* XXII. *Памяти Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928)*, 5—7.

Кобылина М.М. 1948. Б.В. Фармаковский — историк античного искусства. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры* XXII. *Памяти Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928)*, 14—16.

Кругликова Т.И. 1970. К 100-летию со дня рождения Б.В. Фармаковского. *РА* 1, 3—9.

Павлов В.В. Высказывания Б.Ф. Фармаковского о египетском искусстве. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры* XXII. *Памяти Бориса Владимировича Фармаковского (1870—1928)*, 17—20.

Памятники Музея Изящных искусств имени императора Александра III в Москве. 1913. Москва: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон.

Платонова Н.И. 1989. Российская академия истории материальной культуры: Этапы становления (1918—1919 гг.). *СА* 4, 5—16.

Томашевич О.В. 2002. Объяснение в любви вместо послесловия. В: Тураев Б.А. *Бог Тот. Опыт исследования в области египетской культуры*. Санкт-Петербург: Летний сад, 315—388.

Тураев Б.А. 1893a. Народ «кефт» египетских памятников. *ЖМНП* 289, 173—186.

Тураев Б.А. 1893b. Очерк истории изучения финикийской древности. *Историческое обозрение*. Т. VI. Отд. I, 1—76.

Тураев Б.А. 1898. *Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры*. Лейпциг: Типография Ф.А. Брокгаузера.

Тураев Б.А. 1901. Памяти Василия Васильевича Болотова. *ЗВОРАО* 13, 041—045.

Тураев Б.А. 1911—1912. *История древнего Востока. Курс лекций*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К.

Тураев Б.А. 1913—1914. *История древнего Востока. Курс лекций*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К.

Тураев Б.А. 1912. Терракотовый светильник из Ольвии, изображающий чету Бесов. *ИАК* 45, 71—75.

Тураев Б.А. 1913. Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области. *ИАК* 49, 128—132.

Тураев Б.А. 1914. Изображение воскресения на египетских памятниках. *Сборник Харьковского историко-филологического общества*. Т. XXI. *В честь В.П. Бузескула*. Харьков: Типография «Печатное дело», 415—422.

Тураев Б.А. 1917. *Описание египетского собрания. I. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания (Музей изящных искусств при Московском университете)*. Петроград: Типография Академии Наук.

Тураев Б.А. 1935. *История древнего Востока.* В: Струве В.В., Снегирев И.Л. (ред.). Т. I—II. Ленинград: ОГИЗ. Социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение.

Тураев Б.А., Фармаковский Б.В. 1910. Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 года (таблицы I–VIII). *ЗКОРАО* VI, 161—176.

Фармаковская Т.И. 1988. *Борис Владимирович Фармаковский*. Киев: Наукова думка.

Фармаковский Б.В. 1903. *Живопись в Пальмире*. София: Държавна печатница.

Фармаковский Б.В. 1909. *Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока*. Санкт-Петербург: [б.и.].

Фармаковский Б.В. 1912. Портрет из Фаюма. Из собрания В.С. Голенещева. № 4290. *Памятники Музея изящных искусств.* Вып. 1—2, 49—59.

Фармаковский Б.В. 1915. *Ольвия*. Москва: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон.

Фармаковский Б.В. 1916a. О.Ф. Вальдгауэр. Пифагор Регийский. Исследование в области греческой скульптуры половины V века до Р.Х. Петроград. 1915. *ЖМНП*. Новая серия. Ч. LXIV. Июль, 132—196.

Фармаковский Б.В. 1916b. Еще о Пифагоре. По поводу ответа О.Ф. Вальдгауера. *ЖМНП*. Новая серия. Ч. LXVI. Декабрь, 276—277.

Фармаковский Б.В., Тураев Б.А. 1910. Опись коллекции древностей, привезенных из Египта весной 1909 г. *ЗКОРАО* VI, 161—181.

Штерн Э.Р. 1915. *Ученые заслуги Б.В. Фармаковского*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.

azbyka.ru: 1: Тураев Борис Александрович (1868—1920). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Boris_Turaev/turaev-boris-aleksandrovich-1868-1920/ (дата обращения 23.04.2020).

Pietschmann R. 1899. *Geschichte der Phönikier*. Berlin: G. Grote'sche Verlagsbuchhandlung.

Schiller F. 1830. *Schiller's sämmtliche Werke. Vollständige Ausgabe in einem Bande*. München; Stuttgart; Tübingen: J.G. Gotta.

Tourajeff B.A. 1911. Objets egyptiens et egyptisants trouves dans la Russie Meridionale. *Revue Archeologique*. Serie quatrieme, XVIII, 20—35.

References

Alekseyev, A.Yu. 1987. In: Mavleyev, Ye.V. *Antichnoye iskusstvo v sovetskom muzeyevedenii. Sbornik nauchnykh trudov (Antique Art in Soviet Museology. Collection of Scientific Papers)*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, 59—66 (in Russian).

Blavatskiy, V.D. 1948. In *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications on reports and Field Research of the Institute for the History of Material Culture)* XXII. *Pamyati Borisa Vladimirovicha Farmakovskogo (1870—1928) (In memory of Boris Vladimirovich Farmakovsky (1870—1928))*, 8—13 (in Russian).

Borozdin, I.N., Turayev, B.A. (eds.). 1915. *Drevniy mir. Izbornik istochnikov po kul'turnoy istorii Vostoka, Gretsii i Rima (The Ancient World. Collection of Sources on the Cultural History of the East, Greece and Rome)*. Pt. 1. *Vostok (East)*. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson (in Russian).

Borozdin, I.N., Farmakovskiy, B.V. (eds.). 1918. *Drevniy mir na yuge Rossii. Izbornik istochnikov (The Ancient World in the South of Russia. Collection of sources)*. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson (in Russian).

Garkusha, N.M. 2010. *Boris Vladimirovich Farmakovskiy*. Nikolayev: Irina Gudym (in Russian).

Zhebelev, S.A. 1928. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdeleniye gumanitarnykh nauk (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Humanities)*, 275—278 (in Russian).

Zhebelov, S.A. 2002. In: Tunkina I.V. (publ., com.). *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii (Essays on the history of Russian archaeology)* III, 146—195 (in Russian).

Karasev, A.N. 1948. In *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications on reports and Field Research of the Institute for the History of Material Culture)* XXII. *Pamyati Borisa Vladimirovicha Farmakovskogo (1870—1928) (In memory of Boris Vladimirovich Farmakovsky (1870—1928))*, 5—7 (in Russian).

Kobylina, M.M. 1948. In *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications on reports and Field Research of the Institute for the History of Material Culture)* XXII. *Pamyati Borisa Vladimirovicha Farmakovskogo (1870—1928) (In memory of Boris Vladimirovich Farmakovsky (1870—1928))*, 14—16 (in Russian).

Kruglikova, T.I. 1970. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 3—9 (in Russian).

Pavlov, V.V. Vyskazyvaniya, B.F. In *Kratkiye soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications on reports and Field Research of the Institute for the History of Material Culture)* XXII. *Pamyati Borisa Vladimirovicha Farmakovskogo (1870—1928) (In memory of Boris Vladimirovich Farmakovsky (1870—1928))*, 17—20 (in Russian).

Pamyatniki Muzeya Izyashchnykh iskusstv imeni imperatora Aleksandra III v Moskve (Monuments of the Museum of Fine Arts named after Emperor Alexander III in Moscow). 1913. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson (in Russian).

Platonova, N.I. 1989. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 5—16 (in Russian).

Tomashevich, O.V. 2002. In: Turayev, B.A. *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti yegipetskoy kul'tury (God Thoth. Research experience in the field of Egyptian culture)*. Saint Petersburg: Letniy sad, 315—388 (in Russian).

Turayev, B.A. 1893a. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)* CCLXXXIX, 173—186 (in Russian).

Turayev, B.A. 1893b. In *Istoricheskoye obozreniye (Historical review)*. Vol. VI. Br. I, 1—76 (in Russian).

Turayev, B.A. 1898. *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti istorii drevneyegipetskoy kul'tury (God Thoth. Research experience in the field of Egyptian culture*). Leipzig: Tipografiya F.A. Brokgauzera (in Russian).

Turayev, B.A. 1901. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo Arkheologicheskogo Obshchestva (Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society)* 13, 041—045 (in Russian).

Turayev, B.A. 1911—1912. *Istoriya drevnego Vostoka. Kurs lektsiy (History of the Ancient East. Lecture Course)*. Pt. 1. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K (in Russian).

Turayev, B.A. 1913—1914. *Istoriya drevnego Vostoka. Kurs lektsiy (History of the Ancient East. Lecture Course)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i K (in Russian).

Turayev, B.A. 1912. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 45, 71—75 (in Russian).

Turayev, B.A. 1913. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 49, 128—132 (in Russian).

Turayev, B.A. 1914. In *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva (Collection of Articles of the Kharkov Historical and Philological Society)*. Vol. XXI. *V chest' V.P. Buzeskula (In honor of V.P. Buzeskul)*. Kharkiv: Tipografiya “Pechatnoye delo”, 415—422 (in Russian).

Turayev, B.A. 1917. *Opisaniye yegipetskogo sobraniya. I. Statui i statuetki Golenishchevskogo sobraniya (Muzey izyashchnykh iskusstv pri Moskovskom universitete) (Description of the Egyptian collection. I. Statues and figurines of the Golenishchev collection (Museum of Fine Arts at Moscow University))*. Petrograd: Tipografiya Akademii Nauk (in Russian).

Turayev, B.A. 1935. *Istoria drevnego Vostoka (History of Ancient Orient)*. In: Struve, V.V., Snegirev, I.L. (eds.). Vol. I—II. Leningrad: OGIZ. Sotsialno-ekonomicheskoe izdatel’stvo. Leningradskoe otdelenie (in Russian).

Turayev, B.A., Farmakovskiy, B.V. 1910. In *Zapiski klassicheskogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Classical Branch of the Russian Archaeological Society)* VI, 161—176 (in Russian).

Farmakovskaya, T.I. 1988. *Boris Vladimirovich Farmakovskiy*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1903. *Zhivopis' v Pal'mire (Painting in Palmyra)*. Sofia: D''rzhavna pechatnitsa (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1909. *Grecheskoye arkhaicheskoye iskusstvo v svyazi s iskusstvom Vostoka*. Saint Petersburg: [s.n.] (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1912. In *Pamyatniki Muzeya izyashchnykh iskusstv (Monuments of the Museum of Fine Arts)*. Iss. 1—2, 49—59 (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1915. *Ol'viya (Olbia)*. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1916a. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*. New Series. Pt. LXIV. July, 132—196 (in Russian).

Farmakovskiy, B.V. 1916b. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*. New Series. Pt. LXVI. December, 276—277 (in Russian).

Farmakovskiy, B.V., Turayev, B.A. 1910. In *Zapiski klassicheskogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Classical Branch of the Russian Archaeological Society)* VI, 161—181 (in Russian).

Shtern, E.R. 1915. *Uchenye zaslugi B.V. Farmakovskogo (Scientific Achievements of B.V. Farmakovsky)*. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko (in Russian).

azbyka.ru: 1: Turayev Boris Aleksandrovich (1868—1920). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Boris_Turaev/turaev-boris-aleksandrovich-1868-1920/ (accessed 23.04.2020).

Pietschmann, R. 1899. *Geschichte der Phönikier*. Berlin: G. Grote'sche Verlagsbuchhandlung.

Schiller, F. 1830. *Schiller's sämmtliche Werke. Vollständige Ausgabe in einem Bande*. München; Stuttgart; Tübingen: J.G. Gotta.

Tourajeff, B.A. 1911. Objets egyptiens et egyptisants trouves dans la Russie Meridionale. *Revue Archeologique*. Serie quatrieme, XVIII, 20—35.

УДК 94:930.091(477.75)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00021

Л.А. Сыченкова

ЗАБЫТЫЕ ОТКРЫТИЯ ЭСКИ-КЕРМЕНСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1930—1933 ГГ. ПРИ УЧАСТИИ Ф.И. ШМИТА*

Статья посвящена малоизвестным моментам истории изучения «пещерного города» Эски-Кермен в 1930—1933 гг., а, точнее, вкладу Ф.И. Шмита в его изучение. Фигура этого ученого, картина экспедиций при его участии, раскрываемая через письма и воспоминания, не была до сих пор предметом исследования историков археологии. Предложенные в статьях Ф.И. Шмита рекомендации по развитию сельского хозяйства региона не потеряли научно-практической значимости и по сегодняшний день. Археологические открытия экспедиций 1930—1933 гг. оказались не востребованы, а упущенные экономические выгоды для развития Крыма не осмысленны. Публикации Ф.И. Шмита об экспедициях на Эски-Кермен позволяют говорить о его значительном вкладе в начало систематического изучения средневековой истории Крыма. Материалы экспедиций и забытые публикации Ф.И. Шмита могут стать важной частью обобщающего исследования по истории Эски-Кермена.

Ключевые слова: История Эски-Кермена, Ф.И. Шмит, экспедиции 1930—1933 гг., история средневекового Крыма, «пещерный город», осадный колодец, культура водопользования, базилика.

Сведения об авторе: Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Контактная информация: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Казанский (Приволжский) федеральный университет; e-mail: l.sichenkova@yandex.ru.

L.A. Sychenkova

FORGOTTEN DISCOVERIES OF THE ESKI-KERMEN EXPEDITIONS OF 1930—1933 WITH THE PARTICIPATION OF F.I. SCHMIT

The article is devoted to little-known moments in the history of the study of the “cave city” Eski-Kermen in 1930—1933, or rather to the contribution of F.I. Schmit in his study. The figure of this scientist, the picture of expeditions with his participation, revealed through letters and memoirs, has not yet been the subject of research by historians of archeology. The recommendations proposed in F.I. Schmit's articles on the development of agriculture in the region have not lost their scientific and practical significance to this day. The archaeological discoveries of the expeditions of the 1930—1933 were not in demand, and the lost economic benefits for the development of the Crimea are not meaningful. Publications By F.I. Schmit's account of the Eski-Kermen expeditions suggest that he made a significant contribution to the beginning of the systematic study of the medieval Crimea. Expedition materials and forgotten publications by F. Schmit can become an important part of a generalizing study of the history of Eski-Kermen.

Key word: History of Eski-Kermen, F.I. Schmit, expeditions of the 1930—1933, history of the medieval Crimea, “cave city”, siege well, a culture of water use, Basilica.

About the author: Sychenkova Lidia Alekseevna, Dr. habil. (History), Kazan (Volga region) Federal University.

* Статья поступила в номер 30 августа 2020 г.
Принята к печати 21 сентября 2020 г.

© Л.А. Сыченкова, 2020.

Contact information: 420008, Russia, Kazan, 18 Kremlevskaya St., Kazan (Volga region) Federal University; e-mail: l.sichenkova@yandex.ru.

Эски-Кермен сегодня — одна и жемчужин туристических маршрутов по Юго-Западному Крыму. Он овеян мифами и легендами. Наиболее интересный и драматический период изучения Эски-Кермена приходится на начало 1930-х гг. Археологические открытия экспедиций этого времени не потеряли научной значимости и по сегодняшний день. Картина самих экспедиций, раскрываемая через письма и воспоминания их участников, не была до недавнего времени предметом исследования историографов и историков археологии (Абрамова 2015: 106—124; Юрочкин 2017: 290—313).

История четырех экспедиций в Эски-Кермен в 1930—1933 гг.[1] изложена с весьма неожиданной стороны в письмах Федора Ивановича Шмита (1877—1937) (фото 1) и в воспоминаниях его сына[2]. ГАИМК стала одним из последних мест работы Ф.И. Шмита в Ленинграде, где он сосредоточил внимание на изучении средневековой «византийской» истории Крыма, и занялся археологическими экспедициями.

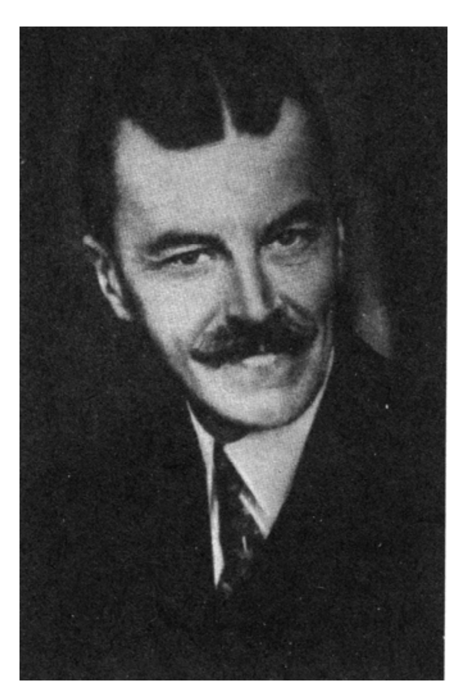

Фото 1. Ф.И. Шмит (по Юрочкин 2017: 298).

Ф.И. Шмит появился в ГАИМК не случайно[3]. Долгие годы дружбы связывали его с Н.Я. Марром — директором академии. Свою деятельность в ГАИМК Ф.И. Шмит начал с составления производственного плана на 1929—1930 гг., утвержденного президиумом РАНИОН 6 ноября 1929 г. Ф.И. Шмиту поручили заведовать разрядом средневековых культур Европы и Передней Азии. В план работы этого разряда входили работы в Крыму: на Эски-Кермене и Мангупе, на территории Нагорья и на Тамани. В пятилетнем плане разряда, составленном Ф.И. Шмитом 8 декабря 1929 г., обозначены ареал, временные рамки, научные задачи и методологический подход к исследованию региона: «Разряд изучает культуру восточного Средиземноморья в Средние века с IV по XV вв. включительно, как стадии общеисторического процесса, ее генезис, развитие, пути проникновения и взаимоотношения с другими культурами на

---

[1] Первая экспедиция в Эски-Кермен, которой руководил Ф.И. Шмит, была проведена в 1930 г. ГАИМК и Центральными государственными реставрационными мастерскими, Москва (ЦГРМ). Второй экспедицией, организованной ГАИМК в 1931 г., руководил Н.И. Репников. Третья экспедиция, проведенная в 1932 г., была организована ГАИМК и ГИМ. Ею руководил Ф.И. Шмит. Четвертой «Советско-американской экспедицией» 1933 г., организованной ГАИМК, ГИМ и Музеем Пенсильванского университета, руководил также Ф.И. Шмит.

[2] Основной источник материалов для данной статьи — его рукопись «Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце». Павел Федорович Шмит написал ее в 1977 г. В эту рукопись включены не только личные воспоминания, письма Ф.И. Шмита, но и отрывки из его неопубликованных работ, годовые отчеты 1925—1932 гг., собранные в архивах СССР. Экземпляры рукописи дочь Ф.И. Шмита — Павла Федоровна Шмит сдала в разные архивы, где она сейчас и хранится (НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45, 46; ПФА РАН. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1125, 1126; РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 42; ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 165). В 1988 году внучка Ф.И. Шмита — Т.А. Бурлакова подарила одну из копий этой рукописи автору статьи (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись), за что выражаю ей благодарность. На этот экземпляр рукописи сделаны ссылки в данной статье.

[3] С 1919 г. Ф.И. Шмит состоял действительным членом ГАИМК.

территории СССР» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 204). В состав разряда входило 8 сотрудников, из них 6 научных: Ф.И. Шмит, Н.И. Репников, Л.А. Мацулевич, Н.Е. Измайлова, Е.Ч. Срижинская, М.А. Тиханова-Клименко[4], Е.Э. Липшиц и М.И. Румянцева-Хлусевич (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 204).

Конечно, экспедиции 1930—1933 гг., организованные ГАИМК, были одним из этапов в изучении Эски-Кермена. Этот район Крыма находился под пристальным вниманием исследователей еще с царских времен, а с конца 1920 гг., началось его систематическое изучение археологическими экспедициями, организованными советскими научными и культурно-просветительскими учреждениями[5]. Программа по археологическому изучению этого региона Крыма была свернута перед войной[6], и возобновлена только в конце 1970 гг.[7]

К началу 1930-х гг. Ф.И. Шмит — известный ученый, византинист, историк и теоретик искусства, возглавлявший до этого, в 1924—1929 гг., Государственный Институт истории искусства (ГИИИ) в Ленинграде. Работая ученым секретарем Русского Археологического института в Константинополе в 1908—1912 гг., Ф.И. Шмит приобрел солидный опыт археологических исследований. Более десяти лет в экспедициях он изучал Кахриэ-Джами в Константинополе, мозаики Нового Монастыря на Хиосе в Греции, а также церковь Успения в г. Никея (ныне г. Изник, Турция)[8]. По изученным памятникам Ф.И. Шмит опубликовал две монографии (Шмит 1906a; 1906b; Schmit 1927), 30 статей, их которых отметим важнейшие (Шмит 1903; 1909; 1911; 1913; 1915a; 1915b; Schmit 1912), около 20 рецензий и историографических обзоров в зарубежных и российских журналах (Шмит 1915a; 1915b; Schmit 1912; 1926). Кроме того, в 1922—1925 гг. Ф.И. Шмит занимал должность ректора Киевского Археологического института. Его учениками в области археологии стали будущий грузинский академик В.М. Зуммер (1885—1970) и его ученица М.И. Вязьмитина (1896—1994).

Зигзаг судьбы «вернул» Ф.И. Шмита во времена его молодости — в самый эмоционально насыщенный период жизни. Также, как в молодости, Ф.И. Шмит описывал жене свои первые впечатления от Крыма, по дороге из Севастополя в Балаклаву: «Растительности все больше. И вдруг, очаровательное видение: кусочек ультрамаринового моря с голубым, извилистым фьёрдом, эдакой рекой врезался в скалы. И у фьёрда стоит

[4] В воспоминаниях М.А. Тихановой о РАИМК нет ни одного слова о работе в разряде средневековых культур Европы и Передней Азии ГАИМК под руководством Ф.И. Шмита (Смирнов 2013: 292—300).

[5] В 1927 г. в археологических исследованиях Эски-Кермена приняли участие сотрудники ЦГРМ (Грабарь 1966: 254–258). В 1928—1929 гг. археологические экспедиции в Эски-Кермен были проведены сотрудниками ЦГРМ и Музея антропологии и этнографии АН СССР, руководил Н.И. Репников. В 1929 г. экспедицией Центрального музея Тавриды руководил Н.Л. Эрнст.

[6] В 1934 г. экспедицией ГАИМК в Эски-Кермен руководил В.И. Равдоникас; Эски-Керменским отрядом руководил Н.И. Репников; Бильдеранским отрядом руководил Е.В. Веймарн. В 1936 и 1937 гг. экспедицией ГАИМК и Севастопольского музейного объединения руководил Н.И. Репников.

[7] В 1978—1982 гг. была проведена экспедиция Института археологии АН УССР и Крымского областного краеведческого музея.

[8] Особую ценность предаставлет монография Ф.И. Шмита о Никее, опубликованная в сокращенном виде на немецком языке (Schmit 1927). Полное русское издание было подготовлено, но не осуществлено (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 277). Ценность исследованию придают рисунки и описания, сделанные Ф.И. Шмитом, поскольку Храм Успения Богородицы не сохранился. Памятник был уничтожен турками в 1924 г., после поражения Греции в Греко-турецкой войне (1922) и депортации греческой общины из Никеи (Алпатов, Аркин, Брунов 1935: 98). Таким образом, монография Ф.И. Шмита о Никее в настоящее время является единственным источником для изучения этого памятника (Schmit 1927).

очаровательный беленький средиземноморский городишко, точно в Малой Азии, в Греции где-нибудь. Чистенький, с набережными, с красными, цветущими олеандрами в садиках, с бесчисленными рыбачьими сетями на набережных. <…> Море синее, подернутое чуть-чуть мглой, скалы рыжие. <…> Сколько я тут сидел — сказать не могу. Вся моя средиземноморская молодость ожила. — Греция, Смирна, Корфу. <…> Как это так, никто мне не говорил о Балаклаве, в двух шагах от Севастополя – и такая жемчужина» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 207).

Но, если в экспедициях с 1901 по 1912 гг. Ф.И. Шмит изучал преимущественно художественное наследие Византийской империи, то цели экспедиции на Эски-Кермен были направлены, главным образом, на изучение материальной культуры византийских городов Крыма. Такая концепция экспедиций потребовала некоторой переориентации Ф.И. Шмита на проблемы истории материальной культуры. Обоснование новой методики изучения материальных памятников были сделаны в неопубликованном докладе Ф.И. Шмита «Об изучении вещественных источников для истории феодального общества» (НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 2. Д. 44). В докладе, оставшемся вне поля внимания историографов, Ф. Шмит предвосхитил современную теорию источниковедения о значении вещественных памятников в системе историко-культурных исследований (Эппштейн 1985; Медушевская 2008; Сальникова 2016: 85—119).

Экспедиции 1930—1932 гг.

Концепция экспедиций в Эски-Кермен 1930 г. принадлежала Ф.И. Шмиту. Его соратником во время экспедиций в Эски-Кермен был полевой археолог, практик Н.И. Репников. Несмотря на сотрудничество, судя по письмам, друзьями они так не стали.

15 апреля 1930 г. Ф.И. Шмит уже составил план экспедиции ГАИМК в Эски-Кермен: «9 мая руководитель экспедиции Ф. Шмит получает открытый лист на право производства археологических (палеоэтнографических) раскопок памятников в Эски-Кермене и его окрестностях»[9] (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 205).

В отчете Ф.И. Шмит подвел предварительные итоги экспедиции 1930 г. и наметил перспективы дальнейшего изучения региона: «Эски-Керменские экспедиция 1930 года, снаряженная ГАИМК при участии ЦГРМ, имела задачи продолжить работы предшествующих лет по раскрытию системы и истории городских укреплений, последить водопровод и начать раскрытие самого города. <…> Самой крупной работой 1930-х годов было раскрытие базилики. <…> У нас были все основания полагать, что базилика — это центральное здание города, была построена тогда, когда был построен весь город. <…> Дать ответ, к какому культурно-историческому кругу надлежит отнести Эски-Кермен V—VII вв. Наши расчеты оправдались. <…> Для истории крымской Готии, столь бедной документальными данными, Эски-Керменское городище является первоклассным источником» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 207—208).

[9] «На полях документа есть подпись, что план утвержден народным комиссариатом Просвещения 10 августа 1930 года (подпись неразборчива)». (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 205). Уточнение автора: руководителем Наркомпроса в 1930 г. был А.С. Бубнов.

Одной из целей следующей экспедиции в Эски–Кермен 1931 г. было изучение системы средневекового водоснабжения Крыма. Проблема обеспечения водой была для Крыма актуальна с древних времен. Сегодня почти всеми признается, что возможно только ее комплексное решение, в том числе с учетом опыта предыдущих эпох.

Было известно, что в Средние века в Крыму процветали богатые города: с фонтанами, с развитой инфраструктурой: водопроводом, банями, прачечными, канализацией. Вода использовалась для тушения пожаров, дренажа, очистки и поддержания правильного санитарного состояния городов. Кроме того, было известно, что «с давних времен Крым славился своим виноградом и фруктами, и многими другими специальными культурами, которые давали колоссальные доходы всем многочисленным колониям, некогда лежавшим на территории Крымского полуострова» (Репников 1932: 51). Почему же в новое время земли Крыма стали безводными? «Утверждать, что климат изменился и стал засушливым, у нас нет положительных оснований» (Репников, Шмит 1932: 47). Причину современной засушливости земель Крыма Ф.И. Шмит видел в столкновении культурных традиций местного населения и новых переселенцев. Пренебрежение многовековым опытом агропользования местных жителей привело к трагедии: «Русские завоеватели, у себя привыкшие получать воду из многоводных рек или колодцев, не обратили внимания на те приспособления, которые они нашли в Крыму, просто даже не понимали, к чему по мелочам собирать воду и как это надо делать, а потому ничего не делали для поддержания в надлежащем виде всего того, что нашли в Крымских горах. Сейчас надо обратить на это дело серьезное внимание» (Репников, Шмит 1932: 46).

В 1930-е гг. тему экспедиций поддержали ГИМ, Военное ведомство и ведомство Коммунального хозяйства. Руководители некоторых ведомств, заинтересованных в результатах экспедиций, вынашивали фантастические планы «использования древних ирригационных сооружений для нужд колхозного строительства». Этой актуальной для Крыма практической проблемы возрождения сельского хозяйства, с опорой на исторический опыт было посвящена статья Е.В. Веймарна (Веймарн 1932), опубликованная в «Сообщениях ГАИМК» вслед за статьей Н.И. Репникова и Ф.И. Шмита «О технике водоснабжения средневековых городов Крыма» (Репников, Шмит 1932). По видимому, такая подборка на тему отражала «заказ» практических ведомств на помощь историков «в разрешении проблемы мелиорации и ирригации. <…> Опыт изучения эски-керменского водопровода прямо указал возможности эксплуатации древних водосборищ в наше время. Акт составленный специалистами—инженерами, агрономами и руководителем экспедиции Н.И. Репниковым, говорит о полной возможности пуска воды из древнего водосборища, в связи с этим указывает на реальную возможность включить в агропроект по землеустройству района, в т.ч. насаждение виноградников в окрестностях деревни Черкес-Кермена» (Веймарн 1932: 52).

Надо сказать, что к Эски-Кермену проявляли интерес и зарубежные ученые, особенно германские, которые связывали историю Крыма с «готским вопросом»[10]. О значимости «готской проблемы» в связи с изучением Эски-Кермена свидетельствует тот факт, что Т. 12

[10] Еще в начале сентября 1929 г. для осмотра Эски-Кермена и материалов раскопок из Германии приезжали: ректор Фрайбургского университета, представитель Немецкого археологического института, христианский археолог и искусствовед, професор Иозеф Зауер (1872—1949), его сопровождал основатель и руководитель Восточноевропейского семинара на философском факультете Гамбургского университета, археолог, профессор Рихард Саломон (1884—1966), этнограф из берлинского Музея народоведения, доктор Ганс Финдейзен (1903—1968). Визит был осуществлен в рамках программы сотрудничества между советской и германской Академиями наук, которые планировали организовать совместные раскопки готских древностей в Крыму. (Тункина 2008а: 249—251; Лобков 2019: 23—34).

«Известий Государственной академии истории материальной культуры» за 1932 г. получил название «Готский сборник». Для изучения этой проблемы в ГАИМК была создана «готская группа», в которую входил Ф.И. Шмит (Тункина 2008b: 199—203).

Материалы Эски-керменских экспедиций, хранящиеся в научном архиве ИИМК РАН, долгое время не были востребованы, а некоторые из них выдавались только по специальному разрешению. Во всяком случае, так было до начала 1990-х гг.[11] Современные историографы, обратившиеся к истории экспедиций, описывая их результаты, зачастую не учитывают социально-исторического контекста 1930-х гг. С одной стороны, на судьбе экспедиций отразилась сложная политическая ситуация внутри страны: усиление классовой борьбы и начало коллективизации. С другой стороны, тема экспедиций была вплетена в сложный узел международных отношений. Это был период борьбы за международное признание СССР, за поиски экономической поддержки со стороны иностранных государств.

Итак, обратимся к истории внутренних организационных проблем экспедиции. Во-первых, у экспедиции были проблемы с финансированием, во-вторых, со снабжением продовольствием, и, наконец, в-третьих, была проблема с обеспечением рабочей силой. Механистически, одними постановлениями эти проблемы не решались, требовалась воля и усилия руководителей экспедиции.

Ф.И. Шмит подробно описывал экспедиционные будни в письме от 2 августа 1930 г.: «Каждый день в пять часов утра я бужу своих сожителей (мой внутренний хронометр стал уже легендарным), затем они бегут будить других по соседним домам, одеваемся, завтракаем, в 6.25 выходим из дома, карабкаемся на Эски-Кермен, с 7 до 11 копаем, закусываем, дремлем. С 13 до 17 копаем, моемся насколько возможно, обедаем, и ждем момента, когда можно ложиться спать. Это для всех. Для меня сверх того, неразрешимый вопрос: откуда взять рабочих (сегодня вместо 20 ожидавшихся, явилось 4!), чтобы кончить в срок, или вообще довести до какого-нибудь конца, начатые работы; как починить кишки членам экспедиции, или вернее, как убедить их в том, что пить воду надо умеренно, как можно меньше; как убедить Репникова, что он совершенно здоров, и что его страдальческие взгляды только смешны, как подсчитать действительную стоимость продовольственного пайка. Жарко даже мне» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 206).

Вечная проблема всех экспедиций — вопрос об условиях проживания, не стоял так остро. Ф.И. Шмит кратко сообщал: «К неудобствам татарского жилья начинаю привыкать» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 206). Вероятно, члены экспедиции расселились в домах татар—колхозников.

Деньги на экспедицию 1931 г. пытались получить из разных источников. Окончательная сумма финансового обеспечения экспедиции складывалась не сразу. ГАИМК выделяло 2 000 руб., ГИМ — 750 руб. Кроме того Музей Антропологии и этнографии АН СССР выделил 400 руб. на антропологический материал. Но этот аванс впоследствии не был использован из-за отсутствия упаковочного материала, и был возвращен по обратно (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 207—213).

Ф.И. Шмит передал рукопись статьи о водоснабжении средневековых городов Крыма ученому секретарю открытого в 1932 г. в Ленинграде Института истории науки и техники

[11] В 1987 г. во время работы с фондом Ф.И. Шмита в архиве ЛО Института археологии АН СССР (с 1991 г. — Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН) я обращалась с просьбой позволить ознакомится с материалами экспедиции. Мне было сообщено, что материалы Эски-Керменских экспедиций находятся под грифом «секретно».

(ИИНиТ) (Дмитриев 2002: 3—36) историку-медиевисту М.А. Гуковскому. По-видимому, у Ф.И. Шмита были предварительные договоренности о получении материальной поддержки экспедиции со стороны института. Даже была оговорена сумма поддержки — 45 000—50 000 руб. (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 213).

С учетом всех средств была составлена смета на 75 000 рублей. Но по неизвестным причинам от ИИНиТ деньги на Эски-керменскую экспедицию отпущены не были. В экспедиции было заинтересовано Военно-инженерное управление Рабоче-крестьянской Красной армии (ВИУ РККА), поскольку признавалось, что «результаты раскопок в Эски-Кермене имеют ценность и для обороны государства» (РА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 46. Л. 216). Но Военное ведомство обещанные деньги не выделило. Причины отказа в финансовой поддержке экспедиции, по-видимому, следует искать в архивах ИИНиТ и Военного ведомства.

В результате реальные средства экспедиции составили всего 2 750 руб. (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 213). С продовольствием в экспедиции было сложно: «вместо муки и овса выдавали какие-то бумажки. Рабочие без продовольствия работать не желали. Каждое утро вопрос о выходе на работу дебатировался на длительных митингах. Каждое утро председатель колхоза заверял, что рабочие будут. <…> Работы предстояло много. Прежде всего, надо было очистить от низкорослого, но густого кустарника эски-керменское плато. Без этого невозможно было производить раскопки, и аэрофотосъемку плато, и зафиксировать результаты работы. Но рабочие не получали продовольствия, и на работу не выходили. Отец грозился пожаловаться в Райпрокуратуру. Наконец, 25.08 лес был сожжен. Рабочие, несмотря на недостаток топлива, отказались его вывозить» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 214).

Пятого августа 1932 г. Ф.И. Шмит писал своей супруге Павле Станиславовне: «Я веду бесконечные переговоры с сельсоветом и правлением колхоза, пишу бумажки в Бахчисарай и Симферополь, сижу на наших несчастных раскопках. Гуляю, ем, сплю, и имею много времени для философских размышлений»[12].

Весной 1932 г. Ф.И. Шмит готовился к новой экспедиции в Эски-Кермен. В письме из Академии коммунального хозяйства от 5.12.1932 г. начальник коммунального отдела Дворца техники запрашивал: «на каких условиях ГИМ может взять на себя составление фотографических снимков с имеющихся в музее экспонатов, характеризующих историю санаторной техники, водоснабжения. Использования воды для различных целей. В том числе и для тушения пожаров, канализации, дренаж, очистка городов, бани и прачечные, вопросы благоустройства, санитарного состояния городов и населенных мест, крайне желательно получить материал по культуре скифов, древних славян, кавказских народностей и др. в пределах СССР» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 215—216). В экспедиции 1932 г. принимали участие: начальник Ф.И. Шмит, производитель работ Н.И. Репников, архитектурные обмеры были поручены Е.В. Веймарну, фотографом работал М.И. Чистяков, научно-технический сотрудником числился С.З. Федоров (Шмит 1932b: 61).

30 ноября 1932 г. Ф.И. Шмит послал копию отчета об экспедиции в Эски-Кермен начальнику технического комитета Военно-инженерного управления Рабоче-крестьянской

[12] Отрывок из письма Ф.И. Шмита его супруге П.С. Шмит от 5.08.1932 г. (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 214).

Красной армии (ВИУ РККА). И 1 декабря 1932 г. он получил в ответ благодарственное письмо (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 216).

Из тезисов отчетного доклада о работах на Эски-Кермене в 1928—1932 гг.: «Раскопки ГАИМК и ГИМ в Эски-Кермене имеют не только историко-археологическое значение, но актуально-практическую ценность, мобилизуя весь опыт хозяйственной мысли прошлого в помощь реконструкции сельского хозяйства района, и, тем самым, давая указания на то, каким образом можно добиться возрождения в ныне пустынных местах старинных спецкультур (винограда и пр.)»[13].

Власти Крыма внимательно следили за результатами работы археологов, имели намерения практического их использования для разрешения вопроса орошения района и развития высокосортных культур (табак, сады, виноград), а также для реконструкции водоснабжения в г. Бахчисарай (Результаты работ Эски-Керменской экспедиции 1932: 80). Перед Президиумом РИК Бахчисарайского района 9 сентября 1932 г. с докладом о результатах экспедиции выступили Н.И. Репников и В.И. Веймарн. Заслушав доклад ученых, Президиум РИК Бахчисарайского района принял постановление из семи пунктов, составленных в стиле пропагандисткой риторики тех лет. Большая часть постановления констатирует огромное политическое и хозяйственное, техническое значение результатов экспедиций. Наряду с этим признанием представители РИКа просили «ускорить публикацию материалов экспедиций для широкого с ними ознакомления, как трудящихся масс, так и специалистов». В этом постановлении власти были вынуждены признать «некоторые недочеты в снабжении экспедиции, как со стороны районного органа НК снаба, так и Дуванкойского кооператива и Черкез-Керменского сельсовета, и необходимость устранения этих недочетов в дальнейшем. Председатель Бах. РИКа Сефедов, зам секретаря Джелилев» (Результаты работ Эски-Керменской экспедиции 1932: 80). Однако в дальнейшем эти недочеты устранены не были, и все проблемы снабжения экспедиций повторились в 1933 г.

Изучение водоснабжения средневекового Крыма

В почти забытой статье «О технике водоснабжения средневековых городов Крыма» Ф.И. Шмита и Н.И. Репникова отмечалось, что «о значении Эски-Кермена, как земледельческого центра, свидетельствует, между прочим, многочисленные найденные на городище “тарапаны”, каменные корыта для получения виноградного сока, а также многочисленные выдолбленные в скале зернохранилища. Где же находились виноградники и пашни эски-керменцев?» (Репников, Шмит 1932: 46—47).

Учеными было сделано важное открытие: «В условиях второй гряды вода может быть добыта только из воздуха, ибо в недрах земли таковой не имеется, вода источников собирается еженощно на поверхности скал (роса), впитывается ими и собирается у их основания там, где известняки налегают на водонепроницаемые породы <…> Заросли являются как раз потребителями воды, и не дают собираться в родники…. В условиях крымской второй гряды надо заботиться не о лесонасаждениях, а, напротив, об оголении больших поверхностей скал. Эта почвенная вода, питаюшаяся из воздуха (снег, дождь, роса) и позволяла в древности строить города и разводить сады в местностях ныне безводных» (Репников, Шмит 1932: 48). По сути, исследователи выявили механизм появления воды в колодцах и водопроводах.

[13] По воспоминаниям П.Ф. Шмита, «доклад был сделан 19 января 1933 года» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 216).

Ф.И. Шмит и Н.И. Репников убедительно доказали, что кустарники, которыми заросли скалы, мешают земледелию, т.к. являются потребителями воды. Лес вырос на склоне горы вследствие одичания местности, а раньше там были виноградники. Опираясь на исторический опыт населения Крыма, ученые считали, что крымским землеустроителям нужно делать «диаметрально противоположное тому, что они делают сейчас. «Крымские хозяйственники, усвоив из северного русского опыта представления о водонакопляющих свойствах лесов, всячески содействуют одичанию этой страны. Делая тщетные попытки покрыть лесами голые известняковые скалы, естественно, что на самом деле, на голых скалах никакие леса не произрастают, а получаются лишь заросли полукустарникового типа (кизил, дубняк, «держи-дерево» и т.д.), такие как на плато Эски-Кермен, <…> даже на топливо малогодные» (Шмит 1932b: 62). Проблему лесонасаждения связывал с историей организации водснабжения Крыма и Е.В. Веймарн (Веймарн 1932: 51).

Особый интерес представляют небольшие исторические экскурсы о нераскрытых тайнах крымского водоснабжения от эпохи античности до середины XIX в.: «древнегреческих водопроводов пока не обнаружено, зато римских мы имеем значительное количество: херсонесский водопровод уложен частично по мощным каменным акведукам в Сарандинаковой балке, <...> в Кастеле, в Алуште, близ Камышлы и Чуфут-Кале, в Инкермане, в устье реки Качи, и, вероятно, еще и в других местах» (Репников, Шмит 1932: 29).

Приводятся и другие примеры системы водоснабжения средневекового Крыма, давно известные, но недостаточно изученные. Авторы статьи писали о том, что не столь важно, какие аналогичные колодцы были известны на других территориях, а более существенно раскрытие подобных дренажных сооружений в Крыму. Упоминается сообщение Л.А. Моисеева на Керченской археологической конференции 10 сентября 1926 г. на Гераклейском полуострове: «Главной оросительной, водоносной силой полуострова теперь, как и в древности, остаются верховья Хомутовой, Сарандинаковой, Юхариной и Бермановской балок, где имеются шесть довольно мощных родников. <...> В заметке Моисеева упоминаются воронки, вероятно, затянутые землей древние каптажи, засыпанные колодцы или цистерны, а также обломки глиняных водопроводных труб» (Репников, Шмит 1932: 48).

К сожалению, отмечали авторы статьи, доклад Л.А. Моисеева был напечатан без географических комментариев. Далее упоминается о заметке Н.Л. Эрнста в Севастопольской газете «Маяк коммуны» 1930 г., о том, что Л.А. Моисеев открыл «водопровод византийской эпохи, дающий и сейчас до 30 000 ведер в сутки» (Репников, Шмит 1932: 49).

Яркий пример водоснабжения представляла Феодосия—Каффа. «К моменту занятия города русскими в 1784 году город имел 35 фонтанов и ряд бань, т.е. изобиловал водой. Откуда бралась вода? Еще 9 апреля 1905 г. в № 10451 газеты «Новое время» вышла заметка об открытии в окрестностях Феодосии остатках древнегреческих сооружений, служивших в свое время для водоснабжения колоний питьевой водой и действующей отчасти ныне, но до сих пор считавшихся естественными источниками» (Репников, Шмит 1932: 49). «Репортерская заметка не слишком грамотна, но суть феодосийских сооружений совершенно ясна», — отмечали авторы статьи. «Для решения проблемы нельзя довольствоваться простым собиранием, найденными при случайных раскопках территории Пантикапеи, остатков водопроводных труб римского и ранневизантийского происхождения. Нужна еще проработка неопубликованных архивных данных для установления происхождения этих труб, тогда бы вскрылась древняя система водоснабжения города Керчи, остро нуждающегося в воде.

<...> Все позднейшие властители Крыма заботились не только о поддержании существующих, но и прокладывали новые водопроводы. Генуэзцы устроили водопроводы в Балаклаве, в Судаке, в Феодосии… Татары построили водопровод в Старом Крыму (Салхате) и Бахчисарае, действующие и поныне, но не исследованные. В XIII—XV вв., когда Бахчисарай был политическим центром, в городе было организовано водоснабжение по персидскому (а также среднеазиатскому) образцу, когда применялась система так называемых кяризей, особых колодцев, соединенных друг с другом подземными ходами» (Репников, Шмит 1932: 49).

Конечно, в статье упоминается и о знаменитом Бахчисарае: «уже старые путешественники неизменно восхищались обилием и прекрасным качеством воды. В Бахчисарае до 119 фонтанов, в том числе и воспетый Пушкиным “ Фонтан слёз” < …> Но и тут вся система не изучена — ни в точности неизвестно откуда берется вода, ни хорошенько не прослежено, как она проведена» (Репников, Шмит 1932: 50).

Содержание статьи Н.И. Репникова и Ф.И. Шмита гораздо шире описания, обнаруженных в ходе археологических исследований, колодца и водопровода на Эски-Кермене, представленных в кратких отчетах об экспедициях 1930—1932 гг. В статье фактически была поставлена масштабная научно-практическая проблема: изучение истории водоснабжения Крыма: с древности до начала XX в. К сожалению, эти ценные наблюдения о высокой культуре водопользования в средневековом Крыме не были востребованы в советское время.

Эски-Керменская базилика

Приступая к археологическому изучению Эски-керменской базилики в 1931 г., Ф.И. Шмит с сожалением был вынужден констатировать, что она была разграблена, и даже не в ходе грабительских раскопок. Долгое время «ее развалины служили карьером, откуда окрестные жители <…> вывозили готовый строительный камень для своих нужд» (Шмит 1932а: 223).

Рассматривая внутреннюю планировку базилики, Ф.И. Шмит пришел к выводу, что «Эски-керменская базилика не имеет ничего общего с царьградской церковной архитектурою: каменные крытые деревом базилики с трех частным алтарем характерны именно и только для центральной Сирии V—VII вв. многогранная наружная отделка столь же характерна для иконоборческих церковных сооружений Кападокии <…> Эски-керменская базилика была построена какой-то строительной организациею, которая была связана не с Константинополем, а с Сирией и Каппадокиею. Образец, по которому был построен Эски-Кермен: Рум-Кала в Коммагене, на берегу Ефрата. <…> Базилика была рано разрушена, — вероятно, тогда же, когда и крепостные стены и «колодец». Но были следы попыток ее восстановления «привезенные, но не пущенные в дело (разнокалиберные) мраморные колонны и капители проконнисского происхождения» (Шмит 1931: 28—29).

В своих интерпретациях Ф.И. Шмит стремился определить место Эски-керменской базилики в системе известных памятников в рамках его теории «культурно-исторических миров». Будучи автором концепции об эволюционно-циклическом развитии искусства, ученый выработал умение сравнивать достижения разных культурных эпох, удаленных как во времени, так и в пространстве. Практически во всех своих исследованиях Ф.И. Шмит демонстрировал блестящее владение сравнительно-диахроническим методом. Так, эски-керменскую базилику он сравнивал с аналогичными памятниками в Сирии, Коппадокии, Коммагене, Константинополе, Херсонесе (Шмит 1932а: 241).

Ф.И. Шмит поставил перед собой задачу — выяснить источник «импортирования» архитектурных форм и строительной технологии. Ученый установил следующие особенности базилики:

У Эски-керменской базилики нет атриума. Для ранних базилик столичного образца: Святогробской, Вифлиемской, костантинопольских Софийских и Ирининских, Ватиканской и т.п. наличие атриума обязательно. Наоборот, именно отсутствие атриума характерно для базилик Сирии и Малой Азии с первых веков христианского церковного строительства (Шмит 1932а: 234—235).

Аспиды Эски-керменской базилики снаружи имеют многогранный полупризм (Шмит 1932а: 235). Ее стены снаружи и изнутри обложены правильным тесаным камнем. А промежуток между обоими каменными стенками забит бутом и залит цементом. Такая техника сооружения стен была известна уже римским строителям (Шмит 1932а: 238).

На основании выявленных особенностей Ф.И. Шмит выдвигал гипотезу о родине происхождения эски-керменской базилики. Это была страна богатая лесом, как Сирия, и камнем, как Каппадокия, «страна основательно эллинизированная и романизированная — гораздо более, чем Хауран. Наконец, это страна, лежащая на путях, которые ведут через Малую Азию к Черному морю и в Крым, страна, область которой отвечает всем этим требованиям — Коммагена» (Шмит 1932а: 239—240).

Ф.И. Шмит, выдвигая гипотезу, был вынужден констатировать недостаточность изучения культурного наследия самой Коммагены к началу 1930-х гг.: «Говорить о Коммагене в связи с Эски-Керменом можно только предположительно, пока памятники самой Коммагены не станут лучше известными: ведь из раннесредневековых ее памятников сколько-нибудь внимательно и подробно описан и исследован только один — монастырская церковь Сурп-Агоп в Джине-Дейрмене, близь старого культурного центра — Кейшуп=Cesum. А прочие, “многочисленные”, по словам путешественников, особенно Рум-Кале и Урфою, и даже хорошо сохранившиеся, исследования не дождались» (Шмит 1932а: 241).

Особенно интересной оказались найденные остатки декоративно-орнаментального украшения базилики. Ф.И. Шмит выделил четыре мотива «плетенки»: «1) Плетенка, заполненная ромбами, диагонали которых или вертикальны, или параллельны, по отношению к параллелям обрамления. <…> 2) Полоска, заполненная двумя рядами треугольников, причем основания треугольников образуют параллельные линии продольного обрамления. Если поверить художнику мы должны увидеть в нашем узоре пару бегущих рядом жгутов из наложенных одна на другую зигзагообразных лент. <…> 3) Третий орнаментальный мотив представлен двумя вариантами, имеет явно криволинейный характер. <…> 4) Узор состоит из соприкасающихся кругов, переплетающихся в местах соприкосновения, и наложенного на этот ряд кругов жгута из двух перекрещивающихся зигзагов. Эти узоры являются деталью арочного обрамления. Комбинации из двух впереди бегущих волнистых лент, вовсе не являются редкостью ни в искусстве Ирана, ни в искусстве позднейшей Мессопотамии, а также Финикии, Кипра, Греции и т.д. <…> Самое замечательное тут то, что третий и четвертый эски-керменские мотивы вовсе не редки на памятниках “германской” Италии и “славянской” Далмации, например в Равенне, в Аквилее, и Рабе и т.д., и повсюду двойная, тройная, как в чрезвычайно часто встречающимся 2- и 4-х ленточном жгуте. Итальянские и далматинские памятники, правда, относятся ко времени более позднему, чем эски-керменские рельефы, но портал Бабиска старше этих последних, и в Бабиска лента тоже тройная! Как надо объяснить всё это, я не знаю» (Шмит 1932а: 249—250).

Сожалея о том, что эски-керменский иконостас сохранился лишь в немногочисленных фрагментах, Ф.И. Шмит видел историю декора базилик в рамках более крупной проблемы «происхождения, распостранения и развитие ленточно-плетенного узора» в памятниках Италии, Испании, Далмации и Грузии.

Все примеры аналогичных памятников архитектуры, орнамента и внутреннего устройства базилики Ф.И. Шмит интерпретировал в историографическом контексте, ссылаясь на труды своих предшественников — российских искусствоведов и византинистов: А.Л. Бертье-Делагарда, Н.Л. Эрнста, Л.А. Мацулевича, Д.В. Айналова, В.Г. Василевского, Н.И. Брунова, М. Тер-Мовсесяна, А.А. Павловского, Н.К. Клуге, включая свои работы о Кахрие-Джами и церкви Успения в Никее. Ф.И. Шмит выстраивал свою гипотезу, привлекая для анализа широкий круг публикаций зарубежных археологов, византинистов, художников-реставраторов, историков христианской архитектуры. Ф.И. Шмит опирался на «классические работы»: Ш. Диля, Й. Стржиговскго, Г. Милле, Эд. Мейера, О. Шуази. Кроме того, он активно цитировал специальные и малоизвестные статьи Д. Ревиора, П. Пизо, А. Хедлама, Э. Мельхиора де Вогуэ, А. Кросси, О. Шуази, А ван Миллингена, Ш. Тексье, Г. де Жерфаниона, Й. Дурма, Г. Белла, К. Гурлита, Дж. Джеролла, У.М. Рамзи и Г. фон Мольтке, К. Хуманна и О. Пухштейн, А. Грегуара, С. Гуйера, Перси С.П. Хэндкока, О.М. Далтона, Ж. Перро и Ч Чипье, Э. фон Сюдова, Ф. фон Лушана и др.

В статье 1932 г. Ф.И. Шмит отмечал, что «Эски-керменская базилика ни по своему плану, ни по своей конструкции, ни по своей декоровке, ни по орнаментации иконостаса, никак к «византийскому» кругу не относится, ни к какому бы то ни было одному культурному кругу, не может быть подвергнуто сомнению, что она — памятник сравнительно ранний; но сколько-нибудь точное ее хронологическое определение остается все-таки затруднительным» (Шмит 1932а: 224). В данной статье Ф.И. Шмит подвел предварительные итоги исследования Эски-керменской базилики, поскольку данный этап изучения позволил уточнить время ее постройки, некоторые особенности оформления, строительной техники и архитектуры. Ответы на другие вопросы должны были дать, по мнению ученого, следующие раскопки, когда будет получен существенный дополнительный материал.

Советско-американская экспедиция 1933 г.

Экспедиция в Эски-Кермен 1933 г. стала одним из первых международных проектов Советской России в гуманитарной сфере. Интересы США в Эски-керменской экспедиции 1933 г. представлял Филадельфийский (Пенсильванский) университет.

В 1933 г. ГАИМК по предложению Филадельфийского университета организовала совместную советско-американскую экспедицию в Крым. Предполагалось, что экспедиция начнет работы 20 июля 1933 г. и закончит их в сентябре 1933 г. по исчерпании средств. В связи с этим ГАИМК пишет письмо в Наркомснаб 7 июля 1933 г.: «Для огранизации экспедиции и ее финансового обеспечения научного и технического состава экспедиции продовольственным снабжением Филадельфийский университет предлагал внести 1 500 рублей в инвалюте через Торгсин <…> Академия отклонила последнее предложение из принципиальных соображений и предложила внести 1 500 руб. в инвалюте через Госбанк в доход государства, заявив, что соотвествующие советские учреждения сумеют обеспечить необходимое снабжение.

<…> В виду того, что обозначенная экспедиция согласована с НКИД и Наркомпросом и состоит из 17 человек научных работников, которые будут заняты с середины июля до конца

сентября из 24 работников из расчета 12 000 человеко-дней, президиум Академии просит вашего разрешения о прикреплении научного состава экспедиции на специльное снажение в размерах прилагаемой при сем сметы. Подписано: "зам. председателя ГАИМК Пригожин"» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 216)[14].

В докладной записке Ф.И. Шмита в ГАИМК, председателю сектора феодальной формации Г.П. Гроздилову была обозначена цель экспедиции: «Пополнение музейных собраний СССР и Филадельфийского университета археологическими материалами по истории Крыма (таврскими и готскими) 2. Завершение исследования системы водоснабжения Эски-Кермена и дополнение имеющихся сведений о водоснабжении византийских городов Крыма путем обследования Сюйрена и Мангуп-Кале. Продолжение начатых в 1930 году работ в городище Эски-Кермена» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 217).

Согласно договору, университетский (филадельфийский) музей получал полный комплект отпечатков данной экспедиции; все предметы, за исключением тех, аналоги которых не имеются ни в Государственном Эрмитаже, ни в каком-либо музее РСФСР, и, наконец, половину, добытого экспедицией костного материала (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 217). Конечно, это был кабальный договор, но американцы давали деньги в валюте, в которой остро нуждалось государство.

Представителем Филадельфийского музея в экспедиции был эмигрант из России, сотрудник Отдела по изучению этнографии и археологии России Университетского музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (УМПУ) Евгений Голомшток. Этот отдел в музее Пенсильванского университета возник при участии советского географа и этнографа В.Г. Богораза. В 1928 г. В.Г. Богораз совместно с американским коллегой Ф. Боасом посетили Музей археологии и антропологии Университета Пенсильвании (МААУП) (Корсун 2010а: 5—136). Они поддержали проект, разрабатываемый сотрудниками МААУП, по созданию отдела по изучению этнографии и археологии народов России[15].

Несмотря на амбициозные планы и рекламу советско-американской экспедиции в прессе, археологический сезон 1933 г. не стал удачным. 6 июля Ф.И. Шмит писал племяннице Нине: «Подписали мы в весьма торжественной обстановке договор с Голомштоком. "Вечерняя Красная (газета)" посвятила этому событию целый столбец! (Да, прославился, можно сказать). И даже в "Известиях" от 15 июля была приличная заметка "Советско-американская археологическая экспедиция в Эски-Кермен", так, что теперь весь Советский союз социалистических республик может узнать, что есть на свете Федор Иванович Добчинский, то есть Шмидт, написать "Шмит" газета не решилась — явно это будет дань подлинной славы, тогда будет известно, что моя фамилия пишется без "д" — я боюсь, до такого прославления я не доживу» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 216).

Необходимым условием успеха экспедиции Ф. Шмит считал: «Наличие бесперебойного снабжения продовольствием, наличие рабсилы, хорошей погоды и т.д. При отсутствии хотя бы одного из этих условий работе экспедиции грозит более или менее серьезный срыв, который будет тем более досадным, что свидетелем этого срыва явится иностранец, или

[14] Историк—марксист А.Г. Пригожин был внедрен в ГАИМК в 1932 г. для насаждения диалектико-материалистической методологии.

[15] В 1933 г. в отдел Америки поступила серия материалов от директора МААУП Горация Джейна (1898—1975). (Корсун 2010b: 193—204).

даже иностранцы (г-н Голомшток сообщил, что в Эски-Кермен намерены явиться еще несколько американских археологов»[16]

Письма Ф.И. Шмита, раскрывают внутреннюю сторону жизни экспедиции, взаимоотношения коллег, те моменты экспедиционных будней, о которых трудно узнать из официальных отчетов и даже публикаций. Исследователь писал: «Так все не клеится в этом году с экспедицией, что даже досада берет, денег до сих пор не перевели, с продовольствием вышла неразбериха, землемерный аппарат только вчера был выверен, а треноги к нему и сейчас еще нет, люди капризничают, и то едут, то не едут. Черт знает, что делается. Наконец, билетов не достать, купили вчера билеты на золото Голомштока, и должен буду я с ним вместе путешествовать, да еще спасибо сказать. Я бы давно впал в уныние, если бы не знал твердо, что все всегда к лучшему, и что все образуется: явно, что неурядицы и задержки для чего-то нужны» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 217).

5 августа 1933 г. Ф.И. Шмит пишет племяннице: «Только вчера приехал, наконец, в Черкес-Кермен. Вчера я с Голомштоком совершил прогулку по карнизу, на Бильдеран и на Эски-Кермен. … Тут у нас с рабочими повторяется прошлогоднее безобразие, все тот же раскулаченный, но пролезший в руководители колхоза, Кадир, все также мутит этих больших детей — татар—колхозников; все также пишут резолюции и бумажки «бахчисарайские» волости, которые ничего не могут или не хотят сделать, но обещают все, что угодно. Все также кипятится и трусит Репников. Нового только то, что есть затруднения с поставкой продовольствия, чего в прошлом году не было. Придется поехать в Симферополь и выручать. Скучно и хлопотно. Никогда я больше ни в какие экспедиции начальником не поеду» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 218).

6 сентября 1933 г. Ф.И. Шмит сообщал племяннице Нине из Бахчисарая «Ты задаешь массу вопросов об экспедиции. Лучше бы ее не было. Репников сначала просто боялся Голомштока, а потом возненавидел его. В течение целого месяца я только и делал, что не давал им разодраться насмерть. Голомшток потрясал договором с ГАИМК и требовал его выполнения. Репников пугал меня призраком раскопочной комиссии, которая будет возмущена отчетом. Если рассказывать подробно все то, что у нас происходит в течение слишком месяца, это покажется сплошным анекдотом, но пока мне не до смеха. Я очень счастлив, что на 31/IX заказаны билеты в Ленинград, и что я увезу с собой Е. Голомштока, и наш пошлый экспедиционный фарс кончится.

Сами раскопки не представляли для меня абсолютно никакого интереса, копали могилы, перетряхивали гнилые кости. Искали вещей, и находили их в очень ограниченном количестве и невысокого качества. Все найденное едва ли стоит 1 500 зол. рублей. Советское государство получило некоторое количество инвалюты — в этом весь смысл предприятия. Помимо всего прочего еще и погода была все время в высшей степени неблагоприятная: холодно, ветрено, дождливо. <…> Полтора месяца <…> и около тысячи рублей <…> денег выброшены кошке под хвост! Я возвращаюсь в Питер усталый и злой. Это очень печально» (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 218).

Конечно, официальный отчет звучал более оптимистично, чем оценивал результаты летней компании 1933 г. Ф.И. Шмит в письмах к родственникам. В коротенькой заметке «Советско-американская крымская экспедиция 1931 года» (Шмит 1933а: 61) Ф.И. Шмит

[16] В рукописи П.Ф. Шмита письмо датировано 4 июля 1933 г. (Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись. Л. 217).

отмечал, что за время «Были произведены разведки и раскопки на так называемом “втором кордоне” — “таврского городища” и принадлежащего к нему некрополя, на склонах Эски-Кермена (“катакомб” и земляных могил), на подъеме к южным воротам Эски-Кермена (трех маршей подъездной дороги), на плато Эски-Кермена (начало главной улицы у южных въездных ворот и ряда усыпальниц—костехранилищ), в балке Бильдеран (головные сооружения водопровода), в Шулдане (пещерного монастыря), и Мангуп-Кале (усыпальниц—костехранилищ).

<…> С научной точки зрения самым, может быть, важным результатом, было установление непосредственного соседства и, вероятно, связи между давно известными «таврским» некрополем (каменными ящиками — большими и малыми) и городищем на вершине соседней возвышенности. Городище, густо заросшее лесом, и поэтому не видное и неизвестное, имеет очень крупные размеры (примерно 1 500 м. по каменному валу — в окружности), и в его пределах намечаются, по-видимому, каменные основания отдельных зданий. Несомненно, городище станет в дальнейшем предметом пристального изучения.

Очень интересны результаты расчистки подъемной дороги к городу Эски-Кермену. Оказалось, что средний марш этой дороги в какой-то момент был насильственно и нарочито разрушен (срублен!), а позднее восстановлен посредством насыпки земли и постройки упорной стенки. Разрушение аналогично разрушению осадного колодца посредством вырубки водостока из водохранилища наружу и разрушению городских боевых стен; восстановление аналогично тем попыткам к восстановлению, которые были обнаружены при раскопке базилики.

<…> Столь же важные результаты дали раскопки в серо-западном углу Эски-Кермена: в непосредственном соседстве с городской стеной (недалеко от хорошо известной всем посетителям скалы “Барыни”) была расчищена довольно пространная, вырубленная в скале, ровная площадка, на которую выходил фасад крупного здания, найдены многочисленные остатки обвалившейся с каких-то ныне не существующих стен фресковой росписи.

Наконец, на балке Бильдеран, на глубине 5 метров обнаружены древнейшие, по-видимому, водопроводные трубы, которые должны быть современны основанию города.

Окончательных результатов компания 1933 года не дала, и не могла дать, она продвинула вперед решение проблемы эски-керменской, а вместе с тем «готской». Но нужны дальнейшие, упорные работы на самом плато городища, чтобы разъяснить историю города, а вместе с тем, рассказать интереснейшую главу из истории феодализирующего “византийского” Крыма» (Шмит 1933а: 61). Результатами исследований стали 800 инвентарных номеров находок из погребений, богатый керамический и антропологический материал, а также фотографии и чертежи исследованных объектов. <…> Раскопки 1933 года, таким образом, вскрыли новый материал для истории Эски-Кермена» (Шмит 1933а: 61).

Судьбы советских и американских археологов, связанных с эски-керменской экспедицией 1933 г., неожиданно перекликались. Так, Е. Голомшток был учеником известного российского музеолога Б.Ф. Адлера. В 1931—1932 гг. Е. Голомшток дважды приезжал в Советский Союз и работал в музеях Москвы и Ленинграда (Golomshtock 1933: 301—327). Е. Голомшток вел переговоры об обмене коллекциями и научной литературой между советскими музеями и библиотеками и Музеем археологии и антропологии Пенсильванского университета.

Возможно, знакомство с белоэмигрантом Е. Голомштоком, участие в советско-американской экспедиции, сыграло роковую роль в судьбе советских ученых Б.Ф. Адлера и Ф.И. Шмита. ОГПУ припомнило в нужный момент им, в том числе, и эту связь с иностранцами. Для следующих экспедиций Е. Голомштоку просто не дали визу на въезд в

СССР. Органы ОГПУ зорко следили за тем, чтобы белоэмигрант Е. Голомшток не приехал в страну. В дальнейших археологических экспедициях в Эски-Кермен Ф.И. Шмит участия уже не принимал. Советско-американский проект не получил продолжения.

Вклад Ф. Шмита в изучение материальной культуры средневекового Крыма

Раскопки Ф.И. Шмита на Эски-кермене — один интереснейших этапов его жизни, который дополняют историографический образ этого ученого. Однако до настоящего времени этот период деятельности исследователя почти не рассматривался его биографами. В результате изучения истории экспедиций в Экски-Кермен 1930—1933-х гг. через мемуарные источники становится более полной и очеловеченной общая картина ее подготовки и внутренней жизни.

На основании отчетов и статей Ф.И. Шмита, можно сделать вывод о том, что во время археологических экспедиций в Эски-Кермен в 1930—1933-х гг. было сделано ряд важных открытий, позволяющих понять тайну зарождения пещерного города, существовавшего примерно с VI до конца XIII вв., причину его гибели, и условия, обеспечивавшие процветание региона в период византийского влияния (XII—XIII вв.). Один и главных выводов состоял в том, что город в столь труднодоступных местах могли построить только представители высокоразвитой цивилизации: «Эски-Кермен и прочие города крепости горного Крыма не могли возникнуть сами собой на тех скалах, где находятся их остатки, не могли быть заложены населением, находящимся на низких ступенях технического и общественного развития, а созданы мощной государственной организацией, которая располагала квалифицированными специалистами и крупными материальными средствами, и которая могла строить города сразы по плану, снабжая их всем необходимым» (Шмит 1932b: 65).

Обращая внимание на новизну исследования темы, Ф.И. Шмит отмечал, что «проблема феодального города в Крыму ставится на очередь впервые» (Шмит 1932a: 227). Было установлено, что город был не готский, а византийский, поскольку готы VI в. городов не строили, и в городах не селились. Пещерный город как-то связан с готским княжеством, однако, традиция его создания попала в Крым через греков из Каппадокии. Город и крепость погибли в результате вторжения хазар. Пещерные сооружения на Эски-Кермене были лишь хозяйственными, служебным придатком к обширному надземному городу. Эски-керменское городище прекратило своё существование, как сельскохозяйственный и торгово-ремесленный регион, в конце XV в.

Одним из важнейших результатов экспедиционных компаний 1930—1933-х гг. на Эски-Кермен было открытие осадного колодца[17] и описания механизма накопления воды в нем. Ф.И. Шмит упоминает о колодце в Рум-Кале, выдолбленным сквозь всю толщу скалы, с лестницей в несколько маршей. «Впрочем, — отмечал ученый, — колодцы в Рум-Кале и в Эски-Кермене не единственные в своем роде: как раз на пути из Коммагены к Черному морю в Крым отмечено несколько таких диковинных колодцев» (Шмит 1932a: 241). Современные ученые, продолжившие изучать Эски-Керменский осадный колодец приводят примеры аналогичных способов накопления воды в других древних поселениях, где были чрезвычайно сходные геологические и климатические условия. Выявлена целая типология

[17] Разрушение осадного колодца было связаано «с нарочитым и насильственным разрушением осадных стен….<…> был в жизни Эски-Кермена такой момент, когда враги, захватив его, захотели покончить с ним как с крепостью» (Шмит 1931: 27).

подобных колодцев: в Херсонесе и в Инкермане, в ликийской крепости Рум-Кала на Евфрате, в Кале-кей и Турхале (Турция), а также в Персии (Шмит 1931: 28).

Содержание статьи Ф.И. Шмита и Н.И. Репникова «О технике водоснабжения средневековых городов Крыма» гораздо шире результатов экспедиций 1930—1931 гг.: описания осадного колодца и водопровода в Эски-Кермене. В ней дан обзор примеров неразгаданных и неизученных систем водоснабжения в Крыму от античности до середины XIX в. Особенно подробно, конечно, была описана эпоха Средневековья: от византийского, генуэзского влияния до крымско-татарского и турецкого владычества.

В статье был поднят вопрос о необходимости серьезного изучения и возможности практического использования древних традиций крымского водопользования: «Вопрос о технике водоснабжения средневековых городов отнюдь не есть вопрос теоретический, интересующий только историков и археологов. И теперь, как встарь, крымские города недостаточно обеспечены водою, и забота о водоснабжении не утратила своей остроты; а потому вовсе не мешает присмотреться к тому, как водная проблема разрешалась в прошлом людьми, которые в Крыму жили веками и имели возможность накопить богатейший опыт, использовать все местные ресурсы.

История техники водоснабжения есть часть истории коммунального хозяйства, истории городского сожительства людей. Там, где воды мало, вопросы организации водоснабжения суть вопросы жизни или смерти городов. Мы пытались показать на вышеприведенных фактах, сколько изобретательности и сколько труда в Крыму было положено на правильную организацию этого дела. Вместе с тем из нашего общего очерка, надо надеяться, видно, что требуется планомерная исследовательская работа как для использования крымских археологических данных с точки зрения исторической, так и для современной практики водоснабжения. Хотелось бы наделяться, что в момент сельскохозяйственного и всего вообще возрождения Крыма указания прошлого будут изучены и использованы; и хотелось бы надеяться, что наша археология переросла кладоискательство и доросла до того, чтобы взяться за столь «низменные изыскания», как исследование водоснабжения» (Репников, Шмит 1932: 50).

Таким, образом, можно утверждать, что на основании проведенных исследований экспедиций 1930—1933 гг. в статьях Ф.И. Шмита были даны практические рекомендации важные для развития сельского хозяйства региона, но они не были востребованы.

В сезон работ 1933 г. были открыты глиняные водопроводные трубы в балке Бильдеран на глубине 5 м. Этот водопровод снабжал город питьевой водой в мирное время. Открытая базилика оказалась трехнефной с деревянной балочной крышей. Базилика была центральным зданием города. Ф. Шмит нашел ближайшую аналогию эски-керменской базилике среди церковной архитектуры Центральной Сирии V—VII вв., а также среди храмов доиконоборческого периода Каппадокии. По его мнению, базилика была построена в V—VII вв., но функционировала недолго, и была разрушена пожаром. После неудачных попыток восстановления на ее месте была возведена часовня, а прочая территория базилики превратилась в кладбище (Шмит 1933b: 617—634).

При рассмотрении этой темы возникает несколько вопросов, на которые пока не встречается ответа в научной литературе. Первый, надо ли нам знать обстановку экспедиционной жизни? Нужно ли историкам науки учитывать то, каким колоссальным трудом, энтузиазмом, достигались значимые результаты исследований. Ведь, как показывают признания Ф.И. Шмита, многие открытия были сделаны не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Второй вопрос: почему результаты оказались забыты, частично не опубликованы, а впоследствии материалы экспедиций, оказались под грифом секретности?

И, наконец, последний вопрос: какие экономические выгоды для развития Крыма были упущены, из-за невостребованности научно-практических открытий этих экспедиций?

По поводу первого вопроса, могу только высказать свое мнение. Внутренняя жизнь экспедиции, как и любого научного сообщества, имеет значение для истории науки. Конечно, известно выражение, что «не личность археолога важна, а то, что ему довелось откопать». Но, результаты экспедиций зависят от многих факторов, в том числе и от удачи, везения. Осмысление результатов зависит от профессионализма историка, его мастерства интерпретации добытых артефактов, научного кругозора и эрудиции. Уровень обобщения зависит от масштаба личности ученого, умеющего смело выдвигать научные гипотезы. Таких качеств Ф.И. Шмиту было не занимать. К этому времени он уже был автором оригинальной концепции циклического развития искусства, автором новой теории музейного дела, нового направления в изучении психологии развития детского художественного мышления и т.д.

Ответ на второй вопрос требуют дальнейших архивных исследований. Вопрос об упущенных экономических выгодах — гораздо шире, рассматриваемой темы, и его осмысление только начинается историками экономики и науковедами.

Предварительные выводы экспедиций 1930—1933-х гг. подверглись корректировке и уточнению в последующие десятилетия, а материалы экспедиций стали темой статей для разных поколений ученых. Сами экспедиции положили начало системному изучению Эски-Кермена. Но, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что до настоящего времени не подготовлено фундаментального исследования по истории археологического изучения Эски-Кермена, с использованием всего комплекса источников (артефактов, отчетов, чертежей, фотографий), воспоминаний участников и т.д. Наконец, не появилось обобщающего исследования по истории Эски-Кермена. Можно предположить, что, если бы Ф.И. Шмиту выпала возможность продолжить участие в экспедициях на Эски-Кермен, то результатом стали бы не только статьи и отчеты, а серьезная монография, в которой было бы представлено осмысление историко-культурного значения этого региона Крыма[18]. Несмотря на кратковременный период участия Ф.И. Шмита в археологических экспедициях на Эски-Керене, не позволивший ему выполнить все задачи в полном объеме, можно утверждать, что даже подведенные им предварительные итоги, позволяют говорить о его значительном вкладе в начало советского этапа изучения культурной истории средневекового Крыма.

Литература

Абрамова Н.А. 2015. Исследование «пещерного города» Эски-Кермен в 20-е–30-е годы XX века. *МАИАСП* 7, 106—124.

Алпатов М., Аркин Д., Брунов Н. (сост.). 1935. *История архитектуры в избранных отрывках.* Москва: Всесоюзная академия архитектуры.

Архив Л.А. Сыченковой. Шмит П.Ф. 1977. Жизнь Ф.И. Шмита. Воспоминания об отце. Рукопись.

Веймарн Е.В. 1932. Проблема организованной воды в Крыму и историческая наука. *СГАИМК* 9—10, 50—52.

Грабарь И.Э. 1966. *О древнерусском искусстве: Исследования, реставрация и охрана памятников*. Москва: Наука.

Дмитриев А.Н. 2002. Институт истории науки и техники в 1932—1936 гг. (ленинградский период). *Вестник института естествознания и техники*. Т. 23. № 1, 3—36.

Корсун С.А. 2010а. Американистика в МАЭ в XX–XXI веках: собирательская и исследовательская деятельность. *Этнография и археология коренного населения Америки* LVI, 5—136.

[18] Ф.И. Шмит писал, что готовит «специальное» исследование по «экономике Херсонеса» (Репников, Шмит 1932: 46).

Корсун С.А. 2010b. В.Г. Богораз как американист. *Материалы полевых исследований МАЭ РАН* 10, 193—204.

Лобков А.Е. 2019. Археологическая и этнографическая экспедиция немецких ученых в Крым осенью 1929 года. *Причерноморье. История, политика, культура* XXX(IX), 23—34.

Медушевская О.М. 2008. *Теория и методология когнитивной истории*. Москва: РГГУ.

НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 44. Шмит Ф.И. Об изучении вещественных источников для истории феодального общества.

НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45.

НА ИИМК РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 46.

ПФА РАН. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1125.

ПФА РАН. Ф. IV. Оп. 1. Д. 1126.

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Д. 42.

Результаты работ Эски-Керменской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Государственного Исторического музея летом 1932 г. в Крыму. 1932. *СГАИМК* 11—12, 80.

Репников Н.И., Шмит Ф.И. 1932. О технике водоснабжения средневековых городов Крыма. *СГАИМК* 9—10, 46—50.

Сальникова А.А. 2016. *Источниковедение. Источники по социокультурной истории России: учебное пособие*. Казань: Казанский университет, 85—119.

Смирнов Н.Ю. 2013. Заметки М.А. Тихановой по истории РАИМК—ГАИМК в 1920—1930-е годы (публикация полного текста статьи 1980 года). *Археологические вести* 19, 292—300.

Тункина И.В. 2008a. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х — начала 1930-х гг. *Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. Т. 3. Москва: ИА РАН, 249—251.

Тункина И.В. 2008b. А.А. Спицын и Готская группа ГАИМК. В: Носов Е.Н., Тихонов И.Л. (ред.). *История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора А.А. Спицына, 26-29 ноября 2008 г.* Санкт-Петербург: СПбГУ, 199—203.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 389. Оп. 1. Д. 165.

Шмит Ф.И. 1903. Мозаики и фрески Кахриэ-Джами. *ИРАИК* VIII, 119—152.

Шмит Ф.И. 1906a. *Кахрие-Джами. Альбом к XI тому Известий Русского археологического института в Константинополе*. Рисунки и чертежи, исполненные художником Н.К. Клуге. Мюнхен: Художественное заведение К. Куна.

Шмит Ф.И. 1906b. *Кахриэ-Джами*. Т. I. *История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков. ИРАИК* XI.

Шмит Ф.И. 1909. Паметницитѣ на българската старина. Доклад отъ Феодор Шмит до председателя на Редакционный комитет. *Българско отечество* XXI, 5—6, 412—450.

Шмит Ф.И. 1911. Памятники Мистры. *ЖМНП* XXXIII, 249—259.

Шмит Ф.И. 1915a. Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне. *Светильник* 3—4, 47—54.

Шмит Ф.И. 1915b. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях. *ВВ* XXII, 62—126.

Шмит Ф.И. 1931. Отчет Эски-Керменской экспедиции. *СГАИМК* 7, 25—29.

Шмит Ф.И. 1932a. Эски-Керменская базилика. *ИГАИМК* 12, 213—253.

Шмит Ф.И. 1932b. Эски-Керменская экспедиция. Краткий предварительный отчет об экспедициях ГАИМК и Государственного исторического музея в августе 1932 г. *СГАИМК* 11—12, 61—65.

Шмит Ф.И. 1933a. Советско-американская крымская экспедиция 1931 года. *Проблемы истории материальной культуры* 9—10, 61.

Шмит Ф.И. 1933b. К происхождению базилики. *ИГАИМК* 100. *Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н.Я. Марра*, 617—634.

Эппштейн М.Н. 1985. Реалогия — наука о вещах. *Декоративное искусство* 6, 21—22.

Юрочкин В.Ю. 2017. *Готский вопрос*. Симферополь: Сонат.

Schmit F. 1912. La “Renaissance” de la peinture byzantine au XIVe siècle. *Revue archéologique*. Ser. IV. T. XX, 127—142.

Schmit F. 1913. Die archäologische Erforschung Bulgariens. *Deutsche Literaturzeitung* 34 Jahrgang, 261—267.

Schmit F. 1926. Die Mosaiken von Nicaia. *Arcgäologischer Anzeiger* 3—4, 457—464.

Schmit F. 1927. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia, das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter.

References

Abramova, N.A. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 7, 106—124 (in Russian).

Alpatov, M., Arkin, D., Brunov, N. (eds.). 1935. *Istoriya arkhitektury v izbrannykh otryvkakh (History of Architecture in Selected Passages).* Moscow: Vsesoyuznaya akademiya arkhitektury (in Russian).

Arkhiv L.A. Sychenkovoy. Schmit P.F. 1977. Zhizn' F.I. Schmita. Vospominaniya ob ottse. Rukopis'.

Vejmarn, E.V. 1932. In *Soobshhenija Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury (Proceedings of the State Academy of History of Material Culture)* 9—10, 50—52 (in Russian).

Grabar, I.E. 1966. *O drevnerusskom iskusstve: Issledovaniya, restavratsiya i okhrana pamyatnikov (About Old Russian Art: Research, Restoration and Protection of Monuments)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Dmitriyev, A.N. 2002. In *Vestnik instituta yestestvoznaniya i tekhniki (Bulletin of the Institute of Natural Science and Technology)*. Vol. 23. No. 1, 3—36 (in Russian).

Korsun, S.A. 2010a. In *Etnografiya i arkheologiya korennogo naseleniya Ameriki (Ethnography and Archaeology of the Native American Population)* LVI, 5—136 (in Russian).

Korsun, S.A. 2010b. In *Materialy polevykh issledovaniy Muzeya antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk* (*Materials of Field Studies of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*) 10, 193—204 (in Russian).

Lobkov, A.Ye. 2019. In *Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura (Black Sea Region. History, Politics, Culture)* XXX(IX), 23—34 (in Russian).

Medushevskaya, O.M. 2008. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii (Theory and Methodology of Cognitive History)*. Moscow: RGGU (in Russian).

NA IIMK RAN. F. 55. Op. 1. D. 44. Shmit F.I. Ob izuchenii veshchestvennykh istochnikov dlya istorii feodal'nogo obshchestva.

NA IIMK RAN. F. 55. Op. 1. D. 45.

NA IIMK RAN. F. 55. Op. 1. D. 46.

PFA RAN. F. IV. Op. 1. D. 1125.

PFA RAN. F. IV. Op. 1. D. 1126.

RGALI. F. 1337. Op. 5. D. 42.

Rezul'taty rabot Eski-Kermenskoy ekspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury i Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya letom 1932 g. v Krymu (The Results of the Work of the Eski-Kermen Expedition of the State Academy of the History of Material Culture and the State Historical Museum in the Summer of 1932 in the Crimea). 1932. In *Soobshhenija Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury (Proceedings of the State Academy of History of Material Culture)* 11—12, 80 (in Russian).

Repnikov, N.I., Schmit, F.I. 1932. In *Soobshhenija Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury (Proceedings of the State Academy of History of Material Culture)* 9—10, 46—50 (in Russian).

Salnikova, A.A. 2016. *Istochnikovedeniye. Istochniki po sotsiokul'turnoy istorii Rossii: uchebnoye posobiye (Source Study. Sources on the Socio-cultural History of Russia)*. Kazan: Kazanskiy universitet, 85—119 (in Russian).

Smirnov, N.Yu. 2013. In *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological news)* 19, 292—300 (in Russian).

Tunkina, I.V. 2008a. In *Trudy II(XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Suzdale (Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal)*. Vol. 3. Moscow: IA RAN, 249—251 (in Russian).

Tunkina, I.V. 2008b. In: Nosov, Ye.N., Tikhonov, I.L. (eds.). *Istoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya chlena-korrespondenta RAN, professora A.A. Spitsyna, 26-29 noyabrya 2008 g. (History and Practice of Archaeological Research: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor A.A. Spitsyn, November 26-29, 2008).* Saint Petersburg: SPbGU, 199—203 (in Russian).

TSGALI SPb. F. 389. Op. 1. D. 165.

Schmit, F.I. 1903. In *Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole (Reports of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* VIII, 119—152 (in Russian).

Schmit, F.I. 1906a. *Kakhriye-Dzhami. Al'bom k XI tomu Izvestiy Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole. Risunki i chertezhi, ispolnennyye khudozhnikom N.K. Kluge (Kariye Camii. Album for the Vol. XI of Reports of the Russian Archaeological Institute in Constantinople. Figures and drawings made by the artist N.K. Kluge)*. Munich: Khudozhestvennoye zavedeniye K. Kuna (in Russian).

Schmit, F.I. 1906b. In *Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole (Reports of the Russian Archaeological Institute in Constantinople)* XI (in Russian).

Schmit, F.I. 1909. In *Balgarsko otechestvo (Bulgarian Homeland)* XXI, 5—6, 412—450 (in Bulgarian).

Schmit, F.I. 1911. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Education)* XXXIII, 249—259 (in Russian).

Schmit, F.I. 1915a. In *Svetil'nik (Lamp)* 3—4, 47—54 (in Russian).

Schmit, F.I. 1915b. In *Vizantijskiy vremennik (Byzantina Xronika)* XXII, 62—126 (in Russian).

Schmit, F.I. 1931. In *Soobshhenija Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury (Proceedings of the State Academy of History of Material Culture)* 7, 25—29 (in Russian).

Schmit, F.I. 1932a. In *Izvestija Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (Reports of National Academy of History of Material Culture)* 12, 213—253 (in Russian).

Schmit, F.I. 1932b. In *Soobshhenija Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury (Proceedings of the State Academy of History of Material Culture)* 11—12, 61—65 (in Russian).

Schmit, F.I. 1933a. In *Problemy istorii material'noy kul'tury (Problems of the History of Material Culture)* 9—10, 61 (in Russian).

Schmit, F.I. 1933b. In *Izvestija Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (Reports of National Academy of History of Material Culture)* 100. *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy. Sbornik statey k sorokapyatiletiyu nauchnoy deyatel'nosti N.YA. Marra (From the History of Pre-capitalist Formations. Collection of Articles dedicated to the 45th Sciences Activity of N.Ya. Marr)*, 617—634 (in Russian).

Yurochkin, V.Yu. 2017. *Gotskiy vopros (Gothic Problem).* Simferopol: Sonat (in Russian).

Eppshtein, M.N. 1985. In *Dekorativnoye iskusstvo (Decorative Arts)* 6, 21—22 (in Russian).

Schmit, F. 1912. La “Renaissance” de la peinture byzantine au XIVe siècle. *Revue archéologique*. Ser. IV. T. XX, 127—142.

Schmit, F. 1913. Die archäologische Erforschung Bulgariens. *Deutsche Literaturzeitung* 34 Jahrgang, 261—267.

Schmit, F. 1926. Die Mosaiken von Nicaia. *Arcgäologischer Anzeiger* 3—4, 457—464.

Schmit, F. 1927. *Die Koimesis-Kirche von Nikaia, das Bauwerk und die Mosaiken*. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter.

Нумизматика

Numismatics

УДК 94(395)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00022

M. Slavova, I. Prokopov

COIN HOARD WITH IMITATIONS OF PHILIP II FROM BULGARIA*

The subject of the publication is a coin hoard containing 179 imitations known as "East Celtic". They repeat the iconographic type of the tetradrachms of Philip II. The coin type is well known and falls into the classifications of all researchers of the so-called Celtic coinage.

The authors of this material do not comment on the issue of the ethnic origin of the issuer. Also the about question of the center of this abundant coinage. The purpose of the publication is to present one of the most voluminous finds of this coin type discovered south of the Danube River. Another important aim of the material is introduce into scientific circulation some results from the study of the weight and metal content of the coins.

According to previous research, the range of distribution of this imitative type is mainly north of the Danube River. They are included in all catalogs of Celtic coins, but information on their location is scarce. Often the authors present information only from which collection the coins are from. It is only in his work devoted to the so-called "Ghetto-Dacian" coinage that K. Preda gives a comprehensive picture of the main hoards and the areas where they were discovered. It also offers information on treasures south of the Danube River.

The place of storage of the coin treasure published here is extremely unusual. It is in the collection of the Haskovo Regional History Museum. No similar finds, including single coins, have been found in the region of Haskovo district, as well as on the territory of today's Southern Bulgaria. The authors have unconfirmed information about the location of this coin hoard. The coins were discovered in today's Northeastern Bulgaria.

Key words: imitations, Celts, Ghetto-Daki, coins, coinage, tetradrachms, drachms.

About the authors: Mariana Slavova[1], Haskovo Regional History Museum; Ilya Prokopov[2], PhD (Archaeology, Ancient Numismatics), Dr. habil. (History, Archaeology, Applied History), Professor, South-West University "Neofit Rilski", University of Library Studies and Information Technologies.

Contact information: [1]6300, Bulgaria, Haskovo, Svoboda Square 19, Haskovo Regional History Museum; e-mail: mslavova59@abv.bg; [2]2700, Bulgaria, Blagoevgrad, 66 Ivan Mihaylov Str., South-West University "Neofit Rilski"; e-mail: ilya.prokopov@gmail.com.

М. Славова, И. Прокопов

КЛАД МОНЕТ С ИМИТАЦИЯМИ ФИЛИППА II ИЗ БОЛГАРИИ

Предметом публикации является клад монет, содержащий 179 подделок, известный как «восточно-кельтский». Они повторяют иконографический тип тетрадрахм Филиппа II. Тип монет хорошо известен и по классификациям всех исследователей относится к т.н. кельтской чеканке.

Авторы материала не комментируют вопрос об этнической принадлежности эмитента. Как и о центре этой обильной чеканки. Цель публикации — ввести в научный оборот один из самых объемных кладов монет этого типа, обнаруженный к югу от р. Дунай. Еще одна важная цель публикации — ввести в научный оборот результаты исследования веса и содержания металла в монетах.

Согласно предыдущим исследованиям, ареал распространения этого подражательного типа находится в основном к северу от р. Дунай. Они включены во все каталоги кельтских монет, но

* Статья поступила в номер 12 декабря 2020 г.
Принята к печати 29 декабря 2020 г.

© M. Slavova, I. Prokopov, 2020.

информации об их местонахождении немного. Часто авторы приводят информацию только о том, из какой коллекции происходят монеты. Только в своей работе, посвященной так называемой «гетто-дакской» чеканке, К. Преда дает исчерпывающую картину основных кладов и мест, где они были обнаружены. Он также предлагает информацию о сокровищах к югу от р. Дуная.

Место хранения опубликованного здесь монетного клада крайне необычно. Он находится в собрании Хасковского краеведческого музея. Подобных находок, в том числе единичных монет, на территории Хасковского района, а также на территории современной Южной Болгарии не обнаружено. Авторы предлагают свою гипотезу о происхождении находки. По их мнению, монеты происходят из Северо-Восточной Болгарии. Вполне возможно, что их отчеканили в регионе, расположенном за Балканскими горами, у р. Дунай. Т.е. монеты были выпущены примерно в 260—270 км к северу от места обнаружения.

Ключевые слова: имитации, кельты, гето-даки, монеты, чеканка, тетрадрахмы, драхмы.

Об авторах: Марьяна Славова[1], Хасковский региональный исторический музей; Илья Прокопов[2], PhD (Archaeology, Ancient Numismatics), Dr. habil. (History, Archaeology, Applied History), профессор, Юго-Западный университет «Неофит Рилски», Университет библиотековедения и информационных технологий.

Контактная информация: [1]6300, Болгария, г. Хасково, Площадь Свободы, 19, Хасковский региональный исторический музей; e-mail: mslavova59@abv.bg; [2]2700, Болгария г. Благоевград, ул. Ивана Михайлова, д. 66, Юго-западный университет «Неофит Рилски»; e-mail: ilya.prokopov@gmail.com.

CATALOGUE

INCLUDING METRIC DATA AND RESULTS FROM X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS BY GROUPS

X-ray fluorescence analysis is made on only one coin by each group. The analyzed coin is illustrated and the number of the image corresponds to that in the catalog. The groups are divided according to details in the iconography.

Group I

No. 1 24/23 mm; 9.00 g; 6 h. (fig. 1).

Result of X-ray fluorescence analysis:

Obv. — Ag 89.16; Cu 8.18; Fe 0.98; Zn 0.84; Ni 0.36; W 0.25; Pb 0.222

Rev. — Ag 80.55; Cu 16.94; Zn 1.10; Ni 0.94; W 0.24; Pb 0.227

No. 2 24.5/24 mm; 7.45 g; 6 h

No. 3 23.5/23 mm; 7.50 g; 6 h

No. 4 22/22.5 mm; 7.45 g; 6 h

No. 5 22/22 mm; 6.90 g; 12 h

No. 6 22/21.5 mm; 7.70 g; 6 h

No. 7 23.5/23 mm; 6.80 g; 6 h

No. 8 22/21.5 mm; 7.95 g; 12 h

No. 9 24.5/22.5 mm; 7.00 g; 1 h

No. 10 23/22 mm; 7.25 g; 1 h

No. 11 23.5/23 mm; 7.65 g; 1 h

No. 12 23.5/24 mm; 6.80 g; 10 h

No. 13 24.5/24 mm; 7.45; 3 h

Group II
No. 1 23.5/23.5 mm; 7.65 g; 5 h. (fig. 2).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 86.17; Cu 11.17; Zn 1.51; Ni 0.80; W 0.22; Pb 0.135
Rev. — Ag 89.99; Cu 8.04; Zn 1.37; Ni 0.26; W 0.21; Pb 0.138
No. 2 23.5/22.5 mm; 7.50 g; 10 h
No. 3 23/21.5 mm; 7.50 g; 5 h
No. 4 23/22 mm; 6.95 g; 9 h
No. 5 24/23 mm; 7.30 g; 5 h
No. 6 22/21.5 mm; 6.80 g; 5 h
No. 7 24/24 mm; 7.30 g; 1 h
No. 8 25/23.5 mm; 7.45 g; 8 h
No. 9 23.5/23.5 mm; 7.50 g; 6 h
No. 10 22/22 mm; 7.20 g; 3 h
No. 11 22.5/22 mm; 7.20 g; 4 h
No. 12 23/23 mm; 7.40 g; 12 h
No. 13 23/22.5 mm; 7.65 g; 6 h
No. 14 24.5/23.5 mm; 7.30 g; 6 h

Group III
No. 1 23.5/22 mm; 8.10 g; 3 h. (fig. 3).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 85.83; Cu 11.92; Zn 1.44; Ni 0.67; Pb 0.134
Rev. — Ag 85.49; Cu 11.53; Zn 1.72; Ni 0.67; Fe 0.46; Pb 0.135
No. 2 23.5/21.5 mm; 7.35 g; 12 h
No. 3 22.5/21.5 mm; 7.15 g; 1 h
No. 4 24/21.5 mm; 7.65 g; 2 h
No. 5 23/22 mm; 7.50 g; 9 h

Group IV
No. 1 23/22 mm; 7.25 g; 3 h. (fig. 4).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 80.15; Cu 16.51; Zn 1.65; Ni 1.58; Pb 0.123
Rev. — Ag 75.32; Cu 18.94; Ni 3.04; Zn 1.93; Fe 0.64; Pb 0.134
No. 2 22.5/21.5 mm; 6.95 g; 3 h
No. 3 22/21.5 mm; 7.45 g; 6 h
No. 4 23/22 mm; 7.05 g; 3 h
No. 5 22.5/21.5mm; 6.70 g; 6 h

Group V
No. 1 21.5/21.5 mm; 6.85 g; 3 h. (fig. 5).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 83.38; Cu 14.69; Zn 0.95; Ni 0.85; Pb 0.130
Rev. — Ag 68.04; Cu 29.22; Ni 1.31; Zn 1.29; Pb 0.136
No. 2 22.5/21.5 mm; 7.55 g; 12 h
No. 3 23.5/24 mm; 7.15 g; 6 h
No. 4 23/23 mm; 7.40 g; 8 h
No. 5 24/23 mm; 7.30 g; 6 h

Group VI
No. 1 24/22.5 mm; 7.35 g; 12 h. (fig. 6).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 94.06; Cu 13.06; Ni 1.52; Zn 1.26; Pb 0.132
Rev. — Ag 78.38; Cu 18.18; Zn 1.93; Ni 1.35; Pb 0.162
No. 2 24/23.5 mm; 7.50 g; 9 h
No. 3 22.5/22 mm; 7.40 g; 3 h
No. 4 22.5/21.5 mm; 7.20 g; 8 h

Group VII
No. 1 23/20 mm; 7.05 g; 3 h. (fig. 7).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 82.89; Cu 14.87; Zn 1.27; Ni 0.85; Pb 0.132
Rev. — Ag 79.60; Cu 17.86; Zn 1.43; Ni 0.95; Pb 0.154
No. 2 23/21.5 mm; 7.50 g; 3 h

Group VIII
No. 1 23/23 mm; 7.70 g; 4 h. (fig. 8).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 87.70; Cu 9.97; Zn 1.18; Ni 0.97; Pb 0.172
Rev. — Ag 79.34; Cu 17.29; Ni 1.63; Zn 1.58; Pb 0.157
No. 2 22.5/23 mm; 7.30 g; 5 h
No. 3 22/21.5 mm; 7.40 g; 12 h
No. 4 21/22 mm; 7.35 g; 9 h
No. 5 22/24 mm; 7.70 g; 12 h
No. 6 21.5/23 mm; 7.40 g; 11 h
No. 7 22.5/23 mm; 7.30 g; 4 h
No. 8 22/22.5 mm; 7.40 g; 3 h
No. 9 21.5/23.5 mm; 7.35 g; 9 h
No. 10 23/22.5 mm; 8.00 g; 3 h
No. 11 21.5/24 mm; 7.15 g; 3 h
No. 12 23/22.5 mm; 7.45 g; 12 h

Group IX
No. 1 23/22 mm; 6.80 g; 4 h (Fig. 9).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 74.90; Cu 21.39; Zn 2.12; Ni 1.41; Pb 0.181
Rev. — Ag 84.75; Cu 11.81; Ni 1.93; Zn 1.18; Pb 0.33
No. 2 23/22 mm; 7.80 g; 9 h
No. 3 23/21.5 mm; 7.15 g; 9 h
No. 4 23.5/23.5 mm; 7.80 g; 6 h
No. 5 22/21.5 mm; 7.25 g; 12 h
No. 6 23/22.5 mm; 7.45 g; 7 h
No. 7 21.5/21.5 mm; 7.00 g; 9 h
No. 8 23/22 mm; 7.65 g; 4 h

Group X
No. 1 22.5/21.5 mm; 7.35 g; 2 h (Fig. 10).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 82.33; Cu 14.35; Zn 1.87; Ni 1.29; Pb 0.160
Rev. — Ag 77.37; Cu 18.81; Zn 1.98; Ni 1.68; Pb 0.163
No. 2 24/21.5 mm; 7.70 g; 1 h
No. 3 22.5/22 mm; 7.50 g; 6 h
No. 4 23.5/21 mm; 7.05 g; 3 h
No. 5 22.5/23 mm; 7.35 g; 3 h
No. 6 22/22 mm; 7.50 g; 2 h
No. 7 22/22.5 mm; 7.25 g; 2 h
No. 8 23/22 mm; 7.45 g; 5 h
No. 9 23/21.5 mm; 7.75 g; 3 h
No. 10 23/21.5 mm; 7.75 g; 3 h
No. 11 23.5/21 mm; 7.40 g; 4 h
No. 12 24/22.5 mm; 7.50 g; 12 h
No. 13 23/22.5 mm; 7.35 g; 3 h

Group XI
No. 1 22.5/21.5 mm; 7.35 g; 12 h (Fig. 11).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 92.03; Cu 7.53; W 0.20; Ni 0.14; Pb 0.094
Rev. — Ag 81.49; Cu 17.31; Zn 0.58; Ni 0.34; Os 0.18; Pb 0.098
No. 2 23/21.5 mm; 7.25 g; 4 h
No. 3 22.5/23.5 mm; 7.40 g; 9 h
No. 4 21.5/22 mm; 7.20 g; 7 h
No. 5 23/22 mm; 6.90 g; 4 h
No. 6 21.5/22.5 mm; 7.70 g; 2 h
No. 7 24/22.5 mm; 7.50 g; 1 h
No. 8 21.5/21.5 mm; 6.45 g; 8 h
No. 9 22.5/23 mm; 7.50 g; 9 h
No. 10 23/22.5 mm; 6.90 g; 6 h
No. 11 21.5/21.5 mm; 7.00 g; 3 h
No. 12 22/23.5 mm; 7.15 g; 6 h
No.13 21.5/22 mm; 7.20 g; 9 h
No. 14 23.5/20.5 mm; 7.30 g; 6 h
No. 15 22/21.5 mm; 7.10 g; 11 h
No. 16 22.5/22 mm; 7.25 g; 2 h
No. 17 22/22.5 mm; 7.25 g; 7 h

Group XII
No. 1 22/21 mm; 6.75 g; 9 h (Fig. 12).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 57.59; Cu 34.96; Ni 3.86; Zn 3.08; Fe 0.32; Pb 0.191
Rev. — Ag 56.51; Cu 36.38; Ni 3.69; Zn 2.86; Fe 0.38; Pb 0.175
No. 2 22.5/23 mm; 7.15 g; 9 h
No. 3 22/22 mm; 7.30 g; 3 h

No. 4 23/24.5 mm; 7.35 g; 3 h
No. 5 22.5/22 mm; 7.15 g; 9 h
No. 6 22/23 mm; 7.65 g; 9 h
No. 7 22/22 mm; 7.15 g; 9 h

Group XIII
No. 1 22/23 mm; 7.45 g; 6 h (Fig. 13).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 62.90; Cu 34.11; Zn 1.83; Ni 0.54; Fe 0.48; Pb 0.130
Rev. — Ag 81.26; Cu 16.24; Zn 1.37; Ni 0.99; Pb 0.144
No. 2 22.5/21.5 mm; 7.50 g; 12 h
No. 3 22/21.5 mm; 7.05 g; 12 h
No. 4 23.5/23.5 mm; 7.05 g; 6 h
No. 5 23/23 mm; 7.00 g; 3 h
No. 6 23.5/23 mm; 7.05 g; 9 h
No. 7 22.5/23 mm; 7.60 g; 6 h
No. 8 24.5/23.5 mm; 6.80 g; 3 h
No. 9 21.5/23.5 mm; 7.30 g; 12 h

Group XIV (No analysis)
No. 1 21.5/22 mm; 7.15 g; 9 h (Fig. 14).
No. 2 22/22 mm; 7.30 g; 9 h
No. 3 22/22 mm; 7.05 g; 2 h
No. 4 22/20.5 mm; 6.40 g; 12 h
No. 5 22.5/21.5 mm; 7.30 g; 6 h
No. 6 22/22.5 mm; 7.50 g; 12 h
No. 7 23/21.5 mm; 7.05 g; 4 h
No. 8 22/21.5 mm; 7.40 g; 3 h
No. 9 22.5/21.5 mm; 7.30 g; 8 h
No. 10 22.5/23 mm; 6.80 g; 12 h
No. 11 23/22.5 mm; 6.45 g; 6 h

Group XV
No. 1 21.5/22 mm; 7.20 g; 8 h (Fig. 15).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 74.10; Cu 23.98; Zn 0.77; Fe 0.52; Ni 0.46; Pb 0.176
Rev. — Ag 81.50; Cu 14.39; Ni 1.84; Zn 1.28; Fe 0.79; Pb 0.195
No. 2 22/22 mm; 6.25 g; 6 h
No. 3 23/22.5 mm; 7.45 g; 12 h
No. 4 22.5/22.5 mm; 7.40 g; 9 h
No. 5 23/23 mm; 6.85 g; 7 h
No. 6 25/22.5 mm; 6.90 g; 6 h
No. 7 22/22.5 mm; 7.20 g; 6 h
No. 8 24.5/24.5 mm; 7.25 g; 12 h
No. 9 22/23 mm; 7.15 g; 3 h
No. 10 22.5/23 mm; 7.35 g; 3 h
No. 11 23/22 mm; 7.20 g; 9h
No. 12 22/23 mm; 7.15 g; 9 h

Group XVI

No. 1 22/22 mm; 7.00 g; 7 h (Fig. 16).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 76.34; Cu 21.27; Zn 1.57; Ni 0.74; Pb 0.080
Rev. — Ag 77.96; Cu 19.81; Zn 1.24; Ni 0.89; Pb 0.092
No. 2 20.5/23.5 mm; 6.85 g; 8 h
No. 3 21.5/22.5 mm; 7.20 g; 3 h
No. 4 22.5/23 mm; 7.25 g; 6 h
No. 5 23/22 mm; 7.25 g; 12 h
No. 6 22.5/22 mm; 7.30 g; 12 h
No. 7 22/22 mm; 7.05 g; 3 h
No. 8 23/21.5 mm; 7.05 g; 3 h
No. 9 22/22.5 mm; 7.10 g; 9 h
No. 10 22/22.5 mm; 7.00 g; 3 h
No. 11 22.5/21.5 mm; 7.30 g; 8 h
No. 12 22/22.5 mm; 7.20 g; 8 h
No. 13 22.5/23 mm; 7.25 g; 8 h
No. 14 23/21.5 mm; 6.65 g; 3 h
No. 15 22.5/22 mm; 7.30 g; 2 h
No. 16 22.5/23 mm; 7.60 g; 12 h
No. 17 22.5/23 mm; 8.00 g; 3 h
No. 18 22.5/22.5 mm; 7.55 g; 3 h
No. 19 22.5/22 mm; 7.25 g; 3 h
No. 20 22.5/21.5 mm; 6.90 g; 9 h
No. 21 23.5/22.5 mm; 6.80 g; 6 h
No. 22 23.5/22.5 mm; 8.20 g; 1 h
No. 23 22/22 mm; 7.50 g; 12 h
No. 24 23/23 mm; 7.70 g; 6 h
No. 25 22/23 mm; 7.00 g; 2 h
No. 26 22.5/22.5 mm; 7.10 g; 1 h
No. 27 23/23 mm; 7.05 g; 9 h
No. 28 22.5/22 mm; 7.10 g; 3 h

Group XVII

No. 1 24/23.5 mm; 7.55 g; 6 h (Fig. 17).
Result of X-ray fluorescence analysis:
Obv. — Ag 85.71; Cu 10.94; Zn 1.82; Ni 1.38; Pb 0.144
Rev. — Ag 83.93; Cu 12.27; Zn 2.14; Ni 1.52; Pb 0.141
No. 2 24/23.5 mm; 7.60 g; 8 h
No. 3 24/22.5 mm; 7.40 g; 12 h
No. 4 23.5/23 mm; 7.00 g; 12 h
No. 5 24.5/22 mm; 7.10 g; 3 h
No. 6 23/23.5 mm; 7.25 g; 8 h
No. 7 22.5/22.5 mm; 6.95 g; 3 h
No. 8 23/23 mm; 7.95 g; 5 h
No. 9 24/23.5 mm; 7.15 g; 12 h
No. 10 22.5/23 mm; 7.35 g; 11 h

No. 11 22.5/22.5 mm; 7.40 g; 9 h
No. 12 23.5/24 mm; 7.30 g; 3 h
No. 13 23/22.5 mm; 7.05 g; 3 h
No. 14 23/22 mm; 7.15 g; 6 h

A fragment of an object
Result of X-ray fluorescence analysis:
a/ Ag 94.87; Cu 2.27; Fe 1.54; Au 0.91; Pb 0.250; Os 0.17
b/ Ag 96.05; Fe 1.60; Cu 1.38; Au 0.77; Pb 0.163; Ni 0.034

All coins without exception are of the same type. They can be quoted as follows (Forrer 1908: 150, Taf. XXXIII: *287*; Dessewffy 1910: tab. 17—18, No. 417—441; Allen 1987: 26, 47—48, fig. 4, pl. III: *39—45*; Pink 1974: 54, 77—78, No. 3, Taf. XVI: *304—305*; Castelin 1985: 52, 52, 164—165, No. 152, nos. 1317—1325; Göbl 1972: Taf. 26, Sattelkopfpferd, No. 300/7—300/14, 310—311; Preda1973: 216—247, 526—531, pl. XLII—XLVII; Kostial 2003: 112—117, No. 623—651).

The publications mentioned above do not provide information on discovered coin hoards south of the Danube River from the territory of Bulgaria.

In general, the coin type is known and recognized as *Mit Sattelkopfpferd* and is positioned as *Südosten*. The term has been accepted by most of the researchers from continental Europe. D. Allen defines the coins as type C2 (d).

C. Preda has worked out and released the hoards from Romania and named the coin type according to the area where they have the highest concentration. He has labeled them as *Tip Virteju-Bucuresti*. Because it is difficult to spell the name, we present it abbreviated by its two initial letters V-B.

C. Preda localizes a total of 45 coin hoards of the mentioned coin type along the Lower Danube. According to him, there are 40 hoards containing this coin type discovered in Romania and 5 coming from Bulgaria (Preda 1973: 215—247). He points to the following finds in Bulgaria: Nikolovo 19 coins; Pirgovo 22 coins; Ruse 21 coins; Hursovo 20 coins; and Slivo Pole 19 coins (Preda 1973: 215—247).

This information was available to the author while working on his book. Today we have new information about the discoveries in Bulgaria. During the construction of Central Market (Central Khali) in Ruse, a hoard was found containing coins of type V-B. The find was examined and published by D. Dragoev (Dragoev 2013a: 99—103). Thus, to the 5 hoards announced by Preda, the one from *Khalite* is also added. It is combined with other imitation types. D. Dragoev accepts the hypothesis mentioned by other authors (Draganov 2008: 36—41) that it seems possible this coin type was minted in the Ruse region. The discovery of coin matrices for these coins comes as an argument.

The hoard presented here appears to be the seventh one in the row. The authors cannot comment on the information about a similar find from the region of Vratsa region (Manov 2018: 245—260). The reason is the possible option that the published 2 coins were part of the same numerous hoard we discuss now.

At present, several of the known hoards from Bulgaria containing the coin type considered here remain unpublished. The publication of the ones from Pirgovo-1938 (ICHB I 2017) (Gerasimov 1939: 455) and Ruse-1969 (Gerasimov 1979: 138; ICHB I 2017) is forthcoming. Both contain coins of the type in question but are combined with other imitation coins. The collection of NIAM BAS houses 23 coins from the hoard of Pirgovo-1938. Twenty pieces of them are imitations of type

C2 (d) according to Allen or of type V-B after Preda, weighing almost identical to those published here. The remaining 3 coins are imitations of Philip III with a higher weight of 15—16 g. From the hoard from Ruse-1969, the number of the surviving coins is only 12. Ten of them are tetradrachms with reduced weight and 2 drachms. Two coins alone belong to type C2 (d) after Allen or to type V-B according to Preda.

The places where the hoards were discovered are also confirmed by the results of archaeological excavations in the area of the city of Ruse (Dragoev 2013b: 94—98).

Among the new hoards with imitation coins repeating the types of the Macedonian kings, the one considered here stands out clearly as a volume. It is also the largest one ever found south of the Danube River. At the time of discovery it contained between 700 and 800 coins, and was homogeneous in composition. The hoard was scattered in the period after 2007. Information about it has been generally collected from secondary data and traces of the scattered coins. The object of the work here presented is only the share of 179 coins from the collection of the Regional Museum of History in Haskovo.

The exact location of the discovery is not yet known. There is unofficial information only that it was found east of the Yantra River. All the rest of the coin hoards of this type have been found in the area of Ruse. It seems possible that the hoard considered here was discovered there as well.

An interesting analysis shows the comparison of the volumes of this coin type on the left and right banks of the Lower Danube. The total number of V-B type coins discovered along the left bank of the Danube and analyzed by C. Preda is 906. It represents the sum of 40 coin hoards. There are 100 coins within the announced 5 hoards from the right bank of the river. D. Dragoev released 12 more coins from Ruse (Dragoev 2013a: 99—104). M. Manov released 2 coins (Manov 2018: pl. LIV: *1—2*).

Depending on the actual number of pieces within the hoard we are considering, the total number of coins of this imitation type along the right bank could be 814 or 914. We mention this only for information and on the occasion of the possibility that the coins were struck in various places, including in the area on the right bank of the Danube. All these speculations to date are indicative. Until the hoards from Bulgaria are published, no comparison can be made. Judging only by the brief messages about coin finds, discrepancies often occur. An example comes the hoard from the village of Harsovo, Razgrad region. It was declared by T. Gerasimov as *Celtic imitations of the type of Philip III Arrhidaeus*. Furthermore, Gerasimov did not report the number of coins. In his work, C. Preda points out a specific number for the same treasure — 20 coins. Often there are no exact numbers of coins within the hoards at their discovery — they indicate only those that have been seen or entered the museums. No one at this stage in Bulgaria has made an exact distinction between the types of imitations of Philip II. In order to continue the work on the imitations, repeating the coins of the Macedonian kings, the detailed publication of the coin finds from Bulgaria is necessary.

From the new hoard, stable data on weight variations can be derived.

10,		**Quantity / Graphics**	**Percent**
6,25	(1)	•	0.55
6,40	(1)	•	0.55
6,45	(2)	••	1.10
6,65	(1)	•	0.55
6,70	(1)	•	0.55
6,75	(1)	•	0.55
6,80	(7)	•••••••	3.85
6,85	(3)	•••	1.65
6,90	(5)	•••••	2.75
6,95	(3)	•••	1.65
7,00	(8)	••••••••	4.40
7,05	(12)	••••••••••••	6.60
7,10	(5)	•••••	2.75
7,15	(14)	••••••••••••••	6.60
7,20	(10)	••••••••••	5.50
7,25	(13)	•••••••••••••	7.15
7,30	(16)	••••••••••••••••	8.80
7,35	(11)	•••••••••••	6.05
7.40	(12)	•••••••••••	6.60
7.45	(10)	••••••••••	5.50
7.50	(15)	•••••••••••••••	8.25
7.55	(3)	•••	1.65
7.60	(3)	•••	1.65
7.65	(6)	••••••	3.30
7.70	(7)	•••••••	3.85
7.75	(2)	••	1.10
7.80	(2)	••	1.10
7.95	(2)	••	0.55
8.00	(2)	••	1.10
8.10	(1)	•	0.55
8.20	(1)	•	0.55
9.00	(1)	•	0.55

The weights of the coins conditionally divided into groups show the highest concentration between 7.00 and 7.50 g:

Up to 6.95 g — 13.75%;
Up to 7.00 до 7.95 g — 83.05%;
Over 8.00 g — 2.75%.

A comparison with the weights of the coins from only a few finds shows that there is a large coincidence for the concentration between 7 and 8 g:

Up to 6.95 g — 12.50%;
Between 7.00 to 7.95 g — 84.00%
Over 8.00 g — 3.22%.

The authors think that the overall picture will move in similar parameters. These results are for guidance only and are comparable to other hoards.

Published data from Romanian treasures show the following summary results for the weights of coins of the same type (Preda 1973: 216—227):

Up to 6.95 g — 16.20%
Between 7.00 to 7.95 g — 78.83%
Over 8.00 g — 4.66%

The statistical base of the findings from Romania is several times larger than ours and it probably gives more accurate data. But even with small differences in percentages, there are many similarities.

Although with fewer examples, the excerpt from M. Kostial's catalog also gives us orientation (Kostial 2003: 112—117):

Up to 6.95 g — 21.00%
Between 7.00 to 7.95 g — 68.00%
Over 8.00 g — 11.00%

Here the differences in percentages are greater. We take them for example only. That is because the coins are not from coin hoards. They are randomly selected from a collection.

Still another important novelty is tracing the composition of the metal. The deposits of copper compounds on the surface of the coins are obvious. In the case of coins struck from high-grade silver, similar ones do not appear. The group analysis taken from one coin per group shows serious differences in the percentages of silver. These differences are not only between individual coins, but also between the samples from the obverse and the reverse of the same coin. The analysis is non-destructive and was performed with an X-ray fluorescence apparatus[1]. The penetration depth is between 10 and 20 microns. For this reason, it is not possible to say what is the composition inside the coins.

Results by groups for the obverse and reverse of the coins:

Group	**AR Obv. %**	**AR Rev. %**
Group I	89.16	80.55
Group II	86.17	85.49
Group III	85.83	85.49
Group IV	80.15	75.32
Group V	83.38	68.04
Group VI	94.06	78.38
Group VII	82.89	79.60
Group VIII	87.70	79.34
Group IX	74.90	84.75
Group X	82.33	77.37
Group XI	92.03	81.49
Group XII	57.59	56.51
Group XIII	62.90	81.26
Group XIV	—	—
Group XV	74.10	81.50
Group XVI	76.34	77.96
Group XVII	85.71	83.93

[1] Olympus The Xpert, XP-6500-CC.

In total, the following result is obtained for the coins in the treasure:

Highest amount of silver — 94.06%
Lowest amount of silver — 65.51%

The biggest difference in silver content between the obverse and the reverse in one coin we see in Group VI, 1 — 15.68%.

The conclusions are that there is definitely no strict standard for the silver content in the coin blanks. In addition, insufficient good mixing of the alloy components during melting can be observed.

Obviously the picture of the distribution of this coin type to the south-southeast in the area between the Danube River and the Balkan Mountains needs to be supplemented. A special phenomenon in the monetary circulation is emerging. The direction of penetration and spread of coins of the types of Philip II, Alexander III and Philip III Arrhidaeus was reversing. In the late 4th and the first half of the 3rd c. BCE the silver coins of the Macedonian kings were running north-northwest. About the late 3rd and in the first half of the 2nd c. BCE the direction of spread of the imitations changed. It returned to its source.

At this stage, the authors of the work here presented do not yet have a complete picture of the penetration to the south-southeast. It is still not entirely certain whether the imitation coins proceeded through the passes of Haemus. It is also not clear whether this imitation type was minted south of the Danube River. There are claims concerning this possibility, but they have not yet been proven (Draganov 2008).

Nevertheless, there is something that is indisputable. Money cannot be an arbitrary act. Behind every currency is solid power. It is necessary to study the area of influence and the time of use of imitations of this coin type and only then to make a thorough historical analysis.

The time of distribution and use of these coins south of the Danube River ceased in the 2nd c. BCE. They mixed with similar imitation types. In Ruse-1969 (ICHB I 2017) and Ruse-1939 (Dragoev 2013b: 94) the combination is with tetradrachms of a similar type with reduced weight, as well as with drachms — imitations of Philip III Arrhidaeus. In the hoard from Pirgovo-1938 they are combined with tetradrachms — imitations of Philip III weighing from 14.85 to 16.57 g[2]. The archaeological research of a pit complex in Ruse reveals the same results — a combination with drachms imitating Alexander III and Philip III (Dragoev 2013b).

It is necessary to emphasize still another important observation that concerns the silver imitation coins in today's Bulgarian territories. This is the lack of mixing this imitation type with Thasos imitations. We can affirm that there is a noticeable hiatus between them. The true imitations of the tetradrachms of the Island of Thasos appeared only after the first 2 or 3 decades of the 1st c. BCE. The events occurring after 168 BCE dramatically changed the picture of the coin circulation on the Balkans. The coin type considered here, as well as all similar ones, disappeared from the coin circulation south of the Danube River as early as the mid 2nd c. BCE (Prokopov 2016).

[2] The publication of this coin hoard by I. Prokopov is forthcoming.

References

Allen, D. 1987. *Catalogue of the Celtic coins in the British Museum.* Vol. I. *Silver Coins of the East Celts and Balkan Peoples*. London: British Museum Press.

Castelin, K. 1985. *Keltische Munzen. Katalog der Sammlung des Schweizerischen Landesmuseums*. Bd. II. *Kommentar*. Stäfa: Th. Gut & Co.

Dembski, G. 1979. *Kataloge der antiken Münzen*. A. *Griechen.* I. *Hispanien und die rőmischen Provinzen Galliens*. Wien: Kunsthistorisches Museum.

Dessewffy, M. 1910. *Gróf Dessewffy Miklós barbár pénzei*. Budapest: Hornyánszky Viktor cs. és Kir. Udvari Könyvnyomdája.

Draganov, D. 2008. *Matritsa za izrabotvane na litsevi monetni pechati za imitatsii ot tipa "Sattelkopfpferd" ("Virteju-Bucuresti") (Matrix for making face coins for imitations of the "Sattelkopfpferd" type ("Virteju-Bucuresti")). Izvestiya na Regionalen istoricheski muzei-Ruse (Proceedings of the Regional History Museum Ruse)* XII, 36—41 (in Bulgarian).

Dragoev, D. 2013a. Kasnoelinisticheska monetna nakhodka ot Ruse (Late Hellenistic Coin Hoard from Rousse). In: Varbanov, V. (ed.). *Sexaginta Prista. Trakiiski yamen kompleks (Sexaginta Prista. Thracian pit complex)*. Vol. I. Veliko Tarnovo: SIRA, 99—104 (in Bulgarian).

Dragoev, D. 2013b. Numizmatichniyat material ot yamniya kompleks v Ruse (The Numismatic Material from the Pit Complex in Rousse). In: Varbanov, V. (ed.). *Sexaginta Prista. Trakiiski yamen kompleks (Sexaginta Prista. Thracian pit complex)*. Vol. I. Veliko Tarnovo: SIRA, 94—98 (in Bulgarian).

Forrer, R. 1908. *Keltische Numismatik der Rhein- und Donaulande*. Strassburg: Karl J. Trübner.

Gerasimov, T. 1939. Kolektivni nakhodki na moneti prez 1937 i 1938 g. (Collective Finds of Coins in 1937 and 1938). *Izvestiya na Bulgarski arkheologicheski institut (Proceedings of the Bulgarian Archaeological Institute)* XII, 450—457 (in Bulgarian).

Gerasimov, T. 1979. Trésors monétaires trouvés en Bulgarie au cours de 1968, 1969 et 1970. *Bulletin de l'Institut Archéologique Bulgare* XXXV, 134—141.

Göbl, R. 1973. *Ostkeltischer Typenatlas.* Braunschweig: Klinkhardt & Biermann.

ICHB I 2017: Teodosiev, N. 2017. *Opis na kolektivnite monetni nakhodki ot Bulgariya (An Inventory of Coin Hoards from Bulgaria)*. Vol. I. *Ot domonetnata epokha do 498 g. sl. Khr. (From the Pre-Coin Era to 498 CE)*. Sofia: Nikolai (in Bulgarian).

Kostial, M. 2003. *Kelten im Osten*. *Gold-und Silber Munzen der Keltenin Mittel- und Osteuropa, Sammlung Lanz*. Munchen: Staatliche Munzsammlung Munchen.

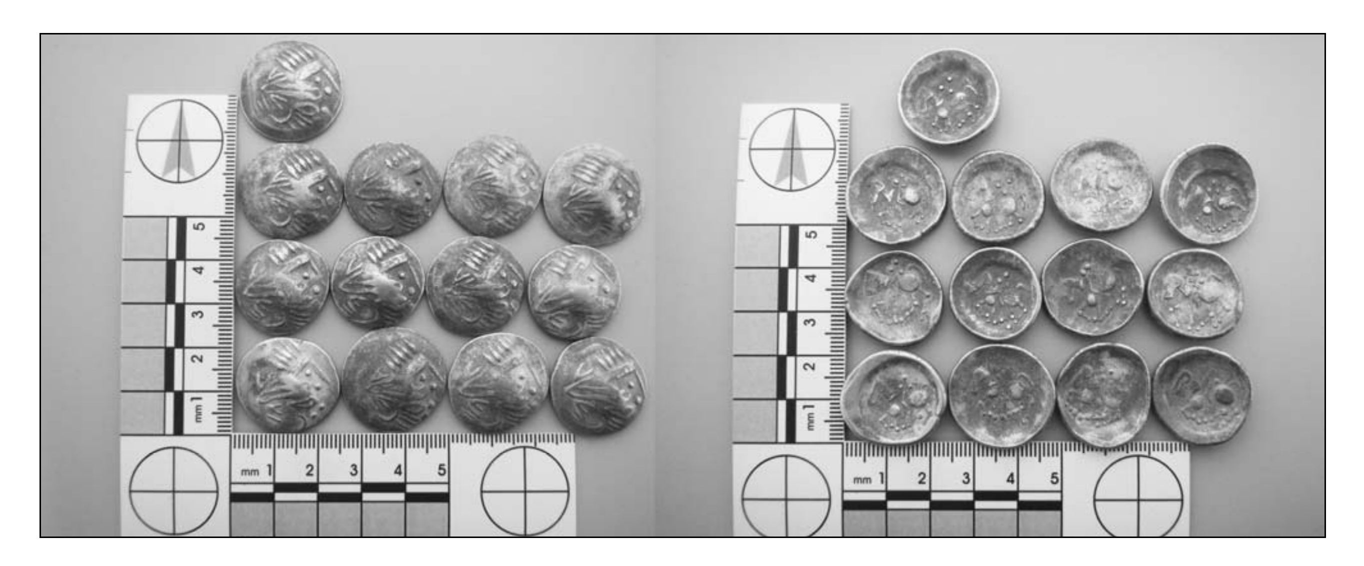
Manov, M. 2018. Keltski moneti ot raiona na Vratsa (Celtic Coins from the Region of Vratsa). *Numizmatika, sfragistika i epigrafika (Numismatics, Sphragistics and Epigraphy)* 14, 245—260 (in Bulgarian).

Pink, K. 1974. *Die Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn*. Braunschweig: Klinkhardtt & Biermann.

Preda, C. 1973. Monedele Geto-Dacilor. *Biblioteca de arheologie* XIX. Bucureşti: Academiei Republicii Socialiste România.

Prokopov, I. 2016. *Parichni masivi v Trakia prez II—I v.pr. Hr. Kam istoriata na osnovnite srebarni monetosechenia (Money Supply in Thrace in the 2nd — 1st century BCE. To the History of the main Silver Coinage)*. Sofia: ProVias; Sdruzhenie "Bulgarska muzeina kamara" (CCCHBulg.M 1) (in Bulgarian).

Prokopov, I. 2020. Monetnite imitatsii v Trakiya. Analiz na monetnite sŭkrovishta za perioda 3—1 v. pr. Khr. (Coin imitations in Thrace. Analysis of coin treasures for the period 3rd — 1st century BCE). *Jubileus* 8 (in print) (in Bulgarian).

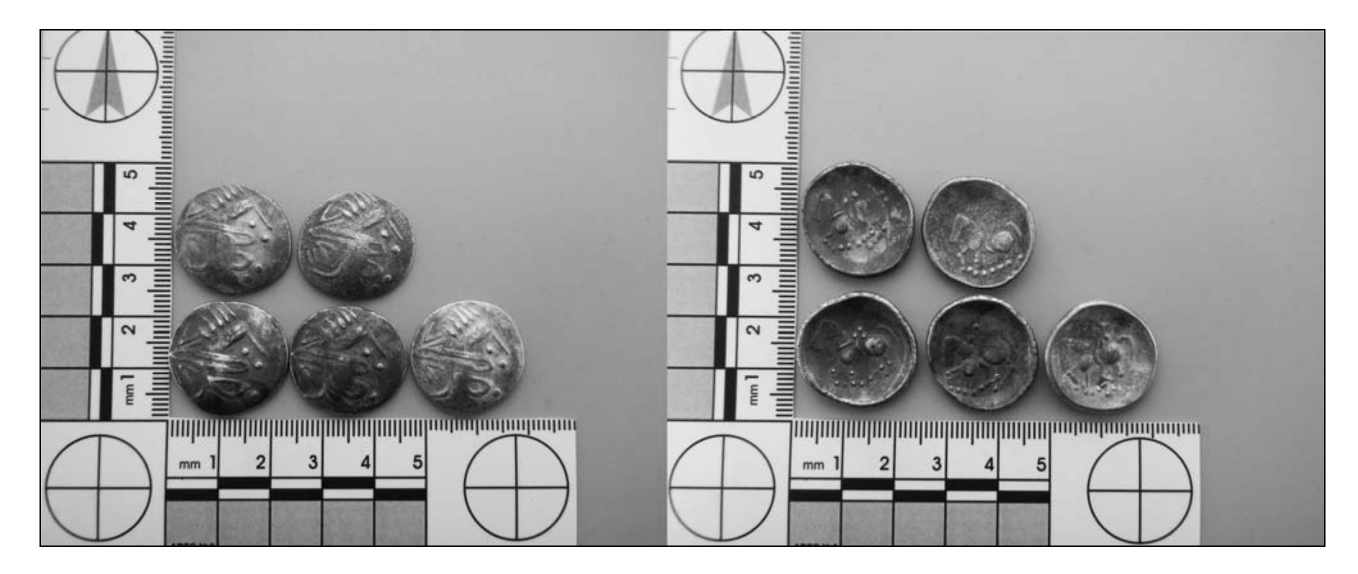
Group I.

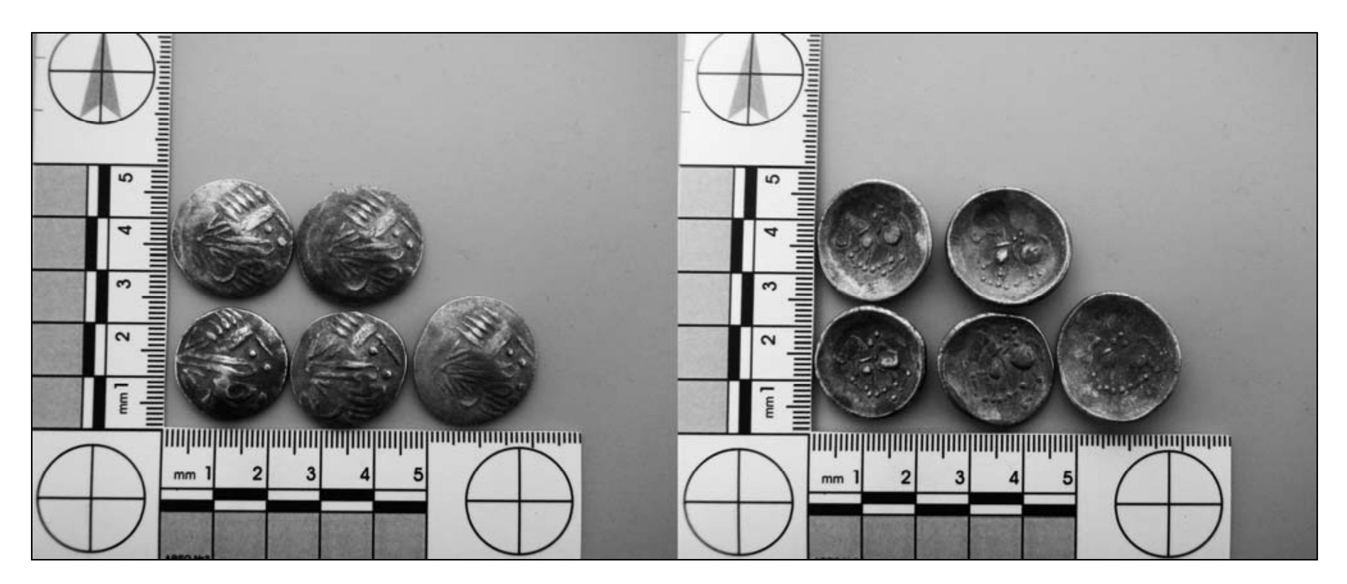
Group II.

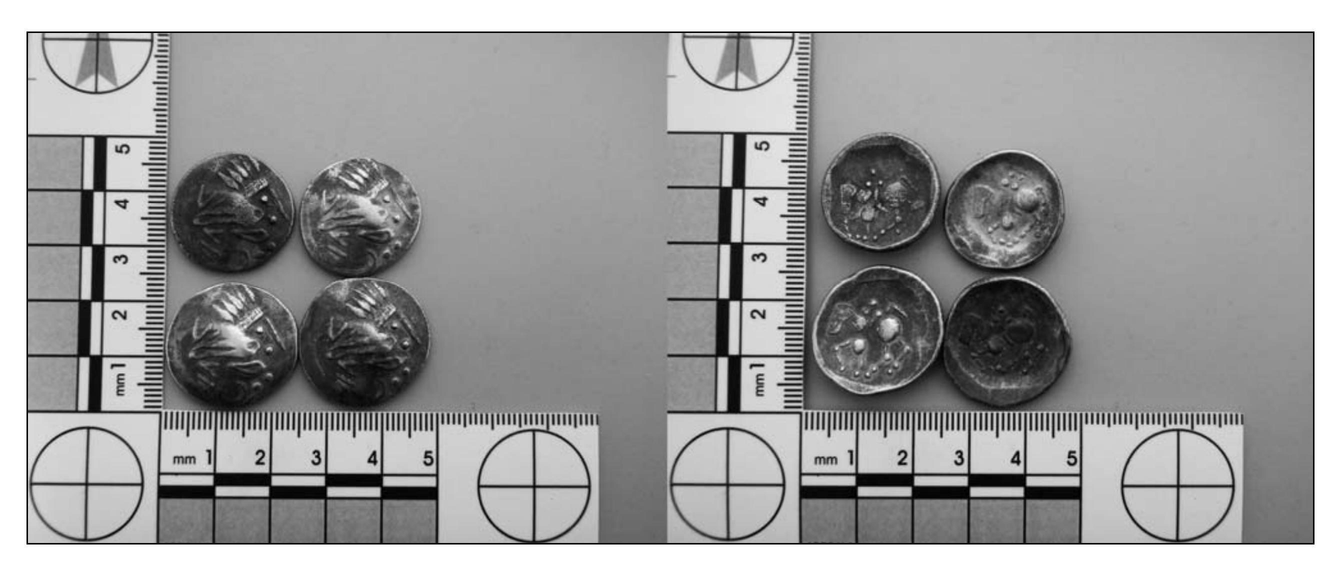
Group III.

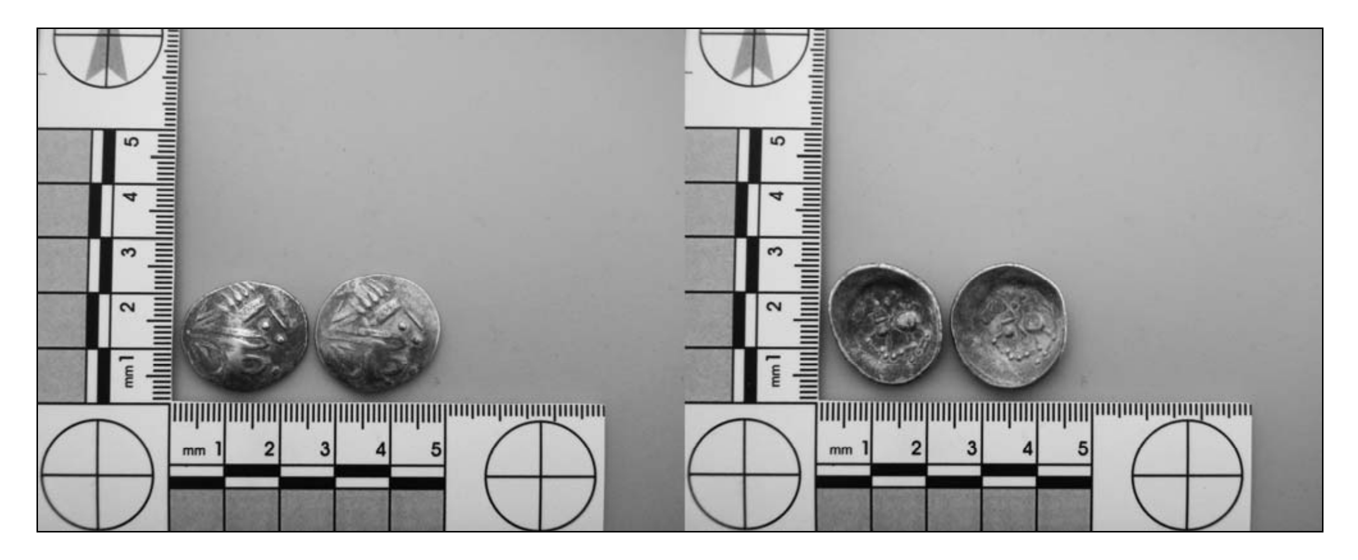
Group IV.

Group V.

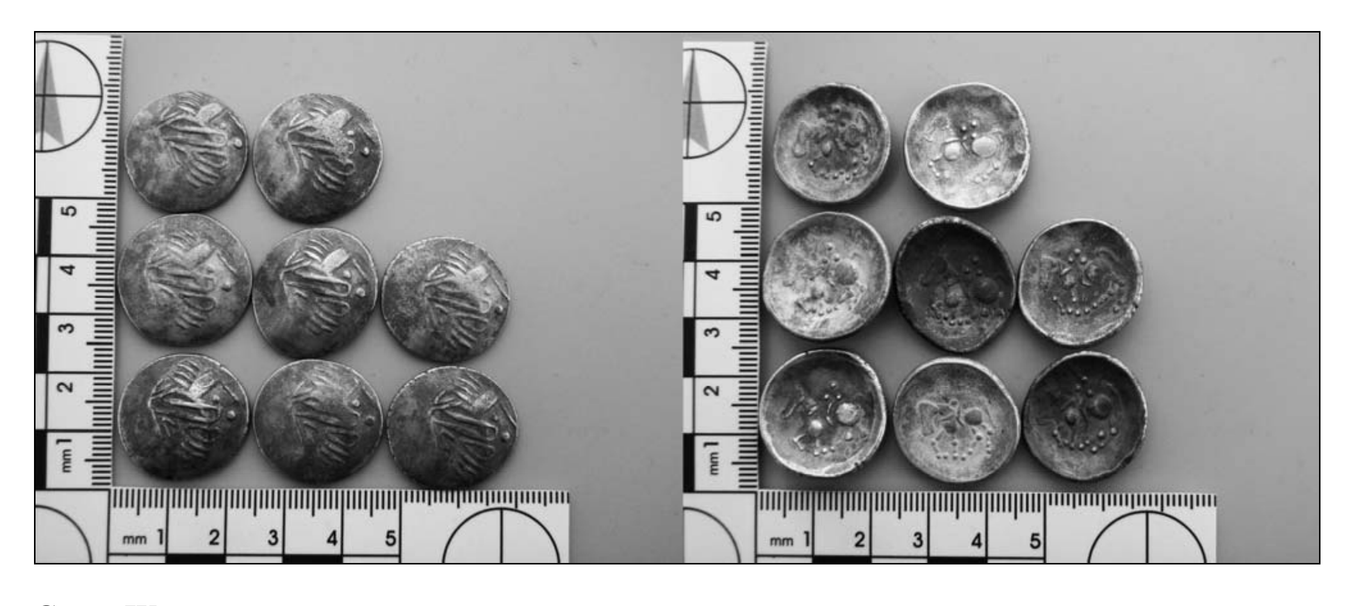
Group VI.

Group VII.

Group VIII.

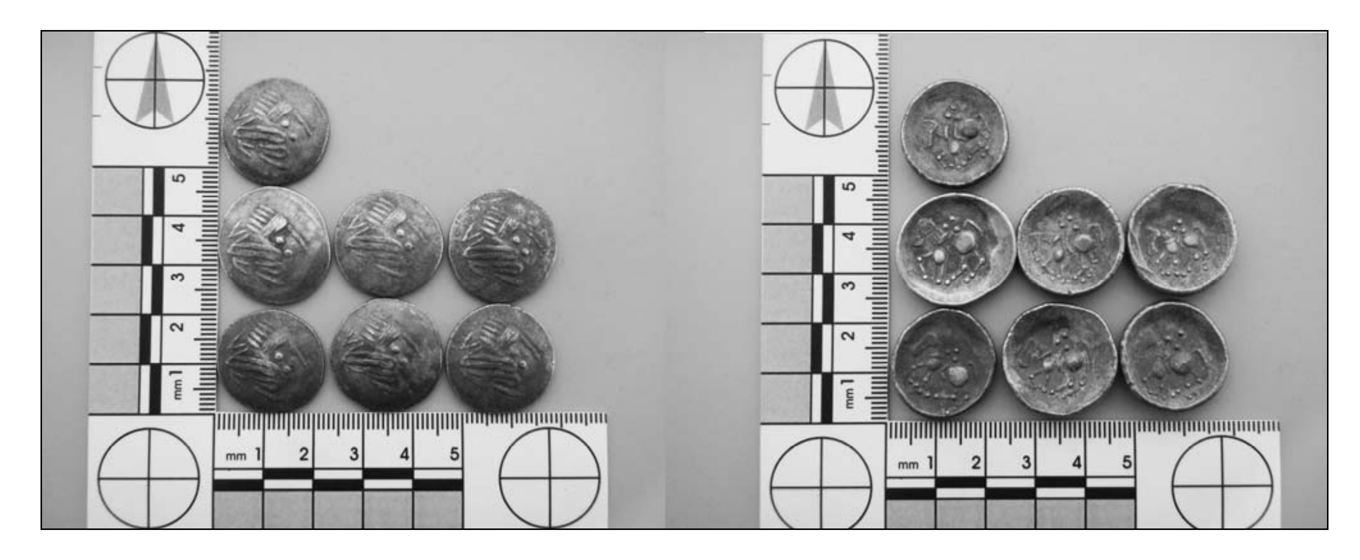
Group IX.

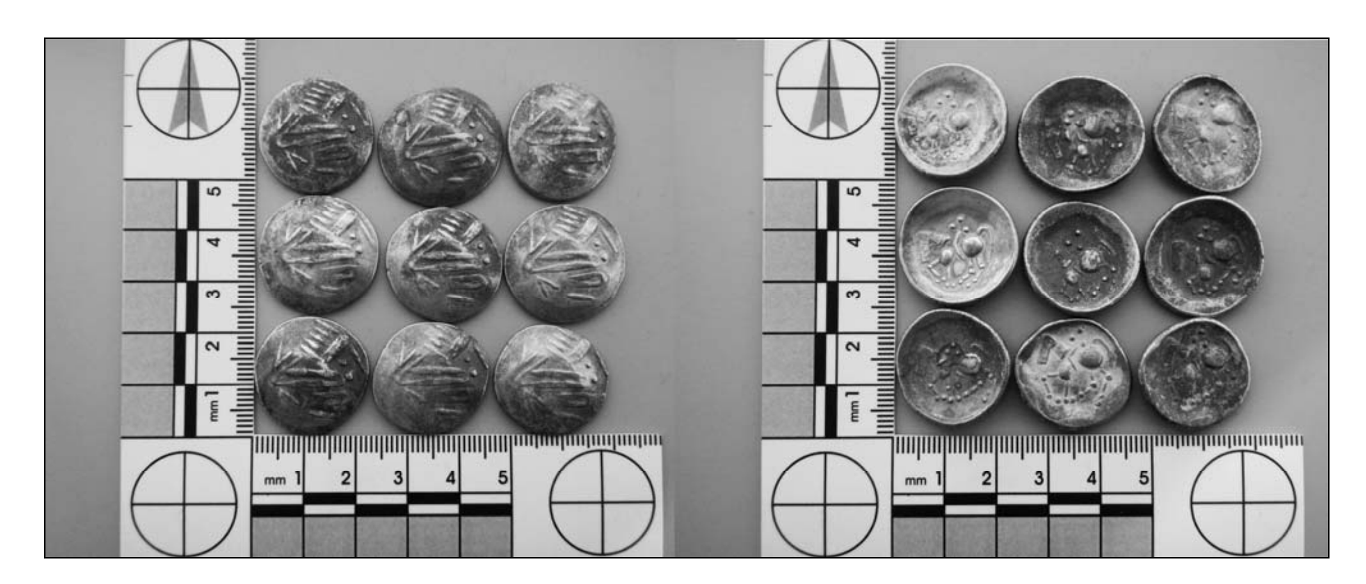
Group X.

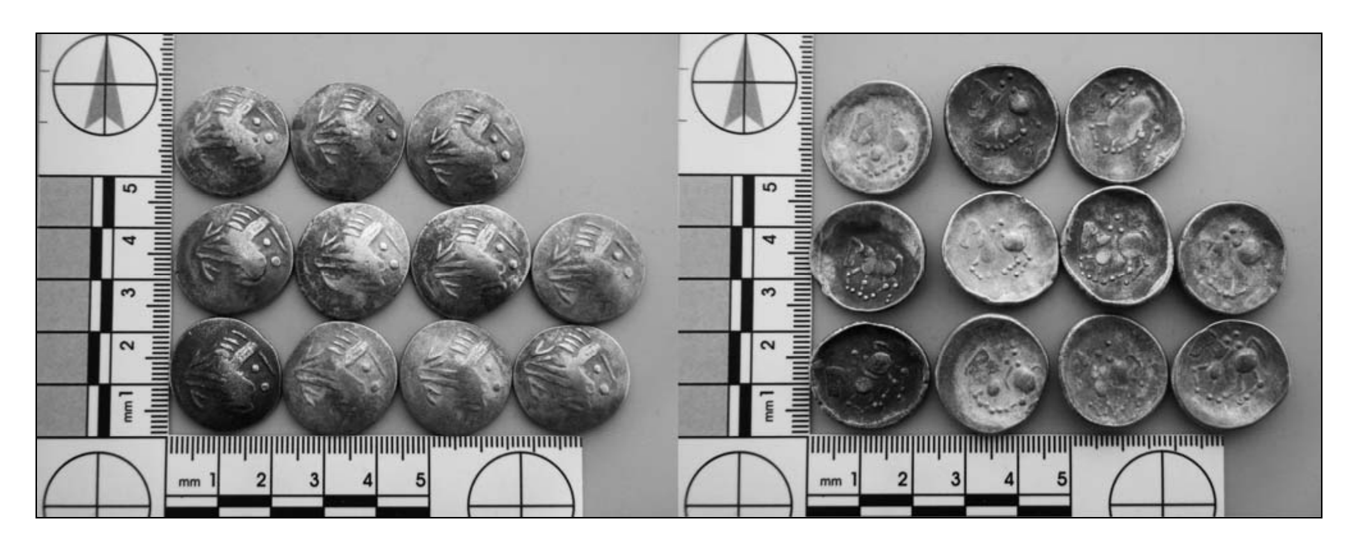
Group XI.

Group XII.

Group XIII.

Group XIV.

Group XV.

Group XVI/1.

Group XVI/2.

Group XVII.

Fig. 1. Coin of the Group I.

Fig. 2. Coin of the Group II.

Fig. 3. Coin of the Group III.

Fig. 4. Coin of the Group IV.

Fig. 5. Coin of the Group V.

Fig. 6. Coin of the Group VI.

Fig. 7. Coin of the Group VII.

Fig. 8. Coin of the Group VIII.

Fig. 9. Coin of the Group IX.

Fig. 10. Coin of the Group X.

Fig. 11. Coin of the Group XI.

Fig. 12. Coin of the Group XII.

Fig. 13. Coin of the Group XIII.

Fig. 14. Coin of the Group XIV.

Fig. 15. Coin of the Group XV.

Fig. 16. Coin of the Group XVI.

Fig. 17. Coin of the Group XVII.

УДК 94(495)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00023

М.М. Чореф

МОНЕТЫ ПАНТИКАПЕЯ И ФАНАГОРИИ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I В. ДО Н.Э. КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Статья посвящена оболам, тетрахалам и дихалкам чекана Пантикапея и Фанагории с бюстами Аполлона в лавровом венке, бородатого Геракла, а также Ники с шестиконечной звездой с длинными лучами на аверсе и с изображениями стрелы, лиры и пальмовой ветви, пасущегося пегаса, лука с горитом или со стрелой, лавровой ветви, перевитой лентой, палицы и львиной шкуры, а также проры корабля на реверсе. Их общепринятая классификация до сих пор не разработана, а потенциал как источника исторической информации не раскрыт. Решаем эту задачу, основываясь на результатах иконографического анализа. Выделяем в первую серию оболы со стрелой, лирой и пальмовой ветвью и тетрахалки с пасущимся пегасом на реверсе, выбитые на монетах Асандра. Судя по митридатидской символике, их отчеканили при Скрибонии. После его свержения в Пантикапее были выпущены тетрахалки с горитом и луком и дихалки с палицей и львиной шкурой на реверсе. Относим эти монеты ко второй серии Пантикапея. В Фанагории в период восстания чеканили тетрахалки с пальмовой ветвью. Выделяем их во вторую серию Фанагории. А после победы инсургентов выпустили тетрахалки с луком и стрелой на реверсе. Относим их к третьей серии Фанагории. Судя по разнообразию символики монет, после гибели Скрибония Боспорское государство распалось. В начале правления Полемона I в Пантикапее и в Фанагории были отчеканены однотипные тетрахалки с бюстом Аполлона на аверсе и с профой корабля на реверсе, что свидетельствует о восстановлении единства государства. Относим эти монеты к третьей серии Пантикапея и четвертой серии Фанагории. Как видим, привлекшие наше внимание монеты как нельзя лучше проиллюстрировали события, произошедшие на Боспоре в последней трети I в. до н.э.

Ключевые слова: история, нумизматика, Боспор, полисный чекан, иконографический анализ.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

M.M. Choref

COINS OF PANTICAPAEUM AND PHANAGORIA OF THE 3rd QUARTER OF THE 1st CENTURY BCE AS A SOURCE OF HISTORICAL INFORMATION

The article focuses on the obols, tetrachalkoi and dichalkoi of the Panticapaeum and Phanagoria mints with busts of Apollo in a laurel wreath, bearded Hercules as well as Nike with six-pointed star with long rays on the obverse and with images of an arrow, lyre and palm branch, grazing Pegasus, bow with gorytos or laurel branch, intertwined with ribbon, club and lion's skin, as well as ship's prora on the reverse. Their generally accepted classification has not yet been developed, and their potential as a source of historical information has not been revealed. We solve this problem based on the results of iconographic analysis. In the first series, we single out obols with an arrow, lyre and palm branch and tetrachalkoi with a grazing Pegasus on the reverse, embossed on Asander's coins. Judging by the Mithridatidic symbolism, they were minted in the time

* Статья поступила в номер 12 декабря 2020 г.
Принята к печати 30 декабря 2020 г.

© М.М. Чореф, 2020.

of Scribonius. After his overthrow in Panticapaeum, tetrachalkoi with gorytos and a bow and dichalkoi with club and lion's skin on the reverse were issued. We attribute these coins to the second series of Panticapaeum. In Phanagoria during the period of the uprising, tetrachalkoi with a palm branch were minted. We select them in the second series of Phanagoria. And after the victory of the insurgents, they fired tetrachalkoi with a bow and arrow on the reverse. We attribute them to the third series of Phanagoria. Judging by the variety of coin symbols, after the death of Scribonius, the Bosporus state collapsed. At the beginning of the reign of Polemon I, in Panticapaeum and in Phanagoria, the same type of tetrachalke with a bust of Apollo on the obverse and with ship's prora on the reverse were minted, which testifies to the restoration of the unity of the state. We attribute these coins to the third series of Panticapaeum and the fourth series of Phanagoria. As we can see, the coins that attracted our attention perfectly illustrated the events that took place in the Bosporus in the last third of the 1st century BCE.

Key words: history, numismatics, Bosporus, polis coinage, iconographic analysis.

About the author: Choref Mikhail Mikhailovich, PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

Продолжаем изучение нумизматики Боспорского царства понтийского и раннеримского периодов. Обратим внимание на медные и бронзовые монеты, изображения которых приведены на рис. 1 и 2. Принято считать, что их выпускали в Пантикапее[1] (рис. 1) и в Фанагории[2] (рис. 2: *1—4, 8—11*) в третьей четверти I в. до н.э.[3]. На аверсе этих монет оттиснуты бюсты Аполлона в лавровом венке (рис. 1: *1—5, 7, 8*; 2: *1, 8—11*), бородатого Геракла (рис. 1: *6*) и Ники с шестиконечной звездой с длинными лучами (рис. 2: 2—*4*), а на реверсе выбиты изображения стрелы, лиры и пальмовой ветви (рис. 1: *1, 2*), пасущегося пегаса (рис. 1: *3, 4*, 2: *1*), лука с горитом (рис. 1: *5*) или со стрелой (рис. 2: *8*), лавровой ветви, перевитой лентой (рис. 2: *2—4*), палицы и львиной шкуры (рис. 1: *6*), а также проры корабля (рис. 1: *7, 8*, 2: *9—11*). На их оборотных сторонах размещены легенды «ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ» (рис. 1) и «ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ» (рис. 2). Это оболы (рис. 1: *1, 2*), тетрахалки (рис. 1: *3—5, 7, 8,* 2) и дихалк (рис. 1: *6*).

Эти монеты принято датировать правлением Асандра (48/47—19/18 гг. до н.э.) (Анохин 1986: 80, 147—148, № 247—252; 1999: 122; 2011: № 1126—1129, 1183—1186; Зограф 1951: 190; Фролова 1997: 23; 2001: 41, 44—45, 50—51, 56—57). Доводы в пользу этого тезиса привели А.Н. Зограф и Н.А. Фролова. Так, первый из ученых заметил, что заготовки для пантикапейских тетрахалков с пасущимся пегасом на реверсе и статеров Асандра были изготовлены по единой технологии (Зограф 1951: 190). Он также заключил, что «типом лицевой стороны в Пантикапее служит голова, обнаруживающая очень большое сходство с головами на большинстве статеров Асандра, хотя и украшенная лавровым венком, т.е. долженствующая представить Аполлона» (Зограф 1951: 190).

---

[1] Изображения и описания монет, приведенных на рис. 1, опубликованы на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4; bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6; bosporan-kingdom.com: 7; bosporan-kingdom.com: 8).

[2] Сведения о монетах на рис. 2 приведены В.А. Анохиным (Анохин 2011: № 1185), а также опубликованы на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 9; bosporan-kingdom.com: 10; bosporan-kingdom.com: 11; bosporan-kingdom.com: 12; bosporan-kingdom.com: 13; bosporan-kingdom.com: 14; bosporan-kingdom.com: 15; bosporan-kingdom.com: 16; bosporan-kingdom.com: 17; bosporan-kingdom.com: 18). О подражаниях фанагорийским монетам (рис. 2: *5—7*) см. ниже.

[3] Наши соображения по вопросу о выделении и датировании отдельных серий изучаемых монет будут приведены и обоснованы по мере изложения материала.

Заметим, что первый аргумент А.Н. Зографа недостаточно убедителен. Вряд ли есть основания ожидать от античных монетных мастеров разработки особой технологии формовки заготовок для разменной монеты. Куда убедительнее второй довод. Да, сходство изображений свидетельствует о том, что бронзы Пантикапея с пасущимся пегасом не реверсе могли чеканить при Асандре. Так же полагала и Н.А. Фролова (Фролова 2001: 41). Однако эти ученые не высказали соображений по вопросу о датировке тетрахалков Фанагории (рис. 2: *1—4, 8—11*). Хотя сходство композиций реверса бронз Пантикапея и Фанагории: с пасущимся пегасом (рис. 1: *3, 4*, 2: *1*) и с пророй корабля (рис. 1: *7, 8*, 2: *9—11*) может быть истолковано как довод в пользу предположения об одновременности их выпуска. Так же считал и В.А. Анохин (Анохин 1986: 80). Хотя все исследователи признавали, что датирование городских бронз Пантикапея и Фанагории все еще довольно затруднительно (Анохин 1986: 80; Зограф 1951: 190; Фролова 1997: 23).

Первым классификацию этих монет разработал А.Н. Зограф. Ученый допустил, что их можно разделить на две серии. К первой он отнес оболы и тетрахалки с изображением пасущегося пегаса, ко второй — прочие выпуски (Зограф 1951: 190). В свою очередь, В.А. Анохин предложил куда более детальную классификацию (Анохин 1986: 80; 1999: 122). Он заключил (Анохин 1986: 80), что первыми, в 50—48 гг. до н.э., были выпущены оболы Пантикапея с бюстом Аполлона на аверсе и с лирой и с пальмовой ветвью на реверсе[4] (рис. 1: *1, 2*), а также тетрахалки Фанагории с погрудным изображением Ники на лицевой и с ветвью, перевитой лентой на оборотной сторонах (рис. 2: *2—4*). Исследователь также полагал, что в 47—37 гг. до н.э. в Пантикапее были отчеканены тетрахалки с бюстом Аполлона на аверсе и с луком и горитом на реверсе (рис. 1: *5*), а также дихалки с изображением Геракла на лицевой и палицы со шкурой на оборотной сторонах (рис. 1: *6*). В тот же период в Фанагории, по мнению ученого, эмитировали тетрахалки с бюстом Аполлона на аверсе и с луком и стрелой на реверсе (рис. 2: *8*). В.А. Анохин полагал, что в 37—27 гг. до н.э. в Пантикапее и в Фанагории выпустили тетрахалки с бюстом Аполлона на лицевой и с фигурой пегаса на оборотной стороне (рис. 1: *3, 4*, 2: *1*). А тетрахалки Пантикапея и Фанагории с бюстом Аполлона на лицевой и с пророй корабля оборотной стороне (рис. 1: *7, 8*, 2: *9—11*), по мнению ученого, могли выпустить в 27—21 гг. до н.э. В свою очередь, Н.А. Фролова ограничилась замечанием, что «для хронологического распределения всех этих монет надежных критериев нет». И заключила, что классификация этих монет, предложенная В.А. Анохиным, никоим образом не обоснована (Фролова 1997: 23).

Попытаемся развить и уточнить выводы уважаемых исследователей. Ставим перед собой цель разработать и обосновать классификацию привлекших наше внимание разновидностей бронз Пантикапея и Фанагории, пригодную для их датировки. Так же попробуем выяснить обстоятельства, приведшие к поступлению этих монет в обращение. Надеемся, что разрешение этой задачи позволит объяснить разнообразие их типов.

Перейдем к обоснованию актуальности заинтересовавших нас проблем. Начнем с того, что они не только нумизматические, но и исторические. Ведь, основываясь на общепринятой датировке этих монет, можно прийти к выводу о существовании соглашения[5] между Асандром и боспорскими полисами, по которому он вернул им привилегии, пожалованные

[4] Так у В.А. Анохина (Анохин 1986: 80). На реверсе известных нам экземпляров кроме лиры и пальмовой ветви также различима стрела (рис. 1: *1, 2*).

[5] Вполне возможно, что оно было заключено Асандром с элитами полисов сразу же после его прихода к власти. Однако вряд ли содержание этого договора оставалось неизменным. Полагаем, что в нем своевременно учитывались все изменения на боспорском властном Олимпе. Попытаемся обосновать этот тезис по мере изложения материала.

Спартокидами (Анохин 1999: 122). Действительно, жители боспорских полисов оказали существенную помощь Асандру в период борьбы с Фарнаком II (63—47 гг. до н.э.). Не случайно последнему пришлось сражаться за Пантикапей и Феодосию (App. Mithr., 120). Однако заметим, что Асандр опирался не только на горожан, но и на военных поселенцев (Сапрыкин 2002: 61). Причем только союз с Митридатидами сделал его позиции несокрушимыми (Чореф 2014: 467, 468). Это обстоятельство наверняка учел М. Антоний, признав Асандра царем Боспора (Сапрыкин 2002: 80—82).

Полагаем, что необходимо учесть еще одно обстоятельство. Дело в том, что доход от эмиссии разменной, по своей сути — кредитной монеты был достаточно значителен, чтобы уступить его элитам полисов. Настаиваем на том, что у Асандра не было оснований для дарования им этой привилегии.

Учитывая эти обстоятельства, соглашаемся с А.Н. Зографом, В.А. Анохиным и Н.А. Фроловой. Действительно, причины появления в обращении привлекших наше внимание серий пантикапейской и фанагорийской бронз пока не ясны. Кроме того, до сих пор не объяснено разнообразие их оформления. Так что пока потенциал интересующих нас монет не раскрыт в полной мере. Хотя они вполне могут быть ценнейшим источником исторической информации. Это крайне важно, ведь сохранившиеся до нашего времени сведения о правителях Боспорского государства последних десятилетий I в. до н.э. крайне фрагментарны[6]. Попытаемся разрешить поставленные задачи.

Начнем с истолкования самого факта эмиссии интересующих нас монет от имени общин важнейших боспорских городов. Соглашаемся с выводом В.А. Анохина, заключившего, что они могли быть выпущены только с санкции Асандра (Анохин 1986: 80; 1999: 122). Но, по мнению ученого, этот новоявленный боспорский государь продолжил финансовую политику Митридата VI Евпатора Диониса (121—63 гг. до н.э.), выпускавшего от своего имени только золото и серебро. Однако в период правления последнего разменные монеты чеканили не только полисы. Царские полководцы выпускали в районах боевых действий «военные деньги»: анонимные медные и бронзовые монеты (Анохин 2016: 39—57; Чореф 2018b: 182—190; Baldwin 1913: 285—313). Эти средства платежа, судя по многочисленным контрамаркам, были усвоены обращением и использовались довольно долго (Чореф 2018b: 182—190). С той же целью при Митридате VI Евпаторе Дионисе на Боспоре были отчеканены анонимные оболы (Анохин 1986: 76; 1999: 109, рис. 27: 22; Голенко 1965: 41—49; 2005—2009: 255—261; Фролова 1998: 25; Чореф 2017a: 149—157). Бурные события, приведшие к гибели этого государя, изменили расстановку сил на Боспоре. Фарнак II

---

[6] Так, об Асандре писали Аппиан Александрийский (App. Mithr., 120), Дион Кассий (Cass. Dio, XLII, 46, 4, 47, 5, 48, 4, LIV, 24), Страбон (Strabo, VII, 4, 6, XI, 2, 11, 17, XII, 3, 29, XIII, 4, 3) и псевдо-Лукиан (Ps.-Luc. Macr., 17). Но древних историков интересовали только обстоятельства его прихода и устранения от власти. О царствовании Динамии (21/20—12 гг. до н.э.) сведения в античных исторических также крайне фрагментарны. Мы знаем только то, что Асандр передал ей престол по воле Рима (Cass. Dio, LIV, 24, 4). О Скрибонии (21/20—17/16 гг. до н.э.) мы также многого не знаем. Известно, что он пришел к власти в результате брака с Динамией (Cass. Dio, XLIV, 24, 5, LIV, 24, 4). И был убит ко времени прибытия Полемона I (14/13 гг. до н.э. — 9/10 гг. н.э.) на Боспор. Сведения античных историков об обстоятельствах прихода к власти и о правлении этого государя на Боспоре также отрывочны (Cass. Dio, LIV, 24, 6, 10, LXII, 4; Eutrop., VII, 9; IOSPE I² 418; Oros., VI, 21, 28; Strabo, XI, 2, 3, 11, 18). А сведения об Аспурге вовсе отсутствуют в дошедших до нашего времени античных исторических трудах. Что, в таком случае, говорить о Митридате, оставившем свой след в истории только в виде монет с монограммой ΒΑΜ? Древних писателей привлекала только героика свершений, причем только таких, которые затрагивали жителей Средиземноморья. Кроме того, античные историки не считали нужным приурочить описанные ими события к бытовавшим тогда эрам. Что же касается лапидарных памятников, то по их текстам можно проследить только эволюцию титулатуры боспорских государей и их взаимоотношения с Римом (КБН 1965: № 30, 38, 39, 40, 41, 42, 958, 978, 979, 985, 1046; КБН 2004: № 30, 38, 39, 40, 41, 42, 958, 978, 979, 985, 1046; IOSPE I² 704).

санкционировал эмиссию оболов под контролем властей Пантикапея и царского чиновника Ирада (Чореф 2018c: 297—310). Так что Асандр вполне мог продолжить финансовую политику своего предшественника и выпустить в обращение серии разменной монеты, отчеканенные как под контролем полисных магистратов, так и его чиновников.

В связи с этим заметим, что сохранились сведения о контактах этого боспорского государя и полисных властей, причем именно в сфере монетного производства. Притом они прошли определенную эволюцию. Так, на реверсе статеров Асандра первого года архонтата оттиснуты дифференты ΑΡΤ и ΑΡΤ, в которых следует видеть вариации ΑΡΤ (Анохин 2011: № 1312, 1313). Первые два (левые) символа этой аббревиатуры являются очевидным сокращением слова ἄρχων. Последний (правый), по логике вещей, представляет собой первую букву имени полисного магистрата. Полагаем, что лигатура ΑΡΤ являлась меткой некого архонта Т-. Но кроме ΑΡΤ и ΑΡΤ на оборотной стороне этих монет выбита лигатура «Ф». Ее следует трактовать как первую букву имени чиновника, который, не будучи полисным магистратом — указание на занимаемую им должность в системе самоуправления отсутствует, представлял интересы Асандра в Пантикапее. Причем ему также было поручено контролировать монетное производство (Чореф 2014: 478). По той же причине монограмма «А» появилась на статерах, выпущенных в третий год архонтата Асандра (Чореф 2014: 480). По-видимому, чеканка монеты в тот год был поручена иному чиновнику. Примечательно, что в четвертый год архонтата Асандра вновь были выпущены статеры с монограммой ΑΡΤ на реверсе. Причем аббревиатура имени чиновника на этих монетах отсутствует (Чореф 2014: 480). Следовательно, полисные власти Пантикапея вновь получили контроль за эмиссией статеров. Что убедительно свидетельствует о росте их влияния в периоды борьбы Асандра с Фарнаком II и с Митридатом Пергамским (47/46 г. до н.э.). Однако на позднейших, царских золотых Асандра монограммы столичных магистратов отсутствуют. Так что есть все основания полагать, что они к тому времени были лишены права контролировать эмиссию золота. А из этого следует, что соглашение между Асандром и полисными властями Пантикапея было или расторгнуто, или, что куда вероятнее, основательно отредактировано. Причиной тому могло стать изменение статуса Асандра. Как видим, прослеженное нововведение в денежном деле этого государя отразило сложившуюся в тот период расстановку сил на боспорском властном Олимпе.

Но сохранили ли полисные власти при Асандре право чеканить разменную монету? Напомним, что к этому выводу пришел В.А. Анохин (Анохин 1999: 122). Однако его точка зрения не стала общепринятой. Как помним, А.Н. Зограф и Н.А. Фролова основывали свои выводы по вопросу о датировке интересующих нас монет как на единстве технологии их производства, так и на сходстве в оформлении со статерами царя Асандра (Зограф 1951: 190; Фролова 2001: 41). Получается, что и эмиссия разменных денег в тот период шла на монетном дворе Пантикапея, вернее всего, под контролем царских чиновников.

Мы находим эту проблему достаточно важной. Ведь Асандр, будучи архонтом, чеканил свою бронзу не на монетных дворах боспорских полисов, а в племенных центрах Северо-Восточного Причерноморья (Чореф 2016b: 119—124). Известно и то, что он тогда сохранил Боспоре административно-территориальное деление, сложившееся при Митридате VI Евпаторе Дионисе и Фарнаке II. Судим по наличию знаков—дифферентов на его золоте, меди и бронзе (Чореф 2016b: 119—124). Однако в период царствования он не выпустил ни одной серии своей разменной монеты[7]. А на его статерах[8] прекратили размещать знаки

[7] В.А. Анохин полагал, что Асандр, будучи царем, выпустил бронзовую монету с изображением Гелиоса анфас на аверсе и с пегасом и надписью «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ» на реверсе (Анохин 1986: № 246; 2011: № 1342). Но исследователь был введен в заблуждение ретушером. На реверсе монет этой разновидности

(Анохин 1986: 77—78, 147, № 228—246; 1999: 120; 2011: № 1319—1341; Фролова 1997: 23, 167—175, табл. Ia: *5—21*, IIa, IIIa: *1—11*; 2001: 19—27, табл. I: *5—12*, Ia—IIIa: *8—13*). Так что можно прийти к выводу, что, став царем, он вернулся к модели управления, характерной для эпохи Спартокидов. Но, повторимся, вряд ли это имело смысл.

Обратим внимание на то, что оформление ряда разновидностей привлекших наше внимание медных и бронзовых монет не типично как для нумизматики Спартокидов, так и для боспорских выпусков первых Митридатидов. На разменных деньгах, отчеканенных при этих династах, отсутствуют изображения лиры, а также пасущегося пегаса[9] (Анохин 1986; 1999; Фролова 1998: 14—41; 2001: 17—60). Так что мы не можем согласиться с А.Н. Зографом, писавшем, что «типы оборотных сторон — лира с лавровой ветвью, лук, один или с колчаном, пьющий пегас (отголосок мифрадатовской традиции) — обычны» (Зограф 1951: 190). Настаиваем на том, что следует объяснить новации в оформлении этих монет.

В связи с этим заметим, что пасущийся пегас, известный на тетрахалках Пантикапея и Фанагории (рис. 1: *3, 4*, 2: *1*), характерен для ранних выпусков серебра Митридата VI Евпатора Диониса, выпущенного до 87 г. до н.э. (Сапрыкин 2016: 259; de Callataÿ 1997: 8—16, pl. I: *D1-R1a—D5-R1a*, II—VII: *D65-R1a—D69-R1a*), а также бронзы Амиса (SNG BM 1212—1217) и Хабакты (SNG BM 1258, 1259). А на лиру опирается Аполлон на статерах Фарнака II (Анохин 2011: № 1301—1311). Так что мы наблюдаем явное тиражирование митридатидской символики (Сапрыкин 1996: 243). По той же причине изображение лани появилась и на тетрахалках Агафона, отчеканенных, как мы полагаем, в 63 г. до н.э. (Чореф 2018а: 402—403, рис. 3).

Подчеркнем, что появление подобной символики на монетах Пантикапея и Херсонеса после может быть объяснено только как апеллирование к почившим государям, как возврат к их политической линии. Развивая эту мысль, допускаем, что община пантикапейцев в период эмиссии тетрахалков с изображением пасущегося пегаса на реверсе отказалась от компромиссной линии в политике, характерной для эпохи Асандра (КБН 1965: № 30; КБН 2004: № 30).

Когда же это произошло? Обратим внимание на то обстоятельство, что большинство известных нам монет этой разновидности выбито поверх[10] тетрахалков архонта Асандра — следы прежних изображений и надписей вполне различимы (рис. 1: *3, 4*). Заметим, что и оболы Пантикапея со стрелой, лирой и ветвью на аверсе также отчеканены на монетах этого же государя[11] (рис. 1: *1, 2*). Очевидно, что перечеканка не могла пройти в период архонтата

читается ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Их ввел в научный оборот Ж. Пелерье (Pellerin 1762: pl. X). Ученый заключил, что они были выпущены при Александре I Теопаторе Эвергете (Бале) (150—145 гг. до н.э.), уроженце Смирны, самозваном сыне Антиоха IV Эпифана (175—164 гг. до н.э.), узурпировавшем на время трон государства Селевкидов. Его точку зрения принял Й.Х. Эккель (Eckhel 1828: 228). К тому же выводу пришел и Ж. Бабелон (Babelon 1936a: No. 3355; Babelon 1936b: pl. CXXIII: *3355*). Мы принимаем выводы этих исследователей (Чореф 2020: 24—25).

[8] Полагаем, что золотой с мужским бюстом вправо на аверсе и с изображением мечущего копье всадника и с легендой «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ» на реверсе, опубликованный В.А. Анохиным (Анохин 2011: № 1318), является современной подделкой (Чореф 2020: 22—24).

[9] Известны дихалки с протомой пегаса. Их выпускали только в IV в. до н.э. (Анохин 1986: 40, 140, № 111, 112, табл. 3: *111, 112*; 2011: № 1024; Чореф 2018: 387—404; SNG BM 872, 873). Но вряд ли этот образ был настолько памятен монетным мастерам последней трети I в. до н.э., что они творчески переработали его в изображение пьющего пегаса. Мы разберем эту проблему несколько ниже.

[10] Находим этот факт довольно интересным. Ведь речь идет о нецелесообразном с финансовой точки зрения перечеканивании, а не о надчеканке. Складывается впечатление, что операция была проведена с целью уничтожения следов прежних изображений и надписей. Что, очевидно, также требует объяснения.

[11] Вновь выпущенные оболы и тетрахалки Пантикапея соответствуют нормам, принятым при эмиссии разменных монет Асандра тех же номиналов. Так, если оболы Асандра весили 11,31—20,60 г (Фролова 1997: 175; bosporan-kingdom.com: 19; bosporan-kingdom.com: 20, а его тетрахалки — 4,50—9,34 г. (Фролова 1997: 175;

Асандра. Вряд ли она имела смысл и в период его царствования. Ведь, будь она актуальна с финансовой точки зрения, то было бы достаточно наложить надчеканки. Однако оболы и тетрахалки архонта Асандра перечеканили. Следовательно, было важно удалить с разменных монет его имя и символику. Это имело смысл только в том случае, если операция прошла в результате смены политического курса. Напомним, что Асандр титуловал себя «φιλορώμαιος» — «друг римлян» (КБН 1965: № 30; КБН 2004: № 30). Следовательно, сменивший его государь таковым себя не считал.

Немаловажным доводом в пользу нашего допущения является наличие на реверсе однотипной монеты Фанагории[12] (рис. 2: *1*) монограммы (Анохин 2011: № 1185). В ней есть все основания видеть по аналогии с лигатурой (Фролова, Абрамзон 2005: 219) сокращение фразы «πρῶτος ἄρχοντος» — «*первого архонта*»[13] (Чореф 2013: 144). А такое обозначение могло появиться на монетах Фанагории только в период ее независимости[14]. Основываемся на том, что монограмма также является лигатурой имени архонта (Фролова, Абрамзон 2005: 219—221, 225—226, 229, 230; Чореф 2013: 144—146; 2016a: 543).

Мы находим это обстоятельство крайне важным. Ведь нам удалось выделить две разновидности интересующих нас монет, которые могли быть выпущены только после смерти Асандра. Причем их эмиссия прошла в период ухудшения отношений между Боспором и Римом, когда который встал вопрос о сохранении единства первого из этих государств. Полагаем, что речь может идти только о непродолжительном царствовании Скрибония (21/20—17/16 гг. до н.э.) (Чореф 2017c: 19). Основываемся на том, что этот авантюрист апеллировал к идеологии Митридатидов (Cass. Dio, LIV, 24, 4), к которой не мог обратиться Асандр. Полагаем, что Скрибоний даровал автономию Фанагории, что и отразила ее денежная эмиссия (рис. 2: *1*). Относим монеты на рис. 1: *1—4* и рис. 2: *1* к первой серии интересующих нас бронз.

Политическая линия Скрибония не была поддержана большинством боспорян. Так, она вряд ли нашла поддержку в среде пантикапейцев, судя по нумизматическому материалу, не получивших от Скрибония права на автономию (рис. 1: *1—4*). Однако и фанагорийцы осознавали опасность его внешнеполитического курса. Полагаем, что они, восстав, выпустили множество тетрахалков[15] с бюстом Ники и с шестиконечной звездой с длинными лучами на аверсе и с перевитой лентой лавровой ветвью и надписью «ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ» на реверсе (рис. 2: *2—4*). Эти монеты чеканили в трех мастерских. Судим по вариациям размещения перевитой лентой пальмовой ветви — символов победы[16], а также надписи Φαναγοριτῶν на оборотной стороне. Так, на оборотной стороне тетрахалка на рис. 2: *2* они размещены ординарно. В тоже время на реверсе монеты на рис. 2: *3* ветвь и легенда развернуты на 180°. А на реверсе тетрахалка на рис. 2: *4* буква «Γ» перевернута, а буквосочетание «ΝΩΤΙΡ» представляет собой отраженное горизонтально «ΡΙΤΩΝ».

bosporan-kingdom.com: 21), то на разменные на разменные деньги Пантикапея этих же номиналов шло 10,86—20,20 г. меди (bosporan-kingdom.com: 22) и 3,94—8,50 г. бронзы (bosporan-kingdom.com: 23; bosporan-kingdom.com: 24; bosporan-kingdom.com: 25) соответственно.

[12] Ее вес — 5,09 г. (Анохин 2011: № 1185).

[13] Настаиваем на том, что в лигатуре нет оснований разбирать «Παρθένος». Ведь на монетах Митридата VI Евпатора Диониса не выявлены монограммы имен божеств (de Callataÿ 1997; 2005: 119—136; 2007: 271—308).

[14] В любом случае, появление этой лигатуры свидетельствует о переходе власти в городе к полисным магистратам.

[15] Они весят 1,29—7,10 г (bosporan-kingdom.com: 26; bosporan-kingdom.com: 27; bosporan-kingdom.com: 28). Вполне возможно, что наблюдаем изменение монетной стопы. Хотя вероятнее то, что их чеканили на неаккуратно отлитых заготовках. А требований к полновесности монет из-за очевидной спешки при проведении операции не предъявляли.

[16] Речь должна идти об успешном восстании против Скрибония.

Не менее примечательны и подражания[17] бронзам этой серии (рис. 2: *5—7*). Так, на их реверсе оттиснуты двухстрочные надписи «ΛИΛΓ/ΙΤΩИ» (рис. 2: *5*), «ΦΛΝΛL/ΡΙΤΩΝ» (рис. 2: *6*) и «ΦΛИΛL/ИΩΤΙΡ» (рис. 2: *7*). Судя по ошибкам в легенде, они не могли быть выпущены в пределах Боспорского государства. Допускаем, что их отчеканили на сопредельной ему территории. Сам же факт выпуска подражаний свидетельствует о значительной роли изучаемых фанагорийских тетрахалков в обращении.

Что же касается звезды, оттиснутой на аверсе как подлинных монет (рис. 2: *2—4*), так и подражаний им (рис. 2: *5—7*), то ее появление также весьма примечательно. Ведь астральный символ той же конфигурации характерен для римских монет эпохи Августа (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.) (Чореф 2017c: 17, рис. 3). В тоже время на фанагорийских оболах при Митридате VI Евпаторе Дионисе оттискивали восьмиконечные звезды (Чореф 2016а: рис. 3: *3, 4*). Определенно, появление шестиконечных звезд свидетельствует о проримской ориентации элиты Фанагории в период эмиссии изучаемой разновидности тетрахалков. Относим эти монеты ко второй серии Фанагории.

Но вернемся к монетам Пантикапея. После свержения и гибели Скрибония на его монетном дворе могли быть выпущены тетрахалки[18] (рис. 1: *5*) с композицией из лука и горита на реверсе. Она нетрадиционна для монетного дела Боспора времен Спартокидов[19]. При них на монетах Пантикапея оттискивали лук в колчане (Анохин 2011: № 1082—1085, 1091—1100, 1104—1111). А на анонимных боспорских оболах времен Митридата VI Евпатора Диониса выбивали горит (Анохин 2011: № 1287—1299). Примечателен и вид колчана на изучаемых тетрахалках. Заметно, что его венчает коническая крышка. Это т.н. греческий горит. В тоже время на Боспоре использовали колчаны скифского типа (Виноградов, Горончаровский 2017: 136—137). Для боспорских монет он не типичен. Этот предмет известен только на драхмах и тетрахалках Пантикапея и Фанагории понтийской эпохи, отчеканенных в период наместничества Митридата Младшего (95/94—81 гг. до н.э.) (Чореф 2016а: 522, 544). Он различим и на драхмах Херсонеса, выпущенных в период наместничества Деметрия. На их аверсе лук и горит размещены за спиной Артемиды (Анохин 2011: № 1114, 1117, 1173, 1174; Чореф 2016а: 535—537, рис. 3: *2, 5—7*, 4: *4, 5;* 2018а: 399—401, рис. 2). Полагаем, что мы имеем дело с проявлением дани уважения к эллинской культуре, а также наблюдаем явный пример тиражирования одного из символов почитаемой богини[20] (рис. 3).

Не менее примечательна и палица с накинутой на нее львиной шкурой на дихалке[21] (рис. 1: *6*). Эта композиция также не известна на монетах Боспора времен Спартокидов. Зато она присутствует на реверсе ассариев Полемона I[22] (14/13 гг. до н.э. — 9/10 гг. н.э.) (рис. 4) (Анохин 2011: № 1350). Примечательно, что правее ее оттиснут лук в горите. Позже, в

[17] Они весят 6,59 (bosporan-kingdom.com: 29), 1,98 (bosporan-kingdom.com: 30) и 2,15 (bosporan-kingdom.com: 31) г соответственно.

[18] Они весят от 4,05 до 8,95 г. (bosporan-kingdom.com: 32). Похоже, что их чеканили на вновь отлитых заготовках, а не на монетах прежнего чекана. Эту операцию могли провести для стабилизации денежного обращения.

[19] Повторимся, что у нас нет оснований принять вывод А.Н. Зографа, писавшего, что «типы оборотных сторон — лира с лавровой ветвью, лук, один или с колчаном, пьющий пегас (отголосок мифрадатовской традиции) — обычны» (Зограф 1951: 190).

[20] Приводим фотографию статуи Артемиды, т.н. Артемиду В, найденную во время раскопок в Пирее в 1959 г. В настоящее время эта она хранится в Археологическом музее Пирея.

[21] Вес известных экземпляров от 2,50 до 6,20 г. (bosporan-kingdom.com: 33). Следы перечеканки также не замечены.

[22] Приводим изображение монеты, опубликованное на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 34). Полагаем, что размещенную на ее реверсе монограмму ΒΑΕ следует читать как «Πολέμονος βασιλέως εὐσεβοῦς» (Чореф 2013: 133—137).

римский период, знак ♝ — «палица» стала одним их дифферентов (Чореф 2012: 174, 180—186, 195; 2014: 479—480, 481—482; 2015: 285). Безусловно, мы также имеем дело с традицией. На монетах Боспорского царства размещали символы почитаемых правителями богов, в т.ч. и Геракла.

Развивая этот вывод, заметим, что тенденция длительного использования дифферента ♝ говорит о том, что со времени выпуска изучаемых дихалков и до правления Рескупорида V (314/315—342/343 гг.), при котором были выпущены последние монеты с этим знаком (Анохин 2011: № 2194—2196), Боспором правили государи, почитавшие как покровителя одного и того же бога. Собственно, их относят к роду Тибериев Юлиев. Это обстоятельство позволяет нам заключить, что некий их предок правил Боспором в период эмиссии изучаемых дихалков. Полагаем, что речь должна идти о Динамии (21/20—12 гг. до н.э.), вернувшей себе власть в 17/16 г. до н.э. (Чореф 2017c: 16—17). Учитывая это обстоятельство, относим пантикапейские тетрахалки с горитом и с луком на реверсе (рис. 1: *5*), дихалки с палицей и львиной шкурой на оборотной стороне (рис. 1: *6*) ко второй серии Пантикапея. Эти монеты могли быть выпущены по распоряжению Динамии.

Считаем нужным обратить внимание читателя на весьма немаловажное обстоятельство. Как видим, в Пантикапее тогда были выпущены не только тетрахалки, являвшиеся мельчайшим номиналом со времен архонтата Асандра, но и дихалки (рис. 1: *6*). Этот факт можно истолковать только как свидетельство нормализации экономической ситуации на Боспоре. Ведь тогда его денежное обращение вновь стало нуждаться в мелкой монете.

Но вернемся к изучению политической ситуации в регионе. Судя по тому, что в Фанагории не выпустили монеты (рис. 2: *8*), оформленные в том же стиле, что и пантикапейские, то отнюдь не вся восточная часть Боспорского государства признала власть Динамии. Причем, что немаловажно, в Фанагории были выпущены тетрахалки[23] с символикой, характерной для эпохи Спартокидов. Так, на аверсе тетрахалка на рис. 2: *8* выбит бюст Аполлона, а на реверсе оттиснуты лук, стрела и легенда «ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ». Выбор изображений может быть истолкован как демонстрация возврата к политической парадигме Боспора эпохи Спартокидов. Полагаем, что эти монеты следует отнести к третьей серии Фанагории.

Однако единство Боспорского государства было восстановлено. Судим по тому, что как в Пантикапее (рис. 1: *7—8*), так и в Фанагории (рис. 2: *9—11*) были отчеканены тетрахалки[24] с бюстом Аполлона на аверсе и с пророй корабля на реверсе. Складывается впечатление, что перед монетчиками Пантикапея и Фанагории была поставлена цель подготовить выпуск тетрахалков с нейтральной символикой, понятной населению региона.

Причем, что интересно, вновь выпущенные бронзы Пантикапея не являлись законным платежным средством в Фанагории. Судим по тому, что тетрахалки этого полиса с пророй корабля на реверсе чеканили поверх бронз, выпущенных в столице Боспора (рис. 2: *9, 10*). И это не удивительно. Контрамарки ♝ и Ѫ известны на тетрахалках Пантикапея первой серии[25] (рис. 5). Как видим, последствия временного распада Боспорского государства при Скрибонии и Динамии все еще ощущались. Вполне возможно, что контрамаркирование и перечеканивание были проведены с целью ограничения притока пантикапейских разменных

[23] Они содержат от 2,50 до 7,80 г. бронзового сплава (bosporan-kingdom.com: 35). Эти монеты также отчеканены на вновь отлитых заготовках.

[24] Примечательно, что эти монеты чеканили по близким, или, что вероятнее, по одной стопе. Так, тетрахалки Пантикапея весят от 2,30 до 7,80 г. (bosporan-kingdom.com: 36), а монеты этого же достоинства чекана Фанагории содержат от 4,90 до 7,57 г. бронзового сплава (bosporan-kingdom.com: 37).

[25] Приводим изображения монет, опубликованных на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 38; bosporan-kingdom.com: 39; bosporan-kingdom.com: 40; bosporan-kingdom.com: 41).

монет в восточные районы Боспорского государства (Чореф 2015: 281—292, рис. 1, 4, 5). В любом случае, мы имеем дело с завершающей эмиссией, третьей серии Пантикапея и четвертой серией Фанагории интересующих нас платежных средств. Они могли поступить в обращение только при Полемоне I, которому при поддержке римлян удалось на время подчинить весь Боспор.

И, в качестве доказательства этого тезиса, рассмотрим тетрахалки[26] первой (рис. 6: *1—4*) и второй (рис. 6: *5*) серий чекана Пантикапея с ранее не опубликованной контрамаркой ☤ — «кадуцей». Заметим, что этот символ на Боспоре в качестве основного элемента монетного типа до Полемона I не использовался. Зато при нем он появился на бронзах[27] в 7 (рис. 7: *1, 2*) и в 2 (рис. 7: *3*) унции. Причем, что крайне интересно, если изначально монета большего номинала весила 21,35 г (Анохин 2011: № 1351), то со временем ее вес снизился до 3,68—7,20 г[28], что соответствовало стандарту тетрахалка прежних эмиссий. В тоже время позднейшие двойные унции этого государя (рис. 7: *3*) весят 2,21—3,72 г (Анохин 2011: № 1381, 1382; bosporan-kingdom.com: 51). Учитывая эти обстоятельства, заключаем, что контрамаркирование символом ☤ было проведено с целью приравнивания тетрахалков прежних эмиссий к бронзам в 7 унций.

Заметим, что эта операция была вполне ординарной для эпохи Племона I. При нем аналогичным образом, в результате наложения контрамарок — «*дельфин*» (Чореф 2017b: рис. 1: *1*) и — «*голова орла*» (Чореф 2017b: рис. 1: *3—5*) были увеличены номиналы ранее выпущенных монет (Чореф 2017b: 452—453). А наложение контрамарки ☤ было одним из шагов к немаловажной цели — к унификации денежного обращения. Действительно, со времен Полемона I номинал боспорских бронзовых монет обозначался в унциях.

Итак, в ходе исследования нам удалось разработать новую, и, как нам кажется логичную и плодотворную классификацию привлекших наше внимание бронз с надписями «ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ» и «ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ» на реверсе. Полагаем, что их выпуск начался при Скрибонии. Тогда были выпущены оболы с лирой, пальмовой ветвью и стрелой на оборотной стороне и тетрахалки с фигурой пасущегося пегаса на реверсе. Появление на монетах митридатидской символики свидетельствует о смене вектора внешней политики Боспора при этом узурпаторе. Он явно вел Боспор к конфронтации с Римом. Относим эти монеты к первой серии Пантикапея и Фанагории.

Авантюристическая политика Скрибония вызвала восстание боспорян, приведшее не только к гибели узурпатора, но и к распаду Боспорского царства. Примечательно, что на тетрахалках Фанагории периода восстания оттискивали бюст Ники с шестиконечной звездой на аверсе и с перевитой лентой пальмовой ветвью — символом победы на реверсе. Причиной стали различные точки зрения по вопросу о взаимоотношениях с Римом. Относим эти монеты ко второй серии Фанагории.

После победы инсургентов в Пантикапее и в Фанагории стали выпускать тетрахалки и дихалки для западной и восточной частей распавшегося государства. На бронзах того периода размещали традиционную для Боспора символику: горит, лук и стрелу, а также палицу шкуру льва — символы Геракла, почитаемого Митридатидами. Относим эти монеты ко второй серии Пантикапея и к третьей Фанагории.

---

[26] Сведения о монетах с этой надчеканкой размещены на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 42; bosporan-kingdom.com: 43; bosporan-kingdom.com: 44; bosporan-kingdom.com: 45; bosporan-kingdom.com: 46).

[27] См. материалы сайта «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 47; bosporan-kingdom.com: 48; bosporan-kingdom.com: 49).

[28] Основываемся на данных, приведенных на сайте «Монеты Боспора» (bosporan-kingdom.com: 50).

Полемону I при поддержке римлян удалось восстановить единство Боспорского государства. В обращение поступили тетрахалки с бюстом Аполлона на аверсе и с пророй на реверсе. Полагаем, что их можно выделить в третью серию Пантикапея и в четвертую серию Фанагории.

Примечательно, что бронзы Пантикапея времен Скрибония обращались и при Полемоне I. Что говорит о значительности спроса в тот период на разменную монету. Есть основания полагать, что он провел денежную реформу с целью изъятия из обращения всех прежних выпусков бронзовой монеты.

Литература

Анохин В.А. 1986. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка.

Анохин В.А. 1999. *История Боспора Киммерийского*. Киев: Одигитрия.

Анохин В.А. 2011. *Античные монеты Северного Причерноморья*. Киев: Стилос.

Анохин В.А. 2016. Понтийская анонимная медь Митридата VI Евпатора и ее назначение. В: Анохин В.А. (ред.). *Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды*. Киев: Стилос, 39—57.

Бертье-Делагард А.Л. 1907. *Поправки общего каталога монет П.О. Бурачкова*. Москва: О.О. Гербек.

Бурачков П.О. 1884. *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России*. Ч. I. Одесса: Типография А. Шульце.

Виноградов Ю., Горончаровский В. 2017. *Военная история Боспорского царства*. Москва: Ломоносовъ.

Голенко К.В. 1965. О характере чекана боспорских анонимных оболов. *НиС* 2, 41—49.

Голенко К.В. 2005—2009. Монетное дело Боспора в I в. до н. э. *Stratum plus* 6, 240—270.

Зограф А.Н. 1951. *Античные монеты*. Москва: АН СССР (МИА 16).

КБН 1965: Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.

КБН 2004: Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом)*. Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).

Сапрыкин С.Ю. 1996. *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. Москва: Наука.

Сапрыкин С.Ю. 2002. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва: Наука.

Сапрыкин С.Ю. 2016. Монеты типа «Артемида/олень» боспорского чекана митридатовского времени. *ПИФК* 4, 249—265.

Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. II. *Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.

Фролова Н.А. 1998. К истории вопроса о монетном чекане на Боспоре в I в. до н.э. В: Мельникова А.С. (ред.). *Труды ГИМ* 98. *Новейшие исследования в области нумизматики*. *Нумизматический сборник* XIII. Москва: Стрелец, 14—41.

Фролова Н.А. 2001. Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.). *Труды Государственного Исторического музея* 115. *Нумизматический сборник* XV. *Нумизматика в Историческом музее*. Москва: Желдориздат, 17—60.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. 2005. *Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог*. Москва: РОССПЭН.

Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. *Stratum plus* 4, 171—200.

Чореф М.М. 2013. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 127—156.

Чореф М.М. 2014. К биографии Асандра: путь к престолу. *МАИАСП* 6, 456—487.

Чореф М.М. 2015. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра. *МАИАСП* 7, 279—299.

Чореф М.М. 2016a. К вопросу о дешифровке монограмм на боспорских монетах эпохи Митридата VI Евпатора Диониса. *МАИАСП* 8, 523—562. DOI: 10.24411/2219-8857-2016-00009.

Чореф М.М. 2016b. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра. *Stratum plus* 4, 119—124.

Чореф М.М. 2017a. К дешифровке монограмм на анонимных боспорских оболах Митридата VI Евпатора Диониса. *Stratum plus* 6, 149—157.

Чореф М.М. 2017b. Надчеканки на боспорских монетах Полемона I как источник исторической информации. *МАИАСП* 9, 441—467. DOI: 10.24411/2219-8857-2017-00020.

Чореф М.М. 2017c. Статеры царя Евпатора и Динамии как источник исторической информации. *Via in tempore. История. Политология.* Т. 42. № 8(257), 13—21.

Чореф М.М. 2018a. «Nulla salus bello est», или Херсонес при Митридате VI Евпаторе Дионисе: по данным нумизматики. *МАИАСП* 10, 388—414. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00017.

Чореф М.М. 2018b. Анонимные медные и бронзовые монеты Митридата VI Евпатора Диониса как источник исторической информации. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии* 2, 182—190.

Чореф М.М. 2018c. К просопографии Боспорского царства: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 297—310.

Чореф М.М. 2020. К истории изучения монетного дела царя Асандра. *Via in tempore. История. Политология* 47(1), 21—29. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-1-21-29.

Чореф М.М. 2021. К вопросу об атрибуции надчеканки «колос» на монетах Пантикапея и Фанагории. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* (в печати).

Babelon J. 1936a. *Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques*. Vol. IV. *Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie*. Paris: J. Florange; L. Ciani.

Babelon J. 1936b. *Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques*. Vol. IV. *Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie. Planches*. Paris: J. Florange; L. Ciani.

Baldwin A. 1913. Les monnaies de bronze dites incertaines du Pont ou du royaume de Mithridate Eupator. *Revue Numismatique* 18, 285—313.

bosporan-kingdom.com: 1: Паспорт монеты: 226-4141-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/226-4141/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 2: Паспорт монеты: 226-4141-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/226-4141/2.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 3: Паспорт монеты: 250-4024-4. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4024/4.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 4: Паспорт монеты: 250-4024-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4024/2.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 5: Паспорт монеты: 247-4061-60. URL: https://bosporan-kingdom.com/247-4061/60.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 6: Паспорт монеты: 248-4003-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/248-4003/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 7: Паспорт монеты: 251-5134-11. URL: https://bosporan-kingdom.com/251-5134/11.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 8: Паспорт монеты: 251-5135-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/251-5135/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 9: Паспорт монеты: 227-3134-19. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3134/19.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 10: Паспорт монеты: 227-3271-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3271/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 11: Паспорт монеты: 227-3272-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3272/3.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 12: Паспорт монеты: 227-3355-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3355/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 13: Паспорт монеты: 227-3385-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3385/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 14: Паспорт монеты: 227-3390-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3390/1.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 15: Паспорт монеты: 249-3105-31. URL: https://bosporan-kingdom.com/249-3105/31.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 16: Паспорт монеты: 252-4007-28. URL: https://bosporan-kingdom.com/252-4007/28.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 17: Паспорт монеты: 252-4007-33. URL: https://bosporan-kingdom.com/252-4007/33.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 18: Паспорт монеты: 252-4007-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/252-4007/2.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 19: Монета: 224-3093. URL: https://bosporan-kingdom.com/224-3093/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 20: Монета: 224-3094. URL: https://bosporan-kingdom.com/224-3094/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 21: Монета: 225-3116. URL: https://bosporan-kingdom.com/225-3116/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 22: Монета: 226-4141. URL: https://bosporan-kingdom.com/226-4141/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 23: Монета: 250-4021. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4024/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 24: Монета:: 250-4484. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 25: Монета: 250-5123. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-5123/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 26: Монета: 227-3134. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3134/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 27: Монета: 227-3271. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3271/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 28: Монета: 227-3272. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3272/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 29: Монета: 227-3355. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3355/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 30: Монета: 227-3385. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3385/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 31: Монета: 227-3390. URL: https://bosporan-kingdom.com/227-3390/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 32: Монета: 247-4061. URL: https://bosporan-kingdom.com/247-4061/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 33: Монета: 248-4003. URL: https://bosporan-kingdom.com/248-4003/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 34: Паспорт монеты: 276-4050-6. URL: https://bosporan-kingdom.com/276-4050/6.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 35: Монета: 249-3105. URL: https://bosporan-kingdom.com/249-3105/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 36: Монета: 251-5134. URL: https://bosporan-kingdom.com/251-5134/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 37: Монета: 252-4007. URL: https://bosporan-kingdom.com/252-4007/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 38: Паспорт монеты: 250-5123-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-5123/1.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 39: Паспорт монеты: 250-5123-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-5123/2.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 40: Паспорт монеты: 250-2144-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-2144/3.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 41: Паспорт монеты: 250-2144-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-2144/2.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 42: Паспорт монеты: 250-4484-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/2.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 43: Паспорт монеты: 250-4484-4. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/4.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 44: Паспорт монеты: 250-4484-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/3.html (дата обращения 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 45: Паспорт монеты: 250-4484-6. URL: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/6.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 46: Паспорт монеты: 247-5218-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/247-5218/1.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 47: Паспорт монеты: 277-4019-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/277-4019/3.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 48: Паспорт монеты: 290-4016-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/290-4016/1.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 49: Паспорт монеты: 291-4874-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/291-4874/2.html (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 50: Монета: 290-4016. URL: https://bosporan-kingdom.com/290-4016/ (дата обращения 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 51: Монета: 291-4874. URL: https://bosporan-kingdom.com/291-4874/ (дата обращения 01.11.2020).
Cary F. 1752. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmérien éclaircie par les médailles. Paris: Ches Desaint & Saillantm.
de Callataÿ F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. *Publications d’Histoire de l’Art et d’Archéologie de l’Université Catholique de Louvan* XCVIII. *Numismatica Lovaniensia* 18. Louvain-la-Neuve: Département d’Archéologie et d’Histoire de l’Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.
de Callataÿ F. 2005. Coins and Archaeology: the (Mus)use of Mithridatic Coins for Chronological Purposes in the Bosporan Area. *BSS* 3. *Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400 — c. 100 BC*., 119—136.
de Callataÿ F. 2007. La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des cites du Bosphore Cimmerien. In: Bresson A., Ivančik A., Ferrary J.-L. (eds.). *Une Koine Pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VII-e s. a.C. — III-e s. p.C.)*. Bordeaux: Ausonius, 271—308.
Eckhel I. 1828. *Doctrina numorum veterum*. Vol. III. *Continens Reliqvam Asiam Minorem, Et Regiones Deinceps In Ortvm Sitas*. Pt. I. *De numis urbium, populorum, regum*. Vindobona: Sumptibus Friderici Volke.
IOSPE I^2: Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Императорская академия наук.
Pellerin J. 1762. *Recueil de médailles de rois*. Paris: Guerin et Delatour.
SNG BM: *SNG. The British Museum*. 1993. Vol. IX. Pt. 1. *The Black Sea*. London: British Museum Press.

References

Anokhin, V.A. 1986. *Monetnoe delo Bospora (Coinage of the Bosporus)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
Anokhin, V.A. 1999. *Istoriia Bospora Kimmeriiskogo (History of Cimmerian Bosporus)*. Kyiv: Odigitriia (in Russian).
Anokhin, V.A. 2011. *Antichnye monety Severnogo Prichernomor’ia. Katalog (Ancient Coins of the Northern Pontic Region. Catalogue)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
Anokhin, V.A. 2016. In: Anokhin, V.A. (ed.). *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy (Coins of the Northern Black Sea region and the kings of Colchis)*. Kyiv: Stilos, 39—57 (in Russian).
Berthier de la Garde, A.L. 1907. *Popravki obshchego kataloga monet P.O. Burachkova (Amendments to the general catalogue of coins of P.O. Burachkov)*. Moscow: O.O. Gerbek (in Russian).
Burachkov, P.O. 1884. *Obshchiy katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya, v predelakh nyneshney Yuzhnoy Rossii (General catalogue of coins belonging to the Hellenic colonies that existed in antiquity on the northern coast of the Black Sea, within the limits of present-day Southern Russia)*. Pt. I. Odessa: Tipografiya A. Shul'tse (in Russian).
Vinogradov, Yu., Goroncharovskiy, V. 2017. *Voyennaya istoriya Bosporskogo tsarstva (Military history of the Bosporus kingdom)*. Moscow: Lomonosov (in Russian).

Golenko, K.V. 1965. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 2, 41—49 (in Russian).
Golenko, K.V. 2005—2009. In *Stratum plus* 6, 240—270 (in Russian).
Zograf, A.N. 1951. *Antichnye monety (Ancient coins)*. Moscow; Leningrad: "Akademiya nauk SSSR" (Materials and Researches in the Archaeology of USSR 16) (in Russian).
KBN 1965: Struve, V.V. (ed.). 1965. *Korpus bosporskikh nadpisei (Corpus of Bosporan Inscriptions)*. Moscow; Leningrad: Nauka (in Russian).
KBN 2004: Gavrilov, A.K. (ed.). 2004. *Korpus bosporskikh nadpisei. Al'bom illiustratsii (Corpus of Bosporan Inscriptions: Album of Illustrations)*. Saint Petersburg: Aleteiia (Bibliotheca classica Petropolitana) (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 1996. *Pontiyskoe carstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e (The Pontian Kingdom. The State of the Greeks and Barbarians in the Black Sea region)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2002. *Bosporskoe carstvo na rubezhe dvuh epoh (The Kingdom of Bosporus of the verge of Two Epochs)*. Moscow: Nauka (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2016. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 249—265 (in Russian).
Frolova, N.A. 1997. *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. — seredina IV v.) (Bosporan Coinage (middle of 1st century BCE — middle of 4th century CE))*. Pt. I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 gg. do n.e. — 210/211 gg. n.e. (Bosporan Coinage in 49/48 BCE — 210/211 CE)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
Frolova, N.A. 1998. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja (Proceedings of the State Historical Museum)* 98. *Numizmaticheskij sbornik (Numismatic Collected Works)* XIII. *Novejshie issledovanija v oblasti numizmatiki (The latest research in the area of numismatics)*. Moscow: Strelec, 14—41 (in Russian).
Frolova, N.A. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja (Proceedings of the State Historical Museum)* 115. *Numizmaticheskij sbornik (Numismatic Collected Works)* XV. *Numizmatika v Istoricheskom muzee (Numismatics in the Historical Museum)*. Moscow: Zheldorizdat, 17—60 (in Russian).
Frolova, N.A., Abramzon, M.G. 2005. *Monety Ol'vii v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja. Katalog (Coins of Olbia in the collection of the State Historical Museum. Catalogue)*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
Choref, M.M. 2012. In *Stratum plus* 4, 171—200 (in Russian).
Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 6, 127—156 (in Russian).
Choref, M.M. 2014. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 6, 456—487 (in Russian).
Choref, M.M. 2015. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 7, 279—299 (in Russian).
Choref, M.M. 2016a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 523—562. DOI: 10.24411/2219-8857-2016-00009 (in Russian).
Choref, M.M. 2016b. In *Stratum plus* 4, 119—124 (in Russian).
Choref, M.M. 2017a. In *Stratum plus* 6, 149—157 (in Russian).
Choref, M.M. 2017b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 9, 441—467. DOI: 10.24411/2219-8857-2017-00020 (in Russian).
Choref, M.M. 2017c. In *Via in tempore. Istoriya. Politologiya (Via in tempore. History. Political science)*. Vol. 42. No. 8(257), 13—21 (in Russian).
Choref, M.M. 2018a. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 388—414. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00017 (in Russian).
Choref, M.M. 2018b. In *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii (Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology)* 2, 182—190 (in Russian).
Choref, M.M.. 2018c. In *Stratum plus* 4, 297—310 (in Russian).
Choref, M.M. 2020. In *Via in tempore. Istoriya. Politologiya (Via in tempore. History. Political science)* 47(1), 21—29. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-1-21-29 (in Russian).

Choref, M.M. 2021. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” (The Journal of Education and Science “History”)* (in print) (in Russian).
Babelon, J. 1936a. *Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques*. Vol. IV. *Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie*. Paris: J. Florange; L. Ciani.
Babelon, J. 1936b. *Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques*. Vol. IV. *Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie. Planches*. Paris: J. Florange; L. Ciani.
Baldwin, A. 1913. Les monnaies de bronze dites incertaines du Pont ou du royaume de Mithridate Eupator. *Revue Numismatique* 18, 285—313.
bosporan-kingdom.com: 1: Passport of coins: 226-4141-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/226-4141/1. html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 2: Passport of coins: 226-4141-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/226-4141/2. html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 3: Passport of coins: 250-4024-4. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4024/4. html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 4: Passport of coins: 250-4024-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4024/2. html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 5: Passport of coins: 247-4061-60. Available at: https://bosporan-kingdom.com/247-4061/ 60.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 6: Passport of coins: 248-4003-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/248-4003/1. html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 7: Passport of coins: 251-5134-11. Available at: https://bosporan-kingdom.com/251-5134/ 11.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 8: Passport of coins: 251-5135-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/251-5135/1. html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 9: Passport of coins: 227-3134-19. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3134/ 19.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 10: Passport of coins: 227-3271-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3271/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 11: Passport of coins: 227-3272-3. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3272/ 3.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 12: Passport of coins: 227-3355-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3355/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 13: Passport of coins: 227-3385-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3385/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 14: Passport of coins: 227-3390-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3390/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 15: Passport of coins: 249-3105-31. Available at: https://bosporan-kingdom.com/249-3105 /31.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 16: Passport of coins: 252-4007-28. Available at: https://bosporan-kingdom.com/252-4007 /28.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 17: Passport of coins: 252-4007-33. Available at: https://bosporan-kingdom.com/252-4007 /33.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 18: Passport of coins: 252-4007-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/252-4007 /2.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 19: Coin: 224-3093. Available at: https://bosporan-kingdom.com/224-3093/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 20: Coin: 224-3094. Available at: https://bosporan-kingdom.com/224-3094/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 21: Coin: 225-3116. Available at: https://bosporan-kingdom.com/225-3116/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 22: Coin: 226-4141. Available at: https://bosporan-kingdom.com/226-4141/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 23: Coin: 250-4021. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4024/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 24: Монета:: 250-4484. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/ (accessed 01.11.2020).

bosporan-kingdom.com: 25: Coin: 250-5123. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-5123/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 26: Coin: 227-3134. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3134/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 27: Coin: 227-3271. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3271/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 28: Coin: 227-3272. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3272/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 29: Coin: 227-3355. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3355/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 30: Coin: 227-3385. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3385/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 31: Coin: 227-3390. Available at: https://bosporan-kingdom.com/227-3390/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 32: Coin: 247-4061. Available at: https://bosporan-kingdom.com/247-4061/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 33: Coin: 248-4003. Available at: https://bosporan-kingdom.com/248-4003/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 34: Passport of coins: 276-4050-6. Available at: https://bosporan-kingdom.com/276-4050/ 6.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 35: Coin: 249-3105. Available at: https://bosporan-kingdom.com/249-3105/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 36: Coin: 251-5134. Available at: https://bosporan-kingdom.com/251-5134/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 37: Coin: 252-4007. Available at: https://bosporan-kingdom.com/252-4007/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 38: Passport of coins: 250-5123-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-5123/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 39: Passport of coins: 250-5123-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-5123/ 2.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 40: Passport of coins: 250-2144-3. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-2144/ 3.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 41: Passport of coins: 250-2144-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-2144/ 2.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 42: Passport of coins: 250-4484-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/ 2.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 43: Passport of coins: 250-4484-4. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/ 4.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 44: Passport of coins: 250-4484-3. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/ 3.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 45: Passport of coins: 250-4484-6. Available at: https://bosporan-kingdom.com/250-4484/ 6.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 46: Passport of coins: 247-5218-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/247-5218/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 47: Passport of coins: 277-4019-3. Available at: https://bosporan-kingdom.com/277-4019/ 3.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 48: Passport of coins: 290-4016-1. Available at: https://bosporan-kingdom.com/290-4016/ 1.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 49: Passport of coins: 291-4874-2. Available at: https://bosporan-kingdom.com/291-4874/ 2.html (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 50: Coin: 290-4016. Available at: https://bosporan-kingdom.com/290-4016/ (accessed 01.11.2020).
bosporan-kingdom.com: 51: Coin: 291-4874. Available at: https://bosporan-kingdom.com/291-4874/ (accessed 01.11.2020).
Cary, F. 1752. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmérien éclaircie par les médailles. Paris: Ches Desaint & Saillantm.

de Callataÿ, F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. *Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan* XCVIII. *Numismatica Lovaniensia* 18. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc.

de Callataÿ, F. 2005. Coins and Archaeology: the (Mus)use of Mithridatic Coins for Chronological Purposes in the Bosporan Area. *BSS* 3. *Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400 — c. 100 BC*., 119—136.

de Callataÿ, F. 2007. La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des cites du Bosphore Cimmerien. In: Bresson, A., Ivančik, A., Ferrary, J.-L. (eds.). *Une Koine Pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VII-e s. a.C. — III-e s. p.C.)*. Bordeaux: Ausonius, 271—308.

Eckhel, I. 1828. *Doctrina numorum veterum*. Vol. III. *Continens Reliqvam Asiam Minorem, Et Regiones Deinceps In Ortvm Sitas*. Pt. I. *De numis urbium, populorum, regum*. Vindobona: Sumptibus Friderici Volke.

IOSPE I^2: Latyschev, B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. *Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Imperatorskaya akademiya nauk.

Pellerin, J. 1762. *Recueil de médailles de rois*. Paris: Guerin et Delatour.

SNG BM: *SNG. The British Museum*. 1993. Vol. IX. Pt. 1. *The Black Sea*. London: British Museum Press.

Рис. 1. Монеты чекана Пантикапея: *1, 2* — оболы; *3—5, 7, 8* — тетрахалки; *6* — дихалк (по bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4; bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6; bosporan-kingdom.com: 7; bosporan-kingdom.com: 8).

Fig. 1. Coins minted by Panticapaeum: *1, 2* — obols; *3—5, 7, 8* — tetrachalkoi; *6* — dichalk (after bosporan-kingdom.com: 1; bosporan-kingdom.com: 2; bosporan-kingdom.com: 3; bosporan-kingdom.com: 4; bosporan-kingdom.com: 5; bosporan-kingdom.com: 6; bosporan-kingdom.com: 7; bosporan-kingdom.com: 8).

Рис. 2. Тетрахалки чекана Фанагории (*1—4, 8—11*) **и подражания им** (*5—7*) (по Анохин 2011: № 1185; bosporan-kingdom.com: 9; bosporan-kingdom.com: 10; bosporan-kingdom.com: 11; bosporan-kingdom.com: 12; bosporan-kingdom.com: 13; bosporan-kingdom.com: 14; bosporan-kingdom.com: 15; bosporan-kingdom.com: 16; bosporan-kingdom.com: 17; bosporan-kingdom.com: 18).

Fig. 2. Tetrachalkoi minted of Phanagoria (*1—4, 8—11*) **and imitation of them** (*5—7*) (after Anokhin 2011: No. 1185; bosporan-kingdom.com: 9; bosporan-kingdom.com: 10; bosporan-kingdom.com: 11; bosporan-kingdom.com: 12; bosporan-kingdom.com: 13; bosporan-kingdom.com: 14; bosporan-kingdom.com: 15; bosporan-kingdom.com: 16; bosporan-kingdom.com: 17; bosporan-kingdom.com: 18).

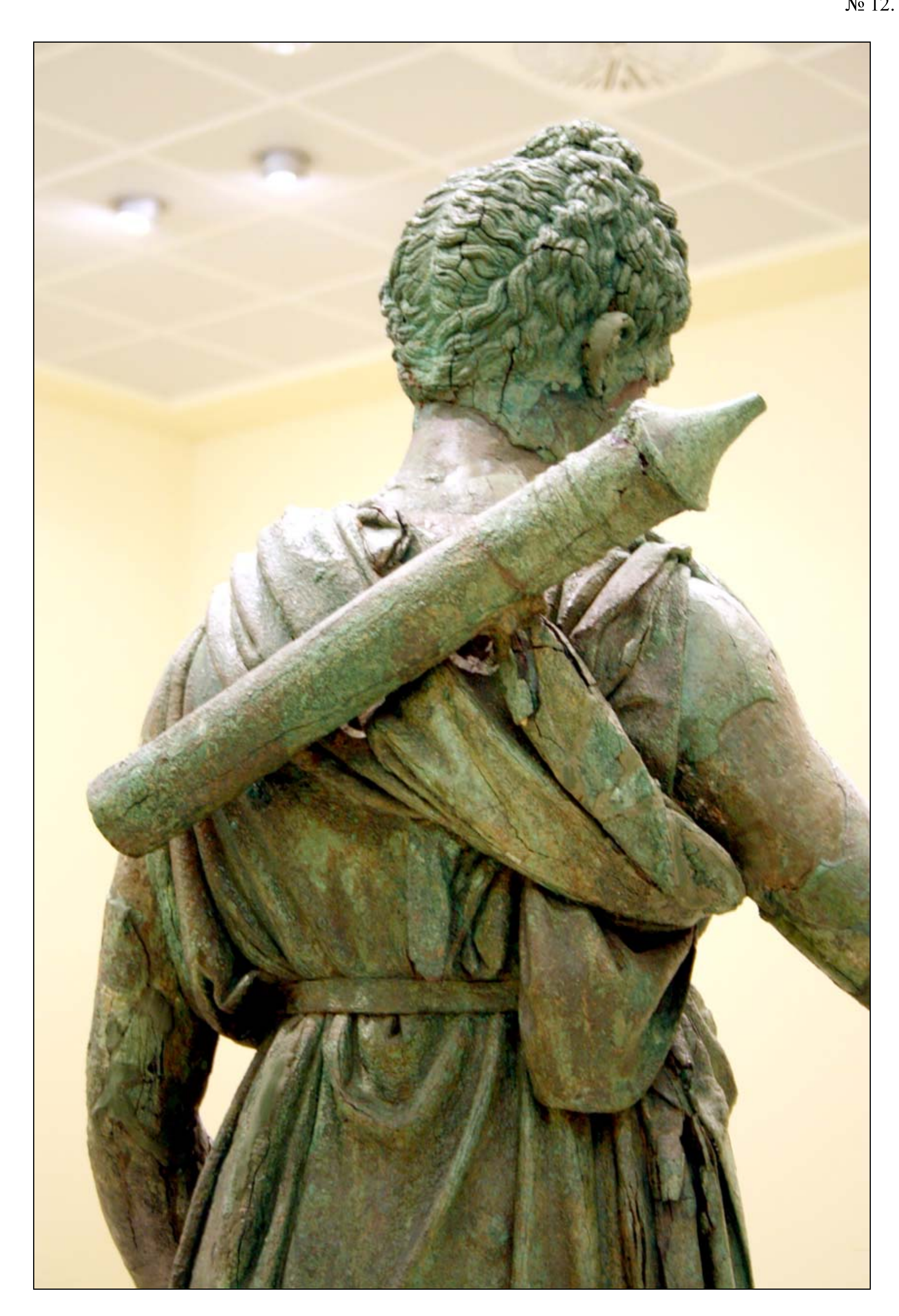

Рис. 3. Статуя Артемиды В, найденная во время раскопок в Пирее в 1959 г. Вид сзади. (Археологический музей Пирея).

Fig. 3. Statue of Artemis B, found during excavations in Piraeus in 1959. Rear view. (Archaeological Museum of Piraeus).

Рис. 4. Ассарий Полемона I (по bosporan-kingdom.com: 34).

Fig. 4. Assarius of Polemon I (after bosporan-kingdom.com: 34).

Рис. 5. Тетрахалки Пантикапея первой серии с надчеканками (*1, 2*) и (*3, 4*) (по bosporan-kingdom.com: 38; bosporan-kingdom.com: 39; bosporan-kingdom.com: 40; bosporan-kingdom.com: 41).

Fig. 5. Tetrachalkoi of Panticapaeum of the first series with countermarks (*1, 2*) и (*3, 4*) (after bosporan-kingdom.com: 38; bosporan-kingdom.com: 39; bosporan-kingdom.com: 40; bosporan-kingdom.com: 41).

Рис. 6. Тетрахалки Пантикапея первой (*1—4*) **и второй** (*5*) **серий с надчеканкой ☿** (по bosporan-kingdom.com: 42; bosporan-kingdom.com: 43; bosporan-kingdom.com: 44; bosporan-kingdom.com: 45; bosporan-kingdom.com: 46).

Fig. 6. Tetrachalkoi of Panticapaeum of the first (*1—4*) **and second** (*5*) **series with countermark ☿** (after bosporan-kingdom.com: 42; bosporan-kingdom.com: 43; bosporan-kingdom.com: 44; bosporan-kingdom.com: 45; bosporan-kingdom.com: 46).

Рис. 7. Бронзовые монеты Полемона I в 7 (*1, 2*) **и в 2** (*3*) **унции с кадуцеем на реверсе** (bosporan-kingdom.com: 47; bosporan-kingdom.com: 48; bosporan-kingdom.com: 49).

Fig. 7. Bronze coins of Polemon I in 7 (*1, 2*) **and 2** (*3*) **ounces with a caduceus on the reverse** (after bosporan-kingdom.com: 47; bosporan-kingdom.com: 48; bosporan-kingdom.com: 49).

УДК 94(495)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00024

К.Н. Скворцов, М.М. Чореф

КЛАД РИМСКИХ МОНЕТ МЕЛЬНИКОВО-1*

Объектом изучения стал клад римских монет, обнаруженный к юго-западу от автодороги Мельниково—Каштановка. Он был схоронен в деревянном ящике с бронзовыми ручками. Сокровище состояло из латунных монет италийского чекана. Большая их часть значительно изношена. Многие монеты так сильно потерты, что значительно потеряли в весе. Но, судя по факту их обнаружения в составе клада, их продолжали ценить. Приходим к выводу, что объект нашего исследования не являлся скоплением металлических предметов, ценимых за материал, из которого они были изготовлены. Он представляет собой денежное сокровище, составленное из хорошо известных в регионе платежных средств. Полагаем, что римская латунная монета в изобилии поступала в регион при императорах «золотого века» в обмен за янтарь. Заключаем, что население самбийско-натангийской культуры ценило разменные деньги римского чекана как средства платежа и накопления.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, самбийско-натангийская культура, клад римских монет.

Сведения об авторах: Скворцов Константин Николаевич[1], Институт археологии РАН; Чореф Михаил Михайлович[2], кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: [1]117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Институт археологии РАН; e-mail: sn_arch_exp@mail.ru; [2]603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

K.N. Skvortsov, M.M. Choref

TREASURE OF ROMAN COINS MELNIKOVO-1

The object of the study was a hoard of Roman coins discovered to the Southwest of the Melnikovo—Kashtanovka highway. He was buried in a wooden box with bronze handles. The treasure consisted of brass coins of the Italic minting. Most of them are significantly worn out. Many coins are so badly worn that they have lost significant weight. But, judging by the fact of their discovery in the treasure, they continued to be appreciated. We come to the conclusion that the object of our research was not a collection of metal objects valued for the material from which they were made. It is a treasure of money, made up of well-known means of payment in the region. We believe that Roman brass coins came to the region in abundance under the emperors of the “golden age” in exchange for amber. We conclude that the population of the Sambian-Natangian culture valued the change money of the Roman coinage as a means of payment and accumulation.

Key words: archaeology, history, numismatics, Sambian-Natangian culture, treasure of Roman coins.

About the authors: Skvortsov Konstantin Nikolayevich[1], Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Choref Mikhail Mikhailovich[2], PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

* Статья поступила в номер 10 ноября 2020 г.
Принята к печати 2 декабря 2020 г.

© К.Н. Скворцов, М.М. Чореф, 2020.

Contact information: [1]117292, Russia, Moscow, 19 Dm. Ulyanov St., Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences; e-mail: sn_arch_exp@mail.ru; [2]603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

Клад был найден на мысу, на правом берегу безымянного ручья, берущего свое начало в торфяном болоте со следами довоенных торфяных разработок. Точное место обнаружения сокровища — в 683,96 м к юго-западу от автодороги Мельниково—Каштановка, в 1050 м от ж.д. переезда пос. Каштановка, в 840,33 м от юго-восточной стены Орденской кирхи в пос. Мельниково, в 316,84 м западнее распределительной станции газопровода, проложенного на данной территории в 2005—2006 гг. История изучения клада начинается в 2005 г., когда при изучении документов в архиве Рудольфа Гренца, хранящихся в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн (замок Готторф, Германия), среди многочисленных документов была обнаружена нарисованная от руки копия плана, датированная 1964 г. Позднее удалось найти в документах архива Германа Зоммера (Prassolow 2020: 123—124), т.е. архива округа Фишхаузен, оригинал плана (рис. 1: *1*) и карточки к нему (рис. 1: *2, 3*). В настоящее время эти документы хранятся в Центре балтийской и скандинавской археологии (Inv. No. Rudau_wNL_SH_1_3-150_2, Rudau_wNL_SH_1_3-148_1, Rudau_wNL_SH_1_3-150_1). В них содержатся описание и указание места находки клада римских монет, найденного в 1911 г. во время распашки поля. В текстовой информации значится, что клад римских монет был найден над Малдайтенским торфяным болотом юго-восточнее населенного пункта Рудау. Всего было найдено 43 монеты, выпущенные в I—II вв. Все они — сестерции. Судя по описям, в сокровище были сестерции Тита (79—81) — 1 экз., Адриана (117—138) — 4 экз., Антонина Пия (138—161) — 4 экз., Марка Аврелия (161—180) — 13 экз., Луциллы — 7 экз., а также неопределенные — 5 экз. Однако лишь 32 монеты поступили в нумизматическое собрание Музея «Пруссия» в Королевский замок в Кенигсберге. Клад так и не был опубликован.

В 2005 г. в нескольких десятках метров от места находки клада началась прокладка газопровода. Его трассу обследовали археологи из ИИМК РАН. В мае 2006 г. К.Н. Скворцов совместно с сотрудником Научно-производственного центра при Министерстве культуры Калининградской области Е.А. Калашниковым в процессе мониторинга состояния памятников археологического наследия в окрестностях пос. Мельниково посетили и данное место. В результате осмотра места удалось найти на территории, прилегающей к зоне строительства газопровода и на распашке, несколько десятков бронзовых римских монет. Большая часть находок располагалась ближе к южному склону мыса, в сторону торфяного болота.

В ходе разведок 2012—2013 гг. было предпринято несколько выездов на данное место (ИА РАН. Ф. Р-1. Скворцов К.Н. Отчет по разведкам на участках проектируемых объектов в Зеленоградском, Гурьевском, Правдинском, Багратионовском районах, на территории г. Немана Калининградской области отрядом Самбийской археологической экспедиции ИА. 2014). В пешем порядке была осмотрена площадь мыса около 80 × 120 м, с запада ограниченная ручьем, с севера частично лощиной, а с юга торфяным болотом. Таким образом, был осмотрен участок около 9 600 кв. м. Был проведен опрос местного населения. Стало известно, что в середине 1980-х гг. на данной территории выращивали картошку. Был составлен топографический план участка с местом находки (рис. 2), выполненный при помощи Тахеометра Sokkia SET530R. После снятия плана была проведена фотофиксация места находки (рис. 3). Высота площадки объекта археологического наследия — 6 м над уровнем моря по Балтийской системе координат.

Объект археологического наследия имеет следующие координаты: 1 — крайняя северо-западная точка — 54°52’05,6’’ северной широты, 20°28’13,5’’ восточной долготы; 2 — крайняя северо-восточная точка — 54°52’06,1’’ северной широты, 20°28’21,1’’ восточной долготы; 3 — крайняя юго-восточная точка — 54°52’03,3’’ северной широты, 20°28’21,5’’ восточной долготы; 4 — крайняя юго-западная точка — 54°52’03,8’’ северной широты, 20°28’13,4’’ восточной долготы.

Уже после первого посещения данного места стало очевидно, что найденные в 2006 г. монеты являются частью распаханного клада, часть которого была обнаружена в 1911 г. Для работы на данной территории вся площадь, прилегающая к месту первоначальной находки монет, была разбита на модули 10 × 10 м (рис. 4) с привязкой к системе координат, в границах которых и проводилась фиксация обнаруживаемого материала. При сборе подъемного материала использовался металодетектор Garrett 250ACE, позволяющий находить металлические предметы на небольшой глубине до 0,01 м в дерновом слое.

Для фиксации находок дополнительно использовался портативно-бытовой GPS-навигатор Garmin GPSMAP 62s (сертифицированный Ростестом), точность GPS менее 3 м. В ходе сбора подъемного материала были обнаружены еще 100 бронзовых римских монет: 99 сестерциев и 1 дупондий. Самые ранние из них отчеканены при Домициане (81—96) (рис. 5: *1*) и Траяне (98—117) (рис. 5: *2—4*), а самая поздняя монета[1] была выпущена при Коммоде (180—192) (рис. 5: *108*). Всего в 2006 и в 2012—2013 гг. было найдено 119 бронзовых римских монет (рис. 5). Клад хранится в фондах Калининградского областного историко-художественного музея (Инв. № КГОМ 1.18842/1-119). Кроме монет были найдены бронзовые предметы: две ручки ларца (или сундучка?) (рис. 6).

Стоит отметить, что в микрорегионе известны находки римских монет (Кропоткин 1961: № 46—157), в т.ч. и бронзовых (Кропоткин 1961: № 46—53, 55—73, 76—87, 90—131, 133, 135—137, 139—150, 152, 153, 155—157), которые составляют и клады (Кропоткин 1961: № 87, 105, 106, 110, 118). Можно с большой долей уверенности заявить, что на данном участке находятся и другие части этого распаханного клада. Что, на наш взгляд, диктует необходимость проведения в данном месте стационарных полевых исследований для полнейшего изучения данного уникального памятника римской эпохи.

Для определения наличия или отсутствия культурного слоя на площадке нахождения клада был забит шурф № 1. Координаты N 54°52’04,1’’ E 20°28’14,7’’, размеры 2 × 2 м. Он был ориентирован по сторонам света. Верхняя часть шурфа перекрыта дерном мощностью до 0,14 м. Ниже его располагался пахотный слой серо-коричневой супеси мощностью до 0,26 м. Ниже находится материк. Для уточнения стратиграфической ситуации материк был прокопан на 0,5 м. Находок в шурфе не обнаружено. Культурный слой не выявлен.

Опись нумизматического материала

1. Домициан (81—96).
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,2 см. Вес — 19,8 г (рис. 5: *1*).

[1] Обоснование ее датировки приведено ниже.

2. Траян (98—117).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Фигура Виктории. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,0 см, вес — 16,9 г (рис. 5: *2*).

3. Траян (98—117).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке, вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций.
Диаметр — 3,3 см, вес — 17,0 г (рис. 5: *3*).

4. Траян (98—117).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Фигура в рост.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,2 см, вес — 23,7 г (рис. 5: *4*).

5. Адриан (117—138).
Л.с.: HADRIANVS AVGVSTVS. Бюст императора вправо.
О.с.: Эквитас. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 637).
Диаметр — 3,2 см, вес — 28,6 г (рис. 5: *5*).

6. Адриан (117—138).
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3 см, вес — 20 г (рис. 5: *6*).

7. Адриан (117—138).
Л.с.: Бюст правителя вправо.
О.с.: Стерт.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,2 см, вес — 23,3 г (рис. 5: *7*).

8. Адриан (117—138).
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,5 см, вес — 18,9 г (рис. 5: *8*).

9. Адриан (117—138).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,2 см, вес — 21,6 г (рис. 5: *9*).

10. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: COS III. Пакс в рост, в ее правой руке ветвь, а в левой — рог изобилия.
Сестерций. Чекан Рима (RIC 554).
Диаметр — 2,8 см, вес — 20,6 г (рис. 5: *10*).

11. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS PP TR P COS IIII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Опа, сидящая на троне, со скипетром в левой руке. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 140—144 (RIC 625).
Диаметр — 2,9 см, вес — 21,7 г (рис. 5: *11*).

12. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: TONINVS AVG. Бюст императора вправо.
О.с.: Церес в рост. В ее правой руке колосья, а в левой — рог изобилия. У ее правой ноги — модиус. На заднем плане — галера. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 143—144 гг. (RIC 692).
Диаметр — 2,9 см, вес — 20,5 г (рис. 5: *12*).

13. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: AVG PI VS P P. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: TAS AVG. Фелицитас в рост, держит в правой руке козерога, а в левой — кадуцей. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 770).
Диаметр — 3,1 см, вес — 25,9 г (рис. 5: *13*).

14. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS PP TRP COS IIII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Салус в рост. У нее в руках шар и рог изобилия. У ее правой ноги — алтарь.
Сестерций. Чекан Рима (RIC 784).
Диаметр — 3,1 см, вес — 24,9 г (рис. 5: *14*).

15. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: Бюст императора вправо в лавровом венке.
О.с.: Аннона в рост, с посохом и модием у ног. По сторонам различимо «S C». Под чертой: «COS III».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 147—148 гг. (RIC 840).
Диаметр — 3,1 см, вес — 26 г (рис. 5: *15*).

16. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P XII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: COS IIII. Изображение Эквитас. В ее правой руке весы, а в левой — рог изобилия.
По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 148—149 гг. (RIC 855).
Диаметр — 3,0 см, вес — 24,0 г (рис. 5: *16*).

17. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: PIVS PP TR P XII. Бюст императора в лучевой короне вправо.
О.с.: Эквитас в рост, держит в правой руке весы, а в левой рог изобилия. По сторонам «S C».
Дупондий. Чекан Рима (RIC 858).
Диаметр — 2,7 см, вес — 19,5 г (рис. 5: *17*).

18. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P XVIII. Портрет императора в лавровом венке.
О.с.: LIBERTAS COS IIII. Либертас в рост. Держит в правой руке пилей, а левую протягивает вперед. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 928).
Диаметр — 3,1 см, вес — 19,6 г (рис. 5: *18*).

19. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: Бюст правителя в лавровом венке вправо.
О.с.: Диана, по сторонам — «S C ».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,1 см, вес — 22,4 г (рис. 5: *19*).

20. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: ANTONINVS AVG PIVS P P TR P. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Изображение женского божества в рост. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,0 см. Вес — 20,4 г (рис. 5: *20*).

21. Антонин Пий (138—161).
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Фигура в рост, предположительно — Эквитас. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,1 см, вес — 19,4 г (рис. 5: *21*).

22. Фаустина Старшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: CERES. Фигура Церес. В ее правой руке колосья, а в левой копье.
По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1128).
Диаметр — 3,1 см, вес — 19,6 г (рис. 5: *22*).

23. Фаустина Старшая.
Л.с.: DIVA AVGVSTA FAVSTINA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: PIETAS AVG. Пиетас в рост. Левее ее жертвенник. Богиня возлагает на него правой рукой жертву, а в левой держит коробку. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1146a).
Диаметр — 3,3 см, вес — 26,0 г (рис. 5: *23*).

24. Фаустина Старшая.
Л.с.: DIVA AVGVSTA FAVSTINA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: PIETAS AVG. Пиетас в рост. Левее ее жертвенник. Богиня возлагает на него правой рукой жертву, а в левой держит коробку. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1146a).
Диаметр — 3,0 см, вес — 22,3 г (рис. 5: *24*).

25. Фаустина Старшая.
Л.с.: DIVA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Окислена.
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск.
Диаметр — 3,2 см, вес — 25,3 г (рис. 5: *25*).

26. Марк Аврелий (161—180), как цезарь.
Л.с.: S CAESAR AVG. Бюст императора вправо.
О.с.: Минерва в рост, с совой и с копьем в руках, со щитом у ног. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1314).
Диаметр — 3,0 см, вес — 24,1 г (рис. 5: *26*).

27. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: IMP CAES M AVREL ANTONINVS AVG P P. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Марк Аврелий и Луций Вер пожимают друг другу руки.
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 161 г. (RIC 824).
Диаметр — 3,2 см, вес — 21,0 г (рис. 5: *27*).

28. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M AVREL ANTONINVS AVG ARMENIACVS P M. Изображение императора в лавровом венке вправо.
О.с.: TR POT XIX IMP II COS III. Император в кирасе со скипетром в левой руке, меж четырех штандартов. Под чертой — «SC»
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 165 г. (RIC 908).
Диаметр — 3,1 см, вес — 22,3 г (рис. 5: *28*).

29. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: TR POT XX IMP IIII. Виктория, опирающая на пальму. На ее щите — «VIC PAR». По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 166 г. (RIC 934).
Диаметр — 3,0 см, вес — 20,0 г (рис. 5: *29*).

30. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG ARM P. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Виктория, опирающая на пальму. На ее щите — «VIC PAR». По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 166 г. (RIC 934).
Диаметр — 2,8 см, вес — 21,8 г (рис. 5: *30*).

31. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора в лавровом вправо.
О.с.: Виктория, опирающая на пальму, держащая щит с надписью «VIC PAR». По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 166 г. (RIC 934).
Диаметр — 3,0 см, вес — 20,2 г (рис. 5: *31*).

32. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Виктория, опирающая на пальму. На ее щите — «VIC PAR». По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 166 г. (RIC 934).
Диаметр — 3,0 см, вес — 18,1 г (рис. 5: *32*).

33. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG ARM PARTH MAX. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: TR POT XXI IMP II COS III. Виктория, шагающая влево, с пальмовой ветвью в руке. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 167—168 гг. (RIC 948).
Диаметр — 3,1 см, вес — 25,7 г (рис. 5: *33*).

34. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Фортуна на троне влево. Под чертой — «FORT RED».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 168 г. (RIC 957).
Диаметр — 2,9 см, вес — 24,3 г (рис. 5: *34*).

35. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXIII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: SALVTI AVG COS III. Салус в рост. В ее правой руке — жертва, в левой — скипетр. Левее божества — алтарь.
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 169 г. (RIC 964).
Диаметр — 3,2 см, вес — 26,1 г (рис. 5: *35*).

36. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXV. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: COS III. Марс, шагающий вправо, со штандартам на плече. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 992).
Диаметр — 3,1 см, вес — 20,3 г (рис. 5: *36*).

37. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора вправо в лавровом венке вправо.
О.с.: COS III. Марс со штандартом на плече, шагающий вправо. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 992).
Диаметр — 3,1 см, вес — 27,8 г (рис. 5: *37*).

38. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXVI. Изображение императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS III. Виктория, опирающая на пальму, держащая щит с надписью «VIC GER». По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1029).
Диаметр — 3,3 см, вес — 23,9 г (рис. 5: *38*).

39. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXVI. Изображение императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS III. Изображение Ромы, сидящей на троне. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 171—172 гг. (RIC 1037).
Диаметр — 3,0 см, вес — 24,9 г (рис. 5: *39*).

40. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS III. Рома на троне влево. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима 171—172 гг. (RIC 1033).
Диаметр — 3,1 см. Вес — 22,8 г (рис. 5: *40*).

41. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXVII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS III. Юпитер сидит на троне, в его правой руке — Виктория. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 172—173 гг. (RIC 1063).
Диаметр — 2,9 см, вес — 22,5 г (рис. 5: *41*).

42. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: ONINVS AVG TR P XXVII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Юпитер сидит на троне, в его правой руке — Виктория. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима 172—173 гг. (RIC 1063).
Диаметр — 3,0 см, вес — 19,5 г (рис. 5: *42*).

43. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: ONINVS AVGVS. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Юпитер сидит на троне, в его правой руке — Виктория.
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 172—173 гг. (RIC 1063).
Диаметр — 2,8 см, вес — 20,5 г (рис. 5: *43*).

44. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXVII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: VICT GERMA IMP VI COS III S C. Надпись в венке.
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 172—173 гг. (RIC 1092).
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,7 г (рис. 5: *44*).

45. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG TR P XXVIII. Изображение императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS III. Юпитер, сидящий на троне. В его правой руке — Виктория, а в левой — копье. Под чертой — «SC».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 173—174 гг. (RIC 1097).
Диаметр — 3,0 см, вес — 22,7 г (рис. 5: *45*).

46. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: AVG TR P XXVIII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VI COS. Юпитер сидит на троне, в его правой руке — Виктория. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 172—173 гг. (RIC 1097).
Диаметр — 2,9 см, вес — 23,7 г (рис. 5: *46*).

47. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Юпитер на троне.
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 173—174 гг. (RIC 1097).
Диаметр — 3,0 см, вес — 19,4 г (рис. 5: *47*).

48. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: NINVS AVG GERM TR P XXIX. Бюст императора в лавровом венке.
О.с.: IMP VII COS III. Аннона в рост, держит в правой руке колосья, в в левой — рог изобилия. У ее правой ноги — модий с пятью колосьями. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 174—175 гг. (RIC 1130).
Диаметр — 2,9 см, вес — 25,2 г (рис. 5: *48*).

49. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG GERM TRP XXIX. Бюст императора в лавровом венке.
О.с.: Либералитас в рост, держит счеты в правой руке, а рог изобилия — в левой. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 174—175 гг. (RIC 1147).
Диаметр — 3,1 см, вес — 21,8 г (рис. 5: *49*).

50. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG GERM SARMATICVS. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: CLEMENTIA AV. Клеменция с чашей и со скипетром в руках. По сторонам — «S C». Под чертой — «COS III».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 175—176 гг. (RIC 1158).
Диаметр — 3,0 см, вес — 18,1 г (рис. 5: *50*).

51. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG GERM SARMATICVS. Бюст императора в лавровом венке вправо, вокруг надпись.
О.с.: TR P XXIX IMP VIII COS III. Аннона в рост. Держит в правой руке колосья, а в левой рог изобилия. У ее правой ноги модий, из которого торчат три колоска. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1160).
Диаметр — 3,3 см, вес — 23 г (рис. 5: *51*).

52. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: COS III PP. Эквитас в рост, с рогом изобилия и весами в руках. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1171).
Диаметр — 2,8 см, вес — 20,6 г (рис. 5: *52*).

53. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG GERM SARMATICVS. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VIII COS III. Эквитас в рост, с весами и с рогом изобилия в руках. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 175—176 гг. (RIC 1171).
Диаметр — 2,9 см, вес — 19,2 г (рис. 5: *53*).

54. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG GERM SARM TRP XXXI. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Трофеи. По сторонам — «S C». Под чертой — «DE GERMANIS».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 176—177 гг. (RIC 1184).
Диаметр — 3,2 см, вес — 22,2 г (рис. 5: *54*).

55. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: NTONINVS AVG GERM SARM TRP XXXI. Бюст императора в лавровом венке.
О.с.: IMP VIII COS III P P. Трофеи, по сторонам — «S C». Под чертой: «DE SARMATIS».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 172—173 гг. (RIC 1190).
Диаметр — 2,8 см, вес — 21,1 г (рис. 5: *55*).

56. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M AVREL ANTONINVS AVG TR P XXXII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VIII COS III. Изображение Эквитас с весами и с рогом изобилия. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1230).
Диаметр — 2,9 см, вес — 19,4 г (рис. 5: *56*).

57. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M AVREL ANTONINVS AVG TR P XXXII. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: IMP VIIII COS III PP. Эквитас в рост, с весами в руках и с рогом изобилия. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 175—176 гг. (RIC 1230).
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,6 г (рис. 5: *57*).

58. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M AVREL ANTONINVS AVG TR P XXXIII. Портрет императора в лавровом венке.
О.с.: Фелицитас в рост.
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 178—179 гг. (RIC 1237).
Диаметр — 3,1 см, вес — 18,0 г (рис. 5: *58*).

59. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M ANTONINVS AVG ARM. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: COS III. Виктория, шагающая влево.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 2,9 см, вес — 21,9 г (рис. 5: *59*).

60. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: ANTONINVS AVG. Бюст императора в лавровом венке, развернутый вправо.
О.с.: Стерта и окислена.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 2,7 см, вес — 19,1 г (рис. 5: *60*).

61. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: M AVREL ANTONINVS AVG GERM. Бюст императора в лавровом венке в право.
О.с.: IMP VIII COS. Женское божество в рост. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 2,9 см, вес — 20,6 г (рис. 5: *61*).

62. Марк Аврелий (161—180).
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Фигура женского божества в рост.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,1 см, вес — 25,1 г (рис. 5: *62*).

63. Луций Вер (161—169).
Л.с.: AVG. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,0 см, вес — 20,9 г (рис. 5: *63*).

64. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINAE AVG PII AVG FIL. Изображение императрицы.
О.с.: VENVS. Венера в рост, держащая в руках яблоко и корабельный руль, вокруг которого свернулся дельфин. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 145—156 гг. (RIC 1388b).
Диаметр — 3,1 см, вес — 21,6 г (рис. 5: *64*).

65. Фаустина Младшая.
Л.с.: NAE AVG PII AVG FIL. Бюст императрицы вправо.
О.с.: ENVS. Венера в рост, держащая в руках яблоко и корабельный руль, вокруг которого свернулся дельфин. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1388b).
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,2 г (рис. 5: *65*).

66. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: AVGVSTI. Спес, держащая в правой руке цветок и приподнявшая подол юбки. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1371).
Диаметр — 3,0 см, вес — 22,3 г (рис. 5: *66*).

67. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Изображение императрицы.
О.с.: FECVNDITAS. Императрица в образе Фекундитас. В ее правой руке скипетр, а в левой — младенец. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1638).
Диаметр — 2,9 см, вес — 22,1 г (рис. 5: *67*).

68. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVG. Бюст императрицы вправо.
О.с.: FECVNDITAS. Императрица, как Фекундитас со скипетром в правой руке и с младенцем в левой. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1638).
Диаметр — 3,0 см, вес — 22,8 г (рис. 5: *68*).

69. Фаустина Младшая.
Л.с.: Бюст императрицы вправо.
О.с.: NDITAS Императрица в образе Фекундитас с копьем в правой руке и с ребенком в левой. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1638).
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,8 г (рис. 5: *69*).

70. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.С.: IVNO. Фигура Юноны, держащей в руках чашу и скипетр. У ее правой ноги — павлин. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1645).
Диаметр — 3,0 см, вес — 23,2 г (рис. 5: *70*).

71. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: IVNO. Фигура Юноны, держащей в руках чашу и скипетр. У ее правой ноги — павлин. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1645).
Диаметр — 3,3 см, вес — 22,4 г (рис. 5: *71*).

72. Фаустина Младшая.
Л.с.: TINA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: LAETITIA. Лаэтиция в рост. Под чертой — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1654).
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,2 г (рис. 5: *72*).

73. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: MATRI MAGNAE. Кибела, сидящая на троне вправо. В ее левой руке барабан. У трона фигуры двух львов. Под чертой — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1663).
Диаметр — 3,2 см, вес — 24,1 г (рис. 5: *73*).

74. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Кибела на троне вправо. В ее левой руке барабан.
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1663).
Диаметр — 3,0 см. Вес — 21,5 г (рис. 5: *74*).

75. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Салус на троне. В ее правой руке чаша. Под чертой: «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1667).
Диаметр — 2,9 см, вес — 22,8 г (рис. 5: *75*).

76. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: TEMPOR FELIC. Императрица в рост, держащая в руках двух детей. У ее ног еще четыре ребенка. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1674).
Диаметр — 3 см, вес — 21,8 г (рис. 5: *76*).

77. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Этернитас в рост, держит в левой руке факел. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1692).
Диаметр — 3,0 см, вес — 22,8 г (рис. 5: *77*).

78. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: RNITAS. Этернитас с факелом в левой руке. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1692).
Диаметр — 2,9 см, вес — 20,9 г (рис. 5: *78*).

79. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Павлин.
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1703).
Диаметр — 2,7 см, вес — 21,0 г (рис. 5: *79*).

80. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Диана Люцифера в рост, держащая в руке факел. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1710).
Диаметр — 3,0 см, вес — 16,8 г (рис. 5: *80*).

81. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: VS RECEPTA. Диана Люцифера в рост, держащая в руке факел. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1710).
Диаметр — 2,7 см, вес — 21,2 г (рис. 5: *81*).

82. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: SIDERIBVS RECEPTA. Диана Люцифера в рост, держащая в руке факел. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1715).
Диаметр — 3,0 см, вес — 23,6 г (рис. 5: *82*).

83. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст императрицы, развернутый вправо.
О.с.: SIDERIBVS RECEPTA. Диана Люцифера в рост, держащая в правой руке факел. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1715).
Диаметр — 2,8 см, вес — 23,1 г (рис. 5: *83*).

84. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Бюст изображение императрицы вправо.
О.с.: SIDERIBVS RECEPTA. Диана Люцифера в рост, держащая в руке факел. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Посмертный выпуск (RIC 1715).
Диаметр — 3,1 см, вес — 25,5 г (рис. 5: *84*).

85. Фаустина Младшая.
Л.с.: DIVA FAVSTINA PIA. Портрет императрицы влево.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3 см, вес — 23,1 г (рис. 5: *85*).

86. Фаустина Младшая.
Л.с.: FAVSTINA AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.С.: Фигура богини с копьем в левой руке.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 2,7 см, вес — 23,2 г (рис. 5: *86*).

87. Фаустина Младшая.
Л.с.: Бюст императрицы вправо.
О.с.: Фигура женского божества в рост. По сторонам: «S C».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,6 г (рис. 5: *87*).

88. Фаустина Младшая.
Л.с.: Бюст императрицы вправо.
О.с.: Женское божество в рост.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 2,9 см, вес — 25,0 г (рис. 5: *88*).

89. Коммод (180—192), как цезарь.
Л.с.: AVREL COMMODO CAES AVG FIL GERM SARM. Бюст Коммода в лавровом венке.
О.с.: SPES PVBLICA. Спес держит в правой руке цветок. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 175—176 гг. (RIC 1530).
Диаметр — 3,0 см, вес — 21,0 г (рис. 5: *89*).

90. Коммод (180—192), как цезарь.
Л.с.: L AVREL COMMODO CAES AVG FIL GERM SARM. Бюст императора, развернутый вправо.
О.с.: Спес в рост. В ее правой руке — цветок. Левой она поддерживает юбку. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 175—176 гг. (RIC 1530).
Диаметр — 3,1 см, вес — 21 г (рис. 5: *90*).

91. Коммод (180—192), как цезарь.
Л.с.: IMP L AVREL COMMODVS AVG GERM SARM. Портрет императора в лавровом венке.
О.с.: TR P II COS P P. Трофеи, под ними два сидящих пленника. По сторонам — «S C».
Под чертой — «DE GERM».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1555).
Диаметр — 2,9 см, вес — 22,0 г (рис. 5: *91*).

92. Коммод (180—192), как цезарь.
Л.с.: IMP CAES L AVREL COMMODVS GERM SARM. Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: TR P II COS. Марк Аврелий и Коммод сидят в курульных креслах на высокой платформе, правее их стоит солдат, перед ними статуя Либеритас с рогом изобилия, раздающая монеты, которые ловит римлянин в тоге. По сторонам — «S C». Под чертой — «LIBERALITAS AVG».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1559).
Диаметр — 3,1 см, вес — 26 г (рис. 5: *92*).

93. Коммод (180—192), как цезарь.
Л.с.: AVREL COMM. Бюст императора вправо в лавровом венке.
О.с.: TR P II COS P P. По центру — алтарь. Правее Коммод, приносящий жертву. Левее алтаря виктимарий, убивающий быка.
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1594).
Диаметр — 3,1 см, вес — 21,4 г (рис. 5: *93*).

94. Коммод (161—180), как цезарь.
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Минерва в рост, возливает на алтарь, опирается левой рукой на щит. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 179 г. (RIC 1599).
Диаметр — 3,0 см, вес — 19,4 г (рис. 5: *94*).

95. Коммод (180—192), младший август.
Л.с.: IMP L AVREL COMMODVS AVG GERM SARM. Портрет императора в лавровом венке.
О.с.: Груда захваченного оружия. Под чертой: «DE G[ERMA]NIS».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 177 г. н.э. (RIC 1570).
Диаметр — 2,7 см, вес — 21,3 г (рис. 5: *95*).

96. Коммод (180—192), младший август.
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: LIBERTAS AVG IMP II COS P P. Либертас в рост. В ее правой руке пилей, а в левой — скипетр. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 178 г. (RIC 1589).
Диаметр — 2,7 см, вес — 20,2 г (рис. 5: *96*).

97. Коммод (180—192), как младший август.
Л.с.: L AVREL COMMODVS AVG TR P III. Бюст безбородого императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Либертас в рост. В ее правой руке пилей, а в левой — скипетр. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 178 г. (RIC 1589).
Диаметр — 3,1 см, вес — 22,6 г (рис. 5: *97*).

98. Луцилла.
Л.с.: LVCILLAE AVG ANTONINI AVG F. Бюст императрицы вправо.
О.с.: IVN. Юнона на троне влево. Держит в руках венок и младенца. Под чертой — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1747).
Диаметр — 2,7 см, вес — 22,1 г (рис. 5: *98*).

99. Луцилла.
Л.с.: AVG ANTONINI AVG PII FIL. Бюст императрицы вправо.
О.с.: VENVS. Венера в рост. В ее правой руке яблоко, а в левой — скипетр. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1763).
Диаметр — 2,9 см, вес — 21,8 г (рис. 5: *99*).

100. Луцилла.
Л.с.: LA AVG. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Изображение Юноны в рост, держащей в руках чашу и скипетр. У ее ног — павлин. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1744).
Диаметр — 3,2 см, вес — 26,5 г (рис. 5: *100*).

101. Луцилла.
Л.с.: LVCILLAE AVG ANTONINI AVG F. Бюст Луциллы вправо.
О.с.: Юнона в рост, в правой руке патера, в левой — скипетр. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1750).
Диаметр — 3,0 см, вес — 25,4 г (рис. 5: *101*).

102. Луцилла.
Л.с.: LVCILLA AVGVSTA. Изображение Луциллы.
О.с.: Юнона в рост. В правой руке — патера, в левой — скипетр. У правой ноги божества — павлин. По сторонам – «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1751).
Диаметр — 2,9 см, вес — 22,7 г (рис. 5: *102*).

103. Луцилла.
Л.с.: LVCILLA AVGVSTA. Бюст Луциллы вправо.
О.с.: IVNO REGINA. Юнона в рост, в ее правой руке патера, а в левой — скипетр. У правой ноги божества — павлин. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1751).
Диаметр — 2,9 см, вес — 21,8 г (рис. 5: *103*).

104. Луцилла.
Л.с.: AVGVSTA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Венера в рост с яблоком и со скипетром в руках. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима (RIC 1763).
Диаметр — 2,9 см, вес — 24,6 г (рис. 5: *104*).

105. Луцилла.
Л.с.: LVCILLA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Венера, держащая в руках яблоко и скипетр. По сторонам — «S C».
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,2 см, вес — 24,0 г (рис. 5: *105*).

106. Луцилла.
Л.с.: Бюст императрицы вправо.
О.с.: Стерт.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,2 см, вес — 22,2 г (рис. 5: *106*).

107. Луцилла.
Л.с.: LVCILLA. Бюст императрицы вправо.
О.с.: Окислена.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 2,9 см, вес — 22,2 г (рис. 5: *107*).

108. Криспина.
Л.с.: CRISPINA AVG IMP COMMODI AVG. Портрет Криспины влево.
О.с.: Салус на троне. Под чертой: «S C».
Сестерций. Чекан Рима. Выпуск 180—182 гг. (RIC 672b).
Диаметр — 2,9 см, вес — 18 г (рис. 5: *108*).

109. Сестерций. Выпуск II—III вв.
Л.с.: Стерта.
О.с.: Стерта.
Диаметр — 2,9 см, вес — 20 г (рис. 5: *109*).

110. Сестерций. Выпуск II—III вв.
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Стерта.
Диаметр — 3 см, вес — 13,8 г (рис. 5: *110*).

111. Не определима.
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.С.: Стерта.
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 3,0 см. Вес — 22,1 г (рис. 5: *111*).

112. Не определима.
Л.с.: Стерта.
О.с.: Фигура в рост.
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 2,7 см. Вес — 22,3 г (рис. 5: *112*).

113. Не определима.
Л.с.: Бюст вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 3,2 см, вес — 17,2 г (рис. 5: *113*).

114. Не определима.
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Чекан Рима.
Диаметр — 3,1 см, вес — 25,0 г (рис. 5: *114*).

115. Не определима.
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 2,8 см, вес — 20,5 г (рис. 5: *115*).

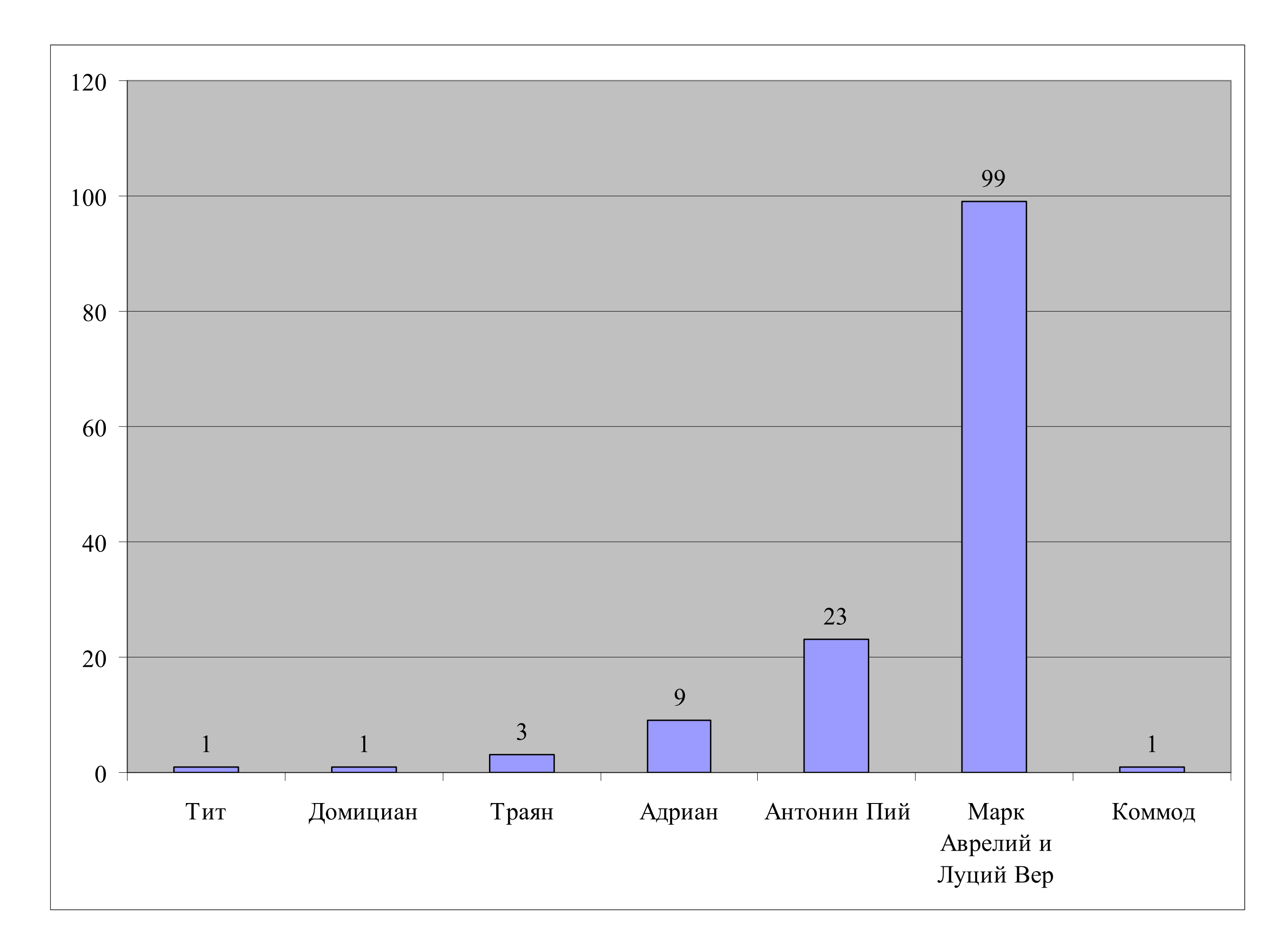
116. Не определима.
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Божество на троне влево.
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 3,0 см, вес — 24,0 г (рис. 5: *116*).

117. Не определима.
Л.с.: Бюст императора в лавровом венке вправо.
О.с.: Стерта.
Сестерций. Выпус II—III вв.
Диаметр — 3,3 см, вес — 24,9 г (рис. 5: *117*).

118. Не определима.
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Женское божество на троне. Под чертой — «S C».
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 3,1 см, вес — 20,6 г (рис. 5: *118*).

119. Не определима.
Л.с.: Бюст императора вправо.
О.с.: Женское божество на троне.
Сестерций. Выпуск II—III вв.
Диаметр — 3,2 см, вес — 24,8 г (рис. 5: *119*).

Перейдем к датировке клада. Для этого разобьем его монеты по правителям. Полагаем, что следует датировать бронзы, отчеканенные в честь Фаустин Старшей (рис. 5: *22—25*) и Младшей (рис. 5: *64, 65*), а также Марка Аврелия как цезаря (рис. 5: *26*) периодом правления Антонина Пия. К эпохе Марка Аврелия (рис. 5: *27—62*) и Луция Вера (рис. 5: *63*) относим не только их монеты, но и выпуски Фаустины Младшей как августы (рис. 8: *66—88*), Коммода как цезаря и младшего августа (рис. 5: *89—97*), а также Луциллы (рис. 5: *98—107*). При Коммоде была отчеканена только монета Криспины (рис. 5: *108*). Учтем монеты, найденные в этом же месте в 1911 г. Полученную статистику приводим на диаг. 1.

Диаг. 1. Разбиение монет клада Мельникова-1 по императорам.

Diag. 1. Splitting of Coins of Treasure of Melnikovo-1 by Emperors.

Мы находим состав клада весьма примечательным. Действительно, с середины II в. в составе погребального инвентаря могильников эстиев (самбийско-натангийская культура), чаще всего в мужских захоронениях, появились римские бронзовые монеты, которые зачастую находят в погребениях вместе с кусками необработанного янтаря (Skvorzow 2009: 133—136). Что, в свою очередь, может быть истолковано как косвенное свидетельство особой роли мужчин—воинов в янтарной торговле (Скворцов 2012: 40).

Все эти монеты в основном относятся к эмиссиям императоров «золотого века»: от Траяна до Коммода (Bollin 1926: 203—240). Как правило, эти артефакты не имеют следов

длительного использования. Судя по их состоянию и по датировке остального инвентаря, они попадали в погребения без значительного запаздывания. Что позволяет использовать их как нумизматические маркеры (Nowakowski 1996: 75; Чореф 2013: 191—215). И прийти к выводу, что янтарная торговля во II в. была весьма активной.

Как правило, эти монеты обнаружены в воинских погребениях с многочисленными предметами вооружения, имеющими множество аналогий в материалах пшеворской культуры и в Скандинавии (Skvorzow 2009). В позднеримское время монеты, в отличие от фазы B2/C1, встречаются в погребениях всех возрастных групп без половых различий (Скворцов 2012: 40). Следует отметить, что в период C1/C2, особенно в эпоху готских войн, римские бронзовые монеты встречаются особенно часто. Есть все основания полагать, что тогда они служили платежными средствами (Bursche 1988: 43). При этом большая их часть, как и в предшествующую эпоху, была отчеканена при императорах «золотого века». Но они сильно изношены, причем их использовали в качестве подвесок. Это же явление можно наблюдать и в комплексах черняховской культуры, где большинство монет либо являются подвесками, либо стерлись от длительного обращения (Тиханова 1979: 40—41).

Весьма важные выводы сделала польская исследовательница А. Запольская. Она установила, что в ареале самбийско-натангийской культуры было обнаружено 2 277 монет, из них в кладах — 1 672 экз., т.е. 73,43%, случайных находок — 256 экз., т.е. 11,24%, в могильниках — 297 экз., т.е. 13,04%, а на территории поселений такие артефакты не были обнаружены. Большая их часть отчеканена из латуни и бронзы. А. Запольская зафиксировала находки только 14 денариев (Zapolska 2008: 179—195; 2009: 115—131). При этом большинство римских монет, найденных в ареале самбийско-натангийской культуры, были выпущены с 60-х по 260-е гг. (Zapolska 2008: 179—192; 2009: 116). Как правило, это сестерции. Причем большая их часть датируется правлениями императоров «золотого века». Эти монеты несут на себе следы длительного нахождения в обращении. Есть все основания считать, что они являлись платежным средством, хорошо известным и популярным в регионе.

Рассматривая географическое расположение находок памятников нумизматики на Самбийском полуострове в XIX — начале XX вв., можно проследить очевидную закономерность (Bolin 1926: 210, 215, 217.) Из всех пяти мест находок кладов римских монет, датированных I—II вв., три располагаются в непосредственной близости друг от друга на территории нынешнего Зеленоградского района. Это поселки Мельниково (бывш. Rudau), Федорово (бывш. Bakeln) и Моршанское (бывш. Schreitlacken). Крайние места находок расположены друг от друга всего на расстоянии в 3,24 км. Все места находок лежат вблизи берегов мелких речушек Зеленоградки и Куровки. Истоки этих рек расположены в центре Самбийского полуострова, близ берегов впадающей в Куршский залив р. Славной, текущей с севера на юг и тяготеющей к бассейну р. Преголи и Калиниградского (Вислинского) залива. Четвертое место находки клада в пос. Волочаевское (бывш. Nautzwinkel) располагается практически на побережье Калининградского залива.

Судя по расположению мест находок этих кладов, они тяготеют к системам многочисленных рек, связанных с Вислинским заливом и Преголей — важных водных коммуникационных путей, связанных с участком торгового пути от Самбии к устью Вислы. Это полностью согласуется с геоморфологией Самбийского полуострова: максимальная концентрация памятников римского времени с высоким содержанием римских импортов, в

т.ч. и класса люкс, приходится на западную часть Самбийского полуострова, ограниченную моренными возвышенностями, протянувшимися с северо-запада на юго-восток, на которых берет начало большая часть ручьев и рек, впадающих в Вислинский залив и р. Преголю. Вероятно, именно здесь находились древние торговые центры, игравшие огромную роль в коммуникации между Самбией и центром вельбарской культуры на Эльблонгской возвышенности на западе и балтскими племенами на востоке.

Безусловно, исследования подобных памятников нумизматики и археологии имеет огромное значение для регионального изучения древностей культуры Доллькайм—Коврово в эпоху римского влияния для лучшего понимания процессов происходивших в это время у истоков Великого янтарного пути. Материалы, полученные в ходе многочисленных разведок 2012—2018 гг. на Самбийском полуострове: большое количество римских бронзовых монет, римских стеклянных и мозаичных бусин и других предметов импорта, а также многочисленные янтарные изделия и куски необработанного янтаря (Skvorzov 2012), свидетельствуют о том особом месте, которое занимали данные памятники в системе сбора янтаря и коммуникации по янтарному пути между Самбией и соседними территориями. В целом обнаруженный материал на исследованных могильниках четко указывает на контакты местных жителей, собиравших янтарь, как с культурами германского круга (регион Вислы), так и с балтами, проживавшими за р. Неман. Находки редких римских и германских импортов, как и большого количества бронзовой римской монеты, возможно, как и на других могильниках Самбии, связаны с янтарной торговлей и посреднической ролью населения проживавшего здесь в римскую эпоху между населением западной Самбии и балтами на востоке (за Куршским заливом и р. Неман) и германцами на западе (Вислинский залив).

Подчеркнем, что памятник находиться на водоразделе двух рек, связанных с Вислинским заливом, являвшимися важными водными коммуникациями, связанными с участком торгового пути от Самбии к устью Вислы. В древнее время, скорее всего, здесь проходил один из торговых центров на Янтарном пути, игравший важную роль в коммуникации между эстиями восточной Самбии и центром Вельбарской культуры на Эльблонгской возвышенности, а также балтами, проживавшими за р. Неман.

Итак, учитывая результаты изучения материалов современных и довоенных исследований, мы можем предполагать, что рядом с местами находок кладов под Мельниково находился некий центр, игравший определенную роль в древних торговых операциях. Исследователями неоднократно отмечалось, что древние центры со святилищами, рынками и т.д. занимали особое место в ментальном ландшафте у древнего человека, т.к. были относительно безопасны, связаны с исполнением религиозных обрядов, обменом информацией и товарами, а также становились ареной более важных событий, чем прочие (Fabech 2001: 201) Вероятно, что в римское время где-то в окрестностях пос. Мельниково и Моршанское располагался один из подобных центров.

Литература

ИА РАН. Ф. Р-1. Скворцов К.Н. Отчет по разведкам на участках проектируемых объектов в Зеленоградском, Гурьевском, Правдинском, Багратионовском районах, на територии г. Немана Калининградской области отрядом Самбийской археологической экспедиции ИА экспедицией. 2014.

Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).

Скворцов К.Н. 2012. Погребения с конями I тыс. н. э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка 3). *РА* 3, 36—49.

Тиханова М.А. 1979. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов с римскими монетами. *КСИА* 159, 37—43.

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения в Таврике в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—215.

Bolin S. 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen. *Prussia* 26, 203—240.

Bursche A. 1988. Kontakty Cesarstwa Rzymskiego z ludnością kultury wielbarskiej w III i IV w. w świetle źródeł numizmatycznych. In: Gurba J., Kokowski A. (red.). *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 37—50.

Nowakowski W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt.* Marburg; Warszawa: Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).

Prassolow J.A. 2020. Hermannn Sommer and his archaeological legacy. The preservation of cultural monuments on the Sambian Peninsula in the period 1929 to 1945. *Archaeologia Baltica* 27, 122—137.

RIC II: Mattingly H., Sydenham E.A. 1968. *RIC*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian, AD 69—138*. London: Spink and Son Ltd.

RIC III: Mattingly H., Sydenham E.A. 1930. *RIC*. Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink and Son Ltd.

Skvorzov K.N. 2012. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade. *Archaeologia Baltica* 18, 167—191.

Skvorzow K. 2009. Burilas of Riders and Horses Dated to the Roman Iron Age and Great Migration Period in Aleika-3 (Former Jaugehnen), Cemetry on the Sambian Peninsula. *Archaelogia Baltica* 11, 130—148.

Zapolska A. 2008. Römische Münze aus dem westlichen Teil des Westbaltischen Kulturkreises — Kontexte und Funktionen. In: Bursche A., Ciołek R., Wolters R. (eds.). *Roman coins outside the Empire: ways and phases, contexts and functions: Proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop, Radziwill Palace, Nieborow (Poland), 3-6 September 2005*. Wetteren: Moneta, 179—195 (Collection Moneta 82).

Zapolska A. 2009. Römische Münze aus dem westlichen Teil des Westbaltischen Kulturkreises — Kontexte und Funktionen. *Numismatický Sborník* 24, 115—131.

References

IA RAN. F. R-1. Skvortsov K.N. Otchet po razvedkam na uchastkakh proyektiruyemykh ob"yektov v Zelenogradskom, Gur'yevskom, Pravdinskom, Bagrationovskom rayonakh, na teritorii g. Nemana Kaliningradskoy oblasti otryadom Sambiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA ekspeditsiyey. 2014.

Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskih monet na territorii SSSR (Treasures of Roman Coins in the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).

Skvortsov, K.N. 2012. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 3, 36—49 (in Russian).

Tikhanova, M.A. 1979. In *Kratkie soobscheniya instituta istorii materialnoy kulturiy (Brief Reports from the Institute of the History of Material Culture)* 159, 37—43 (in Russian).

Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—215 (in Russian).

Bolin, S. 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen. *Prussia* 26, 203—240.

Bursche, A. 1988. Kontakty Cesarstwa Rzymskiego z ludnością kultury wielbarskiej w III i IV w. w świetle źródeł numizmatycznych. In: Gurba, J., Kokowski, A. (eds.). *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 37—50.

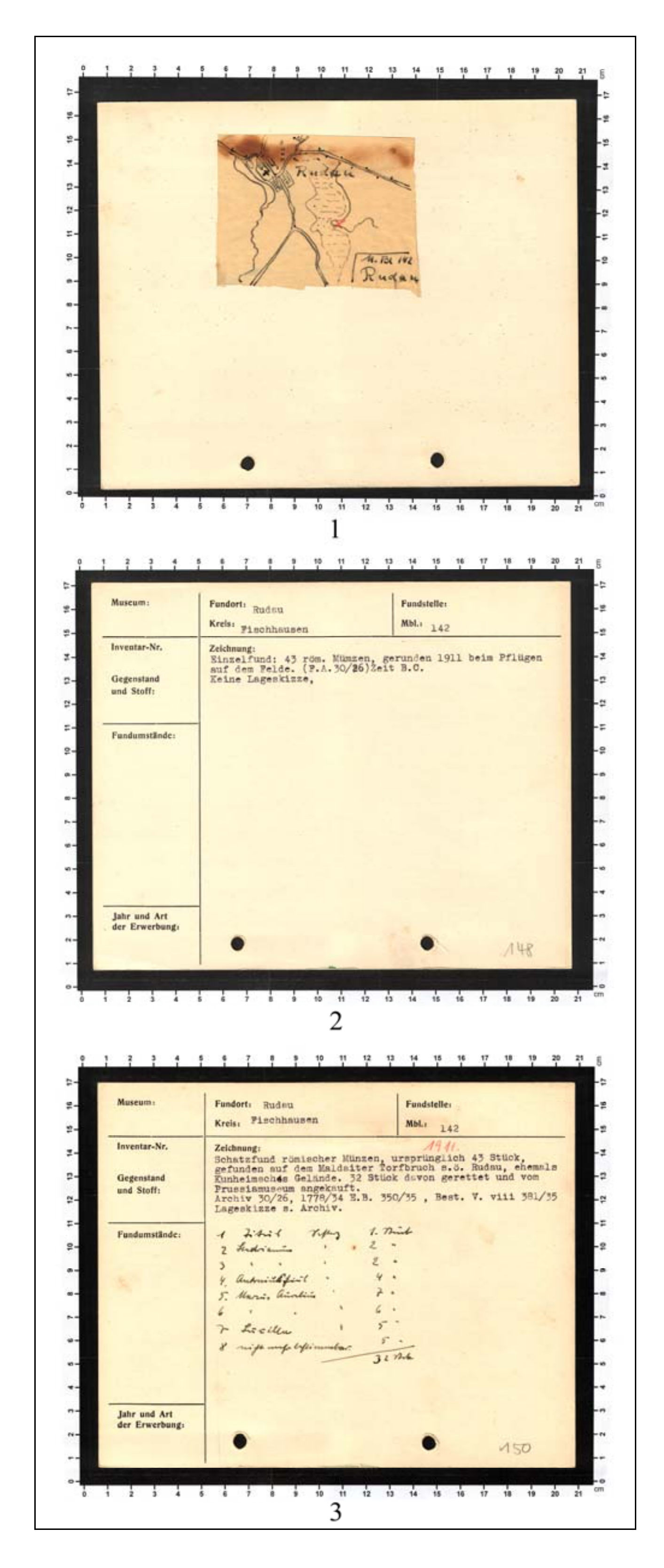
Nowakowski, W. 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt.* Marburg; Warszawa: Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10).

Prassolow, J.A. 2020. Hermannn Sommer and his archaeological legacy. The preservation of cultural monuments on the Sambian Peninsula in the period 1929 to 1945. *Archaeologia Baltica* 27, 122—137.

Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1968. *RIC*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian, AD 69—138*. London: Spink and Son Ltd.

Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1930. *RIC*. Vol. III. *Antoninus Pius to Commodus*. London: Spink and Son Ltd.

Skvorzow, K. 2009. Burilas of Riders and Horses Dated to the Roman Iron Age and Great Migration Period in Aleika-3 (Former Jaugehnen), Cemetry on the Sambian Peninsula. *Archaelogia Baltica* 11, 130—148.
Skvorzov, K.N. 2012. The Formation of a sambian-natangian Culture Patrimonial Elite in the Roman Period in the Context of the Amber Trade. *Archaeologia Baltica* 18, 167—191.
Zapolska, A. 2008. Römische Münze aus dem westlichen Teil des Westbaltischen Kulturkreises — Kontexte und Funktionen. In: Bursche, A., Ciołek, R., Wolters, R. (eds.). *Roman coins outside the Empire: ways and phases, contexts and functions: Proceedings of the ESF/SCH Exploratory Workshop, Radziwill Palace, Nieborow (Poland), 3-6 September 2005*. Wetteren: Moneta, 179—195 (Collection Moneta 82).
Zapolska, A. 2009. Römische Münze aus dem westlichen Teil des Westbaltischen Kulturkreises — Kontexte und Funktionen. *Numismatický Sborník* 24, 115—131.

Museum:
Fundort: Rudau
Kreis: Fischhausen
Fundstelle:
Mbl.: 142
Inventar-Nr.
Gegenstand und Stoff:
Zeichnung:
Einzelfund: 43 röm. Münzen, gefunden 1911 beim Pflügen auf dem Felde. (P.A. 30/26) Zeit B.C.
Keine Lageskizze,
Fundumstände:
Jahr und Art der Erwerbung:
148

2

Museum:
Fundort: Rudau
Kreis: Fischhausen
Fundstelle:
Mbl.: 142
Inventar-Nr.
Gegenstand und Stoff:
Zeichnung: 1911.
Schatzfund römischer Münzen, ursprünglich 43 Stück, gefunden auf dem Maldaiter Torfbruch s.ö. Rudau, ehemals Kunheimsches Gelände. 32 Stück davon gerettet und vom Prussiamuseum angekauft.
Archiv 30/26, 1778/34 E.B. 350/35 , Best. V. viii 381/35
Lageskizze s. Archiv.
Fundumstände:
Jahr und Art der Erwerbung:
150

3

Рис. 1. Документальные свидетельства об обнаружении клада римских монет близ Рудау в 1911 г. (Inv. No. Rudau_wNL_SH_1_3-150_2, Rudau_wNL_SH_1_3-148_1, Rudau_wNL_SH_1_3-150_1).

Fig. 1. Documentary evidence of the discovery of a hoard of Roman coins near Rudau in 1911 (Inv. No. Rudau_wNL_SH_1_3-150_2, Rudau_wNL_SH_1_3-148_1, Rudau_wNL_SH_1_3-150_1).

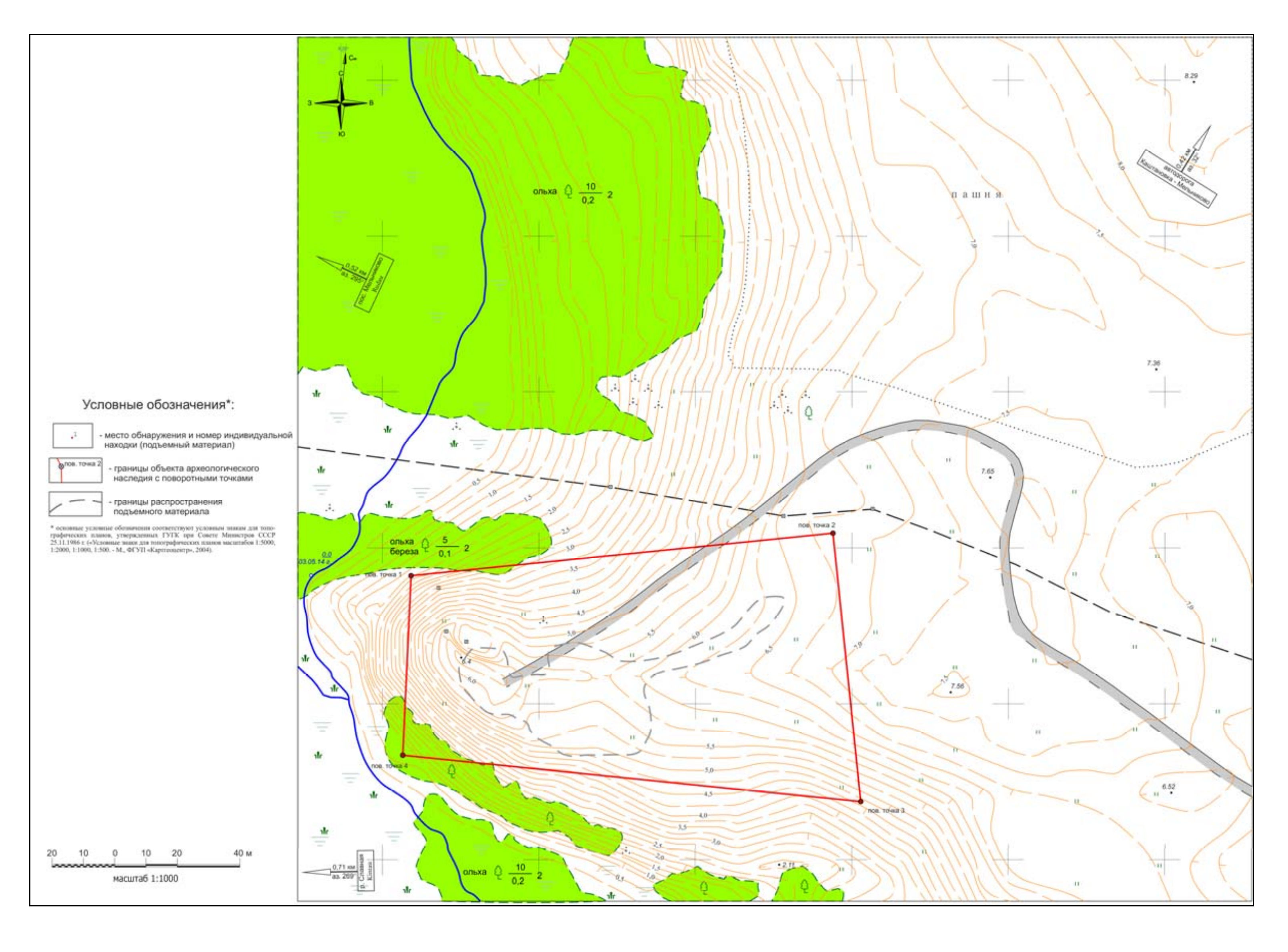

Рис. 2. Топографический план участка обнаружения клада.

Fig. 2. Topographic plan of the treasure detection site.

Рис. 3. Место находки монет (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 3. Place where coins were found (photo by K.N. Skvortsov).

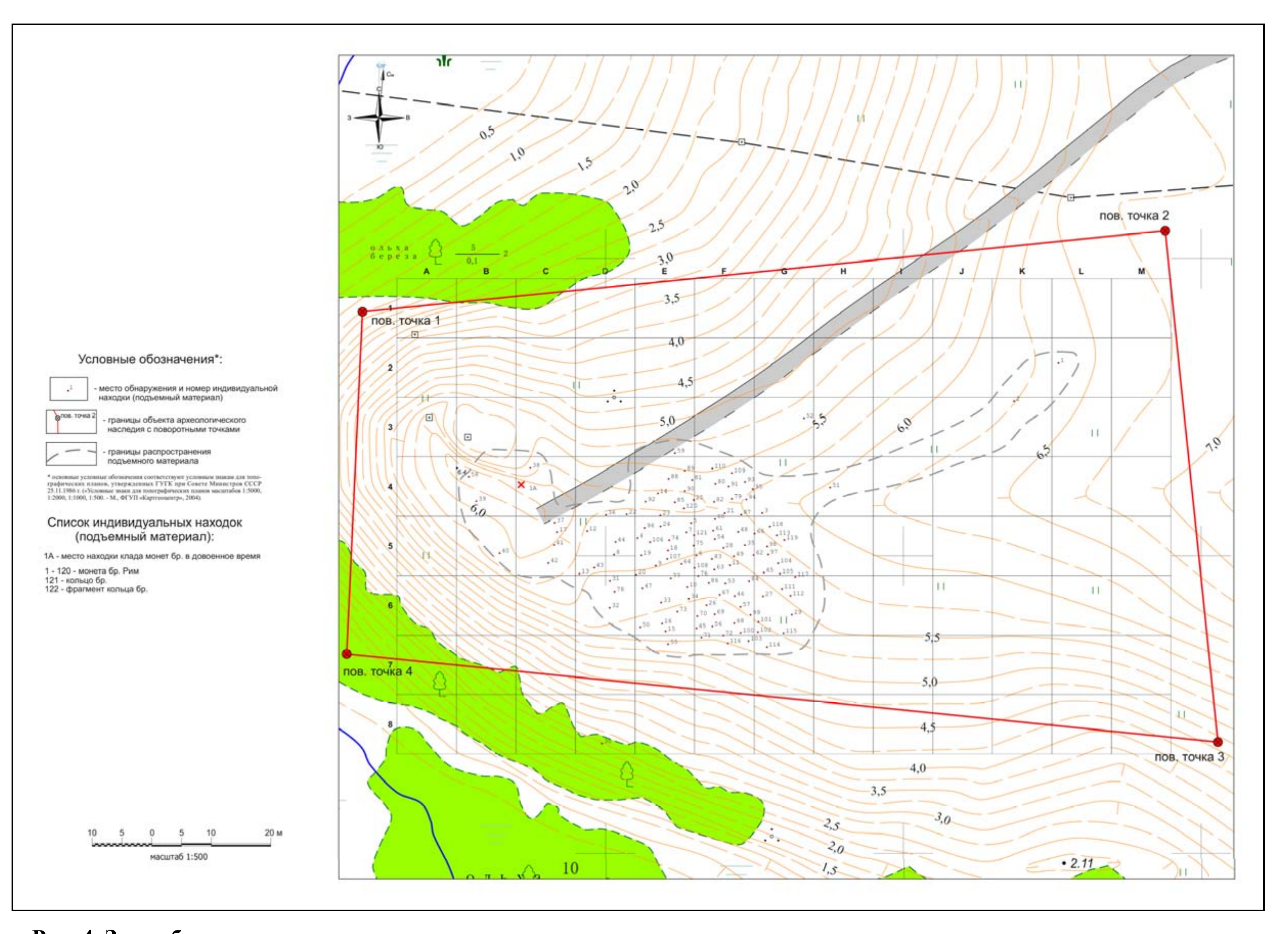

Рис. 4. Зона сбора подъемного материала.

Fig. 4. Lifting material collection area.

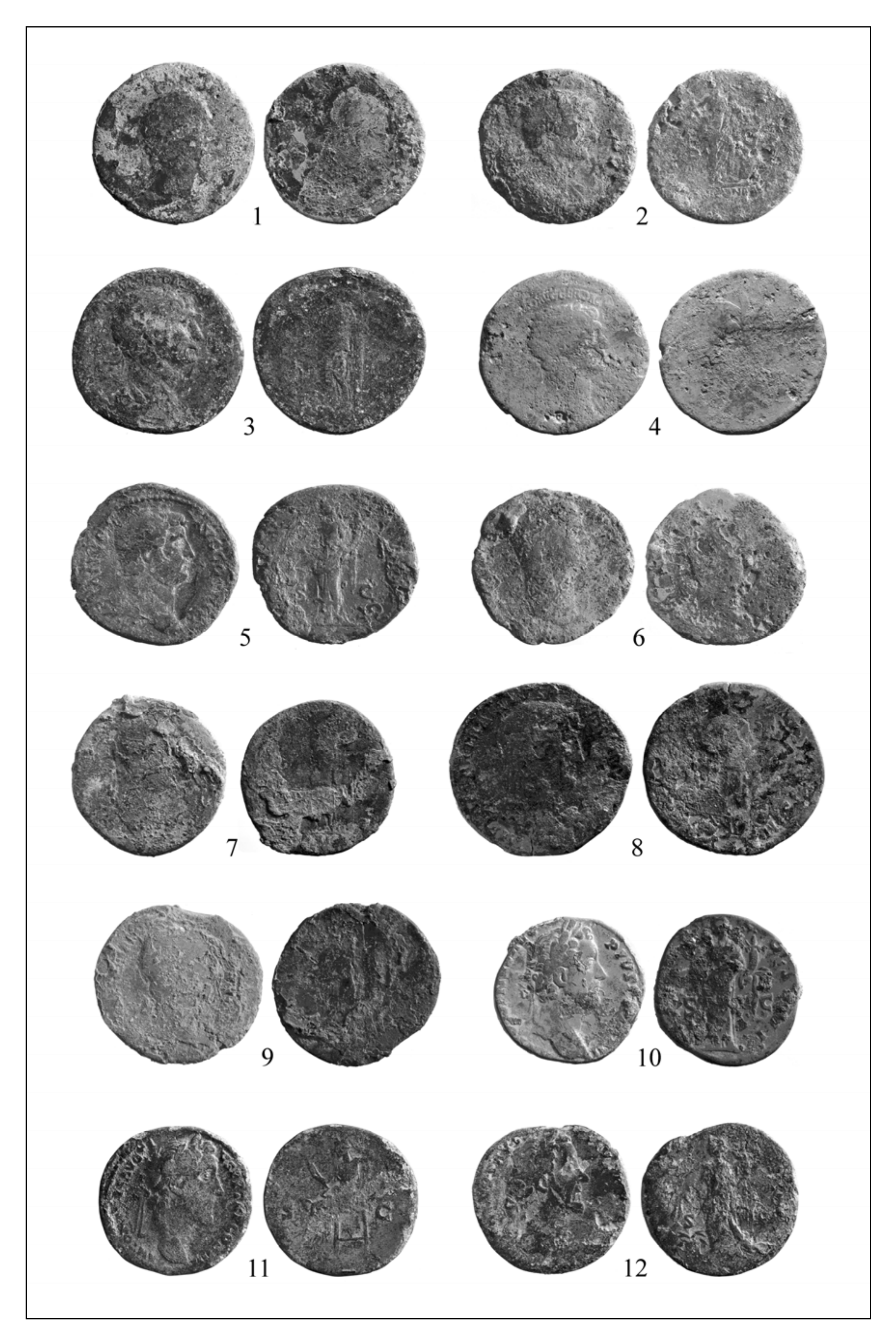

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (photo by K.N. Skvortsov).

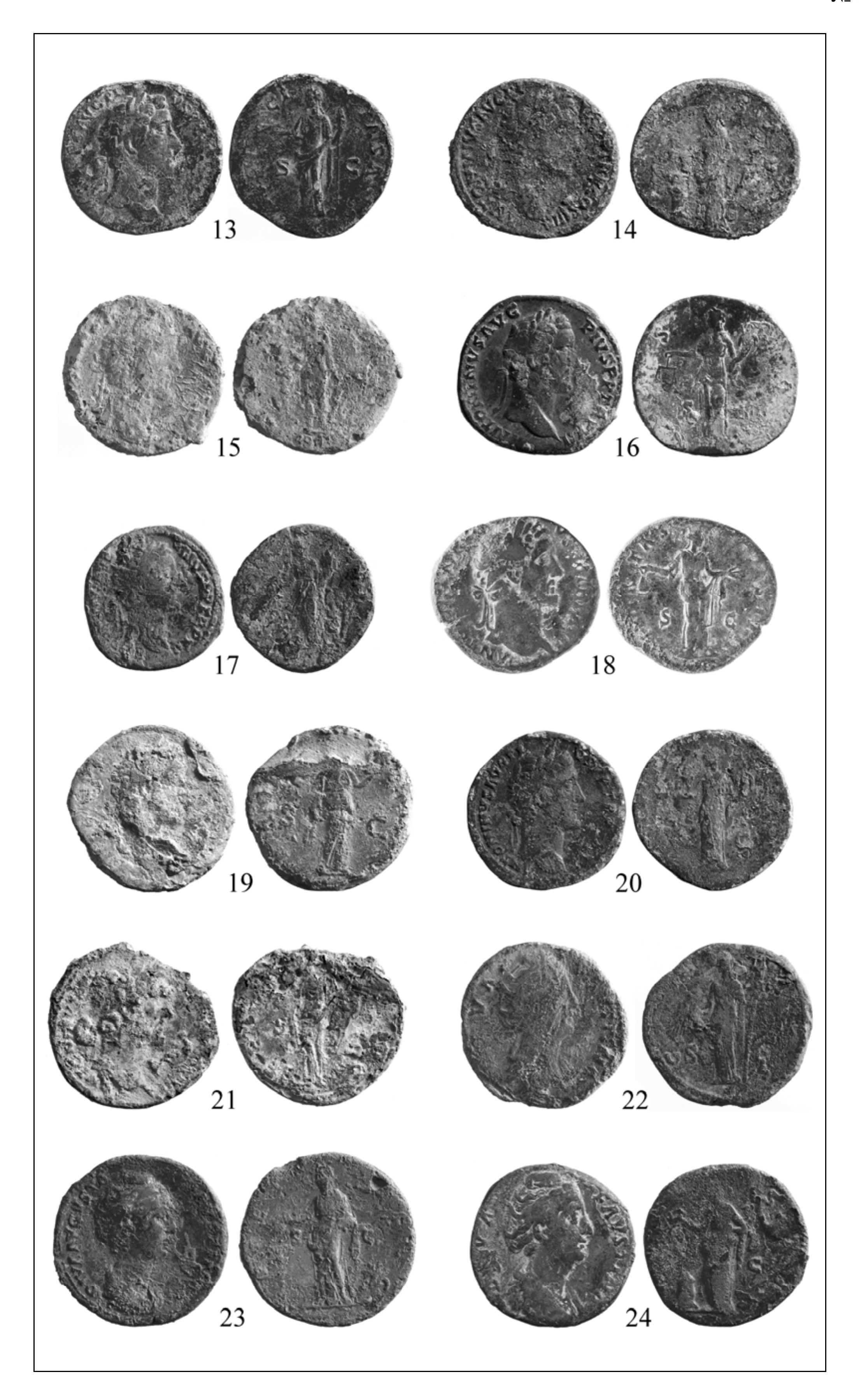

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

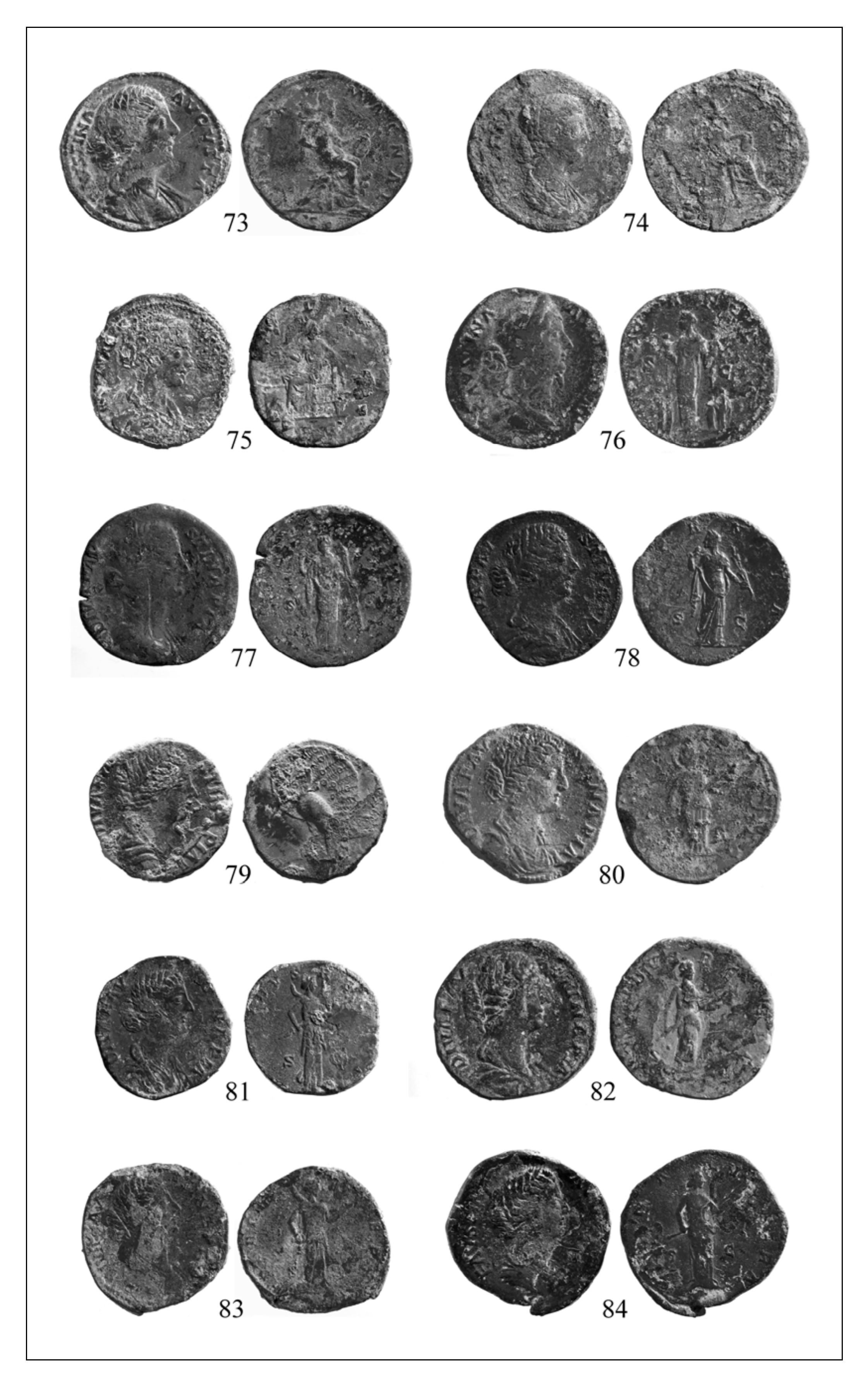

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

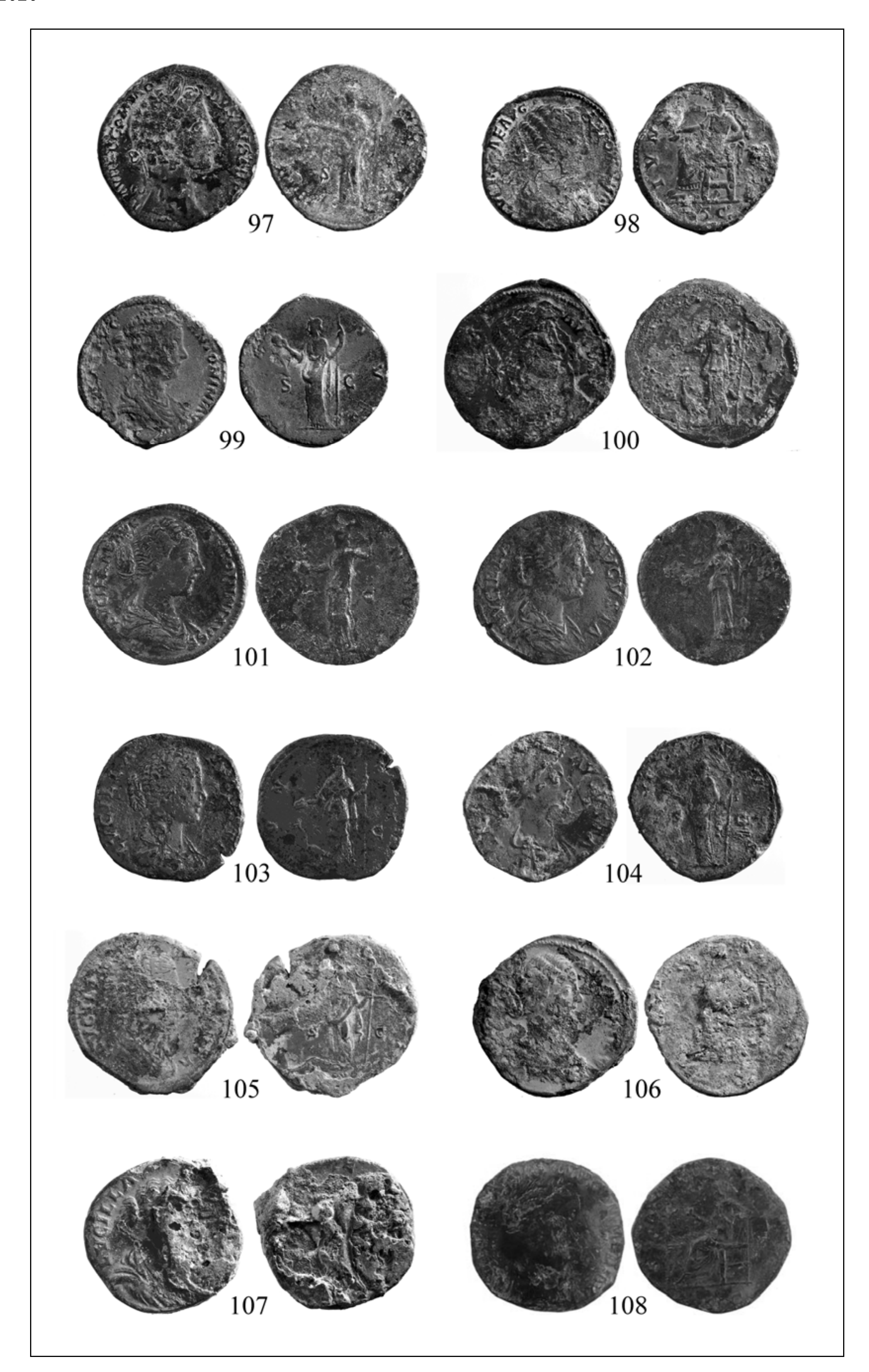

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

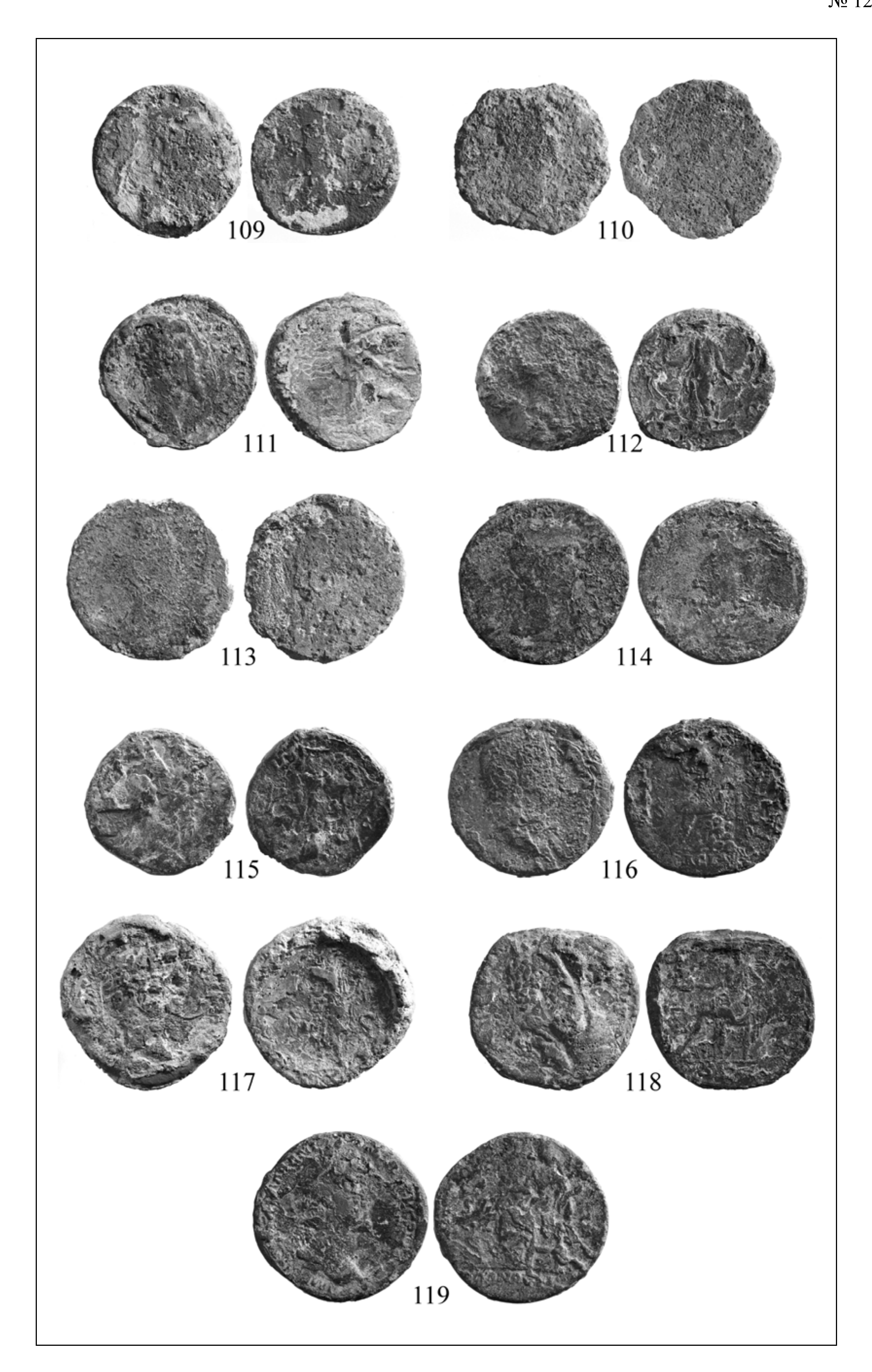

Рис. 5. Монеты клада, найденные в 2006 и в 2012—2013 гг. (продолжение) (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 5. Coins of the hoard found in 2006 and 2012—2013 (continued) (photo by K.N. Skvortsov).

Рис. 6. Бронзовые ручки (фото К.Н. Скворцова).

Fig. 6. Bronze handles (photo by K.N. Skvortsov).

УДК 94(315), 94(392)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00025

Д.П. Шульга

МОНЕТЫ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В КИТАЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИТУАЦИИ НА ШЁЛКОВОМ ПУТИ*

За последние сто лет в Китае было найдено более сорока восточно-римских монет, но многие из них не имеют археологического контекста, поэтому практически невозможно установить, когда они попали в Поднебесную. Кроме того, значительная часть находок изначально грубо выполнена или сильно изношена. Создание монет—имитаций также была частым явлением на Шелковом пути. Вероятно, что иногда это не было даже результатом злого умысла — византийские и иранские монеты выступали в качестве стабильных денежных единиц, положение которых было крепким, так как Китай со всей его ролью в международной торговле был раздроблен, начиная с III века н. э. Распад этот, в отличие, например, от периода Восточного Чжоу (771—221 гг. до н.э.), сопровождалась постоянным появлением и исчезновением царств и империй, которые редко существовали более одного века (особенно на севере). Конечно, в таком «политическом климате» ценность иностранных монет, имеющих стандартную массу и содержание драгоценных металлов, значительно выросла. Не менее очевидно, что это побудило многих производить «аналоги» солидов кустарным способом. Такие «умельцы» могли работать на территориях от Ближнего Востока до Желтого моря. Подлинные и «сомнительные» монеты Восточной Римской империи распространены вдоль Великого Шелкового пути (современные Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский автономные районы, провинции Ганьсу, Шэньси и Хэнань, частично также юг Внутренней Монголии). Например, в районе города Сиань яркая находка солида Юстиниана (авторы раскопок, однако, склонны считать монету принадлежащей правлению Юстина) была сделана в гробнице (571 г. н.э.) согдийца Кан Е. Мы ввели эту золотую монету в научный оборот в 2018 г. Кроме представления новых материалов, изучение византийских монет в Китае проливает свет на события в самой Восточной Римской империи. «Сопряжению» вышеописанных процессов и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: Китай, Восточная Римская Империя, солиды, Великий Шёлковый путь, Кан Е.

Сведения об авторе: Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет, Сибирский институт управления — филиал Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Контактная информация: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 2, Новосибирский государственный университет; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

D.P. Shulga

COINS OF EASTERN ROMAN EMPIRE IN CHINA AS A REFLECTION OF THE SITUATION ON THE SILK WAY

Over forty East Roman coins have been found in China over the past hundred years but many of them have no archaeological context, so it is almost impossible to establish when they got the Celestial Empire. Besides, a significant part of the finds are rather crude initially or heavily worn. Fake coin printing was also

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления — филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Этнополитические образования на территории Восточной России и сопредельных территориях (на рубеже древности и средневековья)».

Статья поступила в номер 11 сентября 2020 г.
Принята к печати 21 сентября 2020 г.

© Д.П. Шульга, 2020.

frequent on the Silk Road. It is believed that sometimes this was not even malicious intent — Byzantine and Iranian coins acted as stable monetary units, the position of which was stronger because China, with all its role in international trade had been fragmented starting from the 3rd century CE for hundred years. And this fragmentation, in contrast, for example, with the Eastern Zhou period (771—221 BCE), was accompanied by the constant emergence and disappearance of kingdoms and empires, which rarely existed for more than one century (especially in the north). Of course, in such a "political climate" the value of foreign coins, which had a standard mass and precious metal content, increased significantly. It is no less obvious that this prompted many to produce solidus "analogs" in an artisanal way, and such "craftsmen" could act on areas from Near East to the Yellow Sea. Genuine and questionable coins of the Eastern Roman Empire are spread along the Silk Road (modern Xinjiang Uygur and Ningxia-Hui autonomous regions, Gansu, Shaanxi and Henan provinces, partly also south of Inner Mongolia). For example, in the area of Xi'an city, the bright find of Justinian solidus (the authors of the excavations, however, tend to regard the coin as belonging to Justinian's reign) was printed in the tomb (571 CE) of the Sogdian Kan Ye. We put this golden coin into circulation in 2018. However, the study of Byzantine coins in China sheds light on events in the Eastern Roman Empire itself. The "conjugation" of the processes described above is the focus of this work.

Key words: China, Eastern Roman Empire, solids, Silk Road, Kang Ye.

About the author: Shulga Daniil Petrovich, PhD (History), Novosibirsk State University, Siberian Institute of Management — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Contact information: 630090, Russia, Novosibirsk, 2 Pirogova St., Novosibirsk State University; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

Если говорить о роли денег в древности и средневековье, то, при колоссальном значении для экономики, сохраняющемся и по сей день, она была несколько шире. В частности, ромейская золотая монета высокой пробы, с момента своего появления в IV в. служила не только для пополнения казны, строительства, выплаты жалования и отправки дани, но и демонстрировала мощь и стабильность империи и её церкви. В настоящей статье мы поговорим о восьми проникших в Поднебесную восточноримских монетах, шесть из которых ныне хранятся в Нумизматическом музее Китая, а две уже в новом веке были найдены в погребениях. На примере последних мы также отметим тот «политический климат», который был в Китае на момент проникновения туда «солидов» по Шёлковому пути.

Дело в том, что с III в. н.э. Поднебесная несколько столетий была раздроблена. Часть удельных династий были по происхождению китайскими, но немало было и имеющих степные корни. Вообще данный период характеризуется активной включенностью «варваров» в политическую жизнь Срединного государства. Еще в Троецарствие (220—280 гг.) деятель Чжугэ Лян в трактате «Вертоград полководца» (справедливости ради, надо сказать, что его авторство некоторые востоковеды, например, С.А. Комиссаров, считают спорным) писал о кочевниках: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно. Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживлёнными и смелыми. Утомлённый не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты

Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения был различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т.д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась в основном на пехоту, а северные народы — на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника» (Чжугэ 2008: 142). Мы видим, что на тот момент номады воспринимались как некая внешняя сила. Но постепенно ситуация менялась. И в IV—VI вв. «полуварварские» (то есть населенные китайцами, но с инородческой династией) царства стали политической данностью. Часто это были государства на северо-западе, в зоне Шёлкового пути. Эти места из-за выгодного расположения еще в III в. были довольно богаты: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны, некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь, корма в их землях не хватает, но много золота и серебра» (Чжугэ 2008: 144). Именно в такой Китай и проникло две монеты из Восточной Римской империи — Анастасия I (491—518 гг.) и Юстиниана I (527—565 гг.).

«Полуварварское» царство Северная Чжоу (557—581 гг.) было расположено между районами, контролируемыми куда более «китайским» государством Северная Ци (550—577 гг.) и кочевниками (в т.ч. Тюркским каганатом). Общность сяньби сыграла важную роль в формировании культуры Северной Чжоу, что, в свою очередь, наложило свой отпечаток и на периоды Суй и Тан. Правящее семейство в царстве (Юйвэнь) происходило из племён *тоба,* восходящих к сяньби. Естественно, что и подданные-ханьцы были несколько «синьбизированы».

В соседнем Северном Ци собственно китайских культурных элементов много больше, в том числе в погребальной архитектуре. Гробницы китайских чиновников-ханьцев в Северной Ци часто вбирали китайские погребальные обычаи, такие как наличие характерных росписей и глазурованных глиняных сосудов. Гробница циского чиновника средней руки Цуй Фэня содержала роспись с темой, связанной с южнокитайскими литературными сюжетами. Могила Сюй Сяньсю, высокопоставленного чиновника Северной Ци, имеет яркую роспись и 320 фигурок из керамики.

В отличие от этого, керамические фигурки или настенные росписи были менее важны в гробницах Северного Чжоу. Гробница Чило Се является самой большой из гробниц Северной Чжоу, она даже длиннее, чем у северо-чжоуского императора У-ди. Это отражает важность военной культуры в Северном Чжоу, что не очень характерно для Китая. Артефакты, найденные внутри захоронений генералов Северной Чжоу, были связаны с их военными достижениями, социально-экономической деятельностью, культурной самобытностью. А таковая совершенно точно имела место быть. Например, в случае с Жогань Юнем «Жогань» было сянбийской фамилией, которую Юйвэнь Тай дал своему отцу. Будучи замужем за принцессой из *тоба*, Жогань Юнь, по-видимому, больше отождествлял

свою семью с сяньби, чем с ханьцами. Тем не менее, в гробнице масса нефритовых изделий — типично китайской категории инвентаря.

Гробница Ван Дэхэна, этнического китайца из Северной Ци, который перешёл на сторону Северной Чжоу, обставлена бронзовой утварью и имеет минимум «варварского» влияния. В случаях с Ли Сянем, Ван Шиляном и Тянь Хуном основной стиль — ханьский, но встречается и масса экзотических артефактов. Длинный меч иностранного стиля в гробнице Ли Сяня, например, указывает на воинскую доблесть и высокий социальный статус.

Таким образом, армия Северной Чжоу возглавлялась потомками номадов группы сяньби, но среди офицерского состава, как мы видим, были и члены влиятельных китайских семей. Синкретичное по своей сути общество столкнулось с проблемой создания жизнеспособной военной организации. Судя по тому, что Северной Чжоу удалось, не будучи изначально сильнейшим царством эпохи Наньбэйчао, объединить весь Китай (уже как династия Суй), задача консолидации армии была решена.

Кроме уже ставшего традиционным для Китая сочетания степного и ханьского компонентов, именно в Северной Чжоу становится регулярным проникновение среднеазиатского субстрата в Поднебесную. Необычные согдийские захоронения в Северном Чжоу Китая раскрывают сложность культуры и исторического пути этого региона. Внешняя политика правительства Северного Чжоу привлекала согдийскую элиту в Китай, страну, которая была для них новой. При этом переселялись не только согдийские представители знати, но и многие торговцы, ремесленники, монахи и женщины. Согдийцы играли важную роль в поддержании торговли между кочевыми империями (включая эфталитов и тюрок) и царствами Северного Китая. Эти взаимодействия видны на иллюстрациях на саркофаге Ши Цзюня. Согдийцы — Кан Е (как мы увидим, именно в его захоронении будет солид Юстиниана), Ши Цзюнь и Ань Цзя — первоначально происходили из разных государств в Средней Азии (Wertmann et al. 2015: 105—123). Хотя их нельзя назвать соотечественниками, но умерли они в том же десятилетии, были похоронены рядом друг с другом.

Согдийцы меньше других этнических групп Северной Чжоу подвергались инородным влияниям. Исследуя эпитафии, письменные тексты и археологические свидетельства, мы видим, что согдийцы держались довольно замкнуто. Их официальное название *сабао* происходит из среднеазиатских языков, а не из китайского. Занимаясь в основном обслуживанием Великого Шёлкового пути, согдийцы жили своими общинами с выборными старостами во главе. Их титулы и звания не были включены в бюрократическую систему Северного Чжоу. Скорее всего, правительство Северного Чжоу такая ситуация вполне устраивала, тем более что богатые торговцы из Средней и Передней Азии, получи они доступ к политическому влиянию, могли бы стать угрозой для доминирования сянибийско-китайской знати.

Гробницы согдийцев по размерам и общим очертаниям напоминают сяньбийские и китайские, что, возможно, связано имущественным статусом усопших (Rose 2010). Несмотря на то, что период Наньбэйчао был весьма тяжёлым временем для Поднебесной, когда центральная власть исчезла, а на престол удельных царств восходили люди типа Вэнь Сюаня, питавшего страсть к убийствам, Шёлковый путь функционировал интенсивно. Малочисленные, но хорошо организованные *сабао,* владевшие языками, знавшие дороги, добивались больших успехов. Внутри общин они могли исповедовать собственные культы (в т.ч. зороастризм), сохранять традиции. Возможно, на устойчивость собственных верований повлияла проблема статуса купца в традиционном обществе. Чиновники и земледельцы воспринимались китайской традицией как люди полезные. Военные понимались конфуцианскими мыслителями как служилые люди второго сорта, но в Северном Чжоу это

нивелировалось сяньбийским культурным субстратом. Торговля не почиталась никем. При своём положении «аутсайдеров» купцы были богаты, и, вероятно, компенсировали минусы своего социального положения верой. Таковая давала им ощущение исключительности, внутреннего превосходства. Сложно спорить с тем, что именно купцы—манихеи разнесли эту религию от Средиземноморья до Тихого океана. Пока нет данных о влиянии гностических культов на согдийцев Северной Чжоу, но зороастризм фиксируется точно.

Эпитафия в гробнице Ши Цзюня показывает, что он был членом согдийской элиты, и подчёркивал свою этническую принадлежность с помощью согдийского языка. Его погребальная обстановка демонстрируют принадлежность к иранской религии (очевидно, маздаизму) и богатый купеческий опыт. Особенностью оформления погребения Ань Цзя были светские сцены, такие как охота, танцы и пиршества, очевидно, запечатлевшие память о его жизнь. Статус Кан Е наименее ясен. С одной стороны, в его усыпальнице есть сообщения о том, что его род проиграл во внутренней борьбе одного из среднеазиатских царств. С другой стороны, усопшего окружало очень много религиозных мотивов, так что некоторые исследователи даже отождествляли Кан Е с религиозным лидером местных *сабао* (Grenet 2007: 466). И вместе с тем, возведённая в 568—571 гг. гробница имеет много китайских черт. Общим для всех согдийских гробниц можно назвать наличие каменной мебели, цветных росписей, особенности изобразительной техники. Примечательно, что именно на стыке трёх совершенно различных по форме и содержанию культур зародился «центр силы», который затем объединит Китай. Впрочем, в истории Поднебесной носителями центростремительных тенденций зачастую выступали северо-западные «полуварварские» правители. Так было и во времена Восточной Чжоу, когда западное царство Цинь объединило Срединную империю, это же повторилось и после раннесредневекового распада эпохи Наньбэйчао.

Итак, в апреле 2004 г. в северном пригороде г. Сиань была раскопана могила периода Северной Чжоу (сяньбийско-китайское государство в этом регионе, 557—581 гг.). Имя человека, который был помещен в могилу, — Кан Е, где первая часть может трактоваться не только как фамилия, но и как название (в китайской огласовке) государства Кан на территории Согдианы (район совр. Самарканда). В Северном Чжоу Кан Е выступил в качестве *датяньчжу* (досл. «большой небесный предводитель»), вырастил трех сыновей, скончавшись на шестом году девиза правления Тяньхэ (571 г. н.э.). На момент смерти Кан Е было шестьдесят лет.

Гробница Кан Е расположена северо-западнее деревни Кандицзай, примерно в 3500 м к востоку от исторических границ столицы удельного царства Северное Чжоу (г. Чанань, совр. г. Сиань) (Cheng, Zhang 2008: 23). Примерно в 150 м к югу от описываемой могилы расположено погребение еще одного упомянутого выходца из Западного Края — Ан Цзя. В двух километрах к востоку от Кан Е покоился третий согдиец — Ши Цзюнь. Кратко опишем погребальный обряд (рис. 3). На поверхности каменной кушетки находится скелет человека, голова ориентирована на запад, ноги направлены на восток. Тело лежит на спине с вытянутыми конечностями. Во рту — золотая монета Восточной Римской империи с имперскими и христианскими символами (рис. 1: *1*), а в руке зажата монета из бронзы. Усопший облачен в халат из шелка и парчи, остатки которого фиксируются до сих пор. Ткань вышита металлическими и каменными украшениями (в т.ч. монетами). Талию Кан Е украшал наборный пояс. Сохранилась лишь бронзовая фурнитура. Кроме монет, украшений одежды и пояса, обнаружена табличка с эпитафией. Надпись, в общей сложности состоит из 397 символов в характерном вэйском стиле, подробно описывает семейное происхождение

умершего и другие обстоятельства. К слову, часть найденных в гробнице монет имеют традиционную китайскую форму, несут на себе иероглифы «布泉».

Наиболее примечательными находками являются поясная пряжка (с подвижным язычком, длина 8 см) и уже упомянутая золотая восточноримская монета (солид). Она круглая по форме, обод изношен. На лицевой стороне портрет императора, надевающего императорскую корону с рядом связанных жемчужных орнаментов. Он держит скипетр в правой руке и положил его на плечо. Надпись по краю монеты читается DNIVSTINI / ANVSPPAV. На оборотной стороне стоит ангел с двумя крыльями, выходящими из плеч. Его правая рука держит крест, левая — держит шар с крестом сверху. Надпись вдоль обода — VICTORI / AAVGGGZ и CONOB. Размеры монеты: 1,81 см в диаметре, 0,11 см толщиной. Масса 2,1 г (Cheng, Zhang 2008: 25—26).

Предположительное время изготовления монеты — первая половина VI в. н.э. Мы более склонны датировать данную находку эпохой правления Юстина (Grierson 1982: 52), хотя среди китайских исследователей преобладает точка зрения на принадлежность золотого солида к временам Юстиниана (Cheng, Zhang 2008: 37). В истории хорошо известны попытки последнего восстановить границы Римской империи вкупе с выдавливанием платонизма из образовательной системы. Находка в гробнице Кан Е показывает, что опосредованные связи Византии простирались до Северо-западного Китая. Что касается положения монеты (во рту покойного), то было бы очень заманчиво попытаться связать это с греческим обрядом положения «платы Харону», однако для такой интерпретации у нас недостаточно данных. К тому же, нельзя исключать смещения монеты в результате разложения тела и органических материалов одежды. Следует помнить и о роли грызунов в перетаскивании артефактов на небольшие расстояния. Например, в могильнике Локоть-4а в Алтайском крае суслик перенес большую часть головного убора с золотыми аппликациями в сторону от черепа, где было логово грызуна.

Доминирующими религиями в этой среде были зороастризм (Lerner 2011), манихейство, буддизм (Grenet 2007) и, несколько позже, несторианское христианство. Что касается вероисповедания самого Кан Е, то этот вопрос остается открытым. С одной стороны, мы видим монету с явной христианской символикой, расположенную во рту усопшего (даже если она изначально была не там, то более чем вероятно лежала в головах). С другой стороны, некоторые исследователи соотносят изображения с буддийской традицией, проводя параллели с циклом о диалоге Вималакирти и Манджушри (Zheng 2008). И при всем этом есть мнение о том, что Кан Е был зороастрийским жрецом (Wu 2015). Обряд погребения не типично зороастрийский, хотя наличие каменной кушетки можно истолковать как попытку не осквернить землю.

Судя по времени создания погребения (571 г.), к моменту помещения в гробницу византийский солид был в ходу от пятидесяти (если относить его к периоду Юстина II (565—578 гг.)) до десяти (если принять «юстинианову» версию) лет. Так или иначе, Кан Е и его семья (хоронившая отца-*датяньчжу*) придавали монете большое значение, причем не только материальное (если принять тезис о положении её в рот успошему).

Окрестности г. Лоян содержат немалое количество элитных погребений династии Северная Вэй (она же Тоба Вэй по имени некитайского кочевого этноса создателей, 386—534 гг. н.э.). Эта династия также имела сяньбийское происхождение. При раскопках гробницы M926 (датируется промежутком 525—534 гг.) в районе Цзяньси г. Лоян (рис. 2) была сделана весьма интересная нумизматическая находка. Китайским исследователям удалось обнаружить золотую монету восточноримского императора Анастасия I. Масса монеты 2,8 г (Ян 2016: 12). На аверсе монеты отчеканен портрет императора с выразительно

выполненными глазами (рис. 1: *2*). Несколько менее чёткое изображение в районе затылка — доподлинно не ясно, перед нами волосы или обод. Так или иначе, одеяние и головной убор августа украшены выступами, символизирующими драгоценные камни. В правой руке басилевса длинное копьё. На реверсе монеты чётко просматривается ангел с крестом, который, впрочем, по манере исполнения весьма похож на дохристианские образы богини победы, отчего у китайских авторов он именуется «Богиня-Виктория».

Что касается пути, по которому данная монета попала с территории Византии в Восточный Китай, то восстановить его можно лишь умозрительно. Учитывая время правления Анастасия I, и то, что в 534 г. не стало и самой Тоба Вэй, можно заключить, что монета довольно быстро преодолела примерно 10 000 км. Таким образом, данный нумизматический экземпляр застал один из пиков развития Лояна как столичного города, благополучие которого не в последнюю очередь базировалось на Великом Шёлковом пути. Аристократия и торговая элита Восточной Римской империи достаточно активно покупала для личного пользования и перепродажи продукты китайского экспорта, в т.ч. и шёлк. На примере монеты мы, с другой стороны, также видим, что представители китайской (в данном случае речь скорее об «окитаившейся» прослойке выходцев из кочевых народов, хотя в таковую инкорпорировались и собственно ханьцы) правящей верхушки считали почётным положить в качестве погребального инвентаря деньги далёкого Дацинь (устоявшееся в Китае название для Рима и Византии). Научному сообществу очень повезло, что описываемый артефакт не стал жертвой злоумышленников (погребение было разграблено, очевидно, еще в средневековье).

Размещение монеты в гробнице указывает также и на её подлинность. Дело в том, что изготовление фальшивой монеты было не редким явлением на Шёлковом пути. Есть мнение, что иногда в этом даже не было злого умысла — византийские и иранские монеты выступали в качестве устойчивых денежных единиц, положение которых было прочнее от того, что Китай, при всей своей роли в международной торговле, начиная с III в. н.э. почти четыреста лет был раздроблен. И раздроблен эта, в отличие, например, от восточночжоуского периода (771—221 гг. до н.э.), сопровождалась постоянным появлением и исчезновением царств и империй, из которых редкие (особенно на севере) переживали один век. Естественно, в таком «политическом климате» ценность иноземных монет, имевших стандартную массу и содержание драгоценного металла, существенно возрастала. Не менее очевидно, что это же побуждало многих изготавливать «аналоги» солидов кустарным способом, причем подобные «умельцы» могли действовать на пространствах от Средней Азии до Жёлтого моря. Подлинные и сомнительные монеты Восточной Римской империи распространены вдоль Шёлкового пути (современные Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский автономные районы, провинции Ганьсу, Шэньси и Хэнань, отчасти также юг Внутренней Монголии).

Итак, мы рассмотрели две ранние ромейские монеты, найденные в весьма представительном и специфическом археологическом контексте. Помимо этого введём в русскоязычный научный оборот и музейные экспонаты, о которых говорилось в начале. Они, в основном, попали в Китай когда он уже стал более или менее единой державой, преодолев раздробленность. Вместе с тем, для Восточной Римской империи это был уже период, когда ближневосточные владения оказались в руках арабов, территория сократилась (хотя сам размах торговых связей показывает, что статус мировой державы ромеи не утеряли).

Во-первых, это две золотые монеты Константа II (641—668 гг.). Диаметр первой 20,14 мм при массе в 4,36 г. Край второй несколько срезан, её диаметр 18,85 мм, а масса 4,22 г (рис. 4). Изображение императора и христианской символики, равно как и литеры надписей довольно характерны.

Во-вторых, в коллекциях Нумизматического музея Китая представлена монета басилевса Теофила (829—842 гг.). На ней есть определенные следы использования, потёртости, при этом диаметр 19,79 мм, а масса 4,39 г. Судя по изображениям и надписям на аверсе и реверсе, монета была отчеканена в промежутке между 830 и 840 годами (рис. 5: *1*).

В-третьих, довольно широко представлены монеты весьма насыщенного для Восточной Римской империи XI в. Их изготовление относится к правлению Романа III (1028—1034 гг.), Константина IX (1042—1055 гг.) и Михаила VII (1071—1078 гг.). Два первых принадлежали к последним владыкам македонской династии, правление которой было самым успешным периодом в «середине-византийский» период. Монета Романа Аргира имеет диаметр 25 мм и весит 4,38 г (рис. 5: *2*), Константина Мономаха — 27,5 мм при массе 4,30 г (рис. 6: *1*), Михаила Дуки — 29 мм в диаметре и массой в 4,22 г. (рис. 6: *2*) (Го 2015: 53—56).

Как мы видим, несмотря на сложности в двух империях на востоке и западе, торговый обмен между ними не прекращался. Мы хорошо фиксируем китайский шёлк в Константинополе (вообще торговля фиксируется еще с римского времени (Хуан 2012; Ян 2011)), и не менее чётко видим солиды и тетартероны от Сианя до Лояна (и даже в Монголии (Го 2016)). Разумеется, исследование «путешествий» монет от Средиземного моря на Дальний Восток в контексте зоны Шёлкового пути нашим исследованием не заканчивается, однако мы надеемся, что данное предварительное обобщение окажется полезным специалистам по Восточной Римской империи, Китаю и Центральной Азии.

Литература

Го Юньянь. 2015. Еще раз о шести средневековых Византии монетах в Китае. *China Numismatics* 1, 53—59 (на китайском).

Го Юньянь. 2016. Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия). *Культурное наследие степи* 1, 115—123 (на китайском).

Лю Бинь, Янь Хуэй. 2016. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян. Вэньу. *Памятники культуры* 7, 4—14 (на китайском).

Люй Цзинь. Римские монеты прибывают в Лоян по Шёлковому пути. Дахэ бао 22.04.2014, 27 (на китайском).

Хуан Хуаньминь. 2012. Угасание Шёлкового пути на западе и упадок Римской империи. *Вэньши* 9, 97—102 (на китайском).

Чжугэ Лян. 2008. *Военная книга Чжугэ Ляна*. Пекин: Яньшань чубаньшэ (на китайском).

Ян Гуаньхуа. 2016. Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу. *Культурное наследие* 7, 4—14 (на китайском).

Ян Гунлэ. 2011. Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шёлковому пути и упадком Римской империи. *Collected Papers of History Studies* 1, 69—74 (на китайском).

Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. 2008. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. *Chinese Archaeology* 9, 23—38.

Grenet F. 2007. Religious diversity among Sogdian merchants in sixth-century China: Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism, and Hinduism. *Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East* 27—2, 463—478.

Grierson P. 1982. *Byzantine Coins*. Los Angeles: California University Press.

Lerner J.A. 2011. Zoroastrian Funerary Beliefs and Practices Known from the Sino-Sogdian Tombs in China. *Silk Road Journal* 9, 18—25.

Rose J. 2010. The Sogdians: prime movers between boundaries. *Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East* 30-3, 410—419.

Wertmann P., Wagner M., Tarasov P. 2017. Sogdian careers and families in sixth- to seventh-century northern China: a case study of the Shi family based on archaeological finds and epitaph inscriptions. *The history of the family* 22-1, 103—135.

Wu M. J-m. 2015. Contact and Exchange in Northern China: A Case Study on the Tomb of a Zoroastrian Sogdian, Kang Ye (512—571 CE). *Asian Archaeology* 3, 107—128.

References

Guo, Yunyan. 2015. Once again about the six medieval Byzantium coins in China. *China Numismatics* 1, 53—59 (in Chinese).

Guo, Yunyan. 2016. Discussion of gold coins from Turkic burials in Bayan Nor (Mongolia). *Caoyuan wenwu* 1, 115—123 (in Chinese).

Liu, Bin, Yan, Hui. 2016. A Brief Report on the Excavation of the Tomb of the Northern Wei Dynasty at Hengshan Road, Jianxi, Luoyang Wen wu. *Cultural relics* 7, 4—14 (in Chinese).

Lü, Jin. Roman gold coins came to Luoyang along the Silk Road. Dahe bao 22.04.2014, 27 (in Chinese).

Huang, Huanmin. 2012. The Fading of the Silk Road in the West and the Decline of the Roman Empire. *Wenshi* 9, 97—102.

Zhuge, Liang. 2008. *Zhuge Liang's matrial book*. Beijing: Yanshan chubanshe.

Yan, Guanhua. 2016. Report on the excavation of the Northern Wei tomb in the Luoyang Jianxi District on Henshanlu Street. *Wen wu*, 4—14.

Yang, Gongle. 2011. Critical analysis of the hypothesis about the relationship of trade along the Silk Road and the decline of the Roman Empire. *Collected Papers of History Studies* 1, 69—74.

Cheng, Linquan, Zhang, Xiangyu. 2008. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi. *Chinese Archaeology* 9, 23—38.

Grenet, F. 2007. Religious diversity among Sogdian merchants in sixth-century China: Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism, and Hinduism. *Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East* 27-2, 463—478.

Grierson, P. 1982. *Byzantine Coins*. Los Angeles: California University Press.

Lerner, J.A. 2011. Zoroastrian Funerary Beliefs and Practices Known from the Sino-Sogdian Tombs in China. *Silk Road Journal* 9, 18—25.

Rose, J. 2010. The Sogdians: prime movers between boundaries. *Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East* 30-3, 410—419.

Wertmann, P., Wagner, M., Tarasov, P. 2017. Sogdian careers and families in sixth- to seventh-century northern China: a case study of the Shi family based on archaeological finds and epitaph inscriptions. *The history of the family* 22-1, 103—135.

Wu, M. J-m. 2015. Contact and Exchange in Northern China: A Case Study on the Tomb of a Zoroastrian Sogdian, Kang Ye (512—571 CE). *Asian Archaeology* 3, 107—128.

Рис. 1. Монеты Анастасия I (*1*) **и Юстиниана I** (*2*) (по Cheng, Zhang 2008: 26; Люй 2014: 27).

Fig. 1. Coins of Anastasius I (*1*) **and Justinian I** (*2*) (after Cheng, Zhang 2008: 26; Lü 2014: 27).

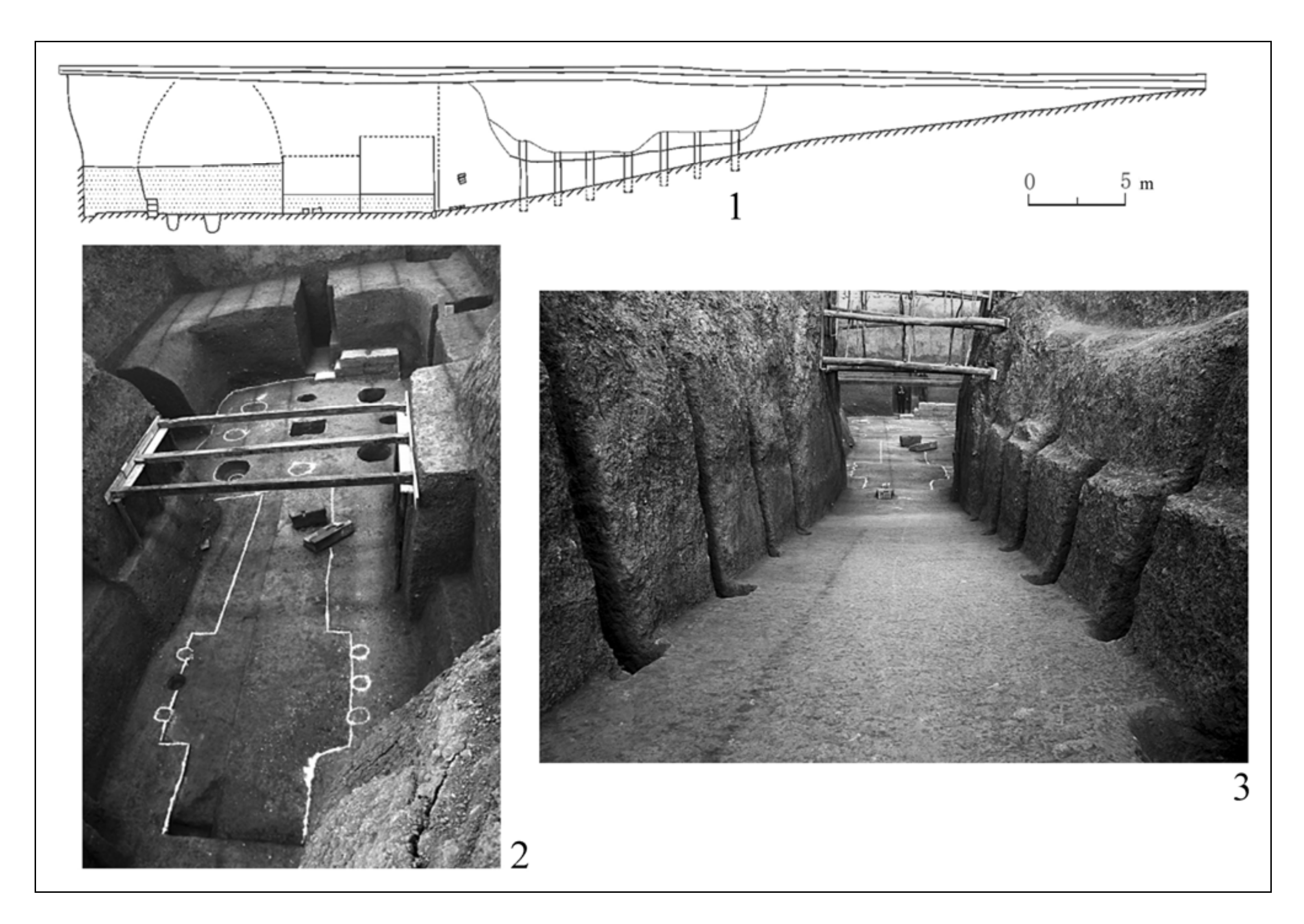

Рис. 2. Гробница в окрестностях г. Лоян, откуда происходит монета императора Анастасия I: *1* — разрез с масштабом; *2, 3* — общий вид (по Лю, Янь 2016: 6—9).

Fig. 2. The tomb near the city of Luoyang, where the coin of the emperor Anastasius I comes from: *1* — section with a scale, *2, 3* — general view (after Liu, Yan 2016: 6—9).

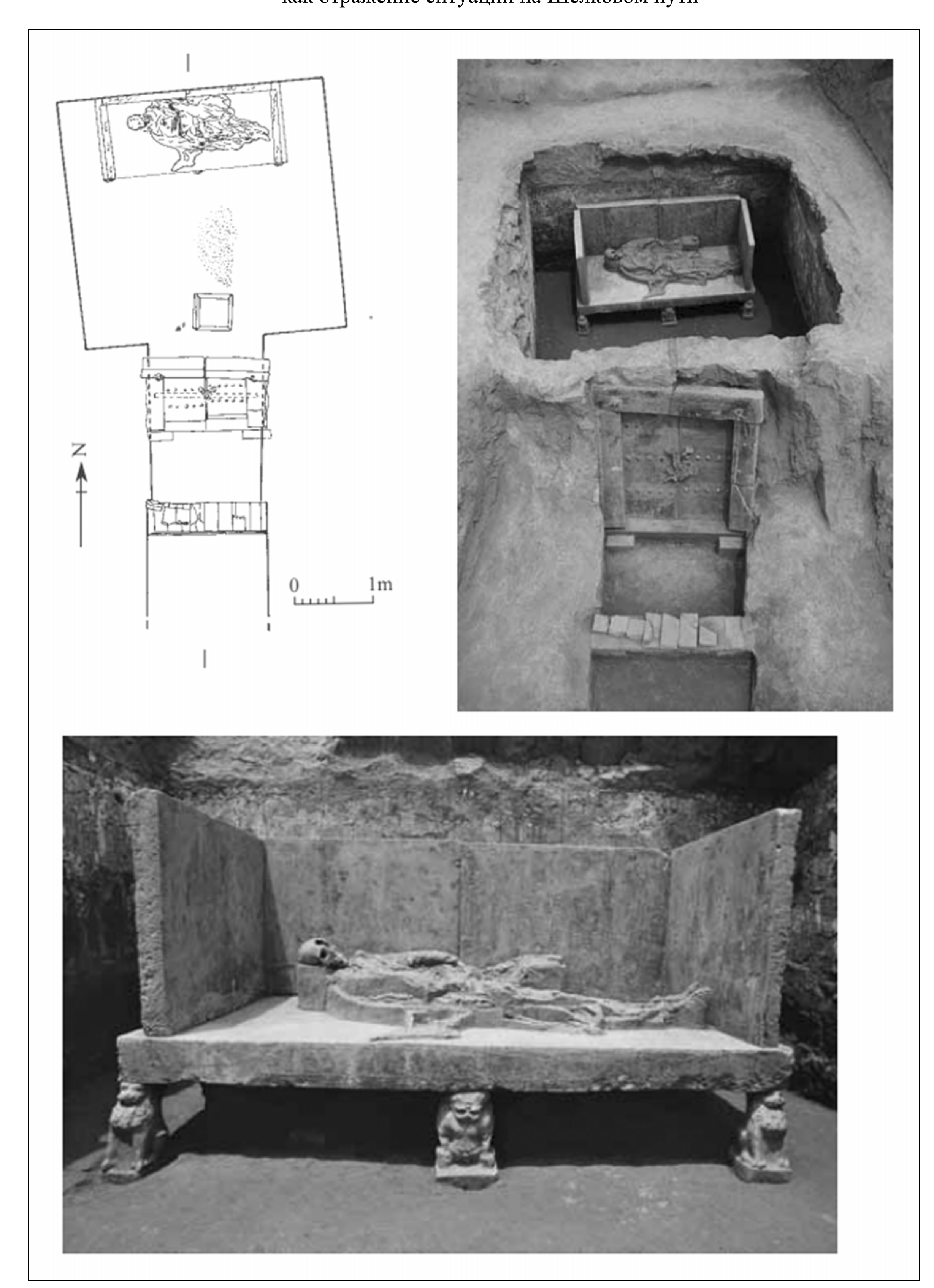

Рис. 3. Гробница в окрестностях г. Сиань, откуда происходит монета императора Юстиниана (по Cheng, Zhang 2008: 23—24).

Fig. 3. A tomb near the city of Xi'an, from where the coin of the emperor Justinian comes (after Cheng, Zhang 2008: 23—24).

Рис. 4. Монеты Константа II (*1, 2*)**, найденные на территории КНР** (по Го 2015: илл. 9).

Fig. 4. Coins of Constans II (*1, 2*) **was founded on the territory of the PRC** (after Guo 2015: ill. 9).

Рис. 5. Монеты императоров Феофила (*1*) **и Романа III** (*2*), **найденные на территории КНР** (по Го 2015: илл. 9).

Fig. 5. Coins of Emperors Theophilus (*1*) **and Roman III** (*2*) **was founded on the territory of the PRC** (after Guo 2015: ill. 9).

Рис. 5. Монеты императоров Константина IX (*1*) и Михаила VII (*2*), найденные на территории КНР (по Го 2015: илл. 9).

Fig. 5. Coins of Emperors Constantine IX (*1*) and Michael VII (*2*) was founded on the territory of the PRC (after Guo 2015: ill. 9).

УДК 737(1)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00026

М.А. Денисов, Ю.В. Зайончковский

ДЖУЧИДСКИЙ ХАН БЕК-СУФИ И ЕГО МОНЕТЫ*

Серебряные монеты хана Бек-Суфи, правившего в Крыму в 822—824 гг.х., исследуются методом поштемпельного анализа. Выполнены графические реконструкции оттисков 20 лицевых штемпелей и 49 оборотных, использовавшихся при изготовлении дангов этого хана. Они работали в 93 штемпельных парах. Составлены сетки штемпельных связей, предложена датировка монет, не несущих на себе указания даты. Подготовлен обзор основных научных публикаций по теме, проанализирована метрология изучаемых эмиссий, установлен средний вес дангов — 0,84 г, приведена информация о пробе этих монет.

Изученные авторами аспры с именем Бек-Суфи были отчеканены 13 штемпельными парами. Всего эксплуатировалось 7 лицевых штемпелей и 5 оборотных. Средний вес аспров составляет 0,88 г. Проанализированы также медные анонимные крымские пулы, датированные 823 г.х., временем правления Бек-Суфи.

Прилагается каталог серебряных монет с именем хана Бек-Суфи, в котором воспроизведены фотоизображения и графические реконструкции штемпельных пар, которыми чеканились данги и аспры Бек-Суфи, предложены реконструкция и перевод монетных легенд.

Ключевые слова: нумизматика, Джучиды, Золотая Орда, данг, Крым, поштемпельный анализ, Бек-Суфи.

Сведения об авторах: Денисов Михаил Александрович[1], независимый исследователь; Зайончковский Юрий Валентинович[2], независимый исследователь.

Контактная информация: [1]143960, Россия, г. Реутов; e-mail: aecoins@mail.ru; [2]61000, Украина, г. Харьков; e-mail: zyvkharkov@gmail.com.

M.A. Denisov, Yu.V. Zayonchkovskiy

JUCHID KHAN BEG SUFI AND HIS COINS

Silver coins of Khan Beg Sufi (ruled in the Crimea in 822—824 AH) are studied by the method of the analysis of dies for minting coins. Graphic reconstructions of imprints of 20 obverse dies and 49 reverse dies were made. They worked in 93 die pairs. Schemes of die connections were drawn up, the dating of coins that do not bear the date indication was proposed. A review of the main scientific publications on the topic was prepared, the metrology of the emissions was analyzed, the average weight of the dangs (0.84 g) was determined — silver content of these coins was explored.

Aspers with the name Beg Sufi were minted by 13 die pairs; 7 obverse dies and 5 reverse dies were used in minting process. The average weight of aspers is 0.88 g. Copper anonymous Crimean puls, minted during the reign of Beg Sufi and dated 823 AH, were also analyzed.

Catalogue of silver coins with the name of Beg Sufi khan is published: photographic images and graphic reconstructions of die pairs with which dangs and aspers of Beg Sufi were struck are reproduced, reconstructions and translations of coin legends are proposed.

Key words: numismatics, Juchid, Golden Horde, dang, Crimea, Beg Sufi.

About the authors: Denisov Mikhail Alexandrovich[1], Independent Researcher; Zayonchkovsky Yuriy Valentinovich[2], Independent Researcher.

---

* Статья поступила в номер 11 сентября 2020 г.
Принята к печати 25 сентября 2020 г.

© М.А. Денисов, Ю.В. Зайончковский, 2020.

Contact information: [1]143960, Russia, Reutov; e-mail: aecoins@mail.ru; [2]61000, Ukraine, Kharkiv; e-mail: zyvkharkov@gmail.com.

Золотоордынский хан Бек-Суфи, правивший в Крыму несколько лет в конце 1410-х — начале 1420-х гг., не обделен вниманием современных историков и нумизматов. Не будет даже преувеличением сказать, что ему и его монетам посвящено больше публикаций, чем любому другому джучидскому государю XV в. Тем не менее, на настоящий момент не представляется возможным утверждать, что все проблемы, связанные с монетными эмиссиями Бек-Суфи, нашли свое адекватное решение: опубликована только малая часть существующих штемпельных разновидностей монет; метрология дангов, датировка и прочтение легенд ряда типов остаются дискуссионными.

Предлагаемая статья имеет своей задачей исследование серебряных монет Бек-Суфи методом поштемпельного анализа. Этот метод уже использовался для анализа данного нумизматического материала, наиболее эффективно — А.Л. Пономаревым, выделившим 6 типов аверсов и 7 типов реверсов дангов Бек-Суфи (Пономарев 2013b: 79). Авторы ставили перед собой цель выполнить графические реконструкции максимального количества штемпелей, использованных при чеканке, составить сетку штемпельных связей и каталог штемпельных пар, изучить хронологическую последовательность эмиссий.

Целью исследования является также реконструкция монетных легенд на основе понимания палеографических особенностей их написания, полученного в ходе выполнения графических реконструкций штемпельных оттисков; датировка монет, не несущих на себе указания даты; обобщение собранной информации о весовых характеристиках дангов. Авторы считают необходимым также реконструировать оттиски штемпелей монет Дервиша, Девлет-Берди и, условно, Барака, имеющие штемпельные связи с дангами Бек-Суфи.

Доступные для изучения авторам генуэзско-татарские аспры, несущие на себе имя хана Бек-Суфи, также были изучены методом поштемпельного анализа, составлена сетка штемпельных связей аспров, обработана их метрология. Именные медные монеты хана Бек-Суфи не известны, однако существует тип анонимных крымских пулов, датированных 823 г.х., т.е. временем правления Бек-Суфи. Поэтому они были рассмотрены в этой статье.

Рассмотрению дангов, аспров и пулов времен Бек-Суфи предшествует обзор научных публикаций по теме. Также авторами был подготовлен каталог серебряных монет с именем хана Бек-Суфи, являющийся завершающей частью данной статьи. В каталоге воспроизведены фотоизображения и графические реконструкции штемпельных пар, которыми чеканились данги и аспры Бек-Суфи, предложена реконструкция и перевод монетных легенд, приведено число известных авторам экземпляров монет, выбитых каждой из штемпельных пар, указан вес монет (в тех случаях, когда он известен).

Всего авторами была собрана информация о 604 экз. дангов, отчеканеных от имени хана Бек-Суфи. Авторами были изучены 56 экз. аспров и 31 экз. медных монет.

Известен вес 431 данга. В составе этого массива можно выделить:

- Данги без указания года выпуска — 57 экз.;
- Данги 822 г.х. — 369 экз.;
- Данги 823 г.х. —129 экз.;
- Данги 824 г.х. — 22 экз.;
- Данги 825 г.х. — 1 экз.;
- Данги Бек-Суфи, степень сохранности которых не позволяет с уверенностью определить штемпельную пару — 26 экз. (в т.ч. 7 монет с инкузным браком).

Начать изложение основного материала представляется правильным с историографического обзора научных публикаций, посвященных изучению истории правления Бек-Суфи и его монетам.

Ханат Бек-Суфи: историография вопроса

Персона и монеты хана Бек-Суфи были введены в научный оборот М.Б. Северовой, сделавшей в 1994 г. доклад на Второй Всероссийской нумизматической конференции о монетах этого хана. Она предложила читать его имя как Бек-Суфи, а также реконструировала его генеалогию (Северова 1994). М.Б. Северова впервые отождествила монетного Бек-Суфи с Бек-Суфи, сыном Бектута, сына Данишменда, сына Баяна, сына Тука-Тимура, сына Джучи, сына Чингисхана (Северова 1994: 99).

В 2002 г. К.К. Хромов выступил с докладом «О правлении джучидских ханов в Крыму в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным» на Десятой Всероссийской нумизматической конференции. В 2006 г. в Украине им была издана статья «Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным», которую мы ниже коротко рассмотрим, как более позднюю версию текста.

К.К. Хромов полагал, что «время правления хана Бек-Суфи в Крыму на основании дат на монетах может быть определено 822—825 гг.х. (1419—1422 гг.)» (Хромов 2006: 368) и «характер взаимоотношений Девлет Берди и Бек-Суфи в 825 г.х. остается неизвестным» (Хромов 2006: 369). В докладе 2002 г. исследователем был высказан тезис, что Бек-Суфи «в течение 2-х лет (824—825 гг.х.)… правит Крымом либо вместе с Девлет-Берди либо один из них (вероятно второй) является активно действующим претендентом на власть в Крымском улусе» (Хромов 2002).

Учитывая титулатуру хана Бек-Суфи на некоторых монетах как «султан, сын султана», К.К. Хромов посчитал возможным отождествить его с летописным царем «именем «малого Салтана»», которого Витовт дал крымской знати (Хромов 2006: 367).

В 2009 г. Ж.М. Сабитов опубликовал статью, посвященную истории и генеалогии клана Бек-Суфи, в которой, придерживаясь версии М.Б. Северовой 1994 г., поставил задачу «доказать тождество Бек-Суфи из источников и нумизматического Бек-Суфи» (Сабитов 2009: 180). Он пришел к выводу, что после прихода к власти Токтамыша клан Бек-Суфи вошел в политическую элиту Золотой Орды. Отец Бек-Суфи Бектут стал полководцем Токтамыша, во времена последовавшей позже борьбы за власть в Золотой Орде клан Бек-Суфи не проявлял себя (Сабитов 2009: 182).

Ж.М. Сабитов предположил, что Бек-Суфи в 1419 г. «стал новым марионеточным ханом Идегея и был им до смерти последнего, а позже в 1421—1422 годах он уступил Крым Девлет-берди. Погиб ли он в этой борьбе, неизвестно: мы склоняемся к тому, что он погиб в борьбе против Девлет-берди» (Сабитов 2009: 181). После смерти Бек-Суфи, писал Ж.М. Сабитов, «его родственники и дети бежали из Крыма от Девлет-берди к его противнику Бараку (или сначала к Мансуру и Хаджи-Мухаммаду, а потом оказались у Барака). Этим можно объяснить, почему клан из Крыма смог попасть на страницы Тимуридских историков» (Сабитов 2009: 182).

В 2013 г. А.Л. Пономарев выступил с двумя докладами, посвященными Бек-Суфи и его монетам: на Третьем Международном Золотоордынском форуме в Казани в марте — «Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Кафы», одноименная статья была опубликована в этом же году в «Золотоордынское обозрении» (Пономарев 2013a) и на Нумизматических чтениях ГИМа в Москве в ноябре — «Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и лже-Едигей» (Пономарев 2013b). По мнению

авторов, на настоящий момент это наиболее содержательные работы, посвященные политической карьере Бек-Суфи и его монетным эмиссиям. Ниже будут изложены основные тезисы и аргументы Андрея Леонидовича по этой проблематике.

А.Л. Пономарев не разделял версию о происхождении Бек-Суфи, выдвинутую М.Б. Северовой и поддержанную Ж.М. Сабитовым, как и гипотезу последнего о бегстве родственников хана Бек-Суфи после его смерти на Восток (Пономарев 2013a: 164—165).

Исходя из того, что в массариях Каффы трижды отмечено, что Девлет-Берди был братом хана (лат. — «Imperator»), исследователем был сделан вывод, что как и Девлет-Берди, Бек-Суфи был сыном хана Таш-Тимура, и именно поэтому на нем остановили свой выбор крымские беи и Витовт, когда захотели отдалить Крым от остальной Золотой Орды (Пономарев 2013b: 79—80). А.Л. Пономарев писал: «Три слова «Taulatberdi fratri Imperatoris», написанные нотарием массарии, пятым по рангу чиновником в администрации Каффы, еще раз отвергают прежние генеалогии, построенные на среднеазиатских источниках… Подумать, что под «императором» подразумевался хан Большой Орды Улуг Мухаммад, невозможно: ведь латинское слово «frater»… имеет значение «брат», а вовсе не «двоюродный брат» (germanus)» (Пономарев 2013a: 174—175). Легенда на аверсах дангов «Султан сын султана Бек-Суфи», по А.Л. Пономареву, свидетельствует о том, что «в действительности же первый хан Крыма Бек Суфи, как и Давлат Берди, был сыном настоящего султана — сыном Таш Тимура» (Пономарев 2013a: 176).

Потомки Бек-Суфи, как полагал А.Л. Пономарев, вопреки мнению, высказанному Ж.М. Сабитовым, «никуда из Причерноморья не откочевывали вместе с гонимыми мангытами» (Пономарев 2013a: 170) и «последний штрих к неправомерной реконструкции генеалогии хана Бек Суфи добавляет Великий князь Литвы Свидригайло. Саид Ахмета, будущего ордынского «царя»… князь величает в письме к Великому магистру Тевтонского ордена от 3 сентября 1432 г. по имени-отчеству — «Sydachmatch Bexubowitz», «Саидахмат Бексуфович» (Пономарев 2013a: 169): Сын Бек-Суфи Саид-Ахмад (II) в 1433 г. занял с помощью Свидригайла ордынский престол (Пономарев 2013a: 169).

По мнению А.Л. Пономарева, литовские и польские авторы донесли до нас свидетельства о Бек-Суфи. «В латинизированной форме его имя (Becsubulan, Bexubulan, Betsubulan, Betsubul) встречается в давно опубликованной переписке Витольда, а также в хрониках Матфея Стрыйковского и Яна Длугоша». Различные же написания имени хана Бек-Суфи объясняет латинская палеография (Пономарев 2013a: 162).

Наиболее раннее упоминание о Бек-Суфи в бухгалтерских книгах Кафы, писал А.Л. Пономарев, относится к 1411 г. В начале января этого года Джалал ад-Дин выбил из Крыма войска Идегея. «Вслед за посылкой 11 января эксений победоносному сыну Токтамыша, вошедшему накануне в Солхат, немалые подарки генуэзцы Каффы подносят и Бек Суфи. Размер этих… эксений говорит о его высоком положении в окружении султана… Где-то через три недели после этого успеха Джалал ад-дина провозглашают ханом. Бек Суфи же остается в Крыму: мы находим его здесь 13 июля, через четыре дня после того, как гонцы приносят весть о том, что Джалал ад-дин занял столичный Сарай» (Пономарев 2013a: 165—166).

Власть над Крымом Бек-Суфи получил восемь лет спустя — примерно летом 1419 г., месяц-другой после гибели Дервиша (Пономарев 2013b: 77) как ставленник Витовта (Пономарев 2013a: 165) и находился на престоле до весны 1420 г. (Пономарев 2013a: 182). Ярлык Улу-Мухаммада, опубликованный впервые в ЗООИД, и выданный дароге Керчи в Солхате в апреле 1420 г. является свидетельством временного захвата им Крыма и изгнания оттуда Бек-Суфи. Вскоре, однако, «император Большой Орды» был вынужден покинуть регион и туда снова вернулся прежний литовский протеже. В сохранившейся бухгалтерии Каффы Бек Суфи упоминается 13 августа 1420 г. (Пономарев 2013a: 163).

Вернувшись на престол летом 1420 г. (Пономарев 2013a: 182), хан правил более года. Благодаря изучению венецианских архивов А.Л. Пономареву удалось установить, что Бек-Суфи скончался в середине сентября 1421 г. Из документов следует, что конвой венецианских галер возвращался из Таны в начале октября этого года. Бургундский посол Жильбер де Ланнуа вез хану подарки от Витовта, но прибыв к Перекопу, узнал о его смерти и через две недели отбыл из Каффы в Константинополь с упомянутым конвоем (Пономарев 2013b: 77).

В 2013 г. при анализе литовско-ордынских отношений 1419—1429 гг. Р.А. Беспалов согласился с отождествлением хана Бек-Суфи с «малым Салтаном» Витовта, предложенным ранее К.К. Хромовым, однако посчитал необходимым уточнить «вопрос о положении Бека-Суфи» (Беспалов 2013: 36). Логика его рассуждений такова. Титул «султан», «султан верховный» в мусульманских странах обозначал верховного независимого правителя (зачастую императора) и ставился перед его именем. Титул «хан» соответствовал титулу «король», и обычно ставился после имени монарха. В джучидской традиции титулы «султан» и «хан» дополняли друг друга. Титул же «султан сын султана» «имеет принципиальную особенность. Как известно, эпитеты «отец», «сын», «брат», «меньшой брат» широко использовались в дипломатике для определения старшинства в иерархических отношениях. Судя по сведениям нумизматики, Бек-Суфи не достиг такого же могущества, как султан Джелал-ад-Дин. Согласно массариям Каффы, власть Бека-Суфи ограничилась Крымом. Таким образом, его титул «султан сын султана» или «малый султан» указывает на подчиненное положение «Крымского султаната» в иерархии Золотой Орды» (Беспалов 2013: 36). Исследователь полагал, что титул «султан» был «более высокий и суверенный», чем титул «султан сын султана» (Беспалов 2013: 41). Когда к 1419 г. Крым выделился в особый султанат «в его главе стал джучид, который носил титул «султан сын султана» (иначе «малый султан») и подчинялся султану (великому хану) великой Орды (Дешта)» (Беспалов 2013: 50).

Кроме того, Р.А. Беспалов высказал предположение, что царствование Бек-Суфи в Крыму было уже его «вторым» правлением: по Я. Длугошу, после Джелал-ад-Дина на престол взошел Керим-Берди (ок. 1413—1414 гг.), «который нарушил мир с литовским господарем. Тогда в Вильно был коронован некий «Бетсубул», который якобы «сгинул» в борьбе с Керим-Берди. Однако Бетсубул (Бек-Суфи) остался жив и пришел к власти в Крыму в 1419 г.» (Беспалов 2013: 35).

Конец правления Бек-Суфи и приход к власти Девлет-Берди Р.А. Беспалов, как и А.Л. Пономарев, относит к осени 1421 г. По сведениям Белорусской I летописи, после смерти «малого Салтана» ордынские князья в очередной раз послали к Витовту «и просися у него царя. Он же да имъ иного царя, именемъ Давлад-Бердия» (Беспалов 2013: 42). Время прихода к власти Девлет-Берди Р.А. Беспалов датировал широко — «приблизительно периодом с осени 1421 г. до конца 1422 г.» (Беспалов 2013: 43).

В 2014 г. в Киеве была издана статья Ж.М. Сабитова «К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи», являющаяся фактически ответом на тезисы А.Л. Пономарева, высказанные годом ранее.

Ж.М. Сабитов остался приверженцем генеалогической версии, высказанной М.Б. Северовой (Сабитов 2014: 64) и не принял генеалогические построения А.Л. Пономарева: «если у нашей версии есть несколько аргументов, а не только простое совпадение имен, то у версии А.Г. Пономарева нет прямых доказательств выдвинутой гипотезы. Более того, известные первоисточники по генеалогии джучидов XV века, которые А.Г. Пономарев огульно называет «позднейшими восточными пересказами», противоречат

версии, утверждая, что у Таш-Тимура не было сына по имени Бек-Суфи, а было всего 4 сына: Даулет-берды, Джамал ад-Дин, Гияс ад-Дин, Алибек» (Сабитов 2014: 70).

Напомнив, что на основе бухгалтерской книги генуэзцев, где было записано, что Даулет-берды — «брат императора», А.Г. Пономарев сделал вывод, что Даулет-берды был братом покойного или бывшего императора, т.е. Бек-Суфи был сыном Таш-Тимура. В свою очередь, Ж.М. Сабитов пишет: «зачастую даже двоюродных братьев в тюркских народах называли братьями в разных источниках. Никакого термина для обозначения двоюродных братьев (кузенов) у тюркских народов нет… Поэтому зачастую слово «брат» могло означать и кузена… По нашему мнению, этим императором был Худайдат, правивший примерно до 1424 года. Вполне возможно, Даулет-берды был наместником Худайдата. Улуг Мухаммед, по нашему мнению, вышел на политическую арену уже после смерти Худайдата» (Сабитов 2014: 68—69). В 2016 г. А.В. Парунин прокомментировал процитированный фрагмент так: «осталось только уточнить, какое отношение бухгалтерская книга, составленная генуэзским чиновников, имеет к тюркским народам» (Парунин 2016: 163).

Ж.М. Сабитов полагал, что Бек-Суфи мог быть глубоким стариком в 1419—1422 гг. («все его генеалогические сверстники погибли уже в 1360-х годах») (Сабитов 2014: 64), он «был провозглашен ханом раньше, но проиграв борьбу Кериберды, бежал; в 1419 году он прибыл в Крым, где вновь стал ханом» (Сабитов 2014: 66).

По мнению исследователя, ханом-соперником Бек-Суфи весной 1420 г. был Хаджи-Мухаммед, поддерживаемый Мансуром, сыном Едиге, «и ярлык, выданный в апреле 1420 года в Крыму, также относится к ярлыкам, выданным Хаджи-Мухаммедом» (Сабитов 2014: 66).

Отметив, что А.Г. Пономарев критикует нумизматические реконструкции К.К. Хромова и Е.Ю. Гончарова о совместном правлении Бек-Суфи и Едиге, Ж.М. Сабитов, делает вывод: «судя по всему, в этом плане он не далек от истины, утверждая о неправильной реконструкции» (Сабитов 2014: 67).

Ж.М. Сабитов суммирует сведения о хане Бек-Суфи следующим образом: «Отец Бек-Суфи Бектут стал полководцем Тохтамыша… Во времена борьбы за власть в Золотой Орде клан Бек-Суфи поддерживал своих родственников — детей Тохтамыша. Бек-Суфи начинал свою политическую карьеру как наместник Джалал ад-Дина в Крыму с 1411 года. Но позже Бек-Суфи ушел в тень. Бек-Суфи не стоит напрямую отождествлять с Бетсабулом. Тот Бетсабул, погибший в войне с Керимберды, отождествляется нами с Кебек-огулом, сыном Тохтамыша. Около 1419 года Бек-Суфи стал ханом в Крыму при поддержке Витовта. В апреле 1420 года в Крым вторгся Хаджи-Мухаммед, которого поддерживал Мансур, сын Едиге. Но позже Бек-Суфи смог вернуть себе власть над Крымом. Вскоре Бек-Суфи умер, и его сын Сеид-Ахмед II (Бексубович) стал ханом уже спустя некоторое время, в начале 1430-х годов» (Сабитов 2014: 71). Относительно тезиса о наместничестве Бек-Суфи в Крыму в 1411 г. здесь стоит процитировать А.Л. Пономарева: «Конечно, по 12 листам рукописи с расходами коммуны, имеющимся в моем распоряжении, однозначно утверждать, что хан оставил оглана наместником в отцовском юрте, нельзя» (Пономарев 2013а: 166).

В.П. Гулевич, исследовавший историю Крыма в XV в., писал о Бек-Суфи неоднократно. В статье 2013 г. он дает краткую, но емкую характеристику Бек-Суфи как «крымскому наместнику Идегея», сопровождаемую утверждением, что «в Крыму сложилась система управления, когда наместники ханов Золотой Орды, с резиденцией в Солхате, уживались с правителями Крымского тумена, имевшими резиденцию, возможно, в Эски-Юрте» (Гулевич 2013: 118).

В статье 2014 г. и в монографии «От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399—1502 гг.», изданной в 2018 г., В.П. Гулевич рассказывает о Бек-Суфи более подробно. Рассмотрим его основные тезисы:

- Правление «Бек-Суфи бен Таш-Тимура» датировано 1419—1421 гг. (Гулевич 2018: 145);
- «Происхождение Бек-Суфи точно неизвестно», пишет В.П. Гулевич, «на наш взгляд, наиболее обоснованное предположение выдвинул А.Л. Пономарев, считавший его сыном Таш-Тимура из рода Тукай-Тимуридов» (Гулевич 2018: 146);
- Не исключено, что Бек-Суфи получил власть при содействии местной татарской знати: «Так, в 1420 г. на его службе встречаем двух людей, которые десятилетием ранее служили Идегею и хану Джелал ад-Дину — Ак-Берди-бея и Исмаила» (Гулевич 2014: 172).

В.П. Гулевич не склонен соглашаться с предположением К.К. Хромова, что упомянутый в «Похвале Витовту» «малый Солтан», которого литовский правитель дал татарам в качестве царя, и есть Бек-Суфи: «Летописный татарский «царь» — это всегда ордынский хан, а не правитель улуса. А в генуэзских источниках Бек-Суфи именуется исключительно как «император Солхата», которого четко отличают от хана Орды, называя последнего «императором Великой Орды» (Imperator de Lordo Magno)» (Гулевич 2018: 148—149).

Так же не прав и Р.А. Беспалов, который развивая идею К.К. Хромова, переносит на ордынские реалии используемые в дипломатической практике Руси для обозначения старшинства в иерархических отношениях князей слова «отец», «сын», «брат», «меньший брат», и делает вывод, что титул «султан сын султана» или «малый султан» якобы указывает на подчиненное положение «Крымского султаната» в иерархии Орды. «Но смешивать дипломатику Руси с монетной регалией ханов никаких оснований нет», утверждает В.П. Гулевич (Гулевич 2018: 149).

Неспособность Идегея, полагает исследователь, контролировать далекий Крым, вызвала необходимость передать власть на полуострове «местному» чингизиду — Бек-Суфи. На монетах хана его титул передается как «Султан Сын Султана Бек-Суфи Хан», что указывает на наследственные права правления (Гулевич 2014: 172).

В.П. Гулевич выдвинул тезис о зависимом статусе хана Бек-Суфи. Он пишет: «Обстоятельства прихода к власти в Крыму Бек-Суфи источники не раскрывают. Но одновременный чекан имен Дервиша, Идегея и Бек-Суфи на крымской монете позволяет предположить, что кандидатура последнего была одобрена на правление ордынским ханом и его эмиром, по примеру Токтамыша в случае с Таш-Тимуром. Таким образом, «император Солхата» не был сувереном при жизни Идегея и не стал им после его смерти, поскольку признавал власть ордынского хана» (Гулевич 2018: 149—150).

«Можно ли утверждать, что Бек-Суфи был самостоятельным правителем Крыма?», задает вопрос В.П. Гулевич. И сам на него отвечает: «На мой взгляд, это исключено. Об этом говорит ярлык хана Улуг Мухаммада от 15—24 апреля 1420 г. выданный Туглу-бею на наследственное право собирать налоги в районе г. Керчь. Следовательно, Бек-Суфи не мог не признавать право на верховную власть в Крыму хана Улуг Мухаммада» (Гулевич 2014: 172).

В.П. Гулевич полагает, что рационально объяснить монетную легенду «султан сын султана» сложно: «Возможно, что так Дервиш пробовал выделить Крымский улус в свое персональное владение, а Бек-Суфи — подкрепить легитимность своего положения как наследного правителя Крыма, особенно учитывая, что он являлся близким родственником Джелаладдина, отец которого был двоюродным братом Таш-Тимура» (Гулевич 2018: 147—148).

По мнению В.П. Гулевича, дипломатические отношения между Великим княжеством Литовским и правителем Крымского улуса в историографии до сих пор не получили должного освещения, но, судя по имеющимся источникам, они были дружественные.

«Вероятно, этому способствовало возможное личное знакомство Бек-Суфи с Витовтом во время пребывания первого в Литве. О дружбе двух правителей летом 1421 г. упоминал путешественник и дипломат де Ланнуа» (Гулевич 2018: 150).

И, завершая изложение позиций В.П. Гулевича, приведем его общую оценку правления Бек-Суфи, которое, «очевидно, устраивало всех как в Крыму, так и за его пределами. Оно стабилизировало ситуацию в улусе, но продолжалось недолго. Последнее упоминание о нем в источниках относится к 8 июля 1421 г.» (Гулевич 2018: 151). Бек-Суфи умер в конце августа — начале сентября 1421 г. (Гулевич 2014: 173).

В 2015 г. Р.Ю. Рева опубликовал статью «Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников». Как следует из названия, предмет статьи весьма далек от тематики нашего исследования, однако Р.Ю. Рева избрал своеобразную манеру изложения, когда в объемных подстрочных сносках он посчитал нужным высказать свое мнение по актуальным проблемам позднеджучидской истории и нумизматики.

Так, в частности, он не согласен с К.К. Хромовым и Р.А. Беспаловым, которые считают, что под Султаном Малым следует понимать Бек-Суфи (Рева 2015: 90). Среди сыновей Токтамыша письменные источники называют Кучук-Мухаммада, возведенного на престол после убийства Кадыр-Берди. «Если учесть, что «Кучук» в переводе с тюркского означает «Малый», то становится очевидным, что этот персонаж — это тот самый «Малый Солтан» Слуцкой летописи (и других Белорусско-Литовского круга)» (Рева 2015: 89).

Р.Ю. Рева весьма эмоционально пишет о «множественных ошибочных выводах» А.Л. Пономарева. Так, отвергая тезис этого исследователя о том, что Бек-Суфи был родным братом Девлета-Берди, Р.Ю. Рева утверждает: «Как мне кажется, ключ к решению загадки «брата Императора» лежит в правильности перевода латинского текста, который, возможно, надо читать так: «Эксений… преподнесенный, по распоряжению… господина… Тавлатберди брату Императора». В этом случае все вопросы исчезают сами собой: господин Девлет-Бирди распорядился выдать эксений своему брату (или брату Мухаммада — в зависимости от того, какого Императора имел в виду писавший: Императора Солхата или Императора Орды)» (Рева 2015: 92). К «ошибочным выводам» А.Л. Пономарева по нашей теме относятся: он «снова отменил общепризнанное прочтение имени «Идику» на монетах Дервиша и Бек-Суфи, заменив его на «слово, похожее на «سرای» (Сарай — Р.Р.)», и объявил «источниковедческим бесстыдством» труды множества исследователей (Рева 2015: 92).

В публикации 2016 г. Р.Ю. Рева суммировал свои взгляды следующим образом: «Бек-Суфи, сын Бектута, сын Данишманда, сын Байана, сын Тукай-Тимура. Бек-Суфи, старейший представитель крымской ветви Тукайтимуридов, вероятно, был компромиссным вариантом для Идегея и Витовта в качестве правителя прилитовских территорий. Подобно его отцу и дяде, бывшими в свое время верными сподвижниками Токтамыша, Бек-Суфи также преданно служил Джалал ад-Дину, который, захватив Крым, отдал под управление Бек-Суфи часть территорий полуострова. В 822 г.х. он был объявлен ханом. Не имея ни амбиций, ни возможностей на занятие Верховного Престола, этот государь правил только в крымской части Улуса Джучи…» (Рева 2016: 716). Чекан же Бек-Суфи под 822 г.х. в Крыму с именем Идегея, по мнению автора, можно объяснить кратким периодом примирения Идегея с Витовтом: «Все три действующих лица — Витовт, Идегей и Бек-Суфи — были уже в преклонном возрасте. После столь бурной деятельности в прошедшие годы они были больше склонны к компромиссам, стремясь удержать то, что было в руках, тем более перед лицом новых, молодых и активных конкурентов» (Рева 2016: 716).

В 2016 г. А.В. Парунин опубликовал статью «Император Солкатский» Бек-Суфи», позже — в 2019 г. он также писал о Бек-Суфи в своем исследовании, посвященном политической истории Золотой Орды в 1419—1427 гг.

По мнению А.В. Парунина, «Личность Бек-Суфи, а также его генеалогия, представляется сложно реконструируемой» (Парунин 2019: 441). Он «придерживается версии генеалогии хана, предложенной А.Л. Пономаревым... Критика предложенной генеалогии Ж.М. Сабитовым представляется неубедительной» (Парунин 2019: 442).

Относительно отождествления «Малого Салдана» с Бек-Суфи, авторство которого принадлежит К.К. Хромову, А.В. Парунин пишет: «После сравнительного анализа нумизматических и письменных источников… такая атрибуция может считаться достоверной» (Парунин 2016: 164).

Что касается Бетсуба/Бетсубулана/Бетсабула, фигурировавшего на страницах польских хроник, А.В. Парунин допускал «мысль о том, что упомянутый царевич может быть никак не связан с Бек-Суфи, ни с Кепеком. Искомого династа следует искать среди детей Токтамыш-хана: в частности, была предложена кандидатура Абу Саида» (Парунин 2016: 164).

А.В. Парунин объясняет воцарение Бек-Суфи условиями «временного компромисса» основных геополитических игроков: как известно, в марте 1419 г. Витовт заключил договор с золотоордынским ханом. Вполне вероятно, что проблему повторного возвращения в Крым Бек-Суфи и чеканки монеты с Дервишем и Идегеем, могут объяснить установленные договорные обязательства. «Дальнейшая реконструкция будет умозрительной, однако и для нее есть определенные основания. В тексте договора выгоды обеих сторон не оговариваются; ничего конкретного не сообщается и у Длугоша. Но стоит отметить естественное желание Витовта повлиять на политику Золотой Орды…, если сообщения белорусско-литовских летописей можно назвать тенденциозными, то информация Ланноа представляется нейтральной: он определенно нам сообщает о дружбе Витовта и Бек-Суфи. Наличие трех имен на монетах отнюдь не противоречит сложившейся договоренности. Тукай-тимурид Бек-Суфи, сын Таш-Тимура с титулом на монетах «Султан сын султана» являлся удобной креатурой Витовта. Тем более показательно, что после его смерти новым крымским ханом становится его брат Девлет-Берди. Судя по всему, кандидатура Бек-Суфи устраивала и Идегея» (Парунин 2019: 441—442).

Что касается «императора», упомянутого в бухгалтерских книгах Кафы, то, как помним, Ж.М. Сабитов предложил видеть в нем Худайдата. А.В. Парунин, полагает, что «невозможно ответить, считался ли он вообще ханом, несмотря на свое появление в источниках: в перечнях ханов он отсутствует, а в условиях междоусобной войны он мог провозгласить себя ханом на любой территории Золотой Орды. В качестве «императора» в генуэзских бухгалтерских книгах предпочтительнее видеть Улуг-Мухаммада» (Парунин 2019: 442).

В оценке политического статуса Бек-Суфи А.В. Парунин солидарен с В.П. Гулевичем: «Бек-Суфи не был полностью независимым правителем, но обладал широкими полномочиями. Его политическое могущество было оценено наличием его имени вместе с Дервишем и Идегеем на монетах. При этом Бек-Суфи, очевидно, признавал статус Улуг Мухаммада как золотоордынского хана, но характер их отношений неизвестен» (Парунин 2016: 163). В заключение отметим, что складывается впечатление, что А.В. Парунин, судя по контексту его высказываний, считает установленным фактом одновременность чеканки в Крыму дангов с «тремя именами».

В том же году В.А. Сидоренко в своей монографии «Монетная чеканка Крымского ханства (1442—1475 гг.)» пришел к категоричному выводу, что теперь «от версий о бытности «императором Солхата» Бека Суфи, сына Бектута, или сына Токтамыша Бетсабула, возродившегося после сражения с Керим Берди, можно отказаться. Крымский хан Бек Суфи, осуществлявший в Крыму монетную чеканку, был сыном Джелал ад-Дин Солтана и внуком Токтамыша» (Сидоренко 2016: 66). Автор пришел к такому выводу на основании существования на некоторых штемпелях лицевых сторон монет хана Бек-Суфи надписи:

«Султана, сына Султана, Бека Суфи хана да будет вечным царствие». Султан, сыном которого назван Бек Суфи, это имя старшего сына Токтамыша, получившего мусульманский лакаб Джелал ад-Дин… (очевидно, еще в раннем возрасте)» (Сидоренко 2016: 64—65).

В.А. Сидоренко утверждает, что «писцы летописей знали Джелал ад Дин Салтана под именем Зелени Салтана, а его сына (у Витовта, возможно, назван младшим братом) Бека Суфи — Малого Салтана. В Патриаршей летописи под 1412 г. сообщается: «Злой наш недруг царь Зелин Салтан Тохтамышевич умре, застрелен на войне от своего брата Керим-Бердия». Летописец достоверно помещает лакаб Зелин (Джелал ад-Дин) перед именем» (Сидоренко 2016: 65). Исследователь уверен, что Бек-Суфи, как ранее и его отец Джелал ад-Дин Салтан, пользовался поддержкой Витовта, не без помощи которого закрепился в Крыму (Сидоренко 2016: 66). В.А. Сидоренко высказывает также тезис о том, что историческим мотивом «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди», написанной в 1831 г. А.С. Пушкиным, «выступает отделение Крыма от Большой Орды при Беке Суфи, сыне Салтана» (Сидоренко 2016: 65).

Подводя итог историографического обзора работ, отражающих значимые вехи правления Бек-Суфи, заключаем, что среди исследователей нет единства мнений практически ни по одному из ключевых вопросов. Акцентируем внимание лишь на самых важных моментах.

Отцом Бек-Суфи считают Бектута сына Данишменда (М.Б. Северова, Ж.М. Сабитов), хана Таш-Тимура (А.Л. Пономарев, В.П. Гулевич, А.В. Парунин) или хана Джелал ад-Дина (В.А. Сидоренко). Если А.Л. Пономарев и Р.А. Беспалов признали тождественность Бек-Суфи персонажу письменных источников, упоминаемому как Becsubulan, Bexubulan, Betsubulan, Betsubul, то А.В. Парунин ставит ее под сомнение. Датируют правление Бек-Суфи также по-разному: 1419—1422 гг. (К.К. Хромов), лето 1419 — весна 1420 г., лето 1420 — сентябрь 1421 г. (А.Л. Пономарев), 1419—1421 гг. (Р.А. Беспалов, В.П. Гулевич). Некоторые историки считают Бек-Суфи правителем, зависимым от «общеордынского» хана Мухаммада (Р.А. Беспалов, В.П. Гулевич, А.В. Парунин), другие (А.Л. Пономарев, Ж.М. Сабитов) утверждают, что они были противниками в борьбе за трон и вели боевые действия друг с другом. Согласия среди современных историков нет и по другим проблемным вопросам.

Таким образом, учитывая противоречивые интерпретации нарративов, информация нумизматических источников на настоящий момент является основной базой достоверных знаний о правлении хана Бек-Суфи.

Монетные эмиссии Бек-Суфи

На страницах научных публикаций (насколько нам известно) впервые о существовании дангов, имя хана на которых мы сегодня читаем как Бек-Суфи, упомянул О.Ф. Ретовский в 1906 г. Исследователь знал «очень большое количество золотоордынских монет» из собрания Эрмитажа, датированных 822 г.х. и две монеты 823 г.х., «на которых имя хана изображено совершенно так», как на первых двуязычных аспрах Кафы (Ретовский 1906: 17). Великий нумизмат писал: «Трудно сказать, как следует читать имя хана; из каких-либо других источников нам не известно, кто в это смутное время (в 1419 и 1420 годах) владел Крымом» (Ретовский 1906: 18).

В 2002 г. В.П. Лебедев в статье, посвященной крымским золотоордынским монетам конца XIV — начала XV вв., опубликовал с прорисовками и предложенными переводами легенд «2 джучидских дирхема Крыма 822 г.х., 3 типа монет 823 г.х. и 1 — 824 г.х.»

(Лебедев 2002: 147, 146, рис. 3: *27—32*). Он обратил внимание на не встречавшуюся до этого на джучидских монетах форму титула «султан, сын султана» (Лебедев 2002: 147).

В.П. Лебедев полагал, что один из типов монет 823 г.х. (рис. 3: *31*) «характеризуется записью даты не цифрами, а числительным: «… / в третьем/ двадцать/ году/ восемьсот», то есть в 823 г.х.» (Лебедев 2002: 147). По мнению авторов, В.П. Лебедев, реконструируя легенду по одному доступному ему тогда экземпляру, сделал это не совсем корректно. Прорисованный им аверс похож на А3.4 этой статьи, реверс же относится к группе Р8 и несет на себе легенду с датой числом:

في بلد	—	«*В белед*
ضرب		*чекан*
قيريم		*Крым*
تاريخ		*летоисчисления*
٨٢٣		*823».*

В статье «Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным» (2006 г.) К.К. Хромов выделил несколько типов монет, «приведших к изменениям в давно сложившейся хронологии» (Хромов 2006: 366) и привел рисунки оттисков 5 штемпельных пар (Хромов 2006: 366):

- «Серебряные монеты…, чеканенные в городе Крым, имеющие дату 822 год хиджры…, общий тип реверса с именем Эдигея и имена ханов Дервиша и Бек-Суфи на аверсе (рис. 1)»;
- «Серебряные монеты…, чеканенные в городе Крым, без даты, имеющие общий штемпель реверса с именем Эдигея и имена ханов Дервиша и Бек-Суфи на аверсе (рис. 2)»;
- «Серебряные монеты…, чеканенные в городе Крым, имеющие общий тип реверса с датой 824 г.х… с именами Бек-Суфи и Девлет-Берди на аверсе (рис. 3)»;
- «Серебряные монеты (денги), чеканенные без указания монетного двора с датой прописью 825 г.х. (1421—1422 гг.), имеющие общий штемпель реверса и именами Бек-Суфи и Девлет-Берди на аверсе (рис. 5)»;
- «Серебряная монета (денг), чеканенная двумя лицевыми штемпелями с именем Бек-Суфи и Девлет-Берди (рис. 6)».

Монета Бек-Суфи на рис. 1 в статье К.К. Хромова (насколько предположительно позволяют судить рисунки украинского нумизмата) отмечена в этой статье как выбитая ШП1, данг на рис. 2 — ШП16, на рис. 3 — ШП82, на рис. 5 — ШП84, на рис. 6 — ШП 85.

В 2013 г. А.Л. Пономарев в своем докладе «Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и лже-Едигей», прочитанном на Нумизматических чтениях ГИМ, предпринял успешную попытку «кратко объяснить… полную типологию и определить различные параметры эмиссии первого хана Крыма» (Пономарев 2013b: 76). Нумизмату, как можно понять из текста, удалось изучить 236 экз. дангов Бек-Суфи (89 с весом), битых 51 оборотным штемпелем, он предполагал что «уже известно около 90% таких штемпелей, прогнозируемая их численность — 57», он полагал, что «срок жизни штемпеля» составлял около двух недель (Пономарев 2013b: 84).

А.Л. Пономарев опубликовал выполненную им схему связей графических реконструкций штемпелей типов аверса и реверса дангов Бек-Суфи (Пономарев 2013b: 79, рис. 1), предложил реконструкции арабописьменных легенд, указал количество известных ему штемпелей и монет, отчеканенных этими штемпелями (Пономарев 2013b: 80, табл. 2).

Он пришел к уверенности, что в чекане Бек-Суфи существует 4 штемпельных разновидности аверса и 6 — реверса, «имеющих достаточные отличия для того, чтобы назвать их типом. Его определяют форма картуша и содержание легенды; позиционирование же слов легенды или почерк для выделения типа непродуктивны, в лучшем случае их можно трактовать как признаки подтипа» (Пономарев 2013b: 78). В работе рассмотрена эволюция основных монетных типов.

Андрей Леонидович сделал вывод, что в технологии производства монет Бек-Суфи применялись матрицы: «Об использовании матриц в те годы свидетельствует не только инверсия или гибриды; это — непомерное число реверсов (5—10), сочетающихся с рядом аверсов, и, конечно же, известный Ю.В. Зайончковскому крымский данг Дервиша, отчеканенный двумя идентичными штемпелями именной стороны» (Пономарев 2013b: 78).

В докладе подробно обосновывается тезис, «о том, что татарские деньги в XV в. по-прежнему назывались «данги» (Пономарев 2013b: 82). Автором было предложено читать легенду одного из реверсов (Р2.2 в этой статье) как «Чекан Крыма. Дозволенный даник», «это — один из немногих случаев указания номинала, исключительный для средневековой практики монетного дела в целом» (Пономарев 2013b: 82). Авторы, однако, не могут принять такое прочтение, их вариант понимания легенды приведен в каталоге монет.

А.Л. Пономарев пришел к выводу, что чтение имени эмира Идику на реверсах некоторых типов дангов некорректно (Пономарев 2013b: 84). Об этой проблеме, как и о метрологических расчетах А.Л. Пономарева, будет также сказано ниже.

Подводя итог, констатируем, что доклад А.Л. Пономарева «Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и лже-Едигей» является, по нашему мнению, результатом глубокого изучения темы. Отдельные моменты этого исследования, с которыми нельзя согласиться, никоим образом не уменьшают значения проделанной Андрей Леонидовичем работы.

Тем же годом датирована статья К.К. Хромова «К вопросу о монетном деле «императоров Солхата» в 20-е годы XV века», посвященная критике докладов А.Л. Пономарева и Ю.В. Зайончковского, сделанных на упомянутых выше Нумизматических чтениях ГИМ. Приведем тезисы из этой статьи, непосредственно касающиеся предмета нашего исследования — эмиссий хана Бек-Суфи.

К.К. Хромов утверждал, «что на сегодня нет оснований для пересмотра прочтения реверса одного из типов крымских денгов Дервиша и Бек-Суфи, предложенного А.К. Марковым, т.е. «Амир Идику бек, чекан Крыма». В рассматриваемой легенде нет ни слова о «дозволенных данниках» (Хромов 2013a: 450) и «никакого упоминания о «Сарае», «дозволенном даннике» на данном типе монеты нет — есть упоминание «эмира Идику» (Хромов 2013a: 451). С этим тезисом можно согласиться, как будет показано ниже.

Нумизмат высказал предположение, что данг Бек-Суфи, выбитый штемпельной парой, обозначенной ШП84 в нашей статье, был изготовлен на монетном дворе Кафы: «Основание для такой уверенности дает нам стиль оформления аверса монеты с именем Давлат-Берди, полностью соответствующий стилю каффинских монет с именем этого хана» (Хромов 2013a: 451). По положению на настоящий момент у авторов нет оснований признать истинность этого суждения. Лицевой штемпель А4.1 имеет штемпельные связи с крымскими реверсами, установить связь оборотника Р10 с монетами Девлет-Берди нам пока не удалось (не стоит путать с крайне похожими штемпелями Девлет-Берди с наличием дополнительных дифферентов в виде точек).

К.К. Хромов опубликовал также имеющуюся у него информацию о весе и пробе монет Бек-Суфи, мы приведем ее ниже в разделе о метрологии серебряных монет. На этом, фактически, все тезисы об эмиссиях Бек-Суфи в этой объемной «критической» статье К.К. Хромова заканчиваются.

Все известные авторам монеты хана Бек-Суфи отчеканены в Крыму. Высказывавшаяся точка зрения о возможном существовании азакских дангов с именем этого хана (Савоста 2016: 148) не имеет надежного фактического подтверждения.

Завершая изложение тематики изучения монетных эмиссий Бек-Суфи разными нумизматами, констатируем, что их усилиями был создан мощный фундамент, на котором и базируется предлагаемое вниманию читателей исследование. Начнем с используемой системы обозначений.

Обозначение штемпелей и штемпельных пар

В сетке штемпельных связей прорисовки оттисков штемпелей объединены в штемпельные группы на основании содержания легенд на штемпелях и особенностях их компоновки. Каждая такая группа обозначена арабской цифрой (для дангов Бек-Суфи, например, А1 для лицевой и Р3 для оборотной сторон). Палеографические особенности написания легенд, использование декоративных элементов и разных картушей трактуется как штемпельная разновидность в рамках конкретной штемпельной группы и обозначается второй арабской цифрой после точки. Если воспроизведен оттиск правленого (перерезанного) штемпеля, он обозначен теми же цифрами, что и штемпель до правки с добавлением литеры «п». Штемпельные пары обозначены «ШП» с указанием конкретного номера пары.

Оттиски штемпелей дангов Дервиша, Девлет-Берди и, условно, Барака, имеющие штемпельные связи с монетами Бек-Суфи, помимо буквенного и цифрового обозначения отмечены еще и буквами имени хана, осуществлявшего право сикка (например, АБ1 и АД2.3).

Графические реконструкции оттисков штемпелей аспров Бек-Суфи и их штемпельные связи даны отдельной сеткой со своей сквозной нумерацией штемпелей (обозначены АА и РА с цифрой) и штемпельных пар (ШП).

Лицевые стороны медных монет обозначены мА (мА1, например), оборотные — мР (мР1, мР2 и мР3).

Методика реконструкции оттисков штемпелей

Графические реконструкции оттисков штемпельных выполнены с высокой степенью точности с использованием метода нанесения векторной маски на фотоизображения монет. Фотографии, сделанные под углом или с нарушением пропорции, не использовались.

В случае невозможности восстановления легенды или элемента орнамента, использована технология «частичной заливки», что облегчает процесс анализа штемпелей. Любое «домысливание» легенды или «дорисовывание» понятных геометрических форм не допускалось. Исключением стала только отрисовка простых линейных или точечных картушей, которая необходима для обозначения полей монетного круга и отображения реальных пропорций штемпеля.

Для выполнения прорисовок отбирались монеты, отчеканенные новыми штемпелями, не подвергавшимися правке. Правки штемпеля фиксировались лишь в некоторых случаях, важных для понимания динамики эмиссий, к рассмотрению которой мы переходим.

Обзор штемпелей, использовавшихся для чеканки дангов хана Бек-Суфи

При изучении эмиссии дангов всего было выявлено 20 лицевых штемпелей (не включая перерезанные штемпели А1.1п и А7.1п) и 49 оборотных, применяемых при изготовлении дангов этого хана.

Графические реконструкции оттисков штемельных пар, которыми чеканились данги хана Бек-Суфи с указанием установленных штемпельных связей приведены на рис. 1 и 2.

Ниже предпринята попытка рассмотреть основные группы штемпелей, которыми производилась эмиссия дангов хана Бек-Суфи, в хронологической последовательности их эксплуатации.

Этот обзор представляется правильным начать с рассмотрения 6 оборотных штемпелей, оттиски которых были зафиксированы в том числе и в сочетании с аверсами Дервиша (рис. 3). Факт последовательного использования оборотных штемпелей на стыке правления двух ханов хорошо прослеживается через цепочку деструктивных изменений штемпельного рисунка, что является неотъемлемым атрибутом износа металла при эксплуатации штемпеля. Повторное использование «архаичных» штемпелей при организации чеканки монет нового правителя являлось достаточно распространенной практикой в золотоордынском монетном деле.

Можно выделить три основных группы «переходных» штемпелей реверсов (ранний чекан Бек-Суфи):

Р1.1—Р1.2

Здесь имеют место сложности в понимании легенды, дать уверенный перевод которой мы пока не можем. Авторы полагают, что на данном типе указан год и место выпуска, а также титул и имя Идегея с искажениями.

Р2.1—Р2.2

Данная штемпельная группа была изготовлена силами двух резчиков с разным уровнем мастерства и знания арабского письма. Довольно уверенно можно говорить, что штемпель Р2.1 послужил прототипом при изготовлении Р2.2. Можно также сказать, что в легенде указан монетный двор — Крым, а также титул и имя Идегея. Последняя строка на Р2.1 пока не прочитана, а е е «небрежный перенос» на Р2.2 окончательно превращает часть легенды в нечитаемый набор «черточек и палочек».

Р3.1—Р3.4

Исходя из состава и компоновки легенды была выделена группа, состоящая из 4 оборотных штемпелей:

Р3.1 — наиболее массовый подтип, без указания даты выпуска. Встречается в сочетании с аверсами Дервиша и Бек-Суфи.

Р3.2—Р3.4 — имеют ярко выраженную палеографическую схожесть в написании легенды.

При этом на данный момент штемпели Р3.2—Р3.3 известны авторам только в сочетании с аверсами Бек-Суфи, а Р3.4 в том числе и в сочетании с лицевым штемпелем Дервиша. Характерной чертой данной подгруппы является наличие искаженной даты: «١١٨» — «118»

или «١٨٨» — «188» в нижней части реверса. Авторы склоняются к мысли, что на данном типе указан монетный двор — Крым, а также титул, имя Идегея и дата выпуска.

Наиболее ранние лицевые штемпели с именем Бек-Суфи, составляют небольшую группу из трех единиц, но при этом совокупный объем отчеканенных ими монет составляет 25% от общего объема изученных авторами монет (155 шт.).

A2.1—A2.3

А2.1 имеет двойной ободок: круглый точечный снаружи и четырех дуговой внутренний, А2.2—А2.3 имеют круглые точечные и линейный ободки. На данных типах мы впервые (у данного правителя) встречаем легенду:

سلطان	—	*«Султан*
بن سلطان		*сын султана*
بيك صوفي		*Бек-Суфи*
خان		*хан*
خلد ملكه		*да продлится его царствование».*

которая вызвала столь оживленные дискуссии в научных кругах. Стоит, однако, заметить, что титулатуру «سلطان/بن سلطان» — «Султан / сын султана» можно встретить и на лицевых сторонах монет Дервиш хана (АД3).

А1.1—А1.1п

Параллельно с группой А2.1—А2.3 (или немного позже) происходит изготовление штемпеля А1.1 (рис. 4), который по праву можно назвать одним из самых ярких образцов каллиграфического искусства крымского монетного двора начала 820-х гг.х.

Впервые на лицевых сторонах монет Бек-Суфи появляется сложный картуш, состоящий из круглого линейного ободка, вписанной в нее квадратной рамкой и 4 виньетками по сторонам. Также происходит замена легенды с «سلطان/بن سلطان» — «Султан / сын султана» на более традиционный вариант:

السلطان	—	*«Султан*
العادل		*справедливый*
بيك صو		*Бек-Су*
في خان		*Фи хан».*

Штемпель А1.1 использовался крайне активно (им было выбито 12% от всех известных авторам дангов Бек-Суфи), что привело к его разрушению и необходимости дальнейшей правки. Получив «вторую жизнь», А1.1п продолжит участвовать в чеканке монет 822 г.х, но в сочетании с другими оборотными штемпелями (им произведено 6% дангов в имеющейся базе).

А1.2—А1.4

Прототипом для изготовления данной штемпельной группы выступил тип А1.1. Полностью сохранена стилистика (включая картуш и виньетки), компоновка и текст легенды.

Если провести условное разделение среди всех выявленных штемпелей аверсов 822 г.х. по периоду их выпуска, то данная группа штемпелей должна занять серединное положение в общем хронометраже.

А7.1—А7.1п, А7.2

Данную группу штемпелей стоит рассматривать, как комбинацию элементов аверсов А2.1—А2.3 и А1.1—А1.4. В сочетании со сложным картушем штемпельные оттиски содержат легенду:

سلطان	—	*«Султан*
بن سلطان		*сын султана*
بيك صوفي		*Бек-Суфи*
خان خلد ملكه		*хан да продлится его царствование».*

Штемпель А7.1 после повреждения в процессе эксплуатации подвергся правке и был повторно использован (А7.1п) предположительно в конце 822 или в начале 823 гг.х.

Р5.1—Р5.4 (рис. 5).

Данная штемпельная группа пришла на смену сильно изношенным штемпелям Дервиша. Резчик штемпеля Р5.1 (предположительно первый изготовленный штемпель в данной группе) использовал нестандартную компоновку и текст легенды:

ضرب	—	*«Чекан*
قيريم		*Крыма*
تاريخ سنة		*летоисчисления год*
٨٢٢		*822».*

На особенности этого монетного формуляра впервые обратил внимание А.Л. Пономарев (Пономарев 2013b: 82).

Среди рассматриваемой группы стоит дополнительно выделить два штемпеля Р5.1 и Р5.4, которые имеют связи с лицевыми штемпелями Девлет-Берди (АДБ1) и «Барака» (АБ1) соответственно. При этом стоит отметить, что аверс АДБ1 так же известен в сочетании с реверсами Девлет-Берди 825 г.х. Таким образом, можно предположить, что штемпель Р5.1 после активного использования в 822 г.х. был изъят из производства, не успев при этом выработать свой ресурс. В 825 г.х. при чеканке монет Девлет-Берди штемпель Р5.1 вновь поступает «на службу» на монетном дворе.

822 г.х. был одним из самых «обильных» по числу изготовленных оборотных штемпелей, но при этом крайне консервативным в части вариативности исполнения монетной легенды. На 22 оборотных штемпелях мы фиксируем одну и ту же легенду:

في	—	*«В*
بلد ضرب		*белед чекан*
قيريم		*Крыма*
تاريخ...		*летоисчисления…».*

При этом важно отметить, что изначально, по нашему мнению, использовались штемпели с искаженной датой выпуска и лишь спустя определенное время в употребление вошли штемпели с правильным написанием даты.

Используя поштемпельный анализ можно провести условное разделение всех штемпелей 822 г.х. на 3 группы (рис. 6), установив при этом временные рамки эмиссии:

- I группа — начальный период чеканки 822 г.х.;
- II группа — середина периода эмиссии 822 г.х.;
- III группа — конец 822 г.х.

I группа оборотных штемпелей Бек-Суфи 822 г.х. (Р4, Р6.3—Р6.6, Р6.14, Р6.19)

Данная группа штемпелей использовалась в сочетании с аверсами А2.1 — А2.3. Как и в случае с оборотными штемпелями Дервиша (Р2.2, Р3.2 и Р3.4) мы наблюдаем варианты исполнения легенд с искажением даты выпуска. Отдельно стоит отметить штемпель Р6.5, в верхней левой части которого расположен символ, не имеющий аналогов в серебряном чекане Бек-Суфи. На рис. 7 его графическая реконструкция (под другим углом) размещена слева. Справа дана прорисовка надчекана на медных пулах, выполненная В.П. Лебедевым и названная им «окно» (О2) (Лебедев 2013: 46, рис. 2).

По мнению авторов, можно говорить о сходстве этих символов. В.П. Лебедев пришел к выводу, что маркирование пулов надчеканом «окно» «производилось в самом конце XIV в., при этом вероятно, что это происходило не на монетных дворах… Крым и Каффа, а где-то в восточной части полуострова» татарами (Лебедев 2013: 49). Стоит, однако, отметить, что в случае с Р6.5 мы имеем дело с гравировкой на штемпельной поверхности, а не надчеканом на монете. Констатируем, что установленная аналогия нуждается в отдельном, специальном исследовании, выходящем за рамки данной статьи.

Завершает штемпельный ряд I группы реверс Р6.4, который в свою очередь является финализированным вариантом легенды с «правильной датой». В данном виде легенда сохранится до конца 822 г.х.

II группа оборотных штемпелей Бек-Суфи (Р6.13, Р6.17, Р6.20, Р6.21)

Штемпельная группа, использующаяся в середине периода чеканки 822 г.х. Монетная легенда имеет стандартный вариант исполнения, дата указана без искажений.

III группа оборотных штемпелей Бек-Суфи (Р6.1—Р6.2, Р6.7—Р6.12)

Эта штемпельная группа эксплуатировалась в конце 822 г.х. Монетная легенда имеет стандартный вариант исполнения, дата не искажена.

Р6.15, Р6.16, Р6.18 (рис. 8).

Данный кластер штемпелей с указанием даты выпуска 822 г.х., требует отдельного внимания и был вынесен в самостоятельную группу. Если провести оценку содержания и палеографических особенностей исполнения легенды, то мы не увидим отличий от II и III групп, однако после применения поштемпельного анализа становится очевидным, что данные штемпели использовались в течение 823 г.х., а также на рубеже 823—824 гг.х. На текущий момент авторы не смогли выявить связей с лицевыми штемпелями, которые бы

могли использоваться в 822 г.х., но при этом выделили три изолированных лицевых штемпеля А3.1—А3.3, которые использовались только в сочетании с данной группой реверсных штемпелей, а также их связи с лицевыми штемпелями 823 и 824 гг.х. Незначительные деструктивные изменения штемпелей Р6.16 и Р6.18 позволяют предположить практически одновременное использование штемпелей А3.1—А3.3 и А3.4, А5 на протяжении 823 г.х., в то время, как штемпельные пары в сочетании с А4.1—А4.3 были изготовлены только в конце 823 — в начале 824 гг.х., что подтверждается, как штемпельными связями, так и износом оборотных штемпелей, который прослеживается на их продукции.

А3.1—А3.3

Как уже было сказано ранее, данная группа штемпелей использовалась на протяжение длительного времени в 823 г.х. Палеографические особенности и штемпельные связи позволяют объединить данные штемпели в общий кластер с аверсами А3.4 и А3.5. Так же идентичным является и формуляр монетной легенды:

السلطان	—	*«Султан*
العادل		*справедливый*
بيك صوفي		*Бек-Суфи*
خان خلد		*хан да продлит*
الله ملكه		*Аллах его царствование».*

Р7.1—Р7.3 (рис. 9).

На рубеже 822—823 гг.х чеканка монет осуществлялась с использование трех оборотных штемпелей, которые заметно выделялись на общем фоне реверсов 822 г.х. Необычная для данного периода разбивка легенды по строкам:

في بلد	—	*«В белед*
ضرب		*чекан*
قيريم		*Крыма».*

а также художественно исполненный вариант تا[ر]يخ — «летоисчисления», позволяют связать штемпели в одну группу. На реверсе Р7.3 мы видим окончание переходного периода и фиксацию даты 823 г.х. В паре с данными штемпелями выступил хорошо известный лицевик А7.1п, который за период своего активного использования в рамках 822 г.х. подвергся заметному износу и потребовал перегравировки рабочей поверхности штемпеля (А7.1п).

Р8.1—Р8.6 (рис. 9).

В то время, как ресурс штемпелей 822 г.х. подошел к концу, в «производство» была запущена новая группа реверсов 823 г.х. Штемпели приняли новый облик, но при этом сохранили текст легенды:

في بلد	—	*«В белед*
ضرب		*чекан*
قيريم		*Крыма*
تاريخ		*летоисчисления*
٨٢٣		*823».*

Здесь стоит отметить высокую степень схожести штемпелей P8.1 — P8.5 (об этом речь подробно пойдет в следующем разделе нашей статьи), идентичную компоновку и центровку элементов. Можно сделать предположение, что штемпели изготавливались с использованием технологии грубого копирования (нанесение рисунка по лекалу на заготовку штемпеля) с последующей доработкой точечных элементов.

Штемпель P8.6 изготавливался на базе реверсов P8.1 — P8.5, но, возможно, мастером более низкой квалификации. Штемпельный рисунок получился грубым и с нарушениями изначальных пропорций.

A3.4, A3.5, A5

Наряду с новыми реверсами (P8.1—P8.6) на монетном дворе стали активно использовать два новых лицевых штемпеля A3.4—A3.5, которые могли быть изготовлены в одно время с A3.1—A3.3. Высокая степень художественного исполнения и детальная проработка элементов являются атрибутами данного штемпельного ряда. Текст легенды содержит стандартные формулировки:

السلطان	—	*«Султан*
العادل		*справедливый*
بيك صوفي		*Бек-Суфи*
خان خلد		*хан да продлит*
الله ملكه		*Аллах его царстование».*

Как и в случае с реверсом P8.6, A5 представляет из себя грубый вариант штемпеля с низким качеством исполнения. Арабская легенда содержит незначительные искажения в части написания слова بيك. Лицевой штемпель использовался в один период времени с A3.4 и A3.5.

A4.1—A4.3, A6 (рис. 10).

В сочетании с реверсами 824 г.х. авторами было выявлено использование четырех лицевых штемпеля с идентичным текстом легенды:

سلطان	—	*«Султан*
بن سلطان		*сын султана*
بيك صوفي		*Бек-Суфи*
خان خلد		*хан да продлится*
ملكه		*его царствование».*

Как уже было отмечено ранее, штемпель A4.1 также использовался в сочетании с оборотными штемпелями P6.15, P6.18. Несмотря на тот факт, что на данных реверсах указана дата 822 г.х., анализ штемпельных связей позволяет предположить начало использования штемпеля A4.1 на рубеже 823—824 гг.х.

Р9.1—Р9.5

Состав легенды оборотных штемпелей 824 г.х. претерпевает серьезные изменения. Текст сокращается до двух слов и даты эмиссии:

ضرب قيريم ٨٢۴	—	*«Чекан Крыма 824».*

А привычные «بلد» и «تاريخ» навсегда исчезнут с монет Бек-Суфи. Стоит отметить, что оборотный штемпелей Бек-Суфи (Р9.4), как и общий концепт дизайна монетной легенды, станет фактическим стандартом при изготовлении монет Девлет-Берди с указанием монетного двора Крым.

Р10

Стилистически уникальный оборотный штемпель, предположительно содержащий информацию о дате монетной эмиссии (прописью). Полный текст легенды на данный момент остается непрочитанным.

Приведем также информацию о распределении штемпельных пар по годам с учетом объема эмиссии (по массиву из 431 данга, рис. 11). По оси X приведены номера штемпельных пар с разбивкой по годам. По оси Y дано количество изученных авторами монет.

Принимая во внимание то обстоятельство, что нумерация штемпельных пар делалась (в большинстве случаев) с учетом хронологии выпуска монет, можно увидеть периоды максимально активной деятельности монетного двора (начало 822, середина 822 и середина 823 гг.х.).

О некоторых особенностях организации чеканки дангов при Бек-Суфи

При изучении дангов Бек-Суфи было установлено, что при наличии производственной необходимости мастера могли изготовить несколько практически одинаковых штемпелей.

На рис. 12 воспроизведены графические реконструкции оборотных штемпелей Р8.1—Р8.5.

Обращает на себя внимание та точность, с какой мастер выполнил легенды на всех пяти инструментах. Центровка отдельных элементов визуально практически полностью совпадает на разных штемпелях. Отличия мы можем встретить лишь в расположение точек и «галочек», незначительном смещении отдельных элементов легенды.

Рис. 13 иллюстрирует упомянутую выше точность размещения монетных легенд на штемпеле. Для его создания были выполнены следующие действия:

- Графические реконструкции оттисков штемпелей были соотнесены в соответствии с их реальными пропорциями и центровкой;
- На одни и те же узлы легенды были нанесены реперные точки;
- Для каждого из штемпелей реперная точка получила свою особую геометрическую фигуру (квадрат, звезда, треугольник и т.д.);
- Реперные точки с пяти штемпелей были сведены в одном изображении.

Измерения показывают, что погрешность расположения отдельных элементов легенды незначительна и находится в пределах от 1 до 3 мм.

О штемпельных связях дангов Бек-Суфи с монетами других ханов

В результате выполненного исследования были выявлены штемпельные связи дангов Бек-Суфи с серебряными монетами трех ханов: Дервиша, Девлета-Берди и, условно (как полагали В.П. Лебедев и В.Г. Ситник) Барака.

Лицевые штемпели с именем и титулами Бек-Суфи работали в парах с шестью оборотными штемпелями, использовавшимися и во время правления хана Дервиша. Об этом уже было сказано выше. Именно их имел в виду А.Л. Пономарев, написавший, что «смена власти в Крыму в 822 г.х. отразилась лишь на аверсе дангов» (Пономарев 2013b: 82).

Авторам известны связи монет Бек-Суфи с тремя лицевыми штемпелями хана Девлета-Берди. Штемпельная пара ШП85, состоящая из двухаверсных штемпелей Бек-Суфи и Девлета-Берди была опубликована К.К. Хромовым и отнесена им к монетному двору «Каффа ал-Джадид» (Хромов 2013b: 387). Украинский нумизмат также опубликовал рисунки дангов Девлет-Берди, имеющие общий крымский реверс 824 г.х. с монетами Бек-Суфи (Хромов 2006: 371, рис. 3), это штемпельная пара ШП82 (или ШП83) в данной статье.

А.Л. Пономарев заявил о существовании штемпельных связей продукции трех оборотных штемпелей, использовавшихся при Бек-Суфи с монетами Девлет-Берди (Пономарев 2013b: 79, рис. 1) через упомянутый реверс 824 г.х. и через два разных реверса датированных 822 г.х. авторам пока удалось обнаружить информацию только об одном экземпляре монеты, датированной 822 г.х. и отчеканенной штемпельной парой АДБ1—Р5.1.

Представляет интерес штемпельная пара ШП8, реверс которой имеет связь с лицевиком Девлета-Берди АДБ1. Известны четыре экз. монет, выбитых штемпельной парой АДБ1—РДБ1, и лишь одна монета сочетания штемпелей А1.1—РДБ1. Штемпель А1.1 на данной монете выглядит довольно изношенным, что позволяет высказать предположение, что эту штемпельную пару эксплуатировали в производстве уже во времена Девлет-Берди.

Серьезной проблемой является корректная интерпретация штемпельной связи дангов Бек-Суфи с монетами, отнесенными В.П. Лебедевым и В.Г. Ситником к эмиссиям хана Барака.

Данг, отчеканенный штемпельной парой АБ1—Р5.4 был впервые введен в научный оборот В.П. Лебедевым и В.Г. Ситником (Лебедев, Ситник 2012: 210, рис 5: *218*), атрибутировавшими тип как «Борак, Крым, 8(2)8 г.х.» и предложившими читать легенды следующим образом: на аверсе — «Султан Барак хан», на реверсе — «Чекан Крыма, дата 8(2?)8» (Лебедев, Ситник 2012: 195).

В 2015 г. Р.Ю. Рева включил этот тип в выполненный им обзор эмиссий Мухаммада Барака, но с оговорками: «Лицевая сторона монеты позволяет разное прочтение легенды: как «ас-Султан ...Барак хан», предложенное В.П. Лебедевым, так и другие варианты. Оборотная же сторона читается однозначно: «Чекан Крыма, дата год 822» (Рева 2015: 87). Нумизмат также весьма продуктивно предположил, что вся легенда аверса может оказаться «подражательно исполненной частью легенды сопряженного типа монет Бек-Суфи: Султан сын султана, хан. Окончательно решить вопрос о наличии или отсутствии имени Барака на данном типе монет можно только после поштемпельного анализа монет, близких к этой» (Рева 2015: 87).

Авторам пока не известны «близкие к этой» монеты, но было установлено существование штемпельной связи АБ1—РБ1. На штемпеле РБ1 можно прочитать вырезанную на нем легенду как «Чекан Азака». Изучение монет Девлета-Берди, битых в

Азаке, позволило высказать тезис, что с прочтением аверса АБ1 как «السلطان براق خان» — «ас-Султан Барак хан» согласиться нельзя. Палеографические особенности исполнения легенд на штемпеле БА1 не позволяют приписать его изготовление резчикам крымского монетного двора времен хана правления Бек-Суфи. Тогда как легенды реверса РБ1 выполнены вполне «в стиле» азакских монет Девлета-Берди.

В научной литературе уже был зафиксирован факт возможного перемещения оборотного монетного штемпеля немного более раннего времени из Крыма на азакский монетный двор (Зайончковский 2017: 193). В случае штемпельного узла Р5.4—АБ1—РБ1 ситуация могла быть аналогичной — старый штемпель из Крыма вполне мог быть использован на монетном дворе Азака. Что касается легенды на лицевом штемпеле АБ1, то авторы полагают, что она была «подражательно исполнена» — за образец резчик мог брать как аверсы дангов Девлета-Берди азакской чеканки, так и тип крымского серебра Бек-Суфи с титулами «султан сын султана, хан». Авторы не абсолютизируют высказанную гипотезу, необходимы новые нумизматические памятники для выработки адекватного понимания штемпельного узла Р5.4—АБ1—РБ1.

Завершив рассмотрение штемпелей, использовавшихся для чеканки дангов Бек-Суфи, перейдем к рассмотрению исторически значимых аспектов монетных легенд его дангов.

Об имени Идегея на монетах

Впервые имя Идегея на реверсе крымского данга Дервиша было прочитано А.К. Марковым в 1906 г. (Марков 1906: 1028). Н.И. Веселовский в своей работе 1916 г. предложил арабописьменную реконструкцию и перевод легенды оборотной стороны одного из типов дангов Дервиша (Веселовский 1922: 54):

امر	—	*«эмир*
ادكوبيك		*Идику бек*
ضرب		*чекан*
قيريم		*Крыма».*

К.К. Хромов почти столетие спустя опубликовал рисунки оттисков штемпелей дангов, «чеканенных в городе Крым, без даты, имеющих общий штемпель реверса с именами Эдигея и имена ханов Дервиша и Бек-Суфи на аверсе» (Хромов 2006: 371, рис. 1, 2). В целом можно констатировать, что существование серебряных монет с именем Идегея было признано научным сообществом: «Для нумизматов Едигей стал новым эмитентом и знаковой фигурой — нечингизидом, присвоившим право ас-сике» (Пономарев 2013b: 82).

В 2013 г. эта точка зрения была подвергнута критике А.Л. Пономаревым. Он утверждал, что чтение, предложенное А.К. Марковым по оборотному штемпелю, имеющим наименование Р3.1 в предлагаемой статье «и принятое на веру, страдает неизбывным недостатком — нумизматы игнорируют три харфа из арабской легенды. К этому недостатку два года назад привлек общее внимание Ю.В. Зайончковский». Исполнение легенды на другом штемпеле (обозначен здесь Р1.1), как писал далее А.Л. Пономарев «позволяет понять теперь, что… за начало имени «Идику» были взяты последние две буквы из слова «Сарай», стоящие во второй строке, поскольку харф «син-ра» не совсем стандартного начертания из первой строки («син» там передан «зубцом вниз»), как указано, не хотели замечать» (Пономарев 2013b: 84). Андрей Леонидович не предложил альтернативного прочтения всей легенды реверса, он полагал что «за помещением на монете этих слов… стоит не указание на место чекана, а определение достоинства и качества новых дангов» (Пономарев 2013b: 84).

В 2018 г. Р.Ю. Рева прокомментировал точку зрения А.Л. Пономарева по этому вопросу так: «замечательный ученый на этот раз ошибся, взяв за основу для своих рассуждений неправильный хронологический порядок появления штемпелей, когда поздние редуцированные и подражательные штемпели в его раскладке предшествуют ранним с идеально точной арабской легендой… При этом достаточно хорошие прорисовки, сделанные Андреем Леонидовичем, не отрицают, а, скорее, подтверждают первоначальное прочтение легенды реверса, предложенное еще А.К. Марковым: «Амир Идику-бек. Чекан Крыма» (Рева, Леонов 2018: 82).

Авторы, после завершения работы по фиксации штемпельных связей анализируемой группы дангов, видят эту проблему следующим образом. На штемпеле Р3.1 прочтение А.К. Маркова не вызывает никаких сомнений. Ю.В. Зайончковский десять лет назад не имел возможности по доступному ему нумизматическому материалу получить полное (а не фрагментарное) представление о том выглядит легенда этого штемпеля, потому и высказывал сомнения, о которых упомянул А.Л. Пономарев. Из восьми штемпелей этих трех групп авторам удалось полностью воссоздать оттиски четырех (в т.ч. и упомянутый Р3.1). На трех других полностью реконструированных штемпелях легенды даны с искажениями — на Р2.1 и Р2.2 с меньшими, на Р1.1 с большими. Вполне можно допустить и наличие «редуцированности», о которой писал Р.Ю. Рева, и на не полностью реконструированных оттисках штемпелей этих групп (Р1.2, Р3.2, Р3.3, Р3.4). Из упомянутых восьми штемпелей только два (Р3.2, Р3.3) не имеют штемпельных связей с дангами Дервиша. Вполне, однако, можно допустить, что такие связи могут быть установлены в будущем.

Авторы склонны согласиться с тезисом Р.Ю. Ревы, что Бек-Суфи «начал свою чеканку, используя старые оборотные штемпели времен Дервиша» (Рева, Леонов 2018: 82), именно этим и определено место расположения графических реконструкций оттисков этих штемпелей на сетках штемпельных связей. Имеющие факты (в частности и тот, что данги, датированные 822 г.х., составляют около 60% от всего проанализированного массива монет) говорят о том, что эмиссия начального года правления Бек-Суфи была самой большой по объему. Применительно к джучидским эмиссиям XV в. неоднократно фиксировалось, что на монетном дворе для чеканки монет могли использоваться все имеющиеся в наличии штемпели вне зависимости от содержания вырезанных на них легенд, что, возможно, было вызвано производственной необходимостью в сжатые сроки выполнить объемный заказ по выпуску дангов в условиях недостатка «официально утвержденных» пар штемпелей (Зайончковский 2015: 99). Можно предположить, что именно так дела обстояли и в этом случае: имя эмира Идегея было вырезано на оборотных штемпелях хана Дервиша и отсутствует на вновь изготовленных штемпелях Бек-Суфи.

Сказанное позволяет утверждать, что на основании существования штемпельной пары ШП16, на реверсе которой надежно читается титул и имя Идегея (впрочем, как и на факте наличия всех реверсных штемпелей этих групп), нельзя делать сколько-нибудь серьезных выводов о политических отношениях между Идегеем и Бек-Суфи.

Для сравнения на рис. 14 приведено фотоизображение монеты (публикуется в первый раз), на одном из аверсов которой приведены имя и титулы хан Токтамыша, на другом хана Тюляка.

Аверс этой монеты с именем Токтамыша является «официальным» — он входит в штемпельную сетку монет этого хана, на реверсе которых указаны место выпуска и дата — Орду ал-Джадид, 785 г.х. (Зайончковский, Леонов 2016: 272). Вряд ли кто-то будет делать серьезные выводы о политической зависимости между Тюляком и Токтамышем на основании существования этого монетного типа.

Титулатура Бек-Суфи на его монетах

В данном исследовании приведены графические реконструкции оттисков двадцати лицевых штемпелей дангов Бек-Суфи (рис. 1, 2). На одиннадцати из них он титулуется «السلطان العادل خان» — «Султан справедливый, хан», на других восьми «سلطان بن سلطان خان» — «Султан, сын султана, хан». Легенду одного лицевого штемпеля (A6) не удалось полностью реконструировать по имеющимся в распоряжении авторов экземплярам. Предварительно можно сказать, что там, возможно, вырезана с искажениями легенда «Султан, сын султана, хан».

Как видим, оба варианта титулатуры Бек-Суфи воспроизводились на его дангах в пропорции примерно пятьдесят на пятьдесят. Кроме того, как показывают сетки штемпельных связей, титулы «Султан справедливый, хан» и «Султан, сын султана, хан» размещались на аверсе дангов одновременно на протяжении всего его правления — с 822 по 824 г.х.

Известно, что право чеканить монету от своего имени «составляет основное символическое выражение суверенности правителя в исламе» (Album 1977: 13). В Золотой Орде право сикка могло передаваться ханами из рода Чингизидов своим эмирам, но «несмотря на то, что эти ханы, фактически зависели от своих эмиров (Мамая, Едигея), соблюдался определенный status quo: с именами и тамгами ханов чеканились серебряные монеты; с нишанами эмиров — только медные» (Гончаров 2015: 97). В XV в. существовала также практика чеканки двухименных серебряных монет, когда на аверсе размещалось имя султана—чингизида, а на реверсе указывалось имя его беклербека (Зайончковский и др. 2018: 191—192). Все это позволяет утверждать, что султанский титул на аверсе серебряных позднеордынских монет декларировал независимость и суверенность хана — т.е. легенда «Султан справедливый Бек-Суфи, хан» на дангах свидетельствует против приведенного выше тезиса о юридической зависимости Бек-Суфи от кого-то другого на протяжении всего его правления.

В попытке рационального объяснения именования Бек-Суфи «султаном, сыном султана» на его монетах нужно привлечь синхронные нумизматические памятники.

Мехмед Челеби, положивший конец османской «великой замятне» 1402—1413 гг., избавившись от иноземной зависимости, объединив все османские владения под своей рукой и приняв султанский титул, отчеканил в 816 г.х. серебряные монеты, на аверсе которых гордо именовал себя «Султан сын султана Мехмед сын Баязида хан» (Mitchiner 1977: 205). Позднее для правителей Османской империи стало обычным использовать «султан сын султана» как часть своей титулатуры на монетах.

Принимая во внимание тот факт, что титул «султан сын султана» впервые появился на крымских монетах хана Дервиша, вполне можно высказать предположение, что джучидские правители Крыма начали себя титуловать так, декларируя свой высокий статус, ничем не уступающий рангу их южных соседей. По правильному замечанию Б.Д. Кочнева, «хутба провозглашалась только на подвластных данному правителю территориях, монеты же из благородных металлов (если их проба была высокой) расходились гораздо шире, разнося повсюду весть о новом государе…» (Кочнев 1996: 75).

Мехмед, как мы понимаем, титулом «султан сын султана» декларировал свою полную независимость в противоположность своим более ранним монетам, где он именовался просто ханом и его имя стояло вслед за именем Тамерлана. Позднее «султан сын султана» именовали себя на монетах и шахи Ирана. Как бы там ни было, титул «султан сын султана» Дервиша и Бек-Суфи, по нашему мнению, никоим образом не может быть интерпретирован как свидетельство их политической зависимости от какого-то другого суверена.

Метрология серебряных монет Бек-Суфи

А.Л. Пономарев по 89 экз. определил средний вес дангов Бек-Суфи как 0,859 г, модальный вес — 0,864 г. Норма чеканки, по его мнению, была 0,873 г. Он писал: «Сведения о пробе татарской монеты дают генуэзцы… проба дангов была 500‰ и переоценены они были, фактически, вдвое» (Пономарев 2013b: 77).

К.К. Хромов обобщил весовые данные 118 экз. серебряных монет с именем Бек-Суфи, чекан Крыма и датами 822, 823 и 824 гг.х. Средний вес (по 111 экз. в диапазоне от 0,86 до 0,99 г) у него получился равным 0,919 г. «Ярко выраженные моды»: 0,96, 0,93 (максимум) и 0,91 г (Хромов 2013a: 456). Процитируем его вывод: «Чеканка серебряной монеты (денга) от имени ханов, правящих в Крымском Улусе и именованных в некоторых документах как «императоры Солхата», с самого начала осуществляется по единой весовой норме… в весовом диапазоне 0,93—0,95 г. Эти монеты, наряду с обслуживанием местного рынка, были ориентированы на развитие усиливающегося в условиях «единого экономического пространства» товарооборота между Крымом и ВКЛ» (Хромов 2013a: 459).

В 2016 г. К.К. Хромов, не приведя новых метрологических данных, писал «что крымские выпуски 822—825 гг.х., являются монетным воплощением денежно-весовой единицы весом в 5 почек (кират) в весовой системе классического золотника (мискаля), равного 4,26 г. (1 почка (кират) = 0,19 г.; 5 почек = 0,95 г.). Эта денежно-весовая единица была востребована на территории южных и юго-восточных владений ВКЛ, привязанных в это время к весовому значению пражского гроша и была равна его ⅓ (3 × 0,95 = 2,85 г.)» (Хромов 2016: 106).

Украинскому нумизмату также удалось апробировать 10 экз. монет с именем Бек-Суфи. Наименьшая проба среди этих монет соответствует 800, наибольшая 900, средняя проба равна 844 (Хромов 2013a: 454—455).

Авторы собрали информацию о весовых характеристиках 431 данга Бек-Суфи (из них 131 экз. из Тишковского клада, 55 экз. были взвешены самими авторами). Метрология по остальным монетам была получена из разных источников. Гистограмма, отражающая весовые характеристики анализируемых монет приведена на рис. 15.

Средний вес дангов Бек-Суфи составил 0,84 г, и как видно на рисунке, гистограмма получилась мультимодальная со значениями 0,86 г, 0,88 г и 0,9 г. При обработке экземпляров вес которых находится в пределах 0,77—0,94 г (исключаем из выборки нестандартные веса) средний вес не меняется и равен 0,84 г.

23 серебряные монеты Бек-Суфи были взвешены на электронных весах AXIS AD200, показывающих вес с точностью до тысячной грамма. Их проба была измерена с помощью рентгено-флуоресцентного спектрометра ElvaX xray (за что авторы выражают искреннюю признательность Вячеславу Сергеевичу Сидорову). Результаты приведены в таблице, приведенной ниже.

Таблица 1. **Результаты взвешивания серебряных монет.**

№ п/п	Номер штемпельной пары	Вес	Проба
1	ШП6	0,902 г	826
2	ШП16	0,800 г	948
3	ШП18	0,934 г	895
4	ШП20	0,928 г	894
5	ШП20	0,935 г	830
6	ШП21	0,930 г	936
7	ШП29	0,838 г	954
8	ШП34	0,900 г	899
9	ШП37	0,806 г	931
10	ШП39	0,924 г	899
11	ШП40	0,828 г	915
12	ШП40	0,879 г	836
13	ШП46	0,874 г	878
14	ШП47	0,849 г	955
15	ШП 49	0,874 г	815
16	ШП52	0,870 г	760
17	ШП62	0,860 г	882
18	ШП63	0,866 г	880
19	ШП64	0,920 г	766
20	ШП79	0,891 г	817
21.	ШП71	0,870 г	779
22	ШП84	0,740 г	940
23	Не установлен	0,926 г	829

Средний вес составляет 0,876 г. Наименьшая проба среди этих монет соответствует 760, наибольшая 955, средняя проба равна 870. Авторы не абсолютизирую приведенные данные о пробе монет, относительно определения законного веса эмиссии необходимо принять во внимание важный методологический принцип, высказанный С.А Яниной: «В средние века реальные, дошедшие до нас монеты, в подавляющей своей массе были легче своего «законного» веса… В реальном весе средневековой монеты, чеканенной по способу «аль марко», будет грубой ошибкой стремление видеть вес «законной» монеты. Пример чеканки куфической монеты наглядно показывает, что «законный» вес (которым оперируют при теоретических расчетах) средневековых восточных монет всегда должен быть выше весовых данных большинства монет. Нам кажется также полезным учитывать и показания среднего веса монет, чеканенных по способу «аль марко» (т.е. при чеканке из определенной весовой единицы металла определенного количества монет с последующей выбраковкой слишком легких и особенно слишком тяжелых монет). Средний вес монет, чеканенных по такому способу, будет несомненно ниже «законного» веса монет, тем не менее он укажет ту весовую грань, ниже которой «законный» вес искать не следует» (Янина 1971: 31).

«По аналогии с куфическими монетами нам кажется возможным искать «законный» вес в пределах выше среднего», полагала С.А. Янина (Янина 1971: 32). Исходя из среднего веса золотых анонимных монет Хорезма эпохи «Великой замятни» — свыше 1,15 г и «делая скидку на ценность золота (что безусловно подразумевает более тщательную выбраковку «нестандартных» экземпляров), можем предположить, что «законный» вес золотой монеты Хорезма находился в пределах 1,16—1,17 г» (Янина 1971: 32), т.е. был на 0,01—0,02 г выше среднего веса.

Подводя итоги, выскажем предположение, что «законный» вес дангов Бек-Суфи был выше показателя 0,87 на несколько сотых грамма.

Аспры

Аспры, которые чеканились генуэзцами в Кафе не являются, строго говоря, предметом данного исследования — выпускались они не ханской администрацией, а европейцами. Но, поскольку на этих серебряных монетах размещено имя хана Бек-Суфи, они также будут нами ниже рассмотрены.

Генуэзско-татарские монеты города Кафы были введены в полноценный научный оборот более столетия назад О.Ф. Ретовским. В 1897 г. им был опубликован аспр (штемпельной пары ШП12 в данной статье) с графической реконструкцией оттисков штемпелей по одному известному ему плохо сохранившемуся экземпляру (Ретовский 1897: табл. 1: *1*). О.Ф. Ретовский сначала предложил вариант чтения имени хана в третьей строке «Мухамед», «что начертано однако перед этим именем, нельзя разобрать» (Ретовский 1897: 61).

В более поздней работе, изданной в 1906 г., О.Ф. Ретовский утверждал, что «хотя имя хана на обратной стороне этих монет не возможно разобрать, однако время чекана их можно тем не менее точно определить»: нумизмату уже были известны крымские серебряные монеты с таким же написанием имени хана, датированные 822 и 823 гг.х. (Ретовский 1906: 17).

О проблеме чтения имени правителя О.Ф. Ретовский писал: «Имея в руках только один экземпляр…, я в своей первой статье высказал мнение, что это имя, быть может, обозначает хана Мухамеда, который в двадцатых годах XV века завладел царством. Однако вполне ясное بك или بيك, находящееся перед самым именем… ясно доказывает, что хан, при котором чеканились эти монеты, не мог быть Мухаммедом. О Тохтамыше, как предполагал В.К. Трутовский, и о Тимур-Кутлуке, как читал это имя Вельямин-Зернов, уже потому не может быть речи, что оба эти хана умерли гораздо раньше. Трудно сказать, как следует читать имя хана; из каких-либо других источников нам не известно, кто в это смутное время (в 1419 и 1420 годах) владел Крымом» (Ретовский 1906: 17—18). О.Ф. Ретовский пришел к выводу, что «по всей вероятности мы в данном случае имеем дело еще с одним новым узурпатором престола» (Ретовский 1906: 18).

Местом чеканки этих монет, по мнению О.Ф. Ретовского, «могла быть только главная колония Каффа» (Ретовский 1906: 18).

В статье 1906 г. были приведены графические реконструкции оттисков двух лицевых штемпелей и пяти оборотных, работавших в пяти штемпельных парах (Ретовский 1906: табл. 1: *1—5*), расписаны монетные легенды «монет города Каффы. I группа… без тамги, чеканенных в 1419 или 1420 г.» (Ретовский 1906: 16—17).

У авторов вызвала некоторые затруднения интерпретация оттисков штемпельной пары, которые О.Ф. Ретовский в табл. 1 воспроизвел под номером 1. В итоге был сделан вывод, что прорисованная им монета соответствует ШП3 (АА1.1—РА1.3) в нашей статье. К сожалению, нам доступны всего два фотоизображения слабо прочеканенных монет данной ШП, но на них виден остаток легенды с тем же позиционированием букв, как и у О.Ф. Ретовского.

Корреляция прорисовок О.Ф. Ретовского с нашими графическими реконструкциями оттисков штемпелей аспров Бек-Суфи выглядит так: № 1 («итальянская сторона») — РА1.3, № 1 («татарская сторона») — АА1.1, № 2 («итальянская сторона») — РА2.1, № 2 («татарская сторона») — АА2.2, № 3 — АА2.1, № 4 — АА1.3, № 5 — АА1.5.

Итальянский нумизмат Дж. Лунарди в изданной в 1980 г. монографии «Le monete delle colonie genovesi» утверждал, что на «татарской» стороне аспров Бек-Суфи, прорисованных

О.Ф. Ретовским, размещена арабская легенда с именем хана Тимур-Кутлуга и датировал их 1395 г. (Lunardi 1980: 450).

В 2004 г. в Канаде В.Н. Евдокимов издал «самиздатовский» труд «Нумизматика генуэзской Кафы», в которой информация об аспрах Бек-Суфи заимствована у О.Ф. Ретовского (Евдокимов 2002: 93, 94, 143), на этих монетах «имя хана не ясно», пишет В.Н. Евдокимов (Евдокимов 2002: 93).

В 2016 г. в Симферополе была опубликована вышеупомянутая монография В.А. Сидоренко «Монетная чеканка Крымского ханства (1442—1475 гг.)», включающая в себя раздел «Каталог: Выпуски Кафы с именем Бека Суфи» (Сидоренко 2016: 67—74). Автор привел фотоизображения аспров и прорисовки О.Ф. Ретовского, расписал арабописьменные и латинские легенды монет. К сожалению, в этом разделе работы В.А. Сидоренко имеется довольно большое количество ошибок и неточностей, рассмотрение которых выходит за пределы предмета нашего исследования.

Итак, подводя итог краткому обзору публикаций аспров Бек-Суфи, нужно констатировать, что этим интереснейшим монетам современными учеными было уделено гораздо меньше внимания, чем самой персоне этого хана или его дангам.

Авторам удалось собрать информацию и изучить 56 экз. аспров, которые были отчеканены 13 штемпельными парами. Всего эксплуатировалось 7 лицевых штемпелей и 5 оборотных. В качестве лицевой мы рассматриваем сторону с именем хана. На рис. 16 воспроизведены графические реконструкции оттисков штемельных пар аспров Бек-Суфи и установленные штемпельные связи.

Проведенное методом поштемпельного анализа исследование позволяет утверждать, что штемпель PA1.1 со сложным картушем из 8 дуг со всей вероятностью эксплуатировался раньше других. Латинская легенда на нем пока не реконструирована, можно высказать осторожное предположение, что она отличается от традиционного для этой группы монет формуляра «COMVNEIANVEIN». Штемпели PA1.2 и PA2.1, PA2.2 как думается, были изготовлены позже. Легенда на штемпеле PA1.2 также не восстановлена, авторы склоняются к мысли, что там написан приведенный выше латинский текст.

Известны весовые характеристики 37 экз. аспров Бек-Суфи. Весовая гистограмма аспров приведена на рис. 17.

Проведенные подсчеты позволили определить средний вес: 0,88 г и модальный вес аспров Бек-Суфи в двух точках: 0,88 г и 0,9 г.

Медные монеты времени правления хана Бек-Суфи

Именные медные монеты хана Бек-Суфи не известны. Однако существует тип крымских пулов, датированный 823 г.х. (т.е. временем правления Бек-Суфи). Несмотря на его анонимность (фактически выводящую эту группу монет за пределы предмета данного исследования), авторы решили не обойти вниманием и эти пулы — ниже они приведены, однако, лишь как нумизматический факт, цель анализа метрологии и хронологии эмиссии не ставилась.

В 2000 г. В.П. Лебедев опубликовал прорисовку такого пула (Лебедев 2000: 13, рис. 6: *м53*), привел перевод монетных легенд типа (Лебедев 2000: 14). Валентин Петрович отнес выпуск этих монет ко времени Бек-Суфи и отметил, что ему «известен экземпляр с другими картушами обеих сторон» (Лебедев 2000: 14).

Два года спустя нумизмат опубликовал графические реконструкции оттисков уже двух штемпельных пар, которыми чеканились эти пулы (Лебедев 2002: 146, рис. 3: *м33а, м33б*), выделил два их варианта «по картушу» (Лебедев 2002: 148).

В 2013 г. Р.Ю. Савоста издал прорисовки трех штемпельных пар этой эмиссии (Савоста 2013: 26, рис. 70.1, 70.2, 70.3).

На рис. 18 приведены графические реконструкции оттисков пяти штемельных пар, которыми бились пулы 823 г.х. (три лицевых и три оборотных штемпеля).

На рис 19. воспроизведены фотоизображения медных монет, отчеканенных штемпельными парами № 1 и 5.

Монетные легенды анонимных пулов могут быть реконструированы и переведены следующим образом.

Л.с.: ضرب/قيريم — «Чекан Крыма».
О.с.: سنة/ثلاث عشر/ين وثمان/مائة — «Года/три двадца/ть и восемь/сот».

Завершив рассмотрение основных проблемных вопросов статьи, подведем основные итоги.

1. Были выявлены 20 лицевых штемпелей (не включая перерезанные штемпели А1.1п и А7.1п) и 49 оборотных, применяемых при изготовлении серебряных дангов Бек-Суфи;

2. Базируясь на распределении штемпельных пар по годам с учетом объема эмиссии можно выделить периоды максимально активной деятельности монетного двора: начало 822, середина 822 и середина 823 гг.х.;

3. На основе анализа нузматического материала было высказано предположение, что оборотные штемпели монет хана Дервиша с вырезанным на них именем эмира Идегея использовались в начале царствования Бек-Суфи для чеканки его монет. На вновь изготовленных штемпелях Бек-Суфи это имя отсутствует. Исходя из существования штемпельной пары ШП16, на реверсе которой надежно читается титул и имя Идегея, а на аверсе титулы и имя Бек-Суфи, нельзя делать сколько-нибудь серьезных выводов о политических отношениях между Идегеем и Бек-Суфи;

4. Титул «султан сын султана», размещенный на крымских монетах Дервиша и Бек-Суфи, по мнению авторов, не может быть интерпретирован как свидетельство их политической зависимости от какого-то другого суверена. Можно допустить, что, напротив, этот титул был призван декларировать их высокий политический статус, ничем не уступающий рангу их южных соседей;

5. Средний вес изученных дангов Бек-Суфи составил 0,84 г (по 431 экз.), средняя проба равна 870 (по 23 монетам);

6. Из 604 изученных дангов Бек-Суфи каждая 8 монета имеет надчекан (литовскую Колюмну или генуэзский надчекан «g»): 29 с надчеканом «g» (Зайончковский, Пономарев 2013); 46 с надчеканом Колюмна; 3 с надчеканом Колюмна и «g»; 525 без надчекана;

7. Аспры с именем хана Бек-Суфи, изученные авторами, были отчеканены 13 штемпельными парами. Всего эксплуатировалось 7 лицевых штемпелей и 5 оборотных. Средний вес этих монет составил 0,88 г.

Авторы рассматривают публикуемую статью лишь как один из необходимых шагов для изучения нумизматических памятников периода правления хана Бек-Суфи и их адекватной интерпретации. Они планируют продолжить исследование в ближайшее время.

Литература

Беспалов Р.А. 2013. Литовско-ордынские отношения 1419—1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства. *МАИАСП* 5, 30—2.

Веселовский Н.И. 1922. *Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время*. Петроград: Российская Государственная Академическая Типография.

Гончаров Е.Ю. 2015. Тамги эмиров на пулах Улуса Джучидов, XIV—XV вв. (Постановка вопроса). В: Захаров Е.В. (ред.). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Москва, 30 ноября — 1 декабря 2015 г. Материалы докладов и сообщений*. Москва: ГИМ, 93—97.

Гулевич В.П. 2013. Северное Причерноморье в 1400—1442 гг. и возникновение Крымского ханства. *ЗО* 1, 110—146.

Гулевич В.П. 2014. Крым и «Императоры Солхата» в 1400—1430 гг.: хронология правления и статус правителей. *ЗО* 6, 166—197.

Гулевич В.П. 2018. *От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399—1502 гг*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Евдокимов В.Н. 2002. *Нумизматика генуэзской Каффы*. [Toronto: б.и.].

Зайончковский Ю.В. 2015. О мулах джучидских дангов XV века. В: Захаров Е.В. (ред.). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года. Москва, 30 ноября — 1 декабря 2015 г. Материалы докладов и сообщений*. Москва: ГИМ, 97—101.

Зайончковский Ю.В. 2017. Данги джучидского хана Тимура с обозначением места чеканки Крым. *Stratum plus* 6, 191—194.

Зайончковский Ю.В., Леонов Б.И. 2016. Хан Мухаммад Тюляк по нумизматическим источникам. *Stratum plus* 6, 269—278.

Зайончковский Ю.В., Пономарев А.Л. 2013. Генуэзская надчеканка «законный» на дангах Золотой Орды и Крыма. В: Волков И.В. (ред.). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2013 года. Москва, 19-20 ноября 2013 г. Материалы докладов и сообщений*. Москва: Триумф принт, 70—76.

Зайончковский Ю.В., Шапошник В.Г., Воронянский А.В. 2018. Нестандартный монетный формуляр джучидских дангов XV века. *Stratum plus* 6, 185—196.

Кочнев Б.Д. 1996. Монетное дело в государстве амира Темура и Темуридов. *Общественные науки в Узбекистане* 7—10, 75—82.

Лебедев В.П. 2000. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды. III. Монеты времени Токтамыша, его соперников и преемников (1375—1430). *Нумізматика і фалеристика. International Coin Trend Magazine* 3, 10—15.

Лебедев В.П. 2002. К нумизматике Крыма золотоордынского периода («Да хранится Крым от бедствий», монеты конца 14 — начала 15 веков). *Нумизматический сборник Московского нумизматического общества* 9, 139—149.

Лебедев В.П. 2013. Клад надчеканенных пулов из Восточного Крыма. В: Хромов К.К. (ред.). *Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций*. Ч. 3. Киев: Логос, 45—50.

Лебедев В.П., Ситник В.Г. 2012. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария). *МИАСП* 13, 192—210.

Марков А.К. 1906. *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Дополнение четвертое*. Санкт-Петербург: [б.и.].

Парунин А.В. 2016. «Император Солкатский» Бек-Суфи. *Исторический формат* 4, 159—168.

Парунин А.В. 2019. Политическая история Золотой Орды в 1419—1427 гг. *ЗО* 7, 434—460.

Пономарев А.Л. 2013а. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Кафы. *ЗО* 2, 58—190.

Пономарев А.Л. 2013b. Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и лже-Едигей. В: Волков И.В. (ред.). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2013 года. Москва, 19-20 ноября 2013 г. Материалы докладов и сообщений*. Москва: Триумф принт, 76—84.

Рева Р.Ю. 2015. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников. *Нумизматика Золотой Орды* 5, 80—104.

Рева Р.Ю. 2016. Борьба за власть в первой половине XV в. В: Миргалеев И., Хаутала Р. (ред.). *Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 704—729.

Рева Р.Ю., Леонов Б.И. 2018. Бикбазарская монета с именем Идегея и вопрос о локализации монетного двора «Бик-Базар». В: Захаров Е.В. (ред.). *Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. Москва, 27-28 ноября 2018 г. Материалы докладов и сообщений*. Москва: ГИМ, 78—83.

Ретовский О.Ф. 1897. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. *ИТУАК* 27, 49—104.

Ретовский О.Ф. 1906. Генуэзско-татарские монеты. *ИИАК* 18, 1—72.

Ретовский О.Ф. 1914. Новые генуэзско-татарские монеты. *ИИАК* 51, 1—16.

Сабитов Ж.М. 2009. Золотоордынский клан Бек-Суфи: история и вопросы генеалогии. В: Миргалеев И.М. (ред.). *Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII—XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сборник статей*. Вып. 1. Казань: Фэн, 180—182.

Сабитов Ж.М. 2014. К вопросу о генеалогии золотоордынского хана Бек-Суфи В: Смолій В. (ред.). *Крим від античності до сьогодення: Історичні студії*. Київ: Інститут історії України НАН України, 63—74.

Савоста Р.Ю. 2013. *Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи. Каталог*. Луганск: ООО ПЦ Максим.

Савоста Р.Ю. 2016. *Каталог азакских дангов XV века. Серебряные монеты Золотой Орды*. Николаев: Шамрай П.М.

Северова М.Б. 1994. Об имени золотоордынского хана на монетах Крыма 822 и 823 гг. хиджры (1419, 1420 гг. н.э.). В: *Вторая Всероссийская Нумизматическая конференция. 6-8 апреля 1994 г. Тезисы докладов*. Санкт-Петербург: ГЭ, 98—100.

Сидоренко В.А. 2016. *Монетная чеканка Крымского ханства (1442—1475 гг.)*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Хромов К.К. 2002. О правлении джучидских ханов в Крыму в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным. Полный текст доклада на X Всероссийской нумизматический конференции в Пскове в апреле 2002 года. URL: https://www.academia.edu/8964883/By_the_reign_of_Mongol_khans_in_the_Crimea_in_1419-1422_AD_for_numismatic_data_10_VNC_Pskov_15_20.04_2002_Moscow_2002._P. 92-94_ (дата обращения 01.12.2020).

Хромов К.К. 2006. Правления ханов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419—1422 гг. по нумизматическим данным. *Історико-географічні дослідження в Україні* 9, 366—372.

Хромов К.К. 2013a. К вопросу о монетном деле «императоров Солхата» в 20-е годы XV века. *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць* 22—23, 443—461.

Хромов К.К. 2013b. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма). В: Степаненко В.П., Юрченко А.Г. (сост.). *От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи*. Москва: Издательский дом Марджани, 378—416.

Хромов К.К. 2016. Крымские данги Дервиша и Бек-Суфи с титулами «султан, сын султана»: нумизматический аспект. В: Алексеенко Н.А. (ред.). *IV Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». Севастополь 4-8 сентября 2016 г. Материалы научной конференции*. Севастополь: НЗХТ, 103—108.

Янина С.А. 1971. Золотые анонимные монеты Хорезма 60—70-х гг. XIV в. в собрании Государственного исторического музея. В: Янин В.Л. (ред.). *Государственный исторический музей. Нумизматический сборник*. Ч. 4. Вып. 3. Москва: ГИМ, 25—76.

Album Stephen. 1977. *Marsden's Numismata Orientalia Illustrata. Additional Illustrations by Irene Fraley Preston*. New York: Attic Books.

Lunardi G. 1980. *Le monete delle colonie genovesi*. Genova: Società ligure di storia patria.

Mitchiner M. 1977. *Oriental Coins and their Values: The World of Islam*. London: Hawkins Publications.

References

Bespalov, R.A. 2013. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 5, 30—2 (in Russian).

Veselovskiy, N.I. 1922. *Han iz temnikov Zolotoy Ordy Nogay i ego vremya (Khan from Generals of the Golden Horde Nogai and his time)*. Petrograd: Rossiyskaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya (in Russian).

Goncharov, E.Yu. 2015. In: Zakharov, E.V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2015 goda. Moskva, 30 noyabrya — 1 dekabrya 2015 g. Materialy dokladov i soobshcheniy (Numismatic readings of the State Historical Museum 2015. Moscow, November 30 — December 1, 2015. Materials of reports and communications)*. Moscow: GIM, 93—97 (in Russian).

Gulevich, V.P. 2013. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 1, 110—146 (in Russian).

Gulevich, V.P. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 6, 166—197 (in Russian).

Gulevich, V.P. 2018. *Ot ordynskogo Ulusa k hanstvu Gireev: Krym v 1399—1502 gg. (From The Horde's Ulus to the Girays' Khanate: Crimea in 1399—1502)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT (in Russian).

Evdokimov, V.N. 2002. *Numizmatika genujezskoy Kaffy (Numismatics of Genoese Kaffa)*. [Toronro: s.n.] (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V. 2015. In: Zakharov, E.V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2015 goda. Moskva, 30 noyabrya — 1 dekabrya 2015 g. Materialy dokladov i soobshcheniy (Numismatic readings of the State Historical Museum 2015. Moscow, November 30 — December 1, 2015. Materials of reports and communications)*. Moscow: GIM, 97—101 (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V. 2017. In *Stratum plus* 6, 191—194 (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V., Leonov, B.I. 2016. In *Stratum plus* 6, 269—278 (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V., Ponomaryov, A.L. 2013. In: Volkov, I.V. (ed.). *Numizmaticheskiye chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2013 goda. Moskva, 19-20 noyabrya 2013 g. Materialy dokladov i soobshcheniy (Numismatic readings of the State Historical Museum 2013. Moscow, 19-20 November, 2013. Materials of reports and communications)*. Moscow: Triumf print, 70—76 (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V., Shaposhnik, V.G., Voronyanskiy, A.V. 2018. In *Stratum plus* 6, 185—196 (in Russian).

Kochnev, B.D. 1996. In *Obshhestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* 7—10, 75—82 (in Russian).

Lebedev, V.P. 2000. In *Numizmatika i faleristika. International Coin Trend Magazine (Numismatics and Phaleristics. International Coin Trend Magazine)* 3, 10—15 (in Russian).

Lebedev, V.P. 2002. In *Numizmaticheskiy sbornik Moskovskogo numizmaticheskogo obshhestva (Numismatic Proceedings of the Moscow Numismatic Society)* 9, 139—149 (in Russian).

Lebedev, V.P. 2013. In: Khromov, K.K. (ed.). *Vostochnaya numizmatika v Ukraine. Sbornik publikaciy (Eastern numismatics in Ukraine. Collection of publications)*. Pt. 3. Kyiv: Logos, 45—50 (in Russian).

Lebedev, V.P., Sitnik, V.G. 2012. In *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza (Materials and research on the archeology of the North Caucasus)* 13, 192—210 (in Russian).

Markov, A.K. 1896. *Inventarnyy katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha. Dopolneniye chetvertoye (Inventory Catalogue of Muslim coins of the Imperial Hermitage. Supplement four)*. Saint Petersburg: [s.n.] (in Russian).

Parunin, A.V. 2016. In *Istoricheskiy format (Historical Format)* 4, 159—168 (in Russian).

Parunin, A.V. 2019. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 7, 434—460 (in Russian).

Ponomaryov, A.L. 2013a. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 2, 58—190 (in Russian).

Ponomaryov, A.L. 2013b. In: Volkov, I.V. (ed.). *Numizmaticheskiye chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2013 goda. Moskva, 19-20 noyabrya 2013 g. Materialy dokladov i soobshcheniy (Numismatic readings of the State Historical Museum 2013. Moscow, 19-20 November, 2013. Materials of reports and communications)*. Moscow: Triumf print, 76—84 (in Russian).

Reva, R.Yu. 2015. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Numismatics of The Golden Horde)* 5, 80—104 (in Russian).

Reva, R.Yu. 2016. In: Mirgaleev, I., Khautala, R. (eds.). *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya (The Golden Horde in World History. Collective monograph)*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 704—729 (in Russian).

Reva, R.Yu., Leonov, B.I. 2018. In: Zakharov, E.V. (ed.). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2018 goda. Moskva, 27-28 noyabrya 2018 g. Materialy dokladov i soobshcheniy.*

(Numismatic readings of the State Historical Museum 2018. Moscow, November 27-28, 2018. Materials of reports and communications). Moscow: GIM, 78—83 (in Russian).

Retovskiy, O.F. 1897. In *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii (Proceedings of the Taurian Scientific Archival Commission)* 27, 49—104 (in Russian).

Retovskiy, O.F. 1906. In *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 18, 1—72 (in Russian).

Retovskiy, O.F. 1914. In *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 51, 1—16 (in Russian).

Sabitov, Zh.M. 2009. In: Mirgaleyev, I.M. (ed.). *Zolotoordynskoye naslediye. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII—XV vv.)". 17 marta 2009 g. Sbornik statey (Golden Horde Heritage. Materials of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th — 15th centuries)". March 17, 2009. Collection of articles)*. Iss. 1. Kazan: Fen, 180—182 (in Russian).

Sabitov, Zh.M. 2014. In: Smoliy, V. (ed.). *Krym vid antychnosti do s'ohodennya: Istorychni studiyi (Crimea from Antiquity to the Present: Historical Studies)*. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny, 63—74 (in Russian).

Savosta, R.Yu. 2013. *Mednye monety Zolotoy Ordy. Zapadnaya chast' Ulusa Dzhuchi. Katalog (Copper coins of the Golden Horde. Western part of Juchi Ulus. Catalogue)*. Lugansk: OOO PC Maksim (in Russian).

Savosta, R.Yu. 2016. *Katalog azakskih dangov XV veka. Serebryanye monety Zolotoy Ordy (Catalogue of Azak dangs of the 15th century. Silver Coins of the Golden Horde)*. Nikolaev: Shamraj P.M. (in Russian).

Severova, M.B. 1994. In: *Vtoraya Vserossiyskaya Numizmaticheskaya konferentsiya. 6-8 aprelya 1994 g. Tezisy dokladov (Second All-Russian Numismatic Conference. April 6-8, 1994. Abstracts)*. Saint Petersburg: GE, 98—100 (in Russian).

Sidorenko, V.A. 2016. *Monetnaya chekanka Krymskogo hanstva 1442—1475 gg. (Coinage of the Crimean Khanate 1442—1475)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Khromov, K.K. 2002. About the Rule of the Juchid Khans in the Crimea in 1419—1422. according to Numismatic Data. Full Text of the Report at the 10th All-Russian Numismatic Conference in Pskov in April 2002. Available at: https://shhshhshh.academia.edu/8964883/By_the_reign_of_Mongol_khans_in_the_Crimea_in_1419-1422_AD_for_numismatic_data_10_VNC_Pskov_15_20.04_2002_Moscoshh_2002._P.92-94_ (accessed 01.12.2020).

Khromov, K.K. 2006. I*storyko-heohrafichni doslidzhennia v Ukraini (Historical and geographical research in Ukraine)* 9, 366—372 (in Russian).

Khromov, K.K. 2013a. In *Spetsialni istorychni dystsypliny: pytannia teorii ta metodyky. Zbirka naukovykh prats') (Special historical disciplines: questions of theory and methodology. Collection of Scientific Works)* 22—23, 443—461 (in Russian).

Khromov, K.K. 2013b. In: Stepanenko, V.P., Yurchenko, A.H. (eds.). *Ot Onona k Temze. Chingisidy i ih zapadnye sosedi (From Onon to the Thames. Chingissid and their Western Neighbors)*. Moscow: Mardzhani, 378—416 (in Russian).

Khromov, K.K. 2016. In: Alekseyenko, N.A. (ed.). *IV Mezhdunarodnyj numizmaticheskiy simpozium "PriPONTiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka". Sevastopol' 4-8 sentyabrya 2016. Materialy nauchnoy konferencii. (IV International Numismatic Symposium "Pontic Money-Changer: Money of the Local Market". Scientific Conference Materials)*. Sevastopol: NZHT, 103—108 (in Russian).

Yanina, S.A. 1971. In: Yanin, V.L. (ed.). *Gosudarstvennyi istoricheskiy muzey. Numizmaticheskiy sbornik (State Historical Museum. Numismatic Collection)*. Pt. 4. Iss. 3. Moscow: GIM, 25—76 (in Russian).

Album, Stephen. 1977. *Marsden's Numismata Orientalia Illustrata. Additional Illustrations by Irene Fraley Preston*. New York: Attic Books.

Lunardi, G. 1980. *Le monete delle colonie genovesi*. Genova: Società ligure di storia patria.

Mitchiner, M. 1977. *Oriental Coins and their Values: The World of Islam*. London: Hawkins Publications.

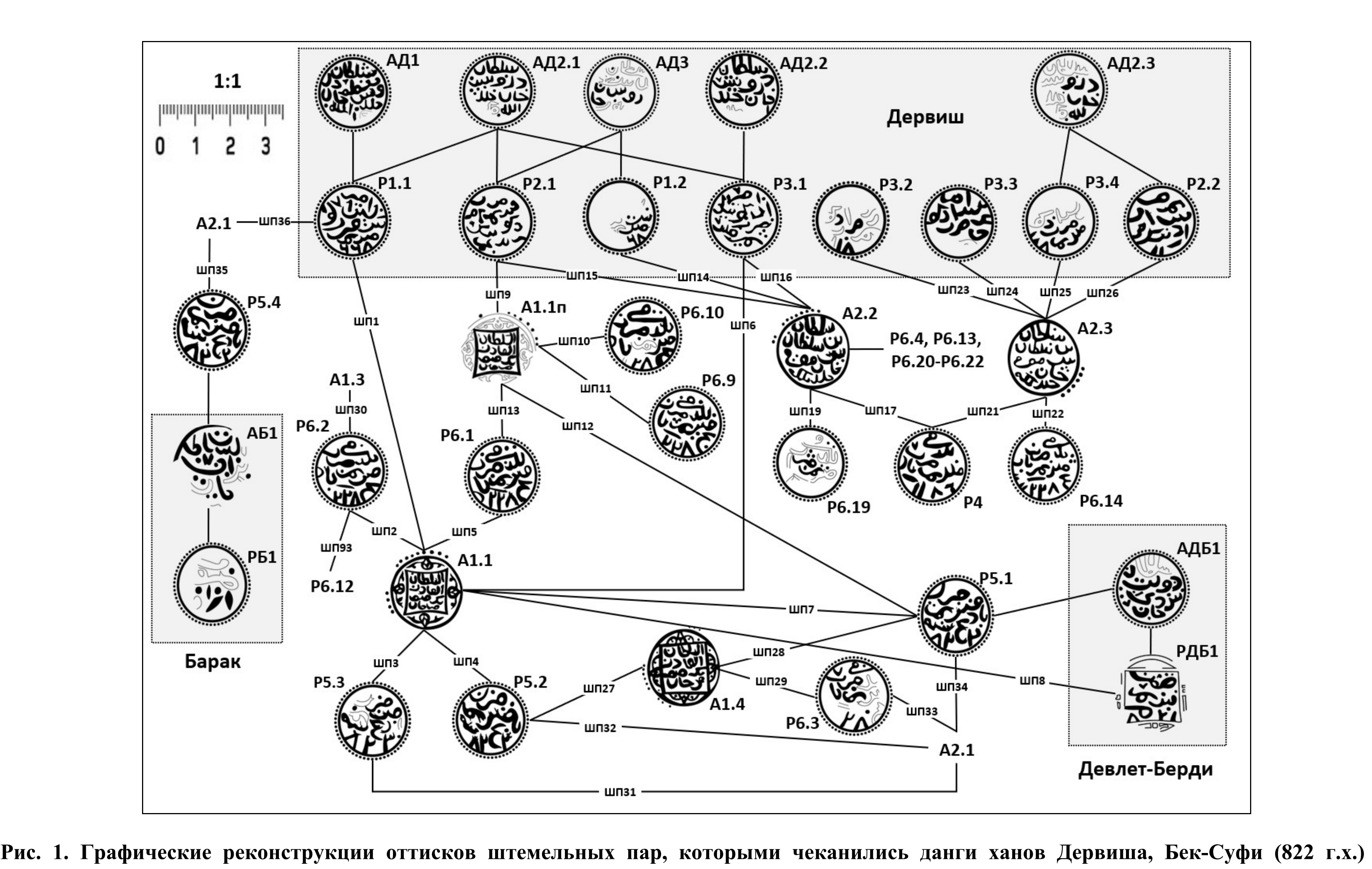

Рис. 1. Графические реконструкции оттисков штемельных пар, которыми чеканились данги ханов Дервиша, Бек-Суфи (822 г.х.) и Девлет-Берди с указанием установленных штемпельных связей.

F g. 1. Graphic Graphic reconstructions of imprints of stamp pairs, which minted the dangs of the khans of Dervish, Bek Sufi (822 AH) and Devlet Berdi, indicating the established stamp relations.

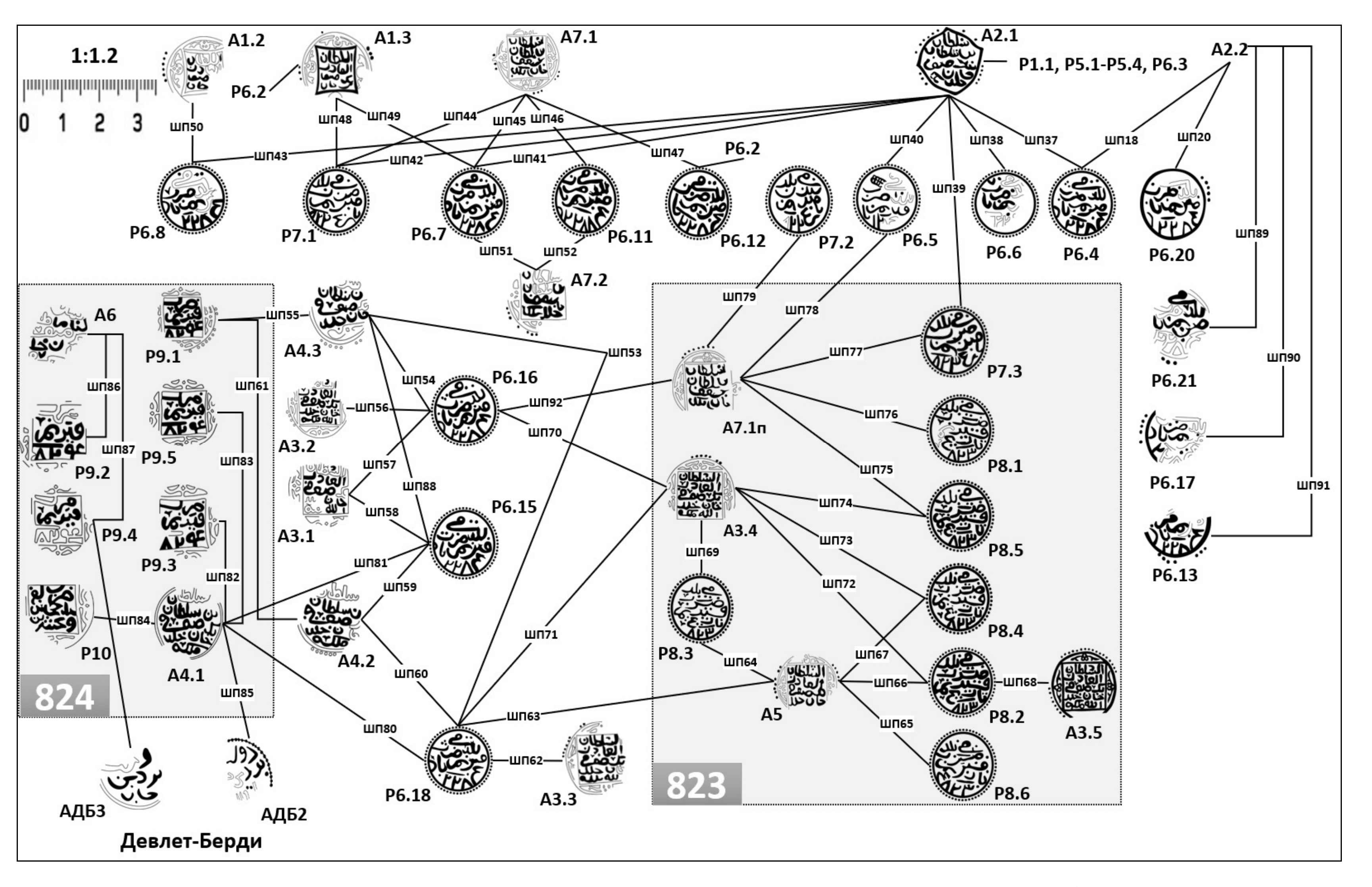

Рис. 2. Графические реконструкции оттисков штемельных пар, которыми чеканились данги ханов Бек-Суфи (822, 823 и 824 гг.х.) и Девлет-Берди с указанием установленных штемпельных связей.

Fig. 2. Graphic reconstructions of imprints of stamp pairs, which minted the dangs of the Bek Sufi khans (822, 823 and 824 AH) and Devlet Berdi, indicating the established stamp links.

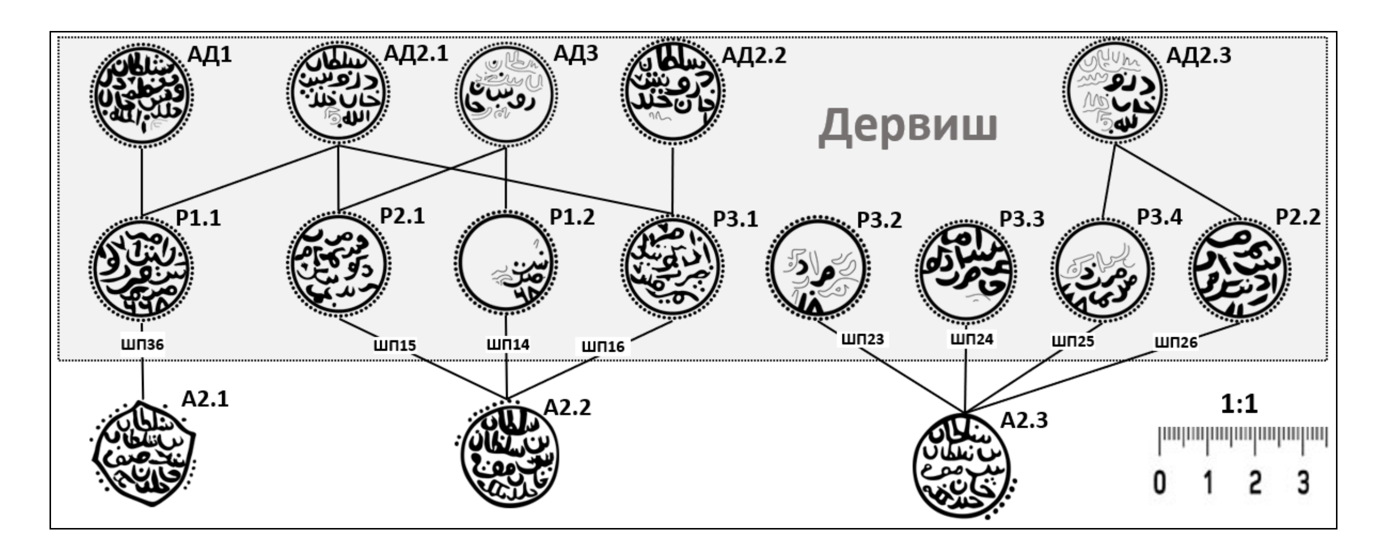

Рис. 3. Графические реконструкции оттисков штемпелей дангов ханов Дервиша и Бек-Суфи с указанием установленных штемпельных связей.

Fig. 3. Graphic reconstructions of the imprints of the dangs of the khans Dervish and Bek Sufi, indicating the established stamp links.

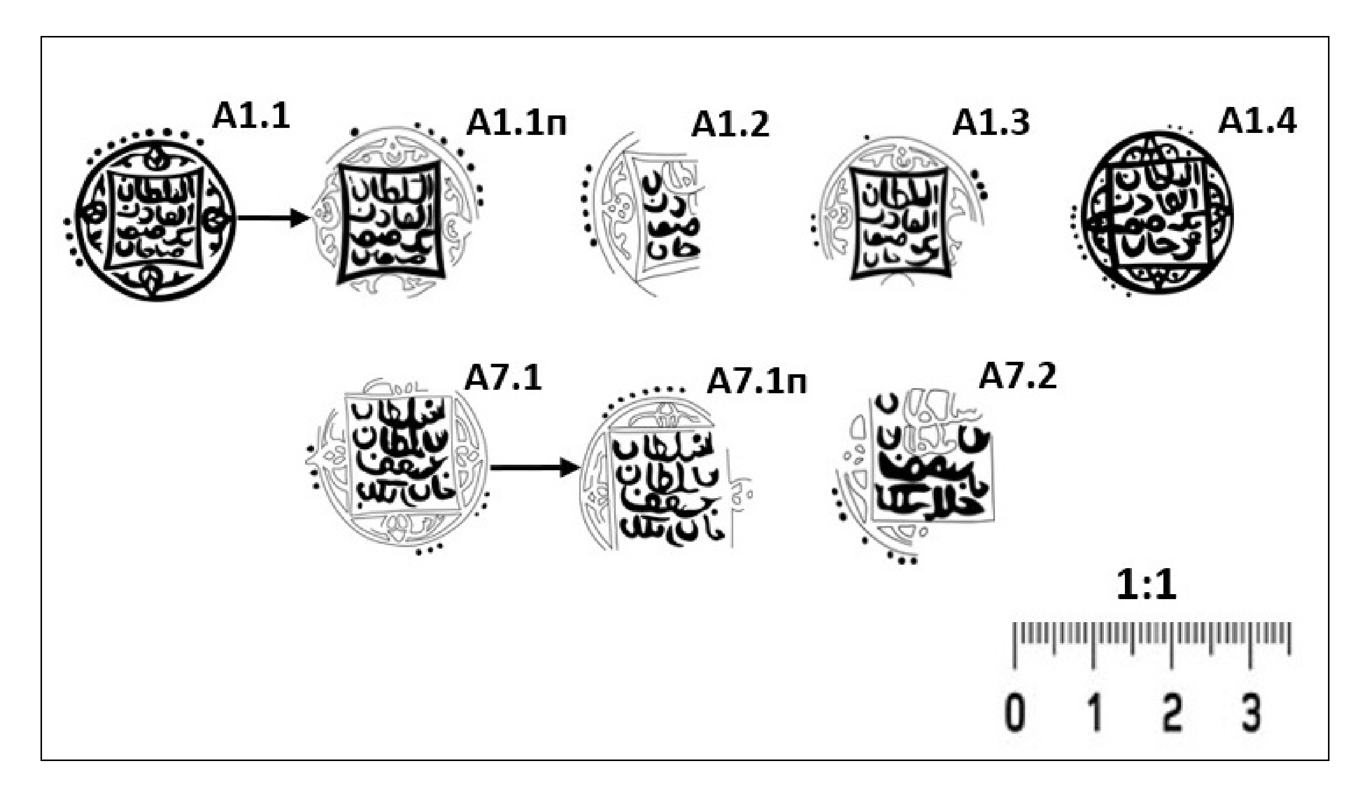

Рис. 4. Графические реконструкции оттисков лицевых штемпелей дангов хана Бек-Суфи групп А1 и А7.

Fig. 4. Graphic reconstructions of imprints of obverse dies of Beg Sufi dangs, groups A1 and A7.

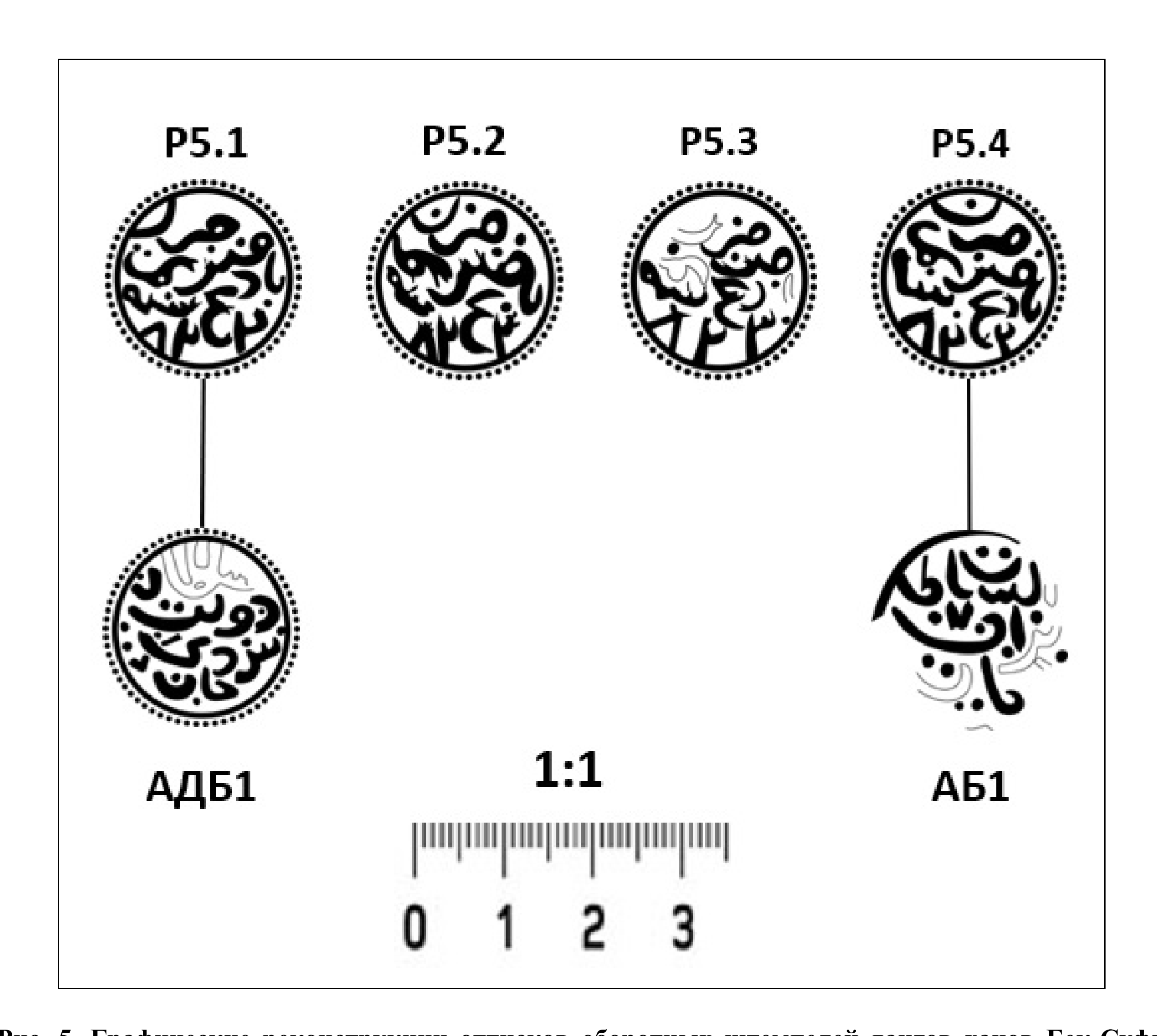

Рис. 5. Графические реконструкции оттисков оборотных штемпелей дангов ханов Бек-Суфи (группа Р5) и лицевых штемплей дангов Девлета-Берди и «Барака».

Fig. 5. Graphic reconstructions of imprints of reverse dies of Beg Sufi dangs (group P5) and obverse dies of silver coins of Dewlet Berdi and “Baraq”.

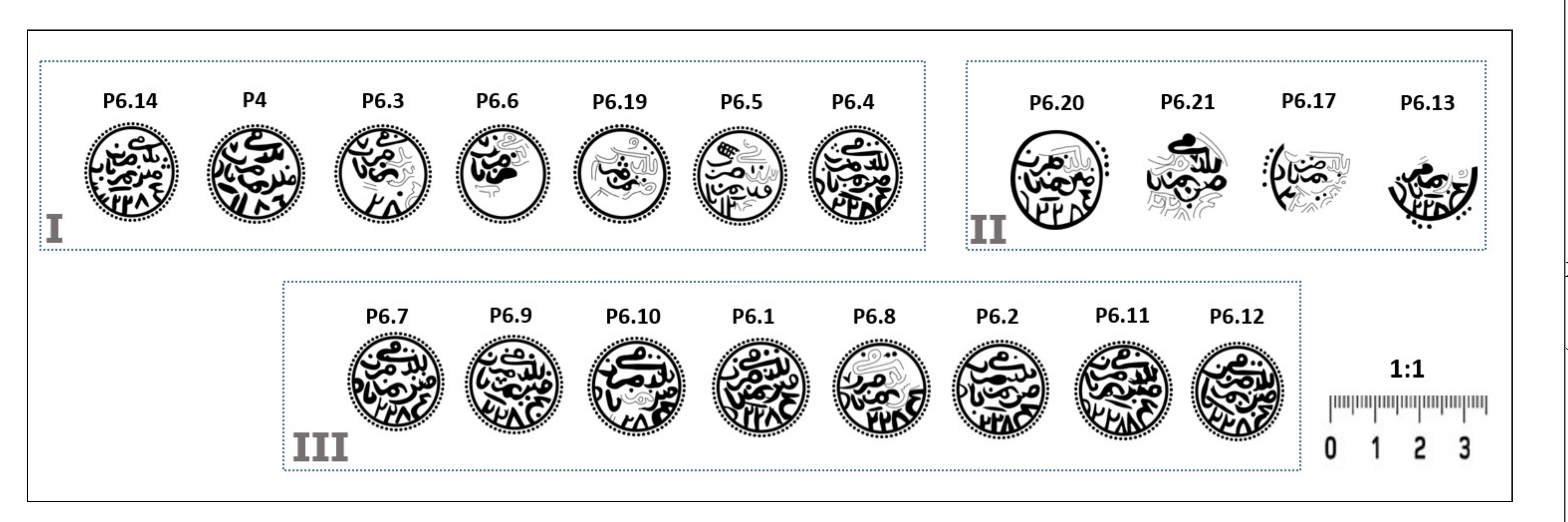

Рис. 6. Графические реконструкции оттисков оборотных штемпелей данга хана Бек-Суфи 822 г.х.

Fig. 6. Graphic reconstructions of imprints of reverse stamps of dang khan Bek Sufi 822 AH.

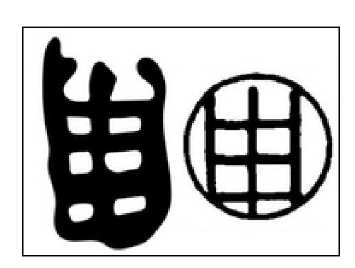

Рис. 7. Графические реконструкции символа на Р6.5 и надчекана «окно» (по Лебедев 2013: 46, рис. 2).

Fig. 7. Graphic reconstructions of the symbol on P6.5 reverse die and of countermark "window" (after Lebedev 2013: 46, fig. 2).

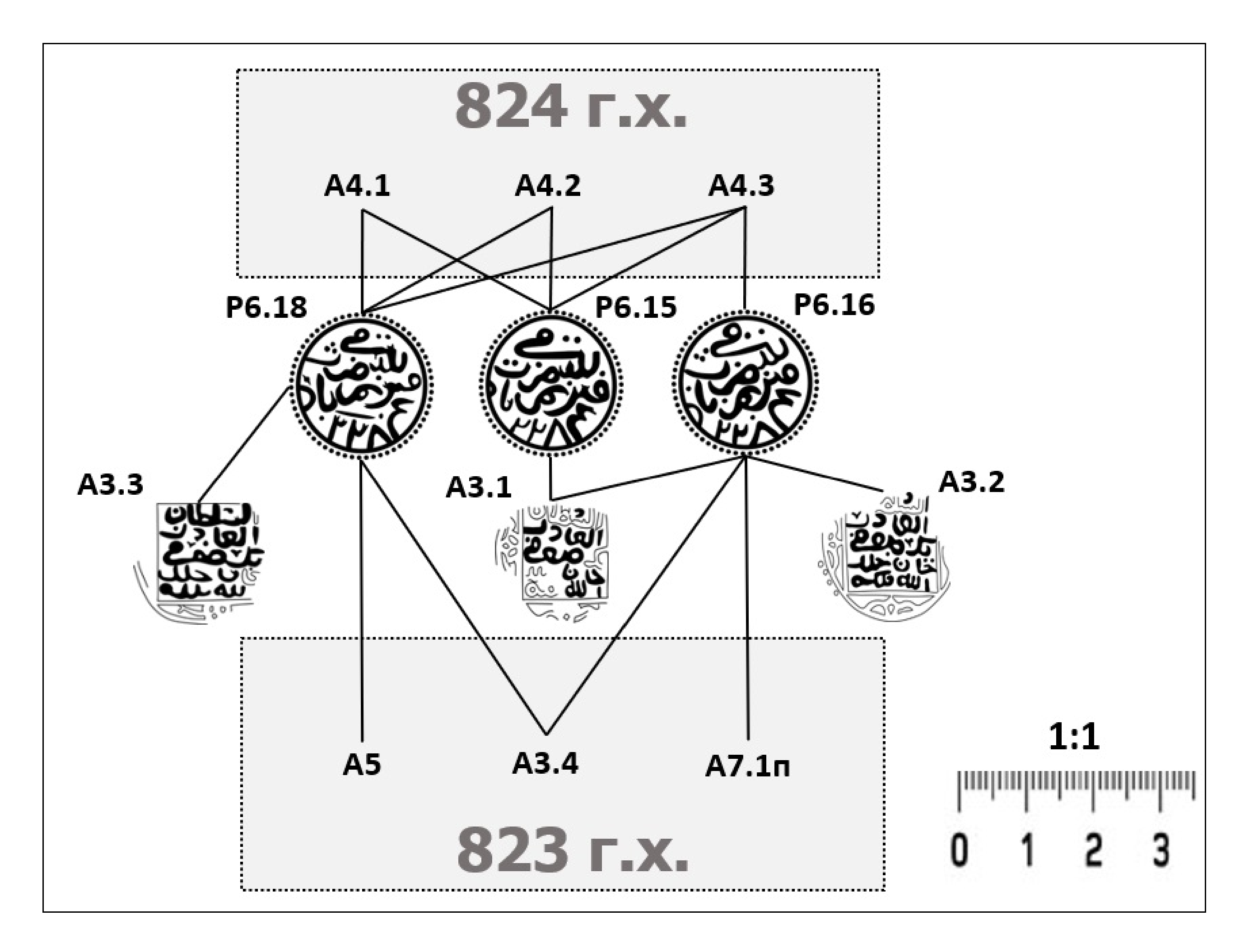

Рис. 8. Графические реконструкции оттисков оборотных штемпелей дангов группы Р6, датированные 822 г.х. с указанием штемпельных связей.

Fig. 8. Graphic reconstructions of the imprints of the reerse stamps of the dangs of the P6 group dated 822 AH with indication of stamp links.

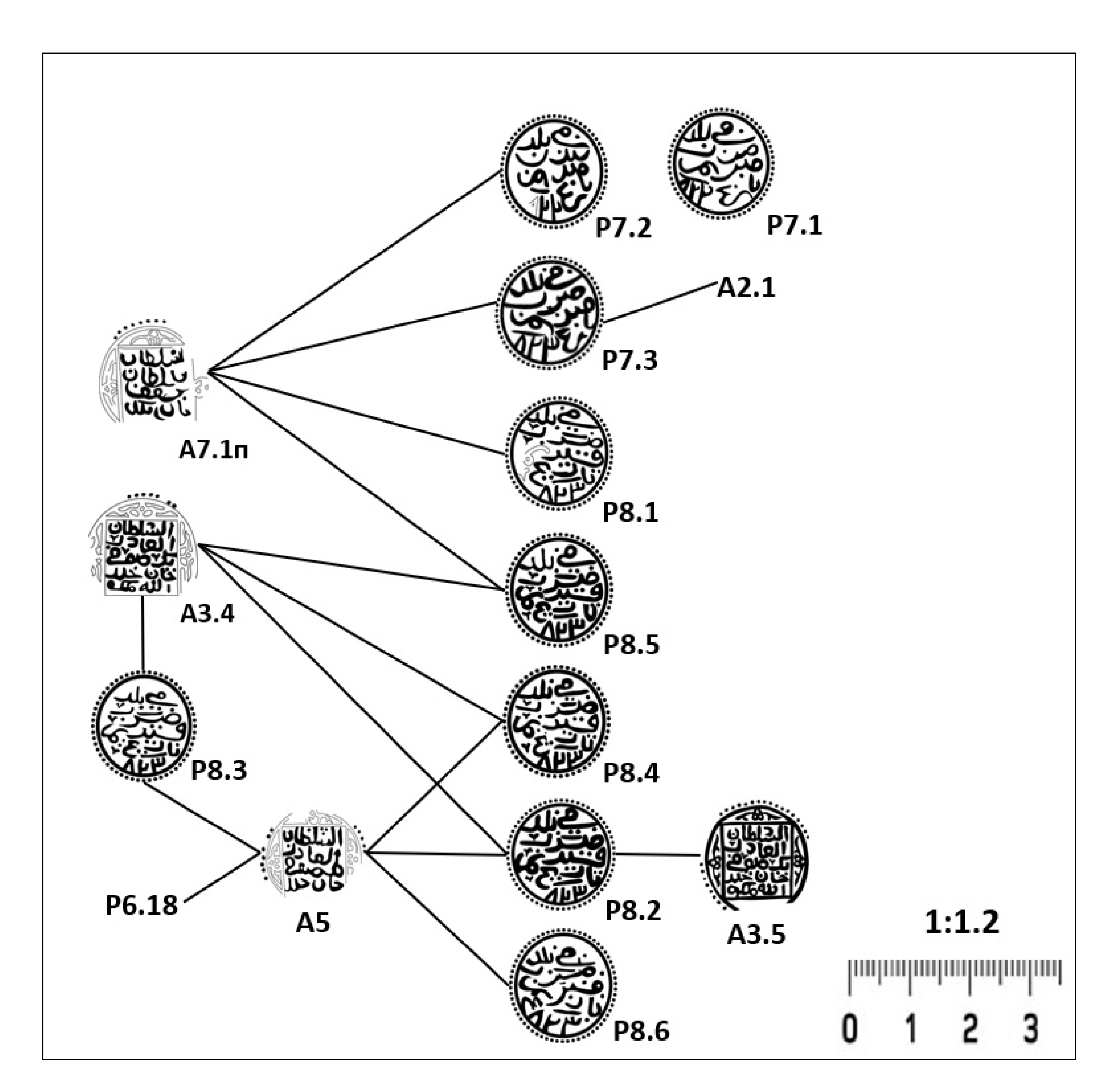

Рис. 9. Графические реконструкции оттисков оборотных штемпелей дангов Бек-Суфи 823 г.х. с указанием штемпельных связей.

Fig. 9. Graphic reconstructions of the Bek Sufi dang reverse stamps of 823 AH with indication of stamp links.

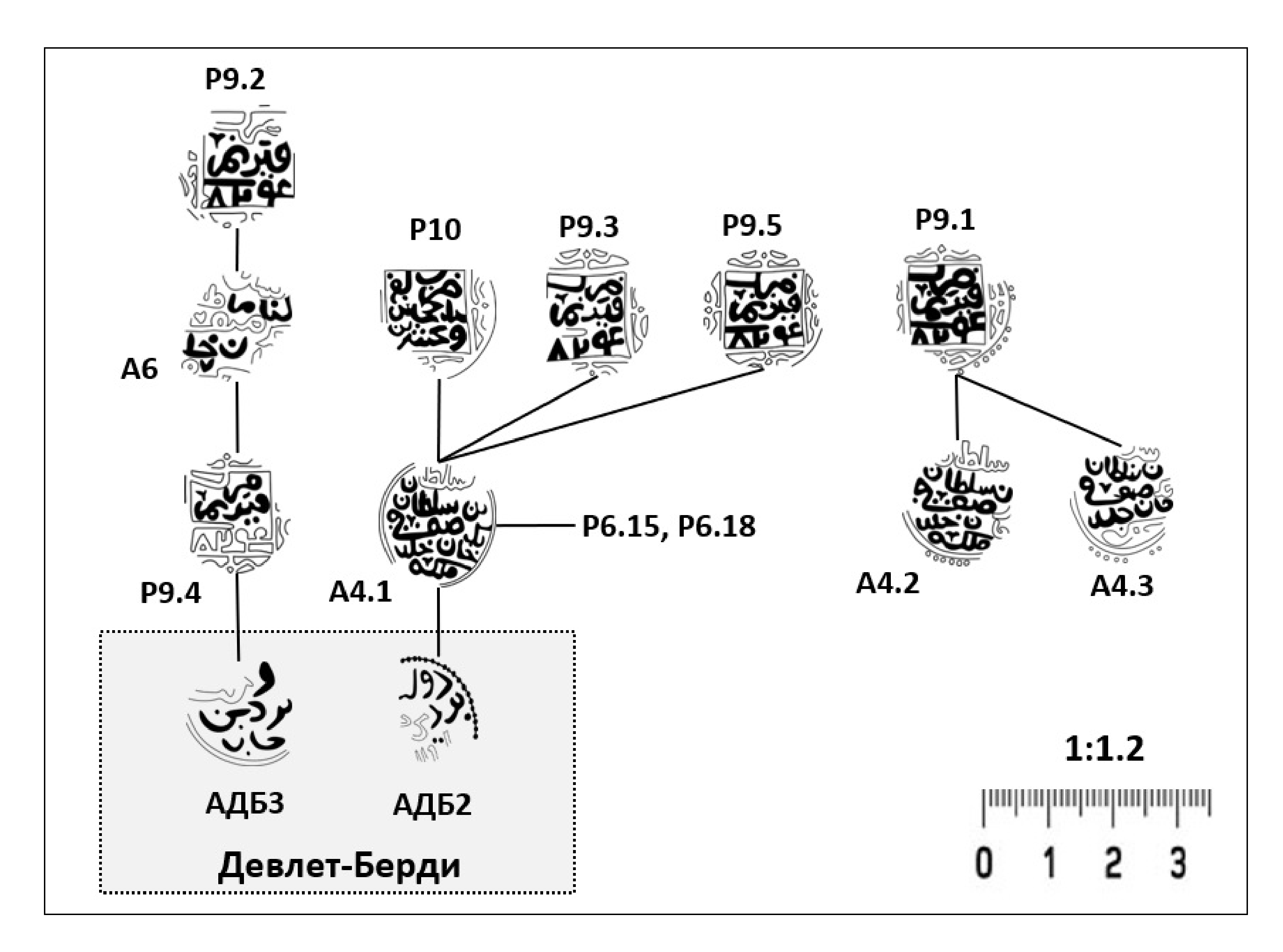

Рис. 10. Графические реконструкции оттисков штемпелей дангов, выбитых на завершающем этапе правления хана Бек-Суфи.

Fig. 10. Graphic reconstructions of imprints of dies of Beg Sufi dangs struck at the final stage of his reign.

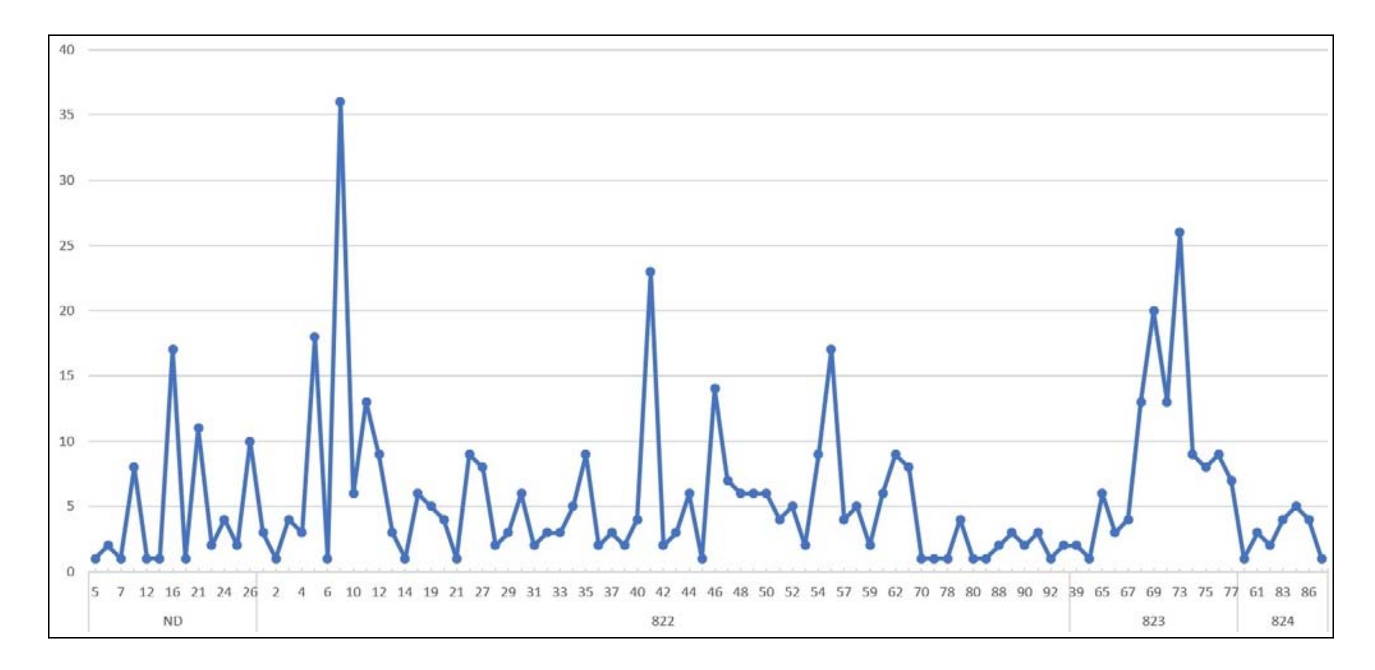

Рис 11. Распределение штемпельных пар по годам с учетом объема эмиссии.

Fig. 11. Distribution of die pairs by years taking into account the quantitative characteristics of coinage.

P8.2	P8.5	P8.3	P8.4	P8.1

Рис. 12. Графические реконструкции оттисков штемпелей P8.2, P8.5, P8.3, P8.4, P8.1.

Fig. 12. Graphic reconstructions of imprints of dies P8.2, P8.5, P8.3, P8.4, P8.1.

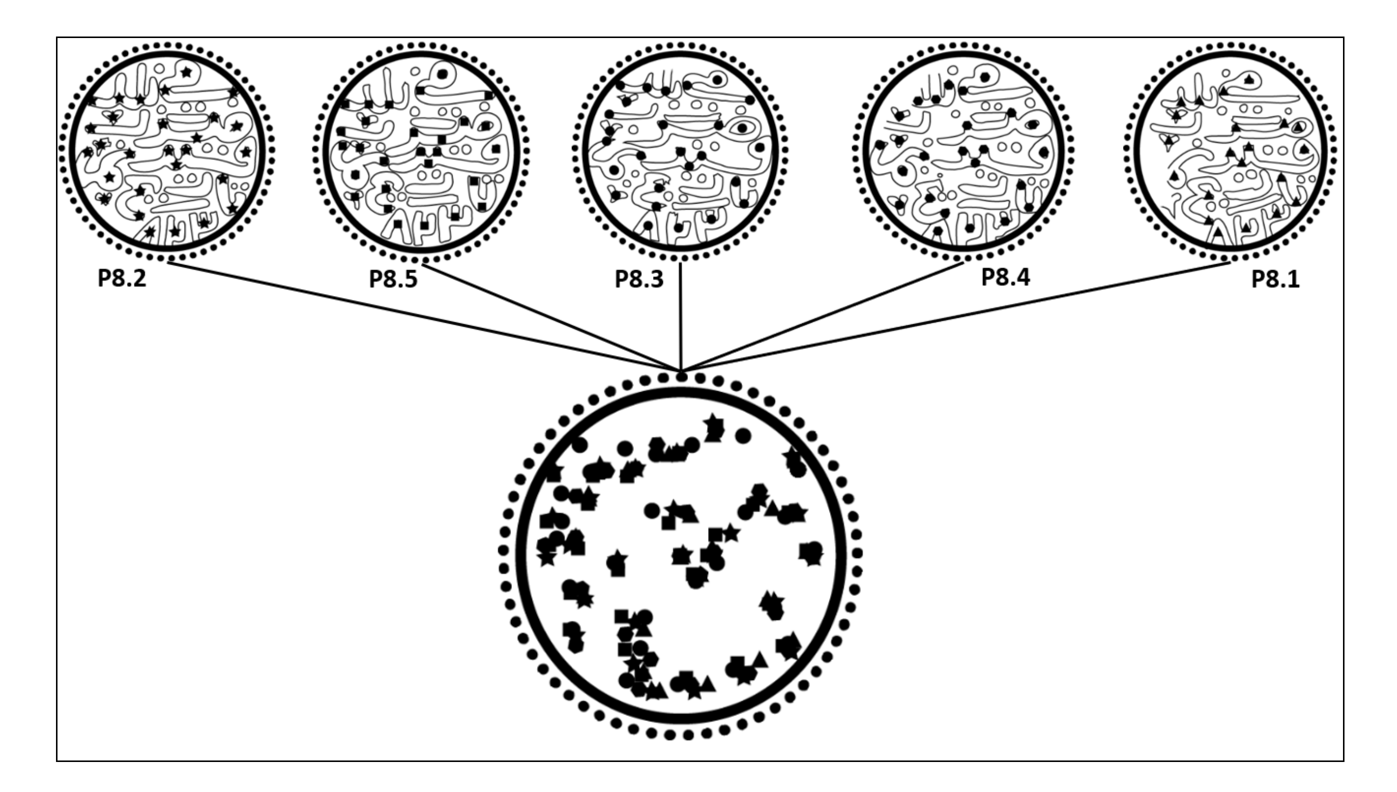

Рис. 13. Реперные точки на штемпелях Р8.2, Р8.5, Р8.3, Р8.4, Р8.1 и их расположение на совмещенном изображении

Fig. 13. Reference points on reverse dies P8.2, P8.5, P8.3, P8.4, P8.1 and their location on the combined image.

Рис. 14. «Гибридная» монета с аверсами дангов Тюляка и Токтамыша, 1,40 г.

Fig. 14. "Hybrid" coin with obverses of Tulak and Toqtamish dangs, 1.40 g.

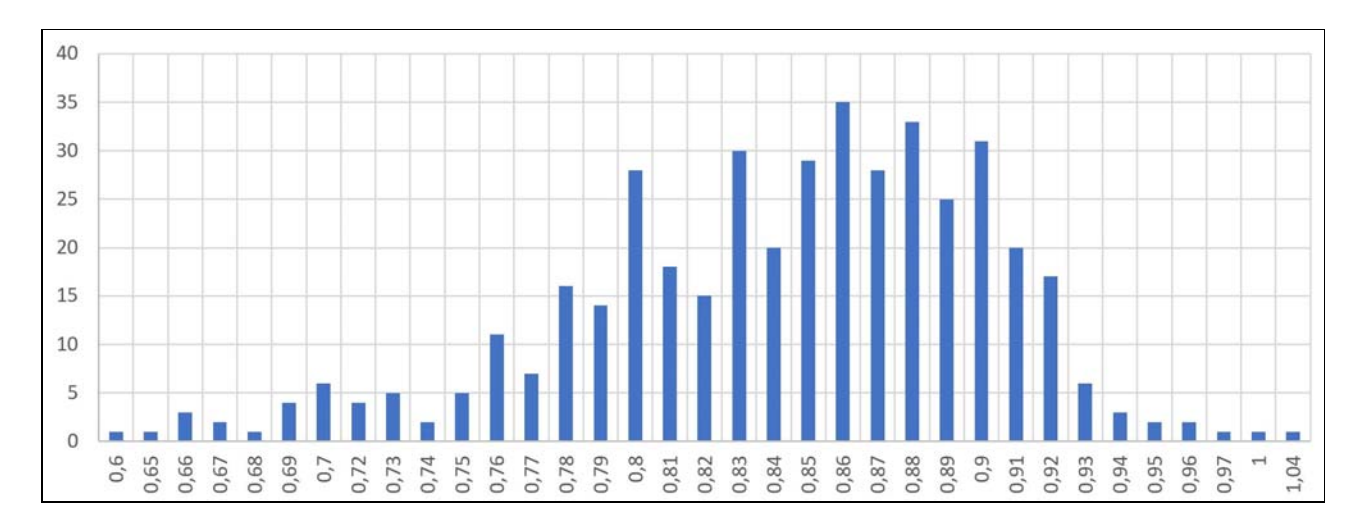

Рис. 15. Весовые характеристики дангов хана Бек-Суфи.

Fig. 15. Weight characteristics of dangs of Beg Sufi khan.

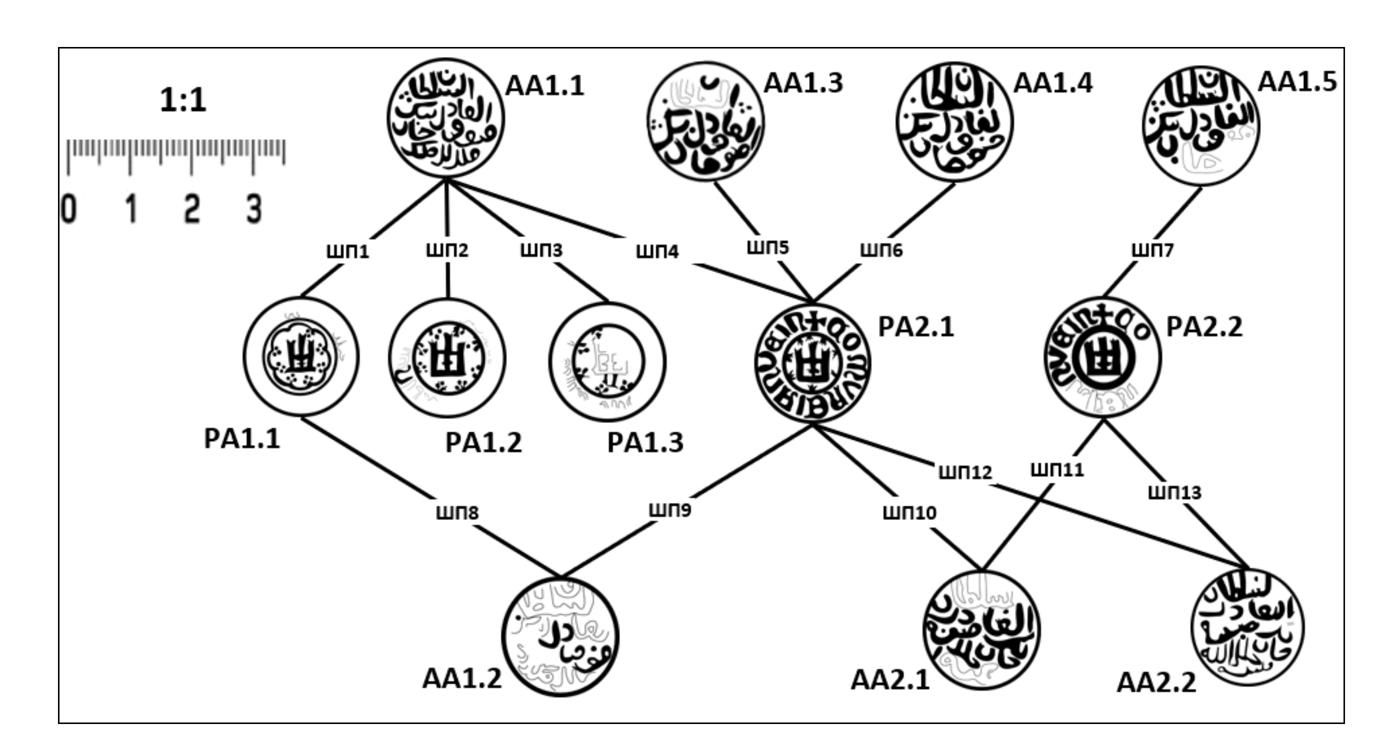

Рис. 16. Графические реконструкции оттисков штемельных пар, которыми чеканились аспры хана Бек-Суфи, с указанием установленных штемпельных связей.

Fig. 16. Graphic reconstructions of imprints of die pairs of Beg Sufi aspers and detected die connections.

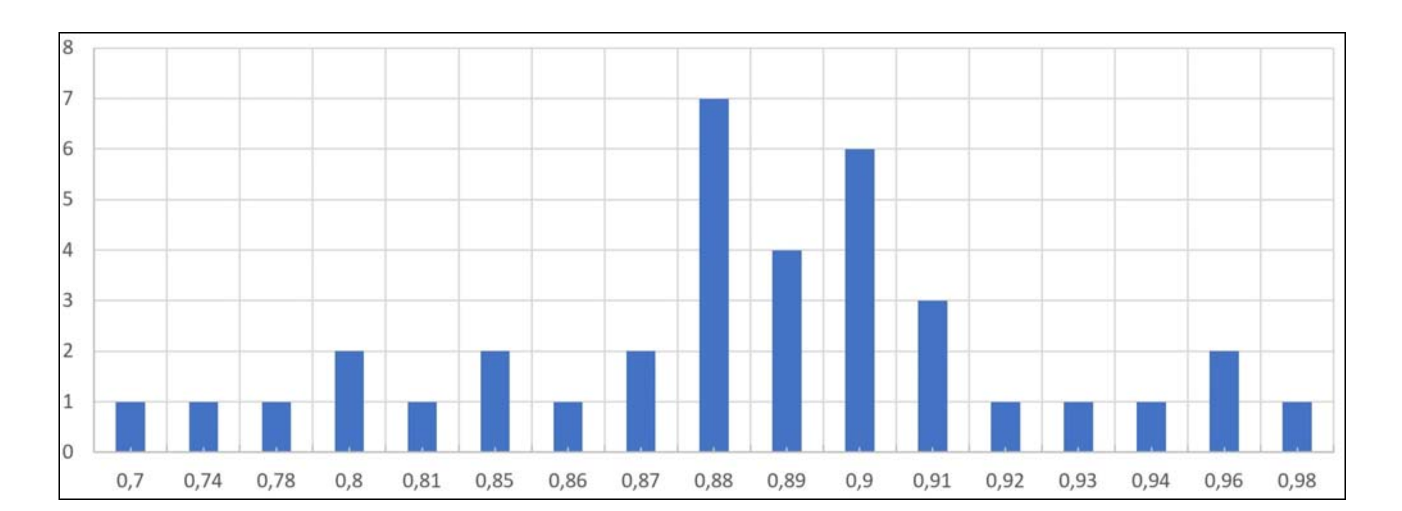

Рис. 17. Весовая гистограмма аспров хана Бек-Суфи.

Fig. 17. Weight characteristics of aspers of Beg Sufi khan.

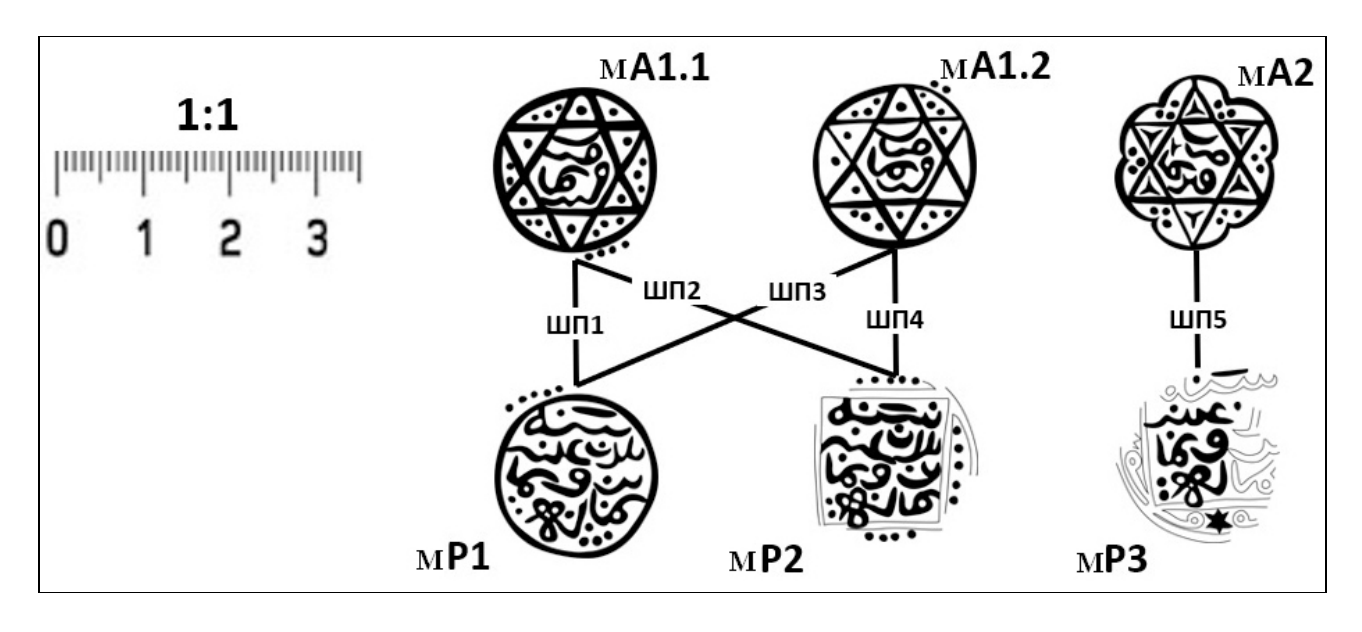

Рис 18. Графические реконструкции оттисков штемельных пар, которыми чеканились крымские пулы 823 г.х. с указанием установленных штемпельных связей.

Fig. 18. Graphic reconstructions of prints of stamp pairs that minted Crimean pools of 823 AH indicating the established stamp connections.

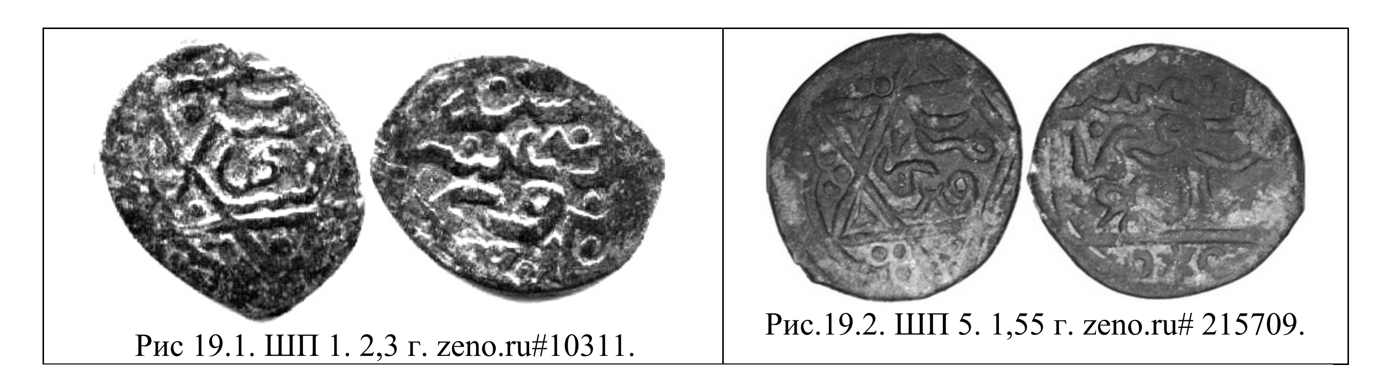

Рис 19.1. ШП 1. 2,3 г. zeno.ru#10311.

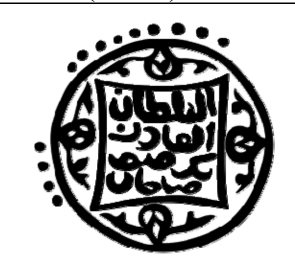
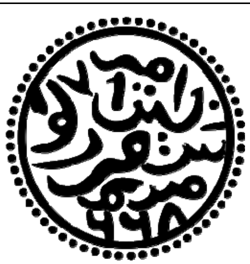
Рис.19.2. ШП 5. 1,55 г. zeno.ru# 215709.

Рис 19. Фотоизображения крымских анонимных пулов, датированных 823 г.х.

Fig. 19. Photos of Crimean anonymous puls dated 823 AH.

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи

Данги

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 1 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
A1.1/P1.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с: ضرب قيريم ... ٨٢٢ — «Чекан Крыма… 822».
А.Л. Пономарев предположил, что слова в верхних строках оборотной стороны означают «определение достоинства и качества новых дангов» (Пономарев 2013b: 84). По мнению авторов, приведены титул и имя «Идегей» с искажениями.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 2 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,76 г.</td><td>
A1.1/P6.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 3 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
A1.1/P5.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
На реверсе в нижних строках указаны место выпуска — «Чекан Крыма» и дата со стандартной для этой эмиссии фразой «летоисчисления год».
При чтении даты, указанной на Р5.3, нужно принять во внимание возможность проявления дефекта сильно изношенного штемпеля, стилистические особенности исполнения легенды и устойчивую связь с аверсом 822 г.х.</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 4 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,86 г.</td><td>
A1.1/P5.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: ضرب/قيريم/تا[ر]يخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 5 (18 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,88 г.</td><td>
A1.1/P6.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 6 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.902 г.</td><td>
A1.1/P3.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: امر/ادكوبيك/ضرب/قيريم — «Эмир / Идику-бек / чекан / Крыма».</td></tr>
</table>

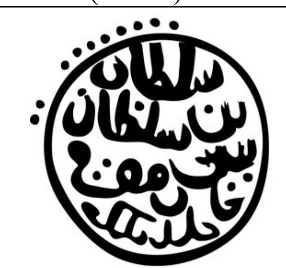
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 7 (37 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.81 г.</td><td>
А1.1/Р5.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: ضرب/قيريم/تاريخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 8 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
А1.1/РДБ1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
На реверсе в верхних строках указано место выпуска — «Чекан Крыма». В нижних строках приведена дата чеканки монеты с искажениями.
Анализ штемпельных связей с монетами Девлет-Берди предполагает отнесение данного штемпеля к 825 г.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 9 (8 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.88 г.</td><td>
А1.1п/Р2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
На реверсе указаны место выпуска — «Чекан Крыма», титул и имя «Идегей».
Нижняя строка пока не прочитана.</td></tr>
</table>

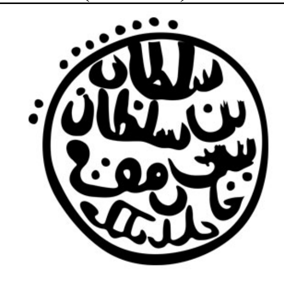
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 10 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.77 г.</td><td>
А1.1п/Р6.10</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 11 (13 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.90 г.</td><td>
А1.1п/Р6.9</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تا[ر]/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 12 (10 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.91 г.</td><td>
А1.1п/Р5.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: ضرب/قيريم/تاريخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
</table>

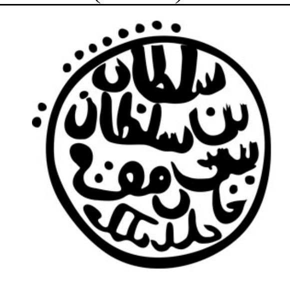
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 13 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,87 г.</td><td>
А1.1п/Р6.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-Су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 14 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
А2.2/Р1.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На обратной стороне указано место выпуска монеты — Крым. Представленный реверс является одним из вариантов исполнения штемпеля Р1.1.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 15 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
А2.2/Р2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указаны место выпуска — «Чекан Крыма», титул и имя «Идегей».
Нижняя строка пока не прочитана.</td></tr>
</table>

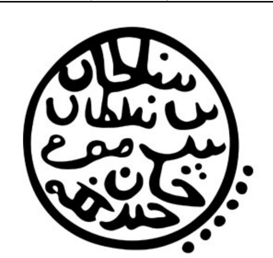
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 16 (17 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,800 г.</td><td>
А2.2/Р3.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: امر/ادكوبيك/ضرب/قيريم — «Эмир / Идику-бек / чекан / Крыма».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 17 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,81 г.</td><td>
А2.2/Р4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и дата с искажениями.
Анализ штемпельных связей позволяет отнести штемпель Р4 к 822 г.х.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 18 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,88 г.</td><td>
А2.2/Р6.4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 19 (5 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,93 г.</td><td>
A2.2/P6.19</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и, возможно, дата.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 20 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,86 г.</td><td>
A2.2/P6.20</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 21 (12 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,91 г.</td><td>
A2.3/P4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и дата с сильными искажениями.
Анализ штемпельных связей предполагает отнесение данного штемпеля к 822 г.х.</td></tr>
</table>

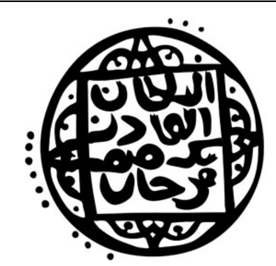
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 22 (9 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
А2.3/Р6.14</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 23 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,82 г.</td><td>
А2.3/Р3.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указаны место выпуска — «Чекан Крыма», имя «Идегей» и дата с сильными искажениями. Анализ штемпельных связей предполагает отнесение данного штемпеля к 822 г.х.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 24 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
А2.3/Р3.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
Оттиск оборотного штемпеля Р3.3 был графически реконструирован только частично, что не позволяют полностью увидеть легенду.</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 25 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,90 г.</td><td>
A2.3/P3.4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указаны имя «Идегей», место выпуска — «Чекан Крыма» и дата с искажениями. Анализ штемпельных связей предполагает отнесение данного штемпеля к 822 г.х.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 26 (10 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,80 г.</td><td>
A2.3/P2.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
А.Л. Пономарев предложил читать легенду реверса как: ضرب/قيريم د/نيك/قر — «Чекан Крыма. Дозволенный даник» (Пономарев 2013b: 80, 82).
«Это — один из немногих случаев указания номинала, исключительный для средневековой практики монетного дела в целом», писал он (Пономарев 2013b: 82).
Авторы не могут согласиться с таким прочтением. Принимая во внимание палеографические особенности написания легенд, можно предположить, что на реверсе указаны (сверху вниз) место выпуска — «Чекан Крыма», титул и имя «Идегей» и дата, написанная с искажениями. Анализ штемпельных связей предполагает отнесение данного штемпеля к 822 г.х.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 27 (9 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
A1.4/P5.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
О.с.: ضرب/قيريم/تا[ر]يخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 28 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,91 г.</td><td>
А1.4/Р5.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
О.с.: ضرب/قيريم/تاريخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 29 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,96 г.</td><td>
А1.4/Р6.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и дата (2)28.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 30 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,83 г.</td><td>
А1.3/Р6.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 31 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,77 г.</td><td>
A2.1/P5.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе в нижних строках указаны место выпуска — «Чекан Крыма» и дата со стандартной для этой эмиссии фразой «летоисчисления год».
При чтении даты, указанной на Р5.3, нужно принять во внимание возможность проявления дефекта сильно изношенного штемпеля, стилистические особенности исполнения легенды и устойчивую связь с аверсом 822 г.х.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 32 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,84 г.</td><td>
A2.1/P5.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/تا[ر]يخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 33 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
1,04 г.</td><td>
A2.1/P6.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и дата (2)28.</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 34 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
A2.1/P5.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/تاريخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 35 (9 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
A2.1/P5.4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/تاريخ سنة/٨٢٢ — «Чекан / Крыма / летоисчисления год / 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 36 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,78 г.</td><td>
A2.1/P1.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе в нижних строках указаны дата — 822 и место выпуска — «Чекан Крыма». В верхних строках, возможно, приведены титул и имя «Идегей» с искажениями.</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 37 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,72 г.</td><td>
A2.1/P6.4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 38 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0.806 г.</td><td>
A2.1/P6.6</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым» и стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление». Состав легенды и стилистические особенности штемпеля позволяют предположить указание года (228) в нижней части реверса.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 39 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,83 г.</td><td>
A2.1/P7.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/تا[ر]يخ ٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 40 (5 экз.)	
 0.924 г.	 A2.1/P6.5
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и дата с искажениями. В верхней левой части Р6.5 расположен символ, не имеющий аналогов в серебряном чекане Бек-Суфи.	
Штемпельная пара № 41 (23 экз.)	
  0,91 г.	 A2.1/P6.7
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».	
Штемпельная пара № 42 (2 экз.)	
  0,86 г.	 A2.1/P7.1
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/تا[ر]يخ ٨٢٢ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 822».	

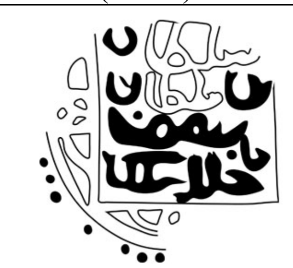
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 44 (6 экз.)	
  0,85 г.	 А7.1/Р7.1
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/تا[ر]يخ ٨٢٢ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 822».	
Штемпельная пара № 45 (1 экз.)	
  0,87 г.	 А7.1/Р6.7
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».	
Штемпельная пара № 46 (14 экз.)	
  0,82 г.	 А7.1/Р6.11
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 2288». Авторы полагают, что дата на штемпеле Р6.11 является искаженным 822 г.х.	

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 47 (7 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,87 г.</td><td>
A7.1/P6.12</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تا[ر]/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 48 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,83 г.</td><td>
A1.3/P7.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/تا[ر]يخ ٨٢٢ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 822».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 49 (7 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
A1.3/P6.7</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صو/في خان — «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 50 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,88 г.</td><td>
A1.2/P6.8</td></tr>
<tr><td colspan="2">Состав легенды и палеографические особенности ее написания позволяют предположить стандартную для данного типа легенду: «Султан / справедливый / Бек-су / фи хан».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 51 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,84 г.</td><td>
A7.2/P6.7</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خا[ن]/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 52 (5 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,85 г.</td><td>
A7.2/P6.11</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خا[ن]/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 2288».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 53 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td></td><td>
A4.3/P6.18</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خا[ن] خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 54 (9 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,90 г.</td><td>
A4.3/P6.16</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 55 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
A4.3/P9.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/٨٢۴ — «Чекан / Крыма / 824».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 56 (17 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,84 г.</td><td>
А3.2/Р6.16</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления/228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 57 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
А3.1/Р6.16</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 58 (5 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,90 г.</td><td>
А3.1/Р6.15</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تا[ر]/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 59 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,79 г.</td><td>
A4.2/P6.15</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تا[ر]/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228» (справа налево).</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 60 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,82 г.</td><td>
A4.2/P6.18</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 61 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,866 г.</td><td>
A4.2/P9.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/٨٢٤ — «Чекан / Крыма / 824».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 62 (9 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,78 г.</td><td>
А3.3/Р6.18</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228» (справа налево).</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 63 (8 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,84 г.</td><td>
А5/Р6.18</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/[ملكه] — «Султан / справедливый / Бек-суфи / хан да продлится [его царствование]».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 64 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,91 г.</td><td>
А5/Р8.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/[ملكه] — «Султан / справедливый / Бек-суфи / хан да продлится [его царствование]».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
</table>

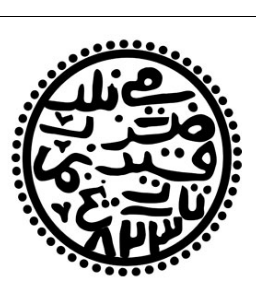
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 65 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,94 г.</td><td>
А5/Р8.6</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/[ملكه] — «Султан / справедливый / Бек-суфи / хан да продлится [его царствование]».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 66 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
А5/Р8.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/[ملكه] — «Султан / справедливый / Бек-суфи / хан да продлится [его царствование]».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 67 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,87 г.</td><td>
А5/Р8.4</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/[ملكه] — «Султан / справедливый / Бек-суфи / хан да продлится [его царствование]».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 68 (13 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,92 г.</td><td>
А3.5/Р8.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 69 (20 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,91 г.</td><td>
А3.4/Р8.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 70 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,82 г.</td><td>
А3.4/Р6.16</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 71 (1 экз.)	
 0,90 г.	 A3.4/P6.18
Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование». О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».	
Штемпельная пара № 72 (13 экз.)	
  0,84 г.	 A3.4/P8.2
Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».	
Штемпельная пара № 73 (28 экз.)	
  0,87 г.	 A3.4/P8.4
Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».	

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 74 (9 экз.)	
  0,70 г.	 A3.4/P8.5
Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/الله ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлит / Аллах его царстование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».	
Штемпельная пара № 75 (9 экз.)	
  0,92 г.	 A7.1п/P8.5
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».	
Штемпельная пара № 76 (9 экз.)	
  0,89 г.	 A7.1п/P8.1
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование». О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/ تاريخ/٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».	

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 77 (7 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,86 г.</td><td>
А7.1п/Р7.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/تا[ر]يخ ٨٢٣ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 823».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 78 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,81 г.</td><td>
А7.1п/Р6.5</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
На реверсе указано место выпуска — «Чекан в Белед Крым», стандартное для этой эмиссии слово «летоисчисление» и дата с искажениями. В верхней левой части Р6.5 расположен символ, не имеющий аналогов в серебряном чекане Бек-Суфи.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 79 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,87 г.</td><td>
А7.1п/Р7.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في بلد/ضرب/قيريم/تا[ر]يخ ٨٢٢ — «В белед / чекан / Крыма / летоисчисления 822».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 80 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,73 г.</td><td>
A4.1/P6.18</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан да продлится / его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 81 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,80 г.</td><td>
A4.1/P6.15</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан да продлится / его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 82 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,78 г.</td><td>
A4.1/P9.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан да продлится / его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/٨٢٤ — «Чекан / Крыма / 824».</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 83 (4 экз.)

A4.1/P9.5

Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан да продлится / его царствование».
О.с.: ضرب/قيريم/۸۲۴ — «Чекан / Крыма / 824».

Штемпельная пара № 84 (5 экз.)

0,740 г.

A4.1/P10

Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан да продлится / его царствование».
Легенду штемпеля Р10 в 2006 году К.К. Хромов без обоснования интерпретировал как «дата прописью 825 г.х.» (Хромов 2006: 372). В 2013 г. украинский нумизмат написал, что «в публикации… в 2006 г. допущена досадная опечатка в читаемой на этой монете дате», и что «легенда на реверсе имеет единственный вариант прочтения «чекан четыре / восемьсот / двадцать», т.е. «чекан 824 (года)», писал он, не приведя арабографических реконструкций (Хромов 2013а: 451). По мнению авторов, верхнюю строку реверса можно понять как: ضرب [ا ر] بع — «Чекан четыре».
Нижнюю: وعشرين — «И двадцать». Слово в средней строке остается не реконструированным, поэтому необходимо констатировать, что легенда Р10 пока остается не прочтенной.

Штемпельная пара № 85 (1 экз.)

0,89 г.

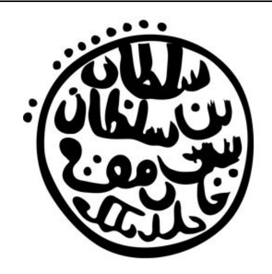

A4.1/АДБ2

Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан да продлится / его царствование».
Обратная сторона монеты, опубликованной К.К. Хромовым (Хромов 2013b: 410, № 18) представляет собой аверс из более поздней штемпельной группы с указанием эмитента — Девлет-Берди.

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 86 (4 экз.)	
  0,67 г.	 А6/ Р9.2
Авторам, к сожалению, не удалось полностью реконструировать оттиск штемпеля А6 и, соответственно, реконструировать легенду. В середине читается имя хана — Бек-Суфи, в нижней части приведено, возможно, стандартное благопожелание «Да продлится его царствование». О.с.: ضرب/قيريم/٨٢٤ — «Чекан / Крыма / 824».	
Штемпельная пара № 87 (1 экз.)	
 	 А6/ Р9.4
Авторам, к сожалению, не удалось полностью реконструировать оттиск штемпеля А6 и, соответственно, реконструировать легенду. В середине читается имя хана — Бек-Суфи, в нижней части приведено, возможно, стандартное благопожелание «Да продлится его царствование». О.с.: ضرب/قيريم/٨٢٤ — «Чекан / Крыма / 824».	
Штемпельная пара № 88 (2 экз.)	
 	 А4.3/ Р6.15
Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / сын султана / Бек-суфи / хан / да продлится / его царствование». О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».	

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 89 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
А2.2/ Р6.21</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 90 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,92 г.</td><td>
А2.2/ Р6.17</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 91 (3 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,88 г.</td><td>
А2.2/ Р6.13</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: سلطان/بن سلطان/بيك صوفي/خان/خلد ملكه — «Султан / сын султана / Бек-Суфи / хан / да продлится его царствование».
О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».</td></tr>
</table>

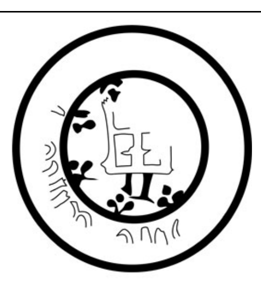
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

Штемпельная пара № 93 (2 экз.)	
 0,83 г.	 P6.12/P6. 2
Монета отчеканена двумя оборотными штемпелями. О.с.: في/بلд ضرب/قيريم تا[ر]/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228». О.с.: في/بلد ضرب/قيريم تار/يخ ٢٢٨ — «В / белед чекан / Крыма / летоисчисления / 228».	

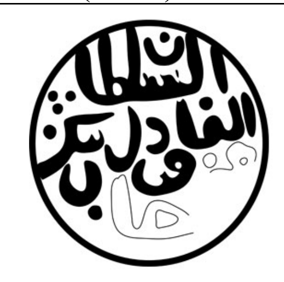
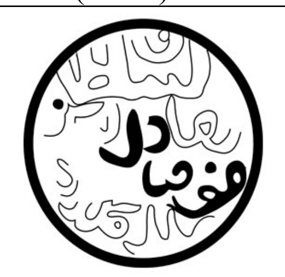
Каталог аспров

Штемпельная пара № 1 (3 экз.)	
  0,86 г.	 AA1.1/PA1.1
Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان/خلد ملكه — «Султан / справедливый Бек / суфи хан / да продлится его царствование». О.с.: В центре сложного картуша, состоящего из 8 дуг, размещен замок. В местах соединения дуг находятся 8 точечных орнаментов по три элемента в группе. Снаружи сложного картуша два линейных ободка, между которыми расположена легенда. Легенда не реконструирована.	
Штемпельная пара № 2 (4 экз.)	
  0,94 г.	 AA1.1/PA1.2
Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان/خلد ملكه — «Султан / справедливый Бек / суфи хан / да продлится его царствование». О.с.: В центре монетного круга размещен замок и 8 точечных орнаментов по три элемента в группе. Некоторые из точек связаны. Каждая из точек «нанизана» на тонкую линию, соединяющуюся с внутренним картушем. Снаружи замка — два линейных ободка, между которыми расположена легенда. Легенда не реконструирована.	

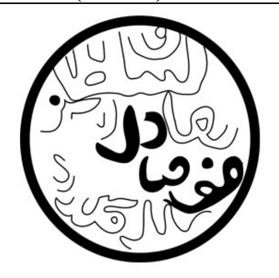
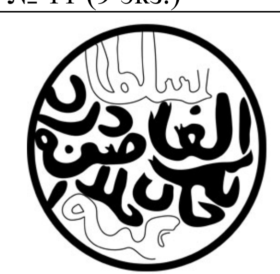
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 3 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
AA1.1/PA1.3</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان/خلد ملكه — «Султан / справедливый Бек / суфи хан / да продлится его царствование».
О.с.: В центре монетного круга размещен замок и несколько точечных орнаментов по три элемента в группе. Некоторые из точек связаны. Каждая из точек «нанизана» на тонкую линию, соединяющуюся с внутренним картушем. Снаружи замка — два линейных ободка, между которыми расположена легенда. Легенда не реконструирована.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 4 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,81 г.</td><td>
AA1.1/PA2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان/خلد ملكه — «Султан / справедливый Бек / суфи хан / да продлится его царствование».
О.с.: ✠ COMVNEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 5 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,96 г.</td><td>
AA1.3/PA2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان — «Султан / справедливый Бек / суфи хан / да продлится его царствование».
О.с.: ✠ COMVNEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
</table>

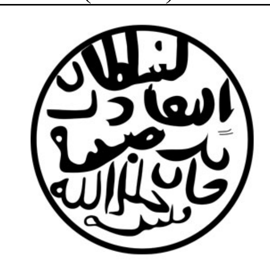
Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 6 (12 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,89 г.</td><td>
AA1.4/PA2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان — «Султан / справедливый Бек / Суфии хан».
О.с.: ✠ COMVNEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 7 (4 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,88 г.</td><td>
AA1.5/PA2.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان — «Султан / справедливый Бек / Суфии хан».
О.с.: ✠ CO…NEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 8 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
AA1.2/PA1.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان/خلد ملكه — «Султан / справедливый Бек / суфи хан / да продлится его царствование».
О.с.: В центре сложного картуша, состоящего из 8 дуг, размещен замок. В местах соединения дуг находятся 8 точечных орнаментов по три элемента в группе. Снаружи сложного картуша два линейных ободка, между которыми расположена легенда. Легенда не реконструирована.</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 9 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,96 г.</td><td>
AA1.2/PA2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل بيك/صوفيخان/خلد ملكه — «Султан / справедливый Бек / Суфи хан / да продлится его царствование».
О.с.: ✠ COMVNEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 10 (2 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,91 г.</td><td>
AA2.1/PA2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлится / его царствование».
О.с.: ✠ COMVNEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 11 (9 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,93 г.</td><td>
AA2.1/PA2.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/خان خلد/ملكه — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / хан да продлится / его царствование».
О.с.: ✠ CO..NEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок без «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
</table>

Каталог серебряных монет хана Бек-Суфи (продолжение)

<table>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 12 (6 экз.)</td></tr>
<tr><td>
0,91 г.</td><td>
AA2.2/PA2.1</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/... — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / …».
О.с.: ✠ COMVNEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок и 8 «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Штемпельная пара № 13 (1 экз.)</td></tr>
<tr><td> </td><td>
AA2.2/PA2.2</td></tr>
<tr><td colspan="2">Л.с.: السلطان/العادل/بيك صوفي/... — «Султан / справедливый / Бек-Суфи / …».
О.с.: ✠ CO…NEIANVEIN.
В центре монетного круга размещен замок без «кисточек». Снаружи замка два линейных ободка, между которыми расположена легенда.</td></tr>
</table>

УДК 737(1)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00027

Ю.В. Зайончковский, В.Е. Тишкин

ПОЗДНЕДЖУЧИДСКИЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ С ИМЕНАМИ ХАНА МАХМУДА Б. МУХАММАДА Б. ТИМУРА И ЭМИРА ТИН-СУФИ Б. МАНСУРА*

Серебряные монеты с именем Тин-Суфи б. Мансура на реверсе могут быть разделены на две группы. Данги первой группы с именем и титулом эмира Дин-Суфи на реверсе были введены в научный оборот Ю.В. Зайончковским в 2012 г., год спустя А.А. Казарову и Ю.В. Зайончковскому удалось уточнить прочтение имени беклербека как Тин-Суфи. На настоящий момент известно 7 экз. монет этой группы, выбитых тремя штемпельными парами (два лицевых и два оборотных штемпеля). Средний вес монет этой группы (по имеющимся данным) — 0,70 г.

Монеты второй группы были известны еще Х.М. Френу и публиковались потом неоднократно разными авторами, но без прочтения легенды реверса. Предложено читать надпись на оборотной стороне как «Тин-Суфи б. Мансур». В научной литературе и нумизматических коллекциях удалось обнаружить информацию о 22 монетах этой группы, отчеканенных пятью штемпельными парами (четыре штемпеля аверса и три реверса). Средний вес монет составляет 0,60 г.

Авторы полагают, что анализируемая в статье эмиссия серебряных монет с именем эмира Тин-Суфи б. Мансура на реверсе и, соответственно, его пребывание на должности беклербека хана Махмуда б. Мухаммада б. Тимура, могут быть отнесены к концу 1450-х — к первой половине 1460-х гг.

Ключевые слова: Золотая Орда, нумизматика, Махмуд б. Мухаммад б. Тимур, беклербек, Дин-Суфи, Тин-Суфи б. Мансур, источниковедение.

Сведения об авторах: Зайончковский Юрий Валентинович[1], независимый исследователь; Тишкин Владимир Евгеньевич[2], независимый исследователь.

Контактная информация: [1]61000, Украина, г. Харьков; e-mail: zyvkharkov@gmail.com; [2]300012, Россия, г. Тула; e-mail: t_ve@rambler.ru.

Yu.V. Zayonchkovskiy, V.E. Tishkin

JUCHID SILVER COINS WITH NAMES OF MAHMUD b. MUHAMMAD b. TIMUR KHAN AND AMIR TIN-SUFI b. MANSUR

Silver coins with the name of Tin-Sufi b. Mansur on their reverses can be divided into two groups. Dangs of the first group with the name and title of Emir Din-Sufi were published by Yu.V. Zayonchkovsky in 2012, a year later A.A. Kazarov and Yu.V. Zayonchkovsky made a more exact reading of the name of the beylerbey as Tin-Sufi. At present 7 specimens of this group are known, struck by 3 die pairs (2 obverse and two reverse dies). The average weight of coins of first group (according to available data) is 0.70 g.

Ch.M. Frähn had known the coins of the second group in the 1st third of 19th century, later these dangs were once and again published by different researchers without reading the legend of reverse. The authors suggest reading this legend as “Tin-Sufi b. Mansour”. The information about 22 coins of this group struck by 5 die pairs (4 obverse and 3 reverse dies) was detected in scientific literature and numismatic collections. The average weight of coins of this group is 0.60 g.

* Статья поступила в номер 15 декабря 2020 г.
Принята к печати 30 декабря 2020 г.

© Ю.В. Зайончковский, В.Е. Тишкин, 2020.

It can be presumed that the issue of silver coins with the name of Amir Tin-Sufi b. Mansur on the reverse, published in the paper, and, accordingly, the fact that he held the post of beylerbey under Khan Mahmud b. Muhammad b. Timur can be dated back to the end of the 1450s — the first half of the 1460s.

Key words: Golden Horde, Jujid, numismatics, Mahmud b. Muhammad b. Timur, beylerbey, Din-Sufi, Tin-Sufi b. Mansur, source study.

About the authors: Zayonchkovsky Yuriy Valentinovich[1], Independent Researcher; Tishkin Vladimir Evgenevich[2], Independent Researcher.

Contact information: [1]61000, Ukraine, Kharkiv; e-mail: zyvkharkov@gmail.com; [2]300012, Russia, Tula, e-mail: t_ve@rambler.ru.

В последние годы был достигнут определенный прогресс в уточнении атрибуции некоторых типов позднеджучидских серебряных монет, в прочтении имен беклербеков на их оборотных сторонах, что позволило более адекватно использовать нумизматические источники для реконструкции бурных событий золотоордынской политической истории XV в. (Рева, Недайвода 2017).

Предлагаемая статья посвящена ликвидации еще одного «белого пятна» на страницах позднеджучидской нумизматики — введению в научный оборот одного интересного монетного типа, известного еще с XIX в., но не имевшего до нынешнего момента адекватного прочтения монетной легенды реверса. Авторы, изучив доступные им нумизматические памятники методом поштемпельного анализа, полагают правильным отнести упомянутый тип к эмиссии хана Махмуда б. Мухаммада б. Тимура и эмира Тин-Суфи б. Мансура.

Фотоизображения, воспроизведенные в статье, сделаны авторами или предоставлены им коллегами. Графические реконструкции были выполнены авторами для этой статьи.

Монеты с именем Тин-Суфи б. Мансура могут быть разделены на две группы. Изложение материала целесообразно начать с рассмотрения уже опубликованных дангов первой группы.

Группа монет Тин-Суфи б. Мансура с указанием его титула «эмир»

На рис. 1 воспроизведены графические реконструкции оттисков штемпелей и фотоизображения монет первой группы, отчеканенные этими штемпельными парами (с указанием веса в тех случаях, когда он известен), после номера штемпельной пары указано известное авторам на момент сдачи статьи в печать количество дангов, выбитых с ее помощью. Графическая реконструкция оттисков лицевых и оборотных штемпелей монет первой группы, объединенных штемпельными связями, приведена на рис. 2.

Все воспроизведенные на рис. 1 и 2 монетные типы, как сказано выше, уже были введены в научный оборот. В 2012 г. Ю.В. Зайончковский опубликовал (с фотоизображениями и прорисовками) монеты, выбитые ШП1 и ШП2 (рис. 2) (Зайончковский 2012). Тогда было известно всего 3 экз. дангов этой группы, поэтому Р2 был реконструирован лишь частично. Легенду реверса Р1 было предложено читать как:

«امير دين صوفي بن منصور» — «Амир Дин-Суфи бен Мансур» (Зайончковский 2012: 301).

Автор правильно предположил, что эти «монеты являются памятником политической борьбы в Тахт эли в 1460-х гг., когда эмир Дин-Суфи бен Мансур бен Идику возвысился при

хане Махмуде бен Мухаммеде бен Тимуре настолько, что вынес своё имя на реверс монет. Судя по количеству дошедших до нас экземпляров, эмиссия была непродолжительной по времени и весьма небольшой по объёму, что косвенно свидетельствует о непродолжительности этого возвышения» (Зайончковский 2012: 303).

В 2013 г. Ю.В. Зайончковский и А.А. Казаров подготовили доклад о монетах данной группы для Третьей международной научной конференции «Расмир: Восточная нумизматика» (Одесса), с которым выступил А.А. Казаров. Текст этого доклада, к сожалению, до сих пор не опубликован.

Как уже было сказано, Ю.В. Зайончковский сначала предложил читать имя эмира как: «دين صوفي» — «Дин-Суфи», опираясь на его традиционную передачу в научной литературе. А.А. Казаров уточнил прочтение имени эмира как Тин-Суфи: «تنصفي». Такое чтение первоначально опиралось на русскую книжную традицию: в родословии князей Урусовых из «Российской родословной книги» 1851 г. Тенсубуй-мурза назван сыном Мансырь-мурзы (Долгоруков 1855: 26). Однако это имя Тин-Суфи теоретически могло писаться и как «طنصفي», что ставило под сомнение правильность реконструкции легенды реверса.

В монографии П.П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.» приводится русский перевод средневекового источника (документ 25): «3-го числа месяца сафара… 961 года мирза Хасан и мирза Хусейн, дети Бай Суфи-бахадура, сына Тин Суфи, будучи по закону правомочными распоряжаться своим имуществом, сделали согласно с законом заявление в такой форме…» (Иванов 1954: 107). К сожалению, в этой книге нет арабописьменного варианта имени упомянутого «Тин Суфи».

Однако в более раннем издании «Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Ср. Азии XVI века», содержащем 385 документов шейхов Джуйбари, А.А. Казарову удалось найти арабописьменный подлинник документа 25 и увидеть написание имени «Тин Суфи» как « تين صوفى» (Струве 1938: 38).

Как итог, были предложены следующие реконструкции легенд штемпелей оборотных сторон:

Р1: «اميرتنصوفي بن من صور» и Р2: «اميرتنصفي بن منصور» — «Эмир Тин-Суфи б. Мансур».

А.А. Казаров и Ю.В. Зайончковский в докладе 2013 г. также обратили внимание на монеты, выбитые ШП5, ШП7 и ШП8 (рис. 4), предположив их возможную связь с дангами первой группы.

Завершая рассмотрение монет, воспроизведенных на рис. 1, необходимо констатировать палеографические особенности написания легенд на Р1 и Р2 и сказать о легендах лицевых сторон.

Легенда А1 может быть реконструирована следующим образом:

«سلطان محمود... بن محمد خان » — «Султан Махмуд… б. Мухаммад Хан».

Пока известен только один экземпляр данга, отчеканенного штемпелем А2, что не позволяет предложить полную реконструкцию монетной легенды.

Группа монет Тин-Суфи б. Мансура без указания его титула

На рис. 3 воспроизведены графические реконструкции оттисков штемпелей и фотоизображения монет второй группы, отчеканенные этими штемпельными парами.

Графическая реконструкция оттисков лицевых и оборотных штемпелей монет второй группы, объединенных штемпельными связями, приведена на рис. 4. Необходимо отметить, что штемпель Р4, по мнению авторов, использовался в неправленом (Р4.1) и правленом (Р4.2) виде. В свою очередь, Р4.1 работал в паре с лицевым штемпелем А3, а Р4.2 — со штемпелями А4, А5, А6.

Впервые, насколько известно авторам, монета из группы на рис. 4 была опубликована (без прорисовки, к сожалению) еще в 1826 г. Х.М. Френом в «Recensio numorum Muhammedanorum» (Fraehn 1826: 394, N. 5). Насколько можно судить по фрагментарно расписанной великим нумизматом легендой лицевой стороне, он изучал оттиск штемпеля А3. На реверсе Х.М. Френ смог разобрать только «Mansur» или «Mansurija», что позволяет на настоящий момент утверждать только, что эта монета, отмеченная как «rarrisim. notab.» (Fraehn 1826: 394, N. 5) была отчеканена ШП5 или ШП4.

А.К. Марков в «Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа», изданном в 1896 г., упомянул (без иллюстраций) 5 экз. нескольких «вариантов» серебряных монет Махмуда б. Мухаммада б. Тимура чекана «Крым эль-Мансур, без обозначения даты» (Марков 1896: 531, № 28—30). В.П. Лебедев и В.Б. Клоков полагали, что речь идет именно о монетах из рассматриваемой группы (Лебедев, Клоков 2001: 25).

Они же в своей статье, изданной в 2001 г., опубликовали с прорисовкой монету (Лебедев, Клоков 2001: 43, рис. 2: *123*), отчеканенную ШП6 (рис. 4), указав ее вес — 0,63 г и описав реверс следующим образом: «в центре — тамга-двузубец, вокруг место выпуска, из которого уверенно читается лишь вторая часть названия монетного двора: «… Мансур»… На данном дирхеме чтение «Крым» первой части имени города совершенно не приемлемо» (Лебедев, Клоков 2001: 25).

В 2004 г. В.П. Лебедев и В.Б. Клоков опубликовали прорисовку данга, выбитого ШП5 (рис. 4), установив существование штемельной связи с ранее опубликованной ими монетой ШП6 (Лебедев, Клоков 2004: 45, рис 5: *75, 76*). Легенду реверса Р4 соавторы предложили понимать как «ضرب (رلبابن?) منصور?» оговорив, что «здесь Крым никак не читается, и имя Мансур — сомнительно» (Лебедев, Клоков 2004: 36).

Как видим, и здесь, как и в своей более ранней цитировавшейся статье, В.П. Лебедев и В.Б. Клоков исходят из предположения, что содержанием легенды Р4 является обозначение места чеканки, состоящее их двух частей.

В свою очередь, А.В. Пачкалов констатировал в 2006 г.: «Известны немногочисленные монеты Махмуда бен. Мухаммада бен. Тимура, на реверсе которых читается слово «Мансур»... Оставшаяся часть легенды реверса (предшествующая слову «Мансур») еще не реконструирована. Связаны ли эти монеты с деятельностью бека Мансура, сына Едигея и отца бека Тимура остается пока неясным» (Пачкалов 2006: 132).

В.В. Майко в публикации клада из Кырк-Йера (2007) приводит 4 экз. дангов второй группы. Монета № 4181 (Майко 2007: 160), выбитая ШП5, отнесена историком к эмиссиям с обозначением монетного двора Хаджи-Тархан (Майко 2007: 155). Под номерами 4183 и 4184 размещены монеты, произведенные ШП6, продукции ШП7 присвоен № 4185 (Майко 2007: 161). В.В. Майко разделяет высказанную ранее точку зрения: «Кроме слова Мансур, место чекана и в нашем случае разобрать сложно» (Майко 2007: 155).

В 2012 г. В.П. Лебедев и В.Б. Клоков издали монетный клад конца XV в. из селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая. В его составе была монета (№ 9) (Лебедев, Клоков 2012: 204, фототабл. 16: *9*), которую авторы отнесли к рассматриваемой группе т.к. окончание легенды оборотной стороны, по их мнению, «читается уверенно — … ибн Мансур» (Лебедев, Клоков 2012: 140). К большому сожалению, качество фотоизображений в журнале не позволяет нам дать точную атрибуцию опубликованного нумизматического памятника. Можно лишь предварительно утверждать, что он отчеканен штемпельной парой, оттиски которой отсутствуют в приведенных в данной работе графических реконструкциях.

Нужно отметить, что В.П. Лебедев и В.Б. Клоков в публикации 2012 г. отказались от попыток увидеть на реверсе обозначение места выпуска, как они делали раньше, и попытались прочесть там имя: «Сам Мансур б. Идиге был убит еще при отце Махмуда, а из его детей источники донесли до нас имена только троих — Тимура, Дин Суфи…и Хаджике... Сохранившиеся фрагменты начала легенды О.с. на 4 экз. монеты № 9 вар., к сожалению, не позволяют дать уверенное ее прочтение. Как очень предположительный вариант можно предложить «Тимур-бек б. Мансур». Остается надеяться, что будущие находки монет этого типа позволят дать истинное прочтение легенды О.с. дангов Махмуда № 9 и 9 вариант» (Лебедев, Клоков 2012: 140).

Итак, монетный тип, приведенный на рис. 4, известен уже почти два века, но до сих пор не получил полной атрибуции. Авторы же полагают, что ключом к реконструкции «оставшейся части легенды реверса (предшествующей слову «Мансур»)» является штемпель Р3.

На рис. 2 и 4 ориентация оборотной стороны монет дана в соответствии с тезисами А.Л. Пономарева о том, что «герб-тамга является центральным и наиболее значимым элементом монетного дизайна. Ориентация изображений монет должна следовать за ориентацией тамги» (Пономарев 2014: 204).

На рис. 5 для наглядности чтения легенды приведены развернутые под разными углами графические реконструкции оттисков штемпелей Р2, Р3 и Р4.1. Авторы полагают, что на штемпелях Р3 и Р4 из второй группы дангов размещена одинаковая по содержанию легенда с палеографическими особенностями написания: «Тин-Суфи б. Мансур». Легенда Р3 может быть реконструирована так: «تنصوفي بن منصور» — «Тин-Суфи б. Мансур».

На Р4, по мнению авторов, размещен несколько искаженный вариант этого текста. Применительно к дангам XV в. уже была зафиксирована ситуация, когда монетном дворе в условиях недостатка штемпелей к их изготовлению могли привлекаться недостаточно грамотные и квалифицированные мастера. Р.Ю. Рева дал правильную характеристику техники исполнения надписей позднеджучидских дангов: «Не всегда идеально правописание. Часто штемпели вырезались безграмотными мастерами, которые просто копировали некое сочетание черточек и ямочек. Иногда резчики штемпелей были просто неопытными, и поэтому легенды или части монетных легенд изображены зеркально» (Рева 2016: 512). Можно допустить, как вариант объяснения, что особенности палеографии штемпеля Р4 этим и обусловлены.

Обращает также на себя внимание тот факт, что из 22 экз. монет второй группы, известных авторам, 21 экз. выбиты с использованием штемпеля Р4. В целом же на данный момент известны 29 экз. дангов с именем Тин-Суфи на реверсе. Приведенная статистика не позволяет снять с рассмотрения и «политическую» версию истолкования данной эмиссии: начав с откровенно декларативных монет, произведенных ШП1 (имя и титулы хана на аверсе / имя и титулы эмира на реверсе), основная масса известных нам денежных знаков несет по

политическим причинам все же более «скромно-искаженное» упоминание имени Тин-Суфи на оборотной стороне.

Впрочем, сформулированные выше предположения носят предварительный характер. Новые нумизматические памятники теоретически могут изменить и статистические пропорции, и, соответственно их объяснения.

Содержание надписей на лицевых сторонах монет 2-й группы различно:

А3: «محمود بن محمد بن تمور خان» — «Махмуд б. Мухаммад б. Тимур хан».
А4: «السلطان محمود بن محمد خان» — «Султан Махмуд б. Мухаммад хан».

А5 на настоящий момент реконструирован не полностью — то, что можно прочесть: «Султан Махмуд б. Мухаммад хан».

Давать характеристику легенды А6 представляется пока преждевременным, необходимо искать новые экземпляры монет, выбитых этой штемпельной парой.

Метрология и датировка эмиссии

Весовые характеристики анализируемых монет представлены на рис. 6. Нужно констатировать, что, к сожалению, имеющегося материала явно недостаточно (по ряду причин) для серьезных выводов по метрологиии.

Вес отдельных экземпляров находится в пределах от 0,47 до 0,79 г. Средний вес монет первой группы составляет 0,70 г, средний монет второй группы — 0,60 г. Обращают на себя внимание несколько монет с заниженным весом (три из четырех монет с заниженным весом относятся к одной штемпельной паре (ШП6), эксплуатировавшейся наиболее интенсивно судя по количеству известных нам экземпляров). По данным В.П. Лебедева и В.Б. Клокова средний вес дангов Махмуда б. Мухаммада — 0,65 г (Лебедев, Клоков 2004: 66).

Место выпуска на анализируемых монетах не обозначено, однако, исходя из существовавшей в XV в. практики чеканки дангов на монетном дворе при кочевой ставке беклербеков, логично предположить осуществление этой эмиссии в бек-базаре Тин-Суфи.

Переходя к датировке нумизматического материала необходимо сказать, что авторам удалось обнаружить в нарративных источниках крайне мало информации о Тин-Суфи б. Мансуре. Так, в «Родословной книге Великого Российского Государства Великих Князей…» в разделе «Начало Орды Нагайской, и родословие князем и мурзам нагайским» сказано: «Магнит сильный Едигей Князь Нагайской; а у Едигея Князя дети: Мурадинъ Мурза, да Мансыр Князь;…а Мансырев сын Тенсубуй Князь да Темир Князь, был с Ахматом на Угре…» (ВМОИДР 1851: 130). В научной литературе бытует также точка зрения, что «Темир, князь ордынский» был «Тенсобуев сын» (Памятники дипломатических сношений 1884: указат. ст. 52), однако, версия генеалогий представляется нам более вероятной.

«Софийская первая летопись» сообщает: «В лето 6968, месяца августа, царь Ахмет Кичиахметевич стояли на Рясьском поле, и под Рязанию бысть Теисуфуй да Темир многими ратьми, и стояли 6 дней да побежали» (Псковские и Софийские летописи 1851: 272). По мнению В.В. Трепавлова, речь идет здесь о неудачном походе 1460 г. Махмуда б. Мухаммада на Рязань, именно в его свите находились «беклербек Тимур» и «его брат Дин-Суфи… Позже Тимур станет ближайшим советником хана Ахмеда, а Дин-Суфи впоследствии унаследует его высокий ранг» (Трепавлов 2010: 63). В.В. Трепавлов не объясняет на чем основано это его утверждение, опираясь же на приведенные выше

нумизматические источники можно сказать, что Тин-Суфи б. Мансур был беклербеком хана Махмуда б. Мухаммада.

Мы же допускаем, что смерть Мухаммада б. Тимура произошла, вернее всего, в середине — во второй половине 1440-х гг (Зайончковський, Романова 2018: 32). После этого хан Абу-л-Хайр-хан, воспользовавшись смертью Кичи-Мухаммада и малолетством его сыновей-наследников Махмуда и Ахмада, напал на них и разбил их войско. После разгрома Абу-л-Хайра калмыками в 1457 г., говоря словами Махмуд б. Вали, «Махмуд-хан б. Кичик-Мухаммад взошел на трон счастья» (Алексеев 2006: 85) и под 1460 г. был упомянут русскими летописцами как «царь» (Зайончковський, Романова 2018: 33).

Р.Ю. Рева приводит иные даты. По его мнению, Мухаммад сын Тимура умер в 847—848 гг.х. (1443—1445 гг.). Взошедший после этого на престол Махмуд, вскоре, не позже 849 г.х., был свергнут Абу-л-Хайром (Рева, Недайвода 2017: 154). «Второе правление» Махмуда б. Кичи-Мухаммада в «Большой Орде» началось после поражения Абу-л-Хайра от калмаков в 1455—1456 гг. и удаления его Сыгнак (Рева, Недайвода 2017: 156).

Авторы полагают, что примерно к этому времени (конец 1450-х — первая половина 1460-х гг.) может быть отнесена анализируемая в статье эмиссия серебряных монет с именем эмира Тин-Суфи б. Мансура на реверсе и, соответственно, его беклербекство при хане Махмуде б. Мухаммаде б. Тимуре.

Литература

Алексеев А.К. 2006. *Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар.* Санкт-Петербург: СПбГУ.

ВМОИДР 1851. Кн. 10. Москва: Университетская типография.

Долгоруков П.В. 1855. *Российская родословная книга*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Веймара.

Зайончковский Ю.В. 2012. Позднеджучидские монеты с именем эмира Дин-Суфи бен Мансура. *Гілея. Науковий вісник* 66(11), 300—304.

Зайончковський Ю.В., Романова С.С. 2018. Щодо питання про час закінчення політичної кар'єри джучидського хана Мухаммада б. Тимура. *Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія* 21, 27—36.

Иванов П.П. 1954. *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. 2001. Монеты с юго-восточных окраин Сарая. *Татарская археология* 1—2, 19—46.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. 2004. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 года. В: Петров П.Н. (ред.). *Древности Поволжья и других регионов.* Вып. 5. Т. 4. Москва: Нумизматическая литература, 23—75.

Лебедев В.П., Клоков В.Б. 2012. Монетный клад конца XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая. *Нумизматика Золотой Орды* 2, 138—142.

Майко В.В. 2007. *Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму*. Киев: Академпериодика.

Марков А.К. 1896. *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа.* Санкт-Петербург: [б.и.].

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайскою ордами и с Турцией. 1884. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Ф. Елеонского.

Пачкалов А.В. 2006. О монетах «Бик-Базара» и «Тимур Бик-Базара» (Джучиды, XV в.). *РА* 2, 128—133.

Пономарев А.Л. 2014. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2). *ЗО* 2(4), 191—225.

Псковские и Софийские летописи. 1851. ПСРЛ. Т. 5. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца.

Рева Р.Ю. 2016. Поштемпельный анализ булгарских монет Шадибека (новый взгляд). В: Байтанаев Б.А. (ред.). *Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней)*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 509—539.

Рева Р.Ю., Недайвода А.В. 2017. Монеты с именем амира Ваккаса и два правления Махмуда, хана Большей Орды. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. Т. 16. № 7, 151—159.

Струве В.В. (ред.). 1938. *Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Ср. Азии XVI века*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Трепавлов В.В. 2010. *Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории*. Тула: Гриф и К.

Fraehn Ch.M. 1826. *Recensio numorum Muhammedanorum*. Petropoli: Academiae imp. scient. Petropolitanae.

References

Alekseev, A.K. 2006. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bahr al-asrar (The Political History of the Tukay-Timurids: Based on the Persian Historical Work Bahr al-Asrar)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).

Vremennik Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostey Rossiyskih (Annals of the Moscow Society of Russian History and Antiquities). 1851. Bk. 10. Moscow: Universitetskaya tipografiya (in Russian).

Dolgorukov, P.V. 1855. *Rossijskaja rodoslovnaja kniga (Russian genealogy book)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Tipografija Eduarda Veymara (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V. 2012. In *Gileya. Naukoviy visnik (Gilea. Science News)* 66(11), 300—304 (in Russian).

Zayonchkovskiy, Yu.V., Romanova, S.S. 2018. In *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Seriya: Istoriya. Politologiya. (Bulletin of Mariupol State University. Series: History, Political science)* 21, 27—36 (in Ukrainian).

Ivanov, P.P. 1954. *Hozyaystvo dzhuybarskih sheyhov. K istorii feodal'nogo zemlevladeniya v Sredney Azii v XVI—XVII vv. (The economy of the Juybar sheikhs. On the history of feudal land ownership in Central Asia in the 16th — 17th centuries)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Lebedev, V.P., Klokov, V.B. 2004. In: Petrov, P.N. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ja i drugih regionov (Antiquities of the Volga region and other regions)*. Iss. V. *Numizmaticheskij sbornik (Collection of numismatic papers)*. Vol. 4. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, 23—75 (in Russian).

Lebedev, V.P., Klokov, V.B. 2012. In *Numizmatika Zolotoy Ordy (Numismatics of the Golden Horde)* 2, 138—142 (In Russian).

Lebedev, V.P., Klokov, V.B. 2001. In *Tatarskaya arheologiya (Tatar Archaeology)* 1—2, 19—46 (in Russian).

Mayko, V.V. 2007. *Kyrk-Erskij klad gorodishha Chufut-Kale v Jugo-Zapadnom Krymu (Qirk Yer hoard of hillfort Chufut-Kale in South-West Crimea)*. Kiev: Akademperiodika (in Russian).

Markov, A.K. 1896. *Inventarnyy katalog musul'manskikh monet Imperatorskogo Ermitazha. (Inventory Catalogue of Muslim coins of the Imperial Hermitage)*. Saint Petersburg: [s.n.] (in Russian).

Pamyatniki diplomaticheskih snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoy i Nogayskoju ordami i s Turciey (Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nogai hordes and with Turkey). 1884. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografija F. Eleonskogo (in Russian).

Pachkalov, A.V. 2006. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 128—133 (in Russian)

Ponomaryov, A.L. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 2(4), 191—225 (in Russian).

Pskovskie i Sofiyskie letopisi (Pskov and Sofia Chronicles). 1851. *Polnoe sobranie russkih letopisey (Complete Collection of Russian Chronicles)*. Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografija Eduarda Praca (in Russian).

Reva, R.Yu. 2016. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashih dnej) (Cultural heritage of Eurasia (from antiquity to the present day)*. Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana, 509—539 (in Russian).

Reva, R.Yu., Nedayvoda, A.V. 2017. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija (Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology)*. Vol. 16. No. 7, 151—159 (in Russian).

Struve, V.V. (ed.). 1938. *Iz arhiva shejhov Dzhujbari. Materialy po zemel'nym i torgovym otnoshenijam Sr. Azii XVI veka (From the archive of the sheikhs of Juybari. Materials on land and trade relations of Central Asia in the 16th century)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Trepavlov, V.V. 2010. *Bol'shaja Orda — Taht eli. Ocherk istorii (Great Horde — Taht eli. Essay on the history)*. Tula: Grif i K (in Russian).

Fraehn, Ch.M. 1826. *Recensio numorum Muhammedanorum*. Petersburg: Academiae imp. scient. Petropolitanae.

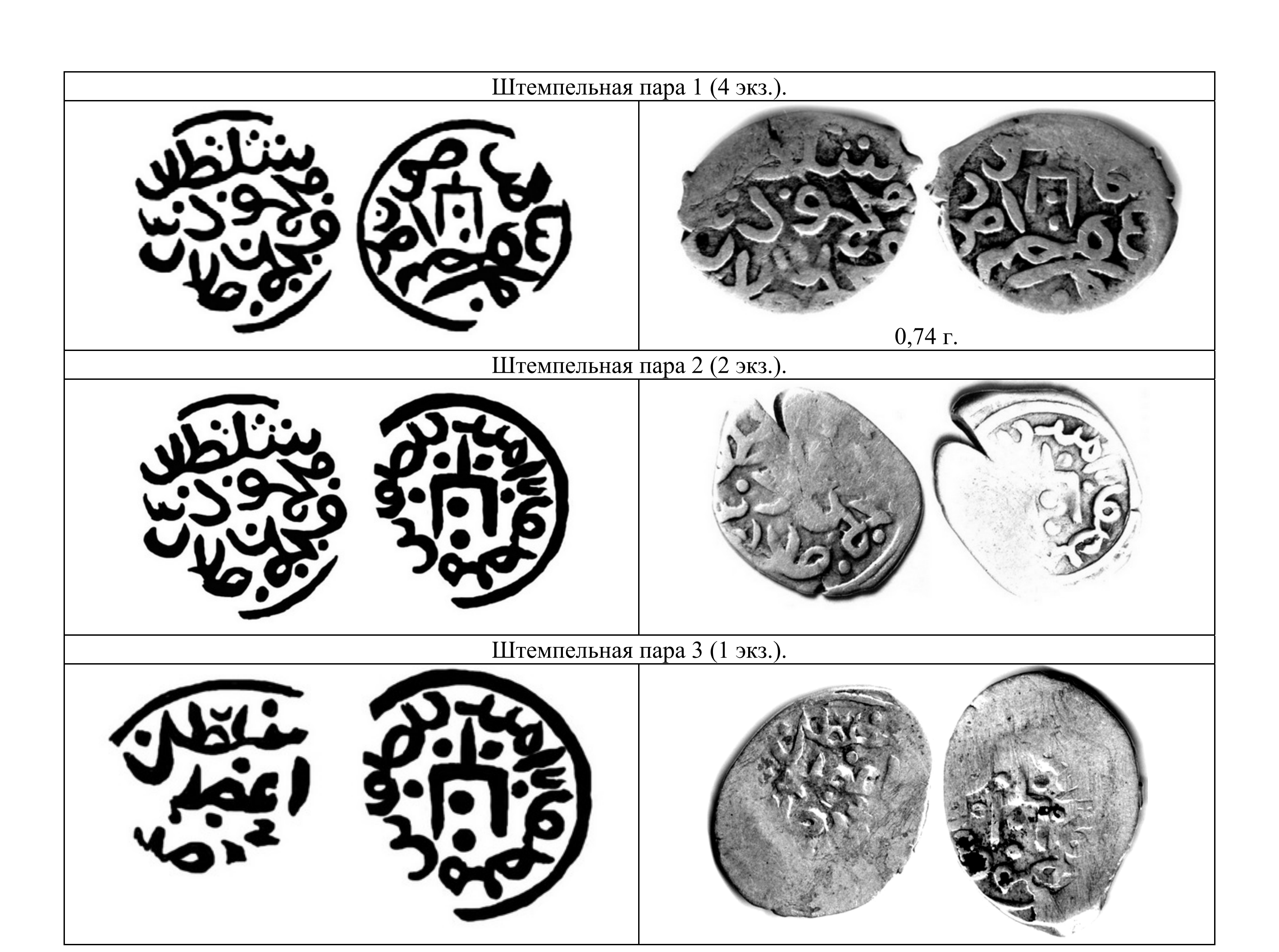

Рис. 1. Графические реконструкции оттисков штемпелей и фотоизображения монет с именем и титулом эмира Тин-Суфи на реверсах, отчеканенные этими штемпельными парами.

Fig. 1. Graphic reconstructions of imprints of dies and photo images of dangs with the name and title of Emir Din-Sufi on their reverses, struck by these die pairs.

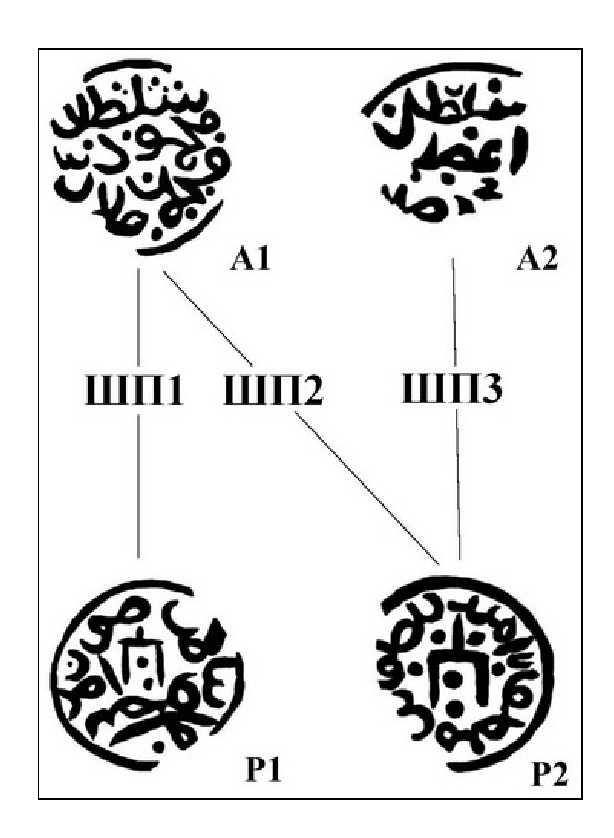

Рис. 2. Графические реконструкции оттисков штемпелей дангов первой группы и схема штемпельных связей.

Fig. 2. Graphic reconstructions of dies imprints of the first group dangs with indication of stamp links.

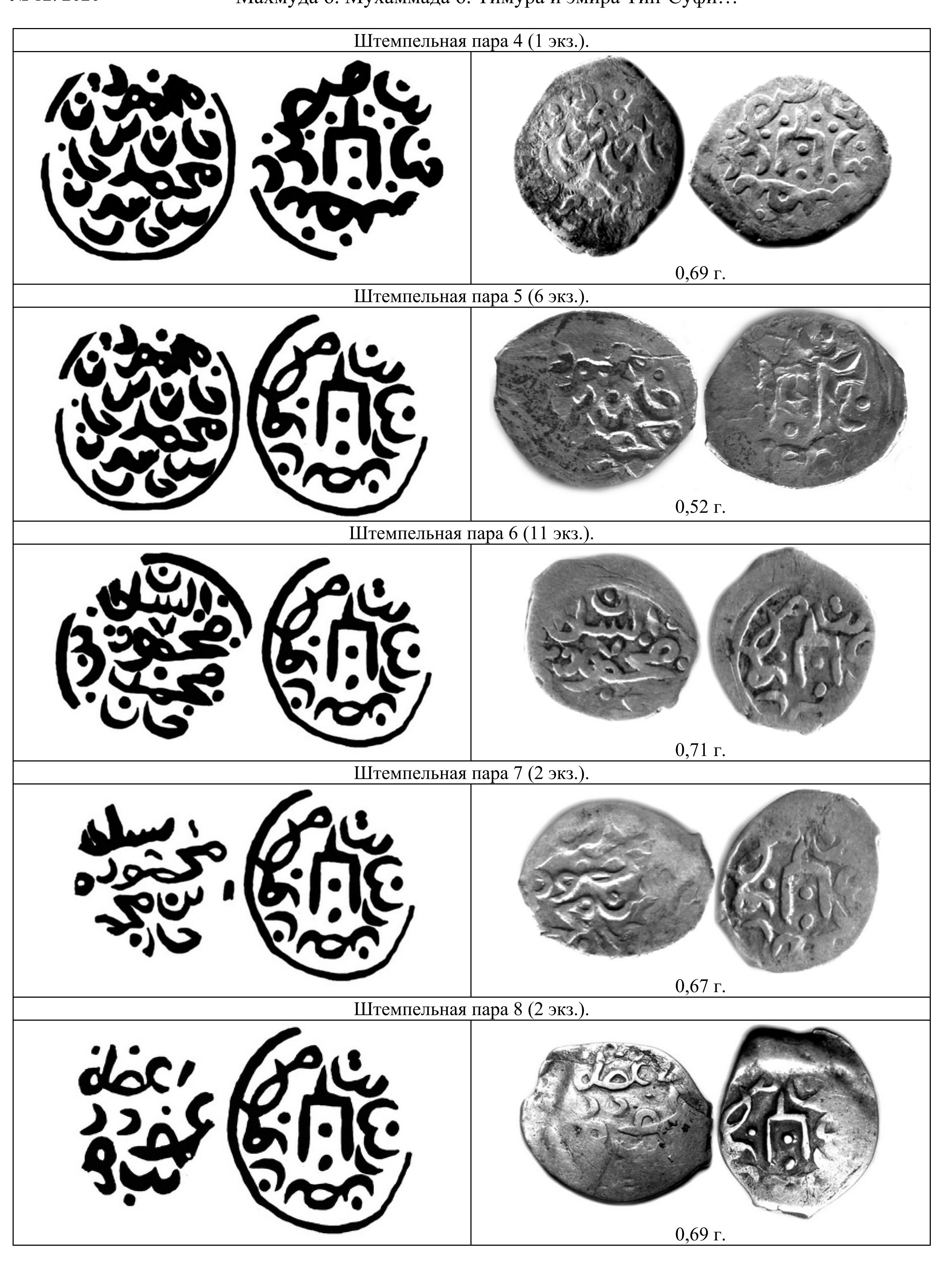

Рис. 3. Реконструкции оттисков штемпелей и фотоизображения монет второй группы.

Fig. 3. Graphic reconstructions of imprints of dies and photo images of dangs of the second group.

Рис. 4. Графические реконструкции оттисков штемпелей дангов без титула Тин-Суфи на реверсах и схема штемпельных связей.

Fig. 4. Graphic reconstructions of dies imprints of dangs without the title of Emir Din-Sufi on their reverses with indication of stamp links.

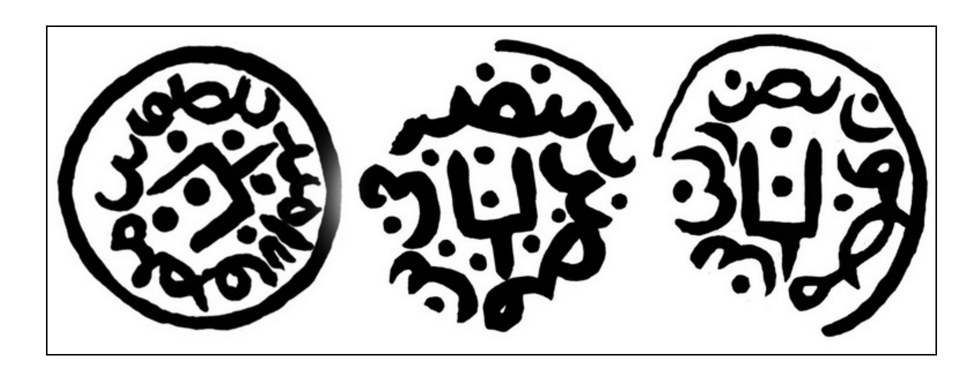

Рис. 5. Графические реконструкции оттисков оборотных штемпелей Р2, Р3 и Р4.1.

Fig. 5. Graphic reconstructions of imprints of reverse dies P2, P3 и P4.1.

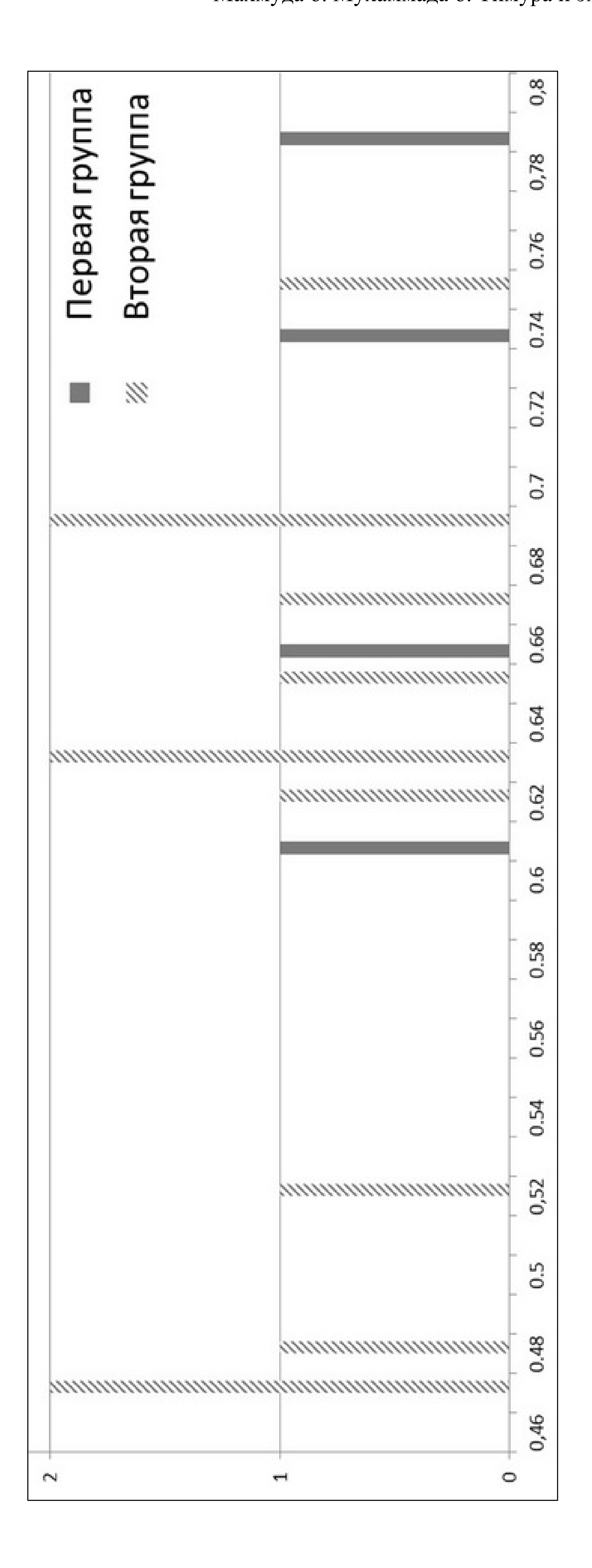

Рис. 6. Весовые характеристики 16 монет двух групп.

Fig. 6. Weight characteristics of 16 dangs of two groups.

Эпиграфика

Epigraphy

УДК 930.271
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00028

Н.А. Павличенко, Д.Е. Чистов

КИЛИКИ ПИФЕЯ И ДЕЙНОНА ИЗ РАСКОПОК БЕРЕЗАНИ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

В ходе раскопок 2016 г. в северо-восточной части Березанского поселения на участке «О-Западный» были обнаружены два граффити на ионийских киликах. Один из них относится к типу чаш с розетками второй четверти VI в. до н.э.; не полностью сохранившаяся надпись содержит посвящение Гермесу и имя владельца — Дейнона. Хозяйственная яма, в которой был обнаружен этот сосуд, по данным стратиграфии и сопутствующему материалу отнесена ко второй четверти — середине VI в. до н.э. Второе граффито нанесено на большой ионийский килик с отогнутым венчиком. Эта длинная застольная надпись содержит имя хозяина — Пифея, сына Перикла. Несмотря на хронологическую близость, эти килики относятся к разным периодам существования Березанского поселения. Чаша Дейнона синхронна землянкам раннего поселения на Березани и является одним из свидетельств его преимущественно греческого населения. Килик Пифея, по-видимому, раскрывает нам имя владельца большого многокамерного каменно-сырцового дома начала третьей четверти VI в. до н.э.

Ключевые слова: Березань, Борисфен, Северное Причерноморье, греческая архаическая керамика, граффити.

Сведения об авторах: Павличенко Наталья Андреевна[1], Институт истории материальной культуры РАН; Чистов Дмитрий Ефимович[2], кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж.

Контактная информация: [1]191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com; [2]190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, Государственный Эрмитаж; e-mail: d.chistov@gmail.com.

N.A. Pavlichenko, D.E. Chistov

CUPS OF PYTHES AND DEINON FROM BEREZAN ISLAND SITE AND THEIR ARCHEOLOGICAL CONTEXT

In the course of excavations in 2016 in the north-eastern part of the Berezan settlement, sector "O-Western", graffiti on two Ionian cups were found. One of them belongs to the "rosette bowl" type of the 2nd quarter of the 6th century BCE; the incompletely preserved inscription contains a dedication to Hermes, and the name of the owner, Deinon. The storage pit in which this vessel was discovered is dated to the 2nd quarter — mid. 6th century BCE on the basis of stratigraphy and pottery finds. The second graffito is inscribed on a large Ionian kylix with a bent rim ("Knickrandschale"). This long inscription bears the name of the owner, Pythes the son of Pericles. Despite the chronological proximity, these vessels belong to different periods of the Berezan settlement. The Deinon's bowl is synchronous with the dugouts of the early settlement on Berezan, being one of the evidences that Greek population predominated. The Pytheas' kylix seems to reveal the name of the owner of a large multi-chamber stone-and mudbrick house, built in the beginning of the 3rd quarter of the 6th century BCE.

Key words: Berezan, Borysthenes, North Black Sea Region, Greek archaic pottery, graffiti.

About the authors: Pavlichenko Natalia Andreevna[1], Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Chistov Dmitry Efimovich[2], PhD (History), State Hermitage.

Contact information: [1]191186, Russia, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 18A, Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail:

---

* Статья поступила в номер 18 декабря 2020 г.
Принята к печати 29 декабря 2020 г.

© Н.А. Павличенко, Д.Е. Чистов, 2020.

nat.pavlichenko@gmail.com; [2]190000, Russia, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, State Hermitage; e-mail: d.chistov@gmail.com.

В ходе раскопок 2016 г. в северо-восточной части Березанского поселения на участке «О-Западный» были обнаружены два граффити на ионийских киликах (рис. 1). Сразу же после полевого сезона С.Р. Тохтасьев планировал посвятить этим находкам отдельную публикацию, но, к сожалению, успел сделать только доклад[1] (далее — Тохтасьев 2017). После того как фотографии граффити были опубликованы в петербургском журнале «Hyperboreus» (Chistov 2019: 102—103), они привлекли внимание исследователей. В.П. Яйленко включил их в статью о стихотворных граффити Северного Причерноморья (Яйленко 2020: 483—486); другой вариант чтения предложил Б. Браво (Bravo 2021: 14—15). Задачей нашей статьи является комплексная публикация этих эпиграфических памятников вместе с археологическим контекстом, без которого их значение для исследования Березанского поселения не может быть понято в должной мере.

Фрагментированные чаши с надписями происходят из заполнения двух хозяйственных ям (№ 234 и 238), расположенных всего в 4,4 м друг от друга (рис. 2—4). Несмотря на пространственную и хронологическую близость этих комплексов, они, по-видимому, относятся к разным стратиграфическим периодам существования архаического Борисфена. Территория, на которой находились ямы № 234 и 238 (рис. 2), с начала третьей четверти VI в. до н.э. принадлежала участку большого многокамерного домовладения — дома I-1 (МК-3). Яма № 234 находится на территории помещения № 25 этого дома, а яма № 238 — северо-восточнее, на территории его внутреннего двора. Дом I-1 был расположен в квартале «I» Березанского поселения и имел вход с запада, с улицы У-7.[2] Первые городские жилые дома Борисфена отнесены к стратиграфической фазе II-А, начало которой предположительно датируется 540-ми гг. до н.э. (Чистов и др. 2012: 41—73; 2020: 61—90). Их появление вместе с развитием системы кварталов и уличной сети связывается с прибытием новой большой группы ионийских колонистов. До середины VI в. до н.э. эта же территория была занята многочисленными полуземлянками и хозяйственными ямами раннего, I периода.

Выделение отдельных фаз в рамках I периода существования Березанского поселения затруднено из-за отсутствия выраженного культурного слоя этого времени. Стратиграфическую последовательность ранних землянок и хозяйственных ям оказывается возможным определить только в случаях взаимных прорезов. Вместе с тем на участке «О-Западный» удалось раскрыть ряд объектов, непосредственно предшествующих наиболее ранним наземным каменно-сырцовым домам II периода, построенным на той же территории, или сосуществовавшим с наиболее ранними из них. Эти комплексы, датирующиеся около середины VI в. до н.э., условно выделяются в «переходную» (между I и II периодами) фазу I-В (Чистов и др. 2012: 15—18; 2020: 49—56). Пять больших прямоугольных полуземлянок этой фазы расположены в районе слияния меридиональных улиц У6 и У7, что позволило предположить синхронность их возникновения времени первичной разбивки уличной сети на территории Березанского поселения (Чистов 2017a: 133—137; 2017b: 139;); две из них (СК 67, 73) находятся на территории дома I-1 с западной стороны улицы У-7.

---

[1] Краткий текст этого доклада с предварительным чтением граффити сохранился в компьютере С.Р. Тохтасьева и был любезно сообщен А.П. Бехтер одному из авторов настоящей статьи.

[2] О системе нумерации кварталов и улиц Борисфена см.: (Чистов 2020b; Чистов и др. 2020: 16, ил. 2).

Хозяйственная яма № 234 относится к первому, «догородскому» периоду существования Борисфена, и была выкопана до возведения построек дома I-1, включая и помещение № 25, в границах которого она раскрыта. Эта яма связана с группой из трех овальных полуземлянок второй четверти — середины VI в. до н.э. (СК 39, 40, 68): с севера она прорезает полуземлянку СК 68, но, в свою очередь, оказалась прорезана с юга полуземлянкой СК 39, т.е. является по отношению к первой — поздней, а ко второй — более ранней. Время существования всех этих комплексов близко к середине VI в. до н.э.[3]: таким образом, их также можно отнести к «переходной» фазе I-В, предшествующей началу массового каменно-сырцового строительства на Березани.

В разрезе яма № 234 имела грушевидную форму, стенки расширялись от горловины к низу. Диаметр на уровне устья составлял 1,15—1,30 м, на уровне дна — 1,65 м, глубина от уровня погребенной почвы — 1,52 м. Помимо фрагментированной ионийской чаши с владельческой надписью, речь о которой пойдет далее, заполнение ямы № 234 содержало представительный керамический комплекс, датируемый около середины VI в. до н.э. Эта дата базируется, прежде всего, на находках транспортных амфор, включающую как целые сосуды, так и крупные фрагменты керамической тары.

Целая и фрагментированная амфоры (рис. 5: *1—2*; Чистов и др. 2012: 13, рис. 3: *5—6*) принадлежат наиболее ранней серии т.н. «протофасосских» амфор на сложнопрофилированных ножках (Иония β /Иония I), которую отличает пифоидная форма тулова и плавный переход от горла к плечикам. Производство таких сосудов связывают с неустановленными центрами Северной Эгеиды (Dupont 1999: 153; Монахов 2003: 37) или Восточной Греции (Bîrzesku 2012: 124; Sezgin 2012: 259—271, 325). Эти находки вместе с крупными фрагментами таких же амфор из находившейся неподалеку большой прямоугольной полуземлянки СК 73 (Chistov 2018: 86—87, fig. 1: *1—4*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: 14) позволили аргументированно подтвердить их принадлежность к наиболее ранней серии данного типа (ср.: Монахов 2003: 39, табл. 23: *1—2*). Близость датировок ямы № 234 и СК 74 подтверждает и наличие в обоих комплексах амфор редкого типа Пабуч Бурну/Истрия 1388/Созополь 477, также датируемых около середины VI в. до н.э. (рис. 5: *6*; Chistov 2018: 89—90, fig. 3: *2—3*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: 14, рис. 2: *8—13*).

Фрагментированная амфора с туловом характерной «репковидной» формы (рис. 5: *3*; Chistov 2018: fig. 2: *5*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: 12, рис. 2: *3*) относится к т.н. группе сосудов типа амфоры из некрополя Лебеди V (Монахов 2003: 51—52), в настоящее время предположительно относимых к продукции Теоса (Sezgin 2017). Пропорции амфоры из ямы № 234 позволяют отнести её к наиболее позднему варианту амфор этой группы (Chistov 2018: 88—89). Если их атрибуция к продукции Теоса верна, можно предполагать, что она не могла быть произведена позже 546 г. до н.э., т.е. даты захвата этого города Гарпагом и исхода его жителей в Абдеры (Herod., 1, 168). Тулово хиосской амфоры «созопольского» варианта с белой обмазкой (рис. 5: *5*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: рис. 4: *1*) также представляет тип керамической тары, производство которого прекратилось около середины VI в. до н.э.

[3] Подробное описание и датировку полуземлянок СК 39 и 40, исследованных в 2007 г., см: (Чистов и др. 2012: 15—16, ил. 10). Описание находок из их заполнения см.: (Чистов и др. 2012: 22—23, 36—37, табл. 5: *2*, 6: *18—24*, 11: *2, 4, 12—17*, 24: *6*, 45: *1—5*, 49: *1—5*, 50: *1—7,* 54: *2—3, 15*). Описание полуземлянки СК 68, входящей в ту же группу, но раскрытой в 2016 г., в отчетную статью за этот год (Чистов, Ильина 2019) не вошло. Этот комплекс (рис. 3) представлял собой котлован неправильной формы, близкой в плане к овальной. Диаметр полуземлянки составлял 2,80—3,55 м., глубина от уровня погребенной почвы — 0,65—0,80 м. На дне котлована выявлены три столбовые ямки диаметром 0,22—0,30 м и глубиной 0,10—0,12 м. Заполнение содержало керамический материал второй четверти — середины VI в. до н.э.

(Монахов 2012: 15).

Столовая расписная керамика из заполнения ямы № 234 дает более широкую дату — в рамках первой половины VI в. до н.э. Здесь мы не находим ни поздних групп ионийской керамики (стиля «фикеллура», клазоменских или приписываемых Клазоменам групп чернофигурных сосудов, самые ранние образцы которых датируются от 560 гг. до н.э.), ни аттических столовых сосудов. Таким образом, находки расписной керамики свидетельствуют о засыпке ямы не позже середины VI в. до н. э.

Североионийские колонные кратеры стиля LWG (NiA) 580—560-х гг. до н.э. представлены фрагментами сосудов с чернофигурным изображением оленя (рис. 6: *1*) и резервным — козлов (рис. 6: *2*). Подобные кратеры, расписывавшиеся в смешанной технике, характерны для слоёв Березанского поселения первой половины VI в. до н.э.; центрами их производства могли быть Клазомены и Теос (Копейкина 1970: 104; Борисфен-Березань 2005, кат. 34—38; Posamentir, Soloviov 2006: 119, Abb. 19—20, 27; 2007: Abb. 1b, 16—18; Чистов и др. 2012, табл. 20: *4*, 41: *3*; 2020: 37—38, табл. 14: *1—6*). Фрагменты таких сосудов широко встречаются в архаических слоях Ольвии и различных памятников Северного и Северо-Западного Причерноморья (Буйских 2013: 44—45).

Несколькими фрагментами представлены небольшие ольпы на плоском дне с орнаментом полосами (рис. 6: *3—4*; ср.: Boardman 1967: 144). Фрагмент дна ионийской тарелки на кольцевом поддоне (рис. 6: *7*; БЭ 2016.12/69) датируется 580—560 гг. до н.э. (Boardman Hayes 1966: 41—42, 44). В числе находок ионийских киликов — профильные фрагменты с отогнутым венчиком варианта 9,1.С. по классификации У. Шлотцауэра[4] (рис. 6: *5*). Ионийские чаши полусферической формы представлены нижней частью сосуда с орнаментом лучами и поясками (рис. 6: *6*), а также фрагментированной чашей rosette bowl с граффити — посвятительной надписью Дейнона на внешней стороне (рис. 1: *2*). Первый фрагмент, определенно, относится к более раннему варианту чаш с розеттами, на что указывает большая толщина стенок и особенности внутреннего декора — наличие белого обрамления концентрических полос пурпурной краски. По-видимому, этот сосуд относится к первой четверти VI в. до н.э. Чаша Дейнона орнаментирована по внешней стороне двумя широкими полосами бурого лака (на уровне подставки и в центральной части тулова), группами из пяти вертикальных штрихов по обеим сторонам ручек и розеттой из семи точек, размещенной по центру резервной зоны между группами штрихов. Внутренняя поверхность вместилища покрыта бурым лаком, по которому пурпуром нанесены четыре концентрических круга. Исходя из современных представлений о развитии декора этих чаш (Буйских 2013: 107—108), находка может быть датирована не ранее второй четверти VI в. до н.э. Тем же временем датируются чаши с аналогичной схемой орнаментации из некрополя Ассоса (Utili 1999: 149, Abb. 2, Kat. 17). Вопрос о верхней границе периода производства полусферических чаш с розеттами детально не проработан. Ранее предполагалось, что они не производились позднее середины VI в. до н.э. (Boardman 1967: 170). Однако время их бытования все же заходит во вторую половину столетия (Cook, Dupont 1998: 26); к последней трети VI в. до н.э. их полностью вытесняют чаши той же формы с более простым декором полосами (Буйских 2013: 108). Это наблюдение в полной мере подтверждается материалами Березанского поселения фазы II-А (Чистов и др. 2012: табл. 65: *6—10*, 66: *1—3*; 2020: табл. 48: *7—12*, табл. 49: *12—14*).

Благодаря нейтронно-активационным анализам глин основной центр производства чаш с птицами и пришедших им на смену в конце VII в. до н.э. чаш с розетками в настоящее время

[4] О вариантах ионийских киликов этого типа и их датировке подробнее см. описание ямы № 238 ниже.

локализуются в Теосе. Этот город стал в VIII—VI вв. до н.э. важнейшим центром гончарного производства в Северной Ионии, наладившим массовое стандартизованное производство столовой керамики (Mommsen et al. 2006: 70; Kadıoğlu et al. 2019: 349—353).

По внешней стороне килика Дейнона прочерчена надпись:

Ἑρμ<έ>ω ἐμὶ ϙόλιξ: ΕΝΠΟ[- ca. 10–15 -]ΡΑΟ ἔγραφε δέ με Δένων
— «Я килик Гермеса[5] ….. Писал же меня Дейнон[6]».
Высота букв: 0,5—0,8 см.

Отличительные черты шрифта этого граффито (*альфа* с косой перекладиной, *эпсилон* с длинными слегка наклонными гастами, хвостатая *ро*) находят аналогии в березанских граффити VI в. до н.э.[7] — например, на венчике чернолаковой амфоры 575—550 г. до н.э. (рис. 9: *1)*, на светильнике первой половины — середины VI в. до н.э. и в застольном граффито на венчике ионийского килика [--] μαίνεσθα[ι] καὶ ἐρᾶν[--] второй — начала третьей четвертей VI в. до н.э. (Яйленко 1979: 57, рис. 2: *а—г*; Борисфен-Березань 2005: 136, 141, № 257, 267, 268). Близкой аналогией (с учетом меньшей тщательности выполнения граффито хозяйственного характера) является запись о торговой операции с зерном или выпечным хлебом на стенке ионийской чаши первой половины VI в. до н.э.[8] (Dubois 1996: 77, no. 36; Яйленко 2017: 339—340) (рис. 9: *2*).

Обращают на себя внимание форма йоты в ἐμί, которая будто бы имеет скругленный изгиб влево, а гамма в ἔγραφε похожа на лунарную сигму. Йота в ϙόλιξ обычная, поэтому нельзя исключить, что такое изменение формы вызвано тем, что буквы процарапывались по выгнутой поверхности.

ЛИ Δένων уже встречалось в Ольвии[9] — в ольвийском заклятии IV в. до н.э. и на остраконе (Dubois 1996: 169, № 102; Белоусов 2020: 13, № 3), и, что примечательно, в такой же форме с монофтонгизацией дифтонга ει. Точно также ει передается посредством ε в ἐμί (Thumb, Scherer 1959: 252, § 311.5; примеры подобной монофтонгизации на Березани и в Ольвии см. — Dubois 1996: 184). Пропуск *эпсилон* в Ἑρμ<έ>ω объясняется, вероятнее всего, ошибкой резчика.

Формуляр граффито типичен для посвятительных надписей на сосудах — τοῦ θεοῦ εἰμι — «я принадлежу богу (букв. я есмь бога)» (Lazzarini 1976: 251—254, № 537—558). Следующее за этой формулой ϙόλιξ С.Р. Тохтасьев предлагал считать антропонимом (Тохтасьев 2017) по аналогии с граффито конца V — начала IV в. до н.э. Μάν[δρι]ος κόλιξ καλή из сирийской Аль-Мины, но, скорее, это все же необычная форма слова κύλιξ, как и считал его издатель Дж. Бизли (SEG. 16. 231).

---

5 Среди березанских граффити с имеием Гермеса следует упомянуть граффито первой трети V в. до н.э. Ἑρμῆι Πατ[ρωΐωι] — «Гермесу Отчему» (Русяева, Станицiна: 2018: 59, 62; Яйленко1982: 291, № 110; SEG. 32. 751) и граффито начала V в. до н.э. ἱερὴ εἰμὶ τὀρμέω — «Я (килик), посвящённый Гермесу» (Dubois 1996: 125, № 76).

6 В.П. Яйленко прочел вместо *дельты мю* и читает здесь ЛИ Μένων (Яйленко 2020: 485).

7 Ю.Г. Виноградов видел в шрифте березанских эпиграфических памятников копирование шрифта, принятого в метрополии, то есть в Милете (Виноградов 1989: 38, прим. 28).

8 Небольшие размеры фрагментов не позволяют уверенно восстановить схему орнаментации этой чаши. Вероятнее всего они принадлежат чаше с розетками первой половины VI в. до н.э. По шрифту Б. Браво датировал это граффито второй половиной VI в. до н.э. (с оговоркой, что он не является специалистом по палеографии), он полагал, что эта надпись была сделана не на целом килике, а на черепках, и что, таким образом, датировка сосуда дает terminus post quem (Bravo 1977: 42—43). По мнению А. Джонстона, по форме *альфы* и *мю* граффито датируется третьей четвертью VI в. до н.э. (Johnston 1979: 209).

9 В других причерноморских полисах, оно, по-видимому, не засвидетельствовано.

В ϙόλιξ можно видеть переход υ в ο, что подтверждается формой ἀρύστιχος из березанского граффито на ольпе конца VII — начала VI в. до н.э.[10] Ипсилон в этом граффито процарапан поверх омикрон (Dubois 1996: 67, № 27; Тохтасьев 2017; ср., также, Slavova 2004: 28, § 1.6.2).

Далее, перед сколом находятся буквы ΕΝΠΟ. Вероятнее всего они принадлежат одному слову с отсутствием ассимиляции носового перед губным[11] (Scherer 1934: 26, § 43). После омикрон видна нижняя часть вертикальной гасты. Это не может быть *ро*, и, скорее всего, это не *йота*, так как предшествующие *йоты* начинаются ниже остальных букв. Из остальных возможных вариантов с *каппой*, *лямбдой* (левая гаста *лямбды* в этом граффито вертикальная), *ню* и *тау* больше всего подходят слова на ΕΜΠΟΛ и ΕΜΠΟΤ. С.Р. Тохтасьев видит здесь ἔνπο[τος] — «ἔμποτος как эпитет килика — «пригодный (т.е. хороший) для питья», синоним εὔποτος» (Тохтасьев 2017).

Посвятительные надписи, в которых эпиклеза божества отделена от его имени глаголом, уже встречались в Ольвии, например, Ἀπόλλωνός ἐμι τõ Δελφινίο (конец VI в. до н.э., Русяева 2010: 28, 220, табл. 4: *6*; ср., также Lazzarini 1976: 253, no. 556: *g, h*). Так что более оправданным выглядит восстановление ΕΝΠΟ как эпиклезы Гермеса Ἐνπο[λαῖος] — «Торговый, покровительствующий торговле» (Яйленко 2020: 485; Bravo 2021: 12; см. также Bravo 1977: 36). Ранее Яйленко восстанавливал эту эпиклезу в ольвийском граффито начала V в. до н.э. — [ἄ]ξιος Ἑρμέω ἐμ[ὶ Ἐμπο]λαίο («я (килик) достойный Гермеса Торгового»)[12] (Яйленко 1980: 77 № 68; SEG 30. 908).

Следовательно, до лакуны текст граффито можно читать следующим образом: Ἑρμ<έ>ω ἐμὶ ϙόλιξ: Ἐνπο[λαίο --] — «Я килик Гермеса Торгового…». Восстановление текста перед находящимися за сколом буквами ΡΑΟ затруднительно, т.к. лакуна достаточно велика (на утраченном фрагменте стенки могло находиться примерно 10—15 букв)[13].

Завершающая часть граффито («Писал же меня Дейнон») находит аналогии в сигнатурах мастеров, являвшихся одновременно дедикантами. Как правило, это формула ἐποίησε καὶ ἀνέθηκε («сделал и посвятил»). Но имеется и другой вариант: Νέαρχος μ' ἔγραφσεν κἀ[νέθεκεν] («Неарх меня написал и посвятил», Афины, сер. VI в. до н.э.), Μιλονίδας ἔγραψε κἀνέθεκε («Милонид (*меня*) написал и посвятил», Пендескуфия, VI в. до н.э.) (Lazzarini 1976: 293, no. 815, 816; Тохтасьев 2017).

Точное определение типа граффито Дейнона выглядит затруднительным. Наличие названия сосуда в формуляре, обычное для застольных надписей, возможное восстановление ΕΝΠΟ как ἔνπο[τος] и завершение надписи «писал же меня такой-то», использовавшееся в несомненно застольном граффито Пифея, сына Перикла, из ямы № 238, указывает на то, что это может быть застольная надпись. С другой стороны, не менее вероятным представляется восстановление Ἐνπο[λαίο --]. Кроме того, Гермес не являлся покровителем симпосиумов.

В качестве возможного варианта можно предложить следующее чтение этого граффито:

[10] Речь идет об ионийской микроольпе с граффито Идана из раскопок В.В. Лапина 1974 г. (Лапин 1974: 123—14, табл. 25: *1—3*), найденной яме № 150 первой половины VI в. до н.э. (Ср.: Буйских 2019: рис. 33, кат. 1: *314—327*).

[11] Ср. Φίλον με ἐποίεσεν hὀνπορίονος (Афины, ок. 500—480 гг. до н.э., IG. I^{3}. 777).

[12] Гезихий объясняет значение ἐμπολαῖος как ὁ κερδῷος Ἑρμῆς — «Гермес приносящий прибыль» (Hesych. s.v.). Ἑρμῆς Ἐμπολαῖος упоминается у Аристофана (Aristoph. Ach., 816, Pl. 1155). В комментариях к «Ахарнянам» схолиаст поясняет ἐμπολαῖος как ἐμπορικός, πραγματευτικός (Schol. ad Aristoph., Ach., 816).

[13] В.П. Яйленко и Б. Браво, читавшие граффито по фотографии, видят там соответственно ΣΑΟ и ΩΡΟ/ΩΔΟ (Яйленко 2020: 485; Bravo 2021: 12).

Ἑρμ<έ>ω ἐμὶ ϙόλιξ: Ἐνπο[λαίο? --]PAO ἔγραφε δέ με Δένων
— «Я килик Гермеса Торгового (?)… Писал же меня (*то есть надпись*) Дейнон».

В начале третьей четверти VI в. до н.э. все ранние полуземлянки и хозяйственные ямы были засыпаны, и на той же территории возводятся многокамерные дома, сблокированные в городской квартал. Дом I-1 *(*МК-3)[14] вероятно, входил в число первых сырцово-каменных наземных домов, построенных на Березанском поселении в 540-х гг. до н. э. Несколькими десятилетиями позже, в последней четверти того же столетия, он был разрушен пожаром, а затем отстроен заново.

В третьей четверти VI в. до н. э. домохозяйство состояло, по-видимому, из пяти помещений (рис. 2: *5, 6, 7, 25, 26*, 10). Три из них представляли собой изолированные постройки, расположенные в северной, восточной и юго-восточной частях дома, и примыкавшие к его внешним стенам. Наибольших размеров достигало помещение № 5 (49 кв. м) с прямоугольным очагом, в котором находились две переносные цилиндрические печки. Соседнее помещение № 6, почти квадратное в плане и с заглубленным на 0,2—0,3 м полом, имело меньшие размеры (38 кв. м). Не исключено, что вдоль южной границы надела — ойкопедона, между помещениями № 5 и 25 на раннем этапе существования дома существовала еще одна небольшая постройка — от нее сохранился лишь отрезок сырцовой стены, не имевшей в основании каменного цоколя. Нельзя исключить и того, что эта стена представляла собой один из строительных периодов южной ограды домовладения.

Два других помещения (№ 7 и 26) были расположены в северо-западной части дома. Помещение № 7 представляло собой полуподвал, заглубленный в грунт на 0,85 м. Его стены были сложены из сырцовых кирпичей без каменных цоколей в основании. Помещение № 26 имело интересную особенность — оно выступало за западную границу дома в сторону городской улицы примерно на половину своего объема. Это небольшое помещение с каменно-сырцовыми стенами предположительно имело хозяйственное назначение — в нем найдены остатки двух печей. Помещения № 7 и 26 разделял узкий тупиковый проход; тем не менее, не исключено, что на раннем этапе существования дома они были частями одной постройки. Наличие вымостки позволяет допустить, что вход в помещение № 6 был расположен с востока. Вместе с тем дверные проемы не были достоверно зафиксированы ни в одной из построек этого домовладения, поэтому их расположение можно реконструировать лишь гипотетически. Вход в дом I-1, по-видимому, находился с запада, между помещениями № 25 и 26, и вел во двор с улицы У7. Здесь же на улицу выходил водосток, отводивший осадочные и сточные воды с территории внутреннего двора.

«Дом Пифея» имел исключительно большие размеры: его общая площадь приближается к 380 кв. м, около 50% из которых приходится на долю жилых и хозяйственных сооружений. В границах этого домовладения одновременно располагались четыре—пять небольших изолированных построек, группировавшихся с трех сторон от центрального двора. По всей видимости, внутренняя территория этого участка осваивалась его владельцами постепенно, новые постройки возводились по мере надобности. Расположение некоторых из этих строений выглядит почти хаотичным: так, например, полуподвальное помещение № 7 и помещение № 6 практически сходятся внешними углами. Не вполне ясно как использовалась территория к северу от помещения № 7 на протяжении ранней строительной фазы, и как к

[14] МК-3 — обозначение многокамерного комплекса в нумерации участка «О-Западный» I-1 — номер дома по новой поквартальной нумерации. Различные части и помещения этого дома исследовались на протяжении многих полевых сезонов — с 2004 по 2016 г.; результаты этих раскопок отражены в ряде публикаций (Чистов 2007; Чистов и др. 2012: 41—54; Чистов, Ильина 2017: 181—189, рис. 2—3; 2019: 158—162).

ней осуществлялся доступ. Можно лишь предположить, что северо-западная часть комплекса (помещение № 26 и незастроенная территория к северу от помещения № 7) представляла собой особую хозяйственную единицу — лавку, или место проживания какой-то обособленной части семьи. Нельзя полностью исключить и того, что это помещение всё же относится к соседнему с севера дому I-3. Его строительные остатки сохранились очень фрагментарно[15]. Вместе с тем установлено, что древняя дневная поверхность к северу от помещений № 4, 6, 8 дома I-1 имела значительный уклон в направлении современного берега острова, из-за чего здесь грунт был подрезан уступом или небольшой террасой высотой до 0,5 м: эта особенность рукотворного рельефа позволяет определить северную границу домовладения и предполагать, что помещение № 26 всё же находилось в его границах.

На территории дома I-1 раскрыто несколько хозяйственных ям, синхронных различным строительным фазам его существования, а также два колодца: один из них (№ 222) был расположен в центральной части двора, а другой (№ 89) — в северо-восточном углу надела, между помещениями № 5 и 6. Яма № 238, в которой был обнаружен килик с граффито Пифея, находилась в юго-западной части внутреннего двора дома I-1, у северо-восточного угла помещения № 25. Стратиграфические наблюдения не позволяют связать ее с определенным периодом или фазой столь же точно, как и в случае с ямой № 234. Яма № 238 не прорезалась другими заглубленными объектами, а ее устье было выявлено с уровня погребенной почвы, практически идентичного и уровню подошв стен соседней постройки № 25 фазы II-А. Эта сравнительно небольшая хозяйственная яма в разрезе имела характерную форму с расширяющимися книзу стенками. Ее диаметр на уровне устья составляет 0,86—0,90 м., глубина — 1,15 м, ширина на уровне дна — 1,17 м.

Фрагменты амфорной тары, составлявшие большую часть находок в заполнении, малоинформативны, и могут датироваться в рамках VI в. до н.э. В их числе — отдельные профильные части сосудов Клазомен, Милета, лесбосских красноглиняных и сероглиняных амфор. Находки керамики других групп немногочисленны — 50 фрагментов, 36 из которых принадлежат сосудам ионийских центров. Аттическая керамика в заполнении этой ямы (в отличие от ямы № 238) присутствовала, но лишь в виде шести невыразительных фрагментов, принадлежащих киликам и закрытым сосудам.

Крупный фрагмент тарелки на ножке с росписью — разорванным меандром, поясками и лучами (рис. 7: *3*) как и край тарелки на кольцевом поддоне со сходной системой росписи (рис. 7: *1*) относятся к формам североионийской керамики стиля LWG (NiA), изготавливавшимся в основном во второй четверти VI в. до н.э. и, возможно, немного позднее середины столетия (Boardman, Hayes 1966: 44; Cook, Dupont 1998: 53, fig. 8, 18; Буйских 2013: 65). Подобные тарелки являются массовым материалом для ранних слоев Ольвии (ср.: Буйских 2013: 294—295, 296, кат. 3.240—3.264, 267—276) и Березани (Борисфен-Березань 2005: 50—51, кат. 62—63), где они, наряду с тарелками южноионийского и эолийского производства, характерны в основном для комплексов I периода (Чистов и др. 2012: табл. 19, 27, 41: *1—3*, 44: *5—7*; 2020: 35, табл. 11—12). Однако, подобные изделия с простой схемой орнаментации (разорванный меандр, концентрические круги и лучи) встречаются и в слоях фазы II-А, что заставляет предполагать некоторое пересечение их хронологии с предполагаемыми хронологическими рамками этой фазы — от 540-х гг. до н.э. (Чистов и др. 2012: табл. 67: *7, 12*; 2020b: 99—100, табл. 53—54). Анализы показали близость

[15] Во многом благодаря современным массированным грабительским раскопкам, уничтожающим культурный слой Березанского поселения.

химического состава глины таких тарелок группе B, предположительно связываемой с продукцией Теоса (Posamentir, Soloviov 2006: 119—121, Abb. 22).

Из заполнения ямы также происходит фрагмент ручки—пластины североионийского колонного кратера первой половины VI в. до н.э. с характерной росписью на верхней поверхности — меандром и лучами (рис. 7: *2*).

Для определения датировки ямы № 238 наиболее интересны находки орнаментированных полосами ионийских киликов с отогнутым краем. Помимо большого килика с граффито Пифея в этом же комплексе найдены крупные фрагменты еще трех подобных киликов (рис. 8: *1—3*). Все они имеют существенно меньший, в сравнении с чашей Пифея, диаметр (ок. 13—14 см), однако их профилировка и орнаментальная схема несколько различаются.

Основываясь на последней и наиболее детальной типологии этих сосудов, выполненной на основе стратифицированных комплексов Милета (Schlotzhauer 2001), все они относятся к типу 9 — самой массовой форме ионийских киликов на протяжении всего VI в. до н.э. Два килика (рис. 8: *2—3*) имеют сходные пропорции вместилища и практически одинаковую систему орнаментации внешней стороны тулова. Внутренняя сторона одного из них (рис. 8: *3*) полностью залита лаком, у другого же — орнаментирована концентрическими полосами различной ширины. В классификации У. Шлотцауэра такие сосуды отнесены к варианту 9,1.С. Килики схожей профилировки найдены в Милете в контекстах второй—третьей четвертей VI в. до н.э. и датируются довольно широко — 590/80—550/40 гг. до н.э. (Schlotzhauer 2001: 518, Taf. 32, Kat. N 183, 184). Еще один фрагментированный килик (рис. 8: *1*) имеет иную, существенно более округлую и мелкую форму вместилища. Его, скорее, можно отнести к варианту 9,2.С того же типа. Этот вариант является несколько более поздним — время его бытования укладывается в рамки второй—третьей четвертей VI в. до н.э. (580/70—530/20 гг.) (Schlotzhauer 2001: 519, Taf. 33, Kat. N 187—188). Кроме того, пропорции сосуда из ямы № 238 близки килику из раскопок участка «О-Восточный» В.В. Лапина, который А.В. Буйских относит к еще более позднему варианту 9,3.С, дата которого распространяется на вторую половину столетия (Буйских 2016: 35—36, рис. 4: *5*). Однако наш килик не имеет орнаментации полосами пурпура, а профилировка его венчика не соответствует особенностям этого варианта (ср. Schlotzhauer 2001: Taf. 33).

Приведенные выше датировки вариантов форм киликов типа 9 увязываются с развитием в Милете стиля росписи «фикеллюра», и, по-видимому, не в малой степени обусловлены ранней датой появления этого стиля (после 590-х гг. до н.э.), принимаемой У. Шлотцауэром (Schlotzhauer 2001: 109). Килики типа 9 известны большим количеством находок в центрах Северо-Западного Причерноморья, и, в первую очередь, на Березани (Буйских 2016: 33). Следует заметить, что находки крупных профильных фрагментов киликов вариантов 9,1.С и 9,2.С на Березани широко встречаются в контекстах как I, «догородского» периода (Чистов и др. 2012: табл. 17: *2*, 25: *3*, 26: *2*, 38: *2*; 2020b: табл. 9: *1—3*), так и фазы II-А, соответствующей времени появления уличной сети и первых многокамерных каменно-сырцовых домов (Чистов 2006: 68—69, рис. 17: *48*, илл. 31: *2*; Чистов и др. 2020: табл. 50: *6—8*; табл. 51: *1—3*). В одном из «рубежных» комплексов фазы I-В середины VI в. до н.э. вместе зафиксированы профильные фрагменты киликов вариантов 9,1.С и 9,3.С (Чистов и др. 2012: табл. 141: *5—7*). В комплексах и слоях позднеархаической фазы II-В крупные профильные фрагменты полосатых ионийских киликов 9-го типа встречаются намного реже (Чистов и др. 2020: табл. 87: *1*), являясь случайными примесями из ранних напластований.

В целом приведенные наблюдения могут соответствовать верхним хронологическим границам, предложенным для этих вариантов У. Шлотцауэром, если верно наше предположение о смене I периода стратиграфической фазой II-А в 540-х гг. до н.э.

Таким образом, исходя из современных представлений о хронологии ионийских импортов, керамический комплекс ямы № 238 сложно датировать точнее, чем вторая — начало третьей четвертей VI в. до н.э. — т.е. его датировка очень близка описанной выше яме № 234 и границе первого и второго стратиграфических периодов в существовании памятника. Вместе с тем, в отличие от последней, мы не имеем веских оснований отнести яму № 238 к I периоду архаического Борисфена. Исходя из косвенных данных (небольшая примесь фрагментов аттической керамики, расположение на территории двора дома I-1) и возможных дат группы находок киликов с отогнутым венчиком, оправданно, всё же, допускать её связь с жилым комплексом фазы II-А, а имя владельца килика предположительно связать с хозяином этого исключительно большого домовладения.

Обратимся теперь к килику с застольной надписью Пифея, сына Перикла[16] (рис. 1: *1*). Его профилировка и орнаментация также близки варианту 9,1.С, однако он имел почти вдвое больший диаметр (24,6 см). Такие исключительно большие чаши с отогнутым венчиком и орнаментом полосами известны в материалах Милета, где выделены в особый тип 12. Однако все они найдены лишь во фрагментах; из-за недостатка данных предложена лишь широкая дата, охватывающая три последних четверти VI в. до н.э. (580/570 до 500/490 гг. до н.э.) (Schlotzhauer 2001: 265—266). Находка килика этой формы таких размеров является чрезвычайно редкой и для Березанского поселения, но не единичной. Фрагмент венчика килика еще большего диаметра (до 30 см) имеется в коллекции из раскопок В.В. Лапина. А.В. Буйских по визуальным характеристикам предполагает его производство в каком-то из центров Северной Ионии (Буйских 2016: 33, 34, рис. 3: *9*), то же можно сказать и о килике Пифея[17]. Вдоль внутренней стороны закраины этого килика была нанесена однострочная надпись:

ΠΥΘΕΩΕΙΜΙΤΟΠΕΡΙΚΛΕΟΣΧΕΧΑΡΩΔΕΜΟΝΟΜΑΚΩΣΑΝΜΕΚΠΙΗΙΧΑΙΕΡΗΣΕΙΕΓΡΑ
ΘΕΔΕΜΕΠΥΘΗΣ.
Высота букв: 0,5—1 см.

Шрифт этого граффито в целом имеет те же черты, что шрифт граффито Дейнона, за исключением того, что *ро* имеет более выраженную вертикальную «ножку», а наклонная перекладина *альфы* достигает конца правой гасты.

Несмотря на то, что надпись прочерчена твердой рукой, она не свободна от ошибок. Пифей пропустил *эпсилон* между двумя *хи* и поместил его чуть ниже, под первой *хи*. К числу явных описок можно отнести *тхету* вместо *фи* в ἔγρα<φ>ε. По-видимому, случайный характер имеет и *эпсилон* после *йоты* в χαι{ε}ρήσει[18].

Чтение и интерпретация начала и конца этой надписи не вызывают серьезных разночтений — Πυθέω εἰμὶ τõ Περικλέος … ἔγρα<φ>ε δέ με Πυθῆς («Я (*килик*) Пифея, сына Перикла. … Писал же меня (*то есть эту надпись*) Пифей»).

[16] Первая публикация: (Чистов, Ильина 2019: 162, ил. 6: *1*).

[17] Археометрические анализы образцов киликов типов 9.1.С из Милета показали, что они были произведены в самом Милете (Schlotzhauer 2001: 110).

[18] Можно предположить, что первоначально Пифей прочертил χαερήσει, а затем, переправляя αε на αι, добавил *йоту,* не зачеркнув при этом *эпсилон* (о передаче на письме αι посредством АЕ см., например, Bechtel 1924: 33, 34, § 3; Schwyzer 1939: 194).

ЛИ Πυθῆς и Περικλῆς до сих пор не были засвидетельствованы ни в Ольвии, ни на Березани (LGPN. IV, s.v.), но Πυθῆς было употребительно и в Милете (391—387 гг. до н.э., Syll.3 134; конец III в. до н.э., Milet. VI. 2. 470), и в других ионийских полисах, например, в Эрифрах (ок. 270/260 г. до н.э., OGIS 223=SEG 37. 924; LGPN VA, s.v.). В то время, как Б. Браво и В. П. Яйленко предлагают акцентуацию Πύθης, С.Р. Тохтасьев справедливо полагал, что Πυθῆς — ионийская форма с характерным для этого диалекта переходом —έᾱς > -ῆς (Buck 1928: 39, § 42. 2).

Форма ионийского генитива на -εω этого ЛИ вполне обычна и находит многочисленные аналогии как в милетских, так и в ольвийских и березанских надписях классического и эллинистического времени (Scherer 1934: 28 § 45; Dubois 1996: 189; см., например, Ἡρακλείδεω в ольвийском письме Апатурия, сына Леонакта (конуц VI в. до н.э., Dana 2007: 75), τὀρμέω (Березань, ок. 500 г. до н.э., Dubois 1996: 125 № 76)).

Самые ранние примеры ЛИ Περικλῆς — V в. до н.э. — происходят из Аттики (LGPN II, s.v.), малоазийские примеры относятся ко времени не раньше IV в. до н.э. (LGPN VA, s.v.). Генитив Περικλέος имеет форму на -εος, обычную для имен собственных с основой на сигму в ионийских надписях VI—V вв. до н.э. (Scherer 1934: 54). Подобный генитив находит аналогии в Ольвии (см., например, Τύχων ὁκατοκλέος — ок. 500 г. до н.э. (Dubois 1996: 113, № 62); Ἑκατοκλέος — V в. до н.э. (Dubois 1996: 168, № 101) и встречается там вплоть до конца IV в. до н.э. — например, в судебном заклятии (Τελεσικράτεος – Dubois 1996: 171, № 105) и в лапидарных надписях (Ἰσοκράτεος — Dubois 1996: 89, № 45; Λεωκράτεος — Dubois 1996: 25, № 11).

Форма εἰμί, в которой ει передается посредством диграфа ΕΙ, находит аналогии в Милете (посвящение Аполлону, до 550 г. до н.э., Schwyzer 1960: 351 № 723_3).

Следующая за указанием на владельца килика часть граффито — ΧΕΧΑΡΩΔΕΜΟΝΟΜΑΚΩΣΑΝΜΕΚΠΙΗΙΧΑΙΕΡΗΣΕΙ — интерпретировалась различным образом.

Все исследователи видят в $Χ_Ε$ΧΑRΩ редуплицированный conjunctivus aoristi activi от χαίρω — χεχάρω (Тохтасьев 2017; Яйленко 2020: 483; Bravo 2021: 15)[19]. Подобные редуплицированные формы будущего времени и аориста засвидетельствованы у Гомера (см., например – κεχαροίατο (Hom. Il., 1, 256), κεχαρησέμεν (Hom. Il., 15, 98), κεχάροντο (Hom. Il., 16, 600); κεχάροιτο (Hom. Od., 2, 249), κεχαρήσεται (Hom. Od., 23, 266).

Первая *хи* в χεχάρω появилась в результате регрессивной ассимиляции — χεχάρω < κεχάρω (для аттического диалекта примеры подобной ассимиляции придыхательного см. — Threatte 1980: 457—460, § 38: *211a*, для других диалектов — Schwyzer 1939: 257).

Сразу же после χεχάρω С.Р. Тохтасьев предлагал выделять δ’ ἐμὸν / ὄνομα (последнее со знаком вопроса – *Н.П., Д.Ч.*), что, по его мнению, не давало удовлетворительного смысла. Далее, непосредственно перед ἄν μ’ ἐκπίηι он предполагал κ’ ὡς («*и как*»), то есть элизию или красис καί перед гласным и псилозу. Его предварительное чтение и перевод этого граффито выглядел следующим образом:

Πυθέω εἰμὶ τõ Περικλέος $Χ_Ε$ΧΑΡΩΔΕΜΟΝ ὄνομα (?) κ’ ὡς ἂν μ’ ἐκπίηι, χαι{ε}ρήσει· ἔγρα(φ)ε δέ με Πυθῆς

— «*Я есмь чаша Пифея, сына Перикла (……) имя (?); и как (он) ни выпьет меня, возрадуется; а писал меня Пифей*» (Тохтасьев 2017).

[19] С.Р. Тохтасьев e.g. рассматривал также возможность перфектной формы (Тохтасьев 2017).

В.П. Яйленко для середины граффито предлагает следующий вариант разбивки текста на слова:

χεχάρω δὲ μ’ ὄνομα κὼς ἄν μ’ ἐκπίηι[20], χαί<ε>ρήσει

— «*Я (кубок) Питеса Периклова, радостно же мне имя (слава того), кто меня как-либо выпьет и выиграет; исписывал-то меня Питес*» (Яйленко 2020: 483).

Предлагаемая интерпретация ΧΕΧΑΡΩΔΕΜΟΝΟΜΑ не вполне понятна. Насколько можно судить по переводу, ὄνομα рассматривается в качестве подлежащего к χεχάρω, то есть «*радостно же мне имя*» равнозначно «*имя для меня является радостным/радующим*» по аналогии, например, с τοῦτο δ' ἐγὼ πρόφρων δέχομαι, χαίρει δέ μοι ἦτορ — «*Я же охотно принимаю этот (дар), и мое (букв. у меня) сердце радуется*» (Hom. Il., 23, 647). Это не согласуется с тем, что χεχάρω — форма первого лица[21]. Не ясно также, к чему в этом случае относится выделяемая московским исследователем форма датива личного местоимения первого лица μοι. После конъюнктива ἐκπίηι В.П. Яйленко видит союз καί с аспирацией[22] и футурум от αἱρέω[23].

Б. Браво (со ссылкой на мнение М. Венцовского — Wecowski 2014: 42—47) считает, что в рассматриваемом граффито речь идет о застольной игре, когда сотрапезники должны были одним глотком — ἀμυστί (букв. «*не закрывая рта*») выпить чашу с вином, обычно достаточно большого объема. Для центральной части граффито он предлагает следующий вариант чтения: χεχάρω δὲ μονομάκως. ἄν μ’ ἐκπίηι, χαι{ε}ρήσει («пусть я смогу радоваться, устраивая состязание (*в выпивке*). Если кто меня выпьет до дна, тот будет этому рад»), где μονομάκως — это наречие от μονόμαχος («*сражающийся в одиночку*»). Браво объясняет замену *хи каппой* тем, что писавший «плохо различал фонемы -k- и -kh-»[24]. Кроме приведенных Б. Браво примеров замены заднеязычных, например, *гаммы каппой* в письме из Гермонассы 450—440 гг. до н.э. (κατασφρ<α><γ>ίσατε – Pavlichenko, Kashaev 2012: 230), в качестве более близкой аналогии можно привести форму императива от δέχομαι — δέκεσθε — в письме с ольвийской агоры 525—500 г. до н.э. (Dana 2007: 73—74; Bechtel 1924: 255, § 306).

Вариант интерпретации этого граффито, предложенный Б. Браво, представляется наиболее удачным. Он не требует никаких дополнительных допущений, таких, например, как появление форм с аспирацией. Все особенности орфографии — в частности, замена *хи гаммой* и регрессивная ассимиляция κ > χ — находят аналогии в том числе и в ольвийских надписях. Следует отметить, что среди березанских и ольвийских застольных граффити

[20] В транскрипции текста В.П. Яйленко ударения χεχαρῶ и ἐκπιῆι (Яйленко 2020: 483).

[21] Формально форма ὄνομα может быть и аккузативом, но аккузатив при χαίρω встречается редко, и это или аккузатив существительного или местоимения с причастием, или аккузатив прилагательного в форме среднего рода, или figura etymologica (LSJ, s.v.).

[22] В качестве доказательства возможности появления форм с аспирацией он привлекает наречие ἐνθεῦθεν из так называемого «письма жреца» из Гилеи второй половины VI в. до н.э. (Dubois 1996: 55—63, № 24; Тохтасьев 1999: 177).

[23] То есть, по его мнению, союз καί соединяет в качестве однородных членов предложения конъюнктив с частицей ἄν и футурум. В.П. Яйленко предлагает также и факультативный вариант интерпретации средней части этого граффито, в котором присутствуют две формы с аспирацией и «гиперионийская» форма глагола ἐρέσσω («грести, ускорять, управлять, усердно заниматься», LSJ, s.v.) — χἒ χάρω δὲ μ’ ὄνομα κὼς ἄν μ’ ἐκπίηι, χαί ἐρήσει — «*Я (кубок) Питеса Периклова, и того радостно же мне имя (слава), кто меня как-либо выпьет и станет владеть; исписывал-то меня Питес*» (Яйленко 2020: 484).

[24] «Appartengo a Pythes figlio di Perikles; possa io rallegrarmi facendo un duello (di bevuta). Se uno mi berra fino in fondo, ne sara lieto. E stato Pythes a scrivere su di me» (Bravo 2021: 15).

VI—V вв. до н.э. имеется несколько со словосочетанием ἀμυστὶ πιεῖν («выпить, не закрывая рта, залпом»)[25] (Яйленко 1980: 90—93, № 91—93). Среди них есть граффито [--]ος ὃς ἄμ[υσσιν ἐκπίῃ, ἀ]ναγορεύ[σεται] («кто выпьет не закрывая рта, возвестит (*о себе*)») (рубеж VI—V вв. до н.э., Яйленко 1980: 91, № 92; Dubois 1996: 69, no. 28a; Тохтасьев 1999: 182). Граффито Пифея, по-видимому, представляет вариант застольной надписи подобного типа.

Надпись прочерчена от лица килика и от лица надписи на этом килике и состоит из трех частей: указание на владельца сосуда, затем вполне уместный во время симпосиума призыв показать умение не просто много выпить, но выпить залпом большую чашу. Задача была не столь уж простой, поскольку симпосиасту предстояло опорожнить порядка 2—2,5 литров вина[26]. В знаменитом граффито на «кубке Нестора» скифос сообщает, что он является εὔποτ[ον]⁝ ποτέριο[ν] («чашей, приятной для питья») (Meiggs, Lewis 1969: 1, № 1), а ольвийский килик V в. до н.э. называет себя ἡδύποτος ... φίλη πίνοντι τὸν οἶνον («приятным для питья … милым для пьющего вино») (Dubois 1996: 71, № 29). Березанский килик сообщает о себе, что ему доставит удовольствие вызвать на состязание в выпивке. Заключает текст нестандартное завершение, точно такое же, как в граффито Дейнона, в котором уже сама надпись сообщает, что ее автором был владелец сосуда.

Таким образом, граффито можно читать следующим образом:

Πυθέω εἰμὶ τõ Περικλέος, χεχάρω δὲ μονομάκως. ἅν μ’ ἐκπίηι, χαι{ε}ρήσει. ἔγρα<φ>ε δέ με Πυθῆς
— «Я (*килик*) Пифея, сына Перикла. Пусть я смогу радоваться, устраивая состязание (*в выпивке*). Если кто меня выпьет до дна, тот будет (*этому*) рад. Писал же меня (*то есть надпись*) Пифей».

Надписи на киликах из раскопок 2016 г. дополняют новыми штрихами наши очень неполные знания как о раннем, «догородском» поселении на Березани, так и о времени основания на его территории урбанизированной колонии. Наряду с двумя свинцовыми письмами, найденными в том же районе Борисфена, также относимыми к раннему периоду (Chistov, Pavlichenko 2019), чаша Дейнона является очередным свидетельством тому, что население застроенного полуземлянками поселка в первой половине — середине VI в. до н.э. состояло (в значительной мере или преимущественно) из греков. Поскольку текст на килике дошел до нас не полностью, возможны два варианта его интерпретации: как посвящения божеству или как надписи застольного характера. Вариант восстановления текста как посвящения Гермесу Торговому (Ἐνπολαῖος) прекрасно ложится в представления о раннем Борисфене как об эмпории, поселении, имевшем ярко выраженный торговый или торгово-промышленный (сырьевой) характер[27]. Вместе с тем, такое чтение ставит вопрос о наличии на Березани святилищ греческих божеств уже в это время, что пока противоречит совокупности данных, полученных в ходе многолетних раскопок. Все постройки, которые могут быть признаны общественными сооружениями, относятся ко второму, городскому периоду существования Борисфена, и датируются не ранее третьей четверти VI в. до н.э. Б. Браво допускает возможность того, что Дейнон мог являться членом религиозного союза,

[25] ἀμυστὶ πιεῖν («выпить залпом, большим глотком») является устойчивым выражением — ср., например, Ath. Deipn. X. 60; Anacreont. 11a; Luc. Lex. 8; см. также Dubois 1996: 70.

[26] Измерить объем килика Пифея после полевой реставрации 2016 г. было невозможно, поскольку у него отсутствовала ножка и часть дна. Компьютерное моделирование его тулова по рисунку дает полный объем вместилища около 2,7 л.

[27] См. краткий обзор особенностей Березанского поселения I периода: (Чистов 2020a).

собиравшегося в небольшом святилище, посвященном Гермесу Торговому, а его чаша использовалась в ходе застолий на торжественных собраниях этой ассоциации (Bravo 2021: 12). Учитывая весьма длительный, почти столетний период существования Борисфена как земляночного поселка (возможно, с нестабильным или даже сезонным населением), появление на его территории небольших святилищ, мест почитания греческих богов или проведения религиозных церемоний исключать нельзя, но следует принимать во внимание, что на территории квартала I никаких следов такого теменоса не найдено, а яма № 234 по составу находок из неё никак не может быть признана ботросом.

Килик Пифея, судя по тексту его надписи, использовался хозяином и его гостями для застольных состязаний, чему способствовал его исключительно большой объем. Примечательна связь этого сосуда с жилым домом очень значительной площади, возведенном на самом раннем этапе урбанизации Березанского поселения, по-видимому, уже в 540-х гг. до н.э. Использование окатанных камней в кладках, характерное для самых первых каменно-сырцовых построек Борисфена, прослежено и в помещениях этого многокамерного комплекса. Надо полагать, что хозяин дома I-1 (МК-3), которым вполне мог быть Пифей, сын Перикла, прибыл на Березань в это время в составе большой группы ионийских колонистов, и участвовал в строительстве города, то есть принадлежал к первому поколению переселенцев. Сложно сказать, была ли нанесена надпись в бытность Пифея на Березани, или же большой килик для товарищеских трапез был привезен им в новый дом из метрополии.

Литература

Белоусов А.В. 2020. *Корпус заклятий Понтийской Ольвии (DefOlb).* Москва: МГУ.

Борисфен-Березань 2005: *Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань: каталог выставки*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; АРС.

Буйских А.В. 2013. *Архаическая расписная керамика из Ольвии*. Киев: Стародавній світ.

Буйских А.В. 2016. Ионийские килики из Борисфена. *Археологія і давня історія України* 1(18), 29—42.

Буйских А.В. 2019. *Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960—1980 гг.)*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование.* Москва: Наука.

Копейкина Л.В. 1970. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых её групп. *ВДИ* 1, 93—106.

Лапин 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/100. Лапин В.В. 1974. Отчет о работе Березанской экспедиции археологического музея (Институт зоологии АН УССР) в 1974 г.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров—экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель.* Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Русяева А.С. 2010. *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь: Керченська міська друкарня.

Русяева А.С., Станиціна Г.О. 2018. Сакральні графіті з розкопок В.В. Лапіна в Борисфені. *Археологія і давня історія України* 3(28), 54—67.

Тохтасьев С.Р. 1999. Рец.: Laurent Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont (École pratique des hautes études. Sciences historiques et philologiques. Hautes études du Monde Gréco-Romain, 22). Genève, 1996. 208 p. *Hyperboreus*. Vol. 5. Fasc. 1, 164—192.

Чистов Д.Е. 2007. Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на острове Березань. В: Зинько В.Н., Крапивина В.В. (ред.). *Древности Северного Причерноморья в античное время*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ «Деметра», 127—151 (МАИЭТ. Suppl. 4).

Чистов Д.Е. 2017a. Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI — первой половины V в. до н.э. *АВ* 23, 132—152.

Чистов Д.Е. 2017b. Землянки архаической Березани В: Форназієр Й., Твардецький А., Браунд Д., Буйських А., Гаврилюк Н., Матера М., Шейко І. (ред.). *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев: Стародавній світ, 127—144.

Чистов Д.Е. 2020а. Греки и варвары Березанского поселения во второй половине VII — первой половине VI в. до н.э. В: Хршановский В.А, Жижина-Гефтер В.Б., Жижина Н.К., Молев Е.А., Соколова О.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века).* Ч. 2. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленных технологий и дизайна, 264—271.

Чистов Д.Е. 2020b. Улицы архаического Борисфена. В: Смирнов О.І. (ред.). *Forum Olbicum III: до 70-річчя з дня народження В.В. Крапівіної. Матеріали міжнародної археологічної конференції. 4-6 травня 2020 р.* Миколаїв: Науково-дослідний центр «Лукомор'є», 41—44.

Чистов и др. 2012: Чистов Д.Е., Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., Каспаров А.К., Новоселова Н.Ю. 2012. *Исследования на острове Березань в 2005—2009 гг.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2).

Чистов Д.Е., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2019. Амфоры первой половины — середины VI в. до н.э. из раскопок Березани. *ПИФК* 1, 8—24.

Чистов и др. 2020: Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Еремеева А.А., Щербакова О.Е. 2020. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции.* Т. 3. *Березанское поселение в исследованиях 2010—2014 годов.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж (Археология в Эрмитаже. Т. 1).

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. 2017. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2015 году. *АСГЭ* 41, 177—216.

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. 2019. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2016 году. АСГЭ 42, 155—171.

Яйленко В.П. 1979. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея). *КСИА* 159, 53—60.

Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 3, 75—116.

Яйленко В.П. 1982. *Греческая колонизация VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука.

Яйленко В.П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Яйленко В.П. 2020. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани. *ДБ* 25, 443—511.

Bechtel Fr. 1924. *Die Griechische Dialekte. III. Der Ionische Dialekt.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Bîrzescu I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren.* Bucureşti: Editura Enciclopedica (Histria XV).

Boardman J. 1967. *Excavations in Chios 1952—1955: Greek Emporio.* London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 6).

Boardman J., Hayes J. 1966. *Excavations at Tocra 1963—1965: The Archaic Deposits 1*. London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 4).

Buck C. 1928. *The Greek dialects.* Chicago; London: The University of Chicago Press.

Bravo B. 1977. Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime à l'époque archaïque. *Dialogues d'histoire ancienne* 3, 1—59.

Bravo B. 2021. *Pontica Varia. Poleis e città, culti e rappresentazioni religiose, thiasoi orfici, organizzazione del commercio, "giustizia privata" nella periferia nord-orientale del mondo greco (secoli VII—IV a.c.).* Athènes: École française d'Athènes (BCH. Suppl. 63).

Chistov D. 2018. Amphorae Assemblages of the Second Quarter — Mid-6th Century BC from the North-Eastern Part of The Berezan Island Site. In: Alexandru Avram A., Buzoianu L., Lungu V. (eds.). *Koinè et mobilité artisanale entre la Méditerranée et la mer Noire dans l'Antiquité. Hommage à Pierre Dupont à son 70e anniversaire. Pontica*. Vol. LI. Suppl. V.

Cook R.M., Dupont P. 1998. *East Greek Pottery*. London; New York: Routledge.

Dana M. 2007. Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23-26). *REA* 109(1), 67—97.

Dubois L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève: Hautes Études du Monde Gréco-Romain (Hautes Études du Monde Gréco-Romain 22).

Dupont P. 1999. La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaique. Specificites et problemes. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 143—161.

Johnston A.W. 1979. *Trademarks on Greek vases*. Warminster: Aris and Phillips.

Kadıoğlu M., Özbil C., Kerschner M., Mommsen H. 2019. Teos im Licht der neuen Forschungen. In: Yalçın Ü., Bienert H.-D. (eds.). *Anatolien — Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den*

deutsch-türkischen Altertumswissenschaften. Tagungsband des Internationalen Symposiums "Anatolien – Brücke der Kulturen" in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014. Bochum; Bonn: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, 345—366.

Lazzarini 1976. M. *Le Formule delle dediche votive nella Grecia arcaica*. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.

Meiggs R., Lewis D. 1969. *Greek historical inscriptions to the end of the fifth century B.C.* Oxford: Clarendon Press.

Mommsen H., Cowell M.R., Fletcher P., Hook D., Schlotzhauer U., Villing A., Weber S., Williams D. 2006. Neutron Activation Analysis of Pottery from Naukratis and other Related Vessels. In: Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London: The British Museum Press, 69—76.

Chistov D., Pavlichenko N. 2019. Lead Letter from the Excavations of Area 'O-Western' at the Berezan Settlement in 2017. *Hyperboreus*. Vol. 25. Fasc. 2, 259—277.

Pavlichenko N., Kashaev S. 2012. A personal letter found in Hermonassa. *Hyperboreus*. Vol. 12. Fasc. 2, 230—242.

Posamentir R., Solovyov S. 2006. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg. *Ist. Mitt* 56, 103—128.

Posamentir R., Solovyov S. 2007. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg II. *Ist. Mitt.* 57, 179—207.

Sezgin Y. 2012. *Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period)*. Istanbul: Yayinlari.

Sezgin Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia* 43, 15—39.

Schlotzhauer U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet*. (Diss. Ruhr-Universität Bochum 2001). URL: http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf (дата обращения 24.12.2014).

Scherer A. 1934. *Zur Laut- und Formenlehre der milesischen Inschriften.* München: Salesianische Offizin.

Schwyzer E. 1939. *Griechische Grammatik. Erster Band. Allgemeiner Teil — Lautlehre — Wortbildung — Flexion.* München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Schwyzer E. 1960. *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

Slavova M. 2004. *Phonology of the Greek inscriptions in Bulgaria*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Threatte L. 1980. *The grammar of Attic inscriptions.* Vol. I. *Phonology.* Berlin; New-York: Walter de Gruyter.

Utili F. 1999. *Die archaische Nekropole von Assos.* Bonn: Dr. R. Habelt (Asia Minor Studien. Bd. 31).

Wecowski M. 2014. *The Rise of the Greek Aristocratic Banquet*. Oxford: Oxford University Press.

References

Belousov, A.V. 2020. *Korpus zaklyatiy Pontiyskoy Ol'vii (DefOlb) (Corpus of Conjurations of Pontic Olbia (DefOlb))*. Moscow: MGU (in Russian).

Borisfen-Berezan' 2005: *Borisfen-Berezan'. Nachalo antichnoy epokhi v Severnom Prichernomor'ye. K 120-letiyu arkheologicheskikh raskopok na ostrove Berezan': katalog vystavki (Borisfen-Berezan. The beginning of the Antique Era in the Northern Black Sea Region. To the 120th Anniversary of Archaeological Excavations on the Berezan Island: Catalogue of Exhibition)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh; ARS (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2013. *Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (Archaic painted pottery from Olbia)*. Kyiv: Starodavniy svit (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2016. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 1(18), 29—42 (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2019. *Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Borisfena (raskopki 1960—1980 gg.) (Archaic Painted Pottery from Borisfen (Excavations of 1960—1980))*. Kyiv: Institut arkheologii NAN Ukrainy (in Russian).

Vinogradov, Yu.G. *1989. Politicheskaya istoriya ol'viyskogo polisa VII—I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoye issledovaniye (Political History of the Olbia polis 7th — 1st centuries BCE. Historical and Epigraphic Research)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kopeykina, L.V. 1970. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 93—106 (in Russian).

Lapin 1974: NA IA NANU. No. 1974/100. Lapin V.V. 1974. Otchet o rabote Berezanskoy ekspeditsii arkheologicheskogo muzeya (Institut zoologii AN USSR) v 1974 g.

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija amfor vedushhih centroveksportorov tovarov v keramicheskoj tare: Katalog—opredelitel' (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of*

Amphoras leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers: Identification Catalogue). Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Rusyayeva, A.S. 2010. *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy (Graffiti of Olbia of Pontus)*. Simferopol: Kerchens'ka mis'ka drukarnya (in Russian).

Rusyayeva, A.S., Stanitsina, G.O. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 3(28), 54—67 (in Ukrainian).

Tokhtasjev, S.R. 1999. In *Hyperboreus*. Vol. 5. Fasc. 1, 164—192 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2007. In: Zin'ko, V.N., Krapivina, V.V. (eds.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoye vremya (Antiquities of the Northern Black Sea coast in ancient times)*. Simferopol: Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya im. A.Ye. Krymskogo NAN Ukrainy; Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy BF "Demetra", 127—151 (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 4) (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2017a. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 23, 132—152 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2017b. In: Fornazièr, Y., Tvardets'kiy, A., Braund, D., Buys'kikh, A., Gavrilyuk, N., Matera, M., Sheyko, I. (eds.). *Pivnichne Prichornomor'ya za antichnoi dobi (na poshanu S.D. Krizhits'kogo) (Northern Black Sea coast in ancient times (in Honor of S.D. Kryzhytsky))*. Kyiv: Starodavniy svit, 127—144 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2020a. In: Khrshanovskiy, V.A, Zhizhina-Gefter, V.B., Zhizhina, N.K., Molev, Ye.A., Sokolova, O.Yu. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Bosporskoye tsarstvo M.I. Rostovtseva (vzglyad iz XXI veka) (The Bosporus Phenomenon. Bosporus Kingdom of the M.I. Rostovtzeff (View from the 21st century))*. Pt. 2. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, 264—271 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2020b. In: Smirnov, O.I. (ed.). *Forum Olbicum III: do 70-richchya z dnya narodzhennya V.V. Krapivinoi. Materiali mízhnarodnoi arkheologíchnoi konferentsii. 4-6 travnya 2020 r. (Forum Olbicum III: until the 70th Birthday of V.V. Krapivina. Materials of the International Archaeological Conference. 4-6 May 2020)*. Mykolaiv: Naukovo-doslídniy tsentr "Lukomor'e", 41—44 (in Russian).

Chistov et al. 2012: Chistov, D.Ye., Zuev, V.Yu., Il'ina, Yu.I., Kasparov, A.K., Novoselova, N.Yu. 2012. *Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005—2009 gg. (Research on Berezan Island in 2005—2009)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (Materials of the Berezan (Nizhnebug) Antique Archaeological Expedition. Vol. 2) (in Russian).

Chistov, D.Ye., Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, Ye.V. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 8—24 (in Russian).

Chistov et al. 2020: Chistov, D.Ye., Il'ina, Yu.I., Yeremeyeva, A.A., Shcherbakova, O.Ye. 2020. *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Berezan (Nizhnebug) Antique Archaeological Expedition)*. Vol. 3. *Berezanskoye poseleniye v issledovaniyakh 2010—2014 godov (Berezanskoe settlement in the studies of 2010—2014)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (Arkheologiya v Ermitazhe. Vol. 1) (in Russian).

Chistov, D.Ye., Il'ina, Yu.I. 2017. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 41, 177—216 (in Russian).

Chistov, D.Ye., Il'ina, Yu.I. 2019. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 42, 155—171 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 1979. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 159, 53—60 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 1980. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 75—116 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 1982. *Grecheskaya kolonizatsiya VII—III vv. do n.e. (Greek Colonization of the 7th — 3rd centuries BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yaylenko, V.P. 2017. *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII v. do n.e. — VII v. n.e. (History and Epigraphy of Olbia, Chersonesos and the Bosporus of the 7th century BCE — 7th century CE).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Yaylenko, V.P. 2020. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosporus)* 25, 443—511 (in Russian).

Bechtel, Fr. 1924. *Die Griechische Dialekte. III. Der Ionische Dialekt.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Bîrzescu, I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren.* Bucureşti: Editura Enciclopedica (Histria XV).

Boardman, J. 1967. *Excavations in Chios 1952—1955: Greek Emporio.* London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 6).

Boardman, J., Hayes, J. 1966. *Excavations at Tocra 1963—1965: The Archaic Deposits 1*. London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 4).

Buck, C. 1928. *The Greek dialects.* Chicago; London: The University of Chicago Press.

Bravo, B. 1977. Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime à l'époque archaïque. *Dialogues d'histoire ancienne* 3, 1—59.

Bravo, B. 2021. *Pontica Varia. Poleis e città, culti e rappresentazioni religiose, thiasoi orfici, organizzazione del commercio, «giustizia privata» nella periferia nord-orientale del mondo greco (secoli VII—IV a.c.).* Athènes: École française d'Athènes (BCH. Suppl. 63).

Chistov, D. 2018. Amphorae Assemblages of the Second Quarter — Mid-6th Century BC from the North-Eastern Part of The Berezan Island Site. In: Alexandru Avram, A., Buzoianu, L., Lungu, V. (eds.). *Koinè et mobilité artisanale entre la Méditerranée et la mer Noire dans l'Antiquité. Hommage à Pierre Dupont à son 70e anniversaire. Pontica*. Vol. LI. Suppl. V.

Cook, R.M., Dupont, P. 1998. *East Greek Pottery*. London; New York: Routledge.

Dana, M. 2007. Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23-26). *REA* 109(1), 67—97.

Dubois, L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève: Hautes Études du Monde Gréco-Romain (Hautes Études du Monde Gréco-Romain 22).

Dupont, P. 1999. La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaique. Specificites et problemes. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 143—161.

Johnston, A.W. 1979. *Trademarks on Greek vases*. Warminster: Aris and Phillips.

Kadıoğlu, M., Özbil, C., Kerschner, M., Mommsen, H. 2019. Teos im Licht der neuen Forschungen. In: Yalçın, Ü., Bienert, H.-D. (eds.). *Anatolien — Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den deutsch-türkischen Altertumswissenschaften. Tagungsband des Internationalen Symposiums "Anatolien — Brücke der Kulturen" in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014*. Bochum; Bonn: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, 345—366.

Lazzarini, 1976. M. *Le Formule delle dediche votive nella Grecia arcaica*. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.

Meiggs, R., Lewis, D. 1969. Greek historical inscriptions to the end of the fifth century B.C. Oxford: Clarendon Press.

Mommsen, H., Cowell, M.R., Fletcher, P., Hook, D., Schlotzhauer, U., Villing, A., Weber, S., Williams, D. 2006. Neutron Activation Analysis of Pottery from Naukratis and other Related Vessels. In: Villing, A., Schlotzhauer, U. (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London: The British Museum Press, 69—76.

Chistov, D., Pavlichenko, N. 2019. Lead Letter from the Excavations of Area 'O-Western' at the Berezan Settlement in 2017. *Hyperboreus*. Vol. 25. Fasc. 2, 259—277.

Pavlichenko, N., Kashaev, S. 2012. A personal letter found in Hermonassa. *Hyperboreus*. Vol. 12. Fasc. 2, 230—242.

Posamentir, R., Solovyov, S. 2006. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg. *Ist. Mitt* 56, 103—128.

Posamentir, R., Solovyov, S. 2007. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg II. *Ist. Mitt.* 57, 179—207.

Sezgin, Y. 2012. *Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period)*. Istanbul: Yayinlari.

Sezgin, Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia* 43, 15—39.

Schlotzhauer, U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet*. (Diss. Ruhr-Universität Bochum 2001). Available at: http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf (accessed 24.12.2014).

Scherer, A. 1934. *Zur Laut- und Formenlehre der milesischen Inschriften.* München: Salesianische Offizin.

Schwyzer, E. 1939. *Griechische Grammatik. Erster Band. Allgemeiner Teil — Lautlehre — Wortbildung — Flexion.* München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Schwyzer, E. 1960. *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

Slavova, M. 2004. *Phonology of the Greek inscriptions in Bulgaria*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Threatte, L. 1980. *The grammar of Attic inscriptions.* Vol. I. *Phonology.* Berlin; New-York: Walter de Gruyter.

Utili, F. 1999. *Die archaische Nekropole von Assos.* Bonn: Dr. R. Habelt (Asia Minor Studien. Bd. 31).

Wecowski, M. 2014. *The Rise of the Greek Aristocratic Banquet*. Oxford: Oxford University Press.

Рис. 1. Граффити из раскопок участка «О-Западный» 2016 г.: *1* — килик Пифея (БЭ 2016.28/160); *2* — чаша Дейнона (БЭ 2016.12/70).

Fig. 1. Graffiti from the excavations of the sector “O-Western” in 2016: *1* — Pytheas’ kylix (BE 2016.28/160); *2* — Deinon’s bowl (BE 2016.12/70).

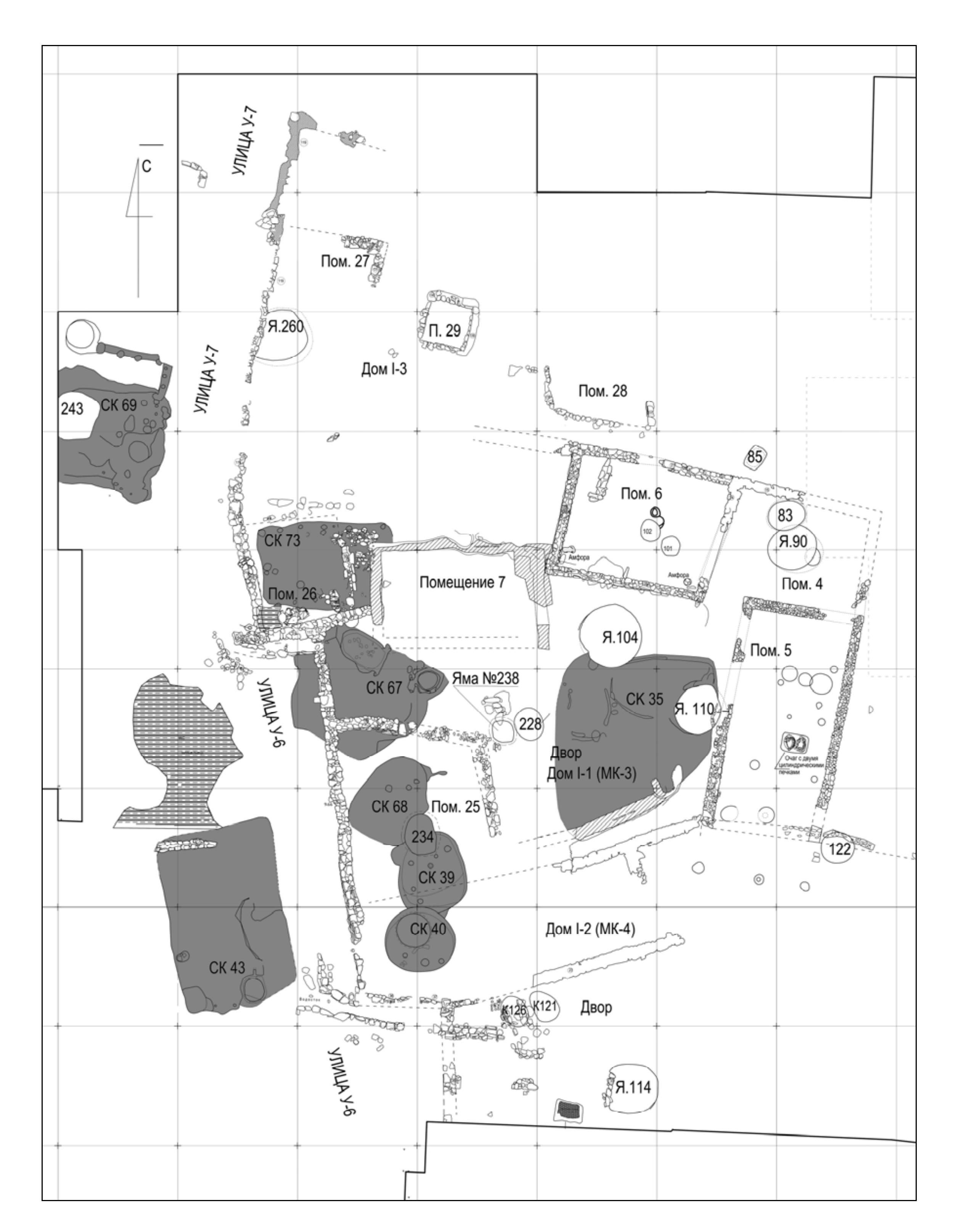

Рис. 2. Раскоп «О-западный». План западной части квартала I. Строительные остатки домов I-1, I-2, I-3, фазы II-А. Серым цветом обозначены объекты, отнесенные к «переходной» фазе I-В, т.е. к середине VI в. до н.э.

Fig. 2. Excavation sector “O-Western”. Plan of the western part of the block I. Building remains of houses I-1, I-2, I-3, phase II-A. The objects assigned to the “transitional” phase I-B, i.e. by the middle of the 6th century BCE.

Рис. 3. Объекты I периода на территории помещения № 25 фазы II-А (полуземлянки № 67 и 68, хозяйственные ямы № 231—234). Полуземлянка СК 39, исследованная в 2007 г., на фото расчищена небольшим сегментом. Вид с юга.

Fig. 3. Structures of the first period on the territory of premises No. 25 of phase II-A (semi-dugouts No. 67 and 68, storage pits No. 231—234). Semi-dugout SK 39, examined in 2007, is cleared by a small segment in this photo. View from the south.

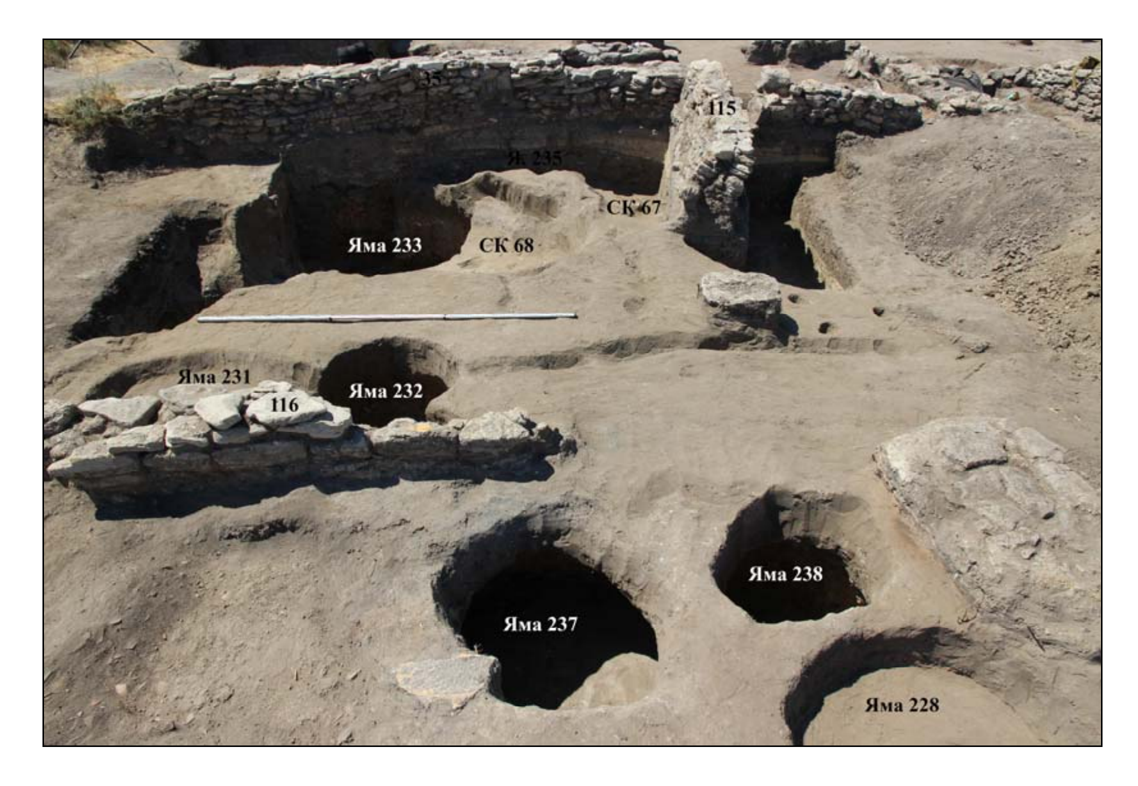

Рис. 4. Яма № 238 (на переднем плане) и объекты I периода на территории помещения № 25. Вид с востока.

Fig. 4. Pit No. 238 (in the foreground) and objects of the I period in the territory of room No. 25. View from the east.

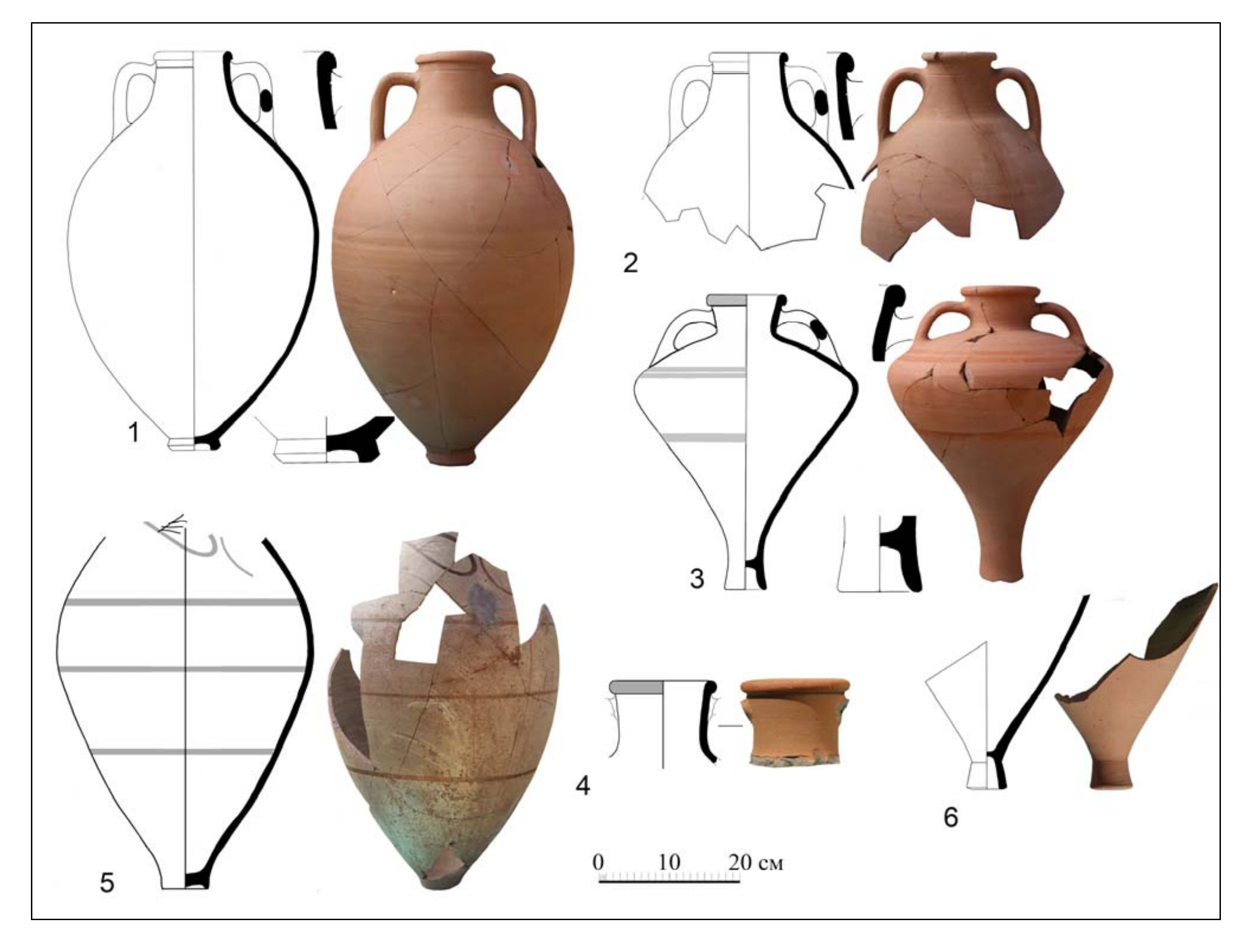

Рис. 5. Керамическая тара из заполнения ямы № 234: *1—2* — ранние «протофасосские» амфоры (БЭ 2016.12/66; БЭ 2016.12/62); *3* — амфора Теоса (БЭ 2016.12/64); *4* — горло клазоменской амфоры (БЭ 2016.12/61); *5* — тулово хиосской амфоры (БЭ 2016.12/63); *6* — нижняя часть амфоры типа Пабуч Бурну/Истрия 1388/Созополь 477 (БЭ 2016.12/65).

Fig. 5. Transport amphorae from the pit filling No. 234: *1—2* — early "protoThasian" amphorae (BE 2016.12/66; BE 2016.12/62); *3* — amphora of Theos (BE 2016.12/64); *4* —neck of the Klazomenian amphora (BE 2016.12/61); *5* —body of the Chian amphora (BE 2016.12/63); *6* — the lower part of the amphora of the type of Pabuç Burnu /Histria 1388/Sozopol 477 (BE 2016.12/65).

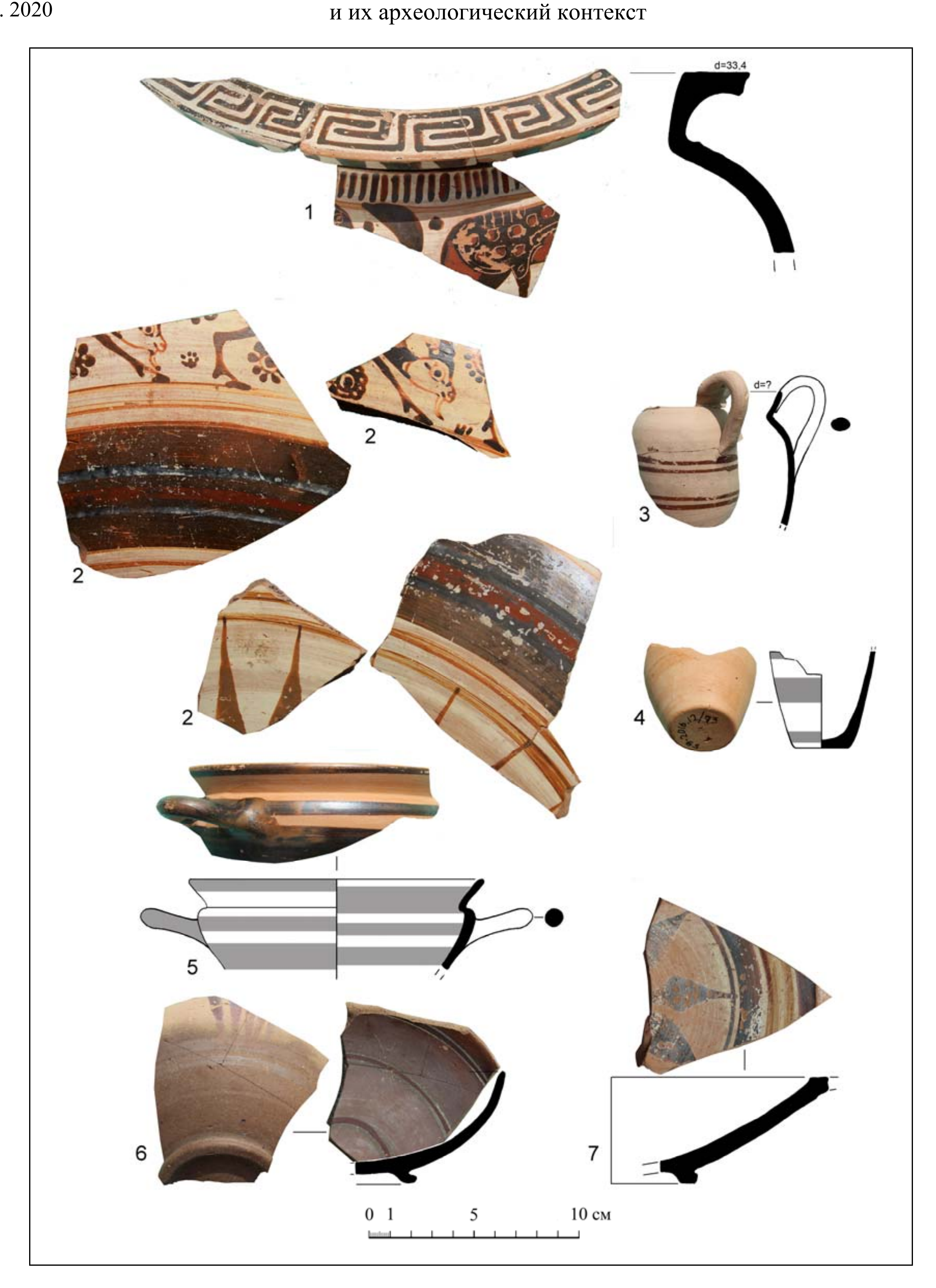

Рис. 6. Восточногреческая керамика из заполнения ямы № 234: *1—2* — фрагменты североионийских колонных кратеров (*1* — БЭ 2016.12/67; *2* — БЭ 2016.12/68); *3—4* — фрагменты ионийских ольп (*3* — БЭ 2016.12/74; *4* — БЭ 2016.12/73); *5* — фрагмент венчика килика (БЭ 2016.12/72); *6* — фрагмент полусферической чаши (БЭ 2016.12/71); *7* — фрагмент дна тарелки на кольцевом поддоне (БЭ 2016.12/69).

Fig. 6. East Greek pottery from the pit filling No. 234: *1—2* — fragments of the North Ionian column craters (*1* — BE 2016.12/67; *2* — BE 2016.12/68); *3—4* — fragments of Ionian olpae (*3* — BE 2016.12/74; *4* — BE 2016.12/73); *5* — fragment of the cup’s rim (BE 2016.12/72); *6* — fragment of a hemispherical bowl (BE 2016.12/71); *7* — fragment of the bottom of the plate on the circular foot (BE 2016.12/69).

Рис. 7. Восточногреческая керамика из заполнения ямы № 238: *1* — край тарелки на кольцевом поддоне (БЭ 2016.28/158); *2* — фрагмент ручки-пластины колонного кратера (БЭ 2016.28/159); *3* — фрагмент тарелки на ножке (БЭ 2016.28/157).

Fig. 7. East Greek pottery from the pit filling No. 238: *1* — edge of the plate on the circular foot (BE 2016.28/158); *2* — fragment of the handle-plate of the column crater (BE 2016.28/159); *3* — fragment of plate on the high foot (BE 2016.28/157).

Рис. 8. Ионийские килики типа 9 с отогнутым венчиком из заполнения ямы № 238: *1* — БЭ 2016.28/162; *2* — БЭ 2016.28/161; *3* — БЭ 2016.28/163.

Fig. 8. Ionic cups type 9 with an outturned rim from the pit filling No. 238: *1* — BE 2016.28/162; *2* — BE 2016.28/161; *3* — BE 2016.28/163.

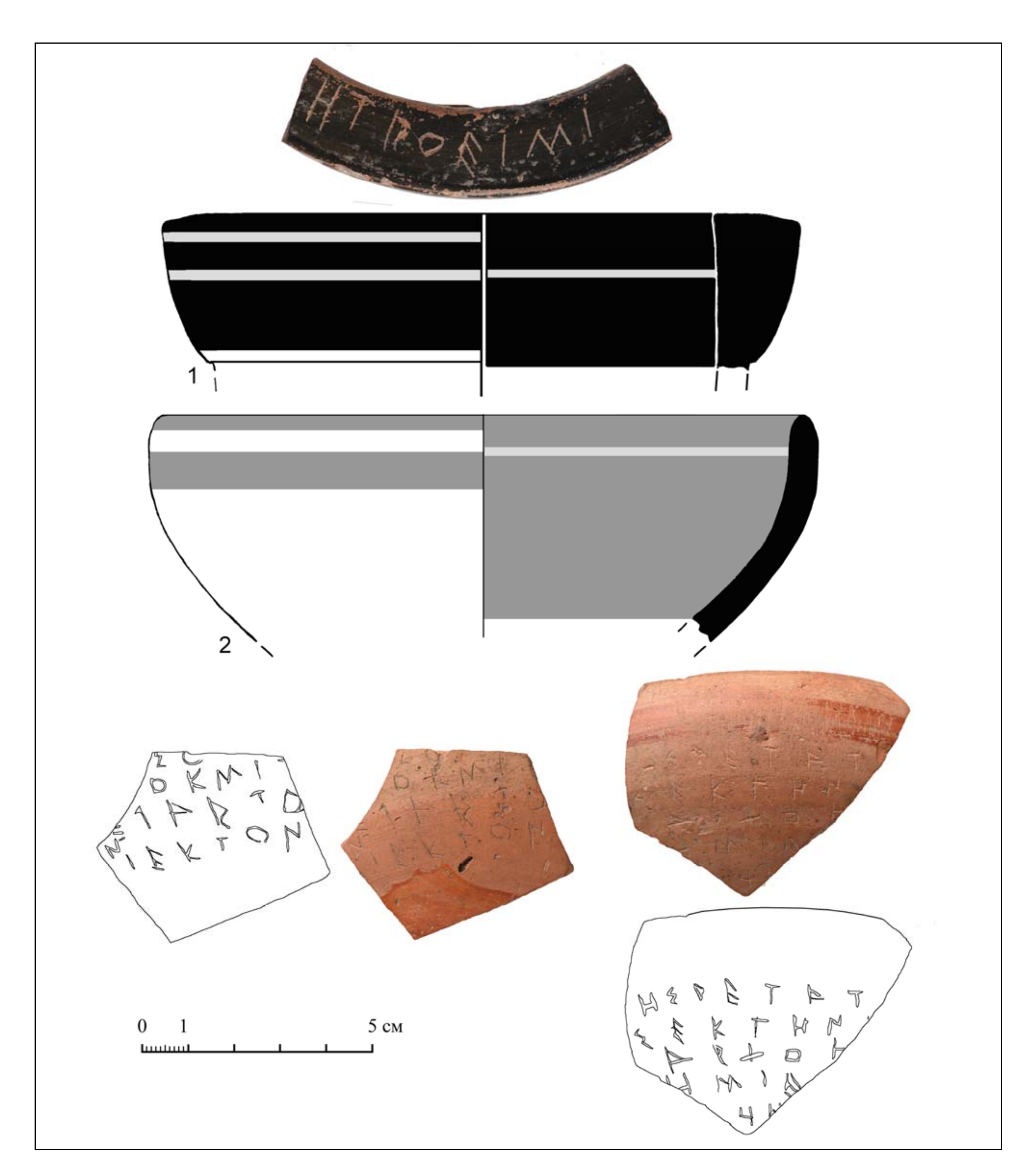

Рис. 9. Два граффити из раскопок Березани в коллекции Гос. Эрмитажа. *1* — Венчик аттической амфоры с граффито (ГЭ. Инв. № Б.-243); *2* — стенки ионийской чаши с граффито (ГЭ. Инв. № Б.63-305; Инв. № Б.63-306).

Fig. 9. Two graffiti form Berezan island site excavations in the State Hermitage museum collection. *1* —Rim of the Attic amphora with graffiti (Hermitage Inv. No B.-243); *2* — fragments of the Ionian bowl with graffiti (Hermitage. Inv. No B.63-305; Inv. No B.63-306).

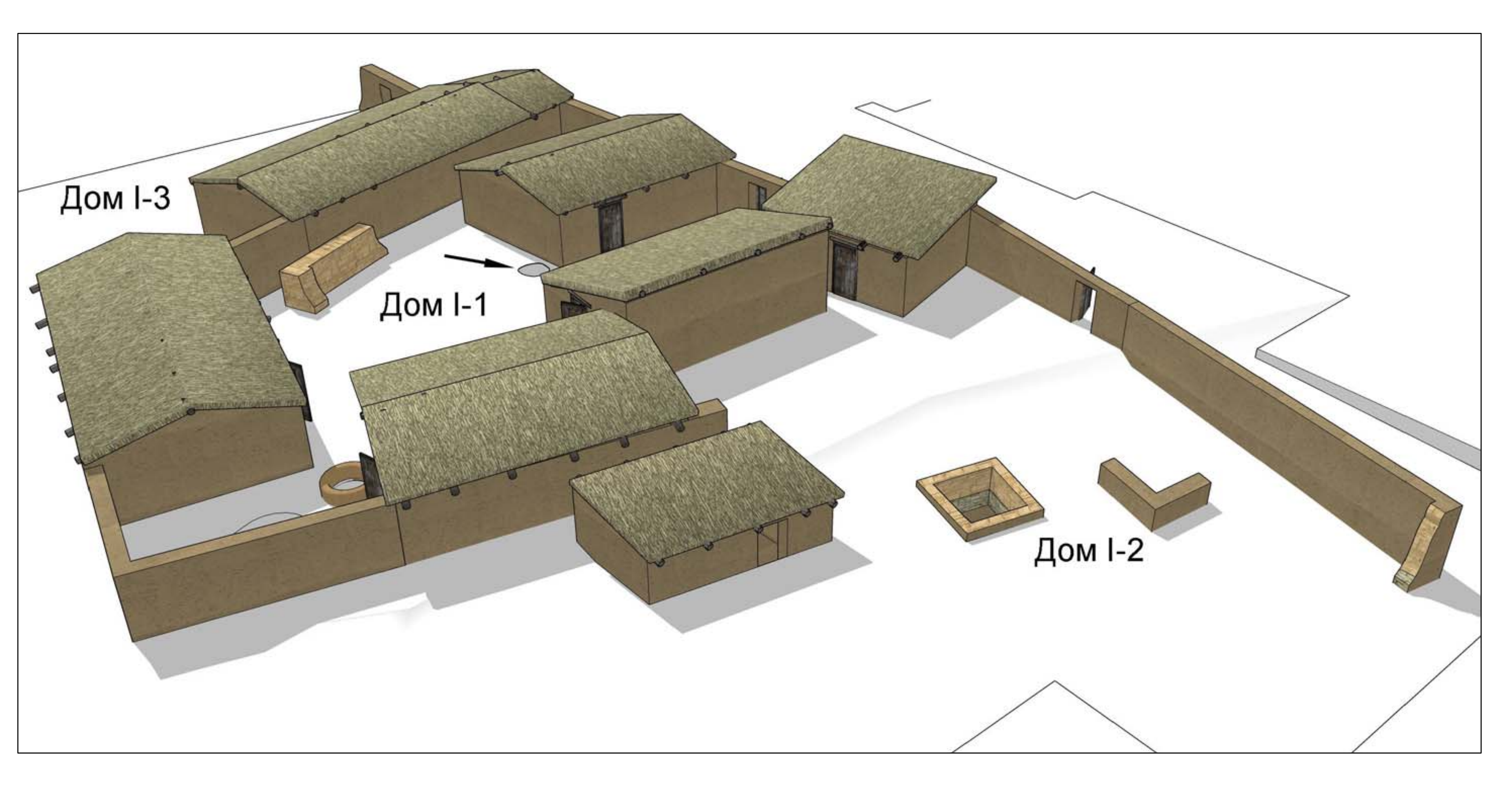

Рис. 10. Предполагаемая реконструкция дома I-1 фазы II-A (третьей четверти VI в. до н.э.) с примыкающими постройками соседних домов I-2 и I-3. Вид с северо-востока. Яма № 238 отмечена стрелкой.

Fig. 10. The proposed reconstruction of the house I-1 phase II-A (third quarter of the 6th century BCE) with adjacent buildings of neighboring houses I-2 and I-3. View from the northeast. Pit No. 238 is marked with an arrow.

УДК 903.024+930.27
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00029

Ю.Ю. Каргин

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «ЛЕНИНА» В ОКРЕСТНОСТЯХ АНТИЧНОЙ ГОРГИППИИ В 2018 г.*

В статье публикуются 87 керамических клейм из раскопок античного поселения «Ленина» сельскохозяйственной округи Горгиппии. 69 из них (80,2%) удалось определить, при этом как минимум 14 следует считать новыми.

Самые ранние клейма относятся ещё к V в. до н.э. Это малоинформативные единичные оттиски на амфорах Хиоса, Фасоса, Айноса и Менды. С 390-х и вплоть до 330-х гг. до н.э. на поселение поступала фасосская и гераклейская продукция в клеймёных амфорах. К этому же периоду относится пара клейм на амфорах «круга Фасоса», в т.ч. производства Аканфа. Во второй половине 350-х гг. до н.э. на рынке, после некоторого перерыва, вновь появилась синопская продукция, уже в клеймёных амфорах, которая через два десятилетия вытеснила практически всю прочую. В период со второй трети IV до начала III вв. до н.э. также фиксируются поставки товаров в клеймёных амфорах из Книда, а на рубеже IV—III вв. до н.э. — из Херсонеса Таврического. Динамика поступления синопской продукции на протяжении второй половины 350-х — середины 270-х гг. до н.э. оставалась относительно ровной. Тем не менее, с середины 270-х и до 250-х гг. до н.э. заметен перерыв, после которого вплоть до конца III в. до н.э. зафиксировано всего 4 синопских клейма, а с конца 230-х и до конца 160-х гг. до н.э. — ещё и 4 родосских. Эта ситуация связана со снижением объёма импортной продукции, поступавшей на поселение.

Ключевые слова: керамические клейма, античность, классический период, эллинизм, Горгиппия, сельское поселение, амфоры, черепица, астином, магистрат, фабрикант, культурный слой, каменные наброски, хозяйственные ямы.

Сведения об авторе: Каргин Юрий Юрьевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Контактная информация: 413857, Россия, Саратовская область, г. Балаково, ул. Набережная Леонова, д. 22, кв.105; e-mail: karginyy@mail.ru.

Yu.Yu. Kargin

CERAMIC STAMPS FROM THE EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT “LENINA” IN THE NEIGHBORHOOD OF CLASSICAL GORGIPPIA IN 2018

The article publishes 87 ceramic stamps from the excavations of the ancient settlement “Lenina” in the agricultural district of Gorgippia. 69 of them (80.2%) were identified, while at least 14 should be considered new.

The earliest stamps are dated to the 5th century BCE. These are uninformative single stamps on amphorae of Chios, Thasos, Aenus and Mende. From the 390s until the 330s BCE the settlement received Thasian and

* Выражаю благодарность В.В. Матаеву за предоставленную возможность вдумчивой и обстоятельной обработки коллекции материалов из раскопок Поселения «Ленина», Е.В. Кузнецовой и С.Ю. Монахову за ценные советы и помощь в подборе специальной литературы.

Статья поступила в номер 20 ноября 2020 г.
Принята к печати 20 декабря 2020 г.

© Ю.Ю. Каргин, 2020.

Heracleian products in stamped amphorae. A pair of stamps on amphorae of the “Thasian circle”, including Acanthus, belongs to the same period. Sinop products that again appeared in the second half of the 350s BCE on the market after a short break in 2 decades replaced almost all other products. In the period from 2nd third of 4th to early 3rd century BCE, also fixed the supply of goods marked amphorae from Knidos, and at the turn of 4th — 3rd centuries BCE — from Tauric Chersonesos. The dynamics of Sinopian products admission during the 2nd half of the 350s — mid-270s BCE remained relatively stable. However, from the mid-270s to 250s BCE, there is a noticeable break, after which only 4 Sinopian stamps were fixed until the end of the 3rd century BC, and from the end of the 230s to the end of the 160s BCE, there were also 4 Rhodian ones. This situation is related to a decrease in the volume of imported products received by the settlement.

Key words: ceramic stamps, Antiquity, Classical period, Hellenism, Gorgippia, agricultural settlement, amphorae, roof tiles, astinom, magistrate, potter, cultural layer, stone riprap, rubbish heaps.

About the author: Kargin Yury Yuryevich, PhD (History), Independent Researcher.

Contact information: 413857, Russia, Saratov region, Balakovo, Naberejnaya Leonova St., 22—105; e-mail: karginyy@mail.ru.

В 2018 г. экспедиция ООО «Прогресс» под руководством В.В. Матаева проводила охранные раскопки вновь выявленного Поселения «Ленина» на побережье Чёрного моря, между пос. Супсех и ЮВ окраиной г. Анапа (рис. 1). Изначально был заложен раскоп 1 площадью 1400 кв. м, ориентированный длинной стороной по линии СЗ—ЮВ, затем вплотную к его СЗ борту, в продолжение единой линии квадратов, был заложен раскоп 2, площадь которого составила 2905 кв. м. Оба раскопа имели форму прямоугольных треугольников, с общим катетом (рис. 2). Мощность распаханного в верхней части культурного слоя, типичного по своим характеристикам для сельских поселений Боспора (Завойкин 2011: 29), составила от 0,2 до 0,8 м. Подстилающий слой — материковая глина с геологическим пластом фрагментированной скальной породы в верхней части. Культурные остатки на поселении представлены преимущественно массовым керамическим материалом, остатками каменных набросок.

В ходе раскопок обнаружено 87 керамических клейм: 86 — на раскопе 2 и 1 — на раскопе 1. Данный участок представлял собой окраину античного сельского поселения конца V — первой трети II вв. до н.э., при этом на раскопе 2 встречались более ранние ямы и материалы, а территория раскопа 1 почти полностью, за исключением ямы 1, относилась к памятнику VI — середины V вв. до н.э. На раскопе 2 были выявлены локальные скопления, выкладки и протяжённые наброски камней с керамикой и черепицей, обозначенные как 17 объектов, а также расположенные в их окрестностях 26 ям хозяйственного назначения (рис. 3). Раскопки проводились условными пластами по 20 см. Всего на раскопе 1 снято до 3 пластов, на раскопе 2 — до 4 пластов, а на отдельных квадратах — до 5. Практически все единицы материала с клеймами на раскопе 2 были сосредоточены в культурном слое, в районе основообразующих набросок камней с керамикой и черепицей — объектов 1 и 4, а также в заполнении близлежащих ям.

Керамические клейма наряду с нумизматическим материалом, амфорной, расписной и чернолаковой круговой керамикой относятся к категории датирующих материалов. Хронологические классификации многих центров производства такой посуды разработаны столь тщательно, что позволяют датировать по ним слои и объекты с высокой точностью. Как правило, керамические клейма никогда не были предметом собирательства древнего населения и попадали в слой или объекты не намного позже года их производства. Исключением может быть лишь некоторое количество амфор, использовавшихся вторично, что касается, прежде всего, сельских поселений (Федосеев 2017: 169). Представительные

коллекции клейм из раскопок античных памятников — таких как, например, Поселение «Ленина» — можно использовать для уточнения состава и хронологии импортов, устанавливаемых путём общего анализа массового амфорного материала. Итоги такого анализа по раскопу 2 приведены в диаг. 1, а также в табл. 1 и 2.

Всем индивидуальным находкам, в т.ч. клеймам по коллекционной описи 2 раскопа 2 (далее — оп. 2/…) присвоена сквозная нумерация. Фрагмент клейма был обнаружен и среди наиболее представительных единиц массового материала раскопа 2 и учтён в коллекционной описи 1 (далее — оп. 1/…), наконец, единственный фрагмент амфоры с клеймом из раскопа 1 был учтён в составе общей описи раскопа 1 (далее — оп.). Распределение оттисков с Поселения «Ленина» по центрам производства отражено в табл. 3 и на диаг. 2. В табл. 5 — в каталоге — представлены фото клейм в масштабе 1:1, их схемы, приведены аналогии и наиболее предпочтительные датировки, указаны номера по описи и, по мере возможности, по главной инвентарной книге Анапского музея-заповедника. В табл. 4 приведено наиболее приемлемое хронологическое распределение клейм: помимо центров производства, и номеров по описям, указан контекст, в котором каждое клеймо было обнаружено. К статье также прилагается индекс имён и эмблем, встреченных на этих клеймах.

Сельское поселение хоры Горгиппии на территории объекта культурного наследия Поселение «Ленина», как и прочие, возникло чуть ранее начала периода систематического клеймения амфорной тары — в конце V в. до н.э. Радиус владений крупного портового города составлял не менее 25 км на равнинных участках, расположенных к С и СВ, а также около 15 км к ЮВ, в предгорьях Кавказского хребта: все эти земли были заняты сетью поселений, находившихся в прямой зависимости от него (Алексеева 1997: 149).

85 из 87 обнаруженных на Поселении «Ленина» клейм удалось соотнести с тем или иным производственным центром, а 69 — определить и датировать в достаточно узких хронологических промежутках, благодаря высокой степени сохранности или читаемости. Таким образом, определимость клейм составила 80,2%, что является очень высоким показателем. Полученная выборка репрезентативна и в значительной мере отражает закономерности поступления продукции в клеймёных амфорах на территорию этого сельского поселения в эпоху классики и эллинизма.

Изучению керамических клейм Горгиппии и её окрестностей посвящён труд В.И. Каца, вышедший в 2015 г. и сопровождающийся электронным каталогом. По данным исследователя, здесь было зафиксировано 2 588 керамических клейм (2 149 амфорных, 4 на прочих сосудах и 435 на строительных материалах). При этом более чем на 30 поселениях и могильниках региона на тот момент было известно всего 255 керамических клейм (182 амфорных, 72 черепичных и 1 на кирпиче—плинфе) (Кац 2015: 16, 74). Таким образом, коллекция из 87 керамических клейм (86 амфорных и 1 черепичное), полученная на Поселении «Ленина», представляет значительный интерес. Проводящиеся в последнее время масштабные раскопки сельских памятников хоры Горгиппии, таких как поселение к ЮЗ от пос. Супсех и группа усадеб у хут. Воскресенский, в ближайшем будущем позволят в ещё большей степени расширить базу данных по керамическим клеймам, обнаруженным на территории Синдики.

I. ПЕРИОД СПОРАДИЧЕСКОГО КЛЕЙМЕНИЯ
(конец VI—V вв. до н.э.)

Практика клеймения керамической тары первоначально появилась в отдельных восточно-средиземноморских центрах ещё в VI в. до н.э. В некоторых мастерских по инициативе владельцев и гончаров на амфорах стали оттискиваться метки в виде колечек и полуколечек, отдельных букв, сокращений имён или эмблем. Спорадическое клеймение осуществлялось в некоторых центрах и позднее, на протяжении классического и эллинистического периодов (Кац 2007: 163).

1. Клейма Хиоса

Хиосские клейма на Поселении «Ленина» представлены 1 экз. из ямы 25 раскопа 2 в виде энглифического полуколечка у основания ручки амфоры, которая по форме может быть датирована в границах конца VI—V вв. до н.э. (табл. 5: *1*, рис. 4: *1*). Такие оттиски широко известны в Причерноморье на амфорах прочих производственных центров, в т.ч. на экземплярах IV в. до н.э. По мнению Н.Ф. Федосеева, поддержанному В.И. Кацем, большинство известных «энглифических колечек» гончары выполняли торцевыми частями тростника при проверке степени готовности сосуда для обжига (Федосеев 2014: 344; Кац 2015: 21). В.И. Кац не исключает, что такие оттиски могли быть и своеобразной торговой маркой (Кац 2015: 22).

2. Клейма Айноса

Амфоры Айноса — греческого полиса на фракийском побережье, в устье р. Марица, — ранее были известны как амфоры круга Фасоса «с раздутым горлом» и датировались второй четвертью — концом V в. до н.э. (Монахов 2003: 77—79). Относительно недавно их удалось локализовать, а датировку продлить вплоть до начала IV в. до н.э. (Монахов 2016: 114—116). В силу этих обстоятельств, клейма Айноса почти не изучены и, наверняка, многие из них можно обнаружить в коллекциях среди неопределённых оттисков. Доподлинно известны лишь единичные клейма: они располагаются преимущественно на горлах амфор, реже встречаются и на верхних частях ручек. Известны как энглифические, так и рельефные оттиски одной или нескольких букв в виде монограмм, причём рельефные — в энглифических полях круглой или прямоугольной формы.

На Поселении «Ленина» встречено единственное такое клеймо из условного пласта 2 раскопа 2. Оно представлено рельефной монограммой в прямоугольном (?) энглифическом поле, оттиснутой на верхней части ручки (табл. 5: *2*, рис. 4: *2*). Сам фрагмент амфоры представляет собой профиль характерного «раздутого» горла с верхней частью ручки. Похожих оттисков среди известных обнаружить не удалось.

3. Фасос, «протоклейма»

Группу анэпиграфных фасосских клейм выделил И. Гарлан. Он считал наиболее вероятной принадлежность эмблем эпонимам и датировал их первой половиной V в. до н.э. (Garlan 1999: 55—57). В.И. Кац считает такие клейма фабрикантскими, распространяя их датировку на весь V в. до н.э., и указывает на неоднозначность выделения их в целостную локализованную группу «протоклейм» из-за нехватки морфологических характеристик

амфорных находок (Кац 2007: 169—170). Большое разнообразие и редкая повторяемость «протоклейм» обусловили их идентификацию преимущественно по морфологическим особенностям основы — амфорного материала.

На Поселении «Ленина» обнаружено единственное неполное фасосское «протоклеймо» из ямы 25 раскопа 2 — рельефная виноградная гроздь в энглифическом ромбе на изгибе амфорной ручки (табл. 5: *3*, рис. 4: *3*). Форма сечения ручки и чёткость оттиска из-за пластичности теста соответствующего состава, обожжённого до характерного красно-коричневого цвета, не оставляют сомнений в его принадлежности именно фасосским мастерским. Данное «протоклеймо» следует признать оригинальным, хотя известны примерные аналогии, правда, исполненные не в ромбах, а в прямоугольниках. Анализ типологического состава фасосской тары по встреченным на памятнике профильным фрагментам показывает, что «протоклеймо» следует датировать в границах второй половины V в. до н.э. (табл. 2).

4. Клейма Менды

Клеймение амфор в Менде не имело массового характера: оно было разнообразным и при этом лаконичным. Поэтому дробная хронологическая классификация клейм данного центра разработана слабо. Большинство оттисков идентифицируется по морфологическим особенностям носителя — амфорного материала. Основная масса этих клейм — энглифическая, выполненная штампами, содержащими отдельные буквы греческого алфавита, лишь незначительное количество представлено сокращёнными именами или анэпиграфными оттисками (Кац 2007: 171—172).

На раскопе 2 Поселения «Ленина» выявлено всего 1 энглифическое клеймо Менды в яме 25, представленное крупной буквой «А» с непропечатанной левой гастой на закруглении ручки (табл. 5: *4*, рис. 4: *4*). Сам фрагмент представляет собой профиль широкого горла с верхней частью ручки, покрытый бурым ангобом и принадлежащий амфоре пифоидного типа I по С.Ю. Монахову второй—третьей четверти V в. до н.э. (Монахов 2003: 89—91). Датировка сдвоенной ямы 25 устанавливается в пределах того же периода и второй—четвертой четверти IV в. до н.э. Несмотря на устойчивое мнение о том, что переход к буквенным оттискам в Менде предположительно произошёл не ранее конца V в. до н.э. (Кац 2007: 172), данный фрагмент амфоры с клеймом следует датировать более ранним временем — третьей четвертью V в. до н.э.

II. ПЕРИОД СИСТЕМАТИЧЕСКОГО КЛЕЙМЕНИЯ
(конец V—I вв. до н.э.)

В конце V в. до н.э. во многих античных центрах — производителях винодельческой продукции возникла практика систематического клеймения керамической тары, которая существовала на протяжении позднеклассического и эллинистического периодов и была связана с установлением государственного контроля над экспортной торговлей (Кац 2015: 24).

Исследователями—антиковедами серии керамических клейм этого периода привлекаются как надёжный датирующий материал, используются для анализа динамики и объёмов поступления импортной продукции в города и поселения Северного Причерноморья. Ими активно применяются методы статистики, хотя, на наш взгляд, любые абсолютные исчисления в данном направлении на практике упираются во многообразие

связанных с ними погрешностей, неизбежно сказывающихся на объективности получаемых результатов.

1. Средиземноморские центры

1.1. Клейма Фасоса

Группа фасосских керамических клейм была выявлена на раннем этапе становления керамической эпиграфики, благодаря наличию в их составе этникона Θάςιον. В 1930-е — 1940-е гг. первые хронологические схемы этих оттисков были предложены Б.Н. Граковым и В.Р. Грейс (Граков 1935: 147—183; 1939; Grace 1946: 31—38). Их критическую проверку в начале 1970-х гг. произвёл Ю.Г. Виноградов, который в итоге предложил новую, типологически выверенную схему раннего этапа фасосского клеймения, при этом ошибочно включив в неё клейма Менды и Аканфа (Виноградов 1972: 3—63). В 1970-е — 1980-е гг., благодаря раскопкам французских археологов на о. Фасос, выводы Ю.Г. Виноградова в основных чертах подтвердились. В результате И. Гарлан существенно уточнил его схему, эти разработки с небольшими правками легли в основу изданного позднее свода ранних фасосских клейм (Garlan 1999). Хронологическую схему клейм позднего периода разработал М. Дебидур (Debidour 1986: 311—334). Вскоре румынский археолог А. Аврам, проанализировав коллекции из Каллатиса и Истрии, свёл воедино типологии ранних и поздних клейм, внеся в них значительные коррективы (Avram 1996). Затем свой вариант хронологии поздних клейм представил И. Гарлан (Garlan 2004—2005: 269—329). Проанализировав имевшиеся типологии, В.И. Кац предложил рассматривать фасосские керамические клейма в рамках 22 последовательных этапов клеймения и внёс некоторые коррективы в последовательность магистратов (Кац 2007: 182—198). Наконец, в недавно вышедшей работе Ч. Цочева был произведён кропотливый композиционный и стилистический анализ ранее выделенных групп, сделаны некоторые уточнения, а фасоское клеймение поделено на 13 последовательных и наименее спорных, по его мнению, хронологических периодов (Tzochev 2016). В целом на сегодняшний день список фасосских магистратов можно считать окончательным, хотя их последовательность и хронология продолжают уточняться.

Начало фасосского клеймения исследователи традиционно относят ко времени принятия законов, регламентирующих производство и торговлю вином на о. Фасос. Ранее его определяли концом V в. до н.э. (Граков 1935: 176; Виноградов 1972: 21), однако позже эта датировка была передвинута в конец 390-х гг. до н.э. И. Гарланом, который увязал её с появлением ранних магистратских клейм. Большинство исследователей безоговорочно приняли эту датировку, хотя представленная нижняя граница была обоснованно подвергнута критике М. Лавалем. В.И. Кац справедливо отметил, что появление эпонимных клейм не исключает того, что само клеймение на раннем этапе могло носить спорадический характер. Он предложил не привязывать принятие законов к появлению ранних магистратских клейм и, следуя замечанию М. Лаваля, понизить принятую хронологию эпонимных клейм на 5—10 лет (Кац 2007: 185—186). Таким образом, несмотря на то, что типология фасосских клейм достаточно хорошо разработана, хронологические рамки эпонимного клеймения являются предметом дальнейшей дискуссии.

На раскопе 2 Поселения «Ленина» обнаружено 12 эпонимных клейм, 11 из которых относятся к ранней группе и всего 1 — к поздней. 7 из них найдено в напластованиях

памятника, всего 2 — в составе мощной наброски камней с керамикой и черепицей (объекта 4) и целых 3 — в яме 1.

В ранней группе наиболее представительна серия клейм магистрата Κλεῖτος, состоящая из двух клейм с литерой «П» в центре (табл. 5: *5, 8*, рис. 5: *5*, *8*) и одного с литерой «Δ» (табл. 5: *14*, рис. 6: *14*). Вопрос о назначении этих букв до сих пор остаётся открытым, хотя М.В. Иващенко высказал мнение, что они могут обозначать номера мастерских, причём не в численном, а в алфавитном порядке (Иващенко 2016: 41). Поскольку данные клейма стилистически схожи с поздней группой, изначально они были отнесены к самому её началу. Первым принципиально понизить датировку магистрата предложил М. Дебидур. Последующий анализ материалов нескольких закрытых комплексов позволил Ч. Цочеву обосновать это предложение и рассматривать магистрата в составе групп E и F ранних клейм хронологической схемы И. Гарлана или II периода своей классификации (364—338 гг. до н.э.) (Tzochev 2016: 80—81). Наконец, М.В. Иващенко, расширив спектр анализируемых комплексов, вслед за С.В. Полиным сузил датировку таких оттисков до конца 360-х — 350-х гг. до н.э. (Иващенко 2016: 41—42).

Вместе с одним из клейм магистрата Κλεῖτος в яме 1 встречено два редких клейма, оттиснутых, в отличие от всех остальных, на горле амфор биконического варианта коническо-биконического типа II-В по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 66—68, табл. 41–46). Первое клеймо с эмблемой в виде виноградной грозди содержит сокращённые этникон Θάς(ιον), имена магистрата Ἀρχη(---) и фабриканта Κλευφά(νης) (табл. 5: *12*, рис. 6: *12*). Полный оттиск обнаружен впервые: ранее был известен единственный фрагмент такого же клейма из Керченского музея с отколотым именем магистрата, поэтому И. Гарлан отнёс его к частично определяемым (Garlan 1999: 297, № 976). Второе клеймо с эмблемой в виде шлема сохранилось хуже, чем его аналоги из Пантикапея и Фанагории: оно содержит сокращённые этникон, имена магистрата Φαν[όκ(---)] и фабриканта [Εὐα]γόρης (табл. 5: *13*, рис. 6: *13*) (Garlan 1999: 207, № 546). Оба клейма датируются серединой 370-х — 360-ми гг. до н.э.

По сочетанию вышеуказанных клейм магистратов Κλεῖτος, Ἀρχη(---) и Φανόκ(---) верхняя хронологическая граница заполнения ямы 1 может быть определена не позднее середины 350-х гг. до н.э., что подтверждается более ранними датами обнаруженных вместе с ними гераклейских клейм 370-х гг. до н.э. и полным отсутствием среди сопутствующих материалов фрагментов синопских амфор. При этом самое раннее на памятнике синопское клеймо датируется второй половиной 350-х гг. до н.э.: судя по всему, оно может маркировать начало поступления сюда синопских товаров. Таким образом, материалы ямы 1 можно считать показательными для выяснения состава и хронологии импортов на исследованном памятнике.

Особый интерес представляет новый оттиск магистрата Βάτων с ксоаном и фиалой в сопровождении имени фабриканта Λε[---] — вероятно, Λεώφωντος (табл. 5: *6*, рис. 5: *6*). Необычно сочетание имени магистрата и фиалы. Опубликованы различные клейма с ксоаном и фиалой без имени магистрата. Сочетание фиалы с именем магистрата встречено лишь в одном схожем оттиске из Горгиппии, где фигурирует фабрикант Ἀριστα(γόρης), но клеймо сильно потёрто, в силу чего, работавший с ним В.И. Кац, хотя и отнёс его к концу третьего этапа клеймения, фиалу в левой верхней части не разглядел, а ксоан ошибочно принял за виноградную гроздь (Кац 2015: прил., № 86(57)). Поскольку случаи коллегиального исполнения магистратуры чиновниками, отвечающими за контроль керамического производства, в керамической эпиграфике не известны (Иващенко 2016: 42), можно с уверенностью констатировать, что фиала является эмблемой самого магистрата Βάτων и впоследствии замещает его имя. Именно такая последовательность магистратов была

предложена И. Гарланом и поддержана Ч. Цочевым, однако оснований считать, что речь идёт об одном лице до настоящего времени не было. Видимо, именно при магистрате Βάτων произошёл т.н. «сбой» в системе магистратского клеймения и в последующих клеймах имена магистратов зачем-то были заменены постоянными эмблемами. Эти клейма выделены В.И. Кацем в отдельную четвертую хронологическую группу, датируемую концом 360-х гг. до н.э. Таким образом, в предложенной им уточнённой хронологической системе магистрата Βάτων вместе с фиалой следует размещать в конце третьего — начале четвертого этапа клеймения, а новый оттиск датировать серединой 360-х гг. до н.э.

Прочие фасосские клейма с Поселения «Ленина» имеют опубликованные аналогии, их датировка определена по хронологической системе В.И. Каца. Хорошо сохранилось клеймо магистрата Ἡροφῶν I с головой Геракла, ойнохойей и палицей в сочетании с этниконом и именем фабриканта Λεώφωντος, датируемое серединой 380-х — серединой 370-х гг. до н.э. (табл. 5: *7*, рис. 5: *7*), а также фрагмент клейма с сочетанием эмблемы магистрата в виде щита и звезды с именем фабриканта Λεύκων конца 360-х гг. до н.э. (табл. 5: *10*, рис. 5: *10*). Небольшой фрагмент левой части трёхстрочного клейма 390-х — середины 380-х гг. до н.э., по всей видимости, содержит сокращённые имена магистрата Λε[ωγ(---)] и фабриканта Ἀρ[ισταγόρης] с этниконом (табл. 5: *11*, рис. 6: *11*). Довольно редким является клеймо, от которого сохранился лишь фрагмент с изображением верхней части треножника, этникона и части имени фабриканта Ἀλκ[είδης] (табл. 5: *16*, рис. 6: *16*): судя по имеющимся аналогиям, магистрат был представлен в несохранившейся части эмблемой в виде пилоса, что позволяет датировать оттиск 340-ми — началом 330-х гг. до н.э. У самого прилепа ручки с этим оттиском, возле горла, имеется отпечаток, похожий на край того же клейма, но поставленного преждевременно, а затем поведенного и затертого при дополнительной формовке горловины и ручки.

Самое позднее фасосское клеймо на памятнике представлено фрагментом ручки с правой частью оттиска, на котором фрагментарно сохранились этникон и имя магистрата [Ἀρ]ιστο[φώ]ν с эмблемой в виде меча в ножнах (табл. 5: *9*, рис. 5: *9*). Оно относится уже к поздней магистратской группе клейм или началу седьмого этапа клеймения по В.И. Кацу, и датируется 337—325 гг. до н.э. Единственное, почти полностью сбитое фасосское клеймо (табл. 5: *15*, рис. 6: *15*) определить не удалось, однако, вероятнее всего, его следует датировать в интервале между 360-ми и 320-ми гг. до н.э.

Таким образом, все 12 обнаруженных на поселении фасосских клейм укладываются в интервал с 390-х до середины 320-х гг. до н.э., причём больше половины из них датируется в границах второй половины 360-х — первой половины 350-х гг. до н.э.: видимо, к этому времени стоит отнести наиболее крупную поставку фасосской продукции (табл. 4). В то же время, детальный анализ встреченных на памятнике профильных амфорных фрагментов показывает, что амфоры Фасоса начали поступать сюда ещё во второй половине V в. до н.э., хотя и в заметно меньшем количестве (табл. 2).

1.2. Клейма на амфорах круга Фасоса

С конца V до начала III вв. до н.э., т.е. на протяжении всего периода расцвета фасосской виноторговли, во многих центрах Северной Эгеиды и Пропонтиды керамическая тара выпускалась с заимствованием основных элементов формы фасосских амфор. Большинство из них до сих пор не удаётся локализовать, поэтому одним из крупнейших специалистов по изучению античных амфор С.Ю. Монаховым было предложено до появления новой информации считать их амфорами «круга Фасоса» (Монахов 2003: 77). Тем не менее,

некоторые группы амфор удалось выделить по именам фабрикантов, стоявших на клеймах (Кац 2007: 179—181).

На раскопе 2 Поселения «Ленина», в яме 18, встречен фрагмент горла амфоры с верхней частью ручки, у самого прилепа которой было поставлено клеймо в виде рельефной буквы «Θ» в круглом энглифическом поле (табл. 5: *17*, рис. 7: *17*). Схожие клейма не привязаны к какой-либо группе амфор «круга Фасоса», однако аналогии им встречаются среди неопределённых оттисков. Сопутствующие материалы из ямы 18 датируются в основном в границах IV в. до н.э., других оснований для уточнения датировки этого клейма, к сожалению, нет.

1.3. Клейма Аканфа

Амфоры Аканфа относятся к кругу Фасоса и очень похожи на фасосские как по форме, так и по составу теста. Не удивительно, что ранее клейма Аканфа причислялись к фасосским и были локализованы лишь сравнительно недавно. Они имеют свою специфику — рельефный колёсовидный контур, разделённый на несколько секторов, в каждом из которых помещена одиночная рельефная буква. Данные оттиски достаточно однообразны, что затрудняет их классификацию и датировку. Их хронологические границы предварительно определены в пределах 380-х — 330-х гг. до н.э. (Монахов 2003: 86).

На раскопе 2 Поселения «Ленина», в яме 24, найден фрагмент ручки аканфской амфоры с колесовидным клеймом (табл. 5: *18*, рис. 7: *18*). Клеймо почти полностью сбито, от него остался лишь край сектора с рельефной буквой «Δ» в поле. Судя по сохранившемуся фрагменту, клеймо было четырёхчастным. Сопутствующие материалы из ямы не противоречат вышеуказанной датировке.

1.4. Клейма Книда

Клейма Книда являются одними из самых распространённых в Средиземноморье, однако в Северном Причерноморье их известно в несколько десятков раз меньше. Разработка хронологической классификации книдских клейм в настоящее время не завершена. Долгое время единственной оставалась хронологическая система, предложенная В.Р. Грейс ещё в 1930-е гг., которая неоднократно дорабатывалась (Grace 1934: 197—310). Всего было выделено 7 хронологических групп. При этом группу клейм с пророй она считала самосскими (Grace 1971: 83), хотя советские исследователи Е.М. Придик, Б.Н. Граков, а затем и Д.Б. Шелов уже идентифицировали их как книдские (IOSPE III. Д. 2173. Л. 2; Шелов 1956: 151; 1957: 215, № 7). Позже принадлежность этой серии клейм Книду убедительно доказал К. Бёркер, сравнив изображения и личные имена на них с книдскими монетами (Börker 1986: 473—478). Ещё одна группа т.н. «протокнидских» клейм с буквенными монограммами и лигатурами была выделена совместной франко-турецкой группой под руководством Ж.-И. Амперёра, проводившей исследование керамических печей на Книде в 1980-е гг. (Tuna et al. 1987: 48, 50, pl. 2, № 722). В начале 1990-х гг. Н.В. Ефремов на основе разработок В.Р. Грейс предложил новую схему книдского клеймения, попытавшись уточнить их датировку и добавив группы клейм с пророй (группа Ib), а также с буквенными монограммами и лигатурами (группа Ia) (Jefremow 1995). В дальнейшем целый ряд важных и даже принципиальных предложений по уточнению представленной хронологической классификации внесли С.Ю. Монахов и В.И. Кац (Монахов 2003: 105—106; Кац 2007: 220—231). Позже Н.В. Ефремов с учётом замечаний изложил скорректированный вариант своей

концепции (Ефремов 2013: 405—451). Некоторые оттиски с отдельными буквами, монограммами, лигатурами и сокращёнными именами вслед за В.И. Кацем были им включены в хронологическую группу II, чёткие критерии для разграничения которой с подгруппой Ia не определены. Та же неоднозначность присутствует и в работах Г. Джанкардеш-Шенол (Cancardeş-Şenol 2006; Cancardeş-Şenol, Alkaç 2007). Таким образом, вопросы абсолютной датировки книдских клейм по-прежнему остаются далёкими от разрешения и являются предметом продолжающейся дискуссии.

Предполагается, что клеймение керамической тары в Книде началось примерно во второй трети IV в. до н.э. Изначально это были т.н. «протокнидские» клейма с буквенными монограммами, лигатурами и сокращёнными именами, а также квадратные клейма сророй и именем фабриканта. В дальнейшем легенды книдских клейм усложнились: в них появились имя магистрата (иногда с титулом демиург или фрурарх), имя фабриканта и этникон. Обычно все три элемента легенды объединены в одном клейме, реже — в двух оттисках, выполненных на противоположных ручках амфоры (Кац 2007: 220).

На раскопе 2 Поселения «Ленина» найдено 4 книдских клейма: 3 в напластованиях и 1 — в составе объекта 4. Два клейма с сокращёнными именами Εὐ(---) и Λυ(---) в прямоугольных энглифических полях (табл. 5: *20*, *21*, рис. 8: *20*, *21*) относятся к группе Ia или II (Болонкина и др 2019: 274—277). Несмотря на известные аналогии, их хронологическая позиция пока может быть установлена лишь в очень широком промежутке — со второй трети IV до середины III вв. до н.э. Два других клейма относятся к группе сророй, условно датируемой 330-ми гг. — концом IV в. до н.э. (Ефремов 2013: 423). Одно из них хорошо известно и относится к фабриканту Πασικρά(της) (табл. 5: *22*, рис. 8: *22*), надпись во втором не совсем ясна: она не имеет прямых аналогий, но, судя по стилистике изображения проры и сочетанию некоторых сохранившихся букв, клеймо можно предположительно отнести к фабриканту [Ἀλ]εξίν[ο]ς (табл. 5: *19*, рис. 8: *19*) и считать новым оттиском.

Детальный анализ встреченных на памятнике профильных амфорных фрагментов показывает, что амфоры Книда начали поступать на поселение во второй четверти IV в. до н.э. и перестали, судя по всему, в начале III в. до н.э. (табл. 2).

1.5. Клейма Родоса

Типология и хронология родосских клейм впервые детально были проработаны Б.Н. Граковым и В.Р. Грейс (Кац 2007: 202—206). В дальнейшем эти данные неоднократно уточнялись, а в 2001 г. Г. Финкельштайном была опубликована монография, в которой представлена подробная и пересмотренная хронология амфорных эпонимных клейм Родоса (Finkielsztein 2001). Данный труд до сих пор остается ориентиром для специалистов-клеймологов, хотя самый ранний и самый поздний периоды родосского клеймения в нём лишь намечены. На основе этой хронологии создан лексикон Г. Джанкардеш-Шенол, в основу которого была положена коллекция греко-римского музея в Александрии, дополненная клеймами из других коллекций и публикаций (Cankardeş-Şenol 2015a; 2015b; 2016; 2017). Этот каталог, имеющий общедоступную электронную версию с удобной поисковой системой, в настоящее время является оптимальным инструментом для определения родосских клейм.

Согласно последним уточненным данным, клеймение керамической тары на Родосе началось в конце IV в. до н.э. Несмотря на гипотезу о существовании наиболее ранней фабрикантской группы, абсолютное большинство клейм всё же эпонимные, их легенды

состоят из трех элементов: имени жреца-эпонима с предлогом, имени эргастериарха и названия месяца родосского календаря. Эти элементы легенды часто содержались в двух оттисках, отштампованных либо на противоположных ручках амфоры, либо рядом. Отдельно следует отметить узко датируемые круглые клейма т.н. «button-группы», которые представляют собой имена магистратов вокруг выпуклой точки или розетки.

На Поселении «Ленина» найдено 3 родосских магистратских клейма, оттиснутых на ручках амфор с высоким горлом варианта вилланова I-E по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 311—313, табл. 81—83). Самое раннее относится к т.н. «button-группе»: оно обнаружено в условном пласте 4, принадлежит магистрату Φιλώνδας и датируется ок. 233 г. до н.э. (табл. 5: *24*, рис. 9: *24*). Остальные 2 клейма, самые поздние на памятнике, обнаружены в верхнем ярусе объекта 4 и вблизи от него, в условном пласте 3. Оба оттиска новые.

Первый оттиск — прямоугольный, двухстрочный, содержащий имя магистрата Ἀρχιλαΐδα(ς) с эпонимным предлогом ἐπὶ- и названием месяца (табл. 5: *25*, рис. 9: *25*). Сохранилось лишь окончание этого названия, по которому устанавливается единственно возможный вариант — [Πεδαγεί]τνυο(ς), ранее не встречавшийся на известных клеймах данного магистрата. Клеймо датируется в границах 165—163 гг. до н.э.

Второе клеймо — круглое, с цветком граната в середине, принадлежит магистрату Καλλικρατίδας 2, имя которого с эпонимным предлогом ἐπὶ- сопровождает название месяца — Δαλίος (табл. 5: *23*, рис. 9: *23*). Оно датируется 175—173 гг. до н.э. Клейма этого магистрата широко известны, но сочетание имено с этим месяцем также обнаружено впервые.

Детальный анализ встреченных на памятнике профильных амфорных фрагментов показывает, что амфоры Родоса начали поступать на поселение ещё со второй четверти III в. до н.э. или даже с конца IV в. до н.э. (табл. 2), а прекратили, согласно установленным по клеймам датам, в конце 160-х гг. до н.э.

1.6. Клейма неустановленных центров

На раскопе 2 Поселения «Ленина» обнаружено 2 клейма неустановленных центров, относящихся к бассейну Средиземного моря.

Первое представляет собой компактно расположенные в виде буквы «Г», но в обратную сторону, 3 глубоких круглых вдавления на средней части горла красноглиняной амфоры (табл. 5: *27*, рис. 10: *27*). К сожалению, фрагмент амфоры малоинформативен. В примеси — очень мелкий карбонатно-известняково-кварцевый песок, что может указывать на его отношение к амфорам Икоса, Фасоса или его круга. В любом случае, с учётом прочих амфорных находок, представленных на памятнике, клеймо датируется IV в. до н.э., причём нижняя граница может быть отодвинута и в V в. до н.э. Оттисков такой конфигурации нам не известно. Вероятнее всего, он является не клеймом, как таковым, а меткой гончара или следом проверки степени просыхания глины перед обжигом.

Второе — прямоугольное, трех- или четырехстрочное клеймо с рельефной надписью [Е]ΠΙΓΟΝ[…] / […]ΙΛΑΜ[…] / […]ΕΥΤ[…] (табл. 5: *26*, рис. 10: *26*). Глина рыжая, рыхлая, с примесью очень мелкого песка, покрыта плотным светлым ангобом, сечение ручки округлое, оттиск сделан на приподнятом закруглении. Первая надпись — очевидно, имя Ἐπὶγονος. Скорее всего, ручка относится к родосской амфоре, а имя принадлежит фабриканту Ἐπὶγονος 1 второй магистратской группы по Г. Финкельштайну, тогда нижние надписи представляют собой название месяца по родосскому календарю «Πανάμος Δευτέρος». Дополнительным подтверждением в пользу такого определения оттиска может быть его нахождение в слое над

объектом 4, среди камней которого и поблизости были найдены 2 самых поздних родосских клейма. Описанный оттиск, несомненно, новый и, в случае подтверждения специалистами-клеймологами, может быть датирован в интервале 234—199 гг. до н.э.

2. Понтийские центры

Среди керамических клейм из раскопок памятников Западного и Северного Причерноморья основную массу (свыше двух третей) составляют оттиски южнопонтийских центров производства — в первую очередь, Гераклеи Понтийской и Синопы, в которых в позднеклассический и эллинистический периоды осуществлялось массовое и систематическое клеймение тары и черепицы (Кац 2015: 88). Крупные поставки продукции этих центров были обусловлены заметной дешевизной по сравнению со средиземноморскими производителями, а, следовательно, и большей популярностью, особенно среди сельского населения Боспора. Идентичная ситуация отмечена и на Поселении «Ленина».

2.1. Клейма Гераклеи Понтийской

Группу энглифических клейм, оттиснутых на горлах амфор, впервые выделил П. Беккер, который предложил отнести их к Гераклее Понтийской или Каллатису (Беккер 1868: 3—84). С первым из упомянутых полисов их однозначно идентифицировал Б.Н. Граков, который и разработал первую хронологическую классификацию данных оттисков (Граков 1926: 165—206). В дальнейшем эта классификация неоднократно уточнялась и дорабатывалась. Ближе всех к созданию исчерпывающей схемы гераклейского клеймения подошёл И.Б. Брашинский (Брашинский 1984: 3—22). На протяжении длительного времени классификационную и хронологическую схемы разрабатывала группа ученых Саратовского университета под руководством В.И. Каца: свою концепцию с некоторыми доработками автор изложил в нескольких работах (Кац 1997: 212—217; 1998: 6—14; 2007: 232—249). За это время вышла работа Н.А. Павличенко, которая составила список магистратов (Pavličhenko 1999: 13—19), а также обширная, но во многом спорная статья Э. Телеага, который предложил свою схему гераклейского клеймения (Von Teleaga 2003: 69—113). Несмотря на разноплановую критику, наиболее удачными всё же оказались разработки В.И Каца, которые в дальнейшем корректировались как самим автором, так и другими специалистами — Н.А. Павличенко, М.В. Иващенко и Н.Ф. Федосеевым и др. (Павличенко 2011: 655—656; Pavličhenko 2013: 341—342; Иващенко 2014: 186—195; Федосеев 2016).

Начало клеймения в Гераклее Понтийской относится к рубежу V—IV вв. до н.э. и, судя по всему, оно продолжалось вплоть до первой четверти III в. до н.э. Характерной особенностью гераклейских оттисков являются лаконичность легенды и схематичность эмблемы, что было связано с особенностями теста амфор и самого характера клеймения. Многие клейма плохо сохраняются, а потому значительное их количество не поддаётся достоверному прочтению. Поскольку целый круг вопросов, связанных с типологией и хронологией оттисков, продолжает активно обсуждаться, схема В.И. Каца используется зачастую лишь как наиболее удобная из существующих.

На раскопе 2 Поселения «Ленина» обнаружено 27 клейм Гераклеи Понтийской. Всего 6 из них найдено в напластованиях памятника, 3 — в составе протяженнной наброски камней с керамикой и черепицей объекта 1, 1 — в составе объекта 4, а остальные в ямах: по 1 — в ямах 6, 17 и 18, по 2 — в ямах 1, 13 и 26, 3 — в яме 10 и целых 5 — в яме 25. Всего 17 из этих

клейм (63%) определены с высокой точностью, что само по себе является хорошим результатом. У остальных степень сохранности либо допускает разночтения, либо вовсе не даёт возможностей для интерпретации.

Наиболее ранним следует считать фрагмент клейма с единственным именем фабриканта [Εὐρύ]δαμο(ς) (табл. 5, *30*, рис. 11: *30*), встречающее многочисленные аналогии в Причерноморье. В.И. Кац полагает, что этот гончар работал в рамках ранней фабрикантской и I магистратской групп (Кац 2007: 429, прил. V: *1—2*). Однако, согласно И. Гарлану и Н.Ф. Федосееву, выделение ранней фабрикантской группы ошибочно, а клеймение в Гераклее было магистратским изначально (Федосеев 2016: 32). Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что известны экземпляры амфор, на которых вместе с клеймом фабриканта Εὐρύδαμος поставлено клеймо магистрата — например, Ὀρθεσίλας, относящегося к I магистратской группе (Монахов 1999: 199, табл. 76: *6*). Следовательно, встреченный фрагмент фабрикантского клейма в любом случае следует датировать 390-ми гг. до н.э.

Более поздним является клеймо с двумя именами, от которого сохранилась лишь передняя часть с несколькими первыми буквами (табл. 5: *52*, рис. 15: *52*). Одно из указанных лиц является магистратом, поэтому сочетания букв позволяют выбрать его имя из двух возможных вариантов — Στ[ύφωνος] или Μο[λοσσός]. Оба магистрата, согласно В.И. Кацу, относятся ко II магистратской группе, датирующейся 380-ми — 370-ми гг. до н.э. (Кац 2007: 429, прил. V: *3*). Аналогичные клейма в Понтийском регионе нам не известны, оттиск вполне может оказаться новым.

К подгруппе Б той же II магистратской группы, датирующейся 370-ми гг. до н.э., достоверно может быть отнесено 4 клейма и ещё 2 — с осторожностью. 2 клейма определённо относятся к магистрату Στύφωνος. В первом сохранилась лишь оттиснутая зеркально начальная часть имени магистрата Στύ[φωνος] (табл. 5: *32*, рис. 11: *32*): в Причерноморье встречаются похожие по исполнению оттиски, но полные аналогии нам не известны. Второе клеймо — впервые встреченное с сочетанием полных имён фабриканта Χιάδας и того же магистрата Στύφωνος в сопровождении эпонимного предлога ἐπὶ- — сохранилось идеально (табл. 5: *40*, рис. 12): оно оттиснуто на горле почти полностью реконструированной амфоры пифоидного типа варианта I-5 по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 134, табл. 87—90). Амфора происходит из заполнения ямы 13, как и другая амфора варианта I-4, на горле которой виден малоинформативный остаток клейма с начальной или конечной буквой имени «Ο» или «Θ» (табл. 5: *41*, рис. 13). Ещё одно двухстрочное клеймо с сохранившейся частью имени фабриканта Πασ(ιάδας) (табл. 5: *35*, рис. 11: *35*), судя по известным аналогиям, может быть отнесено к этому же магистрату Στύφωνος, оно происходит из ямы 1. Второе двухстрочное клеймо из ямы с сокращёнными именами магистрата той же группы Ἀλκέτα(ς) и фабриканта Εὔαρχο(ς) (табл. 5: *34*, рис. 11: *34*) оттиснуто на сохранившейся части горла с ручкой такой же амфоры. Наконец, в яме 26 встречено шестое клеймо этой магистратской группы с сильно сокращёнными именами того же магистрата Ἀλκ(έτας) и фабриканта Ἡρό(δωρος) (табл. 5: *49*, рис. 15: *49*). Аналогии последним двум оттискам хорошо известны.

К магистратской группе III отнесено 7 клейм, датируемых 360-ми — 350-ми гг. до н.э. Наиболее ранним следует считать известное двухстрочное клеймо с именами фабриканта Ἡρακλέδα(ς), в котором сочетания букв η и ρ, а также δ и α заменены лигатурами, и магистрата Λύκων(ος) (табл. 5: *29*, рис. 11: *29*), относящегося к подгруппе А. Остальные 6 оттисков относятся к подгруппе Б. Широкие аналогии находят 2 фрагментарно сохранившиеся клейма из ям 6 и 10 с сокращёнными именами фабриканта Ἡρακλεί(δας) и магистрата Σάτυ(ρος) с эпонимным предлогом ἐπὶ- и тирсом между ними (табл. 5: *36*, *37*, рис.

11: *36*, *37*), а также клеймо с именами того же фабриканта Ἡρακλείδα(ς) и магистрата Καλλία(ς) с тем же предлогом ἐπὶ-, обнаруженное в яме 25 (табл. 5: *45*, рис. 14: *45*). Интересны 2 редких клейма: листовидное с гроздью и сокращённым именем магистрата Φιλῖν(ος) (табл. 5: *48*, рис. 15: *48*) из той же ямы 25 и двухстрочное с именами фабриканта Ἰαρόκλης и магистрата Λυσίθε(ος) в сопровождении грозди (табл. 5: *51*, рис. 15: *51*) из состава протяжённой каменной наброски объекта 1. Наконец, оригинальным следует признать двухстрочное клеймо из ямы 18 с частично сохранившимся именем [---]ερα(---) и литерой «α» ниже (табл. 5: *43*, рис. 14: *43*), которое, в случае интерпретации этого имени как магистратского, предполагает единственный вариант трактовки — [Κ]ερα(υνός) 350-х гг. до н.э. Сопутствующие материалы из ямы косвенно подтверждают правомерность этого вывода или, по крайней мере, близкую датировку.

К магистратской группе IV отнесено 4 клейма, датируемых 350-ми — 340-ми гг. до н.э. Фрагмент двухстрочного клейма из ямы 17, благодаря сохранившейся эмблеме в виде кратера в правом верхнем углу и окончаниям имён фабриканта [Σατυρ]ίσ(κος) и магистрата — по-видимому, [Ἡρα]κλε(ίδας), по известным аналогиям может быть отнесён к подгруппе А (табл. 5: *42*, рис. 14: *42*). К подгруппе Б однозначно следует отнести 2 одинаковых двухстрочных клейма с несохранившейся эмблемой в его правой части — канфаром, именами магистрата Εὐρυφῶν и фабриканта Μαλάκων. Одно из них представлено лишь небольшим фрагментом левой части (табл. 5: *39*, рис. 11: *39*) из ямы 10, а второе — фрагментарным оттиском на частично реконструированном горле амфоры конического типа II по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 134—137, табл. 93—95) из ямы 25 (табл. 5: *44*, рис. 14: *44*). Наконец, новым оттиском следует признать двухстрочное клеймо с сильно сокращёнными именами фабриканта Μῦς и вышеназванного магистрата Εὐρ(υφῶν) с несохранившимся эпонимным предлогом ἐπὶ- (табл. 5: *47*, рис. 15: *47*). Известен идентичный, но неопубликованный оттиск с раскопа 1 расположенного неподалёку античного поселения на ЮЗ окраине пос. Супсех, который в приложении к научному отчёту о раскопках был определён Н.Ф. Федосеевым (Воронин 2017: прил. 6, № 528).

Остальные фрагменты клейм малоинформативные и допускают множественные варианты прочтений (табл. 5: *28*, *31*, *33*, *38*, *46*, *50*, *53*, рис. 11: *28, 31, 33, 38*, 14: *46*, 15: *50, 53*), но в целом, судя по вышеописанным читаемым гераклейским клеймам и прочим сопутствующим материалам, их следует отнести к тому же хронологическому отрезку — 380-м — 340-м гг. до н.э. Среди этих клейм особого внимания заслуживает оттиск с эмблемой в виде листа (табл. 5: *46*, рис. 14: *46*), который, вероятно, может быть более узко датирован специалистами в границах 360-х — 340-х гг. до н.э. Также, с учётом большого размера и ретроградного начертания букв зеркально отражённой легенды, ещё одно клеймо с начальной буквой имени фабриканта Μ(---) и эпонимным предлогом ἐπὶ- перед именем магистрата (табл. 5: *50*, рис. 15: *50*), вероятно, следует ассоциировать с группой клейм фабриканта Μῦς, датируемых 370-ми — 340-ми гг. до н.э. Наконец, отдельного внимания заслуживает оттиск в виде энглифического полуколечка на верхней части амфорной ручки (табл. 5, *54*, рис. 15: *54*), аналогичный хиосскому по форме, размерам и происхождению.

В целом, представленная коллекция клейм Гераклеи Понтийской позволяет очертить время поставок на поселение товаров в клеймёных гераклейских амфорах концом 390-х — 340-ми гг. до н.э. (табл. 4), что подтверждается и итогами анализа типологического состава гераклейской тары (табл. 2). Наибольшие партии, судя по хронологии оттисков, поступали сюда в 370-е и на рубеже 350-х — 340-х гг. до н.э.

2.2. Клейма Синопы

Клейма Синопы в настоящее время изучены лучше, чем оттиски любого другого центра-производителя амфор. Впервые клейма с именами астиномов, благодаря расположенному на некоторых из них гербу полиса — орёл на дельфине, с Синопой соотнёс В.В. Юргевич, заметивший также в составе легенды имена малоазийского и пафлагонского происхождения (Юргевич 1895: 87—94). Единообразие и локализация данной группы клейм были подтверждены Б.Н. Граковым, который в конце 1920-х гг. предложил первую хронологическую систему синопского клеймения, ставшую впоследствии классической (Граков 1929). Созданные на рубеже XX—XXI вв. схемы Н. Коновичи и И. Гарлана сохранили тот же принцип разделения магистратов на хронологические группы, но значительно модифицировали состав каждой из них, а И. Гарлан даже выделил раннюю фабрикантскую группу (Conovici 1998; Garlan 2004). Иным путём пошёл Н.Ф. Федосеев: он не только попытался доказать тезис о бесперспективности типологического метода, но и предложил т.н. «единую хронологическую систему» синопского клеймения, в которой для каждого астинома может быть установлена конкретная, наиболее приемлемая дата (Федосеев 1992; Fedoseev 1999: 27—48). Для реализации этой задачи была создана специальная компьютерная программа «Astinom», однако впоследствии автор «низкой» хронологии сам неоднократно уточнял последовательность и датировку магистратов. В частности, ранее определённая им начальная дата синопского клеймения была повышена с 375 до 368 г. до н.э. (Федосеев 2015: 357). Классификации Н. Коновичи и И. Гарлана, а также некоторые наработки Н.Ф. Федосеева были взяты за основу В.И. Кацем, который предложил свой вариант хронологической системы, охватив весь период клеймения и расширив список магистратов (Кац 2007: 249—289). Эта схема в настоящее время представляется наиболее удобной и предпочтительной для определения синопских клейм.

Хронологические рамки синопского клеймения большинство специалистов относят примерно к 355—185 гг. до н.э. Н.Ф. Федосеев обосновывает более «низкие» хронологические рамки — 368—204/3 гг. до н.э. Поскольку синопские клейма представлены наибольшим количеством оттисков по сравнению с другими центрами-производителями, считается, что вероятность выявления новых имён магистратов крайне низка, однако последовательность и датировка уже известных могут меняться.

На Поселении «Ленина» обнаружено 31 синопское клеймо, оттиснутое на ручках амфор. Более трети из них (12) найдено в напластованиях памятника, 2 — в составе протяжённной наброски камней с керамикой и черепицей объекта 1, 5 — в составе объекта 4, а остальные в ямах: по 1 — в ямах 2, 10, 11, 16, 17 и 18, по 2 — в ямах 6, 19 и 25. Степень их сохранности и определимости очень высокая — 90,3%: всего 2 не удалось идентифицировать, т.к. они сохранились только в виде неинформативных краёв оттисков (табл. 5: *77*, *80*, рис. 20: *77, 80*), а ещё одно — анэпиграфное в виде глубокого энглифического колечка, возможно, представляющего собой профиль головы вправо (табл. 5: *55*, рис. 16: *55*), не имеет чёткой датировки.

К I магистратской группе относятся 7 клейм. Основную массу из них составляют известные оттиски подгрупп B и C с гербом Синопы — орла, клюющего дельфина. Это 5 клейм второй половины 350-х гг. до н.э.: 1 оттиск астинома Ἔνδη(μος) и фабриканта Νεομήνι(ος) (табл. 5: *67*, рис. 18: *67*), 2 оттиска астинома Ἀπολλόδωρος 1 в сочетании с фабрикантами Ἀρχεπτό(λεμος) (табл. 5: *57*, рис. 16: *57*) и Ποσειδω(νίος) (табл. 5: *76*, рис. 19: *76*), 1 оттиск астинома Ἱστιαῖο(ς) 1 и того же фабриканта Ἀρχεπτό(λεμος) (табл. 5: *69*, рис. 18: *69*), а также 1 гораздо более редкий оттиск астинома Ἱστιαῖο(ς) 2 Ζω(πύρου) и фабриканта

Νίμακτο(ς) (табл. 5: *68*, рис. 18: *68*). 2 других редких оттиска со слитной надписью вокруг эмблемы в виде грозди над канфаром, выполненные на манер фасосских, относятся к подгруппе D, а именно — к астиному Φίλωνος 1 (конец 340-х гг. до н.э.) в сопровождении уже встречавшихся фабрикантов Ποσε[ιδ]ωνίος (табл. 5: *82*, рис. 20: *82*) и, вероятно, [Ἀρχεπτόλ]εμο(ς) (табл. 5: *79*, рис. 20: *79*).

Во II магистратскую группу входят 4 клейма. В подгруппе А это оттиски конца 340-х — начала 330-х гг. до н.э. с фабрикантом Μάνης, относящиеся к астиному Αἰσχίνη(ς) 2 в зеркальном отображении с эмблемой в виде крылатого дельфина (табл. 5: *78*, рис. 20: *78*) и к астиному Χαβρία(ς) 1 с эмблемой в виде лука (табл. 5: *73*, рис. 19: *73*). В подгруппе В это оттиск астинома [Κα]λλί[ςτρατο](ς) и фабриканта [Ποσ]ειδ[ω](νίος) с несохранившимися эмблемами в виде грозди и колоса (табл. 5: *61*, рис. 17: *61*), а также клеймо астинома [Θεόγει]τος (?) и фабриканта Φιλοκράτ[ης] с несохранившейся эмблемой — вероятно, кадуцеем (табл. 5: *60*, рис. 17: *60*). Оба датируются концом 330-х — началом 320-х гг. до н.э. Последний, судя по всему, является новым, поскольку аналогии ему пока были известны лишь на образцах синопской черепицы. Впрочем, не исключено, что имя астинома восстановлено не верно, т.к. оно практически не пропечаталось.

К группе III относятся 7 клейм. В подгруппе А их 3: это известный оттиск астинома [Ἀπ]ολλόδω[ρο](ς) 2 и фабриканта [Ποσει]δωνί(ος) с двумя эмблемами в виде грозди и колоса (табл. 5: *74*, рис. 19: *74*), а также 2 оттиска астинома Γύριττος в сопровождении фабриканта [Θεύδ]ωρο(ς) (?) с эмблемами в виде протомы быка и грозди (?) в одном случае (табл. 5: *70*, рис. 18: *70*) и фабриканта Ἡφαίστ[ιο]ς с эмблемой в виде грозди над канфаром — в другом (табл. 5: *83*, рис. 21: *83*). Все они относятся к концу 320-х гг. до н.э. Клейма астинома Γύριττος отличаются непостоянством эмблем, что было отмечено ещё Б.Н. Граковым (IOSPE III. Д. 2191. Л. 13(388)). Это позволяет предполагать наличие неизвестных разновидностей оттисков с именем данного чиновника, как, например, первый из вышеописанных. В подгруппе В представлено известное клеймо астинома Ἀριστοκλῆ[ς] 1 (конец 310-х — начало 300 гг. до н.э.) и фабриканта Στέφανος с эмблемами в виде быка и непропечатавшегося листа (табл. 5: *72*, рис. 19: *72*), а также частично сохранившийся новый оттиск астинома [Φη]μίος 1 (середина 300-х гг. до н.э.) и фабриканта [Ἡφαί]στι(ος) [Ποσειδ]ωνί(ος) с эмблемами в виде грозди и ракушки (?) (табл. 5: *58*, рис. 16: *58*). Аналогии последнему встречены в публикации клейм с поселения Новопокровка 1, однако автор не смог их правильно идентифицировать, лишь в одном из случаев угадав имя астинома (Гаврилов 2011: 137, 144, 162, № 495, 524, 590). Наконец, к подгруппе С относятся два одинаковых оттиска астинома Μῖκος 1 (Πυρρίδου) (начало 290-х гг. до н.э.) и фабриканта Νουμηνίος Ποσ(ειδώνιου) с эмблемами в виде грозди и колоса (табл. 5: *84*, *85*, рис. 21: *84, 85*).

К группе IV относится всего 3 клейма: к подгруппе А — оттиск астинома [Ἐ]πίδημος 2 (Ἐπιέλπο) и фабриканта Καλλισθένης с эмблемой в виде канфара (табл. 5: *81*, рис. 20: *81*), к подгруппе В — оттиск астинома Θευδωρίδης и фабриканта Φιλοκράτης с эмблемами в виде гермы и головы вправо (табл. 5: *59*, рис. 16: *59*), к подгруппе С — оттиск астинома [Π]υθοκλῆς и фабриканта [Φι]λοκράτης с эмблемой в виде бородатой головы влево (табл. 5: *66*, рис. 18: *66*). Первые два датируются началом 280-х гг. до н.э., а третий — концом 280-х — серединой 270-х гг. до н.э.

Подгруппа V представлена тремя клеймами, относящимися исключительно к подгруппе А. Оттиск астинома Αἰσχίνη[ς] 4 и фабриканта Ἡφαίστι[ος] датируется концом 280-х гг. до н.э. (табл. 5: *63*, рис. 17: *63*), а оттиск астинома [Ἐστιαῖος 1] (Ἰστιαῖος 3) — концом 280-х — началом 270-х гг. до н.э. (табл. 5: *64*, рис. 17: *64*). К сожалению, значительная часть обоих клейм утрачена: не сохранились эмблемы, а во втором случае — имена астинома и

фабриканта, причём от последнего осталась лишь начальная буква А. Тем не менее, именно эта буква указывает на то, что второй штамп — новый. Наконец, третий оттиск принадлежит астиному Δημήτριος 1 и фабриканту Θῦς, содержит эмблему в виде безбородой головы влево и датируется началом 270-х гг. до н.э. (табл. 5: *71*, рис. 19: *71*).

К группе VI относятся три клейма: к подгруппе B — оттиск астинома [Μαντίθεος 2 Πρωταγ]όρου и фабриканта [Ἀπολλόδωρος] с эмблемой в виде льва, сидящего на быке (табл. 5: *65*, рис. 17: *65*), к подгруппе C — оттиск астинома Ἀθήνιππος Μητροδώρου и фабриканта Ἀπατούριος 2 с эмблемой в виде восьмилучевой звезды (табл. 5: *75*, рис. 19: *75*) на ручке амфоры позднего типа III по С.Ю. Монахову (Монахов 2003: 152—155, табл. 103—105), а к подгруппе D — оттиск астинома Ἴφιος 3 Ἑστιαίου и фабриканта [Ἀ]γαθοκλῆ[ς] с несохранившейся эмблемой (табл. 5: *56*, рис. 16: *56*). Все эти клейма хорошо известны: первое датируется первой половиной 240-х гг. до н.э., второе — первой половиной 220-х гг. до н.э., а третье — началом 210-х гг. до н.э/

Наконец, самым поздним синопским клеймом на поселении является оттиск астинома Ἡραγένης Νεικάνο[ρος], относящийся к подгруппе A группы VII и датирующийся концом III в. до н.э.: к сожалению, имя фабриканта не пропечаталось, а эмблема не сохранилась (табл. 5: *62*, рис. 17: *62*), что позволяет существенно расширить круг аналогий.

Таким образом, на Поселении «Ленина» обнаружено 31 синопское клеймо, 5 из которых являются новыми. Основная масса оттисков (24) достаточно равномерно распределена между магистратскими группами с I по V, начиная с подгруппы I A и заканчивая подгруппой V A, что отражает относительно ровную динамику поступления товаров в клеймёных синопских амфорах на протяжении второй половины 350-х — середины 270-х гг. до н.э. (табл. 4). Хронологический разрыв между этими клеймами редко превышает 5 лет. К более позднему времени — середине—концу III в. до н.э. — относится всего 4 разновременных синопских клейма, что свидетельствует не столько о возможном сокращении интенсивности клеймения синопских амфор, которое к 180-м гг. до н.э. и вовсе прекратилось, сколько о снижении объёма импорта синопской продукции, поступавшей на поселение. На существенное снижение объёма импортной продукции указывают также итоги анализа типологического состава профильных фрагментов амфорной тары (табл. 2). Определённым доказательством работоспособности хронологической схемы В.И. Каца, по которой проводилась датировка синопских клейм, может служить полное отсутствие фрагментов амфор этого центра в насыщенных материалом ямах 1, 3 и 13 раскопа 2. В частности, в заполнении ямы 1, среди прочих амфорных фрагментов, встречено 2 гераклейских и 3 фасосских клейма, датируемых 370-ми — 350-ми гг. до н.э. При этом первые синопские оттиски на памятнике появляются массово и, согласно схеме В.И. Каца, относятся ко второй половине 350-х гг. до н.э., что хорошо коррелируется с общей ситуацией на памятнике и вписывается в общую картину поступления импортных товаров в амфорах. При общем анализе датировок керамических клейм Поселения «Ленина» становится очевидным, что синопская продукция уже через 2 десятилетия с момента появления на местном рынке полностью вытесняет доминировавшие прежде фасосскую и гераклейскую (табл. 4). Эта ситуация, очевидно, связана с восстановлением и ростом экономики Синопы через некоторое время после её осады сатрапом Киликии Датамом в 360-е гг. до н.э. (Федосеев 2008). Анализ типологического состава профильных амфорных фрагментов на раскопе 2 позволил выявить присутствие и более ранних синопских амфор, поступавших сюда, хотя и в заметно меньшем количестве, ещё в первой трети IV в. до н.э.

2.3. Клейма Херсонеса Таврического

Херсонес Таврический — единственный греческий центр Северного Причерноморья, где в эпоху эллинизма осуществлялось достаточно регулярное и массовое клеймение керамической тары. К середине 1970-х гг. было опубликовано 4 свода имён астиномов и агораномов (Махов 1912: 150—183; Pridik 1928: 342—380; Ахмеров 1949: 99—123; Борисова 1974: 99—124), а также список отдельных имён, сокращений и монограмм на херсонесских амфорных ручках и черепицах (Ахмеров 1951: 77—84). Наиболее приемлемой оказалась хронологическая классификация магистратских клейм, разработанная Р.Б. Ахмеровым (Ахмеров 1949: 99—123). В дальнейшем сверкой и уточнением опубликованных списков магистратов занялся В.И. Кац (Кац 1979: 127—146; 1985: 87—113; 1992: 205—228), который в 1994 г. представил основательную монографию с каталогом-определителем (Кац 1994). В качестве начальной даты херсонесского клеймения был принят условный 325 г. до н.э. В ходе кропотливых изысканий автору удалось выяснить, что наиболее точной с позиции фиксации материала является работа И. Махова, опубликовавшего материалы К.К. Костюшко-Валюжинича, который не только локализовал херсонесские керамическую тару и черепицу, но и скрупулёзно выявлял клейма с именами местных магистратов. В дальнейшем полученные В.И. Кацем результаты неоднократно уточнялись, что позволило ему к 2007 г. внести в свою классификационную схему важные коррективы (Кац 2007: 294—326). Другой взгляд на систему херсонесского клеймения предложил В.Ф. Столба (Stolba 2003: 153—171), перераспределив магистратов несколько иным образом и включив в свой вариант 40-летний перерыв между 270-м и 230-м гг. до н.э. в границах II магистратской группы. Однако на сегодняшний день для определения херсонесских клейм с большей предпочтительностью используется всё же система В.И. Каца.

На раскопе 2 Поселения «Ленина» обнаружено 1 клеймо Херсонеса Таврического на верхней части ручки амфоры в составе крупной наброски камней с керамикой и черепицей — объекта 4. Это широко распространенный желобчатый оттиск с именем магистрата Αἰσ[χίνα](ς) (табл. 5: *86*, рис. 22), который относится к подгруппе В I магистратской хронологической группы и датируется началом III в. до н.э. Такая датировка коррелируется с общепринятой точкой зрения о том, что херсонесское вино начало поступать в Синдику на рубеже IV—III вв. до н.э. (Новичихин 2008: 40; Кац 2015: 71). К сожалению, крайне незначительное количество обнаруженных на поселении профильных фрагментов ангобированных амфор этого производственного центра не позволяет составить более содержательное представление о хронологии херсонесских импортов.

3. Клейма на керамических строительных материалах

3.1. Клеймо на Боспорской черепице

Клеймёная черепица производилась на Боспоре с начала IV до середины II вв. до н.э. Однако, несмотря на значительные успехи в изучении черепичных клейм, полная хронологическая система этой категории оттисков пока отсутствует (Кац 2007: 335). В отличие от амфор, черепица использовалась гораздо более длительное время, поэтому поиски абсолютных датировок для этого материала проблематичны.

На раскопе 2 Поселения «Ленина» обнаружен единственный фрагмент боспорской черепицы с клеймом, поверхность которого сильно оббита, надпись не поддаётся восстановлению (табл. 5: *87*).

Заключение

Подводя итог обзору керамических клейм, обнаруженных на Поселении «Ленина», с учётом их достаточно высокой определяемости (80,2%), следует отметить, что из 87 оттисков как минимум 14 являются новыми (табл. 5: *3*, *6*, *19*, *23*, *25*, *26*, *27*, *32*, *43*, *47*, *52*, *60*, *64*, *70*). Появление большинства из них — например, фасосских, гераклейских, синопских и родосских — в целом следует считать прогнозируемым. Наиболее важной находкой является фасосское клеймо магистрата Βάτων (табл. 5: *6*) с именем чиновника и эмблемой в виде фиалы, впоследствии его заменившей, одновременно. Появление этого оттиска позволяет не только уточнить последовательность магистратов, но и ближе подойти к решению вопроса о природе т.н. «сбоя» в фасосском клеймении. Не менее важными являются находки полных вариантов известных лишь частично фасосского (табл. 5: *12*) и гераклейского (табл. 5: *40*) клейм, дающих возможность не только расширить представление о самих оттисках, но и уточнить имена некоторых магистратов и фабрикантов.

По итогам типологического анализа профильных фрагментов амфор на раскопе 2 Поселения «Ленина» удалось представить обобщённую картину их распределения по центрам производства (табл. 1, диаг. 1), наметить хронологию и состав импортов (табл. 2). Кропотливая работа по определению клейм и их датировок позволила существенно уточнить данные выводы (табл. 3, 4, диаг. 2).

Динамика импортов в клеймёной амфорной таре на Поселении «Ленина» восстанавливается следующим образом. Наиболее ранние единичные клейма обнаружены на амфорах Хиоса, Фасоса и Менды, которые до конца V в. до н.э. составляли основную часть импортов. Сюда же относится клеймо на амфоре Айноса. С начала IV в. до н.э., с введением государственного контроля над экспортной торговлей, в основных античных центрах-производителях возникло систематическое клеймение амфорной тары, что позволяет детально анализировать импорт. Продукция в клеймёных амфорах из Фасоса и Гераклеи Понтийской поступала на сельское Поселение «Ленина» вплоть до 330-х гг. до н.э. Наиболее крупные партии фасосской продукции фиксируются во второй половине 360-х — первой половине 350-х гг. до н.э., гераклейской — в 370-е и на рубеже 350-х — 340-х гг. до н.э. К этому же периоду относится пара клейм на амфорах «круга Фасоса», в т.ч. производства Аканфа. Во второй половине 350-х гг. до н.э. на рынке, после некоторого перерыва, вновь появилась синопская продукция, уже в клеймёных амфорах, которая через два десятилетия вытеснила практически всю прочую. В период со второй трети IV до начала III вв. до н.э. также фиксируются поставки товаров в клеймёных амфорах из Книда, а на рубеже IV—III вв. до н.э. — из Херсонеса Таврического. Динамика поступления синопской продукции на протяжении второй половины 350-х — середины 270-х гг. до н.э. оставалась относительно ровной. Тем не менее, с середины 270-х и до 250-х гг. до н.э. заметен перерыв, после которого вплоть до конца III в. до н.э. зафиксировано всего 4 синопских клейма, а с конца 230-х и до конца 160-х гг. до н.э. — ещё и 4 родосских. Эта ситуация, очевидно, связана со снижением объёма ввозимых на поселение импортных товаров. Общий же спад их поступления в 330-е гг. до н.э., т.е. во время македонских завоеваний, и уход с рынка наиболее активных поставщиков привели к расширению на Боспоре внутренней торговли, следствием чего стало развитие монетного обращения.

Анализ распределения профильных амфорных фрагментов (табл. 1, 2) и серии медных монет на раскопе 2 показывает, что следы поздней жизнедеятельности конца IV — первой трети II вв. до н.э. сосредоточены вблизи крупной наброски камней с керамикой и черепицей — объекта 4, а также в ямах 19 и 21. При этом отходящая от объекта 4 протяжённая наброска

камней с керамикой и черепицей — объект 1, а также большинство тяготеющих к ней ям и объектов (локальных набросок и выкладок камней с керамикой) относятся к самой активной фазе существования поселения – концу V — четвёртой четверти IV вв. до н.э., с которой и связано абсолютное большинство найденных здесь клейм (рис. 3). Нельзя обойти вниманием и предшествовавшие этим сооружениям ямы 7, 8 и 9, частично ямы 24 и 25, а также нижние слои заполнения ям 12 и 20, датируемые в границах начала VI — середины V вв. до н.э. Находки этого времени обнаружены в основном в В и ЮВ частях раскопа 2, непосредственно примыкавших к раскопу 1, и их следует рассматривать в ином контексте.

Среди исследованных комплексов IV в. до н.э. важное место занимают ямы 1, 3 и 13, материалы которых, включая керамические клейма, позволяют конкретизировать общую картину динамики импортов на поселении «Ленина» в первой половине IV в. до н.э., что в дальнейшем предполагает их сопоставление с ситуациями на других памятниках хоры Горгиппии. Отсутствие в этих комплексах фрагментов синопских амфор косвенно указывает на предпочтительность т.н. «высокой» хронологии для датировки данной категории материала.

В целом, картина поступления продукции в клеймёных амфорах на Поселение «Ленина» совпадает с наблюдениями В.И. Каца, сделанными в отношении Горгиппии, её сельской округи и Семибратнего городища (Кац 2015: 44—47, 67—72). При этом отсутствие на памятнике керамических клейм некоторых производственных центров, импорт из которых после 330-х гг. до н.э. ещё сохранялся на вышеназванных крупных археологических памятниках, может быть связано с недоступностью этих товаров сельскому населению.

Индекс имён[1]

[1] В индексе имён представлены имена магистратов и фабрикантов в именительном падеже и ссылка на номер в каталоге (табл. 5). Сокращения: Гер. — гераклейский, Кн. — книдский, Род. — родосский, Син. — синопский, Фас. — фасосский, Хер. — херсонесский, ф. — фабрикант, м. — магистрат. Знак вопроса указывает на неоднозначность предлагаемого определения.

Эмблемы

Литература

Алексеева Е.М. 1997. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС.

Анфимов Н.В. 1951. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье. *ВДИ* 1(35), 110—128.

Ахмеров Р.Б. 1949. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. *ВДИ* 4(30), 99—123.

Ахмеров Р.Б. 1951. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. *ВДИ* 3(37), 77—84.

Беккер П. 1863. О надписях на ручках греческих амфор и кусках древней черепицы. *ЗООИД* V, 18—75.

Беккер П. 1868. Новая коллекция надписей на ручках древних сосудов в Южной России. *ЗООИД* VII, 3—84.

Болонкина Е.В., Ефремов Н.В., Колесников А.Б. 2019. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда. *АМА* 19, 274—317.

Борисова В.В. 1974. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. *НиЭ* XI, 99—124.

Брашинский И.Б. 1964. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 285—313.

Брашинский И.Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н.э.* Лениград: Наука, Ленинградское отделение.

Брашинский И.Б. 1984. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской. *НиЭ* XIV, 3—22.

Василенко Б.А. 1970. Заметки о гераклейских клеймах. *СА* 3, 217—224.

Василенко Б.А. 1972. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н.э.): дисс. … канд. ист. наук. Москва.

Виноградов Ю.Г. 1972. Керамические клейма о. Фасос. *НиЭ* X, 3—63.

Власова Е.В. 2003. Каталог керамических клейм, граффити и дипинти. В: Соловьев С.Л. *Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея: Итоги работ Керченской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 46—56.

Воронин 2017: Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Воронин К.В. 2017. Отчет о проведении археологических полевых работ (археологических раскопок) на территории объекта культурного наследия регионального значения «Поселение, с. Супсех, юго-западная окраина села» в Анапском районе Краснодарского края в 2013—2014 гг. Т. 1—9.

Гаврилов А.В. 2011. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Донецк: Донбасс (АА 24).

Гайдукевич В.Ф. 1987. *Античные города Боспора. Мирмекий*. Ленинград: Наука.

Граков Б.Н. 1926. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. *Труды ГИМ* 1, 165—206.

Граков Б.Н. 1929. *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. Москва: РАНИОН.

Граков Б.Н. 1935. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции в VI—IV вв. до н.э. *ИГАИМК* 108, 147—183.

Граков Б.Н. 1939. *Клеймёная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли*: дисс. … д-ра ист. наук. Москва.

Егорова Т.В., Ильина Т.А., Кутинова Т.М. 2008. К вопросу о датировании культового комплекса на Майской горе. *ДБ*. Т. 12. Ч. I, 258—286.

Ельницкий Л.Л. 1940. О боспорских амфорных клеймах. *ВДИ* 3—4(12—13), 318—324.

Ефремов Н.В. 2013. Керамические клейма поздне-классического и эллинистического Книда. *Вопросы эпиграфики*. Вып. VII. Ч. 1, 405—451.

Завойкин А.А. 2011. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI—V вв. до н.э. В: Гаврилюк Н.А., Масленников А.А., Завойкин А.А. (ред.). *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований*. Москва: Институт археологии РАН, 18—39 (Методика полевых археологических исследований 4).

Зегебарт К. 1990. Археологические данные о торговых связях Гераклеи Понтийской с населением Нижнего Прикубанья (IV—III вв. до н. э.). В: Ждановский А.М., Марченко И.И. (ред.). *Древние памятники Кубани*. Краснодар: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, 45—55, 201—204.

Иващенко М.В. 2014. Уточнение списка имён магистратов, контролировавших керамическое производство в Гераклее Понтийской. *Antiqvitas Ivventae* 8—9, 186—195.

Иващенко М.В. 2015. Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса. *Известия Саратовского государственного университета*. Т. 15. № 1, 37—42.

Иващенко М.В. 2016. Место магистрата ΚΛΕΙΤΟΣ в системе клеймения керамической тары острова Фасос. *Известия Саратовского государственного университета*. Т. 16. № 1, 39—43.

Кац В.И. 1966. Керамические клейма из раскопок Саратовского поселения в 1963 г. В: Синицын И.В. (ред.). *Археологический сборник*. Саратов: Саратовский университет, 131—140.

Кац В.И. 1979. Уточнённый список имён магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом. *ВДИ* 3(149), 127—146.

Кац В.И. 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм. *ВДИ* 1(172), 87—113.

Кац В.И. 1992. Методика сравнительной оценки экспорта-импорта товаров в керамической таре из одного производственного центра. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред.). *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов: Саратовский университет, 205—228.

Кац В.И. 1994. *Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог—определитель*. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И. 1997. Хронология клейм Гераклеи Понтийской (состояние и перспективы изучения). В: Охотников С.Б. (ред.). *Никоний и античный мир Северного Причерноморья*. Одесса: Ветаком, 212—217.

Кац В.И. 1998. Основные закономерности распределения амфорных клейм Гераклеи Понтийской в Северном Причерноморье. В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 6-го археологического семинара*. Ч. 1. Краснодар: Краснодарская государственная академия культуры, 6—14.

Кац В.И. 2007. *Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)*. *БИ* XVIII.

Кац В.И. 2015. *Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Каталог*. Саратов: Саратовский университет.

Кац В.И., Федосеев Н.Ф. 1986. Керамические клейма «Боспорского эмпория» на Елизаветовском городище. *АМА* 6, 85—105.

Коровина А.К. 2002. *Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Кругликова И.Т. 1974. Сельское хозяйство Боспора: дисс. … д-ра ист. наук. Москва.

Кругликова И.Т., Виноградов Ю.Г. 1973. Клейма Синопы на амфорах поселения Андреевка Южная. *КСИА* 133, 44—53.

Кутайсов В.А. 2004. *Керкинитида в античную эпоху*. Киев: Корвин Пресс.

Леви Е.И. 1964. Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика). В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука, 137—174.

Марти Ю., Шкорпил В. 1910. Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане в г. Керчи. *ЗООИД* XXVIII, 109—157.

Махов И. 1912. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. *ИТУАК* 48, 150—183.

Махов И.И. 1913. Амфорные ручки о. Фасоса с оттиснутыми на них именами астиномов и эмблемами, найденные в Херсонесе (С 1 табл. рис.). *ИТУАК* 49, 150—163.

Молев Е.А. 2010. *Боспорский город Китей*. Киев: АДЕФ-Украина (БИ. Suppl. 6).

Монахов С.Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н.э.* Саратов: Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель*. Москва; Саратов: Киммерида; Саратовский университет.

Монахов С.Ю. 2016. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселения Панское 1 в Крыму. *Записки ИИМК РАН* 14, 113—125.

Мурзакевич Н. 1848. Эллинские памятники, найденные в Новороссийском крае. *ЗООИД* II, 405—413.

Новичихин А.М. 2008. Херсонесский керамический импорт на хоре Горгиппии. В: Д'ячков С.В. (ред.). *Проблеми історії та археології України: Матеріали VI Міжнародної наукової конференції, присвяченої 150-річчю з дня народження академіка В.П. Бузескула (Харків, 10-11 жовтня 2008 р.)*. Харків: ТОВ «НТМТ», 40.

Онайко Н.А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н.э.* Москва: Наука (САИ Д1-27).

Павличенко Н.А. 2011. Новые гераклейские магистраты. В: Вахтина М.Ю., Грицик Е.В., Жижина Н.К., Иванов С.В., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 22-25 ноября 2011 г.)*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 655—656.

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Придик Е.М. 1917. *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания*. Петроград: Типография Российской Академии Наук.

Придик Е.М. 1941. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. В: Жебелёв С.А., Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Археологические памятники Боспора и Херсонеса*. Москва; Ленинград: АН СССР, 173—193 (МИА 4).

Прокофьев Р.В. 2014. *Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году*. Ростов-на-Дону: Альтаир.

Пругло В.И. 1967. Синопские амфорные клейма из Мирмекия. *КСИА* 109, 42—48.

Сальников А.Г. 1966. Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962). *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 5, 176—225.

Сальников А.Г. 1968. Керамические клейма из раскопок городища у с. Роксоланы. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 252—256.

Самойлова Т.Л., Редина Е.Ф. 1997. Клейма из скифских курганов Днестро-Дунайского междуречья. В: Яровой Е.В. (ред.). *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). Материалы полевого семинара*. Тирасполь: ПГУ, 57—63.

Стефани Л. 1866. Объяснение некоторых древностей, найденных в 1864 году в Южной России. *ОАК за 1865 год*, 211—220.

Стефани Л. 1871. Объяснение некоторых вещей, найденных в 1868 году в Южной России. *ОАК за 1869 год*, 194—216.

Федосеев Н.Ф. 1992. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред.). *Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов: Саратовский университет, 147—163.

Федосеев Н.Ф. 1998. Керамические клейма из раскопок поселения «Бакланья скала». *ДБ* 1, 253—270.

Федосеев Н.Ф. 2006. Керамические клейма из раскопок 2003—2004 гг. на поселении Заветное-5. В: Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. *Отчет Античной комплексной археологической экспедиции 2003—2004 гг. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5*. Ч. II. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 63—71.

Федосеев Н.Ф. 2008. Датам и Синопа. В: Лазаренко И. (ред.). Нумизматични, сфрагистчни и епигафски приноси към Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на си.нс. Милко Мирчев. Варна, 15—17 септември 2005 г. Варна: Зограф, 20—32 (Acta musei varnaensis VII-1).

Федосеев Н.Ф. 2014. К интерпретации комплекса № 23 поселения Старая Богдановка 2 на хоре Ольвии и об энглифических колечках. *АМА* 14, 339—349.

Федосеев Н.Ф. 2015. О хронологии синопских керамических клейм. *АМА* 17, 352—364.

Федосеев Н.Ф. 2016. *Керамические клейма.* Т. II. *Гераклея Понтийская*. Керчь: Соло-Рич.

Федосеев Н.Ф. 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму. В: Внуков С.Ю., Зайцев Ю.П., Дедюлькин А.В., Ефремов Н.В., Ковальчук А.В., Масленников А.А., Прокопенко С.Н., Супренков А.А., Топоривская М.А., Федосеев Н.Ф., Шкрибляк И.И. *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований*. Симферополь: Тарпан, 169—249.

Федосеев Н.Ф., Ермолин А.Л., Куликов А.В. 2008. Керамический комплекс из района рыбоконсервного завода в Керчи. *ДБ* 12. Ч. II, 483—505.

Шелов Д.Б. 1956. Керамические клейма из раскопок Фанагории. В: Смирнов А.П. (ред.). *Фанагория*. Москва: АН СССР, 128—153 (*МИА* 57).

Шелов Д.Б. 1957. Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. В: Зеест И.Б. (ред.). *Пантикапей*. Москва: АН СССР, 202—226 (МИА 56).

Шкорпил В.В. 1904. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 годах. *ИАК* 11, 19—166.

Шкорпил В.В. 1914. Названия гончарных мастеров в керамических надписях. *ИАК* 51, 129—139.

Юргевич В.Н. 1895. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 году. *ЗООИД* XVIII, 87—174.

Avram A. 1996. Les timbres amphoriques. 1. Thasos. *Histria* VIII.

Becker P. 1862. Über eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. *Jahrbücher für classische Philologie*. Vol. IV. Suppl. B, 454—502.

Becker P. 1869. Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. *Jahrbücher für classische Philologie*. Vol. V. Suppl. B, 447—536.

Becker P. 1879. Über eine dritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland und über Dumont's inscriptions céramiques de Gréce (Paris, 1878). *Jahrbücher für classische Philologie*. Vol. X. Suppl. B, 1—117.

Börker Ch. 1986. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel. *BSA*. Suppl. XIII, 473—478.

Bon A.-M., Bon A. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos. *Études thasiennes* 4.

Buzoianu L., Cheluţă-Georgescu N. 1983. Timbres amphoriques inédits de Callatis. *Pontica* XVI, 149—188.

Buzoianu L., Cheluţă-Georgescu N. 1998. Nouvelles estampilles amphoriques à Callatis. *Pontica* XXXI, 49—98.

Canarache V. 1957. *Importul amforelor stampilate la Istria*. Bucureşti: Academia Republicii Populare Romine (Biblioteca istorică; Academia de ştiinye sociale şi politice a Republicii Socialiste România 1).

Cancardeş-Şenol G. 2006. *Klasik ve hellenistic dönem'de Mühürlü amphora üreten merkezler ve mühürleme sistemleri (Ege Yayinlari)*. Istanbul: Graphik Digital.

Cankardeş-Şenol G. 2015a. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 1. *Eponyms A*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 33).

Cankardeş-Şenol G. 2015b. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 2. *Eponyms B to K*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 35).

Cankardeş-Şenol G. 2016. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 3. *Eponyms Λ to Σ*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 37).

Cankardeş-Şenol G. 2017. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 4. *Eponyms T to X*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 39).

Cancardeş-Şenol G., Alcaç E. 2007. Amphora Mühürleri: Rhodos, Knidos, Kibris ve Lokal Üretimler (Stamped Amphora Handles: Rhodian, Cnidian, Cypriot and Lokal Productions). In: Durugönül S. (ed.). *Dağlik Kilikia'da Bir Antik Kent Kazinin Sonuçlari, Nagidos (Nagidos. Results of an Excavation in an Ancient City in Rough Cilicia). Adalya*. Suppl. 6. Istanbul: Zero Prodüksiyon Ltd., 297—344, 425—427.

Conovici N. 1997. Probléme de la chronologiei des timbres sinopéens. *Pontica* XXX, 117—154.

Conovici N. 1998. *Les timbres amphoriques 2. Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucureşt; Paris: Boccard (Varia Anatolica VIII; Corpus international des timbres amphoriques 3).

Conovici N. 1999. Un astynome sinopeen mal connu: Demetrios I. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 49—70.

Conovici N., Avram A., Poenaru Bordea Gh. 1989. Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis. *Dacia* XXXIII, 111—123.

Conovici N., Irimia M. 1991. Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques découverts à Satu Nou (comm. D`Oltina, dép. De Constanza). *Dacia* XXXV, 139—175.

Debidour M. 1986. En classant les timbres Thasiens. *BCH*. Suppl. XIII, 311—334.

Ebert M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson. *Prähistorische Zeitschrift* V(1—2), 1—80.

Fedoseev N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en mer noire. Actes du Colloque international d'Istanbul, 25-28 mai 1994. Aix-en-Provence*. Provence: Université de Provence, 27—48.

Fedoseev N.F., Zin'ko V.N. 1998. Ceramic Stamps from Rural Settlement of Geroevka-2 (the Chora of Nymphaion). *Arheologia* XLVIII, 55—60.

Finkielsztein G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. Premier bilan*. Oxford: Archaeopress (BAR International series 990).

Garlan Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos.* Vol. I. *Timbres protothasiens et thasiens anciens*. Athènes; Paris: Peeters.

Garlan Y. 2004. *Les timbres ceramiqes sinopeens sur amphores et sur tuiles. Trouves a Sinope. Présentation et catalogue*. Paris: Boccard (Varia Anatolica XVI; Corpus international des timbres amphoriques 10).

Garlan Y. 2004—2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos. *BCH* 128—129, 269—329.

Grace V.R. 1934. Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. *Hesperia* III, 197—310.

Grace V.R. 1946. Early Thasian Stamped Amphoras. *American Journal of Archaeology* 50, 31—38.

Grace V.R. 1971. Samian Amphoras. *Hesperia* XL, 52—95.

IOSPE III: Архив ИА РАН. Р-2. Д. 2157—2171, 2173—2182, 2189—2198. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. T. III.

Jefremow N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: Tuduv-Verl.-Ges.

Jöhrens G., Lolling H.G. 1999. *Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen: zu den von H.G. Lolling aufgenommenen Unedierten Henkelinschriften; Mit einem Anhang: Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des Deutschen archäologischen Instituts*. Mainz am Rhein: Zabern.

Levi D., Pugliese Caratelli G. 1963. *Nuove inscrizioni di Iasos. B) Instrumentum domesticum. Annuario della Scuola Archeologica di Atene a delle Missioni Italiane in Oriente*. T. XXXIX—XL. Nuova Serie. T. XXIII—XXIV. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 605—631.

Pavličhenko N. 1999. Les timbres amphoriques d'Heraclée du Pont: bilan et perspectives de recherché. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 13—19.

Pavličhenko N. 2013. Magistrate ceramic stamping in Herakleia Pontike: new hypothesis and discrepancies. In: Buzoianu L., Dupont P., Lungu V. (eds.). *PATABS* III. *Production and Trade of amphorae in the Black Sea production et commerce amphoriques en mer noire. Actes de la Table Ronde internationale de Constanta, 6-10 octobre 2009*. Constanta: National history and archaeology museum, 341—342.

Pridik E. 1928. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrusland. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historischee Klasse* XXIV, 342—380.

Senol G., Canoglu E. 2009. Muhurler; Button-Type Amphora Stamps in the Graeco-Roman Museum in Alexandria — Egypt. *Arkeoloji Dergisi* XIV, 109—160.

Stolba V.F. 2003. Hellenistic Hersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In: Stolba V.F., Hannestad L. (eds.). *Chronology of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 B.C.* Aarhus: Aarhus University Press, 153—171.

Sztetyllo Z. 1983. *Les timbres céramiques dans les collections du Musée National de Varsovie*. Varsovie: Scientifiques de Pologne.

Tuna N., Empereur J.-Y., Picon M., Doger E. 1987. Rapport preliminaire de la prospection archeologique turco-francaise des ateliers d'amphores de Reşadiye-Kiliseyani, sur la peninsule de Datca. *Anatolia Antiqua* I.

Tzochev Ch. 2009. Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology. *Archaeologija Bulgarica* XIII(1), 55—72.

Tzochev Ch. 2016. *Amphora Stamps from Thasos*. *The Athenian Agora* XXXVII.

Von Teleaga E. 2003. Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren von Heraklea Pontike. *Münstersche Beiträge z. antiken Handelsgeschichte*. Bd. 22, Hb. 1, 69—113.

References

Alekseyeva, Ye.M. 1997. *Antichnyy gorod Gorgippiya (The ancient city of Gorgippia)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Anfimov, N.V. 1951. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1(35), 110—128 (in Russian).

Akhmerov, R.B. 1949. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 4(30), 99—123 (in Russian).

Akhmerov, R.B. 1951. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3(37), 77—84 (in Russian).

Bekker, P. 1863. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* V, 18—75 (in Russian).

Bekker, P. 1868. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* VII, 3—84 (in Russian).

Bolonkina, Ye.V., Yefremov, N.V., Kolesnikov, A.B. 2019. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Antique World and Archaeology)* 19, 274—317 (in Russian).

Borisova, V.V. 1974. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XI, 99—124 (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1964. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Ol'viya. Temenos i agora (Olbia. Temenos and Agora)*. Moscow; Leningrad: Nauka, 285—313 (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1980. *Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu v V—III vv. do n.e. (Greek ceramic imports in the Lower Don in the 5th — 3rd centuries BCE)*. Lenigrad: Nauka (in Russian).

Brashinskiy, I.B. 1984. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* XIV, 3—22 (in Russian).

Vasilenko, B.A. 1970. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 217—224 (in Russian).

Vasilenko, B.A. 1972. Ceramic hallmarks from antique settlements on the coast of the Dniester estuary as a source for the study of trade relations of the North-Western Black Sea region with the Greek world (5th — 3rd centuries BCE). PhD Thesis. Moscow.

Vinogradov, Yu.G. 1972. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* X, 3—63 (in Russian).

Vlasova, Ye.V. 2003. In: Solovyev, S.L. *Arkheologicheskiye pamyatniki sel'skoy okrugi i nekropolya Nimfeya: Itogi rabot Kerchenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological monuments of the rural area and the necropolis of Nympheus: Results of the work of the Kerch archaeological expedition of the Gosudarstvennyi Ermitazh)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 46—56 (in Russian).

Voronin 2017: Arkhiv IA RAN. F. R-1. Voronin K.V. 2017. Otchet o provedenii arkheologicheskikh polevykh rabot (arkheologicheskikh raskopok) na territorii ob'yekta kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya "Poseleniye, s. Supsekh, yugo-zapadnaya okraina sela" v Anapskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2013—2014 gg. Vol. 1—9.

Gavrilov, A.V. 2011. *Amfornyye kleyma okrugi antichnoy Feodosii (materialy k khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov) (Amphora stamps of the area of ancient Feodosia (materials for the chronology of archaeological sites))*. Donetsk: Donbass (Archaeological Almanac 24) (in Russian).

Gaydukevich, V.F. 1987. *Antichnyye goroda Bospora. Mirmekiy (Ancient cities of the Bosporus. Myrmekion)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Grakov, B.N. 1926. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 1, 165—206 (in Russian).

Grakov, B.N. 1929. *Drevnegrecheskiye keramicheskiye kleyma s imenami astinomov (Ancient Greek ceramic hallmarks with the names of the Astinomes)*. Moscow: RANION (in Russian).

Grakov, B.N. 1935. In *Izvestija Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury (Reports of National Academy of History of Material Culture)* 108, 147—183 (in Russian).

Grakov, B.N. 1939. Branded ceramic containers of the Hellenistic era as a source for the history of production and trade. Dr.habil. Thesis. Moscow.

Yegorova, T.V., Il'ina, T.A., Kutinova, T.M. 2008. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)*. Vol. 12. Pt. I, 258—286 (in Russian).

Yel'nitskiy, L.L. 1940. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3—4(12—13), 318—324 (in Russian).

Yefremov, N.V. 2013. In *Voprosy epigrafiki (Problems of Epigraphy)*. Iss. VII. Pt. 1, 405—451 (in Russian).

Zavoykin, A.A. 2011. In: Gavrilyuk, N.A., Maslennikov, A.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *Grecheskiye i varvarskiye pamyatniki Severnogo Prichernomor'ya. Opyt metodiki rossiyskikh i ukrainskikh polevykh issledovaniy (Greek and barbarian monuments of the Northern Black Sea region. Experience in the methodology of Russian and Ukrainian field research)*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 18—39 (Methodology of field archaeological research 4) (in Russian).

Zegebart, K. 1990. In: Zhdanovskiy, A.M., Marchenko, I.I. (eds.). *Drevniye pamyatniki Kubani (Ancient monuments of the Kuban)*. Krasnodar: Upravleniye kul'tury Krasnodarskogo krayispolkoma, 45—55, 201—204 (in Russian).

Ivashchenko, M.V. 2014. In *Antiqvitas Ivventae* 8—9, 186—195 (in Russian).

Ivashchenko, M.V. 2015. In *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Saratov State University).* Vol. 15. No. 1, 37—42 (in Russian).

Ivashchenko, M.V. 2016. In *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Saratov State University).* Vol. 16. No. 1, 39—43 (in Russian).

Kac, V.I. 1966. In: Sinitsyn I.V. (ed.). *Arkheologicheskiy sbornik (Archaeological Collection)*. Saratov: Saratovskiy universitet, 131—140 (in Russian).

Kac, V.I. 1979. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3(149), 127—146 (in Russian).

Kac, V.I. 1985. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1(172), 87—113 (in Russian).

Kac, V.I. 1992. In Kac, V.I., Monahov, S.Ju. (eds.). *Grecheskie amfory: problemy razvitija remesla i torgovli v antichnom mire (Greek amphorae: problems of craft development and trade in the ancient world)*. Saratov: Saratovskiy universitet, 205—228 (in Russian).

Kac, V.I. 1994. *Keramicheskie klejma Chersonesa Tavricheskogo. Katalog—opredelitel' (Stamps on ceramics from Tauric Chersonesos. Identifier catalogue)*. Saratov: Saratovskij universitet (in Russian).

Kac, V.I. 1997. In: Okhotnikov, S.B. (ed.). *Nikoniy i antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya (Niconion and the Ancient World of the Northern Black Sea Region)*. Odessa: Vetakom, 212—217 (in Russian).

Kac, V.I. 1998. In: Rayev B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy 6-go arkheologicheskogo seminara (Ancient civilization and the barbarian world. Materials of the 6th archaeological seminar)*. Pt. 1. Krasnodar: Krasnodarskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury, 6—14 (in Russian).

Kac, V.I. 2007. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporus Studies)* XVIII (in Russian).

Kac, V.I. 2015. *Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i ejo hora, Semibratnee gorodishhe. Katalog (Stamps on ceramics from the Asian Bosporus. Gorgippia and its chorus, Settlement Semibrratnee. Catalogue)*. Saratov: Saratovskij universitet (in Russian).

Kac, V.I. Fedoseev, N.F. 1986. In *Antichnyj mir i arheologiya (Ancient World and Archeology)* 6, 85—105 (in Russian).

Korovina, A.K. 2002. *Germonassa. Antichnyy gorod na Tamanskom poluostrove (Hermonassa. Antique city on the Taman Peninsula)*. Moscow: GMII im. A.S. Pushkina (in Russian).

Kpuglikova, I.T. 1974. Agriculture of the Bosporus: Dr. habil. Thesis. Moscow.

Kruglikova, I.T., Vinogradov, Yu.G. 1973. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 133, 44—53 (in Russian).

Kutaysov, V.A. 2004. *Kerkinitida v antichnuyu epokhu (Kerkinitis in ancient times)*. Kyiv: Korvin Press (in Russian).

Levi, Ye.I. 1964. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Ol'viya. Temenos i agora (Olbia. Temenos and agora)*. Moscow; Leningrad: Nauka, 137—174 (in Russian).

Marti, Yu., Shkorpil, V. 1910. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XXVIII, 109—157 (in Russian).

Makhov, I. 1912. In *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)* 48, 150—183 (in Russian).

Makhov, I.I. 1913. In *Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii (Proceedings of the Taurian scientific archival commission)* 49, 150—163 (in Russian).

Molev, E.A. 2010. *Bosporskij gorod Kitey (Bosporus city of Citea)*. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina (Bosporian Studies. Suppl. 6) (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Kompleksy keramicheskoy tary VII—II vekov do n.e. (Greek amphorae in the Black Sea Region. Complexes of ceramic containers of the 7th — 2nd centuries BCE)*. Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel' (Greek amphorae in the Black Sea Region. Typology of amphorae of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers: Identification catalogue)*. Moscow; Saratov: Kimmerida; Saratovskiy universitet (in Russian).

Monakhov, S.Yu. 2016. In *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk (Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)* 14, 113—125 (in Russian).

Murzakevich, N. 1848. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* II, 405—413 (in Russian).

Novichikhin, A.M. 2008. In: D'yachkov, S.V. (ed.). *Problemi ictopii ta arkheologii Ukraini: Materiali VI Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii, prisvyachenoi 150-richchyu z dnya narodzhennya akademika V.P. Buzeskula (Kharkiv, 10-11 zhovtnya 2008 r.) (Problems of History and Archeology of Ukraine: Proceedings of the VI International Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of Academician V.P. Buzeskul (Kharkiv, October 10-11, 2008))*. Kharkiv: TOV "NTMT", 40 (in Russian).

Onayko, N.A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprov'ye i Pobuzh'ye v IV—II vv. do n.e. (Antique imports in the Dnieper basin and Southern Bug Region in the 4th — 2nd centuries BCE)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-27) (in Russian).

Pavlichenko, N.A. 2011. In: Vakhtina, M.Yu., Gritsik, Ye.V., Zhizhinam, N.K., Ivanovm, S.V., Zuyevm, V.Yu., Kashayev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: naseleniye, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 22-25 noyabrya 2011 g.) (Bosporan Phenomenon: Population, Languages, Contacts. Materials of the International Conference (Saint Petersburg, November 22-25, 2011).)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 655—656 (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotobalkov burial-ground of the 5th — 4th centuries BCE in the Kherson Region)*. Kyiv: Oleg Filyuk (in Russian).

Pridik, E.M. 1917. *Inventarnyj katalog klejm na amfornyh ruchkah i gorlyshkah i na cherepicah Ermitazhnogo sobranija (Inventory catalogue of stamps on amphora handles and necks and on shingles of the Hermitage Collection)*. Petrograd: Tipografija RAN (in Russian).

Pridik, E.M. 1941. In: Zhebelov, S.A., Gaydukevich, V.F. (eds.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Bospora i Khersonesa (Archaeological sites of the Bosporus and Chersonesos)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 173—193 (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 4) (in Russian).

Prokof'yev, R.V. 2014. *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 109, 42—48 (in Russian).

Salnikov, A.G. 1966. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya (Materials on the archeology of the Northern Black Sea Region)* 5, 176—225 (in Russian).

Salnikov, A.G. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya (Ancient history and culture of the Mediterranean and Black Sea Regions). Leningrad: Nauka, 252—256 (in Russian).

Samoylova, T.L., Redina, Ye.F. 1997. In: Yarovoy, Ye.V. (ed.). *Chobruchskiy arkheologicheskiy kompleks i voprosy vzaimovliyaniya antichnoy i varvarskikh kul'tur (IV v. do n. e. — IV v. n. e.). Materialy polevogo seminara (Chobruch archaeological complex and questions of mutual influence of ancient and barbarian cultures (4th century BCE — 4th century CE). Field workshop materials)*. Tiraspol: PGU, 57—63 (in Russian).

Stefani, L. 1866. In *Otchet imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1865 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1865*, 211—220 (in Russian).

Stefani, L. 1871. In *Otchet imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1869 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1869*, 194—216 (in Russian).

Fedoseyev, N.F. 1992. In: Kac, V.I., Monakhov, S.Yu. (eds). *Grecheskiye amfory. Problemy razvitiya remesla i torgovli v antichnom mire (Greek amphoras. Problems of the development of crafts and trade in the ancient world)*. Saratov: Saratovskiy universitet, 147—16 (in Russian).

Fedoseyev, N.F. 1998. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)*. Vol. 1, 253—270 (in Russian).

Fedoseyev, N.F. 2006. In: Solov'yev, S.L., Shepko, L.G. *Otchet Antichnoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii 2003—2004 gg. Arkheologicheskiye pamyatniki sel'skoy okrugi Akry. Poseleniye Zavetnoye-5 (Report of the Antique Comprehensive Archaeological Expedition 2003—2004. Archaeological sites of the rural area of Acre. Settlement Cherished-5)*. Pt. II. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 63—71 (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2008. In: Lazarenko, I. (ed.). *Numizmatichni, sfragistchni i epigafski prinosi kam Chernomorskoto kraibrezhie. Mezhdunarodna konferentsiya v pamet na si.ns. Milko Mirchev. Varna, 15-17 septemvri 2005 g. (Numismatic, sphragistic and epigraphic contributions to the history of the Black Sea Coast. International Conference in Memory of Dr. Milko Mirchev. Varna, September 15-17, 2005)*. Varna: Zograf, 20—32 (Acta musei varnaensis VII-1).

Fedoseev, N.F. 2014. In *Antichnyi mir i arheologiya (Ancient World and Archeology)* 14, 339—349 (in Russian).

Fedoseev, N.F. 2015. In *Antichnyi mir i arheologiya (Ancient World and Archeology)* 17, 352—364 (in Russian).

Fedoseyev, N.F. 2016. *Keramicheskiye kleyma (Ceramic hallmarks)*. Vol. II. *Gerakleya Pontiyskaya (Heraclea Pontica)*. Kerch: Solo-Rich (in Russian).

Fedoseyev, N.F. 2017. In: Vnukov, S.Yu., Zaytsev, Yu.P., Dedyul'kin, A.V., Yefremov, N.V., Koval'chuk, A.V., Maslennikov, A.A., Prokopenko, S.N., Suprenkov, A.A., Toporivskaya, M.A., Fedoseyev, N.F., Shkriblyak, I.I. *Krym v epokhu ellinizma. Mezhkul'turnyye protsessy po dannym noveyshikh*

arkheologicheskikh issledovaniy (The Crimea in the Hellenistic period: Intercultural processes based on the latest archaeological research). Simferopol: Tarpan, 169—249 (in Russian).

Fedoseyev, N.F., Iermolin, A.L., Kulikov, A.V. 2008. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus).* Vol. 12. Pt. II, 483—505 (in Russian).

Shelov, D.B. 1956. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Phanagoria*. Moscow: AN SSSR, 128—15 (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 57) (in Russian).

Shelov, D.B. 1957. In: Zeest, I.B. (ed.). *Pantikapey (Panticapaeum).* Moscow: AN SSSR, 202—226 (Materials and Research in the Archaeology of the USSR 56) (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1904. In *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 11, 19—166 (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1914. In *Izvestiya Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 51, 129—139 (in Russian).

Yurgevich, V.N. 1895. In *Zapiski Odesskogo Imperatorskogo obshhestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities)* XVIII, 87—174 (in Russian).

Avram, A. 1996. Les timbres amphoriques. 1. Thasos. *Histria* VIII.

Becker, P. 1862. Über eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. *Jahrbücher für classische Philologie*. Vol. IV. Suppl. B, 454—502.

Becker, P. 1869. Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. *Jahrbücher für classische Philologie*. Vol. V. Suppl. B, 447—536.

Becker, P. 1879. Über eine dritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland und über Dumont's inscriptions céramiques de Gréce (Paris, 1878). *Jahrbücher für classische Philologie*. Vol. X. Suppl. B, 1—117.

Börker, Ch. 1986. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel. *BSA*. Suppl. XIII, 473—478.

Bon, A.-M., Bon, A. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos. *Études thasiennes* 4.

Buzoianu, L., Cheluţă-Georgescu, N. 1983. Timbres amphoriques inédits de Callatis. *Pontica* XVI, 149—188.

Buzoianu, L., Cheluţă-Georgescu, N. 1998. Nouvelles estampilles amphoriques à Callatis. *Pontica* XXXI, 49—98.

Canarache, V. 1957. *Importul amforelor stampilate la Istria*. Bucureşti: Academia Republicii Populare Romine (Biblioteca istorică; Academia de ştiinye sociale şi politice a Republicii Socialiste România 1).

Cancardeş-Şenol, G. 2006. *Klasik ve hellenistic dönem'de Mühürlü amphora üreten merkezler ve mühürleme sistemleri (Ege Yayinlari)*. Istanbul: Graphik Digital.

Cankardeş-Şenol, G. 2015a. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 1. *Eponyms A*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 33).

Cankardeş-Şenol, G. 2015b. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 2. *Eponyms B to K*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 35).

Cankardeş-Şenol, G. 2016. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 3. *Eponyms Λ to Σ*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 37).

Cankardeş-Şenol, G. 2017. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 4. *Eponyms T to X*. Alexandrie: Centre d'études alexandrines (Études Alexandrines 39).

Cancardeş-Şenol, G., Alcaç, E. 2007. Amphora Mühürleri: Rhodos, Knidos, Kibris ve Lokal Üretimler (Stamped Amphora Handles: Rhodian, Cnidian, Cypriot and Lokal Productions). In: Durugönül, S. (ed.). *Dağlik Kilikia'da Bir Antik Kent Kazinin Sonuçlari, Nagidos (Nagidos. Results of an Excavation in an Ancient City in Rough Cilicia). Adalya*. Suppl. 6. Istanbul: Zero Prodüksiyon Ltd., 297—344, 425—427.

Conovici, N. 1997. Probléme de la chronologiei des timbres sinopéens. *Pontica* XXX, 117—154.

Conovici, N. 1998. *Les timbres amphoriques 2. Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucureşt; Paris: Boccard (Varia Anatolica VIII; Corpus international des timbres amphoriques 3).

Conovici, N. 1999. Un astynome sinopeen mal connu: Demetrios I. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 49—70.

Conovici, N., Avram, A., Poenaru Bordea, Gh. 1989. Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis. *Dacia* XXXIII, 111—123.

Conovici, N., Irimia, M. 1991. Timbres amphoriques et autres inscriptions céramiques découverts à Satu Nou (comm. D`Oltina, dép. De Constanza). *Dacia* XXXV, 139—175.

Debidour, M. 1986. En classant les timbres Thasiens. *BCH*. Suppl. XIII, 311—334.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson. *Prähistorische Zeitschrift* V(1—2), 1—80.

Fedoseev, N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en mer noire. Actes du Colloque international d'Istanbul, 25-28 mai 1994. Aix-en-Provence*. Provence: Université de Provence, 27—48.

Fedoseev, N.F., Zin'ko, V.N. 1998. Ceramic Stamps from Rural Settlement of Geroevka-2 (the Chora of Nymphaion). *Arheologia* XLVIII, 55—60.

Finkielsztein, G. 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. Premier bilan*. Oxford: Archaeopress (BAR International series 990).

Garlan, Y. 1999. *Les timbres amphoriques de Thasos.* Vol. I. *Timbres protothasiens et thasiens anciens*. Athènes; Paris: Peeters.

Garlan, Y. 2004. *Les timbres ceramiqes sinopeens sur amphores et sur tuiles. Trouves a Sinope. Présentation et catalogue*. Paris: Boccard (Varia Anatolica XVI; Corpus international des timbres amphoriques 10).

Garlan, Y. 2004—2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos. *BCH* 128—129, 269—329.

Grace, V.R. 1934. Stamped Amphora Handles Found in 1931—1932. *Hesperia* III, 197—310.

Grace, V.R. 1946. Early Thasian Stamped Amphoras. *American Journal of Archaeology* 50, 31—38.

Grace ,V.R. 1971. Samian Amphoras. *Hesperia* XL, 52—95.

IOSPE III: Arhiv IA RAN. R-2. D. 2157—2171, 2173—2182, 2189—2198. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. T. III.

Jefremow, N. 1995. *Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos*. München: Tuduv-Verl.-Ges.

Jöhrens, G., Lolling, H.G. 1999. *Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen: zu den von H.G. Lolling aufgenommenen Unedierten Henkelinschriften; Mit einem Anhang: Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des Deutschen archäologischen Instituts*. Mainz am Rhein: Zabern.

Levi, D., Pugliese Caratelli, G. 1963. *Nuove inscrizioni di Iasos. B) Instrumentum domesticum. Annuario della Scuola Archeologica di Atene a delle Missioni Italiane in Oriente*. T. XXXIX—XL. Nuova Serie. T. XXIII—XXIV. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 605—631.

Pavličhenko, N. 1999. Les timbres amphoriques d'Heraclée du Pont: bilan et perspectives de recherché. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Université de Provence, 13—19.

Pavličhenko, N. 2013. Magistrate ceramic stamping in Herakleia Pontike: new hypothesis and discrepancies. In: Buzoianu, L., Dupont, P., Lungu, V. (eds.). *PATABS* III. *Production and Trade of amphorae in the Black Sea production et commerce amphoriques en mer noire. Actes de la Table Ronde internationale de Constanta, 6-10 octobre 2009*. Constanta: National history and archaeology museum, 341—342.

Pridik, E. 1928. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrusland. *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historischee Klasse* XXIV, 342—380.

Senol, G., Canoglu, E. 2009. Muhurler; Button-Type Amphora Stamps in the Graeco-Roman Museum in Alexandria — Egypt. *Arkeoloji Dergisi* XIV, 109—160.

Stolba, V.F. 2003. Hellenistic Hersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In: Stolba, V.F., Hannestad, L. (eds.). *Chronology of the Black Sea Area in the Period c. 400—100 B.C.* Aarhus: Aarhus University Press, 153—171.

Sztetyllo, Z. 1983. *Les timbres céramiques dans les collections du Musée National de Varsovie*. Varsovie: Scientifiques de Pologne.

Tuna, N., Empereur, J.-Y., Picon, M., Doger, E. 1987. Rapport preliminaire de la prospection archeologique turco-francaise des ateliers d'amphores de Reşadiye-Kiliseyani, sur la peninsule de Datca. *Anatolia Antiqua* I.

Tzochev, Ch. 2009. Notes on the Thasian Amphora Stamps Chronology. *Archaeologija Bulgarica* XIII(1), 55—72.

Tzochev, Ch. 2016. *Amphora Stamps from Thasos*. *The Athenian Agora* XXXVII.

Von Teleaga, E. 2003. Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren von Heraklea Pontike. *Münstersche Beiträge z. antiken Handelsgeschichte*. Bd. 22, Hb. 1, 69—113.

Таблица 1. **Распределение профильных фрагментов амфорного материала из раскопа 2 Поселения «Ленина» по центрам производства**

Центр производства	Количество	%
Средиземноморские		
Хиос	368	17,44
Клазомены	89	4,22
Круг клазомен	2	0,09
Лесбос-К (красноглиняные)	106	5,02
Лесбос-С (сероглиняные)	12	0,57
Аттика (столовые амфоры)	2	0,09
Милет	3	0,14
Самос	3	0,14
Группа «Самос-Милет»	1	0,05
Северная Эгеида («протофасос»)	40	1,90
Фасос	332	15,73
Круг Фасоса	4	0,19
Айнос	7	0,33
Аканф	1	0,05
Менда	141	6,68
Эрифры	6	0,28
Пепарет	1	0,05
Икос	23	1,09
Солоха I	1	0,05
Родос	13	0,62
Книд	41	1,94
Кос	9	0,43
Западное Средиземноморье	2	0,09
Понтийские		
Гераклея Понтийская	544	25,78
Синопа	282	13,36
Херсонес Таврический	4	0,19
Колхида (Трапезунт?)	11	0,52
Всего	**2049**	**97,11**
Неопределённые	56	2,66
Поздние	5	0,23
Итого	**2110**	**100,0**

Диаграмма 1. **Распределение профильных фрагментов амфорного материала из раскопа 2 Поселения «Ленина» по центрам производства**

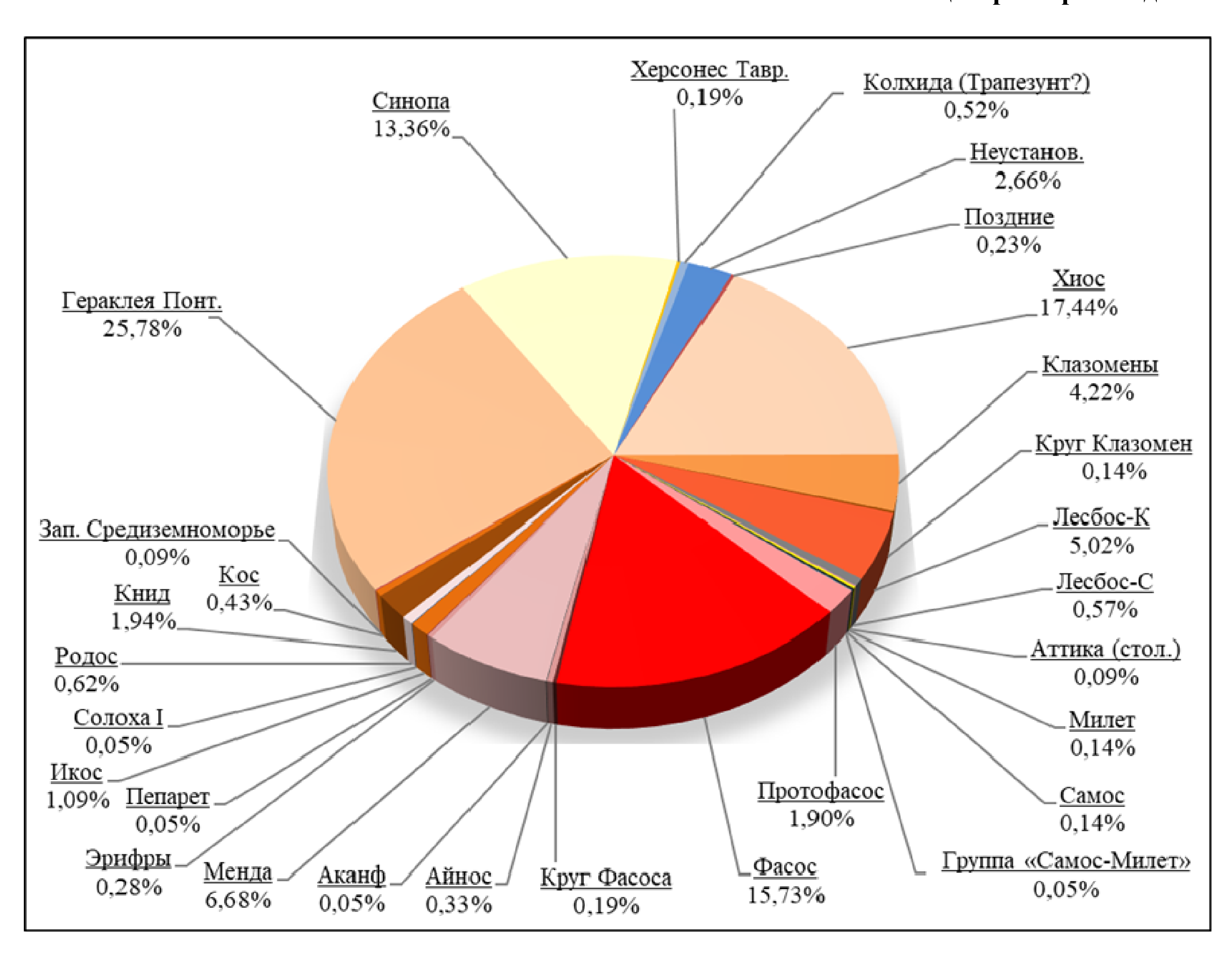

Таблица 2. **Хронологическое и типологическое распределение профильных фрагментов амфор из раскопа 2 Поселения «Ленина»**

Центр производства, тип, вариант			ХРОНОЛОГИЯ 600 г. до н.э.	550 г. до н.э.	500 г. до н.э.	450 г. до н.э.	400 г. до н.э.	350 г. до н.э.	300 г. до н.э.	250 г. до н.э.	200 г. до н.э.
Хиос	тип I			0,76%							
	тип II			0,05%							
	тип III					2,80%					
	тип IV					0,47%					
	тип V (варианты V-A и V-B)							11,99%			
	тип V (вариант V-C)							0,05%			
	неопр.							1,33%			
Клазомены	тип I			4,22%							
круг Клазомен(Теос?)	тип I			0,14%							
Лесбос-К	тип I			5,02%							
Лесбос-С	тип I			0,28%							
	тип II-C			0,05%							
	тип III					0,24%					
Аттика	столовые			0,09%							
Милет	типы II, III				0,14%						
Самос	тип I			0,05%							
	тип III							0,09%			
"Самос-Милет"					0,05%						
Северная Эгеида ("Протофасос"), серии 2–5					1,90%						
Фасос	I-A-4, I-B-2, II-A-2, II-A-3, II-C-1					0,29%					
	I-B-3, II-B-1, II-B-2, II-B-3, II-C-2							4,64%			
	II-C-3							0,09%			
	неопр.							10,71%			
Круг Фасоса								0,19%			
Айнос							0,33%				
Аканф								0,05%			
Менда	типы I, II (II-A–II-C), III							6,69%			
Эрифры	тип I					0,19%					
	тип IV							0,09%			
Пепарет							0,05%				
Икос								1,09%			
Солоха I							0,05%				
Родос	тип I	I-A–I-C							0,24%		
		I-E									0,38%
Книд	тип I, II (II-A)							1,00%			
	тип II	II-B-1						0,33%			
		II-G									0,05%
	неопр.							0,57%			
Кос	типы I, II							0,43%			
Западное Средиземноморье, тип Mañá D (?)							0,09%				
Гераклея Понт.	типы I, I-A, II, III							25,74%; 0,05%			
Синопа	Син Ia	I-A, II-E-1					0,28%				
	Син Ia/б	I-C–I-D, II-A–II-D, II-E-2/3							3,22%		
	Син Iб	III-A–III-C								0,38%	
	неопр.									9,48%	
Херсонес Тавр.									0,19%		
Колхида (Трапезунт?), тип KxIA									0,52%		
ДАТИРОВКА			600 г. до н.э.	550 г. до н.э.	500 г. до н.э.	450 г. до н.э.	400 г. до н.э.	350 г. до н.э.	300 г. до н.э.	250 г. до н.э.	200 г. до н.э.

Таблица 3. **Состав коллекции клейм из раскопок Поселения «Ленина»**

Центр производства	Количество	%
I. Клейма периода спорадического клеймения (конец VI—V вв. до н.э.)		
Хиос	1	1,1
Айнос	1	1,1
Фасос («протоклейма»)	1	1,1
Менда	1	1,1
Всего	**4**	**4,4**
II. Клейма периода систематического клеймения (конец V — первая треть II вв. до н.э.)		
Фасос	12	13,8
Круг Фасоса	1	1,2
Аканф	1	1,2
Книд	4	4,6
Родос	3	3,5
Гераклея Понтийская	27	31,0
Синопа	31	35,6
Херсонес Таврический	1	1,2
Боспорская черепица	1	1,2
Всего	**81**	**93,3**
Неопределённые	2	2,3
Итого	**87**	**100,0**

Диаграмма 2. **Состав коллекции клейм из раскопок Поселения «Ленина»**

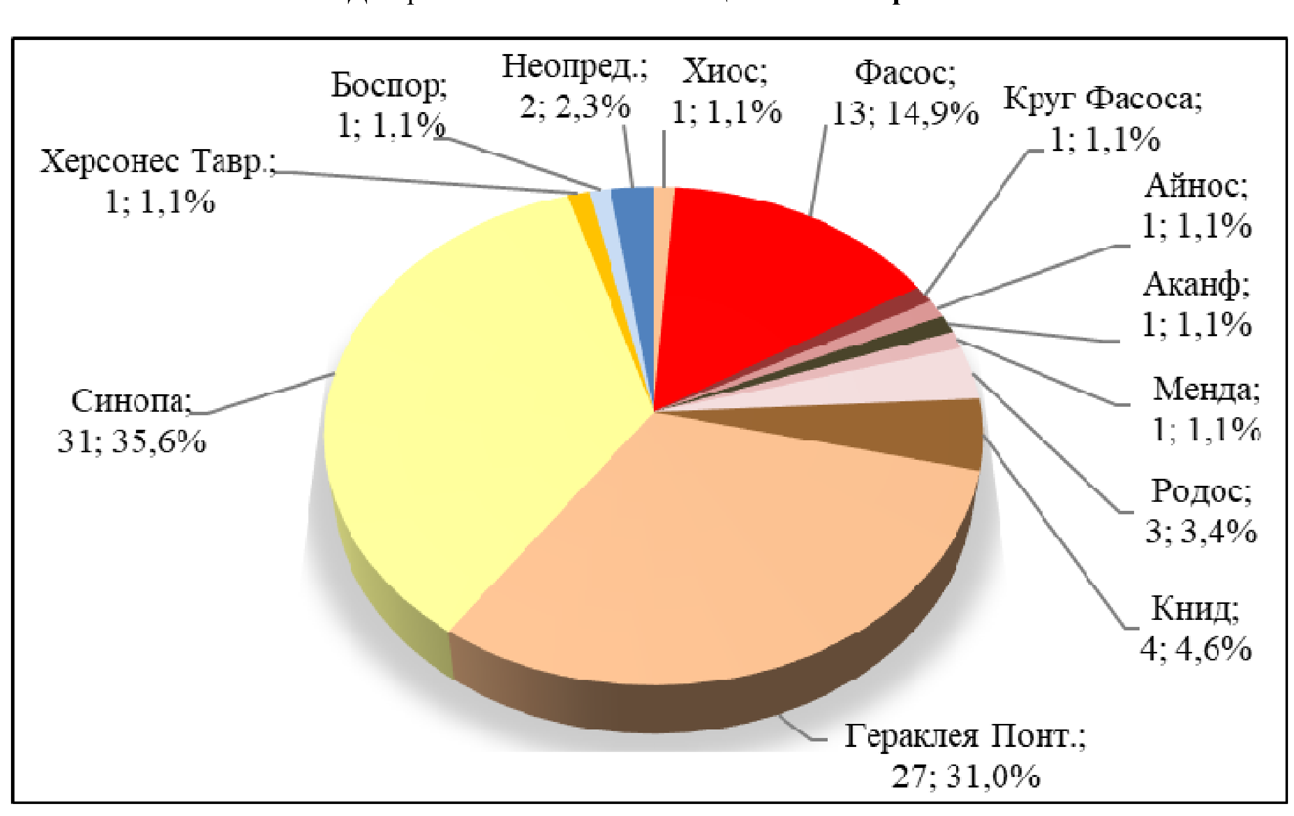

Таблица 4. **Хронологическое распределение клейм из раскопок Поселения «Ленина» в соответствии с центрами производства**

Центр производства	№	№ Оп.	Контекст	ХРОНОЛОГИЯ						
				500 г. до н.э.	450 г. до н.э.	400 г. до н.э.	350 г. до н.э.	300 г. до н.э.	250 г. до н.э.	200 г. до н.э.
Хиос	1	2/155	Р.2, Яма 25							
Айнос	2	2/19	Р.2, Пл.2, кв.E9							
Фасос, "протоклейма"	3	2/157	Р.2, Яма 25							
Менда	4	2/156	Р.2, Яма 25							
Фасос	5	2/11	Р.2, Пл.2, кв.B5							
	6	2/18	Р.2, Пл.2, кв.E9							
	7	2/25	Р.2, Пл.2, кв.F5							
	8	2/26	Р.2, Пл.2, кв.F6							
	9	2/44	Р.2, Пл.3, кв.D7							
	10	2/68	Р.2, Пл.3, кв.G9							
	11	2/90	Р.2, Пл.4, кв.F9							
	12	2/106	Р.2, Яма 1							
	13	2/107	Р.2, Яма 1							
	14	2/108	Р.2, Яма 1							
	15	2/211	Р.2, Об.4, ур.1							
	16	2/219	Р.2, Об.4, ур.2							
Круг Фасоса	17	2/138	Р.2, Яма 18							
Аканф	18	2/151	Р.2, Яма 24							
Книд	19	2/12	Р.2, Пл.2, кв.B6							
	20	2/70	Р.2, Пл.3, кв.G10							
	21	1/87	Р.2, Пл.4, кв.F15							
	22	2/212	Р.2, Об.4, ур.1							
Родос	23	2/59	Р.2, Пл.3, кв.F15							
	24	2/87	Р.2, Пл.4, кв.E17							
	25	2/213	Р.2, Об.4, ур.1							
Неустанов.	26	2/8	Р.2, Пл.1, кв.G14							
	27	2/67	Р.2, Пл.3, кв.G8							
Гераклея Понтийская	28	2/2	Р.2, Пл.1, кв.B6							
	29	2/7	Р.2, Пл.1, кв.G12							
	30	2/71	Р.2, Пл.3, кв.G10							
	31	2/82	Р.2, Пл.4, кв.D9							
	32	2/86	Р.2, Пл.4, кв.E7							
	33	2/98	Р.2, Пл.4, кв.G9							
	34	2/104	Р.2, Яма 1							
	35	2/105	Р.2, Яма 1							
	36	2/115	Р.2, Яма 6							
	37	2/123	Р.2, Яма 10							
	38	2/124	Р.2, Яма 10							
	39	2/125	Р.2, Яма 10							
	40	2/132	Р.2, Яма 13							
	41	1/1067	Р.2, Яма 13							
	42	2/136	Р.2, Яма 17							
	43	2/139	Р.2, Яма 18							
	44	2/159	Р.2, Яма 25							
	45	2/160	Р.2, Яма 25							
	46	2/161	Р.2, Яма 25							
	47	2/162	Р.2, Яма 25							
	48	2/163	Р.2, Яма 25							
	49	2/171	Р.2, Яма 26							
	50	2/172	Р.2, Яма 26							
	51	2/182	Р.2, Об.1							
	52	2/183	Р.2, Об.1							
	53	2/184	Р.2, Об.1							
	54	2/220	Р.2, Об. 4, 2 ур.							
Синопа	55	44	Р.1, Пл.1, кв.E9							
	56	2/6	Р.2, Пл.1, кв.G11							
	57	2/37	Р.2, Пл.3, кв.C7							
	58	2/45	Р.2, Пл.3, кв.D7							
	59	2/47	Р.2, Пл.3, кв.D15							
	60	2/50	Р.2, Пл.3, кв.E7							
	61	2/83	Р.2, Пл.4, кв.D4							
	62	2/88	Р.2, Пл.4, кв.E17							
	63	2/89	Р.2, Пл.4, кв.E18							
	64	2/91	Р.2, Пл.4, кв.F15							
	65	2/93	Р.2, Пл.4, кв.F16							
	66	2/100	Р.2, Пл.4, кв.G16							
	67	2/109	Р.2, Яма 2							
	68	2/116	Р.2, Яма 6							
	69	2/117	Р.2, Яма 6							
	70	2/126	Р.2, Яма 10							
	71	2/128	Р.2, Яма 11							
	72	2/135	Р.2, Яма 16							
	73	2/137	Р.2, Яма 17							
	74	2/140	Р.2, Яма 18							
	75	2/143	Р.2, Яма 19							
	76	2/144	Р.2, Яма 19							
	77	1/1309	Р.2, Яма 25							
	78	2/158	Р.2, Яма 25							
	79	2/185	Р.2, Об.1							
	80	2/186	Р.2, Об.1							
	81	2/215	Р.2, Об.4, ур.1							
	82	2/216	Р.2, Об.4, ур.1							
	83	2/217	Р.2, Об.4, ур.1							
	84	2/218	Р.2, Об.4, ур.1							
	85	2/221	Р.2, Об.4, ур.2							
Херсонес Таврический	86	2/214	Р.2, Об.4, ур.1							
Боспор (черепица)	87	2/210	Р.2, Об.4, ур.1							
ДАТИРОВКА				500 г. до н.э.	450 г. до н.э.	400 г. до н.э.	350 г. до н.э.	300 г. до н.э.	250 г. до н.э.	200 г. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина»**

I. ПЕРИОД СПОРАДИЧЕСКОГО КЛЕЙМЕНИЯ **(конец VI—V вв. до н.э.)**				
1. Клейма Хиоса				
№	**Фото**	**Схема клейма**	**Аналогии**	**Датировка**
1	Оп.2/155 КМ АМ 14153/101	Энглифическое полуколечко	IOSPE III. Д. 2175: № 19—29 (*Ольвия*); Кац 2015: № 10—15 (1—6) (*Горгиппия*), 2008—2012 (4—8) (*Семибр. гор.*)	**конец VI—V вв. до н.э.** — по пухлогорлому типу амфоры (Монахов 2003: 16—17)
2. Клейма Айноса				
2	Оп.2/19 КМ АМ 14153/13	? (рельефное клеймо неясного буквенного начертания)	Аналогии не обнаружены	**вторая четверть V — начало IV вв. до н.э.** — по типу амфор производства Айноса (Монахов 2016: 114—116)
3. Фасос, «протоклейма»				
3	Оп.2/157 КМ АМ 14153/103	гроздь ↓	**Новый оттиск** Примерные аналогии: IOSPE III. Д. 2168: № 3836—3837 (*Керчь*); Garlan 1999: № 16 (*Ольвия*)	**вторая половина V в. до н.э.**
4. Клейма Менды				
4	Оп.2/156 КМ АМ 14153/102	A	IOSPE III. Д. 2177: № 36—40 (*Ольвия, Порфмий, Фанагория*); Кац 2007: 171, рис. 31, 4 (*Фанагория*); Прокофьев 2014: 255, рис. 98: *4а* (*мог. «Дугино Х»*)	**третья четверть V в. до н.э.**

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
II. ПЕРИОД СИСТЕМАТИЧЕСКОГО КЛЕЙМЕНИЯ (конец V—I вв. до н.э.)				
1. Средиземноморские центр				
1.1. Клейма Фасоса				
5	Оп.2/11 КМ АМ 14153/9	[Θ]ΑΣΙΩ[Ν] Π ΚΛΕΙΤΟ[Σ]	Шкорпил 1904: 134, № 580 (*Пантикапей*); Придик 1917: 44, № 180—181 (*Митридатова гора (вост. скл.)*) — ошибочное прочтение; IOSPE III. Д. 2168: № 2431—2434 (*Пантикапей*, *Семибр. гор.*); Bon, Bon 1957: № 940 (*Пантикапей*); Кац 2015: № 300—303 (271—274) (*Горгиппия*), 2119—2120 (98—99) (*Семибр. гор.*); Иващенко 2016: 40, № 5	**конец 360-х — 350-е гг. до н.э.** Debidour — I МГ; Avram — I МГ; Garlan — I/7 МГ; Кац — 7 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
6	Оп.2/18 КМ АМ 14153/12	Θ Α Σ Ι Ω Β Α фиала ↓←ксоан [⋯] Ǝ Λ Ν Ʊ	**Новый оттиск** Примерная аналогия: Кац 2015: № 86 (57) (*Горгиппия*).	**середина 360-х гг. до н.э.** Avram — F1—F2 МГ; Garlan — F1 МГ; Кац — 3—4 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
7	Оп.2/25 КМ АМ 14153/16	Η Ρ Ο Φ Ω Ν ΘΑΣΙΩΝ (вертик.) голова Геракла↑→, ойнохойя←↑ палица→ ΛΕΩΦΩΝΤΟΣ (вертик.)	Grace 1946: 32, fig. 1.11 (*Афины*); Bon, Bon 1957: 222, № 772 (*Афины*); Garlan 1999: № 367 (*Фасос 3*, *Афины*, *Фанагория 2*); Tzochev 2016: № 26 (*Афины*)	**середина 380-х — середина 370-х гг. до н.э.** Avram — C МГ; Garlan — C МГ; Кац — 2 этап клеймения; Tzochev — I Chr. period

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
8	Оп.2/26 КМ АМ 14153/17	Θ Α Σ Ι Ω Ν Π Κ Λ Ε Ι Τ Ο Σ	Шкорпил 1904: 134, № 580 (*Пантикапей*); Придик 1917: 44, № 180—181 (*Митридатова гора (вост. скл.)*) — ошибочное прочтение; IOSPE III. Д. 2168: № 2431—2434 (*Пантикапей, Семибр. гор.*); Bon, Bon 1957: № 940 (*Пантикапей*); Кац 2015: № 300—303 (271—274) (*Горгиппия*), 2119—2120 (98—99) (*Семибр. гор.*); Иващенко 2016: 40, № 5	**конец 360-х — 350-е гг. до н.э.** Debidour — I МГ; Avram — I МГ; Garlan — I/7 МГ; Кац — 7 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
9	Оп.2/44 КМ АМ 14153/24	[ΑΡ]ΙΣΤΟ[ΦΩ] ←Меч в ножнах Ν [Θ Α] Σ Ι Ω Ν	IOSPE III. Д. 2167: № 1952 (*Пантикапей*); Bon 1957: 139, № 378 (*Афины*); Кац 2015: № 273 (244) (*Горгиппия*); Tzochev 2016: № 125 (*Афины*)	**337—325 гг. до н.э.** Debidour — I МГ; Avram — I МГ; Garlan — I/7 МГ; Кац — 7 этап клеймения; Tzochev — III Chr. period
10	Оп.2/68 КМ АМ 14153/39	[ΛΕΥΚ]Ω[Ν] щит, звезда [ΘΑ]ΣΙΩ	Bon, Bon 1957: 283, № 1086 (*Афины*); Garlan 1999: № 619 (*Афины, Керчь, Гермонасса*); Tzochev 2016: № 77 (*Афины*)	**конец 360-х гг. до н.э.** Avram — F1 МГ; Garlan — F1 МГ; Кац — 4 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
11	Оп.2/90 КМ АМ 14153/52	ΛΕ[ΩΓ] ΘΑ[ΣΙ] ΑΡ[ΙΣ]	IOSPE III. Д. 2166: № 273—281 (*Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Мирмекий*); Bon 1957: № 46; Garlan 1999: № 156 (*Ольвия, Херсонес 3, Нимфей, Пантикапей, Керчь, Мирмекий 2, Елизаветовское гор., Гермонасса, Фанагория*)	**390-е — середина 380-х гг. до н.э.** Avram — B МГ; Garlan — B МГ; Кац — 1 этап клеймения; Tzochev — I Chr. period

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
12	Оп.2/106 КМ АМ 14153/64	ΧΗ ΣΑΡ гроздь← ΚΛΕΥ ΑΘΑΦ	Оттиск впервые полный, с именем магистрата Garlan 1999: № 986 (*Керчь*)	**середина 370-х — 360-е гг. до н.э.** Avram — E1 МГ; Garlan — D МГ; Кац — 3 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
13	Оп.2/107 КМ АМ 14153/65	ΟΡΗΣ [ΕΥΑΓ] шлем↑← ΘΑΣΙ […]ΝΑΦ	IOSPE III. Д. 2167: № 1454; Garlan 1999: № 546 (*Пантикапей, Фанагория*)	**середина 370-х — 360-е гг. до н.э.** Avram — F2 МГ; Garlan — F1 МГ; Кац — 3 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
14	Оп.2/108 КМ АМ 14153/66	Θ Α Σ Ι Ω Ν Δ Κ Λ Ε Ι Τ Ο Σ	Стефани 1871: 205, № 102 (*ст. Сенная*); Махов 1913: 155, № 12а (*Херсонес*); Придик 1917: 44, № 182—183 (*ст. Сенная*); IOSPE III. Д. 2168: № 2347—2358 (*Херсонес, Пантикапей, ст. Сенная*); Иващенко 2016: 40, № 1	**конец 360-х — 350-е гг. до н.э.** Debidour — I МГ; Avram — I МГ; Garlan — I/7 МГ; Кац — 7 этап клеймения; Tzochev — II Chr. period
15	Оп.2/211 КМ АМ 14153/131	?		**360-е — середина 320-х гг. до н.э.**
16	Оп.2/219 КМ АМ 14153/139	Α Λ Κ […] ΘΑΣΙΩΝ ←треножник [←пилос?]	Bon, Bon 1957: № 2048 (*Фасос*); Garlan 1999: № 865 (*Фасос*)	**340-е — начало 330-х гг. до н.э.** Avram — G2 МГ; Garlan — G2 МГ; Кац — 6 этап клеймения; Tzochev — III Chr. period

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
1.2. Клейма круга Фасоса				
17	Оп.2/138 КМ АМ 14153/89	Θ (?)	Шкорпил 1904: 153, № 283 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2177: № 256 (*Пантикапей*)	**IV в. до н.э.**
1.3. Клейма Аканфа				
18	Оп.2/151 КМ АМ 14153/99	[?] Δ [?] [?]	IOSPE III. Д. 2168: № 3324 (*Керчь*)	**вторая—третья четверти IV в. до н.э.**
1.4. Клейма Книда				
19	Оп.2/12 КМ АМ 14153/10	[ΑΛ]ΕΣ ΠΙ[Ο]Υ ←↑прора	**Новый оттиск**	**330-е гг. — конец IV в. до н.э.** Ефремов — гр. Ib
20	Оп.2/70 КМ АМ 14153/40	ΕΥ	IOSPE III. Д. 2177: № 1542—1547 (*Ольвия, Пантикапей, Херсонес*); Болонкина и др. 2019: 310, табл. 2, КН 18 (*Фанагория*)	**вторая треть IV — середина III вв. до н.э.** Ефремов — гр. Ia или II
21	Оп.2/92 КМ АМ 14153/54	ΛΥ	Придик 1917: 113, № 274—275 (*Керчь*); Ельницкий 1940: 322; Jefremow 1995: 221, № 969—973 (*Пантикапей, Фанагория*); Levi, Pugliese Caratelli 1963: 613, fig. 47 (*как Родос*); Sztetyllo 1983: 195, № 375; Болонкина и др. 2019: 310—311, табл. 2—3, КН 24.1—24.4 (*Мирмекий, Фанагория, Золотое Восточное*)	**вторая треть IV — середина III вв. до н.э.** Ефремов — гр. Ia или II

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
22	Оп.2/212 КМ АМ 14153/132	ΠΑΣΙ КРА ←↑прора	Придик 1917: 117, № 405—408 (*Пантикапей, Ольвия*); IOSPE III. Д. 2173: № 612—634 (*Ольвия, Лузановка, Херсонес, Пантикапей, Фанагория*); Монахов 1999: 398, таб. 177, 2 (*Лузановка*); Кац 2007: 223, рис. 51, 8 (*Пантикапей*); Гаврилов 2011: 215, № 95 (*Журавки 2*); Ефремов 2013: 436, XIX (115—147)	**330-е гг. — конец IV в. до н.э.** Ефремов — гр. Ib
	1.5. Клейма Родоса			
23	Оп.2/59 КМ АМ 14153/35	ΕΠΙ ΚΑΛΛΙΚΡΑΤ[ΙΔΑ] [ΔΑ]ΛΙΟΥ цветок	**Новый оттиск** Примерные аналогии: Марти, Шкорпил 1910: 134, № 156 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2159: № 2594—2595 (*Ольвия, Пантикапей*); Cankardeş-Şenol 2015b: ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΙΔΑΣ 02—ΔΑΛΙΟΣ—002—004	**175—173 гг. до н.э.** Finkielsztein — IIId МХГ
24	Оп.2/87 КМ АМ 14153/49	ΦΙΛΩΝΔΑΣ	IOSPE III. Д. 2157: № 360 (*Пантикапей*); Senol, Canoglu 2009: 147, B94; Cankardeş-Şenol 2017: ΦΙΛΩΝΔΑΣ-001	**ок. 233 г. до н.э.** Finkielsztein — IIa МХГ, «button-группа»
25	Оп.2/213 КМ АМ 14153/133	[Ε]ΠΙΑΡΧΙΛΑΙΔΑ [ΠΕΔΑΓΕΙ]ΤΝΥΟ	**Новый оттиск** Примерные аналогии: IOSPE III. Д. 2158: № 1427 (*Пантикапей*); Cankardeş-Şenol 2015a, ΑΡΧΙΛΑΙΔΑΣ—ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ—003; Федосеев, 2017, № 211 (*Полянка*) — ошибочное чтение эпонима	**165—163 гг. до н.э.** Finkielsztein — IIIe МХГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
1.6. Клейма неустановленных центров				
26	Оп.2/8 КМ АМ 14153/7	[Е]ΠΙΓΟΝ[…] […]ΙΛΑΜ[…] […]ΕΥΤ[…]	**Новый оттиск** Возможно, родосский с именем фабриканта Ἐπὶγονος 1 и месяцем Πανάμος Δευτέρος	**234—199 гг. до н.э.**
27	Оп.2/67 КМ АМ 14153/38	3 энглифических вдавления	**Новый оттиск** Судя по всему, – не клеймо	**IV в. до н.э.**
2. Понтийские центры				
2.1. Клейма Гераклеи Понтийской				
28	Оп.2/2 КМ АМ 14153/1	Сохранилась первая буква второй строки или конечная первой — О или Θ, а также часть первой буквы первой строки — Χ или Σ или же последней буквы второй строки — К или Σ	Много вариантов восстановления	**380-е — 330-е гг. до н.э.**
29	Оп.2/7 КМ АМ 14153/6	[ΗΡΑΚ]ΛΕΑ [Λ]ΥΚΩΝ	Придик 1917: 124, № 113—114 (*Пантикапей*); IOSPE III: 2179. № 819—821 (*Пантикапей*); Кац 1966: рис. 4: *1* (Саратовское гор.); Кругликова 1974 (*Андреевка Южная*); Молев 2010: 274, № 322, таб. 97.322 (*Китей*); Гаврилов 2011: 90, № 204 (*Новопокровка 1*); Кац 2015: № 744—745 (157—158) (*Горгиппия*); Федосеев 2016: № 1495—1500 (*Пантикапей, Китей, Мирмекий*)	**360-е гг. до н.э.** Teleaga — I B МГ; Кац — III A МГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
30	Оп.2/71 КМ АМ 14153/41	[ΕΥΡΥ] ΔΑΜΟ	Becker 1862: 462, № 13 (*Ольвия*); Беккер 1863: 30, № 13 (*Ольвия*); Юргевич 1895: 157, № 36 (*Феодосия*); Ebert 1913: 53e (*Марицыно*); Придик 1917: 124, № 110; (*Пантикапей*); Граков 1926: № 34—35 (*Ольвия, Елизаветовский мог.*); IOSPE III. Д. 2180: № 1504 (*Порфмий*), 1534—1543, 1546—1548, 1552 (*Ольвия, Херсонес, Елизаветовский мог.*); Василенко 1972: № 61—67 (*Никоний*); Кац, Федосеев 1986: 89, таб. 2, 3 (*Елизаветовское гор.*); Зегебарт 1990: № 69 (*Семибр. гор.*) — ошибочное чтение; Самойлова, Редина 1997: 59, таб. 1, 9—10 (*Плавни, к.28*); Монахов 1999: 168, таб. 58, 3 (*Ольвия*); 178, таб. 64, 4 (*Херсонес*); 183, таб. 68, 2 (*Плавни, к.28*); 199, таб. 76, 6 (*Ольвия*); 207, таб. 83, 3 (*Ольвия (некр.)*); 231, таб. 95, 4; 269, таб. 110, 4 (*Никоний*); Кутайсов 2004: рис. 48, 6 (*Керкинитида*); Гаврилов 2011: 230, № 1 (*Партизаны 1*); 306, № 4 (*Узун-Сырт*); Полин 2014: 304 (*Плавни, к.28*); 417 (*Ак-Таш, к.53*); 424 (*Новокиевка, к.5, тризна*); Кац. 2015: № 2224 (66) (*Семибр. гор.*); Федосеев 2016: № 2276—2285 (*Китей, Мирмекий, Узун-Сырт (вершина), Порфмий, Бондаренково 1, Заветное 5*)	**390-е гг. до н.э.** Teleaga — I A МГ; Кац — I МГ или РФГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
31	Оп.2/82 КМ АМ 14153/45	ΕΙ.[…] […]	Много вариантов восстановления	**380-е — 330-е гг. до н.э.** Кац — II—V МГ
32	Оп.2/86 КМ АМ 14153/48	[…] ΣΤΥ[ΦΟΝ…]	Новый оттиск (?)	**370-е гг. до н.э.** Teleaga — I A МГ; Кац — II Б МГ
33	Оп.2/98 КМ АМ 14153/60	сохранилась лишь последняя буква нижней строки — вероятно, Е	Много вариантов восстановления	**380-е — 330-е гг. до н.э.** Кац — II—V МГ
34	Оп.2/104 КМ АМ 14153/62	ΕΥΑΡΧΟ ΑΛΚΕΤΑ	IOSPE III. Д. 2179: № 736 (*Мирмекий*); Зегебарт 1990: № 41 (*Семибр. гор.*); Власова 2003: 110, № 2, рис. 267, 16 (*Нимфей*); Гаврилов 2011: 70, № 118 (*Новопокровка 1*), 307, № 12 (*Узун Сырт (вершина)*); Кац 2015: № 2161 (3) (*Семибр. гор.*); Федосеев 2016: № 1368—1376 (*Нимфей, Китей, Мирмекий*)	**370-е гг. до н.э.** Teleaga — I B МГ; Кац — II Б МГ
35	Оп.2/105 КМ АМ 14153/63	ΠΑΞ[Ι] [ΣΤΥ]	Монахов 1999: 279, таб. 114: *3* (*Горгиппия*); Кац 2015: № 832 (245) (*Горгиппия*)	**370-е гг. до н.э.** Teleaga — I A МГ; Кац — II Б МГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
36	Оп.2/115 КМ АМ 14153/72	[HPA]KΛE ←тирс [E]ΠΙΣATY	Шкорпил 1904: 152, № 683б (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2179: № 378 (*Пантикапей*); Полин 2014: 341 (*С. Дивизия, к.20*); Федосеев 2016: № 756—760 (*Пантикапей, Госпиталь, Нимфей (некр.)*)	**350-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — III Б МГ
37	Оп.2/123 КМ АМ 14153/79	HPAK[ΛEI] ←тирс EΠΙΣ[ATY]	Шкорпил 1904: 152, № 683б (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2179: № 378 (*Пантикапей*); Полин 2014: 341 (*С. Дивизия, к.20*); Федосеев 2016: № 756—760 (*Пантикапей, Госпиталь, Нимфей (некр.)*)	**350-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — III Б МГ
38	Оп.2/124 КМ АМ 14153/80	Сохранились края букв, по которым не ясно даже направление текста	Много вариантов восстановления	**380-е — 330-е гг. в. до н.э.**
39	Оп.2/125 КМ АМ 14153/81	MA[ΛAKΩN] канфар(?) EY[PYΦΩN]	Брашинский 1980: 163, № 289—290 (*Елизаветовское гор.*); Василенко 1972: № 216, 342—343 (*Николаевка, Надлиманское, Никоний*); Федосеев 2016: № 1432—1433 (*Пантикапей, Южно-Чурубашское*)	**340-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — IV Б МГ
40	Оп.2/132 КМ АМ 14153/85	XIΛΑΔΑΣΕΠΙ ΣΤΥΦΩΝΟΣ	**Впервые полный оттиск** Федосеев 2016: № 1993 (*Нимфей*)	**370-е гг. до н.э.** Teleaga — I А МГ; Кац — II Б МГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
41	Оп.1/1067 б/н	Сохранился лишь нижний левый угол штампа с буквой О или Θ	Много вариантов восстановления	**370-е гг. до н.э.** Кац — II Б МГ
42	Оп.2/136 КМ АМ 14153/88	ΣΑΤΥΡ[ΙΣ кратер↑(?) [ΗΡΑ]ΚΛΑΣ	Федосеев 2016: № 1875—1876 (*Китей*, *Генеральское (ЮЗ склон)*)	**конец 350-х гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — IV А МГ
43	Оп.2/139 КМ АМ 14153/90	[…] Ε Ρ Α […] Α	**Новый оттиск** (?)	**350-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — III Б МГ
44	Оп.2/159 КМ АМ 14153/105	ΜΑΛΑ[ΚΩΝ] канфар (?) ΕΥΡΥ[ΦΩ]Ν	Брашинский 1980: 163, № 289—290 (*Елизаветовское гор.*); Василенко 1972: № 216, 342—343 (*Николаевка*, *Надлиманское*, *Никоний*); Федосеев 2016: № 1432—1433 (*Пантикапей*, *Южно-Чурубашское*)	**340-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — IV Б МГ
45	Оп.2/160 КМ АМ 14153/106	ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ ΕΠΙΚΑΛΛΙΑ	Брашинский 1980: № 383, 445, 532 (*Елизаветовское гор.*); Егорова и др. 2008: 273, № 34 (*Майская гора*); Гаврилов 2011: 100, № 248 (*Новопокровка 1*); 233, № 2 (*Донская*); Федосеев 2016: № 428—430 (*Генеральское Западное*, *Пантикапей*)	**350-е гг. до н.э.** Teleaga — I А МГ; Кац — III Б МГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
46	Оп.2/161 КМ АМ 14153/107	[…] […]ΣΕ ↓лист	Много вариантов восстановления	**360-е — 340-е гг. до н.э.** Кац — III—IV МГ
47	Оп.2/162 КМ АМ 14153/108	[ΕΠ] ΕΥΡ ΜΥΣ	**Новый оттиск** Воронин 2017: № 528 (*пос. на ЮЗ окраине с. Супсех*, Р.1, об.22)	**340-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — IV Б МГ
48	Оп.2/163 КМ АМ 14153/109	гроздь ↓ ΙΝ ΦΙΛ	Федосеев и др. 2008: № 4 (*Пантикапей*) — ошибочное чтение; Федосеев 2016: № 2535—2537 (*Ближнее 3*, *Пантикапей*)	**350-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — III Б МГ
49	Оп.2/171 КМ АМ 14153/117	ΗΡΟ ΑΛΚ	Придик 1917: 124, № 116 (*Елизаветовское гор.*); IOSPE III. Д. 2179: № 841 (*Елизаветовское гор.*); Василенко 1970: 221 (*Елизаветовское гор.*); Федосеев 2016: № 1534—1535 (*Пантикапей*)	**370-е гг. до н.э.** Teleaga — I В МГ; Кац — II Б МГ
50	Оп.2/172 КМ АМ 14153/118	ΕΠ[…] […]Μ	Много вариантов восстановления	**370-е — 340-е гг. до н.э.** Кац — II—IV МГ
51	Оп.2/182 КМ АМ 14153/120	[ΙΑ]ΡΟΚΛΗΣ ↓←гроздь [Λ]ΥΣΙΘΕ	Федосеев 2016: № 1597—1599 (*Генеральское Западное*, *Мирмекий*)	**350-е гг. до н.э.** Teleaga — II МГ; Кац — III Б МГ

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
52	Оп.2/183 КМ АМ 14153/121	ΣΤΥ[...] ΜΟ[...]	**Новый оттиск** (?)	**380-е — 370-е гг. до н.э.** Teleaga — I A МГ; Кац — II Б МГ
53	Оп.2/184 КМ АМ 14153/122	Σ [...] Α [...]	Много вариантов восстановления	**380-е — 370-е гг. до н.э.** Кац — II МГ
54	Оп.2/220 КМ АМ 14153/220	Энглифическое поолуколечко	Кац 2015: № 909 (322) (*Горгиппия*)	**390-е — 330-е гг. до н.э.**
		2.2. Клейма Синопы		
55	Оп.44 б/н	Энглифическое колечко или голова вправо (?)	Не найдены	**350-е — 200-е гг. до н.э.**
56	Оп.2/6 КМ АМ 14153/5	[ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ] ΙΦΙΟΣ ΤΟΥ ΕΣΤΙΑΙΟΥ [гроздь↓(?)] [Α]ΓΑΘΟΚΛΗ[Σ]	Шкорпил 1904: 28, № 50 (*Пантикапей*); Придик 1917: 72, № 218 (*Керчь*); IOSPE III. Д. 2193: № 4633—4634 (*Пантикапей*); Garlan 2004: Pl. LVIII, cat. 520 (*Керчь*)	**начало 210-х гг. до н.э.** Conovici — Vd МГ; Garlan — VI D МГ; Кац — VI D МГ; Fedoseev — 250—220 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
57	Оп.2/37 КМ АМ 14153/19	ΕΠΙΑΠοΛΛο ΑΣΤΥ ΑΡΧΕΠΤο ←↑орел на дельфине	Юргевич 1895: 122, № 4 (*Феодосия*); Шкорпил 1904: 66, № 254 (*Пантикапей*); Придик 1917: 81, № 400—403 (*Горгиппия*, *Пантикапей*, *Мирмекий*); IOSPE III. Д. 2189: № 54—70 (*Керкинитида*, *Херсонес*, *Феодосия*, *Пантикапей*, *Горгиппия*); Сальников 1966: рис. 12, *1* (*Пивденное*); Пругло 1967: 46, № 1 (*Мирмекий*); Брашинский 1980: 180, № 546 (*Елизаветовское гор*.); Гайдукевич 1987: рис. 45, *2* (*Мирмекий*); Fedoseev, Zin'ko 1998: tab. XIX, 38 (*Героевка-2*); Garlan 2004: Pl. II, cat. 16 (*Синопа*); Молев 2010: 292, № 8 (*Китей*); Кац 2015: № 1067—1068 (52—53) (*Горгиппия*)	**вторая половина 350-х гг. до н.э.** Conovici — Ic МГ; Garlan — I B МГ; Кац — I B МГ; Fedoseev — vers 374 г. до н.э.
58	Оп.2/45 КМ АМ 14153/25	[ΦΗ]ΜΙΟΥ [ΑΣ]ΤΥΝΟ [ΗΦΑΙ]ΣΤΙ [ΠΟΣΕΙΔ]ΩΝΙ ↓гроздь, ракушка(?)	Гаврилов 2011: 137, № 495; 144, № 524; 162, № 590 (*Новопокровка 1*) — ошибочное чтение	**середина 300-х гг. до н.э.** Conovici — IIc МГ; Garlan — III A МГ; Кац — III B МГ; Fedoseev — 330—320 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
59	Оп.2/47 КМ АМ 14153/26	герма↑ ΘΕΥΔΩΡΙΔoΥ ΑΣΤΥΝΟΜo ΦΙΛoΚΡΑΤoΥ голова фавна→	IOSPE III. Д. 2193: № 4052—4055 (*Керкинитида*, *Пантикапей*)	**начало 280-х гг. до н.э.** Conovici — IIIc МГ; Garlan — IV B МГ; Кац — IV B МГ; Fedoseev — 315—307 гг. до н.э.
60	Оп.2/50 КМ АМ 14153/29	[ΘΕΟΓΕΙ] ΤΟΥ ΑΣΤΥΝΟ ←кадуцей (?) ΦΙΛΟΚΡΑΤ[ΟΥΣ]	**Новый оттиск** Аналогии известны только на черепицах: Придик 1917: 90, № 591 (*Керчь*); IOSPE III. Д. 2193: № 3958—3964 (*Ольвия, Тира*)	**конец 330-х — начало 320-х гг. до н.э.** Conovici — IIa МГ; Garlan — II B МГ; Кац — II B МГ; Fedoseev — 350—340 гг. до н.э.
61	Оп.2/83 КМ АМ 14153/46	[ΚΑ]ΛΛΙ[ΣΤΡΑΤΟ] [ΑΣ]ΤΥΝ[Ο] [→колос] [ΠΟΣ]ΕΙΔ[Ο] [←гроздь]	IOSPE III. Д. 2193: № 4799—4801 (*Пантикапей*); Сальников 1968: № 7 (*Никоний*); Кругликова, Виноградов 1973: № 26 (*Андреевка Южная*); Гаврилов 2011: 39, № 3 (*Берег Сиваша*); Кац 2015: № 1262—1265 (247—250) (*Горгиппия*), 2559 (16) (*Су-Псех*)	**конец 330-х гг. до н.э.** Conovici — IIa МГ; Garlan — II B МГ; Кац — II B МГ; Fedoseev — 360—355 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
62	Оп.2/88 КМ АМ 14153/50	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΗΡΑΓΕΝΟΥ ΤΟΥ ΝΕΙΚΑΝΟ[ΡΟΣ] [эмблема?] […]	Мурзакевич 1848: 410, № 72 (*Ольвия*); Юргевич 1895: 140, № 34 (*Феодосия*); Шкорпил 1904: 37—38, № 105—108 (*Пантикапей*, *Херсонес*); Придик 1917: 70, № 165—167 (*Пантикапей*); Анфимов 1951: 114 (*Семибр. гор.*); IOSPE III. Д. 2192: № 3542—3571 (*Херсонес*, *Пантикапей*, *Феодосия*, *Ольвия*, *Порфмий*); Garlan 2004: Pl. LXV, cat. 581 (*поле Тугджу*); Кац 2015: № 2280 (8) (*Семибр. гор.*); 2471—2472 (4—5) (*х. Лиманский*); 2533 (5) (*х. Рассвет*).	**конец III в. до н.э.** Conovici — Ve МГ; Garlan — VI D МГ; Кац — VII A МГ; Fedoseev — 240—220 гг. до н.э.
63	Оп.2/89 КМ АМ 14153/51	ΑΣΤΥΝ[ΟΜΟΥ] ΑΙΣΧΙΝΟ[Υ] [гроздь↓ (?)] ΗΦΑΙΣΤΙ[ΟΝΟΣ]	Придик 1917: 62, № 10 (*Таманский п-ов*); IOSPE III. Д. 2189: № 732 (*Таманский п-ов*)	**конец 280-х гг. до н.э.** Conovici — IV МГ; Garlan — V A МГ; Кац — V A МГ; Fedoseev — 290—285 гг. до н.э.
64	Оп.2/91 КМ АМ 14153/53	ΑΣ[ΤΥΝoΜoΥΝ] ΤoΣ [ΙΣΤΙΑΙoΥ] [↑канфар?] Α[…]	**Новый оттиск** Примерные аналогии: Придик 1917: 72, № 216—217 (*Керчь*); Цехмистренко 1958: 61, рис. 28 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2193: № 4568—4575, 4584 (*Пантикапей*, *Керчь*, *Фанагория*, *Таманский п-ов*); Garlan 2004: Pl. XXVII, cat. 223	**конец 280-х — середина 270-х гг. до н.э.** Conovici — IV МГ; Garlan — V A МГ; Кац — V A МГ; Fedoseev — vers. 300 г. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
65	Оп.2/93 КМ АМ 14153/55	[ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ] [ΜΑΝΤΙΘΕΟΥ] [ΤΟΥΠΡΩΤΑΓ]ΟΡΟΥ [ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣ] Лев, сидящий на быке ↑→	Придик 1917: 73, № 241 (*Таманский п-ов*); IOSPE III. Д. 2194: № 5110—5111 (*Таманский п-ов*); Conovici 1998: Pl. XXXI, cat. 451	**первая половина 240-х гг. до н.э.** Conovici — Vb МГ; Garlan — VI B МГ; Кац — VI B МГ; Fedoseev — 270—250 гг. до н.э.
66	Оп.2/100 КМ АМ 14153/61	[ΑΣ]ΤΥΝΟΜΟΥ [Π]ΥΘΟΚΛΕΟΥΣ [ΦΙ]ΛΟΚΡΑΤΟΥ ←↑голова фавна	Стефани 1871: 209, № 132 (*Пантикапей*); Becker 1879: 29, № 25 (*Пантикапей*); Шкорпил 1904: № 208 (*Пантикапей*); Придик 1917: 79, № 357—358 (*Пантикапей*, *Керчь*); IOSPE III. Д. 2196: № 7336—7344 (*Ольвия*, *Пантикапей*, *Керчь*, *Тиритака*); Федосеев 2006: № 23 (*Заветное*)	**вторая половина 280-х гг. до н.э.** Conovici — IIId МГ; Garlan — IV C МГ; Кац — IV C МГ; Fedoseev — 307—300 гг. до н.э.
67	Оп.2/109 КМ АМ 14153/67	ΕΠΙ ΕΝΔΗ ΝΕoΜΗΝΙ ←↑орел на дельфине	Беккер 1868: 479, № 14 (*Пантикапей*); Шкорпил 1902: 149, № 3 (*Пантикапей*); Шкорпил 1904: 87, № 369 (*Пантикапей*); Придик 1917: 83, № 429 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2189: № 254—256 (*Пантикапей*); Брашинский 1964: 310, № 5 (*Ольвия*); Онайко 1970: № 60 (*Ольвия*); Garlan 2004: Pl. I, cat. 6; Кац 2015: № 1149—1151 (134—136) (*Горгиппия*)	**вторая половина 350-х гг. до н.э.** Conovici — Ib МГ; Garlan — I B МГ; Кац — I B МГ; Fedoseev — 307—300 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
68	Оп.2/116 КМ АМ 14153/73	ΙΣΤΙΑΙo ΑΣΤΥΝo ΝΙΜΑΚΤo ↓↑орел на дельфине Ω	IOSPE III. Д. 2189: № 374 (*Херсонес*)	**конец 350-х гг. до н.э.** Conovici — Id МГ; Garlan — I C МГ; Кац — I C МГ; Fedoseev — vers. 371 г. до н.э.
69	Оп.2/117 КМ АМ 14153/74	ΙΣΤΙΑΙo ΑΣΤΥ ΑΡΧΕΠΤo ←↑орел на дельфине	IOSPE III. Д. 2189: № 318—319 (*Пантикапей*); Canarache 1957: № 363 (*Истрия*); Цехмистренко 1958: 61, № 25 (*Пантикапей*); Гаврилов 2011: 133, № 479—481 (*Новопокровка 1*); Кац 2015: № 1225—1226 (210—211) (*Горгиппия*)	**конец 350-х гг. до н.э.** Conovici — Ic МГ; Garlan — I B МГ; Кац — I B МГ; Fedoseev — vers. 372 г. до н.э.
70	Оп.2/126 КМ АМ 14153/82	[ΓΥΡΙΤ]ΤΟ [ΑΣΤΥ]ΝΟ [ΘΕΥΔ]ΩΡΟ ↑→протома быка гроздь↓(?)	**Новый оттиск** Примерные аналогии: IOSPE III. Д. 2191: № 2039, 2046, 2048 (*Мирмекий, Ольвия, Пантикапей*)	**конец 320-х гг. до н.э.** Conovici — IIb МГ; Garlan — III B МГ; Кац — III A МГ; Fedoseev — 345—335 гг. до н.э.
71	Оп.2/128 КМ АМ 14153/83	ΑΣΤΥ[ΝΟ]ΜΟΥ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΥΣ ←↑голова Геракла	Придик 1917: 66, № 86; IOSPE III. Д. 2191: № 2185—2187, 2197, 2198 (*Тира, Тиритака, Мирмекий, Керкинитида, Ольвия*); Connovici et al. 1989: № 21 (*Каллатис*); Федосеев 1998: № 40 (*Бакланья скала*); Conovici 1999: Pl. I, cat. 4 (*Каллатис*); Garlan 2004: Pl. XXVIII, cat. 230; Кац 2015: № 1118 (103) (*Горгиппия*)	**начало 270-х гг. до н.э.** Conovici — IV МГ; Garlan — V A МГ; Кац — V A МГ; Fedoseev — 295—290 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
72	Оп.2/135 КМ АМ 14153/87	бык→↓ ΑΡΙΣΤΟΚΛΕΩ[Σ] ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝ[ΤΟΣ] ΣΤΕΦΑΝΟΥ [лист?]	Придик 1917: 86, № 495 (*Пантикапей*); Граков 1929: таб. 8, *2* (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2190: № 1552—1555 (*Пантикапей*)	**конец 310-х — начало 300-х гг. до н.э.** Conovici — IIc МГ; Garlan — III C МГ; Кац — III B МГ; Fedoseev — 330—320 гг. до н.э.
73	Оп.2/137 б/н	[ΧΑΒΡΙΑ] ΑΣΤΥΝ[Ο] лук→ ΜΑΝΕ[Ω]	IOSPE III. Д. 2196: № 7961—7963 (*Пантикапей*, *Нимфей*); Пругло 1967: № 44 (*Мирмекий*); Гаврилов 2011: 134, № 486 (*Новопокровка 1*); Кац 2015: № 1388 (373) (*Горгиппия*)	**начало 330-х гг. до н.э.** Conovici — IIa МГ; Garlan — II A МГ; Кац — II A МГ; Fedoseev — 355—345 гг. до н.э.
74	Оп.2/140 КМ АМ 14153/91	[ΑΠ]ΟΛΛΟΔΩ[ΡΟ] [ΑΣ]ΤΥΝΟ колос→гроздь↓ [ΠΟΣΕΙ]ΔΩΝΙ	Шкорпил 1904: 66, № 256 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2190: № 1286—1291 (*Ольвия*, *Пантикапей*); Гаврилов 2011: 20, № 18 (*Надежда*)	**конец 320-х гг. до н.э.** Conovivi — IIb МГ; Garlan — III B МГ; Кац — III A МГ; Fedoseev — 345—335 гг. до н.э.
75	Оп.2/143 КМ АМ 14153/93	ΑΣΤΥΝοΜοΥ звезда ΑΘΗΝΙΠΠοΥ ΤοΥΜΗΤΡοΔοΡοΥ ΑΠΑΤοΥΡΙοΣ	Стефани 1866: 244, № 22 (*Пантикапей*); Becker 1869: 467, № 1 (*Одесса*); Придик 1917: 61, № 1; IOSPE III. Д. 2189: № 621—624 (*Пантикапей*, *Одесса*, *Керчь*); Conovici и др., 1991, p. 156, № 198—200; Buzoianu, Cheluţă-Georgescu 1998: 74, Pl. IV, № 112 (*Каллатис*); Garlan 2004: Pl. LIV, cat. 483.	**первая половина 220-х гг. до н.э.** Conovici — Vc МГ; Garlan — VI C2 МГ; Кац — VI C МГ; Fedoseev — 250—240 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
76	Оп.2/144 КМ АМ 14153/94	ΠΟΣΕΙΔΩ ΕΠΙΑΠΟΛΛ ο[ΔΩΑΣΤΥ] ←↑орел на дельфине	Юргевич 1895: 148, № 75 (*Феодосия*); Шкорпил 1904: 69, № 237 (*Пантикапей*); Придик 1917: 82, № 410—411 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2189: № 117—130 (*Ольвия*, *Керкинитида*, *Херсонес*, *Феодосия*, *Пантикапей*, *Мирмекий*); Buzoianu, Cheluţă-Georgescu 1983: № 81 (*Мангалия*); Коровина 2002: таб. 40, *2* (*Гермонасса*); Кутайсов 2004: рис. 54, *11* (*Керкинитида*); Кац 2015: № 1085 (70) (*Горгиппия*), 2470 (3) (*х. Лиманский*)	**конец 350-х гг. до н.э.** Conovici — Ic МГ; Garlan — I B МГ; Кац — I B МГ; Fedoseev — Vers 374 г. до н.э.
77	Оп.1/1309 б/н	?	Не читается	**середина IV — середина III вв. до н.э.**
78	Оп.2/158 КМ АМ 14153/104	ΑΙΣΧΙΝΟ ΑΣΤΥΝΟ ΜΑΝΕΩ ←↑дельфин с крылом	Придик 1917: 85, № 467 (*Керчь*); IOSPE III. Д. 2189: № 28—29 (*Ольвия*, *Пантикапей*); Garlan 2004: Pl. V, cat. 38 (*Керчь*)	**конец 340-х гг. до н.э.** Conovici — IIa МГ; Garlan — II A МГ; Кац — II A МГ; Fedoseev — 355—345 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (продолжение)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
79	Оп.2/185 КМ АМ 14153/123	ΦΙΛΩΝΟΣΑΣ [ΕΜΟ] →канфар ←гроздь ΤΥΝ[Ο] […]	IOSPE III. Д. 2197: № 7699, 7852—7853 (*Пантикапей*, *Керчь*)	**конец 340-х гг. до н.э.** Conovici — Ie МГ; Garlan — I D МГ; Кац — I D МГ; Fedoseev — Vers. 360 г. до н.э.
80	Оп.2/186 КМ АМ 14153/124	[…] […] [эмблема?] […] ΟΥ	Много вариантов восстановления	**конец 320-х — 280-е гг. до н.э.** Кац — III—IV МГ
81	Оп.2/215 КМ АМ 14153/135	[Ε]ΠΙΔΗΜΟΥ ΑΣΤΥΝοΜοΥ ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΟΥ ↑канфар	Юргевич 1865: 138, № 23 (*Феодосия*); IOSPE III. Д. 2191: № 2996—2998 (*Феодосия*, *Пантикапей*); Гаврилов 2011: 161, № 584 (*Новопокровка 1*); 192, № 57 (*Журавки 1*)	**начало 280-х гг. до н.э.** Conovici — IIIc МГ; Garlan — IV A МГ; Кац — IV A МГ; Fedoseev — 320—310 гг. до н.э.
82	Оп.2/216 КМ АМ 14153/136	ΩΝΟ ΣΑΣΠΟΣΕ[Δ] →канфар←гроздь [ΥΙΦ] Λ[Ο] ΩΝΙ	Шкорпил 1904: 127, № 116 (*Пантикапей*); Марти, Шкорпил 1910: № 116 (*Пантикапей*); Придик 1914: 139, № 19 (*Ольвия*); IOSPE III. Д. 2197: № 7760—7766 (*Ольвия*, *Херсонес*, *Пантикапей*, *Китей*); Молев 2010: 293, № 30 (*Китей*)	**конец 340-х гг. до н.э.** Conovici — Ie МГ; Garlan — I D МГ; Кац — I D МГ; Fedoseev — Vers. 360 г. до н.э.
83	Оп.2/217 КМ АМ 14153/137	↓гроздь ↑канфар [ΓΥΡΙΤΤοΥ] Α[ΣΤ]ΙΝοΜοΥ ΗΦΑΙΣΤ[Ιο]Υ	Гаврилов 2011: 19, № 15 (*Надежда*)	**конец 320-х гг. до н.э.** Conovici — IIb МГ; Garlan — III B МГ; Кац — III A МГ; Fedoseev — 345—335 гг. до н.э.

Таблица 5. **Каталог клейм с Поселения «Ленина» (окончание)**

№	Фото	Схема клейма	Аналогии	Датировка
84	Оп.2/218 КМ АМ 14153/138	Μ Ι Κ Ο Υ ↓гроздь Α Σ Τ Υ Ν Ο ↑колос ΝΟΥΜΗΝΙοΣ ΠοΣ	Придик 1917: 93, № 648—649 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2194: № 5297—5301 (*Пантикапей*, *Мирмекий*); Sztetyllo 1983: № 192 (*Мирмекий*); Garlan 2004: Pl. XV, cat. 120 (*Синопа*); Кац 2015: № 1285 (270) (*Горгиппия*)	**начало 290-х гг. до н.э.** Conovici — IId МГ; Garlan — III D МГ; Кац — III C МГ; Fedoseev — 320—310 гг. до н.э.
85	Оп.2/221 КМ АМ 14153/141	Μ Ι Κ Ο Υ ↓гроздь Α Σ Τ Υ Ν Ο ↑колос ΝΟΥΜΗΝΙοΣ ΠοΣ	Придик 1917: 93, № 648—649 (*Пантикапей*); IOSPE III. Д. 2194, № 5297—5301 (*Пантикапей*, *Мирмекий*); Sztetyllo 1983: № 192 (*Мирмекий*); Garlan 2004: Pl. XV, cat. 120 (*Синопа*); Кац 2015: № 1285 (270) (*Горгиппия*)	**начало 290-х гг. до н.э.** Conovici — IId МГ; Garlan — III D МГ; Кац — III C МГ; Fedoseev — 320—310 гг. до н.э.
2.3. Клейма Херсонеса Таврического				
86	Оп.2/214 КМ АМ 14153/134	ΑΙΣ[ΧΙΝΑ] ΑΣΤΥ[ΝΟΜΟ]	Becker 1862: 473, № 2 (*Ольвия*); Беккер 1863: 43, № 2 (*Ольвия*); Махов 1913: 189, № 5 (*Херсонес*); Придик 1917: 140, № 2 (*Ольвия*); IOSPE III. Д. 2181: № 103—123 (*Ольвия*, *Херсонес*, *Пантикапей*); Кац 1994: таб. IV, 1—7: *1—4* (*Херсонес*)	**начало III в. до н.э.** Ахмеров — II МХГ Кац — I B МХГ
3. Клейма на керамических строительных материалах				
3.1. Клеймо на Боспорской черепице				
87	Оп.2/210 КМ АМ 14153/130	?	Не читается	**IV—III вв. до н.э.**

Рис. 1. План-схема местонахождения Поселения «Ленина» в городе-курорте Анапа Краснодарского края.

Fig. 1. Plan diagram of the location of the Settlement “Lenina” in the resort town of Anapa, Krasnodar Territory.

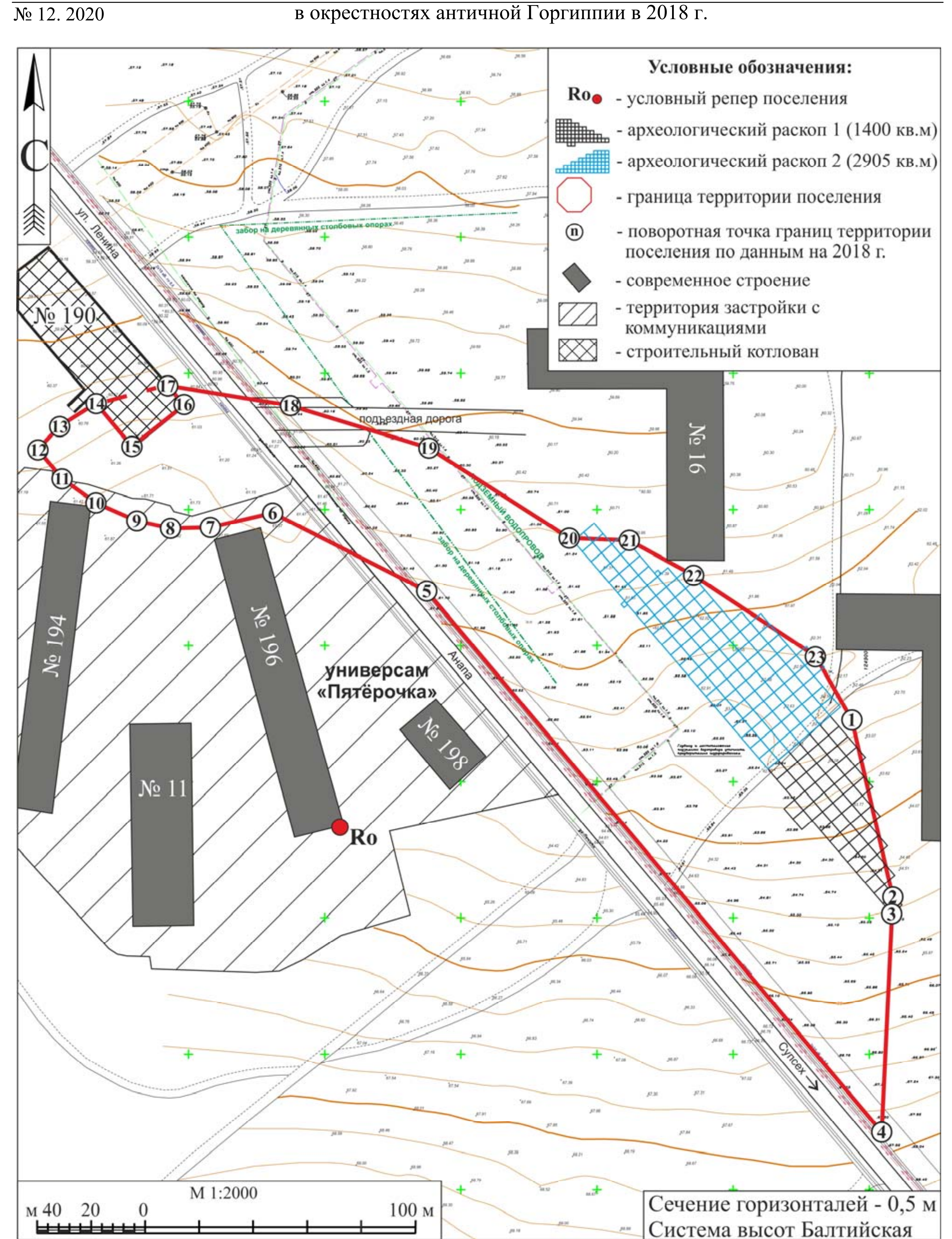

Рис. 2. Топографический план Поселения «Ленина» по данным на 2018 г. с обозначением сетки раскопов 1 и 2.

Fig. 2. Topographic plan of the Settlement "Lenina" of 2018 with the designation of the grid of excavations 1 and 2.

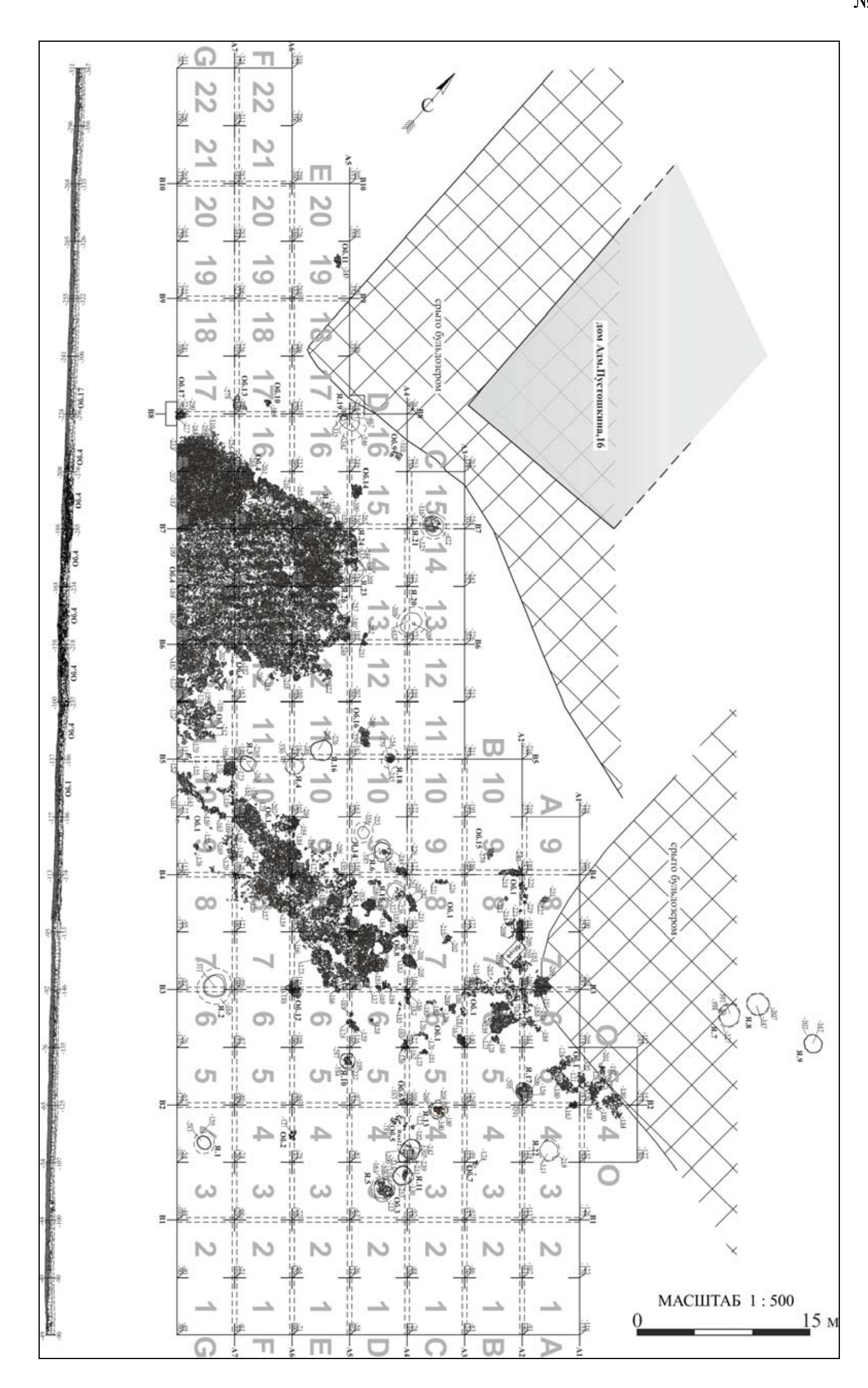

Рис. 3. План раскопа 2 Поселения «Ленина» в 2018 г. с обозначением объектов и ям, нивелировочными отметками поверхности и зафиксированного уровня материка.

Fig. 3. Plan of the Settlement “Lenina” Excavation 2 in 2018 with the designation of objects and pits, levelling marks of the ground surface and fixed level of the virgin soil.

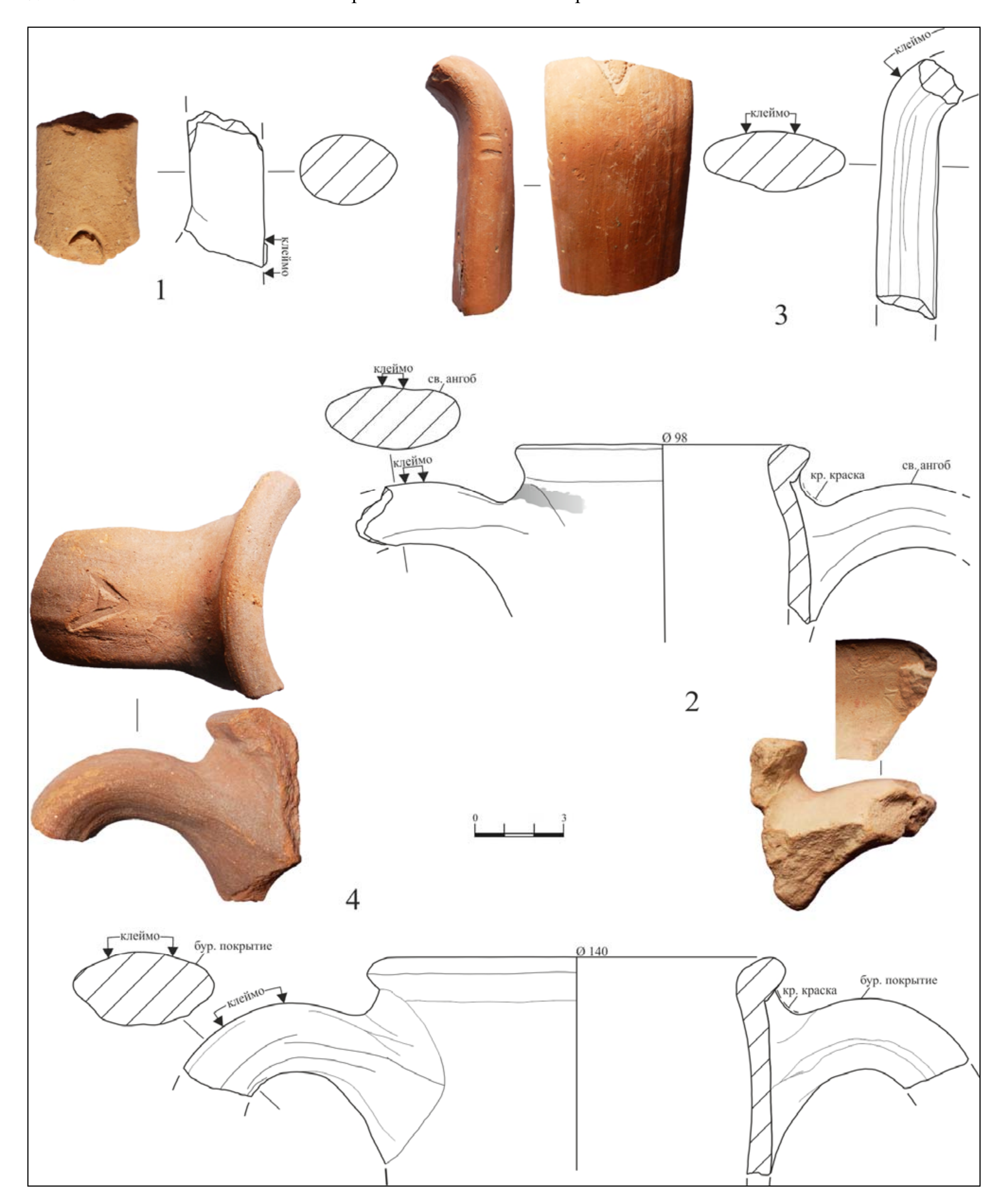

Рис. 4. **Фрагменты ручек амфор с клеймами периода спорадического клеймения (конец VI—V вв. до н.э.) (раскоп 2) производства:** *1* — Хиоса (яма 25); *2* — Айноса (пл. 2, кв. Е9); *3* — Фасоса, «протоклеймо» (яма 25); 4 — Менды, вторая четверть—середина V в. до н.э. (яма 25).

Fig. 4. Fragments of amphora handles with stamps from the period of sporadic stamping (end of the 6th — 5th centuries BCE) (Excavation 2) produced by: *1* — Chios (pit 25); *2* — Ainos (str. 2, quad. E9); *3* —Thasos, “proto-stamp” (pit 25); 4 — Mende, second quarter — middle of 5th century BCE (pit 25)

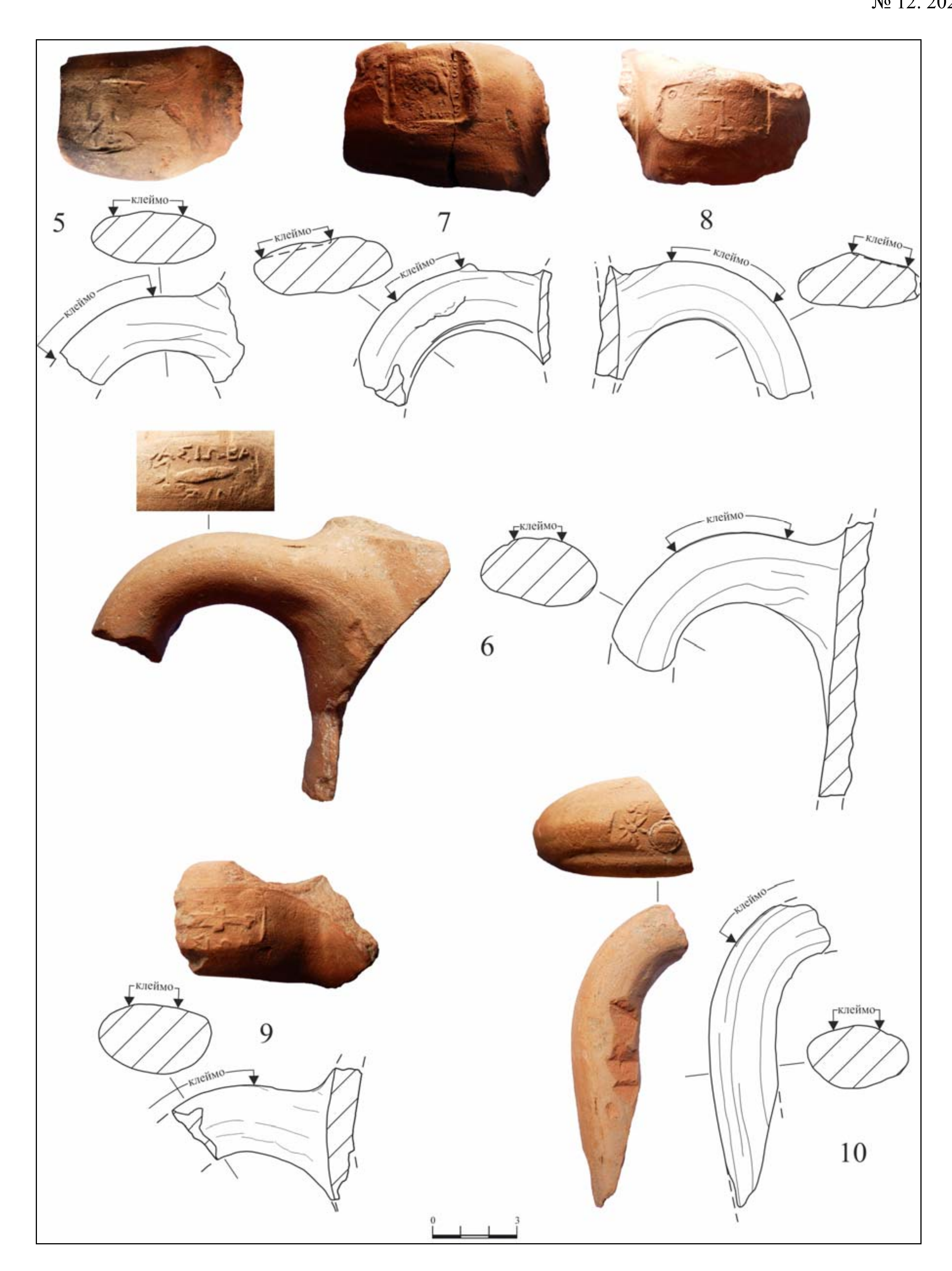

Рис. 5. Фрагменты ручек амфор производства Фасоса с клеймами периода систематического клеймения, начала — третьей четверти IV в. до н.э. (раскоп 2): *5* — пл. 2, кв. B5; *6* — пл. 2, кв. E9; *7* — пл. 2, кв. F5; *8* — пл. 2, кв. F6; *9* — пл. 3, кв. D7; *10* — пл. 3, кв. G9.

Fig. 5. Fragments of handles of amphorae made by Thassos with stamps from the period of systematic stamping, beginning in the third quarter of the 4th century BCE (Excavation 2): 5 — str. 2, quad. B5; *6* — str. 2, quad. E9; *7* — str. 2, quad. F5; *8* — str. 2, quad. F6; *9* — str. 3, quad. D7; *10* — str. 3, quad. G9.

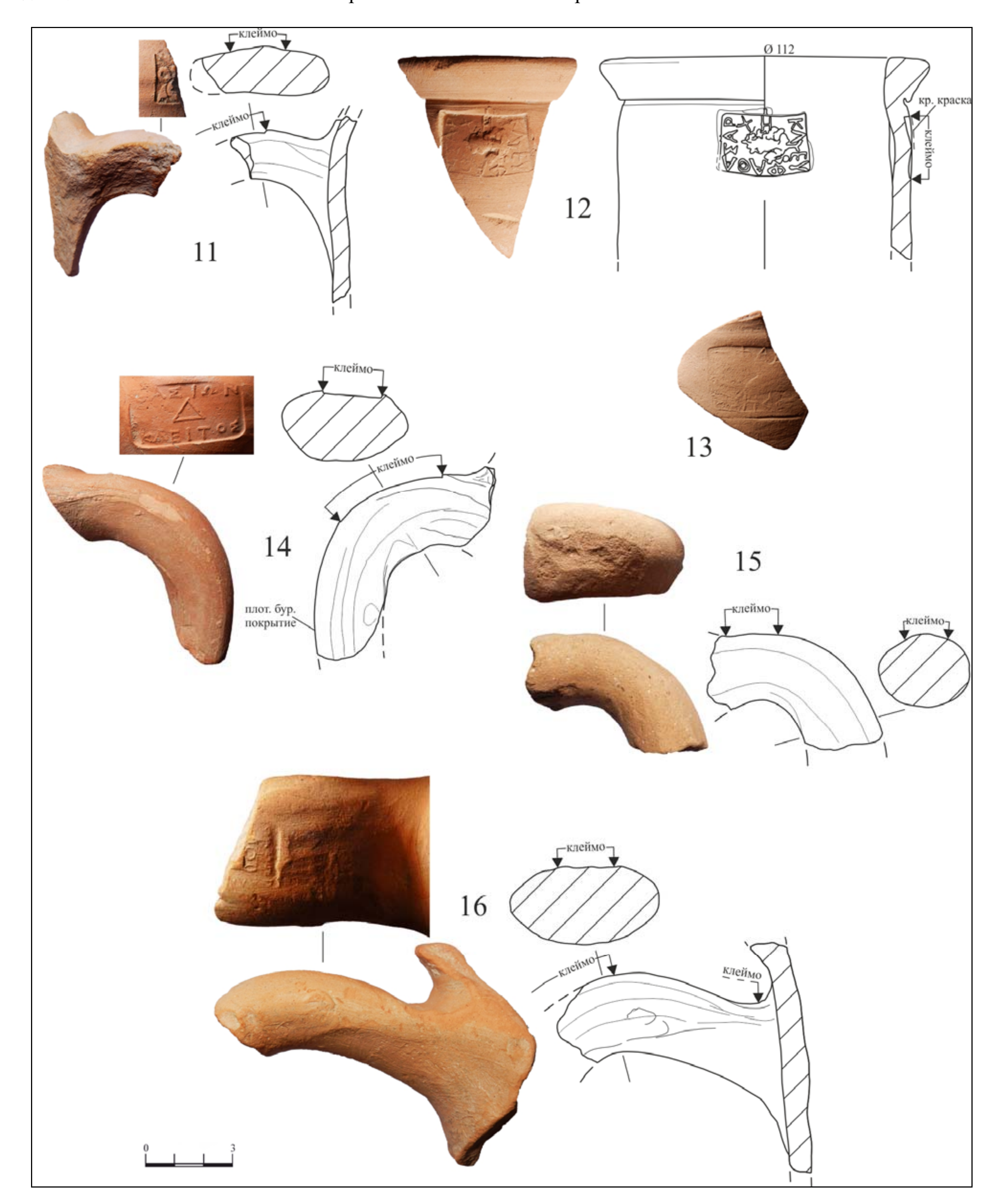

Рис. 6. Фрагменты ручек (*11, 14—16*) и горл (*12—13*) амфор производства Фасоса с клеймами периода систематического клеймения, начала — третьей четверти IV в. до н.э. (раскоп 2): *11* — пл. 4, кв. F9; *12—14* — яма 1; *15* — объект 4, уровень 1 (верхний ярус); *16* — объект 4, уровень 2 (нижний ярус).

Fig. 6. Fragments of handles (*11, 14—16*) and throats (*12—13*) of amphorae made by Thassos with stamps from the period of systematic stamping, beginning in the third quarter of the 4th century BCE (Excavation 2): *11* — str. 4, quad. F9; *12—14* — pit 1; *15* — object 4, level 1 (upper tier); *16* — object 4, level 2 (lower tier).

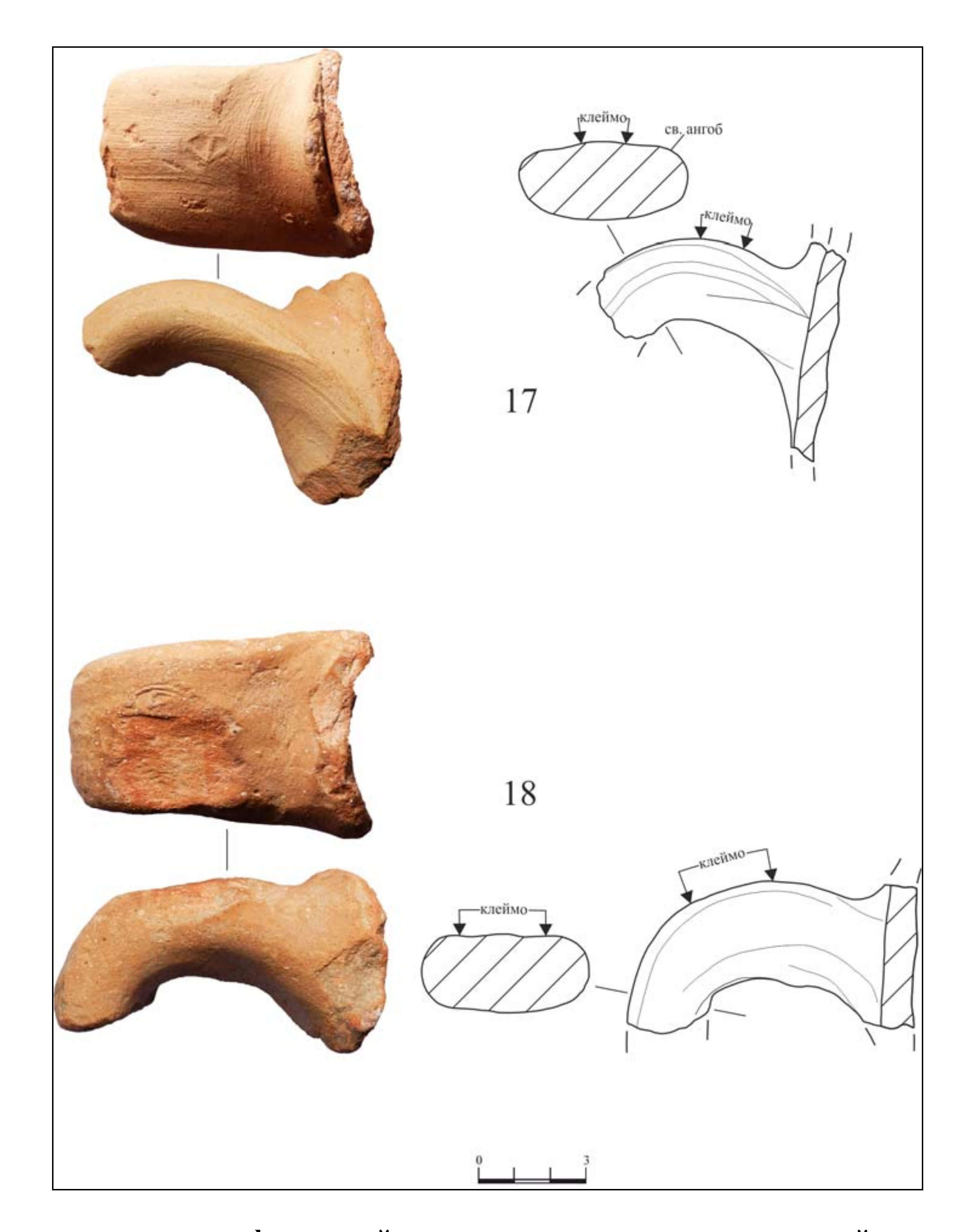

Рис. 7. Фрагменты ручек амфор с клеймами периода систематического клеймения (раскоп 2): *17* — «круга Фасоса», IV в. до н.э. (яма 18); *18* — Аканфа, 380-е — 330-е гг. до н.э. (яма 24).

Fig. 7. Fragments of amphora handles with stamps from the period of systematic stamping (Excavation 2): *17* — “the circle of Thasos”, 4th century BCE (pit 18); *18* — Akanthos, 380s — 330s BCE (pit 24).

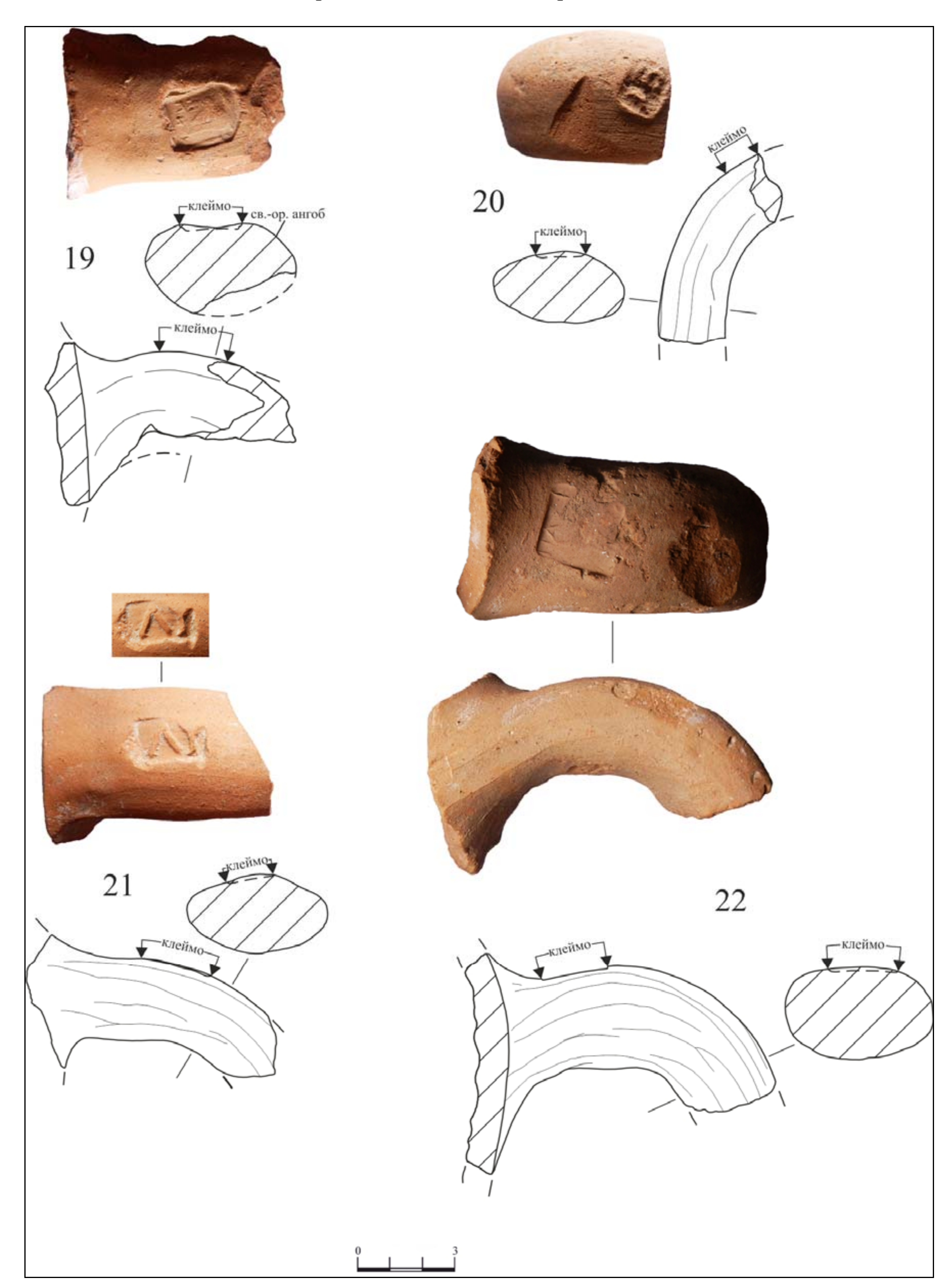

Рис. 8. Фрагменты ручек амфор производства Книда с клеймами периода систематического клеймения, вторая треть IV — середина III вв. до н.э. (раскоп 2): *19* — пл. 2, кв. B6; *20* — пл. 3, кв. G10; *21* — пл. 4, кв. F15; *22* — объект 4, уровень 1 (верхний ярус).

Fig. 8. Fragments of handles of amphorae made by Cnidus with stamps from the period of systematic stamping, second third of the 4th — mid-3rd centuries BCE (Excavation 2): *19* — str. 2, quad. B6; *20* — str. 3, quad. G10; *21* — str. 4, quad. F15; *22* — object 4, level 1 (upper tier).

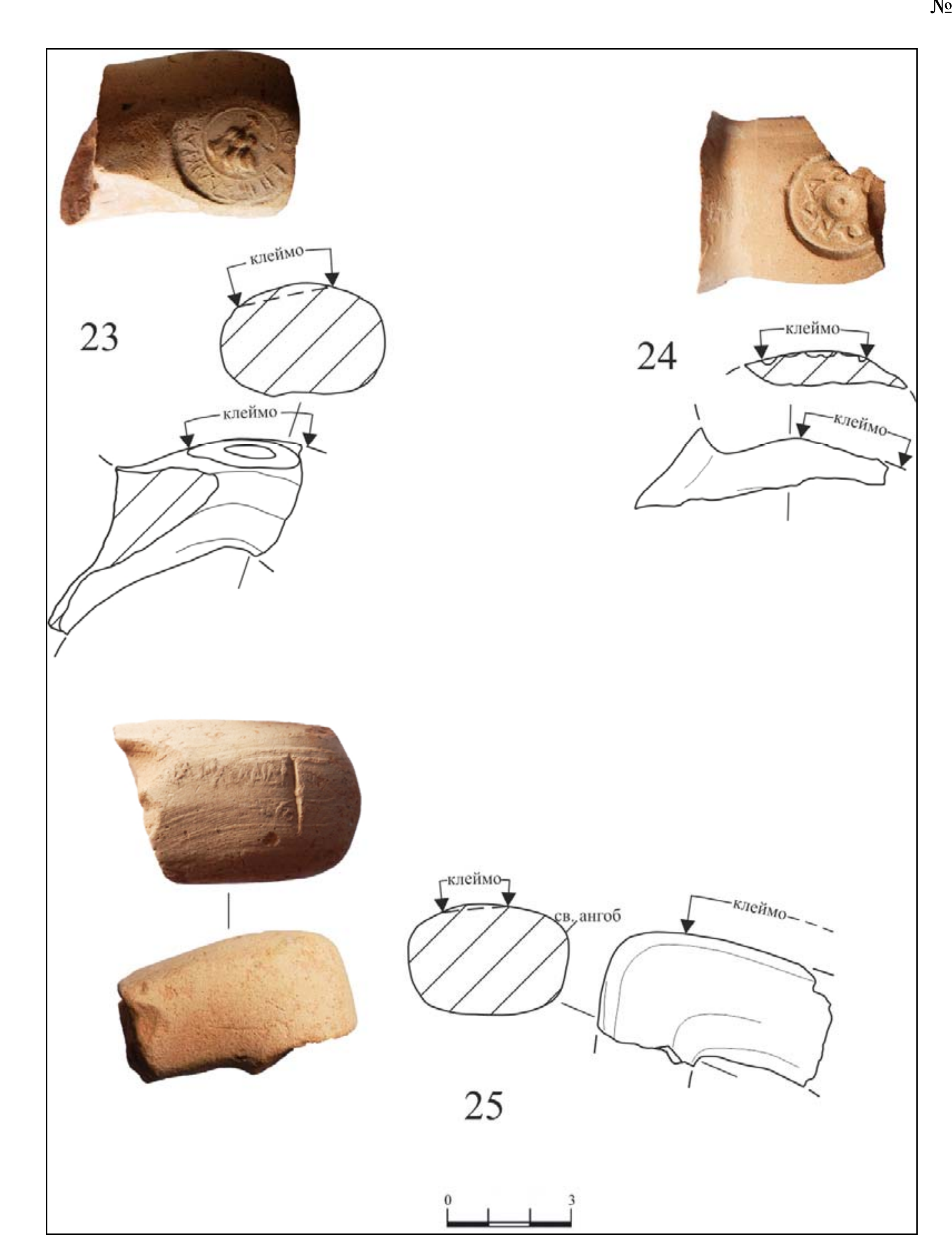

Рис. 9. Фрагменты ручек амфор производства Родоса с клеймами периода систематического клеймения (раскоп 2): *23* — 175—173 гг. до н.э. (пл. 3, кв. F15); *24* — около 233 г. до н.э. (пл. 4, кв. E17); *25* — 165—163 гг. до н.э. (объект 4, уровень 1 (верхний ярус)).

Fig. 9. Fragments of handles of amphorae made in Rhodes with stamps from the period of systematic stamping (Excavation 2): *23* — 175—173 BCE (str. 3, quad. F15); *24* — about of 233 BCE (str. 4, quad. E17); *25* — 165—163 BCE (object 4, level 1 (upper tier)).

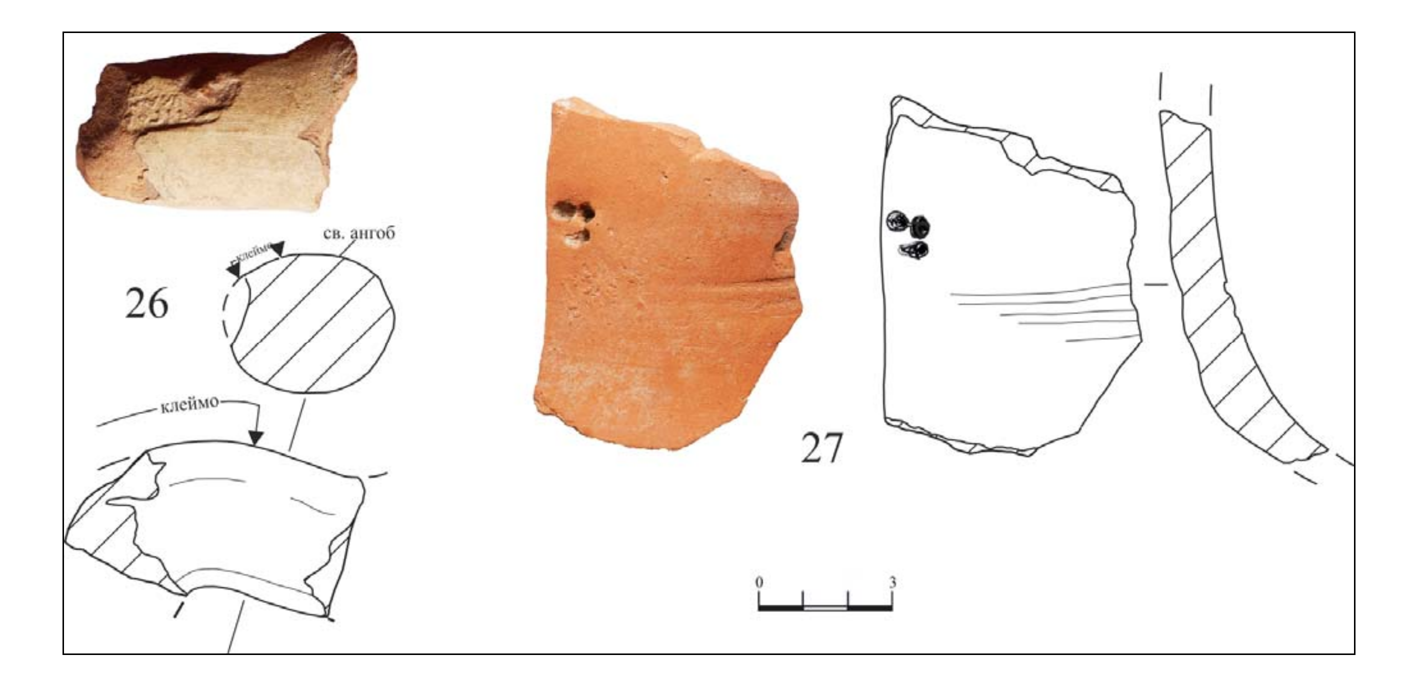

Рис. 10. Фрагменты амфор неустановленных средиземноморских центров производства с клеймами периода систематического клеймения (раскоп 2): *26* — ручки амфоры Родоса (?), 234—199 гг. до н.э. (пл. 1, кв. G14); *27* — горла амфоры Икоса (?), IV в. до н.э. (пл. 3, кв. G8).

Fig. 10. Fragments of amphorae of unidentified Mediterranean production centers with stamps from the period of systematic stamping (Excavation 2): *26* — amphora handles of Rhodes (?), 234—199 BCE (str. 1, quad. G14); *27* — throats of the amphora of Ikos (?), 4th century BCE (str. 3, quad. G8).

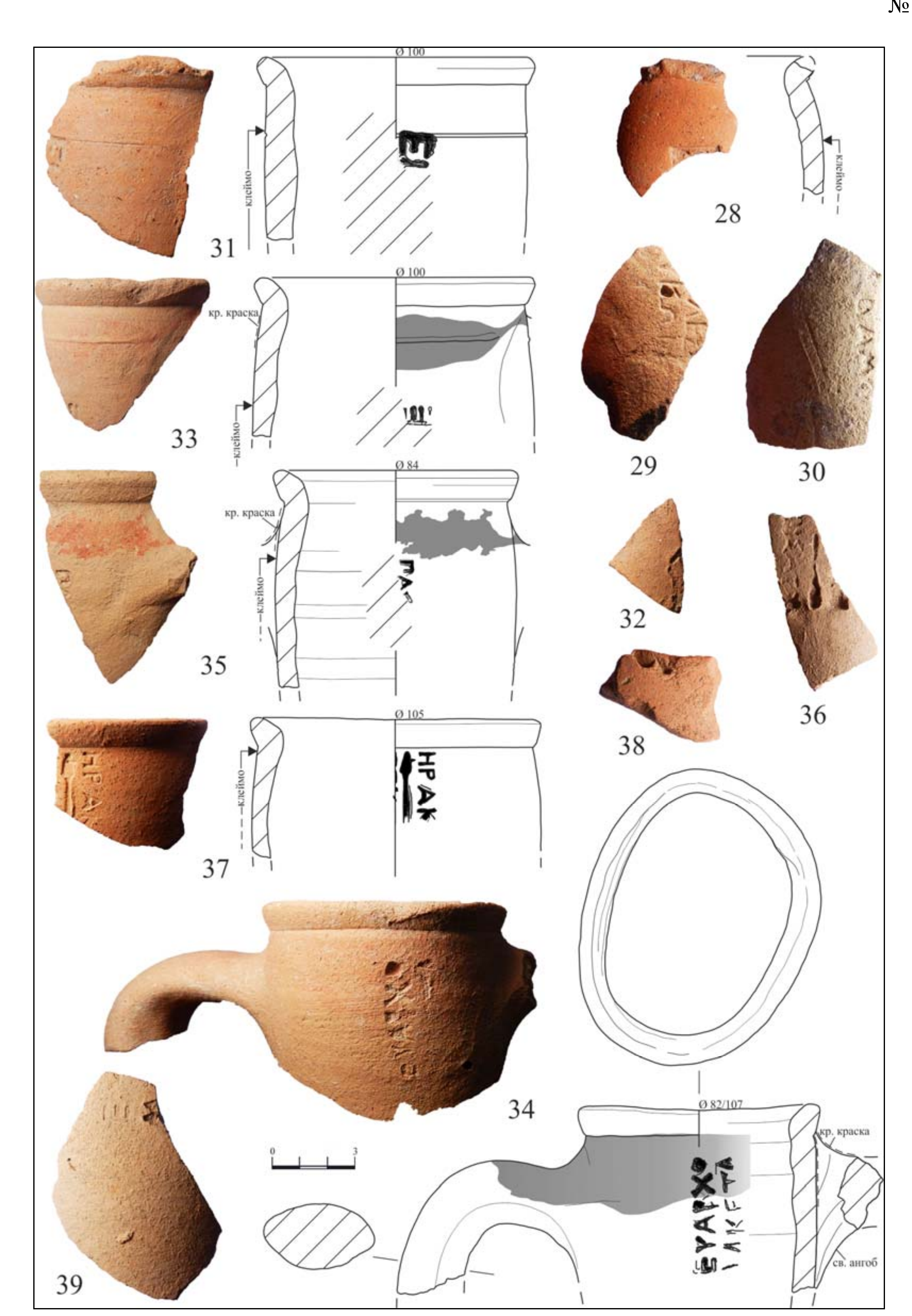

Рис. 11. Фрагменты горл амфор производства Гераклеи Понтийской с энглифическими клеймами периода систематического клеймения, начало — третья четверть IV в. до н.э. (раскоп 2): *28* — пл. 1, кв. B6; *29* — пл. 1, кв. G12; *30* — пл. 3, кв. G10; *31* — пл. 4, кв. D9; *32* — пл. 4, кв. E7; *33* — пл. 4, кв. G9; *34—35* — яма 1; *36* — яма 6; *37—39* — яма 10.

Fig. 11. Fragments of throats of amphorae made by Heraclea Pontica with englyph marks from the period of systematic stamping, beginning — third quarter of the 4th century BCE (Excavation 2): *28* — str. 1, quad. B6; *29* — str. 1, quad. G12; *30* — str. 3, quad. G10; *31* — str. 4, quad. D9; *32* — str. 4, quad. E7; *33* — str. 4, quad. G9; *34—35* — pit 1; *36* — pit 6; *37—39* — pit 10.

Рис. 12. Амфора производства Гераклеи Понтийской периода систематического клеймения с энглифическим клеймом на горле (*40*), 370-е гг. до н.э. (раскоп 2, яма 13).

Fig. 12. Amphora made by Heraclea Pontica from the period of systematic stamping with an englyphic stamp on the throat *(40)*, 370s. BCE (Excavation 2, pit 13).

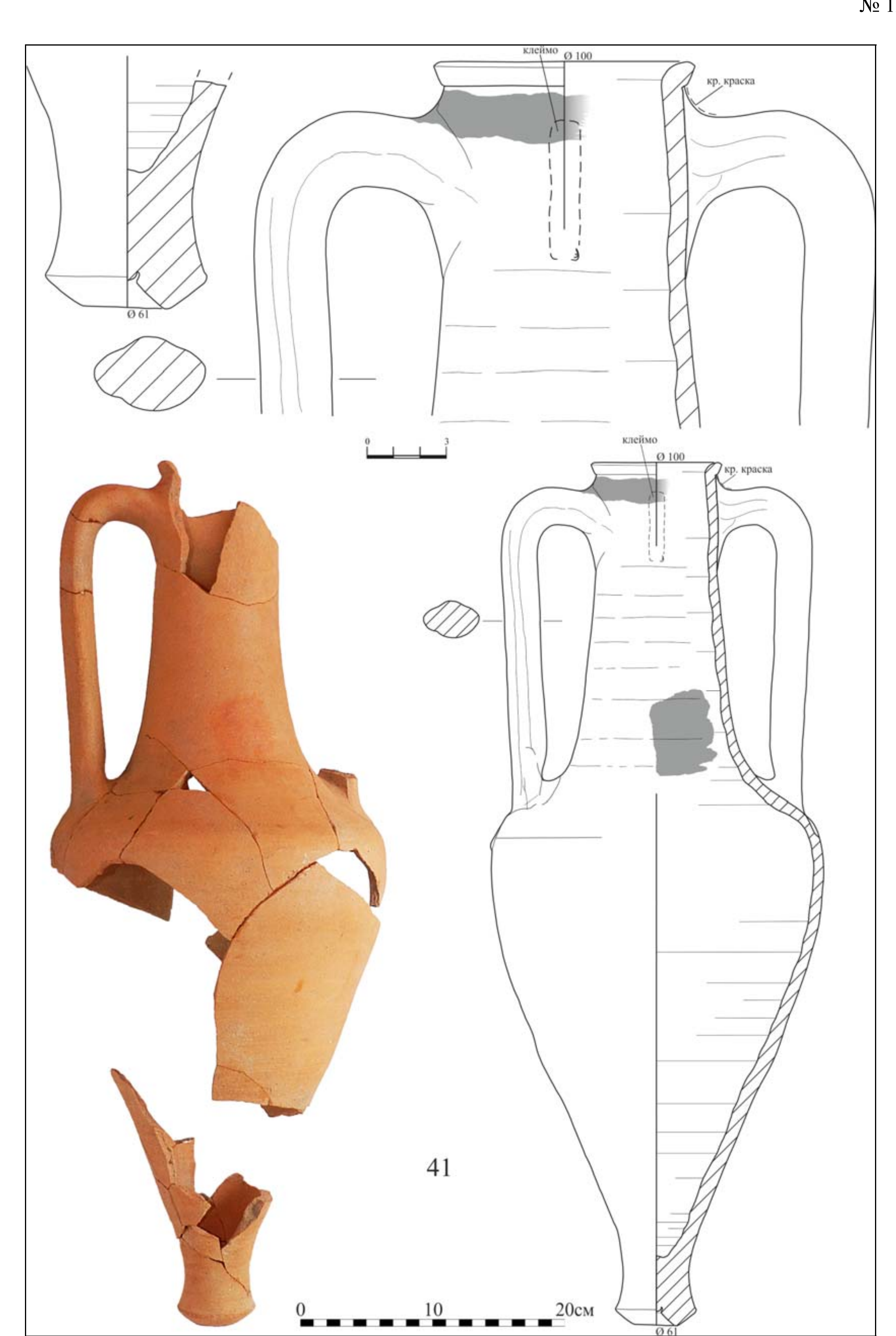

Рис. 13. Амфора производства Гераклеи Понтийской периода систематического клеймения с фрагментом энглифического клейма на горле (*41*), 370-е гг. до н.э. (раскоп 2, яма 13).

Fig. 13. Amphora made by Heraclea Pontica from the period of systematic stamping with a fragment of an englyphic stamp on the throat (*41*), 370s. BCE (Excavation 2, pit 13).

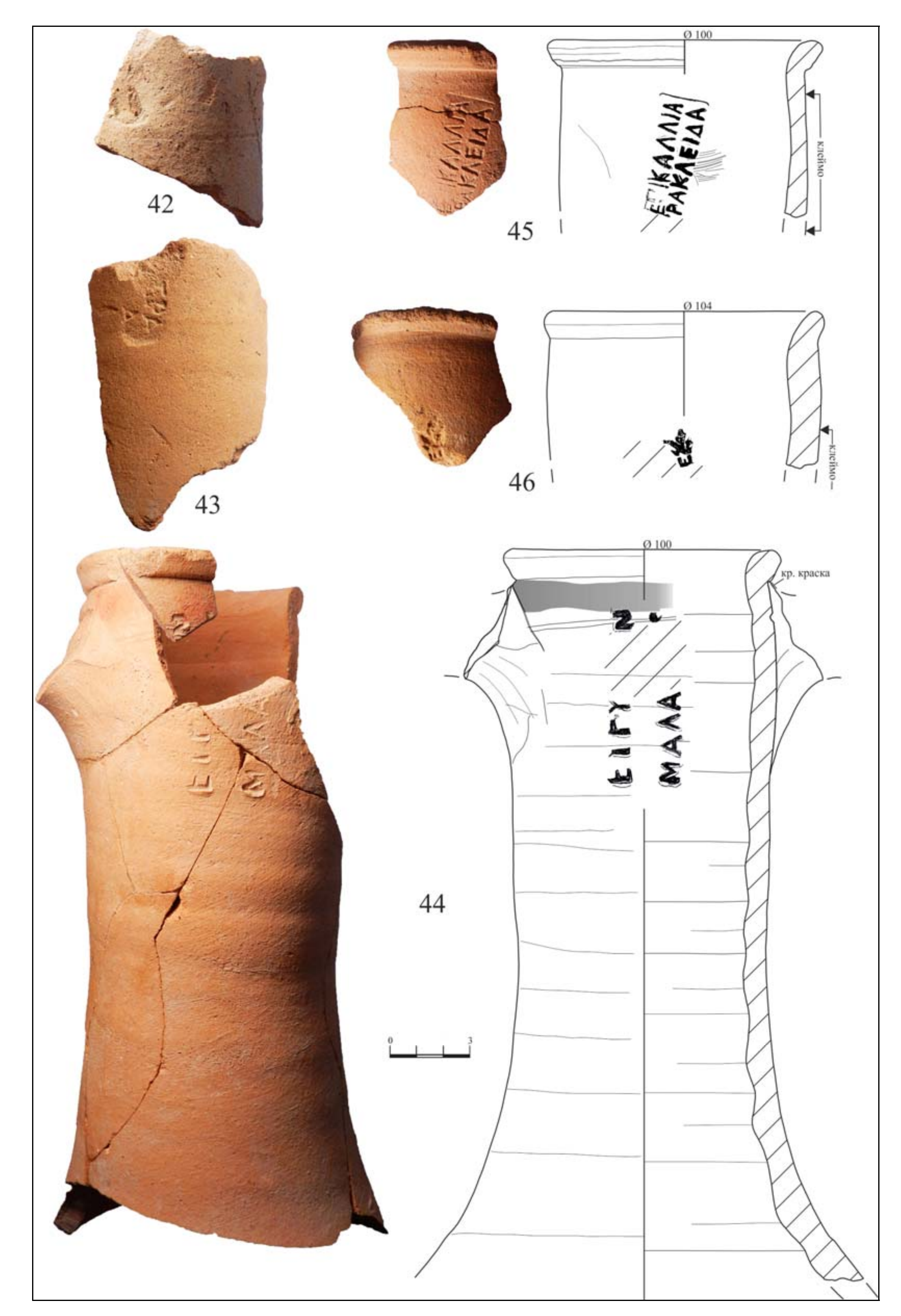

Рис. 14. Фрагменты горл амфор производства Гераклеи Понтийской с энглифическими клеймами периода систематического клеймения, начало — третья четверть IV в. до н.э. (раскоп 2): *42* — яма 17; *43* — яма 18; *44—46* — яма 25.

Fig. 14. Fragments of throats of amphorae made by Heraclea Pontica with englyph marks from the period of systematic stamping, beginning — third quarter of the 4th century BCE (Excavation 2): *42* — pit 17; *43* — pit 18; *44—46* — pit 25.

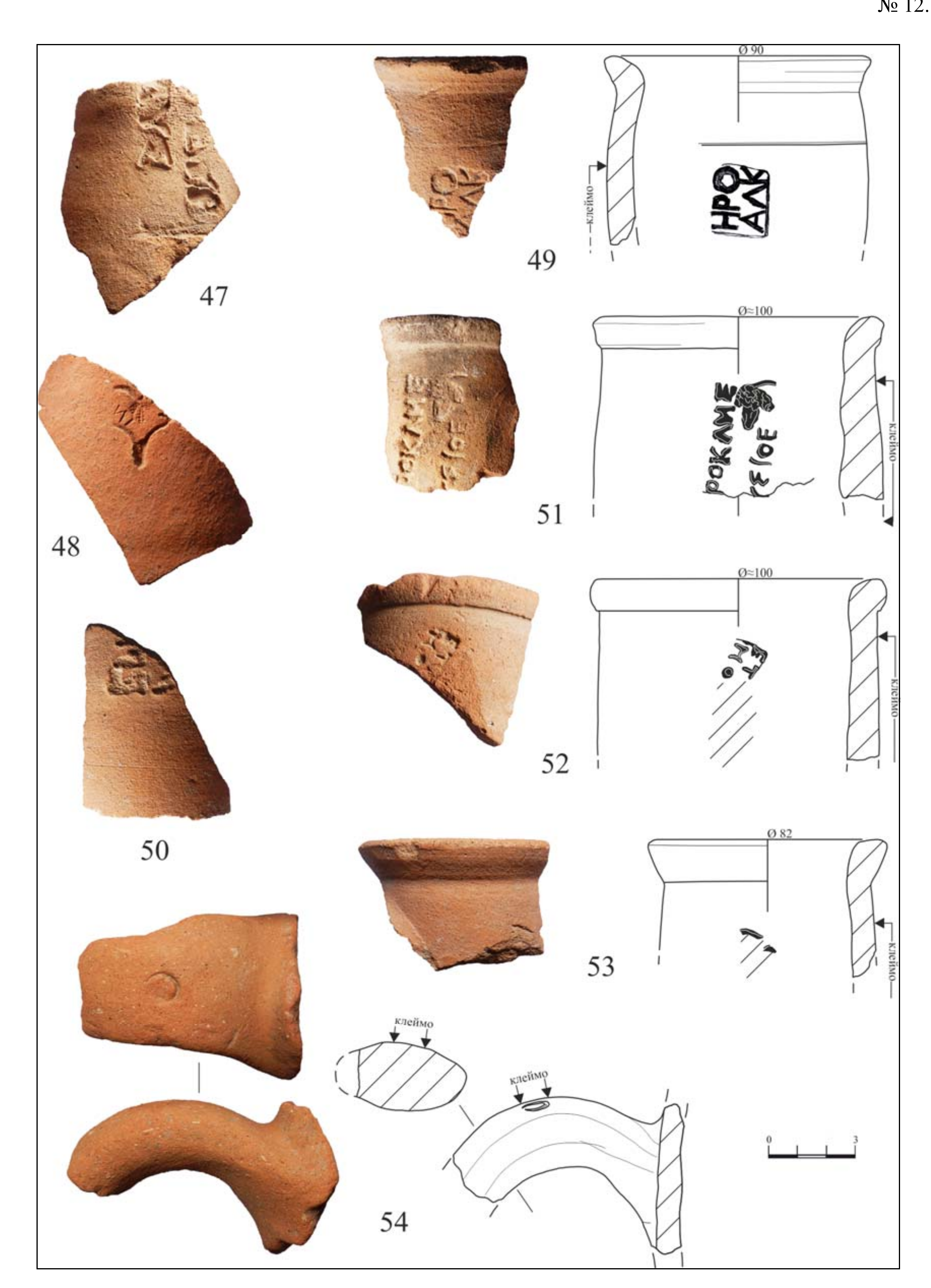

Рис. 15. **Фрагменты горл** *(47—53)* **и ручки** *(54)* **амфор производства Гераклеи Понтийской с энглифическими клеймами периода систематического клеймения, начало — третья четверть IV в. до н.э. (раскоп 2):** *47—48* — яма 25; *49—50* — яма 26; *51—53* — объект 1; *54* — Объект 4, уровень 2 (нижний ярус).

Fig. 15. Fragments of throats *(47—53)* **and handle** *(54)* **of amphorae made by Heraclea Pontica with englyph marks from the period of systematic stamping, beginning — third quarter of the 4th century BCE (Excavation 2):** *47—48* — pit 25; *49—50* — pit 26; *51—53* — object 1; *54* — Object 4, level 2 (lower tier).

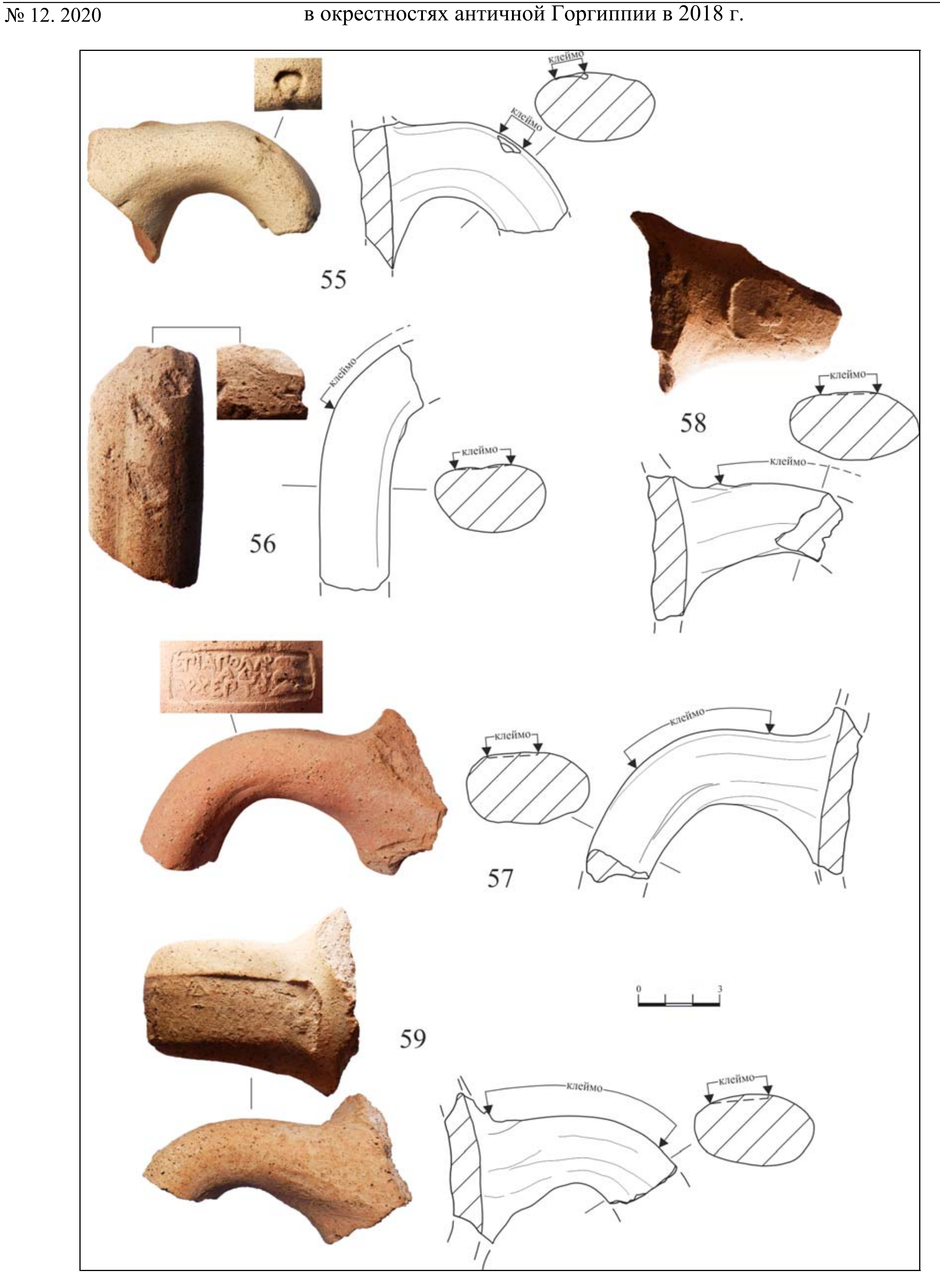

Рис. 16. Фрагменты ручек амфор производства Синопы с клеймами периода систематического клеймения, 350-е — 200-е гг. до н.э.: *55* — раскоп 1, пл. 1, кв. E9; *56—59* — раскоп 2 (*56* — пл. 1, кв. G11; *57* — пл. 3, кв. C7; *58* — пл. 3, кв. D7; *59* — пл. 3, кв. D15).

Fig. 16. Fragments of handles of amphorae produced by Sinopa with stamps from the period of systematic stamping, 350s — 200s. BCE: *55* — Excavation 1, str. 1, quad. E9; *56—59* — Excavation 2 (*56* — str. 1, quad. G11; *57* — str. 3, quad. C7; *58* — str. 3, quad. D7; *59* — str. 3, quad. D15).

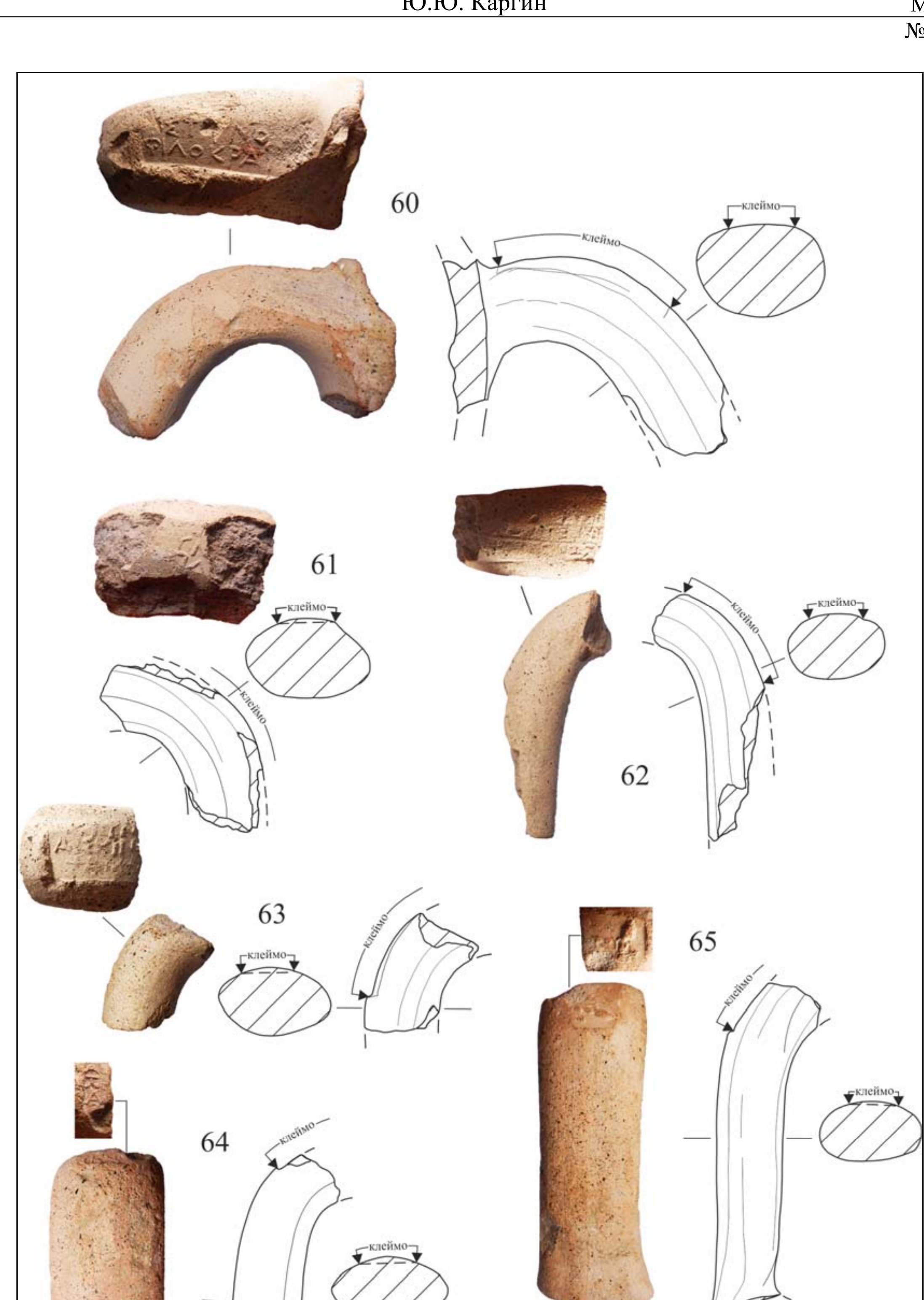

Рис. 17. Фрагменты ручек амфор производства Синопы с клеймами периода систематического клеймения, конец 330-х — 200-е гг. до н.э. (раскоп 2): *60* — пл. 3, кв. E7; *61* — пл. 4, кв. D4; *62* — пл. 4, кв. E17; *63* — пл. 4, кв. E18; *64* — пл. 4, кв. F15; *65* — пл. 4, кв. F16.

Fig. 17. Fragments of handles of amphorae produced by Sinopa with stamps from the period of systematic stamping, late 330s — 200s BCE (Excavation 2): *60* — str. 3, quad. E7; *61* — str. 4, quad. D4; *62* — str. 4, quad. E17; *63* — str. 4, quad. E18; *64* — str. 4, quad. F15; *65* — str. 4, quad. F16.

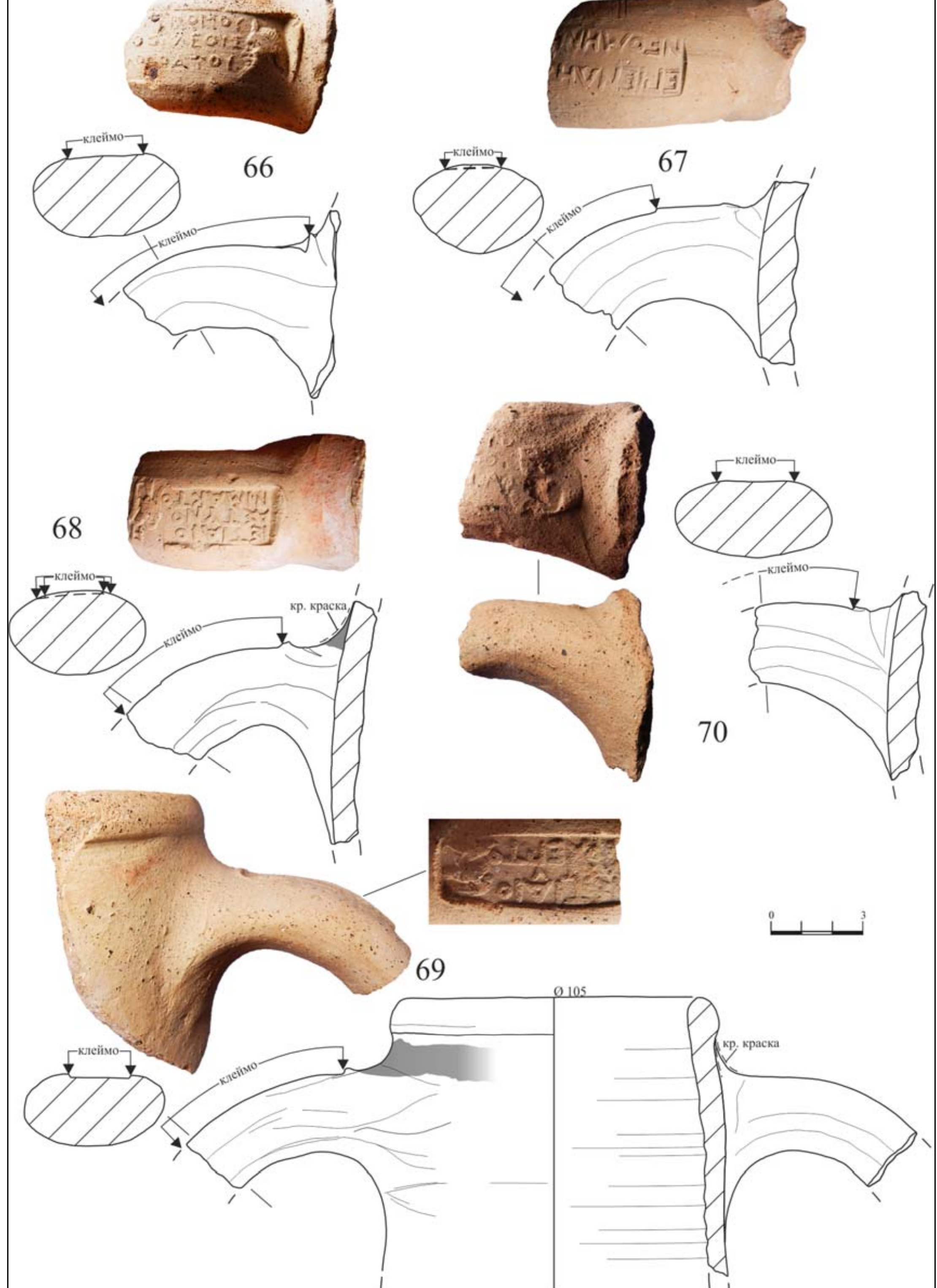

Рис. 18. Фрагменты ручек амфор производства Синопы с клеймами периода систематического клеймения, вторая половина 350-х — вторая половина 280-х гг. до н.э. (раскоп 2): *66* — пл. 4, кв. G16; *67* — яма 2; *68—69* — яма 6; *70* — яма 10.

Fig. 18. Fragments of handles of amphorae made by Sinopa with stamps from the period of systematic stamping, the second half of the 350s — the second half of the 280s. BCE (Excavation 2): *66* — str. 4, quad. G16; *67* — pit 2; *68—69* — pit 6; *70* — pit 10.

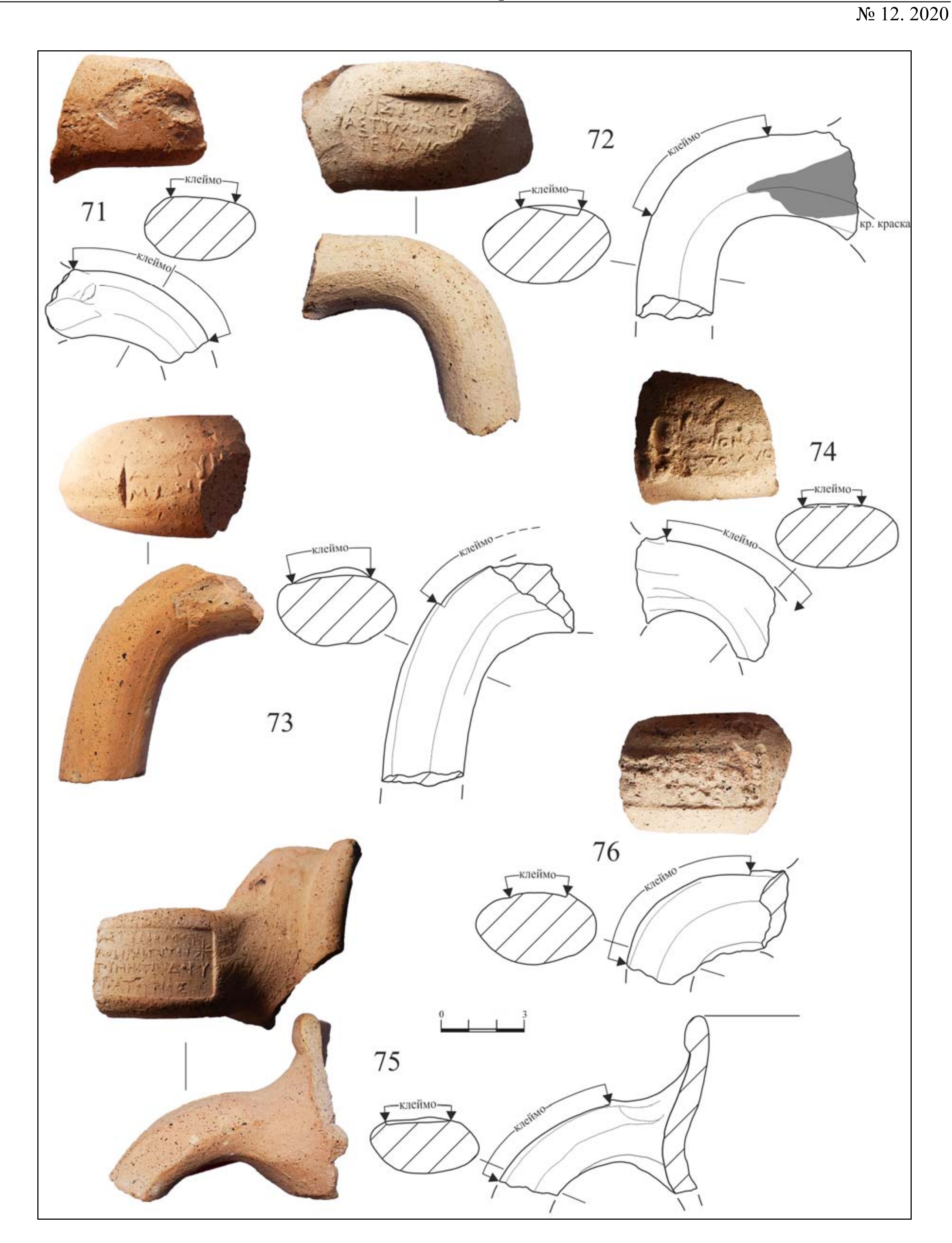

Рис. 19. Фрагменты ручек амфор производства Синопы с клеймами периода систематического клеймения, конец 350-х — первая половина 220-х гг. до н.э. (раскоп 2): *71* — яма 11; *72* — яма 16; *73* — яма 17; *74* — яма 18; *75—76* — яма 19.

Fig. 19. Fragments of handles of amphorae made by Sinopa with stamps from the period of systematic stamping, late 350s — first half of 220s. BCE (Excavation 2): *71* — pit 11; *72* — pit 16; *73* — pit 17; *74* — pit 18; *75—76* — pit 19.

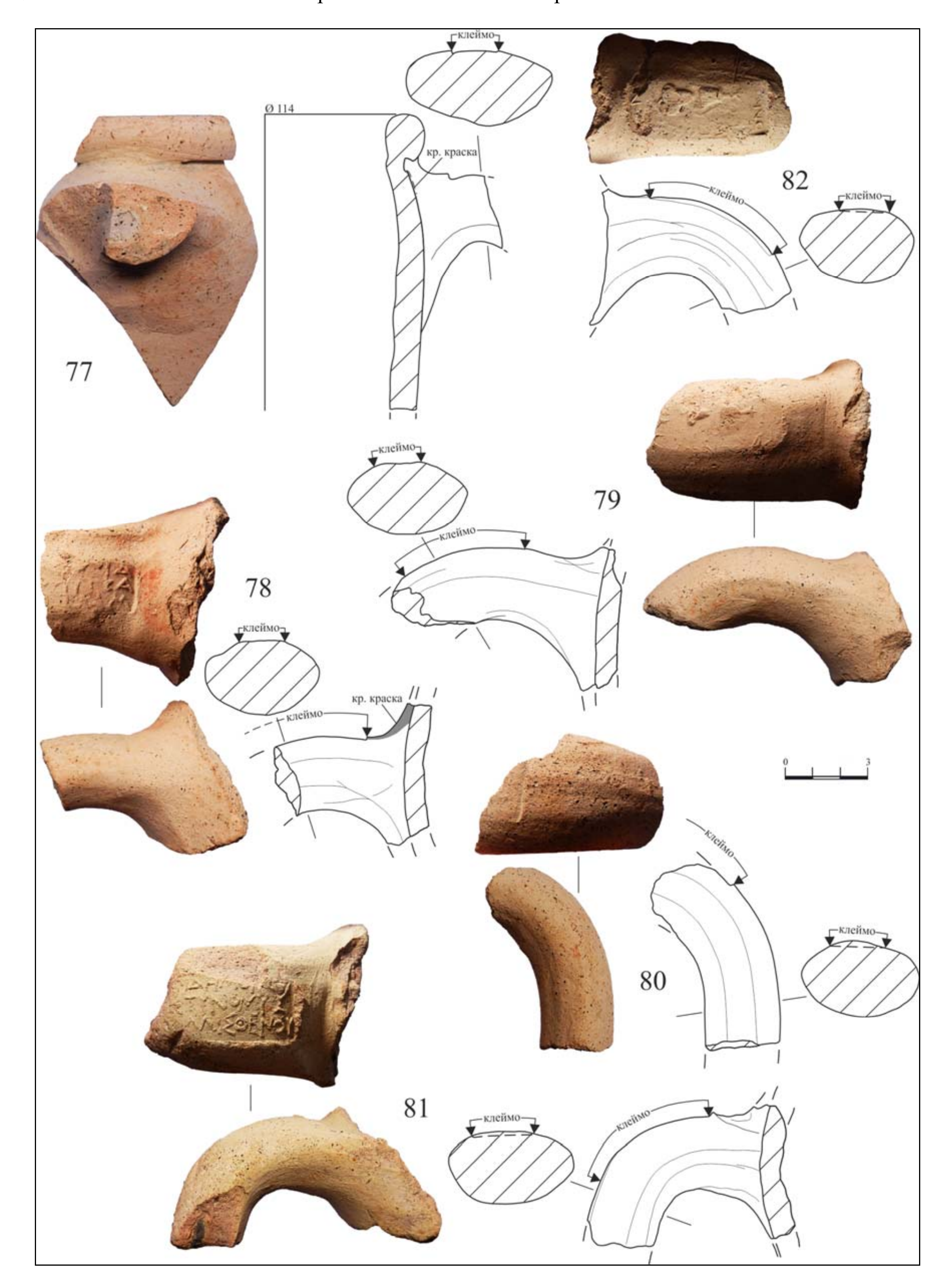

Рис. 20. Фрагменты ручек амфор производства Синопы с клеймами периода систематического клеймения, середина IV — середина III вв. до н.э. (раскоп 2): *77—78* — яма 25; *79—80* — объект 1; *81—82* — объект 4, уровень 1 (верхний ярус).

Fig. 20. Fragments of handles of amphorae made by Sinopa with stamps from the period of systematic stamping, mid-4th — mid-3rd centuries BCE (Excavation 2): *77—78* — pit 25; *79—80* — object 1; *81—82* — object 4, level 1 (upper tier).

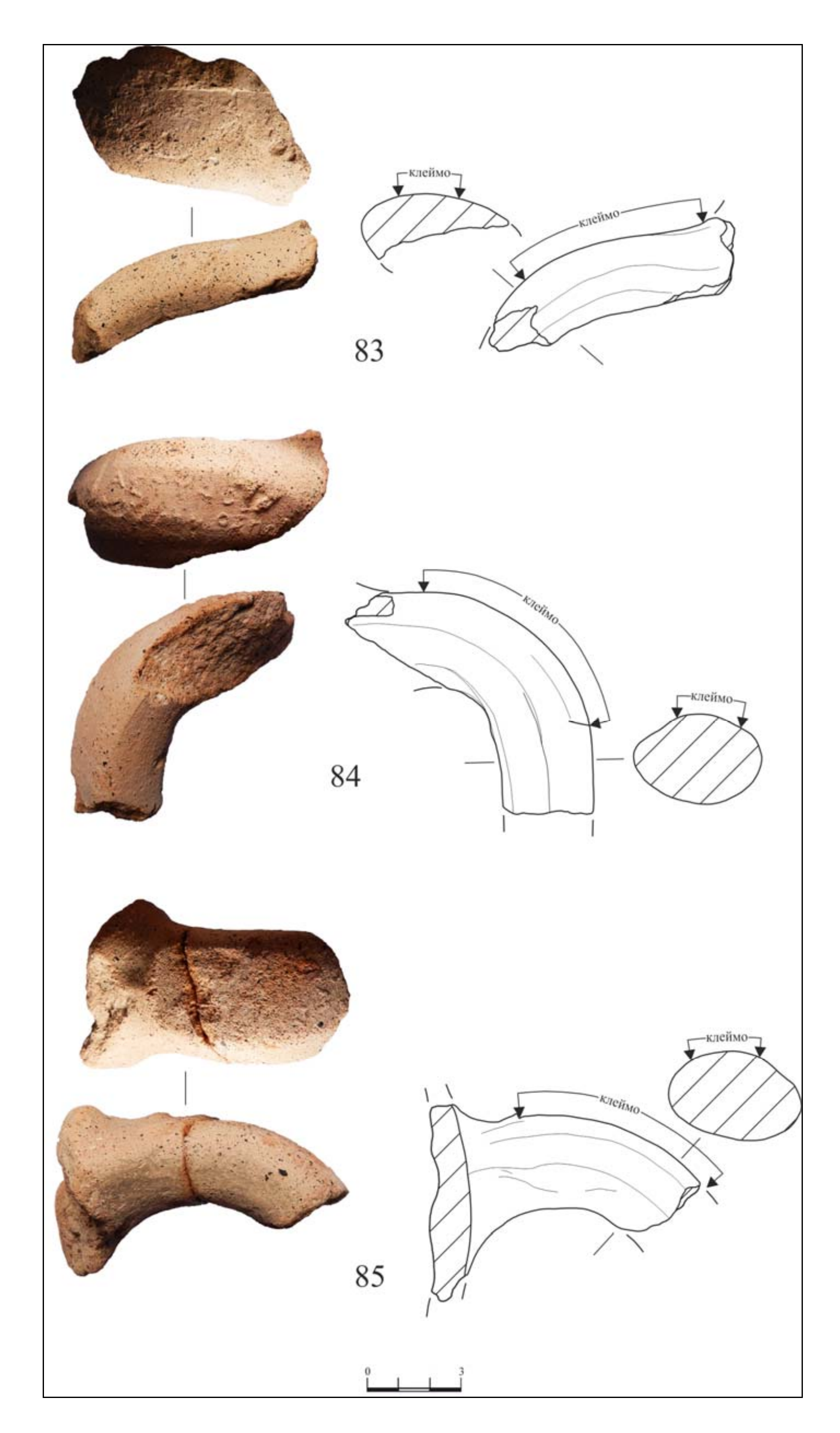

Рис. 21. Фрагменты ручек амфор производства Синопы с клеймами периода систематического клеймения, конец 320-х — начало 290-х гг. до н.э. (раскоп 2, объект 4): *83—84* — уровень 1 (верхний ярус); *85* — уровень 2 (нижний ярус).

Fig. 21. Fragments of handles of amphorae made by Sinopa with stamps from the period of systematic stamping, late 320s — early 290s. BCE (Excavation 2, Object 4): *83—84* — level 1 (upper tier); *85* — level 2 (lower tier).

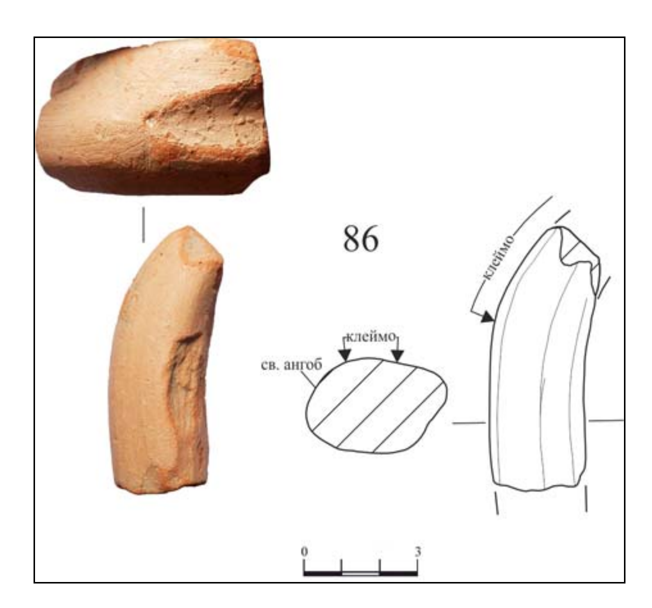

Рис. 22. Фрагмент ручки амфоры производства Херсонеса Таврического с клеймом периода систематического клеймения, начало III в. до н.э. (раскоп 2, объект 4, уровень 1 (верхний ярус)).

Fig. 22. Fragment of the handle of an amphora made by Chersonesos Taurica with a stamp from the period of systematic stamping, beginning of the 3rd century BCE (Excavation 2, Object 4, level 1 (upper tier)).

УДК 930:271
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00030

Alexandra Fishel, Michael Nosonovsky

THE STRUCTURE OF KARAITE GRAVESTONE INSCRIPTIONS FROM ÇUFUT-QAL'EH AND METHODOLOGY OF HEBREW EPIGRAPHY*

The study of Hebrew inscriptions from Çufut-Qal'eh is a central topic of Hebrew epigraphy in Russia. For a long time, the central controversial question was whether Jews or Karaites could live in the Crimean castle cities, such as Çufut-Qal'eh and Mangup, before the Tatar invasion of the 1230s. The almost two-century long study of the inscriptions included the analysis of chronological systems, naming patterns, lexical content, comparison with historical sources, archival data, statistical, topographical and architectural analysis, as well as many other approaches. Studying the structure of the inscriptions and viewing Hebrew epitaphs as a literary genre can provide additional insights on the attitudes towards life and death reflected in these inscriptions.

Key words: Hebrew inscriptions, Çufut-Qal'eh, Karaites, Crimea.

About the authors: Alexandra Fishel[1], Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences; Michael Nosonovsky[2], PhD, University of Wisconsin-Milwaukee.

Contact information: [1]191186, Russia, Saint Petersburg, 18 Dvortsovaya emb., Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences; e-mail: fishelshura@gmail.com; [2]53211, USA, Milwaukee, 3200 N Cramer St., University of Wisconsin-Milwaukee; e-mail: nosonovs@uwm.edu.

Александра Фишель, М.И. Носоновский

СТРУКТУРА КАРАИМСКИХ НАДГРОБНЫХ НАДПИСЕЙ ИЗ ЧУФУТ-КАЛЕ И МЕТОДОЛОГИИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

Изучение надписей на иврите из Чуфут-Кале стало одной из центральной тем еврейской эпиграфики в России в XIX и XX вв. Долгое время центральным спорным вопросом был вопрос о том, могли ли евреи или караимы жить в крымских городах-крепостях, таких как Чуфут-Кале и Мангуп до татарского завоевания 1230-х годов. Почти двухвековое изучение надписей включало анализ хронологических систем, ономастики, лексического содержания, сравнение с историческими источниками, архивными данными, статистический, топографический и архитектурный анализ памятников, а также многие другие подходы. Изучение структуры надписей и рассмотрение эпитафий на иврите как литературного жанра может дать дополнительную информацию об отношении к жизни и смерти, отраженном в этих надписях.

Ключевые слова: надписи на иврите, Чуфут-Кале, караимы, Крым.

Сведения об авторах: Александра Фишель[1], Институт восточных рукописей РАН; Носоновский Михаил Иосифович [2], PhD, Висконсинский Университет Милуоки.

Контактная информация: [1]191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18, Институт восточных рукописей РАН; e-mail: fishelshura@gmail.com; [2]53211, США, Милуоки, 3200 N Cramer St., Висконсинский Университет Милуоки; e-mail: nosonovs@uwm.edu.

---

* Статья поступила в номер 01 ноября 2020 г.
Принята к печати 22 ноября 2020 г.

© Alexandra Fishel, Michael Nosonovsky, 2020.

1. Introduction

The study of Karaite Hebrew inscriptions from the Crimea, particularly from the mountain castle city of Çufut-Qal‘eh ("Jewish Castle" in Turkic), was a central topic of Hebrew studies in Russia for more than 180 years[1]. The castle is located at the southeastern outskirts of Bakhchisaray on a plateau at an elevation of more than 500 m above sea level. The Karaite community emerged in the castle, which was then called Qirq-Yer, in the middle of the fourteenth century. A Jewish (likely, Karaite) community in Qirk-Yer was mentioned for the first time in 1459, in Khan Haci Geray's yarlığ. After moving the capital of the Crimean Khanate to nearby Bāhçesarāy (Bakhchisaray), Çufut-Qal‘eh was populated mostly by Karaites (Shapira 2003; Kizilov 2003), hence its new name. In the eighteenth century, the Karaite population constituted 1200 people (Pallas 1999); however, after the conquest of the Crimea by the Russian Empire in 1783, the inhabitants of the castle started to leave, and by the end of the nineteenth century the castle remained almost empty.

The old Karaite cemetery is located at the so-called Jehoshaphat Valley about 0.5 km south-east of Çufut-Qal‘eh. The cemetery has up to seven thousand gravestones, with about half of them bearing epitaphs, mostly in Hebrew. The oldest currently identifiable fragment of a tombstone dates back to 1364, while the most recent burials are from the mid-20th century.

The first systematic studies of the Çufut-Qal‘eh cemetery were conducted by A. Firkovicz starting in 1839. However, consequent criticism by A. Kunik, D. Chwolson, A. Harkavy, and G. Strack showed that the oldest inscriptions published by Firkovicz were not authentic. The argument, which quickly became a heated personal and somewhat ideological controversy, lasted for several decades and involved central figures in Jewish and Hebrew studies in Russia, such as Abraham Harkavy and David Chwolson (Nosonovsky et al. 2020). Harkavy, perhaps the most prominent expert on the matter, insisted that there is no indication of Jewish or Karaite presence in the castle cities of the Crimea until the Tatar invasion of the peninsula in the 1230s, while Chwolson attempted to defend his earlier opinion that inscriptions can be dated to at least the eighth century CE. The argument involved various aspects of the history of the region, which were tied to the aspirations of emerging national movements, both Jewish and Karaite/Karaim.

The matter had not been resolved until the 2000s, when a thorough and systematic study of the cemetery was conducted by a team led by A. Fedorchuk and D. Shapira with the participation of many prominent experts in Hebrew epigraphy producing a complete catalogue of the cemetery.

Besides their central role in the Hebrew studies in Russia during the 19th and 20th centuries, the studies of the Çufut-Qal‘eh inscriptions provided important material for both Hebrew epigraphy in general and for the study of Hebrew epitaphs as a genre (Nosonovsky 2008, Nosonovsky et al. 2020). Epigraphy is supposed to be an auxiliary discipline, which is meant to present the monuments to historians and philologists. However, it turns out to be very instructive to scrutinize how placing inscriptions in different contexts affects their interpretation, including such formal parameters as dating and authenticity. Moreover, viewing epitaphs in proper literary contexts allows better understanding of what is behind the inscriptions as a cultural phenomenon: what epitaphs tell us about cultural attitudes towards life and death and why the genre of the epitaph flourishes in certain environments. In this article, we will address three aspects of the Çufut-Qal‘eh inscriptions:

[1] Also spelled Chufut-Kale (Чуфут-Кале) now in the Bakhchisaray district of the Crimea. The East European Karaites (Karaim) including Crimean Karaites constitute a small Turkic ethnic group, whose language of religious activity was predominantly Hebrew until the 20th century. Karaites as a confessional group are related to the Jewish Karaite sect that separated from mainstream Judaism in the beginning of the eighth century CE in Baghdad. The first reliable mention of the Karaites in the Crimea was in 1278 when 'Aharon ben Yoseph ha-Rofe' reported about a dispute between the Karaites and Rabbinical Jews in Ṣulġāt (Nosonovsky et al. 2020).

methodological aspects related to their research in various cultural contexts, the structure of the epitaph, and the semantics of the inscriptions.

2. Approaches towards authenticity analysis of the inscriptions

The ancient necropolis of the Jehoshaphat Valley was studied since the 1830s. One of the earliest publications was the book by P. Keppen 1837[2], where he stated that "according to the Karaite Rabbi Mordecai Sultansky[3]," the inscriptions dated to 5009 (i.e., 1248/9 CE) and 5013 (1252/3 CE) were found at the Çufut-Qal'eh cemetery and a 5034 (1273/4 CE) inscription was presumably found in Mangup (Keppen 1837: 29).

The famous Karaite scholar and archaeologist Abraham Firkovicz (1787—1874) started his archeological studies in the Crimea in 1839 (Firkovicz 1872; Yakerson, 2008). Firkovicz claimed that the oldest discovered gravestone was dated to 640 CE, moreover, he claimed that he found an epitaph of a legendary figure, Yitzhak Sangari, who according to a legend, converted a Khazar Kagan to Judaism in the eighth century (Shapira 2003). These claims were met with skepticism by many scholars. In 1841, a Prague Rabbi Solomon Rapoport (1790—1867) suggested that the Sangari inscription was likely a forgery (Rapoport 1841). According to Firkovicz, the date of this inscription was encoded by a chronogram, so that the sum of the numerical values of all letters in the name "Yitzhak Sangari" marked the year 4531 from the Creation of the world, which corresponds to 770/1 CE. Rapoport noted that the era "from the Creation" was uncommon in the early Middle Ages, when most Jewish communities used the Seleucids Era or local eras, furthermore, the very use of chronograms was uncommon at that time.

Following this argument, the Odessa Historical Society sent a director of the Odessa Jewish school, Betzalel Stern (1798—1853), to the Crimea in 1842 in order to check the authenticity of Firkovicz's materials. Stern "confirmed" the authenticity of Firkovicz's findings and, in addition, claimed that he himself discovered six additional inscriptions dated 598—1509 CE, as well as a gravestone of Yitzhak Sangari's wife. Firkovicz continued his field studies in Çufut-Qal'eh and Mangup through the 1840s and 1850s[4], although the war in Crimea interrupted them. After the end of the Crimean War in 1856, Firkovicz offered to sell his collection to the Imperial Public Library in St. Petersburg. In 1862, the library acquired about 1500 manuscripts, 754 copies (prints) of tombstones and 10 cut tombstones from the Jehoshaphat Valley (Yakerson 2008: 30—37).

The tombstone cuts were on display at the Asian Museum in St. Petersburg and they caused a new outbreak of controversy. The Turkologist A. Kunik (1814—1899) expressed doubts about the authenticity of the presented epigraphic materials noting that the Turkic name Tokhtamysh in one of the epitaphs could not have appeared in the Crimea at such an early time as the seventh century CE. Thus, Kunik raised onomastic arguments for the authenticity of the epigraphic material, which was uncommon in the nineteenth century Hebrew studies (Kunik 1864; 1876). In addition, Kunik brought paleographic arguments when he claimed that two lines of the allegedly 625 CE inscriptions were carved by a different instrument than the rest of the text.

In 1864—1865, a Frankfurt Rabbi Abraham Geiger (1810—1874) continued the polemic against the early dating of tombstones. He noted that the language of the inscriptions was "too elaborated" (Geiger 1864) As Geiger turned to the analysis of the style of the epitaphs, he paid

[2] Keppen lived and worked in the Crimea since 1827. In 1833, he secured funding and published a vast study of this material (the book was approved by the Russian Empire censorship already in October 1836 (Keppen 1837).

[3] Mordecai Sultansky (1785—1878) is a Karaite scholar, born in Łuck, who was a teacher of A. Firkovicz (Akhiezer 2011).

[4] Thus, in 1847 he divided the cemetery into sections (the stone poles marking the sections are still found at the cemetery) and copied 703 inscriptions (which by his estimates constituted about 1/10 of all stones), OR RNB. F. 946. Op. 1. No. 32. L. 6.

attention to the abundance of biblical quotes and elaborated poetic formulas in the tombstone inscriptions (Geiger 1864; Neubauer 1864) . While these elements are often common in medieval Jewish literature, in the Talmudic era, memorial blessing formulas were generally very simple. Geiger referred to the classical work by Leopold Zunz (Zunz 1845) on the blessing formulas in Hebrew epitaphs.

Soon after that Daniel Chwolson published his habilitation dissertation "Eighteen Jewish gravestone inscriptions from the Crimea" (Chwolson 1865), which was based heavily on Firkovicz's findings. Chwolson was trying to refute the arguments of Kunik, Rapoport, and Geiger by bringing various arguments. For example, he stated that the complexity of the chronology used by Firkovicz testifies to the authenticity of the inscriptions: "Forgers who are trying to make their monuments appear as old as possible use accurate and clear chronology" (Chwolson 1865: 8). He further "refuted" Kunik's arguments by attempting to give a paleographic analysis of inscriptions (Chwolson 1865: 27) and similarly he "refuted" Rapoport by citing evidence in favor of the authenticity of Yitzhak Sangari's epitaph (Chwolson 1865: 55—65), and Geiger's arguments by claiming that when Zunz's monograph was published, the early use of the blessing formulas was not known.

Unfortunately, Chwolson's arguments of that period were often weak, and his opinions have not been confirmed by consequent discoveries. Thus, neither the chronological systems suggested by Firkovicz nor the early use of blessing formulas have been confirmed by any new findings, and, of course, Sangari remained a mythological figure. However, Chwolson put his scientific reputation at stake, which made the academic debate about the authenticity of the inscriptions much more heated and personal than one could expect.

Firkovicz's monograph on the Çufut-Qal‘eh inscriptions called *’Ab̲ne Zikkaron* ("Memorial Stones") was published in 1872. This was the first systematic study of the cemetery. Firkovicz claimed that in addition to the standard era from the Creation, Karaites in Çufut-Qal‘eh used two other chronological systems: the era from the Expulsion of Samaria and a local Creation Era different from the standard one by 151 years. These bizarre statements have not been confirmed by any consequent investigations.

In 1874, after Firkovicz's death, Hebraists Harkavy and Strack were sent to Çufut-Qal‘eh to evaluate the second collection of Firkovicz. Strack's article appeared in 1876 and argued with Chwolson's dissertation. Strack highlighted the main methods used to forge the dates:

"(1) changing д to г (makes it 1000 years older) (2) change д to ъ (600 years older) (3) change ш to ч (older by 100 years)" (Strack 1876: 4).

In addition, Firkovich made many gravestones appear older by 151 years using the supposed Crimean Era. Strack used the inventory method, paying attention to the monuments No. 2 and No. 3 which, in his opinion, were completely invented. There was no original stone either in St. Petersburg or in Çufut-Qal‘eh, there was no print on paper, and, finally, there was no text in the manuscript (Strack 1876: 8). Strack was also the first who analyzed the architectural form of the monuments to identify forgeries. He noted that "niches, on the cutting of which the forger didn't spend any efforts, are substantial proof that at least most of the text contained in them is genuine; and, conversely, the absence of such depressions should increase our suspicions." Therefore, Strack brought a new argument regarding the forgery of the Yitzhak Sangari stone: the absence of a niche.

Following the article by Strack, an article by Harkavy appeared (Harkavy 1877). The article compared the findings of Firkovicz with historical realities, revealing a lot of inconsistencies, which made findings unreliable. Almost at the same time, Harkavy published an extensive and detailed book in German, where he analyzes both historical context of the inscriptions and their vocabulary and styles and scripts (Harkavy 1876). While having much more limited resources than Chwolson and less fieldwork experience, Harkavy was brilliantly well versed in Hebrew literary sources

making conclusive arguments that Jewish or Karaite communities could not exist in medieval pre-Tatar mountain Crimea, i.e., before the 1230s.

Chwolson, whose academic reputation was questioned, organized two expeditions to Crimea. In 1882 he published a monograph in German (a revised Russian translation appeared in 1884), in which he, while being defensive, attacked Harkavy. Chwolson (1882; 1884) admitted mistakes in his previous work, but claimed that these were unavoidable since there was virtually no comparative paleographic material. In addition to paleographic arguments, he also used anothe new argument: checking the authenticity of the dating of the epitaph through the correspondence of the day of the week and the day of the month to the Jewish calendar.

This approach was later actively used by Kokizov, who analyzed 44 gravestone inscriptions, which had an indication of the date and day of the week, and in all cases, except three, found a complete coincidence with the dates indicated by A. Firkovicz (Kokizov 1910).

Chwolson admitted that many of the inscriptions were forgeries, but he insisted that the oldest inscriptions still belonged to the 7th century CE. Chwolson's arguments were weak in many cases, but the question was quite complicated. Chwolson considered the newly discovered inscriptions (unknown at the time of publication of Harkavy's book) from other places such as Feodosia, Kerch, Partenit (on the southern coast of Crimea), claiming that those belonged to the pre-Tatar period, as well as from places outside the Crimea, such as Mtskheta in Georgia, Italy and others. While Harkavy used a wide range of Hebrew, European, and Oriental historical sources, Chwolson tried to build his arguments using paleographic data, attempting (for the first time in Hebraic studies) to create a system of dating Jewish monuments based on the type of the script, which would support his opinion.

Interestingly, the Chwolson-Harkavy argument has never been conclusively resolved by the scholarly community. Harkavy never responded to Chwolson's criticism and never returned to this topic in the next 40 years of his life (he died in 1919). Various Russian publications on the history of the Jews, which appeared at the end of the 19th century or in the early 20th century, often relied on the dates supplied by Chwolson's book, being unaware about Harkavy's criticism. The inscriptions published by Chwolson from Çufut-Qal‘eh, Partenit, and Feodosia were reprinted in many publications[5].

After the Russian revolution in 1917, the topic had not been investigated thoroughly until the very end of the 20th century. In the 1950s — 1960s, a Karaim historian David Gumush conducted some studies at the cemetery, and, in particular, he translated Firkovicz's *'Ab̲ne Zikkaron* into Russian (although the translation has not been published) (Dashkevich 1999: 165).

Some field studies were conducted by M. Elizarova in 1977/78 and by E. Meshcherskaya and A. Khosroev in 1983. M. Choref evaluated presumably the oldest monuments without inscriptions,

[5] These editions include *Regests and Inscriptions* and the Russian *Jewish Encyclopedia*. Both editions report about an inscription from 909 from Feodosia. The same is reported by the English-language *Jewish Encyclopedia* and the modern *Encyclopedia Judaica* (including the second, revised edition of 2007). The latter, in addition to Chwolson and *Regests and Inscriptions* refers to the book of the rabbi from Feodosia I. Farfel *The Old Synagogue in Feodosia* (1912). Interestingly, Farfel says that he sent the manuscript of his book to Harkavy, who was unable to answer, but said that he "approved" the book (Farfel 1912; 1917). In the journal *Evrejskaya Starina* ("Jewish Antiquities"), a discussion of Crimean Jewish monuments took place in 1910—1914. It happened as if Harkavy's work did not exist. Even Dubnov carefully wrote that only the inscriptions from Çufut-Qal‘eh, "which belong to the Tatar period *and partly to the two preceding centuries*", could be considered reliable (thus he did not rule out the possibility of pre-Tatar inscriptions) (Dubnov 1914: 20). Moreover, at the beginning of the twentieth century, Jewish graffiti was found in Tepe-Kermen (a couple of kilometers from Çufut-Qal‘eh), and a discussion erupted on whether it could be from the 1st century CE, as Hebraist David Maggid believed (Maggid 1914), or in the 7th — 9th centuries, as another leading Hebraist, Kokovtsov believed (Gidalevich 1914). An outside observer could get the impression that the dispute between Chwolson and Harkavy was successfully resolved in favor of Chwolson. Moreover, no protests from Harkavy himself followed (in his article about Çufut-Qal‘eh in the Russian *Jewish Encyclopedia*, he did not change his opinion even 40 years later). For more detailed discussion of all these circumstances see (Nosonovsky et al. 2020).

dated the ornament to the thirteenth century, referring it to the early Tatar period. Unfortunately, the materials of this expedition were not published, and the fieldwork at the cemetery did not last for a long time. Photographer I. Lipunov prepared an album of ornaments and forms, which was published in 2017 with comments by M.B. Kizilov (Lipunov, Kizilov 2017). This album is interesting from various points of view, in particular, it is the first attempt to analyze the semantics of patterns.

Georgian epigraphist Nissan Babalikashvili conducted field studies in Çufut-Qal‘eh in 1984. His materials were published posthumously (Babalikashvili 1987). Babalikashvili claimed that he found several epitaphs not published by Firkovicz or Chwolson, dated to the tenth and eleventh centuries. However, later research revealed that these epitaphs are also forgeries.

Natalya Kashovskaya studied the Çufut-Qal‘eh and Mangup cemeteries since the early 1980s. The statistical method proposed by Kashovskaya (1995) consisted in the correlating of epitaphs from the *ʼAvne Zikkaron* by their date and location, which gave an idea of how many graves of a particular period were found at a particular section of the cemetery. It became obvious that the topographic picture was not taken into account by the author of *ʼAvne Zikkaron*, as the presumed monuments “of the ninth — twelfth centuries” were scattered throughout the burial ground rather than concentrated in certain sectors. Kashovskaya also applied a number of other methods in Çufut-Qal‘eh such as the analysis of architectural forms of tombstones, begun by Khosroev and Meshcherskaya. She prepared a typological classification table of ornaments and architectural forms of tombstones. In addition, she returned to the practice of copying tombstones on paper by the method of printing.

In the 1990s, Artyom Fedorchuk joined the research of the necropolis. His first major finding was the discovery of drafts of the book *ʼAvne Zikkaron* from the late 1840s in Firkovicz's personal archive. By comparing the drafts with the published book, and later with the monuments in the cemetery, Fedorchuk (2006; 2008) was able to trace the forging of the inscriptions. In particular, the drafts have preserved many altered epitaphs that were not included in the final version of Firkovicz’s book; however, they were discovered at different times by Chwolson, Babalikashvili, and Kashovskaya (1995).

Since 1997, Fedorchuk has led more than ten epigraphic expeditions to Çufut-Qal‘eh in which several major Israeli Hebraists participated including Dan Shapira, Michael Ezer, Golda. Akhiezer and Shlomo Kolyakov. A complete topographic map of the necropolis was prepared in 2002—2004 by Ivan Yurchenko, who by that time had already published a catalog of the Karaite cemetery in Galich (Yurchenko 2000). A collective monograph on the monuments of the Karaite cemetery of Çufut-Qal‘eh was published in 2008 (Shapira 2008).

Specific methods for documenting a huge necropolis were developed during these expeditions ranging from marking gravestones to methods of photographing poorly extant inscriptions; however, a detailed description of these methods is beyond the scope of our review. In 2007, an electronic catalog was created allowing statistical analysis of the epitaphs and also opening the way for other studies, which had been extremely difficult until then, such as the studies of the genealogy and family ties of the Çufut-Qal‘eh community, and analysis of epitaphs as a literature genre. Each of about 3500 monuments with epitaphs was plotted on an interactive map of the necropolis, which makes it possible to take into account the topographic position of the stone. The creation of a modern, complete electronic catalog made one more research method evident, namely the comparison of two cemetery catalogs created 150 years apart, which is in line with the Digital Humanities trends in Hebrew Epigraphy (Saar 2016).

The results of the expedition are published in the form of two selected catalogs (Shapira 2008; Fedorchuk, Shapira 2011). The epitaphs were arranged and presented following roughly the same order as in *ʼAvne Zikkaron* comparing the actual inscriptions at the cemetery with the epitaphs in the book. The comparison showed that more than 150 tombstones mentioned in the book are missing

from the cemetery; most likely, they were lost during the twentieth century. The oldest currently extant inscription dates to 1364 CE.

Thus we see that during the almost two centuries of research of the Çufut-Qal‘eh inscriptions, besides “internal” epigraph approaches (i.e., deciphering and presentation of the inscriptions), various methods which placed the text in various historical and literary contexts have been used. The methods included, at first, the study of chronograms and chronological systems, onomastics, lexical analysis, comparison with historical sources, and later extended to systematic cataloguing of the inscriptions, comparison with archive data, statistical, topographical and architectural analysis of the monuments, as summarized in Fig. 1.

		1841 Rapaport	1862 Kunik	1865 Geiger	1866 Chwolson	1872 Firkowitz	1876 Strack	1877 Harkavy	1882 Chwolson	1960-80 Gumush	1980s Khosroev, Mesherskayaя	1990s Kashovskaya	1998-2000 Fedorchuk
1840-1917	Chronograms and dating analysis												
	Chronology and Eras												
	Historical context and place names												
	Paleography												
	Lexical analysis												
	Selected cataloguing												
	Comparing Firkowitz's and Chwolson' publications with existing monuments												
	Analysis of monuments shape and morphology												
	Comparing day of the week with the calendar												
1950-80	Translation of *'Avne Zikkaron*												
	Paleographic analysis												
Modern researchers	Statistical analysis												
	Genealogy												
	Complete cataloguing of the necropolis												
	Critical study of Firkowitz's archive												

Fig. 1. Table summarizing various methods of critical analysis of the gravestones.

3. Structure of the inscriptions

Analysis of the inscriptions structure is a valuable tool to investigate Hebrew epitaphs from various places including Eastern Europe. Structural elements of an epitaph are related to its function. The epitaph commemorates the deceased, places him or her into a certain formal “frame of reference” (including name, date, and place), lists their virtues and allows some connection between the deceased and the survivors. The epitaphs of Çufut-Qal‘eh, like most Hebrew epitaphs worldwide, consist of four parts: an opening formula, information regarding the deceased (name, characteristics, circumstances of death, etc.), date, and the closing formula. In this section we will discuss those parts based on the Çufut-Qal‘eh inscriptions dated 1364—1650.

3.1. The opening formula

The opening formula such as “here lies” or “this is the gravestone” is present in many Hebrew epitaphs. At first glance, it seems like the formula conveys no other message except for indicating

to the reader that what he sees is a tombstone. For example, most Eastern European Hebrew epitaphs have the opening phrase. Here lies (**פה נקבר\נטמן** "is buried/covered here"), which can be found since the late seventeenth century[6]. It was later abbreviated to **פנ**, and finally became an element of carved decorations.

The formula "Here lies" in not common in Çufut-Qal'eh. Instead, variations of several Biblical verses are used for the introductory formula. In Çufut-Qal'eh, the most common variants of the opening phrases are as follows: **מצבת קבורת** ("a tombstone on the grave"[7]); **הציון הלז** ("this [memorial] sign"[8]); **האבן אשר שם מראשתו** ("the stone that he had put for his pillows"[9]).

Interestingly, these three quotations were the ones mentioned by Zunz as Biblical verses related to gravestones and hence are used in the epitaphs (Zunz 1845: 360—367). Most often we find variants or paraphrases, such as: **זה האבן** ("the stone"), **זאת המצבה** ("this tombstone"), **הציון הזה** ("this sign"). Beside simple formulas, composite ones are also used, demonstrating an attempt to combine several Biblical events. For example, the phrase **זאת המצבה אשר שמתי על** ("the stela, which I had put here…") consists of the fragments of two Biblical verses, Genesis 35:20 and Genesis 28:18. The same applies to the following phrases: **וזה האבן על קבורת** ("and this is the stone on the grave") **זה אבן הזאת אשר שמתי מצבה על קבר** ("This is the same stone which I had put on the grave").

Another type is formed by adding author's words to the quotations. For example, **הציון הזה *לסימן היה* על קבר** ("this sign *will be a mark* on the grave"); as we can notice, there is an author's remark between the fragments. Here is another example of an author's insertion:

***אני* האבן הנצבת *לאות ולסימן* על קבר** ("*I am* the stone, put *as a symbol and mark* on the grave"), where the author also modified the Biblical verse.

Despite the diversity of introductory formulas in Çufut-Qal'eh epitaphs, both simple and composite ones in the period under review were formed on the basis of the above-mentioned three-four verses.

There is an interesting epitaph of a person, whose "childhood was spent in Constantinople, and the death occurred in Çufut-Qal'eh": **אבן שלמה זו מחוצבת להיות מצויינת קבורתו** ("This stone made ready is carved to sign his grave"[10]) referencing to 1 Kings 6:7. The same formula is repeated, although not precisely, in his sister's epitaph: **אבן שלמה זאת מצוינת להיות מסומנת קבורת** ("This stone made ready is a sign which marks the grave").

3.2. Information about the deceased

This is the most informative part of the epitaph, which may include the name, patronymic, family status of the deceased, as well as circumstances of death, expression of sorrow, and listing various virtues of the dead. We shall not provide a detailed description of the structure; only the four most informative units have been considered for this research: names, toponyms, epithets, and circumstances of death with expressions of sorrow.

3.2.1. Names. Women's tombstones of the period contain more Turkic names than Jewish (Biblical)[11] ones (Nosonovsky 2007), for example, the first name from the earliest headstone from 1364 is **מנוש** ("Manevish\Manush"). Other female names **ביכצה** ("Bickeche")[12], **סולטן** ("Sultan"),

---

[6] For the oldest epitaphs from East Europe see (Fishel, Nosonovsky 2017: 74) and (Nosonovsky 1999).
[7] Genesis 35:20.
[8] 2 Kings 23:.17
[9] Genesis 28:18.
[10] 1 Kings 6:7.
[11] Names borrowings from the "neighbors" is common in various communities worldwide, it results from the absence of ritual role of a woman, and thus, the absence of female names in liturgy (e.g. women, unlike men, were not called to read the Torah).
[12] From Turkic "a little lady" or "a pleasant lady".

ממוק (“Mamuk”), **עלטנקז** (“Altynkyz”)[13]. Beside Turkic names, a name of Greek origin was found, **פורוסוני (“**Furusuny”[14]) and an unusual name (origin is unclear) **כלי** (“Keli” or “Kali”). There is also a Persian name **ערזו** (“Arzu”)[15].

Male Biblical names, such as **משה** (“Moshe”), **יוסף** (“Yosef”), **שלמו** (“Shlomo”), comprise a vast majority. Names of non-Jewish origin — like **שחו** (“Shehu”)[16] or **סלימן (“**Suleyman”) — are quite rare. Noteworthy is the usage of male Turkic nicknames, such as **כוטש**(“Kutash”), **פשה** (“Pasha”),**בבה שך** (“Baba Shakh”), **מוסבה** (“Musba”); yet classical indications of belonging to the high priests family line **כהן** (“Kohen”) or **לוי** (“Levite”) remained:**יצחק כהן בן יוסף בבא כהן** **(“**Yitzhak Kohen son of Yosef Baba Kohen”). Fig. 2 shows gravestones of two sisters, Tokhter and Sarah, daughters of Moshe ha-Levy, who died on the same day, Sunday, 3rd of Elul of 5367 (26 August 1607 CE). Only one monument was modified by Firkowitz and appears with modification in *’Avne Zikkaron* No. 89 erroneously dated there by 898 CE. An analysis of unusual names in epitaphs can tell a lot about emergence of the Çufut-Qal‘eh community, its cultural continuity and changes in the composition throughout the ages; though the aspect is beyond the scope of this study.

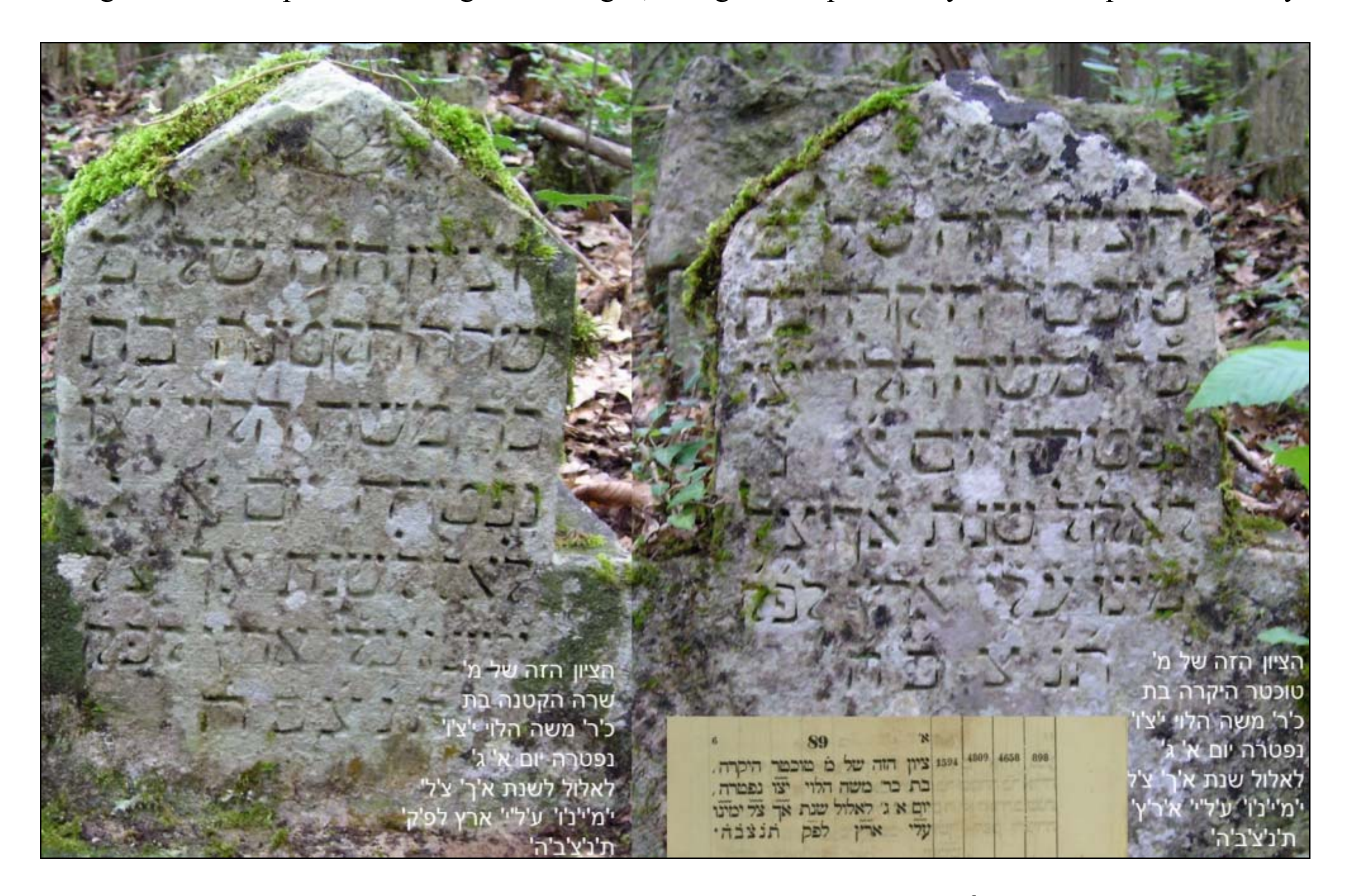

Fig. 2. Tokhter and Sarah, daughters of Moshe ha-Levy who died on the 3rd of Elul of 5367 (26 August 1607 CE). One monument appears with modification in *’Avne Zikkaron*.

3.2.2. Toponymics. Below are examples of usage of place names, which define the circle of intercommunity relations. Between the late fifteenth century and seventeeth century, the natives of the following cities were mentioned: Yosef son of Shemuel **ממדינת לוצכה** (“from the city of Łuck”

[13] From Turkic «red gold» or «a golden girl».
[14] The Russian known variant of this name is Yefrosiniia.
[15] Persian origin: «a desired one».
[16] Etymology of the name Shehu is unclear. No corresponding name can be found in Turkic languages; D. Chwolson suggested that it is to be derived from the Jewish root **שחה** («to swim») (Chwolson 1865: 183).

approximately[17], in 1485); Khana, the daughter of Yakov **מגרושי מנכרמן** ("of the exiles from Mankerman" 1509[18]); in 1599, Shemuel Shats[19], the son of Daniel **הבא מק'ק' טרוק** ("who came from the holy community[20] of Troky"[21], 1599); Mordechai, the son of Eliyahu **מקהל מנגופ** "from Mangup community, who had been beaten and wounded by the oppressors, them having intervened **לעיר כוזלוב** ("in the town Kozlov"[22]), came here[23] for treatment and died in the year 1607"; Yosef son of Eliyahu **מעיר קירים** ("from the town Kirim"[24], 1607) ; Yehuda, the son of Yosef: **היתה ילידתו בקוסדנטין עתה בעיר קלעא פטירתו** ("his childhood was spent in Kusdantin[25], now in the town of Qal‘eh[26] came his death", 1640).

Such a broad geography may indicate the importance of the Çufut-Qal‘eh community and its diverse contacts and migration trails.

3.2.3. Epithets and virtues. This part of the epitaph may be the most extensive, and may include multiple credits, poems and quotations, while it may also name only one quality of the deceased, or be absent completely. Typical male epithets, such as: **נער** ("young"), **יקר** ("dear"), **זקן** ("respected"), **נכבד** ("esteemed"), **נדיב** ("generous"), **חשוב** ("important"), **נאמן** ("devoted"), **משכיל** ("enlightened") often neighbor with the epithet, characteristic of Çufut-Qal‘eh necropolis, first used in 1652 — **ירושלמי** ("Yerushalmi"[27]). The epithet **משכיל** ("enlightened"), although the latter is not unique for this necropolis. The female tombstones bear the following characteristics: **יפהפיה** ("beautiful"), **פוריה** ("teeming"), **בתולה נערה** ("young virgin"[28]), **ברה מפנינים** ("brightest of the pearls") etc.; these epithets can be found on other Jewish cemeteries as well. Noteworthy is the usage of the phrase **ילד שעשועים** ("pleasant naughty child "[29]), which I have not met in children's epitaphs of other regions.

For the description of good qualities of the deceased, various Biblical verses were often used, as well as the metaphors developed by the authors of the inscriptions. Here are some of them:

כחבצלת השרון to the charming boy ("like a lily of the valley"[30]);
יונתי מ'[31] ***חנה ברה כלבנה*** (to "my dove" [32] Chana, "fair as the moon"[33]);
המשכיל והיקר מזהב וכסף ("enlightened and more dear than gold and silver");
איש חיל רב פעלים ("valiant man who had done many acts"[34]) ;
היקר בן בחורים שעזב כל הבנים ואת אשת נעורים ("dearest of the men, he who left all his sons and the beloved woman");

---

[17] The date on the tombstone is hardly legible, so the dating is based on the adjacent stone, with the similar shape of letters, it probably belonging to his wife. This is one of the earliest evidences of Karaites presence in Lutsk.

[18] Turkic name of Kiev. During the exile of Jews from Lithuania, to which Mankerman belonged (year 1495), there took place the cases of Jews' resettlement to the Crimea.

[19] **ש'ץ' - שליח ציבור** ("Agent of the community") — the one who leads a prayer. Here it can be used as a by-name.

[20] **ק' ק'** abbreviation comes from **קהלה קדושה** («a holy community»).

[21] Trok, Troky, also Trakaj — a city in Lithuania, which used to have a large Karaite community in the Middle Ages.

22 Gözleve, Kozlov, Giozliov — Turkic name of modern Yevpatoria.

23 In Çufut-Qal‘eh.

24 Modern town Staryi Krym and its surroundings. Kirim (from Turkic — embankment, wall, ditch) — a town in eastern Crimea, also was called Solkhat (Ṣulġāt), Eski-Kyrym, Levkopol'.

25 Constantinople, modern Istanbul.

26 Çufut-Qal‘eh.

27 A person, who has made a pilgrimage to the Holy Land.

28 Esther 2:3.

[29] Jeremiah 31:20.

[30] Song of Solomon 2:1.

[31] The abbreviation of the word **מרת** ("mistress") is used as a polite reference to a woman before a name.

[32] Song of Solomon 6:9.

[33] Song of Solomon 6:10.

[34] 2 Samuel 23:20.

על איש יפה תואר פרי צדיק פרח כמו תמר בקומתו (“goodly man”[35], “fruit of the righteous”[36], “flourishing like a palm tree in bloom”[37]).

In the last example, we see how the fragments of various poems and the author's retelling are combined together in a talented way, which confirms the assumption about the high educational level of the Çufut-Qal‘eh community members.

3.2.4. Circumstances of death and expressions of sorrow. This part of the epitaph, being the most dramatic and emotional, is often very informative. Here you can learn about epidemics, wars, pogroms and other misfortunes, which the community faced. This information should be taken into account in statistical and demographic studies of the Çufut-Qal‘eh fortress in one or another historical period. In addition, this section can demonstrate the literary talent of the epitaph's author. Below there are pointed out several excerpts, being most interesting for both historical and literary research.

We shall start from the list of sad events.

נרצח בשברון על ידי קצף וחרון (“murdered and crippled by fury and anger”);
שעזבה אלוף נעוריה בבכיה כל פריה ורביה (“she who bereaved her friend of young years, and caused lamentation of the nearest and dearest”);
בן יחיד היה לאמו ושכלה (“he was the only son of his mother, and she was deprived of him”);
עשתה אמה שכולה עלובה עצובה (“brought sorrow to her bereaved mother and left her childless”);
הציון הזה \ של היקר שלמה לוי\ מהבחורים בן יחיד נשאר\ לאהרן לוי ז'ל' מהנפטרים\ גז בפגעי הזמן מן\ המקרים ביום ו' נחנק\ בים כוזלוב במי' מרים\ והובא פה ונקבר בקבר\ אביו ואחיו היקרים יום ב'\ י'ח' לסיון הניח לאמו מס-\ פד תמרורים
(“This monument \ to the dear Shelomo Levi; \ who remained the only son of all boys \ of ’Aharon Levi, of blessed memory,38 who died, \ and he vanished in the miseries of time because \ of an accident. On Friday he drowned \ in the sea of Kozlov, in the bitter waters; \ and he was brought here, and buried in the grave \ of his father and his dear brothers. On Monday \ the 18th of Sivan he rested, leaving his mother\ with the grief and sorrow”);
ונפטר על פי הגוזר במגפת הדבר
(“and died in accordance with the verdict during the epidemic of plague”). Interestingly, this is the only tombstone dating back to year 1626.
Below is an example of the expression of mourning in a poetic form with a single through rhyme, an author's composition:
מרי ושמן מור במר נפשי: תבכה בדבר פי לעם אפרים:
על אב לבב יכאב והיה ילאב: מיום אשר נסתם באר המים:
יום נאסף אז נאסף שמחה: וגיל וגולת פז טהור עינים:
(“bitter as myrrh oil is my soul's sorrow; \ the nation of Ephraim will lament over my words; \ the heart will ache for my father \ since the day when the well was drained \
on his death day the joy also perished,\ and happiness, and the stream of sheer gold (pouring) from the eyes”).
Below is an example of a poetic epitaph, with a single rhyme. It includes the standard abbreviations framing the name: polite address and good wishes to the deceased.
וזאת המצבה אשר הוצבה\על ראש בעל חכמה ושיבה\זקן ונשוא פנים וראש ישיבה\המרביץ תורה בדורו ברוח נדיבה\המעמיד תלמידי' רבי' בנפש רחבה\הוא כ'ה'ר' יעקב חזן נפשו ת' בטובה\ב'כ'ר' משה הנכבד ת'נ'צ'ב'ה'\נאסף אל\עמיו בנשיקה ואהבה\יום ד' על פי [הגוזר] לאנוש צבא\בר"ח זיו אלהים שוכן ערבה\שנת

---

[35] Genesis 39:6.
[36] Proverbs 11:30.
[37] Paraphrase of Psalms 92:12.
[38] The **ז'ל'** abbreviation means **זכרנו לברכה** («of blessed memory») cf. Proverbs 10:7, and is normally used after the patronymic of the deceased, to indicate that his father had died as well.

'השעב ליצירת שמי' והרבה\ש'ב'ע' ר'צ'ו'ן' לפ'ק' הלך למנוחה ושובה\אלהי ישראל ילינהו במלונה תשובה\ככתו' והמשכילי' י'ז'כ'ה'ו'ה'כ' לעו' ועד\לעתיד הבא

(“And here is the stone, set\ as pillow of the wise and gray-haired man \ honored and prominent, head of the yeshiva \ who generously taught the Torah to his generation; \ he set many students on their legs, with big heart; \ he is an honorable person[39] named Ya‘qov Khazan[40], may his soul dwell at ease[41]; \ he is the son of an honorable person, highly considered Moshe, may his soul be bound in the bundle of life. \ Was gathered unto his people[42] in favour and love \ on Wednesday, in compliance with the order of the [Sabaoth] army, \ on the first day of the month of Ziv[43] of the Most High aloft; \ year 5372 (1612) upon creation of the heaven and many other, \ satisfied with favour[44] through minor count[45]. Rested in peace and returned to Him, \ God of Israel let him send to Kingdom of repentance, \ as written: "the wise shall shine as the brightness of the firmament; and they that turn many to righteousness as the stars for ever and ever”[46] \ for the future to come”).

3.3. Date of death

Date is present in almost every epitaph and therefore it is a very important element of the inscription. The practical value of indicating the date of death is that future generations should have the opportunity to pray for the deceased on the day of his death. As a rule, the date is recorded on the tombstone in full, and includes the day of the week, the date of the month and the year of death. However, sometimes partially recorded dates occur, when there is no day of the week, or the tombstone bears only the year. All numbers are written by means of Hebrew alphabet letters, and the years are written by the chronology of **ליצירה** (“since the creation of the world”). The date is preceded by the word **נפטר** (“died”) or an idiom to replace it, for example: **נאסף אל עמיו** (“was gathered unto his people”), **היתה פטירתו** (“passed away”). Here is an example of how an ordinary date is written: **נפטרה יום ג' י'א' טבת שנת ה'ש'ז' ליצירה** (“died on Tuesday the 11th of Tevet of the year 5307 [=14 December 1546 CE] since the creation”). This method of dating is used for most of the Çufut-Qal‘eh necropolis epitaphs, as well as in most Jewish communities around the world to this day.

Chronograms use Biblical verses or other phrases with some letters emphasized so that the combined numerical values of these letters forms the year. First let us consider simple chronograms, consisting of one or two words. They can be of two kinds. The first is formed by changing the standard sequence of letters in the year designation. For example, the letters **ה'ר'צ'** do not bear any semantical meaning, and instead you can write **צ'ר'ה'** (“misfortune”), while the sum of the numeric values of the letters remains the same — in this case, it corresponds to the year 5295 (1534/5 CE). Another option is to find a word, the numerical value of which corresponds to the date needed — **ש'ו'ב'ה** (“come back”).

A more complex type of chronogram employ Biblical verses to encode the year. The difficulty in deciphering such chronograms is that for calculation it is necessary to add either all the letters of the quotation, or, in some cases, the letters selected in some way, or only the first word, or,

---

[39] The abbreviation **כ'ה'ר** 'stands for **כבוד הרב רבי** (“a respected person") and is used before the masculine name, as a formula of politeness.

[40] **חזן** («the one who leads the prayer»).

[41] Psalms 25:13.

[42] Genesis 49:29.

[43] *Ziv* is a poetic Biblical name of the month *Yiyyar*.

[44] Deuteronomy 33:23.

[45] The abbreviation **ל'פ'ק'** means **לפרת קטן** (“by the Minor Era”, i.e., without indicating the millennium).

[46] Daniel 12:3.

conversely, only the last one. For example, in this case only the first word must be calculated[47]: י'ק'ר'ה היא מפנינים ("more precious is she [the wisdom] than rubies"[48]).

Usage of a chronogram brings out an enhanced emotional content, for example:

a) informs about the virtues of the deceased:

ט'ו'ב' ש'ם' מ'ש'מ'ן ט'ו'ב' ("A good name is better than a precious ointment"[49]);

b) tells about the hope for the Messiah to come, and thus, for the dead to return to life, and become closer to God:

- 'ר'ו'ח' ה ל'ב'ש'ה' ("the Spirit of the LORD came upon"[50]); הוא ש'א'ו'ל' לה' ("he was lent to the LORD"51);
- מקימי מ'ע'פ'ר' ("raises up out of the dust"[52];
- ה'ק'י'צ'ו' ו'ר'נ'נ'ו' ש'ו'כ'נ'י' ע'פ'ר' ("awake and sing, ye that dwell in dust "[53]);
- ה'ו'ש'י'ע'ה' נא ("save now"[54]) ב'ש'א'ו'ל מ'י' י'ו'ד'ה ל'ך' ("in the grave who shall give thee thanks"[55]). Fig. 3 shows the gravestone of Shehu son of Barukh Levy 17th Elul 5389 (5th September 1629 CE) with the chronogram based on Ps. 6:5 (No. 55 in '*Avne Zikkaron* erroneously dated there by 704 CE). Comparing with nearby gravestones of Shehu's children allows establishing the date[56].

Fig. 3. Shehu son of Barukh Levy 16th Elul 5389 (1629).

c) equates the deceased to a Biblical character or reminds of a suitable story from the Bible:

- כי גוע אהרן ("and mourned for Aaron"[57]) — on the grave of Aaron, son of Shmuel;
- גם האיש מ'ש'ה' ג'ד'ו'ל' מאד ("Moreover the man Moses was very great"[58]) — on the grave of Moshe, son of Eliyahu;
- ו'י'א'ה'ב' ש'ל'מ'ה' א'ת' ה' ("And Solomon loved the LORD"[59]) — on the grave of Shlomo, son of Shmuel;

[47] Here and below, the letters in the words necessary for counting the date have been underlined.
[48] Proverbs 3:15.
[49] Ecclesiastes 7:1.
[50] Judges 6:34.
[51] 1 Samuel 1:28.
[52] Psalms 113:7.
[53] Isaiah 26:19.
[54] Psalms 118:25.
[55]Psalms 6:5.
[56] Erroneously dated earlier by 1579 CE (Fedorchuk and Shapira 2011:37).
[57] Numbers 20:29.
[58] Exodus 11:3.

- הביט נא ה'ש'מ'י'מ'ה' (“look now toward heaven”[60]) — to Abraham, son of Berach;

d) reminds of the impermanence of life:

- א'נ'ו'ש' כחציר ימיו (“As for man, his days are as grass”[61]);

- ו'י'ב'ר'ח' כ'צ'ל' (“fleeth also as a shadow”[62]);

e) implies the inability to influence the evil which befell:

- ל'א' י'ע'ר'כ'נ'ה' זהב (“the exchange of it shall not be for gold”[63]);

- לא יועיל ה'ו'ן' ב'י'ו'ם' ע'ב'ר'ה' (“Riches will not help in the day of wrath”[64]) — to young Akbika[65], who died of plague.

These examples show us that even a formal element, such the year of death, gives an opportunity to once again express respect for the deceased and demonstrate the author's scholarship.

The most difficult task in documenting an epitaph is often finding its date. Besides the disagreement of day of the week and date[66] of the month[67], which is not uncommon in medieval inscriptions, many epitaphs involve corrections[68] and additions[69]. Some texts have survived to this day in the form of the copies made by Firkovicz and Chwolson[70].

3.4. Closing blessing formula

The closing blessing formula (called by some scholars “a eulogy”) is usually an abbreviation of a Biblical verse. The most widespread eulogy is ת'נ'צ'ב'ה' (תהי נפשו\ה צרורה בצרור החיים) (“may his/her soul be bound in the bundle of life”). Besides it, the following phrases are common: נ'ב'ת' (נפשו\ה בטוב תלין) (“His/her soul shall dwell at ease”[71]), נ'ב'ע' (נוחו בגן עדן) (“his rest in the Garden of Eden”); several times we can see: י'ע'מ'ש' (ינוח על משכבו שלום) (“he shall rest in his bed”[72]). The final example was probably combined of two quotations: the first part, “may the dew go up”, is from Exodus 16:14 , and the second part, “over his bed”, — from the abovementioned Isaiah 57:2 (תעל שכ 'ה\בת הטל על משכבות'ש'ה'ע'מ') (“may the dew go up over his/her bed”).

Closing formulas can be written in the form of an abbreviation or in full. Some phrases are never abbreviated, for example והיתה מנוחתו כבוד (“may he rest in glory”). For a field researcher, the presence of a closing formula is an indication that the epitaph text is full and complete. The popularity of a particular closing formula is associated with a certain time period, which is an additional argument in the case of disputable dating.

The analysis of naming patterns shows the specifics of using non-Jewish names in the region (Nosonovsky 2007), while toponyms indicate major routs of populations migration, showing that migration between Eastern Europe Karaite communities was quite common (Lutsk, Kiev, Trakai, and Constantinople).

The epitaphs indicate a high level of scholarship of their authors, and, consequently, of the whole community. This is confirmed by the use of the genre of elegies, and rhymed poetic epitaphs as well as by the proficiency in using Biblical material.

---

[59] 1 Kings 3:3.

[60] Genesis 15:5.

[61] Psalms 103:15.

[62] Job 14:1—2.

[63] Job 28:17.

[64] Proverbs 11:4.

[65] From Turkic «a white lady».

[66] This is associated with the absence of a permanent calendar, plus the Karaites had a tradition to define the beginning of the month directly by observing the moon

[67] Such discrepancy does not allow us to check the alleged date, while this check is particularly important during the calculation of chronograms and the years which end with letters, spelled similarly (ה\ח,ו\ז).

[68] Change from letter ה to ת is the most widespread of them.

[69] In particular, addition of symbols (dots) above the letters in a chronogram.

[70] Location of the originals is unknown.

[71] Psalms 25:13.

[72] Isaiah 57:2.

4. Semantic aspects of the epitaph

Let us now turn to the content of the inscriptions. A tradition of Hebrew epitaphs had formed by the end of the first millennium. While not stipulated by the religion in detail, the contents of the epitaphs reflected certain traditional values and ideas (Nosonovsky 2009; 2017). The relatively rigid structure is associated with the functional objectives of the epitaph and the gravestone in general. *First*, the gravestone marks the burial spot. According to some sages, it is easier to contact the soul of the deceased at the site of the grave. This function of the gravestone is reflected in the first element of the epitaph, the introductory formula. The *second* function is related to the notion of the epitaph as a prayer, which is why numerous blessings are present in epitaphs. A prayer epitaph must testify for the merits of the deceased and promote an acquittal by the Heavenly Court. Moreover, the epitaph links the soul of the deceased to the other souls placing them in context. This is why the name and date are sometimes ciphered in Biblical verses thus highlighting the similarities between the death of a particular person with the Biblical character bearing the same name. The unity of place, date, and name provides for the unification of three "coordinates": space, time, and individuality.

The genre of the Hebrew epitaph, unfortunately rarely becomes a focus of literary studies. However, understanding this genre can provide important insights on the attitudes towards life and death, mundane and sacred both in the canonical religion and in folk religious practices[73]. Poetic Hebrew epitaphs are often compared to the genre of קינה *kina* ("lamentation" or "elegy") in the traditional genre system of medieval Hebrew poetry, which, in turn is parallel to the elegy (*riṯa*) in the Arabic *qaṣidah*, known since pre-Islamic times. At the same time, the Hebrew genre is related to the Book of Lamentations and to Hebrew liturgical poetry. Unlike in Arabic medieval poetry, the Hebrew *qina* (as well as many texts in other genres) was often formed as a combination of biblical quotes and expressions in the so-called "mosaic style".

Another relevant genre of early modern Hebrew literature is מליצה *melitza* (a term, which can be translated either as "praise" or "rhetoric"). Colorful laudations consisting of biblical and Talmudic expressions are found, for example, in prefaces and approbations to Hebrew books. Sometimes the epitaph itself would be referred to as מליצה *melitza* , which is interpreted as a guardian angel, implying that the epitaph is playing the part of a guardian angel (המליץ, *ha-melitz*) testifying before God and the heavenly court.

An interesting question is whether the epitaphs should be treated as folk texts and whether they have authors. The question of who is the implied author and implied reader of Jewish epitaphs may seem naïve at first glance. Of course, epitaphs are usually written by the relatives of the deceased (or on their order) with the objective to keep memory of the person and remind about him or her to those who visit the cemetery. However, a more detailed analysis using such narratological concepts as "implied author", "narrator", and "implied reader" reveals a number of paradoxes. With rare exceptions, the traditional epitaphs are impersonal, that is, the figure of the narrator is missing from it. The text itself is almost never written on behalf of the deceased, and only occasionally on behalf of bereaved relatives.

Moreover, the implied reader, as a rule, is also absent from the Hebrew epitaphs. This is a significant difference with ancient Latin and Christian epitaphs, which are often addressed to passers-by or accidental readers, reminding them of life's futility and encouraging them to repent. Even if a Hebrew epitaph is addressed to a human reader, it hardly ever contains a didactic motif. Instead, the assumption is that a passer-by might say a prayer in memory of the deceased.

[73] About the genre of Hebrew epitaph see (Wodziński 1998: 23; Reiner 2011: 263—295; Nosonovsky 2017: 97—102).

Apparently, an important objective of the traditional Hebrew epitaph is mystical. The text should help the deceased's soul to find its rest in heaven by joining other souls. Stating the virtues of the deceased serves this goal, rather than impressing passers-by. Once in heaven, the soul is brought to the Heavenly Court, where virtues and behavior towards people and God are judged. The connection between the dead and the survivors works two ways. It is not only praising the merits of a deceased which can help him/her in the heavenly court, but also listing the virtues of the deceased can protect the living, as judgment is also imposed on them every day. This idea is expressed by the formula זכותו יגן עלינו "his merit will protect us".

An additional technical argument that the epitaphs are not addressed to an earthly implied reader, is the use of complex chronograms and abbreviations, which do not simplify, but complicate the establishment of the date for the reader. A chronogram relates the date of the death to the sacred texts, but it does not make it more convenient for a reader to figure out the date.

The question of the authorship of epitaphs is ambiguous. Often they were compiled to order by semi-professional authors who used already existing material, combined fragments of previous epitaphs adjusting them to a specific situation. There are also cases, when epitaphs had specific authors. Despite this, the epitaphs possess features of folk texts: they do not have any canonical text or distinct authorship: in the modified form one inscription can be used many times on different tombstones. At the same time, from the point of view of their plot and structure, inscriptions are very similar to each other, representing an infinite variation of the same plot ("Someone, who was a righteous person, was buried here after dying on such a day, may his/her soul be bound in the bundle of life"). Therefore, all the inscriptions are, in a sense, a variation of the same generic epitaph.

Biblical quotes are common in epitaphs, and they are usually meant to emphasize the similarity of a particular death to an archetypal situation described in the Bible. Verses are often quoted about a character with the same name as the late person. However, the citation is often indirect: what is cited is not the Bible *per se*, but various later texts, which cite the Bible. Thus, the blessing formula **תהי נפשו\ה צרורה בצרור החיים**"May his/her soul be bound in the Bundle of Life" is based on the Biblical verse "but the soul of my lord shall be bound in the bundle of life with the Lord thy God" (1 Samuel 25:29), where the matter is not death, but quite the opposite, protection of a living person. This quote appears in epitaphs because it is featured in the common prayer *Yizkor*, which in turn is based on an interpretation of the צרור החיים "Bundle of Life" in Rabbinic literature.

5. Conclusions

The study of Hebrew inscriptions from Çufut-Qal‘eh, which started in the 1830s and is continuing today, became one of the central topics of Jewish studies and Hebrew epigraphy in Russia. It involved many arguments and controversies on the authenticity of some old inscriptions and their dates. The central question of this controversy is whether Jews and / or Karaites could live in the Crimean castle cities, such as Çufut-Qal‘eh and Mangup during the Middle Ages prior to the Tatar invasion of the Crimea in the 1230s. The accepted answer for this question today is negative, since there is no reliable evidence of any Jewish presence in mountain Crimea during the Khazar or Gothic periods.

The almost two-century long study of the inscriptions and their authenticity placed them into different contexts including the analysis of chronological systems, naming patterns, lexical content, comparison with historical sources, archival data, statistical, topographical and architectural analysis, as well as many other approaches. Studying the structure of the inscriptions and viewing Hebrew epitaphs as a literary genre can provide additional insights on the attitudes towards life and death reflected in these inscriptions.

References

Akhiezer, G. 2011. Mordecai Sultanski: An Outline of his Character and his Historical Writing. In: Shapira, D., Lasker, D. (eds.). *Eastern European Karaites in the Last Generations*. Jerusalem: Ben-Zvi Institute, 170—195 (in Hebrew).

Babalikashvili, N.I. 1987. O neskol'kih evreyskoyazychnyh karaimskih epigraficheskih pamyatnikah iz Chufut-Kale (On several Jewish-speaking Karaite epigraphic monuments from Çufut-Qal'eh). *Semitologicheskie shtudii (Semitological studies)* 3, 5—12 (in Russian).

Chwolson, D. 1865. Achtzehn hebräische Grabinschriften aus der Krim: ein Beitrag zur biblischen Chronologie, semitischen Paläographie und alten Ethnologie. Saint Petersburg: L'academie Imperiale des Schiences de St. Petersbourg.

Chwolson, D. 1882. *Corpus Inscriptionum Hebraicarum*. Saint Petersburg: L'academie Imperiale des Schiences de St. Petersbourg.

Chwolson, D. 1884. *Sbornik yevreyskikh nadpisey, soderzhashchiy nadgrobnyye nadpisi iz Kryma i nadgrobnyye i drugiye nadpisi iz inykh mest (Collection of Jewish inscriptions containing gravestone inscriptions from Crimea and gravestone and other inscriptions from other places)*. Saint Petersburg: L'academie Imperiale des Schiences de St. Petersbourg (in Russian).

Dashkevich, Ya.R. 1999. *Karayimski nadpysy v Krymu yak seredn'ovichne istorichne dzherelo. Problematika deslidzhennya (Karaite inscriptions in Crimea as a medieval historical source. Problems of research)*. In: *Materialy zasidan' Istorichnoy ta Arheografichnoy komissiy NTSH v Ukrayini (Materials of meetings of the Historical and Archaeological Commission of the Shevchenko Scientific Society in Ukraine)* 2. 1995—1997, 165 (in Ukrainian).

Dubnov, Sh. 1914. *Istoricheskaya tayna Kryma (The historical mystery of Crimea)*. *Evreyskaya Starina (Jewish Antiquity)* 7, 1—20 (in Russian).

Farfel, E. 1912. *The Old Synagogue in Feodosia*. Petyakov: Farfel (in Hebrew).

Farfel, E. 1917. *Drevnyaya sinagoga, naydennaya v gorode Feodosii (The ancient Jewish synagogue in Feodosiya)*. Feodosiya: Tipografiya Tsentral'noy stantsii Gidro-meteorologicheskoy sluzhby (in Russian).

Fedorchuk, A. 2006. Nahodki i zagadki Avraama Firkovicha (Finds and Mysteries of Abraham Firkovich). *Vostochnaya kollektsiya (Oriental collection)* 2(25), 77—88 (in Russian).

Fedorchuk, A. 2008. New Data on Firkowicz's Role in the Study of the Jewish Tomb Inscriptions of Çufut-Qal'eh. In: Shapira, D.Y. (ed.). *The Tombstones of the Cemetery of the Karaite Jews in Çufut-Qal'eh (the Crimea). Report of the Ben-Zvi Institute Expedition. A Collection of Studies*. Jerusalem: Ben-Zvi Institute, 60—66.

Fedorchuk, A., Shapira, D.Y. 2011. The Tombstone Inscriptions 1—326 from the Book Avnei Zikkaron by Avraham Firkowicz. In: Shapira, D.Y., Lasker, D. (eds.). *Eastern European Karaites in the Last Generations.* Jerusalem: Ben-Zvi Institute and The Center for Research on the History and Culture of Polish Jews; HUJI, 36—82.

Firkovicz, A. 1872. *Sepher 'Abnei Zikkaron*. Vilna: Finn & Rosenkrantz (in Hebrew).

Fishel, A., Nosonovsky, M. 2017. Rediscovered Gravestones from a Destroyed Jewish Cemetery in Ostróg: The Case of Two Inscriptions of 1445. *Zutot* 14(2017), 73—87. DOI: 10.1163/18750214-12141058.

Geiger, A, 1864. Die bon Firkowitz Judischen Gransteine in der Krim. *Jüdische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben* 1864—1865, 131.

Gertzen, A.G. Mogarichev, Yu.M. 1993. *Krepost' dragocennostey. Kyrk-or. Chufut-Kale (Fortress' of jewels. Kyrk-or. Çufut-Qal'eh)*. Simferopol: Tavria (in Russian).

Gidalevich, A. 1914. Peshernyi gorod Tepe-Kermen i ego drevnee evreyskoe kladbishe (*Tepe-Kermen cave city and its ancient Jewish cemetery*). *Evreyskaya Starina (Jewish Antiquity)* 7, 198—205 (in Russian).

Harkavy, A. 1876. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839—1872) und geprüft von Albert Harkavy. *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg*. VIIe série. T. XXIV. No. 1. Saint Petersburg: L'academie Imperiale des Schiences de St. Petersbourg.

Harkavy, A. 1877. Po voprosu o iudeyskih drevnostyah, naydennyh Firkovichem v Krymu (On the Jewish antiquities found by Firkovich in the Crimea). *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvesheniya (Journal of the Ministry of Public Education)* 192, 98—121 (in Russian)

Harkavy, A., Strack, H.L. 1874. *Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der kais. Őfffentlichen Bibliothek in St.Petersburg*. Bd. 1—2. Saint Petersburg: L'academie Imperiale des Schiences de St. Petersbourg.

Kashovskaya, N.V. 1995. Raboty v Iosafatovoy doline (The work in Jehoshaphat Valley). In: Kutaysov, V.V. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 1994 g. (Archaeological studies in Crimea in 1994)*. Simferopol: Sonat, 129 (in Russian).

Keppen, P. 1837. *Krymskiy sbornik. O drevnostyakh yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (Crimean Collection. On the Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauride Mountains)*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk (in Russian).

Kizilov, M. 2003. The Karaite Communities of Chufut-Kale and Mangup: History and Topography of the Settlements. In: Polliack, M. (ed.). *A Guide to Karaite Studies: An Introduction to the Literary Sources of Medieval and Modern Karaite Judaism*. Leiden; Boston: Brill, 759—788.

Kizilov, M. 2011. *Krymskaya Iudeya: Ocherki istorii evreev, hazar, karaimov I krymchakov v Krymu s antichnyh vremen do nashih dney (Crimean Judea: essays on the history of Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks from ancient time till our days)*. Simferopol: Dolya (in Russian).

Kokizov, Y.D. 1910. *Sorok chetyre nadgrobnyh pamyatnika iz Kryma (Forty-four gravestones from Crimea)*. Saint Petersburg: I Lurie & Co. (in Russian).

Kunik, A. 1864. Können die Hebräer in der Krim schon im 3-ten Jahrhundert den tatarischen Fürstennamen Tochtamysch geführt haben? *Bulletin de l'Académie Impériale de sciences* 7, 391—403.

Kunuk, A. 1876. Tokhatamysh and Firkovich (Tokhatamysh and Firkovich). *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk (Proceedings of the Imperial Academy of Sciences)*. No. 27. Vol. 3, 5—32 (in Russian).

Lipunov, I.S., Kizilov, M.B. 2017. *Karaimskoe kladbishe v Iosafatovoy doline. Fotoal'bom (Karaite cemetery in the Jehoshaphat Valley. A photo album)*. Simferopol: OOO "Firma "Salta" Ltd." (in Russian).

Maggid, D. 1914. K nadpisyam v Tepe-Kermene *(On the inscriptions from Tepe-Kermen). Evreyskaya Starina (Jewish Antiquity)* 7, 490—491 (in Russian).

Neubauer, A. 1864. Die Firkowitzsene Sammlung. *Bulletin de l'Academie Imperiale de sciences de St. Petersbourg* 7, 374—378;

Nosonovsky, M, 2007. Judeo-Turkic encounters in Hebrew Epitaphs from Ukraine: naming patterns. *Sakarya Universitesi Yayin* 51. *Omeljan Pritsak Armağani* (*A Tribute to Omeljan Pritsak)*, 283—301.

Nosonovsky, M. 1999. The 16th century epitaphs on Jewish gravestones in Ukraine. In *Monuments of Culture — New Discoveries* 1998. Moscow: Nauka, 16—27.

Nosonovsky, M. 2008. The scholastic lexicon in Ashkenazi Hebrew and orthography. *Pinkas* 2, 53—76.

Nosonovsky, M. 2009. Folk beliefs, mystics and superstitions in Ashkenazi and Karaite tombstone inscriptions from Ukraine. *Markers*, 120—147.

Nosonovsky, M. 2017 Connecting Sacred and Mundane: From Bilingualism to Hermeneutics in Hebrew Epitaphs. *Studia Humana* 6(2), 96—106. DOI: 10.1515/sh-2017-0013.

Nosonovsky, M., Shapira, D., Vasyutinsky-Shapira, D. 2020. Not by Firkowicz's Fault: Daniel Chwolson's Blunders in Research of Hebrew Epigraphy of the Crimea and Caucasus, and their impact on Jewish Studies in Russia. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 73(4), 633—668. DOI: 10.1556/062.2020.00033.

Pallas, P.S. 1999 *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793—1794 godah (Observations made during the trips in southern protectorates of the Russian state)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Rapoport, S. 1841. Letter 17. *Kerem Ḥemed* 5, 197—231 (in Hebrew).

Reiner, A. 2011. Epitath Style of Tombstones from Würzburg Cemetery between 1147—1346. In: Müller, K., Schwarzfuchs, S., Reiner, A. (eds.). *Die Grabsteine vom jüdischen Friedhof in Würzburg aus der Zeit vor dem Schwarzen Tod*. Würzburg: Gesellschaft für fränkische Geschichte, 263—295.

Saar, O.-P. 2016. Off the Beaten Track: Epigraphy at the Borders. Proceedings of 6th EAGLE International Event (24—25 September 2015, Bari, Italy). In *Bryn Mawr Classical Review* 2016.12.30.

Shapira, D.Y. 2003. Beginnings of the Karaites of the Crimea Prior to the Early Sixteenth century. In: Polliack M. (ed.). *A Guide to Karaite Studies: An Introduction to the Literary Sources of Medieval and Modern Karaite Judaism*. Leiden & Boston: Brill, 709—728.

Shapira, D.Y. (ed.). 2008. *The Tombstones of the Cemetery of the Karaite Jews in Çufut-Qalʿeh (the Crimea). Report of the Ben-Zvi Institute Expedition. A Collection of Studies*. Jerusalem: Ben-Zvi Institute (in Hebrew).

Strack, H. 1876. *Abraham Firkowitsch und seine Entdeckungen: Ein Grabstein den hebraischen Grabschriften der Krim*. Leipzig: Hinrichs.

Strack, H. 1880. A. Firkowitsch und der Werth seiner Entdeckungen. *ZDMG* 34, 163—168.

Wodziński, M. 1998. *Groby cadyków w Polsce. O chasydzkiej literaturze nagrobnej i jej kontekstach*, Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej.

Yakerson, S. 2008. *Evrejskie sokrovishha Peterburga: Svitki, kodeksy, dokumenty (Hebrew treasures of St. Petersburg: scrolls, manuscripts, documents).* Saint Petersburg: Arka (in Russian).

Yurchenko, I., Kefeli, O., Yurchenko, N., Beregovs'kyi, O. 2000. *Karaimskoe kladovyshe bilya Halycha (Karaite cemetery near Halych)*. Lviv; Halych: Spolom (in Ukrainian).

Zunz, L. 1845. Das Gedachtniss der Gerechten. In: Zunz, L. *Zur Geschichte und Literatur*. Vol. 1. Berlin: Veit & Comp, 360—367.

Zunz, L. 1845. Das Gedachtniss der Gerechten. In: Zunz, L. *Zur Geschichte und Literatur*. Vol. 1. Berlin: Veit & Comp.

Искусствоведение

Art history

УДК 7.036
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00031

А.Н. Балаш

ПОЭТИКА МИФА В СОВРЕМЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: ГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ХАМИДА САВКУЕВА К ПОВЕСТИ ВАСИЛИЯ ЛИВАНОВА «АГНИЯ, ДОЧЬ АГНИИ. СКАЗАНИЕ О СКИФАХ»*

Вопрос о декодировании образов архаических культур в современных художественных практиках рассматривается на примере комплекса иллюстраций, выполненных художником Х.В. Савкуевым, одним из ведущих художников Санкт-Петербургской академии художеств, к переизданию повести В.Б. Ливанова «Агния, дочь Агнии. Сказание о скифах» (2011). Создание иллюстраций представлено не столько как интерпретация литературного текста, но как использование его сюжетной основы для визуализации взаимосвязей изобразительного языка Древнего Востока, скифского мира и культурных традиций народов Северного Кавказа, аккумулированных в Нартском эпосе. Концептуально значимо, что цикл графических иллюстраций представляет собой не реконструкцию, но реинтерпретацию мифопоэтической системы древнего искусства, которая становится основой оригинальной и актуальной художественной образности. Концепция мирового древа и ее фиксация в древних культурах и в Нартском эпосе, образ змееногой богини (Ранкенфрау), статус сакральных и судьбоносных артефактов рассматриваются как универсалии, которые вводятся в современный культурный контекст, определяют семантику современных художественных произведений. В то же время показано, каким образом артефакты из скифской коллекции Государственного Эрмитажа включаются в творческий процесс, раскрываются своими аутентичными смыслами в пластическом мышлении художника. Проанализированы выразительные средства, которые позволили создать в рамках современной книжной иллюстрации эпическое художественное пространство.

Ключевые слова: скифы, современное академическое изобразительное искусство, мифопоэтика, культурный контекст, культурный артефакт, реинтерпретация, книжная графика, книжная иллюстрация, Хамид Савкуев.

Сведения об авторе: Балаш Александра Николаевна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 2, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; e-mail: alexandrabalash@gmail.com.

A.N. Balash

POETICS OF MYTH IN CONTEMPORARY ACADEMIC FINE ARTS: GRAPHIC WORKS BY KHAMID SAVKUEV FOR VASILY LIVANOV'S NOVEL "AGNIA, DAUGHTER OF AGNIA. THE LEGEND OF THE SCYTHIANS"

This article examines the question of the reinterpretation of mythical images and cultural artifacts of archaic cultures in contemporary fine art practices. This issue is considered on the example of illustrations made for the reprint of Vasily Livanov's story "Agnia, daughter of Agnia. The Legend of Scythians" (2011) by one of the leading artists of the Saint Petersburg Academy of Arts Khamid Savkuev. In this case, the artist's wok on the illustrations was not so much a visualization of the literary text, but an attempt to study

* Статья поступила в номер 29 ноября 2020 г.
Принята к печати 11 декабря 2020 г.

© А.Н. Балаш, 2020.

visually the relationship between the artistic traditions of the Ancient East, the Scythian world and the culture of the North Caucasus presented in the Nart Epos. It is important that the graphic works of Khamid Savkuev are not a reconstruction, but a reinterpretation of the mythopoetic system of ancient art. This reinterpretation becomes the basis of the author's unique artistic experience. The concept of the World Tree, the image of the serpentine goddess (Rankenfrau), the status of sacred and fateful artifacts in these book illustrations are placed in a modern cultural context, contribute to the revitalization and enrichment of contemporary academic fine arts. It also shows how artifacts from the Scythian collection of the State Hermitage museum (Saint Petersburg) are included in the creative process and reveal their authentic meanings in the visual thinking of the artist. Particular attention is paid to the analysis of expressive means, which made it possible to create an epic space within the framework of modern book illustration.

Key words: Scythians, contemporary academic fine arts, poetics of myth, cultural context, cultural artifact, reinterpretation, book graphics, book illustration, Khamid Savkuev.

About the author: Balash Aleksandra Nikolaevna, Dr. habil. (Cultural Studies), Associate Professor, Saint Petersburg State Institute of Culture.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Palace Embankment, 2, Saint Petersburg State Institute of Culture; e-mail: alexandrabalash@gmail.com.

В 2011 г. в издательстве «Азбука-Аттикус» было выпущено переиздание повести В.Б. Ливанова «Агния, дочь Агнии. Сказание о скифах» с иллюстрациями одного из ведущих художников академического направления, руководителя персональной учебной мастерской Санкт-Петербургской академии художеств, члена-корреспондента Российской академии художеств, народного художника Кабардино-Балкарской республики Хамида Савкуева (Ливанов 2011). Произведению, которое в 1976 г., при его первой публикации в журнале «Юность», вызвало широкую и заинтересованную реакцию, предстояло вновь оказаться в фокусе внимания, заговорить с читательской аудиторией нового столетия. Перед текстом, написанным в романтическом переживании скифской легенды, отголоски которой виделись в «Истории» Геродота и в памятниках из курганов Северного Причерноморья, встала сложная задача — обозначить свою уникальность в современном культурном пространстве, перенасыщенном разнообразными практиками визуализации и интерпретации прошлого. Возможно, именно это обстоятельство и стало поводом для сотрудничества с художником и прецедента для создания иллюстраций, которые в то же время могут рассматриваться как самостоятельный графический цикл, выстраивающий собственные отношения с изображаемой исторической эпохой.

Как и все работы Хамида Савкуева, иллюстрации к «Агнии» отличает свободный и выразительный рисунок, генетически связанный с академической монументальной школой. Композиции (всего в комплекс иллюстраций входит 21 графическая работа) выполнены на большеформатных листах. Они образуют сложный в своем разнообразии и в то же время пластически цельный смысловой ряд, свободно сопрягающийся с литературным первоисточником. Уникальные качества и внутренняя самодостаточность рассматриваемых графических работ не утрачиваются и при их публикации в книге. На ее страницах они вступают в ассоциативное взаимодействие с писательским текстом, образуя во многом параллельное повествование, которое также может быть истолковано как составной полиптих. Такое объединение отдельных произведений в новую сложную композицию в целом свойственно творчеству Х. Савкуева (Грачева 2019: 136).

Подлинность выстраиваемого диалога с прошлым в данном случае основывается на мировоззрении художника, для которого бесспорным фактом и лично переживаемым опытом является связь с живыми традициями культур народов Северного Кавказа и их

древними истоками (Дюмезиль 1976: 187). Поэтому цикл графических иллюстраций к «Агнии» на скифскую тему занимает свое место рядом с многолетней творческой работой Х. Савкуева над образами Нартского героического эпоса (Кутейникова 2009: 7). Эта работа была начата крупноформатными листами, посвященными отдельным героям и связанным с ними событиям (2009), и привела к масштабному книжному проекту «Нарты. Адыгский героический эпос» (2017), включившему 149 графических произведений (Гутов, Савкуев 2017). Благодаря созданию иллюстраций к повести В.Б. Ливанова в поле зрения художника оказались образы и артефакты, относящиеся к скифской эпохе, возник прецедент для обозначения взаимосвязи и преемственности культур, появилась возможность осознать и показать смысловые переходы между эпической и исторической реальностью. При этом важно отметить, что работа с памятниками скифского и греко-скифского искусства, которая в основном проходила на материалах коллекции Государственного Эрмитажа, состояла не столько в отборе прямых цитат, сколько в поиске и творческом развитии таких композиционных приемов и пластических решений, которые на уровне реинтерпретации транслировали бы архаические коды культуры, вовлекая их в современный художественный процесс.

Повесть В.Б. Ливанова представляет свободное прочтение «Истории» Геродота, при котором события выбираются и монтируются между собой подобно тексту киносценария. Здесь панорамные картины внезапно перебиваются крупными планами и ракурсами, повествование обрывается, рассказ переносится во времени вперед или разворачивается вспять, представляя историю как личное свидетельство и рассказ очевидца. Завязкой действия становится сообщение Геродота о походе скифов в Мидию (Herod. Hist., IV, 1) и об их возвращении, сопровождавшемся кровавой расправой над оставшимися в стане женщинами и рабами (Herod. Hist., IV, 3—4). Сюжет, относящийся к переднеазиатским походам скифов, дополняется деталями, навеянными более поздними эпохами и событиями, в том числе обстоятельствами скифского похода Дария I (Herod. Hist., IV, 134). Царица, оставленная на становище, расправа скифского царя, вернувшегося из похода, и то, как младшее поколение оказывается вовлечено в круг судьбы своих предков, как оно обретает собственный путь, — таковы основные мотивы литературного текста.

Судьба всех героев повести переплетается с историей царицы Агнии, облик которой неоднократно уподобляется скифской огненной богине Табити. В описании царицы также присутствуют иконографические черты змееногой богини (Rankenfrau), хорошо известные по многим скифским памятникам. Один из них отчетливо обозначен в повести: изображение змееногой богини на конском налобнике золотого убора из кургана Большая Цимбалка (IV в. до н.э., ГЭ) (Алексеев 1982: 33—35; Раевский 2006: 289) становится прототипом украшения панциря царского золотомастного жеребца, которое выступает трагическим предзнаменованием для самого коня и для главных героев. Пожалуй, в тексте В.Б. Ливанова это самый очевидный и почти что исключительный пример непосредственного обращения к визуальным источникам. Тот же памятник, изображающий хтоническую богиню, окруженную гибкими побегами, расходящимися вокруг нее сложными многоярусными пальметтами, представляется наиболее адекватным аналогом образу Агнии-всадницы, царицы и амазонки, одному из самых запоминающихся в графическом цикле Х. Савкуева (рис. 1). Гибкая фигура, сильные и уверенные жесты рук, натягивающих поводья и плетью направляющих коня, развивающиеся пряди огненно-рыжих волос, — пластическую характеристику главной героини здесь можно определить как «избыточную», используя характеристику А.Я. Гуревича, данную образным средствам древнего эпоса в описании поступков героев в кульминационные моменты исполнения их судьбы и предназначения

(Гуревич 2009: 50). Та же «избыточность» отличает и другую работу художника, изображающую царицу Агнию, поверженную стрелой (рис. 2). Широко раскинув руки и запрокинув голову с взметнувшимися на ветру огненными волосами, замерло перед падением ее тело, напоминая другой известный скифский памятник — нашивную бляшку в виде змееногой богини из кургана Куль-Оба (IV в. до н.э., ГЭ) (Стоянов 2013: 129).

Еще один выразительный лист, косвенно связанный с образом царицы, представляет жертвоприношение золотомастного жеребца (рис. 3). Напрягая жилы и вытягивая шею, животное отчаянно сопротивляется натяжению арканов, спутавших его ноги: пластическое решение отмечено той же избыточностью эпического момента. Частично мотив жертвоприношения повторяет сцену жертвоприношения лошади на Чертомлыкской амфоре (IV в. до н.э., ГЭ) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 122, 174), а также известное описание конского жертвоприношения Геродотом (Herod. Hist., IV, 60). Но поскольку у изображенного коня спутаны и затягиваются не только передние, но и задние ноги, его поза также указывает на иконографию жертвенного животного в скифском зверином стиле.

Лишь эхом звучат ритуальные темы в образе Агнии-младшей, темнокожей дочери царицы: ее художник изобразил сидящей на камне на вершине кургана, в котором похоронена ее мать (рис. 4). Обхватив согнутые ноги руками, сомкнув пальцы в замок и слегка склонив голову, она тревожно вслушивается в себя и в отголоски прошлого, звучащие в предметах, опрокинутых рядом на траву. Важно, что брошенными здесь оказались особенные предметы, символы миропорядка и царской власти: навершие ритуального столба (Раевский 2006: 232—233) и золотая чаша — один из мифических «упавших с неба» царских даров, полученных Колаксаем (Herod. Hist., IV, 5—7). Их прототипами стали золотая чаша с изображением бегущих страусов из Келермесского кургана (VII в. до н.э., ГЭ) и бронзовое навершие с изображением коня в сцене жертвоприношения из Ульского кургана (VI в. до н.э., ГЭ). Сакральные предметы, относящиеся к ранней скифской эпохе, они кажутся здесь избыточными и ненужными свидетелями исчерпанной славы и власти. Рядом с поверженным навершием из травы как свидетели былой славы поднимаются наконечники скифских стрел. Единственным действенным защитником Агнии-младшей остается подвеска на ее груди — уменьшенная до небольшой пекторали фигура оленя из кургана Куль-Оба (IV в. до н.э., ГЭ), на которой уже едва различимы грифон, заяц, лев и собака. В этой сцене мифический мир «объединяющий героев и вещи, уже распался» (Гуревич 2009: 61); эпический характер здесь сохраняет лишь место действия: камень со следами выветриваний, поросший травой курган.

Другой важной линией графического цикла становятся образы скифов-воинов и их царя Мадая Трехрукого, прозванного так за умение держать меч обеими руками (рис. 5). Выбранные здесь художественные приемы связаны как с древнеперсидским искусством, так и с эллино-скифской торевтикой. Прежде всего, можно отметить повторяемость черт и композиционных решений, которая напоминает о рельефах Персеполя, умножая впечатление упорядоченной и неотвратимой силы. Царь Мадай, наделенный сверхспособностями, за головой которого светит отраженным светом полная луна, возвышается над поверженными врагами. В схожей композиции два сцепившихся волка, за которыми поднимается солнечный диск, встают над скифской землей, обозначая принципы мирового порядка (рис. 6): «Скифы открылись взглядам внезапно, как волки. Казалось, они вечно стояли здесь, словно врытые в землю на пологих склонах холма» (Ливанов 2011). Интересно различие ассоциаций автора повести, для которого описываемый им образ связан, скорее всего, со скифскими скульптурными изображениями вертикально стоящих каменных воинов, и художником, который обращается к древнеиранским культурным традициям и иконографии сцен борьбы

царя с хтоническими силами, творчески переосмысляя потенциал «древневосточных эталонов» (Массон 1996: 5).

Фигура Мадая практически полностью повторяется в изображении воина, опустившего лук с наложенной на него стрелой (рис. 7). На поясе воина изображен акинак, рукоять которого воспроизводит рукоять ахеменидского парадного меча из Чертомлыкского кургана (V в. до н.э., ГЭ) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 99—102). Остальные изобразительные элементы этой композиции перекликаются с описанием обстоятельств похода Дария Геродотом (Herod. Hist., IV, 134). Прежде всего, к ним относится выбежавший на ратное поле между войсками скифов и персов заяц, — эта сцена получила оригинальную авторскую интерпретацию в тексте «Агнии». Возможно, в своей работе художник учитывает не только литературный текст и его первоисточник, но и фольклорные мотивы, отразившиеся в Нартском эпосе: воин должен поймать встреченного на пути зайца, чтобы не утратить своей ратной славы (Раевский 2006: 205). Также в композицию введены стрелы, упоминаемые Геродотом среди даров, переданных персам посланником скифского царя (Herod. Hist., IV, 127, 131—132) как предсказание-угроза перед несостоявшейся битвой (Раевский 2006: 206). В графической композиции заяц и стрелы обретают мифический смысл, обозначают пространственные координаты, горизонтали земли и неба, среди которых возвышается воин. Тот же мифический мотив четырех сторон света обозначается в композиции со скифами, стреляющими из луков (рис. 8): смысл этой сцены проявляется при ее сравнении с изображением двух лучников, направивших стрелы в противоположные стороны, на бляшке из кургана Куль-Оба (IV в. до н.э., ГЭ) (Раевский 2006: 207). Структуру пространства легендарной Скифии обозначает еще один выразительный лист, на котором руки воинов, удерживающих копья, защищают простирающуюся за ними землю (рис. 9). Копья с поднятыми вверх наконечниками задают пространственную вертикаль, важнейший вектор мирового порядка, удерживающие их руки, повернутые то внешней, то тыльной стороной, становятся знаками горизонтального пространства, заполняют его, выступая помощниками и проводниками высшего закона и воли. Кисти рук изображаются и в других листах, то поддерживая падающую замертво царицу Агнию, то возвышаясь над землей подобно каменным изваяниям над скифскими курганами.

В графических работах Х. Савкуева изображения древних сакральных артефактов, как и их реальные исторические прототипы, призваны обозначить суть желаний и действий героев, направить их к искомой цели. В связи с чем вторичным кажется вопрос о том, насколько точно представляются здесь элементы скифской культуры и скифской триады, поскольку достоверность образов формируется за счет эпической основы всего художественного пространства. В то же время именно вооружение и упряжь, а также украшения и ритуальные предметы, выполненные в скифском зверином стиле, обретают в композициях к «Агнии» статус особо выделенных, «отмеченных» (Гуревич 2009: 53) судьбой. Пластическая трактовка, данная скифским артефактам, представляет их творческую интерпретацию и далека от норм и правил археологического рисунка, основывается на ассоциативном мышлении, находя некоторые параллели в современном ювелирном искусстве мастеров Северного Кавказа (Ср.: Еутых 2009). Тот факт, что в жизненном пространстве героев им сопутствуют золотые ритуальные предметы, украшенное оружие и украшения-нашивки, многие из которых специально создавались для погребения, еще раз подчеркивает особый, внеисторический и мифический контекст изображенных сцен.

Эпическое повествование не подразумевает развернутого ландшафта, редуцируя его до атрибутов, обозначающих место действия. В «Агнии» Хамида Савкуева, в отличие от ее литературного первоисточника, таким атрибутом является, прежде всего, камень, твердь,

которая обозначает особое состояние пространства и времени, становящегося прошлым. Это свойство ярко проявляется в листе с двумя скифскими мальчиками — Саураном и Аримасом, — скачущими на коне, похожем на летящую вперед каменную глыбу (рис. 10). Дети здесь — и участники событий, и те мальчишки, которые грезят о героическом прошлом, вслушиваясь в древние сказания. Эти детские мечты способны объединять времена и культуры: Аримас-мальчик уверенно рисует на прибрежном песке коня, «распластавшегося в бешеном скачке <…> Вот конь изогнул шею, повернул голову и оскалился, обороняясь от кого-то, еще невидимого» (Ливанов 2011). Описанный в тексте конь, представленный сначала как рисунок, сделанный юным скифом, а затем как скачка на реальном коне, переносится в изобразительное пространство работы Х. Савкуева, обретая дополнительные ассоциации, связанные с повторяющимися темами в творчестве самого художника и с их глубоко личными истоками.

Этим истокам созвучны также образы двух важных персонажей «Агнии», — старого кузнеца и прорицателя Мая и его талантливого внука — выросшего и также ставшего кузнецом Аримаса, которые в графических работах Х. Савкуева сближаются с мифическим кузнецом и покровителем кузнечного ремесла нартом Тлепшем (Кутейникова 2009: 10). Изображенный в профиль, кузнец Аримас передает в руки воина выкованный им меч-акинак: компактная, расположенная в вертикальном листе композиция выстраивается по схеме инвеституры (рис. 11). Кузнец держит меч над наковальней, уложенной на бревне, уходящем в землю, к наковальне приставлен кузнечный молот. Именно так в Нартском эпосе выглядит кузница Тлепша, наковальня которого установлена на большом пне, вкопанном «в седьмое дно земли» (Куек 2013), представляя «срединный» и «нижний» миры в мифопоэтической структуре мирового древа (Куек 2013). Причастный им Тлепш обладает силой и знаниями, как и старый скифский кузнец и прорицатель Май (рис. 12). Темными отрешенными глазницами смотрит его изборожденное морщинами старческое лицо, обрамленное спускающимися на плечи краями башлыка с высоким заостренным верхом. Фактура этого лица подобна выветренному камню и каменной маске; голова старика в остроконечном уборе, как древний менгир, ритуальное навершие или гора, обозначает координаты «верхнего» мира, возвышаясь над прошлым.

В целом в графическом цикле Х. Савкуева просматривается ясная мифопоэтическая структура, которая воображением, необычайно развитым и выразительным визуальным мышлением художника возрождается как легитимная основа современного творчества. При этом рассмотренные работы представляют собой отнюдь не попытку реконструкции первоначальных смыслов древних образов, но поиски формы ретрансляции универсального и в то же время личностно обретаемого художественного и культурного опыта. Естественное пребывание творчества Х. Савкуева на пересечении нескольких традиций дает ему возможность не следовать кинематографической структуре повести, несмотря на то, что перенесение методов кинопроизводства в другие области современного искусства — обычная, распространенная и вполне легитимная практика нашего времени. Используя композиционные особенности текста В.Б. Ливанова, которые трансформируют миф о Скифии в ряд коротких и выразительных сцен, художник возвращает ее мифические образы в мир классических изобразительных практик, самоценной пластической формы, представляя им возможность вариативно раскрываться в современном художественном пространстве.

Литература

Алексеев А.Ю. 1982. Курган Цимбалка и дата его сооружения. *СГЭ* XLVII, 33—35.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев: Наукова думка.

Грачева С.М. 2019. *Современное петербургское академическое изобразительное искусство. Традиции, состояние и тренды развития.* Москва: БуксМАрт.

Гуревич А.Я. 2009. *Избранные труды: норвежское общество.* Москва: Традиция.

Гутов А.М. (сост.), Савкуев Х.В. (художн.). 2017. *Нарты. Адыгский героический эпос.* Санкт-Петербург: Вита Нова.

Дюмезиль Ж. 1976. *Осетинский эпос и мифология.* Москва: Наука.

Еутых А. 2009. *В зеркале традиций. Произведения ювелира Аси Еутых. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кутейникова Н.С. 2009. Священные традиции не изживаются никогда. В: Крапивина Н.С. (ред.). *Хамид Савкуев. Живопись. Графика. Скульптура.* Санкт-Петербург: Артиндекс, 7—10.

Куек А.С. 2013. Нарт Тлепш в мифопоэтических воззрениях адыгов. *ВАГУ* 4(128), 171—177.

Ливанов В.Б. 2001. *Агния, дочь Агнии. Сказание о скифах.* Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус.

Массон В.М. 1996. Предисловие. В: Массон В.М. (ред.). *Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н.э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 5.

Раевский Д.С. 2006. *Мир скифской культуры.* Москва: Языки Славянской культуры.

Стоянов Р.В. 2013. Rankenfrau с маской Силена: к вопросу о контексте находок. В: Павленко Т.А., Схатум Р.Б., Улитин В.В. (ред.). *III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции*. Краснодар: Вика-Принт, 128—130.

References

Alekseev, A.Yu. 1982. In *Soobshheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Statements of the State Hermitage)* XLVII, 33—35 (in Russian).

Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk. Skifskij carskij kurgan IV v. do n.e. (Chertomlyk. Scythian royal mound of the 4th century BCE).* Kiev: Naukova Dumka (in Russian).

Eutykh, A. 2009. *V zerkale tradicij. Proizvedeniya juvelira Asi Eutyh. Katalog vystavki* (*In the mirror of tradition. Works of the jeweler Asya Eutykh. Exhibition catalogue*). Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Gracheva, S.M. 2019. *Sovremennoe peterburgskoe akademicheskoe izobrazitel'noe iskusstvo. Tradicii, sostoyanie i trendy razvitiya (Contemporary Saint Petersburg academic fine arts. Traditions, state and development trends).* Moscow: BuksMart (in Russian).

Gurevich, A.Ya. 2009. *Izbrannye trudy: norvezhskoe obshhestvo (Selected Works: Norwegian Society).* Moscow: Tradition (in Russian).

Dumézil, G. 1976. *Osetinskij epos i mifologiya (Ossetian epos and mythology).* Moscow: Nauka (in Russian)

Kuek, A.S. 2013. In *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie (Bulletin of the Adyghe State University. Series 2. Philology and Art History)* 4(128), 171—177 (in Russian).

Kuteynikova, N.S. 2009. In: Krapivina, N.S. (ed.). *Khamid Savkuev. Zhivopis'. Grafika. Skul'ptura (Khamid Savkuev. Painting. Graphic arts. Sculpture)*. Saint Petersburg: Artindeks, 7—10 (in Russian).

Livanov, V.B. 2011. *Agniya, doch' Agnii. Skazanie o skifah (Agnia, daughter of Agnia. Legend of the Scythians).* Saint Petersburg: Azbuka-Atticus (in Russian).

Masson, V.M. 1996. *Predislovie (Foreword)*. In: Masson, V.M. (ed.). *Mezhdu Aziey i Evropoy. Kavkaz v IV—I tys.do n.e. (Between Asia and Europe. Caucasus in 4th — 1st millennium BCE).* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 5 (in Russian).

Gutov, A.M. (comp.), Savkuev, Kh. (artist). 2017. *Narty. Adygskij geroicheskij epos (Narts. Adyghe heroic epos).* Saint Petersburg: Vita Nova (in Russian).

Raevskiy, D.S. 2006. *Mir skifskoj kul'tury (The world of Scythian culture).* Moscow: Languages of Slavic culture (in Russian).

Stoyanov, R.V. 2013. In *III "Anfimovskie chteniya" po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoj arheologicheskoj konferencii (3rd "Anfimov readings" on the archeology of the Western Caucasus. Materials of the international archaeological conference).* Krasnodar: Vika-Print, 128—130 (in Russian).

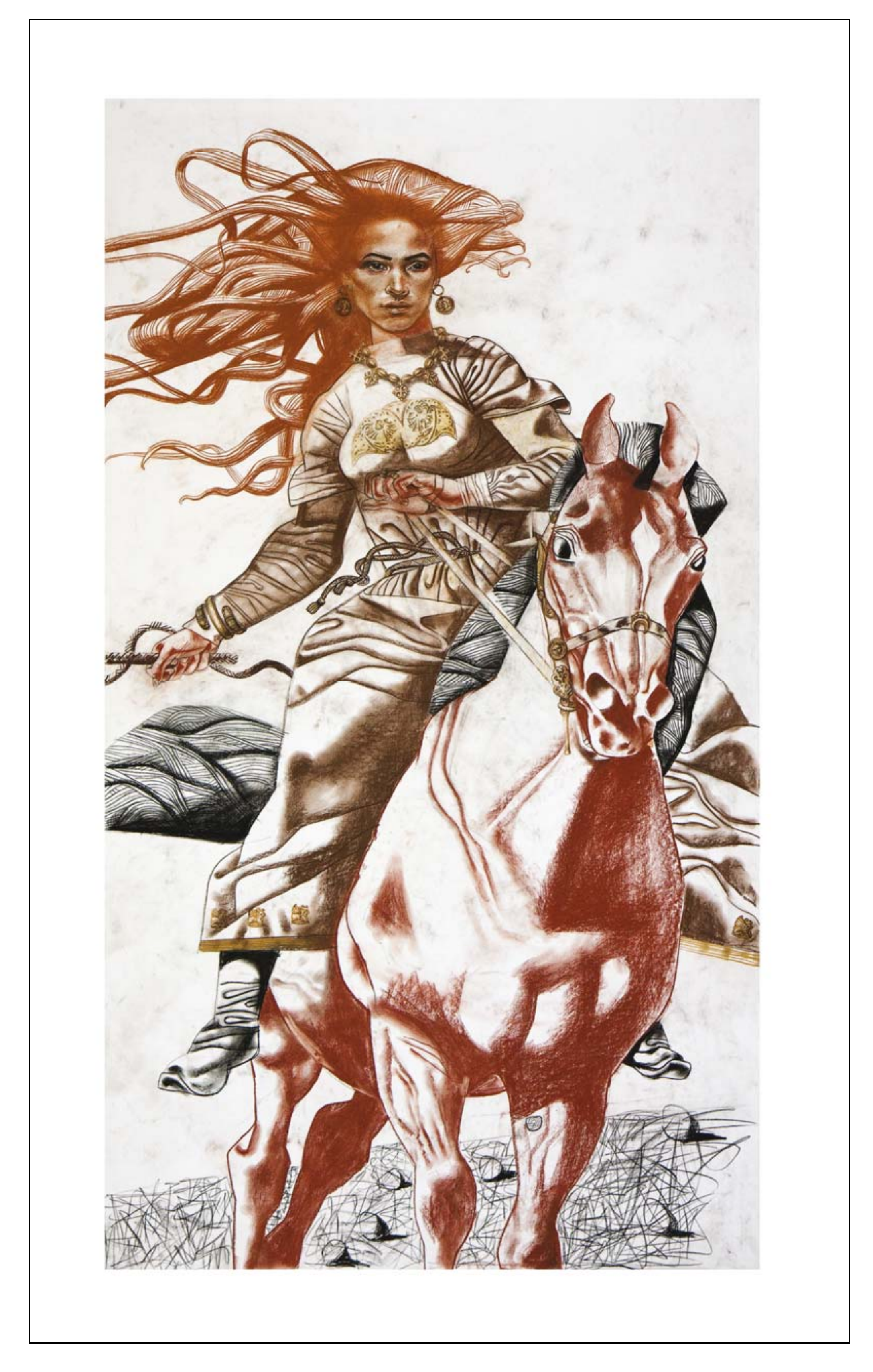

Рис. 1. Х. Савкуев. Агния на белолобой кобылице. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 1. Kh. Savkuev. Agnia on a white-fronted mare. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

Рис. 2. Х. Савкуев. Агния, пронзенная стрелой. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 2. Kh. Savkuev. Agnes pierced by an arrow. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

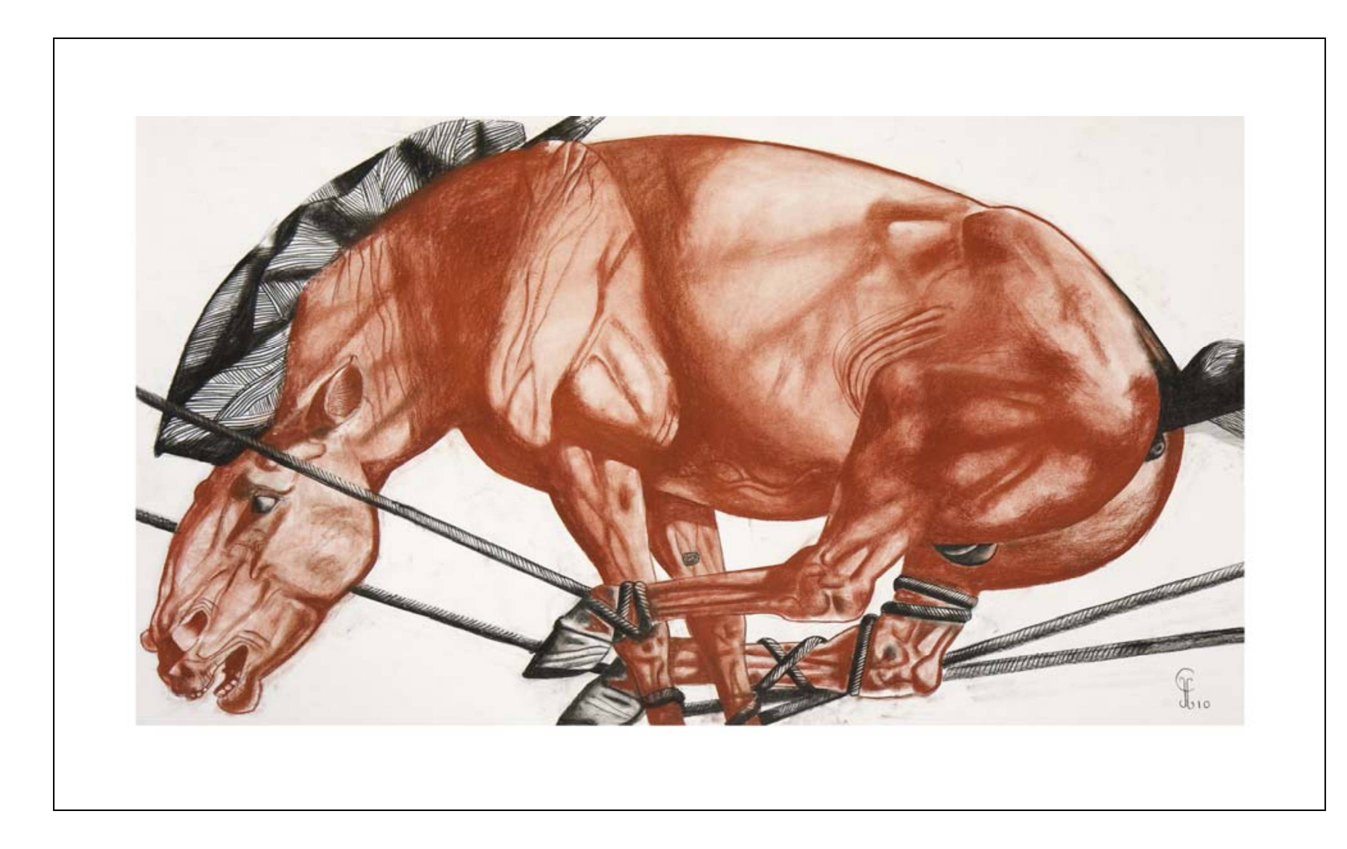

Рис. 3. Х. Савкуев. Жертвоприношение золотомастного жеребца. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 100 × 180 (архив Х. Савкуева).

Fig. 3. Kh. Savkuev. Sacrifice of the golden stallion. 2011. Paper, sauce, mixed media. 100 × 180 (archive of Kh. Savkuev).

Рис. 4. Х. Савкуев. Агния, дочь Агнии. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 4. Kh. Savkuev. Agnia, daughter of Agnia. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

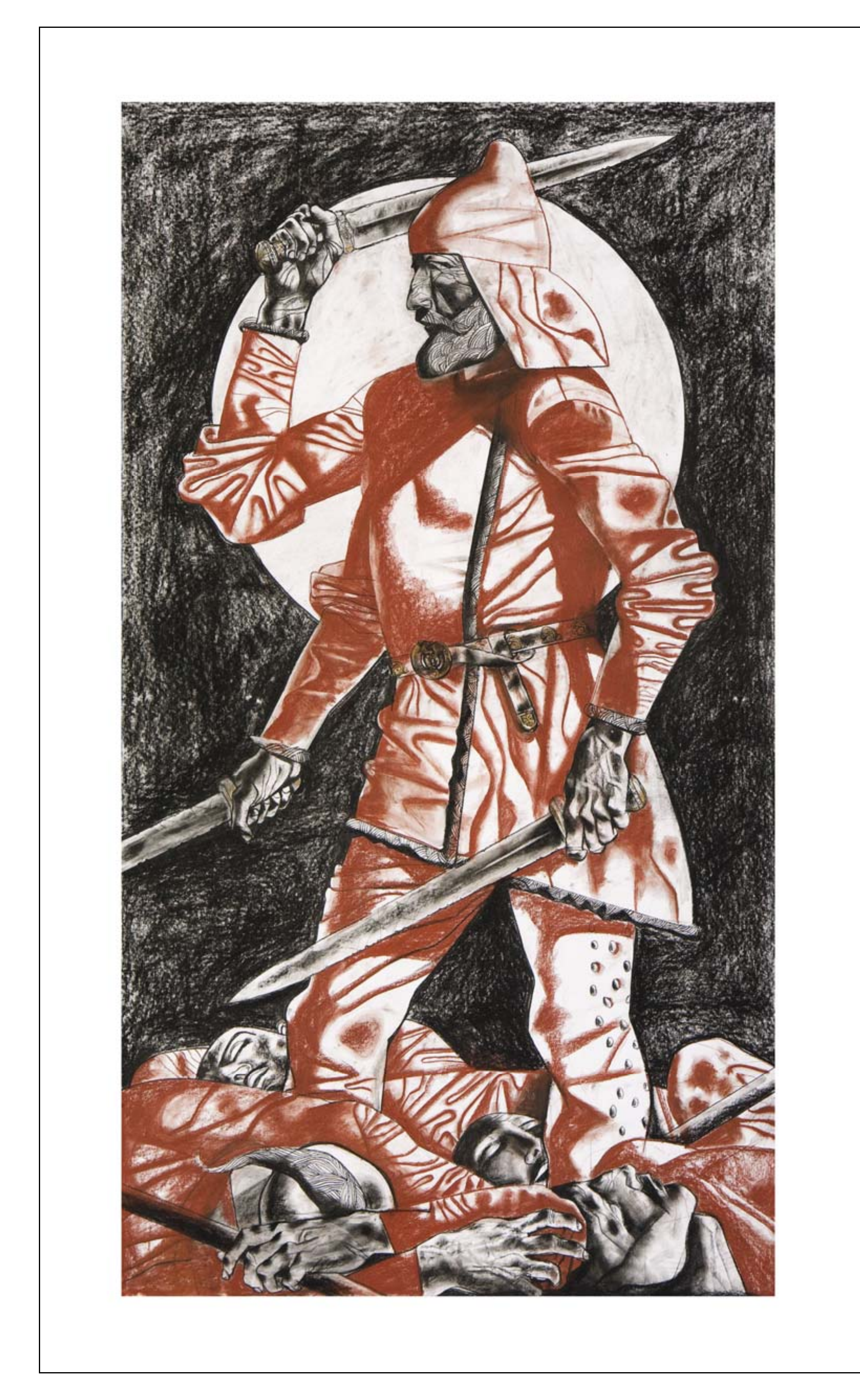

Рис. 5. Х. Савкуев. Царь Мадай трехрукий. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 5. Kh. Savkuev. King Madai is three-armed. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

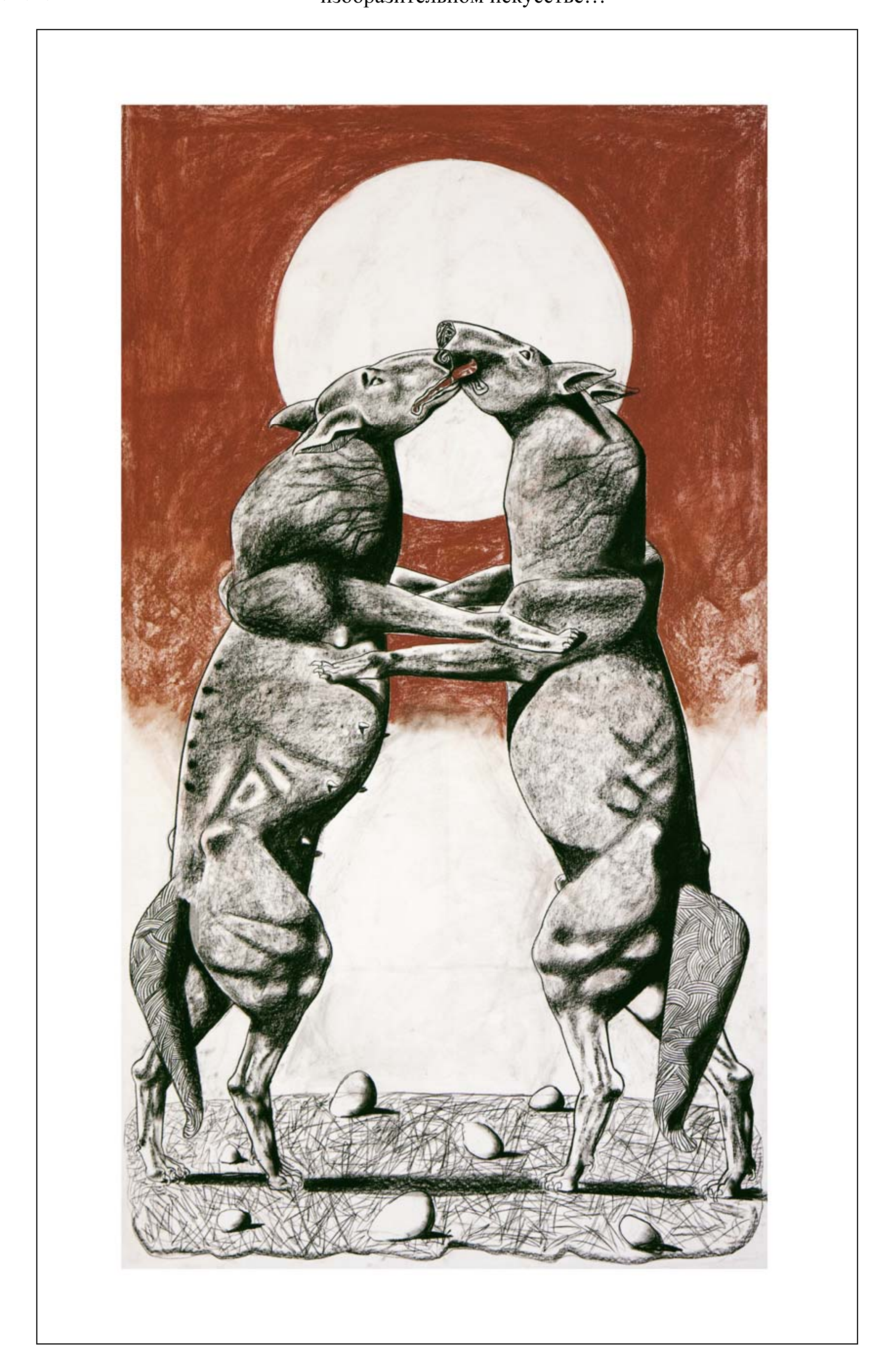

Рис. 6. Х. Савкуев. Волки. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 6. Kh. Savkuev. Wolves. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

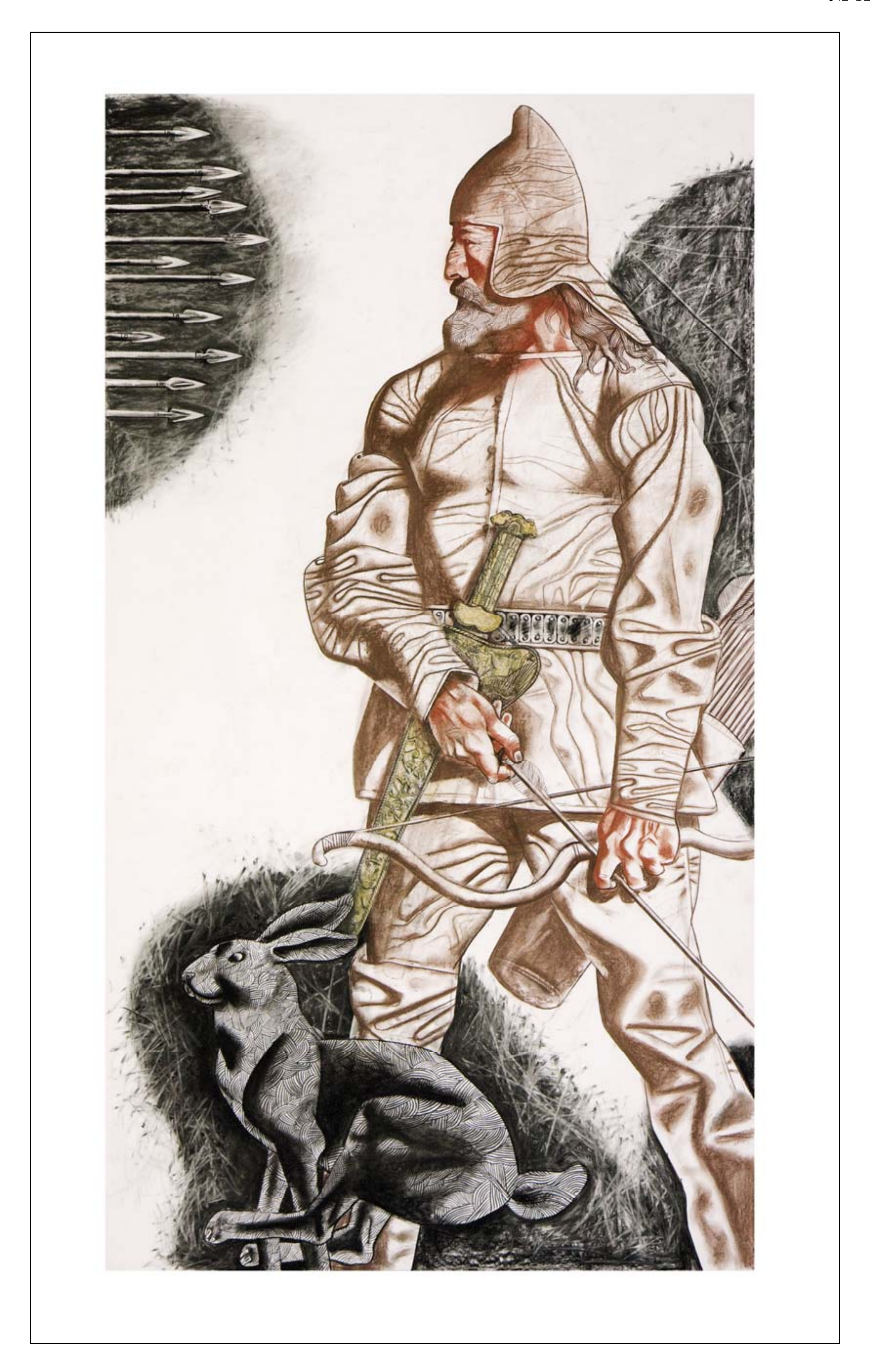

Рис. 7. Х. Савкуев. Скиф. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 7. Kh. Savkuev. Scythian. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

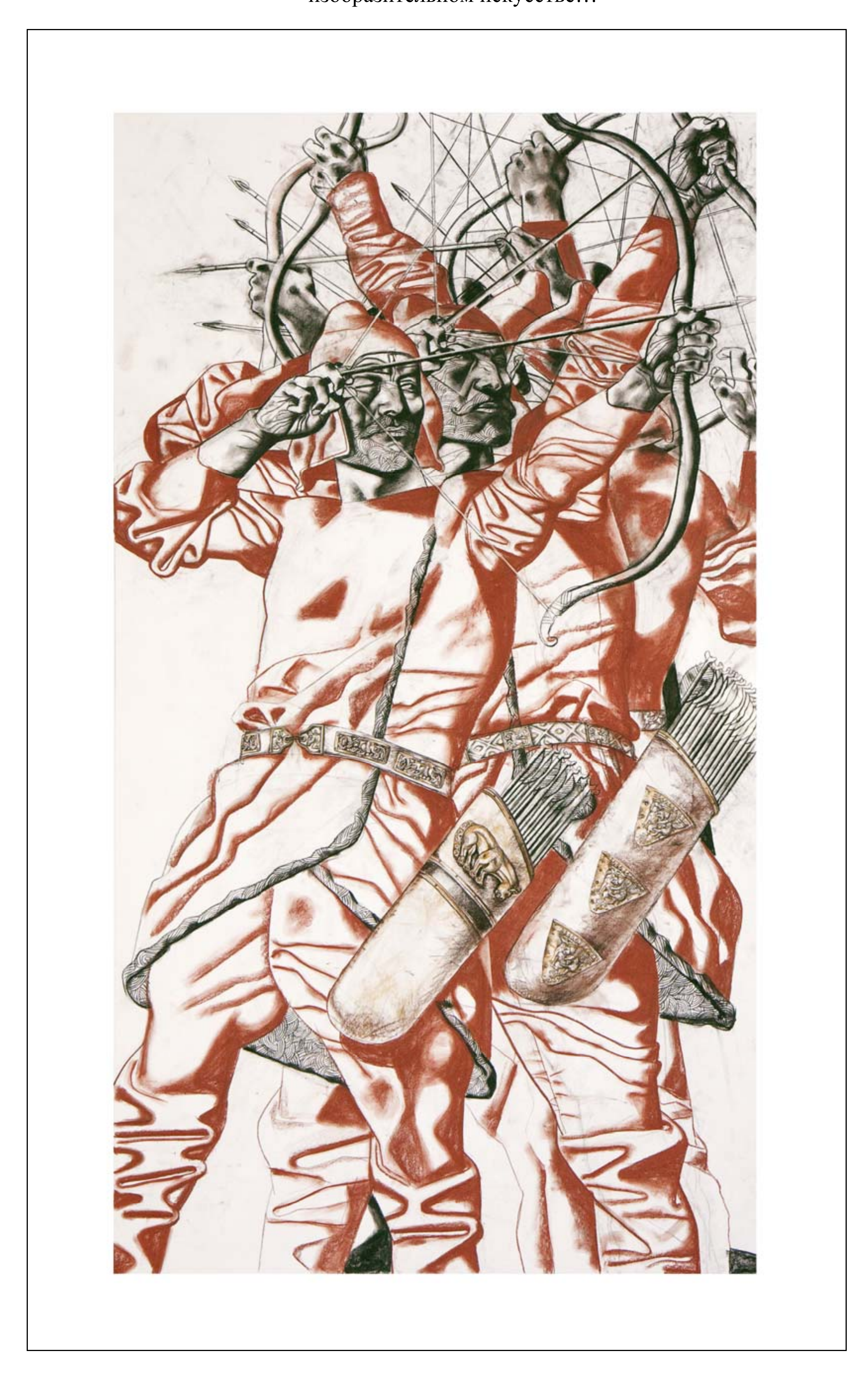

Рис. 8. Х. Савкуев. Лучники. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 8. Kh. Savkuev. Archers. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

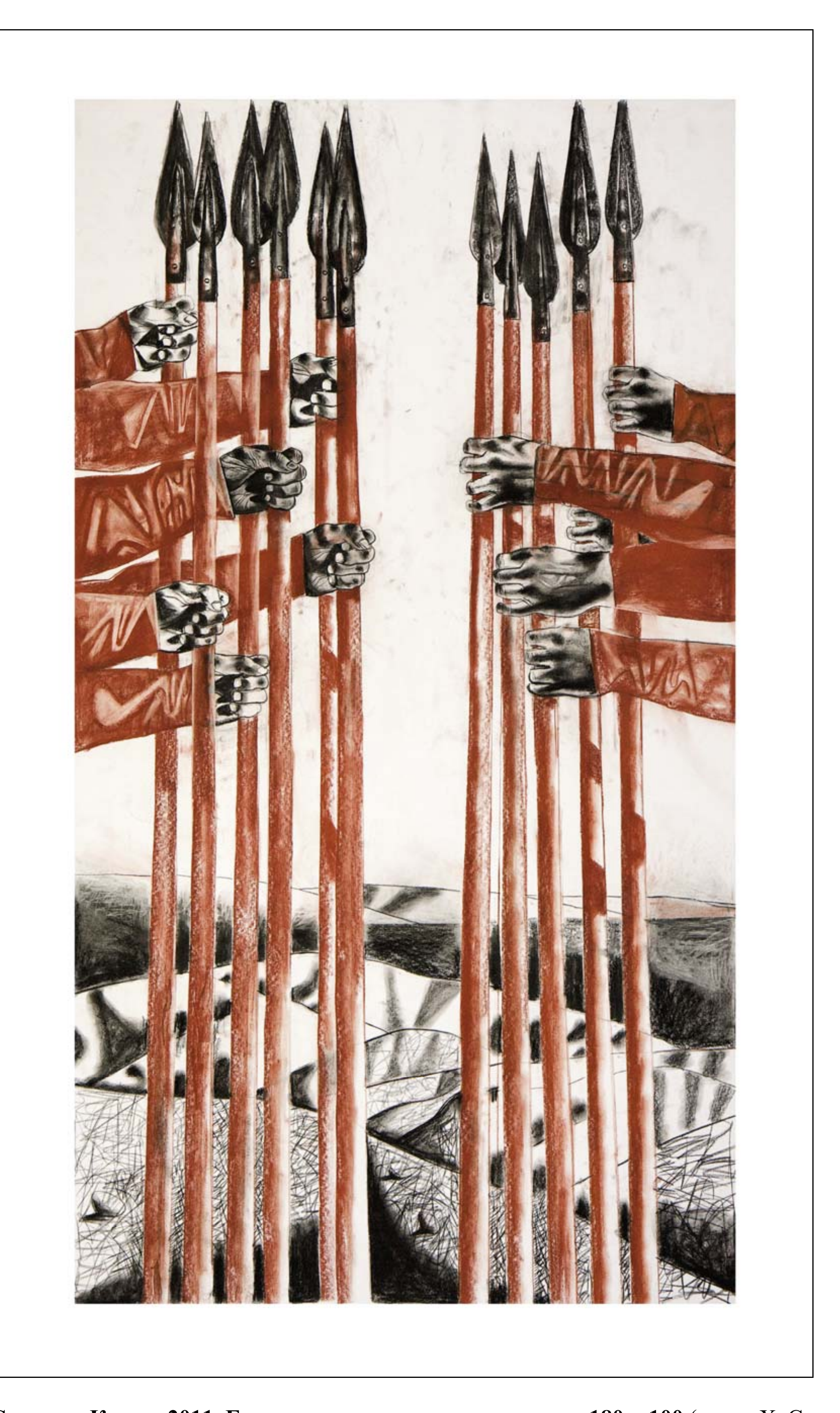

Рис. 9. Х. Савкуев. Копья. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 9. Kh. Savkuev. Spears. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

Рис. 10. Х. Савкуев. Мальчики Сауран и Аримас на коне. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 100 × 180 (архив Х. Савкуева).

Fig. 10. Kh. Savkuev. Boys Sauran and Arimas on horseback. 2011. Paper, sauce, mixed media. 100 × 180 (archive of Kh. Savkuev).

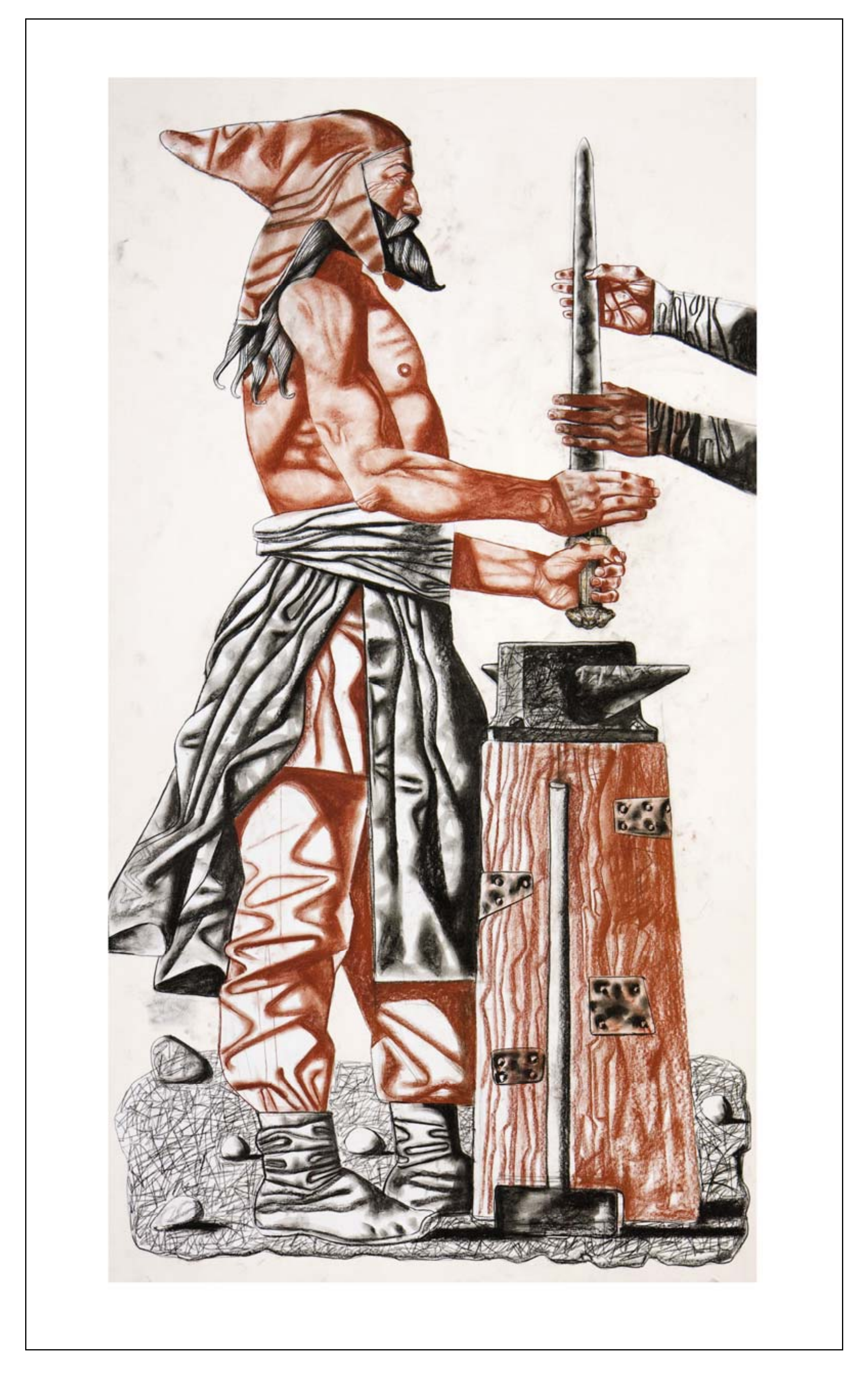

Рис. 11. Х. Савкуев. Аримас. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 11. Kh. Savkuev. Arimas. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

Рис. 12. Х. Савкуев. Старик Май. 2011. Бумага, соус, смешанная техника. 180 × 100 (архив Х. Савкуева).

Fig. 12. Kh. Savkuev. Old man May. 2011. Paper, sauce, mixed media. 180 × 100 (archive of Kh. Savkuev).

Музееведение

Museology

УДК 7.01+069.4
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00032

О.А. Туминская

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭКСПОЗИЦИИ РУССКОГО МУЗЕЯ: 1898—1928 гг.*

Приводится выставочная история коллекций Отделения христианских древностей (1898—1914), времени реставрационных начинаний (1914—1918), секции древнерусского искусства (1918—1925) и первой секции Художественного отдела Русского музея (1925—1928), где были выставлены к обозрению предметы гражданского и религиозного наследия Древней Руси. Среди экспонатов особое место занимали иконы византийского происхождения. Ко времени открытия Русского музея Его Императорского Величества Александра III, которое состоялось в марте 1898 года, экспозиция древнерусского искусства занимала 4 зала. Экспоцизионеры поняли, что весь массив памятников искусства должен быть распределен по залам не только хронологически, но и с учетом аспектов их генезиса. Таким образом, предметы византийского происхождения рассматривались как часть христианской культуры и предварительный этап древнерусского искусства. В 1928 году впервые византийское искусство предстало как самостоятельное явление и один из залов первого этажа Русского музея был назван «Византийской комнатой». О важности этой уникальной выставки свидетельствуют сохранившиеся архивные фотографии. Такая выставка сегодня была бы невозможна потому, что Русский музей утратил свою Византийскую коллекцию. В 1930-е годы Итало-греческие и византийские иконы были переданы из Русского музея в Государственный Эрмитаж, некоторые из них находятся в постоянной экспозиции. В коллекции Русского музея осталось несколько памятников византийского искусства, предваряющие осмотр общей экспозиции русского искусства.

Ключевые слова: выставка византийского искусства, Русский музей Его Императорского Величества Александра III, секция христианских древностей, Н.П. Сычев, А.П. Смирнов, Л.А. Мацулевич.

Сведения об авторе: Туминская Ольга Анатольевна, доктор искусствоведения, Государственный Русский музей.
Контактная информация: 191186, Россия, Санкт-Петербург, Инженерная ул., д. 4, Государственный Русский музей; e-mail: mmi@rusmuseum.ru.

O.A. Tuminskaya

BYZANTINE EXHIBITIONS IN THE RUSSIAN MUSEUM: 1898—1928

This article focuses on the exhibition history of collections of the Christian Antiquities Section (1898—1914), the Antiquarium (1914—1918), the Old Russian Art Section (1918—1925) and the First Section of the Art Department of the Russian Museum (1925—1928), where items of civil and religious heritage of Old Rus' were exhibited to public. Artifacts and icons of Byzantine origin held a special of place among the exhibits. By the time of inauguration of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III, which took place in March 1898, the exhibitors realized that the entire array of items should be allocated among the rooms not just chronologically, but also taking into account the aspects of their creation and provenance. Thus, objects of Byzantine origin were considered as part of Christian culture and a preliminary stage of ancient Russian art. In 1928, for the first time, Byzantine art appeared as an independent phenomenon and one of the halls of the first floor of the Russian Museum was called the "Byzantine Room". The importance of this unique exhibition is evidenced by the surviving archive photos. Such an exhibition would be

* Статья поступила в номер 25 июля 2020 г.
Принята к печати 10 августа 2020 г.

© О.А. Туминская, 2020.

impossible nowadays for a number of reasons, including the fact that the Russian Museum has lost its Byzantine collection. In the 1930-s, Italo-Greek and Byzantine icons were transferred from the Russian Museum to the State Hermitage, where some of them are exhibited permanently.

Key words: Byzantine art exhibition, the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III, Christian Antiquities Section, the Antiquarium, A.P. Smirnov, L.A. Matsulevich.

About the author: Tuminskaya Olga Anatol'yevna, Dr. habil. (Arts), State Russian Museum.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Engineering Str., 4, State Russian Museum; e-mail: mmi@rusmuseum.ru.

Проект Положения о Русском Музее императора Александра III в статье 597 за № 44 от 3 мая 1897 г. определил структуру и деятельность создаваемого под его патронажем нового культурно-просветительного учреждения (Отдел рукописей ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 54. Проекты Положения о Русском Музее и объяснительные записки к ним. 1897. Л. 61)[1]. Музей делится на три отдела, среди которых самым обширным является «II. Художественный» (Отдел рукописей ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем Сенате. 1897. Л. 11—11 об.). Памятники искусства, переданные из императорских дворцов, Эрмитажа и Академии художеств, распределились по отделам. Отделение христианских древностей (его основа — коллекция собрания Музея христианских древностей Императорской Академии художеств) вошло в Художественный отдел.

Иконы византийского письма поступили в Русский музей из Академии художеств, Археологической комиссии и частных коллекций в период формирования Отделения христианских древностей Русского музея императора Александра III (1898 г.).

Отделение христианских древностей открылось 7 (19) марта 1898 г. Оно вошло в состав Русского музея императора Александра III наравне с предметами искусства светского характера и заняло отведенную ему площадь на I этаже восточного крыла Михайловского дворца. Первые у входа четыре зала (с XXI по XVIII) оформлены по стилевому и региональному типу расположения коллекции. В XXI зале располагались греческие, византийские иконы и иконы с Афона и Италии (рис. 1—2).

При открытии Русского музея известным ученым в области культуры и искусства христианского Востока Н.П. Лихачевым и академиком исторической живописи Императорской Академии художеств и коллекционером М.П. Боткиным был составлен путеводитель по четырем залам экспозиции Отделения христианских древностей (Боткин, Лихачев 1898: 1—2), который в 1902 г. был переиздан. 2 апреля того же года А.А. Тевяшев, представляя отпечатанный каталог «Обозрение отделения христианских древностей Музея», просил разрешения «пустить его в продажу, определив продажную цену в 60 коп.». В апреле 1902 г. издан каталог с фотографиями (?).

Обратившись к «Обзору…» залов христианского искусства Русского музея, изданному бароном Н.Н. Врангелем, узнаем, что уже в первой выставке наличествовали иконы «Распятие», трех святых и Святого Григория Чудотворца, хорошо просматриваемые на фотографиях более позднего времени. Среди икон греческого письма в Музее Александра III старейшей может считаться драгоценный памятник иконописи, редчайшее «Распятие» настоящей византийской работы XIII в., писанное на тонкой дощечке. Привлекает внимание

[1] Одно из указаний Положения о музее гласит: «Все выставки должны быть обязательно русским, т.е. производимое или употребляемое исключительно в пределах Империи. Таким образом, весь Музей в совокупности явиться как бы картиною всей России.

икона трех святых: Филиппа, Феодора Тирона и Димитрия (№ 59) — прекрасный образец византийской иконописи на дереве, относящийся приблизительно к XIII—XIV вв. Типичный и весьма любопытный, хотя сильно пострадавший от времени, образ Святого Григория Чудотворца (№ 25) может быть отнесен ко времени не позже XV столетия. Номера икон старые, позволяющие увидеть и узнать икону на архивных фотоснимках. Редчайший образ Спаса Вседержителя (№ 85), из собрания М.П. Погодина, также относится к эпохе домонгольской Руси, а, значит, заметного еще византийского влияния. «Не менее интересный памятник византийской иконописи представляет прекрасное изображение Спасителя (№ 79), судя по надписи и фигуре коленопреклоненного мужчины, исполненное в XVII столетии, причем заказчиком и вкладчиком образа был великий примикирий и великий стратопедерах — важнейший сановник византийского двора» (Врангель 1907: 1—2).

Первая экспозиция вызвала резонные нарекания. На стенах размещалось множество икон. Шпалерная плотная развеска не предоставляла возможности скрупулезного и внимательного изучения, разглядывания каждого памятника обособленно. Собиратели икон и составители выставок вели постоянные переговоры по поводу переустройства открывшейся в Русском музее экспозиции Отделения христианских древностей.

Из отчета Русского музея за 1914 г. узнаем: «При основании Русского Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III из Императорской Академии художеств вместе с картинами и скульптурными произведениями русских художников было передано в Музей собрание древних икон и других памятников церковной старины, составившие основу той части Художественного Отдела Музея, которая до сего времени именовалась «Отделением Христианских древностей». Собрание это являлось весьма замечательным во многих отношениях, но Музей не имел никаких штатных ассигнований на Отделение, и до 1912 г. оно существовало в Музее, не получая достойного устройства и пополняясь лишь случайными поступлениями <…> В этот момент на помощь Музею пришло лицо, пожелавшее остаться неизвестным, которое пожертвовало 10 000 руб. на переустройство Отделения Христианских Древностей и 1 500 руб. на приобретение замечательной иконы Святого Георгия, приобрести которую на свои средства Музей не имел возможности.

На пожертвованные 10 000 руб. были оборудован деревянными витринами XVII и XIX залы, в которых размещены иконы Греческих и Новгородских писем» (Отчет Русского музея 1915: 18).

Первые греческие иконы были получены из Академии художеств и от частных коллекционеров. Они формировали отдел первой выставки христианских древностей при открытии Русского музея императора Александра III-го. Назовем некоторые из них.

1. Святой Илия пророк. XV век. Византия. Д., темпера. 73,3 × 47,5 × 2,8. Привезена с Афона. Благословение игуменаскита Илии Пророка. Пост. в 1897 г. из МАХ; ранее — в собрании П. И. Севастьянова. ДРЖ—1220.

2. Распятие. XIV в. Византия. Д., темпера. 24 × 17,9 × 1,5. Привезена с Афона. Пост. в 1897 г. из МАХ; ранее — в собрании П.И. Севастьянова. ДРЖ—219.

3. Успение Богоматери. Вторая половина XIV в. — начало XV в. Византия. Д., темпера. 59 × 46,5 × 4,5. Привезена с Афона. Приобретена в Карее. Пост. в 1897 г. из МАХ; ранее — в собрании П.И. Севастьянова. ДРЖ—1561.

4. Жены мироносицы у Гроба Господня. Фрагмент иконы-эпистилия. XIV — первая половина XV в. Византия. Д., темпера. 41,5 × 32,8 × 3,9. Привезена из скита Илии Пророка. Пост. в 1897 г. из МАХ; ранее — в собрании П.И. Севастьянова. ДРЖ—1591.

Кроме икон русских мастеров в музее хранится небольшая коллекция византийской и поствизантийской живописи, а также фрагменты стенописей из древнерусских храмов, уникальное собрание факсимильных копий фресок, рукописные и старопечатные книги.

В 1910—1912 гг. приобретено музеем от Л.Д. Шнидия за 500 руб. 13 старо-греческих и русских икон (09.02.1910 г.) и от Г.И. Чирикова Помянник греческой работы XVI в. (Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 1. Д. 135. Переписка с хранителями ХО о приобретении предметов для Отделения христианских древностей. 1900—1916. Л. 11. (Принято от Г.И. Чирикова 17.04.1912). Л. 11).

Разросшееся собрание Русского музея б. императора Александра III, благодаря поступившей в 1913 г. коллекции Н.П. Лихачева, должно было быть систематизировано к готовящемуся открыться в 1914 г. Древлехранилищу. Деление на художественные школы и века помогло устроителям новой экспозиции выделить важные направления во вновь организуемой выставке. Главная идея заключалась в демонстрации выделившегося из византийского искусства нового самобытного направления — отечественной художественной живописи, ярким доказательством чего явилась новгородская иконопись.

Позволим процитировать Н.П. Сычева в данном им в 1916 г. описании византийских памятников XVII зала открывшегося в 1914 г. Древлехранилища. Характер этого зала — вводный. Кроме небольшой иконы святого первомученика Стефана (№ 1810), вопрос о времени написания которой до сих пор остается спорным, древнейшим образцом византийской иконописи XI—XII вв. является здесь замечательная по сохранности икона святого Григория Чудотворца, облаченного в белую, слегка желтоватую, фелонь и белый омофор с большими орнаментированными золотом крестами, еще сохраняет декоративную манеру, характерную для византийской монументальной живописи этого времени. Схематично написанный лик святого, несмотря на попытку обозначить тени, выглядит плоским. Фигура очерчена уверенно и ясно, но также схематично и строго. Какую-то особую торжественность придает иконе ее золотой фон, красиво гармонирующий со светлыми красками одежды и несколько смуглым колоритом лика. Более поздними, но также еще хранящими отзвуки декоративной манеры, является иконы святых Георгия, Феодора Тирона и Димитрия (№ 159) и вторая, лучше сохранившаяся — Филиппа, Феодора Тирона и Димитрия (№ 190). К XII—XIII вв. относятся иконы Пятидесятницы (№ 196) и Воскресения Христова (№ 192). <…> Другие византийские иконы, среди которых важнейшей является поясная икона Пантократора (№ 917), написанная по заказу византийских сановников — Иоанна, великого примикирия, и Алексия, великого стратопедарха, служит уже представителями новой «живописной» манеры XIV в.» (Сычев 1916: 7—8).

Организация экспозиции Русского музея, которая бы могла бы представить эволюцию русского искусства, потребовала от многих сотрудников музея и внешних консультантов ответственной и напряженной работы. Экспозиция — центральное место в музее, оно должно притягивать зрителя, воспитывать его, формировать эстетический вкус. Умело и профессионально грамотно выстроенная экспозиция должна быть понятна без слов экскурсовода. Рассуждения известного специалиста в области музееведения, византиниста, сотрудника Эрмитажа и лектора Л.А. Мацулевича в обзоре его музееведческой и преподавательской деятельности, обобщенные В.Г. Ананьевым, могут звучать своеобразным девизом: «экспозиция должна учитывать зрителя и вырабатывать особый язык “гибко укладывающийся в сознание масс”» (Ананьев 2013: 506).

В 1922 г. велась работа на постоянной экспозиции. Сведения взяты из отчетных документов Русского музея. «В Отделении древнерусского искусства согласно плану, утвержденному Советом Художественного Отдела, выполнено переоборудование и новая

развеска памятников византийского, итало-греческого и поздне-греческого искусства в *зале XVII*, в связи с научными требованиями их размещения в хронологическом порядке и на основании данных эволюции художественных форм и стилей в различных географических районах. Выделены в особые группы памятники византийские XI—XIII вв. школы Палеологов, школы балканские (т.н. итало-критская) в ее византизирующем и итальянизирующем аспектах и поздне-греческая школы. Начата и продолжается по плану, утвержденному Советом Художественного Отдела, работа по переоборудованию на тех же принципах материалов *XVIII зала*, отведенного для экспозиции памятников древнерусской живописи XIII—XV вв. и прикладного искусства (резьба по кости, дереву, камню, произведений литья, чеканного, сканного и басменного дела)» (Ведомственный архив ГРМ. Ф. 128 (ф. Нерадовского П.И.). Оп. 6. Д. 292. Отчеты Художественного Отдела ГРМ за 1922—1928 гг. и статья П. И. Нерадовского «Русский музей» 1925—1928. Л. 73).

Обратим внимание, что в Проекте экспозиции 1922 г. упоминаются залы со старыми наименованиями, относящимися к 1915 г.[2]. Так, «XXI зал; греческая кладовая» соответствуют первому от вестибюля залу нижнего этажа и расположенной вдоль северной стены зала продолговатой комнаты, именуемой «греческой кладовой», в которой, по всей вероятности хранились произведения греческого и византийского письма, выставляемые взамен висевших в этом зале. Наименования соответствовали привычному к тому времени расположению залов: от садового вестибюля к парадному вестибюлю. Краткие пояснения к плану постоянной выставки Художественного Отдела Русского музея на 1922 г. содержат обозначение: II—III залы ― памятники византийского, итало-греческого, юго-славянского и поздне-греческого искусства. Представлен План выставки «Живопись Византии и круг ее влияний» (Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 266. Выписка из ЖЗКО об устройстве выставки «Живопись Византии и круг ее влияний». 1922. Л. 6—8)[3]. Зал является вводным в систему экспозиции зал VI—IX. Такое расположение и наименование относится ко времени бытования Отделения древнерусского искусства, планируемого быть на нижнем этаже восточного крыла Михайловского дворца.

В 1922 г. открывается первая хронологически выстроенная экспозиция Русского музея по авторскому проекту П.И. Нерадовского. В основе — историко-монографический принцип. Живопись и скульптура распределены по дате их создания с учетом стилевых направлений и общности сопутствующего им времени. П.И. Нерадовский подбирал произведения в единстве с интерьером и также выбирал соответствующую художественным произведениям окраску стен в залах (Нерадовский 1965: 177). Впервые можно говорить о систематически продуманной линии экскурсионного маршрута. Приведя группу зрителей в залы музея, появилась возможность дать полное представление о почти тысячелетней истории развития русского искусства — от залов древнерусского искусства до

---

[2] Упоминаемые в списке залы: XXI зал; греческая кладовая; XX зал; кладовая нижнего коридора; верхний зал в кладовой; зал XVII, горизонтальная витрина; зал XIX, шкаф С, верхняя полка; зал XX, шкаф Н, нижняя полка; зал XVIII, шкаф 10; зал XX, шкаф Н; зал XX, Суздальская витрина; зал XX у Строгановской витрины; зал XX над щитом; кладовая нижнего коридора; коридор за греческой кладовой; верхний зал в кладовой; Тенишевский зал; зал XVIII, горизонтальная витрина.

[3] План выставки «Живопись Византии и круг ее влияний». 1. Образцы эллинистического искусства как источника византийской художественной культуры, устанавливающие преемственность и понимание проблем цвета, фактуры, объема (или плоскости) и конструкции. 2. Образцы искусства древнего Востока, участвовавшее в развитии художественных принципов Византии. 3. Образцы иконографии древнего мира, принадлежащие созданию христианской иконографии. 4. Образцы византийского искусства до VIII в. 5. Византийская живопись эпохи расцвета (X и XII вв.). 6. Византийская живопись XIV—XV вв. 7. Итало-критская икона. 8. Ранние итальянские школы (Венеция, Сиена, Пиза, Флоренция). 9. Живопись Балканских славян. 10. Искусство Киевской эпохи. 11. Живопись Новгорода и Пскова. 12. Живопись Москвы и севера (вплоть до Поморья).

экспериментальных проектов художников-современников П.И. Нерадовского. Музей занимал основной корпус, флигель Росси и корпус Бенуа. Также появилась возможность у одиночных посетителей в результате выверенного маршрутом осмотра получить целостное представление об эволюции русского изобразительного искусства.

Главной вехой в истории просветительского дела Государственного Русского музея стал 1928 г., когда открылось Бюро просветительской службы, явившееся фундаментальным вкладом в развитие всей системы культурной пропаганды музея. Работа со зрителем приобретала необходимые времени формы — общественные лекции, обзорные экскурсии, консультации с одиночным посетителем. Вместе с тем шла плодотворная работа по повышению уровня профессиональных качеств сотрудников отдела пропаганды. Велось рецензирование искусствоведческих рефератов, оказывалась помощь периферийным музеям в освоении экскурсионных маршрутов, осуществлялось налаживание связей с гуманитарными ВУЗами и общественными организациями Ленинграда и Москвы, происходил обмен опытом с Эрмитажем, Третьяковской галереей и повышение квалификации сотрудников просветительской службы, организовывались экспедиции и командировки по отбору художественных памятников совместно с сотрудниками научной части музея.

Иконы византийского письма входили во все экспозиции древнерусского искусства, организованные Русским музеем на протяжении 1898—1928 гг., в 1925 г. они выделились в общий стенд, а в 1928 г. знаменитые иконы Григория Чудотворца, Феодора Стратилата и трех святителей стали основой зала, посвященного искусству Византии (рис. 3).

«Выставленные в витрине 1 иконы дают образцы пошибов периода второго расцвета византийского стиля, падающего на время IX—XIII вв. Среди них следует отметить большой образ Григория Чудотворца, являющегося иконной репликой монументального стиля настенных мозаик и росписей X—XI вв. Здесь же икона «Святые воины Феодор и Дмитрий и апостол Филипп» XI в.» (Смирнов 1928: 9).

Довольно много сохранилось икон на сюжет «Пятидесятница — Сошествие Святого Духа на апостолов». Аналогии в Старый стиль иератической строгости постепенно заменяется веяниями переходного времени.

В 1928 г. оформлен I зал: памятники византийского, итало-греческого и поздне-греческого искусства, проработан этикетаж. Выпущен путеводитель по залу византийского искусства, написанный Помощником Хранителя Отделения древнерусского искусства Художественного Отдела А.П. Смирновым, с каталогом предъявленных в этом зале памятников[4].

«Выставленные в витрине 1 иконы дают образцы пошибов этого периода второго расцвета византийского стиля, падающего на время IX—XIII в. Среди них следует отметить большой образ Григория Чудотворца (№ 234) в которой более древний иконографический извод, краснофонной иконы «Преображения» (№ 2390), в которой необходимо обратить внимание на живописную игру красными пятнами в чередовании нимбов, композиционно вторящих по круглой линии центральном ореолу вокруг фигур торжественно поставленного Христа, и на сплав эллинистических отражений (юные лики пророка Моисея, юного апостола, традиционно удержались ее античные драпировки большинства лиц) с новыми внедрениями восторжествовавшего в христианском искусстве Византии Востока (сумрачные кавказские типы Христа пророка Илии, одежды последнего). Возможно, что эта икона (IX—X в.) является древнейшей в нашем собрании. Те же типы, тот же художественный сплав

[4] Номера икон соответствуют указанному времени.

наблюдается в также фрагментарно сохранившейся иконе XII в. (№ 190) см изображением двух излюбленных среди греческого военно-служилого класса святых воинов — Феодора и Дмитрия и апостола Филиппа (№ 204; 1745). Сведенный к небольшим размерам моленной иконы монументальный стиль подчеркнут в ней типичными для времени ее возникновения аркатурами на пучковых, жгутом перевязанных по середине полуколонках, но и сам конструктивный по существу элемент, как колонна, приобретает в этом смысле орнаментально причудливый характер. Две другие иконки (№ 1912 и 196), некогда безусловно составлявшие части единого фриза — иконостасного тябла с двунадесятыми праздниками, икона «Воскресения Христова», по излюбленному в Византии мифически-апокрифическому изводу «Сошествия Христа во ад», и икона «Пятидесятницы—Сошествия святого Духа на апостолов», переходного времени XII—XIII вв. где в некотором оживлении фигур заметно же сказались веяния более гибкой книжной миниатюры» (Смирнов 1928: 9—10).

В византийском искусстве иконы «Святой Феодор Стратилат» и «Чудо Георгия о Змие» довольно характерны и распространены. Мозаичные иконы названных святых входили в собрание А.П. Базилевского (Пятницкий 2006: 119—120).

В том же 1928 г. в Русский музей из Павловского дворца-музея поступило наибольшее количество икон балканских писем (греческих и славянских), собранных в свое время камергером С.Н. Смирновым. В большинстве случаев, падая хронологически на XVII—XVIII вв., эти памятники характеризуют народные, приближающиеся к лубку, иконописные школы балканских христиан, отражая последние этапы развития византийского стиля (Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. Доп.1. Д. 532. Отдел древнерусского искусства 1928. Л. 2).

В 1928 г. выпущен путеводитель по Русскому музею под редакцией ученого секретаря Н. Черепнина. Им указано, что Отделение древнерусского искусства входит в Художественный Отдел. Обзор выставки следует начинать с I зала Отделения древнерусского искусства (в нижнем этаже), где «выставлены вводящие в понимание древнерусского искусства подсобные коллекции памятников византийских, балканских, греко-итальянских и иных разветвлений византийской культуры X—XVII вв. Собрание русских памятников древней живописи и декоративного искусства XIII—XVII вв. размещены в залах II, III, IV и V. Залы VI и VII предназначены для коллекций древнерусского декоративного искусства.

I зал. Собрание византийских, греко-итальянских, балканских, афонских и поздне-греческих икон X—XVII столетий, Египто-эллинистический погребальный портрет II—III столетий нашей эры и коптское изображение V—VI столетий, византийская серебряная древохранительница (ставротека) XII в.» (Государственный Русский музей 1928: 5).

Фотографии «Византийского зала»[5] относятся к 1930 г. На них можно рассмотреть стенд у окон южной стены, именуемый «Церковь и феодал». По всей вероятности, на фотографии представлена экспозиция 1928 г., которая к выставке в 1930 г. была дополнена произведением «Пятидесятница» XIV в. (№ 196) и двумя иконами «Сошествие во ад» XIII в. (№ 192, 3005). Иконы «Георгий, Феодор и Димитрий» XII в. (№ 204) и находятся в центре стенда. В одном из напольных стендов экспонировался крест-энколпион.

К 1930 г. формируется экспозиция «Русское искусство ранне-феодального периода» (рис. 4), в раздел которой вошли иконы византийского письма (как центра, так провинций и

[5] Благодарю сотрудников сектора архива изображений ГРМ под руководством заведующей Г.А. Поликарповой за помощь в подборе, атрибуции и технической обработке архивных фотографий и документов.

колоний) и были расположены в трех залах нижнего этажа восточного крыла Михайловского дворца[6]. Предположительно, это залы 3, 5 и 6.

Иконы представлены наряду с произведениями прикладного искусства Древней Руси: крестами-тельниками, энколпионами, дарохранительцами, ковчежцами. Произведения пластики выставлены в шкафах, имеющих для лучшего обзора верхнюю крышку стеклянной.

На фотографии видна правая от входа в зал III стена с нишей, в которой размещены иконы повседневного употребления. Они малого размера, тонкие и изображающие праздники и, возможно, патрональных святых. В вертикальных шкафах находились иконы святого Григория Чудотворца, Феодора и трех святителей. Наряду с иконами выставлены украшения личного пользования (нательные кресты, браслеты, колты, кольца, защепы, застежки, фибулы). Отдельного внимания заслуживают остатки тканого полотна, использовавшегося в ритуальном обряде. Этот стенд подписной, наверху тематическая надпись: «Торговые сношения с Византией».

Левая от входа в зал № 5 стена украшена стендом, повествующем об отношении церкви к феодалу. Название стенда «Церковь и феодал». Иконы, изображающие феодала-воина, феодала-правителя, феодала-государственного деятеля сопровождены надписью: «Церковь перенесла на русскую почву византийские представления об устроенности власти. Памятники искусства представляют светскую власть, окруженную ореолом святости божественности». Северная стена развивает тему «Феодал и церковь», представляя изображения святых покровителей воинов.

С 1930 г. во все музеи РСФСР были разосланы директивы с указанием перестройки существующих экспозиций музеев. В большей степени распоряжения Главнауки об изменении касались тех музеев, в которых хранились предметы религиозной тематики. Отдел культуры и пропаганды Главнауки создан в январе 1930 г. В нем сосредотачивалось руководство культурным строительством страны, народным просвещением, печатью, воспитанием членов партии. Был создан сектор культурного обслуживания рабочих и колхозных масс (Институты управления культурой 2004: 39—40). Требование времени заключалось в проведении антирелигиозной политики государства. Согласно инструктивному письму от 26.04.1930 г. «следовало перестроить экспозиции таким образом, чтобы они «отвечали задачам освещения истории искусства как общего процесса /классовая борьба/, отраженного в материале искусства. Необходимо для правильной ориентировки зрителя искусства и углубления просветительных функций музея пересмотреть и перегруппировать регулярные собрания» (Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 810. Л. 148. Переписка с Академией истории материальной культуры, Государственным Эрмитажем, Главискусством… о передаче и обмене произведениями искусства. 1930. Л. 148).

Между Византийским Отделением Государственного Эрмитажа и Отделением древнерусского искусства Государственного Русского музея развернулось «социалистическое соревнование», предусматривающее систематизацию коллекций музеев по их хронологическому принципу и регионального происхождения. Устные распоряжения и постановления Совещания представителей Эрмитажа и Русского музея выводили на осознание факта «размежевания коллекций». Памятники византийского круга следовало хранить в Эрмитаже, а древнерусские в Русском музее. В 1929—1930 гг. осуществилась работа по передаче памятников музеям с целью формирования профессионально узких коллекций, дающих возможность ученым глубже изучать свой предмет, а зрителям видеть

[6] 1925 — привезены памятники из магазина «Госфонд», 2707 экспонатов поступило из Кабинета археологии и искусства Археологического общества при ЛГУ. Выделена экспозиция византийской живописи (залы № 5—7 нижнего этажа).

как можно больше памятников высокохудожественного исполнения. В результате установленной договоренности в мае, июне и октябре 1930 г. из Русского музея в Государственный Эрмитаж по двум актам было передано 118 и 287 номеров памятников соответственно (Отдел рукописей ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1031. Материалы об обмене картинами и художественными предметами между Эрмитажем и музеями Нового западного искусства, Музеем изящных искусств, Русским музеем и другими (акты, докладные записки, переписка и др.). 1929—1931. Л. 212—217). Отдельным актом был передан «Спаситель» (по характеристике барона Н. Врангеля № 79) или икона «Пантократор», по сведениям Н.П. Сычева № 917, а по документам 1930 г. «византийская икона “Пантократор” № 217».

Как указывает заведующий I Отделением Художественного Отдела ГРМ П.И. Сычев, «с 1 октября 1929 г. по январь 1931 г. передано в Эрмитаж более 455 произведений»[7].

Целесообразность выделения в составе коллекций Государственного Эрмитажа Отделения византийского искусства не вызывало сомнений, а вот принадлежность этого отделения фондам Востока или Запада будила дискуссии. В 1916 г. Н.П. Сычев пишет: «Как всегда бывало при решении вопроса “Восток-Запад”, где началось возрождение новых форм искусства — в Византии или в Италии, — по этому вопросу до сих пор раздаются противоположные друг другу мнения. Рядом с теориями, высказанными ученым, авторитет имен которых считается общепризнанным, заговорили молодые силы, прозвучали новые теории, догадки, предположения <…> Теперь можно лишь сказать, что результаты недавнего спора налицо: необходимость более точного историко-сравнительного изучения» назрела. (Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 787. Индивидуальные отчеты 1931 год. 1931. Л. 37).

Историк-медиевист Н.Н. Розенталь ратует за включение отдела истории Византии в качестве особого подотдела в отдел истории Запада эпохи феодализма. И 18 мая 1931 г. пишет в докладной записке начальству, что «соединять Византию с Востоком неправильно, т. к. для исторического развития Востока Византия имела гораздо меньше значения, чем для исторического развития Запада. Византия больше брала от Востока, чем давала ему, т. к. Запад, по крайнее мере, до XII в. развивался под определяющим влиянием Византии. Вследствие чего историю феодального Запада значительно труднее понять без изучения истории Византии, чем историю Востока» (Отдел рукописей ГЭ. Ф. 1. Оп. 175. Д. 190. Докладные записки заведующих отделами по музейным вопросам. 1931. Л. 7). Раздел «западников и восточников» по вопросу определения значимости Византийского наследия и методов его изучения повлиял на особенность формирования направлений художественных коллекций музеев и работы научных и исследовательских институтов. М.Я. Сюзюмов, воспитанник Тартусского университета (Запад) создал на Урале школу византиноведения (Восток). Основа научной концепции М.Я. Сюзюмова — «это идеи континуитета, альтернативы путей исторического развития Византии («каролингского» и «венецианского») и вытекающего отсюда столкновения двух группировок господствующего класса, тезисы об

[7] Главнейшая работа I Отделения была связана с осуществлением плана марксистской реконструкции экспозиции Отделения. Т.к. Художественный Отдел ГРМ располагал весьма ограниченным материалом для осуществления экспозиции комплексным методом, Отделением были произведены большие работы по добыванию экспонатов. Значительный материал для этой цели был получен из Византийского отделения Государственного Эрмитажа в связи с происходившим в порядке Соцсоревнования разграничением имущества между Государственным Эрмитажем и Государственным Русским Музеем. Согласно такому размежеванию имущества в Государственный Эрмитаж было передано I Отделением Художественного Отдела ГРМ собрания византийских и итало-греческих памятников — всего 455 единиц хранения; с другой стороны Византийским Отделением Эрмитажа передано в I Отделение Художественного Отдела ГРМ 949 памятников искусства феодального периода разного рода техники.

особом месте города и городского хозяйства в жизни империи», — пишет о том же разделе понимания значения влияния истории и культуры Византии М.А. Поляковская к XVIII Международному конгрессу византинистов (Поляковская 1990: 5—6).

1930—1935 — в Государственный Эрмитаж передан основной состав памятников второго раздела коллекции Н.П. Лихачева — византийские и итало-греческие иконы, пополнившие фонд Отдела Востока. Среди них — такие шедевры, как «Первомученик Стефан» (№ 1726) и «Святой Стефан» (в рост) XI—XII вв., «Иоанн Предтеча» XIV в. (№ 206) (Отдел учета ГРМ. Акт № 291 от 14 мая 1930 г. О передаче икон. 1930—1931. Л. 104—109).

На основании приведенных данных об истории экспозиции экспонатов византийского происхождения в Русском музее можно уверенно заявить, что с начала поступления раритетов в б. Музей императора Александра III (1895—1898 гг.) и завершая их бытование в составе Государственного Русского музея (1935), иконы византийских мастеров играли важную роль в становлении и научном изучении истории искусства христианского Востока. Они формировали платформу научных изысканий в свете отображения общих и частных вопросов художественного стиля. При изучении этих памятников исследователи находили ответы на такие вопросы, как: проявление отблеска имперской власти в изобразительном искусстве, о бытовании народных вкусов в иконописании, о влиянии культуры Византии на Востоке и Западе, о бытовании художественных традиций Византии в сопредельном мире, изучение авторского исполнения культовых сюжетов, патронального посвящения, технико-технологические находки, сохранность и возможность экспозиционной работы. Время нахождения икон византийского письма высокого качества и различного композиционно-содержательного исполнения в стенах Русского музея является исторически завершенным. После передачи иконы из хранения Государственного Русского музея вошли в состав коллекции Государственного Эрмитажа и заняли почетное место в экспозиции, либо пополнили хранительскую часть его собрания. В любом случае, возможность восстановления экспозиции в современных условиях не имеет перспективы. Так или иначе, экспонирование Византийского зала в 1928—1930 гг. в Русском музее нынче представляется полностью исчерпывающим себя явлением, дающим возможности детального и подробного научного изучения на основании сохранившихся путеводителей, научных докладов и благодаря уцелевшей галерее архивных фотоснимков, находящихся в секторе архива изображений Государственного Русского музея.

Литература

Ананьев В.Г. 2013. Музееведение в преподавательской деятельности Л.А. Мацулевича: по материалам фонда ученого. *Вспомогательные исторические дисциплины* XXXII, 498—508.

Боткин М.П., Лихачев Н.П. 1898. *Обозрение Отделения Христианских древностей в музее императора Александра III. Краткое описание зал 18—21*. Санкт-Петербург: Типография В.С. Балашов и Ко.

Ведомственный архив ГРМ. Ф. 128 (ф. Нерадовского П. И.). Оп. 6. Д. 292. Отчеты Художественного Отдела ГРМ за 1922—1928 гг. и статья П. И. Нерадовского «Русский музей» 1925—1928. Л. 73.

Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 1. Д. 135. Переписка с хранителями ХО о приобретении предметов для Отделения христианских древностей. 1900—1916. Л. 11. (Принято от Г. И. Чирикова 17.04.1912).

Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 1. Д. 260. Проект экспозиции и описание экспонатов отделения древнерусского искусства Музея. 1915—1922. Л. 24—25.

Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 266. Выписка из ЖЗКО об устройстве выставки «Живопись Византии и круг ее влияний». 1922. Л. 6—8.

Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 787. Индивидуальные отчеты 1931 год. 1931. Л. 37.

Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 810. Л. 148. Переписка с Академией истории материальной культуры, Государственным Эрмитажем, Главискусством… о передаче и обмене произведениями искусства. 1930.

Ведомственный архив ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. Доп.1. Д. 532. Отдел древнерусского искусства 1928. Л. 2.

Врангель Н.Н. (сост.). 1907. *Обзор Русского музея императора Александра III.* Санкт-Петербург: Акционерное Общество Типографского Дела в СПб. (Герольд).

Государственный Русский музей. Краткий путеводитель. 1928. Ленинград: ГРМ.

Институты управления культурой в период становления. 1917—1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: схемы. 2004. Москва: Российская политическая энциклопедия.

Нерадовский П.И. 1965. *Из жизни художника*. Ленинград: Художник РСФСР.

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при правительствующем Сенате. 1897. Л. 11—11 об.

Отдел рукописей ГРМ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 54. Проекты Положения о Русском Музее и объяснительные записки к ним. 1897. Л. 61.

Отдел рукописей ГЭ. Ф. 1. Оп. 175. Д. 190. Докладные записки заведующих отделами по музейным вопросам. 1931. Л. 7.

Отдел рукописей ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1031 (№ 89). Акт № 95. По обмену музейными предметами. 1929—1931. Л. 216.

Отдел рукописей ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1031. Материалы об обмене картинами и художественными предметами между Эрмитажем и музеями Нового западного искусства, Музеем изящных искусств, Русским музеем и другими (акты, докладные записки, переписка и др.). 1929—1931. Л. 212—217.

Отдел учета ГРМ. Акт № 291 от 14 мая 1930 г. О передаче икон. 1930—1931. Л. 104—109.

Отчет Русского Музея Императора Александра III за 1914 год. 1915. Петроград: Типо-Литография «Энергия».

Поляковская М.А. 1990. Византиноведение на Урале. *АДСВ.* Вып. 25. *Византия и сопредельный мир*, 5—7.

Пятницкий Ю.А. 2006. Две мозаичные византийские иконы из собрания А.П. Базилевского В: Залесская В.Н. (ред.). *Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов* Санкт-Петербург: ГЭ, 111—137.

Смирнов А.П. 1928. *Памятники византийской живописи*. Ленинград: ГРМ.

Сычев Н.П. 1916. *Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины имени императора Николая II при Русском музее императора Александра III.* Петроград: Сириус.

Туминская О.А. 2020. История просветительской деятельности на экспозициях древнерусского искусства в Русском музее: 1898—1941 гг. *Страницы истории отечественного искусства* XXXV, 159—169.

Шалина И.А. 2008. Этапы формирования отделения христианских древностей Русского музея Императора Александра III. *Коллекции и коллекционеры* XVI, 7—22.

References

Ananyev, V.G. 2013. In *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny (Auxiliary historical disciplines)* XXXII, 498—508 (in Russian).

Botkin, M.P., Likhachev, N.P. 1898. *Obozreniye Otdeleniya Khristianskikh drevnostey v muzeye imperatora Aleksandra III. Kratkoye opisaniye zal 18—21 (Review of the Christian Antiquities Department in the Museum of Emperor Alexander III. A brief description of the hall 18—21)*. Saint Petersburg: Tipografiya V.S. Balashov i Ko (in Russian).

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. 128 (f. Neradovskogo P. I.). Op. 6. D. 292. Otchety Khudozhestvennogo Otdela GRM za 1922—1928 gg. i stat'ya P. I. Neradovskogo “Russkiy muzey” 1925—1928. L. 73.

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. GRM (I). Op. 1. D. 135. Perepiska s khranitelyami KHO o priobretenii predmetov dlya Otdeleniya khristianskikh drevnostey. 1900—1916. L. 11. (Prinyato ot G. I. Chirikova 17.04.1912).

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. GRM (I). Op. 1. D. 260. Proyekt ekspozitsii i opisaniye eksponatov otdeleniya drevnerusskogo iskusstva Muzeya. 1915—1922. L. 24—25.

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. GRM (I). Op. 6. D. 266. Vypiska iz ZHZKO ob ustroystve vystavki «Zhivopis' Vizantii i krug yeye vliyaniy». 1922. L. 6—8.

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. GRM (I). Op. 6. D. 787. Individual'nyye otchety 1931 god. 1931. L. 37.

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. GRM (I). Op. 6. D. 810. L. 148. Perepiska s Akademiyey istorii material'noy kul'tury, Gosudarstvennym Ermitazhem, Glaviskusstvom… o peredache i obmene proizvedeniyami iskusstva. 1930.

Vedomstvennyi arkhiv GRM. F. GRM (I). Op. Dop.1. D. 532. Otdel drevnerusskogo iskusstva 1928. L. 2.

Wrangel, N.N. (sost.). 1907. *Obzor Russkogo muzeya imperatora Aleksandra III (Review of the Russian Museum of Emperor Alexander III)*. Saint Peterburg: Aktsionernoye Obshchestvo Tipografskogo Dela v SPb. (Gerold) (in Russian).

Gosudarstvennyy Russkiy muzey. Kratkiy putevoditel' (State Russian Museum. Short guide). 1928. Leningrad: GRM (in Russian).

Instituty upravleniya kul'turoy v period stanovleniya. 1917—1930-ye gg. Partiynoye rukovodstvo; gosudarstvennyye organy upravleniya: skhemy (Institutions of culture management during the formative period. 1917—1930s Party leadership; government bodies: schemes). 2004. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Neradovskiy, P.I. 1965. *Iz zhizni khudozhnika (From the life of the artist)*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR (in Russian).

Otdel rukopisey GRM. F. 127. Op. 1. D. 1. Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva, izdavayemyye pri pravitel'stvuyushchem Senate. 1897. L. 11—11 ob.

Otdel rukopisey GRM. F. 127. Op. 1. D. 54. Proyekty Polozheniya o Russkom Muzeye i ob"yasnitel'nyye zapiski k nim. 1897. L. 61.

Otdel rukopisey GE. F. 1. Op. 175. D. 190. Dokladnyye zapiski zaveduyushchikh otdelami po muzeynym voprosam. 1931. L. 7.

Otdel rukopisey GE. F. 1. Op. 5. D. 1031 (№ 89). Akt No. 95. Po obmenu muzeynymi predmetami. 1929—1931. L. 216.

Otdel rukopisey GE. F. 1. Op. 5. D. 1031. Materialy ob obmene kartinami i khudozhestvennymi predmetami mezhdu Ermitazhem i muzeyami Novogo zapadnogo iskusstva, Muzeyem izyashchnykh iskusstv, Russkim muzeyem i drugimi (akty, dokladnyye zapiski, perepiska i dr.). 1929—1931. L. 212—217.

Otdel ucheta GRM. Akt № 291 ot 14 maya 1930 g. O peredache ikon. 1930—1931. L. 104—109.

Otchet Russkogo Muzeya Imperatora Aleksandra III za 1914 god (Report of the Russian Museum of Emperor Alexander III for 1914). 1915. Petrograd: Tipo-Litografiya “Energiya” (in Russian).

Polyakovskaya, M.A. 1990. In *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Ancient antiquity and the Middle Ages).* Iss. 25. *Vizantiya i sopredel'nyi mir (Byzantium and the adjacent world)*, 5—7 (in Russian).

Pyatnitskiy, Yu.A. 2006. In: Zalesskaya, V.N. (ed.). *Vizantiyskaya ideya. Vizantiya v epokhu Komninov i Paleologov (Byzantine idea. Byzantium in the era of Komnins and Paleologists).* Saint Petersburg: GE, 111—137 (in Russian).

Smirnov, A.P. 1928. *Pamyatniki vizantiyskoy zhivopisi (Monuments of Byzantine painting).* Leningrad: GRM (in Russian).

Sychev, N.P. 1916. *Drevlekhranilishche pamyatnikov russkoy ikonopisi i tserkovnoy stariny imeni imperatora Nikolaya II pri Russkom muzeye imperatora Aleksandra III (Ancient repository of monuments of Russian icon painting and church antiquity named after Emperor Nicholas II at the Russian Museum of Emperor Alexander III)*. Petrograd: Sirius (in Russian).

Tuminskaya, O.A. 2020. In *Stranicy istorii otechestvennogo iskusstva (Pages of the History of Russian Art)* XXXV, 159—169 (in Russian).

Shalina, I.A. 2008. In *Kollekcii i kollekcionery* (*Collections and Collectors)* XVI, 7—22 (in Russian).

Рис. 1. Отделение христианских древностей. 1898 г. Зал. XXI. Сектор архива изображений. Северная стена. Государственный Русский музей (по Шалина 2008: 9—11).

Fig. 1. Branch of Christian antiquities. 1898 hall. XXI. Image archive sector. North wall. State Russian Museum (after Shalina 2008: 9—11)**.**

Рис. 2. Отделение христианских древностей. 1898 г. XXI. Северная и восточная стены. Сектор архива изображений. Государственный Русский музей (по Шалина 2008: 9—11).

Fig. 2. Branch of Christian antiquities. 1898 XXI. North and east walls. Image archive sector. State Russian Museum (after Shalina 2008: 9—11).

Рис. 3. Отдел древнерусского искусства. Экспозиция византийского искусства. 1928 г. Зал I. Сектор архива изображений. Государственный Русский музей (по Туминская 2020: 165).

Fig. 3. Department of Old Russian art. Exposition of Byzantine art. 1928. Hall I. Image Archive Sector. State Russian Museum (after Tuminskaya 2020: 165).

Рис. 4. Отдел древнерусского искусства. Экспозиция византийского искусства. Зал I. 1930 г. Сектор архива изображений. Государственный Русский музей (по Туминская 2020: 165).

Fig. 4. Department of Old Russian art. Exposition of Byzantine art. Hall I. 1930. Image Archive Sector. State Russian Museum (after Tuminskaya 2020: 165).

Историческая филология

Historical Philology

УДК 94(47).02
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00033

Н.П. Похилько

ПРОТИВОЕРЕТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ О КРЕЩЕНИИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА*

В дискуссии по вопросу летописного исповедания существуют две основные гипотезы: гипотеза случайного генезиса его «подобосущной» терминологии и гипотеза намеренного еретического (арианского или полуарианского) редактирования его источника — исповедания Михаила Синкелла Иерусалимского. Обе гипотезы отождествляют «подобосущную» терминологию славянского текста с известной ересью. Анализ же разночтений позволяет утверждать, что слово «подобосоущьнъ» славянские книжники использовали в значении «той же самой, такой же сущности». А характер и направленность внесенных летописцем содержательных изменений указывает на антитринитаристское понимание единой сущности Бога, где Ипостаси мыслятся как свойства и «образы» единого Бога, понимаемого им как Бог Отец. Летописец заменил «подобосущным» исповеданием основной текст прежнего исповедания — составной части противоеретического цикла, включавшего Никео-Цареградский символ веры. Одновременно он ввел в летопись антилатинскую статью. В то время греческие и славянские полемисты обвиняли латинян в связи с проблемой Filioque в антитринитаризме. Отмежевываясь от обычаев и обрядов Западной церкви, летописец в какой-то степени камуфлировал еретическую сущность собственного, по сути, антитринитарного исповедания.

Ключевые слова: исповедание Михаила Синкелла, летописный символ веры, антитринитарные ереси, антилатинская полемика.

Сведения об авторе: Похилько Наталья Павловна, независимый исследователь.

Контактная информация: 301214, Россия, Тульская обл., Щекинский р-н, д. Ясная Поляна; e-mail: npohilko@mail.ru.

N.P. Pokhilko

ANTIERETICAL TEACHINGS OF THE CHRONICLE STORY ON THE BAPTISM OF VLADIMIR SVYATOSLAVOVICH

In the discussion on the issue of the chronicle confession, there are two main hypotheses: the hypothesis of the accidental genesis of its “homoiousios” terminology and the hypothesis of a deliberate heretical (Arian or semi-Arian) editing of its source — the confession of Michael Synkellos of Jerusalem. Both hypotheses identify the “homoiousios” terminology of the Slavic text with a well-known heresy. The analysis of the misreadings allows us to assert that the word “homoiousios” was used by Slavic scribes in the meaning of “the same, the same essence”. And the nature and direction of the substantial changes introduced by the chronicler indicates an anti-Trinitarian understanding of the single essence of God, where the Hypostases are thought to be properties and “images” of the one God, understood by him as God the Father. The chronicler replaced the main text of the previous confession with a “homoiousios” confession — an integral part of the anti-heretical cycle, which included the Niceo-Constantinople creed. At the same time, he introduced an anti-Latin article into the chronicle. At that time, Greek and Slavic polemists accused the Latins in connection with the Filioque problem in anti-Trinitarianism. By dissociating himself from the customs and rituals of the Western Church, the chronicler to some extent camouflaged the heretical essence of his own, in fact, anti-Trinitarian confession.

* Статья поступила в номер 30 июня 2020 г.
Принята к печати 15 июля 2020 г.

© Н.П. Похилько, 2020.

Key words: confession of Michael Sinkell, chronicle creed, anti-Trinitarian heresies, anti-Latin polemics.
About the author: Pokhilko Natalia Pavlovna, independent researcher.
Contact information: 301214, Russia, Tula region, Shchekinsky district, village Yasnaya Polyana; e-mail: npohilko@mail.ru.

В летописной статье 988 г. за обращенными к новокрещенному князю Владимиру Святославичу словами «да не прельстять тебе нѣцѣи от еретикъ»[1] следует предложение веровать согласно изложенному далее ряду исповеданий и наставлений. Первый текст в этом ряду — известный Никео-Цареградский символ веры, обозначенный вступительными словами «Вѣрую вь единого бога Отца вседержителя творца нєбу и земли». Его произносят и сегодня перед крещением во время обряда отречения от сатаны и сочетания с Христом (Арранц 1993: 67), он же звучит на каждой литургии перед анафорой. Второе исповедание, часто называемое летописным символом веры (далее — прил. 1. Летописный Орос) — редакция славянского перевода «Λίβελλος περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως» Михаила Синкелла Иерусалимского в «подобосущной» версии, близкой тексту «Того же написание о вере» в составе Троицкого сборника № 12 и Великих Миней Четьих от 29 февраля (далее — Исповедание). Затем следует исповедание Семи вселенских соборов с указанием, где сходились святые отцы, в каком количестве, какие ереси и каких еретиков они анафематствовали, какое вероопределение утвердили (прил. 2). Четвертый текст — предостережение против учения латинян с изложением их «вин» и истории «развращения веры», которое и завершает корпус летописных наставлений.

В историографии релевантность заимствованных из разных источников исповеданий и поучений в контексте Корсунской повести о крещении князя Владимира впервые была поставлена под сомнение из-за очевидного анахронизма одного из них, а именно, антилатинской статьи (четвертый текст в нашем ряду), которую исследователи уверенно соотносят с полемикой двух Церквей второй половины XI в. (Попов 1875: 5—7, 16—17; Павлов 1878: 16—17, 26; Бармин 2006: 231—236). А.Н. Попов предложил считать ее и предшествующее ей «сказание» о Семи вселенских соборах позднейшими вставками в первоначальный рассказ, изначально включавший лишь Никео-Цареградский символ веры и Орос. А. Павлов же видел Орос, статью о Семи соборах и противолатинскую статью «неразрывными частями одного целого в историко-литературном смысле» произведения, составленным летописцем с одной целью — «показать и доказать неправославие латинян», названных чуть выше еретиками (Павлов 1878: 7). В то время интерпретации Ороса и последующей статьи о Соборах как вероучительного противовеса обычаям и учению Римской церкви не препятствовала и «подобосущная» терминология летописного исповедания, которую традиционно связывали со случайными ошибками перевода или переписывания текста малограмотными славянскими книжниками. Невероятность того, чтобы греческое духовенство вместо или сверх обязательного при крещении Никео-Цареградского символа преподало новопросвещенному князю исполненное догматических тонкостей исповедание веры, более приспособленное для произнесения рукополагаемыми в епископы, представлялась Павлову лишь дополнительным аргументом в пользу предложенного им определения места и функции Ороса в ряду летописных исповеданий и наставлений (Павлов 1878: 8—9). В начале XX в. А.А. Шахматов имплицитно поддержал

---

[1] Здесь и далее текст Повести временных лет цитируется по Новгородской первой летописи младшего извода издания 1950 г. (ПСРЛ 3).

концепцию Павлова, полагая, что Орос и полемическую статью против латинян в летопись ввел составитель Начального свода. Раздел о Вселенских соборах он считал составной частью Ороса — сокращенной редакции Исповедания, как это уже было установлено в иных исследованиях. Дополнительные сведения этого раздела, отсутствующие в Исповедании, ему представлялись заимствованиями из какого-то внелетописного источника. В Древнейшем своде рассказ о крещении князя, заимствованный по мысли ученого из болгарского источника, содержал лишь Никео-Цареградский символ веры и полемическую статью против латинян, составленную, возможно, патриархом Фотием. Составитель же Начального свода сократил Никео-Цареградский символ веры и включил «подобосущный» Орос по соображениям скорее литературного, чем религиозного свойства, а прежнюю противолатинскую статью болгарского происхождения заменил той, что ныне читается в летописи (Шахматов 2001: 116—118). Вместе с тем, Шахматов не сомневался, что в Древнейшем своде читались и слова «да не прельстять тебѣ нѣцѣи от еретикъ», не уточняя, кто были эти еретики в понимании славянского книжника.

Современные текстологические исследования выявляют почти полное отсутствие древнейших слоев летописания в «Корсунской легенде», составленной, возможно, сводчиком 1060-х гг. (Гиппиус 2012b: 58—62), и наличие здесь маркеров так называемого свода Никона (1070-е гг.) и Начального свода (1090-е гг.) (Михеев 2011: 109—111). А.А. Гиппиус наставления в вере Владимира относит к своду 1090-х гг. (Гиппиус 2012a: 42). Михеев к нему относит лишь противолатинский пассаж. Текст о Семи соборах в Первой новгородской летописи младшего извода начинается словом «вѣроую», а в летописях, отразивших более позднюю редакцию текста в ПВЛ, это же слово воспроизведено в повелительном наклонении — «вѣроуи». В понимании составителя текста Начального свода, к которому, восходит новгородская летопись, статья о Соборах является заключительной частью произносимого от первого лица Ороса[2]. Редактор же ПВЛ мыслил ее самостоятельным поучением в ряду наставлений.

В XIX в. источником летописного Ороса полагали исповедание Михаила Синкелла в переводе, близком тому, что был известен по Изборнику 1073 г. (Сухомлинов 1856: 65—71), но в варианте, сокращенном и правленом «в языке» (Павлов 1878: 8). «Подобосущие» Ороса тогда относили на счет ошибок переписчиков или переводчиков (Макарий 1857: 83—87), которые не заботились о смысле переводимого и ошибочно перевели в некоторых тезисах ὁμοούσιος — единосущный как ὁμοιούσιος — подобосущный (Потапов 1910: 11—12). П.И. Потапов отверг высказанную в начале XX в. П. Заболотским гипотезу редактирования текста Михаила Синкелла в целях адаптации к еретическому полуарианскому учению (Заболотский 1901: 1—31), считая, что еретик, сознательно исказивший православный символ веры, должен быть последовательным в своей редактуре. Здесь же Сын то подобосущен, то говорится, что Святая Троица составляет единую сущность, а Отец то равен Сыну, то «старѣи сыи». Как Заболотский, так и его оппоненты держались убеждения, что «подобосущная» терминология — прерогатива полуарианской (или арианской) ереси. В советское время интерес к семантике богословских терминов в силу известных обстоятельств был ограничен областью филологической науки. Е.М. Верещагин, изучая лексическую и грамматическую вариативность славянских переводов, пришел к заключению, что в X в., когда богословские славянские термины не завершили, так называемого, периода варьирования, варианты перевода ὁμοούσιος как «единосоущьнъ, подобосоущьнъ, коупносоущьнъ, равноестьствьнъ» и διαφέρων как «различинъ, разньствуя

[2] Так мыслил и А.А. Шахматов (Шахматов 2001: 116—117).

ся, старѣи сыи» воспринимались как равнозначные (Верещагин 1989: 49—56; 1997; 2017). «Полуарианскую» («подобосущную») терминологию он относил и относит на счет литературного и языкового творчества переводчиков, хотя и не находит иных, не связанных с исповеданием Михаила Синкелла, примеров перевода греческих слов ὁμοούσιος и διαφέρω как «подобосоущьнъ» и «старѣи сыи». Между тем, Исповедание и его летописная редакция имеют разночтения с греческим источником и иными славянскими переводами — пропуски и несинонимические лексические замены, которые не могли быть обусловлены, как выясняется, деятельностью переводчика или переписчика.

В научной дискуссии по вопросу генезиса «подобосущных» терминов и содержательных отличий летописного текста от текста его первоисточника — греческого либеллия Михаила Синкелла концепции случайного генезиса «подобосущных» терминов с начала XX в. противостоит концепция намеренного еретического редактирования. Последняя — начинает свой отчет в 1901 г., с выхода в свет статьи П. Заболотского (Заболотский 1901: 24—30), отметившего в летописном Оросе такие отступления от греческого первоисточника и ортодоксального текста Изборника, как старейшинство Бога Отца вместо различения, подобосущие вместо единосущия Сына и Духа с Отцом, последовательный пропуск перевода слова αὐθυπόστατος — «самоипостасный» в определении Лиц Троицы. Определенная логика изменений текста привела Заболотского к мысли о целенаправленной полуарианской греческой или славянской редактуре летописного Ороса. Годом позже Н.К. Никольский обнаружил полную версию «подобосущного» Исповедания в Троицком сборнике № 12 и по мере знакомства с его новыми списками он не исключил славянское происхождение неортодоксальной редакции, хотя и отдавал предпочтение греческой версии ее генезиса (Никольский 1902: 99—100; 1906: 18—19). Изданный им текст Исповедания в составе Троицкого сборника (Никольский 1907: 21—24) выявил то, что не было столь заметным в летописи: наряду с еретическими тезисами он содержит ортодоксальные тезисы, которые вступают с первыми в очевидный конфликт, необъяснимый с позиции «арианского» редактирования, как то и отмечал в свое время Потапов. Неслучайно, советский историк А.Г. Кузьмин сближал полный текст «подобосущного» перевода либеллия Михаила Синкелла с ересью монархианства (савеллианства), а не арианства, которое он полагал стержневым во «взаимосвязи древнерусского христианства с кирилло-мефодиевской традицией», и в качестве доказательства указывал как раз на летописную «арианскую» версию текста (Кузьмин 1988: 35—39). В целом же, в отечественной историографии прошлого века скепсис по отношению к тексту Ороса был столь велик, что его не упоминали и в исследованиях, посвященных истории христианизации Руси (Жданов 1939: 3—30; Рапов 1998; Петрухин 2006). Идея славянского арианства, несмотря на сокрушительную критику Фр. Томсона (Thomson 1991: 31—42) и сегодня продолжает периферийное существование (Петров 2003: 167). Основным аргументом остается «подобосущная» терминология, для которой оппоненты находят и иное «неарианское» объяснение, например, в предположении, что древнерусские книжники ориентировались на идеи и терминологический аппарат раннего христианства, используя термин «подобосущный» для лучшего понимания неофитами свойств Второй и Третьей Ипостаси (Гай-Нижник, Батрак 2016).

Бельгийский ученый Фр. Томсон считает «подобосущное» Исповедание переводом текста, который был переработан в полуарианском духе в греческом, а не славянском изводе (Thomson 1991). Наличие в гипотетическом греческом протографе Исповедания термина ὁμοιούσιος на месте термина ὁμοούσιος ему представляется несомненным. В этом ключе он логичным полагает пропуск определения αὐθυπόστατος — «самоипостасный» ко всем Лицам Троицы, пропуск слов «καὶ τῷ εἶναι Πατήρ» — «и еже быти Отьць» и иные пропуски слов.

Старейшинство Отца («старѣи сы») перед Сыном и Духом он понимает как отражение арианского тезиса о Сыне: было время, когда Его не было. В этом же русле он трактует особую, будто бы греческую, редакцию тезиса о двух природах во Христе, которые «собою и подобьствоу[3] съвъкоуплены». Впрочем, исследователь допускает, что чтение «старѣи сы» мог ввести славянин. Пропуск перевода «συναΐδιος οὐ φύσει διαστελλόμενος οὔτε προσώπῳ»[4] в тезисе «едино божество въ трьхъ лицихъ (съприсносоущныихъ не естьствы отъпрятаемы ни лицомъ[5])» он полагает пропуском по гомеотелевту (лицихъ — лицомъ). Коллация греческого текста либеллия поочередно с разными славянскими переводами без сопоставления последних — друг с другом не позволила ученому в полной мере оценить отмеченный им в Исповедании пропуск перевода «καὶ ὅπου ὁ Υἱὸς ἐκεῖ καὶ ὁ Πατὴρ καὶ τὸ Πνεῦμα» — «и где Сын, тут и Отец и Дух». Он не отметил пропуск этих же слов в тексте Изборника 1073 г. и того, что ни один из известных греческих списков не содержит ни этого пропуска, ни большинство иных отмеченных им пропусков. Случайностью (неудачным переводом) Фр. Томсон объяснил и неадекватное смешение слов ὑποστάσις и ἰδιότης в переводе словосочетания «ὑποστατικαῖς ἰδιότησι» — «ипостасными свойствами» как «собьствьнымь собьствомь»: «три собьства съвьршена мысльна раздѣляема числомь и собьствьнымь собьствомь»[6]. Некоторые пропуски и вставки в Исповедании, например, о Седьмом вселенском соборе, он интерпретировал как неарианские. Содержательные изменения летописного Ороса, усугублявшие еретический смысл греческого, как он думает, «подобосущного» первоисточника, Фр. Томсон связывает с ошибками переписывания (Thomson 1991: 30—31), исключая саму вероятность внесения в текст сознательных изменений славянским редактором.

«Подобосущный» перевод либеллия Михаила Синкелла содержит значительное число несинонимических замен слов, а сопоставление с иными славянскими переводами либеллия выявляет их высокую частотность относительно других переводов (Похилько 2019). Около десятка несинонимических замен в словах «старѣи сы, прест҃ыи, лиця (ἰδιώματα), чьтоу, дьржавьноу, дошьдъ, ложе, ръдъ, възведъ, показаному, лицемь (μορφὰς), вѣдома» дополняют иные лексические варианты: «собьство (свойство), подобосоущенъ, коупьносоущьну, равьносильноу, равьночьстьноу», семантическая тождественность которых и греческому источнику, и вариантам других славянских переводов не очевидна. Вместе с пропусками отдельных слов и предложений они радикально меняют богословский смысл отдельных тезисов Исповедания. Интерпретация вариативности в переводе слов ὑπόστασις, ἰδιότητος, ἰδιώματα, μορφὰς исключительно как явления личного языкотворчества переводчиков (и редакторов) не поддерживается историей текста Исповедания и не учитывает церковно-религиозный контекст его бытования. Тому свидетельство — пропуски неоднозначных с богословской точки зрения лексических вариантов летописного Ороса: слов «собьствомь» и «събезначальнъ» в лаврентьевской группе летописей, «старѣи» — в ипатьевской группе летописей.

«Подобосущный» текст Исповедания — источник Ороса, сложился в результате контаминации двух славянских переводов греческого либеллия (Похилько 2019: 328—333).

---

[3] Это индивидуальное чтение Троицкого сборника. В остальных списках Исповедания здесь читаем «по собьству».

[4] В регулярном греческом тексте здесь читается τόπῳ — «местом», в некоторых других списках — τρόπῳ — «образом». Слово προσώπῳ — «лицом» читается в греческом списке Номоканона (С-34).

[5] В Изборнике 1073 г. здесь — слово «образомь», в списках ороса редакции Фикары — слово «нравомь», в остальных известных славянских переводах — слово «местомъ» (Похилько 2019: 320).

[6] В остальных славянских переводах здесь — слово «своиствы» или «собьстви» в значении слова «свойство» (Похилько 2019: 318).

Славянский перевод текста особого типа правили по другому древнеболгарскому переводу, близкому «Написанию о правѣи вѣрѣ Михаила сунькела иероусалимьскааго» в составе Изборника 1073 г. Редактор текста объединил одним словом «собьство» три понятия: свойство, Ипостась и Лицо — «προσώπον». Собьства/Лица в Св. Троице он полагал свойствами единого Бога рождать (Отец), рождаться (Сын) и исходить (Дух). Лица/свойства Сына и Духа составитель исповедания наделял божественной сущностью в «купносущной» Троице лишь в совокупности с Отцом, который «старее» Сына. Их «подобосущие» означает ту же сущность, что у Отца. Составитель начальной «подобосущной» версии исключил из текста слово αὐθυπόστατος — «самоипостасный», утверждавшее самостоятельное ипостасное бытие Отца, Сына и Духа, а также тезис «καὶ τῷ εἶναι Πατήρ» — «который есть Отец» и слова «τῷ γεννήτορι» — «родителю», констатирующие различение Отца и Сына. С другой стороны, он опустил и тезисы о совечности Ипостасей, о неразделенности их ни природой, ни местом, о пребывании Отца и Духа там, где Сын (Похилько 2019: 320). Таким образом, Ипостаси, лишенные независимого друг от друга бытия, все же не всегда пребывают вместе и разделяются, вероятно, временами, поскольку они не совечны. Ипостась/Лицо/собьство составитель текста Исповедания понимал и как внешность, образ: прежний перевод слова μορφὰς он изменил на слово «лицо» («образъ» в Изборнике 1073 г. и «зракъ» в Кормчих). В едином Божестве, понимаемом как единая божественная сущность, три Ипостаси, разделяемые в ортодоксальных редакциях текста числом и ипостасными свойствами, здесь представляются разделенными числом и собственным «лицемъ», которое суть образ и свойство Бога, в Сыне и Духе не всегда совечное Отцу, но несамостоятельное.

Представление автора «подобосущной» компиляции о характере и содержании Боговоплощения также двойственное. Пропуск слова «невидимый» (ἀόρατον) относительно божества святой Троицы коррелирует с правкой слова «помазанного» на «показанного» и с пропуском слова «плотию» (τὸν σαρκὶ) после слова «вѣдома» в тезисе поклонения «чл҃вческомоу тѣлоу божию словоу показаному божествомь. вѣрою вѣдыи его вѣдома» («видима», в греческом тексте — «αὐτὸν ὁρᾶν»). Тело Христа составитель Исповедания трактует как показанное Богом и ведомое верой, по сути, отрицая полноту Его Вочеловечения.

Автор «подобосущной» редакции Исповедания вторгается в изначальный текст исповедания Михаила Синкелла точечно, так что изменение смысла отдельных богословских положений теряется среди множества сохраненных тезисов ортодоксального содержания. Незаметная на первый взгляд подмена ключевых понятий: собьство, лице, своиство, образъ, использование несинонимических замен отдельных слов: сущность, Лицо, изредка допущенные пропуски слов и тезисов[7] — приемы автора, скрывающего свое намерение изменить содержание текста.

Составитель летописного Ороса действует гораздо энергичнее и не щадит того, что ему досталось от предшественника, опускает и отдельные слова, и большие фрагменты текста, сохраняя наиболее неоднозначные с точки зрения современной христианской ортодоксии термины и положения своего источника — «подобосущие» Сына и Духа и старейшинство Отца (прил. 1). Первый из пропусков (181об, 17—21)[8], допущенных редактором Ороса, изгнал из текста тезис о Духе, ничем не отличном от Отца и Сына (только исхождением), и тезис о божественности всех трех Лиц и их соотнесении по отдельности с Отцом, Сыном и Духом. Исчезло из текста и исповедание Св. Троицы. Летописец с видимым усилием

[7] Общее число пропусков — 17.

[8] В круглых скобках указаны листы и через запятую — строки Исповедания по изд. (Popovski 1988).

стремится объединить в своем тексте понятие Бог лишь с Ипостасью Отца. На это однозначно указывает в предложении «оц҃ь бо **бг҃ъ** оц҃ь присно сыи прѣбываеть» слово «бг҃ъ» (181об, 5—6), введенное им там, где редактор полной версии Исповедания опустил славянский перевод греческого αὐθυπόστατος. В Изборнике это слово переведено двумя словами — «своесобьствьнъ собьствьнѣ», в Кормчих — словом «единосъставьнь»[9], в поздних южнославянских переводах — словом «самосьставнь». То, что редактор Ороса мыслит единого «бг҃а» вступительной фразы Богом Отцом, можно видеть из замены множественного числа глаголов «раздѣляють бо ся» и «совокупляють ся» (181об, 4, 5) единственным числом. Поскольку у летописца «собьства»/ипостаси — это свойства, то он и не исключает из текста тезис о том, что «собьства» не переходят друг в друга, вероятно, придерживаясь мысли, что Бог Отец являл себя то, как Отец, то, как Сын, то, как Дух, подобно представлениям савеллианской ереси. Отсюда «едино божество въ трьхъ лицихъ» — свойствах понимается определенным образом благодаря пропуску исповедания совершенной божественности каждого отдельного Лица (182, 4—7), пропуску большого фрагмента текста о совместном в вечности пребывании Лиц и исповедания Св. Троицы, ее свойств и действий, включающих Творение мира (182, 9—182об, 22). Орос опускают и тезисы о небытии сущности зла и грехопадении человека.

Летописный редактор удаляет также исповедание двух природ в единой Ипостаси Сына (183, 13—183об, 4) и совоскресения Им с собой человеческой сущности, соделанной нетленной и бессмертной (183об, 11—13), что соотносимо с отрицанием спасительной миссии воплощенного Сына. Словосочетанием «тако и сниде» составитель Ороса заменил сообщение, что Сын будет узрен пронзившими Его и воздаст во всеобщем воскресении каждому по его делам (183об, 16—23). Благодаря купюрам в Оросе «бъ҃ въплощенъ» не назван Сыном. Истинность Боговоплощения осмыслена как истинное и непризрачное явление в своей (божественной) плоти Бога Отца, о человеческой природе Сына воплощенного нет ни слова. Действовал в истории Спасения своей волей Бог, который Отец. Кто же тогда «сѣде одесноую о҃ца»? Ответ, вероятно, тот, что подобносущные Сын и Дух (свойства) не самостоятельны и не отделены от Отца. Таков смысл изменения «фразы въкоупѣ оц҃ь въкоупѣ сн҃ъ. въкоупѣ дх҃ъ. сн҃ъ есть» (181об, 11—13) на «въкоупѣ оц҃ь въкоупѣ сн҃ъ въкоупѣ дх҃ъ **ст҃ыи** есть». Удаление приставки «съ» из слов «събезначальнъ» и «съприсносоущно», определяющих отношения Ипостасей, дает возможность их толкования в контексте зависимости Сына и Духа от Отца и ситуативного отождествления Отца со Второй и Третьей Ипостасью.

В Оросе опущены слова исповедания крещения как возрождающего и очищающего от скверны плоти и духа (184, 2—3), слова о принадлежности Тела и Крови воплотившемуся Богу Слову, давшему их верующим в «снедь и питие» ради оставления грехов (184, 5—8). В признании всех писаных и неписаных церковных преданий (184, 9—10) составитель летописного Ороса опускает слова «всехъ» и «писаниемь и безъ писания». Тезис о поклонении иконам летописец лишает слов о человеческом теле Господа, показанного божеством, и Его видимой плоти, посредством которой мир принял Спасение (184, 11—17).

В Оросе отсекается после исповедания поклонения кресту и святым сосудам весь заключительный блок со словами о Господе, повешенном на кресте «плотию» (184, 18—20), с поклонением святым церквам, местам, священным книгам, иконам Богородицы и святых угодников и с анафематствованием всех еретиков (184, 21—184об, 16). В число пропусков, внесенных редактором летописного исповедания, входят слова «и божественные» — «καὶ

[9] В восточнославянских списках с «единосущной» терминологией таким образом подчеркнуто, что Отец есть Ипостась, не сливаемая с иными Ипостасями.

θείους» относительно церквей и «по природе» — «φύσει» в исповедании поклонения иконам ради любви к поклоняемому по природе Богу. Лексические замены у летописного редактора единичны, (например, замена слова «възведъ» (183об, 13) словом «взыиде»), его основной прием в работе над текстом — отсечение того, что противоречит его еретическим представлениям.

Летописец само слово «Троица» исключил из текста, понимая Бога как Отца и как единую божественную сущность, где Ипостаси являются свойствами Отца рождать, рождаться и исходить. Последовательно извлекая из текста те положения, которые входили в противоречие с этими взглядами, он придает тексту много большую целостность и логичность, чем его предшественник. В результате, то, что было лишь намечено в «подобосущном» Исповедании, в Оросе проявилось более отчетливо. Исповедание летописца можно было бы назвать исповеданием единого божества в трех свойствах/образах, что до известной степени перекликается с тем, что мы знаем о савеллианской ереси (модализме), которая полагала Лиц Святой Троицы не вечными Личностями, а лишь неединовременными проявлениями, «модусами» Божества.

С ересью Савеллия Птолемаидского, жившего в III в., Синодик царя Бориса сопоставлял учение богомилов о присовокуплении Отцу «три же звания» Отца, Сына и Св. Духа, где Отец мыслился «чл҃ѣколична» (Попруженко 1900: 15, прил. III). Учение Савеллия, ведущее к слиянию Лиц Святой Троицы, вспоминает и Козьма Пресвитер — составитель «Беседы на новоявивъшуюся ересь богоумилоу». Болгарский писатель X в. не ставил знак равенства между новоявленной ересью и древней савеллианской ересью, упоминая и иных еретиков, чьим заблуждениям присуще умаление Второй и Третьей Ипостаси: Македония, учившего, что Святой Дух — служебное творение, Ария, полагавшего Сына не равным Отцу и творением Бога, «акы ангела» в некоторых списках (Cosmas Presbyter 2006: 5—6).

Антитринитарное учение о трех Лицах как последовательных проявлениях (модусах) Бога в тварном мире упоминают и восточнославянские авторы антилатинских полемических сочинений. Во второй редакции Ответов Феодосия печерского игумена[10] на вопрошение князя Изяслава о католиках сообщается, что из них «много же и в савельскую ересь въступили суть, яко всѣхъ языковъ поганѣйши суть, и злѣйши, зане же ся ихъ немощно ублюсти, а поганыхъ мощно» (Бармин 2006: 509—510). Митрополит Георгий в «Стязании с латиною», сопоставляя в обвинениях в антитринитаризме, иконоборчестве и монофизитстве «латинство» с «жидовьством» (и арианством), писал, что латиняне «ни трисъставно бж(с)тво исповѣдають. нъ аки еретикъ Савелии. единосъставно и троеименьно. онъ бо гл҃аше. единъ оц҃ь есть. именуеть же ся оц҃ь и сн҃ъ и ст҃ыи дх҃ъ» (Софийский сборник 2013: 104б—104в). Сборник «Беседа Козьмы Пресвитера на богомилы», составленный в разгар борьбы древнерусских иерархов с новгородской ересью «жидовствующих» (конец XV в.), включает сочинение болгарского писателя—полемиста, Послание трех патриархов к императору Феофилу в защиту иконопочитания и обширную подборку «основных антилатинских сочинений, в конце которой дан свод выписок о почитании Святой Троицы, который часто входит в состав антилатинских подборок в качестве аргумента против якобы существующего «антитринитаризма» католиков» (Чумичева 2010: 221).

Мы видим, что имеющие в своем учении определенные содержательные параллели с савеллианской ересью «подобосущные» Исповедание и летописный Орос умаляют самостоятельное личностное бытие Второго и Третьего Лица иначе, чем еретики III в.

[10] Для нашей темы не столь важно, кто составил текст Ответа — игумен Печерский св. Феодосий в XI в. или Феодосий Грек в XII в.

Субординационистское понимание отношений Ипостасей, «старшинство» Отца относительно Сына противоположно учению модалистов о явлении Бога то, как Отца, то, как Сына, то, как Духа. Отрицание полноты Божества и Человечества в Сыне также далеко отстоит от древней ереси. Отграничение Бога Творца от Бога Слова и пропуск словосочетания «яко бъ҃ и тогоже волею хотяща и дѣиствующа» и слова «волею» — «ἑκουσίως» в тезисе о Господе, вольно желающего и действующего, в «подобосущной» редакции ведет к пониманию божьего и человеческого действия и волеизъявления Сына как действия и волеизъявления Сына, который не человек и в то же время и не Бог. Пропуск в «подобосущном» Исповедании слова «душой» (ψυχῇ) в тезисе о восприятии Господом плоти, одушевленной душой, словесной и разумной, замена слова «помазанного» на «показанного» (Божеством) ставят под сомнение совершенную полноту человеческой природы в Сыне иначе, чем это делали савеллиане, и более созвучно представлениям иных еретиков — болгарских богомилов, убежденных, что Христос был ангелом и, неся свое служение рабски, «не хотяще, нуждею», являл собой лишь призрачную плоть (Cosmas Presbyter 2006: 17).

Интерпретации текстов Исповедания и летописного Ороса как плодов деятельности редакторов — еретиков богомильского толка препятствует, казалось бы, исповедание ими церковных таинств. Само декларируемое в этих текстах намерение приступить к Причастию не соответствует богомильской обрядовой практике. Учение о Воплощении как явлении не вполне «по природе» (не совсем естественном), которое прибавляло к «показанному» телу Сына не только «естьство», но и иное качество, присущее служебным духам, а не Богу (Попруженко 1928: 48), закономерным образом выливалось у еретиков в неприятие Крещения, Святых Таин, Креста и др.[11] Зато и учителя церкви в полемике с болгарскими еретиками часто больше говорили не о учении, а о внешней обрядовой стороне их жизни. В статье «О Богумиле попе» Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции, предваряющей чин принятия сарацин в православную веру, перечень «вин» болгарских отступников от веры состоит из одних преступлений против церковных обрядов и таинств (Бенешевич 1987: 134). Болгарский Синодик, пересказывая взгляды и представления богомилов, основное внимание уделяет тому, как они влияют на церковную жизнь еретиков, на отношение к таинствам и обрядам. Козьма Пресвитер сообщает о богословии еретиков очень немного, например, что Творцом всего видимого, в том числе и человека, богомилы считали дьявола, ангела отпавшего (Cosmas Presbyter 2006: 45). В то же время болгарский писатель не раз возвращается к внешним проявлениям их веры, с горечью указывая, что еретиков порой трудно отличить от правоверных христиан и лишь демонстративное уклонение от церковных обрядов и таинств позволяло клиру безошибочно выявлять их в своей пастве[12]. Еретики часто выглядели благочестивыми, «извъноу акы овьця образомь кротьци и съмирени и млъчаливи», отрицая, что держатся ереси, и называя себя христианами (Cosmas Presbyter 2006: 8, 55, 60). Козьма Пресвитер свидетельствовал, что «они страха ради чловѣчьска и въ црькъвь ходятъ и крьстъ и икону цѣлоуютъ», скрывая свою веру так, что

[11] Болгарские богомилы, как известно, хулили установления святых церквей, не имели молитв церковных (поповских), исповедовали друг друга, постились и работали в воскресение, не почитали Господские праздники и память святых мучеников и отцов, не поклонялись Кресту, не крестились, когда кланялись, и не кланялись иконам, хулили мощи святых и чудеса ими творимые (Cosmas Presbyter 2006: 13, 16—18, 36, 58—59, 69). Они отметали Святое Крещение, полагали, что литургию установил не Христос, а Иоанн Златоуст, потому и принятие Святых Тела и Крови Христовых — Причастие они понимали лишь метафорически (Cosmas Presbyter 2006: 19—24, 55).

[12] В кодексе XVI в. (РГБ. 304.I. № 770. Л. 185—201) рядом с текстом «Слова Козьмы Пресвитера» красными чернилами на полях словами «зри», «внимаи» отмечены фразы «еретици покрывают лицемѣрным смѣреньем и постом ядь свои и суть бо еретици извну яко овца образом кротьци и съмирени и млъчаливи».

некоторые «мнят их за правду страждущими» (Cosmas Presbyter 2006: 37, 42). С образом, столь возмущавшим обличителя богомильской ереси, сопоставима осторожность и неприметность «правок» Исповедания, искажающих учение церкви, но оставляющих без изменения исповедание церковных таинств и обрядов.

Еретическая компиляция — славянская «подобосущная» редакция либеллия Михаила Синкелла бытовала в восточнославянском изводе, как минимум, в первой половине XI в.[13] Свидетельство противостояния древнерусской церкви и еретиков, чьи взгляды были близки «савельской» и богомильской ереси, находим в исповедании первого русского митрополита Илариона (1051—1055 гг.). Он неоднократно возвращался к утверждению, что Сын «не отлучися» от Отца «и бы(с) человѣкъ истиненъ, не привидѣниемь» (Розов 1963: 174—175), что знаменательно, если вспомнить, что в исповедании Троицы, разлучаемой на 33 года, обвиняли богомилов, по поверьям которых Сын «в привидѣни» родился от Девы Марии, распялся призрачно и затем вознесся обоженной плотью к Отцу (Попруженко 1928: 42), после чего вновь воссоединилась Троица. За нелестными отзывами в адрес «савельской» ереси, встречаемыми в памятниках славянской письменности X—XII вв., обнаруживаются актуальные для того времени споры с представлениями, близкими тому учению, что вдохновляло редакторов Исповедания и летописного Ороса, и в которых православные полемисты подозревали болгарских богомилов и латинян. Судя по ним, «жидовское мудровствование» антитринитаристского (савеллианского) толка в восточнославянских землях появилось едва ли позднее первой половины XI в. На этом фоне особый интерес составляют интенции, которые побудили летописца объединить в единое противоеретическое наставление статью антилатинской направленности и исповедание, редактированное в духе антитринитарной ереси.

Исследователи не раз отмечали тематическую и структурную близость текстов летописного Ороса и исповедания веры митрополита Илариона (Щапов 1977: 333; Müller 1971: 18), зачитанного им при рукоположении (Розов 1963: 146; 173—175). В рукописи Син. 591 текст Илариона располагается так же, как Орос в летописи, вслед за Никео-цареградским Символом веры, соответственно чинопоследованию епископской хиротонии (Дмитриевский 1904: 176—177, Неселовский 1906: прил. XXII—XXV). Митрополит Иларион так же, как и составитель Исповедания, подробно излагает тезисы, отсутствующие в древнем Символе веры: о свойствах Ипостасей Единого Бога, их соединении в Святой Троице, о Вочеловечении Сына и Его Втором Пришествии. Но Иларион не упоминает принятие Святых Тайн, ничего не говорит и о Вселенских Соборах. Чин епископской хиротонии Устава Великой константинопольской Церкви предусматривал личное исповедание рукополагаемого в первой части литургии — литургии оглашаемых, до чтения евангелия (Дмитриевский 1904: 178—179). Этому порядку следовал и Иларион, потому его исповедание, далеко предшествующее центральной части литургии верных — анафоре, не упоминало таинство Причащения, совершаемое в конце второй части богослужения. Из слов же Ороса и Исповедания «пристоупаю къ пречыстымъ таинамъ» следует, что они произносились вслух в конце литургии верных перед причастием (и далеко не вслед за Символом веры, проговариваемым в середине литургии). Текст Исповедания (и Ороса), таким образом, не епископская присяга (Павлов 1878: 9). Его не могли использовать и для

[13] Между протографом текста Исповедания, имевшем чтения «мьртвьна» (183, 15), «по собьству» (183, 22—23), «помазавыи» (184,14), «видима» (184, 15), «мощемъ» (184об, 10), и его летописной редакцией, составленной не позднее 1090-х гг., был, по меньшей мере, один промежуточный список, имевший чтения «присносоущно» (181об, 16—17), «не разньствуя» (181об, 18—19), «идеже» (182, 9), «естьствену» (183, 21). Эти разночтения должны были накапливаться десятилетиями (Похилько 2019: 314—317).

наставления оглашаемых, которых допускали с какого-то времени лишь к первой части литургии (Арранц 1988). Епископское исповедание сопровождалось обычно обещанием хранить верность Церкви, апостольским преданиям и установлениям вселенских и поместных соборов. Такие обещания вкупе с Никео-Цареградским Символом веры были обязательными и в исповедании императора, передаваемого им патриарху в обряде священного коронования (Попов 1896: 70). Орос Михаила Синкелла не содержит подобных обещаний. Составитель Начального свода не мыслил этот текст огласительным наставлением язычника, не мог он полагать его и исповеданием епископского или императорского настолования.

Изначально в восточнославянских землях исповедание Михаила Синкелла распространялось посредством сборников, переведенных в южнославянских землях в IX—X вв. и не связанных с антилатинской полемикой — это известный сборник учительного содержания (Изборник Симона/Святослава 1073 г.), Древнеславянская Кормчая Ефремовской редакции и, возможно, Минейный изборник (Буланин 1991: 126—137)[14]. В Изборнике 1073 г. исповедание Синкелла ортодоксальной редакции размещается в ряду сочинений учительного плана, посвященных разъяснению святыми отцами догмата о Святой Троице. Здесь либеллий славянского перевода лексической группы «Собьство» — образец исповедания христианской веры помещен в ряду статей, так или иначе связанных с тринитарно-богословской полемикой. В Кормчих Ефремовской редакции, переведенных с греческого Номоканона XIV титулов не позднее начала XI в. (Пичхадзе 2011: 22—23), «Образ правыа непорочныа христианьскыа вѣры» Михаила Синкелла (иная ортодоксальная версия его ороса) вместе с изложением шести Вселенских соборов обрамляют, с одной стороны, сочинения Епифания Кипрского против ересей и Тимофея пресвитера о способах принятия еретиков в Церковь (Бенешевич 1906: 644—738), с другой — анафематствование основных ересей и еретиков с кратким их перечислением в том порядке, что указал выше Епифаний (Бенешевич 1987: 37—38).

В византийской и производной из нее славянской книжности X—XI вв. орос Михаила Синкелла, несомненно, занимал значительное место в борьбе и полемике с различными ересями, среди которых славянских книжников более всего тревожили те, что искажали троическое богословие. В одной из рукописей Кирилло-Белозерского собрания (РНБ. Кир.-Белоз. собр. №75/1152) к тексту исповедания Михаила Синкелла ортодоксальной редакции имеется клятвенная приписка «Сице м(у)дръствоую и върую и исповедаю пр(и)сно с(вя)тую и животворящую и единосущноую Тр(ои)цу, даже до посльдняго моего издыханиа благ(о)д(а)тью Х(ри)с(то)вою. Аминь» (Новикова 2013: 138—139). О.Л. Новикова полагает автором этой записи ростовского архиепископа Феодосия, в 1445 г. представившего малому поместному собору покаянную грамоту с осуждением своего «новоначясства». Исследовательница замечает, что такие клятвенные записи в объединении с исповеданиями встречаются в документах, которые или сопутствуют поставлению епископов, или должны подтверждать их верность православной церкви. Общий противоеретический контекст бытования славянского перевода ороса Михаила Синкелла в разных редакциях — летописной и ортодоксальной (по Кирилло-Белозерского списку №75/1152, в Изборнике 1073 г., Древнеславянской Кормчей), в сопоставлении с известной традицией обращения к этому исповеданию церковных и светских иерархов, заподозренных в отступничестве от

[14] Нидерландский исследователь У. Федер не включает текст Исповедания в состав реконструируемого Минейного изборника (Veder 2017). Мы же полагаем вероятным составление «подобосущной» компиляции на основе текста Михаила Синкелла в восточнославянских землях не позднее первых десятилетий XI в. и вскоре после того, как на Русь был доставлен протограф Изборника 1073 г.

православной веры, вероятно, связан с его исторически сложившимся статусом образцового исповедания в ситуации публичного отмежевания от гетеродоксальных учений.

На этот статус указывают и характерные особенности двух славянских компиляций, составленных на основании либеллия Михаила Синкелла — сочинений «Образъ святыя вѣры изложенъ на первом съборѣ» и «Изложение вкратце о православнеи вѣре Иоана философа к нѣкоему просившу оу него». В сборнике южнорусского письма петербургского собрания (БРАН. 13.3.23. 1512 г. Л. 173—179; Яцимирский 1898: 88)[15] текст сокращенной редакции «Образа святыя вѣры» имеет запись, идентичную клятвенной записи покаянной грамоты ростовского архиепископа Феодосия: «сице мудрствую и … до последнего моего издыхания. благодатию христовою. Аминь». А «Изложение вкратце о православнеи вѣре Иоана философа»[16] упоминает еретиков Ария и Савеллия, которые «ово убо едину и тоуж(д)е ипостась гл҃я о бз҃ѣ. его(ж) являти(с) овог(д)а яко о(т)цу. овог(д)а яко сн҃у. овог(д) же яко дх҃у ст҃му. ов же раздѣляяи сьсѣца бж(с)тво». Завершается вероучительное толкование Иоанна рассказом о Семи вселенских соборах, перечисляющим тех же еретиков, что и летописная статья о Соборах: Арий, Македоний духоборец, Несторий, Евтихий и Диоскор, Ориген и Евагрий, Сергий. Исключение составляет Пирр, поименованный на Шестом соборе в числе анафематствованных вместо Кира, указанного летописью.

Представление, будто князю Владимиру Орос передали во время оглашения — издавна существующая и неверифицированная интерпретация летописного рассказа, где сообщается, что некие лица ни то во время, ни то после крещения и оглашения передали Владимиру Святославовичу Символ веры и «подобосущный» текст с повелением остерегаться еретиков, веровать же и исповедовать веру согласно предложенным текстам. Безличность собеседников князя не мотивирована в пределах логики Корсунской легенды, где перед тем упоминаются «епископъ корсуньскыи с попы», которые и должны были бы научить князя христианской вере, будь составитель Начального свода уверен, что Орос — текст огласительный. Если равноапостольный св. князь Владимир был язычником до корсунского крещения, то его оглашение не предусматривало иного вероисповедания кроме Никео-Цареградского. Предположение, что князь Владимир не произносил Орос, а лишь заслушал его во время оглашения (Верещагин 2017: 84—85) противоречит церковной традиции катехизации, во время которой оглашаемых знакомили лишь с Никео-Цареградским Символом веры, ограничиваясь толкованиями.

Установившаяся к X в. каноническая практика оглашения (95 правило Шестого Вселенского собора) включала иное исповедание (помимо известного Символа веры) только для переходящих в православие еретиков и иноверцев (Серафимов 1904: 80—81, 113, 166—187, 190—197). Иноверных (мусульман и иудеев) и еретиков, которые заблуждались относительно основных положений христианской веры и существенно их искажали, не признавали таинства Крещения, либо совершали его неправильно (в древности — монтанисты, евномиане, савеллиане), крестили и оглашали по тому же чину, что и язычников, но с возглашением вместе с Символом веры иного исповедания. Этому предшествовали многословные заверения в искренности намерения присоединиться к православию и подробные отречения от прежних заблуждений. Подобные же заверения и многословные «проклятия» в адрес ересей и ересиархов составляют основное содержание чина принятия через миропомазание тех, «кто въ ереси бывъ кр҃щенъ сы(и) и обратится любо

[15] Яцимирский предположил, что эта рукопись восходит полностью или частями к русской рукописи.

[16] Доступные в российских собраниях списки этого сочинения не старше XV в.: РГБ. 304.I.№ 760; ГИМ. Син. 700 (268гн); Син 561 (323гн); РГБ. Ф. 113. № 178(558).

хвалисинъ[17] любо жидовинъ любо кии еретикъ» (РГБ. Ф. 304.I. № 205. Л. 439об—446об; Бенешевич 1987: 130—177). Летописный Орос, содержащий литургическую предпричастную формулу, как и следующая на ним статья о Соборах, кратко перечисляющая проклинаемые ереси и догматы, утвержденные святыми отцами, не сопоставимы с теми исповеданиями, что включают чины присоединения еретиков к церкви через крещение или миропомазание. Но в древнерусские кормчие эти чины проникли лишь во второй половине XIII в. и, очевидно, долгое время не имели практического применения. Переход инославных и еретиков в православие в предшествующее время мог осуществляться через словесное только исповедание, включавшее отречение от прежней веры (Корогодина 2013: 106—107) согласно третьему из трех чинов присоединения неправославных к православной церкви через покаяние с отречением от ересей (Серафимов 1904: 81—87).

«Подобосущное» Исповедание (полный текст) анафематствованию ересей уделяет половину заключительной фразы, а именно: «и вся еретикы и то и тоже моудрьствоующихъ съ нимь и всѣхъ ереси ихъ бѣгаю и проклинаю и гноушаю ся». Его сообщение о Соборах состоит из краткого перечисления, где и в каком количестве собирались святые отцы без каких либо проклятий в адрес ересей. Этот текст не мог использоваться в обряде присоединения еретиков даже в период гипотетического упрощения обычной церковной практики. Иначе выглядит следующая за Оросом статья о семи Вселенских соборах, которая перечисляет ересиархов поименно с анафемами и исповедует «Троицю единосущьну, святую богородицю, съвръшена бога, свершена человѣка господа нашего Иисус Христа» и поклонение иконам. Оппонент А. Попова, считавшего статью о Соборах заимствованием из какого-то греческого источника — А. Павлов определял в качестве такого источника Палею хронографическую полную, текст которой порой дословно воспроизводит и антилатинская статья (Павлов 1878: 9—14), что давало ему основание настаивать на том, что летописец создал цикл наставлений единственно для обличения латинского учения. Но анализ летописной статьи о Соборах ведет к выводу, что в ее основе лежит текст иного нехронографического характера.

Город Константинополь Исповедание называет «Костянтинѣ градѣмъ» во всех случаях, а в летописном тексте о Семи соборах в одном (первом) случае этот город назван также, а в двух других — «Цесариградѣмъ», в Хронике Амартола и Палее этот город в первом и третьем случае (Второй и Шестой собор) назван «Костянтинѣ градѣ», а в описании Пятого собора «Црѣгрдѣмъ»[18]. Хроника Амартола и Палея хронографическая на Шестом соборе упоминают Сергия и Пирра, а не Сергия и Кира, именуемых летописью[19]. Летописец насчитывает на седьмом Соборе 350 святых отцов, Исповедание — 330, а Амартол и Палея — 355[20]. Летописная статья о Вселенских соборах, начинается со слов «вѣроую же седми соборъ святых отець», отличных от начальных слов соответствующего раздела в Исповедании «приемля и цѣлуя святыихъ по всеи вьселенѣи седмь соборь». Основной метод работы составителя летописного Ороса — сокращение текста, пропуски отдельных слов и

[17] А.Ю. Карпов полагает, что слово «хвалисинъ» здесь «означает определенную религиозную принадлежность, вхождение в конфессиональную общность, существующую на Руси», а не этнос (Карпов 2014: 204). Отметим, что это была «конфессиональная общность» людей, крещенных и затем отпадших от ортодоксального христианства, т.е., общность еретиков. Думаем, что это положение верно и для «жидовинъ», упомянутых в заголовке Чина присоединения к православию через миропомазание, поскольку иудеев, как известно, присоединяли к Церкви через крещение, а не через миропомазание (Похилько 2016: 434).

[18] Кормчие Ефремовской редакции сообщают, что Пятый собор был «въ Царьскѣмъ градѣ».

[19] И теми же Кормчими.

[20] Редакции исповедания Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и в Кормчих не упоминают Седьмой собор, впрочем, как и греческий его источник.

значительных по объему тезисов. Что могло бы его побудить распространить текст о Соборах (в том виде, как он представлен в Исповедании) сообщениями о еретиках, ересях и анафематствованиях при том, что главный вектор его собственной редактуры противоположный? «Подобосущное» Исповедание не было источником летописного текста о Соборах. Полагаем, что составитель Начального свода переработал с сокращениями и изменениями текст, составленный по образцу исповеданий отступников и еретиков, присоединяемых к церкви. То исповедание, основную часть которого летописец заменил «подобосущным» Оросом, было ортодоксальным в своем содержании, перечисляло и анафематствовало ереси и еретиков.

В качестве примера исповедания, послужившего образцом для составителя Начального свода, укажем составленное Иоанном Дамаскином для некоего епископа, бывшего монофелита, исповедание, зачитанное тем при рукоположении после перехода в православие. Оно гораздо многословнее текста Михаила Синкелла, но заканчивается сжатым пересказом истории шести Вселенских соборов такого же приблизительно объема, что и в летописи. Иоанн Дамаскин упоминает тех же еретиков, которых упоминает летописная статья,[21] и следует тому порядку в изложении догматов, которому следовал византийский исповедник иконопочитания Михаил Синкелл (Иоанн Дамаскин 2009: 14).

Составитель Начального свода внес в текст о Соборах предшествующего исповедания характерные «правки», заимствованные или из Хроники Георгия Амартола, или из ее компиляции (несохранившегося Хронографа по великому изложению)[22]. Так в сообщении о Первом соборе летопись и Палея хронографическая[23] полная приводят отсутствующие в Хронике Амартола — источнике Хронографа слова «проповѣдаша вѣру непорочну и праву». В описании Второго собора Амартол упоминает проклинаемых святыми отцами еретиков Савелия и Лювианина, которые «едино лицѣ во святой Троице славяще». Летописец это сообщение замещает утверждением, что святые отцы «проповѣдаша Трц҃ю единосущну»[24], которого нет в Палее. Оно присутствовало или в Хронографе, или в прежнем исповедании. С другой стороны, составитель Ороса, отказавшись от своего привычного приема — сокращать «неудобный» текст, мог счесть необходимым самостоятельно составить антитезу словам Амартола сообразно своим богословским представлениям. Лаконичное сообщение летописной статьи о Третьем соборе, на котором «проповѣдаша ст҃ую бц҃ю» может быть сокращением общего чтения Хроники Амартола и Палеи — «законьствова… ст҃оую **Мр҃ью истиньную и безложноую** бц҃ю»[25]. Летописное описание Четвертого собора, на котором «исъгласивше свершена бг҃а. свершена чл҃вка г҃а нашего Ис҃а Х҃а», также сокращает чувствительным образом сообщение Амартола и Палеи, что собор «изгласиша же свершена ба҃ и свершена чл҃вка **того же въ двою естьствоу неслияна и нераздѣлна** г(с)а и ба҃ наше(г) Ис҃ Х(с)а». Составитель Ороса, как мы помним, также удалил в своей редакции сообщение о двух природах единой ипостаси Сына. Впрочем, перечисленные разночтения, как и сообщение о Кире на Шестом соборе, могли перейти в летопись из прежнего неизвестного исповедания, замененнного в основной его части «подобосущным» Оросом.

---

[21] Это Арий, Македоний-духоборец, Несторий, Евтих, Диоскор, Ориген, Сергий и Кир. В исповедание Иоанна Дамаскина включено далее еще несколько имен, не упоминаемых летописью. И в нем, естественно, нет сообщения о Седьмом соборе.

[22] Единого мнения по вопросу соотношения летописного текста, Хроники Георгия Амартола, ее гипотетической компиляции (Хронограф по великому изложению) и Палеи хронографической в историографии не существует (Творогов 1974; Вилкул 2016).

[23] О позднем происхождении хронографических компиляций (Вилкул 2016: 674, 679, прим. 60).

[24] В Палее хронографической этих слов нет.

[25] В Палее — «ст҃оую Мр҃ию невѣсто поистинѣ истинну и безложну бц҃ю исповѣдаша и прославиша».

Летописец, несомненно, понимал Орос и статью о Соборах как единое противоеретическое исповедание. Павлов видел в Оросе и сказании о Соборах формально необходимую составляющую догматической части общего противолатинского наставления. Второе и более подробное (историческое) обращение летописца к теме Соборов в антилатинской статье он связал с желанием летописца показать, что прежде латиняне не были еретиками и приходили вместе с греками на общие соборы против ересей. Так ли это? Антилатинская статья начинается с предложения не принимать учение латинян, потому что оно искажено. Аллюзия на вступительное предупреждение против неких еретиков здесь очевидна. Далее летописец следует установке, озвученной ранее в обращенной к Владимиру Речи философа, что вера латинян «с нами мало развращена», и перечисляет их «вины», принадлежащие исключительно сфере церковных обычаев и обрядов. Сведения он черпает из хронографической компиляции и Слова печерского игумена Феодосия к князю Изяславу. У Феодосия он заимствует утверждение, что католики не целуют икон, а крест пишут на земле и целуют, встав на него, а также обвинение священников Римской церкви в том, что они грехи прощают за плату (Бармин 2014: 292—293, 301). Упоминаемые Словом Феодосия латинские отступления — служба на оплатках и постовые нарушения приводились перед этим в речах послов-миссионеров перед Речью философа.

Из хронографического источника (Хронографа по великому изложению) взяты сообщения об апостолах, передавших Церкви почитание Креста и икон, о Луке евангелисте — первом иконописце, о святых отцах и иерархах, сходившихся на Вселенские соборы, о Петре Гугнивом, будто бы захватившем Римский престол и веру развратившем, и, наконец, о брачных обычаях латинских клириков[26].

В ряду перечисленных «вин» выделяется обвинение латинян в том, что они Землю называют Матерью. Полагаем его рудиментом текста летописного свода 1070-х гг., в котором продолжалась заложенная Речью философа линия наставления в вере аудитории, находящейся под влиянием учения, близкого богомильским представлениям. Летописец удалил все, что соотносилось с близкими ему по духу отступниками антитринитаристкого толка, и сохранил лишь то, что относилось к язычникам. О том, что это был текст общего огласительно-обличительного содержания, говорят характерные риторические приемы: обращение к логике (да аще имъ есть земля мт҃и, то оц҃ь имъ есть н҃бо… аще ли по сих разуму земля есть мт҃и, то почто плюете на мт҃рь свою, да сѣмо ю лобъзаете, и паки оскверняете») и аллюзии на известный огласительный текст (Искони бо створи б҃ъ н҃бо таже землю) и молитву «Оч҃е нашь иже ес на н҃бси» — непременный объект толкований и размышлений в катехизации недавних язычников. Таким образом, летописец так же, как заменил еретически правленным текстом Ороса основную часть некоего ортодоксального исповедания, так и антилатинской статьей заменил прежний текст, обличавший носителей актуальных для того времени и социума еретических воззрений, оставив в сокращенном виде лишь то, что относилось к обличению язычников.

Объединяя Орос с антилатинской статьей, составитель Начального свода, возможно, ориентировался на греческие рукописи, в которых исповедание Михаила Синкелла сопровождало сочинения патриархов Фотия и Михаила Керулария[27], полемизировавших с

[26] Эти сведения имеются и в Палее хронографической полной.

[27] Например в таких греческих кодексах XIII в., как венская рукопись (ÖNB. Theol. gr. 40. F. 144—145v) и московская — (ГИМ. Sinod. gr. 363 (Vlad. 418). F. 311—313v), где либеллию Михаила Синкелла предшествуют и рассуждения о неправой вере латинян. Начиная с XIV в. в памятниках церковно-канонического содержания сербского извода, а затем несколько позже и восточнославянского извода, исповедание Михаила Синкелла часто сопровождают известные противолатинские сочинения: «Послание Домнина архиепископа венетийского

учением Римской Церкви. В писаниях православных патриархов немалое место отводилось проблеме Filioque, а житие Михаила Синкелла, составленное не позднее середины IX в., упоминает палестинских «латинян» именно в связи с их требованием ввести Filioque в символ веры (Бармин 2006: 34). Ни житие Михаила, ни иные источники не сообщают ничего определенного о роли Синкелла иерусалимского в деле противостояния римлянам, но церковное предание прочно связывало его имя с дискуссией по Filioque. В летописном же повествовании мы не находим ни слова о расхождении православных с католиками по вопросу исхождения Святого Духа не только от Отца, но и от Сына. Увлеченный поисками непосредственных источников летописных известий, Павлов этот факт связал с тем, что летописцу не были известны труды патриарха Фотия. Он оставляет без внимания тот факт, что один из признанных им источников летописной статьи — «Слово Феодосия к князю Изяславу» включает проблему Filioque в число латинских «вин». Учение латинян об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына упоминали и осуждали на Руси второй половины XI — начала XII в. киевский митрополит Ефрем[28] в своем трактате (Чичуров 2007), митрополиты Георгий в «Стязании с латиною», Иоанн в Послании к архиепископу Римскому об опресноках, Никифор I в Посланиях к князьям Владимиру Мономаху и Ярославу Святополчичу.

Причина умолчания летописью проблемы Filioque не в источниках, а в тех интенциях, которые побуждали составителя Свода 1090-х делать замены и сокращения в привлеченных им широко известных литургических текстах. Осуждение латинского учения об исхождении Святого Духа как от Отца, так и от Сына, которое восточные отцы Церкви возводили к «савеллианству», столь близкому богословским представлениям летописца, могло бы подвести к сопоставлениям, опасным для его целей. Поэтому он, уклоняясь от обсуждения собственно вероучительных отступлений, сосредотачивается на описании будто бы присущих латинянам церковных обрядов и обычаев с такими интонациями и подробностями, которые не оставляют сомнений в том, что он их осуждает и не разделяет.

Выводы

1. Изменения, внесенные летописцем в текст «подобосущного» Исповедания — еретически «правленой» компиляции, составленной на основании двух славянских переводов либеллия Михаила Синкелла, и в статью о Соборах, определялись особенностями его тринитарно-богословских представлений: пониманием единой сущности Отца, Сына и Духа как слияния Второй и Третьей ипостасей с Ипостасью Отца, будто бы являемой в трех лицах/образах/свойствах;

2. Славянские православные полемисты XI в. часто соотносили с «савельской» ересью и «жидовским мудрствованием» обличаемые ими заблуждения антитринитаристского толка не до конца проясненного содержания, латинское учение о Filioque и богомильскую (в южнославянских сочинениях) ересь. На этом фоне желание составителя текста Начального свода противопоставить собственное антитринитарное учение учению латинскому представляется вполне органичным;

3. Антитринитаризм еретического Ороса, до известной степени сближающий его с ересью Савеллия, имеет выраженный субординационистский и докетический уклон, что с

к Петру антиохийскому»; «Отписание Петра антиохийского к Домнину арх. Венетийскому»; «Сказание полезнаа о латинахъ, когда отлучишася от грек» и др.

[28] Занимал кафедру в 50-е — в начале 60-х гг. XI в.

большей долей вероятности предполагает влияние другой в исторической перспективе более близкой ереси — богомильской;

4. Общий противоеретический контекст воспроизведенной летописцем традиционной литургической формулы (Символ веры, личное исповедание с оглашением постановлений и анафематствований Вселенских соборов) позволил ему в отмежевании от латинян с перечислением их «вин» противопоставить учению западной Церкви собственное исповедание веры как образцовое;

5. Исходный летописный текст, с которым работал в 1090-е гг. редактор Начальной летописи, содержал Символ веры и наставление, вероятно, включавшее исповедание веры по типу исповеданий, составляемых православными иерархами для подтверждения правильности их учения. Это наставление содержало обличение языческих обычаев и еретических учений, а также толкование молитв и текстов, традиционно сопутствующих церковному оглашению. Летописец сократил до инципита Никео-Цареградский символ веры, входивший в очевидный антагонизм с составленным им текстом Ороса, которым заменил прежнее исповедание в основной его части, нивелировав вместе с тем в заданном направлении и текст о Вселенских соборах — непременный атрибут противоеретических исповеданий с анафематствованиями и воспроизведением принятых на них догматов и постановлений.

Литература

Арранц М. 1988. Чин оглашения и крещения в Древней Руси. *Символ* 19, 69—101.

Арранц М. 1993. О Крещении князя Владимира. В: Громова Е.Б., Куренная Н.М., Ритчик Ю.И. (ред.). *Тысячелетие введения христианства на Руси. 988—1988*. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 61—76.

Арранц М. 2003. *Избранные сочинения по литургике*. Т. I. *Таинства Византийского Евхология*. Рим; Москва: Папский Восточный Институт; Институт Философии, Теологии и Истории св. Фомы.

Бармин А.В. 2006. *Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX—XII веков*. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.

Бармин А.В. 2014. «Сочинение против франков» в Mosq.gr.240 — памятник противолатинской полемики XI — начала XII вв.*? ВВ* 73(98), 296—308.

Бенешевич В.Н. 1906. *Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Бенешевич В.Н. 1987. *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*. Т. 2. София: БАН.

Буланин Д.М. 1991. *Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв.* München: Sagner.

Верещагин Е.М. 1989. Был ли креститель Руси князь Владимир еретиком-арианином? *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 48. № 1, 49—56.

Верещагин Е.М. 1997. *История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников*. Москва: Мартис.

Верещагин Е.М. 2017. «Либеллий» Михаила Синкелла и «Вѣра хрьстианьска» князя Владимира Великого: лингвистические наблюдения. В: Макаров Н.А., Назаренко А.В. (ред.). *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура*: *Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14-16 октября 2015 года*. Москва; Вологда: Древности Севера, 84—129.

Вилкул Т.Л. 2016. О хронографических источниках «Повести временных лет» и времени появления древнерусских хронографов. В: Беляев Д.Д, Гимон Т.В. (ред.). *Древнейшие государство Восточной Европы. 2013 год. Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 655—705.

Гай-Нижник П.П., Батрак О.П. 2016. Історико-герменевтична інтерпретація понять «єдиносущність» і «подібносущність» у ранньохристиянський період в контексті церковно-теологічних догматів

Символа Віри (візантійство — латинство — аріанство) (Ч. 1). В: Вашкевич В.М. (ред.). *Гілея: науковий вісник, сбірник накових праць*. Вип. 106, 9—17.

Гай-Нижник П.П., Батрак О.П. 2016. Історико-герменевтична інтерпретація понять «єдиносущність» і «подібносущність» у ранньохристиянський період в контексті церковно-теологічних догматів Символа Віри (візантійство — латинство — аріанство) (Ч. 2). В: Вашкевич В.М. (ред.). *Гілея: науковий вісник, сбірник накових праць*. Вип. 107, 23—29.

Гиппиус А.А. 2001. «Рекоша дружина Игореве…»: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи. *Russian Linguistics* 25.2, 147—181.

Гиппиус А.А. 2012a. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания. *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: материалы конференции*. Москва: Институт Всеобщей истории РАН, 41—50.

Гиппиус А.А. 2012b. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции. В: Макаров Н.А. (ред.). *Русь в IX—X веках: археологическая панорама*. Москва; Вологда: Древности севера, 37—63.

Дмитриевский А. 1904. *Ставленник. Руководство для священно-церковно-служителей и избранных в епископа, при их хиротониях, посвящениях и награждениях знаками духовных отличий, с подробным объяснением всех обрядов и молитвословий*. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира.

Жданов Р.В. 1939. Крещение Руси и Начальная летопись. *Исторические записки* 5, 3—30.

Заболотский П. 1901. К вопросу об иноземных письменных источниках «Начальной летописи». В: Смирнов А.И. (ред.). *Русский филологический вестник*. Т. XLV. № 1—2. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1—31.

Иоанн Дамаскин, прп. 2009. Трактат о правомыслии (пер. с древнегреч. и примеч. А.Р. Фокина). *Богословские труды* 42, 8—14.

Карпов А.Ю. 2014. *Исследования по истории домонгольской Руси*. Москва: Квадрига.

Корогодина М.В. 2013. Принятие в православие в XIV—XV в.: письменная традиция и практика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* 51, 98—107.

Кузьмин А.Г. 1988. Крещение Руси: концепции и проблемы. В: Окулов А.Ф. (ред.). *«Крещение Руси» в трудах русских и советских историков*. Москва: Мысль, 3—56.

Макарий, еп. 1857. *История Русской Церкви*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Михеев С.М. 2011. Кто писал «Повесть временных лет»? *Славяно-германские исследования* 6.

Неселовский А. 1906. *Чины хиротесий и хиротоний (опыт историко-археологического исследования)*. Каменец-Подольск: Типография С.П. Киржацкого.

Никольский Н.К. 1902. К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире. *Христианское чтение* 7, 89—106.

Никольский Н.К. 1906. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)*. Санкт-Петербург: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук.

Никольский Н.К. 1907. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. *СОРЯС*. Т. 82. № 4, 1—24.

Новикова О.Л. 2013. Изборник 1073 г. и «Ефремовский сборник о латынех». *Очерки феодальной России* 16, 51—152.

Павлов А.С. 1878. *Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.

Петров А.Е. 2003. «Написание о вере» Троицкого сборника конца XII — XIII века: исторические и текстологические особенности. В: Тантлевский И.Р. (ред.). *Метафизические исследования*. Вып. 16. *Христианство*. Санкт-Петербург: Алетейя, 163—176.

Петрухин В. 2006. *Крещение Руси: от язычества к христианству*. Москва: АСТ; Астрель.

Пичхадзе А.А. 2011. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва: Рукописные памятники древней Руси.

Попов А. 1875. *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян*. Москва: Типография Т. Рис.

Попов К.М. 1896. Чин священного коронования: (Исторический очерк образования чина): [Чин коронования в Византии]. *Богословский вестник*. Т. 2. № 4, 59—72.

Попруженко М.Г. 1900. *Синодик царя Бориса. Известия Русского археологического общества в Константинополе*. Одесса: «Экономическая» типография.

Попруженко М.Г. 1928. Синодик царя Борила. *Български старини*. Кн. VIII. София: Държавна печатница.

Потапов П.И. 1910. К вопросу о литературном составе летописи. *Русский филологический вестник*. Т. LXIII. № 1, 1—18.

Похилько Н.П. 2016. «Речь философа» в Повести временных лет: вопрос функции и адресата. *МАИАСП* 8, 408—454.

Похилько Н.П. 2019. «Изложение о православной вере» Михаила Синкелла в славянском переводе с «подобосущной» терминологией. *Zeitschrift für Slavische Philologie* 75.2, 297—346.

ПСРЛ 3: Насонов А.Н. (ред.). 1950. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Рапов О.М. 1998. *Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства*. Москва: Русская панорама.

Розов Н.Н. 1963. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. *Slavia, casopis pro slovanskou filologii*. Roč. XXXII. Seš. 2, 141—175.

Серафимов А. (Сергий, еп.). 1904. *О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную церковь*. Астрахань: Типография В.Л. Егорова.

Софийский сборник 2013: Савельева Н.С. (ред.). 2013. *Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник*. Москва; Санкт-Петебург: Альянс-Архео.

Сухомлинов М.И. 1856. О древней русской летописи, как памятнике литературном. *Ученые записки Второго отделения Академии наук* III, 65—71.

Творогов О.В. 1974. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. *ТОДРЛ* 28, 99—113.

Шахматов А.А. 2001. *Разыскания о русских летописях*. Москва: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле.

Щапов Я.Н. 1977. «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. В: Рыбаков Б.А. (ред.). *Изборник Святославова 1073 г.: сборник статей*. Москва: Наука, 332—341.

Чичуров И.С. 2007. Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/55—1061/62 гг.) в составе греческого канонического сборника Vat. Gr. 828. *Вестник ПСТГУ* I. *Богословие. Философия. Религиоведение* 3(19), 107—132.

Чумичева О.В. 2010. Иноверцы или еретики: понятие «жидовская мудрствующие» в полемическом контексте на Руси конца XI - начала XVI вв. *Очерки феодальной России* 14, 209—226.

Яцимирский А.И. 1898. *Из славянских рукописей. Тексты и заметки*. Москва: Университетская типография.

Cosmas Presbyter. 2006. Homily against the bogomils. *Polata Knigopisnaia: An informational bulletin devoted to the study of early Slavic books, texts and literatures* 33.

Müller L. 1971. Die Werke des Metropoliten Ilarion. Eingeleitet, übersetzt und erläutert von Ludolf Müller. *Forum Slavicum* 37, 57—129.

Popovski J., Thomson F.J., Veder W.R. 1988. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva Lavra) № 12): Text in transcription. *Polata knigopisnaja: an Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Texts and Literatures* 21—22.

Thomson F.J. 1991. Les cinq traductions slavonnes du Libellus de fide orthodoxa de Michel le Syncelle et les mythes de l'arianisme de saint Méthode, apôtre des Slaves, ou d'Hilarion, métropolite de Russie, et de l'existence d'une Église arienne à Kiev. *Revue des études slaves*. Vol. LXIII. Fasc. 1, 19—54.

Veder W. 2017. At the Crossroads of Slavonic Compilations. *Russian History* 44, 298—313.

References

Arranz, M. 1988. In *Simvol (Symbol)* 19, 69—101 (in Russian).

Arranz, M. 1993. In: Gromova, Ye.B., Kurennaya, N.M., Ritchik, Yu.I. (eds.). *Tysyacheletiye vvedeniya khristianstva na Rusi. 988—1988 (Millennium of the introduction of Christianity in Russia. 988—1988)*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 61—76 (in Russian).

Arranz, M. 2003. *Izbrannyye sochineniya po liturgike (Selected Works on Liturgy)*. Vol. I. *Tainstva Vizantiyskogo Yevkhologiya (Sacraments of the Byzantine Euchology)*. Rome; Moscow: Papskiy Vostochnyy Institut; Institut Filosofii, Teologii i Istorii sv. Fomy (in Russian).

Barmin, A.V. 2006. *Polemika i skhizma. Istoriya greko-latinskikh sporov IX—XII vekov (Polemics and Schism. History of the Greco-Latin disputes of the 9th — 12th centuries)*. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy (in Russian).

Barmin, A.V. 2014. In *Vizantijskiy vremennik (Byzantina Xronika)* 73(98), 296—308 (in Russian).

Beneshevich, V.N. 1906. *Drevne-slavyanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovaniy (Ancient Slavic Nomocanon in 14 titles without interpretation)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian).

Beneshevich, V.N. 1987. *Drevne-slavyanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovaniy (Ancient Slavic Nomocanon in 14 titles without interpretation)*. Vol. 2. Sofiya: BAN (in Russian).

Bulanin, D.M. 1991. *Antichnyye traditsii v drevnerusskoy literature XI—XVI vv. (Ancient traditions in ancient Russian literature of the 11th — 16th centuries).* München: Sagner (in Russian).

Vereshchagin, Ye.M. 1989. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka (Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series)*. Vol. 48. No. 1, 49—56 (in Russian).

Vereshchagin, Ye.M. 1997. *Istoriya vozniknoveniya drevnego obshcheslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov (The history of the origin of the ancient common Slavic literary language. Translation activity of Cyril and Methodius and their students)*. Moscow: Martis (in Russian).

Vereshchagin, Ye.M. 2017. In: Makarov, N.A., Nazarenko, A.V. (eds.). *Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazey Borisa i Gleba, Moskva, 14-16 oktyabrya 2015 goda (Russia in the era of Vladimir the Great: state, church, culture: Proceedings of the International Scientific Conference in memory of the millennium of the death of the Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the martyrdom of the holy princes Boris and Gleb, Moscow, October 14-16, 2015)*. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 84—129 (in Russian).

Vilkul, T.L. 2016. In: Belyayev, D.D, Gimon, T.V. (eds.). *Drevneyshiye gosudarstvo Vostochnoy Yevropy. 2013 god. Zarozhdeniye istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya (The oldest states in Eastern Europe. Year 2013. The origin of historical writing in the societies of Antiquity and the Middle Ages)*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 655—705 (in Russian).

Gay-Nizhnik, P.P., Batrak, O.P. 2016. In: Vashkevich, V.M. (ed.). *Gileya: naukoviy visnik, sbirnik nakovikh prats' (Gileya: scientific bulletin, collection of scientific works)*. Iss. 106, 9—17 (in Ukrainian).

Gay-Nizhnik, P.P., Batrak, O.P. 2016. In: Vashkevich, V.M. (ed.). *Gileya: naukoviy visnik, sbirnik nakovikh prats' (Gileya: scientific bulletin, collection of scientific works)*. Iss. 107, 23—29 (in Ukrainian).

Gippius, A.A. 2001. In *Russian Linguistics* 25.2, 147—181 (in Russian).

Gippius, A.A. 2012a. *K rekonstruktsii drevneyshikh etapov istorii russkogo letopisaniya. Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Yevropa: vozniknoveniye gosudarstv: materialy konferentsii (To the reconstruction of the most ancient stages of the history of the Russian chronicle. Ancient Russia and medieval Europe: the emergence of states: conference proceedings)*. Mocow: Institut Vseobshchey istorii RAN, 41—50 (in Russian).

Gippius, A.A. 2012b. In: Makarov, N.A. (ed.). *Rus' v IX—X vekakh: arkheologicheskaya panorama (Rus' in the 9th — 10th centuries: an archaeological panorama)*. Moscow; Vologda: Drevnosti severa, 37—63 (in Russian).

Dmitriyevskiy, A. 1904. *Stavlennik. Rukovodstvo dlya svyashchenno-tserkovno-sluzhiteley i izbrannykh v yepiskopa, pri ikh khirotoniyakh, posvyashcheniyakh i nagrazhdeniyakh znakami dukhovnykh otlichiy, s podrobnym ob"yasneniyem vsekh obryadov i molitvosloviy (A guide for clergy and elected bishops, at their ordinations, initiations and awards with signs of spiritual distinction, with a detailed explanation of all rites and prayers)*. Kyiv: Tipografiya Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira (in Russian).

Zhdanov, R.V. 1939. In *Istoricheskiye zapiski (Historical Transactions)* 5, 3—30 (in Russian).

Zabolotskiy, P. 1901. In: Smirnov, A.I. (ed.). *Russkiy filologicheskiy vestnik (Russian philological bulletin)*. Vol. XLV. No. 1—2. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1—31 (in Russian).

Ioann Damaskin, ven. 2009. In *Bogoslovskiye trudy (Theological Works)* 42, 8—14 (in Russian).

Karpov, A.Yu. 2014. *Issledovaniya po istorii domongol'skoy Rusi (Research on the history of pre-Mongol Rus')*. Moscow: Kvadriga (in Russian).

Korogodina, M.V. 2013. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki (Ancient Rus'. Questions of medieval studies)* 51, 98—107 (in Russian).

Kuz'min, A.G. 1988. In: Okulov, A.F. (ed.). *"Kreshcheniye Rusi" v trudakh russkikh i sovetskikh istorikov ("Baptism of Rus'" in the works of Russian and Soviet historians)*. Moscow: Mysl', 3—56 (in Russian).

Makariy, bis. 1857. *Istoriya Russkoy Tserkvi (History of the Russian Church)*. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian).

Mikheyev, S.M. 2011. *Slavyano-germanskiye issledovaniya (Slavic-Germanic studies)* 6 (in Russian).

Neselovskiy, A. 1906. *Chiny khirotesiy i khirotoniy (opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya) (The ranks of ordinations and ordinations (experience of historical and archaeological research))*. Kamianets-Podilskyi: Tipografiya S.P. Kirzhatskogo (in Russian).

Nikol'skiy, N.K. 1902. In *Khristianskoye chteniye (Christian Reading)* 7, 89—106 (in Russian).

Nikol'skiy, N.K. 1906. *Materialy dlya povremennogo spiska russkikh pisateley i ikh sochineniy (X—XI vv.) (Materials for a time-based list of Russian writers and their works (10th — 11th centuries))*. Saint Petersburg: Otdeleniye russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk (in Russian).

Nikol'skiy, N.K. 1907. In *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti (Collection of the Department of Russian Language and Literature)*. Vol. 82. No. 4, 1—24 (in Russian).

Novikova, O.L. 2013. In *Ocherki feodal'noy Rossii (Essays on Feudal Russia)* 16, 51—152 (in Russian).

Pavlov, A.S. 1878. *Kriticheskiye opyty po istorii drevneyshey greko-russkoy polemiki protiv latinyan (Critical Experiments on the History of the Ancient Greco-Russian Polemics Against the Latins)*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk (in Russian).

Petrov, A.Ye. 2003. In: Tantlevskiy, I.R. (ed.). *Metafizicheskiye issledovaniya (Metaphysical research)*. Iss. 16. *Khristianstvo (Christianity)*. Saint Petersburg: Aleteyya, 163—176 (in Russian).

Petrukhin, V. 2006. *Kreshcheniye Rusi: ot yazychestva k khristianstvu (Baptism of Rus': from paganism to Christianity)*. Moscow: AST; Astrel' (in Russian).

Pichkhadze, A.A. 2011. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoy Rusi: lingvisticheskiy aspect (Translation Activity in Pre-Mongol Rus': the Linguistic Aspect)*. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki drevney Rusi (in Russian).

Popov, A. 1875. *Istoriko-literaturnyy obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochineniy protiv latinyan (Historical and literary survey of Old Russian polemical works against the Latins)*. Moscow: Tipografiya T. Ris (in Russian).

Popov, K.M. 1896. In *Bogoslovskiy vestnik (Theological Bulletin)*. Vol. 2. No. 4, 59—72 (in Russian).

Popruzhenko, M.G. 1900. *Sinodik tsarya Borisa. Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva v Konstantinopole (Synodic of Tsar Boris. Proceedings of the Russian Archaeological Society in Constantinople)*. Odessa: "Ekonomicheskaya" tipografiya (in Russian).

Popruzhenko, M.G. 1928. *Sinodik tsarya Borila. Balgarski starini (Synodikon of Tsar Boril. Bulgarian antiquities)*. Bk. VIII. Sofia: Derzhavna pechatnitsa (in Bulgarian).

Potapov, P.I. 1910. In *Russkiy filologicheskiy vestnik (Russian philological bulletin)*. Vol. LXIII. No. 1, 1—18 (in Russian).

Pokhilko, N.P. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 408—454 (in Russian).

Pokhilko, N.P. 2019. In *Zeitschrift für Slavische Philologie* 75.2, 297—346 (in Russian).

Nasonov, A.N. (ed.). 1950. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov (Novgorod's first chronicle of the older and younger versions)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).

Rapov, O.M. 1998. *Russkaya tserkov' v IX — pervoy treti XII v. Prinyatiye khristianstva (Russian Church in the 9th — first third of the 12th century. Adoption of Christianity)*. Moscow: Russkaya panorama (in Russian).

Rozov, N.N. 1963. In *Slavia, casopis pro slovanskou filologii*. Roč. XXXII. Seš. 2, 141—175 (in Russian).

Serafimov, A. (Sergiy, bis.). 1904. *O pravilakh i chinoposledovaniyakh prinyatiya nepravoslavnykh khristian v pravoslavnuyu tserkov' (On the rules and rituals for the acceptance of non-Orthodox Christians into the Orthodox Church)*. Astrakhan: Tipografiya V.L. Yegorova (in Russian).

Savel'yeva N.S. (ed.). 2013. *Antologiya pamyatnikov literatury domongol'skogo perioda v rukopisi XV v.: Sofiyskiy sbornik (Anthology of Literary Monuments of the Pre-Mongol Period in the Manuscript of the 15th century: Sophia Collection)*. Moscow; Saint Petesburg: Al'yans-Arkheo (in Russian).

Sukhomlinov, M.I. 1856. In *Uchenyye zapiski Vtorogo otdeleniya Akademii nauk (Scientific Notes of the Second Branch of the Academy of Sciences)* III, 65—71 (in Russian).

Tvorogov, O.V. 1974. In *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury (Proceedings of the Department of Old Russian Literature)* 28, 99—113 (in Russian).

Shakhmatov, A.A. 2001. *Razyskaniya o russkikh letopisyakh (Investigations about Russian chronicles)*. Moscow: Akademicheskiy Proyekt; Zhukovskiy: Kuchkovo pole (in Russian).

Shchapov, Ya.N. 1977. In: Rybakov, B.A. (ed.). *Izbornik Svyatoslavova 1073 g.: sbornik statey (Izbornik of Svyatoslav 1073: collection of articles)*. Moscow: Nauka, 332—341 (in Russian).

Chichurov, I.S. 2007. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta (Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities)* I. *Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye (Theology. Philosophy. Religious Studies)* 3(19), 107—132 (in Russian).

Chumicheva, O.B. 2010. In *Ocherki feodal'noy Rossii (Essays on Feudal Russia)* 14, 209—226 (in Russian).

Yatsimirskiy, A.I. 1898. *Iz slavyanskikh rukopisey. Teksty i zametki (From Slavic manuscripts. Texts and Notes)*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (in Russian).

Cosmas Presbyter. 2006. Homily against the bogomils. *Polata Knigopisnaia: An informational bulletin devoted to the study of early Slavic books, texts and literatures* 33.

Müller, L. 1971. Die Werke des Metropoliten Ilarion. Eingeleitet, übersetzt und erläutert von Ludolf Müller. *Forum Slavicum* 37, 57—129.

Popovski, J., Thomson, F.J., Veder, W.R. 1988. The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva Lavra) № 12): Text in transcription. *Polata knigopisnaja: an Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Texts and Literatures* 21—22.

Thomson, F.J. 1991. Les cinq traductions slavonnes du Libellus de fide orthodoxa de Michel le Syncelle et les mythes de l'arianisme de saint Méthode, apôtre des Slaves, ou d'Hilarion, métropolite de Russie, et de l'existence d'une Église arienne à Kiev. *Revue des études slaves*. Vol. LXIII. Fasc. 1, 19—54.

Veder, W. 2017. At the Crossroads of Slavonic Compilations. *Russian History* 44, 298—313.

Приложение 1. Летописный Орос

Представленная в таблице 1 реконструкция первоначального текста летописного Ороса основана на коллации десяти его списков в составе летописей лаврентьевской, ипатьевской, новгородской группы и текста Исповедания Синкелла в составе Троицкого сборника № 12. Летописный текст восходит к протографу, имевшему относительно Исповедания Троицкого сборника разночтение «присносоущно» (181об, 16—17). Поскольку в предыдущем исследовании мы пришли к выводу, что протограф новгородской группы списков Ороса предшествовал общему протографу списков лаврентьевской и ипатьевской групп, то, там, где все три группы списков имеют несовпадающие друг с другом разночтения с текстом Троицкого сборника, предпочтение отдается чтению новгородских списков.

Текст воспроизведен с упрощениями, буквы за исключением «ятя» (ѣ), отсутствующие в современной графике, заменяются. Надстрочные знаки игнорируются. Разделительные точки опущены на строку. Полужирным шрифтом мы выделили вставки отдельных слов: «**бъ҃** (181, 5), ***тако сниде*»** (183об, 16), лексические замены и грамматические изменения слов выделены курсивом: *прѣбывая/пребываеть* (181об, 6), *сн҃ъ/ст҃ыи* (181об, 12), *съприсносоущьно/присносоущно* (181об, 16), *възведъ/взы(и)де и* (183об, 13). Пропущенные редактором Ороса слова заключены в квадратные скобки, например: [соуще] (184, 5) и, наконец, пропуски целых фрагментов текста отмечены указанными в круглых скобках страницами и через запятую строками Исповедания и по изданию Троицкого сборника 1988 г. (Popovski, Thomson, Veder 1988: 181—185).

Таблица 1. **Реконструкция летописного Ороса.**

Текст	**Ссылка**
Вѣроую въ единого бг҃а ѻ҃ця нерожена. и въ единого с҃на рожена. и въ единъ ст҃ыи д҃хъ. исходящь. три собьства съвьршена мысльна. раздѣляема числомь. и собьствьнымь собьствомь. а не божьствомь. *раздѣляеть* бо ся не раздѣльно. и *совокупляеть* ся. неразмѣсьно. от҃ць бо **бг҃ъ** от҃ць присно сыи. *пребываеть* въ отьчьствѣ. нероженъ безначальнъ. начало и вина всѣмъ единѣмь нерожениемь. старѣи сы сн҃оу и дх҃ви. от негоже ражаеть ся с҃нъ. прѣже всѣхъ вѣкъ. исходить же д҃хъ с҃тыи. без врѣмене и бес тѣла. въкоупѣ оц҃ь въкоупѣ сн҃ъ въкоупѣ дх҃ъ *ст҃ыи* есть. сн҃ъ *подобносоущенъ* и *безначаленъ* оц҃ю рожениемь. тъчию разньствуя. оц҃оу и дх҃оу. дх҃ъ есть дх҃ъ прест҃ыи. оц҃ю и сн҃оу подобосоущьно. и *присносоущно.*	(181об,17—21)
отц҃оу бо отьчество. сыноу же сыновьство. ст҃омоу же дх҃оу исхожение ни от҃цъ бо въ сн҃ъ. или въ дх҃ъ прѣстоупаеть. ни сн҃ъ въ оц҃я и дх҃а *и* дх҃ъ въ сн҃ъ или въ оц҃ь. неподвижьна бо своиствия	(182, 4—7)
не трие бз҃и единъ б҃ъ. понеже едино божество. въ трьхъ лицихъ.	(182, 9 — 182об, 22)
хотѣниемь **же** ѻ҃ця же и д҃ха. свою с҃пасти тварь отьчьскыхъ ядръ. ихъ же не остоупи съшедъ. и въ дѣвичьское ложе пречистое акы бж҃ие сѣмя вышедъ. и плоть съдоушеноу словесеноу. же и оумьноу. не преже бывъшю приимъ. [и] изыде бъ҃ въплощенъ. родивъ ся неиздреченьнѣ. и дѣвьство матери съхрань *нетлѣн(ь)но*. не съмятение ни размѣшение ни измѣнения пострадавъ. нъ прѣбывъ еже бѣ бы(сть) еже не бѣ. приимъ рабии зракъ. истиною а не мьчьтаниемь. всячьскы развѣ грѣха. намъ подобьнъ бывъ.	(183, 13 — 183об, 4)
волею бо роди ся. волею възалка. [и] волею въжада. волею троуди ся. волею оустраши ся. волею оумре. истиною а не мьчьтаниемь вся естьствьныя. [и] неоклеветаны страсти чл҃вчства. распятъ же ся и съмьрти въкоуси. безгрѣшеныи. [и] въскресъ въ своеи плоти. не видѣвши истьлѣния.	(183об, 11—13)

Таблица 1. **Реконструкция летописного Ороса (продолжение).**

Текст	Ссылка
и на н҃бса *взы(и)де* **и** сѣде одесноую о҃ца. придеть же пакы съ славою. соудити живыимъ и мьрътвымъ. якоже възыде съ своею плотию. **тако и сниде**	(183об, 16—23)
къ симъ едино. крьщение исповѣдаю. водою и д҃хмъ	(184, 2—3)
пристоупаю къ пречыстымъ таинамъ. вѣрою [соуще] въистиноу тѣло и кровь.	(184, 5—8)
приемлю [вся] цьркъвьная предания [писаниемь и безъ писания].	(184, 9—10)
и кланяю ся *ч(с)тнымъ иконамъ*.	(184, 11—17)
кланяю ся дрѣвоу чьстьномоу **и** кресту**. и святымъ мощемъ**	(184, 18—20)
и с҃тымъ [же] съсоудомъ.	(184, 21 — 184об, 16)

Приложение 2. **Фрагмент исповедания Семи вселенских соборов**

Вѣрую же седми соборъ святых отець, иже бысть пръвыи в Никеи 300 и 18, иже прокляша Ариа и проповѣдаша вѣру непорочну и праву, вторыи же сборъ в Костянтѣнѣ градѣ святых отець 100 и 50, иже прокляша Макидониа духоборца и проповѣдаша троицю единосущьну; третии же въ Ефесѣ святых отець 200 на Нестория, его же прокленше, проповѣдаша святую богородицю; четвертыи, иже в Халкидонѣ, святыхъ отець 600 и 30 на Евтуха и на Диоскора, ею же прокляша святии отци, изгласивше съвръшена бога, свершена человѣка господа нашего Иисус Христа; пятыи соборъ въ Цесариградѣ святыхь отець 100 и 60 и 5 на Аргенова преданиа, на Евагриа, их же прокляша святии отци; 6 соборъ въ Цесариградѣ святых отець 100 и 70 на Сергиа и Кира, их же прокляша святии отцы; 7 соборъ в Никии святыхь отець 300 и 50 иже прокляша, понеже бо не покланяются иконамъ.

Этнография

Ethnography

УДК 392.5
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00034

Ketevan Tsimintia

PROHIBITIVE AND INHIBITIVE FACTORS OF MARRIAGE IN SAMEGRELO (WESTERN GEORGIA)*

Social relationships, including marriage, were regulated by ecclesiastical and secular laws as well as by customs in Georgian society. Various kinds of prohibitions existed. Today majority of the customs are lost because of globalization. However, customs concerning marriage restrictions are relatively well preserved in people's memory. Different clans that do not marry each other were revealed by the ethnological research in historical-ethnographic region of Georgia — Samegrelo. Breaking marriage restriction by different socially related groups was strictly prohibited. Moreover, in some cases, clans or lineages which became relatives artificially had to follow the same strict rules of marriage prohibition. Different clans, lineages and patronymies studied by the ethnographic research conducted on the field, revealed the strength of the customs even today. The result of the research revealed, that prohibitive factors of marriage between different clans, lineages or patronymies were customary rules in Samegrelo, such are "*ginochama*", serving to the same shrine, becoming relatives via Christianity and etc. However, marriage prohibition determined by Christianity affected only to minor lineages and patronymies rather than the big ones or clans. The memory of common origin is inhibitive factor of marriage, but not prohibitive similarly to the memory of past social inequality.

Key words: Marriage, Prohibition, Clans, Samegrelo, Relationships.

About the author: Ketevan Tsimintia, PhD Student, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.
Contact information: 0179, Georgia, Tbilisi, Chavchavadze av. 1. Ivane Javakhishvili Tbilisi State University; e-mail: ketevan.tsimintia075@hum.tsu.edu.ge; ketitsimintia@gmail.com.

Кетеван Циминтия

ЗАПРЕЩАЮЩИЕ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ ПРИЧИНЫ БРАКА В САМЕГРЕЛО (ЗАПАДНАЯ ГРУЗИЯ)

Социальные отношения, включая брак, регулировались в грузинском обществе церковными и светскими законами, а также обычаями. Существовали разного рода запреты. Сегодня большинство обычаев утрачено из-за глобализации. Однако обычаи, касающиеся брачных ограничений, относительно хорошо сохранились в памяти людей. Различные кланы, не состоящие в браке, были выявлены этнологическими исследованиями в историко-этнографическом регионе Грузии — Самегрело. Нарушение табу на брак различными социально связанными группами строго запрещено. Более того, в некоторых случаях кланы, ставшие родственниками искусственно, должны были соблюдать те же строгие правила брачного табу. Различные кланы, родословные и отчества, изученные этнографическими исследованиями, проведенными на местах, выявили силу обычаев даже сегодня. Результат исследования показал, что запретительные факторы брака между разными кланами были обычая в Самегрело, такие как «гиночама», служение одной святыне, становление

* The research was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation (SRNSF) [Grant No. PHDF-18-653, Ethno-Historical Aspects Connected with Disappearing Surnames in Highland Samegrelo].

Статья поступила в номер 12 декабря 2020 г.
Принята к печати 26 декабря 2020 г.

© Ketevan Tsimintia, 2020.

родственниками через христианство и т.д. Однако табу на брак, установленное христианством, касалось только мелких, а не больших кланов. Память об общем происхождении является сдерживающим фактором для брака, но не запретительным, как память о прошлом социальном неравенстве.

Ключевые слова: брак, запрет, клан, Самегрело, отношения.

Сведения об авторе: Кетеван Циминтия, докторант, Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили.

Контактная информация: 0179, Грузия, г. Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 1, Тбилисский Государственный Университет им. И.А. Джавахишвили; e-mail: ketevan.tsimintia075@hum.tsu.edu.ge; ketitsimintia@gmail.com.

Relationships are regulated by legal means and customs in a society. Clans as a group of people with kinship regulate their relations by these rules. Our main goal is to study relations inside clans, specifically in connection with prohibitive and inhibitive circumstances of marriage. The research will be based on a material recorded in Western Georgia, namely in Samegrelo.

Marriage prohibition (in some cases referred as marriage taboo) was an object of interest for several anthropologists worldwide. It is not widely popular topic however since patterns of marriage taboo especially determined by clan identity is common in different societies we decided to study worldwide examples in order to better address the case of Georgia. For example, Navaho/Navajo people were studied by Kenneth Morgan, Malkolm Carr, Katherine Spencer, Doriane Wooley. Societies in Marshall Islands were studied by Robert C. Kiste, Michael A. Rynkiewich. Those societies usually have a simple kinship and their marriage rules are relatively simple as well. All these societies have some forms of marriage prohibition which results in exogamy. Since these societies do not have complex kinship, marriage is prohibited between simple kin or clans. R. Kiste and M. Rynkiewich pointed out the definition of exogamy and explained how it was regulated by two Marshall Islands population: “By exogamy, we refer to a cultural norm that theoretically prohibits marriage between members of same social category. Marshallese, like members of many societies, make a distinction between two types of kin. There are kinsmen with whom sexual relation and marriage are prohibited; and kinsmen with whom sexual relations and marriage are permissible and preferred” (Kiste-Rynkiewich 1976: 209). M. Carr, K. Spencer and D. Wolley studied Navaho clans. They discussed the findings of earlier researchers concerning prohibitive factors of marriage and came to the conclusion that “prohibition against marriage existed among parallel cousins, who are recognized as siblings in the kinship terminology and with cross-cousins” (Carr-Spencer-Wolley 1939: 246). Kenneth Morgan based his conclusion on ethnographic evidences and assumed that “since the minor clans are involved in so few marriages the observation that few or no marriages occur within the group is not statistically significant (Morgan 1979: 159) Also he pointed out that “By collapsing across communities we would be assuming that certain major clans have no marriage exchanges between them because they are in the same group, when in fact the reason for “exogamy” is that the majority of the members are in separate communities”. (Morgan 1979: 159). Other forms of kinship were studied by Bernard Chapais. He noticed that complex, developed societies usually have relationships defined not only by biology, like it is in simple societies but by also by cultural categories (Chapais 2014: 751). It should be noted, that in Georgia we are dealing with complex society and kinship is more complex and it is interesting that the relations do not depend only on biology, cultural constructs also play an important role in formation of marriage prohibition. Here we can find marriage restrictions among not only consanguineal clans but also among people who do not have consanguineal relationships.

Different clans without blood relationship but with a marriage prohibition were discovered based on ethnographic research. Information was received directly with interviews. The reasons for marriage prohibition was studied based on secondary sources as well as with archival materials.

Marriage relationships in Georgia, as well as in other countries, were regulated by civil law and after conversion to Christianity, not only a civil law but an ecclesiastical law took also effect. At the same time, keeping customs was essential. Those were typically based on beliefs among people.

Since the definitions related to our research (**patronymy, clan, lineage**) became the subject of much debate among Georgian scholars, the reasoning for the use of each of them in connection with our issue should be specified.

Patronymy, lineage, "turi", "dino". Various opinions exist in scholarly literature concerning patronymy in Western Georgia. The term "patronymy" originates from the Latin word "pater" (father) and "nomen" (name). Patronymy is a term used to refer to unity of patrilineal relatives usually descending from one common epinymous ancestor or it may refer to relatives living close together on a specific territory. The term initially was coined to refer more primitive societies however its existence is attested in more complex societies also (Pershits, Trayde 1989: 133). As for Georgian reality, a researcher Aleksi Robakidze confirms the existence of the patronymy and he pointed out that the use of the term patronymy toward the Caucasian people needs to be used in a very specific way. In his opinion, patronymy is the unity of relatives which is not as big as a clan (all people with common surname) neither as small as a family (Robakidze 1993: 102). A researcher Nugzar Mgeladze studied the institute patronymy in Adjara. He insisted that several patronymic organizations — Gvari, Nogro, BidzaSviloba, Modzmianoba and Mamishviloba existed there, however this explanation seems not very satisfiying (Mgeladze 2004: 100). S. Bakhia-Okruashvili specified what should be named as patronymy in Georgia. In her opinion, patronymy is a unity of relatives which remember their agnatic connection up to four or sometimes even five generations and they have specific obligations towards each other. The houses of different families are concentrated in one area close to the initial house of eponymous ancestor. Agricultural works are usually conducted in a form of collective labour and the families have the obligation to help each other. Usually, different forms of collective labour exist. Also, these families sometimes have a common holiday and celebrate it together. Real or rarely mithycal eponymous serves as a basis of this social institute (Bakhia-Okruashvili 2007:15). We tend to identify that the relationship of relatives denominated as "**Turi**" in Samegrelo is the one which should be defined as patronymy. It is closely related to another term lineage. Patronymy usually refers to patrilineal descent while lineage can also be of matrilineal descent. Since only patrilineal lineage is attested in Western Georgia, the term patronymy can be used, however since more general term, lineage is more common in anthropological studies, we prefer to use this term. IN case of Western Georgia, this is to refer the unity of blood relatives with some social functions — "turi". S Bakhia-Okruashvili agrees that "turi" is patronymy in fact (Bakhia-Okruashvili 1985:71), however D. Chitanava disagrees with her and thinks that the word "**dino**" is used to reflect patronymic relations (Chitanava 2002:324). Although, in our opinion, "dino" reflects the unity of relatives of a smaller scale.

Clan, "Gvari". Clan is defined as "kin group used as an organizational device in many traditional societies. Membership in a clan is traditionally defined in terms of descent from a common ancestor. This descent is usually unilineal, or derived only through the male (patriclan) or the female (matriclan) line. Normally, but not always, the clans are exogamous, or out-marrying: marriage within the clan is forbidden and regarded as a form of incest. From a functional perspective, clans help to unify groups by cross-cutting other forms of social organization, such as the settlement, postmarital residence patterns, or age sets" (britannica.com: 1). Unlike patronymy

and lineage, clan usually refers to a bigger unity of people, which mostly are blood relatives and have a common surname. However, clan also has social functions, like labour organization and etc. Patronymy also have such functions but patronymy refers unity of people only up to five generations. Bigger unity of blood relatives with specific social organization and functions is not defined in scholarly literature. Representatives of one surname, for example Shengelia, which even do not remember their common ancestor and they might be very numerous (more than 8 000), have some common social functions, therefore their unity is supposed to be defined for the study of Georgian anthropology and in our opinion, clan may be the best definition for this. Therefore, we will use this term in connection with the unity of all people with the same surname and claim of common origin.

"Gamnarki". There is also one smaller unity of blood relatives which should be defined. This is so-called "Gamnarki". It is more tight social unit. According to Paata Tskhadaia, in the highland Samegrelo one lineage was divided into several "turi" and these smaller divisions were called "Gamnarki". "Gamnarki" usually refers to blood relatives with a common ancestor up to three generations (Tskhadaia 1985:89).

Ivane Javakhishvili noted that young age, also blood relationships and spiritual kinship between couples always was considered to be an inhibitive circumstance of marriage in the historical Georgia (Javakhishvili 1984: 266). According to the laws of king Vakhtang VI (1711—1714, 1716—1723), insanity, or simply suspected mental health of bride was considered to be an inhibitive circumstance of marriage (Law of Vakhtang VI 1981: 250). Giorgi Nadareishvili, a researcher of Georgian law history noted that ecclesiastical law regulated marriage in the middle ages. Marriage prohibition was extended on seventh degree blood relative based on church teachings (Nadareishvili 1971: 67).

A Researcher Mzia Bekaia clarified relation types and pointed out that three types of relations existed in Georgia — blood relations (descent), in-law relationships (relatives of husband and wife) and artificial (baptism, wet nursing, becoming sworn brothers). First of all, marriage prohibition existed between the couples with the same family names (i.e. surname) (Bekaia 1981: 28). Ethnologist Illia Chkonia, who studied Mtiuleti region noted that the descent from the same ancestor was a major factor of marriage prohibition, which made marriage between couples with the same surnames impossible, even if they were territorially separated, i.e. lived in distant villages (Chkonia 1955: 19). Thus the reason of imposed exogamy outlined by Morgan (see above) does not fit with Georgian reality. Marriage was still prohibited strictly even if the clans lived in distant communities.

A researcher Nugzar Antelava came to the conclusion that exogamy was kept for seven generations for agnatic relations and for four generations for cognitive relations in the beginning of the 19th and the 20th century in Samegrelo (Antelava 2005: 35). According to interviews taken on ethnographic field we encountered a proverb which proves that a marriage prohibition existed for several generations in Samegrelo: *"ziskhir ziskhirs kodzirunsia, kiansia" (when blood meets blood it yells).*

Apart from exogamy, i.e. prohibition based on kinship or blood relations, other inhibitive circumstances of marriage also existed in historical Georgia. In the eastern highlands of Georgia marriage was banned between "*stsorferis*" and "*tsatsalis*" — they were the couples in love with the right of petting but not of marriage (Makalatia 1925: 3; Baliauri 1991: 33). Marriage between the inhabitants of the same village or between the ones who shared the shrine was also undesirable (Makalatia 1941: 260, Abakelia 1999: 305). Couple's social status and religion was essential (Javakhishvili 1984: 266—269). They were supposed to be of the same religion (Code of Canon Law 1987: 330).

Marriage was banned between artificially related people. Marrying nanny's relatives was prohibited as well as marrying someone bound by an oath as brothers, sisters, fathers and mothers. Bound by oath (sworn persons) are called "*chapili*" in Megrelian language (Makalatia 1941: 260). Marriage was banned between families already related with another marriage, this kind of kinship was called "*kerdz-mojgiroba*" in Samegrelo (Antelava 2005: 35).

Another prohibitive factor of marriage is a verdict created by a customary law called "*ginochama*" (cursing on an icon). We encountered several occasions of marriage prohibition connected with this practice. Those usually were based on legends and the word used to identify a marriage prohibition is "*vashiners*" ("*shina*" — means to remember, -va is a particle for negation), which, word by word, means behavior that could not be mentioned, or is not remembered by anyone or is not allowed to do so. It is the same as "taboo" — forbidden thing (Sakhokia 1956: 72). Term "taboo" means prohibition created based on real or magical superstition (Jorjaneli 1977: 46). Under the term "*vashiners*" all the prohibited actions and subjects are included, that can harm a person or his/her family (Makalatia 1941: 335).

The study of marriage prohibition between clans, records of ethnographic material clarified that we are dealing with a relatively conservative society in modern situation. Memory of historical norms is quite strong in societies. This issue, mainly based on ethnographic materials, has not been covered in the scientific literature from this perspective. Since the era of globalization has changed ethnographic characteristics quite dramatically, we consider it urgent and obligatory to record the current reality, because in a few years with the change of the values we will be facing a completely different situation.

Different prohibitive and inhibitive circumstances of marriage were revealed in Samegrelo based on our research.

"*Ginochama*" (cursing on an icon) was one of the prohibitive circumstances of marriage. Cursing on an icon — "*ginochama*" is a folk law created over the centuries and established in practice. It was quite common among Megrelians. One of the outcome of the "*ginochama*" trial was the marriage prohibition. An example of such restriction is marriage prohibition between these couples of clans — Lukava and Mikava, Lukava and Gvinjilia, Abuladze and Molashkhia, Kvaratskhelia and Changelia, Arqania and Gogokhia, Arkania and Bulia, Kakachia and Shengelia.

A specific clan connection, namely a tie through praying ("*khvama*") with a specific kinship — "*gamnarki*" is the prohibitive factor of marriage. In case of a large families, one clan may have several *"gamnarki"* and the memory about lineage is limited approximately from four up to six generations. We observed an example of this in the village of Muzhava. Descendants of Bebelia Arqania's lineage ("*gamnarki*") which live here, do not marry representatives of Kakubava or Jobava's clan. According to the legend, while buying captives, two brothers of Kakubava family and one of Jobava family, were kidnapped from Samurzakano. Bebelia Arkania saved all three of them "with the help of Saint George". Survivors of the death from the clan of Kakubava and Jobava promised to the Cross of Saint George Church to sacrifice an ox every five years as a token of gratitude, and to celebrate this day with their savior Bebelia Arkania and his "*gamnarki*"/ small lineage. Special prayer ("*khvama*") is usually held. The clan of Kakubava and Arkania offer a prayer of thanksgiving— "*dunapiri*" even today. Kakubavas, Jobavas and Arkanias, these three small lineages ("*gamnarki*") keep the holiday and exogamy rule even today. As we mentioned, connecting one clan to another with a special prayer "*khvama*" became the prohibitive factor of marriage over time.

Another prohibitive factor of marriage — serving to the same shrine is recorded in village Obuji, Tsalenjikha Municipality. Representatives of the clan of Phiphia[1] and Meskhia from this village, do not marry each other. According to ethnographic research, they swore and were serving the same shrine in Nojikhuri. There is similar example in the village of Jikhashkari. Its residents from the clan of Shengelia and Zarandia annually celebrate the holiday of their clans, called "*kejvaroba*" which usually is on the 3rd day after Easter. These two clans strictly keep the rule of exogamy.

Inhibitive but not prohibitive factor of marriage, is social inequality. This factor was studied on the example of two clans — Songulia and Shengelaia. The reason of marriage prohibition, supposedly, was the class inequality in the past. Based on ethnographic resources, the Songulias were Shengelia's "*moinales*" — meaning they were the servants. According to field materials recorded by ethnologist Davit Chitanava, the reason for marriage inhibition between these clans is adoption as well (Chitanava 2020: 191).

One interesting custom is described by Italian missionary Arcangelo Lamberti who lived in Samegrelo in the 17th century. He did not mention any prohibitive rules of marriage, but the inhibitive factor was noted. A groom was obliged to bring precious gift to fiancée – the groom's inheritance, which means that social situation was important in Samegrelo and it might serve as inhibitive factor of marriage (Lamberti 1938: 82).

Marriage taboo might also exist because of the memory of common origin. Clan of Samelia usually do not marry Melia clan. Reportedly, they are the Lazi. Three brothers fled from Lazeti. One of them went to Ochamchire (Apkhazia), two others moved to Samegrelo, to village Lia. Their original surname was Melia, but then they added -sa prefix and became Samelia. Clans of Ubilava, Vibliani and Ugulava, also Mindilaia and Bendeliani as well as Mantua and Matua, have the memory of common origin also. The memory of common origin is inhibitive factor of marriage but not prohibitive.

Prohibitive factors of marriage are not always remembered by clans but they really existed. A minor clan of Egia who live in the municipality of Tsalenjikha and they are represented with only 9 persons do not marry clan of Tvaltvadze. Exogamy is strictly protected by these clans. The ban is probably due to becoming relatives via baptism. According to archival materials, a nobleman, Teimuraz son of Ivane Tvaltvadze and a noblewoman Dulkhan, daughter of Kvikvinia Egia married each other on the 20th of July, 1880. Groomsmen were Ivane and Keramdukhu Egias (Georgia's National Archive. Central Historical Archive. Stok 489. Rec. 6. Case # 999). However, in the following years, the Tvaltvadzes became relatives of Egia clan by baptism: *Nobleman Pavle, son of Vataia Egia and Natalia, daughter of Gabriel had a son named Gabriel on 29th of July, 1891 Godfather was Maqsime, son of Nikoloz Tvaltvadze* (Georgia's National Archive. Central Historical Archive. Stok 489. Rec. 6. Case # 1478).

Archival data confirms the marriage exchange between the clans of Egia and Tvaltvadze, which means that they were not blood relatives, however, they became relatives by baptism. Christian religion puts spiritual ties above physical ones (Code of Canon Law 1987: 330). Marriage is strictly prohibited between these two clans despite ignorance of the real reason.

Similar occasion is recorded concerning the clans of Dzvabava and Phurtukhia. According to the narrators, *"Dzvabava will not marry Phurtukhia and Phurtukhia will not marry Dzvabava.* They say *"Purtukhiep chqimianep rena" (Phurtukhias are our fellowmen*). Presumably, the exogamy between the clans of the Dzvabava and Phurukhia living in Medani is a result of Christian ties. The fact that they are connected with baptism can be retrieved from archive again: The register of

[1] Several lineages live in this village and they all are part of one clan.

marriage of Saint George Church in Jgali states that "*On October 7, 1871, the peasant Uchana son of Gvadzi Phurtukhia and Mariam daughter of Makhu, got married. Groomsmen were Makhu and Pavle Phurtukhias, also Jabe Dzvabava and Totia Phurtukhia*" (Georgia's National Archive. Central Historical Archive. Stok 489. Rec. 6. Case # 771). Peasant Teimuraz, son of Shuko Dzvabava and Roda daughter of Kocha, got married on 7th November, 1871. Groomsmen were Pakhu Dzvabava and Pavle Phurtukhia (Georgia's National Archive. Central Historical Archive. Stok 489. Rec. 6. Case # 771). In this case these two clans became relatives by being groomsmen to each other. Presumably the groomsmen would also baptize the children of the married couple and the relationship would be strengthened by baptism. Similar to clans of Egia and Tvaltvadze, the clans of Phurtukhia and Dzvabava have kept the marriage prohibition, but they do not remember the reason, which was retrieved by us from the archive.

The result of the research revealed, that prohibitive factors of marriage between different clans were customary rules in Samegrelo, such are "*ginochama*", serving to the same shrine, becoming relatives via Christianity and etc. However, marriage taboo determined by Christianity affected only to minor clans rather than big clans. The memory of common origin is inhibitive factor of marriage, but not prohibitive similarly to the memory of past social inequality. The strength of protecting customary laws and Christian religion rules are revealed in the prohibition of marriage between clans not related with blood relations but with kinship.

References

Abakelia, N. 1999. Saqortsino tses-chveulebebi samegreloshi (Marriage customs in Samegrelo). In: *Samegrelo Colchis Odishi (Studies of Archeology, Linguistics, History, Architecture and Ethnology)*. Tbilisi; Zugdidi: Inteleqti (in Georgian).

Antelava, N. 2005. *Tradiciuli saqortsino tses-chveulebebi samegreloshi (Traditional marriage customs in Samegrelo)*. Tbilisi: Tamila Tsagareishvili; Giorgi Gotsiridze (in Georgian).

Bakhia-Okruashvili, S. 1985. *Svanuri "lamkhubi" anu "samkhubi" — patronimia (Lamkhubi or Samkhubi among the Svani — patronymy)*. Tbilisi: Mecniereba (in Georgian).

Bakhia-Okruashvili, S. 2007. Patronimiuli organizaciis struqtura da funqcia qartul etnologiashi (Structure and function of patronymic organization in Georgian ethnology). *Kavkasiis etnografiuli krebuli* (*Collection of Ethnographic works about Caucasus)* 10, 15—44 (in Georgian).

Baliauri, N. 1991. *Stsorfroba khevsuretshi ("Stsorfroba" in Khevsureti)*. Tbilisi: Tbilisis Universitetis Gamomtsemloba (in Georgian).

Bekaia, M. 1981. *Saojakho da sakortsino tradiciebis mnishvneloba tanamedrove qartuli ojakhis simtkicisatvis (The importance of family and marriage traditions for the strength of the modern Georgian family)*. Tbilisi: Metsniereba (in Georgian).

britannica.com: 1: Britannica, The Editors of Encyclopaedia. "Clan". Encyclopedia Britannica, 15 Jul. 2008. Available at: https://www.britannica.com/topic/clan (accessed 01.12.2020).

Carr, M. Spencer, K., Wooley, D. 1939. Navaho Clans and Marriage at Pueblo Alto. Wiley on Behalf of the American Anthropological Association. *American Anthropologist*. Vol. 41. No. 2, 245—257.

Chapais, B. 2014. Complex Kinship Patterns as Evolutionary Constructions, and the Origins of Sociocultural Universals. *The University of Chicago Press on behalf of Wenner-Gren Foundation for Anthropoloical Research. Current Anthropology*. Vol. 55. No. 6, 751—783.

Chitanava, D. 2002. Patronimia da gvari samegreloshi (sofel yulish-karis masalebis mixedvit) (Patronymy and clan in Samegrelo according to the materials from Kuliskari). *Istoriul-etnografiuli shtudiebi (Studies in history and ethnography)* 5, 322—343 (in Georgian).

Chitanava, D. 2020. *Kolkhuri gvarsakhelebis genezisi mrude sarkeshi (Genesis of Colchian surnames in a distorted mirror)*. Tbilisi: Qolor jgufi (in Georgian).

Chkonia, I. 1955. *Qortsinebis instituti mtiuletshi (Marriage institute in Mtiuleti)*. Tbilisi: Saqartvelos SSR Metsierebata Akademiis Gamomcemloba (in Georgian).

Code of Canon Law (Didi Sjuliskanoni). 1987. Tbilisi: Saqartvelos Sapatriarqo (in Georgian).

National Archives of Georgia. Central Historical Archive. Stock 489. Rec. 6. Case #999; #1478; #771.

Javakhishvili, I. 1984. *Tkhzulebani tormet tomad (Works in Twelve Volume)*. Vol. VII. Tbilisi: Tbilisis Universitetis Gamomcemloba (in Georgian).

Jorjaneli, K. 1977. *Evfemizmi da sityvis tabu (Euphemisms and the taboo of a speech).* Tbilisi: Tbilisis Universitetis Gamomcemloba (in Georgian).

Kiste, R.C., Rynkiewich, M.A. 1976. Incest and exogamy: A Comparative study of two Marshall Island Populations. *The Journal of the Polynesian society*. Vol. 85. No. 2, 209—226.

Lamberti, A. 1938. *Samegrelos Aghtsera (Description of Samegrelo)*. Tbilisi: Pederacia (in Georgian).

Law of Vakthang VI. 1981. *Samartali Vakhtang Meeqvsisa (Law of Vakhtang VI).* Tbilisi: Sabtchota Saqartvelo (in Georgian).

Makalatia, S. 1925. *Pshauri tsatsloba da khevsuruli stsorfroba (“Tsatsloba” in Pshavi and “Stsorfroba” in Khevsureti)*. Tfilisi: S.M.U.S. Poligrtrecis Ganyofileba mesame Stamba (in Georgian).

Makalatia, S. 1941. *Samegrelos istoria da etnografia (History and ethnography of Samegrelo)*. Tbilisi: Sakartvelos Mkharetmcodneobis Sazogadoeba (in Georgian).

Mgeladze, N. 2004. *Acharuli nogro da gvari (Adjarian nogro and clan).* Batumi: Gamomcemloba Achara (in Georgian).

Morgan, K. 1979. Clan Groups and Clan Exogamy among the Navajo. *Journal of Anthropological Research*. Vol. 35. No.2, 157—169.

Nadareishvili, G. 1971. *Kartuli samartlis istoriis narkvevi (Studies in Georgian law history)*. Tbilisi: Mecniereba (in Georgian).

Pershits, A.I., Trayde, D. (eds.). 1986. Sotsial'no-ekonomicheskiye otnosheniya i sotsial'naya kul'tura (Socio-economic relations and social culture). In: Bromley, Yu.V., Shtrobakh, G. (eds.). *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov (Collection of ethnographic definitions and terms)*. Iss. 1. Moscow: Nauka (in Russian).

Robakidze, A.I. 1993. *Ocherki obchestvennogo bita svanov (Essays about social life of the Svani)*. Tbilisi: Mecniereba (in Russian).

Sakhokia, T. 1956. *Etnograpiuli natserebi (Ethnographic Letters)*. Tbilisi: Sametsniero-Metoduri Kabinetis Gamomcemloba (in Georgian).

Tskhadaia, P. 1985. *Mtiani samegrelos toponimia (enatmecnieruli analizi) (Toponymy of the highland Samegrelo (linguistic analysis)*. Tbilisi: Tbilisis Universitetis Gamomcemloba (in Georgian).

Рецензии и отзывы

Reviews

УДК. 94 (470.62)+94(470.620)+94(470.61)Крым (091)“08/16”(035.3)
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00035

М.В. Моисеев

ЛЮДИ ПОГРАНИЧЬЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: СЕНЬ Д.В. 2020. РУССКО-КРЫМСКО-ОСМАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПРОСТРАНСТВО, ЯВЛЕНИЯ, ЛЮДИ (КОНЕЦ XVII—XVIII В.): ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. РОСТОВ-НА-ДОНУ: АЛЬТАИР)*

В рецензии анализируется монография профессора Южного федерального университета Д.В. Сеня, в которой были опубликованы статьи разных лет, а также специально написанные для этой книги очерки. В центре исследования находятся люди пограничья, те изменения, которые происходили на Юге России в то время, когда в этом регионе начал устанавливаться новый пограничный порядок и меняться политическая ситуация. Исследователь рассматривает эти изменения с позиции гетерогенности и мозаичности самой пограничной жизни. Автор выносит на научную дискуссию ряд тезисов, среди которых — тезис о непредрешенности судьбы Крымского ханства. Исследователь обозначил ряд перспективных направлений для дальнейших исследований, которые позволят нам значительно более четче рассмотреть местные процессы и их влияние на политику великих государств.

Ключевые слова: рецензия, пограничье, новый пограничный порядок, Азов, казаки, плен, работорговля, «ахреяне».

Сведения об авторе: Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, Музей Москвы, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Контактная информация: 119021, Россия, Москва, Зубовский бул., 2, Музей Москвы; e-mail: maksi-moisee@yandex.ru.

M.V. Moiseev

THE PEOPLE OF THE BORDERLAND BOOK REVIEW: SEN’, D.V. 2020. RUSSIAN-CRIMEAN-OTTOMAN BORDERLAND: AREAS, PHENOMENA, PEOPLE (ENDING OF THE XVII—XVIII CENTURIES). ROSTOV-ON-DON: AL’TAIR

The review analyzes the monograph of Professor of the Southern Federal University D.V. Sen’, in which articles from different years were published, as well as essays specially written for this book. The study focuses on the people of the borderlands, the changes that took place in the South of Russia at a time when a new border order was being established in this region and the political situation was changing. The researcher considers these changes from the perspective of heterogeneity and mosaic of the borderline life itself. The author presents a number of theses for scientific discussion, including the thesis about the non-certainty of the fate of the Crimean Khanate. The researcher identified a number of promising areas for further research, which would allow us to consider much more clearly local processes and their impact on the politics of great states.

Key words: review, borderland, new border order, Azov, Cossacks, captivity, slave trade, “Akhreyans”.

---

* Статья поступила в номер 21 декабря 2020 г.
Принята к печати 30 декабря 2020 г.

© М.В. Моисеев, 2020.

About the author: Moiseev Maksim Vladimirovich, PhD (History), Museum of Moscow, Novosibirsk State University.
Contact information: 119021, Russia, Moscow, 2 Zubovskiy Blvd., Museum of Moscow; e-mail: maksi-moisee@yandex.ru.

Проблема освоения Россией тех пространств, которые и сейчас являются ее государственной территорией, сохраняет до сих пор свою научную значимость. Исследователи пытаются решить ее, применяя различные методики, и новая книга ростовского исследователя Д.В. Сеня не представляет собой исключения. Автор построил свою работу, отказавшись от оптики «высоких кабинетов», и решил присмотреться к тому, что же происходило непосредственно на месте, где реализовывался государственный интерес. Эта идея оказалась весьма продуктивной, и перед взором читателя предстали местные администраторы, толмачи, различные местные сообщества и их элиты, все те, кого можно смело назвать людьми пограничья. Их взаимоотношения, коммуникативные и деловые связи создавали особый неповторимый мир, в котором протекала своя жизнь почти неразличимая из царских или султанских покоев.

Большой научный интерес представляет и «серая зона» перехода из «православного казака» в «ахреяна» и последующее функционирование этого сообщества и отношение к нему как местных групп, так и центральных правительств. Все эти задачи автор поставил и последовательно решает в рамках избранного подхода.

Архитектура книги представляется логичной и сбалансированной. В первом разделе автор рассматривает историю русского Азова, деятельность местной администрации, реакцию местного населения, коммуникативные практики и работу толмачей и переводчиков. Во втором разделе, исследуются вопросы формирования новых границ, смены подданства и вызванные этим миграционные процессы, а также плен и работорговлю. В заключительном разделе в оптику историка попало военное лидерство. Здесь Д.В. Сень анализирует деятельность кубанское казачество, лидеров казаков-старообрядцев, львиная часть раздела посвящена крымскому султану Бахты-Гирею. К сожалению, в книге нет заключения, в котором автор бы подвел некоторый итог своим штудиям. В книге проанализировано значительное число источников, фактов, событий и это тоже требовало заключения, в котором бы автор объяснил свое видение сложных процессов протекавших в южном пограничье в конце XVII—XVIII вв.

Продвижение Московского государства вглубь степной зоны увенчалось завоеванием Азова в 1696 г. и вызвало серьезные изменения в сложившейся до этого конфигурации сил[1]. Теперь и казакам, и ногаям, и нонконформистским группам христиан—староверов, и крымцам приходилось искать способы сохранения своего положения и хозяйственной жизни. Для этого надо было сначала решить свое отношение к новому центру силы, а затем и начать выстраивать свою политику. Ясно, что для староверов наступали тяжелые времена, и для них единственной приемлемой стратегией стало максимальное дистанцирование от русских властей и уход под покровительство Крымского ханства и Османской империи. Однако для остальных групп ответ не был столь очевиден. Д.В. Сень показывает тревогу и метания кубанских ногаев, обращение их к российским властям за подданством. Впрочем,

---

[1] Еще в османскую эпоху Азак (Азов) стал местом притяжения различных вольных сообществ у которых выстраивались многогранные взаимоотношения с местной администрацией (Мустакимов, Сень 2010: 307—326; Мустакимов, Сень 2012: 172—189; Мустакимов 2018: 110—115; Моисеев 2019b: 28—39).

после заключения Константинопольского мира ногайцы переходят к вооруженному сопротивлению новому пограничному порядку (Сень 2020: 25—35).

Конфликты, урегулирование их последствий, поддержание мира в Азовско-Черноморском регионе приводили к интенсификации контактов между русским воеводой Азова и представителями местных сообществ и региональных османских и ханских властей. Все это требовало наличие персонала, обладающего достаточной языковой компетенцией. Однако с этим возникли проблемы, так как не всегда региональные власти могли себе позволить роскошь иметь в своем аппарате высококвалифицированных переводчиков. При этом для налаживания контактов друг с другом и разрешения острых конфликтных ситуаций, возникавших в пограничье, местные элиты регулярно обменивались посланиями и гонцами, которые рисковали остаться не прочитанными и не услышанными (Сень 2020: 90—92). Раньше всего азовским властям удалось решить проблему с устным переводом, а вот решение проблемы письменного перевода при отсутствии специалиста удалось решить путем неожиданной коллаборации. Например, в феврале 1700 г. послание Гази-Гирея переводил «турченин» Ибрахим, а толмачил казак Максим Иванов и это не единичный пример. Д.В. Сень пишет, что ему «неоднократно встречались примеры того, что письмо, написанное, скажем, на османо-турецком языке, зачитывал человек, им владевший, а переводил на русский язык — другой человек, воспринимавший на слух содержание документа»[2] (Сень 2020: 99—100). В конечном счете, русские власти в Азове решили проблему коммуникации, используя все доступные ресурсы: пленных турок, местных полиглотов и специалистов, присланных из столицы. Исследователю удалось уточнить наши сведения о составе группы переводчиков и толмачей, направленных из Посольского приказа в Азов. Показано, что постепенно формировался круг лиц, регулярно привлекавшихся к службе в этом далеком южном форпосте царства. Д.В. Сень вполне аргументировано показывает, что хотя в конце XVII в. ситуация с переводчиками была неудовлетворительной, но все же переводчики были, а уже в начале XVIII в. ситуация заметно улучшилась (Сень 2020: 116—117).

На рубеже XVII—XVIII вв. в Азовско-Черноморском регионе изменилась политическая ситуация, завоевание русскими Азова, мирный договор между Османской империей и Российским царством привели к формированию нового пограничного порядка. Введение линейных границ разрушало сложившийся порядок и угрожало экономическим и властным интересам местных элит. В этих условиях остро встал вопрос о перспективах дальнейшего существования Крымского ханства. Известно, что для российской исторической науки со времен В.Д. Смирнова ответ однозначен: судьба ханства предрешена, возможность его сохранения на политической карте Европы отсутствовала. Д.В. Сень оспаривает этот тезис. Он обращает внимание на тот факт, что до сих пор нет сквозной периодизации истории Крымского ханства. Этот факт, по мнению автора, означает отсутствие в научном сообществе понимания направлений развития этого государства, основных этапов и тенденций. Именно поэтому он в целях «моделирования» будущей дискуссии предлагает «рассмотреть события конца XVII — начала XVIII в. как часть более заметного периода, охватывающего 1681—1700 гг.», так как это «переломный этап в истории Крымского ханства (от Бахчисарайского договора до Константинопольского договора), в ходе которого

[2] От себя замечу, что подобная практика встречалась и раньше и свойственна не только российской власти. В 1570 г. с этой же проблемой столкнулся азовский дездар Джафер. У него в аппарате не было специалиста, способного прочитать и перевести кириллический русский текст. Проблема была решена аналогичным способом. Грамоту читал толмач русского посольства, а записывал на тюрки азовский чиновник (Моисеев 2019а: 63).

существенно ухудшилось международное положение Крымского ханства» (Сень 2020: 123). Организация границ европейского типа ощущалось подданными Гиреев как переломный момент истории их государства. Новый пограничный порядок, несовпадение внешнеполитических интересов Стамбула и Бахчисарая, нежелание Османской империи вмешиваться в русско-крымские конфликты и остановить продвижение русских в низовья Днепра и в Северо-Восточное Приазовье — все это вынуждало крымских ханов верифицировать свои международные контакты и даже искать новых сюзеренов. В частности, Девлет-Гирей II в начале XVIII в. «несколько раз инициировал переговоры о переходе Крыма в российское подданство» (Сень 2020: 125). Даже если это был способ шантажа османского падишаха, само такое обращение к московскому царю фиксировало недовольство османской политикой, так как ханство Стамбул последовательно выдавливал ханство из европейской политики (Сень 2020: 127). Верификация международных контактов проявилась в поиске новых альянсов. Крымские ханы начали переписку со Швецией и с Запорожской Сечью. В этом же русле находились и дипломатические контакты 1670—80-хх гг. с Датским королевством (Абдужимилев 2020a: 180—210; Абдужимилев 2020b: 185—215). Хотя, конечно, скандинавское направление политики Крымского ханства вряд ли могло иметь серьезные политические последствия. Заметно более существенным было «запорожское» направление. Д.В. Сень отметил усиление в этих двусторонних отношениях тенденции на развитие «мирных взаимоотношений, объединения перед угрозой со стороны более сильного внешнего врага» (Сень 2020: 128). В целом, в Азовско-Черноморском регионе сложилась сложная и запутанная картина отношений. Представители Османской империи и России выстраивали новый тип отношений, перекраивая свои владения на новый лад. Крымский хан и аристократия в этих условиях старалась наладить контакты с новыми азовскими властями по вопросам пограничного сотрудничества. Подданные же Гиреев, по интересам которых эти новые правила игры нанесли существенный удар, «активно сопротивлялись новым российско-османским механизмам контроля над степным порубежьем, стремясь различными путями либо нарушать новые границы, либо вовсе противодействовать их устроению» (Сень 2020: 128—129). В целом, автор признает, что набеговая система Крымского ханства «без поддержания которой» власть ханов «теряла огромную ресурсную базу» находилась в системном кризисе (Сень 2020: 133—134). Вопрос о том, могло ли лавирование Гиреев решить эту проблему и дать перспективу дальнейшему сохранению Крымского ханства, автор оставляет открытым. Можем полагать, что историк приглашает коллег к дискуссии и к дальнейшему изучению этой проблемы в условиях отказа от тезиса о предопределенности судьбы государства Гиреев. Это решение следует признать плодотворным. Остается только ожидать ответа от коллег на это любезное приглашение.

Интересной для изучения представляется такая группа пограничного населения, как «ахреяне», и автор вполне закономерно уделил ей свое внимание. «Ахреян» Д.В. Сень исследует в парадигме образа «чужого», стараясь определить смысловое наполнение этого термина. Исследователь установил, что словоупотребление этого обозначения менялось, «пройдя путь от маркирования лиц, переходивших в мусульманство, до обозначения конкретных (не всех!) групп «изменников», бежавших из России в «область турского царя» и в земли, подвластные крымским ханам (Сень 2020: 167—168). Показана интенсивность употребления этого термина в делопроизводстве как центральных органов власти, так и местных. Исследователь отмечает существенное влияние именно приказной среды в появлении самого понятия «ахреяне». Весьма любопытно отношение именно местных сообществ к этой группе изменников сначала вере, а потом и православному царю. Ведь они не отличались, например, от донских казаков ни внешне, ни по языку, лишая их тем самым

даже малейшей безопасности, которую могло даровать отличие в одежде и тем более в языке. Как известно, это те самые отличия, которые можно отнести к базовым, которые надежно маркировали в эпоху средневековья и нового время «своих» и «чужих». Легко представить с какой легкостью «ахреянин» мог выведать у казаков их планы, подъехать к ним, усыпить бдительность и совершить нападение (Сень 2020: 36—50, 153—154, 170—186). Поэтому легко понять практику смертной казни, которую казаки применяли к пленным «ахреянам», хотя не всех их Войско Донское карало смертью, могли и обрить налысо. По мнению Д.В. Сеня, это маркировало их как «чужих» и приводило к поражению в правах (Сень 2020: 152). Однако можно полагать, что это все же было не просто маркирование, а именно наказание, которое стигматизировала «ахреяна», выталкивая его из «правильного» общества, превращая в маргинала. Интересно, имело ли это наказание ограничение по срокам или было бессрочным, до конца жизни? Жаль, что автор не пояснил этот момент в тексте. Д.В. Сень пишет, что средой, активно использовавшей этот термин, был приказный люд региональных приказных изб, которые ставили цель дополнительно заклеймить казаков-изменников (Сень 2020: 160—161). Настаивая на том, что именно приказные активно использовали это слово, исследователь не согласен с тем, что они его употребляли в некоем «пропагандистском угаре», желая дополнительно заклеймить эту социальную группу. Если бы дело было только в этом, то термин «ахреяне» применялся бы максимально широко. Но Д.В. Сень последовательно указывает, что так называли далеко не всех изменников, а только конкретные группы (Сень 2020: 167). Следовательно, мы здесь имеем дело с более сложным явлением, чем простое инвертирование отступников от закона. Что же это тогда, если не брань?

Не стоит забывать, что в XVI—XVII вв. происходил процесс выработки понятийного русского языка, с помощью которого описывали усложняющуюся реальность. Воеводы порубежных городов вели активную переписку не только с центром, но и друг с другом, а также с властями приграничных иностранных городов. Весь комплекс местной политики этих воевод (астраханских, терских, сибирских и др.) можно определить как малую или пограничную дипломатию. В своих посланиях в Москву воеводы обрисовывали местную ситуацию, используя нормативный, признанный описательный язык. Вместе с тем в воеводских канцеляриях откладывались отписки местных сборщиков ясака, караульных, разведчиков в которых сохранялся интереснейший массив данных, который может рассматриваться как предтеча русской этнографии. В конечном итоге именно провинциальные власти оказались создателями традиций народоописания, которые в XVIII веке были пересмотрены, но все-таки стали той базой, на которой появилась российская этнография. Приказной же люд этих провинциальных изб использовал уже имевшие слова, но наполнял их дополнительным смыслом. Более того, складывалась практика фрагментирования до этого единого понятия. Так, к примеру, астраханские воеводы во второй половине XVI в. слабо различали местное население, описывая его обобщенно как татар (Moiseev 2021). В XVII в. ситуация изменилась. Все татарское население (с точки зрения русского воеводы князя Д.П. Лопаты-Пожарского (Акты исторические 1841: 422)) делится на три группы. Первая группа — «иштерековы ногаи», ногаи Большой Ногайской орды, которые временно оказались в городе. Вторая группа — юртовские татары, пришлый элемент, они живут в Астрахани не «изстари». Третья группа — старые татары, которые составляли коренное ядро астраханского населения. Следовательно, воевода дал вполне корректное описание сложной этнической картины, сложившейся в Нижнем Поволжье. И описывает он ее посредством трех терминов, а именно: «иштерековы ногаи», юртовские татары и старые татары. Так что в русской мысли к началу XVII в. уже был сформирован

понятийный аппарат, более точный, чем на рубеже XV—XVI в., хотя ему еще далеко до отточенной аналитики последующих столетий. Следовательно, и в случае с «ахреянами» мы можем столкнуться с тем же самым процессом. Приказным было необходимо разграничить местные сообщества, а для этого им было нужно для каждого их них подобрать слова—маркеры. И здесь пригодился термин «агаряне», которым в форме «ахреяне» стали сначала называть ренегатов, а затем и религиозных нонконформистов, которые жестко держались старой веры и предпочитали подданство мусульманским правителям, а не православному царю.

Было бы крайне интересно выяснить, на какие группы изменников этот термин не распространялся. А пока из текста Д.В. Сеня можно сделать вывод о его конфессиональном характере, что им описывали общности ренегатов и христиан старого обряда, переходивших в подданство мусульманам. В любом случае, «ахреянская» проблема заслуживает монографической разработки. Тем более что исследователь показал не только ее важность, но и источниковую обеспеченность.

Нельзя не отметить и проблемы плена и работорговли на южном пограничье. Надо сказать, что плен и работорговля в последнее время вызывает устойчивый исследовательский интерес (Жуков 2012: 31—43; Зайцев 2014: 171—173; Кизилов 2016: 124—131; Kizilov 2005: 211—235; 2007a: 1—31; 2007b: 189—210; 2017: 103—116; 253—267; Matsuki 2006: 171—182; Kołodziejczyk 2006: 149—159; Ivanics 2007: 193—217; Yaşa 2019: 433—443). Ученные пришли к выводу, что это было широко распространенное явление и совсем не ограничивается кочевыми и горскими сообществами. В этих процессах принимало активное участие и христианское население пограничья и царские служилые люди и администраторы. До русского покорения Азова работорговля составляла заметную часть бюджета местных сообществ, вокруг этого вопроса выстраивались коммуникационные сети, центры притяжения. С усилением контроля центральной власти ситуация начала постепенно меняться. Естественным образом азовские власти постарались перехватить и замкнуть на себе переговорный процесс, лишая тем самым донских атаманов части власти и доходов. Все это воспринималось как наступление на привилегии Войска Донского, хотя из кремлевской перспективы это выглядело как установления закона и порядка. Д.В. Сень справедливо пишет, что этим процессом была особенно недовольна войсковая верхушка, «традиционно контролировавшая пограничные связи донцов с ногайцами, …, в сфере торговых связей и, конечно, работорговли» (Сень 2020: 175). Впрочем, как воеводская администрация ни старалась взять под контроль эту сферу отношений, она никак не могла добиться поставленной цели, так как в работорговлю включались все новые участники. Так, например, в конце XVII в. к ней подключились казаки-старообрядцы (Сень 2020: 179). Любые попытки жесткого изменения правил игры могли спровоцировать бунт и отток населения из подданства русскому царю. Поэтому неудивительно, что «пограничные власти … старались не доводить до крайности ситуации с разменом полоняников и возвратом награбленного» (Сень 2020: 178). В конечном итоге, в пограничье создавалась серая зона, на которую центральные власти могли оказывать ограниченное влияние. Как верно отмечает автор, «плен, рабство и выкуп отражали многие стороны жизни на южном пограничье, активно развивавшиеся местными сообществами до появления здесь так называемых линейных границ. Работорговля долгое время относилась к традиционным занятиям местного полиэтничного населения, активно взаимодействовавшего друг с другом» (Сень 2020: 185). Модерные государства в рамках реализации своих государственных идей и программ, перейдя к внедрению в южном порубежье нового пограничного порядка, начали разрушать сложившиеся здесь традиционные практики коммуникации и экономические занятия.

Процесс этот вызывал сопротивление, побуждая государственные элиты к переговорам и снижению напора, однако потом они опять возвращались к новым управленческим практикам. Эти колебания составят заметную часть истории южного пограничья в XVIII в.

Итак, предлагаемая вниманию читателя книга профессора Южного федерального университета Д.В. Сеня является важным итогом развития донской историографии. Ученый удачно развив традиционные для науки юга России темы, вывел ее на новый уровень. Сама проблематика пограничной дипломатии задает новую оптику, в которой местные сообщества приобретают новый объем, а решения центральных властей ясность. Автору удалось показать, что имперская политика не имела линейного победоносного характера, когда волей-неволей приходилось учитывать сложность и мозаичность региональной картины, и местные сообщества оказывали на нее влияние. Региональные администраторы были вынуждены вырабатывать тонкие управленческие практики и сложный описательный язык, и все это оказывало влияние на выработку решений центральной власти. Исследователь обозначил ряд перспективных направлений для дальнейших исследований, которые позволят нам значительно четче рассмотреть местные процессы и их влияние на политику великих государств. Вне всякого сомнения, эта книга окажет влияние на дальнейшие исследования и вызовет содержательную дискуссию, которая приведет к получению нового научного знания.

Литература

Акты исторические. 1841. Т. 3. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной ЕИВ канцелярии.

Абдужимилев Р.Р. 2020a. Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства. *Крымское историческое обозрение* 1, 180—210.

Абдужимилев Р.Р. 2020b. Крымскотатарско-датская дипломатия в документах Крымского ханства. Часть 2. *Крымское историческое обозрение* 2, 185—213.

Жуков В.Д. 2012. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-е гг. XVII века: К истории колонизации южной окраины Московского государства. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России* 4, 31—43.

Зайцев И.В. 2003. «Вольная грамота» турецкого султана «некоему русину». *Тюркологический сборник* 2002. *Россия и тюркский мир.* Москва: Восточная литература, 229—244.

Зайцев И.В. 2014. «Русский» ислам до XIX в.: исторический экскурс о принятии ислама «этническими» русскими. В: Гутник М.С. (ред.). *Вера. Мысль. Выбор. По материалам Зёрновских конференций 2012—2013 гг. «Философская мысль и религиозный опыт», «Свобода и выбор веры в истории мировых религий».* Москва: Центр книги Рудомино, 167—185.

Сень Д.В. 2020. *Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): Избранные труды.* Ростов-на-Дону: Альтаир.

Кизилов М.Б. 2016. Письмо польских пленников 1660 года из Бахчисарая как источник по истории работорговли в Крымском ханстве в раннее новое время. *Историческое наследие Крыма* 27, 124—131.

Моисеев М.В. 2019a. Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева. *Средневековые тюрко-татарские государства* 11, 60—66.

Моисеев М.В. 2019b. «Иже где лихих нет...». Нападение в степи на дипломатические миссии и их урегулирование в XV—XVI вв. Россия, татарские государства и Османская империя перед криминальным вызовом «вольных сообществ». *Новое прошлое* 4, 28—39.

Мустакимов И.А. 2018. «Не проходит и дня, чтобы не пришли известия об их выходках»: конфликты между жителями османского Азова XVI в. и принимаемые меры. *Средневековые тюрко-татарские государства* 10, 110—115.

Мустакимов И.А., Сень Д.В. 2010. Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков. *Україна в Центрально-Східній Європі* 9—10, 307—326.

Мустакимов И.А., Сень Д.В. 2012. Азов и донские казаки по османским документам 1560—1570-х гг. *Вестник Танаиса* 3, 172—189.

Ivanics M. 2007. Enslavement, Slave Labour and the Treatment of Captives in the Crimean Khanate. In: Geza D., Pal F. (eds.). *Ransom Slavery along the Ottoman Borders*. Leiden: Brill, 193—217.

Kizilov M.D. 2005. The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries. *International Journal of Maritime History* XVII(1), 211—235.

Kizilov M.D. 2007a. Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History* XI(1—2), 1—31.

Kizilov M.D. 2007b. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate. *Journal of Jewish Studies* LVIII/2, 189—210.

Kizilov M.D. 2017. Reports of Dominican Missionaries as a Source of Information about the Slave Trade in the Ottoman and Tatar Crimea in the 1660s. In: Yağcı Z.G., Yaşa F., İnan D. (eds.). *Osmanli Devleti'nde Kőlelik: Ticaret, Esaret, Yaşam*. İstanbul: Tezkire, 103—116.

Kołodziejczyk D. 2006. Slave Hunting and Slave Redemption as a Business Enterprise: the Northern Black Sea Region in the Sixteenth to Seventeenth Centuries. *Oriente Moderno* XXV/1, 149—159.

Matsuki E. 2006. The Crimean Tatars and their Russian Slave Captives: An Aspect of Muscovite-Crimean Relations in the 16th — 17th Centuries. *The Mediterranean Studies Group Hitotsubshi University* XVIII, 171—182.

Moiseev M.V. 2021. The Image of the Other: the Perception of Tatars by Russian Intellectuals and Clerks in the Fifteenth to Seventeenth Centuries (Chroniclers, Diplomats, Warlords and Writers). In *Images of Otherness in Russia* (in print).

Yaşa F. 2019. Between Life and Death: Slaves and Violence in Crimean Society in the last quarter of 17th Century. *Selçuk University Journal of Studies Turcology* 47, 433—443.

References

Akty istoricheskie (Historical Acts). 1841. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoy YEIV kantselyarii (in Russian).

Abduzhimilev, R.R. 2020a. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* (*Crimean Historical Riview*) 1, 180—210 (in Russian).

Abduzhimilev, R.R. 2020b. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* (*Crimean Historical Riview*) 2, 185—213 (in Russian).

Zhukov, V.D. 2012. In *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* (*RUDN Journal of Russian History*) 4, 31—43. (in Russian).

Zaytsev, I.V. 2003. In *Tyurkologicheskiy sbornik (Turkological Collection)* 2002. *Rossiya i tyurkskiy mir (Russia and the Turkic World)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 229—244 (in Russian).

Zaytsev, I.V. 2014. In: Gutnik, M.S. (ed.). *Vera. Mysl'. Vybor. Po materialam Zornovskikh konferentsiy 2012—2013 gg. "Filosofskaya mysl' i religioznyy opyt", "Svoboda i vybor very v istorii mirovykh religiy" (Faith. Think. Choice. Based on the Materials of the Zernov Conferences 2012—2013. "Philosophical Thought and Religious Experience", "Freedom and Choice of Faith in the History of World Religions")*. Moscow: Centr knigi Rudomino, 167—185 (in Russian).

Sen', D.V. 2020. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranich'e: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konecz XVII—XVIII v.): Izbranny'e trudy* (*Russian-Crimean-Ottoman borderland: areas, phenomena. People (ending of the XVII—XVIII centuries*). Rostov-on-Don: Al'tair (in Russian).

Kizilov, M.B. 2016. In *Istoricheskoye nslediye Kryma (Historical heritage of Crimea)* 27, 124—131 (in Russian).

Moiseev, M.V. 2019a. In *Srednevekovy'e tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 11, 60—66 (in Russian).

Moiseev, M.V. 2019b. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 28—39 (in Russian).

Mustakimov, I.A. 2018. In *Srednevekovy`e tyurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 10, 110—115 (in Russian).

Mustakimov, I.A., Sen', D.V. 2010. In *Ukraina v Central'no-Shidniy Evropi (Ukraine in Central and Eastern Europe)* 9—10, 307—326 (in Russian).

Mustakimov, I.A., Sen', D.V. 2012. In *Vestnik Tanaisa* (*Bulletin of Tanais*) 3, 172—189 (in Russian).

Ivanics, M. 2007. Enslavement, Slave Labour and the Treatment of Captives in the Crimean Khanate. In: Geza, D., Pal, F. (eds.). *Ransom Slavery along the Ottoman Borders*. Leiden: Brill, 193—217.

Kizilov, M.D. 2005. The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade in Slaves and Captives in the Fifteenth to Eighteenth Centuries. *International Journal of Maritime History* XVII(1), 211—235.

Kizilov, M.D. 2007a. Slave Trade in the Early Modern Crimea from the Perspective of Christian, Muslim and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History* XI(1—2), 1—31.

Kizilov, M.D. 2007b. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate. *Journal of Jewish Studies* LVIII/2, 189—210.

Kizilov, M.D. 2017. Reports of Dominican Missionaries as a Source of Information about the Slave Trade in the Ottoman and Tatar Crimea in the 1660s. In: Yağcı, Z.G., Yaşa, F., İnan, D. (eds.). *Osmanli Devleti'nde Kőlelik: Ticaret, Esaret, Yaşam*. İstanbul: Tezkire, 103—116.

Kołodziejczyk, D. 2006. Slave Hunting and Slave Redemption as a Business Enterprise: the Northern Black Sea Region in the Sixteenth to Seventeenth Centuries. *Oriente Moderno* XXV/1, 149—159.

Matsuki, E. 2006. The Crimean Tatars and their Russian Slave Captives: An Aspect of Muscovite-Crimean Relations in the 16th — 17th Centuries. *The Mediterranean Studies Group Hitotsubshi University* XVIII, 171—182.

Yaşa, F. 2019. Between Life and Death: Slaves and Violence in Crimean Society in the last quarter of 17th Century. *Selçuk University Journal of Studies Turcology* 47, 433—443.

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах. Донецк.
АА АМЗ	—	Архив археологии Азовского музея-заповедника.
АВИМ	—	Аксайский военно-исторический музей. Аксай.
АГОИАМЗ	—	Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник. Астрахань.
АДСВ	—	Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АИАПМЗ	—	Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АМЗ	—	Археологический музей-заповедник «Танаис». Недвиговка.
АПО	—	Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БИ	—	Боспорские исследования. Керчь; Симферополь.
БИАМ	—	Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Бахчисарай.
ВАГУ	—	Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. Майкоп.
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва.
ВКИКМЗ	—	Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь.
Влияния ахеменидской культуры 2012	—	Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). 2012. *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1—2. Москва: Таус.
ВОКМ	—	Волгоградский областной краеведческий музей. Волгоград.
ГАКК	—	Государственный архив Краснодарского края, Краснодар.
ГРМ	—	Государственный русский музей. Санкт-Петербург.
ГИМ	—	Государственный исторический музей. Москва.
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ДБ	—	Древности Боспора. Москва.
ДД	—	Донские древности. Азов.
ЖМНП	—	Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗКОИКМ	—	Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. Уральск.
ЗООИД	—	Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Одесса.
ИА НАНУ	—	Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАИАНД	—	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАК	—	Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАЭ СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск.

ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КБН 1965	—	Струве В.В. (ред.). 1965. *Корпус боспорских надписей*. Москва; Ленинград: Наука.
КБН 2004	—	Гаврилов А.К. (ред.). 2004. *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН—альбом).* Санкт-Петербург: Алетейя (Bibliotheca classica Petropolitana).
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва.
МАИАСП	—	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МЗСК	—	Музей-заповедник «Судакская крепость». Судак.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России. Москва.
МИДК	—	Музей истории донского казачества. Новочеркасск.
НА ИА НАНУ	—	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НА ИА РАН	—	Научный архив Института археологии Российской академии наук. Москва.
НА ИИМК РАН	—	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
НАВ	—	Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НВБелГУ	—	Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород.
НиС	—	Нумизматика и Сфрагистика. Киев.
НиЭ	—	Нумизматика и Эпиграфика. Москва
НМРК	—	Национальный музей Республики Казахстан. Астана.
ОАК	—	Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОГИКМ	—	Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей. Оренбург.
ОГПУ	—	Оренбургский государственный педагогический университет.
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва.
Причерноморье в античное и раннесредневековое время	—	Коваленко А.Н. (ред.). 2018. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. *К 70-летию профессора Виктора Павловича Копылова*. Ростов-на-Дону: Учебный музей археологии ЮФУ; Общество «Наследие».
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей. Ленинград; Москва; Санкт-Петербург.
ПФА РАН	—	Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
РА	—	Российская археология. Москва.
Раннесарматская и среднесарматская культуры	—	Клепиков В.М. (ред.). 2006. *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения.* Вып. 1. Волгоград: Волгоградское научное издательство.

РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.
СА	—	Советская археология. Москва.
САИ	—	Свод археологических источников. Москва.
Сарматы и их соседи на Дону	—	Гугуев Ю.К. (ред.). 2000. *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Терра (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
СГАИМК	—	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
СОМК	—	Саратовский областной музей краеведения. Саратов.
СПбГУПТД	—	Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна. Санкт-Петербург.
ТГЛИАМЗ	—	Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Таганрог.
ТГЭ		Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
Труды ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. Москва.
ЦГАЛИ СПб.	—	Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург.
ACSS	—	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; Boston.
Amber in Archaeology 2009	—	Palavestra A., Beck C.W., Todd J.M. (eds.). 2009. *Amber in Archaeology. Proceedings of the Fifth International Conference on Amber in Archaeology, Belgrade 2008*. Belgrade: National Museum in Belgrade.
AMIT	—	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
BAR	—	British Archaeological Reports. Oxford.
BCAA	—	Bonn Contributions to Asian Archaeology. Bonn.
BCH	—	Bulletin de correspondance hellénique. Athènes
Between the Aegean 2007	—	Galanaki I., Tomas H., Galanakis Y., Laffineur R. (eds.). 2007. *Between the Aegean and the Baltic seas. Prehistory across Borders. Proceedings of the International Conference Bronze and Early Iron Age Interconnections and Contemporary Developments between the Aegean and the Regions of the Balkan Peninsula, Central and Northern Europe University of Zagreb, 11-14 April 2005*. Liège: Universitè de Liège, Histoire de l'art et archéologie de la Grèce antique (Aegeum 27).
BSA	—	British School at Athens. Annual. Cambridge.
CCCHBulg.	—	Coin Collections and Coin Hoards from Bulgaria. Sofia; Veliko Tarnovo.
Complexity of Interaction 2015	—	Bemmann J., Schmauder M. (eds.). 2015. *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie; Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7).
Die Bernsteinstraße 2014	—	Quast D., Erdrich M. (Hrsg.). 2014. *Die Bernsteinstraße (Archäologie in Deutschland, Sonderheft 04/2014). Darmstadt*: Theiss.
EurA	—	Eurasia antiqua. Berlin.

Fines Transire 26, 2017 — Chytráček M., Gruber H., Michálek J., Schmotz K., Sandner R., Chvojka O., Traxler S. (Hrsg.). 2017. *Archäologische Arbeitsgemeinschaft Ostbayern/West- und Südböhmen/Oberösterreich / Archeologická pracovní skupina východní Bavorsko / západní a jižní Čechy. Jahrgang* 26. Horní Rakousko; Rahden/Westf.: Marie Leidorf.

Interdisziplinäre Studien 2011 — Pfälzner P. (ed.). 2011. *Interdisziplinäre Studien zur Königsgruft von Qaṭna*. Wiesbaden: Harrassowitz (Qaṭna Studien 1).

ICHB — Teodosiev, N. 2017. *Opis na kolektivnite monetni nakhodki ot Bulgariya (An Inventory of Coin Hoards from Bulgaria)*. Vol. I. *Ot domonetnata epokha do 498 g. sl. Khr. (From the Pre-Coin Era to 498 CE)*. Sofia: Nikolai (in Bulgarian).

IOSPE I^{2} — Latyschev B. 1916. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. *Inscriptiones Tyrae, Olbae, Chersonesi Tauricae, Aliorum Locorum a Danubio Usque Ad Regnum Bosporanum*. Petropoli: Императорская академия наук.

Ist. Mitt. — Istanbuler Mitteilungen. Tübingen.

Kontakte längs der Bernsteinstraße 1996 — Woźniak Z. (Hrsg.). 1996. *Kontakte längs der Bernsteinstraße: (zwischen Caput Adriae und den Ostseegebieten) in der Zeit um Christi Geburt; Materialien des Symposiums, Kraków, 26-29. April 1995*. Kraków: Muzeum Archeologiczne w Krakowie.

LGPN — A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford.

Milet VI. 2 — Herrmann P. 1998. *Inschriften von Milet. Teil. 2. Inschriften n. 407—1019. Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899*. VI.2.

NIAM BAS — National Institute of Archaeology with Museum, Bulgarian Academy of Sciences. Sofia.

OGIS — Orientis Graeci inscriptiones selectae. Leipzig.

OIP — Oriental Institute Publications. Chicago.

REA — Revue des Études Anciennes. Bordeaux, 1899.

RGZM — Römisch-Germanisches Zentralmuseums Mainz.

RIC — The Roman Imperial Coinage. London.

RM — Römische Mitteilungen. Rom.

SEG — Supplementum epigraphicum Graecum. Leiden.

SNG BM — *The British Museum*. 1993. Vol. IX. Pt. 1. *The Black Sea*. London: British Museum Press.

Syll.3 — Dittenberger G. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae.

Xiongnu Archaeology 2011 — Brosseder U., Miller B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn (BCAA 5).

ΣΥΜΒΟΛΑ — Масленников А.А., Гаврилюк Н.А., Завойкин А.А. (ред.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия* 1. Москва; Киев: Триумф принт.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- УДК;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает…»), сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутсвуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет–ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: *3*, 5: *7—9*).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. *Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir*. Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1. *Херсонес Христианский*. Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. Medailles Grecques. *Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum*. Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). *АДСВ* 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. *Dialogues d'histoire ancienne* 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. *Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.)*: дисс. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. *Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века)*: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре

электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № 12 (2020)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.
2020. — 1112 стр.

Подписано к печати 25.01.2021

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628602, Россия

Формат 60×84⅛. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 15.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 628602, Россия

MAIASP. No. 12 (2020)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and Epigraphy.
2020. — 1112 pp.

Endorsed for print January 25, 2021.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628602, Russia

Format 60×84⅛. Font “Times”.
Internet journal. Order No. 15.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628602, Russia

ISSN 2713-2021
12
9 772713 202002